АЛЬФРЕД ВАН ВОГТ

ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ

Книги 1-17

Сборник "Избранные романы".Компиляция. Книги 1-17

Альфред Элтон Ван Вогт

Аннотация
Альфред Элтон Ван Вогт. Библия Пта
Глава 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ
Глава 2. БОГИНЯ В ЦЕПЯХ
Глава 3. ЧЕЛОВЕК ИЗ 1944 ГОДА НАШЕЙ ЭРЫ
Глава 4. ЧЕРЕЗ 200 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ В БУДУЩЕМ
Глава 5. ПОДЗЕМЕЛЬЕ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ
Глава 6. ПОЛЕТ СКВОЗЬ НОЧЬ
Глава 7. ПРОСТРАНСТВО ТЬМЫ
Глава 8. АЛЬПИНИСТ НА УТЕСЕ
Глава 9. ДВОРЕЦ — КРЕПОСТЬ
Глава 10. КНИГА СМЕРТИ
Глава 11. ПЕРСТЕНЬ ВЛАСТИ
Глава 12. ВЫРВАННАЯ СТРАНИЦА
Глава 13. ПУТЕШЕСТВИЕ УМОВ
Глава 14. ТРИУМФ ЗОЛОТОВОЛОСОЙ БОГИНИ
Глава 15. ГОРОД ТРИА
Глава 16. НУШИР НУШИРВАНСКИЙ
Глава 17. СТРАНА ВУЛКАНОВ
Глава 18. БИТВА БОГИНЬ

Глава 19. БОЖЕСТВЕННЫЙ ТРОН
Глава 20. ЗАРД АККАДИСТРАНСКАЯ
Глава 21. МЕЖ СТЕН СМЕРТИ
Глава 22. ПИЩА БОЕВЫХ СКРИРОВ
Глава 23. МОРЕ ТЕТА
Глава 24. СВИДАНИЕ В КОТАХЭЙ
Глава 25. ВТОРЖЕНИЕ В ГОНВОЛЕЙН
Глава 26. СВЕРЖЕНИЕ БОГИНИ
Ван Вогт Альфред. Блеск грядущего
ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI

XVII
XVIII
XIX
XX
XXI
XXIII
XXV
XXVI
XXVII
Альфред Ван Вогт
И вечный бой...
Альфред Ван Вогт. Вечный дом / The House that Stood Still. [= А дом стоит себе спокойно...; Обитель вечности]
Пролог
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22

Альфред Ван Вогт. Владыки времени

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
12
13
14

Альфред Ван Вогт. Чудовище

Альфред Ван Вогт. Галактика М-33
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
Альфред Элтон Ван Вогт. Есть упоение в бою. * * *
Альфред Ван Вогт
И вечный бой...
Ван Вогт Альфред. Клетка для разума
Альфред Элтон Ван Вогт. Корабль-бродяга
Альфред Э. Ван Вогт. Путешествие на космическом корабле «Бигль»
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
Альфред Ван Вогт. Обитель вечности
ПРОЛОГ
1
2
3
4
5
6
7

8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
Альфред Ван Вогт. Поиск Будущего
Пролог
1
2
3
4
5
6
7
8
9

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
Эпилог
Альфред Ван Вогт. Слэн
Глава 1
Глава 2
Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Альфред Элтон Ван Вогт. Творец вселенной
1
2
3
4
5
6
7
8
10
11

12
13
14
15
16
17
19
Альфред Ван Вогт. Тьма над Диамондианой
Диамондианская задача
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
Эпилог
Альфред Ван Вогт. Человек с тысячью лиц
1

2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
Альфред Элтон Ван Вогт. Силки
Пролог
1

2

Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая

Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая
Глава тридцать вторая
Глава тридцать третья

Аннотация

Настоящий авторский сборник Альфреда Ван Вогта составлен из его разрознённых фантастических романов, не вошедших ни в один из его циклов. Трудно найти тему, которую этот классик американской фантастики так или иначе не затронул бы в своём творчестве: иные формы жизни, лабиринты времени, головокружительные приключения в межзвёздных далях, «сверхчеловек» и «суперзнание», бурная жизнь Межгалактической Империи, Бог как герой повествования, интереснейшая трактовка многих проблем мироздания, эволюция общества, тех или иных конкретных наук или систем познания мира. Как художник он отлично владеет технологией писательского мастерства, большими и малыми формами, всегда сосредоточен на действии, а не на описании среды или душевных переживаний действующих лиц.

Содержание:

1. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Библия Пта
2. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Блеск грядуще-

го *(Перевод: Владимир Марченко)*

3. **Альфред Ван Вогт**: И вечный бой…

4. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Вечный дом *(Перевод: Ю Семенычев)*

5. **Альфред Ван Вогт**: Владыки времени *(Перевод: В. Антонов)*

6. **Альфред Ван Вогт**: Чудовище

7. **Альфред Ван Вогт**: Галактика М-33

8. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Есть упоение в бою… *(Перевод: А Шаталов)*

9. **Альфред Ван Вогт**: И вечный бой…

10. **Вогт Альфред Ван**: Клетка для разума

11. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Корабль-бродяга *(Перевод: Ирина Оганесова, Владимир Гольдич)*

12. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Путешествие на космической гончей *(Перевод: Иван Логинов)*

13. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Обитель вечности *(Перевод: Н Борисов)*

14. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Поиск Будущего

15. **Альфред Ван Вогт**: Слэн

16. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Творец Вселенной

17. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Тьма над Диа-

мондианой

18. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Человек с тысячью имен

19. **Альфред Элтон Ван Вогт**: Шелки *(Перевод: Ю Семенычев)*

Альфред Элтон Ван Вогт
Библия Пта

Глава 1
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он — Пта.

Он не думал, что это его имя. Нет. Пта — это он весь, его мысли и тело, зоркие глаза и чуткие уши, сильные руки и ноги, которые уверенно шли по земле. И земля… Нет, земля не Пта, но он связан с ней чем-то прочным, хотя и неясным для сознания. Он был Пта и шел по земле, направляясь к Пта, возвращаясь в столицу Пта, столицу его империи Гонволейн после долгого отсутствия.

То немногое, что он осознавал, не вызывало никаких возражений разума, было очень важно. Он ощущал необходимость пройти весь путь и передвигался монотонным, но быстрым шагом, желая увидеть следующий поворот русла реки и повернуть к западу.

На западе он видел огромную долину, покрытую травой и редкими деревьями. Вдали, подернутые дымкой тумана, маячили горные вершины. Там цель его пути.

Его раздражала река, русло которой извивалось по долине и преграждало путь к цели, отнимая

силы и время. Его тело и смутное сознание жаждали быстрее достичь манящих гор. И там смеяться, кричать во весь голос, скакать от восторга.

Надо идти… Идти туда… иду туда!

Вдруг в сознании промелькнула неуверенность в себе самом.

Он Пта, возвращающийся к своему народу. Как выглядит Гонволейн, на кого похожи его жители?

Этого он не может вспомнить. Искал в памяти и не находил ответов на эти вопросы. Это было за пределами его сознания.

Сейчас ему предстоит пересечь реку, которая уже знакома. Дважды он ступал на мокрый песок у кромки воды и каждый раз отступал, пораженный враждебным противодействием. Пришла неожиданная боль от сознания мысли, что ему неизвестно, что было до того, как Пта вышел из тьмы.

Растерянно он смотрел во все стороны на юг, восток, север. Везде были такие же горы, как на западе. Нет, совсем другие! Туда его не влекло.

И снова он смотрел на западные горы. Ему необходимо идти туда, не обращая внимания на противодействие реки. Ничто не может остановить его. Через реку, вперед к цели… Вели-

чественный мир манил Пта.

Он ступил в воду, шаг назад и снова вперед, в темный бурлящий поток. Река охватила его. Она казалась живой. Она тоже двигалась по земле и не была частью земли… И не была частью Пта.

Мысль оборвалась, когда он провалился в глубокую яму. Вода жадно взметнулась вверх, проникая в рот, нос, уши. Судорожно затрепетали легкие, дыхание перехватило. Он присел на дно и резко оттолкнулся от него ногами, опираясь ладонями на густую массу реки. Еще и еще пытался он выбраться на мелкое место. Удалось.

Он не испугался. Просто все происходило так, как хотел его разум. Надо идти к горам, а река пытается остановить его. Но он позволит реке задержать Пта. Если и будет кому-то плохо и больно, то реке, а не ему. Смело вперед.

Он не обращал внимания на спазмы, сдавившие горло. Шел прямо, преодолевая сопротивление темной, бурлящей жидкости. Он сильнее реки и боли. С этой мыслью боль ушла. Вода уже не тащила его вниз с такой силой, омывала ноги после того, как он отталкивался от мягкого дна. Каждый раз, как голова его возвышалась над бурлящим потоком, он видел: горы приближаются.

Резкая волна боли снова прошла сквозь тело,

когда он почти достиг берега. Вода снова устремилась через рот внутрь тела и повлекла вниз. Он судорожно закашлялся, скрылся под водой и вышел на берег, опираясь на дно руками и ногами. Пройдя полосу мокрого песка, тело Пта рухнуло на траву.

Приступ кашля прекратился, он встал и посмотрел на мрачный бурлящий поток. Отворачиваясь, он познал одну истину — он не любил воду.

Дорога, на которую он вступил, поставила перед сознанием еще одну загадку. Она давала Пта возможность без препятствий идти прямо на запад. Ясно, что она ведет его к цели. Но куда? Не ясно. Снова мысль вернулась к реке, которая бурлила, извиваясь. Но она никуда не текла, не стремилась к своей цели, и можно было не познавать ее сущности до конца.

Надо идти дальше!

Когда он принял это решение, то раздался какой-то незнакомый звук.

Он прислушался. Звук приближался с севера, откуда пришла дорога, обогнув поросший деревьями холм. Источник звука не был виден, затем его глаза увидели нечто. Часть его была похожа на тело Пта. Эта часть была сверху, имела руки, ноги, голову и все остальное, что было у него.

Но светлым было только лицо, остальное было темнее. Другая часть, которая была внизу, была ему совсем не знакома. Она состояла из кусков дерева и по бокам имела большие круги, катившиеся по земле. А впереди всего этого было еще что-то. Свирепого вида животное с четырьмя ногами и одним большим рогом, торчащим посередине лба.

Пта направился к этому зверю, широко открыв глаза и стараясь запечатлеть в мозгу все, что он видит. Уши ощутили, что верхняя часть приближавшегося объекта внимания пронзительно закричала, морда животного уперлась ему в грудь, рог застыл на уровне лица. Страшное нечто перестало двигаться.

Пта почувствовал растущее раздражение. Часть, похожая на человеческое тело, продолжала орать на него. Осмысление происходящего продолжалось. Пришло понимание, что части целого могут существовать отдельно. Стало ясно, что он слышит слова общения людей.

— Что с тобой? Лезешь прямо под повозку! Ты больной? Только идиоту придет мысль шляться нагишом! Хочешь повстречать воинов богинь в таком виде?

Слишком много нового смысла было в том, что

он слышал. Слова роились у него в голове, мешая друг другу. Он с трудом улавливал суть. Усилие понять фразу вытеснило чувство раздражения.

Он произнес равнодушно:

— Повозка. Болен.

Человек с ухмылкой уставился на него и уже тихо произнес:

— Ты болен. Поехали со мной в Линн. Это всего в пяти канбах отсюда. Там есть замок, где тебя накормят и вылечат. Иди сюда, я помогу влезть на повозку.

Когда повозка тронулась, человек спросил:

— Где твоя одежда?

— Одежда? — наивно переспросил Пта.

— Ты хочешь сказать, что не сознаешь срама наготы. Ты не понимаешь, что раздет? Ну-ка не отводи глаза в сторону.

Пта тяжело повернулся. В тоне, каким была сказана последняя фраза, он ощутил особый смысл, а именно предположение, что с ним не все в порядке. Что-то должно быть по-другому.

— Раздет? Одежда? — в голосе появилась злость.

— Не психуй, — поспешно сказал спутник. — Посмотри… Одежда… вот такая… как у меня.

Человек снял свой пиджак и поднес его ближе

к Пта.

Злость ушла из сознания. Пта всматривался в человека, пытавшегося объяснить, что он вовсе не темный ниже головы, просто покрыл свое тело чем-то темным, что не есть часть человека. Пта потрогал пиджак, развел руками в стороны, осмотрев их. Эта часть одежды шуршала и мялась в пальцах свободно. Пта засмеялся.

Человек снова повысил голос:

— Эй, ты что это…

Пта удивленно посмотрел на него и подумал, что это создание, такое шумное и беспокойное, задержало его, чтобы показать свою одежду. Случайно его ладони наткнулись на дырку в спине, плохо прикрепленную заплатой. Он просунул палец в отверстие и широко улыбнулся.

Глаза человека сузились, губы сжались, и он прошипел:

— Значит ты не знаешь, что такое одежда? Ну-ну! Ты совсем болен. Ты издеваешься надо мной…

По лицу человека было ясно, что он принял новое решение. Внезапно он рванул пиджак на себя и хлестнул им животное. Оно резко рванулось вперед, повозка подпрыгнула на кочке. Пта не был готов к этому и упал на дорогу.

Он лежал, а повозка быстро уносилась на запад. Все дальше и дальше, туда, куда надо идти. Возница стоял на ней и пиджаком хлестал животное, которое скакало все быстрее.

Пта шел по дороге и со злостью думал, что передвигаться в повозке, которую тащит животное, быстрее, легче и приятнее.

Он шел довольно долго, прежде чем увидел впереди много огромных зверей. Он следил за ними с возрастающим интересом, особенно тогда, когда заметил, что на них сидят люди. Наездники передвигались быстро, и расстояние разделявшее их, сокращалось с каждой минутой. Он ждал, дрожа от нетерпения. Хорошо рассмотреть наездников удалось тогда, когда четыре животных приблизились на десять шагов.

Животные были крупнее, чем он предполагал. Они были в два раза выше человека и очень массивные. Их шеи были длинны и оканчивались головами с тремя лошадиными мордами. Ярко-желтые шеи резко выделялись на фоне темно-зеленых тел, которые сзади несли длинные и пышные хвосты фиолетового цвета. Они нетерпеливо топтались на месте, осаживаемые седоками. Огромная масса не мешала им двигаться легко и быстро, поднимая клубы пыли.

— Это он, — сказал один из седоков, — тот псих, о котором рассказывал крестьянин.

— Малый прекрасно выглядит. Прямо просится под арест… Скоро ты, приятель, попадешь в тюрьму, не волнуйся, — добавил второй.

А третий всадник задумчиво произнес:

— Где-то я его видел… Точно! Но где, не могу вспомнить.

Они приехали сюда потому, что им рассказал человек из повозки. Значит, он был враг. Такая мысль не была до конца логичной, но возникала невольно. Неполное понимание происходящего раздражало Пта. Осознание было приятнее догадок.

Длинный хвост животного давал ему прекрасную возможность взобраться на спину зверя и такое желание возникло. Очевидно, о нем догадывались наездники, и сделать это было не просто. Но на животном он быстрее доберется до цели.

Пта сказал:

— Помогите мне. До Линна пять канб. Там в замке меня накормят и вылечат. Спуститесь и помогите мне подняться на животное. Я болен и без одежды.

Такая длинная фраза убедила бы даже Пта. Он ждал реакции на свои слова, изучая каждый

жест, запоминая слова, звучавшие из уст всадников. Ему надо знать язык этих людей. Люди переглянулись. Один из них с улыбкой сказал:

— Будь спокоен, парень, мы поднимем тебя на спину гримбса и увезем в город. Мы этого тоже хотим и приехали забрать тебя с собой.

Другой добавил:

— Ты не совсем прав, незнакомец. До Линна не пять, а три канба. Твое счастье, что ты такой простак… Мы ожидали встретить мятежника… Дальярд, брось ему сверток с одеждой.

На траву у дороги что-то упало. Пта с недоумением разглядывал одежду, стараясь сравнить ее с тем, во что были облачены всадники. Но их одежда была совсем не похожа на ту, которая лежала перед ним.

— Ты что, совсем кретин? — Грубо сказал тот, кто бросил одежду. — Не знаешь, как это одевается или издеваться вздумал? Вот это одень первым… это наверх.

Мозг Пта начал работать быстрее. Теперь он знал больше и мог понять, что надо делать. Подгоняемый сердитыми возгласами, он оделся. Подошел к животному, на котором сидел ругавший его больше всех и названный Дальярдом.

— Наверх, — сказал он, — помоги мне поднять-

ся наверх.

Он был уверен, что ему помогут и не ошибся.

— Держись за руку и забирайся в седло. Это было легко. Совсем легко. Одну руку всаднику, другой помогать, держась за кожаную ленту. Как только он очутился в одном из седел, он легко выбросил из другого на землю человека, который говорил с ним грубо.

Пока тот вставал, выкрикивая проклятья, Пта хлестнул своего скакуна вожжами и направил его на запад. Он поехал туда, где исчезла вдали повозка крестьянина, ставшего его первым обидчиком.

Быстрая езда доставляла наслаждение. Он не ощущал ни монотонной тряски, ни толчков, подобных тому, который сбросил его с повозки. Все происходило плавно, ритм бега животного успокаивал. Он решил, что это лучший способ достичь цели.

Смотреть на ноги скачущего животного было интересно. Фиолетовый хвост колыхался в воздухе и, казалось, ограждал от пыли, клубившейся сзади.

Сквозь пыль он заметил, что за ним скачут еще трое животных и несут четырех седоков. Со стороны это должно было выглядеть великолепно.

Гонки по долине. На огромной скорости несется первое животное, но его настигают трое других, даже последнее, несущее двух седоков… Они все ближе, ближе. Пта понял, что ошибся, ему не догнать того, в повозке. Придется иметь дело с теми, кого крестьянин назвал воинами богинь. Их крики раздавались совсем рядом.

С нарастающим раздражением Пта следил, как его окружают. Возможно, его животное было не столь резвым, как остальные. А может быть его преследователи знали способ более быстрой езды. Они так направляли своих животных, что их желтые шеи почти касались его и лошадиные морды дышали в плечи.

Животное под ним резко встало на задние ноги, и он чуть не вылетел из седла, затем остановилось.

Пта сидел сердитый, ожидая, когда его преследователи развернутся лицом к нему. Ситуация была абсолютно незнакома, и мозг не подсказывал, что надо делать. Он стал обдумывать, как следует поступать, если его будут стаскивать вниз.

Один из всадников сказал:

— Наконец догнали. Что будем делать с этим придурком?

— Предоставьте его мне! — крикнул Дальярд. — Эту смазливую рожу надо умыть кровью! Он сейчас будет плевать зубами!

Пта смотрел на кричавшего. Он не был уверен, что правильно понимает все слова, но его мускулы встрепенулись и напряглись. В мозгу стал возникать порядок действий, которые надо было предпринять. Подъехать к каждому сбоку, вышибить из седла и продолжить путь на запад.

Он увидел, как один из воинов вытащил из длинного кожаного чехла какой-то предмет с острым концом. Когда острый конец поднялся вверх, то в острие сверкнул луч солнца.

— Слезай! — закричал этот всадник. — Вниз, или я воткну копье прямо в шею, на которой ты зря носишь голову.

— Проткни его, проткни! — кричал Дальярд сбоку. — Научи, как вести себя со стражниками.

Мозг Пта наполнился яростью, расширившей его возможности. Он решал, как поступить. Надо вышибить из седла Дальярда и его напарника первыми. Одного рукой, другого ногой. Затем обезоружить держащего копье. Останется только один. Его тоже на землю надо.

Кулак обрушился на лицо Пта.

Это было неприятно, но боли он не почувство-

вал. Просто ощутил то, что еще не было осознано. Это заставило действовать решительно. Его нога устремилась в лицо человека, сидевшего сзади Дальярда.

Хрустнули кости, брызнула кровь. Человек, глухо вскрикнув, откинулся назад и скользнул на землю, не попытавшись даже смягчить удар. Так же резко Пта вышвырнул из седла Дальярда, тот грохнулся под ноги животного, но не остался лежать без движения, а закричал:

— Проткни его, Бир, проткни! Он убил Сэна.

Пта отпрянул в сторону, пригнулся и стал ждать боль. Но ничего не произошло. Человек с копьем и еще один стражник были уже далеко. Дорога уходила в лощину. Он подстегнул свое животное и бросился вдогонку. Когда он добрался до начала лощины, где скрылись преследуемые, то увидел, как вдалеке мелькнули среди деревьев и скрылись силуэты беглецов. Проехав лощину, он увидел, что дорога поворачивает вправо. С обеих сторон на полях работали какие-то люди. Уничтожают сорняки — осознал Пта. Но то, что он заметил несколько минут спустя, не было еще доступно его сознанию.

Одна дорога разделилась на две равные части. Это абсурд. Так не должно быть. Есть одна цель,

должна быть и одна дорога. Изумленный Пта остановил животное, расслабился. Только что была одна дорога. Теперь их две. Одна снова поворачивает направо, другая — налево, в большую равнину. Закрыл глаза… Куда влечет?.. На запад!

Он ехал долго и спокойно, приближаясь к цели, которая манила Пта.

Где-то наверху раздался характерный звук. Что там в небе?

Едва не задев его огромными лапами, над головой пронесся летающий зверь. Его огромные серо-голубые крылья с шумом рассекли воздух, удлиненная, почти треугольная голова свешивалась, всматриваясь вниз пылающими от ярости глазами. Когда птица пролетела чуть вперед и стала делать вираж на повороте, то выяснилось, что на ее спине два седока, и один из них — Бир. Пта застыл на месте.

Его очередной враг на необычном летающем чудовище будет снова мешать ему, находясь в безопасности. Это преследование становится невыносимым.

Пта поднял руки, сжал кулаки и, грозя ими, закричал, что всадников птицы ждет участь всадников на длинношеих животных.

Летающий зверь сделал еще один круг над го-

ловой, затем поднялся выше и медленно полетел в западном направлении. Вот он уже превратился в точку на фоне заходящего солнца, затем вообще исчез.

Пта снова поскакал туда, где горел закат. Он не обращал внимания на солнце, почти достигшее линии горизонта, но понял, что оно непонятно быстро стало меркнуть в густом облаке пыли. Пыль приближалась, и вот уже стала различима лавина большого числа животных, каждое из которых несло седока. Появились в небе и серо-голубые крылатые звери.

Огромный табун несся навстречу, и вот уже он окружен сплошной стеной, издающей крики, топот. Хаос вокруг привел его в смятение.

Куда смотреть… что анализировать?

Что-то очень тонкое и длинное, похожее на уздечку, обвилось вокруг туловища, спеленало руки. Рывок и он упал на землю.

Придя в себя, Пта встал, освободился от лассо. Он понял, что уже не может ехать дальше на животном. Надо снова стать всадником, повторить то, что уже ему удалось раньше. Начал искать глазами Бира. Не нашел, значит, эти всадники не знакомы с его хитростью. Он выдержал паузу, заметив, что толпа вокруг притихла в ожидании

дальнейшего развития событий. Припомнил нужную фразу и произнес, обратившись к ближайшему воину:

— Спуститесь и помогите мне снова сесть на животное… До Линна три канба… Там меня накормят и вылечат. Я… — Тут он осекся. На одном из животных сидел необычный человек… не мужчина. Он был почти такой же, как остальные, но вместо шорт на нем было длинное темное платье. Женщина… Она сидела не в седле, а в каком-то ящике со спинкой и не управляла животным. Это делал другой человек, сидевший в седле перед ящиком. Голос женщины зазвучал звонко и певуче.

— Мой лорд, он так странно произносит слова. Неужели он действительно сумасшедший?

Высокий мужчина с волосами серо-стального цвета ответил ей:

— Думаю, да. К тому же стражник, который рассказал нам об этом идиоте, доложил, что этот парень убил воина, — и, обратившись к одному из мужчин добавил, — капитан, вы лично отвечаете за безопасность принцессы.

Пта с интересом слушал этот разговор. Его внимание привлекали все слова, услышанные впервые, которые не вызывали ассоциаций с

образом предметов или знакомыми понятиями. Но чувствовал, что угроза нарастает. Все люди пытаются задержать его, каждый по своему. Мысли о крестьянской повозке, воинах-стражниках раздражали. Этот лорд тоже хочет помешать… Главное препятствие — река. Она позади. Поступки людей повторяются и всегда без результата, на них можно не обращать внимания. Решено, он идет дальше.

Пта повернулся лицом к западу и, огибая зеленые туши, направился к цели. Он выбрался из кольца окруживших его воинов, ощутил дуновение прохладного ветра и с наслаждением вздохнул воздух, не несущий в себе запах животных.

Но не успел он пройти и десяти шагов, как был сбит с ног и очутился на траве у дороги. Снова его окружили животные и люди, снова воздух не доставлял удовольствия. Только крики не повторились.

Женщина сказала спокойным голосом:

— Даже для сумасшедшего логика его поведения слишком необычна. Что ты намерен с ним сделать, мой лорд?

Человек, к которому она обратилась, пожал плечами:

— Наверное, казню. Убийца есть убийца, — и, посмотрев в сторону капитана, добавил, — выдели шесть человек. Пусть оттащат его в поле и зароют подальше от дороги. Думаю, глубже трех футов копать не стоит, затоптать могилу плотнее и все. Выполняйте приказ.

Пта с улыбкой смотрел, как шестеро слезли на землю и направились к нему. Слова «мой лорд» наконец приобрели определенный смысл, но общая картина, стоявшая за услышанным, не была до конца понятной. Столько новой информации сразу не усваивалось. Но серьезность происходящего и общее состояние окружающих подсказывало, что положение угрожающее.

Ясность пришла в тот момент, когда двое всадников незаметно зашли за спину и резко схватили за оба локтя одновременно, и попытались заломить руки. Это было так неприятно и оскорбительно, что он в мгновение отшвырнул нападавших в грязь у дороги. Пта повернулся, и в тот момент третий нападавший попытался схватить его за ноги. Когда его плечо опустилось, а руки коснулись колен, два мощных кулака обрушились на голову воина. Бедолага рухнул на землю и остался недвижим, странно раскинув руки, лицом вниз.

Пта сообразил, что его нога против воли наступила на голову врага и удивился своему движению. В этот момент два всадника схватили его за руки, а третий одновременно вцепился в ноги и пытался обматывать их ремнем. Все боровшиеся потеряли равновесие, очутились на земле и подняли вокруг себя облако пыли. И это стало совсем невыносимо. Пта напрягся, высвободил одну ногу и пнул грудь того, который суетился с ремнем. Одним из нападавших уже не мешал. Вставая на ноги, Пта поднял и двух других, с силой столкнул их лбами и отшвырнул в разные стороны.

Затем он посмотрел на лорда… на женщину… опять на лорда. Переводя свой яростный взгляд с одного врага на другого, Пта оценивал расстояние, отделяющее от них его тело и молчал.

Молча следили за его движениями и окружавшие воины.

Всех поразил исход схватки.

Первой заговорила опять женщина:

— Кажется, его лицо мне знакомо. Как тебя зовут, человек? Как твое имя?

Прозвучавший вопрос расслабил мышцы и остановил его порыв к борьбе. Его имя?.. Конечно, Пта. Пта из Гонволейна. Вопрос удивил тем,

что ответ на него очевиден. Он, подняв обе руки, произнес:

— Пта Трижды Величайший.

Вдруг закричали все люди. И те, которые помогали поднять на спины животных поверженных в драке воинов, и те которые сидели верхом на животных. Смысл крика не был ясен. Лорд махал руками, тыкал пальцем в его сторону и повторял много раз слово «стрелы». Что оно означает? И тут острая боль прошла в левой части груди.

Пта опустил голову и увидел, что из тела торчит тонкая деревяшка. С удивлением он выдернул ее и бросил под ноги. Вторая стрела пригвоздила ладонь к бедру. Он выдернул и ее, затем медленно повернулся к человеку, доставлявшему стрелами такое беспокойство, и услышал срывающийся от напряжения голос женщины:

— Лорд, останови их! Останови их всех! Неужели ты не слышал, что он сказал?! Неужели не видишь?!

— Чего? — мужчина повернулся к ней.

— Не видишь, что это тот, чья сила неисчерпаема, кто не ведает усталости, не знает страха…

— Бред, — раздался жесткий ответ. — Этот миф создал ум толпы. Мы тысячу раз говорили тебе, что богиня Инезия использует легенду о Пта для

пропаганды своего величия. И потом, живой Пта — это невозможно.

Женщина снова крикнула:

— Останови их! Он вернулся к своему народу через века. Посмотри! Его лицо! Он похож на статую в замке.

— Принцесса, он похож не на статую. Грязный, голый. Если его помыть и одеть, пожалуй, он станет похожим. Он почти точная копия принца Инезио — любовника богини. Не мешай. Надо его прикончить. Хватит для замка одного фаворита.

Истерика изменила лицо женщины, глаза сузились. Она крикнула резко и повелительно.

— Не здесь! Доставь его в замок.

Лорд нехотя махнул рукой, подождал, пока Пта выдернет все стрелы из тела и сказал, обращаясь к нему:

— Ты пойдешь с нами в замок Линн. Мы накормим и вылечим тебя, потом дадим летающего скрира, который доставит тебя куда пожелаешь. Согласен?

Глава 2
БОГИНЯ В ЦЕПЯХ

В застенках громадного замка города Пта мрачно вздыхала темноволосая женщина. Ее облик был величественным, но она лежала полуобнаженная на сыром и холодном каменном полу. Красивое тело было опутано тяжелыми цепями, которые не позволяли даже выпрямить изящные ноги. Многие века она томилась в заключении, не подвластная ни смерти, ни болезням. Это была богиня.

Взгляд темноволосой богини был направлен в сторону кресла, на котором сидела не менее величественная золотоволосая красавица с торжествующей улыбкой на лице. По всему каземату звенел ее мягкий смех с оттенком сарказма. И вот зазвучал ее приятный чистый голос:

— Ты все еще сомневаешься в моих способностях, дорогая Лоони? Века тебе не прибавили мудрости. Помнишь время, когда ты не верила, что я смогу заточить тебя в темницу. Но ты же здесь…

После паузы блондинка продолжала:

— Вспомни, когда я впервые спустилась сюда поведать о намерении лишить Пта его могущества, а ты напомнила, что только мы вдвоем способны отбросить его в прошлое. Что для этого мне нужно опереться на твой полюс Власти, а ты не дашь на это согласия. Пойми, пока ты с простодушной надеждой ждешь своего Пта, проживающего миллиарды человеческих жизней, я познаю пределы божественной силы, которую он нам дал, и расширяю их.

Брюнетка шевельнулась, и сквозь шум цепей вместо тяжелого вздоха послышалось:

— Ты изменница, Инезия.

В полумраке на губах сидевшей в кресле снова заиграла лучезарная улыбка.

— Святая простота, — произнесла она нежно, — твои слова только доказательство моей неизменной победы. Это обвинение — пустой звук, потому, что Пта мертв и ты мертва. Навсегда.

Брюнетка приподняла плечи над полом. Дух ее окреп, дыхание стало ровным, и она произнесла:

— Никто из нас еще не умер. Слова мне раскрыли, что появилась причина беспокойства. В твоих глазах подтверждение моей правоты. Говори что угодно, Инезия, я не поверю. Ты отправила

его в далекое прошлое Гонволейна, лишила его власти, совершила насилие над его личностью. Но многоликая и безгранично трансформирующаяся сущность Пта не может тебе позволить полностью верить в осуществление коварного плана… — не услышав ответа, богиня-узница продолжала.

— Помни, дорогая Инезия, строя любые коварные планы, помни о чарах. Столько веков они оберегают Пта от твоих злых помыслов. Сейчас ты наслаждаешься уверенностью в своей победе. Напрасно. Семь защит прикрывают его, Инезия. Не больше и не меньше, а как прежде — семь. Снять их, при этом не лишив нас могущества, может только он сам.

Ответа вновь не последовало, и Лоони закончила уже с иронией:

— Не пытайся заставить Пта делать то, что ты хочешь. Его воля порывиста и неукротима. С каждой твоей попыткой он становится более искусным и мудрым. Движется время, Инезия, оно драгоценно, необратимо, оно уходит.

Смех блондинки снова заполнил темницу, и голос Лоони угас. Внезапное понимание, что она зря расходует силы, заставило принять прежнее положение. Голова и плечи легли на холодные

камни, руки расслабились.

На детском личике златоволосой Инезии отразился восторг, как у зверька, который удачно спровоцировал свою жертву на безнадежную попытку скрыться от противника. Наконец, она произнесла с напускным сожалением:

— Как странно. То, что ты пророчествуешь, известно мне, но я продолжаю свое дело. Я играла бы с огнем, если бы позволила Пта развиваться свободно, изучать мир обычным способом и как Пта.

Возможно, ты забыла, что у него много человеческих обликов с разной личностью. Я выберу одну из них, перенесу в наше время и буду господствовать над ней, запутывать ощущения, лишать воли… Ох уж эти наивные чары — семь защит. Как легко они рухнут! Вспомни божественный трон во дворце Нушира Нуширвана. Чтобы достичь его, Пта должен будет завоевать Нуширван. А я лишу его человеческую личность изобретательности, окружу огромными армиями. У меня теперь не один план, как раньше, а несколько, и все предусмотрено. Ты знаешь, пока трон существует, я не могу обладать абсолютной властью в Гонволейне. Этот трон — тайная основа его главенства. Но не навсегда.

Богиня Лоони никак не реагировала на рассуждения своей соперницы, но та продолжала:

— Я должна убедить или заставить Пта пересечь реку кипящей грязи. Эта река раньше мне не давала добраться до трона. Но в этот раз я смогу добиться своего. Теперь я знаю, как за несколько часов уничтожить его божественность…

…Мои чары опутают волю Пта. Он меня снова полюбит, признает мою божественность. И под могучей волной молитвенного экстаза даст мне право лишить тебя, дорогая Лоони, божественной жизни. Он пройдет через царство Тьмы и снова пересечет реку кипящей грязи. Он сам поможет победить его могущество…

…А теперь, дорогая Лоони, я вынуждена оставить тебя. Многое из того, что я тебе рассказала, уже исполнилось. Процессия, сопровождающая Пта, приближается к замку Линн. Мне нужно подчинить его мозг моей воле, быть рядом с ним в гуще событий и управлять всем происходящим.

Лоони открыла глаза и следила, как Инезия удобнее расположилась в кресле, и ее тело стало неподвижным. Давление присутствия ее личности ослабло, исчезло совсем.

Два тела, сидящей Инезии и опутанной цепями Лоони, казалось, беззвучно заполняли темнотой

холодное помещение.

Опускалась ночь. День проходил.

Глава 3
ЧЕЛОВЕК ИЗ 1944 ГОДА НАШЕЙ ЭРЫ

Замок был местом, угнетавшим сознание. Низкие потолки угрюмо нависали над головой, из полумрака помещений почти не было возможности видеть пространство, окружавшее мрачное строение. Подавленный этой атмосферой, Пта стоял у стола и смотрел на пищу, лежавшую между его мощными, но безвольными руками.

От нее исходило тепло, пар и острейший аромат, который приятно раздражал обоняние. Ноздри ловили этот запах и отвлекали от происходящего. С дальнего конца стола раздался голос, принадлежавший лорду. Озадаченный происходящим, Пта принял предложение сесть, точнее, подчинился ему.

Он ничего не упустил из виду во время путешествия в замок Линн. Его чувства, обостренные опытом происходившего и новыми мыслями, отмечали все.

Замок был очень высоким. Его стены сложены из белого камня, который за многие века приобрел грязно-серый цвет. Наверно, раньше замок

светился надеждой на лучшее для всех жителей города. Но сейчас он мрачно возвышался над городскими кварталами и был отделен от них широким пространством, заполненным деревьями. Замок производил неприятное впечатление и давно нуждался в ремонте.

Пта увидел, что он не один за столом. Среди других людей были лорд и принцесса, чьи волосы переливались и сверкали как вода, причинявшая боль. Но неприязнь к этим золотистым локонам не ощущалась. Пта видел теперь и группу мужчин, сидевших в глубине комнаты. Для него это были безымянные существа, которые, не двигаясь с места, с бесстрастными лицами следили за его движениями только уголками черных глаз.

— Так и должно быть, — раздался женский голос, — он видит пищу впервые.

Пта быстро взглянул в ее сторону. Что-то в манере, с которой была произнесена фраза, ему не понравилось. Но взгляд натолкнулся на очаровательную улыбку и раздражение отступило.

Лорд сказал шепотом:

— Внимание. Давайте есть. Посмотрим, станет ли он нам подражать.

Принцесса ответила нормальным и спокойным голосом:

— Я уверена, что нет необходимости шептаться. Он вернулся без памяти и пока ничего не знает. Посмотрите, как он начинает есть.

Это был первый вкус, который испытал Пта в новой жизни. Он поглощал пищу, не обращая внимания на окружающих. Каждый кусок был приятен языку и грел руки, рот, желудок. Ложки, вилки и ножи, лежавшие рядом, не пригодились. Отодвинув в сторону пустую тарелку, Пта, вытирая руки об одежду, произнес:

— Где скрир? Теперь я полечу в Пта!

Женщина улыбнулась.

— Пойдем со мной…

Лорд положил ей руку на плечо.

— А ты уверена…

Она быстро ответила:

— Не волнуйся. Мы можем потерять только голову, но если добьемся своего, то наградой будет превращение нашего замка в королевский, Линн станет столицей огромной империи. Уверяю, я знаю, что делаю. Не сомневайся.

Принцесса улыбнулась Пта, который следил за происходящим, почти не понимая его смысл.

— Сюда! — сказала она. Ее голос был таким уверенным и чувственным, что спрашивать ничего не хотелось. — Скрир ждет тебя внизу у входа.

Нужно спуститься ступеньками. — Ее улыбка манила, и он согласился. В мыслях он уже летел по воздуху, как это делал Бир. Воображаемая картинка была яркой и устойчивой.

Ступеньки вели гораздо ниже, чем это можно было предположить. Память подсказывала, что поднимаясь вверх от входа, пришлось меньше переступать ногами. Но это была другая лестница. Наконец, они пришли на этаж, где пол был из камня. По всей длине коридора виднелись факелы, торчавшие через ровные интервалы в одной из стен. С обеих сторон было множество закрытых дверей. Женщина остановилась перед открытой.

— Иди, — улыбнулась она. И мягко прикоснулась к нему ладонью. Ее тело было мягким и теплым. Все тело Пта затрепетало от желания прижать к себе женщину.

Пта переступил порог и оказался в крохотной комнате без окон с низким каменным потолком. Кроме факела здесь ничего не было. За спиной раздался резкий звук. Пта медленно обернулся и увидел, что дверь закрыта. В ней открылось маленькое отверстие, где он заметил женское лицо.

— Не беспокойся. Мы выбрали иное решение. Скоро сюда прибудет твоя жена, величественная

Инезия, и заберет тебя в великую столицу.

— В Аккадистран! — раздался в коридоре голос лорда. — Неужели ты надеешься, что он будет ждать спокойно…

Окно и двери резко захлопнулись. Голос оборвался на середине фразы. Факел потух. Наступила тишина.

Пта растерянно стоял в темноте. Он ждал, что дверь откроется и объявит о прибытии той, имя которой произнесла принцесса. Величественная Инезия придет и заберет его в Пта. Он помнил все, что ему пообещали.

Время шло. Нетерпение нарастало в нем, убеждая, что в Пта можно добраться и пешком, только надо идти без остановок. Мысль о путешествии, которое не начинается, заставила сесть. Пол был жестким и холодным, но он ждал, ждал…

В сознании непрерывно возникали туманные образы. Они были странные, хаотичные, незаконченные, лишенные конкретного смысла. Пришла только одна ясная мысль — безумие.

Что-то было неверным. Он должен действовать. У него отнимали время, не давали принять решение. Переполненный яростью, Пта встал и с ужасной силой обрушился на дверь. Но та даже не шелохнулась под тяжестью его тела.

Он опять сел на пол и был удивлен этим. Он не помнил, что когда-то сидел в такой позе.

Время шло. Темнота и тишина существовали отдельно. Неведомые силы раздирали его тело на части, побеждали сознание. Очередные образы возникали в его голове.

— Танк не должен стоять. Что с двигателем… Мы почти… Мы почти у… Внимание… Штурмовик пикирует… Он над нами…

Сознание рухнуло в темноту.

Много веков душа Холройда боролась против тьмы, в которой не было ни прошлого, ни настоящего, а только оболочка из сырого камня, которая слепо и беспощадно сжигала его тело. Неумолимая сила давила его плоть, медленно, но уверенно безжалостный холод тьмы высасывал из него тепло.

Холройд очнулся. Он ощутил усталость после кошмарного сна. Словно это был не сон. Его пальцы вновь ощутили грубый каменный пол, который не давала видеть глазу обволакивающая тьма.

Он попытался сесть. Получилось не сразу, разум отказывался признавать окружающую черноту и реальность этого помещения. Наконец, он окончательно пришел в себя и смог оторвать

туловище от камней.

Сев в ту же позу, которая была незнакома, он внезапно ощутил волну ярости, захлестнувшую сознание, которое отказывалось признать необходимость пребывания в этом месте.

— К чертям весь этот бред! — повторил он вслух свою мысль.

Раньше в голове не возникали слова, теперь они начали выплывать из тумана, и он разразился тирадой:

— Здесь ничто не похоже на Соединенные Штаты. Это не Германия, где мы сражались. Может, Северная Африка?.. Нет! Здесь безумие, фантастическое безумие, пронизывающее мир, замки, больше похожи на крепости и тюрьмы. Безумны мысли и действия, и все происходящее.

Его мозг продолжал работать в темноте ночи, может быть, дня. Неопределенные, не связанные воедино образы теснились в сознании. Хаос воспоминаний, событий, географических понятий, знакомых и незнакомых языков. В голове наиболее часто возникали слова — Америка, Германия, Северная Африка. Все эти понятия били в его мозг как тяжелый, все сокрушающий молот.

— Отзовись, тот, который зовет себя Пта, — это был мужской голос, звучавший в темноте глухо,

но не вызывающий раздражения. Обращались к нему.

Холройд резко обернулся. Холод обволакивал все тело, словно оно было вморожено в ледяную глыбу, занимавшую все пространство камеры, где он очутился. Мозг лихорадочно искал слова для ответа. Губы шевельнулись, и он пробормотал:

— Холройд Пта. Нет, неверно. Надо Пта Холройд. Нет. Холройд — американец… Питер Холройд, капитан 29 танковой бригады… но кто же Пта?

Вопрос, с таким трудом прозвучавший из его уст, послужил ключом, приоткрывшим дверь памяти. Нахлынули воспоминания. С удивлением он произнес, но уже увереннее и громче:

— Я — сумасшедший?

Пта, трижды великий бог Гонволейна, чье последнее воплощение было Питером Холройдом, капитаном танковых войск США. Эта истина выплыла из глубины подсознания и породила стрессовое состояние… После паузы он снова пришел в себя:

— Черт возьми! Я — Холройд. И я…

Горло перехватил спазм ужаса. Его тело трепетало от невообразимого страха перед своей половиной. Вновь вернулась мысль о безумии. Кошмар! Полное безумие…

Спустя минуту он все же заставил себя успокоиться. Темная комната, вероятно, тюремная камера. В мозгу не одно, а два сознания. Но он жив. Жив, несмотря на прямое попадание в танк. И еще внутренний голос говорил, что теперь он — Пта.

Нет, это не совсем верно. Только что ему сказали: «Тот, который зовет себя Пта». В этой фразе не все ясно. И мозг смог уловить эту неопределенность. Лежа на полу, он спокойно стал вспоминать все, что произошло по дороге в замок Линн.

Опять нахлынула волна беспокойства, переросла в страх. Ужас снова рвался в его мозг. Но стресс и в этот раз принес спокойствие, оставив осознание двойственности, заключенной в нем.

Она не ощущалась физически. Но Пта был частью его, или, скорее всего, он был частью Пта. Но сейчас доминировал Холройд, его мысли, его личность. Почему было так, он не мог понять. Но пришло облегчение. Его могучие мышцы расслабились, стали по силе равны человеческим. Темную тишину тревожило только его прерывистое дыхание. Вдруг показалось, что мелькнул лучик света. Где же он, показалось, что в углу снизу.

Действительно, оттуда все больше и больше стал струиться ослепительно белый свет. Небольшая камера стала видна вся. Тот же мрачный и гнетущий потолок, закрытая дверь и монолитный пол из камня. Нет, камни не везде одинаковы, а одна плита у дверей исчезла. Очевидно, это туннель.

Медленно, прилагая все силы, Холройд повернул свое тело и стал следить за источником света, находившимся в туннеле. Почти сразу он заметил стоявшего рядом с отверстием в полу человека очень маленького роста. Он был в шортах и рубашке навыпуск. Выражение его округлого лица было добродушным. Сверкающие от любопытства глаза обежали всю комнату и снова остановились на Холройде. Их взгляды встретились.

— Вижу, — сказал он. — Ты неважно выглядишь. Я не знал, в какую камеру тебя поместили, а то пришел бы раньше. Ждешь, когда принесут еду? — сжал губы и снова осмотрелся. — Не приносили еще, ну, ну… Ладно не волнуйся. У меня есть суп, он тебе понравится.

Человек исчез в дыре…

Через некоторое время он снова появился и протянул Холройду котелок:

— Это тебя подкрепит.

Еда была теплой, и тело стало оживать. Суп щекотал язык и огнем растекался по рукам, ногам, оживил задеревеневшие пальцы. Ужасное чувство холода покинуло плоть, пришло успокоение и даже блаженство. Холройд стал прислушиваться к нагромождению слов, которые маленький человечек произносил все время, пока еда еще была в котелке.

— От имени всех узников замка Линн приветствую тебя. Меня зовут Тар. Добро пожаловать в наши ряды. Узники создали свой союз. Организацию, которая действует заодно с мятежниками. Предательство у нас карается смертью. Это ты должен знать. Мы о тебе знаем все. Называть себя Пта, это гениальная идея. Никто еще до такого не додумывался. Ты выбрал хорошую линию поведения. Это ново.

После паузы человечек продолжил:

— Возможно, мятежники и согласятся использовать твое положение. Но надо им рассказать, что ты можешь сделать. Крестьянин сказал, что у тебя была полная потеря памяти. Это правда?

Холройд все это время наслаждался, утоляя голод, и упивался теплом, растекавшимся по телу. Слова незнакомца звучали не для него, но внезап-

но он осознал, что вторая половина его сознания все воспринимает. Кто-то использовал его мозг… познавал назначение фраз… внимательно анализировал происходящее. И эта вторая половина тоже был он. Он сам слушал и понимал Тара.

Холройд снова ощутил холод камня, на который опирался рукой, согретой съеденным супом. Вокруг была мрачная тюрьма, из которой надо выбираться. С этого момента и сам Холройд стал ясно осознавать свое положение. Тот, другой, который слился с ним, понял это чуть раньше. Две личности слились в одном желании, но оставались при этом самостоятельны в мыслях. Холройд вздохнул. Нет, это нельзя называть потерей памяти… когда помнишь о своей другой половине. Он сосредоточился, пытаясь распутать логический клубок истины, познать двойственную суть собственной личности и фактов, которые ему уже были известны.

Принцесса сказала, что послала за той, кого называют богиней Инезией. Это имя снова всплыло из глубины памяти. Теперь это не кажется обычным воспоминанием о слове. Мозг замер. Послали за ней?

Надо раскрыть сущность этого понятия — богиня Инезия!

Этот титул заполнил весь разум, проник во все закоулки сознания. Затем сверкнул тонкий луч догадки, будто острый нож воткнулся в мягкий плод.

Он должен выбраться из тюрьмы. Питер Холройд не мог этого сделать. А что может Пта? Он должен освободиться. Должен! Если еще не поздно.

Глаза Пта широко раскрылись и яростно засверкали. Каждый мускул затрепетал, наливаясь силой. Он свирепо вглядывался в Тара.

— Сколько времени я нахожусь здесь? — голос Пта эхом отозвался в его же ушах. Произнося эти слова, он понял, что прервал говорившего, но тот уже отвечал ему.

— Вот что я скажу… вам. Говорят, что вы сильны, как гримбс, но уже семь дней… ничего не ели и не пили… не могу спорить с тем, что говорят… Вы умерли здесь…

Он говорил еще что-то, но Холройд уже не слушал.

Семь дней, — думал он… Семь дней бог Пта в безумии лежал на камнях подземелья, и его смогли низвергнуть так низко, что он вернулся в свое последнее воплощение. И мозг восстал, потому что… сильное истощение… через семь

дней? Невозможно…

Прошло более семи лет или даже столетий. Пта не был подвластен времени, он существовал как бог, и этот срок мог пройти для него не так, как для людей. Может, намного быстрее. Можно ли так объяснить то, что произошло с его телом и сознанием?

Снова мысль Пта прервалась. Он сел, удивленный этим, в привычную теперь позу. Что за безумие нахлынуло на него. Семьсот лет, семь дней? Облизнув пересохшие губы, он стал думать о семи днях.

— Сколько займет, — громко произнес он, — займет времени… — мозг двадцатого столетия пытался подобрать слова, соответствующие ситуации, затем он решил спросить просто. — Сколько понадобится времени для полета на скрире в город Пта и обратно?

Яркие глаза Тара внимательно изучали его.

— Ты парень с юмором, — наконец произнес он, — говорят, что ты шел в Пта пешком. Это только доказывает, что с разумом у тебя было не все в порядке, когда тебя посадили в подземелье.

Он покачал головой, и Холройд понял, что Тар разочарован. У него возникло желание схватить собеседника и вытрясти из него ответ на вопрос.

Он поборол дикое чувство, но почувствовал, что снова наливается яростью. Сдерживая себя, он угрожающе повторил:

— Сколько времени… Сколько времени уйдет на это?

— Поймите, этот вопрос не имеет смысла. Нет такого скрира, который мог бы долететь от Линна до Пта не отдыхая. Это слишком далеко. Наша принцесса уже побывала там. Но вначале она летела до прибрежного города Тамардин, затем через Линисар, великолепный Гэй и другие города вдоль побережья. Ее путешествие заняло два месяца. Хотя существуют быстрокрылые птицы. Говорят, что некоторые из посланцев богини на специально обученных скрирах долетают в другой конец Гонволейна за восемь дней без остановок. А до Пта — за шесть дней. Но послушай…

Холройд вздохнул.

Шесть дней туда, шесть обратно. Богиня уже целый день знает о нем. Через пять дней она будет здесь. Пять дней в запасе, чтобы выбраться из тюрьмы.

Глава 4
ЧЕРЕЗ 200 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ В БУДУЩЕМ

Какое-то время Холройд вовсе не чувствовал себя подавленным, но почти не двигался и совсем прекратил мыслить, пока Тар не принес еще один котелок с супом. Его запах и вкус снова пробудили сознание. Вернулись страх и смятение.

Одна часть сознания спокойно ждала прибытия богини. Эта холодная и неприрученная сила обладала возможностями, пределы которых были неведомы Холройду. Он начинал сознавать, что воля Пта решает, когда телом и мыслями может владеть человек двадцатого века, а когда главенство переходит к божественной сущности.

Понимание этого было ясным и не допускало тени сомнения. Пта, могучий бог Гонволейна, знакомый с миром людей не больше, чем ребенок, и умудренный опытом участия в мировой войне американский офицер Питер Холройд были в одном теле. И бог считал боевого танкиста только частью своей сущности. Холройд вздрогнул и ощутил уже собственную ярость, направленную

на Пта.

— Ты, идиот! — вскрикнул он. — Не ты ли сам породил хаос, который смешал нас вместе. Это ты, а не я позволил смазливому личику двумя улыбками заманить нас в темницу! Самому распоследнему олуху… одного взгляда на эту систему тирании… с ее удельными принцами в замках, королями, императорами… какой-то богиней на вершине пирамиды власти… только взгляда достаточно, чтобы понять: — твое прибытие — это мина под ее фундамент. Ты не можешь…

На этих словах он осекся. Голос гулко отражался от низкого потолка, эхо последнего звука угасло в маленькой камере. В наступившей тишине Холройд охватил руками перекошенное яростью лицо и понял, что это истерика безнадежности, безумный крик самому себе. Успокоившись, он почувствовал себя лучше. Более того, он даже ощутил, что все же способен быть полным хозяином своего тела, мыслей и поступков.

Божественная сущность Пта доверяла ему, не наказывала болью за своеволие. Не было боли и тогда, когда пришло осознание двойственности духа в одном теле. Сомнения нет, он имеет право на свободу. И он чувствует себя бессмертным.

Еще раз появился Тар. На этот раз он принес

большие зеленые фрукты, похожие по запаху на цитрусовые. Они были на удивление сочные и сладкие, по вкусу не напоминали те, что были знакомы Холройду прежде. Незнакомые фрукты поставили перед ним простой вопрос, который почему-то раньше не приходил в голову — Где находится Гонволейн? Что это за страна с городами Пта, Тамардин, Ланизар и Гэй? Прекрасный Гэй, сказал Тар. Холройд попробовал представить себе незнакомый город на незнакомом побережье… и не смог. Для него названия этих городов не вызывали никаких ассоциаций. Картина, вставшая перед глазами, отображала виденные им на Земле в 1944 году города с их руинами, опустевшими улицами, угасшей экономикой. Он начал громко произносить незнакомые слова: Гонволейн, Пта, Тамардин…

В них был своеобразный ритм, странная притягательность, музыкальная гармония. Надо узнать о них как можно больше. Холройд хотел просить Тара рассказать о стране Гонволейн, обернулся и увидел, что находится в камере один. Камень, загораживающий вход в подземелье, вернулся на место.

Холройд долго лежал на твердом полу. Наконец, камень сдвинулся, и снова вышел Тар. В

этот раз он принес еще фрукты и кусок мягкого белого хлеба, совсем недавно испеченного. Увидев первую знакомую пищу, Холройд схватил драгоценный кусок, запихал его в рот, и слезы застлали его глаза. Боевому офицеру было стыдно рыдать над куском хлеба перед этим маленьким хозяином подземелья. Слезы пересохли, стыд отступил. Может, в Гонволейне много хлеба и всего остального. Он представил знакомые картины безграничных пшеничных полей, которые способны прокормить много людей. Холройд уже проглотил кусок хлеба и не успел раскрыть рот, как услышал голос Тара:

— Меня удивляет полная потеря памяти у такого физически крепкого человека. Стальные мускулы и слабый мозг. Если бы вы могли читать книги, то быстрее бы вспомнили, кем были раньше.

— Читать книги? — эхом отозвался Холройд. Ему раньше и не приходило в голову, что в Гонволейне могут быть книги.

— Конечно, смотри, — и Тар ловко выдернул из внутреннего кармана своей одежды обыкновенную брошюру, похожую на памятки солдата в ту, последнюю мировую… последнюю… которая была известна Холройду. Только те памятки были

грязными, согнутыми и потрепанными. А эта совсем новая, не залапанная грубыми пальцами механика танка или наводчика орудия.

Холройд взял брошюру, и после камня ее обложка показалась теплой, шелковисто-гладкой. Он вгляделся в слова на обложке.

«Воин, бей врага на его территории» (возможность нападения на Аккадистран). По стилю похоже на памятки союзников, Дядюшка Джон и его мудрецы любили такие выражения.

…Грязная акция царя Аккадистрана, использующего территорию нейтрального Нуширвана для содержания пленных граждан Гонволейна, требует отмщения, войны до полного разгрома врага. Правительство богини Инезии должно сокрушительным ударом ответить на эти вероломные действия подлого врага.

Следует прежде всего добиться того, чтобы их люди не соблюдали свои обеты. Это угрожает божественной власти богини. Люди должны…

— Отлично, вы умеете читать, — маленький человечек отвел в сторону ладонь Холройда, желавшего перелистнуть страницы. — Не отрицайте, я видел, как вы шевелили губами, читая в уме. Для начала надо взять что-то попроще.

Он нырнул в дыру, но вернулся очень быстро,

неся под мышкой две обыкновенные книги с обложками, явно побывавшие в руках других читателей.

— Я буду приносить вам книги по утрам, вместе с едой. Читайте их, когда не будет хотеться спать. Может быть, они помогут вернуть память, может, и нет, но надо попытаться. А я пока уберу здесь на полу. Столько шкурок от фруктов, можно поскользнуться.

Минутой позже Холройд уже перелистывал дрожащими пальцами страницы обеих книг. Первую просто пролистал. Он спешил увидеть все сразу, бросал жадные взгляды на рисунки и не обращал внимания на текст. Все иллюстрации были цветными и сделаны с такой четкостью, как фотографии. Каждая деталь была различима, цвета не отличались от натуральных. Текст тоже был очень четким. Аккуратные черные буквы на ярко-белом фоне. Бумага почти не гнулась и была очень гладкой, но не давала бликов от света факела, который зажег Тар. Книга называлась «История Гонволейна с древнейших времен». Читать ее Холройд решил с первой страницы.

«В начале был Сияющий Единственный Пта, бог Земли, моря и пространства, которые не были разделены. Глубоко религиозный народ Гонво-

лейна миллионы лет верит, что Пта вернется, чтобы слиться с людьми, которых он создал для их же величия и укрепления его могущества. О, Дайан, о Колла, о божественный Рэд...»

Холройд вчитывался в слова, почти не понимая их. Затем вернулся к тому месту, где говорилось о миллионах лет и улыбнулся. В этой фразе автора книги угадывалась тонкая, но циничная ирония. Следующий абзац вроде подтвердил эту догадку.

«... Земля — древняя планета, издавна заселенная людьми. Континенты и моря за миллионы лет не были всегда одинаковыми. Страшные катаклизмы меняли их облик. Первый из этих катаклизмов разделил материк Гондвану на несколько частей и раздвинул их в разные стороны...»

Холройд прочел всю книгу до конца на одном дыхании, отложив ее в сторону и сразу взялся за вторую. Это была «История мира в картах и описаниях».

Картографы воспроизводили всю картину трансформации материков в различные эпохи истории планеты Земля. Четкость изображения была настолько неправдоподобной, что не позволяла оторваться от деталей, отвлекая от общей картины. На четвертом листе была карта мира,

которую он помнил. Дальше было все непривычно. Исчезла Япония, так им и надо. Нет Англии, это неприятно. Очертания материков изменились неузнаваемо.

В самом конце книги был изображен современный Гонволейн. Это был большой и очень вытянутый континент, занимавший бóльшую половину южного полушария. В левой части он был прогнут к северу, а слева — на востоке — был более широким и кончался на том месте, где, судя по комментариям, более миллиона лет назад находилась древняя Аведралия.

Гонволейн простирался на одиннадцать тысяч канб в длину и пять тысяч канб в ширину. В северной части от Нуширвана его отделял узкий, не более тысячи канб шириной, гористый перешеек. Холройд прикинул в уме размеры Земли и цифры, нанесенные на карту. Получалось, что один канб составлял милю с четвертью. Это должно быть так, если планета не изменилась в размерах.

Севернее Нуширванского перешейка, где ранее располагались континенты, называвшиеся историками Америга и Бретония, располагались земли Аккадистрана. На месте Атлантического океана была отмечена только группа крупных озер. А водное пространство между Аккадистра-

ном и Гонволейном именовалось морем Тета. Больше всего Холройда поразили не изменения очертаний суши и ее привычных названий, а численность жителей новых стран. В Гонволейне было пятьдесят четыре миллиарда жителей, в Аккадистране — девятнадцать миллиардов. В самом молодом государстве — Нуширване, на территории, которая поднялась со дна моря всего около тридцати миллионов лет назад, проживало пять миллиардов человек.

Карта показала, что замок Линн и город, где он находится, расположены в юго-восточной части континента. От него надо лететь на скрире к северо-западу и, пролетев восемьдесят канб, птица принесет седока в город Пта. Великая столица находится на берегу моря Тета в бухте Большой скалы. Пролив, отделяющий город от ближайшего мыса государства Нуширван, не больше двадцати сотен канб.

Пораженный прочитанным, Холройд вскочил на ноги и стал ходить по камере из угла в угол, держа книгу перед глазами. Он снова перечитывал главы, описывающие империю, управляемую богиней. Она была так огромна для масштабов двадцатого века, что представить это было сложно. Медленно его мозг стала заполнять мысль,

что бравый танкист в 1944 году погиб, и сейчас ему не следует так волноваться, созерцая новую картину цивилизации.

Он был мертв. Если не считать бога Пта, то тело его покоится в сгоревшем танке на поле боя. Прошло столько времени, что душа наверняка покинула тело и забыла о его существовании. Последняя мысль показалась нелепой, даже смешной.

Раздался шорох. Камень, загораживающий лаз в полу, шевельнулся. Холройд шагнул к нему порывисто, без видимых усилий, поднял гранитную глыбу, затем медленно положил ее у дверей. Сознание принесло чувство уверенности и готовность к решительным действиям. План был предельно прост. Голова Тара просунулась в отверстие.

— Благодарю, — пропыхтел он. — Эту плиту толкать снизу довольно тяжело. У меня для вас завтрак.

— У тебя для меня… что? — воскликнул Холройд. Вся его воля сконцентрировалась, и думать он мог только о побеге. Он не спал уже сутки. Всю ночь не сомкнул глаз и даже не вспомнил о сне. Поняв это, он глубоко вздохнул. Боги не спят, по крайней мере, не испытывают в этом необходимости.

Может, он бы и уснул, если бы устало тело.

Тар удивленно смотрел на узника:

— О чем вы спросили?

Холройд энергично потряс головой.

— Не обращай внимания. Я просто не разобрал слов… Слишком долго спал.

Маленький человечек ухмыльнулся.

— Это хороший признак. Вы чувствуете себя значительно лучше. Завтрак я оставлю. Поешьте, потом я хочу с вами поговорить.

— Я тоже, — ответил Холройд.

Тар нырнул в подземелье, но остановился и оглянулся назад, внимательно глядя на собеседника. Какое-то время он пристально изучал Холройда, затем произнес:

— Для человека, который вчера был почти мертв, вы проявляете слишком большой интерес к жизни. Что вы задумали?

— Поем, отвечу, — насмешливо произнес Холройд. — Это связано с тем, о чем ты сам упоминал.

— Я упоминал только об одном, — прозвучал удивительно равнодушный голос Тара, — о том, в чем вы можете быть заинтересованы, учитывая сложившееся положение. Я сказал, что мятежники могут найти вас и использовать то, что вы

называете себя Пта. Только это.

Холройд молчал. Он не думал о пудинге, стоявшем на полу в грубой миске. Он был удивлен. Раньше казалось, что Тар тоже узник замка Линн. Надо попытаться понять об этом больше, чем приходило в голову. Тар связан с внешним миром.

— Что еще? — спросил Холройд.

Тар вздрогнул.

— Извините, что я больше не говорил об этом. Но они не заинтересовались. Они не знают, как можно это использовать с пользой для их замыслов. А для вас будет очень просто исчезнуть потом. Теперь я сказал все как есть.

— Они могут освободить меня?

Человечек окаменел, словно почувствовал свою смерть в словах, которые только что прозвучали.

Его глаза насторожено смотрели на Пта. Наконец, он нерешительно кивнул.

— Хорошо, — воскликнул Холройд. — Скажи, чтобы они меня забрали этой ночью.

Тар рассмеялся. Смех разрушил гнетущую тишину тюрьмы. Когда его голова почти скрылась в темном квадрате норы, он еще раз обернулся. Его глаза прищурились, губы стали тонкими, выражение лица приобрело агрессивный оттенок, как

у зверя перед прыжком на жертву. Он колючим голосом произнес:

— Чтобы потом ты рассказывал всем, как наша организация спасла тебе жизнь, а ты улизнул?

Справедливость этих слов ужалила самолюбие. Но Холройд был уверен, что мораль здесь не пользуется особой популярностью. В этом было и преимущество Пта. Трижды Величайший Пта выше любой этики и морали, он бог.

— Послушай, — сказал он, — вожди восставших зря так решили. Они не учли мой характер, мою личность. Они думают, что я безумец и не смогу понять их цели. Безумный человек, конечно, ничего не стоит.

Он перевел дыхание и продолжил.

— Передай им, что я могу играть роль Пта так, как никто другой, на высшем уровне. Если они так сильны, что смогут захватить замок, то здесь и будет моя штаб-квартира. Передай им, что они не смогут сами собрать такую армию, которая сплотится вокруг меня. Воины будут идти в бой за мной, как за богом. Я знаю достаточно, чтобы одурачить всех, включая… — Он уже хотел произнести «включая богиню», но вовремя остановился. Такое заявление было бы слишком самоуверенным и могло породить недоверие, —

… включая людей довольно высокого ранга.

Тар холодно произнес:

— Пустая болтовня человека, который хочет выкрутиться из опасной ситуации.

— Я был болен, очень болен…

— Хорошо. Я постараюсь еще раз связаться с мятежниками. Но не раньше, чем через неделю.

Холройд покачал головой, всем своим видом показывая, что такой срок его не устраивает. Ссора с Таром была нежелательна. Но с побегом надо спешить. Богиня уже на пути сюда и очень скоро прилетит в Линн. Он был уверен в этом.

— Только этой ночью! — сказал он и не услышал ответа. Собеседник исчез в норе. Холройд заглянул вниз, затем выпрямился, мрачно улыбаясь. Почти сразу появился Тар, выставил на пол суп, фрукты, хлеб и спокойно произнес:

— Помоги поставить камень на место. Я подумаю, что можно сделать для тебя.

Холройд, удивленный такой переменой его настроения, с улыбкой ответил:

— Извини. Но я увидел, что камень держится на слабых опорах и может в любое время упасть вниз. Что, если в это время ты будешь в подземелье. Да и мне будет спокойнее, если подпереть им двери.

Вместо ответа Тар бросил на него долгий пристальный взгляд и удалился. Он приходил еще с обедом и ужином, но никак не реагировал на попытки продолжить разговор о побеге. Оставалось действовать самому.

Глава 5
ПОДЗЕМЕЛЬЕ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

В узком туннеле были светлые участки и провалы ужасающей темноты. Крохотные факелы торчали у самого потолка, но Холройду приходилось сгибаться почти в двое, чтобы не задеть их головой. По сторонам разбегались туннели еще меньшего размера. В их черные дыры не мог пролезть человек обычного роста. На них не следовало обращать внимания. Главное не заблудиться в лабиринте туннелей побольше. Он должен идти только по этому, главному коридору.

Холройд обратил внимание на один из факелов. Как и другие, он был деревянным… и холодным. Холройд лишь дотронулся до факела, и свет исчез, будто повернули выключатель. На ощупь он обнаружил шарнир, к которому был прикреплен кусок дерева, изображавший факел… чуть повернул его, затем еще… еще… свет снова вспыхнул только тогда, когда факел вернулся в прежнее положение.

Холройд уже собирался тронуться в путь, когда

заметил у основания факела табличку, на ней было написано:

КАМЕРА 17.

Имя: случай амнезии

Отметки: заключенный, никакой информации.

У следующего светильника он прочитал:

КАМЕРА 16.

Имя: Нрад

Отметки: заключенный, одиночное нападение на стражников.

Мрачными глазами Холройд изучил эту лаконичную фразу. Пока он был способен только оценить бессмысленность поступков этого неведомого Нрада.

Последний из цепочки светильников был у камеры 1. Здесь кончался освещенный коридор, и Холройд, интуитивно шагнув в темноту, обнаружил на ощупь крутые ступени. Он крадучись стал подниматься наверх. По тускло освещенным коридорам от лестницы в глубину здания, он считал этажи. Окон рядом с лестницей не было, и беглец мысленно пытался представить, как выглядел на фоне темно-голубого неба замок, когда его взяли сюда лорд, принцесса и стражники. Сколько было этажей выше поверхности, сколько вросло в землю. Сколько из двухсот

миллионов лет, прошедших со дня рождения Холройда, простояли эти стены. Время сбивало логику рассуждений, оно было более враждебно, чем смерть. Забавно, теперь все, что произошло с ним до смерти — ничего не значит. Надо только взобраться по лестнице до самого верха… Десятый этаж, одиннадцатый… двенадцатый.

Он добрался до последнего — двенадцатого, тщательно поискал выход на крышу, и, не найдя его, вступил в проход и осторожно двинулся вдоль него. Потолок здесь был достаточно высок для того, чтобы идти не сгибаясь. Холройд шел как и по уровню темницы, исходя из простой мысли, что игнорируя ответвляющиеся туннели и перемещаясь по прямым коридорам, он не сможет заблудиться. Здесь тоже были таблички на каждом светильнике. На первой он прочитал:

Имя: Садра

Отметки: кухарка, сочувствует мятежникам, любовник — младший сержант Гэн.

Доступ к смотровой щели, без права выхода.

Надписи были похожи. В каждой жили служанки, большинство имели любовников и сочувствовали каким-то бунтовщикам. И все спали. А выхода не было.

Одиннадцатый этаж полностью был занят слу-

гами, которые тоже спали. Холройд беззвучно проследовал вниз по узкой лестнице. На восьмом жили представители общественного зоса, на седьмом — общественного фазоса. Разглядев через маленькое отверстие в дверях раскиданную по их комнатам темную одежду, Холройд понял, что это жрецы и жрицы.

На четвертом этаже располагались апартаменты лорда-принца и табличка рядом с ними гласила: «Принцесса Гия, любимая дочь и наследница».

Значит, эту спесивую красавицу зовут Гия, подумал Холройд. Коварная, алчущая власти и способная на любую подлость Гия. Сцепив зубы, он стал вглядываться в окошко на ее двери, которое было прикрыто занавеской недостаточно плотно. Сквозь щель он увидел большие апартаменты, убранные коврами, заставленные креслами, столами, тумбами. В дальнем конце на правой стене зала была дверь в спальню, которая освещалась большим количеством светильников. Принцесса не спала.

Холройд увидел часть кровати, длинный и узкий полированный стол, в конце которого было закреплено зеркало. Через него можно было видеть кресло, расположенное в стороне от двери

за стеной. Там сидела принцесса Гия, и ее губы шевелились.

Прильнув ухом к замочной скважине, Холройд услышал невнятные звуки, создающие монотонную мелодию. Они звучали почти беспрерывно, но смысл слов, произносимых принцессой, был ему недоступен.

Кем бы ни была эта женщина, что бы ни бормотала, но это не помогает ему выбраться из замка Линн.

Холройд еще долго бродил по этажам, увы сбился со счета и, вновь очутившись перед дверью принцессы, понял — это снова четвертый этаж и она все еще говорит.

Справа от двери в апартаменты коварной Гии была еще одна, правда, без окна, но из замочной скважины пробивался тонкий луч света. Присев на корточки, Холройд взглянул туда. Кресло загораживало говорившую, и он снова попытался разобрать слова:

— … сделай, чтобы его минуты стали днями, часы годами, — дни веками. Дай ему познать бесконечность времени, пока он не вышел из тьмы… его минуты — днями… его часы… годы…

Это молитва! Сначала Холройд не пытался вникнуть в ее смысл. Верующие могут без конца

повторять заученные догмы, не несущие конкретного значения для мира людей. Монотонный ритм убаюкивал сознание, но Холройд продолжал слушать.

Постепенно его мозг стал воспринимать происходящее более четко, но одновременно закружилась голова, светильники начали слепить глаза. В тело проник ужас, пришла и утвердилась в сознании всеобъемлющая, пронзившая эмоции, как смертоносный клинок, мысль.

«Пусть его дни станут веками».

Они уже стали такими… для Пта!

Слишком поздно Холройд ощутил, что его собственный разум перестал контролировать тело. Теперь над ним властвовал другой разум, не ведающий страха и поступающий безошибочно в любой ситуации. Руки, уже помимо его воли, надавили на дверь, и дело было сделано. Он вошел в спальню принцессы, и та, услышав сухой треск лопнувшего запора, вскочила из кресла.

Паника человека, который привык быть чрезмерно самоуверенным, должна выглядеть смешной, — подумал Пта-Холройд, — доказательство этой истины перед глазами. Но вдруг движения женщины стали нечеловечески легки и быстры, изменилось выражение лица, и взгляд приобрел

уверенность в собственной безопасности.

Пта осознал, что произошло на его глазах. Слишком мало он ведал об окружающем мире, но понял — теперь перед ним стоит богиня. Вспышка сознания молившейся принцессы Гии, понявшей, кто стоит у дверей ее спальни, пронеслась через восемь тысяч триста канб к столице Пта, и в ту же секунду богиня Инезия завладела ее телом.

Но Пта в это мгновение позволил Холройду подумать о Таре, которого он предал, оставив камень в полу открытым. Тайные ходы заговорщиков теперь будут раскрыты. Холройд был зол на ту дикую силу, которая снесла дверь, использовала побег из заточения в своих интересах, пренебрегая опасностями и не думая о последствиях. Но перед ним богиня.

Злость ушла из сознания, остался только облик спокойной и красивой женщины, стоявшей перед ним. Память Питера Холройда подсказывала, что ее облик при первой встрече произвел не такое впечатление. Но она тогда уступила ему и первой улыбнулась. Вот и сейчас улыбка ее обезоруживает. Холройд понимал, что Пта не просто поразить улыбкой даже такого очаровательного существа, но если он слит со смертным челове-

ком, то красота и гармония не так уж бессильны.

Эта женщина божественно красива. Это уже не принцесса Гия, а богиня. Из ее глаз струится свет, тело окружено мерцающим ореолом, способным затмить свет всех светильников. Лорд-принц не узнал бы сейчас свою дочь Гию. Мягкий голос богини прозвучал с такой страстью и проникновением, что казался нереальным.

— Питер Холройд. О, Пта! Этот миг — главный в нашей жизни. Не бойся того, что я знаю тайну твоей личности. Мы одержали первую победу, смогли сделать ее реальной. Но это не конец борьбы. Богиня Инезия все еще может уничтожить тебя. Она извлекла тебя из параллельного времени с одной целью — убить Пта окончательно. Без божественной мудрости, лишенной абсолютного могущества, ты можешь быть материализован и уничтожен.

— Подожди! Не говори сейчас ничего, — эта фраза прозвучала резко, голос зазвенел как натянутая струна. Холройд закрыл рот, не успев произнести ни единого звука. «Не богиня!» — подумал он. Это не богиня Инезия. И это было самое удивительное во всем происходящем.

Красавица заговорила быстрее и каждым словом пыталась убедить Пта в истинности ее

рассказа.

— Ее первый замысел я расстроила. Собрав остаток божественной силы, о котором Инезия не знала, я направила тебя в самый отдаленный от столицы город Гонволейна. Мне пришлось проникнуть в тело принцессы, когда вы впервые встретились. Твой дух в глубине мозга постоянно испытывает угнетение от действия личности твоего же последнего воплощения. В этой борьбе вы оба можете быть уничтожены, — затем ее голос окреп, и каждое слово, как удары колокола, стало проникать во все самые спокойные точки сознания, — Питер Холройд, начинается и твоя борьба за жизнь. Действуй так, будто кругом враги. Будь сверхподозрителен ко всему окружающему, забудь все свои планы и намерения. Тебе предстоит завоевать Нуширван. Используй любые средства, которые будут доступны. Этой ночью ты полетишь в столицу Пта. Твоему мозгу не понадобится много времени, чтобы осознать необходимость захвата Нуширвана.

Она одарила его печальной улыбкой и продолжила:

— Это все, что я могу тебе сказать. На моих губах те же оковы, которые опутывают мое настоящее тело в темнице замка Пта уже так много

веков, что я не способна их сосчитать. Пта… Питер Холройд… твоя вторая жена, забытая тобой Лоони, попытается сделать больше… не только защитить от происходящего. Поторопись! Через мой балкон к пернатым скрирам и…

Ее голос дрогнул, взгляд устремился через плечо Холройда. Он обернулся и увидел голову Тара, выглядывающую из-за дверного проема и сверлящего глазами полуобнаженную грудь принцессы. Холройд-Пта шагнул к принцессе, схватил ее за руки, но она улыбнулась мягко и нежно, шепнув:

— Хорошо, что это тело умрет. Иначе оно запомнит… слишком много. Удачи!

Тар закричал:

— Торопись, парень. Пора уносить ноги.

Вдалеке послышались другие крики и приближающийся топот многих ног.

Вид прекрасного женского тела, которое только что покинуло пламя жизни, стоял перед глазами Холройда до тех пор, пока он не очутился в седле, расположенном на спине огромного скрира. Его руки ощутили жесткие перья, и зрительная память пережитых событий подсказала — держаться надо только за седло. В первом седле уже был Тар.

Могучие крылья птицы с шумом распрямились, их первые взмахи породили ветер, пригнувший ветви деревьев. Резкий крик Тара уколол сознание, скрир взмыл в ночное небо.

В мозгу Холройда отпечаталась картина звездного неба и спина маленького человека, из которой торчала стрела. С каждым взмахом крыльев добровольный погонщик скрира сползал в сторону, но не выпускал поводья из рук. Выдирая огромные перья, Холройд стал карабкаться по спине птицы к Тару, но не успел. Тот соскользнул вниз, еще держа в одной руке поводья.

Голова птицы резко рванулась вниз, но сразу выпрямилась. Крик устремился вниз и угас.

Холройд-Пта остался один на неуправляемом скрире посреди огромного и странного мира.

Глава 6
ПОЛЕТ СКВОЗЬ НОЧЬ

Луна просматривалась через причудливые облака. Холройд подумал, что ее диск слишком велик. Будто Земля и ее серебряная дочь сошлись друг с другом гораздо ближе, чем были в далеком двадцатом веке. Сияние огромного лунного диска сочилось сквозь ночь и позволило последний раз взглянуть на Линн.

Башня замка, где он недавно был пленником, возвышалась над темными домами, как белая и чистая колонна. Он еще успел различить кольцо деревьев, ближние дома. Но город быстро превратился в фантасмагоричный сгусток теней и затерялся вдали, слился с бескрайней темной плоскостью.

Холройд попытался сосредоточиться и оценить ситуацию, в которой очутился. Но в мозгу снова возник образ женщины, которая умерла у него на руках. Красота лежавшего на ковре тела, его мягкость, тепло, и… необъяснимая смерть. Все это вместе настолько поразило воображение, что он инстинктивно пытался стереть из памяти эту

картину, но не мог.

На своем веку Холройд пережил немало смертей. Погибали однополчане, приходилось наблюдать агонию врага. Но даже тогда, когда пушка его танка разносила людей в клочья, отправляя в ад, он знал, что личной ответственности за смерть человека не несет. Война есть война.

Но в Замке Линн умер друг. Больше чем друг — освободитель, сознательно отдавший жизнь за свободу другого человека. Холройд думал… Еще одна жизнь прошла. Еще одно тело станет прахом. Оно было прекрасно. Сколько же их вступило в ужасный союз с Землей за эти двести миллионов лет? Эта мысль потрясла так сильно, что осознавать ее значение в полной мере мозг отказывался.

Ветер трепал одежду, путал волосы, размазывал по лицу слезы. Мускулистые крылья скрира монотонно вздымались и с шумом рассекали воздух. Ночь казалась бесконечной. В кромешной тьме возникла ярость.

«Черт побери! Пта! Куда ты стремишься? Что делаешь? Сколько можно балансировать на спине, покрытой перьями? День… Год… века… сплошного мрака?»

Мысли Холройда-Пта вновь вернулись к со-

бытиям в замке Линн. Что-то тревожило, было необъяснимым и казалось нарушением обычной логики. Почему там все спали, пока он бродил по коридорам. Побег прошел слишком гладко и не казался результатом собственных усилий. Да и в полете сквозь бесконечную ночь была какая-то фальшь.

Холройд грузно ворочался в седле, безуспешно пытался разглядеть, болтаются ли снизу поводья, позволяющие управлять полетом птицы. Но свет луны только тускло мерцал на перьях, до которых могли дотянуться руки. Не удавалось даже разглядеть голову птицы на фоне черного неба.

Лоони, кем бы она ни была, обещала помогать. Нет ли подвоха в этой неожиданной помощи? Маловероятно. Зачем нападать на Нуширван? Каких изменников надо уничтожить? Мозг Холройда пылал мыслями, приходящими одна за другой.

ОН ДОЛЖЕН напасть на Нуширван. На страну, где живет пять миллиардов человек. Где огромная армия. Где горы будут помогать своим и мешать ему. Представив себя полководцем, он ухмыльнулся. Короткий возглас сорвался с губ и унесся в бесконечность ночи. Но мысли остались. И он понял, что такое возможно. Лоони говорила о реальных вещах.

Во все века поступки отдельных людей, способных принимать решения, правили ходом истории. Огромные толпы выполняли волю единиц. Вполне логично допустить, что полубог Пта-Холройд способен достичь границы Нушир-вана, подчинить своей воле огромную армию и разгромить это неведомое государство прежде, чем богиня Инезия поймет, что происходит.

Его сердце забилось в груди, дыхание стало прерывистым. Мысли потекли в едином направлении.

Надо наладить связь с мятежниками, в первую очередь найти главарей. Очевидно, это группа офицеров.

Надо понять, что означает фраза из книги, которую давал Тар: «Божественная сила богини всегда приходила к ней от верующих». Если это правда, то откуда черпает свои силы Пта?

Сознание явно наталкивалось на какое-то препятствие. Необъяснимость подобных истин двадцатого века доминировала в теле и душе бога Гонволейна. Она не давала постичь и бесконечность ночи, которой не было конца.

Рассвет пришел внезапно. Солнце вздыбилось над горизонтом и почти сразу оторвалось от поверхности земли, осветив лучами лес, напо-

минающий тропические джунгли. Внизу можно было увидеть признаки жизни. Маленькие поселения, фермы, обработанные поля. Эта земля была обжитой и плодородной.

Далеко на севере сверкали волны темного моря, а впереди был огромный город. Утренняя дымка не позволила четко разглядеть все постройки. Хорошо различался лишь гигантский утес на берегу, похожий на башни средневекового замка. Утес?

Холройд нахмурился. Столица Пта — город огромного утеса. Скрир не мог за одну ночь преодолеть расстояние от города Линн до столицы. Тар говорил, что самому быстрому требовалось семь дней полета. Это не могло быть реальностью. Но бесконечность ночи подсказывала, что пришедшая мысль верна. Кто-то подтолкнул его к Пта. Может быть, Лоони?

Сознание подсказывало, что надо найти способ, как заставить скрира приземлиться, использовать любой шанс. Он должен посадить звероптицу на землю. Сейчас. Здесь. Немедленно!

И в это мгновение скрир, словно гигантский ястреб, сложив крылья, устремился вниз, направляясь к границе джунглей.

В этом месте, где должно было закончится парение птицы, Холройд не видел признаков

жилья. Лишь в последний момент ему удалось разглядеть под зелеными ветвями деревьев одинокий домик. Почти задев лапами огромные, похожие на листья пальмы, ветви, массивный скрир спланировал к самой опушке, взмахнув несколько раз крыльями и плавно опустился на траву. Его голова поднялась. Перед глазами очутились хохолки перьев, торчавших из складок толстой кожи, покрытой крупными бугорками. Это было неожиданно. В двадцатом веке Холройд знал не более десятка названий птиц. Сейчас он пытался вспомнить, на кого из знакомых обитателей Земли похож скрир. Кто был предком этого монстра? Слишком много времени прошло, слишком большой период эволюции этого существа был неизвестен. Его мысли прервал звонкий смех женщины:

— Питер Холройд-Пта. Ты поступишь разумно, если немедленно спустишься вниз.

Холройд вздрогнул, и руки непроизвольно вцепились в жесткое седло. Футах в двадцати от птицы на узенькой тропинке спокойно стояла девушка. В ее смуглых глазах светилась уверенность, а выражение лица напоминало печальный образ, который нельзя было не узнать:

— Лоони!

— Быстрее! Летающий скрир долго не стоит на одном месте. Будь осторожен, не приближайся к голове птицы. Ее клюв может убить. Прошу тебя, Пта, торопись. У нас есть всего один час, и не стоит терять время.

Очутившись на земле, Холройд почувствовал смущение. Трудно было даже сразу определить, чем вызвано такое необычное чувство. Затем он пошел. Лоони безоговорочно воспринимает его только как Пта, не замечая, что телом владеет слабый разум Питера Холройда. Но это не доставляло каких-либо неудобств. Пта сейчас действительно был больше Холройдом.

Возможно, это был Холройд, взявший от истинного хозяина тела чуть больше, чем следовало. Холройд, устремившийся в сферу Гонволейнского варианта безумия… Если он действительно жил в СОБСТВЕННОМ теле.

Слияние бога и человека в теле сейчас было таким, что божественный дух затуманился в сознании человека, ощущавшего близость женщины. Он медленно приблизился к ее влекущей плоти. Бог уступал дорогу любви.

Лоони стояла не шелохнувшись. Ее темные глаза ярко сверкали, черные волосы волнами покрывали плечи и небрежно спадали еще ниже.

Это была простая сельская девушка, юное тело которой дышало жизнью. Холройд видел, что его желание не осталось незамеченным, загадочная улыбка озарила лицо красавицы. Наконец она произнесла:

— Питер Холройд, не смотри так на мое тело. Это крестьянская девушка по имени Мора. Она живет здесь с отцом и матерью. Их домик в четверти канбы. Не обращай внимания на форму.

Не обращать внимания? Эту просьбу он не мог выполнить. Когда девушка повернулась, направившись по тропинке, он вздрогнул. Ее движения были так грациозны, так пленительны. Каждым своим мускулом Холройд ощутил ее молодость, невинность, весеннее пробуждение женского начала в каждом движении.

Несколько минут он молча следовал за юной Морой, потом решился задать вопрос:

— Куда мы идем? Что будет со скриром? Ответа не было. Они вошли в лес. Тропа огибала деревья, густые листья которых лишь изредка пропускали косые лучи утреннего солнца. Их окружил таинственный полумрак мира, пронизанного мистической сущностью. Холройд осмотрелся вокруг и снова спросил:

— Как получилось, что я смог долететь до сто-

лицы Пта за один ночной перелет?

— Потом все поймешь сам. А скрир тебе уже не понадобится.

Девушка продолжала идти вперед не оборачиваясь. Холройд стал снова вспоминать бесконечность ночи, сквозь которую перенесла его гигантская птица. В сознании зарождалось чувство приближающейся опасности. Оно возрастало с каждым шагом. Стало казаться, что в любую минуту может произойти непредвиденное. Неужели эта женщина заманивает его в ловушку?

Размышляя об этом, Холройд следил глазами за изящными движениями бедер, грациозной походкой спутницы. Потом перевел взгляд на свои ноги и решился задать еще один вопрос:

— Куда... — подняв голову, он увидел маленький домик, стоявший в дальнем конце поляны, залитой лучами утреннего солнца. Здесь царили тишина и спокойствие. Наверное, это именно тот домик, который промелькнул перед его глазами при посадке скрира. Продолжать вопрос не было смысла.

В домике тоже было тихо. Девушка прошла через открытое пространство и перешагнула порог. Постройка, в которую она вошла, была из теса-

ных бревен и произвела на Холройда хорошее впечатление. Подойдя ближе, он решил, что здесь жили приятные люди, все казалось ухоженным, опрятным, без каких-либо излишеств…

«Жили… Почему нет хозяев сейчас? О коврик на пороге, кажется, давно никто не вытирал ноги. Неужели и в доме жизнь замерла?» — с этой мыслью Холройд заглянул внутрь и снова увидел девушку Мору.

— Я рада, что ты не решаешься входить сюда. Постарайся понять меня. В замке Линн Пта надо было заманить в темницу. Только так можно было разбудить сознание Холройда. Теперь я всегда буду идти первой туда, куда позову тебя. Будь уверен в этом.

«Действительно, все произошло так, как она говорит. Но зачем они пришли сюда?» — подумал Холройд, шагнул вперед и осмотрелся.

Обстановка в комнате была более чем скромной. Три стула, стол, сундук, ковер на полу… На потолке деревянный светильник… В дальнем углу какой-то помост, из центра которого торчит металлический стержень… Он окружен тусклым фиолетовым ореолом…

Холройд понял, что девушка перехватила его взгляд.

— Это молитвенный жезл, — сказала она. Молитвенный жезл… Источник божественной силы Инезии…

Холройд подошел к помосту и сконцентрировал мысли на желании понять назначение жезла и возможность его использования. Но сознание молчало, он растеряно взглянул на девушку и догадался, что та продолжала говорить все это время не останавливаясь:

— Родители Моры уехали в город. Пта, мы здесь одни. Ты и я впервые одни.

Заметив, что он теперь слушает внимательно, красавица продолжала:

— Время не имеет значения. Его прошло столько, что я умирала сто миллионов раз ради тебя. Сегодня ты будешь со мной, как с крестьянкой Морой, завтра — как с прелестной горожанкой из серебряного города Триа, которую увидишь на улице. В следующий раз заключишь в объятия придворную красавицу. Но каждый раз это буду я, твоя счастливая жена. Все будет так же, как и в далеком прошлом. Все повторится… Если только нашему счастью не помешает коварная Инезия.

Последние слова Холройд почти не расслышал. Но все, что она сказала, вошло в мозг. Значение слов было мало понятно. Не смог он определить и

смысл знаков на помосте, рядом с молитвенным жезлом. В голове была одна мысль, достойная только солдата Второй мировой войны. И Пта-Холройд произнес:

— Неужели тебе будет приятно, если я стану наслаждаться с другими женщинами…

Пленительное выражение лица Моры сменилось разочарованием:

— О, Пта. Неужели ты так изменился. Неужели сейчас ты считаешь, что в прошлом нам было плохо? Что мы не были счастливы тогда? Ты же всегда был таким раскрепощенным. И я не противилась твоим желаниям. Исполняла волю мужа всегда так, как он этого хотел.

На эти слова трудно было ответить. Если это было так, то она обиделась не напрасно. Можно было услышать любую отповедь на такой бестактный вопрос, но эта просто обезоружила солдатскую логику американца. Женщина, которая способна из любви выполнять любые прихоти супруга, даже самые абсурдные — богиня.

«Лоони! Лоони считает своей чужую плоть. Ее настоящее тело заковано в темнице дворца Пта. Узница хочет получить хоть немного удовольствия, если все ей не доступно», — подумав так, он произнес уже вслух:

— Послушай, неужели ты перенесла меня сюда только для того, чтобы заниматься любовью? Но сначала я хочу узнать, как ты это сделала. Почему скрир летел именно туда, где была только крестьянская девушка Мора? И объясни мне, будь добра… тот карлик, который хотел управлять полетом скрира… Тар… стрела в спине, это случайно или…

— Все объясню, — ее голос прозвучал резко. Все… по порядку… сначала ты узнаешь о молитвенном жезле. Ты хотел понять, как он действует.

Холройд заметил, что свечение вокруг жезла усилилось. Он действительно из металла. Вроде бы из обычной стали. Память явно свидетельствовала, что это первый металл, который попался на глаза со времени пребывания в Гонволейне. И он произнес уверенным голосом:

— Говори, я слушаю!

Девушка сейчас была серьезной, но от взгляда Холройда не ускользнул мимолетный смешливый прищур темных глаз. «Надо быть настороже с этой красоткой. Женский характер не поддается анализу мужской логики». Так он думал, инстинктивно ощущая, что девушка тоже в уме оценивает возможные варианты его поступков.

Очевидно, она не боится его, если в ее глазах неуловимо-насмешливый вызов. «Твои опасения смешны, парень. Мы же здесь одни».

Спустя мгновение она шагнула на помост, где светился молитвенный жезл, и молитвенным голосом произнесла:

— Возьми мою руку. Я покажу, как молятся крестьяне. Очень важно, чтобы Пта научился делать это именно здесь. От миллиардов подобных молитвенных жезлов этот отличается тем, что способен установить наличие божественной силы в молящемся.

Холройд молча кивнул. Говорить не было смысла. Он чувствовал, как воля и понимание растут. Теперь он был уверен, что не совершит неверного шага, не поверит чьим бы то ни было интригам, избежит сомнительных соблазнов. Он шагнул к ней, но внезапно остановился.

«Надо еще несколько дней, чтобы понять происходящее, определить, как надо действовать». Сознание подсказывало также, что Лоони понимает, почему он не решается подойти поближе.

Девушка поспешила навстречу и нетерпеливо произнесла:

— Не будь глупцом. Нет времени ждать. Промедление может все погубить.

Это могло быть верно. Любая ошибка увеличивала опасность, могла помешать достижению цели. Не в характере Холройда было пассивно ждать, чем же закончится трансформация его сознания. Сопротивляться девушке, которая влекла его к жезлу, не было смысла.

— Идем, — говорила она. — Тебе не надо будет ничего делать. Ты должен просто научиться этому.

Ее руки были сильны, но Холройд стоял на месте.

— Мне кажется, что прежде, чем совершить что-то другое, следует отправиться в столицу Пта, — произнес он, и, высвободив свою руку, молча пошел к двери.

Проходя поляну, он дважды обернулся. В доме не ощущалось никаких признаков жизни. Кругом было так тихо, как могло быть только в могиле. Это ощущение еще больше усилилось, когда Холройд-Пта шагнул в тень густой листвы.

Глава 7
ПРОСТРАНСТВО ТЬМЫ

В джунглях было душно. Тяжелый влажный воздух, полумрак и тишина угнетали. Он хотел быстрее избавиться от неприятных ощущений и непрерывно шел на запад, не выбирая дороги. Взобравшись на высокий холм, где почти не было деревьев, он остановился. Впереди было видно бесчисленное множество таких же холмов, возвышавшихся над джунглями. Город Пта не был виден. На севере была видна еле различимая темная полоса. Это море, догадался Холройд.

Затем он увидел, что, спустившись с холма, можно попасть в большую долину, где нет зарослей пальмовых деревьев. Там…

Там был огромный военный лагерь. Всюду много воинов, животных… и женщин.

Присутствие женщин в армии сначала удивило. Затем он сообразил, что это огромное войско не на маневрах. Это — поселение, где семьи некоторых воинов живут в постройках, похожих на казармы.

Повсюду можно было видеть, как происходят

учения отдельных подразделений. Вот равнодушно галопирует слоноподобная кавалерия. Всадники держат перед собой длинные пики, и главная их забота — не нарушить строй. Будничная картина надоевших всем маневров, без которых немыслима регулярная армия. Издалека было видно, как отдельные всадники покидают свои отряды, подъезжают к женщинам, но затем возвращаются в строй. Это нарушало стройность рядов, но было по-человечески объяснимо. На дальнем краю долины виднелись другие казармы, рядом с которыми маршировала пехота.

Путь на запад лежал через эту долину, кишащую воинами. Холройд решил, что надо идти дальше и вести себя как Пта. А, может, на него просто не обратят внимания. Вся долина протянулась миль на пять, и пройти ее можно часа за полтора, если не останавливаться.

Он прошел треть пути и приблизился к группе мужчин и женщин, готовивших пищу, когда сбоку услышал тяжелый топот целого строя всадников на грузных животных-гримбсах. Первая шеренга остановилась в десяти футах от него. Всадники с насмешливыми улыбками следили за Пта-Холройдом. Тот, который был одет лучше всех, поднял руку и, отделившись от строя,

направил своего гримбса к Холройду. Лицо его вытянулось в изумлении. Он снял шляпу, украшенную цветными перьями и, взмахнув ею, прокричал:

— Принц Инезио! Ваше удивительное посещение нашего полка вдохновит всю армию. Один, без свиты. Это подвиг! Разрешите информировать маршала о вашем визите.

Он умчался прочь, оставив Холройда посреди огромной толпы мужчин и женщин с мыслью, что кроме статуи во дворце на него похож еще человек по имени Инезио… Принц Инезио. Такое сходство тревожило.

Холройд попытался оценить положение, в котором он очутился. По всей долине маневрировали отряды наездников и пеших воинов. У каждой казармы выстраивались шеренги. А вокруг собралась масса мужчин в шляпах с перьями и женщин. Значит, это офицеры и их жены. Путь на запад перекрыт.

Ничего не оставалось иного, как играть роль принца Инезио. К тому же, здесь можно изучить, на что способна такая армия, как надлежит ею управлять. А затем… Вперед на завоевание Нушрвана!

Внезапно он осознал рискованность своих пла-

нов, но нетерпение нарастало. Он был возбужден возможностью приблизиться к цели.

Почти наверняка он похож на принца Инезио не только внешне, но и голосом, манерами. Но главное в другом. Он был Пта. Трижды величайшим Пта. Пта всего Гонволейна. Осознание близости к богу гулко отозвалось во всех уголках его тела.

Холройд надменно окинул взглядом окружавших его женщин, офицеров, ждавших распоряжений главнокомандующего, и самоуверенным тоном произнес:

— Готовьтесь к войне. Я буду наблюдать за маневрами. Продолжайте!

По реакции окружающих он понял, что эта фраза прозвучала убедительно. Это сказал не Холройд, а Пта. Скорее, это сказал высокомерный принц Инезио. Пта становился все мудрее, набирался опыта и шел к цели.

Толпа вокруг вела себя естественно. Молоденькие и миловидные жены офицеров смотрели на принца с нескрываемым любопытством. Высокий мужчина средних лет в шляпе с десятью белыми и пятью красными перьями вышел вперед и с достоинством произнес:

— Мы все польщены, повелитель. Я сохранил

в памяти тот день, когда был представлен вам во дворце. Разрешите напомнить мое имя — маршал Нанд. Все 9430 усиленных корпусов, которыми мне поручено командовать, готовы хоть сегодня отправиться к границам Нуширвана.

Его речь продолжалась. Холройд хотел ее дослушать до конца, но не мог. Всплеск личности Пта начал быстро угасать, а мысль Холройда закружилась в водовороте подсчета численности армии.

«Девять тысяч четыреста тридцать армейских корпусов. Если в каждом от сорока до девяноста тысяч человек, как было раньше (а в этой долине, кажется, маршируют больше ста тысяч человек). Даже если всего сорок тысяч, то во всех корпусах наберется четыреста миллионов воинов. Это трудно представить».

Шоковое состояние проходило. Наверное, для страны с населением в пятьдесят четыре миллиарда человек это не очень большая армия. Даже Нуширван, с его пятью миллиардами населения, был способен вывести на поле боя миллиард своих воинов. Холройд пытался сдерживать учащенное дыхание. Его переполнил восторг полководца, получившего в подчинение армию, возможности которой невообразимо велики.

Надо подумать о тактике блицкрига. Скриры — авиация. Гримбсы — танки. Пехота способна захватить любую территорию противника.

С каждой минутой неведомая и огромная страна становилась все более понятой. Здесь можно не умирать, а жить вечно. Он должен жить в этой стране, Холройд-Пта, божественный правитель Гонволейна.

— Ваша светлость, извольте последовать за мной. Если Вам будет угодно, я распоряжусь провести парадное перестроение всего корпуса. Если это доставит Вам удовольствие, то каждый из трехсот пятидесяти тысяч офицеров и солдат…

— Из скольких? — тихо спросил Холройд. Сознание снова захлебнулось грандиозностью прозвучавшего числа воинов. Мозг снова отказывался воспринимать информацию. Он ошибся ровно в девять раз. В армии Гонволейна может воевать три с половиной миллиарда человек. В год смерти Холройда на всей планете жило почти в два раза меньше людей.

Величайшая армия могучего государства. Его армия. Его земля. Надо только завладеть ею до конца, спутать планы богини. Овладеть тем, что принадлежит ему по праву.

Где-то сзади, за спиной, раздался мягкий жен-

ский голос:

— Я здесь, Пта, в новом теле. Чтобы помогать… советовать тебе…

Эти слова произвели странный эффект. Появилось чувство абсурдности происходящего. Питер Холройд, простой американец, демократ и вдруг владыка мира. Чертовски недемократический бред. Сможет ли он убедить свое второе «я» отказаться от таких намерений. Сомнения охладили разум, и Холройд угрюмо взглянул на новый облик Лоони. Теперь она была в пухлом теле женщины среднего возраста. Он не успел ничего произнести в ответ и снова услышал ее шепот:

— Я — жена маршала Нанда. Та, что слева, его любовница, не обращай внимания. Пта, армия должна быть преобразована. Раньше женщинам не разрешали жить вместе с мужьями. Но Инезия решила уничтожить тебя и привела все войска в такое состояние. Многие офицеры понимали, что это расхолаживает солдат и продолжали проводить учения. Дисциплина в армии не так плоха, но Инезия не знает об этом.

— Моя дорогая, — раздался голос маршала, не отвлекай его высочество от государственных дел.

— Я говорю принцу Инезио очень важные ве-

щи. Правда, Ваша светлость?

Улыбнувшись, Холройд кивнул. Он вдруг почувствовал вернувшуюся уверенность. Ответ женщины был дипломатичен и вполне удовлетворял окружающих. Это была жизнь, открывающая каждый миг очередную грань своего многообразия.

В действиях Лоони было много такого, что не нравилось. Но она пыталась помочь ему.

Надо снова попытаться оценить все происходящее, понять логику развития событий. Ее тело, ее настоящее тело, заключено в темницу, оковано цепями. Но она до смешного просто попадает в другое тело. Из-за нее Пта должен идти на риск. Нет, ему еще многое неясно, так же туманно выглядят мысли о нападении на Нуширван. Где тюрьма, в которой заключена Лоони? Почему она не все может говорить ему? Кто мог запечатать уста богини?

Действительно, до нападения на Нуширван еще далеко. Но… оно возможно. Дорога к цели казалась открывшейся на долгое время. Возможно, сознание противится действию из-за сочувствия и уважения перед истинным телом Лоони. И вновь зазвучал ее голос:

— Пта! Ты не должен оставаться здесь. Ты уви-

дел все, что имеет решающее значение. Ты уже знаешь главные недостатки армии. Дисциплина падает потому, что в каждой солдатской хижине есть любовница, офицеров отвлекают от дел жены. Богиня Инезия хочет уничтожить тебя. Теперь ты знаешь и это. Не теряй время на эту мизерную часть твоей армии. Клянусь тебе, каждый час, каждая минута твоей жизни важны.

Помни, Пта, мое тело все время лежит во мраке темницы. Если Инезия увидит мою плоть без души, то сможет уничтожить ее. Тогда вернуть мне все способности сможет только Пта, обладающий абсолютным могуществом. Ради твоего и моего спасения, позволь провести тебя через пространство тьмы. Ты должен познать и ее. Это необходимо для победы над коварством Инезии.

Холройд слушал ее напряженно, но неохотно. Он был почти уверен, что сам смог бы оценить недостатки армии, но услышав последнюю просьбу Лоони, с изумлением повторил ее слова:

— Пространство тьмы!

Она нетерпеливо взмахнула руками.

— Это всего лишь возможность покинуть долину. То, что ты открыл сегодня, можно было узнать еще вчера. Утро началось. Ты узнал, что надо исправить в армии. Знай, что у Инезии

есть человек, необыкновенно похожий на тебя, даже голоса у вас неразличимы. За эти несколько минут я не смогла рассказать тебе все, что должна… Пта, проведи все утро со мной. Выслушай все, чему я должна научить тебя. А затем иди своим путем. Пта, скажи, что ты будешь желать, проходя через пространство тьмы. Ты должен сказать это… Если бы я могла, то заставила бы тебя сказать это немедленно.

Холройд перестал ощущать нерешительность и заинтересовался. Она была права. Из всех проблем, возникших с момента прибытия в Гонволейн, сложнее всего было накопить необходимое количество знаний. Познать сущность этого мира. Внутреннее сопротивление выполнению некоторых желаний Лоони не мешало провести с ней несколько часов в простой беседе. Может, он поспешил в прошлый раз, покинув ее так невежливо в лесной избушке.

В это время маршал Нанд отчетливо произнес:

— Войска построены! Принц, назовите любое подразделение, которое вы желаете увидеть в действии.

Назвать подразделение! Холройд презрительно ухмыльнулся. Только назвать, и все. Произнести его точное наименование по уставу армии

Гонволейна. Только раскрыть рот и продемонстрировать его полнейшее невежество, незнание командующим прописных истин. Он повернулся к жене маршала и поспешно прошептал:

— Я согласен пройти через пространство тьмы. Что делать?

Ответ не прозвучал. Все вокруг исчезло. Сплошная темнота. Она была густой и непроницаемой. Через мгновение он ощутил, что Лоони рядом. Он и эта женщина были тенями в ночи. Тенями темнее кромешной тьмы.

КАК ДАЛЕКО ?

Слова коснулись его мозга, хотя они не прозвучали в ушах и не были адресованы ему. Он не осознал, откуда пришла эта мысль, но она пришла. Все было ясно. Он существовал в этом пространстве тьмы. Его мозг обладал сверхчеловеческими способностями и ждал ответа на вопрос. Сознание звенело, как перетянутая струна.

Ответ пришел издалека. Все пространство и время вздохнули ответной мыслью, отзвуки которой пресытили черный водоворот тьмы, уходя снова вдаль быстрее, чем летели тени мужчины и женщины.

ДАЛЬШЕ, РАБ!

НО ГОДЫ УЖЕ ДЛИННЫ!
ОНИ БУДУТ ДЛИННЕЕ!

Ночь времени углублялась. Века растворились во тьме. К Холройду пришло бездонное чувство, что вечность так же близка, как эта всеокружающая ночь. Он осознал, что сознание женской тени тоже было двойственным. Одна сущность корчилась в бессильной ярости, подчиняя своим желаниям тело, другая была рабски безвольна, зависела от прихоти растущей.

Лишенная даже искорки света, вселенная пульсировала, переполненная страхом, горевшим в угнетенной части ее сознания, потерявшей надежду. Надежда может умереть в этом черном НИГДЕ. Эта мысль пришла резко и отчетливо прозвучала в сознании.

КАК ДАЛЕКО?
ДАЛЬШЕ, ГЛУПЕЦ!
СТО МИЛЛИОНОВ ЛЕТ?
ДАЛЬШЕ… О, ГОРАЗДО ДАЛЬШЕ.

Порабощенный женский ум успокоился, доверился силе, властвовавшей над ним. Длинная ночь завершилась.

Холройд все еще продолжал грезить пространством тьмы, балансируя на грани подсознания и окружающей реальности. Мозг был в смятении.

Что произошло? Он слабо попытался стряхнуть со своего тела что-то лишнее, необычное, раздражающее. Ночь смыла чувство обладания телом, но оно продолжало существовать.

Наконец, он открыл глаза. Тело вовсе не лежало, как ему казалось. Ноги стояли на полу лесной избушки. А рядом стояла крестьянка Мора. В той же позе, в какой он оставил ее несколько часов назад. Мозг Холройда окунулся в воспоминания. Назад, сюда. В джунгли, в знакомый домик на поляне, где не чувствуется жизнь.

Она перенесла его назад — через пространство тьмы. Назад, в прошлое. Но как? И Холройд растерянно спросил:

— Я сплю?

— Это было воспоминание, — спокойно ответила девушка.

Смысл фразы был непонятен. Холройд изучал выражение лица девушки, но оно было бесстрастным. Потом она произнесла:

— Это было воспоминание о том, как Пта был впервые перенесен в Гонволейн. Только с твоего разрешения и очень кратко я смогу показать тебе, что случилось. Ты ведь желаешь познать эту ценную истину.

Холройд не спешил, пытаясь вспомнить все пе-

режитое им в Гонволейне. Наконец он произнес:

— Но и ты была в моем воспоминании! — На мгновение его пронизала уверенность, что он пробил брешь в окружавшей его фантасмагории. — Это ты перенесла меня!

Он замолк и заново попытался представить, как одна часть сознания девушки корчилась от боли, мятежно пытаясь освободиться от влияния второй сущности. Мягкий голос девушки прервал эти мысли:

— Да, я была тогда с тобой. Но не по своей воле. Возможно, теперь ты сможешь представить могущество силы, противостоящей тебе…

Холройд кивнул. Неприятная дрожь медленной волной хлынула по всему телу. Ее объяснения совпадали с догадками, но не воспринимались как реальность…

Женщина, существо из пространства тьмы, властвующее над временем… Богиня Инезия! Да, это точно.

Впервые Холройд полностью осознал, что он действительно должен драться за свою новую жизнь… Уже дерется.

Импульсивно Холройд шагнул к помосту, из которого торчал молитвенный жезл. Подойдя вплотную, он вопросительно оглянулся. Затем

шагнул на помост.

Она кивнула и рванулась вперед. Ее нетерпение заставило Холройда улыбнуться, и он уступил дорогу девушке, как бы извиняясь за то, что в прошлый раз убежал. Уж очень спешила Мора тогда продемонстрировать божественную силу жезла, показать, как он действует. Она не могла знать, о чем думал Холройд уходя, и должна подумать, что Холройд-Пта действительно извиняется. Риск есть, но он неуловимо мал. Девушка хочет помочь, но почему она так нетерпеливо рванулась вперед?

Стоя у жезла, крестьянка Мора говорила:

— Молитвенный жезл имеет большой смысл. Но прежде нужно понять — тебе надо владеть Гонволейном. Пусть тебя не удивляет, что для этого надо покорить Нуширван. Там находится Великий Трон Власти. Раньше он стоял в твоем дворце, в крепости Пта. Инезия перевезла его в столицу Нуширвана по разрешению Нушира. Но это даже хорошо. Ведь все могущество придет сразу, как только ты, Пта, сядешь в него. И в Гонволейн вернется Лучезарный Единственный Пта.

Инезия верит, что сможет уничтожить тебя прежде, чем ты доберешься до Трона и овладеешь им. Пта, умоляю, поверь мне. Только вторжение

в Нуширван во главе самой могучей армии позволит тебе сесть в Божественный Трон Пта.

Девушка умолкла, будто уже не хватало сил произносить слова, отягченные таким глубоким значением. Переведя дыхание, она продолжила с возросшей энергией:

— Пришло время действовать решительно. Нам нельзя останавливаться. Как только ты познаешь действие молитвенного жезла, я объясню, что еще ты должен совершить. Возьми меня за руку.

Холройд осторожно дотронулся до ее ладони и ощутил тепло охвативших его кисть пальцев. Жизненная энергия пульсировала в теле девушки, обволакивая и его плоть, волосы шевелились, будто наэлектризованные. Пришла мысль поцеловать Мору прямо сейчас. Поцеловать! А не сама ли она внушает ему это желание? Неужели это ее мысль через пальцы струится в мозг Холройда-Пта? Да нет, он и сам способен был так реагировать на тело крестьянки.

С любопытством он наблюдал, как девушка коснулась верхушки молитвенного жезла, охватила его пальцами, на мгновение застыла, обернулась и, глядя в глаза Холройду, стала опускать руку, говоря при этом:

— Хочу повторить, действуй уверенно. Ты

практически неотличим от принца Инезио, даже манера говорить, оттенки голоса совпадают.

— Почему…

Холройд осекся, когда пальцы девушки достигли места, где молитвенный жезл соприкасался с помостом. В это мгновение он ощутил, что держится не за теплую руку женщины, а будто за высоковольтный кабель без изоляции.

Тело Холройда-Пта корчилось в конвульсиях. Он пытался высвободиться, но его усилия были тщетны. Телом владела вливающаяся в него огромная энергия. Сознание пронзала острая, как игла, мысль: Обман!

Глава 8
АЛЬПИНИСТ НА УТЕСЕ

Последние несколько дней Лоони в любое время могла увидеть плоть Инезии. Плененной богине достаточно было приподнять голову над каменным полом и повернуться в сторону кресла, где покоилось полуосвещенное тело.

В очередной раз открыв глаза, Лоони увидела слабое сияние золотых кудрей, покрывающих изящный силуэт фигуры. Голова склонена на бок, руки безвольно повисли — души Инезии в теле не было.

Поняв это, Лоони тут же ощутила нарастающее напряжение, словно ментальный ветер всколыхнул полумрак темницы. Его нарастающее давление заполнило все пространство. Темнота растворялась, и неведомая сила прижала цепи, опутавшие ее тело к холодному полу. Ее голова рухнула на камни, только темные волосы смягчили удар.

В этот же момент золотоволосая женщина шевельнулась в кресле. Ее глаза открылись, и улыбка осветила лицо. Инезия посмотрела на

пол, увидела темноволосую красавицу в цепях и произнесла звонким голосом, переполненным триумфом победительницы:

— Милая Лоони, все происходит так, как я задумала. Он считает, что я — это ты. Он позволил взять его душу и тело в пространство тьмы. Чары, не позволявшие показать Пта его путь в Гонволейн, разрушены. К тому же Великий Пта познал могущество молитвенного жезла не так, как надлежит богу — прямым течением. Энергия, способная оживить его память, отфильтрована моим духом.

В камере зазвенел мелодичный смех златовласой богини. Тело Лоони не шевельнулось. Инезия продолжала нарочито громко:

— Я намерена сломить гармонию духа Пта. Уже разрушено три уровня защиты. Еще три слоя чар будет сломлено до нападения на Нуширван. Пта сам поможет это сделать. Последний уровень защиты я способна уничтожить сама, надо только раньше Пта добраться до Трона. Думаю, что ему даже на придется сесть на трон…

Кстати, дорогая, чуть не забыла сказать одну важную деталь. Твое имя включено в список людей, которых казнят по приказу принца Инезио. И Пта подпишет его… Даже если он не решится,

то список заговорщиков сделает реальным нападение на Нуширван…

Лоони уже спокойно наблюдала за выражением лица своей мучительницы. Юное личико златовласки торжествовало. Глаза широко открыты, губы сжаты. Инезия не могла за маской безразличной уверенности в своих действиях полностью скрыть азарт и риск борьбы между мужским и женским величием.

Богиня Лоони поняла, что сломлено только две защиты. Две из семи. Но насколько искусно это проделала Инезия, выдав себя за Лоони? Она позволила памяти Пта начать возрождаться в той области, где не было ощущения противостояния, привлекла его доверие и сняла два слоя чар, хранящих его жизнь. Пта сам пошел по дороге смерти.

Не без усилия Лоони придала своему голосу оттенок насмешливого сарказма:

— Так ты хочешь стать и мною тоже? Несчастная Инезия! Как это трудно — быть двумя богинями одновременно. Я не верю, что Пта уже любил тебя. Ты не способна так быстро снять эти чары без моей помощи. А я тебе не помогала.

Золотые кудри дрогнули.

— Эту неудачу я не собираюсь скрывать. Этот

идиот Холройд — целомудренный моралист.

— Но ведь и Пта был таким. Неужели ты, его жена, забыла это, — голос Лоони звучал увереннее. — Он никогда не соблазнялся телами, украденными тобой у других женщин.

В глазах Инезии вспыхнул огонь, дыхание прервалось. Гнев охватил все ее существо, но это продолжалось недолго. Ответная реплика прозвучала грубо, но не гневно, а с насмешкой:

— Ты, кажется, не осознаешь, что Пта идет к смерти во времена Гонволейна, а его телом управляет разум из далекого прошлого, не принадлежащий богу. Человеческий ум силен, но не настолько, чтобы полностью приспособиться к миру Гонволейна и миновать все ловушки, расставленные мною на пути к цели…

Он проснется завтра с мыслью, что принц Инезио не может не стать любовником Инезии. Он будет думать, что ты изменила планы, чтобы доказать неизбежность войны с Нуширваном. Его психика не устоит перед моим очарованием. Пта овладеет телом, в котором буду я, а не ты. Он познает мои права…

В голосе Инезии появились нотки грусти. Колени сжались, изящные руки судорожно вцепились в подлокотники кресла. Затем она расслабилась

и насмешливо продолжала:

— Неужели ты думаешь, что он способен устоять перед моим желанием. Один, в роскошных апартаментах дворца, окруженный чужим миром. Он будет уверен, что назваться принцем Инезио — единственная надежда уцелеть. Теперь тебе ясно, почему этот идиот стал принцем. И я баловала его настолько, что даже позволила носить мое имя все эти годы. Теперь его сходство с Пта сыграет свою роль…

Лоони, я ухожу. Пора забрать его во дворец принца Инезио. Еще день он будет возвращаться к сознанию. Пусть это происходит там, так лучше. Меня беспокоит уходящее время, но за равновесие Пта-Холройда надо бороться без лишнего риска.

Каменная стена за креслом, в котором сидела богиня Инезия, дрогнула. Ее половинки распахнулись, как ворота и в щель вошли четверо мужчин в темных одеждах. Они молча обогнули кресло и опустились на колени перед златовласой красавицей. Та указала рукой в дальний угол темницы, который скованная богиня не могла видеть. Монахи молча направились туда, пронесли рядом с Лоони безжизненное тело Холройда и скрылись в проеме стены.

Инезия встала и также направилась к выходу, но обернулась:

— Дорогая, я обязана предостеречь тебя от безрассудных поступков. Сейчас мне нужно опираться и на твой круг власти. Поэтому впервые за долгие века тебе возвращена часть могущества. Советую не покидать свое тело. Я буду иногда заходить сюда. Если в этой плоти не окажется души, то она немедленно будет уничтожена. Ты знаешь, чем это грозит. Оставайся хозяйкой своей судьбы. Ты в полной зависимости от сил, которые не вернулись в тело Лоони. А те, которые пришли, угасают с каждой минутой. Лоони не сможет вернуться в свою плоть и умрет в теле, которое не сможет покинуть. Смерть человека страшна агонией ухода из жизни. Ты не понимаешь, что не сможешь вселиться в живое тело любого жителя Гонволейна, тем более из дворцовой прислуги, так, чтобы мне это не стало известно.

… И не питай призрачной надежды на могущество духа Пта. Он сейчас не способен восстановить чары, хранящие божественный дух или воспользоваться какой-либо мелкой оплошностью с моей стороны. На любом шаге по дороге к божественной смерти я смогу уничтожить тело Пта и попытаться повторить попытку в следующем его

воплощении. На этот раз я смогу добиться своего. Я стану единым и вечным правителем Гонволейна. Оставлю тебя с этой приятной мыслью.

Последние слова она произнесла, уже скрывшись в темной щели каменных ворот, которые бесшумно закрывались. Свет в помещении угас, тело Лоони вновь ощутило холод пола и тяжесть цепей.

Она долго лежала без движения, не пытаясь поднять головы. Даже мысли ее замерли. Но в сознании нарастало чувство невозможности бездействия. В висках застучало: «Ты не богиня, а хвастливая дура. Он в апартаментах принца Инезио. Ко мне не вернулось столько могущества, чтобы победить соперницу, тут Инезия права. Но мне хватит сил убить тело Холройда и спасти Пта, чтобы он снова мог родиться с полной защитой».

Тело было покидать намного сложнее, чем рассчитывала Лоони. Усилие сохранить свою плоть в человеческом облике отняло больше сил, чем раньше. Мизерная доля вернувшегося могущества истощилась. В тюрьме было невероятно холодно. Каждая минута жизни, каждый градус теплоты тела требовал расходовать ограниченные возможности. Но она покинула плоть, ощущая свое тело лежащим внизу, в

непроглядной тьме. Глаза, уши, осязание уже не требовалось. Дух снова ощутил великое чувство восторга божественной сутью, бывшей основой ее существования.

Раньше она могла управлять покинутым телом, контролировать его чувства на расстоянии. Но сейчас это было невозможно. Надо рисковать. Лоони, Инезия, Пта находится на грани, отделяющей бога от человека. Пта должен быть спасен любовью.

Пройти сквозь стену было достаточно легко. Дорога была знакома. Как часто в далеком прошлом Лоони проходила через глыбу утеса, вонзаясь в воду, которая принимала тела самоубийц и благополучно выносила их на скалистый берег во время прилива.

Она проникала через гранит медленнее обычного, но чувствовала неотвратимое приближение к воде. Все ближе… ближе. Вот и берег. Вода влекла дальше, там есть человеческое тело. Их там много. Дважды она ошиблась, устремив свой слабый дух к мужчинам. Надо не спешить… С трудом она определила необходимое направление, влечение было слишком слабым. Смерть наступила давно.

Затем… у Лоони появилось тело. Невозможно

было определить, когда погибла девушка, но аура жизни, хранившаяся в клетках тела, была еще сильной, резко отличавшейся от мертвой материи воды, проникшей внутрь организма.

Существо Лоони заполняло мертвые нервные ткани. Тело облегало ее, вяло сопротивляясь приходящей жизни, будто песок поглощал густую жидкость. Смерть для человеческого существа была окончательным исходом. Даже божественный дух мог вернуть жизнь телу только на время.

Как долго лежало окруженное безвременьем тело Лоони на скалистом побережье, определить было невозможно. Время замерло. Истерзанное тело освобождалось от смерти.

Ощущение жизни возвращалось, приходя с каждой волной прибоя, омывавшего девушку. Судорога, пробегавшая по телу каждый раз, эхом откликалась в сознании богини Лоони. Она ждала.

Медленно возникали ощущения острых камней, врезающихся в кожу… галька… песок… брызги, летящие в лицо… Вернулась возможность двигаться. Мышцы рук напряглись, ноги согнулись в коленях. Ощущения человеческого тела пробуждались после смертельного сна.

Последним вернулось зрение. Лоони виде-

ла ночное небо со зловещими облаками. Утес, возвышавшийся почти до облаков. Звезды. Ее тело находилось в глубине лагуны среди острых камней. На другом берегу лагуны виднелись огни ночного города, ностальгически манившие новое тело.

Одна рука все еще полностью была во власти бушующей бездны моря и безвольно колебалась вместе с пеной прибоя. Увидев это, Лоони подумала, что человеческим мышцам не под силу без ее помощи доставить тело наверх утеса. Но выбраться из этой пропасти было необходимо. Она должна убить, чтобы спасти себя и Пта.

Девушка встала на ноги и пошла к месту, где много веков лежало спрятанное оружие. Она не обращала внимание на воду, стекавшую с волос, одежды. Раньше она часто гуляла по этому берегу, когда ей надоедали холодные стены тюрьмы. Здесь всегда были тела утопленниц, которые не успел поглотить древний океан. Как давно она была здесь. Но память сохранила каждый камень, каждую песчинку. Оружие было на месте.

Девушка начала взбираться вверх по острым безжизненным скалам. Ночь продолжалась. Мокрая одежда прилипала к телу. Облака неслись над заливом к северо-западу. Звезды мерцали

холодным светом, а Луна помогала различать щели в граните. Скоро можно будет держаться за лианы, которыми был опутан утес серху. Внезапно ветер переменил направление и облака устремились обратно, темнея с каждой секундой. Они впитывали столько дождя, сколько могли, и возвращались мучить тело. И хлынул ливень… Струи дождя слепили глаза… Сделали тело снова холодным… Руки скользили по камням… Ноги с трудом находили опору… Девушка приближалась к лианам…

Дождь прекратился с первыми лучами восходящего солнца. Зарево над горизонтом еще не согревало, но надежда добраться до вершины утеса в этом теле окрепла.

Самый трудный этап был преодолен, хотя необходимо еще много сил, а тело утомлено. Руки отказываются подчиняться воле. Они боятся возвращения смерти, но надежда не умерла. Даже у самого тяжелого пути есть конец. И он приближается.

Глава 9
ДВОРЕЦ — КРЕПОСТЬ

Время для Холройда остановилось. Он сразу начал бороться, сопротивляясь ужасающей энергии, заполнявшей все тело. Эта необузданная сила исходила с ужасающей неотвратимостью от руки девушки, державшей молитвенный жезл.

Затем пришло понимание, что он лежит на полу огромного зала, залитого солнечным светом. Холройду еще не доводилось видеть таких больших залов. Футов сто на двести, и ни одной опоры для потолка, кроме стен. Но уже через мгновение его поражали не размеры, а изысканное великолепие окружения.

Ослепительный свет из больших окон потоками заливал все пространство. Мебель сверкала безукоризненным лаком. Огненные отблески играли на креслах, шкафах и изящных столиках, созданных умелыми мастерами. Стены, облицованные панелями из какой-то удивительной породы древесины, сияли мягкой синевой. В дальнем конце зала он заметил несколько дверей, каждая из которых вызвала бы восторг у любого

ценителя искусства. Лучи света рисовали на стеклах дверных проемов миражи фантастических деревьев. Что в действительности располагалось за ними, было неразличимо.

Восхищенный Холройд смотрел на иллюзорные пейзажи и только краем глаза ощутил движение в зале. Та, которая шла к нему, была самым главным украшением зала. Юная золотоволосая красавица с голубыми глазами. Ее тело, достойное античной богини, было облечено в снежно-белое платье. Голос оказался сладострастным, но тревожным:

— Инезио! Что произошло? Ты рухнул, как подстреленный врилл.

Ангельски красивая женщина стояла перед Холройдом, ожидая ответа. А он лихорадочно искал в сознании правильную линию поведения, пытаясь сосредоточиться. Мозг уловил имя, которое прозвучало. Он понял, что перенесен во дворец и заменил собой принца Инезио.

Лоони просила действовать решительно. Эта мысль прибавила самообладания, вернула мужество, и Холройд произнес:

— Я просто споткнулся. Извини.

Он встал. Мягкие белые пальцы златовласки помогли принцу. Оказалось, что ее нежные руки

достаточно сильны.

Наблюдая за движениями уходящей девушки, Холройд невольно сравнил пластику движений тела в белом платье с изяществом львицы. Уже в самых дверях девушка обернулась и произнесла:

— Сегодня утром Бенар собирался принести тебе список мятежников, которых надо приговорить к казни. Будь добр, подпиши его. Мне очень хочется покончить со лже-патриотами, ведущими Гонволейн к войне с Нуширваном. Даже с Аккадистраном они не хотят мира. Но об этом поговорим позднее.

Она ушла. Холройд опустил руки, не зная, как удержать красавицу. О чем она говорила? Списки отправляемых на казнь. Мятежники… Мятежники… Война…

Лоони перенесла его во дворец. Он — принц Инезио. Зачем? Предотвратить казнь? Познать новые истины, позволяющие избежать смерти? Одно было ясно. Он во дворце-крепости.

Холройд шагал по роскошному ковру, размышляя о необходимости в очередной раз покориться обстоятельствам. Он должен осознать свое новое положение, выбрать верный путь к цели. Очутившись у дверей, он распахнул радужные стекла, смягчавшие солнечный свет.

Перед ним была терраса, украшенная клумбами пышных цветов, окруженная стриженными деревьями, за которыми виднелись городские крыши. Над головой — чистое голубое небо.

В лицо пахнул теплый ветер, пропитанный ароматом цветов и запахом моря. Больше всего Холройда заинтересовал город Пта. Он заполнял все видимое пространство побережья как слева, так и справа, далеко впереди виднелся зелено-голубой океан. Причудливый силуэт крыш затейливо переплетался с кронами высоких деревьев. Столица Пта утопала в зелени.

Под ногами тоже зеленела мягкая трава. Холройд шагнул на террасу, сделал несколько шагов и заметил тонкий ручеек. Вода весело журчала, струясь по каменистому дну, и бежала вперед. Ветерок уронил в ручей несколько лепестков розового цвета, и Холройд пошел вслед за ними от дворца. Вдруг ручей исчез внизу, забрав с собой розовые искорки.

Трава стала редкой, а вместо плодородной земли вокруг виднелись камни. Холройд осторожно сделал несколько шагов туда, где скрылись лепестки, споткнулся и замер в изумлении. Под ногами разверзлась бездна… Он на краю пропасти.

Опершись на камни, Холройд-Пта следил за уходящим в глубину маленьким водопадом. Сколько лететь лепесткам до земли, полмили, милю? Это место могло быть только Великим Утесом. Узкий залив внизу был окружен скалами, и вода в бессильной ярости разбивалась об острые гранитные глыбы. Ни один корабль не мог бы пристать к этому берегу. Уши уловили шум прибоя. Вода пенилась по всей поверхности залива. На противоположном берегу тоже были дома. Это тоже столица Гонволейна или другого города?

Море-океан, Великий Утес, бездна под ногами. Все отпечаталось в памяти и ушло в подсознание. Город. Город. Он был белым… и голубым, и красным, и желтым — разноцветным. Под лучами яркого солнца город выглядел, как драгоценный камень невероятных размеров… Нет, это впечатление обманчиво.

Колокольни, купола, шпили соборов, замки. Их линия изгибалась вместе с берегом океана и уходила за горизонт. Далеко за всеми крышами виднелся и лес. Где-то там домик в джунглях, молитвенный жезл и Мора.

Холройд ухмыльнулся. С этой Лоони надо быть начеку. Дважды она завлекала в ловушку, обещая защищать.

В камень, на который опиралась мужская рука, впилась стрела. Она как бы прилипла к чему-то липкому, но все же не удержалась и, набирая скорость, исчезла в бездне пропасти. Холройд взглянул вниз и застыл в изумлении.

Футах в пятистах от края террасы, цепляясь за сплетения лиан, карабкалась человеческая фигура. Рука соскользнула с камня. Это спасло Холройда. Не пригнись он сейчас, вторая стрела попала бы в голову. В него стреляла молодая, довольно высокая и худая брюнетка.

Шок прошел. Холройд-Пта внимательно следил, как женщина цепляется за корни, лианы, выступы утеса, неумолимо приближаясь к нему. Лук, выпустивший стрелы, был перекинут через плечо и не представлял опасности. Широкий кожаный пояс обвивал талию женщины и держал ножны с кривой саблей. Телу Холройда передавалось каждое усилие чужих мышц, пальцы искали малейшей опоры на отвесной скале. Мозг ощущал жажду к жизни, пронизавшую тело женщины.

— Кто ты? Чего хочешь? — крикнул Холройд.

Снизу было слышно только хриплое дыхание. Внезапно в мозг вонзилась мысль об одиночестве. Он одинок в этом мире. Она одинока на отвесной

скале. И каждый борется со смертью.

Вокруг все чужое. И город… И море… И дворец. Обернувшись назад, Холройд увидел часть дворца, дверь в роскошный зал. Стены дворца были обвиты такими же лианами, как и утес. Дворец-крепость не был виден целиком. Мешали кроны деревьев. Белый дворец, покрытый зелеными пятнами. Никаких признаков жизни, никаких звуков. Дворец-призрак. Старый и мертвый. Только он сам жив. Только он… и эта женщина, которая хочет убить… Все остальное нереально.

Посмотрев в бездну, Холройд увидел, что нападавшая отдыхает на выступе скалы и внимательно смотрит вверх. Их взгляды встретились.

— Не удивляйся моему появлению. И прости. Именем бога Пта, прости меня. Я думала, что ты стражник. Я очень устала, и глаза обманули меня.

Холройд улыбнулся. Бессмертный Пта не боится стрел. Зачем эта отважная мученица хотела убить принца Инезио? Почему она извиняется?

Мужчина и женщина следили друг за другом. Она уже была футах в десяти. Грязная, исцарапанная. Жалкое существо в серых шортах, изорванной блузе, водорослями во всклокоченных черных волосах. Брызги водопада попадали

на камни, которые предстояло преодолеть женщине, делали их скользкими. А силы у нее на пределе.

Холройд нахмурился, что с ней делать? А если она снова начнет стрелять? Тело Пта не погибнет, но психика Холройда не утратила инстинкт самосохранения. Ему будет больно.

Женщина достигла границы, отделявшей отвесную стену от террасы. Холройд спокойно произнес:

— Будет лучше, если ты бросишь наверх свое оружие. Лук мешает тебя вытащить. Быстрее. И не бойся. Я помогу.

Женщина уверенно ответила:

— Саблю не отдам. Лучше прыгнуть вниз с Утеса, чем живой попасть в руки дворцовых стражников. Я брошу тебе лук и стрелы. Ты будешь в безопасности. Но сабля будет у меня.

Взяв лук и стрелы, Холройд хотел положить их подальше от края пропасти, шагнул в сторону и сообразил, что женщина уже стоит рядом.

Странная брюнетка не знала равных по ловкости передвижения. Каждый жест был быстр и точен. Она устремилась к дворцу, но это оказалось лишь попыткой скрыть от глаз мужчины попытку вытащить саблю из ножен. Холройд

отпрянул в сторону, выронил лук, рассыпал стрелы по траве. Одним движением женщина сбросила сразу все стрелы в пропасть и бросилась к своему врагу. Худое тело извивалось, пытаясь вонзить оружие в сердце Пта. Попытка не удалась. Холройд уклонился и сделал попытку схватить яростную фурию.

К его изумлению, попытка оказалась неудачной. Женщина также смогла ускользнуть от быстрых рук Холройда-Пта, который вдруг осознал, что сабля не металлическая. Неужели она из дерева? Полированное дерево!

Такая мысль на мгновение ослабила внимание. Острие вонзилось в правый бок. Холройд почти не ощутил боли. Он инстинктивно схватил кривое лезвие и вырвал саблю из рук нападавшей.

Перед ним уже стояла не яростная фурия, а женщина, изумленная всем происходящим гораздо больше самого Холройда.

— Магический укол… Он не убил тебя, — смущенно бормотали ее губы.

— Какой укол?

Холройд уже не ждал ответа на свой вопрос. Лезвие сабли пульсировало в его руках. Оно было живым. От сабельного клинка исходил поток, напомнивший тот, который вошел в тело Пта

через руку Лоони от молитвенного жезла. Острый конец сабли еще находился в теле Пта, и это место пылало огнем. Бросив саблю на камни, Холройд-Пта рванул на себе одежду и посмотрел на место, где должна была зиять рана. Увидев, что кожа цела, он перевел взгляд на саблю. Женщина взяла ее за рукоятку, вложила в ножны. Затем сняла пояс и бросила его вместе с ножнами вниз. Магическая сабля вернулась к подножию Великого Утеса.

— Слушай внимательно, — произнесла она, — магический укол должен был убить тебя. Но ты жив. Значит, некоторые женщины Гонволейна долгие века хранили веру в могущество Пта и сейчас молятся у своих жезлов. Правда их мало. Много времени прошло с тех пор, как жены перестали молиться за жизнь своих мужей. Но некоторые любят их и молятся за тебя, Великий Пта. Это дает им новую надежду. Пта, не забывай об этом, ты должен…

— Пта! — повторил Холройд. До этого момента он считал, что женщина пытается убить принца Инезио. Как настоящий принц должен реагировать на имя Пта? Теперь каждая травинка здесь знает его тайну.

Незнакомка пыталась убить Пта! Это потрясло

сознание. Мозг отказывался понимать происходящее. Он смотрел женщине прямо в глаза и молчал. Наверное, выражение его лица выглядело очень глупым, потому что он услышал:

— Не делай больше глупостей. Можешь убить меня хоть сейчас, но это ничего не даст… Очнись… и слушай.

Я могла бы… помочь тебе. Но не здесь, и не сейчас. Я должна покинуть тебя… Если ты дашь мне документы, написанные перьями скрира.. Они там…. в апартаментах принца. Иди за мной.

Холройд шел, будто во сне. Женщина знает, что говорит с Пта. Она хотела убить Пта. Она точно знает, что надо делать Пта. Она способна подчинить Холройда-Пта своей воле.

Незнакомка шла быстро и немного опередила Холройда. Когда он вошел в зал, женщина уже держала в руках лист плотной бумаги, украшенной гербами, чудную стеклянную ручку в форме пера и массивный металлический перстень.

— Надень это, — сказала она, протянув Холройду перстень, — это большая печать принца. Она дает власть над людьми, вторую по могуществу после Инезии.

Кто эта незнакомка, зовущая богиню просто по имени? Как вести себя с ней? — Так думал

Холройд, приняв перстень. Мозг продолжал анализировать ситуацию.

Это не Лоони. Она ведет себя слишком просто, не так, как прежде.

Женщина написала что-то стеклянным пером на бумаге с гербом и спокойно произнесла:

— Поставь печать вот сюда.

Холройд взял бумагу в руки и молча исполнил просьбу, но ощущение опасности не покидало его. А вдруг женщина, знающая о нем больше других, подослана со злым умыслом? Нельзя позволить ей уйти просто так. Кто она? Это надо выяснить прежде, чем документ попадет в ее руки.

Гулкие шаги раздались за стенами зала. Женщина выхватила документ, метнулась к двери, ведущей на террасу, распахнула стеклянные створки и быстро заговорила:

— Прости, Пта, что успела сказать так мало. На моих устах печать, запрещающая раскрыть тебе…

Она стояла между двумя фантастическими деревьями. Высокая, худая, в грязных лохмотьях, совсем чужая среди дворцового великолепия. Голос снова вернулся к ней.

— Пта, будь осторожен! Ты пока не способен до конца осознать опасность ее поступков. Если

сможешь познать все могущество божественной силы, то поймешь и свою личность. Только тогда сможешь делать все, что захочешь сам. И с ней тоже. Но ты должен познать могущество первым. Думай…

И снова она онемела, виновато улыбнувшись. Потрясла головой и, преодолевая невидимое сопротивление, продолжала:

— Видишь, здесь я не могу тебе больше помочь. К тебе идут. Удачи, Пта.

Дверь на террасу закрылась, и в эту же секунду раздался стук в другую дверь.

Раздражение охватило мозг. Кто посмел его беспокоить. Он — Пта. И он сам решает, как поступать, что делать, каким путем идти. Холройд — это Пта. Любая победа Пта будет и его победой. Он обязан победить.

По телу пробежала дрожь, которую остановил второй стук в дверь. Холройд почти крикнул:

— Войди!

Вошла высокая плотная женщина в одежде воина. Отсалютовав копьем и щелкнув пятками сандалий, необычная стражница доложила:

— Великий принц Инезио! Купец Миров заявил, что прибыл сюда по желанию богини и просит принять его немедленно. Приказывайте.

Холройд стоял посреди зала невозмутимый и чувствовал, как тело наливается сверхъестественной силой. Решив, что возможности Пта сейчас не понадобятся, он жестом приказал открыть дверь.

Купец? Чем торгует? Посылая сюда Холройда-Пта, Лоони наверняка знала, что принц встретит купцов. Значит, из общения с ними можно узнать что-то важное о Гонволейне, о пути достижения цели. Он будет познавать мир.

Глава 10
КНИГА СМЕРТИ

В коридоре послышалось хриплое сопение и шаркающие шаги. Звуки приближались, и вот на пороге появился тучный мужчина, явно страдающий одышкой. С грацией слона он раскланялся, прошлепал несколько шагов по ковру, низко склонил голову и забубнил, не поднимая глаз:

— Принц Инезио! Ваше Высочество!

Холройд холодно глянул на толстяка.

— Ну?

Дверь в зал закрылась, и с пришедшего вмиг слетело подобострастие, будто он получил разрешение снять маску и показаться в истинном облике. Однако голос его не претерпел особых изменений и сохранил интонации просителя.

— Мой повелитель! Вы всегда держите данное слово. Исполните и в этот раз то, что обещали. Уже три дня мне оказывают почести как посланцу Зард. И только сегодня я случайно встретил богиню Инезию. Ее божественность сообщила мне, что Вы сможете уделить мне внимание сегодня. Могу ли я надеяться на это?

— Да, — ответил Холройд-Пта.

Он чувствовал одиночество и безразличие к происходящему. Вникать в тонкости происходящего не хотелось. Смысл встречи с торговцем пока был неясен, надо узнать больше и только потом делать выводы.

Грушевидный субъект расплывался в улыбке.

— Ваше Величество, разрешите сопровождать Вас в торговую палату. Там Вы сможете поставить свою печать на свиток, как положено по ритуалу.

В коридоре Холройд обратил внимание, что дверь в его апартаменты охраняли только женщины. У других дверей охрану несли уже мужчины. Толстяк привел в белую без всяких украшений, в центре которой стояли огромные каменные весы. Рядом стоял человек с носом, как клюв попугая, и манерами подхалима. Он услужливо поправил стул и произнес:

— Ваша светлость! Мы начнем сразу, как только вы займете свое место.

Мужчина начал взвешивать на весах тяжелые коричневые камни, а носатый делал какие-то пометки. Холройд понял, что учитывается каждый кусок, а взвешивается не что иное, как железная руда.

Железо — особая ценность. Вот зачем Лоони свела его с купцом. В Гонволейне нет железа, его привозят из страны, где правит Зард. Из металла делают молитвенные жезлы, поддерживающие и укрепляющие власть богини Инезии. За двести миллионов лет человеческая цивилизация почти исчерпала рудные залежи планеты.

— Где свиток? — спросил Холройд у сопевшего рядом толстяка. Тот растерянно улыбнулся, а носатый учетчик быстро вынул из кармана два свитка сразу и залебезил:

— Благодарю, Высокочтимый принц Инезио, за оказанное доверие. Все сокровища будут немедленно доставлены в казну. Вот свиток для отправки в Аккадистран, а этот — для хранения в покоях Вашей Светлости, как это предусмотрено ритуалом.

Купец Миров провожал Холройда до самых покоев и по дороге бормотал:

— Теперь я уверен, что получу сполна за все железо… Высокочтимый принц Инезио так справедлив… Сегодня же пошлю посыльного к Зард, передать, что Вы дали обещание и сдержите слово, как было всегда… Кого я вижу, военный министр Бенар. Мое почтение и наилучшие пожелания, дорогой Бенар.

Холройд кивком поздоровался с тем, кого торговец железом назвал военным министром. Это был почти старик с темными пятнами под глазами, дряблой кожей и обиженным выражением лица. Министр поприветствовал принца Инезио почти так же сухо, как иностранного торговца. А в мозгу Холройда вязко ворочалась одна из последних фраз Мирова:

— Зард Аккадистранская будет довольна… его обещанием.

Купец остался у дверей, а старик-министр вошел в покои принца вместе с Холройдом и заговорил об угрозе Зард Аккадистранской… угрозе возвращения за обещание… Что было в книжке, которую Тар приносил в подземелье? Зард Аккадистранская незаконно похищала людей? Это был памфлет или памятка солдатам и офицерам?.. Вернет за обещание?..

А голос Бенара все дребезжал над ухом:

— Я рад, что вы согласились. Истребить шайку — единственный способ.

— О чем это ты? — резко спросил Холройд.

Старик вздрогнул, глянул на дверь напыщенно произнес:

— Хирургическая операция необходима. Список уже готов. Туда включены все офицеры, дважды

публично призывавшие к нападению на Нуширван. Каждый случай доказан, и это снимает с нас все обвинения. Казнь — только способ выполнить наши обещания. После такого решения наша армия не станет вмешиваться в конфликт, когда войска Зард захватят всех изменников вместе с семьями.

Равнодушие Холройда будто ветром сдуло. Стало ясно, какую проблему надо решать Пта. Пока еще оставалась неопределенность мотивов поведения, это беспокоило, но желание действовать стало явным. Перед ним во мраке стояла невидимая стена, преодолеть которую можно только разрушив ее.

Военный министр пригласил принца войти в дверь, которую еще не приходилось открывать. В большой комнате, где они очутились, стены закрывали огромные карты. Невольно взглянув на них, Холройд узнал очертания, знакомые по книгам Тара. Стена Гонволейна, стена Нуширвана, стена Аккадистрана. Имел ли хотя бы один из главнокомандующих времен Второй мировой войны такие подробные карты военных действий?

В центре комнаты, на столе, лежала огромная книга. Что в ней? Имена и фамилии призывавших

к войне. Перелистывая страницы, человек-бог анализировал ситуацию.

Зард прислала дары, стоимость которых выражается не только деньгами. В цену входят и те люди, которых она собирается похитить из Гонволейна, причем без развязывания войны. Богиня Инезия предает своих подданных.

Мороз пробежал по телу Холройда. Опасность! О ней предупреждала Лоони и та, которая хотела убить Пта! Он очутился здесь, чтобы принять решение. Лоони считает, что Холройд-Пта не осознает всей ответственности за нападение на Нуширван. И это так. В чем смысл такой войны?

Бенар произнес:

— Как видите, принц, список велик. Мы не забыли никого…

Он ждет благодарности за усердие, подумал Холройд. Напоминает о старании доносчиков, но рассчитывает на похвалу в свой адрес. Как во все времена. Сколько же они вписали сюда имен? По десять колонок на каждой странице, в каждой по сорок имен. Писцы умудрились втиснуть на лист бумаги четыреста жизней. Такой мелкий почерк, что трудно прочесть. И всех их хотят убить! Знает ли военный министр, сколько своих офицеров он собирается отдать палачам?

— Сколько страниц в книге?

— Тысяча восемьсот. Уверяю вас, принц, мы старались. Надо вырвать с корнем всю крамолу. Она слишком быстро размножается.

Сколько трупов? Тысяча восемьсот на четыреста… Только офицеры… Сколько же… Шестнадцать дюймов на десять и еще на четыре… В этой книге шестьсот сорок кубических дюймов мертвецов.

Холройд поднял книгу и ощутил ее тяжесть. Пришла мысль. Непроизвольно его уста произнесли:

— Я беру книгу с собой. Некоторых можно не казнить. Проверка не займет много времени.

Вдогонку Холройду звучал старческий фальцет Бекара:

— Клянусь, Ваше Высочество, имена и доказательства вины офицеров высшего круга власти, старших чинов и всех, кто был вам представлен, проверялись с особой тщательностью. Здесь вписаны только генерал Маарик и полковник Дилин. Применен принцип разумной достаточности.

— Тем не менее, я беру книгу в свои апартаменты. Решение будет принято там. Вас оповестят.

Закрыв за собой дверь, Холройд обернулся и увидел у окна маленький столик, перепол-

ненный яствами. За ним сидела золотоволосая богиня Инезия и ласково улыбалась. Указав на одно из кресел, она произнесла:

— Садись, дорогой Инезио. Я хочу поговорить о новом пути успокоения народа. Министр полиции предложил восхитительный вариант. Надо тебе самому поехать на Нуширванский фронт и объявить о начале войны, но не начинать наступления. Несколько ложных выпадов, два-три боя и мятежники будут удовлетворены. Давай обсудим это предложение за чашкой нира…

Глава 11
ПЕРСТЕНЬ ВЛАСТИ

Улыбка богини опустошила сознание Холройда. Он не сразу понял, о чем идет речь. Но ощущение пустоты в мозгу проходило. Правда, его эмоции были направлены в иное русло. Решительность противостоять казни офицеров сменилась раздражением от бесцеремонного вторжения сиятельной красавицы в его апартаменты.

Память подносила все новые детали пребывания во дворце, складывая, как мозаику, общую картину новой действительности. Он отчетливо представил первую встречу с богиней. Детское личико, миниатюрное тело без малейшего изъяна, голубые глаза. Мантия, величаво плывущая по белому мрамору и коврам. Раньше она казалась фантастическим существом, порожденным игрой воображения. Сейчас она была реальна. За столом сидела живая богиня Инезия и говорила с ним мягким голосом:

— Милый Инезио. Ты сегодня утром очень задумчив. Меня удивляет необычность твоего поведения.

— Я размышляю над предложением министра полиции, — услышал из своих уст Холройд. Он действительно еще не решил, как действовать дальше. Свои слова его удовлетворили. Нужно быть внимательным и осторожным. В голубых глазах, внимательно следивших за каждым его жестом и выражением лица, было отнюдь не детское любопытство. Что-то неуловимо тревожило в облике златовласки. Но что?

Понимание источника тревоги пришло не сразу. «Осторожнее! Ты несусветный идиот! Это не просто женщина! Она обладает огромной властью.»

Но сознание было сковано. Новая ситуация приводила в смятение. Наверное, надо протестовать, не соглашаться с тем, что поступки принца «необычны». Смутное ощущение неведомой опасности не только заставляло трепетать мозг, но и мешало принимать решения. Нельзя долго молчать.

— Ты хочешь послать меня на войну, которая не начинается? Нападение на Нуширван будет ложным?

Наконец он понял, что предложила богиня. Он шагнул к столу, и мозг сразу стал оценивать возможные варианты. Холройд-Пта ощущал, что

появляется возможность использовать ситуацию для достижения своей цели. Контролировать ход событий будет не сложно.

Богиня звонким голосом объяснила суть своих замыслов:

— Я отправлю гонцов во все замки лордов-принцев. Они объявят, что ты со штабом завтра отправляешься на фронт. Всем прикажут поддержать твои планы, призвать и вооружить ополчение. По всем дорогам к фронту повезут запасы пищи, военное снаряжение. Надо убедить народ, что предстоит долгая война. Всех бунтовщиков надо направить на левый флаг фронта, где их уничтожит противник или они сами погибнут во время маршей по горам. Там сотни квадратных канб ущелий, вулканов и никаких дорог. Пойдем, я покажу эти места на карте.

Холройд воспринимал каждое слово, но не совсем ясно понимал, как использовать ситуацию и не подвергаться опасности. В голове ощущался мягкий и теплый туман, пронизывающий радостью и яростью одновременно. Некоторые мимолетные мысли приносили боль, которая затем растекалась удовлетворением. Остальные эмоциональные всплески соединялись в буйство дьявольского восторга.

«Ложная атака на Нуширван… О, Даяна! О, Колла! О, божественный Рэд!.. Нападение на страну Нушира по желанию богини, а не Пта. Надо его готовить так, чтобы никто не догадался, что оно будет настоящим».

Мысли привели к логическому концу и застопорились на этой идее. Изящная белая рука указывала пальцем на его лоб и отвлекала от дальнейших рассуждений.

— Ты их наведешь сам. Пошли, я покажу где это будет.

Рука красавицы парила перед глазами и тревожила. Холройд сдержал порыв отпрянуть назад. Он боялся выдать свои мысли или совершить неверный поступок. Перед ним богиня, чья власть так велика, что даже Лоони, способная владеть временем и пространством, боится Инезию.

Палец коснулся лба!

— ИДИ ЗА МНОЙ!

Холройд не двинулся с места. Их взгляды встретились. Стали различимы мелкие морщинки в уголках синих глаз. Ее изящные губки дрогнули:

— Странно. Ты способен сопроти…

Рука богини опустилась, она почти рухнула обратно в кресло, и Холройд услышал собственный спокойный голос:

— Что случилось?

— Ничего, ничего.

Было неясно, отвечает ли Инезия на вопрос или успокаивает себя, говоря против воли…

Холройд ждал. Происшедшее не было понятно. Откуда этот теплый туман в сознании? Что так поразило Инезию? Может, он начал овладевать могуществом Пта? Пта, вдавленного в личность Питера Холройда. Богочеловек, видимо, не способен совершать чисто человеческие поступки. И ему нельзя приказывать безнаказанно. Но она тоже богиня? Она требовала повиновения принца Инезио, а не Пта. Это не одно и то же. Божественная сила должна понять, с кем она имеет дело. Пта может быть разоблачен. В сознании возник сгусток огня, затем холод пронизал все мысли, и напряжение снялось.

— Инезио, чем ты занимался после того, как мы расстались в последний раз?

Фраза прозвучала резко, и не ответить было нельзя. Голубые глаза излучали искрящийся поток света, озаривший мерцающими бликами все вокруг. Смотреть на богиню было тяжело. Перед ним была голубая вода, смешанная с лучами солнца. Лицо Инезии загораживала пульсирующая стена света, заполнившего все пространство.

Как эхо богине ответил голос Холройда:

— После того, как мы расстались в последний раз… Сейчас вспомню… Я ходил в сад… туда, где ручей… Приходил толстый Миров… Мы считали сокровища, присланные Зард… Потом…

Глаза Инезии снова изменились. Теперь они приобрели цвет моря под небом, затянутым грозовыми тучами и рассекаемым беспрерывными всполохами синих молний. Зрачки смотрели уже не на лицо, а на руки. На его левую руку.

— Кто дал тебе это? — гневно спросила Инезия.

— Перстень?

Холройд вглядывался в перстень с таким же удивлением, как и богиня. Надо было объяснить, но мозг не подсказывал нужных слов. Он неуверенно произнес:

— А разве я сам..

Звонкий женский смех дал понять, что продолжать бессмысленно. Звонкий смех напомнил, что юное лицо и грациозное тело принадлежат той, которая может убить Пта. Она снова прекрасна, и глаза уже не свинцовые, правда, не такие, как при первой встрече. Они сверкают адской яростью, на которую человек не способен.

— Кто дал его тебе? Кто? Кто? — кричала Инезия.

Холройд был потрясен переменой поведения золотоволосой красавицы, но чувствовал, что сейчас он владеет ситуацией. Этот взрыв негодования, демонические глаза и почти истерический крик не подавили волю Пта, и он спокойно сказал:

— Все очень просто. Купец Миров спросил, где моя печать. Надо было опечатать свиток с перечнем даров Зард. Может быть в спешке я перепутал и надел другой перстень.

Он понимал, что ответ не прозвучал убедительно. Кольцо было не в комнате с сокровищами, а там, где его взяла незнакомая женщина, там, где были слитки с именным гербом Пта. Зачем эта странная гостья заставила одеть этот перстень принца Инезио? Оно принесло опасность, гнев богини. Кажется, богиня уже не так разгневана. Глаза снова становятся нормальными, спокойными. Голос тоже прозвучал мягко и без раздражения:

— Прости меня, Инезио! Я не смогла сдержать своих чувств. Есть силы, о которых ты еще не знаешь. Не все мои планы осуществляются, и это слишком взволновало меня. Сними перстень и я возьму тебя в путешествие умов, — она улыбнулась удивительно нежно и продолжала. — А

потом мы будем любить друг друга и расстанемся, как любовники. Ну а пока, положи перстень обратно…

Туда, где он лежал раньше.

Холройд медленно пошел к одним из дверей, открыл их и понял, что интуиция подвела. На столике в этой комнате лежали листы бумаги с гербами. Темноволосая незнакомка взяла перстень здесь. Он закрыл за собой дверь и почувствовал желание убежать отсюда немедленно. Он узнал это ощущение. Так же произошло тогда, в маленьком домике среди джунглей. Словно кто-то толкал в спину. Уходи. Уходи.

Надо брать тайм-аут, оценить ситуацию. Но только не теперь. Позднее. Есть возможность узнать что-то важное. Он решился вновь испытать судьбу, но все еще стоял с перстнем в руках.

Путешествие умов. После него любовь богини. Это будет нелегко. До появления в Гонволейне Холройду было тридцать три года и его фамилия не могла быть занесена в список безгрешных мужчин. Любовь сама по себе не пугала, но почему-то казалась невозможной. Мешал Пта, он всегда был рядом. Холройд желал интимной любви.

«Но если она будет настаивать… Глупости… А

вот путешествие умов беспокоит. Что это означает?...

Инезия говорила, что бунтовщиков поглотят ущелья и вулканы Нуширвана. И потом она сказала... что она сказала?»

Холройд пытался вспомнить, но время работало не в его пользу. Надо было возвращаться в апартаменты, там ждала богиня. Он заметил маленькую нишу в стене прямо над столом с гербовыми бумагами и сунул перстень внутрь.

Глава 12
ВЫРВАННАЯ СТРАНИЦА

Богиня стояла в центре зала спиной к Холройду. И он шел по ковру, спокойно оценив всю прелесть ее фигуры. Глядя глаза в глаза, это не удалось бы сделать объективно. Она была ростом не выше пяти футов. Золотые волосы венчали голову, как корона, придавая величие юной красавице. Шелковистые локоны мерцали мягким блеском. Казалось, она была способна только на детские шалости, не более. Но это ощущение вмиг улетучилось, когда она села в кресло, положив на колени толстую книгу. Там были вписаны имена тех, чьей смерти желала богиня. «Надо быть осторожным», — подумал Холройд и сел рядом с ней в кресло. Равнодушно перелистав страницы страшной книги, она задумчиво глянула на принца и тихо произнесла:

— Инезио, дорогой. Нельзя быть таким нерешительным. Ты еще не подписал список. Жаль.

Холройд хотел как-нибудь ответить на эту реплику, но это не понадобилось. Она продолжала:

— Наверное, ты не понимаешь всю важность

этой акции или плохо знаешь простых людей. Все наше молодое поколение не хранит верности религии. Они ничему не верят, думают только о себе и крайне нетерпеливы. Надо перекрыть этот источник крамольных мыслей, уничтожить всех вождей мятежников, сорвать их планы. Не давать им опоры в психологии толпы. Сейчас есть возможность сделать их виновными во всех бедах.

Инезия говорила долго и старалась убедить Холройда-Пта в том, что все беды от пренебрежения к молитвам, что надо вернуть миллионы людей к жезлам, и жизнь вернется в старое русло. Она убеждена, что мятежный дух отступничества не продержится после казни главарей больше двух поколений.

Холройд спокойно слушал, затем взял кубок, стоявший рядом. Нир был еще горячим, и это доставило удовольствие. Он отхлебнул несколько глотков и удивился — вкус напитка оказался странным. В мозгу стали возникать фантасмагорические картины. Мужчины… Женщины… Их души, раздавленные катастрофой, отброшенные назад, в старые времена. В мрачные могилы, без надежд выбраться из них, пока золотоволосая богиня продолжает жить. Пока замки с принцами и императорами продолжают хранить железную

власть над людьми. Рабство без проблеска надежды. Все это напоминало ад. АД!

Он почти физически ощущал схватку сознания с воображением. Мозг яростно, словно конь, закусивший тугие удила, рвался к познанию истины, которой не было. Ее просто не могло быть. Но он боролся.

Богиня продолжала говорить:

— Наверное, ты прав. Всех сразу подвергать наказанию может и не нужно. Но здесь есть страница, которую тебе следует все же подписать. Инезио, я этого хочу. Это необходимо! Каждое имя, внесенное туда, принадлежит убийце. Пока они живы, законы попираются. Народ презирает мое правительство за нерешительность. Ты подпишешь эту страницу, не так ли?

Холройд не шелохнулся, и она повысила голос:

— Инезио! Не заставляй меня злиться. Ты же знаешь, кто дал власть тебе, всем министрам, принцам и генералам. Правьте народом, но самые важные решения принимать буду я. И это — одно из них. Ты должен подписать этот лист.

Ответ Холройда прозвучал тихо, но уверенно.

— Подумай. Ты хочешь успокоить души, но решение убить столько людей может лишить веры тех, кто еще не потерял ее навсегда.

Инезия вскочила, схватила стеклянную ручку в форме пера скрира, ткнула ею в раскрытую страницу и воскликнула:

— Подпиши здесь!

Она вырвала страницу из книги, что-то написала на полях и подвинула скомканный лист к рукам Холройда.

— Я даю им отсрочку казни на шесть месяцев. Всем! Пиши!

Не выдержав ее взгляда, Холройд взял стеклянное перо, прочитал новую надпись. Действительно, казнь откладывалась на полгода. И он подписался именем Инезио под колонками имен.

Через шесть месяцев он будет сидеть в божественном кресле. Он станет Пта, а может, погибнет вместе с богом. Из тысячи восьмисот страниц он подписал только одну. Пожалуй, это был самый безобидный вариант развития событий. Удалось спасти даже больше людей, чем он рассчитывал.

Палец коснулся лба Холройда. Голос богини снова стал ласковым:

— Пошли со мной, принц Инезио!

Глава 13
ПУТЕШЕСТВИЕ УМОВ

Холройд ожидал чувства боли, но оно не возникло. Текли секунды. В сознании родилось ощущение полета с огромной скоростью. Все быстрее… быстрее… и вдруг остановка, такая резкая, что дыхание перехватило. Он смотрел с высоты на горную страну.

Горы, горы… вулканы. Огнедышащие жерла кратеров извергали клубы грязного дыма в пасмурное небо. Сотни пиков, сотни вулканов… Везде, где глаза видели землю, картина была одинаковой. Из черных трещин в истерзанной земле клубился желтоватый пар.

«Нушрван», — подумал Холройд. Тут же в мозгу появилась боль. Сюда не надо посылать людей. Приглядевшись, он понял, что не совсем прав. Внизу была не безжизненная земля. Склоны гор у подножий зеленели виноградными плантациями, фруктовыми садами. Люди жили в этой стране и не умирали. Достаточно большая армия способна покорить эту страну. Где же жилища? Вот они, у берегов горных рек, в долинах, рядом

с плантациями. А там впереди, на горизонте, большой город. Крыши домов, шпили соборов, башни крепостей. Мозг требовал:

— Надо лететь туда! Сейчас!

Так же мысленно пришел ответ:

— Это невозможно. Я не могу пересечь реку кипящей грязи.

— Почему?

На сей раз ответа не было. Холройд сам пытался понять… Река кипящей грязи! Эти слова породили в голове неприятные воспоминания. Как он не заметил этого раньше. Всю долину, которая была под ними, пересекала змееподобная темно-серая лента, шириной около четверти мили. Армиям, идущим из предгорьев Гонволейна, пришлось бы пересечь ее. Страшная река. Сюда не надо посылать людей. Преодолевая сопротивление, в сознании возникла мысль о мосте. Воображение нарисовало картину, как по понтонам, словно танковые колонны, идут тяжелые гримбсы с наездниками, марширует пехота. Летают скриры. Каждый солдат, и тем более офицер, во Вторую мировую преодолевал еще более опасные реки, да еще под огнем артиллерии и бомбами врага. А в Гонволейне нет бомб и снарядов.

Маршрут путешествия умов проходил вдоль

реки, кипящей грязью. Судя по ощущениям Холройда, они с богиней летали со скоростью не менее четырехсот миль в час. Пейзаж внизу менялся достаточно быстро. Интерес к познанию предстоящего поля боя не угасал. Сначала река текла на запад. Сейчас полет продолжался в северном направлении. Река змеилась, но общее направление движения было почти круговым. Поток кипящей грязи большим кольцом окружал столицу Нуширвана. Для командующего армиями это была ценная информация, но почему этот барьер не может преодолеть Инезия?

Время летело вместе с ними. Солнце уже опускалась за горизонт. Его лучи рисовали отчетливые тени от горных вершин, долины и ущелья погрузились во мрак. Ужасная страна, здесь не хочется жить вечно.

Снова налетел вихрь, такой же, как в начале полета, и Холройд очутился в апартаментах принца Инезио. Путешествие умов завершилось, но тайна реки кипящей грязи не была открыта.

В зале уже было сумеречно. Огромные окна выходили на восточную сторону дворца-крепости. Кресло скрипнуло под весом тела Холройда. Богиня, сидевшая напротив, смотрела на своего спутника с забавной улыбкой на губах. Ее глаза

были безмятежны.

— Ну вот ты и познакомился с окраинами Нушир-вана. От того места, где мы были, недалеко до страны Зард — Аккадистрана. Путешествие умов дало знания, которые будут нужны на войне.

Холройд понимал, что армии Гонволейна, привыкшие к плоскогорьям, не сразу приспособятся к действиям в горах. Но тайна реки его беспокоила. Что из увиденного было новостью для принца Инезио? Что он уже знал раньше?

Принц Инезио задавал богине много лишних вопросов о Нуширване. Она нехотя отвечала. Наконец прозвучал вопрос:

— Эта река кипящей грязи… Почему мы не могли пролететь дальше ее берегов?

Женщина тряхнула головой. Золотистый ореол волос испустил снопы искр. Голос Инезии был нежен и ласков.

— Есть вещи, дорогой Инезио, о которых даже ты не должен спрашивать. Да и мои возможности сейчас не беспредельны.

Она встала. Обошла вокруг стола. Теплые и мягкие руки обвились вокруг его шеи. Сначала губы показались холодными, но они быстро согрелись. Вопросы, роившиеся в мозгу растерянного Холройда, улетели во тьму, которую не освещали

золотые локоны. Он думал:

— Не сейчас. Обдумаю все потом… Богиня…

Холройд взял ручку-перо и начал писать:

«Величайшим могуществом в Гонволейне сейчас обладает богиня Инезия. Перед тем, как был убит Пта, она принесла его сюда. Как это произошло, мне показали».

Написав этот абзац, он почувствовал удовлетворение. Возможность видеть эту истину написанной придавало уверенности. Весь вчерашний день он пытался обрести уверенность в себе. Каждое утро замедляло течение времени. Надо спешить.

Холройд сидел за письменным столом и обдумывал, что надо сделать. Будничная обстановка позволяла не отвлекаться и размышлять спокойно. Казалось, его положение начинает проясняться.

Лоони послали против ее воли вернуть Пта в Гонволейн, и она сделала это. Так все началось. Если все воспоминания записать, то из этой мозаики можно сложить всю картину. Надо писать дальше.

«Вторым величайшим могуществом в Гонволейне, правда, очень ограниченным, обладает Лоони. Она сорвала попытку богини Инезии

лишить Пта защиты от опасности. Как это было, мне показали…»

Холройд перестал писать. Нет, ему не показывали этого, только сказали, и то не обо всем. Он тихо присвистнул и начал писать, макая стеклянное перо в чернильницу и уже не сомневаясь в своих догадках.

«Женщина, которую я принимал за Лоони, конечно же, была Инезией. Значит, то, о чем мне говорила принцесса Гия, крестьянка Мора, жена маршала Нанда — лишь искаженная картина истины, может, даже ее полная противоположность. А та, худая и грязная женщина с темными волосами, которая стремилась убить Пта и не могла говорить обо всем до конца, должна быть настоящей Лоони. Она дала перстень власти».

Холройд бросил перо и вглядывался в написанные слова. Он был потрясен. Тысячи новых вопросов теснились в голове, требовали ответа, приводя в изумление…

«Зачем… Зачем они поступают так, как поступают?»

Ответа на этот вопрос не существует. Инезия не пожелала дать ключ к разгадке всех тайн. Так она и должна была поступать. Пта готовился вновь слиться со своим народом, и он был не глуп. Он

сохранил свою защиту. Защита имеет несколько уровней. Холройд стал их выписывать на листы бумаги.

«Первый: Пта позволил пробудиться личности человека, чье воплощение достигло Гонволейна. Он вернул Холройду сознание. Для бога это слишком низкий уровень. Но Пта пожелал этого. Такова первая защита.

Второй: Область тьмы должна быть показана. Не зная истинного пути, Пта не может быть уничтожен как бог.

Третий: Молитвенный жезл должен дать истинную, чистую силу.

Четвертый:

Путешествие умов раскрыло простую вещь. Богиня не способна пересечь реку кипящей грязи, окружающую трон.

Пятый…»

Холройд задумался. В чем его смысл. Здесь нельзя ошибаться. Инезия добивалась еще чего-то и очень настойчиво…

Домик в джунглях и желание овладеть крестьянкой Морой… И здесь, во дворце, она добилась своего. Холройд понимал, что это произошло помимо воли, но очень естественно. И это понятно.

Секс был великой основой жизни. В мире

людей, если не нарушать гармонии чувств, то женщина становилась богиней, мужчина — богом. В мире, где секс способен на это, он может быть силой, дающей власть над любым народом, даже если в нем пятьдесят четыре миллиарда индивидуальностей. Мужской характер склонен к возданию всяких почестей героям, королям. Они не всегда верят в существование богов, но боготворят любимых. В этом и состоит пятый уровень защиты.

«Шестой:

Он связан с книгой смерти, именами людей, которых так хочет казнить Инезия. Иначе она не была бы так настойчива, когда требовала подписать хотя бы один лист.»

Холройд нахмурился. Озарение пришло внезапно, молнией сверкнув в сознании. Острая боль пронизала тело. Как безумец, он вскочил и заметался по апартаментам принца… Вот эта страшная книга. Все имена по алфавиту. Как мелко написано. Где буква «Л»? Он прав. Страница вырвана здесь. Предыдущая кончается именем Линра, следующая начинается неким Лотибаром.

Он не ошибся. Его заставили подписать приговор Лоони. Мрачный и растерянный, Холройд

старался оценить последствия своего поступка. Только слабая надежда теплилась в сознании. Он все же добился отсрочки казни на шесть месяцев.

Медленно приходило понимание, что не все потеряно. Он еще не садился на божественный трон. Река кипящей грязи не подвластна Инезии. Что же делать с нападением на Нуширван?

Стук в дверь прервал его рассуждения. Женщина-стражник доложила:

— Маршал Горо передает слова почтения принцу Инезио и желает сообщить, что генеральный штаб готов отправиться на Нуширванский фронт.

Надо было действовать так, чтобы найти выход из дворца, не заблудившись в лабиринте его коридоров. Принц Инезио не может так оконфузиться. И Холройд громко произнес фразу, придуманную заранее.

— Пришлите сюда эскорт для торжественного отъезда на войну. Отправление немедленно.

Стражницы бегом удалились, а он вернулся в комнату, где писал, собрал заметки и застыл на месте, пораженный мыслью, пришедшей только сейчас. Мозг медленно наполнялся холодом и решимостью. Он обошел стол, сунул руку в нишу,

где по настоянию Инезии оставил таинственный перстень и спрятал его в карман. В большом зале Холройд забрал огромный том со списком заговорщиков. Книга могла еще пригодиться.

В сознании возник образ бога, способного нести смерть. Проживший столько веков, Пта не мог быть так глуп, чтобы не расставить западню для бунтовщиков. Значит, надо продолжать действовать по выработанному плану, пока не придет более мудрое решение проблем.

Напасть на Нуширван. Захватить так называемый божественный трон, но не садиться в него. Хотя можно и сесть, если не будет другого выхода. Времени мало и пора действовать. Осторожность не выигрывает сражений. К тому же иного плана в сознании просто нет.

Глава 14
ТРИУМФ ЗОЛОТОВОЛОСОЙ БОГИНИ

Ручей струился и пенился. Лоони сидела на траве пытаясь привести в порядок волосы. Мокрая одежда лежала рядом, а худое, долговязое тело, пережившее смерть, переливалось коричневыми и белыми бликами. Рассматривая свое отражение, Лоони удовлетворенно улыбалась.

Тело, которое она заняла почти неделю назад, успело загореть и уже не напоминало о судьбе его прежней хозяйки. Теплое солнце и божественный дух превращали утопленницу в миловидную девушку. Волосы, так тщательно вымытые и приглаженные гребнем, сверкали темным сиянием. Зеленые глаза смотрели более уверенно, и вода отражала их, будто два изумруда, сиявших мягким светом. Лицо…

Лоони вздохнула. Она сделает его получше, но… слишком выступают скулы. Девушка будет выглядеть простушкой.

Лоони все еще вглядывалась в свое отражение, но ощущение присутствия чужого духа внезапно заставило поднять голову. В десяти футах от нее,

над водой из ничего возник голубой смерч. Вращающийся сгусток цвета и света уже отбрасывал тень и становился менее прозрачным, приобретая форму женского тела. Из ничего возникла Инезия. Маленькое, изящное, обнаженное тело пульсировало, проходя материализацию на отмели. Вода у ее ног бурлила. Ручей боролся с новым препятствием нехотя и без надежды на успех.

Не спеша Инезия вышла на берег и села в двух ярдах от своей соперницы. Лоони насмешливо смотрела на золотоволосую богиню, которая презрительно произнесла:

— Дать ему перстень власти, и ты думаешь, что это разумно?

Лоони пожала плечами. Она хотела ответить, но передумала, поняв, что вопрос прозвучал чисто риторически. Инезия пришла не спрашивать, а утверждать. В выражении лица богини кроме безмятежности было и торжество. Поэтому в ответ на вопрос она также спросила:

— Значит, он подписал приказ о моей смерти. Я ждала твоего появления именно сейчас. Сколько моей жизни еще осталось, дорогая Инезия?

Безмятежность богини рассыпалась звонким смехом.

— Неужели ты надеешься, что я отвечу?

— Тогда я буду продолжать бороться, будто этого не случится никогда.

Видеть, как с изнеженного лица Инезии исчезает выражение самодовольства, было приятно. Маленькая, но победа. Она ответила грубо и надменно:

— По крайней мере, истинное тело я могу уничтожить в любое время, если пожелаю. Хоть сейчас.

Чувство победы угасло. Лоони с трудом произнесла:

— Ты хочешь сказать, что оно еще существует?

Она дрожала, похолодев от ужаса. Истинное тело! Глупо даже надеяться спасти его. Сейчас она не может свободно покинуть новое. Ему не помочь. Лоони была уверенна, что ее божественное тело, которое так любил Пта, уже не существует. Поэтому все свои планы она строила, учитывая реальное положение дел… Тело, в котором был полюс божественного могущества, еще не уничтожено. Надо его вернуть, надо действовать быстро и решительно. И она хмуро произнесла:

— Ты умнее, чем я предполагала. Но, дорогая Инезия, тебе не хватило мудрости понять главное. Я буду жить или умру вместе с Пта.

— Вы оба умрете… и очень скоро, — холодно

сказала златовласка. — Пять чар из семи уже разрушены. Кажется, Пта уже чувствует опасность, но это теперь не имеет значения. Он попал в мою сеть, скоро падет и шестая защита. Моя маленькая хитрость сработает, любая его мысль может быть полностью независимой. Тем более, что эта идея уже давно вошла в сознание Пта. Новый план действий для него в действительности не нов. Идея в голове Пта возникла по моей воле, и он осуществит ее через день или два. Ты понимаешь, что все твои надежды на вернувшуюся свободу и крохи божественной силы — напрасны?

Лоони устало села. Беседа с глазу на глаз с соперницей могла вести к победе, и прерывать ее не стоило. Она позволила молчанию продлиться, пока не почувствовала возвращение уверенности. Ее преимущество было настолько мало, что почти не помогало бороться с хитрой соперницей. Неделя, которую она провела у ручья в ожидании визита богини, позволила укрепить новое тело, но подавляла волю. Нельзя было отходить от воды, которая позволяла быстрее и с меньшей потерей сил вернуться в истинное тело.

Помогал и характер Инезии. Она всегда была тщеславной, смешно хвасталась даже маленькими победами, надеясь унизить Лоони. Такие

беседы помогали сохранить волю и силу духа закованной в цепи сопернице, но Инезия не могла отказать себе в удовольствии унизить ее. Так же было и сейчас.

Лоони спокойно сказала:

— Честно говоря, я не верю, что он способен организовать вторжение так, как это надо. Горы, вулканы, совсем не та война, которую он знает. С большими потерями и мучениями ты семь раз попытаешься добраться до трона Пта, и семь раз армия Гонволейна потерпит неудачу.

Инезия нетерпеливо отмахнулась. В ее голове появились интонации триумфа, и Лоони уловила изменение.

— Через день или два, — сказала Инезия, — мой план осуществится. Можешь не сомневаться…

Лоони подумала, что так уверенно Инезия может говорить о будущем только в случае, если оно уже стало прошлым… Или настоящим.

Или настоящим!

— … Во второй день пребывания на фронте Пта собрал десять тысяч маршалов с женами и долго рассказывал, как следует воевать. Я была одной из жен и знаю, что выбранная стратегия должна привести к победе. Он значительно увеличил количество скриров и гримбсов на передовой

линии. Это имеет смысл…

Инезия прервала свои откровения о новой тактике и стратегии армии, улыбнулась и продолжала слащавым голосом:

— Только ты, дорогая Лоони, можешь понять, что это означает. Но твой язык опечатан, не так ли милая? Ты все поймешь, когда услышишь ключевое слово — АККАДИСТРАН. И я тебе говорила об этом раньше.

— Дьяволица! Ты убийца! Это подло! — с яростью вскричала Лоони.

В ответ прозвучал звонкий смех, переходящий в сатанинский хохот. Сомнений в безнадежности души и разума Инезии не могло быть. Золотоволосая богиня, ведущая своего мужа и соперницу по дороге смерти, воскликнула:

— Какие мы сентиментальные! Что можно поделать с этим, если всем человеческим существам судьба уготовила смерть еще раньше, чем они родились.

Инезия разлеглась на зеленой траве, раскинув волосы среди цветов. Ее совершенное тело купалось в лучах утреннего солнца. Глаза, напоминавшие голубые льдинки, смотрели на долину, простиравшуюся до северных холмов. Убегающий в глубину пейзажа ручей был доста-

точно широк. Недалеко стоял огромный скрир Лоони и методично погружал свою голову в поток, каждый раз вынимая серебристо-белую рыбу. Длинная шея птицы при этом резко выгибалась, и улов исчезал в клюве.

Лоони сначала показалось, что она может прочесть мысли соперницы, следившей за птицей. Но затем она поняла: золотоволосая богиня не пытается прогнать птицу, а думает о решении более сложной задачи. Инезия вздохнула и произнесла с досадой:

— Плохо, что Пта инструктировал армию после того, как назначил на высшие посты мятежных офицеров. В его действиях чувствуется уверенность, но и нетерпеливость. Мятежники поверили в серьезность предстоящей войны. Даже я была удивлена его смелым замыслам и манерой отдавать приказы всей огромной армии. Сомневаюсь, что человек Холройд не осознает пределов своей власти. Он наверняка понял, лишь полу-Пта способен был ее получить. Но это уже не важно. Мятежники потерпят поражение благодаря моей небольшой хитрости.

Взгляды женщин встретились. Лоони понимала, что благодушие соперницы не искренне.

— Хитрости? — эхом отчаяния прозвучал ее

голос.

— Вчера он отправился с мятежниками-офицерами и художниками изучать с воздуха район предстоящей атаки на врагов. Они летели на скрирах, рисовали карты и расположение войск. Сегодня они поедут туда же на гримбсах, уточнять детали.

— Но я не понимаю…

— Поймешь, дорогая Лоони, когда я скажу, что два дня назад в руки бывшего генерала мятежников, а теперь маршала Маарика, попали донесения. Их, якобы, принц Инезио написал мне сам. И он уже знает, что настоящей войны не будет. Будет только небольшая стычка, где погибнут почти все мятежники, — Инезия лениво поднялась, сверкнув волосами, и продолжила. — Мятежники сегодня утром начнут действовать… И моя хитрость разрушит шестую защиту Пта. Это случится сегодня утром, а вечером божественный трон будет в моей власти.

— Я тебе предоставила на время определенную власть и свободу. Будь счастлива мыслью, что моя спешка связана с тем, чтобы помешать тебе вмешаться в ход событий и не позволить чинить препятствия. Прощай, дорогая!

Она вступила в ручей и исчезла.

Долго смотрела Лоони в то место, где только что была жестокая соперница. Неделю она дала своему новому полуживому телу, чтобы вернуться к жизни. Какой долгой оказалась эта неделя.

Одеваясь, Лоони размышляла о дальнейших действиях. Пта успел приготовиться к войне раньше, чем она предполагала. Надо действовать быстрее. Ее план помощи Холройду-Пта в осознании истины надо приспособить к новой ситуации. Сейчас главное найти Пта. Где бы он ни был, надо найти его немедленно. Штаб мог быть на центральных холмах, противостоящих Нуширванскому городу Триа. Где-то в этой огромной долине среди огромного скопления людей и боевых животных был Пта. ОН В ОПАСНОСТИ.

Лоони завязала сандалии, жестом подозвала скрира, и через минуту птица унесла ее в небо, на север.

Нападение на Нуширван состоится. Но оно не будет логичным. Месть настигнет владыку Аккадистрана и Нуширванскую армию, которая похищает граждан Гонволейна. Подлости нет прощения. Великая война начнется через месяц.

Потрясение прошло. Мрачный Холройд спокойно сидел на спине гримбса и смотрел на приближавшегося противника, который вовсе не

спешил, видимо, уверен в успехе своего десанта. До первых шеренг оставалось около полумили.

Сегодняшнее могущество бога Пта не способно было изменить ситуацию. Но он не должен попасть в плен. Надо дать понять этим болванам, что Гонволейнской армии необходимо еще три, даже четыре месяца, чтобы подготовиться к победоносной войне среди гор и вулканов. Нужно накопить здесь огромные запасы продовольствия, увеличить в несколько раз число грузовых гримбсов и скриров. Горы можно покорить только хорошей организацией снабжения армии, прочным тылом. Жуткие жерла вулканов, пузырящиеся темные зыбучие пески. Кто из этих новоявленных генералов способен организовать марш миллионов животных с грузом через труднопроходимую горную страну? Холройд засмеялся.

Полковник вновь заговорил.

— Глупо даже помышлять о сопротивлении. Их на пятьсот человек больше. Вы не сможете вырваться из этой западни.

Краем глаза Холройд уловил движение на крутом склоне по правую руку. Всадники уже спускались вниз и исчезали среди зарослей. Маневр, достойный подражания. Слева тоже

перерезали путь в ущелье. Кольцо смыкается. Противник использовал свое численное преимущество наиболее разумно. Они знают, что Пта не будет идти на прорыв со своим штабом. А одному не вырваться.

Изменить ситуацию вряд ли возможно. Холройд еще раз оценил позицию и определил, что есть два варианта поведения. Он развернул своего гримбса и направился к молодому офицеру, который внимательно следил за противником. Офицер заметил это движение и стал следить уже за Пта, при этом он улыбался. Улыбка положила конец надежде на первый вариант. Поэтому Холройд остановился и крикнул:

— Маршал Уубриг, прикажите людям рассыпаться во всех направлениях. Попробуем сбить с толку этих нуширванцев. Может, кто-нибудь и сможет вырваться из кольца.

Все сопровождавшие принца дружно засмеялись, а маршал вежливо ответил:

— Господин, этим людям сложно приказывать. Вы же знаете, в штабе отборные люди. У каждого из них сестра, брат или мать с отцом в плену. Они знают, Нушир недоверчив, и убеждены, что, пожертвовав собой, они погубят и родных. Если же вы сдадитесь, то это другое дело. Подумайте, как

люди с такими мыслями исполнят мой приказ, если он прозвучит громко и от имени великого принца Инезио.

Холройд молчал. Он не знал, как живут родственники мятежников в плену, о чем думают жители провинции Нуширвана, которая раньше принадлежала Гонволейну. Именно эта провинция и послужила началом распри народов. Нельзя не учитывать, что мятежники сейчас так же будут напористы, как немцы во Вторую мировую после первых успехов.

«Нападай на Нуширван» — предложила Лоони. Она действовала коварно. Сначала подала эту мысль, затем пыталась отговорить от нападения, что и дало убеждение в необходимости вторжения. Все ее поведение было обычной хитростью, заставившей Пта самому принять решение о войне с Нуширваном.

Ближайшие всадники были всего лишь в трех сотнях ярдов. Надо торопиться, найти того, кто поможет осуществить второй вариант спасения. Холройд уже открыл рот и хотел подать команду, но заколебался. Все тело ощутило предстоящее чувство, которое Пта хранил в памяти. Он почти физически переживал неприятное ощущение.

Всадники приближались. Оставалось не боль-

ше ста ярдов, и Холройд решился.

— Воины Гонволейна! Кто из вас способен пронзить мое сердце стрелой?

Никто не ответил. Блестяще экипированные офицеры только переглядывались между собой, смотрели на приближающегося противника и не двигались с места. Наконец заговорил тот же полковник:

— Видите ли, принц, мы обещали передать вас живым. Только в этом наша надежда.

Чувство безнадежности положения покинуло Холройда. Он решился. Тело пронизал холод, но похищения Пта допустить нельзя. Другого выхода не было. В прошлый раз смертельный удар привел его в ярость. Как будет сейчас?

Он видел, что полковник держит в руках тонкое копье из прочного дерева с каменным наконечником. Офицер уже знал его желание, но Холройд направил своего гримбса к нему. Борьба между ними была короткой. Глаза полковника широко раскрылись, когда копье было вырвано из его рук, точно у слабого ребенка. Холройд торжествующе вскрикнул, копье в его руках совершило несколько кругов, со свистом рассекая воздух.

Тысяча врагов приближалась. Время неумолимо уходило, и Холройд-Пта с силой вонзил копье

в свою грудь. Наконечник пронзил сердце человека-бога, и в глазах потемнело.

Первое мгновение боль была ужасной. Затем агония прекратилась. Холройд ощущал вес копья в том месте, где оно пронзило кожу. Ощущение было омерзительное, но он терпел сколько мог. Только позволил туловищу откинуться на круп животного и медленно сползти набок. Ноги остались в стременах, а руки по-прежнему крепко держали кожаные поводья. Кто-то совсем рядом разразился отборной бранью, он говорил по-гонволейнски.

— Так вот как вы решили передать принца в наши руки. Нушир отплатит вам за это сполна. Не отпускайте этих грязных предателей.

Голос полковника ответил:

— Мы не виноваты. Вы сами видели, как он отнял у меня копье и закололся. Кто мог подумать, что этот изнеженный любимчик богини поступит таким образом.

Холройд невольно проникся симпатией к этому человеку. Недовольные заговорщики были правы. Какая еще группировка решилась бы восстать против бессмертной женщины, религиозного рабства, поддерживаемого могущественными владыками замков Гонволейна. Каждый, кто

решился на это, был готов к своей смерти и не верил в мужество принца.

Вождь нуширванцев проревел:

— Живого или мертвого, но мы заберем этого наглеца. Пора отсюда уходить. Ждать здесь я не намерен. Вперед!

Холройд слышал, как тяжелые когтистые лапы царапали землю. Гримбс бежал во всю прыть, ломая кусты, не огибая холмы и овражки. В голове кружилась только одна мысль: «Никто не додумался вынуть копье из груди». Оружие болталось из стороны в сторону. Не может же оно торчать весь день в его сердце. Тело и дух Пта должны быть гармоничны, надо что-то сделать.

Полуоткрыв глаза, Холройд смотрел в небо, покрытое редкими облаками. Поза была неудобной и не позволяла расслабиться. Вдруг на его лицо упала тень. В небе летел одинокий скрир с наездником. Если бы этот глупец на птице мог понять, что случилось внизу. Может, он и успел бы прислать подмогу, перекрыть подступы к границе. Но птица продолжала лететь на север и, наконец, исчезла из виду.

Как же избавиться от копья? Холройд стал потихоньку сползать вниз, будто мертвое тело не могло удержать равновесие на широкой спине

гримбса. Он стремился занять такое положение, чтобы рука дотянулась до древка. Затем начал продавливать каменный наконечник глубже. Вернулась боль и отвращение к происходящему. И вот уже копье царапает спину животного. Гримбс споткнулся и сбился с темпа.

Холройд наблюдал сквозь веки за мятежниками, скакавшими рядом. На него обратили внимание. Сквозь боль в мозгу прозвучал чей-то голос:

— Прекратить движение! Эй, ты, вытащи копье. Еще немного и он свалится, а гримбсы затопчут труп так, что никто не узнает принца Инезио.

Омерзительное ощущение исчезло. Холройд ликовал. Вечером он убежит. Темнота поможет обмануть стражников, а силы хватит справиться с десятком людей. Тут раздался крик:

— Командир, смотри! На копье нет крови. Тут что-то не так.

Гримбс остановился. Чьи-то грубые руки стащили тело Холройда на землю и стали ощупывать. Самодовольный голос командира произнес:

— Так я и думал. Нет даже раны. Любовник богини решил пошутить с нами. Вставайте, принц Инезио. Мы знаем, что вы не мертвы.

Не говоря ни слова, Холройд поднялся с земли

и взобрался на своего гримбса.

Все нуширванцы вокруг были рослыми и сильными мужчинами. Многие носили усы или бороды. Отборная группа, подумал Холройд. Они должны были смеяться над неудачной хитростью принца Инезио. Но никто не смеялся. Все смотрели на принца с удивлением, но никто из этих силачей не хотел встретиться взглядом с Холройдом.

Отряд снова двинулся в путь. Странная реакция на оживление человека, чье сердце было пронзено копьем. Надо сделать их своими друзьями. Но как? Поведение незнакомых воинов не было естественным и предсказать их поведение трудно.

Длинная колонна гримбсов преодолевала вершину очередного холма. Кто-то подал Холройду плетенную корзину с фруктами, другие пленники еды не получили. В корзинке было три вида фруктов. Один из них был незнаком. Круглый плод со шкурой красного цвета, которая снималась как с банана. Толстый, мягкий, около трех дюймов в диаметре. Вкус, как у винограда, и совершенно без запаха. Ни хлеба, ни другой пищи, кроме фруктов, в корзинке не оказалось.

Увидев, что к нему приблизился нуширванский офицер, Холройд протянул ему корзинку и с

улыбкой произнес:

— Если хотите есть, то берите это. Я могу обходиться без пищи… — он сделал паузу, улыбнувшись посетовав на забывчивость — … около семиста лет.

— Пошел ты в Аккадистран! — выругался офицер.

Уже смеркалось, а караван пленников все шел вперед. Холройд так и не притронулся к пище. Голодные люди в ней нуждались больше, чем полубог. Но поделиться фруктами можно было только с гримбсами. Холройд обратился к тому, чье имя успел узнать в пути:

— Генерал Ситейл, известно ли вам, сколько времени осталось до реки кипящей грязи?

Худой мужчина, лет сорока, с ястребиным носом неохотно ответил:

— Мы достигнем ее раньше, чем стемнеет. Через реку перекинуто двенадцать мостов. По одному из них мы переправимся. Тогда до города Триа останется восемь канб.

Холройд спокойно кивнул в знак благодарности за исчерпывающий ответ. Но в мозгу возникло ощущение беспокойства. Что означает невозможность пересечь реку кипящей грязи для Инезии? Даже в путешествии умов она не способна на это.

Надо быстрее понять, что за этим кроется.

Он изучал профиль нуширванского генерала. Весь его вид показывал, что он не намерен вступать в беседу с пленником. Время уходило. А время — это единственное, чего не хватало Холройду-Пта.

Горы вокруг становились выше, чем в начале путешествия. Новые вершины были более острыми, почти не покрыты растительностью. Густой дым, извергаемый вулканами, струился по ущельям. Холройд почти чувствовал мир мглы, укрывающей Нуширван. Он решил еще раз поговорить с офицером:

— Клянусь, что не притронусь к еде. Если не хотите есть сами, то отдайте другим воинам, которые не будут знать, что она от меня. С едой нельзя передать ненависть или идеологию.

На этот раз генерал Ситейл взял корзинку и передал ее другому. Холройд не стал следить, кому досталась пища, он продолжил разговор:

— Скажите, если я поклянусь, что прибыл на фронт сражаться до победы и завоевать столицу Нуширвана, то изменит это ваше отношение ко мне? Вы же Гонволейнцы из этой провинции, которая сейчас принадлежит Нуширу. Я не ошибся?

— Можете произносить любые клятвы. Все знают, принц Инезио — марионетка в руках богини Инезии.

— Вы правы, — мрачно ответил Холройд — но я не принц Инезио. Слушайте и верьте, я — Пта.

Генерал внимательно глянул на собеседника, но тут же рассмеялся:

— Хорошо сказано. Но это неправда. Никто не может убедить нас, что эта личность существовала когда-либо. Тем более, это не может быть правдой сейчас. Смотрите, впереди уже река кипящей грязи. Сегодня поздно вечером мы будем в городе Триа.

Когда гримбс топтал каменный мост над рекой, Холройд чувствовал тепло, исходящее из кипящего болота. Караван пересек реку кипящей грязи и углубился на территорию Нуширвана. Пта в плену.

Глава 15
ГОРОД ТРИА

Как только последний гримбс каравана пересек реку, в сознании Холройда-Пта стало расти чувство радостного возбуждения. Он подумал — так мог радоваться человек, не знающий, что находится на пути к камере пыток. Мрачная аналогия не задержалась в мозгу, она не была связана с конкретными фактами. Доминировало предчувствие глобальных и великих событий. Мог ли простой смертный человек желать большего. Попасть в двухсотмиллионное будущее Земли и жить в фантастическом мире, как полубог. Сознание Холройда не вмещало все происходящее.

Пта! Могущественный Пта! Если сможет он вернуть великую власть, которой владел раньше, то цивилизация власти лордов-принцев рухнет. Мрачные замки не будут больше тюрьмами для людей.

Мозг трепетал. Чувства, охватившие Холройда-Пта, не были ему знакомы. Они родились после перехода через мост. Сидя на широкой спине гримбса, Холройд постарался расслабиться, очи-

стить мысли от суетных устремлений. Он ждал, высматривал по сторонам знак судьбы, означающий новую, ужасающую силу его личности. Но ощущал только неуклонное движение грузного животного вперед. А впереди неизвестность.

И снова ярость от бессилия охватила полубога. Молнией ударила в мозг мысль о перстне власти. Он нащупал перстень в кармане, вынул его. Как этот кусочек металла мог помешать Инезии? Он пытался вспомнить подобный сюжет из сказок, слышанных или прочитанных в детстве. Криво ухмыльнувшись, Холройд надел перстень на палец, трижды его повернул и громко произнес:

— Повелеваю властью перстня немедленно перенести меня в штаб армии Гонволейна…

Ничего не произошло, и Холройд закатился от хохота. Его рассмешила яростная наивность Пта, гнев исчез. Так и должно было случиться. Божественная сила — это не просто фокус-покус. Она может вырасти только из глубинных, наиболее устойчивых и сверхэмоциональных чувств человека.

Когда-то, давным-давно, король по имени Пта ощутил в себе состояние гениальной божественности. И он смог его сделать реальностью. Это случилось, когда первый вассал пал у ног перво-

священника. Бога сделали люди, и некоторые из них помнили об этом.

Как только катастрофическая сила была открыта, то люди с мечами, помня о происхождении величия бога, начали яростно сражаться за право на власть. Они надеялись подчинить удачу силой оружия. Однажды открытая великая сила не могла исчезнуть, но надежда трансформировать ее, взять в свои руки жила века. Новый божественный правитель занимал место свергнутого. Эта сила никогда не исчезнет из мира людей. Она родилась навечно. Пта верил, что успокоение он может найти, только слившись с расой, которая верила в него, делала богом.

Почему Пта натворил столько глупостей по дороге к цели? Холройду казалось, что он способен найти ответ на этот вопрос. Но ответ не возникал в сознании. Мозг безмолвствовал. Рой вопросов нарастал, становился бесформенным и колебался в такт шагам гримбса.

Караван конвоиров и пленников поднимался все выше и выше в город.

Холройд уже видел замок. Он без удивления осознал истину, что эта провинция Нуширвана раньше была частью государства Гонволейна. Перед ним был первый замок Пта. Вот почему

трон власти находится здесь.

Замок построен из темного камня, высокие башни венчали не шпили, а купола, будто старая ведьма сидела, поджав колени, среди игрушечного города на склоне холма. Место, куда стремился Пта, в воображении Холройда представлялось иначе. Сначала это мешало, но затем в голове начался процесс осмысления. Холройд-Пта начал разрабатывать тактику и стратегию штурма мрачной крепости.

Армия не имеет осадной артиллерии. Значит, эскадрильи скриров должны высадить десант. Волна за волной с неба будут прибывать войска. Надо нарушить сообщение между башнями. Пусть каждая крепость или фронт защищаются в одиночку. Главное — провести всю операцию внезапно и действовать решительно. Можно за три дня до штурма крепости войти в город колоннами гримбсов и парализовать коммуникации врага. В исторических книгах сказано о семи штурмах, но ни один из них не похож на этот план. Хорошо, что несколько высших маршалов уже в курсе дела.

Тени в долине заметно удлинились. Кроваво-красное солнце погружалось в жерло курящего вулкана на западе. Оттуда к городу по дороге полз

поток каких-то телег. Он растекался среди фронтов, казарм и жилых домов, которыми был усеян каждый холм. Внезапно в их рядах появилось оживление. Затем весь конвой принялся громко кричать.

— Нушир! Нушир! Нушир летит в замок Триа! Нушир будет допрашивать принца Инезио! Слава Нуширу!

Минутой позже гримбс достиг вершины холма, откуда был виден весь город Триа. Нуширванцы свою столицу так не называли, но каждому это слово было знакомо. Один из офицеров как-то сказал, что этот город местные жители вслух именуют Уир, Уит или Уик. На военных картах Гонволейна по-прежнему писали Триа. Во всем Нуширване только два города были ближе к границе с государством, от которого откололась эта провинция. Но один из них был далеко на западе, другой так же далеко на востоке. Идея Инезии погубить мятежников в горах этого района толкала Холройда-Пта на кратчайшую дорогу к трону власти.

Город Триа начинался на небольшом плато и карабкался от этого центра на окрестные холмы и склон большого вулкана. В сумерках столица Пта была похожа на город из легенд Эйм. Темная,

таинственно искаженная, необыкновенно смутная мечта древности.

Ветер донес шум города, сдул в сторону вонь навоза гримбсов и помета скриров и наполнил ноздри Холройда ароматом кухонь, другими запахами человеческого жилья. Он ощущался на каждой улице, у каждого дома. Растянувшийся по узким улицам конвой поднял облако пыли. Но воздух в городе был привычным и приятным.

— Принц!

Это крикнул генерал Ситейл. Холройд понял, что уже знает, о чем хочет спросить этот вояка с ястребиным носом.

— Там, у реки, вы назвали себя Пта. Почему же сейчас вы не используете свое могущество? Зачем была эта ложь?

Холройд ответил не сразу. Он забыл о попытке вырваться на свободу и сделать конвоиров своими союзниками. Он забыл, что сказал тогда на мосту этому генералу. Надо было объясниться, и Холройд попытался это сделать как можно более естественно.

Генерал Ситейл слушал его внимательно и с удивлением, наконец он воскликнул:

— Вы хотите сказать, что когда река кипящей грязи осталась у нас за спиной, то разрушились

чары, не пускавшие богиню Инезию в Нуширван?

— Я не знаю, каким образом это происходит. Она не раскрыла мне этой тайны. Мой разум не смог прорваться через сеть интриг и провокаций.

Было уже темно, и собеседники почти не видели друг друга. Свет исходил от факелов, освещавших двери домов. В окнах было темно. Над городом стоял темный туман. После марша под палящим солнцем, в столице Нуширвана веяло холодом от каждой стены, каждого камня мостовой. Путешествие подходило к концу. Холройд спросил:

— Генерал, что со мной будут делать в первом дворце Пта?

Ответа на этот вопрос не последовало. Пауза затянулась так долго, что оба собеседника были смущены. Нехотя генерал произнес:

— Надеюсь, что вас вместе с остальными отправят в Аккадистран. Вы наверняка знаете, что Зард делает с похищенными. — Голос звучал иронично. — Правительнице Аккадистрана нужны колонисты. Но еще ни один из похищенных не смог убежать из колоний. Мы думаем, что там не райская жизнь, подозреваем самое худшее, но никто не знает точно. Говорят такие невероятные

вещи, что трудно поверить… Ваше утверждение о тождестве с Пта нас интересует независимо от того, сколько в нем правды. А сведения о мятежниках, которые посылают своих людей в тюрьму замка Линн, когда хотят, мы проверим. Жаль, что карлик Тар погиб, но мы найдем нужных людей. Так что мы поговорили не без пользы. А теперь, принц, разрешите подстегнуть вашего гримбса. Мы отстали от конвоя.

Прибытие в замок прошло спокойно. Гримбсы выстроились вдоль стен, каждый знал свое место. Животное Холройда остановилось у парадного входа и замерло, позволяя седоку спуститься на землю. Стражники окружили пленника, но не позволили себе грубого обращения.

— Принц Инезио! Вас хочет видеть благородный Нушир.

По длинному мраморному коридору его ввели в огромный зал. Здесь на троне сидел мужчина, рядом с ним на креслах расположились две женщины. Остальные стояли.

Глава 16
НУШИР НУШИРВАНСКИЙ

Нушир Нуширванский оказался крупным, упитанным молодым мужчиной с голубыми глазами. Почетные кресла его жен стояли чуть сзади огромного трона, оба по правую руку.

Когда Холройд вошел в зал, обе женщины непроизвольно переглянулись, шепотом перебросились парой фраз и снисходительно закивали. Одна из них была стройной и темноволосой, другая пухлой блондинкой. Их жесты были такими слаженными, будто жены Нушира думали и говорили в полном согласии. Холройду стоило больших усилий перевести взгляд на владыку Нушрвана и сконцентрировать внимание на его словах. Не оборачиваясь, он догадался, что стражники закрыли за ним дверь.

Пухлый мужчина спросил мягким голосом:

— Ты действительно принц Инезио?

В этих словах ощущалось нетерпение. Нушир встал и сделал два шага навстречу пленнику. Глаза его были почти бесцветными, с голубоватым налетом, и смотрели без выражения. Холройд

насторожился и ограничился кивком в ответ. Не было сомнения, что наследственный вождь откоповшейся провинции был в сговоре с мятежными офицерами только по захвату принца в плен.

— И ты не желаешь нападать на мою страну?

По каждому нерву Холройда пробежало понимание ситуации. Он, прищурившись, вгляделся в чересчур упитанного владыку. Такой допрос можно завершить в свою пользу. Если мнение жен может быть решающим, то через десять минут Холройд-Пта может из пленника превратиться в гостя. Он прикинул в уме ситуацию, которую следовало создать. Теперь было понятно, какие чувства окружающих могут привести к этому.

Бледно-голубые глаза излучали презрение, большие пухлые руки сжимали и разжимали пальцы, будто пытались схватить Холройда. Толстые губы обвисли, не давая закрыться рту. Тяжелые ноздри порывисто раздувались. Весь облик владыки раскрывал его мысли. Нушир Нуширванский жаждал узнать все о нападении на его страну. Прошлое вторжение окончилось неудачей для нападавших. Насколько серьезна новая угроза? Вот что волновало этого толстяка. Холройд произнес:

— Если вы предприняли меры к обороне столи-

цы, то бояться нечего.

— Что ты имеешь в виду?

— Вторжение, — равнодушно сказал Холройд, — планируется провести только для успокоения бунтовщиков. Ваша армия могла уничтожить тех, кто призывает к войне. Доводить ее до конца никто не собирается. Захватив меня, вы сыграли на руку людям, жаждущим уничтожить лично вас.

— Он лжет! — Голос — пронзительный голос эхом отозвался в каждом углу тронного зала. Это крикнула брюнетка. Она схватила своего мужа за руку и продолжала:

— Он слишком долго думал, прежде чем ответить. Видишь, как он ведет себя. Он что-то скрывает. Прикажи палачу допросить этого лгуна. Под пытками мы узнаем все.

— Неужели в Нуширване и Гонволейне одинаковые принципы управления государством? — Спросил Холройд.

Пустые голубые глаза пристально изучали пленника. В из взгляде была неуверенность. Нушир растерянно пробормотал:

— Объясни свои слова, принц.

— Этими странами правят женщины. Разве ты не понял, что все решают жены, а владыка

Нуширвана только исполняет их капризы.

Женщины задохнулись от злости. Они переглянулись, поняв друг друга без слов. Брюнетка снова села в кресло. Обе выглядели растерянными.

Нушир тоже вернулся на трон и бесстрастно ждал, когда закончится эта неприятная пауза. Брюнетка попыталась дотронуться до руки мужа, он никак не среагировал. Так и не поняв настроение Нушира, она, обращаясь то ли к Холройду, то ли к Нуширу произнесла:

— В Нуширване только один правитель. Но мы его жены. Его интересы в наших сердцах. Мы блистаем в лучах его величия. Наши советы — это продолжение его мыслей. Мы действуем во благо Нушира и смогли уличить тебя во лжи. Поэтому мы настаиваем на пытках… и немедленно.

Последние слова она почти прошипела, сверля глазами пытающегося быть равнодушным Холройда. Попытка сыграть на самолюбии Нушира и лишить влияния жен была с трудом, но отбита. Брюнетка оказалась достойной соперницей.

Затем в мозгу созрела мысль — никакие пытки не страшны телу Пта. Зря эта брюнетка стремится отослать его к палачам. А вот блондинка смотрит без ярости, даже доброжелательно. Судя по ее по-

ведению и месту, она — младшая жена Нушира. На глазах у Холройда блондинка менялась. Глаза приобретали осмысленное выражение, в них разгорелась жизненная сила. Щеки зарумянились, тело напряглось и приняло более величественную позу. Как бы обдумав происшедшее, она сказала звонким голосом:

— Послушай, Нийа. А если принц говорит правду. Некоторые разведчики тоже докладывали, что готовится ложное нападение. Значит, он наш союзник, а не враг. Давай подождем до утра. А сейчас гостю надо отвести достойные принца апартаменты и предоставить женщину, способную усладить владыку могучего государства.

Наступило молчание. Дважды брюнетка Нийа пыталась возразить, но была настолько поражена предложением партнерши, что так и не решилась произнести что-либо. Обе женщины ждали решение Нушира.

Тот в задумчивости потирал свой гладкий подбородок. Наконец он отважился и принял решение.

— Так и сделаем. Я тоже пришел к этому выводу. Высокий ранг гостя позволяет ему выбрать одну из моих жен на ночь. Беседу продолжим утром. Если она окончится удачно, то почетный эскорт

скриров доставит принца в штаб Гонволейнской армии. Достойный Инезио, которая из моих жен тебе более желанна?

Отказ Холройда был равносилен смертельному приговору, и он это понимал. Колебаться долго было тоже нельзя, и он смело произнес:

— Выбираю ту, которую зовут Нийа, и благодарю за честь, великий Нушир. Вы не пожалеете о принятом решении.

Про себя Холройд думал, что глупо оставлять эту скандалистку с мужем. За ночь она настроит владыку против принца Инезио.

Нушир рассмеялся.

— Те, кто раньше удостаивался такой чести, всегда выбирали белокурую Калию. Их соблазняла молодость. Но ты, принц, не ошибся. А для Нийи это будет интересным развлечением. Я согласен.

Он дернул за шелковый шнурок, и тронный зал заполнился стражниками и прислугой. Через десять минут Холройд был уже наедине с брюнеткой в ее апартаментах.

В дальнем конце спальни было окно, украшенное витражами. Темноволосая Нийа пристально наблюдала, как Холройд осматривает панораму города Триа. Столица Нуширвана походила на город, напоминающий средневековую Евро-

пу. Факельное освещение, островерхие крыши домов, редкие стражники на узких улочках. Обманчивое спокойствие.

Чувство возбуждения, возникшее при переходе через реку кипящей грязи, усиливалось. Мозг был окутан удовлетворением от маленькой победы, одержанной сейчас. Холройд-Пта добился свободы. Пусть на время, но за эту ночь можно обдумать ситуацию, найти верное решение. Решится ли Нушир утром отправить его в Гонволейн, как обещал? Равновесие между победой и поражением неустойчиво. Тревожит то, что он пересек реку кипящей грязи. Пта в опасности, но пока свободен. Надо использовать шанс для достижения главной цели. И ни шагу назад. Как сейчас не хватает знаний. Думай Пта, анализируй каждую мелочь.

Холройд сухо рассмеялся. Одинокий человек в мире, о котором он почти ничего не знает. Он жаждет действия, но не в состоянии своевременно учитывать важные обстоятельства. Риск огромен. Но сейчас самое главное — свобода.

Он вспомнил о Нийе. Надо переспать с этой злюкой. Любое пренебрежение с его стороны не останется без внимания. Утром она, наверняка доложит мужу, что принц пренебрег честью

овладеть женой правителя Нуширвана. Не стоит рисковать.

Холройд отвернулся от окна и был немало удивлен картиной. Брюнетка прислонила ухо к замочной скважине, внимательно вслушиваясь в звуки, исходящие оттуда. Их глаза встретились. Приложив палец к губам, Нийа выпрямилась и плавной походкой подошла к принцу, сказав:

— Нам надо действовать быстро. Ты совершил ошибку, выбрав Нийу вместо Калии, в чье тело я вошла, желая выручить тебя. Теперь я переселилась в тело Нийи, а блондинка пусть смутно, но помнит, что ее принуждали защищать принца Инезио. Поэтому надо спешить. Время уходит.

Она смолкла, а Холройд гневно воскликнул:

— Что…

Тело словно окаменело, глаза сузились. Еще более грозно он спросил:

— Ты кто?

Женщина прошептала:

— Я та, которая вскарабкалась на утес, чтобы убить тебя. Это я дала тебе перстень Пта. Вспомни, говорил ли ты кому-нибудь об этом? Если нет, то ты поверишь, что я не Инезия.

Холройд попытался что-то сказать, но брюнетка резким жестом не позволила прервать себя.

— Мы не смеем терять время, клянусь. Сейчас Инезия здесь, во дворце Нушира. Она пытается уничтожить божественный трон Пта. Трон — последняя…

Ее голос умолк. Язык распух и стал слишком велик. Она пыталась закончить фразу, но не смогла. Брюнетка села в кресло и руками закрыла лицо. Через минуту она продолжила скороговоркой, говоря явно через силу:

— Мы пойдем туда немедленно. Час, даже минута могут решить все. Пта, я поняла, что ты слишком поглупел. Но это тоже может помочь спастись.

Холройду показалось необычным, что все его планы, казавшиеся такими надежными, рухнули в один миг. Слова женщины были правдой. Он никому не говорил о встрече на террасе замка Линн, Инезия пришла в ярость, увидев перстень Пта на руке Холройда. Даже если она догадалась, кто дал перстень, она не знала, как незнакомка смогла добраться до Пта. Значит, перед ним Лоони. И если она говорит, что нельзя медлить, то в этом нет смысла сомневаться.

Явно, что в его похищении главным режиссером всего фарса была Инезия. Пта пересек реку кипящей грязи, и кульминация всех ее планов

уже не за горами. Защитные чары, которые много веков назад создал Пта, разрушены. Было безумием знать это и оставаться здесь в бездействии. Но он не мог принять какое-либо решение. Пта колебался не без основания.

Ему сказано, что вернуть божественную силу он может только сев на трон. Какая нелепость. Только дети могут поверить в это. Но Лоони и Инезия утверждают это. Зачем Инезия, обманывавшая на каждом шагу, сама сообщила Пта эту великую правду? Зачем вообще она упоминала трон Пта? Она должна была открыть ему эту тайну в силу неведомых причин, связанных со стремлением словом и делом сломать защиту Пта. Кроме того, это был психологически оправданный шаг. Мозг Пта был сфокусирован на эту цель и сокрушал по пути оставленные уровни защиты самостоятельно. Но теперь дорога смерти пришла к финишу. Надо действовать решительно.

Холройд видел, что… Лоони… следила за ним широко раскрытыми и полными печали глазами. Он оценил, что женщина позволила ему самостоятельно размышлять и не перебивала ход мыслей, и решительно произнес:

— Как мы можем попасть туда?

— Изъяви желание совершить прогулку. Те-

плые одежды сложены в седельных сумках скриров Нийи. Я — жена правителя и могу приказывать охранникам скриров в любое время дня и ночи! Идем!

Холройд направился за ней, затем остановился и воскликнул:

— Погоди! Среди мятежников есть генерал Ситейл. Нельзя ли его освободить и дать скрира. Думаю, что в Гонволейне он может быть нам полезен…

Лоони оборвала его.

— Это невозможно. Он на такое не способен. У нас нет времени. Торопись, Пта.

Через пятнадцать минут они взлетели.

Глава 17
СТРАНА ВУЛКАНОВ

Наверху было очень холодно. Звезды на небе были незнакомые, но очень близкие. Вокруг виднелись мрачные силуэты гор, лишенных растительности и других признаков жизни. Но не вся земля внизу была погружена во тьму. Вулканические кратеры пылали тысячами костров. Их кроваво-красное пламя и красно-черные клубы дыма обезображивали ночной пейзаж, делали его ужасным. Каждый конус огня оранжевыми корнями потоков лавы врастал во тьму, которая казалась еще более зловещей. Вершины без кратеров выглядели страшней вулканов. Скрир, на спине которого летели Холройд и Лоони, лавировал среди потоков ядовитых вулканических испарений.

Холройд чувствовал, что маневры птицы-зверя становятся менее уверенными. Они летели на огромной высоте. Дважды внизу промелькнули скриры с наездниками, но они не поднимались и до половины высоты гор. Крылья птицы накапливали усталость, их взмахи становились более

медленными.

Холройд невольно думал о конечной цели их полета. Мозг инстинктивно пытался определить события. Скрир начал снижение, и сразу стало теплее. Руки и ноги вновь наливались силой, сознание становилось более четким. Внизу уже не было красных пауков — вулканических кратеров. Изредка попадались огоньки маленьких поселений. И вот внизу разбрызгал свои огни город, затем еще один и еще. Города располагались в долинах и были связаны друг с другом цепочками редких огней.

И вот внизу огромное плоскогорье, плавно переходящее в равнину, на которой виднелись огни множества городов. Воздух стал еще теплее, и Холройд уже не волновался. У птицы хватит сил долететь до цели.

Прошло еще часа полтора, когда Лоони, управлявшая полетом скрира, повернулась и крикнула:

— КОТАХЭЙ! Столица Нуширвана!

Экзотическое название столицы звучало чарующе. Голос Лоони, манера говорить заставляли сердце Холройда биться чаще. Котахэй выглядел так же, как и другие города, разве что был чуть больше. С высотки его огибала широкая река, а

на севере уже виднелись другие горные хребты.

Лоони снова заговорила:

— Вчера я металась в панике между двенадцатью мостами через реку кипящей грязи. Надо было найти тебя. Когда я смогла перелететь через реку, стало ясно, что ты разрушил шестую защиту. Мне не удалось найти мост, где это произошло. И я устремилась сначала в Котахэй. Но поняла, что ошиблась и вернулась в Триа. Над этим городом я ощутила твое присутствие. Твое величие исходило от старого замка, и я вошла в тело одной из служанок. От нее перейти в нужное время в тело белокурой жены Нушира Калии было просто.

Холройд жадно слушал ее рассказ. Она открывала новое знание, убирала пробелы в том, что уже было известно раньше. От Лоони исходил поток жизни. А в городе с таинственным именем Котахэй, там внизу, была Инезия, несущая смерть. И там был трон Пта.

Образ златокудрой богини возник перед глазами. Неправдоподобная красота ее тела не вписывалась в эту ночь. Ветер свистел в ушах, прижимая одежду к груди. Холройд-Пта весь отдался движению и молча следил за темными крыльями скрира.

Божественный трон Холройд не мог даже

представить. Мозг отказывался представить его образ хотя бы в общих чертах. Но он наверняка существует. Он там, внизу. Лоони верит в это. Инезия строит все свои планы, также считая, что трон — реальность. Это было очень давно. Тогда Пта не было смысла вводить в заблуждение жен, которых он сделал богинями своей волей. Он не должен был обмануть своих любимых.

«Если бы я был Пта…» — подумал Холройд и тут же улыбнулся, осознав абсурдность этой мысли. Он БЫЛ Пта. По крайней мере, другого Пта не было. Но мысль вернулась.

«Если бы я был Пта, то не доверился бы женщинам до конца. Я бы обеспечил надежность своей защиты, оставил себе шанс, о котором не сказал бы ни одной из них». Но в чем этот шанс? Надо попытаться найти его. Продумать все варианты, изобрести способ нарушить любой враждебный план, выработать тактику, гарантирующую от смерти всемогущего бога. Не стоит пренебрегать даже ничтожной возможностью действовать самостоятельно. Может стоит сесть в этот трон, или придумать еще что-нибудь.

Скрир стал делать круг над городом, и Холройд увидел, что за ним летела большая группа птиц с наездниками. Это прислуга Нийи. Эскорт стал

резко снижаться, скриры протяжно кричали. Внизу замелькали огни, и огромный двор замка наполнился светом. Одна за другой птицы заходили на посадку, пробегая по двору несколько шагов и выстраиваясь вдоль стен. Наконец, приземлился и скрир, доставивший сюда Холройда и Лоони.

Прислуга узнала супругу Нушира. Захлопали двери, вынесли большие факелы.

Лоони-Нийа приказала:

— Придворных будить не надо. Гость Нушира и я войдем во дворец без эскорта.

Проходя по коридорам, весело мерцавшими огнями факелов, отраженных во многочисленных зеркалах, Холройд везде видел воинов-гвардейцев, вытягивающихся по стойке смирно перед женой их господина. Их лица не были враждебны. Холройд прошептал на ухо своей спутнице:

— Ты знаешь, где она? Где трон?

В его сознании возникло чувство приближения к точке, где решалась его судьба.

Лоони также шепотом ответила:

— Я точно знаю. Нийа знала… где трон… дверь в конце коридора. Иди.

Они прошли к массивной деревянной двери, украшенной изумительной резьбой. Холройд

попытался ее открыть, но она была заперта изнутри. Всей тяжестью он навалился на дверь, ударил плечом по резному орнаменту. Тяжелая дверь не шелохнулась.

— Не спеши, — сказала Лоони. — Она там, внутри. Стражники по моему приказу взломают дверь. На этот раз мы хозяева положения. Во дворце нет женского тела, которое по рангу выше Нийи… Ой!

Дверь бесшумно раскрылась. На пороге стояла Инезия. Золотые локоны сверкали, как корона, и спускались на плечи богини, одетой в черное платье. Улыбаясь, она произнесла:

— Входите, я жду вас.

Глава 18
БИТВА БОГИНЬ

Голубые глаза Инезии сверкали крошечными золотыми искорками, а улыбка была, как восковая. Точно не она сама была счастлива, а лучи, исходящие от волос, заставляли радоваться встрече. Она повторила:

— Входите. Я следовала за вами и ждала. Конечно, без воды трудно повелевать духом, если, конечно, он есть в теле. Входите оба. Буду рада рассказать вам об этом.

Пта ощутил в ее голосе торжествующие нотки. Угрюмо улыбаясь, он шагнул в зал и остановился у порога. Нет, его не сковал страх предстоящего. Просто он был удивлен, и чувство нереальности ситуации усилилось. Вместе с ним окрепло и чувство уверенности. Он не грезит. Трон за той дверью в дальней стене.

Минуту все трое стояли молча. Холройд-Пта изучал выражение лица Инезии. Он думал, что даже красавица не выглядит привлекательно, когда злорадствует.

Паузу прервала Инезия.

— Дорогая Лоони. Наступил финал мелодрамы. Он тебе не нравится? Как жаль, ты не хотела проиграть, увы. И не волнуйся. Нас никто не побеспокоит. Смотрите на трон сколько угодно. Но вы опоздали, я здесь почти шесть часов. Ты меня поняла?

«Паук зовет в гости муху, входи, дорогая» — подумал Холройд. Напоминание о троне его не взволновало, мозг решал другую проблему. Почему Инезия так уверена, что никто не войдет сюда. Многие во дворце сейчас не спят. Откровение было внезапным, и он обратился к Лоони:

— Самое удивительное для меня, что вы обе можете входить в любое тело человека. А если…

Лоони внимательно следила за поведением соперницы, старалась не упустить то, что Инезия хотела скрыть от ее интуиции. Она бросила взгляд на Холройда и ответила:

— Не в любое, а только в женское или в самку животного. Есть природный барьер, который…

Фраза оборвалась, потому что Лоони увидела, как тело Инезии обмякло и плавно опустилось на ковер. Из глаз темноволосой богини брызнули слезы.

— Пта, она ушла в другое тело.

Распахнулись двери, и в зал вошли пять жен-

щин. Одна из них что-то прятала в складках платья. Холройд быстро оттолкнул Лоони к трону и, улыбаясь, приблизился к женщинам. Он не ошибся, сверкнуло тонкое лезвие каменного ножа. Отнять его у нападавшей не составляло труда. Полубог, не прекращая улыбаться, бросил оружие к бездыханному телу Инезии. Но чувство опасности не проходило, наоборот, он ощущал его повсюду.

— Быстрее, — торопил он, — прикажи этим женщинам удалиться. Та, которая попытается убить Нийу и захватить тело самой высокопоставленной женщины во дворце, и будет Инезия. Торопись!

Лоони поняла все раньше, чем он закончил фразу, и приказала служанкам удалиться. Трое подчинились и отправились к выходу, а две остались на месте. Одна просто испугалась, а другая закричала:

— Стойте. Это не хозяйка, а самозванка. Мы знаем, что жена Нушира улетела с ним в город Триа.

Говорившая была женщиной мощного телосложения. Судя по одежде, она исполняла во дворце обязанности суперинтенданта.

Одна из уходивших служанок спросила дрожащим голосом:

— Если это правда, почему ты не зовешь гвардейцев?

Лоони шепнула Холройду:

— Что делать? Звать стражу?

Он колебался. Мозг не успел сосредоточиться на этой опасности. Сознание анализировало все варианты. Умение переходить из тела в тело открывало перед богинями практически беспредельную власть над миром. Они проникали куда угодно: во дворец, в крепость, в любое место, где были женщины. Могли убить кого угодно. Никто не в силах противостоять этим демоническим созданиям. Понимание этого опустошало мозг. Любой замок мог пасть без осады, если в нем загадочно погибали люди.

Холройд-Пта осознал, что независимость государства Нуширван кончилась. Оно беззащитно с тех пор, как Инезия переправилась через реку кипящей грязи. Успела ли она распространить свое влияние на колоссальную территорию Аккадистрана? Есть ли у Зард Аккадистранской своя защита? Пта должен попасть в эту страну!

Все, что произошло в этом зале до их прибытия, ясно. Они с Лоони прибыли раньше, чем Инезия завершила свои козни с троном. За шесть часов лишить всего могущества божественный трон

она вряд ли смогла. Наверняка она испугалась, когда Пта стал ломиться в двери. Ее улыбка была наигранной. Но дверь открылась очень быстро. Значит, эта коварная бестия имеет запасной план. Вот эти женщины и пришли его реализовать. Пятеро смогут справиться с одной Лоони, если им внушить, что во дворце самозванка. А потом Инезия вернется в свое тело и доведет до конца разрушение мощи трона. Схема простая. Безжалостная Инезия задумала уничтожить тело, в котором находится Лоони, чтобы в этом дворце не было женщин главнее суперинтендантши. Холройд шепнул Лоони:

— Зови гвардейцев. Скажешь, что эскорт может подтвердить, что Нийа прилетела из города Триа.

Стражники сразу схватили всех шестерых женщин. Ошалевшая суперинтендантша не оказала ни малейшего сопротивления. Никто из гвардейцев не сомневался, что выполняет приказы не своей госпожи.

Лоони распорядилась:

— Всех пятерых заприте в их комнатах и поставьте стражу у дверей, но утром освободите. Потом я найду способ наказать их за наглость.

Один из гвардейцев молча наблюдал, как

Холройд поднял нож и выкинул его через открытую дверь. В это время тело Инезии дрогнуло. Золотоволосая красавица поднялась с ковра, и уже все стражники смотрели на нее с восторгом. Наконец, старший из них спросил:

— Госпожа Нийа, а что делать с этой?

Лоони улыбнулась и холодно сказала:

— Она останется здесь. Девушка пострадала без вины. Уходите все.

Дверь за гвардейцами закрылась. Из всех троих сейчас улыбнулась только Лоони. А Холройд молча прошел между двумя богинями к двери в дальней стене и остановился у порога. Мозг наполнялся новыми знаниями и анализировал их. Он многое увидел за стеной, снова обернулся к соперницам и спокойно ждал, что произойдет дальше. Первой нарушила молчание Лоони, которая с улыбкой обратилась к Инезии:

— Ну, дорогая, ты превзошла самое себя. Твои хитрости стали слишком наивны для богини. Затем, уже серьезно, она продолжала:

— Не торопись, Пта. Я посмотрю на порог этой двери. Под ковром может быть металл, и она сможет помешать тебе войти.

Лоони опустилась на колени и стала ощупывать ковер у порога двери, ведущей к трону.

Инезия метнулась туда же, пытаясь помешать сопернице. Холройд не без труда тащил золотоволосую фурию в другой конец зала, которая гневно кричала:

— Как только пройдут шесть месяцев, я не буду ждать ни секунды. Ты умрешь!

В ответ Лоони рассмеялась:

— Благодарю, моя милая, теперь я знаю, сколько времени у меня в запасе. Можно успеть сделать больше, чем ты думаешь.

Она продолжила, обращаясь уже к Холройду:

— Путь свободен. Идем!

Брюнетка шагнула в дверь, и Холройд услышал ее восторженный крик:

— О, Пта, Пта. Мы не проиграли! Она испугалась моего отказа от божественного тела.

Лоони обернулась, увидела недоуменное лицо Холройда и постаралась объяснить свою мысль:

— Инезия хотела, чтобы принц Инезио напал на Нуширван и недели две, а, может, месяцы пробивался с армией через горы к этому дворцу. Пта пересек реку кипящей грязи, и путь для нее открылся, но время еще есть. За две недели она смогла бы полностью лишить могущества этот трон. Ее испугал перстень, которым завладел Пта. Это не был перстень власти, а лишь печать

принца Инезио. Я только отдала ему часть своей божественной силы. Инезия решила, что война объявлена, и стала спешить. Но и я не теряла времени.

Лоони смеялась так весело, как способна была хозяйка тела Нийи. А Инезия неподвижно стояла в центре тронного зала. Ее лицо стало белым, как мел, из голубых глаз струился леденящий холод. Она глухо промолвила:

— Лоони, ты умрешь, и никто не сможет тебе помочь. Пта не способен взять из трона истинно безграничное могущество. Сила к богам приходит от верующих. А я много веков делала все возможное, чтобы народ о нем забыл. Твоему телу не много осталось времени томиться в цепях.

Голос Инезии зазвучал более уверенно, и она продолжала:

— Может быть, он и получит божественного могущества больше, чем сейчас есть у тебя. Но это меня не страшит. Я покорюсь твоей маленькой победе. Но запомни. Все решится в Аккадистране. Не забывай это слово.

АККАДИСТРАН!

— Ты — коварная дьяволица! — вскричала Лоони.

Брюнетка и блондинка с ненавистью смотрели

друг на друга. Холройд-Пта перестал слушать их. Он почти не понимал, о чем говорят его жены, и был уверен, что ему сейчас не надо быть рядом с ними. Мужчины обожают наблюдать обнаженные женские тела, но обнаженные души сразу двух женщин его разум не хотел воспринимать.

Затратив определенное усилие, он стряхнул оцепенение не только с тела, но и с сознания.

Холройд-Пта перешагнул порог тронного зала. Он знал, что Лоони следит за его действиями, а Инезия ждет, чем закончится его попытка. Это отвлекало, и он забыл обеих женщин.

Глава 19
БОЖЕСТВЕННЫЙ ТРОН

Зал, в котором очутился Холройд, был облицован серым камнем. Здесь не было никакой мебели. Пол, стены… потолок… повсюду серые полированные плиты. Казалось, что этот зал существовал бесконечно долго. Время не властвовало над этими серыми плитами. Они могли ждать бога сколько угодно.

Трон был слева. Он сиял. Свет был таким ярким, что глазам было больно смотреть. Мистическое сооружение имело необычные формы. Мерцающие струи кристаллического света сплетались в таинственный узор. Опаловые тона были забрызганы янтарными блестками. Контуры цвета киновари прерывались пятнами бледной охры. В центре этой сложной конструкции, как драгоценный камень, выделялся куб идеальной формы со сторонами около пятнадцати футов. И все это висело над полом, не имея опоры.

Трон не имел связи с окружающей реальностью, манил неясной надеждой. Холройд приблизился к этому мистическому сооружению

и замер, восхищенный величием увиденного. Нижняя грань куба находилась, по крайней мере, в десяти футах над головой.

Оцепенение прошло, и он огляделся по сторонам, изучая, что может помешать взойти на трон. Две пары глаз следили за ним. И в каждом взгляде пылал огонь восхищения. Они ждали рождения бога.

Эти глаза обладали гипнотической силой для Холройда. Он попытался сбросить с себя их влияние. Ощущение, которое он испытал при этом, можно сравнить с падением со скалы в стеклянный шар, которым на самом деле был его собственным мозгом. Стекло не разбилось вдребезги, а волнами стало разбегаться вокруг трона. Чары рухнули, и он увидел каменные ступени, выбитые в стене. Они вели к потолку, где начиналась строгая полоса каменных скоб. Последняя скоба была точно над кубом. Даже ребенок смог бы, перебирая руками, добраться до последней скобы и спрыгнуть на трон. А уж у него тем более достаточно силы для этого.

Уже поднимаясь по лестнице, он ощутил внутреннее сопротивление, но не отказался от своего намерения. Опасения были выброшены из мозга. Он будет сидеть на троне. Выбора нет. Даже если

его поступками руководит одна из богинь, он должен пройти через это, чтобы испытать тело Пта. Но сейчас стало ясно — этого будет не достаточно. Пришло знание, что божественная сила приходит из молитв людей, один трон не способен превратить его в трижды Величайшего Пта.

Трон — лишь фитиль, детонатор, а, может, аккумулятор божественного начала, которое способно породить истинное могущество Пта, наполнить которое смогут миллиарды верующих женщин через молитвенные жезлы. Инезия много веков изгоняла из женских умов веру в величие Пта. Но религиозные обычаи в человеческой психике были очень устойчивы и жили долго. Надежда теплилась в сознании.

Взойдя по лестнице к потолку, он понимал, что Холройд-Пта сможет победить смерть только защищаясь. Нападать он не способен. Жизнь Пта будет спасена, но Лоони может умереть. Тогда цивилизация Гонволейна, основанная на тирании владельцев замков, останется на века. Стоит ли бороться, зная это?

Он глянул на двух женщин, глаза которых неотрывно следили за каждым движением. Трудно было представить, что когда-то они были его женами. Страстная и капризная златокудрая

девчонка Инезия. Смуглая Лоони сейчас дрожит от нетерпения. Как выглядит ее истинное тело? Он его не видел со времени изгнания Пта из Гонволейна, такова истина.

Мысли смешались, утратили четкость. Может быть, это произошло оттого, что тело Холройда раскачивалось, как маятник. Перехватывая руками каменные скобы, он то приближался, то удалялся от трона. И вот последняя скоба.

Бриллиантовый свет освещал Холройда. Сверху трон напоминал зеркало, где отражался только он сам. Внизу не было ни потолка, ни скоб. Только будущий бог имел право отражаться в таинственном кубе. Пальцы разжались. Он на троне власти.

Тело Холройда начало медленно погружаться в куб. Он тонул в троне, исчезал. Вот его уже нет.

Время тянулось медленно. Из нижней грани показались ноги. Также медленно Холройд возвращался в реальный мир. Его тело рухнуло на пол с шестнадцати футов. Еще мгновение куб мерцал, затем раздался слабый хлопок и трон лопнул, словно мыльный пузырь.

Холройд лежал на полу без движения, как труп.

Тишину нарушил звонкий смех Инезии. Лоони

резко обернулась и гневно глянула на золотоволосую богиню. Ее глаза расширились. Нескрываемое ликование было на лице соперницы. Слабо вскрикнув, она бросилась к телу, лежащему на полу. Она тормошила Холройда, трясла за плечи, колотила в грудь, пыталась обнять. Затем положила ладони на его лицо и попыталась открыть глаза. Веки, подергивались, снова закрылись.

Инезия продолжала смеяться. Лоони встала, щеки ее порозовели и она выдохнула из себя:

— Пта жив! — и снова опустилась на колени рядом с телом.

— Конечно, он еще жив, — откликнулась Инезия. — Я не успела найти источник смертоносной силы, скрытой в троне.

Но божественное могущество не было скрыто так тщательно, и его большую часть удалось уничтожить.

Самодовольный тон Инезии привел Лоони в ярость.

— Не пытайся убедить меня, что ты способна победить божественную силу Пта без него.

— Я и не пытаюсь. Это был сюрприз для меня. Но конечно теперь, когда это случилось, мое участие становится абсолютно очевидным.

Лоони отказывалась верить глазам. Если бы она

подозревала такой исход, то наверняка смогла бы предотвратить катастрофу. Глядя в лицо изнеженной и алчной Инезии, она поняла, что та не станет больше отвечать на вопросы. Сейчас она будет только хвастать своими способностями.

Инезия продолжала:

— Мне стало ясно, что Пта не осмелится сесть на свой трон до того, как получит силу от молитв женщин. Но он с ними практически не мог общаться. Я была во всех телах женщин, говоривших с ним. Отторжение от женского мира сработало. Честно сказать, я не верила, что это его воплощение даже без моего противодействия было способно вступить в круг власти.

— Зачем ему было стремиться к трону, если он хотел привлечь веру в него для инициации божественной силы? На этот вопрос ты не сможешь мне ответить. Его могущество опиралось на любовь каждой женщины Гонволейна. Не забывай, Пта во все времена был более велик, чем мы обе. Сколько бы людей тебе ни помогало, он останется непобедим.

Инезия грациозно пожала плечами. Глядя на нее, Лоони думала, что богиня-правительница сейчас решает свои проблемы. Она борется с желанием закричать от восторга. Щеки ее пылали,

пальцы не могли и секунды находиться в покое, все тело ее охватил радостный трепет победы, сравнимый только с любовным экстазом. Было даже удивительно, как ей удавалось говорить тихим, вкрадчивым голосом.

— Если бы Пта перестал бояться, то лишил бы меня шансов на победу. А теперь я перевезу его в Аккадистран, в великую столицу Гадир. Он пройдет дорогой похищенных до конца.

Смех Инезии звучал резко, словно по склону горы катилась гроздь металлических колокольчиков.

— Интересно будет посмотреть, что случится, когда божественное тело Пта расчленят на куски. Когда эти безмозглые бунтовщики начнут вторжение на Нуширван, мои небесные всадники получат приказ действовать.

Побелевшая Лоони не сводила глаз с Инезии. Дважды она пыталась заговорить, но ужас сковал ей язык. Заметив эти попытки, Инезия свирепо произнесла:

— Не пытайся убедить меня, что в этом нет необходимости. Есть только один вид союза Гонволейна с Аккадистраном — союз на основе сокрушительного поражения. Запомни, пока боевые скриры в моей власти, каждый молит-

венный жезл Гонволейна будет под контролем. Шансов у вас нет. В Аккадистране я еще позволяю молящимся создавать божественную силу, она укрепляет не его, а мое могущество. Но в Гонволейне молящихся женщин не будет. И Пта умрет.

Она умолкла. Голубые глаза сверкали, лицо было безмятежным. Помолчав немного, она произнесла тоном, не допускающим возражений.

— Какой будет форма правления после уничтожения последних бунтовщиков, еще не решено. Лорды и принцы в замках сильны, но их поведение может породить новые мятежи. Родятся новые наглецы, посягающие на власть сильных.

В голосе Инезии появились мрачные нотки.

— Не терплю, когда мне противоречат. Если на это не обращать внимания и приобрести способности старого Пта вести за собой народ, то можно даже восстановить курьезный тип правительства, который он терпел. Но то, что имело смысл при жизни Пта, без него может стать неуправляемым. Помнишь, дорогая, что творилось в стране, когда я свергла тебя? Но мы не могли править вдвоем. Две суверенные богини в одном государстве — это абсурд.

Лоони наконец поняла, куда клонит ее со-

перница. Она рванулась к ней, но опоздала на мгновение. Инезия яростно набросилась на тело Пта, и оттащить ее было не так просто.

С нескрываемой злобой Инезия кричала:

— Смотри не него, дура! Это все, что ты можешь! Я ухожу…

Лоони знала, что сейчас она ничего не может сделать. Но чувствовала происходящую перемену ситуации.

Вдали от воды процесс шел медленно и тяжело, но через несколько минут началось движение сквозь тьму. И вот она уже лежит на твердой земле. Начинается новый день.

Глава 20
ЗАРД АККАДИСТРАНСКАЯ

Лоони ощутила, что атмосфера пронизана ужасом. Но это чувство было не ее. Оно исходило от рыдающих женщин, кричащих детей и надрывного гомона мужских голосов. Все люди были охвачены страхом перед омерзительной реальностью своего существования.

Богиня поднялась с земли, осмотрелась, и вздох надежды вырвался из ее груди. Инезии здесь не было. А тело Пта лежало рядом на подстилке. Он выглядел, как мертвец, та же поза, ни единого движения. Лоони еще раз внимательно осмотрелась.

Они с Пта находились внутри пространства, размером не меньше квадратной канбы, окруженного высокой стеной и переполненного людьми. За одной из стен можно было видеть боевых скриров, которые группами маневрировали в небе. Лоони содрогнулась от ужаса. Здесь был один из тысячи полигонов тренировки скриров в нападении на людей. Жертвами наверняка были похищенные Гонволейнцы.

Подстилка, на которой лежал Пта, была одной из многих, разделенных между собой небольшими перегородками. На всех подстилках лежали люди по одному или даже группами. Некоторые вставали и медленно прохаживались по земле, их место немедленно занимали другие.

Дети, женщины, мужчины. И ни одного спокойного лица. Тысячи глаз вокруг, и никто не смотрит на Пта.

Лооні сидела на краю подстилки и ждала. Она понимала, что Инезия медлить не станет. Особенно сейчас, когда тело Пта беззащитно и нельзя даже определить, что он сознает, а что не задевает его чувств. Наверняка она вернула свое истинное тело в столицу. Здесь, где много молитвенных жезлов не под ее контролем, она не станет рисковать красотой. Но душа Инезии в Аккадистране. Конечно, она вошла в тело Зард Аккадистранской и отдает распоряжения в замке Гадира. И воины уже спешат сюда так быстро, как способны лететь боевые скриры и скакать гримбсы.

Лооні в отчаянии стала трясти неподвижное тело и шепотом кричать ему в уши:

— Очнись, Пта!.. Очнись… Пта…

Тело не оживало. Холройд-Пта был в трансе,

близком к смерти. Его руки, ноги безвольно принимали любое положение, пальцы Лоони чувствовали только их вес.

Она давно бы отправилась назад, в Нуширван, и оставила тело Нийи. Но страх перед желанием Инезии уничтожить это тело останавливал, искорки надежды не угасли совсем. Пта еще не умер. Сейчас решалась судьба огромных стран, целые континенты приближаются к грани, за которой катастрофа. Надо действовать, но она не могла решиться.

Безжалостное солнце стремилось к зениту. Почти полмиллиона ног поднимали пыль, серым туманом стелившуюся над лагерем пленников. Жара, духота и бездеятельность подавляли волю попавших сюда.

Двое мужчин несли третьего к Лоони. Один из них сказал:

— Отойди, женщина. Мой брат болен, пусть полежит немного.

Другой устало добавил:

— Повезло парню. Он уже не видит, как мы тут маемся.

Даже не посмотрев на Лоони, они посадили больного на землю, прислонив к ограде, и подошли к Холройду-Пта. Лоони встала между ними.

Брат потерявшего сознание произнес:

— Надеюсь, вы не возражаете, что этого мы сбросим. Брат еще жив, а вашему уже все равно.

Лоони молчала. Их намерение было таким понятным, но неприемлемым. Не получив ответа, один из мужчин принялся сталкивать безжизненное тело на землю.

Схватив за руки, Лоони с силой отпихнула его в сторону. Но он был сильнее женщины и упрямо добивался своего. Через минуту изможденное тело любимой жены Нушира покрылось синяками и выбилось из сил. Только фанатичная верность Пта давала женщине силы продолжать борьбу, но они иссякали.

Хватая нападавших за одежду, пиная ногами, она не удержала равновесие и упала. В глазах потемнело, а уши уловили шепот.

— Отправляйся в Нуширван!

Открыв глаза, она увидела, что брат больного перестал бить ее и произнес:

— Отправляйся в Нуширван. Я встречу тебя во дворце Котахэй… но после…

Лоони похолодела, вскочив на ноги и вцепилась в одежду сказавшего это. Оба, потрясенные, смотрели в глаза друг другу. Страх и недоумение не давали говорить. Наконец, мужчина выдавил

из себя:

— Наверное, я схожу с ума. Я не пойму, как это произошло.

Слишком мало сил осталось в теле Нийи, и оно опустилось на колени, затем женщина легла и поджала ноги. Но тут же выпрямилась.

Тело Пта исчезло.

Шоковое состояние Лоони прошло. Она снова глянула на мужчину, пославшего ее в Нуширван. Как долго Пта боялся проявить себя. Он боялся, что Инезия узнает о его новых способностях. Божественный Пта прав. Он скрылся в суматохе драки. Это могло пройти незамеченным.

— Если вы не возражаете, то на этой подстилке будет лежать мой брат, — прозвучал знакомый голос.

Лоони вглядывалась в усталое лицо собеседника, но никаких признаков присутствия Пта не было. Может, он только выполняет повеление бога. И ей тоже Пта уже сказал, что надо делать.

«Отправляйся в Нуширван».

Но Лоони еще колебалась. Инезия наверняка будет их обоих поджидать именно здесь. Пусть убедится, что все идет по ее плану, это тоже важно.

Почти одновременно по верхнему краю вы-

сокой стены забегали воины. Внизу тоже все пришло в движение. Стражники с лестницами-стремянками группами бежали в район загородок с подстилками для больных, окружили «больницу». Тех, кто лежал совсем близко от стены, бесцеремонно сбрасывали на землю и отталкивали в сторону. В ход пошли большие пилы, кувалды. Воины разрушали стену.

Минут через десять в стене, отделявшей резервацию для пленников от свободной территории, были проделаны ворота. Через них въехала на огромном гримбсе стройная, с карими глазами женщина. Каждое движение прибывшей подчеркивало ее превосходство над остальными людьми. Карие глаза пылали янтарным блеском. Но в их взгляде было больше спесивого самодовольства, чем истинного величия. Зард Аккадистранской были подвластны более двадцати миллиардов человек. Есть ли в ее теле Инезия?

Гримбс остановился в двадцати шагах от Лоони. Зард спустилась на землю по спинам своих охранников. Те окружили ее кольцом. Правительница знала, кто ей нужен из больных, и уверенно направилась к подстилке, где раньше лежал Пта.

Увидев мужчину, лежавшего там, и спокойный взгляд Лоони, она отпрянула назад. Коричневые

зрачки расширились от испуга.

Зард пыталась говорить, но не могла. Ее руки непроизвольно тянулись к незнакомцу на подстилке, будто пытаясь изменить его облик. Затем она справилась с волнением и, обращаясь к Лоони, произнесла низким злым голосом:

— Где он? Где этот безумец? Он только что был здесь.

Лоони поняла, что именно сейчас она должна подтвердить обезумевшей правительнице, что ее ложное впечатление о состоянии Пта после пребывания на троне верно. Все ее тело дрожало от возбуждения. Впервые за многие века заключения она могла победить соперницу. Только надо говорить естественно и не раздумывая.

— Ни ты, ни я не можем быть в двух местах одновременно, даже богиням это неподвластно.

Такая фраза позволяла перехватить инициативу в разговоре и легче сделать очередной шаг. После небольшой паузы Лоони продолжала:

— Я решила дать ему столько шансов выжить, сколько имеют другие пленники Зард. Теперь он в толпе этих несчастных мучеников. Ищи его, Инезия, теперь даже я сама не знаю, где Пта…

Лоони умолкла. В ее сознании шла внутренняя борьба. С одной стороны, она боялась действо-

вать излишне самоуверенно, речь шла о жизни и смерти. Но ведь Пта не хочет, чтобы Инезия знала о его истинном состоянии. Значит, он не получил достаточно могущества для борьбы со злом. Ему надо выиграть время, найти выход из тупика. Значит, надо любой ценой отвлечь Инезию. И Лоони продолжила:

— Инезия, благодарю тебя. Пойми, что я хочу сказать. Речь о народе. Благодарю, ты не начала эту бессмысленную войну. Ты победила, и этого достаточно. Властвуй над Гонволейном и Аккадистраном. Объединить их народы теперь можно и без войны. Есть десятки способов. Распорядись, что теперь возможны только смешанные браки, и через поколение страны сольются. Только не надо войны. Это же миллионы трупов. Каждая смерть подданного уменьшает величие правителя. Это истина, с которой не спорят даже богини…

Глаза Зард Аккадистранской менялись медленно, их коричневые зрачки светлели, мерцание становилось не таким зловещим. Они уже не пылали яростью и страхом. Инезия-Зард смотрела на Лоони уже с усмешкой и злорадством.

— Бедняжка! Ты никогда не была способна подняться выше человечности. Какая сентиментальность! Но она родилась из истерики, не

забывай об этом. Дорогая моя, богиня должна подобно ветру нести все запахи: и полевых цветов, и ядовитых испарений. Клянусь, я не так свирепа и своенравна, как тебе это кажется. Эти два народа не могут соединиться естественным путем. Но это совершится. Клянусь!

Правительница поняла, что ее не слушают и стала вглядываться в толпу пленников. Огромная масса людей, похожих друг на друга, была подавлена своим жалким существованием, и никто не смотрел в сторону грозной Зард. Инезия злобно прошипела:

— Он ушел туда, пусть так. Но еще никто не смог убежать из резервации. Стражники получат портрет принца Инезио и мне доложат, когда он найдется. Я сама хочу видеть его тело мертвым, — саркастическая улыбка скользнула по лицу правительницы. — Радуйся, дорогая Лоони. Приказ о нападении на Гонволейн армия получила еще утром. Теперь никто не сможет остановить эту силу, даже я. Колесо истории закручено, и у него слишком велика инерция.

Ее улыбка стала демонической.

— Посмотрим, что получится, когда один главнокомандующий в двух телах будет руководить двумя враждующими армиями. Прощай, милая

Лоони! Твое тело пока останется невредимым. Я хочу уничтожить вас вместе.

Зард Аккадистранская резко повернулась и пошла к своему гримбсу. Спины охранников услужливо пригнулись. Правительница проследовала по этим ступеням, не оглядываясь. Спустя несколько минут каменщики заделали дыру в стене, и ничто уже не напоминало о происшедшем.

Лоони не могла решить, что же делать. Ее тянуло в толпу узников. Но даже Инезия с ее стражниками не стала искать Пта, эта затея была почти безнадежной. Среди моря людей, потерявших интерес к жизни, найти единственного, способного к борьбе, было почти невозможно. Глупо терять время. Надо отправиться в Нушырван, выполнить то, что задумано. И ждать Пта. Надо сообщить ему о начале войны. Но это можно сделать только там, где они условились встретиться. Что он предпримет, когда узнает о нападении, предугадать невозможно. Война способна уничтожить ту молитвенную силу, которой он овладел.

Волна безжизненности всколыхнула сознание Лоони. Происшедшее было слишком тяжелым ударом для богини. Приказ о начале войны отдан,

близится развязка. Злодейские замыслы богини Инезии воплощаются медленно, но неуклонно. Ночью хорошо обученные скриры-убийцы перелетят через древнее море Тета. Лоони попыталась избавиться от страшных мыслей. Ей стало жаль несчастное тело Нийи, которому суждено остаться здесь. Пора в Нуширван.

Глава 21
МЕЖ СТЕН СМЕРТИ

От подстилки, рядом с которой Лоони дралась с мужчинами, до границы «больничной» зоны Холройд добежал за несколько секунд. Он перепрыгивал тела корчившихся от боли, лежавших без сознания. За последним барьером, отделявшим подстилки от общей зоны резервации, он с силой вдавил свое тело в толпу.

Только в узкую щель между чьих-то плеч он заметил, что Лоони еще борется с человеком, который хотел уложить на подстилку больного брата. Остальные продолжали без движения лежать на своих местах. Среди больных были и женщины. Даже если в одном из женских тел богиня Инезия, она не успела бы заметить, куда скрылся Холройд-Пта. Похоже, что непосредственная опасность в данную минуту Пта уже не угрожает.

Он попытался найти место, где не было бы так тесно. На каждом квадратном футе находился человек. Протискиваясь через толпу пленников, Холройд искал свободное место. Ему казалось, что

ноги идут по зыбкому песку, как будто он стоял в вязкой жиже. Но это была иллюзия, его угнетало чувство страха и безысходности, пронизывающее все пространство резервации. Наконец Холройд нашел уголок, где между стоящими людьми было немного пространства. Здесь он успокоился, и в сознании возникла мысль спрятаться в укромном уголке. Необходимо найти тайное убежище и оставить там свое тело. Бессмысленно блуждать в людском океане.

Пришла ночь. Холройд все еще оставался у подножия стены, к которой примыкала «больница». Как и другие, он улегся прямо на землю, ежеминутно его пинали в спину. В поисках свободного места бродили сотни людей, то и дело наступая на лежащих. Грязная босая ступня прижала волосы Холройда к земле. Он резко дернул незнакомца за ногу и поднялся. Потревоживший его спокойствие молча улегся на свободное место и закрыл глаза. Надо искать ворота, через которые можно выбраться из этого каменного мешка, подумал Холройд. Он понимал, что там наверняка много охранников, но это не тревожило.

Холройд бродил, переступая спящих и пытаясь встретить хоть кого-нибудь способного на побег. Наконец он спросил одного мужчину:

— Как нам отсюда выбраться? Куда идти?

Мужчина глянул на него с интересом, но не ответил. Десятки других глаз безумно следили за теми, кто не находил места для ночлега. Холройд ощущал, что его сознание стремится пробить массивную стену отчуждения и открыть истину этим несчастным, но все попытки тщетны.

Продолжая медленно бродить среди спавших, Холройд искал закуток, где его тело не будут топтать. Он был подавлен людской массой и сознавал, что место, огражденное от внешнего воздействия, сможет дать покой не только телу но и мозгу. О своей душе он волновался меньше, чем о плоти. Если телесная оболочка Пта попадет в руки Инезии, то она постарается уничтожить тело. Надо найти какой-то выход, он должен существовать.

Неожиданно в ушах зазвучал голос. Холройд сразу уловил, откуда он исходит. Футах в пяти-десяти справа на стене стоял человек с рупором. Над толпой произносились отрывистые фразы:

— Резчики… те, кто обучен уходу за боевыми скрирами… подходите к плотницким ямам… там на склоне холма…

Глашатай прошел футов сто по гребню стены и снова повторил свой призыв. Кто-то из узников

произнес:

— Нас заманивают на крутой склон. Это ловушка, я резчик, но не пойду туда.

Холройд понимал, что никто из пленников не знает истинных целей резервации. Коварство ночных глашатаев было более изощренным. Они заманивали жертвы для обучения атаке на людей боевых скриров. Генеральный штаб Аккадистрана здесь проводил учения пернатых эскадрилий в условиях, максимально приближенных к реальности. Но рабочие места резчиков могли стать местом, где удастся скрыть свое тело и отправиться в Нуширван. Кроме того, надо узнать о тактике боя с участием дрессированных скриров. Пробраться сквозь толпу к дальней стене не составило большого труда. Там было значительно просторнее. Наиболее отчаянные мужчины и женщины расхаживали по самому краю холма. Дальше был пологий спуск. Надсмотрщики время от времени сталкивали туда тех, кто был ближе. Внизу их строили в колонны по сто человек и подводили к каким-то норам у подножия высокой стены. Вооруженные охранники следили за порядком в колоннах, а безоружные, но физически сильные солдаты впихивали людей в норы. Жертвы кричали от ужаса, но их не было слышно

из-за общего шума, стоявшего внизу.

Сверху было видно, что справа от нор, где исчезали люди, находились большие ворота. А за ними начинался ряд стен, перпендикулярных той, которая отгораживала резервацию от остального мира. Эти стены были чуть выше основной, и можно было заметить их продолжение за пределами резервации.

Пока Холройд изучал обстановку, воины с копьями дважды пытались спихнуть его со склона, там формировалась новая сотня. Но он каждый раз ускользал от них, и стражники хватали других пленников, которые не сопротивлялись. Решив, что сверху ничего нового не узнать, Холройд сам ринулся вниз. Он бежал по склону, обгоняя тех, кого спихнули стражники, ловко протиснулся сквозь толпу и очутился перед одной из ям. Оттуда доносились глухие удары деревянных и каменных кувалд. Каждый удар будил в сознании Холройда забытое чувство божественной ярости. Он бросился дальше, в сторону ворот.

Раздался крик:

— Назад! В строй! Жди своей очереди, иначе проткну!

Его били, кололи копьями, толкали, но Холройд пробивался к воротам. Словно бульдозер, он про-

таранил охрану и добрался до цели. Там стояла дюжина мужчин, вооруженных легкими пиками или луками. Стрелы и пики у всех были с каменными наконечниками. Их головные уборы украшали перья. Холройд сообразил: долговязый с четырьмя перьями должен быть старшим офицером.

Ярость молнией осветила мозг, и он устремил свое существо в офицера. Сначала тот сопротивлялся… затем..

— Бросьте этого торопыгу в яму, если ему так хочется резать камни, — крикнул он глухим голосом и указал рукой на свое тело, которое стражники крепко держали под руки…

«Как плохо я выгляжу. Грязный, худой, волосы всклокочены. На месте Лоони я бы давно забыл о таком доходяге».

Холройд вернулся в свое тело, когда оно уже лежало на дне ямы, ближней к воротам. Она была размером около двух сотен квадратных ярдов и проходила под стеной. Холройд позволил себе передышку и лежа осмотрелся. Мозг впитывал информацию, как губка.

На дне длинной ямы стояли ряды скамеек, где сидели такие же изможденные люди, как и он сам. Перед каждым стоял небольшой стол,

рядом горшок с клеем, в руках пила из светлого металла. Холройд зачарованно смотрел, как мастера кувалдами разбивали каменные глыбы, выбирали подходящие осколки, обрабатывали их пилой. Как они умудряются не разбить или же не отрезать себе пальцы, думал Холройд. Такое количество мастерских может обеспечить наконечниками копий и стрел всю армию Аккадистрана. Из какого металла сделаны эти пилы? Режут камень, как масло. Каким клеем они прикрепляют камень к дереву? Много интересного можно узнать здесь, но сейчас важнее другое.

Холройд медленно поднялся и пошел под стену. Какой-то толстяк тут же подбежал к нему, крича на ходу:

— Ты новенький? Почему один?

Он повязал Холройду на левый локоть ленту с номером и продолжил:

— Теперь ты номер триста сорок семь. Ищи себе место. Я потом покажу, что надо делать. Учти, работа тяжелая, но жить будешь дольше. Ленту не потеряй. Кто отказывается работать или теряет ленту, уходит первый. А так будешь ждать своей очереди.

Холройд молча смотрел в глаза говорившему.

— Ну, что уставился? Я старший сотни. Или

надеешься, что тебя назначат на мое место? Не рассчитывай прожить лишний месяц и есть три раза в день. Мне еще неделя осталась. Будешь получать свою пайку только утром и последним, я прослежу. Сегодня ушел сто сорок седьмой. Вопросы будут?

Проходя мимо скамеек, Холройд смотрел на номера ленточек резчиков по камню. Свободное место он нашел на краю одной из скамеек. Рядом работал парень с номером сто пятьдесят три. Это означало, что сегодняшний день может оказаться последним в его жизни. Холод проник в мозг, Холройд сел рядом и сказал:

— Добрый человек. Я вижу, ты не трясешься от страха даже перед лицом смерти. Как твое имя?

Парень ответил:

— Мое имя Крэд, уважаемый.

Затем он обмакнул древко пики в клей, насадил только что выточенный наконечник, бросил его в сторону и взглянул на Холройда.

Его лицо расплылось в улыбке:

— Что бы сделали со мной, назови я просто уважаемым того, кто очень похож на тебя. Пошли к старшему нашей сотни.

Пробираясь за парнем, Холройд так же, как он собирал готовые пики и копья. При этом он

продолжал оценивать свое положение.

Он не ошибся, скрыв от богинь знание своего нового могущественного дара, который влился в его тело, побывавшее на троне. Там, на полу, лежал тот, кого привела к цели звериная ярость, переходящая в агонию. Это чувство исчезло. Нет агонии. И нет зверя. Но есть капитан Питер Холройд из танкового корпуса армии США. И он способен перенести свою сущность в любое тело.

Это грандиозно.

Размышляя о стратегии войны с Нуширваном, Холройд понял, что новые возможности дают шанс нарушить планы Инезии, даже если учесть, что она способна посылать свое тело через пространство. Пожалуй, и раньше он вел себя правильно, логика его рассуждения оказалась верной. Трон был всего лишь источником хранившейся части могущества Пта. Оно уже использовано, и дополнить божественную силу могут только молитвы женщин.

Сознание подсказывало, что ситуация требовала практически раздвоения его личности. Необходимо знать, о чем будут говорить, как действовать две богини Гонволейна. Только в их беседе между собой с губ Лоони снимается печать молчания, а Инезия, оправдывая и хвалясь ста-

рыми победами, невольно дает ключ к разгадке новых козней. Теперь у него начинал вырисовываться достаточно мрачный план действий. Инезия намеревается начать наступление. Если предотвратить атаку, то Великий Пта выиграет схватку со смертью в образе златокудрой красавицы.

Полубог был ближе к людям, чем богиня. Он чувствовал — Инезия обречена на гибель. Обладая магической силой, она забывает или презрительно игнорирует одно свойство, присущее каждой личности. Может быть, божественный разум не в силах понять его значение.

Люди способны противостоять божественной мощи, если…

— Мы пришли, — сказал Крэд.

Холройд внимательно смотрел на высокого, сероглазого и абсолютно седого мужчину. Крэд обратился к нему со словами:

— Старший по яме, я привел новенького. Думаю, что ему надо показать.

— Ладно, — равнодушно ответил старик. — Покажи ему.

Глава 22
ПИЩА БОЕВЫХ СКРИРОВ

Сначала Холройд смотрел только на скриров, круживших над огромной ареной. Только в подсознании отложилось то, что огромное пространство вокруг заполнено людьми, наблюдавшими своеобразный спектакль. Он отметил, что в полетах стай огромных птиц есть определенная система. Боевые скриры летали десятками. На спине одного из скриров, составлявших своеобразную эскадрилью, сидел наездник. Остальные летающие чудовища повторяли каждый маневр ведущего скрира, словно самолеты в строю. Внезапно одна из эскадрилий резко спикировала вниз. Только сейчас Холройд понял, что на арене находились сотни мужчин и женщин, предназначенных в пищу птицам, проходившим обучение участию в боях.

Холод сжал мозг, словно металлический обруч. Глаза Холройда не могли оторваться от ужасного зрелища. На арене шло сражение, жертвы пытались защитить свою жизнь. Они держали над головой грибообразные щиты, пытаясь

поразить или просто отпугнуть прожорливых врагов длинными пиками. Птицы были неплохо натренированы и ловко уклонялись от уколов пиками, и выклевывали из толпы людей, словно червяков. Кошмарная атака длилась минуты четыре, затем эскадрилья взмыла вверх, унося в клювах и лапах страшный груз. Проследив за полетом, Холройд увидел, что птицы отнесли несчастных к месту, где располагались птенцы боевых скриров и начали их кормить.

— Они откармливают свой молодняк мясом? — спросил Холройд. Старший по яме, казалось, не расслышал вопроса. Крэд собирался ответить, но не успел. В голосе Холройда появилась свирепость.

— Невероятно! Хотел бы я знать, что за дьявол выдумал эти дурацкие щиты?

Крэд в удивлении раскрыл рот, не зная, как реагировать на поведение новичка. Седой старик угрюмо произнес:

— Сначала ты ответь мне…

Взглянув на лицо Холройда, старик осекся. Зрачки его расширились. Потрясенный своим открытием, старший по яме не мог говорить. Затем…

— Принц!.. Принц… Инезио!

Он упал на колени, слезы градом катились по лицу. Старик пытался целовать руку Холройду и бормотал:

— Я знал… Я верил… Богиня должна была прислать помощь… Я знал, что это издевательство над жителями Гонволейна не может продолжаться бесконечно… Принц Инезио! Хвала богине! Хвала богине!

Холройду с трудом удавалось сохранить спокойствие. Мозг переполнялся необузданной яростью, способной разнести на кусочки его тело. До этого мгновения он был способен оставаться холодным и внешне спокойным. Это было спокойствие вулкана, покрытого снежной шапкой, но переполненного бурлящей лавой. Гармония льда и пламени, разума и безрассудства, бога и человека. Прославление богини этим стариком нарушило неустойчивое равновесие сознания.

Чудовищная, гнусная и лживая истина!.. Хвала богине? За что ее благодарить? Эту бесстыдную, подлую, похотливую ведьму? Эту дьяволицу, жаждущую крови, славы и власти?

Эти мысли не были произнесены, но прозвучав в сознании, погасили волны ярости. Старший по яме узнал в нем принца и поверил в реальность спасения. Вера в богиню может оказать помощь в

осуществлении плана. И он спокойно произнес:

— Встаньте! Теперь вы маршал! Храните веру живой. Нас ждут нелегкие дни. Богиня Инезия послала меня сюда и наделила божественной силой для борьбы с этим святотатством.

Старший по яме поднялся, размазывая слезы, и Холройд осознал, что этот маршал теперь верно служит своему главнокомандующему. Можно ли так же надеяться на остальных смертников?

— Неужели, маршал, вы не могли изготовить более надежного оружия, чем эти пики. Да и деревянные зонтики не лучшая защита от боевых скриров. Новоявленный маршал выпрямился, на его лице появилось выражение уверенности. Решительно смахнув последние капли слез, он звонко произнес:

— Ваше Высочество, мы можем делать для наших людей лучшее оружие. Я уже семь лет здесь и кое-что придумал. Мы готовы испытать на следующей сотне мою идею защиты от скриров. Разрешите показать?.. Я сейчас вернусь.

Маршал побежал в яму, а Холройд с Крэдом остались наверху и молча наблюдали за атакой очередной эскадрильи. Страшный спектакль продолжался.

Старик вернулся довольно быстро. В его руках

был длинный шест с зазубренным наконечником на одном конце и большим крюком на другом.

— Смотрите, принц, этот шест длиннее пики. Он легкий и крепкий. Мы их можем делать из обычного газового дерева. Когда скрир атакует, то надо крюком захватить его шею или лапу, а другой конец воткнуть в землю. Скрир — птица не очень умная. Даже если скрир ошибется, то он рухнет на землю и раздавит своим телом уколовшего. Потом он поднимется и улетит еще более злым. Один укол пики не убивает такую птицу.

Холройд взял новое оружие в руку, попытался имитировать его применение и произнес:

— Тот, кто зацепит скрира за шею или лапу, неминуемо погибнет.

— Но птица не сможет сразу подняться. Другие успеют своим пиками нанести много ран или стрелой смогут пробить толстую кожу на шее. Мы дадим шанс выжить многим. Если Ваше Высочество не возражает, то я пошлю на арену несколько человек с этим оружием.

Холройд ответил сухо:

— Только двоих. Они не смогут победить сотни птиц сегодня. Время для решительных действий еще не наступило.

Он понимал, что богиня может уловить связь

исчезновения Пта со сменой тактики боя жертв гладиаторов.

Когда два человека с новым оружием погибли, Холройд улыбался. Рядом с их трупами бились в агонии четыре огромных птицы.

Идея новоявленного маршала была полезной.

С каждым часом в Холройде росла уверенность в правильности своих действий. На подготовку к схватке надо еще много времени. Не хватает умения командовать, не все известно об армии Аккадистрана. Этой ночью надо бежать из резервации. Каждый час, проведенный здесь, дает богине шанс обнаружить Пта. Этого допустить нельзя. Он должен выбраться из этого ада. Ночью!

Глава 23
МОРЕ ТЕТА

Для тела Холройда были приготовлены носилки. Старый маршал и Крэд были предупреждены и ничему не удивлялись. Узники резервации умели держать молчание, не испытывали страха перед смертью и безгранично доверяли принцу, посланному богиней.

Затем было занято тело старшего офицера, командовавшего охранниками, доставившими в яму вечернюю пищу. Аккадистранский офицер — Холройд — спокойно приказал поднять носилки с безжизненным телом. Двое дюжих стражников выполнили команду, остальные молча последовали за ними.

Потом они шли по длинным коридорам, где было много охранников и воздух переполнял малопривлекательный запах пищи. Один из коридоров в этом лабиринте раздваивался, как язык змеи. Почти все стражники и прислуга сворачивали влево, но Холройд приказал нести свое тело в правый коридор. Очутившись перед дверью, офицер распахнул ее и приказал нести

носилки с телом дальше. Охранники с носилками стали спускаться по лестнице. Другой офицер внизу встал, глянул на тело, освещаемое тусклым светом факелов. Он не успел произнести ни слова, сущность Холройда перетекла в его мозг.

Офицер крикнул командиру охранников, носивших пищу:

— Веди своих обратно. Эти с носилками вернутся потом.

Он направился дальше, минуя столы, за которыми люди пили какую-то бледно-пурпурную жидкость, похожую на виноградный сок или вино.

Холройд заметил у больших дверей напыщенного субъекта. За этой дверью — выход. Субъект без сопротивления позволил завладеть своим мозгом. Он суетился, отсылая офицера, чуть не поскользнулся на ступеньках крыльца, но стражники с копьями в струнку вытянулись перед этим вельможей.

Они вышли на улицу и пошли вдоль стены.

Стена! Внешняя стена резервации. Сознание Холройда встрепенулось. Один из тех, кто ходил по стене, наблюдал за узниками, с ухмылкой глянул на носилки с безжизненным телом Пта. Свобода!

Осмотревшись по сторонам, Холройд приказал стражникам:

— Несите его вниз по этой улице. Ну, что уставились? Там есть повозка, которая заберет эту падаль.

Он шагал уверенно, внимательно изучая все, что попадалось на пути, пытаясь в полумраке выяснить, куда ведет дорога.

Стена, за которой была страшная арена и толпы гладиаторов, окружала огромный холм. Слева, у подножия холма, виднелись редкие дома и целая сеть дорог, ведущих к городу, за которыми виднелась гавань, заполненная кораблями. Город не привлек внимание, а вот гавань…

Добраться туда можно быстро. Надо завладеть телом капитана корабля и… Нет… Нетерпение нарастало. Могущественные способности проникать в любое тело дают возможность завладеть скриром. Плавание на корабле — это потеря времени. Как хорошо, что ни одна из армий не вооружена зенитными орудиями…

Мысль оборвалась, когда Холройд увидел, что стена уже далеко и вокруг никого нет. Он остановился и приказал носильщикам:

— Бросьте его там, в кустах, подальше от глаз. А носилки унесите обратно.

Стражники возвращались по дороге с обычной для людей их профессии уверенностью, что все происшедшее вполне естественно и они точно выполнили приказание старших по званию.

Как только они исчезли из виду, вельможа направился по их следам. Холройд довел его вдоль стены до того крыльца, где проник в его мозг, открыл дверь и громко крикнул:

— Без меня ничего не случилось?

Он не стал выслушивать заискивающие рапорты, что все в порядке, пьяных нет и так далее. Холройд уже был в теле Пта.

Ухмыльнувшись, он вскочил на ноги и быстро направился к подножию холма. Здесь не было никаких строений, свет факелов со стены сюда не доходил. Наступившая ночь сулила удачу.

Идя по дороге, Холройд пытался представить ощущение людей, в которых входило его сознание. Испытывают ли они страх от потери возможности управлять телом, речью, мыслями. Думают ли они вообще в это время? Наверняка офицеры, помогавшие Пта выбраться из резервации, смутно помнят свои действия. Он старался организовать свой побег самым естественным образом. Даже если сама Инезия будет расспрашивать об этом случае, то они не смогут раскрыть

ей истину. Поздно вечером забрали труп из ямы, унесли подальше и выбросили, а утром его склевали скриры. Ничего необычного не произошло. Все офицеры могли убедить себя, что действовали по своей воле. В глубине души Холройд надеялся, что так случится.

Он свернул на одну из тропинок, которая вела к зданию, похожему на ферму. До наступления полной темноты осталось не более получаса. Уловив в одной из ферм движение, Холройд направился туда. Отрыть дверь загона для скрира было не просто, наконец удалось сдвинуть засов с места и проникнуть внутрь. Пара пылающих глаз раскачивалась в темноте, жесткие перья птицы зловеще шуршали. Сдерживая нетерпение, Холройд приблизился к скриру. Тот вел себя спокойно и не сопротивился неумелым попыткам закрепить седло и удила. Домашние скриры вели себя совсем не так, как боевые убийцы.

Труднее всего оказалось забраться на спину птицы без помощников. Только с третьей попытки Холройду удалось очутиться в седле. Взлетев, птица сделала круг над родным двором, залитым холодным светом луны и послушно направилась к побережью моря Тета.

Только утром впереди показалась земля. Лес на-

чинался у самого берега. Казалось, среди холмов и нескончаемого леса нет и признаков жилья. Холройд уже два часа летел над землей со скоростью не меньше ста миль в час. Он думал, где лучше спрятать свое тело, когда дух направится в Нуширван. Внезапно необычная мысль пришла в голову, он оглянулся на огромный хвост скрира. Пусть птица летит над лесом, он может привязать себя к седлу и получит несколько часов свободы духа без особого риска. Через минуту его тело осталось далеко позади.

Сущность Холройда устремилась в пространство. Полет сквозь пространство был уже знаком. При переходе в тела людей там, в резервации, он не успевал ощутить движение. Сейчас его обуяла жажда полета, свобода маневра. Насладившись, он попытался остановиться и ощутить дыхание пространства. Но вокруг не было ни света, ни воздуха. Душа не могла ощущать пространство. Вселенная черна и пуста для нее.

Он вернулся в свое тело, попытался успокоить волнение и понял, что птица продолжает спокойно лететь в сторону Нуширвана.

Что нужно сейчас делать? Как это узнать? О чем говорила Инезия? Что свою истинную сущность нельзя познать до конца, пока она связана

с телом. Он помнил первое посещение царства тьмы, сущность должна быть способна управлять телом, находясь вне его. Может быть, мешает высота, или этот вид божественного проявления сейчас недоступен для Пта?

Он заставил себя взглянуть вниз. Сплошной лес, ни города, ни реки, ни озера. Сущность Холройда устремилась в пространство, но не туда, куда продолжало лететь его тело. Наконец, появилось ощущение опоры. Он спускался ниже, и чувство давления усиливалось. Оно знакомо! Вода? Впервые божественный дух, покинувший тело, ощущал что-то, кроме собственных мыслей. Он над морем Тета.

Проверив свою догадку, Холройд заспешил обратно. Должно быть, он летел близко к поверхности, ощущение опоры духа исчезло внезапно. Земля! Тело другого человека можно ощутить в полете так же, как воду. Надо только преодолеть много сотен миль до столицы Нуширвана.

Холройд точно ощутил скопление людей и реку. Снизившись, он чувствовал присутствие живых тел. Он выбрал ближайшее, устремился в него и ощутил потрясение, подобное шоку от удара электрическим разрядом.

Женщина!

«Надо быть осторожнее», — подумал Холройд. Раньше, когда он устремлялся по прямой в тела людей, которых мог видеть, такие ошибки были невозможны. Сейчас сознание улавливало только слабые сигналы, не различая при этом пол, возраст и даже место нахождения человека.

Следующая попытка Холройда была не такой опрометчивой. Он приблизился к источнику ощущения жизни достаточно близко. Не ощутив чужой ауры или сопротивления, он вошел в тело, став чиновником мелкой конторы, перебиравшим бумаги на своем столе. Из этих бумаг следовало, что столица расположена в двадцати пяти канбах севернее.

Следующее тело принадлежало солдату, идущему по торговой улице на окраине столицы Котахэй. Холройд продолжал путь к центру города вместе с солдатом несколько минут. Его мозг должен привыкнуть к ярким краскам, детским крикам, запахам города.

Затем, став усатым молодым человеком крупного телосложения, служившим писцом во дворце Нушира, он узнал, что владыка страны беседует в своих покоях с женой Калией.

Уводя писца от покоев Нушира, Холройд вспомнил младшую жену владыки Нуширвана. Она

такая же светловолосая, как Инезия, но не так зла. Спустя минуту он уже смотрел на Калию глазами Нушира, которая продолжала говорить с мужем:

— Надо ввести во всех замках, крепостях и укреплениях новый порядок. Пусть женщины живут отдельно от военных мужчин и не владеют оружием. Они должны молиться за мужей. Надо отправить посланников к вождям мятежников, в первую очередь к маршалу Маарику, Оилику, Ларго, Сарату, Клауду. Предложи им освобождение через нашу страну. Объясни, что ты не в состоянии противостоять Зард Аккадистранской, которая действует заодно с Инезией.

Холройд положил руку на плечо младшей жены Нушира и мягко произнес:

— Повремени с наставлениями, Лоони. Я прибыл договориться о встрече с тобой. Где мы можем повидаться, находясь в своих телах?

Сказав это, он широко улыбнулся и стал ждать ответа.

Глава 24
СВИДАНИЕ В КОТАХЭЙ

Лоони долго не отвечала. Глаза пухленькой Калии увлажнились, руки задрожали. Она поднялась с кресла и прошептала:

— О, Пта!

Затем, стряхнув оцепенение, она рванулась к мужу, схватила его за руку и быстро заговорила:

— Пта, она уже отдала приказ! Ты понимаешь? Армии готовятся к войне. Нападение неизбежно!

— Хорошо, — ответил Холройд.

Голос Нушира не смог передать истинное значение этой реплики. Блондинка отшатнулась назад и потрясенно смотрела на Холройда.

— Не будь наивной, — угрюмо продолжал он. — Сейчас мы не можем помешать Инезии осуществить ее замыслы. Но если мои выводы верны, все это обернется в нашу пользу. Мы можем чувствовать симпатию к этим бедолагам, готовящимся к смертельным битвам, но действовать опрометчиво не следует.

Холройд замолчал и дождался, когда с лица Калии-Лоони окончательно исчезнут страх и

смятение, затем продолжил:

— Нушир уже знает много наших тайн. Теперь надо точно установить, на чьей стороне будет его армия в будущем. Я надеюсь, что личность, устремившая свои желания к развязыванию войны между Аккадистраном и Гонволейном, не станет тратить времени и усилий на Нушира Нуширванского.

Он способен понять, что обеспечит себе долгую жизнь и спокойную старость, если изменит форму правления в государстве. Чем плоха для него и его потомков конституционная монархия. Представь парламент, действующий по воле восьмидесяти или восьмидесяти пяти миллиардов жителей. Сколько бы ни вошло туда людей, они не смогут игнорировать волю своих избирателей. Форму правления в городах можно не менять. Не вижу причины, чтобы Нушир отказался от этой идеи.

Печальные глаза Лоони напомнили Холройду о его теле, привязанном к спине летящего скрира. Если бы он знал раньше, что приказ о начале войны отдан, то не рискнул бы совершить этот поступок. Эскадрильи боевых скриров Зард могли уже подняться в воздух. Время уходит.

— Лоони, мне нужна твоя помощь. Нам очень

важно соединиться физически. Для этого надо точно определить, где сейчас находится мое тело.

Он стал объяснять, как проходил полет на юг через море Тета, затем на запад через бесконечный лес, к необитаемым берегам Гонволейна. Лоони оборвала этот рассказ:

— Действительно. На востоке от города Пта есть огромный лес, Пта. Если скрир будет продолжать полет прежним курсом, то вскоре прилетит к заливу, где встречаются три реки, текущие в древнее море. В этом заливе есть пять островов. Жди меня на том, который ближе к южному берегу. Я приду в теле, которое ты видел, когда я поднялась на великий утес. Это теперь единственное законное и свободное от души тело, которое я могу занять.

Она смущенно улыбнулась, затем серьезно спросила:

— Пта, у тебя есть план действий? Я имею в виду такой, который приведет к свержению Инезии… и ее смерти.

— Я понял смысл происходящего и верю в разум и здравый смысл людей. Мое новое оружие сбережет миллиарды человеческих жизней. Теперь у меня есть возможность проникать в любой

мозг, включая владык, вроде Нушира. Но если Инезия ухитрится овладеть моим настоящим телом прежде, чем я буду готов к действиям, то это обернется бедой для всех. Больше я не могу сейчас сказать.

Он видел, что голубые глаза озабоченно пытаются уловить глубинный смысл слов, но пухлое лицо Нушира ничего не выражало, поэтому Лоони спросила:

— Сколько времени пройдет, прежде чем ты начнешь действовать?

Холройд тяжко взглянул. На этот вопрос он не мог дать ответ. Слишком сложно было представить все последствия его действий. Ему было необходимо не менее пяти месяцев. Смертельный приговор для Лоони был отсрочен на полгода, но часть отведенного срока уже прошла. Больше пяти месяцев на подготовку тратить нельзя. Эта мысль заставила вздрогнуть обоих.

Через пять месяцев боевые скриры Зард учинят бойню на севере Гонволейна. Мужчины, женщины, дети будут гибнуть сотнями миллионов. Города не выдержат осады, и захватчики будут кормить телами их жителей боевых скриров и гримбсов. Встающие перед глазами Холройда ужасные сцены похожи на страшный суд, апока-

липсис, конец света.

Чтобы осознать весь ужас возможного развития новой истории Земли, Холройд пытался вспомнить 1944 год. Человечество не первый раз получает жестокие уроки.

Надо подавить страх, не поддаваться ему и терпеливо готовиться к сражению с дьяволом. Только за час до решающей битвы надо приготовить оружие и покончить со злом одним, но сокрушающим ударом.

Холройд вытеснил из сознания фантасмагорические картины и быстро произнес:

— Я увижу тебя в дельте трех рек и все объясню. До встречи.

Через десять минут он вернулся в свое тело и увидел, что скрир подлетает к заливу. В него впадало три реки. Вот и острова, описанные Лоони. Сама богиня прибыла сюда только через два дня.

Глава 25
ВТОРЖЕНИЕ В ГОНВОЛЕЙН

Островок, где жили Холройд и Лоони, был маленьким раем для двух тел. Худая и загорелая девушка и высокий мужчина с темными волосами чувствовали себя в полной безопасности. Холмы и впадины этого острова были покрыты зеленью. В джунглях зрели фрукты, ручьи журчали чистой водой. Мягкая трава всегда была готова служить постелью влюбленным телам.

Они ждали, когда к Холройду потечет могущественная сила, способная дать надежду на спасение. Если женщины начнут молиться у жезлов, то победа над злом свершится.

Шли дни… недели…

Время текло неумолимо. Они вселялись в чужие тела на всех континентах Земли, выбирая наиболее влиятельных людей. Это требовало терпения и настойчивости. Человечество было слишком огромным.

Правители, маршалы, чиновники, удельные владельцы и мятежные командиры, их жены — все они были пронизаны рабской психологией

и не хотели перемен. Слишком часто Лоони и Холройд-Пта слышали во всех концах света одни и те же фразы:

«Богиня ничего не говорила. Она бы предупредила народ».

«Война с Аккадистраном не объявлена. Где свиток с печатью Инезии?»

«Твои слова лживы».

Богиня действительно ничего не говорила людям. Но слухи распространялись подобно инфекции болезни, от которой не помогают никакие лекарства. Торговые караваны гримбсов возвращались из странствий пустыми, гонцы на скрирах приносили известия из приграничных районов. Нелегко было верным слугам Инезии утаить от людей подготовку к войне. С севера Гонволейна стали прибывать беженцы, неся вести о терроре захватчиков. Но богиня молчала.

Холройд пытался представить Инезию в замке Пта. Перед его мысленным взором всегда представали покои принца Инезио и золотоволосая красавица в белом платье. Тогда он не знал, что Инезия способна хладнокровно вести Пта к гибели и хохотать, говоря о миллионах смертей.

Лоони и Холройд направились в столицу Пта. Город словно вымер. Они стояли на высоком

холме, с которого открывалась панорама на весь город и море. Супружеская пара, чьи тела они заняли, проходя по вечерним улицам, на каждом перекрестке читала листовки, наклеенные под факелами.

«Жители Пта!

Бедствие обрушилось на земли Гонволейна. Безбожные мятежники, обезумев, напали на Нушырван. Армия Аккадистрана начинает мстить нам за подлость бунтовщиков.

Ночью в городах не должно быть света.

Не позволим боевым скрирам Зард Аккадистранской вероломно напасть на нашу столицу.

Верьте в богиню!»

Верьте в богиню? О, Колла! О, Пта!

Холройд сказал, обращаясь к своей спутнице:

— Удивительно, Инезия только сейчас сообразила, что темнота на руку захватчикам и ничего не дает обороняющимся. Отсюда мы увидим первую атаку.

Лоони молча положила голову на плечо мужу. Темнота сгущалась, в небе тянулись зловещие облака, город погружался в кромешную тьму. Холройд уже не мог видеть крыши домов, башни замка, но чувствовал близость вечного города Пта, столицы света, древнего дома сиятельного

Божественного владыки веков.

Столица Пта во тьме! Впервые за все времена там не горел ни один факел. Пта растворился в ночи и стал подобен бесформенным холмам, видневшимся вокруг.

Через облака пробился лунный свет и осветил печальный облик Лоони. Она прошептала:

— Пта, скажи, что еще надо делать? Неужели мы будем только смотреть на все это. Уже пало девять городов на западе, сорок три на северо-востоке, восточное побережье полностью захвачено Зард, на северном держится только Калурна. Вчера пали восточные столицы провинции Лира, Гали, Ристерн, Танис.

— Этой ночью падет и столица Пта, — спокойно ответил Холройд. — Нет, Лоони, сейчас мы не можем ничего сделать. Даже если вмешаемся в действия идущих на штурм, польза будет минимальной, кроме того…

Он умолк, Лоони ощутила, как напряглось его тело. Затем рука Холройда указала на огромную тучу в северной части неба.

— Смотри и слушай!

Лоони насторожилась, ее слух уловил звуки, подобные тем, что предшествуют приближавшемуся шторму. Это не ветер. Ужасные звуки

нарастали. С черного неба доносилось:

С-к-р-р-р-и-и-и-р-р…

Черная туча оказалась стаей сотен тысяч боевых скриров. Грубые, пронзительные крики заполняли вселенную. Сколько крыльев летающих убийц рождают это шипение в небе — пятьсот тысяч, десять миллионов? Какой десант они принесли?

Сверху донесся пронзительный сигнал. Туча ринулась вниз. Безумная бойня в столице началась.

Очутившись на острове, Холройд в ярости закричал:

— Я разорву ее тело на куски! Я выдерну золотые волосы клочьями! Я…

Сознание подсказывало Холройду, что с Инезией, этим воплощением дьявола, надо поступить по-другому. Ярость погасла.

Битва за Гонволейн шла с переменным успехом.

Не все города переходили в руки врага после первого штурма. В армии на вооружении появились шесты с крюками, восточная группа войск давала отпор аккадистранцам в воздухе. Главный штаб агрессоров уже не мог формировать достаточно крупные стаи боевых скриров для штурма

сразу трех городов.

Холройд был уверен, что за всю историю цивилизации на Земле не было столь кровопролитной войны. Огромная армия Гонволейна уже давно не получала достаточно пищи. Огромные массы обезумевших людей, преодолевая отвращение, ели жесткое и противное мясо скриров и гримбсов, стараясь не смотреть друг другу в глаза. Холройд скрывал от Лоони, что в армии уже поговаривали о случаях людоедства. Ожидание было тягостным. И все же единственным средством, дававшим надежду на победу — было ЖДАТЬ.

И они ждали. Много раз богиня в теле однажды умершей девушки и полубог с горящими от ненависти и бессилия глазами обсуждали свои планы и ждали. Они надеялись на любовь.

В одну из ночей, когда они, обнявшись, лежали на мягкой траве, Холройд тихо произнес:

— Знаешь, я понял, что божественное могущество — это очень простая вещь. Сначала появляется возможность направить свою сущность, которую люди называют душой, в любое тело. Потом приходит умение перемещать тело в пространстве или управлять им на расстоянии. Но этого мало, чтобы стать богом. Власть приходит с умением преодолевать время, отправляясь

в прошлое и будущее, преодолевать спираль бытия, вырываться за ее пределы. Я попал в Гонволейн, минуя все витки, накрученные временем за двести миллионов лет. Сработал второй круг божественной власти.

Есть и другие круги власти. Путешествие умов, в которое Инезия была вынуждена направить меня, показало, что чары Пта подобны гипнозу. Даже она не смогла полностью подавить другой разум. Мое могущество не позволило это сделать.

Голос Лоони мягко прозвучал в темноте:

— Древний Пта знал особенности человеческой психики и пределы возможности мозга. Кругов власти шесть. Большее количество нельзя прочно удерживать в одном разуме одновременно. Подумай и согласись, Пта не ошибся, выбирая составные части своей божественной силы.

Холройд устало кивнул. Этой ночью он больше не произнес ни одного слова.

Больше месяца Холройд и Лоони не говорили о божественной силе Пта. Он стал замечать, что с каждым днем тело Лоони становилось все более совершенным, черты лица приобретали благородные пропорции, острые скулы уже не были заметны, глаза сверкали теплым светом. Холройд

вспоминал их в первую встречу: водоросли во всклокоченных волосах, сабля, способная поразить Пта, которого забыли женщины Гонволейна. Зачем она делает из нового тела идеал, достойный любви бога? Все женщины хотят украсить себя, даже богини.

— Скажи, что любил прежний Пта? Почему он стремился слиться с народом? Может, эта его ошибка позволила Инезии низвергнуть его страну?

Лоони уверенно произнесла:

— Посмотри в свою душу, Питер Холройд! Ты — Пта, я чувствую, я знаю это. Ты прежний Пта, великий, мудрый и мятежный Пта. Посмотри на себя и увидишь, каким был Пта… и каким он будет!

Холройд ничего не ответил, и она продолжила:

— Слияние с народом не может принести зла богу этого народа. Он мне говорил, что разум иногда порождал темные мысли, чужие желания, жестокие поступки, которые могли быть смыты только в одном источнике — жизненной силе людей. Он не хотел зла и боялся перерождения. Если его страхи были небеспочвенны, то сейчас в Гонволейне происходит не крах веры в богиню, а возрождение надежды на Пта.

Сейчас я знаю, что все желания Пта есть в тебе. В подсознании Холройда уже родилась истина. Грех не должен сковать разум народа. Мы разобьем оковы зла и победим врага его же оружием, не потеряв доброты. Пта! Не терпи пороки, не уменьшай желание творить добро!

Почти не дыша, она ждала ответа, но Холройд молчал. Он смотрел на нее и не видел. Слышал ли он сейчас свою жену?

— Пта, ты почувствовал новое могущество? Оно выросло? Скажи!!!

— Да… я ощущаю… Смотри, Лоони, сегодня должно получиться.

Он шагнул в ручей, и сразу вокруг тела возник сверкающий вихрь. Холройд исчез, но тут же появился рядом с Лоони.

Сто двенадцать дней и ночей они ждали этого момента. Пта теперь способен перемещать свое тело в пространстве. На сто тринадцатое утро он уже смог взять с собой Лоони. Когда солнце поднялось в зенит, они получили возможность перемещаться вдвоем, не опираясь на воду.

Пришло время действовать.

Глава 26
СВЕРЖЕНИЕ БОГИНИ

Два искрящихся смерча осветили темницу, где было заковано в цепи настоящее тело Лоони.

Холройд потерял много времени, расковывая цепи, которые не могла даже поцарапать любая пила Гонволейна. Затем Лоони помогла ему уложить мертвое тело женщины, к которому успела привыкнуть, на место своего многовекового заключения. Тусклый свет не позволял разглядеть, что цепи уже не прикованы к каменному полу.

Лоони тихо сказала:

— Можно было не терять столько времени. Мое тело не такая ценность, чтобы бог перед сражением терял столько сил. Потом тебе хватило бы могущества создать мне новое тело, достойное войти в круг божественной власти.

Главное заманить сюда Инезию, когда она узнает, что Пта жив и может действовать. Она явится в темницу, чтобы уничтожить мое истинное тело, вдруг подмена откроется.

— Твоя готовность пожертвовать самым ценным для победы над злом мне известна. Не

волнуйся, мы опередим Инезию. Наши тела в соседней камере будут в полной безопасности, не стоит рисковать ими. А эта девушка, которой ты помогла стать красавицей, будет жить своей жизнью. Может быть, вы подружитесь. Этим я займусь потом.

Холройд и Лоони перенесли свои тела сквозь стену, договорились об условленном сигнале, и их сущности стремительно понеслись в Аккадистран.

Самый высокопоставленный сановник во дворце Гадира любовался панорамой столицы Аккадистрана, когда в его мозг вошел Пта. Все города Земли сейчас очень похожи. Всюду камень и мрамор подавляют природу, — подумал он и обернулся. В огромном зале находилась сама Зард Аккадистранская со своей сестрой и всей свитой. Сестра Зард сомкнула пальцы обеих рук, затем развела их в стороны и снова сомкнула, прижав ладонь к ладони. Холройд понял, что Лоони приняла верное решение, выбирая тело. Он повторил условный сигнал и, улыбаясь, приблизился к Зард. Как только их взгляды встретились, он без колебаний вонзил нож в сердце правительницы Аккадистрана. Удар был безжалостным и коварным, но она заслужила его. Миллионы людей

погибли в войне, начатой Инезией, но нельзя забывать о тех несчастных, чьими телами кормили своих младенцев боевые скриры по велению самой Зард.

Он знал, что убивает тело, которым управляет Инезия. Это надо было сделать, только бы она не попыталась войти в мозг сестры правительницы. Она не осмелилась, понимая, что дворцовые перевороты ведут к смерти всех родственников свергаемых владык. Что она испытала, когда умирало тело?

В зале все кричали.

— Дельд убил владычицу.

— Дельд — убийца!

— Смерть Дельду!

Холройд даже не попытался уклониться от копий, пронизавших тело главного сановника. Его мозг был потрясен страшной болью, нервы трепетали. Но бог должен познать ужас смерти человека. И он познал это сполна.

Затем Холройд переместился в тело военного министра Зард, изумленного происшедшим, и тот произнес:

— Немедленно созвать всех министров. Генеральному штабу отдать приказ о выводе всех армий из Гонволейна. Стража, убрать всех из

этого зала, кроме брата и сестры Зард. Первыми удалите женщин.

Только одна женщина оказала стражникам сопротивление. Она яростно закричала:

— Поздно, Лоони! Ты выжидала слишком долго. Через месяц весь Гонволейн будет захвачен. А твое тело будет немедленно уничтожено! Дура!

Холройд подумал: «Эта женщина не поняла, что Зард убил сам Пта, а не послушный исполнитель воли Лоони». Вслух он произнес:

— Уведите эту истеричку. У нее помутился разум.

Сестра Зард подошла к военному министру и прошептала:

— Она еще не подозревает, что ты жив. Это упрощает дело. Настоящее тело Инезии в опечатанной комнате большой башни замка Пта. Ей придется идти до темницы. Мы должны опередить ее.

Так и случилось. Холройд и Лоони в темнице приготовились ждать появления Инезии.

Мерцающий свет возник около кресла, где обычно сидела Инезия. Когда вихрь материализовался, Холройд обвил золотые локоны богини вокруг своей руки и заставил ее опуститься на колени. Голубые глаза расширились от ужаса.

— Инезия, тебя погубило собственное коварство. Я надеялась, что ты явишься сюда, чтобы уничтожить мое тело. Но в волшебных цепях лежит другая. И не пытайся покинуть свое тело. Тюрьму стерегут одни мужчины, и они пустят сюда только богиню Инезию. Ты сама так распорядилась еще много веков назад. Спеши, Пта! Она пытается растаять. Цепи не позволят ей это сделать.

В безумной ярости Холройд опутывал извивающееся тело тяжелыми цепями. Тошнота подступила к его горлу, когда Лоони принесла раскаленный стержень, молот и кувшин воды. Инезия не могла даже повернуть голову и увидеть, как умело орудует молотком бывший офицер танковых войск США. Она только услышала, как зашипела вода, закалившая раскаленный стержень. Теперь ни один человек не способен без молота освободить из плена бывшую богиню.

Лоони спокойно произнесла:

— Дорогая Инезия, не надо так бояться. Ты хотела нашей смерти, но мы не так жестоки. Оставайся в этой темнице до той поры, пока Пта не наберет столько могущества, сколько требуется для изгнания тебя из круга божественной власти. Ты станешь смертной и будешь жить, как пожe-

лаешь. К тому времени в Гонволейне будут мир и спокойствие. Могла ли ты рассчитывать на более мягкую кару? Благодари Пта и молись за него!

— Идем отсюда, — пробормотал Холройд. — Мне плохо.

Лооні распахнула дверь темницы и вышла. Холройд направился следом, но обернулся и еще раз взглянул в потухшие голубые глаза:

— Инезия, ты не учла, что большая беда всегда возвращала людей к религии. Женщины прятали молитвенные жезлы от твоих воинов, рискуя жизнью. Религия — это не просто вера в богов, это еще и страх. Религия загорается от искры, когда в мозг входит мысль о смерти близкого человека. Вера рождается из тьмы неверия и крепнет от страха за жизнь. Ты начала великую войну, принесшую миллионы смертей. Женщины Гонволейна молились за своих мужей, сыновей, братьев и любимых, сражавшихся с врагом. Не все забыли имя Пта, и они никогда не пожалеют об этом.

Холройд вышел вслед за Лооні. Они вместе закрыли тяжелые каменные двери темницы и трижды опечатали их перстнем Пта.

Прежде чем они оба исчезли, Лооні тихо произнесла:

— Я не собираюсь ей мстить, Питер.
Пта не ответил.

Ван Вогт Альфред
Блеск грядущего

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

В средине января 1972 года мне позвонил мой супер-талантливый приятель Сэм Лок и сообщил таинственным шепотом:

— Мне только что звякнул один тип, мой старый школьный приятель, пропавший из виду еще в 1947 году.

Сам Сэм писал сценарии для телевидения и кино, его пьесы шли на Бродвее, к тому же он был соавтором пяти бродвейских мюзиклов. Его давным-давно потерянный дружок был чем-то вроде армейского курьеза. Он обучался разговорному китайскому языку, а его, естественно, послали во Францию.

Все изменилось, когда в 1947 году он решил посетить Китай. В Шанхае парень женился на китаянке и оставался там, пока в 1949 году к власти не пришли коммунисты.

В 1971 году он сопровождал миссию от Красного Китая в ООН. Понятное дело, ему захотелось разыскать старых друзей, хотелось убраться из Нью Йорка и «снова пообедать тем, что так славно готовит твоя мама». Встреча должна была произойти в семейном тесном кругу. Но вот после

обеда Сэм хотел пригласить нескольких человек, чтобы те повстречались с его старым школьным приятелем, посему (как сам он сказал):

— Хоть мне известно, что в глубине души ты республиканец, пусть даже регистрируешься как демократ, но не хотел бы ты стать одним из гостей?

(К слову, сам я умеренный либерал, без единой вправо- или влевозакрученной косточки. И я прекрасно понимаю, что это значит.)

На эти слова я ответил:

— Сэм, да я один из тех, кто обязательно должен присутствовать на твоей вечеринке, поскольку являюсь экспертом-интеллектуалом по Красному Китаю. К тому же я написал проблемную книгу по данному вопросу.

Если вы недоумеваете, зачем я рассказываю здесь этот анекдот, сообщу, что диктатор из «БЛЕСКА ГРЯДУЩЕГО» — это повторяющая историю и характер русского деспота Иосифа Сталина параллель, живущая в XXIII веке. Элементы быта этого государства будущего взяты мною из Китая времен Мао Цзедуна. Только сейчас мне хотелось бы определиться, что я понимаю под параллелью.

Моя книга о Красном Китае — «НАСИЛЬНИК»

(The Violent Man) — совершенно не SF, была опубликована издательством «Фаррар, Строс и Жиро» в 1962 году и выдержала целых пять изданий в мягкой обложке. Я писал ее восемь лет. Чтобы написать ее, я прочел и перечел около сотни книг о Китае и коммунизме. В это же время я обучал студентов, совершенно не умеющих конспектировать самые важные места в лекциях. Сейчас же, готовясь к написанию «БЛЕСКА ГРЯДУЩЕГО», я прочел и законспектировал «Воспоминания» Хрущева, «Пускай рассудит история» Медведева и, в качестве иллюстрации пребывания ученых в тюрьме, «В круге первом» Солженицина.

Ну, так как же помогла мне вся эта работа на вечеринке у Сэма Лока? Так сложилось, что Сэмовы «несколько человек» превратились в более дюжины индивидуумов, большая часть из которых тут же сгрудилась вокруг почетного гостя. Он уселся на диване, и все места поблизости тут же были заняты. Тогда я воспользовался методикой, которую давно разработал. Я уселся в кресле в самом дальнем уголке. Как только кто-нибудь из других гостей вставал — за выпивкой или чем-нибудь еще — я тут же занимал освободившийся стул, а если кто-то занимал его первым, я пересаживался на его место. Действуя таким образом,

где-то через час я уже сидел рядом с единственным белым человеком, сопровождавшим миссию Красного Китая в ООН.

Здесь я зацепился почти на час и, несмотря на то, что нас перебивали, задал свои вопросы. Они были такого рода:

— Как сегодня в Пекине обстоит ситуация с пылью? («Проблема уже решена», — ответил он тогда.)

— Плюют ли китайцы до сих пор на тротуары, в железнодорожных вагонах, везде где угодно? («Нет. Проблема с плевками решена введением миллионов плевательниц и психологическим давлением. Вместе с этим исчезло и национальное бедствие — вечные простуды.»)

— Какой уровень взаимоотношений разрешен сейчас между юношами и девушками? («Тут ситуация ужасная, — отвечал гость. — Из-за угрозы перенаселения они теперь даже не осмеливаются заговорить друг с другом».)

Вы можете спросить, верил ли я тогда его ответам? Была ли проблема пыли в Пекине решена в действительности? (Лет уже семьдесят пять Пекин был самым пыльным городом во всем мире. Зимой здесь даже «снежило» пылью. Ветер приносил песок из пустыни Гоби и засыпал несчастный

город. Коммунисты решили эту проблему насаждением деревьев в стратегических точках, во всяком случае, так рассказывал прибывший оттуда джентльмен. Когда Никсон посетил Пекин с визитом, я видел деревья повсюду.)

Мы должны помнить о том, что диктаторы часто могут решать свои проблемы с помощью указов. Мой диктатор (в «БЛЕСКЕ ГРЯДУЩЕГО») создавал «совершенный» мир. Так что вам самим решать, можно ли платить такую цену за решение всех проблем.

Потом, уже вечером, когда я собирался попрощаться с приятелем Сэма, тот сказал:

— Вы единственный человек, из встреченных мною в Штатах, кто имеет хоть какое-то понятие про Китай. Почему бы вам не приехать и не навестить меня в Пекине теперь, когда отношения между Китаем и США нормализовались?

Понятное дело, это было слишком сильно сказано. Да, в этой стране работали академические эксперты, журналисты, дипломаты; были даже такие люди (как, впоследствии, Генри Льюис, что даже родились в Китае. Многие из них, включая одну русскую даму, с которой я познакомился в Орегоне, даже свободно изъяснялись по-китайски.

Но в то время я был экспертом-интеллектуалом. Это такой писатель, чья работа заключается в том, чтобы трудолюбиво выстоить по порядку кучу фактов.

Вот откуда в «БЛЕСКЕ ГРЯДУЩЕГО» появились все ссылки на коммунистических деятелей, а также их психологические портреты в разных главах книги, взятые из действительности, либо парафразированные. Антикоммунисты, что представляют старых русских и китайских лидеров бандой полуграмотных громил с большой дороги, будут изумлены, открыв, что те были интеллектуалами, имеющими свою собственную пространную терминологию, которую сами они понимали в совершенстве. В моем романе она используется с изменением, самое большее, отдельных букв.

Для того, чтобы драматизировать идею того, к чему может привести «нагнетание сюжета», я решился на самые причудливые посылки, продолжив их затем самым невероятным образом. Результатом же стал далекий от реальности фантастический роман без заметных следов интеллекта.

Только он в книге имеется.

I

Профессор Дан Хигенрот, поджав губы, читал официальное письмо.

«…Удача подарила вам победу в Акколаде[1] по вашей специальности… Отсюда следует ваша декапитация[2] в присутствии студентов старших курсов… будет происходить во время празднования Патриотического Дня. Примите наши поздравления…»

Там было еще что-то, но суть уже была ясна.

Не говоря ни слова, Хигенрот протянул бумагу своей жене, Эйди, сидящей за накрытым для завтрака столом. Без всякой объяснимой причины он внимательно следил за тем, как молодая женщина читает сообщение о грозящем ее уже пожилому мужу отсечении головы, но та не проявляла никаких заметных эмоций. Эйди отдала ему листок и сказала:

— Здесь самое главное помнить, что голову от-

---

[1] notes: 1

Акколада (ист.) — обряд посвящения в рыцари, праздник по случаю проведения этого обряда. — прим. перев.

[2] notes: 2

Декапитация — отсечение головы. — прим. перев.

рубят совершенно безболезненно. Об этом всегда предупреждают заранее.

Тут до Хигенрота дошло, что он читает мелкий шрифт примечания, касающегося именно этого самого важного момента распорядка казни:

«…Данное обстоятельство является гарантией того, что победитель в Акколаде не станет проявлять боязни своим поведением или мысленным напряжением перед самым моментом декапитации. Подобные старомодные реакции не соответствуют современному, зрелому ученому, понимающему всю ценность отсечения головы на Акколаде для собственных студентов и знающему, что для него самого это будет всего лишь шагом из этого мира в иной, лучший, как установлено Официальной Религией.»

Эта награда поставила профессора Хигенрота перед дилеммой. С одной стороны — и он принимал ее как должное — это была победа. Его длительное сражение с доктором Хином Глюкеном закончилось чистым поражением — можно даже сказать, нокаутом — для его соперника. Победители Акколады сразу же выделялись в первые ряды научных знаменитостей.

Говоря переносно, одним ударом он выиграл корону.

Но с другой стороны, он вовсе не чувствовал того, что дело закончено.

— У старого олуха еще есть способность шевелить мозгами, — сообщил он Эйди. — В связи с этим, мне кажется, стоит попросить отсрочки для отбытия в Блеск Грядущего.

— А ты не думаешь, — спросила Эйди, — что это каким-то образом связано с теми политическими статьями против режима, которые ты два года печатал?

— О, нет, — возразил Хигенрот, качая своей костлявой головой. Диктатор установил навечно терпимость ко всем мнениям. Предположение о том, что Акколада мною не заслужена, совершенно не принимается во внимание.

— Ну, конечно же, — поспешно воскликнула Эйди.

До Патриотического Дня оставалось еще полнедели, но Хигенрот надлежащим образом оформил свое прошение об отсрочке и отослал его в Управление по Высшему Образованию заказной магнитной скоростной почтой.

Сообщение о его награждении появилось в утренних теленовостях. Рано утром на следующий день из-за океана примчался д-р Глюкен, чтобы, как он сам объяснил «выразить свое

последнее уважение самому твердолобому из оппонентов». После он добавил:

— Не могу сказать, что я полностью соглашаюсь с их решением, но мне кажется, что у меня самого имеется решение, которое удовлетворит меня лично.

И сразу же после этих слов он стал выражать свое видение проблемы.

По какой-то необъяснимой причине Хегенрот этой ночью спал плохо; посему лишь только через какое-то время его встревожило осознание того, что д-р Глюкен рассуждает о давным-давно обыгранных моментах его собственных теорий.

— Это будет триумф науки, — разглагольствовал Глюкен, — если ваши студенты во время декапитации получат телесное восприятие не только ваших особых знаний, но и моих.

Взволнованный голос еще продолжал что-то говорить, но в Хигенрате вдруг что-то шевельнулось. Потом его будто током стукнуло.

— Погодите, погодите, — перебил он собеседника. — Вы хотите сказать, что…?

А Глюкен, никого не слушая, продолжил представление давным-давно известных теорий, постепенно повышая голос.

Хигенрот почувствовал, что сон как рукой

сняло.

— Эй! — еще раз вмешался он в монолог доктора. — Вы пытаетесь представить дело так, будто мои студенты обучаются вашим идеям, в то время, как голову отрубывают у меня?

А Глюкен все продолжал разглагольствовать, распаляясь даже сильнее.

Хигенрот заткнул уши и заорал, что будь он проклят, если позволит Комитету по проведению Акколады подвергаться воздействию идей, которых нет в Уставе.

И в этот самый миг в действие вступила Эйди. Она с трудом вывела мужа из комнаты, но двое ученых продолжали вопить до тех пор, пока ей не удалось пропихнуть профессора в дверь его собственной спальни и закрыть ее.

Доктор Глюкен с побагровевшим лицом уже был готов покинуть дом профессора Хигенрота, когда Эйди примчалась обратно и успела задержать доктора уже в самых дверях.

— Вы женаты? — спросила она.

— Моя жена умерла, — сухо ответил тот. — Она сомневалась в Официальной Религии. — Глюкена даже передернуло. — Я ее предупреждал.

— Эйди прекрасно понимала, что он имел в виду. Подобное было абсолютно запрещено при

диктатуре, которая на многое другое глядела сквозь пальцы.

Сейчас ее волновало то, что за Хигенрота она вышла замуж, когда была одной из его студенток. Подобные браки были частью государственной программы, установившей, чтобы внешне привлекательные девушки-подростки выходили замуж за известных ученых. Раз уж девушка проявила такое патриотичное поведение однажды, она собиралась и продолжать в том же духе. Доктор Глюкен казался ей довольно-таки привлекательным для ученого мужчиной. И, поскольку без всяких обсуждений он может стать «первым номером» в своей области деятельности после декапитации нынешнего ее супруга, Эйди, чуточку пожеманившись, схватила костлявую руку доктора и задержала ее дольше необходимого. Затем она закрыла глаза и представила, что новое супружество может стать для нее даже привлекательным.

Ведь если оно не удастся, то кто знает, какой тип достанется ей в следующий раз — еще один Хигенрот?

Вот только сам доктор Глюкен пытался выгнать из головы ненароком залетевшую туда мыслишку. Правда, избавиться от нее было непросто — он

невольно отметил, насколько красивой была девушка. Его останавливало лишь то, что это супружество может быть знаком того, что он сдался перед идеями Хигенрота, чего, естественно, быть не могло.

Звук дверного колокольчика вскоре после ухода д-ра Глюкена ознаменовал появление сторонников давних традиций — студентов профессора Хигенрота. Открывшую дверь Эйди чуть не размазала по стенке клубящаяся масса юношеских и девичьих тел, которая с визгами и воплями бросилась в дом на поиски своего ментора, совершенно не обращая внимания на хозяйку.

В этот миг профессор выходил из спальни, направляясь в туалет. Вот тут-то его и настигла приливная волна студентов, все еще вливающаяся в двери, и, полусонного и мало что понимающего, потащила за собой по коридору, чтобы потом, помятого, но чудом оставшегося в живых, выволочь в патио. Здесь Хигенрот упал на траву.

Сразу же откуда-то появились ножницы. Профессору состригли волосы, а потом наголо обрили голову. Во время сих действий Хигенрот уразумел, что будет проведен розыгрыш, за справедливостью которого были назначены следить два

парня и две девушки. Эта своеобразная лотерея должна была выявить, кто из студентов выиграет одну из десятка определенных точек на ценной профессорской голове.

Научные исследования ценности декапитации для дела образования исходили из давних народных наблюдений: после внезапной смерти человеческое лицо теряет свое выражение, что было на нем при жизни, не сразу, но постепенно. Точно так же, постепенно, с лица сходило и семейное сходство. Так что в гроб, в могилу ложили совершенно чужого человека.

Ученые разработки, направляемые самим диктатором — во имя исполнения директивы поиска все новых и новых путей передачи знаний подрастающему поколению — выявили, что тело мертвеца, и в большей мере это касается головы, теряет накопленную за жизнь информацию тоже не сразу. В обычных условиях она без всякой пользы улетучивается в воздух. Но опыты показали, что колебания остаточной энергии могут быть введены в головы студентов путем специальных электрических подключений. Было открыто — а после того принято как данное — что при скоростной декапитации голова может передать до семидесяти процентов своего содержимого в

течение нескольких минут.

Таким вот образом, по прямому указанию дальновидной диктатуры и родилась наука образовательного обезглавливания. Вдобавок к ее чисто утилитарным применениям, она превратилась в средство официального признания научных достижений для тех многочисленных личностей, которые, в связи с их антиправительственными статьями или деятельностью, никогда не смогли бы добиться почетных званий у ревнивых государственных учреждений, подвергавшихся со стороны диссидентов суровой критике. Подобное разграничение между инакомыслящими и лояльными приверженцами режима было одобрено самим диктатором и играло самую важную роль в наставлении на путь истинный.

Студенческие сражения за места на голове профессора превратились в уже давно устоявшуюся традицию. Так что после первой недоуменной реакции Хигенрот смирился с небольшими неудобствами вроде окровавленного скальпа и боли, вызванной тупыми инструментами.

Поэтому, к моменту ухода студенческой братии, он даже провел их всех до двери и с улыбкой помахал на прощание.

Утром, после второй бессонной для себя но-

чи профессор Хигенрот признался Эйди, что по каким-то совершенно непонятным ему самому поводам, он начал испытывать страх перед будущим отсечением головы. Всю ночь, излагал он — его преследовали бесчисленные видения, внушавшие ему отвращение и нежелание участия в Акколаде. Было даже такое мгновение, когда он, якобы, открыл, что собирается отречься от Официальной Религии со всеми ее прекраснодушными заверениями.

— Если подобное продолжится, — говорил он, — я обесславлю тебя тем, что возьму руки в ноги да и умотаю в Холмы.

Слово «Холмы» было эвфемизмом. Оно обозначало антиправительственное движение, имевшее свою штаб-квартиру — о чем ходили слухи — где-то в укрепленном горном районе. Правда, Хигенрот знал, что все эти слухи были неправдой. Современное оружие делало любое сопротивление, в любом месте на планете, бессмысленным.

Профессор увидал, что его слова встревожили Эйди. Если лауреат Акколады откажется появиться на месте казни в Патриотический День — уже завтра — его место займут ближайшие родственники. Но подобная замена уже не имела

образовательной ценности. Выполнялась лишь традиция, согласно официальной доктрине установленная «ради спасения чести семьи, которая, естественно, не желает терять статуса победителя Акколады».

С тех пор, как в порядке гарантии было установлено, что каждый член семейства, желая сохранить собственную честь — или в качестве замены пойдет на эшафот, чтобы исключить скандалы, порядок замены струсившего был установлен декретом: жена, затем отец, мать, старший брат, старшая сестра и далее по порядку. Детей из данного списка исключали, поскольку режим любил всех детей. Если же близких родственников не имелось, тогда награды удостаивался другой ученый — претендент на Акколаду.

Так как у Хигенрота была только Эйди, доктор Хин Глюкен был в списке сразу же после нее. Ситуация молодой женщины усложнялась еще и неприятным случаем, произошедшим сразу же после ее свадьбы с Хигенротом. Тогда она закрылась на замок в своей спальне, проинформировав профессора, что по личным поводам совершенно не интересуется тем, что связывает мужчину и женщину.

День уже катился к вечеру, когда Эйди вошла

в спальню к мужу, не имея на себе никакой одежды, и сообщила ему, что ожидание утраты стимулировало ее к тому, чтобы насладиться его мужскими достоинствами. Она была даже готова — как сказала сама — чтобы он «делал все, что ему только захочется».

Объявив об этом, она упала на профессорскую кровать.

Хигенрот долго глядел на ее девичье тело. Потом он промаршировал к стоящему возле окна креслу и плюхнулся в него.

В самый первый миг, но только в самый первый, в его мозгу вспыхнула фантастическая мысль: «Так вот зачем я все это делал!»

Он удивленно обсасывал эту мысль, глядя через окно на зеленые лужайки университетского городка.

«Да, так оно и есть, — думал он. — Это успех!»

В этом и был конечный результат его лихорадочной деятельности последних пару лет: неосознанная работа по тому, чтобы пленить эту девушку и заставить ее привязаться к нему и неважно какой ценой. Вот что увидел он перед собою.

«Мне ее подсунули!» — думал он. И так распорядились какие-то «они». Впрочем, его собственная,

внутренняя правда подсказывала ему и другое, говорила о его преступлении: старикашка согласился, чтобы в жены ему подсунули девчонку-подростка.

Но после недолгих размышлений относительно своей вины Хигенрот подивился и тому, что это же как надо было придавить, чтобы сломить сопротивление этой худенькой девочки.

Еще раз поглядел он на кровать, где лежала Эйди, на ее обнаженное детское еще тело, и ему стало стыдно. Правда, у него тут же промелькнула мысль, что и сама Эйди тоже сыграла постыдную роль во всем этом балагане.

Ни разу еще она не проявляла подобной обеспокоенности. Теперь же она решила отдаться — вдруг понял Хигенрот — удержать его, чтобы впоследствии передать палачу. А для этого никакая цена не была слишком высокой, даже собственное тело, которое она до сих пор перед ним скрывала.

Потом профессор задал себе следующий вопрос: заслуживает ли жалости доктор Глюкен, она или он сам? Ответа он найти не мог. И посему — не говоря ни слова — он повернулся и вышел из комнаты, запирая ее на ключ.

Хигенрот скрылся в своем рабочем кабинете.

Внутри его все кипело. Его мозги работали на полных оборотах, поэтому, когда он уселся перед вроде бы самой обычной, пустой стеной, у него уже родилось несколько логических концепций.

Когда он поглядел на стену, на ней появилось изображение. Это была Эйди, часом ранее говорящая по межконтинентальной линии с доктором Хином Глюкеном. Ее голос во время разговора звучал через скрытый динамик ясно и разборчиво. Голос Глюкена, в котором постепенно нарастали волнение и тревога звучал так же чисто, хотя поступал сюда из-за океана.

С отсутствующим выражением в глазах Хигенрот слушал, как Эйди рассказывает Глюкену о том, что ее муж намеревается уйти в Холмы.

— Вы же понимаете, что он имеет в виду, — призналась она своему дальнему собеседнику. — Если он удерет, я буду следующей. Если же я уйду с ним — следующим станете вы. — И, сетуя, она прибавила: — Я не хочу уходить в Холмы. Мне не хочется бросать цивилизацию.

Уловив это слово, Хигенрот изумленно покачал головой. «И это она называет цивилизацией, — подумал он. — Мир тирана, какого не видели со времен…»

Он даже не мог подобрать сравнения. Ну

да, правда, до свадьбы с Эйди он выступал за суровость системы, так как свято верил в неизбежность переходных периодов истории.

От размышлений его оторвало высказывание Эйди, не согласится ли доктор Глюкен жениться на ней после того, как Хигенрот будет отмечен на Акколаде, и не согласится ли он произвести все необходимые контакты с Управлением по Высшему Образованию с заверениями того, что профессор выполнит свое предназначение на Акколаде.

После этого Эйди согласилась всеми возможными средствами удерживать профессора дома до решающего момента, когда за ним придут.

Затем доктор Глюкен спросил у Эйди, не сможет ли она как-то помочь ему найти путь к решению тех теорий, которые Хигенрот разрабатывал последние десять лет.

— Он уже добился того, что любое расстояние, неважно какое большое, можно свести практически к нулю. Сейчас мы разговариваем благодаря его системе, и, заметьте, как естественно звучат наши голоса! Но ведь и после он работал над усовершенствованием своего открытия. Я никогда не поверю, чтобы он забросил его. Он всегда был хитрецом, этот тип… и был таким еще до того,

как начал писать свои антиправительственные статейки.

«Вот он — результат Эйди-Эффекта», — саркастически подумал Хигенрот. Оказывается, девчонка-подросток должна была задурить ему голову.

Глядя на великолепное изображение Эйди на стене, он увидал, как та, сомневаясь, качает головой, а потом говорит:

— Однажды я застала его врасплох — притворилась, что сама пошла по магазинам. Так вот, на всех четырех стенах его комнаты, хотя они сделаны из самого обычного пластика, были изображения. Он попросил меня, чтобы я забыла все то, что тогда видела. Вы это имели в виду?

Хигенрот почувствовал, что сереет лицом. «Вот и доверяй женщинам после этого», — подумал он. Ни в коем случае не надо было просить ее оставлять все в тайне.

— Ого! — воскликнул Глюкен. — Да ведь это же похоже на давным-давно им же дискредетированную Теорию Всепроникновения. Если он нашел путь к ее решению!... - Его голос повысился на пол-октавы. — Похоже, с этим я могу просить аудиенции у самого диктатора!

Он изложил девушке всю важность того, чтобы

в эти последние часы сделать все возможное и невозможное для того, чтобы вытянуть из Хигенрота как можно больше про эту его Теорию. Эйди пообещала постараться.

Никто из них даже и не заикнулся о том, что, согласно мистическим представлениям про обезглавливание на Акколаде, вся информация достанется студентам Хигенрота.

Транс-океанские переговоры закончились настойчивыми заверениями Эйди в том, что Глюкен ей весьма и весьма нравится, на что доктор галантно ответил, что подобные чувства имеются и с его стороны.

На экране стены Эйди повесила трубку, поднялась со стула и вышла в дверь.

Коммуникационная система Хигенрота следовала за ней; в каждой стене этого дома имелся автоматический переключатель. Но сейчас все мысли профессора были заняты только двумя чувствами.

Первое — как решить проблему побега.

Второе — гораздо более сильное — имело чисто мужскую природу. И сейчас он осозновал это как никогда ранее.

За недолгое время своего супружества Хигенрот притворялся перед самим собой, что не

может справиться с нею. Раз уж правительство решило подарить ему красавицу-жену, как мог он не допустить этого? Он, который никогда не сопротивлялся диктатуре открыто.

С этого все и пошло. И была внутренняя ложь, от которой ему всегда приходилось самоотделяться. Кстати, это было просто смешно, что красивая, молодая женщина собиралась уйти от него к другому мужчине по тем причинам, которыми руководствовалась Эйди сейчас.

Только все это уже не имело смысла. Какое ему дело до того, что будет дальше с ее восхитительной кожей и точеными косточками.

II

История с Хигенротом произошла как раз тогда, когда Двор Диктатора в очередной раз был охвачен помешательством. Сразу у двух из трех сожительниц Великого Человека что называется «поехала крыша», и каждый из этих случаев протекал с огромными трудностями.

Парочка заменивших их женщин до сих пор еще находилась в состоянии беспричинной гордости за свое положение. Им еще рано было что-либо осознавать. Статистика говорила, что женщины выдерживают менее пяти месяцев в постели «монарха».

Из-за этого и некоторых других персональных проблем у высших государственных лиц просто не хватало времени. Как сказал один из них, чей статус, неофициально, оценивался как четырнадцатый, другому лицу, что был, как минимум, Номером Третьим в государстве:

— «Сегодня вечером я напомнил ему про Хигенрота.

Какое-то время он вообще не понимал, о ком я говорю. Потом сказал:

— Ах, да, это тип, связанный с коммуникация-

ми. И когда же это произошло?

— Это все еще происходит, сэр, — ответил я ему. — Голову Хигенроту отрубят только завтра.

— О, — ответил он на это. — С чего это вы решили так поступить?

— Ваше превосходительство, — ответил я. — Считается, считается, будто этот человек обладает полностью разработанной научной информацией.

— Ну конечно, разве вчера я не беседовал об этом с другим специалистом в данной области?

— С герром доктором Глюкеном, — подсказал я ему.

— Именно, — согласился он. — Так что все уже уладилось. Будет конфронтация. И все сделано как надо. А пока — до свидания.

И он ушел, улыбаясь себе под нос.»

Эта встреча двух мужчин происходила в зеркальном холле. Номер Четырнадцатый был мускулистым, моложавым человеком лет тридцати. Звали его Гротер Вильямс. У него были озабоченные серые глаза, официально он считался ученым-интеллектуалом. Другой мужчина, Номер Третий, был старше, выше и худощавей.

Его имя было Эппитер Йоделл, и он считался интеллектуалом-политиком. Теперь, хитровато

улыбаясь, слово взял он.

— Друг мой, — сказал он. — Босс играет с вами в эти маленькие игры, потому что заметил, что видимые промахи его памяти заставляют вас конфузиться. Просто он получает наслаждение от этой вашей неуверенности.

— Да что вы говорите! — упавшим голосом произнес Вильямс. — И можете ли вы сказать мне, что означает это его изменчивое поведение?

— Все очень просто. Его Альтер Эго будет разговаривать с Хигенротом по закрытому телеканалу вскоре после полуночи.

— А почему бы ему самому не поговорить с Хигенротом?

— Потому, друг мой, что он говорит объективно. Он же сказал, и вы сами упомянули об этом: «Будет конфронтация». Он же ведь так и сказал, правда?

Номер Четырнадцатый вздохнул.

— А разве Альтер Эго знает, что тот собирается говорить?

— Он лучше знает. И раз уж на своем посту он дольше, чем все другие Альтер Эго, то как-нибудь выкрутится.

— И к чему все это ведется?

— Вы и сами прекрасно знаете это. Идеальным

было бы такое решение: Хигенрот передает свои научные секреты нам и завтра умирает на площади. Великолепное решение, разве не так?

— Но каким образом он передаст их?

— А это уже ваша забота.

— Господи Боже, как и когда я получу это задание?

— Вы единственный, у кого еще не было проколов. Могу подсказать, так случится, что сегодня вечером в этом коридоре вы повстречаетесь с Хозяином.

Выражение на моложавом лице Номера Четырнадцатого слагалось из изумления и страха. Он дважды попытался что-то сказать, но заглатывал слова обратно.

Номер Третий продолжил решительным тоном:

— Завтра он ожидает от вас и от Альтер Эго доклада о Полнейшей Победе. — Старший мужчина уже пошел было дальше, но остановился, повернулся и добавил: — Ваша встреча со мною здесь была не случайной. У Босса было такое чувство, что вы не до конца проникнетесь его просьбой, поэтому несколько минут назад он и позвонил мне. Так что займитесь-ка делом, сэр.

III

До самого полудня последнего дня перед казнью Хигенрот все рассматривал имеющиеся у него альтернативы.

И действительно — анализировал он — чего от него ждут? Станут ли они подозревать, что он никак не будет действовать во имя своего спасения?... А может плюнуть на все, да и действовать по стереотипу, подумал он цинично.

Профессор сидел в кресле в патио, греясь на солнце. Даже не пошевелившись и пользуясь бетонной стенкой внутреннего дворика в качестве экрана — пусть думают что угодно (если, конечно, за ним наблюдают) — он умственным импульсом активизировал свою Всепроникающую Систему и настроил ее на Советника движения Холмов. Со стороны могло показаться, что Хигенрот разговаривает сам с собой, но его голос воспринимался маленьким микрофончиком в кончике его носа. На стене появилось изображение Советника. Поджав губы, он выслушал все сомнения Хигенрота, и в конце концов покачал головой.

— Как только ваша жена поймет, что Холмы не имеют определенного местоположения, она

выдаст вас в одном из ваших Убежищ. Посему — нет, не берите ее с собой.

Убежища — как было принято считать — были домами сторонников движения Холмов, где Желающего могли приютить на пару недель, а потом переправить в другое Убежище. Только Хигенрот прекрасно знал: «Холмы» были государственной организацией с великолепно разработанной системой ведения дел с мятежниками, беглецами и другими противниками системы.

Всех диссидентов всегда убивали или садили в тюрьму, но очень редко, чтобы это происходило сразу же. Государственные чиновники сожалели об этом, но жертвы никогда так и не узнавали, что находились все время под контролем. Сами они все время считали себя находящимися в безопасности. и когда, в конце концов, их загоняли в угол, всегда старались устроить так, чтобы это несчастный считал, будто он сам где-то совершил фатальную ошибку.

Так почему же в этот роковой день Хигенрот заинтересовался Холмами? Дело в том, что он не был уверен в том, что правильно рассчитал календарь месячных у Эйди, вот для чего, пускаясь в бега, он и пытался оттянуть казнь на неделю, а если повезет, то и на больше.

Советник же настаивал вовсю:

— Почему бы нам не забрать вас часика в три ночи и не переправить в Убежище. Жену заприте на ключ в ее спальне и плюньте на нее. Ведь вы же ученый, большой ученый.

— Прошу не забывать, — парировал его слова Хигенрот, — что она тоже жертва. А вдруг найдется решение получше. Дайте мне время подумать.

— Только не очень долго, — предупредил его Советник.

Хигенрот чувствовал восхищение. Удивительным было, как Советник старался ни в чем не проявить своего коварства. Он попросту, но неустанно, высказывал свое мнение, свои предложения. Ни один из членов самой исключительной подпольной организации не мог бы говорить и действовать лучше, чем этот склонный к полноте, искренний молодой человек.

Профессор прервал соединение. Улыбка на его губах стала шире. Совершенство собственной системы всегда подпитывало его энергией…

Так, давай подумаем, решил он. Мне сейчас шестьдесят восемь лет. Моя задача сейчас — спасать не себя, а Всепроникающую Систему, чтобы в будущем какой-нибудь человек, моложе меня, смог воспользоваться ею для борьбы со всесиль-

ной диктатурой, укрытой теперь под двойным колпаком защиты.

В настоящее время Землей правило уже третье поколение диктаторов — и это указывает на то, что имеется система подготовки политических наследников. Само по себе это уже было уникальным событием, требующим изучения.

Одна только монархическая система да еще некоторые виды выборных систем способны были обеспечить бескровное наследование власти, хотя из этого вовсе не следовало, что кровопролития, как такового, совсем не было. Вполне возможно, что крови было даже больше. У Хигенрота был свой взгляд на эти вещи, но он о нем не слишком распространялся.

Вопрос: какой молодой человек может быть избран для решения подобной задачи?

Хигенрот тщательно перебрал в уме всех своих студентов и их возможности. Он обдумывал это, потому что среди них имелись две девушки и один юноша — исключительно одаренные личности. Но, скорее всего, от него подобного и ожидают, так что все они будут казнены. Если у них и имеется какая-то надежда, то лишь в том, что в эти последние для себя часы он полностью откажется от какого-либо контакта с ними.

Нет, нет, размышлял он. Имеется — он понял это лишь сейчас — только одна возможность. И, может случиться, после всего судьба не повернется к нему спиной.

Он встал с кресла, усмехнулся и вернулся в спальню. Увидав его, Эйди натянула простыню до подбородка, ее лицо было искажено ужасом.

— Зачем ты закрыл меня на ключ? — спросила девушка дрожащим голосом.

— Мне не хотелось, чтобы ты сбежала, — ответил Хигенрот.

Эйди облегченно вздохнула. Профессору пришло в голову, что она уже выкинула его из головы. Придется ее наказать.

Он уселся на кровати рядом с нею.

— Когда у тебя были месячные? Тебе не хотелось бы, чтобы у тебя был ребенок от меня?

— Хотелось бы.

Скорее всего она думала, что для него это будет какой-то надеждой на спасение. Одним рывком она сбросила с себя простыню и как есть, телешом, бросилась к себе в спальню. Назад она примчалась с календариком, где менструальные периоды были отмечены красными кружками. И тут уже не было ни малейших сомнений — именно сегодня была средина ее месячного периода…

самое время для оплодотворения.

Отлично, подумал Хигенрот, получается, что нам не надо будет решать целую кучу проблем, связанных с бегством в Убежище…

Теперь все необходимое имелось в наличии: подходящее время, женщина и состояние духа.

Сегодня заданием Эйди было любой ценой удержать мужа от бегства, а его — когда-нибудь в далеком будущем спасти мир от того давления, жертвой которого стала и эта девчонка.

Трудно сказать, чтобы это время было идеальным для занятий сексом, слишком много проблем отвлекало его от дела. Тем не менее, он устроил вполне достоверное представление, хотя это было первым плотским знакомством его со своей законной супругой. Это законные отношения, уговаривал Хигенрот сам себя, между законным образом связанными друг с другом человеческими существами. Так что нечего было спрашивать взаимного согласия у двух взрослых людей, хотя этот фактор тоже присутствовал.

Эйди была с Хигенротом весь вечер. Около десяти часов (в это время она обычно ложилась спать) профессор начал рассказывать ей о своем изобретении. С его стороны это был рассчитанный заранее ход. Он уже давно заметил, что любые

разговоры, касающиеся науки, вгоняют Эйди в сон скорее, чем даже снотворное.

Как он и ожидал, даже теперь, когда Эйди рвалась его слушать, она стала зевать, в то время как он говорил:

— …И эти придурки посчитали проблему неразрешимой. Эти идиоты говорили… — Профессор не скрывал своего презрения — …что звуковые и световые волны затухают практически мгновенно… В каком-то смысле, на каком-то уровне, это действительно так. Но на других уровнях — нет. Они забыли о том, что энергия присутствует везде, и волны-носители можно использовать как для усиления, так и для дальнейшей ретрансляции. Я могу выслать сообщение на любое расстояние. К тому же, Глюкен не знает того, что я совершенно не нуждаюсь в приемнике на другом конце…

Ответом ему был тихий, мирный храп.

Хигенрот осторожно поднялся с постели, забрал свою одежду в комнату, там оделся и вновь вернулся к Эйди, подкатив свой аппарат к кровати, на которой разметалась во сне несчастная девушка. Профессор сфокусировал проектор на той части ее тела, где сейчас, спустя восемь часов после половой связи, сперматозоид уже должен был проникнуть в яйцеклетку. Он увидал, что

стрелка прибора медленно отклонилась, и после этого зафиксировал аппарат.

Те несколько клеточек, та хрупкая биоструктура, что станет в будущем человеческим существом, и были его жертвой. — А кто еще? Что еще? — Правда состояла в том, что лишь таким образом собственный его ребенок мог остаться в живых: если сумасшедший из дворца поверит, будто где-то в младенце, в едва научившемся ходить ползунке, в маленьком ребенке, в подростке и правда скрыта информация о Всепроникающей Системе. Хигенрот размышлял о том, что, возможно, для Эйди это тоже единственный способ остаться в живых.

Никакой другой надежды для нее не существовало. В этом Хигенрот был уверен.

Так что нечего было притворяться. Он уже представил, как враги с помощью проникающих излучений пытаются увидать и услыхать все происходящее в его доме. Но в этой области знаний королем был он! Так что когда он тихо нашептывал свою теорию в защищенный от прослушивания микрофон, создавая информационное поле, в которое собирался поместить человеческий эмбрион, не отмечаемая никакими приборами интерференция защитила его не

только от нежелательных зрителей и слушателей, но даже Эйди не могла слышать его слов.

Не было ни малейшего шанса вновь воспроизвести их, даже если его жену загипнотизируют и попытаются извлечь информацию из подсознания.

Итак, сложная проблема была решена. Профессор снял с проекционного аппарата самый главный блок и раздавил его под каблуком. После этого он отправился в свой кабинет. Теперь, когда уже наступила полночь, его враги должны были сделать свой шаг, тем самым доказав, что все время следили за ним.

IV

А во вражеском лагере, которому подчинялась вся власть, по приказу Четырнадцатого целые толпы экспертов были заняты делом. Они обдумывали каждую возможность, строили планы, изучая досье на Хигенрота от корки до корки. За то время, что профессор провел с Эйди в постели, группы расмотрели, похоже, все существующие возможности и последствия всех взаимодействий.

А что, предположили они, если у него ничего нет.

Но тогда почему Хигенрот не сбежал в Холмы — в эту настороженную мышеловку для глупцов-бунтарей, свято верящих, будто где-нибудь имеется такое место, в котором можно укрыться?

Ладно, а что если у него что-нибудь да имеется? Какие последствия возникнут тогда? Ведь их действия заставят профессора как можно быстрее выбраться из западни и со всей возможной скоростью найти такое решение, которое бы одновременно успокоило и удовлетворило диктатора. Но каким жалким тогда предстанет он перед

подобными себе, желающими убить, ранить или хоть как-то навредить столь важной персоне.

Даже Кротер Вильямс — Номер Четырнадцатый — беспокоился об этом. Единственное, чего он не разделял, пусть даже и ожидая подобных поступков это безумного стремления своих подчиненных расправиться с заранее выбранной жертвой. Сам же он решил вести себя следующим образом: сегодня вечером мы сделаем все, что от нас требуется. А уж потом пусть закон решает все остальное, как предписано. Имелось в виду, что если все остальное не сработает, то пусть окончательным решением станет обезглавливание Хигенрота на Акколаде.

Около полуночи небольшая армия под командованием Вильямса, до зубов вооруженная всем необходимым, отправилась в маленький университетский городок, тем самым знаменуя концентрацию всей мощи Государства против одного-единственного человека.

Сторожевые системы Хигенрота первыми показали на стене профессорского кабинета очертания громадного воздушного корабля в ночном небе над его домом. Его исключительная Система тут же проникла вовнутрь корабля, который на самом деле был целой полицейской лаборатори-

ей. Правда, следует сказать, что профессор был ошеломлен количеством оружия там.

— Эге, — сказал он про себя. — А ведь этот корабль выслали для блокады.

Воздушное судно могло держать под куполом наблюдения все подходы к его дому, прослеживая, не попытается ли кто-нибудь сбежать. Хигенрот быстренько сделал осмотр судового оборудования, даже изумленно помотав головой — на полицейском корабле имелось все необходимое, чтобы полностью подавить его Всепроникающую Систему. Несколько позже профессор увидал, что на борту среди следящих за приборами ученых находится и доктор Глюкен.

Так вот в чем дело, подумал Хигенрот и покрылся испариной. Понятно, что Глюкен не раскрыл секрета Всепроникающей Системы. Но теперь он сидит в полицейском корабле, готовый воспользоваться ресурсам всей планеты для того, чтобы взломать его силой.

«Ну и ладно, — в конце концов решил про себя Хигенрот. — Я и не предполагал, будто все пойдет легко».

Он надеялся на то, что Глюкену хоть разок захочется глянуть на свою будущую невесту, какая она в постели. Он надеялся на то, что даже в Век

Науки люди все так же в своей деятельности руководствуются своими страхами и ненавистью.

На стене сформировалось изображение, тем самым давая понять Хигенроту, что к его дому приблизились люди на грузовиках. Профессор наскоро повернул регуляторы, чтобы звуки из спальни Эйди раздавались погромче. А уже в следующий момент входная дверь, разнесенная в щепки, распахнулась.

В схватившем его человеке Хигенрот распознал Четырнадцатого. Но, вместо того, чтобы хоть как-то сопротивляться, пожилой человек одарил ворвавшихся в его дом людей широкой, чуть ли не покровительственной улыбкой.

— Делайте то, что положено, — сказал он, — и вы будете себя прекрасно чувствовать.

Младший по возрасту изумленно поглядел на него, после чего объявил официальным тоном:

— Закон всегда прав. И закон требует, чтобы все научные секреты были для него раскрыты. Исключений быть не должно, даже для профессора Хигенрота.

Ученый поджал губы.

— Удивляюсь, как это такой человек, вроде вас, может подавлять внутренние моральные противоречия. Вы делаете это весьма здорово.

— Вы хотите сказать, — мрачно ответил ему Четырнадцатый, — что закон ошибается? Или вы предполагаете, что ошибочна вся существующая система? Или же вы сомневаетесь в праве Лильгина управлять миром теперь, когда весь свет избавлен от анархии?

Это были аргументы такого рода, когда продолжения ждать не следует. Поэтому Хигенрот попытался откреститься от спорных проблем.

— Честно говоря, — сказал он, — мне не хотелось находиться в той неприятной ситуации, в которой я оказался сейчас. Но, насколько я понимаю, с приговоренными к смерти личностями его превосходительство дел не ведет.

— Что либо изменить невозможно, — последовал сухой ответ. — Уже слишком поздно.

— Тогда вот что я хочу сказать, — заметил Хигенрот. — Если вам поручено извлечь из меня отсутствующую у вас информацию, не дав вам власти предложить мне хоть что-нибудь взамен… Боюсь, молодой человек, что вы очутились в еще более неприятной ситуации.

— Вы хотите сказать, — взвился Вильямс, — будто в происходящем нет никакого рационального зерна? Уверяю вас, все абсолютно логично.

Он не стал дожидаться ответа, а лишь повер-

нулся на месте и скомандовал:

— Заносите.

В кабинет внесли шикарный приемник замкнутой телесети. Хигенрот уставился на аппарат, и внезапно у него стала проклевываться какая-то надежда. Он обратился к Четырнадцатому:

— По видимому, вы поспешили с выводами. Вполне возможно, что какие-то переговоры еще произойдут и вполне может статься…

Он запнулся. Экран аппарата засветился, и на нем появилось изображение самого известного во всем мире лица. Увидав его, чиновники рангом поменьше верноподданически грохнулись на пол. Четырнадцатый остался стоять. Охранники Хигенрота тоже не стали падать ниц, они продолжали держать профессора за руки только подняли глаза к потолку в немом солдафонском восхищении.

После долгого взгляда в черные, металлические глаза Хигенроту стало интересно: «Ну-ну. Неужели это сам Эгоист, или всего лишь Альтер Эго?» С тех пор, как это стало всем известным лицом, каждый раз было фантастически сложно угадывать, кто есть кто. Точно знал лишь сам Великий Человек. Но, ясное дело, никто не мог воспользоваться двойником без разрешения

самого Хозяина.

Правда, сейчас это уже не имело значения.

Принеся сюда телевизионный приемник, его враги, пусть даже временно, но отключили энергетические барьеры. Вот что было самым важным!

Лицо на экране зашевелило губами. Знаменитый сочный баритон произнес:

— А сейчас, профессор, ради блага всего народа, мы требуем, чтобы вы открыли тайну своей Всепроникающей Системы.

В этот момент Хигенрот как раз задумался над тем, какое впечатление у всего народа вызовет пусть временное, но знакомство с его Системой, поэтому ничего не ответил.

Голос заговорил снова:

— Профессор, уже давно известно, что под принуждением человек всегда начинает говорить. Вы и сами все время находились под постоянным давлением на себя: около трех лет назад мои помощники получили указания найти самую красивую в мире девушку. Они нашли ее и сделали студенткой одной из ваших групп. Все остальное уже достояние истории.

«Вопросов нет, меня подцепили!»

Усатое, отеческое — как же, отец всего народа —

лицо ухмыльнулось совершенно не по-отцовски. Подобный рычанию голос цинично продолжил (ага, запрещенные эмоции, значит передо мною может быть только лишь Альтер Эго):

— Профессор, я сказал вам это, потому что не так давно один человек тоже не желал выдать нам свои секреты. Тогда мы порубили его жену на мелкие кусочки прямо у него на глазах. Это он еще смог выдержать. Тогда мы взялись за него самого, этого он уже выдержать не смог и он заговорил. Мы думаем, что вы заговорите сразу же, если подобное произойдет с вашей женой, ожидающей вашего ребенка.

Хигенрот затаил дыхание. Как отреагирует это создание, подумал он, когда узнает, что и само очутилось под прессом — о котором, к тому же, и не подозревает?

Но это случится уже через мгновение…

Эта мысль, предчувствие как будто и стало самим сигналом. С пола, откуда-то за Хигенротом раздался сдавленный крик. Пожилой ученый оглянулся и увидал, что один из чиновников вдруг уселся на полу. На его голове были наушники.

Этот мужчина просипел:

— Ваше превосходительство, вся эта сцена

— все здесь происходящее, все, о чем здесь говорится — транслируется повсеместно.

Хигенрот еле-еле подавил в себе желание поднять руку жестом образцового преподавателя, каким он на самом деле и был, чтобы поправить сообщение.

А сказать он хотел вот что:

— Это не всеобщая трансляция, сэр, а всепроникающее включение. Имеется в виду, что ваши лакействующие придурки услыхали все не так как следует. Ситуация гораздо хуже того, что вы способны даже представить, и ничего хорошего, способного прекратить все это безобразие для вас даже и не предвидится.

Не было смысла до конца объяснять то, что произойдет дальше. С этого момента, за исключением данной комнаты, Всепроникающая Система прорвалась в замкнутый телеканал, тем более, что за собой ее вела изумительная нулевая модуляция. И сейчас Система вычислила диктатора, зафиксировалась на нем и теперь была с мим постоянно сопряжена.

Начиная с этого момента и далее, любое движение диктатора, всякое сказанное им слово будут появляться и звучать с каждой пластиковой стены во всем мире. В том числе — если Хигенрот

даст мысленный приказ — и пластиковыми стенами этой комнаты.

Итак, вместе с остальными присутствующими он наблюдал, как диктатор метнулся к выключателю своего телеприемника. Потом он видел, как диктатор на фоне огромной и богато разукрашенной комнаты поспешно встал со своего места и направился к группе мужчин, одетых в скромную униформу, предписанную для верховных полицейских чинов.

Один из полицейских учтиво обратился к нему:

— Ваше превосходительство, что ни говори, надо было выяснить, с насколько продвинутым изобретением мы имеем дело. И теперь вы единственный на всей планете, чья жизнь стала открытой книгой. Так что это действительно чудо метод, сделавший так, что вы теперь разделите свою жизнь в любом месте и с каждым.

Значит это и вправду всего лишь Альтер Эго.

Из-за того, что он увидал знакомое лицо, и в профессоре затеплилась надежда на то, что здесь будет сам диктатор, а на самом деле оказалось, что это совершенно другой человек — если перед ним и вправду был только Альтер Эго — Хигенрот сейчас стоял ни жив, ни мертв. Его сердце еле

билось.

Пожилой человек едва-едва сумел взять себя в руки. Ведь если посудить, он-то по-настоящему и не надеялся спасти свою жизнь. Значит, следовало продолжать опасную игру по спасению мира когда-нибудь в будущем.

Ему было интересно наблюдать именно сейчас, в нынешнем состоянии духа, как двойник диктатора возвращается к своему столу. Актер, так удивительно похожий на Лильгина, щелкнул выключателем замкнутой телесистемы, чтобы еще раз связаться с Хигенротом напрямую, и сказал:

— Профессор, как нам можно вырубить это?

Хигенрот почувствовал, что ему стыдно за этого человека. Я попробую защитить его, думал он, но ведь он сам сомневается, возможно ли, что такое произойдет. Известный во внешнем мире, как Великий Убийца внутри Дворца, в некоторых ситуациях диктатор руководствовался собственной логикой. Она заключалась в том, что он не давал ни малейшего шанса. И еще. Нет сомнений, что Альтер Эго обязательно будет казнен только лишь из-за возможности того, что он когда-нибудь может быть снова подключенным к Системе Хигенрота.

Профессор ответил:

— Я хотел воспользоваться благоприятной возможностью показать вам и всему миру, какая удивительная способность появилась теперь для тесной связи между правительством и всеми остальными. С помощью данного метода я хотел предложить долгожданную Систему, которая в каждый момент времени делала бы видимой для простых людей любой миг частной и общественной жизни нашего лидера, каждое произнесенное им слово, каждое его указание, чтобы все знали, каков он в одиночестве, как и с кем занимается он любовью, короче, каждое мгновение жизни правителя. И нет больше никаких секретов, никакой необходимости создания общественного имиджа; отпадает необходимость в министерстве пропаганды — попросту, на стенах любого учреждения, любого дома: везде только он.

— Естественно, — продолжил пожилой ученый, — я не собираюсь применять данную Систему против каждого человека. Действительно, через некоторое время я отключу оборудование. Только могу предположить, что через какое-то время вы сами прикажете снова включить его. И с того момента, и впредь, по вашему собственному желанию вы сделаете эту удивительную систему связи доступной каждому человеку на планете.

— И еще, в заключение, — сказал Хигенрот, — у меня имеется свое идеальное решение всех мировых политико-экономических проблем. Мне кажется, что сейчас пришло именно то время, когда человечеству опять предоставляется возможность выбора. И я настаиваю на том, чтобы мир опять разделился на две экономические зоны. Одна будет капиталистической. Другая будет, ну, скажем, продолжением того, что мы имеем теперь. Различие между данной идеей и тем, что имелось у нас в прошлом, будет заключаться в существовании на всей Земле единого политического руководства, единого правительства, для обеспечения невозможности того, чтобы одна экономическая система не пошла войной на другую. К тому же, правительство должно обеспечить, чтобы отдельные личности из обоих лагерей могли свободно переходить из одной зоны в другую, туда и назад, по велению их собственных интересов и темпераментов. Но только все это — повторил профессор — под властью единого правительства.

Сделав такое предложение, Хигенрот заметил, что лицо на экране искажено яростью. И тогда он подумал: «Они получили, что хотели; я — то, что захотел им дать. Они получили представление

о моей Системе и о моей точке зрения. Так что самое время сказать «до свидания»».

Он так и сказал, одновременно отключив Всепроникающую Систему, сфомировав для этого в своем мозгу соответствующую альфа-волну.

Все изображения на стенах немедленно погасли.

Альтер Эго на телеэкране, похоже, пришел в себя.

— Спасибо, профессор. И до свидания.

— До свидания, — попрощался с ним Хигенрот.

Потом он проследил за тем, как завершается судьбоносный для него акт пьесы. Рука Альтер Эго протянулась к выключателю и коснулась его.

Изображение на телеэкране перед профессором тоже погасло.

— Ладно, — заговорил Четырнадцатый, усмехаясь. — Теперь мы хоть представляем уровень ваших достижений. Ага, а вся аппаратура, необходимая для того, чтобы проделать все то, что вы утворили, должна находиться где-то рядом. Следовательно, нам только лишь остается разыскать ее. Но мы ожидаем, что вы все-таки находитесь в здравом уме и сами все покажете, без всяких выкрутасов.

— Но это — признал Хигенрот — явно было

только внешним проявлением ситуации со стороны чиновника. Ведь Четырнадцатый, по сути, уговаривал самого себя: имея всю мощь нашего государства, мы можем направить ее против этого человека — Хигенрота — каждый момент решая, что с ним делать, потому что все время он будет находиться в нашей милости.

Пожилой ученый удивлялся про себя, видя такое отношение: как до них не дойдет, что они находятся в моем доме, а здесь диктатор — я.

И никто из этих людей так и не понял, что его Система — это многоуровневый феномен. Первый уровень, естественно, это режим коммуникации, который может быть голосовым или сложным, электронным. Но после всего имелась нервная система, которая-то и принимала послание.

В профессорском доме часть оборудования как раз и решала эту проблему. Для ничего не заметивших нервных систем диктаторских простофиль самым логичным продолжением задания на данный момент было вызвать военные грузовики и загрузить туда всю аппаратуру, которую Хигенрот установил за стенками, в секретных подвальных помещениях или двойных, пустотелых панелях. Наблюдателям из полицейского воздушного судна, висящего над

домом, показалось несколько странным, что все правительственные чиновники скучились в грузовиках и других прибывших сюда машинах и, оставив Хигенрота дома, сопровождали отобранную аппаратуру до борта громадного военно-транспортного реактивного самолета.

Пользуясь полнейшей властью, Четырнадцатый связался с полицейской воздушной лабораторией и приказал продолжать слежку за домом. В это же время громадный транспортник, на борт которого поднялся и он сам, взлетел в воздух и исчез в темноте.

Сразу же после того, как незваные гости очистили дом — полицейские следили за всем с помощью своих просвечивающих лучей — Хигенрот направился в спальню своей жены, разделся и лег отдыхать. Утром (это уже специально для Глюкена) профессор еще раз глубинно познал свою очаровательную молодую жену. После этого он стал готовиться к предстоящим событиям Патриотического Дня. На Акколаде его появления уже ждали, и все предчувствия стали реальностью.

Последнее впечатление у военных наблюдателей, находящихся на борту шпионской полицейской лаборатории были связаны с тем, как

ученый, похожий на Хигенрота, с отсутствующим видом направляется на встречу с гильотиной.

Четырнадцатый присутствовал на церемонии Акколады и наблюдал за процедурой обезглавливания — о котором лично он даже сожалел. Но, что ни говори, этот странный ученый вел себя удивительно глупо: все эти критические статьи… Было еще слишком рано для открытого противостояния правительству. Может чуть попозже каких-то людей еще и потерпят. Но только не теперь, рано еще.

После того, когда все уже было закончено, самый младший член Президиума Народного Правительства приказал забрать студентов, подключившихся к профессорским знаниям из — уже отрубленной — головы их наставника, и отправить всех в Твердыню Десять, тюрьму с минимальным уровнем принуждения. Сама она обманчиво походила на загородное имение, так что молодые люди какое-то время были от нее в восхищении.

Уже позднее, в полдень, Кротер Вильямс (Номер Четырнадцатый) позвонил миссис Хигенрот, новоиспеченной вдове. Этот звонок стал для него потрясением. Он уже слыхал о ее красоте. Но во дворце квота на красавиц была уже выбрана, так

что к свиданию с женщиной он был не готов.

Вот почему он был совершенно потрясен совершенством черт ее лица и тела. В конце концов он промычал нечто вроде:

— …Э-э, правительство желает предложить вам свое покровительство и готово предложить вам дом, э-э, миссис Хигенрот…

То, что он предложил ей, действительно было похоже на дом. Но на самом деле — равно как и Твердыня Десять — оказалось прекрасно охраняемой тюрьмой.

Закончив все дела, Четырнадцатый возвратился во Дворец. Естественно, весьма довольный собой. Он доложил обо всем Третьему, который молча выслушал его сообщение, а потом сказал:

— Утром я расспрошу вас поподробней. Слишком уж легко все прошло.

— А что еще мог сделать Хигенрот против крупного войскового соединения?

— И правда, — мрачно согласился с ним его коллега. — Но утром все-таки поглядим.

V

Как только лучи утренней зари осветили блестящие окна и тонкие драпри на стенах спальни Четырнадцатого, возле кровати зажужжал интерком. У Четырнадцатого уже выработалась привычка немедленно просыпаться по первому же звонку, поэтому он, пускай и без особого удовольствия, открыл глаза, приподнялся на постели и произнес:

— Вильямс, сэр.

Это был Третий, звонящий из своей спальни.

— Это Йоделл. Я только что получил запрос от Хозяина.

— Да? — Тревожно.

— Где у вас то оборудование, которое забрали у Хигенрота?

— Я предположил, что его превосходительство захочет иметь его в каком-нибудь близком, безопасном месте. Поэтому я все переправил в Хранилище Y-16 в Подземелье Четыре.

— Вы хотите сказать, прямо здесь, во Дворце?

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Я так ему и передам.

Контакт был прерван. Четырнадцатый, сонно

зевнув, снова устроился в кровати — но тут интерком зажужжал снова.

Четырнадцатый открыл глаза и увидал, что на дворе уже гораздо светлее. Так что это был не тот вызов, о котором он сразу же подумал… Ну конечно же, он спал.

Как и в прошлый раз, голос из динамика и лицо на экране принадлежали Третьему. Младший по возрасту был удивлен, увидав, что пожилой человек был совершенно одет и, что было гораздо серьезнее, хмур.

— Я хочу сообщить вам, мистер Вильямс, что его превосходительство приказывает вам оставаться в своих апартаментах до тех пор, пока не прояснится вопрос об исчезновении изобретения профессора Хигенрота.

— То есть как… исчезновении? — оцепенел Четырнадцатый.

— Сегодня утром, несколько ранее, когда я проинформировал его превосходительство о вашем сообщении касательно месторасположения взятого у профессора Хигенрота оборудования, он лично пожелал спуститься на четвертый уровень секции Хранилища Y-16. Там он выяснил, что никаких записей о передаче на хранение там не имеется.

Четырнадцатый чуть было не вскрикнул и лишь с огромным трудом подавил в себе желание сделать так.

Третий же напряженным тоном продолжил:

— В данный момент считается, что вы, сэр, каким-то образом были Хигенротом обмануты. И я уверен, что это самое мягкое отношение, на которое вы смели бы надеяться. Это все. Отключаюсь.

Четырнадцатый снова упал в постель. Он побледнел, но был настроен на действие. Ему было ясно значение данного ему определения. Его отнесли к разряду дураков, в котором лучше было и оставаться — мрачно решил он — чем к разряду преступников, к которым его могли отнести за недосмотр.

И вообще, на него могли навесить ярлык вредителя.

Или контр-революционера.

Или орудия академических правых.

Или крайних левых.

Или каких-то других фракций.

Ситуация была слишком серьезной, чтобы после этого осмеливаться нежиться в постели. Значительно позднее до него дошло, что следовало быть настороже после первого же звонка. Четырнадцатый вычислил, что все происшедшее

было делом рук Третьего.

Он как можно скорее принял душ, побрился и оделся. Потом стал ждать. После долгих колебаний он решился позвонить, чтобы ему принесли завтрак. Еду доставили с обычной любезностью. Все было приготовлено по его вкусу и подано предупредительными официантами.

Все говорило о том, что его позор пока еще не стал общественным достоянием.

В то время, как утро все тянулось и тянулось, Четырнадцатый решил про себя: «Пока я тут жду, можно заняться и делами своего министерства, которым я пока еще руковожу».

И он занялся делами, пользуясь телефоном и курьерами.

Правда, и это не прибавляло смелости. Все указывало на то, что до сих пор еще не было попыток оспаривать его права как члена Верховного президиума… Ладно, надо просто терпеливо ждать. И сделать по возможности больше дел…

Комитет по расследованию показал: На такой огромной как Земля планете каждый час происходят тысячи событий. Корабли бороздят морские просторы. Самолеты летят в воздухе. Передвигаются поезда, автобусы, автомашины и люди. Опять же, согласно своим расписаниям

бесчисленные ракетные системы используются для наблюдений за погодой, для полета к Луне, Марсу, на астероиды, к космическим станциям.

И никто — было высказано Комитетом — никак не может учесть или противостоять всем раздельным проявлениям активности, не говоря уже о контроле за всеми. Никто, даже Хигенрот.

Но какой-то выход в этом всем должен был иметься.

Пойти по указанному пути рекомендовали некоторые неординарные факты. На одном из ракетодромов трое человек умерли, и пропал ракетный корабль.

Была определена целая группа людей, что принимала участие в прилете военного реактивного самолета на этот ракетодром — самолета, на котором прилетел Кротер Вильямс и другие правительственные агенты.

Но вот куда потом исчезла сама ракета? Было установлено, что исчезнувший ракетный корабль действительно стартовал. Комиссия допросила каждого, связанного с этим событием, что находились той ночью на космодроме. В течение двух недель дознания у каждого из членов комиссии на сон оставалось не более чем пара-тройка часов.

После напряженного труда было напечатано такое вот заключение:

Военный реактивный самолет NA-6-23-J-271-D поздно вечером 19 августа 2231 года по приказу члена Президиума Кротера Вильямса прилетел к дому профессора Дана Хигенрота. Самолет сел на профессорском газоне сразу же после полуночи и оставался на месте, пока в него не загрузили неизвестное, недостаточно полно описанное оборудование. Затем самолет отправился на ракетную базу, известную правительственным чиновникам под кодовым наименованием «Хинкса» (публично же известную как Центр Космических Полетов 18). Здесь, все так же плохо описанное и не подсчитанное оборудование было перегружено на космодромные грузовые машины Н-851 и Н-327 и переправлено на загрузочную платформу ракетного корабля многоразового пользования A-J-A-60901. Грузчики Малькольм Руде и Свели Груден подняли оборудование в грузовой отсек G-8-T ракеты и складировали его там. Проинформированные о немедленном взлете ракеты, двое рабочих поставили грузовую платформу в ее подземное хранилище.

В кабине управления пилоты Дэл Ашер (впоследствие убитый) и Яну Харлиц (впоследствие

убитый) были проинформированы о цели и направлении полета и стартовали, используя программирующие системы, а затем программу полета стерли. Единственный другой человек, знавший о направлении и цели полета, Мэтью Эронди (впоследствие убитый), эксперт по навигации, полетный диспетчер в эту ночь, скорее всего похитил или уничтожил эти записи.

Согласно показаний множества свидетелей член Президиума Кротер Вильямс был последним, кто видел этих троих (впоследствие убитых) живыми.

Независимо друг от друга свидетели доложили, что член Президиума Вильямс вернулся на военный реактивный самолет NA-6, который, в свою очередь, стартовал и приземлился на Дворцовском аэродроме. Там он оставался до нескольких минут десятого следующего утра, когда член Президиума Вильямс приказал лететь на Акколаду, где было совершено отсечение головы профессора Дана Хигенрота.

Все передвижения самолета надлежащим образом фиксировались, но Комиссии по расследованию эти данные не были предоставлены.

Комиссия по расследованию неоднократно просила разрешения заслушать члена Президиума

Кротера Вильямса, но тот не проявил желания встретиться с членами Комитета.

Вильямс (Четырнадцатый) получил копию этого рапорта в своей дворцовой канцелярии. Когда он прочитал его, то побледнел, но храбро позвонил Третьему и сказал просто:

— Не помню, чтобы я был на космодроме. Могу лишь предположить, что все это произошло в связи с исчезновением изобретения Хигенрота. Делая дальнейшие умозаключения, могу предположить, что все те, что были той ночью в доме Хигенрота, каким-то невероятным образом или с помощью какой-то техники были загипнотизированы. И только лишь потому я мог покинуть Дворец и принимать участие в совершенно неизвестных мне событиях, направленных, вполне возможно, против его превосходительства. Надеюсь, что меня слишком спешно не снимут с моего поста, пока я могу быть полезным в поисках. Я желаю, чтобы меня загипнотизировали в самом полном объеме для возможности получения всей информации из моего подсознания. Согласно этого желания, я полностью передаюсь в распоряжение его превосходительства или же ваше.

Голос Третьего в интеркоме звучал холодно, но его нельзя было назвать враждебным.

— Я записал, — сообщил он, — все то, что вы только что сказали. Должно быть вам интересно знать, что подобное желание высказал мне и Хозяин, когда прочитал рапорт комиссии. Я могу рекомендовать вам следующее: Не покидайте Дворца. Не посещайте заседания Президиума. В дневное время вы можете находиться в своей канцелярии для занятий текущими делами и в личных апартаментах в вечерние и ночные часы. Если по каким-то обстоятельствам ваши обязанности вынудят вас покинуть Дворец, спросите разрешение у меня, и тогда этим вопросом займется полиция. Вам же самому будет позволено отбыть только лишь после особого разрешения.

— Вы будете подвергнуты, — продолжал Третий, — интенсивному гипнотическому внушению с целью получению от вас информации. Впоследствии, когда миссис Хигенрот родит ребенка от профессора, начнет действовать другой план, в котором вы тоже задействованы. В настоящий момент эта женщина срочно вышла замуж за доктора Глюкена, так что у него имеется постоянная возможность следить за нею. И в заключение…

Он прервал свою речь, и Четырнадцатый, заискивающе, спросил:

— Да?

— Понятно, что в свете произошедшего следует проявить особенную осторожность. Но — позвольте мне отметить особо — поводов для беспокойства пока еще не имеется. При случае Хозяин сам скажет вам об этом по интеркому. Если подобный разговор будет иметь место, при условии, что сами вы о нем никому не расскажете, включая и меня, он лично проинструктирует вас о том, что вам следует будет предпринять. Понятно?

— Совершенно!

Напоминание о вдове Хигенрота заставило Четырнадцатого вспомнить о студентах, которых он приказал переправить в Твердыню Десять. Он даже просветлел лицом, когда сообщил об этом Третьему.

— Ведь после всего, — взволнованно сказал он, — один козырь у нас еще имеется. Ведь все данные о Всепроникающей Теории и практическом ее использовании будут и в их головах.

На другом конце повисло гробовое молчание. На лице Третьего, видимом на экране, появилось своеобразное выражение. И только сейчас до Вильямса кое-что начало доходить. Несмотря на весь его утонченный ум, он сморозил капиталь-

ную чушь.

Свою ошибку он понял гораздо позднее. Просто он верил в пользу отсечения головы на Акколаде, что этот метод и вправду гарантировал передачу информации из одного мозга в другой и был проверен всеми научными светилами.

Четырнадцатый внутренне сжался, когда до него дошло, что означает выражение на лице пожилого его коллеги.

— Придурок! — зло фыркнул Йоделл (Третий) и прервал связь.

VI

Он был молод. Всего лишь тридцать один год.

В связи с этим, находясь к тому же под сильным давлением сверху, Четырнадцатый пытался достойно следовать тем политическим течениям, что постоянно разворачивались перед ним.

Как и многие другие он мог наблюдать, что здесь имеется своя безжалостная логика. Он мог сам видеть, что на определенные группы людей ложь воздействует гораздо сильнее правды. И, в связи с этим, у этих людей появлялась своя, особенная правда.

Если же обычная правда не может склонить человека к действию, а вместо нее его ведет ложь, то значит, он и живет этой неправдой. Где-то глубоко-глубоко в его естестве имеется нечто, способное руководствоваться лишь весьма специфическими установками.

Согласно этим условиям, следует представлять его вместе с этими особыми установками, пусть даже если не раз, и не два, а многократно поведение его не соответствует внешне видимым обстоятельствам. Все это касалось как самого Кротера Вильямса, так и множества тех, кто были

до него.

Я обязан, рассуждал он, понять, что хорошо заканчивается лишь то, на что и следовало рассчитывать, иными словами, все должно быть так, как того желают они.

Все то, что должно было случиться, рассчитывалось час за часом согласно воле Лильгина.

Вот почему он отобрал мальчика, родившегося от красавицы Эйди. Она так никогда на сознательном уровне и не узнала, что ребенок, которого подсунули ей взамен, несколько минут назад родился от другой молодой женщины.

Точно так же, когда эта вторая мать пришла в себя после родов, она нисколечки не сомневалась, что ребенок, которого назвали ее собственным, был именно ее сыном.

В последствие оказалось, что она не совсем была ему рада, как ожидала до того. Даже в самый первый раз, кормя его грудью, в глубине души у нее было какое-то беспокойство. Но, несмотря на этот неосознанный полу-антагонизм, эта вторая мать — которую звали Люэна Томас — действовала согласно сложившимся стереотипам начинающих мамаш. Она же решила дать мальчику имя Орло — так звали кого-то из родственников со стороны ее матери.

Своего же сына (а она свято верила в это) Эйди сознательно, чтобы никто не связывал его с Хигенротом, назвала Хином Глюкеном — младшим.

Ее муж, доктор Глюкен, никак не отреагировал на эту ложь. За время своих предыдущих двух супружеств он уже научился тому, что лучше не обращать внимания на женские капризы.

Но теперь, думал Вильямс, как могу я быть уверенным в том, что врачи, медсестры или какой другой больничный персонал, без моего ведома знающий об этой замене, не откроют через много-много лет всю правду взрослому Орло Томасу?

(Политическая же и научная ценность Хина Глюкена — младшего, в какой-то мере тоже участвующего в этой грязной истории, равнялась нулю.)

В данном случае вся решающая мотивация проведенной операции сводилась только к одному вопросу: Можно ли в еще неродившегося ребенка запрограммировать сведения по Всепроникающей коммуникационной Системе?

Если это было правдой, то Орло Томас, возможно, мог и знать, чем является эта пресловутая система и как ее реализовать на практике.

Но вместе с этим появлялся и другой вопрос: Можно ли на благо общества эту информацию из

Орло Томаса извлечь?

Обдумав эти и некоторые другие детали, член Президиума Кротер Вильямс занял в свое распоряжение несколько комнат в Государственной Больнице. Под его руководством несколько специально отобранных агентов секретной полиции изучали больничные записи, поднимали нужные документы и прощупывали окружение некоторых врачей и медсестер.

Перемещения начались в первый же день. Вроде бы случайные. Вроде бы совершенно не связанные с произошедшим. Предполагалось, что большая часть больничного персонала не имела со всем ничего общего, ведь сама Государственная Больница была громадиной на десять тысяч коек. Отбирать следовало тех, кто непосредственно был связан с рождением ребенка у Эйди или же каким-то административным образом.

Некоторые медсестры исчезли вообще. Кое-каких врачей в их бывших отделениях уже никто и никогда не встречал. «А где это Кодуна?» — мог спросить кто-то. «А, она сейчас в восьмом корпусе, пошла на повышение.» «Отлично, рад за нее.»

«Лишь бы только это сработало», — думал Кротер Вильямс, валяясь в постели выделенной ему комнаты и притворяясь, что находится здесь под

наблюдением после сердечного приступа.

Одни беспокойные часы сменяли другие. За всеми людьми, на которых сейчас был навешен ярлык «подозреваемый», следили втайне установленные следящие и подслушивающие устройства. День за днем они записывали каждое произнесенное этими людьми слово, а Вильямс прослушивал лишь составленные компьютером резюме. Машина была запрограммирована только лишь на потенциально относящиеся к делу диалоги.

В конце концов такие разговоры перестали отмечаться вообще. Без всякого исключения все подозреваемые вели себя так, будто никогда не слыхали про Эйди Глюкен или Люэну Томас.

И, наконец, соблюдая полнейшую осторожность, Вильямс (Четырнадцатый) еще раз попытался на практике узнать, каким же образом был проведен обмен новорожденных. Под личиной мелкого государственного чиновника, проверяющего больничное хозяйство он прибыл в родильное отделение. Все работающие здесь медсестры были отосланы из палаты, где сыновья Эйди и Люэны были всего лишь парой из множества новорожденных.

Четырнадцатый зашел в палату. Все, что он

делал, было отрепетировано заранее: Вильямс снимал с каждого ребенка идентификационный ярлычок, менял их местами, а потом стал менять и самих детей. Проведя эти действия он довольно долго еще стоял, глядя на все эти маленькие кусочки человеческих существ. Буквально через мгновение все они стали выглядеть для него на одно лицо.

Нет, что ни говори, врачи и медсестры, видящие эти созданьица сотнями каждую неделю, никак не могли специально запомнить два личика.

Ну и прекрасно, подумал Вильямс, я сделал все, что мог. Оставаться здесь дольше было бы просто смешно.

Под каким-то предлогом он перевелся в другую больницу. И, естественно, пребывание в медицинских учреждениях постоянно служило важным для него целям.

Он возвратился в свои дворцовые апартаменты, составил рапорт и по соответствующим каналам сообщил, что тот сделан.

После этого он стал с беспокойством ждать.

Затем зазвонил телефон.

Это была секретарша фальшивого офиса, от имени которого, Вильямс действовал в больнице, представляясь мелкой чиновной крысой. Секре-

тарша сообщила, что с ней недавно связалась заплаканная жена врача, который ухаживал за Вильямсом, когда тот играл роль пациента.

Доктор умер, по несчастью свалившись с балкона десятого этажа одного из больничных корпусов.

Секретарь закончила свой доклад:

— Жене покойного казалось, будто он и вы находились в дружеских отношениях, поэтому была уверена, что вы обязательно захотите узнать про несчастье.

— Спасибо, — автоматически поблагодарил ее Четырнадцатый. — Отошлите ей венок от моего имени.

Весь бледный, он повесил трубку.

Убийство.

Свидетелей обмена новорожденных начали убирать.

«Господи, — подумал про себя Вильямс, — ну почему он мне не верит? Ведь я же изо всех сил пытался ему доказать, что эти люди ни о чем не знают».

«Он» и «ему» относились исключительно к его превосходительству, чрезвычайному диктатору Мартину Лильгину.

Похоже, что Четырнадцатый уделил этому

вопросу слишком мало внимания. Впрочем, переданное женой врача сообщение вроде бы и говорило, что она его ни в чем не подозревает. Просто так получилось, что, к несчастью, ее муж рассказал ей о мелком чиновнике, инспектирующем их больницу.

Четырнадцатый потряс головой — полнейшая секретность невозможна принципиально. Пусть в малом, хотя бы в обстановке спальной, но она всегда даст утечку.

А если продолжить дальше, если кто-то из врачей, медсестер или административных работников больницы что-то и подозревали (это те немногие, кто сталкивался с мелкой чиновной крысой), то могли рассказать об этом кому угодно: жене, мужу, брату, сестре, знакомому.

Стоя с трубкой в руке, Четырнадцатый подумал: «Все они будут убиты».

Однажды, когда он был моложе — но уже со всей юношеской наивностью и глупостью согласился с правом Лильгина на правление, неспособный задавать вопросы — у него была оказия подсчитать, сколько людей было казнено в связи с незначительной информацией, о которой все эти люди только лишь могли знать:

Тогда пострадало 3823 человека.

Но на сей раз необходимости в этом не было. Надо будет позвонить Третьему и постараться убедить этого…

Вильямс потряс головой, изгоняя оттуда все лишние мысли. Эпитет, кружащий где-то на грани сознания, был настолько грубым, что даже шокировал его. Немного придя в себя, уже совершенно сознательно, Вильямс напомнил себе: «Установление нового порядка требует жестоких действий. В переходной период люди неуправляемы и легко обращаются к старым стереотипам. Повсюду в мире до сих пор имеются контр-революционеры, вредители, правые и левые уклонисты, оппортунисты…»

Бойкие, ничего не значащие слова, которыми режим называл своих противников катились по проторенным тропкам сознания Вильямса, пока сам он шел по коридору, затем спускался на лифте и по широкому проходу не приблизился к офису Третьего.

Там же он нашел Йоделла. Уже сам приход Четырнадцатого стал для хозяина полнейшей неожиданностью. Третий просматривал документы и внезапно побледнел.

— Я начинаю думать, что неправильно понял данные вами инструкции, сказал Четырнадца-

тый.

— Какие еще инструкции? — эхом отозвался Третий.

— Хорошо, тогда я сам попробую доложиться по порученному мне делу.

Бледность хозяина кабинета прошла так же быстро, как и появилась. Пожилой человек вскочил из-за стола.

— Нет, нет! — сердито пролаял он. — Ни слова. Все только между вами и Вождем!

— Все это очень просто, — начал было прибывший. — Я…

— Остановитесь! — вскрикнул Номер Третий и заткнул уши пальцами. — Вы в своем уме? Ни слова больше!

Его реакция была совершенно невероятной. Его глаза выглядели безумными, лицо искривилось в гримасе; он изо всех сил пытался взять себя в руки, но все было напрасно.

Вильямс сдался.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Вы меня убедили. Я уже догадался, что вы к этому не имеете никакого отношения. И обещаю, что такого больше никогда не повторится.

— Было бы лучше, если бы подобное вообще не происходило, — услыхал он хмурое замечание. —

А теперь возвращайтесь к себе и ждите, когда я сам позвоню.

Вильямс, хотя никогда и не служил в армии, вытянулся в струнку и отдал салют.

— Есть, сэр. Гарантирую вам, что больше ни одного прокола не произойдет. Я могу уйти?

— Да, идите.

Молодой человек повернулся на месте и вышел. Хотя внешне он держался и спокойно, внутри у него все кипело.

В его уме уже родилось страшное понимание ситуации: ведь я кое-что помню, во мне имеется некий фрагмент информации, подлежащей устранению.

На самом же деле он знал всю суть.

Около года назад, в течение нескольких минут Хигенрот показал такую силу, которая превышала всю мощь режима. За эти несколько минут весь мир был поражен образами, рожденными умом старого гения.

Вот она, самая суть…

Четырнадцатый шагал по блестящему мрамору пола. Все вокруг него служило возвеличиванию могущества и богатства: громадные лестничные марши, высоченные потолки, массивные светильники. Вильямс помнил, каким великим он

чувствовал себя, когда его впервые пригласили сюда — сюда, в средоточие Вселенной.

Думая обо всем этом, он лишь мельком отметил появление отряда мужчин в форме, вышедших из бокового коридора, а теперь направлявшихся в его сторону. Рассеянное состояние Вильямса было прервано, когда до него дошло, что люди в форме остановились, преграждая ему путь. Четырнадцатый тоже остановился.

— Сэр, это вы Кротер Вильямс?

Спрашивающий был молодым человеком в капитанской форме.

После недолгих колебаний Четырнадцатый ответил утвердительно. Когда-то он тоже был таким же молодым как этот молоденький офицер, с блестящими карими глазами и розовым лицом.

— Мною получены инструкции, — сообщил молодой человек, — провести вас в некое место.

Вильямс не стал спрашивать, что это за место. Он лишь кивнул и пошел в шаге за капитаном, заметив, что полдюжины вооруженных винтовками молодых людей следуют за ними. Маленькая процессия прошла сквозь высоченную дверь под аркой. После этого они вышли в небольшой внутренний дворик. Вильямс не помнил, чтобы когда-нибудь бывал здесь. Это

было пространство размерами три десятка футов на четыре, окруженное высокими стенами, нигде не было ни травинки, способной пробиться через брусчатку.

Молоденький капитан указал на одну из стен.

— Встаньте там, — приказал он.

Четырнадцатый медленно прошел на указанное место и так же медленно повернулся. Он увидал, что шесть человек выстроились в шеренгу и повернулись к нему лицом. После этого юноша вынул какой-то документ, глянул на него и произнес:

— Я получил приказ казнить вас.

Вильямс попятился, пока не ощутил спиной твердость стены. Стоя там, он лишь краем сознания улавливал читаемый офицером, как того требовал закон, приговор:

— Крупные ошибки… Недостатки в руководстве… Неопределенность занятого положения… Диверсионные акты…

Молодой человек сложил бумагу и сунул ее себе в карман. Затем он вскинул голову: выражение на лице злое и напряженное.

— Значит так? — спросил Вильямс.

— Так.

«Удивительно, — думал бывший член Вер-

ховного Президиума Земли, что еще несколько минут назад был четырнадцатым из самых могущественных людей планеты, — но ведь это самая правильная оценка сделанного мною, согласно реалиям Лильгиновской действительности…»

В течение девяти лет с момента назначения он прошел путь от молоденького и наивного дурачка через апологета диктатуры, через попытки хоть как-то исправлять положение, через дополнительные попытки добиться хоть какой-то рациональности. Только все кончилось тем, что сейчас он стоит перед расстрельным взводом.

Вильямсу казалось, будто ему еще предоставят последнее слово. Только вот говорить было нечего, и в его пользу никто ничего сказать не мог. Да и кто среди иных, чудом существующих, отчаянно хватающихся за жизнь, захочет слушать то, что он скажет про свои ошибки? Действительно, кому они нужны — последние сомнения Кротера Вильямса?

Бывший Четырнадцатый подумал: «Из-за этого типа — Лильгина — во мне не осталось ни капли правды. Ни одного мгновения я не прожил как человек самостоятельно мыслящий, с самого детства я боялся, что меня вот-вот скрутят и потому всеми силами старался вписаться в рамки

извращенной реальности.»

Ни единой секундочки…

Когда пули ударили его, он тут же упал и свернулся на земле будто человеческий эмбрион…

«Ни секунды», — думал он, падая…

А может ему так только казалось.

VII

— Когда-нибудь, — с улыбкой сказал Ишкрин, — мы откроем, почему за последних восемнадцать лет самые лучшие ученые в области сообщений получили в свое распоряжение этот маленький город, построенный для нас в самом Дворце, и почему мы живем здесь по-царски… если исключить одну маленькую вещь.

Ишкрин был большеусым мужчиной около пятидесяти лет. В течение всей его речи юноша сидел молча и обедал, время от времени бросая короткие взгляды на дюжину, или что-то вроде этого, сотрапезников.

Никто из них не захотел говорить сразу же после этих слов.

— И что же это за исключение? — спросил новый за этим столом человек красивый парень, представленный Ишкрину и всем остальным только сегодня утром. Звали его Орло Томас. Его место за столом было первым с южной стороны.

Задав вопрос, Орло поднял голову. при этом он заметил, что сидящие за столом перестали есть и, улыбаясь, поглядели на него. несмотря на общую реакцию, юноша так и не понял, что замечание

Ишкрина было сделано исключительно в связи с его здесь присутствием.

— Чтобы выйти отсюда, — стал объяснять Ишкрин, низенький мужчина, немного похожий своими усами и буйной прической на диктатора, Мартина Лильгина, — нам надо пройти через помещения Дворца…

— Ну?

— А это запрещено.

— Что вы хотите этим сказать? — До Орло только сейчас начал доходить смысл сказанного, и это можно было заметить по его глазам. Брови вопросительно наморщились в выражении крайнего удивления. — Ведь сюда я попал именно так.

Пожилой мужчина в своем коварстве усмехнулся еще шире.

— Запрещено, — повторил он.

Какое-то время Орло продолжал сидеть. В его голове кружили тревожные мысли. По видимому его новые коллеги желают узнать, как у него с чувством юмора, вот что мелькнуло внезапно.

Парень неуверенно засмеялся. Потом, совершенно неожиданно, он оттолкнул тарелку с недоеденным блюдом. Совершенно бесцеремонно он отпихнулся от стола вместе со стулом, на котором сидел, вскочил на ноги и, не говоря ни

слова, побежал по шикарной столовой, где стояло шесть дюжин столов, похожих на тот, за которым он только что сидел, к отдаленной выходной двери.

После того, как он ушел, единственными звуками, были отголоски бесед в других концах зала. Мужчины откинулись на спинки стульев. Никто из них не ел, все только перемаргивались в ожидании.

В конце концов, худощавый коротышка, занимающий седьмое место с восточной стороны, которого звали Анден Дьюреа и который был великолепным математиком, сказал:

— Только что мы стали свидетелями того, насколько сильно подействовала всего лишь одна наведенная мысль, и какую спонтанную реакцию она вызвала. Он помчался проверять. Может так случиться, что, будучи молодым и дерзким, он даже осмелится выйти из нашего Коммуникативного городка.

Другой мужчина, Питер Ростен — третье место с южной стороны — спустя какое-то время лишь покачал головой.

— До некоторой степени, сэр, я уважаю ваши аналитические выкладки, тихим, терпеливым голосом сказал он. — Но лично я склонен на-

стаивать, что мы только что были свидетелями действия не единственной мысли. Это событие вообще уникально. — Говорящий был среднего роста индивидуум с крепкими, мускулистыми руками. Его специальностью была электроника. Ростен обвел своими серыми глазами всех сидящих за столом. — Кто из вас, — спросил он, — после того как вам сообщили, что вы стали своего рода заключенными, направился во Дворец, чтобы самому проверить, можно ли отсюда выйти?

Таких не было. Но эта мысль на какое-то время захватила всех и заставила немало поудивляться: «Удивительно! — А ведь это так. — Лично я воспринял это как факт, не требуя никаких объяснений. — А я, когда добрался до выделенной мне комнаты и увидал, какая она роскошная, просто обалдел. Поэтому я и не пытался делать ничего подобного».

— И, возможно, — продолжал Ростен тем же самым глубоким, убедительным голосом, — режим и вправду любит молодых, а может только желает, забывая при этом об отдельных личностях. Какое же преступление мог совершить только сегодня присоединившийся к нам молодой человек?

Ишкрин, слушавший все выступления с легкой

усмешкой, сказал:

— Прошу прощения, Питер, но я вынужден вас поправить. В стране Лильгина нет преступников, есть только обвиняемые. Весь вопрос, в чем его обвиняют?

Ростен склонил свою большую голову.

— Поправку принимаю. В свою очередь, в моих словах нет повода для споров.

Костлявый тип, до настоящего времени молчавший — девятое место с северной стороны — которого звали Сэнди МакИнтош, веснушчатый инженер со скорее рыжеватыми, чем песочно-русыми волосами, живо заметил:

— Вы уже достаточно взрослые люди и знаете, что подобных нашему новичку молодых людей вовсе не мало. Когда им предъявлено обвинение, их жизнь уже не представляет ценности. Рассчитывают же лишь на громадную массу вечно молодых, которые нгичего не знают и не помнят никаких фактов — потому что никогда о них и не знали. Остаются лишь жалкие единицы, которых режим загоняет будто несчастных кроликов. О них чаще всего просто забывают, а если как-то и относятся, то исключительно плохо. — Он покачал своей морщинистой головой пятидесятилетнего мужчины. — Господи, этот тип так

наивен и так подозрителен, что никак не сможет дойти до ума. Он только бьет и бьет, убивает и убивает. Удивительно! Но ведь если приглядеться, то можно представить, что он был младенцем, мальчуганом, подростком, юношей; было такое время, когда в нем имелись какие-то чувства…

— Все это было до того, как у него появился идеал, — сказал высокий, сухопарый мужчина — место пятнадцать с западной стороны — область его занятий тоже была связана с физикой: электромагнитные явления. Его звали Дэн Мэтт.

— Истину мы должны увидать в том, — заметил Питер Ростен, пожав могучими плечами, — что он сам, назло всем нам, своими руками создает новую цивилизацию. И, как говорят, для строительства ему понадобилось уже три миллиарда мертвецов.

— Сомневаюсь, чтобы он уничтожил более миллиарда, — как бы поправляя его, сказал Ишкрин. — Только вот что это за антинаучные рассуждения в нашем высоконаучном центре! — он прислушался. — Тссс, кажется это возвращается наш молодой человек.

Наблюдаемое всеми возвращение происходило неспешно. Юноша шел, волоча ноги и опустив голову. Похоже, что он глубоко задумался.

Во время этого путешествия назад к столу никто к еде не прикасался. Все просто сидели и глядели на парня, как будто у всех времени было вагон и маленькая тележка. Что, каким-то печальным образом, было для них правдой. Для них, что проживали в этом суперсовременном научном центре год за годом и лишь время от времени занимались каким-нибудь случайным делом.

С появлением нового человека все немножко приободрились, хотя был он до неприличия молод, чтобы находиться здесь, в этом научном городке. Возраст вновь прибывшего оценивался где-то между восемнадцатью и двадцатью годами. Местные обитатели не могли себе представить, чтобы он мог быть моложе. Румяное лицо подростка было красивым, будто девичьим. Вот если бы новенький был девушкой, ей можно было бы дать лет шестнадцать-семнадцать. А раз уж он был парнем — значит лет двадцать.

Волнующим в появлении новичка было еще и то, что новенькие всегда приносили с собой свежие новости. Живущие здесь старожилы впитывали их в себя и прибавляли к уже имеющемуся опыту и образованию. И вообще, после подобного события группа всегда выходила из состояния интеллектуальной спячки, ко многим

даже возвращалось хорошее настроение.

Орло опустился на то же место, которое занимал десятью минутами раньше, поглядел на улыбающиеся лица и покачал головой.

— Господа, — спросил он. — Не угодно ли вам узнать, что произошло?

Тут же раздалось несколько голосов протеста, которым подобные знания были ни к чему, но все свелось к одному: «только без излишних подробностей». Правда, это меньшинство тут же было подавлено остальными, требующими изложить все в деталях. От имени этого большинства высказался Ишкрин:

— Как уже было сказано, наш юный друг совершил неслыханную вещь. Так что хотелось бы узнать обо всем. Как повели себя охранники у дверей? Что они сказали?

Юноша рассказывал очень просто:

— Я прошел между охранниками и, не говоря ни слова, вышел из двери. Они не ожидали подобного. Когда я прошел по дворцовому коридору футов уже тридцать, меня перехватил офицер с двумя солдатами и силой заставил возвратиться.

— Но что они при этом говорили? — спросил Петер Ростен.

Орло улыбнулся. Похоже, что он уже оправился

от своего потрясения и подчинился жадному стремлению этих взрослых людей узнать нечто новое о диктатуре. Поэтому, когда он продолжил, его голос звучал даже весело:

— Стоящий на посту офицер спросил у меня: — Сэр, имеется ли у вас разрешение на вход во Дворец?

— Капитан, — отвечал я ему, — я вовсе не собираюсь идти во Дворец. Мне надо выйти на улицу.

— Но вам нельзя проходить через Дворец, — сообщил он мне.

— Ладно, — сказал я ему. — Покажите мне другой ход.

— Другого хода нет.

— Так вы хотите сказать, что я заключенный? — спросил я у него.

— Нет, но без разрешения выходить нельзя.

— Хорошо, к кому мне надо обратиться, чтобы получить такое разрешение?

— Только к Председателю Лильгину.

— Отлично, передайте Председателю Лильгину мою просьбу относительно такого разрешения.

— Прошу прощения, но я не уполномочен связываться с его превосходительством.

— А кто уполномочен? Тут есть кто-нибудь

такой?

— Здесь таких нет.

— Тогда, выходит, я нахожусь в заключении?

— Нет, вам только надо иметь разрешение от Председателя Лильгина.

— А он что, никогда не посещает эту секцию Дворца?

— Нет.

— Так значит я все-таки в тюрьме?

— Нет, но я вынужден попросить вас оставить это место, вы мешаете проходу.

— Были и другие замечания, — закончил свой рассказ Орло, — но, как сами видите, я вернулся сюда.

Наступила тишина. Наконец, чрезвычайно полный мужчина с тринадцатого места по западной стороне — Сэмюэл Обер, цветная фотография и электроника сказал:

— Логика позиции офицера охраны непоколебима. По закону вы не заключенный. Вас не выпускают только лишь из-за отсутствия у вас разрешения. Будто не имеющий соответствующей программы компьютер он просто не включает вас в свои расчеты; он вас просто не воспринимает.

Неожиданно юноша улыбнулся:

— А что будет дальше?

— Вам предоставят комнату. — Говорящий был огромным, черным будто уголь мужчиной — место номер пять с восточной стороны; звали его Гар Юю, электромагнитные явления, секция биологии. — Обычно, — добавил он, — это происходит между тремя и половиной четвертого дня.

Ишкрин встопорщил свои огромные усы.

— А в чем вас обвиняют, — спросил он со своего места номер двенадцать по северной стороне.

На губах юноши появилась кривая усмешка.

— Меня ни в чем не обвиняют. Мне только передали, что меня сюда пригласили.

Все присутствующие побледнели. Обед был прерван еще раз. Раздались голоса: «Но ведь подобное невозможно! — Должно быть хоть какое-то обвинение! — Сказанное вами — неслыханно!»

Слов было гораздо больше, но многие из них потонули в общем гаме. Наконец вновь установилась тишина, и Питер Ростен спросил:

— И что же это было за приглашение? Чем вы должны были заниматься?

— Об этом мне не говорили. Но однажды я уже как-то отказывался от предложеения начальства поработать на восточном побережье.

— Ага, — Дьюреа не скрывал своей радости, — картина начинает проясняться. — Маленький математик покивал головой, как будто все уже объяснилось окончательно. — В стране Лильгина от предложений не отказываются.

— А я отказался, — упрямо ответил Орло.

— Значит к обвинению добавят еще и это.

— Да нет, просто тогда я заявил, что не чувствую себя достаточно квалифицированным, как человек, который уже занимал это место. Мне сказали, что судить им, а я ответил, что ради добра другого человека отказываюсь занимать место более компетентного специалиста.

— Во всяком случае, — усмехнулся Ишкрин, — в этом ты разбираешься.

— А что было потом? — спросил Дьюреа

— Я продолжал заниматься своими делами вплоть до вчерашнего дня. А потом меня освободили от всех заданий и приказали сегодня утром явиться сюда, здесь же мне должны были предложить другую должность. Я спросил, что это за место? Администратор, который выдавал мне указания, не знал. Тогда я заявил, что оставляю за собой право отказаться и от этого нового предложения. он ответил, что это мое личное дело.

— И вас прислали сюда? — допытывался Дью-

реа.

— Да.

— Тогда вас в чем-то обвиняют.

— Да нет же, — улыбаясь отвечал ему Орло. Похоже, что данная ситуация, все эти запутанные аргументы его даже развеселили. — Ведь это было бы просто незаконным. Даже самые заядлые критики Лильгина сходятся в том, что еще ни разу никто не был наказан, если перед тем ему не было предъявлено обвинение. Если вы настаиваете, будто такое обвинение обязано существовать, то оно не было мне публично предъявлено, а значит — оно тоже не имеет законной силы.

— Но, — запротестовал человек, до сих пор не принимавший участия в дискуссии — шестое место, восточная сторона, китайский астроном, которого все привыкли называть Джимми Хо, — каждый из нас попал в этот центр по какому-нибудь делу. Даже против меня семнадцать лет назад выдвинули обвинение. И с тех пор я нахожусь здесь.

— Да нет, ни по какому обвинению я здесь не нахожусь, — отвечал Орло. Он откинулся на спинку стула и глубоко вздохнул, потом резким движением он вскочил на ноги и оглядел сидящих за столом так, будто сам был лектором, а все присут-

ствующие — его студентами. — Господа, — сказал он, — мне начинает становиться понятным, что вы впитали в себя все стереотипы, свойственные эпохе Лильгина, стереотипы людей, отнесенных к определенной замкнутой категории. У меня же таких стереотипов нет. Короче говоря, все вы обязаны были оказаться в этом месте. Я же под данное соответствие не подхожу.

Первой реакцией его слушателей была усмешка, как будто всех развеселила самонадеянность этого пацана. Годы их странного здесь заключения выработали в них спокойствие, основанное на философии, несколько отличной у каждого индивидуума, но рожденной из мудрости, взращенной многими поколениями их предшественников. Их, во-первых, нельзя было оскорбить. А во-вторых, их отношение к тому, что внешне выглядело как нападение, было как к простому выпендрежу со стороны атакующего.

Сейчас же все они ожидали, когда кто-то из их числа выступит с достойным отпором. Но когда через минуту или даже более никто не заговорил (сам же Орло продолжал в это время стоять, улыбался и как будто тоже ожидал), удивленно отозвался один только Ишкрин:

— Дайте-ка подумать, ведь это же полнейшее

оскорбление. Нам еще никто так не говорил, с тех пор, как всех нас собрали в этом месте. Но ладно, рассудите по-хорошему. Разве это не правда?

В ответ раздалось, поначалу несмелое: «Точно, будь я проклят. — Да, вы правы, такое случилось в первый раз. — Шутки шутками, но мы все чувствуем себя обманутыми!»

Когда прошла первая реакция, молодой человек все так же стоял возле стола, глядел на присутствующих горящими голубыми глазами и улыбался. Когда наконец стало тихо, он сказал:

— А могу ли я усилить критичность своего выступления?

Математик Дьюреа вздохнул:

— Уж лучше проглотить его философию за раз, одним куском, чем потом растягивать удовольствие на многие годы.

И он кивнул Орло:

— Ладно уж, валяйте.

Большинство присутствующих согласилось с этим, а Питер Ростен сказал своим обычным, спокойным тоном:

— Иногда, а точнее, прямо сейчас, человеческая мысль становится даже более важной, чем обычно. Он делает это для нас.

— Господа, — заявил Орло, — я собираюсь

произнести перед вами небольшую речь. — И далее: — В человеческой эволюции наступит такое время, когда все уловки диктатуры по вылавливанию и использованию молодежи в своих целях уже перестанут срабатывать. Ваша ошибка заключалась в том, что когда вы сами были молодыми, вас тоже эксплуатировали, но вы этого не замечали. Вы успешно заняли те позиции, на которых находились старики вашего времени, и даже не заметили, что их понижение в должности было частью бесконечной системы, в которой какой-то человек использует безымянных молодых людей ради своих интересов. Потом вы и сами стали для этой системы старыми и слишком самоуверенными, но было уже поздно. Вы пустоголово играли свои роли, а следующая порция ничего не подозревающих юнцов уже была обучена, чтобы заменить вас и действовать против вас же.

Моя роль и моя судьба… — Орло поежился. — Я догадался обо всем, когда мне исполнилось пятнадцать лет. Через неделю после того, как я уже все знал, мне предложили заменить на ключевом посту человека, которому исполнилось тридцать два. От этого предложения я отказался, как уже вам рассказывал. Я тут же сообщил об этом всем

знакомым своего возраста и разослал письма сотням ровесников, объясняя в них, почему так поступил. Большинство из них просто пропало, в этом я уверен. Кто-то мне не поверил, но я уже распространил свой яд. А что вы думаете? Вдруг хоть кто-то из этих молодых получателей подымет мой факел и понесет его дальше?

Уселся он так же резко, как перед тем вскочил.

— Их слишком мало, — заметил математик Дьюреа. — Запомните, этот человек убивает всех, кто для него опасен. Не только зачинщиков, но и любого, имеющего в голове определенные мысли или какую-то память. Могло показаться, что он и сам чрезвычайно удивлен результатами своего анализа. Но окончательное решение выдаст мощь человеческого разума. Специфические идеи, не важно в чьей голове они появятся, приобретут убийственную силу. Но подобные личности, несущие в себе такие мысли, должны быть уничтожены — и не важно, сколько их будет.

— Но ведь подобные мысли есть и у вас, — стал спорить с ним Орло, — а вы все еще живы. Они есть и у меня, а мне до сих пор даже обвинение не предъявлено.

К пожилому математику вернулось его хоро-

шее настроение.

— А мы здесь — особенная группа. Все мы специалисты в области систем коммуникации. Время от времени нам подкидывают на решение кое-какие проблемы, но большей частью мы лишь напрасно тратим здесь свои таланты. Своими научными исследованиями мы искупаем свою вину. Правда, все они не представляют особой ценности в связи с потребностями отдельно взятого человека. Так что, вопрос в том, что… — И он замолк.

Раздвинув щербинку улыбки у себя на лице, Ишкрин спросил:

— Ну-ну, Анден, так в чем же вопрос?

Дьюреа поднялся из-за стола. Теперь он казался даже ниже, чем когда сидел. Выражение лица и поведение математика напоминали человека, которого только что посетила какая-то важная идея. Его глаза блестели, слова были отрывистыми:

— Господа, здесь мы находимся ради определенной цели. Все предыдущие наши разработки и задания были обманкой. Нам их поручали лишь затем, чтобы когда пришла пора для настоящей работы, мы действовали на надлежащем уровне, во всеоружии наших талантов. — он взволнованно повернулся к мужчине, сидящему на третьем

месте с южной стороны. — Питер, расскажи им про то, о чем ты уже говорил мне. — И уж совершенно разволновавшись, он закончил чуть ли не криком: — Настоящая цель та, о которой уже упоминалось сегодня утром… Питер, ну скажи же им!

Вызванный им Питер Ростен вдруг очутился в центре внимания. Вообще-то, в этой теплой компании ученых он держался как-то с краю. Администратор городка, знавший его еще молодым человеком, не гнушался тем, чтобы поболтать с ним по телефону о том, о сем. И вот как раз во время сегодняшнего утреннего разговора чиновник и упомянул о новом проекте.

— Вы помните Хигенрота… — начал Питер Ростен.

И тут заговорили, казалось, все, не давая ему продолжить:

— О, нет! — закатил глаза кто-то.

— Господи, — взмолился другой, — только не Всепрроникающая Теория.

— Думаю, это Глюкен подсунул нам эту работенку, — догадался третий. Да, это такая лажа, как будто мало того, что мы торчим здесь…

— Успокойтесь, господа, — стал упрашивать Ростен. — На то, чтобы расправиться с нею, нам

дают шесть месяцев. У нас еще целая куча времени.

Взгляд Орло Томаса перебегал с одного лица на другое. Когда же стало относительно тихо, он спросил:

— Всепроникающая что?

Сэнди МакИнтош буквально взвыл:

— Нам только этого не хватало! Он даже не слыхал о ней! — Он махнул рукой. — Не бойсь, парень, в свое время еще услышишь.

Пухлый мужчина, номер третий с западной стороны, тоже поднялся из-за стола.

— Ладно, пойду-ка я в библиотеку да освежу свои знания по этой Всепроникающей Теории, а потом стану думать. Если нам поручат разбираться с ней, то всем нам было бы лучше подготовиться. А то мы не долго будем чувствовать себя королями.

И он вышел, даже не оглядываясь. Его уход вызвал самые различные замечания среди его коллег.

До сих пор упорно молчавший тип — место десять с северной стороны выкатил свои карие глаза к потолку и сказал:

— Короли… Запертые здесь уже восемь лет, как, скажем, я… Это больше похоже на рабство.

— Это еще с чем сравнивать, — заметил Ишкрин. — Говорят, будто сам Лильгин не выходил из Дворца уже двадцать лет.

— Но ведь он может, если пожелает.

— Так скажите самим себе, что вы тоже можете.

— Но ведь это будет неправда.

Ишкрин всплеснул руками и обратился к Орло:

— Вот видите, какие мы люди. То, что годится для диктатора всего мира, им, видите ли, нехорошо. Да, люди неисправимы.

Вся компания сотрапезников двинулась со своих мест и, обмениваясь различными замечаниями, направилась к выходу. В конце концов в столовой остались только Ишкрин и Орло. Пожилой человек глянул на часы, а потом спокойным голосом заговорил с юношей:

— Я бы рекомендовал вам отправиться в комнату для собраний и ждать тапм, покуда вам не предоставят комнату.

Орло откинулся на стуле. На его красивом, мальчишеском лице появилась тонкая морщинка.

— Я все время пытаюсь объяснить свое пребывание здесь по каким-то логическим меркам. И мне никак это не удается. А вам?

— Я еще не думал об этом, — ответил пожилой ученый.

— И я, пока слушал вас и всех остальных…

— У вас имеется научная подготовка?

— В некотором роде.

— Что это значит?

— Ну… — улыбнулся парень, — в каком-то смысле меня можно было бы назвать системным инженером.

— Почему вы сказали «в каком-то смысле»?

— Видите ли, я никогда не завершил ни одного курса. Если можно так выразиться, я углублялся в каждую научную дисциплину, за исключением будьте добры отметить сей пробел в моем образовании — за исключением коммуникационных систем. — Орло мотнул головой. — Так что, честное слово, я понятия не имею, что делаю здесь.

— Странно, — Ишкрин закрутил свои длинные, пушистые усы. — Ладно, не станем поддаваться иррационализму. Но, поскольку в стране Лильгина все стремится к полнейшей рациональности, реальность иногда заметить чертовски сложно. Так что, давайте, я подумаю и над этим тоже. — Он поднялся, невысокий и несколько настороженный. — Сейчас уже четверть четвертого. Вам лучше бы отправиться туда, где представители

администрации смогли бы найти вас, не прилагая особого труда. Если хотите, я могу проводить вас в зал для собраний.

— В этом нет необходимости. Во время своих утренних блужданий я уже находил его. — Орло поднялся. — После ночного перелета я прибыл сюда рано и уже успел осмотреть ваш — ведь вы так его назваете, господа? — городок. Раз это будет мой будущий дом, я обязан знать, где находится самое основное. Но все равно, — юноша опять нахмурился, — мое присутствие здесь представляется мне совершенно нелогичным. Я был бы весьма удивлен, если бы мне и вправду выделили комнату.

В четыре часа вечера комнату ему так и не предоставили. Но, по некоторым обстоятельствам его, как и многих других молодых людей, это не слишком-то и обеспокоило.

VIII

Без одной минуты шесть, третий раз прийдя в офис администрации на первом этаже, Орло нашел там лишь сотрудницу, уже собиравшуюся уходить и закрывавшую дверь.

— Прошу прощения, — сказала она, выслушав его, — но у меня не было приказа выделить вам комнату. Может быть утром…

— А сегодня ночью? — запротестовал Орло. — Куда я денусь ночью?

— Прошу прощения. — Сейчас она забеспокоилась уже по-настоящему, темноволосая молодая женщина с большой грудью, пухленьким личиком и завлекательной фигурой. — Только не надо утверждать, будто это мои проблемы, — твердо сказала она. — Отойдите, пожалуйста, в сторону.

Орло медленно отступил к двери. Странно, но впервые за сегодняшний день он почувствовал, будто освобождается от какого-то неприятного чувства. «Ну конечно, — думал он, — это не ее проблемы. И действительно, зачем вообще превращать это в проблему?…»

И он улыбнулся девушке, когда та проходила мимо него.

— Я не слишком требователен, — сказал он ей. — Ладно, перекемарю где-нибудь на полу. Хуже будет, если это превратится в привычку.

Услыхав это, женщина остановилась. Похоже, его судьба ее даже в чем-то обеспокоила.

— В четверть седьмого я уже обязана выйти из этой части здания, быстро заговорила она. — После этого времени никто уже не может пройти отсюда через дворец без специального разрешения.

— Я понимаю всю железную логику данного распоряжения, — с деланным спокойствием заявил Орло.

Только девушка, похоже, его не слышала. На ходу, даже не обернувшись, она добавила к своим первым словам:

— Я к тому, что однажды, опоздав уйти вовремя, нашла кушетку в комнатке в самом конце коридора «Н».

— В следующий раз, когда вы снова задержитесь, — с улыбкой заявил Орло, — я с удовольствием присоединюсь к вам там.

— До свидания, — буквально вскрикнула девушка. Орло медленно потащился в том же направлении, что и убежавшая девушка. Удивительно, но он был совершенно умиротворен, если

не считать легкого удивления над собственным поведением. Как нехорошо получилось, что он так разволновался из-за этой неудачи с комнатой. Нужно быть уверенным, что уже никакая беда не подействует на него столь сильно.

Надо улыбаться при виде всех этих надутых типов из Дворца, надо смеяться, видя своих несчастных коллег. Не хочу я навешивать на них еще и свои тяготы. А больше всего, не хочу быть бременем для себя самого.

Когда юноша дошел до поперечного коридора, эта мысль как раз пришла к своему логическому завершению. И здесь же он встретил идущего навстречу Ишкрина. Коротышка с русыми, похожими на моржовые, усами помахал ему рукой.

— Вас нашли? — спросил он.

— Кто?

— Офицер охраны с тремя солдатами.

Несмотря на все свое боевое настроение, Орло почувствовал в груди холодок.

— Они не говорили, что им от меня нужно? — спросил он, взяв себя в руки.

— Они только искали вас.

Глаза Ишкрина блестели.

— Если они это честно, — сказал Орло, потянувшись, — значит меня куда-нибудь да определят.

Он уже повернул было назад, но Ишкрин положил руку на плечо юноши и придержал его.

— Так вы не догадываетесь, из-за чего они могли бы приходить? — тихо спросил он.

— Скорее всего, — легкомысленно заявил Орло, — мне сообщат о том, что мне выделено какое-то помещение.

— Охрана никогда ничем подобным не занималась. И вообще, это уникальный случай, — Ишкрин сделал приглашающий жест рукой, и они пошли вместе, — чтобы охранники вот так приходили к нам и кого-нибудь разыскивала.

— Шикарно, — что еще мог сказать Орло? — Значит мы узнаем что-то новенькое. До встречи.

На сей раз Ишкрин уже не пытался задержать его. Он лишь крикнул, когда Орло уже сворачивал в боковой коридор:

— Ужин для нас, королей науки, подается в семь. Это на тот случай, если вы все еще будете здесь.

Юноша только махнул рукой.

Научный городок, по которому он шел и продолжал свое обследование, был сконструирован самым фантасмагорическим образом, совершенно не похожим на все то, что мог он видеть за свои двадцать лет жизни. Будучи от природы несколь-

ко упрямым и замкнутым — в противном случае он никогда бы не допустил тех действий, которые и привели его в это место странного заключения — Орло до сих пор даже не слишком присматривался к окружавшему ему великолепию. Юноша обращал на него внимание так же, как некоторые люди ведут себя, посещая музей, совершенно безразлично посматривая на экспонаты.

Но сейчас он стал вести себя иначе. «Надо попытаться, — размышлял он, — заставить свои мозги работать, так что и спешить не надо.» Так он и поступил, а вместе с этим начал внимательнее приглядываться к тому, мимо чего проходил. Трудно было придумать более фантастическое окружение, но оно как нельзя лучше соответствовало этому невообразимому месту.

Каждый коридор был около сорока футов шириной и футов пятидесяти в высоту. Мраморные стены были инкрустированы металлическими изображениями и надписями из металлических же букв. Все эти блестящие картинки и надписи, казалось, рассказывали чрезвычайно интересную и запутанную историю. Насколько Орло мог понять на этих стенах был представлен подробнейший отчет о развитиии наук о коммуникациях на Земле. Каждая схема и каждое

устройство, придуманное человеческим разумом; все теории с сопутствующими диаграммами; выделенные жирными буквами изобретатели и развитие их открытий, представленное мелкими буквами и математическими формулами…

Тот переход, в котором сейчас находился Орло, представлял, естественно, лишь одну из граней истории науки. То, что он видел сейчас, напомнило ему все то, что он видел уже утром. Нельзя было сказать, все ли факты были представлены на этих стенах, но явной целью всех этих картинок и текстов была постоянная стимуляция воображения. Идея заключалась в том, чтобы найти между известными фактами новые, до сих пор неизвестные связи. А после этого могли бы родиться и новые идеи…

Внезапно внимание Орло было привлечено вот какой проблемой: Если вы являетесь объектом преследования, то есть два пути относиться к преследователям. Первый путь — бежать, уклоняться от подобной встречи. Второй — самому искать встречи с охотником. (Что вы станете делать с ним, когда обнаружите, зависит уже от обстоятельств.)

Разыскиваемый человек в каком-то смысле может служить иллюстрацией отношений между

жизнью и смертью, так сам с собою рассуждал Орло, и это его даже развеселило. Жизнь можно было представить в виде кривой, поднимающейся от колыбели сначала вверх, а затем спускающейся вниз, к могиле. Находясь на подъеме этой кривой, практически никто не принимает в расчет старуху с косой. Но вот на нисходящем участке… ах, здесь можно было найти аналогию с тщательной синхронизацией. Рассуждая подобным образом, равно как и человек, ищущий укрытия от своих преследователей, на спуске жизненной кривой люди пытаются спрятаться в приемных у докторов, в больницах, в домах отдыха, аптеках или магазинах здоровой пищи.

С другой стороны, было известно, что храбрый человек идет прямо навстречу Смерти, а найдя ее, так запугивает и усмиряет, что заставляет ее отступить. А после того как победит Старуху, иногда проживает необычно долгую жизнь.

Вот оно, решил про себя Орло Храбрец.

Спустя несколько минут он вышел к широкому, ярко освещенному проходу, соединяющему научный «городок» с Дворцом. Орло неторопливо направился туда, где за высоким столом сидел офицер охраны. Юноша не упустил заметить, что рядом с комнатой для охранников стояли шесть

вооруженных винтовками солдат.

— Лейтенант, — сказал молодой человек просто. — Меня зовут Орло Томас…

Он никак не мог ожидать реакции, которую вызовут его слова. Молоденький офицерик бросился к интеркому и затараторил:

— Капитан, мистер Орло Томас только что подошел к посту.

— Оставайтесь на месте и следите в оба. — Исходящий из динамика баритон, благодаря нуль-системе Хигенрота, звучал так естественно, как будто хозяин голоса стоял здесь же.

Пауза. А потом произошло странное событие. Орло уже повернулся, ожидая, что небольшая группа военных неспешно выйдет из какого-нибудь коридора прямо из «городка». Сюда, в фойе выходило целых пять подобных коридоров. И вот в среднем из них раздался шум шагов. Офицер с нашивками капитана чуть ли не бежал. За ним, стараясь не отстать, топали три сержанта.

Все четверо были возле стола буквально через пару секунд. Все они запыхались, но капитан даже смог сказать:

— Мистер Томас… ф-фуф… вы обязаны… идти за мной… уфф… во Дворец. Сюда, сэр!

Орло прошел в дверь, осознавая присутствие

тяжело дышащих людей у себя за спиной. Через несколько секунд капитан, уже успевший справиться с дыханием, рванул вперед на несколько шагов, возглавил процессию и сказал:

— Надеюсь, вы не будете против, если мы прибавим шагу.

Он не стал дожидаться ответа, а вместо этого чуть ли не побежал.

— Надеюсь, что вы все же не против, — просопел он на ходу.

— Куда мы направляемся? — теперь уже запыхался и Орло.

— Вы приглашены на особого рода ужин, сэр. И там уже ждут.

— Приглашен… Это кем же?… Ф-фу…

Лишь после того, как он пропыхтел эти слова, Орло посетила невероятная мысль. Но он сразу же выругал себя за нее, потому что была она до невозможности глупой.

— Его превосходительством Мартином Лильгиным, — со священным трепетом произнес молоденький капитан, несмотря на всю скорость их передвижения. Но было и кое-что другое, может сомнение, которое Орло чувствовал и сам.

Больше уже ничего сказано не было. Все пятеро быстро направлялись вперед. Освещение, по мере

их продвижения, становилось все ярче. Коридор расширялся. Внезапно они приблизились к месту, которое было видно уже издалека: поперечному коридору таких же великанских размеров. Здесь они повернули и замедлили шаг.

Орло отметил про себя, как подобрался капитан. И в самое время. Буквально в ярде-двух от поворота находился барьер — длинное заграждение, а за ним стол. За столом сидела дюжина типов в форме и с мрачными лицами. Все они были исключительно молоды, как и военные, сопровождавшие Орло, но у одного из них — молодого человека не старше двадцати-двадцати двух лет — были генеральские погоны. Среди одиннадцати других юношей — с первого же взгляда отметил наш герой — трое были полковниками, остальные же — подполковниками и майорами. Он тут же подсчитал и выяснил, что последних рангов было поровну: по четыре.

В то время, как Орло производил эти наблюдения, сопровождавший его молоденький капитан притормозил у барьера, за которым сидел генерал со своими людьми. Он отдал салют и доложил, как того требует устав:

— Капитан Рутерс. Сопровождаю мистера Орло Томаса.

Юный генерал поднялся из-за стола, то же самое сделали и его офицеры. Но лишь генерал отдал салют капитану. В течение всего ритуала его мрачное лицо оставалось таким же хмурым. Его серо-стальные глаза остановились на Орло.

— Мистер Томас, не откажите в любезности подойти к идентификатору возле прохода.

Орло подчинился с автоматической реакцией добропорядочного гражданина страны Лильгина, встречавшегося с подобными устройствами не одну тысячу раз. Не говоря ни слова, он протянул руку и сунул ее в отверстие устройства. Тут же раздался жужжащий звук: находящийся где-то далеко компьютер сравнивал что там имелось в его пальцах, кисти, запястье с записанными в машинной памяти образцами. Естественно, все тут же было распознано как индивидуум, вот уже два десятка лет известный под именем Орло Томас.

Загорелась зеленая лампочка. После юноша в столь высоком для его возраста чине махнул одному из своих людей:

— Майор Клюкс, открыть проход.

Получив приказ, молодой человек не старше самого Орло повернулся и по-военному четко подошел к барьеру, наклонился над ним, что-то сделал пальцами, и проход открылся.

— Проходите, мистер Томас, — скомандовал генерал.

Двигаясь будто автомат, Орло сделал шаг вперед. Майор тут же опустил барьер. И в этот миг наш герой заметил еще кое что. До сих пор его внимание было приковано к четким военным перемещениям возле стола и прохода, а все остальное находилось как будто в дымке. Теперь же он увидал: высокую стену с золотыми дверями.

Две двери. Высоченные. Широкие. Блестящие. И закрытые.

Тут же он осознал, что его беспокоит и что-то еще.

Из-за дверей доносились смех, крики и пение. Черт побери, такое невозможно было представить. Звук был приглушенным, но ошибиться было никак невозможно. Дикий смех, крики и хриплое пение.

Господи Боже!

Орло был настолько поглощен и ошеломлен замеченным, что до него не сразу дошло: спектакль у него за спиной еще не завершился. С этой мыслью он повернулся и увидал, что капитан Рутерс протягивает какую-то бумагу.

— Могу я получить вашу подпись, сэр. Под-

твердите, что мистер Орло Томас в целости и сохранности доставлен в ваше распоряжение.

Хмурый генерал взял документ, подписал его, поставил печать и вернул обратно.

— Это все, капитан, — отрывисто сказал он.

Дальше все пошло, как предписано воинскими уставами: салют, несколько шагов назад, четкий разворот на месте. Сержанты, отступив на шаг, следовали за капитаном. Потом все они промаршировали вдаль по коридору.

— Сюда, мистер Томас… — голос генерал оторвал Орло от наблюдения проведенного с механической точностью ритуала.

Орло повернулся даже с чувством некоторого сожаления. От одной гипнотической сцены он перешел к другой.

Было ясно, что понимается под «сюда»: в громадные золотые двери. Но и Орло был немало удивлен этим — его сопровождал один только генерал, оставив своих высоких чинами офицеров. Он без стука открыл дверь.

Прежде, чем Орло мог подумать, а к чему это может привести, его уже ошеломило все то, что он увидал и услыхал внутри.

IX

Почти у каждого в жизни случаются такие мгновения, которые отпечатываются в сознании с фотографической четкостью. Все окружающее фиксируется камерой мозга, вся сцена как бы застывает в самых ярких цветах, так что спустя какое-то время можно снова и снова, поминутно рассматривать ее в деталях.

Именно такой была и эта сцена.

Орло увидал перед собою небольшую комнату; небольшую только лишь сравнительно с другими помещениями. Но в высоту она была те же пятьдесят футов, что и коридоры.

Часть комнаты занимал стол, накрытый человек на тридцать, а больше ничего крупного в помещении не было.

И здесь же были люди — десятка три.

Понятное дело, что они не все орали, пели или смеялись. Во всяком случае, не все одновременно. Но издаваемые ими звуки творили в результате сущий бедлам.

На несколько секунд увиденное настолько потрясло Орло своей невообразимостью, что юноша, без кровинки на лице, даже не мог сдвинуться

с места. В это же время он заметил, что каждый в этой небольшой группе — и почти каждый был источником шума — держал в руках бокал с цветной, прозрачной жидкостью. Ну, слава Богу, теперь-то ясно.

Все эти люди были пьяны.

И еще, здесь находились одни только мужчины. Куда не глянь, ни единой женщины. Проклами-руемое равенство обоих полов, установленное законом, в этой комнате силы не имело.

Пьяные! Здесь, в самом сердце всепланетной власти, где каждый мозг обязан быть кристалль-но чистым каждый час, каждый день и год за годом члены Верховного Президиума всей Земли были пьяны в стельку.

Орло узнал знаменитые лица: Мегара, Йо-делл, Будун, Калер, Петерсон, Рокуэт, Фафард — представители народа. То один, то другой из этой супер-семерки постоянно делали важные заявления на телевидении. Все, сказанное ими, чиновники рангом поменьше обязаны были за-учивать наизусть, потому что с этой минуты эти слова становились линией партии.

В пьяной компании можно было заметить и другие знакомые лица. Но все они на ступень или две стояли ниже первой семерки. Орло по-

считал, что каждая такая ступень была шагом к анонимности. Взять хотя бы этого костлявого типа с орлиным носом, орущего какую-то песню: Сосатин? А вот этот толстячок с квадратным подбородком: Домало? Другие имена вообще ускользали из памяти: взять к примеру этого, Кас… Кас… а, черт с ним. Как бы его не звали, сейчас он скрипучим голосом спорил с каким-то мужчиной, ничерта не соображавшим от опьянения и оравшего во все горло.

Генерал потянул юношу за рукав:

— Сюда, мистер Томас.

Ведомый будто автомат этими словами, Орло буквально ввалился в комнату. Он не мог представить, что в его жизни случится такая минута, поэтому даже двигаться нормально не мог. А ведь в мыслях своих, включавших в себя острокритические, даже воинственные намерения, он представлял, что будет вести себя совершенно иначе, что он станет орудием ненависти и гнева.

Теперь же, после нескольких минут неопределенности его привели на эту невообразимую встречу с этой сворой крыс, массовых убийц и величайших преступников. Может его казнят? Подвергнут пыткам? Или тиран просто станет хлестать его по щекам? (А он сам будет только

стоять, глотая слезы и ожидать, когда его убьют?) Заговорит ли он со мной или только кивнет и отвернется с безразличным видом?

Лавина событий слишком уж быстро обрушилась на Орло. Еще несколько минут назад, готовясь провести ночь свернувшись калачиком где-то на полу, он даже представить не мог, будто что-то еще способно так потрясти его. Но сейчас он был совершенно сбит с толку.

Его сознание было абсолютно затуманено, он двигался так же неуверенно, как и пьяницы, что находились в этой комнате.

Орло, пошатываясь, шел за генералом, прорезавшим размахивающую руками толпу. Юноша со своим сопровождающим обошли группу горланящих песни мужчин, офицер в блестящей форме впереди, а Орло, шатаясь из стороны в сторону, далеко позади. Они шли, чудом уворачиваясь от размахивающих стаканами рук, направляясь от двух громадных голов пары низкорослых мужчин к третьей, нормального размера голове, сидящей на плечах еще одного маленького ростом человека.

У этого третьего типа были такие же моржовые усы как и у равного ему ростом коротышки Ишкрина. Но были и кое-какие отличия. Даже

несколько отличий. В усах Ишкрина седые волосы смешались с каштановыми. У этого мужчины усы были черными как смоль. Все лицо Ишкрина было покрыто морщинами, выдающими его почтенный возраст. Лицо Лильгина было совершенно гладкое, кожа мужчины лет тридцати восьми — сорока. Только подобное было абсолютно невозможным.

У Орло не было времени на обдумывание того, насколько это было невероятно, или почему вообще такое было невозможным. Он лишь заметил, что диктатор был разодет будто денди.

В каком-то смысле это поразило юношу даже еще сильнее. Но были и другие потрясения. Он представить не мог, что великий человек настолько мал.

Так вот почему он не покидает Дворец уже двадцать лет…

Элегантность этого мужчины тоже была потрясающей. Он предстал настоящим щеголем. На нем был рыжевато-коричневый костюм самого новейшего покроя, правда, без карманов, но сшитый строго по фигуре.

Черные усы, черные волосы, моложавое, строгое лицо…

Он был красив.

И, наконец, самое большое изумление: этот великолепный низенький мужчина одарил юношу улыбкой, пожал руку и произнес своим знаменитым баритоном, в котором присутствовала мужественная хрипотца:

— Ну вот, с нами единственный на всей планете юноша, который еще достигнет вершин. Да, молодой человек, меня держат в курсе. Мы обязаны заботиться о таких. Но это потом. А сейчас…

Он отпустил руку Орло и хлопнул в ладони.

Гром!

О Боже, подумал Орло, у него в руках, должно быть, имеются какие-то контакты. Соединившись, они и порождают этот грохот из потолочных динамиков.

Последствия не замедлили сказаться. Все песни прекратились. Крики прервались на полуслове. Дикий хохот немедленно сменился тишиной. В мгновение ока пьяная компания превратилась в группу самых обычных гостей, направляющихся к столу.

Малорослый мужчина сказал Орло:

— Садитесь на красный стул прямо напротив меня.

И он указал пальцем. После этого он легонько подтолкнул юношу, и тот, хочешь-не хочешь,

помаршировал вокруг всего стола на показанное ему место. Там он остановился, ожидая сигнала. Он стоял, потому что все остальные тоже стояли и ждали.

После этого маленький человечек уселся. Скорее всего, это и было сигналом. После этого в комнате раздавались лишь стук отодвигаемых стульев и пыхтение садящихся мужчин. Но уже после секундной передышки разговоры продолжились.

В этот момент Орло прилагал все усилия, чтобы выйти из состояния шока. Только мало что помогало. Он попросил сидящего справа мужчину передать ему какое-то блюдо, а потом спросил у сидящего слева:

— Здесь присутствует весь Президиум?

Трудно поверить, но, получив ответ, через пару секунд он его уже не мог вспомнить.

Несмотря на попытки вести себя смело, внутренности парня периодически сжимало страхом. Теперь Орло глядел на человека, сидящего во главе стола.

Как это получается, думал он, что одни коротышки становятся Ишкриными — который никогда и мухи не обидит — а другие становятся Лильгиными, чьи пальцы все время лежат на

спускном крючке машины убийства.

Потом он попытался включиться в разговор, развернувшийся в ближайшем окружении Лильгина: что-то относительно крупных совхозов и новой политики, касающейся работающих там людей. Сам диктатор, похоже, был за введение на селе широкой автоматизации, но пожилой мужчина с мрачным выражением, будто приросшим к его лицу, настаивал на том, что некоторые индивидуумы, он называл их «Д»-типами, обязаны заниматься только лишь ручным трудом.

— Это вопрос поддержания дисциплины, ваше превосходительство.

— Возможно, вы и правы, — мягко отвечал ему Лильгин. — Но я часто думал и о том, чтобы ввести там более мягкую систему. Вы же знаете, что до сих пор так ничего сделано и не было.

Мужчина с хмурым лицом обратил его внимание на то, что подобная система, возможно, будет хороша для других работников, но только не для категории «Д».

Орло неспешно ел. И с каждым проглоченным куском приходили все новые и новые мысли:

Что я здесь делаю? Что произойдет потом? Ведь это же просто невозможно, что я сижу за столом человека, которого ненавижу больше всего на

свете, и слушаю его замечания, в то время, как другие кровопийцы требуют все новых и новых репрессий. неужели Лильгин даст себя уговорить?

А вместе с этими размышлениями в его голове копошились и другие:

Вдруг в самом конце ужина меня прикажут казнить? Скомандуют — он даже живо представил себе — встать к стенке… Куда можно сбежать, если такое случится?

Орло уже заметил, что в столовый зал вели четыре двери: громадная входная дверь из коридора, через которую его самого привели сюда, и три двери поменьше, метра два высотой. Двумя из них пользовались официанты для своего быстрого появления и ухода. Так что для бегства, пришло в голову Орло, можно будет выбрать между кухонными проходами и неизвестной, четвертой дверью.

Понятно, рассчитывать на успешное бегство было бы глупо. Но ведь и у него самого не было ни малейшей причины находиться здесь, вот почему он так и фантазировал. В своих горячечных мечтаниях Орло уже видел, как он вырывается из столовой и мчится в глубины

Дворца. Но там поисковые отряды быстро заго-

нят его в угол…

Орло был совершенно поглощен своими невеселыми размышлениями, когда совершенно неожиданно четвертая дверь распахнулась и оттуда появился одутловатый мужчина самого невероятного, фантастического вида.

Чужак был даже не совсем одет. На нем были красные шаровары и растянутая лиловая майка. У него было круглое лицо с коричневыми в пятнышках глазами.

— Эй, мужики, — громогласно заявил он. — Вот и я! Всем внимание!

После этих в чем-то даже оскорбительных слов сидящие за столом засуетились — за исключением разве что Лильгина, который не только не повернулся и не глянул на вошедшего, но даже не перестал жевать.

Незваный гость то ли наскочил, то ли навалился на стол справа от Орло. Драматическим жестом он поднял руку, устремив палец в диктатора, и совершенно бесцеремонно заявил:

— Эй, Лильгин, и что ты станешь делать с тем, про что я только что узнал?

Перестав что-либо соображать, Орло уставился на мужчину. Потом поглядел на сидящих за столом. После первых шевелений все уже со-

вершенно успокоились, хотя, возможно, и были несколько раздражены. У одного из них на лице вообще читалось отвращение, но только у одного.

В конце концов уже Лильгин решил разобраться с ситуацией и покончить с ней. Какое-то время он еще посидел, ничем не выдавая своих чувств, а потом неуверенно сказал:

— Ну…

— Говори, давай, — скомандовал новоприбывший. — И нечего жевать усы.

— Кроско, я тут как раз уже собирался сказать, — начал Лильгин, — что кое в чем я, наверное, виноват. Только вот в чем, не знаю. Может ты подскажешь?

Орло расслабился. Внезапно он представил все происходящее как сцену из театральной постановки. Саму даже реплику Лильгина он, вроде бы, слышал раньше.

— Валяй, валяй! — не терпящим глупостей тоном настаивал Кроско. — Если надо будет подстегнуть твою память, у нас тут имеются подходящие инструментики…

Кому-то из сидящих за столом это показалось смешным, то тут, то там раздались взрывы хохота.

Кроско не обратил на них внимания.

— Так как там с сельхозмашинами для категории «Д»? — изъязвлялся он. Ты же не собираешься позволить этим правильным господам перещеголять самих себя в ложной уверенности, будто ты все делаешь на благо народа. Не собираешься же ты позволить им остановить себя в стремлении свершить правое дело?

— Должен сказать, — как бы защищаясь, ответил Лильгин, — что я чего-то не понял. Я всего лишь социальный инженер, делающий свое дело. Вот и все!

— Но ты, — упорствовал Кроско, — позволяешь этим палачам переубедить себя в правильном отношении к категории «Д».

— Мы пока всего лишь разговариваем, — оправдывался Лильгин. — Пока еще никакие решения не приняты. Были представлены самые разные взгляды…

— Ну ладно, а кто сегодня ожидает, что его пришлепнут? — продолжил Кроско. — Ведь каждый тут считает, что его. Вот он, самый главный вопрос… — Впервые он поднял голову и обвел взглядом всех сидящих за столом. на его лице появилась самодовольная ухмылка. — Что, господа, вы согласны со мной, что именно это самое

главное? Кто из вас готов мчаться отсюда, будто крыса?

Орло почувствовал озноб. Эти слова тут же заставили его вспомнить о своих фантазиях, про то, как его казнят здесь, на месте, сразу же после окончания пира. Но на него никто не глядел, во всяком случае, ничего подобного он не замечал. Тогда он наклонился к сидящему справа мужчине и прошептал:

— Кто такой Кроско?

Спрошенный даже не повернул головы, одними только губами он сказал то, что посчитал достаточным:

— Придворный шут.

Орло облегченно вздохнул. У него были довольно-таки туманные представления о том, кем в истории были придворные шуты. Но то, что он увидал здесь своими ясными голубыми глазами и еще более ясным своим умом было невообразимо! В условиях диктатуры Кроско был возможностью сказать вслух истинные мысли простых людей. Бессмертный Дурак осмеливался сказать такое, за что в иных условиях кто-то обязательно потерял бы голову.

Эти мысли все еще крутились в голове у Орло, когда комическое представление закончилось

так же внезапно, как и началось. Лильгин хлопнул в ладоши. Эхо великанского хлопка скатилось сверху громом.

Кроско застыл на месте, потом начал клониться вперед. Его тело как бы одеревянело, глаза закрылись. Он вытянул руки вперед, как обычно представляют лунатиков. Потом повернулся на месте и, как лунатик или загипнотизированный человек, прошел к двери, из которой перед тем появился. Двигаясь будто робот, он толкнул дверь, прошел дальше и скрылся из глаз. Дверь захлопнулась.

Все поднялись… Ужин закончился, подумал Орло и тоже начал вставать с места. Ему стало легче…

Но мысль ушла, не успев толком оформиться. Рука правого мужчины придержала его за плечо, не позволяя встать.

— Сейчас будет произнесен тост за вас, — пробормотал этот мужчина, среднего возраста и с довольно знакомым лицом. По видимому, Орло мог видать его по телевизору как представителя правительства. Неясно было лишь как он смог дожить здесь до такого возраста.

Орло лишь удивленно моргнул. Мозги были окутаны какой-то пеленой. Он продолжал сидеть,

как ему и было сказано.

Удивительный миг. Все лица повернулись к нему. Лильгин, сразу же напротив, тоже поднялся. Так вот зачем он сказал мне сесть именно здесь — черные глаза диктатора, уставившись прямо на Орло, горели каким-то внутренним огнем. Пышные усы Лильгина пошевелились, а щербина рта под ними сложилась в улыбку.

Потом рот раскрылся шире и всем известный голос сообщил:

— Этот тост я поднимаю за нового члена Верховного Президиума, носящего звание Ученого Интеллектуала, и который будет отвечать за все в области науки и технологии. Его штаб-квартирой станет Коммуникационный городок. Я представляю вам… Орло Томаса!

И снова улыбка. Потом к губам прижался бокал. Как увидал окаменевший Орло, все тоже выпили и поглядели на него. Кто-то из них воскликнул:

— Слушаем, слушаем!

— Ну, — пробормотал стоящий рядом с Орло мужчина. — Отвечайте.

Те несколько секунд, в течение которых присутствующие пили за него, для Орло означали завершение многотысячечасовой подготовки к единственной цели, которой он уже давным-дав-

но посвятил себя — восстанию.

Поднимаясь из-за стола Орло постарался осознать, что это всего лишь часть игры, но он собирался играть честно, пусть даже сама игра будет продолжаться сутки или только час.

Самой гранью сознания Орло понимал, что данное предложение уже нельзя отвергнуть, потому что сейчас, пусть теоретически, но у него появилась возможность хоть как-то умножить те силы, что помогли бы в свержении режима.

Юноша почувствовал, что силы, а вместе с ними и решимость, вернулись к нему. Он улыбнулся, поднял свой бокал и сказал так:

— Господа, одна из самых сложных в этом мире проблем — это трудность выявить и сказать правду. По каким-то, не вполне ясным для меня самого поводам, я чувствую настоятельную потребность говорить то, во что я верю сам. В настоящий момент я просто ошеломлен оказанной мне честью. Надеюсь, что те, кто удостоил меня этой чести, всегда будут готовы выслушать мою информацию в любой другой ситуации. Но пусть они знают, что я стану высказывать свое мнение лишь тогда, когда меня об этом спросят и лишь в ответ на специальные вопросы. Благодарю вас.

Он еще раз поднял бокал и коснулся губами его

края. Потом улыбнулся и спросил:

— Хотелось бы знать, так где же я буду спать сегодня ночью?

Лильгин рассмеялся. Это стало знаком для всеобщего веселья. Волна хохота прокатилась вдоль всего стола. Когда она возвратилась туда, откуда началась, диктатор объявил, самым сердечным тоном:

— Мой юный друг и коллега, я поручил генералу Хентнеллу проводить вас в ваши новые апартаменты.

Он огляделся по сторонам.

— Все хорошо, господа. Жду всех вас завтра к ужину.

После этих слов задвигались стулья, и гости стали выходить из-за стола. Открылись громадные двери, и начался массовый уход. Орло глянул на свои часы: было 9:22.

Он и сам медленно направился к двери, высматривая Лильгина. Но диктатора уже нигде не было видно.

Не успел он удивиться этому обстоятельству, как чьи-то пальцы коснулись его плеча:

— Сюда, мистер Томас.

Орло обернулся. Это был тот самый молодой генерал, что привел его сюда.

— Это вы, э-э… — Орло задумался, — э-э… Хинтнелл?

— Да, сэр.

— Вы проводите меня до апартаментов?

— Ключ со мной. И, если можно так сказать, сэр, примите мои поздравления.

— Спасибо.

— Я проведу вас, — сообщил генерал Хинтнелл, — только до дверей. Такие я получил указания. Войдете сами и вступать во владения будете самостоятельно.

Как-то странно он об этом говорил. Во время всего пути вдоль по коридорам Орло молча переваривал его слова… «Черт подери, — думал он, снова он заставляет меня быть не в своей тарелке. Что там такого в этих апартаментах, что следует принимать во владение?»

Он продолжал молчать, пока они на лифте подымались на третий этаж и пока по широкому коридору не добрались до двери с золотыми знаками: С 28.

Мрачнолицый генерал остановился, и какое-то время они оба стояли, не двигаясь.

«Два молодых человека, — думал Орло, — практически одного возраста, но Хинтнелл уже генерал, а я член Президиума.»

Похоже, что подобная мысль в голову генералу не приходила.

— Дальше я уже не пойду, — сказал он и вытащил два маленьких металлических стержня, соединенных цепочкой серебристого цвета. Орло узнал в них электронные устройства определенного типа, которые сопрягались с индивидуально настроенными электромагнитными полями, с которыми мог действовать только лишь владелец подобного «ключика». — Это дубликаты, сообщил генерал. — Один где-нибудь спрячьте, а второй носите всегда с собой. Второй комплект достать будет непросто.

До Орло дошло значение этого замечания. Он понял, что ключи от этих апартаментов выданы самим Лильгиным, и что великий человек будет критически настроен к члену Президиума, теряющему такую мелочь как ключи.

Генерал повернулся. Его хмурое лицо оставалось таким же таинственным. Серые его глаза ни разу не моргнули. Крепкое тело держалось неестественно прямо. Без всякого предупреждения он отдал салют, развернулся на месте и помаршировал вдоль по пустому коридору.

Орло подождал, пока фигура в мундире не исчезнет за поворотом, нажал штифт сопряжения

на одном из ключей и отпер замок.

Дверь же он приоткрыл ногой, очень и очень осторожно.

X

Первое, что увидал Орло, приоткрыв тяжелую дверь, это то, что внутри горел свет. И в этом имелся свой положительный фактор.

«Возможно, — подумал юноша, — здесь находится сам Лильгин, поскольку пришел в собственную квартиру… Если это так, то как может диктатор осудить молодого человека, так осторожно крадущегося в его личные дворцовые, так тщательно охраняемые покои?

И он уже догадывался, в чем тут дело — все происшедшее было совершенно неестественным. Ведь правда, всему этому нельзя было найти разумного, логичного объяснения… Но все равно, Орло собирался войти, а там будь, что будет, потому что все случившееся не имело никакого смысла. Но с другой стороны (трусливо подсказывало сознание), а вдруг там сидит какой-нибудь чиновник, чтобы просто напугать или огорошить юношу. Что было делать?..

Подобные рассуждения, возможно, и подвигли бы к действию какого-нибудь храбреца. Но Орло не мог позволить себе действовать по их побуждению. Его суть была иной. Он все просчитывал.

Просчитывал все известное и тут же вычислял процент риска. Глядя же сквозь дверной проем на внутренний интерьер, он просчитал фантастичность увиденного.

Подобной комнаты, которую можно было увидать отсюда, с порога, он не мог представить за всю свою недолгую жизнь. Вся мебель выглядела исключительно дорогой и богатой. Толстые, ценные ковры радовали глаз своими яркими красками. Юноша высчитал, что длина только видимой ему части гостиной была никак не меньше семидесяти футов. На заднем плане было громаднейшее окно.

Мне! Все это отдано мне диктатором всего мира. Почему?

Это вот «почему» могло оставаться с нашим юношей множество дней и часов, постоянно отвлекая его мысли, рождая подозрительность и веру в невероятное. И слишком долго это «почему» оставалось без ответа.

Поскольку никакого другого решения в воспаленном воображении Орло не намечалось, тем более, что его не было видно и в громадной комнатище, видимой с порога — молодой человек вошел вовнутрь.

Конечно же, сразу же за порогом он мог пе-

редвигаться исключительно на цыпочках, выглянуть из-за дверного косяка в другую комнату или подсмотреть через неплотно закрытую дверь… Только сейчас он уже чувствовал себя по-другому: раз уж я ничего не знаю о произошедших невероятных событиях, раз уж я не могу просчитать все последствия — то лучше взять себя в руки, успокоиться и воспринимать все по порядку, шаг за шагом.

Так он и поступил. Немного поколебавшись, Орло сделал свой первый шаг.

Вообще-то говоря, он уже приготовился увидать здесь Лильгина. И, потому что ожидал встретить низкорослого, элегантно одетого мужчину с черными волосами и черными же свисающими вниз усами, когда наш Орло увидал легко одетую девушку с длинными светлыми волосами, на то, чтобы осознать это, понадобилась целая куча времени.

Девушка, скрутившись в клубочек, сидела на богатом цветном диване справа от входа. На ней было платье, повторяющее цвет обивки. Принцип хамелеона в действии — будто желтая гусеница на желтом листке. И, конечно же, первое, что он вообще смог заметить — это ее, на удивление, розовощекое лицо (конечно же, не

имеющее ничего общего с сухим листком).

А уже после этого он быстро заметил и все остальное.

Она что-то там сказала со своего места — по видимому, свое имя, чуть позднее догадался Орло — но сейчас он только стоял как вкопанный и пялился на незнакомку.

Неизвестно почему, но ее следующие слова были уже прекрасно слышны и понятны. А сказала она вот что:

— Меня спросили, не соглашусь ли я стать подружкой нового обитателя дворца. Естественно, я сразу же подумала, что отказываться было бы глупо. Так что, если вы не против, я останусь здесь.

В эти первые секунды Орло показалось, что девушка и говорит, и действует как провокатор. Но потом он снова поглядел на нее. На сей раз он заметил, что ей было, скорее всего, не больше чем восемнадцать-девятнадцать лет.

Сделав подобное наблюдение, наш герой повернулся и закрыл за собою дверь. Потом он подошел к стоящему рядом с диваном, на который девушка забралась с ногами, креслу и плюхнулся в него.

Его первое подозрение не было таким уж и невозможным. Девушка могла быть ушами и глазами диктатора, а впоследствии и свидетелем.

Только вот возраст выдавал в ней просто еще одну глупышку. Она была, как и сам он, жертвой мрачных намерений самого безжалостного во всей мировой истории человека. Очень скоро в ее милой головенке появятся запретные знания. А потом, пусть даже если она и останется невинной, что следовало из ее слов, или виновной, как он предположил сразу же и был убежден в этом, конец для нее будет один. Она была обречена. Продолжительность всей ее будущей жизни можно будет оценить в несколько недель, месяцев, но не более чем год. Ее судьбой была ранняя могила.

За сегодняшний день Орло уже неоднократно открещивался от самых страшных видений, так что сейчас ему было даже легко. К тому же, ему было даже любопытно.

— Как это проделали? — спросил он.

— Что?

— Как вас провели сюда? — Поскольку она делала вид, будто ничего не понимает, он продолжил. — Вы знаете того, кто провел вас в эти апартаменты?

— А, это! — Ее лицо прояснилось. — Меня вызвали в канцелярию комиссара — я там и работаю — сразу же после пяти и сказали…

— И вы с ними не спорили?

На ее милом личике появилась морщинка непонимания.

Орло продолжил:

— Ну, вы не сказали им, что ваше тело принадлежит только вам, так что не может быть и речи отдаваться какому-то незнакомцу…

Ее блестящие глаза застыли на его лице.

— Вы чего, немного не в себе, да? — даже обиделась немного девушка. Я никогда не принадлежала самой себе с тех пор как вышла из тумана детства и осознала себя членом своей первой группы. У нас была межконтинентальная организация — так нам сказали. Мы все были посвящены тому, чтобы ревностно служить людям. После того, как несколько раз я повела себя безразлично, поступая так, будто мои собственные желания гораздо важнее задач группы — и каждый раз после этого меня наказывали — я получила послание. Поэтому, когда мне оставался месяц до пяти лет, я уже выработала в себе радостную улыбку и способность вибрировать в такт групповой энергии. После того я уже и не пыталась сопротивляться, быть в оппозиции к группе. Пусть я и размышляю, наблюдаю, делаю выводы, но веду себя так, чтобы это не противо-

речило заданиям и ожиданиям группы.

На тот случай, если их кто-то подслушивает, Орло выдал целый букет стереотипов:

— Большинство людей, став взрослыми, вступает в отношения сотрудничества со своими законодателями относительно оплаты труда, с женщиной или мужчиной по вопросам создания супружеской пары и с друзьями, с целью заключения товарищеских отношений. Свое поведение это большинство проявляет в быту и в общественных местах. Эти люди платят по счетам и тому подобное. Так отчего же, такому великому социальному инженеру как Лильгин, не оформить подобную массовую деятельность законодательно? С помощью подобного метода те индивидуумы, которые в обычных условиях стали бы диссидентами, тоже вынуждены были бы кооперироваться. А главной целью системы является снижение процента нарушителей общественного спокойствия.

Девушка испуганно уставилась на Орло. Ее глаза становились все шире и шире, и вот из за чего он мог увидать, какого они цвета: орехового. Но она не произнесла ни слова.

— Хотя, — продолжил Орло, — то, во что ты влипла, уже не соответствует законной группо-

вой деятельности. Я уверен, что ты сообщила об этом в уличный комитет.

— Я сообщила им, когда забирала свои вещи, — ответила девушка. Секретарь комитета даже выдала разрешение на вызов такси за счет комитета, чтобы меня доставили сюда. Она ни о чем не говорила и оформила все чрезвычайно быстро.

Орло откинулся в кресле, закрыл глаза и произнес:

— А как ты проникла на территорию дворца? У тебя был подписанный пропуск?

— А как еще?

— И что, охрана у дворцовых ворот только глянула на него и пропустила такси?

— Нет, такси остановилось у самых ворот и развернулось. Мои вещи вынесли и забрали на проверку. Их перебирали одна за другой вручную и с помощью этой… как ее?.. ну, ты понимаешь…

— Электроники?

— Да.

Орло открыл глаза.

— Я вижу, — усмехнулся он, — что девушка, которая даже не помнит такого слова — «электроника» — будет идеальной спутницей для такого, как я, типа. — Он тут же пояснил: — Меня готовили на что-то вроде научного наблюдателя.

Я понемногу разбираюсь во всех науках, но ни в одной из них досконально.

— А я совершенно не понимаю в науках. За это меня даже выставили из школы. Все это из-за того, что я слишком рано получила послание, чтобы оно не стерлось, пока я не вступлю в решающий контакт.

В этот момент Орло как-то не пришло в голову спросить, чему же ее учили. Он только понял, что шокирован поведением того, кто руководил ее образованием и не признавал ее явного отклонения от нормы. Он вздрогнул. Н-да, с такой жизнью не поспоришь…

«Ладно, — подумал он, — вернемся к нашим баранам.»

— Следующий вопрос, — сказал он, улыбаясь. — А как ты проникла сюда?

— Меня провела доброволец-служащая.

— Горничная?

— Они называют себя добровольцами. Но вообще-то, так.

«Ну-ну, — цинично подумал Орло, — значит, ключи не такая уж редкая штука, как пытался внушить мне Хинтнелл. Похоже, что свой дубликат ключа можно оставить и ей…»

Только он не собирался делать этого немед-

ленно.

Вслух же он сказал:

— Как ты посмотришь на то, если я скажу, что не доверяю женщинам, которые приходят к мужчинам в качестве проституток? И еще, а если я попрошу тебя уйти?

— Полагаю, что я уйду. Только, пожалуйста, не отсылайте меня прямо сейчас. У меня нет пропуска на ночное время.

— А, вот оно что, — разочарованно ответил Орло.

— А с другой стороны, — поспешно продолжила незнакомка, — я нахожусь здесь совсем не как проститутка. Я все так же продолжаю работать, чтобы иметь средства на свое содержание. За эту работу я никакой дополнительной платы не получаю. Поэтому я называю себя домоправительницей или хозяйкой дома. Надеюсь, что и вы воспримете это так же.

Это уже было явной просьбой. В ее голосе прозвучала вымаливающая нотка, которая тронула Орло.

— Ладно, ладно, — согласился он. — Ты будешь спать в спальне, а я устроюсь на ночь здесь, чтобы все хорошенько обдумать.

Не прошло и десяти секунд после того, как были

произнесены эти слова, как девушка впервые за все время пошевелилась и начала разворачивать клубок своего тела. Орло с симпатией наблюдал за тем, как она выходит из своей скорлупы и спускает свои точеные ноги на пол.

— Здесь спать буду я, — твердо заявила она.

— Не смешите меня, — покачал он головой.

— В этих апартаментах расположение комнат таково, что в ванную вы можете попасть только через спальню.

Ее логика насмешила Орло.

— И что из этого следует?

— Мы можем сделать заключение, что интимные отношения между нами нежелательны.

— Мне кажется, — усмехнулся юноша, — что я все же смогу пройти через спальню и не улечься там.

— Это вы так только считаете, — ответила на это девушка. — Вы меня прямо пугаете, сопротивляясь очевидному.

На это ему уже крыть было нечем. Просто у него было чувство, что она все равно уже обречена на смерть, оставаясь здесь или нет. Но, возможно, если она уйдет отсюда завтра утром, то, может, еще и сумеет выжить. Он постарался отключиться от мыслей, и так уже затуманивших его усталые

мозги, и сказал:

— Вижу, что вы уже успели осмотреться здесь.

— Ваши вещи уже находились тут, — сообщила девушка. — Я их распаковала и разложила по ящикам в спальне. А кем вы будете здесь? Чем-то вроде молодого народного представителя?

— Что-то в этом роде, — согласился Орло.

— В одном из ящиков с простынями были… ну, вы знаете…

— Что, электронные приборы?

Девушка быстро кивнула и вскочила на ноги. Выпрямившись, она была в высоту сантиметров 165 по сравнению с его 180. По видимому, похожая мысль пришла им в голову одновременно.

— А мы, как мужчина и женщина, хорошо подходим друг другу.

— Вы говорите так, будто уже имели опыт. Лично я никогда еще не имел женщину.

— Я тоже никогда не была отмечена в подобном.

— Так вы девственница?

— Там, где я живу, если бы только заговорила с парнем своего возраста, меня тут же бы потащили на лекцию в уличном комитете относительно важности предупреждения перенаселенности.

Орло хмуро усмехнулся и заметил:

— Поскольку контрацептивы разрешены только для супружеских пар, что делать нам, если мы все же согласимся с существующим положением вещей?

— Перед тем, как я поехала сюда, меня послали к врачу. Он дал мне какие-то таблетки.

Когда же Орло заметил, что, по его мнению, эти таблетки вредны для здоровья, девушка вздрогнула. А когда он спросил, не приняла ли она их, только кивнула.

Потом она спросила:

— Так вы не желаете поглядеть на спальню?

— Пока еще не сегодня. Ну, разве что придется пройти через нее в ванную и взять все необходимое для своего дивана. А я дико устал. Не спал всю прошлую ночь, да и день получился длинным.

— Ой, бедненький! — засуетилась она. — Могу представить.

— Дайте мне пижаму, подушку и простыни. Я вижу, что тут три двери. Какая из них ведет в спальню?

Она начала показывать:

— Эта ведет в кухню. Здесь что-то вроде рабочего кабинета с библиотекой. А это… — девушка в цветастой накидке и слаксах побежала к третьей двери. Она открыла ее и придержала, пока Орло

не прошел. Входя, юноша лишь беглым взглядом окинул великолепную обстановку. Не останавливаясь, он прошествовал прямо к следующей двери.

Следующее помещение как раз и было ванной с небольшим плавательным бассейном с подогреваемой водой, золотого цвета кранами, душем на двоих, двумя унитазами, четырьмя умывальниками, шкафчиками, рассчитанными на дюжину человек, и полудюжиной зеркал самого разного вида и размера. Пока Орло беспомощно стоял посреди всего этого блистающего и сверкающего великолепия, девушка достала пижаму, подала ему и сообщила, что постельное белье он может найти в диване, на котором она сидела. Не нужно ли что-нибудь еще?

Только после этого Орло стал приходить в себя. Он даже подумал, что, возможно, решит утром предложить ей остаться…

Утро. Часы сообщили, что уже без десяти восемь… Парень, пора вставать!

Орло выпутался из под простыней и сел на диване. Потом встал, взял свою одежду со стоящего рядом стула и направился через спальную комнату в ванную. По дороге он увидал, что белокурая девушка в двойной кровати тоже уже

проснулась. Впечатление от ее широко распахнутых (от страха?) глаз преследовало его на всем пути. Раздеваясь, он все время пытался вспомнить, как же она назвала себя. Потом до него дошло, что, по видимому, это имя мелькнуло в самых первых словах, ушедших его внимания. И все-таки произошло нечто фантастическое. От этого мгновения амнезии в памяти, оказывается, остались какие-то звуки: Шала — нет, не Шала… Шанта?.. тоже нет… Вонта?.. Возможно, ее имя было в одном из этих слов?

Только сейчас было уже все равно. Он мог взять и спросить. И действительно, раз уж придется говорить про свое решение относительно нее, лучшего повода не придумать.

Орло принял душ, побрился, причесал свои непослушные волосы, надел привычную одежду и вышел в спальню, чувствуя себя чистеньким и аккуратно одетым, с легкой улыбкой человека, которого тяжело будет надуть, желая, чтобы это чувство с ним и оставалось.

Он остановился у кровати, глядя сверху вниз на милую девушку.

— Привет, малышка, — сказал он.

— Привет, — виновато ответила она, глядя на него широко раскрытыми глазами.

— Как тебя зовут?

Ее лицо озарилось пониманием ситуации.

— Ах, так вот чем ты так мучался?

— Ты неправильно поняла меня, малышка, — ответил Орло. — Я ничем не мучаюсь, у меня вообще нет никаких проблем.

— Меня зовут Шида, — сказала она и прибавила. — Значит, ты собираешься стать моим братом?

А она была даже шустрее и умнее, чем он представлял. Вопрос попал в самую точку, и было заметно, что она над ним долго думала.

— Почему ты об этом спрашиваешь? — удивленно спросил Орло.

— Раз ты станешь мне братом, трудно будет быть кем-то еще.

— Значит, ты считаешь, что это будет наилучшим решением? А я промучался почти всю ночь.

Она вскочила на постели.

— Так я могу остаться?

— Ты быстро все понимаешь, — усмехнулся Орло.

— Что есть, то есть. — И она стукнула себя по лбу. — Быстро догоняю. Ее милое, овальное лицо озарила лукавая улыбка. — Возможно, с твоими медленными мозгами и моими шустрыми, мы

даже раскроем тайну человеческой природы.

Н-да, имеются типы, — думал Орло, — которые чаще всего раздражают, когда каждую минуту выпячивают свои достоинства напоказ. И, возможно, как раз такой образчик мне и достался… Но вслух он сказал:

— С чего это ты взяла, будто я тугодум?

— Ты ведь сам говорил, что думал почти всю ночь. Зачем так долго?

— Человек с таким шустрыми мозгами как у тебя, — съязвил Орло, — уже давным давно догадался бы и сам.

— Прошу прощения, братишка, что я тебя рассердила. В будущем я постараюсь вести себя более по-сестрински.

— Хорошо, — ответил Орло и отвернулся от девушки. Он прошел по комнате, даже не повернувшись. Но оставалось впечатление…

XI

Орло вышел в богато изукрашенный коридор и закрыл за собой двери. Нельзя сказать, что он сознательно медлил, но мысли в голове, и вправду, как будто забастовали. В течение всей этой умственной паузы он совершенно не обращал внимания на окружающее. Хотя, пусть даже и не сознательно, но он отметил, что блестящие мраморные стены коридора были не шире лестниц футов тридцать, если сравнить с сорока футами на первом этаже. Вот что его потрясло по-настоящему, так это длина коридора — тысяча футов, не меньше, в одну сторону, и четыреста в другую, если идти к лифту.

Но это наблюдение его уже не волновало. Он вроде бы даже привык к здешним гигантским размерам. Его тревожило другое: что будет дальше?

Идя по коридору, он мрачно размышлял над тем, как бездарно растратил предыдущие двенадцать часов. Самое продуктивное время было выброшено на мысли, будет ли для Шиды лучшим остаться (хотя и так было видно, что, скорее всего другого способа спасти ее и не существовало до тех пор, пока он сам твердо не станет на ноги),

поэтому у него не оставалось даже минутки, чтобы поразмышлять над тем, что произойдет с ним самим.

Вот так Орло и плелся по дворцу, пытаясь обнаружить смысл в происходящем. Он был почти совершенно выбит из нормальной колеи. Еще пару дней назад он находился в тысячах миль отсюда, готовясь драться с существующей системой. Он был маленьким винтиком, борющимся за то, чтобы сплотить вокруг себя таких же незаметных людей, отыскивая их в безбрежном людском океане.

Он был уверен, что еще в свои пятнадцать лет вычислил все те грязные методы, с помощью которых всемогущий Лильгин использовал никому неизвестных подростков для борьбы с геронтократией, заменяя несмышленышами замешанных в темных делишках стариков, а тех отправляя в расход. Через несколько лет уже эти молодые могли быть сменены по тем же самым причинам, но лишь потом, совершенно внезапно до него дошел весь дьявольский смысл этих действий.

Но все эти мрачные предчувствия Орло были бы еще страшнее, если бы он мог знать, что вчера на ужине он встречался не с самим Лильгиным,

а с его основным двойником, Альтер Эго. Сам диктатор не выразил желания встретиться с Орло Томасом. Величайший из Гениев считал, что неопытный и ни о чем не подозревающий юноша не узнает правды за те три дня, которые остались до его двадцать первого дня рождения.

Двадцать один год после рождения — это была самая предпочтительная дата, выбранная компьютером на основании самых тщательных наблюдением за ним с самого момента появления на свет. Именно в это время ожидался решительный момент, момент истины. Все делалось согласно единому замыслу: предложение о повышении в должности, ожидаемый отказ от повышения, реакция начальства на этот отказ. Шаг за шагом, день за днем, мгновение за мгновением остававшиеся у жертвы семьдесят два, три или четыре часа могли прослеживаться по каждому движению или слову. Самого Орло все время подслушивали и следили за ним, девушку прослушивали, каждого человека, который мог говорить с ним, прослушивали; его квартира была напичкана подслушивающими и следящими устройствами. Выхода не было. А после того, как секрет Всепроникающей Системы стал бы известен, его ожидала немедленная смерть.

К несчастью, около двадцати двух лет назад Хигенрот решил, что будет очень сложно запрограммировать в человеческий эмбрион еще и историю с Альтер Эго. Поэтому эту тайну, равно как ряд других трудностей разумный юноша должен будет решить сам — так давным-давно постановил Хигенрот, потому что у него не было выбора.

Когда вызванный Орло лифт остановился, в кабине уже был приятного вида мужчина. Он выглядел лет на сорок и был из тех, кто вчера присутствовал на ужине. Он улыбнулся, кивнул юноше и сказал:

— Ну-ну, гляжу, вы высоко взлетели.

— Что вы имеете в виду? — На какое-то мгновение Орло был совершенно сбит с толку.

— Я только что был наверху, встречался с Хозяином. И сейчас, возвращаясь к себе, на свой этаж, я узнаю, что вас разместили на третьем этаже, — объяснил мужчина. — Чем выше этаж, тем выше ваше положение, престиж, тем шире виды. За пятнадцать лет службы я добрался только до второго этажа.

Наконец и Орло улыбнулся.

— Я еще не успел оглядеться. Внимание было слишком рассеяно. Возможно, мы говорим о раз-

ных вещах…

— Ну, а как она, понравилась? — спросил старший с особенным оттенком в голосе.

— Как вам сказать… — неуверенно начал было Орло.

Мужчина не заметил или, что было на самом деле, притворился будто не заметил колебания. Улыбаясь во весь рот, он сказал:

— Впрочем, было бы даже излишне спрашивать. По видимому, Хозяин знает, где находятся самые красивые на всей земле женщины. Он правильно предположил, что большая их часть желает находиться поближе к центральной власти, чтобы уже здесь выбрать самую подходящую для себя роль. Думаю, что он безусловно прав в этом. Все предоставленные для меня девушки очень быстро понимали, что от них требуется.

В этот момент кабина лифта остановилась, и дверь бесшумно откатилась в сторону.

— Могу ли я спросить у вас, сэр, — быстро перебил старшего мужчину Орло, — как вас зовут? Прошу прощения, что я вас не знаю. Ваше лицо мне знакомо, но…

— Да какие там еще извинения, — с улыбкой отвечал тот. — Всех знать и невозможно. Член Президиума Элдит Эптон.

Представившись, он слегка поклонился, вышел и скрылся из виду.

Орло же вышел из лифта гораздо медленнее. Он не мог знать или хотя бы представить, что эта встреча была не случайной. Основной ее целью было прощупать его и воздействовать на сознание: Ах, парень, как высоко ты взлетел, апартаменты на третьем этаже! Эти восторги должны были задурить юные мозги, отобрать остатки здравого смысла.

Семя было брошено, а он даже не заметил этого.

Когда Орло проходил по первому этажу, из-за этой «случайной» встречи он ставил ноги уже не так уверенно, как раньше. Его мысли, совершенно внезапно, опять вернулись к реальности. Член Президиума распознал в нем коллегу. По каким-то причинам диктатор благоволил к нему. А наверху осталась девушка с острым язычком и телом, сложенным из роз и орхидей.

«Почему бы мне, кипя энтузиазмом подумал он, не отправиться в Коммуникационный городок? И сразу же выяснить, можно ли мне войти в него, а потом выйти. А между делом осмотреться и выяснить, действительно ли там находится моя штаб-квартира. Ведь Лильгин говорил об этом

со всей определенностью. Возможно, все это действительно окажется правдой».

Но вместе с этим в нем уже была какая-то иная цель. Другое место, куда следовало пойти, где уже следовало быть. Как вдруг все эти неосознанные потребности… застопорило… и они исчезли, прекратив свое существование. Все действия, поведение, сам смысл существования стали фальшивыми.

Но юноша чувствовал себя превосходно.

Член Верховного Президиума не мог передвигаться по Главному правительственному зданию анонимно, неузнанным. Орло не знал об этом, но во время ужина, когда за него поднимали тост и когда он отвечал на него, его снимали скрытыми камерами. Весь ход событий транслировался внутренней телесистемой, так что его видели все работающие во дворце.

На первом этаже повсюду были люди: военные и гражданские. Понятно, что здесь не было простых солдат, если, конечно, не считать охраны возле дверей. Те же, кто ходил по фойе, были обряжены в дурацкую униформу, предписанную «вооруженным слугам народа». О ранге каждого из них говорили погоны. Всего за три минуты Орло отдали салют три генерала и куча меньших

по званию (но тоже могущественных) военных. Каждый из гражданских лиц, и мужчины, и женщины, когда Орло проходил мимо, внезапно начинали суетиться, затем кланялись и шли дальше.

Так что к тому времени, когда Орло направился по знакомому коридору в то место, где дворцовые помещения соединялись с Коммуникационным городком, он уже совершенно не был удивлен тому, что, увидав его, охранники вытянулись по стойке «смирно». В ответ на его вопрос офицер только отрапортовал: «Так точно, сэр!», а в ответ на пожелание: «И прекрасно, сэр! Я выделю взвод, чтобы провести вас, сэр!»

Через пару минут, двигаясь вместе с группой сопровождающих его солдат, Орло встретил двух вчерашних сотрапезников по столовой для ученых. Когда он вчера встретился со всеми, то смог запомнить имена Ишкрина, Питера Ростена и Андена Дьюреа. Правда, он помнил, где сидели эти двое, повстречавшиеся ему сейчас, но ни имен, ни кто из них чем занимается, восстановить в памяти не смог. (А это были: рыжеволосый МакИнтош и чернокожий биолог Юю, и сейчас они перегораживали проход.)

Орло никак не мог представить, как должно

представляться его положение стороннему наблюдателю. Ему и в голову не могло прийти, что для этих двоих он выглядел, будто его конвоируют силой.

Он только заметил, как эти двое остановились. От изумления у них глаза полезли на лоб. потом они глянули один на другого. В этом взгляде, поскольку действовать нужно было очень быстро, было взаимопонимание, которое вырабатывается только за годы долгого общения.

Дело в том, что на всех участников вчерашнего обеда молодой человек произвел самое приятное впечатление. И эти обреченные люди, без толку прожигающие здесь свои таланты и жизни — во всяком случае, так думал почти каждый из них — еще вчера глядели на его юное лицо и дивились блестящему уму и им было жалко, что такой молодой и способный юноша попал сюда, к ним. Попал же он в секретный центр, где каждый узник еще таил в себе то, что осталось от борьбы за личное понимание жизни.

Вполне возможно, что если бы случайно встретившие Орло люди были посредственными личностями, то ничего бы и не произошло, но ведь они не были такими. Здесь находились исключительные, выдающиеся ученые. В

Коммуникационном городке содержались высококлассные специалисты. Они умели думать, но умели и действовать.

Но сейчас двое из них не очень-то думали. Только чувствовали. И это было чувство мгновенного побуждения к действию, уже многие годы подпитываемое яростью и решимостью проявить ее. Эту решительность можно было бы объяснить тем, что каждый человек в экстремальной ситуации готовится защитить себя. И когда наши двое ученых понаблюдали за юношей, они решили, что он готов сражаться.

— Это уж слишком для меня, — сказал Юю. — Я не выдержу.

— Ах, сукин сын… — прибавил МакИнтош.

Они обменялись только этими двумя таинственными фразами. после этого каждый из них достал — только это и сохранилось впоследствии в памяти Орло — что-то из укромных мест своей одежды.

Когда же их руки появились на поверхности, в тот же миг совершенно рядом Орло почувствовал настоящий тепловой взрыв. Когда он беспокойно повернулся, идущий впереди него офицер издал страшный крик. Его вопль был заглушен грохотом нарастающего огненного вала. Орло

поспешно отскочил, потому что находиться в пяти футах от пламенной лавины было абсолютно невозможно; даже в десяти футах чувствовался опаляющий жар. Когда же огненный клуб откатился по коридору футов на пятьдесят, он обнаружил, что стоит рядом с двумя учеными и рассматривает последствия. А поглядеть было на что.

Он сразу же заметил, что четверо сопровождавших его солдат лежат на полу и бьются в судорогах, напоминающих, скорее, агонию. Но что бы они там не испытывали, это уже никак не могло сравниться с тем, что пережил лейтенант, когда мрамор пола, по которому он шел, превратился в преисподнюю.

Через минуту огонь погас, оставив после себя лишь кучку пепла. Там, где лежал лейтенант, сейчас курилась лишь слабая струйка дыма. Через мгновение солдаты тоже перестали дергаться, застыв на полу.

— Ты уж извини, малыш, — сказал Юю, — что мы впутали тебя во все это. Но когда мы увидали, как тебя ведут под конвоем, это уже было слишком…

Таким образом, совершенно не желая того, Орло узнал о них правду. Но рассказывать им

сейчас о себе было не время.

— Каким-то образом они должны связываться со своим постом, предположил МакИнтош. — А раз сигнал прервался, как это случилось минуту назад, кто-нибудь может направиться сюда. Что теперь делать? — Похоже, он совершенно отказался от идеи сопротивления.

— Тебе их как приготовить, — спросил чернокожий, — разложить на молекулы или просто поджарить?

— И то, и другое весьма жестоко, — прозвучал ответ. — А как собираешься умереть ты сам?

Орло глубоко вздохнул и даже немного пришел в себя.

— Погодите, — поспешно заявил он. — А почему бы вам двоим просто не пойти к себе? Сейчас у нас нет времени на драматические жесты. А потом решим, что нам делать.

— Потом, — печально сказал МакИнтош, — решать будут они. — Можно было подумать, что он окончательно сломался. — Смотри. Твою вечную свободу мы можем дать тебе прямо сейчас.

Оба ученых находились в мрачном, подавленном настроении, поэтому Орло торопливо заявил:

— Я собираюсь быть сегодня у вас на обеде.

Приходите туда, и мы поговорим. А сейчас уносите ноги.

Те все еще колебались. Но по лицам можно было заметить, что в глубине души затеплилась какая-то надежда. Орло схватил обоих мужчин за руки и буквально пинком заставил их двигаться.

— Бегите, пока они еще не пришли, — прошипел он.

Это подействовало. Оба ученых скрылись.

Тишина.

Орло стоял в коридоре рядом с пятью мертвыми. Он попытался обдумать свое поведение, когда нагрянет спасательная команда. На это можно было затратить целых полторы минуты: в пролете показался бегущий, сломя голову, капитан, за ним топало шестеро солдат.

Наблюдая за ними, юноша отметил совершенство системы тревожного оповещения. Но он уже был готов к встрече. Орло скомандовал капитану и, конечно же, солдатам:

— Я требую предоставить мне другую группу сопровождения. Трупы убрать. Пока не будет создана комиссия по расследованию — никому ни слова.

И это было, как понял он в порыве вдохновения, самое верное решение. Буквально через пару се-

кунд он уже продолжал свой путь. На сей раз его вел капитан и трое из прибывших с ним солдат. Но проблема, что нужно сделать для достижения главной цели, осталась.

XII

Идя дальше, Орло понял, что теперь у него появилось две проблемы. И первым было то, что он никак не мог прийти в себя после потрясения.

«Ладно, подумаем об этом попозже», — уговаривал он сам себя. Потому что вторая проблема — что делать с убийцами — требовала немедленного решения. Нужно было сделать хоть что-нибудь. Только вот, что?

Потом некоторое время Орло взвешивал в душе весьма опасные вещи: например, может ли член Президиума относиться к этому так спокойно? Но больше всего будоражила такая мысль: сможет ли данное им распоряжение заставить капитана не докладывать по начальству о случившейся беде?

И то, что он проигрывал про себя, тоже заставляло его беспокоиться. а вдруг ученые где-нибудь проговорятся, допустят прокол. Ведь на посту охраны их могут проверить, даже обыскать… Ладно, ладно, лихорадочно кружили мысли, спрошу у кого-нибудь… позвоню… Кому?

Все зависело от того, как повернутся события. И как раз в этот момент он со своими сопровожда-

ющими повернул за угол. И здесь, прямо по ходу была открытая дверь. Она вела в большое, ярко освещенное помещение, похожее на главный зал огромного офиса.

Но с близкого расстояния можно было заметить, что это не одно большое помещение, но целая анфилада комнат, разделенных прозрачными стенками, немного не достающими до потолка. В каждом таком отделении было по три-четыре-пять человек. Соединявший все комнаты коридор проходил мимо скопления столов, шкафов, счетных и пишущих машин, перед, за и рядом с которыми сидели люди.

Орло поглядел на это столпотворение, потом глянул на офицера, который привел его сюда.

— Это здесь? — спросил он.

— Это ваша штаб-квартира, сэр. Тут где-то есть мистер Байлол, администратор. Позвольте, я найду его.

— Я сам поищу его, — ответил Орло. — Можете возвращаться на свой пост.

Он глядел, как маленький отряд браво марширует обратно. Мгновением позже, когда молодой человек уже направился было по центральному проходу, дверь в дальнем конце коридора с грохотом распахнулась. Оттуда выскочил высокий

худощавый мужчина и понесся вперед. У него было гладкое лицо со здоровой кожей и большая лысина на голове. Совершенно запыхавшись, он подбежал к Орло. Он немного походил на всех тех счетоводов, с которыми юноше довелось встречаться за время своей работы после окончания колледжа.

— Мистер Томас, — он едва переводил дух. — Меня предупредили только сейчас… Так что примите мои извинения за то, что я не встретил вас у самого входа. Меня зовут Байлол, ваш заместитель по административной работе. Позвольте, я покажу вам, что здесь и к чему…

Орло, конечно же, соблаговолил дать такое разрешение.

…Вопрос (ведь кто-нибудь может задать его): Какой величины канцелярию предоставите вы человеку, которому осталось жить два-три дня? Ответ: Если ему двадцать лет от роду, и вы хотите совершенно задурить ему голову, дайте ему гораздо больше того, чем он может надеяться, и обязательно включите какое-то пространство для расширения, как будто бы у жертвы имеется какое-то будущее…

Орло проходил из одного отделения в другое, пытаясь сразу же ухватить идею каждого из них:

физика, математика, электроника, фотография, биология, астрономия, ракетная техника, транспорт, машиностроение, энергетика… Внезапно он попал в совершенно пустое отделение.

— Через несколько дней здесь тоже будут люди, — объяснил мистер Байлол. — Насколько я понимаю, по новому проекту.

— Понятно, — кивнул Орло, лихорадочно пытаясь вспомнить, что это может быть. Вчера на обеде о нем упоминалось. Вот только он ничего не мог вспомнить, кроме… — Хигенрот, — вылетело слово.

— Всепроникающая Система, — усмехнулся худой мужчина, энергично потирая свои длинные, тонкие пальцы.

Орло показалось, что следует вести себя так, будто он все знает. Но про себя ему было ужасно стыдно, и он подумал: «Ну зачем притворяться, если я даже понятия об этом не имею…» Но вслух, уверенным голосом он произнес:

— Чуть попозже мне хотелось бы ознакомиться со всем этим делом.

Байлол расцвел:

— А мы уже предусмотрели это, так что краткий отчет уже подготовлен. Но, конечно же, — тут улыбка с его лица исчезла, — сотрудники вашего

секретариата сделали лишь то, что смогли. На окончательном этапе, — как бы извиняясь, сообщил он, — источником данных для вас станут уже ученые.

Орло кивнул, одобряя это «конечно». В этом жесте было еще и одобрение того, что все члены секретариата находятся в его распоряжении. Тут же присутствовало осознание того, что вся канцелярия со всем имеющимся здесь оборудованием тоже находится в его руках.

Эта заключительная мысль пришла ему в голову, когда он стоял в одном из отделений. Любопытство перекрыло слабенький сигнал тревоги, прозвучавший где-то на самом краю сознания.

— А что в этих шкафах? — спросил он.

«Во всяком случае, — решил он, — вовсе не умаляет значение моей власти.» Молодой человек подошел к шкафу и вытащил папку. На ней была надпись: «Секретно. Разрешается открывать лишь имеющим допуск». Папка оттягивала руки. Самое главное, никто и не пошевелился. Две молоденькие женщины и мужчина постарше, которые поднялись со своих мест, когда он вошел, так и оставались стоять, всем своим видом выражая преданное внимание. Байлол тоже ничего

не сказал, только продолжал потирать пальцы и улыбался своей улыбочкой.

Удовлетворенный этим, Орло поглядел на приличную пачку пластиковых скоросшивателей, лежащую внутри папки. Не думая, он вытащил один из них, положил на стол и стал просматривать бумаги.

Рапорты.

Минута за минутой в них описывался последний день профессора Дана Хигенрота по сообщениям разных людей и долгих выпытываний Эйди.

Хотя там и не было таких деталей, которые могли бы привлечь внимание начальства, и которых оно ожидало иметь там, Орло все же понял, что это такое, хотя толком не прочитал ни одного документа. Он закрыл папку, и в нем осталось лишь чувство абсолютной обреченности, пропитавшей все эти бумаги…

«Ладно, — подумал он, — теперь мне более-менее известно, что имеется в этих кабинетах. Это мой первый проект. И от того, как скоро я справлюсь с ним, зависит, как долго мне можно будет оставаться здесь до тех пор, пока не удастся овладеть всей ситуацией. И в его сознании появились, пока еще туманные, очертания будущего

проекта, долгосрочной работы. Конечно же, это было ошибкой с его стороны. Суть была в том, что нужно было сделать очень много и за очень короткое время. Но находящиеся под давлением обстоятельств люди часто принимают подобные решения и тем самым обманывают себя. Уклонение от деятельности. Ожидание вместо поступков.

И тут же пошли немедленные последствия: какое-то глубинное давление, распиравшее Орло с пятнадцатилетнего возраста, когда у него появилась Великая Мысль о Лильгине и его Молоденьких Дурачках… несколько ослабело.

Теперь похожий на счетовода тип провел его по коридору к двери, открывающейся в комнату, где уже не было прозрачных перегородок.

— Ваша личная канцелярия, сэр!

Пока это была всего лишь своеобразная прихожая со столами и шкафами. Здесь сидели три девушки, которые тут же вскочили на ноги и улыбнулись, когда их стали представлять, слегка склонив головы, чтобы показать свое чувство субординации.

Потом была еще одна дверь. Она вела в комнатку секретаря, где за несколько великоватым столом, уставленным различным оборудовани-

ем: экран интеркома, небольшой коммутатор, переносной копировальный аппарат, сидела всего лишь одна девушка. Она тоже поднялась со своего места, когда мужчины вошли к ней в комнату. У девушки были черные волосы, круглое лицо и миленькая фигурка. Орло показалось, что он уже где-то видел ее. Байлол начал было представлять их друг другу, но тут юноша узнал Лидлу.

«Весело, — подумал он. — А эта как очутилась здесь?»

Он подошел к секретарскому столу.

— Я хочу поблагодарить вас, — сказал он, — за то, что вчера вечером вы были так добры ко мне.

Лидла покраснела. Стоя на своем месте, Орло мог видеть девушек в прихожей — от удивления они вытаращили глаза. Член Президиума, беседующий по каким-то личным делам с простой секретаршей! для них это было сущей фантастикой. На этом уровне история связи нового начальника и диктатора не была такой важной, но они, несомненно, уже вообразили, будто их товарка уже отмечена, а об остальных деталях можно будет лишь догадываться…

«На самом же деле, — подумал Орло, — эти детали неизвестны даже мне…»

Сейчас у него не было времени выяснять, как это получилось, что Лидлу сделали его личным секретарем. Байлол открыл дверь, находящуюся за секретарским столом, и отступил в сторону.

— Сэр, — торжественно объявил он. — Ваш кабинет!

В первую очередь Орло заметил блестящий паркет и, не сколько взглядом, сколько чувством, оценил величину кабинета. Внутри была все та же чрезмерная роскошь, что и во всех остальных помещениях дворца. Две стены громаднейшего зала были покрыты книжными шкафами. В дальней стене было гигантское окно и высокая стеклянная дверь, ведущая в сад. Рядом находились две одинаковые двери, ведущие — О, Боже! — в кухню и спальню.

Кабинет был весьма похож на его апартаменты. В спальне лежал точно такой же ковер от стены до стены. На стенах висели точно такие же светильники, а двойная кровать явно была двойником той, что стояла в дворцовых покоях Орло. Так что теперь у него появилось второе место, где он мог есть, спать и — если появится такое желание — даже жить.

И что было самое смешное: в восемнадцать лет, когда Орло оставил родительский дом (семью

Томасов), как было установлено законом для юношей и девушек, достигших совершеннолетия, ему предоставили однокомнатную клетушку в общежитии. Все это проводилось под девизом «Первый Шаг к Независимости». Комнатка находилась в длинном, неряшливом здании, состоящем из одинаковых каморок, на улице, полностью застроенной подобными общежитиями. В этом районе имелись торговые центры и другие заведения, обслуживающие исключительно холостяков. Район был закрытым. Для того, чтобы покинуть его вечером, требовался пропуск.

В нескольких милях, на другом конце города, был точно такой же комплекс для незамужних женщин. Мостиком между двумя группами молодых людей был брачный компьютер. В машину заносились персональные данные и свои пожелания, через нее же испрашивались разрешения на брак.

И вот оттуда всего лишь за два дня — сюда.

После столь фантастического перехода очень трудно было не растеряться. Но Орло пытался справиться с собой. Он направился к огромному столу, стоящему возле великанского окна, затем уселся в великолепную имитацию старинного

кожаного кресла и, осваиваясь, откинулся в нем. Потом он проверил ящики стола. В каждом находилось что-то свое, но Орло не стал проверять, что конкретно. Но — и он заметил это — там было все.

С этого мгновения его мозги работали в лихорадочном режиме. Тут же пришло и решение. Орло пожелал пообедать с той же группой ученых, что и день назад. Он тут же приказал Байлолу забронировать место за вчерашним столом, а когда этот вопрос уже был улажен, он попросил администратора, чтобы кто-то из девушек принесла ему общее заключение по делу Хигенрота.

Папку с документами принесла Лидла. Поэтому Орло тут же задал ей свой вопрос:

— Я вызвалась добровольно, — ответила та. — Когда я увидала ваше лицо по телевизору, то сразу же поняла, что это были вы.

— Зачем?

Уже после первого вопроса она зарозовелась. Теперь же ее лицо стало красным. Но голос оставался таким же ровным:

— Каждый надеется, что с ним случится что-то необыкновенное. Я надеюсь, что наша встреча наедине, наши разговоры вдвоем могут привести и меня к чему-то необычному.

— К чему, например?

— То, что я стала вашим секретарем, — отвечала девушка, — уже перемена к лучшему. Но главная надежда для женщины, конечно же, что такой выдающийся как вы человек обратит на нее свое внимание.

Орло уже понимал, к чему ведет Лидла. Но ему все же было любопытно, к тому же, в силу некоторых обстоятельств он совершенно не стыдился разговаривать на интимные темы. Наоборот, он всегда умел дожимать собеседника, чтобы добраться до сути дела.

— У вас имеется возможность принимать противозачаточные таблетки? — спросил он.

— Уверена, что вы устроите мне такое разрешение.

— И вы не боитесь принимать их?

— Да хоть немедленно, — ответила Лидла, как вдруг голос ее дрогнул, а глаза повлажнели. — Ради всего святого, — вдруг взмолилась она. Достаньте их для меня. Мне уже двадцать два года, моя просьба о заключении брака была отклонена. Получается, что я уже никогда в жизни не узнаю, что такое заниматься сексом, если только вы мне не поможете.

Орло погрузился в кресло, почувствовав, что

неожиданно утратил всю свою волю. Чувства вскипели в нем так неожиданно, что пробили все его барьеры деланной сдержанности. Но он еще контролировал себя, когда задал вопрос:

— А почему отклонили вашу просьбу о заключении брака?

— В моей медицинской карте имеется отметка, что в семействе моей матери два поколения назад был душевнобольной.

— Понятно. Но все-таки…

Только внутренним взором он видел, что самый душевнобольной на всей Земле — Мартин Лильгин — занимается тем, что судит о жизни и смерти целых народов, решая, что может быть продолжено, а что нет; это он формировал целые расы, отказывая и разрешая, советуя и не рекомендуя, соединяя и разделяя как только в голову взбредет, бездумно, полагаясь на стандарты, собранные только в его голове.

С другой же стороны, в попытке исключить психические заболевания, передающиеся по наследству, не было ничего плохого.

— Но все-таки, — продолжил Орло, — ведь людям, имеющим подобные отклонения в родословной, обычно дают разрешение на брак, если только они дают согласие не заводить детей.

— Меня отнесли к материнскому типу, — ответила девушка.

Орло видел, что она говорит об этом спокойно, не стараясь оправдываться.

— И вы не можете быть уверены в себе, если не станете принимать таблеток?

— Нет, без их поддержки я сразу же забеременею.

И снова очень спокойное отношение к своему положению.

— Выходит, если я достану таблетки, придется прослеживать, приняли вы их или нет?

— Да, — был простой ответ.

— Ладно, — всепонимающим и прощающим голосом произнес Орло. — Сейчас не станем забивать себе головы, а займемся этим сразу же после того, как я отдам соответствующие распоряжения. Это я вам обещаю.

— О, благодарю вас, — совершенно неожиданно расплакалась Лидла. — Даю вам честное слово, что я буду вам идеальной подругой, наложницей, стану исполнять все ваши желания, никогда не стану требовать чего-то на людях и все время буду называть вас мистером Томасом…

Орло усмехнулся.

— Прекрасно, что вы знаете то, что от вас тре-

буется, и мне это нравится. — он взял документы, лежащие перед ним на столе. — Так это резюме по Хигенроту?

— Да… мистер Томас.

— Лидла, — как можно сердечней обратился к девушке Орло. — До обеда я собираюсь все прочесть. Это необходимо. Мне нужно знать, в чем там дело. Будьте послушной девочкой и возвращайтесь к себе, пока я не вызову. Договорились?

— Договорились, — ответила она. Ее рука спряталась в вырезе платья на груди и вынула оттуда крошечный платочек, которым она тут же промокнула глаза. — Не беспокойтесь, со мной все будет в порядке.

Сказав это, она повернулась и вышла, закрыв за собою дверь.

После этого Орло расхотелось чем либо заниматься, а только развалиться в кресле и подумать, как бы окончательно и бесповоротно избавиться от Лидлы, раз у него уже имеется Шида, гораздо более привлекающая его как умственно, так и физически.

Но он подавил в себе желание анализировать ситуацию. В этом была одна из его способностей: он умел полностью изгонять из головы не нужные сейчас мысли, чтобы вернуться к ним

позднее. Так что все у него шло по заранее намеченному плану.

Он вернулся к истории Хигенрота. Но, перевернув страницу, понял, что никак не может сконцентрироваться на том, что было у него в руках.

Мыслями он постоянно возвращался к Лидле.

Поначалу это слегка удивило юношу, потом даже стало неприятным.

Орло подошел к двери в кабинет и попросил Лидлу вызвать к нему мистера Байлола.

Когда тот появился во всей своей худющей красе, Орло заставил его плотно закрыть дверь, а потом сказал:

— Будьте добры, хоть из под земли но достаньте мне к обеду упаковку противозачаточных таблеток.

— Сколько вам нужно, сэр?

— Ну… — Орло слишком мало знал об этой штуке, — скажем, недельную дозу для одного человека.

— Для мужчины или женщины, сэр?

Орло понятия не имел, что таблетки, оказывается, могут принимать и мужчины. Поэтому он заколебался. Ему почему-то не слишком хотелось глотать всякую химию. Решив про себя этот во-

прос, он ответил:

— Пока не знаю, надо подумать. Несите и те, и другие. Только пусть на них будет ясно обозначено, какие для кого.

Не прошло и получаса, в течение которых он лениво продолжал изучать папку с делом Хигенрота, как на его столе уже лежал небольшой пакетик, положенный туда лично мистером Байлолом.

— Это женские таблетки, — озабоченно сообщил он. — Они могут быть получены по первому же вашему требованию из дворцового распределителя. Вот они. Таблетки для мужчин уже заказаны, но они будут только завтра к вечеру.

И это много сказало об отношениях во дворце. Но юноша лишь кивнул и, поблагодарив, отослал помощника.

Когда тот исчез, Орло снова откинулся в кресле. У него появилось необычное, запирающее дух в груди чувство. Еще раз ему пришло в голову, что это какое-то безумие, для первого раза выбирать из двух женщин. Только где-то в самой глубине что-то нашептывало ему, что женская девственность более ценная штука, чем мужская. Так что Шида могла быть отложена на потом. К тому же, двадцатидвухлетняя, более старшая и развитая

Лидла более подходила в качестве материала для экспериментов. За это же говорил и факт ее добровольного стремления работать с ним, а так же некоторые другие вещи. За всеми ее поступками стоял не один только голый расчет, но она сама верила, что действовала исключительно по этому побуждению, в этом Орло был уверен на все сто процентов. Только в мире, где люди не всегда знали, почему они делали то, что делали, одного ее желания уже было предостаточно.

Прочитав приложенную к таблеткам инструкцию, Орло нажал клавишу интеркома, соединившую его с Лидлой. Когда она появилась в его кабинете, он вручил ей таблетку и проследил, как девушка тут же проглотила ее, даже не поморщившись.

— А теперь, — скомандовал он, — отправляйтесь в мою спальню, разденьтесь и ложитесь в кровать. Я буду минут через десять.

Так оно и случилось.

Через полчаса он снова сидел за своим столом. Старинный метод концентрации сил сработал великолепно. До полудня большую часть времени Орло посвятил делу Хигенрота.

Вполне естественно, что в бумагах даже не упоминалось о том, что дети Хигенрота и Томаса

много лет назад были обменены. И еще, молодой человек так и не догадался, что, позволив ему узнать так много, диктатор просто демонстрировал свою неопределенность по данному делу. Но — в конце концов жесткая логика взяла верх.

И вообще, схема действий против Орло Томаса была исключительно проста:

В день своего рождения (так было рассчитано) у него должны были появиться спонтанные мысли о Всепроникающей Системе, что должно было стать результатом внушений, много лет назад запрограммированных его настоящим отцом, профессором Хигенротом, Если в эти последние дни, перед тем как все это произойдет, юноша будет с головой вовлечен в разработку того же проекта, то может статься, что в его мозгу смешается прошлое и настоящее.

И вот тогда — как это страстно предполагалось — он сам поверит, будто новые мысли — это плод его личных размышлений и идей. Он никогда не поймет, что это послание из прошлого.

И, конечно же, не обращая внимания на то, что он делал, как себя вел, он никогда, ни при каких обстоятельствах не откажется от личного контакта с диктатором.

Но если возникшие в нем сомнения перейдут

определенный уровень, его можно будет тут же ликвидировать.

И в любом случае, Лильгину можно будет спокойно забыть о Всепроникающей Системе, полагаясь или нет на сына давным-давно казненного изобретателя.

Но так случилось, что невольный убийца пяти военных страшно перепугался и это сразу же перекроило все первоначальные планы.

Совершенно случайно он узнал, что двое из почти двух сотен ученых неожиданно обладают неизвестным оружием. Со стороны службы безопасности это было смертельной ошибкой, и, конечно же, головы там полетят. Только Орло не мог опять — и в последствии — рассчитывать на ученых.

Как мог он включать их в разработанный им самим план, если перед тем не расскажет им о своих подозрениях?

Внезапно дверь кабинета Орло распахнулась от сильного толчка. На пороге появился совершенно перепуганный Байлол. Он выпучил глаза, руки тряслись.

— Сэр, — еле выговорил он, — тысяча извинений, но на интеркоме вас ждет член Президиума Йоделл.

Казалось, что администратор совершенно подавлен ожидающей разговора личностью. Он чуть ли не свалился на пол, потому что ноги его не держали. Его губы шевелились, как будто он пытался сказать еще что-то, но не мог издать ни звука. Тогда он лишь указал дрожащим своим пальцем на стоящий на столе у Орло аппарат, как бы говоря: «Ради Бога, побыстрее!»

Молодой человек помнил Йоделла по вчерашнему ужину. Плотный, добродушный дядька 170 сантиметров ростом. Он был из тех, кто пьяным голосом орал песни. Но когда Орло пару раз удалось взглянуть в его холодные, все оценивающие глаза, те были совершенно трезвыми.

Орло знал, что Йоделл — второй после Мегары самый влиятельный член Верховного Президиума. Оба эти человека во всем подчинялись Лильгину.

Йоделл — Номер Третий в иерархии власти.

Орло почувствовал, как по телу пробежала дрожь, но сам был внешне спокоен, когда нажал кнопку и сказал лицу, появившемуся на экране:

— Я весь внимание, сэр.

— Вы одни? — спросил глубокий баритон.

Орло махнул Байлолу, тот сразу же все понял и задом выскочил из кабинета, плотно закрыв за

собою дверь.

— Уже один, сэр.

— Только что мне звонил Хозяин, — сообщило высокое лицо с экрана. — Он считает, что несколько ближайших дней вам было бы полезно заняться только лишь делом Хигенрота.

— Я как раз читаю заключение, сэр.

— Это всего лишь необходимое вступление. — В голосе было слышно раздражение. — Вам следует встретиться с людьми, которые в свое время были вовлечены в это дело. Поговорите, к примеру, с бывшей женой Хигенрота, с доктором Глюкеном. Кстати, сегодня и завтра вы можете не обедать с учеными, сегодняшний ужин у Лильгина тоже можете пропустить. Приходите на него завтра. Будем надеяться, что за это время вы получше ознакомитесь со всей этой проблемой.

В этом предложении были как советы, так и новая информация. Оно предполагало, что Орло станет действовать быстро, и давало понять, что ему следует убираться из дворца.

Когда смысл сказанного дошел до Орло, он испытал настоящее потрясение. До сих пор ему казалось, что он будет находиться здесь на положении заключенного, и ему никогда не позволят покинуть пределы резиденции диктатора.

Следующие слова Йоделла как бы предугадывали его следующие мысли:

— Мой юный друг, вы со своими людьми имеете право требовать все, что вам необходимо: реактивные самолеты для полетов куда только угодно, военный эскорт, машины, проводников, все необходимые адреса и оборудование. Все это немедленно будет вам предоставлено. Для определенных целей вы даже можете потребовать для себя боевой корабль.

Дайте ему неограниченную власть. Это еще сильнее вскружит ему голову.

— Я поеду, — только и смог выдавить из себя Орло. — И большое вам спасибо, сэр.

— Не стоит благодарить меня, — последовал ответ. — Благодарите Хозяина. Это он дал такие указания. Похоже, у него к вам слабость. Он полюбил вас. До свидания.

Потом был щелчок, и мрачное лицо с экрана исчезло. Орло, совершенно обалдевший, свалился в кресло… «Хозяин… полюбил вас…»

«Нет, все это надо хорошенько обдумать», — до сих пор дрожа, подумал Орло.

Он тут же нажал на кнопку. Байлол появился как из под земли. С его помощью были приведены в действие силы, с помощью которых Орло мог

реализовать то, на что «указал» Хозяин.

Чтобы добраться до дома Глюкенов, реактивный самолет взлетит в в два часа дня. Глюкены уже были предупреждены и были готовы к визиту.

Все это Байлол устроил минут за десять.

Орло же все это время посвятил тому, чтобы получше обдумать сложившуюся ситуацию. Совершенно неожиданно ему вспомнился «Список Предостережений».

За пять лет, прошедших с момента первого его озарения, Орло написал для себя целый список указаний, связанных с тем, как вести себя по отношению к диктатору малолеток. Все эти указания носили подзаголовок: Как избежать опасности, будучи молодым дурачком.

В целом мире существовали только три копии этого документа. Все три были записаны особенным шифром. Две копии были спрятаны. Третья находилась в бумажнике Орло. Насколько было известно, этот листок никогда не покидал своего убежища.

Вспомнив о существовании списка, юноша несколько приободрился, ведь какой-то из советов мог помочь и в нынешней ситуации.

Первое предостережение. Орло вспомнил его,

еще только доставая листок из бумажника: «Помни, ни старые, ни молодые бунтовщики долго не живут. Поэтому, находясь в кризисной ситуации, не позволяй себе отвлекаться от того, что должно быть сделано. Не теряй времени напрасно и действуй решительно».

После тщательного просмотра всего списка, что заняло у него несколько минут, он смог обнаружить только одно подходящее место: «Проверь персональный статус того, кто отдает приказы, способные отвлечь тебя. Какова его власть над тобой? Может ли он жестоко наказать тебя, если ты не выполнишь его приказа? Что конкретно он сказал? Нет ли в его словах ловушки?»

Все эти жизненно важные подсказки были выработаны в течение около полуторы тысяч ночей, начиная с пятнадцатилетнего возраста, когда мальчишка долго не мог заснуть и думал о предстоящих сражениях. Если случалось, что Орло терялся, эти правила помогали ему держать себя в руках.

Теперь эти подсказки снова помогли ему.

Тщательно проанализировав ситуацию, Орло понял, что его хотят отвлечь от обеда с учеными.

Осознав этот факт, юноша был удивлен. Ведь здесь не было логики. Но, проэкзаменовав па-

мять относительно полученных инструкций, он пришел к неожиданному выводу: все они были указаниями самого Йоделла. Его слова не отражали прямых приказов диктатора.

После дальнейших размышлений Орло показалось, что сам Лильгин по-настоящему желает найти разгадку тайны Всепроникающей Системы. И он считает, что в решении проблемы обязательно должны принять участие ученые.

Просмотрев свой заветный листик еще раз, Орло подумал, что у Йоделла могло быть два мотива запретить ему участвовать в этом обеде. Первый: он вовлечен в политическую внутреннюю игру, выигрышем в которой будут власть и влияние — такие игры ведутся при дворе абсолютного диктатора постоянно.

Второй мотив был гораздо более приемлемым: не будучи ученым, Йоделл мог и не понимать, что системные инженеры вроде самого Орло не могут сами, без участия других ученых, провести какую-то плодотворную работу, не говоря уже о том, чтобы решить проблему.

Хорошо, а имеет ли Йоделл надо мною власть?.. Поскольку оба они были членами Верховного Президиума, старший мог только советовать младшему, но не приказывать.

И, конечно же, решил Орло, ученым ничего не надо говорить об утреннем инцеденте. Главное было сообщить, чего от них ожидают и чтобы они были осторожными.

Осторожность, предусмотрительность! Вот ключевые слова.

Вот так и было принято совершенно непредусмотрительное по своей сути решение.

XIII

Сидя за своим блестящим столом, Орло строил предположения:

…Все отдельные события даже в небольших жилых комплексах, не говоря уж о таких громадинах как Дворец, не могут прослеживаться постоянно. Или, если подобное все-таки происходит, доклады о них не могут отправляться в высшие эшелоны власти сразу же…

Действуя согласно этим предположениям, Орло поручил Байлолу позвонить в столовую для ученых и сдвинуть обеденное время для Стола Семь с часа дня на пол-первого. Но ученые должны были к этому времени только собраться в столовой. Еду должны были подать как обычно, к часу. Всех тех, кто занимал места за этим столом, следовало предупредить индивидуально и незаметно.

В 12:22 Орло поднялся из-за стола и подошел к боковой дверке в своем кабинете. Он открыл ее ключом, что был вручен ему Байлолом, вошел в узкий коридорчик и закрыл дверь за собой. Через несколько метров ему встретилась другая запертая дверь, которую он открыл тем же ключом.

Орло очутился в главном коридоре Коммуни-

кационного городка.

Совершенно спокойно, без всякого сопровождения, если не считать небольшого пистолета, выданного тем же Байлолом — сейчас оружие лежало в правом кармане брюк — Орло направился к столовой.

Он не был особенно удивлен тем, что среди уже прибывших туда ученых были Гар Юю и Сэнди МакИнтош, два утренних убийцы. Было 12:27.

Вокруг стола еще ходили восемь других мужчин, поэтому ничего особого этим двоим сказано не было. Орло лишь тепло приветствовал их.

Юю, широко улыбаясь, ответил ему. А вот МакИнтош со своим костлявым телом, вытянутым, конским лицом и рыжими волосами выглядел рассеянным. Казалось, он совершенно не слышал слов Орло — всего лишь кивнул, тут же отвернулся и, наверное, был первым, кто за стол уселся.

Тут уже Орло ничего не мог поделать, но по тому, как все остальные реагировали на его здесь присутствие, смог догадываться, что никто из них ничего не знал о случившемся. Даже Питер Ростен, который вошел в столовую, сопровождаемый своим товарищем, ровно в 12:30. Подойдя к столу вместе с Ишкриным, он пожал Орло руку и сказал:

— Мой юный друг, тут Ишкрин рассказал мне кое-какие детали о вашем вчерашнем исчезновении. Мы все были обеспокоены.

Сам же Ишкрин добавил:

— Ну, и что же все-таки произошло? — Похоже, что сейчас он немного успокоился. — Лично я рад видеть, что вы вернулись.

— Через несколько минут я собираюсь рассказать обо всем. Так что чуточку потерпите.

Низенький человечек был ошарашен:

— Что, даже ни малейшего намека своим доброжелателям, мне и Питеру. Ни единого словечка?

— Через минуту вы все поймете, — извинялся Орло, а потом повторил: Потерпите.

В столовую входили все новые и новые люди. Наконец все те, кто обычно сидели за Столом Семь, заняли свои места. Остался стоять только Орло.

Юноша окинул взглядом всю компанию, пытаясь вспомнить, кто где сидел день назад. Несколько имен всплыло в его памяти. Это было хорошо.

После этого он коротко рассказал всем о своем неожиданном повышении. Когда он закончил, стояла мертвая тишина.

Все был просто шокированы, и юноша мог это

видеть. Здесь были собраны очень умные люди, способные мыслить рационально и продуктивно; они реагировали на свою довольно необычную ситуацию с достоинством того, кто понимает, что люди могут быть несчастными — а они такими и были. Они жили в мире, где один человек был настолько безумен, что верил, будто имеет право полнейшего контроля за всем на планете. И эти люди прекрасно понимали сложившееся положение вещей. Посему они поняли для себя, что лучше быть живым, чем мертвым, и вели себя соответственно.

Но каждый из них понимал и то, что их защиту постараются взломать. И вот его вхождение — самое невообразимое вхождение в Президиум — и было нечто вроде такого взлома.

За столом тишина. Все уставились на свои столовые приборы. Нигде не видно ни единой улыбки, все как будто даже перестали дышать. Орло уже отчаялся обнаружить хоть какой-то знак ответа.

Он пришел от Андена Дьюреа. Математик поднял свою голову и сказал:

Я тут немного поворошил мозгами, чтобы выяснить, какие могут быть последствия, вызванные… — он помялся, — этой вещью. Пред-

ставьте, продолжил он, — молодого человека лет двадцати, который в прошлом пытался даже сопротивляться диктаторским планам — специфический род сопротивления, пытающийся сломить основную политику государства, связанную с использованием вечно молодых и ничего не знающих для поддержки тиранической власти. Казалось бы, в нашем случае нет никаких связей с подобным прошлым. Но вспомните, разве наш Великий Человек не старается тщательно изолировать всех тех, кто догадывается о истинной сути его правления? Его обычный метод поведения с инакомыслящими, назовите его старым или новым, это либо немедленная казнь, либо вечное заключение.

Дойдя до этого места, старший мужчина глянул на Орло.

— Где находится ваша канцелярия?

— Здесь же, — ответил юноша.

— Понятно, — кивнул Ростен. — Так что вы все так же остаетесь заключенным. — На его лице вдруг появилась улыбка. — Во всем Президиуме имеется, наверное, один человек, у которого ситуация похожа на вашу. Это Мегара.

Сидящие за длинным столом зашевелились. Головы стали подыматься. То тут, то там можно

было заметить блеск глаз, а на мрачных лицах кое-где появились легкие улыбки.

— Ваша реакция довольно неожиданна, — отметил Орло. — Но, прежде чем мы поговорим об этом, я бы хотел расспросить мистера Ростена про Мегару. Мне казалось, что это самый близкий Лильгину соратник. Я слыхал, что бывают такие моменты, когда бывает необходимо решить какую-то проблему, наш кормчий даже на ночь остается с Мегарой в одной комнате, чтобы, проснувшись ночью, иметь возможность обсудить с ним какой-нибудь вопрос.

Математик, соглашаясь, кивнул.

— Но вот жена Мегары, очень живая, сочувствующая женщина — а может все уже в прошлом — раз, всего лишь раз, пыталась замолвить слово за одного товарища. Ей дали восемь лет тюрьмы без права на амнистию — обычная дворцовая политика. Эти восемь лет закончились еще три года назад, но она до сих пор в камере, и никто не осмеливается и слова сказать.

На лице Сэнди МакИнтоша появилась широкая усмешка. Заметив ее, Орло быстро сказал:

— У вас появились ценные мысли, мистер МакИнтош?

— То, что мы имеем сейчас — это экстремаль-

ный пример логической завершенности. Мне кажется, впервые эту ошибку допустили давние иезуиты. Они выпытывали человека, в услугах которого нуждались, верит ли тот в Бога. В ранние дни Христианства для каждого лучшим, естественно, было в Бога верить. Поэтому наша невинная душа отвечала, что верит. Тогда сразу же падал иной вопрос, верит ли он в загробную жизнь. И, конечно же, тому не оставалось ничего лучшего, как тоже верить в нее. Когда жертва уже считала, что ее ничто не может застать врасплох, ей, возможно, задавали такой вопрос: верит ли он, что его будущая жизнь на небесах зависит от того, что делал он на земле? Естественно, в это он тоже свято верил. Ладно, чтобы долго не распространяться, для тех, кто уже слышал эту историю раньше (лично мне уже немного поднадоело рассказывать одни и те же старые байки) в самом конце подобная логика поступков несомненно приводила нашу жертву, что он был готов отдать все свои земные сокровища, позабыть о потребностях своей плоти — включая жену и всю семью — одеть власяницу под одежды и посвятить остаток всей своей жизни божественному служению.

— Так в чем же здесь ошибка? — спросил пухлый мужчина, сидящий в дальнем от Орло конце

стола.

— Ой, не принимайте близко к сердцу, — ответил Сэнди. — Если вы не догадались об этом сразу, вы уже и не догадаетесь. Хотя, могу вам дать подсказку. Согласно этой логике, все, что делается Лильгиным, для него только в пользу.

— Вообще-то мы имеем дело с необычным случаем, — голос со второго места по западной стороне. — Он еще аукнется для всех тех, кто был с ним связан. Я настойчиво прошу мистера Томаса написать свое завещание. Мой опыт говорит за то, что чем моложе такие люди, тем раньше они прощаются с жизнью. А он среди нас самый молодой.

Было уже без нескольких минут час, поэтому, чтобы не опоздать к раздаче пищи, следовало поторопиться. Орло предложил пока закончить обсуждение.

Покопавшись немного в своей тарелке, Орло сказал самым обычным тоном:

— Интересно, удастся ли мне что-нибудь узнать о ракете, на которой улетела аппаратура Хигенрота?

Сказав это, он поглядел по сторонам и был изумлен, заметив почти на каждом лице усмешки. Но никто не сказал ни слова.

Орло обратил свое внимание на место шестое с восточной стороны.

— Мистер Хо, — спросил он, — что по этому поводу может сказать отдел астрономии? Если эта ракета вращается по своей орбите над нами, почему нам не удастся ее обнаружить?

Джимми Хо, похоже, развеселился.

— Слишком много места, парень. Представим, что эта ракета находится на высоте между 8000 и 18500 миль. Тогда, учитывая размеры Земли, мы получаем пространство, заключенное между сферами с радиусом от 12 до 22 тысяч миль. Объем этого пространства равняется более 500 миллионов кубических миль, а верхние его сегменты находятся от нас на высоте 12 тысяч миль. Сможете вы все это осмотреть? Помню, что Томбо вроде бы рассчитал, что здесь должны иметься какие-то небольшие спутники или астероиды. Понятно, относительно небольшие, от пяти до десяти миль в диаметре. Их так и не обнаружили.

Орло терпеливо слушал это объяснение. Но внутри у него все кипело. Выходит, все эти люди не совсем верят ему и не желают иметь с ним дела.

— Мистер Хо. У меня такое чувство, что вы не желаете решить данную проблему. Почему?

— Э, парень, вы оскорбляете меня. Это уже разговор с позиции силы.

— Прошу прощения, но я никак не могу ухватить логику.

— Я заметил, что, несмотря на ваше прошлое протестанта, вы начинаете давить, несколько заразившись от Лильгина. Вы сильно желаете представить ему решение проблемы.

— Минуточку, — сказал Орло, откинулся на стуле, нахмурился, потом кивнул. — Вы правы. Но к тому же я и сам чувствую любопытство. Вся эта тайна становится просто непонятной как с технической стороны, так и с человеческой. — Юноша поглядел на Ишкрина. — Сэр, — спросил он, — а что можете сказать вы? Сможет ли персонал Коммуникационного городка оставить свое веселое настроение при себе и подсуетиться? Или вы рассматриваете эту проблему как-то по другому?

Ишкрин подергал себя за усы. Он был совершенно спокоен, можно было подумать, что вопрос совершенно его не касается. Но когда он ответил, в его голосе была и насмешка, и ирония:

— Каждый согласится со мной, что Хигенрот был гением. Но если бы его оборудование, болтающееся сверху, стало высылать изображения,

наши определители направления вычислили бы его, дайте-ка подумать… — он нахмурил брови, как будто погрузился в расчеты, — через три секунды. — Он развел руками. — Поэтому, со смертью Хигенрота это уже перестало быть проблемой. И зачем вся эта суета?

— Его превосходительству объясняли это? — спросил Орло.

— Неоднократно. — Говорящим был пожилой мужчина с третьего места по западной стороне.

— Следовало бы помнить, — перебил его Юю, — что цель Лильгина — иметь под рукой исключительную следящую за всем и вся систему. Только представьте миллиончиков десять подобных Всепроникающей Системе устройств, установленных по всей планете. Так что забудь об этом, сынок. Мы и пальцем о палец не ударим. Пусть на него работают его кровососы.

Орло еще раз обвел взглядом весь стол. И одобрительные взгляды, за одним единственным исключением, подсказали ему совершенно новую идею. До сего момента он считал, что все эти люди — это разочарованные научные гении. Ему казалось, что они никогда уже не коснутся инструментов: лазеров, усилителей, спектрографов…

Только дело обстояло совершенно иначе.

Орло поднялся с места.

— Господа, — начал он. — Рассказывая вам свою историю, я хотел, чтобы вы только рассмотрели возможность поиска этой ракеты, проверить это только в качестве идеи. Но я не вижу смысла сообщать об этом Лильгину, пока у вас не появятся какие-нибудь иные гипотезы.

На это тоже никто не ответил. Орло лишь заметил новые усмешки. Лица были вежливые, но таинственные.

Глядя на них, Орло остановился на одном лице, на котором не рисовалось согласие со всеми остальными.

— Как ваше имя, сэр? — спросил он, указав на довольно-таки пухлого типа, сидящего на третьем месте с западной стороны, на ученого, который вчера собирался пойти в библиотеку, чтобы освежить свою память относительно Всепроникающей Системы.

— Меня зовут Джо Амберс, — прозвучал ответ. — Занимаюсь химическими видами топлива. — После этого он спокойно продолжил: — Вся идея сопротивления диктатору или саботажа против него сама по себе неправильна. Пусть Природа и научные открытия идут своим пу-

тем, и тогда наступит день… Сэр, — обратился он к Орло, — убедите, заставьте этих глупцов заниматься творчеством. Только творчество и по-настоящему новые идеи станут решением всех наших проблем.

— Вы или глупый оптимист, — вмешался мужчина, сидящий рядом с Амберсом, — или самый изощренный штрейкбрехер, которого я когда-либо видел.

— Я считал, — так же спокойно продолжил Амберс, — что большинство из этих джентльменов все-таки выберет мое предложение. Я могу его повторить… — Он осмотрелся по сторонам и сказал: — Похоже, меня никто не слушает.

— Я слушаю, — сказал Орло.

— Я знаю, — сказал толстячок, — что все они теперь настроены против вас. То, что вы мне сейчас говорите, можно расценить как метод, избранный нами для передачи друг другу секретной информации.

Орло был сбит с толку.

— Мне следует понимать, что здесь паранойя развилась гораздо сильнее, чем можно было ожидать поначалу. Лично я раньше считал, что достаточна будет одна только правда о диктатуре. Но подобного я даже не мог представить.

Тут вскинулся МакИнтош:

— Парень, дело в том, что мы больше не можем тебе доверять.

— А я, — строго ответил ему Орло, — желаю, мистер МакИнтош и присутствующий здесь же мистер Юю, по некоторым причинам надеюсь вновь завоевать ваше доверие.

— Я не могу представить, — ответил на это костлявый шотландец, — будто вы сможете сделать что-то убедительное. После всего, для Лильгина смерть полудюжины или там тысячи человек ничего не значат. Давить или попустить, забыть или наказать, все это лишь часть плана, в котором судьба людей имеет самое последнее значение.

Хочешь — не хочешь, Орло кивнул, выражая свое согласие.

— Вы правы, сэр. — Он глянул на часы. — Мне бы все-таки хотелось остаться, чтобы поглядеть, не смогли бы мы договориться, но мне пора идти. Я лишь могу оценить проблему как очень серьезную. До свидания, господа. Надеюсь снова встретиться с вами после выполнения своего задания.

С этими словами он отодвинул стул, повернулся и вышел, даже не оглянувшись.

Через пятнадцать минут он уже поднимался на

борт супер-реактивного самолета, готового прямо сейчас оторваться от земли.

XIV

Он сидел в стремящемся вперед летательном аппарате. Настоящий царь — а точнее, какой-то внеземной его эквивалент.

Только внутреннее чувство вовсе не было царственным. Вместо него было недоумение. Как ему вести себя с учеными?

«Ведь они такие же мятежники как я, только постарше, — рассуждал он, только они никак не желают играть по моим правилам…

И в результате, совершенно невообразимый, неосторожный провал, потеря их доверия.

Так, назад к письменному столу!»

Для него это означало еще раз просмотреть свой заветный список. Орло вытащил его, уселся на королевском кресле возле окна своего личного отсека и стал перечитывать.

Через какое-то время его пытливый взгляд выловил в нем самое подходящее к ситуации предупреждение:

«Не надейся на удачу. Впоследствии может оказаться, что враги только играют с тобой. См. Предупреждение 34.»

Предупреждение 34 состояло из двух вопросов:

«А почему они так носятся с тобой? Почему они тратят на тебя свое ценное время?»

«А действительно, почему?» — подумал Орло.

И вправду, кто-то другой мог начать действовать и прекратить всю эту бессмыслицу.

Но минута шла за минутой. Супер-самолет рвался через верхние слои атмосферы быстрее пули, выпущенной из самого сильного орудия. Орло все так же сидел здесь, наблюдая за землей внизу через смотровое окно, скомпонованное так, что было частью пола, так что можно было прекрасно глядеть вперед, вниз и по сторонам. Воздух был хрустально чистым — и это напомнило Орло, что это было одним из достижений Лильгина. Пользуясь неограниченной властью и безжалостной логикой диктатор изгнал из обращения частные автомобили, снизил до минимума загрязнение среды, решил проблему отходов, защитил от уничтожения дикую природу, покончил со всеми бедствиями, намного уменьшил стоимость производства, давая все больше и больше свободного времени для каждого — если вы хотели направиться куда-то ради доброго дела, достаточно было только подняться в самолет, поезд или автобус (но только не в бесполезную прогулку, ценой могла стать свобода).

Тысячелетнее Царствие? Весьма похоже, за исключением…

Однажды Орло обсуждал свои сомнения с «проверенными» друзьями по колледжу. Их заключение по данному вопросу было таково, что все это чудеса технологии, ставшие результатом требований абсолютной логики и технологического развития — но они не были предназначены для человека.

Их анализ основывался на самых основных реакциях, присущих человеческому ребенку. Приласкайте его — и он будет радостно гулькать. Уроните его — и останется страх. Схватите его, тормошите — и ребенок станет сердиться.

И вот в данном случае людей схватили за горло и они были сердиты и раздражены этим.

Это самые основные людские инстинкты.

«Да ну их к черту, человеческие инстинкты, человеческую природу! воскликнули идеалисты. — С ними покончат и успокоятся!» Но они сказали это в гневе. И они всегда боролись за то, чтобы держали они, а не их самих.

«Закадычные друзья» Орло хорошенько обдумали результаты дискуссии и доложили о ней соответствующим властям. Результатом было долгое и нудное расследование. И что самое

странное, хотя некоторые сразу же вылетели из колледжа, его не тронули.

…Не надейся на удачу. Впоследствии может оказаться, что враги только играли с тобой…

Но что из того?

Орло еще раз собирался обдумать свое положение, когда его мысли перебил тихий стук в дверь. Он был настолько осторожным, что его едва можно было услыхать.

— Кто там? — крикнул Орло.

— Генерал Дуэй, сэр.

— А, заходите.

Человек. который сейчас осторожно открыл дверь и зашел к Орло, командовал вспомогательными силами. Это был крепыш шести футов роста, с простым лицом, голубыми глазами и глубоким, мягким голосом.

— Мы уже почти на месте, сэр. Нет ли каких-нибудь особых указаний?

— Никаких.

— Прекрасно, сэр.

Генерал тут же откланялся.

Орло продолжал сидеть в своем кресле. Но вообще-то ему казалось, что новости, которые мог принести ему генерал, могли касаться его отставки, и что военный получил приказ его

арестовать.

Пока он размышлял над этим, самолет приземлился.

XV

Это был миленький домик, хотя и стоял отдельно от других. Он находился в самой средины равнины и стоял один как перст. На заднем дворе росло несколько деревьев и немного травы. Но куда ни кинь глазом больше ничего вокруг не могло привлечь внимания.

Громадный самолет приземлился в двух сотнях метров от дома на самой плоской поляне. Рядом пристроилось полдюжины самолетов сопровождения.

Идя к двухэтажному дому Орло все удивлялся его месторасположению. Потом догадался, что так было гораздо легче следить за ним.

Подумав об этом, юноша остановился и полуобернулся, чтобы получше оглядеться по сторонам. Поворачиваясь, он заметил, что его свита тоже застыла на месте. До сих пор он как-то не обращал внимания на тех, кто следовал за ним. Теперь же он был просто потрясен. Там было гораздо больше людей, чем он мог сосчитать. Сам он рассчитывал человек на пятнадцать. А эти уже выстроились в долгую шеренгу, которая сворачивала к выходной рампе воздушного ко-

рабля, кое-кто еще только собирался выходить из блестящего самолета.

Свита была самая живописная. Большая часть сопровождающих была в форме, причем у разных по чину военных и форма была разная. Высшие офицеры в светло-коричневой, младшие офицеры — в ярко-голубой, а нижние чины в мундирах мышино-серого цвета. Немногие гражданские — как и он сам — были одеты в костюмы различных оттенков серо-голубого цвета.

Свита. Его личная. Целую минуту, в течение которой он следил за этим потоком людей, все присматривались к нему, готовые выполнить любой его приказ или сразиться под его командованием — и за эту минуту его сомнения в собственной позиции несколько ослабели.

Так что же я чувствую — мне кажется я готов воспользоваться ими и…

Чувство власти, командования.

Но эта мысль продолжалась только мгновение. А потом к нему вновь вернулись старые сомнения: зачем я здесь? Внезапно Орло стало стыдно, за то, что он теряет время понапрасну, обсасывая давно известные вопросы.

Еще минута у него потребовалась на то, чтобы вспомнить, а зачем, собственно, он здесь оста-

новился.

Орло беспокойно перевел взгляд к горизонту. Где-то вдали были какие-то деревья. Потом ему захотелось высмотреть городок, мелькнувший под ногами, когда самолет уже шел на посадку.

И он нашел его.

Он был прямо к северо-востоку, предместье находилось не более чем в миле отсюда — несколько домов. Сейчас он уже высмотрел и их, едва заметных на фоне зелени.

Один дом на юге, один дом на западе, еще один дом к востоку. Каждый на расстоянии где-то в милю.

А между ними ничего.

Увидев это с очевидной четкостью, Орло почувствовал себя лучше. Безумие стало реальностью. Оказывается то, что людей постоянно изводили и шпионили за ними днем и ночью, не было фантазией, рожденной его мозгом.

Точно так же, как и несчастных Глюкенов.

Орло подозвал генерала. Стэд Дуай был уже пожилым человеком. По видимому, он был из тех, кто был необходим диктатору для того, чтобы в своем окружении иметь достаточно взрослого человека, знающего хоть что-то. Генерал живо подбежал к юноше, браво отдал честь и спросил:

— Слушаю, сэр?

Орло махнул, указывая на горизонт.

— А как тут можно что-либо увидеть ночью?

Тяжелое лицо офицера сменило выражение озабоченного внимания и готовности действовать на еле заметную усмешку удовлетворения.

— Вон там, сэр, видите, вдоль дорог что-то похожее на линии электропередачи?

Орло подтвердил, что видит. Действительно, линии тянулись в полумиле на все стороны света.

— Ночью, сэр, — сообщил генерал, — на этих дорогах видно как днем.

Орло подтвердил прием информации легким кивком. Но при этом он думал: «Да, действительно, Лильгин именно такой беспощадный тип, как я правильно вычислил давным-давно…»

Он не был поражен своим открытием. Узнавать о подобных вещах стало его занятием еще с ранних лет.

И с этой мыслью он направился вперед.

… Мать и сын.

Они впервые видели друг друга.

Его попросили встретиться сначала с ней. Поэтому теперь они и сидели одни в обставленной со вкусом гостиной, где через стеклянные двери

и окна был виден внутренний дворик.

Сын думал: «Так вот она какая, в прошлом красавица.»

Эйди было сорок, даже почти сорок один год. Она забеременела, когда ей было девятнадцать, родила в половине двадцать первого года жизни. Сейчас же после этого прошел двадцать один год. Но она все еще не выглядела на свой возраст. Разве что, почти.

К тому же, как довольно скоро открыл Орло, она была вовлечена в странный процесс. Женщина стала немного похожей на своего мужа, доктора Глюкена. Подобное сходство между пожилыми супругами было замечено студентами, занимающимися человеческими отношениями. Но умственные спекуляции все время сопротивлялись научным наблюдениям.

Ну как могла женщина, не кровная родственница, становиться внешне похожей на своего мужа? Как мог ребенок до пяти лет быть похожим на мать, а потом внезапно становиться похожим на отца?

Люди часто говорили Орло, что он «ну впрямь вылитый отец» — мистер Томас.

Юноша никак не мог понять этого. Но факт оставался фактом, он довольно рано стал прояв-

лять сходство с Томасом-старшим и уже совсем не был похож на миссис Томас, свою мать. Подобные мысли беспокоили его постоянно.

Женщина все время беспокоилась о нем как о младенце и маленьком мальчике, а потом стала просто любящей, нежной, было уже поздно. Подсознательная память о своих ранних годах заставила его отделиться от нее. Нет, он вовсе не был жестоким. Просто он старался избегать ее, держался вежливо, но никогда не был с ней нежным.

Глядя на своего сына, Эйди почти не видела его. Неожиданная новость, что будет новое расследование, встревожила ее, притупив остальные реакции. И у нее было чувство — совершенно интуитивное — что на сей раз не удастся спастись.

Крайняя молодость ведущего расследование ее сконфузила. Но сейчас она глядела на него тусклыми глазами. Ей виделось в нем что-то неуловимо знакомое. Но даже малейшая попытка разобраться с этим не могла пробиться сквозь туповатое сопротивление страха. Ну и уж, конечно, потрясающая правда была совершенно в ином измерении, в иной реальности.

Когда Орло сел в комнате, наблюдая за неуверенными движениями женщины, ему в голову

пришла одна мысль: Что я здесь делаю?... Стандартный ответ отражался эхом в его мозгу — это было небходимое «ознакомление» с людьми и уже известными фактами. Применяя подобный метод можно было бы чего-то добиться, исключая тот случай (Орло даже вздрогнул), если здесь ничего не было. Простая потеря времени.

В нем постоянно возникало желание бросить все к черту. Но каждый раз он только сжимал челюсти, не вставал и продолжал серьезно глядеть на женщину, не выходя из рамок спокойной вежливости.

Эйди снова рассказала историю о том, как однажды днем она пришла в кабинет Хигенрота и была удивлена изображениями, что были на стенках в комнате ее бывшего мужа; о том, как пожилой человек просил ее никому не говорить о том, что она видела.

Орло, который еще сегодня читал пожелтевшие листы протоколов, касавшихся этого замечательного события, вздохнул, заметив, как сжались когда-то красивые губы. Все это было так знакомо. Было ясно (в том числе и ему самому), что Эйди никогда не знала всех деталей. Ей даже в голову не могло прийти, что она была свидетелем чуда. Будучи девушкой, а потом и женщиной, она ни-

когда не проявляла интереса к подобным вещам.

Тем не менее Орло, как делалось и до него, продолжал расследование. Уже в совершеннейшем раздражении, он вдруг открыл, что слушает уже не сами слова, а интонации голоса, как будто в них таился ответ, до сих пор прячущийся в секретных уголках памяти.

В конце концов ему опять стало ясно, что бывшая профессорша знает гораздо меньше, чем он сам. Она крепко спала во время всего эпизода с трансляцией на весь мир изображения диктатора — в материалах, которые читал Орло, не было ни малейших сомнений, что с профессором Хигенротом разговаривал сам Мартин Лильгин. Ни Эйди, ни кто-либо в мире, ни (пока что) Орло не имели ни грана подозрений, что это мог быть, или был, абсолютный двойник диктатора. Впрочем, сейчас об этом тоже никто не подозревал.

Дойдя до такого момента, когда он уже ничего не мог выдавить из этой совершенно незнакомой для себя женщины, Орло поколебался, а потом задал роковой вопрос:

— А где ваш сын сейчас?

В ее глазах появился испуг.

— Н-но, — она стала даже заикаться, — какое это имеет отношение к нашему делу? Ведь он

даже родился-то годом позже. — Было видно, как она сжимается внутри от страха, она догадывалась, что мог означать подобный вопрос в стране Лильгина. — Он в колледже. — А потом она разрыдалась. Ради всего святого, сэр, только не надо впутывать еще и его.

Орло поднялся с места.

— А где ваш муж?

Он подождал, пока она не перестала всхлипывать, и ничего не говорил. Просто стоял. Через какое-то время женщина сказала тихим голосом:

— Спасибо вам. Я пришлю его.

Разговоры Орло с доктором Глюкеном тоже ничего не дали. С возрастом у Глюкена появились седые усыб тело и лицо оплыли. Для такого чувствительного человека как Орло было видно, что беспокоит этого старого специалиста в области сообщений и передачи информации в связи с открытием Хигенрота. С одной стороны, он дико ревновал к ней. А с другой, ему ужасно хотелось знать о ней.

И, естественно, в нем можно было заметить и третье состояние. В его глазах и движениях можно было легко увидать понимание того, что это расследование с каждым повторением может стать более опасным и страшным.

Но, все-таки ему удалось описать более-менее живым голосом суть коммуникационного метода Хигенрота «сведение к нулю», на базе которого, как он сам считал, и была основана Всепроникающая Система. Орло еще раз выслушал это объяснение; впервые он ознакомился с ним еще на стенах Коммуникационного городка, а затем, как материалы допросов, в сокращенной форме, в деле Хигенрота.

Совершенно отупевший Орло закончил расспросы и вернулся к своему самолету — все сопровождающие за ним. Расположившись в своей приватной кабине, юноша позвонил Йоделлу.

Мрачнолицый тип хмуро слушал доклад. Когда Орло закончил говорить (ни словом не упоминая о своих чувствах и мыслях, которые были очень глубокими), Йоделл сказал голосом, настолько резким, что чувствовался как удар:

— Из того, что вы сообщили, самое время предъявить этой шайке давно уже готовое обвинение.

Орло как громом ударило.

— Что вы имеете в виду?

— Из всех людей, связанных с Всепроникающей Системой, по некоторым поводам, связанным с тем, чтобы они могли еще раз отбарабанить свою весьма подозрительную историю, в живых были

оставлены только эти двое.

Орло, который ни на мгновение не мог представить Глюкенов как каких-то конспираторов, попытался понять, что же в его рассказе вызвало такую жестокую реакцию Йоделла, но ничего толкового представить не смог. Наоборот, он видел во всем лишь доказательство их невиновности.

Он рискнул спросить:

— Так что вы посоветуете сделать?

— Поместите их под домашним арестом. Поставьте охрану. Обвините в незаконной деятельности. Завтра я заберу их и переведу в тюрьму.

Орло почувствовал, что внутри у него все сжалось. Он принял решение: пора делать первый шаг.

Он уже представил, как скоро может стать соучастником в вечных преступлениях администрации… Парень, да ну их к черту, этих сволочей!

— Сэр, вы не дали мне закончить. — Он говорил бойко, решительно, хотя и дрожал внутри. — Я еще не прощупал этих людей. Наша главная цель, насколько я понимаю, выдавить из них все, что они знают про изобретение. Помня об этом, я хочу еще раз обдумать сказанное ими и продолжить допрашивать. Это может занять несколько дней.

А только после этого, внутреннее напряжение достигло зенита, — я подчинюсь вашим рекомендациям об аресте их по столь серьезному обвинению. Благодарю вас за внимание.

И он прервал связь.

После всего, когда он уже летел назад, во дворец, Орло почувствовал себя значительно лучше.

XVI

Громадный реактивный лайнер проделал свое обратное путешествие с той же колоссальной скоростью. Орло отпустил свою свиту.

16:32.

Так, что теперь?

Он вышел из самолета на одной из внутренних посадочных площадок дворца. Когда он входил в ближайшую дверь, гвардейцы вскочили на ноги и браво отсалютовали ему. Он все еще был на поверхности, надеясь, что никто еще не выдал приказ о его аресте, никаких обвинений против него еще не было предъявлено. Он еще мог попытаться реализовать мысль, неожиданно посетившую его в самолете.

Он быстро направился В Коммуникационный городок, прошел в свою канцелярию и попросил Байлола пригласить к нему Ишкрина, Питера Ростена, Юю и МакИнтоша для научной дискуссии. Через пятнадцать минут потревоженный администратор доложил через интерком, что четверо ученых прибыли, а с ними пятый — специалист по звукозаписи.

— Они хотят иметь полную запись этой встре-

чи.

Это было похоже на защитную реакцию со стороны ученых, но Орло в конце концов согласился с этим. Он пожал руки всем четверым и был представлен пятому — который не сидел за Седьмым столом. Гостям были предложены стулья, но никто не сел, пока чужак, которого звали Арджер, устанавливал небольшой комплект инструментов на столе хозяина.

Это был среднего роста, темноволосый и кареглазый веселый парень, привыкший гримасничать. Он выставил маленькие регуляторы, постоянно строя рожи, потом подвинул к себе стул с твердой спинкой и уселся за столом перед своей аппаратурой.

Каждое его движение сопровождалось новой гримасой. Наконец он сказал:

— Насколько я понял, он прослушивается, комната прослушивается, стол тоже прослушивается. Но я — могу заранее признаться, как самый крупный знаток всех этих дел — уже отключил все жучки. Я хочу вам предложить быстренько обсудить, как мы будем подавать сигналы, чтобы вести подслушиваемые, а потом не подслушиваемые разговоры.

Орло поднял руку.

— Мистер Арджер, когда я подыму руку, как сейчас, можете включать свою глушилку. Когда же я подыму, вот так, свой большой палец, выключайтесь. Сказав это, он поднял большой палец и прошептал: — Кивните, когда все уже будет готово.

Тот что-то проделал с маленьким устройством, которое держал в руке, кивнул — и, конечно же, состроил гримасу. Тогда Орло сказал:

— Господа, я решил пригласить вас сюда. И, наверное, мне стоило бы начать с тех причин, которые побудили меня встретиться с вами. Во-первых, мне хотелось бы сразу сообщить, что я понимаю ваш первоначальный отказ участвовать в разрешении проблемы Всепроникающей Системы Хигенрота. Это мое мнение, хотя, и мне стоит указать на это, оно не совсем совпадает с моим настоящим положением. Но мне показалось, что стоило бы выяснить, чем желают заниматься сами ученые. Мистер Ишкрин, вы ничего не можете сказать по этому поводу?

Большие усы и глаза над ними, казалось, подмигнули, когда Ишкрин заявил самым серьезным тоном:

— Нам требуется время, чтобы обдумать такие базисные вопросы как этот. Мне кажется, что

существует масса областей, где данная проблема просто не имеет смысла. Наверное, пока я стану обдумывать, что это за области, вам стоило бы поговорить с мистером Ростеном?

— Я тоже собираюсь пару минут подумать над тем же самым вопросом, и предлагаю всем остальным присутствующим заняться тем же самым.

Кончив говорить он неистово замахал Ардже-ру.

В это же время Орло поднял руку.

Арджер что-то сделал с аппаратиков в руке, кивнул и состроил веселую рожу.

— Послушай, парень, — мрачно заявил Ишкрин, — вся история с твоим здесь появлением совершенно нелогична. Что-то здесь не так. Я пока не знаю, чем мы сможем тебе помочь, но все, что в силах науки, можем предоставить в твое распоряжение.

Орло глубоко вздохнул.

— Я тут подумал, что во время того, когда будем вести разговор на общие темы, можно было бы писать друг другу записки. Мне кажется, можно объединить эти две вещи. А перед тем, как отключится ваш аппаратик, я хочу задать вам свой первый настоящий вопрос: сколько лет

Лильгину?

— Господи Боже! — сам не желая того, воскликнул МакИнтош.

Ростен зажал рукой рот, призывая его замолчать.

Орло поднял вверх большой палец.

Арджер кивнул и снова сгримасничал.

Все это было очень просто, и, в то же время, чрезвычайно сложно. Каждый теперь сидел с блокнотом на коленях и, то быстро-быстро черкал, то задумчиво водил по листку ручкой, в то время как кто-нибудь из них говорил. Орло казалось, что речевая часть была исключительно дурацкой. Это его немного беспокоило. Его задачей было упомянуть о каждой группе научных дисциплин, и чтобы каждый из четырех приглашенных высказал свое мнение о том, кто из имеющихся в Коммуникационном городке экстра-специалистов мог бы принять участие в исследованиях.

И, хотя это было всего лишь маскировкой, в то же время ему хотелось, чтобы весь разговор выглядел достаточно правдоподобным для тех, кто его подслушивает, а тут уже можно было рассчитывать на какой-то момент обдумывания.

К этому моменту практически у всех листки

были заполнены. И тогда Орло решил, что моментов молчания будет два.

Но написанное было фантастикой!

«Сколько лет Лильгину? Какие будут мысли?»

«Человек, которого я встретил вчера за ужином выглядел лет на сорок, не больше.»

«Он всегда так выглядит.»

«Всегда — это очень долгое время. Поточнее.»

«Режим существует уже 106 лет. Последнее наследование имело место 32 года назад. Так что, если в то время ему было тридцать лет, сейчас ему шестьдесят два; с помощью новейших протеиновых инъекций он может выглядеть как сорокадвухлетний.»

«Кем был предыдущий диктатор?»

«Насколько нам известно, наследование идет по схеме дед — отец — сын, всех звали одинаково.»

«Могу предположить, что все они были немного похожи?»

«Фотографии показывают некоторое сходство, но не слишком.»

«Вы не знаете никого, кто бы помнил отца?»

«Нет, всех тех, кто знал его отца, сын убил.»

«А как насчет Йоделла, Мегары?»

«Ну, можно предположить, что они отца знали,

но остались в живых. Не следует забывать, что это самые большие сволочи во всем дворце.»

«А как объясняется то, что диктатура передается по наследству?»

«Насколько я слышал, в ранние дни нового, идеального общества оппортунисты, контр-революционеры, буржуазные фальсификаторы, уклонисты, люди с узким пониманием реализма, всякого типа националисты и так далее боролись за то, чтобы новое государство очутилось в тупике. Было решено, что в решающие годы становления первой, по-настоящему революционной цивилизации не должно быть никакой борьбы за власть...»

Орло улыбнулся, прочитав последнюю записку, и написал:

«Вы знаете жаргон даже лучше, чем я. Ну, да ладно, есть у нас кто-нибудь, кто бы знал об этих протеиновых уколах, замедляющих процессы старения?»

Ишкрин покачал головой и быстро черкнул:

«Чем мог бы заниматься специалист такого рода в Коммуникационном городке?»

Это была правда, но... Орло поднял руку.

— Господа, — сказал он, — меня посетила мысль, что вся история опровергает концепцию

одинаково компетентных, жестоких и сволочных деда, отца и сына. У меня такое чувство, что здесь мы имеем не только удлинение жизни протеиновыми уколами, но и всего одного человека, находящегося у власти все эти 106 лет. Теперь, как мы можем доказать или опровергнуть это? И где изобретатель бессмертия для Мартина Лильгина. Или, скорее, где он берет эти уколы и кто готовит для него текущую дозу препарата?

Оживленная дискуссия по данному вопросу могла затянуться на дольше, чем можно было позволить. Но Орло краем глаза следил за своими часами, и внезапно он поднял руку. Арджер тут же отреагировал на сигнал и кивнул, после чего Орло сказал:

— Господа, сейчас без двадцати трех минут семь. А мне обязательно нужно попасть кое-куда до семи часов. Думаю, что и вам тоже пора. Так что…

Он поднял большой палец на руке.

Арджер кивнул и состроил обязательную гримасу.

Ишкрин еще сделал последнее, совершенно идиотское заявление о возможности сотрудничества между учеными Коммуникационного городка и «конторой» Орло. Да, он так и сказал:

конторой.

Орло решил не посвящать в происходящее своих сотрудников и отправил ученых через свои тайные ходы. После этого он быстро покинул свою штаб-квартиру. При этом он думал: «Нельзя допустить, чтобы хоть одна душа узнала обо всех, включенных в действие. И сам Лильгин не должен быть исключением.»

Диктатор обладал одним свойством, хоть в чем-то похожим на альтруизм. Он отдавал, или только притворялся, что отдавал, честь своим коллегам по Президиуму. В специальном Алькове по пути к обеденной комнате были портреты всех тех, кто когда-либо был членом Верховного Президиума.

Орло верил, что это выражение чести наполовину было притворством. Суть же была в том, что за многие годы у диктатора появилась проблема с провалами в памяти. И портреты стали напоминанием о деталях, которые он старался не забывать. Человек, забывающий своих врагов и предъявленные против них обвинения, находился в постоянной опасности.

Альков был слабо освещен. И действительно, перед каждой нишей, где фотографии были помещены таким образом, что зритель, желающий

осмотреть ее, должен был встать прямо напротив, горело по свече. Те же, кто просто пробегал через альков, не то что не замечали отдельных лиц, но вообще могли не обратить на них внимания.

Но свечи — как гласила история — были обращением к древнему символу благодарности, привязанности и выражения дружеских чувств. Более того, маленький огонек символизировал право на уважение за все заслуги. От свечек, опять же, исходило чувство тепла, сердечности, как воздание заслуг за верность, постоянную готовность к действию и громадную пользу для всех тех, перед чьим портретом они мерцали.

Было без четверти семь, когда Орло осторожно шел по Алькову. Он притворялся, будто находится несколько не в себе, несколько раз останавливался, прижимаясь спиной то к одной, то к другой стенке. Полузакрыв, или полуоткрыв, глаза, он делал вид будто бы глубоко о чем-то задумался.

Потом он продолжил свой путь. Его главной целью была столовая комната, где он в предыдущий день ужинал с диктатором. И действительно, выйдя из алькова, он живо направился к барьеру перед столовой, как будто собирался пройти туда. Очень скоро до него донеслись шум и крики, доносящиеся из заветной комнаты. Пьяные возгласы

перемежались взрывами смеха и общим гвалтом, когда каждый хотел перекричать другого.

Орло приблизился к столу, где сидящие офицеры уже заметили его. Внезапно, метрах в пяти, он остановился и стукнул себя по лбу, как бы говоря: «Черт, только сейчас вспомнил!».

Потом он обратился как будто бы и ко всем сидящим, но глядел только лишь на молодого генерала Хинтнелла:

— Господа, до меня только сейчас дошло, что у меня срочнейшее дело, поэтому я не смогу участвовать в сегодняшнем ужине. Если кто будет спрашивать, я объясню потом.

Сказав это, он повернулся и поспешил назад, содрогаясь от того, что сделал. Он ожидал, что за ним сейчас погонятся и схватят.

Но когда ничего такого не случилось, Орло успокоился и тут же погрузился в раздумья, проходя мимо ниш с изображениями. На сей раз дольше всего он задержался перед портретом Кротера Вильямса.

Как и в каждом случае, здесь не было никаких дат, только имя.

Лицо на фотографии задумчиво глядело на Орло. Выражение на нем было слегка обеспокоенное и чем-то усталое. Но человек на портрете

выглядел лет на тридцать.

Проходя по алькову вчера, Орло не задерживался совсем. Но у него был цепкий взгляд. За ночь он пару раз просыпался и задумывался, что бы все это значило: мерцающий, неяркий свет, сознательно предусмотренная трудность увидеть то, что находится в нишах, сама глубина этих ниш.

Еще до своего прибытия во дворец своим ясным, трезвым умом он пришел к мысли, что тридцатилетие было некоей разграничительной чертой. Любому чиновнику в стране Лильгина, дошедшему до такого возраста (несколько лет туда или назад роли не играли), обычно предъявляли какое-нибудь обвинение. А после этого его либо казнили, либо высылали. Место высылки зависело от тяжести обвинения или от занимаемой должности. Такой бедняга попросту исчезал где-нибудь в глубинке на мелкой технической работе. Но если обвинения были особо суровыми, например, в принадлежности к провокаторам, буржуазным фальсификаторам, безнадежным бюрократам или политически незрелым личностям — реабилитация могла произойти только лишь в забитом колхозе или трудовых лагерях.

В этот второй вечер Орло потратил время на то, чтобы заметить: только треть изображенных

здесь людей была старше тридцати. Это обобщающее наблюдение он сделал, пересчитав ниши.

Результат был невероятный — 284.

XVII

Было уже совсем темно, когда у дверей зазвонили. Орло открыл, это была Шида. Она принесла с собой газету.

— Тут на первой странице рассказывают про тебя, — сказала она. — О твоем назначении.

Орло взял газету, но не стал тут же просматривать.

— Уже десятый час, — сказал он. — Где ты была?

Девушка сняла пальто. Услыхав вопрос, она бросила пальто на стул и стала, глядя на Орло — стройная, в коричневом платье, длинные волосы обрамляли лицо и шею.

— Это что, братский вопрос? — спросила она.

Орло задумался.

— Нет.

— Этой ночью я буду исполнять роль любовницы?

Юноша улыбнулся.

— Тебе обязательно нужно разрешение?

— Я только хочу остаться в живых, — просто ответила девушка, — так долго, насколько смогу. Я чувствую, что это одно из основных условий.

— Ты неправильно думаешь про Лильгина, — механически заметил Орло. Мы находимся под наблюдением его советников. Сам же он просто социальный инженер. А они сволочи.

Девушка ничего не сказала.

— Наверное, — продолжил Орло, — я из тех, кого называют идеалистами. Перед тем как прибыть сюда, я уже задумывался о всех этих женских занятиях. Нехорошо для женщины или девушки, когда ее заставляют заниматься сексом. Такого не должно быть. Когдя я гляжу на тебя, то не могу думать о тебе как о сестре. И не могу поверить, что женщину в постель мне засылают только ради моего удовольствия.

— Я еще могу оставаться здесь? — спросила она.

— Да, конечно.

— Цель была такова, что мы будем спать в одной постели, почему бы сегодня ночью не попробовать.

— Это изумительная двойная кровать, достаточно большая для того, чтобы двое друзей разместились на ней. Мне кажется, что нет никаких особенных поводов, чтобы юноша и девушка не делили одну комнату.

— Это означает, что сегодня мы будем спать

вместе?

Орло вздохнул.

— Ну ты и доставала. Ладно, думаю, что так.

— Значит договорились? — Внезапно она улыбнулась. — Почему бы мне не сделать нам что-нибудь выпить? Хорошо?

— Ты еще не ответила на мой вопрос.

— Какой вопрос? — Девушка побледнела, непонимающе заморгала.

— Почему ты пришла так поздно?

Она пожала плечами.

— Меня задержали на работе. До сих пор такого не случалось. Начальник подошел ко мне без пяти шесть и сообщил, что есть срочное дело, которое обязательно нужно довести до ума. — Она скорчила мину. — Мне это таким важным не показалось. Но ты же знаешь, какими бывают эти мелкие чиновники. Они из шкуры вон лезут, только бы их не обвинили в чем-нибудь — безразлично в чем — недостатках в работе, неумении руководить, а самое худшее, во вредительстве.

Когда она закончила, Орло задумчиво спросил:

— Значит, раньше такого не случалось?

— Никогда.

Орло откинул голову и закрыл глаза. Не открывая их, он попросил:

— Так ты не сделаешь что-нибудь выпить?

Не прошло и нескольких секунд, как она вышла. На толстом ковре было трудно услыхать ее шаги. Орло уселся и задумался: — Где же я был с пяти до шести?... В это время я разговаривал с Ишкриным, Ростеном и остальными. Это заняло у меня больше часа.

Эти два события было трудно соединить. Он все еще прокручивал про себя мгновения этой беседы, когда Шида вернулась в комнату. Это его как будто натолкнуло на мысль, что он мог, закончив встречу с учеными ровно в шесть, направиться к себе в апартаменты и ждать девушку.

Но он ни о чем подобном и не думал. К этому времени он еще не закончил беседу, и не пошел к себе, поскольку прервал разговор совершенно по другому поводу: ему пришло в голову посчитать портреты в алькове и поглядеть на фотографию Гротера Вильямса.

А с другой стороны, все это время он понятия не имел, что ее задержали на работе.

Так что она сама, то, чем она занималась, и зачем — вовсе не были фактором.

И одновременно были. Потому что кто-то страстно желал задержать ее на работе.

Полное противоречие?

Вообще-то логика этих событий вовсе не была такой сложной, если над ними хорошенько поразмыслить. Когда чуть ранее принял решение игнорировать указания по отмене встречи с учеными на обеде, главные мысли тех, кто за ним следил, подслушивал и анализировал его поступки по поручению Лильгина, были такими: К чему это он ведет? На что нарывается?

Отказ ученых от сотрудничества по проекту Хигенрота для Лильгина должен был стать неожиданностью. И в то же время уже не было опасений, что Орло будет держаться подальше от заключенных Коммуникационного городка.

Девушку задержали, потому что… так, какие еще планы были относительно того, что делать в остаток дня и вечером? Возможно, задумка была такая, что когда Орло вернется в свои апартаменты и не застанет там девушки, он захочет привести в действие какие-то дополнительные планы. Куда-то пойдет и будет что-то делать.

Все просто, но толку с этого тоже не было, потому что после возвращения из алькова, он никуда не пошел.

Заключение: Он никак не может разобраться в ситуации.

Но и это уже было хорошо. Самое главное, ре-

шение было изменено с тем, чтобы позволить ему прожить и следующий день.

Так что великий эксперимент мог быть продолжен.

В темноте, на кровати рядом с Орло произошло какое-то шевеление. Затем раздался тонкий женский голос:

— Почему бы тебе не перебраться ко мне?

— Это было бы нечестно.

— А мне кажется, что я в тебя влюбилась.

Лежа под простынями и стеганым одеялом, Орло повернулся на спину, осознавая, что не далее фута от него лежит обнаженная женщина. Эта мысль что-то всколыхнула в нем, но он внутренне собрался, не давая этой мысли воли.

— Не могу избавиться от чувства, — сказал он, — будто ты что-то обязательно должна сделать со мной, и ты желаешь это сделать только из страха перед наказанием, мне не хотелось бы верить, что это так.

— Да нет, честное слово, — дошел до него скорый шепот. — Видя какой ты замечательный, я сама была поражена, что меня так тянет к тебе.

— Не надо меня искушать. Я всего лишь человек.

Пауза. Тишина. Ночь продолжается. А потом:

— Ради всего святого, сэр, я сгораю от желания.

— Сэр!? — эхом повторил он. А потом рассмеялся.

Это не был полноценный, долгий смех, скорее смешок, который он тут же перевел в кашель.

— Извини, — виновато сказала Шида, — но мне приказывали обращаться к тебе именно так.

— Дело не в слове, а в контексте, — Орло даже хрюкнул от веселья. Прости.

Тишина.

— Ты говорила, — голос Орло, — что до сих пор еще ни с кем не занималась любовью?

— Никогда. Поэтому мне так любопытно. На что это может быть похоже?

Орло продолжал лежать в молчаливой темноте на мягкой громадной постели. И он размышлял о том, как целуются эти сладкие на вид губы, представлял, как прижимается к нему ее обнаженное тело. И тут уже не было никаких вопросов — он тоже, отчаянно хотел ее.

Но вместе с тем, где-то в темноте его внутреннего «я» вернулась к жизни решимость. Пусть раз, но он уже видел, как эти губы сжимаются и глаза становятся узкими, это было исключительно сильное чувство… Нет, я не хочу иметь подобного преимущества.

После того, как он разложил все по полочкам (не в первый раз): поддаваться тому, что способно подкупить тебя, всегда было бы ошибочно. Ведь и правда, мужчина никогда не может исключить в себе сексуальные чувства. Но здесь истина была в том, что девушка собиралась разрушить все его добрые намерения, какими бы те ни были. Следовательно…

— Раз уж мы влюблены друг в друга, — сказал он, — может следовало бы попросить разрешения на брак?

— Тебе никогда не позволят жениться на мне. — В голосе Шиды звучало разочарование.

А утром она снова улыбалась.

— Я все поняла, — сообщила она ему. — Ты, наверное, гомик.

«О, женщина! — подумал Орло. — Грррр!…»

А Шида продолжала:

— Давай посмотрим логически. То, что у нас сейчас имеется, это вовсе не отношения брата и сестры, а двух сестер.

— Грррр! — снова сказал Орло. Но, естественно, он сказал это про себя. А вслух произнес следующее:

— Наверное я мог бы тебе рассказать о кое-каких мыслях, пришедших мне в голову относительно

моей новой работы. Но после того, как ты сказала мне про образчик своей логики, мне кажется, что ты не стоишь моего доверия.

Девушка стояла спиной к нему. После его слов она вдруг задрожала, и он накинул на нее халат. В конце концов, когда он направился к двери, Шида, не оборачиваясь, тихо сказала:

— Извини меня, я не хотела быть такой гадкой.

— Все нормально.

Сказав это, он почувствовал, что внутри у него что-то изменилось… «Господи, — подумал он, — да чего это я так веду себя?»

— Как ты посмотришь на то, чтобы сделать мне подарок ко дню рождения? — спросил он.

Наверное в его голосе прозвучала какая-то новая нотка, потому что девушка вдруг повернулась, и ее голубые глаза засияли.

— А когда? — буквально шепотом.

— Вечером.

— Когда у тебя день рождения?

— Завтра.

— И что бы ты хотел в подарок?

— Тебя.

Она очутилась в его объятиях. Из-за того, что это произошло слишком быстро, Орло даже не мог все толком увидать. Просто краем глаза он

заметил какое-то движение, вот и все. Но уже не было смысла анализировать детали, во всяком случае, не сейчас.

XVIII

Диктатор проснулся с мыслью, что самое разумное, сделанное кем-либо, это то, как Орло вчера шастал так долго в алькове…

Думая об этом, он стал одеваться.

Вчера вечером он прослушал всю беседу между Орло и пятью учеными. В это же время он выслал людей в канцелярию Орло, дав им задание обыскать в поисках обрывков бумаги.

Результатом был один мятый листик. Почерком Питера Ростена на нем было накалякано: «Кто такой Орло Томас? Насколько я понимаю, это самое важное…»

«…Они зашли слишком далеко», — печально подумал Мартин Лильгин.

Ему было по-настоящему странно наблюдать, как умные люди, оставаясь, вроде бы, политически индифферентными, высказывали склонность к оппортунизму и становились циниками.

Замечание Ростена он определил как «вражескую вылазку». Завтракая, он все еще находился в глубоких сомнениях. Стоит ли продолжать свой эксперимент хотя бы на час?

Сейчас он вспоминал записанные по его ука-

занию отрывки вечерних, ночных и утренних разговоров между Орло и Шидой. Его вовсе не развеселил «цинизм» девушки, но после утренней перемены в их отношениях он должен был признать, что выбрал хорошую приманку — как обычно… Она пробила стену недоверия! Значит, это сделано.

Хорошо, продолжим!

Посыпались приказы. Девушку следует захватить и быть готовыми предъявить ей обвинение. Ни в коем случае нельзя позволить ей находиться во дворце. Орло Томас никогда уже не должен увидеть ее, разве что на экране внутренней телесети, когда ее станут пытать — если возникнет необходимость держать его под контролем. Как пытать? Для начала можно будет резать ей кожу на лице…

Сделав все указания, он позвонил Йоделлу и сказал ровным голосом:

— Подготовьте план по очистке кубла этих самодовольных типов, так называемых ученых из Коммуникационного городка.

— Вычистить, так вычистить. Когда?

— Еще до конца дня.

— Я понимаю так, что данное указание аннулирует ваш ранний приказ не делать ничего

такого, что бы могло обеспокоить или удивить Орло Томаса?

— Да, аннулирует, но с одним дополнением. Предупредите его о назначенной на обед встрече. Я прикажу Альтера пригласить Томаса в мои апартаменты. После обеда, по указанию Альтера он должен снова повстречаться с Глюкенами, согласно его вчерашних, данных вам заверений, будто он и собирался так поступить. После того, я хочу, чтобы он еще поехал на космодром, откуда двадцать один год назад взлетела ракета с аппаратурой Хигенрота. Когда он вернется, будет уже довольно поздно — часов восемь вечера, не меньше.

Будут еще вопросы?

— Нет, ваше превосходительство. Мне кажется, это проясняет ситуацию. Все будет выполнено. Могу я знать, где будете находиться вы, в то время, как ваш двойник будет обедать с Томасом?

— Я подумаю об этом позже.

Для Йоделла это означало, что он не должен совать нос куда не следует. Вежливо ожидая, когда диктатор положит трубку, он подумал, что скорее всего Лильгин посетит одну из своих любовниц. Это уже превратилось в стереотип, и он, а также многие другие, заметил это за столько лет. И,

конечно же, не придавал этому особого значения. Он даже догадывался, к кому из любовниц направится Лильгин. Оделль умела вытворять все те странные штучки, которые делает женщина, если что-то идет не так как следует…

Что вы делаете на второй день своего пребывания на посту члена Верховного Президиума? А конкретнее, что делать, если все ваши мысли далеки от настоящего дела? Когда вы переполнены ужасным чувством того, что надо спешить и нельзя терять ни одной драгоценной минуты?

Орло, как ни в чем не бывало, вышел из своих апартаментов и спустился на лифте на первый этаж. Его не удивил тот факт, что на сей раз в лифте он спускался один. Но его отсутствие на вчерашнем ужине у диктатора уже было отмечено. Тут же было принято решение: не иметь с этим новым типом никаких дел до тех пор, пока ситуация не прояснится окончательно. Для многих членов Президиума все это выглядело как проводимая диктатором большая игра… Но, за исключением Мегары и Йоделла, все они были слишком желторотыми, чтобы знать об этих играх.

Выйдя из лифта, Орло направился к охраняемому входу в Коммуникационный городок.

После отметки о прибытии он направился в свою канцелярию.

Все напоминало вчерашнее утро. Гражданские кланялись ему. Военные отдавали салют. Когда же Орло добрался до своей штаб-квартиры, там его уже ждал вечно озабоченный Байлол и все сотрудники. Когда начальник проходил по внутреннему коридору мимо отдельных секций, они вставали, приветствуя его. Спустя несколько минут Лидла тоже встала из-за стола, а Орло, приветствовав ее, прошел мимо нее в свой личный кабинет, закрыв за собою дверь, но тут робкий стук объявил о том, что она снова желает его видеть.

Девушка прошла к столу и остановилась. Она ничего не говорила, только ждала.

Орло был по-настоящему обеспокоен.

Неужели я действительно собираюсь иметь двух женщин?

К несчастью, его последние разговоры с Шидой распалили его желание. Но — к его огромному разочарованию — ей нужно было обязательно бежать на работу.

Совершенно не соображая, что он делает, Орло открыл ящик стола, достал одну противозачаточную таблетку и вручил ее девушке. Она

проглотила ее, даже улыбнулась, но продолжала ждать. Орло показал пальцем в сторону спальни. Она побежала.

Он присоединился к ней через предписанное рецептом время. На сей раз он с удовольствием отметил, что оба лучше контролировали себя. Вчера был какой-то спешный, дикий кошмар. Ни он, ни она даже не знали толком, что надо делать. Лично его подавило слишком быстрое семяизвержение; все кончилось настолько быстро, что он даже был обеспокоен и разочарован.

Во второй же раз он выдержал на ней целых пять минут, и они оба были совершенно обессилены.

Уже после всего, когда он сидел у себя за столом, а Лидла в своем секретарском закутке, Орло, все еще чувствуя себя виноватым, оправдывался сам перед собой, что этот опыт поможет ему сегодня ночью не спасовать перед Шидой.

Но вместе с этой в сознании крутилась и другая мысль, такая же, как и вчера: если меня убьют вечером, они не смогут отнять у меня того, что я дважды имел женщину. (А Лидла — мужчину.)

И предчувствие его не было таким уж наивным, а довольно-таки реальным.

Вы только представьте, что он прожил два-

дцать один год. И умер, никогда не познав этого. То же самое и Лидла — ведь он был ее единственной возможностью.

Тут же он почувствовал, как в нем появляется какая-то странная идея верности Шиде, как будто у нее были на него особенные права. Его обязательства к ней (молча уговаривал он себя) заключались в том, чтобы она тоже не погибла, полностью не почувствовав себя женщиной.

Вот что было одной из истинных реальностей в стране Лильгина.

К тому же он чувствовал себя виноватым и по другой причине. Лидла заняла у него целых сорок минут… все эти предварительные поцелуйчики и ласки…

А он, на которого диктатор возлагал какие-то непонятные надежды, он, который сам хотел перехитрить страшного противника, лучше бы занялся чем-то другим.

Вот только чем?

Сидя за столом, он начал писать в уме следующее заключение:

«Я — Орло Томас, некто, проявивший в возрасте одиннадцати лет некие бунтарские наклонности, но большей частью не разрабатывающий их, только недавно определился в своем положении.

Но, вместо того, чтобы просто получить обвинение против себя, я был приглашен во дврец к диктатору и стал здесь одним из трех десятков самых могущественных в мире людей.

Я предположил, что диктатор бессмертен. Это довольно смешно, но по другому трудно объяснить постоянные перемены в правительстве. И он, по каким-то неясным для меня причинам, помещает меня в самую сердцевину всепланетной власти.

Если это предположение верно, тогда возникает вопрос: знает ли кто-то еще о его истинных целях? Если нет, тогда я, за исключением нескольких заключенных во дворце ученых, совершенно одинок, и, скорее всего, умру, даже не узнав всех фактов.

Но если кто-то другой осознает связанные со мной надежды Лильгина, тогда моя теория о том, что миллионы людей повсюду ожидают возможности покончить с властью этого самого величайшего в истории подлеца, может распространяться даже на дворец.

Что же это за надежды, если они позволят хотя бы одному человеку рискнуть своей шкурой?...»

«Записав» это заключение на листах своего сознания, Орло «уставился» на последний па-

раграф.

«Нет, я наверное схожу с ума, если даже всего лишь представляю подобную ересь», — подумал он. Все в этом заключении было правдиво, слово за словом, и с точки зрения логики могло иметь какое-то объяснение, но…

Внезапно его размышления были прерваны.

Дверь в его кабинет чуть не сорвалась с петель.

Байлол залетел вовнутрь, на лице ни кровинки, глаза выпучены:

— Его превосходительство на проводе…

— Лильгин?

Говоря это, Орло побледнел, как и второй мужчина. Наверное, он ждал какого-то слова, кивка. Но он не смог заметить их, даже если они и были.

Потом страх улетучился.

«Два дня назад я разговаривал с ним, — подумал Орло. — не такой уж он и страшный в разговоре…»

Но когда он протягивал руку к аппарату, внутренняя дрожь не отпускала его.

Подняв трубку, он автоматически включил и экран. На нем появилось знаменитое лицо.

— Мистер Томас, — прозвучал знакомый,

звучный голос. — Не пообедаете ли вы со мной сегодня?

— Конечно же, сэр, — ответил Орло. — Во сколько?

— В пол-первого. Апартаменты Д-один. Охрана уже получила задание пропустить вас, так что приходите.

После того, как разговор был закончен, Орло глянул на часы: десять минут одиннадцатого. А он пришел к себе сразу же после девяти.

День начался весело.

Когда он поднял голову, Байлол уже исчез.

Орло погрузился в свое кресло. Только одно слово, произнесенное диктатором, вызывало в нем опасения: «…охрана…»

Он стал раздумывать, как бы отказаться от этой чести, обеда с Мартином Лильгиным…

Внезапно его посетило нехорошее предчувствие.

Он вскочил на ноги и поспешил к своей боковой двери. Пройдя через коридоры, он почувствовал себя увереннее.

Даже храбрее.

Он думал: «Еще одна попытка отвлечь меня от обеда с учеными. На сей раз, используя орудия главного калибра.»

Зачем?… Господи, да ради чего все это?

Ишкрина он нашел в библиотеке. Вдвоем они обнаружили МакИнтоша и, несколько успокоившись, помчались к Арджеру с его волшебной возможностью защититься против прослушивания. И, поскольку уходили драгоценные минуты, они решили остальных не собирать.

Орло написал: У меня появилось нехорошее предчувствие, что мое участие во вчерашнем обеде может навлечь опасность на всех, проживающих в Коммуникационном городке.

В чем были его опасения: Открыв то, что ученые не собираются принимать участия в разрешении проблемы Хигенрота, он пробудил в сознании диктатора одну из идей, которые в прошлом уже приводили к полнейшему уничтожению многих людей или даже местностей.

Представляемая им опасность заключалась в том, что все ученые были собраны здесь ради одной цели. А раз они не собирались делать того, ради чего их тут держали, значит их следовало стереть с лица земли!

В течение трехуровневых переговоров — писание, разговоры без подслушивания и при подслушивании — седые усы Ишкрина шевелились, топорщились, обвисали, все это под

аккомпанимент дружелюбно звучащего голоса или скрипа ручки.

— Мы все здесь обреченные люди, — сказал старый ученый. — Сами по себе в роковой момент мы готовы забрать с собой жизни одного или нескольких типов, высланных против нас. Но если все они будут вести себя по-идиотски, кое-кто из нас не испытает такой чести.

При этом его серые глаза тупо всматривались в голубые глаза Орло.

И Орло понял их послание. Эти люди все еще не доверяли ему. Потому что то, что он делал сейчас и вчера вечером, могло быть только частью навязанной ему игры. Все его призывы быть осторожными или объявить о возможной тревоге, в каком-то смысле выглядели тактическими уловками.

Ситуация была патовой.

— Ладно, — сказал Орло, чувствуя полнейшее разочарование. — Надеюсь, вы понимаете то, что собираетесь делать.

— Если бы, — не отступая от своего, заявил Ишкрин, — вы пережили весь этот многолетний кошмар, если бы вы знали, в чем состоит ваша роль, и на что надеется Лильгин по отношению к вам — тогда, возможно, я бы ответил вам по-

другому. А поскольку этого нет… — он пожал плечами и улыбнулся, — желаю приятного обеда с Председателем Лильгиным.

Возвращаясь в свой кабинет, Орло размышлял: какой другой ответ мог он ему дать?…

Удивительно, но из последних, уклончивых слов, он вычислил его, этот второй ответ:

В случае необходимости, в крайней ситуации, ученые могли действовать.

XIX

За исключением охраняемого барьера, преграждавшего коридор сразу после выхода из лифта, все здесь напоминало обстановку нижних этажей.

Орло вышел из кабины, а потом приостановился, чтобы пройти преграду.

Это была стальная решетка, вмурованная в стену и на несколько футов не доходящая до окна. Она была футов в семь высотой. Длинный стол, стоявший за ней, должен был распоолагаться на подиуме. За столом сидело человек двенадцать молодых людей, сейчас глядевших на Орло.

Юноша помнил данные ему инструкции и медленно пошел вперед. Молодые люди только глядели на него, ничего не говоря. Орло прошел в калитку между окном и решеткой. Его пропустили.

Впереди была вторая решетка. Она уже была вделана в раму окна и не доходила до стены примерно на ярд. За решеткой можно было видеть головы таких же молодых охранников.

Они тоже позволили Орло пройти дальше. Молча. Без единого слова. С каменными лицами.

Орло не стал оглядываться, чтобы проверить, были ли они в мундирах и действительно ли сидели за таким высоким столом. (Потому что стоя они были бы футов восьми ростом.)

Впереди показался третий барьер. Уже другой. Не металлический и не охраняемый. Во всяком случае, никого не было видно. Гораздо больше это было похоже на богато украшенную стенку из растений. Цветочные клумбы были разбиты здесь прямо на полу, другие покрытые цветами растения вились по трельяжам. Пол был покрыт ковром в красные, голубые и желтые цветы — личные цвета Мартина Лильгина. Узкая тропинка вела к громадной, позолоченной двери. Орло подошел к ней и проверил, действительно ли это апартаменты Д-один. Внутренне собравшись, он сделал то, что было ему приказано: повернул ручку, открыл дверь и вошел, закрыв дверь за собой.

... Двое мужчин — маленький Лильгин и среднего роста Орло — сидели в сверкающей стеклянной комнате за стеклянным столом, на котором стояла хрустальная и серебряная посуда с серебряными же столовыми приборами.

В течение обеда Орло был ознакомлен с новыми инструкциями. Первое, повторный визит к

Глюкенам…

При этом его хозяин приветливо улыбнулся и вежливо сказал:

— Нам с Йоделлом безумно интересно будет узнать о результатах второго расследования. Но, вполне возможно, завтра будет и третье. Иногда даже удивительно, что свежий человек может выкопать из старого материала…

После этого фальшивый Лильгин продолжил давать указания.

Естественно, Альтер Эго не преминул упомянуть и о космодроме. Понятно, что у Орло не было никакой альтернативы, и он только сказал, что полетит туда после визита у Глюкенов.

Наконец им принесли кофе и десерт. Обслуживающие их официанты скрылись.

В этот миг Лильгин быстро вынул из внутреннего кармана два листка бумаги, развернул их и протянул Орло. Совершенно обескураженный юноша читал:

«Читайте это, пока я буду говорить. Наверное, это единственная возможность сказать вам, что я всего лишь двойник, Альтер Эго Председателя Лильгина. Это означает, что я исполняю особые функции и даже участвую в важных собраниях, как будто я — это он.

Что я должен сказать сразу: Все инструкции, полученные вами относительно того, что должно быть сделано днем и вечером, получены мною лично от Председателя Лильгина. Естественно, вы обязаны подчиниться им.

Но теперь послушайте вот что:

Я начинаю догадываться, что скоро могу быть убит. Я заменяю человека, отошедшего в тень уже много лет назад. И, понятно, если вы знаете так много, вам не долго позволят оставаться в живых.

Я идеально подпадаю под данную категорию. Я знаю слишком многое, во всяком случае — достаточно. О замене верховного лидера знает лишь несколько посвященных людей.

Сейчас же я хочу сообщить вам, что вы сын Мартина Лильгина от одной из его любовниц, что родила вас лет двадцать тому назад. Проблема вашего извлечения из неизвестности связана с тем, что Йоделл и Мегара собираются начать долгий процесс подготовки вас к тому, чтобы стать наследником Лильгина на его посту, когда тот умрет — на самом деле он гораздо старше, чем выглядит, а ему уже далеко за пятьдесят.

Поскольку сам Лильгин страшный эгоцентрист, его совершенно не занимает вопрос

наследования. Будучи параноиком, он посчитал, будто вся связанная с вашим появлением здесь интрига направлена против него. В прошлом, если он встречался с кем-то или чем-то, чего не понимал или опасался, единственным методом его действий становилось убийство. Вы можете спросить, может ли отец убить своего сына? Могу вам ответить, что большая часть родственников самого Лильгина или казнена, или находится в тюрьмах, так что на этот вопрос можете ответить сами.

Он решил как можно скорее убрать вас со своего пути. Точная дата мне еше неизвестна, но вполне может статься, что это произойдет даже завтра.

Это значит, что мы должны действовать очень быстро. Я предлагаю немедленно — в течение двадцати четырех часов — убить Мартина Лильгина. После этого я занимаю его место. Мой совет здесь с вами означает, что мне нужно от вас лишь позволение. Я уже научился подражать его почерку, надеюсь, что все пройдет нормально. Как только все стабилизируется, я тут же назначаю вас своим наследником. Это поможет нам получить поддержку Йоделла и Мегары, двух самых влиятельных людей после самого Лильгина. Мы сможем устроить все это, если не случится ничего

особого, за исключением смерти того, кого мы можем объявить просто двойником.

Что вы скажете на это? Примете ли в этом участие?»

Добравшись до последних слов, Орло подумал, что теперь может понять чувства ученых, когда он сам просил у них помочь ему.

Они чувствовали себя так, как будто не могли доверять Орло Томасу. Теперь и его мысли можно было сравнить с самым настоящим готовым взорваться паровым котлом. Но после недолгого раздумья все противоречивые мысли превратились в одно Большое Сомнение.

Нет, эта история не могла показаться ему совершенно неприемлемой.

Да, многое в ней было притянуто за уши, но не все было так уж невероятно, во всяком случае, объяснение, почему он стал членом Верховного Президиума Земли. (Как раз в этом логика имелась. Имелась.)

А вот попытка втянуть его в заговор по убийству диктатора совершенно не доходила до его сознания и понимания ситуации. Что самое худшее, его приглашал к сотрудничеству в совершении преступления человек, который мог быть самим Мартином Лильгиным.

…Это было уж слишком много для него.

Позднее он вспомнил, как Ишкрин рассматривал подобную дилемму буквально час тому назад или даже меньше.

— Я бы сказал, — осторожно начал Орло, — что все происшедшее за последние несколько дней поставило меня в тупик. Тем не менее, моя основная цель — остаться с победителем и, по возможности, сохранить себе жизнь…

Чуть позже, летя на самолете к Глюкенам, Орло думал, все еще дрожа, что, судя по внушенной ему программе действий, обедать с ним мог только Альтер Эго.

Но его беспокоило и другое. Если вся рассказанная ему история была правдой, что тогда?

…Но во всю эту историю поверил обманутый двойник. В свое время он был посвящен в многие правительственные секреты. Поэтому и сейчас он не видел повода, чтобы это не было правдой.

Тем не менее, это была ложь. И она требовала и дальше вводить в заблуждение. Именно так диктатор и поступил, он попросту обманул своего маленького двойника. Все остальное его не касалось да и, скажем прямо, не интересовало. Ужин в самый первый день. А сегодня обед. Все просто.

Председатель Лильгин всегда руководствовал-

ся тремя принципами: когда это было не очень важно, он всегда говорил правду со всеми мелкими деталями — это первый принцип; принцип второй — никогда не давать информацию или что-то серьезное, пока это не будет совершенно необходимо; и третий — при любой возможности приводить своих настоящих или потенциальных врагов в замешательство.

Орло был в совершеннейшем замешательстве, но тем не менее направился выполнять два своих совершенно бессмысленных поручения. Новая информация, полученная от двойника, и новые страхи совершенно подавили в нем его собственные теории.

Назад во дворец он добрался, когда было уже совсем темно, чувствуя себя последним дураком, озабоченный, несчастный, совершенно сбитый с толку и уставший. Единственное, что его грело, это мысли о Шиде, которая ждала его возвращения.

У него еще была робкая мысль снова повстречаться с Ишкриным. Но его дух уже не мог сопротивляться тяготам и испытаниям целого дня. Поэтому это так и осталось желанием.

В результате этого он так и не узнал о сражении в Коммуникационном городке между учеными и

дворцовой охраной. И не только потому, что мог захотеть участвовать в этой бойне. Нет, Лильгин строго приказал задержать его. Тем не менее, ответственные за это офицеры были довольны, что он даже и не пытался.

Правда, здесь были и свои положительные стороны. Так сильно устав, он избегнул вечерней встречи, которая могла привести к самым неизвестным последствиям. Само его уклонение от встречи могло породить вопрос: А может ли юнец двадцати одного году спастись в подобном заговоре против него? Для самого Орло, который медленно брел в свои апартаменты ответ был, во всяком случае, сейчас, отрицательный.

Путающиеся в голове мысли слагались в простой вопрос:

— Если я на самом деле сын Мартина Лильгина, тогда я ни в коем случае не могу выступать против него.

В полночь, когда от Шиды не было ни слуху, ни духу, Орло, не раздеваясь свалился на кровать — несчастный, отверженный и совершенно сбитый с толку.

Он тут же погрузился в сон, граничащий с бессознательностью.

XX

Уже давным давно экспертами было установлено, что имелись специальные биоритмы, согласно которым, относительно которых и в режиме которых Хигенрот должен был проектировать свое программирование только что соединившихся сперматозоидов и яйцеклетки, которые, возможно, могли стать младенцем, ребенком и юношей.

С родившимся человеком не считались. По умолчанию было принято, что во время младенчества замыслы Хигенрота в нем проявиться не смогут.

Ускоренное изучение того, что уже было известно о биоритмах — а этого действительно было прилично — потребовало массы компьютерного времени.

Окончательное резюме звучало так: Третья из трех программ в полной мере проявит себя между 5:10 и 7:04 утра в день двадцатиоднолетия. Первые две проявят себя, скорее всего, в возрасте одиннадцати и пятнадцати лет.

Естественно, всем принимавшим в исследованиях ученым были предъявлены обвинения.

В особенности же диктатор был рад тому, что исследователей можно было обвинить за то, что те указали двухчасовый разброс.

Поэтому членам исследовательского Комитета инсинуировали стремление не указать точное время.

Обвинения же были предъявлены стандартные: серьезные ошибки, недостатки в работе, подозрения в волюнтаризме.

После этого уже ничего не могло их спасти. В самое короткое время все они исчезли.

Только допущенные на самом деле ошибки были даже гораздо серьезнее, чем гласили предъявленные обвинения. Когда Орло было одиннадцать лет — и позднее, когда ему исполнилось пятнадцать — его неоднократно выспрашивали, чтобы выявить появление у него новых мыслей. (При этом выяснялось, в чем заключалось программирование Хигенрота для этих возрастов.)

Хотя опросный метод весьма напоминал промывание мозгов, которому периодически подвергались почти все, Орло со всем этим прекрасно справлялся. В это время было обнаружено, что мысли, поначалу проявляющиеся в туманной форме, через пару часов становились кристально чистыми и ясными.

Вот этот вот двухчасовый период (плюс-минус несколько минут) и сбивал наблюдателей с толку.

Хуже того, они не уловили реальное значение того, что происходило семидесятью двумя часами ранее. Только это не были мысли, а чувство переполнения энергией всего тела. И уж совсем непростительно с их стороны было не отметить еще более раннего проявления программы, начинавшей работу за шесть недель.

Поскольку процессы мышления чрезвычайно комплексны — их можно представить как некую структуру, механизм — всегда следует учитывать как минимум два физико-ментальных фактора. Один фактор — это сам мозг, с его функцией нейронов заранее находить ожидаемые связи. Так человек, пытаясь вспомнить чье-то имя, уже за некоторое время держит это желанное имя в готовности в своих глубинах сознания, прежде чем оно всплывет на поверхность памяти. Оно не может быть извлечено раньше, прямо в память, зато оно может вызвать некие физиологические ассоциации, связанные с человеком, имя которого мы пытаемся вспомнить.

Вторым же фактором, естественно, было само программирование Хигенрота. Шесть недель в

готовности, страхе и состоянии сопротивления; семьдесят два часа в готовности, но при этом накапливается энергия, стимулирующая иммунную систему: тело мобилизуется к действию. Находящиеся в подобном состоянии люди, даже специально не тренированные, могут двигаться, не уставая; их глаза блестят, походка пружинистая, мозг работает на все сто. От такого человека как будто исходит блеск. В первый день, во время обеда с учеными, Орло буквально «сиял», удивляя и восхищая всех присутствующих. (Если человек достигал подобной кондиции, он уже никогда не терял ее.)

Члены Комитета, равно как и их хозяин, были настолько параноидальны, что совершенно не заметили — между одиннадцатью и пятнадцатью годами и между пятнадцатью и двадцати одним годом (минус шесть недель) Орло был настроен совершенно мирно, даже был в чем-то конформистом. Как и Величайший — хотя физически и маленький — из Гениев, члены Комитета выдумали то, что назвали «всеприсутствием замаскированных врагов», бывшее на самом деле просто шпиономанией, желая оправдать свои промахи, но это им не помогло.

Естественно, что находясь в промежутках

этих особых возрастов, Орло помнил о мыслях, посещавших его в ключевые моменты. Но его уговаривали тем, что система самокритики очищает человека от идей враждебных Народу, и он сам верил в это. В возрасте между одиннадцатью и пятнадцатью годами он быстренько задвинул «старые» идеи в самую глубину памяти, иногда даже стыдясь их. Делать это после пятнадцати было уже труднее, но теперь его «преувеличенная правота» сконцентрировалась на том, как уклониться, если ты молоденький дурачок.

Орло проснулся в темноте. Это не было обычным пробуждением.

— То ли это был сон? Или я что-то услышал?…

В темноте возле кровати почуялось какое-то движение. Кто бы это ни был, могло показаться, что он прекрасно здесь ориентируется. Мелькание теней… И вдруг сильная рука упала на рот Орло и сильно сжала. Что было потом, Орло уже не помнил.

Абсолютный мрак.

Когда он пришел в себя, то лежал уже — все еще совершенно одетый — на диване своего кабинета.

Орло моргнул, когда до него дошло, что уже совершенно светло, и где он сам находится.

Он уселся и увидел… фантастика!…

На каждой пластиковой стене, на каждой стеклянной поверхности были изображения живого Мартина Лильгина.

XXI

Чувствует ли диктатор некий шок, когда понимает, что его все предали, и близится крах? Краснеет ли он при этом? Сжимается ли у него все внутри?

Может ли быть такое, когда приходит Большой Страх? Когда все говорит: «Ну все, тебе конец!»

А что с недоверием — может ли прийти оно? Когда думаешь: «Не верю! Такого со мной произойти не может! Только не со мной».

И правда, кое-кто может иметь в себе безумие древнего священного права королей, представления, что ты какой-то необычный, что все силы, какими ты располагаешь, должны немедленно быть предоставлены тебе по первому же требованию…

Но обычно, все они поступают в зависимости от того, кем на самом деле являются.

Никто не знает всего этого наверняка.

На пластиковой стене, которую Орло увидел первой, было заметно, что Лильгин уже немного освоился с необычной ситуацией и даже попытался привести себя в порядок.

Он слегка улыбался. Напевал, когда брился.

Затем закончил одеваться.

Потом прошел в свой кабинет и уселся за свой знаменитый стол. За этим столом он завтракал и обедал.

Стол! Он был знаменит тем, что в тех редких случаях, когда диктатор обращался ко всему миру, телекамеры первым делом показывали стол. На нем справа и слева высились бумаги. А когда камера поднималась вверх, диктатор глядел в объектив с рассеянным выражением человека, которому так много еще нужно сделать.

На сей раз, усевшись за стол, он сказал:

— В 10 часов утра по восточному стандартному времени я выступлю с заявлением. А до тех пор я буду занят со всем этим.

Лильгин улыбнулся и указал на груды документов.

После этого он взял из стопки верхний лист, просмотрел его, вызвал секретаря — который, совершенно окаменев, сидел тут же — и стал диктовать письмо. Похоже, что секретарь (молодой мужчина) чувствовал себя неловко. Но Лильгин не обращал на это никакого внимания, продолжая диктовать… нечто об изменениях в колхозных уставах.

Потом он отослал помощника с приказом

немедленно отослать письмо. После этого Лильгин стал читать документы. Чуть позже ему принесли завтрак. Он ел и читал одновременно, как делают многие, не желающие терять времени на будничные потребности.

Ровно в десять часов он поднял голову, улыбнулся и сделал следующее заявление:

— Товарищи, рабочие, все те, кто поддерживает Новую Экономическую Систему. Я представляю, как все вы были удивлены сегодня утром, когда увидели мое изображение на одной или другой стене своего дома.

Меня уже уговаривали, вопреки даже моему убеждению — но не окончательному — провести это испытание в течение неопределенно долгого времени, имея в виду (улыбка), что мы не должны знать, как долго будет оно продолжаться.

Идея эксперимента такова: все граждане, товарищи, рабочие имеют право следить за действиями правительства. Ведь всегда ходят слухи, будто в высших правительственных кругах вечно проводится какая-то секретная деятельность, предпринимаются какие-то действия, о которых широкая общественность не информирована. И так далее, и тому подобное. Все вы знакомы с подобными разговорчиками. Вы узнаете по-

добные вещи из разных источников. Часть этих источников — действительно простые люди, и таких на планете большинство: трудолюбивые, законопослушные, желающие улучшить условия своего труда. Другие же источники подобных слушков уже не столь невинны. У таких людишек имеются свои злые мотивы, через какое-то время с ними становится трудно, и тогда работники безопасности занимаются ими, согласно закону, который каждый может прочитать и проверить мои слова в любой общественной библиотеке.

В любом случае, с введением в строй этого волшебного изобретения все мы получили возможность — я уже говорил об этом — самому судить о работе правительства, час за часом и день за днем.

Поскольку все это находится в стадии эксперимента, логика подсказывает, что изображения будут наблюдаться и днем и ночью. Надеюсь, вас не удивит, что я буду выключать свет, когда буду раздеваться или пойду в туалет в полнейшей темноте. Я прошу всех вас относиться ко мне с уважением и не подглядывать за мной в такие моменты.

На этом пока я заканчиваю свое сообщение. Когда я буду готов сделать следующее, я объявлю

об этом дополнительно. Спасибо всем вам. Я не желаю вам доброго дня, потому что, как все вы видите, я вас не покидаю. Поэтому, давайте я скажу так:

Дамы и господа, следите за работой правительства. У вас есть возможность узнать каждую мелочь, каждую бумажку, что проходит через мой стол год за годом. Но я могу заявить вам прямо сейчас, что это не очень-то увлекательное занятие. Но оно необходимо и занимает все время.

Это было заключение. Улыбка на знаменитом лице задержалась на несколько мгновений дольше обычного. Затем он махнул в знак приветствия рукой, и в то же время его голова склонилась, а глаза начали бегать по строчкам следующего документа.

Тем самым была сделана видимость того, что Мартин Лильгин, диктатор всей Земли вернулся к своим многочисленным занятиям.

Во время всего выступления Орло чувствовал себя совершенно замороченным. Он слушал, совершенно сбитый с толку, не зная, что и делать, куда бежать.

Когда речь диктатора завершилась, Орло поспешил к своему тайному проходу, направляясь в главную часть Коммуникационного городка,

но, обогнув мраморную колонну, наткнулся на баррикаду, охраняемую учеными.

Одного из них он знал по Седьмому столу — китайского астронома Джимми Хо.

Тот предупредил его:

— Не приближайтесь, Орло.

Юноша был совершенно сконфужен этим, но остановился.

— Что происходит? И что здесь случилось?

На объяснения понадобилось какое-то время.

— Кто-нибудь был убит при этом?

— Несколько несчастных парней в форме. Вчера они завалились в столовую во время обеда и собирались показать, какие они все крутые со своими пушками. Вот почему мы стоим здесь, и не собираемся никого пропускать в определенные части Коммуникационного городка. Но я знаю, что в наших холодильниках запасов только на два дня. Поэтому я могу оценить то время, которое мы сможем здесь продержаться дней на шесть, не больше.

— Не будьте смешным, — сказал Орло. — Должно быть это какая-то ошибка. Ведь, в конце концов, я нахожусь здесь. А если кто-то что и натворил, то он делал это незаконно. Мы наведем порядок.

— Заливаешь, парень! — ответил на это Джимми Хо, но не перестал улыбаться.

— А можно найти Ишкрина и попросить его прийти ко мне в кабинет с экспертами. Я хочу побеседовать с ними об… — Орло указал на стенки. Изображения на поверхности мрамора были несколько тусклыми, но на особо полированных местах все было видно просто здорово, — об этом. И передайте ему, что меня интересует, почему определители направления никак не могут вычислить источник в — как же он говорил? — три секунды.

Круглое гладкое лицо китайца осветилось улыбкой.

— Орло, он вас просто наколол. Ведь само уже слово «Всепроникающий» означает, что источник излучения является частью всей материи. Его невозможно увидеть, услышать или установить месторасположение. Эта штука будет работать до тех пор, пока не сломается, а я могу поспорить, что Хигенрот позаботился о том, чтобы она проработала подольше — лет, может, сто.

Орло даже ужаснулся:

— Боже правый!

Возвращаясь к себе в кабинет, он чувствовал даже большую растерянность. При этом его

посетила такая мысль: как мне повезло, что я находился здесь, когда кто-то, наконец, заставил работать эту Хигенротовскую штуковину. И ведь подумать только, я услыхал о ней всего лишь несколько дней назад…

Усевшись за своим столом и чувствуя, как беспокойные мысли пляшут внутри его головы, он позвонил Байлолу.

Ожидая администратора, Орло решил обдумать свою собственную ситуацию.

Проблемой оставалась и тайна случившегося с ним ночью. Но у него не оставалось уже никаких сомнений относительно того, что произошло с ним утром, днем и вечером предыдущего дня. От него снова исходил блеск.

Мистер Байлол вошел существенно позже звонка Орло. Его манеры изменились. Он вошел шагом; он не бежал. Вероятно, Байлол теперь станет толстым, цинично подумал Орло, глядя на сухопарого человека.

Потом последовал момент изумления. Он понял, что впервые видит этого человека по-настоящему. До этого мгновения у него было впечатление о Байлоле, как о неуклюжем, высохшем пожилом человеке.

Реабилитированный Главный Помощник

Члена Президиума по науке и технологии, прошествовавший в дверь, выглядел на тридцать с лишним. С умеренной наглостью Байлол подплыл к столу Орло и небрежно сказал:

— Я был на телефоне, когда ты позвонил. К тебе звонок. Третий прости! — мистер Йоделл ждет на интеркоме.

Орло, потянувшийся в карман за пистолетом в тот момент, когда вошел Байлол, не убрал руки с оружия. Он искренне не верил, что этот человек способен на насилие или решительные действия. Но его мыслью было: не давать никаких шансов.

— Спасибо, мистер Байлол. — Он говорил вежливо. — Что вы думаете об эксперименте, предпринятом Председателем Лильгиным?

Последовала пауза. Глаза мужчины поначалу изменились… Ничего похожего, анализировал Орло, на убеждение кого-то высказать свои мысли, потому что он может видеть, что они собой представляют…

— Ах! — булькнул мистер Байлол. Это было почти похоже на то, что он вывалился обратно из какого-то иного измерения. — Сэр, мистер Йоделл на интеркоме, — сказал он. Это был прежний сверхвозбужденный тон.

Говоря это, он попятился назад, кланяясь и

шаркая, и повторил это еще раз.

Орло поднял трубку интеркома.

— Простите, что заставил вас ждать, сэр, — солгал он. — Я был в ванной.

Общительное существо на другом конце линии оборвало его.

— Не бери в голову, мой юный друг. Меня интересует, не могу ли я прийти и поговорить с тобой?

Орло спросил:

— Сколько вам лет, мистер Йоделл? Выглядите вы где-то на пятьдесят пять.

Двое мужчин сидели, разделенные столом Орло. И с первого мгновения это был прямой разговор, словно Третий решил сжечь мосты за собой — а если необходимо, то и перед собой; и его не волновало, кто это слышит.

Тяжелые щеки сейчас изменили цвет с лилового на яростно-розовый. Стальные глаза сузились.

— Этот сукин сын, — злобно сказал он, — поддерживает нашу с Мегара внешность на уровне пятидесяти с лишним, — а свою едва за сорок.

Казалось, он сообразил, что был субъективен. Он слегка выпрямился.

— Мне двести двадцать семь лет, — гордо произнес он. — И полагаю, мне следует быть

благодарным этому, так его и так; но я заработал каждый этот год. Так что ну его к монахам!

— Не хотите ли рассказать мне эту историю?

Йоделл кивнул, и на глазах его выступили слезы.

— Это копилось во мне сто семьдесят пять лет, и я дошел до точки, когда хочется рассказать это маленьким мальчикам или даже дружелюбно настроенным камням.

— Продолжайте, — сказал Орло.

Номер Третий был из выживших.

Прежде равный, он умудрился совершить переход во второстепенные. Это было нелегко сделать. Термином для людей вроде него в смертоносные дни, последовавшие за вступлением в должность, было либо левый, либо правый уклонист.

Приговором всегда была смерть.

Уклонистом был человек, которому в ранние дни не достало специфического типа ЭСП. Так или иначе, он не сумел заметить, что некий маленький, темноволосый, схожий с волком молодой человек с пронзительными черными глазами был естественным лидером во вновь сформированном мировом государстве.

Он мог бы возразить, как многие, что в его мозгу было так много всякого, включая своеко-

рыстие, что он пренебрег осознанием того, что у государства переходного периода есть свой природный лидер. И он просто не соображал, в течение опасно долгого времени, что был лишь один возможный выбор из тех, кому следовало быть лидером.

К счастью для Йоделла, он никогда на самом деле не бывал на групповых встречах, найденных опасными темноволосым, с лицом койота, существом. Большинство из верхнего эшелона бывали. Они все были мертвы, поскольку смерть могла последовать скоро.

Но этот одиночка — не в порядке критики — не мог бы спасти никого. Его добрая удача была выше всего столь простого. Правда была в том, что все старые люди образовали то, что впоследствии было названо Негативной Группой.

Они совершили непростительное, хотя и неумышленное, преступление. Они присутствовали при сотворении. Не имело значения, как понизили такого человека, или какую далекую, никчемную задачу ему поручали, он все о тебе помнил. Он знал тебя тогда. Где-то в его голове существовало осознание того, что ты тоже человеческое существо, несущее человеческую вину.

Он видел, как тебя обвиняли в совершении

ошибок. И видел, как ты защищаешь себя, словно любой заурядный человек. Он был там, когда Член Партии (теперь уже давно мертвый, пытанный целыми днями, скептически споривший всякую минуту, вопивший, почти до мгновения своей смерти, что ты не имеешь права это делать, прежде чем в конце концов усвоить, что это уже происходит, и что нет никого, кто бы остановил это, потому что они были замучены и убиты в то же самое время) сказал, что ты, Мартин Лильгин, являешься крайним левым уклонистом с фашистской ориентацией.

Можно ли позволить жить человеку, слышавшему подобное обвинение, выдвинутое против этого уверенного, маленького, гиеноподобного вождя? Он бы мог, если бы был первым, взять в руку перо — если не считать того, что первым был Мегара — и писать, утверждая, что признал супермена с глазами и инстинктами кобры своим начальником на все будущие времена во вновь сформированном мировом государстве. Он бы мог, если бы тот ультра-лидер ради пробы не решил, что разрешит остаться в живых приблизительно сотне из первоначальных восьми или около того миллионов; и у него не было идефикса насчет того, кто точно будет этой сотней людей.

Каждому человеку придется завоевывать свое собственное место в том кружке избранных каким-то уникальным актом почтения.

Частью необходимого требования оказалось то, что каждый из сотни должен был отметить в своей совершенной памяти, что в первые дни все, что бы ни делал лидер, было правильным; и что он, фактически, никогда не был неправ ни в чем.

Каждый из сотни — как оказалось — однообразно вспоминал каждое единичное событие, ведущее к победе. И был готов засвидетельствовать — и свидетельствовал так регулярно — что одна и только одна личность играла решающую роль в каждое мгновение. И что никто больше не делал ничего, кроме как повиновался распоряжениям…

— Как — спросил Орло, — звали того изобретателя пилюль бессмертия?

Они достигли стадии вопросов и ответов.

Йоделл сказал:

— Мы еще не знаем, создают ли они бессмертие. Но они достаточно хороши. — Он пожал плечами и добавил просто:

— Однажды утром я проснулся и не смог вспомнить ни имени этого парня, ни что я сделал с формулой. Не знаю, как Лильгин это сделал.

— Могла быть дискуссия как раз на эти самые темы, — сказал системный инженер (в некотором смысле) Орло Томас, — и одновременно вы бы дышали… он назвал газ, производное химического соединения, родственного пентатолу натрия — …или же он мог быть введен в твое кровяное русло каким-то иным способом.

— Я не помню подобного разговора, — сказал Йоделл.

— Это было бы несколько затруднительно, — сухо прокомментировал Орло, — с подобными методами.

Он ненадолго замолчал, видя те действия в виде серии затененных ментальных образов. Предположительно, сам изобретатель бессмертия давно умер. Обобранный, лишенный своей идеи еще при жизни. Искусно подводимый вероятно, годами, — к опрометчивой отдаче данных. Логика говорит, что его держали под рукой, пока не было установлено неоспоримо, что секретная формула может быть воспроизведена и введена без его помощи; пока наконец ее не поместили в один из тайников диктатора.

Могло даже быть, что изобретатель, пока был жив, был членом Верховного Президиума. Орло задал вопрос, а в ответ получил пожатие пле-

чами.

— Там их было так много, — безнадежным голосом произнес Йоделл.

— Знаю, — сказал Орло, бывший, вероятно, единственным человеком, кто когда-либо сосчитал их.

В этой точке Орло больше не мог сдерживать себя. Напряжение копилось в нем с момента звонка Йоделла: ощущение, что и разговор по телефону, и этот диалог прослушивались и прослушиваются; и что у кого-то есть власть предпринимать действия против предателей. По какой-то причине полнейшее игнорирование Йоделлом этих бедственных возможностей заставляло Орло хранить молчание, как будто его смелости пришлось подстроиться под смелость старика.

Но теперь он задал этот вопрос.

Удивленный Йоделл сказал:

— Ради всего святого, Орло, у Лильгина только двадцать четыре часа, как и у всех прочих. Шпионить за тобой и твоим оборудованием было моей работой. И… — мрачная улыбка — целью, в конечном итоге, было не дать тебе сделать то, что сейчас сделано, и разработано это было также для того, чтобы получить то изобретение.

— Ты говоришь, — настаивал Орло, — что, по-

скольку шпионить за мной — это твоя работа, то этот разговор не прослушивался и не прослушивается никем. Правильно?

Йоделл заизвинялся.

— Мне следовало немедленно упомянуть об этом. Да, да, вот так, разумеется. Что еще. — Он откинулся назад. На лицо его вернулось злобное выражение. — Ну, хорошо, теперь расскажи мне, как ты это делаешь?

— Делаю что?

— Давай, давай… — Голос его мгновенно обрел мощь и нетерпение, так он был привычен отдавать распоряжения и иметь дело с подчиненными. — …как ты засекаешь этого сукина сына? Я тебе говорю, у него никогда и в мыслях не было, что ты увидишь его хоть мельком. И возможно, что, не считая Мегара, я единственный, у кого есть эта тонкая информация, позволяющая мне — и, естественно, Мегара — догадываться, что Председатель Лильгин провел вторую половину дня, вечер и ночь с Одеттой.

— У меня — сказал Орло ровным голосом, — нет ни малейшего представления, о чем ты говоришь. Так вот, у тебя была пара комментариев раньше, озадачивших меня, когда ты их высказал — и все еще озадачивающих. Но я позволил им про-

скользнуть мимо. Так что первое, что мы должны прояснить, это о чем ты, черт возьми, толкуешь?

Последовала долгая пауза, мертвая тишина. Наконец Йоделл спокойно сказал:

— Хигенрот. Ты сын Хигенрота. И все это… — он махнул рукой на изображения, — идет из твоей головы.

— Но, — слабым голосом сказал Орло, — Альтер Эго сказал мне вчера, что я сын Лильгина.

— Он никогда не отличался блестящим умом, — сказал Йоделл. — И если это пример работы его мозгов, то ты можешь понять, почему Лильгин убил его вчера после полудня, как только вы с ним закончили обед и ты ушел.

— Он собирался стать новым диктатором, — сказал Орло, — и сделать меня своим наследником.

— Весьма многие Альтер Эго имели подобные мысли, — сказал, отделываясь, Йоделл. — Но теперь, слушай, что…

— Сын Хигенрота! — размышлял вслух Орло.

Странно, он был не слишком счастлив от этого. Фактически, это выглядело почти как падение. Он обнаружил, что кисло припоминает, как читал про жившего ранее диктатора по имени Адольф Гитлер, бывшего, как выяснилось, на самом деле Адольфом Шикльгрубером. В имени Хигенрот

было что-то от Шикльгрубера. Он попробовал произнести шепотом:

— Орло Хигенрот. — Брр!

В этот момент через стол протянулась рука и схватила его за запястье.

— Ты где? — твердо проговорил Йоделл. — Кажется, ты разочарован.

Орло с несчастным видом объяснил эту штуку с Орло Шикльгрубером. — Я чувствую себя пониженным в звании.

— Величайший из живших гений коммуникации. Он сходил с ума по девочке-подростку, на которой его женил Лильгин. Мы позднее обнаружили, что она заперла перед ним дверь спальни. Так что единственный раз, когда она легла для него, это накануне его смерти, когда она была напугана до безумия. И вот, мой юный друг… — Йоделл мрачно улыбнулся, — …как ты стал хранилищем секрета всепроникающей системы, о которой, по твоим словам, у тебя нет и воспоминаний относительно ее использования против Лильгина.

Таким образом, они вдруг вернулись к этому.

Орло сказал:

— Когда ты позвонил, я принял как само собой разумеющееся, что это ты транспортировал меня

из моей спальни в этот кабинет.

— Не я, — натянуто произнес Йоделл.

Юноша и мужчина уставились друг на друга. Немного погодя, словно движимые одной и той же веревочкой, они поднялись на ноги.

— Но…но… — выпалил Орло.

Йоделл вытянул слегка трясущуюся руку.

— Дай мне этот комм, — хрипло сказал он.

Орло молча толкнул прибор через стол. Он наблюдал, как поглощенный своим занятием Третий нажал две кнопки, подождал, потом коснулся еще двух.

Появившееся на плате лицо принадлежало мужчине возраста Йоделла. Орло видел его за обедом в ту первую ночь — еще один пьянчуга.

Мегара!

Йоделл сказал:

— Вит, я здесь, в кабинете Орло Томаса. И мы только что пришли к потрясающему заключению. Это сделал ты.

Лицо на экране было из тех лиц взрослых младенцев, с маленькими усиками на верхней губе и с маленькими голубенькими глазками. Если не обращать внимания на челюсть, то это было лицо, способное — Орло не был бы удивлен — залиться слезами от пустячного замечания.

Но очевидно, и младенцы могут стать жесткими после двухсот двадцати лет.

Это лицо тронула едва заметная улыбка. Потом глубокий, недетский голос сказал:

— Шансы вроде Орло подворачиваются лишь раз даже за долгую жизнь. Могу сказать тебе, было удовольствием достать наконец этого ублюдка.

Он оборвал себя.

— Но послушай, я бы предпочел покончить с этим. Мы должны помнить, что Лильгин тоже усиленно думает. И ему не придется произносить смертный приговор вслух; он может просто написать его своею собственной рукой. Мои предложения, чтобы я стал главой правительства. Подумай об этом, пока будете ждать, ладно?

Когда связь прервалась, Йоделл цинично прокомментировал:

— Я смотрю, тут куча желающих на замену. И будет еще больше с теми же самыми мыслями. Включая, возможно, даже меня. И… — с улыбкой — …тебя.

— Не я, — сказал Орло.

XXIII

Он мог воспринимать… сигналы.

Доверенный помощник мог произнести одно неверное слово — и он никогда не получит другого шанса заговорить. Политически правильное утверждение, высказанное с малейшим отклонением от правильной интонации — Лильгин слышал отклонение. Этот человек уже больше не допускался к нему.

И, разумеется, при должном — но быстром — развитии событий, и тот, и другой исчезали после первой изнурительной пытки для получения «полного признания».

Сигналы! В давние дни, когда он был подростком и еще были личные автомобили, самые неуловимые сигналы неисправности в машине настораживали того юного Мартина Лильгина. Его машина так часто бывала в гараже, начиная со дня, когда он ею обзавелся, что механики начинали стонать, как только видели его за рулем.

Ни молодому, ни зрелому Лильгину, ни его последовательным сторонникам (все вскоре были убиты) не было ясно, что эта чрезвычайная, нетренированная чувствительность к сигналам

была ненормальной. Он восхищался собой за это; считал это признаком своего раннего развития; и так же думали многие люди, кто позднее подавали тот смертельный (для них самих) сигнал, подсказывающий Хозяину, что у них есть свои собственные мысли… критического толка.

Ненормальная чувствительность к сигналам (в параноидальной манере) является писхологической характеристикой второй стадии утомления. Поскольку Лильгин на своей памяти никогда не был подвержен необычному утомлению, и, разумеется, не считал себя параноиком, ему не приходило в голову (по крайней мере, он бы не принял такой возможности), что тело может испытывать некоторое недомогание, вроде длительной сильной лихорадки, которое воспроизводит эти две первые стадии утомления на более глубоком клеточном и нервном уровне, а иногда даже и третью стадию.

В младенчестве (как однажды рассказала ему его мать) он чуть не умер от лихорадки. В последующие великие дни он проверил информацию из ее рассказа и превратил это в систему: все заболевания лихорадкой должны были регистрироваться, а за людьми и их последующим поведением следовало следить. По какой-то при-

чине он воздерживался от использовании этих частных данных для мотивирования массовых убийств названных таким образом людей.

Вскоре после произнесения речи в тот первый день тотальной связи, он «прислушался» ко всем сигналам своего затруднительного положения.

В этот момент он попросил, чтобы ему принесли лист официальной формы Десять-Шестьдесят. Его секретарь вышел и вернулся с сообщением от Йоделла о том, что отдел снабжения канцтоварами (который в части этой формы находился в ведении Йоделла) опустошен. Но формы уже печатаются.

В качестве замены официальным бланкам ордеров смертного приговора секретарь принес две пачки чистых листов. Он положил их на стол Лильгина. И вернулся снова на задний план. У диктатора создалось впечатление — к нему пришел сигнал — что этот человек прячет улыбку.

Перед взорами трех миллиардов людей Лильгину пришлось подавить мгновенный импульс убить мошенника.

Всем этим людям во дворце, подумал он, видевшим меня в этом состоянии упадка, придется уйти…

Предать смерти все подобные воспоминания!

Мысль эта успокаивала его, пока он там сидел. Потому что отчасти говорилось заранее, что тому, что происходит, на самом деле не было свидетелей.

Но на самом деле его мозг лихорадочно работал.

Что делать.

Он не спеша вскрыл одну из пачек. Вытянул стопку листов. И начал писать собственноручно смертные приговоры. Он лично сворачивал каждый; помещал в конверт, запечатывал и писал адрес.

Сделав это пол-дюжины раз, он поднял глаза, улыбаясь своей улыбкой, и сказал наблюдающим миллиардам:

— В четыре часа пополудни я объясню, что я делаю, и почему.

— Как ты думаешь, что он пишет? — спросил Ишкрин.

Вопрос, предположительно, был адресован всем семерым людям, сидящим в кабинете Орло — и даже, возможно, ему самому, восьмому.

Орло ответил первым.

— Хм, — он откинулся назад, нахмурившись. — Полагаю, мне следует это проанализировать.

Он закрыл глаза.

— Ты думаешь, — продолжал Ишкрин, — он наконец-то решил, левый это или правый уклонистский заговор?

Все ученые в комнате заулыбались со своим вневременным хорошим настроением. Мегара и Йоделл сидели мрачные и молчаливые.

Орло открыл глаза и сказал:

— Думаю, Членам Президиума Номер Два и Три следует забрать своих подружек или жен в эту секцию в течении следующего часа — и это напоминает мне кое о чем. — Он сел и наклонился вперед через стол к Йоделлу. — Где Шида?

Не дожидаясь ответа, он вслед за этим еще раз пихнул через стол интерком. Йоделл поймал его. Его коротенькие пальцы запорхали над кнопками.

На плате комма появилось жесткое лицо. Оно было молодым, квадратным и мрачным. Оно выслушало вопрос старшего мужчины. Потом рот открылся; и исходящий из него голос сказал:

— У меня здесь собственноручный ордер Председателя Мартина Лильгина, приказывающий мне задержать Шиду Мортон и быть готовым разнести ее в клочки на дробильной машине по получении от него единственого слова через комм.

— Ордер выписан на форме Десять-Шестьдесят? — спросил Йоделл самым своим ровным голосом.

— Нет, но я весьма хорошо знаю его почерк.

— Уверен, — кисло, — что это так. Но теперь слушай, Бурески, нам нужна эта девушка. Плевать на ордер. Времена меняются, и ты должен меняться вместе с ними.

Мрачный голос сказал:

— Что, черт возьми, там у вас происходит? Что это за проверка?

— Это не проверка, мой друг. Он, наконец, попался. И здесь ни он, ни кто-нибудь другой ничего не может поделать. Так что не попадись вместе с ним. Мы пошлем кого-нибудь забрать девушку.

— Невозможно. Я могу не подчиниться приказу, если уж на о пошло. Но я ее не передам и не отпущу в этот раз.

Йоделл оглядел ученых.

— Джентльмены, я собираюсь пригрозить от вашего имени. Послушайте и скажите мне, можете ли вы это исполнить. — Он повернулся обратно к экрану. — Бурески, я посылаю из Коммуникационного городка полдюжины ученых в эту вашу темную серую штабквартиру Тайной Полиции. И они войдут и заберут девушку. Не сопротивляйся!

Передай ее.

Выражение квадратного лица было скептическим.

— Пол-дюжины… — пролаял он. — Ведь у нас здесь крепость. Мы даже экипированы, чтобы сбивать атомные ракеты.

— Это как раз случай превосходства сознания над материей, — сухо сказал Йоделл. Он взглянул на Ишкрина. — Я правильно обрисовал положение?

— Потребуется около дюжины взаимодействующих специалистов, — был ответ. — Может, даже десять.

— Хорошо, — сказал Йоделл. — А теперь, Бурески, не уходи. Нам еще нужно найти мадам Мегара…

Из углового дивана, от Мегара, донесся странный хриплый звук. Он был весьма похож на удивленный вопль горя, исторгнутый из взрослого мужчины.

Прервав связь, Йоделл сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Просто на случай чьего-то недоумения, я, вероятно, могу при опасности организовать для всех нас бегство в Холмы.

Ишкрин всплеснул руками.

— Мы живем в безумном мире, — сказал он. — У нас здесь человек, не считающий происходящее здесь опасностью.

Когда Орло осторожно вышел вперед, офицер охраны на входе во дворец, побелел.

— Сэр, — сказал он, — у меня здесь написанный ордер от Мартина Лильгина. Он прибыл со специальным курьером четыре минуты назад. В нем говорится, что до дальнейших распоряжений никому не позволено покидать или входить в Коммуникационный городок.

Орло продолжал идти. Он сознавал присутствие позади дюжины супер-ученых, которые предпочли идти врассыпную.

Он сказал, четко выговаривая каждое слово:

— Этот ордер не установленной формы. И в любом случае, ко мне он неприменим, капитан. Точно так же он неприменим к любому, кому я своей властью позволю выйти отсюда. Я законный Член Президиума, заведующий Коммуникационным городком. Ты понимаешь, что я говорю?

— Но… — запротестовал офицер, — …у меня собственноручно написанный ордер Председателя Лильгина.

Они сейчас были лишь в нескольких футах

друг от друга. Орло остановился и ухмыльнулся, демонстрируя все зубы.

— Капитан, почерк можно подделать. Мы должны действовать, руководствуясь только законной процедурой. Потому, я теперь приказываю тебе, чтобы ты и твои люди построились и шли впереди нас через ту часть дворца, которая ведет к двери главного выхода для сотрудников этой секции. у тебя тридцать секунд, чтобы мне повиноваться!

— Но…

— Шевелись!

Последовала долгая пауза. Потом капитан судорожно сглотнул. И отдал честь. После юноша повернулся к полу-дюжине подчиненных.

— Стройся! — скомандовал он, пытаясь изобразить строгость.

Его неуверенность передалась по меньшей мере одному из тех нижестоящих типов. Пятеро мужчин повиновались. И шестой схватился за ружье, как другие. Однако, вместо того, чтобы вытянуться в струнку, он припал к земле. Поднял винтовку. Направил ее на Орло.

— Никто, — прорычал он, — не может приказать не повиноваться Хозяину. Я…

Он остановился, потому что…

Исчез.

Позади Орло ученые нарушили свой свободный строй и сошлись в кучку.

— Эй, — сказал Питер Ростен, — кто из вас сделал этого? Я всегда считал, что у меня весьма хорошая система. Но эта лучше.

Ответа не было.

Дюжина экспертов в разных науках просто поглядели друг на друга, а потом на Орло. Но никто не вышел вперед, чтобы принять почести.

Ишкрин прокомментировал:

— Похоже на то, что тот, кто вывел этого типа из уравнения, еще пока не гонится за славой.

Орло сказал:

— Как я понимаю, нашей важнейшей задачей является убедиться, что нас не подстрелят с балкона или какой-нибудь еще выгодной точки. Значит, нам надо разделить наши глаза. Вы двое… — он указал, — …наблюдаете за тылом. Двое за верхом, двое прямо впереди, двое слева, двое справа.

В каждом случае он указывал, какой человек для чего.

Ученые просто добродушно глазели на него. Никто не шевельнулся, чтобы повиноваться ему. Питер Ростен мягко сказал:

— Орло, не тревожься о таких вещах. Когда Хигенрот обнаружил, что можно заставить электричество двигаться от одной точки в пространстве до другой по более простому пути, чем в природе, стали решаемы многие проблемы пространственных взаимодействий. Полагаю, Лильгин боялся обучать тебя слишком далеко продвинутому материалу. Но разумеется, то, что есть у нас, далеко выходит за рамки того, что есть там.

Чувства Орло были задеты.

— Слушайте, — сказал он. — если вы, чудаки, всегда были в состоянии уйти из этой тюрьмы, почему вы давным-давно не ушли?

— Куда идти-то? — спросил плотного сложения мужчина. — В Лильгинленде нужно иметь разрешение быть тем, кто ты есть.

Это было правдой. И Орло немедленно устыдился своей вспышки, и жалящего чувства, вызвавшего ее.

— В истории было время, — сказал он, — когда люди могли искать убежища в церкви.

— Только не в Лильгинленде, — сказал кто-то. — Не в подразделении Официальной Религии.

Орло сказал:

— Было время, когда человек мог найти поли-

тическое убежище в другой стране.

— Только не на земле Лильгинленда. Других стран нет.

— Вероятно, нам придется что-то с этим делать, — прокомментировал Орло, — на будущее.

На это никто не ответил. Мужчины, он понял, были возбуждены внутренностью дворца. Он вдруг понял, потрясенный, что эти великие люди никогда не были так далеко от Коммуникационного городка; фактически, вообще не были за его пределами.

Они шли медленно, рассматривая; обуянные почти таким же любопытством, как дети. Дважды они собирались вокруг чего-нибудь простого, вроде открытой двери, и всматривались через нее и за нее. Оба раза Орло пришлось толкать их, пока он не заставил их двигаться снова.

— Слушайте, — понукал он их, — вы будете совершенно снаружи всего через несколько минут, если просто продолжите идти.

У ворот он реквизировал автобус и водителя. Все с энтузиазмом забрались в него. И все же, попав внутрь, они робко сидели, когда машина скользила вперед вдоль оживленной улицы.

Орло был потрясен…Могу ли я действительно верить, что эти люди собираются взять кре-

пость?

Они подошли к стальной двери огромного серого здания из камня и стали меньше, чем в миле от дворца. Подождали, пока охранник кому-то позвонит. Юный офицер охраны вскоре уставился на них сквозь стальные прутья.

— Генерал Бурески будет здесь через несколько минут, — сказал он.

Был еще не совсем полдень. Теплый ветер дул вдоль пустынной улицы перед этим длинным, высоким, отталкивающим зданием, рядом с дверью которого на стене была единственная простая надпись: ВЕРХОВНАЯ ПОЛИЦИЯ.

Как высоко ты сможешь попасть?… Орло задумался. Он пришел к выводу, что верховная полиция ответственна за большинство политических убийств. Которые составляли большинство всех убийств.

Мысль его закончилась. Потому что… шаги по каменному полу. Мужские и женские.

Орло почувствовал, что переменился в лице. Этого не может быть. Не может.

Но это было.

Шида вышла. И стояла несколько скованно рядом с мрачнолицым молодым человеком в форме, приведшим ее.

Мужчина сказал:

— Вот как я хочу это сделать. Скажите нам, где она будет все время…

— Она будет в Коммуникационном городке, — сказал Орло.

Бурески продолжал, словно его никто и не прерывал.

— Нашим практическим решением является то, что мы позднее решим, «попался» Лильгин или нет. Если да, то можете оставить ее себе. Если нет, мы заберем ее обратно и не будет никаких записей об этой временной уступке.

— Предположим, — спросил Орло, — что он скажет по комму то слово, о котором ты упоминал.

— Он не в том положении, чтобы надзирать, что мы здесь делаем, сказал Бурески. — Мы просто скажем, что это сделано. И позднее, если он победит, это будет сделано. И все свидетели так же исчезнут. Понятно?

— Прагматично, — согласился Орло. — Так, а как насчет мадам Мегара?

— Я уже приказал поместить ее в госпиталь. Ей будут делать протеиновые инъекции и сделают косметическую работу.

Она была на тяжелом труде, сэр, и потребуется месяц, пока она сможет хотя бы толком ходить.

— Я представляю. Какой госпиталь?

Бурески ему сказал. И на этом они расстались.

В автобусе, на обратном пути к дворцу, Орло сидел рядом с молчаливой, с белым лицом, Шидой. Наконец, она сказала тихим голосом:

— Меня изнасиловали. На мне было трое мужчин. Они считали, что со мной покончено; потому они использовали меня.

— Ты можешь видеть, — сказал Орло, — что они не демонстрировались на всех пластиковых стенах Земли; потому они позволили себе то, что, как они считали, будет тайным преступлением.

— Я тоже думала, что со мной кончено, — сказала Шида, — поэтому я получала удовольствие от того, что они делали. Теперь мне стыдно. Было время, когда я хотела, чтобы меня имел только ты. Ты все еще хочешь тот подарок на день рождения?

— Это мой день рождения, — сказал Орло. — Сегодня. И ответ да. Мы пойдем в Холмы, поскольку в моей постели сегодня ночью будет, вероятно, спать мой секретарь. Но… — заключил он, — …до того еще часы и часы. Перед этим нам придется убеждать безумца, что никто не хочет его убивать. И фактически, мне придется убеждать всех людей, кто желал бы видеть его мертвым, не

делать этого.

К нему обернулось лицо сбитого с толку ангела.

— О чем ты говоришь? — спросила Шида. — Ты что, сошел с ума?

— Должно быть, — искренне ответил Орло. — Потому что в данный момент я, вероятно, единственный человек в мире — исключая, разумеется, простофиль — кто ощущает сочувствие к Лильгину. — Он кивнул сам себе. — Это простейшее решение, в самом деле. Оставить его у власти.

— Это уже слишком, — рыдала она. — Третий визит, и все три впустую.

Не обращая внимания на своего влиятельного, хоть и молодого посетителя, она подбежала к двери в смежную комнату и распахнула ее.

— Хин, — всхлипывала она, — они снова вернулись. Они вернулись.

Было до весьма необычно видеть и слышать ее в таком состоянии, зная при этом, что эта миловидная женщина, проливающая такие горькие слезы, его истинная мать.

Также странно было вспоминать, что исходные рапорты оценивали Эйди Хигенрот как весьма расчетливую молодую леди. (Ничего из этого уже

не осталось.)

К несчастью, у Орло не было времени на объяснения. И что более важно, он не смел ничего объяснять. Они спустились на луг возле дома Глюкенов. Когда машина приземлилась, ученый по имени Спеш посмотрел на свою ладонь по крайней мере, так это выглядело — и с нажимом сказал:

— Здесь уже кто-то побывал. Это ловушка.

Точный анализ показал, что и на докторе, и на миссис Глюкен установлено устройство, приводимое в действие чьим-то голосом. Было не ясно, что сделает это устройство, но… Нетрудно догадаться, чей это должен быть голос, подумал Орло — и потому просто жестом показал ученым, чтобы они следовали за ним.

Потом он молча стоял, когда началось сражение.

Ситуация в целом была безумной. Нужно было столь многое, многое сделать…

Они с Шидой и его «армия» вернулись в Коммуникационный городок, и ему сразу же пришлось оставить ее устраиваться в его апартаментах. Сам же он поспешил обратно в свой личный кабинет.

Когда Орло вошел, Юю, чьей специальностью

были биологические аспекты электромагнитных явлений, вскочил и потрусил к нему.

— Как ты себя чувствуешь? — шепотом поинтересовался он.

— Перевозбужденным, — правдиво ответил Орло.

— Зато получившим полную память? — большой чернокожий мужчина был настойчив.

— Когда я об этом думаю, — сказал Орло, — я на самом деле могу различить чуть слышный голос.

На лице чернокожего было написано облегчение.

— Тогда, вероятно, мы правильно просчитали, что с тобой сделал Мегара. И, разумеется, в этом есть смысл. — Он пожал плечами. — Тот вариант с пентатолом натрия, это практически все, что известно техникам той особой ветви секретной полиции.

— У меня впечатление, — сказал Орло, — что Хигенрот подключил зиготу к своему оборудованию с помощью какой-то разновидности поля. Все время, пока зигота делилась и постепенно превращалась в меня, каждая клетка сохраняла это подключение. Так что в данный момент я подключен от макушки до пят. — Он нахмурился. — Это довольно просто. Около дюжины

сигналов, каждому предшествует эмоция.

Большой африканец радостно потер ладони.

— Это Кирлиановские штучки. Эй, я хочу увидеть это в действии.

— Я создал поле для проверки, — сказал Орло. — Я посмотрел на человека, угрожавшего мне оружием, создал эмоцию и прошептал сигнал. Выглядело так, словно он исчез в буквальном смысле.

— Мальчишка! — сказал Юю.

— Я бы предположил, — сказал Орло, — покуда я точно не определил связующее поле, что его переместило в одно или второе из двух мест, задающихся автоматически. Наиболее вероятным из них является старая рабочая комната Хигенрота в университетском доме, где он в то время жил.

— А какое второе?

— Полагаю, в то время старина… — Орло приостановился, недовольный собой; это прозвучало, как неоправданно фамильярное упоминание о пожилом гении, бывшем его отцом; тем не менее, он после паузы продолжил…Хигенрот все еще забавлялся идеей сделать это самому. Потому у него было подключение к одному из Убежищ в Холмах, и были кое-какие идеи превращения Холмов в истинно бунтарскую оппозицию пра-

вительству. — Он оборвал себя. Это второе место, где мог завершить свое перемещение охранник с винтовкой.

— Какой у тебя план?

— В данный момент, — сказал Орло, — я бы предпочел выяснить, как здесь продвинулись дела, пока меня не было. А потом я обрисую мой план всей группе. Хорошо?

— На все сто, — сказал Юю. — Чем меньше придется повторять, тем лучше. Но то второе дело остается между нами, правильно?

— Правильно, — сказал Орло. — До дальнейших указаний.

После этого он прошел в комнату и вежливо поприветствовал остальных, сейчас их там было одиннадцать.

Йоделл сказал:

— В твоей спальне группа женщин. И еще кое-какие люди в коридорах, им указаны места, где они могут спать на полу.

Орло с улыбкой кивнул.

— Когда я шел сюда, мне показалось, что тут весьма людно. Вновь прибывшие, полагаю?

— Мы сочли так, — сказал Йоделл, — что всем людям, имеющим какой-то доступ к Лильгину, следует объяснить, что происходит, и дать шанс

решить, где они хотят находиться. До сих пор все они приходили сюда. И, разумеется, как мы предложили им, каждый мужчина привел жену или подружку. Мы все ждем четырехчасовых откровений, обещанных Лильгиным, когда он начал писать те смертные приговоры.

— Мне кажется, — сказал Орло, — что мне следовало бы быть там, занимаясь спасательной работой. Но первым делом я бы хотел рассказать вам, как, по моему мнению, все это должно получиться.

Похоже было, что они не ухватились за это объяснение.

— Но послушай, — возразил Мегара, — этот человек убил миллиард людей. Ты это не признаешь?

— Вероятно, это недооценка, — спокойно сказал Орло.

— Тогда как ты можешь убедительно оправдать оставление его у власти?

— С начала истории, — сказал Орло, — мир, похоже, управлялся всего лишь примерно пятью процентами из всех своих мужчин. К этой группе могли бы присоединиться дополнительные пятнадцать процентов, но они не совсем в состоянии сделать это. Из оставшихся восьмидесяти

прцентов семь или восемь являются сексуальными отклонениями; а оставшиеся чуть больше семидесяти процентов составляют ту огромную массу тяжело работающих, нормальных людей, вступающих в брак, содержащих семьи и не разводящихся без веских причин. Эти семьдесят процентов, как оказалось, по существу, приемлют видимый общественный облик правительства.

— Это огромное большинство, — продолжал он, — видит повсюду вокруг проделанную Лильгиным хорошую работу. В конце концов, мы должны признать, что инженерный подход к человеческой натуре, рассматриваемой с полнейшей объективностью селекционера скота, поддерживает в действии фабрики и автобусы, самолеты и ракеты, и обеспечивает изобилие пищи. Население планеты стабилизировалось на уровне чуть меньше трех миллиардов. Люди всю свою жизнь живут без болезней, без войн, без серьезных эмоциональных проблем.

Орло сделал паузу, пожав плечами.

— Полагаю, что суммировал хорошие стороны Лильгина. Я веду речь к тому, что мы с вами являемся частью той же группы из пяти процентов, что и Лильгин. На его месте, имей вы его власть и его инженерные мозги, вы делали бы то же са-

мое, или нечто подобное, в зависимости от того, что является вашим идеалом. Чего ради менять одного на другого, если оба одного типа? Вот мои аргументы.

Он взглянул на Мегара.

— Сэр, раз уж ты предлагаешь себя в качестве жизнеспособной замены, то что ты на это скажешь?

На младенческом лице было выражение нерешительности. Потом он сказал:

— Когда человек по собственной воле совершает столько преступлений, как Лильгин, его нельзя принимать в расчет для переизбрания.

— Сейчас обсуждаем тебя. Твое поведение — если бы ты был в его положении.

— Вы спятили… — сказал Мегара и бурно запротестовал:

— Я никогда на причинил вреда ни единой живой душе, кроме…

— Кроме?

— Кроме как по приказу.

— Видишь — ты, считающий себя нормальным человеком, наносил ущерб другим человеческим существам. И оправдываешь это тем, что следовал приказам

— У Лильгина оправданий нет. Он делал это,

потому что он мерзавец.

Орло покачал головой.

— Он стал вести себя так после того, как ему, наконец, стало ясно, что он может поступать, как ему нравится, потому что его никогда не призовут к ответу и, до тех пор, пока он большую часть этого делает в тайне, это никогда не испортит его публичный образ.

Он видел, что Мегара рвется заговорить, и сделал вежливую паузу. На этот раз мужчина рубанул дальше. Он сказал:

— Сэр, ты пытаешься поощрить величайшего убийцу за всю историю. Говорю тебе, этот монстр родился с яростью и убийством в сердце. Джентльмены, я однажды это подсчитал. Лильгин посылал на смерть по 5000 человек в день каждый день в последние 190 лет.

Цифра эта оказала свое воздействие. Стоявший на ногах Орло мог видеть эффект суммы (представленной в такой манере) почти на каждом лице, на какое смотрел. Вопросов больше не было. Он проиграл свой спор.

Он поспешно сказал:

— Из этого дневного итога, сколько приказов о смерти ты лично передал непосредственным исполнителям убийств, мистер Мегара?

Вопрос вместо немедленного ответа вызвал обмен взглядами между Номером Два и Номером Три. На младенческом лице была мольба. Тяжелые челюсти были мрачно сжаты.

Наконец, последовал ответ:

— Что касается нас двоих, — сардоническим тоном произнес Йоделл. — я бы сказал, что мы передали 98 процентов.

Мегара визгливо произнес:

— Каждый из них по приказу. Ни одного по личной прихоти. Мне все это было противно. И каждый вечер, когда я сидел за тем столом, и образы лиц мертвых женщин и мертвых мужчин всплывали у меня в уме, я радовался, что Лильгин пьет. Потому что это значило, что я могу тоже напиться и вымыть это все из моей памяти еще на одну ночь.

— Алкогольные напитки и наркотики, — прокомментировал Орло, — являются древнейшим средством психотерапии. И заметьте, он тоже это делал.

— Этот ублюдок сидел там каждую ночь, наблюдая за нами и пытаясь развязать нам языки.

— Ты говорил, он сидел там пьяный.

— Слушайте, черт побери — ему не приходилось убивать людей, чтобы спасти свою собственную

гнилую шею. А мне приходилось — до сегодняшнего дня.

Взгляд Орло метался от лица к лицу, пока он следил за его доводами. Никаких изменений. Горячие ответы Мегара, произносимые этим глубоким баритоном, все еще одерживали верх… Ладно, ладно, подумал он. И слегка сменил тему.

— Мистер Мегара, когда вы меня захватили в то утро, как это произошло?

Младенческое лицо стало спокойным.

— Просто форма химического гипноза. Я хотел удостовериться, что Хигенротово программирование было правильно использовано. И потому мы обработали тебя а-натрий пентатолом-n. Этим мы вывели сигнальную систему Хигенрота на поверхность. И в ключевой момент, когда Лильгин глубоко заснул, как всегда после секса, я велел Одетте (она его ненавидит) впустить нас. Потом ты посмотрел на него, получил эмоцию и прошептал сигнал — и прямо тут же вывел его изображение на все стены. Потом я велел мальчикам отнести твое бесчувственное тело сюда. Заметь, никакого вреда мы не причинили. Лишь непосредственное действие и надлежащее использование метода.

— Я хочу поблагодарить тебя за все это, — ска-

зал Орло, — и сказать, что твою жену перевели в госпиталь для реабилитации, и она где-то через месяц будет в полном здравии.

Произнеся эти слова, он увидел, что голубые глаза снова затуманились. Вместо того, чтобы подождать и дать человеку время прийти в себя, Орло, будучи молодым и все еще не совсем мудрым, надавил дальше.

— Мистер Мегара, если ты заменишь Лильгина, есть ли у тебя какой-нибудь основной способ изменения системы?

Когда он задал этот вопрос, показалось, что все в комнате, кроме Мегара, перестали дышать. Мегара начал отвечать и плакать в одно и то же мгновение.

— В детали входить слишком долго, — проговорил он сквозь всхлипывания. — Но в основные изменения необходимы не в системе, а в администрации.

Теперь слезы хлынули рекой. Орло торопливо сказал:

— Ты можешь доказать нам, что твой метод не подразумевает властвования одного человека?

— Абсолютно.

Его захлестывало ощущение всеобъемлющей победы.

— Спасибо. — Орло натянуто улыбнулся. — Понимаете, джентльмены, мы до сих пор сотрясали здесь воздух. Самый могучий диктатор в истории человеческого существования все еще сидит за своим столом, обдумывая, как ему выкрутиться из всего этого. И я полагаю, исходя из того, что слышал от тех, кто его знает, что если он придет к решению, то оно будет учитывать все факторы, включая наш маленький заговор.

Его улыбка увяла.

— Так что мне бы лучше поторопиться и посмотреть, могу ли я спасти мою истинную мать и ее мужа, прежде чем оттуда выйдет один из тех рукописных ордеров на смерть.

Он направился к двери.

— Мистер Байлол держит мой вертолет в ожидании меня. Надеюсь вернуться вовремя, чтобы услышать те четырехчасовые откровения… Юю, пожалуйста, пойдем со мной на этот раз…

Сражение…

Видимыми противниками в доме Глюкенов были плачущая женщина и высокий худощавый мужчина, Орло, слегка отошедший к стене, и остальные ученые, ожидающие в дверях. Пока не было никаких признаков того, что Глюкен реагирует на ощущение обреченности у своей жены.

«Врагом» был полевой феномен, установленный так, чтобы включиться внутри мозга двоих взволнованных людей при звуках голоса Орло. От них к нему тут же бы потекло что-то темно (насколько понял Орло).

Супер-ученый, понимавший такие вещи, казалось, прислушивался и в то же самое время едва заметно регулировал что-то в кольце на своем пальце. Наконец он измученно — как будто проделал тяжелую работу — кивнул Орло и сказал:

— Когда я подниму руку, говори — что угодно. Нам просто нужен твой голос. В твоем мозгу на мгновение возникнет ощущение шока, а потом серия мыслей и импульсов. Готов?

Орло кивнул, не испытывая особого счастья от этой роли. И не зная, чего ожидать, потому что… какого рода мозговой шок могли они предвидеть?

Ученый, которого звали Кампер, махнул рукой.

Орло сказал:

— Миссис Глюкен, пожалуйста, успокойтесь и не бойтесь…

Он почти не смог выговорить последние слова. Его язык свело во рту. Пришедшая мысль была похожа на эхо невероятно примитивного ощущения: впечатление рока и крайнего бедствия. Было

ощущение полнейшего несчастья и отчаяния. И мысль эта сказала:

— Хорошо, я сдаюсь. Сожри меня.

Почти тут же возникло второе, более далекое, более слабое ощущение-мысль (пришедшее от Глюкена), сказавшее:

— Черт побери это все! Меня больше не волнует, что они делают.

Это была та же самая реакция, но не с апатией, а с гневом.

Кампер удивленно покачал головой:

— Меня продолжают изумлять эти ранние эволюционные образы. Это, мой друг, крик животного, схваченного и разрываемого на части; и в последний момент перед смертью оно в самом деле жаждет быть съеденным.

Он поспешно прервал себя и сказал:

— Слушай, мне пришлось сделать реверс, чтобы спасти тебя. Цикл в поле вроде этого должен быть завершен. Раз он был установлен, его мощь предполагалась такой, что он достиг бы твоего мозга и ты почувствовал бы побуждение сделать то, чего требовали их мысли: убить и съесть женщину и жестоко убить мужчину. Для того, чтобы вывести из фазы очень мощные энергетические потоки, имеющиеся здесь, мне нужно, чтобы ты,

в том же ментальном состоянии, решил оставить этих двоих в покое. Это способ вывести их из нынешнего состояния. Помни, ощущения, которые возникнут в тебе, тоже будут совершенно базовыми. Сделай для них все, что в твоих силах, сэр. Как только будешь готов, подними руку; и я позволю потоку пройти дальше. Но поспеши, или начнут происходить автоматические штуки.

Он с изумлением почувствовал личное смятение… Первая мысль: Лильгин, это невероятный безумец. Так бессмысленно мстителен. Он дважды пытался заставить меня действовать против своей собственной матери. В тот первый день — поместить ее под арест, не сознавая того. А теперь — это!

Орло мельком пришло на ум, что реакция двоих людей была единственно нормальной. То, что случилось с ними, в конце концов проломило их защиты и уничтожило надежду. И они сдались, каждый по-своему.

Стоя там, Орло сообразил, что его собственные импульсы были не столь нормальны. Хуже того, в те быстротечные мгновения для него не было никакого способа изменить интенсивное… ощущение… переполнявшее его изнутри. Это было похоже на то, словно его физически раздувает,

так оно было сильно.

Он против своей воли поднял руку. Но тут же перепугался своего поступка и попытался опустить ее. И с содроганием увидел, что уже слишком поздно. Сделанного не воротишь.

Из его мозга потекла фантазия.

Детская мечта.

Мать любит отца, любит меня. Мать посвятит остаток жизни мне и памяти моего отца, профессора Хигенрота.

Следом возникла мысль о роли Глюкена: он посвятит себя идеям и теориям Хигенрота. Он проведет исследование, которое объяснит всю эту дрянь в моем мозгу, связанную с ними. И вытащит это из меня и доведет до практической реализации.

Эти двое людей, доктор и миссис Глюкен, она живое воплощение вневременной женской любви к мервому гению, ее первому мужу. Он лелеет ее ради этого и делает все, чтобы продвинуть дальше работу гениального ума ее убиенного Хигенрота…

XXV

Когда вертолет второй раз пошел на снижение, Орло и одиннадцать ученых (из первоначальной команды в двенадцать человек, один лететь отказался) принялись всматриваться в небольшие иллюминаторы — юноша перешел вперед и сел со старшими мужчинами в отсеке для курящих.

Внизу был еще один изолированный дом, похожий на дом Глюкенов.

Хотя этот, возможно, был более дорогим: двор был больше. Перед ними блестело больше стекол.

— Смотрите! — внезапно указал один из ученых. Он специализировался в относительно темной области физики, имеющей дело с аспектами взаимодействия плазмы с первичными элементами — материей в ранних формах. Его звали Холод.

То, на что он указал, насторожило всех. Из рощицы в миле от дома появилась длинная колонна машин. И теперь они неслись по узкой мощеной дороге со скоростью мили в минуту. При таких темпах они прибудут раньше, чем кто-то успеет выйти из вертолета.

Орло окинул панораму долгим оценивающим взглядом — и схватил свой микрофон.

— Пилот! — завопил он.

— Да, сэр?

В переговорной системе раздался голос отвечающего.

— Перехватите эти машины! Летите низко! И приземлитесь на дороге перед ними.

— Хорошо, сэр.

Вертолет поднялся и скользнул в сторону. В воздухе его скорость была несравнима со скоростью наземных машин. Он крутанулся вверх, кругом. А потом выплыл из-за машин, перелетел через них, чуть не скребя по их крышам, и плюхнулся на мостовую. Прокатился несколько ярдов. И остановился.

Большинство машин затормозило, заверещав покрышками. Но детали происходящего с ними так и остались для наблюдателей в вертолете неясными. Их внимание было приковано к двум автомобилям, вылетевшим с проезжей части. Бешено прыгая на ухабах, они объехали вокруг летающей машины. Вся операция была так тонко согласована, что машины были во дворе почти в то же мгновение, когда вернулись на мостовую.

Когда они остановились, распахнулись двери.

Оттуда выскочили несколько мужчин и бросились в дом.

В течение этих мгновений двери вертолета открывались и выпускались трапы; по их многочисленным секциям хлынула волна мужчин.

Но у Орло было ощущение пустоты: они опоздали. У кого-то возникло запоздалое воспоминание: как начсет той коренастой маленькой седовласой женщины, которую публика считала женой Лильгина?... И потому, после переговоров между Мегара и Йоделлом, дожидавшимся в его личном кабинете, и Орло, находившимся в вертолете, большая машина изменила курс и пролетела восемьсот миль за тридцать одну минуту.

И теперь вот... Действительно, устало подумал он, прошло там мало времени; и так много этих ордеров было передано Лильгиновскими малолетними простофилями в униформе...Это могло превратиться в день минутного опоздания, как здесь, или, возможно, в других местах в прибытие тютелька в тютельку.

Печальным было то, что они плохо представляли себе, куда было послано большинство ордеров на смерть; или почему они вообще были посланы в это время.

Убийство бывшей миссис Лильгин — если она

ею была — разумеется, имело объяснение. Один из ученых в шутку сказал, обращаясь к Орло:

— Сэр, правда ли то, что ты говоришь: что Лильгину теперь придется угомониться и вести себя как следует. Это означает, что ему придется жениться на одной из тех страстных красавиц и покончить навсегда с развратным, пьяным существованием, бывшим его настоящим образом жизни.

Потребовалось лишь мгновение, чтобы эта мысль проникла в умы и всплыло воспоминание.

— Эй, как насчет той страшненькой самочки?...

Последовала долгая пауза, затем:

— Слушайте, нам бы лучше найти ту даму. Если только до Лильгина дойдет, что ему следует угомониться, он также додумается, что его великая, простодушная публика ждет, что он угомонится с нею.

Очевидно, такая мысль пришла ему в голову. После этого были посланы убийцы. Было совершенно ясно, что ее отсутствие придется объяснять. Следовательно, ее убийство можно будет пришить кому угодно. Кому? И какому всеобщему заговору это будет приписано?

Орло показалось, что он впервые мельком ухватил смысл готовящегося Лильгиным контрудара.

И было уже слишком поздно его остановить.

Питер Ростен мягко сказал рядом с Орло:

— Посмотри на это, мой друг. Мы попали в переделку.

Он держал светящуюся, чуть изогнутую металлическую пластинку размером где-то восемь на десять дюймов. То, что на ней светилось, было цветной картинкой. Она изображала внутренность помещения, очень живо и четко. На заднем плане весьма милой гостиной стояла полная, пожилая женщина. Перед ней стояли семеро мужчин, все с поднятыми ружьями.

Орло уставился на табло, почти окаменев. Его мысленно ошеломило благоговейное понимание того, что ученые явно настроились на внутренность дома за считанные мгновения до убийства.

Он ждал, затаив дыхание.

А потом — еще одно осознание.

На табло было точно то же самое.

Никто не двигался. Это было похоже на неподвижную картинку, на которой все заморожены.

Пауза. И еще одна мысль. Возникло ощущение, что то, на что он смотрит, было на свой лад

параллельно сделанной много минут назад фотографии. И все, что после того происходило, уже свершилось и завершилось. Он изменил свой вопрос:

— Что случилось? — спросил он.

Ростен с довольным видом улыбнулся.

— Мне придется передать это старому Дожу. С этими итальянцами трудновато иметь дело. Но этот временной стасис получился у него так же идеально, как все, что я когда-либо видел.

С этими словами он потянулся через плечо Орло. Его пальцы ухватились за пластинку, которую держал Орло. Они мягко потянули ее. Орло молча ее отпустил.

— Вот только эти штучки со временем могут держаться так долго, что становятся ужасно неприятными. Нам лучше бы войти и спасти, э, ту, кого принято считать миссис Лильгин, кого эта огромная безмозглая публика ожидает отныне видеть в его спальне каждую ночь.

Он закончил:

— А теперь, есть еще кто-нибудь известный нам, кого надо спасти или проинформировать о том, что происходит?

Орло не смог придумать никого.

Но один человек был.

XXVI

Успех развивался.

Орло, войдя в свой кабинет точно за четыре минуты до четырех, сиял.

Его вопрос, обращенный к ожидавшим мужчинам, вызвал молчание. Кого еще следовало спасти? Очевидно, всех, кто приговорен к смерти. Но никто не знал, кто это.

Йоделл сказал, с некоторым удовлетворением:

— В данный момент на полу в коридоре сидят двадцать три члена Верховного Президиума. Другие отсутствуют с поручениями и могу тебе сказать, рады своему отсутствию. Мегара, у тебя есть какие-нибудь мысли?

Мужчина с лицом младенца покачал головой. Он сказал с несчастным видом:

— У меня впечатление, мистер Томас, что ты все еще держишься за свою фантазию о сохранении Лильгина председателем.

Запыхавшийся Орло сказал:

— Четыре часа. Я отвечу позже…

Четыре пополудни…

Из-за своего стола смотрел улыбающийся Лильгин. Если он и был потрясен, когда несколькими

минутами раньше его охранники позволили войти коренастой женщине, то никак этого не показал.

Она теперь сидела в кресле в нескольких ярдах от него. Всепроникающее поле, державшее его в центре, достигало радиуса приблизительно восемнадцати футов. Итак, она была там, женщина, которую он лично, давным-давно, после долгих размышлений, цинично выбрал, как наиболее приемлемый, не вызывающий зависти, тип женщины среднего возраста, похожий чем-то на мать — или бабушку. Тогда он верил, что ее присутствие еще раз (как прежде другие, похожие на нее) введет в заблуждение этих дураков в большом мире. Введет в заблуждение мужчин, заставив их почувствовать к нему жалостливую терпимость; и смутит женщин, заставив их отнестись к нему с куда более сложной, но равно презрительной терпимостью.

Фактически, ее приезд изменил его план. Он внезапно почувствовал отчаянную нужду в информации, прежде чем произнести хоть одно слово… Что произошло? Как она избегла убийц?

Но на смазливом личике оставалась все та же великая улыбка, когда Лильгин сказал:

— Друзья мои, я получил несколько сообще-

ний по моему наушному приемнику об этом эксперименте. Несмотря на все данные мне гарантии — что технология наконец-то была усовершенствована — сейчас мне кажется, что неожиданный побочный эффект может означать, что нам придется завтра отключить все развлекательное телевидение, а может, и сегодня вечером, попозже. Честно говоря, я не уверен в том, что происходит. Если позже кто-то придет на ТВ, чтобы сказать вам, что мое заявление не является таковым, или сделает какое-нибудь смягчающее заявление, вам придется сделать свои выводы. Это то, что я сказал.

Снова улыбка.

— Может быть, все это сработает. Со временем я буду видеть вас, пока вы смотрите на меня. Но я пока воздержусь от комментариев, возможно, даже до завтра. Как вы все видите, моя жена — которая была у себя в деревне, вернулась. В данный момент я хочу проводить ее в ее апартаменты. Естественно… — улыбка стала шире, — …вы увидите, как я это делаю. Такое совершенно интимное зрелище, какое всем вам будет позволено увидеть, является частью эксперимента, который вы все, я надеюсь, так же высоко оцениваете, как и я…

…Орло сказал:

— Вот теперь мы знаем. Завтра он отнимет у них бесплатные развлечения. И он уже намекнул, что техники неправильно управляются с этим делом. Мистер Мегара, у тебя есть какой-нибудь анализ этого?

— Полагаю, что к утру ты потеряешь кое-кого из тех людей, что в коридоре. А к полудню мы с Йоделлом можем отбыть. Ты выглядишь, как тонущий корабль, мистер Томас.

Это прозвучало как шутка — почти. Слегка испуганный Орло сказал:

— Прежде чем вы уйдете, не хотите ли выслушать мои политические теории?

— Не очень. Но начинай, если хочешь.

У нас были конституционные монархии и демократии не потому, что это такие великие идеи, а потому, что диктаторы — и потенциальные диктаторы, вроде тебя и меня (сказал Орло, обращаясь к Мегара) — настаивали на этом. Если мы хотя бы на один день поверим, что «хороший» абсолютный король просто не делает ничего «плохого», мы обнаружим, что коварный помощник короля избрал этот день, чтобы истребить всех, кто мог бы угрожать его контролю над королевским телом и королевским

ухом. В демократии все потенциальные диктаторы (вроде вас и меня, сказал Орло, обращаясь ко всем) будучи избранными, вскоре оказываются под давлением своих жен, своих любовниц, своих родственников, своих друзей, деловых людей из числа своих избирателей, и, разумеется, время от времени под давлением народа, так что то, что они немного погодя делают, подозрительно походит на то, что делает диктатор де юре. Только — в демократии — закон, естественно, говорит, что им нельзя этого делать. И потому большинство из них сохраняет состояние компромисса со своими естественными побуждениями играть роль короля…

Тут Мегара презрительно усмехнулся.

— В одном мы с Лильгиным полностью согласны: Демократия является наиболее полно дискредитированной политической идеей из всех когда-либо существовавших. Надувательство народа с того самого дня, как она была задумана. Последнее убежище Империалиста-Капиталиста.

Орло улыбнулся, учтиво склонив голову, и продолжил:

— У всех людей, принадлежащих у пятипроцентной группе лидеров, есть идеалы. Мы только

что услышали часть твоего. А вот мой. Разумеется, я его лелею как «ответ». Обсуждая идеал, мы ведь не спрашиваем, рационален ли он? Мы просто это чувствуем. Я чувствую, что нам нужен мир, где существуют две экономические системы под одним правительством. Если бы я проводил его в жизнь — а будучи идеалистом, я бы, естественно, так и поступал — я бы начал с того, что ввел бы заново систему мелких собственников.

— Я представляю себе поддерживаемую правительством Вторую Экономическую Систему — и это будет ее официальным наименованием. Их предприятия со временем появятся повсюду. Они смогут покупать землю, примыкающую к владениям Первой Экономической Системы. Чтобы принадлежать к Системе Номер Два, вы должны подписать отказ от своих прав в Номере Один на два года единовременно. Следовательно, вы платите, когда ездите, платите за гостиницу и прочие услуги. Мы можем даже потребовать, чтобы на ранних стадиях ее развития люди Второй системы полностью были связаны с себе подобными посредством связанных компьютерных систем.

— Преступники в обеих Экономических Системах будут, при обнаружении, подключаться к единому сегменту Всепроникающей Системы, ко-

торая таким образом будет следить за каждым их движением и сообщать в наблюдающую компьютерную систему — а та будет при необходимости поднимать полицию… Ну… — он продолжил с улыбкой, — …мистер Мегара, что ты думаешь о моем идеале?

— Сомневаюсь, чтобы Лильгин им заинтересовался.

— Насколько я могу судить, он уже модифицирует свое поведение. Так же, как и ты. Ты вдруг, похоже, захотел снова оказаться в благосклонности у Лильгина.

— Я практичный человек. Он производит на меня впечатление человека, просчитавшего, как справиться с ситуацией в целом.

— Что он сделал такого, что так тебя убедило?

— У него разные улыбки. Я знаю победную улыбку; и она была у него сейчас, но не этим утром.

— Несмотря на спасение нами этой женщины, которую он выдает за свою жену?

— Несмотря на это.

Орло поджал губы. Потом покачал головой.

— Мой идеал — происходящий, разумеется, от профессора Хигенрота говорит, что всеобщую связь нельзя аннулировать.

— Помечтай, парень. Он это просчитал. Правильно, Йоделл?

— Правильно.

— И эту улыбку, правильно?

— Правильно. — Подтверждая это, Йоделл смотрел на Орло. — Мне жаль, мистер Томас, но я должен согласиться. Мы двое знаем этого человека. И эту улыбку — безошибочно.

— Что я, по-вашему, должен сделать?

— Думаю, тебе лучше взять своих ученых и устроить им побег этой ночью.

В углу комнаты, где на полу лежали несколько ученых, что-то зашевелилось. Ишкрин поднялся в сидячее положение.

— Мы не собираемся. В конце концов, Коммуникационный городок единственное место, где нам разрешено находиться.

Он поднялся на ноги и подошел к ним.

— Ладно, парень, — сказал он, — это было весело.

— Но… — запротестовал Орло, — …каждый сегодня утром был так смел. Теперь я, куда ни глянь, вижу лишь малодушие.

— Орло — там, наверху, изумительно яркая личность. Он просчитал ответ на всеобщую связь примерно за восемь часов. До свидания.

Люди начали уходить, один за другим. Поначалу Орло просто не верил. Но когда Юю подошел и протянул руку, юноша недоверчиво сказал:

— Как ты рассчитываешь выжить, не прибегая к моей помощи, после того, что сделали вы с Мак-Интошем?

Большой черный человек был спокоен.

— Не переживай, сынок. Это по-прежнему Лильгинленд, но у меня ощущение, что все изменится; и что нас с Маком могут вовсе не заметить во время этой перемены. Так что мы просто затаим дыхание — и будем надеяться.

— Слушайте, — завопил Орло, — нет ответа на всеобщую связь, кроме всеобщего совершенствования личности.

Африканец оставался холоден.

— О, он поживет с этим какое-то время. И там, снаружи, могут найтись люди, которые будут продолжать наблюдать за ним каждый день. Ты слушал этот рекламный блеф, не так ли?

— Что?... — Орло был сбит с толку.

— Насчет того, что это, может быть, станет двусторонним зрелищем?

— Это невозможно. Он не может наблюдать за тремя миллиардами людей.

— Мы это знаем, парень. Но эти люди, они

иные. Они привыкли верить, что есть там, в небе, большой человек, подглядывающий и подслушивающий за всем, что они делают и говорят. И у меня ощущение, что именно так Лильгин и думает о себе. Всемогущий и всеведущий. И если даже мы здесь, в Коммуникационном городке, раскроем этот секрет Всепроникающей системы, что ж, мой друг, я хочу, чтобы ты представил себе банки компьютеров, ведущих для него наблюдение. И слушающих.

— Я думал, что вы, ученые, решили не работать над этим проектом для Лильгина.

— Это было вчера. Сегодня… — Он широко развел руками, — …выживание находится в различных направлениях. Ты продолжаешь забывать, мальчик. В Лильгинленде выживаешь по дню за раз.

— Полагаю, что забыл об этом на минуту, — сказал Орло. Он сообразил, что связал себя старым способом восприятия. Орло нахмурился.

— Как насчет нашего маленького секрета? Как это затрагивается?

— Все в порядке, сегодня, завтра — кто знает? До свидания на сейчас, или навсегда. Я не могу предположить, что произойдет с тобой и той девушкой. Но я желаю вам удачи.

Он направился к двери.

— А я, — сказал Орло, — не могу решить, что произойдет с вами…

Он остановился. Он разговаривал с пустой комнатой.

Немного погодя вошла Шида.

— Все женщины, — озабоченно сказала она, — толпившиеся в той замечательной спальне, что примыкает к твоему кабинету, внезапно поднялись и ушли. Я что-то пропустила?

Орло сделал глубокий вдох.

— Они наконец-то согласились со мной, — медленно сказал он, — что Лильгина следует оставить Хозяином. Но почему-то они сделали это не так, как следовало бы.

— Что мы собираемся делать? — обеспокоенно спросила она.

Симпатичный юноша долго смотрел на девушку с лицом ангела, на глазах которой внезапно показались слезы. Наконец, он сказал:

— Мы снова вернулись к жизни по одному дню за раз.

Он потянулся. Шутливо постучал по груди. И сказал с улыбкой:

— На самом деле, не чувствуется, что все так плохо.

Орло и Шида провели ночь в Убежище в Холмах. Их хозяином был коренастый мужчина тридцати с небольшим, по имени Джеймс Бэйллтон. Он был озадачен тем, как они внезапно оказались в его библиотеке; но потом он, похоже, играл опасную роль. После их ухода он доложил о своих подозрениях кому-то в Тайной Полиции.

Информация попала к Бурески.

— Орло Томсон! — сказал сей индивид. — И ты говоришь, имя девушки было что-то вроде Шида?

Его глаза сузились. Нечасто случалось, чтобы такая хорошенькая девушка, как Шида, попадалась ему на пути; не в эти дни. Потому он был одним из тех троих людей его организации, кто ее насиловал.

Он решил, что его слегка забавляет происходящее сейчас.

— Хорошо, — сказал он. — Я представляю себе ситуацию. Оставьте их в покое, пока я это обдумаю.

Но и он был озадачен.

— Как они попали туда? — Почти восемь тысяч миль!

Что он сделал, так это позвонил Лильгину. И вел весь разговор, попросив отвечать только да

или нет на каждый вопрос.

— …Как мы здесь оказались? — спросила Шида в темноте, после того, как они закончили заниматься любовью.

— Это явление поля, — объяснил Орло. — Не забивай этим свою ненаучную головку.

— Но где мы?

— Мы в Убежище.

— А это что такое?

Орло объяснил насчет руководимой правительством поддельной бунтарской организации, называемой Холмы. — Ты, конечно, слышала о них?

— Да, но разве это не опасно?

Орло улыбнулся в почти полной темноте.

— Что ж, да. Фактически, я был бы очень удивлен, если бы Лильгин, прямо сейчас, не знал уже, где мы находимся. Вот почему я назвал наши настоящие имена.

— Боже мой!

Он повернулся на кровати, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Послушай, дорогая моя… — сказал он серьезно, — …что-то должно произойти завтра. Я сам уверен: Лильгин собирается избавиться от большинства тех людей. Их ничто не может

спасти. Вот почему я подумал, что нам лучше уйти с дороги.

— Н-но — если он знает, где ты! Он убьет сначала тебя.

— Насчет этого есть разумное объяснение, о котором я тебе когда-нибудь расскажу. А теперь давай спать!

XXVII

В 8 утра Лильгин стоял рядом со своим изящным миниатюрным столом, что придавали ему импозантный и властный вид. И говорил мрачным голосом:

— Мои друзья и товарищи: я должен сообщить вам, что сбылись мои худшие опасения. Меня держат пленником во дворце те личности, что убедили меня запустить этот эксперимент с выставлением на публичное обозрение. Моей главной надеждой является то, что мои малые силы здесь, на четвертом этаже, возводят баррикады. И что прежде, чем падут те баррикады, вы, мой добрый народ и мои друзья, придете в большом количестве и спасете меня…

По последующим оценкам, на улицах в течение этого дня собралась толпа в пять миллионов человек. И что по меньшей мере миллион был в то или иное время внутри самого дворца.

Во всяком случае, в том, что от него осталось.

Через несколько минут после речи Орло ввел в действие свою поле-к-полю связь со своим личным кабинетом в Коммуникационном городке. Таким образом он получил Лидлу и других деву-

шек, даже мистера Байлола. Но никто из ученых не сдвинулся с места.

— Это все похоже на то, — лениво сказал Джо Эмберс, развалясь в кресле в библиотеке, — что этот человек руководствуется иезуитской логикой. Если бы он считал, что ему нужны мы, он бы уже сделал какие-то приготовления, чтобы спасти нас. Но если мы ему не нужны, значит, братец, на этой земле нет места, где мы могли бы продержаться хотя бы еще день. Правильно, джентльмены?

Несколько ученых, бывших наготове, улыбкой подтвердили свое добродушное согласие.

— Слушайте, вы, сумасшедшие! — заспорил Орло, — тип, сказавший это, доктор Джо Эмберс, это человек, относительно которого вы уверены, что он правительственный шпион. Если это хотя бы наполовину правда, значит его работой может быть задержать вас, чтобы убить.

Никто не пошевелился. Улыбки остались неизменными.

Позднее, когда толпы уже были там, он снова нашел дорогу в бибилиотеку. И в другие части Коммуникационного городка. Он не видел никого из знакомых. Даже по мертвым телам топтались так часто, что на них не осталось ничего узна-

ваемого.

Вскоре после полудня, туда, где собрались беженцы, вошел ужаснувшийся Джеймс Бэйллтон и сказал, обращаясь к Орло:

— Сэр, генерал Бурески на телефоне.

Бурески сказал:

— Послушай, мой друг, Хозяин собирается позвонить тебе через несколько минут. Вот как ты будешь говорить с ним…

Это была методика «да и нет».

— Но что ему может быть нужно? — прошептала побледневшая Шида, когда Бурески прервал связь. — Ты же причинил ему весь этот ущерб.

— Это целый вопрос, — сказал Орло. — Я уже не могу сделать ему хуже, чем сделал. Поэтому теперь я ему нужен.

— Он просто будет тебя пытать… — со слезами в голосе сказала Шида…пока ты не скажешь кодовое слово, прекращающее изображения.

— Нет. Вот почему я перенес нас за восемь тысяч миль за то время, что показалось несколькими минутами — но на самом деле было не-временем. Он знает, что прошлой ночью здесь имел место факт наличия поля передачи материи — и что я могу избежать любой пытки с помощью еще одного кодового слова. Дорогая, делая все это, я

дожил до своей собственной теории всеобщей связи. Лильгин теперь знает обо мне все. Я искренне считаю, что ему придется сохранить мне жизнь.

Во время телефонного звонка Лильгин вышел из ритуала да и нет и сделал заявление, услышанное всеми людьми на земле.

Он сказал, со своей великой улыбкой:

— Орло, это время перемен. Мне следовало сказать тебе, что мне нравится то, что я услышал о твоей Второй Экономической Системе. Уверен, что она отвечает необходимости, становившейся все более явной с каждым уходящим годом. Я бы хотел, чтобы ты был моим административным помощником номер один, с задачей привести подобную систему в действие.

— Приходи повидаться со мной, как только успокоится нынешняя заварушка. Может, ты не осознаешь, витая в облаках, что у нас серьезные проблемы. Два моих главных помощника, Мегара и Йоделл — как оказалось плели против меня заговор; по какой причине, я не знаю. Они были мне как братья.

— Ладно… — с улыбкой — …теперь до свидания!

Орло встал; и — он не мог удержаться — важно

сказал:

— Я собираюсь действовать так, словно это абсолютная правда, и…

Орло остановился и бросил второй взгляд на что-то, внезапно замеченное краем глаза на стене изображений. Он внезапно резко спросил:

— Что это?

В комнате, где за своим рабочим столом по-прежнему сидел диктатор, появился цветасто одетый индивид. За ним следовали несколько охранников. Но они явно были неуверенны, и один из них что-то сказал Лильгину.

Пока развивались эти события, к Орло пришло смутное воспоминание… Разумеется, подумал он, Кроско — та первая ночь на Президиумском обеде. Неожиданное появление подобной фигуры испугало его в тот момент. А потом изгладилось из памяти так основательно, словно этого никогда не происходило.

Предположительно, Кроско должен был быть одним из тех людей, о которых они думали за день до того, напрягая память, чтобы припомнить, с кем бы еще посоветоваться насчет заговора. Ему тоже следовало бы побеспокоиться о своем будущем.

Диктатор на стене взмахом руки отослал

охранников. Он выглядел не встревоженным, но изумленным.

— Где ты был? — спросил он. — Как ты выбрался с того, что произошло внизу?

Кроско исполнил маленький танец.

— Сэр, — сказал он, — никто не убивает клоунов. Они просто смеялись и думали, что я один из них, и лезли мимо меня. Но это причинило мне беспокойство, ты не предупреждаешь меня!

Лильгин откинулся в кресле. На мгновение показалось, что он в нерешительности. Но из его последующих слов стало ясно, что он вспомнил, что исторически придворный шут время от времени использовался для передачи посланий.

— Тебя кто-то послал? — спросил он. — И если так, то что тебе нужно?

Кроско, таскавший пугач и картонную саблю, наставил пистолет и выстрелил из него прямо в лицо диктатора. Поскольку то, что сделал шут, было весьма эффектным — вызывая искренний страх в жертве — Великий Человек подпрыгнул. А потом, сообразив, что это на самом деле был пугач, он начал истерически смеяться. Он все еще смеялся, когда картонная сабля обернувшаяся бритвенной остроты металлическим сплавом — взмахнула в воздухе и отсекла его голову.

К о н е ц

Этот перевод посвящается и дарится Леше Липатову в день его (Леши) рождения, чтобы он (Леша) продолжал любить фантастику и не забывал Клуб Любителей Фантастики, в котором принимал самое активное участие.

Переводчик — M.W.

май 1998 г.

Альфред Ван Вогт

И вечный бой...

1

Модьун недоверчиво слушал. Оратор закончил свое сообщение, проливавшее свет на историю человечества, и попросил задавать вопросы.

Было несколько совсем глупых вопросов, люди, казалось, не совсем понимали, что делать с информацией, которую им сообщили. Модьун лениво задал свой вопрос и встретил внимание.

— Вы уверены, что не описываете старую мифологию? — спросил он.

Ответ был осторожным:

— Конечно, мы не можем быть уверены, но думаем, что нет.

— Что касается наших древних прародителей, то картина, которую вы нарисовали, не внушает мне доверия, — настаивал Модьун.

— Вначале так было и с нами, — был ответ. — Но ситуация и значительность полученных деталей гарантирует достоверность.

— Тогда оказывается, что наши предки дрались, как звери, с показной жестокостью, и это наводит на мысль о том, что они были способны

на настоящую физическую активность.

— Это самое несомненное из того, что мы открыли.

— И, как наши животные, они действительно ходили на собственных ногах и не нуждались в искусственной поддержке?

— Совершенно верно, — согласился оратор.

— Представляю, как вытянутся лица тех, кто ранее заблуждался относительно этого вопроса, — сказал Модьун с язвительной насмешкой.

Слабые улыбки, выражающие согласие, появились на многих лицах.

— Представляю себе, — продолжал Модьун, — как они зачинали и рожали собственных детей.

— О да, — был ответ. — В процессе спаривания женщину оплодотворяли, и она рожала по истечении периода беременности.

Все присутствующие вздрогнули, когда представили себе этот процесс.

— Отвратительно, — пробормотала женщина.

— Боюсь, что это начало, которое трудно принять, — сказал другой человек. — Следующее, что вы расскажете нам, будет утверждение, что они сами ели пищу.

— Точно, — согласился докладчик. — Пища проходила по пищеварительному тракту.

Происходило индивидуальное персональное пищеварение, а отходы выходили в резервуар для удобрений.

Было еще несколько вопросов, но присутствующие охладели; докладчик — Дода ощущал это через открытые усилители мысленного канала, посредством которых он был соединен с «аудиторией». Видя, что Модьун — один из еще соединенных, Дода обратился к нему с частной мыслью:

— По некоторым причинам, я думаю, что вас эти открытия заинтересуют больше, чем других.

Модьуну стало смешно.

— У меня есть тело длиной два фута и голова диаметром четырнадцать дюймов. Что меня может интересовать в древних, с их восьмью футами мускулов и костей, которые могли самостоятельно поддерживать голову? Я понимаю: вы имеете в виду, что я поступлю как ученый — вырасту до этого размера.

— В наших предках скорее было футов шесть.

— Да, но вы сказали, что их головы были меньше.

— Возможно, — в голосе Доды звучало отчаяние. — Если женщина собирается согласиться вырасти, то для вас это может быть интересный

эксперимент.

Модьун мгновенно стал язвительным и недоверчивым.

— Этого никогда не будет. Наши женщины намного изящнее, — он насмешливо оборвал фразу.

— Почему бы не провести эксперимент на вас?

— Потому что я экспериментатор. Пройдет год, пока тело станет длиннее, потом, наверное, два года займет эксперимент, и еще год, чтобы снова стать человеком. Кто-то должен наблюдать…

Потом Модьун продолжал с насмешкой:

— Четыре года! Когда я хочу погубить чью-то репутацию, я руководствуюсь здравым смыслом. Позже я свяжусь с вами.

— Не говорите «нет» прямо сейчас, — ответил Дода. — Помните, именно вы сказали: кто-то должен время от времени выходить за барьер и смотреть, что происходит там в мире снаружи.

— Я пошутил, — резко ответил Модьун.

— Тем не менее, это вы сказали. И вы так думаете.

Это была правда.

«Оказывается, что кто-нибудь, преследуя собственные цели, всегда слушает даже случайные мысли и дает им свою оценку…» — уныло поду-

мал Модьун.

Несомненно, Дода выбрал его для эксперимента, потому что Модьун сделал эти замечания, которые нельзя игнорировать. Внезапно Модьун задумчиво сказал:

— Очевидно, тщательное изучение архивов и ранних обучающих устройств, от которых теперь отказались, подтвердит большую часть этих сведений. Такое исследование необходимо прежде, чем кто-то станет участвовать в эксперименте.

Дода благоразумно промолчал.

Модьун продолжал:

— Часть этих сведений может быть интересной.

Затем он позвал своих слуг-насекомых, и его унесли.

Тремя днями позже Модьун лениво плавал в собственном, залитом солнцем бассейне. Он обычно приходил сюда поглощать солнечные лучи. Из них он извлекал энергию, превращавшую воздух, которым он дышал, и воду, которую он впитывал порами тела, в питательные вещества, поддерживающие в его теле идеальное здоровье почти целую вечность.

Да, почти вечность. Он был из третьего поколения существ, выведенных в пробирке за

барьером. Каждый из предыдущих двух поколений прожил около пятнадцати сотен лет.

Он плавал в бассейне и с восхищением любовался своим изображением в зеркале, погруженном в воду. Какая благородная и красивая голова! Прекрасное конусообразное тело! Крошечные ручки и ножки были частично спрятаны за почти неразличимым снаряжением.

Он уже видел намеки на изменения — он стал на несколько миллиметров длиннее. Мозгу, такому открытому для восприятия и такому чувствительному, как у него, такие маленькие изменения были ясно видны.

Дода сказал, что при такой скорости роста могут возникнуть слабые боли, но с ними можно будет справиться с помощью помощника ученого — насекомого Экета, который получил подробные инструкции о том, как впрыскивать лекарства, притупляющие чувства, в пищу, которую позже он будет вводить в тело через трубки.

Дода, извиняясь, заметил, что так будет продолжаться до тех пор, пока Модьун не достигнет стадии, когда сможет есть твердую пищу.

Модьун пожал плечами в ответ на такую заботу экспериментатора.

Он согласился на эксперимент, когда узнал, что

женщина Судлил согласилась вырасти и соединиться с любым мужчиной, который сделает то же самое… Эта информация вызвала легкий интерес у мужчин, потому что Судлил была очень женственной, и ей всегда были рады в любом бассейне. Но Дода поспешно нанес сокрушительный удар потенциальным конкурентам, объявив — с разрешения Модьуна — что выбор уже сделан.

Судлил сказала, что она рада, раз ее партнером станет Модьун. Она догонит его по размерам через месяц.

Прошло несколько лет, — и вот он здесь.

Его принес сам Экет и посадил на зеленой лужайке, на небольшом расстоянии от шоссе, которого не было видно за насыпью, заросшей кустарником.

Оттуда доносился шорох шин по мостовой. Этот шорох неожиданно взволновал Модьуна. Он должен был следить за собой, преодолевая сильное желание подпрыгивать от возбуждения… Совершенно неожиданная реакция тела. Он сознательно сдерживал дергающиеся мускулы, когда стоял, наблюдая, как Экет уходит назад к горам. Скоро ученое насекомое обогнуло выступ крутой скалы и скрылось из виду.

Модьун вскочил на пологий склон, еще сдержи-

ваясь и удивляясь тому, что происходит внутри него. Он добрался до вершины и, ускорив шаг, пошел по тропинке сквозь кусты. Неожиданно он вышел на обочину дороги.

Давным-давно он приказал одному из своих носильщиков-насекомых принести его к этой дороге, и некоторое время следил за движением транспорта. Бесчисленные машины проносились мимо, как безумные. Почти в каждой машине находились пассажиры: множество животных всех видов. Его удивление росло просто от разнообразия живых существ. Он забыл, сколько на свете разных животных. Теперь, за тысячи лет большая часть их стала цивилизованной и живет в созданном человеком механическом мире.

— Но куда они все торопятся? — обратился, наконец, Модьун к своему проводнику-насекомому, огромному богомолу, который был видоизменен и приспособлен для путешествий по горной стране. Тот не знал и мог дать лишь чисто практический ответ, типичный для насекомого ответ, который сам по себе вопрос:

— Сэр, почему бы нам не остановить сотню машин и не спросить каждого пассажира, куда он едет?

Тогда Модьун отказался. Ему это показалось

ненужным. Но теперь он стоял, наблюдая, как ему казалось, за теми же самыми мчащимися автомобилями, и жалел, что тогда ему надоела эта авантюра и он даже не задал предлагаемый вопрос.

Сейчас никакой скуки. Его полностью выросшее тело чувствовало тепло от напряжения тысячи мускулов. Куда бы он ни смотрел, все возбуждало его. Ему хотелось раскачиваться, кружиться на месте, двигать ртом и размахивать руками.

Здесь так много движения. Бесчисленные автомобили… Он видел их, слышал их звук. А его двигательные центры оказались незащищенными.

Он почти не мог контролировать постороннее влияние. Невыносимо… Модьун попробовал сдержаться. Сразу же трепет и подергивание мышц прекратились.

Успокоившись, он отказался от свободного автомобиля, который подъехал к нему. А через несколько минут он сам посигналил машине, в которой сидело четверо животных и оставалось место еще для двоих.

Когда автомобиль с визгом остановился, Модьуну пришлось пробежать немного вперед, чтобы

забраться в него. Тяжело дыша, он плюхнулся на сиденье. Он был слегка поражен тем усилием, которое для этого потребовалось, и отметил реакцию тела. Усиленное сердцебиение. Внезапное расширение легких. Шумное дыхание… Так много внутренних химических изменений. Последив за ними несколько минут, он сдался.

Интересно. Ново. Он подумал:

«Те лекарства, которые Дода давал мне в последний период роста, подавляли меня, чтобы я жил спокойно. И, конечно, мирная обстановка, как в саду, вызывала только приятные ощущения.»

Вдруг он понял, что другие пассажиры автомобиля с любопытством смотрят на него. Мысли о прошлом отошли на задний план. Он тоже стал разглядывать их с легкой вежливой улыбкой.

— Кто вы? — наконец, спросил мужчина, похожий на кота. — Я не видел раньше вашу породу.

Говоривший имел отдаленное сходство с южно-американским ягуаром.

Модьун собирался ответить, что он человек, и тут понял, насколько важно замечание говорившего. Человек, властелин планеты, был им неизвестен.

«Это правда, — подумал он, — мы ведем замкнутое существование с нашими слугами и

носильщиками-насекомыми, и нашими домашними животными. И мы сами не проявляли интереса к цивилизации животных и насекомых, которая существует за барьером».

Но то, что этот внешний мир перестал понимать, кто он и его друзья — это совершенно иное. Это, конечно, не было частью первоначальной программы… Осознание этого удержало Модьуна от естественного желания сказать о себе правду. Прежде чем он смог решить, что сказать, это сделал за него видоизмененный гиппопотам. Стройное существо длиной восемь футов с небольшой шеей, сидевшее на переднем сиденье, сказало, пожав плечами:

— Он — обезьяна. Их много в Африке.

Похожее на лиса существо, сидевшее на заднем сиденье рядом с Модьуном, слабо возразило:

— Я видел много обезьян. Тут есть сходство, но это не обезьяна.

— Обезьяны не похожи на вас и меня, — сказал человек-гиппопотам. — Они разных пород и не похожи одна на другую.

Его слова, казалось, убедили, потому что человек-лиса погладил подбородок, но больше ничего не сказал.

«Хорошо, — спокойно подумал Модьун. — Обе-

зьяна? Почему бы и нет?»

Его за обезьяну приняли случайно на время. Недостаток знаний помешал людям-животным признать в нем человека. Странно. Здесь есть кое-что, что нужно выяснить. Причина может даже стать темой интересного доклада, когда он вернется за барьер.

Итак, Модьун стал играть роль обезьяны и завел дружескую беседу с человеком-гиппопотамом, человеком-лисой, человеком-ягуаром и темным красивым существом, которое вскоре назвало себя медведем-гризли.

Все люди-животные были семи-восьми футов высотой. Их тела изменились до получеловеческого вида. Каждый имел руки, сидел прямо и, конечно, мог ходить вертикально.

На время скучной дороги поездка с ними в автомобиле представляла некоторый интерес. Модьун откинулся назад, глядя на сельскую местность за окном и чувствуя, как играет сила в его теле. Возбуждение? Он сразу прогнал эту мысль. Он еще анализировал реакции своего тела, предполагая, что в давние времена человеческие существа не могли понимать, что возбуждение на низком уровне именно такое — чисто физическое и химическое.

Модьун снова вспомнил, что говорил богомол о том, что нужно спросить о причинах, заставляющих куда-то ехать сотни людей-животных. Поэтому теперь он спросил:

— Куда вы едете?

Он подавил желание добавить слова «так быстро». Но все автомобили действительно мчались, словно механические демоны, на скорости, превышающей первоначально запрограммированную. Очевидно, компьютеры, занимающиеся этим, изменили их скорость. Увеличили.

«Кто это сделал?» — подумал Модьун.

Все четверо его попутчиков — как они ему сказали — посещали тренировочную школу, где изучали работу большого космического корабля. А теперь они ехали в город Галли, где будут ждать запуска. Модьун понял, что они стали приятелями в лагере. Их отношения были задушевными, даже нежными, и, сначала проявив любопытство, они скоро забыли о Модьуне. Для него это было хорошо.

Он был далек от повседневных дел планеты. Когда эти четверо обсуждали подробности тренировки и говорили о предстоящем путешествии в космос, Модьун отвлекся. Скоро он увидел, что их автомобиль въезжает в город. Зданий в городе

стало больше. Они поднимались по холмам, и Модьун мельком увидел их за дальней речкой. Скоро город окружал его со всех сторон. Большие и маленькие здания сверкали на полуденном солнце.

Как Модьун и ожидал, он почувствовал, что его тело снова испытывает возбуждение. Если бы Модьун не знал, что это касается только тела, он мог бы решить, что и его разум возбужден. Ему следовало остерегаться этого… Сильного стремления личности отождествить себя с ощущениями тела.

«Город Галли, — подумал он. — Ну, вот я и здесь. Первое человеческое существо вышло за барьер за последние 3500 лет».

Это было большое дело, и он должен был согласиться с этим.

2

— Куда вы хотите отправиться? — спросил один из людей-животных.

Прошла минута, прежде чем Модьун понял, что человек-медведь обращается к нему. Он вышел из состояния задумчивости и сказал, что не знает.

— Я здесь новичок, — начал многословно объяснять он. — Я только что приехал из Африки.

Куда вы посоветуете мне отправиться?

Они серьезно обсуждали эту проблему, игнорируя его. Наконец, человек-лиса заговорил, и в голосе его звучало удивление. Они никогда раньше об этом не думали.

— Почему бы нам не взять его с собой?

Так они и решили.

— Мы можем показать ему все, — сказал человек-гиппопотам. — Будет забавно посмотреть, например, с каким типом женщин он сблизится.

Модьун вспомнил Судлил:

— Скоро сюда приедет моя женщина, — сказал он.

— Это даже лучше, — ответил человек-ягуар. — Мы сможем понаблюдать, как обезьяны занимаются любовью.

Наверное, у Модьуна было странное выражение лица. Его слегка удлиненные глаза наивно округлились.

— Вы не будете против, не правда ли?

Сам Модьун не видел причин возражать, но он интуитивно чувствовал, что Судлил может быть против. Как раз перед его отъездом они наблюдали спаривание животных. Конечно, Судлил в то время еще не полностью выросла и ее реакция отражала болезненно чувствительное состояние

тела, но она довольно странно отнеслась ко всему этому.

Улыбаясь воспоминаниям, Модьун спокойно объяснил, что самки обезьяны иногда возражают против наблюдателей.

Четверо самцов уставились на него, сначала с удивлением, а потом почти с одинаковым презрением. Человек-ягуар сказал:

— Вы хотите сказать нам, что вы, обезьяны, разрешаете вашим самкам говорить вам, что делать?

Он посмотрел на своих компаньонов с ироническим выражением:

— Я вижу, что мы должны научить этого приятеля, как быть мужчиной.

Человек-ягуар был спокойным и высокомерным. Он протянул руку и похлопал Модьуна по плечу:

— Не беспокойтесь, сэр. Держитесь за нас, и мы скоро приведем вас в нормальное состояние.

В этот момент впервые четверка людей-животных представилась. Человека-ягуара звали Дуулдн, человека-медведя — Руузб, человека-лису — Неррл, а человека-гиппопотама — Иггдооз. Назвав свои имена, люди-животные ждали, а Модьун заколебался. Он быстро вспоминал, что

означают эти имена и откуда они произошли. При идентификации животных люди просто присваивали каждому определенное количество букв алфавита: пять букв для животных из Северной Америки, шесть — для Южной Америки, семь — для Африки и т.д. Компьютеры, которые были запрограммированы на то, чтобы давать имена каждому, получили инструкции не использовать для имени только одну букву. Поэтому не было животного по имени Аааа или Бббббб. Но за исключением этого — полная свобода. В этой лотерее имен его попутчикам еще повезло. Их имена, все без исключения, были произносимыми.

В этот момент Модьун подумал, что люди выбирают себе имена по-другому. И его имя, Модьун, немедленно идентифицирует его как человеческое существо… для любого, кто понимает формулу.

Но он колебался не долго. Он сразу увидел, что, изменив «ь» в имени Модьун на «и», он сможет сохранить произношение, а, если добавит «н», то сможет представить себя выходцем из Африки, имеющим имя из семи букв. По крайней мере он сможет делать это до тех пор, пока не представит комбинацию букв компьютеру.

Его комбинация, в действительности, не имеет

смысла. Кроме того, было бы нелепо представляться обезьяной слишком долго.

Его измененное имя было принято без вопросов. Итак он был Модиунн… еще на несколько часов. Или минут.

После этого Дуулдн, человек-ягуар, сообщил ему, что он и его компаньоны направляются в центр города. Дуулдн сказал:

— Понимаете, здесь обычная система поселений. Думаю, что она одинакова во всем мире.

— Да, — коротко ответил Модьун.

Когда через несколько минут Модьун выбрался из автомобиля, он понял, что сердится. Понимает ли он, как управляются эти города! Он, принадлежащий к расе, которая создала автоматические города и автоматические села — короче, все на этой планете!

Однако, когда автомобиль уехал и четверо людей-животных быстро пошли по широкой улице, потребовалось несколько мгновений, пока Модьун понял, что они направляются к движущемуся тротуару.

«Ну, конечно», — подумал он потом, ругая себя.

Всплыли старые воспоминания, и город показался более знакомым. Он вспомнил, что жилая зона разбита так, чтобы принимать приезжих в

одном секторе. Тут есть места для семей и, наконец, роскошные апартаменты для людей.

Путешествие по движущемуся тротуару закончилось через полтора квартала. Человек-ягуар показал на склон холма и сказал:

— Здесь вся улица свободна. Давайте поселимся тут, а потом выйдем и пойдем поесть.

Модьун последним преодолел четырехдорожечный переход от скоростного тротуара к среднескоростному, потом к медленному тротуару, а потом шагнул на улицу. Его спутники поднимались по склону, а он медленно и нерешительно следовал за ними. Должен ли он продолжать лгать? Это казалось слегка несерьезным. Тем не менее, вскоре он, как и другие, стоял перед рядом кнопок. Набрал свое обезьянье имя.

И ждал, пока компьютер откроет дверь.

Компьютер отказался впустить его.

— Вы не идентифицированы правильно, — был ответ.

Прошла вечность, Модьун ничего не делал, не реагировал, даже не обдумывал то, что сказала машина. Он был в смятении. Раньше он не знал этого чувства. Это было чувство, новое для него. Неосознанное чувство. И его мозг не понимал реакции тела.

Странно, что его мысли пришли в такое смятение…

Он начал приходить в себя. Сначала он просто наблюдал. Здесь перед ним за дверью квартиры находился механизм: кнопки, которые он нажимал, маленькая треугольная металлическая решетка под ними — откуда голос компьютера произнес невероятные слова.

Модьун с одной стороны видел длинный ряд стерильных квартир, точно таких, как та, которую он выбрал в качестве своего дома. Ну, не совсем квартир. Они все были одноэтажные и располагались вдоль блока как терраса. Перед каждой квартирой было несколько ступенек, ведущих на маленькое крыльцо, и Модьун предполагал — хотя и не мог ясно видеть, что было у других дверей, — на каждом крыльце были кнопки с буквами и система динамиков за решеткой.

В известном смысле, однообразный мир. Но как же иначе обеспечить жильем миллионы? Действительно, его предки занимали такую же терпимую позицию по отношению к людям-животным, как и он, они заботились не о красоте, а только о пользе.

Но, так как чистота была полезной, они предусмотрели для каждого жилища и для города

автоматические чистящие системы. Так что пластмассовые стены, и пластмассовые двери, и нержавеющие стальные решетки сияли — так было чисто. И ступеньки выглядели вымытыми и выскобленными. На тротуаре внизу не было ни пятнышка.

Модьун еще рассеянно осматривал мир вокруг, когда вдруг понял, что же так подействовало на него.

Отказ.

Ему отказали! За всю жизнь в несколько сотен лет никто никогда так не поступал с ним. Это был удар для его мозга, перед которым никогда не существовало никаких преград, кроме философии о тщетности бытия — и, особенно, тщетности усилий. Действительно, ничего не стоит делать. Тело испытывает чувства, мозг — нет. Человеческая природа такова, что человек может отдавать себе отчет, когда его тело испытывает чувства. Уделом людей было выбирать, нужно ли игнорировать ощущения своего тела.

И теперь он не мог сделать этого. Когда Модьун осознал удивительную правду — источник своей глубокой тревоги — он начал понимать, что его тело испытывает раздражение.

Мысленное осознание физического чувства бы-

ло как сигнал. Мозг Модьуна мгновенно вернулся к нормальному состоянию: отделился от тела. Модьун успокоился, но проявил любопытство. Он сказал:

— В чем проблема? Мое имя имеет нужную длину и правильный код для обезьяны из Африки. Почему меня не принимают?

— Личность с этим именем — Модиунн — в настоящее время находится в Африке, зарегистрировавшись как проживающая по определенному адресу.

Раздражение усиливалось. Тело, казалось, все меньше поддавалось контролю. Прошла минута, и Модьун понял, что создавало такое беспокойство его телу. В прежние дни можно было запрограммировать компьютеры, чтобы они учитывали такие подробности, но это не было сделано. Ни одно человеческое существо никогда не занималось отдельным животным, не интересовалось, где оно находится или даже тем, что с ним случилось.

Поэтому он теперь сказал угрожающим тоном:

— С каких пор компьютеру есть дело до местонахождения отдельного животного?

— Вы спрашиваете, имею ли я право отказаться впустить вас? — спросил компьютер.

— Я спрашиваю, откуда вы знаете, где находится Модиунн? Я хочу знать, кто связал вас с компьютером в Южной Африке, — сказал Модьун с высоты своего положения человеческого существа.

Компьютер ответил, что он связан со всеми компьютерами планеты уже 3453 года, 11 часов, 27 минут и 10 секунд. Пока он отвечал, Модьун подумал, что компьютеры никогда не программировали отвечать на такие вопросы, как задал он.

Он раскрыл рот, чтобы продолжить колкие расспросы, и вдруг понял, что его тело испытывает болезненные ощущения, понял, что все это время нервничал. Модьун точно не знал, сколько времени люди находились за барьером, кроме того, он принадлежал к третьему поколению. Но с помощью информационных центров в мозгу он догадался, что компьютеры были перепрограммированы в течение нескольких лет после ухода людей.

Кто мог это сделать?

Модьун сделал еще одну попытку.

— Вы отказываетесь открыть эту дверь для меня?

— Это невозможно, — был ответ. — Я автомат, а вы не соответствуете требованиям, позволяю-

щим войти.

Заявление компьютера, к несчастью, напомнило Модьуну об ограничениях механического устройства. Проблема была не в машине, а в том, кто и как изменил принцип ее работы.

«Посмотрим, смогу ли я убедить кого-нибудь переехать в большую квартиру и поселиться со мной», — решил он.

Животные-люди, с которыми он познакомился, исчезли в своих маленьких домиках. Модьун вспомнил, что Руузб, человек-медведь, занял квартиру слева от него. Модьун пошел туда и постучал в дверь, игнорируя систему кнопок.

Пауза. Звук шагов. Дверь открылась, и появился красавец-медведь. Он приветливо улыбнулся Модьуну.

— Эй, — сказал он, — вы очень быстро управились. Входите. Я буду готов через минуту.

Модьун вошел, боясь, что дверной компьютер не пустит его и сюда тоже. Но динамики за решеткой молчали; разговор между ним и Руузбом не привел механизм в действие. Очевидно, на него не влиял факт присутствия Модьуна, если дома хозяин.

«Включается при нажатии кнопки», — подумал он с облегчением.

Он собирался предложить человеку-медведю поселиться с ним вместе в двухкомнатной квартире для приезжих. Но теперь в этом не было необходимости. Модьун совсем не знал, когда и что он должен будет делать. Но было ясно, здесь что-то не так, как должно быть.

Но он верил в то, что культура животных осталась прежней, без неожиданностей. Сердечное приглашение Руузба давало ему еще немного времени, чтобы обдумать положение дел.

«Я попрошу его поселиться со мной вместе… немножко позже».

3

Через полчаса…

Пятеро приятелей пошли в столовую двумя кварталами дальше. Оказавшись внутри столовой, Модьун замешкался, а остальные нетерпеливо схватили тарелки и стали в очередь. Модьун подумал: не откажется ли компьютер, раздающий пищу, обслужить его? Хочет ли он здесь и сейчас объявить, что он — человек?

Но, подумав, он решил продолжать маскарад, потому что не хотел верить, что кто-то взял на себя труд изменить программы миллионов простых машин. И что более важно, тут не было

внешних признаков того, что медленно (более тысячи лет) создававшаяся система свободного питания — где не задавали никаких вопросов — изменилась.

Машины автоматически возделывали землю и собирали урожай. Для тех, кто прежде был плотоядным, различные типы белков создавались с помощью компьютера из съедобных зерен, фруктов, трав, кустарников и деревьев. Для тех, кто прежде был травоядным, подходящая пища создавалась по тому же общему принципу. Почти все зеленое, желтое или растущее в лесу шло на пользу разумным формам жизни. Почти ничего не выбрасывалось.

Слишком сложно. Изменение означало бы вмешательство во всю цепь операций. Модьун вынул еду из контейнеров, которые автоматический компьютер позволил ему открыть. Он назвал свое настоящее имя, доверившись логике. Кроме того, как он вспомнил, обезьяны еще ели множество растений, которые людям не нравились.

Когда на его тарелке оказалась пища, он пошел к тому столу, который раньше заняли его товарищи. До сих пор все шло хорошо. Пока его новые знакомые оживленно беседовали, Модьун сел и стал старательно жевать и глотать. Хотя он ел

много раз к концу своего пребывания за барьером, весь процесс в целом оставался неприятным.

Он помнил, что после неприятного для него процесса еды случится вещь гораздо худшая. Позже… он должен будет искать общественный туалет и в присутствии других существ в соседних кабинках избавляться от отходов организма.

«Жизнь за границами барьера, — думал он, — именно такова, какой должна быть по моему мнению: скучные, утомительные, раздражающие переживания».

Но его на время заманили в большое тело, и он должен был выполнять его требования.

А взгляды у Модьуна остались прежние. Каждым существом тут управляют: его проблемы никогда не решаются до конца, существует непрестанная необходимость бороться с окружающей средой, и это повторяется каждое утро, заставляет существо непрерывно действовать.

Какие мысли могут быть у такого существа? Никаких!

Модьун без удовольствия пережевывал пищу и обдумывал свое положение, когда, услышав случайное слово, он понял, что четверо его друзей все еще обсуждают надоевшую ему тему предстоящего путешествия в космос.

По-видимому кто-то убедил власти утвердить неправильную цель экспедиции. Его друзья считали, что должны противодействовать, убедить власть предержащих выбрать правильную звезду как цель для полета корабля.

— … Значение… необходимое действие… жизненные… решающие для мира…

Слова с их скрытым смыслом условий, которые обязательно должны быть выполнены, проходили через воспринимающую систему Модьуна, но сначала он только регистрировал их. Наконец, до него дошло их значение и он сказал с легкой улыбкой:

— А если вы не сможете отстоять свою точку зрения, что случится?

Человек-ягуар удивленно посмотрел на него.

— Кто-то другой выдвинет свой проект.

— С какими результатами? — спросил Модьун.

— Их идеи неверны, а наши верны.

— Но что же все-таки случится? — настаивал Модьун.

— Экспедиция отправится к группе желтых звезд, похожих на наше солнце. Шансов найти жизнь на планетах таких звезд, как наше солнце, меньше, чем на планетах голубых звезд. Это уже доказано.

Модьун со своего уровня, где все такие вещи были одинаково бесполезными, снова улыбнулся наивному ответу.

— А, предположим, что экспедиция не обнаружит жизни ни в системе желтой, ни в системе голубой звезды? — спросил он.

— Это будет напрасное путешествие.

Его безупречная логика не доходила до сознания. Человек сам прошел через эту промежуточную стадию; когда-то он верил, что успех заключается только в результате. Модьун сместил акцент своего вопроса.

— Участники такого путешествия не будут испытывать неудобств?

— О, нет. Корабли безупречны. Они похожи на большие города, плывущие в космосе.

— Те, кто будут на корабле, смогут есть, спать, развлекаться, общаться с существами противоположного пола, будут иметь возможность тренироваться и обучаться?

— Конечно.

— Тогда, какая разница, каким будет результат? — торжествующе спросил Модьун.

— Но, если мы не обнаружим другую жизнь, то это будет напрасное путешествие. Межпланетные корабли мчатся с большой скоростью, и, как

нам сказали, мы посетим много планет; мы улетаем на длительное время. Для отдельной личности очень тяжело, если цель не достигнута.

Модьуну казалось, что все на корабле будут жить совершенно одинаково, независимо от того, неудачной или успешной окажется экспедиция. Забавляясь, он сместил акцент:

— Ну, хорошо, предположим, вы нашли разумную жизнь в другой звездной системе, — что тогда?

Человек-ягуар покачал головой:

— Вы, обезьяны, задаете ужасные вопросы, — сказал он. — Все, что вокруг нас

— жизнь. А жизнь — познание нового! Неужели это ничего не значит?

Но Модьуна нельзя было сбить с мысли.

— Скажите мне, — настаивал он, — как вы поступите с другими существами, если вы их найдете?

— Ну… мы должны будем определить свою политику относительно них. Это будет зависеть от их реакции.

— Приведите мне пример такой политики.

Настроение человека-ягуара изменилось. Он выглядел расстроенным, словно ему надоел этот разговор.

— Как я могу знать заранее! — взорвался он.

Пока продолжалась дискуссия, Модьун с растущей уверенностью отметил про себя другой смысл того, что было сказано. Теперь он спросил:

— Вы упоминаете, что нужно убедить власти. Кто эти власти?

Он ждал и думал:

«Теперь я узнаю, кто враг».

— Люди-гиены, — был ответ.

Последовало мгновенное разочарование. Ответ оказался заурядным.

«Не люди-тигры или люди-львы, — подумал Модьун, — не люди-слоны. Никто из тех, кто когда-то был большим или могучим созданием. Вместо этого, тот, кто когда-то питался падалью, а теперь добрался до вершин власти».

Он забеспокоился.

Все остались на одинаковом уровне. Когда люди отступили за барьер, самосохраняющиеся компьютеры управляли городами и селами. Люди-гиены прорвали эту оборону. Невероятно, но у него не было причин сомневаться.

И все же он почувствовал себя лучше. Одна группа, с которой можно говорить, вести дела. Вдруг это показалось Модьуну несерьезной проблемой.

Модьун расслабился — и впервые действительно с искренним интересом принял участие в беседе. Ему эти разговоры что-то напомнили. Он сказал:

— Вы говорите о поисках других обитаемых звездных систем. А что вы скажете о Нунули, которые обнаружили иную жизнь в нашей солнечной системе? Они же возвратились на Землю? И почему вы не спросите их, где обитаемые системы? Я уверен, что они с радостью расскажут вам. Это очень услужливая раса.

Он остановился, увидев смущенные лица.

— Нунули! — эхом отозвался человек-лиса.

— Существа с другой звезды! Нет, мы никогда…

Это произнес человек-медведь.

— Где вы слышали об этих существах со звезд? — спросил человек-ягуар насмешливым тоном. — Когда это было?

Модьун, который на мгновение забыл, что для них он обезьяна и не может знать больше, чем они, сказал:

— Я слышал это там, откуда я приехал.

Он самодовольно подумал, что это чистая правда.

Четверо людей-животных, казалось, приняли его утверждение. Очевидно, они точно не знали,

что происходило в далекой Африке. Несколько минут они продолжали серьезно беседовать между собой и пришли к выводу, что тем, кто прилетел из космоса, земляне позволили жить, но не дали случившемуся широкой огласки.

Это была неудача. Глупость. Но в этом была и хорошая сторона, как считал человек-медведь. Это доказывало, что в космосе есть и другие расы.

— Весь район там должен быть исследован, — неопределенно махнул рукой человек-медведь, охватывая взмахом полгоризонта.

Подходящий момент еще не настал, их внимание все еще было занято навязчивой идеей, но в голове Модьуна мелькнула другая мысль.

— Что вы делали до того, как вас наняли для полета? — спросил он с любопытством. — Чем вы занимались?

— Я был монтером на строительстве, — сказал Неррл.

Игдооз, как выяснилось, работал на океанской ферме, где разводили водоросли.

— Я всегда хорошо себя чувствую у воды, несмотря на то, что она соленая, — сказал он. — Каналы и болота… В общем, мне хорошо.

Руузб был лесничим.

— Я люблю горы и расстояния, — сказал он. —

Вот почему, я думаю, мне понравится космический полет. Космос…

Дуулдн не захотел рассказывать о себе. Он выглядел немного смущенным.

— Я не стыжусь, — сказал он. — Было бы странно говорить об этом, и я лучше не буду.

Отказ стал мгновенным вызовом Модьуну. Он смутно помнил о том, что, изменяя животных, человек имел в виду некоторые особые способности, которые он обнаружил в каждой породе… Что же это могло быть у ягуара? Он не мог ни вспомнить, ни додуматься до этого.

С опозданием ему пришло в голову, что его знакомые захотят узнать о его занятиях. Он открыл рот сказать, что он специалист по электронике, но внезапно понял: не нужно ничего говорить. Его друзья снова вернулись к своей скучной теме.

Информация о Нунули, пожалуй, возбудила в них еще больший интерес к предстоящей межзвездной экспедиции, сделала их еще более решительными, чем когда бы то ни было (если такое вообще возможно), в стремлении настаивать на правильном выборе маршрута для их корабля. Когда Модьун снова прислушался к их разговору, они обсуждали ряд способов, которые помогут склонить «власти» к их точке зрения.

Вдруг человек-лиса вскочил на ноги.

— Эй! — он почти визжал от возбуждения. — Лучше нам добиться, чтобы нас выслушала комиссия.

Модьун встал, как и другие. Он был немного обескуражен — хотя и не сильно. Их неожиданное (а на самом деле, закономерное) намерение, казалось, положит конец его плану поселиться вместе с Руузбом. Ему не пришло в голову, хотя и должно было прийти, что они должны присутствовать днем на собрании.

Действительно, это было не настоящее препятствие. Перед ним стояла проблема: где найти комнату? И он должен был ее решить.

Модьун направился к ближайшей двери, понимая, что другие идут следом. Он думал:

«Когда они пойдут на собрание комитета, я попробую справиться с квартирным компьютером. И мы увидим, кто главный: человек, творец или машина».

С этой мыслью он прошел в дверь, оглянулся и обнаружил, что он снаружи — один!

4

Остальные ушли.

Поразительно!

Только что они были сзади. Иггдооз хрипло смеялся; Дуулдн что-то говорил глубоким мурлыкающим голосом, Руузб тяжело ступал по полу, а человек-лиса что-то отвечал лающим голосом.

Слова совсем не имели значения, но звуки, которые издавали его знакомые, стали привычной частью окружающего.

Модьун остановился и оглянулся. Вот дверь, через которую он вышел.

Он помнил, что она была непрозрачной.

Непрозрачной!

Когда Модьун бросился к ней, он заметил, что на ней нет ни ручки, ни задвижки. Он сделал три шага, и теперь стоял, ощупывая дверь ладонями и пальцами и пытаясь открыть ее.

Под руками была лишь маслянистая гладкая поверхность. Дверь не откроется. Сзади, на улице он услышал слабый шум… Что-то в его мозгу мгновенно отреагировало.

Модьун обернулся.

Высокий — более восьми футов — человек-гиена стоял на расстоянии всего в дюжину футов с автоматическим пистолетом в одной руке; он сказал странным голосом:

— Что случилось?

Потом Модьун сделал неопределенное движе-

ние своим телом, словно покачнулся, и пистолет выпал из вытянутой руки гиены, ударившись о тротуар с металлическим звуком.

Это было как сигнал. Огромный человек-гиена опустился на колени и прошептал:

— Помогите…

Модьун мог бы помочь, но не помог. Он стоял, чувствуя свою вину.

Умом он чувствовал, понимал, что это было. Модьун сразил человека-гиену, выделив из своего тела газ.

Невероятно, но какая-то часть мозга Модьуна уловила звук у него за спиной или, может быть, уловила лишь настолько, насколько это возможно из намерений другого при передаче мыслей, и объяснила это как угрозу.

Больше всего Модьуна удивило то, что его реакция была агрессивной.

В течение всей жизни Модьуна с ее философией полного — именно полного отказа от насилия, он никогда не нападал, но его мозг был способен на это.

Итак, это рефлекс тела, с его животным бешенством.

«Господи, я должен следить за этим», — подумал он.

Пока он пришел к такому решению, человек-гиена перекатился на бок и теперь лежал на бетоне, скрючившись, стонал и извивался. Модьун подошел и с сочувствием посмотрел на подергивающееся тело.

Через минуту Модьун увидел, что пистолет лежит в нескольких ярдах в стороне. Он подошел, поднял его, осмотрел и увидел, что он заряжен.

Модьун не знал, что и думать. Поэтому он спросил:

— Где вы взяли оружие?

Никакого ответа, только стон.

Модьун спросил настойчивее:

— Я думал, что их больше не выпускают.

На этот раз ему ответили.

— Ради Бога, — простонал человек-гиена, — я умираю, а вы задаете глупые вопросы.

Все оказалось не так плохо. Действительно, первоначальное чувство сильной вины отошло на задний план. Оно еще присутствовало, но стало более слабым, когда Модьун с облегчением осознал, что инстинктивно воспользовался защитной функцией организма.

Тут у человека-гиены начался отвратительный приступ желудочных спазмов. Возможно, он чувствовал сильную изжогу и другие признаки

отравления, которые порой испытывают и животные, и люди.

Это страшно, болезненно, но он не умрет.

— С вами будет все в порядке примерно через час, — сказал Модьун и положил пистолет в карман пальто. — Но я уверен, что вы собирались стрелять. Это делает вас потенциальным убийцей, и поэтому я только запишу ваше имя.

Подозревая, что ему не ответят добровольно, Модьун снова потребовал.

— Глидлл, — ответил человек-гиена.

— Хорошо, Глидлл, — сказал Модьун, — мы не хотим дальше нарушать ваше право на свободу мысли, поэтому сейчас я не требую больше информации. Что-то в этом мире неправильно, и я не могу поверить, что вы персонально ответственны за это. Но я буду знать, как связаться с вами, когда, наконец, приму решение.

С этими словами Модьун повернулся и пошел влево, туда, где заметил дырку в заборе, ведущую к входу в столовую.

Когда Модьун попал на улицу, четверо его друзей вышли из здания. Увидев Модьуна, Неррл, человек-лиса, облегченно вздохнул. Они все остановились.

Несколько минут они говорили все вместе. Из

этой смеси слов Модьун смог выделить всего несколько битов информации. Он понял, что они решили, что потеряли его. Модьун задумчиво смотрел на них. Все четверо излучали наивность, что делало всю историю совершенно приемлемой для него. Что бы ни случилось, они тут были ни при чем.

Он подумал, что происшествие приобретает вид случайного. Совершенно случайно он вышел через боковую дверь в тот момент, когда — как они теперь это описывали

— они остановились и оглянулись, чтобы что-то рассмотреть. Когда они повернулись, его уже не было.

Но как случилось, что человек-гиена с автоматическим пистолетом как раз стоял на заднем дворе? Совпадение требовало напряжения воображения, но так как никто не знал Модьуна и не знал, кем он был, это должно было быть именно совпадением.

Модьун почувствовал, как его напряженное тело при этой мысли расслабилось.

Он наблюдал, как четверо друзей заторопились на собрание. Сначала они воспользовались движущимся тротуаром, чтобы добраться до улицы. Один из них махнул рукой, и к тротуару подъе-

хал автомобиль. Они забрались в него, и двери закрылись. Минутой позже автомобиль отъехал, и Модьун быстро потерял его из виду.

Чувствуя себя спокойным, но немного несчастным, Модьун направился к квартирам на террасе. Первые неудачи немного беспокоили его. Он потерял своих четырех спутников. В их компании он чувствовал себя в какой-то мере счастливым.

Модьун пошел, чтобы показать, как одурманивают мозги настоящего человеческого существа. Его удивило, что обучающие машины не подготовили его к таким ловушкам. Тот, кто программировал машины, уже забыл такие подробности. Или, наверное, знал, но игнорировал.

Модьун все еще мысленно качал головой, хотя его, в действительности, не беспокоили различия, когда он приехал на улицу, где жили другие и где он тоже надеялся устроиться. С облегчением он увидел, что небольшая квартира между человеком-медведем и человеком-ягуаром еще не занята. Так как она свободна, ему не придется позже объяснять, почему он переехал.

Теперь он не терял времени на дальнейшие споры с машиной. То, что он делал, было одним из способов, с помощью которых человеческий ум контролировал положение дел. Сила, которая

была мгновенно приведена в движение, уничтожила прочные электрические соединения этой специальной системы реле, открывающих дверь.

Так как его логика была безупречной, он не повредил небольшой выключатель, с помощью которого компьютер дистанционно контролировал крошечную квартирку. Он просто открыл дверь. Через минуту, когда он повернул ручку и толкнул дверь, она открылась.

Теперь он мог войти. Но вместо этого он остался стоять. У него возникло чувство, чувство, идущее из мозга в тело.

Он стоял на крыльце этой маленькой блочной квартирки и смотрел с ее скромной высоты на часть города Галли. И он чувствовал, что он — человек, и другие не такие, как он. Большинство из них приспособилось и не изменилось. Рост человеческого самосознания из глубин животного для большинства существ, населяющих Землю, не был трамплином для прогрессивного развития.

К ним насильно применили чудеса биологии. С этого времени цепи молекул оказались закодированными, чтобы поддерживать изменение; и за тысячи лет кодирование точно выполнило свою задачу.

Не больше и не меньше. Модьун отчетливо представлял себе огромные массы животных-людей, которые счастливо общались, подходили к автоматам для раздачи пищи, пробивались в свои квартиры, докладывая компьютерам, энергично обсуждали подробности того, на что они были запрограммированы, или, как это случилось с его знакомыми, делали то, что заставлял их человек-гиена.

Какая удивительная случайность, что люди-гиены из всех людей-животных оказались единственными, кто как-то пробился через внутреннее кодирование.

Стоя здесь, Модьун все еще предполагал, что это незначительный прорыв; что в человеке все еще есть что-то большее, чем в любом животном. Это ощущение засело в его мозгу.

«Мы великие», — думал он.

Впервые он согласился, что поступил хорошо, выйдя из-за барьера, чтобы оценить изменения внешнего мира, узнать, какое время наступило на планете людей.

Когда он так оценил свое присутствие здесь, за барьером, он вошел в маленькую квартирку, где собирался пожить некоторое время в качестве обезьяны.

Пока не приедет Судлил.

Общение с человеком-гиеной, вооруженным пистолетом, в свете имеющихся фактов, казалось, к делу не относилось. Скрытый смысл заключался в том, что Модьун стал заметной персоной.

Но это, конечно, невероятно.

«Никто же не станет искать меня, — говорил себе Модьун. — Я человек-обезьяна, который живет, как приезжий, в городе Галли».

Если пистолет был предназначен, чтобы кого-то убить, то собирались убить не Модьуна. Простая логика. И поэтому не было нужды думать об этом дальше.

И он прекратил это занятие.

Модьун проснулся в кромешной тьме, осознав, что кто-то находится в комнате и склонился над кроватью с оружием…

5

У Модьуна не было времени подумать, как лучше отреагировать. Поэтому он превратил противника в камень.

Тогда он включил свет и встал. Человек-гиена стоял неподвижно, склонившись над его постелью, и крепко сжимал нож. Он был захвачен врасплох во время нанесения удара, и его поло-

жение было динамически неустойчивым.

Модьун, конечно, никогда раньше не применял метод превращения в камень на живых существах и теперь смотрел на свое творение, чувствуя возбуждение в теле. Он — сам, думающая личность — изучал незваного гостя с полной беспристрастностью. Из того, что он знал о процессах, которые запускаются в живом организме таким способом воздействия, он понял, что все потенциальные возможности тела человека-гиены для затвердевания были мгновенно освобождены.

Модьун вызвал у человека-гиены артрит, паралич, камни в обеих почках, затвердение артерий и, вообще, окостенение всего тела… Модьун подозревал, что тот чувствует сильную боль, поэтому он подошел и вынул нож из его руки — или, скорее, попытался это сделать.

Нелегко… Пальцы, казалось, застыли вокруг рукоятки. Но Модьун вытянул нож, внезапно сильно рванув. Затем он проверил карманы у существа, нашел несколько таблеток и, усилив свое чувство обоняния, установил, что они ядовиты.

Модьун понюхал лезвие ножа. Тот же запах. Метод двойной попытки подстраховки.

Больше ничего он не нашел.

Чувствуя жалость к другому существу, он оставил в его теле немного жидкости

— минимум.

Человек-гиена упал на кровать. Он лежал там, словно мокрая масса, и так было на самом деле.

Сейчас в его теле началась внутренняя перестройка. Может быть, ему потребуется день, чтобы оправиться от шока и быть в состоянии двигаться. Некоторое время после этого в мозгу его будет избыток жидкости и слишком много воды в каждой клеточке. Но так как, очевидно, человек-гиена не был болен и в его системе не было естественного нарушения, то, в конце концов, он придет в себя.

Модьун не знал, когда можно будет расспросить предполагаемого убийцу о его мотивах. Ему казалось, он помнил, как обучающие машины много лет назад говорили, что необходима одна или две недели, пока голосовые связки восстановятся достаточно для того, чтобы существо смогло говорить.

Все это не имело значения. Значение имело то… Несомненно, кто-то искал его.

Логика говорила, что этого не может быть, но факты — вещь неопровержимая. Два покушения на его жизнь. Это невозможно в мире, где нет

преступлений. Но все же это случилось.

Модьун мгновенно решил, куда он должен пойти, чтобы провести первую проверку.

Итак, вскоре после трех часов ночи, полностью одетый Модьун распахнул входную дверь столовой, работающей круглосуточно, и пошел к боковому выходу, через который он каким-то образом (случайно?) попал во двор и оказался лицом к лицу с вооруженным человеком-гиеной.

Что-то в этом беспокоило его. Мгновенное замешательство…

«Усилитель мысли направил меня через ту дверь, — анализировал Модьун. — Он включался только на мгновения».

В течение секунд усиленная мысль осторожно подталкивала его через эту боковую дверь… Все выглядело так, как будто это его собственная мысль. Осторожно, согласно его собственной цели. В шумном окружении он не заметил постороннего воздействия.

Модьун предположил, что одновременно четверо его друзей-животных подверглись такому же умственному давлению, которое направило их мимо той же двери, и они не заметили его исчезновения. Это никак не могло быть проблемой. Животные-люди не знают таких вещей.

Убежденный в своей правоте, Модьун решил для себя:

«Путь, по которому я сейчас иду, выведет меня к компьютерному центру и к тому, кто там находится. И тогда я буду знать, в чем проблема».

Модьун даже не предполагал, с какой невероятной проблемой столкнется.

Была ночь… только на востоке появилось слабое сияние…

Модьун вошел в компьютерный центр через парадный вход и оказался в мире металлических панелей, залитых слабым светом; некоторые панели простирались от пола до высокого потолка.

Были слышны слабые звуки; насколько Модьун мог определить, он слышал только звуки машин и их органов управления. Легкие щелчки, когда блоки один за другим соединялись с основной машиной или отключались от нее.

Это ничего не означало и не имело значения. Тут царил заведенный порядок, все работало в том же автоматическом режиме много тысячелетий и, вероятно, будет продолжаться, пока на планете не исчезнет жизнь.

Модьун миновал несколько дверей, прошел по коридору и спустился вниз по ступенькам — к центральному устройству.

«Вот вы где», — подумал Модьун.

Машина, перед которой он очутился, казалась обыкновенным компьютером универсального типа. Но из этого компьютера исходила направляющая мысль, которая заставила его выйти из боковой двери столовой.

Через минуту Модьуна удивило, что ему позволили зайти так далеко без дополнительных препятствий. Он чувствовал… сопротивление… своему присутствию. Поразительно, что он не мог осознать это яснее, он, который был таким чувствительным.

Ладно, скоро он все узнает.

Он заговорил с компьютером, требуя разъяснений. В помещении для машины его голос повторяло эхо. Он ясно чувствовал, что прошло много, много столетий с тех пор, как шум жизни нарушал тишину замкнутого пространства.

Последовала пауза, которая сама по себе показалась ненужной, так как компьютер всегда отвечал сразу (за исключением этого раза).

Наконец, прозвучал ответ компьютера:

— Я получил инструкцию проинформировать вас, что Нунули, хозяин планеты, поговорит с вами лично, как только подойдет сюда, на что потребуется около минуты.

У Модьуна было шестьдесят долгих секунд, чтобы обдумать значение этих слов. Так как он полностью контролировал все происходящее, то почувствовал удивление, услышав ответ компьютера.

Минута прошла. Где-то у него за спиной открылась дверь.

6

Только в течение нескольких мгновений существо, которое вышло из-за рядов машин и металлических панелей, выглядело как человек. Оно было одето в костюм, закрывавший тело и руки. У него было две ноги и две руки, и держало оно их как человек.

Но вторым, главным впечатлением Модьуна был его своеобразный голубовато-зеленый головной убор и пара перчаток из необычной ткани в голубую полоску.

Мгновения, когда он казался знакомым, прошли…

Модьун понял, что незнакомец не является земным созданием. То, что казалось цветным головным убором, оказалось массой мелких щупалец, которые поднимались с головы и отражались на гладкой коже лица, как в зеркале.

А то, что выглядело, как костюм, было, в действительности, серовато-зеленой кожей. Кое-где она была скорее серая, чем зеленая. На существе вообще не было никакой одежды.

Хотя он сам никогда не видел Нунули, он понял, что это, на самом деле, пришелец, который впервые посетил Землю около пяти тысяч лет назад.

По меньшей мере, здесь был один из пришельцев. Существо остановилось и теперь находилось на одном уровне с Модьуном. Пришелец оказался ростом около шести футов и выглядел скорее тщедушным. Землянин возвышался над ним на добрых два фута.

Теперь Модьун почувствовал себя просителем.

— И что же вы собираетесь делать? — спросил Модьун.

Руки поднялись вверх, и это было удивительно точным подражанием человеческому жесту, своего рода пожатие плечами.

— Все сделано, — сказал Нунули. — Больше ничего не нужно. Твоя планета давно завоевана нами.

Голос, которым были произнесены эти слова, звучал нежно, но не был женским. Сами слова были сказаны на универсальном земном языке без акцента. Или, по крайней мере, если и был

акцент, он казался легкой местной вариацией.

Модьун оценил ситуацию.

— И какие у вас планы относительно меня и других человеческих существ? — спросил он.

— Никаких, — ответил пришелец. — Что вы можете сделать против нас?

— Мы обладаем системой управления разумом, — заявил Модьун.

— Сколько вас здесь?

— Около тысячи, — неохотно ответил Модьун.

На мгновение, только на мгновение, его поразило такое малое количество оставшихся людей.

— Когда мы впервые прибыли сюда, — сказал Нунули, — здесь было около четырех миллиардов человеческих существ. Они могли оказаться опасными. Но теперь, я говорю вам, что мы позволим этой тысяче делать все, что угодно… даже сопротивляться нам. Но почему они должны беспокоить нас, если мы не беспокоим их?

Модьун с чувством облегчения выслушал его ответ. Его мускулы и нервы напряглись, и сигналы, которые они посылали в мозг, были слишком сильными.

Наконец, Модьун сказал:

— Но почему вы вообще завоевали нас? Что вы собираетесь делать с таким разнообразием

разумных форм жизни?

— Что делать с этой планетой, — ответил Нунули официальным тоном, — мы еще не решили. Решение будет принято на будущем собрании комитета.

Существо вытянуло руки и сказало:

— Трудно выносить такие вопросы на повестку дня.

— Но почему же вы завоевали нас? — настаивал Модьун.

Нунули вернулся к официальному тону.

— Мы получили инструкции уничтожить руководящую группу, после чего будет принято решение, как распорядиться планетой. Наш метод завоевания Земли заключался в том, чтобы предложить человеческим существам усовершенствовать их тело и мозг. Ваших предков сразу привлекли возможности, которые открывались перед ними. Люди не заметили, что среди стремлений, которые поощрялись при этом, оказался и всеподавляющий импульс к философскому существованию. Так как процесс продолжался, то скоро человеческие существа захотели оставить свою цивилизацию животным и насекомым. Позже, когда мы решили, что нас должна представлять группа животных, мы выбрали

людей-гиен. Естественно, четко не представляя ситуацию, они мало знают о вас. Поэтому вам причинили беспокойство.

Модьун решил, что инопланетянин намекает на два покушения на его жизнь. Объяснение показалось неудовлетворительным, но Модьун воздержался от комментариев.

— Этого, — продолжал Нунули, — снова не произойдет, если вы не проявите упрямство.

Модьун быстро оценил сказанное, глубоко вздохнул и сказал:

— Ваши действия едва ли похожи на завоевание.

— Человек фактически исчез. Это завоевание!

Модьуну было трудно оценить все с такой позиции. Сокращение человеческого рода до тысячи особей казалось ему разумным. За людьми в этом вопросе могли бы последовать Нунули и огромное количество животных и насекомых, кишевших по всей Земле.

Он так и сказал.

Нунули отверг эту идею.

— Наше предписание — завоевать Вселенную и размножить людей-рабов в количестве, необходимом для выполнения этой задачи.

— Но почему?

— Это решает комитет, — последовал холодный ответ.

В мозгу Модьуна начала формироваться смутная картина иерархической структуры захватчиков. Он сказал:

— Этот комитет… Вы общаетесь с его членами?

— Нет, они сами связываются с нами. Мы получаем инструкции.

— Значит, они не живут среди вас?

— О, нет! — ответил потрясенный Нунули. — Они живут за барьером, и никто не ходит туда.

— Они похожи на вас? По форме, я имею в виду.

— Конечно, нет. Это было бы смешно. — Нунули вдруг возмутился. — Члены комитета — особая раса.

— Сколько же их там?

— Около тысячи, — был ответ.

— Я вижу, — протянул Модьун.

Из слов, произнесенных созданием, было очевидно, что оно само ничего не понимает.

— Комитет не должен быть больше. Он стал бы слишком громоздким.

— Конечно, — поспешно согласился Модьун.

Через минуту он добавил:

— Я вижу, что наших людей-животных посы-

лают в космос к другим мирам. Очевидно, вы используете их, как часть ваших войск захвата?

— Конечно. Они действуют как дополнительные силы в нашей схеме завоевания.

— Тогда слухи о том, куда направится большой корабль, который теперь готовится к полету, просто маскировка?

— На Земле мы поддерживаем видимость демократии, первоначально установленной человеком, — сказал Нунули. — Поэтому мы выслушиваем и создаем впечатление свободы выбора для большинства. Но, в действительности, планеты, которые должны быть захвачены, уже выбраны.

— Сейчас у вас нет плана, что делать с людьми, которые живут на Земле… окончательного плана? — спросил Модьун.

— Пока комитет не примет решение в связи с тем, что нужно сделать с Землей, плана у нас не будет, — сказал Нунули. — Что будут делать тем временем обитатели Земли, неважно. Ведь теперь Земля — завоеванная планета.

Существо сделало вывод:

— Я понимаю, что для нас может быть неудобно, чтобы вы находились поблизости, когда приближается время перемен. Поэтому я рекомендую

вам вернуться за барьер.

— Мне кажется, что до тех пор, пока я буду находиться под личиной обезьяны, я не создам для вас проблем, находясь поблизости, — ответил Модьун.

— Рано или поздно кто-нибудь узнает вас, и это создаст сложности, — был ответ. — Поэтому, покиньте город… это мой совет.

— Хотя, как вы знаете, мы, люди, не ведем себя агрессивно, у меня создается впечатление, что, если бы я захотел, я мог бы уничтожить всех Нунули на этой планете, — настаивал Модьун. — Разве не так?

— Очевидно, — раздраженно ответило существо, — мы должны будем доказать вам, что то, что вас в настоящее время мало, делает вас бессильными. Итак, я думаю, на этом наша беседа должна окончиться. Вы можете выйти из этого здания тем же путем, каким вошли.

Наступило утро.

Когда Модьун проснулся, он подумал, что не чувствует разницы между нынешним своим состоянием, когда знает, что живет на захваченной Земле, и прежним состоянием, когда он не знал этого. Четыре миллиарда мужчин и женщин постепенно умирали и всегда по очень важным

причинам. Жизнь была слишком беспокойной. Никакой резни. Или еще хуже, вероятно, что тех, кто остался, еще предстоит уничтожить.

Дело было сделано и сделано тихо, самим человеком. Могла такая судьба человечества оказаться связанной с преднамеренным завоеванием?

Вопрос относился к области философии.

7

Размышления закончились.

Модьун отказался от дальнейших раздумий и встал с постели.

Когда он оделся, то услышал шаги на маленьком крылечке. Он открыл дверь.

За дверью стояли четверо его друзей-животных; они были одеты иначе, чем за день до того. Теперь на них были не только широкие брюки, но и подходящие пиджаки, под пиджаками — белые рубашки с высокими воротниками, яркие цветные шарфы, завязанные вокруг шеи и свисающие вниз. Даже их ноги выглядели иначе. За день до этого они носили комнатные туфли неопределенного фасона. Но сегодня утром их сменили блестящие черные туфли.

Модьун удивленно смотрел на людей-живот-

ных. Прежде чем он смог заговорить, человек-медведь сказал веселым голосом:

— Может быть, вы захотите пойти с нами завтракать?

Приглашение было радушным. И Модьун не колебался. Ему, действительно, нечего было делать до приезда Судлил из-за барьера. Ему пришло в голову, что, может быть, интересно совершить путешествие по планете; когда он снова присоединится к человеческой расе, от него потребуют отчет. Но путешествие может подождать. По крайней мере, сначала он позавтракает. Модьун улыбнулся.

Он вышел на крыльцо. Повернулся. Закрыл за собой дверь. Снова повернулся. И на этот раз пожал руки каждому человеку-животному. Неррл оказался последним. Неррл сказал:

— У нас масса времени. Заседание комитета не возобновится до одиннадцати.

Этот день тоже выдался ясным. Когда они отошли, Модьун глубоко вдохнул и обнаружил, что воздух чистый и свежий. Модьун непринужденно спросил:

— Как прошло вчерашнее слушание?

Ответом было четыре негодующих вздоха.

— Напыщенные гиены, — жаловался Дуулдн.

Другие выражали те же чувства, и из их слов вскоре выяснилось, что им не разрешили высказать свое мнение лишь потому, что они не были одеты, как положено; поэтому они сидели среди публики и расстроенные слушали, а неуместные свидетельства в пользу их точки зрения поставили их в глупое положение перед комиссией.

— Мы уверены, что сегодня этому будет положен конец, — пробормотал Дуулдн мурлыкающим голосом.

Быстрый взгляд его глаз — намек на ярость ягуара, о чем свидетельствовал яркий румянец на щеках, придавали его словам определенную свирепость.

Помня, что сказал Нунули — цель для большого корабля уже выбрана, — Модьун почувствовал жалость к своим спутникам. Тут его что-то словно подтолкнуло.

— Почему бы мне не пойти с вами? — предложил он. — Я хотел бы сам посмотреть на этих людей-гиен. Я не буду выступать. Только понаблюдаю.

Модьун сказал правду. Он, действительно, хотел посмотреть на них.

Четверо людей-животных были в восторге.

— Мы хотели бы, чтобы вы рассказали им о

Нунули, — сказал Иггдооз.

— Но он должен найти другую одежду, — проворчал Руузб. — Оденьтесь так, как мы.

— Я не собираюсь выступать, — повторил Модьун.

Они позавтракали, нашли для Модьуна костюм, и он поспешил вместе с другими на улицу, где мчались автомобили. Почти сразу подъехал автомобиль, и они сели.

Целью их поездки оказалось высокое здание в центре города. Они поднялись на лифте на верхний этаж. В коридоре на лицах спутников Модьуна появилось выражение подобострастного уважения. Скоро они шепотом сообщили о своих намерениях восьмифутовому человеку-гиене, который стоял перед закрытой двойной дверью, ведущей, вероятно, в зал заседаний. Человек-гиена кивнул, попросил соблюдать тишину и очень тихо открыл дверь достаточно широко, чтобы они могли войти по одному.

Модьун сидел сзади и смотрел поверх множества голов странных существ. Здесь было даже несколько мелких насекомых, конечно, не носильщиков. Выяснилось, что они тоже явились сюда, чтобы отстаивать свою точку зрения. Модьун не слушал их доводов и поэтому не понимал,

что они хотят.

Его внимание приковала к себе комиссия: одни люди-гиены. Удивительно. Модьун чувствовал сильное желание подойти к ним поближе. Он видел, что ближе всего подходили те, кто выступал, и поэтому решил, что должен как можно больше узнать о людях-гиенах, если собирается оспорить право комитета принимать решение. А почему бы нет?

Поэтому, когда Неррл высказал свои страстные доводы и был отпущен, Модьун сделал ему знак рукой, чтобы он подошел. И шепотом сказал ему, что передумал и хотел бы, чтобы его имя записали в список выступающих.

Человек-лиса, который наклонился, чтобы выслушать его просьбу, выпрямился в полный рост, семь и три четверти фута, и громко сказал с удивлением:

— Конечно, мы запишем ваше имя. Мы хотим, чтобы вы рассказали им о Нунули.

Его голос прозвучал громко и беспокойно, и секретарь собрания резко постучал по столу, призывая к порядку и тишине. Но в нужное время Модьун оказался на месте оратора. Тогда один из членов комитета вежливо обратился к нему:

— Здесь сказано, что вы обезьяна. Я видел

обезьян и считаю, что вы не совсем похожи на обезьяну.

— Есть много видов обезьян, — Модьун повторил аргумент, выдвинутый в машине одним из его товарищей.

— А к какому виду относитесь вы? — настаивал спрашивающий.

Модьун не обратил внимания на вопрос. Ему было интересно поближе увидеть правящих животных Земли. Люди-гиены, которых он видел раньше, возле столовой и в своей спальне позавчера, в своем болезненном состоянии были неподходящим объектом для изучения.

Модьун предполагал, что, наверное, так же трудно изучать человека, страдающего жестокими желудочными спазмами или артритом.

Поэтому теперь он внимательно осмотрел своего собеседника.

Действительно, разница существовала… и она сразу бросалась в глаза.

Хотя внешне председательствующий напоминал обычных измененных животных. Форма головы у него была как у настоящей гиены, но только… как другие животные, гиены напоминали зверя, породившего их. Как и у других людей-животных, выражение лица человека-гиены

было почти человеческим, таким тщательным было биологическое приближение к человеческой форме.

Но существовала разница — неуловимая, но очевидная. Модьун ощутил их превосходство. Логика людей-гиен была проста: они управляют планетой, поэтому стоят выше.

В голове Модьуна возник вопрос: знают ли гиены, что они служат агентами инопланетной расы? Был ли сознательным союз с Нунули? Ответ на этот вопрос нельзя было получить от человека-гиены при данных обстоятельствах.

Когда цепь ощущений завершила свой путь в мозгу Модьуна, он решил прямо бросить вызов имеющемуся порядку вещей.

Он сказал:

— Не могли бы вы процитировать мне указания людей, позволяющие человеку-гиене рассматривать вопросы, подобные этому?

В публике началось волнение. Шарканье ног. Даже тяжелое дыхание и бормотание. Председатель опустил молоток, требуя тишины. Член комитета, который ораторствовал ранее, поднял брови и откинул голову, потом сел в прежнее положение и сказал:

— Ваш вопрос не относится к тем, по кото-

рым этот комитет может выносить решения. Мы работаем по указанию правительственного департамента, и круг вопросов, которые мы рассматриваем, строго ограничен. Вас удовлетворяет этот ответ?

Модьун вынужден был молча согласиться. Он не заботился о том, кому бросал вызов, ведь он обнаружил, что противостоит второстепенной организации. Это была одна из тех — не бесконечных, но кружных — цепей — вроде разговора с компьютером вместо человека, который его программировал, — совершенно бесполезное действо.

И еще Модьун подумал, что гиены — джентльмены.

Действительно, все выглядело очень цивилизованно и благопристойно. Модьун понял, что не может испытывать вражды ни к кому, кто достиг их уровня культуры.

— В таком случае у меня теперь нет других аргументов, — заявил Модьун комитету.

Когда он поднялся, чтобы сойти с помоста, человек-ягуар выкрикнул из публики:

— Эй, а как насчет Нунули?

Очевидно, для человека-гиены это было слишком. Председатель в ярости опустил молоток.

Стремительно вошли люди-гиены в форме. Через несколько минут комнату заседаний освободили от публики и в коридоре зачитали сообщение, что заседание продолжится сегодня в три часа дня.

Когда Модьун пошел с друзьями к лифту и завернул за угол, то увидел, что множество людей-гиен в форме блокировало коридор в сотне футов впереди. Когда зрители и выступающие, которые присутствовали на заседании, подходили к этому живому барьеру, каждый останавливался и что-то говорил. Во всех случаях, которые наблюдал Модьун, ответ оказывался удовлетворительным, и ответившему разрешали пройти по узкому проходу, сделанному между двумя рядами людей-гиен в форме.

Маленькая группа из пяти существ должна была ждать своей очереди. Неррл, который стоял впереди, сказал, обернувшись назад:

— Они спрашивают у каждого его имя. Как только получают ответ, разрешают пройти.

У человека-гиены, который задавал вопросы, было суровое лицо; в одной руке он держал какие-то бумаги. После того как Модьун произнес обезьянью версию своего имени, офицер посмотрел на свои бумаги и сказал официальным тоном:

— Вы не можете произнести свое имя по буквам?

Модьун терпеливо проделал это. Существо еще раз изучило бумаги, которые были у него в руке.

— Это для вас, — сказал человек-гиена.

Он протянул документ Модьуну. Тот взял, но спросил удивленно:

— Для меня? Что это?

— Повестка.

— Какая повестка? — заинтересовался Модьун.

Человек-гиена рассердился.

— Прочитайте, — ответил он. — Тогда вы узнаете, что это такое.

Он махнул рукой другому человеку-гиене в форме. Вся группа застыла.

— Направо! Марш! — скомандовал командир.

Звук их шагов быстро затих.

Модьун стоял рядом с Руузбом, другие трое его спутников смотрели на него.

— Что это было? — спросил Руузб. — Что он дал вам?

— Повестку, — ответил Модьун.

— Что?

Модьун протянул повестку человеку-медведю. Медведь посмотрел на сложенную бумажку, затем медленно и громко прочитал сверху: «Госу-

дарство против Модиунна». Он поднял глаза.

— Модиунн — это вы, все правильно, — сказал он. — Но кто это «государство»?

Модьун не смог подавить улыбку.

— Государство — это правительство.

Он замолчал. Его улыбка погасла, когда до него дошел смысл собственных слов. Наконец, он сказал:

— Вероятно, это относится к людям-гиенам, захватившим власть.

Он увидел, как бледно-розовое лицо Дуулдна нахмурилось.

— Вы задали на заседании хороший вопрос, Модиунн. Какое право люди-гиены имеют решать, куда должен направиться космический корабль?

Теперь он хмурился. Мускулы его челюстей странно двигались. Он сжал зубы с почти металлическим звуком и закончил:

— Я никогда раньше не думал об этом.

— Да, это был хороший вопрос, — сказал Руузб. — Вы и я, черт возьми, — он посмотрел на человека-ягуара — можем же сражаться с дюжиной людей-гиен, без поддержки? Почему же они говорят нам, что делать?

Модьун быстро посмотрел на одного и другого: двое сильных людей-животных. У обоих лица

раскраснелись, очевидно, внутри они кипели. Человек подумал: «Дикость, действительно, скрыта не так глубоко». Он был удивлен, но…

Для него это оказалось решающим. Лучше думать о том, что он говорит, в будущем. Очевидно, попытка возбудить этих людей-животных не приведет ни к чему хорошему, потому что они могут только волноваться.

Вслух он сказал:

— Успокойтесь, друзья. Давайте не возбуждаться. Это не нужно.

Прошла еще минута. Их лица стали бледнеть. Дуулдн протянул руку и взял документ из руки Руузба.

— Давайте посмотрим, — сказал он.

— Подождите, — возразил человек-медведь.

Но его реакция была слишком медленной. Его друг забрал у него повестку и развернул ее. Человек-ягуар посмотрел на первые слова внутри и, казалось, на несколько минут онемел от того, что увидел. Затем он прочитал вслух: «Вызов в суд по уголовному делу».

— Уголовному? — повторил Неррл.

Все четверо людей-животных мгновенно отошли от Модьуна. Остановились и посмотрели на него.

Теперь на их лицах было замешательство.

Модьун сказал:

— Как я могу быть преступником в мире, где нет преступлений?

— Да, — сказал Руузб. — Он прав. Что он мог сделать?

— Ну, я не знаю… — Это с сомнением произнес человек-лиса. — Если человек-гиена говорит, что он преступник, то, наверное, это правда.

Неожиданно он сказал:

— Очень хорошо спорить о том, как им удалось войти в правительство. Но факт остается фактом: они правят нами.

Модьун сказал Дуулдну:

— Там написано, в чем меня обвиняют. В чем же?

— Да, — сказал Руузб, — прочитайте.

Человек-ягуар снова поднес листок к лампе и произнес мягким глубоким голосом:

— Обвинение — да… вот оно… Повреждение выхода компьютера, проникновение незаконным путем в помещение для приезжих…

Он мигнул.

— Эй, это несерьезное преступление.

Он снова посмотрел на повестку.

— Здесь говорится, что вы должны предстать

перед судьей в следующий… вторник… До тех пор — послушайте — всех честных граждан призывают не общаться с обвиняемым. Это относится к нам, честным гражданам. Поэтому, — он кивнул Модьуну, — вы должны пробыть в одиночестве только до следующего вторника.

Он поспешно сложил повестку и протянул Модьуну. Все признаки его недавнего бурного возмущения исчезли. Он сказал:

— Ну, друзья, лучше нам уйти отсюда.

Модьуну же он сказал:

— Увидимся в следующий вторник, дружище.

Он ушел; за ним последовал Неррл, который небрежно кивнул, прощаясь. Руузб и Иггдооз колебались. Человек-медведь неуверенно проворчал:

— Вы не можете просто так бросить друга в беде.

Модьун вновь подтвердил свое решение не втягивать этих существ в свои дела.

— Только до следующего вторника, — подтвердил он. — Тогда увидимся.

Казалось, эти слова необходимы человеку-медведю и человеку-гиппопотаму, чтобы успокоить их. Было видно, что они почувствовали облегчение, и пожали ему руку почти с благодарностью.

Затем они поспешно отправились за своими товарищами.

Тем временем Модьун, шагая в том же направлении, пришел к шахте лифта. Четверых друзей там уже не было. Вокруг вообще никого не было. Когда подъехал следующий лифт, Модьун увидел, что и тот пуст. Удивительно. Тем не менее он собирался войти, но мысль об отсутствии людей-животных там, где пять минут назад их было очень много, заставила Модьуна подумать об опасности.

«Я лучше пойду вниз пешком», — решил он. Он помнил, что Нунули коварный тип.

Было бы обидно, если бы лифт застрял по пути вниз, вместе с ним. Чтобы спастись, он должен был нарушить еще несколько законов… Когда Модьун спускался по первому пролету лестницы, он подумал, что у него слишком сложная реакция на простую ситуацию.

«Я полагаю, — вздохнул он, начиная спускаться по второму пролету из тридцати трех, — что именно так люди должны были все обдумывать много лет назад, когда существовала конкуренция, интриги и все такое».

Спускаясь по третьему пролету, Модьун почувствовал отвращение к жизни снаружи барьера.

Может быть, он должен сделать то, что хочет Нунули: вернуться за барьер и забыть все это безумие.

Но, спускаясь по четвертому пролету, он с грустью подумал:

«Я обещал Дода. И, кроме того, через несколько недель приедет Судлил».

Поэтому ему ничего не оставалось делать, как только спускаться вниз еще по тридцати пролетам.

Что он и сделал.

Когда он добрался до вестибюля, то принял решение.

Он все сознавал.

8

Тишина охватывала все… но то тут, то там возникало беспокойство.

Модьун чувствовал свое единство со всем ближним космосом, кроме зоны беспокойства — зоны вмешательства, воздействия, агрессивной энергии — так называемого насилия. Или, может быть, тут было только намерение насилия. Завитки, цепи и темнота. Сверкающие пряди и потоки сверкающего серебра вибрировали в безбрежном пространстве вокруг него.

Он понимал, что люди-животные — мирные и глупые. Здесь их было так много, что их общая доброжелательность заполняла пустоту.

Люди-гиены создавали беспорядок в его ощущении окружающей энергосистемы. Подавляющее большинство их казалось незнающими простофилями. Сияние, переплетенное с темными прядями, не давало понять, как они стали правящей группой. Но гиены согласились на эту роль — и здесь не было ошибки. И от них исходил постоянный поток слабой агрессии. Они создавали… строгость… да… жесткость. Но ничего по-настоящему серьезного.

Но гиены-руководители имели различную окраску. Они знали правду. Знание окрыляло их. Вокруг этих осведомленных личностей зарождались облака своеобразных частиц восхищения собой. Ликование полной безопасности. Безопасности, которая происходила от осознания того, что Нунули всемогущие и те, через кого они управляют, абсолютно неуязвимы.

… Гордость занимаемым положением, переплетенная с вечной эйфорией, — структура пространства была закручена в многочисленные формы. Их было больше тысячи, слишком много, чтобы сосчитать; целый высший класс

гиен-людей. И вокруг каждой личности агрессивная аура…

Но настоящее беспокойство излучал лишь один Нунули. Вокруг него пульсировало огромное бесформенное черное облако. Непроницаемая пелена закрывала инопланетное существо.

Темнота тянула энергию из ближнего источника. Но этот источник не имел определенного местонахождения. Сила, которая исходила от него, немного пугала даже Модьуна.

Это же Единое Психическое Пространство.

«Значит, я сделал основное открытие, касающееся врага».

Эта мысль привела Модьуна в состояние нерешительности. Сознание отвергало идею врага, потому что… Есть ли вообще здесь враги?

Мировоззрение Модьуна утверждало, что нет. Здесь нет врагов. Здесь только существа, которые своими действиями вызывают враждебное отношение к себе.

Это отношение к себе они сами вызвали, а потом стали считать, что во всем виноват враг.

Но настоящий враг — это мгновенные импульсы, заставляющие людей делать то, что вызывает враждебное отношение.

Нет реакции, нет врага.

Итак, Модьун решил, что должен вернуться в свою маленькую квартирку и оставаться там, не создавая проблем, не вызывая к себе враждебного отношения, до следующего вторника… когда он пойдет в суд. Это будет мирным ответом на повестку, которую ему вручили.

Так он и сделал, за исключением того, что выходил поесть.

9

У дверей стоял мужчина, на одежде которого была карточка с надписью «Служащий по судебным повесткам». Этот человек-гиена проверил повестку Модьуна и просто сказал:

— Входите, сэр.

Модьун вошел в большую комнату и удивленно огляделся. Прямо перед ним был длинный стол. За ним, за маленькими прозрачными окошками находилось около дюжины женщин-гиен. Перед каждым из этих окошек стояла очередь людей-животных. Очереди отличались по количеству от шести до двадцати.

Никакого признака комнаты судебного заседания. Модьун вышел в коридор и посмотрел на другие двери. Потом медленно прошел к ближайшей. Его мысль, что, может быть, на повестке

напечатан неправильный номер, исчезла. Тут также не было никаких признаков комнаты судебного заседания.

Модьун медленно вернулся в большую комнату, снова показал повестку «Служащему по судебным повесткам», который, казалось, забыл его, — и его еще раз впустили. На этот раз, когда он вошел, он приблизился к человеку-гиене в форме, который стоял чуть в стороне. На его табличке были слова: «Служащий суда». Еще раз повестка оказалась приемлемым средством для общения. Служащий посмотрел на нее и сказал безразлично:

— Окно номер восемь.

Модьун подошел и стал сзади. Здесь была самая короткая очередь, которая состояла из пяти человек. Модьун оказался шестым.

Он просто стал в очередь, а потом заметил, что первым в очереди был человек-тигр, которому через окошко передали листок бумаги. Человек-тигр посмотрел на этот листок. Затем наклонился и что-то сказал в окошко. Модьун не расслышал слова, но он не мог ошибиться в чувстве, которое они вызвали, — ярость. Ответ женщины-гиены был удивительно четким. Она сказала вежливо:

— Простите, не я пишу законы.

Человек-тигр медленно выпрямился. Потом он постоял, нахмурившись, не менее десяти секунд, сжал челюсти и быстро пошел к двери.

Человек-крыса прямо перед Модьуном покачал головой и прошептал:

— Наверное, суровый приговор.

Модьун спросил:

— А какое было преступление?

Собеседник покачал головой:

— Это написано в его повестке. — И добавил: — Наверное, избил кого-нибудь. За это строго наказывают.

— Гмм… — пробормотал Модьун. Ему было интересно. — А что сделали вы?

Человек-крыса заколебался. Потом ответил:

— Украл.

— Воровство! В мире, где все можно получить свободно.

Модьун был искренне удивлен. И только после того, как он это сказал, ему невольно пришло в голову, что его слова могли обидеть человека-крысу.

И, действительно, первой реакцией человека-крысы стало:

— Ради Бога, это не так страшно.

Сказав это, он смягчился и, казалось, понял, по

крайней мере отчасти, почему удивился Модьун. Он продолжал более непринужденным тоном:

— Это трудно представить, но я начал кое-что замечать. Вы и я, — он вдруг возмутился, — мы же можем пользоваться этими общественными автомобилями на главных дорогах. Но если мы хотим добраться до небольшой улочки, мы должны выйти из такого автомобиля и пройти к движущемуся тротуару или просто пройти пешком.

— Что же в этом плохого? — спросил Модьун. Он говорил нейтральным тоном. — Когда говорят о деталях, все кажется очень справедливым. Никто же не должен идти больше, чем сто ярдов.

Тонкое крысиное лицо стоящего перед ним исказила понимающая улыбка:

— Когда я заметил, что люди-гиены, официальные лица, имеют специальные автомобили и едут прямо в эти боковые улочки, я понял, что я просто должен назваться не своим именем. Итак я остановил один автомобиль и поехал на нем домой. И вот я здесь.

Пока он говорил, очередь продвинулась вперед. Теперь Модьун взглянул в лицо человека, которому вынесли приговор и который уходил, — ничего не выражающее лицо, напоминающее

крокодила или, по крайней мере, рептилию, и это лицо ни о чем не говорило, поэтому Модьун снова обратил внимание на человека-крысу и сказал:

— Как они поймали вас?

— Частные автомобили связаны со специальным компьютером, который послал за мной патрульного, человека-гиену, — последовал возмущенный ответ. — Таким образом мне вручили повестку, чтобы я сегодня явился на судебное разбирательство, и вот я здесь.

— Не очень похоже на судебное разбирательство, — заметил Модьун, когда третий человек в очереди получил карточку со своим предварительно напечатанным приговором, посмотрел на него, встревоженно оскалившись, показал свои кроличьи зубы и отскочил к двери.

Значение слов Модьуна, казалось, не дошло до сознания человека-крысы.

— Ах, суд есть суд, — сказал он.

Модьун не считал, что это похоже на суд.

— Вам и мне просто не повезло, и поэтому мы в суде, — пожал плечами человек-крыса.

От окошка отошел четвертый человек. Человек-крыса сказал торопливо:

— Я лучше повернусь к окошечку. Своими манерами надлежит выказать уважение, иначе это

может быть рассмотрено, как неуважение к суду.

— Как вас зовут? — спросил Модьун.

Имя человека-крысы было Банлт, он жил в Галли, имел жену и трех детей. Банлт хотел знать, почему Модьун интересуется им.

— В мире, — сказал Модьун, — который является идеальным, за исключением того, что людям нужно пройти лишнюю сотню ярдов, вы совершили кражу. Мне хотелось бы изучить вашу философию.

Банлт не ответил. Ему вручали его приговор. Банлт посмотрел на него, и его лицо приобрело напряженное недоверчивое выражение. Он ушел ошеломленный. Модьуну хотелось пойти за ним, но подошла его очередь. И он протолкнул свою повестку под решетку и с большим интересом наблюдал, как женщина-гиена набивала на машине справа числа, напечатанные на повестке. Появившийся листок бумаги развернулся в жесткую карточку.

Модьун взял листок с большим интересом и прочитал: «Наказание: двадцать дней заключения в квартире. Вы можете выходить поесть три раза в день, затрачивая не более часа на каждую еду».

Он был удивлен. Он наклонился и обратился

к женщине:

— Приговор кажется немного нелогичным. Мое преступление в том, что я занял квартиру нелегально. Теперь я приговорен к заключению в той же самой квартире и, очевидно, мое нахождение там больше не будет считаться нелегальным. Есть здесь кто-нибудь, с кем я могу это обсудить?

— Пожалуйста, выйдите из очереди. Спросите у служащего все, что вы хотите узнать.

Модьун, который во время получения своего «приговора» краем глаза наблюдал, как Банлт прошел мимо служащего по повесткам, и задержался лишь, чтобы задать краткий вопрос, выпрямился и поспешно прошел к тому же выходу. Выйдя в коридор, он осмотрел людей вблизи и вдали в поисках Банлта.

И не увидел его.

Он, наверное, убежал и совершенно забыл о моей просьбе. Очень плохо.

Покачав головой, как это иногда делал Руузб, Модьун повернулся, чтобы вернуться в комнату судебных заседаний. Но вход преградил служащий по судебным повесткам.

— Вы должны иметь повестку, чтобы войти в комнату заседаний, сэр, — вежливо сказал человек-гиена.

Модьун объяснил, что случилось, и показал листок с приговором. Страж у двери, потому что именно этим сейчас занимался этот человек-гиена, покачал головой:

— Сожалею, сэр, но у меня нет указаний пропускать кого-либо без повестки.

— Хорошо, — сказал Модьун. Он отступил назад, посмотрел на создание, загородившее проход, и подумал:

«После всего, все судопроизводство — пародия. Было бы смешно спрашивать о нелогичности одного аспекта, когда вся процедура несправедлива».

Но Модьуна волновали еще некоторые детали. Вслух он сказал:

— Не могли бы вы сказать мне, какого рода приговоры выносятся здесь? Например, тому человеку-крысе, который вышел передо мной. Какое наказание он мог получить за то, что сделал? За кражу автомобиля.

Страж у двери выпрямился в полный рост.

— Сэр, те из нас, в ком есть внутренняя сила, чтобы управлять, имеют также и сострадание, поэтому много лет назад издали декрет, что о наказании, которое выносит суд, сообщают только тому, кого наказывают, — сказал он.

Модьун запротестовал:

— Я не понимаю, какую ценность имеет тайна для человека, которого неправильно наказали.

Страж оставался спокойным.

— Пожалуйста, отойдите в сторону. Вы мешаете работе суда.

Это была правда, потому что в этот момент подошел еще один человек-животное с повесткой. Модьун отступил, постоял в нерешительности, потом пошел к лифту.

Он провел день в суде, и теперь настало время отбывать срок наказания, — по крайней мере, пока не приедет Судлил.

10

Когда автомобиль с визгом остановился, Модьун увидел женщину, которая стояла возле кустов. Частично они скрывали ее. Он только мельком взглянул на нее. Так как он опоздал и, следовательно, был виноват, он выпрыгнул из автомобиля и подбежал к ней. Модьун пытался успеть обернуться за час, потому что не мог слишком надолго отлучаться из своего дома-тюрьмы.

Хотя Модьун пропустил поход в столовую, чтобы иметь в своем распоряжении больше времени, он понимал, что уже опоздал. Поэтому — быстрей.

Посадить ее в автомобиль и — в город.

Он думал так, карабкаясь на небольшой холм к кустам, где она ждала его. Тут он увидел Экета. Насекомое-ученый был на высоте сто пятьдесят метров над долиной и несомненно возвращался назад за барьер.

Модьун остановился и сконцентрировал мысли на насекомом. Он поприветствовал насекомое и получил в ответ вежливое приветствие. Потом он передал сообщение для других людей.

В своем мысленном отчете он кратко описал, что он обнаружил. Изменения в программировании компьютера. Новый статус людей-гиен. То, что Нунули завоевали Землю от имени отдаленного комитета.

Его слова предназначались только в качестве информации. Очевидно, интерес к таким подробностям среди настоящих человеческих существ будет незначительным. Может быть, у нескольких даже вызовет приятное возбуждение. Возможно, Дода получит удовольствие и удовлетворение от результатов эксперимента, который так сильно критиковали. (Несколько мужчин особенно критиковали его за то, что он вовлек Судлил в свои опыты). Тем не менее, было сомнительно, что кого-нибудь еще можно будет

уговорить обрести тело, которое функционирует самостоятельно, со всеми унизительными потребностями живого тела.

Произнося заключительные слова своего отчета, Модьун учел такую возможную реакцию тех, кто остался за барьером.

Через Экета он передал:

— Так как Судлил и я вынуждены еще три года терпеть мучения существования в полном теле — два из них здесь, — я бы предложил, чтобы вы разрешили нам самим принимать решения, связанные с вышеуказанным положением дел.

Так закончилось сообщение. Хотя связь была краткой по времени, Модьун понял, что женщина ушла из поля его зрения. Только мгновение он колебался. Он посмотрел на подернутую дымкой долину, где быстро исчезало насекомое-носильщик.

В эту минуту его волновало то, что он передал неправду. Правдой было, что он не мог справиться с ситуацией и сомневался, что Судлил захочет помочь ему решить проблему.

Ощущение обиды на самого себя рассеялось. Потому что ничего не случилось. Что могут сделать Нунули против людей? Кажется… ничего. С этой мыслью он начал обходить кусты. Обошел.

Остановился. Посмотрел.

— Господи, — подумал он.

Судлил стояла рядом с большой дорогой, наблюдая за непрерывным движением. Она была лишь в тридцати метрах от него и сначала не показала, что видит его. Модьун пошел вперед — и она повернулась к нему. Немедленно. И это удивило его.

Ее живость! Совершенно поразительно! Она улыбалась, когда смотрела на него. Это была электризующая великолепная улыбка. Судлил стояла, одетая экстравагантно

— в брюки и рубашку. Ее золотые волосы ниспадали на плечи. Ее синие глаза были такими яркими, что, казалось, сияли собственным светом. Губы были полуоткрыты, и создавалось общее впечатление яркой индивидуальности на грани… чего?

Модьун не знал. Он никогда не видел женщину, которая была человеческим существом и полного роста. Ее внешность оказалась такой неожиданной из-за того, что несколько недель назад, когда Модьун в последний раз видел Судлил, ее размеры были значительно меньше. И она выглядела немного неповоротливой, что Дода относил на счет слишком быстрого роста клеток. И, конечно,

лекарств.

Все это прошло.

Судлил излучала здоровье. Все ее тело и лицо трепетало. И это продолжалось, не прекращаясь ни на минуту! Это прекрасное создание сказало приятным голосом:

— Экет поручил мне передать твое сообщение остальным.

Потом женщина добавила:

— Значит, есть проблемы?

Тут Модьун заговорил:

— Отчасти, — ответил он торопливо. — Пойдем в машину, и я все расскажу.

Теперь Модьун заволновался. Он, действительно, опаздывал к себе домой, и чем раньше они отправятся в путь, тем лучше будет его положение.

Судлил не пыталась возражать. Модьун посигналил свободной машине. Они сели, и он начал рассказ о том, как его по ошибке приняли за обезьяну; как он позволил неправильно идентифицировать себя из любопытства и о том, что он должен находиться под арестом в своей комнате в наказание за то, что получил квартиру под чужим именем.

Когда Модьун закончил отчет, Судлил сказала:

— Твой приговор действует двадцать дней?

— Да.

— А прошло восемнадцать?

— Да.

Он ответил растерянным тоном, потому что казалось, что она что-то решила.

— Ты думаешь, важно, чтобы прошло точно двадцать дней? — спросила женщина.

— А ты как думаешь?

— Ну, им нужно двадцать дней, чтобы закончить какие-то приготовления, связанные с тобой, и они хотят, чтобы ты не мог действовать в течение этого времени.

Совершенно новая мысль. Но Модьун быстро понял ее скрытый смысл. Он сказал:

— Что же такое они могут сделать за три недели, что нельзя сделать за три дня?

Он помолчал, а потом добавил:

— Я предполагаю, что получил приговор в соответствии с преступлением.

— Значит, ты думаешь, что некоторые животные неправильно называют себя?

После глубокомысленной паузы Модьун понял, что не верит ничему подобному и что он сомневается, что кого-либо раньше наказывали за такое «преступление».

Помедлив, он сказал:

— Странно, но на самом деле, что они могут сделать? Что может сделать их комитет?

Выражение лица Судлил стало таким, словно она старалась переварить трудную мысль. На слова Модьуна она ответила сияющей улыбкой. Судлил была прекрасна.

— Правда, — согласилась она. — Значит, действительно, нет проблем. Я просто полюбопытствовала.

То, что она отстранилась от проблемы после того как высказала такую хорошую мысль, не удовлетворило Модьуна полностью. Это напомнило ему, как быстро бежит время.

— Что касается всего остального, — сказал он, — то я решил не делать ничего такого, что может создать дальнейшие проблемы.

— Это кажется очень разумным, — ответила женщина.

Ее ответ был таким добродушным, что, казалось, настал благоприятный момент, чтобы выразить свою точку зрения. Поэтому Модьун пересказал ей, что ему рассказал Нунули, и назвал Землю захваченной планетой.

— Давным-давно, прежде чем человеческая раса достигла нынешнего высокого уровня, это

заставило бы меня объявить войну и изгнать захватчика из нашего общества, — сказал он. — У меня ощущение, что они победили хитростью и что такие хитрости показывают их ужасный упрямый характер. Им нельзя позволить преуспевать. Но, как сказали бы мои друзья-животные (и ты должна согласиться с этим), это все проходящее.

— Я согласна, — сказала женщина.

— Поэтому, — закончил Модьун свою мысль, — мы должны пожить здесь еще несколько дней в качестве обезьян, чтобы не вызвать раздражение людей-гиен.

Последовала небольшая пауза. Автомобиль монотонно гудел, его резиновые шины пели. Потом Судлил сказала с необычной интонацией:

— Но я не обезьяна!

Модьуна немного удивил ответ. Это казалось очевидным, и ему самому никогда не пришло бы в голову поднимать этот вопрос. Он сделал то, что раньше не считал нужным: мысленно он подумал, что же такое он сказал ей, что вызвало такое замечание. И не нашел ответа. Его рассказ был исключительно рациональным. Он четко объяснил свое затруднительное положение и то, как он собирается выйти из него.

Судлил продолжала:

— У вас, мужчин, бывают очень странные идеи. Очевидно, на этот раз мы должны приехать как люди, и это автоматически решает предыдущую проблему. Давай это обсудим.

Модьун продолжал сидеть рядом с Судлил с несчастным видом. С ее логикой было что-то не так, но тон ее голоса означал, что обсуждение вопроса закончено. Так как он действовал по принципу полного уважения к ее точке зрения или к точке зрения любого другого человека, то все было решено.

Их молчание прервалось двадцатью минутами позже. Судлил смотрела из окна автомобиля. Вдруг она указала пальцем и спросила:

— Что это?

Взгляд Модьуна последовал за ее пальцем. Там, вдалеке было какое-то сооружение. Над равниной поднималась такая большая конструкция, каких Модьун еще не видел. Он успел только взглянуть на ее основные контуры, прежде чем автомобиль промчался мимо узкой расселины в крутых холмах, и огромное сооружение скрылось за ними. Тем не менее Модьун увидел достаточно.

— Это, должно быть, космический корабль, — сказал он.

Он рассказал о своих четырех друзьях-животных и их скором отлете к далекой звездной системе.

Модьун продолжал нежным тоном, описывая, как в день вынесения приговора четверо его знакомых людей-животных робко пришли к его двери, чтобы узнать, какое наказание он получил. И какое облегчение они почувствовали, когда узнали, что в приговоре ничего не сказано о том, что с ним нельзя общаться.

— Они ходили со мной есть, — сказал он, — и навещали меня. Кроме сегодняшнего дня, потому что они сегодня получают аппаратуру для путешествия.

Судлил ничего не сказала на это, она слушала равнодушно. Это был дружественный нейтралитет. И позже, когда автомобиль въехал в город, Модьун показал ей разные достопримечательности: квартиры для приезжих, дома, где жили постоянно, столовую, улицу с магазинами… Он понимал, что не может сдержать свои чувства. Сейчас его беспокоило то, что он испытывает гордость, словно человек, который знает такие мелочи, лучше того, кто не знает. Однако, его удивил интерес Судлил к этим подробностям. Как и следовало ожидать, ее внимание, наконец,

переключилось на жилье, которое в давние времена предназначалось для людей.

— Ты думаешь, что его все еще не используют? — спросила она.

— Посмотрим, — ответил Модьун. Он показал на склон холма впереди. — Это здесь, справа.

Дом, который выбрала Судлил, имел сады, террасами спускающиеся вниз до самого здания, которое представляло собой пять овалов, входящих один в другой. Каждый овал был другого цвета, и общий эффект получался поразительный. Женщине понравился его вид. Так как это она решила приехать в одно из этих мест, Модьун не спорил. Он представился автомобилю человеческим именем и дал команду отвезти их вверх по крутой дороге к главному входу.

Когда они выбрались, машина немедленно уехала. Они остались возле дома.

11

Они прибыли точно на место назначения, но Модьун еще колебался.

«Должен ли я согласиться с ее решением?» — спрашивал он себя.

Конец его обезьяньего существования?

Хозяин Нунули предостерегал против этого.

И Модьуна волновало то, что глупые животные могут быть настроены против человеческих существ. Тогда им придется решать, до какой степени использовать способы защиты.

Модьун обернулся к женщине, чтобы спросить, думала ли она об этом. И увидел, что она идет к прелестному забору в конце дороги. За забором был крутой обрыв. А ниже простирался город Галли; он раскинулся дальше, чем Модьун представлял себе раньше. Женщина прислонилась к забору и посмотрела вниз. Модьун остался на прежнем месте, но и отсюда была видна большая часть того, что видела она.

Теперь он заметил кое-что, чего не замечал раньше, — самый высокий дом. Люди стояли на вершине холма, и вид, открывшийся перед ними, был поразительным. Даже крыши далеких небоскребов были ниже того места, где стоял Модьун.

Он подумал: «Может быть, ей нравится не разнообразие красок, а высота».

На него вид произвел должное впечатление.

Ему пришло в голову, что, как опытный человек, он должен что-то делать.

Что?

Он огляделся. Автомобиль довез их до дома. Дорога шла мимо и поворачивала вправо за дом.

Очевидно, она шла по кругу, потому что автомобиль появился дальше внизу и помчался назад по той же дороге, по которой приехал.

Модьун внимательно посмотрел на дом. Если тот занят, то этого не видно. Вблизи ни звука, ни движения. Нет, звук все-таки был. Полуденный ветерок шелестел кустами. Опавшие листья с шуршанием неслись по вечной пластмассовой дороге. Неожиданно громко запел жаворонок.

Модьун направился ко входу. Он чувствовал, что женщина оглянулась. Модьун назвал свое настоящее имя дверному компьютеру, и Судлил пошла к нему. Модьун нажал защелку. Когда замок открылся, он толкнул дверь. Оглянувшись, он шагнул к женщине и одним движением поднял ее.

Его удивил ее вес, но он дал мускулам команду увеличить усилие и без труда перенес ее через порог.

У него лишь чуть-чуть перехватило дыхание, когда он опустил Судлил на пол и поддержал, чтобы она восстановила равновесие. Судлил сказала удивленно:

— Что это значит?

— Свадебная церемония, — спокойно сказал Модьун.

Он объяснил, что во время ареста смотрел по телевизору несколько драм, и в заключение добавил:

— Фильмы наскучили мне, и я перестал их смотреть. Но пары животных делали так. — Он пожал плечами, как часто делал Дуулдн. — Я запомнил некоторые детали.

— Значит, я теперь твоя жена? — заинтересованно спросила Судлил.

— Да.

— Ну, — неуверенно сказала она, — я думаю, что при таких обстоятельствах…

— Конечно, — сказал Модьун, — так как мы собираемся заниматься сексом.

Она кивнула и отвернулась.

— Посмотрим, как выглядит дом людей через три тысячи лет.

Модьун не возражал. Он шел за ней из комнаты в комнату, и все здесь выглядело намного красивее, чем описывали обучающие машины. К трем спальням примыкали ванные. Стофутовая гостиная. Большая столовая. Кабинет. Несколько небольших спален для животных с отдельными ванными, две комнаты, назначение которых было неясно, и столовая с автоматическим оборудованием.

Машины не могли передать красоту мебели. Все было сделано из неразрушающихся пластмасс и очень искусно. Форма поверхностей по-разному отражала свет. Давно умерший мастер добился, чего хотел: мерцающее палисандровое дерево в одной спальне; впечатление старины — в другой. Небольшие резные диваны из тикового дерева в большой комнате. В той же комнате были удобные кожаные кресла и пышные китайские ковры и драпировки, которые выглядели гобеленами.

Молодожены ходили из комнаты в комнату, и Судлил чувствовала, что всем довольна. Наконец, они пришли в столовую, и Судлил сказала многозначительно:

— Нам даже не нужно выходить из дома, чтобы поесть.

Модьун понимал ее. Но ему казалось ошибкой не обратить ее внимание на отрицательные аспекты.

Женщина продолжала:

— Как ты знаешь, во время роста мы подверглись некоторой необходимой деградации. Еда и последующее избавление от отходов. Качественный сон, который требует времени. Необходимость стоять и сидеть — это все неприятно. Но, тем не менее, мы здесь. Поэтому можно делать

все эти вещи по крайней мере в уединении нашего жилища.

Модьун медлил:

— Мы должны помнить, что Нунули, вероятно, теперь знают, где я нахожусь, и, может быть, узнали, что ты тоже здесь.

— С исторической точки зрения, — сказала Судлил, — понятно, что эти вопросы не касаются женщин. Так как мы вернулись на более низкий эволюционный уровень, ты тоже не должен думать о таких деталях.

Модьуна вдруг осенило. Судлил всегда ценили за женскую точку зрения. И, очевидно, у нее было время, чтобы обдумать свое новое состояние. Теперь она демонстрировала новую философию. Интересно. Но она не учитывала, что, если Нунули займутся ею, то их давление на нее будет таким же сильным, как и на него.

Женщина заглянула в несколько шкафов. Наконец, довольная, она посмотрела на Модьуна.

— Мы осмотрели дом, — сказала она. — Что мы будем делать дальше?

Модьун объяснил, что он хотел, чтобы они совершили кругосветное путешествие. Но он предполагал, что они подождут несколько дней, — он хотел подождать, пока не истечет

срок его наказания, но не сказал этого прямо. Судлил терпеливо слушала, пока он говорил, а потом сказала:

— Хорошо, но, что мы будем делать сегодня?

Модьун не растерялся, он просто приспосабливался к тому, что ей необходимо чем-то заниматься.

— Мы можем заняться такими же философскими рассуждениями, как вели за барьером, — сказал он.

Она прервала его дрожащим голосом:

— Мысли не имеют особой ценности для этого тела.

Модьун продолжал:

— Мы можем посидеть, полежать, почитать книги о животных в кабинете, а потом пообедать. А потом, может быть, посмотреть телевизор. А потом, конечно, пойти спать.

— Ты имеешь в виду, просто посидеть?

Поразительная реакция. Когда она говорила, то видела его лицо. И должна была понять, что для него это тоже проблема. Помедлив, она сказала:

— Я чувствую в своем мозгу… возбуждение. Как будто все эти нейтральные отделы, которые контролируют движение, подвергаются влиянию каждого моего взгляда и особенно звука. То же

происходит при прикосновении к моим ногам, когда ветерок гладит мою кожу. А обоняние и вкус заставляют меня чувствовать себя неловко. Но я хочу двигаться.

Она посмотрела на него.

— Хорошо?

Модьун терпеливо улыбался, пока она не закончила.

— Ты могла заметить, что эти чувства усилились после того, как ты вышла за барьер. Прекрасно и знакомо. Пути нервных импульсов давно проложены. Но здесь, — он посмотрел вокруг, — дом, город, люди — все новое и возбуждает, несмотря на то, что это обычные вещи. Ты должна понять: это импульсы тела, а тело должно управляться философски идеальным разумом. Закрывай глаза как можно чаще. Если это не помогает, то вставай и танцуй, как животные. Во время ареста я часто делал это, особенно, если звучала определенная музыка.

По выражению ее лица Модьун видел, что его слова вызвали в ней реакцию сопротивления, подобную той, которую она обнаружила, столкнувшись с обонянием и осязанием. Тогда он поспешно добавил:

— Может быть, у тебя есть предложения?

— Почему бы нам не заняться сексом? — ответила она. — У животных это обычно занимает около полутора часов. Так мы проведем время до обеда. А после того как мы поедим, можно будет решить, что делать вечером.

Модьуну казалось, что сейчас неподходящее время для секса. Почему-то он считал, что сексом занимаются поздно вечером или рано утром. Но он уже установил, что большое тело было для Судлил слишком сильным переживанием.

«Ну, хорошо», — подумал он.

Когда он вел ее через самый длинный овал в самую большую спальню, он добродушно заметил:

— Дода верит, что исторически, пока мы окончательно не стали людьми, только некоторые святые люди могли вообще обходиться без полового акта. Очевидно, что бы ни сделали Нунули, они создали в человечестве это святое свойство; я полагаю, что это слово как-то связано с примитивной философией. Не занимаясь сексом, мы отличались от людей-животных и смогли подняться до настоящих людей.

Когда он закончил, у него появилась другая мысль.

— Твои гениталии, — спросил он, — очень похожи на половые органы женщин-животных?

— Я никогда не проводила подробное сравнение, — ответила Судлил. — Внешне, по первому впечатлению, да.

— Я взял на себя труд, — сказал Модьун, — исследовать нескольких самок. Я мог бы сделать точный беспристрастный анализ.

— Хорошо, — сказала женщина.

— Очень похоже, — ответил он через несколько минут.

— За исключением одного, — продолжал он, — животные-женщины выделяют большое количество масла. А у тебя я его не обнаружил.

— Я заметила, что в тебе нет признаков жестокости, которая наблюдалась у самцов, которых мы видели. Помнишь? — сказала Судлил.

— Может быть, это явление возникает, как следствие активности, — сказал он.

— Давай лучше начнем.

Попытка заняться сексом вскоре поставила обоих в тупик. Они вертелись в постели, были слегка шокированы физическим соприкосновением с кожей друг друга, вздрагивали, отступали, но решительно не проявляли любопытства. Наконец, обескураженные, они отодвинулись друг от друга.

Вскоре Модьун заметил:

— Кажется, животные находятся в особом состоянии возбуждения. Действительно, тогда присутствовал неприятный запах. У нас не было такого возбуждения, и я чувствовал только слабый запах пота.

— Когда твои губы были против моих, — сказала женщина, — ты выделял слюну, она увлажняла мой рот и это было очень неприятно.

— Я думаю, было бы нелепо, если бы сухой рот касался сухого рта, — оправдывался Модьун.

Она ответила не словами, а подвинулась к краю кровати, опустила загорелые ноги на пол и села.

Она начала одеваться. Через минуту на ней были брюки и блузка. Когда она наклонилась, чтобы обуть туфли, сделанные из кожи животных, она сказала:

— Так как это заняло меньше времени, чем я думала, я прогуляюсь. Что ты будешь делать?

— Я полежу здесь с закрытыми глазами, — сказал Модьун.

Пока он говорил, она прошла в дверь и исчезла. Он слышал ее удаляющиеся шаги по толстому ковру, потом далекая входная дверь открылась и закрылась.

Прошло немного времени.

Когда спустились сумерки, Модьун оделся, про-

шел в столовую и поел. Потом, удивленный, он вышел из дома и огляделся в поисках женщины. Он видел дорогу, которая поворачивала внизу к городу. Вся дорога не была видна с того места, где он стоял, но на улице зажглись огни, и он видел, что Судлил нигде нет.

Модьун вспомнил ее отказ питаться в общественной столовой и подумал:

— Она скоро проголодается и появится.

Он вернулся в дом и лег; он начал привыкать к этому во время ареста. Через несколько часов наступило время идти спать.

Судлил все еще не было.

«Ну...» — думал он. Но терпел. Очевидно, женщина решила исследовать город в первый день. Он вспомнил ее потребность в движении. Очевидно, это чувство продолжало управлять ею.

Он разделся, лег в постель и уснул.

Где-то темной ночью раздался взрыв.

12

В долю секунды катастрофы все человеческие существа, находившиеся за барьером, автоматически выдали массовое мысленное сообщение, что делать. Модьун получил это сообщение.

Каждый из людей автоматически сразу осознал

угрозу и две альтернативы: сопротивляться или нет. И невероятным было то, что никто, кроме Модьуна, не смог решить такие вопросы.

Его политика пассивного принятия правил людей-гиен и Нунули была единственной определенной мыслью. И во время роковых миллионных долей секунды, когда они еще могли бы что-то сделать, эта предписанная схема поведения смешалась с тем, что в другое время могло оказаться естественной реакцией.

Какой бы была эта естественная реакция, никто никогда не узнает. Мгновение, когда еще что-то можно было сделать, пролетело слишком быстро для того, чтобы единое психическое пространство успело отреагировать.

И это мгновение ушло навсегда.

В предпоследний момент появился слабый намек на то, что все люди просто сказали друг другу: «Прощайте, дорогие друзья», а потом…

Мгновенная ночь.

Модьун сел на кровати и сказал:

— Боже милостивый!

Пока он произносил эти слова, он вскочил с кровати, включил свет. И когда стал что-то понимать, он уже стоял в ярко освещенной гостиной. Потом он осознал, что его правая нога дергается

и что он чувствует слабость. Его ноги и бедра отказывались двигаться, поэтому он опустился на пол, повалился на бок, ноги его подергивались, и он весь дрожал.

В это время ему было даже трудно смотреть. Перед глазами от напряжения появилось пятно.

— Ради Бога, что происходит?

Он почувствовал жар. Его глаза, лицо, тело стали теплыми, потом горячими. Это было удивительно и происходило автоматически.

Вода. Ему страшно хотелось воды. Спотыкаясь, он прошел в столовую. Стакан, который он держал, дрожал в руке. Он держал его, расплескивая содержимое, потом поднес стакан к губам. И тогда он почувствовал его прохладную влагу, которая текла по подбородку, на обнаженную грудь, а потом по ногам.

Благодаря влаге и прохладе к нему вернулся рассудок, и он смог осознать свои чувства.

Гнев.

Это мгновенно указало самое важное направление: главная мысль захватила свободно плывущие ощущения его разума.

Так как им двигала ярость, он побежал назад в спальню и впопыхах набросил на себя одежду. Облачение в одежды задержало его. В нем росло

бешенство. Наконец, Модьун выскочил из дома и побежал вниз по дороге.

Когда он подбежал к шоссе и к нему подъехал незанятый автомобиль, Модьун с опозданием понял, что не чувствовал мозга Судлил в общем течении мыслей в момент катастрофы. Всю дорогу он ощущал ее отсутствие, которое обескураживало его.

13

За исключением огней на улице и ярко освещенных зданий вокруг царила кромешная тьма. Автомобиль Модьуна остановился перед компьютерным центром.

Модьун медленно выбрался из автомобиля. Его бурная внутренняя реакция значительно ослабела. Он даже начал критически оценивать свое положение.

Его реакция казалась ему полудетской.

Тем не менее он целеустремленно вошел в здание. Хотя, в действительности, он не представлял себе ясно, как собирается действовать после того, что случилось.

Нунули, который вскоре появился из-за машин, был не тем существом, с которым Модьун разговаривал раньше, и Модьун сразу это понял.

— Я прибыл на Землю через несколько минут после взрыва и пришел прямо сюда,

— сказал новый индивидуум в ответ на вопрос Модьуна. — Я решил, что вы тоже придете прямо сюда.

Нунули стоял на открытом месте перед небольшим металлическим ограждением, которое защищало гигантский компьютер у него за спиной. Этот Нунули даже физически отличался от предыдущего. Был выше. Немного сутулый. Может быть, более старый.

Открытие, что здесь новичок, который, вероятно, не отвечает непосредственно за то, что случилось, на некоторое время сдержало ярость Модьуна, которая уже стала меньше. Вдруг возникла необходимость расставить все по своим местам.

— Что случилось с первым номером? — спросил Модьун.

— Он уехал поздно вечером с женщиной, — был ответ.

— До взрыва? — в голосе Модьуна отразилось удивление.

— Конечно, — раздраженно сказал Нунули. — Взрыв организовал специальный агент комитета.

Наконец, Модьун узнал то, что хотел.

— А где он? — настойчиво спросил Модьун.

— Он отбыл примерно через тридцать секунд после взрыва.

Нунули помолчал.

— Синхронность действий, — продолжал он, — была выбрана так, чтобы никто из нас не знал, что собирается делать другой. В таких случаях отмечается непогрешимая логика комитета.

— Да, — только и сказал Модьун, — а какова ваша роль во всем этом?

— Я заместитель Нунули, хозяина Земли.

Все это поставило Модьуна в тупик.

— Эта история приводит меня в замешательство, — сказал Модьун. — Я чувствую, что должен сделать что-то вам лично.

Если Нунули и был взволнован смыслом его слов, то не показал этого.

— Что, например? — спросил он раздраженно.

— Наверное, я должен подвергнуть вас какому-нибудь наказанию.

— Какому?

— Есть старая поговорка, — сказал Модьун. — «Око за око».

— Мне кажется, что это противоречит вашей философии. И, кроме того, разве это может при-

вести к чему-либо хорошему? — нетерпеливо продолжало существо.

— Правда.

Модьун был в замешательстве.

Ощущение, что он должен что-то сделать, быстро уступило место очевидной логике ситуации.

Нунули продолжал:

— Дело в том, что они даже не пытались защищаться. Почему вы считаете, что обязаны предпринимать какие-то действия?

— Ну… — колебался Модьун.

Он печально думал о собственной роли в том, что человеческие существа отказались действовать. Ему было трудно судить о таком сложном событии, потому что его терзали сомнения: не отвечал ли он полностью за их колебания в критический момент? Сможет ли он избавиться от этого ощущения?

Среди прочих вещей это в некоторой степени переносило часть ответственности с Нунули на него. И хотя это было несомненно нелепо, правда заключалась в том, что так как бедствие случилось, в будущем не должно быть места упрекам.

Вдруг он заметил, что обдумывает другие аспекты дела.

— Что побудило комитет сделать это? — спро-

сил он.

— Первый номер сказал вам. Вы угрожали, что станете нам мешать.

— Но это я. А не они, не те, кто жил за барьером. Разве логично нападать на тех, кто даже не помышляет о выходе?

— Откуда мы можем знать, о чем они думают? Вы вышли, — продолжал Нунули. — Прежде всего комитет знал, что остатки человеческой расы могут причинить массу неприятностей. Поэтому они нашли лучшее решение.

— Я полагаю, то, что вы говорите, имеет смысл с вашей точки зрения, — с неохотой согласился Модьун. — Но вы, так же, как и их намерение, беспокоите меня. Возникает вопрос: должно ли существо, подобное вам, связанное с комитетом, иметь свободу действий, чтобы совершать разрушительные поступки, на которые вы, очевидно, способны? Вы позволили бы свободу передвижения существу в данном случае?

— Какие еще примеры вы можете привести? — спросило существо.

Модьун мог думать только об одном сравнении.

— Ваши дураки, люди-гиены, изводили меня. Это наводит на мысль, что прежний хозяин Ну-

нули замышлял что-то против меня.

— Гм… — Казалось, создание размышляло. Блестящее серое лицо немного вытянулось.

— Я скажу вам вот что. Все издевательства должны прекратиться. Остаток вашего приговора отменяется. Вы можете делать все что угодно, идти на Земле куда хотите.

— Это меня не удовлетворяет, — заявил человек. — Но я думаю, это лучшее из того, что возможно при данных обстоятельствах.

— Очень хорошо. Вы свободны и можете путешествовать по всему миру в качестве обезьяны.

— Значит, есть ограничение? — спросил Модьун.

— Очень небольшое. Какой смысл последнему человеческому существу на Земле заявлять о том, кто он есть?

Модьун должен был согласиться, что это, действительно, не очень нужно.

— Но осталось еще одно человеческое существо, — возразил он. — Женщина Судлил. Вы сказали, что она покинула планету прошлой ночью?

— Как объяснил член комитета, который занимался всем этим делом, — сказал Нунули номер два, — смысл заключается в том, что, если только

первый номер знает, где находится женщина, а он отправился в другой конец Вселенной, чтобы никогда сюда не вернуться, вы не можете проследить за ней.

Модьун стоял на металлическом полу компьютерного центра с высокими потолками и сквозь подошвы ботинок чувствовал вибрацию металлических плит. В его мозгу возник импульс другого рода со своей интенсивностью. Наконец, он сказал:

— Интересная проблема.

— Неразрешимая, — поддержал его Нунули.

Торжество Нунули оскорбило Модьуна. Но человек осознал его как реакцию тела, словно его часть стремилась разрешить проблему. Но, конечно, это была неправда. Зачем решать проблему, которую нельзя решить? Судлил покинула дом и, очевидно, вскоре после этого поднялась на борт корабля. События развивались обескураживающе, поэтому Модьун и догадался, что Судлил не планировала делать это.

— Может быть, самым простым решением было бы, если бы вы узнали для меня, где она, и сказали мне, — сказал он громко.

— Не может быть и речи, — отрезал Нунули.

— В чем причина такого отказа?

— Вы мужчина. Она женщина, — ответил Нунули. — Было бы смешно, если бы мы разрешили вам спариваться и рожать детей. Поэтому она улетела туда, где нет мужчин, а вы остались здесь.

Модьун отверг возможность того, что Судлил когда-либо разрешит осуществиться репродуктивному процессу. Его внимание переключилось на другую мысль. Он сказал:

— Первый номер действительно мог захватить ее и поместить на борт корабля?

— Нет.

На сероватом, гладком, как стекло, лице существа движением мышц отразились эмоции. Модьун оценил это как самодовольное смешное превосходство.

— Согласно моему пониманию, она оказалась очень доверчивой и, естественно, не могла проникнуть в глубины мозга моего предшественника, — сказал Нунули. — Поэтому, когда он предложил ей посетить один из скоростных кораблей комитета, она поднялась на борт, ничего не подозревая. Даже, когда она почувствовала, что корабль стартовал, она осталась беззаботной. Об этом позже сообщил командир.

Модьун успокоился.

— Ну, конечно, — продолжал Нунули. — Одно

место столь же хорошо, как и любое другое. Это как раз то, чего вы, люди, не можете понять.

Теперь интерес Модьуна угас.

Он сказал:

— Я вижу, что вы хотели причинить вред ей и мне, но, к счастью, человеческая мысль превзошла ваше зло и не допустила ничего подобного. Итак, Судлил на корабле, и ее куда-то везут. В будущем, когда вы лучше будете оценивать реальность, тогда вы узнаете для меня, где она.

— Повторяю, что этого не будет никогда, — ответил инопланетянин.

— Я предполагал, что вы можете это сказать, — сказал Модьун. Он отвернулся, безразличный ко всему. — Я имею некоторые обязательства по отношению к ней, поэтому могу в будущем настаивать на том, чтобы мне сообщили о ее местонахождении.

— Это не приведет ни к чему хорошему, — сказал новый хозяин Нунули. — Я не знаю, где она, и комитет издал специальные инструкции о том, чтобы такая информация никогда не попала ко мне. Поэтому я не смогу помочь вам, даже если захочу. А я не хочу. На этом завершим наш спор. Если у вас нет других вопросов.

Модьун не мог ни о чем думать.

14

Снова на улице. Еще темно. Но теперь рассветало, и покрытого облаками неба коснулись первые лучи. Модьун шел по тротуару, где было пусто. На улице, конечно, были автомобили. Все, которые он видел, были свободны. А что еще они могут делать ночью, кроме как продолжать двигаться на случай, если кто-нибудь захочет воспользоваться их услугами. Для этого они предназначены.

Модьуна волновали три вещи. Первое — то, что он не знал точно, что он должен чувствовать. Второе — то, что его тело было не в хорошем душевном состоянии. Но третьим было то, что его ум спокоен.

Он понимал, что Судлил — самка его породы. С ее приездом ему вдруг пришлось считаться с реальностями другого существа, и через каких-нибудь пару часов ему с ней стало скучно.

Когда-нибудь, без сомнения, они будут вместе и станут обсуждать будущее людей. Но едва ли в этом есть крайняя необходимость.

«Я думаю, что прямо сейчас я должен лечь в постель и уснуть, что столь необходимо телу. А утром я смогу решить, что делать дальше».

Когда он остановил автомобиль, ему пришло

в голову, что он больше не интересуется кругосветным путешествием. Потому, что это нужно было для блага тех, кто оставался за барьером… а сейчас в этом не было смысла.

Итак, что же дальше?

Помня об одном ограничении, которое установил Нунули, — держать в секрете свое человеческое происхождение (а почему нет?) — он направил автомобиль к квартирам для приезжих. Потом откинулся на спинку сиденья и подумал:

«Раз член далекого комитета проявляет непосредственный интерес… Невероятно. И все же об этом заявил Нунули».

Непосредственный интерес к маленькой планете (Земле) в слабо заселенном — с точки зрения количества солнц — наружном конце Млечного Пути… Тут Модьун понял, что существует заговор против двух людей: против Судлил и него. Это казалось невозможным.

Член комитета мог советовать Нунули, конечно, если у него спрашивали совета, и их общая установка, безусловно, охватывала такие бесконечно малые (по их стандартам) единицы, как он. Нунули только проявляют старание — как и должна делать раса хороших слуг.

Единственное человеческое существо, паци-

фист и философ, безобидный, потому что хочет всех оставить живыми, он никогда не нанесет ответный удар, — такой человек не может представлять ни малейшего интереса для правящей галактической иерархии. На таком огромном расстоянии они даже не могут знать, что он существует. Любой совет, который они дают своим слугам, Нунули, не может, сам по себе, конкретно касаться того, против кого он направлен. Так должно быть.

Несмотря на безупречную логику, Модьун не мог окончательно согласиться с такими аргументами.

«Я подумаю об этом еще, позже».

Он вышел из автомобиля, когда дошел в своих рассуждениях до этого места. Когда он подошел к своей маленькой квартирке, то удивился, увидев, что человек-медведь, Руузб, сидит на ступеньках веранды. Красивый человек-животное полудремал, прислонившись к одной из поддерживающих перекладин.

Когда Модьун подошел, человек-животное открыл глаза, моргнул и сказал:

— Эй!

Его голос громко прозвучал в ночном воздухе. Человек-животное заметил это и, поднявшись на

ноги, тихо прошептал:

— Где вы были? Вы заставили нас всех волноваться.

Человек спокойно объяснил, что возникло кое-что, требующее внимания. Когда он закончил, Руузб взял его за руку и потянул к одной из квартир. Руузб постучал в ее дверь, и, когда сонный Дуулдн открыл, он подтолкнул Модьуна к человеку-ягуару и стремительно вышел, бросив через плечо:

— Я позову остальных.

Через пять минут они все собрались в квартире Дуулдна. И Руузб проворчал своим низким голосом:

— Друзья, у этой обезьяны не все дома, — он стукнул себя по лбу, — он нарушил условия своего заключения за два дня до истечения срока приговора. Завтра у него может быть много хлопот, а мы не сможем быть здесь, чтобы помочь ему.

Он повернулся к Модьуну. И его красивое лицо стало серьезным, когда он объяснял, что они вчетвером должны явиться на борт межзвездного корабля этим утром, до полудня. Взлет назначен на следующее утро.

Модьун удивился.

— Вы имеете в виду, что они собираются загру-

зить на борт миллион людей в один день?

Дуулдн заметил:

— В случае крайней необходимости они это могут. Но не делают. Они уже ведут погрузку в течение двух недель. Мы пойдем на корабль среди последних пятидесяти тысяч.

Руузб молча махнул своему другу рукой.

— Не отклоняйся от темы, — сказал он. — Вопрос в том, что мы собираемся делать с этой обезьяной? Он, кажется, ничего не знает.

Человек-лиса напротив пошевельнулся.

— Почему бы нам не взять его с собой?

— Вы имеете в виду, в космос? — испугался человек-медведь.

Потом он покачал головой:

— Это, наверное, нельзя.

— Нельзя по чьим нормам? — вступил в разговор Дуулдн. — Людей-гиен, которые захватили власть?

Он пожал плечами.

— Никто не заметит лишнюю обезьяну среди многих. Он только должен сказать, что потерял документы.

Внушающий страх человек-гиппопотам повернулся и посмотрел на человека:

— Эй, Модиунн, о чем вы думаете? Хотите пой-

ти?

В том, что происходило, Модьуна интересовало лишь их желание устроить заговор и помочь ему. Удивительно, что одна мысль, которую он им подал, идея о незаконном захвате власти, разрушила их преданность людям-гиенам. Сначала Руузб и Дуулдн, а теперь, очевидно, по прошествии времени Неррл и Иггдооз тоже — как это называется? — развратились. Всего на несколько минут маски были сняты. Еще не зная настоящей правды, они реагировали на малейшее открытие истины со злостью, уничтожая в себе прежнюю наивность и чистоту намерений.

Мысль Модьуна вернулась к знакомому преступнику, человеку-крысе, который был вынужден украсть, когда узнал, что руководители-гиены проезжают на автомобилях лишние сто ярдов до входных дверей своих домов. Человека-крысу возмущала эта привилегия.

Модьун подумал, что, действительно, им не много нужно…

Идеальное равновесие, которое оставил человек, когда уходил за барьер, было нарушено завоевателями Нунули. Очень плохо. Может быть, с этим можно что-то сделать.

Модьун увидел, что четыре пары сверкающих

глаз все еще с нетерпением смотрят на него, ожидая ответа. Это напомнило ему то, что он должен был сделать сначала.

— Я уйду на рассвете, — сказал он, — но вернусь сюда к девяти или к половине десятого. Не будет слишком поздно?

Они искренне заверили его, что не будет.

На рассвете он поехал туда, куда Экет принес его примерно месяц назад и где он встретил Судлил. У него в уме была картина местности и возможный путь, по которому автомобиль мог провезти его по бездорожью. Как он и ожидал, робот-автомобиль подчинился его человеческому имени.

Скоро Модьун стоял на холме и смотрел на то, что недавно было долиной, где тысяча людей жила в раю. Все исчезло: сады, соединенные каналы и пруды, прекрасные дома и площадки, которые образовывали центральную часть диаметром в милю. Остался лишь внешний край, где были дома насекомых и животных — слуг человека.

Там, где располагался маленький городок с остатками человеческой расы, теперь была выбита яма длиной в три мили, шириной в две мили и глубиной в полмили.

Если он собирается полететь в космос, то, мо-

жет, когда-нибудь он захочет поговорить обо всем с тем самым членом комитета…

Внезапно Модьуну показалось, что он, действительно, должен это сделать.

15

Модьун сначала не заботился о том, чтобы найти постоянную комнату. Отделившись от четырех друзей, которые должны были пойти в предназначенные для них помещения, он прогуливался по коридору и через некоторое время оказался у ворот; он стоял и оглядывал огромное открытое пространство.

Модьун быстро оценил, что диаметр этого помещения более километра, а высота потолков не менее ста метров. Везде, куда он смотрел, росли деревья, а вдали зеленело пастбище, и, конечно, тысячи людей-животных наслаждались видом открытого пространства. Идеальное место, чтобы провести первые несколько часов на борту звездолета. Модьун сделал шаг вперед, чтобы пройти через ворота, и обнаружил, что они заперты.

Вперед вышла женщина-животное. Она была изящно одета и напоминала обезьяну. Она посмотрела на Модьуна с высоты семи футов трех дюймов на его восемь футов и заявила:

— Эти огороженные места являются неприкосновенными. Когда на борту столько людей, открытые пространства должны использоваться лишь в определенные часы. Если вы назовете свое имя и номер комнаты, я запишу вас, чтобы вы могли прийти в назначенное время.

Неожиданно, но разумно. Так как у него не было комнаты, Модьун отрицательно покачал головой в ответ на ее предложение. Но он изучал женщину-обезьяну с неподдельным интересом.

— Вы из какой части Африки? — спросил он.

— Восточное побережье.

Она улыбнулась и стала очень привлекательной.

— Откуда приезжают такие красавцы? — сказала она. — Вы не хотите разделить со мной квартиру?

Модьуну стало интересно.

— Как это можно устроить?

Она восхитительно улыбнулась в ответ на его очевидное согласие.

— Если женщина может найти мужчину, это дает ей право на большую кровать. Их несколько в каждой общей спальне.

— Кажется, хорошая идея, — сказал Модьун. — Где эта спальня?

— Я запишу для вас, — нетерпеливо сказала она.

Он наблюдал, как она поспешно вынула из кошелька маленький блокнот и написала изящным почерком несколько строчек, вырвала листок и протянула ему:

— Вот.

Модьун взял записку, посмотрел и прочитал: «Палуба 33, секция 193, коридор Н, спальня 287». И была подпись: «Трольнд».

Он положил бумажку в нагрудный карман. Женщина-обезьяна спросила:

— Как вас зовут?

Он сказал: Модиунн, как произносили в Африке, и добавил:

— Увидимся, когда пора будет ложиться спать.

Наступил вечер. Поздний вечер. Пришло время идти по адресу, который дала ему Трольнд.

Ночью женщина-обезьяна разбудила Модьуна; она легла на него, когда он лежал на спине. Она была довольно тяжелой и, обдумав возможность позволить ей остаться лежать на нем без комментариев, Модьун нарушил молчание и сказал низким вежливым тоном:

— Вы проснулись?

— Еще бы, я проснулась, — сказала она спокой-

ным низким голосом.

— Это обычная манера спать у обезьян из вашей части Африки? — спросил он.

— Ради Бога, — сказала она. — Что за вопрос? Вы мужчина или пустое место?

Он не понял вопроса и сказал:

— Почему бы нам не обсудить загадки, вроде этой, утром? Именно сейчас я очень хочу спать.

Последовала долгая пауза. Затем, не сказав ни слова, женщина скатилась с него и отодвинулась в дальний угол кровати. Вероятно, она оставалась там, потому что больше ему спать не мешали. Когда он проснулся утром, Трольнд уже встала и что-то делала в дальнем конце спальни, где было зеркало.

Модьун начал одеваться. Он наклонился, чтобы обуть туфли, когда почувствовал, что пол под ним дрожит. Это было такое крупное событие, очевидно, растрачивалось столько энергии, что его мозг отметил факт без его сознательного распоряжения.

В голове замелькали картины.

Сначала он видел только волны в замкнутом пространстве. Видимый мир квадрильонов движущихся линий.

«Магнитно-гравитационные волны», — поду-

мал он.

Конечно, корабль должен соединиться с огромными магнитными и гравитационными полями Земли, чтобы его гигантская масса оторвалась от Земли.

Взлет. Очень легко. Просто. Ничего опасного.

Теперь картины… изменились. Он увидел лицо человека-гиены: офицер в форме с медалями сидел в большой комнате где-то на корабле. В комнате блестели механические приборы и другие гиены-мужчины в форме стояли перед приборными панелями.

Сцена поблекла; и на одно мгновение наложилось спокойное серое лицо Нунули, окантованное волосами, похожими на червей. Глаза существа, похожие на прозрачные серо-зеленые лужи, казалось, смотрели прямо в глаза Модьуна.

А потом и эта картина поблекла.

Модьун обулся и почувствовал удовольствие. Теперь, когда они отправились в космос, он мог пойти поесть. Он согласился не заходить в столовую весь предыдущий день и так и сделал, но для такого тела, как у него, диета была довольно затруднительным процессом. Теперь можно все исправить.

Он поднялся и подошел к женщине-обезьяне.

— Увидимся вечером, — сказал он весело.

— Вы не посмеете прийти сюда снова, — заявила женщина-обезьяна.

Модьун повернулся и посмотрел на нее.

— Я чувствую явную враждебность в вашем тоне, — сказал он. — Это меня удивляет, потому что я обращаюсь с вами очень вежливо.

— Я не нуждаюсь в такой вежливости, — последовал беспощадный ответ.

Он подумал, что ее раздражение связано с таинственным поведением прошлой ночью и спросил:

— Все дело в этом?

— Конечно, — ответила она резко. — Я рассчитывала, что мужчина будет вести себя как мужчина, когда он с женщиной.

— О! — только и сказал Модьун.

Он все понял и запротестовал:

— Вы допускаете смешение видов?

— А кто собирался размножаться? — огрызнулась она.

Невразумительный ответ. Но Модьун помнил свой неудавшийся эксперимент с Судлил и сказал:

— Действительно, есть проблема, которую я должен решить. Поэтому, почему бы мне не про-

консультироваться с моими друзьями, а потом мы снова поговорим.

— Не стоит беспокоиться, — холодно сказала Трольнд.

Она явно была в плохом настроении. Модьун прекратил дискуссию и ушел. Он направился прямо в столовую, которую видел по пути к квартире Трольнд прошлым вечером, назвал компьютеру свое настоящее имя и скоро уже нес тарелку к маленькому столику в углу. Потом неторопливо съел то, что было на ней. И тут он увидел, что люди-гиены в форме строятся снаружи у каждого из четырех входов в столовую.

Модьун вздохнул. Опять начинается вся эта глупость.

У него появилась новая мысль: «Сколько еще я должен терпеть?»

Чувство прошло, когда человек-гиена, на одежде которого было больше, чем обычно, золотых полос, вошел в столовую и направился прямо к Модьуну.

— Ваше имя Модиунн? — спросил он вежливо.

— А если и так? — сказал Модьун.

— Я почтительно прошу вас следовать за мной в жилище Нунули, хозяина этого корабля.

Бурное чувство где-то внутри Модьуна посте-

пенно ослабевало от вежливого тона. Оно не испарилось совсем, но включилась автоматическая вежливость. Модьун сказал:

— Что он хочет?

— Он хочет задать вам несколько вопросов.

— Я не могу представить себе ни одного вопроса, который он мог бы задать и получить от меня ответ, который мог бы иметь какое-либо значение. Так как ответа нет, я не пойду с вами.

Человек-гиена вдруг смутился.

— Но, — запротестовал он, — как я могу вернуться с подобным известием? Прежде всего, я знаю, Нунули рассчитывает, что я применю силу, если убеждение не поможет, хотя у меня нет инструкций для такого случая.

Модьун с достоинством ответил:

— Передайте этому джентльмену, что если он пожелает выделить мне каюту на борту корабля, а потом захочет навестить меня там, я приму его.

Офицер-гиена, казалось, успокоился.

— Благодарю вас, — сказал он, — мне был нужен какой-нибудь ответ.

Он ушел.

Вот и все. Время шло, и никакой реакции. Странно. Но потом Модьун решил, что Нунули — интриганы и, без сомнения, готовят какой-ни-

будь план, как это было в связи с его арестом на Земле. Хотя трудно было представить себе, что теперь будет. Наконец, так как он не мог придумать ничего лучшего, то он пошел навестить друзей.

Оказалось, что они живут в такой же спальне, как Трольнд, но для мужчин. Когда он в первый раз осмотрел большую комнату с рядами коек, здесь не было даже следов четверых друзей, которых он искал. Модьун пошел к кровати, где человек-мышь и человек-лиса, немного меньшего размера, чем Неррл, играли в карты, и спросил о своих приятелях.

Мгновенная реакция оказалась неожиданной. Человек-мышь бросил карты на кровать, вскочил на ноги и пронзительно закричал резким голосом другим мужчинам на ближайших кроватях:

— Здесь парень ищет тех четверых.

Половина мужчин в комнате услышала эти слова. И каждый из них встал. А те, кто был на дальних кроватях, привлеченные суматохой, оглядывались или садились. Несколько человек встало.

Слева от Модьуна дородный субъект, лицо которого слабо напоминало тигра, первый махнул ему и сказал:

— Подойдите сюда!

Модьун был удивлен, но, тем не менее, выполнил его приказание. Человек-мышь позади него завизжал:

— Они арестованы. А нам приказано допрашивать любого, кто приходит и ищет их. Кто вы?

16

«Они дураки», — подумал Модьун.

Неприятная ситуация. Поняв это, Модьун автоматически повернулся и посмотрел на дверь, через которую вошел.

Но путь уже был отрезан. В несколько мгновений, которые прошли от первого визга человека-мыши до его реакции на упреждающую команду человека-тигра, семь существ стали между ним и дверью. Мирное отступление из зоны возможного насилия, часть жизненной мирной философии, оказалось невозможным.

Модьун смирился с неизбежностью насилия.

Буйная толпа. Когда он стоял в нерешительности, толпа сжималась вокруг него. Люди-животные толкали друг друга и его. Модьун сразу же почувствовал в непосредственной близости неприятный запах пота животных. Тем не менее, ему не пришло в голову выключить свое обоняние. Он не сопротивлялся, когда они стали

оттеснять его в угол. Это стало частью его первоначальной неудачной попытки уйти.

Человек-тигр ударил Модьуна в лицо. Быстрый удар, который был отбит, и лапа отлетела выше головы. Боль была незначительной, но само намерение возбудило Модьуна. Он спросил:

— За что?

— Ты грязный, вонючий, вот за что! — был ответ. — И мы знаем, что делать с предателями и их друзьями, не так ли? Говорю, нужно убивать таких, как ты!

Крик подхватили те, кто стоял ближе:

— Убить его!

При этом несколько сильных ударов обрушилось на плечи и голову Модьуна. Он ушел от ударов, с грустью понимая, что его тело, без сомнения, вынуждено будет защищаться, когда давление станет достаточно большим. Поэтому он дал себе команду: отсутствие боли — и поднял левую руку, чтобы отражать удары их кулаков, и, так как он был достаточно неуязвимым, ударил человека-тигра в челюсть. Он ощутил удар, как толчок в суставы и плечо. Никакой боли, только сотрясение.

Так как он не чувствовал боли и не имел опыта, то ударил, не сдерживаясь. А потом в испуге на-

блюдал, как человек-животное, шатаясь, сделал назад дюжину шагов. Потом большое создание с грохотом упало на пол.

Каждый — именно каждый — повернулся и посмотрел. Они тоже не умели драться. Они убрали руки от Модьуна, перестали обращать на него внимание. Они стояли, глядя на тело товарища.

Появился выход. Не физический проход, а возможность уйти, благодаря их временной нерешительности. И Модьун ушел. Он должен был пробираться через толпу, потому что на пути его прямого движения находилось, по меньшей мере, полдюжины людей-животных. Он прошел мимо них, наклонился и помог ошеломленному человеку-тигру подняться на ноги.

— Извините, — сказал Модьун. — Я только хотел задать вам несколько вопросов.

Большое животное быстро приходило в себя.

— Это был удар, — сказал он с уважением. — Вопросы? — повторил он.

Модьун сказал, что удивлен их враждебным отношением.

— С каких пор стало преступлением быть знакомым с кем-то?

Человек-тигр помолчал.

— Ну… — сказал он с сомнением. Потом повер-

нулся к людям-животным.

— Что вы думаете, друзья?

— Но он знаком с преступниками! — заметил человек-мышь.

— Да…

Человек-тигр пристально посмотрел на Модьуна, внезапно намного агрессивнее, чем раньше.

— Что вы на это скажете?

— Вы говорите, что они арестованы? — сказал Модьун.

— Да, конечно.

— Взяты под стражу?

— Да.

— Тогда их еще должны будут судить. Их вина пока не доказана.

Модьун вспомнил свое собственное появление в «суде» и быстро добавил:

— Они имеют право на судебное разбирательство в суде присяжных, равных себе

— то есть вас. Дюжина вас и судья в соответствующем суде в присутствии публики, то есть остальных из вас, выслушают свидетельские показания против обвиняемых и определят их вину.

Потом Модьун сделал паузу:

— В чем их обвиняют?

Никто не знал.

— Вам должно быть стыдно, — зло сказал Модьун, — обвинять кого-то, даже не зная, в чем его преступление.

Его собственная роль в неожиданном развитии событий стала более ясной.

— Друзья, — сказал он, — мы должны обеспечить честный суд над этими четырьмя, которые являются такими же простыми существами, как вы и я.

Они были только людьми-животными, к тому же глуповатыми. И им оставили идеальный мир, который требовал от них минимум работы. В известном смысле, руководство, которое обеспечивали люди-гиены и Нунули, было, вероятно, подходящим для них; они чувствовали поддержку и имели пищу для размышлений. Чем-то занимались.

Модьун уже заметил, что на таких существ мгновенное впечатление производило то, что казалось справедливым. Так было и теперь.

— Вы правы. Это то, что мы собираемся выяснить.

Общий хор голосов выражал согласие. Люди-животные повернулись и стали горячо убеждать друг друга в обоснованности давно не исполь-

зуемых принципов справедливого судебного разбирательства.

При этом существа, находящиеся в комнате, разбились на маленькие группы, которые возбужденно беседовали. Кажется, никто не заметил, когда Модьун продвинулся к двери, через которую он вошел, и, осторожно осмотревшись, вышел.

Он быстро пошел по коридору, взволнованный тем, что узнал о таинственном аресте своих друзей. Но, по крайней мере, он был свободен и мог что-то сделать.

Он не знал, что.

«Моя проблема в том, что я философ».

Новым было то, что он думал об этом, как о проблеме.

Некоторое время после этого он бродил и бродил бесцельно. Сознание его помутилось. Скорость, с которой он шел, автоматически увеличивалась, отражая его глубокое внутреннее расстройство. Быстрое движение привело к тому, что через некоторое время его внимание сконцентрировалось на этом аспекте.

И, наконец, еще раз он осознал… что на уровне тела любит этих четверых. И их затруднительное положение беспокоило его.

Он побежал.

Быстрее.

Он мчался. Его сердце забилось быстрее, дыхание стало неровным; он отдавал себе отчет в том, что сильные эмоции, связанные с тем, что случилось с его друзьями-животными, ускользали. Он понял, что это химическая обратная связь определенных желез, которые с тех пор, как он вырос, гасили большую долю его реакций. Печально сознавать, что вещества, выделяемые железами в поток крови, — и среди них адреналин — можно разогнать мышечной активностью.

Когда он бежал, чувство, что он должен что-то делать, исчезло.

Модьун снова стал философом и с улыбкой думал о серьезном проекте, о том, что он едва не был вовлечен в дело, которое ничего не значило для него.

Это была старая доктрина сторонника мира: нет конца безумствам вспыльчивых людей, поэтому нельзя позволять втягивать себя в их конфликты, нельзя отражать удары, нужно избегать эмоций.

Пусть гиены победят.

Легкая победа смягчает агрессоров. Правда, звучит иногда неприятно, но если вы можете не позволить втянуть себя или, по крайней мере,

сделать ваше участие минимальным, то лучше сохранить мир таким путем. Даже если нескольким существам причинят вред, — все равно это лучше.

Вновь согласившись с основными аксиомами своих размышлений, Модьун перешел на шаг.

Теперь он был голоден. Он вошел в ближайшую из многочисленных столовых.

Когда он сидел и ел, то увидел ту же самую сцену, что и в то утро, когда люди-гиены выстроились у каждого входа в большое заполненное помещение. И тот же самый высокопоставленный офицер почтительно подошел к нему и протянул документ.

Внешне документ очень напоминал повестку, которую Модьун получил на Земле. И на мгновение Модьун ощутил сильный прилив тепла, возникший где-то у основания позвоночника. Так Модьун познал ярость и поспешно спросил:

— Что это?

— Вы должны выступить в качестве свидетеля против четырех лиц, которые обвиняются в том, что нелегально провели на борт корабля человека, не имеющего разрешения. Суд назначен завтра на девять часов утра и будет проходить в помещении, указанном в повестке.

Не только каждое предложение, но и каждая его часть, произносимая человеком-гиеной, звучала поразительно разоблачающе. Модьун реагировал на каждое слово. Он говорил:

— О! О! О!

Неизменное «О!» выражало его ошеломление и осознание.

Прояснилась тайна ареста. Очевидно, шпионы на Земле сразу взяли на заметку четверых друзей, потому что те были связаны с ним. И, когда его, Модьуна, обнаружили на борту (несомненно, об этом доложил компьютер в столовой), кто-то понял, какую роль сыграли его друзья и кто помог ему попасть на корабль.

Трудно угадать, чем может завершиться такой суд. Но, конечно, хозяева Нунули начали одну из своих хитрых игр. В конце концов с помощью всего этого Модьун надеялся выяснить их тайную цель.

Офицер-гиена сказал вежливо:

— Меня просили обеспечить ваше выступление на суде в качестве свидетеля, как указано.

Модьун колебался. Но, что ему оставалось делать? Он постоянно думал о том, что должен дать негодяям делать все так, как они хотят. Победив без борьбы, они должны будут успокоиться…

Таковы были его философские аксиомы.

Но Модьун помнил и то, к чему призывал людей-животных часом раньше. И, хотя обвинение не казалось слишком серьезным и, вероятно, было лишь частью большого плана, направленного против него, он задал решающий вопрос:

— Будет ли суд с присяжными и судьей?

— Да.

— Вы уверены? — настаивал Модьун. — Вы понимаете, что это значит?

— Судья и двенадцать присяжных рассмотрят свидетельские показания, и обвиняемые будут иметь адвоката, выбранного ими.

Казалось, все справедливо.

— Хорошо, — сказал человек. — Я приду.

— Благодарю вас.

После этого офицер сунул руку в карман, вынул другой сложенный листок и протянул Модьуну.

Модьун подозрительно посмотрел на бумажку.

— Что это? — спросил он.

— Мне сказали, что, если вы согласитесь быть свидетелем, вам будет выделена каюта, как вы просили утром. Здесь номер каюты и ее местонахождение.

Модьун с заметным облегчением взял бумажку. Он не знал, где провести вторую ночь.

Он сказал:

— Пожалуйста, передайте мою благодарность хозяину Нунули. Скажите, что я ценю его любезность.

Как и было обещано, суд начался точно в девять на следующее утро, и в качестве первого свидетеля был вызван Модьун.

17

Зал судебного заседания был обустроен точно так, как Модьун представлял себе по описаниям обучающих машин.

Дюжина присяжных (все люди-гиены) сидела на скамье для присяжных, поставленной вдоль одной из стен. Гиена-судья сидел на скамье, завернувшись в свою мантию. Место свидетеля, куда вызвали Модьуна, находилось слева от судьи. Гиена-прокурор сидел за одним из столов справа от судьи, а гиена-адвокат — за другим. Прямо перед Модьуном за специальной загородкой сидели четверо подсудимых, а у них за спиной выстроились гиены-офицеры полиции. Прямо напротив различных слуг закона, за низкой оградой стояли несколько дюжин рядов стульев. Здесь сидела публика.

Все было устроено очень хорошо, поэтому

Модьуна неприятно поразило, когда прокурор поднялся и сказал без паузы:

— Этого свидетеля зовут Модиунн. Он — обезьяна из Африки, и четверо обвиняемых провели его нелегально на борт корабля. Они обвиняются в измене, призыве к мятежу, иными словами, они совершили уголовное преступление, которое карается смертью.

Когда он произносил эти слова, он обращался к присяжным. Потом он повернулся к защитнику и сказал:

— Что может сказать свидетель в оправдание их низкого преступления?

Защитник сказал, не поднимаясь:

— Свидетель согласен, что все ваши утверждения — правда. Продолжайте судебное разбирательство.

— Я возражаю, — прорычал Модьун. Его тело пылало с головы до ног. Он понял, что дрожит.

— Возражение отклоняется, — сказал судья вежливым тоном. — За свидетеля говорил защитник.

Модьун закричал:

— Я возражаю против этой пародии на суд. Если все будет продолжаться в таком же роде, я откажусь быть свидетелем.

Судья наклонился к стулу свидетеля. Он казался обескураженным и продолжал тем же вежливым тоном:

— Что неправильно в суде?

— Я требую, чтобы вопросы задавали непосредственно свидетелю и чтобы ему разрешили самому на них отвечать.

— Но это неслыханно, — запротестовал судья. — Защитник знает законы и, очевидно, может более квалифицированно отвечать вместо свидетеля.

Казалось, ему пришла в голову новая мысль, потому что глаза его расширились.

— Вы из Африки, — сказал судья. — То, что вы требуете, это обычная процедура там?

Модьун тяжело вздохнул. Его потрясло, какое умственное напряжение требовалось от того, кто должен учитывать не только правду, по которой человек согласился жить. Но Модьун отказался быть вовлеченным во что-то более нечестное, чем ложь относительно того, как произносится его имя, плюс неправильная идентификация его в качестве обезьяны. А в остальном он требовал только правды.

Он сказал:

— Я требую, чтобы суд шел по правилам, установленным человеком.

Последовала долгая пауза. Наконец, судья подозвал к себе прокурора и адвоката. Трое беседовали шепотом. Потом два юриста возвратились к своим столам. Когда они сели, судья любезным тоном обратился ко всему залу заседаний и сказал:

— Так как показания этого свидетеля являются важными, мы решили согласиться на примитивную процедуру, к которой он привык у себя дома, в Африке.

После этого он повернулся к Модьуну и сказал с упреком:

— Я искренне надеюсь, что потом вы извинитесь перед защитником за оскорбление, которое вы нанесли ему публично.

Он продолжал вежливо:

— Какая процедура вас устроит, мистер Модьун?

— Правильно… — начал Модьун.

— Там, откуда вы прибыли, — вставил судья.

— … существует процедура, давно установленная человеком, — продолжал Модьун. — Она заключается в том, что прокурор должен задать мне ряд относящихся к делу вопросов, и каждый раз ждать моего ответа.

— Какого рода вопросы? — спросил человек-гиена на скамье, который был готов отступить, но

находился в растерянности.

— Сначала нужно спросить мое имя, — сказал Модьун.

— Но мы знаем ваше имя, — последовал удивленный ответ. — Оно же написано здесь на повестке.

— Такие факты должны устанавливаться во время непосредственного допроса, — твердо сказал Модьун.

Судья засомневался:

— Такой метод может задержать нас здесь на весь день.

— Может быть, даже на неделю, — согласился Модьун.

Почти все находящиеся в зале заседаний вздохнули.

А судья, мгновенно забыв о вежливости, резко ответил:

— Невозможно!

Но после другой паузы он обратился к прокурору:

— Приступайте.

Человек-гиена, исполняющий роль прокурора, вышел вперед. Он выглядел неуверенно. Тем не менее, он задал главные вопросы:

— Как ваше имя?

— Действительно ли вы обезьяна из Африки?

— Вы тот, кого обвиняют в том, что он нелегально проник на борт корабля?

— Знаете ли вы, в чем обвиняют подсудимых?

При этом вопросе Модьун впервые попытался сопротивляться, беря на себя одновременно роль и свидетеля, и защитника.

18

— Я протестую против этого вопроса, потому что то, в чем обвиняют подсудимых, не является преступлением по законам, установленным человеком прежде, чем люди отступили за барьер и оставили остальную Землю своим друзьям, людям-животным.

Так аргументировал свою точку зрения Модьун. Он продолжал:

— Если это и проступок, то только незначительный, и возможное наказание за него — заключение в каюте не больше, чем на два-три дня.

Когда он дошел до этого места, его прервал судья, который сказал, что по его определению подсудимые совершили уголовное преступление, караемое смертью.

— По определению? — спросил Модьун.

— Да, — был ответ.

— Покажите мне это определение, — сказал Модьун.

Служащий суда, человек-гиена в лоснящемся черном костюме и рубашке с высоким воротником, имеющий ученый вид, принес книгу, в которой в главе 31 на странице 295 в параграфе 4 строка 7 начиналась словами: «… следует считать уголовным преступлением, которое карается тюремным заключением, штрафом или смертью».

— Разрешите посмотреть, — попросил Модьун.

Служащий посмотрел на судью, спрашивая согласия, и, когда тот кивнул, передал том человеку. Модьун перечитал строки, посмотрел последний лист, прочитал то, что было там, победоносно посмотрел и сказал:

— Это не тот закон, который создал человек, а неправильная и неприемлемая редакция меньшинства из людей-животных — людей-гиен.

Гиена-судья сказал:

— Я заявляю, что закон правильный и пригодный.

Его голос стал значительно менее вежливым.

— По моему мнению, — продолжал Модьун, — вы должны признать подсудимых невиновными на том основании, что преступление не доказано.

— Я хочу задать вам один вопрос, — сказал судья. — Вы собираетесь давать показания или нет? Если нет, то, пожалуйста, освободите место свидетеля.

Он говорил с раздражением. Едва ли был подходящий момент, чтобы уйти, поэтому Модьун сказал:

— Я буду давать показания, но я оставляю за собой право снова поднять этот вопрос, когда придет время.

Судья повернулся к гиене-прокурору.

— Продолжайте допрос важного свидетеля, — сказал он.

— Как вы попали на борт этого корабля? — спросил прокурор.

— Я прошел по космодрому к одному из нескольких сотен входов. Подошел к подъемнику. Он поднял меня примерно на сто этажей, и я вышел из лифта в коридор. Я был убежден, что благополучно поднялся на борт корабля, и это оказалось правдой, — закончил Модьун.

В зале заседаний стало тихо, когда фактическое рассмотрение дела завершилось. Высокий тощий человек-гиена, который задавал вопросы, казался растерянным. Но через некоторое время он овладел собой и сказал:

— Посмотрите на скамью подсудимых!

Модьун посмотрел в указанном направлении и, конечно, увидел своих четверых друзей-животных.

Прокурор спросил:

— Узнаете ли вы кого-нибудь из этих людей?

— Я узнаю их всех, — сказал Модьун.

Арестованные с шумом задвигались. Неррл осел в кресле, как будто его ударили.

— Соблюдайте порядок в суде, — резким голосом закричал судья.

Прокурор продолжал:

— Присутствовал ли кто-нибудь из этих людей, — он махнул рукой в сторону обвиняемых, — когда вы шли по космодрому, входили в лифт и поднимались на борт корабля?

С места, где он сидел, человек мог видеть, как напряглись люди-животные, сидевшие на местах для публики. Модьун чувствовал, как многие из них невольно затаили или замедлили дыхание, очевидно, ожидая, что его ответ будет утвердительным. Модьун повернулся к судье:

— Ваша честь, я понимаю, что моему ответу на этот вопрос придается большое значение. Как будто каждый автоматически предполагает, что утвердительный ответ повредит арестованным.

Вы тоже так считаете?

Длинное тощее создание наклонилось к нему:

— Ваша обязанность, как свидетеля, только правдиво отвечать на вопросы, — сказал он. — Какие выводы я смогу сделать в окончательном приговоре, определит логика, которой руководствуется суд.

— И все же, — возразил Модьун, — вы — член малочисленной группы, которая захватила все важные государственные посты, включая то, что только люди-гиены имеют право проводить судебное разбирательство и быть присяжными в суде. Поэтому я подозреваю, что ваш приговор может быть не совсем беспристрастным. Если вы сможете убедить меня, что он будет беспристрастным, я с радостью отвечу на вопросы.

— Он будет беспристрастным, — сказал судья.

Модьун покачал головой.

— Боюсь, что мы не понимаем друг друга. Каждый может утверждать, что суд беспристрастный. Но, как вы можете убедить меня, с учетом того, что вы — член узурпирующего меньшинства, что вы не осудите этих арестованных, не выслушав их?

— Я собираюсь снова попросить вас либо давать показания, либо уйти, — холодно сказал судья.

— Я буду давать показания, — сказал Модьун.

— Очень хорошо. Каков же ваш ответ на вопрос?

— Арестованные были со мной, когда я поднялся на корабль.

— Аааааааахххх! — выдохнула аудитория.

Они реагировали, как один. Это был звук единого вздоха, как будто много существ одновременно вздохнуло.

Судья опустил молоток, призывая к порядку. Когда, наконец, в зале заседаний снова воцарилось молчание, Модьун сказал адвокату:

— Видите, я обнаружил, что связь четырех арестованных со мной считают важной уликой против них.

— А что же еще можно предположить? — спросил судья, едва скрывая торжество.

Человек посмотрел на него с сожалением.

— Предположение, что я сопровождал их, не может служить обвинением. Предположим, что, хотя они были со мной, они не знали о моих намерениях. — Модьун махнул рукой: — Может существовать множество подобных предположений.

Судья кивнул прокурору.

— Продолжайте допрос этого свидетеля и осо-

бенно обратите внимание на те вопросы, которые он поднял. Кажется, в конце концов, он собирается отвечать правдиво, поэтому добейтесь от него правды.

В этом был смысл, Модьун должен был с этим согласиться. Хотя он мог рассуждать о правде философски, он не собирался лгать о действительно происшедших событиях. Прокурор выжимал из него одно признание за другим. В конечном счете он сказал: да, четверо обвиняемых заранее знали, что он намеревался попасть на борт межзвездного экспедиционного корабля. Да, действительно, один из обвиняемых предложил это, а другие согласились с его планом.

Когда Модьун закончил, судья посмотрел на адвоката.

— Есть вопросы к вашему свидетелю, сэр?

— Нет, — был ответ. — Я, действительно, не вижу смысла в том, чтобы терять время, продолжая судебное разбирательство.

— Я согласен с вами, — сказал судья.

После этого он повернулся к арестованным.

— Встать! — скомандовал он.

Четверо обвиняемых нерешительно встали.

Судья продолжал:

— Ваша вина установлена этим свидетелем, —

начал он.

— Эй! — громко сказал Модьун.

Судья не обратил внимания и уверенно продолжал:

— Я приказываю, чтобы вас четверых отвели в камеру…

— А как насчет присяжных? — закричал Модьун. — Это же суд присяжных.

— … и держали там одну неделю, пока вы будете ждать ответа на апелляцию в верховный суд. Если верховный суд вас не помилует, то ровно через неделю с этого дня вы будете расстреляны группой стрелков, использующих оружие N.

Он махнул рукой полицейским, которые стояли рядом с заключенными.

— Уведите осужденных, — приказал он. Теперь он повернулся к Модьуну и сказал вежливым тоном:

— Я хочу поблагодарить вас за честные показания, которые помогли установить истинную виновность четырех осужденных, и нам теперь необходимо провести дальнейшую бюрократическую процедуру.

— Да, — с сомнением сказал Модьун.

19

«Я сделал все, что мог», — так казалось Модьуну. Не нужно делать ничего больше, просто дать событиям идти своим чередом.

Но весь остаток дня судебного заседания тело Модьуна оставалось неприятно разгоряченным. Это, конечно, результат безрассудства его желез, которое не мог выносить идеальный с точки зрения философии мозг. Что касается привязанности его тела к Руузбу и остальным, то самым нелепым выглядело то, что Модьун встретил их совершенно случайно.

«Я не выбрал их за особые качества, которые потом обнаружил в них».

В день выхода из-за барьера Модьун остановил автомобиль с четырьмя пассажирами и занял одно из двух свободных мест. Вот и все. Не было разницы между этими четырьмя в автомобиле и любыми другими людьми-животными.

Модьун убеждал себя, что это реальное отображение его отношений с ними.

Но его тело все еще оставалось разогретым более, чем обычно.

На четвертое утро после судебного разбирательства раздался звонок. Когда Модьун открыл

дверь, там стоял офицер-гиена в форме. Он был вежлив и сообщил, что «четверо осужденных получили отказ в ответ на апелляцию верховному суду. Суд настаивает, чтобы главному свидетелю сообщили о решении».

Модьун собирался поблагодарить и закрыть дверь, когда почувствовал, что его лицо сильно покраснело от такой новости. Он поспешно сказал:

— Я хочу посетить осужденных перед казнью. Это можно организовать?

— Я буду счастлив навести справки от вашего имени и сообщу о решении, — сказал офицер.

Оказалось, что Модьун может. Ему разрешат посетить осужденных накануне казни

— вечером шестого дня после судебного разбирательства.

Модьун должен был согласиться, что во всем этом деле они ведут себя очень любезно и законно. Его прежнее чувство, что за всем этим стоит какой-то хитрый план, направленный против него, казалось, было неправильным.

Снаружи тюремная камера выглядела просто, как спальня, но туда вела дверь, запертая на засов. Перед дверью сидел гиена-караульный. Он внимательно прочитал письменное разрешение

Модьуна на посещение и потом отпер дверь, подождал, пока тот войдет, и запер ее за Модьуном.

Прошло несколько минут, в течение которых помещение казалось пустым, потом с низкой койки спустилась пара ног, и Неррл сел с приглушенным восклицанием:

— Господи, посмотрите, кто здесь!

После этих слов быстро появилось еще три пары ног, и еще трое людей-животных, знакомых Модьуна, встали с низких коек. Все четверо подошли и пожали руку посетителю.

Оглядевшись, Модьун увидел, что это помещение отличается от других спален. За дальней линией коек был альков. Там стоял стол и знакомое оборудование столовой.

После краткого осмотра Модьун робко сказал:

— Я решил, что лучше зайти попрощаться.

Большая слеза скатилась по щеке Руузба. Он был бледен и выглядел не очень хорошо. Его щеки ввалились.

— Спасибо, дружище, — сказал он сдавленным голосом.

Модьун посмотрел на него с заметным удивлением.

— В чем проблема? — спросил он. — Каждый должен уйти, раньше или позже. Так почему не

сейчас?

Он поправил себя:

— То есть, почему не завтра?

После его слов наступило молчание. Затем Дуулдн вышел и стал перед Модьуном. На щеках его горело два больших розовых пятна. Он глотал слюну и, очевидно, едва сдерживал себя.

— Приятель, у тебя странные взгляды.

Он нахмурился и продолжал:

— Модиунн, я никогда раньше не встречал обезьяны, похожей на тебя. Ты сидел в кресле свидетеля, наговаривая на нас.

— Правда — есть правда, — защищался Модьун. В этот момент он понял, что замечание человека-ягуара не было дружеским.

— Ты не сердишься за то, что случилось? — спросил Модьун.

Румянец поблек. Дуулдн вздохнул.

— Я сердился. А потом подумал: «Это же мой милый глупый друг, обезьяна, она снова кладет палец в рот». И злость прошла. Правда, друзья? — Он посмотрел на своих товарищей по несчастью.

— Правда, — мрачно сказали Неррл и Иггдооз. Руузб молча смотрел в пол и вытирал глаза.

Их точка зрения была такой бесперспективной, что Модьун почувствовал, что должен перевос-

питать их.

— Сколько вам лет? — спросил он каждого по очереди. И впервые узнал, что их возраст колебался от двадцати шести до тридцати трех: Руузб оказался самым старшим, а человек-гиппопотам — самым младшим. Так как они были людьми-животными, они могли прожить около шестидесяти.

— Итак, — рассуждал Модьун, — вы все прожили, грубо говоря, половину нормальной жизни. За оставшуюся половину едва ли стоит бороться.

В ответ на такой аргумент люди-животные озадаченно посмотрели на него. Наконец, человек-лиса сказал взволнованно:

— Подумать только, что я здесь, в таком ужасном положении, потому что пытался быть твоим другом.

Человек был поражен. Он не понимал, какая связь могла существовать между этими двумя обстоятельствами.

— Вы намекаете, — проговорил он, потрясенный, — что здесь есть причинно-следственная связь? Это не так. Вы сделали то, что считали нужным, а потом люди-гиены сделали то, что они считали нужным. Подходя к событиям с точки зрения рационального мышления, можно

понять, что эти два события не связаны. Что-то в вас говорит вам, что здесь есть связь. В действительности же ее нет.

Модьун видел, что его не понимают. Его друзья просто потупили взгляды и казались еще более несчастными, чем когда-либо. Он почувствовал внезапную жалость к ним и продолжал:

— Вы должны понимать, что никто не смог узнать смысл жизни. Поэтому каждый вид должен быть сведен к малой группе, в которой каждая личность несет в себе всю совокупность генов расы, то есть полную генетическую наследственность, — и ждать! Так как на Земле остается много представителей вашей породы, нет причины, по которой вы должны дорожить своим существованием. Очень возможно, что в этом путешествии вас все равно убьют.

Караульный громко постучал в дверь, когда были произнесены эти слова.

— Всем посетителям выйти! — закричал он через окошечко в металлической двери.

— Один момент, — попросил Модьун и повернулся к друзьям. — Ну, что вы думаете?

Большая слеза скатилась по щеке Руузба.

— Прощай, друг, — сказал он. — Я не знаю, о чем ты говоришь, но думаю, у тебя добрые на-

мерения.

Он протянул руку.

Модьун вздохнул, когда посмотрел на Дуулдна.

— Я должен согласиться, что, если у вас такие чувства, то вам лучше пойти со мной, когда я выйду, — сказал он. — Не стоит проходить через то, чему вы так сильно сопротивляетесь. Я скажу властям, что вы считаете приговор неприемлемым. Ведь так?

Четверо людей-животных удивленно посмотрели на него. Человек-ягуар выразил сожаление.

— Как мы сможем выйти с тобой? — сказал он. — Здесь стоит вооруженный охранник.

Человек отмахнулся.

— Я только потребую, чтобы он вас пропустил — минимальное вмешательство в его мозг. И мы сможем продолжить эту дискуссию в моей каюте.

Он подумал, что, конечно, возникнет какая-то реакция со стороны людей-гиен. Поэтому, может быть, лучше пойти и поговорить с Нунули.

Прошло около часа после того, как четверо друзей последовали за ним в каюту, и раздался звонок. Модьун открыл дверь и увидел высокопоставленного офицера-гиену в форме. Тот шепотом сказал Модьуну:

— Мне снова приказано попросить вас прийти и побеседовать с хозяином Нунули. Вы придете?

Модьун вышел в коридор, включив энергетический барьер как защиту вокруг своей каюты, и сказал:

— Я готов идти немедленно.

И закрыл за собой дверь.

20

Он шел за гиеной-офицером по коридору и думал: я постараюсь доказать Нунули, каким нелогичным было это судебное разбирательство.

Пока они поднимались лифтом все выше и выше, Модьуну казалось, что жизнь чрезвычайно усложнится, если ему придется защищать четверых людей-животных и себя во время всего путешествия. Когда они шли по открытому пространству от одного лифта к другому, он подумал:

«Будем надеяться, что у Нунули есть приемлемое решение».

Когда второй лифт остановился, человек-гиена посмотрел на панель управления. На ней замигала белая лампочка. Он нажал кнопку. Бесшумный механизм открыл дверь, и офицер-гиена сказал:

— Вы войдете сами. Это частная беседа.

Когда Модьун прошел вперед, дверь мягко закрылась за ним. Не оглядываясь, он вошел в комнату величиной не более дюжины квадратных футов. Комната оказалась пустой; только на полу лежало что-то похожее на матрац. На нем на спине лежал Нунули.

Модьун сразу увидел, что это другой Нунули; он отличался от тех двух, которых Модьун раньше встречал на Земле. И, конечно, был настоящим. Им нужен один индивидуум на корабле, а другой, конечно, остался на Земле. По крайней мере, по одному в каждом месте, где нужно выполнять руководящую работу.

— Вы пришли ко мне, — сказал инопланетянин, лежащий на полу, — в то время, когда я отдыхаю от многочисленных обязанностей.

Модьун посмотрел вокруг в поисках выхода в другую комнату или чего-нибудь похожего. На первый взгляд, ничего не было видно.

— Это ваша квартира? — спросил он.

— Да.

— На борту корабля вы живете в этой каюте? — настаивал Модьун.

— Да.

Туго натянутая серая кожа на продолговатом лице, казалось, немного изменилась, словно

инопланетянин пытался изобразить гримасу, соответствующую его чувствам. Это было напряжение мыслей-чувств, а не сцена, и поэтому ее было трудно оценить. Нунули продолжал:

— Может быть, вы считаете, что это помещение более аскетично, чем каюта, которую я выделил вам?

— Меня просто заинтересовал этот факт, — ответил Модьун. — Кажется, ваш комитет требует, чтобы его главные представители не проявляли личного интереса к роскоши или к другим признакам власти.

Лицо существа, лежащего на матраце, снова изменилось. Появилось мимолетное выражение, похожее на то, которое Модьун наблюдал на лице второго Нунули, хозяина Земли, когда тот улыбался, говоря о своем превосходстве. Инопланетянин сказал:

— Мы были аскетичной расой, когда комитет выбрал нас для этой высокой цели. Все, что нам нужно было, это…

Он замолчал, потом пробормотал:

— Неважно…

— Несомненно, — кивнул Модьун, — ваш биологический вид пришел к правильному окончательному выводу, что все в космосе, в конце

концов, делается по какой-то причине. Так зачем приобретать имущество, кроме простых вещей, необходимых для выживания. Так?

— Нет.

Разговаривая, Нунули по-прежнему лежал. И через несколько секунд стало ясно, что ему не хочется распространяться по этому поводу. Модьун принял отказ без злобы. Он сказал:

— Я с уважением отношусь к вашей тайне.

— Естественно, — сказал Нунули. — Мы улучшили человеческую расу, чтобы она проявляла именно такое уважение к правам других. Мы заметили в них это качество и развили его с целью создать искаженный эффект. Наша цель была достигнута, поэтому ничего удивительного в вашем утверждении нет.

Модьун сказал:

— У меня есть внутреннее чувство, что ни одна связь не является автоматически полностью односторонней, как вы говорите. Например, меня раздражает ваша логика, ваш суд над четырьмя моими друзьями.

— Вы не знаете моей логики, — последовал резкий ответ.

— Правда. Но все очевидно. Вы подвергли суду четырех людей-животных с Земли из-за той роли,

которую они сыграли в моем появлении на борту этого корабля.

— Что же здесь нелогичного?

— Корабль был сконструирован на Земле, не так ли? — спросил Модьун.

Нунули казался удивленным.

— Да, конечно. Мы всегда используем местные заводы и материалы, где это возможно.

— Вашими рабочими были животные с Земли? — настаивал Модьун.

— Конечно. Кто же еще? Комитет настаивает на том, чтобы использовать местную рабочую силу.

— Тогда, — сказал Модьун, — какие же могут быть у вас возражения? По определению я имею право быть на этом корабле.

— Не понимаю ваши рассуждения, — последовал холодный ответ.

Модьун протянул руки.

— Земля принадлежит человеку и в меньшей степени животным, которых человек поднял из животного состояния. Поэтому корабль, который построен на Земле животными, живущими на Земле, принадлежит человеку и, в меньшей степени, животным. Я единственный человек на борту, следовательно, этот корабль принадлежит мне.

— Земля — завоеванная планета, — сказал Нунули с чувством собственного достоинства. — Поэтому на ней и с нее человеку ничего не принадлежит.

Модьун упрямо покачал головой, почувствовав, как сужаются его глаза. Такая реакция тела удивила его, потому что это был эмоциональный протест против другой точки зрения.

— Я еще не смирился с ролью, Нунули, — сказал он. — Пока я существую, корабль принадлежит мне. Однако, — он сделал паузу, — это мелочи. Я обдумываю лучшее решение этой ситуации. Я ищу женщину, которую, думаю, ваш коллега увез с Земли в другое место. Если вы сможете отвезти меня к ней, я с радостью покину корабль. Отвезите меня к ней, где бы она ни находилась.

— Это совершенно невозможно, — возразило существо, лежа на полу. — Но теперь давайте вернемся к вашей логике. Ошибка заключается в том, что вы не знаете о другой нашей цели, связанной с вами. Понимаете ли вы, сколько дней прошло с момента отлета этого корабля с Земли? — в его тоне звучало ликование.

— Немного больше недели, — ответил Модьун. Он должен был признаться, что обескуражен вопросом, который казался ему не относящимся

к делу.

Существо снова успокоилось, серо-зеленые глаза его полностью открылись, серая, плотно натянутая кожа лица чуть расслабилась.

— Этот корабль, — сказал он, — находится в пути примерно 400 световых лет. Он несколько раз менял курс и намеренно ушел от своей цели, чтобы нельзя было определить направление, откуда он прибыл.

Нунули замолчал, чтобы дать возможность Модьуну отреагировать. Как, видимо, и ожидал инопланетянин, человека расстроила такая информация.

«Хотя, конечно, это мудро — не давать потенциальным врагам никаких сведений о планете, откуда прибыл нападающий корабль», — подумал Модьун.

По блеску глаз противника Модьун понял, что не прав. И, действительно, через минуту очевидного злорадства существо объяснило мотивы своих поступков:

— То, что вы сказали о планете, с которой мы стартовали, бесспорно, следовательно, истинно. Но корабль маневрировал в космосе только из-за вас. Чтобы смутить вас. Убедить, что вы никогда не вернетесь на Землю. И та же цель и у суда над

вашими друзьями-животными. Если вы подумаете об этом, то увидите, что мы отвлекали ваше внимание до последнего момента, устроив суд, тянули время, пока корабль не пролетел необходимое расстояние. Естественно, этот корабль не вернется на Землю.

Вот такой был у них план. Модьуну это показалось немного лишним. Но, значит, логика расы подчиненных представителей, таких, как Нунули, наверное, тоже всегда экстремальна. У этих существ была цель, которую они должны были выполнить. И теперь, добившись уничтожения людей за барьером и удалив с Земли Судлил и Модьуна, они, вероятно, выполнили свою миссию.

Полная иррациональность миссии и ее основных задач вызвали у Модьуна ощущение, что он, действительно, ничего не может сказать в ответ на это сумасшествие. Он мог только сделать логический вывод.

— В таком случае, — сказал он, — так как четверо моих друзей были только пешками, вы не будете возражать против того, чтобы отменить смертную казнь и помиловать их.

— Нет возражений, — был мгновенный ответ. — Действительно, это одна из причин, по которой я позвал вас, чтобы сообщить об этом.

Потом Нунули продолжал более официальным тоном:

— Реддлл, гиена-офицер, который привел вас сюда, проводит вас назад в каюту и даст каждому из четверых оправдательный документ.

Все еще лежа на спине в пустой комнате, Нунули сказал в заключение:

— Мне кажется, что теперь мы должны завершить нашу встречу.

Модьуну тоже так казалось. Кроме одного или нескольких второстепенных моментов, все прояснилось.

— Ваш план против меня теперь полностью осуществился? — спросил он.

— А вы как думаете? — Существо на полу казалось растерянным.

— Схема была такой: что-то сделано против меня, я принимаю это. Я даже терплю отдельного Нунули, который замышляет добиться чего-то от меня. Я все продумал. Я продолжаю мирное существование, а потом обнаруживаю, что против меня существует тайный заговор. Поэтому я хочу знать, продолжается ли тайный заговор? Или ваша миссия относительно Земли и человеческих существ выполнена?

— Теперь она выполнена, — был ответ. — Что

здесь можно сделать еще?

— Это то, что говорил хозяин Нунули номер два, — ответил Модьун, — но его слова оказались ложью. И я устал от лжи и ваших козней. Они направлены против логики космоса.

— Как может последний представитель расы понимать логику космоса? — раздраженно сказал Нунули. — Но дайте мне подумать.

После паузы он продолжал:

— Единственной другой целью, связанной с вами в рамках нашей миссии, было бы убийство вас и женщины. Есть ли, по-вашему мнению, путь для достижения этого?

— Ну, нет, — заговорил Модьун после минутного раздумья. — Нет, если я буду сопротивляться.

— Правильно, — все еще раздраженно сказал Нунули, — значит, вы получили ответ.

Внешне ответ, действительно, казался удовлетворительным и правдивым. И еще…

— Есть еще одна вещь, — сказал Модьун, — которая так важна, что, может быть, я буду вынужден потребовать от вас ответ.

— Невыносимо, — протянул Нунули.

Это потрясло человека; для него немыслимо было делать что-то, невыносимое для другого живого существа.

Но — через минуту — он продолжал думать об этом.

Модьун сказал:

— С некоторым опозданием я начал понимать…

Он подождал, пока значение его слов проникнет в святая святых мозга. Слова не звучали убедительно, потому что он был последним оставшимся в живых (отличающимся от Судлил) представителем человеческой расы. И его осознание правды — если была правда — на самом деле, пришло слишком поздно. Не было ясно, что он должен делать… но разговор с комитетом, скорее всего — да.

Он закончил свое утверждение:

— … начал понимать, что, может быть, неблагоразумно, чтобы одна раса позволяла усовершенствовать себя другой расе, мотивы которой могут не быть альтруистическими.

Когда он говорил, он переживал старые видоизмененные чувства, поднимающиеся без слов откуда-то из глубин нервной системы. Он слышал, как он говорил:

— Вопрос не исчерпан. Это простые логические заключения временного характера.

Потребовалось усилие сознания, чтобы остано-

вить поток слов. Модьун долго стоял, удивленный силой своих чувств. Но через некоторое время он контролировал их и мог продолжать:

— Когда я говорю с Нунули, я ловлю себя на том, что прислушиваюсь к реакции на мои слова, и эта реакция не является полной копией того, что раньше сказал другой Нунули. Поэтому я вынужден спросить: как я могу определить, что Нунули сами относятся или не относятся к комитету, который они якобы представляют?

Внезапно он изменил тему разговора:

— Почему вы считаете, что я должен буду преодолеть мое естественное нежелание требовать ответа, если вы не найдете менее крутое решение?

Тусклые глаза Нунули так пристально смотрели на него, что после долгих минут Модьун нерешительно добавил:

— Почему вы не откроете для меня свой мозг по собственной доброй воле и не покажете мне достаточно из истории расы Нунули, чтобы я мог согласиться, что дело обстоит, действительно, так, и больше не удивляться?

Когда он закончил, существо на полу зашевелилось. Тонкие ноги задвигались. Руки согнулись. Шея изогнулась назад, и существо село.

— Хорошо, — сказал Нунули, — я уступаю вашему преступному давлению. Но я предупреждаю, что комитет может оскорбиться и я не смогу отвечать за возможные последствия.

21

Картины показывали простую аскетичную жизнь: Нунули, по-видимому, на своей планете, жили как монахи. Были видны длинные темные строения, где каждое существо имело крошечную комнатку, похожую на келью, и влачило в ней однообразное существование. Полы не были отделаны; в келье не было никакой мебели, только матрац, на котором Нунули спали.

Дальше картины рисовали женщин Нунули в домах немного другой формы. Различие заключалось в том, что здесь были общие дворы и комнаты, где ухаживали за детьми. В первые годы жизни их держали в удобных сооружениях, похожих на детские кроватки.

Один раз в несколько лет женщина Нунули отправлялась утром с определенной целью и разыскивала один из монастырей. На мысленно появившейся картине было видно, как она стучит в дверь кельи. Потом во вторую дверь. Потом в третью и так далее. Мужчина в каждой келье,

очевидно, узнавал стук, потому что поднимался с матраца, открывал дверь и стоял, глядя на нее. И она стояла, ожидая. Ее, казалось, не волновал первоначальный отказ, она просто шла к следующей келье. Наконец, в каждом случае (из трех, которые наблюдал Модьун) она доходила до комнаты, где жил мужчина, которого привлекал либо ее запах, либо мысленная волна, исходившая от нее. С этим поклонником, который ее принимал, она оставалась на несколько дней и ночей. В большинстве случаев двое просто лежали рядом, медитируя. Но дважды за время ее присутствия наступал тот самый момент. Возбуждение? Даже при хорошем мысленном контакте Модьун не мог точно определить это чувство. Что бы это ни было, это вызывало спаривание, которое, казалось, длилось бесконечно. Четыре часа. Пять. Несомненно, большую часть ночи.

После второго раза женщина просто вставала и, даже не взглянув на своего супруга, уходила из кельи и из монастыря. Потом она жила в собственном маленьком уютном жилище. Здесь в безмолвной тайне своей кельи она вынашивала и примерно через год рожала своеобразное маленькое чудовище, которое через какое-то время принимало облик Нунули.

Неожиданно все эти сцены поблекли. Нунули с пола своей небольшой комнаты посмотрел на Модьуна и сказал:

— Такой была наша жизнь, пока комитет не показал нам способ быть полезными.

Модьун сказал удивленно и разочарованно:

— Это все, что вы собираетесь показать мне?

— Это краткое изложение нашей дозувгской истории, — был резкий ответ. — Именно то, о чем вы спрашивали.

Модьун открыл рот, чтобы возразить, что это неудовлетворительный ответ. А потом замолчал. Стоя здесь, он понял, что только что услышал удивительную новость.

«Зувг», — сказал Нунули.

Из контекста следовало, что это было название расы, к которой принадлежали члены комитета…

«Я, действительно, должен был нажать на него, чтобы получить такую информацию».

Несколько долгих секунд он смаковал это слово. Наконец, ему пришло в голову, что то, против чего он собирался протестовать с самого начала, все еще необходимо. Он сказал:

— То, что вы показали мне, не объясняет скачок Нунули от сурового монашеского существования

до массовых убийств по всей галактике. Как произошло это превращение?

Зеленые глаза в недоумении уставились на него.

— Разве мы обсуждаем ту же самую тему? — начал Нунули. И замолчал.

— О! — сказал он. Его глаза расширились, словно он, наконец, понял, о чем речь. — То, что мы делаем от имени комитета, — это не убийство, — сказал инопланетянин.

— Разрешите мне внести ясность в этот вопрос, — сказал Модьун. — Вы или другой Нунули уничтожили или потворствовали истреблению человеческой расы. В соответствии с убеждениями, которых вы придерживаетесь, это не убийство?

— Это — часть программы комитета по улучшению жизненной ситуации в галактике, — Нунули махнул тонкой гладкой серой рукой.

— По улучшению чего?

Существо оставалось спокойным.

— Простите. Теперь я должен попросить вас оказать мне любезность и покинуть меня, чтобы я мог продолжить отдых. Ваши друзья в безопасности. Вы получили информацию, о которой просили. Вы, несомненно, не собираетесь обсуж-

дать этот вопрос несмотря на мой протест?

Модьун заколебался. Слова Нунули не оказали на него такого влияния, как можно было бы ожидать. В его голове роилось еще несколько вопросов, и его беспокоило собственное нетерпение к возражениям собеседника.

— Я, кажется, в странном настроении, — сказал он наконец. — У меня есть несколько вопросов, на которые я хочу получить ответ. — Он не ждал разрешения Нунули на обсуждение этой темы и продолжал: — Я думаю, самое важное это то, каким образом члены комитета добились поддержки такой расы, как вы?

Голубоватые глаза, казалось, стали слегка удивленными. Затем на гладком лице появилось такое выражение, как будто Нунули нахмурился. Он заговорил словно это было само собой разумеющимся:

— Они высшая раса. В тот момент, когда один из них вошел с нами в контакт, он показал нам цель. С тех пор, после того, что мы увидели планету с передовой культурой и решили, что нам нужны тонкие методы, мы позвали члена комитета, чтобы вложить цели в умы наших лидеров. Вот и все. Все сопротивление прекратилось.

Модьун сказал:

— О!

Все стало проясняться.

— Цель, — сказал Модьун, — конечно.

А потом спросил многозначительно:

— Когда Зувгайты вошли в контакт с Нунули, это была мысленная связь? То есть, мысленная беседа, которая имела результат, диалог?

Нунули возмутился.

— Член комитета не обсуждает ничего с членом низшей расы, — сказал он.

Модьун сдержал торжество. Небольшая победа, но он узнал кое-что, чего не знал Нунули. Зувгайты не могли передавать мысли в обоих направлениях в обычном понимании этого слова. Они, очевидно, могли делать внушение.

Внушать можно было что угодно. В этом смысле два Зувгайта могли обмениваться внушениями друг с другом, возможно, могли защищать себя от гипнотического воздействия взаимного внушения; могли благополучно беседовать через мили и годы пространства. Подобным способом внушать можно другой личности, которая не имеет защиты против него.

Модьун удивился, когда понял, что его тело дрожит от такой информации. Ему потребовалось усилие, чтобы сказать:

— Они могут… внушать, объединившись?..

— Вся тысяча, — с удовлетворением ответил Нунули. — Их сила непреодолима.

Больше они не обсуждали это качество Зувгайтов. Против такого защищенного одностороннего фронта тысячи индивидуалов, каждый из которых мог оказать сильное сопротивление, метод человеческой системы восприятия нельзя использовать непосредственно.

Модьуну вдруг захотелось узнать и остальное.

— Цель этих существ продолжает удивлять меня, — сказал он. — Их план усовершенствования галактики включает уничтожение человеческой расы и, возможно, других видов разумных существ. Какое научное объяснение этому?

Нунули оказался лишенным воображения.

— Эта информация существует. Я имею ее, но не могу открыть.

У Модьуна промелькнула мысль, что люди Земли мертвы в результате деятельности Зувгайтов, и он, по крайней мере, должен получить этому разумное объяснение.

— В таком случае, — пригрозил он, — я должен буду кое-что сделать.

— Это не принесет вам пользы, — сказал Нунули. Он вел себя самодовольно. — Я убежден, что

никто, даже человеческое существо, не сможет понять особое состояние моего мозга, защищающее эти данные.

— Может получиться интересная проверка для вас и для меня, — сказал Модьун.

— Мы узнаем, действительно ли это правда.

Но он говорил нерешительно и обнаружил, что мысленно одобряет ограничение, которое заложил раньше: если Нунули откроет свою давнюю историю, то насилия не будет. Решение, заложенное где-то внутри Модьуна, оказалось сдерживающим аргументом. Это казалось нелепым, потому что во время бурных эмоций или физического напряжения он использовал свои внутренние резервы, не считаясь с прежними моральными обязательствами.

Думая так, но еще колеблясь, Модьун сказал:

— Что сказали Зувги о природе барьера в вашем мозгу?

— Если вы примените свою силу в этой области — это мгновенно убьет меня, — был ответ.

— О!

— Принималось и принимается на веру, — спокойно сказал Нунули, — что вы не сделаете ничего, что действительно повредит мне.

— Я думаю, что это правда, — неохотно сказал

Модьун. — Но все же…

Он объяснил, что это область биологии, которую человеческие существа полностью изучили.

— То, что мы сделали для животных Земли, — это только крошечная часть нашей общей способности манипулировать с клетками и группами клеток. Я уже видел, что у вас не такой, но сравнимый с человеческим тип нервных клеток. Каждая из ваших нервных клеток имеет длинную соединительную нить из нервной ткани, выходящую из каждого конца. У человеческих существ подобные связи называются аксоны и дендриты.

— Я знаком с анатомическими подробностями, о которых вы говорите.

— Хорошо. Однажды на Земле, — продолжал Модьун, — была высказана мысль, что аксон — это просто линия, похожая на телефонный провод, способная передавать электрические импульсы; то же касается и дендритов. Однако обнаружили, что каждая из этих мелких нитей нервного вещества усеяна пятью-десятью тысячами маленьких пятнышек. Последующие опыты показали, что каждое из этих пятнышек имеет свой вход или выход. Итак, представьте себе оригинальный человеческий мозг с двенадцатью миллиардами клеток, каждая с нервными окон-

чаниями, имеющими около пяти-десяти тысяч входов и выходов, ни один из которых, очевидно, не используется в непосредственной передаче импульсов мозга.

— Я очень хорошо знаком с этими подробностями, — последовал резкий ответ. — Мы изучали эти специальные входы и выходы, которых не хватает другим расам; это сделало возможным наше улучшение человеческой породы до уровня, когда каждый индивидуал обладает полной силой, но ее применение против других ограничивается философией — вы помните?

Модьун с грустью вспомнил, но упорно продолжал.

— В работающем электронном приборе неиспользуемые входы и выходы создают шум. В человеческом мозгу они стали источником беспорядка и неправильных связей. Однако впоследствии обнаружили, что входы, действительно, принимают все мысли других людей, а выходы, действительно, передают все содержимое мозга в единое психическое пространство. Но моя точка зрения: то, что входит и выходит, как бы обременено шумом, и было невозможно отделить информацию от шума до тех пор, пока не была разработана наша система. Я не вижу

ничего неправильного в том, что вся сила ограничивается философией, — кроме тех случаев (я начал это понимать), когда это ограничение работает на общее саморазрушение. Это означает, что я чувствую, что могу свободно давать указания. Думаю, что смогу очень легко помочь вам обойти или аннулировать барьер, запрограммированный внутри вас… — Модьун не закончил предложение. — Но, — закончил он, — я, действительно, хочу получить больше информации.

Последовала долгая пауза. Взгляд инопланетянина замер на Модьуне. Наконец, Нунули сказал:

— Я отвечу почти на любой вопрос, кроме этого. Я не уверен, что ваши знания могут преодолеть то, что создал член комитета. Что еще вы хотели бы знать?

— Где находится Зувг?

— Я не знаю. Я никогда не был там. Очевидно, они не допустят, чтобы тот, кто знает это, был близко от вас.

Модьуну это показалось честным ответом. Он сказал:

— Тогда расскажите мне, что вы знаете о комитете?

— Это самая развитая раса в галактике. Те

науки, которые они не развили сами, они позаимствовали у других рас с помощью своего метода управления разумом. Они — единственные по-настоящему бессмертные.

Модьун прервал:

— Вы имеете в виду «живущие дольше всех»? — Он улыбнулся. — В настоящее время человек живет около тридцати пяти сотен земных лет. Возможно, что эволюция в конце концов доведет этот срок до десяти тысяч. Есть причины, из-за которых нормальная клетка увядает, что в результате и приводит к смерти.

Гладкое загадочное лицо было мягче, чем когда-либо.

— Я повторяю: они по-настоящему бессмертны. Нескольким членам комитета более ста тысяч земных лет. Вы слышите?

— Но это невозможно на этой стадии развития галактики, — запротестовал Модьун. — Есть только один путь.

Он забеспокоился.

— Много лет назад мы, люди, решили не идти по такому неестественному пути.

— Вы не хотели идти по нему из-за вашей философии, правильно?

— В основном, я полагаю, да. Но также и по-

тому…

Модьуна прервали.

— Это и была ваша ошибка, — последовал спокойный ответ. — Природу не заботят правильные или неправильные методы. Имеет значение только сам факт. А факт заключается в том, что они все очень старые, а вы не способны на то, чего они достигли.

Существо на матраце оборвало фразу.

— Наверное, вы теперь перестанете задавать вопросы и мы сможем расстаться.

— Да, — сказал Модьун. — Остальное я узнаю, когда побеседую с представителем комитета. Вы можете организовать такую встречу?

— Это невозможно — по причинам, которые я уже объяснил. Они не принимают сообщения. Они только посылают их, в форме приказов.

— Если только представится возможность, — сказал Модьун, — вы знаете, где я.

— Конечно, я знаю, где вы, — был ответ, произнесенный с удовлетворением, — и куда вы собираетесь.

— Куда же?

— В никуда.

22

Все закончилось.

По крайней мере, для людей-животных больше не было проблем. Они волновались, когда впервые возвратились в свою спальню. Но, когда ничего не случилось, — когда товарищи по спальне окружили их и стали хлопать по плечам и жать им руки (были даже аплодисменты) — они быстро возобновили свое беззаботное существование.

Но они, конечно, приобрели суровый опыт. Сила потрясения, которое они пережили, обнаружилась в первый раз после того, как они вернулись в каюту Модьуна. Когда Модьун, который принимал ванну, вышел, он увидел, что они разглядывают все вокруг с завистью и удивлением. Они, казалось, забыли те часы, которые раньше провели здесь. Они изучали роскошную гостиную и выражали свои чувства восклицаниями, разглядывали великолепно обставленную ванную. Но, когда они увидели кухню с отдельной столовой, то стали громко выражать свое изумление.

— Дружище! — сказал Руузб, подозрительно наклонив голову. — Это, действительно, класс.

Как это получилось?

— Да, как? — поинтересовался Неррл.

Иггдооз и Дуулдн стояли рядом с округлившимися от любопытства глазами.

Модьун дал им объяснение, исходившее от высокопоставленного офицера-гиены.

— Мне объяснили, — сказал он, — когда я переехал, что, так как меня не было в списках для спален, то для меня не нашлось другого места, кроме свободной офицерской каюты.

— Дружище! — сказал Руузб. — Я думаю, после этого стоит быть безбилетным пассажиром.

Модьун великодушно продолжал:

— Почему бы вам, друзья, не приходить сюда и не обедать со мной? Так мы сможем держаться вместе.

Они охотно согласились. Теперь он имел компаньонов на время обедов. Что было приятно. Не потому что эта компания много значила для него, а потому что теперь они стали почти беспрерывно болтать о приближающейся посадке. Это стало неизбежной темой. Когда они уходили для дополнительных тренировок, Модьун включал свой телевизор с замкнутым контуром, и на экране появлялся высокопоставленный человек-гиена, который говорил о том же самом. В

подготовительные часы только по одному каналу передавалась музыка.

На второй день, когда четверо пришли в его каюту, у каждого был пакет и длинный прибор, излучавший статический заряд, который зарегистрировала одна из систем восприятия в мозгу человека. Модьун осмотрел оружие и увидел, что оно неземного происхождения и конструкции.

— Очень остроумно, — сказал он, возвращая оружие человеку-ягуару, его владельцу. На щеках Дуулдна вспыхнули два знакомых ярко-красных пятна.

— Ты смеешься? — сказал он. — Прошло много времени, пока до моей башки дошло, как работает эта штука. А ты ведешь себя так, словно уже все понял.

— Ну… — сказал Модьун.

— Может быть, он видел ее раньше в Африке, — вставил Руузб из другого конца комнаты. — Так, Модиунн?

Модьун с радостью принял это объяснение.

— Оно выглядит так, как то, что я видел в Африке, — сказал он многословно. — Заряд содержится в этом длинном стволе. — Он показал блестящее тиснение вдоль дна барабана этого оружия, похожего на винтовку. — Если нажать большим

пальцем кнопку здесь наверху, то ствол освобождает заряд как батарея. Судя по размеру, я думаю, что энергия мгновенной вспышки может сделать электропроводным столб воздуха величиной около пятисот ярдов, и электрический ток от маленькой динамо внутри ствола доходит до любой цели без потерь. Я думаю, тысячи ампер при 660 вольтах достаточно, чтобы убить даже слона.

Он покачал головой и сказал грустно:

— Очень плохо.

— Что же здесь плохого? — сказал Дуулдн. — Нам может понадобиться здесь что-то подобное для защиты. Кто знает, что нас ждет?

Так как они не знали о настоящей цели экспедиции, Модьун прекратил разговор.

Во время еды, когда они были вместе, Модьун узнал, что по плану посадка назначена на следующее утро по корабельному времени.

23

По просьбе Нунули, хозяина корабля, Модьун оставался в своей каюте. При сложившихся обстоятельствах — подчеркнуло создание — это было самое малое, что он мог сделать. Модьуну совет Нунули показался разумным. Он согласился, что он незваный гость и поэтому должен доставлять

как можно меньше беспокойства.

Нунули отклонил его просьбу позволить ему наблюдать посадку по видеоустройству в каюте. Модьун заметил, что его тело почувствовало досаду из-за отказа; но это, действительно, было не его дело. И, конечно, похоже на правду, что такая высадка получится очень скучной, с бесчисленными повторяющимися действиями.

Модьун не старался представить себе, что происходит внизу. Континент неведомой планеты, который он мельком видел на ранних стадиях приближения корабля, был достаточного размера, чтобы прийти к заключению, что там очень много обитателей. И Модьун предполагал, что будет применен метод захвата.

Модьун выполнял обычные действия, которых требовало его выросшее человеческое тело. Когда подошло время дневного сна, он немного поел. Потом, когда он расслабился, ожидая чтобы тело выполнило необходимые биологические функции, он позволил себе послушать живую животную музыку. Странно, но кровь побежала быстрее, сердце забилось сильнее, глаза заблестели. Музыка продолжала быть для Модьуна источником обучения эмоциям, возможным объяснением человеческого поведения в те давние

дни, когда эмоции было так легко вызвать.

«Мы, действительно, произошли от существ очень примитивного типа», — подумал Модьун. Ему было страшно подумать, что Нунули нашли именно этого примитивного человека и безошибочно поняли его уязвимость. Это, конечно, не имело смысла. После всего: то что они думали, что достигли, и то, чего они в самом деле достигли, — это оказались совершенно разные вещи.

Пока Модьун так размышлял, он закончил свой туалет, сбросил одежду и забрался в кровать.

Прошел час, — и его разбудил стук в дверь.

«Стук, — подумал он. — А что же случилось со звонком?»

Но он включил свет и встал с постели.

— Кто там?

— Это я, Нунули, хозяин корабля. Я хочу поговорить с вами.

— Почему бы не прийти после дневного сна? — спросил Модьун.

— То, что я должен сказать, не может ждать.

Рассуждения Модьуна сразу пришли в противоречие с его природной вежливостью. Его разум говорил: очевидно, что-то не так. Правда заключалась в том, что, если бы он и Нунули никогда больше ни о чем не беседовали, Модьун

ничего бы не потерял. Но, конечно, никто бы и не выиграл. Но Модьун всегда был любезен, даже в противовес разуму. Так получилось и теперь.

Модьун сказал:

— Я раздет. Я могу одеться прежде чем отвечу?

— Нет, нет, в этом нет необходимости. Я всегда раздет, как вы знаете. Ваше тело безобразно, но я могу вынести его вид.

«Смотрите-ка, кто кого называет безобразным», — подумал Модьун, когда пошел открывать дверь. Нунули проскользнул в его каюту с удивительной поспешностью. Он подошел к кровати и опустился на нее.

— У нас возникла небольшая проблема, — сказал он. — Я хотел бы знать, не поделитесь ли вы со мной своими соображениями.

— В чем проблема? — спросил Модьун. Он пока не хотел давать никаких обещаний.

Нунули встал с кровати.

— Может быть, вы могли бы одеться и сойти со мной вниз.

— То я должен одеться, то не должен. Решите же, наконец, — сказал Модьун.

— Оденьтесь. Температура внизу около нуля. Мы, кажется, опустились на холодную часть планеты.

Когда Модьун одевался, он подумал, а потом, наконец, сказал, что для него в любом случае было бы неразумно покидать корабль.

— Я нахожусь на борту без вашего разрешения, — подчеркнул он. — Насколько я знаю, если я сойду здесь, вы просто отдадите приказ улететь из этого района космоса, а я останусь здесь. Я даже не знаю, где это «здесь».

— Я думал, что вас не заботит, где вы находитесь, — последовал резкий ответ.

— Мое тело устало от того, что оно заполнено простыми устройствами, — сказал Модьун. — И я очень мало интересуюсь той неразберихой, которую вы пытаетесь создать вокруг меня.

Нунули смирился с возражением человека. Он сказал коротко:

— Внизу идет битва, и поэтому я прошу, чтобы вы воспользовались одной из ваших систем восприятия и спасли нашу армию.

Модьун был изумлен неправильным представлением собеседника. Он подчеркнул, что системы восприятия строго ограничены и в такой ситуации неприменимы вообще.

— Они обеспечивают, — сказал он, — ограниченное управление элементарными силами в ограниченном пространстве. Если бы вы, Нунули,

действительно захотели убить меня, вы, вероятно, смогли бы это сделать. Но вы должны были бы приготовиться к тому, что силы, которые вы используете, обратятся персонально против вас. Таким способом работают мои системы.

Если бы можно было сказать, что масса похожих на червей щупалец и гладкое, как стекло, лицо имеют отсутствующее выражение, то именно так Нунули реагировал на его объяснение. Инопланетянин казался задумчивым. Наконец, он сказал:

— Каким способом вы могли бы отразить атаку врага на корабль?

— Забрать ваших людей на борт и улететь, — просто ответил Модьун.

— Это проблема, с которой я сам никогда не сталкивался, — признался Нунули.

— Должен сказать, что я сбит с толку тем, что так неадекватно оценил Ганиан по прежним посещениям. Я мог бы поклясться, что сложная техника не понадобится и что мы просто сможем прибыть с нашим мощным оружием, и сокрушить все на своем пути.

Он объяснил:

— Это всегда самый простой способ. Дело делается сразу, и больше нет помех. Мы создаем

правительство, подчиненное нам, и ждем указаний от комитета.

Он покачал головой.

— Но не так, как на вашей Земле. Помните? Там нам противостояла атомная цивилизация, и мы должны были применить метод, который требует нескольких сотен тысяч лет.

Вдруг он вспомнил о своей главной цели.

— Ситуация очень серьезная. Даже вам скоро могут начать причинять неудобство энергетические заряды Ганиан, если вы не поможете нам.

Его голос звучал серьезно и убедительно.

— Что же именно произошло? — спросил Модьун.

После паузы Нунули сказал откровенно:

— Наши наземные силы остановлены, а большие силы Ганиан — может быть, равные двум дивизиям — захватили всю заднюю секцию корабля, включая большой парк. Они сделали это способом, который непонятен мне и моим техническим советникам.

— Может быть, — сказал Модьун, — я мог бы помочь. Почему бы нам не пойти в заднюю секцию корабля? Я полагаю, вы теперь хотите отказаться от атаки?

— Да, конечно.

Существо казалось расстроенным.

— Но сначала мы должны освободить и вернуть наши наземные силы. Там внизу добрых двести тысяч существ.

Модьун был поражен.

— Это, конечно, большое количество существ, и, вероятно, туда входят четверо моих друзей-животных. Они говорили мне, что все они были выбраны по методу жеребьевки.

— Я ничего не знаю о таких подробностях, — поспешно сказал Нунули.

Модьун, который уже взялся одной рукой за дверь, повернулся и хмуро посмотрел на инопланетянина.

— То, как вы говорите об этом, — медленно произнес он, — дает мне повод усомниться в системе «жеребьевки». Может быть, она такая же честная, как и обсуждение пункта назначения этого корабля на Земле? — Глаза Модьуна сузились. — Может быть, моих друзей выбрали умышленно и поручили им самые опасные задания в надежде, что их ранят или убьют?

— Нет, нет, клянусь, — прошептал Нунули. — Этого не могло быть.

Он заволновался.

— Если ваши друзья внизу, то, чем скорее вы

вмешаетесь, тем лучше. Я заверяю вас: это — кошмар. Нужно что-то делать, или наши войска будут сметены.

— Я даже не могу себе представить, что делать, — сказал Модьун, — но так как цель — прекратить атаку, то давайте пойдем и посмотрим.

С этими словами он открыл дверь и вышел в коридор. Нунули не отставал.

24

Почти сразу им стало трудно двигаться.

Сзади шли толпы людей-животных. Раздавались пронзительные крики и топот ног, когда мужчины и женщины с волнением стремились в переднюю часть корабля.

— Держитесь прямо за мной, — убеждая Нунули, Модьун поставил свое большое тело между слабым инопланетянином и несколькими большими людьми-животными, которые спешили мимо, толкали их и пробегали, как будто их здесь не было. Это была обезумевшая толпа, которая ничего не знала о двух существах, пытающихся идти в противоположном направлении. К счастью, толпа была неоднородной. Иногда в ней встречались большие пустоты, попав в которые человек и Нунули быстро продвигались вперед.

Наконец, они пришли туда, где на полу лежали раненые и мертвые. Среди стонов раненых и умирающих Модьун почувствовал, как его сзади потянули за локоть.

— Куда вы идете? — спросил Нунули. Его гладкое лицо немного изменилось, как будто его серый цвет стал не таким ярким, как обычно. И, казалось, маленькие червячки на его голове свернулись в крошечные узелки и очень ровно разлеглись на его черепе.

— Я думаю, мы можем пойти и поговорить с предводителем армии Ганиан, которая поднялась на борт.

Нунули оживленно заметил:

— Я не разрешаю делать это именно сейчас. Было бы довольно глупо, если бы я, как хозяин корабля, отдался на их милость.

— Сомневаюсь, что тут возникла бы проблема, — сказал Модьун. Его немного удивил отказ. — Они, наверное, будут счастливы, когда узнают, что вы готовитесь отказаться от атаки. Правда, не так ли?

— Абсолютная, — создание говорило искренне. — Действительно, если вы сможете убедить их позволить нам забрать наши наземные силы, то скажите им, что мы сразу улетим.

— Мне очень приятно слышать это от вас, — сказал Модьун. — Но я думаю, будет лучше, если вы сами скажете это.

Нунули начал отступать.

— Думаю, что я должен находиться в центре управления, выстроить наши войска, чтобы они защищали переднюю часть корабля в случае, если враг начнет штурм прежде, чем вы сможете поговорить с ними. Я заметил, что никто этим не занимается.

Это была правда. Модьуну пришло в голову, что тела вокруг них, и мертвые и живые, принадлежали людям-животным, которые как-то выбрались или выползли из бойни дальше к задней части. А Ганианские войска, наверное, маневрировали в нескольких больших парках в задней части корабля.

— Хорошо, — согласился Модьун. — Может быть, то, что вы сказали, — хорошая идея. Могут начаться не очень согласованные действия и трудности в коммуникации. Чтобы спасти живых, а это самое главное. (Он помнил, как интересовало его четверых друзей продление жизни, когда они были приговорены к смертной казни.) Это ваша забота.

Ярко-серая окраска Нунули восстановилась.

— Собственно говоря, — сказал он, — я имею указание комитета не подвергать опасности свою личность без необходимости. В своем стремлении к миру я должен поступить именно так. Поэтому я лучше быстро уйду.

— Я не знаю ничего о вас и мире, к которому вы стремитесь, — начал Модьун. И остановился. Он обращался к быстро уходящему Нунули, который через несколько секунд юркнул в боковой коридор и исчез.

Модьун продолжил прерванный путь. Из любопытства он включил систему восприятия, хотя это не было нужно. В столь замкнутом пространстве его защита сработает автоматически. Почти немедленно поступил первый сигнал обратной связи. Смысл заключался в том, что за Модьуном следили с помощью довольно сложных приборов, которые могут создавать изображение, непосредственно не видя цель.

Вскоре он увидел, что двери мягко открываются и что он уже на территории, контролируемой Ганианами. Множество живых существ, вероятно, солдат, вышло в коридор из комнат позади него, отрезая ему путь к отступлению.

«Хорошо, — подумал он. — Надеюсь, они увидели, что я приближаюсь к ним с определенной

целью».

Вдруг в его мозгу возникло ощущение воздействия. Что-то яркое промелькнуло мимо плеча.

Модьун не повернулся и продолжал идти тем же самым быстрым шагом, следя только за тем, чтобы не споткнуться о мертвое тело. Другая вспышка промелькнула мимо головы, потом еще одна. Его мозг работал. Но он заметил, что по своей природе затраты были минимальными. Это была защита, а не сопротивление.

Создания не целились непосредственно в него. Он подозревал, что они проверяли его решимость двигаться в выбранном направлении.

Так же внезапно, как началась, энергетическая стрельба прекратилась. Через несколько минут после того, как он приблизился к пересечению коридоров, полдюжины существ вышло с каждой стороны и преградило ему путь.

Модьун остановился. Он подумал, что сейчас точно узнает, какова цена дальнейшего прогресса.

Существа, которые противостояли ему, были грубыми и коренастыми. У них были головы, тела и руки, но выглядели они так, словно их грубые человеческие тела ростом немного меньше шести футов были вырублены из мрамора.

«Человек сделан из мягкой глины; Ганиане из твердого коричневатого мрамора»,

— подумал Модьун.

Одно из шести созданий, преградивших ему путь, что-то показывало ему жестами. Повелительные движения. Казалось, существо что-то приказывает. Закончив жестикуляцию, Ганианин издал резкий звук. Неожиданно он и пять его спутников разделились на две группы по три. Одна группа заняла положение слева, а другая — справа от Модьуна. Модьун подумал, что он понял. И, действительно, когда он снова пошел вперед, две группы пошли вместе с ним.

Его сопровождали. Куда? Он надеялся, что на командный пост.

Внезапно индивидуум, который уже показал, что он обладает некоторой властью, отделился от своей тройки и неуклюже побежал вперед, туда, где перед открытой дверью по стойке «смирно» стояло несколько Ганиан. Он произнес какие-то звуки, а затем повернулся, внимательно посмотрел глубоко посаженными глазами в спокойные глаза Модьуна и показал на открытую дверь.

Снова Модьун подумал, что он понял. И вошел в дверь.

Он увидел, что вошел в огромный зал, который

выглядел, как театр. Здесь была сцена и три яруса стульев для публики, по меньшей мере для шести тысяч, небольшая галерка высоко под потолком могла вместить еще пару сотен.

Несколько Ганиан, вероятно, солдат, — потому что у них было то, что выглядело как металлические прутья — настороженно смотрели на сцену, расположенную ниже, с высокой выгодной позиции. Все остальные, находящиеся в зале, были на большой сцене. Позади сцены около сотни Ганиан выстроились в три ряда. Они стояли и тоже держали наготове металлические прутья. Перед ними сидела вторая группа. В этой группе было по меньшей мере три дюжины существ. Индивидуум, который не отличался от других в этой меньшей группе, стоял и, очевидно, что-то рассказывал сидящим.

Все сто тридцать Ганиан внимательно смотрели на экран, который поднимался вертикально перед сценой. Но с того места у двери, где остановился Модьун, не было видно, что происходило на экране.

25

На сцене все мгновенно изменилось, когда существа увидели Модьуна.

Индивидуум, который обращался к другим, замолчал. Он сделал несколько тяжелых шагов к краю сцены, ближе к Модьуну, и заговорил громким голосом. Слова были адресованы тем, кто сопровождал человека; так как их слышали многие, то и Модьун мог слушать их, не боясь быть невежливым. Поэтому он включил индикатор мыслей, и до него донеслись значения слов в грубой редакции перевода:

— Поставьте передо мной эту свинью!

Животное, название которого соответствовало представлению о неизмененных земных свиньях, валяющихся в грязи, было больше похоже на маленькую рогатую корову на изображении, которое Модьун получил из мозга противника.

Модьун обиженно улыбнулся при мысли о таком неприемлемом сравнении. Итак он говорил и одновременно принимал мысли:

— Я пришел сюда по своей доброй воле. Если вы захотите, чтобы я прошел на сцену, я с удовольствием это сделаю.

— Ты говоришь на нашем языке! — Ганианский командир был удивлен. — Я рад, что мы можем с кем-то поговорить.

Модьун решил, что слишком сложно объяснять природу восприятия мысли, которая при

использовании в сочетании с произносимыми словами создавала впечатление, что собеседник слышит речь. В этом методе особенно хорошо то, что он ограничивал вторжение в мысли другой личности значением произносимых слов.

Думая так, он быстро шел вперед. Шестеро сопровождающих неуклюже бежали рядом и старались не отставать. Из-за кулис на сцену вели широкие ступени. Когда Модьун поднялся по ним, он впервые увидел, что было на большом экране перед сценой: прекрасный вид внизу, часть планеты Ганиан, очевидно, непосредственно под земным кораблем. Никто не мешал ему, когда он зашагал по сцене к тому месту, откуда мог видеть все.

Внизу был день. Светлый, яркий; все было хорошо видно, казалось, события разворачивались лишь в полумиле внизу. С одной стороны от корабля текла река, неожиданно появляясь на огромной равнине под кораблем, вынырнув из леса. На этой равнине, простирающейся по обе стороны реки, была армия Землян. Она не окопалась; неправильное впечатление возникло из-за ее отчаянного положения. Но она не могла отступить.

К северу, востоку, югу и западу были Ганиан-

ские армии. Они теснили войска Землян, сжимая их в кольцо на площади около двух квадратных миль. Две квадратные мили — очень мало для четверти миллиона людей-животных и их снаряжения.

Между Землянами и Ганианами шла битва. Среди людей-животных Земли появлялись гигантские вспышки яркого цветного огня, и пятна сверкающего пламени возникали в непрерывных брызгах огня среди отдаленных Ганианских армий.

Вот и все, что успел оглядеть Модьун прежде, чем резко отвернуться от экрана. Зрелище было очень жестоким и беспощадным.

— Мы должны как можно скорее прекратить эту битву. Для армий Гании и Земли нет необходимости продолжать эту резню.

— Кто вы? — резко спросил командир Ганиан.

— Меня зовут Модьун. А вас?

— Я генерал. Мое имя Дуэр.

— Генерал Дуэр, я представляю Нунули, хозяина этого Земного корабля. Давайте прекратим резню.

Последовала долгая пауза. И непреклонный ответ:

— Битва прекратится только при полном

уничтожении или при полной капитуляции вторгшейся армии.

Модьун вздохнул так, как это делал Игдооз, открыв рот и выдохнув. Наконец, он сказал:

— Это не нужно. Кроме того, мы оба знаем, что страдают только простые люди. Естественно, руководители не капитулируют и не позволят уничтожить себя. Поэтому ваше предложение нереально.

— Наказание должно соответствовать преступлению, — последовал беспощадный ответ. — Они члены вторгшейся агрессивной армии, и их целью было завоевание Гании.

— У простых людей не было таких намерений, — сказал Модьун. — Кроме того, какой бы ни была индивидуальная ответственность, условия изменились. Теперь они хотят уйти с этой планеты и отказаться от атаки, если ваша передовая группа покинет корабль и нам позволят забрать своих людей.

Позиция существа, которое стояло перед Модьуном, оставалась все такой же неумолимой.

— Если война началась, ее не так легко прекратить, — сказало существо. — Мы требуем полной капитуляции этого корабля и планеты, — вы назвали ее Землей? — которая осмелилась послать

армию для захвата Гании.

Модьун покачал головой.

— Это неправильно, — сказал он. — Война не устраивает ни ту, ни другую сторону. Прежде всего, она никогда не должна начинаться. Но, если она началась, ее нужно прекратить как можно скорее. Вам повезло, что атака не удалась. Чем скорее вы подумаете об этом с такой точки зрения, тем скорее вы увидите, что ничего не выиграете своим непреклонным ответом. Прекратите войну, пока моя армия чувствует себя побежденной. Они могут что-то придумать или у них появятся такие же желания, как у вас. Тогда они не сдадутся.

Последовала долгая пауза. Генерал Дуэр стоял и смотрел на Модьуна глубоко посаженными глазами. Казалось, он пытается понять значение того, что сказал человек. Наконец, он спросил:

— Мы обсуждаем тот же вопрос?

Модьун был удивлен. Ему казалось, что он изложил свою позицию, как обычно, по существу. Но, сталкиваясь с неразумными личностями, он уже обнаружил, что они стремятся исказить основную истину. Поэтому он сказал, четко выговаривая слова:

— Предмет моего разговора — отвод ваших

армий с этого корабля и мирная посадка наших наземных сил. Взамен хозяин Нунули соглашается отказаться от агрессии против Гании.

— О! — с сарказмом сказал генерал. — Я не могу быть уверен в этом. У меня создалось впечатление, что враг прислал в качестве посредника ненормального.

— Здравомыслие, конечно, относительное понятие, — начал Модьун.

Его резко прервали.

— Ваши армии и ваш корабль полностью в нашей власти. Но вы пришли сюда и действуете, как будто все обстоит иначе. Кто вы, черт побери? И что значит вся эта болтовня?

Это, конечно, не точный перевод, а только вежливая интерпретация его грубой речи.

— Я пассажир, — сказал Модьун. — То есть…

Он замолчал, размышляя, должен ли он сказать о своем положении последнего человека на Земле. Его роль на корабле: непрошеный гость, которого не считают опасным, но не могут убить. Модьун полагал, что нужно найти Судлил и побеседовать с членом комитета, поэтому закончил объяснение, скрыв неопределенность.

— Я не участвую во всем этом. — Он махнул рукой на Ганианских солдат, захватывая и огром-

ный экран. — Я хотел поговорить с вами. Но, если вы думаете так, как вы сказали, то в дальнейшей беседе нет необходимости. Если вас нельзя убедить, а, очевидно, так оно и есть, то я вернусь в свою часть корабля.

— Нет, — многозначительно сказало создание, стоящее перед ним. — Вы никуда не пойдете. На Гании мы отсылаем головы неудачливых посредников их начальникам.

Другие существа на сцене стали издавать какие-то звуки. Модьун понял, что это смех.

Он с упреком покачал головой.

— Должен предупредить вас, что мое тело не выносит персональных угроз. Для меня было открытием, что древние люди, действительно, не могли жить с пассивной философией. Я пытался проанализировать, как можно справиться с такой автоматической подавляющей реакцией, и решил, что в такой критической ситуации, как эта, это будет умышленное мягкое нарушение тайны вашего мозга. Заранее извиняюсь и прежде, чем я сделаю это, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что я единственный на борту, кто может говорить на вашем языке. И вы уверены, что можете угрожать переводчику, который?..

Он замолчал.

Потому что именно в этот момент почувствовал сильное тепло в одном из своих воспринимающих центров, повернулся и посмотрел в том направлении, откуда исходило тепло. Когда он сделал это, лампы в зале начали мигать.

У него было время подумать:

«Боже мой, это… в такой отсталой культуре, как Ганианская».

Потом он подумал, что их знания этого явления, очевидно, не полные и они не понимают, что нельзя использовать такие источники энергии на поверхности планеты.

Дальнейшие критические размышления были невозможны.

Но Модьуну было интересно все, что в каждое конкретное мгновение мог воспринимать его мозг.

26

Модьун не думал, что делать дальше. Если бы такая мысль и появилась, он бы заколебался, а при сверхскоростях это могло оказаться фатальным. То, что случилось, было для него энергетическим явлением. И он просто заинтересовался — и очень сильно — наблюдением пространственного явления, которое он никогда

не видел, но о котором слышал.

В самое первое мгновение его мозг отметил появление черной дыры. Действительный размер, который он для нее определил, был восемь километров.

Очень маленькая.

Еще Модьун заметил, что первоначально она была голубым солнцем. После сгорания всего водорода она увеличилось до красного гиганта и быстро — необычайно быстро — исчерпало свой гелий, углерод, кислород, кремний и так далее до того момента (в понятиях звездного времени), когда дело дошло до железа и возникло устойчивое положение. Но железо тоже было исчерпано. Большая звезда искала и нашла другое короткое устойчивое состояние — в качестве белого карлика.

Следующая катастрофа стала неправдоподобным безумием нейтронной звезды. Но установить равновесие даже для такой малой массы, как Земная луна, невозможно за короткий период. Возникла особая область пространства диаметром восемь километров.

Гравитационная дыра.

Модьун думал, пораженный:

«Эти Ганиане должны были выходить в бли-

жайший космос. Поэтому они изучили некоторые его законы и собираются нанести поражение комитету».

Это казалось невероятным. Трудно представить себе, что у них, в самом деле, могла быть столь передовая технология. Но, какие могут быть вопросы, если они управляют этой гравитацией.

Вот почему сухопутное войско потеряло подвижность и не может подняться с земли на корабль. Их удерживает уровень гравитации красного гигантского солнца.

Пока Модьун думал, прошло около десяти секунд. Но прошло уже слишком много времени и для микрокосмоса черной дыры.

Он чувствовал, как корабль содрогается под ним, а его компьютеры пытаются подстроиться к непрерывному сдвигу в гравитационном (и магнитном) потоке. Компьютеры пытались противостоять особенности пространства, безумию вещества и энергии. Что, конечно, невозможно.

За десять секунд гравитационные силы преодолели уравновешивающую силу гигантских машин корабля. Модьун не мог найти равновесие.

Большой корабль сразу начал падать.

Модьун вспомнил, что гравитация — не сила.

Это даже не поле в обычном магнитном смысле этого термина. Для двух тел в пространстве легче стремиться к сближению, чем отталкиваться друг от друга. Это была единственная причина, по которой такой огромный корабль мог приблизиться к поверхности планеты. Да, легче стремиться к сближению, но такая связь не должна существовать. Двигатели корабля стремились создать поле, в котором каждая частица корпуса корабля игнорировала бы присутствие планеты.

Силой можно было управлять и регулировать ее с большой точностью. Так корабль и маневрировал раньше в гравитационном равновесии на высоте примерно полумили над поверхностью Гании.

Использование гравитации черной дыры нарушило равновесие.

Но корабль все еще падал только со скоростью свободного падения в атмосфере. На Земле — шестнадцать футов в первую секунду, тридцать два — во вторую. На Гании примерно то же самое.

Не существует систем восприятия, которые могут иметь дело непосредственно с такими колоссальными силами.

«Кто-то делает это, — подумал Модьун. — И с

ним или с ними нужно установить контакт».

Он все еще не думал о происходящем, как о битве. Он просто привел в исполнение свое прежнее решение: получить информацию от генерала Дуэра. Модьун обнаружил растерянность. Страх. Мозг и тело Ганианина выражали уверенность в надвигающемся несчастье.

— Хорошо, хорошо, — кричал в темноте руководитель Ганиан, — мы уйдем. Но, ради Бога, не разрушайте корабль!

«Он не знает!»

Модьун удивился и предпринял следующий шаг: включил систему восприятия сознания окружающего пространства.

И увидел лицо.

Не человек. Не Ганианин. Не Нунули.

Лицо, полное решимости. Треугольная голова. Два узких глаза цвета крови. Эти удлиненные глаза, казалось, смотрели прямо в глаза Модьуна. На короткое мгновение их взгляды встретились в грубом физическом смысле. За эти бесконечно малые мгновения мозг инопланетянина не понял, что за ним наблюдают.

За это время Модьун послал мысль и сказал:

— Кто вы? Зачем вы это делаете?

Автоматически пришел ответ:

— Я член комитета — специальный агент — который уничтожил людей за барьером. А теперь, другим методом равной силы, знание которого принадлежит исключительно членам комитета, я…

В этот момент существо начало осознавать присутствие Модьуна. Автоматический поток его мысли прекратился.

Модьун был поражен этим отключением.

В темноте вокруг него Ганиане в смятении карабкались и издавали бессвязные хриплые звуки. Корабль падал. В желудке Модьуна возникло ощущение, которое бывает в слишком быстро опускающемся лифте.

Для Модьуна эти события были второстепенными. В этот момент он так жаждал информации, что потребовал общий насильственный ответ от далекого члена комитета, не замечая, что это нарушение тайны мозга инопланетянина.

Когда сила его требования достигла максимума, странное решительное лицо не стало более ясным, а, наоборот, поблекло. Вместо него, словно в замутненном пруду, появилась чья-то голова и плечи и золотые волосы. Видение мерцало, потом стало устойчивым, и он увидел — Судлил.

Модьун чувствовал, что между ним и жен-

щиной огромное расстояние. Но ее синие глаза смотрели прямо в его глаза, как будто между ними было всего несколько дюймов. И ее мысли доходили до его приемника мыслей, четкие и безошибочные, но удивительно грустные.

— Модьун, мне нужна твоя помощь. Зувгайт, член комитета, заманил меня в ловушку…

Связь закончилась. Ее изображение на таком удалении оставалось четким, но, если она еще и передавала мысли, то они не доходили. Теперь Модьун вспомнил, что рассказал ему Нунули о методе Зувга одностороннего управления разумом.

Это правда!

Невероятно, чтобы один Зувгайт без посторонней помощи был способен на столь интенсивный односторонний мысленный поток, что… создавал препятствия и задержки для передачи мыслей.

27

Модьун проделал то, что для него было необычно: он поверил в то, что неожиданное появление изображения Судлил вместо изображения члена комитета было согласовано. Это был план. Навязанная причинно-следственная связь, в чем Модьун отдавал себе отчет, потому что он должен был постепенно подстраивать свой мозг к иска-

женным целям существ с тайными мотивами.

Когда он стал сознавать происходящее, то увидел вокруг себя темноту, в которой Модьун угадал совершенно неосвещенный корабль. Корабль немного наклонился, как это случается с большими телами, которые падают в воздухе. Словно огромная масса атмосферы, которая раздвигалась в стороны падающим чудовищем, бурей пронеслась по нижним палубам корабля, нашла выемки и выпуклости, которые вызвали дисбаланс в скорости падения отдельных частей. Пол начал клониться вперед. Модьун должен был стоять, как на склоне, — одна нога слегка согнута, а вторая напряжена, чтобы удержаться.

Стоя немного неуклюже, он рассуждал:

«Мое внимание к трудному положению Судлил привлекли в тот момент для того, чтобы занять меня на то время, пока корабль не упадет на землю… Что и произойдет теперь через несколько дюжин секунд… Ловко придумано».

Его тело ощутило тепло. Лицо стало горячим, глаза напряглись и горели, зубы были крепко сжаты. Он думал:

«Член комитета, действительно, еще здесь, прячется за изображением Судлил».

Остается только одно. И — он потребовал всю

правду.

Снова, казалось, все случилось мгновенно, но прошло несколько секунд. И в течение всего этого времени сила его требования продолжала взаимодействовать с членом комитета и с образом, который он старался сохранить.

Вдруг лицо Судлил затуманилось. Снова возникло чувство расстояния — Модьун даже почувствовал, как она отдаляется от него.

Она ушла. Где она была с ее странной просьбой о помощи?..

Пустота.

В большом театральном зале огни вспыхнули и снова включились. Одновременно возникло ощущение, как в останавливающемся лифте. Остановка напоминала прыжок с десяти или пятнадцати футов. Падение на глинистую отмель. У Модьуна перехватило дыхание. Его колени подогнулись, и он неловко упал на пол.

«Лифт» снова включился. Скорость имела импульс свободного падения и удерживала Модьуна прижатым к полу. Пока он лежал, мгновенно став беспомощным, он обдумывал, что случилось. Чтобы избежать выполнения требования Модьуна, член комитета должен был отступить. Отказаться от того, что он делал. Отсечь черную

дыру.

Итак, что-то происходило.

Подъемная система большого корабля автоматически восстанавливала прежнюю связь с планетой под ним. Напряжение было ужасным. Конструкции корабля стонали. Каждая молекула изменялась, теоретически одинаково, но, на самом деле, между различными элементами существовали незначительные различия. Полы скрипели, стены сотрясались, все немного изгибалось и поворачивалось.

К несчастью, то, что происходило, слабо напоминало реальную опасность. Черная дыра была в непосредственной близости от планеты. Там она пыталась восстановить свое равновесие. Когда это, наконец, обернется против макрокосмоса, то произойдут невероятно сильные возмущения.

Модьун поднялся на ноги, как только смог. Он увидел, что генерал Дуэр тоже пытается восстановить равновесие. Быстро. Смело. Но первые слова Ганианина оказались глупыми. Он сказал:

— Я знаю, вы не обрушите корабль на свою армию внизу.

Неподходящий момент, чтобы объяснять полевому командиру его ошибку.

Модьун сказал:

— Свяжите меня с вашим главным начальником.

Он потребовал мгновенного согласия.

Менее, чем через полминуты другой Ганианин с суровым лицом, изображение которого мгновенно появилось на экране, слушал, как Модьун рассказывал историю Зувгайтов, о намерениях комитета захватить галактику и пытался описать гравитационный вихрь, который был черной дырой.

Последним советом Модьуна было: «Передайте предупреждение по радио всему миру. Скажите, чтобы ваши люди забрались под прочные укрепленные объекты, например, под дома с бетонными фундаментами, заделанными в почву. Под полом закрепите матрацы или что-нибудь мягкое, чтобы, когда внезапно придет разрушительная, направленная вверх сила гравитации, людей прижало к матрацам. Так как время в черной дыре течет очень медленно, то первая реакция, вероятно, не наступит еще несколько часов.

Он закончил связь требованием общего согласия.

Сработает ли какой-нибудь метод защиты? Модьун не был уверен. Он предвидел вероятность

того, что твердые куски Ганнии разлетятся по всему космосу.

Действительно, перспективы для Ганиан были ужасными, о чем Модьун и сказал генералу Дуэру:

— Я думаю, что ваши войска должны остаться на борту, и, если возможно, возьмите сюда такое же количество женщин-ганианок. Но сейчас проводите меня с вашей территории туда, откуда я смогу установить связь с пунктом управления кораблем. Я чувствую, что они отделились от этой части корабля.

Когда это произошло, он не стал дожидаться, чтобы попасть к передающему устройству. Вместо этого, двигаясь по коридору, он включил систему восприятия и, таким образом, обнаружил Нунули.

Включил передачу мысли. И снова согласие.

— … пусть войска поднимутся на борт. Поднимайтесь медленно и удерживайте позицию в сотне миль над армией. Передайте по кораблю предупреждение, что мы можем подвергнуться влиянию различных гравитационных сил, направленных вверх. Каждый должен спать, привязанный ремнями.

Это было все, что он мог сделать.

Модьун вернулся в каюту. Теперь его мучило чувство вины.

«Разве раньше я когда-нибудь нарушал тайну мысли других существ?»

Он спал беспокойно с этим чувством вины.

28

Модьуна разбудил глухой звук, и он испугался. Звук доносился через стены его каюты, снаружи, из коридора. У Модьуна промелькнула мысль:

«Где был Нунули, когда я обнаружил его, чтобы отдать ему эти приказы?»

Он вспомнил, что это было не обычное место обитания Нунули. Конечно, как обычно, Модьун не склонен был подглядывать за действиями другой личности, кроме тех случаев, когда это было абсолютно необходимо для его целей.

«Но я должен помнить, что все это (то, что случилось) было сделано из-за меня. Из-за меня, Модьуна, землянина, Зувгайты пытались уничтожить корабль».

Когда эта мысль сформировалась, Модьун встал с кровати. Он помнил, что уже разрабатывается другой план его уничтожения. Пока он обдумал смысл этого, он полностью оделся.

Модьун открыл дверь.

Его встретил сумасшедший дом.

По крайней мере, таким было первое впечатление. Звуками сумасшедшего дома были непрерывный рев голосов и непрерывный топот ног.

Зрелище? Коридор был забит грязными людьми-животными, которые держали мешки и электрические ружья.

Здесь стоял запах (по-видимому, Ганианской) грязи, смешанной с запахами неземной растительной жизни. Каждый из людей-животных, очевидно, провел часть времени, лежа на траве, на листьях и кустах, и испачкал одежду. А теперь она воняла.

Когда Модьун смотрел на эту живую реку из вернувшихся солдат, он ощущал удовлетворение, которое переполняло его тело: может быть, в таком вмешательстве, в самом деле, нет ничего плохого. Такими были его мысли.

Но он еще помнил, как раньше пытался пройти вперед по этому коридору: как трудно было продвигаться ему и Нунули, борясь против такого же потока людей-животных.

«Хочу ли я, действительно, чтобы меня снова втянули в это?»

Тысячелетия невмешательства человека в дела

земные говорили ему «нет». Но внутри у него возникло новое сильное чувство; особая горячая решимость, которая происходила из убеждения, что он должен, по крайней мере, побеседовать с комитетом прежде, чем принимать решение о своем будущем. Это чувство гнало его вперед.

Модьун пробрался к первому ярусу лифтов, и его внесли в переполненный лифт, направляющийся вверх. Он поднялся на самый верх, и к этому времени в лифте, кроме него, остался только офицер-гиена с золотыми нашивками (которого Модьун никогда раньше не видел).

Модьун был немного удивлен, когда его попутчик прошел по фойе к тому же лифту второго яруса, что и он. Это казалось удивительным, и Модьун повернулся, посмотрел на офицера-гиену и впервые заметил, что его форма без единого пятнышка. Очевидно, он не был среди тех, кто сражался внизу на грязной Гании.

Оба молча стояли перед дверью лифта. Пока дверь не открылась, офицер молчал. Он, очевидно, изучал Модьуна и думал о чем-то своем.

— Вы уверены, что должны подняться наверх? — спросил он. — Это служебная зона.

— Да, — сказал Модьун. Он говорил небрежно, потому что решился, а сопротивление на этой

стадии, конечно, не имело значения.

— Могу поклясться, — сказал человек-гиена, — что обезьян не пускают в эту секцию.

— Меня пускают, — сказал Модьун. Он ответил спокойно и сразу после этого вошел в лифт. Он чувствовал, что офицер следует за ним, и понимал, что тот с сомнением смотрит на него. Когда лифт поехал вверх, человек-гиена замер, не шевелясь, видимо, в растерянности. Модьуна, который был поглощен своим намерением, заключавшемся просто в том, чтобы найти Нунули и поговорить с ним, все больше тревожила разворачивающаяся борьба. Возможно, умное замечание прогонит сомнение. Он сказал вежливо:

— Я собираюсь поговорить с хозяином Нунули.

Он говорил и наблюдал за коричневатым дубленым лицом попутчика. Здесь не было вопросов: здесь правила иерархия. Он знает Нунули. Офицер сказал удивленным тоном:

— Тогда вы имеете право идти.

— Да, — сказал Модьун. И потребовал дополнительную информацию. — Когда мы взлетим?

— Еще должно пройти примерно двенадцать часов, — был ответ. Человек-гиена добавил, не замечая, что выдает тайну, которую, без сомнения,

ему запретили обсуждать с кем-либо. — Ученые уже устанавливают водородную бомбу, которая должна быть взорвана дистанционно после взлета. Им еще предстоит подняться на борт.

Модьун чуть не пропустил это, чуть не пошел спать до утра. Чуть… но не совсем.

«Хорошо, я был близок к безрассудству, — подумал он мрачно. — Чуть не позволил взорвать миллион существ группе, которая хочет принести в жертву сколько угодно индивидуумов, чтобы уничтожить одного человека. В известном смысле, это, конечно, не имеет значения. Они все смертны и, в конечном счете, все равно умрут».

Но Модьуна волновало преимущество, которое нечестно получал комитет благодаря использованию высших знаний и науки. Злоупотребление силой — вот как это называлось. Он чувствовал враждебную реакцию своего тела по отношению к этой несправедливости.

Он подумал, что исправить эту несправедливость — его первоначальная программа.

Лифт останавливался, и у Модьуна не было времени на дальнейшие размышления. Дверь открылась; и тут, на расстоянии нескольких ярдов, он безошибочно узнал воздушный шлюз большого корабля.

Там он видел Нунули во время предыдущей встречи.

Корабль, который он видел, почти весь скрывался за стенами конструкции для запуска, но Модьун мог видеть его изогнутые контуры. Двери шлюза были открыты, и Модьун с офицером-гиеной вошли бок о бок. Первым, кого увидел Модьун, когда прошел через вторую дверь, был хозяин Нунули.

Инопланетянин стоял спиной к двери и говорил что-то о необходимости быстрого отправления. Его замечание вызвало вежливый ответ полдюжины гиен-инженеров. Они все поклонились. Один сказал:

— Мы готовы к старту, сэр. Закрыть двери, включить три выключателя, — и мы взлетим.

— Тогда займите свои места, — скомандовал Нунули. — Я сам подожду здесь последних прибывающих и…

Говоря это, он отвернулся. И замолчал, потому что в этот момент увидел Модьуна.

Возникла долгая минута неловкого молчания. Затем Модьун спокойно сказал:

— Как я вижу, пора выяснить, нет ли нового заговора против меня, включая этот, и, конечно, не нужно давать дополнительные команды, пока

мы не пройдем через черную дыру.

— Пока мы не пройдем через что? — спросил Нунули.

— Я, действительно, считаю, что у меня нет времени объяснять, — сказал Модьун. — Но мне интересно, что вас держат в неведении. Они хотят принести вас в жертву тоже, не правда ли? Тот факт, что вы пришли в мою каюту за помощью, доказывает, что вы не знали, что произойдет.

Модьун повернулся, собираясь уйти, когда Нунули настойчиво позвал:

— Подождите!

Модьун любезно остановился.

Инопланетянин продолжал:

— Наверное, я должен все сказать вам. Мне сообщили, что ввиду новых обстоятельств член комитета хочет объяснить вам долговременную программу комитета.

Модьуна поразили слова.

— Ввиду каких новых обстоятельств? — спросил он.

Инопланетянин казался удивленным.

— То, что вы пришли сюда, на этот корабль, свело к нулю окончательное логическое решение, которое, как мы надеялись, решило бы проблему последнего мужчины раз и навсегда.

Модьун все еще старался понять смысл слов Нунули.

— Дайте мне понять. Член комитета теперь хочет поговорить прямо со мной?

— Да.

Модьун стоял, озадаченный и потрясенный, но ощущал приятное тепло, появившееся в нервном центре в нижней половине тела. Победа? Похоже. Было приятно.

— Я снова увижу Судлил…

Впервые Модьун предположил, что ее отъезд очень сильно взволновал его. Он подумал:

«Может быть, в эти часы я даже смогу снять сенсорные блоки, которые установил, когда выходил из-за барьера».

Это было то, чего не удалось сделать Судлил. И поэтому она была вынуждена из-за постоянного стремления к движению пойти гулять в тот первый день. В результате она очутилась где-то, в дальней части галактики, и чувствовалось, что, действительно, она далеко, потерялась и попала в ловушку. Трудно узнать, как они смогли обмануть ее и оставили ее в живых, но ее мольба о помощи подтверждала справедливость и того, и другого.

Помня об этом, Модьун подумал, какие меры

предосторожности нужно принять, чтобы гарантировать, что встреча с Зувгом не будет сама по себе очередным заговором против него, и сказал:

— Когда мы пойдем? Я готов в любое время.

— Вы сошли с ума! — Когда инопланетянин говорил, он должно быть понимал причину неправильного представления Модьуна и продолжал: — Я имел в виду, что член комитета согласится поговорить с вами, если вы когда-нибудь узнаете, где он находится.

Вдруг инопланетянин смягчился.

— Это большая уступка. Вы теперь имеете предварительную договоренность о том, что член комитета хочет поговорить с вами.

Модьун вежливо ждал, пока собеседник закончит, потом сказал:

— Я считал это само собой разумеющимся. Найти его — это не проблема, как я ее понимаю. Я знаю три отдельных метода; ведь определение местонахождения в пространстве — это одна из моих телепатических способностей, как вы, наверное, знаете…

Модьун замолчал. Он стоял, слегка повернув голову. Красивое решительное лицо было живым. Глаза немного сузились.

— Начинается, — сказал Модьун. — Скоро все

перевернется вверх тормашками. Возьмите подушку и привяжите себя к потолку до того, как придет время.

Когда Модьун еще раз повернулся к двери, его снова остановил голос Нунули.

— Какое время и когда наступит? — спросил Нунули встревоженным тоном. — Что начинается?

— Мы входим в черную дыру, — объяснил Модьун. — Я думаю, что мы пройдем сквозь нее по прямой. Помните, что я сказал вам: передайте общее предупреждение. Корабль может подвергаться перекрестным гравитационным давлениям в течение всей ночи.

— Но почему?

— Я считаю, — сказал Модьун, — что такой прекрасной маленькой черной дыре — всего восемь километров в диаметре — никогда не позволят уйти далеко от места, с которого ею сможет с легкостью управлять ее владелец.

Смысл этого, вероятно, дошел до Нунули, потому что его глаза затуманились и вдруг стали почти синего цвета.

— О Господи! — сказал он на языке животных.

— Итак, — сказал человек, — когда фейерверки закончатся, мы обнаружим, что втянуты в атмосферу планеты Зувг… это мой прогноз. Чуть

меньше или чуть больше, чем один Земной день. Спокойной ночи.

И он поспешно ушел.

29

Запыхавшись, Модьун зашел в свою каюту и подумал:

«Теперь, когда Нунули не может действовать против меня, я должен ждать непосредственно нападения комитета».

Он разделся, лег в постель, привязался ремнями и уснул.

… и проснулся от того, что ремни врезались в его тело. Он определил силу тяжести в три G.

Модьуну было тревожно, но… если подойти к событиям философски… Теоретически, силы давления-растяжения в черной дыре могли быть в тысячу раз больше силы тяжести. Хотя машины корабля были рассчитаны на случай экстремального притяжения, в сочетании с огромными скоростями это делало возможным деформацию предметов вверх, вниз, влево, вправо. И встроенное устройство всегда найдет положение минимального напряжения.

«… Не следует волноваться. Нужно доверять».

Всего четыре раза наваливалась максимальная

сила тяжести. Модьун же лежал в темноте — или скорее плыл — и сознавал колоссальное ускорение корабля, а потом торможение; а гигантский корабль пролетал расстояние, эквивалентное множеству парсеков.

И пролетел через черную дыру.

В момент выхода из дыры Модьун спал. Он мысленно видел Судлил без одежды, как в первый день, когда не испытывал никаких чувств. Во сне подсознание расшевелило в нем прежде не реализованное чувство. Модьун уже собирался исследовать, что это могло быть за чувство, когда вдруг понял, что он, человек, действительно видит сон.

Модьун проснулся, удивленный. Сон! У него? Но животные видят сны, чтобы подсознательно решить свои проблемы и избавиться от конфликтов прошлого дня.

«Я умираю…» — Это была волнующая мысль. Сон стал первым симптомом того, что здравый, философски настроенный разум не справляется.

Сначала Модьун не обратил внимания на содержание сна. Его испугал сам факт сновидения. Но скоро он понял, что сон возбудил его половой орган. Раньше он видел такое только у животных-самцов.

«Интересно. Так вот как это происходит?»

Он встал и изучал это явление в зеркале ванной комнаты. Но он не мог вынести такое исследование. После осмотра состояние полового члена ухудшилось.

Когда же Модьун одевался, ему стало весело. Он мысленно проиграл сон несколько раз, точно повторяя то, что, как он понял, имело эротическое содержание. Он причесывался, когда, с опозданием, ему пришло в голову, что необычное событие, похожее на сон, могло иметь и другой смысл.

Новое нападение?

Может быть, когда его мозг был поглощен первой страстью, происходило действие, которое он и не заметил. В тревоге он активизировал систему восприятия.

Но корабль мирно плыл в обычном космосе, направляясь к ближайшей солнечной системе. А в поле, охваченном его умственной энергией, была только одна темная область: Нунули. Даже она не была такой темной, как раньше.

«Если что-то случилось, — с грустью подумал Модьун, — то это уже произошло. И это не такое важное событие, чтобы о нем думать».

Конечно, такой сон был бы идеальной атакой.

Модьун закончил одеваться, все еще размыш-

ляя о возможной природе нападения, когда в дверь позвонили. У Модьуна была мгновенная реакция, и он пошел к двери. Почти сразу у него возникло чувство тревоги — и он остановился.

«Я перестаю быть безупречным и понимаю, что их план направлен против одного человека — против меня. Кажется невероятным, но не подлежит сомнению. Это началось с двух первых нападений людей-гиен и достигло высшей точки в мощном явлении черной дыры, где человеческая раса, которую олицетворял один мужчина, была мишенью».

Они вызвали этот сон о природе сексуального возбуждения. Очевидно, им нужно было что-то, что полностью отвлекло бы внимание Модьуна, пока они не подготовили очередного нападения. Модьун сделал так, что Нунули, хозяин корабля, не мог предпринять ничего против него.

Все еще трудно признать, что Зувгайт проявляет персональный интерес к судьбе одного мужчины с небольшой планеты. Но в этом нет сомнений. Злобное создание с красными глазами, которое вошло с ним в контакт на такой короткий миг во время атаки черной дыры, позволило увидеть себя. Так же важно, что Зувгайты хотели, чтобы их слуга Нунули погиб вместе с кораблем,

и не дали ему никаких преимуществ, не предупредили об атаке. Фантастическая реальность, но правда.

«Что бы ни было, я готов как никогда».

Остановившись, Модьун настроил все уровни восприятия, чтобы, если сработает один, включились бы все остальные.

Уверенно он пошел к двери и открыл ее. Там, как он и чувствовал, стояли все четверо его друзей-животных, глуповато ухмыляясь.

— Эй, — позвал Модьун, — входите.

В то время, как он произносил эти слова, он уже боролся за свою жизнь.

30

У дула ружья промелькнула яркая вспышка. Заряд, сверкая, пролетел по коридору как молния, вызывая ужасный треск. Он попал в пол, преодолев несколько дюжин футов.

— Иггдооз, — раздраженно сказал Руузб, — смотри, что делаешь.

Тот повернулся к Модьуну.

— Эге, — сказал он, усмехаясь.

Все кончилось быстро. Попытка выжечь его мозг. И, когда она не удалась, мгновенно использовали разрушающий механизм.

Теперь он не сможет проанализировать, какой метод они противопоставляют человеческой системе восприятия. Но с какой отчаянной решимостью они воспользовались шансом показать ему, что у них есть такой метод.

У Модьуна не было времени, чтобы сразу подумать об этом. Потому что, когда вошел Дуулдн, он схватил и обнял Модьуна, а потом по очереди его обнял каждый человек-животное.

— Приятель, как же мы рады видеть тебя!

Ему неистово трясли руку. Нежная рука Неррла обняла его шею и плечи, а затем толкнула его на могучую грудь Руузба, который так сжал Модьуна, что у того перехватило дыхание.

— Эй, — сказал Модьун, — хватит, друзья!

Через некоторое время он узнал, что они довольно хорошо оправились от переживаний. Но все четверо были еще возбуждены.

— Друг! — сказал человек-медведь, качая головой. — Здесь внизу гнездо гремучих змей. Мы взяли на борт больше существ чем можно. Чем скорее мы улетим от этой планеты, тем больше мне это будет нравиться.

Он добавил:

— Мы сумели освободиться и забрали наши войска на борт, но…

С мрачным видом он замолчал.

Огромный корабль, действительно, был достаточно далеко от Гании, но Модьун знал об этом не больше, чем они. «Место внизу» теперь стало другим. Значительно более интересным. Поэтому Модьун ничего не сказал.

Стоявший рядом с Модьуном человек-лиса издал нечленораздельный звук, когда человек-медведь закончил говорить. Модьун посмотрел на него.

— Что случилось, Неррл?

По щеке человека-лисы скатилась слеза.

— Смешно, но я никогда не думал об этом, как о путешествии с целью завоевания. Предположим, мы завоевали этих — как их там? Что бы мы с ними делали?

— Все проклятые люди-гиены, — заворчал Иггдооз. — Все, как говорил Модьун: группа захватчиков с неправильными идеями.

Слушая их, Модьун почувствовал себя немножко лучше. Они, по-настоящему, считали виновными людей-гиен, которые были лишь немного менее глупыми, чем эти, и, конечно, они никогда не нападут на Ганию снова. Но в силе их протеста заключалась надежда, что, возможно, и у других людей-животных на борту можно так же легко

вызвать протест.

Это была только промелькнувшая несерьезная мысль. Хотя это выглядело, как решение — словно человек мог снова вернуть себе власть над людьми-животными Земли.

Он понимал, что такое намерение слишком преждевременно и спросил:

— Вы, четверо, не собираетесь снова идти вниз? В следующий раз будет очередь кого-то другого, да?

— Тогда почему нас позвали сегодня утром и сказали, чтобы мы носили электрические ружья до дальнейших указаний? — пожаловался Дуулдн.

Так вот как это было сделано.

— Какие-нибудь проблемы с вашими ружьями? — небрежно спросил Модьун.

Руузб пожал плечами.

— Офицер-гиена обнаружил неполадку в ружье Иггдооза и позвал нас сюда, чтобы мы его починили. Но, может быть…

Его большие коричневые наивные глаза расширились.

— Может быть, оно еще не отремонтировано как следует. Может быть, поэтому оно разрядилось здесь, у двери? Как ты думаешь, Иггдооз?

Человек-гиппопотам согласился с таким объяснением. После этого Модьун почувствовал, что теперь он много знает, благодаря простоте заговора (вероятно, член комитета обошел Нунули и непосредственно воздействовал на человека-гиену), и сказал:

— Ну, после всего что случилось, то, что вас попросили держать ваши ружья при себе, всего лишь естественная предосторожность. Совсем не значит, что вас пошлют вниз в следующий раз.

Очевидно, такая возможность не приходила им в голову. Они сразу просияли и скоро весело рассказывали о своих тяжелых переживаниях на Ганнии. Теперь, когда все закончилось, их смех звучал громко, словно они успокаивались, подробно рассказывая и смеясь над отвратительными, опасными моментами высадки.

Скоро Модьуну показалось, что прошло достаточно времени. Пока они выговаривались, он думал.

И принял решение.

Он поднялся. Теперь настал подходящий момент. Он повернулся, посмотрел на четверых друзей, поднял руку, чтобы привлечь их внимание, и сказал:

— Друзья, я должен сообщить вам нечто важ-

ное.

Стоя здесь, он объяснил им простыми словами, кто он, что сделал и какие проблемы остались. Когда он закончил, все долго молчали. Наконец, Руузб встал, подошел и молча пожал ему руку. Это было сигналом для других, которые сделали то же самое.

Потом его друзья сидели, глядя на него блестящими глазами и ожидая, что будет дальше. Руузб сказал рассудительно:

— Итак, ты здесь с твоими способностями, присущими существам, которых ныне уничтожили.

Модьун должен был согласиться, что это правда.

— Есть только одна вещь, которую я не понимаю, — сказал он. — Без сомнения, то, что, как они показали, они могут сделать сейчас со мной, они могли сделать и с Судлил. Но они не убили ее. Почему?

— Они сохранили ее, чтобы использовать против тебя, как ты сказал, — мрачно сказал Неррл. — Этот Зувг держит ее перед собой, чтобы ты не мог нанести ему удар.

— Но, если они, действительно, могут мысленно воздействовать на живых существ, — возразил Модьун, — зачем им нужно заниматься всей этой

чепухой?

Дуулдн, который до сих пор молчал, вдруг сказал:

— Я не вижу реальной проблемы в будущем. Ты должен просто держаться подальше от этих Зувгов и их хитрого метода управления твоим мозгом, и — он махнул рукой

— проблема будет решена.

— Да! — согласился Иггдооз.

Руузб и Неррл просияли.

— Да, это так, — сказал человек-лиса.

— Нну… — протянул Модьун, колеблясь.

Пауза, которая последовала за этим, смущала его. То, что они предлагали, люди не делают, даже для того, чтобы чего-то избежать. Он считал само собой разумеющимся, что человек — высшая форма жизни.

Перед ним никогда не стояла проблема: может ли он или посмеет ли? Модьун никогда не пренебрегал опасностью настолько, чтобы у него пропадало чувство страха. Если он избегал какой-либо ситуации, то только из философских соображений, а теперь это стало неприемлемо. В этой ситуации он решил поговорить с членом комитета. Он объяснил свое решение друзьям.

— Кто-то должен пойти и выяснить, что они

затевают, и убедить их отказаться от этого, если они не смогут дать подходящее объяснение. А я, честно, не понимаю, как они могут это сделать. Например, они взяли сюда миллион существ с Земли для оккупации новой планеты. Кто-то должен сказать им, какой неподходящей была такая программа для всех, кто в ней участвовал: для тех, на кого нападали, и для тех, кто нападал, для тех, кого убили там за несколько мгновений. Вам ведь было не смешно, когда вы ползали там в ганианской грязи, не правда ли?

Четверо друзей согласились.

— Вот что я имею в виду, — продолжал Модьун. — Я хочу совершить посадку вблизи одного из зданий внизу, войти и поговорить с членом комитета.

— Но он воздействует своей телепатией на твои способности, — запротестовал Неррл. — Он заманит тебя в ловушку.

Модьун махнул рукой, как часто делал Неррл.

— Это неважно, — сказал он.

— Господи! Ты спятил? — вспылил Дуулдн.

Он повернулся к остальным.

— Друзья, у этих людей размягчение мозгов.

Это была реакция, разрушающая барьер.

Они испытывали трепет. Человек. Потомок их

древнего Создателя! И они подчинились. Вспышка человека-ягуара освободила их.

Руузб проворчал:

— Послушай, друг, у тебя добрые намерения, но с такой философией ты никогда не уйдешь от Зувга живым.

— Послушай, — заговорил Неррл, — ты овладел всеми научными знаниями Земли. Нельзя ли узнать, уязвимы ли Зувги?

Вопрос человека-лисы удивил Модьуна. Он сказал, помедлив:

— Собственно говоря, если я позволю себе думать о насилии, то, действительно, окажется, что комитет не знает столько о черной дыре, например, сколько знали люди, использовавшие такие вещи.

Дуулдн вскочил на ноги.

— Никогда не занимайся бесполезными рассуждениями, — сказал он. — У тебя есть мысль, которую можно практически использовать?

Модьун глубоко вздохнул.

— Третий закон движения, — сказал он тихо, — работает и в обычном пространстве, конечно, с той разницей, что тут это волна, сохраняющая энергию.

— Что это значит? — спросил Иггдооз, сильно

наклоняясь вперед.

Дуулдн сказал нетерпеливо:

— Действие и противодействие равны и направлены в противоположные стороны.

Он объяснил это другим и сказал Модьуну:

— В чем же смысл?

— Они не должны были взрывать город людей за барьером. Где-то там еще продолжаются ядерные реакции.

Модьун с упреком покачал головой.

— Если кто-то когда-нибудь найдет того, кто знает о таких вещах…

— А ты знаешь? — задумчиво спросил Руузб.

— Я? — Модьун был потрясен.

Он стоял, взволнованный. Он представил объем известной ему информации, не обращаясь ни к кому и, меньше всего, к себе. Теперь он сглотнул слюну.

— Я не мог бы сделать это, — сказал он. — Это ведь массовое убийство.

— Послушайте его, — с возмущением фыркнул Иггдооз.

Руузб встал. Он сказал:

— Мы пойдем вниз с тобой и прикроем тебя нашими электрическими ружьями. Позже мы сможем обсудить, что делать.

— Думаю, — предположил Модьун, — что мы должны сначала высадить армию. Не для того, чтобы стрелять, или для чего-то подобного. А просто высадить ее. Трудно будет предпринять что-либо против такого количества существ, особенно, когда они будут именно там, где находятся Зувги.

Дуулдн одобрил эту идею.

31

Они позавтракали. Затем во главе четырех людей-животных, испытывающих какой-то благоговейный трепет перед ним, Модьун пошел на пункт управления.

— Может быть, они не захотят впустить нас? — сказал с сомнением Неррл, когда они подошли к большой двери, сдвинутой глубоко в большую нишу. Везде вокруг двери горели цветные лампочки, а на металлической панели было написано: «Посторонним вход воспрещен».

Мысленно Модьун разрушил все эти препятствия. Он разогнал существ, которые были внутри: гиен-инженеров и техников. Когда персонал ушел, Модьун осмотрел запоры на всех дверях.

Через несколько минут здесь появился Зувг!

На огромном видеоустройстве пункта управ-

ления виднелся туманный светящийся круг, закрытый облаками, который выделялся на черном небе. При увеличении стал виден небольшой городок в горах, место, где жили Зувгайты.

Комитет!

На этом расстоянии не было видно свечения защитного барьера, который окружал городок. Но Модьун, конечно, узнал барьер, так что остальное не имело значения.

Внизу ничего не было видно. Отвесные скалы и ущелья. Длинные тени и темные овраги. Тут и там мелькали здания. Одно стояло высоко на вершине горы, другое — на дне тысячефутовой пропасти.

Наблюдая эту сцену, Модьун сдерживал дрожь, возникающую по всему телу, а не только в одном месте. Иногда это была нога, иногда плечо и рука… желудок и внутренности, бедра, легкие и так далее, назад и вперед по кругу.

Дрожь не исчезала ни на секунду.

Модьун открылся для восприятия и последующей стимуляции внутренних сил.

Он чувствовал давление пола на подошвы и пятки, шероховатость ткани брюк на ногах; вдыхал воздух, который немного щекотал горло, проходя весь путь до легких. Его лицо горело от

постоянного чувства — страха? Модьун не знал точно, какое это чувство, но что-то подталкивало его.

Чтобы проверить, какое это чувство, Модьун повторил свое старое кредо: (1) Люди такие, как они есть, и жизнь такая, как есть — имеющая смысл. (2) Если вы доверяете людям, они будут доверять вам. (3) Дайте им любовь, и они ответят любовью. (4) Жизнь, в принципе, хороша. Никогда не делайте угрожающих движений, и вы поразитесь, насколько мирной будет ваша жизнь. (5) Всегда подставляйте другую щеку.

Он осмыслил каждое из высказываний. В голове его приятно кружились мысли, которые, без сомнения, были правильными по смыслу, но не точными по форме. А Нунули, очевидно, не были такими, и Зувгайты тоже. Даже некоторые люди-животные на Земле. Может быть, позже, в будущем, они станут, как люди. Но не теперь.

Он должен быть внимательным. Он еще не может убивать. У него есть еще много других запретов. Это то, что Зувгайты должны знать о нем.

Он и его друзья-животные большую часть дня наблюдали, как огромная армия высаживалась в горах внутри барьера, двигалась, не встречая

сопротивления.

«Итак, они ждут меня», — Модьун был в этом совершенно уверен. Его ноги пустились в пляс, что было непосредственным выражением удовольствия.

«Я, действительно, открыл внутренние барьеры...» Все его приказы тело исполняло немедленно.

Позже, когда они сели поесть, стало очевидно, что другие наблюдали за ним. Наконец, Дуулдн сказал:

— Сколько же ты знаешь на самом деле? Где ты узнал все эти вещи, как например, о черной дыре?

— Системы восприятия могут непосредственно воспринимать все явления природы,

— объяснил Модьун и добавил сдержанно:

— Это не значит, что я безупречен как личность. Нунули сделали нас такими. Я не умнее, не лучше, чем любой другой — я просто обладаю особыми способностями.

Руузб, который ел в своей обычной энергичной манере, поднял голову.

— Это, должно быть, правда, друзья. Большинство поступков нашего приятеля с тех пор, как мы его узнали, были очень наивными. У него хо-

рошее сердце, но не острый ум. Хотя, конечно, он придумал кое-что интересное. Правда, Модьун?

Модьуна не обрадовала такая характеристика, полученная от человека-медведя. Но он очень хотел, чтобы его друзья-животные по-доброму принимали его; поэтому теперь он энергично кивнул.

— Правильно, — согласился он. — И тем не менее, — добавил он через минуту, — я не так наивен, как кажется.

— Мы посмотрим, — сказал Руузб. Он взглянул на Модьуна. — Не обижайся, друг. Я только констатирую факты. Например, — он грустно покачал головой, — представь себе, что ты позволил украсть путем простого заговора единственную женщину, оставшуюся в мире. И ты даже не собираешься что-нибудь сделать.

— Но я знаю, где она, — защищался Модьун.

— Где? — немедленно спросил Руузб.

— Она с этим Зувгайтом.

Человек-медведь повернулся к другим и беспомощно развел руками.

— Видите, что я имею в виду, — сказал он.

Неррл усмехнулся через стол Модьуну.

— Я помню женщину, которой я очень увлекался. Прежде чем я был готов бросить ее, она

поменяла меня на другого, у которого хорошо подвешен язык. Я знал, где она была после этого, правильно.

— А я, — сказал Иггдооз, — имел друга, который решил пересечь океан на лодке. Она попала в шторм, и он утонул. Я знаю, где он. То, что осталось от него, внизу, на глубине две мили, под водой.

— Видишь, Модьун, — Руузб посмотрел на человека, — ты говоришь так, что порой кажется, что ты не можешь сложить два и два.

Их дружеская атака сильно обидела Модьуна. Он уже начал понимать, что тут что-то неправильно… «Человек потерпел поражение», — подумал он. — «Буквально уничтожен, кроме последнего мужчины и женщины. А я все еще говорю и действую как победитель».

Очень смешно. И все же…

Когда они, наконец, закончили трапезу, Модьун сказал:

— Давайте лучше ляжем спать. Возможно, ночью мы получим сообщение, что дело дошло до той точки, когда внизу у меня может состояться встреча. Если мы отдохнем, то когда придет решающий момент, наши тела будут чувствовать себя лучше.

Дуулдн недоверчиво посмотрел на него:

— У тебя есть план? — спросил он.

— Я сказал, что я не так наивен, как кажется, — запротестовал Модьун. — У нашей армии внизу нет продовольствия, а они не привыкли обходиться без еды.

Короткое сообщение пришло в три часа ночи по корабельному времени.

32

По видеоустройству они увидели, что к их месту назначения нельзя приблизиться непосредственно, если не приземляться на крышу здания. Здание было плотно прижато к отвесной скале, которая поднималась перпендикулярно позади него. Впереди возвышался крутой склон. Он не был чересчур отвесным и не уходил далеко вниз — не более чем на две сотни футов.

Ниже здания была плоская равнина, но ее украшали аллеи и изгороди, которые вели среди кустарников и вдоль реки к краю леса, удаленного от здания примерно на двести ярдов. Чтобы приземлиться где-нибудь на этой равнине, нужно было разрушить аллею или изгородь, а это, конечно, было бы очень неправильно.

Модьун мог подняться по лестнице, ведущей по

склону горы из сада внизу (если это было садом) к зданию наверху. Но совершенно очевидно: здание и местность внизу являлись частью одного и того же архитектурного и паркового комплекса.

По склону горы двигалось много фигур: армия животных, безусловно, наступала. Но они находились далеко справа и должны были еще подниматься. До их прихода пройдет, наверное, час. Модьун с волнением подсчитывал. Может быть, он должен немного задержаться.

Другой ближайший луг располагался на довольно крутом склоне на четверть мили ниже. Именно сюда Модьун и посадил свою спасательную шлюпку и отсюда он повел своих четверых друзей к зданию.

Ласковый ветерок дул вниз по склону. Для тех, кто был чувствителен, как Модьун, воздух казался сильно насыщенным кислородом; судя по данным компьютера, 35 процентов атмосферы составлял кислород. Веселый квинтет скоро вошел под сень деревьев. Здесь они впервые увидели живых существ.

Те, кого они увидели, напоминали птиц; маленькие крылатые создания порхали по верхним ветвям деревьев. Модьун активизировал восприятие и ощутил мимолетные толчки простых форм

мысли. Он наблюдал картины веток, шумящих вокруг, и вид неба, каким его видели маленькие блестящие глаза.

Но никаких помыслов. Существа были тем, чем казались. И вокруг — дикая природа. Все естественно, даже примитивно.

«Почему тот, кто живет в таком раю, чувствует необходимость связи с другими планетами и хочет управлять ими? — удивленно спрашивал себя Модьун. — Все, что они могут надеяться получить от такого господства, — это особое сознание, что они оказывают влияние на жизнь в отдаленном неизвестном месте, и очень маловероятно, а, может быть, и невозможно, что они посетят больше, чем несколько планет, которыми управляют. Поэтому полное удовлетворение зависит от их собственного представления хода событий».

Зачем им это нужно?

Все это выглядело очень грустно и бесполезно.

Пока Модьун размышлял, он и его друзья пришли к краю сада. Прямо перед ними была первая светлая аллея; Модьун осторожно ступил на нее, остановился и повернулся к друзьям.

— Я думаю, вы должны подождать здесь, — сказал он. — Спрячьтесь среди кустов.

Его голос громко звучал в тишине.

— Моей системы защиты хватит на такое расстояние, и все, что я смогу сделать для себя, я смогу сделать и для вас — на этом расстоянии. Но, если я не выйду раньше, чем придут солдаты, идите в спасательную шлюпку. Может быть, мне понадобится ваша помощь.

Четверо необычно легко подчинились. Модьун посмотрел на их человекоподобные лица и увидел на них отражение растущей тревоги.

Наконец, Руузб сказал хриплым шепотом:

— Поняли.

Он пожал руку Модьуну и пробормотал:

— Удачи! Забей гол в их ворота.

Все по очереди подошли и пожали ему руку. Дуулдн заметил:

— Не торопись, друг.

Модьун кивнул и пошел вперед.

Сверху все казалось сказочно близким. С земли площадка, похожая на сад, казалась более плоской, чем с неба. Теперь можно было видеть, что то, что выглядело, как грязь, очевидно, было пластиком, на котором собралась пыль. Такая же пыль лежала на дорожках, но она была другого цвета. Над рекой повисло несколько мостиков, украшенных орнаментом. Что означал орнамент, было непонятно, если он вообще что-то означал.

Землянин шел вперед, не оглядываясь, и скоро перешел речку по одному из мостиков. Издалека мостик, как и другие, выглядел хрупким, хотя под ногами был прочным, как сталь. Через минуту Модьун поднимался по лестнице, ведущей наверх, к строению, похожему на дворец.

Модьун поднялся наверх, немного запыхавшись, и увидел покрытую пылью дорожку, которая вела к прозрачной, как стекло, двери, находившейся менее чем в двух дюжинах футов от края обрыва.

Теперь Модьун в первый раз оглянулся и посмотрел вниз на фигуры своих друзей. Они стояли внизу, глядя на него.

Он помахал им рукой. Они ответили.

Вот и все. Когда он оглянулся, у него на глаза навернулись слезы.

«Когда у вас появляется тело, — подумал он, — у вас может появиться привязанность к людям».

Это, конечно, был неподходящий момент для таких чувств. Поэтому он пошел к двери, стараясь не думать ни о чем. Когда он приблизился, дверь автоматически открылась.

И, когда Модьун вошел, она закрылась за ним.

33

Модьун проснулся и подумал: «Я полагаю, что самоубийство было бы самым простым решением. Таким же эффективным является простое убеждение, что не стоит заводить детей».

Как-то и каким-то путем человек должен закончить свою жизнь.

Он зевнул, потянулся и сел на кровати в маленькой комнате, которая примыкала к пункту управления спасательной шлюпки. Включился «дневной» свет. Наверное, это произошло потому, что он проснулся. В глубине его мозга возник вопрос, удивление. Чувство было слишком слабым, чтобы в данный момент Модьун обратил на него внимание.

Он чуть не упал с кровати на Руузба, который лежал на полу и крепко спал.

— Эй! — позвал Модьун.

Другие фигуры, которые он заметил, лежали на полу рядом с Руузбом. Они зашевелились и сели. Модьун узнал Дуулдна, Неррла и Иггдооза. Трое людей-животных вскочили на ноги и бросились к Модьуну, по очереди спотыкаясь о Руузба.

Неррл первым подбежал к человеку.

— Все в порядке, приятель? — спросил он.

Модьун был удивлен.

— Конечно. Что со мной должно случиться?

Дуулдн, который остановился, чтобы потрясти Руузба, отказался от своей попытки и выпрямился.

— Я думаю, что он борется с древним инстинктом зимней спячки. Это происходит с ним каждый год в определенное время.

Его слова, очевидно, относились к человеку-медведю, но, дойдя до этого места, он с опозданием осознал, что сказал Модьун.

— Что должно с тобой случиться? — повторил он и продолжал агрессивно: — Послушай, прошлой ночью ты сказал, что утром объяснишь, что случилось. Теперь утро, друг.

— Как ты сказал? — человек был поражен. — Объясню что?

Он замолчал. Воспоминание молнией пронеслось в его мозгу.

— Я прошел в ту дверь… — пробормотал он.

— Да, а что потом? — проворчал Иггдооз.

Модьун оглядел своих друзей. Даже Руузб сел и сонно смотрел на него. Модьун покачал головой; он понимал, что сидит, широко раскрыв испуганные глаза.

— Я не помню. Как я попал сюда?

Человек-медведь сказал:

— Расскажи ты, Неррл. У тебя хорошо подвешен язык.

— Нечего рассказывать, — сказал Неррл. — Ты вошел; мы видели тебя. Потом прошло немного больше часа. За это время армия Землян заполнила площадку, вскарабкалась по ступенькам и вошла в здание. Потом мы получили от тебя команду прийти и взять Судлил, и мы это сделали. А потом ты сказал, что должен вернуться, чтобы сдержать какое-то обещание, но, так как наступала ночь, мы убедили, чтоб ты остался до утра, — и вот мы здесь.

— Зачем я должен был вернуться? — Модьун ничего не помнил. — Какое обещание?

— Ты не сказал.

Модьун медленно опустился на кровать.

— Похоже на самопроизвольную потерю памяти, — медленно сказал он. — Я должен хорошо подумать, как быть дальше.

Дуулдн сказал взволнованным голосом:

— Ты имеешь в виду гипноз?

Человек сдержанно кивнул.

— Они, наверное, обошли мою защиту.

Модьун едва мог сдержать удивление.

— Будь я проклят! — Он объяснил: — Это их

метод управления. Они внушают необходимость какого-то действия и потом управляют вашими поступками.

Модьун собирался продолжать, но вспомнил мысль, с которой он проснулся. Он сказал:

— Послушайте, я же собирался убить себя. Нет! — поправил он. — Я должен убедиться, что у Судлил и у меня не будет потомства. Тогда человеческий род должен прекратиться.

Он снова замолчал. У Модьуна возникло слишком много мыслей одновременно. Сидя здесь, на краю кровати, он старался разобраться.

— Судлил! — он произнес ее имя. — Вы сказали, что принесли ее сюда. Где она?

Люди-животные многозначительно посмотрели друг на друга, потом печально покачали головами.

— Этот малый, действительно, пропал, — сказал Дуулдн.

Руузб тихо сказал:

— Модьун, посмотри на кровать позади себя.

Модьун медленно повернулся, не совсем веря, что он мог быть таким бесчувственным. Прошло несколько секунд, пока он понял. Он лежал так, что лицо было повернуто в сторону, и его первым побуждением было встать. Он лежал спиной к

Судлил.

Разобравшись, он посмотрел на женщину. Те же самые золотые волосы… ее лицо не изменилось с тех пор, как Модьун впервые увидел ее… Даже во сне она излучала жизнерадостность, нельзя было подобрать лучшего слова.

«Не думаю, что я когда-нибудь выглядел бы так хорошо, как она», — такая мысль впервые промелькнула в его мозгу. Каким он кажется тем, кто видит его?

Не отрывая взгляда от женщины, он спросил:

— Что с ней?

— Ты сказал нам, что она без сознания. Поэтому мы сделали носилки и принесли ее сюда, — сказал Неррл. — А она не приходила в себя с тех пор, как мы принесли ее.

Модьун был очень удивлен.

— Я говорил это все прошлой ночью, словно я знал? Почему я не привел ее в сознание?

Выяснилось, что он хотел, чтобы она проснулась сама, и считал, что это произойдет вечером.

— Я полагаю, — сказал Модьун расстроенным тоном, — прошлой ночью я знал, что делаю. Поэтому я лучше не буду спешить.

— Я думаю, — раздался голос Руузба, — мы лучше соберем военный совет или что-нибудь

в этом роде.

«Что-нибудь, непременно», — подумал Модьун.

Прошел час. Они поели. И спокойно сидели в пункте управления. Модьун глубоко вздохнул и сказал:

— Я вижу, как я иду к этой двери. Теперь я собираюсь включить систему памяти. Я попытаюсь рассказать вам, что случилось…

34

Когда Модьун вошел, из-за стола напротив двери, находящегося на расстоянии около двадцати футов, поднялся Нунули.

— Распишитесь здесь, — сказал он.

В одной руке он держал что-то, похожее на ручку, а другой показывал вниз на то, что выглядело как книга для записи гостей. Модьун остановился прямо у входа. Он сознательно сдержал побуждение сразу выполнить то, что требовал Нунули, остался на своем месте и огляделся вокруг. Небольшая высокая комната. Стены, казалось, были сделаны из мерцающего светлого пластика, как аллеи и изгороди снаружи. В помещении было две двери, кроме той, через которую он вошел; эти двери находились по обе стороны от того, для чего Модьун теперь не мог подобрать луч-

шего слова, чем конторка портье. Двери были огромными — не менее десяти футов высотой — и богато украшены узором из золотых листьев. Помещение было ярко освещено. Модьун не пытался проанализировать метод, с помощью которого это сделано.

Удовлетворенный поверхностным осмотром, он медленно пошел вперед. Все воспринимающие рецепторы внутри него включились. Он чувствовал твердый пол под ногами и трение ткани брюк на ногах и бедрах. Рубашка царапала его грудь и руки. Теплый воздух пощипывал легкие — ему нравился избыток кислорода. От его тела исходило множество ощущений и каждое говорило: «все хорошо».

Вскоре он оказался у конторки и посмотрел на чистую страницу. Изучая ее, краем глаза он увидел, что ручка в вытянутой руке Нунули была лишь в нескольких дюймах от него.

Модьун замер. У него возникло две мысли. Обе выражали критическое отношение к происходящему. Первая мысль: «Эта обстановка создана для человека с Земли. Приемная, конторка, книга для записи гостей — все невероятно упрощено (и, без сомнения, создано впопыхах) как когда-то в конторе у людей. Он предположил, что знако-

мая сцена должна усыпить его бдительность. Очевидно, они ожидают, что он автоматически проделает все процедуры, связанные с такой обстановкой. Вторая мысль вытекала из первой. Он подумал:

«Если они уделили этому столько внимания, значит, теперь против него разрабатывается другой план?»

Все системы восприятия в его мозгу были готовы включиться. Но Модьун не хотел, чтобы его втянули на уровень, который был ниже уровня Зувга. Поэтому он покачал головой, как делали животные, желая сказать «нет».

— Я условился о встрече, — сказал он.

Нунули не стал возражать.

— Сюда.

Он показал на дверь слева от Модьуна.

Модьун не двигался. Слова Нунули вызвали у него не одно, а множество ощущений. Тон, то, как Нунули держался, когда говорил, легкие движения мускулов. И, самое главное, чувство (своего рода лицемерие), которое поступало к нему через «шум» в мозгу Нунули.

Еще один заговор? Что это может быть? Сначала чувство, что не нужно расписываться в книге для записи гостей, а теперь такое же чувство, что

не нужно входить в указанную комнату.

От Модьуна потребовалось определенное усилие, чтобы удержаться от желания из простого любопытства посмотреть, что же находится за левой дверью. Он подумал: «Позже я должен буду пройти через эту дверь и расписаться в книге для гостей».

Он должен знать, какая здесь есть связь.

Модьун сказал громко:

— Я могу сначала войти в ту комнату? — и показал на дверь справа.

— Конечно, — последовал вежливый ответ.

Звуки, чувства, вибрации — все говорило: «правильно».

Нунули подошел к двери, открыл ее и придержал. Когда Модьун шел к ней, он заметил, что сразу перед дверью небольшая ниша. Сама комната, очевидно, находилась дальше вправо. Он не видел комнату. Модьун подошел к порогу, не останавливаясь, перешагнул через него и вошел.

Два события произошли почти одновременно: дверь захлопнулась за ним с металлическим звуком, и лампы впереди погасли.

В неожиданно наступившей темноте, в сердце Зувгской цитадели он заколебался. Но только на секунду. Затем он прошел десять футов, по-

вернул влево и направился к стулу, присутствие которого ощущал с помощью комбинированного сознания. Он прошел четырнадцать шагов до него и сел.

Голос из темноты сказал:

— Итак, вы позволили заманить себя в ловушку.

Несколько мгновений после того, как были произнесены эти слова, внимание Модьуна занимал тот факт, что Зувгайт, как и Нунули в приемной, говорил на универсальном Земном языке.

Как они беспокоятся из-за одного человека.

Постепенно приходило понимание. И проявился зловещий смысл слов, неважно, на каком языке они были сказаны. Модьун продолжал доверять своему первоначальному ощущению, что он правильно сделал, войдя в эту комнату. Что касается слов, он обдумывал их и изучал окружающую обстановку.

В то же мгновение, когда Модьун вошел, он ощутил тепло в теле и присутствие в помещении другого живого существа. Только одно существо находилось примерно в дюжине футов перед стулом и немного слева. В комнате стоял легкий запах инопланетян. Модьун чувствовал, что существо, от которого исходит запах, стоит и

говорит с высоты по меньшей мере на один фут выше, чем рост Модьуна.

Стоял ли член комитета на возвышении? Проникающее сквозь темноту сознание Модьуна не могло сказать этого. Отсюда он сделал вывод, что Зувг — гигант ростом девять или девять с половиной футов.

Интересно!

Чувствуя теперь, что член комитета пристально смотрит на него из непроглядной тьмы, как будто он обладал каким-то особым зрением, Модьун обратил внимание на его слова.

«Стал ли я жертвой мгновенного убеждения, для которого Зувг использовал огромную силу?»

Как Модьун помнил, голос этого существа был не похож на другие, которые он слышал. И, конечно, существо говорило с поразительной прямотой. Он попал в ловушку!

Модьун закончил самоисследование. «Еще ничего плохого не случилось… Меня пока не трогают».

Когда Модьун так подумал, у него появилось другое чувство: досада. Встреча с членом комитета оказалась не такой, как он себе представлял: открытый диалог лицом к лицу. Освещение не изменялось, и темнота по-прежнему действовала

ослепляюще (Модьун должен был это признать). При таком противостоянии они начали не с начала, а на пике интенсивности.

Модьун сам провел небольшое исследование.

— К несчастью, я понимаю, — сказал он, — что ваши слова и манера поведения означают, что вы не собираетесь отказаться от захвата галактики.

Первый ответ Зувга заключался в том, что он подошел ближе и теперь стоял рядом в темноте и смотрел на человека, сидящего на стуле. Потом он сказал:

— Мы, кажется, неправильно понимаем друг друга. У нас нет планов захвата. Откуда у вас такая мысль?

Модьун откинулся на спинку стула, с опозданием вспомнив, что эти же слова говорил Нунули, хозяин корабля. Тогда он представил себе последствия того, что делали люди-слуги: суетливо захватывали планеты от имени Зувгов. На Земле люди исчезли. Ганию безжалостно атаковали.

Внезапно Модьун заговорил и, констатировав неумолимые факты, сделал вывод:

— У меня создалось впечатление, что вы применяли свои методы в различных вариантах к десяткам тысяч других планет.

— То, что мы делаем, — не захват, — сказал

Зувг. — Мы просто и решительно уничтожаем случайные эволюционные проявления неправильных форм жизни. Как только на планете устанавливается правильное направление эволюции, мы допускаем развитие на некоторое время, под руководством, но, в конечном счете, без дополнительного вмешательства. Никоим образом нельзя считать это захватом.

Изумленный Модьун открыл рот. И снова закрыл. В потоке слов, которые он услышал, было — объяснение.

«Господи, — подумал он, — всюду они нападают на самых приспособленных, которые пережили эволюционный отбор на своей планете».

Удивительная идея.

Даже когда человек изменял животных, такая идея не обсуждалась. И позже, когда человеческие существа, подстрекаемые Нунули, изменяли себя, они хотели только подчеркнуть черты, которые уже проявились в мутном потоке естественного отбора.

— По каким и чьим нормам проведен отбор подходящих расовых черт? — спросил Модьун.

— На каждой планете, — ответил Зувгайт, — мы выводим форму с самым большим естественным сроком жизни. Вы можете придумать лучшую

норму отбора, чем долговечность?

Голос умолк. Модьун вежливо ждал, когда существо выскажется подробнее. Когда прошло несколько секунд, то по спокойному дыханию собеседника он определил, что дополнительного объяснения не будет.

— Послушайте… — начал он неопределенно. Он замолчал, посидел еще несколько секунд, а потом спросил: — Вы долгоживущая раса, правда?

— Долгоживущая — это неправильное определение. Мы бессмертны. — Голос звучал гордо. — Это одно из двух наших самых важных качеств.

Модьун предположил, что вторым важным качеством была способность Зувгайта управлять разумом других существ. Но он решил не отвлекаться на это.

И он сказал:

— Короче говоря, вы выбрали в качестве критерия качество, которое ваша раса, очевидно, приобрела путем естественного отбора без изменения. Я сказал «очевидно», потому что хочу снова вернуться к этому вопросу.

Член комитета оставался спокойным.

— Мы совершенно объективны. Мы изучали всевозможные положительные черты сотен рас…

— И, наконец, решили, что ваши собственные — самые лучшие, — взорвался Модьун, — не спрашивая, как это случилось.

— Я повторяю, вы можете придумать лучшее качество, чем долгая жизнь? — был ли в его тоне намек на раздражение?

— Да, по человеческой системе оценок, — сказал Модьун. — Но философия человека: жить и давать жить другим. — Потом он внезапно поменял тему. — Видите ли, я думаю о чертах человека, а вы о чертах Зувга. Мы оба очень субъективны, не правда ли?

Последовал холодный ответ:

— Ваши слова говорят мне, что так, как вы находитесь здесь полностью под нашим контролем, дальнейшая беседа является только тратой времени.

Итак, с этим покончено.

Модьун очень тихо сидел на стуле, пытаясь разобраться в происходящем. И, насколько он мог определить, ничего не изменилось. И в эти минуты, которые становились итогом всего, в его нервной системе не было волнения. Значит, что бы они ни делали, он этого не чувствовал. И единое психическое пространство, и космос молчали… Все ближайшее пространство двигалось

в пределах атомной и молекулярной логики, не потревоженное вмешательством умов, и это наводило на мысль, что проблема внутри Модьуна, а не снаружи.

Когда Модьун с тревогой обдумывал такую возможность, ему пришло в голову, что настало время делать то, что он намеревался сделать. Правда, он не знал, с чего начать.

«Я пришел, чтобы побеседовать. Это я сделал. И беседа ни к чему не привела…»

Не зная точно, что предпринять, Модьун сказал для пробы:

— Биология — это предмет, который в результате того, что нас усовершенствовали Нунули, мы начали понимать лучше, чем кто-нибудь еще.

Из темноты послышался звук. Его издавало огромное существо, стоящее перед Модьуном. Никаких слов, только звук. Иронический смех?

Зувгайт заговорил спокойным тоном.

— В принципе, мы не должны сейчас ничего делать. Контроль над вами установлен очень давно. Вы должны знать, что никто ничего не может сделать против своего образа жизни. Индивидуум может даже понять природу битвы, которую должен вести — это своеобразный этап развития, до которого вы, кажется, дошли

— но вас навсегда связывает тот факт, что ваша кожа может быть пробита, сердце может остановиться, — группа клеток вашего мозга обладает специальными свойствами — только и всего. Например, несмотря на вашу систему восприятия, продолжительность жизни, которой вы достигли, менее чем две тысячи Земных лет. Даже этим вы обязаны Нунули, которые усовершенствовали человека.

— Правда, — признал человек. — Однако я собираюсь исследовать это для вас и…

Зувгайт прервал его.

— Чтобы показать вам, как уверенно мы себя чувствуем, мы предлагаем вам использовать вашу систему восприятия против нас. Вы увидите, что не сможете этого сделать.

— Вы просите то, что невозможно, — запротестовал Модьун. — Слово «против» для моего мозга не имеет смысла. Я не против вас.

— Точно, как запрограммировала вас раса наших слуг, — с удовлетворением сказал Зувгайт.

— Для меня было бы безмерно трудно умышленно напасть на кого бы то ни было,

— сказал человек.

— Вот именно, — радостно сказал член комитета. — Таков ваш характер. Как я сказал, вы

нерешительно боретесь с внешними обстоятельствами, но, в сущности, вы не сможете сделать ничего, кроме как идти по предложенному пути.

— Гмммм, — сказал Модьун. — Я вижу, мы не полностью понимаем друг друга.

Затем он повторил то, что однажды сказал Руузб к большому неудовольствию Дуулдна:

— Есть несколько способов содрать шкуру с кота.

— Я не понимаю этого, — сказал Зувгайт.

Модьун не ответил.

Дальше он не мог вспомнить. Он снова был в спасательной шлюпке и ничего не помнил.

— Это все, — сказал он раздраженно.

— Но с какого кота и каким способом ты собирался содрать шкуру? — спросил Руузб, лукаво взглянув на покрасневшего Дуулдна.

— Прости, что я использовал это сравнение, — сказал Модьун, который сидел за столом в столовой против человека-ягуара. — Мои извинения, Дуулдн.

— Ладно, — пробормотал большой человек-кот. — Я напуган, но не потерял голову. Так вот каков тот Зувгайт!

Иггдооз покачал головой, сердито посмотрел на Модьуна и сказал:

— Друзья, он не боится, но я уверен, что он просто не умеет драться.

— Я собирался начать учиться, — запротестовал Модьун.

— Тогда ты говоришь что-то не то. Ты сказал Зувгайту, что ничего не можешь сделать. А нам теперь говоришь, что можешь.

Все они с осуждением смотрели на Модьуна.

— Ну, где же правда? — спросил Неррл.

Руузб сказал:

— Мы всегда ценили тебя за честность. А теперь ты сказал ему пустые слова. Пойми меня правильно, — поспешно закончил человек-медведь. — Мы хотим победить этих сукиных детей.

— Я собирался напасть на них с помощью единого психического пространства, — объяснил Модьун, — и единственным честным способом, который открыт для меня. Послушайте…

Когда Модьун закончил объяснение, Дуулдн сказал решительно:

— И ты думаешь, это то, что ты должен был сделать?

— Да.

— Но в тот момент, когда ты сделал это, закончились твои воспоминания об этих событиях.

Модьун должен был согласиться, что, действи-

тельно, так и случилось.

— Думаю, они должны были предпринять контратаку.

Неррл вступил в разговор:

— Энергия единого психического пространства могла бы убить Зувгайтов?

Модьун был потрясен.

— Конечно, нет. Это было бы убийство.

Дуулдн вскинул руки.

— Послушайте его! — зарычал он.

С усилием он взял себя в руки и сказал:

— Ты можешь обнаружить другую энергию, подобную энергии единого психического пространства?

Модьун покачал головой.

— Наверное, такие существуют. Но я знаю только об одной. Вы должны помнить, что единое психическое пространство так же велико, как космос, только в нем нет времени.

— Ты говоришь, что использовал все, что знаешь? — настаивал человек-ягуар.

— Так я собирался сделать, — защищаясь согласился Модьун.

Лицо Дуулдна стало кирпично-красным, когда он отклонился на спинку стула.

— Я лучше не буду больше ничего говорить, —

пробормотал он. — Величайшая возможность в истории галактики, упущенная из-за мягкосердечия.

Модьун казался побежденным и закончил слабым голосом:

— Друзья, возьмите бразды правления в свои руки!

Руузб заговорил дипломатично:

— Хорошо, Модьун, почему ты не активизируешь свои системы восприятия? Мы могли бы также узнать, что случилось.

35

Модьун провел испытание. Он провел его на самом деле. Понимая, что у него не будет второй возможности, он провел эксперимент до конца. Как генерал, у которого появилась новая идея о том, как выиграть битву, он проверял ее не на предварительных маневрах, а в бою.

Очевидно, он не может атаковать тысячу могучих умов, соединенных с его мозгом линией односторонней связи, когда несколько гипнотизеров объединяются вместе, чтобы победить одного человека. Поэтому он действовал не прямо. Вместо этого Модьун использовал свою систему восприятия, чтобы узнать, нет ли в едином

психическом пространстве уже существующего источника энергии, включенного в соответствии с неизменными законами.

Так как процесс поиска был фактически мгновенным, Модьун не удивился, когда ночную тишину комнаты разорвал Зувг, заявив:

— Если верить нашим приборам, вы активизировали систему восприятия. Но еще ничего не случилось.

Зувг продолжал тем же раздраженным тоном:

— Мы все ощущаем незначительные физические воздействия на уровне единого психического пространства. Но все знают, что в едином психическом пространстве ничего не может начаться без предварительного планирования. Естественно, на это не требуется время, но оно требуется на переход в наш пространственный мир. А у вас нет столько времени.

Итак, они что-то почуяли. И Модьун смог, вдобавок, узнать, что его попытки неизбежно обнаружат.

Модьун сказал с намеком на прежнюю вежливость:

— То, что постепенно происходит, это, конечно, физиологический процесс. Пусть он ускорится, не нужно волноваться. Но нужно сказать, что, когда

произойдет изменение направления, сдвинутся химические связи. Это создаст особое…

Модьун замолчал, почувствовав внезапное напряжение в комнате. Из темноты зловеще зазвучал голос:

— Вы говорите, что вы физически управляете мной — нами — каким-то способом?

— Все, что я делаю, — вежливо признал Модьун, — это пытаюсь использовать энергию, которую вы первоначально заложили в единое психическое пространство; использовать ее в качестве носителя для активизации биологической перестройки. Это подействует на всех существ, связанных с вами. Теперь…

— Какую первоначальную энергию?

— Взрыв в едином психическом пространстве, посредством которого вы уничтожили людей за барьером, — сказал Модьун. — Откуда вы узнали о едином психическом пространстве?

— От расы, которая теперь вымерла, — неохотно сказал Зувгайт.

— Другое неправильное эволюционное развитие, я полагаю, — сказал Модьун. — Я собираюсь рассказать вам, что их знания о едином психическом пространстве были правильными. Поэтому я смог использовать реактивную энергию взрыва,

которая включает в себя все комбинации жизненных энергий, и вы должны будете со мной согласиться.

— И для чего используется эта энергия? — грубо прервало существо.

Модьун глубоко вздохнул.

— Теперь раса Зувга пойдет вперед по правильному эволюционному пути. В течение нескольких следующих тысячелетий продолжительность жизни каждого будет — я думаю — семьдесят-восемьдесят земных лет.

Когда Модьун говорил, он постепенно начал чувствовать, как растет эмоциональное напряжение существа, которое возвышается над ним в темной комнате. Вдруг…

Зувгайт сказал неестественным голосом:

— Это изменение направления в нас, которое вы включили… Один из моих коллег только что спросил, можно ли отменить эту настройку и восстановить первоначальное направление?

Модьун колебался. Его испугала скорость реакции. Он нанес им такое сильное поражение — и все же еще можно было мгновенно все исправить.

Он подумал, что контратака пришла с опозданием. Модьун уже использовал преимущество,

которое появилось у него только из-за их незнания. Теперь дело сделано, и больше ничего не оставалось. Осталась только его ловушка, которую они теперь осознали.

Естественно, он должен был честно ответить на их вопрос.

— Я, действительно, не думал об этом, но полагаю, что можно ответить «да». Но восстанавливать вас нужно по одному, и требуется много времени. Я должен сказать вам, что не намерен…

Снова ответ пришел сразу со скоростью, бьющей по мозгу; это показывало, насколько сильным был их шок.

— Мы — единственная бессмертная раса в космосе, — сказал Зувгайт, — а вы сделали нас смертными. Это несправедливо.

В известном смысле, это была правда. Вероятно, не следовало покушаться на что-то столь уникальное, как бессмертие.

«Но они покушались на многое, — доказывал себе Модьун. — Их доводы несущественны теперь».

Зувгайт настаивал:

— Нет ничего неприкосновенного в естественном отборе. На Земле вы, люди, вмешались в него,

когда изменяли животных…

Голос говорил что-то еще. Но пока это было все, что слышал Модьун. Он устал. Перестал видеть. Звуки превратились в бормотание в его мозгу. Дальним уголком мозга он следил за происходящим и с легким изумлением думал: «Мной управляют именно сейчас, этими словами. Возможно ли, что я собираюсь так сильно рисковать, требуя себе гарантий?»

Когда у него возникла эта тревожная мысль, он заметил, что беспокойство, кажется, уменьшается. Не было ничего, кроме головокружения, ничего смертоносного. Ему пришло в голову, что оскорбления, и плохое обращение, и заговоры этих существ нарушили чистоту его реакции. «Я прошел долгий путь, — подумал он, — вероятно, большую его часть в неправильном направлении». Но при данных обстоятельствах он не грустил.

К тому времени, как Модьун начал это понимать, он настолько оправился, что снова стал воспринимать голос члена комитета.

— … Мой коллега, — говорил Зувгайт, — предлагает, чтобы мы вернули вам женщину в обмен на наше восстановление. Как он объясняет, эта женщина нужна вам для выживания вашего соб-

ственного рода. Она без сознания и в опасности. Поэтому он считает, что у вас нет выбора.

Модьун был ошеломлен безупречностью их логики. Они допустили роковую ошибку. А потом это же сделали люди. Зувгайты уже выигрывали. Не было полной уверенности, что человек…

«Они добрались до меня, — думал он. — Я не могу использовать свое восприятие, чтобы получить информацию, потому что они могут подменить ее. Но теперь они не осмелятся действительно сделать что-то против меня, пока я единственный, кто может им помочь…»

Полное равновесие сил между человеком и его самым опасным противником. В этом положении была какая-то зловещая красота.

Конечно, проблемы еще оставались.

— Я хочу восстановить вас. Но не знаю, как это можно сделать. Видите ли, — он протянул руки, как часто делал Неррл, — когда я верну хотя бы одного члена комитета в его прежнее состояние, он будет свободен. После этого его не будет связывать никакой договор о защите Судлил. — Он замолчал. — Я признаю, что она в вашей власти. Она позволила заманить себя в ловушку. Я представляю, что она с ее философией, не признающей насилия, и пассивной женской позицией

была чрезвычайно доверчивой.

— Точно, — нетерпеливо прервал Зувг. — Мы смогли привести ее тело в бессознательное состояние, но, конечно, не хотели непосредственно воздействовать на систему восприятия. Но теперь есть причина для того, чтобы вы быстро принимали решение. Мы одобряем вашу настойчивость и решили не терять времени и согласились, что человек с вашей… гмм… безупречной философией, какой бы она ни была неправильной, сдержит данное обещание. Поэтому, если вы пообещаете восстановить наше первоначальное состояние в течение следующей недели или даже раньше, мы точно скажем, где находится Судлил.

«Итак, мною управляют». Это казалось единственным правдоподобным объяснением.

Ему было все равно. Он чувствовал, что может свободно принимать решение.

«… Я могу пообещать, а потом нарушить обещание…» Такое чувство было у него внутри.

А они действовали так, как будто он не мог не сдержать слова.

Зувгайт сказал настойчиво:

— Решайте. Это необходимо для безопасности женщины.

Во всяком случае, решение больше не было

проблемой. Модьун просто сказал:

— Очень хорошо, я обещаю. Где она?

— Она в комнате, куда можно пройти через левую дверь в приемной, — выпалил собеседник. — Мы сделали так, что, если бы вы вошли, вы бы увидели ее. В момент умственного погружения в ее состояние мы все напали бы на вас.

Глаза Модьуна расширились.

— Гммм, — сказал он, — интересно, сработало бы это?

Пока он обдумывал, у него появилась другая мысль.

— Тысяча… — проговорил он. — Как вы, Зувгайты, уменьшили свое количество до такого числа?

— Мы одна семья, — объяснил член комитета. Казалось, он думал о другом. — Очевидно, там, где много семей, одна должна, в конце концов, уничтожить другие. Это случилось очень давно…

36

Модьун встал в спасательной шлюпке.

— Когда пришли животные-солдаты, Нунули и Зувг убежали по коридору, ведущему внутрь горы. А я поспешно вышел из приемной и стал караулить перед левой дверью. Несколько солдат

хотели выбить дверь, но я только приказал им уходить.

Он стал задумчивым.

— Это была, на самом деле, очень мирная компания. Но я могу себе представить, какими дикими они казались членам комитета, которые никогда никого не пускали за свой барьер и не имели защиты против большого количества врагов. Какова бы ни была проблема, она должна была решиться, когда я дал указание людям-животным. Они были голодны, как никогда раньше не были в условиях изнеженной жизни на Земле. Они выстроились внизу, как хорошо воспитанные граждане. Как только я это увидел, я позвал вас, друзья, и вы пришли с носилками для Судлил.

Руузб сказал торжествующе:

— Я хочу отметить, что на этот раз ты вспомнил все до конца. Значит, они не повредили тебе своим гипнозом.

— Я заметил, — сказал Модьун.

Он пошел к пульту управления и, понимая, что все наблюдают за ним, нажал кнопку, которая открыла шлюз.

— Я лучше пойду, — сказал он.

Модьун направился к двойной двери, остано-

вился у входа и сказал:

— Я вернусь завтра утром. Поэтому просто подождите меня, хорошо?

Говоря это, он шагнул наружу и стал взбираться по склону, по тропинке, которая должна была скоро привести его к саду и зданию Зувгайта в полумиле отсюда. Он прошел около двухсот футов, когда увидел, что четверо людей-животных появились из спасательной шлюпки и бегут к нему. Модьун продолжал свой путь, потому что они не окликали его, но он не был удивлен, когда они зашагали рядом, тяжело дыша.

— Куда ты идешь? — спросил Неррл, задыхаясь.

Модьун остановился. Он сказал о своем обещании Зувгайтам.

— Вы же знаете, куда я собираюсь идти и что делать.

Он собирался продолжить свой путь, когда увидел на лице Дуулдна странное выражение.

Человек-ягуар сказал подавленным тоном:

— Хочешь, чтоб тебя снова одурачили?

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спросил Модьун.

— Ты же не собираешься выполнить такое обещание, данное самым большим сукиным детям,

которые когда-либо жили?

— Обещание есть обещание, — сказал Модьун. Затем он сказал возбужденно:

— Эй!

Они схватили его.

— Ты никуда не пойдешь, — зарычал Руузб.

Они потащили его назад к спасательной шлюпке, прежде чем Модьун ясно понял их намерение.

— Смотрите, друзья, — предупредил он тогда, — я должен буду использовать против вас свой метод воздействия, если вы не остановитесь.

— Хорошо, — вызывающе сказал Дуулдн. — Если ты сможешь сделать это против нас, своих единственных друзей, тогда приступай.

— Но мое обещание, — неуверенно начал Модьун.

Дуулдн прервал его.

— Помнишь, ты когда-то спросил меня, что я делал до этой экспедиции? А я не хотел говорить.

Модьун помнил. Но это казалось не относящимся к делу.

— Ну? — спросил он.

— Хорошо, — сказал Дуулдн. — Я был охранником в госпитале для душевнобольных.

Больше он ничего не говорил.

Четверо людей-животных продолжали крепко держать Модьуна. Они вели его, подталкивали его сопротивляющееся тело, не обращая внимания на его протесты, подзадоривая его, чтобы он подавил их своей системой воздействия — и это было единственное, что он не мог заставить себя сделать. Они подвели его прямо к стулу у пульта управления и посадили; и держали его там, пока он неохотно манипулировал приборами. И, наконец, они полетели назад к большому кораблю, который ждал их на орбите на высоте свыше 23 000 миль.

Когда Модьун сделал это, он почувствовал возбуждение в системе восприятия… Сверхбыстрая часть его мозга определила чувство возбуждения как сравнительно безобидное.

«У меня разыгрывается воображение… Они в отчаянии, потому что видят, как я улетаю. Может, мне включить другую систему, которая будет реагировать, если мне будут как-то угрожать? Но посмотрим, что будет дальше».

Да.

Сразу начались галлюцинации: он снова был в приемной здания Зувгайта. В его правой руке была ручка и он склонился над книгой для записи посетителей. Как-то он понял значение

происходившего. Восприятие его мозга, которому мешали, было сигналом, что все идет правильно.

Хорошо.

В воображении он, действительно, поставил подпись и даже начал выпрямляться, когда…

Модьун проснулся в темноте, вспомнил, что сказал Дуулдн, и понял: «Черт возьми! Мои друзья-животные обращаются со мной, как с ненормальным».

Его волновало то, что он видел, и во сне все шло правильно.

«Я был запрограммирован. Я результат расового усовершенствования». И до недавнего времени он никогда не использовал свой интеллект, чтобы перейти эти границы. Если это не сумасшествие, то что же?

Модьун лежал в полной темноте; но теперь, когда его глаза привыкли, он увидел, что он в своей каюте на борту большого земного корабля. Смутно он мог разглядеть фигуры двух существ, которые сидели на стульях рядом с кроватью. Через некоторое время он смог даже узнать, что эти двое были Руузб и Дуулдн. «Они охраняют меня». У него появилось теплое грустное чувство. Грустное потому, что он подозревал, что они чувствовали бы себя плохо, если бы последний

мужчина и женщина сделали то, что должны были сделать: ушли из жизни.

Он подозревал, что эта мысль была внушена ему, когда Нунули много лет назад программировали человека. Но он понимал, что источник правдивой информации не имеет значения.

Внутри каждого мужчины есть тайная, ускользающая, упрямая бессмысленная умственно-эмоциональная жилка, которая делает его самым отвратительным созданием в галактике.

В давние времена, при малейшем удобном случае он полностью использовал преимущества любой случайности, чтобы подняться за счет других человеческих существ. Никакая политическая система не могла сдержать его. И не было предела его алчности.

Зувгайты правы. Человеческая раса должна исчезнуть.

С опозданием Модьуну пришло в голову, что инопланетяне, вероятно, внушили ему эту цель во время того головокружения, которое он испытал. Возникшее у него чувство, что все закончилось, было ошибочным. Внушенная иллюзия.

«Это была настоящая битва. Они победили, потом я победил. Теперь они нанесли сокрушительный удар, отомстив».

Обе расы никуда не годятся. Но, конечно, то, что делают с собой Зувгайты, его не касается. Поэтому он должен отменить то, что сделал с ними. Очевидно.

Из темноты раздался голос Руузба:

— Дуулдн, мне кажется, что наш друг проснулся.

— Уфф! — Человек-ягуар несколько минут выглядел смущенным. Потом он неуклюже поднялся на ноги.

Он собирается включить свет… Модьун непроизвольно напрягся. Когда зажегся свет, он моргнул и зажмурился.

— Да, правильно, он проснулся, — сказал Дуулдн. Оба человека-животных подошли к кровати и склонились над ним.

Руузб сказал мрачно:

— Мы воспринимали твои мысли. Судлил показала, как держать связь с твоим разумом, прежде чем уйти на танцы. Пропащая твоя душа!

— Почему пропащая? — Модьун говорил автоматически. — Какие танцы?

Человек-медведь не обратил внимания на его вопросы:

— Судлил сказала, что ты сам справишься с их гипнозом. Для нее сделать это означало бы

посягнуть на твои тайны.

— Правильно, — согласился Модьун. Он думал. — А что вы скажете насчет того, что она соединила вас со мной, умники? Это тоже посягательство.

— Она считает, что это наше дело, — объяснил Дуулдн с удовлетворением. — И у нас нет угрызений совести. Согласен, Руузб?

— Согласен, — возбужденно ответил человек-медведь.

— Слушай, друг, — сказал Дуулдн, — ты должен принять решение. Либо убить нас

— так установила Судлил, по нашей просьбе, — либо дать нам указание убрать последствия гипноза Зувгайта из твоей нервной системы. Готовься сражаться за свою жизнь.

Модьун сел на кровати и быстро оглядел полные решимости лица. Взволнованный тем, что он увидел, он сказал:

— Я должен буду активизировать свое восприятие, направив его против вас.

— Это убьет нас тем способом, который установила Судлил, — сказал Руузб.

Он немедленно ударил Модьуна большим кулаком в грудь. Удар оказался таким сильным, что у человека перехватило дыхание.

— Ради Бога, — с трудом произнес он. Он не мог закончить. В это мгновение Дуулдн нанес ему страшный удар в голову.

— Активизируй восприятие, чтобы избавиться от гипноза! — зарычал человек-ягуар.

— Послушайте, — пронзительно закричал Модьун, — это нечестно.

Кулак Руузба попал ему прямо в челюсть, и человек издал странный звук.

— Это несправедливо, — пробормотал Модьун.

— Их бессмертие, — Дуулдн остановился, чтобы нанести предательский удар в желудок. — Активизируй восприятие!

Модьун начал защищаться. Позже он был удивлен, обнаружив, что стоит на коленях у двери, а Руузб душит его и кричит:

— Активизируй восприятие, ублюдок!

Наконец, Модьун подумал несколько неопределенно, что внушение, действительно, может принимать разные формы. Такой метод очень убедительный.

Примерно через минуту после этого он лежал на полу, Дуулдн сидел верхом на его ногах, а Руузб коленями прижимал его бицепсы. Кулак человека-медведя был поднят и, казалось, что он намерен нанести сокрушительный удар в лицо

Модьуна.

Это было слишком. Человек съежился.

— Не бейте меня! — сказал он. — Я сделаю все.

В уголке его мозга возникло удивление. Он думал о том, что Зувгайты, действительно, никогда не рассчитывали, что кого-то будет заботить, что случится с людьми.

Кулак, занесенный над ним, ослабел.

— Хорошо, активизируй восприятие.

Модьун сделал это, а потом вздохнул:

— Это все равно неправильно, но дело сделано.

Они подняли его на ноги. Обнимали его. Руузб чуть не плакал. Он обнял Модьуна.

— Парень, это самое трудное, что я когда-либо делал. Но теперь, — он остановился, — ты должен сделать еще одну вещь. Четыре миллиарда людей решили, что жизнь не стоит того, чтобы жить, так?

Модьун ждал. Он чувствовал, что ответ не нужен. И, действительно, человек-медведь продолжал:

— Поэтому ты, наверное, так думал, уходя в себя, и помогая гипнозу Зувгайта. Так?

Это была правда.

— Поэтому должны были действовать твои друзья, чтобы убедиться, что ничего не случит-

ся, — сказал человек-медведь. — Теперь, слушай. Ты хочешь, чтобы эта женщина забеременела в следующие несколько недель, а мы останемся здесь, чтобы видеть, что все сделано; или мы побьем тебя сильнее, чем в этот раз?

— Ннуу… — сказал Модьун с сомнением. — Я думаю, так будет правильно. Кроме того, она моя жена.

Модьун смеялся и плясал. Все люди-животные вокруг него весело плясали. Он был самый свободный из них. Всегда его двигательные центры имели сознательные ограничения, а теперь на некоторое время они исчезли. Ритмичная музыка звучала в его ушах и побуждала тело к движению. Результатом был быстрый, но удивительно изящный танец.

Он умело двигался в толпе пока, наконец, еще раз закружившись, он не оказался лицом к лицу с женщиной и схватил ее в тот самый момент, когда она, также засмеявшись, повернулась к нему.

Она была счастлива и смеялась, когда он обнял ее, и отдалась танцу.

И тут впервые за все время она посмотрела ему в лицо.

37

Еще раз мысль — или, скорее, новый ее вариант промелькнул в мозгу Модьуна: «Все это очень убедительно».

Он заметил эту мысль, когда она промелькнула.

В это мгновение он с ужасом понял: все это недостаточно убедительно. На женском лице появилась нерешительность. Они продолжали танец. Иллюзия — как сейчас воспринимал это Модьун — удерживала его.

Хотя он больше не верил в нее. Он с любопытством ждал правильного восприятия. И он не был особенно удивлен, когда следующее проявление его «я» было не реальностью, а другой галлюцинацией: из всех людей Банлт, человек-крыса, и он вдруг оказались стоящими лицом к лицу. И Банлт заговорил с ним неуверенно:

— Моя… философия? Какая философия?

Они стояли вдвоем, высокий могучий человек и высокий более худой человек-крыса… стояли там в сверкающем мраморном вестибюле здания суда на Земле, когда Модьун объяснял, что философия — это причина действий. Поэтому…

— Какая была у вас причина украсть тот авто-

мобиль?

— Я говорил вам, я представил, что получил столько же прав…

Банлт замолчал, беспомощно глядя, протянул руки и ждал.

— Тогда вы на самом деле говорите, что в этом мире, созданном людьми, люди-гиены могут взять на себя законное управление планетой, а остальные люди втягиваются в раздоры из-за незначительных нарушений равенства, которые они замечают рядом?

Человек-крыса моргал.

— Эй, — сказал он. — Разве я это сказал?

Он казался удивленным.

Когда Банлт закончил, его изображение и вестибюль суда побледнели, как сцена в фильме.

Но, хотя Модьун был во власти галлюцинации, его ноги твердо держали его тело. Он терпеливо переносил это состояние, убежденный, что его мозг все еще стремится окончательно проснуться, очевидно, преодолевая сопротивление. Короткий диалог между Банлтом и Модьуном, которого никогда не было в реальной жизни, был еще одной попыткой со стороны Зувгайтов ослабить человека. Они еще раз показали ему, что человек и его разумные животные — неисправимо испор-

ченные и нелогичные существа.

«Действительно, — подумал Модьун, — положение человека было значительно хуже, чем продемонстрировал Банлт. За обычным сопротивлением по поводу чьих-либо льгот таится эгоцентричное безумие».

Импульс затаившейся перед прыжком пантеры. Если в этом запрограммированном сопротивлении промывке мозгов на мгновение выдавалась пауза, как это иногда случалось, если вдруг на мгновение ждущий безумец видел путь, он устремлялся по этому пути. Что бы ни вело его — желание царствовать, деньги, имущество, власть, какими бы путями — с помощью убийства, пыток или арестов всех противников без сострадания — он должен получить это.

А женщина желала быть именно здесь, рядом с божеством как бездумная принцесса, никогда не спрашивающая, как человек достиг такого положения, требующая только, чтобы он был на вершине… и делал все, что нужно, чтобы оставаться там.

Те мужчины и женщины, которые не сделали этого, ждали, расстроенные и нетерпеливые, своей возможности.

Зувгайты правы. Человеческая раса недостойна

того, чтобы существовать…

Модьун не удивился, что это, казалось, не волновало его. Он начинал постепенно осознавать изменения в самом себе.

Вся эта борьба… Такая длительная. Враги были безжалостны и полны решимости; поэтому своим воздействием они навязали ему новую программу действий, начиная с автоматической активизации защиты его тела против тех первых людей-гиен… через грандиозную битву (которую он считал грандиозной) с черной дырой и теперь, наконец, путем беспощадного нападения на него, как на личность…

«Тупые идиоты, — думал Модьун, — они превратили меня в воина так, что я не заметил».

Когда он так подумал, его сознание… прояснилось.

Он увидел, что стоит перед прозрачной дверью здания Зувга. Вокруг была тишина.

«Конечно, — подумал он, — что же еще?»

Он только что прибыл.

Зувгайты предприняли коллективную попытку контроля над его разумом в первые мгновения его прихода сюда. И все эти ужасные секунды его мозг и его способности, так прекрасно усовершенствованные Нунули, вели молчаливую битву

за выживание на уровне подсознания, где, увы, действительно, действует человек.

Бесконечность сокрытых глубинных сил человеческого разума, которые привели людской род на край пропасти, с никогда ничего не спрашивающей и со всем соглашающейся глупостью мгновенных настроений, которые привели к точке, где один мужчина и одна женщина теперь стояли одни перед лицом вечности…

Еще раз Модьун оглядел горный пейзаж, а потом снова посмотрел на двери и заглянул внутрь себя. У него не было сомнений. Он чувствовал, что все это реально. «На этот раз я здесь».

Оставалось только его решение о его будущем.

Не спеша, Модьун открыл дверь и вошел в приемную. Хозяин Нунули, который ждал за конторкой в двадцати футах, протянул ручку и показал на книгу для записи гостей.

Модьун взял ручку и наклонился, и твердо, без колебаний расписался. Он написал:

«Модьун, человек с Земли, находится здесь, чтобы обсудить условия постоянного мира, которые победитель в битве диктует побежденному врагу…»

Только когда он написал эти слова, он заметил, что они, по существу, были полным отрицани-

ем его жизненной философии. «Ну, — подумал он, — твои внутренние чувства изменились. Ты, на самом деле, стал другим».

То, что он чувствовал, свидетельствовало о том, что любая раса делает все, что нужно для того, чтобы выжить. В таких рамках несогласные личности могли ожидать, что рост и изменение, возможно, уничтожат неприятные черты, возникающие в результате эволюционного приспособления расы к окружающей среде. Но человеческий род никогда не согласится с таким качественным ограничением.

Раса принимала жизнь.

Да, это было другое чувство. Да, да, да, да.

После минутного размышления Модьун еще раз взял ручку и к тем словам, которые написал, добавил: «чтобы жить и, на самом деле, давать жить другим».

Он подчеркнул ключевую мысль: «на самом деле».

Потом Модьун выпрямился в полный рост, понимая при этом, что испытывает чувство, которого не знал никогда раньше, своеобразное ликование, потому что процесс письма не повлек за собой никаких последствий.

— Какая дверь? — спросил Модьун, и его голос

громко прозвучал в тишине приемной.

Последовала длинная пауза. Странное, напряженное, испуганное выражение появилось на гладком сером лице Нунули. «Он получает инструкции», — подумал Модьун.

Медленно, с неохотой Нунули поднял руку и указал на дверь справа.

Ликуя, как победитель, Модьун вошел в комнату за дверью.

Альфред Ван Вогт
Вечный дом / The House that Stood Still
[= А дом стоит себе спокойно...; Обитель вечности]

Пролог

Погруженное в бездну мрака сознание смутно отреагировало на чей-то мужской голос:

— А я ведь, доктор, уже слышал о подобного рода ранах, но видеть их до сих пор не приходилось.

Мелькнула мысль: значит, впившаяся в него на той улочке пуля только ранила, и он жив. Все ещё жив! Но взметнувшееся было ликование исчезло, как туман, и снова — штопором в глубокий сон. Когда вынырнул из него вторично, говорила уже женщина:

— Это Таннехилл… Артур Таннехилл из Альмиранте, что в Калифорнии.

— Точно?

— Еще бы! Я же секретарша его дяди. И узнала бы племянника, где угодно.

Впервые подумалось: у него есть имя, место рождения. Внезапно он ощутил, что его обхватили и приподняли.

— Отлично, — прошептал кто-то. — Выталкивайте его в окно.

Стало болтать из стороны в сторону. Хохотнули, а женщина проронила:

— Если космолет не придет вовремя, я…

Затем возникло неясное впечатление, что его куда-то мчало с глухим ворчанием. Но тут же внимание целиком переключилось на мужчину.

— Разумеется, на похоронах будет полно народу. Крайне важно, чтобы он выглядел, как настоящий покойник…

Все его существо бурно противилось самой идее, что ему отведена роль заштатной пешки в каком-то диком кошмаре. Но тело словно парализовало, и он не смог даже шелохнуться, услышав — это было чуть позже, хотя и неясно когда именно, — торжественные и величавые звуки погребальной музыки. Особенно жуткое чувство возникло в момент завинчивания крышки над ним. А также, когда раздался тупой звук стукнувшегося о дно могилы гроба. Разум изнемогал от навалившейся со всех сторон тьмы, но он отчаянно сопротивлялся ей, одновременно понимая, что находится в непробудном сне.

Он все ещё лежал в гробу, когда в лицо пахнула свежая струя воздуха. Таннехилл пошевелил рукой. Сверху и сбоку — обито сатином. Но все приятнее холодило ноздри. Его сковал ужас. Послышался шум. Явно копали. Кто-то вскрывал могилу. Наконец мужской голос произнес:

— Превосходно… Быстро вытаскивайте гроб. Космолет уже здесь.

И опять он сорвался в беспамятство. А очнулся уже на больничной койке.

1

До Рождества оставалось три дня, и Стивенс засиделся в тот вечер на работе допоздна, разгребая текучку в надежде встретить праздники с легкой душой.

Позднее пришлось признать, что это обстоятельство оказалось одним из самых решающих в его жизненной судьбе.

Незадолго до полуночи, когда он уже расставлял по своим местам понадобившиеся ему книги по юриспруденции, раздался телефонный звонок. Машинально взяв трубку, он произнес:

— Эллисон Стивенс слушает.

— Это из телеграфной службы Вестерн Юнион, — отозвался женский голос. — На ваше имя, мистер, поступила телеграмма. От Уолтера Пили из Лос-Анджелеса.

Пили был таким же адвокатом, как и он, но занимал более высокое положение, являясь управляющим всем состоянием семейства Таннехиллов. Именно он назначил Стивенса на его нынешнее место, поручив вести такого же рода дела, но в локальном масштабе — в городе Альмиранте. «Что стряслось?» — подумалось ему.

— Зачитайте, пожалуйста, текст.

Девушка на том конце провода четко, с расстановкой изложила содержание:

«Артур Таннехилл находится или вот-вот прибудет в Альмиранте. Будьте готовы к встрече, но не беспокойте его по пустякам. Советую представиться ему после праздников. Мистера Таннехилла только что выписали из клиники, где он находился длительное время, проходя курс лечения после случайного огнестрельного ранения. Похоже, ему сейчас не до болтовни. Таннехилл намерен какое-то время провести в Альмиранте. Он сам мне заявил, что хотел бы „разобраться в одной истории“. Окажите всяческое содействие, если он обратится за помощью, но решение о своих конкретных шагах в этом случае принимайте самостоятельно. Ему чуть за тридцать, то есть он вам ровесник, что может облегчить вашу задачу. Не забывайте, однако, что его резиденция в Альмиранте, известная как „Большой Дом“, не входит в круг ваших обязанностей локального управляющего.

Заняться ею можете только после категорического на этот счет требования самого Таннехилла. Сообщается для сведения. Удачи».

Положив трубку, Стивенс задвинул ящик письменного стола и бросил взгляд в панорамное окно. Снаружи мерцало всего несколько огоньков. Правда, основная часть города с этой стороны кабинета не просматривалась. Ни единого проблеска в вязкой черноте небес, ничто не указывало на то, что в каких-то сотнях метров раскинулся могучий океан.

Молодого администратора смутила эта телеграмма. У него сложилось впечатление, что и сам Пили был озабочен и растерян. В любом случае его советы были на руку. Если наследник имущества Таннехиллов окажется человеком с причудами, придется держать ухо востро. Стивенс вовсе не собирался терять своего места. «Позвоню-ка ему завтра, — решил он, — скажу только, что я полностью в его распоряжении. Если не придусь ему по душе, то задержусь в этом городишке ненадолго…»

Он покинул кабинет, заперев его на ключ. Но едва успел сделать несколько шагов по коридору,

как услышал пронзительный женский крик, буквально вопль, раздавшийся где-то в чреве огромного здания.

Остановившись, он прислушался. Но если днем все вокруг кипело и бурлило, то в этот поздний час, наоборот, было пустынно и почти безмолвно. «В качестве управляющего, — подумал он, — я обязан выяснить, что тут происходит…»

Он решительно, крупно и быстро вышагивая, подошел к лифту и нажал на кнопку вызова. Несколько секунд спустя его радостно приветствовал Дженкинс, ночной лифтер.

— Хэлло, мистер Стивенс, поздненько вы что-то сегодня… Я…

Адвокат прервал его:

— Билл, кто там торчит ещё наверху?

— Кто?.. Как… В 322 засели эти индейцы… Поклонники уже не знаю какого там культа… Они… А что, собственно говоря, случилось?

Стивенс нехотя пояснил. Он уже сожалел о своей слишком импульсивной реакции. Индейцы — члены какой-то там экстравагантной секты! Припомнилось, что согласно журналам занятости здания, 322 офис занимала мексиканская фирма.

— В сущности, — продолжал Дженкинс, — это

не совсем индейцы. Кроме двоих, у всех остальных довольно белая кожа. Но Мэдж, уборщица, как-то рассказывала мне, что у них там все забито каменными статуэтками ещё доколумбовых времен.

У Стивенса сразу же всплыло в памяти где-то прочитанное упоминание о том, что состояние Таннехиллов частично складывалось из доходов от торговли предметами искусства, относившимися как раз к этой давней эпохе. Тотчас же вся ситуация предстала в неприглядном свете: арендаторы 322, должно быть, являлись довольно убогими людьми с дурными нравами.

Это объяснило тот странный вопль, который он только что слышал. Во всех городах побережья расплодились самые разнообразные секты, исповедовавшие множество культов, и их члены во время религиозных церемоний истошно завывали, жалобно стонали, противно хрюкали, визжали и рычали.

— Думаю, — начал Стивенс, — что лучше будет…

Но закончить мысль ему не удалось. Раздался второй крик, на сей раз несколько приглушенный, но, несомненно, исторгнутый невыносимой болью. Дженкинс побледнел.

— Я быстро смотаюсь за полицией, — выдохнул он.

Лифт стремительно ухнул вниз. Снова Стивенс остался в одиночестве. Но теперь он знал, куда направить стопы.

Администратор пошел к 322 офису. Делал он это с чувством внутреннего отвращения, как человек, который предпочитал бы не вмешиваться в дело, грозящее замутить приятную обыденность его жизни.

На двери висела табличка: «Мексиканская импортная компания». Сквозь матовое стекло входной двери просачивался слабый свет. Внутри мелькали силуэты людей. Их число вынуждало проявлять осторожность. Стивенс прислушался и уловил отдельные обрывки фраз: «Не может быть и речи о какой-то сепаратной акции… Вы либо с нами, либо против нас… Как во внутренней, так и во внешней власти, группа действует единым фронтом…» — В офисе одобрительно загудели, заглушив конец сказанного. Затем последовало резкое: «Решайтесь!»

Отозвался донельзя измученный женский голос: «Нам необходимо остаться, даже если разразится атомная война, и вам придется меня убить, прежде чем…»

Что-то хлестко щелкнуло, и женщина застонала. Мужчина выругался, но Стивенсу не удалось разобрать, что он пробормотал вслед за этим. Молодой адвокат постучал кулаком в дверь. От группы отделилась тень и приблизилась. В замочной скважине повернулся ключ. На пороге стоял низкорослый мужчина с желтоватого цвета лицом и огромным носом. Он смерил Стивенса взглядом:

— Вы опоздали.

Но, тут же поняв, что ошибся, заметно встревожился и попытался захлопнуть дверь. Стивенс, успев просунуть в образовавшуюся щель ногу, резко толкнул. Высокий, крепкого телосложения, он без труда пересилил противника.

Войдя в комнату, возвестил:

— Я управляющий этим зданием. Что здесь происходит?

Вопрос был лишен смысла. Ибо он все понял с первого взгляда. Перед ним в разных позах застыли девять мужчин и четыре женщины. Одна из них великолепная, потрясающе красивая блондинка — была обнажена по пояс. Она сидела верхом на стуле, её запястья и лодыжки были прихвачены к нему тонкой бечевкой. На загорелой спине явственно проступали кровавые

рубцы от ударов. У ног валялся кнут.

Боковым зрением Стивенс уловил, что длинноносый вытаскивает из кармана какой-то предмет торпедообразной формы. Адвокат даже не счел нужным выяснять, что это такое. Просто шагнул и тыльной стороной ладони врезал коротышке по руке. Оружие, если это было оно, взметнулось в воздух, сверкнув словно кусочек хрусталя. При падении раздался мелодичный звон, и оно закатилось под письменный стол.

Пострадавший грубо выматерился и молниеносно выхватил нож. Но пустить его в ход не успел, остановленный сухим окриком одного из присутствовавших:

— Не дурите, Тесла!

Затем он развернулся к остальным:

— Развяжите её. Пусть одевается…

Стивенс, скорее заинтригованный, чем обеспокоенный, отступил на шаг, заявив:

— Из комнаты не выходить. Полиция прибудет с минуты на минуту.

Тот, кто только что столь авторитетно распоряжался, задумчиво уставился на него:

— Значит, это вы — управляющий зданием… Эллисон Стивенс… Бывший капитан ВМС… Получил пост администратора два года тому назад…

Высшее юридическое образование… Все выглядит весьма невинно… Но меня интересует одна деталь: почему вы оказались здесь, в столь неурочный час?

После этой реплики он отвернулся от Стивенса, как если бы и не надеялся получить ответ. Остальные, похоже, также перестали обращать на него внимание. Они развязали пленницу, о чем-то тихо переговариваясь в углу близ каменной статуэтки. Тесла, единственный из присутствовавших, чье имя было названо, возился на коленях под письменным столом в поисках продолговатой формы предмета. Потом кто-то бросил:

— Уходим.

Стивенс и не подумал их удерживать. Он слышал, как уже в коридоре, один из незнакомцев предложил спуститься по служебной лестнице. Через минуту в помещении остались только адвокат и молодая блондинка. Та, с белым, как мел лицом, никак не могла управиться с лифом. Пошатываясь, она кое-как добрела до сброшенного у письменного стола на пол мехового манто.

— Осторожнее, не упадите, — участливо обратился к ней Стивенс.

— Не лезьте в чужие дела! — отрубила она.

Блондинка, натянув шубку, двинулась к вы-

ходу. Но, услышав шум поднимавшегося лифта, остановилась, подавив усмешку:

— Наверное, полагалось бы вас поблагодарить, — хмуро выдавила она, хотя в зеленых глазах не мелькнуло ни малейшей искорки признательности.

Тем временем в коридоре уже отчетливо слышались шаги. Появился полицейский в сопровождении Дженкинса.

Тот не преминул осведомиться:

— Все обошлось благополучно для вас, мистер Стивенс?

Полицейский тоже потребовал объяснений.

— Возможно, это сделает сия дама? — уклонился Стивенс.

Но очаровательная блондинка лишь отрицательно покачала головой.

— Не понимаю, с какой это стати вызвали полицию. Кто-то, должно быть, ошибся.

Стивенс, удивленный, нахмурил брови:

— Ничего себе, ошибся! — негодующе воскликнул он.

Она вскинула на него зеленые, подобно бездонным озерам глаза, светившиеся невинностью младенца.

— Знать не знаю, о чем это вы могли подумать…

Просто у нас тут проходила небольшая церемония. А этот человек, — добавила она, обращаясь уже к полицейскому, — постучал в дверь…

— Церемония? — удивленно протянул блюститель порядка, оглядывая украшавшие комнату статуэтки. — Ага, кажется, мне все ясно…

Стивенс желал теперь только одно: поскорее покончить с этим делом. Тем не менее, он счел своим долгом заявить, что отчетливо слышал, как кого-то стегали хлыстом.

— Так ли это мисс? — сурово спросил полицейский.

— Произошла все же ошибка. То была всего-навсего обрядовая сцена. — Блондинка недоуменно пожала плечами. — А мистер Стивенс вполне мог принять это за что-то иное.

Стало ясно, что это — тупик. Посему полицейский, закругляясь, на всякий случай спросил, не желает ли управляющий подать жалобу. Но какой в том был смысл, если жертва упорно отказывается выступать свидетелем?

— Могу ли я удалиться? — поинтересовалась женщина.

И не дожидаясь ответа, вышла. Только дробно процокали по коридору шпильки её каблучков.

Не стал задерживаться и страж порядка. Остав-

шись один, Стивенс окинул взглядом комнату, раздумывая, что же в сущности могло здесь произойти. Память услужливо подсказала услышанные отдельные фразы, но для него они были лишены всякого смысла. Каменные глаза статуэток — несомненно, изображавших древние божества, — казалось, пристально следили за ним. Давила сгустившаяся тишина. Внезапно остро вспомнился тот момент, когда коротышка открыл дверь: он явно поджидал кого-то. Более того, визитер должен был походить на него ростом и общим обликом фигуры, поскольку длинноносый на какое-то мгновение даже принял Стивенса за него. Это обеспокоило адвоката, и он поспешил выглянуть в коридор — никого.

Он вернулся в офис, чтобы выключить освещение. Его палец уже коснулся кнопки, когда в глаза бросилась сумочка блондинки, сиротливо лежавшая на том месте, где ранее находилось манто. Он подобрал и открыл её. Обнаружил то, что искал, — удостоверение личности на имя Мистры Лэнетт.

Озираясь в последний раз, Стивенс не переставал ломать голову над непостижимой загадкой: по каким таким внутри — и внешнеполитическим причинам приверженцы диковинной секты

дошли до того, что принялись нещадно хлестать одного из своих членов по поводу возможной атомной бойни?

Отнеся найденную дамскую сумочку к себе в кабинет, он вызвал лифт.

— Вы, наверное, помчитесь сейчас к Таннехиллу? — полюбопытствовал Дженкинс.

Так, лифтер, значит, уже пронюхал о возвращении наследника.

— С чего бы это?

— Так вы не в курсе?

— В курсе чего?

— Убийства.

Стивенс вздрогнул, подумав, что речь идет о молодом Артуре Таннехилле. Но словоохотливого Дженкинса уже прорвало:

— В одном из этих заброшенных и наполовину заполненных всякой дрянью колодцев, что позади дома, обнаружили труп охранника-негра.

У Стивенса на какой-то миг отлегло от сердца. Но тут же требовательно напомнили о себе рекомендации Пили. Была уже половина первого. И уж, конечно, не момент идти представляться Таннехиллу.

Выйдя из Палмз Билдинг, он прошагал до соседней площади, откуда частенько любовался

Большим Домом. Расположенный на вершине холма, тот смутным пятном выделялся на антрацитовом фоне неба. Ни один лучик света не тревожил спеленавшую его темноту. Убедившись, что там нет ни души, Стивенс сел в машину и возвратился домой.

Прежде чем пройти к себе, он постучался к экономке, чтобы распорядиться подать ему завтрак пораньше. Потом вспомнил, что отпустил её навестить семью. Стивенс зашел в ванную. Он чистил на ночь зубы, когда беглой морзянкой трижды звякнул входной звонок. Выходя в прихожую, он увидел, как в замке проворачивается ключ. Дверь распахнулась. Влетела Мистра Лэнетт. Она с трудом переводила дыхание. С треском захлопнув за собой створки, она поспешно задвинула щеколду.

— Ждать не могла, — еле выговорила блондинка. — Они преследуют меня буквально по пятам. Погасите свет. Крепко заприте все входы и выходы, позвоните в полицию.

Очевидно, она сочла, что Стивенс расторопностью не отличается. Поэтому сама устремилась в кухню, выходившую наружу, и с грохотом заблокировала её. Потом проверила, насколько прочны запоры со стороны патио, внутреннего

дворика.

Через минуту был вырублен весь свет, и они снова очутились вдвоем в холле. Мистра уже набирала в темноте номер телефона. Затем в сердцах швырнула трубку.

— Не отвечают… Телефон не работает. Наверняка перерезали провод…

Воцарилась пауза. Прервала её Мистра, шепотом обратившись к Стивенсу:

— Вы не могли бы оказать первую медицинскую помощь? Мне полоснули термическим лучом по боку… Так больно…

2

В плотной темноте Эллисон Стивенс наощупь двинулся по направлению к незнакомке. Он недоумевал, что это за штука — «термический луч».

— Вы где? — растерянно спросил он.

— Здесь, на полу.

Он склонился над неожиданной посетительницей. Все это здорово смахивало на какой-то кошмар. Где-то за стенами дома притаились люди, которые, возможно, вот-вот начнут штурмовать двери. В нем вдруг вскипела ярость. До этого момента он относил это дело к категории тех, в которые предпочтительней не вмешиваться. Теперь же его распирало желание перейти к активным действиям. Он бросился в свою комнату и достал из ящика стола «намбу» — весьма эффективный пистолет японского производства. Сунув его в карман, Стивенс вернулся к Мистре Лэнетт.

— Куда вас ранили? — осведомился он.

— В бок, — чуть слышно обронила она.

— Тогда лучше отнести вас в комнату экономки. С той стороны дом нависает над оврагом. Они не смогут добраться до окна без лестницы. Можно

будет зажечь свет.

Ответа он не услышал. Наклонившись, Стивенс просунул руки под голову и ноги блондинки и приподнял её.

— Держитесь крепче за мою шею, — потребовал он.

Она оказалась не такой уж и тяжелой, как он предполагал. Положив Мистру на кровать, адвокат щелкнул выключателем. При вспыхнувшем свете четко обозначилась тонкая струйка крови, тянувшаяся от двери. Лицо женщины было мертвенно бледным. Из-под норкового манто выглядывал серый дамский костюм и белая блузка. Он решил, что раздевать её не стоит. Для этого ей пришлось бы приподняться. Он расстегнул блузку и пошел за ножом, намереваясь разрезать нижнее белье, набухшее от крови. Ранение «сбоку» оказалось на уровне бедра.

Странным оно было. Пуля — и это было очевидно — прошла неглубоко под кожей. Но выглядело это так, будто кто-то прижег это место каленым железом. Судя по всему, Мистра Лэнетт не должна была потерять много крови.

Он тщательно обработал рану. Она слегка приподняла голову, взглянула на неё и с нескрываемым отвращением произнесла:

— В сущности они промазали. Но страху на меня нагнали основательно.

— Сейчас сделаю повязку, — успокоил он.

Работал он споро, все время прислушиваясь, нет ли подозрительных шумов. Снаружи не доносилось ни звука. Закончив, он спросил:

— Почему они стушевались и ничего не предпринимают? Что все это значит?

Она не ответила. Утонув головой в подушке, Мистра в упор рассматривала его, похоже, внимательно изучая.

— Теперь я должница перед вами.

Но в данную минуту Стивенса абсолютно не интересовал вопрос о долгах.

— Что, на ваш взгляд, они теперь предпримут? — гнул он свою линию.

На этот раз она, судя по её виду, задумалась.

— Все зависит, — блекло улыбнулась Мистра, — от того, кто входит в число преследователей, кроме Каунхи. А то, что он среди них, у меня не вызывает сомнений — только он способен возбудиться до такой степени, чтобы решиться выстрелить. Но как только речь заходит о его собственной шкуре, он становится необыкновенно осторожным. В то же время, если среди них оказался и Теслакоданал, то, будьте спокойны,

они ни за что не откажутся от задуманного. Все они боятся Теслу, одного из самых мерзких гаденышей, которых когда-либо видел свет.

Она усмехнулась, одновременно иронически и мягко.

— Ну как, удовлетворены моим ответом?

Однако Стивенс практически не прислушивался к тому, что она говорила. Его разум был настроен скорее на оценку грозящей им опасности и на поиск путей её нейтрализации, чем на слова, которыми та описывалась. Он подумал, что если нападавших числом было более двух-трех, то они непременно попытаются проникнуть в дом.

— Сейчас вернусь, — на ходу бросил он.

Стивенс выскочил в прихожую и попытался рассмотреть что-нибудь снаружи через стеклянную дверь. Небо затянуто облаками, настороженная тишина ночи. Ничего подозрительно. Адвокат ещё раз обошел весь дом, проверил, хорошо ли заперты двери, надежно ли задвинуты засовы. Все было в порядке и не вызывало особой тревоги. Частично успокоившись, он вернулся в комнату экономки.

Молодая женщина открыла глаза, несколько натянуто улыбнулась, но не промолвила ни

слова.

Остаток ночи он провел, сидя в кресле. Он не раз ловил себя на том, что клевал носом, но забылся сном только тогда, когда заалел восток.

Проснулся Стивенс, когда уже во всю светило солнце. Взглянул на часы: тринадцать ноль пять. Тяжело вздохнув, он прокрался в свою комнату. Проходя мимо комнаты экономки, отметил, что дверь закрыта. Постучал и, не получив ответа, открыл. Ни души. Слегка раздосадованный, он постоял немного на пороге. Стивенс терялся в догадках относительно смысла ночных приключений. Как-то раз в Сан-Франциско у него была шальная связь со столь же красивой девушкой, как и Мистра Лэнетт. Но это случилось давно. И сегодня он ценил в женщине несколько большее, чем внешнюю привлекательность. Теперь он с трудом представлял себе, что может влюбиться в совершенно незнакомую ему женщину.

Ясно, что вчера он просто пожалел её. Было видно, что в тот момент она совершенно потеряла голову. За ней гнались, и она сама решилась просить убежища у неизвестного ей человека. В то же время не вызывало сомнений, что мужества ей было не занимать. Даже тогда, когда противники истязали её плоть плеткой и каких-либо надежд

вырваться из их цепких лап не было, Мистра не сдавалась.

Стивенс вышел на улицу. Сияло солнышко, совсем рядом бухал океан. Бунгало, где он проживал, принадлежало Таннехиллу. Дачный домик стоял в стороне от тянувшейся вдоль берега дороги, а от ближайших соседей его отделяла цепь пологих холмов. Бассейн с подогреваемой водой, гараж на три машины, четыре спальни, причем каждая с отдельной ванной. И все это обходилось ему в шестьдесят долларов в месяц. Хотя он пошел на этот шаг по совету Пили, все же столь большие расходы на жилье вызывали у него вначале некоторые угрызения совести. Но затем бунгало стало восприниматься как вполне естественная, составная часть того приятного образа жизни, который он начал вести с тех пор, как заделался администратором части имущества семьи Таннехиллов.

Он прошел до дороги и обнаружил следы шин машины, которая, разворачиваясь, слегка зацепила склон холма. Судя по протекторам, речь шла о крупногабаритном автомобиле класса «кадиллак» или «линкольн».

Стивенс вернулся к дому и осмотрел телефонные провода. Он сразу же выявил то место, где их

перерезали, и наказал себе непременно сообщить в компанию об этом акте вандализма. Как бы не забыть о звонке Таннехиллу, одновременно подумал он. Но с этим пока ещё можно было обождать. Стивенс разделся под верандой, куда выходила гостиная, решив понырять в бассейне. Вода оказалась довольно холодной, и он, энергично работая всем телом, стремительно проплыл до лестницы. Он уже начал подниматься по ней, когда, нечаянно взглянув вниз, увидел в глубине бассейна человеческое лицо с устремленными, как ему показалось, на него глазами. Его прошибла дрожь при мысли, что перед ним труп. Он нырнул в зеленоватого цвета воду и наткнулся на… маску.

Она оказалась противно липкой и настолько тонкой, что того и гляди грозила порваться у него в руках. Стивенс, проявляя большую осторожность, вытащил её из воды и положил на цементное покрытие бортика. Маска, видно, была сделана из какого-то исключительно мягкого и гибкого материала и была не толще обычной пленки. Но не это больше всего поразило адвоката. Хотя маска после пребывания в бассейне и несколько подпортилась по краям, она не утратила до странности удивительного сходства с

кем-то, кого он видел совсем недавно. Да, никаких сомнений. Это была точная копия лица того человека, который воспрепятствовал Тесле нанести ему вчера вечером удар ножом.

Стивенс оставил лежать находку на полу, оделся и незадолго до двух часов оправился к себе в офис. Уже некоторое время его донимала мысль о запертой у него в кабинете сумочке Мистры. Накануне он лишь бегло ознакомился с её содержимым и не исключал, что при повторном, более тщательном осмотре, сумеет установить адрес ночной визитерши.

Пришло время потребовать от неё кое-каких объяснений. И обязательно следовало попытаться связаться с Таннехиллом. Но в первую очередь надлежало решить проблему с этой сектой индейцев, которые разглагольствовали об атомной войне, бичевали кнутом почем зря своих приверженцев и пользовались весьма грозными видами оружия.

Сначала все же Мистра. Ведь на нее, члена группа, устроили облаву, и поэтому именно она могла дать ему ключ к тайне.

Спустя четверть часа Стивенс уже высыпал на поверхность своего письменного стола все, что находилось в дамской сумочке: портсигар,

кошелек, бумажник, связку ключей, тончайший платочек, небольшой пластиковый пакетик. По мере того, как он перебирал их по очереди, его разочарование возрастало. Ни на одном не было даже инициалов.

К своему удивлению, он не обнаружил ни губной помады, ни пудры, ни вообще каких-либо предметов макияжа. Все прояснилось, едва он открыл пакетик. В нем находилась такого же, что и найденная в бассейне типа маска, поразительно естественно имитировавшая женское лицо. Но оно не напоминало ему никого из знакомых. Стивенс почувствовал, как кровь отлила от лица, и он с дрожью в голове прошептал:

— Что за чертовщина кроется за всем этим?

Но адвокат достаточно быстро обрел хладнокровие и принялся рассматривать маску. Тончайшей выделки, она была в то же время совершенно прозрачной.

От бессилия он сердито фыркнул. Его злило, что он слишком мало пока знал об этом деле, чтобы понять назначение масок и соответственно принять решение о своих дальнейших шагах. Еще не пришло время делать какие-либо выводы. Требовалась дополнительная информация, причем срочно. Не стоило забывать, что Мистру пытали,

а затем и покушались на её жизнь.

Поразмышляв над сложившимся положением, он пришел к выводу, что источник дополнительных сведений, возможно, находится в самом здании. Адвокат решительно покинул кабинет и направился по коридору к офису Мексиканской импортной компании.

Запертая дверь его не остановила, поскольку у него как у управляющего был универсальный ключ. Войдя в комнату, он задернул шторы. Приглядевшись к статуэткам, он обнаружил, что они были сделаны не из камня, а из терракота. А это означало, что внутри они, вполне вероятно, были полыми. Стивенс приподнял одну. Статуэтка оказалась тяжелее, чем ему представлялось с первого взгляда. Ставя её на место, он обратил внимание на торчавший из неё электрический провод. Тот тянулся до розетки, встроенной в плинтус.

Стивенс как-то вяло, не проявляя слишком уж большого любопытства, подумал, каким целям могло бы служить это устройство. Он выдернул шнур из розетки и положил статуэтку набок. Кабель тут же исчез в проделанной в её основании дырке. Определить через нее, что там скрыто внутри, оказалось невозможным. Тогда он оставил статуэтку в покое, поставив на прежнее

место, и сосредоточил внимание на письменном столе.

Все ящики были заперты на ключ. Пришлось воспользоваться связкой из сумочки Мистры. На свет появилась куча счетов, бухгалтерские книги, подборка из писем, как правило, начинавшихся со слов: «Уважаемый мистер… Направляем вам предметы искусства на общую сумму в…» В другом досье были собраны документы, относившиеся к оплате счетов. Наконец, в третьем деле были подколоты транспортные накладные, на которых указывались адреса лиц, которым эти «предметы искусства» были проданы. Во всех этих бумагах частенько попадались мексиканские фирменные бланки.

Просматривая документы, Стивенс двадцать семь раз натолкнулся на упоминание «Уолдорф Армз», пока не сообразил, что вышел на интересный след. Это здание он знал очень хорошо — шестиэтажный особняк, немного замысловатый с точки зрения архитектурного стиля, но расположенный в элегантном квартале и заселенный отборнейшей публикой.

К сожалению, на бланках не были указаны фамилии. Но все равно в его распоряжении оказался ряд адресов, по которым позже он сможет

спокойно установить жильцов. Адвокат выписал с дюжину данных.

Вернувшись к себе в кабинет, он вспомнил о Таннехилле и набрал номер Большого Дома. Почти сразу же ему ответил чей-то неприветливый голос, поинтересовавшийся, кто звонит.

Стивенс, неприятно пораженный грубостью тона, назвал себя. Неужели он разговаривал с наследником Таннехиллов? Но собеседник в ту же секунду развеял его сомнения.

— Ах! Это вы, адвокат… Таннехилла нет, мистер Стивенс. А я — дежурный полицейский, сержант Грей. Я тут один вместе с только что подъехавшими электриками. Вы, конечно, слышали, об убийстве?

— Да…

— Так вот, мистер Таннехилл отправился в здание суда поговорить об этом деле с мистером Холандом.

Стивенс едва сдержался, чтобы с досады не чертыхнуться. Он был уверен, что Артур Таннехилл будет не в восторге, что ему самому приходится заниматься всей этой уголовно-процессуальной мутью. Он поспешил поблагодарить полицейского и повесил трубку.

Через несколько минут он уже был на пути к

Холанду, окружному следователю.

3

Уже входя в безлюдный вестибюль, Стивенс услышал, хотя и приглушенный, но брызжущий весельем гул праздничного буйства где-то в чреве здания. Он несколько раз безуспешно пытался вызвать лифт, пока не сообразил, что весь персонал отмечает Рождество.

Поднявшись по лестнице, он прошел в офис Холанда. Первое впечатление — настоящее светопреставление. Мужчины и женщины сидели, где попало, — на письменных столах, на полу. Некоторые стояли, сбившись в кучки. По всем углам — уйма бутылок и стаканов.

Похоже, тут не было никого, кто не был бы охвачен этой разгульной атмосферой. Значит, если Таннехилл здесь, то он наверняка среди резвящейся публики.

Сам Фрэнк Холанд устроился в уголочке, сидя прямо на полу. Стивенс налил себе чего-нибудь выпить и стал выжидать, пока следователь обратит на него внимание. В конце концов Холанд, глядя поверх наполненного буроватого цвета жидкостью бокала, остановил на нем свой замутненный алкоголем взгляд, но узнал адвоката не

сразу. Зато, поняв, кто это, испустил пронзительный клич:

— Эй! Стивенс!

Вскочив с места, он свободной рукой обвил вновь прибывшего за шею. Высокого роста, отлично сложенный, он весьма походил фигурой на молодого управляющего. Крутанув его на месте, Холанд представил гостя присутствующим:

— Мальчики и девочки, — взревел он. — Познакомьтесь с моим старым приятелем Эллисоном Стивенсом. Он представляет интересы крупнейшего владельца собственности во всем этом регионе.

И он так широко обвел вокруг рукой, как если бы речь шла о половине мира. Поскольку при этом он не выпускал бокала, то, делая жест, задел плечо Стивенса, облив ему пиджак и брюки. Но Холанд, казалось, даже и не заметил своей оплошности, в то время как адвокат осыпал про себя этого растяпу проклятиями. А тот уже самозабвенно заливался превосходным баритоном:

— Хочу, чтобы все усекли, что Стивенс — мой кореш. Приглашаю его разделить этот праздник с нами и требую, чтобы к нему относились так же, как ко мне самому… Эй, Стивенс! Нам надо перебросить парой слов, но это потом, а пока

— будьте как дома.

Ухмыляясь, он втолкнул адвоката в центр одной из женских стаек:

— Он — ваш, девочки… Учтите: холостой…

Те приняли новичка радушно. Одна из дамочек, выудив платок, принялась промокать его забрызганный пиджак, приговаривая:

— Видите ли, он — просто фигляр… Кстати, бывший актер…

Какое-то время Стивенс провел, потягивая виски, в этом кругу женщин самого разного возраста. Когда же, наконец, сумел отбиться от них, то ни за что на свете не смог бы вспомнить, о чем они так оживленно болтали. Адвокат отыскал Холанда, завалившего в обнимку на пол крупнотелую девицу, и буквально оторвал её от следователя.

— Убирайтесь, — промямлила она. — Хочу спать…

И действительно тут же заснула. Холанд же какое-то время никак не мог постигнуть, куда вдруг подевалась его Дульцинея. Затем воскликнул:

— Какого черта! Эта леди за все время моей здесь службы держалась со мной как глыба льда. И только-только растаяла, заключив меня в объятия, как вы…

Он запнулся, вгляделся в Стивенса и, приняв

несколько осмысленный вид, крепко ухватил его за руку:

— А, вот вас-то я, как раз, и мечтал увидеть. Хочу вам кое-что прочитать. Намеревался показать это Таннехиллу, да он не явился. Эту штучку прислали сегодня утром нарочным… О, в сущности, ваш босс — отличный малый. Но я охотно поступился бы долларом, лишь бы разобраться, что за игру он ведет. Пройдемте в мой личный кабинет…

Он повлек Стивенса за собой, выдвинул ящик письменного стола, вытащил оттуда листок бумаги и протянул его адвокату. Стивенс прочитал и насупился. Письмо было отпечатано на машинке, но не подписано. В нем говорилось следующее:

> «Дорогой мистер Холанд!
>
> Если вы потрудитесь вскрыть могилу Ньютона Таннехилла, то обнаружите, что гроб пуст. Вам не приходило в голову, что дядя и его племянничек что-то уж слишком похожи друг на друга? Выводы из этого делайте сами, как и из факта смерти охранника-негра, труп которого обнаружили прошлой ночью».

Поморщившись, Стивенс вторично пробежал глазами записку, стараясь понять, в каком

ракурсе она вписывалась в картину недавних событий. Прав ли был автор письма или нет, но одно было ясно: кто-то стремился посеять смуту. Из соседнего просторного помещения, между тем, продолжали доноситься взрывы хохота пьяной компании.

Стивенс взглянул на Холанда. Тот склонил голову на грудь и, судя по его виду, заснул в своем кресле. Но вдруг вскинулся и прошептал:

— Ничего не понимаю в этой истории. С какой стати человек станет притворяться мертвым, чтобы унаследовать свои же собственные деньжата? Бессмысленно все это. И каким образом можно оказаться в один прекрасный день моложе, чем был раньше?

И он снова впал в полудрему. Стивенс, покачав головой, положил письмо на прежнее место, в ящик стола, откуда достал его Холанд. Закрыв его на ключ, он опустил последний в карман следователю, который даже не пошевелился.

Молодой адвокат спустился по лестнице к выходу под громкие выкрики и бестолковый шум загулявших чиновников. Сев за руль, он спокойно обдумал, что следовало предпринять теперь. «Надо обязательно увидеться с Таннехиллом», — решил он. Стивенс включил зажигание. Проехав

с километр, он остановился у попавшегося по пути лотка и купит газету. О смерти охранника сообщалось в краткой заметке в одну колонку. Журналист ограничился пересказом того, как труп негра по имени Джон Форд был обнаружен недавно прибывшим в Альмиранте Артуром Таннехиллом в старом, времен майи, колодце позади Большого Дома. Вся остальная часть страницы отводилась описанию визита в город его босса. На фото Артур Таннехилл выглядел стройным, с приятным худощавым лицом молодым человеком, но явно усталым. Газета приводила объяснение этому. Молодой Таннехилл в течение двух лет лечился в клинике одного из городов на востоке. Его серьезно ранило в голову в результате случайного выстрела, и он до сих пор окончательно так и не выздоровел.

Статья шла с продолжением на следующих страницах, где приводились сведения об исторических корнях семейства Таннехиллов. Стивенс читал такого рода материалов предостаточно, а посему, сложив газету, позвонил в Большой Дом.

— Нет, — ответил ему все тот же сержант Грей. — Он ещё не вернулся.

Стивенсу ничего не оставалось, как пойти поужинать в бар-ресторан. Он был недоволен собой.

Не сделал всего того, что должен был сделать. Самым неприятным моментом было то, что Таннехилл, возможно, и не подозревал о грозящей ему опасности. Но, с другой стороны, разве он сам представлял себе, в чем она заключается?

Попивая вторую чашечку кофе, адвокат просмотрел газету ещё раз, более внимательно. Он обратил внимание на следующий пассаж:

> «Наши сограждане совсем не знают молодого мистера Таннехилла. Он бывал в Альмиранте всего два раза и то в детском возрасте. Учился в Нью-Йорке и в Европе. Поразившая его пуля нанесла настолько серьезную рану, что он находился в бессознательном состоянии в течение года и семнадцати дней. Но из этого срока пребывания в клинике надо вычесть период с 24 апреля по 5 мая с.г., когда он, видимо, по причине какого-то мозгового шока, выбывал в неизвестном направлении. Выздоровление шло трудно, долго и, к несчастью, его воспоминания об отдельных этапах жизни из-за полученной травмы носят довольно смутный характер».

Стивенса поразили приведенные даты отсутствия Таннехилла в больнице. «Необходимо кое-что проверить, — мелькнуло у него в голове. — И притом немедленно».

Он покинул ресторан в крайнем возбуждении и весьма встревоженный. Ночь уже полностью вступила в свои права. Но для того, что он задумал, как раз и нужна была темнота. Предстоящее дело было Стивенсу не по вкусу. Но в качестве доверенного лица Таннехилла он был обязан собрать максимум информации. Расстояние до кладбища, расположенного в северо-западной части города, адвокат покрыл на машине за четыре минуты. При входе на стене висел план. Он отыскал на нем участок захоронений, откупленный семейством Таннехиллов. Припарковав машину под деревом, он втянулся в заполненную чернильным мраком аллею. Дойдя до северной границы кладбища, Стивенс свернул направо и через некоторое время стал внимательно всматриваться в надписи на надгробных плитах. Вскоре он отыскал то, что ему было нужно.

Захоронения членов клана Таннехиллов были обнесены металлической оградой. Фамилия владельцев участка была обозначена металлическими буквами над входом. Адвокат проник в это

замкнутое пространство, где размещалось около дюжины могил. Пользуясь электрическим фонариком, он склонился над ближайшей памятной плитой и прочитал надпись. Она была выбита на испанском языке с любопытной орфографией:

Франсиско де Танекила и Мерида
февраль 4 — 1709 — июль 3 — 1770

Следующая могила также была обозначена по-испански с датами 1740–1803 гг. Фамилия на третьем надгробии впервые была исполнена в английском варианте, хотя и с различием по отношению к нынешней в одну букву. Этот предок усоп в 1852 г. Он, должно быть, застал начало знаменитой золотой лихорадки.

Стивенс перемещался вдоль памятников неспешно. Его уже не терзало внутреннее побуждение действовать в пожарном порядке. Древность рода произвела на него сильное впечатление. Он даже начал чувствовать своеобразную гордость за то, что был связан с семейством со столь солидной родословной. Корни его действительно глубоко уходили в эту землю.

Стало прохладно. Ветер с океана раскачивал деревья, шевелил их листья, создавая зловещий звуковой фон.

Стивенс склонился над последнем в ряду надгробием. Свет фонарика высветил имя:

«Ньютон Таннехилл»

Стивенс несколько раз перечитал надпись о дате смерти, обозначенную под фамилией, затем распрямился. Он чувствовал себя усталым и разбитым, как путник после длительной дороги. Ньютон Таннехилл, дядя нынешнего наследника, был погребен 3 мая с.г. А между 24 апреля и 5 мая Артур Таннехилл, его племянник, пропадал со своей больничной койки.

Стивенс собрался уходить. Внезапно сзади послышался легкий шорох. И тут же ему в спину уперлось нечто твердое, а чей-то голос мягко и тихо произнес:

— Не двигайтесь!

Стивенс колебался недолго, так как быстро понял, что у него не было выбора, а посему повиновался.

4

Под кладбищенскими деревьями царили темень и безмолвие. Стивенс напряг мускулы, готовый использовать малейшую возможность, чтобы освободиться. Если они попытаются его связать, лихорадочно подумал он, будут драться. Но тихий голос позади него спокойно произнес:

— Предлагаю вам сесть на землю, скрестив ноги. В этом случае вам ничего не грозит.

Тот факт, что к нему обращались от первого лица единственного числа, сняла напряжение у адвоката. Он думал, что нападавших было несколько. И все же слепо повиноваться он не собирался.

— Что вам угодно? — процедил он.

— Хочу поговорить с вами.

— Почему бы не сделать этого в том положении, в котором мы сейчас находимся?

Последовал легкий смешок.

— Потому что в этом случае вы можете выкинуть что-нибудь неожиданное для меня, а сидя со скрещенными ногами, попасть будет труднее. Так что исполняйте то, что вам сказано.

— О чем вы собираетесь разговаривать со

мной?

— Повторяю: садитесь!

На сей раз в голосе послышался металл, появились повелительные нотки. Стивенс нехотя опустился на землю, однако, решимости воспротивиться любым другим попыткам унизить его не утратил.

— Какого черта вам от меня нужно? — холодно обратился он к незнакомцу.

— Как вас зовут? — проигнорировал тот его вопрос.

Голос снова звучал тихо, незлобливо. Стивенс ответил. Немного помолчав, собеседник раздумчиво произнес:

— Я вроде бы уже слышал эту фамилию. Чем вы занимаетесь?

Стивенс удовлетворил его любопытство.

— Ах! Так вы адвокат… Теперь мне ясно, кто вы. Пили говорил мне о вас. Но я слушал его тогда вполуха.

— Пили! — изумился Стивенс, у которого молнией блеснула догадка. — Боже! Так вы мистер Таннехилл?

— Верно.

Это так поразило Стивенса, что он рывком приподнялся с земли со словами:

— Мистер Таннехилл, а я повсюду вас разыскивал.

— Не оглядываться!

Стивенс снова замер, сбитый с толку очевидной враждебностью, скрытой в раздавшемся окрике. Но босс уже перешел на спокойный тон:

— Мистер Стивенс, у меня нет привычки оценивать людей по их лицам. Так что оставайтесь в том положении, в котором находитесь, до тех пор, пока мы не проясним с вами некоторые моменты.

— Уверен, — вспыхнул адвокат, — что я смог бы убедительно доказать вам, что действительно являюсь управляющим вашей собственностью в этом регионе и что мои шаги целиком отвечают вашим интересам…

Он начал понимать истинный смысл телеграммы Пили. С этим наследничком и впрямь следовало обращаться предельно осторожно.

— К этому мы ещё вернемся, — нейтрально ответил тот, кто назвал себя Артуром Таннехиллом. — Вы заявили, что повсюду разыскивали меня?

— Да.

— И почему-то добрались до этого места…

Стивенс сразу уловил, куда клонил его визави.

Разве его и в самом деле не застали за чтением с помощью фонарика надписей на надгробиях. Но, с другой стороны, что заставило появиться здесь самого Таннехилла? Но адвокат подсознательно почувствовал, что прежде чем задать какой-либо вопрос, ему лучше сначала разъяснить свою собственную позицию. Что он и сделал, максимально кратко изложив все, что произошло сегодня после обеда. Дойдя до показанного ему Холандом письма, он пояснил:

— Это заставило меня задуматься и в конечном счете привело сюда для проверки некоторых дат.

Его собеседник внимательно и без каких-либо комментариев выслушал рассказ до конца. Помолчав, он предложил:

— Давайте сядем где-нибудь под деревьями. Мне нужно выговориться.

Стивенс отметил, что Таннехилл довольно заметно прихрамывает. Но, по всей видимости, это не причиняло ему какой-либо боли — он легко, без излишних усилий, уселся на траву. Адвокат примостился рядом.

— Вы верите, что они вскроют могилу? — вздохнул Таннехилл.

Стивенса вопрос удивил — он как-то не задумывался над тем, что дело могло зайти так далеко.

Следовало признать, что Таннехилл затронул корень проблемы. Адвокат невольно подумал, а не могло ли это означать, что могила и в самом деле пуста. Стивенс припомнил, что следователя Фрэнка Холанда в свое время уволили с поста местного управляющего состоянием Таннехиллов. То обстоятельство, что в данный момент в трио судебной власти в городе Адамс — Холанд — Портер он играл главную скрипку, давало ему прекрасную возможность нанести серьезный удар по своему бывшему работодателю.

— Боюсь, мистер Таннехилл, — потупился Стивенс, — что не смогу ответить на ваш вопрос. Я послал Пили вызов и по его прибытии мы встретится с Холандом, чтобы выяснить, занялся ли он поисками автора письма. А каково ваше мнение на этот счет?

— Вопросы здесь задаю я, — поставил его на свое место Таннехилл.

Стивенс прикусил губу, но не сдавался:

— Я буду рад ответить на все ваши вопросы, мистер Таннехилл. Хорошо зная обстановку в городе, я, возможно, смогу очень быстро докопаться до сути интересующих вас проблем.

Таннехилл отозвался:

— Стивенс, с моей точки зрения все это дело вы-

глядит до смешного простым. Я долго провалялся в клинике с парализованной левой стороной. После ранения я больше года не приходил в сознание. В конце апреля я исчез из больницы, и меня обнаружили лежащим на ступеньках перед входом в неё только 5 мая по-прежнему в бесчувственном состоянии. Лишь неделю спустя я пришел в себя. А через три недели после этого получил письмо от женщины, подписавшейся Мистра Лэнетт… Что это с вами?

Стивенс при упоминании имени Мистры непроизвольно охнул. Но, сдержавшись, он пробормотал:

— Так, пустяки… Продолжайте, пожалуйста…

Таннехилл помедлил, но потом заговорил снова:

— Мисс Лэнетт представилась в качестве секретаря Ньютона Таннехилла, смерть и похороны которого по времени внешне совпали с моим исчезновением из клиники. Она сообщила тогда о предстоящем в самое ближайшее время официальном уведомлении о том, что я являюсь единственным наследником всего состояния дяди… Так все и было: вскоре меня действительно оповестили, что я стал одним из самых богатых людей в Калифорнии. Я мог бы сразу же заявиться

сюда и продолжить курс лечения в Альмиранте, но меня удержали от этого шага две причины. Во-первых, я глубоко поверил в одного из докторов клиники, где я лечился. Он отказался от всех моих самых заманчивых предложений переехать сюда вместе со мной, но продолжал кудесничать надо мной столь успешно, что теперь я в состоянии передвигаться… Конечно, потихоньку, но все же ходить. Во-вторых, меня донимало какое-то расплывчатое воспоминание, — своего рода кошмар, — что пока я отсутствовал в клинике, со мной кое-что случилось. Я не буду распространяться на эту тему, но оно побудило меня дождаться окончания лечебного курса, и только после этого приехать в ваши края.

Он тяжело вздохнул, добавив:

— Похоже, что события говорят о том, что я поступил правильно.

Он помолчал немного, затем, явно ожесточившись, продолжил:

— На следующий день после моего прибытия сюда — я все ещё проживал тогда в отеле — мне нанесли визит три человека. Одним из них был низкорослый мексиканский индеец с огромным носищем. Они утверждали, что являются моими старыми друзьями, назвавшись Теслакоданал

— это тот самый индеец, — и Каунха, похожий на метиса… Имя третьего я позабыл, хотя он тоже представлялся. Они все время обращались ко мне, как если бы я был Ньютоном Таннехиллом. Вы знаете, конечно, что так звали моего дядю. Они ни в коей мере не внушили мне опасений, но в надежде выиграть время для проведения в частном порядке расследования в отношении этих лиц, я подписал письмо, которое они мне подсунули.

— Что за письмо? — вскинулся Стивенс.

— Оно было адресовано Пили. В нем я разрешал тому продолжать производить выплаты, которые он делал и раньше членам Пан Американ Клаб, так это называлось. Я лишь добавил пункт, что это указание должно получать мое подтверждение каждые полгода. Они не возражали, а учитывая, что я абсолютно не представлял о чем идет речь, мне казалось, что я отлично выкрутился из щекотливого положения.

— У вас не создалось впечатления, что ваша жизнь находилась под угрозой?

Таннехилл, после секундной нерешительности, пробормотал:

— Нет. На принятие такого решения меня подвигнул тот необычный факт, что они прини-

мали меня за дядю.

У Стивенса никак не выходило из головы письмо, что подписал его босс. Он попросил уточнить:

— В основной фразе действительно были слова «…продолжать ранее делавшиеся выплаты»?

— Да.

— Ну что же, на мой взгляд, это достаточно очевидно соотносится с прошлыми делами. И по этому вопросу мы могли получить разъяснения у мистера Пили… Но непонятно, как же они могли подумать, что разговаривают с вашим дядей? Он же, как минимум, лет на двадцать старше вас…

Таннехилл ответил не сразу. А когда заговорил, то его голос звучал как-то более отстраненно:

— Стивенс, я подвержен кошмарам. В клинике, к примеру, у меня случился диковинный сон, насыщенный совершенно фантастическими явлениями. Как-то раз мне представилось, что я лежу в гробу. В другой раз я увидел себя здесь, в Альмиранте — любовался океаном. Мне представлялся Большой Дом, но как-то неопределенно, словно я смотрел на него сквозь завесу тумана. Понятно, что Пили посылал мне книги, написанные об этом здании. Их ведь немало, знаете ли. Может, это они так разукрасили мои сны.

Согласно этим книгам, Большой Дом восходит ко временам, предшествовавшим самым ранним воспоминаниям белых людей. Вы, очевидно, знаете, что его архитектурный стиль относится к эпохе до цивилизации майя. Когда смотришь на величественную лестницу перед главным фасадом, то создается впечатление, что это — скорее храм, чем дом, хотя внутри и были проведены переделки, чтобы обеспечить все удобства для проживания в нем. Когда я лежал в гробу…

Он запнулся. В кромешной кладбищенской темноте повисла напряженная тишина.

— Если вы читали газеты, — вдруг свернул разговор Таннехилл, — то остальное вам известно…

Но Стивенс упорствовал:

— Вы упомянули имя Мистры Лэнетт. Сказали, что она была секретаршей у вашего дяди, так ведь?

— Да…

Стивенс размышлял, с трудом скрывая охватившее его удивление. Об этом он даже и не подозревал. Тут четко прослеживалась связь между Таннехиллом и Мексиканской импортной компанией, этой шайкой грубиянов. Вероятно, стоило копнуть здесь поглубже. Но, видимо, небезопасно уже сейчас говорить на эту тему с

человеком, который, ясное дело, все ещё продолжает проявлять недоверчивость. Какая, однако, невероятная история! К сожалению, нечего и думать рассказать подобную небылицу этой тройке законников: Адамс — Холанд — Портер.

— Мистер Таннехилл, — подчеркнуто выделяя слова, обратился он к боссу, — нам абсолютно необходимо наибыстрейшим образом размотать весь этот клубок событий до конца. Сдается мне, и даже очень, что кто-то пытается взвалить на вас убийство, выставить в роли человека, укокошившего этого охранника. Может быть, я слишком остро ставлю вопрос, но независимо от того, прав я или нет, нам следует быть готовым встретить во всеоружии попытку нанести вам удар такого рода.

Вы неоднократно упоминали, что помните, будто вас похоронили заживо. Не уверен, что вы сами это заметили, скорее всего вырвалось нечаянно. Но поясните, пожалуйста, что точно вы имели при этом в виду?

Собеседник адвоката не удостоил его ответом.

— Мистер Таннехилл, я искренне считаю, что вам не стоит что-либо скрывать от меня.

Но тот словно воды в рот набрал.

Стивенс продолжил:

— Может, вы намерены дождаться приезда сюда мистера Пили, чтобы мы смогли обсудить с ним все происшедшее…

На этот раз молчальник заговорил. Но совершенно отрешенным тоном.

— То был сон. Мне привиделось, что меня заживо похоронили. Я ведь уже сказал вам, что мучаюсь кошмарами. Ну а теперь, — и его голос, как бы вернувшись откуда-то издалека, окреп, — полагаю, что пора кончать наши посиделки. Голова полна планов. Если вы соблаговолите посетить меня в Большом Доме, я изложу их вам завтра. Не исключено, что к тому времени вам удастся установить контакт с Пили. Скажите ему, чтобы немедленно выезжал в Альмиранте.

Он тяжело поднялся и стоял, опираясь на трость.

— Думаю, мистер Стивенс, — добавил он, — что нам лучше расстаться прямо здесь. Не здорово будет, если мистер Холанд вдруг обнаружит, что мы… что наследник состояния семейства Таннехиллов и его доверенное лицо, оба кинулись на кладбище проверять дату похорон одного лица.

Стивенс предостерег:

— Это дело в чем-то дурно пахнет. Надеюсь, у вас есть разрешение на право ношения оружия.

Тогда было бы…

— У меня нет пистолета.

— Однако…

Таннехилл обронил короткий смешок в обступавшей их кромешной тьме и слегка ткнул Стивенса концом трости в солнечное сплетение.

— Больно, а? Завтра мы, вероятно, увидимся. Или же после Рождества. Я позвоню вам, или мы договоримся о точной дате. Хотите ещё что-нибудь мне сказать?

Стивенс никак не мог решиться. Ведь он ещё не задал самого главного вопроса.

— В газетах, — наконец медленно проговорил он, — утверждалось, что ранение существенно повлияло на вашу память. Можете ли вы уточнить, насколько серьезны у вас эти провалы?

Ответ последовал почти сразу же.

— Я не могу вспомнить ничего из своей прошлой жизни до момента, когда пришел в сознание в клинике. Могу разговаривать, думать, размышлять, но все, что происходило со мной до этой весны, для меня как бы не существует. Я даже не знал, как меня зовут, пока не услышал, как произнесли мое имя в тот момент, когда сознание выплывало из небытия. Уверяю вас, — и он легонько рассмеялся, — это отнюдь не облег-

чило мое существование. Надеюсь, что теперь вы уяснили, до какой степени доверительно я с вами разговаривал — намного откровеннее, чем с кем бы то ни было. И сделал я это потому, что верю в вашу лояльность, во всяком случае, пока, а также из-за того, что нуждаюсь сейчас в людях, способных помочь мне в той ситуации, в которой я оказался.

— Вы можете всецело положиться на меня.

— Никому ни слова о нашей беседе без моего на то разрешения.

— Понял.

Стивенс добрался до машины и некоторое время неподвижно сидел за рулем, раздумывая о своих дальнейших планах. Он устал, но совсем не желал расставаться с нынешним местом работы. Слишком много фантастических вопросов оставались пока не проясненными. Кто-то, судя по всему, пытался внушить мысль, что племянник и дядя — одно и то же лицо. С какой целью? И почему самые различные люди, включая его самого, подходили к этой гипотезе серьезно вместо того, чтобы высмеять это абсурдное утверждение?

Ведь тот факт, что никто до смерти дяди и в глаза не видывал его племянника, сам по себе ещё ничего не доказывал. А что означали эти маски,

исполненные столь совершенно, что напяль её любой и перед вами окажется совершенно другой человек, ничем не напоминающий прежнего?

На какой-то миг Стивенса охватило ощущение полной нереальности всего происходящего, как если бы он разделил кошмарные видения какого-нибудь полоумного шизофреника…

Но он одернул себя, взял в руки и завел мотор. Покатил же он к Уолдорф Армз. Какого-либо четко разработанного замысла у него не имелось, но была уверенность, что именно там находится центр, откуда действует группа.

Он припарковался рядом со зданием, но остался в машине. В темноте был неразличим купол, венчавший это строение. Нижние этажи ничем примечательным не выделялись, скорее, наоборот, имели несколько устаревший вид. Внезапно в поле зрения Стивенса появился коротышка с непомерно длинным носом. Ошибка исключалась: это был Теслакоданал, тот самый, что предыдущей ночью угрожал ему ножом. Крайне взбудораженный, Стивенс выскочил из авто. Он напал на след, сомнений в этом не было…

5

Спрятавшись в тени машины, Стивенс отчетливо видел, как недомерок вошел в освещенный вестибюль здания. Адвокат мгновенно переместился ко входу и через застекленные стенки попытался проследить за его действиями. Индеец остановился перед лотком с газетами. Быстро просмотрел «Альмиранте Геральд». Стивенс даже сумел увидеть, что внимание его подопечного привлекла статья, посвященная прибытию в город Таннехилла.

Теслакоданал, пожав плечами, сунул газету под мышку. Он пересек обширный холл в направлении лифтов, но ими не воспользовался, а лишь на ходу слегка кивнул лифтеру. Индеец углубился в широкий коридор. Дойдя до одной из дверей, коротышка вынул ключ из кармана, открыл её и исчез внутри.

Стивенс проскользнул через живую изгородь и направился к боковой стороне здания. Под окном комнаты, куда, по его прикидке, вошел объект наблюдения, он остановился. Оно было открыто. Через жалюзи пробивался слабый свет. Свежий ветерок колебал шторы. Какого-либо движения

в помещении он не заметил. Оттуда вообще не доносилось ни звука. Промаявшись с полчаса, Стивенс стал сомневаться, правильно ли он определил место, куда проник Теслакоданал. Он пошел назад, останавливаясь под каждым окошком. Шторы были частично раздвинуты и он убедился, что имеет дело с одними и теми же просторными апартаментами.

Укрывшись за кустарником, он решил подождать немного. Время тянулось мучительно медленно. Посвежело. Слева от него в просвете между деревьями показался узкий серп луны лимонного цвета и стал постепенно карабкаться вверх по небосводу. А окна неизменно продолжали тускло светиться. Адвокат почувствовал, как в нем вскипает гнев. Он злился на этого Теслакадонала, который упорно не желал ложиться спать. Не выключает освещение — значит, бодрствует, решил Стивенс.

Но в конце концов его терпение лопнуло. Прокравшись к окну, он приподнял жалюзи и заглянул вовнутрь. Перед ним был диван, красный ковер, кресло, а чуть дальше виднелась открытая дверь. Именно оттуда струился свет. Удалось рассмотреть, что он исходил от низкого торшера рядом с письменным столом. За ним тянулись

полки, уставленные книгами и терракотовыми статуэтками. Никаких признаков присутствия человека.

Стивенс решился: с бесконечными предосторожностями он расширил отверстие в жалюзях настолько, чтобы суметь протиснуться в него. Через несколько секунд он мягко спрыгнул в комнату. Немного выждав, адвокат, бесшумно ступая по ковру, приблизился к двери. В соседнем помещении также никого не было. Но зато обнаружилась ещё одна приоткрытая дверь. Подойдя к ней на цыпочках, он прислушался и явственно услышал посапывание спящего человека.

Какое-то время Стивенс простоял в задумчивости. Собственно говоря, чего он добивается? Ему требовалась дополнительная информация. Но какая?

Он в нерешительности осмотрелся. Книги занимали всего лишь одну полку. Рассеянно пробежался взглядом по заголовкам. Собрался было продолжить дальше осмотр помещения, но его внимание привлекла тоненькая брошюра: «Танекила Удалой». Адвокат живо сунул её в карман. Теперь он уже более внимательно изучил остальные издания. Большинство было на испанском языке, который он знал весьма слабо. Но другие

книги, на английском, его заинтересовали. Он прихватил некоторые из них с собой, вышел в соседнюю комнату и вылез наружу через окно, не переставая изумляться, что решился на подобные действия.

Вернувшись домой, адвокат отметил, что телефонную линию уже починили. Он сразу же набрал нужный номер, но к собственному разочарованию выяснил лишь, что его прежний срочный вызов Пили до сих пор не дал результата.

Решив дождаться звонка от Пили, Стивенс разделся, облачился в пижаму, накинул сверху домашний халат и, растянувшись на диване в гостиной, стал знакомиться с похищенными книгами. Все они касались одной темы: Большого Дома семейства Таннехиллов. Он не припоминал, чтобы когда-нибудь ранее они попадались ему на глаза даже в секции «Таннехиллы» публичной библиотеки Альмиранте. Начал он с «Истории Большого Дома». На форзаце прочитал:

«Издание первое.

Тираж ограничен пятьюдесятью тремя экземплярами.

Не для продажи.

Январь 1870 г.»

Стивенс перевернул страницу. Первая глава начиналась словами:

> «Более тысячи лет возвышается этот замечательный дом на высоком холме над раскинувшимся с незапамятных времен океаном. Не обнаружено никаких, достойных внимания, документов, относящихся к тем, кто его построил».

Адвокат полистал книгу, перескакивая с одного абзаца на другой. Она несколько напоминала исторический роман о наименее известных в истории человечества цивилизациях — древней Мексики и Южной Калифорнии с 900 года и до высадки в этих местах испанцев.

Перегруженный сложными деталями текст показался Стивенсу не очень убедительным, во всяком случае, в рамках его собственных знаний о жизни майя, толтеков и ацтеков. Упоминались фамилии отдельных священнослужителей, солдат. Так некоего Уксалака изрешетили стрелами за преступление, о котором ничего не сообщалось. Его похоронили на «восточном склоне холма в сосновой роще, которую толтеки впоследствии

вырубили». Этому событию были посвящены всего все фразы и было совершенно непонятно, зачем о нем упоминалось вообще.

Когда появились толтеки, — «длинными воинскими колоннами, растянувшись вдоль берега и истекая потом под жаркими лучами раннеосеннего солнца», — они поначалу намеревались снести Большой Дом. Но, как и у всех прочих завоевателей, с трудом пробившихся издалека к этим дальним рубежам, у них не оказалось под рукой необходимых орудий, чтобы справиться с возведенным из мрамора зданием. Эти священники-солдаты сделали, впрочем, открытие: помещение Дома, покинутого его бывшими владельцами, «укрывшимися в населенной простым людом деревушке далее, к северу», по своей комфортности превосходили все, что они когда-либо видели до сих пор.

> «Для очистки совести они воздвигли тогда на искусственной Горке деревянный храм, чтобы ублажить своего бога Кукулкана, а Дом использовали для проживания там вместе со своими женами. Длительное время фавориткой многочисленных священников-солдат была…»

Имя этой женщины было тщательно зачеркнуто в тексте, чему Стивенс подивился, не видя тому причины. Расшифровать его было абсолютно невозможно.

Он продолжал листать это произведение, которое начало действовать на него в какой-то степени завораживающе. Толтекская оккупация в конечном счете вступила в полосу кризиса, поскольку в течение ряда лет не прибыло ни одно из ожидавшихся подкреплений. А поскольку командовавший захватчиками священник был редкостным тупицей, то (снова чье-то имя было вымарано) решил с ним расправиться «прежде чем он раскроет секрет Большого Дома».

Стивенс перевернул ещё одну страницу. И с первой же фразы подметил, что текст никак не был связан с предыдущим изложением. Объяснялось это тем, что 11 и 12 страницы, где, вне всякого сомнения, говорилось о тайне Большого Дома, были попросту вырваны. Тогда он отложил эту книгу в сторону и взялся за «Танекилу Удалого». В первых главах, которые он просмотрел мельком, рассказывалось о рождении в Испании и первых путешествиях вдоль африканских берегов капитана Танекила, о несколько сомнительных методах, с помощью которых он сколотил свое

состояние, и, наконец, о его отплытии в Америку во главе флотилии. В 1643 г. во время бури у калифорнийского побережья его корабль «Альмиранте» затонул. Стивенс сразу же вспомнил, что на самом старом надгробии в семейном захоронении Таннехиллов год смерти первого предка указывался как 1770. Получалось, что погребенный там Танекила, не являлся родоначальником клана, пустившего корни в Америке.

Следующую главу под названием «После бури» Стивенс буквально проглотил с начала до конца.

> «После бури к полудню все мы оказались на берегу — я имею в виду тех, кто уцелел после кораблекрушения. Эспанта, де Куржиль, Маржино и Керати пропали без вести. Наверняка утонули. Сожаление у меня вызвала только гибель Маржино — полного сарказма плутишки; что до остальных ничтожеств, то гореть им в аду за все те неприятности, что они мне причинили.
>
> Я тут же распорядился приняться за работу. Нельзя было терять ни минуты. Алонсо заметил нескольких туземцев, и у нас не было уверенности в том, что они,

как обычно, окажутся глупыми, дружелюбно настроенными существами. Нам было абсолютно необходимо вывести оружие с „Альмиранте“ до того, как тот пойдет ко дну.

К двум часам пополудни Каунха обратил внимание на то, что буря начала стихать. Я послал его с дюжиной парней на двух шлюпках начать разгрузку. Действительно, ярость морской стихии спадала с каждым часом, а к вечеру океан успокоился и вовсе. Нам к этому времени уже удалось переправить на берег две мортиры и большое количество мушкетов. Поэтому, не опасаясь более аборигенов, я на следующее утро велел послать к ним патруль в целях установления контакта ради добычи продовольствия.

Берег был совершенно дикий, весь в невысоких холмах, утопавших в зелени. Птиц — в изобилии, и они целый день пели или верещали. Патруль подстрелил по дороге трех ланей и обнаружил множество съедобных корней, что вкупе с припасами, которые мы уже успели вывезти с корабля, сняло для нас проблему

голода. Очень быстро я убедился в том, что мы попали в благодатную страну с превосходным климатом.

На пятый день часовые доставили ко мне индейца, низкорослого и гнусной внешности, который бегло говорил по-испански. С первого взгляда было ясно, что это — отъявленный негодяй. Моим первым побуждением было: выслушать, чего он наплетет и тут же утопить его. Но он оказался полезным как переводчик и, к тому же, принес добрые вести. Он сообщил, что, как мы и сами уже догадывались, к северу имелась деревушка, где ютился простой люд, а их верховный вождь, что жил в доме, расположенном на высоком холме, выразил пожелание, чтобы мы остановились у него, но, вынужденный, к несчастью, отлучиться на некоторое время, он не мог приветить нас лично. Этой новости весьма обрадовались женщины, тяжко переносившие невзгоды жизни под открытым небом, но я воспринял её с недоверием. С чего бы это человек, достаточно сообразительный, чтобы стать вождем, приглашает группу

испанцев поселиться в его резиденции, прекрасно понимая, что мы оттуда потом ни за что не уйдем?

Но пораскинув мозгами, я пришел к выводу, что риск для нас был минимальным. Располагая таким вооружением, мы были в состоянии подавить любую попытку погубить нас путем предательства. Кроме того, мне представилось очевидным, что так называемый верховный вождь на самом деле смылся для того, чтобы, находясь вне досягаемости, правильно оценить степень опасности, которую мы для него представляли. Что касается меня, то я, не долго думая, решил прикончить его в тот же миг, как только он сочтет возможным вернуться восвояси, не опасаясь за свою жизнь.

Занять дом оказалось делом ещё более простым, чем я полагал. Нашу восьмерку пушек мы разместили вкруговую на вершине холма за каменными парапетами. Тем самым мы обеспечили себе господствующие позиции над всей прилегающей местностью. Через неделю мы так крепко закрепились на новом месте,

что реальную угрозу для нас представляли теперь, пожалуй, только европейцы с тяжелой артиллерией. Какого-либо сопротивления своим действиям мы не встретили. Проживавшие там люди восприняли наш приход самым естественным образом и, кажется, никому из них ничуть не показалось странным, что я разместился в комнате их верховного вождя.

Вскоре мне стало совершенно ясно, что застряли мы тут основательно и надолго. Хорошо зная, что из себя представляют капитаны двух других судов, я был убежден, что, даже если они и уцелели, то разыскивать меня не станут. Оба уже наверняка направились к мысу Горн и далее — в Испанию. Так что могло пройти немало лет, прежде чем в этих краях появится какое-нибудь судно. Посему я решил узаконить положение членов экипажа моего корабля по отношению к жителям деревушки, расположенной у подножья холма. Я сам пошел к ним и заставил всех их — мужчин, женщин и девушек — выстроиться в один ряд. Затем лично отобрал тридцать

наиболее смазливых мордашек слабого пола, изолировал их мужей, распорядившись последних немедленно расстрелять и тут же закопать. Каждый член экипажа выбрал себе подружку. Я оженил их на месте чин-чином, как полагается, на Библии и каждой паре определил хижину. Через месяц жизнь пошла своим обычным чередом.

В течение всего следующего года моей главной заботой было развитие нашего района. Разосланные повсюду патрули привели с собой захваченных в дальних деревушках рабов, которые принялись трудиться на нас под присмотром местных туземцев. Так что поселение вскоре существенно разрослось, и я окрестил его „Альмиранте“.

К концу второго года прежний хозяин дома все еже был в бегах. Из этого факта я сделал вывод, что он разумно и правильно оценил создавшуюся ситуацию, и что его единственной заботой было не допустить уничтожение дома. Каких-либо следов храма толтеков, о существовании которого где-то поблизости говорилось в

легенде, мы не обнаружили. На мой же взгляд, сам дом являлся примером архитектуры майя, хотя его стиль несколько отличался от того, что встречается в Центральной Америке.

На третьем году начались попытки убийств. Я очень скоро уверился в том, что случившееся не было серией никак не связанных между собой фактов, а, наоборот, носило характер действий, подстроенных бывшим владельцем дома, желавшим заполучить его обратно. Теслакоданал нанес мне удар ножом в спину, и тот оказался бы для меня фатальным, если бы у меня не оказалось все же достаточно сил, чтобы оказать сопротивление. Стрела, поразившая Каунху, прошла на волосок от его правого легкого. А вот Алонсо так не повезло. Его любовница, из местных индейцев по имени Хико Аине заколола его кинжалом. Примечательно, что никто не покушался на женщин, что достаточно ясно указывает, для какой цели они предназначались.

Хико и Теслакоданал, индеец, появившийся в нашем лагере уже в самые пер-

вые дни после высадки, сбежали вместе.

Вот так началась эта длинная цепь попыток расправиться с нами, которые я подробно опишу в другой главе, поскольку эти события своеобразными вехами отметили тот путь, который должен был привести нас к раскрытию тайны Большого Дома, той самой, которая…»

Как раз в этом месте страница и была оторвана. Стивенс проверил, не оказалась ли она случайно засунутой где-нибудь в другом месте книги, но нигде её не обнаружил. Зато выявил ещё семь других таким же образом обезображенных страниц. И каждый раз в том месте, где речь заходила о «тайне» Большого Дома.

Адвокат ещё раз перечитал главу «После бури». Его поразило одно имя: Теслакоданал. Ему показалось любопытным, что у того оказались потомки в сегодняшнем Альмиранте.

Он лениво раздумывал над этими вопросами, потихоньку погружаясь в сладкий сон, как вдруг вдоль позвоночника пробежала противная мелкая дрожь.

6

В комнату уже начали просачиваться первые лучи занимавшейся зари. Но они ещё увязали в цепкой темноте ночи, так что Стивенс с трудом различил два человеческих силуэта, неожиданно выросших рядом с диваном. Чей-то мужской голос повелительно прошипел:

— Не двигайтесь, Стивенс!

В нем звучала неприкрытая угроза. Адвокат застыл. Вскоре в его комнату набилось уже с дюжину неизвестных ему личностей. Как ни странно, но их многочисленность его успокоила. Если бы пришли прикончить его, то наверняка в одиночку или же вдвоем. Но их сейчас было слишком много, чтобы пойти на такое преступление. Он расслабился и подумал: «Это наверняка та самая группа, которая стегала плетью Мистру».

Находившиеся рядом с ним двое уселись в кресла. Тот же самый голос произнес:

— Не делайте резких движений. Мы все в очках ночного видения. Так что вы у нас как на ладошке.

Последовала короткая пауза, а затем — вопрос:

— Стивенс, кто вы?

Молодой адвокат, раздумывавший в этот момент над тем, что это ещё за диковинки «очки ночного видения», машинально брякнул:

— Кто я? Что вы имеете в виду?

Вопрос показался ему странным. Члены банды, если, конечно, это были они, прекрасно осведомлены на его счет. Поэтому он контратаковал:

— А собственно говоря, вы-то кто такие?

Ответа не последовало. Но из темноты донесся женский голос:

— Вижу, чуть ли не воочию, как работает его мозг. Думаю, что он не при чем.

Тот, кто выступал вроде бы в роли официального представителя этой группы, проигнорировал реплику. Он продолжил:

— Стивенс, в данный момент нас совершенно не устраивает ваша позиция в этом деле. Если вы действительно тот, кем кажетесь, то советую серьезно отнестись к нашим вопросам. Очевидно, что если вы кто-то другой, то попытаетесь провести нас.

Адвокат внимательно его слушал. Все это подразумевало… он не знал даже, что именно. Вновь его охватило чувство какой-то нереальности всего происходящего. Но затем промелькнула мысль, что, возможно, удастся получить полез-

ную информацию. И он довольно бесцеремонно заявил:

— Не знаю, куда вы клоните, но прошу вас, продолжайте.

Раздался сдавленный смешок той самой женщины, которая уже вмешивалась в их диалог.

— Он думает, что сумеет выудить из нас кое-какие нужные ему сведения.

Мужчина, похоже, взъярился:

— Послушайте, дорогуша, мы весьма ценим вашу способность читать чужие мысли, но умоляю, попридержите язык за зубами и избавьте нас от бесполезных комментариев.

— А сейчас он в весьма наивной форме всполошился, — тем не менее радостно поведала она. Но тут же спохватилась. — Ладно. Молчу, если вы так настаиваете.

Воцарившееся после этой стычки молчание было особенно тягостным для Стивенса. Подумать только: эта женщина могла шарить в чужих мозгах! Телепатка! Его разум повелевал ему воспринимать это явление с сарказмом. Но он чувствовал, что столкнулся с событиями, истинный размах и глубину которых он пока просто не был в состоянии определить. Проявления высокого интеллекта, денежные интересы, явный в

некоторых случаях всплеск насилия… У него было такое впечатление, что его выставили перед судом, а он понятия не имеет, в чем его конкретно обвиняют. Но не успел он и рта раскрыть, как говоривший от имени группы мужчина вновь атаковал его:

— Стивенс, мы навели справки о вашем прошлом. Похоже, что особых сомнений не вызывает факт рождения тридцать один год тому назад на севере Калифорнии ребенка, названного Эллисоном Стивенсом. Мальчик с таким именем действительно посещал муниципальную школу в одном из городишек, а потом продолжил учебу в высшем заведении Сан-Франциско. Затем этого Эллисона Стивенса призвали на воинскую службу в морские силы…

Для усердно внимавшего этим словам Стивенса все это в точности соответствовало реальностям прошлого и будило в нем определенные воспоминания. Пока мужчина молчал, телепатка, видимо, изучала его мысли. Внезапно он воскликнул:

— Минуточку! А за кого вы меня принимаете?

Заговорила женщина:

— Вполне искренне считаю, что нет необходимости продолжать этот экзамен. Я четко отметила его реакцию, в которой в самом деле присутство-

вало все то эмоциональное изумление, которое вы сами могли почувствовать в его голосе.

Вмешался кто-то третий:

— Но почему он принялся шарить в апартаментах Теслы?

— Стивенс, — потребовал первый голос, — ответьте удовлетворительным образом на этот вопрос, и мы оставим вас в покое.

Стивенс начал рассказывать, как он увидел Теслу, входившим в Уолдорф Армз. Но женщина оборвала его:

— А теперь он разгневался. Его вдруг осенило, а не слишком ли смело мы ведем себя, вторгнувшись в его дом и подвергая допросу, словно мы действуем на вполне законных основаниях.

Все рассмеялись. Но лидер жестко потребовал:

— Отвечайте, Стивенс. Зачем вы так поступили? Не позволяйте гневу затемнить ваш здравый смысл. Отвечайте.

Стивенс испытывал колебания. Однако, решил он, раз это поможет ему избавиться от столь опасной публики, то, пожалуй, стоит им все выложить. Он спокойно пояснил:

— Незадолго до этого у меня состоялся разговор с Таннехиллом, и он сообщил мне, что Мистра Лэнетт была секретарем его дяди. А она связана с

вами и когда я увидел, что… как бишь его зовут?

Снова его прервала женщина-телепат.

— Я чувствую, что за его словами скрываются иные мотивы… Такое впечатление, что он стремится побольше разузнать о Мистре. Думаю, он влюбился в нее. Или же тогда это и в самом деле ОН, у меня нет четкого представления на этот счет.

Они встали. Кто-то тихо напомнил:

— Заберите книги.

Открылась дверь. Послышались шаги. Затем взревели моторы нескольких машин, отъехавших от дома. Стивенс пошел проверить дверь, ту самую, замок которой сначала Мистра, а потом и эти визитеры столь запросто отомкнули. Да, пора его сменить. По пути в свою комнату ему подумалось: а телепатка-то оказалась не на высоте и упустила один важный момент. Она не схватила, что на адрес Теслы он вышел в офисе Мексиканской импортной компании. Тем самым образовалась крупная брешь в акции, предпринятой против него. Получается, что агрессоры остались в неведении на счет того, что он располагает сведениями о местожительстве других членов группы и мог продолжить свое расследование. А таким путем, кто знает, он, может быть,

отыщет Мистру. С этими мыслями он заснул, думая, насколько же прекрасна эта удивительная женщина…

Утром в девять часов Стивенс уже отправился проверять, кто живет по одному из добытых им адресов. Поиски привели его к небольшой усадьбе, обнесенной железной решеткой. Дом стоял на значительном удалении от проезжей дороги. Он поинтересовался у проходившего мимо мальчугана, кто хозяин этой виллы. Тот бойко отбарабанил:

— О! Да судья Адамс.

Он внутренне похолодел, подумав: «Но это же смехотворно… Судья Адамс не может…» Но, поразмыслив, он был вынужден признаться самому себе, что понятия не имеет, что тот мог и чего не мог делать.

К одиннадцати часам он уже имел данные о жителях по всем двенадцати адресам, которые он обнаружил в офисе Мексиканской импортной компании. В каждом без исключения случае речь шла о персонаже, занимавшем в городе солидное положение: судья Уильям Адамс, судья Олден Портер, хозяева двух ежедневных газет Альмиранте Джон Кэрвелл и Мартин Грант, владелица единственного частного банка в городе Мадлен

Оллори, ещё пара женщин из высших кругов, и известный торговец-импортер и, наконец, последний по списку, но не по значению Дж. Эзвелл Дорди, возглавлявший крупные предприятия сталелитейной промышленности. Хотя последний из них был ещё совсем молодым человеком, утверждали, что он уединился в Альмиранте по причине неважного здоровья.

Перечень получился настолько внушительный, что у Стивенса екнуло сердце: он сунулся в осиное гнездо. Все эти люди, вне всякого сомнения, по существу, контролировали жизнь в городе. Он заехал в самую крупную из двух газет и покопался там в библиотеке, отыскивая фото самых видных граждан Альмиранте. Из дюжины установленных им лиц он нашел снимки только семерых. По их внешнему виду и манерам он попытался представить себе, могли ли эти люди, натянув на себя маски, выглядеть как члены той банды, с которой он схлестнулся. К однозначному выводу он, однако, прийти не смог. Для этого требовалось увидеть самих этих лиц, услышать их голоса. Хотя, как его как-то заверил один знакомый актер, голоса можно достаточно легко изменять.

Стивенс покинул редакцию, не представляя

себе своих дальнейших действий. Было 24-ое декабря, канун Рождества, день, малопригодный для проведения расследований. Он подумал мимоходом, что неплохо было бы заручиться отпечатками пальцев Ньютона Таннехилла. Но сделать это, не прибегая к содействию полиции, представлялось нереальным. Все же он решил сразу же после праздников попросить свою секретаршу мисс Чейнер поискать документ с подписью старика Таннехилла. Ведь тот мог оставить на нем свои отпечатки.

Недовольный собой, он отправился домой. Но в самый последний момент ему захотелось проехать близ Уолдорф Армз. Он остановился, не доезжая до знания метров пятьдесят, и остался за рулем. Так он просидел минут десять. Внезапно дверца авто открылась и запыхавшаяся Мистра Лэнетт плюхнулась на сиденье рядом с ним.

— Я попросила бы вас, — обратилась она к нему, — помочь мне пройти в свою квартиру. Одна я не решаюсь этого сделать.

7

Стивенс ответил не сразу. Его одновременно обуревали противоречивые чувства — гнев и удовольствие. С одной стороны, он был рад её видеть. Но неприятие вызывала её манера вот так нежданно-негаданно появляться в духе пошлой мелодрамы. Следовало, правда, признать, что оба прошлые раза не оставляли ей другого выхода.

— Ну как ваш бок, не болит? — нейтральным тоном осведомился он.

Она нетерпеливо повела рукой.

— Бок? Да рана давно уже затянулась.

Одета Мистра была в зеленый костюм, который отлично гармонировал с цветом её глаз. Он внушительно, акцентируя каждое слово, произнес:

— Думается, вы понимаете, что просто обязаны мне многое объяснить.

Но внимание Мистры было целиком сосредоточено на наблюдении за входом в здание. Она отрывисто одернула его.

— Об этом поговорим у меня дома. Не будем понапрасну терять времени.

— Так вы хотите сказать, что кто-то может помешать вам пройти к себе?

— Этого не случиться, если рядом окажется мужчина. Пойдемте…

Адвоката поразила высота потолков в Уолдорф Армз. Все утопало в шикарных коврах. Лифт доставил их на четвертый этаж. Мистра остановилась перед застекленной дверью. За ней просматривалась вторая, металлическая. Женщина последовательно открыла и тут же закрыла за собой обе. Стивенс следовал за Мистрой по коридору с поразительно высоким — метров пять! — потолком. Та же особенность была характерна и для комнаты, в которую они в конце концов вошли. Лэнетт тут же направилась в чему-то, весьма смахивавшему на бар. Стивенс выхватил свой «намбу».

— Думаю, было бы полезно проверить все помещение.

— Ни к чему. Здесь мы в безопасности.

Несмотря на столь категоричное заявление, на душе у адвоката было неспокойно. Он все же проследовал коридором дальше до двух спален с прилегавшими к ним ваннами. В глубине виднелась лестница, поднимавшаяся к двери. Запертая на ключ, она, как с удивлением отметил адвокат, была из металла, к тому же, на вид, довольно толстого. Вернувшись к гостиной, он прошел

по коридору в другую сторону до ещё одной комнаты, в которой ему бросились в глаза застекленные полки, заполненные, как ему показалось, альбомами с пластинками. Вдоль правой стены тянулась электронная аппаратура. Наверное, мелькнула мысль, комбайн из проигрывателя, телевизора, радио, различных трансформаторов, а, возможно, и передатчика… Напротив этой техники размещалась библиотека. Множество книг. Любопытно, что читает Мистра? Верхние полки заполняла исключительно научно-техническая литература — несколько сотен названий. Ниже стояли труды по истории, более половины из которых на испанском языке. Из английских заголовков привлекли внимание: «История испанской цивилизации в Америке», «Испанское влияние в древней Мексике», «Годы становления Альмиранте», «Танекила Удалой», «История Большого Дома».

Донесшийся из гостиной звон бокалов напомнил ему, что не следовало оставлять в одиночестве красавицу. Вернувшись, он застал Мистру за стойкой бара, где она колдовала над бутылками.

— Попробуйте-ка вот это… Такого напитка вам, уверена, ещё не доводилось пробовать.

Усевшись в кресло, адвокат с недоверием взгля-

нул на предложенный бокал.

— Это ещё что такое?

— А вы пригубите…

Впечатление было такое, будто он взял в рот зажженную спичку. Огнем ожгло горло, а змейка пламени проскользнула далее вплоть до желудка. На глазах невольно выступили слезы. Голова словно заполнилась туманом. Он немного устыдился, увидев, как смакует напиток, иронически поглядывая на него, Мистра. А ведь, какого только пойла не доводилось ему пробовать в своей жизни.

— Продолжайте, продолжайте… — проронила она. — Это сродни классической музыке… Надо проявить настойчивость… И это лучше любого другого алкоголя.

Он глотнул ещё раз. Снова полыхнуло, но на этот раз он уже не поперхнулся и не пустил слезу.

— Что это за штука? — полюбопытствовал Стивенс.

— Октли.

Ему не приходилось слышать о его существовании.

— Когда-то его пили древние майя… А это его специальный вариант, сделанный по моему соб-

ственному рецепту.

Он отхлебнул ещё раз и спросил:

— Кто они, эти люди, что подвергли вас унизительному бичеванию?

— О! — Она передернула плечами. — Члены одного клуба.

— Что это за клуб?

— Самый закрытый из всех, существующих в мире.

У неё вырвался легкий смешок.

— Каковы условия вступления в него?

— Для этого надо обладать бессмертием, — небрежно кинула Мистра.

И залилась смехом. Ее зеленые глаза засверкали. Все в ней дышало жизненной силой и энергией. Стивенс нахмурился. Ему стало ясно, что вытянуть из неё серьезный и удовлетворяющий его ответ будет не так-то просто.

— Ладно, — уступил он. — Что это за книги у вас? И в чем состоит тайна Большого Дома?

Мистра бросила на него острый взгляд. Ее щечки порозовели, глаза неестественно блестели. В конце концов она отреагировала:

— Насколько я поняла по звукам, вы уже побывали в моей библиотеке. Что вы там успели прочесть?

— Ничего.

Но он рассказал ей о книгах, изъятых им у Теслакоданала. На её лице появилось задумчивое выражение.

— Когда мне достались эти экземпляры, в них были вырваны те же самые страницы. Вымараны и фамилии, причем, в тех же самых местах.

Они в молчании выпили ещё по глотку. У Стивенса сложилось впечатление, что Мистра собиралась что-то добавить к сказанному.

— Так получилось, — и впрямь произнесла она, — что мне известны зачеркнутые имена. Их взяли себе некоторые члены нашей… нашей немногочисленной секты.

И она снова рассмеялась, вопрошающе посматривая на него.

— Ну вот… — протянул он.

— Вот так-то.

И она снова наполнила бокалы. Он приложился ещё разок.

— Какого дьявола, — задумчиво произнес он, — расплодилось столько безумных сект в Калифорнии? Возьмем, к примеру, эту так называемую мексиканскую цивилизацию доколумбовского времени! Если когда-либо и существовали погубившие свою душу люди, то именно они были

ими.

Она наблюдала за ним сверкающими как драгоценные камни очами. Но её лицо казалось ему подернутым думкой. Стивенс мрачным тоном развил свою мысль:

— С точки зрения появления в человеческой истории отягощенных жаждой крови цивилизаций, древние мексиканцы побили все рекорды. В период упадка им требовалось приносить в жертву своим омерзительным богам и богиням уже свыше пятидесяти тысяч человеческих жизней в год!

Он нечаянно заметил, что опустошил и второй бокал. Поднявшись адвокат еле удержался на ставших ватными ногах и вынужден был, чтобы устоять, уцепиться за стойку бара.

— Впрочем, что об этом рассуждать, — пролепетал он. — Лучше поговорим о вас. И не наливайте мне более. Еще рюмка — и я окончательно наклюкаюсь.

Он кое-как добрел до Мистры и заключил её в свои объятия. Она не сопротивлялась, когда Стивенс поцеловал её и даже через некоторое время откликнулась. Это смутило их обоих. Он отодвинулся. Задрожавшим от волнения голосом произнес:

— Вы самая красивая из всех, когда-либо встречавшихся мне женщин…

Стивенс сознавал, что Мистра не переставала внимательно следить за ним. Но её взгляд он истолковал как приглашение к близости. Они вновь, и надолго, слились в поцелуе, хотя она не проявляла какого-либо нетерпения. Когда же адвокат попытался пройти по комнате, то зашатался, все поплыло у него перед глазами. Ухватившись вновь за стойку бара, он обвиняющим тоном бросил в её адрес:

— Я пьян.

— Скажите лучше, напичкан наркотическими снадобьями.

Стивенс неуверенным движением развернулся к центру комнаты. Мистру он теперь едва различал во все сгущавшейся вокруг него пелене.

— Я сделала это нарочно, — добавила она.

Он шагнул к Мистре и вдруг почувствовал, как на него стремительно надвигается поверхность пола. Падение на какой-то миг отрезвило его.

— Но зачем же вы так поступили? — Стивенс еле ворочал языком. — Что это…

То не было самым последним, что сохранилось в его памяти, но последнее, о чем он вспоминал хоть сколько-нибудь отчетливо.

8

Стивенс проснулся от брызнувших ему в глаза лучей солнца. Он долго лежал, не шевелясь и бесцельно тараща глаза на потолок странной комнаты. И вдруг разом осознал, где находится. Он рывком поднялся с кровати, не зная толком, что собирался сделать, напряженно задумался. Постепенно первоначальная скованность прошла. Он был жив. Какими бы мотивами не руководствовалась Мистра, накачав его наркотическим зельем, оно оказалось неопасным для жизни.

Его одежда лежала рядом, на стуле.

Он поспешно оделся и выглянул в коридор. Вспомнил, что рядом находится вторая спальня. Он на цыпочках дошел до нее. Дверь была незаперта. Стивенс приоткрыл её и просунул голову.

Некоторое время он созерцал спящую Мистру. Во сне она выглядела необыкновенно юной. Она показалась ему даже моложе, чем он сначала думал. Сейчас ей можно было дать двадцать четыре — двадцать пять, чем тридцать лет.

Адвокат припомнил, что в течение этой долгой ночи она была крайне взвинчена. Но так и не

смог восстановить в памяти, был ли он с ней вместе в этой комнате или в соседней. Зато в мыслях ясно видел, как Мистра много раз плакала и неоднократно что-то говорила ему про Большой Дом.

Большинство из сказанного ею растворилось в сплошной мгле. Но кое-что все же сохранилось и совершенно отчетливо. Вероятно, её слова так же безжалостно жгли ему мозг, как октли горло. Одна мысль об этих закрепившихся у него фразах повергла его в шок. Он уже собирался прикрыть дверь, но успел заметить, что Мистра, открыв глаза, сосредоточенно наблюдает за ним.

Да, да, она СЛЕДИЛА ЗА НИМ. Стивенс инстинктивно несколько подался назад. Тотчас же выражение в глазах Мистры изменилось. Они, глубоко запав, неистово запылали. Сейчас они очень походила на те, что были у нее, — весьма странные и необычные, — в тот момент, когда адвокат отключался под воздействием наркотика. Внезапно Стивенс узнал о её возрасте — больше, чем двадцать пять, больше, чем тридцать. Он вспомнил, что она упоминала о бессмертии… «Это старый-престарый Дом…», — лихорадочно шептала она в ночном мраке. Как если бы перед внутренним взором во всей своей беспощадности промелькнули какие-то скрытые циклы её

жизни, пробудив в Мистре подернутые смертью видения. «Это старый-престарый Дом…»

Стоя в коридоре, Стивенс, наконец, уразумел, — и в этом у него теперь не было ни малейших сомнений, — в чем состояла тайна Старого Дома.

А когда до адвоката дошло, что она знала, что он разобрался в этом, то его встряхнула отдававшая холодом небытия дрожь. Она приподнялась в постели, как бы потянувшись к нему. Одеяло соскользнуло с её тела и словно бы растворилось. Глаза даже при солнечном свете опаляли двумя пышущими безумным огнем воронками. Мышцы лица и тела затвердели, придавая Мистре вид каменной статуи и обезображивая её своей неподвижностью.

Но эта какая-то неестественная реакция внезапно прекратилась. Она расслабилась. Снова откинулась в постели. Улыбнулась ему и лениво протянула:

— Так… Значит, подглядывали за мной?

Своеобразное очарование, будто околдовавшее его, рассеялось. Ему представилось, что он вынырнул из неведомой, заполненной фантастическими образами бездны, и, осознавая собственное смятение и замешательство, пробормотал:

— Нет. Я собрался побриться.

— Все необходимое для этого найдете в большой ванной, что в конце коридора.

Скобля подбородок, он вдруг вспомнил: «А ведь сегодня Рождество!» Но его мысль недолго задержалась на этом факте. Из комнаты Мистры не доносилось больше ни звука. Все в её апартаментах дышало тишиной и спокойствием. И его раздумья опять потекли по необычному руслу. Интересно, раз уж идея, подобная мелькнувшей недавно, возникла у него, сможет ли он когда-либо от неё избавиться. Полностью приведя себя в порядок, Стивенс направился в библиотеку. Необходимо, убедил он себя, внимательно прочитать замеченные там вчера книги. Но «Истории Большого Дома» на прежнем месте не было. Как отсутствовали и другие издания, что он намеревался пролистать. Не видно их было и на других полках. Они попросту исчезли. Это поразило его. Казалось невероятным, что Мистра спрятала их. Он все ещё топтался в библиотеке, когда услышал шум струившейся из душа воды. Значит, Мистра встала.

Стивенс пересек гостиную и вошел в комнату молодой женщины. Щедрое солнце, заполнившее помещение, развеяло, как легкую дымку, все его

ночные фантазии и предположения. Он почувствовал себя неловко, в роли какого-то недоумка. Сказочка о бессмертии тут же растаяла. И все же оставалось нечто такое, в отношении чего ему хотелось добиться полной ясности.

С того места, где он стоял, звуки душа воспринимались как грохочущий водопад. Дверь в ванную была приоткрыта. Оттуда вырывалось облако пара, мягко оседавшее на ковре. Вскоре шум стих. Он услышал шлепанье босых ног по полу. Появилась Мистра, облаченная в пышный халат. Она взглянула на него задумчивыми, живо блестевшими глазами, но не вымолвила ни слова. Села перед туалетным столиком и стала укладывать волосы.

Стивенс терпеливо выжидал. То загадочное чувство, которое он испытал ранее в её присутствии, возникло вновь, может быть, не столь ярко, и не столь неопределенно, но в гораздо более личностной форме.

Да, ещё раз отметил он, все же Мистра действительно на удивление красива. Белокурые волосы, полные огня зеленые глаза, тонкие, ладные черты лица придавали ей вид молодой, несомненно, умной женщины. Загорелая кожа. Глядя на нее, невольно возникала мысль, что её

бабушки отнюдь не гнушались выбирать партнеров среди самых различных расовых групп. В ней явно бурлила кровь любителей острых ощущений и похождений, причем, видимо, ранних поколений.

Подобного рода мысли существенно увели его в сторону от первоначального замысла, с которым он вступил в её покои. Очнувшись, он довольно напряженным голосом обратился к Мистре:

— Ночью вас, похоже, весьма заботил вопрос о том, откуда поступил тот мрамор, из которого выстроен Большой Дом. Известно ли кому-нибудь название этого карьера?

За лицом Мистры он мог следить только по его отображению в зеркале. Взгляд молодой женщины стал пристальным, сосредоточенным. Она напряженно в упор рассматривала его. У Стивенса появилось предчувствие, что она не станет отвечать на этот вопрос. Но она расхохоталась.

— Вижу, — выдавила она из себя, — что откли опять породил во мне кошмары. Думаю, мне пора отказаться от этого напитка.

От Стивенса, однако, не ускользнуло, что смех у неё получился невеселый, а от ответа она все же действительно уклонилась. Адвокат упорствовал:

— И все-таки, как насчет названия этого мраморного карьера?

— Откуда мне знать? — парировала она. — Этому проклятому Дому более тысячи лет.

Но Стивенс не сдавался.

— В первом же абзаце посвященной ему книги говорится, что никому не известно, кто его построил. Но, возможно, есть какие-то указания насчет места происхождения материала, из которого он возведен…

Мистра продолжала разглядывать его через зеркало иронически, улыбаясь.

— Люди уже перестали меня удивлять, когда они реагируют так, как это делаете вы. Вы оказались здесь в поисках следов, ведя собственное расследование. Но, судя по всему, вас совсем не тревожит то обстоятельство, что я нашпиговала вас наркотическими средствами. По вашему лицу и задаваемым вопросам могу предполагать, что мои объяснения кажутся вам вполне разумными. Но вы, тем не менее, продолжаете задираться.

Стивенс чуть наклонился вперед, ожидая услышать нечто интересное. Но ему пришлось вновь откинуться на спинку кресла, когда он понял, что его провели. Однако, подбодрил он сам себя, бесспорен факт существования секты, испове-

дующей древний культ и жаждущей крови. Ее члены живут под именами людей, давным-давно отошедших в мир иной. Речь идет об очень закрытой группе, аморальной и, не исключено, просто преступной по своему характеру.

Он неосознанно поддавался царившей в доме атмосфере необычности в такой степени, которую всего полчаса назад считал невозможной. Стивенс встрепенулся.

— Ладно, так зачем вы все же подмешали наркотические средства?

Она ответила тут же, не раздумывая:

— Хотела сбить вас с толку и посмотреть, не удастся ли что-нибудь вытянуть из вас…

— Не понимаю…

Она пожала плечами.

— Я тоже хотела узнать, не тот ли вы человек, которым, как опасаются другие, вы являетесь.

Стивенсу понадобилось определенное время, чтобы сообразить, о чем она говорит. Изумившись, он спросил:

— И кто же это я, по их мнению?

Она повернулась и взглянула ему в глаза:

— Разве ещё не догадались?

Похоже, она сама этому удивилась. Чуть поколебавшись, она все же спокойно пояснила:

— Ну конечно же тем, кто построил Большой Дом. Кто он? Этот вопрос нас очень заботил в последние годы.

Стивенс был сбит с толку подобным объяснением. Снова все становилось полнейшей бессмысленностью, и даже переставало его интересовать. Но Мистра продолжала:

— Если вы и впрямь… его создатель… то вам удалось это утаить от меня. И все же неплохо, что остальные продолжают ломать над этим головы.

Это его напугало. Поскольку — независимо от того, было ли это все чистейшим безумием или нет, — но игра начинала приобретать опасный характер. Одного уже пристрелили. Почему бы не ликвидировать и его, если они сочтут адвоката лицом, представляющим для них угрозу. И тогда он погиб бы ни за что, ни про что, только по тому, что какой-то рехнувшийся тип счел, что ему более тысячи годков! Стивенсу стало не по себе. Он поинтересовался:

— А кто прикончил Джона Форда, охранника? Ведь это дело связано со всеми остальными событиями, не так ли?

Она отрицательно мотнула головой.

— Нет, никто из членов нашей группы в этом не замешан. Наша телепатка проверила всех

пятьдесят трех членов клуба.

— Пятьдесят трех! — поразился Стивенс.

Вот не ожидал, что получит столь ценную информацию! Судя по её виду, Мистра, видимо, не обратила внимание на его возглас.

— Это — банальное убийство, — добавила она. — Но оно, не исключено, пойдет на пользу моим намерениям. Еще точно не знаю.

Ее замыслам! Вот их-то ему и хотелось бы выяснить. Он подался к ней и, не очень надеясь на ответ, спросил:

— И что же это за планы у вас?

Последовала длительная пауза. Лицо Мистры в зеркале казалось задумчивым. Но в конечном счете она решительно открыла ящик столика и вытащила оттуда листок бумаги. Не глядя на него, она произнесла:

— Вот текст ультиматума, который я вскоре направлю по радио в адрес правительства Лориллии. Счетчик истечения срока будет включен с момента передачи послания. Ссылка на планету Марс сделана из чисто психологических соображений. Я хотела бы внушить им достаточно серьезные опасения с тем, чтобы они действительно эвакуировали указанные здесь заводы. Но лучше послушайте сами…

И она принялась ясно и неспешно твердым голосом зачитывать содержание документа:

«К трудящимся предприятий атомной промышленности, работающим над осуществлением проекта под названием „Блокировка“.

Ровно через два часа все ваши установки будут сметены с лица Земли энергоимпульсами с космолета. Атаку санкционировало правительство планеты Марс, где прекрасно осведомлены о том, что ваши руководители вынашивают планы внезапного ядерного удара по Соединенным Штатам Америки.

Немедленно расходитесь по домам. Не позволяйте никому мешать вам покинуть все предприятия до полудня. Против энергоимпульсом из космоса защиты нет.

Атомной войне на Земле не позволят разразиться».

Взглянув на Стивенса, она спокойно добавила:

— Час, может быть, я изменю, но в остальном все свершится как здесь указано. Ваше мнение?

Стивенс на мгновение почувствовал, что в

голове у него пусто, как в вакууме. Но, спохватившись, он взял себя в руки.

— Вы что, сошли с ума?

— Наоборот, в полном рассудке, — холодно отреагировала она. — И полна решимости осуществить задуманное. Но в известной степени я сейчас нуждаюсь в вашей поддержке. Ни один человек в одиночку не в силах одолеть хорошо охраняемую крепость.

Стивенс, не скрывая своего раздражения, выпалил:

— Если вы нападете на Лориллию, они сочтут, что это — акция Соединенных Штатов, после чего немедленно последуют контрмеры.

— Это смелые и гибкие люди. Они спланировали свое внезапное нападение на нас так, чтобы иметь потом возможность отрицать, что являются агрессорами. Неужто вам неясно, насколько ужасна подобная перспектива?

— Они не пойдут на это!

— Еще как… А если основные города Соединенных Штатов будут уничтожены, это равносильно тому, что стране переломят хребет и раздерут сердце. Кто, к примеру, мог бы объявить войну, если первая атомная бомба упадет на Вашингтон во время сессии Конгресса? Друг мой, вы просто

мыслите в далеких от реальности категориях. Уверяю вас, что наша группа никогда бы не стала рассматривать возможность покинуть Землю, если бы опасность не приобрела того размаха, о котором вам говорю я.

Стивенс разволновался. Он подумал: «Однако я воспринимаю это так, будто у них и в самом деле имеются космолеты, будто…» Его взгляд остановился на листке бумаги, который она продолжала держать в руке.

— Покажите-ка мне этот ультиматум…

Она протянула ему документ с загадочной улыбкой на лице. Бросив на него взгляд, Стивенс понял, что именно её так забавляло. Послание было написано на иностранном языке. Как он догадался, на том, который принят в Лориллии. Мистра, между тем, разговорилась.

— В этом как раз и состоит суть моих разногласий с остальными членами группы. Они хотели бы разобрать Большой Дом и вывезти весь строительный материал далеко за пределы Земли, пока не утихнет эта атомная гроза. Я же считаю, что мы несем определенную ответственность перед Землей и что мы не имеем права продолжать пользоваться плодами нашей науки для собственного удовольствия, как мы все время

делали это до сих пор.

— И куда же они намеревались отправиться?

Стивенс отметил про себя, что его любопытство разгорелось не на шутку.

— На Марс. У нас там имеются подземные сооружения, где Дом окажется в безопасности.

— И вы все покинули бы Землю?

— Да, но только на период ведения военных действий.

— А не преувеличены ли ваши страхи? Даже предположив, что Лориллия на самом деле вынашивает те планы, о которых вы говорите, неужели вы полагаете, что они потратят целую бомбу на Альмиранте?

Печальная улыбка промелькнула на её лице.

— Разумеется, нет. Но если прибрежные воды у Сан-Франциско и Лос-Анджелеса окажутся радиоактивными, конфликт напрямую затронет и нас. Это могло бы непосредственно повлиять на свойства мрамора, которым мы и обязаны своим долголетием… Даже те из нас, кто выступает против отлета с Земли, понимают, что в противном случае возникает риск такого уровня, подвергаться которому мы никак не можем.

Стивенс уже открывал рот для следующего вопроса, когда до него дошло, что она только что

выдала ему важную информацию.

— Так значит, — сказал он, — помимо вас есть и другие, не желающие оставлять Землю? Тогда почему бы им не оказать вам содействие?

Ее губы сжались в тонкую полоску:

— Естественно, Таннехилл вначале был настроен против отлета. На Земле он является законным собственником Большого Дома. А на Марсе нет государственной полиции, которая защищала бы эти его права. И он автоматически растерял бы там те преимущества, которыми располагает здесь над всеми остальными.

Стивенс отлично представил себе, перед какой дилеммой встал Таннехилл.

— Понимаю, — произнес он. — Но не вижу, каким образом стрельба по нему может сломить его сопротивление.

— А тут и нет никакой связи, — возразила она. — Исходная база совсем иная. В свое время члены группы выступили с инициативой добровольно поставить себя в финансовую зависимость от него. Каждый должен был по контракту передать Таннехиллу все свое имущество, а взамен получать от него стабильный доход. Если бы впоследствии кого-нибудь поймали на том, что он тайно сколачивает отдельный капитал и

прибирает к рукам недвижимость, его бы строго наказали…

— Но это чисто денежная сторона вопроса. В то время, как Дому, если то, что вы о нем рассказываете, правда, просто цены нет…

— Верно, но не забывайте, что это соглашение и было достигнуто единственно ради того, чтобы уберечь Дом от больших потрясений. И оно будет продолжать действовать… Все остальные члены группы были настолько привержены этой договоренности, что когда Таннехилла ранили, они дождались, пока его жизнь окажется вне опасности, затем устроили фальшивые похороны, и продолжали передавать свое имущество в фонд Таннехилла с тем, чтобы все было готово к отлету к тому моменту, когда Таннехилл полностью придет в сознание и подпишет распоряжение о перевозке Дома.

Все в голове Стивенса встало на свои места.

— Ясно, — кивнул он. — Таннехилл и его дядя — это одно и то же лицо, но, когда он пришел в себя, выяснилось, что хозяин Большого Дома потерял память о своем прошлом…

— Это я подстроила, — хладнокровно призналась Мистра. — Я проникла в клинику и подсунула ему кое-какие лекарства. Тем самым я

их всех застала врасплох.

— Так это ваши проделки?.. Вы… накачали Таннехилла всякой дрянью и стерли его память!

Это уже не было вопросом, а возгласом пораженного до глубины души человека. Ибо он почему-то сразу поверил ей. Беседуя с этой женщиной, наделенной стальной волей, он испытывал такое чувство, будто погружается в никому недоступные глубины. И тут он вспомнил, что является единственным доверенным лицом Таннехилла и в этом качестве выслушивает такие откровения!

Он не собирался воспользоваться ими против Мистры. Кстати, никаких доказательств её слов у него не было. Должно быть, в области химии её познания далеко обогнали нынешнюю эпоху. Но кто ему поверит? Мистру, между тем, понесло:

— В сущности воздействовать на механизм памяти проще простого. Можно проделывать это сколь угодно путем глубоких гипнотических трансов. Лекарство, которое я использовала, имеет большую длительность действия. И я в любой момент могу дать ему средство, нейтрализующее его.

— Почему другие члены группы не сделают этого?

— Потому что им неизвестно, к какому ме-

дикаменту я прибегла и в какой дозировке. Вмешиваясь, без знания этих фактов, они могут нанести серьезный вред Таннехиллу.

Стивенс покачал головой, подавленный лавиной тех сведений, которая обрушилась на него.

— Но если в Таннехилла стреляли не члены группы, то, спрашивается, кто?

— Скорее всего речь идет о несчастном случае. О какой-нибудь уличной перестрелке, в которой он никак не был замешан. Как достоверно установила наша телепатка, никто из наших к этому непричастен.

Стивенсу сразу же пришло на ум, что та же самая женщина, слывшая мастерицей по части чужих мыслей, применительно к нему допустила грубую ошибку, не сумев уловить важную информацию. Он, однако, поостерегся заводить разговор на эту тему. Но, поколебавшись, все же не удержался и пробросил:

— Мне кажется, вы слишком полагаетесь на эту телепатку… Кроме того, мне слабо верится в то, что в столь ключевой момент кто-то чисто случайно пальнул в хозяина Дома и поразил его. Не было ли ещё кого-нибудь, кто активно выступал бы против отлета?

— Да, был ещё один противник подобного вари-

анта действий, но он изменил свое мнение после того, как это сделал Таннехилл.

— Вы имеете в виду, что он действительно отказался от него?

— Тризелла проверила это.

— Так зовут вашу телепатку?

— Именно. И не недооценивайте ту опасность, которой мы все можем подвергнуться в результате такого случайного выстрела. Подобные штучки вообще являются для нас настоящим кошмаром. Все эти кораблекрушения, пьянь за рулем, пожары, перестрелки между гангстерами, война.

Стивенс стал было ей возражать фразой, начинавшейся со слова «однако»... Но передумал, и решил направить беседу в другое русло.

— За всеми этими разговорами о Таннехилле я напрочь забыл о своих прямых по отношению к нему обязанностях. Так что лучше, видно, ему позвонить сейчас же, несмотря на то, что сегодня рождественский праздник.

Она удивленно взглянула на него.

— Рождество! Да, мой напиток действительно выбил вас из колеи. Ведь сегодня уже 26 декабря. Вы что, не знали об этом?

— Что?

Едва оправившись от первоначального изум-

ления, он лихорадочно попытался вспомнить, а не произошло ли чего-нибудь важного за время его отключки, кроме того, о чем он уже знал, но безуспешно. Тогда он угрюмо проворчал.

— Все равно надо звонить, и немедленно!

Он рысцой бросился в гостиную, где, как заметил ранее, размещался телефон. Набирая номер, он обдумывал все те извинения, в которых сейчас будет рассыпаться перед боссом. Но делать этого не пришлось. Услышав его голос, Таннехилл воскликнул:

— А я как раз собирался вам позвонить, Стивенс. У меня тут один человек, с которым я хотел бы вас свести. Так что будем у вас через час. Надеюсь, вы отлично провели Рождество?

Стивенс ответил, что все прошло просто замечательно и что сейчас он находится в гостях, но мигом вернется домой. Он, облегченно вздохнув, повесил трубку. Таннехилл, как ему показалось, держался спокойно. Внешне вроде бы ничего ненормального за время, проведенное им у Мистры, не произошло. Он тут же соединился со своим офисом и хотел дать поручение секретарше:

— Мисс Чейнер, мне нужно было бы…

Но она прервала его.

— О! Мистер Стивенс, я так рада, что вы дали

знать о себе. В здании случилось несчастье. Вечером под Рождество убили Дженкинса, лифтера…

9

— Еще одно убийство! — не удержался от восклицания Стивенс.

Так, значит после охранника настал черед лифтера… Связано ли это как-то со всем делом? Косвенно Дженкинс ведь тоже был служащим Таннехилла. Но как вписать эту смерть в ту общую картину, которая начинала складываться у него? Кто-то орудовал грубо и беспощадно. Если это не имело отношения к группе, то тогда кто? Он забросал вопросами секретаршу, но узнал лишь, что полиция арестовала жену лифтера, ссылаясь на имевшие между ними место сцены ревности. Ее держали в изоляторе в качестве свидетеля.

Стивенс искренне опечалился. Он испытывал дружеское расположение к Дженкинсу.

— Ладно, — завершил он разговор. — В офисе буду позже. До свидания.

Положив трубку, он рухнул в кресло. Пока ему не было достаточно ясно, куда вся эта история могла завести. Мистра утверждала, что смерть охранника никак не была связана с группой, разве что в той мере, в какой она могла касаться Таннехилла. Та же картина с убийством Джен-

кинса. Но все это требовалось ещё доказать, как, впрочем, и многое другое. Он вернулся в комнату Мистры, которая вопрошающе взглянула на него. Адвокат сообщил ей, что вынужден отбыть для встречи с Таннехиллом и с беспокойством спросил:

— А вы? Что станет с вами?

— О! Все будет нормально.

— Может, стоит нам выйти отсюда вместе?

— Нет, — холодно отрезала она. — Меня волновало лишь, как войти сюда. А теперь я в безопасности.

В сущности он до сих пор так и не узнал, чего, собственно говоря, она так опасалась в тот вечер. Он задал ей этот вопрос:

— Они не хотят, — лаконично ответила она, — оставлять в моем распоряжении космолет.

Стивенс беззвучно открыл рот, затем закрыл его. Наконец, переспросил:

— Космолет?

Опять его огорошили. Но — и это было забавно — на сей раз ему не хотелось углублять эту тему.

— Я могу попозже вернуться, — предложил он, — и сопровождать вас, когда потребуется выйти отсюда или, наоборот, вернуться.

— Спасибо, — равнодушно откликнулась

она. — Впрочем, к тому времени меня уже здесь не будет.

Стивенс довольно спокойно воспринял то, что он сам оценил как самый изящный способ, когда-либо использованный женщиной, чтобы дать ему от ворот поворот. Он лишь с любопытством окинул её взглядом.

— А вы не боитесь, что я сейчас пойду к кому-нибудь и разболтаю все, что вы мне тут наговорили?

— Чтобы вас тут же приняли за сумасшедшего? — усмехнулась она.

Но ему так не хотелось расставаться с Мистрой.

— Увижу ли я вас еще? — прозондировал он почву.

— Может быть.

Стивенс попрощался и вышел из комнаты, тайно надеясь, что она вдруг позовет его или каким-то знаком внимания выкажет свое дружеское расположение. Но она и пальцем не пошевелила. Адвокат вызвал лифт и вскоре очутился на улице под ослепительным послеполуденным солнцем. Его часы остановились, но, по-видимому, едва перевалило за полдень.

Вскоре Стивенс уже входил в свое бунгало, куда

вслед за ним почти сразу же явился и Таннехилл. Он был один. Адвокат видел босса при дневном свете впервые, но немедленно узнал бы его при любых обстоятельствах: стройный молодой человек, бледен, впавшие щеки, при ходьбе опирается на трость.

— Мы решили прийти порознь, — заявил он. — Поэтому я прибыл чуть раньше.

Таннехилл не удосужился объяснить, ни в чем суть дела, ни кто должен был подъехать позже. Стивенс украдкой присматривался к нему, стараясь представить его себе таким, каким тот был до ранения: Танекила Удалой, лихой капитан XVII века, с крепкими как корабельные канаты нервами. Это казалось невозможным, поскольку стоявший перед ним человек выглядел несчастным, полным смятения. Нет, воистину невозможно…

Таннехилл, вздохнув, проговорил:

— Должен признаться вам, Стивенс, что прошлой ночью нагородил вам больше, чем мог бы сделать это перед любым другим человеком. И это в какой-то степени вынуждает меня раскрыть вам ещё кое-что:

— Могу лишь повторить, — заверил его адвокат, — что принимаю ваши интересы близко к

сердцу.

— Я сообщу вам нечто, что всемерно хотел бы скрыть от всех. Стивенс, я точно помню, что лежал в гробу…

Тот молча ждал продолжения. Таннехилл в нескольких словах поведал ему, как был похищен из клиники, долгое время находился на борту космолета, затем похоронен заживо, а в конечном счете опять возвращен на больничную койку.

Стивенс, поколебавшись, спросил:

— На каком этаже клиники находилась ваша палата?

— На шестом, когда я наконец-то пришел в сознание. Что было до этого, не знаю.

— Это можно проверить. Было бы интересно выяснить, не через окно ли вас вынесли. А если так, то как это им удалось?

Ему хотелось бы заговорить о космолете, но он счел тему слишком опасной, учитывая, как много он уже знал об этом деле. Да и вообще сама возможность существования космолетов представлялась ему сомнительной. С другой стороны, если члены этой группы были людьми бессмертными, то почему бы им не располагать техникой, намного более совершенной, чем та, что имеется сегодня в мире. Он поймал себя на мысли, что в

сущности верит в то, что ему рассказала Мистра.

Послышался шелест шин в подъездной аллее. Стивенс вопрошающе взглянул на Таннехилла. Тот отреагировал мгновенно:

— Находясь в Лос-Анджелесе, я нанял частного детектива. Видимо, это он. В каких рамках следует вести с ним беседу?

Стивенс был застигнут врасплох этим сообщением.

— Это зависит от того, что он из себя представляет, — уклонился он от рекомендаций.

Позвонили в дверь. Адвоката познакомили с небольшим, довольно плотного телосложения мужчиной по имени Билли Риггс. Тот сразу же взял быка за рога:

— Сначала выслушайте меня, чтобы составить мнение о моей особе, как о профессионале.

Он начал излагать свой послужной список, но Стивенс слушал его вполуха. Детектив все ещё продолжал говорить о себе, когда Таннехилл прервал его и, повернувшись к адвокату, сухо осведомился:

— О чем это вы размечтались, Стивенс?

— Знали ли вы мистера Риггса до того, как наняли его?

— В жизни его не видел.

Стивенс задумался. Этот Риггс никак не был связан с местными делами. Было бы неплохо, если бы ему удалось установить автора письма, направленного Холанду.

— Думаю, — произнес адвокат, — что лучше ему рассказать все.

Таннехилл, похоже, безоговорочно согласился с его предложением.

Излагая суть задания детективу, он прервался лишь для того, чтобы попросить Стивенса процитировать содержание письма. Затем, после некоторой заминки, добавил, что его отсутствие в клинике совпало с похоронами Ньютона Таннехилла. Когда он кончил, Риггс задал вопрос:

— Проверяли ли отпечатки пальцев?

Стивенс пребывал в нерешительности. Если Мистра сказала правду, то отпечатки должны будут совпасть.

— Никто этим до сих пор не занимался, — наконец произнес он.

— Если дойдет до суда, — посоветовал Риггс, — избегайте, несколько возможно, упоминать насчет потери памяти. Обвиняемые довольно часто прибегают к этому трюку, но в деле об убийстве, это производит скверное впечатление… Ну, а теперь мне пора браться за работу.

Он пошел к двери, но приостановился и бросил через плечо:

— Само собой разумеется, я скрытно навел справки о вас в городе. Выяснил, что семейство Таннехиллов владеет приличным куском Калифорнии, но, как вы мне сами заявили, в Альмиранте вас практически не знают. А это плохо. Так что мой вам совет: посорите немного деньгами и исправьте это положение. Создайте у жителей города впечатление, что вы склонны разделять с ними то, чем вас облагодетельствовала судьба. И тогда, в случае процесса, у них появится искушение считать, что он затрагивает и их личные интересы.

Таннехилл взглядом поинтересовался мнением Стивенса.

— Это дельное предложение, — откликнулся тот.

Риггс удалился со словами, что позвонит, как только у него появится что-либо стоящее. За время их беседы первоначальное впечатление о нем у адвоката существенно улучшилось.

— Сдается мне, — подвел он итоги, — что это как раз тот человек, который нам нужен.

Он внутренне удивился, что у него вырвалось это «нам». Но, успокоил он себя, это не могло быть

истолковано Таннехиллом иначе, как проявление лояльности с его стороны.

— Стивенс, — обратился к нему босс, — будьте добры, позвоните в бюро трудоустройства Илверс и узнайте, не подыскали ли они для меня то, о чем я просил.

Адвокат повиновался, услышав в ответ, что все в порядке: подобрана опытная экономка и слуга, которые будут готовы приступить к исполнению обязанностей 28 числа.

— Отлично, — обрадовался Таннехилл. — Программа на сегодняшний вечер такова: отобедать в ресторане, затем устроить даровую выпивку тем, кто окажется поблизости. Откровенно говоря, мне и самому хочется развеяться таким образом. Хотите присоединиться ко мне?

Стивенс отрицательно покачал головой.

— Извините, но мне лучше остаться дома и попытаться все-таки разыскать Пили. Если это удастся сделать достаточно быстро, я непременно поучаствую в этой затее угостить горожан, а заодно и прозондирую, как это скажется на их к вам отношении.

После ухода Таннехилла адвокат, увидев, что было уже три часа, чертыхнулся, и, сняв трубку, попросил соединить его с междугородней. Через

некоторое время женщина-оператор сообщила ему:

— Ваш заказ на разговор с мистером Пили выполняется, но до настоящего времени нам так и не удалось обнаружить его, хотя мы неоднократно пытались связаться с ним, как в офисе, так и дома. Не желаете ли сами переговорить с кем-нибудь из тех, кто ответит по его домашнему телефону?

— Согласен, — буркнул Стивенс.

Через минуту послышался мужской голос, должно быть, кого-то из обслуживающего персонала в резиденции.

— Мистер Пили отбыл на период праздников в поездку по пустыне… Нет, нам пока неизвестно, где он в дороге остановился… Нам искренне жаль, что мы ничем не смогли помочь после вашего первого звонка… Мистер Пили сказал, что будет поддерживать с нами контакт, но пока не сделал этого…

— Передайте, — попросил Стивенс, — как только он объявится, чтобы он немедленно связался с мистером Таннехиллом или мистером Стивенсом.

Покончив с этим вопросом, адвокат направился в Палмз Билдинг. Уже заступил на работу

новый лифтер — тесть привратника. Этот пожилой человек в прошлом времени уже подменял Дженкинса.

Тело последнего увезли почти сразу же после обнаружения убийства. Стивенсу показали место, где был найден труп, — непосредственно позади лифта. Адвокат поднялся к себе в кабинет. Задержался он там ровно настолько, сколько потребовалось, чтобы узнать адрес погибшего, по которому он тут же и выехал. Дженкинс проживал в отделанном под мрамор небольшом бунгало в городском квартале бедноты. Поскольку никто не ответил на его настойчивые звонки у двери, Стивенс обошел домик, пересек неухоженный сад и приблизился к стоявшему под деревом фургончику. Над ним вился тонкий дымок, исходивший из обломка трубы, заменявшей нормальную вытяжку. Стивенс постучался. Он сразу же узнал открывшую ему дверь женщину. То была Мэдж, одна из уборщиц в Палмз Билдинг. Она не скрывала своего удивления при виде управляющего.

— Я разыскиваю миссис Дженкинс, — пояснил Стивенс.

— Так её же арестовали. Полиция считает, что это она укокошила муженька.

— А вы, Мэдж? — самым любезным тоном

спросил Стивенс. — Вы тоже полагаете, что это сделала она?

— Да что вы, конечно, нет! С чего бы это ей так поступать? Она не из тех, кто заводит шашни на стороне. Она из женщин тихого нрава.

Все говорило за то, что уборщица была непрочь выложить все, что знала о чете Дженкинсов. Лифтер, любивший потрепаться, видимо, немало чего поведал ей в свое время.

— Мэдж, — допытывался Стивенс, — постарайтесь вспомнить, что происходило в дни, предшествовавшие его смерти. В таком случае самая ничтожная деталь может оказаться весьма полезной.

Уборщица недоуменно пожала плечами.

— Не думаю, что я могу вас серьезно помочь. Дженкинс мне рассказал историю насчет вопля, который вы слышали в офисе этих индейцев… И когда в ту ночь поздно там появился мистер Пили, он упомянул ему об этом случае и…

— Пили! — вырвалось у Стивенса.

Это было почище удара молнии. Но он сумел все же сдержать эмоции.

— Вы говорите об Уолтере Пили, адвокате из Лос-Анджелеса?

— Ну, ясно о нем. Он всегда, когда приезжал,

давал Дженкинсу чаевые в десять долларов, и человек он, несомненно, самый достойный.

В голове Стивенса начинала складываться общая картина событий последних дней, сложная и фантастическая. Но соответствовала ли она действительности? Он сразу вспомнил ту ночь, когда Теслакоданал, открыв дверь, ошибся, приняв его за кого-то другого. Он явно ожидал увидеть мужчину высокого роста и крепкого телосложения. Но таковым и был Пили…

Стивенс до сих пор как-то не задумывался над тем, что адвокат также вполне мог быть членом группы… Он попросил Мэдж:

— Если вы вспомните ещё что-нибудь интересное, то сообщите об этом мне первому.

— Можете на меня рассчитывать.

Направляясь к своей машине, Стивенс ломал голову, пытаясь понять, из-за чего Пили мог бы убить Дженкинса, если, конечно, он это сделал. Было маловероятно, что управляющий опасался, что кто-то встретит его в городе. Ведь он не был обязан перед кем-либо отчитываться по своим делам.

Этим вечером Стивенс отужинал в ресторане, а затем провел пару часов, сидя за рулем своей машины около Уолдорф Армз, наблюдая за вхо-

дившими и выходившими оттуда людьми.

У него уже сформировалась своя теория насчет тех, кто проживал в здании. Видимо, здесь члены группы не маскировались под уважаемых горожан. Следовательно, можно было, — как это произошло с Мистрой — установить их подлинное лицо. Он выделил с пяток отличавшихся степенной походкой лиц, которых он раньше никогда в городе не встречал.

Затем адвокат вернулся в Палмз Билдинг. Он почувствовал одновременно и разочарование и облегчение, когда констатировал, что окна офиса Мексиканской импортной компании зияли темными пятнами. Послушав для подстраховки под дверью, все ли тихо внутри, он воспользовался своим универсальным ключом и, войдя, зажег свет. Поискав, он обнаружил досье с адресами и добавил к тем, что уже были у него, ещё двадцать два. Затем он начал внимательно изучать терракотовую статуэтку, пытаясь сообразить, каким образом можно было бы добраться до спрятанного внутри механизма. Неясный шум заставил его обернуться. В проеме двери стоял человек и смотрел на него. Он был высокого роста, хорошо сложен. Его облик показался Стивенсу знакомым, но понадобилось какое-то время, чтобы адвокат

понял, кто это. Потому что человек был в маске, в точности воспроизводившей лицо самого Эллисона Стивенса! У того возникло ощущение, что он смотрит на самого себя в зеркало. Потом все кругом завертелось в бешеной пляске, и он стремительно погрузился в черноту мрака…

10

Стивенс очнулся в полной темноте. Ощущение такое, что под ним — голая земля. Он осторожно ощупал пространство вокруг себя. Верно, так оно и было.

Смутно вспомнилось, что его вроде бы ударили сзади. Но ни на затылке, ни на голове не было ни ушибов, ни вообще болезненных мест. Сунул руку в карман — пистолет на месте. Адвокат зажег спичку и при неверном свете её пламени увидел, что находится либо в пещере, либо в подземелье. Тьма впереди была плотной, густой. «Скорее всего, я где-то недалеко от Палмз Билдинг», — решил он. Посмотрел на часы: без пяти десять. Он поднялся и двинулся в путь, осторожно опираясь рукой о земляную стену и проверяя при каждом шаге, ступает ли он на достаточно твердую почву. Вскоре он понял, что преодолевает пологий подъем. Так прошагал он с полчаса, мучительно раздумывая, где он очутился и куда идет. Неожиданно его осенила догадка: он поднимается по холму к Большому Дому! Тот ведь отстоял от Палмз Билдинг всего в семи-восьмистахметрах.

Спустя час он уверился, что находится уже не

в подземелье, в прямом смысле этого слова. Под ногами пружинил ковер. Он резко остановился, прислушался. Все тихо. Зажег спичку. Выяснилось, что он оказался в небольшой комнате. В алькове виднелась софа, на столе стояло несколько старомодных на вид керосиновых ламп. Он попытался зажечь одну из них, но безуспешно, так и не сумев снять стекло. Только зря потратил спички. Адвокат ощупал выпуклую поверхность лампы, наткнулся на какую-то кнопку и нажал. Вспыхнул яркий свет. Он с удовольствием занялся бы выяснением, как действует этот светильник, но были дела, куда как более срочные. Ему попалась на глаза портьера. Приподняв её, он обнаружил тянувшийся за ней куда-то узкий коридор. Взяв лампу, Стивенс шагнул в него. Проход привел его к лестнице, но та упиралась в сплошную металлическую стену. Напрасно он стучал по ней, налегал плечом, искал какой-нибудь запор. Стивенс вернулся в комнату, намереваясь повнимательнее осмотреть её. Создавалось впечатление, что тут давно не ступала нога человека. Все покрывал толстый слой пыли. На диване лежала книга «История Большого Дома». Когда он взял её в руки, оттуда выскользнул лист. Его сплошь покрывали какие-то кабалистическо-

го вида знаки, а в верхней части выцветшими чернилами было начертано: «Лучше все это перевести. Этот язык становится для меня все более непонятным».

Заинтересовавшись надписью, Стивенс присел на софу. Книга открылась на главе, называвшейся: «Спасение Дома».

В ней говорилось, что специально посланная из Мехико испанская экспедиция прочесала всю страну до бухты Сан-Франциско, но так и не обнаружила Большого Дома, поскольку Теслакоданал применил смелую хитроумную уловку. Он пошел навстречу испанцам и, не колеблясь, заявил, что их проводники-индейцы на самом деле выполняли задание специально заславших их кровожадных племен. Индеец вызвался показать европейцам нужный им путь вдоль побережья. Превосходное знание им испанского языка заинтриговало де Портала, назначенного к тому времени губернатором обеих Калифорний. Этот весьма недалекий деятель настолько слепо доверился новому проводнику, что так никогда и не догадался об истинной подоплеке событий. Теслакоданал завел эту крупную экспедицию вместе с её военным эскортом сначала в глубинку, потом снова вывел их к побережью, но уже

далеко от Большого Дома. Вернулись испанцы той же дорогой, так что у тех, кто проживал в Доме, оказалось достаточно времени, чтобы принять необходимые меры защиты. Они распространили повсюду слух, что здание будет разрушено. В действительности же они просто засыпали его землей, пригнав для проведения работ туземцев с севера, которых затем всех до единого уничтожили. В книге не уточнялось, сделано ли это было по приказу Таннехилла, но в целом операция вполне удалась. На вершине холма поверх погребенного Дома высадили деревья. Соорудили там же типично испанское поместье. Танекила срочно отправился в Мехико, где закатил ряд пышных угощений для нужных чиновников и добился закрепления за собой обширных земель в Калифорнии. Концессию должным образом зарегистрировали в Мадриде, а позднее её подтвердило и американское правительство.

Стивенс представил себе на минуту Таннехилла с его жестким взглядом, выступающего в роли радушного хозяина перед людьми, ушедшими из жизни несколько веков тому назад. Адвокат чувствовал сейчас себя превосходно, отлично расслабился. Одно было ему непонятно: с какой целью кто-то из членов этой группы раскрыл ему

секрет подземного хода с очевидным намерением дать ему возможность отыскать эту комнатушку? И где находился в данный момент тот человек?

Он прислушался. Мертвая тишина. Сунув книгу в карман, он, вооружившись лампой, вновь двинулся по узкому коридору к лестнице. Еще раз попытался найти способ открыть проход в этой сплошной стене металла. Через какое-то время с него уже градом катил пот, но он упорно продолжал поиск. И он увенчался успехом: неожиданно целая панель бесшумно сдвинулась в сторону, открыв доступ в вытянутое в длину помещение. Сразу же бросились в глаза стеклянные витрины со статуэтками, аналогичными тем, что находились в офисе мексиканской фирмы. В глубине виднелась другая лестница. В целом все это напоминало музей, тем более, что в витринах лежали и старинные драгоценности. Но Стивенс не стал останавливаться, чтобы получше их рассмотреть. Он взлетел по лестнице и через пару секунд уже стоял в вестибюле Большого Дома.

Бросив взгляд через застекленные двери холла, он убедился, что снаружи все ещё было темно. На душе полегчало. Ведь по часам было невозможно определить, какое они показывали время — ночное или дневное.

Стивенс пересек гостиную, осмотрел одну из комнат, все время держась настороже. Но не было никаких признаков того, что в Доме находился ещё кто-то, кроме него. Тем не менее, он счел, что лучше в нем не задерживаться, и спустился обратно по лестнице. Прежде чем уйти в подземелье, адвокат внимательно изучил, как открывалась та панель, через которую он проник в Дом. Он прикрыл её за собой.

Стивенс опять занервничал, но он был полон решимости исследовать систему подземных ходов. Освещая себе путь необычной лампой, он какое-то время шел, явно спускаясь вниз. Добрался до развилки. Справа открывалась ещё более узкая галерея. Адвокат посмотрел на часы: они показывали четверть первого. Разумно ли было втягиваться в этот проход? Он все же решился на это. Лампа в его руке хорошо освещала путь. Галерея стала закругляться и явно привела его обратно к Большому Дому, только уровнем, видимо, метров на сто пониже. Стивенс вышел на перекресток. Куда идти теперь, засомневался он. Внимание адвоката привлек необычный отблеск стены прямо перед ним. Он подошел к ней, дотронулся. Металл, темного цвета. Он продвинулся вдоль этой искривленной поверхности шагов на

сто вперед. Неожиданно попал в тупик. Вернувшись к перекрестку, Стивенс пошел по другому рукаву. И здесь одна из стен была металлическая, другая — из скальных пород. Он несколько раз прошелся туда-сюда вдоль этой металлической стены, безуспешно пытаясь найти в ней какое-нибудь отверстие. В конце концов он отказался от своего намерения и вернулся в главное русло. Двигаясь по нему, он стал все дальше и дальше удаляться от Большого Дома. Наконец уперся в металлическую дверь, перегородившую проход по всей ширине.

И опять он некоторое время бился над тем, как преодолеть её, пока не заметил, что панель легко и бесшумно сдвигается в сторону. Переступив порог, он понял, что попал в подвальное помещение Палмз Билдинг.

Стивенс прислушался. Все спокойно. Он включил электрическое освещение и погасил лампу, оставив её на влажной земле в подземелье. Закрывая за собой панель, он заметил, что со стороны подвала она была покрыта цементом, чтобы не выделяться среди прочих стен. Адвокат поднялся в офис Мексиканской импортной компании. Там все оставалось в том же виде, каким он застал офис, когда проник туда несколькими

часами ранее. Горел свет, дверь была распахнута. На ковре валялась терракотовая статуэтка.

11

Около часа ночи Стивенс отправился на поиски Таннехилла.

Он обнаружил наследника громадного состояния в одном из элегантных ночных клубов, окруженного толпой молодежи. Тотчас же подскочил официант и преподнес полный бокал со словами:

— Это бесплатно… За счет миллионов Таннехилла…

В основном зале стоял дым коромыслом. Продираясь сквозь плотные ряди посетителей к Таннехиллу, сидевшему в глубине в некоем подобии ложи, адвокат впитывал обрывки оживленных разговоров, из которых следовало, что наследник уже отшиковал подобным же образом в других увеселительных местах, одаривая каждого официанта пятьюдесятью долларами чаевых. Кто-то толкнул Стивенса. Он узнал Риггса, который быстро пробормотал:

— Я просто хотел дать вам знать, что я здесь. Увидимся позже.

Стивенс повел Таннехилла в другой бар. Его владелец уже ждал их у порога, и было ясно, что

его предупредили об их визите. Громовым голосом он представил Таннехилла собравшимся. Их оказалось так много, что подобного скопления в ночных заведениях адвокату ещё не приходилось до сих пор видеть. Сразу же в Таннехилла вцепилось по меньшей мере с дюжину девиц, попытавшихся, и не без успеха, расцеловать его.

Таннехилл, судя по всему, находил в этом загуле удовольствие. И Стивенс в глубине души не мог осуждать его. Человек, столь долго провалявшийся на больничной койке, без сомнения, должен был испытывать потребность несколько расслабиться. Он оставил своего босса, сочтя более уместным смешаться с толпой до тех пор, пока ему тут не надоест.

Спустя час, когда Стивенс уже намеревался улизнуть, к нему подкатилась женщина с черными, как смоль, волосами и с несколько широковатым лицом, что, однако, не мешало ей отлично выглядеть. Небольшого роста, она была одета в ярко-красный костюм. Серьги отягощали внушительного размера рубины. Пальцы были унизаны кольцами, сверкавшими вделанными в них, на вид, бриллиантами и изумрудами. Драгоценности были приколоты и к одежде. Она шепнула адвокату:

— Меня послал мистер Таннехилл, чтобы мы отрегулировали последние детали контракта.

Стивенс удивленно взглянул на нее. Та довольно пронзительно рассмеялась.

— Я уже побывала в Доме, — уточнила она. — Для начала мне потребуется, по меньшей мере, три горничные. И поселить их следует где-нибудь в другом месте. Сама я, разумеется, размещусь в самом здании. Вас это устраивает?

Адвокат, наконец, понял: перед ним будущая экономка Большого Дома. Легкие пары алкоголя, туманившие его разум, мигом рассеялись. Именно об этой женщине он вел разговор в бюро по трудоустройству. Он вспомнил, как Таннехиллу не терпелось поскорее обзавестись обслуживающим персоналом.

— Если мистер Таннехилл согласен, — ответил он, — считайте, что вы приняты на работу. Когда можете приступить?

— Мистер Таннехилл хотел бы, чтобы уже с завтрашнего утра. Но я освобожусь только через два дня. Придется с этим смириться.

Она заявила это весьма твердым тоном.

— То есть, речь идет о 29-ом числе?

— Мистер Таннехилл предложил мне надбавку в 100 долларов, если я выйду завтра и 50 — если

двадцать девятого. Я предпочла последнее, — залилась она смехом.

К двум часам ночи он узнал, что её зовут Хико.

Хико Аине.

Стивенс не сразу вспомнил, где он уже встречал это имя. Да ведь оно упомянуто в книге «Танекила Удалой», дошло до него. Припомнился весь параграф: «А вот Алонсо так не повезло. Его любовница из местных индейцев по имени Хико Аине заколола его кинжалом».

Стивенс все ещё размышлял, чтобы все это могло значить, когда возвратился домой к четырем утра. Получалось, что эта шайка пыталась не мытьем, так катаньем все равно проникнуть в Большой Дом.

Он улегся в постель и мгновенно заснул.

Проснулся Стивенс в разгар дня. Первое, что он услышал, — это звон посуды на кухне. Подумав сначала, что там возится его экономка, он, однако, вспомнил, что та ушла в отпуск. Адвокат поднялся, натянул домашний халат и подался на кухню.

Перед ним на табуретке, заглядывая в открытый шкафчик, стояла Мистра Лэнетт. Она окинула его безмятежным взглядом.

— Готовлю завтрак.

Стивенс почувствовал, как у него учащенно забилось сердце. Несколько секунд он стоял, охваченный волнением, весь дрожа от возбуждения. Тем не менее, он сумел достаточно быстро прийти в себя. Адвокат внимательно взглянул на нее. Эта женщина заимела над ним такую власть, какой он вовсе не желал, хотя с её точки зрения их отношения не должны были к чему-то обязывать. Он неспешно вошел на кухню и произнес:

— Быстренько же вы вернулись для молодой мисс, которая заявила, что мы «может быть» увидимся. Так что же вы задумали на сей раз?

— Что это с вами? — сделала она квадратные глаза. — А я-то думала, что вы будете счастливы увидеть меня снова.

Он был слишком опытным мужчиной, чтобы зависеть от капризов женщины. Посему он решительно подошел к Мистре и довольно бесцеремонно заключил её в объятия. Он чувствовал волнующее касание её гибкого тела через тонкий материал пижамы. Ее губы, казалось, сами раскрылись навстречу, но она не ответила на его поцелуй. Тогда он столь же резко отстранился и холодно процедил:

— Вы сумели покинуть Уолдорф Армз без неприятностей?

— Да, — небрежно ответила она. — Я просто подняла космолет на высоту в сотню километров и вернулась на Землю в спасательном шлюпе.

Ответ был отменно неожиданным.

— Так, значит у вас и впрямь есть космолеты?

Она как раз в этот момент накрывала на стол. Не глядя в его сторону, она бросила:

— Конечно, вы сами побывали внутри одного из них…

В который уже раз она говорила о вещах, быстро следить за которыми его мозг был просто не в состоянии, и это его раздражало. Он задумался, пытаясь как-то совместить то, что она говорила, с тем, что ему уже было известно. В самом деле, апартаменты Мистры были устроены несколько необычно. Да и само здание с его куполом было прелюбопытнейшим сооружением. Все это указывало на наличие весьма фантастических возможностей, впрочем, по сути не экзотичнее тех, которые он уже воспринял, как истину.

— И как же он действует? — осведомился он. — Неужели благодаря специальному скользящему механизму купол здания раскрывается мглистой ночью и космолет в глубокой темноте устремляется в небеса?

Сказано это было в дурашливом тоне.

— Как бы странно вам это не показалось, — невозмутимо откликнулась Мистра, — но вы очень даже точно описали, как это все происходит. Однако пора бы вам привести себя в порядок после сна. А за завтраком поговорим. Время нас поджимает.

Стивенс побрился, оделся, обуреваемый самыми противоречивыми мыслями. Его взвинченное состояние несколько изменилось лишь тогда, когда он сел за стол перед чашкой кофе, гренками и беконом. Он бросил взгляд на Мистру. Безмятежно зеленые глаза, ухоженная прическа, лицо…

И тут он вспомнил о маске, найденной им в её сумочке. Тот факт, что у неё был и другой «облик», похоже, говорил в пользу того, что сейчас он видел её такой, какой она была в своем естественном виде. Стивенс подметил, что она посматривает на него с легкой улыбкой. Он решил, что маска не могла бы передавать столь тонкие нюансы в выражении лица. Он полюбопытствовал:

— А в чем состоит секрет бессмертия?

Мистра повела плечами.

— Это все Большой Дом.

Он настаивал:

— Но каким образом тот воздействует на ор-

ганизм?

— Клетки кожи дедиферренцируются.

Стивенс повторил это незнакомое ему слово, с немым вопросом взглянув на Мистру. Та пояснила.

— Клетки кожи реально обретают свою молодость, а это влияет на все тело, на все его органы, на все… Это возвращает их к почти молодому состоянию. В сущности мы все же стареем, но крайне, крайне медленно.

Стивенс покачал головой.

— Как это понимать «обретают свою молодость» применительно к клеткам? А весь остальной организм?

Ее голос внезапно стал невыразительным.

— Я же вам сказала… Секрет молодости — в коже. Сохраняйте её юной — и время уничтожено…

— В таком случае, будет ли как-то отвечать этой задаче тщательный уход за ней?

Она пожала плечами.

— Любое разумное обращение с кожей идет на пользу. Но процесс дедифференцирования носит намного более фундаментальный характер, чем эти поверхностные процедуры. Вы, естественно, слышали о живых существах, чьи лапы

отрастают заново. Этот феномен соотносится с дедифференциацией, только он происходит с кожей. Поговорим, однако, об этом более подробно как-нибудь в другой раз. Сейчас на это просто нет времени. Мне нужен адвокат.

Ее лицо сразу же приняло деловое выражение. Она наклонилась к нему.

— Вчера после обеда мистер Холанд прислал мне повестку. Он требует, чтобы сегодня ещё до обеда я побывала у него в кабинете для допроса в качестве свидетельницы в деле об убийстве Джона Форда, сторожа Большого Дома. Необходимо, чтобы меня сопровождал адвокат.

Это сообщение заинтересовало Стивенса. Теперь он более отчетливо, чем раньше, представил себе ситуацию всей их группы. Сначала все её члены взятые в совокупности, как коллектив, чувствовали себя в определенной степени ущемленными в связи с тем, что Таннехилл был единоличным собственником Дома. А теперь ещё и Мистру вынуждали давать показания — по меньшей мере, выдумывать какую-нибудь историю представителю закона. Разумеется, в принципе, она могла бы уклониться от этой обязанности, надев маску, и став тем самым совсем другой личностью. Но это было чревато другими

юридическими последствиями: любая сделка, касающаяся передачи имущества или денег от одного лица к другому, неизбежно рано или поздно рассматривается официальным лицом, хотя бы налоговым инспектором. И какой-нибудь юрист наверняка мог прицепиться к тому или иному вопросу.

Мистра предложила:

— Вы не хотите выступить в роли защитника моих интересов?

Стивенс очнулся от охватившей было его задумчивости.

— Видите ли… Думаю, что да… Хотя, подождите минуточку!

И он о чем-то стал, насупившись, размышлять. Имел ли он право в своем качестве местного управляющего имуществом Таннехилла соглашаться представлять кого-либо в таком уголовном деле без разрешения босса? Стараясь выиграть время, он спросил:

— А в какой связи вы замешаны в эту историю об убийстве? О! Я, конечно, немного в курсе, но только в самой общей форме. Может, вы мне изложите все с самого начала?

— Я была секретаршей покойного Ньютона Таннехилла и проживала поэтому в Большом Доме.

Покинула его всего несколько недель тому назад по причинам личного характера. Вот суть дела…

— И как раз в тот момент вы и видели Джона Форда в последний раз?

— Как-то раз, неделю тому назад, я заметила, как он шел по улице.

Стивенс утвердительно кивнул головой.

— Так-так. Я пойду с вами на допрос, но не могу гарантировать, что буду представлять вас на процессе в случае, если дело дойдет до суда. Возможно, это не очень-то корректно звучит с моей стороны. Но главное, сейчас — это обговорить в деталях ваши показания, так сказать, создать фон вашего выступления, чтобы оно прозвучало правдоподобно и могло быть изложено Холанду.

— Хорошо, я расскажу вам о себе, — внезапно решилась Мистра.

Стивенс выслушал её рассказ с живейшим интересном. А начала она с событий пятилетней давности, когда поступила на службу к Ньютону Таннехиллу. В принципе вначале её наняли для проведения классификации и каталогирования коллекций предметов искусства, но постепенно её работа приобрела более общий характер, и в конце концов во время длительных отлучек Таннехилла на неё пали все заботы о Доме и всего,

что с ним было связано.

То, что она оставила за кадром своего изложения, — а это было важнейшим упущением, — так это вопрос о том, почему она всего несколько лет назад испытывавшая такую нужду, что даже искала работу, сегодня была разодета в норковую шубу и разъезжала в шикарных автомашинах. Не привела она сколько-нибудь вразумительного объяснения и причин, побудивших её вдруг оставить несколько недель тому назад свою работу. А эти вопросы Холанд поставит как пить дать.

Стивенс высказал ей свои соображения.

— Мое материальное положение? — повторила Мистра, будто только сейчас подумала об этом. — О! Я выгодно помещала свои средства, следуя советам мистера Таннехилла. Он был большой дока по части таких дел.

— И все-таки, почему вы покинули службу у него?

— Я оставалась на работе, руководствуясь чувством лояльности к мистеру Таннехиллу. Понятно, что подобного рода моральных обязательств у меня не было по отношению к его наследнику.

Стивенс на минутку задумался, потом согласился.

— Выглядит правдоподобно. А сами вы не видите в этом деле каких-либо подводных камней, на которые можете напороться?

Немного подумав, она отрицательно покачала головой.

— Ничего такого, что Холанд мог бы обнаружить.

— Ладно, тогда я позвоню сейчас следователю и постараюсь добиться отсрочки показаний.

— А я пока вымою посуду, — подытожила Мистра.

Она стала убирать со стола. Адвокат наблюдал за ней, испытывая от этой сцены приятное чувство близости. Когда Мистра проходила мимо, он схватил её за руку.

— Эй, подите-ка лучше позвоните, — сурово и насмешливо осадила она его.

Стивенс набрал номер Холанда, застав того в кабинете. Быстро выяснилось, что тот не согласится ни на какие отсрочки.

— Необходимо, чтобы она явилась сегодня утром, — и никаких поблажек, — твердо заявил он. — И я не шучу, Стивенс.

— Не слишком ли формально вы подходите к этому вопросу? В конце концов она может предстать перед вами в любое другое время.

— Если до полудня она здесь не появится, — грубовато рубанул следователь, — я буду вынужден прибегнуть к насильственному приводу.

Стивенс даже и не пытался скрыть своего удивления.

— Я выражаю протест против столь неоправданно сурового обращения с моим клиентом. Но раз вы настаиваете, то мы придем.

— Да, настаиваю, — подтвердил Холанд. — А сейчас с вашего позволения, я хотел бы задать один вопросик и вам лично. Это касается убийства Джона Форда, — слащавым и вкрадчивым тоном добавил он.

— Слушаю вас.

— Мисс Лэнетт — это единственное звено, что связывает вас с этим делом?

Стивенс даже вздрогнул. «Нет, нет, — мелькнула у него мысль. — Не будет же он пытаться вынуждать меня признать, что даже сама мысль о подобном могла прийти нам в голову».

— Что вы хотите этим сказать? — настороженно спросил он.

— Никто другой не вступал с вами в контакт по этому поводу?

— Еще нет. Может, вы кому-нибудь порекомендовали это сделать?

На том конце провода явно зубоскалили:

— Ну уж нет! Послушайте, Стивенс, поставим вопрос ребром. Кого-то осудят за убийство этого негра… Сдается мне, что этот «кто-то» — крупная дичь. И у меня есть все основания полагать, что убийца встревожен, и он вполне мог бы нанять адвоката.

Стивенс неприязненно бросил:

— Так вы уже знаете, кто он? Я правильно вас понял?

— Вот именно… Думаю, что нам известен убийца. Проблема лишь в том, чтобы найти улики и выяснить мотив. Не говорю о ряде других обстоятельств, о которых я предпочитаю умолчать. Так что, Стивенс, доставьте сюда эту дамочку сегодня утром, и все устроится наилучшим образом. До свидания.

Стивенс, положив трубку, стал тут же набирать номер Большого Дома, но затем передумал. «Лучше, — решил он, — подождать встречи с Холандом. Тогда разговор с Таннехиллом будет предметнее».

В этот момент появилась Мистра.

— Воспользуемся моей машиной, — весело прощебетала она. — Сегодня я буду вашим личным водителем и готова доставить вас в любое

угодное вам место.

У неё был «кадиллак» цвета ликера «шартрез», с открывавшимся верхом. Стивенс пришел в восторг от блеска его хромированных деталей и уселся рядом с Мистрой. Пока они выбирались на шоссе, он поглядывал на неё в профиль: «Подумать только, что каких-то пять лет тому назад она была всего лишь секретаршей. А теперь… Да, нелегко будет объяснить эту метаморфозу».

По прибытии в здание суда их сразу же провели в кабинет Холанда. Тот поднялся из-за стола и уставился на Мистру. Он оглядел её во всех подробностях — от обуви «мокс» до элегантной шляпки, не забыв по пути остановить взгляд на норковом манто. Его лицо озарилось полной удовлетворения улыбкой. Затем выражение сменилось, и он грубо рявкнул:

— Мисс Лэнетт, были ли вы любовницей Ньютона Таннехилла?

Мистру, казалось, поначалу это удивило, потом вопрос представился ей забавным.

— Нет! — твердо заявила она.

— В таком случае, — с мрачным видом продолжал Холанд, — как вы сможете объяснить тот факт, что за все время работы у него вы получали по 12.000 долларов в месяц, то есть по 144.000

долларов в год в течение пяти лет. Вы должны согласиться, что это — весьма солидная сумма для секретарши, которую поначалу наняли для того, чтобы составить каталог предметов искусства…

Стивенс развернулся вполоборота, чтобы уловить реакцию Мистры. Пораженный приведенными данными, он подумал: «Вот именно, как объяснить этакое?» Спокойствие покинуло его. Конечно, абстрактно он знал, что члены группы пользовались плодами далеко продвинутой вперед науки и были людьми состоятельными. Но сейчас, когда речь зашла о конкретных цифрах, это заставило его призадуматься. И он так далеко унесся в своих мыслях, что голос Холанда доносился до него, словно из какого-то далекого далека. А тот настырно развивал свой тезис:

— …убежден, что мисс Лэнетт поймет: она обязана тесно сотрудничать с правосудием… Уверен, что ей и в голову не приходило, что начавшись однажды как простой обман, все это в один прекрасный день выльется в убийство… Разумеется, она понимает, к чему я клоню. Не так ли, мисс Лэнетт?

Но та отреагировала хладнокровно:

— Даже не догадываюсь, о чем это вы заговорили, не имею на этот счет ни малейшего понятия.

Отвергаю все обвинения и инсинуации, какой бы характер они не носили. Мне ничего не известно о смерти Джона Форда.

Холанду, похоже, не терпелось.

— Да ладно вам, мисс Лэнетт. Лучше получше вникните в свое положение. Я пока что расположен вести с вами дело на дружеской ноге. Готов пойти на то, чтобы против вас не выдвигалось бы никаких обвинений, поскольку вы выступали, скажем так, на второстепенных ролях как до, так и после, в этой криминальной комбинации, закономерно приведшей к убийству.

Стивенс счел, что пора вмешаться и ему.

— Чего именно вы добиваетесь от мисс Лэнетт? А относительно ваших вопросов, хотелось бы уточнить одно обстоятельство: как умер Ньютон Таннехилл?

Холанд с сарказмом метнул взгляд на Мистру.

— Да, да, мисс Лэнетт, — засуетился он, — укажите нам причину его смерти.

Мистра чуть заметно нервно дернулась, но ответила вполне степенно:

— У него был сердечный приступ. Доктор Лас Сьенгуас сможет вам это объяснить лучше, чем я. Именно он осматривал тело, когда мы готовились к похоронам. Раз он так сказал, я считаю, что так

оно и было. Кстати, это указано и в свидетельстве о смерти, выданном в Нью-Йорке.

— Ах, да, — игриво подхватил Холанд, — верно, свидетельство о смерти, выданное в штате Нью-Йорк. Только знает ли кто-нибудь, где оно? И вообще видел ли кто-то этот документ?

Он махнул рукой.

— Да будет вам, оставим пока этот вопрос в стороне. Мисс Лэнетт, вы не возражаете против встречи с Артуром Таннехиллом, наследником?

Мистра после секундного колебания ледяным тоном произнесла:

— Не имею ни малейшего желания его видеть.

Холанд привстал.

— Не может ли так быть, — громогласно возвестил он, — что это ваше нежелание лично увидеть его как-то связано с тем фактом, что сегодня утром, открыв могилу Ньютона Таннехилла, мы обнаружили его гроб пустым?

Он обошел вокруг стола и все с той же язвительностью закончил фразу:

— Если вы не слишком против, то мы немедленно отправляемся в Большой Дом, и я вас представлю мистеру Артуру Таннехиллу. Что на это скажете?

Стивенс поспешил вступить в разговор.

— Я сейчас же позвоню мистеру Таннехиллу и поставлю его в известность о сложившейся ситуации.

Холанд его буквально испепелил взглядом.

— Ну уж нет, ни о чем вы его предупреждать не будете. Я хочу, чтобы это произошло неожиданно для него.

Стивенс с неподдельным гневом воскликнул:

— Ничего более невероятного в жизни не видел! Вы отдаете себе отчет в том, на что идете?

— Еще никогда я не был столь уверен!

Стивенс напряженным тоном бросил:

— Ради Бога, одумайтесь! Неужели вы намерены обходиться столь бесцеремонным образом с Таннехиллом? А что скажете об отпечатках пальцев? Их же наверняка можно сверить и быстренько свернуть всю эту историю…

Но едва эти слова сорвались у него с языка, как адвокат почувствовал себя крайне неуютно. Ведь если Мистра сказала правду, то отпечатки пальцев у дяди и его племянника окажутся одинаковыми. Но с другой стороны, представлялось совершенно невероятным, чтобы они даже не подумали о такой возможности. А если они приняли меры, что было маловероятно, чтобы этот вопрос имел какое-то значение. Холанд ему ответил:

— Мы сделали все необходимое в этом плане, пойдя обычным путем. Но выяснилось, что нигде нет ни одного документа с отпечатками пальцев Ньютона Таннехилла. А поскольку законными признаются только официальные отпечатки, то вопрос для нас оказался закрытым.

Стивенс так и не смог разобраться, испытал ли он от этого известия облегчение или нет.

— В любом случае, — примирительно заявил он, — дайте мне возможность позвонить мистеру Таннехиллу и договориться о встрече. Уверен, что это дело можно решить, не прибегая к никому не нужным силовым приемам.

Холанд отрицательно мотнул головой.

— К черту все ваши предложения! Все равны перед законом. Никакого фаворитизма. Вы пойдете с нами или предпочтете, чтобы я распорядился полицейскому задержать вас здесь до тех пор, пока мы с мисс Лэнетт не прибудем в Большой Дом?

Стивенс уступил. Спустя пару минут, когда они спускались по лестнице, он подумал: «И все это из-за того, что когда-то Холанда выгнали с работы у Таннехилла. И теперь он постарается нанести сокрушительный удар».

12

В Большом Доме был всего один этаж. Но все равно он смотрелся на вершине холма как величественное сооружение. За истекшие века его неоднократно переделывали внутри, но его внешний вид оставался неизменным.

Круто обогнув небольшую рощицу, машина сразу выскочила к лестнице, о монументальности которой Стивенс как-то уже позабыл. Ведь при взгляде на Дом снизу её скрывали плотные ряды деревьев. Лестница занимала весь фасад здания — порядка 30 метров — и вела к широкой террасе, куда выходила двустворчатая дверь с рамами из толстого стекла.

Как и сам Дом, лестница была сработана из мрамора серовато-белого цвета. Наверх вели двадцать пять ступенек.

Они поднялись по ним, и Холанд позвонил в дверь. Пока они ожидали, Стивенс прохаживался по террасе, мысленно вопрошая себя, возможно ли, чтобы тысячу лет тому назад женщина — живущая и поныне! — разгуливала здесь, наслаждаясь свежестью ласкового ветерка, долетавшего с того же самого, но неизвестно сколь

древнего океана? В те времена этот регион звали иначе, не как сегодня — Калифорния. То была эпоха до нашествия ацтеков и даже полумифических толтеков. Его охватила внезапная грусть, горячее желание приобщиться к вечности и отвращение при мысли о неизбежной старости и конечной смерти, в то время как красавец-Дом будет по-прежнему нести свою вечную вахту.

Он всмотрелся в мраморные плиты. Там и сям по краям были отбиты мелкие кусочки. Он подобрал два-три осколка и положил их в карман, намереваясь отдать их на химический анализ.

Обернувшись, он встретился глазами с Мистрой, которая явно забавлялась, наблюдая за ним.

Холанд вновь и вновь нажимал на кнопку звонка. Наконец дверь приоткрылась, и Стивенс услышал голос Таннехилла. Он поспешно вышел вперед и обратился к боссу.

— Мистер Таннехилл, я хотел предупредить вас об этом визите, но мне угрожали арестом, если я это сделаю.

Таннехилл смотрел на него, насупив брови.

— Входите, — произнес он. — Я отдыхал после обеда, а прислуги у меня пока ещё нет. Сюда, пожалуйста…

Они вошли в громадный вестибюль. В глубине виднелась лестница, которая вела в подвальные помещения. С дюжину дубовых дверей справа и слева обозначали комнаты. Когда они проходили в ближайшую из них, Стивенс сумел незаметно шепнуть Таннехиллу:

— Плохи дела.

— Я этого и ожидал.

Они уселись в гостиной. Только Таннехилл остался стоять, устремив взгляд на Мистру.

— Ага, — проронил он, — так это вы, значит, были секретарем моего дяди, Мистра Лэнетт… Та самая молодая женщина, которая без всякого предупреждения, как раз накануне моего приезда, уволилась. Зачем вы это сделали?

Холанд оборвал его.

— Думаю, что могу объяснить её поступок. На мой взгляд, есть определенные основания полагать, что мисс Лэнетт была любовницей… э-э-э… вашего дяди… Но недавно, с пару лет тому назад, он порвал с ней… И единственной для неё возможностью отомстить… вашему дяде, была эта попытка насолить вам.

Таннехилл махнул рукой.

— Хватит заниматься этой историей. Вы вскрыли могилу?

— Да.

— И что обнаружили?

— Пустой гроб.

— Вы собираетесь выдвинуть против меня обвинение в убийстве?

— Естественно, — отозвался Холанд. — Да, я непременно это сделаю.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Таннехилл.

Но Стивенс подметил, что его босс побледнел. Возникла пауза. Стивенс хранил молчание. Он не считал, что форсируя события, Таннехилл допустил ошибку. Никто лучше него не представлял, насколько сейчас взбешен Холанд, которого не могло не поразить то, как одним махом были расстроены все его планы.

Таннехилл тем временем проковылял до кресла и тяжело опустился в него. Холанд подался вперед и, взглянув на Мистру, спросил:

— Ну что, мисс Лэнетт, вы намерены начать разговор?..

Таннехилл поднял на него глаза. Его щеки слегка порозовели.

— Я хотел бы задать несколько вопросов мисс Лэнетт, — начал он.

Но Холанд грубо отрезал:

— Вы сможете это сделать в суде у стойки для

свидетелей. А все, что мне сейчас от неё нужно, это...

Но тут вмешался Стивенс. Он, чуть не взвизгнув, потребовал:

— Холанд, сначала четко и ясно изложите мне характер ваших обвинений в адрес мистера Таннехилла! Собираетесь ли вы обвинить его сразу в двух убийствах — своего дяди и Джона Форда? Или же речь идет только о последнем?

Следователь на минутку задумался.

— Обвинение мы сформулируем в момент ареста.

— На мой взгляд, — наступал Стивенс, — мотивы, которыми руководствуется БЫВШИЙ управляющий имуществом Таннехиллов, будут дурно для него истолкованы, если он в качестве следователя выдвинет обвинение против своего прежнего работодателя. Вы действительно готовы пойти на такой риск?

Было, однако, очевидно, что Холанд был не из тех людей, которые чрезмерно обеспокоены своим будущим.

— Понятное дело, — парировал он, — арест состоится лишь тогда, когда против мистера Таннехилла будет собрано достаточное количество улик. В настоящее время мы работаем в клини-

ке, где он проходил курс лечения, — проверяем, что там приключилось с ним 3 мая с.г. Параллельно идет сбор материалов ещё по двум-трем направлениям. Во всяком случае, я официально предупреждаю мистера Таннехилла, что ему лучше пока воздержаться от выезда из города.

Таннехилл встал. Разговор, казалось, утомил его.

— Представляется, — сухо заметил он, — что мистер Холанд совершает ошибку, пытаясь удовлетворить свое честолюбие без поддержки… местных финансовых кругов, которую, я уверен в этом, он мог иметь, иди он верным путем. Во всяком случае могу заявить ему следующее: если он предпочитает сломать себе шею, выдвигая против меня это смехотворное обвинение, то он ввяжется в схватку, где будут позволительны все приемы борьбы. А теперь, до свиданья, мистер Холанд… Думаю, мы ещё встретимся…

Холанд, ерничая, наклонил голову:

— О, я уверен в этом, — поднявшись, он обронил: — Вы идете, мисс Лэнетт?

Мистра подлетела к Стивенсу.

— Я подброшу его и вернусь за вами.

Ответа от адвоката она дожидаться не стала. Мистра вышла вместе со следователем. Стивенс

заметил, что Таннехилл наблюдал за ним. Как только закрылась дверь, он обратился к адвокату:

— Что вы хотели сказать, когда упомянули о Холанде как о бывшем управляющем?

Стивенс объяснил ему. Тот, помолчав, обронил:

— Люди, как правило, не любят, когда у них возникает чувство, что их покупают. Но не удивляйтесь, если я вдруг попытаюсь поманить Холанда, сделав вид, что не буду противиться его возвращению на прежнее место. Поймите меня правильно: этого на самом деле не состоится. После того, что произошло, ни я, ни Холанд доверять друг другу, естественно, больше не сможем. И все же перспектива вновь отхватить лакомый кусочек в смысле заработка, может в известной мере повлиять на него позитивно, хотя от предложения, сделанного слишком откровенно, он будет вынужден отказаться.

Стивенс предпочел смолчать. В душе он отнюдь не был уверен, что Холанд отклонит подобный вариант, даже в его аляповатой форме. Он спокойно спросил:

— Мистер Таннехилл, как вы думаете, какие причины могли бы побудить человека притво-

риться мертвым — а значит, уплатить крупную сумму налога на наследство, — чтобы затем вновь вступить во владение своим же состоянием, выдав себя за его племянника?

— Не городите чепуху, — остро среагировал тот. — И все же кое-какие мысли на этот счет бродят в моей голове, которые, ясное дело, вам не терпится узнать. Мне представляется вполне очевидным, что меня положили в гроб и похоронили потому, что тело моего дяди имело такой вид, в каком выставлять его перед публикой оказалось невозможным. Какое иное логическое объяснение можно было бы ещё представить? И всю эту комбинацию затеяли те, кто убил его. Тот, кто решился на этот шаг, был крайне заинтересован в том, чтобы дядю похоронили законно и так, чтобы ни у кого и мысли не возникло о возможном убийстве. Именно поэтому пошли на то, чтобы похитить из клиники мое тело в тот момент, когда я находился без сознания, и подменить им труп моего дяди. Должно быть, мы были очень похожи друг на друга. Исходили из того, что, находясь в подобном состоянии, я никак не смогу что-либо вспомнить о том, что происходило.

Это была чертовски правдоподобная версия. Стивенс осторожно заметил:

— Можно было бы попытаться направить ход всего расследования как раз в таком русле. Дело стоящее.

Таннехилл, однако, продолжал оставаться мрачнее тучи.

— Как следует воспринимать мисс Лэнетт? — вместо ответа спросил он.

Адвокат отозвался нерешительно:

— В качестве секретаря вашего дяди она, несомненно, фигурировала бы в роли основного свидетеля. Но меня беспокоит не столько то, что она могла бы в этом случае сказать, сколько то, что могло бы всплыть в отношении её положения в Доме, бросающегося в глаза богатства и других вещей подобного рода…

— Понимаю, — задумчиво произнес Таннехилл.

— Извините меня за прямоту. Но обстановка складывается явно не в вашу пользу.

Босс, по-прежнему озабоченный и настороженный, заговорил вновь:

— Кажется, я знаю, чего добивается эта мисс Лэнетт, и если понадобится, пойду на это. Хотелось бы, чтобы вы, Стивенс, крепко уяснили себе, что нет ничего такого, к чему я не был бы готов. Изучая историю моего рода, я понял, что

попавший в отчаянное положение, но не растерявшийся удали человек в условиях кризиса, не должен ничем ограничивать свои действия.

Стивенс невольно подумал: интересно, какие же книги он прочитал о своей семье и о Большом Доме. Но уточнять не стал. Послышался шум подкатывавшего по аллее к подъезду автомобиля. Адвокат поспешил суммировать их беседу:

— Мистер Таннехилл, в моем представлении главное в данный момент — избежать ареста. В этих целях, как мне думается, было бы оправданным максимально сыграть на том уважении, которым пользуется семья Таннехиллов в Альмиранте. Я рассчитываю на то, что газеты примут вашу сторону и не станут печатать ничего, идущего вам во вред. Но для этого, по моему мнению, их следует предупредить о складывающейся ситуации, причем сделать это надо нам самим.

Таннехилл выслушал Стивенса с явным неудовольствием и нехотя уточнил:

— Вы полагаете, что такие прежние акции полезны?

— Я намерен также нанести визиты судьям Портеру и Адамсу. У меня такое впечатление, что они не в курсе того, что плетет Холанд.

Сам Стивенс верил в то, что говорил, лишь на-

половину. Он допускал, что члены группы, если их брать в целом, не знали, что затевалось против них. Но в этом вопросе нельзя было доверять Мистре. Ее предубеждение против Таннехилла могло побудить её и пальцем не пошевелить ради его спасения. К тому же, она вынашивала свои собственные планы.

Таннехилл протянул ему руку.

— В сущности, Стивенс, ваша идея начинает мне нравиться все больше и больше.

— Если все повернется худо, то наилучшей для вас защитой было бы самим разоблачить убийцу. Я позвоню вам, как только появится что-либо новенькое.

Выйдя на террасу, он увидел, как машина Мистры вписалась в поворот. Над головой сияло чистое небо, Тихий океан своими искрившимися на солнце волняшками походил на громадное скопление драгоценностей, обращенных в жидкое состояние. Дома и здания в раскинувшемся внизу городе, казалось, запахнулись в шубку из пышной зелени.

Мистра остановила авто у подножья лестницы. Открыв дверцу, она крикнула:

— Скорее!

Встревоженный её тоном и выражением лица,

Стивенс быстро занял место рядом с ней, на ходу спрашивая:

— Что стряслось?

Не ответив, она рванула с места. Нажала на кнопку, и откидная крыша автоматически стала на место, а дверные стекла поднялись из пазов.

Спустившись вниз по главной аллее, она вместо того, чтобы свернуть и выехать на шоссе, объехала вокруг кучки деревьев и углубилась в узкую мощеную дорогу, спускавшуюся вниз между двумя рядами живых изгородей. Скорость машины настолько возросла, что Стивенс не удержался от возгласа:

— Мистра, ради Бога! Что вы делаете?

Метров через пятьдесят дорога внезапно обрывалась, казалось, прямо на краю берегового утеса. Ошеломленный и всерьез обеспокоенный Стивенс повернул голову к Мистре. Он увидел, что её рот и нос были закрыты какой-то прозрачной полумаской. Одновременно он учуял появившийся в машине странных запах.

Газ!

С уже замутненным сознанием он потянулся к ручному тормозу, но голова слегка задела приборный щиток. Какое-то мгновение его разум ещё что-то воспринимал, потом погрузился в

кромешную тьму.

13

Стивенс поморгал и услышал, как Мистра обращается к нему:

— …Можете позвонить мистеру Таннехиллу, если хотите его предупредить.

Слова ему показались лишенными всякого смысла. В памяти молнией промелькнуло воспоминание о катастрофическом положении машины, стремительно скатывавшейся к краю обрыва, и он инстинктивно вновь потянулся к ручному тормозу.

Но никакого тормоза не существовало.

Оторопев, адвокат огляделся и увидел, что находился в апартаментах Мистры. По правую сторону — бар, слева — коридор, который вел к спальням. В окно неудержимым потоком вливалось буйное солнце. В углу мурлыкало радио, а Мистра, которая в момент, когда он пришел в себя, должно быть, находилась за стойкой бара, вынырнула оттуда с двумя наполненными бокалами.

Взглянув на Стивенса, она промолвила:

— Уверяю вас, вы вполне можете позвонить прямо отсюда. Через систему реле телефон связан

с городской сетью.

Стивенс взглянул на аппарат, потом обхватил руками голову, не в силах понять, о чем это она толкует. Одновременно он силился уразуметь, что с ним произошло. Но в голове неизменно возникала одна и та же картина: машина мчится на полной скорости к пропасти, а он безуспешно пытается остановить этот смертельный полет… Зачем…

Потом — пробуждение здесь.

Он прокурорским оком взглянул на Мистру:

— Чем это вы воспользовались, чтобы лишить меня сознания?

Она усмехнулась.

— Извините. Но, с одной стороны, у меня совсем не было времени пускаться с вами в объяснения, а с другой — я подумала, что вы можете оказать мне помощь в той борьбе, что я веду.

Он раздраженно фыркнул:

— Если мне не изменяет память, вы должны были отвезли Холанда к его месту работы, а…

Она не дала ему договорить:

— Я установила контакт с группой. Объяснила им, что замыслил Холанд. Было решено, что главное — это замять все дело! Соответствующее давление на Холанда будет оказано. Но у нас нет

уверенности, что оно возымеет действие.

Стивенс подумал о всех самых влиятельных в городе лицах, которых он причислял к членам группы и кто мог бы воздействовать на следователя. Он отрывисто спросил:

— А почему, собственно, это может не сработать?

Мистра покачала головой.

— Дорогой мой, вы не понимаете сути. У Холанда проснулись политические амбиции. Если его друзья слишком сильно надавят на него, он способен развернуться и против них. Однажды в нашей истории так уже бывало, и мы на несколько лет утратили контроль над городом. И не желаем, чтобы это повторилось.

Стивенс поинтересовался:

— Что намерена предпринять группа?

— Ясное дело, сначала попытаются отговорить Холанда. В случае неудачи решено не мешать ему действовать, как он хочет. Но тогда, естественно, будет сделано все, чтобы поломать его карьеру.

— Вы имеете в виду позволить ему арестовать Таннехилла? Весьма сожалею, но что касается меня, то я сделаю все, чтобы не допустить этого?

— Почему?

— Не могу не думать о том, — спокойно нанес

удар Стивенс, — что женщина, напичкавшая Таннехилла наркотическими снадобьями, возможно, не слишком близко к сердцу воспринимает его интересы. А если и вся группа его ненавидит, то операция, не исключаю, будет скорее походить не на его вызволение из беды, а не некое легальное линчевание. Так вот, я в такие игры не играю.

— Группа может и не любить его, — возразила Мистра, — но этот никак не повлияло на принятое ею решение. Все её члены согласны, что смена собственника в нынешних условиях обернулась бы возникновением чрезмерных осложнений. В семье нет наследника. Может статься, что мы вообще потеряем Дом. Я сразу почувствовала, что должна воспользоваться этим случаем, чтобы отговорить группу от намерения покинуть Землю, но я пошла на это без всякого удовольствия.

— Есть нечто, что я не улавливаю. Вы допускаете, что группа искренне и всецело хочет замять это дело. Но в состоянии ли вы поклясться, что она не планирует пожертвовать Таннехиллом?

Мистра ответила, не задумываясь.

— Поклясться не могу. Но, зная их такими, какие они есть, верю в это.

Стивенс не мог не признать, что ответила она вполне искренне. Конечно, Мистра не могла

выступать гарантом в отношении каждого члена группы, чьи тайные намерения знала, разве что только телепатка.

— На мой взгляд, — продолжил он, — нам следовало бы в любом случае избежать скандальной и шумной формы ареста. Полагаю, что вполне можно было бы устроить так, чтобы Таннехилл явился бы со своим адвокатом и тут же был бы освобожден под залог. Нет никаких заслуживающих внимания причин для того, чтобы Холанд вел это дело так, как ему заблагорассудится.

— Тогда лучше будет, если вы все же позвоните Таннехиллу. На Холанда уже начали давить со всех сторон. Но если он отреагирует так, как мы допускаем, то через час он все равно выпишет ордер на арест.

— Что? — вскинулся Стивенс.

Он рывком поднялся и уже через минуту разговаривал с Таннехиллом по телефону. Он объяснил ему, как развивается ситуация, не раскрывая источников информации, и изложил ему свой план. В заключение он сказал:

— Вам надо, порывшись в вашей собственности, отыскать какой-нибудь автомобиль, который могли бы не так-то легко установить. Если сможете, выходите из машины без трости, и

позаботьтесь об усах... Мы могли бы встретиться в известном вам месте и действовать так, как я предложил.

Таннехилл воспринял его план с полным спокойствием.

— Дельный совет, Стивенс. Делаю все в соответствии с вашими рекомендациями.

Стивенс, облегченно вздохнув, повесил трубку. Мистра самым естественным тоном предложила ему:

— А теперь вам лучше взглянуть в окно!

— Это ещё зачем? — удивился адвокат.

Он нахмурился, заподозрив что-то неладное. Жалюзи были приоткрыты, жаркие лучи солнца заполняли всю комнату. Он приблизился к окну, заглянул в него и зашатался на грани обморока, несмотря на смутное предчувствие, уже охватившее его до этого.

— О, Боже мой! — пролепетал он.

Небо было угольно-черным. А под ними простиралась необъятная бездна.

Несколько оправившись, он взглянул ещё раз. Проплывавшая под ними Земля выглядела бесформенной и какой-то нереальной глыбой. Но её кривизна была заметна. Ему сразу же припомнились фотографии и фильмы, сделанные с ракет

и искусственных спутников. Они смахивали на ту причудливую картину, которая развернулась сейчас перед ним.

Стивенс отошел от окна, прошел мимо Мистры, а затем со всех ног бросился в коридор, который вел в библиотеку. Металлическая дверь наверху лестницы была теперь открыта. Он вскарабкался по ступенькам и вступил в то, что неоспоримо было командной рубкой космолета. К полу были привинчены четыре кресла. Пульт усеян всевозможными приборами и телеэкранами. На одном из них отображалась Земля. Специальные «окна» обеспечивали круговой обзор.

Космолет, казалось, парил. Не было никакого ощущения движения, никакого шума двигателя. Стивенс уселся в одно из кресел. «Так значит, — мелькнуло в голове, — вся её квартира — не что иное, как космолет! А купол, возвышавшийся над Уолдорф Армз — его ангар. И она вовсе не насмехалась тогда надо мной…» Он удивился, как долго «созревал», чтобы всерьез воспринять подобные мысли. Понадобилось воочию взглянуть самому, чтобы согласиться с их реальностью.

Теперь он вспомнил и о её намерении атаковать Лориллию. Размеренным шагом он вернулся в гостиную. Мистра сидела на диване. Бокалы

поставила на столик. Испытующе взглянула на него.

— Ну и как, все ещё не хотите помочь мне?

— Не могу.

— Почему же?

Ему очень хотелось подкрепить свою позицию убедительными доводами, но они почему-то не приходили на ум. Поэтому он в конце концов проворчал:

— Откуда у вас эта убежденность, что вы нуждаетесь во мне?

Она тут же ответила.

— Теоретически все запрограммировано в автоматическом режиме так, чтобы я была в силах выполнить задуманное в одиночку. Но на практике мне будет трудно одной справиться с защитным огнем противника.

— Вам придется спускаться так низко?

— Да. На очень короткое время мы окажемся в поле досягаемости самой мощной ПВО в мире. Космолет не создавали для ведения войны. Поэтому-то другие члены группы и оставили его в моем распоряжении, прямо заявив мне об этом сегодня. Они полагают, что никто из нас не рискнет пойти на верную смерть.

— А вы, значит, рискнете…

— Да, Эллисон. Так надо. Другого пути не существует…

Он хотел ей возразить, но не нашел нужных аргументов и просто сказал:

— Но к чему такая спешка?

— Я получила сведения решающего характера. Нападение на Соединенные Штаты назначено на октябрь, вместо первоначального срока — январь следующего года…

— Но ведь ещё целых восемь месяцев…

— Вы не схватываете ситуацию. Те бомбы, которые намечены к использованию, пока ещё складированы в одном месте, но теперь они их рассредоточат. Вы должны мне поверить… Помогите мне… Эллисон, это — условие вашего приобщения к Большому Дому…

Предложение было слишком неожиданным, чтобы он мог сходу осознать всю его значимость. Но где-то в глубине души он признавался сам себе, что должен был ожидать нечто подобное со стороны Мистры. Ведь с учетом всего того, что ему уже было известно, у группы оставалось одно из двух: либо принять его в свои ряды, либо уничтожить.

Осознав подобную альтернативу, он весь напрягся. Но тот факт, что Мистра сама находилась

в опасности, обесценивал её предложение. Поэтому он довольно уныло пробубнил:

— Сомневаюсь, что вам одной по силам открыть мне допуск в Большой Дом.

— А я считаю, что это реально, — отозвалась Мистра, но не глядя на него. — Дорогой моя, столь долгая жизнь не обходится без черных периодов. Порой задаешься вопросом: что все это значит? Куда ведет? Я когда-то играла с ребятишками. Девяносто лет спустя никого из них уже не было в живых, а меня время совсем не затронуло. Это трудно вынести, смею вас заверить. Некоторые из нас встали на позиции цинизма и бесчувственности, отгородившись этим, как щитом, от жестокости циклов обычной жизни. Какое-то время и я придерживалась этих взглядов. Жила только настоящим моментом. У меня было бесчисленное количество любовников, которых я бросала, как только они начинали стариться. И, наоборот, была такая эпоха, когда я жила, словно монашка. Потом наступила реакция на это состояние. Понемногу я выработала более здоровую философию жизни — долгой жизни. Любопытно, что она опирается на простые истины, на понятия добра и разумности, на признании необходимости достижения тонкого равновесия между

душой и телом, и на других принципах, которые кажутся более банальными, чем являются таковыми на самом деле. Но я пришла к мысли о том, что у женщины есть одна потребность, важнее которой для неё ничего нет, но именно ее-то я так и не позволила себе. Угадайте, какая?

Стивенс взглянул на нее, тронутый необычными для голоса Мистры теплотой и серьезностью. Внезапно он понял, что она хотела сказать.

— У вас никогда не было детей, верно?

— Это закон группы: никакого потомства. Когда-то, очень давно, кое у кого оно все же появилось. Детей пристроили куда-нибудь подальше. И я считала, что так оно и должно быть. А сейчас — нет. Вот уже десять лет как я ищу мужчину, который мог бы стать отцом моих детей. Эллисон, неужели вы ещё не догадались, что мне хотелось бы видеть вас в этом качестве?

Произнося эти слова, она мягко накрыла своими пальчиками его кисть. Стивенс не видел, как она делала этот жест, и внезапный телесный контакт застал его врасплох, сильно взбудоражив. Его словно пронзило током. Он схватил её за руку, сжал её и чувственно поцеловал.

— Но почему я? — глухо выдавил он.

— Знаю, что я несколько излишне холодна,

немного «синий чулок», Эллисон, но у меня нет больше времени, чтобы объяснить вам все, что я чувствую и надо что-то предпринять, чтобы спасти Землю, Эллисон. Искренне верю, что испытываю к вам свою первую настоящую любовь, такую, какую не видела ещё никогда в своей долгой жизни.

Ее голос звучал заманчиво и сладко. Он привлек Мистру к себе, не убежденный, однако, до конца в её искренности. Но она с такой страстью прижалась к нему, что все его сомнения мигом улетучились.

— Мистра, — прошептал он, — вы бесподобно прекрасны.

— И не забудьте, что это гарантировано навечно…

Это-то он и упустил. Но отогнал эту мысль прочь.

— Вы говорили, — упрямо настаивал он, — что хотели бы подарить этому миру новую человеческую жизнь. А подумали ли вы о тех тысячах жизней, которые вы отнимете, развязав нападение на Лориллию?

Она отстранилась.

— Разве я не показывала вам обращение, которое прозвучит в эфире перед атакой?

— Ну, вы же прекрасно знаете, что от него не будет никакого проку.

Она склонилась к нему.

— Эллисон, удар должен быть нанесен, не взирая ни на какие потенциальные жертвы. И вы должны мне помочь… Вы не можете упустить такой шанс: войти в Дом, обретя нашу любовь.

Казалось, он заколебался на какое-то мгновение, но затем мотнул головой.

— Весьма сожалею, дорогая… Я бы ради вас отдал почти все, но…

И он бессильно развел руками.

— Но вам ничего не надо отдавать…

Стивенс ответил не сразу, однако решение уже принял. Если он сделает этот шаг, то эмоционально он потеряет свободу. Он остро и зримо увидел, что эта женщина его полностью закрутит и подавит, и что он не будет даже испытывать желания как-то высвободиться из-под её влияния. Надо было решаться сейчас — идти вперед или отступить.

Он не критиковал её. Она твердо верила в свою миссию. Но то была проблема, которая касалась и его непосредственно. На заводах, что она намеревалась подвергнуть бомбардировке, работали тысячи людей. И они останутся на своих местах,

несмотря ни на какие её предупреждения. Он, Стивенс, не мог помогать ей в этом деле, которое ставило под угрозу столько жизней. Он, запинаясь, изложил ей свои резоны. Адвокат чувствовал себя при этом в несколько глупом положении, как если бы ему вдруг в какой-то степени не достало мужского начала. Но он ничуть не сомневался в справедливости приводимых им доводов. Один мужчина плюс одна женщина не могли развязывать войну против целой нации.

Когда он закончил свои объяснения, она задумчиво произнесла:

— Я доставлю вас обратно в Альмиранте, как только стемнеет.

14

Ночь была темной, хоть выколи глаз, и не считая шума от резвившегося в ветвях деревьев океанского бриза, все на кладбище было спокойно. Прождав Таннехилла более часа, Мистра потянулась на сиденье машины и тихо промолвила:

— Может, его по пути задержала полиция…

Стивенс ничего не ответил, но про себя подумал, что это не исключалось. Распорядившись арестовать Таннехилла менее, чем через час после того, как он вернулся в кабинет, Холанд вступил на путь, на котором ему уже не было обратного хода.

Еще через полчаса, как раз перед полуночью, Мистра заговорила снова:

— Я бы могла остаться здесь. А вы сходили бы и позвонили в полицию, выяснив, задержала она его или нет…

— Еще не время… Он мог задержаться по тысяче различных причин.

Опять воцарилась тишина. Стивенс предложил Таннехиллу кладбище для встречи потому, что это было хорошо знакомое обоим место. Через

какое-то время молчание нарушил он:

— Я много размышлял по поводу вашей группы. Были ли в прошлом серьезные стычки между её членами?

— Нет, с тех пор, как мы ввели в её состав две сотни лет тому назад телепата.

— Меня удивляет тот факт, что лишь она одна может читать мысли. Я-то полагал, что долгая жизнь легко приводит к телепатии…

— Нет, это не так. Как-то один из членов группы повстречал в Европе семью, предрасположенную к этому дару. Мы проводили испытания с ней в течение двух поколений. В конце концов остановились на девочке…

— Вы приняли это решение… единодушно?

— Что вы под этим подразумеваете?

— Не знаю…

И это соответствовало действительности. Он пытался собрать воедино элементы, каждый из которых сам по себе был необъясним. Почему ему навязали этот визит в подземелье? И кто был тот человек, что доставил его туда? Возникала и масса других вопросов. Тот факт, что телепатка не обнаружила убийцу, вроде бы указывал на то, что преступник не входил в группу. Но не было ли способа скрывать от неё некоторые свои мысли?

Возможно, это всего-навсего вопрос умственной дисциплины. Он уточнил свой предыдущий вопрос:

— Кто-нибудь из членов возражал против допуска телепата в группу?

Она ответила с легкой иронией:

— Да, все, за исключением того, кто обнаружил её.

— И кто же это был?

— Таннехилл.

— Контролируя Дом, думаю, что он был обречен на то, чтобы добиться своего в этом деле…

— Да, и у него были веские причины поступать таким образом. Таннехилл подозревал, что в группе назрело недовольство, и хотел, чтобы возможные заговорщики поняли, что у них нет ни малейшей надежды на успех.

— Кто противился дольше всех?

— О! Все происходило не совсем так, как вы себе представляете. Вам полезно помнить, что большинство членов группы — люди скорее консервативного толка. Нам хотелось бы превратить Дом в подобие «Фонда», где все мы входили бы в Совет Директоров. Но не имея возможности реализовать эту идею, мы предпочли в нормальных условиях оставить контроль за Таннехиллом.

Даже недолюбливая его, мы четко представляем себе наше положение. В случае же появления нового хозяина Дома, возник бы фактор неизвестности. Так что, как сами видите, ему не составляло такого уж большого труда убедить нас в том, что телепат окажет стабилизирующее влияние на положение дел в группе. Достаточно было спросить у тех, кто с норовом, а что, собственно говоря, они хотели бы скрыть от других, как оказалось, что все мы с поразительным единодушием проголосовали «за». Хотя, в сущности, не так уж это и было удивительно.

— А предпринимались ли уже попытки перехватить контроль за Домом у Таннехилла? Я хочу сказать, до нынешнего дела…

— Не забывайте, что до него у Дома был уже другой хозяин… Думаю, что это можно назвать попыткой.

— Вы имеете в виду того таинственного Верховного вождя, который жил в доме, когда в здешних краях появился Танекила? Удалось ли ему чего-нибудь добиться? Или, другими словами, смог ли он снова пользоваться омолаживающим эффектом Большого Дома?

— Да. И многие из нас вернулись вместе с ним.

Стивенс даже дернулся от удивления.

— Вы тоже входили в их число? Так вы предшествовали Таннехиллу?

Она терпеливо разъяснила:

— Эллисон, вы, похоже, неспособны понять, насколько долго мы уже существуем. Я находилась на судне, пассажирам которого пришлось обороняться от взбунтовавшегося экипажа рабов-гребцов. Пассажиры одержали верх, но затем нас настигла буря, а никто из нас ничего не смыслил в навигационном деле. Нас отбросило, как я сейчас думаю, сначала к берегам Экваториальной Африки, а затем мы продрейфовали к Южной Америке. Полностью потеряв ориентировку, мы обогнули мыс Горн и поднялись к северу…

— Но что вы лично делали на борту этого судна? Куда вы направлялись?

Она чуть задержалась с ответом.

— Я была дочерью чиновника Римской Империи. А дело происходило в III веке.

— Неужели Дом настолько стар?

— О! Ему намного больше лет… Когда мы высадились в его окрестностях, всех мужчин с судна перебили местные туземцы. А они к тому времени жили здесь уже несколько веков.

— Но кто же соорудил этот Дом?

— Вот это-то нам и хотелось бы выяснить, —

угрюмо проронила она. — Нам даже как-то пришло в голову, не вы ли это, помните ту сцену?..

Стивенс на минуту замолк, но затем все же осмелился задать один мучивший его вопрос.

— Верховным вождем до появления Танекила был Пили?

— Да, он.

— Как долго он состоит членом группы?

Она не ответила.

— Мистра!

— Надо подумать, — тихо произнесла она. — Подождите немного.

— Вас что, подвела память?

— Да нет!.. С ней как раз все в порядке. Но… что это? Тихо!

Она замолчала, потом, вздохнув, продолжила:

— Пили активно участвовал в тех экспериментах, которые мы проводили в целях выявления телепатки. Он был в числе первых, кто поддержал Таннехилла в вопросе о необходимости ввести в состав группы наделенного такими способностями человека. Так что, как сами убедились, вы на ложном пути, дорогой мой.

— Если только, — заметил Стивенс, — он не нашел способа скрывать свои мысли от телепата.

— У него не то положение, чтобы что-то пред-

принять.

— Тем не менее он — управляющий всем состоянием Таннехиллов.

— Пост, конечно, важный, но решающего значения не имеет. Мы проявили большую осторожность в этой области. Не хочу вдаваться в детали, но одна из наших страховочных мер — создание в Альмиранте отдельного бюро во главе с другим управляющим. Когда-то его возглавлял Холанд, теперь вы, ну а до вас были другие лица.

— За что уволили Холанда?

— Он заметил, что подпись на документе двухсотлетней давности была идентичной той, что стояла на одной из свежих деловых бумаг.

Стивенс рассмеялся, не скрывая иронии.

— Здорово получается: его заменили на человека, которому выложили всю правду!

— Это сделала я. Но никто и никогда ещё не заявлял, что группа одобряет мой шаг. Эллисон, сейчас час ночи. Не хотите идти звонить, пойду я. Не желаю прозябать на кладбище всю ночь.

Стивенс с сожалением вышел из машины.

— Думаю, вы правы, — согласился он.

Адвокат склонился над дверцей, чтобы поцеловать её. Сначала она откликнулась на его ласку пассивно, но затем обвила руками шею и крепко

прижалась. Уходя, он посоветовал Мистре выйти из машины и дожидаться его в тени деревьев.

— Не беспокойтесь, — отозвалась она, — у меня с собой пистолет. И запомните: спасти Землю важнее всего на свете, включая наши собственные жизни.

Стивенс быстро зашагал прочь. Первый же встреченный им драгстор оказался закрытым. Второй — то же самое. Лишь без десяти два он, наконец, набрел в деловом квартале на заведение, открытое всю ночь. Он сейчас же набрал номер полиции. Ответ последовал краткий и однозначный: Таннехилл пока арестован не был.

Встревоженный Стивенс бросился к ближайшей стоянке такси и помчался ко входу на кладбище. Заплатив водителю, он пешком прошел по аллее до участка, закрепленного за семейством Таннехиллов. Но машины на месте не оказалось. Он подумал, что Мистра могла отъехать. Позвал:

— Мистра! Мистра!

Никакого ответа. Кроме колотившегося сердца других шумов вокруг не было. Он поискал минут пятнадцать. Никаких следов ни Мистры, ни Таннехилла.

Он покинул кладбище и на первом же подвернувшемся такси подъехал к дому молодой

женщины. Но там её не оказалось. Как, впрочем, не было её и в его бунгало. Никого не было и в Большом Доме, к которому он также не преминул отправиться.

Тогда Стивенс спустился в гараж, вывел свою машину и устремился к Палмз Билдинг. Было уже полчетвертого утра. В холле горел один-единственный огонек перед клеткой лифта. Дверь в здание была заперта на ключ. Но это не имело для него никакого значения. У Пили были свои ключи, как у него самого и привратника.

Он вошел и остановился в нерешительности. Чего он в сущности собрался здесь делать? На всякий случай он прихватил с собой пистолет. Но действительно ли он хотел, чтобы Пили узнал, что его подлинная личность ему стала известна? Нет, лучше пусть он не догадывается об этом. Однако в случае, если Митру захватили…

Он бесшумно пересек вестибюль и по служебной лестнице поднялся на четвертый этаж. В офисе Американской импортной компании было темно. Адвокат постоял перед дверью, прислушиваясь, потом спустился в подвальное помещение. Понадобилось всего несколько минут, чтобы задействовать механизм панели — фальшивой стены — и он проник в подземелье. Лампа стояла

там, где он её оставил в прошлый раз. Он тщательно закрыл за собой вход. Стивенс считал, что в поисках Мистры в первую очередь следовало проверить это подземное царство, а потом уж пройтись — один за другим — по всем тем адресам членов группы, которых он выявил.

Адвокат пошел, все убыстряя шаг, по длинному и темному коридору. Быстро дошел до развилки, откуда начиналась более узкая галерея. Не колеблясь ни секунды, он втянулся в неё и вскоре оказался у длинной металлической стены. На сей раз он обнаружил в ней отверстие, ведущее в туннель, также со стенами из какого-то металла. Он инстинктивно отступил на шаг и погасил лампу. Стивенс выждал некоторое время в этом плотном мраке. Шли минуты. Все тихо. Только тревожно стучало сердце.

Стивенс решился ступить в новую галерею и вскоре заметил впереди слабый свет. Он опять замер. Но терять драгоценное время было нельзя. Ведь над Мистрой, возможно, нависла угроза. Он вновь зажег лампу и, держа наготове пистолет, двинулся вперед.

Вскоре он вошел в более широкий коридор, стенки которого, похоже, были сделаны из прозрачного стекла. В конце концов он добрался

до громадного зала с потолком в виде купола. В углу, почти скрытая за несколькими рядами ярко сверкавших стеклянных стеллажей виднелась испускавшая бледно-зеленое сияние сфера.

Растерявшийся Стивенс беспомощно огляделся. Он различал необычный, видимо, на грани восприятия, звук, вибрировавший и пронизывавший все насквозь. Возможно, он исходил от какого-то реагировавшего на его присутствие механизма. Все выглядело в чем-то сверхъестественным и просто фантастическим.

Адвокат обратил внимание на то, что в этот зал стягивались и другие туннели, но сейчас ему было не до них. Он осторожно приблизился к сфере. Что-то пульсировало в ней. Интенсивность свечения все время менялась. Стивенса отделяло всего несколько шагов от первого из стеклянных барьеров. Вдруг на поверхности сферы точно против того места, где он находился, высветился квадрат со стороной в два фута, который сначала принял молочный оттенок, а затем стал совсем белым. Адвокат пристально вгляделся в него. Вскоре в квадрате появилась картинка. Перед ним возник большой шар, блестевший на черном фоне, усеянный точками-светлячками. Шар начал пухнуть на глазах, стали видны его отдель-

ные части. Стивенс быстро распознал знакомые очертания Северной и Южной Америк, а также оконечность Иберийского полуострова.

Земля! Так, как она выглядит при полете к ней звездолета! Вскоре планета заполнила экран целиком, появились дополнительные подробности. Стивенс различил Калифорнию, похожую на выброшенную в океан руку. До него вдруг дошло, что звездолет, с которого делались эти снимки, должно быть, по крайней мере, частично потерял управление. Земля неумолимо приближалась. На него надвинулась горная гряда, часть океана. Затем… бум! Стало темно… Это зрелище было тем более впечатляющим, что все кадры прокручивались в полной тишине.

Стивенс догадался: «Вероятно, этот звездолет врезался в Землю несколько тысяч лет тому назад. Но кто его пассажиры?»

Постепенно на блестящей и вибрировавшей поверхности сферы стало формироваться другое изображение.

Два часа простоял Стивенс перед этим экраном… Информационные блоки повторялись по нескольку раз. Некоторые сцены потом прокручивались снова, недвусмысленно как пояснение к другим сообщениям. Понемногу сложилась

целостная, вполне вразумительная картина происшедшей века назад трагедии.

В Неустановленную — но далеко в прошлом — эпоху звездолет, контролировавшийся искусственным мозгом-роботом в результате случайной поломки сбился с курса и врезался в Землю, вонзившись в склон утеса. Удар вызвал обвал скал и оползни, после чего корабль оказался наглухо замурованным в толще пород.

Но робот-мозг выжил, а поскольку он обладал способностью читать мысли у людей и передавать им свои собственные, то вскоре установил контакт с небольшой группой проживавших в тех местах дикарей. Разобравшись, что их разум — в плену суеверий, электронный мозг внедрил в их сознание иррациональное стремление прорыть туннель до входа в звездолет. Но починить его, как и понять, чего он от них добивается, они были неспособны. Тогда робот-мозг приказал им соорудить Храм, каждый камень которого должен был заноситься сначала в звездолет, чтобы проходить там предварительную специальную обработку. С целью произвести впечатление на дикарей, весь процесс обработки камней сопровождался мерцанием огней и фейерверком искр. На деле же он состоял в бомбардировке

стройматериала субатомными частицами, производимыми от сверхтяжелых и очень редких искусственных элементов. Все это было задумано ради того, чтобы продлить жизнь тех, кто позднее смог бы помочь электронному мозгу ликвидировать неисправность в звездолете.

Эта первая группа дикарей жила необычно долго, но в конце концов все они, за исключением одного, погибли насильственной смертью. Среди сменивших их новых людей Стивенс почти с ужасом увидел высокого человека со светлой кожей, похожего на Уолтера Пили — и это, несомненно был он.

Именно Пили, а также человек с него ростом, единственный уцелевший из начальной группы (его облик показался Стивенсу знакомым) первыми дошли до осознания того, что звездолет — никакое не божество. Электронный мозг возликовал и начал приобщать их к научным знаниям. Среди прочего они узнали также и то, какая часть робота-мозга была приемником мыслей, а какая передатчиком.

Как-то супермозг обнаружил, что некоторые из передаваемых им мыслей доходили до новых жрецов Храма. Чтобы защитить себя от всякого рода подозрений и недоразумений, которые

могли возникнуть в этой связи, он показал этим двум ученикам, каким образом следовало отрегулировать передатчик так, чтобы дальность его действия не выходила за пределы звездолета.

Но они заглушили его окончательно. То был импульсивный шаг с их стороны. Враждебность к роботу, отразившаяся в этом жесте, вызрела в каких-то зловещих глубинах ненависти и страха, сформировавшихся в мозгу этих двух человек. Оба вдруг мгновенно вошли в состояние неописуемого ужаса. И, используя оружие, найденное на складе, они уничтожили передатчик мыслей.

В порядке автоматической самообороны мозг-робот выпустил вовнутрь звездолета газ. Кашляя, задыхаясь, извиваясь от боли, оба сбежали. Дверь корабля за ними закрылась.

Отныне доступ в корабль им был заказан. Со временем, анализируя происшедшее и опираясь на полученные от электронного мозга знания, эти двое до многого дошли сами. Истребив всех своих товарищей из второй группы, они засыпали открытый колодец доступа в корабль, заставили прорыть подземные ходы. Они планировали снова проникнуть в корабль и завладеть его грузом.

Между тем, электронный мозг стремился только к одной цели: восстановить звездолет и

улететь с Земли. Однако он смутно догадывался, что против него что-то затевается и что ему следовало кое в чем рискнуть.

Однажды, много лет спустя, те же двое появились в подземелье с аппаратурой для сверления. Но обшивка корабля не поддалась алмазным резцам. В момент этих работ робот, продолжавший улавливать мысли людей, понял, что выживший из первого состава человек намеревался расправиться с другими членами нынешней группы, но Пили, вроде бы, противился его замыслам.

Еще позже нависшая над миром угроза атомной войны побудила того же самого человека выработать окончательный план действия, но робот-мозг не сумел выяснить его содержания, поскольку тот, проявляя осторожность, держался подальше от его приемника мыслей.

Этот же человек стрелял в Таннехилла с намерением убить его с тем, чтобы Пили как управляющий состоянием стал бы единолично контролировать все имущество. Теперь безграничное честолюбие этого типа было сориентировано на установление господства над всем миром… К сожалению, лица его Стивенс все ещё никак не мог опознать. Если он по-прежнему крутился где-то поблизости, то, должно быть, носил маску…

Когда трансляция информационных блоков закончилась, Стивенс задержался в звездолете ещё на некоторое время, чтобы ознакомиться с грузом. Согласно увиденному фильму — а он полагал, что ему показали все это в записи — эти длинные ряды стеллажей перед ним были напичканы маленькими блестящими капсулами, содержавшими каждое микроскопические дозы искусственных элементов в их чистом виде. И все они были неизвестны на Земле, располагаясь так далеко за пределами урана в периодической системе, что если они и существовали когда-то в природе, то только в течение мгновений в общей истории Вселенной.

Стивенс понятия не имел, что он мог бы сделать с образцами этих элементов. В нынешнем положении они, судя по всему, никакой ценности не представляли. Было сомнительно, чтобы он нашел покупателя на них… разве что продать членам группы…

Было уже шесть утра, когда Стивенс, изнемогая от усталости, вернулся в подвал Палмз Билдинг и поднялся по лестнице. Адвоката все больше и больше начинала тревожить одна мысль: он не располагал никакими предметами относительно подлинного лица кровожадного сотоварища Пи-

ли. В то же время представлялось исключительно важным выявить его и раскрыть перед группой.

Подходя к этажу, на котором размещался его кабинет, Стивенс увидел впереди себя на лестнице чьи-то ноги. Он молниеносно сунул руку в карман, чтобы выхватить пистолет. Но на полпути рука задержалась.

— Ха, — воскликнул он. — Да это же Билл Риггс…

15

Сидя в кабинете Стивенса, Билл Риггс рассказывал ему об итогах своей деятельности.

— Итак, мне удалось кое-что разузнать о похоронах Ньютона Таннехилла. Занимавшееся им бюро ритуальных услуг принадлежало в то время некоему Норману Моксли. Купил он свое хозяйство за несколько месяцев до этого события, а сразу же после продал.

Сравнивая с тем, что он только что раскопал в звездолете, Стивенс расценил эту информацию как скорее банальную. Но все же пренебрегать ею не следовало. Он подумал, а покидал ли Моксли город? Вполне возможно, что он просто носил маску, которую затем снял. Значит, можно было бы попытаться выяснить, кто из шишек города Альмиранте отсутствовал в тот период, когда здесь обретался Моксли… Но доказать, что подобного рода маскарад и впрямь имел место, было бы попросту невозможно.

— Плохо, — прокомментировал он. — Следователь может использовать это против Таннехилла.

— Верно, — согласился Риггс, — все это доволь-

но скверно выглядит. А сведения, добытые мною в отношении доктора, выдавшего свидетельство о смерти, — того же разлива. Зовут его Жаймс де лас Сиенгас. 15 лет тому назад получил диплом в Акле, но никогда не работал по специальности, пока не осел в Альмиранте в декабре прошлого года. 15 мая с.г. он продал свое дело за сотню долларов и на следующий же день отбыл из города. Ну чем не угорь, а?

— Как вы получили эту информацию?

— Для начала я сравнил телефонные справочники в момент похорон с более свежими изданиями. Лас Сиенгас фигурирует в первом и отсутствует во втором. Что касается Моксли, то его заменили братья Бенсоны. Я повидался с ними, и они мне рассказали то, что я вам изложил. Моксли — англичанин, довольно высокого роста, скрытый по характеру, благородно-изысканного вида, вежлив, примерно 40 лет. Похоже, имел пристрастие к играм.

— А что врач?

— О нем я навел справки через секретаря ассоциации медицинских работников. Лас Сиенгас был сердечным, весьма иронического склада ума человеком, внешне пользовался уважением коллег. Его хобби — яды. Собрал потрясающую

библиотеку по этому вопросу. Но поскольку в этом деле яды не фигурируют, я не счел нужным разрабатывать эту тему.

У Стивенса сложилось впечатление, что детектив исподтишка наблюдает за его реакцией, и что он, видимо, знает больше, чем сообщает. И он не был полностью убежден, что яды тут вовсе и не при чем. Эти люди манипулировали всякого рода наркотическими средствами, в частности, для того, чтобы вызвать амнезию. Целесообразно, наверное, вернуться к этому вопросу, только попозже.

С другой стороны, у Риггса могло пробудиться любопытство в отношении столь ранних прогулок Стивенса по зданию. Видимо, стоило чем-то в плане информации поделиться с детективом.

— Мистер Риггс, — сказал он, — мистер Таннехилл и я, мы пришли к выводу о том, что в этом деле орудует крупная группа и что ставка в этой игре — большие деньги. Мое собственное расследование, кажется, доказывает, что сложилась исключительно сложная ситуация…

Он рассказал ему о приведенных Холандом цифрах дохода Мистры и вновь упомянул о письме, которое Таннехилл был вынужден подписать. Он поведал ему и о подземном ходе, дав понять,

однако, что наткнулся на него совершенно случайно. Естественно, он ни слова не проронил ни о звездолете, ни о необычайном долголетии членов группы, ни о масках, ни о том, каким образом он установил контакт с бессмертными.

— Как ваша, так и моя работа по этому делу, — подчеркнул он, — оказались не из легких. В известном смысле нам вроде бы следует разоблачить эту группу через общественность. Но пойдет ли это на благо человеку, который является нашим боссом? Поэтому надлежит проявлять большую осторожность и не множить без надобности число врагов, которых у мистера Таннехилла и без того хватает. Вполне возможно, что перед нами встанет задача самим раскрыть подлинного убийцу.

Риггс кивнул в знак согласия. Судя по его виду, он погрузился в собственные размышления на эту тему.

— Этот подземный ход, — очнулся он через некоторое время, — имеет, на ваш взгляд, какое-нибудь отношение к делу?

Стивенс, чуть запнувшись, солгал:

— О! Едва ли…

— Тогда выбросим его из головы. Должен признаться вам, мистер Стивенс, что все эти истории

с потерей памяти, неведомыми катакомбами, таинственными группами внушают мне страх. Думается, что подобного рода информацию нам не стоит вытаскивать на свет божий. А теперь хочу вам признаться, что большую часть дня я вел наблюдение за вами.

— То есть следили? — воскликнул с некоторым беспокойством Стивенс.

Он быстро перебрал в памяти все свои действия за последние сутки. Кроме событий, связанных с подземельем, он не нашел в них ничего, что нужно было бы скрывать от Риггса. Почувствовав облегчение, он произнес:

— Вы меня удивляете…

— Как мог я быть уверенным в том, — начал оправдываться детектив, — что вы не работаете против того, кто нанял меня? Я посчитал необходимым лично разобраться в этом. Должен сказал, что на кладбище была скукота смертная: сидят четыре человека и бьют баклуши.

Стивенс вздрогнул:

— Как так «четверо»? — тут же переспросил он.

— Не знаю, доставит ли вам это удовольствие или нет, но он битых два часа дожидался, пока вы, наконец, удалитесь.

— Кто это он?

— Таннехилл. У меня такое впечатление, что девица и он договорились обо всем заранее. Во всяком случае, стоило вам отойти, как он тут же подгреб к ней. Заявил ей что-то вроде следующего: «Мне хотелось бы быть полностью уверенным, что вы хорошо обдумали то, о чем мне говорили». А она в ответ: «Да, я согласна выйти за вас замуж». После чего он подсел к ней в машину, и они укатили в Лас Вегас.

Риггс сделал паузу и, с сочувствием взглянув на Стивенса, добавил:

— Вижу, что это явилось ударом для вас. Извините.

Стивенс лишь через какое-то время отдал себе отчет в том, что при словах детектива непроизвольно вскочил, сжав зубы. Он с трудом пару раз сглотнул, затем поинтересовался:

— Что было потом?

— Вы вернулись. И я болтался за вами по городу. Войдя в Палмз Билдинг вы закрыли за собой дверь на ключ. Мне понадобилось два часа, чтобы проникнуть сюда через окно на четвертом этаже. И мы встретились с вами на лестнице. Вот и все…

— Полагаю, — резюмировал Стивенс, — что сейчас самое время пойти поспать.

Однако предстояло ещё столько сделать: дого-

вориться, чтобы по возникновении надобности согласились отпустить Таннехилла под залог, разработать детальный план защиты на возможном суде, а также собрать все необходимые юридические документы. Это все, однако, он мог делать, ни от кого не таясь. А потом предстояло ещё подготовиться к установлению контактов с группой.

Расставаясь с Риггсом, Стивенс подумал, что поступок Мистры неизбежно вытекал из его отказа помочь ей. После этого она решительно устремилась в другом направлении. Он припомнил её последние, перед их расставанием, слова о том, что спасти Землю важнее, чем их любовь.

А теперь она полностью держала в своих руках Таннехилла. Через него она могла угрожать всем остальным членам группы.

Стивенс настолько устал, что удалился в небольшую комнату для отдыха, отделявшую его кабинет от офиса персонала, и растянулся там на диване. Но он ещё не заснул, когда в восемь тридцать на работу явилась мисс Чейнер. Адвокат спустился к своему парикмахеру, побрился и, перейдя улицу, позавтракал в соседнем баре. Возвращаясь на работу, он наткнулся на вывеску лаборатории, проводившей химические анали-

зы. Он знал о её существовании, но никогда и думать не думал, что однажды ему понадобится прибегнуть к её услугам. Стивенс машинально пощупал в кармане осколки мрамора, которые он подобрал на лестнице Большого Дома. Войдя в помещение, он протянул их человеку, стоявшему за конторкой.

— Сколько времени вам понадобится, чтобы провести анализ вот этого материала?

Химик, худой пожилой мужчина в очках с золотой оправой, задал контрвопрос:

— А когда вам нужны эти результаты?.. Я сейчас очень занят…

— Послушайте, — поспешил Стивенс, — я вам заплачу двойную цену, если вы сообщите мне их завтра утром.

Химик протянул ему карточку.

— Хорошо. Приходите к десяти часам.

Выходя из лаборатории, он услышал голосистые выкрики разносчика газет: «Читайте самую полную информацию о нападении на Лорилию!»

16

Стивенс купил газету и с дрожью в руках открыл её. Всю первую страницу пересекал огромный заголовок:

«Лориллия обвиняет США в агрессии».

Ниже более мелким шрифтом чернел подзаголовок:

«Посол вручает госдепартаменту ноту протеста».

В статье говорилось следующее:

«Правительство Соединенных Штатов категорически опровергает сообщение о том, что американские военные самолеты якобы атаковали сегодня в полдень (время Лориллии) заводы и установки этой страны. Госсекретарь Уолтер Блейк заявил, что правительство отклонило ноту протеста».

Стивенс быстро поискал в статье более содер-

жательный материал, чем сведения о протестах и обвинениях. Ему попался на глаза следующий параграф:

> «Дипломатические обозреватели были ошеломлены, узнав об обвинениях, выдвинутых Лориллией, и мало кто из них считает их обоснованными. Однако, судя по поступившему из Антуллы сообщению, были перехвачены радиопереговоры лориллийских ВВС, согласно которым пилоты докладывали на свои базы, что оказались не в состоянии настигнуть летательные аппараты противника, поскольку те мгновенно ушли за пределы досягаемости в космос. Из довольно противоречивых заявлений различных пилотов, наблюдатели в Антуле делают вывод, что агрессорам нанесен урон, хотя не существует никаких доказательств того, что хотя бы один их аппарат был сбит...»

Стивенс попытался представить себе, как все происходило: Мистра, устремившаяся на своем космолете к земле, кругом неё — сплошной ад из телеуправляемых и противовоздушных ракет и

снарядов. Судя по газетным отчетам, она упорно шла на цель вопреки плотному заградительному огню. Она рисковала своей почти бессмертной жизнью. Зачем? Ради мира, который, возможно, никогда и не узнает, что был на волосок от гибели.

Не приходилось сомневаться, что в нападении участвовал не один космолет, но это уже не имело значения. Группу удалось запугать, и она капитулировала. Ее членам рассказали о смертельной угрозе, нависшей над Таннехиллом, и они, обеспокоенные возможностью осложнений, помогли Мистре в реализации её планов. Это означало радикальное изменение их политики. Большой Дом в результате этого останется там, где он стоит сейчас. Вся группа отказалась от мысли покинуть Землю. Если только обманутые и разгневанные лореллийцы не пойдут на какой-нибудь отчаянный шаг, то войны не будет.

Незадолго до полудня Стивенс направился к следователю. Просидев некоторое время в приемной, он был принял Холандом, который прохладно заявил адвокату:

— Вам должно быть ясно, что отъезд мистера Таннехилла является доказательством его вины. Это говорит и о том, насколько я был прав, когда

распорядился его арестовать.

Стивенс выказал удивление:

— В конце концов, как можно обвинять в бегстве человека, который даже не знает, за что его должны арестовать?

— Послушайте, Стивенс…

Но адвокат оборвал его. Он сознательно пошел на ложь.

— Нельзя исключать, что мистер Таннехилл выехал всего-навсего в Сан-Франциско на празднование Нового Года. Он как-то говорил мне, что хотел бы немного развлечься. Как только мне удастся установить с ним связь, я проинформирую его о вашей позиции. А пока что я буду ходатайствовать перед судьей Адамсом о том, чтобы Таннехилла в случае ареста сразу же выпустили под залог. И я буду настаивать на немедленной с ним встрече.

Возвращаясь после обеда на работу, Стивенс задержался в одном из книжных магазинов и попросил подобрать ему литературу по вопросам долгожительства. Он надеялся найти какой-нибудь труд, в котором говорилось бы о процессе дедифференциации, но нигде ничего подобного он не обнаружил и удовольствовался брошюркой об искусстве старения и ещё одной о методе

Богомольца.[3]

Вернувшись к себе в кабинет, он принялся размышлять. В Альмиранте лишь у одного человека было достаточно официальных полномочий, подкрепленных к тому же некоторыми личными мотивами, чтобы выступить против группы: Фрэнк Холанд. Проблема состояла в том, чтобы довести до него столько информации, чтобы её хватило для стимулирования его деятельности, но в то же время не в таком объеме, чтобы он смог распознать правду. Пришедшая в голову идея использовать Холанда в качестве… союзника развеселила адвоката. «Надо повидаться с ним завтра», — подумал он.

Позвонив на аэродром, он зарезервировал за собой самолет, который должен был доставить его в полночь в Лос-Анджелес.

После этого Стивенс вышел в город и приобрел лопату и кирку, которые положил в багажник машины. Он хотел этой ночью проверить один из аспектов этого дела, в отношении которого у него не было неоспоримых доказательств. Он допускал, что эти люди и в самом деле были бессмертными, но в конце концов это утверждал

---

[3] notes: 3

Богомолец А. А. — советский патофизиолог, академик, автор теории долголетия, широко известной на Западе (*примеч. перев.*).

всего лишь один человек.

Вернувшись в офис, адвокат взял блокнот и написал: «Предположим, что все добытые мною сведения — правда; в таком случае мне следует выяснить дополнительно?»

Многое, подумал он, но мало, чем он мог бы заняться непосредственно. До сих пор не удалось разобраться в том, кто и почему убил Дженкинса и охранника-негра. Неизвестно также, кто написал письмо Холанду. Неясной оставалась роль Пили в качестве помощника заговорщика-индейца, также неустановленного. Над каким планом оба они работали? Почему этот уцелевший из первого состава человек тайно противился идее покинуть землю, причем до такой степени, что ради этого попытался убить Таннехилла, когда тот в конечном счете согласился на перенос Большого Дома? И как он намеревался использовать Эллисона Стивенса для того, чтобы заставить капитулировать электронный мозг звездолета?

Подумав, Стивенс пришел к выводу, что в конце концов касающаяся его лично проблема почти полностью сводится к одному-единственному вопросу: «Как мог бы он, используя собранную информацию, разоблачить убийцу, провести группу и взять под контроль Большой Дом — для

себя, Мистры и всего остального человечества?»

Четыре часа дня. В ожидании более активных и решающих действий он отправился в морг. Адвокат убедился, что для Форда роковой оказалась пуля, а для Дженкинса — нож.

— Очень любопытно выглядит это ножевое ранение, — прокомментировал служащий морга. — Можно было бы поклясться, что его убили лезвием, раскаленным докрасна. Рана выглядит как ожог.

Ясно: термический луч!

По спине Стивенса пробежал холодок. Оставшуюся часть дня он провел, устанавливая владельцев домов по адресам, похищенным им из офиса Мексиканской импортной компании. В итоге получился список, в котором фигурировала значительная часть тех, кто владел в регионе экономическими рычагами. Перед такой силой он почувствовал себя безоружным.

Поужинав, Стивенс съездил домой, натянул потрепанные брюки и свитер. К участку захоронений семьи Таннехиллов он пришел, тщательно проверившись, нет ли за ним слежки.

В намерения Стивенса входило вскрыть две могилы: сначала Франсиско Танекила, умершего в 1770 г., затем — любую другую на выбор. Через

час он, исходя потом, стоял в углублении, вырытом им на месте первого захоронения. Земля затвердела, и он долбил её, словно продираясь сквозь кирпичную кладку. Адвокат настолько выбился из сил, что уже подумывал о том, чтобы оставить эту затею. Но тут как раз пошел мягкий грунт. Через полчаса он вытащил кусок сгнившего дерева, а вскоре откопал и гроб, оказавшийся набитым… камнями. Их было с дюжину, общим весом килограмм под семьдесят. Убедившись, что, кроме них, в гробу ничего другого не было, Стивенс быстро закопал яму и присел передохнуть. Оставалось проделать то же самое ещё с одной могилой.

На этот раз он тщательно прощупывал землю лопатой, выискивая наиболее рыхлые участки. Вскоре он энергично принялся за дело. Но едва углубился сантиметров на тридцать, как наткнулся на нечто настолько неожиданное, что прервал работу. Стивенс встал на колени и принялся разгребать землю руками. В грязном месиве пальцы нащупали одежду…

Через несколько минут он высвободил голову. Она была изуродована до такой степени, что узнать лицо этого человека было невозможно. Стивенс испуганно отступил назад. Но через пару

минут, пересилив себя, вернулся и вскоре из земли выступила рука мертвеца. Стивенс аккуратно вытащил из футляра солнечные очки и с особой тщательностью надавил указательным пальцем покойника на одно из стекол, а большим — на другое. Затем вложил очки на прежнее место.

Быстро закопав совсем ещё свежий труп, адвокат, чувствуя неодолимую тошноту, кое-как добрался до дома. Поскольку полночь уже миновала, он позвонил на аэродром, распорядившись, чтобы его ждали. Он принял ванну и переоделся в свой обычный костюм.

Час спустя он уже летел в Лос-Анджелес. Сели они недалеко от южной части Западной авеню. Он попросил пилота подождать его, а сам на такси проехал в квартал Сансет, где среди целого блока зданий, построенных в испанском стиле, размещалась контора Пили. В помещении не было ни души. Адвокат подумал было, не взломать ли дверь, но, к счастью, подошел один из ключей, обнаруженных в сумочке Мистры. Войдя в кабинет, он без труда отыскал подписанное Таннехиллом письмо, разрешавшее Пили «продолжать выплату членам Пан-Американ Клаба».

Стивенс вздремнул в самолете на обратном пути в Альмиранте и, добравшись до дома, тут

же лег спать.

К полудню он уже был в городе. Чуть ранее проснувшись, он внимательно осмотрел стекла солнечных очков. Отпечатки получились превосходные. Он частично стер платком один из них — указательного пальца, чтобы не показалось странным, что имелась сразу пара столь безукоризненных улик. Приняв эту меру предосторожности, он отправился в полицию и передал очки специалисту в дактилоскопическую службу. При этом объяснил полицейскому:

— Несколько дней тому назад я сделал заявление о том, что какие-то варвары перерезали мой телефонный кабель. Сегодня утром недалеко от того места, где это случилось, я случайно натолкнулся на эти валявшиеся в траве очки. Подумал, что, может быть, стоит проверить отпечатки пальцев…

— И правильно сделали, — одобрил полицейский, осматривая стекла. — Мы сделаем все необходимое. О результатах проинформируем, мистер Стивенс.

Адвокат направился к выходу. Но остановился.

— Как много времени займет вся процедура?

— Если ничего не обнаружим в наших архивах, то придется запрашивать, а это, считайте,

неделя.

Стивенс нерешительно топтался на месте.

— А вы не можете запросить центральную картотеку телеграфом?

— Ради каких-то хулиганов? — удивился полицейский.

— Послушайте… Я оплачу все расходы… Мне очень интересно выяснить, кто бы мог это сделать. К тому же, не думаю, что это столь уж незначительный инцидент, как это представляется на первый взгляд…

Покинув полицейское управление, Стивенс отправился в лабораторию, куда вчера сдал на анализ осколки мрамора. Старикан встретил его ворчанием, поскольку он не явился к назначенному сроку.

— Не беспокойтесь, я все оплачу, как обещал.

— Тогда ладно. Так вот, с точки зрения химического содержания ваш образец не представляет ничего необычного. Карбонат кальция в виде мрамора.

Стивенс не мог сдержать возгласа разочарования.

— Подождите, не спешите, — продолжал эксперт. — Я ещё не закончил. С недавнего времени, учитывая большое количество заказов, посту-

пающих от геологоразведчиков в отношении уранинита, мы стали делать проверку и на электроскопе. По инерции я проделал то же самое и с вашим материалом. И как бы парадоксально это не звучало, но вам мрамор оказался радиоактивным. Правда, совсем слабо… Мне не удалось выявить конечного продукта распада. Взятые по отдельности, кальций, углерод и кислород сами по себе не радиоактивны… Очень интересный случай… Если это даст вам какое-то стоящее направление дальнейших поисков, надеюсь, что вы доверите нам эту работу.

— Согласен, но при условии, что пока — молчок.

— Неужели вы думаете, что в нашем деле может быть иначе?

Покинув лабораторию, Стивенс на улице повторил это слово: радиоактивность! Это объясняло все и не объясняло ничего. Человеку ещё столько неожиданного предстоит открыть в этой области.

Он внезапно представил себе дом, в котором люди, облученные тщательно дозированными порциями, перестают умирать… Он подумал при этом, ограничен ли как-то в своих операциях робот-мозг звездолета, или же, напротив, этот

метод можно применить не к кучке привилегированных лиц, а ко всему человечеству?

17

Стивенс посетил редакцию газеты «Альмиранте Геральд». Но Кэрвелла, её директора, сейчас в городе не было. Он позвонил судьям Портеру и Адамсу, а также дюжине других членов группы. Неизменно отвечали: «Выехал на отдых», «Отлучился на несколько дней», «Возможно, вернется завтра». Каждый раз адвокат оставлял поручение: по возвращении немедленно, независимо от того, будет ли это день или ночь, связаться с ним.

Пообедав, он возвратился на работу и принялся размышлять. Теперь он крепко ввязался в эту драчку… Обратного пути у него уже не было. Членам группы, конечно, передадут его просьбу. Обменявшись мнениями, они тут же поймут, что Стивенс знал, кем они были в действительности. Они воспримут его как чужака, человека, который слишком много знает. Требовалось усилить свои позиции. Он продолжал обдумывать ситуацию, когда его вызвала мисс Чейнер:

— Мистер Стивенс, соединяю вас с мистером Холандом.

Холанд? Вот кого сейчас можно было бы использовать для решения этой задачи. В условиях

кризиса очень полезно опереться на полицию.

Послышался голос следователя:

— Стивенс, вы можете придти после обеда?

— А почему бы не сейчас?

— Отлично. Жду.

Стивенс расслабился. Потом удивился, что даже не поинтересовался, по какому поводу хотел с ним увидеться Холанд. Но теперь адвокат был настроен решительно.

К следователю его провели незамедлительно. Тот, поднявшись с кресла, протянул ему для приветствия руку и предложил сесть. Затем сам удобно устроился за своим письменным столом.

— Стивенс, — незамедлительно приступил он к делу, — наконец-то нам повезло: отыскались отпечатки пальцев Ньютона Таннехилла. Они не совпадают с теми, что взяты у его племянника Артура. Следовательно, вынужден признать, что, приказав арестовать Таннехилла, я совершил серьезную ошибку.

Он настороженно вглядывался в Стивенса, изучая его реакцию. Тот старался казаться невозмутимым. Холодно пробросил:

— Я же вас предупреждал, что вы слишком торопитесь…

У Холанда заходили желваки.

— Но какого черта, не могли отыскать эти отпечатка раньше! Стивенс, — добавил он после короткой паузы, — мне нужно ваше содействие.

Но адвокат слушал его рассеянно. Он напряженно думал: «Итак, группа располагает возможностями менять отпечатки пальцев… Не знаю как, но, видимо, используют феномен „дедифференциации“. Изменения, должно быть, происходят в период омоложения клеток». Другого объяснения он не мог себе представить, разве что поставить под сомнение все, что он узнал в последнее время.

Прежде чем ответить Холанду, он быстро просчитал, не может ли услышанное сейчас от него как-то повлиять на его планы. Пришел к заключению, что существенно это обстановку не меняет. Следователь подался к нему:

— Стивенс, я готов забыть прошлое. С этим покончено. Теперь мне все ясно. Но для меня возникла острая проблема: если я вот так, запросто, отзову свое обвинение, то можно смело считать, что с карьерой покончено. Если бы вы подсказали, как выпутаться из этой передряги, мы могли бы работать рука об руку.

Адвокат прилагал громадные усилия, чтобы внешне оставаться невозмутимым.

— Хорошо. Я скажу вам, каким образом мы можем урегулировать случай с Таннехиллом.

— Слушаю.

Стивенс спокойно, уверенным тоном рассказал, как истязали кнутом Мистру, не сообщив, однако, ничего, что могло бы позволить идентифицировать её мучителей. Он не назвал ни одной фамилии, ничего не говорил о космолете, подземелье, бессмертии, роботе со звездолета под холмом. Зато он настаивал на том, что определенная группа лиц, входивших в одну из религиозных сект, судя по всему, вытягивала деньги у Таннехилла и что только этим можно объяснить убийство охранника и все последующие события.

Выходил он от следователя с впечатлением, что сумел сделать ещё один крупный шаг вперед, но втемную.

Стивенс направился к Большому Дому. В течение нескольких минут он безуспешно нажимал кнопку звонка при двери. Понятное дело, он мог бы войти, воспользовавшись одним из ключей Мистры, но он предпочел пересечь террасу и выйти на лужайку позади Дома. На фоне голубого неба и искрившегося солнечными бликами океана тот проступал безликим пятном. Все вокруг

было тихо и безмятежно, но он на минуту представил себе, сколько же сцен насилия, интриг и убийств, должно быть, развернулось в этом месте в течение прошедших веков. У этого сооружения было не меньше секретов, чем лет существования. Эти стены буквально сочились кровавой историей.

Подсобные помещения Большого Дома располагались от него на достаточно большом удалении за группой цветущих садиков и двумя рядами живой изгороди из кустарников. Перед довольно безобразными постройками специально посадили деревья, чтобы они не просматривались из Дома.

Он вышел на восточный склон холма. Перед ним вытянулась узкая аллея, а вдали среди деревьев виднелись зеленые крыши чьей-то фермы. Другие холмы волнами разбегались до самого горизонта. Стивенс прошел гребнем до того места, где дорога спускалась к краю скалы, т. е. вышел на ту самую дорогу, куда прошлый раз так лихо выскочила на машине Мистра.

Вернувшись к ближайшему из подсобных помещений, он оказался в точке, откуда открывался великолепный вид на весь ансамбль Большого Дома с его ближайшим окружением. Солнце на за-

паде опустилось уже довольно низко, бескрайний океан умиротворенно поблескивал в его лучах. Адвокат совсем не собирался ломать висячие замки на дверях девяти построек, составлявших комплекс подсобных сооружений. Он был уверен, что не найдет там ничего, достойного внимания. Но в Большой Дом он все же вошел, причем через главный вход и исследовал все двенадцать его комнат. Восемь спален, большая библиотека, столовая, гостиная и очень просторная кухня. В каждой комнате имелась застекленная дверь, выводившая в патио — внутренний дворик. Он задержался в вестибюле, пригляделся к его архитектуре. Заметил, что изначально были возведены три главные сводчатые арки, которые затем умело перестроили так, что теперь каждая секция приходилась на две комнаты.

Начинало темнеть, когда он стал спускаться с холма. Стивенс почувствовал себя несколько подавленно. Он все ещё не решил важную задачу — установить личность индейца, единственного человека, оставшегося в живых из первой группы людей, населявших этот Дом.

Поужинав в городе, Стивенс вернулся к себе. Поставил машину в гараж и направился ко входу в бунгало. Неожиданно из соседней группы

деревьев со свистом рассекая воздух, взвилось лассо и захлестнулось на его плечах. Затяжная петля наглухо прихватила руки, прижав их к телу, и он свалился на землю. Оглушенный при падении, адвокат не смог оказать ни малейшего сопротивления, когда его связывали, а потом заткнули рот кляпом.

18

— Ну что, Стивенс… Поднимайтесь и пройдите вперед…

Услышав свое имя, адвокат распрощался с робкой надеждой, что на него, возможно, напали ночные грабители. Он встал и тут же пошатнулся. Сильные руки подхватили его, сорвали куртку и рубашку. Полуобнаженного, его подтолкнули к дереву и прикрутили к стволу.

Через несколько секунд раздался свистящий звук, и он почувствовал, как плечи ожгло ударом кнута.

У него перехватило дыхание. Будто ножом вспороли спину. Второй удар ещё более усилил это жуткое впечатление, и он с ужасом подумал, как бы плетью не хлестнуло по лицу и глазам. Сжав зубы, он прижался головой к дереву. В висках стучало: «Они мне заплатят за это!»

Все то время, пока кнут безжалостно гулял по его телу, эта мысль внутренне мобилизовывала и поддерживала его. Постепенно утратилась острота боли от ударов, она как бы рассеялась в нем. Ноги стали слабеть, мозг обволакивала серая пелена. Когда пытка кончилась, в голове царил

полный сумбур — ни одной ясной мысли. Но он все же расслышал, как кто-то грубо пролаял:

— Мы могли бы забить вас до смерти. Ограничились пока предупреждением. Если и впредь будете совать нос в наши дела, получите отметину на всю жизнь. Нарежем тонкими ремнями ваше прелестное личико. Ослепим.

Вероятно, сразу же после этих слов они исчезли. Вокруг установилась чуткая тишина. Силы возвращались крайне медленно, и он почувствовал, что может снова стоять на ногах лишь с первыми проблесками нарождавшейся на востоке зари. Он заметил, что веревка, опоясывавшая его, не была завязана узлами, а её конец был просто засунут за один из витков. Стивенс легко освободился он пут, но тут же, выдохнувшись, свалился мешком на газон. В конечном счете он все же кое-как доковылял до дому, где рухнул на софу в гостиной. Пролежав какое-то время, он с трудом поднялся, дотащился до комнаты и, разыскав смягчавшую боль мазь, покрыл ею кровоточившие рубцы. Адвокат медленно и осторожно оделся, заварил кофе. И только после этого почувствовал себя лучше. Но все утро и часть послеобеденного времени пришлось пролежать. Понемногу, однако, он взбодрился. Ему казалось очевидным, что группа

и не подозревала, как много он знал о них. Иначе им было бы крайне трудно поверить, что после этого инцидента он может отойти от дела. Эти практически бессмертные среди прочих смертных люди из-за действий одного или нескольких членов своей группы, а также в силу возникшей угрозы атомной войны оказались раскрытыми. Не ведая, что они являются предметом манипуляций таинственного индейца, они пытались теперь сплотиться. Если им удастся это сделать, то вскоре дымка забвения покроет все недавние события, а Эллисону Стивенсу уготована участь отойти в тень, как это уже случилось с Джоном Фордом и Уильямом Дженкинсом. И от него останется лишь фамилия — ещё одна! — которую надо будет добавить к длинному списку мертвецов. Несколько лет, десятилетий — всего миг в вечности. Однако у Стивенса, помимо его грандиозного плана — поставить открытие долголетия на службу всего человечества, — имелись и кое-какие личные мотивы не прекращать борьбу. И они были достаточно сильными, чтобы заставить его презреть грозившую опасность.

К полтретьему Стивенс почувствовал себя достаточно сносно, чтобы позволить себе начать двигаться. Он побрился, оделся, подкрепился

обедом. Затем позвонил в Большой Дом.

Ему ответил женский голос:

— Говорит экономка. С кем желаете переговорить?

Голос принадлежал Хико Аине. Так, значит, члены группы вернулись.

Стивенс назвал себя и стал ожидать ответа. Тот последовал почти сразу же. Говорила все та же Хико.

— Мистер Таннехилл попросил меня передать вам, что все, о чем он собирался вам сказать, изложено в письме, направленном в офис.

— Письмо? — воскликнул удивленный Стивенс. — А не у вас ли мисс Лэнетт?

— И мисс Лэннет здесь для вас нет!

Адвокат услышал гудки отбоя.

Стивенс немедленно отправился в контору.

— На ваше имя поступило заказное письмо, — встретила его мисс Чейнер. — Поскольку на нем написано «лично», я не стала его вскрывать и положила на стол.

— Спасибо.

В письме говорилось:

«Дорогой мистер Стивенс,

Сим сообщаю, что ваш контракт в отношении управления моим имуществом аннулирует-

ся. Прошу переслать ключи в Большой Дом и освободить помещение в течение часа. Соответствующая компенсация в связи с прекращением вашей деятельности будет выплачена в свое время.

Искренне ваш Артур Таннехилл»

Стив свернул письмо пополам и положил в карман.

Он был слегка озадачен, но отнюдь не подавлен.

Итак, группа отделывалась от него. Теперь начнут давить с других сторон. Упоминание о «соответствующей компенсации», было явно тактическим маневром. Если, например, он согласится покинуть Альмиранте, то её, вероятно, существенно увеличат.

Он позвонил в отель Риггсу. Тот подошел к телефону почти тотчас же.

— Извините, мистер Стивенс. Я не звонил вам потому, что получил письмо от мистера Таннехилла, где говорится, что вы не занимаетесь больше этим делом и что мне не следует поддерживать контакта с вами.

— Это было письмо? Не личная беседа?

— Нет.

— Даже не телефонный звонок?

— Чего вы добиваетесь?

Риггс, казалось, несколько насторожился.

— Послушайте-ка, Риггс. У меня есть все основания полагать, что мистера Таннехилла захватили и сейчас он чей-то узник. Вас тоже уволили?

— Знаете… В письме сказано, что в моих услугах более не нуждаются и попросили выслать счет… Вы считаете, что нас здорово надули? Я как раз упаковывал вещички.

— Лучше распакуйте их вновь… Конечно, если это дело все ещё интересует вас.

— Я остаюсь. Где встретимся?

— Времени в обрез. Я попытаюсь нанести чувствительный удар по довольно опасным людям и мне позарез нужна ваша помощь. А теперь запоминайте, что я вам скажу…

Закончив с детективом, адвокат позвонил в редакции газет. Ни Кэрвелла, ни Гранта на месте не оказалось — по крайней мере, так ему заявили, — в связи с чем он попросил соединить его с их замами и разговаривал с каждым из них в таком духе:

— Дайте понять вашему боссу, что сегодня поздно вечером разразится грандиозная сенсация. Он знает, где это произойдет. Из представителей печати приглашается только он один, и ему следует

прибыть туда лично. Передайте, что собирается вся группа.

После этого он связался с судьями Портером и Адамсом, а поскольку они также отсутствовали, то проинформировал о том же самом их секретарей. Других членов группы он обзванивать не стал, полагая, что о его демарше им станет известно, и они заявятся и без специального уведомления. В этом он был абсолютно убежден и его уверенность относилась как к группе в целом, так и к убийце, в частности. Мегаломан и его будущее жертвы. Человек, который замахивался на мировое господство и те, кто преграждал ему путь.

Этот тип сейчас играл все рискованнее. Остальные члены группы могли в любой момент обнаружить, что кто-то из них действует тайно за их спинами. И это наверняка будет воспринято как преступление, которому нет никаких оправданий.

Чтобы спастись самому, персонажу требовалось всех их уничтожить.

Эта пришедшая Стивенсу в голову мысль напомнила о загадочном трупе, обнаруженном им на участке для захоронений членов семьи Таннехиллов. Он позвонил в полицию и выяснил, что дактилоскопическая служба ещё не закон-

чила экспертизу. Адвокат в сердцах чертыхаясь, швырнул трубку. Этим вечером он наносит свой главный удар, а у него все ещё нет самых важных данных.

Он нетерпеливо схватил блокнот и начеркал: «Труп либо связан с этим делом, либо нет. Я должен исходить из того, что да».

Чуть помешкав, он написал вторую фразу: «Идет ли речь о ком-то, кого я знаю? Или же о неизвестном мне человеке?»

Стивенс хмуро разглядывал блокнот. Рассуждая строго логически, он непременно должен был знать убитого, иначе его анализ ни к черту не годился. И он набросал ещё несколько слов: «Предположим, что я его знаю. В таком случае, кто он?»

Поразмышляв пару минут, он добавил: «Физические данные трупа: примерно моего роста и телосложения. Кто в этом деле из известных мне лиц отвечает этим характеристикам?.. Уолтер Пили».

Он перестал писать и вновь задумался. В мозгу быстро выстраивалась целая цепочка. Пили невозможно отыскать уже целую неделю. Дженкинс видел его в ту ночь, когда истязали Мистру, но несмотря на все шаги, предпринимавшиеся

для выяснения местонахождения Пили, никто его с тех пор не видел.

Электронный мозг со звездолета сообщил при контакте с ним, что Пили уже давно выступал против планов своего напарника, основанных на силовых методах. Вполне правдоподобно выглядела версия, что разразился кризис, и уцелевший из первой группы человек убил своего коллегу, несмотря на все меры предосторожности, которые — об этом также рассказывал робот-мозг! — принял против него Пили.

Все это более, чем когда-либо, подсказывало, что наступил решающий момент. В пользу этого говорил и тот факт, что убийцу не беспокоила возможность того, что Эллисон Стивенс расскажет членам группы о звездолете. А ведь это была информацию, которую они ревниво скрывали от всех более тысячи лет. Получалось так, что он либо пренебрегал необходимость принять превентивные меры, либо — и это было более вероятно — был полностью уверен в успехе задуманной им операции.

Стивенс так иссяк, обдумывая ситуацию, когда дверь кабинета открылась. Вошла мисс Чейнер и пролепетала:

— Вас желает видеть мисс Лэнетт.

Едва та переступила порог, как мисс Чейнер словно ветром сдуло. Дверь захлопнулась, и Стивенс устремил вмиг вспыхнувшие внутренним жаром глаза на Мистру. Но его порыв тут же угас, поскольку та смерила его холодным взглядом.

— Я могу сесть? — осведомилась она.

Стивенс с пасмурным видом наблюдал за Мистрой в ожидании какого-нибудь нового выпада, ущемляющего его самолюбие. Наконец процедил.

— Насколько понимаю, в вопросе об атаке на Лориллию вы одержали верх?

— Вас это шокирует?

Он тряхнул головой.

— Я бы не хотел участвовать в подобной акции. Но раз вы считаете, что правы…

Он не стал продолжать, а выпалил то, что его волновало:

— Так вы вышли замуж на Таннехилла?

Она прищурившись внимательно какое-то время рассматривала его, а потом спросила:

— С чего это вы взяли?

Стивенс никоим образом не собирался выдавать Риггса, тем более, что тому отводилась важная роль в задуманной на сегодняшний вечер операции. Поэтому он ответил уклончиво:

— Это логически безупречное завершение всей вашей линии поведения. К тому же, по калифорнийским законам вам перепала бы половина его состояния.

Повисло молчание. Прервала его Мистра:

— Прошу вернуть мою сумочку… Ту самую, что я забыла ночью, когда мы встретились.

Тот факт, что она ни подтвердила, ни опровергла своего замужества, явился для Стивенса ледяным душем. Не говоря ни слова, он открыл один из ящиков стола и протянул ей сумочку. Она опрокинула её над столом, а затем каждый выпавший оттуда предмет вложила один за другим обратно.

— Где мои ключи? — потребовала она.

— О! Извините.

Достав из кармана, он протянул их со словами:

— Сегодня вечером я появлюсь наверху, в Большом Доме, чтобы встретиться со всеми вами. Вас, вероятно, уже проинформировали об этом.

Она как-то странно взглянула на него.

— Возможно, вам будет интересно узнать, что Таннехилл обрел всю полноту своей памяти. Следовательно, в группе у вас теперь не осталось ни одного друга.

Стивенс некоторое время молча разглядывал

ее:

— Так уж и ни одного?

— Никого, — спокойно подтвердила она.

Адвокат вымученно улыбнулся. Все они отмежевались от него. Ну что же, отлично. Но им не понять, что ничего ещё не решено и что он будет сражаться до последнего вздоха. Поэтому он решительно встряхнулся.

— Можете передать мистеру Таннехиллу, что он не имеет права меня уволить. Меня принимал на работу мистер Уолтер Пили. И только, когда он освободил меня от нынешних обязанностей, я буду считать себя отстраненным от дел.

Внутренне он по достоинству оценил всю иронию своих слов. Если тот труп, что он обнаружил в могиле, был действительно мистером Пили, то много воды утечет, прежде чем его вышвырнул с работы. Мистра отозвалась.

— Хорошо. В таком случае мы устроим так, что об этом вас поставит в известность мистер Пили.

— Почему вы сказали «мы»? Когда вы заверяли, что любите меня, являлось ли это элементом вашей стратегии?

— Нет, — призналась Мистра, но её лицо ни на минуту не смягчилось. — Не беспокойтесь. Я справлюсь с этим… у меня ведь впереди не одна

сотня лет… И в один замечательный день, возможно, найду кого-либо другого.

Сказано это было таким неприязненным тоном, что он весь внутренне ощетинился. Стало ясно, что если он хотел произвести на неё впечатление, требовалось кое-что позабористее.

— Телепатка по-прежнему входит в группу?

— Да, — ответила она несколько удивленно.

— Так вот. Гоните её в шею. Она ни на что не годна.

— Придется ли для этого снова прибегать к услугам мистера Пили?

— Где он, кстати? Вернулся?

Она довольно долго молчала.

— Еще нет. Но не беспокойтесь. Мы готовы принять его. Если он плетет заговор против нас…

— Никакого заговора он не затевает. Полагаю, что ошибся на его счет.

— Тогда кто же?

— Не знаю… Но послушайте меня хорошенько: над вами всеми нависла угроза уничтожения.

Она иронически встряхнула головой.

— Эллисон, вы слишком мелодраматичны и плохо маскируете вашу игру. Вы пытаетесь запугать группу ради того, чтобы она приняла вас в свои ряды. Этот номер не пройдет. Уверяю,

что нам не грозит опасность ликвидации. Еще никогда мы не были так настроены, как сегодня.

Она начала надевать перчатки. Он попытался продолжить разговор:

— Мистра… Обождите…

Она откинулась в кресле. Ее зеленые глаза требовательно испрашивали: ну что еще?

Стивенс заспешил:

— Разве вы не видите, что я пытаюсь вам помочь? У меня есть весьма интересная информация.

Он совершенно не собирался сообщить этой, враждебно настроенной молодой женщине то, что раскрыл ему электронный мозг звездолета. Помимо всего прочего его план требовал применения, при необходимости, к группе высшей формы давления. А для этого ему не хватало кое-какие сведений.

— Мистра, существует ли способ уничтожить Большой Дом?

Она рассмеялась.

— Неужто вы полагаете, что я проболтаюсь об этом кому бы то ни было?

Стивенс наклонился к ней:

— Ради сохранения собственной жизни прошу вас ещё раз подумайте над ответом на мой

вопрос.

Ее глаза расширились.

— Да вы просто смешны! Вы что, хотите внушить мне, что один из членов группы оказался в такой мере идиотом, чтобы решиться на это?.. Дом — это фактически наше главное достояние!

— А я утверждаю, основываясь на известных мне данных, что именно таково намерение предателя из ваших рядов. Следовательно… Есть ли способ быстро уничтожить Дом, чтобы сделать его навсегда непригодным для вас? Может, новый вид взрывчатки? Я не имею в виду столь громоздкую штуковину как атомная бомба, а что-то такое, что можно было бы упрятать в карман… Понимаю, что требую от вас многого…

Она задумалась. Потом решилась.

— О! Не вижу большого вреда, если отвечу вам, поскольку вы никак не сможете использовать эти сведения нам во вред. Речь идет об элементе 167, физически очень капризном. Если его истолочь в мелкий порошок, то он вызывает атомарную нестабильность в мраморе, из которого выстроен Дом. Тот рассыплется, а мы лишимся тогда какой-либо надежды восстановить строительный материал в его изначальном виде.

— Элемент 167? А нет ли чего-нибудь другого,

обладающего такими же свойствами?

— Насколько нам известно, нет.

— Благодарю вас. Очень сожалею, что не могу вам сказать: «Вот он, предатель!» Но, может быть, вы ещё чуть-чуть просветите меня в отношении членов вашей группы. Сколько их сейчас находится в городе?

— Сорок один.

— Так, значит, сорок один из пятидесяти трех. Идеальным для него вариантом было бы избавиться от всех разом! Но для этого требуется собрать группу в полном составе. Надо сделать так, чтобы у него создалось впечатление, что сейчас появилась такая уникальная возможность. Только так его можно заставить раскрыться. Вы ведь, можете это понять, правда?

Мистра поднялась, натягивая перчатки.

— Полагаю, что смогу вам гарантировать возможность обратиться к группе сегодня поздно вечером. Но если вы ничего не добьетесь, заранее считайте себя конченым человеком. Вернув память Таннехиллу и подчинившись ему, я сейчас располагаю всего одним голосом. Иными словами, не в состоянии как-то помочь вам, да и не хотела бы даже пытаться сделать это. Вы целиком предоставлены самому себе.

Она решительно направилась к двери и вышла.

Спустя несколько мгновений Стивенс вызвал секретаршу и велел ей, в случае, если его будут спрашивать, отвечать, что он вернется к шести часам. После этого он спустился в подвальное помещение здания и проник в подземелье. Так быстро, как только мог, он направился к звездолету, терзаясь по пути вопросом, а согласится ли его принять робот-мозг. Он почувствовал облегчение, увидев, что дверь открыта.

Пока он подходил к зеленоватой сфере, на ней уже стала формироваться схема, показавшая, на какой точно полке в складских помещениях он сможет найти элемент 167, а также разъясняющая, какие другие элементы могут вступать с ним во взаимодействие, нейтрализуя его способность к разрушению. Робот-мозг, похоже, считал, что наилучшим для выполнения замысла Стивенса был бы элемент 221, находившийся в газообразном состоянии.

Адвокат, захватив с собой по дозе каждого из этих двух элементов, заключенных в оболочки в виде небольших трубочек, вернулся к сфере. Но на ней больше не высвечивалось никаких изображений. По всей видимости, электронный мозг

ни в чем больше помочь ему не мог. Например, не был в состоянии проверить, действительно ли на участке кладбища, закрепленном за семейством Таннехиллов, был закопан труп Пили.

Стивенс вернулся в Палмз Билдинг. Настроение у него было довольно сумрачное. Мисс Чейнер уже ушла. Но когда он вошел в свой кабинет, его дожидался посетитель.

То был Уолтер Пили.

19

Они обменялись приветствиями. Стивенс был потрясен. Появление Пили в момент, когда логикой развернувшихся событий его никак не могло быть в живых, не влияло на его планы в отношении сегодняшнего вечера. Но, тем не менее, создавало весьма щекотливую проблему. Если в могиле Таннехиллов лежал не он, то кто же?

Посетитель, похоже, был полон жизненных сил. Его лицо напоминало индейское самую малость, как это порой случается у представителей этой расы. Он не стал обременять себя любезностями.

— Я только что разговаривал с Фрэнком Холандом. Он сказал, что у вас с ним разработан, план, как арестовать большинство членов группы, выколачивавшей все эти годы у Таннехиллов деньги.

Это заявление неприятно поразило Стивенса. Его удивило, что следователь проявил столь элементарную несдержанность.

— Не уточните ли вы, что именно он вам сообщил? — настороженно отозвался адвокат.

Пили начал объяснять, и Стивенс понял, что тот разболтал ему все. Пришлось смириться с такой

бестактностью Холанда. В сущности, это мало что значило: акция, типа обсуждавшейся со следователем, могла стеснить, но не погубить группу. И она не помогла бы изобличить кровожадного и честолюбивого компаньона Пили. В целом это не затрагивало и других аспектов разработанного Стивенсом плана, включавшего, кстати, и пренеприятный сюрприз для самого Пили. Ведь тот неоспоримо являлся одним из двух заговорщиков в группе, а в сложившихся обстоятельствах он вряд ли предупреждал об опасности остальных.

По предложению Пили они отправились отужинать в город. В ходе развернувшейся при этом беседы Стивенс вдруг однозначно пришел к выводу, что Холанд никак не мог сообщить его собеседнику об их разговоре. Слишком крупная ставка была у него сейчас на кону. Он ведь грубо ошибся, распорядившись арестовать Таннехилла, и это грозило крайне неблагоприятно сказаться на его карьере. Но тогда, кто же проинформировал обо всем Пили?

В этот момент у Стивенса зародилось подозрение: а не был ли труп в могиле Фрэнком Холандом? Убийство следователя являлось частью тех мер предосторожности, которые Пили предпринимал против своего коварного и опас-

ного компаньона. Электронный мозг-робот в звездолете не смог раскрыть ему, какую систему защиты выстроил для себя Пили, но это становилось теперь очевидным. Решающим фактором являлось то, что именно Пили когда-то принял на работу Холанда — человека точно такого же, что и он, роста и телосложения. Тот заделался следователем, ещё оставаясь какое-то время на посту местного управляющего состоянием Таннехиллов. И уже находясь в этом качестве, как-то при случае подметил сходство между подписями на документах XVIII и XX веков. После этого группа, по-видимому, была приятно удивлена тем, как быстро и решительно Пили устранил Холанда с поста управляющего. И назначил Стивенса — опять же физически, ростом и общим кроем фигуры, похожего на него…

В случае кризиса можно было легко разделаться как с тем, так и с другим, а сам Пили — ведь его штаб-квартира предусмотрительно была размещена в Лос-Анджелесе — мог, натянув на себя маску одного из них, а при необходимости и обоих, играть почти одновременно две роли.

Эта мысль показалась Стивенсу настолько убедительной, что он вдруг в разгар беседы извинился перед Пили и бросился в кабину те-

лефона-автомата, позвонил Холанду на службу. Ему ответили, что следователь отсутствует. Упорствуя, он набрал номер его домашнего телефона. Женский голос сообщил, что Холанд вернется сегодня домой очень поздно.

Он едва не задал вопрос, а не разговаривал ли он с миссис Холанд и не заметила ли чего-либо необычного в поведении мужа. Но адвокат не стал этого делать. То обстоятельство, что он не смог разыскать следователя, не было само по себе подтверждением его предположений, но он все же решил считать свою гипотезу приемлемой. Вернувшись за стол, Стивенс начал мучительно думать, а не стоит ли показать Пили письмо, в котором Таннехилл увольнял его: тогда у его собеседника было бы меньше причин стремиться к его ликвидации. Он так и не решил ещё эту дилемму, когда Пили предложил:

— Можно было бы сразу после ужина вернуться к вам. Вы мне набросаете общую картину сложившегося здесь положения.

Стивенс сразу же подумал, что тем самым он окажется один на один с этим человеком в стоящем в стороне от соседей бунгало, и это ему совсем не понравилось. Он спонтанно выхватил из кармана письмо Таннехилла.

Пили прочитал его, и вернул никак не прокомментировав. Всю дорогу до бунгало оба молчали. В гостиной Стивенс достал бутылку виски. Пили захотелось ещё раз взглянуть на письмо. Перечитав его, он произнес:

— Чем это вы могли так настроить его против себя?

— Понятия не имею. Однако надеюсь, что уже сегодня вечером восстановлю его милостивое к себе отношение.

— Так значит, вы все же намерены осуществить ваш план?

— Теперь отступать поздно. Обязательства, которые я принял перед Холандом, меня окончательно связали.

Тот гипотетический факт, что сидевший перед ним человек в данный момент вполне возможно носил в кармане маску Холанда, и был готов нацепить её в нужный момент, вовсе не означал, что все вдруг неизбежно менялось. В течение часа они обсуждали вопросы, касавшиеся различных сторон управления имуществом Таннехилла в Альмиранте. Пили вроде бы слушал его с интересом. В девять пятнадцать затренькал телефон. Стивенс вздрогнул и взял трубку.

— Мистер Стивенс, — раздался мужской го-

лос, — вас беспокоят из полиции, служба дактилоскопии. Мы установили, кому принадлежат переданные вами отпечатки пальцев.

— Да? — внешне спокойно отреагировал адвокат, хотя его сердце сорвалось с места в карьер. — Так я вас слушаю.

Спустя минуту он поблагодарил и повесил трубку. В голове была звенящая пустота, но он сумел восстановить контроль над собой. Другого выхода, как реализовать свой план, у Стивенса не было. Пожалуй, начнет он с того, что обвинит Уолтера Пили. А потом наступит то, что для всех остальных явится совершенно неожиданной развязкой… Затем…

Он помотал головой. Что будет после этого, представлялось ему довольно смутным и смертельно опасным.

20

Припарковываясь, Стивенс отметил среди других роскошных машин авто Мистры. По лестнице они поднялись вместе с Пили. Дом блистал огнями. Открыла им Хико Аине. Сегодня без своих драгоценностей она выглядела совсем иначе, чем при знакомстве, имела изысканный вид. Она молча провела их в гостиную, где стояли и сидели уже одиннадцать человек. Он сразу узнал среди них судей Адамса и Портера, Кэрвелла и Гранта, Таннехилла и Мистру. Остальные две женщины и трое мужчин были ему незнакомы.

Таннехилл направился к нему с несколько иронической улыбочкой на лице. Руки не протянул. Только произнес:

— Это вы, Стивенс?

Казалось, он не был в этом уверен. Адвокат вежливо склонил голову, затем окинул взглядом присутствовавших в зале. Ему не терпелось начать. Он специально так рассчитал свое время, чтобы прибыть на сорок минут раньше Холанда и иметь возможность сформулировать свои первые обвинения, а если удастся, то и добиться одобрения группы. Он открыл портфель и достал

оттуда несколько бумаг. Интересно, подумал он, кто из этих двух женщин телепатка? Он не был обеспокоен тем, что она прочтет его мысли, а надеялся на её способность понять, что главная опасность исходит не от него. Начал Стивенс несколько театрально.

— Моя главная забота, разумеется, верой и правдой служить мистеру Таннехиллу.

Краешком глаза он уловил, что эти слова вызвали довольно мрачную ухмылку на лице Таннехилла. Адвокат продолжил:

— В этих целях я подготовил небольшое сообщение, которое — и я думаю, вы со мной согласитесь, — убедит общественное мнение, что мистер Таннехилл не является и никогда не был виновным в том преступлении, которое ему инкриминируется.

Произнося эти слова, он чувствовал, что Мистра, сидевшая в глубине гостиной, пристально смотрит на него, словно пытаясь привлечь его внимание. Но он продолжал смотреть на тех мужчин, что собрались перед ним. Он очень динамично, в простой форме и без всяких выкрутасов изложил свою аргументацию против Пили. То, что он говорил, несомненно, поразило бы судебных заседателей средней руки. Он

упомянул о тайных наездах Пили в Альмиранте, об его отношениях с бандой, о тех крупных выплатах, которые он производил без разрешения, беззастенчиво залезая в карман семейства Таннехиллов.

Пили сидел молча, уставясь в пол.

В своем выступлении Стивенс не затрагивал никаких вопросов бессмертия, космолетов, атомной войны. Все было сознательно выстроено на обыденном, ординарном уровне. Ньютона Таннехилла убили потому, что он обнаружил хищения… Стивенс изложил также факты, которые было легко доказать, типа исчезновений врача, выдавшего свидетельство о смерти, а также владельца похоронного бюро. Племянника заживо закопали в землю, положив в гроб дяди. Спрашивается, зачем? Потому что тело последнего было серьезно изуродовано в момент убийства. Что касается причин устранения Джона Форда, то согласно намеренно логически-упрощенному анализу Стивенса, они тоже были незамысловаты: охранника ликвидировали, чтобы оказать на Таннехилла дополнительное давление и вынудить продолжить выплаты… Ну, а с Дженкинсом и того проще: он видел Пили в Альмиранте, и ему заткнули рот…

Стивенс завершил свою пылкую обвинительную речь словами:

— В мои намерения не входило объяснять мотивы, которыми руководствовался в своих преступных действиях Пили. Но сейчас думаю, что имею достаточно оснований подчеркнуть необходимость не недооценивать психологического влияния культа майя, — или ацтеков, — который он исповедовал. В данном случае, — сказал он, — мы столкнулись с тем, что можно было бы назвать проявлением лояльности к секте.

Этой ремаркой адвокат и закончил свое выступление.

После чего он в первый раз решился взглянуть на Мистру. Само воплощение холодной отстраненности, она, казалось, недоумевала. Стивенс напряженно растянул губы в улыбке и сел у входа в холл.

21

В комнате ничего не изменилось. Никто, за исключением адвоката, даже не шелохнулся. Оба владельца газет делами пометки в блокнотах. Таннехилл сидел на диване, слегка подавшись вперед. Обхватив лицо руками он, похоже, просто смеялся. Судья Портер, упрятав глаза за тонированными стеклами очков, сардонически поглядывал на Пили.

— Ну что, мистер Пили, — нарушил он всеобщее молчание, — что вы на это скажете?

Но тот некоторое время держал паузу. Он весь утонул в глубоком кресле. Создавалось впечатление, что Пили проявляет нерешительность. Укладкой взглянул на Стивенса. Наконец, Пили тяжело вздохнул, снова бросил взгляд на адвоката и обронил:

— Так вот, значит, чем вы занимались…

И снова замолчал, потом спохватился, осознав, что все за ним наблюдают. Он вытащил сигарету и нервно сунул её в рот.

— Хотелось бы, — произнес он, — чтобы вы ещё раз изложили ваше понимание тех мотивов, которые якобы толкнули меня на эти преступ-

ления.

Стивенс охотно исполнил его просьбу. Пили, склонив голову набок, выслушал его очень внимательно, как будто пытался обнаружить в его словах какой-то более утонченный смысл. Но когда Стивенс вновь заговорил о письме, которое Таннехилл был вынужден подписать, Пили шумно прыснул со смеху и воскликнул:

— Чертов кретин! Вы же сами заявили, что у меня было письмо Таннехилла, разрешавшее продолжать производить выплаты. Продолжать, слышите! Значит, ежу понятно, что Таннехилл прекрасно был осведомлен о тех причинах, которые лежали в основе этих финансовых операций.

— Письмо при вас? — спокойно отреагировал Стивенс.

На лице Пили промелькнуло испуганное выражение. Он выкрикнул:

— Негодяй! Вы побывали в моем кабинете в Лос-Анджелесе!

— Я глубоко убежден, — степенно проговорил Стивенс, — что вы прекрасно понимаете следующее: никакая мелодраматическая попытка показать, что подобное письмо реально существовало, не будет выглядеть достаточно

убедительной для всех, находящихся в этом зале.

Пили вскочил, потом снова сел. Казалось, он взял себя в руки. Судья Портер протер глаза. Нахмурившись, взглянул на Пили и заметил:

— Заметно, что вы воспринимаете это обвинение самым серьезным образом. Вижу, что вы считаете наилучшим для вас исходом — выдержать сей шоковый выпад. В конце концов не можем же мы оставлять в неведении Хозяина этого Дома. Было бы также неплохо прояснить ситуацию по поводу некоторых забавных опасений, что нам пришлось испытать в последние дни, и которые имели к вам отношение. Как ваше мнение, джентльмены? — обернулся он к владельцам обеих газет.

Кэрвелл, худой и долговязый, шепнув что-то на ухо Гранту, поднялся.

— В завтрашнем специальном выпуске моей газеты будет категорически заявлено о полнейшей невиновности мистера Таннехилла. Уже много поколений семейство Таннехиллов является становым хребтом Альмиранте. Моя газета, известная в нашем городе своими давними и благородными традициями, не позволит легковесно обращаться со столь истинно американским и сугубо калифорнийским семейством. В этом мире,

полном неопределенности и неуверенности, подтачиваемом аморальными и беспринципными людьми, нам следует все активнее разворачиваться лицом к тем, кто глубоко укоренился в нашей почве, а не к любителям ловить рыбку в мутной воде.

Он перевел дух, бросив взгляд на Мистру.

— Что касается этого обвинения в убийстве… Все это очень банально. Ваш молодой человек усердно проявил средненького уровня здравый смысл, но очень мало воображения…

Поднялась Мистра, сделав знак Стивенсу. Он подошел к ней. Она отвела его в угол и тихо сказала:

— Это и есть ваша грандиозная сенсация? Я поняла вас так, что Пили не был человеком…

Стивенс запальчиво потребовал:

— Где ваша треклятая телепатка? Можете ли вы привести её сюда? Мне надо с ней поговорить.

Мистра, не говоря ни слова, покинула гостиную. Вернулась она в сопровождении девушки довольно приятной внешности с выразительными глазами. Но Стивенс, увидев их вблизи, убедился, что, несмотря на свойственную молодости живость, они светились спокойной уверенностью и разумом.

— Представляю вам Тризеллу, — сухо бросила Мистра.

Девушка за руку поздоровалась со Стивенсом. На лице её появилось задумчивое выражение.

— Я бы не хотела упреждающе говорить о вашем следующем сенсационном ходе…

— Вы знаете, что должно что-то произойти?

— Это очевидно с той минуты, как он здесь появился…

— Что вас известно еще? — забеспокоился Стивенс.

— Я не смогла установить, кто является вашим… информатором… Не знаю, даже, как следует понимать это слово, поскольку мое восприятие затемнено… В любом случае кто бы это ни был, он ошибся… Нет никого, кто…

— Не стоит развязывать дискуссию. Лучше скажите, можете вы или не можете почувствовать возникновение опасности?

— Не могу… Разве что…

— Говорите!

— Что-то такое есть…

— Откуда это исходит?

— Я… не знаю… Извините, но я не в силах дать вам даже приблизительную наводку…

Она закусила губу, расстроенная своим явным

бессилием помочь.

Стивенс бросил отчаянный взгляд на Мистру, которая, покачав головой, проронила:

— Я очень слабо представляю, о чем это вы тут сейчас говорили. Но не стоит забывать, что у меня почти всегда возникает такое ощущение, когда Тризелла ведет с кем-то беседу.

Стивенс замолк. Тризелла показалась ему телепаткой более сильной, чем он ожидал. И если кто-то так ловко обводит её вокруг пальца, то этот человек с годами наверняка научился мастерски скрывать свои мысли. Он опять обратился к Тризелле. Но она, предвосхищая его вопрос, уже отвечала:

— Они все пытались сделать это. Они часами беседовали со мной, применяя по ходу то один, то другой прием. Иногда у меня появлялось ощущение, что это им удавалось, но уверенности в этом нет.

— Кто, именно, — наскакивал Стивенс, — в наибольшей степени посеял у вас эти сомнения?

Девушка вздохнула.

— Вижу, что вы не улавливаете смысл сказанного мною. Это удавалось в тот или иной момент всем. Я только сейчас сообразила, что в ту ночь, когда мы побывали в вашем доме, вам самим

удалось утаить от меня важную информацию.

В другом конце комнаты Пили поднялся с кресла.

— Джентльмены, — начал он, — как мне представляется, возникла необходимость, чтобы я скрылся и принял на себя тяготы человека, которого разыскивают по обвинению в убийстве. Я согласен сыграть эту роль.

Стивенс быстро выскочил в центр гостиной.

— Мистер Пили, будьте любезны, сядьте, — вежливо предложил он. — У меня есть ещё кое-что заявить в отношении вас.

Не ожидая ответа, он повернулся к остальным и коротко изложил причины — так как он их проанализировал ранее — по которым сначала Фрэнк Холанд, а затем он сам были подобраны Пили на место местных управляющих.

— Делаю предсказание, — завершил он свой краткий спич. — Как только он выйдет, чтобы, по его словам, «исчезнуть» мистер Пили на самом деле тут же возвратиться, но в облике мистера Холанда.

Он замолк, оглядывая аудиторию и отмечая, что снова приковал внимание присутствующих к себе. Но — и это было поразительно! — они ещё не догадывались, в чем дело.

Таннехилл язвительно подбросил:

— Опять принялись за старые штучки, а?

Стивенс, не обращая внимания, продолжал развивать свою мысль:

— Мистер Холанд и я разработали следующий план; все, кто здесь находится в данный момент, будут немедленно арестованы по обвинению в ношении особого скрытого оружия, после чего с них будут сдернуты маски. Тем самым они окажутся не теми уважаемыми в городе лицами, в роли которых они выступали, и угодят в тюрьму на годик, если не больше, в зависимости от вынесенных им приговоров.

Судья Портер осуждающе покачал головой.

— Какой-то нелепый план. А вы, Уолтер, просто удивляете меня этими шалостями.

Стивенса это поразило. Они, прожив так долго, стали слишком аморальными людьми. Перед лицом предательства они, видимо, считали вполне естественным, что некоторые члены группы хотят захватить контроль над Большим Домом.

— К несчастью, — разозлился он, — планы мистера Пили оказались под ещё большей угрозой. Представьте себе, как все происходило: он убил Джона Форда и написал письмо Холанду. Затем — нежданная встреча с Дженкинсом, и он вы-

нужден быстренько прикончить и его. Но ввиду, как я полагаю срочности возникшей проблемы, он прибегает к непозволительному средству — использует термический луч. А потом, как все старательно подготовив, допускает и фатальную ошибку.

Подобравшись к этому кульминационному пункту своей операции, Стивенс уловил, что Пили забеспокоился. Заметил он это боковым зрением, поскольку тот стоял несколько сзади. Пили действительно громко объявил:

— Пора мне уходить. Все это отдает дурной мелодрамой.

— Прежде чем выйти, — прогремел голос Стивенса, — снимите вашу маску!

Адвокат мгновенно выхватил пистолет из кармана. Это, вроде бы, никого особенно не встревожило, поскольку другого оружия не появилось. Но эффект от его слов был потрясающим. Многие живо вскочили. Таннехилл, который и до этого стоял, резко скомандовал:

— Маску!

Стивенс подождал, пока восстановилась тишина. Потом вежливо обратился к Пили:

— Снимите её, друг мой. Вы действовали в соответствии законной самообороны. Лично га-

рантирую, что с вами ничего плохого не случится, независимо от того, придется ли это мое решение по душе членам группы или нет. Пусть кто-нибудь поможет ему снять эту пакость… Должно быть, есть какой-то способ делать это быстро.

От группы отделилась Тризелла.

Она держала бутылочку с бесцветной жидкостью.

— Руки в стороны! — потребовала она.

Пили после нескольких секунд колебаний, пожал плечами и смирился. Она налила немного раствора в ладони и руками провела по его щекам.

Появилось лицо Холанда!

Насупившись, он зло заговорил, обнажая в оскале зубы:

— Отлично. Надо быть поосторожнее в том, что я предприму против вас. Да, я убил Пили. Но действовал по праву самообороны. И не собираюсь никому позволить обвинить меня в убийстве.

Стивенс нахмурился. То, что бормотал Холанд говорило о том, что тот воспринимал ситуацию неадекватно.

— Холанд, — обратился он к нему, показывая на присутствующих, — что вам известно о деятельности этих лиц?

Холанд, казалось, удивился.

— Но вы же мне разъяснили… Это секта… раз уж я ввязался… Впрочем, оставим это…

Стивенс оглядел присутствовавших. Таннехилл что-то пристально рассматривал на потолке. Судья Портер вперил в Холанда задумчивый взгляд. Мистра о чем-то тихо перешептывалась с телепаткой. Адвокат понял, что они разделяли его точку зрения. Этот человек опасности не представлял.

Но он, Стивенс, удовлетворения не испытывал.

— Холанд, — обратился он к следователю, — где вы раздобыли маску, изображающую Пили?

Зал ожил волной любопытства. Холанд стоял, раздумывая, в нерешительности. По его лбу стекали струйки пота.

— Я получил её по почте. Была приложена записка. В ней указывалось, как ею пользоваться и предписывалось все, что я должен был делать. Там же напоминалось, что когда-то я был актером, подчеркивалось, что я умело имитирую голоса и предлагалось все это задействовать. Иначе отправитель грозился проинформировать полицию насчет того, где зарыт труп Пили.

— И что следовало говорить в случае ареста?

— Что я нуждался в деньгах. Признаюсь… Не

мог решиться… Но если бы на меня надавили, сказал бы правду…

— А после этого вечернего сеанса вам было обещано, что все происшедшее с вами будет предано забвению, так ведь?

— Верно.

Стивенс в упор глядел на Холанда. Он был озадачен. Сомневаться в правдивости слов этого человека не приходилось. Но ему представлялось маловероятным, чтобы опытный Холанд действительно позволил себе попасть в такую ловушку. А не происходило ли все так, что каким-то способом ему сумели крепко внушить, что он якобы совершил это преступление? Если это так, то до развязки ещё далеко.

Он направился к выходу вместе с Холандом. По пути сказал ему:

— Я зайду к вам завтра. Тогда обо всем и поговорим.

Тот показал жестом, что согласен. У него было усталое, напряженное лицо.

— Боже! — произнес он. — Как я рад, что ухожу отсюда. Но что все-таки за люди собрались здесь?

Стивенс и не пытался отвечать на этот вопрос. Его мозг уже лихорадочно заработал на волне

упреждения более серьезной опасности. Он нервно спросил:

— Где вы расставили полицейских?

Тот ответил:

— Неужели вы думаете, что я совсем спятил, чтобы нагнать сюда ещё и полицию?

— Что?

Стивенс с трудом сдержался, чтобы не выказать своего недовольства. Он мгновенно представил себе, сколько времени потребуется, чтобы доставить сюда блюстителей порядка и прочесать всю местность. Много, слишком много.

Он проследил, как Холанд спустился вниз по лестницу. Затем быстро пробежал через всю террасу и выскочил во внутренний дворик. Тихо свистнул и замер в ожидании. Кто-то зашевелился в темноте и Стивенс шепотом позвал:

— Риггс!

Появилась рука с протянутым клочком бумаги и опять скрылась в тени.

22

Пока Стивенс отсутствовал, подошли ещё несколько человек и присоединились к группе, которая по-прежнему оставалась в гостиной — большом зале с дубовыми панелями и несколькими застекленными дверями, выходившими во внутренний дворик. Все двери, кроме одной, были закрыты. Всего в гостиной Стивенс насчитал сейчас двенадцать мужчин и шесть женщин, не считая себя самого. Когда он вышел, все уставились на адвоката.

Он подошел к телепатке. Та покачала головой и ответила, не дожидаясь вопроса:

— Какое-то мгновение назад чувство тревоги заметно обострилось, но тут же опять стушевалось. Теперь я не могу более четко различить, чего вы опасаетесь. Но ничего похожего на это пока не улавливаю.

Стивенс обратился к Мистре:

— Сколько сейчас членов группы в доме?

— Сорок.

— Кого нет? Разве вы говорили не о сорок одном человеке?

— Я считала и Пили, — обезоружила она его.

— Все они здесь в данный момент.

Ответ пришел от телепатки.

— Нет. Тесла вышел минут двадцать тому назад, чтобы взглянуть, что происходит вокруг Дома.

Все это — и вопрос и ответ — прозвучали достаточно громко, чтобы их услышали. Сразу же стало тихо. Стивенс с любопытством окинул взглядом этих восемнадцать бессмертных. Несмотря на прекрасно сшитые и дорогие костюмы, мужчины показались ему людьми довольно ординарными. Судьба не позаботилась о том, чтобы отобрать выдающихся личностей. Женщины, напротив, все, как на подбор, выглядели элегантно и утонченно. Видно, это и объясняло, почему их допустили в группу.

Возможно все присутствующие здесь в эту минуту мучительно припоминали все, что им было известно о хмуром индейце. Стивенс заговорил:

— Мне довелось ознакомиться с некоторыми съемками. Там фигурировали Пили и человек, весьма похожий на Теслу, но с другим лицом. Будь они прокляты, эти ваши маски! Они позволяют кому угодно походить на кого угодно. Я виделся с Теслой дважды. Был ли он в своем естественном виде или же под маской?

— Он был в маске, — ответил Таннехилл.

Стивенс ругнулся.

— А он и впрямь индеец?

— Да.

Снова установилась мертвая тишина.

— Как давно был отснят фильм, который вы видели? — поинтересовался Таннехилл.

— Примерно две тысячи лет тому назад…

Таннехилл вдруг резко взмахнул рукой. Властным тоном он распорядился:

— Осмотреть окрестности. Охранять все двери. Если найдете, приведите его сюда. Мы все выясним тут же, на месте.

— Подождите!

То был голос Стивенса, заставивший замереть тех, кто уже направлялся к выходам. Таннехилл бросил на адвоката удивленный взгляд. Разница между человеком, страдавшим потерей памяти и нынешним владельцем Большого Дома была разительной. Она проявлялась в более пронзительном взгляде, в губах, складывавшихся в узкую щелочку. То были глаза и губы Танекилы Удалого.

— Стивенс, — процедил он, — чего вы тут распоряжаетесь?

Адвокат охотно пояснил:

— Если откроется хоть одна из этих дверей, это

будет сигналом моему человеку, которого я разместил снаружи, немедленно начать распылять элемент 167 на мрамор патио, террасы и самого дома. У вас нет оснований для беспокойства, если предатель был вычислен правильно. А сейчас я укажу вам, как следует поступить с ним.

— Это наше внутреннее дело, — надменно заявил Таннехилл. — И мы его урегулируем согласно нашим собственным правилам.

— Вы будете делать то, что укажу я, — прогремел Стивенс. — А теперь, друг мой, и я могу с тем же успехом контрзаявить, что эпоха вашего абсолютного диктата здесь кончилась. У меня в портфеле более пятидесяти экземпляров декларации — и вы её все до единого сейчас подпишете! — согласно которой этот Дом преобразуется в «Фонд», совет директоров которого составит наша группа. Вас я назначил первым президентом, но включил в состав Совета и себя. Лучше поскорее подписывайте, так как я не отзову обратно своего человека до тех пор, пока не получу все заверенные вами экземпляры.

Таннехилл вспыхнул от негодования и был готов разразиться гневной филиппикой.

— Поспешите, — ещё раз предупредил Стивенс, — и спросите у телепата, говорю ли я сейчас

правду или блефую. У меня есть элемент 167. А снаружи мой человек готов сделать то, о чем я вам сказал.

— Так ли это, Тризелла? — отрывисто спросила Мистра.

— Все верно.

Таннехилл зло бросил в её адрес:

— Но почему вы нас не предупредили? Какого черта…

— Потому что то, что он делает, отвечает общему благу, — спокойно возразила телепатка. — Я не хотела рисковать, мешая ему в тот момент, когда он отчаянно ищет того человека среди нас, который…

Стивенс прервал её.

— Пора оставить Теслу в покое. Подумайте о всех тех годах, что он прожил с убежденностью, что как единственный уцелевший из первой группы, обосновавшейся в свое время в Доме, он был его естественным законным владельцем… Так что, Таннехилл, подписывайте. Не забывайте, что нам ещё предстоит поймать его и убедить…

Хозяин Дома ещё какое-то время раздумывал, но затем вдруг решительно взяв перо, стал черкать свою фамилию на копиях. Стивенс передал их другим членам группы. Когда были готовы

десять деклараций, а в кармане лежал заполненный личный экземпляр, адвокат подошел к двери и позвал Риггса. Едва малорослый детектив вошел, остальные стали покидать помещение.

— Так, мистер Стивенс, — проговорил Риггс, — вижу, что вы славно поработали. Чем займемся теперь?

— Дайте мне ту капсулу, что я вам вручил, — потребовал Стивенс.

Риггс тут же повиновался. Стивенс, подойдя к Мистре, отдал её ей.

— Разумеется, — сказал он, — у Теслы, вероятно, есть немного этого элемента, полученного в ваших тайных лабораториях. Когда я анализировал его план, то понял, что единственная цель, которую он ставил перед собой, когда открыл мне доступ к звездолету…

— Какому звездолету? — встрепенулась Мистра.

Но Стивенс не обратил внимания на её возглас. Теперь, когда бумаги были подписаны, он собирался рассказать им все о космическом корабле, прилетевшем на Землю с далеких звезд двадцать веком тому назад. Поэтому он продолжил:

— …так вот, его единственной целью, когда он подстроил так, что я проник в звездолет, было

узнать, действует ли все ещё электронный мозг звездолета.

— Что за электронный мозг? Эллисон, что за чертовщину вы тут городите?

— В том случае, — вдохновенно заливался Стивенс, — если робот-мозг ещё функционировал, думал Тесла, ему можно было смело приступать к уничтожению Дома, после чего электронный мозг был бы вынужден считаться с ним или же отказаться от надежды на…

Тризелла незаметно приблизилась к нему и прошептала.

— Человек, который только что пришел в холл, кто это?

Стивенс обернулся.

— Не беспокойтесь, это Риггс… Если есть на свете стоящий человек, то это…

Он запнулся, внезапно охваченный странным предчувствием.

Адвокат смутно припомнил, что Таннехилл вроде бы установил контакт с детективом в Лос-Анджелесе, просмотрев телефонный справочник. Но Таннехилл в действительности ему этого не говорил. Задыхаясь от волнения, он отрывисто потребовал у телепатки:

— Что вы читаете в его мыслях?

Тризелла ответила:

— У него благодушное настроение. Немножко озабочен, правда. Если он скрывает намерение уничтожить Дом, то это — работа великого Мастера по этой части!

Стивенс быстро подошел к Таннехиллу. Тот ответил на его вопрос:

— Я не очень хорошо помню, когда я свел с ним знакомство. Но уверен, что мы как-то случайно оказались вместе в баре и он угостил меня.

— До этого вы звонили ему?

— Звонил? Конечно нет.

Стивенс уставился на дверь, выводившую в вестибюль.

Риггса нигде не было видно. «Наверное, спустился в музей, — подумал с тревогой Стивенс, — чтобы распылить элемент 167, имеющийся у него, а затем по туннелю добраться до робота-мозга и...»

Он бросился в холл и огляделся. Риггса там уже не было. Тогда адвокат, что было прыти, устремился к лестнице в глубине вестибюля и начал осторожно спускаться, стараясь не производить шума. Стеклянная дверь внизу была распахнута. Он увидел, как Риггс открывает одну из витрин.

Стивенс немедленно извлек из кармана захва-

ченную в звездолете трубочку. Держа палец на вскрывавшей её кнопке, он перемахнул через порог, выкрикнув:

— Эй, Риггс!

Тот повернулся, сохраняя потрясающее спокойствие!

— А я любовался этим предметом искусства толтеков, — отозвался он. — Чрезвычайно интересно…

Довольно пикантный момент для разговоров об искусстве. Стивенс шумно дыша, прохрипел:

— Риггс… Тесла… Вы ещё можете спасти вашу жизнь… Выиграть теперь вы уже не в состоянии… Откажитесь…

Пауза. Тот взглянул ему прямо в глаза:

— Стивенс, — каким-то каркающим голосом ответил он, — мы с вами можем властвовать над целым миром!

— Нет, это невозможно без Большого Дома… Сейчас же закройте выхлоп вашего распылителя элемента.

— Для этого нам Большой Дом совершенно не нужен. Неужели вы не понимаете? У нас с вами есть электронный мозг звездолета. Через него мы получим всю нужную нам информацию, будем располагать всеми возможностями, какими толь-

ко пожелаем. Когда все остальные уйдут с нашей дороги, надо будет…

Из витрины потянулся, расплываясь, голубоватый дымок. Стивенс пронзительно закричал:

— Я сказал: закройте свой распылитель… Быстро…

— Для этого мне пришлось бы теперь лишиться руки. Послушайте, Стивенс…

— Выбирайте: рука или жизнь! И скорее! У меня с собой элемент 221 — наилучший способ нейтрализовать действие вашего элемента 167, с которым он химически…

Направив трубочку в сторону Риггса, он нажал на кнопку. Одновременно из оружия, которое Риггс держал в свободной руке, брызнул термический луч, к счастью, миновавший мгновенно пригнувшегося Стивенса. Тот со всех ног бросился бежать к лестнице. Зал за его спиной стало потряхивать. Светящийся голубоватый дымок лизнул ступени. Затем все накрыла беспросветная темень.

* * *

…Согласны ли вы, Мистра Лэнетт, взять в законные супруги этого человека?

— Да.

Голос звучал твердо и уверенно.

Потом, уже сидя в машине, она призналась Стивенсу:

— На меня это произвело какое-то удивительно странное впечатление. Поймите меня правильно, ведь я впервые в своей жизни выхожу замуж!

Стивенс ничего не ответил. Он думал об электронном роботе-мозге в звездолете, замурованном в толще холма под Большим Домом. Вскоре тот снова выйдет на космические трассы, возобновив прерванный на столь длительный срок полет. У Стивенса уже зародилась идея; просто дух захватывало, едва он начинал думать об этом: а почему бы Мистре и ему не отправиться вместе с кораблем?

— Лично я, — щебетала тем временем Мистра, — предпочла бы девочку. Обожаю мальчишек, но…

Стивенс вздохнул. Ах, эти женщины! С их вечными помыслами о семейном очаге и о детях! Они думают только о материнстве в то время, как перед ними открываются такие горизонты и возможность пережить невообразимые приключения.

Вернувшись в бунгало, он решился было заговорить с ней о космическом путешествии. Но

в последний момент передумал. Все его планы и мечты сразу куда-то подевались, стоило ему погрузиться в глубинную нежность взгляда Мистры. Он подошел к ней. В его мыслях все ещё вихрем проносились все звезды Галактики. Но Мистра улыбнулась, и её образ вытеснил все остальное.

Затем на какое-то мгновение на него наложилось другое изображение — первого бессмертного, которого он увидел на экране в кадре, фильма, отснятого 2000 лет тому назад, рядом с Пили. Тогда он плохо различил черты этого человека, но сейчас отчетливо узнал в нем самого себя. Тесла был единственным, кто это понял. Теперь Вечный Дом навечно принадлежал ему, а весь объем памяти вскоре восстановился.

Но он опять взглянул на Мистру, и где-то в самом потаенном уголке души мелькнула мысль, что вечность могла и подождать.

Конец

Альфред Ван Вогт
Владыки времени

1

Время: семнадцать десять. До реактивации кристалла осталось менее пятнадцати минут.

Для Эдит Прайс хорошо одетый молодой человек, который вошёл в библиотеку, был типичным представителем летней публики в Харкдэйле. Она отличалась от жителей городка, на которых сейчас и сама Эдит походила. Записав его имя — Сет Митчелл — и полагая, что ему нужно получить временный абонемент, она протянула ему регистрационную карточку.

Но он нетерпеливо оттолкнул её, и Эдит впервые вслушалась в то, что он говорил.

— А-а! Так вам нужен кристалл?

— Именно! — ответил он. — Я хочу получить назад небольшой камень, который я подарил музею несколько лет назад.

Эдит покачала головой.

— Мне очень жаль. Сейчас помещение библиотечного музея на ремонте, и оно закрыто для посетителей. Я уверена, что, пока ремонт не закончится, никто заниматься экспонатами не будет, и в любом случае на это надо получить разрешение старшего библиотекаря мисс Дэйвис.

Сегодня у неё выходной день, и вы не сможете даже поговорить с ней.

— Сколько времени займёт ремонт?

— Ну… несколько недель, — неуверенно ответила она.

Впечатление, которое произвели её слова на молодого человека — такого же тщательно выбритого, преуспевающего и одетого по последней моде, как и многие её бывшие знакомые по Нью-Йорку, — поразило её. Он сильно побледнел, пробормотал что-то неразборчивое и, повернувшись, покачнулся, как будто последние силы оставили его.

Обычно Эдит не слишком внимательно разглядывала посетителей библиотеки. Но его поведение было настолько странным, что она проводила его взглядом до самого выхода, куда он направился нетвёрдым шагом. У дверей к нему присоединился невысокий коренастый мужчина. Они перебросились несколькими словами и вместе вышли. Через мгновение Эдит увидела в окно, как они подошли к сверкающему новенькому «кадиллаку». Сет сел за руль.

Дорогой автомобиль и то, что Митчелл был не один, каким-то образом придавало особое значение этому в общем-то самому заурядному

посещению. Эдит встала со своего кресла и махнула рукой мисс Тилзит. Демонстративно достав ключ от туалета, она незаметно прихватила ключ от музея и вышла.

Через несколько мгновений она уже разглядывала экспозицию камней.

* * *

Всего их было около тридцати. Судя по прикреплённым табличкам, эта коллекция была результатом поисков ценных минералов и красивых камней местными мальчишками. Эдит без труда нашла то, что просил молодой человек. Это был камень под выцветшей табличкой, на которой значилось: «Дар Сета Митчелла и Билли Бингхэма».

Она отодвинула крышку и, осторожно просунув руку, достала камень. Было вполне ясно, что при подборе экспонатов особой щепетильности не проявлялось. Камень казался творением каких-то неукротимых природных сил. Это был плоский обломок кристаллической скальной породы около двух с половиной дюймов длиной и около полутора дюймов в самой широкой части, коричневатого цвета и, несмотря на довольно гладкую поверхность, плохо отражавший свет.

Без сомнения, это был самый невзрачный экспонат из всей коллекции.

Разглядывая тусклый камень, Эдит подумала, не захватить ли его с собой и не отвезти ли после работы в гостиницу, чтобы человек не мучился со всякими дурацкими сложностями.

Под дурацкими сложностями подразумевался её враг в лице мисс Дэйвис.

Она решительно вынула табличку с двумя именами. Пожелтевший от времени кусок картона совсем обветшал и порвался. Она уже собиралась сунуть камень в карман, когда сообразила, что сегодня она была в платье без карманов.

«Вот, чёрт!» — подумала она с досадой.

Камень был слишком большим, чтобы спрятать в кулаке, и она направилась к чёрному ходу, где стояли бачки для строительного мусора. Она уже собиралась положить камень в один из бачков, где он не выделялся бы среди другого хлама, когда заметила разбитый цветочный горшок, в котором ещё оставалось немного земли. Рядом валялся бумажный пакет.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы засунуть обломок в пакет, присыпать сверху землёй из горшка и положить пакет в бачок с мусором. Обычно именно ей приходилось запирать

здание библиотеки на ночь, и прихватить с собой кристалл, когда все уйдут, было проще простого.

Эдит вернулась на место…

Камень тут же вступил в реакцию с землёй и возобновил деятельность, прерванную двадцать пять лет назад. За ближайший вечер и последовавшую ночь все без исключения Сеты Митчеллы на Земле вспомнили своё детство. Большинство просто улыбнулись, пожали плечами или беспокойно повернулись во сне. Многие из тех, кто жил за пределами Западного полушария, в отдалённых часовых поясах, вскоре вернулись к обычной жизни.

Но в самых разных уголках Земли было немало и тех, кто уже не мог избавиться от воспоминаний.

* * *

Как только выдалась свободная минутка, Эдит повернулась к мисс Тилзит и спросила:

— А кто такой Сет Митчелл?

Тилзит была высокой, худосочной блондинкой в больших роговых очках, за которыми светились неестественно маленькие, но постоянно настороженные серые глаза. Эдит давно убедилась в том, что Тилзит обладала потрясающим, хотя нередко

и поверхностным знанием всего, что когда-либо произошло в Харкдэйле.

— Их было двое, — ответила Тилзит. — Два мальчика. Билли Бингхэм и Сет Митчелл.

Затем, испытывая явное удовольствие от наличия слушателя, Тилзит поведала историю исчезновения Билли двадцать пять лет назад, когда ему и его приятелю Сету Митчеллу было всего по двенадцать лет. Она завершила рассказ следующим:

— По словам Сета, они подрались из-за найденного сверкающего каменного обломка. И он божился, что они находились не меньше чем за пятьдесят футов от края скалы, нависшей над озером. Он всё время повторял, что Билли не мог утонуть, хотя все в городе считали, что именно так и было. Во всяком случае тело Билли не нашли.

Слушая рассказ, Эдит пыталась нащупать связь между прошлым и настоящим. Она никак не могла взять в толк, зачем взрослому Сету Митчеллу могло понадобиться напоминание о таком неприятном событии. С другой стороны, мужчин вообще понять трудно. Она пришла к такому выводу после пяти лет ожидания какого-нибудь достойного мужчины, который должен был по-

явиться в один прекрасный день и разыскать её. Судя по всему, найти её в Харкдэйле им было ничуть не легче, чем в Нью-Йорке, где она жила до этого.

Тем временем Тилзит продолжала свой рассказ:

— С людьми вообще происходят странные штуки. Сет Митчелл был так потрясён тем, что произошло с его другом, что он стал сам не свой. У него сейчас ферма по дороге в Эбботсвилль.

— Так Сет Митчелл стал фермером? — недоверчиво переспросила Эдит.

— Именно так.

Эдит промолчала, но про себя отметила, что Тилзит, наверное, не такой уж надёжный источник информации, как ей раньше казалось. Кем бы ни был Сет Митчелл, на фермера он уж никак не походил!

В этот момент её попросили найти кое-какие книги, и она выкинула случившееся из головы.

2

Проехав несколько раз по городу, Эдит примерно в половине десятого наконец увидела приметный золотистый «кадиллак» Сета Митчелла и припарковала машину напротив входа в мотель.

Под деревьями, где она остановилась, было почти совсем темно, и это её порадовало. Но даже под надёжным укрытием темноты она чувствовала, как сильно бьётся её сердце и пылает лицо.

«Зачем мне это нужно?» — спрашивала она себя.

Она самокритично призналась себе, что рассчитывала на летний роман, что было довольно глупо для двадцатисемилетней женщины, которой следовало бы серьёзно подумать о замужестве.

Её мысли неожиданно прервались. С того места, где она находилась, ей хорошо была видна дверь домика, около которого был припаркован «кадиллак». Дверь открылась. В дверном проёме, освещённом изнутри, показалась приземистая фигура человека, которого она видела с Сетом днём. Эдит непроизвольно затаила дыхание, ко-

гда этот человек вышел и закрыл за собой дверь.

Спустя несколько минут он показался у главного входа в мотель и, немного постояв, направился быстрым шагом в деловую часть Харкдэйла, располагавшуюся неподалёку.

«А я ведь там только что была», — подумала она.

Наблюдая за ним, она почувствовала, как улетучивается её решимость. Она почему-то считала, что у этого коренастого человека в действительности не было ничего общего с Сетом Митчеллом.

Отказавшись от своего первоначального замысла, она завела мотор. По пути домой ей было стыдно, но не того, что она сделала, а того, что намеревалась сделать.

Что ей делать дальше — она не знала. Но она твёрдо решила, что больше ей не должно быть стыдно за свои поступки.

Добравшись до своей квартиры, Эдит засунула пакет с кристаллом в шкаф и, без всякого аппетита пожевав что-то, отправилась спать.

* * *

Коренастый человек вернулся в мотель раздражённым.

— Камня там не было, — сообщил он Сету Митчеллу, лежавшему на одной из кроватей с кляпом во рту и связанному по рукам и ногам.

Сет Митчелл с тревогой наблюдал за тем, как коренастый человек развязывал его ноги.

— Я тут думал, что с тобой делать. Может, самое лучшее — это отвезти тебя назад в Нью-Йорк. Как только я уеду, полиции меня уже не найти, — сказал коренастый.

Он вытащил кляп. Сделав глубокий вдох, молодой человек запротестовал:

— Да я близко к полиции не подойду!

Он испуганно замолчал, судорожно сглотнув. Его мозг отказывался даже допустить мысль о том, что его могут убить. Его, Сета Митчелла, когда перед ним наконец-то открылся путь к успеху после всех этих долгих лет терпеливого ожидания.

Коренастый подошёл к нему сегодня днём на служебной стоянке автомашин, широко улыбаясь. Плотный, невысокий человек — не более пяти футов четырёх дюймов. Цветом лица он походил на араба. Он подошёл и спросил:

— А где кристалл, который вы нашли с Билли Бингхэмом?

Что могло произойти, ответь Сет сразу, теперь

сказать невозможно. Но он не сразу вспомнил кристалл и покачал головой. Тогда человек вынул руку из кармана. В руке блеснул пистолет. Под дулом пистолета Сет привёз незнакомца в Харкдэйл и показал ему то место на озере Нараганг, где они с Билли подрались. И уже там, на озере, он вспомнил о кристалле. После этого коренастый заставил его отправиться в библиотеку, где он всё время, пока разговаривал с молодой женщиной за конторкой, чувствовал направленный на себя пистолет.

Неожиданно вспомнив свою беседу, он с отчаянием воскликнул:

— А может, та библиотекарша…

— Может, — безразлично отозвался коренастый.

Он развязал Сету руки и, отступив назад, махнул ему пистолетом. Они вышли на улицу, сели в машину и уехали.

Когда они добрались до озера, коренастый сказал:

— Остановись.

Сет остановил машину, прогремел выстрел, и убийство свершилось.

Убийца затащил тело на скалу, нависшую над озером, привязал к нему камни и сбросил вниз.

После этого он вернулся в Нью-Йорк, поставил машину Сета на его обычную стоянку и, переночевав в Нью-Йорке, начал готовиться к возвращению в Харкдэйл.

Этой ночью Эдит спала очень беспокойно: ей снилось, что все до единой Эдит Прайс, жившие на Земле, прошли перед ней. Лишь с полдюжины Эдит были замужем, и даже во сне это поразило её.

Ещё хуже было то, что подавляющее большинство Эдит Прайс так или иначе неприятно отличались от обычных людей: или они были безмерно толстыми, или немыслимо худыми, с бегающими глазами, а то и просто сумасшедшими. Правда, встречались и привлекательные особы с живым взглядом, и хотя их было немного, но это всё-таки утешало.

Эдит разбудил телефонный звонок. Звонил хранитель библиотеки:

— Мисс Прайс, вам лучше прямо сейчас приехать. Ночью кто-то залез в библиотеку.

У Эдит было странное ощущение нереальности происходящего.

— Залез в библиотеку? — переспросила она.

— Точно. В музее всё разворочено. Кто бы это ни был, он, наверное, решил, что часть камней

настоящие. Они разбросаны по всему полу.

3

Поначалу Эдит Прайс приняла худощавого молодого человека в комбинезоне за обыкновенного, не слишком грамотного фермера.

Она записала его имя — Сет Митчелл — и только через мгновение изумлённо подняла глаза.

Перед ней было осунувшееся, огрубевшее от палящих лучей солнца и порывов ветра лицо с впалыми щеками и больными глазами. И тем не менее этот человек поразительно походил на вчерашнего Сета Митчелла.

Она догадалась, что это, наверное, тот самый Сет Митчелл, о котором рассказывала мисс Тилзит. Судя по всему, здесь был целый клан Митчеллов с кузенами и кузинами, похожими друг на друга.

Она продолжала размышлять над этим, и вдруг неожиданно поняла, о чём он всё время невнятно мямлил.

— Камень? — переспросила Эдит. — Кристалл, который вы подарили музею библиотеки двадцать пять лет назад?!

Он кивнул.

Эдит, поджав губы, подумала: «Ладно, сейчас

мы во всём разберёмся».

Видя её замешательство, человек достал из бумажника какую-то бумажку и протянул ей. Взглянув на неё, Эдит увидела, что это была двадцатидолларовая купюра.

Она взяла себя в руки и сказала:

— Но ведь это очень большие деньги за обычный обломок камня.

— Он мне очень нужен, — промямлил он.

Она не разобрала, что он сказал затем, но его последние слова были вполне ясными:

— …когда исчез Билли.

В наступившем молчании Эдит призналась себе, что это действительно был тот самый Сет Митчелл.

Решив поддержать разговор, она заметила:

— Я слышала о Билле. Очень печальное событие.

— Я крикнул ему, чтобы он исчез, и он исчез! — Голос Митчелла дрожал. От воспоминаний о пережитом шоке его глаза приобрели странный блеклый оттенок. Он продолжал: — Мы оба схватили его. А потом он исчез.

Казалось, он больше не замечал её присутствия. Он рассказывал, как будто говорил сам с собой:

— Камень сверкал так ярко. Он был совсем не

таким, каким стал потом. Он потускнел, и никто не хотел мне верить.

Помолчав, он продолжал:

— Все эти годы я не переставал об этом думать. И только прошлой ночью я наконец сообразил, в чём дело. Что могло заставить Билли исчезнуть, когда я крикнул об этом? Что, как не сам камень?

Эдит решила, что разбираться с этим нужно психиатру, а не библиотекарю. Ей пришло в голову, что самым простым решением было бы вернуть ему камень.

Но сделать это надо было с умом. Она уже допустила ошибку вчера, расспрашивая мисс Тилзит о Сете Митчелле. Во время расследования полицией взлома библиотечного музея она старалась отвечать очень осторожно, чтобы не выдать своей причастности к происшедшему.

Чем быстрее она избавится от камня, спрятанного на кухне, тем лучше.

— Если вы оставите мне свой адрес, — вежливо произнесла она, — я поговорю со старшим библиотекарем, и она, возможно, свяжется с вами.

Адрес, который он неохотно дал ей, был по дороге в Эбботсвилль.

Попрощавшись, она проводила его взглядом.

По дороге домой тем же вечером она заехала в мотель. Золотистого «кадиллака» не было.

— Значит, это безумие кончилось, — подумала она с облегчением.

* * *

Она поужинала, как всегда, поздно. Потом, удостоверившись, что дверь заперта, она вытащила пакет, и ей сразу бросилось в глаза, что земли стало меньше.

Она испугалась, что камень мог исчезнуть. Расстелив на полу газету, она вывалила на неё всё содержимое пакета и замерла в изумлении: в комьях земли сверкал изумительной красоты кристалл.

— Но этого не может быть! — прошептала она. — Камень был таким невзрачным. А теперь он… просто потрясающий!

Она взяла его в руку. Пурпурные переливы были совсем живыми, как будто тысячи искрящихся огней внутри постоянно двигались и перемещались. То здесь, то там луч света нащупывал и озарял гроздья, вспыхивавшие языками малинового пламени. Кристалл сверкал так ярко, что у Эдит буквально перехватило дыхание.

Она поднесла кристалл к глазам и посмотрела

на свет — внутри был какой-то рисунок.

Непонятно каким образом, но кому-то удалось вырезать рельефное изображение солнечной системы и раскрасить его. В руках у Эдит был великолепный образец — во всяком случае так она решила — искусства резьбы по камню. Пурпурно-красный свет, заливавший изображение, казалось, исходил от крошечного «солнца», освещавшего планеты своей системы.

Она подошла к шкафу. В её голове роились мысли о том, что этот кристалл, наверное, обладает магическими свойствами. Она вспомнила рассказ фермера Сета Митчелла о том, что случилось, когда он крикнул Билли Бингхэму в присутствии камня… Может, камень реагировал на звук человеческого голоса?..

Она решила сразу проверить это, произнеся нужные слова.

Ничего не случилось. Всё оставалось по-прежнему. Она ещё раз произнесла нужную фразу, тщательно выговаривая каждое слово.

Никакого эффекта.

Она повторяла фразу, меняя тембр голоса от низкого контральто до пронзительного сопрано — и всё впустую!

Она опять посмотрела на рисунок внутри и

поднесла камень поближе к свету, чтобы лучше видеть. Разглядывая в кристалле очертания солнечной системы, она вдруг произнесла ещё раз с неожиданной решительностью, и чётко выговаривая слова:

— Я хочу, чтобы Билли Бингхэм — мальчик — вернулся назад… Прямо сейчас!

В наступившей тишине ожидания она с каждой секундой всё сильнее ощущала всю глупость происходящего.

Никаких признаков пропавшего Билли Бингхэма.

«Ну и слава богу!» — подумала она с облегчением.

* * *

Когда Эдит проснулась на следующее утро, она уже знала, как ей поступить. Нужно было любым способом избавиться от камня, угрожавшего её рассудку.

Ещё раз взглянув на камень, она увидела, что рисунок изменился. Теперь это было очертание человеческого тела, составленное из багровых и красных светящихся точек.

Она обратила внимание на то, что рисунок был удивительно подробным. Слабое подсвечивание

фигуры наводило на мысль о нервных окончаниях и кровеносных сосудах.

Поглощенная этим необычным зрелищем Эдит вдруг вспомнила о своём решении.

Она положила кристалл в небольшую коробку, засыпала его новой землёй — она где-то читала, что кристаллам необходима подпитка, — завернула в обёрточную бумагу и написала адрес: Сету Митчеллу, Рурал Рут, четыре, Эбботсвилль.

Вскоре она уже подъезжала к почте. Только отправив посылку, она сообразила, что снова действовала необдуманно и опять совершила глупость.

А что, если Сет Митчелл напишет в библиотеку письмо с благодарностью? Она очень живо представила себе, как обрадуется мисс Дэйвис проступку выпускницы колледжа, навязанной ей правлением библиотеки. Невозможно будет объяснить, каким образом романтический порыв заставил её украсть кристалл… а когда из её планов ничего не вышло — избавиться от свидетельства своей слабости, что она, собственно, сейчас и сделала.

«Может, лучше сразу сесть на следующий автобус в Нью-Йорк и больше никогда не видеть этого дурацкого городка?» — с тоской подумала она.

Это был очень неприятный момент. У неё было ощущение, что вся её жизнь состояла из бесконечной серии совершённых ошибок. Свернув на обочину, она остановила машину и задумалась. Она вспомнила о своём первом ухажёре в колледже и о том, как она его бросила, поддавшись какому-то необъяснимому порыву. В тот момент она увлеклась движением «Бог умер: теперь ты сам — бог!». Приверженцы этого движения считали, что неважно, как ты поступаешь с другими людьми: что бы ты им ни сделал — стыдиться было нечего.

В приступе жалости к себе она с тоской подумала, что если бы не вступила в ряды «поколения без угрызений совести», то теперь была бы миссис Ричард Стэплз.

Она вспомнила о недавнем сне, и это напоминание вернуло её к жизни. Дурацкие мысли! Она рассмеялась и подумала: «В самом деле, послать кристалл наихудшему из всех Сетов Митчеллов было не самой удачной идеей».

Её страх прошёл. Действительно, забавно! И что за странный сон ей приснился!

Как вообще можно знать, что для тебя лучше — какое решение, какая философия, какая, в конце концов, диета? И лучше для чего?

* * *

Эдит уже была на своём рабочем месте, когда в библиотеке появилась мисс Тилзит с особенным выражением лица. После шести месяцев пребывания в Харкдэйле Эдит научилась распознавать это выражение, означавшее: «Я узнала нечто очень интересное».

— Вы смотрели сегодняшнюю газету? — многозначительно поинтересовалась Тилзит.

Эдит сообразила, что речь, видимо, идёт о «Харкдэйл инкуайрер», ежедневной местной газете, выходившей на двух листах. Она сама продолжала читать «Таймс», хотя и подписалась для приличия на местную газету.

— Помните, вы на днях спрашивали о человеке по имени Сет Митчелл? — продолжала Тилзит.

Эдит отлично об этом помнила, но предпочла изобразить недоумение.

Тилзит развернула газету и протянула её Эдит. Крупный заголовок гласил:

БИЛЛИ БИНГХЭМ НАШЁЛСЯ?

Эдит машинально взяла газету и начала читать:

Вчера в одиннадцатом часу вечера из зарос-

лей кустарника возле озера Нараганг появился двенадцатилетний мальчик и попытался войти в дом, в котором двадцать пять лет назад жил Билли Бингхэм. Нынешний владелец дома Джон Хилдек, плотник по профессии, отвёл испуганного мальчика в полицейский участок. Оттуда его увезли в больницу.

Дальше Эдит читать не могла. Газета выскользнула у неё из рук, она покачнулась и медленно сползла на пол.

Когда она очнулась на кушетке в комнате отдыха, перед её глазами по-прежнему стояла яркая и невероятная картина того, как она приказала кристаллу вернуть Билли Бингхэма где-то между девятью и десятью часами предыдущего вечера.

4

Майами.

В этом поющем городе Сет Митчелл, думая о боге, часто называл его про себя «Музыкантом». Под этим он подразумевал, что его жизнь была подобна музыке, а сама музыка — симфонией или, по меньшей мере — концертом.

Кто-то свыше, без сомнения, считал его подходящим инструментом.

Ведь у него были деньги, женщины, хорошая карьера игрока — и всё это без особых усилий, ведь он был таким послушным инструментом в общем оркестре. Совсем неплохо для провинциального паренька, оказавшегося в большом городе, когда ему исполнилось только двадцать лет.

Но сейчас «Музыкант» почему-то заказал печальную ноту.

Митчелл держал в руке номер «Харкдэйл инкуайрер» с отчётом о появлении Билли Бингхэма.

Он разглядывал фотографию испуганного мальчика лет двенадцати на вид. Он был похож и не похож на Билли Бингхэма. Митчелла это удивило. «Инкуайрер» приносил извинения за то, что хранившаяся в его архивах фотография

настоящего Билли была утеряна, и пояснял, что, по слухам, родители Билли переехали в Техас, а куда именно — никто не знал.

Статья заканчивалась следующими словами:

Единственным человеком, который может подтвердить, что этот мальчик в самом деле Билли Бингхэм, по-видимому, является Сет Митчелл, друживший с Билли. К сожалению, местожительство Митчелла в настоящее время тоже неизвестно.

«„Инкуайрер“ должен был сообразить хотя бы проверить список своих подписчиков из других штатов», — язвительно подумал Митчелл.

* * *

Следующий день.

Войдя в палату триста двенадцать больницы Харкдэйла, он увидел лежащего на кровати мальчика, который при появлении незнакомого человека испуганно отложил журнал. Митчелл ободряюще улыбнулся и сказал:

— Билли, тебе не следует меня бояться. Я пришёл как твой друг.

Мальчик неуверенно ответил:

— То же самое говорил и толстый человек, а потом разозлился.

Митчелл не стал выяснять, кем был этот толстый человек. Он пододвинул к себе стоявший около кровати стул и тихо сказал:

— Билли, то, что случилось с тобой, похоже на сказку. Но самое главное — тебе не нужно волноваться.

Билли закусил губу, и по его щеке покатилась слеза.

— Они обращаются со мной так, будто я вру. Толстый человек сказал, что посадит меня в тюрьму, если я не скажу правду.

Митчелл вспомнил те дни, когда его так же нетерпеливо допрашивали в связи с исчезновением Билли. Стиснув зубы, он сказал:

— Я сделаю для тебя всё, что в моих силах. Но мне нужно задать тебе несколько вопросов, которые никому не пришло в голову задать. Тебе не нужно отвечать, если ты не хочешь. Что скажешь?

— Ладно.

Митчелл решил, что можно приступать к делу.

— А во что был одет Сет в тот день?

— Коричневые вельветовые брюки и серую рубашку.

Этот ответ принёс Митчеллу первое разочарование. Он надеялся, что такие детали помогут

ему всё вспомнить. Этого не произошло. Как он ни старался, ему так и не удалось вспомнить, что за брюки были на нём в тот день.

— На тебе тоже были вельветовые брюки? — спросил он наобум.

— Они там. — Мальчик показал на шкаф.

Митчелл встал, выдвинул ящик и достал мятые дешёвые вельветовые брюки. Он внимательно осмотрел их, надеясь, что они подскажут ему какую-нибудь забытую деталь. Наконец он разочарованно положил их обратно. Этикетка с названием фирмы-изготовителя была оторвана. Он не помнил, чтобы видел их раньше.

«Двадцать пять лет…» — с горечью подумал он. Время было, как толстое покрывало, в котором было несколько дырок. Сквозь эти дырки он мог видеть обрывки прошлого, какие-то моменты своей жизни, вырванные из контекста и потому несвязные.

— Билли, — спросил Митчелл, вернувшись на место, — ты говорил о том, что схватил камень. Где ты его увидел?

— На скале. Там есть тропинка, которая ведёт к озеру.

— Ты уже бывал раньше на этом месте?

Мальчик кивнул:

— Несколько раз, когда было холодно. Обычно мы с Сетом играли около воды.

Митчелл кивнул. Он помнил это.

— А сверкающий камень, который ты увидел — он был большой?

— Да, большой.

— Примерно с дюйм?

— Больше. Дюймов пять, готов поспорить. — В ответе мальчика не было и следа неуверенности.

Отметив ошибку, Митчелл постарался объяснить себе её происхождение. Камень был примерно два с половиной дюйма в длину, а ширина и толщина его были значительно меньше. Мальчик, видевший камень только мельком, не мог знать его точных размеров.

Эти рассуждения обескуражили Митчелла. Он начал делать скидки, а это было недопустимо. Он немного помедлил. Ему нужно было выяснить, касался ли Билли кристалла, но он не знал, как подвести мальчика к этому вопросу.

— Судя по тому, что ты рассказал корреспонденту газеты, — начал он, — ты признаёшь, что твой друг… как его звали? — Он ждал ответа.

— Сет Митчелл.

— …Сет Митчелл заметил камень первым. И всё-таки ты решил им завладеть?

Мальчик с трудом проглотил слюну:

— Я не хотел ничего плохого.

Митчелл отнюдь не собирался пристыдить мальчика и быстро сказал:

— Ну конечно, Билли. Когда я сам был мальчиком, вещью владел тот, кому она доставалась. А кто первый увидел — было неважно. — Он ободряюще улыбнулся.

Билли сказал:

— Я только хотел сам отнести его в музей.

Неожиданно волна воспоминаний пронеслась в голове Митчелла.

«Ну конечно, — подумал он, — вот теперь я вспомнил».

Он даже сообразил, почему забыл об этом раньше. Музей библиотеки принял дар очень неохотно, поскольку за те дни, которые камень провёл в кармане Митчелла, он потускнел и потерял всю привлекательность. Библиотекарша пробурчала что-то о том, что маленьких детей не следует травмировать. Именно эти слова его так расстроили в то время, что потребовалось конкретное указание события, чтобы он о нём вспомнил.

Было трудно представить, чтобы такой конкретной информацией располагал человек,

выдававший себя за другого. И всё же это означало, что когда Билли Бингхэм исчез…

Его мозг не мог смириться с такой возможностью. Ему уже говорил наблюдавший его врач, что преследовавшие его видения, такие же, что и у этого мальчика, были связаны с чрезмерной впечатлительностью.

Митчелл глубоко вздохнул.

— Хорошо. Ещё два вопроса. Какое время дня это было?

— Мы с Сетом решили пойти искупаться после школы, — ответил Билли. — Ближе к вечеру.

— Ладно. Судя по газете, ты добрался домой только около десяти вечера. Где же ты был с половины пятого до десяти часов вечера?

— Нигде я не был, — ответил мальчик. — Мы с Сетом подрались из-за камня. Я упал. А когда я встал, было уже темно. — Его глаза наполнились слезами. — Я не знаю, что случилось. Он, наверное, бросил меня одного и сбежал.

Митчелл поднялся, лихорадочно думая: «Это невероятно. Мне надо самому показаться врачу».

Он всё же задержался и задал последний вопрос:

— Тебя кто-нибудь ещё навещал? Ну, помимо полиции, толстяка и меня?

— Только женщина из библиотеки.

— Библиотеки? — недоверчиво переспросил Митчелл.

— Она хотела знать точное время, когда я очнулся у озера. Её зовут Эдит Прайс, и она работает в библиотеке. Время я, конечно, не знал.

Всё это не имело никакого смысла. Митчелл быстро попрощался, стараясь проявить дружелюбие, которого больше не чувствовал:

— Что ж, Билли, я больше не буду отрывать тебя от комиксов. Большое спасибо.

Он вышел из палаты и направился в гостиницу. Расплатившись за номер, он сел в машину, взятую напрокат, и поехал в аэропорт. К тому времени, когда он приземлился в Майами, тревожные нотки детства, звучавшие в его голове, исчезли.

Он чувствовал, что «Музыкант» на этот раз подвёл его. Чтобы этого больше не случалось, он решил аннулировать свою подписку на «Харкдэйл инкуайрер».

* * *

Чикаго.

Сет Митчелл из Сыскного агентства Сета Митчелла смотрел на человека, вошедшего в его

кабинет, как на привидение. В конце концов он проглотил слюну и спросил:

— Я что, сошёл с ума?

Незнакомец — хорошо одетый мужчина тридцати с небольшим лет — устроился в кресле для посетителей и улыбнулся в ответ:

— Сходство поразительное, не так ли?

Он говорил приятным баритоном, и Митчелл мог поклясться, что тембр голоса был его собственным!

Позже, рассказывая Мардж Эйкенс о посетителе, он признался:

— Я не мог отделаться от ощущения, что вижу перед собой самого себя!

— Но что ему было нужно? — спросила Мардж. Она была худощавой блондинкой, которой уже перевалило за тридцать, но это её не портило. Митчелл намеревался жениться на ней сразу же, как только найдёт ей достойную замену в офисе.

— Как он выглядел?

— Как я. Я же тебе всё время об этом толкую. Он был моей точной копией. Даже костюм, который был на нём, напомнил мне мой собственный, висевший дома. — Он заёрзал на стуле. — Не надо на меня так смотреть, Мардж. Я действительно буквально обомлел. Мне трудно разложить всё

по полочкам.

— Он дал тебе свой адрес?

Митчелл взглянул на бланк, который заполняли посетители, и огорчённо ответил:

— Здесь ничего не записано.

— Он обещал зайти ещё раз?

— Нет, но он оставил мне тысячу долларов, и я дал ему расписку. Так что сделка состоялась.

— Какая сделка?

— В этом-то и вся загвоздка. Он хочет, чтобы я нашёл кристалл оникса. Он сказал, что видел его некоторое время назад в музее одного маленького городка к югу от Нью-Йорка. Где именно, он не помнит.

— Это будет или слишком трудно, или слишком просто, — задумалась Мардж; она, казалось, уже погрузилась в решение проблемы.

— Позволь мне закончить, — хмуро отозвался Митчелл. — Я знаю, где находится этот кристалл. Подумай о том, что я сказал. Я знаю этот район, как свои пять пальцев. Я же там родился, ты что — забыла?

— В самом деле, я об этом не подумала, — ответила Мардж. — Ты думаешь, что можешь найти кристалл, потому что…

— Он находится в музее библиотеки города

Харкдэйл, где я родился. А сейчас — самое главное. Я сам подарил этот кристалл музею, и, что ещё более удивительно, он мне приснился на днях!

Мардж вернула его к посетителю:

— И он обратился к тебе? Из всех частных детективов Чикаго он выбрал своего двойника, к тому же знающего, где находится кристалл?

— Он пришёл ко мне.

Мардж удивлённо надула свои хорошенькие губки:

— Сет, это просто невероятно. Ты не должен был так просто отпускать его. Обычно ты такой сообразительный!

— Спасибо, — сухо отозвался он.

— А почему ты ему сразу не сказал, где находится кристалл?

— И распрощаться с тысячей долларов? Дорогая, детектив иногда как доктор. Люди платят ему за информацию, которой он уже располагает.

Мардж протянула руку:

— Покажи мне его бланк.

Внимательно всё прочитав, она спросила, не поднимая головы:

— Что ты собираешься делать?

— Я сказал ему правду: мне нужно несколько

дней, чтобы закончить свои дела, и тогда…

Он замолчал, и когда молчание затянулось слишком надолго, Мардж подняла голову. Она облегчённо вздохнула, увидев на его лице выражение решительности и уверенности.

Перехватив её взгляд, он сказал:

— В Харкдэйле не имеет смысла появляться, пока не будут найдены ответы на некоторые вопросы. Например, каким образом нас оказалось двое?

— У тебя нет родственников?

— Несколько двоюродных братьев.

— Ты с ними поддерживаешь отношения?

Он покачал головой:

— Нет, во всяком случае с девятнадцати лет, когда умерла моя мать. — Он невесело улыбнулся. — Харкдэйл — не тот город, куда хочется вернуться. Но выброси эту мысль из головы. Ни один из братьев не был похож на меня. Ни один, — повторил он, вздрогнув.

— Я думаю, что когда ты в конце концов отправишься в Харкдэйл, тебе следует загримироваться, — сказала Мардж твёрдым голосом.

— В этом можешь быть уверена! — согласился он. — Это дело потребует всей изворотливости, на которую мы способны.

* * *

В других уголках Земли около двух десятков из тысячи восьмисот одиннадцати живших Сетов Митчеллов, среди которых был и самый лучший Сет Митчелл, также думали о кристалле, вспоминали виденный на днях сон и предчувствовали надвигающуюся беду.

Вот что говорил монреальский Сет Митчелл своей франко-канадской жене:

— Я не могу избавиться от ощущения, что мне предстоит доказать своё право на существование. Помнишь, я говорил тебе об этом как-то утром после виденного сна.

Его жена, миловидная блондинка, с присущими всем франко-канадцам практичностью и пренебрежительным отношением ко всяким фантазиям, отлично всё помнила и поинтересовалась, кому и чем он должен это доказать.

Её муж ответил очень невразумительно:

— Ну, я не знаю. У меня такое чувство, что я мог принимать другие решения, лучше проявить себя. Я — не тот, каким мог бы быть.

— И что? — последовал ответ. — А кто этот самый тот? И что в конце концов из этого следует?

— Конец, вот что.

— Ты о чём?

— Да просто конец! — Он пожал плечами. — Мне очень неприятно говорить тебе всё это, дорогая. Но у меня такое чувство. Раз я не соответствую, мне конец.

Его жена вздохнула:

— Мама предупреждала меня, что к сорока годам у мужчин появляются сумасшедшие мысли. Так оно и есть.

— Наверное, мне нужно было проявлять больше мужества, — с отчаянием произнёс он.

— А что плохого в том, что ты эксперт по налогам? — спросила она.

Её муж, казалось, не слышал, о чём она говорит.

— Я чувствую, что должен побывать в своём родном городе. — Его голос дрожал от напряжения.

Она взяла его за руку.

— Тебе нужно показаться доктору Леду, — сказала она. — Пусть он тебя посмотрит.

Доктор Леду ничего не нашёл.

— Фактически, вы на редкость здоровый человек, мистер Митчелл, — сказал он.

Сет Митчелл из Монреаля был вынужден признать, что его внезапная тревога была дей-

ствительно глупой.

Но он тем не менее всё же решил съездить в Харкдэйл, как только разделается с текущими делами.

5

Мужской голос с лёгким иностранным акцентом раздался совсем рядом.

— Мисс Прайс, мне нужно поговорить с вами.

Несмотря на темноту, Эдит разглядела, что говоривший стоял прямо посередине тропинки и загораживал ей путь от гаража до подъезда дома, где она жила.

Увидев его, она остановилась как вкопанная.

Прежде, чем она произнесла хоть слово, человек продолжал:

— Что вы сделали с кристаллом?

— Я… я вас не понимаю!

Она ответила машинально. Сейчас ей было видно этого мужчину гораздо лучше. Он был небольшого роста и плотного телосложения. Она узнала в нём того самого человека, который был с Сетом Митчеллом в золотистом «кадиллаке».

— Мисс Прайс, вы вынесли кристалл из музея. Отдайте его мне или скажите, что вы с ним сделали. Больше мне от вас ничего не нужно.

Эдит было стыдно за то, что она сделала, и она не собиралась признаваться в совершённом никому и тем более незнакомому человеку.

— Я не понимаю, о чём вы говорите, — ответила она почти шёпотом.

— Послушайте, мисс Прайс! — Мужчина вышел из тени и старался быть дружелюбным. — Давайте пройдём к вам домой и всё обсудим.

Это предложение её успокоило. Она снимала маленькую квартирку в большом доме, и от других жильцов её отделяла только стена.

Совершенно неожиданно, как она потом признавалась сама себе, она вдруг успокоилась и бесстрашно направилась к подъезду. Можно представить её изумление, когда мужчина вдруг схватил её одной рукой так, что она не могла пошевелиться, и, закрыв ей рот твёрдой и сильной ладонью, прошептал в самое ухо:

— Я вооружён!

Парализованная ужасом, она не сопротивлялась и позволила оттащить себя в глубь аллеи. Мужчина впихнул её в машину, припаркованную возле забора.

Он сел рядом и долго разглядывал её. В темноте его лица почти не было видно. Время шло, и он по-прежнему не делал ничего угрожающего. Немного успокоившись, она спросила, как только к ней вернулся дар речи:

— Кто вы? Что вам нужно?

Мужчина язвительно хмыкнул и ответил:

— Я самый плохой из всех Аштаров тридцать пятого века.

Он опять хмыкнул и добавил:

— Но, как выяснилось, у меня отлично развита способность выживать.

Нахмурившись, он продолжал:

— Там, откуда я пришёл, я был физиком. Я почувствовал опасность и в рекордные сроки смог определить главный аспект деятельности кристалла. При общении с людьми он использует вибрации всех клеток конкретного человеческого организма. Воспроизведя эти вибрации, кристалл создаёт дубликат человека. И наоборот, прекращая вибрации, он уничтожает человека. Поняв это и учитывая, что в своём времени я не был оригиналом, с которого он создавал мне подобных, я просто окружил своё тело полем, непроницаемых для вибраций, что и спасло мне жизнь, в отличие от всех остальных недостойных Аштаров.

Мужчина немного помолчал и продолжил:

— Совершенно очевидно, что, обезопасив себя, я не мог не сохранить существовавшую между нами связь на каком-то ином уровне. Когда он отправился в прошлое, в двадцатый век, я не мог

не последовать за ним. К сожалению, я попал не туда, где он оказался, и не в тот момент. Я прибыл на прошлой неделе и очутился на скале возле озера Нараганг.

В конце повествования в его голосе зазвучали нотки удивления:

— Всё-таки поразительно, насколько сложной должна быть его система внутреннего потока энергии. Только представьте! Пролетая сквозь время, он, должно быть, заметил двадцатипятилетний период бездействия и оказался на месте буквально за несколько дней до того, как ему было суждено вновь ожить.

Он замолчал; сгустившаяся темнота совсем скрыла его лицо. Эдит осмелилась слегка пошевелиться — она сидела очень неудобно, и у неё затекла нога. Когда с его стороны не последовало никаких возражений, она спросила шёпотом:

— Зачем вы всё это мне рассказываете? Это просто какое-то безумие!

Уже произнося эту банальную фразу, она поняла, что сама немногим отличалась от говорившего: что-то в ней заставило её поверить каждому сказанному слову. В приступе самокритики она подумала:

«Я в самом деле, должно быть, являюсь типич-

ным образчиком недостойных Эдит Прайс».

Ей с трудом удалось удержаться от истерического смеха.

— От вас, — сказал наихудший из всех Аштаров, — мне нужна информация.

— Но мне ничего не известно о кристалле.

— Информация, которая мне нужна, — невозмутимо продолжал он, — заключается в следующем: когда-нибудь в последние дни вам приходила в голову мысль, что ваша жизнь могла сложиться по-другому, а не привести вас в библиотеку Харкдэйла?

Мысли Эдит вернулись к тому моменту, когда она отправила кристалл по почте, и чуть раньше, к тому, о чём она размышляла накануне.

— Да, это так, — призналась она.

— Расскажите мне об этом, — попросил мужчина.

Она рассказала ему о том, как ей хотелось сесть на автобус или поезд и навсегда оставить Харкдэйл.

Мужчина откинулся назад. Он казался удивительно спокойным и сказал, улыбнувшись:

— А вы что, самая лучшая из всех Эдит Прайс?

Эдит не ответила. Ей начало казаться, что она может довериться этому человеку, что ей следует

рассказать ему, где находится кристалл.

Аштар продолжал:

— Я убеждён, что Эдит Прайс, которая является ориентиром кристалла в двадцатом веке, находится в этом автобусе или просто направляется куда-нибудь в безопасное место. Это означает, что вам грозит то же, что и мне — как только кристалл выберет лучшую Эдит Прайс, вашей жизни настанет конец.

Только сейчас Эдит осознала весь ужас своего положения. Не вполне отдавая себе отчёт в своих действиях, она сбивчиво рассказала Аштару о событиях последних дней.

Слушая её признание, Аштар подавил желание убить её на месте. Он решил действовать наверняка, и, если что-нибудь пойдёт не так, она была единственной ниточкой, которая поможет ему найти других Эдит Прайс.

Он постарался её успокоить и, высадив из машины, ещё долго следил за тем, как она, спотыкаясь, брела по дороге, искренне считая, что находится в безопасности.

6

В записке говорилось:

Его там не было. Ферма брошена. Вы сказали неправду?

Аштар.

Прочитав записку, Эдит почувствовала, как её окатила волна страха — особенно пугающей была последняя фраза. Но, перечитав записку несколько раз, она немного успокоилась и подумала:

«Если всё это происходит в действительности, то что я должна делать? Проявить мужество? Проанализировать проблему? Действовать решительно?»

Была суббота.

Перед работой она заехала в оружейный магазин и приобрела небольшой автоматический «браунинг». Она часто бывала в тире со своим вторым ухажёром в колледже, тем, который считал, что бог умер и главное — это не попасть в тюрьму, а в остальном всё было позволено. В конце концов он бросил её, так и не женившись и ничуть не переживая из-за того, что увёл её от парня, который готов был связать себя брачными

узами.

Но этот второй ухажёр научил её стрелять из автоматического оружия. Решительно засунув пистолет в сумочку, она настроилась доказать кому бы то ни было, что эта Эдит тоже не лыком шита.

Правда, одно сомнение осталось: была ли готовность стрелять в целях самозащиты шагом вперёд или назад на пути к тому, чтобы стать наилучшей Эдит Прайс?

В библиотеке её уже поджидала мисс Тилзит со свежим номером газеты:

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МОЛОДОГО ФЕРМЕРА

Сет Митчелл, молодой фермер из Эбботсвилля, уже несколько дней не показывается на своей ферме. Его сосед Кэри Грэйсон, заехавший к нему вчера, чтобы купить кормовое зерно, обнаружил пустую ферму с недоенными коровами, голодными лошадьми и курами. Покормив животных, Грэйсон связался с кузеном Митчелла в соседнем графстве и сообщил о случившимся шерифу. Сейчас идёт следствие.

Прочитав заметку, Эдит вернула газету, ограничившись общими замечании о необычности происшедшего. Но её мысли лихорадочно крути-

лись в голове: значит, именно это и обнаружил на ферме Аштар.

Несмотря на свою решимость, ей стало не по себе. Казалось, все пути отступления уже отрезаны, и ей оставалось только двигаться вперёд, какие бы мысли её ни посещали в прошлом.

Воскресенье.

Она приехала в Нью-Йорк и оставила машину за два квартала до маленького пансиона, сдававшего квартиры только женщинам, в котором она жила раньше. Она не сомневалась, что по меньшей мере одна из Эдит Прайс обязательно приедет сюда.

Она позвонила в пансион из ближайшего телефона-автомата и попросила соединить её с Эдит Прайс.

— Одну минуту, соединяю, — отозвалась консьержка.

У Эдит перехватило дыхание, и она повесила трубку. Она сползла на пол кабины и закрыла глаза. Она и сама не знала, что именно ожидала услышать. Теперь вопрос заключался в следующем: была ли она единственной Эдит Прайс, которая знала о существовании других? И если да, то какие преимущества она могла из этого извлечь?

А может, уже где-то была Эдит Прайс, ставшая самой достойной сама по себе?

Думать дальше она не могла. Около телефона стоял невысокий плотный мужчина, которого она не могла видеть целиком, сидя на полу. Но что-то знакомое в нём было.

Аштар!

Эдит Прайс, вышедшая из кабины телефона-автомата, всё ещё не пришла в себя окончательно. Но два дня угроз и пережитого ужаса преобразили её. Из мечтательной, неуверенной в будущем молодой женщины она превратилась в решительную и практичную особу, хотя временами и подверженную приступам неуверенности.

Вид Аштара как раз выбил её из колеи.

«Что ж, может, так даже лучше», — объективно отметила её решительная часть. Она не доверяла самому плохому из Аштаров. А с испуганной Эдит Прайс он будет себя чувствовать спокойнее.

На пустынной нью-йоркской улице в воскресенье утром Аштар выглядел точно так же, как Эдит его запомнила — невысокий, плотный, с одутловатым лицом и сероватого оттенка щеками.

— Почему вы не хотите, чтобы я переговорил с ней сам? — спросил он вкрадчиво.

Эдит его не слушала. Вопрос, который постоян-

но вертелся у неё в голове в последние двое суток, наполненных непрерывной цепью событий, прерывавшихся только кратковременным сном, сформулировался сам собой:

— Вы действительно из тридцать пятого века?

Он внимательно посмотрел на неё и, должно быть, понял, в каком она состоянии.

— Да, — ответил он.

— И там все похожи на вас? Ростом, цветом лица?

— Было решено, — голос Аштара звучал бесстрастно, — что более плотное и низкое тело лучше приспособлено для функционирования. Так решили за несколько столетий до моего рождения. Таким образом, действительно, максимальный рост составляет один метр семьдесят семь сантиметров. Или пять футов шесть дюймов.

— А откуда вам известно, что вы самый худший из всех Аштаров?

— В мою эпоху, — последовал ответ, — любой, кто имеет оружие и не является при этом членом Гильдии Учёных, совершает преступление. Политическая и экономическая власть представляет собой только часть тех благ, которые связаны с членством в Гильдии. Чтобы укрепить свои пози-

ции, я проявлял твёрдость, которая должна была обеспечить мне относительную безопасность среди безликой массы невооружённых людей. А кристалл, создавая других Аштаров, усиливал эти стремления.

Это означало, что проявление твёрдости ничего не дало и надо было искать другой путь. Эдит разочарованно вздохнула и вспомнила другие вопросы, которые хотела задать. Она рассказала ему о двух рисунках, которые видела в кристалле — солнечной системе и человеческом теле. Знал ли он, что означали эти рисунки?

— Когда я в первый раз увидел кристалл собственными глазами, — ответил Аштар, — на рисунке была наша Галактика. Потом этот рисунок сменился солнечной системой. Вполне возможно, что то, что вы увидели, было отражением моего времени, в котором мы колонизировали все планеты. А то, что видел я, связано с выходом человека за пределы солнечной системы и освоением галактики. Это может означать, что кристалл приспосабливается к той эре, в которой он оказывается. Хотя в таком случае непонятно, почему это был рисунок человеческого тела, а не планеты Земля. Это было тело мужчины или женщины?

Этого Эдит не могла сказать с уверенностью.

Аштар покачал головой. На его лице было написано изумление. Даже не пытаясь его скрыть, он сказал:

— Поразительно. Такой маленький предмет и такие невообразимые возможности.

Он добавил, как бы разговаривая сам с собой:

— Это наверняка мощные поточные структуры. В таком кристалле недостаточно атомов, чтобы действовать, кроме прочего, и как панель управления.

Фактически он уже ответил на её следующий вопрос, но она всё же решила задать его.

Аштар вздохнул:

— Нет, кристалл совершенно определённо не принадлежит тридцать пятому веку. Он появился абсолютно неожиданно. Я полагаю, что он прибыл из будущего, совершая скачки в пятнадцать столетий.

— Но зачем его нужно посылать в прошлое? — В вопросе Эдит звучало явное недоумение. — Какой в этом смысл?

Коренастый человек взглянул на неё с интересом:

— Мысль о том, что кристалл был отправлен в прошлое с какой-то целью, мне не приходила

в голову. Это настолько дорогая и ценная вещь, что мы считали её появление в прошлом случайностью.

Немного помолчав, он добавил:

— Почему вы не хотите, чтобы я пошёл и познакомился сам со второй Эдит Прайс? А вы тем временем вернётесь в Харкдэйл. Если я найду кристалл, я разыщу вас там.

Этим он хотел подчеркнуть, что собирается действовать с ней заодно. На самом же деле кристалл не представлял для него никакой ценности, пока он не найдёт и не убьёт ту Эдит Прайс, на которую был ориентирован кристалл.

Здравомыслие подсказывало Эдит, что ей не следует доверять этому человеку. Но с другой стороны, являясь представителем тридцать пятого века, он может иметь и соответствующее оружие, а значит, предложение сотрудничества при полном контролировании ситуации им можно было расценить как очень широкий жест.

Подумав, она согласилась.

Она проводила его взглядом и видела, как он сел в сверкающий новенький автомобиль и отъехал. Она только отметила, что машина была средних размеров, но слишком поздно сообразила посмотреть, что это за марка. Точно так же

до неё слишком поздно дошло, что надо было запомнить номер машины.

«Я самая что ни на есть третьесортная Эдит Прайс», — язвительно подумала она о себе.

Она не обратила внимания на машину, которая стояла немного поодаль. Из неё вышла женщина и направилась к телефонной будке, как будто хотела позвонить.

Поравнявшись с Эдит, она внезапно остановилась и спросила:

— Эдит Прайс — это вы?

Эдит обернулась.

К ней обращалась симпатичная блондинка лет тридцати, которую она видела в первый раз в жизни. Хотя никакой опасности Эдит не чувствовала, она непроизвольно попятилась назад.

— Д-да, — ответила она.

Женщина повернулась к машине и крикнула:

— Всё в порядке, Сет.

Из машины вылез Сет Митчелл и быстро направился к ним. Он был хорошо одет, как и Сет Митчелл в золотистом «кадиллаке», но всё же он был другим. Черты его лица были более решительными, а в движениях сквозила уверенность.

— Я — частный детектив, — сказал он. — С кем вы только что разговаривали?

Эдит рассказала всё без утайки.

* * *

Они зашли в кафе, где и состоялась беседа. Эдит Прайс одновременно обрадовалась и огорчилась, когда узнала, что детективы провели в Харкдэйле два дня и вышли на её след по телефонному звонку в больницу, который она сделала, чтобы справиться о Билли Бингхэме. Начав за ней следить, они скоро обнаружили, что тем же самым занимается и какой-то коренастый человек. Именно поэтому не одна, а целых три машины прибыли в Нью-Йорк сегодня утром из Харкдэйла: Эдит, Аштара и их собственная.

Обмен информацией занял некоторое время и несколько чашек кофе. Эдит, правда, отказалась от последней чашки, внезапно подумав, что пить много кофе вредно и что кристалл может это каким-нибудь образом учесть. Она грустно улыбнулась тому, сколько добровольных ограничений она начала на себя взваливать. Как будто и в самом деле бог не умер.

Когда они вышли из кафе, Сет Митчелл позвонил второй Эдит Прайс. Из будки он вышел озабоченным.

— Телефонистка сказала, что Эдит Прайс вы-

шла двадцать минут назад с каким-то человеком. Боюсь, что мы опоздали.

Из того, что рассказала Эдит, он сделал вывод, что Аштар — опасный человек. Они решили дождаться возвращения второй Эдит Прайс. Но хотя они пробыли в Нью-Йорке до одиннадцати часов вечера, они так и не дождались её возвращения в пансион.

* * *

Она и не могла вернуться. Вот уже несколько часов она лежала на дней Ист-Ривер с пулей в голове и привязанными к ногам камнями.

Кристалл был у Аштара.

К его крайней досаде, убитая Эдит не была ориентиром камня.

Весь вечер и часть ночи он провёл за сборкой особого оружия. У него было предчувствие, что ему понадобятся все его знания и силы, чтобы справиться с Эдит, которая, как он полагал, вернулась в Харкдэйл.

7

Поскольку было уже поздно и они могли утром позвонить второй Эдит Прайс по междугороднему телефону из Харкдэйла, они решил вернуться. По просьбе Эдит Сет Митчелл сел за руль её машины, а Мардж поехала за ними одна.

По дороге детектив Митчелл сообщил Эдит, что он считал её ориентиром кристалла. Он также полагал, что её мнение о фермере Сете Митчелле как наихудшем из всех Митчеллов предопределило его печальный конец. Судя по всему, кристалл, руководствуясь её мнением, дезинтегрировал фермера в тот момент, когда она отправила ему посылку.

Логика детектива поразила Эдит.

— Но я, — дрожащим голосом заметила она, — не имела в виду ничего такого. Бедный Митчелл! — По её лицу струились слёзы.

— Разумеется, вы этого не хотели, — отозвался детектив. — Чтобы удостовериться, что я всё правильно понял, расскажите мне ещё раз последовательность своих мыслей. Это было до того, как вам пришла в голову мысль уехать их Харкдэйла?

— Нет, после.

— И правильно ли я понял, что вы размышляли, не вернуться ли на почту и не забрать ли назад посылку?

— Да, я подумала об этом, — ответила Эдит, — но всё-таки решила не возвращаться.

— Я полагаю, что по крайней мере ещё одна Эдит Прайс вернулась на почту забрать посылку.

— Но всё это так запутанно. Как могла эта Эдит просто уехать, бросив всё: машину, одежду, деньги?

— Я думал об этом на своём собственном примере. Судя по всему, кристалл может запросто справиться со всеми этими нестыковками. Взять хотя бы меня. Я никогда не думал о возвращении в Харкдэйл. Эта мысль мне никогда даже в голову не приходила.

Он помолчал.

— Но разве у вас в жизни не было таких непонятных моментов?

— Насколько я помню — никогда!

Сет Митчелл кивнул.

— Я так и понял. Мне кажется, я знаю, как решить эту невероятную проблему, а нам даже неизвестно, где находится кристалл.

* * *

Цель его рассуждений была достаточно простой. Вернув Билли Бингхэма по её приказу, кристалл поместил мальчика примерно за две мили от Эдит. Правда, в этот момент она держала кристалл в руке. Но это не подходило к случаю с её негативной оценкой фермера, к тому, что произошло, когда она отправила посылку и находилась в нескольких сотнях ярдов от почты.

Если она в самом деле дезинтегрировала придурковатого фермера, то тогда расстояние в ориентации кристалла на конкретного человека, в данном случае — Эдит Прайс, не имело никакого значения.

Выслушав детектива, Эдит ответила не сразу.

— Вы не согласны? — спросил Митчелл.

— Я думаю, — ответила Эдит. — Вполне возможно, ориентиром являюсь не я.

— Завтра мы это проверим.

— А как насчёт Аштара? — спросила Эдит. — Меня не покидает мысль, что у него может быть какое-то необычное оружие. И кроме того, кристалл на него не действует. Что вы на это скажете?

— Об Аштаре я подумаю, — ответил детектив.

Пока Митчелл размышлял, Эдит вспомнила вопрос Аштара о рисунке в кристалле: был ли это рисунок мужчины или женщины?

Она задумалась об этом всерьёз в первый раз и, сидя в темноте возле детектива, поняла, что её мысль работает в двух направлениях.

Первое: она попыталась мысленно восстановить рисунок в кристалле. И второе…

8

Сидя рядом с Митчеллом, она молча разглядывала его профиль. «Какой он всё-таки умный, — подумала она. — И всё же он всего-навсего детектив. Какой бы стройной ни была его логика, он не может быть самым лучшим из всех Сетов Митчеллов. Человек с такой профессией должен относиться к середнячкам, а в данном случае это всё равно, что быть наихудшим».

И он исчез.

Ещё несколько секунд машина продолжала катиться по прямой, но поскольку никто уже не нажимал на педаль газа, она в конце концов вильнула в сторону.

Эдит вскрикнула и вцепилась в руль, пытаясь выровнять движение. Машина вильнула ещё сильнее, но Эдит удалось перебраться на место водителя и нащупать педаль тормоза. Остановившись, она несколько секунд сидела без движения, переживая случившееся.

Помощница детектива Мардж сбавила скорость, увидев, что с первой машиной не всё ладно. Остановившись сзади, она вылезла из машины и подошла.

— Сет, — начала она, — что…

Эдит распахнула дверцу и выползла на дорогу, не в силах унять дрожь. У неё было непреодолимое желание куда-нибудь убежать и спрятаться. Она не чувствовала своего тела и не могла заставить себя сосредоточиться. Захлёбываясь и всхлипывая, она рассказала о том, что произошло.

Из бессвязных объяснений Эдит Мардж не сразу поняла, что случилось. Когда до неё наконец дошёл смысл происходящего, она опешила и, схватив Эдит за плечи, начала трясти её и кричать в истерике:

— Идиотка! Идиотка!

Эдит старалась вырваться, но Мардж вцепилась в её платье мёртвой хваткой.

Эдит было больное. Сначала заболела шея, а потом руки.

«Я должна соблюдать осторожность, — подумала Эдит. — Я не должна делать или говорить ничего, что может повредить ей».

Эта мысль вернула её к жизни. Только сейчас она поняла, что у Мардж просто истерика. Её физические действия были непроизвольной реакцией организма, находящегося на грани безумия от горечи потери.

С пониманием пришла жалость. Ей удалось освободиться от вцепившейся Мардж простым движением, и она несильно ударила её по щекам несколько раз. Наконец Мардж обмякла и, прислонившись к машине, начала всхлипывать:

— Боже мой, боже мой…

С запада потянуло свежим ветром. Они стояли в свете включённых фар, вырывавшем из темноты кусок дороги. Теперь обе женщины достаточно пришли в себя, чтобы обсудить создавшееся положение. Эдит попыталась вернуть детектива с помощью той же команды, что и Билли Бингхэма:

— Я хочу, чтобы детектив Сет Митчелл вернулся назад! Немедленно!

Она боялась, что это не поможет, ведь Сеты Митчеллы должны были исчезнуть один за другим, и она оказалась права. Пошло несколько минут. Хотя она много раз пыталась дать команду, меняя слова и интонацию — всё было бесполезно. Половина дня, которую Эдит провела с детективом, полностью изменила ситуацию, её характер стал управляемым.

В конце концов отчаявшиеся женщины продолжили свой путь в Харкдэйл. Мардж, забронировавшая номер в гостинице, направилась туда,

а Эдит поехала домой.

Было почти четыре часа утра, когда она наконец добралась до своей квартирки. Изможденная, она упала на кровать прямо в одежде. Уже засыпая, она вдруг подумала:

«Разве может лучшая из всех Эдит Прайс позволить себе неряшливость?»

Буквально падая с ног от усталости, она скатилась с кровати, разделась, приняла душ, почистила зубы, расчесала волосы, переменила простыни и надела чистую пижаму.

Она внезапно проснулась без четверти шесть, и первой её мыслью было то, что конформизм — не лучшее решение. Все её приготовления ко сну были связаны с полученным в детстве воспитанием и никак не были связаны с тем, чем она стала в жизни и как ей следовало распорядиться отпущенными ей талантами.

Она опять уснула, и ей снилась бесконечная вереница других Эдит Прайс, каждая из которых могла похвастаться каким-нибудь благородным и достойным качеством.

Проснувшись утром, она увидела, что уже совсем светло. Ей пришло в голову, что все образы, которые ей пригрезились во сне, наверное, воплощены в жизнь кристаллом в разных уголках

Земли. Наряду с Эдит-хиппи и Эдит-неряхами, без сомнения, существовали законопослушные и утончённые Эдит.

Эдит впервые осознала, насколько бессмысленными были её попытки пересилить себя и стараться стать другой в последние тридцать шесть часов. Было глупо состязаться в стрельбе с Эдит, связанными с преступным миром, и в опрятности — с Эдит из высшего света.

— Всё это было бессмысленно, — прошептала она. — Решение, вполне возможно, будет приниматься на основании таких же импульсивных мыслей, как моя, которая ненамеренно обрекла на небытие больного фермера и мужественного, но — увы — несовершенного детектива.

Не имея критериев, по которым можно оценивать людей двадцатого века, кристалл уничтожил сильного и хорошего человека из-за мимолётной мысли, посетившей ту, на которую он по чистой случайности был ориентирован. Это значило, что будущее всех Сетов Митчеллов и Эдит Прайс, включая и оригинал, было довольно мрачным.

Когда она проснулась в следующий раз, пора было вставать и отправляться на работу. Наступил новый день размышлений о том, какой должна быть самая лучшая Эдит Прайс.

Одевшись, она посмотрела в окно: вдалеке поблёскивала голубая полоска озера Нараганг и были видны строения центрального квартала города, подступавшие прямо к воде невдалеке от гостиницы. Приятный маленький городок Харкдэйл. Эдит вспомнила, что когда она впервые приехала сюда, то подумала, что по крайней мере здесь, в отличие от Нью-Йорка, не надо будет так заботиться о том, как она выглядит.

Она не могла удержаться от улыбки. Прошлой ночью она вновь вернулась на круги своя, поняв, как важно не давать себе распускаться. Стараясь поступать по-женски, она сказала себе: «В конце концов, я — женщина», — и надела самое нарядное платье.

И всё же в глубине души у неё затаился страх, что всё это напрасно. Опасность была совсем рядом — Эдит могла умереть ещё до конца этого дня.

Было глупо идти на работу в день, который мог оказаться последним в жизни, но она пошла.

Она выполняла свои обычные обязанности, но чувствовала, что совершенно подавлена. Дважды машинально взглянув в зеркало, она поражалась своей бледности и нездоровому взгляду.

«Это совсем на меня не похоже, — говорила она

себе. — Нельзя обо мне судить по этому».

Кристалл не должен был списать её со счетов из-за того, что она была не в себе. Каждую минуту перед её глазами проносились образы других Эдит, и у каждой была надежда, что именно у неё был заветный ключ к выживанию. Среди них была монахиня Эдит, всю жизнь прожившая в монастыре. Другая благочестивая Эдит, бывшая замужем, свела интимную жизнь до минимума и посвятила себя воспитанию детей. Среди Эдит была даже последовательница буддизма.

Она уже звонила Мардж Эйкенс в гостиницу. Около двух часов пополудни Мардж позвонила сама и сообщила, что пыталась связаться со второй Эдит в Нью-Йорке, но та так и не вернулась домой.

Сообщив эту неутешительную новость, Мардж добавила:

— Таким образом, если Аштар попытается связаться с тобой, ни под каким предлогом не соглашайся на встречу, пока он не вернёт Сета Митчелла с «кадиллаком» и нью-йоркскую Эдит Прайс.

После этого звонка перед глазами Эдит проследовала новая вереница Эдит Прайс, отличавшихся благообразием и послушанием. Каким-то

образом они все были так или иначе связаны с тем, чему её учили в детстве, и против чего она выступала в колледже.

Её мысли неожиданно прервал голос мисс Тилзит:

— Вас к телефону, Эдит.

Взяв трубку, Эдит почувствовала на себе неодобрительный взгляд мисс Дэйвис. Хотя это был первый звонок ей за шесть месяцев работы в библиотеке, старший библиотекарь выглядела разъярённым работодателем, чаша терпения которого уже переполнилась.

Однако Эдит моментально о ней забыла, услышав в трубке мужской голос. Это был Аштар.

— Мне нужно с вами встретиться сразу после работы, — сказал он.

— В гостинице… в холле… — Её голос дрожал.

9

Аштар вышел из телефонной будки. На его лице играла кривая улыбка. Теперь, когда он обладал кристаллом, у него было две возможности одержать победу.

Первая заключалась в убийстве нынешней ориентации кристалла. Эту возможность он упускать не собирался. Он решил, что Эдит никогда не доберётся до гостиницы.

Однако убийство Эдит грозило одним осложнением. Хотя он и пришёл к выводу, что именно она была ориентацией кристалла, но если он ошибся, то, уничтожив её, лишался единственного источника, через который мог бы выйти на других Эдит.

И всё-таки он решил рискнуть.

Тем не менее он принял меры предосторожности и вытащил кристалл из земли, которая его подпитывала. Он не знал, сколько времени пройдёт, пока кристалл, лишившись подпитки, не потеряет накопленную энергию, но решил, что не больше двух недель. Затем он переориентирует его на того, кто вновь вернёт его к жизни. Разумеется, на самого себя.

Обладая особым, проникающим сквозь любые преграды оружием, он твёрдо верил, что ещё до конца дня станет единственным обладателем самого совершенного механизма всех времён и планет — кристалла.

* * *

«Харкдэйл-отель» был популярным курортным пансионом. Высокие цены обеспечивали высокие доходы. Немалая часть средств была благоразумно вложена в богатый интерьер, дорогую мебель и вышколенный персонал.

У администратора, чья смена была в тот день, было своё понимание того, в чём заключался его истинный профессионализм: умение при необходимости забывать виденное.

Именно таким профессионалом он и был. О себе он говорил, что является ценным приобретением для гостиницы. Его звали Дерек Слейд. Он объяснял, что сам искал места в маленьком курортном городке из-за ностальгии по сельской жизни. Его умение закрывать глаза на то, что, по его мнению, не следовало замечать, привело к тому, что он в тот знаменательный день зарегистрировал четырёх Сетов Митчеллов. Каждый раз, когда приезжал новый Сет Митчелл, Слейд

полагал, что это был один и тот же человек, но в сопровождении другой женщины. Ему казалось, что он начинал понимать, что к чему, когда появился пятый Сет Митчелл и на этот раз — в одиночестве.

Дереку потребовалось всего несколько мгновений, чтобы выработать нужную линию поведения. У этого Сета Митчелла было четыре женщины в разных номерах, и ему ещё был нужен отдельный номер для себя. Зачем? Дерек решил, что это его не касается. Он часто говорил себе, что жизнь полна неожиданностей. Он отмечал факты, но не старался их осмыслить.

— Вы можете на меня полностью положиться, мистер Митчелл, — с ударением произнёс он, понизив голос.

Сет Митчелл удивлённо поднял брови и, взглянув на Дерека, кивнул, слабо улыбнувшись.

Дерек был доволен собой. Его замечание тянуло на чаевые не меньше двадцати долларов.

Он продолжал об этом думать, когда двери лифта открылись и вышедший Сет Митчелл направился к стойке. Когда он с ней поравнялся, стоявший у конторки Сет Митчелл повернулся и пошёл за коридорным, который нёс его чемоданы.

Едва не столкнувшись, оба Сета Митчелла пробормотали несколько слов извинений и собирались продолжить свой путь, когда Дерек пришёл в себя.

Это был один из лучших моментов его жизни. Повысив голос, он чётко и ясно окликнул:

— Мистер Митчелл!

Услышав своё имя, произнесённое властным тоном, оба Митчелла замерли на месте.

— Мистер Митчелл, — продолжал Дерек, — позвольте вам представить мистера Митчелла. Джентльмены, я попрошу уделить мне минуту внимания.

Он заставил их немного подождать, позвонив по всем номерам, где поселились остальные Сеты Митчеллы, и попросив их спуститься вниз. Один из двух Сетов, уже находившихся в фойе, пришёл в себя быстро, вид другого выдавал замешательство. Через несколько минут в холле собрались все пять Сетов Митчеллов.

Из всех присутствующих лишь один человек не привлекал никакого внимания. Это был Дерек Слейд. Его это вполне устраивало, ибо он мог без помех наблюдать за происходящим.

Четыре из пяти Сетов Митчеллов были очень возбуждены и кричали друг на друга, размахи-

вая руками. Пятый, тихо улыбнувшись, отошёл в сторону. Почти одновременно все четверо смутились и замолчали. Наступившую тишину нарушил голос Дерека:

— Джентльмены, почему бы вам не пройти в зал заседаний и не обсудить случившееся там?

В этот момент в гостиницу вошла Мардж и увидела в профиль последнего из Митчеллов, входившего в зал заседаний. Она сильно побледнела и бросилась вперёд.

— Сет! — закричала она, и слёзы брызнули у неё из глаз. — Боже мой, я была уверена, что ты умер!

Схватив последнего мужчину за рукав, она остановилась. Он обернулся — это был не её Сет Митчелл.

* * *

После, когда Мардж рассказала всё, что ей было известно, и они узнали о существовании Эдит, она предложила позвонить ей в библиотеку и пригласить её прийти пораньше.

Трое из Сетов Митчеллов были против. Выслушав их всех по очереди, Мардж взглянула на эти удивительно знакомые лица, но в глазах только одного из них она заметила характерную искорку

понимания. И всё же все они проявили ту же смекалку и рассудительность, которую она так часто наблюдала у своего шефа.

Сет Митчелл из Монреаля сказал:

— Первое, что мы должны сделать — это защитить себя от непроизвольных умозаключений этой молодой женщины, которые привели к уничтожению фермера Митчелла и детектива Митчелла.

Второго Митчелла, отличавшегося чуть более низким голосом, беспокоил Аштар.

— Убив Эдит Прайс номер два, Аштар, должно быть, завладел кристаллом и только потом выяснил, что не убитая была его ориентацией. Поэтому, — заключил он, — нам следует прежде всего защитить ту Эдит, которая является его ориентацией.

Таким образом, все согласились, что главной проблемой является доставить её в целости и сохранности в гостиницу, а уж потом — что с ней делать дальше.

Третий Сет Митчелл полагал, что вопрос заключался не столько в том, что она думала о мужчинах, сколько в её стереотипном подходе к тому, какой должна быть женщина. Видимо, кристалл послушно создал длинную вереницу Эдит

Прайс, которые были самыми обыкновенными людьми, каждая со своей системой ценностей, и отличавшимися друг от друга тем, как, по их мнению, следовало жить в двадцатом веке.

— В качестве примера того, как мне хочется, чтобы она распорядилась кристаллом, является прежде всего создание Эдит Прайс с сверхъестественными способностями. Зачем? Чтобы она могла понять ситуацию и найти из неё выход.

Эта мысль была встречена с одобрением. Она безусловно вселяла надежду — если, конечно, была осуществимой.

Четвёртый Сет Митчелл, хранивший мрачное молчание, на этот раз отозвался:

— Было бы интересно, если эти сверхъестественные способности включат возможность нахождения Сета Митчелла, который, — он кивнул в сторону Мардж, — заплатил вашему шефу тысячу долларов, чтобы найти кристалл.

Сет, приехавший в гостиницу последним и не проявлявший той озабоченности, которая сквозила в словах остальных, жизнерадостно заметил:

— Вам не нужно его искать. Он — это я.

Когда возгласы удивления и посыпавшиеся вопросы наконец утихли, он продолжил:

— Чтобы ответить на ваш основной вопрос:

я тоже, как и вы все, видел сон. И точно так же, как непонятно каким образом у наихудшего из Аштаров появился в голове адрес одного из Сетов Митчеллов, у меня наутро после сна появился адрес детектива Сета Митчелла.

— Но почему вы не отправились за кристаллом сами? Зачем платить тысячу долларов?

Митчелл-холостяк опять улыбнулся:

— Мне очень неприятно вам об этом говорить, и в ваших интересах, чтобы мисс Прайс этого не узнала, но, судя по моим мыслям после сна, я — самый лучший из всех Сетов Митчеллов.

На этот раз поднявшийся шум успокоился не сразу, и как только установилась тишина, Сет Митчелл продолжал, отвечая на главный вопрос:

— Я не знаю, почему я лучший. Я нанял другого приехать сюда вместо меня, потому что чувствовал опасность. Но сегодня я прибыл сам, потому что кризис достиг апогея. Я не знаю, что нужно сделать. У меня даже нет уверенности, что моё присутствие может сыграть решающую роль. Я просто знаю, что если от меня потребуется нечто, то я это сделаю. Я не думаю, что нам сейчас следует заострять на этом внимание, — продолжал он. — Нам предстоит многое сделать, но сначала

надо закрыть вопрос о Эдит Прайс. Времени терять больше нельзя.

Они все были законопослушными гражданами и поставили в известность полицию, которая проверила мотель, где останавливался Сет Митчелл с золотистым «кадиллаком». Выяснив номер машины, полиция связалась с Нью-Йорком и узнала место работы Сета. Машина оказалась на обычной стоянке, но сам Сет не появлялся на работе уже несколько дней. Был получен ордер на арест коренастого человека, о котором было известно только его имя — Аштар.

* * *

Поскольку в Харкдэйле было всего несколько полицейских, Аштару удалось незамеченным добраться до центра города и припарковаться на стоянке библиотеки. Он рассчитал время так, чтобы оказаться там за минуту до официального закрытия библиотеки.

Дымка. Сумерки быстро сменялись сгущавшейся темнотой. Несколько последних посетителей библиотеки выезжали со стоянки, когда наконец показалась Эдит Прайс.

Она с удивлением заметила, что около библиотеки стоит пожарная машина с включённым

двигателем. Но её мысли занимала в основном предстоящая встреча в гостинице, находившейся, как ей внезапно показалось, слишком далеко. Поэтому присутствие большой машины произвело на неё, скорее, успокаивающее действие.

Чтобы подойти к своей машине, ей нужно было обогнуть пожарную. Как только она приблизилась, пожарная машина тронулась с неимоверным рёвом. Эдит остановилась и подалась назад — это и спасло ей жизнь.

Поравнявшись с ней, машина взвизгнула тормозами и остановилась.

Где-то за машиной багряная вспышка осветила небо.

10

Хотя Эдит этого и не видела, но источником вспышки была одна из машин, выезжавших со стоянки. Подобно трассирующей пуле, луч света, вылетевший из машины, пронзил пожарную. Встретив на своём пути препятствие, этот луч издал звук, раздавшийся на Земле впервые: низкий и непрерывный треск рвущихся химических связей атомов металла.

Миниатюрная пуля пробила толстую стальную обшивку пожарной машины, преобразившись в микроскопическую точку, легко проникавшую сквозь молекулы стали. Преграда ничуть на замедлила её движения. В самом деле, в двадцатом веке не существовало преграды, способной замедлить движение пули хотя бы на фут в минуту. Ни толстая броня крейсера, ни сама толща Земли.

Это была ружейная пуля, летевшая по прямой и сквозь воздух, и сквозь металл. Она должна была пронзить, не отклонившись, и тело Эдит.

Тем не менее, пробив обшивку пожарной машины, продолжавшей двигаться, пуля пролетела в каких-то двадцати дюймах от отпрянувшей женщины.

Она пробила стену библиотеки и, пролетев через здание, устремилась в ночь. Точно рассчитанный запас кинетической энергии заставил её пролететь ещё несколько сот ярдов, после чего она упала на землю.

Через несколько мгновений двое одетых в гражданское полицейских разрядили свои винтовки, целясь в водителя машины, из которой вылетел луч света.

Звук выстрелов застал Аштара врасплох, но у него было устройство, многократно усиливавшее прочность стекла и металла машины, поэтому выпущенные пули не причинили ему ни малейшего вреда.

Его больше беспокоило то, что у него самого осталось всего несколько пуль и он не знал, сколько сил привлечено к этой расставленной на него западне. Он резко нажал на педаль газа, и его машина буквально вылетела со стоянки.

За ним устремилась машина полицейских, мигая огнями сирены. Поскольку ни они, ни их оружие не представляли для него никакой опасности, он больше всего боялся, что дорога перекрыта кордоном. Он свернул на одну из боковых улиц и через несколько минут неподалёку от отеля заманил полицейских в переулок,

который он хорошо изучил, пройдя несколько раз пешком.

Убедившись, что его план удался, он сбавил скорость, открыл окно и, выглянув, быстро прицелился в приближавшуюся машину полицейских. Вылетевший луч света попал прямо в двигатель, и раздался взрыв. Машина полицейских разлетелась на мелкие осколки.

Аштар быстро развернулся и направился в сторону гостиницы. Неожиданно ему пришла в голову мысль, что по каким-то неизвестным ему причинам его время истекает. И всё же ему казалось, что от него требовалось только проникнуть в отель и выстрелом остановить сердце одного, всего лишь одного человека. Через несколько минут он проник в гостиницу через окно кухни и быстро прокрался в тёмную кладовку с бетонным полом. Когда он пробирался к двери, ему представилось, что за ним наблюдают его коллеги по великой Гильдии Учёных, и ему стало неловко, что они видят его в такой неприглядной ситуации. «Разумеется, — утешил себя Аштар, — это будет совершенно неважно, когда у него окажется кристалл». После его возвращения в своё время произойдут большие перемены: несколько сот членов Гильдии были обречены

на уничтожение.

Он осторожно приоткрыл дверь и уже решил выйти в коридор, когда услышал за собой какой-то слабый звук. Резко обернувшись, он направил на звук своё оружие.

Пронзившая руку мгновенная острая боль заставила его выпустить пистолет. Оружие выскользнуло из повисшей плетью руки и упало на землю с громким стуком. Он понял, что против него самого была применена техника тридцать пятого века, и в тот же момент увидел в дверном проёме невысокую коренастую фигуру.

Испытывая невыносимую боль, Аштар залез во внутренний карман, достал кристалл и протянул его незнакомцу.

Второй Аштар не проронил ни слова. Он прикрыл дверь, взял кристалл и, нагнувшись, поднял с пола пистолет. После этого он перешагнул через пленника и вышел в коридор, заперев за собой дверь.

Только после этого наихудший из Аштаров обрёл способность соображать и двигаться. Он тут же попытался открыть дверь, чтобы выбраться на улицу через окно, в которое он проник, но дверь была заперта, а взломать её было невозможно. Аштар бросился к другой двери.

Когда выяснилось, что она тоже заперта и совсем не поддаётся его попыткам взломать её, он наконец понял, что оказался в плену молекулярных сил своего времени. Единственное, что ему оставалось, это сесть на бетонный пол и терпеливо ждать своей участи.

Аштару было ясно, что события с кристаллом будут развиваться дальше без его участия. Возможно, так оно было и лучше: чем больше Аштар размышлял, тем ему становилось яснее, что он недооценивал реальную опасность, в которой оказался по собственной инициативе. Был ли выход из игры для него защитой от опасности? Этого он не знал.

В напавшем на него человеке он узнал лучшего из Аштаров. Его вполне устраивало, что именно этот, другой Аштар будет участвовать в отчаянной попытке людей из двадцатого века спасти свою жизнь.

Эта женщина Прайс оказалась куда умнее, чем он предполагал. Это значило, что автоматическая запрограммированность кристалла дезинтегрировать всех, кроме самых лучших, неизбежно должна была вызвать отчаянное сопротивление с её стороны. Во всяком случае Аштару так казалось.

Поэтому в данный момент лучше держаться от них всех подальше.

* * *

Самый лучший из Аштаров прошёл через холл гостиницы к залу заседаний. Все пятеро Сетов Митчеллов поджидали его у закрытого входа в зал, в котором находилась только Эдит Прайс. Аштар подал им условный сигнал и протянул пистолет одному из Сетов. После очень тщательного обыска его подвели к Мардж, стоявшей у самой двери.

Аштар подал Мардж другой условный сигнал. Убедившись таким образом, что это именно дружественный им Аштар, которого создала Эдит в качестве первого шага их плана, его впустили в зал заседаний.

Аштар положил кристалл на стол прямо перед Эдит. Когда она машинально потянулась, чтобы взять его, Аштар перехватил её руку.

— У меня такое предчувствие, — сказал он, — что на этот раз, когда вы, истинная ориентация, возьмёте его в руки, наступит кульминация.

Ей показалось, что его голос и слова звучат откуда-то издалека. Эта мысль уже приходила ей в голову раньше, когда она решила вызвать к

жизни самого лучшего из Аштаров. Тогда тоже была кульминация.

Она, однако, помедлила, отдавая должное его знаниям и опыту. Эдит чувствовала, что в ней борются два противоречивых желания. Одно заключалось в том, чтобы уступить накопившейся усталости и покорно принять неизбежное, лишь бы не начинать всё сначала.

Другое — проявить хладнокровие и рассудительность, как это уже было, когда она поняла, что худший из Аштаров попытался убить её.

Тогда к ней вдруг пришло прозрение, отодвинувшее назад все сомнения, так мучившие её уже несколько дней. Было ли лучше проявлять решительность и уметь стрелять или же быть мягкой и женственной — не имело никакого значения. Истинным критерием было проявление гибкости в непреклонном достижении поставленной цели.

Способность адекватно реагировать на происходящее. Секрет заключался именно в этом.

Она вспомнила это, и от желания опустить руки не осталось и следа. Она повернулась к Мардж и бесстрастно спросила:

— Рассказать мне ему о том, что мы обсуждали в его отсутствие?

Мардж кивнула.

Аштар слушал, и на его лице было написано сомнение. Наконец он сказал:

— Не исключено, что вызов кристаллом одного из своих создателей является именно тем, чего эти создатели ждут от вас.

— Именно так мы и подумали, — ответила Эдит. Она по-прежнему не испытывала никакого страха. — Мы полагаем, что поскольку кристалл запрограммирован на нахождение лучшего из всех существующих и лучшим из Аштаров оказался достойный человек, то создатели кристалла прекрасно понимают разницу между плохим и хорошим. Это позволяет рассчитывать на то, что общество будущего, обладая такими же ценностями, не причинит нам вреда. Поэтому, — добавила она, — я и вызвала вас к жизни, чтобы проверить, правы ли мы.

— Звучит логично, — осторожно отозвался Аштар, — но я чувствую здесь какой-то подвох.

— Ничего более конкретного? — спросила она.

— Нет. — Он помедлили и пожал плечами. — А почему бы в качестве первого шага не взять кристалл — просто взять его в руки — и не узнать, прав ли я, что этого будет вполне достаточно? Если я не прав, то это развеет все сомнения.

— Вы не хотите, чтобы я смотрела на рисунок?

Сеты Митчеллы пришли к выводу, что именно это было ключом её власти над кристаллом. Они подробно расспросили Эдит о её мыслях и действиях, непосредственно предшествовавших трём случаям выполнения кристаллом её команд. Стало ясно, что когда она мысленно или фактически разглядывала рисунок и отдавала команду, то команда выполнялась.

— И всё-таки, — отозвался Аштар, — я думаю, что нас ждут неожиданности.

Слова и интуиция человека будущего, перенесённого на полтора десятка веков назад, на мгновение поколебали решимость Эдит, но она быстро взяла себя в руки.

— Дело в том, — сказала она вслух, — что у нас просто нет выбора.

С этими словами она решительно протянула руку и взяла кристалл.

У Эдит перехватило дыхание.

Человек, который вышел из угла, где он материализовался, был гигантом. Семь, восемь, девять футов — она никак не могла точно определить его рост.

Его одежда, похожая на доспехи воина времён Древнего Рима, бронзовое тело, крупные черты

лица, тёмные, как уголь, уверенные движения — всё свидетельствовало о врождённой власти, не испытывавшей сомнений или страха.

Он сказал низким голосом:

— Я — Шалил, лучший из всех возможных.

11

В затянувшейся паузе Эдит ждала, когда он закончит предложение. Она полагала, что в конце он должен назвать своё имя. Наконец она сообразила, что предложение было законченным. Создатели кристалла направили самого достойного представителя своей расы, чтобы найти выход из сложившейся ситуации.

Мардж, находившаяся у порога, покачнулась и, издав стон, стала сползать на землю. Два Сета Митчелла, стоявшие с остальными в коридоре и не видевшие великана, бросились, чтобы поддержать её. Увидев его, они замерли на месте, не в силах отвести от него взгляда. Три остальных Сета Митчелла поспешили войти, чтобы узнать, в чём дело.

Они двигались как по команде, и последний из них прикрыл за собою дверь.

Оказавшись все вместе, они услышали дрожавший от напряжения голос самого лучшего

из Аштаров:

— Мисс Прайс… Уничтожьте его! Он пришёл не с добром!

Великан усмехнулся.

— Вы не можете уничтожить меня, — сказал он на чистом английском своим низким голосом. — Разумеется, сейчас только я контролирую кристалл и никто другой. Понятие «добра» является очень относительным. Я появился с добром для своего времени и тех, кого я представляю.

Его глаза — чёрные и яркие — обвели взглядом пятерых Сетов Митчеллов, двух женщин и Аштара.

— Кто из вас является биологическим оригиналом человеческих существ? — спросил он.

Его напористость и целеустремлённость были пугающими. Эдит сжала кристалл и вопросительно взглянула на Сетов, как бы спрашивая их мнение. Но все они не сводили взгляда с гиганта и, казалось, не замечали её немого взгляда.

И всё же один из Сетов спросил:

— Аштар, в каком смысле он не несёт добра?

Аштар покачал головой.

— Я не могу ответить определённо, — с сожалением произнёс он. — У меня просто такое чувство. Они послали кристалл в это время с какой-то

целью. Его вопрос о биологическом оригинале очень важен. Ни в коем случае не отвечайте ему ни на этот, ни на другие вопросы.

Этот совет был напрасным. Ещё не дослушав, великан направился к двери, и мужчины молча расступились, чтобы пропустить его. Выглянув в коридор, он закрыл дверь и сказал:

— Я прихожу к заключению, что люди этой эпохи являются оригиналами. Именно они и нужны нам для наших экспериментов.

Аштар повернулся к Сетам.

— У одного из вас, — сказал он, — есть пистолет наихудшего Аштара. Застрелите его!

В тот же момент показался пистолет и, увернувшись от двух Сетов, пытавшихся завладеть им, оказался в ладони Шалила. Он засунул его в какую-то складку в одежде.

Самый лучший из Аштаров взглянул на Эдит.

— Что ж, — сказал он, — я сделал всё, что мог.

Он повернулся к великану:

— Что будет со мной?

Пристальный взгляд чёрных глаз внимательно изучал его.

— Кристалл передаёт мне информацию, — ответил он. — Ты и другой Аштар принадлежите эре, где люди уже биологически изменены?

Аштар хранил молчание. Гигант скривился и затем последовательно изложил то, что наихудший из Аштаров рассказал Эдит в Нью-Йорке, добавив, правда, что первому решению об изменении всей расы предшествовала огромная работа по пересадке органов.

Аштар виновато взглянул на Эдит.

— Ему всё хорошо известно, — сказал он. — Думаю, что вряд ли испорчу дело, если задам один вопрос.

Не дожидаясь её ответа, он обратился к великану:

— В тридцать первом веке, почти за четыреста лет до моего времени, было признано, что невысокие и плотные тела обладают лучшими потенциальными возможностями для выживания, нежели высокие и худощавые. Я вижу, что ваша раса намного выше, крупнее и сильнее, чем то, что было первоначально признано идеальным. Чем это объясняется?

— Необходимостью решать другие задачи, — ответил Шалил. — Моя эпоха, которая по вашим меркам является девяносто третьим веком, является эпохой космоса.

Помолчав, он добавил:

— Поскольку в настоящий момент вы не пред-

ставляете для нас интереса, я отправлю вас с другим Аштаром в ваше время.

— Подождите! — торопливо воскликнул самый лучший из Аштаров. — А что вы сделаете с этими людьми? — Он махнул рукой в сторону Сетов и Эдит.

На лице великана опять появилась гримаса.

— Они сейчас всего лишь созданные кристаллом двойники, — нетерпеливо ответил он. — Но нам для наших опытов нужны лишь лучший Сет Митчелл и лучшая Эдит Прайс. Остальные тысяча восемьсот десять Сетов и, — он на мгновение замешкался, — семьсот двадцать три Эдит не представляют для нас интереса. С помощью кристалла мы отобрали самых лучших.

— Но зачем?

— Что-то пошло не так. Нам нужно ещё раз изучить природу человека.

— Вам нужны конкретно эти люди, или вы создадите кристаллом их двойников в своей эре?

— Каждая особь существует в единственном экземпляре. Если мы воспроизведём любую из них в другом времени, то эта особь исчезнет здесь.

— Зачем они вам? Разобрать на составные части?

— В конце — не исключено. Это покажет ход

опытов. Но это не важно, — добавил он нетерпеливо. — Программа рассчитана на самые сжатые сроки, и объекты исследований нужны очень срочно.

Он повернулся к Эдит:

— Мисс Прайс, дайте мне кристалл. Мы не жестоки, и я хочу отправить Аштаров домой.

Аштар не сдавался.

— Мисс Прайс, не отдавайте ему кристалла. Его уверения, что он полностью контролирует кристалл, могут не соответствовать действительности, но могут стать ею, если кристалл будет у него в руках. Нужно убедить этих пришельцев из будущего, что есть другое, менее болезненное решение их проблем.

Эдит стояла и слушала великана, всё яснее понимая, какая страшная угроза нависла над ней. Неожиданно её страстное желание быть лучшей сменилось на полностью противоположное.

Она, однако, отметила, что по-прежнему не испытывает страха. Её ум продолжал чётко анализировать происходящее. Она знала, что миллионы обрывков мыслей и различные чувства, которые так беспорядочно крутились у неё в голове, пока не пришло прозрение, продолжали оставаться на своих местах, разложенные по

полочкам.

Сама она считала, что Аштар ошибался и что она больше не контролирует кристалл.

Они, безусловно, подстраховались созданием некоего блокирующего механизма, который позволял им восстановить свою власть над кристаллом в любой момент.

Но это требовало проверки.

Она посмотрела на кристалл и произнесла:

— Кто может справиться с этим гигантом, пусть немедленно окажется здесь!

В то же мгновение кристалл был вырван у неё из рук той неведомой силой, что отняла пистолет у Сетов. Она беспомощно наблюдала за тем, как кристалл, проплыв по воздуху, оказался в ладони у великана. С торжеством посмотрев на неё, великан сказал:

— Это была интересная мысль. Но все ваши союзники находятся в этой комнате. Больше никого нет.

— В таком случае, — раздался спокойный голос, — настал мой черёд, чем бы это ни обернулось.

С этими словами Сет-холостяк вышел вперёд и остановился перед великаном.

Наступила долгая пауза. Великан внимательно

разглядывал его. Эдит тоже посмотрела на Сета и невольно залюбовалась им. Он был одет в хорошо сидевший тёмно-серый костюм; черты лица его были твёрдыми, а глаза оставались спокойными и бесстрашными. Где-то в глубине души Эдит почувствовала гордость, что в такой ответственный момент рядом оказался этот незаурядный человек. Хотя она и не испытывала никакого страха сама, но с каждым мгновением надежды на благополучный исход оставалось всё меньше и меньше.

Тишине наступил конец.

Великан из далёкого будущего сказал, чётко выговаривая каждое слово:

— Я надеюсь, вы понимаете, что, открывшись мне, вы обрекли таким образом остальных Сетов. В этой эре у кристалла нет альтернативы их уничтожению.

Позади Эдит раздался сдавленный крик Мардж.

Эдит обернулась. Она никак не могла понять, что так напугало её. Мардж, казалось, задыхалась, и Эдит бросилась к ней и подхватила её за талию.

— Что случилось? — спросила она.

Мардж по-прежнему задыхалась и с трудом еле

слышно произнесла:

— Остальные Сеты… исчезли!

Эдит оглянулась, и её мысли вернулись на землю. Около двери, где стояли четыре Сета, никого больше не было. Она едва сдержалась, чтобы не подбежать к двери и не выглянуть в коридор. Ну, конечно же, они только что туда вышли.

Внезапно до неё дошёл смысл случившегося.

Они были дезинтегрированы.

— Боже мой! — всхлипнула она.

Взяв себя в руки, она услышала, как гигант продолжал:

— Кроме того, наилучший из всех Сетов Митчеллов просто казался хорошим образцом и к тому же неопасным.

Сет Митчелл продолжал говорить спокойным голосом:

— Я уже сказал, чем бы это ни обернулось.

Он взглянул на женщин.

— Поскольку Сеты остаются вариантами кристалла, сейчас они не в большей опасности, чем были бы, если бы это существо выполнило свои угрозы. То же самое, вполне возможно, относится и к Сету в «кадиллаке», и убитой в Нью-Йорке Эдит.

Он продолжал, обращаясь к Шалилу:

— Аштаров лучше всего вернуть в их время.

Наступила секундная пауза, и выражение глаз великана на мгновение изменилось, как если бы он размышлял.

— Готово, — наконец сказал он.

Эдит взглянула туда, где только что находился Аштар, и почувствовала, как к горлу подкатился комок. Усилием воли она опять взяла себя в руки.

Аштар исчез.

Усмехнувшись, Шалил посмотрел на лучшего из всех возможных Сетов Митчеллов и произнёс:

— А ведь ты неплохо воспользовался кристаллом, правда? — Он понизил голос почти до шёпота. Его лицо выдавало напряжение, как будто он к чему-то прислушивался.

— У тебя одна… две… три, нет — четыре корпорации!

— Я оставил бизнес, когда заработал десять миллионов, — отозвался Сет. Он повернулся к Эдит и пояснил извиняющимся тоном: — Я даже не знал, зачем мне столько денег, раз я не смогу их потратить. Но я поставил себе цель и добился её.

Не став дожидаться её ответа, он повернулся к великану:

— Все Сеты Митчеллы являются результатом

того, о чём мечтал мальчик в зависимости от той информации, которой он располагал. Он без сомнения замечал, что на свете существуют налоговые инспекторы, адвокаты, бродяги и полицейские. А в таком курортном городке, как Харкдэйл, появлялись весьма обеспеченные люди из Нью-Йорка. В конечном итоге это привело к тому, что пока их не дезинтегрировали, сейчас есть ковбой Сет Митчелл, африканский охотник, капитан дальнего плавания, пилот самолёта и, не исключено, несколько удачливых преступников.

Немного помолчав, он продолжил:

— Мне кажется, что вы этого не поймёте. Ведь там, откуда вы пришли, нет маленьких мальчиков. Я прав?

В глазах гиганта впервые промелькнула нерешительность.

— Мы все — творения кристалла. Таким образом, мы, наверное, будем жить вечно. Правда, если нам удастся справиться с тенденцией клеток уставать. — Помолчав, он неуверенно спросил: — А что такое — мальчик?

— Возможно, ваша проблема заключается именно в этом, — сказал Сет Митчелл. — Вы забыли о детях. Вариации генов.

Самый лучший из Сетов Митчеллов продол-

жал, глядя на пришельца из будущего:

— Я — творение мальчика, которые после исчезновения Билли Бингхэма очень долго находился в стрессовом состоянии, усугублявшемся давлением со стороны взрослых и их недовольством. В результате этот мальчик находил разрядку в том, что давал волю воображению. Представьте себе мечту о всевластии: некто наделён такой властью, что может наказать всех плохих взрослых, которые принимали тебя за врун и плохо с тобой обращались… придёт такой день, когда ты с ними поквитаешься. Каким образом? Это могло быть неясно для мальчика Сета, который чувствовал себя изгоем. Но когда придёт время, он будет знать, и конечно же, он не будет поступать так, как они поступали с ним. Он будет всесильным и в то же время благородным.

Два человека — самый лучший из Сетов Митчеллов двадцатого века и самый лучший из лучших девяносто третьего века — стояли друг перед другом.

— Раз речь идёт о благородстве, — последовал хриплый ответ, — я думаю, что должен исследовать фантазию мальчика самым тщательным образом.

Раздались резкие слова какой-то команды, про-

изнесённые на незнакомом языке.

Эдит слушала этот странный диалог и не переставала вновь и вновь повторять:

— Боже мой, наверное, бог действительно умер. Эти люди будущего даже не слыхали о нём!

Её мысли внезапно прервались.

Что-то ударило её глубоко внутри, и комната, в которой она находилась, погрузилась во мрак. Как бы издалека она слышала голос Сета Митчелла, торопливо говорившего:

— Единственное, что я знаю наверняка, мисс Прайс, это необходимость отправить вас с ним. По-видимому, у вас есть ключ к разгадке, и он в том, о чём вы сейчас подумали, хотя я и не знаю, что это. Кристалл сделает это реальностью. Надеюсь, всё образуется.

В следующее мгновение она провалилась в бесконечность.

12

Бесчувственное тело Эдит лежало на столе в одном из залов административного центра. Время от времени к ней подходил великан и проверял приборы, одновременно контролировавшие её состояние и прочно державшие её на столе силовым полем.

Позади была долгая ночь, сменившаяся наконец восходом солнца. Солнечный свет, смягчённый полупрозрачными стенами, освещал небольшую группу великанов, окруживших стол, на котором неподвижно, если не считать медленных и глубоких вдохов, лежало тело молодой женщины из двадцатого века.

Будить или не будить её?

Они обсуждали эту проблему низкими, приглушёнными голосами. Поскольку все они были учёными, способными на всё, что только было доступно логике, их озадачивал немыслимый парадокс, преподнесённый этим хрупким женским телом.

На вид она была совершенно беспомощна. В тот момент, когда лучший из Сетов Митчеллов отдал приказ кристаллу, Шалилу удалось ввести

её в состояние комы, в котором она и прибыла в девяносто третий век.

Вернее говоря, она была дезинтегрирована в своём собственном времени и воссоздана кристаллом уже в будущем, причём в том же состоянии комы.

Соответственно, она даже на долю мгновения не имела возможности хоть как-то повлиять на свою судьбу.

Учёных беспокоило то, что после воссоздания она излучала безграничную власть, причём беспрерывно. Не просто власть, а в буквальном смысле безграничную.

Безграничная власть! Абсолютная и непререкаемая! Как это возможно?

Они ещё раз выслушали подробный отчёт Шалила на звуковом и телепатическом уровнях обо всём случившемся в двадцатом веке. Уже знакомое повествование вновь выделило главные моменты: ординарность всех людей из прошлого, с которыми сталкивался Шалил, и отсутствие угрозы со стороны кого бы то ни было.

Они вновь выслушали рассказ о предположении лучшего Сета Митчелла, что кристалл наделял жизненной энергией фантазии мальчика о власти. Естественно, во всяком случае так

считали все собравшиеся учёные, такое поведение кристалла означало его ориентацию на лучшего Сета Митчелла, который должен был быть выбран из претворённых в жизнь фантазий мальчика. Одно это заставило учёных признать, что реальные возможности кристалла намного превосходили существовавшие доселе представления о том, на что он способен.

Но как это возможно?

Но и это было ещё не всё.

Подав команду Эдит, лучший из возможных Сетов Митчеллов дал понять, что он, судя по всему, не без помощи кристалла получил от неё некий импульс, указывавший, что она в одиночку в состоянии победить всю науку девяносто третьего века.

Когда кристалл оказался в руках Шалила, такого импульса информации — неважно ложной или истинной — просто не должно было быть. Все данные современной науки говорили о том, что кристалл не должен был подчиниться команде Сета.

Верно, они не всё знали о кристалле. Существовало несколько необъяснённых пока феноменов кристалла, которые продолжали изучаться. Но уже давно считалось, что основные возможности

кристалла известны.

Более того, они считали, что под строгим научным контролем кристаллы сделали реальностью освоение высших возможностей биологических организмов. Всё, на что только теоретически способны живые клетки, было изучено и претворено в жизнь. Кристалл послушно помогал практически освоить и левитацию, и телепатию, и телекинез, и многое, многое другое.

Возникло, правда, одно осложнение: первоначальные, неизменённые биологическим вмешательством люди имели какие-то качества, которые были утеряны их потомками.

Безусловно, последние поступки Эдит сделали её самой лучшей из всех Эдит Прайс. Но в двадцатом веке ничего такого от неё не требовалось. И поскольку она не воплотила такие мысли в рисунок в кристалле, источником её нынешней власти был не кристалл.

Это уже было нечто совсем иное. Нечто неслыханное и недоступное всей их науке.

13

— Я считаю, что мы должны убить её, — сказал один из гигантов.

— Если попытка убить её вызовет ответную реакцию абсолютной власти, которую она излучает, то мы не сможем контролировать её, — возразил второй. — Гораздо перспективнее проанализировать нижние уровни её сознания на основе доклада Шалила, а затем разбудить её и спровоцировать с её стороны нужные нам реакции.

По мнению большинства, это была хорошая мысль. Соответственно, каждый высказал свои изображения. Все присутствующие сошлись на том, что они были в состоянии держать ситуацию под контролем.

— Если что-нибудь пойдёт не так, — заключил один из них, — мы всегда сможем изолировать её, сначала дезинтегрировав, а потом восстановив с помощью кристалла.

— А как быть с выводом, — напомнил Шалил, — к которому она пришла, стремясь быть лучшей из всех Эдит Прайс, что ключ к успеху заключался в контролировании ситуации с помощью исключительной гибкости?

Остальные учёные не разделяли высказанных сомнений.

— В её время превалирующие условности воспитания и жизни, — возразил один из гигантов, — не могли в принципе позволить ей действовать во всех без исключения случаях наиболее оптимальным способом.

Учёные пришли к выводу, что Эдит никогда не сможет узнать, в чём, собственно, заключалась связанная с ней проблема.

Совещание закончилось единодушным решением сделать всё так, что, когда Эдит проснётся, она будет считать себя абсолютно свободной…

* * *

Она лежала на траве. Травинки касались её лица и пальцев. Свежий запах приятно щекотал ноздри.

Эдит открыла глаза и приподняла голову.

Самый настоящий лес. Вспомнив случившееся, она торопливо стала подниматься и увидела, как какое-то небольшое коричневое животное с мохнатым хвостом юркнуло в чащу.

Футах в пятнадцати от себя Эдит заметила гиганта, который, заметив, что она проснулась, тоже стал подниматься на ноги. Он двигался

очень медленно, как бы в полусне.

Всё ещё не рассеялся туман, хотя солнце стояло высоко. Справа через кустарник и редкие деревья был виден большой серовато-зелёный холм. Слева почва опускалась ниже, и туман, сгущавшийся там, был гораздо плотнее. В сотне ярдов было почти ничего не видно.

Почти ничего. С трудом, но всё же можно было различить контуры здания.

Эдит не стала задерживать на нём взгляда. Она пристально посмотрела на великана и спросила:

— Где мы?

Шалил не торопился с ответом. Ему было трудно поверить, что она интуитивно не знала этого сама. То, что она обладала такой огромной властью и при этом не знала элементарных вещей, просто не стыковалось одно с другим.

И всё же она продолжала стоять в ожидании ответа. Он почувствовал её тревогу и сделал вывод, что, судя по всему, рассуждения его коллег были правильными. Они решили, что её мотивация зиждется на каких-то подсознательных импульсах и давно забытых воспоминаниях, каждое из которых физически обладает такой же прочностью, как и стержень из самой твёрдой стали. Всю свою жизнь она подчинялась правилам, а её

поведение в немалой степени было обусловлено критериями группового мышления.

Школа, а затем колледж были первыми нормами, которым она подчинялась, и в тот период её действия находились под контролем родителей. Во многом эти нормы никогда не подвергались сомнению.

Шалил отметил в её сознании мысль о том, что каким-то образом миллионы людей так и не получили высшего образования. Его это поразило, и всё же в силу тех или иных причин так оно и было.

Таким образом, в области развития своей личности Эдит намного превосходила среднего человека. И всё же в колледже, когда она впервые вышла из-под непосредственного контроля своих родителей, она быстро примкнула к движению нонконформизма. Какими бы ни были личные мотивы других сторонников этого движения, для Эдит это была глубокая внутренняя потребность.

Таким образом, это было началом отклонения от нормы, которое в дальнейшем сказалось на её поведении. Продолжая рассуждать, Шалил пришёл к выводу, что, являясь личностью, борющейся против невидимых уз, опутывавших её, Эдит также приложила силы, чтобы вернуться

к своим внутренним ценностям. Продолжение учёбы, различные места работы, местожительства, друзья противоположного пола — всё это создавало немыслимую путаницу, и разобраться, что именно в этом хаосе представляло истинную цель, было невозможно.

Задача усложнялась и тем, что все её поступки модифицировались бесчисленным количеством мелких постоянно повторяющихся поведенческих навыков — как есть, пить, спать, общаться, ходить, разговаривать, размышлять и тому подобное.

Шалил был обескуражен тем, что был не в состоянии найти хоть одну отправную точку, которая тут же не включала механизм цепной реакции проявления приобретённых навыков и поведенческих стереотипов. Остальные учёные полагали, что рано или поздно что-нибудь действительно важное выйдет из подсознания на уровень осознанного, и у них не было сомнений, что Шалилу удастся это заметить. В противном случае, то есть если ему это не удастся, он должен был дезинтегрировать её и собрать новый консилиум.

Вероятность потерпеть неудачу так быстро беспокоила Шалила. Выигрывая время, он про-

изнёс:

— Это Сад кристаллов девяносто третьего века. Здесь, в самой девственной части природы нашей планеты, закопаны кристаллы, за которыми наблюдают и ухаживают хранители-учёные.

Шалил решил, что решением проблемы может быть постоянное давление речевым потоком, которое заставит её проявлять один за другим бесчисленные стереотипы, уже известные им, пока наконец он не узнает тот единственный. После этого с помощью кристалла он лишит её тот немыслимой власти, которой кристалл наделил её.

Шалил сознавал, что его главной задачей было не допустить её возвращения в свою эпоху. Поскольку он знал, что ей для этого нужно было всего лишь подумать об этом в позитивном плане, его задачей было держать её в напряжении, заставить постоянно нервничать и испытывать неуверенность.

Шалил понял, что его тревога телепатически передалась остальным учёным, которые после недолгого совещания передали ему свои рекомендации:

«Постарайся отвлечь её внимание, позволив ей одержать маленькие победы, и пусть она считает

их твоим подарком».

Идея была заманчивой, и Шалил немедленно принялся за её осуществление.

14

В отеле Харкдэйла наступило следующее утро. Мардж Эйкенс спустилась вниз. Мешки под её глазами выдавали бессонную ночь. Не останавливаясь, она машинально прошла в зал заседаний. Свет там был погашен, шторы опущены, и царивший в зале полумрак только усугубил её состояние.

Чувствуя, как ноёт сердце, она повернулась, чтобы выйти, и увидела рядом с собой какого-то мужчину. От неожиданности у неё ёкнуло сердце.

Дежурный администратор Дерек Слейд был как всегда безукоризненно одет по последней нью-йоркской моде.

— Мадам, — учтиво произнёс он.

Он продолжал говорить, но чтобы понять, что он от неё хочет, ей потребовалось взять себя в руки и сосредоточиться. Дерек говорил, что узнал в ней женщину, которая накануне вечером прошла в этот зал вместе с пятью Сетами Митчеллами.

Куда исчезли, спрашивал Дерек, и где сейчас находятся четыре женатых Сета? Судя по записям портье из ночной смены, их жёны обрывали те-

лефон с этим вопросом. Сейчас должна приехать полиция, поскольку в конце концов эти женщины решили обратиться к властям.

Сначала Мардж хотела заявить, что он обознался и она не та, за кого он принимает. Но потом, сообразив, что речь шла только о женатых мужчинах, спросила, что стало с пятым.

Дерек покачал головой.

— В номере его нет. Мне сказали, что он вышел рано утром.

Стоя в проходе, Мардж задумалась, что могло случиться с наилучшим из всех Сетов Митчеллов. Почему он ушёл, если они договорились вместе позавтракать? Посмотрев на Дерека, она увидела, что он смотрит поверх её плеча в глубь зала.

Его глаза округлились, и челюсть отвисла.

В зале раздался какой-то возглас.

Мардж обернулась.

В комнате стояли четыре Сета, исчезнувших ночью. Они стояли, повернувшись к ней спиной.

Один из них, видимо, издавший возглас, продолжил:

— Кому это понадобилось выключать свет?

Мардж сразу уловила, что означали эти слова. Она вспомнила, что рассказывал Билли Бингхэм после своего чудесного появления: он и не

подозревал, сколько прошло времени с его исчезновения.

Здесь было то же самое.

Она потянулась рукой к выключателю и зажгла свет. Почти в тот же момент в углу зала очутился пятый Сет. Его вид выдавал недоумение. После расспросов было наконец выяснено, что этот Сет был Митчеллом из «кадиллака», чудесным образом появившимся целым и невредимым без простреленной головы и в абсолютно сухом и безукоризненно сидящем костюме.

Пока Мардж продолжала его разглядывать, у дальнего края стола заседаний появился шестой Сет. То, как он себя держал, и настороженный взгляд, которым он сразу обвёл присутствующих, а затем посмотрел на неё… радость, которая зажглась в его глазах при виде Мардж…

Увидев его и безошибочно определив в нём по характерным нюансам движений детектива Сета Митчелла, обычно выдержанная и рассудительная Мардж бросилась к нему, издав сдавленный крик:

— Сет! Любимый!

Они встретились точно посередине зала и замерли, заключив друг друга в объятия. Лишь через несколько мгновений Мардж начала вновь

замечать происходящее. В нескольких футах от неё стояла Эдит Прайс и смущённо переминалась с ноги на ногу.

Около Эдит появился очередной Сет Митчелл, и по его рабочей одежде Мардж заключила, что он был фермером.

Мардж едва на него взглянула. Прильнув к детективу Митчеллу, она вновь посмотрела на Эдит и заметила, что на ней было другое платье, да и волосы были уложены по-другому. Несмотря на эти очевидные расхождения, Мардж не сразу поняла, а остальным это вообще не пришло в голову, что это та самая Эдит Прайс, которую наихудший из Аштаров убил в Нью-Йорке.

Об Аштарах не было ни слуху ни духу.

Прошло несколько минут, и в зал наконец вошёл последний из Митчеллов — тот, что был холостяком. Эдит Прайс — ориентация кристалла — так и не появилась.

Наилучший из Сетов рассказал, что отправился на прогулку, чтобы ещё раз поразмыслить над случившимся, и в конце концов пришёл к выводу, что всё должно обойтись. В заключение он сказал:

— И вот теперь, вернувшись, я застаю вас всех вместе. Каждый из вас является наглядным под-

утверждением, что Эдит Прайс всё-таки удалось обнаружить кое-что из того, что ей по силам. Или, — он задумался, — так кому-то захотелось.

— Но что ей в действительности по силам? — недоумённо поинтересовался один из Сетов.

Холостяк дружелюбно улыбнулся.

— Мне очень нравится эта молодая женщина. В каком-то смысле она — полное отражение нашего века, и всё же ей удалось подняться до вершин будущего.

Он обвёл взглядом вереницу совершенно одинаковых лиц и тихо сказал:

— Вы хотите знать, что она может сделать. Тогда я не мог об этом говорить, но теперь… Если бог умер, то кто может заменить его?

— Ты сам становишься богом! — подхватила Мардж и тут же прикрыла ладонью рот. — Не может быть! Эдит!

— Хотел бы я знать, как этим решили распорядиться Эдит и кристалл? — задумчиво произнёс Сет.

* * *

У Шалила были крупные неприятности. Великан продолжал выжидать, надеясь, что когда-нибудь у Эдит всё же появится какая-нибудь чисто

личная мысль, узнав которую, как считали его коллеги, они смогут положить конец той власти, которую Эдит имела над будущим кристалла.

Но время шло, а она продолжала нести всякий идеалистический вздор о людях прошлого, против которого они не могли абсолютно ничего поделать. Все Сеты и все Эдит были восстановлены. Вынужденный компромисс, на который не могли не пойти великаны девяносто третьего века перед лицом страшной угрозы, исходившей от Сетов и Эдит.

Эдит, дав волю воображению, представила себе коридор времени между двадцатым и девяносто третьим веками. Ей удалось воспользоваться этим коридором, чтобы вернуть назад всю группу.

Когда ей удалось установить полный контроль над коридором, перепуганный Шалил дезинтегрировал её. Он вновь воссоздал её лежащей без сознания на столе в административном центре. И вновь группа учёных-великанов собралась вокруг бесчувственного тела молодой женщины, но на этот раз — чтобы обсудить всю глубину своего поражения.

— Если быть объективным, — сказал один их них, — мы должны признать, что случившееся

никак на нас не отразилось.

Проблема заключалась в том, что им так и не удалось найти объяснения феномена. Эдит по-прежнему излучала абсолютную власть; каким-то образом ей удавалось черпать из кристалла такой потенциал энергии, о существовании которого они даже не подозревали.

Шалила осенила удачная мысль.

— Быть может, нам нужно оценить именно это — свою ограниченность. Не исключено, что в своём учёном рвении мы умышленно закрываем глаза на Тайну.

Его слова сменились гнетущей тишиной. Он видел, что его коллеги были потрясены. Тайна была запретной, ибо ненаучной областью мысли; этой Тайной была Вселенная. Почему она существовала? Как она появилась?

С самого зарождения науки учёные изучали предметы и то, как они действуют. Но никогда — почему.

Тишину нарушил хриплый смех одного из великанов.

— Я ничего не знаю о Тайне и не собираюсь знать, — сказал он. — Но я хорошо знаю, в чём заключается мой долг учёного — наш общий долг. Мы должны вернуть этой женщине сознание,

рассказать ей о её власти и выяснить, как она ей распорядится.

— Но она может всех нас убить, — возразил другой и неуверенно добавил: — Меня никогда не убивали.

— Для тебя это будет интересным опытом, качественно отличающимся от дезинтеграции, — отозвался первый учёный.

В беседу решительно вмешался Шалил.

— Эдит — не убийца. На мой взгляд — это отличная идея. И я полагаю, что мы можем только выиграть.

Взвесив все «за» и «против», учёные решили так и поступить.

Эдит пришла в сознание.

Выслушав рассказ учёных о своей необыкновенной власти, она не сразу взяла себя в руки и, как они и предвидели, едва не поддалась первому импульсу, пришедшему ей в голову. Всё её существо поддалось страстной надежде исправить совершённые ошибки, которые привели её к жизни в одиночестве, к тому, что не было рядом мужчины, который хотел бы о ней заботиться и воспитывать нажитых вместе детей. Шквал эмоций, охвативших её при мысли о всех постигших на любовном фронте неудачах, вызвал сначала

поток слёз, а потом не очень связный рассказ о своём самом сокровенном.

Немного успокоившись, она подвела итог, произнося слова, даже не подозревая этого, именно так, что обеспечила своё возвращение в двадцатый век:

— Иначе говоря, всё, что я действительно хочу, заключается в счастливом браке.

Учёным не составило труда понять, что, говоря о муже, она имела в виду Митчелла-холостяка.

Они тут же дали распоряжение кристаллу выполнить высказанное желание в буквальном смысле. Уже потом, с облегчением вздохнув с ощущением безопасности, они задумались над тем, какой глубокий смысл таил в себе брак.

В их эре, когда человек жил вечно при помощи простого дублирования оригинала, они в принципе не могли разрешить поставленных случившимся вопросов.

Шалил подвёл осторожный итог:

— Вполне возможно, что взаимодействие между нерегулируемыми людскими существами двадцатого века и регулируемыми — девяносто третьего века может обернуться уменьшением той ограниченности, которая, проявляясь по-разному, свойственна обеим расам.

Взгляд его чёрных глаз обвёл собравшихся коллег в ожидании протестов. К его удивлению, сделанное замечание никого не покоробило. Более того, кто-то из учёных задумчиво произнёс:

— Если это произойдёт, то не исключено, что когда-нибудь мы сможем постичь тайну кристалла.

Конечно, это было невозможно.

Кристалл был феноменом космоса. Энергия, пронизывавшая этот космос, её поступление и отток зависели от отдельных людей, различных событий и предметов. Но это была вторичная функция — как энергия мысли, рождающейся в центре человеческого мозга, которая заставляет сокращаться мышцу, сгибающую фалангу мизинца.

Но эта мышца должна сокращаться. Если этого не происходит, то это — беда. Если мышца постоянно бездействует, то мозг не сможет ей управлять на уровне сознания.

На уровне потока существования заданные модели внутри, вокруг и вне кристалла превышали в двадцать семь тысяч раз количество атомов во Вселенной — вполне достаточно для любых сочетаний всех возможных конфигураций жизни когда-либо живших людей, а может, даже и тех,

кому только ещё предстояло жить на Земле.

Но для кристалла это было не главное. Как модель времени и жизни он прервал свою деятельность на двадцать пять лет, проведённых в музее Харкдэйла. Это было мгновение. Это было ничто по сравнению с космосом, чьё существование было вечным. Как и космос, кристалл занимал какой-то объём в пространстве и имел размеры. Хотя четверть века его энергия была не задействована, он не фиксировал происходящего, у него не было памяти, и он ничего не делал, но он, тем не менее, всё знал, всё замечал и всё мог.

Люди восьмого и девятого тысячелетий нашли этот и тысячи других подобных кристаллов, научились пользоваться их потоками энергии, но никогда им не удавалось постичь его космическую сущность. Они узнали основные «законы» — что и как, — по которым, действовали кристаллы, и лелеяли надежду, что им когда-нибудь удастся объяснить неопознанное в поведении волн энергии внутри, вокруг и вне кристаллов.

Когда-нибудь настанет день, в который все взаимодействия между формами жизни и проявлениями времени равномерно распределятся между кристаллами. Тогда они обретут свой конечный, истинный вид: один кристалл — один

космос. Тогда их функция будет выполнена, и цель — достигнута.

Спешить было некуда.

Поэтому кристаллы ждали. И в этот период ожидания они решали другие, не основные свои задачи, задачи второстепенные и неважные, но, тем не менее, использовавшие потоки энергии, причудливо соединявшиеся в разнообразные связи, создававшие иллюзию движения: события, люди, предметы, которые в общем-то ничего не значили…

* * *

Сейчас в Харкдэйле стоит одноэтажное здание необычной архитектуры. Оно стоит на том самом месте на берегу озера Нараганг, где однажды таинственно исчез Билли Бингхэм. Это прочное строение производит внушительное впечатление. На золотой табличке, украшающей вход в это здание, выбиты слова:

КРИСТЛ ИНКОРПОРЕЙТЕД
ПРИНАДЛЕЖИТ И УПРАВЛЯЕТСЯ
СЕТАМИ МИТЧЕЛЛАМИ И ЭДИТ ПРАЙС
ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЙ ЗАКРЫТО

Посетителей курорта, которые останавлива-

ются перед этой необычной надписью, часто приводит в недоумение, что имена написаны во множественном числе. Жители Харкдэйла в ответ на расспросы рассказывают, что «КРИСТЛ ИНКОРПОРЕЙТЕД» занимается поиском и обработкой кристаллов, которые находят в местных горных породах.

Рядом с этим строением стоит просторный красивый дом. В этом доме живут Сет и Эдит (урождённая Прайс) Митчеллы.

К большому удивлению соседей, чета Митчеллов начала свою супружескую жизнь с официального усыновления тринадцатилетнего мальчика, которого зовут Билли Бингхэм Митчелл.

Альфред Ван Вогт. Чудовище

На высоте четверти мили огромный звездолет повис над одним из городов. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно опускаясь в энергетической гондолосфере, Инэш заметил, что здания уже начинали разваливаться от времени.

— Никаких следов военных действий. Никаких следов.. — ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на окруженном стенами заросшем участке. Несколько скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких и двуногих созданий; череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все костяки явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно сохранившимися, но, когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Йоал приземляется

поблизости. Подождав, пока историк выберется из своей энергетической сферы, Инэш спросил: — Как, по-вашему, стоит попробовать наш метод оживления? Ноал казался озабоченным.

— Я расспрашивал всех, кто уже спускался сюда в звездолете, — ответил он. — Что-то здесь не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что здесь произошло.

Инэш промолчал. Подул слабый ветерок, зашелестел листвой в кронах рощицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья. Йоал кивнул.

Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Их прервали. Из приемника Яоала прозвучал голос:

— Примерно в центре города обнаружен музей. На его крыше — красный маяк.

— Я пойду с вами, Йоал, — сказал Инэш. — Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживлять эти существа?.

— Я представлю вопрос на обсуждение сове-

та, — медленно проговорил Йоал, — но, мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы. — Он описал неопределенный полукруг одним из своих щупалец и как бы про себя добавил: — Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, по-видимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал — это пустая формальность.

Решение принято — они будут оживлять. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими глазами, изучить.

Музей походил на все музеи. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы вес осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошел по залам. Он облегченно вздохнул,

когда они наконец добрались да ряда скелетов и мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было перебинтовано полосами материи в несколько слоев, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены, они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета, однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа. Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела они применили химические вещества, которые свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге говорит о примитивной цивилизации, не знакомой с машинами. На этой стадии потенциальные возможности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много

— здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда это существо было живо, — они

без труда расшифровали все понятия. Сейчас универсальный переводчик настроен ими так, что переведет любой наш вопрос на язык оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но, простите, я вижу, первое тело уже подготовлено! Инэш вместе с остальными членами совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя и процесс пластического восстановления начался. Он почувствовал, как все внутри него напряглось. Он знал, что сейчас произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется на воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен. Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни и не жизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганическую и обратно, электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности или неодушевленности. Но когда атомы соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни, если толь-

ко жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь. Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные крохотные живые существа, населяющие бездонные глубины рыбьего царства. Разница между ними возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастет такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на две такие же прожорливые системы, совершенные и ничуть не поврежденные этим разделением. Каждая клетка может превратиться в целое существо. Каждая клетка «помнит» это целое в таких мельчайших и сложных подробностях, что для их описания просто не хватит сил.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Магнитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия назад. Память-это филологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул; и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы в том же ритме. Квадрильоны и квинтильоны пробужденных

образов-форм устремились из черепа мумии в воскреситель. Память, как всегда, не подвела. Ресницы воскрешенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда, — сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гзнейцев. — Значит, смерть — только переход в иной мир. Но где же все мои приближенные?

Но последнюю фразу он произнес растерянным, жалобным тоном. Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев гзнейцев, он задрожал, но это длилось какой-то миг. Воскрешенный был горд и обладал своеобразным высокомерным существом, которое сейчас ему пригодилось. Неохотно опустился он на колени, простерся ниц, но тут сомнения одолели его. — Бы боги Египта?

— спросил он и снова встал. — Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его! — сказал капитан Горсид. Двуногое чудовище судорожно дернулось и растаяло в пламени лучевого ружья. Второй воскрешенный поднялся, дрожа и бледнея от ужаса. — Господи боже мой, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью!

Подумать только, допился до розовых слонов… — Это что за «зелье», о котором ты упомянул, воскрешенный? — с любопытством спросил Йоал. — Первач, сивуха, отрава во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки, — чем только не поят в этом притоне, о господи боже мой! Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Яоала.

— Стоит ли продолжать? Йоал, помедлив, ответил: — Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскрешенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек уставился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте, — сказал он. — Я ехал по своим делам, Положим, я опрокинул пару лишних рюмок, ново всем виновата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и, если это новый способ наказывать тех, кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он водит «машину», но он о ней совершенно не думает, — проговорил Йоал. — Никаких таких «машин» мы не видели. Она не позаботились

сохранить их в своем музее.

Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовал, что, если он сам не заговорит, круг молчания замкнется. Инэш сказал.

— Попросите его описать «машину». Как она действует?

— Вот это другое дело! — обрадовался человек. Скажите куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачаться так, что в глазах задвоится, но все равно машину поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и ногой даешь газ…

— Газ, — вмешался техник-лейтенант Виид. — Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд? — наконец спросил он. — У вас есть система, или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш встретился глазами с Ноалом. Историк был потрясен, и это встревожило ме-

теоролога. Он подумал: «Двуногое чудовище обладает ненормально быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни один гэнеец не может сравниться с ним по быстроте реакций».

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства, — проговорил главный биолог Хамар. –Существа с медленным, обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особей почетные места.

«Дело не в скорости, — невольно подумал Инэш, — а в правильности и точности мысли». Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу понять, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли. Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глав. Человек быстро пошел к окну, выглянул наружу. Один короткий взгляд, и он повернулся к ним. — Везде то же самое? Снова гэнейцев поразила быстрота, с которой он все понял. Наконец Иоал решился ответить:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым

экраном, за которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Советники смотрели на капитана Горсида. Тот замялся, потом приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза.

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется воспользоваться положением и обеспечить свою безопасность.

Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо. Неизвестно, поверил человек в эту ложь или нет. Ни единым взглядом, ни единым жестом не показал он, что заметил оплавленный пол там, где лучевое ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на следившего за этим второго стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран и, наконец, все советники один за другим. Инэш

переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя «цивилизованной». Здесь хранилось множество аппаратов одного периода. Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнейцы проходили здесь в первый раз, Инэш подумал: «Атомная энергия». Это же поняли и другие. Капитан Горсид из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он должен был понимать, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, о чем-то глубоко задумавшись… Наконец человек уверенно заговорил:

— Дальше идти незачем. Может быть, вам удастся определить точней, какой промежуток времени лежит между днем моего рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, если судить по таблице, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии.

Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для того, чтобы создать такой аппарат, понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет? Советники выжидательно смотрели на Виида. Инженер был в растерянности. Наконец он решился и заговорил:

— Девять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы. Но, прибавил он уже медленнее, — я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все же они погибли, — пробормотал чуть слышно астроном Шири.

Воцарилось молчание, Его прервал капитан Горсид:

— Убей чудовище! — приказал он ближайшему страшу.

В то же мгновение объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым вихрем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу

Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закрыть все выходы! — пролаял в микрофон капитан Горсид. — Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий! Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстоянии. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш последний раз взглянул на аппарат. Должно быть, он все еще продолжал отсчитывать атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели нарушу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, отчего погибла раса этих существ, — прошептал Йоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении. Бледно-желтое солнце поднялось над горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. Пошел восьмой день их пребывания на этой планете. Инэш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил воспротивиться любой попытке производить воскрешения. — Как метеоролог. – сказал он, –я объявляю, что эта планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой необходимости еще раз подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить…

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились на другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю, — ответил Йнэш, — они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все акаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости, нам просто повезло.

По выражению лиц он понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он представил себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, она наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Казалось мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда эти существа спокойно глядели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не достигли сознания его соплеменников. Советники нетерпеливо задвигались в креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша умолкнуть. Он не думал, что это была эмоция. Он не отдавал себе отчет в природе наваждения-так незаметно оно овладевало им. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно? — медленно проговорил он. — Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энергетического пламени. Он стоял

там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил, –в этом все дело…

— И все это привело его к гибели, — сказал Хамар.

Все захохотали

— Послушай, Инэш! — добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана. — Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, нам всем следует спасаться одного воскрешенного нами чудовища? Инэш промолчал. Он чувствовал себя глупо. Его совершенно убило открытие, что у него могут быть эмоции, К тому же не хотелось выглядеть упрямцем. Тем не менее он сделал последнюю попытку.

— Я хочу сказать только одно. — сердито пробурчал он. — Стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, кажется мне не таким уж обязательным. Капитан Горсид подал знак биологу.

— Приступайте к оживлению! — приказал он. И, обращаясь к Инэшу, проговорил:

— Разве мы можем вот так не закончив всего,

вернуться на Гэйпу и посоветовать массовое переселение? Представьте себе, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то с ним сразу согласился. Он хотел что-то добавить, но забыл обо всем, ибо четвертый человек поднялся в воскресителе.

Он сел и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил:

— Он не мог отсюда уйти. Мы это знаем. Он где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Инэша, привстав с кресел, всматривались в пустоту под энергетическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опустив щупальца с лучевыми ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, что-то шепнул Вииду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали, — проговорил Виид, — что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов. — Во имя первого гэнейца! — прошептал Шюри. Это то, чего

мы всегда боялись. — Уничтожить все локаторы на звездолете! –кричал капитан Горсид в микрофон. –Уничтожить все, вы слышите? Он повернулся, сверкая глазами, к астроному. — Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажите своим подчиненным действовать! Все локаторы и воскресители должны быть немедленно уничтожены. — Скорее, скорее! — жалобно подтвердил Шюри. Когда это было сделано, они перевели дух. На лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае, теперь он не найдет нашу Гэйну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия…

Он остановился и уже медленно закончил: — О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех истребленных гэнейцами рас: беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда они впервые приземлялись; решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны

безмолвного ужаса и ненависти, разверзающиеся за ними повсюду; дни страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией, –вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Я все же не верю, что он мог сбежать, –заговорил капитан Горсид.

— Он здесь, в здании, он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти. Пусть ждет. Мы этого не сделаем. Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме этого аппарата там небыло ничего-ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали всюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто немыслимо.

— Стража! — приказал капитан Горсид. — Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не следует рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с этим исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил, что смертоносная энергия

заставит двуногое чудовище появиться. Надеяться больше было не на что.

— Но куда он мог детъся? — спросил Иоал. Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить с ним этот вопрос. Уже заканчивая полуоборот, он увидел чудовище стоит чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывает. Должно быть, оно появилось именно в этот миг, потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран, Существо медленно приблизилось, оно было хрупким и несло голову, слегка откинув назад. Глаза его сняли, будто освещенные внутренним огнем. Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримы. Еще миг — и человек прошел сквозь экран. Он засмеялся — звук был странно мягким — и сразу посерьезнел.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила, –сказал он.

— Я подумал: «Что мне теперь с вами Делать? « Для Инэша его слова прозвучали в утреннем воздухе мертвой планеты приговором судьбы. Молчание нарушил голос, настолько сдавленный и неестественный голос, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать голос капитана Горсида.

— Убейте его! Когда взрывы пламени опали, обессиленные, неуязвимое существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно двинулось вперед и остановилось шагах в шести от ближайшего гэнейца. Инэш оказался позади всех. Человек неторопливо заговорил:

— Напрашиваются два решения: одно основанное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей…

— Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю — в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую.

— Предположим, — продолжал он, — вы откроете тайну локатора — Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз. Инэш весь напрягся. Его мозг работал так лихорадочно пытаясь охватить возможные последствия катастрофы, что казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была

отвлечена.

— Что же произошло? — спросил он. Человек потемнел. Воспоминания о том далеком дне сделали его голос хриплым.

— Атомная буря, — проговорил он. — Она пришла из иного, звездного мира, захватив весь этот край нашей галактики. Атомный циклон достигал в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с планетами, тоже был задет бурей. Он умолк. Затем вернулся к прерванной мысли.

— Итак, секрет локатора… В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

— Значит, вы не знаете тайны? — вкрадчиво проговорил Иоал. — Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать галактику сможем только мы. С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и добавил: — Господа, мы можем по праву гордиться великими открытия-

ми гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездопет. На этой планете нам больше нечего делать. Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, он увидел, что человек повернулся к ним спиной и неторопливо идет вдоль улицы. Этот образ остался в памяти Инэша, когда звезде– лет начал набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные на город одна за другой, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты, –сказал капитан Горсид.

— Я предлагаю еще раз переговорить с чудовищем.

Они решили снова спуститься в город — Инэш, Йоал, Винд и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

— Мне кажется… — Взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него. — Мне кажется, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например — оно пробудилось и сразу исчезло. А почему Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения.

Оно само не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришлись по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике! Теперь опасность предстала перед ним в ином свете. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, так уже делалось в прошлом неоднократно. На многих планетах небольшие группки исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако в двух случаях, насколько он помнит, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет, В своих случаях было решено не истреблять их радиацией– это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирилась с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно-всего один обитатель, он не займет много места! Когда они его отыскали, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем были теперь сандалии и свободная развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей

материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только, диву давался, слушая, что тот говорит механическому переводчику. Командир звездолета был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять других мертвецов этой планеты, Подобный альтруизм был бы противоестествен, ибо все возрастающие орды гэнейцсв постоянно нуждаются в новых мирах. И каждое новое значительное увеличение населения выдвигало одну я ту же проблему, которую мощно разрешить только одним путем. Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты. В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— Какова же была цель такой бесконечной экспансии?

Казалось, он был искренне заинтересован.

— Ну предположим, вы заселите все планеты нашей галактики. А что дальше?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Иоалом, затем с Инэшем и Виидом. Инэш отрицательно покачал туловищем из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созда-

нию. Человек не понимал и, наверное, никогда не поймет. Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая, держались противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами?

— настаивал человек.

— И вызвать падение правительства? — сыронизировал Йоал.

Он проговорил это снисходительно, и Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как интеллектуальная пропасть между ними становится все шире. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо, — снова заговорил человек. — Если вы неспособны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали окостеневать от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершен-

но беззащитным.

— «Сейчас, — подумал он, — я могу обхватить его щупальцами и раздавить!»

Умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями, сочетается ли он со способностью отражать чисто механическое, макрокосмическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление которой они видели два часа назад, конечно, должна была иметь какието пределы. Но они этих пределов не знали. И тем не менее все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее — неважно. Роковые слова были произнесены: «Если вы не способны ограничить, это сделаем за вас мы! « Эти слова еще звучали в ушах Инэша, и, по мере того, как их смысл все глубже проникал в его сознание, он чувствовал себя все менее изолированным и отчужденным. До сих пор он считал себя только зрителем. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал как незаинтересованное лицо, наблюдающее за драмой со стороны, но не участвующее в ней. Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда

понастоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о жизни, Не имевшей для него значения. Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей волне страстей, которые его захлестнули. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с необъятной массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий! — прорычал он. –Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, тю промолчал. — Если бы ты мог нас всех уничтожить, — продолжал Инэш, — то давно уничтожил бы. Но все дело в том, что у тебя не хватит сил. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит античастица, не допускающая образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но эти взрывы останутся тоже изолированными, а их энергия будет обращена на то, для чего двигатели предназначены, — превратится в движение. Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Поостерегись! — шепнул историк. — В запальчивости ты можешь выболтать один из наших секретов. Инэш стряхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Хватит навинчивать. Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы, Нужно быть дураком, чтобы воображать, будто оно еще не взвесило твои и наши возможности в данной ситуации.

— Инэш! — рявкнул капитан Горсид.

Услышав металлические нотки в его голосе, Инэш отступил и ответил:

— Слушаюсь.

Его ярость остыла так же быстро, как вспыхнула.

— Мне кажется, — продолжал капитан Горсид, — я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэйны считаю своим долгом предъявить ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком.

— Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэйны.

— Не духа, — прервал его человек. Он тихонько рассмеялся. — Вовсе по духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому, –продолжал он, — у нас нет выбора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится самое меньшее два года, даже сели ты знаешь все. Это необычайно сложный аппарат, и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячелетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень не просто. Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе времени собрать воскреситель. Возможно, ты сумеешь предотвратить взрывы на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит, нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот: ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или по тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа

не останется даже праха. Таков наш план. И так оно и будет. А теперь делай с нами что хочешь-мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не стану делать, — сказал он и подчеркнул: — Пока ничего. Помолчав, добавил задумчиво:

— Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется, я не всемогущ, но, мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую, не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой корабль и летите, куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость снова разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопырив щупальца. Они уже почти касались нежного тела, как вдруг что-то отшвырнуло его…

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился в нем, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о капитане Горсиде, Виидe, Йоале, но все трое стояли рядом с ним такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: «Вы забыли одну маленькую деталь… « Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим,

когда Йоал сказал:

— Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают!

Он оказался прав.

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых лет, Инэша вызвали в зал совета. Вместо приветствия Яоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как гром поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот о чем мы забыли! — удивлено и громко проговорил он наконец.

— Мы забыли, что он при желании может передвигаться в космическом пространстве в пределах… — как это он сказал?,. впределах девяноста световых лет. Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут было нечему. Постепенно действительность начала утрачивать для него значение. Теперь, когда все свершилось, он снова был почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок. Для того, чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистентов по дороге в

кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовища раньше. «Но мы ведь, в конце концов, не собираемся спускаться или приближаться к нашим планетам, –подумал Инэш.

— Таким образом, он сможет нами воспользоваться, только если мы включим видео?... « Инэш остановился. Ну, конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих соплеменников-единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была так ярка, так величественна л прекрасна, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже Инэша, хотя он видел это неоднократно, охватывало оцепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, словно в окуляре гигантского телескопа,

способного улавливать даже мерцание красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет. Видеоэкран был диаметром в двадцать пять ярдов –таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было стольких звезд.

И только одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты. Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех глазами, Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуемся направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и тоже вернется к себе раньше нас В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны. Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что где-то в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал:

— Сейчас у нас только одно преимущество.

Какое бы решение мы ни приняли, без машины переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который останется для него тайной. Он ахает, что ни мы, ни он не может взорвать корабль. Нам останется единственный выход. Единственный. Капитан Горсид прервал наступившую тишину.

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с чудовищем. Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся щупальцами каждого. Час спустя, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, которая заставила его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри! –крикнул он. — Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло.. Ты помнишь Капитан Горсид не мог сразу заставить твоих помощников уничтожить локаторы. Мы так и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси сейчас!.. Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь грохот помех:

— Они… не могли… проникнуть… отсек… Дверь… была заперта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит, они упустили не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он открыл тайну локатора и тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них все, что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу только для того, чтобы толкнуть их на этот акт отчаяния, на самоубийство. Сейчас, через несколько мгновений он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре ни одно чужое существо не будет знать о его планете, и, в такой же твердой уверенности, что его раса возродится, будет жить снова я отныне уж никогда не погибнет. Потрясенный Инеш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон последнее, что он понял. Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, уже неуправляемой энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, запинаясь, попробовал дотащиться до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа к всхлипывая, он бросился обратно к передатчику. Несколько минут спустя он все еще что-то пищал в микрофон, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило

бело-синего солнца.

Альфред Ван Вогт
Галактика М-33

ГЛАВА 1

Кто-то зашептал Гросвенфу на ухо, но так тихо, что он не смог разобрать ни единого слова. Шепот последовал за вибрирующим звуком, таким же тихим, как и шепот, и в равной степени непонятным. Он непроизвольно оглянулся. Сейчас он находился в кинозале своего отдела, и в поле зрения никого не было. Гросвенф неуверенно подошел к двери, ведущей в аудиторию, но и там никого не оказалось. Он вернулся к работе, хмуро размышляя над тем, не направил ли на него кто-нибудь энцефало-аджустер. Это было единственно возможное объяснение, пришедшее на ум. Но через некоторое время он отверг его как бессмысленное. Аджустеры были эффективными лишь при действии с близкого расстояния. А главное, его отдел был защищен против действия вибрации. Кроме того, он был слишком хорошо знаком с умственным процессом, вовлеченным в подобную иллюзию, чтобы не придавать значения инциденту.

Ради предосторожности Гросвенф тщательно осмотрел все пять комнат и проверил аджустеры в технической комнате. Они находились в том

состоянии, в каком и должны были находиться — тщательно убранные. Эллиот молча вернулся в кинокабинет и вновь принялся за изучение теории гипнотически-световой вибрации, развитой им на основе изображений, использованных Рииим против корабля.

Ужас поразил его сознание, подобно удару: он весь съежился от страха. И потом снова шепот, такой же тихий, как и раньше, только теперь он был сердитым и непонятно враждебным. Он ошеломленно застыл. Все-таки, вероятно, это был энцефало-аджустер. Кто-то стимулировал его мозг на расстоянии настолько мощным аппаратом, что защитный экран его комнаты оказался бессильным. Он лихорадочно размышлял, кто бы это мог быть, и, в конце концов, пришел в выводу, что след ведет в психологический отдел. Ему ответил сам Сидл, и Гросвенф решительно принялся ему разъяснять, что произошло, но психолог его быстро прервал:

— Я как раз собирался с вами связаться, потому что подумал, что вы можете быть ответственны за эти действия.

— Вы хотите сказать, что кто-то еще был подвергнут такому же воздействию? — недоверчиво осведомился Гросвенф, пытаясь осмыслить про-

исходящее.

— Я удивлен, что ему подверглись и вы в специально оборудованном отделе. Мне жалуются вот уже двадцать минут, а некоторые из моих приборов были затронуты на несколько минут раньше.

— Какие приборы?

— Мозго-волновой генератор-детектор, нервно-импульсный регистратор и более чувствительные электрические детекторы. Кстати, Кент собирается созвать совещание на контрольном пункте, так что там и увидимся.

Но Гросвенф не отпустил его так быстро.

— Выходит, что какое-то обсуждение уже было?

— Мы… э… мы сделали кое-какие предположения.

— О чем?

— Мы скоро будем проходить огромную галактику М-33. Есть мнение, что это исходит оттуда.

Гросвенф мрачно улыбнулся.

— Это явный гипноз. Я подумаю над этим.

— Приготовиться к излучению шока при выходе в коридор. Давление осуществляется постоянно. Звуки, световые пятна, образы, эмоционально действующий шум — мы в самом деле

получаем стимулирующую дозу.

Гросвенф кивнул и прервал связь. К тому моменту, когда он убрал пленку, извещение Кента о совещании передавалось по корабельному коммуникатору. Через минуту, открыв дверь в коридор, Гросвенф мгновенно понял, что имел в виду Сидл. Он даже остановился, поскольку смесь возбудителей сразу же начала на него воздействовать. Полный тревоги, Эллиот направился к контрольному пункту.

Через некоторое время он уже сидел вместе с остальными. Огромная космическая ночь что-то шептала, прижавшись к пролетающему сквозь нее кораблю. Капризная и беспощадная, она заманивала и предупреждала. Она вибрировала в неистовом наслаждении, а потом кипела в неистовом и диком безумии. Она шептала о страхе и выла от голода. Она умирала и билась в агонии и снова возрождалась к экстатической жизни. И в каждую долю секунды в ней неумолимо присутствовала угроза.

— Есть мнение, — произнес кто-то за спиной Гросвенфа, — что корабль должен возвратиться домой.

Гросвенф, неспособный различить голос, оглянулся в поисках говорившего. Кем бы он ни был,

больше он не сказал ничего. Вновь устремив взгляд вперед, Гросвенф обнаружил, что исполняющий обязанности директора Кент все еще не отвернулся от глазка телескопа, что-то наблюдая. Он или решил, что на эту реплику отвечать не стоит, или не слышал голоса. Никто другой также на него не отреагировал.

Поскольку все продолжали упорно молчать, Гросвенф принялся манипулировать встроенным в кресло манипулятором коммуникатора и теперь тоже наблюдал несколько размытое изображение того, на что уставились в телескоп Кент и Гюнли Лестер. Постепенно он забыл о соседях и сконцентрировался на показываемом экраном изображении ночи. Они находились вблизи границ целой галактической системы. И все же ближайшие звезды находились еще настолько далеко, что телескоп едва мог показать мириады блестящих точек, составляющих спиральную туманность М-33 Андромеды.

Гросвенф отвел взгляд от экрана одновременно с Лестером.

— Случившееся кажется невероятным, — заявил астроном. — Вибрация, которую мы ощущаем, распространяется от галактики с биллионами солнц. — Немного помолчав, он прибавил: — Ди-

ректор, мне кажется, что решение этой проблемы не в сфере астрономии.

Кент оторвался от глазка телескопа и проговорил:

— Все, что включает в себя галактика, подходит под категорию астрономического явления. Или вы можете назвать другую науку, которая этим займется?

Поколебавшись, Лестер медленно ответил:

— Показание шкалы просто фантастическое. Я не думаю, что нам следует пользоваться галактическим телескопом. Этот барьер может рассылаться лучом, сконцентрированным на нашем корабле.

Кент повернулся к людям, сидящим лицом к широкой разноцветной контрольной панели, и спросил:

— У кого-нибудь есть предложения или дельные соображения?

Гросвенф оглянулся, надеясь, что говоривший раньше объяснит свою мысль поподробнее, но тот молчал.

Теперь люди уже не осмеливались выступать так свободно, как при Мортоне, когда тот вел собрание. Так или иначе, но Кент весьма ясно давал понять, что считает мнение всех, кроме

глав отделов, просто дерзостью. Было также очевидно, что он не считает некзиальный отдел правомочным. В течение нескольких месяцев он и Гросвенф были вежливы друг с другом, но старались видеться как можно реже. За это время исполняющий обязанности директора Кент, желая упрочить свои позиции, под разными благовидными предлогами внес в совет несколько предложений, дающих его отделу больший вес.

Важность правил, предусматривающих поощрение индивидуальной инициативы даже за счет производительности, мог бы — Гросвенф был в этом уверен — продемонстрировать только другой некзиалист. Он не собирался протестовать, и в результате еще ряд ограничений наслоился на и так уже опасно страдающую ограничениями жизнь корабля.

Из глубины контрольной первым отозвался на слова Кента биолог Скит. Он сухо заметил:

— Я вижу, что мистер Гросвенф крутится на своем стуле. Может быть, он вежливо ждет, пока не выскажутся более старшие? Мистер Гросвенф, что у вас на уме?

Гросвенф подождал, пока утихнет слабый всплеск смеха, к которому Кент не присоединился.

— Мы вас слушаем, мистер Гросвенф, — недовольно произнес он.

— Несколько минут назад кто-то предложил нам повернуть обратно домой. Я бы хотел, чтобы этот человек мотивировал свое предложение.

Ответа не последовало. Гросвенф видел, что Кент нахмурился. Действительно, казалось странным, что есть человек, не желающий подтвердить свое мнение, в какой бы форме оно не было высказано. Все с удивлением переглянулись.

В конце концов снова заговорил Скит:

— Когда было сделано это предложение? Я не помню, чтобы слышал его.

— И я! — эхом отозвалось несколько голосов.

Глаза Кента блеснули. Гросвенфу показалось, что он ринулся в спор, как человек, жаждущий личной победы.

— Позвольте мне прояснить этот вопрос, — нахмурился Кент. — Было такое утверждение или нет? Кто еще его слышал? Прошу поднять руки.

Все руки остались опущенными.

— Мистер Гросвенф, что именно вы слышали? — злобно процедил Кент.

Гросвенф четко произнес:

— Насколько я помню, слова были следующие:

«Есть мнение, что корабль должен возвратиться домой», — он умолк, но, поскольку никаких замечаний не последовало, продолжил: — Кажется ясным, что сами слова возникли в результате стимуляции слуховых центров моего мозга. Кто-то чувствует сильнейшее желание отправить нас домой, и я его уловил… Я, конечно, не предлагаю это в качестве позитивного анализа.

Кент недовольно осведомился:

— Все мы, мистер Гросвенф, все еще пытаемся понять, почему именно вы, а не кто-то другой услышал это предложение?

И опять Гросвенф оставил без внимания тон, которым это было сказано.

— Последние несколько минут я как раз это обдумывал, — искренне сказал он. — Я не могу не вспомнить, что в период инцидента с Рииим мой мозг был подвергнут стимуляции в течение довольно длительного времени. Вполне возможно, что теперь я более чувствителен к подобным связям. — Тут ему пришло в голову, что подобная чувствительность мозга могла быть причиной того, что он слышал шепот в своих изолированных экранами комнатах.

Гросвенф не был удивлен, заметив на лице Кента брезгливую гримасу. Химик показал этим,

что предпочитает не вести разговоров о птичьем народе, и о том, что они проделали с сознанием членов экспедиции. Кент холодно проговорил:

— Я уже имел удовольствие слышать рассказы о вашем вкладе в этот эпизод. Если я не ошибаюсь, вы утверждали, что причина вашей победы над Риим крылась в том, что члену одной расы трудно контролировать нервную систему представителя другой формы жизни, совершенно ему незнакомой. Как же вы тогда объясните то, что некто, кем бы он ни был, махнул в направлении движения корабля, проник в ваше сознание и стимулирует с удивительной точностью те участки вашего мозга, которые произвели предупреждающие слова, только что повторенные вами здесь.

Гросвенфу показалось, что тон Кента, как он выбирает слова, и его самодовольство произвели на всех неприятное впечатление.

— Директор, тот, кто стимулирует мой мозг, может знать о проблеме общения с нервной системой пришельца. Мы не станем утверждать, что он говорит на нашем языке. Кроме того, подобное решение проблемы было бы лишь частичным, поскольку я — единственный человек, отозвавшийся на стимуляцию. Я считаю, что в настоящий момент нам стоит обсуждать не то,

каким путем я ее получил, а почему и что мы должны с этим делать, — закончил выступление Гросвенф.

Глава отдела геологии Дональд Мак-Кен откашлялся и сказал:

— Гросвенф прав. Я полагаю, джентльмены, что нам следует взглянуть в лицо тому факту, что мы вторглись на чью-то территорию. И это значительный «кто-то».

Кент поджал губы, собираясь заговорить, но заколебался. Немного помолчав, он все же решил высказаться:

— Я думаю, нам следует быть осторожными, так как мы не располагаем достаточными для выводов фактами. Я считаю, что нам следует действовать так, как если бы мы находились перед лицом большего, чем у человека, интеллекта, большего, чем то, с чем мы сталкивались в известной нам жизни.

В контрольном пункте установилась тишина. Гросвенф заметил, что люди незаметно для себя приободрились. Их губы стали тверже, выражение лиц уверенней, Он увидел, что и другие заметили эту реакцию.

Социолог Келли заговорил мягко и успокоительно:

— Я рад… э… тому, что никто не высказывает желания повернуть назад. Отлично! Мы служим правительству и нашей расе, и наш долг — исследовать возможность новой галактики, особенно сейчас, когда доминирующая здесь форма жизни знает о нашем существовании. Заметьте, пожалуйста, что я одобряю предложение директора Кента и говорю так, как если бы мы были действительно вынуждены вступить в контакт с существами на высшей стадии развития. Их способность более или менее прямо воздействовать на наш мозг и стимулировать его означает то, что они совершенно явно наблюдают за нами и многое о нас знают. Мы не можем позволить себе, чтобы эти знания были односторонними.

Кент уже успокоился:

— Мистер Келли, что вы думаете по поводу мира, в который мы направляемся? — спросил он.

Лысоголовый социолог поправил очки.

— Он… э… велик, директор. Но этот шепот мог быть эквивалентен перекрещивающимся радиоволнам, распространяющимся в нашей собственной галактике. Эти звуки… э… могут быть просто внешними сигналами, идущими из пустынных мест в зону развития, — он умолк, но, не слыша возражений, продолжал: — Вспомни-

те, ведь человек тоже оставил вечные следы в собственной галактике. Планеты сошли со своих орбит. Мертвые миры покрылись живой зеленью. Океаны появились там, где безжизненные пустыни лежали иод солнцем и были горячей, чем наше солнце. И наше присутствие здесь, на этом огромном корабле, является проявлением мощи человека, способного проникать дальше, чем все существующие шепоты.

Следующим выступал Гурлей из отдела коммуникации.

— Следы человека едва ли можно назвать постоянными в космическом смысле этого слова. Я не понимаю, как вы можете говорить о них теми же словами, что и об этом явлении. Эти пульсации настолько всепроникающи, что все пространство вокруг нас шепчет. Это — жизнь, такие ее сильные формы, что мы даже не можем себе представить. Это не кот, не алый дьявол, не феллахская раса, ограничивающаяся одной системой. Здесь, по всей вероятности, множество умов, которым нет числа, общающихся между собой через мили и годы, через пространство и время. Это цивилизация всей галактики, и если говорящие от ее имени предупреждают нас… — Гурлей вдруг умолк и поднял руку, как бы защищаясь.

Он был не единственным, кто сделал это. По всей комнате люди пригибались и прятались за кресла, тогда как Кент судорожным движением выхватил вибратор и направил его на аудиторию. Инстинктивно нырнув, Гросвенф обнаружил, что траектория луча проходит выше головы. За его спиной раздался дикий вопль, затем звук удара, от которого содрогнулся пол.

Гросвенф обернулся вместе с остальными и с чувством омерзения уставился на тридцатифутовую тварь, целиком бронированную, лежащую на полу и извивающуюся в двадцати футах от последнего ряда. В следующее мгновение в воздухе материализовалась красноглазая копия первого чудовища и с грохотом приземлилась в дюжине футов от первого. Вслед за вторым чудовищем появилось третье — дьявольского вида монстр, который перевернулся несколько раз и вскочил, рыча.

Через секунду из воздуха их материализовалось не менее дюжины.

Гросвенф также выхватил вибратор и разрядил его. Чудовищный рев мгновенно удвоился. Металлические лапы скребли по металлическим стенам и полам. Стальные когти грохотали, стучали тяжелые ноги. Теперь все люди вокруг

Гросвенфа стреляли из вибраторов, но твари продолжали появляться. Гросвенф повернулся, вскочил на второй ряд и прыгнул на второй ярус приборного щита. Когда он добрался до яруса, на котором находился Кент, тот перестал стрелять и злобно зашипел:

— Ты что это делаешь, скотина?!

Он направил свой вибратор на Гросвенфа, но тот выбил его из рук директора. От ярости Кент лишился дара речи. Добравшись до следующего яруса, Гросвенф увидел, что Кент тянется за вибратором. Он не сомневался в том, что директор собирается выстрелить в него. С огромным облегчением он добрался, наконец, до рубильника, управляющего созданием огромного мультиэнергетического экрана корабля, включил его на полную мощность и кинулся на пол, как раз вовремя. Трассирующий луч вибратора Кента впился в металл контрольной панели прямо над головой Гросвенфа. Потом луч пропал. Кент вскочил на ноги и крикнул наверх:

— Я не понял, что вы собираетесь делать!

Это извинение совсем не тронуло Гросвенфа. Исполняющий обязанности директора считал, вероятно, что может оправдать свой поступок тем, что Гросвенф бежал с поля боя. Эллиот про-

скочил мимо химика слишком сердитый, чтобы вступать в разговор. Он уже давно не выносил Кента, но теперь убедился, что поведение этого человека делает его недостойным должности директора. Впереди предстояло сложное время, и личная неприязнь Кента могла сыграть роль триггера, способного уничтожить корабль.

Спустившись на нижний ярус, Гросвенф добавил энергию своего вибратора к той, что излучали вибраторы других. Уголком глаза он заметил, что три человека устанавливают огнемет. К тому времени, когда он изрыгнул свое невыносимое пламя, все твари находились без сознания, и уничтожить их не составило труда.

Опасность миновала, и у Гросвенфа появилось время поразмыслить над тем, как эти чудовища были живыми перенесены на корабль через световые столетия. Это походило на сон и было слишком фантастично, подобное вообще невозможно было себе представить.

Но запах горящей плоти был достаточно реальным, как и струившаяся по полу голубовато-серая кровь. Очевидной реальностью была дюжина или около того бронированных, чешуйчатых тел, валявшихся по всей комнате.

ГЛАВА 2

Когда через несколько минут Гросвенф вновь увидел Кента, исполнявший обязанности директора был собран и отдавал энергичные приказы по коммуникатору. Вплыли подъемники, и началась уборка тел. Коммуникаторы гудели от перекрестных посланий. Картина быстро прояснилась.

Существа объявились лишь в контрольном пункте. Корабельный радар не зарегистрировал ничего похожего на вражеский корабль. В любом направлении расстояние до ближайшей звезды равнялось тысяче и более световых лет. При этих известиях вся комната загудела, обмениваясь мнениями.

— Десять световых столетий! — изумился штурман Селенски. — Без ретрансляции мы даже сообщения не можем передавать на такие расстояния.

Вперед торопливо вышел капитан Лич. Он коротко переговорил с несколькими учеными и созвал военный совет.

— Мне едва ли следует говорить о риске, которому мы подвергаемся, — начал он свою речь. —

Наш корабль противостоит тому, что, похоже, является враждебной галактической цивилизацией. Сейчас мы в безопасности за защитным экраном. Ситуация требует от нас ограниченности действий, хотя, если быть объективным, и не слишком большой. Мы должны узнать, почему нас предупреждают. Мы должны определить природу опасности и меру разума за ней. Я вижу, что наш биолог Скит все еще исследует останки наших последних врагов. Мистер Скит, что они из себя представляют?

Скит отвернулся от поверженного чудовища и сообщил:

— Земля могла произвести нечто подобное во времена динозавров. Судя по размерам того, что должно быть черепной коробкой, их интеллект должен быть чрезвычайно низким.

— Мистер Гурлей, — произнес Кент, — говорят, что твари могли проникнуть сквозь гиперпространство. Вероятно, нам следует попросить вас развить эту мысль.

— Мистер Гурлей, ваша очередь, — подхватил капитан Лич.

Специалист по коммуникации начал выступление в своей обычной, спокойной манере.

— Это лишь гипотеза, причем весьма новая.

Согласно ей, вселенная уподобляется вытянутому шару. Когда вы прокалываете оболочку, шар мгновенно становится плоским и одновременно начинает залечивать прокол. Тогда, как ни странно, если предмет проникает под оболочку, ему нет необходимости возвращаться в ту же точку пространства. Предположим только, что некто знает какой-то метод контроля над явлением и может использовать его, как форму телепортации. Звучит все это, конечно, довольно непривычно, но вспомните, что это в равной мере можно сказать и о случившемся.

— Трудно поверить в то, что кто-то может быть более ловким, чем мы, — кисло заметил Кент. — Вероятно, это какие-то очень простые решения проблемы гиперпространства, которые просмотрели наши ученые. Может быть, нам удастся их узнать? — он помолчал, потом продолжил: — Корита, вы все молчите. Не скажете ли, что противостоит нам?

Археолог встал и в замешательстве развел руками.

— Не могу предложить даже догадки. Нам придется побольше узнать о мотивах, стоящих за нападением, а уж потом можно будет делать сравнения на базе цикличности истории. Например,

если целью был захват корабля, то нападение на нас в таком виде, в каком оно было совершено, — было ошибкой. Если же они намеревались просто напугать нас, то атака оказалась на редкость успешной.

Когда Корита сел, раздался взрыв смеха, но Гросвенф отметил, что выражение лица капитана Лича оставалось мрачным и задумчивым.

— Если говорить о мотивах, — отчеканил он, — то мне в голову пришла одна неприятная версия, и мы должны быть к ней готовы. Она состоит в следующем. Предположим, что этот одаренный интеллект, или кто он там, захотел узнать, откуда мы прилетели, — он сделал паузу, и, судя по установившейся тишине и напряженным позам, было ясно, что его слова задели чувствительную струну. — Давайте посмотрим на это… с его… точки зрения. Приближается корабль… В том направлении, откуда он летит, в радиусе десяти миллионов световых лет, имеется значительное число галактик, звездных скоплений и туманностей. Какая из них наша?

В помещении воцарилась тишина. Лич повернулся к Кенту.

— Директор, если вы согласны, я предлагаю изучить некоторые из планетных систем этой

галактики.

— Не возражаю, — буркнул Кент. — Но теперь, если кто-нибудь еще…

Гросвенф поднял руку, но Кент, как бы не замечая, сказал:

— Начнем совещание… чуть позже. Это же собрание объявляю…

Гросвенф встал и громко произнес:

— Мистер Кент!

— …закрытым! — закончил Кент.

Все оставались на своих местах. Кент повернулся к Эллиоту и недовольно заявил:

— Прошу прощения, мистер Гросвенф, предоставляю вам слово.

— Трудно себе представить, — уверенно проговорил Гросвенф, — что эти существа смогут расшифровать наши знания, но я все же предлагаю уничтожить наши звездные карты.

— Я собирался предложить то же самое, — взволнованно заговорил Ван Гроссен. — Продолжайте, Гросвенф.

Под одобрительный шепот присутствующих он продолжал:

— Все мы убеждены, что наш главный экран может защитить нас от неприятностей. У нас, естественно, нет иной альтернативы, как вести

себя так, как если бы это соответствовало истине. Но когда мы, наконец, приземлимся, было бы нелишне иметь наготове несколько больших энцефало-аджустеров. Мы смогли бы создать защитные мозговые волны с тем, чтобы избежать дальнейшего прочтения наших мыслей.

И снова аудитория одобрительно зашумела.

— Что-нибудь еще, мистер Гросвенф? — бесстрастно осведомился Кент.

— Одно общее замечание. Главам отделов следовало бы просмотреть материалы, находящиеся в их распоряжении, чтобы уничтожить все, что могло бы подвергнуть опасности нашу расу в случае захвата «Гончей».

По мере того как текло время, становилось ясным, что неизвестный интеллект намеренно воздерживается от дальнейших действий. Никаких новых инцидентов не произошло, что, впрочем, можно было отнести и на счет надежности защитного экрана.

Одинокими и редкими были солнца в этой отдаленной области галактики. Но вот первое солнце вынырнуло из пространства — светящийся сгусток жара, яростно пылавший в чернильной тьме. Лестер и его штат сочли местонахождение пяти планет настолько близким к светилу, что

имело смысл их обследовать. Посетив все пять, они уяснили, что одна из них обитаема. На всем шаре мгла джунглей и гигантские твари. Корабль покинул ее, низко пролетев над линией морских берегов и через огромный континент, заболоченный и заросший. Никаких следов цивилизации, тем более такой сложной, существование которой предполагалось.

«Космическая Гончая» пролетела еще триста световых лет и оказалась у маленького солнца с двумя планетами, жмущимися к теплу темно-красного шара. Одна из двух планет была обитаема, и это тоже был мир мглы и джунглей с ящероподобными тварями. Они оставили его неисследованным, пролетев над огромным морем и покрытым буйной растительностью материком.

Теперь звезд стало больше. Они усеивали черноту следующих ста пятидесяти световых лет. Большое голубоватое солнце, в орбите которого вращались не менее пятидесяти планет, привлекло внимание Кента, и корабль быстро устремился к нему. В непосредственной близости к солнцу располагалось семь планет, они были пылающим адом без всякой надежды на возвращение жизни. Корабль совершил спираль над тремя близко рас-

положенными друг к другу планетами, которые были обитаемы, и устремился в межзвездную пустоту — исследовать другие системы. За ними остались три насыщенные испарениями планеты-джунгли, вращавшиеся по своим орбитам вокруг солнца.

Тем временем Кент собрал на борту корабля совещание глав отделов и их заместителей. Обсуждение он начал без околичностей.

— Лично я не вижу смысла в этих поисках, но Лестер предложил мне срочно вас созвать, — он пожал плечами. — Возможно, он что-то знает.

Кент сделал паузу, и наблюдавший за ним Гросвенф был удовлетворен своим присутствием на совещании и озадачен уверенностью, излучаемой всей фигурой маленького химика.

«В чем тут дело?» — подумал он.

Казалось странным, что исполняющий обязанности директора наперед отрекался от чести получения дельных результатов, которые могло бы дать совещание.

Вновь заговорил Кент. Тон его был дружелюбным:

— Гюнли, может быть, вы выступите и объясните?

Астроном поднялся на нижний ярус. Он был

высоким и худым, как и биолог Скит. На его бесстрастном лице блестели ярко-голубые глаза. Когда он заговорил, голос его звучал довольно определенно.

— Джентльмены, три обитаемые планеты последней системы были совершенно одинаковы, и это их состояние искусственно. Я не знаю, многие ли из вас знакомы с современной теорией образования планетных систем. Те, кто с ней не знаком, возможно, не поймут важности моих слов. Дело в том, что распределение массы в системе, которую мы только что покинули, невозможно динамически. Могу сказать со всей определенностью, что две из трех обитаемых планет этого солнца были перемещены в их настоящее положение насильственно. По моему мнению, нам следует вернуться и проверить. Похоже на то, что кто-то намеренно создал первобытные планеты. Для какой цели — такие предположения я высказывать не буду.

Он замолчал и враждебно уставился на Кента. Тот выступил вперед, на его физиономии блуждала слабая улыбка.

— Гюнли пришел ко мне и попросил, чтобы я приказал вернуться на одну из планет-джунглей. Ввиду этого я созвал совещание и теперь хочу

провести голосование,

«Так вот в чем дело!» — Гросвенф вздохнул, не то чтобы восторгаясь Кентом, но, по крайней мере, по достоинству оценивая его действия, Исполняющий обязанности директора не предпринял попытки выступить против астронома. Вполне возможно, что он, собственно, не возражал против него. Но, созывая совещание, где его собственная точка зрения должна была восторжествовать, он доказывал, что рассматривает себя как объект демократической процедуры. Это был ловкий ход, демагогическая мера по поддержанию доброй воли среди его сторонников,

И в самом деле, предложение Лестера встретило активные возражения. Трудно было поверить в то, что Кент знал о них, иначе это означало бы, что он намеренно игнорирует возможную опасность. Он решил оправдать Кента за недостаточностью улик и терпеливо ждал, пока несколько ученых задавали астроному незначительные вопросы. Когда ответы на них были получены и казалось ясным, что с дискуссией все, кроме него, уже покончили, Гросвенф встал и заявил:

— Я бы хотел поддержать точку зрения мистера Кента в этом важном вопросе.

— Однако, мистер Гросвенф, — холодно про-

говорил Кент, — отношение всех, кажется, в достаточной мере ясно, судя по краткости дискуссии, и отнимать наше ценное время... — тут он внезапно умолк. Вероятно, до него дошел истинный смысл слов Гросвенфа. Лицо его потемнело. Поскольку никто ничего не сказал, он опустил руку и проговорил: — Вам слово, мистер Гросвенф.

— Мистер Кент прав: решение слишком поспешное, — твердо начал Эллиот. — Пока мы посетили лишь три планеты системы, а необходимо посетить не менее тридцати, выбрав их наугад. Это минимальное число, учитывая размеры наших исследований, по которому мы можем прийти к каким-нибудь выводам. Я буду рад обратиться со своими выкладками в математический отдел для их подтверждения. Помимо этого, приземлившись, мы должны были бы выйти из-под защиты экрана. Мы должны были бы подготовиться к отражению самой невероятной атаки со стороны интеллекта, который может мгновенно использовать для доставки своих сил среду гиперпространств. Я представляю себе картину того, как биллионы тонн вещества обрушатся на нас, в то время, как мы, беспомощные, будем сидеть на этой планете. Джентльмены, насколько я понимаю, впереди у нас есть ме-

сяц-другой для детального изучения вопроса. В течение этого времени мы, естественно, должны посетить возможно большее количество солнц. Если их обитаемые планеты тоже окажутся исключительно — или даже в большинстве своем — примитивными, тогда мы будем иметь весомое подтверждение предположения мистера Лестера об их искусственном происхождении. — Помолчав, Гросвенф закончил: — Мистер Кент, я верно выразил ваше мнение?

Кент уже успел полностью овладеть собой.

— Почти, мистер Гросвенф, — он оглядел собравшихся — Если новых предложений больше не будет, я предлагаю проголосовать предложение Гюнли Лестера.

— Я беру его назад, — встал астроном. — Признаюсь, что не продумал некоторые аспекты поспешного приземления.

После некоторых колебаний Кент произнес:

— Если кто-нибудь желает поддержать предложение Гюнли… — поскольку никто не собирался высказываться, Кент уверенно продолжил: — Я бы хотел, чтобы кто-нибудь высказал свое мнение, но раз никто не желает сделать этого, то я прошу начальников отделов приготовить мне детальный отчет по вопросу о том, какие

меры нам следует предпринять для успешного приземления, которое нам неизбежно придется совершить. У меня все, джентльмены.

В коридоре, при выходе из контрольного пункта, Гросвенф почувствовал чью-то руку на своем плече. Обернувшись, он увидел Мак-Кена, который сказал:

— Последние несколько месяцев я был чрезвычайно занят работами, связанными с ремонтом, и не имел возможности пригласить вас в своей отдел. Я предчувствую, что, когда мы, наконец, приземлимся, оборудование геологического отдела будет использовано не совсем по назначению. Некзиализм мог бы нам очень пригодиться.

Гросвенф обдумал эти слова, после чего кивнул в знак согласия.

— Я буду у вас завтра утром. Хочу приготовить рекомендации для импозантного мистера Кента, исполняющего обязанности директора.

Мак-Кен кинул на него быстрый взгляд и нехотя спросил:

— Вы полагаете, что он ими не заинтересуется, не так ли?

Значит, остальные тоже заметили неприязнь к нему Кента.

— Что, по-вашему, является основой популяр-

ности Кента, как лидера? — уточнил Эллиот.

После некоторых размышлений Мак-Кен ответил:

— Он человечен. У него есть симпатии и антипатии. Он способен волноваться от происходящего. Он вспыльчив… Когда он делает ошибки, то пытается сделать вид, что так и надо. Он жаждет быть директором. После возвращения корабля на Землю директора экспедиции ждет мировая известность. Во всех нас есть что-то от Кента. Он… э… он человек.

— Насколько я заметил, вы ничего не сказали о его способности к работе.

— Это не столь важно. Он может получить совет у специалистов по любой проблеме. — Мак-Кен облизал губы. — Трудно выразить в словах притягательность Кента, но думаю, ученые постоянно опасаются ущемления своих потенциальных возможностей и потому хотят, чтобы во главе их находился человек эмоциональный, но в то же время такой, чья квалификация не вызывала бы сомнений.

Гросвенф покачал головой.

— Я не согласен с вами относительно того, что работа директора якобы не важна. Все зависит от личности и от ее умения использовать благопри-

ятные возможности.

Мак-Кен внимательно выслушал Гросвенфа и после некоторого раздумья произнес:

— Человеку, рассуждающему строго логично, подобно вам, очень трудно понять природу успеха кентов. Такие люди, как вы, имеют мало шансов в политике.

— Побеждает не их преданность научным методам, — возразил Гросвенф, — дело в их прямоте. Средний человек может понимать, что тактика, используемая против него, лучше, чем лицо, которое ее использует, но не может решиться на контрудар, не ощущая себя при этом опороченным.

Мак-Кен нахмурился.

— Громко сказано! А у вас не бывает таких приступов малодушия?

Гросвенф молчал,

— Предположим, вы решите, что Кента следует оттеснить, что вы станете делать? — настаивал Мак-Кен.

— В настоящий момент мои намерения вполне миролюбивы, — осторожно заметил Гросвенф и с удивлением увидел удовлетворенное выражение на лице Мак-Кена, Он с жаром пожал Гросвенфу руку.

— Рад слышать о том, что ваши намерения легальны, — искренне произнес Мак-Кен. — С тех пор, как я побывал на вашей лекции, я понял то. чего никто другой еще не осознал: потенциально — вы самый опасный человек на этом корабле. Совокупность ваших знаний, подкрепленная решительностью и знанием цели, может быть куда большей бедой, чем любое нападение.

Придя в себя после мгновенного удивления, Гросвенф покачал головой.

— Невероятное предположение, — сказал он. — Одного человека слишком легко убить.

— Я заметил, — произнес Мак-Кен, — что вы не отрицаете того, что владеете знаниями.

Гросвенф протянул руку в знак прощания.

— Благодарю за ваше высокое мнение обо мне. Хотя оно преувеличено, но психологически стимулирует.

ГЛАВА 3

Тридцать первая по счету звезда, на которой они побывали, была размером с Солнце и почти такого же типа. На трех ее планетах была жизнь, подобная всем другим обитаемым мирам, которые они видели. Это были миры, покрытые насыщенными испарениями джунглей и первобытным морем.

«Космическая Гончая» пролетела сквозь газообразную оболочку из воздуха и водяных паров и заскользила над поверхностью планеты — огромный чужеродный металлический шар, заброшенный в эти фантастические края.

В геологической лаборатории Гросвенф наблюдал за приборами, отмечавшими природу почвы внизу. Это была сложная работа, требовавшая пристального внимания, поскольку оперирование цифрами нуждалось в активном участии высокоразвитого интеллекта. Постоянный поток сверхзвуковых и коротковолновых сигналов должен был быть направлен для сравнительного анализа в строго определенную ячейку соответствующего вычислительного устройства в точно определенный отрезок времени. К стандартной,

знакомой Мак-Кену технике, Гросвенф добавил некоторые усовершенствования, согласно принципам некзиализма, и в таблицах и диаграммах оказалась отраженной удивительно точная картина внешней поверхности планеты.

Гросвенф сидел там уже в течение часа, глубоко погрузившись в процесс работы. Факты давали расхождение в деталях, но молекулярная структура, устройство и распределение различных элементов указывали на некоторое геологическое постоянство: ил, песчаник, глина, гранит, органические среды — возможные месторождения угля, силикаты в форме покрывающего скалы песка, вода…

Несколько стрелок на шкалах перед ним резко повернулись и застыли. Их реакция косвенно указывала на присутствие в больших количествах металлической руды со следами углерода, молибдена…

Сталь! Гросвенф схватился за рычаги, которые ускоряли выдачу серии результатов. Зазвенел звонок, и сразу же подбежал Мак-Кен. Корабль остановился. В нескольких футах от Гросвенфа Мак-Кен начал разговор с исполняющим обязанности директора Кентом.

— Да, директор, сталь, а не просто железо, — не

называя имени Гросвенфа, он продолжал: — Мы установили нашу аппаратуру максимум на сто фунтов. Это может быть город, похороненный или скрытый в джунглях.

— Узнаем точно через несколько дней, — сухо проронил Кент,

Корабль был осторожно посажен на планету, и через временное отверстие в защитном экране было опущено необходимое оборудование. Были установлены гигантские экскаваторы, краны, подвижные контейнеры с дополнительными устройствами. Все было так тщательно отрепетировано, что уже через полчаса после того, как корабль начал разгружаться, он уже вновь взмыл в пространство.

Все работы по раскопкам проводились с дистанционным управлением. Специально обученные люди раскопали землю на двести пятьдесят футов в глубину и на восемьдесят в ширину. Был обнаружен не столько город, сколько невероятные обломки того, что раньше называлось городом.

Здания выглядели так, как будто были раздавлены слишком огромной тяжестью, чтобы они могли ее вынести. Уровень улиц доходил в глубину на полные двести пятьдесят футов, где они начинали превращаться в груду костей. Был

отдан приказ прекратить раскопки, и несколько спасательных шлюпок устремились сквозь мглистую атмосферу. Гросвенф вместе с Мак-Кеном и другими специалистами стоял над тем, что осталось от одного из скелетов.

— Нехорошие подтверждения, — нахмурился Скит. — Но, думаю, я смогу его собрать. — Его умелые пальцы укладывали кости в определенном порядке. — Четыре ноги, — сообщил он. Поднеся к одной конечности флюороскоп, он буркнул: — Похоже на то, что он мертв уже лет двадцать пять.

Гросвенф отошел в сторону. Валяющиеся повсюду останки могли хранить секреты фундаментальной физической характеристики исчезнувшей расы. Но вряд ли эти скелеты содержат в себе ключ к идентификации безжалостных существ, послуживших причиной исчезновения расы. Они явно принадлежали к несчастным жертвам, а не уверенным в себе мрачным разрушителям.

Он направился туда, где Мак-Кен изучал грунт, выкопанный из самой улицы. Геолог повернулся к нему и сказал:

— Я думаю, мы удостоверимся, сделав стратографический анализ на несколько сот футов

вниз.

После его слов в действие вступила буровая команда. В течение нескольких часов, пока машины прокладывали себе путь среди камней и глины, Гросвенф был очень занят. Перед его глазами мелькали твердые комья земли или обломки камня. Иногда он брал их и исследовал. К тому времени, когда спасательные шлюпки направились к кораблю, Мак-Кен решил дать полный отчет Кенту. Когда он докладывал, Гросвенф стоял у экрана коммуникатора.

— Директор, меня просили проверить, могли ли джунгли на этой планете быть созданы искусственным путем. Вполне возможно, что это так. Слои, идущие ниже болота, кажутся принадлежащими более старой и менее примитивной планете. Трудно представить, что напластование джунглей могло быть снято с какой-то отдаленной планеты и перенесено сюда, но очевидность указывает на то, что это вполне возможно.

— А как насчет самого города? — поинтересовался Кент. — Как он был разрушен?

— Мы проделали несколько вычислений и теперь можем утверждать, что причиной катастрофы должны были явиться огромные массы камней, почвы и воды.

— Вы нашли доказательства, свидетельствующие о времени этой катастрофы?

— Мы располагаем небольшими геоморфологическими данными. В нескольких осмотренных нами местах новая поверхность образовала впадины на старой, указывая на то, что добавочный вес смял более мягкие участки. При идентификации типа сдвига пород, которые должны были прогнуться при подобных обстоятельствах, мы получили несколько цифр и намереваемся запустить их в компьютер. Компетентный математик, — он имел в виду Гросвенфа, — подсчитал приблизительно прямое давление веса вышележащих пород в единицу времени. Получился период не более ста лет. Поскольку геология имеет дело с событиями тысяче— и миллионолетней давности, все, что смогут делать машины, — это проверить вычисления людей. А это не даст нам более точных результатов.

Наступила пауза, после которой Кент холодно сказал:

— Благодарю вас. Я чувствую, что вы и ваш штат проделали огромную работу. Еще один вопрос: не обнаружили ли вы в ваших вычислениях чего-нибудь такого, что могло бы послужить ключом к определению природы интеллекта, который

мог произвести подобные катаклизмические разрушения?

— Говоря от своего имени, без предварительного обсуждения с помощниками, могу сказать — нет!

«Хорошо, — подумал Гросвенф, — что Мак-Кен так осторожен в своих ответах. Для геолога обследование этой планеты — только начало поисков врага».

Для него самого оно являлось конечным звеном в той цепи событий, открытий и выводов, которые начались, когда он впервые услышал странное бормотание в пространстве. Он знал, кем являются самые чудовищные из существ, которых только можно себе вообразить. Он догадывался об их ужасных целях и заботливо проанализировал, что нужно сделать дальше.

Перед ним больше не стояла проблема — в чем опасность? Он достиг той стадии, где нуждался сверх всего в бескомпромиссном решении, к несчастью, люди, областью знаний которых являлись лишь одна или две науки, не могли или даже не желали понять потенциальной возможности смертельнейшей из опасностей, когда-либо вставших перед всей Вселенной за все время ее существования. Само решение могло

стать центром жестокого спора.

Согласно рассуждениям Гросвенфа, проблема эта имела как политический, так и научный аспекты. Ясно осознавая характер предстоящей борьбы, он пришел к выводу о том, что его тактика должна быть тщательно продумана и претворена в жизнь с предельной решительностью.

Пока еще рано было решать, насколько далеко он вынужден будет зайти. Но ему казалось, что он имеет право не останавливаться ни перед чем. Он обязан выполнить свой долг.

ГЛАВА 4

Полностью приготовившись к действиям, Гросвенф написал Кенту письмо:

Исполняющему обязанности директора.
Административный отдел.
Исследовательский корабль
«Космическая Гончая».

Дорогой мистер Кент! Я должен сделать важное сообщение всем главам отделов. Сообщение касается обитателей этой галактики, о природе которых я добыл сведения большой важности.

Не будете ли вы так любезны созвать совещание с тем, чтобы я мог изложить свои выводы?

Искренне ваш Эллиот Гросвенф».

Он подумал о том, заметит ли Кент, что он предлагает решение по неподдержанным доказательствам. В ожидании ответа он спокойно перенес остаток личных вещей из своей каюты в некзиалистский отдел. Это было последним звеном его плана защиты, который включал в себя возможность осады.

Ответ пришел на следующее утро.

«Дорогой мистер Гросвенф! Я связывался с мистером Кентом вчера днем по поводу вашего меморандума. Он предложил вам сделать закрытый доклад по форме А-16—4 и выразил удивление по поводу того, что вы не сделали этого предложения лично. Мы получаем другие доказательства и версии по этому вопросу. Ваша же версия будет изучена наряду с другими.

Будьте любезны как можно скорее прислать тщательно заполненный образец формы А-16—4.

Искренне ваш Джон Фонрем / за мистера Кента».

Гросвенф мрачно прочел ответ. Он не сомневался в том, что Кент сделал секретарю несколько резких замечаний по поводу единственного на борту корабля некзиалиста. Но даже в этом случае Кент должен был сдерживать свой язык. Беспорядок, резервуар ненависти, заключенный в этом человеке, все еще подвергались некоторой сдержанности. Если Корита прав, то кризис приближается. Это был «зимний» период настоящей человеческой цивилизации, и вся культура могла разбиться вдребезги под действием вспышек эгоизма отдельных личностей.

Хотя он и не намеревался предлагать фактическую информацию, Гросвенф решил заполнить

посланную ему секретную форму. И все же он лишь составил перечень фактов. Он не стал ни рассматривать их, ни предлагать решение. В графе «Рекомендации» он написал:

«Заключение должно сразу стать ясным любому обладающему необходимой квалификацией человеку».

Вопиющим фактом было то, что каждое из перечисленных доказательств, представленных им, было известно тому или другому из обширных отделов, имеющихся на борту «Космической Гончей». Все эти данные должны были лежать на столе Кента уже несколько недель.

Гросвенф сам отнес форму. Он не ожидал немедленного ответа, но все же остался в своем отделе. Даже еду ему присылали туда. Прошло два двадцатичасовых периода, прежде чем он получил ответ от Кента.

«Дорогой мистер Гросвенф! Просмотрев форму А-16—4, которую вы представили на рассмотрение совета, я отметил, что вы не указали своих рекомендаций… Поскольку мы получили другие рекомендации по этому вопросу и намерены соединить лучшие черты каждой, создав обширный план, мы были бы признательны вам за передачу детальных рекомендаций.

Не будете ли вы так добры уделить этому вопросу более пристальное внимание?

Грегори Кент, исполняющий обязанности директора».

Гросвенф воспринял личную подпись Кента как прямой намек, означающий, что основные действия скоро начнутся.

Он напичкал себя наркотиками, которые вызывали симптомы, трудно отличимые от гриппа. В ожидании нужной ему реакции со стороны своего организма, он написал Кенту еще одно послание, на этот раз о том, что он слишком болен, чтобы подготовить детальные рекомендации, в которых давно назрела необходимость, по ряду весомых причин, проистекающих из знания фактов многих наук. Его главная рекомендация — немедленно начать предварительную пропаганду среди членов экспедиции о необходимости провести в пространстве пять добавочных лет. Опустив письмо в почтовый желоб, Гросвенф позвонил в офис доктора Эгарта. Все произошло даже быстрее, чем рассчитывал Эллиот. Через десять минут вошел доктор Эгарт и поставил на пол свой чемоданчик. Когда он выпрямился, в коридоре зазвучали шаги. Несколькими секундами позже появился Кент с двумя крепкими парнями

из своего отдела.

Доктор Эгарт весело улыбнулся, узнав шефа химического отдела.

— Хэлло, Грег, — произнес он густым, глубоким голосом и перенес свое внимание на Гросвенфа. — Похоже на то, что у вас здесь есть насекомые, друг мой. Забавно! Какое бы внимание мы ни уделяли защите корабля при всех приземлениях, некоторые вирусы и бактерии все же проникают внутрь. Я забираю вас в изолятор.

— Я предпочел бы остаться здесь.

Доктор Эгарт нахмурился и пожал плечами.

— В вашем случае это возможно, — он собрал свои инструменты. — Я пришлю присматривать за вами своего служащего. С неизвестными микробами нельзя рисковать.

Кент хмыкнул. Гросвенф, поглядывающий на него с нарочитым смущением, при этих словах поднял на него вопросительный взгляд.

— А в чем, собственно, дело, доктор? — раздраженно проговорил Кент.

— Сейчас я не могу этого точно сказать. Посмотрим, что дадут лабораторные исследования, — он нахмурился. — Я взял пробы почти с каждой части его тела. Пока все симптомы указывают на лихорадку и жидкость в легких. Боюсь, что

сегодня я не могу позволить вам беседу с ним, Грег. Опасаюсь, что это серьезно.

— Придется рискнуть, — возразил Кент. — Мистер Гросвенф владеет ценной информацией и… — он заговорил подчеркнуто официально, — …я уверен, он еще в силах сообщить ее нам.

Доктор Эгарт взглянул на Гросвенфа и осведомился:

— Как вы себя чувствуете?

— Я еще могу говорить, — слабым голосом прошептал Гросвенф.

Его лицо пылало, глаза болели. Но одной из двух причин, по которым он вверг себя в такое состояние, была надежда на приход Кента, и она оправдалась.

Другая причина заключалась в том, что он не хотел лично присутствовать на совещании ученых, которое мог созвать Кент. Здесь, в своем отделе, и только здесь он мог защитить себя от враждебных действий, которые могли быть предприняты против него.

— Говорю вам, — сказал доктор Кенту и косвенно Гросвенфу, — что сейчас пришлю санитара. Разговор должен закончиться ко времени его прихода, договорились?

— Прекрасно! — с фальшивой сердечностью

ответил Кент.

Гросвенф молча кивнул.

Уже от двери доктор Эгарт еще раз напомнил:

— Мистер Рондер будет здесь примерно через двадцать минут.

Когда он ушел, Кент медленно опустился в кресло и взглянул на Гросвенфа. Он сделал длительную паузу, потом произнес намеренно холодным тоном, выражающим его отношение к собеседнику:

— Я не понимаю, чего вы добиваетесь. Почему вы не представляете нам информацию, которой владеете?

— Мистер Кент, вы действительно удивлены?

Снова воцарилось молчание. Гросвенфу казалось, что Кент очень сердит и лишь с большим трудом сдерживает себя. Наконец, он прервал молчание и проговорил низким, напряженным голосом:

— Я — директор экспедиции. Я требую, чтобы вы немедленно выдали свои рекомендации.

Гросвенф медленно покачал головой. Внезапно он ощутил жар и тяжесть.

— Я не знаю, что… собственно на это ответить. Ваши действия, мистер Кент, легко рассчитать. Видите ли, я ожидал от вас, что вы обойдетесь с

моими письмами именно так, как вы это сделали. Я ожидал от вас, что вы придете сюда с… — он обвел глазами двух помощников Кента -… парой герольдов. При создавшихся обстоятельствах я думаю, что имею право настаивать на совещании глав отделов с тем, чтобы лично сообщить им свои рекомендации…

Будь у него время, он бы выставил руку и защитил себя. Слишком поздно он увидел, что Кент разъярен более, чем он это подозревал.

— Ловко, а! — в ярости бросил химик.

Его рука поднялась. Раскрытой ладонью он ударил Гросвенфа по лицу и снова заговорил сквозь сжатые зубы:

— Так вы больны, да? Люди со странными болезнями иногда оказываются не в своем уме, и за ними требуется строгий надзор, потому что в состоянии помешательства они способны напасть на любимых друзей.

Гросвенф уставился на него затуманенным взглядом. Он поднес руку к лицу. Из-за лихорадки и слабости он плохо соображал. С некоторым трудом он сунул в рот таблетку противоядия. При этом он делал вид. будто держится за щеку в том месте, по которому его ударил Кент. Проглотив таблетку, он произнес дрожащим голосом:

— Пусть так, моя психика не в порядке, что дальше?

Если Кент и был удивлен его реакцией, то не выразил это словами. Он коротко спросил:

— Чего вы, собственно, добиваетесь?

Несколько мгновений Гросвенф боролся с тошнотой. Когда это чувство прошло, он ответил:

— Я хочу, чтобы вы согласились с тем. что членам экспедиции необходимо принять сознательное решение о продлении экспедиции на пять лет из-за того, что было обнаружено относительно враждебного интеллекта. Вот пока и все. Когда вы начнете работу в этом направлении, я расскажу вам все, что вы пожелаете узнать.

Он почувствовал улучшение — противоядие начало действовать. Лихорадка прошла. Он имел в виду именно то, что говорил. Его план был нерушимым. Рано или поздно Кент, а позже и вся группа должны будут принять его предложение, и это будет концом его стратегической стадии.

Теперь же Кент дважды разжал губы, как будто намереваясь заговорить, и каждый раз снова закрывал рот. Наконец он произнес с глубоким изумлением:

— Это все, что вы хотите пока предложить?

Палец Гросвенфа лежал под одеялом на кнопке,

вделанной в боковую часть его кровати, готовый нажать на нее.

— Клянусь, вы получите от меня все, что хотите!

Кент резко возразил:

— Об этом не может быть и речи. Я не могу позволить себе подобного безумия. Люди не вынесут и одного добавочного года.

— Ваше присутствие здесь указывает на то, что вы не считаете мое решение безумным.

Кент сжал и напряг кулаки, потом разжал их.

— Это невозможно! Как я мог бы объяснить такое главам отделов и их помощникам?

Наблюдая за этим маленьким человеком, Гросвенф понял, что кризис близок.

— Вам не придется им это объяснять. Все, что вам придется сделать, это обещать дать информацию.

Один из его герольдов, наблюдавший за выражением лица шефа, предложил:

— Послушайте, шеф, этот человек, кажется, забыл, с кем он разговаривает. Как насчет того, чтобы мы ему это напомнили?

Кент, собиравшийся сказать что-то, отступил назад, облизывая губы, и злобно кивнул.

— Вы правы, Бредер. Я не понимаю, зачем я

вообще ввязался в этот спор. Подождите минутку, я закрою дверь, а потом…

Гросвенф угрожающе предостерег Кента:

— На вашем месте я бы не стал ее запирать. Я подниму по тревоге весь корабль.

Кент, уже взявшийся за ручку двери, остановился. На его физиономии застыла жестокая ухмылка.

— Так, так, так… — он злобно ощерил длинные зубы. — Мы доберемся до вас и при открытых дверях.

Двое служащих шагнули вперед.

— Бредер, вы слышали когда-нибудь о ренферальном электростатическом заряде? — спросил Эллиот. Видя их колебания, он продолжил: — Только дотроньтесь до меня, и сразу увидите. Ваши руки покроются волдырями, а лицо…

Оба помощника выпрямились и отшатнулись. Бредер тревожно взглянул на Кента, который сердито сказал:

— Количество находящегося в человеческом теле электричества не убьет и мухи!

Гросвенф с улыбкой покачал головой.

— Вы, мистер Кент, кажется, немного не в себе. Электричество не в моем теле, но оно будет в вашем, если вы дотронетесь до меня.

Кент вытащил вибратор и подчеркнуто стал его настраивать.

— Назад! — скомандовал он помощникам. — Я хочу дать ему порцию в одну десятую секунды. От этого он не лишится сознания, но все молекулы его тела придут в движение.

— Я его не получу, Кент, в этом вы ошибаетесь, — спокойно предупредил Гросвенф химика.

Тот либо не слышал его, либо был слишком зол, чтобы обращать внимание на это предупреждение. В глаза Гросвенфу ударил блеск вспышки. Послышалось шипение, треск и крик боли Кента. Вспышка исчезла, и Гросвенф увидел, что Кент пытается отбросить оружие, но оно никак не хотело отставать от его руки. В конце концов вибратор упал на пол с металлическим лязгом. В очевидном шоке Кент молча стоял, Держась за поврежденную руку.

Тоном сердитой жалости Гросвенф осведомился:

— Почему вы не послушались? Эти необычного вида экраны содержат высокий энергетический потенциал, а поскольку вибратор ионизировал воздух, вы получили электрический удар, который одновременно уничтожил энергию вашего заряда везде, кроме зоны дула. Надеюсь, вы не

слишком обожглись?

Кент уже взял себя в руки. Он был бледен, но внешне спокоен.

— Это вам дорого обойдется, — зловеще прошептал он. — Когда все узнают о том, что один человек пытался силой заставить их... — Он оборвал себя и нетерпеливо махнул помощникам: — Идемте, мы и так потеряли здесь много времени.

Через десять минут после их ухода пришел Рондер. Гросвенфу пришлось несколько раз терпеливо объяснять, что он уже не болен. Еще более долгим было объяснение с доктором Эгартом, которого вызвал санитар. Гросвенфа не беспокоило возможное разоблачение. Для того чтобы обнаружить принятый им наркотик, нужно было твердое подозрение плюс тщательное обследование. В конце концов они оставили его в покое, приказав оставаться в своем отделе не меньше суток. Гросвенф уверил их в том, что будет следовать полученным инструкциям; он действительно намеревался сидеть на месте. В предстоящие тяжелые дни некзиальный отдел должен был стать его крепостью. Он не знал в точности, что могло быть против него использовано, но приготовился ко всему настолько, насколько

это было в его силах и возможностях.

Примерно через час после ухода доктора в металлическом почтовом желобе послышалось звяканье. Это было извещение от Кента о созыве совещания согласно просьбе Эллиота Гросвенфа. Оно вытекало из первого письма Кента, игнорируя все последующие события. Печатная форма заканчивалась следующими словами:

«Ввиду последующих действий мистера Гросвенфа исполняющий обязанности директора считает, что имеет право на детальный разбор дела».

Внизу Кент от руки написал:

«Дорогой мистер Гросвенф. Ввиду вашей болезни я проинструктировал штат мистера Гурлея о том, чтобы он связал ваш коммуникатор с контрольным пунктом, так что вы можете решать вопросы и присутствовать, не сходя с кровати. В других отношениях встреча сохранит все привилегии секретности».

В назначенный час Эллиот настроился на контрольный пункт. Когда появилось изображение, он обнаружил, что все помещение видно ему, как на ладони, и что передающий экран — это большой коммуникатор, находящийся над массивным контрольным щитом. В настоящий

момент его лицо представляло собой десятифутовое изображение, глядящее на присутствующих.

— Да, — пробормотал Гросвенф, — впервые мое присутствие на совете столь заметно.

Беглый осмотр помещения показал, что большая часть глав отделов уже заняла свои места. Как раз под экраном Кент разговаривал о чем-то с капитаном Личем. Вероятно, это был. конец разговора, потому что он посмотрел на Гросвенфа, криво улыбнулся и повернулся к небольшой аудитории. Гросвенф заметил повязку на левой руке Кента.

— Джентльмены, — начал совещание Кент. — Я хочу без всякого предварительного вступления передать слово мистеру Гросвенфу. — Он снова взглянул на экран коммуникатора, и на его физиономии появилась все та же свирепая улыбка. — Мистер Гросвенф, ваше слово.

— Джентльмены, около недели назад я получил достаточно много фактов, чтобы утверждать, что наш корабль подвергается воздействию со стороны чужого интеллекта, принадлежащего этой галактике. Это может звучать чересчур громко, но это не что иное, как печальная реальность, которую я могу изложить вам в своей интерпретации на основе доступных мне средств. Я не

могу доказать никому из присутствующих, что такие существа действительно есть. Некоторые из вас согласятся с разумностью моих доводов, другие, не имеющие знаний в специальных областях, решат, что мое заключение голословно. Я изучил проблему и изнурил мозг раздумьями о том, как убедить вас, что мое решение является единственно безопасным. Одним из, видимо, полезных шагов является сообщение об экспериментах, которые я проделал.

Он не упомянул об уловках, к которым ему пришлось прибегнуть, чтобы его вообще выслушали. Несмотря ни на что, он не хотел казаться враждебным к Кенту более, чем это было необходимо.

— Теперь я хочу связаться с мистером Гурлеем, — продолжил он. — Я уверен, что вы не будете слишком удивлены, когда я скажу вам, что речь идет об автоматическом устройстве С-9. Я бы хотел знать, сообщили ли вы о нем своим коллегам?

Начальник отдела связи взглянул на Кента, который небрежно кивнул.

— Пока не берусь сказать точно, когда С-9 вступит в действие. Тем, кто о нем не слышал, сообщаю, что С-9 является малым экраном, который автоматически вводится в действие, когда пыль в

окружающем пространстве достигает плотности, опасной для движения корабля. Очевидно, что плотность пыли в любом данном объеме выше при высокой скорости, чем при низкой. Тот факт, что количество активной пыли в окружающем нас космосе достигло такого уровня, при котором вводится в действие С-9, был замечен впервые членами моего отдела незадолго до того, как эти ящеры возникли в контрольном пункте. — Гурлей откинулся на спину кресла и буркнул: — У меня все!

— Мистер Ван Гроссен, — спросил Гросвенф, — что обнаружил ваш отдел относительно пыли этой галактики?

Тучный Ван Гроссен выпрямился на стуле и, не вставая, произнес:

— Ничего такого, что мы могли бы рассматривать как удивительное или необычное. Она несколько плотнее, чем в нашей собственной галактике. Мы собрали небольшое количество пыли на ионизированных пластинках и сняли осадок. Вещество оказалось довольно обычным: в нем присутствовали несколько простых элементов и следы многих соединений, которые могли быть найдены в момент конденсации, а также небольшое количество свободного газа, главным

образом водорода. Трудность состоит в том, что то, что мы получили, возможно, имеет очень небольшое сходство с пылью в том виде, в каком она обычно пребывает в пространстве, но проблема получения ее в истинной форме, по всей вероятности, никогда не будет разрешена удовлетворительно. Сам процесс требует огромных изменений. Мы можем лишь догадываться о том, как она функционирует в пространстве. — Физик беспомощно развел руками. — Это все, что я могу пока сообщить.

Гросвенф не стал упускать инициативу и продолжил:

— Я мог бы и дальше спрашивать глав различных отделов о том, что им удалось узнать. Но я уверен в том, что могу суммировать изложенные и неизложенные открытия, не будучи к кому-либо несправедливым. И отдел мистера Скита, и отдел мистера Кента занимаются почти той же проблемой, что и мистер Ван Гроссен. Я уверен, что мистер Скит различными способами насытил атмосферу клетки пылью. Животные, которых он запускал в клетку, не выказывали никаких болезненных признаков, так что он, в конце концов, провел испытание на себе. Мистер Скит, можете ли вы к этому что-нибудь добавить?

Скит качнул головой.

— Если это форма жизни, то мне вы этого доказать не сможете. Я допускаю, что самый тесный контакт с этим веществом мы имели в тот момент, когда вошли в спасательную шлюпку, открыли все двери, потом закрыли их, снова впустив воздух в шлюпку. В химическом составе воздуха возникли небольшие изменения, но ничего особенного, — заключил биолог.

— Достаточно для фактических данных. Я тоже, среди прочих вещей, проделал эксперимент, вывел спасательную шлюпку и впустил в нее пыль из пространства через открытые двери. Вот чем я интересовался… Если это жизненная форма, то чем она питается? Поэтому, впустив воздух в шлюпку, я проделал его анализ. Затем я убил пару маленьких животных и вновь сделал анализ атмосферы. Я послал обе пробы мистеру Кенту, мистеру Скиту и мистеру Ван Гроссену. Имелось несколько минутных химических изменений. Могла иметь место аналитическая ошибка. Но мне бы хотелось попросить мистера Ван Гроссена рассказать вам, что он обнаружил.

Ван Гроссен заморгал:

— Разве это доказательство? — спросил он удивленно, потом развернулся на сидении и хмуро

оглядел своих коллег. — Я не вижу и не придаю этому особого значения, но молекулы воздуха в пробе под номером «2» несут в себе более высокий электрический заряд.

Это был решающий момент. Гросвенф, глядя на повернутые к нему лица, подождал, пока свет непонимания не зажегся, по крайней мере, в паре глаз. Люди сидели неподвижно, с застывшим на лицах озадаченным выражением. Наконец, один из них проговорил:

— Я полагаю, от нас ожидают, что мы придем к заключению о том, что имеем дело с туманно-пылевой формой жизни и разума. Для меня это слишком. Подобного мне не переварить.

Гросвенф ничего не сказал. Умственное усилие, которого он от них ожидал, оказалось недостаточным. Стараясь преодолеть чувство разочарования, он начал готовиться к следующему шагу.

— Давайте, давайте, мистер Гросвенф! — резко сказал Кент. — Объясняйтесь, может, мы и переменим свое мнение.

Гросвенф неохотно начал:

— Джентльмены, меня чрезвычайно беспокоит ваша неспособность дать ответ по этому пункту. Я предвижу большие затруднения. Вникните в мое положение. Я сообщил вам точный признак,

включая описание эксперимента, который привел меня к идентификации нашего врага. Уже ясно, что мои выводы будут рассматриваться как весьма противоречивые. И все же, если я прав, а я убежден в этом, отказ от продуманных мною действий приведет к гибели человеческой расы и всей остальной жизни во вселенной. Но вот в чем сложность: если я просто рассказываю вам обо всем, то решение ускользает из моих рук. Решать будет большинство, и насколько я это себе представляю, его решение не даст никакой законной возможности его обойти.

Он замолчал, давая собравшимся возможность обдумать сказанное. Кое-кто переглядывался, нахмурясь.

— Подождите, — проговорил Кент, — мне уже приходилось стучаться в непробиваемую стену эгоизма этого человека.

Это было первое на совещании враждебное замечание. Гросвенф бросил на Кента взгляд и, отвернувшись от него, продолжил:

— Мне, джентльмены, выпал несчастный жребий. Я должен проинформировать вас о том, что при сложившихся безумных обстоятельствах рассматриваемая нами проблема перестает быть научной и становится политической. Учи-

тывая это, я должен настаивать на принятии моего решения проблемы. Необходимо провести успешно работу, в ходе которой исполняющий обязанности директора Кент и главы отделов разъяснят необходимость того, что «Космическая Гончая» должна провести в космосе отрезок времени, равный пяти земным годам. Я сообщу вам свои доводы, но я хочу, чтобы каждый из вас уяснил себе, что рискует в этом деле безвозвратно потерять свою репутацию и доброе имя. Опасность, насколько я ее вижу, является такой всеобъемлющей, что любая происшедшая между нами стычка, даже самая мелкая, была бы роковой, если учитывать время, на которое мы отдалимся от решения проблемы. — Он коротко изложил, в чем заключается опасность. Потом, не обращая внимания на их реакцию, обрисовал свой метод борьбы с опасностью, каким он его видел. — Нам придется найти планеты, содержащие железо, и наладить обширное производство автоматических торпед. Как я себе представляю, нам придется затратить около года, пересекая галактику и наугад посылая торпеды. А потом, когда мы сделаем весь этот участок пространства невыносимым для их существования, мы улетим, предложив им следовать за нами как раз тогда,

когда у них не останется иного выхода, как следовать за нашим кораблем в надежде на то, что мы приведем их к другому, лучшему источнику еды, чем тот, который они имели здесь. Большую часть времени мы проведем в полете, уводящем их от нашей галактики. Итак, джентльмены, теперь вы все знаете. Но выражение ваших лиц, я вижу, показывает, что реакция будет различной и что вы стоите на пороге одного из тех противоречий, о которых я упоминал.

Эллиот замолчал. Наступила гнетущая тишина, потом один из присутствующих со вздохом сказал:

— Пять лет…

Это подействовало, как сигнал. Всех присутствующих охватила тревога.

Гросвенф напомнил:

— Земных лет!

Он умышленно подчеркивал это обстоятельство. Он намеренно выбрал способ более продолжительной оценки времени с тем, чтобы, переведенное в звездное время, оно казалось несколько меньшим. Дело было в том, что звездное время, с его стоминутным часом, двадцатичасовыми сутками и трехсотшестидесятидневным годом, было психологическим делением. Приспособив-

шись к длинному дню, люди забывали, что на самом деле проходило гораздо больше времени согласно их прежнему восприятию.

По той же причине он ожидал, что они ощутят облегчение, поняв, что дополнительное время укладывается на самом деле в три звездных года.

— Какие будут мнения? — осведомился Кент.

— Я не могу полностью согласиться с анализом мистера Гросвенфа, — с горечью сказал Ван Гроссен. — Я питаю к нему огромное уважение ввиду его прошлых заслуг. Но он просит нас принять на веру то, что, я уверен, мы могли бы понять, если бы у него действительно были неоспоримые доказательства. Я отклоняю положение о том, что лишь некзиалист играет важную роль в интеграции наук, что лишь индивидуальное обучение его методам может нести в себе надежду на более глубокое проникновение в природу.

— Неужели вы можете отрицать, и притом весьма враждебно, то, что никогда не побеспокоились изучить?! — возмутился Гросвенф.

— Возможно, — пожал плечами Ван Гроссен.

— Насколько я понял, — вступил в дискуссию Зеллер, — суть сказанного состоит в том, чтобы потратить много лет и усилий, при этом ни разу не получив ничего, кроме косвенных и неопре-

деленных свидетельств. Как мы узнаем, что наш план срабатывает?

После некоторых колебаний Гросвенф решил, что другого выхода нет, и решил продолжать делать антагонистические заявления. Предмет дискуссии был слишком важным. Он не мог считаться с их чувствами. Он раздельно, но твердо заявил:

— Я узнаю, а если кто-нибудь из вас придет в некзиальный отдел и выучится кое-чему из нашей технологии, то и он поймет, когда придет время.

— Мистер Гросвенф всегда стоит за подобную возможность, — мрачно сказал Скит. — Он вечно предлагает нам обучение, чтобы мы могли достичь его уровня.

— Есть еще замечания? — это опять был Кент. Его голос звучал резко и напряженно от неумения скрыть свой близкий триумф.

Некоторые из собравшихся хотели выступить, но передумали.

Кент торжествующе продолжал:

Чем зря терять время, нам, я думаю, следовало бы провести голосование по поводу сообщения мистера Гросвенфа. Я думаю, что, в основном, все мы испытываем одинаковые чувства.

Он медленно прошел вперед. Гросвенф не мог видеть его лица, но в том, как держали себя остальные, был вызов.

— Давайте приступим к голосованию, — настаивал Кент. — Прошу поднять руки всех, кто хочет провести пять, дополнительных лет в космосе.

Ни одной руки не поднялось вверх.

Кто-то проворчал:

— Следовало бы обсудить все это без спешки.

Кент не стал торопиться с ответом и после некоторого размышления сказал:

— Нам нужно получить ответ сию же минуту. Персонал корабля хочет знать, что думают главы отделов. Теперь поднимите руки те, кто твердо против.

Все, кроме троих, подняли руки. Гросвенф разглядел, что эти трое были Корита, Мак-Кен и Ван Гроссен. И тут же он увидел, что капитан Лич, стоявший возле Кориты, тоже воздержался.

Гросвенф быстро проговорил:

— Капитан Лич, сейчас как раз тот момент, когда вы, опираясь на конституционные права, можете требовать контроля над кораблем. Опасность очевидна.

— Мистер Гросвенф, — медленно промолвил капитан Лич, — все было бы так, если бы враг

был видим. При существующем же положении дел я могу действовать, только руководствуясь советом ученых специалистов.

— Такой специалист на корабле только один, — холодно проронил Гросвенф. — Остальные лишь любители, барахтающиеся на поверхности фактов.

Замечание, казалось, ошеломило большую часть присутствующих. Несколько человек одновременно заговорили, но сразу осеклись и погрузились в сердитое молчание.

Наконец капитан Лич абсолютно спокойно произнес:

— Мистер Гросвенф, я не могу согласиться с вашим голословным утверждением.

— Что ж, джентльмены, наконец-то мы знаем истинное мнение о нас мистера Гросвенфа, — язвительно заметил Кент.

Самого его, казалось, фраза Гросвенфа никак не затронула. Все его поведение было проникнуто иронической насмешкой. Он явно забыл, что в функции исполняющего обязанности директора входит поддержание атмосферы вежливости и доброжелательности.

Его сердито оборвал Мердер, глава отдела ботаники.

— Мистер Кент, я не понимаю, как вы можете оставлять без внимания подобное наглое заявление?

— Вот это верно, — поддержал ботаника Гросвенф. — Боритесь за свои права! Вся Вселенная подвергается смертельной опасности, но для вас главное — поддержать свое достоинство.

Первый раз с тревогой в голосе заговорил МакКен:

— Корита, если может существовать форма жизни, подобная той, которую описал Гросвенф, то как это смыкается с цикличностью истории?

Археолог печально покачал головой.

— Боюсь, что очень незначительно. Примитивную жизненную форму мы можем принимать без доказательств. Свидетельства деятельности теории цикличности истории находят гораздо больше доказательств здесь, среди моих друзей. Я вижу их в удовольствии нанести поражение человеку, который, благодаря обширности своих знаний, заставлял нас усомниться в себе. Я вижу их во внезапно развившейся эгомании этого человека, — он с упреком посмотрел на изображение Гросвенфа. — Мистер Гросвенф, заявление, сделанное вами, глубоко меня разочаровало.

— Мистер Корита, — мрачно заявил Грос-

венф. — Если бы я выбрал для себя другую линию поведения, то, уверяю вас, я был бы лишен привилегии выступать перед этими высокочтимыми джентльменами, многими из которых я восхищаюсь, как индивидами, и сказать им то, что продолжаю утверждать со всей серьезностью.

— А я, — сказал Корита, — уверен в том, что члены экспедиции сделают все необходимое, невзирая на личные жертвы.

— В это трудно поверить, — возразил Гросвенф. — Я чувствую, что многие из них находятся под влиянием того факта, что мой план потребует пяти добавочных лет, проведенных в пространстве. Я настаиваю на том, что это жестокая необходимость, и уверяю вас — выбора нет! По правде говоря, я ожидал подобного результата и готовился к нему. — Теперь он обращался ко всем. — Джентльмены, вы вынудили меня на действия, о которых, уверяю вас, я сожалею больше, чем могу это выразить словами. Выслушайте меня внимательно. Это мой ультиматум!

— Ультиматум?! — это был Кент, удивленный и внезапно побледневший.

Гросвенф не обратил на него никакого внимания.

— Если к десяти часам завтрашнего дня мой

план не будет одобрен, я захвачу корабль. Каждый, находящийся на корабле, будет делать то, что я ему прикажу, нравится ему это или нет. Я, естественно, ожидаю, что находящиеся на борту ученые приложат все свои знания к тому, чтобы предотвратить мою попытку захвата корабля. Тем не менее сопротивление будет бесполезно.

Начавшийся вслед за этими словами пустопорожний ропот все еще продолжался, когда Гросвенф прервал связь между своим коммуникатором и контрольным пунктом…

ГЛАВА 5

Прошел примерно час после окончания совещания, когда Гросвенф получил вызов по коммуникатору от Мак-Кена.

— Я бы хотел зайти, — сказал геолог.

— Давайте, — весело разрешил Гросвенф.

Лицо Мак-Кена выразило сомнение.

— Я уверен, что у вас в коридоре ловушка.

— Ну… думаю, что можно назвать это и так, — согласился Гросвенф, — но вам она вреда не причинит.

— А что, если я найду способ прикончить вас?

— Здесь, в моих комнатах, — заявил Гросвенф с твердостью, которая, он надеялся, воздействует на всех служащих, — вы не смогли бы убить меня даже дубинкой.

Мак-Кен заколебался, но все же произнес:

— Я сейчас приду! — и прервал связь.

Вероятно, он находился очень близко, поскольку прошло меньше минуты, когда спрятанный в коридоре детектор возвестил о его приближении. И тут же его голова и плечи показались на экране коммуникатора, и реле замкнулось в необходимом положении. Поскольку это была часть

процесса автоматической защиты, Гросвенф прервал его действие вручную.

Через несколько секунд в открытую дверь вошел Мак-Кен. Он потоптался у порога и шагнул вперед, качая головой.

— Я все же беспокоился. Несмотря на ваше уверение, у меня было такое чувство, будто на меня направлены батареи орудий, — он впился в лицо Гросвенфа ищущим взглядом. — Вы просто запугиваете?

— Я и сам немного обеспокоен. Док, вы потрясли меня своей прямотой. Честно говоря, я не ожидал, что вы придете сюда с бомбой.

У Мак-Кена был озадаченный вид.

— Но я не пришел ведь… Если ваши приборы показали что-нибудь подобное… — он замолчал, снял пиджак и стал шарить по одежде. Его лицо побледнело, когда он вытащил тонкий серый предмет двухдюймовой длины. — Что это? — удивленно спросил он.

— Устойчивый сплав плутония.

— Радиоактивный?

— Нет, нет, вовсе не радиоактивный. Но он может быть превращен в радиоактивный газ лучом трансмиттера высокой частоты. От него у нас обоих были бы радиоактивные ожоги.

— Грос, я клянусь, что ничего об этом не знал!

— Вы говорили кому-нибудь о том, что собираетесь ко мне?

— Естественно… Вся эта часть корабля блокирована.

— Иными словами, вам пришлось просить разрешение?

— Да, у Кента.

— Я хочу, чтобы вы как следует подумали о случившемся. Говорил ли вам Кент во время разговора, что у него в комнате слишком жарко?

— Э… э… да. Теперь я вспомнил. У меня было чувство, что я задохнусь.

— Сколько это длилось?

— Секунду или чуть больше.

— Это означает, что вы были без сознания десять минут. Выходит, эта сволочь воздействовала на вас наркотиком. Возможно, я смогу узнать, какую точно дозу вы получили. Нужен анализ крови.

— Я не возражаю, если вы его сделаете. Это докажет…

Гросвенф качнул головой.

— Это докажет только то, что вы подверглись такому воздействию, но не докажет того, что вы пошли на него непреднамеренно. Для меня

гораздо более убедительным является факт, что ни один человек, если он не сумасшедший, не позволит, чтобы в его присутствии был испарен сплав Руа-72. Согласно моему автоматическому аннулирователю, они уже целую минуту пытаются его разжижить.

Мак-Кен мгновенно побелел.

— Грос, я завязал с этим хищником. Я допускаю, что был в состоянии конфликта и согласился доложить ему о результатах нашего разговора, но я намеревался предупредить вас, что сделаю подобное сообщение.

Гросвенф добродушно улыбнулся.

— Все в порядке, док. Я вам верю. Садитесь.

— А что с этим? — Мак-Кен протянул ему «бомбу».

Гросвенф взял ее и понес к маленькому укрытию для радиоактивных материалов, имеющемуся в его отделе. Вернувшись, он сел и сказал:

— Думаю, что на нас будет совершено нападение. Это единственный для Кента путь известить остальных о том, что мы были спасены им вовремя для того, чтобы получить лечение от радиоактивных ожогов. Мы можем вести наблюдение с помощью этого экрана.

Первые сигналы о нападении были получены

с электронных детекторов. На приборном щитке появились слабые световые пятна, зазвенел звонок. Потом на большом экране над аппаратурой они увидели изображения нападающих. Около дюжины мужчин в скафандрах появились из-за угла и двинулись вдоль коридора. Гросвенф узнал Ван Гроссена и двух его помощников из физического отдела, четырех химиков, двое из которых были из биохимического сектора, троих специалистов по коммуникации из отдела Гурлея и двух офицеров. Позади всех трое солдат тащили передвижной вибратор и тепловую пушку с диспенсер-бомбой.

— Здесь есть другой выход? — с тревогой осведомился Мак-Кен.

— Он тоже охраняется, — успокоил его Гросвенф.

— А что вверху и внизу?

— Наверху склад, внизу кинозал. Оба помещения находятся под моим контролем.

Они замолчали. Когда группа людей остановилась в коридоре, Мак-Кен заговорил вновь:

— Я удивлен, что с ними Ван Гроссен. Я считал, что он восхищается вами.

— Я обидел его, назвав его и других любителями. Теперь он хочет посмотреть, на что я способен.

Нападающие остановились в коридоре и начали совещаться. Гросвенф спросил:

— А что, собственно, привело вас сюда?

— Я хотел, чтобы вы знали о том, что вы не один, — ответил Мак-Кен, глядя на экран. — Несколько человек просили меня передать вам, что они с вами, — он тут же оборвал себя. — Не стоит об этом сейчас…

— Сейчас время ничуть не хуже, чем любое другое.

Мак-Кен, казалось, не слышал.

— Не понимаю, как вы собираетесь их остановить? — забеспокоился он. — У них достаточно мощное оружие, чтобы уничтожить стены вашего отдела.

Гросвенф не ответил. Мак-Кен посмотрел ему в лицо и сказал:

— Буду с вами откровенен. Мое положение двойственно. Я чувствую, что вы правы. Но ваша тактика в моих глазах не слишком этична, — он, казалось, забыл о том, что надо следить за экраном.

— Есть еще только одна тактика, возможная для меня, и она состоит в том, чтобы прокатить Кента на выборах. Поскольку он всего лишь исполняющий обязанности директора и не был

избран. Думаю, я мог бы добиться выборов в пределах месяца.

— Почему же вы не захотели этого сделать?

— Потому что, — передернул плечами Гросвенф, — я не хочу рисковать. То, что находится за пределами нашего корабля, практически истощено до предела. А это означает, что в любой момент оно может попытаться захватить другую галактику, и этой галактикой вполне может оказаться наша. Мы не можем ждать месяц.

— И все же, — нахмурился Мак-Кен, — ваш план состоит в том, чтобы улететь из этой галактики на целый год.

— Вы когда-нибудь пытались отобрать еду у хищника? Он ведь будет пытаться удержать ее при себе, не так ли? Моя идея состоит в следующем: увидев, что мы от него уходим, это существо будет гнаться за нами столько времени, сколько сможет.

— Понимаю, — кивнул Мак-Кен. — Если это так, то ваш шанс одержать победу на выборах практически равен нулю, и вы должны с этим согласиться.

Гросвенф энергично покачал головой.

— Я бы победил. Вы можете не поверить мне на слово, но то, что люди, подверженные вли-

янию желаний, волнений или амбиций, легко поддаются контролю, является непреложным фактом. Я не изобретал используемых мною теорий. Они были известны в течение столетий. Но исторические попытки проанализировать их не были успешными до недавних пор, когда связь психиатрии с психологией дала ей прекрасную теоретическую базу. Нексиальное обучение привело к разработке определенных технических процессов.

Мак-Кен долго обдумывал услышанное и, наконец, спросил:

— Вы считаете, что будущее принадлежит нексиализму?

— На борту нашего корабля это необходимо. Для расы в целом — это еще нереально. Тем не менее, если смотреть вперед, ни один индивид не должен отказываться от пополнения своих знаний. Зачем ему от этого отказываться? Зачем ему стоять под небом своей планеты с умным видом и решать важнейшие жизненные проблемы с позиций суеверия и невежества, повинуясь тем, кто его дурачит? Гибель античной цивилизации — прекрасное свидетельство тому, что случается с человеком, когда он слеп и полностью зависит от авторитарных доктрин. Мы должны сделать

человека скептиком. Крестьянин с острым, хотя и неразвитым умом, которому показывают конкретные доказательства, является прообразом ученого. На каждом уровне понимания скептик частично возмещает отсутствие специфических знаний требованием: «Покажи мне! Я готов принять новое, но то, что ты говоришь, не может убедить меня само по себе».

Мак-Кен вышел из состояния задумчивости:

— Вы, некзиалисты, стараетесь разбить цикличность истории. Ведь так?

— До встречи с Коритой я, честно говоря, не принимал ее всерьез, — поколебавшись, признался Гросвенф. — Она произвела на меня огромное впечатление. Насколько я себе представляю, теория может вынести огромное количество повторений. Такие слова, как «раса» и «кровь», совершенно бессмысленны, но главное в ней шаблон, и он срабатывает.

Мак-Кен вновь перенес свое внимание на нападающих.

— Что-то они долго совещаются, пора бы и начать. А я думал, что они все просчитали, решившись зайти так далеко.

Гросвенф ничего не сказал. Мак-Кен бросил на него внимательный взгляд.

— Минуточку, — произнес он, — они ведь не могут пройти сквозь вашу защиту, не так ли?

Хотя Гросвенф опять не ответил, Мак-Кен вскочил на ноги и подошел почти вплотную к экрану. Он увидел, что двое людей стоят на коленях.

— Что это они делают? — удивился он. — Ничего не понимаю!

Гросвенф поколебался, но все же объяснил:

— Они пытаются не провалиться сквозь пол, — несмотря на все его усилия оставаться спокойным, его голос дрожал.

По-видимому, его собеседник не осознавал еще, что видит нечто для себя новое. Конечно, Гросвенф уже давно шел к этому. Но сейчас он впервые применил свои знания на практике. Он предпринял действия, которые никогда и никем не предпринимались ранее. Он использовал явления, изучаемые многими науками, приспособив их для своих целей и требований ситуации, в которой он находился.

Все шло так, как он и ожидал. Его знания, такие глубокие и имеющие великолепную основу, не оставляли места для ошибки. Но физическая реальность происходящего все же поразила его самого.

Мак-Кен сделал шаг назад и осведомился:

— Пол рухнет?

— Вы не поняли. Пол останется таким же, но они в него погружаются. Если они углубятся дальше, то пройдут его насквозь, — он рассмеялся, внезапно развеселившись. — Хотелось бы мне видеть физиономию Гурлея, когда его помощники доложат ему о происшедшем. Это его конец — телепоргация, понятие гиперпространства, распространяющееся на нефтяную геологию и растительную химию.

— При чем тут геология?! — воскликнул Мак-Кен и запнулся. — Будь я проклят! Вы имеете в виду старый способ получения нефти без бурения? Мы лишь создаем на поверхности условия, при которых вся нефть поднимается на поверхность. — Он нахмурился. — Погодите, ведь имеется фактор…

— Есть дюжина факторов, мой друг, — улыбнулся Гросвенф и спокойно продолжал: — Повторяю, это комбинированный процесс, элементы действуют в тесной взаимосвязи.

— Почему же тогда вы не использовали этот трюк против кота и алого дьявола?

— Я имел это в виду и потратил уйму времени, налаживая оборудование. Если бы я осуществил контроль над кораблем, мы бы не потеряли

столько жизней.

— Почему же вы не взяли его под контроль?

— У меня не хватило времени. Корабль был построен за несколько лет до возникновения «Некзиального общества». Хорошо еще, что мы смогли получить отдел на этом корабле.

— Но я не понимаю, как вы собираетесь захватить завтра корабль, ведь это потребует вашего выхода из лаборатории. — Он замолчал, взглянул на экран и чуть слышно произнес: — Они принесли дегравитатор и собираются поднимать пол.

Гросвенф ничего не ответил: он уже заметил это.

ГЛАВА 6

Дегравитаторы действовали по тому же принципу, что и анти-акселерагоры. Реакция, происходящая в физическом теле, когда преодолевается сила его инерции, была признана исследователями молекулярным процессом, который, однако, не является свойством структуры вещества. Анти-акселерация слегка изменяла орбиты электронов. Это, в свою очередь, создавало молекулярное напряжение, вызывая небольшую, но всеобъемлющую перестройку. Измененная таким образом материя вела себя так, как если бы она была свободна от естественных процессов ускорения или торможения. Корабль, подвергнутый действию анти-акселерации, мог моментально останавливаться во время полета, даже если его скорость достигала миллионов миль в секунду.

Люди, ведущие нападение на отдел Гросвенфа, погрузили свои устройства на узкие металлические платформы, взобрались на них сами и настроили приборы на создание поля нужной напряженности. Потом, используя магнитное тяготение, они двинулись вперед по направлению к открытой двери, находящейся в двухстах футах.

Они приблизились на пятьдесят футов, потом их движение замедлилось и совсем прекратилось. Они попятились назад и вновь остановились.

Гросвенф отошел от своих приборов и сел возле ничего не понимающего Мак-Кена.

— Что вы делаете? — поинтересовался геолог.

— Как видите, они используют передвижение с помощью направленных магнитов. Я создал отталкивающее поле, которое само по себе не новость в науке. Но этот его вариант основан на температурном процессе, родственном тому, с помощью которого поддерживается постоянная температура нашего тела, или тому, который действует при физическом нагревании. Теперь им придется прибегнуть к реактивному движению, банальному винту или даже, — он весело рассмеялся, — к веслам.

Мак-Кен, взгляд которого был прикован к экрану, мрачно возразил:

— Похоже, что они не беспокоятся. Они собираются усилить мощность нагревателя. По-моему, нам следует закрыть дверь.

— Подождите!

— Но жар хлынет сюда, и мы сгорим, — не успокаивался Мак-Кен.

Гросвенф отрицательно покачал головой.

— Я еще не сказал вам главного. Вот эти металлические конструкции предназначены для поглощения тепла. Получая новые порции энергии, они будут стараться удержать температуру на более низком уровне. Вот, смотрите.

Передвижной нагреватель покрылся чем-то белым.

— Иней… — хрипло произнес Мак-Кен.

На их глазах стены и полы коридоров покрылись льдом. Отблески огня играли на их гладкой поверхности, в дверь пахнуло холодом.

— Температура… — ошеломленно пробормотал Мак-Кен, — более низкий уровень…

Гросвенф поднялся.

— Полагаю, что им пора возвращаться. В конце концов, я не желаю, чтобы с ними что-то случилось.

Он подошел к стоящему у одной из стен аудитории аппарату и сел на стул перед комнатной панелью управления. На ней были небольшие разноцветные кнопки — по двадцать пять кнопок в каждом из двадцати пяти рядов.

Мак-Кен подошел ближе и склонился над прибором.

— Что это? Не помню, чтобы мне приходилось видеть такой раньше.

Быстрыми, неуловимыми движениями Гросвенф нажал на семь кнопок, потом повернул главный рубильник. Послышался чистый мелодичный звук. Некоторое время он дрожал в воздухе, потом замер.

Гросвенф поднял голову и спросил:

— Какие ассоциации вызвал у вас этот звук?

На лице Мак-Кена застыло странное выражение.

— Сначала я представил себе, что это играющий в церкви орган. Потом вдруг все изменилось, и вот уже я нахожусь на политическом митинге, где кандидат использует быструю, стимулирующую музыку с тем, чтобы сделать всех счастливее, — он умолк, затем тихо добавил: — Так вот как вы собираетесь победить на выборах!

— Это один из методов.

Лицо Мак-Кена выдавало его волнение.

— Боже, какая же сила в ваших руках!

— На меня это не действует.

— Но вы владеете контролем. Вы в состоянии контролировать всю человеческую расу?

— Младенец получает контроль, когда учится ходить, двигать руками, разговаривать. Почему же не распространить контроль на гипнотизм, химические реакции, пищеварение? Это было

возможным сотни лет назад. Это предохранило бы нас от множества болезней, сердечной боли, тех катастроф, которые возникают из-за непонимания собственного тела и разума.

Мак-Кен повернулся к аппарату в форме веретена.

— Как он работает?

— Это набор кристаллов, подсоединенный к электрической цепи. Вы знаете, что электрический ток может изменять структуру некоторых кристаллов? При возникновении тех или иных изменений создается ультразвуковая вибрация, проникающая через органы слуха в мозг и стимулирующая его. Я могу играть на этом приборе, как музыкант играет на своем инструменте, создавая определенный эмоциальный настрой, слишком сильный для того, чтобы лицо, не получившее специальной подготовки, могло ему сопротивляться.

Мак-Кен повернулся к креслу и сел. Он был бледен.

— Вы меня напугали, — тихо сказал он. — Все это кажется мне недостаточно этичным, и я ничего не могу с этим поделать.

Гросвенф некоторое время смотрел на него, затем наклонился и что-то изменил в приборе,

нажав на кнопку. На этот раз звук был печальным и нежным. В нем была какая-то пресыщенность, как будто бесконечная вибрация продолжала волновать воздух вокруг них, когда сам звук давно исчез.

— А что на этот раз? — спросил Эллиот.

— Я думал о своей матери. Мне вдруг страшно захотелось домой. Я захотел…

— Это опасно, — нахмурился Гросвенф. — Если я усилю это внушение, некоторые из людей могут вернуться к первоначальной позиции. — Он еще раз что-то перенастроил. — А если так?

Он вновь нажал на кнопку пуска. Раздался звук, похожий на колокольный звон, и эхо отозвалось ему нежным, ласковым звоном.

— Я был ребенком, — сказал Мак-Кен, — и ложился спать. Да, но я не хочу спать. — Он не заметил, что перешел в разговоре на настоящее время. Затем он непроизвольно зевнул.

Гросвенф открыл ящик стола и достал два резиновых шлема, один из которых он протянул геологу.

— Наденьте на всякий случай.

Другой шлем он надел на свою голову, пока его компаньон с видимой неохотой пролез в шлем, царапая уши.

— Макиавелли из меня не получится, — заметил Мак-Кен. — Я полагаю, вы попытаетесь доказать мне, что бессмысленные звуки использовались и раньше, чтобы разбудить эмоции и повлиять на психику людей.

Гросвенф в это время занимался прибором и ответил не сразу. Откинувшись на спинку кресла после окончания настройки аппарата, он заговорил со своей обычной прямотой:

— Люди считают нечто этичным или неэтичным в зависимости от ассоциаций, возникающих в данный момент в их сознании или рассматривая проблему в перспективе. Это вовсе не означает, что ни одна из этических систем сама по себе не имеет ценности. По-моему, этическим мерилом может быть то, что приносит пользу подавляющему большинству, при условии, что это не сопряжено с унижением или с ограничениями прав тех индивидов, которые не смогли к нему приспособиться. Общество должно учиться спасению больных или невежественных, — теперь в его голосе звучала настойчивость. — Заметьте, пожалуйста, что никогда ранее я не использовал этого изобретения. Я никогда не использовал гипноз, не считая того случая, когда Кент захватил мой отдел, но сейчас я намерен его использовать.

Со времени старта я мог бы заманивать сюда людей, стимулируя их различными способами. Почему я этого не делал? Потому что деятельность «Некзиального общества» базируется на своде этических норм, обязательных и для его членов, и для его учеников, и эти нормы тоже входят в мою систему. Я могу обойти их только с огромными сложностями.

— Вы и сейчас их обходите?

— Нет.

— Тогда все это слишком неопределенно.

— Совершенно верно. Но сейчас, как никогда, я твердо убежден в том, что мои действия справедливы, и никаких спорных или эмоциальных проблем не возникает, — так как Мак-Кен молчал, то Гросвенф продолжил: — Думаю, вы создали в своем воображении образ диктатора, силой устанавливающего демократию, — мой образ. Но вы заблуждаетесь, потому что управление летящим кораблем можно осуществлять только квази-демократическими методами. И самой большой трудностью является то, что в конце путешествия я должен приниматься в расчет.

— В этом вы правы, — вздохнул Мак-Кен и посмотрел на экран.

Гросвенф проследил направление его взгляда

и увидел, что люди в скафандрах пытаются идти вперед, отталкиваясь от стены. Их руки энергично упираются в стену, но они испытывают какое-то сопротивление, сводящее на нет результаты их усилий.

— Что вы теперь собираетесь делать? — снова заговорил геолог.

— Собираюсь заставить их спать… вот так, — он чуть-чуть тронул рубильник.

Раздался негромкий звук, и люди, находившиеся в коридоре, повалились на пол.

Гросвенф встал.

— Звук будет повторяться через каждые десять минут, а резонаторы, расставленные мной по кораблю, подхватят и передадут сигнал. Идемте.

— Куда?

— Я хочу установить рубильник главной электроосветительной системы корабля.

Он установил рубильник в кинозале и через минуту вышел в коридор. Повсюду на их пути попадались спящие люди. Вначале Мак-Кен громко удивлялся, потом замолчал.

— До чего же трудно себе представить, что люди так беспомощны! — печально сказал он.

— Дело обстоит хуже, чем вы думаете, — заметил Эллиот.

Теперь они находились в аппаратной. Он поднялся на нижний ярус электрической системы управления. На установку рубильника ему понадобилось меньше десяти минут. Потом он молча сошел вниз, не объяснив Мак-Кену, что сделал и что собирается сделать.

— Ничего им не говорите, — сказал он Мак-Кену. — Если они узнают, мне придется спускаться вниз и составлять новый вариант.

— Вы собираетесь их разбудить?

— Да, как только вернусь к себе. Но вначале я бы хотел, чтобы вы помогли мне перевезти Ван Гроссена и остальных в их спальни. Я хочу вызвать у него чувство раскаяния в своих действиях, но не знаю, что из этого выйдет.

— Вы думаете, они сдадутся?

— Нет.

— Вы уверены в этом?

— Уверен.

Его утверждение оказалось верным. Тогда в десять часов следующего дня он повернул у себя в отделе рубильник, изменивший направление тока, проходящего через установленный им в цепи выключатель.

Постоянно горящие лампы по всему кораблю замерцали слабым светом — некзиальный

вариант гипнотических изображений Рииm. И мгновенно, даже не догадавшись об этом, все люди на борту корабля были подвергнуты сильному гипнозу.

Гросвенф начал игру на своем, выявляющем эмоции, аппарате. Он сконцентрировался на мыслях о смелости и самоотверженности, о долге перед своей расой перед лицом опасности. Он развил даже комплексный эмоциальный прием, который должен был стимулировать такое ощущение, что, по сравнению с прошлым, время бежит с двойной и даже с тройной быстротой.

Подготовив таким образом почву, он привел в действие «Центральный вызов» коммуникатора корабля и отдал соответствующие команды. Он передал главные инструкции и сказал, что отныне каждый человек будет мгновенно отзываться на пароль, не зная сознательно, из каких слов он состоит или вспоминая их после произнесения.

Потом он заставил их забыть о самом факте гипноза. Он спустился в аппаратную и снял поставленный им выключатель. Вернувшись в свой отдел, он разбудил всех и вызвал по коммуникатору Кента, которому сказал:

— Я отказываюсь от своего ультиматума и готов

сдаться. Я неожиданно понял, что не могу противопоставлять себя всей экспедиции. Я бы хотел, чтобы было созвано другое совещание, на котором я буду присутствовать лично. Естественно, я буду настаивать на том, что неизбежно, — нам предстоит вынести жесточайшую войну с неизвестной дотоле формой жизни в этой галактике.

Гросвенф не был удивлен, когда правление корабля, странно изменившееся в своих взглядах, согласилось после обсуждения, что опасность налицо и меры против нее неизбежны.

Исполняющий обязанности директора Кент отдал распоряжение о безжалостном наступлении на врага, не считаясь с нуждами членов экспедиции.

Гросвенф, не вмешивающийся в индивидуальное поведение каждой личности, весело посмеивался, наблюдая с какой неохотой согласился Кент на принятие этих мер.

Великая битва между человеком и чуждым ему разумом вот-вот должна была начаться.

ГЛАВА 7

Анабис существовало в состоянии бесформенной массы, растянутой на огромное пространство в галактике. Оно слегка колебалось, слабо взаимодействуя биллионами частиц своего тела, автоматически сокращаясь там, где на него действовала разрушающая жара и радиация одного из двухсот биллионов пылающих солнц. Оно притягивалось к мириадам планет и в лихорадочной ненасытной алчности сжималось вокруг квадрилионов миль, где умирали трепещущие существа, давая ему жизнь.

Но этого не было достаточно. Твердая уверенность в надвигающемся голоде просочилась в самые отдаленные уголки его тела. Все бесконечно малые клетки его тела посылали сигналы как с близких, так и с далеких расстояний, сигналы о недостатке еды. Его клеткам давно уже приходилось довольствоваться все меньшим и меньшим…

Анабис медленно приходило к мысли о том, что оно слишком велико или слишком ничтожно. Бесконтрольный рост в ранние времена был его роковой ошибкой. В те годы будущее казалось ему

беспредельным. Галактическое пространство, где оно развивалось, выглядело бесконечным.

И Анабис росло — безудержно, весело, как может расти безоглядное в своем эгоизме низшее существо, которому судьба вдруг подарила редчайшую возможность жить.

Оно было низшим по рождению. Когда-то оно было лишь газом, возникшим в туманно-болотистом скоплении частиц. Оно не имело ни запаха, ни вкуса, но обладало удачной динамической комбинацией. И в нем зародилась жизнь.

Вначале Анабис было просто струей невидимого тумана. Но вот оно уверенно прошло сквозь теплую темную воду, вода размножила его, и, непрестанно извиваясь, раздвигаясь, набирая силу, оно стало бороться за то, чтобы быть, в то время как кто угодно или что угодно должно было умереть.

Ибо смерть других была его жизнью.

Оно не знало, что процесс его зарождения был одним из самых сложных процессов, когда-либо имевших место в естественно-химической жизни. Им руководило удовольствие, а не знание. Оно получало плотоядную радость, когда могло налететь на двух насекомых, жужжащих в жестокой схватке, накрыть их и ждать, дрожа каждой

своей газообразной частицей, пока жизненная сила пораженных перейдет, сопровождаемая ощущением пощипывания, в его собственные иллюзорные элементы.

Потом был длительный период, когда жизнь стала сплошным поиском еды. Его мир ограничивался узким болотом, серым окружением, где оно вело свое удовлетворенное, идиллическое, почти бездумное существование. Но даже в этом мире оно быстро росло, нуждаясь во все большем количестве еды, чем то, какое могли ему дать случайно найденные умирающие насекомые. И в нем начали быстро развиваться те частички знаний, которые можно было применить к условиям этого сырого болота. Оно узнало, какие насекомые охотились, а какие были добычей. Оно изучило часы охоты каждого насекомого, места, где собирались в ожидании крошечные бескрылые монстры — летающие были больше и поймать их было труднее. Они тоже, как открыло Анабис, имели свои привычки в еде. Оно научилось использовать эти привычки. Его питание стало адекватным, потом более чем адекватным… Но оно росло и вновь стало испытывать голод. Нужда дала ему знание того, что жизнь существует и за пределами болота. А однажды,

зайдя дальше, чем когда-либо прежде, оно захватило двух покрытых панцирями гигантских чудовищ, изнуривших друг друга в смертельной борьбе. Оно испытывало сладострастную дрожь и состояние небывалого экстаза, когда в его клетки влилась жизненная сила пораженного чудовища. За несколько часов Анабис выросло в десять раз.

За последующие ночь и день оно окутало весь влажный мир джунглей. Затем обволокло каждый уголок на своей планете и потянулось туда, где летучие облака вечно закрывали путь чистым солнечным лучам. Лишь позднее, в дни своей умственной силы, оно смогло проанализировать случившееся. Куда бы оно ни проникало во все увеличивающемся размере, оно нуждалось в усвоении некоторых газов из окружавшей атмосферы. Для этого нужны были два фактора: вода и солнечная энергия. До болота, находящегося ниже предела досягаемости ультрафиолетовых лучей, доходило лишь ничтожное количество нужного света. Поэтому оно не могло выжить в пределах одной планеты.

Выбравшись из тумана, оно сразу попало в зону действия ультрафиолета. Начавшийся вслед за этим этап динамического развития не мог быть остановлен эрами. Поднявшись над облаками,

оно вышло в космос и на второй день достигло ближайшей планеты. В короткое время оно протянулось за пределы границ своей системы и автоматически потянулось к другим солнечным системам. Но здесь оно было побеждено расстоянием, которому, казалось, не было никакого дела до его тонкого, ищущего вещества.

Добывая еду, оно приобретало знания, и в ранний период оно верило в то, что мысли являются его собственностью. Постепенно оно узнало, что электрическая нервная система растет от каждой сцены смерти, привнесенной в его сознание как побеждающими, так и умирающими животными. Когда это было осознано, Анабис начало постигать хитрости плотоядных хищников и опыт увертливости их жертв. Но здесь, на других планетах, оно вступило в контакт с совершенно иной формой ума: с существами, которые могли думать, с цивилизацией, наукой. Оно узнало от них, между прочим, что сконцентрировав свои элементы, оно может делать дыры в космосе, проходить сквозь них и выныривать в отдаленной точке. Анабис научилось переносить таким образом вещество. Оно начало джунглинизировать планеты, потому что примитивные миры давали больше жизненной силы. Оно переносило

через гиперпространство огромные части других джунглинизированных миров. Оно перемещало холодные планеты поближе к солнцам.

Но и этого было недостаточно!

Дни его власти, казалось, были мгновением. Раскармливаясь, оно быстро росло. Несмотря на свой гигантский ум, оно никогда не умело сбалансировать этот процесс. Оно с ужасом предвидело, что через короткое время его ждет гибель.

Приближение корабля вселило надежду. Растянувшись в одном направлении предельно тонкой пленкой, оно будет преследовать корабль, куда бы он ни летел. Начинается отчаянная борьба за то, чтобы уцелеть, прыгая от галактики к галактике и все более углубляясь в эту огромную ночь. Все эти годы в нем росла надежда на то, что оно сможет джунглизировать все новые и новые планеты и что пространству нет конца…

Для людей чернота ночи не имела значения. «Космическая Гончая» трудилась над огромной долиной, насыщенной металлом. Каждый иллюминатор сиял светом. Огромные прожектора добавляли света рядам машин, буравившим огромные дыры в этом мире металла. Сначала железо скармливалось простым машинам, потом переработанный металл превращался производ-

ственными машинами в космические торпеды, которые тут же посылались в пространство.

Но на заре следующего утра сама производственная машина сделалась промышленной, производящей секции производственных, и добавочные роботы начали загружать материалом каждую новую секцию. Вскоре сотни, а потом и тысячи машин производили темные тонкие торпеды. И во все больших количествах они устремлялись в окружающее пространство, насыщая радиоактивной энергией каждый дюйм субстанции. Теперь эти торпеды будут излучать свою губительную энергию в течение тридцати тысяч лет. Они были предназначены для того, чтобы оставаться внутри гравитационного поля галактики, но никогда не падать на планету или солнце.

Когда горизонт окрасился слабым светом второго утра, инженер Пеннос сообщил по «Главному вызову»:

— Теперь мы производим по десять тысяч штук в секунду, и я думаю, мы можем вполне оставить окончание работ на машины. Я установил вокруг планеты частичный экран. Еще сотня железных миров надежно блокирована, и наш громоздкий друг столкнется с пустотой в самых обжитых

местах. А нам пора в путь.

По прошествии месяца они решили, что могут направиться к туманности НГС-GO:467.

Астроном Гюнли Лестер объяснил всем причину такого выбора.

— Именно эта галактика, — спокойно произнес он, — отстоит отсюда на девятьсот миллионов световых лет. Если газообразный разум последует за нами, он потеряет свое удивительное «я» в ночи, которой буквально нет конца.

После него слово взял Гросвенф.

— Все мы понимаем, что наш корабль вовсе не собирается достичь этой отдаленной звездной системы. Такое путешествие заняло бы у нас столетия, а возможно, и тысячелетия. Все что мы хотим — это завести враждебную форму жизни туда, где она умрет с голоду и откуда нет возврата. Мы сможем определить, преследует она нас или нет, по бормотанию ее мыслей. Мы сразу же узнаем, что она мертва, когда бормотание прекратится.

Именно так и случилось.

Шло время. Гросвенф вошел в аудиторию и обнаружил, что его класс вновь пополнился. Были заняты все стулья, и из соседнего отдела были принесены еще несколько. Немного помолчав,

он начал вечернюю лекцию.

— Проблемы, перед лицом которых стоит некзиализм, являются всеобщими проблемами. Человек разделил жизнь и материю на различные отрасли знания и бытия. И даже если он использует иногда слова, которые указывают на его понимание цельности природы, он все же продолжает вести себя так, как будто тот, кто изменяет Вселенную, имеет множество различных функционирующих сторон. Технические приемы, которые мы будем сегодня обсуждать…

Он замолчал. Окинув взглядом аудиторию, Гросвенф сосредоточил внимание на одном знакомом лице, мелькнувшем в самом дальнем углу комнаты. После секундного замешательства Гросвенф продолжал:

— …заключаются в том, как можно преодолеть это несоответствие между поведением человека и объективной действительностью.

Он продолжал подробно и доходчиво описывать технические приемы, а в глубине помещения Грегори Кент делал первые заметки по некзиализму.

«Космическая Гончая», неся в себе маленький островок человеческой цивилизации, со все увеличивающейся скоростью неслась сквозь ночь, у

которой нет конца и начала… Конца и начала…

Альфред Элтон Ван Вогт
Есть упоение в бою

* * *

Когда докладчик закончил выступление, изложив свой взгляд на историю человечества, и предложил задавать вопросы, на лице Модиуна заиграла довольно-таки саркастическая усмешка.

Но присутствующие действительно задали несколько вопросов, совершенно, с его точки зрения, идиотских, явно свидетельствующих о том, что люди не понимают, для чего им нужна подобного рода информация. Нарочитая небрежность, с которой он тоже задал вопрос, привлекла всеобщее внимание. А спросил он вот что:

— Сами-то вы уверены, что ваша версия не является простым пересказом древних мифов?

— Полной уверенности нет, но полагаю, что это не так, — последовал осторожный ответ.

— А вот мне нарисованная вами картина жизни наших далеких предков не внушает доверия, — упрямо гнул свое Модиун.

— Сначала так же казалось и нам, — сознался

оратор, — однако ряд имевшихся в нашем распоряжении текстов и кое-какие точно известные детали подтверждают достоверность изложенного.

— Из вашего доклада следует, что наши предки дрались, как дикие звери, а отсюда получается, что им приходилось проявлять большую физическую активность.

— Совершенно верно. Мы тоже пришли к такому выводу.

— Но тогда выходит, что они, как животные, передвигались самостоятельно на собственных конечностях и не нуждались ни в каких искусственных средствах передвижения?

— Вы правы, — подтвердил докладчик.

Скепсис Модиуна ещё более возрос.

— А я-то предполагал, что мне это пригрезилось.

Несколько присутствующих улыбнулись.

— Ну что ж! Могу себе представить, как происходило у них зачатие и рождение!

— Вы правильно думаете. Сначала совершался процесс совокупления, во время которого происходило оплодотворение самки, а затем, по прошествии соответствующего срока, наступали роды.

Аудитория дружно вздрогнула, представив себе все эти процессы.

— Отвратительно, — пробормотала какая-то женщина.

— Боюсь, что с этим трудно согласиться, — заявил один из мужчин. — После этого вы ещё станете утверждать, что они сами поглощали и переваривали пищу…

— Вы угадали, — подтвердил докладчик. — Твердые продукты через ротовое отверстие поступали в кишечный тракт, где и происходило пищеварение, а оттуда отходы выбрасывались наружу.

Было задано ещё несколько вопросов, но интерес аудитории пошел на убыль. Докладчик Дода это явственно почувствовал через все ещё открытые мыслеканалы, с помощью которых он поддерживал связь с присутствующими. Ощущая, что Модиун ещё поддерживает четкую связь с ним, Дода направил ему следующую мысль:

«Мне кажется, что по ряду причин наши открытия интересуют вас больше, чем других…»

Модиуна это позабавило.

— Скажу вам, что мое тело имеет в длину два фута, а голова — в диаметре четырнадцать дюймов. Зачем же мне интересоваться людьми

прошлого с их двумястами фунтами мяса и костей, а также способностью прямо нести голову, поддерживаемую позвоночником и мышцами. К тому же у меня создается впечатление, что вопрос sbekhwemh размеров моего тела интересует вас с чисто научной точки зрения.

— Наши предки достигали примерно шести футов.

— Может быть, но вы ведь утверждали, что их головы были значительно меньше, чем наши.

— Все это так, — заметил Дода, — но, возможно, вас заинтересует опыт, если его провести вместе с женщиной, которая тоже согласится вырасти?

Модиун тут же ощетинился, и тон его стал язвительно— недоверчивым.

— Такое вряд ли когда-либо произойдет. Боюсь, что наши женщины слишком рафинированы, чтобы согласиться…

Он помолчал немного, затем насмешливо продолжил:

— А почему бы вам не произвести подобный опыт над собой?

— Это невозможно по той причине, что я должен лично осуществить эксперимент. Для увеличения тела в длину нужен по крайней мере год, потом ещё пара лет для наблюдений и, нако-

нец, год для того, чтобы вернуться в человеческое состояние. Должен же кто-то контролировать.

Между тем Модиун продолжал насмехаться:

— Итак, получается четыре года! Это здорово! Теперь, если мне понадобится доказать, что я совсем лишился рассудка, обязательно обращусь к вам, воспользовавшись вашим предложением.

— Не стоит отказываться с ходу, — возразил Дода. — Вспомните— ка лучше, что именно вы некогда заявили о необходимости выбраться за барьер времени и посмотреть на происходящее в остальной части мира…

— Я просто шутил, — сухо заметил Модиун.

— Тем не менее вы это говорили… И даже… думали об этом…

Действительно, так оно и было.

«Это лишь доказывает, — уныло подумал Модиун, — что всегда кто-то, подслушав твои мысли, потом использует их в своих интересах…»

Вне всякого сомнения, Дода заранее выбрал его для того, чтобы предложить провести эксперимент, о чем свидетельствует его последнее замечание, касающееся барьера времени. Однако… во всем этом есть некое… рациональное зерно, которое не стоит игнорировать.

Посуровев, он заявил:

— Полагаю, что тщательное изучение архивов и методов использования старинной техники обучения, от которых мы ныне отказались, позволили бы подвести под все это солидную основу. Тот, кто собирается выбраться наружу, должен будет провести подобного рода исследования.

Дода скромно молчал, а Модиун между тем продолжал:

— Полагаю, что этот этап мог бы представить определенный интерес в целом.

Закончив таким образом разговор, он вызвал своих помощников— насекомых, которые унесли его домой.

* * *

Спустя три дня Модиун медленно плавал в своем персональном залитом солнцем бассейне. Именно здесь вода, воздух и солнце, впитываясь через поры в тело, давали ту самую энергию, которая являлась залогом вечного здоровья и жизнеспособности.

Вечного! А точнее, почти вечного. Он относился к третьему поколению людей, выращенных в пробирках за барьером. Каждое из двух предшествующих прожило около полутора тысяч лет.

Он плавал и плавал, любуясь своим телом. Что

за благородная и opejp`qm` голова, какое нежное обтекаемой формы тело! Небольших размеров руки так плотно прижаты к бокам, что стали совершенно незаметными.

Анализируя свои внутренние ощущения, он замечал, что стал длиннее почти на полдюйма. Осознать это его чувствительному и восприимчивому к любым изменениям мозгу было совсем не сложно.

Дода говорил, что трансформация станет сопровождаться некоторыми болезненными ощущениями, но их будет легко перенести благодаря инъекциям, которые проведет ученый-насекомое согласно полученным инструкциям. Это насекомое зовут Экет, а снимающие боль препараты он позже будет вводить в тело с помощью трубочек-зондов.

Конечно, добавил Дода, все это продолжится до тех пор, пока Модиун не достигнет стадии, когда сможет самостоятельно поглощать твердую пищу.

Модиун отмел все опасения экспериментатора. Ведь он сам решился на опыт, правда, после того, как узнал, что подобному воздействию подвергнется женщина по имени Судлил, согласившаяся увеличить размеры своего тела и стать подругой

особи мужского пола…

Следует заметить, что её заявление вызвало значительный интерес и у других мужчин, поскольку Судлил была очень женственна и потому желанна в любом бассейне.

Однако Дода отмел всякую возможность какого-либо соревнования в этом вопросе, объявив, по договоренности с Модиуном, что выбор партнера уже сделан. Судлил тоже заявила, что согласна с кандидатурой Модиуна. Теперь она росла, но с отставанием от него на месяц.

Так эти долгие месяцы и тянулись один за другим…

И вот наступил долгожданный момент. Сам Экет переправил Модиуна на зеленую лужайку, неподалеку от скрытого кустарником шоссе.

До Модиуна доносился лишь шелест шин по асфальту. Но даже это заставило его поначалу вздрогнуть. Пришлось совершить над собой усилие, чтобы не вскочить и не броситься к шоссе. Такова была реакция его нового тела. Он вынужден был сознательно подавлять возбуждение в мышцах, следя за тем, как удаляется Экет, направляющийся в противоположную сторону, к горным отрогам. Ученый— насекомое шел неторопливо и вскоре скрылся.

Модиун же двинулся по склону насыпи к дороге, продолжая сдерживать активность своих движений и все ещё удивляясь происходящим в нем внутренним процессам. Пройдя сквозь кусты, он как-то неожиданно очутился на обочине шоссе.

Когда-то давным-давно его, охваченного любопытством, сюда привозило насекомое-носильщик. Тогда он некоторое время следил за проносящимися мимо с безумной скоростью машинами. Почти все они были битком набиты пассажирами — разного рода животными. По мере того как он приглядывался к ним, его все больше поражало невообразимое разнообразие этих существ. Потом он вспомнил, что за тысячи прошедших лет эти животные очеловечились и теперь разумно жили в созданном для них людьми механическом мире.

— Куда это они все едут? — спросил он у своего проводника— носильщика, огромного богомола, с рождения приспособленного для продвижения по горной пересеченной местности.

Готового ответа у богомола не было, и он уклончиво предложил:

— А почему бы вам, сэр, не остановить несколько повозок и не расспросить пассажиров?

Тогда Модиун не последовал этому совету. Затея показалась ему совершенно пустой и никчемной, однако теперь, наблюдая за машинами, он сожалел об упущенной возможности.

Нет уж, сейчас он не упустит подобного шанса.

Его крупное тело разогрелось от ходьбы благодаря работе мышц. Куда бы он ни поворачивался и ни смотрел, все рождало в его теле возбуждение. Тело хотело прыгать, кружиться, махать руками и даже гримасничать.

Однако и скорости же здесь! Автомашины, идущие без конца и края… Их шум и внешний вид действовали на его слуховые и зрительные центры, побуждая тело к движению. Это несколько мешало мозгу контролировать окружающее. Модиун напрягся, попробовал сдержать сокращение мышц, контролировать себя… И когда это ему наконец удалось, внутренняя дрожь прекратилась.

Успокоившись, он даже сделал отрицательный знак, показывая направляющейся к нему пустой машине, что не нуждается в ней, но потом передумал и призывно махнул другой, в которой уже находилось четверо животных, но ещё оставались свободные места.

Машина резко затормозила, а он бросился к ней и уселся на свободное сиденье. Модиуна даже

самого удивило, насколько он все это быстро проделал, хотя физическое усилие вызвало резкое сердцебиение и несколько учащенное дыхание. Внутри его организма продолжались бурные химические реакции и изменения. Он попытался было их проанализировать, но отказался из-за многочисленности.

Все казалось ему интересным и поражало новизной.

«Вероятно, это реакция на действие препаратов, которые последнее время мне давал Дода, — подумал он. — Какое-то время они меня расслабляли и успокаивали, вызывая чувство благополучия и довольства».

Тут он вдруг понял, что другие пассажиры с любопытством его разглядывают, и все посторонние мысли как-то сразу отошли на второй план.

— Ты кто? — спросило его существо мужского пола явно кошачьей породы. — Что-то не припомню, чтобы видел таких…

По мнению Модиуна, этот любопытный тип чем-то напоминал ягуара из Южной Америки.

Модиун уже было собрался ответить, что он человек, как вдруг до него дошла с некоторым запозданием важность вопроса. Выходило так, что человек, хозяин планеты… являлся для них…

неизвестным существом!

«Да, — тут же подумал он, — мы ведем слишком замкнутый образ жизни, общаемся лишь со своими помощниками — насекомыми и некоторыми домашними животными, находящимися с нами по ту сторону барьера, а к этим не проявляем никакого интереса».

Однако это была только одна сторона проблемы. Другая была в том, что этот мир перестал ощущать и сознавать существование человечества. А ведь это-то вовсе не было заложено в их первоначальную программу.

Когда это дошло до Модиуна, ему как-то расхотелось говорить правду о себе. И пока он раздумывал о том, как выйти из создавшегося положения, стройное существо восьми футов длиной, в котором тем не менее четко угадывался бегемот, безапелляционно заявило:

— Да это же обезьяна! Таких в Африке полным-полно…

Другое существо, рядом с которым сидел Модиун, чем-то внешне напоминающее лису, возразило:

— А вот и нет. Мне доводилось видеть целую кучу обезьян. Сходство, конечно, имеется, но это не то же самое…

— Ради бога не спорьте, — провозгласил человек-бегемот. — Ведь обезьян существует великое множество. Их породы часто не походят одна на другую…

Казалось, что это замечание решило спор. Человек-лиса погладил подбородок и смолк.

«Ну что ж, — решил Модиун, — обезьяна так обезьяна. А почему а{, собственно говоря, и нет?»

Итак, на какое-то время его посчитали обезьяной. Недостаток программирования не позволил людям-животным признать в нем человека. Этим, пожалуй, стоило поинтересоваться поближе. Разобравшись в причинах подобного положения, можно бы было впоследствии, вернувшись за барьер, сделать на эту тему интереснейший доклад.

Таким образом, смирившись с ролью обезьяны, Модиун стал подыгрывать своим спутникам и завел дружескую беседу с человеком— бегемотом, ягуаром и лисой, а также с таинственным симпатичным существом, которое, по его собственным словам, оказалось человеком— медведем.

Все они имели рост семь-восемь футов, а тела после трансформации были получеловеческими. Каждый располагал парой хорошо развитых передних конечностей, являющихся настоящими

руками, сидел, прямо держа спину, и мог ходить только вертикально.

По правде говоря, поездка с ними представляла даже определенный интерес, и Модиун, откинувшись на спинку сиденья, спокойно рассматривал проносившийся мимо пейзаж, прислушиваясь, как внутри него кипят какие-то новые, неизвестные силы.

Может быть, он перевозбудился? Нет, непохоже. Так что эту мысль он отбросил. Анализируя реакции своего тела, он пришел к заключению, что люди в давние-давние времена просто слабо себе представляли, что такого рода реакции возбуждения могут происходить в результате химической или физической стимуляции.

Тут Модиун вспомнил, что, когда он впервые увидел проносящиеся мимо машины с пассажирами, носильщик-богомол посоветовал ему узнать, куда они направляются. Вспомнив это, он тут же обратился к едущим с ним пассажирам:

— Куда же вы едете? — Он подавил в себе желание добавить: «так быстро».

А машина действительно неслась на огромной скорости, явно превышающей ту, на которую она была рассчитана первоначально. Очевидно, компьютеры, этим управляющие, внесли в скорость

движения свои коррективы.

Но ведь сами по себе они не могли этого сделать? Выходит, кто— то вложил в компьютеры новую программу? Опять загадка.

Между тем четверо путешественников рассказали, что они только что прошли обучение в школе космического тренинга, а теперь возвращаются в город Халли, где и будут дожидаться запуска космического корабля. Модиун понял, что все они познакомились и подружились в этой школе и теперь отношения между ними были достаточно близкими. Удовлетворив свое любопытство относительно породы Модиуна, они скоро забыли о нем, и это вполне его устраивало.

Он был далек от того, что волновало их, и отвлекся, погрузившись в свои собственные мысли, когда четверка стала обсуждать вопросы последних тренировок и скорого полета в космос.

Опомнился, когда машина, не снижая скорости, уже въезжала в город. Зданий становилось все больше и больше. Одни были воздвигнуты у подножия холмов, другие смутно виднелись за протекающей в отдалении речкой. Все строения ярко блестели под послеполуденным солнцем.

Модиун снова почувствовал, как в нем нарастает внутреннее возбуждение. Он, конечно,

понимал, что речь в данном случае идет только о теле, а вовсе не о мозге… Однако приходилось постоянно следить за своим физическим состоянием.

«Наверное, это и есть тот самый город Халли, — подумал он. — Наконец-то я добрался сюда, и буду первым человеком, надолго вышедшим за барьер за последние три с половиной тысячи лет».

Событие это представлялось ему довольно значительным.

* * *

— И куда же вы теперь? — спросил один из людей-животных.

Прошла по крайней мере целая минута, пока Модиун понял, что человек-медведь обращается к нему. Тогда он объяснил, что пока ещё не знает.

— Я ведь здесь новичок, — медленно начал он свое многословное объяснение. — Только недавно прибыл из Африки. Так что был бы, пожалуй, благодарен вам, если бы вы мне посоветовали, куда лучше направиться.

Они совершенно серьезно принялись обсуждать эту проблему и даже как-то перестали обращать внимание на него самого. Наконец человек-лиса проговорил, как бы удивляясь, что

подобная мысль сразу не пришла им в голову:

— А почему бы нам не взять его с собой?

На том и порешили.

— Мы все ему покажем и объясним, — заявил человек-бегемот. — Да и самим будет любопытно посмотреть, какие женщины ему понравятся.

Модиун тут же вспомнил о Судлил.

— Видите ли, сюда прибудет моя женщина, так что с этим — никаких проблем.

— Вот и чудненько, — проговорил человек-ягуар. — Заодно и полюбопытствуем, как занимаются любовью люди-обезьяны…

Наверное, при этих словах у Модиуна вытянулось лицо и округлились глаза, поскольку его тут же вежливо спросили:

— Вы ведь не будете возражать?

Сам-то Модиун не видел причины, почему бы он стал возражать, но интуитивно чувствовал, что это вряд ли понравилось бы Судлил.

Как раз перед его отбытием за барьер они вместе с нею наблюдали за спариванием животных. Судлил к тому времени, конечно, ещё не совсем выросла, и её реакция являлась следствием болезненного состояния тела, но все же она как-то странно ко всему этому отнеслась.

Поэтому, улыбнувшись своим воспоминаниям,

Модиун спокойно разъяснил, что обезьяны-самки иногда возражают, когда за ними ведется наблюдение в подобные, с их точки зрения, неподходящие моменты.

Люди-животные посмотрели на него сначала с некоторым удивлением, а потом даже презрением. Человек-ягуар сочувственно сказал:

— Боже мой! Неужели вы позволяете своим самкам указывать, что и когда делать? Командовать вами?

Потом он бросил хитрый взгляд на своих спутников:

— Полагаю, нам придется объяснить этому парню, что такое настоящий самец.

От избытка чувства превосходства человек-ягуар даже похлопал Модиуна по плечу: держись, мол, парень, мы тебе поможем в столь незамысловатом деле! Затем он проговорил:

— Не ломай себе над этим голову. Держись с нами, и все будет в порядке.

После этого все четверо представились: человека-ягуара звали Доолдн, медведя — Роозб, лису — Нэррл, а бегемота — Айчдохз.

Назвав свои имена, люди-звери ждали, когда же он представится, а Модиун колебался. Он вспомнил происхождение и значение этих имен.

Для учета и идентификации животных люди установили следующее количество букв в именах: пять — для Северной Америки, шесть — для ^fmni, семь — для Африки и так далее. Кроме того, в компьютеры, которые составляли имена, была заложена программа — не давать имен, состоящих из одной и той же буквы. Таким образом, не существовало животных с именами Аааaа или Бббббб… Однако во всем остальном была полная свобода. Так что можно сказать, в этой лотерее имен ему повезло, учитывая, что имена его спутников были вполне произносимы.

Модиуна в данный момент беспокоило, что сами люди используют несколько иную систему при выборе имени, и те, кто знает специальную формулу, сразу же определят, что он человек.

Тем не менее колебался он недолго. Добавив букву «н» к своему имени, он сразу превратился в африканское животное с семью буквами, по крайней мере до тех пор, пока с ним не разберется компьютер.

Впрочем, все это, по его мнению, было не столь уж важно, ибо он вовсе не собирался долго числиться в обезьянах.

Имя его ни у кого не вызвало недоумения. Так он и стал Модиунн, по крайней мере на несколько

часов… как он полагал. Или на несколько минут.

Затем человек-ягуар Доолдн сообщил, что они направляются к центру города.

— Ты, конечно, знаешь, как получают жилье. Здесь это точно так же, как во всем мире.

— Да, да. Я знаю, — быстро подтвердил Модиун.

Однако, выбравшись через несколько минут из машины, Модиун подумал, что влип. На самом деле он не знал, как функционирует этот город. И это он, чья раса воздвигла эти самые автоматизированные города!

Когда машина отъехала, ему пришлось сделать над собой некоторое усилие, чтобы понять, что они направляются к движущемуся тротуару. Он напрягся, и в памяти стали всплывать некоторые детали того, с чем он знакомился при подготовке к выходу за барьер. Например, он вспомнил, что вновь прибывшие в город должны размещаться в одном из секторов жилой зоны. Причем для семей предоставляются несколько большие апартаменты, чем для одиночек.

Поездка на движущемся тротуаре была короткой. Человек-ягуар указал на склон холма:

— Ну вот, здесь вся улица свободна. Предлагаю тут и поселиться, а потом отправиться переку-

сить.

Модиун последним сошел с тротуара. Спутники его уже резво поднимались по склону, а он медленно и нерешительно следовал за ними.

Стоило ли дальше вводить их в заблуждение? Это уже становилось несерьезным. Тем не менее он вместе со всеми вскоре оказался перед жилыми строениями. На дверях каждой квартиры имелся ряд кнопок. Модиун медленно набрал свое новое обезьянье имя.

Он стоял и ждал, когда компьютер откроет дверь. Однако компьютер отказался впустить его.

— Ваше имя и ваша личность не идентичны, — прозвучал механический голос.

Казалось, прошла целая вечность. Модиун никак не реагировал на то, что сказала машина. Он испытывал смущение, о котором раньше и не подозревал. Это чувство было новым для него. Странная реакция и мозга и тела.

Трудно было понять, почему возникло это смятение… Наконец он стал приходить в себя. Сначала нужно осмотреться. Перед ним находился обычный отпирающий дверь механизм: ряды кнопок, которые он нажимал, и небольшое треугольное зарешеченное отверстие, откуда

доносился голос компьютера, произносящий какие-то невероятные слова. Справа тянулись ряды квартир, такие же, как та, перед dbep|~ которой он стоял. Впрочем, это были даже как бы и не квартиры, а скорее жилые блоки, расположенные на ступеньках террас. Перед каждой дверью было несколько ступеней, а на самой двери — расположенные в алфавитном порядке кнопки и скрытые за решетками треугольники динамиков.

Все однообразно и стандартно. Впрочем, каким же ещё способом можно обеспечить жильем миллионы существ, заполняющих эти города? Тем более что его предки в общем-то безразлично относились к внутреннему миру людей-животных, как, впрочем, и он сам, и заботились не столько об эстетике, сколько об удобствах.

Для поддержания чистоты жилья были созданы специальные автоматические системы уборки. Поэтому все вокруг было идеально чисто, а пластмассовые стены и хромированные решетки просто-таки сияли. Лестницы вымыты или, точнее, — выскоблены. На тротуаре ни пылинки.

Модиун рассеянно разглядывал детали окружающего его мира, пока до него наконец не дошло то, что его больше всего смущало: он получил

отказ.

За несколько сотен лет его существования подобного никогда не случалось. Его мозг, перед которым никогда не возникало каких-либо неразрешимых проблем и который не имел других нагрузок, кроме философских мыслей о суетности бытия, вдруг оказался перед преградой.

Собственно говоря, преграда-то была не перед мозгом, а перед физическим телом. Осознав это, Модиун понял, что его тело испытывает острейшее раздражение, а поняв это, как-то сразу успокоился. Дух его пришел в нормальное состояние, как бы отделив себя от бренного тела, и он с каким-то даже любопытством спросил у компьютера:

— В чем дело? Мое имя имеет достаточную длину и соответствует коду африканской обезьяны. Почему меня не пускают?

— Личность по имени Модиунн в настоящее время находится в Африке и зарегистрирована по конкретному адресу.

Раздражение Модиуна все возрастало. А тело, так то просто выходило из-под контроля. Ему понадобилось некоторое время, чтобы понять причину охватившего его чувства. Конечно, в былые времена компьютер можно было запро-

граммировать и таким образом, но он хорошо помнил, что этого не было сделано, поскольку детали местонахождения любого существа никого не интересовали, особенно людей. Поэтому он проговорил несколько угрожающим тоном:

— С каких это пор компьютер интересуется тем, где находится то или иное животное?

— Вы ставите под сомнение мое право отказаться открыть вам дверь? — спросил компьютер.

— Я просто сомневаюсь в том, что ты знаешь, где сейчас находится другой Модиунн, — повысил голос человек. — И я хотел бы знать, кто связал тебя с системой в Южной Африке.

На это компьютер ответил, что он связан со всеми аналогичными системами планеты вот уже 3453 года, 11 часов, 27 минут и 10 секунд. Пока он отвечал, Модиун подумал, что никто никогда ранее не программировал машины отвечать на подобные вопросы.

Он уже открыл было рот, чтобы продолжить свой допрос, как вдруг понял, что тело его испытывает болезненные ощущения, которые возникали в нервах и внутренних органах. Ко всему прочему, являясь представителем третьего поколения, он не знал точно, сколько уже времени люди живут за барьером. Тем не менее по

некоторым деталям и сведениям, хранившимся в клетках его мозга, он догадывался, что компьютеры были перепрограммированы через несколько лет после того, как люди ушли за барьер.

Кто же мог это сделать?

Он попытался ещё раз:

— Значит, ты отказываешься открыть мне дверь?

— Я не могу этого сделать. Я — автомат, а вы не отвечаете необходимым требованиям.

Это напомнило Модиуну, что он имеет дело с механизмом довольно-таки ограниченного действия. Одним словом, дело было не в машине, а в том, кто её перепрограммировал.

«Пойду-ка я попробую договориться с кем-либо из людей— животных, чтобы поселиться вместе», — подумал Модиун.

А его спутники тем временем уже скрылись в своих домиках— квартирах.

Модиун вспомнил, что Роозб, человек-медведь, занял квартиру слева от него. Он подошел и постучал в дверь, презрев все звонки и кнопки. Немного подождал. Раздался звук шагов. Открылась дверь, и появился медведь. Он дружески улыбнулся Модиуну.

— Ну-ну, быстро же ты помылся. Входи. Я буду

готов через пару минут.

Модиун вошел, ожидая, что компьютер вот-вот вмешается. Но динамик молчал. На его разговор с Роозбом механизм не реагировал. Вероятно, в данном случае влияло наличие в квартире хозяина.

«Скорее всего, динамик включается при нажатии кнопок», — решил Модиун с облегчением.

Сначала он хотел предложить Роозбу жить вместе в двухкомнатной квартире, а потом решил, что пока такой необходимости нет. Модиун ведь ещё не знал, как он поступит дальше, хотя явно чувствовал, что здесь что-то неладно.

Он понимал, что стереотип животных остался прежним, так что с этой стороны можно было не опасаться каких-либо сюрпризов. Тем более что радушное приглашение медведя давало ему возможность посидеть и спокойно подумать, что же такое здесь происходит.

«Ладно, — решил он про себя. — Поговорю с ним о том, чтобы вместе поселиться, несколько позже».

* * *

Прошло полчаса…

Все пятеро отправились в столовую, располо-

женную неподалеку от жилья. Войдя внутрь, Модиун несколько замешкался. В мозгу мелькнуло: обслужит ли его компьютер? Затем возникла мысль: так ли ему хочется объявить себя здесь человеком?

Поразмыслив, он решил сначала разобраться, кто же в конце концов взял на себя труд перепрограммировать миллион простых машин. Пока же самым важным было то, что не было видно никаких признаков, по крайней мере внешних, изменения системы свободного распределения пищи, существовавшей уже многие тысячи лет.

Машины-автоматы возделывали землю, сеяли и собирали урожай. Для тех, кто раньше питался мясом, автоматы создавали искусственный белок из зерен, фруктов, травы, кустарников и ветвей деревьев. Для травоядных пища готовилась проще, хотя и из тех же самых составляющих. Все растущее на почве использовалось в новой форме для снабжения питанием разумных существ. Ничего не пропадало зря. Получалось своего рода безотходное производство. В то же время все было устроено достаточно сложно… Так что любое постороннее вмешательство могло внести сбой во всю последовательность цепи операций.

Модиун достал еду из приемника, и компьютер

ему не воспрепятствовал.

Заполнив поднос различными блюдами, он направился к столу, за которым уже устроились его спутники. Пока все шло нормально. Видя, что его новые знакомые оживленно болтают, Модиун стал старательно rpsdhr|q над тарелками с пищей. Челюсти его равномерно работали. Хотя он уже питался подобным образом, прежде чем пересечь барьер, процесс подобного принятия пищи был для него достаточно неприятен.

К тому же он помнил, что… через некоторое время предстоят ещё поиски общественного туалета и избавление от отходов пищи в кабине, рядом с которой расположатся другие существа.

«Впрочем, — подумал он, — эта жизнь и представлялась мне именно такой скучной, утомительной и раздражающей. Тем не менее на некоторое время я вынужден буду оставаться пленником своего крупного тела и вести себя соответствующим образом».

Потом он представил своих далеких людей-предков, которых постоянно мучили неизбежные проблемы, а каждое утро начиналось борьбой с окружающей средой, что побуждало их непрерывно и активно действовать. И какие мысли могли возникать у этих существ в подобной об-

становке? Да никаких!

Модиун продолжал с некоторым отвращением пережевывать пищу и размышлять о своем положении, когда по случайно донесшемуся до его слуха слову понял, что четверо друзей все ещё продолжают обсуждать предстоящий полет в космос.

По их словам, кто-то из власть имущих выбрал совершенно неправильное направление полета, и теперь им нужно было каким-то образом воздействовать на это решение, чтобы курс звездолета был изменен.

«Важность… необходимость действовать… жизненное… решающее значение для нашего мира…»

Эти слова касались слуха Модиуна, регистрировались в сознании, и только потом до него доходил их истинный смысл. Наконец, мягко улыбнувшись, он спросил:

— И что же случится, если вы не сможете отстоять свою точку зрения?

Человек-ягуар удивленно посмотрел на него:

— Что случится? Да просто примут другую точку зрения…

— Ну и что же дальше?

— Ничего. Просто наша позиция правильна, а

их — нет.

— Это что-нибудь меняет?

— Да. Экспедиция направится к скоплению желтых звезд, подобных нашему Солнцу. Шанс обнаружить жизнь на планетах у этих звезд значительно меньше, чем на планетах у голубых звезд. Это уже доказано.

Модиун, которому все это было абсолютно неинтересно, тем не менее улыбнулся, услышав подобный ответ, совершенно наивный, с его точки зрения.

— Ну а если, предположим, экспедиция не обнаружит жизни на планетах ни у желтых, ни у голубых звезд? Что тогда?

— Значит, эта экспедиция окажется просто потерей времени.

Его логические построения явно не доходили до их сознания. Действительно, нужно было стать человеком, пройдя промежуточную стадию, когда веришь, что успех — это достижение результата!

Подумав так, Модиун поставил вопрос несколько по-другому:

— Ладно. Тогда скажите, будут ли участники экспедиции испытывать некоторые неудобства во время путешествия?

— Конечно, нет! Космические корабли просто великолепны. Это же настоящие города, летящие в космосе.

— Выходит, на корабле можно есть, пить, развлекаться, иметь связь с лицами противоположного пола, обучаться и заниматься спортом?

— Естественно.

— В таком случае, — торжествующе заявил Модиун, — стоит ли сокрушаться, если экспедиция окажется безрезультатной?

— Если мы не обнаружим разумную жизнь, то путешествие nj`ferq бесполезным. Учитывая огромные скорости, которые развивают межзвездные корабли, можно успеть посетить множество различных планет, хотя это и займет определенное время. Если мы не получим желаемого результата, будет просто обидно.

Получалось так, что добьются они своего или нет, в их жизни ничего не изменится. Тогда Модиун опять несколько изменил постановку вопроса:

— Хорошо. Допустим, что вы обнаружите разумную жизнь в другой звездной системе, что же дальше?

Человек-ягуар пожал плечами.

— Странные вопросы задаете вы, люди-обе-

зьяны! Боже мой, ведь в этом-то и заключается смысл жизни. Искать что-то новое и важное!

Но Модиуна трудно было сбить с занятой позиции.

— Допустим, что так. Но как вы тогда поступите с другими разумными существами?

— Ну… в таком случае… необходимо будет выработать принципы отношения к ним. Все будет зависеть от их реакции.

— Что ж, назовите мне хотя бы один из этих принципов.

Настроение человека-животного резко изменилось. Казалось, этот разговор ему крайне надоел.

— Как же я могу это предусмотреть заранее! — взвился он.

Модиун уже понял то, что когда-то было внушено его собеседникам, и прямо спросил:

— Ты говорил, что следует убедить власти. Кто же такие те, кому эта власть принадлежит?

Про себя он решил, что теперь узнает, кто является его настоящим противником.

— Люди-гиены, — получил он ответ.

Ему как-то сразу стало нехорошо.

«Надо же! — подумал он. — Не люди-львы, не люди-тигры, не люди-слоны. Никто из когда-то крупных и сильных существ. До вершин власти

добрались потомки тех, кто питался падалью!»

Его охватило беспокойство.

С введением в далеком прошлом определенного порядка все должно было находиться на определенном уровне. Уйдя за барьер, люди поручили поддержание этого порядка самовоспроизводящимся компьютерам. Именно эти механизмы должны были воздействовать на города и поселения. Но, как ни странно, люди-гиены нарушили этот раз и навсегда установленный порядок. Невероятно! Однако теперь у него не было причин сомневаться.

Во всяком случае, поняв это, он почувствовал некоторое облегчение. Выходит, что существует некая группа существ, с которой можно вести переговоры и влиять на положение дел. Проблема с этой точки зрения показалась ему не слишком сложной.

Модиун несколько расслабился. Впервые разговор стал для него достаточно интересным. Теперь в его мозгу начали всплывать некоторые воспоминания.

— Вот вы постоянно говорите о поисках обитаемых звездных систем. А что вы скажете о нунули, которые в свою очередь обнаружили нашу Солнечную систему? Они что, вновь вернулись

сейчас на Землю? Почему бы вам не расспросить их о других обитаемых планетах в космосе? Полагаю, что они были бы рады помочь вам. Это очень обязательная и услужливая раса.

Тут он замолчал, увидев выражение растерянности на лицах своих слушателей.

— Нунули? — пожал плечами человек-ягуар.

— Инопланетные пришельцы из других звездных систем? Нет, мы никогда о них даже не слышали… — проговорил человек-медведь.

— А сам-то ты откуда о них знаешь? — подозрительно спросил человек-ягуар. — И когда же все это случилось?

Тут Модиун вспомнил, что для них он просто человек-обезьяна, который, по их понятиям, никак не может обладать информацией большей, чем они, и осторожно сказал:

— Это рассказывали там, откуда я прибыл.

«В данном случае, — подумал он про себя, — я говорю им чистую правду».

Они приняли его объяснение, ибо не могли знать того, что происходит в далекой Африке. Посовещавшись между собой, люди-звери решили, что пришельцы из другого мира не стали широко распространяться о своем инопланетном происхождении.

Жаль! Даже можно сказать — глупо! Однако человек-медведь нашел в этом и хорошую сторону, поскольку прибытие инопланетян свидетельствовало о наличии в космосе других разумных существ.

— Весь этот район должен быть обследован, — развел он руками, как бы пытаясь обнять горизонт.

Хотя их внимание уже привлекла эта идея, Модиун решил, что момент совершенно неподходящий, чтобы развивать её дальше. И он решил сменить тему.

— А чем вы все занимались, парни, прежде чем попасть в космическую школу?

— Лично я работал ремонтником на стройке, — немедленно отозвался Нэррл. — Видишь ли, все, конечно, автоматизировано, но бывает, что и автоматика не срабатывает.

Оказалось, что Айчдохз работал на океанской агроферме.

— Должен сказать, что мне это нравилось, — признался он. — Поэтому полагаю, что мне понравится космическое путешествие. Космос ведь так огромен!

Доолдн казался несколько смущенным и не стал рассказывать о своих прошлых занятиях.

— Не скажу, что стыжусь своего прошлого, но оно… было несколько специфическим, так что я лучше воздержусь от уточнений…

Это навело Модиуна на некоторое размышление. Ведь перестраивая людей-животных, люди в общем-то учитывали особенности их пород… что же такого особенного было у ягуаров? Но он так и не смог вспомнить…

Тут он подумал, что спутники тоже могут поинтересоваться его профессией. Он уже было открыл рот, чтобы сообщить, что он электронщик, но понял, что их это нисколько не интересует. Люди— животные вновь вернулись к своей излюбленной теме.

То, что он рассказал им о нунули, ещё больше подогрело их интерес и желание настаивать на изменении направления, в котором должен лететь корабль. Когда Модиун наконец вник в суть разговора, то выяснилось, что они заняты подбором доводов для «властей», чтобы склонить их к своей точке зрения.

Человек-лиса, вскочив, провизжал от возбуждения:

— Нам обязательно следует присутствовать на заседании комитета при обсуждении маршрута полета. Пусть нас тоже выслушают!

Они поднялись, и Модиун тоже. Он был обескуражен. Впрочем, не слишком. Их неожиданно возникший план менял его намерение поселиться вместе с Роозбом. Он как-то запамятовал, что после полудня они должны идти на заседание.

А проблему с жильем он решит позже и сам.

Размышляя так и считая, что остальные следуют за ним, он направился к ближайшей двери. Пока его спутники будут на заседании, он решит проблему с компьютером.

«Посмотрим, кто здесь главный, машина или человек, её создатель», — подумал он, переступая порог, и, оглянувшись, обнаружил, что оказался один.

* * *

Все остальные исчезли, и это было удивительно.

Только что все они находились позади него. Айчдохз хохотал во все горло, Доолдн что-то вещал своим рокочущим глуховатым голосом, Роозб тяжело топал, а человек-лиса кому-то отвечал… Смысл их слов не доходил до него, они сливались в сплошной гул, создавая привычный единый звуковой фон.

Модиун остановился и огляделся. Позади рас-

полагалась цельная без единой щелочки дверь, через которую он только что вышел.

Внимательно осмотрев дверь, Модиун понял, что у неё нет ни ручки, ни замочной скважины, по крайней мере с внешней стороны. Он стал ощупывать её, пытаясь открыть, но ощущал только гладкую, какую-то даже скользкую поверхность. Стало ясно, что дверь не откроется.

И тут позади себя он уловил шорох… Мозг автоматически почувствовал опасность. Модиун резко обернулся.

Перед ним стоял высокорослый, более восьми футов, человек— гиена. Находясь в паре шагов от человека, он сжимал в руке автоматический пистолет. Каким-то странным голосом он произнес:

— Ой! Что случилось?!

Потом покачнулся и выпустил из рук пистолет. Человек-гиена, как бы повинуясь сигналу, упал на колени и прошептал:

— Помогите…

Модиун мог бы помочь, но делать ничего не стал. Он понял, что у него автоматически сработал защитный рефлекс мозга, выпустив из тела облако парализующего газа.

Невероятно, но какая-то частица его мозга была все время настороже. Она уловила подо-

зрительный звук за спиной, проанализировала намерение противника и произвела соответствующее контрдействие.

Больше всего Модиуна поразила агрессивная реакция его собственного тела.

В течение всей своей мирной жизни с её философией абсолютного пацифизма, полного отказа от насилия сам он никогда ни на кого не нападал и даже не подозревал, что какая-то часть его мозга сохраняет способность к подобного рода агрессивным действиям. Вероятно, это был атавистический остаток некоего животного инстинкта. «Боже, — подумал он, — мне придется ещё строже себя контролировать!»

Пока он предавался этим размышлениям, человек-гиена, лежа на боку, корчился, стонал и извивался. Модиун подошел и как-то даже сочувственно посмотрел на подергивающееся у его ног тело. Наконец, обратив внимание на лежащий неподалеку пистолет, он поднял его и обнаружил, что оружие заряжено, а в стволе находится патрон.

Впрочем, не особенно над этим раздумывая, он спросил:

— Где ты взял оружие? Я полагал, что такое больше не изготавливается…

В ответ раздалось ворчание.

— Ради бога, — забормотал лежащий. — Я умираю, а ты задаешь дурацкие вопросы…

Но Модиун-то знал, что дела со здоровьем его противника обстоят не столь уж скверно, и чувство вины отступило на второй план. Это чувство становилось все слабее и слабее по мере того, как Модиун осознавал, что выброс газа произошел инстинктивно, это была защитная реакция его организма. А в результате у человека— гиены случился просто очень болезненный приступ желудочных колик. Не намного более сильный, чем у людей и животных при отравлении. Он был достаточно неприятным, но абсолютно безопасным.

— С тобой все будет в порядке примерно через час. Но, — с этими словами он сунул пистолет в карман, — у меня создалось boew`rkemhe, что ты хотел выстрелить из этого пистолета, и это делает тебя потенциальным убийцей… А теперь назови свое имя…

Видя, что тот не отвечает, Модиун повторил это ещё раз уже более настойчивым тоном.

— Меня зовут Глайдлл…

— Ладно, Глайдлл, сейчас я не хочу заниматься твоими мыслями, мне нужны другие сведения.

Что-то не так на этой планете, но мне не верится, что ты несешь персональную ответственность за это. Впрочем, я знаю, как связаться с тобой, если сочту это необходимым.

Проговорив это, Модиун повернул налево и направился к тому месту, где ранее заметил отверстие в ограде, окружавшей столовую.

В это время из двери появилась четверка друзей. Человек-лиса Нэррл, увидев Модиуна, облегченно вздохнул и остановился.

Тут все разом заговорили, и Модиун понял, что они решили, будто он потерялся. Он внимательно смотрел на них, но наивная радость четверки рассеяла его подозрения об их причастности к тому, что произошло.

Таким образом, выходило, что это простая случайность. Он совершенно случайно вышел первым, а они случайно остановились, что— то разглядывая. Когда же обернулись, его уже не было.

Но тогда как же получилось, что человек-гиена очутился в это время на заднем дворе с оружием в руках? Такое совпадение было довольно трудно вообразить. Однако поскольку никто не мог знать о его прибытии, то все же, вероятно, это было случайное совпадение.

Придя к такому выводу, Модиун почувствовал, как мускулы его расслабились.

Он спокойно наблюдал, как четверо его спутников торопливо воспользовались сначала движущимся тротуаром, потом первым же свободным автомобилем, боясь опоздать на заседание. Еще мгновение, и машина исчезла в общем потоке движения.

Тогда он направился к домикам-квартирам, чувствуя себя хотя и спокойно, но все же испытывая некоторую грусть. Он понял, что тело его продолжает жить несколько отличной от деятельности мозга, самостоятельной жизнью. Оно было счастливо, находясь рядом с телами его спутников.

Получалось, что подобного рода чувства волновали и людей прошлого. Странным было только то, что подобную информацию не выдавали обучающие машины, когда он готовился к выходу за барьер. То ли это не было заложено в их программу, то ли они посчитали ненужным доводить до его сведения такого рода детали.

Впрочем, поскольку это его не слишком беспокоило, он махнул на все рукой и быстро добрался до улицы, где поселились его спутники и где он собирался поселиться сам.

Модиун с облегчением обнаружил, что присмотренная им квартира между человеком-медведем и человеком-ягуаром остается ещё незанятой. Значит, ему не нужно будет выбирать другую, а потом объяснять своим спутникам, почему он сменил жилье.

Не теряя времени на бесполезные споры с машиной, он просто применил технику воздействия мыслью, благодаря использованию которой человеческий дух контролировал материю. Высвобожденная им сила уничтожила считавшиеся неразрушимыми электрические связи блокирующего реле дверного запора.

Поскольку все это было проделано безупречно, то, как ему казалось, не были нарушены соединения механизма с контролирующим компьютером, находящимся где-то далеко от маленького домика. Ему достаточно было лишь разблокировать дверной запор. Затем Модиун повернул ручку и толкнул дверь, которая тут же отворилась.

Теперь он мог войти, но что-то удерживало его на пороге. Обернувшись, он долго смотрел на открывавшуюся перед ним часть o`mnp`l{города Халли. Сам он чувствовал себя настоящим человеком в отличие от тех существ, которые его

окружали. Большинство из них приспособилось к окружающей жизни и больше не изменялось. И хотя человек извлек этих существ из их животной сути, это не стало толчком для их дальнейшего развития на пути прогресса.

Для того чтобы их трансформировать, были применены чудеса биологии. Цепи молекул закодировали на дальнейшее постепенное изменение, и в течение тысяч лет это кодирование соответствовало поставленной задаче. Но, к сожалению, не более того. Модиун представил себе, как массы этих людей-животных, считая, что они счастливы, подходили к автоматам для раздачи пищи, общались с компьютерами, забирались в свои квартирки и делали то, на что были сами запрограммированы, или то, что требовали люди-гиены.

Самое странное заключалось в том, что люди-гиены оказались единственными существами из всех, сумевшими изменить кодирование. Почему это случилось и как?

Вот такого рода мысли проносились у него в мозгу.

«Все же самые великие здесь мы», — подумал он и впервые почувствовал, что правильно поступил, выйдя за барьер для оценки того, что

сделало время с планетой людей.

Оправдав таким образом свое пребывание за барьером, он вошел в квартиру, где собирался некоторое время прожить под личиной человека-обезьяны.

До тех пор, пока не явится Судлил.

Случай с вооруженным человеком-гиеной потускнел на фоне открывающихся перед ним перспектив, поскольку миссия его выглядела все более и более важной, а сам он становился все более заметной и ответственной личностью.

Заметной? Но это же просто пока невозможно.

«Никто не станет искать меня здесь, — подумал Модиун. — Я ведь просто обезьяна, проездом оказавшаяся в Халли. А этот пистолет, если и должен был кого-то убить, то вовсе не меня. Логика самая простая. Так что не стоит больше ломать над этим голову».

И он окончательно отбросил все мысли об этом.

Проснулся Модиун, когда в комнате было уже совсем темно, и тут же почувствовал, что над ним склонился кто-то с оружием в руках…

* * *

Поскольку времени на размышление не оставалось, Модиун просто мысленно приказал противнику застыть на месте.

Потом он встал и включил свет. Окаменевший человек-гиена стоял, согнувшись, над постелью с ножом в руке. Приказ застыть застал его в момент движения, и он оказался в неустойчивом положении.

Модиун, который раньше не занимался подобного рода воздействиями на животных, теперь с любопытством рассматривал своего нового противника, чувствуя в то же время, что внутри у него все кипит от возбуждения. Со стороны могло показаться, что он изучает незваного гостя совершенно беспристрастно. Благодаря тому, что Модиун знал о процессах, происходящих в живом организме, он понял, что под его воздействием в теле человека-гиены резко высвободились компоненты, способствующие отвердению.

Получилось так, что Модиун дал команду выделиться тем веществам, которые ведут к артриту, параличу, образованию камней в почках и обызвествлению стенок кровеносных сосудов, что и вызвало общее одеревенение.

Он чувствовал, что человек-гиена испытывает сильнейшую боль, mn, подойдя к нему, прежде всего забрал нож. Это было не так легко сделать, поскольку отвердевшие пальцы, казалось, слились с рукояткой. Тем не менее он справился с этим, а потом проверил карманы пришельца. Там он обнаружил несколько таблеток, издающих резкий запах. Усилив свои обонятельные способности, Модиун понял, что таблетки содержат сильный яд.

Понюхав лезвие ножа, он установил, что оно издает подобный же запах. Больше ничего в карманах не было.

Испытывая жалось к живым существам, он позволил образоваться в теле человека-гиены небольшому количеству жидкости, и тот инертной массой со стоном рухнул на кровать.

Собственно, так это все и должно было происходить. В теле начиналась внутренняя перестройка, которая могла продлиться целый день, прежде чем существо оправится от шока и обретет возможность двигаться. Постепенно в его мозгу и клетках тела начнет скапливаться жидкая субстанция, а поскольку человек-гиена не являлся больным от рождения, то в конце концов равновесие в организме восстановится.

Впрочем, Модиун точно не знал, когда сможет заговорить его потенциальный убийца, чтобы расспросить его о мотивах готовившегося преступления. Он припомнил, что обучающие машины считали: голос вернется не ранее чем через две недели.

Однако это не имело никакого значения. Основное было ясно. Его кто-то пытался уничтожить. Было совершено уже две попытки покушения на его жизнь. И это в мире, где преступлений просто не существовало! Невероятно!

Модиун сразу понял, куда он должен теперь направиться, чтобы во всем разобраться.

И вот в начале четвертого часа утра он прошел через столовую и направился к боковому выходу, через который случайно (а впрочем, случайно ли?) вышел во двор и оказался перед вооруженным пистолетом человеком-гиеной.

Что-то нудно зудело у него в мозгу. И вообще что-то во всем этом смущало его…

«Меня направили к этой двери воздействием чьей-то воли, — наконец понял он. — Причем длилось это воздействие буквально мгновение… А потом оно совершенно отключилось, и я не почувствовал ничего подозрительного, как будто это было мое собственное желание…»

Потом он предположил, что соответствующее воздействие было оказано и на его спутников. Оно направило их мимо той двери и заставило не сразу обратить внимание на его отсутствие. Для них его уход оказался совершенно незаметным, а постороннего участия в этом они не осознали. Люди-животные не располагают потенциальными возможностями определения подобных феноменов.

Убежденный в правильности своего анализа, он предположил: «Путь, по которому я пойду, наверняка приведет меня в компьютерный центр и к тому, кто там находится. Там все и решится».

Однако он и предположить не мог, с какой проблемой в действительности столкнется…

Ночь была достаточно темная, и только где-то на востоке светились огоньки…

Модиун проник в компьютерный центр через главный вход и оказался в мире светящихся металлических панелей, которые громоздились до самого потолка.

Раздавались негромкие звуки, которые, насколько он мог судить, исходили от источников питания и систем контроля. Периодически звучали негромкие щелчки, когда отдельные блоки соединялись с центральным механизмом или

отключались от него.

Впрочем, все это не имело никакого значения. Здесь царил hde`k|m{i порядок, и все работало уже много тысячелетий в автоматическом режиме, который должен был действовать до тех пор, пока на планете будет существовать жизнь.

Направляемый некоей мыслью-проводником, Модиун миновал несколько дверей, коридоров и лестниц, пока наконец не добрался до цели.

«Так вот где ты располагаешься», — подумал он.

Механизм, перед которым он стоял, являлся компьютером универсального типа. Из него-то и исходила та самая мысль— проводник, которая привела его сюда.

В какой-то момент он даже удивился, что ему позволили беспрепятственно добраться сюда, без каких-либо ловушек и капканов. Тем не менее он чувствовал. своего рода недовольство тем, что присутствовал здесь. Поражало то, что он, с его повышенной чувствительностью, не смог все это сразу понять.

Ничего, скоро он во всем разберется!

Модиун заговорил с компьютером, потребовав разъяснений. Голос его глухим эхом отдавался в машинном зале. Ему представилось, что тишину

этого замкнутого помещения уже веками не нарушал никакой посторонний звук.

Возникла странная пауза, совершенно необъяснимая, поскольку компьютер всегда должен был отвечать сразу и без задержки.

Наконец компьютер заговорил:

— Я получил указание сообщить вам, что хозяин нунули этой планеты будет лично общаться с вами, когда явится в зал через минуту.

Таким образом, у Модиуна было долгих шестьдесят секунд, чтобы обдумать значение этих слов. Благодаря своему ментальному контролю он не слишком удивился тому, что услышал от компьютера.

Минута прошла. Где-то за пределами его видимости открылась дверь.

* * *

На первый взгляд существо, вышедшее из-за машин, внешне напоминало человека.

Одето оно было в костюм, скрывающий тело и конечности. У него было две руки и две ноги. Все, как у людей.

Однако, приглядевшись внимательнее, Модиун понял, что что-то здесь не так. Странным показались голубовато-зеленые волосы и пер-

чатки с голубыми прожилками из необычного материала.

Прошло ещё несколько мгновений… Впечатление, что это человек, рассеялось. Модиун уже понял, что перед ним инопланетянин. «Волосы» оказались массой маленьких щупалец, стоящих на голове, как прическа ежиком. Лицо было гладким, почти прозрачным.

То, что вначале показалось костюмом, на деле оказалось голубоватой с зеленым отливом кожей. Так что в действительности никакой одежды не было.

Хотя Модиун никогда прежде не видел нунули, теперь он сразу понял, вернее сказать, вспомнил период обучения, и осознал, что это в действительности инопланетянин из впервые посетивших Землю пять тысяч лет тому назад.

Существо приблизилось к Модиуну. Оно оказалось шести футов ростом и вблизи выглядело довольно тщедушным. Землянин возвышался над ним по крайней мере фута на два.

— Ну и что же вы собираетесь делать? — спросил Модиун.

Пришелец воздел руки вверх. Это выглядело, как будто он пожал плечами.

— А все уже и так сделано. Планета твоя давно

завоевана. Так что больше ничего не нужно.

Голос его звучал довольно мелодично, но не был похож на женский. Говорил инопланетянин на универсальном земном языке без всякого акцента. Впрочем, если и существовал какой-то акцент, то его можно было просто отнести к местным особенностям.

Модиун задумался над сложившейся ситуацией.

— И какие же у вас планы в отношении меня и других людей?

— Никаких, — ответил нунули. — Что вы такое для нас?

— У нас существует система ментального контроля, — заявил человек.

— И сколько же вас осталось здесь?

— Около тысячи, — неохотно ответил не привыкший лгать Модиун.

На какое-то мгновение он и сам поразился небольшому количеству оставшихся на планете людей.

— Когда мы впервые посетили вашу планету, — проговорил нунули, — на ней обитало около четырех миллиардов человеческих существ. Вот тогда это было опасно. А теперь мы можем позволить себе не обращать внимания

на оставшуюся тысячу. Живите мирно сами по себе, и вас не тронут. С какой стати мы должны причинять беспокойство тем, кто не причиняет беспокойства нам.

Модиун выслушал с некоторым облегчением ответ, на который и надеялся. Напряжение его теперь сохранялось только в мышцах и нервах, зато мозг был спокоен и чувствителен. Наконец он спросил:

— Почему же вы завоевали нас? Что собираетесь делать с планетой и всем разнообразием разумной жизни на ней?

Существо опять как бы пожало плечами.

— Решение ещё не принято. Примут его на следующем собрании комитета.

— Но в чем все же была цель вашего завоевания? — упрямо настаивал Модиун.

Тон нунули стал сухим и официальным.

— Мы получили указание расправиться с доминирующей здесь расой, после чего и будет принято решение, как распорядиться планетой. Наш метод завоевания Земли состоял в следующем: предложить человеческим существам способ совершенствования тела и мозга. Ваши предки сразу же загорелись этой идеей, но от них ускользнул факт, что тогда они замкнутся

в своего рода «башню из слоновой кости». По мере совершенствования тела и мозга человек передавал свою цивилизацию в руки животных и насекомых. Мы же, в свою очередь, решили, что здесь нас будет представлять определенная группа животных. Из всех видов выбрали людей-гиен. Но поскольку они слабо представляют ситуацию и многого не знают о нас, то являются не лучшими проводниками и исполнителями наших идей.

Модиун правильно понял, что речь идет о двух неудавшихся покушениях на него. Однако подобного рода объяснения не могли его удовлетворить, хотя он и удержался от комментариев.

— Этого больше не будет, — как бы угадал его мысли нунули, — если вы перестанете доставлять нам беспокойство.

Модиун обдумал услышанное, перевел дыхание и сказал:

— Однако то, что вы делаете, не слишком напоминает завоевание…

— Тем не менее человеческая раса практически исчезла. Вот вам и результат завоевания.

Модиуну было трудно оценить происшедшее. Сокращение рода человеческого до тысячи особей казалось ему нормальным процессом, но,

согласно нунули, такая же участь ожидала и животных, и насекомых.

Он так и сказал, однако нунули возразил ему:

— Нам предписано только завоевать мир и довести количество доминирующих существ до минимума.

— Но зачем?

— Решает комитет, — довольно холодно повторил инопланетянин.

В мозгу Модиуна стала формироваться смутная картина иерархической структуры захватчиков.

— Вы, наверное, постоянно общаетесь с членами этого комитета?

— Нет, они сами по мере необходимости связываются с нами. Тогда мы получаем от них соответствующие инструкции.

— Выходит, что они не живут среди вас?

— О нет! — воскликнул нунули, казалось даже ужаснувшись такому предположению. — Они — сами по себе. Они там, куда никто не ходит. Никто…

— По крайней мере, они похожи на вас? Я имею в виду физически…

— Конечно, нет… Это просто смешно! — возмутился нунули. — Члены комитета — это высшая раса.

— И сколько же их?

— О! Где-то около тысячи!

— Понятно, — протянул Модиун.

— Комитет не должен быть большим, ибо в таком случае ему будет сложно действовать…

— Конечно, — быстро согласился Модиун и добавил: — Я вижу, что наших людей-животных посылают к другим мирам. По-видимому, вы их используете в качестве передовых, ударных отрядов завоевателей?

— Конечно. Они являются дополнительным условием для осуществления завоевания.

— Тогда получается, что разговоры о том, куда и зачем направляется звездный корабль, являются обыкновенной дезинформацией…

— Мы поддерживаем на Земле видимость демократии, первоначально установленной человеком, — ответил нунули. — Мы выслушиваем различные мнения и создаем видимость свободы выбора для большинства. В частности, когда идет речь о выборе направления полета. Но в действительности планеты, предназначенные для завоевания, уже выбраны.

— Однако у вас до сих пор нет конкретного плана… в отношении остального населения Земли…

— Когда комитет примет решение, будет со-

ставлен и план. И вообще, совершенно неважно, как поступить с обитателями Земли. Главное, что она уже завоевана.

В заключение инопланетянин добавил:

— Поскольку нас не устаивает ваше присутствие при отлете космического корабля, то рекомендуем вам вернуться обратно за барьер.

— А мне кажется, что пока я ношу личину обезьяны, то не создаю для вас никаких хлопот и затруднений.

— Рано или поздно вас кто-нибудь узнает, и сложности возникнут. Советую покинуть город…

Но Модиун заупрямился.

— Вам должно быть известно, что люди совершенно не агрессивны. Мне представляется, что если бы я захотел, то мог бы совершенно спокойно покончить со всеми нунули на нашей планете. Не так ли?

— Видимо, так, — раздраженно согласился нунули. — Однако мы будем вынуждены доказать вам, что ваша малочисленность все же свидетельствует о бессилии. Полагаю, что нашу беседу на этом следует закончить. Можете покинуть это здание тем же путем, каким вы в него проникли.

* * *

Наступило утро следующего дня.

Проснувшись, Модиун сразу подумал, что не испытывает ничего нового в ощущениях, узнав о захвате Земли.

Он подумал также, что четыре миллиарда мужчин и женщин, когда— то населявших Землю, постепенно уходя из жизни, не восстанавливая род человеческий, тоже ничего не знали и не подозревали, что происходит великое истребление человечества. К тому же все это делалось самими же людьми, не ведающими, что они творят. Да разве могли они помыслить, что речь идет о завоевании Земли?!

Впрочем, этот последний вопрос относился скорее к области философии.

* * *

Отказавшись от дальнейших рассуждений на эту тему, Модиун встал.

Заканчивая одеваться, он услышал шум шагов на крыльце и пошел открывать дверь.

На пороге стояли четверо его друзей-животных, одетых в совершенно новую, не похожую на вче-

рашнюю одежду. На каждом теперь был костюм и белая рубашка со стоячим воротничком, а также яркой расцветки галстук. Обувь они тоже сменили. Вместо мягких матерчатых туфель обулись в блестящие черные кожаные полуботинки.

Модиун удивленно их разглядывал, и, прежде чем он успел заговорить, человек-медведь весело произнес:

— Мы решили, что тебе захочется позавтракать вместе с нами…

От этих слов Модиуну стало как-то теплее. Ни секунды не колеблясь, он ответил согласием. Да и вообще, до прихода Судлил ему нечего было делать. Он, конечно, собирался поближе рассмотреть этот мир, поскольку ревнители чистоты проводимого опыта обязательно потребуют от него отчет, когда он вновь присоединится к человеческой расе. Впрочем, с осмотром мира можно и повременить. По крайней мере до завтра, подумал он, улыбнувшись.

Выйдя на крыльцо, он захлопнул за собой дверь и пожал протянутые ему руки людей-животных. Последним стоял Нэррл, который весело сказал:

— У нас ещё полным-полно времени. Заседание комитета возобновится не раньше одиннадцати.

Погода стояла прекрасная. При ходьбе Модиун

глубоко вдыхал чистый и свежий воздух. Ничто его не беспокоило, и он непринужденно спросил:

— Как прошло вчерашнее заседание?

Ответом ему было общее негодующее ворчание.

— Эти люди-гиены просто отвратительны, — выразил общее мнение Доолдн.

Другие поддержали его, поскольку выяснилось, что им не дали возможности высказаться, ибо — видите ли! — они были не так одеты, как полагается. Они вынуждены были терять время, сидя среди публики, и выслушивать разного рода напыщенные благоглупости выступающих.

— Мы уверены, — раскатисто проговорил Доолдн, — что сегодня этому будет положен конец.

Сердито прищуренные глаза и пятнистый румянец на щеках свидетельствовали, что он очень рассержен.

Тут Модиун почувствовал жалость к своим спутникам, вспомнив слова нунули о том, что цели и маршрут космической экспедиции уже предопределены. Его как будто кто-то подтолкнул сказать:

— А почему бы мне не сходить с вами на это заседание?

Четверка с восторгом приняла это предложе-

ние.

— Хорошо было бы, если бы ты к тому же рассказал им о нунули, W заметил Айчдохз.

— Но в таком случае тебе следует переодеться, — проворчал Роозб. — Ты должен выглядеть так же, как и мы.

Позавтракав, они подобрали для Модиуна подходящую одежду, и он вместе с другими поспешил на улицу, где сновали автомашины. Свободная нашлась почти сразу, и они быстро заняли в ней места.

Целью их поездки оказалось высокое здание в центре города. Лифт поднял всю компанию на верхний этаж.

Когда они вышли в коридор, на лицах спутников Модиуна появилось несколько подобострастное выражение. Перед закрытой дверью стоял восьмифутовый человек-гиена, которого они попросили пропустить их в зал заседаний. Тот кивнул, потребовал соблюдать тишину и приоткрыл дверь так, чтобы они могли проходить по одному.

Модиун уселся в заднем ряду и стал разглядывать окружающих. Это были странные существа, не только звери, но и насекомые, конечно, не из числа носильщиков. Оказалось, что они здесь то-

же для того, чтобы отстаивать свою точку зрения. Но поскольку Модиун не слишком вслушивался в их выступления, то не совсем понимал, чего они хотят.

Основное его внимание занимали люди-гиены. Как ни странно, но он чувствовал желание подойти к ним поближе. Однако ближе всех находились те, кто выступал, и тогда он тоже решил выступить. Кроме того, чтобы поближе рассмотреть людей-гиен, ему ещё хотелось оспорить их право принимать то или иное решение.

И вот, когда Нэррл, закончив свое страстное выступление, сошел с возвышения, Модиун поманил его рукой и шепотом сказал, что хочет, чтобы его внесли в список выступающих.

Выслушав его просьбу, человек-лиса выпрямился и довольно громко и удовлетворенно проговорил:

— Конечно, конечно. Мы внесем тебя в список выступающих. Мы хотим, чтобы ты рассказал о нунули.

Секретарь собрания повернулся на звук его голоса и резко постучал по столу, призывая к тишине и порядку.

Когда наконец Модиун оказался на трибуне, один из членов комитета вежливо спросил:

— Здесь сказано, что вы обезьяна. Разве это так? Я видел обезьян и считаю, что вы на них совсем не похожи.

— Видите ли, — ответил Модиун, — существует множество пород обезьян.

Он просто повторил довод, высказанный в свое время одним из его спутников во время первой совместной поездки.

— И какой же вы породы?

Модиун сделал вид, что не расслышал вопроса. Ему было просто интересно поближе рассмотреть животных, которые якобы правили Землей. Те, кого он видел возле столовой и в своей спальне, не являлись подходящими объектами для этого по причине болезненного состояния, в которое были им ввергнуты. Он с полным основанием полагал, что столь же трудно было бы изучить человека, страдающего артритом или желудочными коликами. Поэтому теперь он внимательно вглядывался в собеседника.

На первый взгляд этот образец напоминал обычного человека— животного, но при внимательном рассмотрении явно проглядывала разница. Форма головы оставалась как у гиены, но лицо было более тщательно проработано, чем у других животных. Кроме того, Модиуна

поразило выражение превосходства на лицах людей-гиен. Явственно читалось, что они управляют планетой и потому считают себя много выше других.

У Модиуна тут же возникли вопросы: а известно ли им, что они являются агентами инопланетян? Сознательно ли заключили они союз с нунули? Однако в данной ситуации получить ответ на эти вопросы а{kn невозможно.

Мысли эти только мелькнули в голове Модиуна, и он решил вернуться к этому потом, а пока заняться настоящим положением вещей.

— Не могли бы вы процитировать мне указание человека, позволяющее людям-гиенам рассматривать вопросы, подобные тем, которыми вы сейчас занимаетесь?

Публика слегка задергалась, зашаркала ногами и зашепталась. Чтобы восстановить тишину, председательствующий громко застучал молоточком. Один из только что выступавших нахмурил брови и откинулся на спинку кресла. Потом, выпрямившись, заявил:

— Ваш вопрос не относится к тем, по которым комитет принимает решения. Мы действуем по уже существующим указаниям, и круг обсуждаемых вопросов ограничен. Вам этого достаточно?

Модиун вынужден был согласиться. Ему ведь было неважно, кому бросить вызов, поскольку он уже достаточно ясно понял, что перед ним второстепенные персонажи этой иерархии. Обращаться к ним было все равно что разговаривать с компьютером, в который заложена определенная, жестко ограниченная программа. В то же время он подумал, что выглядят эти люди-гиены вполне цивилизованно и порядочно.

— В таком случае, — заявил он, — я прекращаю свое выступление.

Когда он спускался в зал, человек-ягуар выкрикнул:

— Эй, а как же нунули?

Это было уже слишком для человека-гиены, и он яростно застучал по столу молоточком. Вбежали другие люди-гиены, одетые в форму. Зал заседаний освободили от публики, и было заявлено, что слушание продолжится в три часа дня.

Когда Модиун вместе с друзьями завернул за угол, направляясь к лифту, то заметил группу одетых в форму людей-гиен, которые перекрывали коридор впереди.

Присутствующие на заседании подходили к этому барьеру, что-то говорили, и их пропускали.

Пятеро друзей ждали своей очереди. Нэррл, стоявший впереди, обернувшись, сообщил:

— Они у каждого спрашивают имя и, получив ответ, пропускают…

Задававший вопросы человек-гиена с суровым лицом держал в руках какие-то бумаги. Когда Модиун произнес обезьяний вариант своего имени, офицер, глянув в бумаги, провозгласил официальным тоном, протягивая ему какой-то листок:

— Это вам.

— Мне? — удивленно спросил Модиун. — Но что это такое?

— Повестка.

— Повестка? — снова удивился Модиун.

— Да читайте же, и вы все поймете, — раздраженно заявил человек-гиена.

Он махнул рукой начальнику патруля, и тот скомандовал своим людям:

— Направо! Марш!

Звук их шагов быстро стих вдали.

Модиун стоял рядом с Роозбом, а остальные трое внимательно на них смотрели.

— Что это он тебе дал? — спросил Роозб.

— Повестку.

— Что?

Модиун молча протянул повестку человеку-

медведю. Тот посмотрел на неё и вслух прочел:

— «Государство против Модиунна»…

Подняв голову, он взглянул на Модиуна и произнес:

— «Модиунн» — это ты. Здесь все ясно. А вот кто такой «государство» — непонятно.

Модиун не мог сдержать улыбку.

— Государство — это правительство…

Тут он замолчал, и улыбка его увяла, поскольку до него дошел смысл собственных слов.

— Полагаю, что речь идет об узурпировавших власть людях— гиенах…

Тут он заметил, что розовое лицо Доолдна исказила болезненная гримаса.

— А ведь ты, Модиунн, правильно говорил. Люди-гиены не имеют права решать, в каком направлении должен лететь космический корабль.

Тон его стал устрашающим, а челюсть странно задвигалась. Он даже скрипнул зубами.

— Я раньше об этом как-то не задумывался.

— Да, — поддержал его Роозб, — я с тобой согласен… Мы с тобой, — тут он взглянул на человека-ягуара, — могли бы уложить добрую дюжину людей-гиен. Так с какой это стати они указывают нам, что делать?

Взгляд Модиуна переходил с одного на другого.

Лица этих сильных существ покраснели. Они просто… кипели от возмущения. Человек подумал, что не так уж и далеко скрыта в них истинная дикость. Он удивился, но…

«На будущее мне следует больше следить за тем, что я говорю, — подумал он. — Придя в возбужденное состояние, эти люди-животные могут доставить мне массу сложностей». Вслух же он проговорил:

— Успокойтесь, парни. Не стоит так волноваться. Все это не столь уж и важно.

Постепенно их лица стали принимать нормальное выражение и цвет. Тут Доолдн взял повестку из рук Роозба.

— Ладно. Сейчас разберемся.

— Подожди, не спеши, — засопротивлялся человек-медведь.

Но реакция его была несколько замедленной, а друг уже развернул повестку. Прочитав начальные фразы, человек-ягуар, казалось, окаменел, но затем, придя в себя, прочитал вслух:

— «Вызов в суд по уголовному делу»…

— По «уголовному»?.. — удивленно протянул Нэррл.

Четверка как-то сразу как бы отстранилась от Модиуна и в упор глянула на него. На лицах

сквозило явное замешательство.

— Как меня могут обвинить в уголовном преступлении, — проговорил Модиун, — если в нашем мире нет преступлений?

— Он прав, — подтвердил Роозб. — Чего это такого он мог совершить?

— Ну… я не знаю, — заколебался человек-лиса. — Однако раз человек-гиена полагает, что он преступник, то… я должен этому верить… Конечно, лучше бы спросить этого самого человека-гиену, как это он ухитрился стать «правительством»… Но факт остается фактом: в нашем мире правят они.

— А там сказано, в чем меня обвиняют? — обратился Модиун к Доолдну.

Человек-ягуар поднес листок к глазам и начал своим мягким глуховатым голосом:

— Обвинение… угу… так… ага… вот… «Обвиняется в повреждении компьютерного входа в целях незаконного проникновения в помещение, предназначенное для приезжих».

Он заморгал и продолжил:

— Но это же совсем незначительный проступок… Кроме того, здесь сказано, что Модиунн должен предстать перед судом… ага… вот… в следующий вторник. А до того… кстати, послушайте

внимательно,}rn и нас касается… Тут сказано, что все законопослушные граждане не должны общаться с обвиняемым. Одним словом, ты должен пробыть в одиночестве до следующего вторника.

Он быстренько сложил повестку и протянул её Модиуну.

— Что ж, до вторника, товарищ, — проговорил он, и с его лица исчезли все признаки былого возмущения. — А нам, парни, лучше уйти отсюда. И он пошел, сопровождаемый Нэррлом.

Каждый из них махнул на прощание рукой Модиуну.

Роозб и Айчдохз колебались.

— Знаете, ребята, нельзя вот так бросать товарища в беде… — проворчал человек-медведь.

Однако Модиун решил не доставлять своим спутникам лишних неприятностей, втягивая их в свои дела.

— Спасибо всем вам, и до следующего вторника…

Человек-медведь и человек-бегемот облегченно вздохнули, пожали ему руку и поспешили за своими товарищами.

Когда Модиун, не слишком торопясь, дошел до лифта, четверки и след простыл. Да и вообще там никого не было. Лифт тоже пришел пустой.

Тем не менее Модиуна не покидало ощущение опасности, и он решил спускаться пешком по лестнице, памятуя, что нунули довольно коварен. Лифт ведь мог и застрять где-нибудь посредине шахты… В таком случае ему для собственного спасения пришлось бы нарушать кое-какие законы. Однако, пройдя первый пролет, он подумал, что у него слишком обостренная реакция на простую ситуацию.

— Наверное, — пробормотал он себе под нос, выходя на второй пролет из тридцати трех, — таким образом реагировали предки много лет назад, когда в мире ещё существовали конкуренция, интриги и тому подобные штучки.

Спускаясь к третьему пролету, он почувствовал отвращение к здешней жизни. Может быть, действительно стоило послушаться нунули и вернуться обратно, забыв обо всем этом безумии?

Тем не менее, добравшись до четвертого, он с грустью решил: «Раз уж я дал обещание Доде, то следует держать слово. Да и Судлил вот-вот должна прибыть сюда…»

Однако ему нужно было пройти ещё оставшиеся тридцать пролетов.

Что он и сделал.

Добравшись до вестибюля, Модиун принял

решение: необходимо усилить у себя восприятие сознания окружающих.

* * *

Итак, система его восприятия усиленно заработала.

Вначале все было вроде бы тихо и спокойно, однако вскоре то там, то здесь стали возникать различного рода пертурбации.

Какие-то завихрения, цепочки и тьма. Затем потоки холодного сверкающего серебра, начавшие вибрировать вокруг него в необъятных просторах.

Он догадывался, что люди-животные пали жертвой обмана. В то же время пространство вокруг заполняла их общая доброжелательность. Ощущение беспорядка в это состояние вносили люди-гиены. Сверкающие в его сознании потоки и цепочки не позволяли четко понять, каким образом эти существа захватили власть и стали правящей группой. И все же не вызывало сомнений, что именно от них исходили флюиды агрессии. Их мозг постоянно излучал… напряженность, даже… жестокость. Правда, это не представляло ничего серьезного. Однако в то же время ауру гиен— властителей окрашивало и

нечто иное. Они что-то знали и упивались своим знанием. Вокруг них витало облачко легких частиц излучений, свидетельствующих о самолюбовании. Их вдохновляла, порождая wsbqrbn безопасности и вседозволенности, мысль о всемогуществе нунули.

Гордость занимаемым в обществе положением смешивалась с эйфорией. Многочисленные странные формы пронизывали окружающее их пространство. Количество людей-гиен было трудно определить, ибо их явно было более тысячи, и они были агрессивно настроены.

Истинные пертурбации и возмущения создавал все же нунули. Вокруг него, почти целиком скрывая это создание, плавало огромное черное облако. Оно было непроницаемым.

Облако это черпало энергию из какого-то источника, не имевшего определенного местонахождения. Исходившая из этого источника энергия поражала своей мощью даже Модиуна.

Так вот в чем дело! Это же Айлэм — первичная субстанция. Единое психическое пространство.

«Ладно. Наконец я нашел ключ ко всему этому. Обнаружил настоящего врага!»

Мозг его ещё раз проанализировал ситуацию. Модиун не хотел принимать безоговорочно по-

добное положение. Существовал ли здесь вообще истинный враг?

Вся его пацифистская натура и философия утверждали, что такого быть не может. Врагов здесь нет. Есть только существа, вызывающие неприязненное к себе отношение в связи с производимыми ими деяниями. Вызвав такого рода реакцию, они же сами потом посчитали, что во всем виноват некий враг.

В то же время истинно враждебными для него являются импульсы, исходящие из источника пока что им не идентифицированного; они-то и вызывают отрицательную реакцию.

Нет реакции — нет и врага.

«Итак, — решил Модиун, — я должен вернуться в свои апартаменты и оставаться там до вторника, чтобы не создавать никаких проблем, не провоцировать враждебную реакцию, а потом отправиться в суд. Это и явится моим мирным ответом на врученную мне повестку».

Так он и поступил, не считая того, что выходил перекусить.

* * *

У входа в здание суда стоял человек-гиена, на груди которого была прикреплена карточка:

Судебный чиновник по повесткам.

Он проверил бумажку Модиуна и сказал:

— Входите, сэр.

Модиун вступил в обширное помещение и с удивлением огляделся.

Прямо перед ним тянулся длинный прилавок. За маленькими прозрачными окошечками сидело около дюжины женщин-гиен, а перед окошечками толпились очереди людей-животных. Ничто не свидетельствовало о том, что это зал судебных заседаний. Модиун вернулся в коридор и посмотрел на другие двери. Затем подошел к ближайшей. Ему показалось, что на повестке неправильно обозначен номер комнаты. Однако он быстро отказался от этой мысли, так как нигде не было ничего похожего на зал заседаний.

Он вернулся в первое помещение и вновь показал повестку чиновнику, который, казалось, уже забыл, что общался с ним. Затем направился к стоящему поодаль человеку-гиене в форме. На карточке у того выделялась надпись: «Секретарь суда».

Секретарь равнодушно посмотрел на повестку и медленно процедил:

— Окно номер восемь…

Модиун подошел и встал в очередь. Она была

самая короткая, всего пять человек. Он оказался шестым.

Первым в очереди стоял человек-тигр, которому через окошечко oeped`kh какой-то листок. Тот прочитал и что-то сказал. Слов Модиун не расслышал, но ошибиться было нельзя: в тоне человека— тигра звучала ярость.

Ответ женщины-гиены был лаконичен и вежлив:

— Извините. Законы составляю не я.

Человек-тигр медленно выпрямился, несколько секунд простоял неподвижно, затем, крепко сжав челюсти, направился к выходу.

Стоящий впереди Модиуна человек-крыса пожал плечами и прошептал:

— Наверное, у него суровый приговор…

— А что он совершил? — осведомился Модиун.

Собеседник покачал головой.

— Это должно быть написано в повестке. Возможно, побил кого— нибудь. За это довольно сурово наказывают…

— Гм… — промычал Модиун. — А что совершили вы?

Казалось, человек-крыса поколебался, прежде чем ответить, потом выдавил:

— Украл…

— Как это украл? В этом мире и так все можно получить вполне свободно!

Он несколько удивился, видя реакцию человека-крысы, не сразу осознав, что своим восклицанием мог невольно обидеть собеседника. А тот действительно несколько раздраженным тоном заявил:

— Да уж поверьте! В этом нет ничего странного!

Проговорив это, он понял, что удивление Модиуна неподдельное, и, смягчившись, продолжал уже более спокойно:

— Это трудно сразу представить, но я начал кое-что замечать. Вот, например, вы и я, — в голосе его опять появились возмущенные нотки, — мы можем ездить на автомашинах по центральным улицам, а если нужно попасть на какую-нибудь второстепенную, то выходим из машины и топаем пешком или пользуемся движущимся тротуаром.

— Ну и что же здесь такого? — спокойно осведомился Модиун. — Ведь идти-то приходится лишь сотню-другую ярдов…

На узком лице человека-крысы забрезжила улыбка превосходства.

— Просто я обратил внимание, что люди-гиены

пользуются специальными машинами, которые доставляют их на любую, даже самую маленькую, улочку… Вот я и решил, что этим правом должны пользоваться все. Тогда я уселся в одну из таких машин и поехал к себе домой. Поэтому-то я попал сюда.

Пока они разговаривали, очередь постепенно продвигалась вперед. Определив, что первым теперь является то ли человек— крокодил, то ли другая подобная рептилия с длинным, ничего не выражающим лицом, Модиун снова обратился к человеку-крысе:

— Ну и как же вас поймали?

— Эта машина оказалось связанной с особым компьютером, который и направил ко мне патрульного, — в сердцах пробормотал человек-крыса. — Патрульный, человек-гиена, тут же передал мне повестку с вызовом в суд на сегодня. И вот я здесь.

— Но это не очень похоже на судебное заседание, — усомнился Модиун, когда следующий в очереди получил свой приговор и, оскалив кроличьи зубы, шмыгнул за дверь.

Смысл сказанного, казалось, не дошел до человека-крысы.

— А-а! — махнул он рукой. — Суд есть суд!

Однако Модиун так не считал.

Тем не менее человек-крыса философски добавил:

— Нам с вами просто не повезло, вот потому-то мы и здесь!

Наконец от окошечка стал отходить четвертый.

— Я лучше повернусь, — торопливо проговорил человек-крыса, — а то ещё мое поведение расценят как неуважение к суду…

— Как вас зовут? — быстро спросил Модиун.

Крысу звали Банлт, жил он в Халли, имел жену и троих детей, и ему захотелось узнать, зачем это понадобилось Модиуну.

— Видите ли, в этом не так уж плохо устроенном мире, — сказал Модиун, — вы не захотели пройти лишнюю сотню ярдов и потому совершили кражу. Мне хотелось бы понять вашу философию…

Но Банлт уже больше не слушал его, он получил свой приговор…

Когда человек-крыса взглянул на свой листок, на лице его появилось напряженно-недоверчивое выражение. Уходил он каким-то ошеломленным. Модиун решил было отправиться за ним, но тут понял, что подошла его очередь. Он протянул повестку в окошечко и с живейшим интересом

наблюдал, как женщина-гиена печатает на карточке номер его повестки, пользуясь стоящей справа от неё машинкой. Затем из щели машинки выползла и упала бумага. Модиун взял её и с любопытством прочел: «Наказание: двадцать дней домашнего ареста. Разрешается: трижды по часу находиться вне квартиры для приема пищи».

Поразившись, он наклонился к женщине-гиене и сказал:

— Все это мне кажется нелогичным. Получается, что я, незаконно заняв квартиру, приговариваюсь к домашнему аресту в ней же. Выходит, что мое нахождение в этой квартире теперь явится законным. Могу ли я обсудить с кем-либо этот вопрос?

— Пожалуйста, не задерживайте очередь. Задайте свой вопрос секретарю суда.

Разговаривая с ней, Модиун краем глаза следил за тем, как уходит Банлт, получивший свой «приговор», а ему очень хотелось задать человеку-крысе кое-какие вопросы. Он выскочил в коридор, но нового знакомого уже нигде не было.

Покачав головой, как это иногда делал Роозб, Модиун хотел вернуться, но путь ему преградил

чиновник по повесткам.

— Для того чтобы войти в зал, вы должны иметь повестку, сэр, — вежливо проговорил он.

Модиун объяснил, что с ним произошло, и показал приговор.

Страж, поскольку он на самом деле таковым и являлся, покачал головой.

— Извините, инструкция запрещает пропускать лиц, не имеющих повестки.

— Ну ладно, — вздохнул человек и, отступив назад, подумал про себя: «После всего случившегося этот суд — просто пародия на судопроизводство. Стоит ли беспокоиться о нелогичности частностей, если несправедлива вся процедура в целом».

Тем не менее кое-какие детали продолжали его интриговать, и он спросил вслух:

— Не могли бы вы мне сказать, какого рода приговоры выносятся здесь? Ну, например, что получил человек-крыса, который был передо мной? Какое наказание объявлено ему? За кражу автомобиля…

Страж сурово на него воззрился.

— Сэр! Те из нас, кто обладает судебной властью, — милосердны. И потому вынесенный приговор известен только тому, кому он пред-

назначен.

— Но я не вижу необходимости хранить тайну для человека, который наказан несправедливо, — запротестовал Модиун.

Страж оставался спокоен и равнодушен.

— Проходите. Вы мешаете работе суда.

Действительно, в это время уже подошел ещё один человек— животное с повесткой, и Модиун отступил.

Нерешительно постояв на месте, Модиун повернулся и пошел домой.

Суд вынес приговор, и теперь он должен отбывать «наказание». По крайней мере до тех пор, пока прибудет Судлил.

* * *

Увидев стоящую у кустов женщину, Модиун резко затормозил, выскочил из машины и побежал, поскольку опаздывал и чувствовал себя виноватым. Из отпущенного ему на обед времени оставалось не так уж много. Поэтому вперед и скорее! Нужно посадить её в машину и отвезти в город.

Размышляя таким образом, он уже почти приблизился к кустам, как вдруг заметил Экета. Ученый-насекомое был уже ярдах в ста пятидеся-

ти и готовился перебраться за барьер.

Это кое о чем напомнило Модиуну, и он послал приветствие на длине излучаемых насекомым волн… Экет тут же вежливо ответил. Потом Модиун передал ему сообщение, предназначенное другим людям.

В своем мысленном отчете он кратко изложил то, что обнаружил. В частности, сообщил об изменениях в программе, заложенной в компьютер, о новом статусе людей-гиен и завоевании Земли нунули по указанию некоего далекого и непонятного комитета.

В заключение передал:

«Поскольку Судлил и я сам вынуждены будем ещё три года находиться в зависимости от наших физических тел, полагаю, что вы согласитесь предоставить нам право самим принимать решения в соответствии со складывающейся обстановкой».

Сообщение его было коротким, и его очень волновало то, что он не совсем четко описал обстановку, которая в целом не была ему подконтрольна. Беспокоило его также сомнение, пожелает ли Судлил помочь ему разрешить возникающие проблемы.

Впрочем, волнения его тут же исчезли, и все

пришло в норму. Ибо… велика ли важность всего происходящего?

Что могли сделать эти нунули, выступив против людей, против настоящих людей? Да в сущности ничего.

Размышляя так, он стал осматриваться и вдруг замер.

Судлил стояла у самой обочины дороги и внимательно рассматривала бесконечный транспортный поток. От него она находилась ярдах в тридцати и, казалось, чувствовала его присутствие. Когда Модиун двинулся к ней, она тут же к нему повернулась. Причем повернулась мгновенно, что удивило его.

Она была очень живая и подвижная! Поразительно! А улыбка её прямо-таки светилась.

Одета Судлил была довольно свободно — брюки и рубашка. Золотой поток волос падал на плечи. Голубые глаза, казалось, излучали свет. Губы полуоткрыты, и вообще она была такая… такая… Какая? Трудно даже выразить.

Во всяком случае, Модиун сейчас этого сделать не мог. Он никогда раньше не видел женщину нормального роста и обличия. Неожиданным это оказалось для него ещё и потому, что несколько недель назад она была совсем маленькая.

К тому же выглядела довольно-таки хмурой и медлительной, что Дода связывал с ускоренным ростом клеток под воздействием разного рода препаратов.

И вот теперь все это исчезло.

Сейчас она лучилась здоровьем, казалось, что тело её вибрировало, ни на секунду не оставаясь спокойным. И это прекрасное видение проговорило чарующим голосом:

— Я приняла через Экета сообщение, которое ты передавал за барьер.

Она задумалась и добавила:

— Значит, возникли проблемы?

К Модиуну вернулся дар речи.

— Да. Кое в чем. Однако давай-ка сядем в машину, и по дороге я расскажу тебе все подробнее.

Тут он вспомнил, что опаздывает с возвращением под домашний `peqr и что чем скорее он вернется, тем более прояснится создавшееся положение.

Судлил не возражала. Модиун подал свободной машине знак остановиться.

Когда они устроились на сиденьях и машина тронулась, Модиун приступил к рассказу о том, как его приняли за человека-обезьяну, как он с этим согласился из любопытства, не став возра-

жать, а также о том, что должен находиться под домашним арестом у себя в комнате, поскольку проник в жилище под чужим именем.

Когда Модиун закончил, Судлил спросила:

— Ты приговорен к домашнему аресту на двадцать дней?

— Да.

— А прошло уже восемнадцать?

— Да.

Тут он несколько удивился, поскольку понял, что ей что-то пришло в голову.

— Выходит, что для них важно, чтобы ты отсутствовал именно двадцать дней? — продолжала она свои вопросы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что им нужны эти двадцать дней, чтобы осуществить нечто, связанное с тобой, и важно, чтобы ты в это время был изолирован.

Это был новый поворот проблемы, и Модиун сразу это понял.

— Но для чего нужны им эти три недели и что можно сделать за оставшиеся два дня? — задумчиво проговорил он, а потом добавил: — Пожалуй, все-таки приговор соответствует совершенному мной проступку…

— По-твоему выходит, что целый ряд животных

пользуется фальшивыми именами?

Подумав, Модиун пришел к выводу, что его версия является неверной и вряд ли кто-либо из людей-животных ранее мог быть наказан за подобное «преступление».

— Все это довольно странно, — медленно начал он, — но что же, в конце концов, они задумали? Что такого вообще может натворить их так называемый комитет?

Лицо Судлил напряглось, как будто она пыталась удержать какую— то ускользающую мысль, но на последние слова Модиуна она отреагировала спокойно, и черты лица расслабились.

— Действительно, — согласилась она. — Получается, что никаких проблем и не существует. А я просто немного задумалась.

Ее попытка уйти от обсуждения этого вопроса показалась Модиуну несколько искусственной, особенно после того, как она высказала довольно-таки здравое предположение.

— В общем, я решил не делать ничего такого, что бы ещё больше усложнило проблему, — заявил он.

— Полагаю, что ты поступаешь правильно.

Сказано это было достаточно доброжелательно, и Модиун решил рассказать ей о нунули,

считавшем, что он завоевал Землю. Момент для рассказа, на его взгляд, был вполне подходящий.

— В былые времена, когда человеческая раса ещё не дошла до нынешнего уровня развития, я счел бы себя обязанным объявить войну захватчикам и вышвырнуть их из нашего мира. Полагаю, что победили они хитростью, что свидетельствует об их… упрямстве, а поощрять такое не следует. Но, как говорят мои друзья-животные, и с этим можно согласиться, все в мире преходяще.

— Пожалуй, я согласна, — снова проговорила Судлил.

— Тогда нам есть смысл пожить здесь ещё некоторое время под личиной обезьян, чтобы не привлекать внимание людей-гиен.

Наступило молчание, и было слышно только шуршание шин по асфальту. Наконец Судлил произнесла с какой-то странной hmrnm`vhei:

— Но ведь я-то не обезьяна…

Модиуна несколько удивила её реакция. Поначалу он даже не понял, что означает её замечание. Ведь он же рассказал уже ей о своем положении и решении, которое принял.

— Вам, мужчинам, в голову приходят иногда довольно странные мысли, — продолжала между

тем Судлил. — Я понимаю и согласна, что нам следует побыть здесь некоторое время, но в качестве людей, и это автоматически убирает все прошлые проблемы. Полагаю, что на этом мы и остановимся.

Сидящий рядом с ней Модиун почувствовал себя несколько неуютно. Что-то не в порядке было у неё с логикой, но тон между тем был достаточно решительный. А поскольку Модиун привык уважать чужие точки зрения, то вроде бы все действительно было решено окончательно.

Они ехали молча ещё минут двадцать. Судлил смотрела по сторонам и неожиданно на что-то указала рукой:

— А это что за штука?

Модиун посмотрел в указанном направлении и увидел неподалеку довольно обширную долину, на которой располагалась какая-то огромная конструкция, каких ему ещё не доводилось видеть.

Прежде чем им удалось рассмотреть детали, чудовищное сооружение скрыли высокие холмы. Однако Модиун уже понял, что это такое.

— Наверняка это звездолет, — определил он, а потом рассказал о своих друзьях-животных, собирающихся отправиться к системам далеких звезд. Он весело изобразил в лицах, как они при-

шли к нему в день после вынесения приговора, чтобы узнать, какое он получил наказание, и были весьма рады, что не существует больше запрета на общение с ним.

— Они ходили вместе со мной в столовую и все время болтали, а сегодня они отправились получать экипировку для путешествия.

Судлил слушала его с несколько отсутствующим видом, не перебивая. Это было нечто вроде дружеского нейтралитета.

Когда машина въехала в город, Модиун стал показывать своей подруге некоторые городские «достопримечательности»: дома для приезжих, квартиры постоянных жителей, столовую, улицы с магазинами…

Он поймал себя на том, что испытывает при этом некое приятное чувство. Даже своего рода гордость, как будто знание всего этого его возвышало. Живой интерес Судлил к окружающему несколько удивил его. Впрочем, как и следовало ожидать, она вскоре перенесла внимание на жилища, которые когда-то предназначались для людей.

— Ты полагаешь, что они сейчас никем не заняты? — спросила она.

— Нужно посмотреть, — ответил Модиун,

указывая на подножие холма. — Они вот здесь, справа.

Дом, который выбрала Судлил, окружали сады, расположенные на террасах, выполненных в форме ступенчатых овалов, как бы вписывающихся один в другой. Каждый овал имел свой, присущий только ему цвет, и все вместе создавало поразительный эффект. Женщина это сразу оценила. Поскольку жилье выбрала она сама, Модиун не стал спорить.

Он назвался своим человеческим именем, дал указание машине подвести их к началу аллеи, ведущей к главному входу, и там остановиться.

Когда они вышли, машина отъехала.

Вот они и дома.

* * *

Хотя они и добрались туда, куда хотели, Модиун все ещё сомневался, должен ли он полностью соглашаться с её решением.

Выходило так, что наступил конец его обезьяньего существования?

Но ведь хозяин нунули предостерегал его от подобного рода действий. Кроме того, Модиуна беспокоило то, что не слишком умных людей-гиен могут натравить на двух человеческих

существ. В этом случае следовало решить, в какой мере они могут использовать свои методы защиты.

Желая спросить Судлил, что она на этот счет думает, Модиун обернулся к женщине и увидел, что она уже направилась к парапету в конце аллеи, отделяющему сад от крутого обрыва.

Внизу простирался город Халли, оказавшийся значительно большим, чем представлял себе Модиун. Женщина, облокотившись на парапет, разглядывала раскинувшийся перед ней пейзаж.

С того места, где находился Модиун, тоже была видна значительная часть панорамы. Он заметил ряд деталей, на которые раньше как-то не обратил внимания. В частности, очень высокое здание в центре и ряд небоскребов вдали.

И тут Модиун подумал, что вовсе не краски сада привлекли Судлил, а именно открывающийся отсюда вид. На него самого он тоже произвел приятное впечатление.

Так что же делать дальше и с чего начать?

Он ещё раз огляделся вокруг. Машина, доставившая их, уже скрылась за поворотом справа, а потом снова показалась на дороге, но дальше и ниже.

Затем Модиун внимательно посмотрел на дом.

Если тот и был занят, то внешне это никак не проявлялось. Ни шума, ни движения. Только листва шелестела под ласковым ветерком, да где-то недалеко запел жаворонок.

Модиун двинулся ко входу в дом. Когда он назвал компьютеру свое собственное человеческое имя, Судлил уже подошла к нему. Модиун взялся за ручку и открыл дверь. Затем он обернулся и одним движением поднял Судлил на руки. Ее вес удивил его, но, чувствуя силу своих мускулов, он легко перенес женщину через порог.

С чуть-чуть сбившимся дыханием, он поставил её на ноги и поддержал, когда она покачнулась.

Судлил удивленно спросила:

— Зачем это?

— Это свадебная церемония, — спокойно объяснил Модиун и рассказал ей, что за время вынужденной отсидки под домашним арестом просмотрел по телевизору несколько записей подобных сцен.

— Хотя эти просмотры вскоре мне наскучили, я сейчас вспомнил, что именно так поступали пары животных, совершавших брачный обряд, — добавил он, пожав плечами, как это иногда делал Доолдн.

— Выходит, что я теперь твоя жена?

Она была явна заинтересована этим.

— Пожалуй, что так…

— В таком случае, — протянула она, — мы должны заняться…

— Да, да, — подхватил он, — сексом.

Она тоже пожала плечами и отвернулась.

— Давай-ка сначала посмотрим, как выглядит внутри наш дом, простояв не менее трех тысяч лет.

Модиун не стал возражать. Они двинулись из комнаты в комнату, которые, как оказалось, выглядели значительно красивее, чем описывали их обучающие машины. К трем комнатам примыкали ванные, затем шла гостиная длиной футов в сто. Обширная столовая. Рабочий кабинет. Множество небольших комнат для животных, тоже с ванными помещениями каждая, две комнаты неясного предназначения и, m`jnmev, кухня-автомат.

Поражало ещё одно, о чем не говорили обучающие машины, — великолепная мебель. Она была искусно изготовлена из неразрушающихся пластических масс (впрочем, и все остальное было из пластмасс). Внешний гладко отполированный слой играл бликами света. Давным-давно умерший мастер создавал иллюзию разнообразных

сортов дерева: в одной комнате — палисандр, в другой — тик. Там же стояли великолепные кожаные диваны и кресла. Пол покрывали толстые китайские ковры, на окнах были занавески, выглядевшие, как гобелены.

Молодожены переходили из комнаты в комнату, лицо Судлил выражало крайнее удовлетворение и довольство. Наконец, придя на кухню, она заявила:

— Нам даже не нужно будет выходить наружу, чтобы питаться в общественной столовой…

Модиун понял, что она хотела этим сказать, однако решил, что она совершает ошибку, не обращая внимания на негативную сторону всего этого.

А Судлил между тем продолжала:

— Как тебе известно, по мере роста тела к нам возвращались некоторые атавистические, утраченные позже человеком свойства. Нужно питаться, избавляться от отходов. Терять время на сон. Да и просто стоять или сидеть — не слишком приятно. Но, поскольку уж мы здесь, следует привыкать к этому.

Модиун помедлил.

— Не следует забывать, что нунули теперь знает, где я нахожусь, и, может быть, ему даже

известно, что и ты здесь.

— Исторически сложилось, что такого рода вопросы не должны беспокоить женщину. А поскольку мы вернулись на более низкую эволюционную ступень, то и тебе не стоит сейчас думать о каких-то мелких деталях.

До Модиуна вдруг дошло. Судлил всегда ценили за её специфическую женскую точку зрения. У нее, наверное, было уже некоторое время приспособиться к нынешнему состоянию, что она только что и продемонстрировала. Интересно! Тем не менее она вовсе не думала о том, что может подвергнуться, как и он, неожиданному воздействию нунули.

Женщина открыла несколько шкафов и в конце концов удовлетворенно повернулась к Модиуну.

— Итак, дом мы исследовали… Чем теперь будем заниматься?

Модиун объяснил, что хотел бы осмотреть город, но может с этим подождать. Он не стал говорить, что предпочел бы выждать, пока закончится срок его домашнего ареста. Судлил терпеливо его выслушала, а потом заявила:

— Все это так, но чем же мы все-таки займемся сегодня?

Модиун не растерялся, он просто приспо-

сабливался к тому, что ей постоянно хотелось двигаться, действовать, что-то делать, а также к манере её мышления.

— Ну… мы можем заняться философствованием, как делали это будучи за барьером, — предложил он.

Она прервала его дрогнувшим голосом:

— Обладая физическим телом, не стоит заниматься одним только мышлением…

— Конечно, — согласился Модиун, — можно посидеть, полежать, полистать книги людей-животных, что лежат в кабинете, потом пообедать. В конце концов, можно посмотреть передачи по телевизору. Ну… и отправиться спать…

— Ты предлагаешь вот так просто посидеть?

Она казалось ошеломленной. По лицу Модиуна она поняла, что для него это такая же проблема, как и для нее, и тогда медленно opncnbnphk`:

— Знаешь, во мне царит какое-то возбуждение… Нервные клетки, контролирующие движение, возбуждаются от каждого звука, каждой картинки. На них действуют и вес моего тела, и воздух, проходящий через легкие, и ветерок, касающийся кожи… Запахи вызывают во мне отвращение, но главное, постоянно хочется двигаться…

Она посмотрела на него:

— Ну и как?

Модиун с улыбкой выслушал её до конца.

— Видишь ли, все это стало для тебя очень заметно после того, как ты выбралась за барьер. Все эти ощущения мне прекрасно знакомы. Вокруг нас все новое — дома, город, существа…

Он огляделся и продолжил:

— Все это возбуждает, будучи совершенно обыкновенным. Ты должна осознать, что все это происходит под воздействием физиологических импульсов, но управляться они должны философским разумом… А до тех пор, пока твой разум не сможет четко ими управлять, почаще закрывай глаза. Ну а если и это не поможет, то вставай и танцуй, как это делают животные. В течение своего ареста я частенько так поступал, особенно под музыку.

По выражению её лица Модиун видел, что его слова вызывают у неё то же отвращение, что и вкусовые ощущения, и запахи. Поэтому он быстро проговорил:

— Может быть, у тебя есть какие-нибудь предложения?

— Да. Почему бы нам не заняться сексом? У животных этот процесс длится где-то два-три часа. Вот мы таким образом и проведем время до

обеда. Потом поедим и решим, что будем делать вечером.

Модиуну казалось, что время для занятия сексом вовсе не подходящее. Ему помнилось, что сексом занимаются вечером или ранним утром. Однако он понимал, что для Судлил её новое крупное тело является сильным возбуждающим к деятельности фактором.

«Ладно, — решил он для себя. — Попробуем».

Ведя её в самую, с его точки зрения, приятную спальню, он жизнерадостно заметил:

— Дода, ссылаясь на историю, уверял, что, пока мы не достигли высшей ступени человеческой эволюции, только некоторые, так называемые святые, могли обходиться без секса. Как бы ни поступали нунули, они, очевидно, развили в нас это, присущее ранее только святым свойство. Впрочем, я вообще полагаю, что термин «секс» скорее относится к философским понятиям. Отказавшись от половых актов, мы миновали стадию людей-животных, дойдя до уровня истинных людей.

Проговорив все это, он на мгновение смолк, но тут же у него возникла новая мысль.

— Скажи-ка мне, а твои гениталии такие же, как у женщин— животных?

— Видишь ли, мне как-то не приходилось раньше делать подобные сравнения, — ответила Судлил. — По первому впечатлению похоже, что так…

— Ну а мне ранее довелось исследовать несколько самок— животных, так что я смогу провести сравнительный анализ…

— Ладно, действуй, — согласилась женщина.

— Очень похоже, — заявил он чуть позже. — Если не считать, что самки животных выделяют много маслянистой субстанции. У тебя же я не обнаружил никаких её следов…

— А я заметила, — проговорила Судлил, — что ты не проявляешь никаких признаков жестокости, которую мы наблюдали у самцов— животных. Помнишь?

— Может быть, она является следствием физической активности? Bopnwel, давай начнем…

Первая попытка заняться сексом привела обоих в замешательство. Они катались с одного края кровати на другой, но получали лишь неприятное ощущение физического контакта тела с телом, трения кожи о кожу, хотя их влекло любопытство. Наконец, совсем сбитые с толку, они отодвинулись друг от друга.

Модиун не преминул заметить:

— Мне помнится, что животные находились в состоянии крайнего возбуждения. От них исходил даже какой-то запах, довольно-таки неприятный. У нас же никакого возбуждения нет, а запах крайне слаб.

— Когда твои губы касались моих, — сказала женщина, — то у тебя выделялась слюна, увлажнявшая мой рот, что тоже было не слишком приятно.

— Я полагаю, что было бы ещё более неприятно, если бы один сухой рот касался другого, — оправдывался Модиун.

Вместо ответа Судлил скользнула на край постели и села, опустив на пол загорелые ноги.

Она стала одеваться, и уже через минуту была в брюках и рубашке.

Нагибаясь, чтобы надеть туфли, она заявила:

— Поскольку секс занял у нас меньше времени, чем мы рассчитывали, то я пойду прогуляюсь. А ты чем займешься?

— А я пока полежу здесь с закрытыми глазами…

Она выскользнула за дверь и исчезла. Он слышал, как прошелестели её шаги, а потом стихли. Открылась и захлопнулась дверь центрального входа…

Прошло некоторое время…

Наступили сумерки, и Модиун, одевшись, отправился в столовую, чтобы поесть. Потом, несколько удивленный долгим отсутствием Судлил, вышел из дому, чтобы поискать её. Добравшись до того места, откуда дорога, освещенная городскими огнями, была видна целиком, он убедился, что Судлил там нет.

Вспомнив, что она не захотела питаться в общественной столовой, он решил, что, проголодавшись, она вернется.

Сам же он, войдя в дом, вновь улегся на кровать, следуя приятной привычке, приобретенной за время домашнего ареста. Его тянуло как следует выспаться.

А Судлил все ещё не было!

«Ладно, — подумал он. — Наверное, захотела тщательно изучить город в первый же день».

Решив так, Модиун разделся, улегся поудобнее и заснул.

И вот тут-то в ночной тьме прогремел взрыв.

* * *

В момент, когда произошла катастрофа, у человеческих существ за барьером возник коллективный всплеск мысли: что делать? Модиун тоже

был подключен к этому мысленному всплеску.

Люди мгновенно осознали угрозу и возникшую альтернативу: противостоять или нет? Но самое невероятное заключалось в том, что никто из них, кроме Модиуна, не мог принять окончательного решения!

Он же склонялся к пассивному восприятию поведения людей-гиен и правил, которые продиктовал нунули. Эта точка зрения и оказалась единственным ответом на ситуацию. В миллионные доли секунды, когда люди ещё могли что-то предпринять и воспрепятствовать катастрофе, пассивное восприятие вошло в противоречие с естественной защитной реакцией. Впрочем, какой на самом деле могла оказаться эта защитная реакция, никто теперь никогда не узнает.

Мгновение, когда ещё можно было активно противодействовать катастрофе, минуло. И уже невозможно стало подключить Айлэм — единое психическое пространство.

Мгновение кануло в вечность.

Появился лишь слабый намек на то, что люди как бы мысленно сказали друг другу: «Прощайте, дорогие друзья!»

Потом…

Потом наступила всеохватывающая тьма.

Модиун, словно подброшенный пружиной, подскочил на постели и только смог выдохнуть:

— О великие боги!

Он зажег свет. Когда включилось сознание, Модиун уже стоял посреди ярко освещенной комнаты. Потом его охватило чувство слабости, и он почувствовал судорогу в правой ноге. Потеряв опору, он рухнул на пол и откатился в сторону, дрожа и суча ногами. Он практически ничего не видел.

От охватившего его тело напряжения он как бы попал в какую-то туманную пелену, которая окутала и его мозг. Перед глазами стали плавать яркие пятна.

— Что же происходит?!

Он ощущал сильный жар. Глаза резало, лицо и тело разогрелись… Все это произошло очень быстро.

Воды! Ему дико хотелось пить. Это желание подняло его и повлекло в столовую. Стакан дрожал в руке. Расплескивая воду, он поднес его к губам, чувствуя, как холодная влага стекает по подбородку, льется на грудь и капает на ноги.

Благодаря холодной воде он почувствовал, что к нему возвращается сознание и ощущение мира.

И тут возник гнев.

Он охватил его целиком, вызывая ощущение падения в пустоте.

Движимый яростью, он ворвался в спальню и быстро оделся. Бешенство продолжало копиться в нем. Наконец, выскочив из дому, он бросился к дороге.

Только добежав до шоссе и перехватив свободную машину, он понял, что не почувствовал в общем хоре в момент катастрофы излучения мозга Судлил. Ее загадочное отсутствие занимало мысли Модиуна всю дорогу.

* * *

Когда машина остановилась перед компьютерным центром, все вокруг тонуло во тьме, за исключением некоторых освещенных зданий.

Модиун медленно выбрался из машины. Его внутренний жар значительно уменьшился. Теперь такая реакция казалось ему полудетской. Тем не менее он стремительно вошел в здание, ещё четко не представляя себе, что будет делать дальше.

Незамедлительно появившийся из-за машины нунули был совсем не тот, с которым Модиун разговаривал в прошлый раз, и он это ясно видел.

— Я, — ответил на вопрос человека инопла-

нетянин, — прибыл на Землю через несколько минут после взрыва и сразу направился прямо сюда. Это же, как я вижу, сделали и вы.

Нунули стоял возле небольшого металлического барьера, отгораживающего гигантский центральный компьютер. Этот нунули физически отличался от своего предшественника. Он был выше его. Несколько более сутулый. Может быть, даже старше.

Поняв, что вновь прибывший не может нести ответственность за то, что произошло, Модиун сдержал свой гнев, который к тому времени и сам уже несколько поутих. Ему просто вдруг захотелось разобраться во всем более детально.

— Что же случилось с номером один? — спросил он.

— Он поздно вечером отбыл вместе с женщиной.

— До взрыва? — удивился Модиун.

— Конечно, — последовал несколько раздраженный ответ. — Взрыв произвел один из специальных агентов комитета…

Наконец-то речь пошла о том, что его интересовало.

— И где же этот спецагент теперь?

— Отбыл приблизительно через тридцать се-

кунд после взрыва…

Нунули помолчал, потом добавил:

— Все было рассчитано так, чтобы ни один из нас не знал, что делает в это время другой. Признано, что в этом логика комитета — безупречна.

— Да уж! — только и смог вымолвить человек. — Ну а какова ваша роль во всем этом?

— Я теперь выступаю вместо прежнего нунули, хозяина Земли.

Это как-то даже обескураживало.

— У меня такое чувство, что во мне прорастают древние инстинкты. Мне кажется, что я должен что-то предпринять против вас.

Если нунули и забеспокоился, то внешне это никак не проявилось.

— Это как же? — только и спросил он.

— Я просто должен каким-то образом наказать вас.

— Ну, например? — раздраженно спросил нунули.

— Существует такая старая поговорка: «Око за око, зуб за зуб!» Вот так!

— Однако это, как мне кажется, с одной стороны, противоречит вашей пацифистской философии, с другой — что вам это даст? — нетерпеливо про-

говорил инопланетянин.

— Пожалуй, действительно ничего, — смешался Модиун.

Мысль о необходимости немедленно что-то сделать отступила под давлением логики.

— Вы ведь даже и не пытались защищаться, — гнул свое нунули. — Почему же вы полагаете, что должны сейчас действовать?

— Ладно, посмотрим, — пробормотал Модиун.

Он с грустью подумал о своей собственной роли в гибели человечества. Разве не нес он определенную ответственность за колебания людей в критический момент, оказавшийся фатальным?

Что ему теперь делать?

Ясно, что часть ответственности с нунули перелагалась на него самого, и хотя это было в общем-то нелепо, но по логике следовало, что, раз катастрофа уже произошла, не было никакого смысла во взаимных упреках.

И тут он понял, что раздумывает уже над совсем другими аспектами проблемы.

— Что же побудило комитет поступить таким образом?

— Номер один уже говорил вам об этом. Вы ведь угрожали, что будете мешать нам.

— Но это — я, а не они. В чем же смысл уни-

чтожения тех, кто и не собирался выходить за барьер?

— Откуда нам было знать, о чем они думают? Вы же вот вышли. Комитет и раньше предполагал, что остатки человеческой расы могут доставить ему неприятности… Так что решение было найдено самое лучшее.

— Надеюсь, что в том, что вы говорите, есть определенная логика, по крайней мере с вашей точки зрения, — неохотно согласился Модиун. — Тем не менее у меня возникает вопрос: можно ли допустить свободу действий существ вроде вас, связанных с комитетом, которые могут решиться на разрушение?

— Что вы имеете в виду?

Модиун смог привести только пример, касающийся лично его:

— Хотя бы то, что ваши подручные, люди-гиены, постоянно покушались на мою жизнь… Это происходило под прямым влиянием прежнего нунули!

— Гм!

Существо, казалось, несколько призадумалось. Его сероватое лицо даже вытянулось.

— Я должен ещё кое-что сообщить вам. Вас больше не будут преследовать. Домашний арест

отменяется. Вам дается полная свобода действий и передвижения по Земле.

— Это не слишком меня удовлетворяет, — спокойно заметил человек, — но полагаю, что это лучшее, что я мог бы ожидать от вас в данных обстоятельствах.

— Очень хорошо. Итак, вы свободны… Но в качестве обезьяны…

— Следовательно, существуют ограничения?

— Очень незначительные. Подумайте, зачем последнему человеку на планете Земля объявлять, кто он такой?

Модиун вынужден был признать, что это действительно не имело бы особого смысла.

— Но, — упрямо возразил он, — существует ещё одно человеческое существо — женщина по имени Судлил. Вы сказали, что она покинула планету вчера вечером?

— Член комитета, которому было поручено заняться этим вопросом, объяснил это так: один только нунули номер первый знает, где находится женщина, а он отправился на другой конец Вселенной, чтобы никогда больше не вернуться сюда, так что вы не сможете обнаружить её следов.

Стоя на полу компьютерного центра, Модиун

ощущал сквозь подошвы вибрацию металлических плит. В его мозгу возник некий непонятной природы импульс, и он проговорил:

— Любопытная проблема…

— Более того. Проблема неразрешимая, — удовлетворенно подтвердил нунули.

Нескрываемое торжество этого существа возмутило Модиуна, и он оценил свое возмущение как реакцию физического тела, потерпевшего поражение. Но, впрочем, первое ощущение было, скорее всего, ложным. Зачем решать проблему в срочном порядке, если в этом нет необходимости? Очевидно, Судлил покинула Землю, поднявшись на борт одного из звездных кораблей. Это было несколько странным поступком, поскольку он не входил в её первоначальные планы.

— Самым простым, — сказал он вслух, — было бы, если бы вы нашли её и сказали мне, где она находится.

— И не надейтесь, — сухо прозвучал ответ.

— Почему вы отказываетесь?

— Вы самец, она самка, — ответил нунули. — Было бы неразумно позволить вам вступить с ней в половые отношения и воспроизводить потомство людей. Поэтому-то она и отправлена туда, где нет мужчин, а вы оставлены здесь.

Модиун мысленно усомнился, чтобы Судлил могла решиться на рождение ребенка. Но потом его внимание переключилось на другое.

— И что же, номер один силой заставил её войти в звездолет?

— Конечно же, нет! Но она оказалась слишком доверчивой, — заявил нунули, — и это не позволило ей проникнуть в мысли моего предшественника. Поэтому-то, когда он пригласил её посетить один из быстроходнейших звездолетов комитета, она сама поднялась на борт, не испытывая никаких подозрений. Командир корабля позже сообщил, что она ничего не заподозрила, даже когда корабль взлетел.

Услышав это, Модиун несколько успокоился.

— Действительно, — проговорил он, — что одно место m`unfdemh, что другое — разницы никакой. Вам это сразу и не понять... — Интерес его к этой теме пропал, и он продолжил: — Теперь я вижу, что вы не хотите нанести нам вред, ни ей, ни мне. К счастью, человеческая мысль всегда будет выше любых злобных намерений. Итак, Судлил находится в звездолете, направляющемся в некое определенное место. В будущем, когда вы научитесь оценивать реальное положение вещей, выясните для меня, где будет она.

— Я повторяю, что никогда этого не сделаю, — прозвучал ответ.

— Я предвидел, что вы возразите именно так, — заметил, отвернувшись, Модиун, — но у меня существуют некоторые обязательства по отношению к ней, и потому полагаю, что случай, о котором я вам сказал, представится.

— Все равно это ни к чему не приведет, — сухо выдавил новый нунули. — Мало того, что я не знаю, где она находится, комитет ещё дал совершенно четкие указания, чтобы меня вообще никогда об этом не информировали. Так что я не смог бы помочь, даже если бы захотел. А тем более у меня нет к тому ни малейшего желания. На этом, полагаю, наша дискуссия окончена. Если, конечно, у вас нет других вопросов.

Других вопросов у Модиуна не было.

* * *

Он вышел из компьютерного центра. Ночь ещё не кончилась, но на далеких облаках уже появились первые слабые блики близкой зари. Модиун неторопливо шел по пустынному в этот час тротуару. Машин на улицах было предостаточно. Даже можно сказать, что все они были свободны, по крайней мере те, которые он видел. Да и что

же им было делать ночью, как не ждать, чтобы кто-нибудь ими воспользовался. В этом было их предназначение.

Модиуна беспокоили три вещи.

Первое, он не был уверен в том, что испытывает сейчас то, что следует в таких случаях испытывать.

Второе, он обнаружил, что его тело явно не в лучшем настроении.

Третье, к счастью, он сознавал, что ум его спокоен и ясен.

Он понимал, что внутренняя напряженность тела связана с Судлил. С появлением её ему пришлось заботиться о другом существе, кроме самого себя. Но через пару часов ему стало с ней скучно. Впрочем, когда-нибудь они вновь воссоединятся и смогут обсудить будущее человечества. Однако это не так уж срочно.

«Полагаю, — думал он, — что сейчас самое благоразумное — отправиться спать, чтобы дать отдохнуть своему физическому телу. Утро вечера мудренее, и утром я решу, что мне делать в первую очередь».

Он подозвал машину, уселся и подумал, что его больше не интересует никакое кругосветное путешествие по планете. Раньше сведения, ко-

торые он мог бы собрать, смогли бы оказаться полезными людям, находящимся за барьером… А теперь какая от них польза?

Итак, что же делать дальше?

Помня, что нунули потребовал держать в секрете от окружающих его человеческое происхождение — а почему бы и нет? — он направил машину к квартирам для приезжих. А сам тем временем, откинувшись на спинку сиденья, подумал: «Член какого-то далекого-далекого комитета этим интересуется! Невероятно!»

Но тем не менее именно так и сказал нунули.

Прямой интерес к какой-то маленькой планете Земля, к тому же слабо заселенной, в отдаленном галактическом секторе Млечного Пути!

Тут он понял, что пытается представить, как можно устроить g`cnbnp против двух человеческих существ, Судлил и его самого. Все это казалось совершенно невозможным.

Впрочем, некий гипотетический член комитета мог такое посоветовать нунули, при условии, если такого совета у него попросили.

Нет, что-то не так. Конечно, общие указания могли затронуть и такие бесконечно малые единицы (по их критериям), как, например, он, Модиун. Нунули же просто проявлял усердие,

как, впрочем, и должны поступать хорошо вышколенные слуги.

Но ведь единственное человеческое существо, философ-пацифист, совершенно безобидный в том смысле, что не желает ничьей гибели, а, наоборот, выступает за то, чтобы всех оставили в покое, тот, который не отвечает ударом на удар, — такое существо не может представлять никакой опасности и интереса для правящей галактической верхушки завоевателей. Находясь где-то на огромном расстоянии отсюда, члены этой иерархии не могут даже знать о его существовании как индивидуума. И не могут они давать советы своим слугам нунули относительно каждой отдельной личности.

Так он представлял себе сложившуюся ситуацию, но отнюдь не был уверен, что это именно так.

«Ладно, подумаю об этом позже».

Остановившись на этом в своих размышлениях, он вышел из машины. Он дошел до своей квартиры и очень удивился, обнаружив сидящего у двери на крыльце человека-медведя Роозба. Красивый человек-животное дремал.

Когда Модиун приблизился, тот открыл глаза, заморгал и сказал:

— Эй!

В ночи его голос прозвучал громко и отчетливо. Человек— медведь понял это, и, встав на ноги, сказал значительно тише:

— Где тебя носило? Что случилось? Мы очень о тебе беспокоились.

Модиун стал говорить ему спокойным тоном, что ничего не случилось, что все в порядке, так что беспокоиться не о чем… Когда он закончил, Роозб взял его за рукав и потянул к одной из квартир.

Он сильно постучал в дверь и, когда полусонный Доолдн открыл, подтолкнул Модиуна к человеку-ягуару, бросив через плечо:

— Пойду соберу остальных.

Через пять минут все собрались в апартаментах Доолдна. Роозб громко проворчал:

— Ребята, у этой обезьяны мозги не в порядке, — и он постучал себя пальцем по лбу. — Нарушать правила, когда осталась пара дней до конца домашнего ареста! Завтра у него из-за этого могут быть большие неприятности, а нас здесь уже может не оказаться, чтобы помочь.

Он обернулся к Модиуну, и его красивое лицо стало суровым, когда он объяснил, что до полудня они должны будут перебраться на космический

корабль, а на послезавтра намечен вылет.

Модиун очень удивился.

— Ты хочешь сказать… они считают, что за один раз на корабль можно сразу погрузить миллион людей-животных?

— При крайней необходимости можно поступить и так, — вмешался Доолдн, — но в данном случае этого не требуется. Погрузка идет уже две недели. Мы поднимемся на борт в числе последних пятидесяти тысяч.

Роозб сделал другу знак помолчать.

— Не отклоняйся от темы. Сейчас вопрос о том, что нам делать с обезьяной. Он выглядит так, как будто ничего не понимает…

В другом конце комнаты зашевелился человек-лиса.

— Ладно, ребята. А почему бы нам не взять его с собой?

— Ты хочешь сказать, взять с собой в космос? — покачал головой человек-медведь. — Но это будет нарушением закона.

— Какого ещё закона? — взвился Доолдн. — Того, что придумали люди-гиены? Да никто и не заметит. Обезьяной больше, обезьяной меньше. А потом он всегда может сказать, что потерял свои бумаги.

Человек-бегемот обернулся к Модиуну.

— Эй, Модиунн, а ты сам-то что об этом думаешь? Хочешь отправиться с нами?

Из всего происходящего Модиуна интересовало лишь то, что они готовы были вступить в заговор, чтобы ему помочь. Удивляло, что одна только мысль, которую он им подал относительно незаконного захвата власти людьми-гиенами, пошатнула их законопослушание.

Сначала Роозб, потом Доолдн, а теперь Нэррл с Айчдохзом вошли в противоречие с властями…

Пелена спала в одно мгновение. Еще не зная всей правды, они яростно реагировали на малейшее отклонение от истины, теряя прежнюю наивность и чистосердечную веру.

Мысли его обратились к такому же, как он, «преступнику», человеку-крысе, который решился на кражу, узнав, что люди-гиены не делают пешком и сотни шагов. Так его возмутила эта привилегия!

«Не много же им нужно!» — подумал Модиун.

Чудесное равновесие, которое создал человек, прежде чем уйти за барьер, было нарушено завоевателями — нунули. А жаль! Может быть, все это как-то можно ещё поправить?

Он очнулся от своих мыслей, увидев направлен-

ные на него четыре пары горящих нетерпением глаз.

— С восходом солнца я должен кое-куда сходить. Но вернусь около девяти — половины десятого. Это не поздно?

Они клятвенно его заверили, что нет.

И вот Модиун направился к тому месту, где его месяц тому назад покинул Экет… и где он встретил Судлил.

Вид местности и маршрут, по которому должна была доставить его машина, сохранились в его памяти. Как он и предвидел, машина— робот подчинилась его человеческому имени.

Вскоре Модиун уже стоял на холме, возвышающемся над долиной, где ещё совсем недавно в райских условиях жила тысяча человек. Теперь все исчезло: сады, каналы, соединенные между собой бассейны, дома и золотистые лужайки… Отсутствовало и внешнее кольцо, место обитания помощников человека — насекомых и зверей.

Теперь там, где когда-то располагался маленький городок с остатками представителей человеческой расы, зияла глубокая воронка размером две на три мили.

Модиун подумал, что, отправившись в космос, он, возможно, когда-нибудь сможет поговорить

обо всем этом с каким-нибудь членом комитета...

Только в космосе это и можно будет сделать!

* * *

Вначале Модиун вовсе не беспокоился о том, чтобы найти себе помещение для жилья. Отделившись от друзей, которые должны были отправиться в отведенные им каюты, он бесцельно бродил по коридору и через некоторое время оказался у прозрачных дверей гигантского зала.

На глазок он определил, что длина зала примерно с полмили, а высота — больше трехсот футов. Повсюду, куда бы он ни бросил взор, виднелись деревья, создававшие зеленую перспективу, а под ними гуляли тысячи животных, наслаждавшихся этим огромным пространством в замкнутом помещении звездолета. Идеальное местечко, чтобы провести первые часы на борту корабля. Модиун хотел войти в зал, mn оказалось, что двери заперты.

К нему подошла женщина-животное. Она была изящно одета и напоминала — да так и было в действительности! — обезьяну— мартышку. Она внимательно осмотрела восьмифутового человека, который был на полфута выше её, и заявила:

— Доступ в этот центр ограничен. Свободное пространство должно по очереди использоваться всеми пассажирами. Если вы сообщите мне ваше имя и номер каюты, я помечу и прослежу, чтобы вас проинформировали о возможности посещения центра.

Ситуация создалась несколько неожиданная. Предложение звучало заманчиво, но ведь у Модиуна не было ещё никакой каюты. Поэтому он отрицательно покачал головой, в то же время с любопытством изучая женщину-обезьяну.

— Из какой вы части Африки? — осведомился он.

— С восточного побережья.

Она дружески улыбнулась.

— А сам-то ты откуда, красавчик? — в свою очередь спросила она. — Не желаешь ли пожить у меня в каюте?

Модиун был приятно удивлен.

— А как это можно устроить?

Почувствовав его согласие, она ещё более очаровательно улыбнулась.

— Если самка находит себе самца, то она имеет право на отдельное помещение и большую кровать. В каждой общей спальне их много стоит.

— Недурно, — сказал Модиун.

— Сейчас я тебя запишу, — нетерпеливо пробормотала она.

Он увидел, что женщина-обезьяна достала из сумочки записную книжку, что-то написала мелким почерком и, вырвав листок, протянула ему.

— Вот возьми.

Модиун бросил взгляд на написанное и прочел: «Палуба 33, секция 193, коридор „Н“, спальня 287».

Ниже стояла подпись: Тролндэ.

Он сунул листок в карман, а женщина-обезьяна спросила:

— Как тебя зовут?

Он назвал свое африканское имя — Модиунн и добавил:

— Увидимся, когда я приду спать.

Ночью женщина-обезьяна разбудила Модиуна, взгромоздившись на него, лежащего на спине. Она была довольно тяжелой, и, позволив ей полежать на себе, он наконец вежливо спросил:

— Вы проснулись?

— Конечно, проснулась, — ответила она каким-то тягучим голосом.

— И что же? В вашей местности у обезьян принято спать таким образом?

— Боже мой! С чего ты задаешь такие вопросы?

Ты мужчина или кто?

Вопрос был ему совершенно непонятен, поэтому он ответил:

— Почему бы нам не поразгадывать эти загадки утром? Сейчас мне очень хочется спать.

Наступило долгое молчание. Так и не произнеся ни слова, женщина слезла с него и улеглась сбоку на самом краю постели. Там она и оставалась весь остаток ночи и больше его не будила. Утром, проснувшись сам, он увидел, что она сидит в дальнем углу спальни, возле большого зеркала.

Модиун стал одеваться. Наклонившись, чтобы обуться, он вдруг почувствовал, как задрожал под ногами пол: заработали мощные двигатели.

Перед его внутренним взором замелькали какие-то образы.

Сначала в замкнутом пространстве он увидел только какие-то волны. Квадриллионы движущихся линий создавали собственный мир.

«Магнитно-гравитационные излучения, — подумал он. — Конечно… они самые и есть. Корабль, должно быть, проходит через сильные магнитное и гравитационное поля Земли, напрягаясь, чтобы его огромная масса могла преодолеть притяжение планеты».

Значит, происходит взлет. Все просто. Ничего

опасного.

Мозг Модиуна расслабился, и образы в нем трансформировались. Тут он увидел лицо человека-гиены, одетого в блестящий мундир с медалями. Тот находился в рубке управления звездолетом. В помещении поблескивали металлические поверхности каких-то механизмов, а перед стендами и панелями стояли другие офицеры— гиены.

Видение поблекло. На какое-то мгновение на фоне рубки возникло серое гладкое лицо нунули с прической из червей-щупалец. Глаза этого существа, похожие на серо-зеленые сгустки тумана, казалось, смотрели прямо на Модиуна.

Потом эта картина тоже поблекла.

Модиун закончил обуваться и почувствовал какое-то удовлетворение. Теперь, когда они вышли в космос, можно было и сходить поесть. Он согласился с советом друзей не появляться в столовой весь предшествующий день, хотя его крупное физическое тело требовало пищи. Теперь же можно прекратить пост.

Встав, он направился к женщине-обезьяне.

— Ну, до вечера, — жизнерадостно проговорил он.

— Я бы не советовала тебе возвращаться сю-

да, — с долей яда в голосе заявила она.

Модиун спокойно, с некоторым любопытством посмотрел на нее.

— В вашем тоне явно чувствуется враждебность. Но ведь я-то был вежлив.

— Очень нужна мне такая вежливость, — сухо парировала она.

Тут Модиун решил, что раздражение Тролндэ, возможно, связано с её странным поведением прошедшей ночью. И сказал ей об этом.

— Конечно, все дело именно в этом, — сурово подтвердила она. — Я всегда полагала, что мужчина, находясь в постели наедине с женщиной, должен и вести себя, как мужчина…

— Вот так раз! — только и мог сказать Модиун.

До него наконец дошел смысл происшедшего, и он запротестовал:

— Вы что же, допускаете спаривание, которое может привести к рождению метисов?

— При чем тут это? Разве речь шла о каком-то последующем рождении? — раздраженно бросила она.

Ответ её таил в себе загадку. И тут он вспомнил о своем неудачном опыте с Судлил.

— Мне тут нужно решить одну проблему, — объяснил он. — А потом, почему бы не проконсуль-

тироваться у друзей на этот счет и, вернувшись, поговорить с вами?

— Можешь не трудиться, — холодно выдавила она.

Было совершенно ясно, что у неё дурное настроение. Учитывая это, Модиун прекратил спор и вышел, направившись прямиком в столовую. Расположение её он отметил себе ещё накануне, когда пошел к женщине-обезьяне.

Он назвал автомату свое собственное имя и вскоре уже нес поднос, заставленный тарелками с пищей, к маленькому свободному столику в углу. Неторопливо поедая пищу, он заметил людей-гиен в форме, выстроившихся у каждой из четырех дверей столовой.

Модиун вздохнул. Опять начинается весь этот идиотизм.

И тут ему в голову пришла новая мысль: сколько же он может все это терпеть?

Тем не менее все посторонние мысли испарились, когда к его qrnkhjs направился офицер-гиена, обшитый галунами мундир которого свидетельствовал, что тот является важной персоной.

— Вас зовут Модиунн? — вежливо обратился тот.

— И что же, если так?

— Я почтительно прошу вас проследовать за мной в каюту хозяина этого корабля, нунули.

Вспыхнувшее у Модиуна чувство неприязни погасло. Хотя полностью оно, конечно, не исчезло.

— И что же ему от меня нужно?

— Он хочет задать вам несколько вопросов…

— Я не представляю, какие бы важные вопросы он мог задать, чтобы получить соответствующие ответы. Так что я с вами не пойду.

Казалось, человек-гиена смутился.

— Но, — запротестовал он, — как же я могу вернуться к хозяину и принести подобный ответ? Я, конечно, понимаю, что могу применить силу, если не удастся вас убедить по-хорошему. Хотя, впрочем, инструкций такого рода я не получал.

Модиун с достоинством ответил:

— Передайте этому господину, что если он соблагоизволит выделить мне каюту на борту звездолета, то я с удовольствием приму его у себя по его личной просьбе.

Офицер-гиена несколько успокоился.

— Благодарю вас. Мне нужен был хотя бы какой-нибудь положительный ответ.

С тем он и ушел.

Вот и все.

Шел час за часом, но ничего больше не происходило. Сначала это показалось странным, потом Модиун подумал, что все нунули слишком расчетливы и, без сомнения, уже составлен некий план его возвращения на Землю. Однако что это за план, он пока догадаться не мог. В конце концов, не придумав ничего лучшего, он отправился навестить друзей.

Располагались они в огромной спальне, предназначенной для лиц мужского пола. Это была большая комната с рядами коек, на одной из которых сражались в карты человек-мышь и человек-лиса, но гораздо меньше ростом, чем Нэррл. Модиун осведомился о своих спутниках.

Человек-мышь бросил карты, вскочил и заверещал, обращаясь к тем, кто валялся на соседних койках:

— Ребята! Здесь парень, который ищет этих четверых типов!

Половина из тех, кто находился в помещении, услышали его слова. Все они дружно встали. Те, кто плохо расслышал, оглядывались и садились на койках. Потом кое-кто из них вскочил, по примеру других.

Слева от Модиуна оказался приземистый тип, напоминающий тигра. Он повелительно махнул

рукой в направлении Модиуна и сказал:

— Эй ты! Поди-ка сюда!

Модиун, хотя и удивился, тем не менее повиновался. А за его спиной снова провизжал человек-мышь:

— Твои друзья арестованы! А нам велено допрашивать тех, кто будет их искать… Ты кто такой?

* * *

«Ну и придурки», — только и подумал Модиун.

Тем не менее ситуация была не из приятных. Осознав это, он инстинктивно обернулся и посмотрел на дверь, в которую вошел.

Выход был заблокирован. За мгновения, прошедшие от возгласа человека-мыши до его движения в сторону человека-тигра, семеро крепких людей-животных перекрыли проход к двери. Его пацифистская thknqnth подсказала, что отсюда не выберешься, не применив насилия.

Модиун понимал, что столкновения не избежать.

Окружающие приходили во все большее возбуждение. Пока он в нерешительности раздумывал, эти типы начали теснить его и толкать. Он почувствовал неприятный запах пота их тел. Тем не менее в данный момент ему даже не при-

шло в голову отключить рецепторы обоняния. Модиун не сопротивлялся, и противники совсем загнали его в угол.

Тут человек-тигр попытался ударить Модиуна в лицо. Удар не получился, так как человек автоматически отбил его, а рука нападавшего взлетела выше головы. Болевого ощущения не появилось, но само намерение ударить его возмутило физическое тело Модиуна.

— Почему вы так себя ведете? — вежливо осведомился он.

— Ты — подонок, вот почему, — прозвучало в ответ. — Мы прекрасно знаем, как поступать с предателями и их друзьями, правда парни? Таких ублюдков нужно убивать!

Этот крик подхватили все стоящие рядом люди-животные:

— Убьем ублюдка!

На плечи и голову Модиуна посыпался град ударов. Он спокойно от них уклонялся и с грустью думал, что теперь его тело, без сомнения, станет защищаться, ибо нападающие все больше входили в раж. Он дал приказ телу снять болевые ощущения, левой отбил направленный ему в лицо кулак и врезал человеку-тигру прямой в челюсть. Удар отдался толчком в фалангах пальцев

и сотрясением в плечевом суставе.

Поскольку болевые ощущения он отключил, а силу своих мышц ещё не привык соизмерять, то никак не мог соразмерить и силу удара. Модиун с огромным удивлением увидел, как человек-тигр отлетел на несколько шагов и с шумом обрушился на пол.

Все вокруг обернулись и посмотрели на человека-тигра. В общем— то опыта кулачных боев они не имели. Тут же перестав обращать внимание на Модиуна, они окружили лежащего на полу приятеля. Получилась некая заминка, образовалась своего рода брешь, но не в физическом, а во временном смысле. Модиун двинулся вперед, обходя, как истуканов, людей-животных, которых было перед ним не менее полудюжины. Пройдя сквозь этот заслон, он наклонился, пытаясь помочь подняться человеку-тигру.

— Извините, — пробормотал Модиун с сожалением, — я только хотел задать вам один вопрос.

Здоровенный парень пришел в себя и пощупал челюсть.

— Ну и ударчик у тебя, прямо смертельный, — произнес он с уважением. — Ладно, что у тебя за вопросы?

Модиун сказал, что, во-первых, удивлен их

враждебным поведением, а потом добавил:

— С каких это пор стало преступлением быть знакомым с кем— нибудь?

Эти слова заставили человека-тигра задуматься.

— Ну-у-у… — с сомнением протянул он. Потом обернулся к окружающим. — Что скажете, парни?

— Но ведь он действительно знаком с преступниками, — заметил человек-мышь.

— Угу… — Тут человек-тигр посмотрел на Модиуна более воинственно. — Ну, что ты на это скажешь?

— Вы утверждаете, что они арестованы? — осведомился человек.

— Угу…

— И их должны судить?

— Угу…

— Но в таком случае сначала должен пройти судебный процесс. Пока ведь не доказано, что они виновны. Это может решить только qsd.

Тут Модиун вспомнил, как сам предстал перед «судом», и быстро добавил:

— Они имеют право на гласный честный суд с вашим участием. Двенадцать присяжных и судья. На открытом судебном заседании будет решено,

виновны они или нет.

Он замолчал, но в ответ не раздалось ни слова.

— Ну, и в чем же все-таки их обвиняют?

Этого никто не знал.

— Стыдитесь! Вы говорите, что они виновны, а не знаете даже, в чем состоит их преступление! (Тут он подумал о своей собственной роли в неожиданном развитии событий.) Вот что, парни, — добавил он, — сначала необходимо убедиться, что эти четверо — такие же простые парни, как вы и я, — будут осуждены по справедливости.

Все они были всего-навсего людьми-животными и к тому же не слишком-то умными. Они только что покинули прекрасный мир, в котором от них требовался минимум усилий для работы. Кое в чем правление людей-гиен и нунули их даже устраивало. Работа была им, по крайней мере, обеспечена.

Модиун уже заметил, что то, что казалось этим существам несправедливым, тут же побуждало их к немедленным действиям. Так получилось и теперь.

— Ты прав. В этом непременно следует разобраться…

Эти слова подхватил целый хор голосов. Тут

же люди-животные стали горячо убеждать друг друга в ценности почти забытых ими древних принципов судебного разбирательства.

Затем они разбились на отчаянно спорящие группы. Теперь уже никто не обратил внимания на то, что Модиун подошел к двери, осторожно огляделся и вышел в коридор.

Он быстро шел, взволнованный неожиданным арестом своих спутников, а также тем, что, будучи сам свободен, не может ничего для них сделать.

Он просто не знал, что можно сейчас сделать.

Модиун продолжал бесцельно бродить по коридорам, а в голове был какой-то туман.

Скорость движения все увеличивалась, и соответственно росло его внутреннее беспокойство.

Теперь он даже пришел к выводу, что просто любит своих четырех спутников, но… на физиологическом уровне своего тела… и именно поэтому их нынешнее положение так его беспокоит.

Тут он побежал…

Все быстрее и быстрее…

Сердце усиленно забилось, дыхание участилось, и на бегу он вдруг почувствовал, что те сильные эмоции, которые возникли у него в связи с мыслями о положении приятелей, стали

рассеиваться. С грустью он осознал, что вещества, выделяемые в кровь — в том числе и адреналин, — подавляются мышечной активностью.

На бегу чувство, что он должен что-то немедленно предпринять, исчезло.

Снова став философом, Модиун с улыбкой подумал, что чуть было не бросился с головой в аферу, которая, в общем-то, для него не имела никакого смысла.

Старый принцип пацифистов гласил, что безумие вспыльчивости бесконечно. Им никак нельзя увлекаться. Нельзя позволить себе переходить в контратаку. Ни на что не следует активно реагировать.

Пусть побеждают другие!

Легкая победа приводит к умиротворению агрессора. Хотя это и выглядит не очень-то красиво, но если есть возможность не ввязываться в свару или по крайней мере до минимума ограничить свое участие в ней, то мир следует сохранять и таким путем! Если d`fe в подобной ситуации пострадает кто-либо посторонний, то все равно это явится лучшим выходом.

Тут он почувствовал, что проголодался, и вошел в ближайшую из многочисленных столовых.

Однако, когда он приступил к еде, произошла

та же самая сцена, что и утром: люди-гиены в форме перекрыли выходы из помещения. Затем тот же самый высокопоставленный офицер почтительно приблизился к нему и протянул какой-то листок.

На первый взгляд это напоминало повестку, которую Модиуну вручали на Земле. Он почувствовал, что в его физическом теле закипает праведный гнев, и быстро спросил:

— Что это?

— Вам предлагается выступить в качестве свидетеля на судебном процессе четырех лиц, обвиняемых в оказании помощи в незаконном проникновении на борт корабля некоего постороннего существа. Суд начинается завтра в девять утра в помещении, номер которого указан в повестке.

Любая часть произносимой человеком-гиеной фразы звучала, как обвинение. Модиун же реагировал даже на каждое слово, не переставая повторять:

— О! О! О!..

Это нескончаемое «О!» свидетельствовало о том, насколько он ошеломлен.

Итак, тайна ареста раскрылась.

Вероятнее всего, шпионы на Земле отметили

его связь с этой четверкой. И с того момента, как его обнаружили на борту корабля (а сделано это было явно с помощью компьютера в столовой), кто-то понял, какую роль сыграли его спутники.

Чем кончится этот суд, угадать было довольно трудно. Однако не было ни малейшего сомнения, что хозяин нунули вновь затеял какую-то хитрую игру. И Модиун по ходу развития событий собирался выяснить, в чем заключается эта хитроумная комбинация.

Между тем офицер почтительно заявил:

— Меня просили удостовериться, что вы явитесь на суд, как здесь и указано… в качестве свидетеля…

Услышав это несколько странное заявление, Модиун заколебался. Но что ему оставалось делать? Его философско-мыслительная система требовала позволить этим негодяям действовать так, как они хотят. Победив без борьбы, они должны будут успокоиться. По крайней мере так гласили аксиомы его пацифистской философии.

В то же время Модиун помнил и то, к чему он недавно призывал людей-животных. И хотя обвинение не казалось ему слишком серьезным и являлось лишь частью направленного против него хитроумного плана, он задал важный для

него лично вопрос:

— Будет ли суд происходить с судьей и присяжными заседателями?

— Да.

— Вы в этом уверены? — настаивал Модиун. — Вы понимаете, о чем идет речь?

— Судья и двенадцать присяжных рассмотрят доказательства, а также будет выделен адвокат, который станет защищать обвиняемых…

Кажется, все было в порядке.

— Хорошо, — согласился человек. — Я приду.

— Благодарю вас.

Проговорив это, офицер достал из кармана другую бумагу и протянул её Модиуну.

— А это ещё что? — спросил Модиун, с сомнением разглядывая листок.

— Мне сказано, что, если вы согласитесь выступить свидетелем, вам будет выделена каюта… как вы просили сегодня утром. Здесь mnlep и место, где она расположена.

Со вздохом облегчения Модиун убрал бумагу в карман. До этого он задавался вопросом, где провести предстоящую ночь.

— Передайте хозяину нунули мою признательность. Скажите ему, что я оценил его любезность.

Как и было указано, судебное заседание началось ровно в девять часов утра следующего дня, и Модиун был вызван в качестве первого свидетеля.

* * *

Зал суда был именно таким, каким представлял его по описаниям обучающих машин Модиун.

Дюжина присяжных, все люди-гиены, сидели на скамье вдоль стены. Кресло свидетеля, которое должен был занять Модиун, находилось слева от судьи. Прокурор-гиена располагался от судьи справа, за отдельным столиком. Сразу же за ним сидели в специальной загородке четверо обвиняемых. Их охраняли офицеры полиции. Прямо напротив сцены этого театра правосудия за низеньким барьером стояли несколько рядов стульев для публики.

Пока все шло хорошо, однако Модиуна сразу удивило, когда встал прокурор и на одном дыхании заявил:

— Свидетеля зовут Модиунн. Он — обезьяна из Африки, а эти четверо подсудимых нелегально провели его на борт корабля. Они обвиняются в измене и бунте, иначе говоря, в преступлении, караемом смертной казнью.

Говоря это, он обращался к присяжным. Затем, повернувшись к адвокату, спросил:

— Что может сообщить свидетель относительно этих гнусных преступлений?

Не поднимаясь из-за стола, адвокат проговорил:

— Свидетель подтверждает, что все ваши обвинения — чистая правда. Продолжайте процесс.

— Я возражаю! — закричал Модиун.

Тело его загорелось в тот же миг праведным гневом. Он понял, что от возбуждения весь дрожит.

— Возражение отклоняется, — любезно проговорил судья. — За свидетеля выступил адвокат защиты.

Тут Модиун во весь голос заорал:

— Я протестую против этой пародии на судебное разбирательство! Если все будет продолжаться в том же духе, я отказываюсь быть свидетелем!

Судья наклонился к креслу свидетеля. Он явно был ошеломлен, но продолжал все так же вежливо:

— Что же неправильного и порочного обнаружили вы в судопроизводстве?

— Я требую, чтобы вопросы задавались лично свидетелю и он прямо сам на них отвечал.

— Но такого не бывает, — запротестовал су-

дья. — Адвокат прекрасно знает все законы и может более квалифицированно ответить на все вопросы, чем свидетель.

Тут ему, вероятно, пришла в голову какая-то новая мысль, потому-что глаза его округлились.

— Вы ведь из Африки? У вас что, такова местная процедура в суде?

Модиун глубоко вздохнул. Он был поражен, сколько усилий требовалось, чтобы все происходило по справедливым правилам. Он ведь ни в чем не солгал, он только утаил правильное произношение своего имени. Все остальное в его разговорах и действиях было чистейшей правдой.

— Я требую, — четко проговорил он, — чтобы судебное заседание происходило в соответствии с правилами, установленными человеком.

Воцарилась тишина. Судья подозвал к себе адвоката и прокурора. Оба вскоре вернулись на свои места. Когда они уселись, судья вежливо обратился к присутствующим:

— Поскольку показания этого свидетеля важны для суда, мы согласны следовать той примитивной процедуре, к которой свидетель привык.

Затем, повернувшись к Модиуну, он с упреком проговорил:

— От всей души надеюсь, что вы принесете свои извинения адвокату за оскорбление недоверием, которое вы ему нанесли. — И вернувшись к любезному тону, продолжал: — Так как вы хотите, чтобы к вам обращались, господин Модиунн?

— В установленном порядке… — начал человек.

— …порядке, который установлен там, откуда вы прибыли? — перебил его судья.

— Нет. Порядке, издавна установленном человеком, — настойчиво проговорил Модиун. — Согласно этому порядку прокурор должен задать мне ряд вопросов, а также, не перебивая, дать время ответить.

— И какого же рода эти вопросы? — несколько растерялся человек-гиена.

— Сначала следует спросить мое имя.

— Но нам известно ваше имя, — растерянно произнес судья. — Оно указано в повестке…

— Такого рода факты должны устанавливаться в ходе судебного процесса при прямом допросе, — настаивал Модиун.

Судья засомневался.

— Но подобный метод допроса займет у нас весь день.

— Не только день, но, может быть, даже целую

неделю, — согласился Модиун.

Из уст всех присутствующих в зале суда вырвался единый вздох. А судья, без всяких признаков вежливости, обронил:

— Невозможно!

Однако после некоторой паузы он обратился к прокурору:

— Хорошо. Продолжайте, пожалуйста.

Прокурор-гиена приступил к допросу, хотя вид у него при этом был не слишком уверенный. Тем не менее главные вопросы были заданы:

— Как ваше имя? Действительно ли вы прибыли из Африки? Являетесь ли вы тем, кого обвиняют в незаконном проникновении на борт корабля? Известно ли вам, в чем обвиняются подсудимые?

После этого Модиун стал проявлять открытое неповиновение, взяв на себя роль как свидетеля, так и защитника.

* * *

— Я протестую против этого вопроса, поскольку то, в чем обвиняют подсудимых, согласно установленным человеком с давних пор законам, с тех пор, когда он ушел за барьер, предоставив остальную Землю своим друзьям животным, не

является преступлением. — Произнеся основной свой аргумент, Модиун продолжал: — Если даже подобное действие квалифицировать как проступок, то и он выглядит крайне незначительным и заслуживает самое большее — заключения под домашний арест в каюте на один-два дня…

На этом его прервал судья и заявил, что обвиняемые совершили тягчайшее преступление, караемое смертью.

— И это согласно определению? — спросил Модиун.

— Да, согласно определению.

— Тогда покажите мне это определение, — настаивал Модиун.

Секретарь суда, человек-гиена в темно-синем костюме и рубашке qn стоячим воротником, приволок уложение, где на странице 295, в параграфе 4 главы 3 седьмой строкой сверху было записано следующее:

«… является наиболее серьезным уголовным преступлением, которое карается тюремным заключением, штрафом или смертной казнью…»

— Ну-ка, покажите мне, — сказал Модиун.

Секретарь суда протянул ему том после того, как получил разрешающий кивок судьи. Модиун перечитал строки, перевернул лист, посмотрел

на заголовок, потом поднял глаза и торжествующе заявил:

— Это вовсе не тот закон, который составил человек. Это фальшивая альтернатива ему, к тому же адаптированная для немногочисленной группы людей-гиен.

— А я заявляю, — провозгласил судья, — что это правильный и настоящий закон. — Тон его становился все менее и менее любезным.

— А по моему мнению, — возразил Модиун, — вы должны объявить подсудимых невиновными по той причине, что преступление не доказано.

— Я хотел бы, — сказал судья, — задать вам в таком случае один вопрос: вы собираетесь выступать в качестве свидетеля или нет? Если не собираетесь давать свидетельские показания, то покиньте это кресло!

Проговорил он все это с явным раздражением, и Модиун счел, что момент является самым неподходящим, чтобы покинуть зал.

— Я буду давать свидетельские показания… но оставлю за собой право вновь вернуться к этому вопросу.

Судья обратился к прокурору:

— Продолжайте допрос свидетеля.

— Итак, каким образом вы оказались на борту

корабля?

— Я добрался до одного из многочисленных входов, ведущих на причал, прошел через него, дошел до лифта, поднявшего меня на высоту почти сотни этажей, выбрался в коридор и таким образом без помех попал в звездолет.

После его слов в зале наступила тишина. Длинный и худой человек-гиена имел растерянный вид. Но, придя в себя, он спросил:

— Не могли бы вы взглянуть на скамью подсудимых?

Модиун повиновался и, конечно, посмотрел на своих четырех друзей.

— Вы узнаете их? Хотя бы кого-либо из них?

— Да. Я знаю их всех.

Подсудимые шумно задвигались, а Нэррл даже вжался в сиденье, как будто на него давила неведомая сила.

— Прошу соблюдать порядок, — выкрикнул судья, обращая взгляд на подсудимых.

Прокурор тем временем продолжал:

— Присутствовал ли кто-либо из обвиняемых, когда вы шли по причалу космопорта, поднимались в лифте и входили в звездолет?

Человек почувствовал, что напряжение охватило всех сидящих в зале людей-животных. Многие

затаили дыхание, ожидая, что ответ будет положительным. Модиун же обернулся к судье.

— Ваша честь, полагаю, что моему ответу придается немаловажное значение. Считаю, что каждый из присутствующих даже уверен, что мой положительный ответ повредит подсудимым. Вы-то сами тоже так считаете?

Длинное и худое существо дернулось в его сторону.

— Единственная задача свидетеля, — проговорило оно, — правдиво отвечать на задаваемые вопросы. А выводы я сделаю в соответствии с логикой, которой оперируют судьи.

— Тем не менее, — настаивал Модиун, — вы принадлежите к небольшой группе людей-животных, которая в настоящее время g`ub`rhk` все важнейшие посты и позиции, включая право на судебное разбирательство. Поэтому я подозреваю, что ваше судопроизводство не может быть беспристрастным. Если вы меня в этом переубедите, то я буду счастлив ответить на этот вопрос.

— Заверяю, что оно будет беспристрастным, — ответил судья.

Но Модиун покачал головой.

— Боюсь, что вы меня не совсем поняли. На словах заявить это может каждый. Но как вы мо-

жете доказать, что, принадлежа к захватившему власть меньшинству, непредвзято отнесетесь к подсудимым?

— Боюсь, свидетель, что мне опять придется попросить вас покинуть это кресло…

— Нет, нет, показания я буду давать…

— Ну, хорошо. Так каков же ваш ответ на этот вопрос?

— Обвиняемые были со мной на космодроме, когда я поднимался на звездолет.

— Аааааааа* * *! — дружно воскликнул весь зал.

Судья застучал молотком, призывая к порядку. Когда же вновь наступила тишина, Модиун обратился к адвокату:

— Я понял, что знакомство подсудимых со мной считается важной уликой против них…

— А вы ожидали чего-то иного? — спросил судья, не скрывая своего торжества.

Модиун взглянул на него с сожалением.

— Видите ли, предположение о том, что они сопровождали меня, не имеет никакой связи с обвинением. Допустим, например, что, будучи со мной, они не знали о моих намерениях… Да и вообще, можно развить целую серию разного рода предположений…

Судья обратился к прокурору:

— Продолжайте допрос свидетеля и, в частности, обратите внимание на поставленные им вопросы. В конце концов он, кажется, начинает отвечать правдиво. Заставьте его рассказать всю правду до конца.

Аргумент был веским, и Модиун был вынужден согласиться с такой постановкой вопроса. Впрочем, он бы мог ещё порассуждать о том, что такое правда в философском смысле, но лгать о реальных событиях человек не собирался. Прокурор же таким образом добивался от него признания одной детали за другой.

Наконец Модиун признал, что подсудимым было известно о его намерении пробраться на борт экспедиционного космического корабля. Далее ему пришлось признать, что один из обвиняемых предложил ему это, а другие согласились.

Когда Модиун закончил, судья бросил взгляд на адвоката.

— У вас есть вопросы, мэтр?

— Нет, — ответил тот. — Более того, я вообще не вижу смысла продолжать судебное заседание. Это будет просто потерей времени.

— Абсолютно согласен с вами, — кивнул головой судья. — Встаньте, — обратился он к обвиняемым.

Те нерешительно повиновались, а судья продолжил:

— Слушайте внимательно. Ваша вина подтверждена показаниями свидетеля…

— Эй, послушайте! — воскликнул, вздрогнув, Модиун, но судья проигнорировал его восклицание.

— …и я приказываю отправить вас обратно в камеру…

— А как же присяжные? — закричал Модиун. — Это же суд с присяжными!

— …и держать там неделю. За этот срок может быть подана и рассмотрена апелляция. Если она будет отвергнута, ровно через неделю, начиная с сегодняшнего дня, вы будете подвергнуты смертной казни путем расстрела специальной командой с применением}mepcerhweqjncn оружия «Н».

Он подал знак полицейским, окружавшим приговоренных.

— Уведите.

Затем повернулся к Модиуну и вежливо сказал:

— Мне хотелось бы поблагодарить вас за свидетельские показания, после которых не потребовалось иных формальностей, поскольку они

позволили прямо установить вину обвиняемых.

— Ну-ну… — с сомнением пробормотал Модиун.

* * *

Модиуну казалось, что он сделал все, что мог. Ничего не оставалось иного, как позволить событиям идти своим чередом.

Однако весь остаток дня после судебного заседания тело его находилось в постоянном напряжении. Это, конечно, было результатом некоего неконтролируемого действия его внутренних желез, которые в данном случае не мог подчинить своему влиянию даже его великолепно философски отточенный мозг. Самое же странное в привязанности его физического тела к Роозбу и остальным заключалось в том, что всех их он встретил совершенно случайно.

«Ведь я же не выбирал их за какие-то особые качества!»

Просто получилось так, что, выбравшись за барьер, Модиун сразу же остановил первую попавшуюся машину с пассажирами и занял в ней свободное место. Вот и все, что было значимого в этой встрече. А ведь в машине могли оказаться совершенно иные люди— животные.

Так что ничего особенного его с ними не связывало.

Тем не менее тело его так и продолжало оставаться разгоряченным более, чем обычно.

Спустя четыре дня после процесса утром в его дверь раздался звонок. Открыв, Модиун увидел вежливого офицера-гиену, который сказал:

— Апелляция приговоренных отклонена. Суд поручил мне сообщить вам об этом, как главному свидетелю.

Модиун уже хотел поблагодарить за информацию и закрыть дверь, как вдруг почувствовал, что кровь бросилась ему в лицо. Возможное ли дело?

— Я хочу посетить приговоренных перед казнью. Это возможно?

— Буду счастлив выяснить для вас это, — почти пропел офицер, — и немедленно сообщу о принятом решении.

Такое действительно оказалось возможным. Ему разрешили посетить осужденных накануне казни, то есть вечером, на шестой день после окончания процесса.

Модиун вынужден был признать, что люди-гиены ведут себя любезно и в рамках закона. У него даже стало рассеиваться прежнее предубеждение против них и мысль, что за всем этим кроется

какая— то хитрость, направленная лично против него.

Снаружи тюремная камера напоминала обычную спальню, но дверь в неё была заперта, а напротив находился охранник.

Он внимательно ознакомился с письменным разрешением на свидание, отпер дверь, подождал, пока человек войдет, и снова тщательно её запер.

В первый момент помещение показалось Модиуну пустым, потом с кровати свесилась пара ног… и появился Нэррл, который, усевшись, воскликнул:

— Боже мой! Посмотрите-ка, кто к нам явился!

Это вызвало появление ещё трех пар ног, и три знакомых силуэта людей-животных поднялись с кроватей. Все четверо подошли к нему и пожали руку.

Оглядевшись по сторонам, Модиун понял, что помещение все же nrkhw`erq от других спален, поскольку за рядами коек была ниша, а в ней обычное столовское оборудование.

— Я решил прийти попрощаться с вами, — несколько нерешительно проговорил Модиун.

Крупная слеза покатилась по щеке Роозба. Он был бледен, и щеки ввалились.

— У тебя что-нибудь случилось? — спросил Модиун. — Ведь рано или поздно все покидают этот мир. Так почему же не теперь? То есть я хотел сказать — не завтра?

После этих слов наступила какая-то тревожная тишина. Потом вперед выступил Доолдн. На его лице вспыхнул пятнами румянец, и, явно сдерживая себя, он проговорил, сглотнув слюну:

— Знаешь, старина, у тебя какой-то странный взгляд на вещи. — Затем добавил, нахмурясь: — Скажу тебе прямо, Модиунн, что я никогда не встречал обезьян, подобных тебе. Находясь в свидетельском кресле, ты просто спокойно предавал нас.

— Правда есть правда, — защищался Модиун.

До него наконец дошло, что замечание человека-ягуара никак нельзя было назвать дружеским.

— Ведь ты не сердишься на меня, а? — спросил он.

Красные пятна на лице человека-ягуара увяли. Доолдн глубоко вздохнул.

— Я действительно приходил в бешенство от твоего поведения. Но потом я сказал себе: «Ладно. Что поделаешь, если мой друг обезьяна — совсем безмозглый. Он из тех, кто сдуру кусает себя са-

мого за пятку». После этого мой гнев прошел, и я просто беспомощен перед твоей глупостью и наивностью… Правда, парни?

— Чистейшая правда, — мрачно подтвердили Нэррл и Айчдохз, а Роозб опустил глаза и вытер их рукавом.

Их точка зрения была столь мрачно-бесперспективна, что Модиун даже попытался как-то переубедить их.

— Сколько тебе лет? — спросил он каждого.

Выяснилось, что им от двадцати шести до тридцати трех, причем Роозб оказался самым молодым, а человек-бегемот самым старшим.

Считалось, что дожить они могли до шестидесяти.

— Но вы же прожили уже значительную часть своего срока, почти половину, — утешил их Модиун. — Стоит ли цепляться за оставшееся?

Аргумент его был принят без понимания, а человек-лиса выразил общее мнение:

— И надо же нам было попасть в столь дурацкое положение, став твоими друзьями!

Человек был ошеломлен. Он как-то не связывал эти два обстоятельства.

— Ты хочешь сказать, что в этом есть причина и следствие, — взволнованно заговорил он. — Но

это же ложная посылка. Это совсем не так. Сначала совершили нужное, с вашей точки зрения, вы, а потом то же самое проделали люди-гиены. С позиций рационального мышления оба эти случая не связаны. И хотя вы думаете наоборот, это — не так.

Он вдруг ощутил, что друзья его совсем не понимают. Вид у них стал какой-то отсутствующий, но было совершенно ясно, что они недовольны своей судьбой. Тут он почувствовал к ним жалость и продолжал:

— Вы же должны понять, что до сих пор ещё никто не смог определить, в чем заключается смысл жизни. Поэтому каждый вид должен быть сведен в небольшую группу, в которой каждая личность несет в себе всю совокупность генов, то есть генетическую расовую наследственность, и ждать! А поскольку каждый вид в настоящее время представлен на Земле достаточно большим количеством особей, то нет причины цепляться за столь однообразное существование. Bonkme вероятно, что в ходе этой экспедиции, связанной с завоеваниями, вы бы могли погибнуть тем или иным образом.

В этот момент в дверь постучал охранник.

— Свидание окончено! Всем посетителям поки-

нуть помещение! — выкрикнул он в окошечко, прорезанное в металлической двери.

— Одну минуту, — нетерпеливо бросил Модиун и повернулся к друзьям. — Так что же вы об этом думаете?

Совсем уж гигантская слеза скатилась из глаза и потекла по щеке Роозба.

— Прощай, дружище. Не знаю уж, что и сказать тебе, но чувствую одно — намерения твои добрые. — И он протянул ему руку для пожатия.

Модиун глубоко вздохнул, как Доолдн.

— Я начинаю думать, что, если вы так полагаете, вам лучше уйти отсюда вместе со мной. Совершенно ясно, что вам не нравится то, что происходит. Я сообщу властям, что вы считаете наказание неприемлемым. Хорошо?

Вся четверка посмотрела на него с глубоким сожалением, а человек-ягуар жалостливо промолвил:

— Как же мы можем выйти с тобой? Ведь снаружи вооруженная охрана.

Человек махнул рукой.

— Я просто потребую, чтобы она вас выпустила. Совершу минимальное воздействие на мозг стражника, и мы сможем продолжить нашу дискуссию у меня в кающе.

Тут ему в голову пришла мысль, что могут возникнуть всякого рода неприятности. Пожалуй, лучше было бы предварительно поговорить с хозяином нунули. Впрочем, это потребовало бы времени.

* * *

Прошло уже около часа после того, как все пятеро собрались в каюте Модиуна, когда раздался резкий звонок. Модиун открыл дверь и увидел высокопоставленного офицера-гиену. Тот почти прошептал, обращаясь к человеку:

— Я снова получил приказ попросить вас проследовать со мной, чтобы встретиться с хозяином нунули. Не будете ли вы столь любезны пойти?

Модиун вышел в коридор, поставил вокруг каюты защитный энергетический барьер и ответил:

— Я готов следовать за вами.

После этого он захлопнул за собой дверь.

* * *

Он шел по коридору за человеком-гиеной и думал: придется доказать этому нунули нелогичность судебного процесса.

Пока лифт поднимал их все выше и выше,

Модиун размышлял о том, что жизнь его в значительной степени осложнится, если придется защищать четверых своих спутников и самого себя все оставшееся время путешествия. Впрочем, пока они переходили от одного лифта к другому, ему в голову пришла мысль, что у нунули может оказаться какой-либо вполне приемлемый вариант решения проблемы.

Наконец второй лифт остановился. Человек-гиена бросил взгляд на пульт управления и, когда увидел, как на нем загорелся белый огонек, нажал на кнопку. Дверь бесшумно скользнула в сторону, после чего офицер-гиена сказал:

— Дальше вы пойдете один. Это частная беседа.

Едва Модиун переступил порог лифта, дверь за ним закрылась. Nm очутился в небольшой квадратной комнате, совершенно пустой, если не считать циновки, раскинутой на полу. А на ней на спине возлежал нунули.

Модиун сразу понял, что это совсем другой нунули, отличный от тех двоих, с которыми он встречался на Земле. И все же это был самый настоящий нунули. Вероятно, один был нужен на Земле, а другой — на корабле, чтобы выполнять предписанную ему комитетом работу.

— Вы застали меня в момент отдыха от моих многочисленных обязанностей, — произнес лежащий на полу инопланетянин.

Модиун быстро осмотрелся, но никакого другого входа не обнаружил. Да и вообще в стенах не было ничего похожего на отверстие.

— Это ваша каюта?

— Да.

— То есть это место вашего пребывания на корабле? — настаивал Модиун.

— Да. Наверное, вы подумали, что эта каюта значительно более скромная, чем та, которую предоставили вам?

— Меня просто заинтересовало, что существо, занимающее такое высокое положение, не придает значения удобствам. Вероятно, комитет требует от своих главных агентов полного отказа от стремления к роскоши или каким-либо внешним знакам власти.

Лицо лежащего на циновке существа как-то изменилось. На нем появилось нечто такое, что Модиун наблюдал на Земле у второго хозяина нунули, когда тот пытался изобразить улыбку превосходства.

— Должен сказать вам, что мы уже были аскетами, когда комитет избрал нас для достижения

своих благородных целей. То, в чем мы нуждаемся… — Тут он замолчал, а потом пробормотал: — Впрочем, это неважно…

— Вне всякого сомнения, — продемонстрировал свои способности к анализу Модиун, — ваш вид пришел к единственно правильному заключению, что во Вселенной одно стоит другого. То есть к тому, что незачем копить материальные блага и достаточно лишь жизненного минимума. Не так ли?

— Нет.

Нунули продолжал лежать, и было совершенно ясно, что он не собирается распространяться на эту тему.

Модиун, не сердясь, принял это как должное и сказал:

— Я с уважением и пониманием отношусь к вашей сдержанности.

— Ну что ж. Это естественно, — отозвался нунули. — Ведь именно мы улучшили человеческую расу, внушив ей необходимость уважать право других. Заметив у вас зародыш этого качества, мы развили его до предела, нарушив внутреннее равновесие в человеке. Таким образом, в вашем заявлении нет ничего удивительного.

На это Модиун заметил:

— Я не считаю, что во мне существует некоторая односторонность в чувствах. Например, меня раздражает ваша логика относительно судебного процесса над моими четырьмя товарищами.

— А вы вовсе и не знаете моей логики, — прозвучал суровый ответ.

— В общем-то верно. Но присутствие её здесь вполне очевидно. Вы осудили четырех земных людей-животных из-за той роли, которую они сыграли в моем появлении на борту звездолета.

— Ну и что же вы видите в этом нелогичного?

— Но ведь корабль построен на Земле? Не так ли?

Вопрос этот, казалось, удивил нунули.

— И что же? Мы всегда используем материалы и технические средства прямо на месте, насколько это возможно.

— Кроме того, на строительстве работали земные люди-животные. R`j?

— Естественно. А кто же еще? Комитет всегда настаивает на использовании местной рабочей силы.

— В таком случае, каковы же основания для того, чтобы запретить мне пребывание на борту этого корабля? Согласно законам, я имею полное право находиться здесь.

— Что-то не понимаю ваших доводов, — холодно прозвучал ответ.

Модиун даже развел руками.

— Но ведь Земля в большей степени принадлежит человеку, нежели животным, которых он вывел из животного состояния! Таким образом, получается, что корабль этот, построенный на Земле руками людей-животных, больше принадлежит человеку, чем им. А поскольку единственный человек на борту — я, то и корабль принадлежит мне.

— Земля — завоеванная планета, — гордо заявил нунули. — Поэтому человеку не принадлежит ничего, что построено на ней.

Модиун упрямо покачал головой и почувствовал, как у него стали хмуриться брови. Этот феномен удивил его, ибо свидетельствовал об эмоциональном протесте тела по отношению к мнению собеседника.

— Я не приемлю какого-либо главенства нунули, — решительно высказался он. — И считаю, что звездолет является моей собственностью. Тем не менее… — он помолчал. — Тем не менее это все не самые важные вопросы. Я прикидываю, какое можно принять общее решение в создавшейся ситуации. Я ищу женщину, похищенную

и увезенную с Земли. И если вы доставите меня к ней, то с удовольствием покину корабль после того, как мы с ней воссоединимся.

— Это невозможно, — отозвалось существо, лежащее на полу. — Однако давайте-ка лучше вернемся к логике. Ваша ошибка заключается в том, что вы не знаете ещё одной из наших задач. Можете ли вы, например, рассчитать, сколько прошло времени с момента отправления корабля с Земли?

Спрашивая это, он явно развлекался.

— Могу. Где-то около недели, — ответил обескураженный вопросом Модиун, поскольку это вроде бы не относилось к делу.

Существо снова успокоилось. Серо-зеленые глаза его широко раскрылись, а натяжение кожи на лице ослабло.

— Этот звездолет уже прошел расстояние около четырехсот световых лет, — назидательно проговорил нунули. — К тому же он несколько раз менял направление, чтобы невозможно было определить место, откуда он вылетел.

Нунули замолчал, чтобы дать человеку возможность осознать сказанное. Модиуна услышанное, естественно, расстроило, но он вынужден был признать:

— Довольно хитроумно… Таким образом, получается, что возможный противник не сможет установить, с какой планеты вылетел корабль-агрессор…

По блеску, появившемуся в глазах собеседника, Модиун понял, что не полностью разгадал замысел инопланетянина. И действительно, позлорадствовав немного, нунули объяснил:

— Частично вы правы. Ну, касательно сохранения в тайне положения планеты от возможного противника. Но самое главное заключается в том, что эти маневры связаны лично с вами. Необходимо было запутать именно вас. Мы должны быть полностью уверены, что вы никогда не сможете вернуться на Землю. В том же состояла цель суда над вашими друзьями животными. Хорошенько подумав, вы сами поймете, что судебный процесс умышленно затягивался, чтобы отвлечь ваше внимание, пока звездолет пройдет возможно большее расстояние. Ну, и естественно, что корабль на Землю никогда не вернется.

Так вот что за план они разработали! Однако вся эта кутерьма вокруг него показалась Модиуну бессмысленной. Просто получалось, что логика столь древней расы, как нунули, требовала доведения любого дела до крайности. Им поручили

выполнение определенной миссии на Земле, а они дошли до того, что взорвали все, что находилось за барьером, а потом удалили с планеты Судлил и Модиуна, считая, что тем самым выполнили задание.

Бессмысленность этой миссии и способы её осуществления как-то обескуражили человека. Он только и смог сказать:

— Поскольку четверо моих друзей-животных явились пешками в вашей игре, вы должны согласиться, что следует отменить смертный приговор и освободить их от дальнейших преследований.

— Не возражаю, — тут же согласился нунули. — Скажу вам даже, что именно по этой причине я и пригласил вас к себе. Теперь офицер— гиена, который сопровождал вас сюда, проводит вас обратно и выдаст каждому из четверки соответствующий документ о помиловании, — добавил он официальным тоном. Кроме того, мне кажется, что на этом мы можем закончить нашу встречу.

В принципе Модиун был с ним согласен, но ему хотелось уточнить некоторые детали.

— Таким образом, это означает, что вы теперь прекращаете плести интриги против меня?

— Что вы имеете в виду?

Лежащее на циновке существо казалось удив-

ленным.

— Я хотел бы твердо знать, что у вас на уме. Считаете ли лично вы, что ваша миссия в отношении человеческих существ и планеты Земля выполнена?

— Ну конечно, выполнена. Что я могу сделать еще?

— Видите ли, то же самое говорил нунули номер два. Тем не менее слова его оказались ложью. А мне, откровенно говоря, надоели все ваши лживые уверения и глупые интриги. Они вступают в прямое противоречие с логикой Вселенной.

— Как может судить об этом последний представитель вашей расы? — раздраженно заявил нунули. — Впрочем, позвольте мне подумать…

После некоторого раздумья он снова заговорил:

— Единственной ещё не выполненной целью нашей миссии могло бы оставаться уничтожение вас и женщины. Как вы считаете, возможно ли это осуществить?

— Полагаю, что нет. У вас это не получится, поскольку я этому воспрепятствую.

— Все правильно. Видите, вы сами ответили на свой вопрос, — все больше раздражаясь, проговорил нунули.

Внешне ответ инопланетянина казался правдивым и даже чистосердечным. Тем не менее… стоило ли ему полностью доверять?..

— Есть ещё одна вещь, относительно которой я хотел бы получить ответ, — сказал Модиун.

— Это же невыносимо, — заныл нунули.

Смысл этих последних слов прямо-таки потряс человека. Ему просто не приходило в голову, что можно делать что-нибудь невыносимое для другой личности. Тем не менее, помолчав, он заговорил:

— С опозданием я стал понимать… — Тут он прервался. Слова казались какими-то неубедительными. Ведь они с Судлил оставались теперь последними человеческими существами с их человеческой философией, а то, что он собирался совершить, было далеко не бесспорным… однако возникла прямая необходимость добраться до комитета и поговорить с ним. И тогда он закончил фразу:

— …стал понимать, что недопустимо одной расе улучшать другую по мотивам, которые далеко не бескорыстны.

Говоря это, он как бы со стороны слышал свои слова, а внутри него нарастала волна гнева.

— Вопрос этот я ещё до конца не продумал, но

на данный момент это истинный логический вывод из происшедшего…

Тут ему пришлось опять помолчать, чтобы заняться самоконтролем, а потом он добавил:

— Каждый раз, общаясь с одним из нунули, я ловлю себя на том, что вынужден анализировать его реакцию на мои слова, а она неадекватна. Вот у меня и возникает вопрос, а не являются ли нунули тем самым комитетом, о котором они так часто заявляют, прикрывая свои действия. К тому же у вас почему-то возникла убежденность, что я сам по доброй воле преодолею свое естественное желание потребовать у вас ответа на свои вопросы, если вы не согласитесь ответить на них.

Блеклые глаза нунули с таким напряжением уставились на него, что Модиун продолжал уже не столь уверенно:

— Ну, так что же? Позволите ли вы проникнуть мне в ваш мозг и проследить историю расы нунули, чтобы удостовериться, что я не ошибся в своих предположениях?

Существо на циновке зашевелилось. Задвигались тонкие ноги. Слегка согнулись ручки и выгнулась дугой шея. Наконец оно приняло сидячее положение.

— Ладно, — недовольно сказало оно, — я усту-

паю вашему давлению на меня. Однако предупреждаю, что это может оскорбить комитет, так что за последствия я не отвечаю.

* * *

Сначала перед мысленным взором Модиуна возникла картина простой и аскетической жизни расы нунули. Модиун разглядел длинные унылые низкие строения, где каждое существо мужского пола располагалось в отдельной каморке, напоминающей монастырскую келью. Там и протекало их монотонное существование. Голые стены и полы, ничего, за исключением циновки, на которой нунули спали.

Затем появилось изображение женщин нунули. Помещения, в которых они располагались, несколько отличались от мужских. У женщин дополнительно имелись дворики и общие залы, в которых они воспитывали детей, а самых маленьких содержали в сооружениях, напоминающих манежи.

Один раз в четыре-пять лет женщина нунули вставала рано утром и отправлялась в мужской «монастырь». На мысленной картинке было четко видно, как она стучалась в первую же дверь, потом в другую, третью и так далее, пока на стук

не выходил мужчина и вставал на пороге. Она ждала приглашения и, если не получала, шла к следующей двери.

В каждом из трех случаев, которые наблюдал Модиун, дело кончалось тем, что женщина добиралась наконец до помещения, где мужчину привлекал её запах или, может быть, мыслеизлучение. После этого она проводила несколько дней и ночей со своим партнером. Большую часть времени они медитировали($FМедитация (лат.) — сосредоточенное размышление, сопровождается телесной расслабленностью, отрешенностью. — Примеч. перев.), лежа бок о бок на циновке. Но дважды за период пребывания женщины в келье возникал некий сокровенный момент. Что это было? Своего рода возбуждение? Даже при явном и четком изображении Модиун не мог определить природу этого момента. Чем бы он ни был, происходило спаривание этих существ, длившееся бесконечно долго. Четыре-пять часов? Во всяком случае, занимавшее значительную часть ночи.

Совершив этот акт вторично за период пребывания, женщина просто вставала, не глядя на партнера, уходила из кельи и bngbp`y`k`q| туда, где находилась раньше. Там она примерно через

год рожала странного маленького монстрика, который несколько позже принимал вид настоящего нунули.

Неожиданно картинки исчезли. Нунули посмотрел на Модиуна и сказал:

— Вот так и протекала наша жизнь, пока комитет не поставил перед нами цель.

Модиун был удивлен, если не сказать разочарован.

— И это все, что вы можете мне показать?

— Да. Это краткий обзор нашей истории до периода пришествия зоувгов, — сухо прозвучал ответ. — Полагаю, что именно это вас и интересовало.

Модиун открыл было рот, чтобы возразить, сказав, что этого ему слишком мало, но вовремя прикусил язык. До него вдруг дошло, что он обнаружил нечто для себя важное.

Нунули мимоходом произнес слово «зоувги».

Получалось, что это название расы, к которой принадлежат члены комитета.

«Должно быть, я слишком сильно воздействовал на него, — подумал Модиун, — если сумел выдавить столь важную информацию».

Некоторое время он так и этак прокручивал слово. В любом случае получалось, что он нако-

нец стал обладателем части сведений, к которым стремился. Тем не менее он внешне равнодушно продолжил свои расспросы:

— Ваша информация — не полная. То, что вы мне показали, не объясняет резкого перехода от сурового аскетического существования вашей расы к массовым убийствам в масштабах Галактики. Как могла произойти подобная трансформация?

Блекло-зеленые глаза нунули уставились на него с недоумением.

— Мы говорим с вами о разных вещах, — начало существо, но резко оборвало фразу.

Из уст нунули вырвалось: «Ой!», а глаза расширились, будто он наконец осознал, что проговорился.

— То, что мы делаем для комитета, вовсе не является убийством!

— Позвольте тогда внести некоторую ясность в этот вопрос! — возвысил голос Модиун. — Вы и прочие нунули уничтожили или помогли уничтожить человеческую расу. И теперь убеждены в том, что это не является массовым убийством!

— Но это же достаточно просто, — махнул нунули своей такой гладкой ручкой. — Это является частью программы по улучшению жизни в Га-

лактике… осуществляемой комитетом…

— Чего-чего? Какого ещё улучшения?

К инопланетянину между тем вернулось спокойствие.

— Извините, — проговорил он ровным голосом. — Теперь я должен попросить вас оказать любезность покинуть меня, чтобы я смог продолжить отдых. Проблема с вашими друзьями животными решена, они в безопасности. Информацию, которая вам нужна, вы получили. Неужели и теперь вы будете настаивать на продолжении разговора на эту тему несмотря на то, что я против?

Модиун колебался. Слова нунули на этот раз не оказывали на него того воздействия, какое должны были бы оказать на пацифиста. У человека возникло опять множество вопросов, хотя его и беспокоило возникшее желание поступать наперекор собеседнику.

— Видите ли, — наконец проговорил он, — во мне зреет какое-то странное ощущение нелепости всего происходящего, если подходить с точки зрения философии. Я просто обязан получить ответ на вопрос, каким образом члены комитета добились того, что вы стали их подручными. И этот ответ я хочу получить немедленно.

В туманных зеленовато-голубых глазах инопланетянина nrp`ghknq| явное беспокойство. Затем лицо его нахмурилось, если можно воспользоваться в данном случае человеческим понятием. Наконец он заговорил:

— Но ведь комитет — это же высшая раса! Когда один из них вступил с нами в контакт, мы сразу поняли, что обрели цель в жизни. А потом получилось, что была обнаружена планета с достаточно высоко развитой цивилизацией, на которую нужно воздействовать самыми тонкими и деликатными методами. Вот так все и началось.

— О! — только и мог сказать Модиун.

В его сознании стало кое-что проясняться.

«Ну да, — подумал он, — им нужна была какая-то цель… Именно цель и нужно было вложить им в головы».

— Кстати, — многозначительно спросил он, — когда зоувги вступили в контакт с нунули мысленно, это выглядело как диалог?

Нунули был просто шокирован подобным предположением.

— Член комитета никогда ничего не обсуждает с представителем нижестоящей расы.

Модиун едва сдержал улыбку торжества. Побе-

да, хотя была и не велика, но ценна. Ему удалось ещё кое-что узнать из того, чего до сих пор не поняли нунули. Зоувги не могли вести двусторонний мысленный диалог. Они могли только внушать.

А внушить можно было что угодно! Внушая, сами зоувги находились в безопасности, действуя на расстоянии нескольких миль или, возможно, даже световых лет, используя единое психическое пространство Айлэм.

Они безнаказанно могли применять суггестию($FСуггестия (лат.) — внушение. — Примеч. перев.) в отношении лиц… не располагающих ментальной защитой.

Модиун просто поразился, поняв, что тело его дрожит от яростного возбуждения, получив такую информацию. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы получить подтверждение своего открытия.

— Так могут ли они… объединять свои усилия… для внушения?

— Да. И причем вся тысяча одновременно, — с удовлетворением признал нунули.

Это служило как бы последним штрихом к портрету зоувгов. Против щита из тысячи объединенных сознаний, каждое из которых само

по себе могло оказать сильнейшее сопротивление, человеческими способностями нельзя было пользоваться напрямую.

Модиун почувствовал неодолимое желание узнать про зоувгов как можно больше.

— Меня поражают цели этих существ. Почему их планы улучшения жизни в Галактике включают уничтожение как человеческой, так наверняка и других разумных рас? На каких же научных принципах основываются их поступки?

Нунули ответил не задумываясь:

— Основания у них для этого имеются. Я их знаю, но открыть вам не могу.

Тут Модиун подумал, что уж раз четыре миллиарда мужчин и женщин на Земле вымерли в результате осуществления зоувгами своих намерений, то он, Модиун, непременно должен выяснить цели этих существ.

— В таком случае, — пригрозил он нунули, — я буду вынужден кое-что проделать с вами, чтобы добиться ответа.

— Ваши усилия бесполезны, — самодовольно провозгласил нунули. — Я уверен, что никто, даже человек, не способен проникнуть в ту часть моего мозга, где хранится эта информация.

— Что ж! Для меня, как, впрочем, и для вас, будет любопытно проверить это утверждение.

В душе Модиун был даже несколько рад такому положению дел, ибо, если действительно существуют определенные ограничения, ему не придется применять грубое насильственное вмешательство. Но об этом было смешно думать, ибо в гневе он уже действовал, не слишком— то руководствуясь прежними моральными обязательствами.

Размышляя таким образом и все ещё испытывая некоторые колебания, он спросил:

— Что говорили зоувги о природе барьера, размещенного в вашем мозгу?

— Они говорили, что, если будет использована сила для воздействия на этот участок моего мозга, я тут же на месте погибну.

— О!

— Таким образом, вы не сможете ничего сделать, чтобы проверить это утверждение, — продолжал нунули. — Так что придется принять его на веру.

— Пожалуй, что так, — неохотно подтвердил Модиун. — Тем не менее…

И он стал объяснять, что биология является той областью, которую люди достаточно хорошо

изучили.

— То, что мы сделали для земных животных, является лишь малой частью наших способностей оперировать клеткой или группой клеток. А я заметил, что клетки вашего мозга если и не совсем такие, как у людей, то в общем-то похожие. Каждая из ваших нервных клеток имеет на концах по длинной нити. У нас, людей, они называются аксонами и дендритами.

— Я знаком с анатомическими деталями, о которых вы говорите, — сухо заметил нунули.

— Хорошо. На Земле когда-то пришли к выводу, что аксоны являются нитями, напоминающими телефонные провода, способные передавать электрические импульсы; то же самое относится и к дендритам. В то же время обнаружили, что эти тончайшие нити нервной ткани усыпаны пятью-десятью тысячами небольших точек. Дальнейшее изучение показало, что точки эти имеют свои терминалы. Так вот представьте себе человеческий мозг с его двенадцатью миллиардами клеток, каждая из которых имеет на окончаниях пять— десять тысяч входов и выходов, не используемых непосредственно для передачи импульсов мозга.

— Я полностью в курсе этих деталей, — резко

и сухо заметил нунули. — Именно изучая эти входы и выходы, которыми не обладают другие расы, мы смогли улучшить человеческую природу до такой степени, что каждый индивидуум стал обладать огромной внутренней силой, для снижения которой и поставлен был философский ограничитель. Надеюсь, вы об этом помните?

Модиун действительно с грустью вспомнил о наличии в нем морально-философского ограничителя, но вслух продолжал:

— В случае если электронный прибор работает, не используя входы и выходы, возникает паразитный фоновый шум. В человеческом мозгу это явилось источником беспорядочных и ложных ассоциаций. Тем не менее позже открыли, что эти входы в действительности принимают все мысли других индивидуумов, а выходы передают содержимое мозга в единое психическое пространство — Айлэм. Но — к этому я вас и подводил — то, что передается и принимается, наполнено паразитными шумами, и было трудно отделить чистую информацию от фонового шума до тех пор, пока не была разработана наша система усиления восприятия. Таким образом, я не вижу ничего, в частности, опасного в наличии ограничителя… кроме случаев, когда это ведет к

саморазрушению организма. Я хочу сказать, что чувствую себя относительно свободным для того, чтобы оказывать воздействие. Я верю, что мог бы помочь вам обойти или даже убрать барьер, sqr`mnbkemm{i в вашем мозгу…

Модиун специально не стал заканчивать фразу.

— Но, — подумав, продолжил он, — мне крайне необходимо получить как можно больше информации.

Наступило молчание. Странные, меняющие цвет глаза инопланетянина смотрели прямо в лицо человека. Потом нунули сказал:

— Я отвечу на любой ваш вопрос, за исключением этого. К тому же я не уверен в вашей способности убрать барьер, установленный у меня в мозгу членом комитета. Итак, что вы ещё хотите знать?

— Где находятся зоувги?

— Этого я не знаю. Я никогда там не был. Очевидно, они не хотели, чтобы кто-либо, могущий быть рядом с вами, знал об этом.

Подобное предположение показалось Модиуну резонным.

— Тогда расскажите, что вам известно о комитете.

— Это самая развитая раса в Галактике. Их собственная наука и те знания, которые они добыли у других при помощи контроля над мозгом, превосходят все мыслимое. К тому же это бессмертная раса…

— Вы имеете в виду, что они живут дольше других? — улыбнувшись, прервал его Модиун. — Современный человек живет три тысячи пятьсот лет. Но тем не менее клетки стареют, и наступает смерть…

Загадочное гладкое лицо застыло, став ещё более неподвижным, чем обычно.

— Я повторяю: они действительно бессмертны. Многие члены комитета по земным меркам уже прожили более ста тысяч лет. Вы когда-нибудь слышали о чем-либо подобном?

— Но… но это же невозможно при нынешнем состоянии Галактики, — запротестовал Модиун, — если только не идти неким единственно возможным путем. — Взволновавшись, он добавил: — Человечество давным-давно отказалось от этого пути, не желая идти против природы.

— Вы отказались от него из-за ваших философских взглядов, не так ли? Я прав?

— В общем-то, так. Но ещё и потому, что…

Тут нунули прервал его.

— Вот это-то и было грубейшей ошибкой с вашей стороны, — спокойно пояснил он. — Природу не беспокоит, правильно или неправильно используются её методы. Ей это безразлично. Значение имеет только сам факт. А факт заключается в том, что эти индивидуумы достигли невообразимо огромного возраста, а вы на это неспособны.

Помолчав, существо на циновке добавило:

— А теперь было бы желательно, чтобы вы прекратили свои расспросы и мы бы разошлись.

— Ладно, — спокойно сказал Модиун, — остальное я узнаю, когда встречусь с членом комитета. Вы могли бы организовать мне такую встречу?

— Это невозможно… по причинам, о которых я уже упоминал. У нас только односторонняя связь. Они общаются с нами в форме указаний. Вот и все.

— Если все-таки такая возможность возникнет, то вы знаете, где меня можно найти.

— Да, я знаю, где вас найти, — с удовлетворением ответил нунули. — И даже знаю, куда вы направитесь.

— И куда же?

— В никуда…

* * *

Итак, все закончилось.

По крайней мере для людей-животных проблемы больше не существовало. Возвращаясь к себе в каюту, они, конечно, сильно волновались. Но ничего не случилось. Соседи по спальне стали хлопать их по плечам, пожимать руки, даже аплодировать. Вот тут-то они и пришли в себя по-настоящему.

Однако достаточно суровый опыт они все же обрели. Это обнаружилось сразу же, когда они после всего случившегося вновь вернулись в каюту Модиуна. Выйдя из ванной, где он принимал душ, Модиун увидел, как они восхищенно разглядывают все вокруг. Казалось, что они совершенно забыли о своем первом визите к нему, когда ожидали его возвращения от нунули. Сейчас же они любовались пышным убранством гостиной, удивленно рассматривали мебель в спальне. Но в настоящий экстаз они пришли при виде кухни и столовой.

— Ну, парень, — восхитился Роозб, подозрительно глядя на все это великолепие, — ты и даешь! Как же это получилось?

— Да, как? — хором подхватили остальные, а

Нэррл даже понюхал воздух своим остреньким носиком.

Айчдохз и Доолдн, замерев, вопросительно смотрели на него, а глаза у них были, как блюдца.

Модиун ограничился пояснениями, которые он сам получил у офицера-гиены.

— Мне сказали, что поскольку меня не было в списках пассажиров, а каюты все заполнены, то нашлась только офицерская пустая каюта.

— Ну, парень! Оказывается, иногда неплохо нелегально пробраться на корабль.

Тут Модиун великодушно предложил:

— А почему бы вам, друзья, не приходить ко мне сюда во время обеда? Таким образом, мы постоянно будем поддерживать контакт между собой.

Они тут же согласились. Компаньоны во время обеда были ему обеспечены. Это приятно. Впрочем, нельзя сказать, что они составляли ему блестящую компанию, поскольку тут же принялись болтать о предстоящей высадке. Тема была достаточно рутинная и банальная.

Когда они ушли, Модиун включил телевизор, хотя программы в нем были ограничены музыкой и изображением человека-гиены, тоже

болтавшего не весть что о предстоящей посадке корабля.

На другой день четверка заявилась к нему с пакетами, в которых были приборы, предназначенные, должно быть, для создания электрического разряда. Человек сразу же отметил, что оружие (а это было оружие) не заряжено. Осмотрев его внимательнее, Модиун понял, что оно внеземного происхождения, об этом свидетельствовали и конструкция, и предназначение.

— Забавная выдумка, — заметил он, возвращая оружие человеку— ягуару.

На щеках Доолдна вспыхнули знакомые красные пятна.

— Ты шутишь? — спросил он. — Мне понадобилась куча времени, чтобы разобраться, как действует эта штука, а ты враз все понял.

— Ну видишь ли… — протянул Модиун, думая, что на это сказать.

— Наверное, он уже видел нечто подобное в своей Африке, — обронил Роозб из другого угла гостиной. — Правда, Модиунн?

Человек молча кивнул, радуясь, что не нужно ничего придумывать.

— Да, да. Оно выглядит, как то, что я видел в Африке, — спокойно подтвердил он. — Обойма

находится вот в этой части.

Он показал на выпуклость у основания ствола этого подобия ружья.

— Когда нажимаешь на эту вот кнопку указательным пальцем, заряд освобождается. Судя по размерам этой штуковины, я полагаю, что образуется достаточно большого диаметра воздушный канал и по нему ярдов на пятьсот уходит электрический разряд без потери мощности. Скорее всего, это сто ампер и шестьсот шестьдесят вольт. Этим можно убить даже слона. Печально все это! — покачал он головой.

— А чего тут печалиться? Что же здесь плохого? — спросил Доолдн. — Ведь вполне может случиться так, что это нам понадобится для защиты. Мы ведь не знаем, с чем и с кем можем столкнуться…

Поскольку они и не подозревали об истинных целях экспедиции, Модиун счел за лучшее прекратить разговор на эту тему.

За обедом они ему сообщили, что посадка намечена на завтрашнее утро.

* * *

Как и просил его об этом нунули, Модиун оставался у себя в каюте. Инопланетянин в разговоре

подчеркнул, что это та самая малость, которая от него требуется. Человеку это показалось разумным. Он согласился, что, являясь незваным гостем, должен доставлять как можно меньше хлопот.

Однако в то же время нунули сухо отклонил его просьбу наблюдать за высадкой по телевизору. Получив отказ, Модиун снова почувствовал, что тело его приходит в возмущение. Впрочем, это было не его дело. Кроме того, высадка обещала быть крайне скучным зрелищем, с массой уныло и монотонно повторяющихся элементов.

Ко всему прочему, Модиун не стал утруждать себя попыткой представить, что происходит на поверхности планеты. На ранних этапах подлета он видел по телевизору значительные пространства суши, что позволяло ему прийти к выводу о наличии на ней значительного числа обитателей. К тому же он знал, что этих обитателей попытаются захватить.

Поэтому он поел, поскольку этого требовало его крупное тело, расслабился и стал слушать музыку животных.

Ему казалось странным, что под эту музыку кровь вроде бы живее потекла в кровеносных сосудах, сердце забилось чаще, а глаза заблестели.

Он решил, что музыка так же действовала и на далеких предков человека и с её помощью совсем не сложно было вызвать определенные эмоции.

«Мы действительно потомки очень примитивной расы, — подумал он. — Странно, что нунули обнаружили их на ещё довольно раннем этапе развития… и к тому же сразу нашли уязвимые места, использовав их для завоевания планеты. Впрочем, это ещё ничего не значит. То, что они предполагают и что произойдет дальше в действительности — две совершенно разные вещи».

Размышляя таким образом, Модиун разделся и улегся в постель. А через час его разбудил стук в дверь.

«Ну вот, — подумал он, — теперь уже и стучат. Неужели звонок не работает?»

Однако, поднявшись, он включил свет.

— Кто там?

— Это я, нунули. Я хочу поговорить с вами.

— Почему бы вам не зайти ко мне утром?

— То, что я хочу сказать, не терпит отлагательства.

Разум Модиуна тотчас же вступил в противоречие с природной вежливостью. Разум твердил, что здесь что-то не так. Что, если он вообще никогда больше не станет разговаривать с этим

нунули, ничего особенного не случится. Но разум в таких случаях проигрывал природной вежливости человека. Так случилось и на этот раз.

— Я раздет. Могу ли я по крайней мере одеться?

— Нет, нет. В этом нет необходимости. Я и сам, как вам известно, не ношу никакой одежды. Конечно, ваше тело безобразно, но я могу вынести это зрелище…

«Ну, у кого безобразнее, — подумал Модиун, — это ещё вопрос!»

Он отпер дверь, и нунули как-то поспешно проскользнул в нее. Прямо как змея. Он сразу направился к кровати и уселся.

— У нас возникли кое-какие проблемы, — начал он без предисловий. — Не могли бы вы поделиться своими соображениями со мной на этот счет?

— В чем же заключаются эти проблемы? — спросил Модиун, хотя и не стал давать какие-либо обещания заранее.

Нунули встал.

— Может быть, вы все же оденетесь и пойдете со мной?

— Что-то я никак вас не пойму. То мне не нужно одеваться, то нужно… Скажите же, наконец, членораздельно.

— Лучше оденьтесь. Температура снаружи довольно низкая. Кажется, мы сели в той части, где поверхность покрыта льдом.

Одеваясь, Модиун подумал, а потом и выразил свою мысль вслух, что для него по некоторым причинам было бы благоразумнее не покидать корабль.

— В любом случае я нахожусь на борту без разрешения. Так что, сойди я, вы дадите команду на взлет и направите звездолет в какой— нибудь другой сектор космоса, оставив меня здесь. К тому же я даже не представляю, где расположено это «здесь».

— А я полагал, что вас не заботит вовсе, в каком месте вы находитесь, — сухо промолвил нунули.

— Моему нынешнему телу в достаточной мере надоели ваши уловки, — ответил на это Модиун, — и я только интересуюсь теми возможными неудобствами, которые вы мне можете создать.

Нунули, казалось, смирился и кротко сообщил:

— Дело в том, что внизу происходит сражение, которое мы проигрываем, и я просил бы вас воспользоваться вашей техникой восприятия, чтобы спасти нашу армию.

Модиун был совершенно сражен ошибочностью суждений инопланетянина о его спо-

собностях. Он объяснил, что его возможности ограничены и в столь сложной ситуации сделать ничего нельзя.

— Я могу вести весьма ограниченный контроль за элементарными проявлениями силы в специфическом пространстве. Если бы вы в конце концов решились убить меня, то могли бы это сделать. Однако в этом случае вы должны были бы быть готовы к тому, что получите ответный по меньшей мере равный по мощности удар. У меня все происходит именно так.

Нунули растерялся. Потом на его лице возникло задумчивое выражение, и он сказал:

— А как бы вы поступили, если бы началась прямая атака на корабль?

— Я бы постарался вернуть людей обратно на борт и тут же улетел, — просто ответил человек.

Тогда нунули признался:

— Знаете ли, с подобной проблемой мне никогда не приходилось сталкиваться, так что я… неадекватно оценил этих… ганиан, которых знал по прежним посещениям. Я мог бы поклясться, что в данном случае для завоевания вовсе не нужна какая-то сложная техника и что нам было достаточно добраться сюда со своим мощным энергетическим оружием, чтобы навести необ-

ходимый порядок. Всегда такое являлось самым простым способом. Все совершалось в два-три этапа, без особых усилий. Потом мы приводили к власти послушное нам правительство и ожидали новых инструкций от комитета. Дело opnhqundhkn вовсе не так, как это случилось у вас на Земле, — покачал он головой. — Помните? Там ведь нам могла противостоять цивилизация, достигшая атомного уровня. Вот и пришлось применять метод, занявший несколько сотен лет!

Тут он опомнился и вернулся к главному вопросу.

— Ситуация создалась слишком серьезная. Даже вам вскоре начнут причинять неудобства энергетические разряды ганиан, если вы не окажете нам содействия.

Все это прозвучало достаточно серьезно.

— Так что же все-таки произошло? — настойчиво спросил Модиун.

— Наши атакующие катера остановлены, а крупные военные силы ганиан, наверняка не менее двух дивизий, захватили кормовую часть звездолета, включая несколько больших прогулочных залов. Сделали они это способом, непонятным ни мне лично, ни моим советникам.

— Возможно, я и мог бы помочь вам. Почему бы

не осмотреть корму корабля? Полагаю, что саму атаку вы уже прекратили?

— Да. Естественно, — пробормотало существо расстроенно. — Но нам ещё необходимо вернуть на борт войска. Внизу ещё почти двести тысяч.

Модиуна эта цифра поразила.

— Это много. Наверное, мои друзья животные находятся там же. Они мне сказали, что на них пал жребий.

— Я об этом ничего не знаю, — быстро проговорил нунули.

Модиун, уже держась за ручку двери, повернулся и скорчил недоверчивую гримасу, глядя в упор на инопланетянина.

— Что-то мне не нравится ваша манера отрицать факты, — медленно и четко произнес он. — Она наводит меня на мысль, что вы прекрасно осведомлены об этой так называемой «лотерее». Она наверняка такая же честная, как и имевшее место обсуждение направления полета корабля.

Нунули ничего не ответил. Модиун нахмурил брови и продолжал:

— Скорее всего, все четверо моих друзей были специально отобраны и направлены в самые опасные места в надежде, что они погибнут или

по крайней мере будут ранены.

— Нет, нет. Клянусь вам, — занервничал нунули. — Этого не могло быть. Но поскольку ваши друзья внизу, следовало бы поспешить. Чем скорее вы вмешаетесь, тем будет лучше. Уверяю вас: там внизу настоящий кошмар. Нужно что-то делать, иначе наши войска будут окончательно разгромлены.

— В общем-то, я не знаю, что можно сделать в такой ситуации, но, поскольку речь идет о том, чтобы прекратить нападение… пойдемте посмотрим.

Говоря так, он открыл дверь в коридор и вышел. Нунули последовал за ним.

* * *

Передвижение сразу же оказалось очень трудным.

На них напирали целые толпы людей-животных. Раздавались пронзительные выкрики и тяжелый топот. Бежали мужчины и женщины, стремящиеся добраться поскорее до носовой части корабля.

— Держитесь за моей спиной, — бросил Модиун, прикрывая хлипкого инопланетянина своим могучим телом от грузных людей— животных,

которые мчались, вытаращив глаза и не видя ничего перед собой. Эта обезумевшая толпа чуть ли не сносила человека и нунули, двигающихся в противоположном направлении. На их счастье, в толпе образовывались пустоты. Попав в них, Модиун и нунули могли довольно быстро преодолевать отдельные участки.

Наконец они добрались до места, где пол был буквально устлан ранеными и убитыми. С трудом продвигаясь вперед, Модиун onwsbqrbnb`k, что его дергают за рукав.

— Куда же вы? — прокричал нунули.

Серое лицо его, казалось, потеряло свою окраску и побелело. Маленькие щупальца на голове завязались узелками и плотно прижались к черепу.

— Я полагаю, что следует вступить в переговоры с начальником ганианских вооруженных сил, проникших на борт корабля.

Нунули слишком живо отреагировал:

— Я не хотел бы, чтобы вы этим занимались. Было бы достаточно странным, если бы я, хозяин корабля, сдался на милость победителей.

— А я полагал, — несколько удивился Модиун, — что ваше заявление о прекращении нападения они воспримут положительно. Разве не так?

— Да, да, конечно, — заюлило существо. — Однако было бы лучше, если бы именно вы убедили их позволить нам убрать наши военные подразделения с поверхности планеты и заверили, что мы тут же улетим…

— Рад это слышать, но полагаю, что было бы значительно лучше, если бы вы сказали им об этом сами, как лицо ответственное.

Нунули отступил назад.

— Видите ли, я должен находиться в центре управления и командовать перестроением наших войск для защиты носовой части звездолета на тот случай, если противник бросится на штурм прежде, чем ваша миссия удастся. Ведь этим сейчас никто не занимается.

Пожалуй, так оно и было. Ганианские войска наверняка ещё продолжали военные действия в прогулочных залах кормовой части звездолета.

— Ну ладно. Может быть, вы и правы. Основное сейчас — это спасти от смерти живых, — проговорил Модиун, вспомнив о четверке друзей, которые, будучи приговорены к смертной казни, стремились продлить свою жизнь. — Полагаю, что это ваша забота.

Лицо нунули приняло свой нормальный серый цвет.

— По правде говоря, — пробормотал он, — у меня даже есть указание комитета не подвергать себя опасности без крайней необходимости. В своем стремлении покончить дело миром я чуть не совершил роковую ошибку. Пожалуй, мне лучше уйти как можно скорее.

— Относительно вашего стремления к миру мне ничего не известно… — начал Модиун и смолк, потому что нунули, к которому он обращался, уже быстро удалялся.

Через несколько секунд инопланетянин достиг соседнего коридора и исчез.

А Модиун пошел вперед. Влекло его любопытство. Опасений он не испытывал, ибо в замкнутом пространстве система защиты срабатывала автоматически. К тому же он включил систему повышенного восприятия.

Первое предупреждение поступило немедленно. Он узнал, что за ним ведется наблюдение с помощью относительно сложной аппаратуры, которая могла давать изображение объекта слежения, непосредственно не видя его. А ещё осознал, что двери бесшумно раскрываются при его приближении и он уже вступил на территорию, контролируемую ганианами. Несколько существ, скорее всего солдаты, вышли из рас-

положенных позади него кают и перекрыли обратный путь.

«Хорошо, — подумал человек. — Надеюсь, они уже поняли цель моего прихода».

В мозгу возник резкий сигнал-предупреждение. Что-то блестящее скользнуло над его плечом, чуть не задев его.

Модиун не стал поворачиваться, он продолжал упорное продвижение вперед и старался лишь не споткнуться о трупы.

Снова что-то мелькнуло над головой, потом ещё и еще. Мозг его p`anr`k без особого напряжения, поскольку непосредственной опасности не было. Разум был готов к защите, но никак не к контратаке.

Снующие сзади существа не целились в него, а скорее хотели убедиться в его желании продолжать продвижение в том же направлении.

Энергетический обстрел прекратился так же неожиданно, как и начался. А ещё через мгновение из пересечения коридоров впереди высыпала куча существ, преградив ему путь.

Модиун остановился. Он понял, что наступил момент разобраться в происходящем.

Те, кто стояли перед ним, выглядели плотными и коренастыми. Они имели головы, тела и руки

и напоминали внешне людей, хотя и несколько меньшего роста, где-то около шести футов. Казалось, что природа вырубила их из мраморных глыб.

«Надо же! — подумал Модиун. — Человек по легенде был создан из глины, а эти наверняка изваяны из коричневого мрамора».

Один из шестерки, преградившей проход, сделал повелительный жест и испустил резкий крик. Потом группа разделилась по трое. Одни встали слева, другие справа от человека. Модиун решил, что понял, и двинулся вперед, а обе группы находились у него по бокам.

Итак, его конвоировали. Куда? Хотелось думать, что на командный пункт.

Неожиданно тип, который выглядел как старший в группе, неуклюже побежал к открытой двери, где по стойке «смирно» вытянулось несколько ганиан. Он что-то забормотал, глядя на стоящих, потом, оглянувшись, указал Модиуну на открытую дверь.

Модиун снова подумал, что понимает этот жест, и вошел в дверь.

Он оказался в огромном зале со сценой и рядами стульев, поднимавшимися амфитеатром. Здесь могли поместиться по крайней мере тысяч

шесть человек, да ещё на небольшой галерке под потолком несколько сотен.

Многочисленные ганиане, скорее всего солдаты, потому что они держали в руках что-то вроде металлических палок, сверху смотрели на сцену. На ней находились другие ганиане, а позади них стояло в три ряда около сотни существ. В руках у них тоже были металлические палки.

Еще одна группа, значительно меньшая, сидела перед стоящими. Посредине стоял какой-то тип, отличающийся от других. Он что-то рассказывал сидящим.

Вся толпа ганиан внимательно уставилась на экран, установленный на сцене. Однако от двери, в которую вошел Модиун, происходящее на экране не было видно.

* * *

Как только эти существа увидели Модиуна, все сразу переменилось.

Тип, который что-то говорил другим, замолчал. Потом тяжелым шагом он подошел к краю сцены и что-то проговорил громким голосом. Слова его явно были обращены к тем, кто конвоировал человека. Но поскольку все это было произнесено вслух, Модиун счел возможным прислушаться,

не боясь показаться невежливым. Он включил мыслеусиление и… ему тотчас же стал понятен смысл сказанного.

«Ну-ка подведите поближе эту свинью!»

Модиун грустно хмыкнул, поняв сравнение, которое никак не должно было к нему относиться. Тем не менее он мог понимать и даже говорить на ганианском языке.

— Я пришел сюда по собственной воле. Если вы хотите, чтобы я ondmkq на сцену, я сделаю это с превеликим удовольствием.

— Однако!.. Ты говоришь на нашем языке!

Ганианский начальник был крайне удивлен.

— Ну что ж! — проговорил он. — Я рад, что могу здесь с кем— нибудь объясниться.

Модиун решил, что объяснять природу ментального восприятия будет слишком долго и сложно, и продолжал быстро двигаться вперед, а шестерка его неуклюжих конвоиров бежала, стараясь не отстать от него.

На сцену вели широкие ступени. Поднимаясь по ним, Модиун смог наконец разглядеть то, что воспроизводилось на огромном экране.

На экране был день. Светлый и ясный, позволяющий четко видеть все особенности рельефа на расстоянии по крайней мере полумили.

С одной стороны виднелась текущая через лес река, которая достигала равнины прямо под звездолетом. А на равнине располагалась армия землян… но она вовсе не занимала прочную позицию. Первое впечатление, что она ведет нормальные боевые действия, было ложным. Армию просто-напросто блокировали.

Ганианские войска окружили её со всех сторон. Они продолжали теснить землян, сжимая кольцо на пятачке около двух квадратных миль, слишком маленьком, чтобы там можно было свободно разместиться четверти миллиона существ со всем снаряжением.

Шла битва между этой заблокированной армией и войском ганиан. Огромные вспышки цветного огня обрушивались на ту и другую сторону.

Все это Модиун успел разглядеть, прежде чем отвернулся от экрана. Зрелище показалось ему слишком жестоким.

— Нужно как можно скорее положить конец этому избиению. Как для землян, так и для ганиан нет смысла продолжать военные действия.

— Кто ты такой? — сухо спросил начальник ганиан.

— Меня зовут Модиун, а вас?

— Я — генерал Дуэр.

— Генерал Дуэр, я являюсь представителем хозяина нунули с этого земного корабля. Бойню необходимо остановить!

Последовало молчание, а потом зловещий ответ:

— Сражение прекратится только после полного уничтожения или капитуляции сил вторжения.

Модиун вздохнул, как это делал Айчдохз.

— Это далеко не лучшее решение. К тому же мы знаем, что гибнут в основном простые исполнители. Совершенно ясно, что руководители ни за что не ответят и не погибнут. Ваше предложение лишено реальной основы.

— Наказание должно соответствовать преступлению, — прозвучал суровый ответ. — Все они — участники агрессии, и их целью является захват Гании.

— Простые существа, люди-животные, не имели такого намерения, — продолжал гнуть свое Модиун. — К тому же, какой бы ни была индивидуальная ответственность, ситуация изменилась. Они готовы отступить и убраться прочь с планеты, если ваши отряды покинут корабль и позволят погрузиться на него нашим войскам.

Однако позиция стоящего перед человеком

существа оставалась непоколебимой.

— Раз уж война началась, то прекратить её довольно трудно. Мы требуем полной капитуляции корабля, а так же планеты — которую вы, кажется, назвали Земля, — осмелившейся направить армию на захват Гании.

Модиун покачал головой.

— Ваше требование нелогично. Война не нужна ни той, ни другой стороне. Вообще она никогда не должна была начинаться. А коли уж nm` началась, необходимо срочно положить ей конец. Ведь вам повезло, что атака сорвалась. Чем скорее вы это поймете, тем скорее осознаете, что ничего не решите своим отказом прекратить военные действия. Вам следует перестать сражаться, пока наша армия чувствует себя побежденной. Вполне возможно, что наши военные что— нибудь придумают или у них возникнет такое же неодолимое желание драться до победного конца, как сейчас у вас. Ведь тогда они ни в коем случае не сдадутся.

Опять наступило долгое молчание. Генерал Дуэр стоял и молча смотрел на Модиуна. Казалось, что он пытается вникнуть в суть сказанного человеком. В конце концов он заговорил:

— Мы с вами все время топчемся на одном ме-

сте, не так ли?

Модиун удивился. Ему казалось, что он достаточно четко изложил свою позицию. Впрочем, сталкиваясь с личностями, которые рассуждали, с его точки зрения, совершенно иррационально, он понял, что они всегда стараются извратить основу проблемы. Поэтому он ещё раз сказал:

— Я предлагаю вам убрать армию со звездолета и не препятствовать посадке в него наших войск. Взамен хозяин нунули согласен отказаться от завоевания Гании.

— Вот как?! — саркастически усмехнулся генерал. — А вот я в этом не уверен. У меня даже создается впечатление, что противник прислал на переговоры какого-то ненормального.

— Понятие безумия — вещь довольно-таки относительная… — начал было Модиун, но договорить не успел.

— Ваша армия и корабль целиком в нашей власти! Ты же приходишь сюда и ведешь себя так, как будто все обстоит наоборот. Кто же ты, наконец, и к чему вся эта галиматья?

Конечно, это был не дословный перевод сказанного, а приблизительная передача довольно грубых слов.

— Я — просто пассажир. То есть…

Он замолчал, раздумывая, стоит ли уточнять в данной ситуации свое положение последнего человека Земли, а также незаконного пассажира, от которого просто не сумели ещё избавиться. Решив, что главное все же найти Судлил и встретиться с членами комитета, он не стал вдаваться в подробности.

— У меня с ними нет ничего общего, — сказал Модиун, махнув рукой в сторону экрана. Но я был готов по их просьбе на переговоры с вами. Однако, видя ваше отношение к происходящему, я пришел к выводу, что разговор бесполезен. Раз вас не удается убедить, а я это уже понял, то мне придется вернуться на свою часть корабля.

— А вот в этом ты ошибаешься, — небрежно обронил собеседник. — Ты никуда не пойдешь. На Гании принято отправлять назад головы неудачливых парламентеров для передачи тому, кто их послал.

При этих словах другие ганиане стали издавать какие-то странные хрюкающие звуки, которые Модиун воспринял как смех.

Он с упреком покачал головой.

— Должен вас предупредить, что мое тело не переносит угроз в мой адрес. Сам же я уже четко понял, что люди прошлого не могли жить

с философией пассивного непротивления злу насилием. Я пытался проанализировать, как можно справиться с такой реакцией, проявляющейся автоматически, и пришел к заключению, что в критических ситуациях может случиться, что произойдет мягкое вмешательство в тайны вашего мышления. Поэтому я заранее прошу прощения и, прежде чем я поступлю так, как уже говорил, хочу обратить ваше внимание на то, что я являюсь единственным, кто может… гм… говорить на вашем языке. Поэтому подумайте, так ли уж вы уверены, что следует угрожать переводчику, который…

Он замолчал.

И в этот момент почувствовал, как разливается тепло в одном hg его рецепторов. Он повернулся по направлению к источнику, откуда исходило тепло, и тут все светильники в зале замигали.

У него оставалось только время подумать: «Неужели… такое… таким…оружием могут располагать представители столь примитивной цивилизации, как ганианская?»

Потом он подумал, что эти существа своим неразвитым умом просто не осознают степень опасности использования подобного оружия в планетарном масштабе.

Впрочем, на дальнейшие критические рассуждения времени не оставалось. Необходимо было проанализировать все, что мог собрать его мозг за доли секунды.

* * *

Модиун не думал, что будет делать дальше. Если бы такая мысль и возникла у него, то он бы заколебался, претворять ли её в действительность, поскольку при сверхскоростях это могло бы оказаться фатальным. То, что происходило, он оценил как энергетическое явление. И в данный момент его интересовало лишь наблюдение за пространственным феноменом, который он никогда не видел, но о котором был наслышан.

Его мозг отметил внезапное появление черной дыры. Размером она была около пяти миль.

Очень небольшой размер.

Гравитационная дыра.

Пораженный Модиун подумал: «Ганиане, должно быть, наблюдали эту особенность пространства в ближнем космосе. Они изучили некоторые её законы и теперь решили нанести поражение комитету. Просто невероятно! Трудно себе представить, чтобы у них могла существовать столь сложная техника. Но… никакого сомнения: они

используют контролируемую гравитацию!»

Видимо поэтому катера, на которых осуществлялась высадка, были обездвижены на поверхности планеты. Контролируемая гравитация их не выпускала.

Пока он размышлял, прошло секунд десять. Для микрокосмоса черной дыры это было довольно много.

Он чувствовал, как содрогается корабль, как вибрирует пол у него под ногами, как компьютер пытается просчитать варианты и подстроиться под изменения в гравитационном и магнитном полях. Но эти попытки приспособится к существующим особенностям, к буйствующей материи и клокочущей энергии были абсолютно бессмысленны.

За десять секунд силы гравитации нарушили равновесие, созданное гигантскими двигателями звездолета.

И вот огромный корабль стал падать.

Тут Модиун вспомнил, что гравитация вовсе не является силой. В некотором смысле это даже не поле, как это говорят в отношении магнитного. Просто для двух тел в пространстве значительно легче осуществлять сближение, чем отталкивание. По одной только этой причине гигантский

звездолет мог приблизиться к поверхности планеты. Да, действительно, проще оказаться в состоянии относительного сближения!.. Впрочем, такого рода связь могла и не существовать.

Двигатели корабля создавали поле, в котором каждая частица его массы как бы игнорировала присутствие планеты.

Сила эта была подконтрольна и управляема с любой степенью точности. Таким вот образом корабль и держался в любой заданной точке над планетой на расстоянии примерно полумили.

Использование противником черной дыры нарушило равновесие. Тем не менее пока что корабль падал со скоростью обычного падения rek в атмосфере. На Земле это составляло шестнадцать футов в первую секунду, тридцать два — во вторую. На Гании дело происходило примерно так же. Во всяком случае, разница на обеих планетах составляла какие-то дюймы.

Не существует таких систем восприятия, которые могли бы иметь дело с подобными мощностями.

«Кто-то стоит за всем этим, — подумал наконец Модиун. — С ним или с ними нужно вступить в контакт».

Он не воспринимал происходящее как сраже-

ние и решил получить на этот счет информацию от генерала Дуэра. Но тут же понял, что тот в полной растерянности. Мало того, даже в ужасе! И разум и тело ганианина излучали уверенность в неминуемой гибели…

— Хорошо, хорошо! Я согласен! — кричал генерал во мраке. — Только не дайте звездолету разбиться!

«Выходит, он ничего не знает!»

Тогда пораженный Модиун решил принять другие меры изучения происходящего и направил системы восприятия в окружающее пространство.

И тут он увидел лицо.

Это было лицо не человека. Не ганианина. Не нунули.

Лицо напряженно-ожидающее. Голова несколько треугольной формы. Два узких кроваво-красных глаза. Эти прищуренные глаза, казалось, прямо-таки впивались в человека. На короткий момент их взгляды встретились, и в это короткое мгновение разум незнакомца как-то сразу не осознал, что за ним наблюдают. А Модиун тут же направил мыслеизлучение:

«Кто вы? Зачем вы это делаете?»

Существо автоматически ответило:

— Я — член комитета, специальный агент, уничтоживший человечество за барьером. И теперь благодаря методу использования гигантских мощностей, секретом которого владеют исключительно члены комитета, я…

В этот момент существо спохватилось, осознав присутствие Модиуна, и замолчало.

Человек был поражен.

Во тьме вокруг него царил хаос, хрипели и куда-то карабкались ганиане. Модиун ощущал, что корабль продолжает падение. Как будто человек находился в быстро спускающемся лифте. Желудок его поднимался к горлу.

Но все это было второстепенным. Модиуна обуревал информационный голод и стремление силой вырвать ответ у члена комитета… Он совершенно забыл, что это является грубой попыткой проникнуть в тайны чужого мозга.

Когда его желание достигло максимума, напряженное лицо инопланетянина вместо того, чтобы стать четче… поблекло. На его месте как бы сквозь прозрачную, но волнующуюся поверхность воды появились плечи и голова женщины с золотистыми волосами. Видение становилось все четче и устойчивее. И тут он узнал…

… Судлил.

Модиун ощущал, что между ним и женщиной пролегают огромные расстояния. Но её голубые глаза смотрели на него так, как будто между ними всего несколько дюймов. И мысли её доходили до него четкие, ясные, но какие-то грустные: «Модиун, мне нужна твоя помощь. Я — пленница члена комитета…»

Связь прервалась. Лицо её ещё было видно, но ни одна мысль больше не доходила до него. Модиун тут же вспомнил, что говорил ему нунули о возможностях зоувгов односторонне управлять чужим разумом.

Это оказалось правдой!

* * *

Модиуну пришла в голову мысль, которая никогда не могла бы возникнуть раньше. Было похоже, что появление лица Судлил вместо изображения члена комитета является звеном какого-то плана, направленного против него. Человек при этом понимал, что его мозг стал подстраиваться к порочному мышлению существ, тайно действующих против него.

Вокруг продолжал царить мрак, и Модиун понял, что все ещё находится в чреве падающего корабля. Падение происходило в несколько на-

клонном положении носовой части. Огромные массы воздуха проносились через внешние надстройки, тормозя стремительное приближение звездолета к поверхности планеты и вызывая дисбаланс этого чудовищного скопища металла. Пол все больше принимал наклонное положение. Чтобы не скатиться, Модиун вынужден был принять позу человека, стоящего на крутом склоне холма: одна нога согнута, другая — выпрямлена и напряжена.

Находясь в столь неудобном положении, он вдруг подумал: «Они специально привлекли мое внимание к судьбе Судлил, чтобы на время занять меня, пока корабль не рухнет… И должно это случиться через несколько десятков секунд… Ловко придумано…»

Тело его разогревалось все сильнее и сильнее. Горело лицо, слезились глаза, зубы были крепко стиснуты, а сам он между тем размышлял: «Член комитета ещё где-то здесь… он прячется за изображением Судлил».

Оставалось только одно, и он, переломив себя, отдал приказ через систему восприятия о получении информации. Ему нужна была правда, и только правда!

Все произошло мгновенно. Его мощное мысле-

излучение сконцентрировалось на образе члена комитета, запечатленном в памяти.

Изображение Судлил почти сошло на нет. Снова возникло ощущение огромности расстояния… Модиун даже почувствовал, как она постепенно уходит все дальше и дальше. Вот она совсем исчезла. Исчезла после этого странного призыва о помощи…

Мрак и пустота.

И тут кругом замигали лампы. В теле возникло ощущение, которое бывает при резкой остановке лифта. Модиун почувствовал себя, как человек, упавший с высоты десяти-пятнадцати футов в жидкую грязь. Перехватило дыхание, колени подогнулись, и он опустился на пол.

Тут «лифт» как бы снова включился, и Модиуна прямо-таки прижало к полу. Он лежал обездвиженный и пытался размышлять о том, что же произошло.

Получалось так, что член комитета вынужден был отступить, уклонившись от его требований. Отказавшись от того, что уже было сделано. Убрать черную дыру.

Стало одновременно происходить множество вещей. Вступили в действие системы отталкивания корабля от поверхности планеты. Напря-

жение было ужасное. Конструкции трещали и скрипели, полы стонали, стены содрогались, все изгибалось и корчилось из-за не совпадающего во времени восстановления отдельных молекул.

К несчастью, это было не главное. В непосредственной близости от планеты происходили странные явления, связанные с черной дырой. Этот ужасный объект пытался восстановить свое равновесие. А это могло вызвать непредсказуемой мощности возмущение окружающего пространства.

Модиун с огромным трудом поднялся на ноги. Он видел, как генерал Дуэр пытается сделать то же самое. Действовал он быстро и ловко, однако первые же произнесенные им слова оказались донельзя ckso{lh:

— Я так и знал, что вы не позволите кораблю обрушиться и раздавить находящуюся внизу вашу армию!

Момент был довольно-таки неподходящий, чтобы объяснять этому твердолобому вояке его ошибку, и потому Модиун лишь коротко попросил:

— Свяжите меня скорее с вашим руководством.

Не прошло и полминуты, как на экране появи-

лось изображение другого ганианина, которому Модиун коротко изложил то, что касалось зоувгов, рассказал о намерениях комитета завоевать Галактику и попытался, насколько это возможно, описать, что из себя представляет гравитационный вихрь и черная дыра.

Закончил он это следующим советом:

— Передайте всему населению срочное предупреждение. Пусть обитатели планеты укроются в прочных убежищах, например, в бетонированных подвалах под домами. Пол и потолок следует устелить чем-либо мягким, вроде матрасов, чтобы в момент резкого усиления гравитации их прижало к этим прокладкам. Поскольку время в черной дыре течет замедленно, то первая реакция наступит только через несколько часов.

Закончил он требованием немедленно приступить к выполнению его советов.

Но сработает ли метод предложенной им защиты? Модиун не был полностью в этом уверен. Он даже предполагал, что Гания может разорваться и осколки планеты разнесутся по всему окружающему пространству.

Перспективы были ужасные, о чем он и сказал генералу Дуэру.

— Полагаю, что те из вас, кто находится сейчас

на звездолете, должны здесь и оставаться. А если возможно, то было бы хорошо доставить сюда равное количество женщин-ганианок. Ну а пока прикажите проводить меня с вашей территории куда-нибудь, где бы я мог установить связь с командной рубкой управления корабля. Полагаю, что в настоящее время связи с ней отсюда нет.

Не дожидаясь, пока найдет место, где расположена передающая аппаратура, он ещё в коридоре включил систему своего восприятия и тут же обнаружил нунули.

С помощью мыслепередачи он потребовал, чтобы корабль занял положение в ста милях над армией.

— Передайте также по кораблю, — приказал он, — когда войска вернутся на борт, пусть будут готовы к тому, что подвергнутся мощному гравитационному воздействию. Пусть все ложатся спать, привязавшись ремнями к закрепленным койкам.

Эта была та малость, которую он ещё мог сделать для блага живых существ.

Сам же Модиун вернулся к себе в каюту. Теперь его не покидало чувство вины.

«Разве мог я когда-либо раньше нарушить тайну мозга других созданий?»

Так он и заснул, беспокойно ворочаясь и продолжая чувствовать себя виноватым.

* * *

Проснулся он от глухого шума…и очень удивился. Шум доносился из коридора. Он сразу подумал: «Где находился нунули, когда я вступил с ним в мысленный контакт, чтобы отдать приказание?»

Ему показалось, что это было то место, где жил нунули. Но Модиун не имел привычки подсматривать за действиями другого лица и, может быть, смог бы прибегнуть к этому только в случае крайней необходимости.

«Мне следует постоянно помнить, что все происшедшее было направлено лично против меня».

Ведь действительно, именно его, землянина Модиуна, пытались уничтожить зоувги. Как только эта мысль закрепилась у него в мозгу, он немедленно встал с постели. Он понимал, что противник уже разрабатывает новый план, чтобы покончить с ним. Одеваясь, он обдумывал некоторые детали своего поведения.

* * *

Модиун открыл дверь.

Снаружи царил настоящий бедлам. По крайней мере, таким было первое впечатление. Оно создавалось нескончаемым ревом голосов и топотом ног.

Коридор заполняли орды грязных и вонючих людей-животных, держащих в руках ранцы и электрические разрядники.

Царил отвратительный запах грязи (скорее всего, ганианской), смешивающийся с запахом неземной флоры.

Каждому из людей-животных, наверное, пришлось долго пролежать в траве, на листьях, среди кустов, что, собственно, и было видно по их запятнанной одежде, от которой исходил этот запах.

При виде толп живых солдат Модиун почувствовал удовлетворение и тут же решил, что даже этот беспорядок не так уж плох.

Тем не менее он ещё помнил о тех картинах, которые наблюдал, пробираясь ранее по этому коридору, как трудно было ему и нунули продираться через поток обезумевших людей-животных.

«Есть ли у меня желание опять включиться

во все это?» — задал он себе вопрос. Весь накопленный тысячелетиями человеческий опыт, основанный на невмешательстве в дела других, твердил ему, что «нет».

Но внутри поднималось новое сильное чувство. Горячая и непоколебимая решимость поспорить с комитетом, прежде чем принять решение о своем будущем. И это чувство звало его вперед.

Он добрался до лифтов, и его просто внесло толпой в первый же открывшийся, который шел наверх. К тому времени, когда лифт достиг предела своего подъема, в нем, кроме Модиуна, оказался лишь офицер— гиена с золотыми нашивками, которого человек до этого не встречал.

Модиун даже несколько удивился, когда обнаружил, что его спутник пересек холл и подошел к тем же ведущим выше лифтам, что и он.

Внимательно посмотрев на человека-гиену, Модиун заметил, что на его одежде нет ни единого пятнышка грязи. Наверняка тот не спускался на поверхность планеты.

Оба они молча стояли перед лифтами. Когда же дверь, скользнув в сторону, открылась, офицер заговорил. Должно быть, он тоже предварительно присматривался к Модиуну, раздумывая, вступать с ним в разговор или нет.

— Вы уверены, что хотите подняться выше? Ведь вход в эту зону ограничен…

— Да, — коротко ответил человек.

Произнес он это несколько небрежно, ибо решил, что дискуссия на этом уровне ни к чему не приведет.

— Однако могу поклясться, — продолжал офицер, — что обезьян сюда не пускают…

— Меня пускают, — также коротко ответил Модиун.

Проговорив это, он переступил порог лифта. Офицер последовал его примеру, но продолжал смотреть с некоторым сомнением. Видимо, его продолжали раздирать противоречия. А Модиун тем временем размышлял, как ему найти нунули и поговорить с ним о новом этапе борьбы, развернувшейся вокруг него. Тем не менее, чтобы как-то p`gpdhr| несколько напряженную обстановку, он вежливо проговорил:

— Видите ли, я собираюсь побеседовать с хозяином нунули.

Говоря так, он внимательно наблюдал за коричневым обветренным лицом попутчика. Тот, по-видимому, занимал достаточно высокое положение в корабельной иерархии и знал, кто такой нунули. Поэтому он удивленно заметил:

— Что ж, выходит, что вы имеете право пользоваться всеми видами технического обслуживания…

— Совершенно верно, — подтвердил Модиун, и, стараясь использовать возможность получить дополнительную информацию, спросил:

— Когда мы отправляемся отсюда?

— Часов через двенадцать, — последовал ответ. А потом офицер, не сознавая, что выдает военную тайну, продолжил: — Ученые уже готовят к установке водородную бомбу, которая взорвется после нашего отлета. Остается только подождать, когда они возвратятся на борт.

Выходило, что Модиун чуть-чуть все не проспал. Чуть-чуть, но не совсем…

«Ну вот, — с горечью подумал он, — ещё немного, и я бы оказался в дураках. Позволил бы убить множество живых существ кучке лиц, готовых принести такую жертву ради одного человека. Конечно, по большому счету это не имеет особого значения. Все они смертны и умрут если не сегодня, то завтра».

Тем не менее его приводило в уныние недобросовестное поведение комитета, который в данном случае получал незаконные преимущества благодаря своим техническим знаниям.

Да… это называлось злоупотреблением своими возможностями. Опять его охватило ощущение несправедливости всего происходящего.

«Видимо, во мне заранее запрограммировано стремление исправлять разного рода несправедливости и противодействовать им», — подумал он.

Лифт остановился, и у Модиуна не оставалось времени на дальнейшие размышления. Дверь открылась, и на расстоянии в несколько ярдов от себя он увидел открытый люк готовящегося к отправлению корабля. Пожалуй, он обращал внимание на этот люк и раньше, когда впервые направлялся на встречу с нунули. Это была носовая часть корабля. Они одновременно с попутчиком шагнули за порог, и тут Модиун обнаружил того, кого искал.

Нунули стоял спиной к нему и что-то говорил окружающим его о необходимости как можно скорее улететь. Слова его вызвали вежливые кивки полудюжины инженеров-гиен. А один из них, выступивший от имени всех, заявил:

— Мы готовы, сэр. Остается только задраить люк, повернуть три включателя и — вперед!

— Тогда по местам! — скомандовал нунули. — Я лично дождусь тех, кто ещё должен подняться

на борт и…

При этих словах он обернулся и замолчал, потому что увидел Модиуна.

Возникла долгая неловкая пауза. Но тут Модиун спокойно проговорил:

— Как я вижу, мне придется опять вмешаться в направленные против меня махинации и к тому же изменить порядок полета, прежде чем мы пройдем через черную дыру…

— Прежде чем пройдем через что? — удивленно воскликнул инопланетянин.

— Боюсь, что у меня нет времени на объяснения, — ответил Модиун. — Однако же довольно любопытно, что вы не в курсе дела. Выходит, что вас готовы принести в жертву? Тот факт, что вы являетесь ко мне в каюту с просьбой о помощи, свидетельствует, что b`l заранее не было известно, что должно случиться.

И он уже повернулся, чтобы уйти, когда нунули остановил его:

— Подождите!

Модиун вежливо остановился, а нунули продолжал:

— Наверное, я должен сообщить вам, что предупрежден о новых обстоятельствах, в связи с которыми член комитета готов объяснить вам

свою долговременную программу действий.

Модиуна это заявление просто поразило.

— Какие же это обстоятельства?

Нунули в свою очередь удивился.

— Речь идет о том, что, проникнув на корабль, вы задержались на его борту, а это аннулировало все логические решения относительно последнего представления — мужчины человеческой расы.

Модиун старался уловить смысл слов, произносимых нунули.

— Правильно ли я вас понял? Член комитета хочет встретиться со мной лично?

— Да.

Модиун даже несколько растерялся, но внутри его все загорелось. Победа? Похоже. И это было довольно приятно.

«Я снова увижу Судлил, — подумал он, впервые почувствовав, что её неожиданное исчезновение взволновало его. — Может быть, даже смогу снять сенсорную блокировку, которую я поставил сам перед выходом за барьер».

Это было то, что не удалось сделать Судлил, и потому она, влекомая любопытством и стремлением двигаться, вынуждена была отправиться прогуляться в первый же день. А в результате

потерялась, став к тому же пленницей где-то в отдаленной части Галактики. Да, в очень и очень далекой, как показалось ему. К тому же трудно было понять, как она ухитрилась попасть в ловушку и остаться при этом в живых… ибо её призыв о помощи прямо свидетельствовал о том, что она жива и в то же время пленница.

Вспомнив об этом, Модиун решил, что стоит принять кое-какие меры предосторожности, чтобы застраховаться от всякого рода неожиданностей, которые могут преподнести ему зоувги.

— Так когда и куда я должен отправиться? — спросил человек.

— Вы с ума сошли!

Говоря это, нунули осознал, что человек его не совсем правильно понял, и решил снизойти до разъяснений.

— Я только хотел сказать, что член комитета побеседует с вами, если вы когда-нибудь обнаружите его в том месте, где он находится. Сразу скажу вам, что это большая уступка с его стороны.

Модиун вежливо дождался, когда его собеседник кончит, потом сказал:

— Ну что ж, так я и подумал. Найти его — не столь уж сложная для меня задача. У меня есть

три метода для определения местонахождения объекта. Впрочем, вам должно быть известно об этом…

Он умолк и стоял, не двигаясь. Лицо его напряглось, а глаза несколько прищурились.

— Внимание, начинается, — проговорил он. — Скоро поднимется настоящий тарарам. Советую забрать свою циновку и привязаться покрепче к потолку, когда это наступит.

Собравшись уходить, он повернулся к двери, но его опять остановил нунули:

— Когда и что наступит?

— Мы начинаем погружение в черную дыру, — ответил Модиун. — Полагаю, что это будет самый короткий путь. Вспомните, о чем я вам говорил. Нужно предупредить всех, что корабль может оказаться в перекрестье гравитационных воздействий и находиться там в течение всей ночи.

— Но… но… почему?

— Просто я считаю, что такая прекрасная маленькая дыра не может располагаться слишком далеко от пункта контроля над ней.

Объяснение явно наконец дошло до нунули, глаза его стали почти прозрачно-голубыми.

— О! — всплеснул он ручонками, почти так, как это делают в подобных случаях люди-животные.

А Модиун вынес заключение:

— Когда фейерверк закончится, мы наверняка окажемся возле самой планеты Зоувг, во всяком случае, мне так кажется. А пройдет все за время чуть меньше земного дня. Итак, желаю вам спокойной ночи.

После этого, не дожидаясь ответа, он вышел.

* * *

Задыхаясь от быстрой ходьбы, Модиун добрался до своей каюты и задумался: «Теперь, когда нунули уже не может прямо действовать против меня, следует ожидать нападения непосредственно со стороны комитета».

Он разделся, лег в кровать, привязал себя ремнями… и тут же заснул.

Проснулся он оттого, что почувствовал, как ремни врезаются в тело.

«Ускорение не менее трех G», — подумал он.

Происходящее беспокоило его, но он продолжал подходить ко всему философски… Теоретически давление в черной дыре может быть в тысячу раз больше силы тяжести. Конечно, двигатели звездолета рассчитаны на экстремальные ситуации. Но все же… Ведь это сочетается с движением вверх, вниз, влево и вправо. Компьютер в такой

ситуации должен выбирать оптимальное положение корабля с минимальным напряжением… Так что беспокоиться нечего… Следует полностью довериться технике.

Максимальная тяжесть наваливалась четырежды. Модиун лежал или, скорее, «парил» в темноте, осознавая колоссальное ускорение движения корабля, а затем последующее торможение.

Одновременно гигантский звездолет покрывал расстояние, эквивалентное десяткам световых лет.

Наконец они прошли сквозь черную дыру.

В момент, когда корабль выходил из нее, человек спал. Перед его внутренним взором возникла Судлил, совершенно нагая, как и в тот день, когда он был рядом с ней, не испытывая ни малейших признаков страсти. Но теперь… каким-то образом это ночное видение пробудило в нем доселе неизведанные чувства. Модиун только собрался проанализировать эти чувства, как понял, что он видел сон, а это присуще настоящим человеческим существам!

Он так и проснулся, продолжая удивляться. Сон! Надо же! И у кого? У него! Но ведь животным снятся сны, они подсознательно решают во сне

свои проблемы и избавляются от конфликтных ситуаций прошедшего дня.

«Ну, я совсем опускаюсь…» — подумал он.

Сон был симптомом того, что его разум не в силах справиться с подсознанием.

Думая так, он сначала даже не обратил внимания на содержание сна. Его взволновал лишь сам факт наличия у него сновидений. Но вскоре он понял, что сон возбудил его половой орган, как это он некогда видел у самцов-животных.

«Вот так раз! Что же это творится со мной?»

Крайне заинтересовавшись, он стал изучать свое отражение в большом зеркале ванной комнаты. Однако это состояние не ondd`b`knq| какому-либо известному ему определению. Кроме того, его половой орган при осмотре значительно сократился.

Одеваясь, Модиун вовсю веселился. Мысленно он несколько раз возвращался к своему сну, особенно обращая внимание на его эротическую сторону.

Начав причесываться, он вдруг подумал, что, будучи достаточно странным, сон мог иметь и другое значение.

Неужели новое нападение?

Возможно, когда его мозг был охвачен страстью,

происходило что-то такое, чего он не заметил? Расстроившись, Модиун включил восприятие. Однако корабль спокойно плыл в пространстве, направляясь к ближайшей звездной системе. А в его ментальном поле присутствовал всего один затемненный сектор — это нунули. Да и тот был не такой уж темный.

Если что-то и происходило, то оно уже наверняка кончилось. И к тому же оно было не настолько важным и значительным, чтобы оставить после себя следы.

Конечно, подобного рода сон являлся атакой против него!

Закончив туалет, Модиун продолжал размышлять о природе нападения, но тут прозвенел звонок у входной двери.

Модиун хотел открыть, однако… инстинктивно заколебался и остановился.

«Итак, я перестаю быть наивным, — подумал он, — и начинаю понимать, что все интриги зоувгов направлены только против одного— единственного человека — меня».

Это казалось невероятным, но сомнений не вызывало. Сначала дважды произошло нападение людей-гиен, потом феномен черной дыры — все на единственного человека с планеты Земля.

Потом ими был вызван этот сексуальный сон. Скорее всего, им потребовалось время на то, чтобы отвлечь внимание Модиуна, пока готовилась новая атака. Ведь он сумел устроить так, что хозяин нунули оказался сильно занят и не мог ничего поделать… так что пришлось вовлечь во все лично члена комитета.

Да. Трудно было поверить, что зоувг лично заинтересовался судьбой человека с маленькой планеты Земля. Но сомнений не оставалось. Красноглазое злобное существо, которое встретилось с ним в период использования в качестве оружия черной дыры, позволило увидеть себя. Зоувги шли даже на гибель вместе с кораблем их раба нунули, поскольку не предупредили его об атаке. Это была фантастическая реальность, но тем не менее реальность.

«Ладно, будь что будет, я готов ко всему».

Стоя все так же неподвижно возле двери, Модиун настроил все уровни своего восприятия, желая быть уверенным, что если не сработает один, то подаст сигнал другой.

После этого он наконец открыл дверь. За ней стояла четверка друзей животных с простецкими улыбками на лицах.

— Ну что же вы, входите!

В тот же момент сработал сигнал опасности, спасший ему жизнь.

* * *

Яркая молния вырвалась из ствола ружья. В коридоре прогремело эхо выстрела. Разряд взломал пол в нескольких футах от двери.

— Айчдохз, — раздраженно сказал Роозб, — смотри, что ты делаешь. Ну, привет, — наконец, улыбнувшись, обратился он к Модиуну.

Все это произошло за какое-то мгновение. И во всем просматривалась явная попытка сжечь его мозг. А когда она не удалась, мгновенно уничтожили используемый механизм.

Конечно, теперь у него не было возможности определить, каким nap`gnl зоувги воздействовали на мозг человека-животного, противопоставив свой метод системе человеческого восприятия. Но ведь как решительно они продемонстрировали, что располагают таким методом!

Однако у Модиуна не было времени до конца во всем этом разобраться, поскольку Доолдн, войдя, сразу схватил его в объятия, а потом и он сам стал обнимать каждого из людей-животных.

— Ну, парень, как же мы рады видеть тебя!

Потом ему неистово жали руку, нежные ладони

Нэррла обнимали его за шею и плечи, а потом Роозб так стиснул Модиуна, что у него перехватило дыхание.

— Эй, хватит, друзья! — взмолился человек. — Очень рад, что вы выбрались целые и невредимые.

И тут все четверо наперебой стали делиться своими впечатлениями. Они все ещё были ими переполнены, хотя самое плохое, вроде бы, осталось позади.

— Ну, парень, скажу я тебе! — воскликнул человек-медведь. — Там внизу настоящее змеиное логово. Нам противостоит огромная сильная армия. Чем скорее мы уберемся с этой планеты, тем будет лучше! Конечно, мы-то оттуда выбрались, но…

Тут он мрачно замолчал.

Сейчас огромный звездолет был уже в космосе, но его точное местонахождение Модиун знал не больше, чем они. Впрочем, теперь его больше интересовала не Гания, а совершенно другая планета. Поэтому человек промолчал.

В это время стоявший рядом с ним Нэррл издал какой-то всхлип.

— Что случилось, Нэррл?

По щеке человека-лисы скатилась крупная

слеза.

— Смешно сказать, — пробормотал он, — но я никогда и подумать не мог, что наше столь долгожданное мирное путешествие может иметь целью захват других планет… Ну, представим себе… Покорили бы мы этих… как их там… ганиан… А потом что бы мы с ними делали?

— Это все проклятые недоумки люди-гиены, — проворчал Айчдохз. — Правильно говорил Модиунн, что все они узурпаторы и помыслы-то у них дурацкие.

Слушая их разговоры, Модиун почувствовал себя значительно лучше. Он был доволен, что они считали виновными во всем людей— гиен, которые в общем-то были не намного умнее их самих. Но по крайней мере теперь у них никогда не возникнет намерение захватить Ганию. Кроме того, этот их стихийный протест позволял надеяться, что можно побудить к сопротивлению и других людей-животных.

Хотя эта мысль была ещё очень смутной, она все же могла послужить будущей основой решения проблемы: каким образом человек смог бы вернуть себе контроль над животными Земли.

Впрочем, он понимал, что думать об этом преждевременно, и спросил:

— Итак, вы все четверо больше не собираетесь снова спускаться туда, вниз? Но ведь тогда туда пойдут другие?

— Не знаем, но нам почему-то снова велели носить с собой оружие до нового приказа, — пожаловался Доолдн.

— А что, у вас возникали какие-то проблемы с ружьями? — стараясь не обнаруживать своего интереса, спросил Модиун.

Роозб пожал плечами.

— Да понимаешь ли, тут один офицер при осмотре обнаружил неисправность в ружье Айчдохза, как раз перед тем, как мы собрались идти к тебе. Так что нам пришлось подождать, пока он все это исправил. Но… может быть… Ой! — Тут его большие наивные карие глаза стали ещё больше. — А может быть, он и не исправил, как надо. Потому-то оно и выстрелило возле двери. Как ты считаешь, Айчдохз?

Человек-бегемот согласно покивал головой.

Модиун почувствовал, что здесь явно пахло заговором (должно быть, один из членов комитета, не ставя в известность нунули, напрямую внушил мысль об убийстве человеку-гиене).

— А может быть, — сказал Модиун, — все это вполне естественно и произошло случайно? Вас

из осторожности попросили держать при себе оружие, ну и проверили его состояние. Может быть, это вовсе не значит, что вас ждут какие-нибудь поручения…

Такое решение не приходило в голову. Они тут же расслабились и продолжали рассказывать о своих жутких приключениях на Гании. Через некоторое время они уже хохотали во все горло, подтрунивая друг над другом.

Наконец Модиуну показалось, что прошло уже достаточно времени. Слушая болтовню друзей, он кое-что продумал и принял решение.

Встав во весь рост, человек поднял руку, чтобы привлечь к себе внимание остальных. Наступил торжественный момент, и Модиун заговорил:

— Парни, я должен вам сообщить нечто важное…

И он рассказал им, по возможности простыми словами, кто он такой, что сделал и что ещё осталось сделать.

После его слов наступило продолжительное молчание. Кончилось оно тем, что Роозб встал и, не говоря ни слова, пожал ему руку. Это послужило сигналом для других. Все они сделали то же.

Потом сели, все ещё не отрывая от него глаз, а Роозб констатировал:

— Значит, ты теперь здесь со всеми своими возможностями восприятия и контроля?

Модиун кивнул головой, соглашаясь.

— Я только не понимаю одного, — проговорил он. — Нет никакого сомнения в том, что все, что они проделали со мной, они проделали и с Суд-лил. Однако выходит, что она жива. Ее не убили. Почему?

— Да просто её держат, чтобы в подходящий момент использовать этот козырь против тебя, — мрачно заметил Нэррл. — Зоувг прикрывается ею, опасаясь ответных действий с твоей стороны.

— Но, — запротестовал Модиун, — если они располагают такими методами мощного воздействия на разум, зачем им заниматься всей этой ерундой?

Молчавший до того Доолдн сказал:

— Я не вижу здесь никаких проблем на будущее. Просто тебе следует держаться подальше от этих зоувгов и их хитроумных методов контроля (тут он скорчил гримасу отвращения).

— Конечно, — поддержал его Айчдохз.

Роозб и Нэррл дружно закивали, присоединяясь к этому предложению.

— Конечно, так и только так следует поступать, — проговорил человек-лиса.

— Ну-ну-ну, знаете… — заколебался Модиун.

Последовавшее за этим молчание смущало его. Да и сам он думал про себя, что человеческое существо не может поступать так, как предлагали его друзья животные. По той простой причине, что человек является высшей формой жизни.

Для него не стоял никакой вопрос, может он поступать так или иначе. Осмелится или не осмелится. В то же время Модиун никогда не пренебрегал опасностью, и вовсе не потому, что ему не хватало смелости. Если он и избегал опасности, то делал это из чисто философских соображений, но в данном случае это было невозможно. В данном случае он уже давно принял решение поговорить с членом комитета. Так он сейчас и разъяснил своим друзьям.

— Нужно, в конце концов, чтобы кто-нибудь пошел и разобрался q тем, что они затевают, и отговорил их так поступать. Заставить их предоставить объяснение, например, относительно того миллиона существ, которым они поручили осуществлять захват планет. Нужно, чтобы кто-то объяснил этому комитету, сколь вредна такая экспансионистская политика для всех, кто в той или иной мере принимает в ней участие. Ведь некоторые даже поплатились за это жизнью.

Другие пострадали от ран… Да и вам самим разве приятно было валяться в ганианской грязи?

— Конечно, нет, — согласились друзья.

— Вот все это я и хочу им высказать. Посадку же постараемся совершить рядом с местом, где живут члены комитета.

— А вдруг они попытаются воспользоваться своим трюком мысленного воздействия и окажутся сильнее тебя? — запротестовал Нэррл.

Модиун махнул рукой, как часто делал человек-лиса.

— Это неважно.

— Да вы что! — взорвался Доолдн. — С ума, что ли, все сошли? — Он повернулся к остальным. — Неужели вы не видите, что у этого парня неладно с мозгами?

Модиун расценил это как дальнейшее разрушение барьеров у них в мышлении, что явилось следствием его откровенного признания.

Он — человек! Потомок их древних создателей!

Они испытывали почтение к нему и в то же время опасались за него. Во вспышке человека-ягуара выплеснулись их эмоции.

Роозб дружески проворчал:

— Послушай, дружище, у тебя, конечно, доброе

сердце, но скажу тебе совершенно определенно, что живым ты от зоувгов со своей философией не выйдешь!

— Кроме того, — вмешался Нэррл, — ведь ты же овладел огромными знаниями. Может быть, они помогут тебе выяснить, уязвимы ли зоувги?

Такой подход поразил человека, и он медленно ответил:

— Видишь ли, когда я начинаю думать о совершенном зоувгами насилии... то мне приходит в голову, что им многое неизвестно ни о Айлэме, ни о черной дыре. Во всяком случае, они знают об этом слишком мало, чтобы правильно пользоваться этими силами.

Доолдн тут же вскочил на ноги.

— Не стоит заниматься интеллектуальным трюкачеством, скажи лучше, как можно практически использовать твои знания?

Модиун глубоко вздохнул.

— Третий закон механики, — спокойно объяснил он, — справедлив для Айлэма, как и для обычного пространства, конечно, с некоторой разницей, касающейся сохранения энергии волн.

— Не совсем понимаю. И что из того? — спросил, наклонившись вперед, Айчдохз.

Доолдн нетерпеливо скороговоркой произнес:

— Да тут все просто. Действию всегда соответствует равное противодействие.

Как бы объяснив это остальным, он спросил у Модиуна:

— Так в чем же заключается твоя идея?

— Дело в том, что они не должны были взрывать город людей за барьером, используя энергию Айлэма. Противодействие до сих пор сохраняется в едином психическом пространстве.

Тут Модиун сердито набычился.

— И если кто-нибудь когда-нибудь обнаружит сгусток этого противодействия и к тому же этот кто-то будет знать, как воспользоваться своим открытием, то… пусть зоувги поберегутся. Они, как это говорилось когда-то, выпустили джина из бутылки…

— Как я понимаю, этим «кем-то» будешь ты? — спросил Роозб.

— Могу быть и я, — резко ответил Модиун.

Они были потрясены, что человек доверил им такие сведения. Однако Модиун сглотнул слюну и тихо сказал:

— Нет. Наверное, все-таки я никогда не смогу воспользоваться этими знаниями, ибо их практическое использование привело бы к страшной

бойне.

— Нет! Вы только послушайте этого обормота! — возмутился Айчдохз.

А Роозб встал и спокойно заявил:

— Ладно, мы спустимся с тобой вниз и будем страховать тебя своими электрическими ружьями. Думаю, что чуть позже обсудим конкретно, как следует действовать.

— Я полагаю, — начал Модиун, — что сначала нужно будет высадить армию. Но это вовсе не для того, чтобы она открыла стрельбу или начала какие-нибудь агрессивные действия. Если с высадкой все обойдется благополучно, то зоувгам будет трудно — если не сказать невозможно — действовать против такого количества существ.

— А вот это вполне разумная мысль, — одобрил Доолдн.

* * *

Они позавтракали, и потом Модиун в сопровождении взволнованной четверки людей-животных направился к командной рубке звездолета.

— А вдруг они не захотят впустить нас к себе? — с сомнением проговорил Нэррл, когда друзья уже добрались до двери, расположенной в глубокой нише. Ее окаймляли разноцветные лампочки, а

на металлической поверхности видна была надпись: «Вход только для персонала. Посторонним вход воспрещен».

Энергетическое воздействие Модиуна без труда позволило преодолеть эту преграду. Затем он заставил своим воздействием находящихся внутри людей-гиен техников и инженеров покинуть помещение. Когда персонал исчез, Модиун внимательно осмотрел запоры всех дверей и подошел к вмонтированному в стену огромному экрану.

А через несколько минут перед ними появилась планета Зоувг!

Сначала на гигантском экране возник светящийся туманный круг. Затем стало появляться и расти изображение небольшого городка — место жительства зоувгов.

Комитет.

С такого расстояния слабое свечение энергетического барьера было почти неразличимым, но Модиун все же узнал барьер. Впрочем, теперь это было совсем неважно.

На поверхности этого участка планеты было трудно разглядеть мелкие детали. Холмы и ущелья, длинные тени и темные провалы… Среди них точечками поблескивали крыши строений.

Одно из них стояло на вершине горы, а другое ютилось в глубине тысячефутовой пропасти.

Наблюдая это величественное зрелище, Модиун старался сдержать охватывающую его дрожь возбуждения.

Она возникала у него в различных местах: в ноге, в плече, в руке… В желудке, кишках, бедрах, легких — везде, совершая своего рода круг и ни на мгновение не прекращаясь.

Поскольку Модиун сейчас был раскрыт для восприятия, то происходила стимуляция внутренних сил.

Он чувствовал давление пола на свои подошвы, ощущал прикосновение ткани брюк к коленям. Вдыхал слегка щекочущий горло воздух, пока тот проходил к легким. Лицо его горело. А может быть, это происходило под влиянием гнева? Точно определить природу этого ощущения он не мог. Но оно его возбуждало.

Чтобы убедиться, что это не гнев, он стал повторять про себя древние принципы веры, своего рода кредо человека.

1. Люди таковы, каковы они есть, и жизнь такова, какова она есть. Так их и нужно воспринимать.

2. Если вы им (ей) доверяете, то и они (она)

сторицей воздадут вам.

3. Полюбите их, и они вам ответят сто крат.

4. В основе своей жизнь хороша. Никому не угрожайте, и вам будет мирно и спокойно.

5. Всегда будьте милосердны к другим.

Каждое из этих положений, как он чувствовал, было запечатлено в его мозгу. И они не позволяли действовать ему иначе.

Мысли эти были верными по содержанию, хотя и не всегда по форме. К тому же очевидно, что нунули в настоящее время совершенно не следовали этим принципам. А ещё менее того — зоувги.

Может быть, когда-нибудь в будущем они к этому и придут. Но не теперь.

И ему постоянно следует быть настороже. Ведь он же не может убивать, как это делают они. Ко всему прочему, для него существовало и множество других запретов, и зоувги наверняка о них знали.

Весь день вместе со своими друзьями он наблюдал, как огромная армия землян высаживается на поверхность планеты за барьер, идет через горы, не встречая сопротивления. Их явно ждали. Модиун был в этом абсолютно уверен. Ноги его от возбуждения прямо-таки вытанцовывали. Он

чувствовал огромное удовлетворение.

«Сейчас я в значительной степени преодолел некоторые свои внутренние барьеры…» — думал он.

Тело повиновалось малейшему приказу. Это было прекрасно.

Немного позже, когда все уселись перекусить, он почувствовал, что друзья с любопытством его разглядывают. Наконец Доолдн сказал:

— Неужели ты действительно так много знаешь? И как же ты все это изучил, ну, хотя бы относительно черной дыры?

— Системы восприятия, включенные мною, могут напрямую помочь разобраться в явлениях природы, — скромно проговорил Модиун. — Но это не означает, что я безупречен как личность. Ответственность за это несут нунули. Я не умнее и не лучше, чем любой другой… если не считать, что обладаю некоторыми специфическими способностями.

Роозб, который, как всегда, быстро и энергично ел, резко поднял голову.

— Должно быть, это действительно так, парни. Во всех поступках этого человека с тех пор, как я его знаю, всегда в значительной степени присутствовала наивность. Сердце у него горячее,

но хитрости совсем нет. Однако не возникает никаких сомнений, что голова у него варит. А, Модиун?

Откровенно говоря, Модиун не слишком был доволен той оценкой, которую дал ему человек-медведь. Но ему хотелось, чтобы друзья принимали его таким, каков он есть, поэтому, энергично кивнув, согласился.

— Да, пожалуй, что так…

Тем не менее, переждав некоторое время, он добавил:

— Впрочем, я не столь уж и наивен, как кажется.

— Ладно, ладно. Посмотрим, — проворчал Роозб, взглянув на Модиуна. — Ты не обижайся, друг, я ведь всегда прямо говорю, что думаю. Например, посуди сам (тут он осуждающе покачал головой): ты позволил умыкнуть у себя из-под носа женщину, да ещё не разгадал самого последнего направленного против тебя заговора в этом плане. А ко всему прочему, до сих пор толком не решил, что будешь делать дальше.

— Но ведь я знаю, где она находится, — защищался Модиун.

— Ну и где же?

— Она, конечно, рядом с этим зоувгом.

Человек-медведь обернулся к остальным и беспомощно развел руками.

— Ну вот! Что я вам говорил?

Нэррл улыбнулся Модиуну и сказал:

— Знаешь, я помню одну самочку, которой когда-то увлекался. Но, прежде чем я собрался расстаться с ней, она сама покинула меня ради другого, у которого был хорошо подвешен язык. Конечно, после этого я тоже знал, где она находится.

— А у меня, — вступил в разговор Айчдохз, — был друг, который решил пересечь океан на простой лодке. Во время шторма он утонул. Я тоже хорошо знаю место, где это произошло. То, что от него осталось, покоится теперь на глубине около двух миль.

— Так что, как видишь, Модиун, — взглянул на человека Роозб, — иногда, как послушаешь тебя, начинаешь думать, что ты не можешь сообразить, сколько будет дважды два.

Их дружеские подковырки достигли своей цели. Модиун понял, что он поступает как-то не так.

«Но ведь человек уже побежден, — подумал он. — Мало того, он буквально уничтожен. А я тем не менее что-то болтаю о победе. Смешно

это все…

Когда все поели, Модиун сказал:

— Давайте-ка теперь поспим. Наверняка ночью поступит сообщение, что наш напор на зоувгов достиг такой степени, что они согласны немедленно встретиться со мной. Ну, а пока пусть наши тела отдохнут.

Доолдн недоверчиво посмотрел на него.

— У тебя уже готов какой-то план?

— Я же сказал вам, что не столь наивен, как кажусь. Но у находящейся внизу нашей армии нет запасов продовольствия, а они привыкли вовремя получать пищу…

Сообщение об этом поступило на корабль в начале четвертого утра.

* * *

Судя по изображению на экране телевизора, посадка на выбранное ими место представляла известные трудности, если только не спуститься прямо на крышу строения. Здание плотно прилегало к крутому склону высокого холма. Правда, дальше он был более отлогим, но место находилось ниже вершины примерно на двести футов.

А ещё ниже тянулась плоская равнина, вся исчерченная полосками изгородей и аллей, про-

ходящих вдоль зарослей кустарника и по берегам ручья до самой опушки леса, расположенного в двухстах ярдах от здания. Сесть в этом месте значило бы повредить и аллеи и изгороди, а это было бы уж совсем невежливо.

В конце концов Модиун решил, что может подняться по ступеням и через сад (если это, конечно, был сад) добраться до строения.

По склону холма перемещалось множество фигур — это была армия людей-животных. Однако они были далеко, и им надо было ещё много идти. Как прикинул Модиун, мог пройти целый час, прежде чем они достигнут цели. Так что пока придется несколько задержаться с посадкой.

Подходящее место нашли в четверти мили от подножия горы. Туда Модиун и посадил свой катер. Для него, человека с повышенной чувствительностью, воздух был заметно насыщен кислородом. Судя по всему, кислород составлял не менее тридцати пяти процентов состава атмосферы.

Повеселевший квинтет скоро достиг группы деревьев. И здесь они увидели пернатых представителей зоувгской фауны.

Маленькие крылатые существа, порхавшие среди ветвей, напоминали земных птиц.

Модиун ещё больше активизировал восприятие, и в его мозгу возникли слабые и смутные образы качающихся ветвей и неба, как их видели глаза этих пернатых.

Никаких мыслей. Эти существа были именно тем, чем и казались. Они прекрасно вписывались в окружающую природу, являясь её частью.

«Как же так, — задавался вопросом Модиун, — если живешь в таком раю, разве может возникнуть стремление захватывать другие планеты, а тем более устанавливать контроль над ними? Конечно, заявив, что планета тебе подчинена, можно почувствовать себя царьком на какое-то мгновение, но ведь едва ли когда-нибудь представится случай самому туда добраться, посетить „завоеванное“ пространство. Все удовольствие только и состоит в мысленных представлениях и самолюбовании. А к чему, наконец, нужны все эти мысленные картинки?»

Да, это удовлетворение тщеславия выглядело убого и грустно.

Придя к такому заключению, он понял, что добрался до сада, до начала первой аллеи. Модиун вступил в неё и оглянулся.

— Полагаю, друзья, что вам лучше подождать меня здесь. Спрячьтесь в кустах.

Ему показалось, что голос его прозвучал слишком громко в окружающей тишине, и он чуть тише сказал:

— Моей системы защиты вполне достаточно, чтобы покрыть это расстояние.Таким образом, я смогу защитить как себя, так и вас. Но если я все же задержусь до прихода солдат, отправляйтесь за катером. Может быть, мне понадобится ваша помощь.

Четверка беспрекословно согласилась. Модиун глянул на их человекоподобные лица и прочел на них выражение глубокой обеспокоенности и даже страха за него.

Молчание прервал Роозб, спросив хриплым шепотом:

— Скажи-ка, парень, а чем это может кончиться для тебя?

Потом, не получив ответа, он пожал Модиуну руку, пробормотав:

— Ладно. Удачи тебе! Забей гол в их ворота!

Остальные тоже подошли ближе и пожали ему руку. А Доолдн посоветовал:

— Будь осторожен, друг.

Модиун согласно кивнул и повернулся к ним спиной.

С того места, где он находился, все казалось

относительно близким. Сад к тому же выглядел более плоским, чем это представлялось сверху. Кроме того, он обнаружил, что нечто, казавшееся слоем почвы, на самом деле было пластиковым покрытием, припудренным тонким слоем пыли. Такая же пыль, но другого цвета, покрывала соседние дорожки. Через ручеек были перекинуты ажурные мостики, украшенные затейливым орнаментом. Смысл этого орнамента ускользал от Модиуна.

Землянин шел вперед, не оглядываясь. По нависшему над водой мостику он пересек ручей. Внешне мостик выглядел довольно хрупким, но под ногами возникало ощущение прочности, как будто он был сделан из стали.

А ещё через несколько минут человек уже поднимался по лестнице, ведущей к зданию, похожему на старинный замок.

Немного запыхавшись при подъеме, он увидел наверху дорожку, тоже покрытую то ли пылью, то ли песком, ведущую прямо к прозрачной, словно стеклянной двери. Нужно было пройти ещё каких— то шесть-семь ярдов.

Прежде чем войти в помещение, он впервые оглянулся на друзей. Они не отрываясь смотрели на него.

Модиун помахал им рукой, и они помахали в ответ.

Вот и все… если не считать, что на глаза ему навернулись слезы.

«Имея такое тело, — подумал он, — как-то совершенно безумно привязываешься к другим, подобным тебе существам».

Впрочем, сейчас было не до сантиментов. Поэтому он подошел к двери, стараясь не думать ни о чем отвлеченном.

Дверь перед ним автоматически растворилась, а когда он ступил через порог, так же мягко захлопнулась.

* * *

Модиун проснулся и подумал: «Самое простое решение в такой ситуации — покончить жизнь самоубийством. Это так же верно, как и то, что не следует заводить детей.

В конце концов человеческая раса должна закончить свое существование. Как это будет — не важно…»

Он зевнул, потянулся и сел на кровати. Он находился в маленькой каюте спасательного катера, рядом с рубкой управления. Лампы дневного освещения были включены, что, вероятно, и

разбудило его.

В глубине шевелились какие-то неясные мысли, все казалось загадочным. Но Модиун не придал этому серьезного значения.

Он встал с постели и чуть ни упал, споткнувшись о крепко спящего на полу Роозба.

— Эй! — негромко позвал человек.

Рядом с Роозбом вповалку спали другие. Постепенно они зашевелились и стали садиться. Модиун узнал Доолдна, Нэррла, а потом и Айчдохза. Вскочив на ноги, они бросились к человеку, тоже спотыкаясь о Роозба.

Первым подоспел Нэррл.

— Как у тебя, все в порядке, малыш?

Модиун удивился.

— Конечно. А почему ты спрашиваешь?

Наклонившийся, чтобы растолкать Роозба, Доолдн резко выпрямился.

— Я полагаю, что он просто проиграл, пытаясь бороться со своей древней привычкой впадать, как и все ему подобные, в зимнюю спячку. В определенное время года с ним это случается…

Говорилось это относительно человека-медведя, но тут до него дошел смысл вопроса, который задал Модиун.

— Да ведь это же ты сам обещал нам все расска-

зать… Послушайте, — обратился он к остальным самым воинственным тоном, — подтвердите, что он сам вчера сказал нам, что все расскажет утром. А сейчас, старина, как раз утро…

— Что-то я не пойму, о чем должен рассказывать?

Он смолк, и тут же в голове что-то сверкнуло. Потом пошли воспоминания.

— Значит, так. Я прошел в ту дверь… — прошептал он.

— Ну да, да. А что было потом? — ворчливо поторопил его Айчдохз.

Взгляд Модиуна обежал лица друзей и спящего Роозба. Потом он отрицательно помотал головой, чувствуя себя несколько растерянным.

— Совершенно ничего не помню. Как я попал сюда?

— Ну-ка расскажи, Нэррл, — предложил человек-ягуар. — Ты у нас самый красноречивый…

— А чего тут рассказывать? Ты вошел в дверь, мы это хорошо видели. Прошло чуть больше часа. К этому времени армия землян уже заполнила площадку и подобралась к самому зданию. Затем от тебя поступило распоряжение забрать Судлил. Мы так и сделали. Еще ты qj`g`k, что должен вернуться обратно, чтобы выполнить какое-то

обещание, но, поскольку уже наступила ночь, мы уговорили тебя сделать это утром. Вот так и получилось, что все мы здесь…

— Ну, и зачем я должен был туда вернуться? — никак не мог опомниться от услышанного Модиун. — О каком обещании шла речь?

— Этого мы не знаем. Ты нам не сказал.

Человек медленно опустился на кровать.

— Это похоже на амнезию, — негромко проговорил он. — Наверное, мне следовало бы быть осторожней.

Доолдн взволнованно спросил:

— Ты хочешь сказать, что тебя загипнотизировали?

Человек кивнул.

— Они, должно быть, проникли сквозь мою защиту, — едва сдерживая удивление, пробормотал он. — Пусть меня повесят, если это не так! Это их метод контроля над мозгом, — объяснил он. — Они внушают необходимость совершить что-то и держат вас, как на крючке.

Потом он опять заговорил, вспомнив мысль, с которой проснулся.

— Послушайте, да я ведь только что хотел покончить жизнь самоубийством. К тому же был убежден, что нам с Судлил не нужно заводить

детей. И что вообще род человеческий должен на нас прекратиться.

Он опять смолк, задумавшись. Было такое ощущение, что в голове у него кружится хоровод мыслей, причем все они приходят одновременно. Сидя на краю постели, он пытался привести все эти мысли в порядок.

— Судлил, — проговорил он вслух. — Вы сказали, что доставили её сюда. Где же она?

Люди-животные с грустью переглянулись и печально покачали головами.

— Да, у этого малого мозги точно набекрень, — сказал Доолдн.

А проснувшийся к этому времени Роозб добавил:

— Модиун, посмотри-ка на кровать позади себя…

Человек медленно повернулся, не веря, что может быть таким бесчувственным. Через несколько секунд он сообразил, что лежал лицом к стене и потому ничего не видел. Оказывается, он лежал рядом с Судлил.

Опомнившись, он стал рассматривать женщину. Да, это её золотистые волосы. Лицо такое же, каким он увидел его, когда она вышла за барьер. Даже спящая, она излучала огромную

жизненную энергию… другого определения он подобрать не мог.

«Вряд ли я когда-либо выглядел таким энергичным, как она… — впервые пришло ему в голову. — А каким же я кажусь другим, окружающим?»

Не отрывая взгляда от женщины, он спросил:

— Что с ней?

— Ты сам сказал, что она без сознания. Тогда мы соорудили носилки и доставили её сюда, — объяснил Нэррл. — С тех пор она и находится в таком состоянии.

— И я все это говорил прошлой ночью, как будто знал об этом? Но почему же я не привел её в сознание?

Выяснилось, что он не захотел, чтобы она очнулась неожиданно.

— Надо думать, — расстроенно проговорил Модиун, — что тогда я знал, что делаю. Так что сейчас не стоит спешить.

— По-моему, — заявил Роозб, — следует собрать военный совет или что-нибудь подобное.

«Наверняка нужно что-нибудь делать», — подумал Модиун.

Спустя час они поели, сидя в тесном кругу в командной рубке. Модиун глубоко вздохнул.

— Ну вот, — начал он, — теперь я вспоминаю, как подошел к двери. Сейчас включу систему усиления памяти. И опишу вам все от начала до конца.

* * *

Когда Модиун вошел, из-за стола, находившегося ярдах в шести от двери, поднялся нунули.

— Распишитесь вот здесь, — предложил он, — приглашающе поманив человека.

В одной руке он держал нечто, напоминающее авторучку, а пальцем другой показывал на что-то вроде книги почетных гостей.

Модиун остановился на пороге. Он сознательно сдерживался, чтобы не сразу выполнить то, что предлагал нунули, и в первую очередь огляделся вокруг. Перед ним была небольшая комната с высоким потолком. Стены её казались облицованными белым блестящим пластиком. Кроме двери, через которую он вошел, в комнате было ещё две. Располагались они по обеим сторонам то ли стола, то ли конторки, то ли бюро. Обе двери были не менее десяти футов высотой и покрыты узорами из позолоченных листьев. Помещение было очень светлым, хотя Модиун и не смог обнаружить источник освещения.

Удовлетворившись поверхностным осмотром, он двинулся вперед, включив все рецепторы восприятия. И сразу же ощутил твердость пола под ногами и трение одежды о тело. Рубашка прямо-таки царапала руки и грудь. Воздух был мягок и приятно щекотал легкие, что, скорее всего, объяснялось избытком кислорода. Ощущения наваливались на него со всех сторон, но главное заключалось в том, что они пока не пробуждали у него чувства опасности.

Приблизившись к бюро, Модиун взглянул на чистую страницу книги и увидел, что протянутая нунули ручка находится в нескольких дюймах от его руки.

Тут ему в голову пришли две мысли, и Модиун замер.

Первая. Вся окружающая обстановка создана специально для человека. Этому служила приемная с бюро и книгой записи гостей. Все это было до невероятности упрощено и явно сооружено на скорую руку. Этакая смешная подделка под старинную коммерческую контору. Возможно, они ожидали, что он автоматически проделает всю процедуру, а знакомая обстановка усыпит бдительность.

Вторая мысль была связана с первой. Раз они

столько внимания уделяют антуражу, то опять что-то готовят. Наверное, снова организован некий заговор.

Все внутри него настроилось на подобную возможность и готово было действовать. Однако он совершенно не собирался втягиваться в какие бы то ни было интриги на столь низком уровне. Модиун отрицательно покачал головой, показав, что не собирается расписываться, и просто сказал:

— Мне назначена встреча…

Нунули не стал спорить.

— Тогда прошу вас туда.

И он показал на дверь слева от человека.

Модиун не шелохнулся. Слова этого существа вызвали у него целую гамму чувств, главным из которой было недоверие. Оно усиливалось тоном и голосом нунули, а также тем, как он держался, когда говорил, легким напряжением в мышцах этого привратника… А самое главное — чувством превосходства, пробивавшимся сквозь «паразитные фоновые шумы» мозга нунули.

«Что же они задумали?»

Сначала возникло внутреннее предупреждение, что не стоит расписываться в книге, теперь — чувство, что не нужно входить в указанную комнату…

Модиун даже вынужден был сделать над собой усилие, чтобы из чистого любопытства не заглянуть в левую дверь.

«Ладно. Позже я, пожалуй, загляну туда, а заодно и распишусь, — подумал он. — Нужно будет только разобраться, какая во всем этом связь?»

Вслух же он сказал:

— А не могу ли я пройти в эту дверь? — и указал направо.

— Конечно!

Сказано это было в достаточной степени любезно.

Тон, вибрация голоса, внешний вид говорившего — все казалось правильным.

Тем временем нунули сам подошел к двери и вежливо открыл её, придерживая створку. Шагнув внутрь, человек сразу заметил за дверью коридор. Комната располагалась несколько дальше и правее. Что в ней находилось, не было видно. Тогда он двинулся вперед.

И тут почти одновременно произошли две вещи: дверь за его спиной с мягким щелчком захлопнулась и погас свет.

Оказавшись в полной темноте в логове зоувгов, Модиун заколебался. Но всего на секунду. Он прошел с десяток футов по коридору и, повернув,

сразу направился к креслу, положение которого обнаружил с помощью своих датчиков. Неторопливо уселся.

Во мраке прозвучал голос:

— Итак, вы попались в ловушку!

Едва были произнесены эти слова, как до Модиуна дошло, что и его невидимый собеседник, и нунули в приемной говорят на универсальном земном языке.

«Что-то уж очень они расшаркиваются перед человеком. Притом единственным человеком, " — подумал он.

Сознание между тем продолжало работать, анализируя происходящее. И мозг в первую очередь выделил зловещий смысл слов, сорвавшихся с языка зоувга.

Едва усевшись, Модиун ощутил тепло, исходящее от того, кто присутствовал в комнате. Существо это находилось чуть больше чем в десяти футах от него и левее. Комнату наполнял какой-то странный запах.

Модиун понял, что голос исходит из точки, расположенной по крайней мере на фут выше его роста. Может быть, это существо стояло на каком-нибудь возвышении? Но рецепторы подтвердили, что нет. Просто зоувг достаточно

рослый, приблизительно девяти — девяти с половиной футов.

Интересно…

Чувствуя, что член комитета смотрит на него, как будто видит в темноте, Модиун сосредоточил внимание на том, что зоувг говорил.

«Может быть, я оказался жертвой гипнотического воздействия, которое дает им такую власть?»

Пока это было неясно.

Модиун мог с полной уверенностью сказать только то, что с этим существом он ранее не встречался. Заявление о том, что человек попал в ловушку, отличалось достаточной прямотой.

Между тем Модиун закончил анализ.

«Итак, до сих пор ничего не случилось…Они меня пока не тронули…»

Однако даже от этой мысли его охватило чувство досады. Встреча с членом комитета, которой он так ожидал, проходила не так, как ему представлялось: не было открытого и прямого диалога лицом к лицу. И он должен был к тому же признать, что быстрота и рамки, в которых развертывались события (темнота), возымели свой эффект (наверняка предусмотренный). Противодействие ему шло на самом высоком уровне.

Тогда Модиун решил начать контрнаступление:

— Ваша манера поведения и слова, к сожалению, означают, что b{и в дальнейшем намереваетесь продолжать завоевание Галактики…

При этих словах зоувг приблизился к человеку и, возвышаясь над ним, проговорил:

— Мы, как мне кажется, не понимаем друг друга. Кто же внушил вам такую мысль?

Откинувшись в кресле, Модиун с некоторым запозданием вспомнил, что об этом ему сказал хозяин нунули на корабле. Он ясно представил, как эта раса действовала, захватывая планеты для зоувгов. Именно с этой целью была уничтожена на Земле человеческая раса, а потом совершено жестокое нападение на Ганию.

— У меня создалось впечатление, что то, что вы сделали на Земле и Гании, может быть совершено на десятках тысяч других планет, подвергнутых экспансии.

— То, что мы осуществляем, вовсе не является захватом территорий, — заявил зоувг. — Мы просто-напросто решительно пресекаем развитие вредных и случайных ветвей эволюции, выражающихся в появлении случайных форм жизни. Когда такая линия истреблена, мы некоторое время наблюдаем, а потом позволяем всему

остальному идти своим путем. Это никак нельзя назвать захватом.

Модиун от изумления даже рот раскрыл. Потом закрыл. Он получил объяснение происходящего всего в нескольких словах!

«Получается, — подумал он, — что они нападают и уничтожают самых приспособленных, выживших на планетах в результате естественного отбора».

Обескураживающее открытие.

Даже когда человек видоизменял животных, у него и в мыслях такого не было. А позже, когда люди под влиянием нунули изменяли свою собственную природу, то только акцентировали внимание на тех чертах и свойствах своей расы, ростки которых уже были заложены в ней в процессе эволюции.

— Ну и каковы же ваши критерии отбора и кто их устанавливал?

— На всех планетах, — ответил зоувг, — мы контролируем ту форму жизни, которая отличается долголетием. Можете вы назвать пример лучшего критерия устранения расы, чем её долголетие?

Голос смолк, и Модиун ждал, что существо разовьет дальше свою мысль. Но прошло несколько

секунд, и по спокойному дыханию собеседника он понял, что продолжения не последует.

— Подождите… — начал он взволнованно, потом, собравшись с мыслями, продолжил: — Но ведь и сами-то вы являетесь расой долгожителей… не так ли?

— Должен сказать, что термин «долгожители», применяемый вами в отношении нас, не совсем точен. Дело в том, что мы — бессмертны. Бессмертие, — и это прозвучало достаточно гордо, — является одним из двух наших важнейших качеств.

Про себя Модиун решил, что вторым важнейшим качеством зоувги считают свое умение осуществлять контроль над разумом других существ. Однако он промолчал, чтобы не отклоняться от темы.

— Короче говоря, для уничтожения рас вы выбрали качество, которое сами приобрели, скорее всего, тоже благодаря естественному отбору. Я говорю «скорее всего», ибо это тот самый момент, на который бы хотелось обратить внимание…

Член комитета хранил спокойствие. Спокойно и весомо он проговорил:

— Мы подходим совершенно объективно, поскольку изучили все самые положительные

черты у сотен рас…

— И кончили тем, что признали свою расу самой лучшей! — взорвался Модиун. — Причем совершенно необоснованно.

— Я повторяю вопрос (в голосе члена комитета прозвучало раздражение): можете ли вы назвать лучший критерий, чем долговечность?

— Да. Например, система человеческого восприятия. И человеческая философия терпимости. Вот видите, — прервал он перечисление, — вы мне говорите о качествах зоувгов, а я вам — о качествах людей. Получается, что мы с вами оба в достаточной степени субъективны. А?

— Поскольку вы находитесь в наших руках, продолжать разговор с вами бесполезно, — последовал холодный ответ.

Итак, все вернулось на круги своя.

Модиун продолжал спокойно сидеть в кресле, но держался настороже и чувствовал, что пока ничего не изменилось. В эти несколько минут, когда был всему подведен итог, его система восприятия не подавала никаких настораживающих сигналов. Выходило так, что, если они что-то и предпринимали, это, должно быть, происходило на каком-то высоком уровне и он не чувствовал. Айлэм — единое психическое пространство — и

космос молчали. Вся окружающая Вселенная продолжала свое движение в рамках молекулярной и атомарной логики, не реагируя на пертурбации разумов, а это позволяло думать, что проблема внутри, а не вне Модиуна.

Размышляя о такой возможности, человек решил, что пришло время совершить то, зачем он сюда явился. Однако он не знал, как начать, а в голове вертелось: «Первой моей задачей было поговорить, что я и сделал. Но это ни к чему не привело».

И вот, не решив, как действовать дальше, Модиун наугад проговорил:

— Все же биологией мы владеем лучше, чем кто бы то ни было, благодаря тому, что в нас развили нунули.

Существо в темноте издало какой-то горловой звук. Может быть, так оно иронически смеялось? Затем зоувг заговорил:

— В принципе, нам сейчас и не нужно предпринимать что-либо против вас. Контроль над вами давно установлен. Вы должны понять, что никто не может поступать вопреки своей собственной природе. Например, индивидуум даже может прекрасно понимать существо боя, который он должен вести, — это та стадия, до которой подня-

лись и вы, — но в то же время вы прекрасно сами знаете, что кожу вашу можно чем-либо пронзить, сердце — остановить, а на группы клеток вашего мозга можно воздействовать… довольно-таки специфическим методом. Так вот, несмотря на вашу систему восприятия, срок жизни человека составляет менее двух тысяч лет по земному летосчислению. И этим вы обязаны нунули, которые способствовали улучшению человеческой расы.

— Верно, — согласился Модиун. — Однако я сейчас не склонен заниматься подобным анализом и…

Тут зоувг прервал его:

— Чтобы продемонстрировать наши возможности, я предлагаю вам использовать свою систему восприятия, направив её против нас. Вы тут же убедитесь, что бороться вам с нами не по силам.

— Вы требуете невозможного, — запротестовал Модиун. — Для меня слово «против» не несет смысловой нагрузки. Я не против вас.

— Это, конечно, естественно с вашей стороны, поскольку так вас запрограммировали наши слуги — нунули, — с удовлетворением заявил зоувг.

— Для меня крайне трудно и даже невозможно решиться умышленно напасть на кого-либо, — подтвердил человек.

— Вот-вот, — откровенно веселился член комитета. — Вы замкнуты в порочном круге. Вы осознаете эти условности и где-то подсознательно они вам не нравятся, но изменить ничего не можете…

— Гм… — проворчал Модиун. — Чувствую, что мы продолжаем не понимать друг друга.

И тут он повторил слова, когда-то сказанные Роозбом к крайнему неудовольствию Доолдна:

— Существует немало способов содрать шкуру с кота.

— Что-то я вас действительно не понимаю, — отозвался зоувг.

Однако Модиун не стал больше ничего объяснять.

* * *

Дальнейшего он вспомнить не мог. Находясь в катере, он сознавал, что полностью потерял память и забыл происшедшее с ним дальше.

— Вот, собственно, и все, что я помню, — несколько раздраженно проговорил он.

— Это какого же кота ты собирался ободрать? — хитро подмигнул Роозб покрасневшему Доолдну.

— Простите, что воспользовался этим сравнением, — отозвался Модиун, сидя за столом

напротив человека-ягуара. — Извини, Доолдн…

— Да ладно тебе, — проворчал Доолдн. — Я не сержусь, а просто обеспокоен. Ну и силен же этот зоувг.

Айчдохз помотал головой.

— Знаете, парни… Наш Модиун оказался просто мокрой курицей, — сердито сказал он, посмотрев на человека. — Конечно, он в общем-то не трус, а просто не умеет драться.

— Я как раз и собираюсь научиться, — запротестовал человек.

— А вот это — враки! Ты ведь прямо заявил зоувгу, что ничего не будешь делать против него. А теперь говоришь наоборот. Ты, что, собираешься драться теперь за него?

Все они осуждающе уставились на Модиуна.

— И откуда только такое лицемерие в человеке? — осведомился Нэррл.

А Роозб добавил:

— Мы всегда считали, что ты говоришь только правду. Сейчас же слышим, что ты болтаешь попусту. Пойми меня правильно, — торопливо проговорил он, — мы от всей души хотим побить и разогнать этих поганцев.

— Я пытался разобраться с ними через единое психическое пространство Айлэм, — начал объяс-

нять Модиун. — Просто это единственный способ, который мне доступен в данной ситуации. Так вот, послушайте…

Когда Модиун закончил свои объяснения, Доолдн решительно его спросил:

— Выходит, ты считаешь, что именно это тебе и следовало сделать?

— Да.

— Однако, когда ты именно это проделал, у тебя произошла потеря памяти?

Модиун вынужден был согласиться.

— Должно быть, они предприняли контратаку.

— Скажи-ка, а энергия этого поля Айлэм могла бы уничтожить зоувгов полностью? — вступил в разговор Нэррл.

Модиун даже возмутился.

— Поле-то — да, но я-то — нет! Это было бы просто убийством! Настоящим убийством!

Доолдн аж всплеснул в негодовании руками.

— Нет! Вы только посмотрите на этого обормота! — Он покраснел от гнева. Потом взял себя в руки и продолжил уже более ровно: — А ты мог бы обнаружить в другом месте сгусток энергии наподобие того, что сохраняется в Айлэме?

Модиун отрицательно покачал головой.

— Возможно, существует и такое, но мне об

этом неизвестно. Должен вам напомнить относительно Айлэма, что это пространство очень велико и сравнимо только с космическим. Просто в нем не qsyeqrbser течения времени.

— Значит, ты хочешь сказать, что использовал до предела все свои знания? — настаивал человек-ягуар.

— Да. Это я вам и пытался объяснить.

Лицо Доолдна побагровело и стало похоже на обожженный кирпич. Он откинулся на спинку стула.

— Нет. Я лучше заткнусь! — рыкнул он. — Аж дурно становится, как только представлю себе, что самое великое доброе дело в Галактике пошло прахом… из-за паршивого маленького…

Тут он действительно замолчал, так и не подобрав подходящего сравнения, и лишь спустя минуту выдавил из себя:

— Нет, парни, во всем виноваты мы с вами…

В разговор дипломатично вступил Роозб:

— Ну ладно, Модиун. Все прошло. Но почему бы тебе сейчас не активизировать все свои системы восприятия? Нам просто необходимо знать, что же произошло дальше?

* * *

И Модиун попытался это сделать. Все получилось на высшем уровне, поскольку человек понимал, что это единственная возможность во всем до конца разобраться. Как генерал, которому пришла в голову некая новая мысль касательно стратегии, он проверил свою идею не в ходе маневров, а на поле брани, в настоящем бою.

Было ясно, что напрямую ему не удастся сломить тысячу мощных разумов, выстроившихся против него с нацеленным гипнотическим воздействием.Поэтому он выбрал обходной маневр. Он погрузил свое восприятие в Айлэм в поисках сохранявшегося там источника энергии, учитывая, что поле должно хранить его в соответствии с незыблемым законом механики.

Поскольку процесс поиска происходил мгновенно, то он тут же услышал в тишине темной комнаты слова зоувга:

— Судя по нашим приборам, вы повысили активность своей системы восприятия. Тем не менее, как видите, ничего не случилось.

Немного подождав, зоувг добавил тем же раздраженным тоном:

— Мы все ощущаем лишь незначительное фи-

зическое воздействие на Айлэм. Однако достаточно хорошо известно, что в едином психическом пространстве ничего не может быть пущено в ход, если это не запланировано предварительно. Конечно, времени на переход в Айлэм не требуется, но зато вам оно необходимо, чтобы вернуться в наше реальное пространство. А должен сказать, что таким запасом времени вы не располагаете.

«Итак, они что-то почувствовали».

Он принял к сведению, что у них есть возможность обнаруживать любые его попытки к действию.

Сохраняя вежливость, Модиун заметил:

— Все, что сейчас происходит, конечно, является физиологическим процессом. Пусть пока это вас не беспокоит. Просто он позже получит дальнейшее развитие. Когда он закончится, инверсия будет исправлена, произойдет изменение некоторых химических связей. И тогда это создаст…

Тут он замолчал, почувствовав, что в комнате повисла напряженная тишина. Было такое ощущение, что член комитета подыскивает на своем языке эквивалент сказанного Модиуном. Потом во мраке снова прозвучал резкий неприятный голос:

— Не хотите ли вы сказать, что пытаетесь ма-

нипулировать нами?

— Все, что я сделал, — вежливо ответил Модиун, — это использовал энергию, которую вы внесли в Айлэм. Я только использовал её в качестве средства биологической перестройки…

— Откуда же эта энергия? Каково её происхождение?

— Это энергия произведенного вами взрыва в Айлэме, с помощью которого вы уничтожили город человеческих существ за энергетическим барьером. Кстати, от кого вы узнали вообще об Айлэме?

— От одной уже вымершей расы, — скрепя сердце ответил зоувг.

— Понятно. Очевидно, вы и в том случае сочли, что это была тупиковая ветвь эволюции, как я полагаю? — язвительно заметил Модиун. — Однако должен вам сказать, что полученные вами сведения были далеко не полными. Потому-то я и смог использовать сохранившуюся энергию взрыва, которая — а это-то вы должны были знать, — включает в себя все комбинации жизненной мощи…

— Так на что же вы использовали эту энергию? — грубо прервал его зоувг.

Модиун глубоко вздохнул.

— Теперь раса зоувгов пойдет по исправленному мною пути эволюции. В течение нескольких тысячелетий продолжительность жизни каждого индивидуума будет… как я полагаю… где-то семьдесят— восемьдесят лет по земному летосчислению.

По мере того как он объяснял, Модиун чувствовал, что напряжение у существа в комнате все нарастает. И вот…

— Инверсия эволюции, произведенная вами в отношении нас… — неестественно высоким голосом начал зоувг, — её можно вернуть на прежний уровень?.. Меня об этом только что просил один из моих сородичей.

Модиун помедлил с ответом. Его удивила скорость реакции, с которой зоувги переварили информацию и среагировали на нее. Ведь он нанес им чувствительное поражение, а они тут же, оправившись от шока, почти мгновенно стали искать пути, как все это исправить.

«Впрочем, — подумал он про себя, — их контратака все же запоздала».

Он раньше их использовал свое преимущество, перехватив инициативу. Но больше у него в запасе ничего не оставалось. Зато у них была под рукой ими же заложенная в него программа

честности и пацифизма.

Таким образом, выходило, что он должен ответить на их вопрос.

— По правде сказать, я об этом ещё не думал, но полагаю, что ответ может быть положительный. Все можно запустить в обратном направлении, но на это понадобится много времени, ибо работать пришлось бы индивидуально с каждым. Длилось бы это недели, причем достаточно нудно… Ко всему прочему, должен вам сказать, что не имею ни малейшего намерения…

Тут его снова поразила скорость их реакции на его слова.

— Мы являлись единственной бессмертной расой в космосе, — быстро проговорил зоувг, — а вы нас превратили в обыкновенных смертных. Это несправедливо и некрасиво с вашей стороны.

В известном смысле они были правы. Наверное, по большому счету, они должны были бы сохранить свое бессмертие, совершенно уникальное у разумных существ.

«Но они на слишком многое покушались и нанесли слишком много вреда, — убеждал себя Модиун. — Так что теперь их доводы ничего не стоят. Я и сам неоднократно подвергался их откровенному и ничем не спровоцированному

нападению. С какой стати я должен соглашаться с их доводами?

Зоувг снова заговорил:

— В том, что мы производили селекцию, нет ничего особенного. Да, мы вмешивались в ход естественного отбора природы, но ведь и вы сами делали то же, изменяя животных…

Голос инопланетянина что-то ещё бубнил, но Модиун больше его не слушал. На него навалилась огромная физическая усталость. Перед ck`g`lh плавали круги. Однако он все ещё продолжал сознавать, что сейчас они пытаются воздействовать на него своим объединенным внушением.

«Будет ли риском с моей стороны направить активизированное восприятие на свою защиту в данном случае?»

Едва эта мысль пришла ему в голову и он решил защищаться, как сразу почувствовал, что усталость постепенно сходит на нет. Оставалось лишь нечто вроде слабого головокружения.

Модиун подумал о том, что из-за лжи, грубости и нападок этих существ на него нарушилась чистота его реакции на окружающее.

«Я прошел большой путь, — подумал он, — и вполне возможно, что значительную его часть двигался не в том направлении, куда требова-

лось».

Впрочем, сейчас он ни о чем не жалел.

Дойдя до этого в своих размышлениях, Модиун окончательно очнулся и вновь услышал голос члена комитета:

— …мой коллега, — говорил инопланетянин, — предлагает вернуть вам вашу женщину при условии, что вы восстановите наше первоначальное состояние. Он считает, что женщина вам крайне необходима для того, чтобы воспроизвести человеческое потомство. Сейчас она без сознания и подвергается опасности. Мой коллега считает, что у вас нет выбора.

Модиуна в очередной раз поразила быстрота их реагирования, к тому же подкрепленная безупречной логикой.

Получалось, что сначала они допустили ошибку, но потом то же самое совершил человек. Так что теперь зоувги взяли реванш. Удастся ли человеку переломить ход событий в очередной раз?

«Вот я и попался, — думал Модиун. — Я даже не могу воспользоваться своим восприятием, чтобы получить сведения о нахождении Судлил: они тут же заблокируют информацию. Но зато лично меня они тронуть не посмеют, ибо только я один могу им помочь в восстановлении состояния

бессмертия…»

Получалось, что наступило равновесие сил между человеком и самым опасным его противником. В этой ситуации с философской точки зрения была своя зловещая красота. Нечто демоническое.

Однако проблему надо было решать.

— Хорошо. Я готов восстановить ваше первоначальное состояние. Но пока не знаю, как это лучше проделать. Видите ли, — тут он всплеснул руками, как это частенько делал Нэррл, — как только я восстановлю бессмертие первого же члена комитета, он тут же посчитает себя свободным от всяких обязательств. И никакой предшествующий договор не заставит его защитить Судлил.

Он помолчал, задумавшись.

— Я признаю, что она в вашей власти. К сожалению, Судлил позволила заманить себя в ловушку. Могу даже представить, что она со своей философией пацифизма, отягощенной типично женским пассивным отношением к окружающему, оказалась крайне доверчивой…

— Да, все так и было, — нетерпеливо прервал его зоувг. — Мы смогли погрузить её в бессознательное состояние, но сомневались, стоит ли вторгаться в её систему восприятия. Однако вам

следует решать быстро. Исходя из того, что это для нас необходимо, и не желая терять времени, мы, ко всему прочему, понимаем, что такая личность, как вы… с вашей философией, какой бы мы её ни считали, сдержит данное обещание.

Затем он уже совсем скороговоркой добавил:

— Поэтому, если вы обещаете восстановить наше прошлое состояние в течение следующей недели, мы вам скажем, где находится Судлил.

«Итак, они меня четко контролируют».

Других толкований создавшегося положения не было. Тем не lemee особой разницы в положении он не испытывал. Модиун был волен выбирать то или иное решение.

Тихонько закопошилась мыслишка: «Ведь я могу пообещать им и не выполнить своего обещания…»

Однако он тут же её подавил.

А зоувг продолжал настаивать:

— Вам лучше согласиться. Это необходимо для безопасности женщины.

Поскольку решение в принципе не являлось для него проблемой, Модиун коротко сказал:

— Хорошо. Я обещаю. Где она?

— Она за левой дверью в приемной, — бросил собеседник. — Мы рассчитали, что, войдя туда,

вы сразу её увидите и броситесь к ней. А за те несколько мгновений, в течение которых вы попытаетесь разобраться с её состоянием, мы скопом сможем обрушиться на вас.

Глаза Модиуна округлились от удивления.

— Гм… — негромко хмыкнул он. — Хотел бы я посмотреть, как это у вас получилось бы. — Он опять задумался и спросил: — А почему вас всего тысяча? Как случилось, что зоувги дошли до этой, в общем— то, не слишком большой цифры?

— Мы — единая семья, — объяснил член комитета, казалось задумавшись о чем-то другом. — С очевидностью вытекает, что в случае, когда существует несколько подобных семей, одна из них должна уничтожить другие. Это и произошло давным-давно…

* * *

Модиун стоял в катере, окруженный друзьями.

— Так вот, когда пришли наши солдаты, нунули и зоувги скрылись через проход, ведущий внутрь горы. Я же выбрался обратно в приемную и оказался перед пресловутой левой дверью.

Кто-то из солдат хотел разнести её в щепки, но я ограничился тем, что попросил их отойти и справился с этим сам.

Человек задумался.

— В общем-то эти солдаты были совершенно мирными существами. Однако можно себе представить, какими страшными и кровожадными дикарями выглядели они с точки зрения членов комитета, которые никого и никогда не пускали к себе за барьер, да к тому же и не располагали защитой против такого большого количества противников. Тем не менее у нас возникла проблема, которая, впрочем, быстро была решена после того, как прибыли первые передвижные кухни— столовые. Ведь получилось так, что впервые в своей размеренной жизни люди-животные испытали огромный голод. Тем не менее они, как добропорядочные граждане, выстроились в очередь. Вот тут-то я и позвал, чтобы вы принесли носилки для Судлил.

— Заметь. На этот раз твоя память полностью восстановилась. Значит, их сверхмощный гипноз уже не действует, — торжествующе заявил Роозб.

— Так я и понял, — отозвался Модиун.

Он подошел к пульту управления и под внимательными взглядами друзей нажал кнопку механизма, открывающего люк.

— Я, пожалуй, пойду, — заявил он, направляясь

к выходу и чуть задержавшись на пороге. — А завтра утром вернусь. Так что подождите меня здесь. Ладно?

Сказав так, он, широко шагая, выбрался наружу и стал карабкаться по склону холма к дому зоувгов.

Он уже прошел около двухсот футов, когда увидел, что вся четверка бежит за ним следом. Поскольку они двигались молча и не окликали его, Модиун продолжил свое движение. Он нисколько не удивился, когда они, запыхавшись, поравнялись с ним и зашагали pdnl.

— И куда же ты направился? — спросил, переводя дыхание, Нэррл.

Модиун остановился и повторил им то, что говорил до этого. Что он обещал зоувгам вернуться и произвести восстановление их бессмертия.

— Вы же знаете, что я всегда держу данное обещание…

Он уже собрался продолжить свой путь, но его остановило странное выражение на лице Доолдна.

Придушенным как бы от ярости голосом человек-ягуар спросил:

— Ты, конечно, шутишь?

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился

Модиун.

— А то, что ты не должен выполнять это обещание, данное под давлением самым крупным негодяям в Галактике…

— Обещание есть обещание, кому бы оно ни было дано…

Тут все четверо разом вцепились в него.

— Ты останешься здесь и никуда не пойдешь, — проворчал Роозб.

И прежде чем он опомнился, они потащили его обратно к катеру.

— Послушайте, парни, — уговаривал он, — если так будете продолжать, мне придется включить систему восприятия и воздействия…

— Ну и прекрасно, — разозлился Доолдн. — Если ты можешь так поступить со своими друзьями, то — действуй!

— Но…я же обещал, — неуверенно защищался Модиун.

Тут вмешался Доолдн:

— Помнишь, ты как-то спросил меня, где я работал до отправления в экспедицию? А я не ответил. Помнишь?

Модиун помнил. Но какое отношение это имело к нынешней ситуации?

— Ну и что? — спросил он.

— А то, — ответил Доолдн, — что я работал санитаром в доме для умалишенных.

Сказав это, он замолчал, не вдаваясь в подробности и сравнения.

Четверка продолжала крепко держать Модиуна. Они подталкивали его сопротивляющееся тело, не обращая больше внимания на протесты, а лишь повторяя что-то вроде «Ты, мол, давай, давай, включай свою систему воздействия…», чего он, естественно, не мог заставить себя сделать.

Они подтащили его прямо к креслу у пульта управления и держали, пока он с явной неохотой манипулировал рукоятками и пока катер не добрался до звездолета, ожидавшего их на высоте почти двадцати трех тысяч миль над поверхностью.

Сделав то, что от него требовали друзья, Модиун почувствовал слабое раздражение… Со всей возможной скоростью какая-то часть его мозга определила, что ощущение это сравнительно не опасно и не включит автоматически систему воздействия.

«Просто у меня разыгралось воображение. Это возбудили они — зоувги, в отчаянии видя, что я улетаю. Нужно ли мне в данном случае вырабатывать контрвосприятие? Наверное, нет».

И сразу же у него начались бредовые видения.

Ему показалось, что он снова в приемной зоувгов. В правой руке у него ручка, и он склоняется над книгой записей почетных гостей.

Он понял, что произошло. Постороннее воздействие, оказываемое на его мозг, создавало полную иллюзию, что он именно там и находится.

Ладно. Это ясно.

Однако в воображении он все-таки расписался в книге и уже стал распрямляться, когда…

* * *

…Модиун очнулся в темноте, тут же вспомнив то, что произошло и что сказал ему Доолдн.

«Черт побери! Мои друзья обращаются со мной, как с каким-то психически ненормальным!»

Его угнетало только одно — в чем-то они были правы.

«Я действительно схожу с ума!»

Потом пришла новая мысль:

«Я, как и прочие люди, запрограммирован когда-то и являюсь результатом усовершенствования человеческой расы этими нунули. А теперь, спустя много времени, я попытался использовать свой разум, чтобы изменить программу. Если это не сумасшествие, то что же это?»

Он лежал в темном помещении, а когда глаза несколько привыкли, понял, что находится в своей каюте на борту звездолета. Смутно он даже смог разглядеть два силуэта людей-животных, сидящих рядом с кроватью. Тут до него дошло, что это Роозб и Доолдн.

«Это мои друзья. Они меня охраняют».

От этой мысли у него одновременно потеплело в груди и стало грустно: он понял, что они будут несчастны, если последние представители человеческой расы, мужчина и женщина, закончат свое существование, то есть уйдут из жизни.

У него даже возникло подозрение, что идея о неизбежности и необходимости покончить с дальнейшим существованием своей расы была много лет назад введена в программу с помощью нунули. Впрочем, в данном случае это не имело никакого значения и ничего не меняло.

Ему приходило на ум, что внутри каждого мужчины существует нечто таинственное, бесконечно упрямое, бездушное, психоэмоциональное, которое делает его самым отвратительным созданием из всех существующих в Галактике.

Во все времена, едва лишь представлялся малейший случай или возможность, мужчина пользовался этим, чтобы возвыситься над други-

ми. И это его стремление не могла сдержать ни одна политическая система. Алчность и жажда власти были беспредельны.

«Да. Зоувги правы. Человеческая раса должна исчезнуть. Уйти из жизни».

С некоторым опозданием он понял, что это заложенное в его программу желание было активизировано в тот момент, когда он испытал некое специфическое головокружение во время разговора с зоувгом. Тогда ему показалось, что это состояние быстро прошло — но это было совершенно ложным впечатлением.

«Тем не менее бой был прекрасен и упоителен. Сначала победили они, потом — я. Затем их поражение обернулось своего рода местью», — подумал он.

«Обе расы никуда не годятся и стоят одна другой. Впрочем, как дальше поведут себя зоувги, — это их личное дело. Но мне надо обязательно восстановить то, что сделано».

В полумраке совсем рядом прозвучал голос Роозба:

— Эй, Доолдн! Мне кажется, наш парень проснулся!

— А? Что?

Вид у человека-ягуара был смущенный. Он и

сам только что проснулся и, неуклюже встав, направился к выключателю.

Модиун невольно напрягся, готовый к резкой вспышке света. Но тем не менее, когда свет загорелся, он даже не моргнул.

— Ну да. Точно. Проснулся…

Это уже сказал Доолдн. И они подошли к изголовью кровати и склонились над Модиуном.

— Мы воспринимаем твои мысли, — мрачно проворчал Роозб. — Судлил нас научила, каким образом поддерживать связь с твоим мозгом. А потом она отправилась на бал танцевать. Мне очень жаль тебя, старина.

— Это почему же жаль? — машинально спросил человек. — И на какой бал она отправилась?

Человек-медведь, казалось, не обратил внимания на его вопросы, а продолжал говорить свое:

— Судлил решила, что ты сам справишься с гипнотическим воздействием зоувгов. Она, впрочем, заявила, что могла бы это сделать, но это явилось бы посторонним вмешательством в тайны твоего мозга.

— Все так, — спокойно согласился Модиун. — Гм… А что вы скажете на то, что она телепатически соединила вас со мной? Это ведь то же самое вмешательство…

— А она полагает, что это уже наше дело, — с удовольствием объяснил Доолдн. — Поверь мне, дружок, нас подобные сомнения и угрызения совести не мучают. Ты готов, Роозб?

— Да, готов, — с заметным напряжением в голосе откликнулся человек-медведь.

— Так вот, послушай нас, парень. Нужно, чтобы ты сам на это решился. Или ты убьешь нас — такую возможность мы обговорили, когда советовались с Судлил, — или ты полностью освободишься от гипноза зоувгов. Так что готовься получить самую большую трепку в своей жизни.

Модиун рывком сел на постели, вглядываясь в их полные решимости лица. Удивленный тем, что он на них прочел, человек проговорил:

— Я вынужден буду активизировать против вас свое восприятие, причем это может произойти автоматически…

— …и это нас убьет, — подхватил Роозб, — в соответствии с тем, что говорила Судлил.

Тут он неожиданно ударил Модиуна в грудь своим огромным кулаком. Удар оказался столь силен, что у человека перехватило дыхание.

— Ради бога… — начал он, задыхаясь.

Но не смог закончить, поскольку получил грубый удар по голове от Доолдна.

— Сейчас же активизируй свою систему в направлении избавления от гипноза! Ты не должен восстанавливать зоувгов! — прорычал человек-ягуар.

— Но это же нечестно! — выкрикнул Модиун.

Кулак Роозба попал ему в челюсть так, что он только крякнул.

— Это же несправедливо, как вы не поймете, — забормотал Модиун. — Их бессмертие…

Тут Доолдн прервал его слова великолепным прямым в солнечное сплетение.

— Активизируй восприятие, обормот!

Тогда Модиун стал защищаться. Пришел он в себя, поняв, что стоит на коленях у двери, а Роозб душит его, приговаривая:

— Активизируй, говорю тебе, восприятие, паршивец!

Наконец у Модиуна кое-как сформировалась мысль, что внушение может принимать самые различные формы. Метод, который они применяли к нему, был в этом отношении достаточно убедителен.

Минутой позже он уже лежал на полу, Доолдн держал его за ноги, а Роозб коленями сковывал ему руки. Человек-медведь занес кулак, и казалось, что сейчас обрушит сокрушительный удар

ему в лицо.

Это было уже слишком. Человек сжался.

— Не бейте меня! Я все сделаю, что вы хотите…

В глубине его мозга вспыхнуло чувство огромного удивления. «Да, зоувги не предвидели, что кого-либо столь страстно может заинтересовать судьба человеческих существ».

Занесенный над Модиуном кулак разжался.

— Что ж, давай сбрасывай гипноз!

— Все равно — это неправильно. Но дело уже сделано…

Они поднялись и поставили его на ноги. Стали обнимать. А Роозб, тот прямо-таки заливался слезами.

— Ну, парень… Ну, парень… — только и мог пробормотать он, задыхаясь. — Никогда я ещё не чувствовал себя так погано. Но зато ты теперь должен сделать ещё одну вещь. Ведь когда-то четыре миллиарда запрограммированных людей были приведены к мысли, что жизнь ничего не стоит. Так?

Модиун молчал. Он чувствовал, что вопрос риторический и отвечать на него не обязательно. А человек-медведь продолжал:

— Разве могла самостоятельно возникнуть у тебя мысль о том, что следует прекратить су-

ществование человеческой расы, если бы не воздействие зоувгов? Так ведь?

Да, он был прав. Это именно так и было.

— Вот поэтому-то твоим друзьям и пришлось действовать подобным образом, чтобы убедиться, что таких настроений у тебя больше не возникает. И послушай ещё немного…Ты должен так повести себя со своей женщиной, чтобы она забеременела, и как можно скорее, а уж мы-то проследим. Попробуй только не сделать этого. Получишь ещё взбучку, и посильнее, чем сегодня.

— Ну ладно… — с сомнением в голосе протянул Модиун. — Пожалуй, вы правы. Кроме того, в любом случае она — моя жена.

* * *

Он хохотал и плясал джигу. Все люди-животные тоже весело отплясывали вокруг него. А он был самым свободным среди них. Если говорить по совести, то, получив тело, он сначала постоянно испытывал некоторые затруднения, используя двигательные центры, но теперь это совершенно не ощущалось. Ритмы музыки прямо-таки вливались в него и возбуждали эти двигательные центры. Таким образом, получался быстрый, но удивительно грациозный танец.

Никого не касаясь, он двигался в толпе, пока не очутился перед женщиной, и тут же со смехом схватил её за талию, едва она развернулась к нему лицом.

Весело смеясь, она приняла его объятия, и тут впервые их взгляды встретились.

* * *

Снова та же мысль мелькнула в голове у Модиуна: «Все это очень убедительная иллюзия».

Эта мысль насторожила его, и он попытался на ней сосредоточиться. В то же мгновение он понял, почему возникло сомнение.

«Все это довольно убедительно, но не совсем».

Лицо находящейся перед ним женщины тут же замерцало, хотя оба они продолжали танец. Затем иллюзия окрепла, как оценил это состояние Модиун, но убедительней от этого не стала.

Он уже совсем не верил в неё и с любопытством ждал восстановления нормального восприятия. А поэтому совсем не удивился, когда возникла новая галлюцинация: перед ним неожиданно появился человек-крыса и неуверенно проговорил:

— Вы спрашиваете, в чем заключается… моя философия? А что такое вообще философия?

Они стояли рядом — крупный высокорослый

человек и не менее рослый, но худой человек-крыса… стояли неподвижно в огромном вестибюле зала суда на Земле, и Модиун объяснял ему, что философия является постоянной составляющей здравого смысла. Таким образом…

— Так почему ты украл автомобиль?

— Я уже говорил, что имею на него такие же права, как и…

Банлт смолк, беспомощно глядя перед собой и разведя руками.

— Так ты хочешь сказать, что в созданном человеческом мире люди-гиены контролируют планету, в то время как другие люди— животные спорят из-за малейшего нарушения их собственных прав?

Человек-крыса часто заморгал.

— Нет, нет! Разве я так говорил?

Его удивление было неподдельным.

На этом изображение Банлта и вестибюля потускнели, как это бывает в фильмах. И хотя Модиун практически уже почти ничего не мог различить, он продолжал прочно стоять на ногах. Он терпеливо сносил нынешнее состояние, убежденный, что его мозг пытается возвратить ясность восприятия, несмотря на оказываемое на него со стороны зоувгов сильное давление.

Короткий диалог с Банлтом, которого не было в реальной жизни, явно свидетельствовал о намерении зоувгов новыми гипнотическими усилиями ослабить веру человека в реальность вообще всего происходящего и соответственно подавить его сопротивление. Они только что лишний раз пытались внушить ему, что как сам человек, так и люди-животные слишком испорчены, неисправимы… и нелогичны, если не сказать — иррациональны.

«В действительности, — подумал Модиун, — положение человека значительно хуже, чем продемонстрировала эта иллюзорная сценка. За банальным стихийным сопротивлением чьим-нибудь льготам на самом деле таится безумный неодолимый эгоизм».

Затаившийся инстинкт постоянно был готов вырваться на свободу, неустанно ища брешь, куда бы он мог проскочить. Как только эта брешь образовывалась, безумец мгновенно устремлялся туда. И что бы его ни вело — стремление к господству, деньги, могущество, — какие бы средства он ни использовал, идя к цели, — убийства, пытки, заключение противников в тюрьму, — он стремился завладеть этим.

А женщина готова была находиться рядом со

своим божеством, совсем как принцесса, не задумывающаяся, каким же путем человек достиг желаемого. Главное, чтобы он был на вершине и постоянно там оставался.

Те же из мужчин и женщин, которые этого не добивались, нетерпеливо ждали, когда им представится подобный случай.

«Зоувги правы. Человеческая раса недостойна существования», — подумал он.

Модиун даже не удивился, что эта мысль нисколько его не взволновала. Он понял, что и сам изменился. Постоянный, бесконечный бой… Враги полны решимости. Они силой навязали ему свою позицию, воздействуя на заложенную в него программу своими враждебными акциями. Ведь ему, Модиуну, пришлось активизировать защитные свойства своего человеческого тела при нападениях людей— гиен в великой битве (по крайней мере, она ему такой казалась) с черной дырой и, наконец, при последнем нападении и попытке повлиять на его личность…

«Все же какие они идиоты! — подумал человек. — Превратили меня сами в бойца так, что я и опомниться не успел!»

При этой мысли сознание его… прояснилось. Он как бы увидел со стороны, что вновь стоит

перед прозрачной дверью дома зоувгов.

Вокруг царила тишина.

«Конечно, — подумал он, — все нормально. Так и должно быть».

Он только что туда прибыл.

Зоувги осуществили коллективную попытку контроля над его разумом с момента прибытия Модиуна на место. И в течение этих зловещих секунд его мозг и способности, столь ловко усовершенствованные нунули, боролись, чтобы им выжить на уровне подсознания.

Внутренние силы, заложенные в человеческом разуме, привели всегда и со всем соглашающееся человечество на край пропасти, в результате чего единственные оставшиеся ещё в живых мужчина и женщина предстали перед лицом вечности…

Модиун ещё раз оглядел горный пейзаж перед собой, бросил взгляд на дверь и, наконец, обратил взор внутрь себя.

Сомнений больше не было.

«Никаких иллюзий, а самая настоящая реальность. На этот раз я добрался сюда».

Теперь только осталось принять решение о своем собственном будущем.

Он энергично распахнул дверь и вошел в приемную. Сидящий в шести ярдах от входа нунули

уже протягивал ему ручку, указывая на книгу почетных гостей.

Модиун взял ручку и без малейших колебаний написал:

«Модиун, человек с планеты Земля, прибыл для ведения переговоров об условиях постоянного мира, которые победитель диктует поверженному врагу…»

И только закончив писать, он понял, что эта фраза по своей сути находится в полном противоречии с его философией.

«Ну что ж, парень, — подумал он, — раз уж чувства твои изменились, то ты и сам стал другим».

Его вдруг пронзила мысль, что любая раса должна предпринять все возможное, чтобы выжить. Не может возникать даже попытка посягнуть на существование каких-то отдельных групп.

В таких условиях даже самая дисгармоничная личность могла бы просто надеяться, что эволюция в ходе своем сотрет скверные черты, возникающие в процессе приспособления рас к специфической окружающей среде.

Род человеческий никогда не согласился бы с какими-либо ограничениями.

Раса всегда выбирает жизнь.

Модиун ещё немного поразмыслил и приписал

дальше в гостевой книге: «…основываясь на истинном духе взаимотерпимости».

Потом он подчеркнул ключевые, с его точки зрения, слова — «на истинном духе».

Тут он выпрямился и понял, что испытывает ранее незнакомое чувство ликования, поскольку после того, как он закончил, не возникло никаких последствий.

Последовало продолжительное молчание. Какое-то странное удивленно-напряженное выражение возникло на гладком сером лице нунули.

«Ему дают инструкции», — подумал Модиун.

Медленно, как бы борясь с самим собой, нунули указал поднятой рукой на правую дверь.

И ликующий Модиун ступил в эту комнату.

Альфред Ван Вогт

И вечный бой...

1

Модьун недоверчиво слушал. Оратор закончил свое сообщение, проливавшее свет на историю человечества, и попросил задавать вопросы.

Было несколько совсем глупых вопросов, люди, казалось, не совсем понимали, что делать с информацией, которую им сообщили. Модьун лениво задал свой вопрос и встретил внимание.

— Вы уверены, что не описываете старую мифологию? — спросил он.

Ответ был осторожным:

— Конечно, мы не можем быть уверены, но думаем, что нет.

— Что касается наших древних прародителей, то картина, которую вы нарисовали, не внушает мне доверия, — настаивал Модьун.

— Вначале так было и с нами, — был ответ. — Но ситуация и значительность полученных деталей гарантирует достоверность.

— Тогда оказывается, что наши предки дрались, как звери, с показной жестокостью, и это наводит на мысль о том, что они были способны

на настоящую физическую активность.

— Это самое несомненное из того, что мы открыли.

— И, как наши животные, они действительно ходили на собственных ногах и не нуждались в искусственной поддержке?

— Совершенно верно, — согласился оратор.

— Представляю, как вытянутся лица тех, кто ранее заблуждался относительно этого вопроса, — сказал Модьун с язвительной насмешкой.

Слабые улыбки, выражающие согласие, появились на многих лицах.

— Представляю себе, — продолжал Модьун, — как они зачинали и рожали собственных детей.

— О да, — был ответ. — В процессе спаривания женщину оплодотворяли, и она рожала по истечении периода беременности.

Все присутствующие вздрогнули, когда представили себе этот процесс.

— Отвратительно, — пробормотала женщина.

— Боюсь, что это начало, которое трудно принять, — сказал другой человек. — Следующее, что вы расскажете нам, будет утверждение, что они сами ели пищу.

— Точно, — согласился докладчик. — Пища проходила по пищеварительному тракту.

Происходило индивидуальное персональное пищеварение, а отходы выходили в резервуар для удобрений.

Было еще несколько вопросов, но присутствующие охладели; докладчик — Дода ощущал это через открытые усилители мысленного канала, посредством которых он был соединен с «аудиторией». Видя, что Модьун — один из еще соединенных, Дода обратился к нему с частной мыслью:

— По некоторым причинам, я думаю, что вас эти открытия заинтересуют больше, чем других.

Модьуну стало смешно.

— У меня есть тело длиной два фута и голова диаметром четырнадцать дюймов. Что меня может интересовать в древних, с их восьмью футами мускулов и костей, которые могли самостоятельно поддерживать голову? Я понимаю: вы имеете в виду, что я поступлю как ученый — вырасту до этого размера.

— В наших предках скорее было футов шесть.

— Да, но вы сказали, что их головы были меньше.

— Возможно, — в голосе Доды звучало отчаяние. — Если женщина собирается согласиться вырасти, то для вас это может быть интересный

эксперимент.

Модьун мгновенно стал язвительным и недоверчивым.

— Этого никогда не будет. Наши женщины намного изящнее, — он насмешливо оборвал фразу.

— Почему бы не провести эксперимент на вас?

— Потому что я экспериментатор. Пройдет год, пока тело станет длиннее, потом, наверное, два года займет эксперимент, и еще год, чтобы снова стать человеком. Кто-то должен наблюдать…

Потом Модьун продолжал с насмешкой:

— Четыре года! Когда я хочу погубить чью-то репутацию, я руководствуюсь здравым смыслом. Позже я свяжусь с вами.

— Не говорите «нет» прямо сейчас, — ответил Дода. — Помните, именно вы сказали: кто-то должен время от времени выходить за барьер и смотреть, что происходит там в мире снаружи.

— Я пошутил, — резко ответил Модьун.

— Тем не менее, это вы сказали. И вы так думаете.

Это была правда.

«Оказывается, что кто-нибудь, преследуя собственные цели, всегда слушает даже случайные мысли и дает им свою оценку…» — уныло поду-

мал Модьун.

Несомненно, Дода выбрал его для эксперимента, потому что Модьун сделал эти замечания, которые нельзя игнорировать. Внезапно Модьун задумчиво сказал:

— Очевидно, тщательное изучение архивов и ранних обучающих устройств, от которых теперь отказались, подтвердит большую часть этих сведений. Такое исследование необходимо прежде, чем кто-то станет участвовать в эксперименте.

Дода благоразумно промолчал.

Модьун продолжал:

— Часть этих сведений может быть интересной.

Затем он позвал своих слуг-насекомых, и его унесли.

Тремя днями позже Модьун лениво плавал в собственном, залитом солнцем бассейне. Он обычно приходил сюда поглощать солнечные лучи. Из них он извлекал энергию, превращавшую воздух, которым он дышал, и воду, которую он впитывал порами тела, в питательные вещества, поддерживающие в его теле идеальное здоровье почти целую вечность.

Да, почти вечность. Он был из третьего поколения существ, выведенных в пробирке за

барьером. Каждый из предыдущих двух поколений прожил около пятнадцати сотен лет.

Он плавал в бассейне и с восхищением любовался своим изображением в зеркале, погруженном в воду. Какая благородная и красивая голова! Прекрасное конусообразное тело! Крошечные ручки и ножки были частично спрятаны за почти неразличимым снаряжением.

Он уже видел намеки на изменения — он стал на несколько миллиметров длиннее. Мозгу, такому открытому для восприятия и такому чувствительному, как у него, такие маленькие изменения были ясно видны.

Дода сказал, что при такой скорости роста могут возникнуть слабые боли, но с ними можно будет справиться с помощью помощника ученого — насекомого Экета, который получил подробные инструкции о том, как впрыскивать лекарства, притупляющие чувства, в пищу, которую позже он будет вводить в тело через трубки.

Дода, извиняясь, заметил, что так будет продолжаться до тех пор, пока Модьун не достигнет стадии, когда сможет есть твердую пищу.

Модьун пожал плечами в ответ на такую заботу экспериментатора.

Он согласился на эксперимент, когда узнал, что

женщина Судлил согласилась вырасти и соединиться с любым мужчиной, который сделает то же самое… Эта информация вызвала легкий интерес у мужчин, потому что Судлил была очень женственной, и ей всегда были рады в любом бассейне. Но Дода поспешно нанес сокрушительный удар потенциальным конкурентам, объявив — с разрешения Модьуна — что выбор уже сделан.

Судлил сказала, что она рада, раз ее партнером станет Модьун. Она догонит его по размерам через месяц.

Прошло несколько лет, — и вот он здесь.

Его принес сам Экет и посадил на зеленой лужайке, на небольшом расстоянии от шоссе, которого не было видно за насыпью, заросшей кустарником.

Оттуда доносился шорох шин по мостовой. Этот шорох неожиданно взволновал Модьуна. Он должен был следить за собой, преодолевая сильное желание подпрыгивать от возбуждения… Совершенно неожиданная реакция тела. Он сознательно сдерживал дергающиеся мускулы, когда стоял, наблюдая, как Экет уходит назад к горам. Скоро ученое насекомое обогнуло выступ крутой скалы и скрылось из виду.

Модьун вскочил на пологий склон, еще сдержи-

ваясь и удивляясь тому, что происходит внутри него. Он добрался до вершины и, ускорив шаг, пошел по тропинке сквозь кусты. Неожиданно он вышел на обочину дороги.

Давным-давно он приказал одному из своих носильщиков-насекомых принести его к этой дороге, и некоторое время следил за движением транспорта. Бесчисленные машины проносились мимо, как безумные. Почти в каждой машине находились пассажиры: множество животных всех видов. Его удивление росло просто от разнообразия живых существ. Он забыл, сколько на свете разных животных. Теперь, за тысячи лет большая часть их стала цивилизованной и живет в созданном человеком механическом мире.

— Но куда они все торопятся? — обратился, наконец, Модьун к своему проводнику-насекомому, огромному богомолу, который был видоизменен и приспособлен для путешествий по горной стране. Тот не знал и мог дать лишь чисто практический ответ, типичный для насекомого ответ, который сам по себе вопрос:

— Сэр, почему бы нам не остановить сотню машин и не спросить каждого пассажира, куда он едет?

Тогда Модьун отказался. Ему это показалось

ненужным. Но теперь он стоял, наблюдая, как ему казалось, за теми же самыми мчащимися автомобилями, и жалел, что тогда ему надоела эта авантюра и он даже не задал предлагаемый вопрос.

Сейчас никакой скуки. Его полностью выросшее тело чувствовало тепло от напряжения тысячи мускулов. Куда бы он ни смотрел, все возбуждало его. Ему хотелось раскачиваться, кружиться на месте, двигать ртом и размахивать руками.

Здесь так много движения. Бесчисленные автомобили… Он видел их, слышал их звук. А его двигательные центры оказались незащищенными.

Он почти не мог контролировать постороннее влияние. Невыносимо… Модьун попробовал сдержаться. Сразу же трепет и подергивание мышц прекратились.

Успокоившись, он отказался от свободного автомобиля, который подъехал к нему. А через несколько минут он сам посигналил машине, в которой сидело четверо животных и оставалось место еще для двоих.

Когда автомобиль с визгом остановился, Модьуну пришлось пробежать немного вперед, чтобы

забраться в него. Тяжело дыша, он плюхнулся на сиденье. Он был слегка поражен тем усилием, которое для этого потребовалось, и отметил реакцию тела. Усиленное сердцебиение. Внезапное расширение легких. Шумное дыхание… Так много внутренних химических изменений. Последив за ними несколько минут, он сдался.

Интересно. Ново. Он подумал:

«Те лекарства, которые Дода давал мне в последний период роста, подавляли меня, чтобы я жил спокойно. И, конечно, мирная обстановка, как в саду, вызывала только приятные ощущения.»

Вдруг он понял, что другие пассажиры автомобиля с любопытством смотрят на него. Мысли о прошлом отошли на задний план. Он тоже стал разглядывать их с легкой вежливой улыбкой.

— Кто вы? — наконец, спросил мужчина, похожий на кота. — Я не видел раньше вашу породу.

Говоривший имел отдаленное сходство с южно-американским ягуаром.

Модьун собирался ответить, что он человек, и тут понял, насколько важно замечание говорившего. Человек, властелин планеты, был им неизвестен.

«Это правда, — подумал он, — мы ведем замкнутое существование с нашими слугами и

носильщиками-насекомыми, и нашими домашними животными. И мы сами не проявляли интереса к цивилизации животных и насекомых, которая существует за барьером».

Но то, что этот внешний мир перестал понимать, кто он и его друзья — это совершенно иное. Это, конечно, не было частью первоначальной программы… Осознание этого удержало Модьуна от естественного желания сказать о себе правду. Прежде чем он смог решить, что сказать, это сделал за него видоизмененный гиппопотам. Стройное существо длиной восемь футов с небольшой шеей, сидевшее на переднем сиденье, сказало, пожав плечами:

— Он — обезьяна. Их много в Африке.

Похожее на лиса существо, сидевшее на заднем сиденье рядом с Модьуном, слабо возразило:

— Я видел много обезьян. Тут есть сходство, но это не обезьяна.

— Обезьяны не похожи на вас и меня, — сказал человек-гиппопотам. — Они разных пород и не похожи одна на другую.

Его слова, казалось, убедили, потому что человек-лиса погладил подбородок, но больше ничего не сказал.

«Хорошо, — спокойно подумал Модьун. — Обе-

зьяна? Почему бы и нет?»

Его за обезьяну приняли случайно на время. Недостаток знаний помешал людям-животным признать в нем человека. Странно. Здесь есть кое-что, что нужно выяснить. Причина может даже стать темой интересного доклада, когда он вернется за барьер.

Итак, Модьун стал играть роль обезьяны и завел дружескую беседу с человеком-гиппопотамом, человеком-лисой, человеком-ягуаром и темным красивым существом, которое вскоре назвало себя медведем-гризли.

Все люди-животные были семи-восьми футов высотой. Их тела изменились до получеловеческого вида. Каждый имел руки, сидел прямо и, конечно, мог ходить вертикально.

На время скучной дороги поездка с ними в автомобиле представляла некоторый интерес. Модьун откинулся назад, глядя на сельскую местность за окном и чувствуя, как играет сила в его теле. Возбуждение? Он сразу прогнал эту мысль. Он еще анализировал реакции своего тела, предполагая, что в давние времена человеческие существа не могли понимать, что возбуждение на низком уровне именно такое — чисто физическое и химическое.

Модьун снова вспомнил, что говорил богомол о том, что нужно спросить о причинах, заставляющих куда-то ехать сотни людей-животных. Поэтому теперь он спросил:

— Куда вы едете?

Он подавил желание добавить слова «так быстро». Но все автомобили действительно мчались, словно механические демоны, на скорости, превышающей первоначально запрограммированную. Очевидно, компьютеры, занимающиеся этим, изменили их скорость. Увеличили.

«Кто это сделал?» — подумал Модьун.

Все четверо его попутчиков — как они ему сказали — посещали тренировочную школу, где изучали работу большого космического корабля. А теперь они ехали в город Галли, где будут ждать запуска. Модьун понял, что они стали приятелями в лагере. Их отношения были задушевными, даже нежными, и, сначала проявив любопытство, они скоро забыли о Модьуне. Для него это было хорошо.

Он был далек от повседневных дел планеты. Когда эти четверо обсуждали подробности тренировки и говорили о предстоящем путешествии в космос, Модьун отвлекся. Скоро он увидел, что их автомобиль въезжает в город. Зданий в городе

стало больше. Они поднимались по холмам, и Модьун мельком увидел их за дальней речкой. Скоро город окружал его со всех сторон. Большие и маленькие здания сверкали на полуденном солнце.

Как Модьун и ожидал, он почувствовал, что его тело снова испытывает возбуждение. Если бы Модьун не знал, что это касается только тела, он мог бы решить, что и его разум возбужден. Ему следовало остерегаться этого… Сильного стремления личности отождествить себя с ощущениями тела.

«Город Галли, — подумал он. — Ну, вот я и здесь. Первое человеческое существо вышло за барьер за последние 3500 лет».

Это было большое дело, и он должен был согласиться с этим.

2

— Куда вы хотите отправиться? — спросил один из людей-животных.

Прошла минута, прежде чем Модьун понял, что человек-медведь обращается к нему. Он вышел из состояния задумчивости и сказал, что не знает.

— Я здесь новичок, — начал многословно объяснять он. — Я только что приехал из Африки.

Куда вы посоветуете мне отправиться?

Они серьезно обсуждали эту проблему, игнорируя его. Наконец, человек-лиса заговорил, и в голосе его звучало удивление. Они никогда раньше об этом не думали.

— Почему бы нам не взять его с собой?

Так они и решили.

— Мы можем показать ему все, — сказал человек-гиппопотам. — Будет забавно посмотреть, например, с каким типом женщин он сблизится.

Модьун вспомнил Судлил:

— Скоро сюда приедет моя женщина, — сказал он.

— Это даже лучше, — ответил человек-ягуар. — Мы сможем понаблюдать, как обезьяны занимаются любовью.

Наверное, у Модьуна было странное выражение лица. Его слегка удлиненные глаза наивно округлились.

— Вы не будете против, не правда ли?

Сам Модьун не видел причин возражать, но он интуитивно чувствовал, что Судлил может быть против. Как раз перед его отъездом они наблюдали спаривание животных. Конечно, Судлил в то время еще не полностью выросла и ее реакция отражала болезненно чувствительное состояние

тела, но она довольно странно отнеслась ко всему этому.

Улыбаясь воспоминаниям, Модьун спокойно объяснил, что самки обезьяны иногда возражают против наблюдателей.

Четверо самцов уставились на него, сначала с удивлением, а потом почти с одинаковым презрением. Человек-ягуар сказал:

— Вы хотите сказать нам, что вы, обезьяны, разрешаете вашим самкам говорить вам, что делать?

Он посмотрел на своих компаньонов с ироническим выражением:

— Я вижу, что мы должны научить этого приятеля, как быть мужчиной.

Человек-ягуар был спокойным и высокомерным. Он протянул руку и похлопал Модьуна по плечу:

— Не беспокойтесь, сэр. Держитесь за нас, и мы скоро приведем вас в нормальное состояние.

В этот момент впервые четверка людей-животных представилась. Человека-ягуара звали Дуулдн, человека-медведя — Руузб, человека-лису — Неррл, а человека-гиппопотама — Иггдооз. Назвав свои имена, люди-животные ждали, а Модьун заколебался. Он быстро вспоминал, что

означают эти имена и откуда они произошли. При идентификации животных люди просто присваивали каждому определенное количество букв алфавита: пять букв для животных из Северной Америки, шесть — для Южной Америки, семь — для Африки и т.д. Компьютеры, которые были запрограммированы на то, чтобы давать имена каждому, получили инструкции не использовать для имени только одну букву. Поэтому не было животного по имени Аааа или Бббббб. Но за исключением этого — полная свобода. В этой лотерее имен его попутчикам еще повезло. Их имена, все без исключения, были произносимыми.

В этот момент Модьун подумал, что люди выбирают себе имена по-другому. И его имя, Модьун, немедленно идентифицирует его как человеческое существо… для любого, кто понимает формулу.

Но он колебался не долго. Он сразу увидел, что, изменив «ь» в имени Модьун на «и», он сможет сохранить произношение, а, если добавит «н», то сможет представить себя выходцем из Африки, имеющим имя из семи букв. По крайней мере он сможет делать это до тех пор, пока не представит комбинацию букв компьютеру.

Его комбинация, в действительности, не имеет

смысла. Кроме того, было бы нелепо представляться обезьяной слишком долго.

Его измененное имя было принято без вопросов. Итак он был Модиунн… еще на несколько часов. Или минут.

После этого Дуулдн, человек-ягуар, сообщил ему, что он и его компаньоны направляются в центр города. Дуулдн сказал:

— Понимаете, здесь обычная система поселений. Думаю, что она одинакова во всем мире.

— Да, — коротко ответил Модьун.

Когда через несколько минут Модьун выбрался из автомобиля, он понял, что сердится. Понимает ли он, как управляются эти города! Он, принадлежащий к расе, которая создала автоматические города и автоматические села — короче, все на этой планете!

Однако, когда автомобиль уехал и четверо людей-животных быстро пошли по широкой улице, потребовалось несколько мгновений, пока Модьун понял, что они направляются к движущемуся тротуару.

«Ну, конечно», — подумал он потом, ругая себя.

Всплыли старые воспоминания, и город показался более знакомым. Он вспомнил, что жилая зона разбита так, чтобы принимать приезжих в

одном секторе. Тут есть места для семей и, наконец, роскошные апартаменты для людей.

Путешествие по движущемуся тротуару закончилось через полтора квартала. Человек-ягуар показал на склон холма и сказал:

— Здесь вся улица свободна. Давайте поселимся тут, а потом выйдем и пойдем поесть.

Модьун последним преодолел четырехдорожечный переход от скоростного тротуара к среднескоростному, потом к медленному тротуару, а потом шагнул на улицу. Его спутники поднимались по склону, а он медленно и нерешительно следовал за ними. Должен ли он продолжать лгать? Это казалось слегка несерьезным. Тем не менее, вскоре он, как и другие, стоял перед рядом кнопок. Набрал свое обезьянье имя.

И ждал, пока компьютер откроет дверь.

Компьютер отказался впустить его.

— Вы не идентифицированы правильно, — был ответ.

Прошла вечность, Модьун ничего не делал, не реагировал, даже не обдумывал то, что сказала машина. Он был в смятении. Раньше он не знал этого чувства. Это было чувство, новое для него. Неосознанное чувство. И его мозг не понимал реакции тела.

Странно, что его мысли пришли в такое смятение…

Он начал приходить в себя. Сначала он просто наблюдал. Здесь перед ним за дверью квартиры находился механизм: кнопки, которые он нажимал, маленькая треугольная металлическая решетка под ними — откуда голос компьютера произнес невероятные слова.

Модьун с одной стороны видел длинный ряд стерильных квартир, точно таких, как та, которую он выбрал в качестве своего дома. Ну, не совсем квартир. Они все были одноэтажные и располагались вдоль блока как терраса. Перед каждой квартирой было несколько ступенек, ведущих на маленькое крыльцо, и Модьун предполагал — хотя и не мог ясно видеть, что было у других дверей, — на каждом крыльце были кнопки с буквами и система динамиков за решеткой.

В известном смысле, однообразный мир. Но как же иначе обеспечить жильем миллионы? Действительно, его предки занимали такую же терпимую позицию по отношению к людям-животным, как и он, они заботились не о красоте, а только о пользе.

Но, так как чистота была полезной, они предусмотрели для каждого жилища и для города

автоматические чистящие системы. Так что пластмассовые стены, и пластмассовые двери, и нержавеющие стальные решетки сияли — так было чисто. И ступеньки выглядели вымытыми и выскобленными. На тротуаре внизу не было ни пятнышка.

Модьун еще рассеянно осматривал мир вокруг, когда вдруг понял, что же так подействовало на него.

Отказ.

Ему отказали! За всю жизнь в несколько сотен лет никто никогда так не поступал с ним. Это был удар для его мозга, перед которым никогда не существовало никаких преград, кроме философии о тщетности бытия — и, особенно, тщетности усилий. Действительно, ничего не стоит делать. Тело испытывает чувства, мозг — нет. Человеческая природа такова, что человек может отдавать себе отчет, когда его тело испытывает чувства. Уделом людей было выбирать, нужно ли игнорировать ощущения своего тела.

И теперь он не мог сделать этого. Когда Модьун осознал удивительную правду — источник своей глубокой тревоги — он начал понимать, что его тело испытывает раздражение.

Мысленное осознание физического чувства бы-

ло как сигнал. Мозг Модьуна мгновенно вернулся к нормальному состоянию: отделился от тела. Модьун успокоился, но проявил любопытство. Он сказал:

— В чем проблема? Мое имя имеет нужную длину и правильный код для обезьяны из Африки. Почему меня не принимают?

— Личность с этим именем — Модиунн — в настоящее время находится в Африке, зарегистрировавшись как проживающая по определенному адресу.

Раздражение усиливалось. Тело, казалось, все меньше поддавалось контролю. Прошла минута, и Модьун понял, что создавало такое беспокойство его телу. В прежние дни можно было запрограммировать компьютеры, чтобы они учитывали такие подробности, но это не было сделано. Ни одно человеческое существо никогда не занималось отдельным животным, не интересовалось, где оно находится или даже тем, что с ним случилось.

Поэтому он теперь сказал угрожающим тоном:

— С каких пор компьютеру есть дело до местонахождения отдельного животного?

— Вы спрашиваете, имею ли я право отказаться впустить вас? — спросил компьютер.

— Я спрашиваю, откуда вы знаете, где находится Модиунн? Я хочу знать, кто связал вас с компьютером в Южной Африке, — сказал Модьун с высоты своего положения человеческого существа.

Компьютер ответил, что он связан со всеми компьютерами планеты уже 3453 года, 11 часов, 27 минут и 10 секунд. Пока он отвечал, Модьун подумал, что компьютеры никогда не программировали отвечать на такие вопросы, как задал он.

Он раскрыл рот, чтобы продолжить колкие расспросы, и вдруг понял, что его тело испытывает болезненные ощущения, понял, что все это время нервничал. Модьун точно не знал, сколько времени люди находились за барьером, кроме того, он принадлежал к третьему поколению. Но с помощью информационных центров в мозгу он догадался, что компьютеры были перепрограммированы в течение нескольких лет после ухода людей.

Кто мог это сделать?

Модьун сделал еще одну попытку.

— Вы отказываетесь открыть эту дверь для меня?

— Это невозможно, — был ответ. — Я автомат, а вы не соответствуете требованиям, позволяю-

щим войти.

Заявление компьютера, к несчастью, напомнило Модьуну об ограничениях механического устройства. Проблема была не в машине, а в том, кто и как изменил принцип ее работы.

«Посмотрим, смогу ли я убедить кого-нибудь переехать в большую квартиру и поселиться со мной», — решил он.

Животные-люди, с которыми он познакомился, исчезли в своих маленьких домиках. Модьун вспомнил, что Руузб, человек-медведь, занял квартиру слева от него. Модьун пошел туда и постучал в дверь, игнорируя систему кнопок.

Пауза. Звук шагов. Дверь открылась, и появился красавец-медведь. Он приветливо улыбнулся Модьуну.

— Эй, — сказал он, — вы очень быстро управились. Входите. Я буду готов через минуту.

Модьун вошел, боясь, что дверной компьютер не пустит его и сюда тоже. Но динамики за решеткой молчали; разговор между ним и Руузбом не привел механизм в действие. Очевидно, на него не влиял факт присутствия Модьуна, если дома хозяин.

«Включается при нажатии кнопки», — подумал он с облегчением.

Он собирался предложить человеку-медведю поселиться с ним вместе в двухкомнатной квартире для приезжих. Но теперь в этом не было необходимости. Модьун совсем не знал, когда и что он должен будет делать. Но было ясно, здесь что-то не так, как должно быть.

Но он верил в то, что культура животных осталась прежней, без неожиданностей. Сердечное приглашение Руузба давало ему еще немного времени, чтобы обдумать положение дел.

«Я попрошу его поселиться со мной вместе… немножко позже».

3

Через полчаса…

Пятеро приятелей пошли в столовую двумя кварталами дальше. Оказавшись внутри столовой, Модьун замешкался, а остальные нетерпеливо схватили тарелки и стали в очередь. Модьун подумал: не откажется ли компьютер, раздающий пищу, обслужить его? Хочет ли он здесь и сейчас объявить, что он — человек?

Но, подумав, он решил продолжать маскарад, потому что не хотел верить, что кто-то взял на себя труд изменить программы миллионов простых машин. И что более важно, тут не было

внешних признаков того, что медленно (более тысячи лет) создававшаяся система свободного питания — где не задавали никаких вопросов — изменилась.

Машины автоматически возделывали землю и собирали урожай. Для тех, кто прежде был плотоядным, различные типы белков создавались с помощью компьютера из съедобных зерен, фруктов, трав, кустарников и деревьев. Для тех, кто прежде был травоядным, подходящая пища создавалась по тому же общему принципу. Почти все зеленое, желтое или растущее в лесу шло на пользу разумным формам жизни. Почти ничего не выбрасывалось.

Слишком сложно. Изменение означало бы вмешательство во всю цепь операций. Модьун вынул еду из контейнеров, которые автоматический компьютер позволил ему открыть. Он назвал свое настоящее имя, доверившись логике. Кроме того, как он вспомнил, обезьяны еще ели множество растений, которые людям не нравились.

Когда на его тарелке оказалась пища, он пошел к тому столу, который раньше заняли его товарищи. До сих пор все шло хорошо. Пока его новые знакомые оживленно беседовали, Модьун сел и стал старательно жевать и глотать. Хотя он ел

много раз к концу своего пребывания за барьером, весь процесс в целом оставался неприятным.

Он помнил, что после неприятного для него процесса еды случится вещь гораздо худшая. Позже… он должен будет искать общественный туалет и в присутствии других существ в соседних кабинках избавляться от отходов организма.

«Жизнь за границами барьера, — думал он, — именно такова, какой должна быть по моему мнению: скучные, утомительные, раздражающие переживания».

Но его на время заманили в большое тело, и он должен был выполнять его требования.

А взгляды у Модьуна остались прежние. Каждым существом тут управляют: его проблемы никогда не решаются до конца, существует непрестанная необходимость бороться с окружающей средой, и это повторяется каждое утро, заставляет существо непрерывно действовать.

Какие мысли могут быть у такого существа? Никаких!

Модьун без удовольствия пережевывал пищу и обдумывал свое положение, когда, услышав случайное слово, он понял, что четверо его друзей все еще обсуждают надоевшую ему тему предстоящего путешествия в космос.

По-видимому кто-то убедил власти утвердить неправильную цель экспедиции. Его друзья считали, что должны противодействовать, убедить власть предержащих выбрать правильную звезду как цель для полета корабля.

— … Значение… необходимое действие… жизненные… решающие для мира…

Слова с их скрытым смыслом условий, которые обязательно должны быть выполнены, проходили через воспринимающую систему Модьуна, но сначала он только регистрировал их. Наконец, до него дошло их значение и он сказал с легкой улыбкой:

— А если вы не сможете отстоять свою точку зрения, что случится?

Человек-ягуар удивленно посмотрел на него.

— Кто-то другой выдвинет свой проект.

— С какими результатами? — спросил Модьун.

— Их идеи неверны, а наши верны.

— Но что же все-таки случится? — настаивал Модьун.

— Экспедиция отправится к группе желтых звезд, похожих на наше солнце. Шансов найти жизнь на планетах таких звезд, как наше солнце, меньше, чем на планетах голубых звезд. Это уже доказано.

Модьун со своего уровня, где все такие вещи были одинаково бесполезными, снова улыбнулся наивному ответу.

— А, предположим, что экспедиция не обнаружит жизни ни в системе желтой, ни в системе голубой звезды? — спросил он.

— Это будет напрасное путешествие.

Его безупречная логика не доходила до сознания. Человек сам прошел через эту промежуточную стадию; когда-то он верил, что успех заключается только в результате. Модьун сместил акцент своего вопроса.

— Участники такого путешествия не будут испытывать неудобств?

— О, нет. Корабли безупречны. Они похожи на большие города, плывущие в космосе.

— Те, кто будут на корабле, смогут есть, спать, развлекаться, общаться с существами противоположного пола, будут иметь возможность тренироваться и обучаться?

— Конечно.

— Тогда, какая разница, каким будет результат? — торжествующе спросил Модьун.

— Но, если мы не обнаружим другую жизнь, то это будет напрасное путешествие. Межпланетные корабли мчатся с большой скоростью, и, как

нам сказали, мы посетим много планет; мы улетаем на длительное время. Для отдельной личности очень тяжело, если цель не достигнута.

Модьуну казалось, что все на корабле будут жить совершенно одинаково, независимо от того, неудачной или успешной окажется экспедиция. Забавляясь, он сместил акцент:

— Ну, хорошо, предположим, вы нашли разумную жизнь в другой звездной системе, — что тогда?

Человек-ягуар покачал головой:

— Вы, обезьяны, задаете ужасные вопросы, — сказал он. — Все, что вокруг нас

— жизнь. А жизнь — познание нового! Неужели это ничего не значит?

Но Модьуна нельзя было сбить с мысли.

— Скажите мне, — настаивал он, — как вы поступите с другими существами, если вы их найдете?

— Ну… мы должны будем определить свою политику относительно них. Это будет зависеть от их реакции.

— Приведите мне пример такой политики.

Настроение человека-ягуара изменилось. Он выглядел расстроенным, словно ему надоел этот разговор.

— Как я могу знать заранее! — взорвался он.

Пока продолжалась дискуссия, Модьун с растущей уверенностью отметил про себя другой смысл того, что было сказано. Теперь он спросил:

— Вы упоминаете, что нужно убедить власти. Кто эти власти?

Он ждал и думал:

«Теперь я узнаю, кто враг».

— Люди-гиены, — был ответ.

Последовало мгновенное разочарование. Ответ оказался заурядным.

«Не люди-тигры или люди-львы, — подумал Модьун, — не люди-слоны. Никто из тех, кто когда-то был большим или могучим созданием. Вместо этого, тот, кто когда-то питался падалью, а теперь добрался до вершин власти».

Он забеспокоился.

Все остались на одинаковом уровне. Когда люди отступили за барьер, самосохраняющиеся компьютеры управляли городами и селами. Люди-гиены прорвали эту оборону. Невероятно, но у него не было причин сомневаться.

И все же он почувствовал себя лучше. Одна группа, с которой можно говорить, вести дела. Вдруг это показалось Модьуну несерьезной проблемой.

Модьун расслабился — и впервые действительно с искренним интересом принял участие в беседе. Ему эти разговоры что-то напомнили. Он сказал:

— Вы говорите о поисках других обитаемых звездных систем. А что вы скажете о Нунули, которые обнаружили иную жизнь в нашей солнечной системе? Они же возвратились на Землю? И почему вы не спросите их, где обитаемые системы? Я уверен, что они с радостью расскажут вам. Это очень услужливая раса.

Он остановился, увидев смущенные лица.

— Нунули! — эхом отозвался человек-лиса.

— Существа с другой звезды! Нет, мы никогда…

Это произнес человек-медведь.

— Где вы слышали об этих существах со звезд? — спросил человек-ягуар насмешливым тоном. — Когда это было?

Модьун, который на мгновение забыл, что для них он обезьяна и не может знать больше, чем они, сказал:

— Я слышал это там, откуда я приехал.

Он самодовольно подумал, что это чистая правда.

Четверо людей-животных, казалось, приняли его утверждение. Очевидно, они точно не знали,

что происходило в далекой Африке. Несколько минут они продолжали серьезно беседовать между собой и пришли к выводу, что тем, кто прилетел из космоса, земляне позволили жить, но не дали случившемуся широкой огласки.

Это была неудача. Глупость. Но в этом была и хорошая сторона, как считал человек-медведь. Это доказывало, что в космосе есть и другие расы.

— Весь район там должен быть исследован, — неопределенно махнул рукой человек-медведь, охватывая взмахом полгоризонта.

Подходящий момент еще не настал, их внимание все еще было занято навязчивой идеей, но в голове Модьуна мелькнула другая мысль.

— Что вы делали до того, как вас наняли для полета? — спросил он с любопытством. — Чем вы занимались?

— Я был монтером на строительстве, — сказал Неррл.

Игдооз, как выяснилось, работал на океанской ферме, где разводили водоросли.

— Я всегда хорошо себя чувствую у воды, несмотря на то, что она соленая, — сказал он. — Каналы и болота… В общем, мне хорошо.

Руузб был лесничим.

— Я люблю горы и расстояния, — сказал он. —

Вот почему, я думаю, мне понравится космический полет. Космос…

Дуулдн не захотел рассказывать о себе. Он выглядел немного смущенным.

— Я не стыжусь, — сказал он. — Было бы странно говорить об этом, и я лучше не буду.

Отказ стал мгновенным вызовом Модьуну. Он смутно помнил о том, что, изменяя животных, человек имел в виду некоторые особые способности, которые он обнаружил в каждой породе… Что же это могло быть у ягуара? Он не мог ни вспомнить, ни додуматься до этого.

С опозданием ему пришло в голову, что его знакомые захотят узнать о его занятиях. Он открыл рот сказать, что он специалист по электронике, но внезапно понял: не нужно ничего говорить. Его друзья снова вернулись к своей скучной теме.

Информация о Нунули, пожалуй, возбудила в них еще больший интерес к предстоящей межзвездной экспедиции, сделала их еще более решительными, чем когда бы то ни было (если такое вообще возможно), в стремлении настаивать на правильном выборе маршрута для их корабля. Когда Модьун снова прислушался к их разговору, они обсуждали ряд способов, которые помогут склонить «власти» к их точке зрения.

Вдруг человек-лиса вскочил на ноги.

— Эй! — он почти визжал от возбуждения. — Лучше нам добиться, чтобы нас выслушала комиссия.

Модьун встал, как и другие. Он был немного обескуражен — хотя и не сильно. Их неожиданное (а на самом деле, закономерное) намерение, казалось, положит конец его плану поселиться вместе с Руузбом. Ему не пришло в голову, хотя и должно было прийти, что они должны присутствовать днем на собрании.

Действительно, это было не настоящее препятствие. Перед ним стояла проблема: где найти комнату? И он должен был ее решить.

Модьун направился к ближайшей двери, понимая, что другие идут следом. Он думал:

«Когда они пойдут на собрание комитета, я попробую справиться с квартирным компьютером. И мы увидим, кто главный: человек, творец или машина».

С этой мыслью он прошел в дверь, оглянулся и обнаружил, что он снаружи — один!

4

Остальные ушли.

Поразительно!

Только что они были сзади. Иггдооз хрипло смеялся; Дуулдн что-то говорил глубоким мурлыкающим голосом, Руузб тяжело ступал по полу, а человек-лиса что-то отвечал лающим голосом.

Слова совсем не имели значения, но звуки, которые издавали его знакомые, стали привычной частью окружающего.

Модьун остановился и оглянулся. Вот дверь, через которую он вышел.

Он помнил, что она была непрозрачной.

Непрозрачной!

Когда Модьун бросился к ней, он заметил, что на ней нет ни ручки, ни задвижки. Он сделал три шага, и теперь стоял, ощупывая дверь ладонями и пальцами и пытаясь открыть ее.

Под руками была лишь маслянистая гладкая поверхность. Дверь не откроется. Сзади, на улице он услышал слабый шум… Что-то в его мозгу мгновенно отреагировало.

Модьун обернулся.

Высокий — более восьми футов — человек-гиена стоял на расстоянии всего в дюжину футов с автоматическим пистолетом в одной руке; он сказал странным голосом:

— Что случилось?

Потом Модьун сделал неопределенное движе-

ние своим телом, словно покачнулся, и пистолет выпал из вытянутой руки гиены, ударившись о тротуар с металлическим звуком.

Это было как сигнал. Огромный человек-гиена опустился на колени и прошептал:

— Помогите…

Модьун мог бы помочь, но не помог. Он стоял, чувствуя свою вину.

Умом он чувствовал, понимал, что это было. Модьун сразил человека-гиену, выделив из своего тела газ.

Невероятно, но какая-то часть мозга Модьуна уловила звук у него за спиной или, может быть, уловила лишь настолько, насколько это возможно из намерений другого при передаче мыслей, и объяснила это как угрозу.

Больше всего Модьуна удивило то, что его реакция была агрессивной.

В течение всей жизни Модьуна с ее философией полного — именно полного отказа от насилия, он никогда не нападал, но его мозг был способен на это.

Итак, это рефлекс тела, с его животным бешенством.

«Господи, я должен следить за этим», — подумал он.

Пока он пришел к такому решению, человек-гиена перекатился на бок и теперь лежал на бетоне, скрючившись, стонал и извивался. Модьун подошел и с сочувствием посмотрел на подергивающееся тело.

Через минуту Модьун увидел, что пистолет лежит в нескольких ярдах в стороне. Он подошел, поднял его, осмотрел и увидел, что он заряжен.

Модьун не знал, что и думать. Поэтому он спросил:

— Где вы взяли оружие?

Никакого ответа, только стон.

Модьун спросил настойчивее:

— Я думал, что их больше не выпускают.

На этот раз ему ответили.

— Ради Бога, — простонал человек-гиена, — я умираю, а вы задаете глупые вопросы.

Все оказалось не так плохо. Действительно, первоначальное чувство сильной вины отошло на задний план. Оно еще присутствовало, но стало более слабым, когда Модьун с облегчением осознал, что инстинктивно воспользовался защитной функцией организма.

Тут у человека-гиены начался отвратительный приступ желудочных спазмов. Возможно, он чувствовал сильную изжогу и другие признаки

отравления, которые порой испытывают и животные, и люди.

Это страшно, болезненно, но он не умрет.

— С вами будет все в порядке примерно через час, — сказал Модьун и положил пистолет в карман пальто. — Но я уверен, что вы собирались стрелять. Это делает вас потенциальным убийцей, и поэтому я только запишу ваше имя.

Подозревая, что ему не ответят добровольно, Модьун снова потребовал.

— Глидлл, — ответил человек-гиена.

— Хорошо, Глидлл, — сказал Модьун, — мы не хотим дальше нарушать ваше право на свободу мысли, поэтому сейчас я не требую больше информации. Что-то в этом мире неправильно, и я не могу поверить, что вы персонально ответственны за это. Но я буду знать, как связаться с вами, когда, наконец, приму решение.

С этими словами Модьун повернулся и пошел влево, туда, где заметил дырку в заборе, ведущую к входу в столовую.

Когда Модьун попал на улицу, четверо его друзей вышли из здания. Увидев Модьуна, Неррл, человек-лиса, облегченно вздохнул. Они все остановились.

Несколько минут они говорили все вместе. Из

этой смеси слов Модьун смог выделить всего несколько битов информации. Он понял, что они решили, что потеряли его. Модьун задумчиво смотрел на них. Все четверо излучали наивность, что делало всю историю совершенно приемлемой для него. Что бы ни случилось, они тут были ни при чем.

Он подумал, что происшествие приобретает вид случайного. Совершенно случайно он вышел через боковую дверь в тот момент, когда — как они теперь это описывали

— они остановились и оглянулись, чтобы что-то рассмотреть. Когда они повернулись, его уже не было.

Но как случилось, что человек-гиена с автоматическим пистолетом как раз стоял на заднем дворе? Совпадение требовало напряжения воображения, но так как никто не знал Модьуна и не знал, кем он был, это должно было быть именно совпадением.

Модьун почувствовал, как его напряженное тело при этой мысли расслабилось.

Он наблюдал, как четверо друзей заторопились на собрание. Сначала они воспользовались движущимся тротуаром, чтобы добраться до улицы. Один из них махнул рукой, и к тротуару подъе-

хал автомобиль. Они забрались в него, и двери закрылись. Минутой позже автомобиль отъехал, и Модьун быстро потерял его из виду.

Чувствуя себя спокойным, но немного несчастным, Модьун направился к квартирам на террасе. Первые неудачи немного беспокоили его. Он потерял своих четырех спутников. В их компании он чувствовал себя в какой-то мере счастливым.

Модьун пошел, чтобы показать, как одурманивают мозги настоящего человеческого существа. Его удивило, что обучающие машины не подготовили его к таким ловушкам. Тот, кто программировал машины, уже забыл такие подробности. Или, наверное, знал, но игнорировал.

Модьун все еще мысленно качал головой, хотя его, в действительности, не беспокоили различия, когда он приехал на улицу, где жили другие и где он тоже надеялся устроиться. С облегчением он увидел, что небольшая квартира между человеком-медведем и человеком-ягуаром еще не занята. Так как она свободна, ему не придется позже объяснять, почему он переехал.

Теперь он не терял времени на дальнейшие споры с машиной. То, что он делал, было одним из способов, с помощью которых человеческий ум контролировал положение дел. Сила, которая

была мгновенно приведена в движение, уничтожила прочные электрические соединения этой специальной системы реле, открывающих дверь.

Так как его логика была безупречной, он не повредил небольшой выключатель, с помощью которого компьютер дистанционно контролировал крошечную квартирку. Он просто открыл дверь. Через минуту, когда он повернул ручку и толкнул дверь, она открылась.

Теперь он мог войти. Но вместо этого он остался стоять. У него возникло чувство, чувство, идущее из мозга в тело.

Он стоял на крыльце этой маленькой блочной квартирки и смотрел с ее скромной высоты на часть города Галли. И он чувствовал, что он — человек, и другие не такие, как он. Большинство из них приспособилось и не изменилось. Рост человеческого самосознания из глубин животного для большинства существ, населяющих Землю, не был трамплином для прогрессивного развития.

К ним насильно применили чудеса биологии. С этого времени цепи молекул оказались закодированными, чтобы поддерживать изменение; и за тысячи лет кодирование точно выполнило свою задачу.

Не больше и не меньше. Модьун отчетливо представлял себе огромные массы животных-людей, которые счастливо общались, подходили к автоматам для раздачи пищи, пробивались в свои квартиры, докладывая компьютерам, энергично обсуждали подробности того, на что они были запрограммированы, или, как это случилось с его знакомыми, делали то, что заставлял их человек-гиена.

Какая удивительная случайность, что люди-гиены из всех людей-животных оказались единственными, кто как-то пробился через внутреннее кодирование.

Стоя здесь, Модьун все еще предполагал, что это незначительный прорыв; что в человеке все еще есть что-то большее, чем в любом животном. Это ощущение засело в его мозгу.

«Мы великие», — думал он.

Впервые он согласился, что поступил хорошо, выйдя из-за барьера, чтобы оценить изменения внешнего мира, узнать, какое время наступило на планете людей.

Когда он так оценил свое присутствие здесь, за барьером, он вошел в маленькую квартирку, где собирался пожить некоторое время в качестве обезьяны.

Пока не приедет Судлил.

Общение с человеком-гиеной, вооруженным пистолетом, в свете имеющихся фактов, казалось, к делу не относилось. Скрытый смысл заключался в том, что Модьун стал заметной персоной.

Но это, конечно, невероятно.

«Никто же не станет искать меня, — говорил себе Модьун. — Я человек-обезьяна, который живет, как приезжий, в городе Галли».

Если пистолет был предназначен, чтобы кого-то убить, то собирались убить не Модьуна. Простая логика. И поэтому не было нужды думать об этом дальше.

И он прекратил это занятие.

Модьун проснулся в кромешной тьме, осознав, что кто-то находится в комнате и склонился над кроватью с оружием…

5

У Модьуна не было времени подумать, как лучше отреагировать. Поэтому он превратил противника в камень.

Тогда он включил свет и встал. Человек-гиена стоял неподвижно, склонившись над его постелью, и крепко сжимал нож. Он был захвачен врасплох во время нанесения удара, и его поло-

жение было динамически неустойчивым.

Модьун, конечно, никогда раньше не применял метод превращения в камень на живых существах и теперь смотрел на свое творение, чувствуя возбуждение в теле. Он — сам, думающая личность — изучал незваного гостя с полной беспристрастностью. Из того, что он знал о процессах, которые запускаются в живом организме таким способом воздействия, он понял, что все потенциальные возможности тела человека-гиены для затвердевания были мгновенно освобождены.

Модьун вызвал у человека-гиены артрит, паралич, камни в обеих почках, затвердение артерий и, вообще, окостенение всего тела… Модьун подозревал, что тот чувствует сильную боль, поэтому он подошел и вынул нож из его руки — или, скорее, попытался это сделать.

Нелегко… Пальцы, казалось, застыли вокруг рукоятки. Но Модьун вытянул нож, внезапно сильно рванув. Затем он проверил карманы у существа, нашел несколько таблеток и, усилив свое чувство обоняния, установил, что они ядовиты.

Модьун понюхал лезвие ножа. Тот же запах. Метод двойной попытки подстраховки.

Больше ничего он не нашел.

Чувствуя жалость к другому существу, он оставил в его теле немного жидкости

— минимум.

Человек-гиена упал на кровать. Он лежал там, словно мокрая масса, и так было на самом деле.

Сейчас в его теле началась внутренняя перестройка. Может быть, ему потребуется день, чтобы оправиться от шока и быть в состоянии двигаться. Некоторое время после этого в мозгу его будет избыток жидкости и слишком много воды в каждой клеточке. Но так как, очевидно, человек-гиена не был болен и в его системе не было естественного нарушения, то, в конце концов, он придет в себя.

Модьун не знал, когда можно будет расспросить предполагаемого убийцу о его мотивах. Ему казалось, он помнил, как обучающие машины много лет назад говорили, что необходима одна или две недели, пока голосовые связки восстановятся достаточно для того, чтобы существо смогло говорить.

Все это не имело значения. Значение имело то… Несомненно, кто-то искал его.

Логика говорила, что этого не может быть, но факты — вещь неопровержимая. Два покушения на его жизнь. Это невозможно в мире, где нет

преступлений. Но все же это случилось.

Модьун мгновенно решил, куда он должен пойти, чтобы провести первую проверку.

Итак, вскоре после трех часов ночи, полностью одетый Модьун распахнул входную дверь столовой, работающей круглосуточно, и пошел к боковому выходу, через который он каким-то образом (случайно?) попал во двор и оказался лицом к лицу с вооруженным человеком-гиеной.

Что-то в этом беспокоило его. Мгновенное замешательство…

«Усилитель мысли направил меня через ту дверь, — анализировал Модьун. — Он включался только на мгновения».

В течение секунд усиленная мысль осторожно подталкивала его через эту боковую дверь… Все выглядело так, как будто это его собственная мысль. Осторожно, согласно его собственной цели. В шумном окружении он не заметил постороннего воздействия.

Модьун предположил, что одновременно четверо его друзей-животных подверглись такому же умственному давлению, которое направило их мимо той же двери, и они не заметили его исчезновения. Это никак не могло быть проблемой. Животные-люди не знают таких вещей.

Убежденный в своей правоте, Модьун решил для себя:

«Путь, по которому я сейчас иду, выведет меня к компьютерному центру и к тому, кто там находится. И тогда я буду знать, в чем проблема».

Модьун даже не предполагал, с какой невероятной проблемой столкнется.

Была ночь… только на востоке появилось слабое сияние…

Модьун вошел в компьютерный центр через парадный вход и оказался в мире металлических панелей, залитых слабым светом; некоторые панели простирались от пола до высокого потолка.

Были слышны слабые звуки; насколько Модьун мог определить, он слышал только звуки машин и их органов управления. Легкие щелчки, когда блоки один за другим соединялись с основной машиной или отключались от нее.

Это ничего не означало и не имело значения. Тут царил заведенный порядок, все работало в том же автоматическом режиме много тысячелетий и, вероятно, будет продолжаться, пока на планете не исчезнет жизнь.

Модьун миновал несколько дверей, прошел по коридору и спустился вниз по ступенькам — к центральному устройству.

«Вот вы где», — подумал Модьун.

Машина, перед которой он очутился, казалась обыкновенным компьютером универсального типа. Но из этого компьютера исходила направляющая мысль, которая заставила его выйти из боковой двери столовой.

Через минуту Модьуна удивило, что ему позволили зайти так далеко без дополнительных препятствий. Он чувствовал… сопротивление… своему присутствию. Поразительно, что он не мог осознать это яснее, он, который был таким чувствительным.

Ладно, скоро он все узнает.

Он заговорил с компьютером, требуя разъяснений. В помещении для машины его голос повторяло эхо. Он ясно чувствовал, что прошло много, много столетий с тех пор, как шум жизни нарушал тишину замкнутого пространства.

Последовала пауза, которая сама по себе показалась ненужной, так как компьютер всегда отвечал сразу (за исключением этого раза).

Наконец, прозвучал ответ компьютера:

— Я получил инструкцию проинформировать вас, что Нунули, хозяин планеты, поговорит с вами лично, как только подойдет сюда, на что потребуется около минуты.

У Модьуна было шестьдесят долгих секунд, чтобы обдумать значение этих слов. Так как он полностью контролировал все происходящее, то почувствовал удивление, услышав ответ компьютера.

Минута прошла. Где-то у него за спиной открылась дверь.

6

Только в течение нескольких мгновений существо, которое вышло из-за рядов машин и металлических панелей, выглядело как человек. Оно было одето в костюм, закрывавший тело и руки. У него было две ноги и две руки, и держало оно их как человек.

Но вторым, главным впечатлением Модьуна был его своеобразный голубовато-зеленый головной убор и пара перчаток из необычной ткани в голубую полоску.

Мгновения, когда он казался знакомым, прошли…

Модьун понял, что незнакомец не является земным созданием. То, что казалось цветным головным убором, оказалось массой мелких щупалец, которые поднимались с головы и отражались на гладкой коже лица, как в зеркале.

А то, что выглядело, как костюм, было, в действительности, серовато-зеленой кожей. Кое-где она была скорее серая, чем зеленая. На существе вообще не было никакой одежды.

Хотя он сам никогда не видел Нунули, он понял, что это, на самом деле, пришелец, который впервые посетил Землю около пяти тысяч лет назад.

По меньшей мере, здесь был один из пришельцев. Существо остановилось и теперь находилось на одном уровне с Модьуном. Пришелец оказался ростом около шести футов и выглядел скорее тщедушным. Землянин возвышался над ним на добрых два фута.

Теперь Модьун почувствовал себя просителем.

— И что же вы собираетесь делать? — спросил Модьун.

Руки поднялись вверх, и это было удивительно точным подражанием человеческому жесту, своего рода пожатие плечами.

— Все сделано, — сказал Нунули. — Больше ничего не нужно. Твоя планета давно завоевана нами.

Голос, которым были произнесены эти слова, звучал нежно, но не был женским. Сами слова были сказаны на универсальном земном языке без акцента. Или, по крайней мере, если и был

акцент, он казался легкой местной вариацией.

Модьун оценил ситуацию.

— И какие у вас планы относительно меня и других человеческих существ? — спросил он.

— Никаких, — ответил пришелец. — Что вы можете сделать против нас?

— Мы обладаем системой управления разумом, — заявил Модьун.

— Сколько вас здесь?

— Около тысячи, — неохотно ответил Модьун.

На мгновение, только на мгновение, его поразило такое малое количество оставшихся людей.

— Когда мы впервые прибыли сюда, — сказал Нунули, — здесь было около четырех миллиардов человеческих существ. Они могли оказаться опасными. Но теперь, я говорю вам, что мы позволим этой тысяче делать все, что угодно… даже сопротивляться нам. Но почему они должны беспокоить нас, если мы не беспокоим их?

Модьун с чувством облегчения выслушал его ответ. Его мускулы и нервы напряглись, и сигналы, которые они посылали в мозг, были слишком сильными.

Наконец, Модьун сказал:

— Но почему вы вообще завоевали нас? Что вы собираетесь делать с таким разнообразием

разумных форм жизни?

— Что делать с этой планетой, — ответил Нунули официальным тоном, — мы еще не решили. Решение будет принято на будущем собрании комитета.

Существо вытянуло руки и сказало:

— Трудно выносить такие вопросы на повестку дня.

— Но почему же вы завоевали нас? — настаивал Модьун.

Нунули вернулся к официальному тону.

— Мы получили инструкции уничтожить руководящую группу, после чего будет принято решение, как распорядиться планетой. Наш метод завоевания Земли заключался в том, чтобы предложить человеческим существам усовершенствовать их тело и мозг. Ваших предков сразу привлекли возможности, которые открывались перед ними. Люди не заметили, что среди стремлений, которые поощрялись при этом, оказался и всеподавляющий импульс к философскому существованию. Так как процесс продолжался, то скоро человеческие существа захотели оставить свою цивилизацию животным и насекомым. Позже, когда мы решили, что нас должна представлять группа животных, мы выбрали

людей-гиен. Естественно, четко не представляя ситуацию, они мало знают о вас. Поэтому вам причинили беспокойство.

Модьун решил, что инопланетянин намекает на два покушения на его жизнь. Объяснение показалось неудовлетворительным, но Модьун воздержался от комментариев.

— Этого, — продолжал Нунули, — снова не произойдет, если вы не проявите упрямство.

Модьун быстро оценил сказанное, глубоко вздохнул и сказал:

— Ваши действия едва ли похожи на завоевание.

— Человек фактически исчез. Это завоевание!

Модьуну было трудно оценить все с такой позиции. Сокращение человеческого рода до тысячи особей казалось ему разумным. За людьми в этом вопросе могли бы последовать Нунули и огромное количество животных и насекомых, кишевших по всей Земле.

Он так и сказал.

Нунули отверг эту идею.

— Наше предписание — завоевать Вселенную и размножить людей-рабов в количестве, необходимом для выполнения этой задачи.

— Но почему?

— Это решает комитет, — последовал холодный ответ.

В мозгу Модьуна начала формироваться смутная картина иерархической структуры захватчиков. Он сказал:

— Этот комитет… Вы общаетесь с его членами?

— Нет, они сами связываются с нами. Мы получаем инструкции.

— Значит, они не живут среди вас?

— О, нет! — ответил потрясенный Нунули. — Они живут за барьером, и никто не ходит туда.

— Они похожи на вас? По форме, я имею в виду.

— Конечно, нет. Это было бы смешно. — Нунули вдруг возмутился. — Члены комитета — особая раса.

— Сколько же их там?

— Около тысячи, — был ответ.

— Я вижу, — протянул Модьун.

Из слов, произнесенных созданием, было очевидно, что оно само ничего не понимает.

— Комитет не должен быть больше. Он стал бы слишком громоздким.

— Конечно, — поспешно согласился Модьун.

Через минуту он добавил:

— Я вижу, что наших людей-животных посы-

лают в космос к другим мирам. Очевидно, вы используете их, как часть ваших войск захвата?

— Конечно. Они действуют как дополнительные силы в нашей схеме завоевания.

— Тогда слухи о том, куда направится большой корабль, который теперь готовится к полету, просто маскировка?

— На Земле мы поддерживаем видимость демократии, первоначально установленной человеком, — сказал Нунули. — Поэтому мы выслушиваем и создаем впечатление свободы выбора для большинства. Но, в действительности, планеты, которые должны быть захвачены, уже выбраны.

— Сейчас у вас нет плана, что делать с людьми, которые живут на Земле… окончательного плана? — спросил Модьун.

— Пока комитет не примет решение в связи с тем, что нужно сделать с Землей, плана у нас не будет, — сказал Нунули. — Что будут делать тем временем обитатели Земли, неважно. Ведь теперь Земля — завоеванная планета.

Существо сделало вывод:

— Я понимаю, что для нас может быть неудобно, чтобы вы находились поблизости, когда приближается время перемен. Поэтому я рекомендую

вам вернуться за барьер.

— Мне кажется, что до тех пор, пока я буду находиться под личиной обезьяны, я не создам для вас проблем, находясь поблизости, — ответил Модьун.

— Рано или поздно кто-нибудь узнает вас, и это создаст сложности, — был ответ. — Поэтому, покиньте город… это мой совет.

— Хотя, как вы знаете, мы, люди, не ведем себя агрессивно, у меня создается впечатление, что, если бы я захотел, я мог бы уничтожить всех Нунули на этой планете, — настаивал Модьун. — Разве не так?

— Очевидно, — раздраженно ответило существо, — мы должны будем доказать вам, что то, что вас в настоящее время мало, делает вас бессильными. Итак, я думаю, на этом наша беседа должна окончиться. Вы можете выйти из этого здания тем же путем, каким вошли.

Наступило утро.

Когда Модьун проснулся, он подумал, что не чувствует разницы между нынешним своим состоянием, когда знает, что живет на захваченной Земле, и прежним состоянием, когда он не знал этого. Четыре миллиарда мужчин и женщин постепенно умирали и всегда по очень важным

причинам. Жизнь была слишком беспокойной. Никакой резни. Или еще хуже, вероятно, что тех, кто остался, еще предстоит уничтожить.

Дело было сделано и сделано тихо, самим человеком. Могла такая судьба человечества оказаться связанной с преднамеренным завоеванием?

Вопрос относился к области философии.

7

Размышления закончились.

Модьун отказался от дальнейших раздумий и встал с постели.

Когда он оделся, то услышал шаги на маленьком крылечке. Он открыл дверь.

За дверью стояли четверо его друзей-животных; они были одеты иначе, чем за день до того. Теперь на них были не только широкие брюки, но и подходящие пиджаки, под пиджаками — белые рубашки с высокими воротниками, яркие цветные шарфы, завязанные вокруг шеи и свисающие вниз. Даже их ноги выглядели иначе. За день до этого они носили комнатные туфли неопределенного фасона. Но сегодня утром их сменили блестящие черные туфли.

Модьун удивленно смотрел на людей-живот-

ных. Прежде чем он смог заговорить, человек-медведь сказал веселым голосом:

— Может быть, вы захотите пойти с нами завтракать?

Приглашение было радушным. И Модьун не колебался. Ему, действительно, нечего было делать до приезда Судлил из-за барьера. Ему пришло в голову, что, может быть, интересно совершить путешествие по планете; когда он снова присоединится к человеческой расе, от него потребуют отчет. Но путешествие может подождать. По крайней мере, сначала он позавтракает. Модьун улыбнулся.

Он вышел на крыльцо. Повернулся. Закрыл за собой дверь. Снова повернулся. И на этот раз пожал руки каждому человеку-животному. Неррл оказался последним. Неррл сказал:

— У нас масса времени. Заседание комитета не возобновится до одиннадцати.

Этот день тоже выдался ясным. Когда они отошли, Модьун глубоко вдохнул и обнаружил, что воздух чистый и свежий. Модьун непринужденно спросил:

— Как прошло вчерашнее слушание?

Ответом было четыре негодующих вздоха.

— Напыщенные гиены, — жаловался Дуулдн.

Другие выражали те же чувства, и из их слов вскоре выяснилось, что им не разрешили высказать свое мнение лишь потому, что они не были одеты, как положено; поэтому они сидели среди публики и расстроенные слушали, а неуместные свидетельства в пользу их точки зрения поставили их в глупое положение перед комиссией.

— Мы уверены, что сегодня этому будет положен конец, — пробормотал Дуулдн мурлыкающим голосом.

Быстрый взгляд его глаз — намек на ярость ягуара, о чем свидетельствовал яркий румянец на щеках, придавали его словам определенную свирепость.

Помня, что сказал Нунули — цель для большого корабля уже выбрана, — Модьун почувствовал жалость к своим спутникам. Тут его что-то словно подтолкнуло.

— Почему бы мне не пойти с вами? — предложил он. — Я хотел бы сам посмотреть на этих людей-гиен. Я не буду выступать. Только понаблюдаю.

Модьун сказал правду. Он, действительно, хотел посмотреть на них.

Четверо людей-животных были в восторге.

— Мы хотели бы, чтобы вы рассказали им о

Нунули, — сказал Иггдооз.

— Но он должен найти другую одежду, — проворчал Руузб. — Оденьтесь так, как мы.

— Я не собираюсь выступать, — повторил Модьун.

Они позавтракали, нашли для Модьуна костюм, и он поспешил вместе с другими на улицу, где мчались автомобили. Почти сразу подъехал автомобиль, и они сели.

Целью их поездки оказалось высокое здание в центре города. Они поднялись на лифте на верхний этаж. В коридоре на лицах спутников Модьуна появилось выражение подобострастного уважения. Скоро они шепотом сообщили о своих намерениях восьмифутовому человеку-гиене, который стоял перед закрытой двойной дверью, ведущей, вероятно, в зал заседаний. Человек-гиена кивнул, попросил соблюдать тишину и очень тихо открыл дверь достаточно широко, чтобы они могли войти по одному.

Модьун сидел сзади и смотрел поверх множества голов странных существ. Здесь было даже несколько мелких насекомых, конечно, не носильщиков. Выяснилось, что они тоже явились сюда, чтобы отстаивать свою точку зрения. Модьун не слушал их доводов и поэтому не понимал,

что они хотят.

Его внимание приковала к себе комиссия: одни люди-гиены. Удивительно. Модьун чувствовал сильное желание подойти к ним поближе. Он видел, что ближе всего подходили те, кто выступал, и поэтому решил, что должен как можно больше узнать о людях-гиенах, если собирается оспорить право комитета принимать решение. А почему бы нет?

Поэтому, когда Неррл высказал свои страстные доводы и был отпущен, Модьун сделал ему знак рукой, чтобы он подошел. И шепотом сказал ему, что передумал и хотел бы, чтобы его имя записали в список выступающих.

Человек-лиса, который наклонился, чтобы выслушать его просьбу, выпрямился в полный рост, семь и три четверти фута, и громко сказал с удивлением:

— Конечно, мы запишем ваше имя. Мы хотим, чтобы вы рассказали им о Нунули.

Его голос прозвучал громко и беспокойно, и секретарь собрания резко постучал по столу, призывая к порядку и тишине. Но в нужное время Модьун оказался на месте оратора. Тогда один из членов комитета вежливо обратился к нему:

— Здесь сказано, что вы обезьяна. Я видел

обезьян и считаю, что вы не совсем похожи на обезьяну.

— Есть много видов обезьян, — Модьун повторил аргумент, выдвинутый в машине одним из его товарищей.

— А к какому виду относитесь вы? — настаивал спрашивающий.

Модьун не обратил внимания на вопрос. Ему было интересно поближе увидеть правящих животных Земли. Люди-гиены, которых он видел раньше, возле столовой и в своей спальне позавчера, в своем болезненном состоянии были неподходящим объектом для изучения.

Модьун предполагал, что, наверное, так же трудно изучать человека, страдающего жестокими желудочными спазмами или артритом.

Поэтому теперь он внимательно осмотрел своего собеседника.

Действительно, разница существовала… и она сразу бросалась в глаза.

Хотя внешне председательствующий напоминал обычных измененных животных. Форма головы у него была как у настоящей гиены, но только… как другие животные, гиены напоминали зверя, породившего их. Как и у других людей-животных, выражение лица человека-гиены

было почти человеческим, таким тщательным было биологическое приближение к человеческой форме.

Но существовала разница — неуловимая, но очевидная. Модьун ощутил их превосходство. Логика людей-гиен была проста: они управляют планетой, поэтому стоят выше.

В голове Модьуна возник вопрос: знают ли гиены, что они служат агентами инопланетной расы? Был ли сознательным союз с Нунули? Ответ на этот вопрос нельзя было получить от человека-гиены при данных обстоятельствах.

Когда цепь ощущений завершила свой путь в мозгу Модьуна, он решил прямо бросить вызов имеющемуся порядку вещей.

Он сказал:

— Не могли бы вы процитировать мне указания людей, позволяющие человеку-гиене рассматривать вопросы, подобные этому?

В публике началось волнение. Шарканье ног. Даже тяжелое дыхание и бормотание. Председатель опустил молоток, требуя тишины. Член комитета, который ораторствовал ранее, поднял брови и откинул голову, потом сел в прежнее положение и сказал:

— Ваш вопрос не относится к тем, по кото-

рым этот комитет может выносить решения. Мы работаем по указанию правительственного департамента, и круг вопросов, которые мы рассматриваем, строго ограничен. Вас удовлетворяет этот ответ?

Модьун вынужден был молча согласиться. Он не заботился о том, кому бросал вызов, ведь он обнаружил, что противостоит второстепенной организации. Это была одна из тех — не бесконечных, но кружных — цепей — вроде разговора с компьютером вместо человека, который его программировал, — совершенно бесполезное действо.

И еще Модьун подумал, что гиены — джентльмены.

Действительно, все выглядело очень цивилизованно и благопристойно. Модьун понял, что не может испытывать вражды ни к кому, кто достиг их уровня культуры.

— В таком случае у меня теперь нет других аргументов, — заявил Модьун комитету.

Когда он поднялся, чтобы сойти с помоста, человек-ягуар выкрикнул из публики:

— Эй, а как насчет Нунули?

Очевидно, для человека-гиены это было слишком. Председатель в ярости опустил молоток.

Стремительно вошли люди-гиены в форме. Через несколько минут комнату заседаний освободили от публики и в коридоре зачитали сообщение, что заседание продолжится сегодня в три часа дня.

Когда Модьун пошел с друзьями к лифту и завернул за угол, то увидел, что множество людей-гиен в форме блокировало коридор в сотне футов впереди. Когда зрители и выступающие, которые присутствовали на заседании, подходили к этому живому барьеру, каждый останавливался и что-то говорил. Во всех случаях, которые наблюдал Модьун, ответ оказывался удовлетворительным, и ответившему разрешали пройти по узкому проходу, сделанному между двумя рядами людей-гиен в форме.

Маленькая группа из пяти существ должна была ждать своей очереди. Неррл, который стоял впереди, сказал, обернувшись назад:

— Они спрашивают у каждого его имя. Как только получают ответ, разрешают пройти.

У человека-гиены, который задавал вопросы, было суровое лицо; в одной руке он держал какие-то бумаги. После того как Модьун произнес обезьянью версию своего имени, офицер посмотрел на свои бумаги и сказал официальным тоном:

— Вы не можете произнести свое имя по буквам?

Модьун терпеливо проделал это. Существо еще раз изучило бумаги, которые были у него в руке.

— Это для вас, — сказал человек-гиена.

Он протянул документ Модьуну. Тот взял, но спросил удивленно:

— Для меня? Что это?

— Повестка.

— Какая повестка? — заинтересовался Модьун.

Человек-гиена рассердился.

— Прочитайте, — ответил он. — Тогда вы узнаете, что это такое.

Он махнул рукой другому человеку-гиене в форме. Вся группа застыла.

— Направо! Марш! — скомандовал командир.

Звук их шагов быстро затих.

Модьун стоял рядом с Руузбом, другие трое его спутников смотрели на него.

— Что это было? — спросил Руузб. — Что он дал вам?

— Повестку, — ответил Модьун.

— Что?

Модьун протянул повестку человеку-медведю. Медведь посмотрел на сложенную бумажку, затем медленно и громко прочитал сверху: «Госу-

дарство против Модиунна». Он поднял глаза.

— Модиунн — это вы, все правильно, — сказал он. — Но кто это «государство»?

Модьун не смог подавить улыбку.

— Государство — это правительство.

Он замолчал. Его улыбка погасла, когда до него дошел смысл собственных слов. Наконец, он сказал:

— Вероятно, это относится к людям-гиенам, захватившим власть.

Он увидел, как бледно-розовое лицо Дуулдна нахмурилось.

— Вы задали на заседании хороший вопрос, Модиунн. Какое право люди-гиены имеют решать, куда должен направиться космический корабль?

Теперь он хмурился. Мускулы его челюстей странно двигались. Он сжал зубы с почти металлическим звуком и закончил:

— Я никогда раньше не думал об этом.

— Да, это был хороший вопрос, — сказал Руузб. — Вы и я, черт возьми, — он посмотрел на человека-ягуара — можем же сражаться с дюжиной людей-гиен, без поддержки? Почему же они говорят нам, что делать?

Модьун быстро посмотрел на одного и другого: двое сильных людей-животных. У обоих лица

раскраснелись, очевидно, внутри они кипели. Человек подумал: «Дикость, действительно, скрыта не так глубоко». Он был удивлен, но…

Для него это оказалось решающим. Лучше думать о том, что он говорит, в будущем. Очевидно, попытка возбудить этих людей-животных не приведет ни к чему хорошему, потому что они могут только волноваться.

Вслух он сказал:

— Успокойтесь, друзья. Давайте не возбуждаться. Это не нужно.

Прошла еще минута. Их лица стали бледнеть. Дуулдн протянул руку и взял документ из руки Руузба.

— Давайте посмотрим, — сказал он.

— Подождите, — возразил человек-медведь.

Но его реакция была слишком медленной. Его друг забрал у него повестку и развернул ее. Человек-ягуар посмотрел на первые слова внутри и, казалось, на несколько минут онемел от того, что увидел. Затем он прочитал вслух: «Вызов в суд по уголовному делу».

— Уголовному? — повторил Неррл.

Все четверо людей-животных мгновенно отошли от Модьуна. Остановились и посмотрели на него.

Теперь на их лицах было замешательство.

Модьун сказал:

— Как я могу быть преступником в мире, где нет преступлений?

— Да, — сказал Руузб. — Он прав. Что он мог сделать?

— Ну, я не знаю… — Это с сомнением произнес человек-лиса. — Если человек-гиена говорит, что он преступник, то, наверное, это правда.

Неожиданно он сказал:

— Очень хорошо спорить о том, как им удалось войти в правительство. Но факт остается фактом: они правят нами.

Модьун сказал Дуулдну:

— Там написано, в чем меня обвиняют. В чем же?

— Да, — сказал Руузб, — прочитайте.

Человек-ягуар снова поднес листок к лампе и произнес мягким глубоким голосом:

— Обвинение — да… вот оно… Повреждение выхода компьютера, проникновение незаконным путем в помещение для приезжих…

Он мигнул.

— Эй, это несерьезное преступление.

Он снова посмотрел на повестку.

— Здесь говорится, что вы должны предстать

перед судьей в следующий… вторник… До тех пор — послушайте — всех честных граждан призывают не общаться с обвиняемым. Это относится к нам, честным гражданам. Поэтому, — он кивнул Модьуну, — вы должны пробыть в одиночестве только до следующего вторника.

Он поспешно сложил повестку и протянул Модьуну. Все признаки его недавнего бурного возмущения исчезли. Он сказал:

— Ну, друзья, лучше нам уйти отсюда.

Модьуну же он сказал:

— Увидимся в следующий вторник, дружище.

Он ушел; за ним последовал Неррл, который небрежно кивнул, прощаясь. Руузб и Иггдооз колебались. Человек-медведь неуверенно проворчал:

— Вы не можете просто так бросить друга в беде.

Модьун вновь подтвердил свое решение не втягивать этих существ в свои дела.

— Только до следующего вторника, — подтвердил он. — Тогда увидимся.

Казалось, эти слова необходимы человеку-медведю и человеку-гиппопотаму, чтобы успокоить их. Было видно, что они почувствовали облегчение, и пожали ему руку почти с благодарностью.

Затем они поспешно отправились за своими товарищами.

Тем временем Модьун, шагая в том же направлении, пришел к шахте лифта. Четверых друзей там уже не было. Вокруг вообще никого не было. Когда подъехал следующий лифт, Модьун увидел, что и тот пуст. Удивительно. Тем не менее он собирался войти, но мысль об отсутствии людей-животных там, где пять минут назад их было очень много, заставила Модьуна подумать об опасности.

«Я лучше пойду вниз пешком», — решил он. Он помнил, что Нунули коварный тип.

Было бы обидно, если бы лифт застрял по пути вниз, вместе с ним. Чтобы спастись, он должен был нарушить еще несколько законов… Когда Модьун спускался по первому пролету лестницы, он подумал, что у него слишком сложная реакция на простую ситуацию.

«Я полагаю, — вздохнул он, начиная спускаться по второму пролету из тридцати трех, — что именно так люди должны были все обдумывать много лет назад, когда существовала конкуренция, интриги и все такое».

Спускаясь по третьему пролету, Модьун почувствовал отвращение к жизни снаружи барьера.

Может быть, он должен сделать то, что хочет Нунули: вернуться за барьер и забыть все это безумие.

Но, спускаясь по четвертому пролету, он с грустью подумал:

«Я обещал Дода. И, кроме того, через несколько недель приедет Судлил».

Поэтому ему ничего не оставалось делать, как только спускаться вниз еще по тридцати пролетам.

Что он и сделал.

Когда он добрался до вестибюля, то принял решение.

Он все сознавал.

8

Тишина охватывала все… но то тут, то там возникало беспокойство.

Модьун чувствовал свое единство со всем ближним космосом, кроме зоны беспокойства — зоны вмешательства, воздействия, агрессивной энергии — так называемого насилия. Или, может быть, тут было только намерение насилия. Завитки, цепи и темнота. Сверкающие пряди и потоки сверкающего серебра вибрировали в безбрежном пространстве вокруг него.

Он понимал, что люди-животные — мирные и глупые. Здесь их было так много, что их общая доброжелательность заполняла пустоту.

Люди-гиены создавали беспорядок в его ощущении окружающей энергосистемы. Подавляющее большинство их казалось незнающими простофилями. Сияние, переплетенное с темными прядями, не давало понять, как они стали правящей группой. Но гиены согласились на эту роль — и здесь не было ошибки. И от них исходил постоянный поток слабой агрессии. Они создавали… строгость… да… жесткость. Но ничего по-настоящему серьезного.

Но гиены-руководители имели различную окраску. Они знали правду. Знание окрыляло их. Вокруг этих осведомленных личностей зарождались облака своеобразных частиц восхищения собой. Ликование полной безопасности. Безопасности, которая происходила от осознания того, что Нунули всемогущие и те, через кого они управляют, абсолютно неуязвимы.

… Гордость занимаемым положением, переплетенная с вечной эйфорией, — структура пространства была закручена в многочисленные формы. Их было больше тысячи, слишком много, чтобы сосчитать; целый высший класс

гиен-людей. И вокруг каждой личности агрессивная аура…

Но настоящее беспокойство излучал лишь один Нунули. Вокруг него пульсировало огромное бесформенное черное облако. Непроницаемая пелена закрывала инопланетное существо.

Темнота тянула энергию из ближнего источника. Но этот источник не имел определенного местонахождения. Сила, которая исходила от него, немного пугала даже Модьуна.

Это же Единое Психическое Пространство.

«Значит, я сделал основное открытие, касающееся врага».

Эта мысль привела Модьуна в состояние нерешительности. Сознание отвергало идею врага, потому что… Есть ли вообще здесь враги?

Мировоззрение Модьуна утверждало, что нет. Здесь нет врагов. Здесь только существа, которые своими действиями вызывают враждебное отношение к себе.

Это отношение к себе они сами вызвали, а потом стали считать, что во всем виноват враг.

Но настоящий враг — это мгновенные импульсы, заставляющие людей делать то, что вызывает враждебное отношение.

Нет реакции, нет врага.

Итак, Модьун решил, что должен вернуться в свою маленькую квартирку и оставаться там, не создавая проблем, не вызывая к себе враждебного отношения, до следующего вторника… когда он пойдет в суд. Это будет мирным ответом на повестку, которую ему вручили.

Так он и сделал, за исключением того, что выходил поесть.

9

У дверей стоял мужчина, на одежде которого была карточка с надписью «Служащий по судебным повесткам». Этот человек-гиена проверил повестку Модьуна и просто сказал:

— Входите, сэр.

Модьун вошел в большую комнату и удивленно огляделся. Прямо перед ним был длинный стол. За ним, за маленькими прозрачными окошками находилось около дюжины женщин-гиен. Перед каждым из этих окошек стояла очередь людей-животных. Очереди отличались по количеству от шести до двадцати.

Никакого признака комнаты судебного заседания. Модьун вышел в коридор и посмотрел на другие двери. Потом медленно прошел к ближайшей. Его мысль, что, может быть, на повестке

напечатан неправильный номер, исчезла. Тут также не было никаких признаков комнаты судебного заседания.

Модьун медленно вернулся в большую комнату, снова показал повестку «Служащему по судебным повесткам», который, казалось, забыл его, — и его еще раз впустили. На этот раз, когда он вошел, он приблизился к человеку-гиене в форме, который стоял чуть в стороне. На его табличке были слова: «Служащий суда». Еще раз повестка оказалась приемлемым средством для общения. Служащий посмотрел на нее и сказал безразлично:

— Окно номер восемь.

Модьун подошел и стал сзади. Здесь была самая короткая очередь, которая состояла из пяти человек. Модьун оказался шестым.

Он просто стал в очередь, а потом заметил, что первым в очереди был человек-тигр, которому через окошко передали листок бумаги. Человек-тигр посмотрел на этот листок. Затем наклонился и что-то сказал в окошко. Модьун не расслышал слова, но он не мог ошибиться в чувстве, которое они вызвали, — ярость. Ответ женщины-гиены был удивительно четким. Она сказала вежливо:

— Простите, не я пишу законы.

Человек-тигр медленно выпрямился. Потом он постоял, нахмурившись, не менее десяти секунд, сжал челюсти и быстро пошел к двери.

Человек-крыса прямо перед Модьуном покачал головой и прошептал:

— Наверное, суровый приговор.

Модьун спросил:

— А какое было преступление?

Собеседник покачал головой:

— Это написано в его повестке. — И добавил: — Наверное, избил кого-нибудь. За это строго наказывают.

— Гмм… — пробормотал Модьун. Ему было интересно. — А что сделали вы?

Человек-крыса заколебался. Потом ответил:

— Украл.

— Воровство! В мире, где все можно получить свободно.

Модьун был искренне удивлен. И только после того, как он это сказал, ему невольно пришло в голову, что его слова могли обидеть человека-крысу.

И, действительно, первой реакцией человека-крысы стало:

— Ради Бога, это не так страшно.

Сказав это, он смягчился и, казалось, понял, по

крайней мере отчасти, почему удивился Модьун. Он продолжал более непринужденным тоном:

— Это трудно представить, но я начал кое-что замечать. Вы и я, — он вдруг возмутился, — мы же можем пользоваться этими общественными автомобилями на главных дорогах. Но если мы хотим добраться до небольшой улочки, мы должны выйти из такого автомобиля и пройти к движущемуся тротуару или просто пройти пешком.

— Что же в этом плохого? — спросил Модьун. Он говорил нейтральным тоном. — Когда говорят о деталях, все кажется очень справедливым. Никто же не должен идти больше, чем сто ярдов.

Тонкое крысиное лицо стоящего перед ним исказила понимающая улыбка:

— Когда я заметил, что люди-гиены, официальные лица, имеют специальные автомобили и едут прямо в эти боковые улочки, я понял, что я просто должен назваться не своим именем. Итак я остановил один автомобиль и поехал на нем домой. И вот я здесь.

Пока он говорил, очередь продвинулась вперед. Теперь Модьун взглянул в лицо человека, которому вынесли приговор и который уходил, — ничего не выражающее лицо, напоминающее

крокодила или, по крайней мере, рептилию, и это лицо ни о чем не говорило, поэтому Модьун снова обратил внимание на человека-крысу и сказал:

— Как они поймали вас?

— Частные автомобили связаны со специальным компьютером, который послал за мной патрульного, человека-гиену, — последовал возмущенный ответ. — Таким образом мне вручили повестку, чтобы я сегодня явился на судебное разбирательство, и вот я здесь.

— Не очень похоже на судебное разбирательство, — заметил Модьун, когда третий человек в очереди получил карточку со своим предварительно напечатанным приговором, посмотрел на него, встревоженно оскалившись, показал свои кроличьи зубы и отскочил к двери.

Значение слов Модьуна, казалось, не дошло до сознания человека-крысы.

— Ах, суд есть суд, — сказал он.

Модьун не считал, что это похоже на суд.

— Вам и мне просто не повезло, и поэтому мы в суде, — пожал плечами человек-крыса.

От окошка отошел четвертый человек. Человек-крыса сказал торопливо:

— Я лучше повернусь к окошечку. Своими манерами надлежит выказать уважение, иначе это

может быть рассмотрено, как неуважение к суду.

— Как вас зовут? — спросил Модьун.

Имя человека-крысы было Банлт, он жил в Галли, имел жену и трех детей. Банлт хотел знать, почему Модьун интересуется им.

— В мире, — сказал Модьун, — который является идеальным, за исключением того, что людям нужно пройти лишнюю сотню ярдов, вы совершили кражу. Мне хотелось бы изучить вашу философию.

Банлт не ответил. Ему вручали его приговор. Банлт посмотрел на него, и его лицо приобрело напряженное недоверчивое выражение. Он ушел ошеломленный. Модьуну хотелось пойти за ним, но подошла его очередь. И он протолкнул свою повестку под решетку и с большим интересом наблюдал, как женщина-гиена набивала на машине справа числа, напечатанные на повестке. Появившийся листок бумаги развернулся в жесткую карточку.

Модьун взял листок с большим интересом и прочитал: «Наказание: двадцать дней заключения в квартире. Вы можете выходить поесть три раза в день, затрачивая не более часа на каждую еду».

Он был удивлен. Он наклонился и обратился

к женщине:

— Приговор кажется немного нелогичным. Мое преступление в том, что я занял квартиру нелегально. Теперь я приговорен к заключению в той же самой квартире и, очевидно, мое нахождение там больше не будет считаться нелегальным. Есть здесь кто-нибудь, с кем я могу это обсудить?

— Пожалуйста, выйдите из очереди. Спросите у служащего все, что вы хотите узнать.

Модьун, который во время получения своего «приговора» краем глаза наблюдал, как Банлт прошел мимо служащего по повесткам, и задержался лишь, чтобы задать краткий вопрос, выпрямился и поспешно прошел к тому же выходу. Выйдя в коридор, он осмотрел людей вблизи и вдали в поисках Банлта.

И не увидел его.

Он, наверное, убежал и совершенно забыл о моей просьбе. Очень плохо.

Покачав головой, как это иногда делал Руузб, Модьун повернулся, чтобы вернуться в комнату судебных заседаний. Но вход преградил служащий по судебным повесткам.

— Вы должны иметь повестку, чтобы войти в комнату заседаний, сэр, — вежливо сказал человек-гиена.

Модьун объяснил, что случилось, и показал листок с приговором. Страж у двери, потому что именно этим сейчас занимался этот человек-гиена, покачал головой:

— Сожалею, сэр, но у меня нет указаний пропускать кого-либо без повестки.

— Хорошо, — сказал Модьун. Он отступил назад, посмотрел на создание, загородившее проход, и подумал:

«После всего, все судопроизводство — пародия. Было бы смешно спрашивать о нелогичности одного аспекта, когда вся процедура несправедлива».

Но Модьуна волновали еще некоторые детали. Вслух он сказал:

— Не могли бы вы сказать мне, какого рода приговоры выносятся здесь? Например, тому человеку-крысе, который вышел передо мной. Какое наказание он мог получить за то, что сделал? За кражу автомобиля.

Страж у двери выпрямился в полный рост.

— Сэр, те из нас, в ком есть внутренняя сила, чтобы управлять, имеют также и сострадание, поэтому много лет назад издали декрет, что о наказании, которое выносит суд, сообщают только тому, кого наказывают, — сказал он.

Модьун запротестовал:

— Я не понимаю, какую ценность имеет тайна для человека, которого неправильно наказали.

Страж оставался спокойным.

— Пожалуйста, отойдите в сторону. Вы мешаете работе суда.

Это была правда, потому что в этот момент подошел еще один человек-животное с повесткой. Модьун отступил, постоял в нерешительности, потом пошел к лифту.

Он провел день в суде, и теперь настало время отбывать срок наказания, — по крайней мере, пока не приедет Судлил.

10

Когда автомобиль с визгом остановился, Модьун увидел женщину, которая стояла возле кустов. Частично они скрывали ее. Он только мельком взглянул на нее. Так как он опоздал и, следовательно, был виноват, он выпрыгнул из автомобиля и подбежал к ней. Модьун пытался успеть обернуться за час, потому что не мог слишком надолго отлучаться из своего дома-тюрьмы.

Хотя Модьун пропустил поход в столовую, чтобы иметь в своем распоряжении больше времени, он понимал, что уже опоздал. Поэтому — быстрей.

Посадить ее в автомобиль и — в город.

Он думал так, карабкаясь на небольшой холм к кустам, где она ждала его. Тут он увидел Экета. Насекомое-ученый был на высоте сто пятьдесят метров над долиной и несомненно возвращался назад за барьер.

Модьун остановился и сконцентрировал мысли на насекомом. Он поприветствовал насекомое и получил в ответ вежливое приветствие. Потом он передал сообщение для других людей.

В своем мысленном отчете он кратко описал, что он обнаружил. Изменения в программировании компьютера. Новый статус людей-гиен. То, что Нунули завоевали Землю от имени отдаленного комитета.

Его слова предназначались только в качестве информации. Очевидно, интерес к таким подробностям среди настоящих человеческих существ будет незначительным. Может быть, у нескольких даже вызовет приятное возбуждение. Возможно, Дода получит удовольствие и удовлетворение от результатов эксперимента, который так сильно критиковали. (Несколько мужчин особенно критиковали его за то, что он вовлек Судлил в свои опыты). Тем не менее, было сомнительно, что кого-нибудь еще можно будет

уговорить обрести тело, которое функционирует самостоятельно, со всеми унизительными потребностями живого тела.

Произнося заключительные слова своего отчета, Модьун учел такую возможную реакцию тех, кто остался за барьером.

Через Экета он передал:

— Так как Судлил и я вынуждены еще три года терпеть мучения существования в полном теле — два из них здесь, — я бы предложил, чтобы вы разрешили нам самим принимать решения, связанные с вышеуказанным положением дел.

Так закончилось сообщение. Хотя связь была краткой по времени, Модьун понял, что женщина ушла из поля его зрения. Только мгновение он колебался. Он посмотрел на подернутую дымкой долину, где быстро исчезало насекомое-носильщик.

В эту минуту его волновало то, что он передал неправду. Правдой было, что он не мог справиться с ситуацией и сомневался, что Судлил захочет помочь ему решить проблему.

Ощущение обиды на самого себя рассеялось. Потому что ничего не случилось. Что могут сделать Нунули против людей? Кажется… ничего. С этой мыслью он начал обходить кусты. Обошел.

Остановился. Посмотрел.

— Господи, — подумал он.

Судлил стояла рядом с большой дорогой, наблюдая за непрерывным движением. Она была лишь в тридцати метрах от него и сначала не показала, что видит его. Модьун пошел вперед — и она повернулась к нему. Немедленно. И это удивило его.

Ее живость! Совершенно поразительно! Она улыбалась, когда смотрела на него. Это была электризующая великолепная улыбка. Судлил стояла, одетая экстравагантно

— в брюки и рубашку. Ее золотые волосы ниспадали на плечи. Ее синие глаза были такими яркими, что, казалось, сияли собственным светом. Губы были полуоткрыты, и создавалось общее впечатление яркой индивидуальности на грани… чего?

Модьун не знал. Он никогда не видел женщину, которая была человеческим существом и полного роста. Ее внешность оказалась такой неожиданной из-за того, что несколько недель назад, когда Модьун в последний раз видел Судлил, ее размеры были значительно меньше. И она выглядела немного неповоротливой, что Дода относил на счет слишком быстрого роста клеток. И, конечно,

лекарств.

Все это прошло.

Судлил излучала здоровье. Все ее тело и лицо трепетало. И это продолжалось, не прекращаясь ни на минуту! Это прекрасное создание сказало приятным голосом:

— Экет поручил мне передать твое сообщение остальным.

Потом женщина добавила:

— Значит, есть проблемы?

Тут Модьун заговорил:

— Отчасти, — ответил он торопливо. — Пойдем в машину, и я все расскажу.

Теперь Модьун заволновался. Он, действительно, опаздывал к себе домой, и чем раньше они отправятся в путь, тем лучше будет его положение.

Судлил не пыталась возражать. Модьун посигналил свободной машине. Они сели, и он начал рассказ о том, как его по ошибке приняли за обезьяну; как он позволил неправильно идентифицировать себя из любопытства и о том, что он должен находиться под арестом в своей комнате в наказание за то, что получил квартиру под чужим именем.

Когда Модьун закончил отчет, Судлил сказала:

— Твой приговор действует двадцать дней?

— Да.

— А прошло восемнадцать?

— Да.

Он ответил растерянным тоном, потому что казалось, что она что-то решила.

— Ты думаешь, важно, чтобы прошло точно двадцать дней? — спросила женщина.

— А ты как думаешь?

— Ну, им нужно двадцать дней, чтобы закончить какие-то приготовления, связанные с тобой, и они хотят, чтобы ты не мог действовать в течение этого времени.

Совершенно новая мысль. Но Модьун быстро понял ее скрытый смысл. Он сказал:

— Что же такое они могут сделать за три недели, что нельзя сделать за три дня?

Он помолчал, а потом добавил:

— Я предполагаю, что получил приговор в соответствии с преступлением.

— Значит, ты думаешь, что некоторые животные неправильно называют себя?

После глубокомысленной паузы Модьун понял, что не верит ничему подобному и что он сомневается, что кого-либо раньше наказывали за такое «преступление».

Помедлив, он сказал:

— Странно, но на самом деле, что они могут сделать? Что может сделать их комитет?

Выражение лица Судлил стало таким, словно она старалась переварить трудную мысль. На слова Модьуна она ответила сияющей улыбкой. Судлил была прекрасна.

— Правда, — согласилась она. — Значит, действительно, нет проблем. Я просто полюбопытствовала.

То, что она отстранилась от проблемы после того как высказала такую хорошую мысль, не удовлетворило Модьуна полностью. Это напомнило ему, как быстро бежит время.

— Что касается всего остального, — сказал он, — то я решил не делать ничего такого, что может создать дальнейшие проблемы.

— Это кажется очень разумным, — ответила женщина.

Ее ответ был таким добродушным, что, казалось, настал благоприятный момент, чтобы выразить свою точку зрения. Поэтому Модьун пересказал ей, что ему рассказал Нунули, и назвал Землю захваченной планетой.

— Давным-давно, прежде чем человеческая раса достигла нынешнего высокого уровня, это

заставило бы меня объявить войну и изгнать захватчика из нашего общества, — сказал он. — У меня ощущение, что они победили хитростью и что такие хитрости показывают их ужасный упрямый характер. Им нельзя позволить преуспевать. Но, как сказали бы мои друзья-животные (и ты должна согласиться с этим), это все проходящее.

— Я согласна, — сказала женщина.

— Поэтому, — закончил Модьун свою мысль, — мы должны пожить здесь еще несколько дней в качестве обезьян, чтобы не вызвать раздражение людей-гиен.

Последовала небольшая пауза. Автомобиль монотонно гудел, его резиновые шины пели. Потом Судлил сказала с необычной интонацией:

— Но я не обезьяна!

Модьуна немного удивил ответ. Это казалось очевидным, и ему самому никогда не пришло бы в голову поднимать этот вопрос. Он сделал то, что раньше не считал нужным: мысленно он подумал, что же такое он сказал ей, что вызвало такое замечание. И не нашел ответа. Его рассказ был исключительно рациональным. Он четко объяснил свое затруднительное положение и то, как он собирается выйти из него.

Судлил продолжала:

— У вас, мужчин, бывают очень странные идеи. Очевидно, на этот раз мы должны приехать как люди, и это автоматически решает предыдущую проблему. Давай это обсудим.

Модьун продолжал сидеть рядом с Судлил с несчастным видом. С ее логикой было что-то не так, но тон ее голоса означал, что обсуждение вопроса закончено. Так как он действовал по принципу полного уважения к ее точке зрения или к точке зрения любого другого человека, то все было решено.

Их молчание прервалось двадцатью минутами позже. Судлил смотрела из окна автомобиля. Вдруг она указала пальцем и спросила:

— Что это?

Взгляд Модьуна последовал за ее пальцем. Там, вдалеке было какое-то сооружение. Над равниной поднималась такая большая конструкция, каких Модьун еще не видел. Он успел только взглянуть на ее основные контуры, прежде чем автомобиль промчался мимо узкой расселины в крутых холмах, и огромное сооружение скрылось за ними. Тем не менее Модьун увидел достаточно.

— Это, должно быть, космический корабль, — сказал он.

Он рассказал о своих четырех друзьях-животных и их скором отлете к далекой звездной системе.

Модьун продолжал нежным тоном, описывая, как в день вынесения приговора четверо его знакомых людей-животных робко пришли к его двери, чтобы узнать, какое наказание он получил. И какое облегчение они почувствовали, когда узнали, что в приговоре ничего не сказано о том, что с ним нельзя общаться.

— Они ходили со мной есть, — сказал он, — и навещали меня. Кроме сегодняшнего дня, потому что они сегодня получают аппаратуру для путешествия.

Судлил ничего не сказала на это, она слушала равнодушно. Это был дружественный нейтралитет. И позже, когда автомобиль въехал в город, Модьун показал ей разные достопримечательности: квартиры для приезжих, дома, где жили постоянно, столовую, улицу с магазинами… Он понимал, что не может сдержать свои чувства. Сейчас его беспокоило то, что он испытывает гордость, словно человек, который знает такие мелочи, лучше того, кто не знает. Однако, его удивил интерес Судлил к этим подробностям. Как и следовало ожидать, ее внимание, наконец,

переключилось на жилье, которое в давние времена предназначалось для людей.

— Ты думаешь, что его все еще не используют? — спросила она.

— Посмотрим, — ответил Модьун. Он показал на склон холма впереди. — Это здесь, справа.

Дом, который выбрала Судлил, имел сады, террасами спускающиеся вниз до самого здания, которое представляло собой пять овалов, входящих один в другой. Каждый овал был другого цвета, и общий эффект получался поразительный. Женщине понравился его вид. Так как это она решила приехать в одно из этих мест, Модьун не спорил. Он представился автомобилю человеческим именем и дал команду отвезти их вверх по крутой дороге к главному входу.

Когда они выбрались, машина немедленно уехала. Они остались возле дома.

11

Они прибыли точно на место назначения, но Модьун еще колебался.

«Должен ли я согласиться с ее решением?» — спрашивал он себя.

Конец его обезьяньего существования?

Хозяин Нунули предостерегал против этого.

И Модьуна волновало то, что глупые животные могут быть настроены против человеческих существ. Тогда им придется решать, до какой степени использовать способы защиты.

Модьун обернулся к женщине, чтобы спросить, думала ли она об этом. И увидел, что она идет к прелестному забору в конце дороги. За забором был крутой обрыв. А ниже простирался город Галли; он раскинулся дальше, чем Модьун представлял себе раньше. Женщина прислонилась к забору и посмотрела вниз. Модьун остался на прежнем месте, но и отсюда была видна большая часть того, что видела она.

Теперь он заметил кое-что, чего не замечал раньше, — самый высокий дом. Люди стояли на вершине холма, и вид, открывшийся перед ними, был поразительным. Даже крыши далеких небоскребов были ниже того места, где стоял Модьун.

Он подумал: «Может быть, ей нравится не разнообразие красок, а высота».

На него вид произвел должное впечатление.

Ему пришло в голову, что, как опытный человек, он должен что-то делать.

Что?

Он огляделся. Автомобиль довез их до дома. Дорога шла мимо и поворачивала вправо за дом.

Очевидно, она шла по кругу, потому что автомобиль появился дальше внизу и помчался назад по той же дороге, по которой приехал.

Модьун внимательно посмотрел на дом. Если тот занят, то этого не видно. Вблизи ни звука, ни движения. Нет, звук все-таки был. Полуденный ветерок шелестел кустами. Опавшие листья с шуршанием неслись по вечной пластмассовой дороге. Неожиданно громко запел жаворонок.

Модьун направился ко входу. Он чувствовал, что женщина оглянулась. Модьун назвал свое настоящее имя дверному компьютеру, и Судлил пошла к нему. Модьун нажал защелку. Когда замок открылся, он толкнул дверь. Оглянувшись, он шагнул к женщине и одним движением поднял ее.

Его удивил ее вес, но он дал мускулам команду увеличить усилие и без труда перенес ее через порог.

У него лишь чуть-чуть перехватило дыхание, когда он опустил Судлил на пол и поддержал, чтобы она восстановила равновесие. Судлил сказала удивленно:

— Что это значит?

— Свадебная церемония, — спокойно сказал Модьун.

Он объяснил, что во время ареста смотрел по телевизору несколько драм, и в заключение добавил:

— Фильмы наскучили мне, и я перестал их смотреть. Но пары животных делали так. — Он пожал плечами, как часто делал Дуулдн. — Я запомнил некоторые детали.

— Значит, я теперь твоя жена? — заинтересованно спросила Судлил.

— Да.

— Ну, — неуверенно сказала она, — я думаю, что при таких обстоятельствах…

— Конечно, — сказал Модьун, — так как мы собираемся заниматься сексом.

Она кивнула и отвернулась.

— Посмотрим, как выглядит дом людей через три тысячи лет.

Модьун не возражал. Он шел за ней из комнаты в комнату, и все здесь выглядело намного красивее, чем описывали обучающие машины. К трем спальням примыкали ванные. Стофутовая гостиная. Большая столовая. Кабинет. Несколько небольших спален для животных с отдельными ванными, две комнаты, назначение которых было неясно, и столовая с автоматическим оборудованием.

Машины не могли передать красоту мебели. Все было сделано из неразрушающихся пластмасс и очень искусно. Форма поверхностей по-разному отражала свет. Давно умерший мастер добился, чего хотел: мерцающее палисандровое дерево в одной спальне; впечатление старины — в другой. Небольшие резные диваны из тикового дерева в большой комнате. В той же комнате были удобные кожаные кресла и пышные китайские ковры и драпировки, которые выглядели гобеленами.

Молодожены ходили из комнаты в комнату, и Судлил чувствовала, что всем довольна. Наконец, они пришли в столовую, и Судлил сказала многозначительно:

— Нам даже не нужно выходить из дома, чтобы поесть.

Модьун понимал ее. Но ему казалось ошибкой не обратить ее внимание на отрицательные аспекты.

Женщина продолжала:

— Как ты знаешь, во время роста мы подверглись некоторой необходимой деградации. Еда и последующее избавление от отходов. Качественный сон, который требует времени. Необходимость стоять и сидеть — это все неприятно. Но, тем не менее, мы здесь. Поэтому можно делать

все эти вещи по крайней мере в уединении нашего жилища.

Модьун медлил:

— Мы должны помнить, что Нунули, вероятно, теперь знают, где я нахожусь, и, может быть, узнали, что ты тоже здесь.

— С исторической точки зрения, — сказала Судлил, — понятно, что эти вопросы не касаются женщин. Так как мы вернулись на более низкий эволюционный уровень, ты тоже не должен думать о таких деталях.

Модьуна вдруг осенило. Судлил всегда ценили за женскую точку зрения. И, очевидно, у нее было время, чтобы обдумать свое новое состояние. Теперь она демонстрировала новую философию. Интересно. Но она не учитывала, что, если Нунули займутся ею, то их давление на нее будет таким же сильным, как и на него.

Женщина заглянула в несколько шкафов. Наконец, довольная, она посмотрела на Модьуна.

— Мы осмотрели дом, — сказала она. — Что мы будем делать дальше?

Модьун объяснил, что он хотел, чтобы они совершили кругосветное путешествие. Но он предполагал, что они подождут несколько дней, — он хотел подождать, пока не истечет

срок его наказания, но не сказал этого прямо. Судлил терпеливо слушала, пока он говорил, а потом сказала:

— Хорошо, но, что мы будем делать сегодня?

Модьун не растерялся, он просто приспосабливался к тому, что ей необходимо чем-то заниматься.

— Мы можем заняться такими же философскими рассуждениями, как вели за барьером, — сказал он.

Она прервала его дрожащим голосом:

— Мысли не имеют особой ценности для этого тела.

Модьун продолжал:

— Мы можем посидеть, полежать, почитать книги о животных в кабинете, а потом пообедать. А потом, может быть, посмотреть телевизор. А потом, конечно, пойти спать.

— Ты имеешь в виду, просто посидеть?

Поразительная реакция. Когда она говорила, то видела его лицо. И должна была понять, что для него это тоже проблема. Помедлив, она сказала:

— Я чувствую в своем мозгу… возбуждение. Как будто все эти нейтральные отделы, которые контролируют движение, подвергаются влиянию каждого моего взгляда и особенно звука. То же

происходит при прикосновении к моим ногам, когда ветерок гладит мою кожу. А обоняние и вкус заставляют меня чувствовать себя неловко. Но я хочу двигаться.

Она посмотрела на него.

— Хорошо?

Модьун терпеливо улыбался, пока она не закончила.

— Ты могла заметить, что эти чувства усилились после того, как ты вышла за барьер. Прекрасно и знакомо. Пути нервных импульсов давно проложены. Но здесь, — он посмотрел вокруг, — дом, город, люди — все новое и возбуждает, несмотря на то, что это обычные вещи. Ты должна понять: это импульсы тела, а тело должно управляться философски идеальным разумом. Закрывай глаза как можно чаще. Если это не помогает, то вставай и танцуй, как животные. Во время ареста я часто делал это, особенно, если звучала определенная музыка.

По выражению ее лица Модьун видел, что его слова вызвали в ней реакцию сопротивления, подобную той, которую она обнаружила, столкнувшись с обонянием и осязанием. Тогда он поспешно добавил:

— Может быть, у тебя есть предложения?

— Почему бы нам не заняться сексом? — ответила она. — У животных это обычно занимает около полутора часов. Так мы проведем время до обеда. А после того как мы поедим, можно будет решить, что делать вечером.

Модьуну казалось, что сейчас неподходящее время для секса. Почему-то он считал, что сексом занимаются поздно вечером или рано утром. Но он уже установил, что большое тело было для Судлил слишком сильным переживанием.

«Ну, хорошо», — подумал он.

Когда он вел ее через самый длинный овал в самую большую спальню, он добродушно заметил:

— Дода верит, что исторически, пока мы окончательно не стали людьми, только некоторые святые люди могли вообще обходиться без полового акта. Очевидно, что бы ни сделали Нунули, они создали в человечестве это святое свойство; я полагаю, что это слово как-то связано с примитивной философией. Не занимаясь сексом, мы отличались от людей-животных и смогли подняться до настоящих людей.

Когда он закончил, у него появилась другая мысль.

— Твои гениталии, — спросил он, — очень похожи на половые органы женщин-животных?

— Я никогда не проводила подробное сравнение, — ответила Судлил. — Внешне, по первому впечатлению, да.

— Я взял на себя труд, — сказал Модьун, — исследовать нескольких самок. Я мог бы сделать точный беспристрастный анализ.

— Хорошо, — сказала женщина.

— Очень похоже, — ответил он через несколько минут.

— За исключением одного, — продолжал он, — животные-женщины выделяют большое количество масла. А у тебя я его не обнаружил.

— Я заметила, что в тебе нет признаков жестокости, которая наблюдалась у самцов, которых мы видели. Помнишь? — сказала Судлил.

— Может быть, это явление возникает, как следствие активности, — сказал он.

— Давай лучше начнем.

Попытка заняться сексом вскоре поставила обоих в тупик. Они вертелись в постели, были слегка шокированы физическим соприкосновением с кожей друг друга, вздрагивали, отступали, но решительно не проявляли любопытства. Наконец, обескураженные, они отодвинулись друг от друга.

Вскоре Модьун заметил:

— Кажется, животные находятся в особом состоянии возбуждения. Действительно, тогда присутствовал неприятный запах. У нас не было такого возбуждения, и я чувствовал только слабый запах пота.

— Когда твои губы были против моих, — сказала женщина, — ты выделял слюну, она увлажняла мой рот и это было очень неприятно.

— Я думаю, было бы нелепо, если бы сухой рот касался сухого рта, — оправдывался Модьун.

Она ответила не словами, а подвинулась к краю кровати, опустила загорелые ноги на пол и села.

Она начала одеваться. Через минуту на ней были брюки и блузка. Когда она наклонилась, чтобы обуть туфли, сделанные из кожи животных, она сказала:

— Так как это заняло меньше времени, чем я думала, я прогуляюсь. Что ты будешь делать?

— Я полежу здесь с закрытыми глазами, — сказал Модьун.

Пока он говорил, она прошла в дверь и исчезла. Он слышал ее удаляющиеся шаги по толстому ковру, потом далекая входная дверь открылась и закрылась.

Прошло немного времени.

Когда спустились сумерки, Модьун оделся, про-

шел в столовую и поел. Потом, удивленный, он вышел из дома и огляделся в поисках женщины. Он видел дорогу, которая поворачивала внизу к городу. Вся дорога не была видна с того места, где он стоял, но на улице зажглись огни, и он видел, что Судлил нигде нет.

Модьун вспомнил ее отказ питаться в общественной столовой и подумал:

— Она скоро проголодается и появится.

Он вернулся в дом и лег; он начал привыкать к этому во время ареста. Через несколько часов наступило время идти спать.

Судлил все еще не было.

«Ну...» — думал он. Но терпел. Очевидно, женщина решила исследовать город в первый день. Он вспомнил ее потребность в движении. Очевидно, это чувство продолжало управлять ею.

Он разделся, лег в постель и уснул.

Где-то темной ночью раздался взрыв.

12

В долю секунды катастрофы все человеческие существа, находившиеся за барьером, автоматически выдали массовое мысленное сообщение, что делать. Модьун получил это сообщение.

Каждый из людей автоматически сразу осознал

угрозу и две альтернативы: сопротивляться или нет. И невероятным было то, что никто, кроме Модьуна, не смог решить такие вопросы.

Его политика пассивного принятия правил людей-гиен и Нунули была единственной определенной мыслью. И во время роковых миллионных долей секунды, когда они еще могли бы что-то сделать, эта предписанная схема поведения смешалась с тем, что в другое время могло оказаться естественной реакцией.

Какой бы была эта естественная реакция, никто никогда не узнает. Мгновение, когда еще что-то можно было сделать, пролетело слишком быстро для того, чтобы единое психическое пространство успело отреагировать.

И это мгновение ушло навсегда.

В предпоследний момент появился слабый намек на то, что все люди просто сказали друг другу: «Прощайте, дорогие друзья», а потом…

Мгновенная ночь.

Модьун сел на кровати и сказал:

— Боже милостивый!

Пока он произносил эти слова, он вскочил с кровати, включил свет. И когда стал что-то понимать, он уже стоял в ярко освещенной гостиной. Потом он осознал, что его правая нога дергается

и что он чувствует слабость. Его ноги и бедра отказывались двигаться, поэтому он опустился на пол, повалился на бок, ноги его подергивались, и он весь дрожал.

В это время ему было даже трудно смотреть. Перед глазами от напряжения появилось пятно.

— Ради Бога, что происходит?

Он почувствовал жар. Его глаза, лицо, тело стали теплыми, потом горячими. Это было удивительно и происходило автоматически.

Вода. Ему страшно хотелось воды. Спотыкаясь, он прошел в столовую. Стакан, который он держал, дрожал в руке. Он держал его, расплескивая содержимое, потом поднес стакан к губам. И тогда он почувствовал его прохладную влагу, которая текла по подбородку, на обнаженную грудь, а потом по ногам.

Благодаря влаге и прохладе к нему вернулся рассудок, и он смог осознать свои чувства.

Гнев.

Это мгновенно указало самое важное направление: главная мысль захватила свободно плывущие ощущения его разума.

Так как им двигала ярость, он побежал назад в спальню и впопыхах набросил на себя одежду. Облачение в одежды задержало его. В нем росло

бешенство. Наконец, Модьун выскочил из дома и побежал вниз по дороге.

Когда он подбежал к шоссе и к нему подъехал незанятый автомобиль, Модьун с опозданием понял, что не чувствовал мозга Судлил в общем течении мыслей в момент катастрофы. Всю дорогу он ощущал ее отсутствие, которое обескураживало его.

13

За исключением огней на улице и ярко освещенных зданий вокруг царила кромешная тьма. Автомобиль Модьуна остановился перед компьютерным центром.

Модьун медленно выбрался из автомобиля. Его бурная внутренняя реакция значительно ослабела. Он даже начал критически оценивать свое положение.

Его реакция казалась ему полудетской.

Тем не менее он целеустремленно вошел в здание. Хотя, в действительности, он не представлял себе ясно, как собирается действовать после того, что случилось.

Нунули, который вскоре появился из-за машин, был не тем существом, с которым Модьун разговаривал раньше, и Модьун сразу это понял.

— Я прибыл на Землю через несколько минут после взрыва и пришел прямо сюда,

— сказал новый индивидуум в ответ на вопрос Модьуна. — Я решил, что вы тоже придете прямо сюда.

Нунули стоял на открытом месте перед небольшим металлическим ограждением, которое защищало гигантский компьютер у него за спиной. Этот Нунули даже физически отличался от предыдущего. Был выше. Немного сутулый. Может быть, более старый.

Открытие, что здесь новичок, который, вероятно, не отвечает непосредственно за то, что случилось, на некоторое время сдержало ярость Модьуна, которая уже стала меньше. Вдруг возникла необходимость расставить все по своим местам.

— Что случилось с первым номером? — спросил Модьун.

— Он уехал поздно вечером с женщиной, — был ответ.

— До взрыва? — в голосе Модьуна отразилось удивление.

— Конечно, — раздраженно сказал Нунули. — Взрыв организовал специальный агент комитета.

Наконец, Модьун узнал то, что хотел.

— А где он? — настойчиво спросил Модьун.

— Он отбыл примерно через тридцать секунд после взрыва.

Нунули помолчал.

— Синхронность действий, — продолжал он, — была выбрана так, чтобы никто из нас не знал, что собирается делать другой. В таких случаях отмечается непогрешимая логика комитета.

— Да, — только и сказал Модьун, — а какова ваша роль во всем этом?

— Я заместитель Нунули, хозяина Земли.

Все это поставило Модьуна в тупик.

— Эта история приводит меня в замешательство, — сказал Модьун. — Я чувствую, что должен сделать что-то вам лично.

Если Нунули и был взволнован смыслом его слов, то не показал этого.

— Что, например? — спросил он раздраженно.

— Наверное, я должен подвергнуть вас какому-нибудь наказанию.

— Какому?

— Есть старая поговорка, — сказал Модьун. — «Око за око».

— Мне кажется, что это противоречит вашей философии. И, кроме того, разве это может при-

вести к чему-либо хорошему? — нетерпеливо продолжало существо.

— Правда.

Модьун был в замешательстве.

Ощущение, что он должен что-то сделать, быстро уступило место очевидной логике ситуации.

Нунули продолжал:

— Дело в том, что они даже не пытались защищаться. Почему вы считаете, что обязаны предпринимать какие-то действия?

— Ну… — колебался Модьун.

Он печально думал о собственной роли в том, что человеческие существа отказались действовать. Ему было трудно судить о таком сложном событии, потому что его терзали сомнения: не отвечал ли он полностью за их колебания в критический момент? Сможет ли он избавиться от этого ощущения?

Среди прочих вещей это в некоторой степени переносило часть ответственности с Нунули на него. И хотя это было несомненно нелепо, правда заключалась в том, что так как бедствие случилось, в будущем не должно быть места упрекам.

Вдруг он заметил, что обдумывает другие аспекты дела.

— Что побудило комитет сделать это? — спро-

сил он.

— Первый номер сказал вам. Вы угрожали, что станете нам мешать.

— Но это я. А не они, не те, кто жил за барьером. Разве логично нападать на тех, кто даже не помышляет о выходе?

— Откуда мы можем знать, о чем они думают? Вы вышли, — продолжал Нунули. — Прежде всего комитет знал, что остатки человеческой расы могут причинить массу неприятностей. Поэтому они нашли лучшее решение.

— Я полагаю, то, что вы говорите, имеет смысл с вашей точки зрения, — с неохотой согласился Модьун. — Но вы, так же, как и их намерение, беспокоите меня. Возникает вопрос: должно ли существо, подобное вам, связанное с комитетом, иметь свободу действий, чтобы совершать разрушительные поступки, на которые вы, очевидно, способны? Вы позволили бы свободу передвижения существу в данном случае?

— Какие еще примеры вы можете привести? — спросило существо.

Модьун мог думать только об одном сравнении.

— Ваши дураки, люди-гиены, изводили меня. Это наводит на мысль, что прежний хозяин Ну-

нули замышлял что-то против меня.

— Гм… — Казалось, создание размышляло. Блестящее серое лицо немного вытянулось.

— Я скажу вам вот что. Все издевательства должны прекратиться. Остаток вашего приговора отменяется. Вы можете делать все что угодно, идти на Земле куда хотите.

— Это меня не удовлетворяет, — заявил человек. — Но я думаю, это лучшее из того, что возможно при данных обстоятельствах.

— Очень хорошо. Вы свободны и можете путешествовать по всему миру в качестве обезьяны.

— Значит, есть ограничение? — спросил Модьун.

— Очень небольшое. Какой смысл последнему человеческому существу на Земле заявлять о том, кто он есть?

Модьун должен был согласиться, что это, действительно, не очень нужно.

— Но осталось еще одно человеческое существо, — возразил он. — Женщина Судлил. Вы сказали, что она покинула планету прошлой ночью?

— Как объяснил член комитета, который занимался всем этим делом, — сказал Нунули номер два, — смысл заключается в том, что, если только

первый номер знает, где находится женщина, а он отправился в другой конец Вселенной, чтобы никогда сюда не вернуться, вы не можете проследить за ней.

Модьун стоял на металлическом полу компьютерного центра с высокими потолками и сквозь подошвы ботинок чувствовал вибрацию металлических плит. В его мозгу возник импульс другого рода со своей интенсивностью. Наконец, он сказал:

— Интересная проблема.

— Неразрешимая, — поддержал его Нунули.

Торжество Нунули оскорбило Модьуна. Но человек осознал его как реакцию тела, словно его часть стремилась разрешить проблему. Но, конечно, это была неправда. Зачем решать проблему, которую нельзя решить? Судлил покинула дом и, очевидно, вскоре после этого поднялась на борт корабля. События развивались обескураживающе, поэтому Модьун и догадался, что Судлил не планировала делать это.

— Может быть, самым простым решением было бы, если бы вы узнали для меня, где она, и сказали мне, — сказал он громко.

— Не может быть и речи, — отрезал Нунули.

— В чем причина такого отказа?

— Вы мужчина. Она женщина, — ответил Нунули. — Было бы смешно, если бы мы разрешили вам спариваться и рожать детей. Поэтому она улетела туда, где нет мужчин, а вы остались здесь.

Модьун отверг возможность того, что Судлил когда-либо разрешит осуществиться репродуктивному процессу. Его внимание переключилось на другую мысль. Он сказал:

— Первый номер действительно мог захватить ее и поместить на борт корабля?

— Нет.

На сероватом, гладком, как стекло, лице существа движением мышц отразились эмоции. Модьун оценил это как самодовольное смешное превосходство.

— Согласно моему пониманию, она оказалась очень доверчивой и, естественно, не могла проникнуть в глубины мозга моего предшественника, — сказал Нунули. — Поэтому, когда он предложил ей посетить один из скоростных кораблей комитета, она поднялась на борт, ничего не подозревая. Даже, когда она почувствовала, что корабль стартовал, она осталась беззаботной. Об этом позже сообщил командир.

Модьун успокоился.

— Ну, конечно, — продолжал Нунули. — Одно

место столь же хорошо, как и любое другое. Это как раз то, чего вы, люди, не можете понять.

Теперь интерес Модьуна угас.

Он сказал:

— Я вижу, что вы хотели причинить вред ей и мне, но, к счастью, человеческая мысль превзошла ваше зло и не допустила ничего подобного. Итак, Судлил на корабле, и ее куда-то везут. В будущем, когда вы лучше будете оценивать реальность, тогда вы узнаете для меня, где она.

— Повторяю, что этого не будет никогда, — ответил инопланетянин.

— Я предполагал, что вы можете это сказать, — сказал Модьун. Он отвернулся, безразличный ко всему. — Я имею некоторые обязательства по отношению к ней, поэтому могу в будущем настаивать на том, чтобы мне сообщили о ее местонахождении.

— Это не приведет ни к чему хорошему, — сказал новый хозяин Нунули. — Я не знаю, где она, и комитет издал специальные инструкции о том, чтобы такая информация никогда не попала ко мне. Поэтому я не смогу помочь вам, даже если захочу. А я не хочу. На этом завершим наш спор. Если у вас нет других вопросов.

Модьун не мог ни о чем думать.

14

Снова на улице. Еще темно. Но теперь рассветало, и покрытого облаками неба коснулись первые лучи. Модьун шел по тротуару, где было пусто. На улице, конечно, были автомобили. Все, которые он видел, были свободны. А что еще они могут делать ночью, кроме как продолжать двигаться на случай, если кто-нибудь захочет воспользоваться их услугами. Для этого они предназначены.

Модьуна волновали три вещи. Первое — то, что он не знал точно, что он должен чувствовать. Второе — то, что его тело было не в хорошем душевном состоянии. Но третьим было то, что его ум спокоен.

Он понимал, что Судлил — самка его породы. С ее приездом ему вдруг пришлось считаться с реальностями другого существа, и через каких-нибудь пару часов ему с ней стало скучно.

Когда-нибудь, без сомнения, они будут вместе и станут обсуждать будущее людей. Но едва ли в этом есть крайняя необходимость.

«Я думаю, что прямо сейчас я должен лечь в постель и уснуть, что столь необходимо телу. А утром я смогу решить, что делать дальше».

Когда он остановил автомобиль, ему пришло

в голову, что он больше не интересуется кругосветным путешествием. Потому, что это нужно было для блага тех, кто оставался за барьером… а сейчас в этом не было смысла.

Итак, что же дальше?

Помня об одном ограничении, которое установил Нунули, — держать в секрете свое человеческое происхождение (а почему нет?) — он направил автомобиль к квартирам для приезжих. Потом откинулся на спинку сиденья и подумал:

«Раз член далекого комитета проявляет непосредственный интерес… Невероятно. И все же об этом заявил Нунули».

Непосредственный интерес к маленькой планете (Земле) в слабо заселенном — с точки зрения количества солнц — наружном конце Млечного Пути… Тут Модьун понял, что существует заговор против двух людей: против Судлил и него. Это казалось невозможным.

Член комитета мог советовать Нунули, конечно, если у него спрашивали совета, и их общая установка, безусловно, охватывала такие бесконечно малые (по их стандартам) единицы, как он. Нунули только проявляют старание — как и должна делать раса хороших слуг.

Единственное человеческое существо, паци-

фист и философ, безобидный, потому что хочет всех оставить живыми, он никогда не нанесет ответный удар, — такой человек не может представлять ни малейшего интереса для правящей галактической иерархии. На таком огромном расстоянии они даже не могут знать, что он существует. Любой совет, который они дают своим слугам, Нунули, не может, сам по себе, конкретно касаться того, против кого он направлен. Так должно быть.

Несмотря на безупречную логику, Модьун не мог окончательно согласиться с такими аргументами.

«Я подумаю об этом еще, позже».

Он вышел из автомобиля, когда дошел в своих рассуждениях до этого места. Когда он подошел к своей маленькой квартирке, то удивился, увидев, что человек-медведь, Руузб, сидит на ступеньках веранды. Красивый человек-животное полудремал, прислонившись к одной из поддерживающих перекладин.

Когда Модьун подошел, человек-животное открыл глаза, моргнул и сказал:

— Эй!

Его голос громко прозвучал в ночном воздухе. Человек-животное заметил это и, поднявшись на

ноги, тихо прошептал:

— Где вы были? Вы заставили нас всех волноваться.

Человек спокойно объяснил, что возникло кое-что, требующее внимания. Когда он закончил, Руузб взял его за руку и потянул к одной из квартир. Руузб постучал в ее дверь, и, когда сонный Дуулдн открыл, он подтолкнул Модьуна к человеку-ягуару и стремительно вышел, бросив через плечо:

— Я позову остальных.

Через пять минут они все собрались в квартире Дуулдна. И Руузб проворчал своим низким голосом:

— Друзья, у этой обезьяны не все дома, — он стукнул себя по лбу, — он нарушил условия своего заключения за два дня до истечения срока приговора. Завтра у него может быть много хлопот, а мы не сможем быть здесь, чтобы помочь ему.

Он повернулся к Модьуну. И его красивое лицо стало серьезным, когда он объяснял, что они вчетвером должны явиться на борт межзвездного корабля этим утром, до полудня. Взлет назначен на следующее утро.

Модьун удивился.

— Вы имеете в виду, что они собираются загру-

зить на борт миллион людей в один день?

Дуулдн заметил:

— В случае крайней необходимости они это могут. Но не делают. Они уже ведут погрузку в течение двух недель. Мы пойдем на корабль среди последних пятидесяти тысяч.

Руузб молча махнул своему другу рукой.

— Не отклоняйся от темы, — сказал он. — Вопрос в том, что мы собираемся делать с этой обезьяной? Он, кажется, ничего не знает.

Человек-лиса напротив пошевельнулся.

— Почему бы нам не взять его с собой?

— Вы имеете в виду, в космос? — испугался человек-медведь.

Потом он покачал головой:

— Это, наверное, нельзя.

— Нельзя по чьим нормам? — вступил в разговор Дуулдн. — Людей-гиен, которые захватили власть?

Он пожал плечами.

— Никто не заметит лишнюю обезьяну среди многих. Он только должен сказать, что потерял документы.

Внушающий страх человек-гиппопотам повернулся и посмотрел на человека:

— Эй, Модиунн, о чем вы думаете? Хотите пой-

ти?

В том, что происходило, Модьуна интересовало лишь их желание устроить заговор и помочь ему. Удивительно, что одна мысль, которую он им подал, идея о незаконном захвате власти, разрушила их преданность людям-гиенам. Сначала Руузб и Дуулдн, а теперь, очевидно, по прошествии времени Неррл и Иггдооз тоже — как это называется? — развратились. Всего на несколько минут маски были сняты. Еще не зная настоящей правды, они реагировали на малейшее открытие истины со злостью, уничтожая в себе прежнюю наивность и чистоту намерений.

Мысль Модьуна вернулась к знакомому преступнику, человеку-крысе, который был вынужден украсть, когда узнал, что руководители-гиены проезжают на автомобилях лишние сто ярдов до входных дверей своих домов. Человека-крысу возмущала эта привилегия.

Модьун подумал, что, действительно, им не много нужно…

Идеальное равновесие, которое оставил человек, когда уходил за барьер, было нарушено завоевателями Нунули. Очень плохо. Может быть, с этим можно что-то сделать.

Модьун увидел, что четыре пары сверкающих

глаз все еще с нетерпением смотрят на него, ожидая ответа. Это напомнило ему то, что он должен был сделать сначала.

— Я уйду на рассвете, — сказал он, — но вернусь сюда к девяти или к половине десятого. Не будет слишком поздно?

Они искренне заверили его, что не будет.

На рассвете он поехал туда, куда Экет принес его примерно месяц назад и где он встретил Судлил. У него в уме была картина местности и возможный путь, по которому автомобиль мог провезти его по бездорожью. Как он и ожидал, робот-автомобиль подчинился его человеческому имени.

Скоро Модьун стоял на холме и смотрел на то, что недавно было долиной, где тысяча людей жила в раю. Все исчезло: сады, соединенные каналы и пруды, прекрасные дома и площадки, которые образовывали центральную часть диаметром в милю. Остался лишь внешний край, где были дома насекомых и животных — слуг человека.

Там, где располагался маленький городок с остатками человеческой расы, теперь была выбита яма длиной в три мили, шириной в две мили и глубиной в полмили.

Если он собирается полететь в космос, то, мо-

жет, когда-нибудь он захочет поговорить обо всем с тем самым членом комитета…

Внезапно Модьуну показалось, что он, действительно, должен это сделать.

15

Модьун сначала не заботился о том, чтобы найти постоянную комнату. Отделившись от четырех друзей, которые должны были пойти в предназначенные для них помещения, он прогуливался по коридору и через некоторое время оказался у ворот; он стоял и оглядывал огромное открытое пространство.

Модьун быстро оценил, что диаметр этого помещения более километра, а высота потолков не менее ста метров. Везде, куда он смотрел, росли деревья, а вдали зеленело пастбище, и, конечно, тысячи людей-животных наслаждались видом открытого пространства. Идеальное место, чтобы провести первые несколько часов на борту звездолета. Модьун сделал шаг вперед, чтобы пройти через ворота, и обнаружил, что они заперты.

Вперед вышла женщина-животное. Она была изящно одета и напоминала обезьяну. Она посмотрела на Модьуна с высоты семи футов трех дюймов на его восемь футов и заявила:

— Эти огороженные места являются неприкосновенными. Когда на борту столько людей, открытые пространства должны использоваться лишь в определенные часы. Если вы назовете свое имя и номер комнаты, я запишу вас, чтобы вы могли прийти в назначенное время.

Неожиданно, но разумно. Так как у него не было комнаты, Модьун отрицательно покачал головой в ответ на ее предложение. Но он изучал женщину-обезьяну с неподдельным интересом.

— Вы из какой части Африки? — спросил он.

— Восточное побережье.

Она улыбнулась и стала очень привлекательной.

— Откуда приезжают такие красавцы? — сказала она. — Вы не хотите разделить со мной квартиру?

Модьуну стало интересно.

— Как это можно устроить?

Она восхитительно улыбнулась в ответ на его очевидное согласие.

— Если женщина может найти мужчину, это дает ей право на большую кровать. Их несколько в каждой общей спальне.

— Кажется, хорошая идея, — сказал Модьун. — Где эта спальня?

— Я запишу для вас, — нетерпеливо сказала она.

Он наблюдал, как она поспешно вынула из кошелька маленький блокнот и написала изящным почерком несколько строчек, вырвала листок и протянула ему:

— Вот.

Модьун взял записку, посмотрел и прочитал: «Палуба 33, секция 193, коридор Н, спальня 287». И была подпись: «Трольнд».

Он положил бумажку в нагрудный карман. Женщина-обезьяна спросила:

— Как вас зовут?

Он сказал: Модиунн, как произносили в Африке, и добавил:

— Увидимся, когда пора будет ложиться спать.

Наступил вечер. Поздний вечер. Пришло время идти по адресу, который дала ему Трольнд.

Ночью женщина-обезьяна разбудила Модьуна; она легла на него, когда он лежал на спине. Она была довольно тяжелой и, обдумав возможность позволить ей остаться лежать на нем без комментариев, Модьун нарушил молчание и сказал низким вежливым тоном:

— Вы проснулись?

— Еще бы, я проснулась, — сказала она спокой-

ным низким голосом.

— Это обычная манера спать у обезьян из вашей части Африки? — спросил он.

— Ради Бога, — сказала она. — Что за вопрос? Вы мужчина или пустое место?

Он не понял вопроса и сказал:

— Почему бы нам не обсудить загадки, вроде этой, утром? Именно сейчас я очень хочу спать.

Последовала долгая пауза. Затем, не сказав ни слова, женщина скатилась с него и отодвинулась в дальний угол кровати. Вероятно, она оставалась там, потому что больше ему спать не мешали. Когда он проснулся утром, Трольнд уже встала и что-то делала в дальнем конце спальни, где было зеркало.

Модьун начал одеваться. Он наклонился, чтобы обуть туфли, когда почувствовал, что пол под ним дрожит. Это было такое крупное событие, очевидно, растрачивалось столько энергии, что его мозг отметил факт без его сознательного распоряжения.

В голове замелькали картины.

Сначала он видел только волны в замкнутом пространстве. Видимый мир квадрильонов движущихся линий.

«Магнитно-гравитационные волны», — поду-

мал он.

Конечно, корабль должен соединиться с огромными магнитными и гравитационными полями Земли, чтобы его гигантская масса оторвалась от Земли.

Взлет. Очень легко. Просто. Ничего опасного.

Теперь картины… изменились. Он увидел лицо человека-гиены: офицер в форме с медалями сидел в большой комнате где-то на корабле. В комнате блестели механические приборы и другие гиены-мужчины в форме стояли перед приборными панелями.

Сцена поблекла; и на одно мгновение наложилось спокойное серое лицо Нунули, окантованное волосами, похожими на червей. Глаза существа, похожие на прозрачные серо-зеленые лужи, казалось, смотрели прямо в глаза Модьуна.

А потом и эта картина поблекла.

Модьун обулся и почувствовал удовольствие. Теперь, когда они отправились в космос, он мог пойти поесть. Он согласился не заходить в столовую весь предыдущий день и так и сделал, но для такого тела, как у него, диета была довольно затруднительным процессом. Теперь можно все исправить.

Он поднялся и подошел к женщине-обезьяне.

— Увидимся вечером, — сказал он весело.

— Вы не посмеете прийти сюда снова, — заявила женщина-обезьяна.

Модьун повернулся и посмотрел на нее.

— Я чувствую явную враждебность в вашем тоне, — сказал он. — Это меня удивляет, потому что я обращаюсь с вами очень вежливо.

— Я не нуждаюсь в такой вежливости, — последовал беспощадный ответ.

Он подумал, что ее раздражение связано с таинственным поведением прошлой ночью и спросил:

— Все дело в этом?

— Конечно, — ответила она резко. — Я рассчитывала, что мужчина будет вести себя как мужчина, когда он с женщиной.

— О! — только и сказал Модьун.

Он все понял и запротестовал:

— Вы допускаете смешение видов?

— А кто собирался размножаться? — огрызнулась она.

Невразумительный ответ. Но Модьун помнил свой неудавшийся эксперимент с Судлил и сказал:

— Действительно, есть проблема, которую я должен решить. Поэтому, почему бы мне не про-

консультироваться с моими друзьями, а потом мы снова поговорим.

— Не стоит беспокоиться, — холодно сказала Трольнд.

Она явно была в плохом настроении. Модьун прекратил дискуссию и ушел. Он направился прямо в столовую, которую видел по пути к квартире Трольнд прошлым вечером, назвал компьютеру свое настоящее имя и скоро уже нес тарелку к маленькому столику в углу. Потом неторопливо съел то, что было на ней. И тут он увидел, что люди-гиены в форме строятся снаружи у каждого из четырех входов в столовую.

Модьун вздохнул. Опять начинается вся эта глупость.

У него появилась новая мысль: «Сколько еще я должен терпеть?»

Чувство прошло, когда человек-гиена, на одежде которого было больше, чем обычно, золотых полос, вошел в столовую и направился прямо к Модьуну.

— Ваше имя Модиунн? — спросил он вежливо.

— А если и так? — сказал Модьун.

— Я почтительно прошу вас следовать за мной в жилище Нунули, хозяина этого корабля.

Бурное чувство где-то внутри Модьуна посте-

пенно ослабевало от вежливого тона. Оно не испарилось совсем, но включилась автоматическая вежливость. Модьун сказал:

— Что он хочет?

— Он хочет задать вам несколько вопросов.

— Я не могу представить себе ни одного вопроса, который он мог бы задать и получить от меня ответ, который мог бы иметь какое-либо значение. Так как ответа нет, я не пойду с вами.

Человек-гиена вдруг смутился.

— Но, — запротестовал он, — как я могу вернуться с подобным известием? Прежде всего, я знаю, Нунули рассчитывает, что я применю силу, если убеждение не поможет, хотя у меня нет инструкций для такого случая.

Модьун с достоинством ответил:

— Передайте этому джентльмену, что если он пожелает выделить мне каюту на борту корабля, а потом захочет навестить меня там, я приму его.

Офицер-гиена, казалось, успокоился.

— Благодарю вас, — сказал он, — мне был нужен какой-нибудь ответ.

Он ушел.

Вот и все. Время шло, и никакой реакции. Странно. Но потом Модьун решил, что Нунули — интриганы и, без сомнения, готовят какой-ни-

будь план, как это было в связи с его арестом на Земле. Хотя трудно было представить себе, что теперь будет. Наконец, так как он не мог придумать ничего лучшего, то он пошел навестить друзей.

Оказалось, что они живут в такой же спальне, как Трольнд, но для мужчин. Когда он в первый раз осмотрел большую комнату с рядами коек, здесь не было даже следов четверых друзей, которых он искал. Модьун пошел к кровати, где человек-мышь и человек-лиса, немного меньшего размера, чем Неррл, играли в карты, и спросил о своих приятелях.

Мгновенная реакция оказалась неожиданной. Человек-мышь бросил карты на кровать, вскочил на ноги и пронзительно закричал резким голосом другим мужчинам на ближайших кроватях:

— Здесь парень ищет тех четверых.

Половина мужчин в комнате услышала эти слова. И каждый из них встал. А те, кто был на дальних кроватях, привлеченные суматохой, оглядывались или садились. Несколько человек встало.

Слева от Модьуна дородный субъект, лицо которого слабо напоминало тигра, первый махнул ему и сказал:

— Подойдите сюда!

Модьун был удивлен, но, тем не менее, выполнил его приказание. Человек-мышь позади него завизжал:

— Они арестованы. А нам приказано допрашивать любого, кто приходит и ищет их. Кто вы?

16

«Они дураки», — подумал Модьун.

Неприятная ситуация. Поняв это, Модьун автоматически повернулся и посмотрел на дверь, через которую вошел.

Но путь уже был отрезан. В несколько мгновений, которые прошли от первого визга человека-мыши до его реакции на упреждающую команду человека-тигра, семь существ стали между ним и дверью. Мирное отступление из зоны возможного насилия, часть жизненной мирной философии, оказалось невозможным.

Модьун смирился с неизбежностью насилия.

Буйная толпа. Когда он стоял в нерешительности, толпа сжималась вокруг него. Люди-животные толкали друг друга и его. Модьун сразу же почувствовал в непосредственной близости неприятный запах пота животных. Тем не менее, ему не пришло в голову выключить свое обоняние. Он не сопротивлялся, когда они стали

оттеснять его в угол. Это стало частью его первоначальной неудачной попытки уйти.

Человек-тигр ударил Модьуна в лицо. Быстрый удар, который был отбит, и лапа отлетела выше головы. Боль была незначительной, но само намерение возбудило Модьуна. Он спросил:

— За что?

— Ты грязный, вонючий, вот за что! — был ответ. — И мы знаем, что делать с предателями и их друзьями, не так ли? Говорю, нужно убивать таких, как ты!

Крик подхватили те, кто стоял ближе:

— Убить его!

При этом несколько сильных ударов обрушилось на плечи и голову Модьуна. Он ушел от ударов, с грустью понимая, что его тело, без сомнения, вынуждено будет защищаться, когда давление станет достаточно большим. Поэтому он дал себе команду: отсутствие боли — и поднял левую руку, чтобы отражать удары их кулаков, и, так как он был достаточно неуязвимым, ударил человека-тигра в челюсть. Он ощутил удар, как толчок в суставы и плечо. Никакой боли, только сотрясение.

Так как он не чувствовал боли и не имел опыта, то ударил, не сдерживаясь. А потом в испуге на-

блюдал, как человек-животное, шатаясь, сделал назад дюжину шагов. Потом большое создание с грохотом упало на пол.

Каждый — именно каждый — повернулся и посмотрел. Они тоже не умели драться. Они убрали руки от Модьуна, перестали обращать на него внимание. Они стояли, глядя на тело товарища.

Появился выход. Не физический проход, а возможность уйти, благодаря их временной нерешительности. И Модьун ушел. Он должен был пробираться через толпу, потому что на пути его прямого движения находилось, по меньшей мере, полдюжины людей-животных. Он прошел мимо них, наклонился и помог ошеломленному человеку-тигру подняться на ноги.

— Извините, — сказал Модьун. — Я только хотел задать вам несколько вопросов.

Большое животное быстро приходило в себя.

— Это был удар, — сказал он с уважением. — Вопросы? — повторил он.

Модьун сказал, что удивлен их враждебным отношением.

— С каких пор стало преступлением быть знакомым с кем-то?

Человек-тигр помолчал.

— Ну… — сказал он с сомнением. Потом повер-

нулся к людям-животным.

— Что вы думаете, друзья?

— Но он знаком с преступниками! — заметил человек-мышь.

— Да…

Человек-тигр пристально посмотрел на Модьуна, внезапно намного агрессивнее, чем раньше.

— Что вы на это скажете?

— Вы говорите, что они арестованы? — сказал Модьун.

— Да, конечно.

— Взяты под стражу?

— Да.

— Тогда их еще должны будут судить. Их вина пока не доказана.

Модьун вспомнил свое собственное появление в «суде» и быстро добавил:

— Они имеют право на судебное разбирательство в суде присяжных, равных себе

— то есть вас. Дюжина вас и судья в соответствующем суде в присутствии публики, то есть остальных из вас, выслушают свидетельские показания против обвиняемых и определят их вину.

Потом Модьун сделал паузу:

— В чем их обвиняют?

Никто не знал.

— Вам должно быть стыдно, — зло сказал Модьун, — обвинять кого-то, даже не зная, в чем его преступление.

Его собственная роль в неожиданном развитии событий стала более ясной.

— Друзья, — сказал он, — мы должны обеспечить честный суд над этими четырьмя, которые являются такими же простыми существами, как вы и я.

Они были только людьми-животными, к тому же глуповатыми. И им оставили идеальный мир, который требовал от них минимум работы. В известном смысле, руководство, которое обеспечивали люди-гиены и Нунули, было, вероятно, подходящим для них; они чувствовали поддержку и имели пищу для размышлений. Чем-то занимались.

Модьун уже заметил, что на таких существ мгновенное впечатление производило то, что казалось справедливым. Так было и теперь.

— Вы правы. Это то, что мы собираемся выяснить.

Общий хор голосов выражал согласие. Люди-животные повернулись и стали горячо убеждать друг друга в обоснованности давно не исполь-

зуемых принципов справедливого судебного разбирательства.

При этом существа, находящиеся в комнате, разбились на маленькие группы, которые возбужденно беседовали. Кажется, никто не заметил, когда Модьун продвинулся к двери, через которую он вошел, и, осторожно осмотревшись, вышел.

Он быстро пошел по коридору, взволнованный тем, что узнал о таинственном аресте своих друзей. Но, по крайней мере, он был свободен и мог что-то сделать.

Он не знал, что.

«Моя проблема в том, что я философ».

Новым было то, что он думал об этом, как о проблеме.

Некоторое время после этого он бродил и бродил бесцельно. Сознание его помутилось. Скорость, с которой он шел, автоматически увеличивалась, отражая его глубокое внутреннее расстройство. Быстрое движение привело к тому, что через некоторое время его внимание сконцентрировалось на этом аспекте.

И, наконец, еще раз он осознал… что на уровне тела любит этих четверых. И их затруднительное положение беспокоило его.

Он побежал.

Быстрее.

Он мчался. Его сердце забилось быстрее, дыхание стало неровным; он отдавал себе отчет в том, что сильные эмоции, связанные с тем, что случилось с его друзьями-животными, ускользали. Он понял, что это химическая обратная связь определенных желез, которые с тех пор, как он вырос, гасили большую долю его реакций. Печально сознавать, что вещества, выделяемые железами в поток крови, — и среди них адреналин — можно разогнать мышечной активностью.

Когда он бежал, чувство, что он должен что-то делать, исчезло.

Модьун снова стал философом и с улыбкой думал о серьезном проекте, о том, что он едва не был вовлечен в дело, которое ничего не значило для него.

Это была старая доктрина сторонника мира: нет конца безумствам вспыльчивых людей, поэтому нельзя позволять втягивать себя в их конфликты, нельзя отражать удары, нужно избегать эмоций.

Пусть гиены победят.

Легкая победа смягчает агрессоров. Правда, звучит иногда неприятно, но если вы можете не позволить втянуть себя или, по крайней мере,

сделать ваше участие минимальным, то лучше сохранить мир таким путем. Даже если нескольким существам причинят вред, — все равно это лучше.

Вновь согласившись с основными аксиомами своих размышлений, Модьун перешел на шаг.

Теперь он был голоден. Он вошел в ближайшую из многочисленных столовых.

Когда он сидел и ел, то увидел ту же самую сцену, что и в то утро, когда люди-гиены выстроились у каждого входа в большое заполненное помещение. И тот же самый высокопоставленный офицер почтительно подошел к нему и протянул документ.

Внешне документ очень напоминал повестку, которую Модьун получил на Земле. И на мгновение Модьун ощутил сильный прилив тепла, возникший где-то у основания позвоночника. Так Модьун познал ярость и поспешно спросил:

— Что это?

— Вы должны выступить в качестве свидетеля против четырех лиц, которые обвиняются в том, что нелегально провели на борт корабля человека, не имеющего разрешения. Суд назначен завтра на девять часов утра и будет проходить в помещении, указанном в повестке.

Не только каждое предложение, но и каждая его часть, произносимая человеком-гиеной, звучала поразительно разоблачающе. Модьун реагировал на каждое слово. Он говорил:

— О! О! О!

Неизменное «О!» выражало его ошеломление и осознание.

Прояснилась тайна ареста. Очевидно, шпионы на Земле сразу взяли на заметку четверых друзей, потому что те были связаны с ним. И, когда его, Модьуна, обнаружили на борту (несомненно, об этом доложил компьютер в столовой), кто-то понял, какую роль сыграли его друзья и кто помог ему попасть на корабль.

Трудно угадать, чем может завершиться такой суд. Но, конечно, хозяева Нунули начали одну из своих хитрых игр. В конце концов с помощью всего этого Модьун надеялся выяснить их тайную цель.

Офицер-гиена сказал вежливо:

— Меня просили обеспечить ваше выступление на суде в качестве свидетеля, как указано.

Модьун колебался. Но, что ему оставалось делать? Он постоянно думал о том, что должен дать негодяям делать все так, как они хотят. Победив без борьбы, они должны будут успокоиться…

Таковы были его философские аксиомы.

Но Модьун помнил и то, к чему призывал людей-животных часом раньше. И, хотя обвинение не казалось слишком серьезным и, вероятно, было лишь частью большого плана, направленного против него, он задал решающий вопрос:

— Будет ли суд с присяжными и судьей?

— Да.

— Вы уверены? — настаивал Модьун. — Вы понимаете, что это значит?

— Судья и двенадцать присяжных рассмотрят свидетельские показания, и обвиняемые будут иметь адвоката, выбранного ими.

Казалось, все справедливо.

— Хорошо, — сказал человек. — Я приду.

— Благодарю вас.

После этого офицер сунул руку в карман, вынул другой сложенный листок и протянул Модьуну.

Модьун подозрительно посмотрел на бумажку.

— Что это? — спросил он.

— Мне сказали, что, если вы согласитесь быть свидетелем, вам будет выделена каюта, как вы просили утром. Здесь номер каюты и ее местонахождение.

Модьун с заметным облегчением взял бумажку. Он не знал, где провести вторую ночь.

Он сказал:

— Пожалуйста, передайте мою благодарность хозяину Нунули. Скажите, что я ценю его любезность.

Как и было обещано, суд начался точно в девять на следующее утро, и в качестве первого свидетеля был вызван Модьун.

17

Зал судебного заседания был обустроен точно так, как Модьун представлял себе по описаниям обучающих машин.

Дюжина присяжных (все люди-гиены) сидела на скамье для присяжных, поставленной вдоль одной из стен. Гиена-судья сидел на скамье, завернувшись в свою мантию. Место свидетеля, куда вызвали Модьуна, находилось слева от судьи. Гиена-прокурор сидел за одним из столов справа от судьи, а гиена-адвокат — за другим. Прямо перед Модьуном за специальной загородкой сидели четверо подсудимых, а у них за спиной выстроились гиены-офицеры полиции. Прямо напротив различных слуг закона, за низкой оградой стояли несколько дюжин рядов стульев. Здесь сидела публика.

Все было устроено очень хорошо, поэтому

Модьуна неприятно поразило, когда прокурор поднялся и сказал без паузы:

— Этого свидетеля зовут Модиунн. Он — обезьяна из Африки, и четверо обвиняемых провели его нелегально на борт корабля. Они обвиняются в измене, призыве к мятежу, иными словами, они совершили уголовное преступление, которое карается смертью.

Когда он произносил эти слова, он обращался к присяжным. Потом он повернулся к защитнику и сказал:

— Что может сказать свидетель в оправдание их низкого преступления?

Защитник сказал, не поднимаясь:

— Свидетель согласен, что все ваши утверждения — правда. Продолжайте судебное разбирательство.

— Я возражаю, — прорычал Модьун. Его тело пылало с головы до ног. Он понял, что дрожит.

— Возражение отклоняется, — сказал судья вежливым тоном. — За свидетеля говорил защитник.

Модьун закричал:

— Я возражаю против этой пародии на суд. Если все будет продолжаться в таком же роде, я откажусь быть свидетелем.

Судья наклонился к стулу свидетеля. Он казался обескураженным и продолжал тем же вежливым тоном:

— Что неправильно в суде?

— Я требую, чтобы вопросы задавали непосредственно свидетелю и чтобы ему разрешили самому на них отвечать.

— Но это неслыханно, — запротестовал судья. — Защитник знает законы и, очевидно, может более квалифицированно отвечать вместо свидетеля.

Казалось, ему пришла в голову новая мысль, потому что глаза его расширились.

— Вы из Африки, — сказал судья. — То, что вы требуете, это обычная процедура там?

Модьун тяжело вздохнул. Его потрясло, какое умственное напряжение требовалось от того, кто должен учитывать не только правду, по которой человек согласился жить. Но Модьун отказался быть вовлеченным во что-то более нечестное, чем ложь относительно того, как произносится его имя, плюс неправильная идентификация его в качестве обезьяны. А в остальном он требовал только правды.

Он сказал:

— Я требую, чтобы суд шел по правилам, установленным человеком.

Последовала долгая пауза. Наконец, судья подозвал к себе прокурора и адвоката. Трое беседовали шепотом. Потом два юриста возвратились к своим столам. Когда они сели, судья любезным тоном обратился ко всему залу заседаний и сказал:

— Так как показания этого свидетеля являются важными, мы решили согласиться на примитивную процедуру, к которой он привык у себя дома, в Африке.

После этого он повернулся к Модьуну и сказал с упреком:

— Я искренне надеюсь, что потом вы извинитесь перед защитником за оскорбление, которое вы нанесли ему публично.

Он продолжал вежливо:

— Какая процедура вас устроит, мистер Модьун?

— Правильно… — начал Модьун.

— Там, откуда вы прибыли, — вставил судья.

— … существует процедура, давно установленная человеком, — продолжал Модьун. — Она заключается в том, что прокурор должен задать мне ряд относящихся к делу вопросов, и каждый раз ждать моего ответа.

— Какого рода вопросы? — спросил человек-гиена на скамье, который был готов отступить, но

находился в растерянности.

— Сначала нужно спросить мое имя, — сказал Модьун.

— Но мы знаем ваше имя, — последовал удивленный ответ. — Оно же написано здесь на повестке.

— Такие факты должны устанавливаться во время непосредственного допроса, — твердо сказал Модьун.

Судья засомневался:

— Такой метод может задержать нас здесь на весь день.

— Может быть, даже на неделю, — согласился Модьун.

Почти все находящиеся в зале заседаний вздохнули.

А судья, мгновенно забыв о вежливости, резко ответил:

— Невозможно!

Но после другой паузы он обратился к прокурору:

— Приступайте.

Человек-гиена, исполняющий роль прокурора, вышел вперед. Он выглядел неуверенно. Тем не менее, он задал главные вопросы:

— Как ваше имя?

— Действительно ли вы обезьяна из Африки?

— Вы тот, кого обвиняют в том, что он нелегально проник на борт корабля?

— Знаете ли вы, в чем обвиняют подсудимых?

При этом вопросе Модьун впервые попытался сопротивляться, беря на себя одновременно роль и свидетеля, и защитника.

18

— Я протестую против этого вопроса, потому что то, в чем обвиняют подсудимых, не является преступлением по законам, установленным человеком прежде, чем люди отступили за барьер и оставили остальную Землю своим друзьям, людям-животным.

Так аргументировал свою точку зрения Модьун. Он продолжал:

— Если это и проступок, то только незначительный, и возможное наказание за него — заключение в каюте не больше, чем на два-три дня.

Когда он дошел до этого места, его прервал судья, который сказал, что по его определению подсудимые совершили уголовное преступление, караемое смертью.

— По определению? — спросил Модьун.

— Да, — был ответ.

— Покажите мне это определение, — сказал Модьун.

Служащий суда, человек-гиена в лоснящемся черном костюме и рубашке с высоким воротником, имеющий ученый вид, принес книгу, в которой в главе 31 на странице 295 в параграфе 4 строка 7 начиналась словами: «… следует считать уголовным преступлением, которое карается тюремным заключением, штрафом или смертью».

— Разрешите посмотреть, — попросил Модьун.

Служащий посмотрел на судью, спрашивая согласия, и, когда тот кивнул, передал том человеку. Модьун перечитал строки, посмотрел последний лист, прочитал то, что было там, победоносно посмотрел и сказал:

— Это не тот закон, который создал человек, а неправильная и неприемлемая редакция меньшинства из людей-животных — людей-гиен.

Гиена-судья сказал:

— Я заявляю, что закон правильный и пригодный.

Его голос стал значительно менее вежливым.

— По моему мнению, — продолжал Модьун, — вы должны признать подсудимых невиновными на том основании, что преступление не доказано.

— Я хочу задать вам один вопрос, — сказал судья. — Вы собираетесь давать показания или нет? Если нет, то, пожалуйста, освободите место свидетеля.

Он говорил с раздражением. Едва ли был подходящий момент, чтобы уйти, поэтому Модьун сказал:

— Я буду давать показания, но я оставляю за собой право снова поднять этот вопрос, когда придет время.

Судья повернулся к гиене-прокурору.

— Продолжайте допрос важного свидетеля, — сказал он.

— Как вы попали на борт этого корабля? — спросил прокурор.

— Я прошел по космодрому к одному из нескольких сотен входов. Подошел к подъемнику. Он поднял меня примерно на сто этажей, и я вышел из лифта в коридор. Я был убежден, что благополучно поднялся на борт корабля, и это оказалось правдой, — закончил Модьун.

В зале заседаний стало тихо, когда фактическое рассмотрение дела завершилось. Высокий тощий человек-гиена, который задавал вопросы, казался растерянным. Но через некоторое время он овладел собой и сказал:

— Посмотрите на скамью подсудимых!

Модьун посмотрел в указанном направлении и, конечно, увидел своих четверых друзей-животных.

Прокурор спросил:

— Узнаете ли вы кого-нибудь из этих людей?

— Я узнаю их всех, — сказал Модьун.

Арестованные с шумом задвигались. Неррл осел в кресле, как будто его ударили.

— Соблюдайте порядок в суде, — резким голосом закричал судья.

Прокурор продолжал:

— Присутствовал ли кто-нибудь из этих людей, — он махнул рукой в сторону обвиняемых, — когда вы шли по космодрому, входили в лифт и поднимались на борт корабля?

С места, где он сидел, человек мог видеть, как напряглись люди-животные, сидевшие на местах для публики. Модьун чувствовал, как многие из них невольно затаили или замедлили дыхание, очевидно, ожидая, что его ответ будет утвердительным. Модьун повернулся к судье:

— Ваша честь, я понимаю, что моему ответу на этот вопрос придается большое значение. Как будто каждый автоматически предполагает, что утвердительный ответ повредит арестованным.

Вы тоже так считаете?

Длинное тощее создание наклонилось к нему:

— Ваша обязанность, как свидетеля, только правдиво отвечать на вопросы, — сказал он. — Какие выводы я смогу сделать в окончательном приговоре, определит логика, которой руководствуется суд.

— И все же, — возразил Модьун, — вы — член малочисленной группы, которая захватила все важные государственные посты, включая то, что только люди-гиены имеют право проводить судебное разбирательство и быть присяжными в суде. Поэтому я подозреваю, что ваш приговор может быть не совсем беспристрастным. Если вы сможете убедить меня, что он будет беспристрастным, я с радостью отвечу на вопросы.

— Он будет беспристрастным, — сказал судья.

Модьун покачал головой.

— Боюсь, что мы не понимаем друг друга. Каждый может утверждать, что суд беспристрастный. Но, как вы можете убедить меня, с учетом того, что вы — член узурпирующего меньшинства, что вы не осудите этих арестованных, не выслушав их?

— Я собираюсь снова попросить вас либо давать показания, либо уйти, — холодно сказал судья.

— Я буду давать показания, — сказал Модьун.

— Очень хорошо. Каков же ваш ответ на вопрос?

— Арестованные были со мной, когда я поднялся на корабль.

— Аааааааахххх! — выдохнула аудитория.

Они реагировали, как один. Это был звук единого вздоха, как будто много существ одновременно вздохнуло.

Судья опустил молоток, призывая к порядку. Когда, наконец, в зале заседаний снова воцарилось молчание, Модьун сказал адвокату:

— Видите, я обнаружил, что связь четырех арестованных со мной считают важной уликой против них.

— А что же еще можно предположить? — спросил судья, едва скрывая торжество.

Человек посмотрел на него с сожалением.

— Предположение, что я сопровождал их, не может служить обвинением. Предположим, что, хотя они были со мной, они не знали о моих намерениях. — Модьун махнул рукой: — Может существовать множество подобных предположений.

Судья кивнул прокурору.

— Продолжайте допрос этого свидетеля и осо-

бенно обратите внимание на те вопросы, которые он поднял. Кажется, в конце концов, он собирается отвечать правдиво, поэтому добейтесь от него правды.

В этом был смысл, Модьун должен был с этим согласиться. Хотя он мог рассуждать о правде философски, он не собирался лгать о действительно происшедших событиях. Прокурор выжимал из него одно признание за другим. В конечном счете он сказал: да, четверо обвиняемых заранее знали, что он намеревался попасть на борт межзвездного экспедиционного корабля. Да, действительно, один из обвиняемых предложил это, а другие согласились с его планом.

Когда Модьун закончил, судья посмотрел на адвоката.

— Есть вопросы к вашему свидетелю, сэр?

— Нет, — был ответ. — Я, действительно, не вижу смысла в том, чтобы терять время, продолжая судебное разбирательство.

— Я согласен с вами, — сказал судья.

После этого он повернулся к арестованным.

— Встать! — скомандовал он.

Четверо обвиняемых нерешительно встали.

Судья продолжал:

— Ваша вина установлена этим свидетелем, —

начал он.

— Эй! — громко сказал Модьун.

Судья не обратил внимания и уверенно продолжал:

— Я приказываю, чтобы вас четверых отвели в камеру…

— А как насчет присяжных? — закричал Модьун. — Это же суд присяжных.

— … и держали там одну неделю, пока вы будете ждать ответа на апелляцию в верховный суд. Если верховный суд вас не помилует, то ровно через неделю с этого дня вы будете расстреляны группой стрелков, использующих оружие N.

Он махнул рукой полицейским, которые стояли рядом с заключенными.

— Уведите осужденных, — приказал он. Теперь он повернулся к Модьуну и сказал вежливым тоном:

— Я хочу поблагодарить вас за честные показания, которые помогли установить истинную виновность четырех осужденных, и нам теперь необходимо провести дальнейшую бюрократическую процедуру.

— Да, — с сомнением сказал Модьун.

19

«Я сделал все, что мог», — так казалось Модьуну. Не нужно делать ничего больше, просто дать событиям идти своим чередом.

Но весь остаток дня судебного заседания тело Модьуна оставалось неприятно разгоряченным. Это, конечно, результат безрассудства его желез, которое не мог выносить идеальный с точки зрения философии мозг. Что касается привязанности его тела к Руузбу и остальным, то самым нелепым выглядело то, что Модьун встретил их совершенно случайно.

«Я не выбрал их за особые качества, которые потом обнаружил в них».

В день выхода из-за барьера Модьун остановил автомобиль с четырьмя пассажирами и занял одно из двух свободных мест. Вот и все. Не было разницы между этими четырьмя в автомобиле и любыми другими людьми-животными.

Модьун убеждал себя, что это реальное отображение его отношений с ними.

Но его тело все еще оставалось разогретым более, чем обычно.

На четвертое утро после судебного разбирательства раздался звонок. Когда Модьун открыл

дверь, там стоял офицер-гиена в форме. Он был вежлив и сообщил, что «четверо осужденных получили отказ в ответ на апелляцию верховному суду. Суд настаивает, чтобы главному свидетелю сообщили о решении».

Модьун собирался поблагодарить и закрыть дверь, когда почувствовал, что его лицо сильно покраснело от такой новости. Он поспешно сказал:

— Я хочу посетить осужденных перед казнью. Это можно организовать?

— Я буду счастлив навести справки от вашего имени и сообщу о решении, — сказал офицер.

Оказалось, что Модьун может. Ему разрешат посетить осужденных накануне казни

— вечером шестого дня после судебного разбирательства.

Модьун должен был согласиться, что во всем этом деле они ведут себя очень любезно и законно. Его прежнее чувство, что за всем этим стоит какой-то хитрый план, направленный против него, казалось, было неправильным.

Снаружи тюремная камера выглядела просто, как спальня, но туда вела дверь, запертая на засов. Перед дверью сидел гиена-караульный. Он внимательно прочитал письменное разрешение

Модьуна на посещение и потом отпер дверь, подождал, пока тот войдет, и запер ее за Модьуном.

Прошло несколько минут, в течение которых помещение казалось пустым, потом с низкой койки спустилась пара ног, и Неррл сел с приглушенным восклицанием:

— Господи, посмотрите, кто здесь!

После этих слов быстро появилось еще три пары ног, и еще трое людей-животных, знакомых Модьуна, встали с низких коек. Все четверо подошли и пожали руку посетителю.

Оглядевшись, Модьун увидел, что это помещение отличается от других спален. За дальней линией коек был альков. Там стоял стол и знакомое оборудование столовой.

После краткого осмотра Модьун робко сказал:

— Я решил, что лучше зайти попрощаться.

Большая слеза скатилась по щеке Руузба. Он был бледен и выглядел не очень хорошо. Его щеки ввалились.

— Спасибо, дружище, — сказал он сдавленным голосом.

Модьун посмотрел на него с заметным удивлением.

— В чем проблема? — спросил он. — Каждый должен уйти, раньше или позже. Так почему не

сейчас?

Он поправил себя:

— То есть, почему не завтра?

После его слов наступило молчание. Затем Дуулдн вышел и стал перед Модьуном. На щеках его горело два больших розовых пятна. Он глотал слюну и, очевидно, едва сдерживал себя.

— Приятель, у тебя странные взгляды.

Он нахмурился и продолжал:

— Модиунн, я никогда раньше не встречал обезьяны, похожей на тебя. Ты сидел в кресле свидетеля, наговаривая на нас.

— Правда — есть правда, — защищался Модьун. В этот момент он понял, что замечание человека-ягуара не было дружеским.

— Ты не сердишься за то, что случилось? — спросил Модьун.

Румянец поблек. Дуулдн вздохнул.

— Я сердился. А потом подумал: «Это же мой милый глупый друг, обезьяна, она снова кладет палец в рот». И злость прошла. Правда, друзья? — Он посмотрел на своих товарищей по несчастью.

— Правда, — мрачно сказали Неррл и Иггдооз. Руузб молча смотрел в пол и вытирал глаза.

Их точка зрения была такой бесперспективной, что Модьун почувствовал, что должен перевос-

питать их.

— Сколько вам лет? — спросил он каждого по очереди. И впервые узнал, что их возраст колебался от двадцати шести до тридцати трех: Руузб оказался самым старшим, а человек-гиппопотам — самым младшим. Так как они были людьми-животными, они могли прожить около шестидесяти.

— Итак, — рассуждал Модьун, — вы все прожили, грубо говоря, половину нормальной жизни. За оставшуюся половину едва ли стоит бороться.

В ответ на такой аргумент люди-животные озадаченно посмотрели на него. Наконец, человек-лиса сказал взволнованно:

— Подумать только, что я здесь, в таком ужасном положении, потому что пытался быть твоим другом.

Человек был поражен. Он не понимал, какая связь могла существовать между этими двумя обстоятельствами.

— Вы намекаете, — проговорил он, потрясенный, — что здесь есть причинно-следственная связь? Это не так. Вы сделали то, что считали нужным, а потом люди-гиены сделали то, что они считали нужным. Подходя к событиям с точки зрения рационального мышления, можно

понять, что эти два события не связаны. Что-то в вас говорит вам, что здесь есть связь. В действительности же ее нет.

Модьун видел, что его не понимают. Его друзья просто потупили взгляды и казались еще более несчастными, чем когда-либо. Он почувствовал внезапную жалость к ним и продолжал:

— Вы должны понимать, что никто не смог узнать смысл жизни. Поэтому каждый вид должен быть сведен к малой группе, в которой каждая личность несет в себе всю совокупность генов расы, то есть полную генетическую наследственность, — и ждать! Так как на Земле остается много представителей вашей породы, нет причины, по которой вы должны дорожить своим существованием. Очень возможно, что в этом путешествии вас все равно убьют.

Караульный громко постучал в дверь, когда были произнесены эти слова.

— Всем посетителям выйти! — закричал он через окошечко в металлической двери.

— Один момент, — попросил Модьун и повернулся к друзьям. — Ну, что вы думаете?

Большая слеза скатилась по щеке Руузба.

— Прощай, друг, — сказал он. — Я не знаю, о чем ты говоришь, но думаю, у тебя добрые на-

мерения.

Он протянул руку.

Модьун вздохнул, когда посмотрел на Дуулдна.

— Я должен согласиться, что, если у вас такие чувства, то вам лучше пойти со мной, когда я выйду, — сказал он. — Не стоит проходить через то, чему вы так сильно сопротивляетесь. Я скажу властям, что вы считаете приговор неприемлемым. Ведь так?

Четверо людей-животных удивленно посмотрели на него. Человек-ягуар выразил сожаление.

— Как мы сможем выйти с тобой? — сказал он. — Здесь стоит вооруженный охранник.

Человек отмахнулся.

— Я только потребую, чтобы он вас пропустил — минимальное вмешательство в его мозг. И мы сможем продолжить эту дискуссию в моей каюте.

Он подумал, что, конечно, возникнет какая-то реакция со стороны людей-гиен. Поэтому, может быть, лучше пойти и поговорить с Нунули.

Прошло около часа после того, как четверо друзей последовали за ним в каюту, и раздался звонок. Модьун открыл дверь и увидел высокопоставленного офицера-гиену в форме. Тот шепотом сказал Модьуну:

— Мне снова приказано попросить вас прийти и побеседовать с хозяином Нунули. Вы придете?

Модьун вышел в коридор, включив энергетический барьер как защиту вокруг своей каюты, и сказал:

— Я готов идти немедленно.

И закрыл за собой дверь.

20

Он шел за гиеной-офицером по коридору и думал: я постараюсь доказать Нунули, каким нелогичным было это судебное разбирательство.

Пока они поднимались лифтом все выше и выше, Модьуну казалось, что жизнь чрезвычайно усложнится, если ему придется защищать четверых людей-животных и себя во время всего путешествия. Когда они шли по открытому пространству от одного лифта к другому, он подумал:

«Будем надеяться, что у Нунули есть приемлемое решение».

Когда второй лифт остановился, человек-гиена посмотрел на панель управления. На ней замигала белая лампочка. Он нажал кнопку. Бесшумный механизм открыл дверь, и офицер-гиена сказал:

— Вы войдете сами. Это частная беседа.

Когда Модьун прошел вперед, дверь мягко закрылась за ним. Не оглядываясь, он вошел в комнату величиной не более дюжины квадратных футов. Комната оказалась пустой; только на полу лежало что-то похожее на матрац. На нем на спине лежал Нунули.

Модьун сразу увидел, что это другой Нунули; он отличался от тех двух, которых Модьун раньше встречал на Земле. И, конечно, был настоящим. Им нужен один индивидуум на корабле, а другой, конечно, остался на Земле. По крайней мере, по одному в каждом месте, где нужно выполнять руководящую работу.

— Вы пришли ко мне, — сказал инопланетянин, лежащий на полу, — в то время, когда я отдыхаю от многочисленных обязанностей.

Модьун посмотрел вокруг в поисках выхода в другую комнату или чего-нибудь похожего. На первый взгляд, ничего не было видно.

— Это ваша квартира? — спросил он.

— Да.

— На борту корабля вы живете в этой каюте? — настаивал Модьун.

— Да.

Туго натянутая серая кожа на продолговатом лице, казалось, немного изменилась, словно

инопланетянин пытался изобразить гримасу, соответствующую его чувствам. Это было напряжение мыслей-чувств, а не сцена, и поэтому ее было трудно оценить. Нунули продолжал:

— Может быть, вы считаете, что это помещение более аскетично, чем каюта, которую я выделил вам?

— Меня просто заинтересовал этот факт, — ответил Модьун. — Кажется, ваш комитет требует, чтобы его главные представители не проявляли личного интереса к роскоши или к другим признакам власти.

Лицо существа, лежащего на матраце, снова изменилось. Появилось мимолетное выражение, похожее на то, которое Модьун наблюдал на лице второго Нунули, хозяина Земли, когда тот улыбался, говоря о своем превосходстве. Инопланетянин сказал:

— Мы были аскетичной расой, когда комитет выбрал нас для этой высокой цели. Все, что нам нужно было, это…

Он замолчал, потом пробормотал:

— Неважно…

— Несомненно, — кивнул Модьун, — ваш биологический вид пришел к правильному окончательному выводу, что все в космосе, в конце

концов, делается по какой-то причине. Так зачем приобретать имущество, кроме простых вещей, необходимых для выживания. Так?

— Нет.

Разговаривая, Нунули по-прежнему лежал. И через несколько секунд стало ясно, что ему не хочется распространяться по этому поводу. Модьун принял отказ без злобы. Он сказал:

— Я с уважением отношусь к вашей тайне.

— Естественно, — сказал Нунули. — Мы улучшили человеческую расу, чтобы она проявляла именно такое уважение к правам других. Мы заметили в них это качество и развили его с целью создать искаженный эффект. Наша цель была достигнута, поэтому ничего удивительного в вашем утверждении нет.

Модьун сказал:

— У меня есть внутреннее чувство, что ни одна связь не является автоматически полностью односторонней, как вы говорите. Например, меня раздражает ваша логика, ваш суд над четырьмя моими друзьями.

— Вы не знаете моей логики, — последовал резкий ответ.

— Правда. Но все очевидно. Вы подвергли суду четырех людей-животных с Земли из-за той роли,

которую они сыграли в моем появлении на борту этого корабля.

— Что же здесь нелогичного?

— Корабль был сконструирован на Земле, не так ли? — спросил Модьун.

Нунули казался удивленным.

— Да, конечно. Мы всегда используем местные заводы и материалы, где это возможно.

— Вашими рабочими были животные с Земли? — настаивал Модьун.

— Конечно. Кто же еще? Комитет настаивает на том, чтобы использовать местную рабочую силу.

— Тогда, — сказал Модьун, — какие же могут быть у вас возражения? По определению я имею право быть на этом корабле.

— Не понимаю ваши рассуждения, — последовал холодный ответ.

Модьун протянул руки.

— Земля принадлежит человеку и в меньшей степени животным, которых человек поднял из животного состояния. Поэтому корабль, который построен на Земле животными, живущими на Земле, принадлежит человеку и, в меньшей степени, животным. Я единственный человек на борту, следовательно, этот корабль принадлежит мне.

— Земля — завоеванная планета, — сказал Нунули с чувством собственного достоинства. — Поэтому на ней и с нее человеку ничего не принадлежит.

Модьун упрямо покачал головой, почувствовав, как сужаются его глаза. Такая реакция тела удивила его, потому что это был эмоциональный протест против другой точки зрения.

— Я еще не смирился с ролью, Нунули, — сказал он. — Пока я существую, корабль принадлежит мне. Однако, — он сделал паузу, — это мелочи. Я обдумываю лучшее решение этой ситуации. Я ищу женщину, которую, думаю, ваш коллега увез с Земли в другое место. Если вы сможете отвезти меня к ней, я с радостью покину корабль. Отвезите меня к ней, где бы она ни находилась.

— Это совершенно невозможно, — возразило существо, лежа на полу. — Но теперь давайте вернемся к вашей логике. Ошибка заключается в том, что вы не знаете о другой нашей цели, связанной с вами. Понимаете ли вы, сколько дней прошло с момента отлета этого корабля с Земли? — в его тоне звучало ликование.

— Немного больше недели, — ответил Модьун. Он должен был признаться, что обескуражен вопросом, который казался ему не относящимся

к делу.

Существо снова успокоилось, серо-зеленые глаза его полностью открылись, серая, плотно натянутая кожа лица чуть расслабилась.

— Этот корабль, — сказал он, — находится в пути примерно 400 световых лет. Он несколько раз менял курс и намеренно ушел от своей цели, чтобы нельзя было определить направление, откуда он прибыл.

Нунули замолчал, чтобы дать возможность Модьуну отреагировать. Как, видимо, и ожидал инопланетянин, человека расстроила такая информация.

«Хотя, конечно, это мудро — не давать потенциальным врагам никаких сведений о планете, откуда прибыл нападающий корабль», — подумал Модьун.

По блеску глаз противника Модьун понял, что не прав. И, действительно, через минуту очевидного злорадства существо объяснило мотивы своих поступков:

— То, что вы сказали о планете, с которой мы стартовали, бесспорно, следовательно, истинно. Но корабль маневрировал в космосе только из-за вас. Чтобы смутить вас. Убедить, что вы никогда не вернетесь на Землю. И та же цель и у суда над

вашими друзьями-животными. Если вы подумаете об этом, то увидите, что мы отвлекали ваше внимание до последнего момента, устроив суд, тянули время, пока корабль не пролетел необходимое расстояние. Естественно, этот корабль не вернется на Землю.

Вот такой был у них план. Модьуну это показалось немного лишним. Но, значит, логика расы подчиненных представителей, таких, как Нунули, наверное, тоже всегда экстремальна. У этих существ была цель, которую они должны были выполнить. И теперь, добившись уничтожения людей за барьером и удалив с Земли Судлил и Модьуна, они, вероятно, выполнили свою миссию.

Полная иррациональность миссии и ее основных задач вызвали у Модьуна ощущение, что он, действительно, ничего не может сказать в ответ на это сумасшествие. Он мог только сделать логический вывод.

— В таком случае, — сказал он, — так как четверо моих друзей были только пешками, вы не будете возражать против того, чтобы отменить смертную казнь и помиловать их.

— Нет возражений, — был мгновенный ответ. — Действительно, это одна из причин, по которой я позвал вас, чтобы сообщить об этом.

Потом Нунули продолжал более официальным тоном:

— Реддлл, гиена-офицер, который привел вас сюда, проводит вас назад в каюту и даст каждому из четверых оправдательный документ.

Все еще лежа на спине в пустой комнате, Нунули сказал в заключение:

— Мне кажется, что теперь мы должны завершить нашу встречу.

Модьуну тоже так казалось. Кроме одного или нескольких второстепенных моментов, все прояснилось.

— Ваш план против меня теперь полностью осуществился? — спросил он.

— А вы как думаете? — Существо на полу казалось растерянным.

— Схема была такой: что-то сделано против меня, я принимаю это. Я даже терплю отдельного Нунули, который замышляет добиться чего-то от меня. Я все продумал. Я продолжаю мирное существование, а потом обнаруживаю, что против меня существует тайный заговор. Поэтому я хочу знать, продолжается ли тайный заговор? Или ваша миссия относительно Земли и человеческих существ выполнена?

— Теперь она выполнена, — был ответ. — Что

здесь можно сделать еще?

— Это то, что говорил хозяин Нунули номер два, — ответил Модьун, — но его слова оказались ложью. И я устал от лжи и ваших козней. Они направлены против логики космоса.

— Как может последний представитель расы понимать логику космоса? — раздраженно сказал Нунули. — Но дайте мне подумать.

После паузы он продолжал:

— Единственной другой целью, связанной с вами в рамках нашей миссии, было бы убийство вас и женщины. Есть ли, по-вашему мнению, путь для достижения этого?

— Ну, нет, — заговорил Модьун после минутного раздумья. — Нет, если я буду сопротивляться.

— Правильно, — все еще раздраженно сказал Нунули, — значит, вы получили ответ.

Внешне ответ, действительно, казался удовлетворительным и правдивым. И еще…

— Есть еще одна вещь, — сказал Модьун, — которая так важна, что, может быть, я буду вынужден потребовать от вас ответ.

— Невыносимо, — протянул Нунули.

Это потрясло человека; для него немыслимо было делать что-то, невыносимое для другого живого существа.

Но — через минуту — он продолжал думать об этом.

Модьун сказал:

— С некоторым опозданием я начал понимать…

Он подождал, пока значение его слов проникнет в святая святых мозга. Слова не звучали убедительно, потому что он был последним оставшимся в живых (отличающимся от Судлил) представителем человеческой расы. И его осознание правды — если была правда — на самом деле, пришло слишком поздно. Не было ясно, что он должен делать… но разговор с комитетом, скорее всего — да.

Он закончил свое утверждение:

— … начал понимать, что, может быть, неблагоразумно, чтобы одна раса позволяла усовершенствовать себя другой расе, мотивы которой могут не быть альтруистическими.

Когда он говорил, он переживал старые видоизмененные чувства, поднимающиеся без слов откуда-то из глубин нервной системы. Он слышал, как он говорил:

— Вопрос не исчерпан. Это простые логические заключения временного характера.

Потребовалось усилие сознания, чтобы остано-

вить поток слов. Модьун долго стоял, удивленный силой своих чувств. Но через некоторое время он контролировал их и мог продолжать:

— Когда я говорю с Нунули, я ловлю себя на том, что прислушиваюсь к реакции на мои слова, и эта реакция не является полной копией того, что раньше сказал другой Нунули. Поэтому я вынужден спросить: как я могу определить, что Нунули сами относятся или не относятся к комитету, который они якобы представляют?

Внезапно он изменил тему разговора:

— Почему вы считаете, что я должен буду преодолеть мое естественное нежелание требовать ответа, если вы не найдете менее крутое решение?

Тусклые глаза Нунули так пристально смотрели на него, что после долгих минут Модьун нерешительно добавил:

— Почему вы не откроете для меня свой мозг по собственной доброй воле и не покажете мне достаточно из истории расы Нунули, чтобы я мог согласиться, что дело обстоит, действительно, так, и больше не удивляться?

Когда он закончил, существо на полу зашевелилось. Тонкие ноги задвигались. Руки согнулись. Шея изогнулась назад, и существо село.

— Хорошо, — сказал Нунули, — я уступаю вашему преступному давлению. Но я предупреждаю, что комитет может оскорбиться и я не смогу отвечать за возможные последствия.

21

Картины показывали простую аскетичную жизнь: Нунули, по-видимому, на своей планете, жили как монахи. Были видны длинные темные строения, где каждое существо имело крошечную комнатку, похожую на келью, и влачило в ней однообразное существование. Полы не были отделаны; в келье не было никакой мебели, только матрац, на котором Нунули спали.

Дальше картины рисовали женщин Нунули в домах немного другой формы. Различие заключалось в том, что здесь были общие дворы и комнаты, где ухаживали за детьми. В первые годы жизни их держали в удобных сооружениях, похожих на детские кроватки.

Один раз в несколько лет женщина Нунули отправлялась утром с определенной целью и разыскивала один из монастырей. На мысленно появившейся картине было видно, как она стучит в дверь кельи. Потом во вторую дверь. Потом в третью и так далее. Мужчина в каждой келье,

очевидно, узнавал стук, потому что поднимался с матраца, открывал дверь и стоял, глядя на нее. И она стояла, ожидая. Ее, казалось, не волновал первоначальный отказ, она просто шла к следующей келье. Наконец, в каждом случае (из трех, которые наблюдал Модьун) она доходила до комнаты, где жил мужчина, которого привлекал либо ее запах, либо мысленная волна, исходившая от нее. С этим поклонником, который ее принимал, она оставалась на несколько дней и ночей. В большинстве случаев двое просто лежали рядом, медитируя. Но дважды за время ее присутствия наступал тот самый момент. Возбуждение? Даже при хорошем мысленном контакте Модьун не мог точно определить это чувство. Что бы это ни было, это вызывало спаривание, которое, казалось, длилось бесконечно. Четыре часа. Пять. Несомненно, большую часть ночи.

После второго раза женщина просто вставала и, даже не взглянув на своего супруга, уходила из кельи и из монастыря. Потом она жила в собственном маленьком уютном жилище. Здесь в безмолвной тайне своей кельи она вынашивала и примерно через год рожала своеобразное маленькое чудовище, которое через какое-то время принимало облик Нунули.

Неожиданно все эти сцены поблекли. Нунули с пола своей небольшой комнаты посмотрел на Модьуна и сказал:

— Такой была наша жизнь, пока комитет не показал нам способ быть полезными.

Модьун сказал удивленно и разочарованно:

— Это все, что вы собираетесь показать мне?

— Это краткое изложение нашей дозувгской истории, — был резкий ответ. — Именно то, о чем вы спрашивали.

Модьун открыл рот, чтобы возразить, что это неудовлетворительный ответ. А потом замолчал. Стоя здесь, он понял, что только что услышал удивительную новость.

«Зувг», — сказал Нунули.

Из контекста следовало, что это было название расы, к которой принадлежали члены комитета…

«Я, действительно, должен был нажать на него, чтобы получить такую информацию».

Несколько долгих секунд он смаковал это слово. Наконец, ему пришло в голову, что то, против чего он собирался протестовать с самого начала, все еще необходимо. Он сказал:

— То, что вы показали мне, не объясняет скачок Нунули от сурового монашеского существования

до массовых убийств по всей галактике. Как произошло это превращение?

Зеленые глаза в недоумении уставились на него.

— Разве мы обсуждаем ту же самую тему? — начал Нунули. И замолчал.

— О! — сказал он. Его глаза расширились, словно он, наконец, понял, о чем речь. — То, что мы делаем от имени комитета, — это не убийство, — сказал инопланетянин.

— Разрешите мне внести ясность в этот вопрос, — сказал Модьун. — Вы или другой Нунули уничтожили или потворствовали истреблению человеческой расы. В соответствии с убеждениями, которых вы придерживаетесь, это не убийство?

— Это — часть программы комитета по улучшению жизненной ситуации в галактике, — Нунули махнул тонкой гладкой серой рукой.

— По улучшению чего?

Существо оставалось спокойным.

— Простите. Теперь я должен попросить вас оказать мне любезность и покинуть меня, чтобы я мог продолжить отдых. Ваши друзья в безопасности. Вы получили информацию, о которой просили. Вы, несомненно, не собираетесь обсуж-

дать этот вопрос несмотря на мой протест?

Модьун заколебался. Слова Нунули не оказали на него такого влияния, как можно было бы ожидать. В его голове роилось еще несколько вопросов, и его беспокоило собственное нетерпение к возражениям собеседника.

— Я, кажется, в странном настроении, — сказал он наконец. — У меня есть несколько вопросов, на которые я хочу получить ответ. — Он не ждал разрешения Нунули на обсуждение этой темы и продолжал: — Я думаю, самое важное это то, каким образом члены комитета добились поддержки такой расы, как вы?

Голубоватые глаза, казалось, стали слегка удивленными. Затем на гладком лице появилось такое выражение, как будто Нунули нахмурился. Он заговорил словно это было само собой разумеющимся:

— Они высшая раса. В тот момент, когда один из них вошел с нами в контакт, он показал нам цель. С тех пор, после того, что мы увидели планету с передовой культурой и решили, что нам нужны тонкие методы, мы позвали члена комитета, чтобы вложить цели в умы наших лидеров. Вот и все. Все сопротивление прекратилось.

Модьун сказал:

— О!

Все стало проясняться.

— Цель, — сказал Модьун, — конечно.

А потом спросил многозначительно:

— Когда Зувгайты вошли в контакт с Нунули, это была мысленная связь? То есть, мысленная беседа, которая имела результат, диалог?

Нунули возмутился.

— Член комитета не обсуждает ничего с членом низшей расы, — сказал он.

Модьун сдержал торжество. Небольшая победа, но он узнал кое-что, чего не знал Нунули. Зувгайты не могли передавать мысли в обоих направлениях в обычном понимании этого слова. Они, очевидно, могли делать внушение.

Внушать можно было что угодно. В этом смысле два Зувгайта могли обмениваться внушениями друг с другом, возможно, могли защищать себя от гипнотического воздействия взаимного внушения; могли благополучно беседовать через мили и годы пространства. Подобным способом внушать можно другой личности, которая не имеет защиты против него.

Модьун удивился, когда понял, что его тело дрожит от такой информации. Ему потребовалось усилие, чтобы сказать:

— Они могут… внушать, объединившись?..

— Вся тысяча, — с удовлетворением ответил Нунули. — Их сила непреодолима.

Больше они не обсуждали это качество Зувгайтов. Против такого защищенного одностороннего фронта тысячи индивидуалов, каждый из которых мог оказать сильное сопротивление, метод человеческой системы восприятия нельзя использовать непосредственно.

Модьуну вдруг захотелось узнать и остальное.

— Цель этих существ продолжает удивлять меня, — сказал он. — Их план усовершенствования галактики включает уничтожение человеческой расы и, возможно, других видов разумных существ. Какое научное объяснение этому?

Нунули оказался лишенным воображения.

— Эта информация существует. Я имею ее, но не могу открыть.

У Модьуна промелькнула мысль, что люди Земли мертвы в результате деятельности Зувгайтов, и он, по крайней мере, должен получить этому разумное объяснение.

— В таком случае, — пригрозил он, — я должен буду кое-что сделать.

— Это не принесет вам пользы, — сказал Нунули. Он вел себя самодовольно. — Я убежден, что

никто, даже человеческое существо, не сможет понять особое состояние моего мозга, защищающее эти данные.

— Может получиться интересная проверка для вас и для меня, — сказал Модьун.

— Мы узнаем, действительно ли это правда.

Но он говорил нерешительно и обнаружил, что мысленно одобряет ограничение, которое заложил раньше: если Нунули откроет свою давнюю историю, то насилия не будет. Решение, заложенное где-то внутри Модьуна, оказалось сдерживающим аргументом. Это казалось нелепым, потому что во время бурных эмоций или физического напряжения он использовал свои внутренние резервы, не считаясь с прежними моральными обязательствами.

Думая так, но еще колеблясь, Модьун сказал:

— Что сказали Зувги о природе барьера в вашем мозгу?

— Если вы примените свою силу в этой области — это мгновенно убьет меня, — был ответ.

— О!

— Принималось и принимается на веру, — спокойно сказал Нунули, — что вы не сделаете ничего, что действительно повредит мне.

— Я думаю, что это правда, — неохотно сказал

Модьун. — Но все же…

Он объяснил, что это область биологии, которую человеческие существа полностью изучили.

— То, что мы сделали для животных Земли, — это только крошечная часть нашей общей способности манипулировать с клетками и группами клеток. Я уже видел, что у вас не такой, но сравнимый с человеческим тип нервных клеток. Каждая из ваших нервных клеток имеет длинную соединительную нить из нервной ткани, выходящую из каждого конца. У человеческих существ подобные связи называются аксоны и дендриты.

— Я знаком с анатомическими подробностями, о которых вы говорите.

— Хорошо. Однажды на Земле, — продолжал Модьун, — была высказана мысль, что аксон — это просто линия, похожая на телефонный провод, способная передавать электрические импульсы; то же касается и дендритов. Однако обнаружили, что каждая из этих мелких нитей нервного вещества усеяна пятью-десятью тысячами маленьких пятнышек. Последующие опыты показали, что каждое из этих пятнышек имеет свой вход или выход. Итак, представьте себе оригинальный человеческий мозг с двенадцатью миллиардами клеток, каждая с нервными окон-

чаниями, имеющими около пяти-десяти тысяч входов и выходов, ни один из которых, очевидно, не используется в непосредственной передаче импульсов мозга.

— Я очень хорошо знаком с этими подробностями, — последовал резкий ответ. — Мы изучали эти специальные входы и выходы, которых не хватает другим расам; это сделало возможным наше улучшение человеческой породы до уровня, когда каждый индивидуал обладает полной силой, но ее применение против других ограничивается философией — вы помните?

Модьун с грустью вспомнил, но упорно продолжал.

— В работающем электронном приборе неиспользуемые входы и выходы создают шум. В человеческом мозгу они стали источником беспорядка и неправильных связей. Однако впоследствии обнаружили, что входы, действительно, принимают все мысли других людей, а выходы, действительно, передают все содержимое мозга в единое психическое пространство. Но моя точка зрения: то, что входит и выходит, как бы обременено шумом, и было невозможно отделить информацию от шума до тех пор, пока не была разработана наша система. Я не вижу

ничего неправильного в том, что вся сила ограничивается философией, — кроме тех случаев (я начал это понимать), когда это ограничение работает на общее саморазрушение. Это означает, что я чувствую, что могу свободно давать указания. Думаю, что смогу очень легко помочь вам обойти или аннулировать барьер, запрограммированный внутри вас… — Модьун не закончил предложение. — Но, — закончил он, — я, действительно, хочу получить больше информации.

Последовала долгая пауза. Взгляд инопланетянина замер на Модьуне. Наконец, Нунули сказал:

— Я отвечу почти на любой вопрос, кроме этого. Я не уверен, что ваши знания могут преодолеть то, что создал член комитета. Что еще вы хотели бы знать?

— Где находится Зувг?

— Я не знаю. Я никогда не был там. Очевидно, они не допустят, чтобы тот, кто знает это, был близко от вас.

Модьуну это показалось честным ответом. Он сказал:

— Тогда расскажите мне, что вы знаете о комитете?

— Это самая развитая раса в галактике. Те

науки, которые они не развили сами, они позаимствовали у других рас с помощью своего метода управления разумом. Они — единственные по-настоящему бессмертные.

Модьун прервал:

— Вы имеете в виду «живущие дольше всех»? — Он улыбнулся. — В настоящее время человек живет около тридцати пяти сотен земных лет. Возможно, что эволюция в конце концов доведет этот срок до десяти тысяч. Есть причины, из-за которых нормальная клетка увядает, что в результате и приводит к смерти.

Гладкое загадочное лицо было мягче, чем когда-либо.

— Я повторяю: они по-настоящему бессмертны. Нескольким членам комитета более ста тысяч земных лет. Вы слышите?

— Но это невозможно на этой стадии развития галактики, — запротестовал Модьун. — Есть только один путь.

Он забеспокоился.

— Много лет назад мы, люди, решили не идти по такому неестественному пути.

— Вы не хотели идти по нему из-за вашей философии, правильно?

— В основном, я полагаю, да. Но также и по-

тому…

Модьуна прервали.

— Это и была ваша ошибка, — последовал спокойный ответ. — Природу не заботят правильные или неправильные методы. Имеет значение только сам факт. А факт заключается в том, что они все очень старые, а вы не способны на то, чего они достигли.

Существо на матраце оборвало фразу.

— Наверное, вы теперь перестанете задавать вопросы и мы сможем расстаться.

— Да, — сказал Модьун. — Остальное я узнаю, когда побеседую с представителем комитета. Вы можете организовать такую встречу?

— Это невозможно — по причинам, которые я уже объяснил. Они не принимают сообщения. Они только посылают их, в форме приказов.

— Если только представится возможность, — сказал Модьун, — вы знаете, где я.

— Конечно, я знаю, где вы, — был ответ, произнесенный с удовлетворением, — и куда вы собираетесь.

— Куда же?

— В никуда.

22

Все закончилось.

По крайней мере, для людей-животных больше не было проблем. Они волновались, когда впервые возвратились в свою спальню. Но, когда ничего не случилось, — когда товарищи по спальне окружили их и стали хлопать по плечам и жать им руки (были даже аплодисменты) — они быстро возобновили свое беззаботное существование.

Но они, конечно, приобрели суровый опыт. Сила потрясения, которое они пережили, обнаружилась в первый раз после того, как они вернулись в каюту Модьуна. Когда Модьун, который принимал ванну, вышел, он увидел, что они разглядывают все вокруг с завистью и удивлением. Они, казалось, забыли те часы, которые раньше провели здесь. Они изучали роскошную гостиную и выражали свои чувства восклицаниями, разглядывали великолепно обставленную ванную. Но, когда они увидели кухню с отдельной столовой, то стали громко выражать свое изумление.

— Дружище! — сказал Руузб, подозрительно наклонив голову. — Это, действительно, класс.

Как это получилось?

— Да, как? — поинтересовался Неррл.

Иггдооз и Дуулдн стояли рядом с округлившимися от любопытства глазами.

Модьун дал им объяснение, исходившее от высокопоставленного офицера-гиены.

— Мне объяснили, — сказал он, — когда я переехал, что, так как меня не было в списках для спален, то для меня не нашлось другого места, кроме свободной офицерской каюты.

— Дружище! — сказал Руузб. — Я думаю, после этого стоит быть безбилетным пассажиром.

Модьун великодушно продолжал:

— Почему бы вам, друзья, не приходить сюда и не обедать со мной? Так мы сможем держаться вместе.

Они охотно согласились. Теперь он имел компаньонов на время обедов. Что было приятно. Не потому что эта компания много значила для него, а потому что теперь они стали почти беспрерывно болтать о приближающейся посадке. Это стало неизбежной темой. Когда они уходили для дополнительных тренировок, Модьун включал свой телевизор с замкнутым контуром, и на экране появлялся высокопоставленный человек-гиена, который говорил о том же самом. В

подготовительные часы только по одному каналу передавалась музыка.

На второй день, когда четверо пришли в его каюту, у каждого был пакет и длинный прибор, излучавший статический заряд, который зарегистрировала одна из систем восприятия в мозгу человека. Модьун осмотрел оружие и увидел, что оно неземного происхождения и конструкции.

— Очень остроумно, — сказал он, возвращая оружие человеку-ягуару, его владельцу. На щеках Дуулдна вспыхнули два знакомых ярко-красных пятна.

— Ты смеешься? — сказал он. — Прошло много времени, пока до моей башки дошло, как работает эта штука. А ты ведешь себя так, словно уже все понял.

— Ну… — сказал Модьун.

— Может быть, он видел ее раньше в Африке, — вставил Руузб из другого конца комнаты. — Так, Модиунн?

Модьун с радостью принял это объяснение.

— Оно выглядит так, как то, что я видел в Африке, — сказал он многословно. — Заряд содержится в этом длинном стволе. — Он показал блестящее тиснение вдоль дна барабана этого оружия, похожего на винтовку. — Если нажать большим

пальцем кнопку здесь наверху, то ствол освобождает заряд как батарея. Судя по размеру, я думаю, что энергия мгновенной вспышки может сделать электропроводным столб воздуха величиной около пятисот ярдов, и электрический ток от маленькой динамо внутри ствола доходит до любой цели без потерь. Я думаю, тысячи ампер при 660 вольтах достаточно, чтобы убить даже слона.

Он покачал головой и сказал грустно:

— Очень плохо.

— Что же здесь плохого? — сказал Дуулдн. — Нам может понадобиться здесь что-то подобное для защиты. Кто знает, что нас ждет?

Так как они не знали о настоящей цели экспедиции, Модьун прекратил разговор.

Во время еды, когда они были вместе, Модьун узнал, что по плану посадка назначена на следующее утро по корабельному времени.

23

По просьбе Нунули, хозяина корабля, Модьун оставался в своей каюте. При сложившихся обстоятельствах — подчеркнуло создание — это было самое малое, что он мог сделать. Модьуну совет Нунули показался разумным. Он согласился, что он незваный гость и поэтому должен доставлять

как можно меньше беспокойства.

Нунули отклонил его просьбу позволить ему наблюдать посадку по видеоустройству в каюте. Модьун заметил, что его тело почувствовало досаду из-за отказа; но это, действительно, было не его дело. И, конечно, похоже на правду, что такая высадка получится очень скучной, с бесчисленными повторяющимися действиями.

Модьун не старался представить себе, что происходит внизу. Континент неведомой планеты, который он мельком видел на ранних стадиях приближения корабля, был достаточного размера, чтобы прийти к заключению, что там очень много обитателей. И Модьун предполагал, что будет применен метод захвата.

Модьун выполнял обычные действия, которых требовало его выросшее человеческое тело. Когда подошло время дневного сна, он немного поел. Потом, когда он расслабился, ожидая чтобы тело выполнило необходимые биологические функции, он позволил себе послушать живую животную музыку. Странно, но кровь побежала быстрее, сердце забилось сильнее, глаза заблестели. Музыка продолжала быть для Модьуна источником обучения эмоциям, возможным объяснением человеческого поведения в те давние

дни, когда эмоции было так легко вызвать.

«Мы, действительно, произошли от существ очень примитивного типа», — подумал Модьун. Ему было страшно подумать, что Нунули нашли именно этого примитивного человека и безошибочно поняли его уязвимость. Это, конечно, не имело смысла. После всего: то что они думали, что достигли, и то, чего они в самом деле достигли, — это оказались совершенно разные вещи.

Пока Модьун так размышлял, он закончил свой туалет, сбросил одежду и забрался в кровать.

Прошел час, — и его разбудил стук в дверь.

«Стук, — подумал он. — А что же случилось со звонком?»

Но он включил свет и встал с постели.

— Кто там?

— Это я, Нунули, хозяин корабля. Я хочу поговорить с вами.

— Почему бы не прийти после дневного сна? — спросил Модьун.

— То, что я должен сказать, не может ждать.

Рассуждения Модьуна сразу пришли в противоречие с его природной вежливостью. Его разум говорил: очевидно, что-то не так. Правда заключалась в том, что, если бы он и Нунули никогда больше ни о чем не беседовали, Модьун

ничего бы не потерял. Но, конечно, никто бы и не выиграл. Но Модьун всегда был любезен, даже в противовес разуму. Так получилось и теперь.

Модьун сказал:

— Я раздет. Я могу одеться прежде чем отвечу?

— Нет, нет, в этом нет необходимости. Я всегда раздет, как вы знаете. Ваше тело безобразно, но я могу вынести его вид.

«Смотрите-ка, кто кого называет безобразным», — подумал Модьун, когда пошел открывать дверь. Нунули проскользнул в его каюту с удивительной поспешностью. Он подошел к кровати и опустился на нее.

— У нас возникла небольшая проблема, — сказал он. — Я хотел бы знать, не поделитесь ли вы со мной своими соображениями.

— В чем проблема? — спросил Модьун. Он пока не хотел давать никаких обещаний.

Нунули встал с кровати.

— Может быть, вы могли бы одеться и сойти со мной вниз.

— То я должен одеться, то не должен. Решите же, наконец, — сказал Модьун.

— Оденьтесь. Температура внизу около нуля. Мы, кажется, опустились на холодную часть планеты.

Когда Модьун одевался, он подумал, а потом, наконец, сказал, что для него в любом случае было бы неразумно покидать корабль.

— Я нахожусь на борту без вашего разрешения, — подчеркнул он. — Насколько я знаю, если я сойду здесь, вы просто отдадите приказ улететь из этого района космоса, а я останусь здесь. Я даже не знаю, где это «здесь».

— Я думал, что вас не заботит, где вы находитесь, — последовал резкий ответ.

— Мое тело устало от того, что оно заполнено простыми устройствами, — сказал Модьун. — И я очень мало интересуюсь той неразберихой, которую вы пытаетесь создать вокруг меня.

Нунули смирился с возражением человека. Он сказал коротко:

— Внизу идет битва, и поэтому я прошу, чтобы вы воспользовались одной из ваших систем восприятия и спасли нашу армию.

Модьун был изумлен неправильным представлением собеседника. Он подчеркнул, что системы восприятия строго ограничены и в такой ситуации неприменимы вообще.

— Они обеспечивают, — сказал он, — ограниченное управление элементарными силами в ограниченном пространстве. Если бы вы, Нунули,

действительно захотели убить меня, вы, вероятно, смогли бы это сделать. Но вы должны были бы приготовиться к тому, что силы, которые вы используете, обратятся персонально против вас. Таким способом работают мои системы.

Если бы можно было сказать, что масса похожих на червей щупалец и гладкое, как стекло, лицо имеют отсутствующее выражение, то именно так Нунули реагировал на его объяснение. Инопланетянин казался задумчивым. Наконец, он сказал:

— Каким способом вы могли бы отразить атаку врага на корабль?

— Забрать ваших людей на борт и улететь, — просто ответил Модьун.

— Это проблема, с которой я сам никогда не сталкивался, — признался Нунули.

— Должен сказать, что я сбит с толку тем, что так неадекватно оценил Ганиан по прежним посещениям. Я мог бы поклясться, что сложная техника не понадобится и что мы просто сможем прибыть с нашим мощным оружием, и сокрушить все на своем пути.

Он объяснил:

— Это всегда самый простой способ. Дело делается сразу, и больше нет помех. Мы создаем

правительство, подчиненное нам, и ждем указаний от комитета.

Он покачал головой.

— Но не так, как на вашей Земле. Помните? Там нам противостояла атомная цивилизация, и мы должны были применить метод, который требует нескольких сотен тысяч лет.

Вдруг он вспомнил о своей главной цели.

— Ситуация очень серьезная. Даже вам скоро могут начать причинять неудобство энергетические заряды Ганиан, если вы не поможете нам.

Его голос звучал серьезно и убедительно.

— Что же именно произошло? — спросил Модьун.

После паузы Нунули сказал откровенно:

— Наши наземные силы остановлены, а большие силы Ганиан — может быть, равные двум дивизиям — захватили всю заднюю секцию корабля, включая большой парк. Они сделали это способом, который непонятен мне и моим техническим советникам.

— Может быть, — сказал Модьун, — я мог бы помочь. Почему бы нам не пойти в заднюю секцию корабля? Я полагаю, вы теперь хотите отказаться от атаки?

— Да, конечно.

Существо казалось расстроенным.

— Но сначала мы должны освободить и вернуть наши наземные силы. Там внизу добрых двести тысяч существ.

Модьун был поражен.

— Это, конечно, большое количество существ, и, вероятно, туда входят четверо моих друзей-животных. Они говорили мне, что все они были выбраны по методу жеребьевки.

— Я ничего не знаю о таких подробностях, — поспешно сказал Нунули.

Модьун, который уже взялся одной рукой за дверь, повернулся и хмуро посмотрел на инопланетянина.

— То, как вы говорите об этом, — медленно произнес он, — дает мне повод усомниться в системе «жеребьевки». Может быть, она такая же честная, как и обсуждение пункта назначения этого корабля на Земле? — Глаза Модьуна сузились. — Может быть, моих друзей выбрали умышленно и поручили им самые опасные задания в надежде, что их ранят или убьют?

— Нет, нет, клянусь, — прошептал Нунули. — Этого не могло быть.

Он заволновался.

— Если ваши друзья внизу, то, чем скорее вы

вмешаетесь, тем лучше. Я заверяю вас: это — кошмар. Нужно что-то делать, или наши войска будут сметены.

— Я даже не могу себе представить, что делать, — сказал Модьун, — но так как цель — прекратить атаку, то давайте пойдем и посмотрим.

С этими словами он открыл дверь и вышел в коридор. Нунули не отставал.

24

Почти сразу им стало трудно двигаться.

Сзади шли толпы людей-животных. Раздавались пронзительные крики и топот ног, когда мужчины и женщины с волнением стремились в переднюю часть корабля.

— Держитесь прямо за мной, — убеждая Нунули, Модьун поставил свое большое тело между слабым инопланетянином и несколькими большими людьми-животными, которые спешили мимо, толкали их и пробегали, как будто их здесь не было. Это была обезумевшая толпа, которая ничего не знала о двух существах, пытающихся идти в противоположном направлении. К счастью, толпа была неоднородной. Иногда в ней встречались большие пустоты, попав в которые человек и Нунули быстро продвигались вперед.

Наконец, они пришли туда, где на полу лежали раненые и мертвые. Среди стонов раненых и умирающих Модьун почувствовал, как его сзади потянули за локоть.

— Куда вы идете? — спросил Нунули. Его гладкое лицо немного изменилось, как будто его серый цвет стал не таким ярким, как обычно. И, казалось, маленькие червячки на его голове свернулись в крошечные узелки и очень ровно разлеглись на его черепе.

— Я думаю, мы можем пойти и поговорить с предводителем армии Ганиан, которая поднялась на борт.

Нунули оживленно заметил:

— Я не разрешаю делать это именно сейчас. Было бы довольно глупо, если бы я, как хозяин корабля, отдался на их милость.

— Сомневаюсь, что тут возникла бы проблема, — сказал Модьун. Его немного удивил отказ. — Они, наверное, будут счастливы, когда узнают, что вы готовитесь отказаться от атаки. Правда, не так ли?

— Абсолютная, — создание говорило искренне. — Действительно, если вы сможете убедить их позволить нам забрать наши наземные силы, то скажите им, что мы сразу улетим.

— Мне очень приятно слышать это от вас, — сказал Модьун. — Но я думаю, будет лучше, если вы сами скажете это.

Нунули начал отступать.

— Думаю, что я должен находиться в центре управления, выстроить наши войска, чтобы они защищали переднюю часть корабля в случае, если враг начнет штурм прежде, чем вы сможете поговорить с ними. Я заметил, что никто этим не занимается.

Это была правда. Модьуну пришло в голову, что тела вокруг них, и мертвые и живые, принадлежали людям-животным, которые как-то выбрались или выползли из бойни дальше к задней части. А Ганианские войска, наверное, маневрировали в нескольких больших парках в задней части корабля.

— Хорошо, — согласился Модьун. — Может быть, то, что вы сказали, — хорошая идея. Могут начаться не очень согласованные действия и трудности в коммуникации. Чтобы спасти живых, а это самое главное. (Он помнил, как интересовало его четверых друзей продление жизни, когда они были приговорены к смертной казни.) Это ваша забота.

Ярко-серая окраска Нунули восстановилась.

— Собственно говоря, — сказал он, — я имею указание комитета не подвергать опасности свою личность без необходимости. В своем стремлении к миру я должен поступить именно так. Поэтому я лучше быстро уйду.

— Я не знаю ничего о вас и мире, к которому вы стремитесь, — начал Модьун. И остановился. Он обращался к быстро уходящему Нунули, который через несколько секунд юркнул в боковой коридор и исчез.

Модьун продолжил прерванный путь. Из любопытства он включил систему восприятия, хотя это не было нужно. В столь замкнутом пространстве его защита сработает автоматически. Почти немедленно поступил первый сигнал обратной связи. Смысл заключался в том, что за Модьуном следили с помощью довольно сложных приборов, которые могут создавать изображение, непосредственно не видя цель.

Вскоре он увидел, что двери мягко открываются и что он уже на территории, контролируемой Ганианами. Множество живых существ, вероятно, солдат, вышло в коридор из комнат позади него, отрезая ему путь к отступлению.

«Хорошо, — подумал он. — Надеюсь, они увидели, что я приближаюсь к ним с определенной

целью».

Вдруг в его мозгу возникло ощущение воздействия. Что-то яркое промелькнуло мимо плеча.

Модьун не повернулся и продолжал идти тем же самым быстрым шагом, следя только за тем, чтобы не споткнуться о мертвое тело. Другая вспышка промелькнула мимо головы, потом еще одна. Его мозг работал. Но он заметил, что по своей природе затраты были минимальными. Это была защита, а не сопротивление.

Создания не целились непосредственно в него. Он подозревал, что они проверяли его решимость двигаться в выбранном направлении.

Так же внезапно, как началась, энергетическая стрельба прекратилась. Через несколько минут после того, как он приблизился к пересечению коридоров, полдюжины существ вышло с каждой стороны и преградило ему путь.

Модьун остановился. Он подумал, что сейчас точно узнает, какова цена дальнейшего прогресса.

Существа, которые противостояли ему, были грубыми и коренастыми. У них были головы, тела и руки, но выглядели они так, словно их грубые человеческие тела ростом немного меньше шести футов были вырублены из мрамора.

«Человек сделан из мягкой глины; Ганиане из твердого коричневатого мрамора»,

— подумал Модьун.

Одно из шести созданий, преградивших ему путь, что-то показывало ему жестами. Повелительные движения. Казалось, существо что-то приказывает. Закончив жестикуляцию, Ганианин издал резкий звук. Неожиданно он и пять его спутников разделились на две группы по три. Одна группа заняла положение слева, а другая — справа от Модьуна. Модьун подумал, что он понял. И, действительно, когда он снова пошел вперед, две группы пошли вместе с ним.

Его сопровождали. Куда? Он надеялся, что на командный пост.

Внезапно индивидуум, который уже показал, что он обладает некоторой властью, отделился от своей тройки и неуклюже побежал вперед, туда, где перед открытой дверью по стойке «смирно» стояло несколько Ганиан. Он произнес какие-то звуки, а затем повернулся, внимательно посмотрел глубоко посаженными глазами в спокойные глаза Модьуна и показал на открытую дверь.

Снова Модьун подумал, что он понял. И вошел в дверь.

Он увидел, что вошел в огромный зал, который

выглядел, как театр. Здесь была сцена и три яруса стульев для публики, по меньшей мере для шести тысяч, небольшая галерка высоко под потолком могла вместить еще пару сотен.

Несколько Ганиан, вероятно, солдат, — потому что у них было то, что выглядело как металлические прутья — настороженно смотрели на сцену, расположенную ниже, с высокой выгодной позиции. Все остальные, находящиеся в зале, были на большой сцене. Позади сцены около сотни Ганиан выстроились в три ряда. Они стояли и тоже держали наготове металлические прутья. Перед ними сидела вторая группа. В этой группе было по меньшей мере три дюжины существ. Индивидуум, который не отличался от других в этой меньшей группе, стоял и, очевидно, что-то рассказывал сидящим.

Все сто тридцать Ганиан внимательно смотрели на экран, который поднимался вертикально перед сценой. Но с того места у двери, где остановился Модьун, не было видно, что происходило на экране.

25

На сцене все мгновенно изменилось, когда существа увидели Модьуна.

Индивидуум, который обращался к другим, замолчал. Он сделал несколько тяжелых шагов к краю сцены, ближе к Модьуну, и заговорил громким голосом. Слова были адресованы тем, кто сопровождал человека; так как их слышали многие, то и Модьун мог слушать их, не боясь быть невежливым. Поэтому он включил индикатор мыслей, и до него донеслись значения слов в грубой редакции перевода:

— Поставьте передо мной эту свинью!

Животное, название которого соответствовало представлению о неизмененных земных свиньях, валяющихся в грязи, было больше похоже на маленькую рогатую корову на изображении, которое Модьун получил из мозга противника.

Модьун обиженно улыбнулся при мысли о таком неприемлемом сравнении. Итак он говорил и одновременно принимал мысли:

— Я пришел сюда по своей доброй воле. Если вы захотите, чтобы я прошел на сцену, я с удовольствием это сделаю.

— Ты говоришь на нашем языке! — Ганианский командир был удивлен. — Я рад, что мы можем с кем-то поговорить.

Модьун решил, что слишком сложно объяснять природу восприятия мысли, которая при

использовании в сочетании с произносимыми словами создавала впечатление, что собеседник слышит речь. В этом методе особенно хорошо то, что он ограничивал вторжение в мысли другой личности значением произносимых слов.

Думая так, он быстро шел вперед. Шестеро сопровождающих неуклюже бежали рядом и старались не отставать. Из-за кулис на сцену вели широкие ступени. Когда Модьун поднялся по ним, он впервые увидел, что было на большом экране перед сценой: прекрасный вид внизу, часть планеты Ганиан, очевидно, непосредственно под земным кораблем. Никто не мешал ему, когда он зашагал по сцене к тому месту, откуда мог видеть все.

Внизу был день. Светлый, яркий; все было хорошо видно, казалось, события разворачивались лишь в полумиле внизу. С одной стороны от корабля текла река, неожиданно появляясь на огромной равнине под кораблем, вынырнув из леса. На этой равнине, простирающейся по обе стороны реки, была армия Землян. Она не окопалась; неправильное впечатление возникло из-за ее отчаянного положения. Но она не могла отступить.

К северу, востоку, югу и западу были Ганиан-

ские армии. Они теснили войска Землян, сжимая их в кольцо на площади около двух квадратных миль. Две квадратные мили — очень мало для четверти миллиона людей-животных и их снаряжения.

Между Землянами и Ганианами шла битва. Среди людей-животных Земли появлялись гигантские вспышки яркого цветного огня, и пятна сверкающего пламени возникали в непрерывных брызгах огня среди отдаленных Ганианских армий.

Вот и все, что успел оглядеть Модьун прежде, чем резко отвернуться от экрана. Зрелище было очень жестоким и беспощадным.

— Мы должны как можно скорее прекратить эту битву. Для армий Гании и Земли нет необходимости продолжать эту резню.

— Кто вы? — резко спросил командир Ганиан.

— Меня зовут Модьун. А вас?

— Я генерал. Мое имя Дуэр.

— Генерал Дуэр, я представляю Нунули, хозяина этого Земного корабля. Давайте прекратим резню.

Последовала долгая пауза. И непреклонный ответ:

— Битва прекратится только при полном

уничтожении или при полной капитуляции вторгшейся армии.

Модьун вздохнул так, как это делал Игдооз, открыв рот и выдохнув. Наконец, он сказал:

— Это не нужно. Кроме того, мы оба знаем, что страдают только простые люди. Естественно, руководители не капитулируют и не позволят уничтожить себя. Поэтому ваше предложение нереально.

— Наказание должно соответствовать преступлению, — последовал беспощадный ответ. — Они члены вторгшейся агрессивной армии, и их целью было завоевание Гании.

— У простых людей не было таких намерений, — сказал Модьун. — Кроме того, какой бы ни была индивидуальная ответственность, условия изменились. Теперь они хотят уйти с этой планеты и отказаться от атаки, если ваша передовая группа покинет корабль и нам позволят забрать своих людей.

Позиция существа, которое стояло перед Модьуном, оставалась все такой же неумолимой.

— Если война началась, ее не так легко прекратить, — сказало существо. — Мы требуем полной капитуляции этого корабля и планеты, — вы назвали ее Землей? — которая осмелилась послать

армию для захвата Гании.

Модьун покачал головой.

— Это неправильно, — сказал он. — Война не устраивает ни ту, ни другую сторону. Прежде всего, она никогда не должна начинаться. Но, если она началась, ее нужно прекратить как можно скорее. Вам повезло, что атака не удалась. Чем скорее вы подумаете об этом с такой точки зрения, тем скорее вы увидите, что ничего не выиграете своим непреклонным ответом. Прекратите войну, пока моя армия чувствует себя побежденной. Они могут что-то придумать или у них появятся такие же желания, как у вас. Тогда они не сдадутся.

Последовала долгая пауза. Генерал Дуэр стоял и смотрел на Модьуна глубоко посаженными глазами. Казалось, он пытается понять значение того, что сказал человек. Наконец, он спросил:

— Мы обсуждаем тот же вопрос?

Модьун был удивлен. Ему казалось, что он изложил свою позицию, как обычно, по существу. Но, сталкиваясь с неразумными личностями, он уже обнаружил, что они стремятся исказить основную истину. Поэтому он сказал, четко выговаривая слова:

— Предмет моего разговора — отвод ваших

армий с этого корабля и мирная посадка наших наземных сил. Взамен хозяин Нунули соглашается отказаться от агрессии против Гании.

— О! — с сарказмом сказал генерал. — Я не могу быть уверен в этом. У меня создалось впечатление, что враг прислал в качестве посредника ненормального.

— Здравомыслие, конечно, относительное понятие, — начал Модьун.

Его резко прервали.

— Ваши армии и ваш корабль полностью в нашей власти. Но вы пришли сюда и действуете, как будто все обстоит иначе. Кто вы, черт побери? И что значит вся эта болтовня?

Это, конечно, не точный перевод, а только вежливая интерпретация его грубой речи.

— Я пассажир, — сказал Модьун. — То есть…

Он замолчал, размышляя, должен ли он сказать о своем положении последнего человека на Земле. Его роль на корабле: непрошеный гость, которого не считают опасным, но не могут убить. Модьун полагал, что нужно найти Судлил и побеседовать с членом комитета, поэтому закончил объяснение, скрыв неопределенность.

— Я не участвую во всем этом. — Он махнул рукой на Ганианских солдат, захватывая и огром-

ный экран. — Я хотел поговорить с вами. Но, если вы думаете так, как вы сказали, то в дальнейшей беседе нет необходимости. Если вас нельзя убедить, а, очевидно, так оно и есть, то я вернусь в свою часть корабля.

— Нет, — многозначительно сказало создание, стоящее перед ним. — Вы никуда не пойдете. На Гании мы отсылаем головы неудачливых посредников их начальникам.

Другие существа на сцене стали издавать какие-то звуки. Модьун понял, что это смех.

Он с упреком покачал головой.

— Должен предупредить вас, что мое тело не выносит персональных угроз. Для меня было открытием, что древние люди, действительно, не могли жить с пассивной философией. Я пытался проанализировать, как можно справиться с такой автоматической подавляющей реакцией, и решил, что в такой критической ситуации, как эта, это будет умышленное мягкое нарушение тайны вашего мозга. Заранее извиняюсь и прежде, чем я сделаю это, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что я единственный на борту, кто может говорить на вашем языке. И вы уверены, что можете угрожать переводчику, который?..

Он замолчал.

Потому что именно в этот момент почувствовал сильное тепло в одном из своих воспринимающих центров, повернулся и посмотрел в том направлении, откуда исходило тепло. Когда он сделал это, лампы в зале начали мигать.

У него было время подумать:

«Боже мой, это… в такой отсталой культуре, как Ганианская».

Потом он подумал, что их знания этого явления, очевидно, не полные и они не понимают, что нельзя использовать такие источники энергии на поверхности планеты.

Дальнейшие критические размышления были невозможны.

Но Модьуну было интересно все, что в каждое конкретное мгновение мог воспринимать его мозг.

26

Модьун не думал, что делать дальше. Если бы такая мысль и появилась, он бы заколебался, а при сверхскоростях это могло оказаться фатальным. То, что случилось, было для него энергетическим явлением. И он просто заинтересовался — и очень сильно — наблюдением пространственного явления, которое он никогда

не видел, но о котором слышал.

В самое первое мгновение его мозг отметил появление черной дыры. Действительный размер, который он для нее определил, был восемь километров.

Очень маленькая.

Еще Модьун заметил, что первоначально она была голубым солнцем. После сгорания всего водорода она увеличилось до красного гиганта и быстро — необычайно быстро — исчерпало свой гелий, углерод, кислород, кремний и так далее до того момента (в понятиях звездного времени), когда дело дошло до железа и возникло устойчивое положение. Но железо тоже было исчерпано. Большая звезда искала и нашла другое короткое устойчивое состояние — в качестве белого карлика.

Следующая катастрофа стала неправдоподобным безумием нейтронной звезды. Но установить равновесие даже для такой малой массы, как Земная луна, невозможно за короткий период. Возникла особая область пространства диаметром восемь километров.

Гравитационная дыра.

Модьун думал, пораженный:

«Эти Ганиане должны были выходить в бли-

жайший космос. Поэтому они изучили некоторые его законы и собираются нанести поражение комитету».

Это казалось невероятным. Трудно представить себе, что у них, в самом деле, могла быть столь передовая технология. Но, какие могут быть вопросы, если они управляют этой гравитацией.

Вот почему сухопутное войско потеряло подвижность и не может подняться с земли на корабль. Их удерживает уровень гравитации красного гигантского солнца.

Пока Модьун думал, прошло около десяти секунд. Но прошло уже слишком много времени и для микрокосмоса черной дыры.

Он чувствовал, как корабль содрогается под ним, а его компьютеры пытаются подстроиться к непрерывному сдвигу в гравитационном (и магнитном) потоке. Компьютеры пытались противостоять особенности пространства, безумию вещества и энергии. Что, конечно, невозможно.

За десять секунд гравитационные силы преодолели уравновешивающую силу гигантских машин корабля. Модьун не мог найти равновесие.

Большой корабль сразу начал падать.

Модьун вспомнил, что гравитация — не сила.

Это даже не поле в обычном магнитном смысле этого термина. Для двух тел в пространстве легче стремиться к сближению, чем отталкиваться друг от друга. Это была единственная причина, по которой такой огромный корабль мог приблизиться к поверхности планеты. Да, легче стремиться к сближению, но такая связь не должна существовать. Двигатели корабля стремились создать поле, в котором каждая частица корпуса корабля игнорировала бы присутствие планеты.

Силой можно было управлять и регулировать ее с большой точностью. Так корабль и маневрировал раньше в гравитационном равновесии на высоте примерно полумили над поверхностью Гании.

Использование гравитации черной дыры нарушило равновесие.

Но корабль все еще падал только со скоростью свободного падения в атмосфере. На Земле — шестнадцать футов в первую секунду, тридцать два — во вторую. На Гании примерно то же самое.

Не существует систем восприятия, которые могут иметь дело непосредственно с такими колоссальными силами.

«Кто-то делает это, — подумал Модьун. — И с

ним или с ними нужно установить контакт».

Он все еще не думал о происходящем, как о битве. Он просто привел в исполнение свое прежнее решение: получить информацию от генерала Дуэра. Модьун обнаружил растерянность. Страх. Мозг и тело Ганианина выражали уверенность в надвигающемся несчастье.

— Хорошо, хорошо, — кричал в темноте руководитель Ганиан, — мы уйдем. Но, ради Бога, не разрушайте корабль!

«Он не знает!»

Модьун удивился и предпринял следующий шаг: включил систему восприятия сознания окружающего пространства.

И увидел лицо.

Не человек. Не Ганианин. Не Нунули.

Лицо, полное решимости. Треугольная голова. Два узких глаза цвета крови. Эти удлиненные глаза, казалось, смотрели прямо в глаза Модьуна. На короткое мгновение их взгляды встретились в грубом физическом смысле. За эти бесконечно малые мгновения мозг инопланетянина не понял, что за ним наблюдают.

За это время Модьун послал мысль и сказал:

— Кто вы? Зачем вы это делаете?

Автоматически пришел ответ:

— Я член комитета — специальный агент — который уничтожил людей за барьером. А теперь, другим методом равной силы, знание которого принадлежит исключительно членам комитета, я…

В этот момент существо начало осознавать присутствие Модьуна. Автоматический поток его мысли прекратился.

Модьун был поражен этим отключением.

В темноте вокруг него Ганиане в смятении карабкались и издавали бессвязные хриплые звуки. Корабль падал. В желудке Модьуна возникло ощущение, которое бывает в слишком быстро опускающемся лифте.

Для Модьуна эти события были второстепенными. В этот момент он так жаждал информации, что потребовал общий насильственный ответ от далекого члена комитета, не замечая, что это нарушение тайны мозга инопланетянина.

Когда сила его требования достигла максимума, странное решительное лицо не стало более ясным, а, наоборот, поблекло. Вместо него, словно в замутненном пруду, появилась чья-то голова и плечи и золотые волосы. Видение мерцало, потом стало устойчивым, и он увидел — Судлил.

Модьун чувствовал, что между ним и жен-

щиной огромное расстояние. Но ее синие глаза смотрели прямо в его глаза, как будто между ними было всего несколько дюймов. И ее мысли доходили до его приемника мыслей, четкие и безошибочные, но удивительно грустные.

— Модьун, мне нужна твоя помощь. Зувгайт, член комитета, заманил меня в ловушку…

Связь закончилась. Ее изображение на таком удалении оставалось четким, но, если она еще и передавала мысли, то они не доходили. Теперь Модьун вспомнил, что рассказал ему Нунули о методе Зувга одностороннего управления разумом.

Это правда!

Невероятно, чтобы один Зувгайт без посторонней помощи был способен на столь интенсивный односторонний мысленный поток, что… создавал препятствия и задержки для передачи мыслей.

27

Модьун проделал то, что для него было необычно: он поверил в то, что неожиданное появление изображения Судлил вместо изображения члена комитета было согласовано. Это был план. Навязанная причинно-следственная связь, в чем Модьун отдавал себе отчет, потому что он должен был постепенно подстраивать свой мозг к иска-

женным целям существ с тайными мотивами.

Когда он стал сознавать происходящее, то увидел вокруг себя темноту, в которой Модьун угадал совершенно неосвещенный корабль. Корабль немного наклонился, как это случается с большими телами, которые падают в воздухе. Словно огромная масса атмосферы, которая раздвигалась в стороны падающим чудовищем, бурей пронеслась по нижним палубам корабля, нашла выемки и выпуклости, которые вызвали дисбаланс в скорости падения отдельных частей. Пол начал клониться вперед. Модьун должен был стоять, как на склоне, — одна нога слегка согнута, а вторая напряжена, чтобы удержаться.

Стоя немного неуклюже, он рассуждал:

«Мое внимание к трудному положению Судлил привлекли в тот момент для того, чтобы занять меня на то время, пока корабль не упадет на землю… Что и произойдет теперь через несколько дюжин секунд… Ловко придумано».

Его тело ощутило тепло. Лицо стало горячим, глаза напряглись и горели, зубы были крепко сжаты. Он думал:

«Член комитета, действительно, еще здесь, прячется за изображением Судлил».

Остается только одно. И — он потребовал всю

правду.

Снова, казалось, все случилось мгновенно, но прошло несколько секунд. И в течение всего этого времени сила его требования продолжала взаимодействовать с членом комитета и с образом, который он старался сохранить.

Вдруг лицо Судлил затуманилось. Снова возникло чувство расстояния — Модьун даже почувствовал, как она отдаляется от него.

Она ушла. Где она была с ее странной просьбой о помощи?..

Пустота.

В большом театральном зале огни вспыхнули и снова включились. Одновременно возникло ощущение, как в останавливающемся лифте. Остановка напоминала прыжок с десяти или пятнадцати футов. Падение на глинистую отмель. У Модьуна перехватило дыхание. Его колени подогнулись, и он неловко упал на пол.

«Лифт» снова включился. Скорость имела импульс свободного падения и удерживала Модьуна прижатым к полу. Пока он лежал, мгновенно став беспомощным, он обдумывал, что случилось. Чтобы избежать выполнения требования Модьуна, член комитета должен был отступить. Отказаться от того, что он делал. Отсечь черную

дыру.

Итак, что-то происходило.

Подъемная система большого корабля автоматически восстанавливала прежнюю связь с планетой под ним. Напряжение было ужасным. Конструкции корабля стонали. Каждая молекула изменялась, теоретически одинаково, но, на самом деле, между различными элементами существовали незначительные различия. Полы скрипели, стены сотрясались, все немного изгибалось и поворачивалось.

К несчастью, то, что происходило, слабо напоминало реальную опасность. Черная дыра была в непосредственной близости от планеты. Там она пыталась восстановить свое равновесие. Когда это, наконец, обернется против макрокосмоса, то произойдут невероятно сильные возмущения.

Модьун поднялся на ноги, как только смог. Он увидел, что генерал Дуэр тоже пытается восстановить равновесие. Быстро. Смело. Но первые слова Ганианина оказались глупыми. Он сказал:

— Я знаю, вы не обрушите корабль на свою армию внизу.

Неподходящий момент, чтобы объяснять полевому командиру его ошибку.

Модьун сказал:

— Свяжите меня с вашим главным начальником.

Он потребовал мгновенного согласия.

Менее, чем через полминуты другой Ганианин с суровым лицом, изображение которого мгновенно появилось на экране, слушал, как Модьун рассказывал историю Зувгайтов, о намерениях комитета захватить галактику и пытался описать гравитационный вихрь, который был черной дырой.

Последним советом Модьуна было: «Передайте предупреждение по радио всему миру. Скажите, чтобы ваши люди забрались под прочные укрепленные объекты, например, под дома с бетонными фундаментами, заделанными в почву. Под полом закрепите матрацы или что-нибудь мягкое, чтобы, когда внезапно придет разрушительная, направленная вверх сила гравитации, людей прижало к матрацам. Так как время в черной дыре течет очень медленно, то первая реакция, вероятно, не наступит еще несколько часов.

Он закончил связь требованием общего согласия.

Сработает ли какой-нибудь метод защиты? Модьун не был уверен. Он предвидел вероятность

того, что твердые куски Ганнии разлетятся по всему космосу.

Действительно, перспективы для Ганиан были ужасными, о чем Модьун и сказал генералу Дуэру:

— Я думаю, что ваши войска должны остаться на борту, и, если возможно, возьмите сюда такое же количество женщин-ганианок. Но сейчас проводите меня с вашей территории туда, откуда я смогу установить связь с пунктом управления кораблем. Я чувствую, что они отделились от этой части корабля.

Когда это произошло, он не стал дожидаться, чтобы попасть к передающему устройству. Вместо этого, двигаясь по коридору, он включил систему восприятия и, таким образом, обнаружил Нунули.

Включил передачу мысли. И снова согласие.

— … пусть войска поднимутся на борт. Поднимайтесь медленно и удерживайте позицию в сотне миль над армией. Передайте по кораблю предупреждение, что мы можем подвергнуться влиянию различных гравитационных сил, направленных вверх. Каждый должен спать, привязанный ремнями.

Это было все, что он мог сделать.

Модьун вернулся в каюту. Теперь его мучило чувство вины.

«Разве раньше я когда-нибудь нарушал тайну мысли других существ?»

Он спал беспокойно с этим чувством вины.

28

Модьуна разбудил глухой звук, и он испугался. Звук доносился через стены его каюты, снаружи, из коридора. У Модьуна промелькнула мысль:

«Где был Нунули, когда я обнаружил его, чтобы отдать ему эти приказы?»

Он вспомнил, что это было не обычное место обитания Нунули. Конечно, как обычно, Модьун не склонен был подглядывать за действиями другой личности, кроме тех случаев, когда это было абсолютно необходимо для его целей.

«Но я должен помнить, что все это (то, что случилось) было сделано из-за меня. Из-за меня, Модьуна, землянина, Зувгайты пытались уничтожить корабль».

Когда эта мысль сформировалась, Модьун встал с кровати. Он помнил, что уже разрабатывается другой план его уничтожения. Пока он обдумал смысл этого, он полностью оделся.

Модьун открыл дверь.

Его встретил сумасшедший дом.

По крайней мере, таким было первое впечатление. Звуками сумасшедшего дома были непрерывный рев голосов и непрерывный топот ног.

Зрелище? Коридор был забит грязными людьми-животными, которые держали мешки и электрические ружья.

Здесь стоял запах (по-видимому, Ганианской) грязи, смешанной с запахами неземной растительной жизни. Каждый из людей-животных, очевидно, провел часть времени, лежа на траве, на листьях и кустах, и испачкал одежду. А теперь она воняла.

Когда Модьун смотрел на эту живую реку из вернувшихся солдат, он ощущал удовлетворение, которое переполняло его тело: может быть, в таком вмешательстве, в самом деле, нет ничего плохого. Такими были его мысли.

Но он еще помнил, как раньше пытался пройти вперед по этому коридору: как трудно было продвигаться ему и Нунули, борясь против такого же потока людей-животных.

«Хочу ли я, действительно, чтобы меня снова втянули в это?»

Тысячелетия невмешательства человека в дела

земные говорили ему «нет». Но внутри у него возникло новое сильное чувство; особая горячая решимость, которая происходила из убеждения, что он должен, по крайней мере, побеседовать с комитетом прежде, чем принимать решение о своем будущем. Это чувство гнало его вперед.

Модьун пробрался к первому ярусу лифтов, и его внесли в переполненный лифт, направляющийся вверх. Он поднялся на самый верх, и к этому времени в лифте, кроме него, остался только офицер-гиена с золотыми нашивками (которого Модьун никогда раньше не видел).

Модьун был немного удивлен, когда его попутчик прошел по фойе к тому же лифту второго яруса, что и он. Это казалось удивительным, и Модьун повернулся, посмотрел на офицера-гиену и впервые заметил, что его форма без единого пятнышка. Очевидно, он не был среди тех, кто сражался внизу на грязной Гании.

Оба молча стояли перед дверью лифта. Пока дверь не открылась, офицер молчал. Он, очевидно, изучал Модьуна и думал о чем-то своем.

— Вы уверены, что должны подняться наверх? — спросил он. — Это служебная зона.

— Да, — сказал Модьун. Он говорил небрежно, потому что решился, а сопротивление на этой

стадии, конечно, не имело значения.

— Могу поклясться, — сказал человек-гиена, — что обезьян не пускают в эту секцию.

— Меня пускают, — сказал Модьун. Он ответил спокойно и сразу после этого вошел в лифт. Он чувствовал, что офицер следует за ним, и понимал, что тот с сомнением смотрит на него. Когда лифт поехал вверх, человек-гиена замер, не шевелясь, видимо, в растерянности. Модьуна, который был поглощен своим намерением, заключавшемся просто в том, чтобы найти Нунули и поговорить с ним, все больше тревожила разворачивающаяся борьба. Возможно, умное замечание прогонит сомнение. Он сказал вежливо:

— Я собираюсь поговорить с хозяином Нунули.

Он говорил и наблюдал за коричневатым дубленым лицом попутчика. Здесь не было вопросов: здесь правила иерархия. Он знает Нунули. Офицер сказал удивленным тоном:

— Тогда вы имеете право идти.

— Да, — сказал Модьун. И потребовал дополнительную информацию. — Когда мы взлетим?

— Еще должно пройти примерно двенадцать часов, — был ответ. Человек-гиена добавил, не замечая, что выдает тайну, которую, без сомнения,

ему запретили обсуждать с кем-либо. — Ученые уже устанавливают водородную бомбу, которая должна быть взорвана дистанционно после взлета. Им еще предстоит подняться на борт.

Модьун чуть не пропустил это, чуть не пошел спать до утра. Чуть… но не совсем.

«Хорошо, я был близок к безрассудству, — подумал он мрачно. — Чуть не позволил взорвать миллион существ группе, которая хочет принести в жертву сколько угодно индивидуумов, чтобы уничтожить одного человека. В известном смысле, это, конечно, не имеет значения. Они все смертны и, в конечном счете, все равно умрут».

Но Модьуна волновало преимущество, которое нечестно получал комитет благодаря использованию высших знаний и науки. Злоупотребление силой — вот как это называлось. Он чувствовал враждебную реакцию своего тела по отношению к этой несправедливости.

Он подумал, что исправить эту несправедливость — его первоначальная программа.

Лифт останавливался, и у Модьуна не было времени на дальнейшие размышления. Дверь открылась; и тут, на расстоянии нескольких ярдов, он безошибочно узнал воздушный шлюз большого корабля.

Там он видел Нунули во время предыдущей встречи.

Корабль, который он видел, почти весь скрывался за стенами конструкции для запуска, но Модьун мог видеть его изогнутые контуры. Двери шлюза были открыты, и Модьун с офицером-гиеной вошли бок о бок. Первым, кого увидел Модьун, когда прошел через вторую дверь, был хозяин Нунули.

Инопланетянин стоял спиной к двери и говорил что-то о необходимости быстрого отправления. Его замечание вызвало вежливый ответ полдюжины гиен-инженеров. Они все поклонились. Один сказал:

— Мы готовы к старту, сэр. Закрыть двери, включить три выключателя, — и мы взлетим.

— Тогда займите свои места, — скомандовал Нунули. — Я сам подожду здесь последних прибывающих и…

Говоря это, он отвернулся. И замолчал, потому что в этот момент увидел Модьуна.

Возникла долгая минута неловкого молчания. Затем Модьун спокойно сказал:

— Как я вижу, пора выяснить, нет ли нового заговора против меня, включая этот, и, конечно, не нужно давать дополнительные команды, пока

мы не пройдем через черную дыру.

— Пока мы не пройдем через что? — спросил Нунули.

— Я, действительно, считаю, что у меня нет времени объяснять, — сказал Модьун. — Но мне интересно, что вас держат в неведении. Они хотят принести вас в жертву тоже, не правда ли? Тот факт, что вы пришли в мою каюту за помощью, доказывает, что вы не знали, что произойдет.

Модьун повернулся, собираясь уйти, когда Нунули настойчиво позвал:

— Подождите!

Модьун любезно остановился.

Инопланетянин продолжал:

— Наверное, я должен все сказать вам. Мне сообщили, что ввиду новых обстоятельств член комитета хочет объяснить вам долговременную программу комитета.

Модьуна поразили слова.

— Ввиду каких новых обстоятельств? — спросил он.

Инопланетянин казался удивленным.

— То, что вы пришли сюда, на этот корабль, свело к нулю окончательное логическое решение, которое, как мы надеялись, решило бы проблему последнего мужчины раз и навсегда.

Модьун все еще старался понять смысл слов Нунули.

— Дайте мне понять. Член комитета теперь хочет поговорить прямо со мной?

— Да.

Модьун стоял, озадаченный и потрясенный, но ощущал приятное тепло, появившееся в нервном центре в нижней половине тела. Победа? Похоже. Было приятно.

— Я снова увижу Судлил…

Впервые Модьун предположил, что ее отъезд очень сильно взволновал его. Он подумал:

«Может быть, в эти часы я даже смогу снять сенсорные блоки, которые установил, когда выходил из-за барьера».

Это было то, чего не удалось сделать Судлил. И поэтому она была вынуждена из-за постоянного стремления к движению пойти гулять в тот первый день. В результате она очутилась где-то, в дальней части галактики, и чувствовалось, что, действительно, она далеко, потерялась и попала в ловушку. Трудно узнать, как они смогли обмануть ее и оставили ее в живых, но ее мольба о помощи подтверждала справедливость и того, и другого.

Помня об этом, Модьун подумал, какие меры

предосторожности нужно принять, чтобы гарантировать, что встреча с Зувгом не будет сама по себе очередным заговором против него, и сказал:

— Когда мы пойдем? Я готов в любое время.

— Вы сошли с ума! — Когда инопланетянин говорил, он должно быть понимал причину неправильного представления Модьуна и продолжал: — Я имел в виду, что член комитета согласится поговорить с вами, если вы когда-нибудь узнаете, где он находится.

Вдруг инопланетянин смягчился.

— Это большая уступка. Вы теперь имеете предварительную договоренность о том, что член комитета хочет поговорить с вами.

Модьун вежливо ждал, пока собеседник закончит, потом сказал:

— Я считал это само собой разумеющимся. Найти его — это не проблема, как я ее понимаю. Я знаю три отдельных метода; ведь определение местонахождения в пространстве — это одна из моих телепатических способностей, как вы, наверное, знаете…

Модьун замолчал. Он стоял, слегка повернув голову. Красивое решительное лицо было живым. Глаза немного сузились.

— Начинается, — сказал Модьун. — Скоро все

перевернется вверх тормашками. Возьмите подушку и привяжите себя к потолку до того, как придет время.

Когда Модьун еще раз повернулся к двери, его снова остановил голос Нунули.

— Какое время и когда наступит? — спросил Нунули встревоженным тоном. — Что начинается?

— Мы входим в черную дыру, — объяснил Модьун. — Я думаю, что мы пройдем сквозь нее по прямой. Помните, что я сказал вам: передайте общее предупреждение. Корабль может подвергаться перекрестным гравитационным давлениям в течение всей ночи.

— Но почему?

— Я считаю, — сказал Модьун, — что такой прекрасной маленькой черной дыре — всего восемь километров в диаметре — никогда не позволят уйти далеко от места, с которого ею сможет с легкостью управлять ее владелец.

Смысл этого, вероятно, дошел до Нунули, потому что его глаза затуманились и вдруг стали почти синего цвета.

— О Господи! — сказал он на языке животных.

— Итак, — сказал человек, — когда фейерверки закончатся, мы обнаружим, что втянуты в атмосферу планеты Зувг… это мой прогноз. Чуть

меньше или чуть больше, чем один Земной день. Спокойной ночи.

И он поспешно ушел.

29

Запыхавшись, Модьун зашел в свою каюту и подумал:

«Теперь, когда Нунули не может действовать против меня, я должен ждать непосредственно нападения комитета».

Он разделся, лег в постель, привязался ремнями и уснул.

… и проснулся от того, что ремни врезались в его тело. Он определил силу тяжести в три G.

Модьуну было тревожно, но… если подойти к событиям философски… Теоретически, силы давления-растяжения в черной дыре могли быть в тысячу раз больше силы тяжести. Хотя машины корабля были рассчитаны на случай экстремального притяжения, в сочетании с огромными скоростями это делало возможным деформацию предметов вверх, вниз, влево, вправо. И встроенное устройство всегда найдет положение минимального напряжения.

«… Не следует волноваться. Нужно доверять».

Всего четыре раза наваливалась максимальная

сила тяжести. Модьун же лежал в темноте — или скорее плыл — и сознавал колоссальное ускорение корабля, а потом торможение; а гигантский корабль пролетал расстояние, эквивалентное множеству парсеков.

И пролетел через черную дыру.

В момент выхода из дыры Модьун спал. Он мысленно видел Судлил без одежды, как в первый день, когда не испытывал никаких чувств. Во сне подсознание расшевелило в нем прежде не реализованное чувство. Модьун уже собирался исследовать, что это могло быть за чувство, когда вдруг понял, что он, человек, действительно видит сон.

Модьун проснулся, удивленный. Сон! У него? Но животные видят сны, чтобы подсознательно решить свои проблемы и избавиться от конфликтов прошлого дня.

«Я умираю…» — Это была волнующая мысль. Сон стал первым симптомом того, что здравый, философски настроенный разум не справляется.

Сначала Модьун не обратил внимания на содержание сна. Его испугал сам факт сновидения. Но скоро он понял, что сон возбудил его половой орган. Раньше он видел такое только у животных-самцов.

«Интересно. Так вот как это происходит?»

Он встал и изучал это явление в зеркале ванной комнаты. Но он не мог вынести такое исследование. После осмотра состояние полового члена ухудшилось.

Когда же Модьун одевался, ему стало весело. Он мысленно проиграл сон несколько раз, точно повторяя то, что, как он понял, имело эротическое содержание. Он причесывался, когда, с опозданием, ему пришло в голову, что необычное событие, похожее на сон, могло иметь и другой смысл.

Новое нападение?

Может быть, когда его мозг был поглощен первой страстью, происходило действие, которое он и не заметил. В тревоге он активизировал систему восприятия.

Но корабль мирно плыл в обычном космосе, направляясь к ближайшей солнечной системе. А в поле, охваченном его умственной энергией, была только одна темная область: Нунули. Даже она не была такой темной, как раньше.

«Если что-то случилось, — с грустью подумал Модьун, — то это уже произошло. И это не такое важное событие, чтобы о нем думать».

Конечно, такой сон был бы идеальной атакой.

Модьун закончил одеваться, все еще размыш-

ляя о возможной природе нападения, когда в дверь позвонили. У Модьуна была мгновенная реакция, и он пошел к двери. Почти сразу у него возникло чувство тревоги — и он остановился.

«Я перестаю быть безупречным и понимаю, что их план направлен против одного человека — против меня. Кажется невероятным, но не подлежит сомнению. Это началось с двух первых нападений людей-гиен и достигло высшей точки в мощном явлении черной дыры, где человеческая раса, которую олицетворял один мужчина, была мишенью».

Они вызвали этот сон о природе сексуального возбуждения. Очевидно, им нужно было что-то, что полностью отвлекло бы внимание Модьуна, пока они не подготовили очередного нападения. Модьун сделал так, что Нунули, хозяин корабля, не мог предпринять ничего против него.

Все еще трудно признать, что Зувгайт проявляет персональный интерес к судьбе одного мужчины с небольшой планеты. Но в этом нет сомнений. Злобное создание с красными глазами, которое вошло с ним в контакт на такой короткий миг во время атаки черной дыры, позволило увидеть себя. Так же важно, что Зувгайты хотели, чтобы их слуга Нунули погиб вместе с кораблем,

и не дали ему никаких преимуществ, не предупредили об атаке. Фантастическая реальность, но правда.

«Что бы ни было, я готов как никогда».

Остановившись, Модьун настроил все уровни восприятия, чтобы, если сработает один, включились бы все остальные.

Уверенно он пошел к двери и открыл ее. Там, как он и чувствовал, стояли все четверо его друзей-животных, глуповато ухмыляясь.

— Эй, — позвал Модьун, — входите.

В то время, как он произносил эти слова, он уже боролся за свою жизнь.

30

У дула ружья промелькнула яркая вспышка. Заряд, сверкая, пролетел по коридору как молния, вызывая ужасный треск. Он попал в пол, преодолев несколько дюжин футов.

— Иггдооз, — раздраженно сказал Руузб, — смотри, что делаешь.

Тот повернулся к Модьуну.

— Эге, — сказал он, усмехаясь.

Все кончилось быстро. Попытка выжечь его мозг. И, когда она не удалась, мгновенно использовали разрушающий механизм.

Теперь он не сможет проанализировать, какой метод они противопоставляют человеческой системе восприятия. Но с какой отчаянной решимостью они воспользовались шансом показать ему, что у них есть такой метод.

У Модьуна не было времени, чтобы сразу подумать об этом. Потому что, когда вошел Дуулдн, он схватил и обнял Модьуна, а потом по очереди его обнял каждый человек-животное.

— Приятель, как же мы рады видеть тебя!

Ему неистово трясли руку. Нежная рука Неррла обняла его шею и плечи, а затем толкнула его на могучую грудь Руузба, который так сжал Модьуна, что у того перехватило дыхание.

— Эй, — сказал Модьун, — хватит, друзья!

Через некоторое время он узнал, что они довольно хорошо оправились от переживаний. Но все четверо были еще возбуждены.

— Друг! — сказал человек-медведь, качая головой. — Здесь внизу гнездо гремучих змей. Мы взяли на борт больше существ чем можно. Чем скорее мы улетим от этой планеты, тем больше мне это будет нравиться.

Он добавил:

— Мы сумели освободиться и забрали наши войска на борт, но…

С мрачным видом он замолчал.

Огромный корабль, действительно, был достаточно далеко от Гании, но Модьун знал об этом не больше, чем они. «Место внизу» теперь стало другим. Значительно более интересным. Поэтому Модьун ничего не сказал.

Стоявший рядом с Модьуном человек-лиса издал нечленораздельный звук, когда человек-медведь закончил говорить. Модьун посмотрел на него.

— Что случилось, Неррл?

По щеке человека-лисы скатилась слеза.

— Смешно, но я никогда не думал об этом, как о путешествии с целью завоевания. Предположим, мы завоевали этих — как их там? Что бы мы с ними делали?

— Все проклятые люди-гиены, — заворчал Иггдооз. — Все, как говорил Модьун: группа захватчиков с неправильными идеями.

Слушая их, Модьун почувствовал себя немножко лучше. Они, по-настоящему, считали виновными людей-гиен, которые были лишь немного менее глупыми, чем эти, и, конечно, они никогда не нападут на Ганию снова. Но в силе их протеста заключалась надежда, что, возможно, и у других людей-животных на борту можно так же легко

вызвать протест.

Это была только промелькнувшая несерьезная мысль. Хотя это выглядело, как решение — словно человек мог снова вернуть себе власть над людьми-животными Земли.

Он понимал, что такое намерение слишком преждевременно и спросил:

— Вы, четверо, не собираетесь снова идти вниз? В следующий раз будет очередь кого-то другого, да?

— Тогда почему нас позвали сегодня утром и сказали, чтобы мы носили электрические ружья до дальнейших указаний? — пожаловался Дуулдн.

Так вот как это было сделано.

— Какие-нибудь проблемы с вашими ружьями? — небрежно спросил Модьун.

Руузб пожал плечами.

— Офицер-гиена обнаружил неполадку в ружье Иггдооза и позвал нас сюда, чтобы мы его починили. Но, может быть…

Его большие коричневые наивные глаза расширились.

— Может быть, оно еще не отремонтировано как следует. Может быть, поэтому оно разрядилось здесь, у двери? Как ты думаешь, Иггдооз?

Человек-гиппопотам согласился с таким объяснением. После этого Модьун почувствовал, что теперь он много знает, благодаря простоте заговора (вероятно, член комитета обошел Нунули и непосредственно воздействовал на человека-гиену), и сказал:

— Ну, после всего что случилось, то, что вас попросили держать ваши ружья при себе, всего лишь естественная предосторожность. Совсем не значит, что вас пошлют вниз в следующий раз.

Очевидно, такая возможность не приходила им в голову. Они сразу просияли и скоро весело рассказывали о своих тяжелых переживаниях на Ганнии. Теперь, когда все закончилось, их смех звучал громко, словно они успокаивались, подробно рассказывая и смеясь над отвратительными, опасными моментами высадки.

Скоро Модьуну показалось, что прошло достаточно времени. Пока они выговаривались, он думал.

И принял решение.

Он поднялся. Теперь настал подходящий момент. Он повернулся, посмотрел на четверых друзей, поднял руку, чтобы привлечь их внимание, и сказал:

— Друзья, я должен сообщить вам нечто важ-

ное.

Стоя здесь, он объяснил им простыми словами, кто он, что сделал и какие проблемы остались. Когда он закончил, все долго молчали. Наконец, Руузб встал, подошел и молча пожал ему руку. Это было сигналом для других, которые сделали то же самое.

Потом его друзья сидели, глядя на него блестящими глазами и ожидая, что будет дальше. Руузб сказал рассудительно:

— Итак, ты здесь с твоими способностями, присущими существам, которых ныне уничтожили.

Модьун должен был согласиться, что это правда.

— Есть только одна вещь, которую я не понимаю, — сказал он. — Без сомнения, то, что, как они показали, они могут сделать сейчас со мной, они могли сделать и с Судлил. Но они не убили ее. Почему?

— Они сохранили ее, чтобы использовать против тебя, как ты сказал, — мрачно сказал Неррл. — Этот Зувг держит ее перед собой, чтобы ты не мог нанести ему удар.

— Но, если они, действительно, могут мысленно воздействовать на живых существ, — возразил Модьун, — зачем им нужно заниматься всей этой

чепухой?

Дуулдн, который до сих пор молчал, вдруг сказал:

— Я не вижу реальной проблемы в будущем. Ты должен просто держаться подальше от этих Зувгов и их хитрого метода управления твоим мозгом, и — он махнул рукой

— проблема будет решена.

— Да! — согласился Иггдооз.

Руузб и Неррл просияли.

— Да, это так, — сказал человек-лиса.

— Нну… — протянул Модьун, колеблясь.

Пауза, которая последовала за этим, смущала его. То, что они предлагали, люди не делают, даже для того, чтобы чего-то избежать. Он считал само собой разумеющимся, что человек — высшая форма жизни.

Перед ним никогда не стояла проблема: может ли он или посмеет ли? Модьун никогда не пренебрегал опасностью настолько, чтобы у него пропадало чувство страха. Если он избегал какой-либо ситуации, то только из философских соображений, а теперь это стало неприемлемо. В этой ситуации он решил поговорить с членом комитета. Он объяснил свое решение друзьям.

— Кто-то должен пойти и выяснить, что они

затевают, и убедить их отказаться от этого, если они не смогут дать подходящее объяснение. А я, честно, не понимаю, как они могут это сделать. Например, они взяли сюда миллион существ с Земли для оккупации новой планеты. Кто-то должен сказать им, какой неподходящей была такая программа для всех, кто в ней участвовал: для тех, на кого нападали, и для тех, кто нападал, для тех, кого убили там за несколько мгновений. Вам ведь было не смешно, когда вы ползали там в ганианской грязи, не правда ли?

Четверо друзей согласились.

— Вот что я имею в виду, — продолжал Модьун. — Я хочу совершить посадку вблизи одного из зданий внизу, войти и поговорить с членом комитета.

— Но он воздействует своей телепатией на твои способности, — запротестовал Неррл. — Он заманит тебя в ловушку.

Модьун махнул рукой, как часто делал Неррл.

— Это неважно, — сказал он.

— Господи! Ты спятил? — вспылил Дуулдн.

Он повернулся к остальным.

— Друзья, у этих людей размягчение мозгов.

Это была реакция, разрушающая барьер.

Они испытывали трепет. Человек. Потомок их

древнего Создателя! И они подчинились. Вспышка человека-ягуара освободила их.

Руузб проворчал:

— Послушай, друг, у тебя добрые намерения, но с такой философией ты никогда не уйдешь от Зувга живым.

— Послушай, — заговорил Неррл, — ты овладел всеми научными знаниями Земли. Нельзя ли узнать, уязвимы ли Зувги?

Вопрос человека-лисы удивил Модьуна. Он сказал, помедлив:

— Собственно говоря, если я позволю себе думать о насилии, то, действительно, окажется, что комитет не знает столько о черной дыре, например, сколько знали люди, использовавшие такие вещи.

Дуулдн вскочил на ноги.

— Никогда не занимайся бесполезными рассуждениями, — сказал он. — У тебя есть мысль, которую можно практически использовать?

Модьун глубоко вздохнул.

— Третий закон движения, — сказал он тихо, — работает и в обычном пространстве, конечно, с той разницей, что тут это волна, сохраняющая энергию.

— Что это значит? — спросил Иггдооз, сильно

наклоняясь вперед.

Дуулдн сказал нетерпеливо:

— Действие и противодействие равны и направлены в противоположные стороны.

Он объяснил это другим и сказал Модьуну:

— В чем же смысл?

— Они не должны были взрывать город людей за барьером. Где-то там еще продолжаются ядерные реакции.

Модьун с упреком покачал головой.

— Если кто-то когда-нибудь найдет того, кто знает о таких вещах…

— А ты знаешь? — задумчиво спросил Руузб.

— Я? — Модьун был потрясен.

Он стоял, взволнованный. Он представил объем известной ему информации, не обращаясь ни к кому и, меньше всего, к себе. Теперь он сглотнул слюну.

— Я не мог бы сделать это, — сказал он. — Это ведь массовое убийство.

— Послушайте его, — с возмущением фыркнул Иггдооз.

Руузб встал. Он сказал:

— Мы пойдем вниз с тобой и прикроем тебя нашими электрическими ружьями. Позже мы сможем обсудить, что делать.

— Думаю, — предположил Модьун, — что мы должны сначала высадить армию. Не для того, чтобы стрелять, или для чего-то подобного. А просто высадить ее. Трудно будет предпринять что-либо против такого количества существ, особенно, когда они будут именно там, где находятся Зувги.

Дуулдн одобрил эту идею.

31

Они позавтракали. Затем во главе четырех людей-животных, испытывающих какой-то благоговейный трепет перед ним, Модьун пошел на пункт управления.

— Может быть, они не захотят впустить нас? — сказал с сомнением Неррл, когда они подошли к большой двери, сдвинутой глубоко в большую нишу. Везде вокруг двери горели цветные лампочки, а на металлической панели было написано: «Посторонним вход воспрещен».

Мысленно Модьун разрушил все эти препятствия. Он разогнал существ, которые были внутри: гиен-инженеров и техников. Когда персонал ушел, Модьун осмотрел запоры на всех дверях.

Через несколько минут здесь появился Зувг!

На огромном видеоустройстве пункта управ-

ления виднелся туманный светящийся круг, закрытый облаками, который выделялся на черном небе. При увеличении стал виден небольшой городок в горах, место, где жили Зувгайты.

Комитет!

На этом расстоянии не было видно свечения защитного барьера, который окружал городок. Но Модьун, конечно, узнал барьер, так что остальное не имело значения.

Внизу ничего не было видно. Отвесные скалы и ущелья. Длинные тени и темные овраги. Тут и там мелькали здания. Одно стояло высоко на вершине горы, другое — на дне тысячефутовой пропасти.

Наблюдая эту сцену, Модьун сдерживал дрожь, возникающую по всему телу, а не только в одном месте. Иногда это была нога, иногда плечо и рука… желудок и внутренности, бедра, легкие и так далее, назад и вперед по кругу.

Дрожь не исчезала ни на секунду.

Модьун открылся для восприятия и последующей стимуляции внутренних сил.

Он чувствовал давление пола на подошвы и пятки, шероховатость ткани брюк на ногах; вдыхал воздух, который немного щекотал горло, проходя весь путь до легких. Его лицо горело от

постоянного чувства — страха? Модьун не знал точно, какое это чувство, но что-то подталкивало его.

Чтобы проверить, какое это чувство, Модьун повторил свое старое кредо: (1) Люди такие, как они есть, и жизнь такая, как есть — имеющая смысл. (2) Если вы доверяете людям, они будут доверять вам. (3) Дайте им любовь, и они ответят любовью. (4) Жизнь, в принципе, хороша. Никогда не делайте угрожающих движений, и вы поразитесь, насколько мирной будет ваша жизнь. (5) Всегда подставляйте другую щеку.

Он осмыслил каждое из высказываний. В голове его приятно кружились мысли, которые, без сомнения, были правильными по смыслу, но не точными по форме. А Нунули, очевидно, не были такими, и Зувгайты тоже. Даже некоторые люди-животные на Земле. Может быть, позже, в будущем, они станут, как люди. Но не теперь.

Он должен быть внимательным. Он еще не может убивать. У него есть еще много других запретов. Это то, что Зувгайты должны знать о нем.

Он и его друзья-животные большую часть дня наблюдали, как огромная армия высаживалась в горах внутри барьера, двигалась, не встречая

сопротивления.

«Итак, они ждут меня», — Модьун был в этом совершенно уверен. Его ноги пустились в пляс, что было непосредственным выражением удовольствия.

«Я, действительно, открыл внутренние барьеры...» Все его приказы тело исполняло немедленно.

Позже, когда они сели поесть, стало очевидно, что другие наблюдали за ним. Наконец, Дуулдн сказал:

— Сколько же ты знаешь на самом деле? Где ты узнал все эти вещи, как например, о черной дыре?

— Системы восприятия могут непосредственно воспринимать все явления природы,

— объяснил Модьун и добавил сдержанно:

— Это не значит, что я безупречен как личность. Нунули сделали нас такими. Я не умнее, не лучше, чем любой другой — я просто обладаю особыми способностями.

Руузб, который ел в своей обычной энергичной манере, поднял голову.

— Это, должно быть, правда, друзья. Большинство поступков нашего приятеля с тех пор, как мы его узнали, были очень наивными. У него хо-

рошее сердце, но не острый ум. Хотя, конечно, он придумал кое-что интересное. Правда, Модьун?

Модьуна не обрадовала такая характеристика, полученная от человека-медведя. Но он очень хотел, чтобы его друзья-животные по-доброму принимали его; поэтому теперь он энергично кивнул.

— Правильно, — согласился он. — И тем не менее, — добавил он через минуту, — я не так наивен, как кажется.

— Мы посмотрим, — сказал Руузб. Он взглянул на Модьуна. — Не обижайся, друг. Я только констатирую факты. Например, — он грустно покачал головой, — представь себе, что ты позволил украсть путем простого заговора единственную женщину, оставшуюся в мире. И ты даже не собираешься что-нибудь сделать.

— Но я знаю, где она, — защищался Модьун.

— Где? — немедленно спросил Руузб.

— Она с этим Зувгайтом.

Человек-медведь повернулся к другим и беспомощно развел руками.

— Видите, что я имею в виду, — сказал он.

Неррл усмехнулся через стол Модьуну.

— Я помню женщину, которой я очень увлекался. Прежде чем я был готов бросить ее, она

поменяла меня на другого, у которого хорошо подвешен язык. Я знал, где она была после этого, правильно.

— А я, — сказал Иггдооз, — имел друга, который решил пересечь океан на лодке. Она попала в шторм, и он утонул. Я знаю, где он. То, что осталось от него, внизу, на глубине две мили, под водой.

— Видишь, Модьун, — Руузб посмотрел на человека, — ты говоришь так, что порой кажется, что ты не можешь сложить два и два.

Их дружеская атака сильно обидела Модьуна. Он уже начал понимать, что тут что-то неправильно… «Человек потерпел поражение», — подумал он. — «Буквально уничтожен, кроме последнего мужчины и женщины. А я все еще говорю и действую как победитель».

Очень смешно. И все же…

Когда они, наконец, закончили трапезу, Модьун сказал:

— Давайте лучше ляжем спать. Возможно, ночью мы получим сообщение, что дело дошло до той точки, когда внизу у меня может состояться встреча. Если мы отдохнем, то когда придет решающий момент, наши тела будут чувствовать себя лучше.

Дуулдн недоверчиво посмотрел на него:

— У тебя есть план? — спросил он.

— Я сказал, что я не так наивен, как кажется, — запротестовал Модьун. — У нашей армии внизу нет продовольствия, а они не привыкли обходиться без еды.

Короткое сообщение пришло в три часа ночи по корабельному времени.

32

По видеоустройству они увидели, что к их месту назначения нельзя приблизиться непосредственно, если не приземляться на крышу здания. Здание было плотно прижато к отвесной скале, которая поднималась перпендикулярно позади него. Впереди возвышался крутой склон. Он не был чересчур отвесным и не уходил далеко вниз — не более чем на две сотни футов.

Ниже здания была плоская равнина, но ее украшали аллеи и изгороди, которые вели среди кустарников и вдоль реки к краю леса, удаленного от здания примерно на двести ярдов. Чтобы приземлиться где-нибудь на этой равнине, нужно было разрушить аллею или изгородь, а это, конечно, было бы очень неправильно.

Модьун мог подняться по лестнице, ведущей по

склону горы из сада внизу (если это было садом) к зданию наверху. Но совершенно очевидно: здание и местность внизу являлись частью одного и того же архитектурного и паркового комплекса.

По склону горы двигалось много фигур: армия животных, безусловно, наступала. Но они находились далеко справа и должны были еще подниматься. До их прихода пройдет, наверное, час. Модьун с волнением подсчитывал. Может быть, он должен немного задержаться.

Другой ближайший луг располагался на довольно крутом склоне на четверть мили ниже. Именно сюда Модьун и посадил свою спасательную шлюпку и отсюда он повел своих четверых друзей к зданию.

Ласковый ветерок дул вниз по склону. Для тех, кто был чувствителен, как Модьун, воздух казался сильно насыщенным кислородом; судя по данным компьютера, 35 процентов атмосферы составлял кислород. Веселый квинтет скоро вошел под сень деревьев. Здесь они впервые увидели живых существ.

Те, кого они увидели, напоминали птиц; маленькие крылатые создания порхали по верхним ветвям деревьев. Модьун активизировал восприятие и ощутил мимолетные толчки простых форм

мысли. Он наблюдал картины веток, шумящих вокруг, и вид неба, каким его видели маленькие блестящие глаза.

Но никаких помыслов. Существа были тем, чем казались. И вокруг — дикая природа. Все естественно, даже примитивно.

«Почему тот, кто живет в таком раю, чувствует необходимость связи с другими планетами и хочет управлять ими? — удивленно спрашивал себя Модьун. — Все, что они могут надеяться получить от такого господства, — это особое сознание, что они оказывают влияние на жизнь в отдаленном неизвестном месте, и очень маловероятно, а, может быть, и невозможно, что они посетят больше, чем несколько планет, которыми управляют. Поэтому полное удовлетворение зависит от их собственного представления хода событий».

Зачем им это нужно?

Все это выглядело очень грустно и бесполезно.

Пока Модьун размышлял, он и его друзья пришли к краю сада. Прямо перед ними была первая светлая аллея; Модьун осторожно ступил на нее, остановился и повернулся к друзьям.

— Я думаю, вы должны подождать здесь, — сказал он. — Спрячьтесь среди кустов.

Его голос громко звучал в тишине.

— Моей системы защиты хватит на такое расстояние, и все, что я смогу сделать для себя, я смогу сделать и для вас — на этом расстоянии. Но, если я не выйду раньше, чем придут солдаты, идите в спасательную шлюпку. Может быть, мне понадобится ваша помощь.

Четверо необычно легко подчинились. Модьун посмотрел на их человекоподобные лица и увидел на них отражение растущей тревоги.

Наконец, Руузб сказал хриплым шепотом:

— Поняли.

Он пожал руку Модьуну и пробормотал:

— Удачи! Забей гол в их ворота.

Все по очереди подошли и пожали ему руку. Дуулдн заметил:

— Не торопись, друг.

Модьун кивнул и пошел вперед.

Сверху все казалось сказочно близким. С земли площадка, похожая на сад, казалась более плоской, чем с неба. Теперь можно было видеть, что то, что выглядело, как грязь, очевидно, было пластиком, на котором собралась пыль. Такая же пыль лежала на дорожках, но она была другого цвета. Над рекой повисло несколько мостиков, украшенных орнаментом. Что означал орнамент, было непонятно, если он вообще что-то означал.

Землянин шел вперед, не оглядываясь, и скоро перешел речку по одному из мостиков. Издалека мостик, как и другие, выглядел хрупким, хотя под ногами был прочным, как сталь. Через минуту Модьун поднимался по лестнице, ведущей наверх, к строению, похожему на дворец.

Модьун поднялся наверх, немного запыхавшись, и увидел покрытую пылью дорожку, которая вела к прозрачной, как стекло, двери, находившейся менее чем в двух дюжинах футов от края обрыва.

Теперь Модьун в первый раз оглянулся и посмотрел вниз на фигуры своих друзей. Они стояли внизу, глядя на него.

Он помахал им рукой. Они ответили.

Вот и все. Когда он оглянулся, у него на глаза навернулись слезы.

«Когда у вас появляется тело, — подумал он, — у вас может появиться привязанность к людям».

Это, конечно, был неподходящий момент для таких чувств. Поэтому он пошел к двери, стараясь не думать ни о чем. Когда он приблизился, дверь автоматически открылась.

И, когда Модьун вошел, она закрылась за ним.

33

Модьун проснулся и подумал: «Я полагаю, что самоубийство было бы самым простым решением. Таким же эффективным является простое убеждение, что не стоит заводить детей».

Как-то и каким-то путем человек должен закончить свою жизнь.

Он зевнул, потянулся и сел на кровати в маленькой комнате, которая примыкала к пункту управления спасательной шлюпки. Включился «дневной» свет. Наверное, это произошло потому, что он проснулся. В глубине его мозга возник вопрос, удивление. Чувство было слишком слабым, чтобы в данный момент Модьун обратил на него внимание.

Он чуть не упал с кровати на Руузба, который лежал на полу и крепко спал.

— Эй! — позвал Модьун.

Другие фигуры, которые он заметил, лежали на полу рядом с Руузбом. Они зашевелились и сели. Модьун узнал Дуулдна, Неррла и Иггдооза. Трое людей-животных вскочили на ноги и бросились к Модьуну, по очереди спотыкаясь о Руузба.

Неррл первым подбежал к человеку.

— Все в порядке, приятель? — спросил он.

Модьун был удивлен.

— Конечно. Что со мной должно случиться?

Дуулдн, который остановился, чтобы потрясти Руузба, отказался от своей попытки и выпрямился.

— Я думаю, что он борется с древним инстинктом зимней спячки. Это происходит с ним каждый год в определенное время.

Его слова, очевидно, относились к человеку-медведю, но, дойдя до этого места, он с опозданием осознал, что сказал Модьун.

— Что должно с тобой случиться? — повторил он и продолжал агрессивно: — Послушай, прошлой ночью ты сказал, что утром объяснишь, что случилось. Теперь утро, друг.

— Как ты сказал? — человек был поражен. — Объясню что?

Он замолчал. Воспоминание молнией пронеслось в его мозгу.

— Я прошел в ту дверь… — пробормотал он.

— Да, а что потом? — проворчал Иггдооз.

Модьун оглядел своих друзей. Даже Руузб сел и сонно смотрел на него. Модьун покачал головой; он понимал, что сидит, широко раскрыв испуганные глаза.

— Я не помню. Как я попал сюда?

Человек-медведь сказал:

— Расскажи ты, Неррл. У тебя хорошо подвешен язык.

— Нечего рассказывать, — сказал Неррл. — Ты вошел; мы видели тебя. Потом прошло немного больше часа. За это время армия Землян заполнила площадку, вскарабкалась по ступенькам и вошла в здание. Потом мы получили от тебя команду прийти и взять Судлил, и мы это сделали. А потом ты сказал, что должен вернуться, чтобы сдержать какое-то обещание, но, так как наступала ночь, мы убедили, чтоб ты остался до утра, — и вот мы здесь.

— Зачем я должен был вернуться? — Модьун ничего не помнил. — Какое обещание?

— Ты не сказал.

Модьун медленно опустился на кровать.

— Похоже на самопроизвольную потерю памяти, — медленно сказал он. — Я должен хорошо подумать, как быть дальше.

Дуулдн сказал взволнованным голосом:

— Ты имеешь в виду гипноз?

Человек сдержанно кивнул.

— Они, наверное, обошли мою защиту.

Модьун едва мог сдержать удивление.

— Будь я проклят! — Он объяснил: — Это их

метод управления. Они внушают необходимость какого-то действия и потом управляют вашими поступками.

Модьун собирался продолжать, но вспомнил мысль, с которой он проснулся. Он сказал:

— Послушайте, я же собирался убить себя. Нет! — поправил он. — Я должен убедиться, что у Судлил и у меня не будет потомства. Тогда человеческий род должен прекратиться.

Он снова замолчал. У Модьуна возникло слишком много мыслей одновременно. Сидя здесь, на краю кровати, он старался разобраться.

— Судлил! — он произнес ее имя. — Вы сказали, что принесли ее сюда. Где она?

Люди-животные многозначительно посмотрели друг на друга, потом печально покачали головами.

— Этот малый, действительно, пропал, — сказал Дуулдн.

Руузб тихо сказал:

— Модьун, посмотри на кровать позади себя.

Модьун медленно повернулся, не совсем веря, что он мог быть таким бесчувственным. Прошло несколько секунд, пока он понял. Он лежал так, что лицо было повернуто в сторону, и его первым побуждением было встать. Он лежал спиной к

Судлил.

Разобравшись, он посмотрел на женщину. Те же самые золотые волосы… ее лицо не изменилось с тех пор, как Модьун впервые увидел ее… Даже во сне она излучала жизнерадостность, нельзя было подобрать лучшего слова.

«Не думаю, что я когда-нибудь выглядел бы так хорошо, как она», — такая мысль впервые промелькнула в его мозгу. Каким он кажется тем, кто видит его?

Не отрывая взгляда от женщины, он спросил:

— Что с ней?

— Ты сказал нам, что она без сознания. Поэтому мы сделали носилки и принесли ее сюда, — сказал Неррл. — А она не приходила в себя с тех пор, как мы принесли ее.

Модьун был очень удивлен.

— Я говорил это все прошлой ночью, словно я знал? Почему я не привел ее в сознание?

Выяснилось, что он хотел, чтобы она проснулась сама, и считал, что это произойдет вечером.

— Я полагаю, — сказал Модьун расстроенным тоном, — прошлой ночью я знал, что делаю. Поэтому я лучше не буду спешить.

— Я думаю, — раздался голос Руузба, — мы лучше соберем военный совет или что-нибудь

в этом роде.

«Что-нибудь, непременно», — подумал Модьун.

Прошел час. Они поели. И спокойно сидели в пункте управления. Модьун глубоко вздохнул и сказал:

— Я вижу, как я иду к этой двери. Теперь я собираюсь включить систему памяти. Я попытаюсь рассказать вам, что случилось…

34

Когда Модьун вошел, из-за стола напротив двери, находящегося на расстоянии около двадцати футов, поднялся Нунули.

— Распишитесь здесь, — сказал он.

В одной руке он держал что-то, похожее на ручку, а другой показывал вниз на то, что выглядело как книга для записи гостей. Модьун остановился прямо у входа. Он сознательно сдержал побуждение сразу выполнить то, что требовал Нунули, остался на своем месте и огляделся вокруг. Небольшая высокая комната. Стены, казалось, были сделаны из мерцающего светлого пластика, как аллеи и изгороди снаружи. В помещении было две двери, кроме той, через которую он вошел; эти двери находились по обе стороны от того, для чего Модьун теперь не мог подобрать луч-

шего слова, чем конторка портье. Двери были огромными — не менее десяти футов высотой — и богато украшены узором из золотых листьев. Помещение было ярко освещено. Модьун не пытался проанализировать метод, с помощью которого это сделано.

Удовлетворенный поверхностным осмотром, он медленно пошел вперед. Все воспринимающие рецепторы внутри него включились. Он чувствовал твердый пол под ногами и трение ткани брюк на ногах и бедрах. Рубашка царапала его грудь и руки. Теплый воздух пощипывал легкие — ему нравился избыток кислорода. От его тела исходило множество ощущений и каждое говорило: «все хорошо».

Вскоре он оказался у конторки и посмотрел на чистую страницу. Изучая ее, краем глаза он увидел, что ручка в вытянутой руке Нунули была лишь в нескольких дюймах от него.

Модьун замер. У него возникло две мысли. Обе выражали критическое отношение к происходящему. Первая мысль: «Эта обстановка создана для человека с Земли. Приемная, конторка, книга для записи гостей — все невероятно упрощено (и, без сомнения, создано впопыхах) как когда-то в конторе у людей. Он предположил, что знако-

мая сцена должна усыпить его бдительность. Очевидно, они ожидают, что он автоматически проделает все процедуры, связанные с такой обстановкой. Вторая мысль вытекала из первой. Он подумал:

«Если они уделили этому столько внимания, значит, теперь против него разрабатывается другой план?»

Все системы восприятия в его мозгу были готовы включиться. Но Модьун не хотел, чтобы его втянули на уровень, который был ниже уровня Зувга. Поэтому он покачал головой, как делали животные, желая сказать «нет».

— Я условился о встрече, — сказал он.

Нунули не стал возражать.

— Сюда.

Он показал на дверь слева от Модьуна.

Модьун не двигался. Слова Нунули вызвали у него не одно, а множество ощущений. Тон, то, как Нунули держался, когда говорил, легкие движения мускулов. И, самое главное, чувство (своего рода лицемерие), которое поступало к нему через «шум» в мозгу Нунули.

Еще один заговор? Что это может быть? Сначала чувство, что не нужно расписываться в книге для записи гостей, а теперь такое же чувство, что

не нужно входить в указанную комнату.

От Модьуна потребовалось определенное усилие, чтобы удержаться от желания из простого любопытства посмотреть, что же находится за левой дверью. Он подумал: «Позже я должен буду пройти через эту дверь и расписаться в книге для гостей».

Он должен знать, какая здесь есть связь.

Модьун сказал громко:

— Я могу сначала войти в ту комнату? — и показал на дверь справа.

— Конечно, — последовал вежливый ответ.

Звуки, чувства, вибрации — все говорило: «правильно».

Нунули подошел к двери, открыл ее и придержал. Когда Модьун шел к ней, он заметил, что сразу перед дверью небольшая ниша. Сама комната, очевидно, находилась дальше вправо. Он не видел комнату. Модьун подошел к порогу, не останавливаясь, перешагнул через него и вошел.

Два события произошли почти одновременно: дверь захлопнулась за ним с металлическим звуком, и лампы впереди погасли.

В неожиданно наступившей темноте, в сердце Зувгской цитадели он заколебался. Но только на секунду. Затем он прошел десять футов, по-

вернул влево и направился к стулу, присутствие которого ощущал с помощью комбинированного сознания. Он прошел четырнадцать шагов до него и сел.

Голос из темноты сказал:

— Итак, вы позволили заманить себя в ловушку.

Несколько мгновений после того, как были произнесены эти слова, внимание Модьуна занимал тот факт, что Зувгайт, как и Нунули в приемной, говорил на универсальном Земном языке.

Как они беспокоятся из-за одного человека.

Постепенно приходило понимание. И проявился зловещий смысл слов, неважно, на каком языке они были сказаны. Модьун продолжал доверять своему первоначальному ощущению, что он правильно сделал, войдя в эту комнату. Что касается слов, он обдумывал их и изучал окружающую обстановку.

В то же мгновение, когда Модьун вошел, он ощутил тепло в теле и присутствие в помещении другого живого существа. Только одно существо находилось примерно в дюжине футов перед стулом и немного слева. В комнате стоял легкий запах инопланетян. Модьун чувствовал, что существо, от которого исходит запах, стоит и

говорит с высоты по меньшей мере на один фут выше, чем рост Модьуна.

Стоял ли член комитета на возвышении? Проникающее сквозь темноту сознание Модьуна не могло сказать этого. Отсюда он сделал вывод, что Зувг — гигант ростом девять или девять с половиной футов.

Интересно!

Чувствуя теперь, что член комитета пристально смотрит на него из непроглядной тьмы, как будто он обладал каким-то особым зрением, Модьун обратил внимание на его слова.

«Стал ли я жертвой мгновенного убеждения, для которого Зувг использовал огромную силу?»

Как Модьун помнил, голос этого существа был не похож на другие, которые он слышал. И, конечно, существо говорило с поразительной прямотой. Он попал в ловушку!

Модьун закончил самоисследование. «Еще ничего плохого не случилось… Меня пока не трогают».

Когда Модьун так подумал, у него появилось другое чувство: досада. Встреча с членом комитета оказалась не такой, как он себе представлял: открытый диалог лицом к лицу. Освещение не изменялось, и темнота по-прежнему действовала

ослепляюще (Модьун должен был это признать). При таком противостоянии они начали не с начала, а на пике интенсивности.

Модьун сам провел небольшое исследование.

— К несчастью, я понимаю, — сказал он, — что ваши слова и манера поведения означают, что вы не собираетесь отказаться от захвата галактики.

Первый ответ Зувга заключался в том, что он подошел ближе и теперь стоял рядом в темноте и смотрел на человека, сидящего на стуле. Потом он сказал:

— Мы, кажется, неправильно понимаем друг друга. У нас нет планов захвата. Откуда у вас такая мысль?

Модьун откинулся на спинку стула, с опозданием вспомнив, что эти же слова говорил Нунули, хозяин корабля. Тогда он представил себе последствия того, что делали люди-слуги: суетливо захватывали планеты от имени Зувгов. На Земле люди исчезли. Ганию безжалостно атаковали.

Внезапно Модьун заговорил и, констатировав неумолимые факты, сделал вывод:

— У меня создалось впечатление, что вы применяли свои методы в различных вариантах к десяткам тысяч других планет.

— То, что мы делаем, — не захват, — сказал

Зувг. — Мы просто и решительно уничтожаем случайные эволюционные проявления неправильных форм жизни. Как только на планете устанавливается правильное направление эволюции, мы допускаем развитие на некоторое время, под руководством, но, в конечном счете, без дополнительного вмешательства. Никоим образом нельзя считать это захватом.

Изумленный Модьун открыл рот. И снова закрыл. В потоке слов, которые он услышал, было — объяснение.

«Господи, — подумал он, — всюду они нападают на самых приспособленных, которые пережили эволюционный отбор на своей планете».

Удивительная идея.

Даже когда человек изменял животных, такая идея не обсуждалась. И позже, когда человеческие существа, подстрекаемые Нунули, изменяли себя, они хотели только подчеркнуть черты, которые уже проявились в мутном потоке естественного отбора.

— По каким и чьим нормам проведен отбор подходящих расовых черт? — спросил Модьун.

— На каждой планете, — ответил Зувгайт, — мы выводим форму с самым большим естественным сроком жизни. Вы можете придумать лучшую

норму отбора, чем долговечность?

Голос умолк. Модьун вежливо ждал, когда существо выскажется подробнее. Когда прошло несколько секунд, то по спокойному дыханию собеседника он определил, что дополнительного объяснения не будет.

— Послушайте… — начал он неопределенно. Он замолчал, посидел еще несколько секунд, а потом спросил: — Вы долгоживущая раса, правда?

— Долгоживущая — это неправильное определение. Мы бессмертны. — Голос звучал гордо. — Это одно из двух наших самых важных качеств.

Модьун предположил, что вторым важным качеством была способность Зувгайта управлять разумом других существ. Но он решил не отвлекаться на это.

И он сказал:

— Короче говоря, вы выбрали в качестве критерия качество, которое ваша раса, очевидно, приобрела путем естественного отбора без изменения. Я сказал «очевидно», потому что хочу снова вернуться к этому вопросу.

Член комитета оставался спокойным.

— Мы совершенно объективны. Мы изучали всевозможные положительные черты сотен рас…

— И, наконец, решили, что ваши собственные — самые лучшие, — взорвался Модьун, — не спрашивая, как это случилось.

— Я повторяю, вы можете придумать лучшее качество, чем долгая жизнь? — был ли в его тоне намек на раздражение?

— Да, по человеческой системе оценок, — сказал Модьун. — Но философия человека: жить и давать жить другим. — Потом он внезапно поменял тему. — Видите ли, я думаю о чертах человека, а вы о чертах Зувга. Мы оба очень субъективны, не правда ли?

Последовал холодный ответ:

— Ваши слова говорят мне, что так, как вы находитесь здесь полностью под нашим контролем, дальнейшая беседа является только тратой времени.

Итак, с этим покончено.

Модьун очень тихо сидел на стуле, пытаясь разобраться в происходящем. И, насколько он мог определить, ничего не изменилось. И в эти минуты, которые становились итогом всего, в его нервной системе не было волнения. Значит, что бы они ни делали, он этого не чувствовал. И единое психическое пространство, и космос молчали… Все ближайшее пространство двигалось

в пределах атомной и молекулярной логики, не потревоженное вмешательством умов, и это наводило на мысль, что проблема внутри Модьуна, а не снаружи.

Когда Модьун с тревогой обдумывал такую возможность, ему пришло в голову, что настало время делать то, что он намеревался сделать. Правда, он не знал, с чего начать.

«Я пришел, чтобы побеседовать. Это я сделал. И беседа ни к чему не привела…»

Не зная точно, что предпринять, Модьун сказал для пробы:

— Биология — это предмет, который в результате того, что нас усовершенствовали Нунули, мы начали понимать лучше, чем кто-нибудь еще.

Из темноты послышался звук. Его издавало огромное существо, стоящее перед Модьуном. Никаких слов, только звук. Иронический смех?

Зувгайт заговорил спокойным тоном.

— В принципе, мы не должны сейчас ничего делать. Контроль над вами установлен очень давно. Вы должны знать, что никто ничего не может сделать против своего образа жизни. Индивидуум может даже понять природу битвы, которую должен вести — это своеобразный этап развития, до которого вы, кажется, дошли

— но вас навсегда связывает тот факт, что ваша кожа может быть пробита, сердце может остановиться, — группа клеток вашего мозга обладает специальными свойствами — только и всего. Например, несмотря на вашу систему восприятия, продолжительность жизни, которой вы достигли, менее чем две тысячи Земных лет. Даже этим вы обязаны Нунули, которые усовершенствовали человека.

— Правда, — признал человек. — Однако я собираюсь исследовать это для вас и…

Зувгайт прервал его.

— Чтобы показать вам, как уверенно мы себя чувствуем, мы предлагаем вам использовать вашу систему восприятия против нас. Вы увидите, что не сможете этого сделать.

— Вы просите то, что невозможно, — запротестовал Модьун. — Слово «против» для моего мозга не имеет смысла. Я не против вас.

— Точно, как запрограммировала вас раса наших слуг, — с удовлетворением сказал Зувгайт.

— Для меня было бы безмерно трудно умышленно напасть на кого бы то ни было,

— сказал человек.

— Вот именно, — радостно сказал член комитета. — Таков ваш характер. Как я сказал, вы

нерешительно боретесь с внешними обстоятельствами, но, в сущности, вы не сможете сделать ничего, кроме как идти по предложенному пути.

— Гмммм, — сказал Модьун. — Я вижу, мы не полностью понимаем друг друга.

Затем он повторил то, что однажды сказал Руузб к большому неудовольствию Дуулдна:

— Есть несколько способов содрать шкуру с кота.

— Я не понимаю этого, — сказал Зувгайт.

Модьун не ответил.

Дальше он не мог вспомнить. Он снова был в спасательной шлюпке и ничего не помнил.

— Это все, — сказал он раздраженно.

— Но с какого кота и каким способом ты собирался содрать шкуру? — спросил Руузб, лукаво взглянув на покрасневшего Дуулдна.

— Прости, что я использовал это сравнение, — сказал Модьун, который сидел за столом в столовой против человека-ягуара. — Мои извинения, Дуулдн.

— Ладно, — пробормотал большой человек-кот. — Я напуган, но не потерял голову. Так вот каков тот Зувгайт!

Иггдооз покачал головой, сердито посмотрел на Модьуна и сказал:

— Друзья, он не боится, но я уверен, что он просто не умеет драться.

— Я собирался начать учиться, — запротестовал Модьун.

— Тогда ты говоришь что-то не то. Ты сказал Зувгайту, что ничего не можешь сделать. А нам теперь говоришь, что можешь.

Все они с осуждением смотрели на Модьуна.

— Ну, где же правда? — спросил Неррл.

Руузб сказал:

— Мы всегда ценили тебя за честность. А теперь ты сказал ему пустые слова. Пойми меня правильно, — поспешно закончил человек-медведь. — Мы хотим победить этих сукиных детей.

— Я собирался напасть на них с помощью единого психического пространства, — объяснил Модьун, — и единственным честным способом, который открыт для меня. Послушайте…

Когда Модьун закончил объяснение, Дуулдн сказал решительно:

— И ты думаешь, это то, что ты должен был сделать?

— Да.

— Но в тот момент, когда ты сделал это, закончились твои воспоминания об этих событиях.

Модьун должен был согласиться, что, действи-

тельно, так и случилось.

— Думаю, они должны были предпринять контратаку.

Неррл вступил в разговор:

— Энергия единого психического пространства могла бы убить Зувгайтов?

Модьун был потрясен.

— Конечно, нет. Это было бы убийство.

Дуулдн вскинул руки.

— Послушайте его! — зарычал он.

С усилием он взял себя в руки и сказал:

— Ты можешь обнаружить другую энергию, подобную энергии единого психического пространства?

Модьун покачал головой.

— Наверное, такие существуют. Но я знаю только об одной. Вы должны помнить, что единое психическое пространство так же велико, как космос, только в нем нет времени.

— Ты говоришь, что использовал все, что знаешь? — настаивал человек-ягуар.

— Так я собирался сделать, — защищаясь согласился Модьун.

Лицо Дуулдна стало кирпично-красным, когда он отклонился на спинку стула.

— Я лучше не буду больше ничего говорить, —

пробормотал он. — Величайшая возможность в истории галактики, упущенная из-за мягкосердечия.

Модьун казался побежденным и закончил слабым голосом:

— Друзья, возьмите бразды правления в свои руки!

Руузб заговорил дипломатично:

— Хорошо, Модьун, почему ты не активизируешь свои системы восприятия? Мы могли бы также узнать, что случилось.

35

Модьун провел испытание. Он провел его на самом деле. Понимая, что у него не будет второй возможности, он провел эксперимент до конца. Как генерал, у которого появилась новая идея о том, как выиграть битву, он проверял ее не на предварительных маневрах, а в бою.

Очевидно, он не может атаковать тысячу могучих умов, соединенных с его мозгом линией односторонней связи, когда несколько гипнотизеров объединяются вместе, чтобы победить одного человека. Поэтому он действовал не прямо. Вместо этого Модьун использовал свою систему восприятия, чтобы узнать, нет ли в едином

психическом пространстве уже существующего источника энергии, включенного в соответствии с неизменными законами.

Так как процесс поиска был фактически мгновенным, Модьун не удивился, когда ночную тишину комнаты разорвал Зувг, заявив:

— Если верить нашим приборам, вы активизировали систему восприятия. Но еще ничего не случилось.

Зувг продолжал тем же раздраженным тоном:

— Мы все ощущаем незначительные физические воздействия на уровне единого психического пространства. Но все знают, что в едином психическом пространстве ничего не может начаться без предварительного планирования. Естественно, на это не требуется время, но оно требуется на переход в наш пространственный мир. А у вас нет столько времени.

Итак, они что-то почуяли. И Модьун смог, вдобавок, узнать, что его попытки неизбежно обнаружат.

Модьун сказал с намеком на прежнюю вежливость:

— То, что постепенно происходит, это, конечно, физиологический процесс. Пусть он ускорится, не нужно волноваться. Но нужно сказать, что, когда

произойдет изменение направления, сдвинутся химические связи. Это создаст особое…

Модьун замолчал, почувствовав внезапное напряжение в комнате. Из темноты зловеще зазвучал голос:

— Вы говорите, что вы физически управляете мной — нами — каким-то способом?

— Все, что я делаю, — вежливо признал Модьун, — это пытаюсь использовать энергию, которую вы первоначально заложили в единое психическое пространство; использовать ее в качестве носителя для активизации биологической перестройки. Это подействует на всех существ, связанных с вами. Теперь…

— Какую первоначальную энергию?

— Взрыв в едином психическом пространстве, посредством которого вы уничтожили людей за барьером, — сказал Модьун. — Откуда вы узнали о едином психическом пространстве?

— От расы, которая теперь вымерла, — неохотно сказал Зувгайт.

— Другое неправильное эволюционное развитие, я полагаю, — сказал Модьун. — Я собираюсь рассказать вам, что их знания о едином психическом пространстве были правильными. Поэтому я смог использовать реактивную энергию взрыва,

которая включает в себя все комбинации жизненных энергий, и вы должны будете со мной согласиться.

— И для чего используется эта энергия? — грубо прервало существо.

Модьун глубоко вздохнул.

— Теперь раса Зувга пойдет вперед по правильному эволюционному пути. В течение нескольких следующих тысячелетий продолжительность жизни каждого будет — я думаю — семьдесят-восемьдесят земных лет.

Когда Модьун говорил, он постепенно начал чувствовать, как растет эмоциональное напряжение существа, которое возвышается над ним в темной комнате. Вдруг…

Зувгайт сказал неестественным голосом:

— Это изменение направления в нас, которое вы включили… Один из моих коллег только что спросил, можно ли отменить эту настройку и восстановить первоначальное направление?

Модьун колебался. Его испугала скорость реакции. Он нанес им такое сильное поражение — и все же еще можно было мгновенно все исправить.

Он подумал, что контратака пришла с опозданием. Модьун уже использовал преимущество,

которое появилось у него только из-за их незнания. Теперь дело сделано, и больше ничего не оставалось. Осталась только его ловушка, которую они теперь осознали.

Естественно, он должен был честно ответить на их вопрос.

— Я, действительно, не думал об этом, но полагаю, что можно ответить «да». Но восстанавливать вас нужно по одному, и требуется много времени. Я должен сказать вам, что не намерен…

Снова ответ пришел сразу со скоростью, бьющей по мозгу; это показывало, насколько сильным был их шок.

— Мы — единственная бессмертная раса в космосе, — сказал Зувгайт, — а вы сделали нас смертными. Это несправедливо.

В известном смысле, это была правда. Вероятно, не следовало покушаться на что-то столь уникальное, как бессмертие.

«Но они покушались на многое, — доказывал себе Модьун. — Их доводы несущественны теперь».

Зувгайт настаивал:

— Нет ничего неприкосновенного в естественном отборе. На Земле вы, люди, вмешались в него,

когда изменяли животных…

Голос говорил что-то еще. Но пока это было все, что слышал Модьун. Он устал. Перестал видеть. Звуки превратились в бормотание в его мозгу. Дальним уголком мозга он следил за происходящим и с легким изумлением думал: «Мной управляют именно сейчас, этими словами. Возможно ли, что я собираюсь так сильно рисковать, требуя себе гарантий?»

Когда у него возникла эта тревожная мысль, он заметил, что беспокойство, кажется, уменьшается. Не было ничего, кроме головокружения, ничего смертоносного. Ему пришло в голову, что оскорбления, и плохое обращение, и заговоры этих существ нарушили чистоту его реакции. «Я прошел долгий путь, — подумал он, — вероятно, большую его часть в неправильном направлении». Но при данных обстоятельствах он не грустил.

К тому времени, как Модьун начал это понимать, он настолько оправился, что снова стал воспринимать голос члена комитета.

— … Мой коллега, — говорил Зувгайт, — предлагает, чтобы мы вернули вам женщину в обмен на наше восстановление. Как он объясняет, эта женщина нужна вам для выживания вашего соб-

ственного рода. Она без сознания и в опасности. Поэтому он считает, что у вас нет выбора.

Модьун был ошеломлен безупречностью их логики. Они допустили роковую ошибку. А потом это же сделали люди. Зувгайты уже выигрывали. Не было полной уверенности, что человек…

«Они добрались до меня, — думал он. — Я не могу использовать свое восприятие, чтобы получить информацию, потому что они могут подменить ее. Но теперь они не осмелятся действительно сделать что-то против меня, пока я единственный, кто может им помочь…»

Полное равновесие сил между человеком и его самым опасным противником. В этом положении была какая-то зловещая красота.

Конечно, проблемы еще оставались.

— Я хочу восстановить вас. Но не знаю, как это можно сделать. Видите ли, — он протянул руки, как часто делал Неррл, — когда я верну хотя бы одного члена комитета в его прежнее состояние, он будет свободен. После этого его не будет связывать никакой договор о защите Судлил. — Он замолчал. — Я признаю, что она в вашей власти. Она позволила заманить себя в ловушку. Я представляю, что она с ее философией, не признающей насилия, и пассивной женской позицией

была чрезвычайно доверчивой.

— Точно, — нетерпеливо прервал Зувг. — Мы смогли привести ее тело в бессознательное состояние, но, конечно, не хотели непосредственно воздействовать на систему восприятия. Но теперь есть причина для того, чтобы вы быстро принимали решение. Мы одобряем вашу настойчивость и решили не терять времени и согласились, что человек с вашей… гмм… безупречной философией, какой бы она ни была неправильной, сдержит данное обещание. Поэтому, если вы пообещаете восстановить наше первоначальное состояние в течение следующей недели или даже раньше, мы точно скажем, где находится Судлил.

«Итак, мною управляют». Это казалось единственным правдоподобным объяснением.

Ему было все равно. Он чувствовал, что может свободно принимать решение.

«… Я могу пообещать, а потом нарушить обещание…» Такое чувство было у него внутри.

А они действовали так, как будто он не мог не сдержать слова.

Зувгайт сказал настойчиво:

— Решайте. Это необходимо для безопасности женщины.

Во всяком случае, решение больше не было

проблемой. Модьун просто сказал:

— Очень хорошо, я обещаю. Где она?

— Она в комнате, куда можно пройти через левую дверь в приемной, — выпалил собеседник. — Мы сделали так, что, если бы вы вошли, вы бы увидели ее. В момент умственного погружения в ее состояние мы все напали бы на вас.

Глаза Модьуна расширились.

— Гммм, — сказал он, — интересно, сработало бы это?

Пока он обдумывал, у него появилась другая мысль.

— Тысяча… — проговорил он. — Как вы, Зувгайты, уменьшили свое количество до такого числа?

— Мы одна семья, — объяснил член комитета. Казалось, он думал о другом. — Очевидно, там, где много семей, одна должна, в конце концов, уничтожить другие. Это случилось очень давно…

36

Модьун встал в спасательной шлюпке.

— Когда пришли животные-солдаты, Нунули и Зувг убежали по коридору, ведущему внутрь горы. А я поспешно вышел из приемной и стал караулить перед левой дверью. Несколько солдат

хотели выбить дверь, но я только приказал им уходить.

Он стал задумчивым.

— Это была, на самом деле, очень мирная компания. Но я могу себе представить, какими дикими они казались членам комитета, которые никогда никого не пускали за свой барьер и не имели защиты против большого количества врагов. Какова бы ни была проблема, она должна была решиться, когда я дал указание людям-животным. Они были голодны, как никогда раньше не были в условиях изнеженной жизни на Земле. Они выстроились внизу, как хорошо воспитанные граждане. Как только я это увидел, я позвал вас, друзья, и вы пришли с носилками для Судлил.

Руузб сказал торжествующе:

— Я хочу отметить, что на этот раз ты вспомнил все до конца. Значит, они не повредили тебе своим гипнозом.

— Я заметил, — сказал Модьун.

Он пошел к пульту управления и, понимая, что все наблюдают за ним, нажал кнопку, которая открыла шлюз.

— Я лучше пойду, — сказал он.

Модьун направился к двойной двери, остано-

вился у входа и сказал:

— Я вернусь завтра утром. Поэтому просто подождите меня, хорошо?

Говоря это, он шагнул наружу и стал взбираться по склону, по тропинке, которая должна была скоро привести его к саду и зданию Зувгайта в полумиле отсюда. Он прошел около двухсот футов, когда увидел, что четверо людей-животных появились из спасательной шлюпки и бегут к нему. Модьун продолжал свой путь, потому что они не окликали его, но он не был удивлен, когда они зашагали рядом, тяжело дыша.

— Куда ты идешь? — спросил Неррл, задыхаясь.

Модьун остановился. Он сказал о своем обещании Зувгайтам.

— Вы же знаете, куда я собираюсь идти и что делать.

Он собирался продолжить свой путь, когда увидел на лице Дуулдна странное выражение.

Человек-ягуар сказал подавленным тоном:

— Хочешь, чтоб тебя снова одурачили?

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спросил Модьун.

— Ты же не собираешься выполнить такое обещание, данное самым большим сукиным детям,

которые когда-либо жили?

— Обещание есть обещание, — сказал Модьун. Затем он сказал возбужденно:

— Эй!

Они схватили его.

— Ты никуда не пойдешь, — зарычал Руузб.

Они потащили его назад к спасательной шлюпке, прежде чем Модьун ясно понял их намерение.

— Смотрите, друзья, — предупредил он тогда, — я должен буду использовать против вас свой метод воздействия, если вы не остановитесь.

— Хорошо, — вызывающе сказал Дуулдн. — Если ты сможешь сделать это против нас, своих единственных друзей, тогда приступай.

— Но мое обещание, — неуверенно начал Модьун.

Дуулдн прервал его.

— Помнишь, ты когда-то спросил меня, что я делал до этой экспедиции? А я не хотел говорить.

Модьун помнил. Но это казалось не относящимся к делу.

— Ну? — спросил он.

— Хорошо, — сказал Дуулдн. — Я был охранником в госпитале для душевнобольных.

Больше он ничего не говорил.

Четверо людей-животных продолжали крепко держать Модьуна. Они вели его, подталкивали его сопротивляющееся тело, не обращая внимания на его протесты, подзадоривая его, чтобы он подавил их своей системой воздействия — и это было единственное, что он не мог заставить себя сделать. Они подвели его прямо к стулу у пульта управления и посадили; и держали его там, пока он неохотно манипулировал приборами. И, наконец, они полетели назад к большому кораблю, который ждал их на орбите на высоте свыше 23 000 миль.

Когда Модьун сделал это, он почувствовал возбуждение в системе восприятия… Сверхбыстрая часть его мозга определила чувство возбуждения как сравнительно безобидное.

«У меня разыгрывается воображение… Они в отчаянии, потому что видят, как я улетаю. Может, мне включить другую систему, которая будет реагировать, если мне будут как-то угрожать? Но посмотрим, что будет дальше».

Да.

Сразу начались галлюцинации: он снова был в приемной здания Зувгайта. В его правой руке была ручка и он склонился над книгой для записи посетителей. Как-то он понял значение

происходившего. Восприятие его мозга, которому мешали, было сигналом, что все идет правильно.

Хорошо.

В воображении он, действительно, поставил подпись и даже начал выпрямляться, когда…

Модьун проснулся в темноте, вспомнил, что сказал Дуулдн, и понял: «Черт возьми! Мои друзья-животные обращаются со мной, как с ненормальным».

Его волновало то, что он видел, и во сне все шло правильно.

«Я был запрограммирован. Я результат расового усовершенствования». И до недавнего времени он никогда не использовал свой интеллект, чтобы перейти эти границы. Если это не сумасшествие, то что же?

Модьун лежал в полной темноте; но теперь, когда его глаза привыкли, он увидел, что он в своей каюте на борту большого земного корабля. Смутно он мог разглядеть фигуры двух существ, которые сидели на стульях рядом с кроватью. Через некоторое время он смог даже узнать, что эти двое были Руузб и Дуулдн. «Они охраняют меня». У него появилось теплое грустное чувство. Грустное потому, что он подозревал, что они чувствовали бы себя плохо, если бы последний

мужчина и женщина сделали то, что должны были сделать: ушли из жизни.

Он подозревал, что эта мысль была внушена ему, когда Нунули много лет назад программировали человека. Но он понимал, что источник правдивой информации не имеет значения.

Внутри каждого мужчины есть тайная, ускользающая, упрямая бессмысленная умственно-эмоциональная жилка, которая делает его самым отвратительным созданием в галактике.

В давние времена, при малейшем удобном случае он полностью использовал преимущества любой случайности, чтобы подняться за счет других человеческих существ. Никакая политическая система не могла сдержать его. И не было предела его алчности.

Зувгайты правы. Человеческая раса должна исчезнуть.

С опозданием Модьуну пришло в голову, что инопланетяне, вероятно, внушили ему эту цель во время того головокружения, которое он испытал. Возникшее у него чувство, что все закончилось, было ошибочным. Внушенная иллюзия.

«Это была настоящая битва. Они победили, потом я победил. Теперь они нанесли сокрушительный удар, отомстив».

Обе расы никуда не годятся. Но, конечно, то, что делают с собой Зувгайты, его не касается. Поэтому он должен отменить то, что сделал с ними. Очевидно.

Из темноты раздался голос Руузба:

— Дуулдн, мне кажется, что наш друг проснулся.

— Уфф! — Человек-ягуар несколько минут выглядел смущенным. Потом он неуклюже поднялся на ноги.

Он собирается включить свет… Модьун непроизвольно напрягся. Когда зажегся свет, он моргнул и зажмурился.

— Да, правильно, он проснулся, — сказал Дуулдн. Оба человека-животных подошли к кровати и склонились над ним.

Руузб сказал мрачно:

— Мы воспринимали твои мысли. Судлил показала, как держать связь с твоим разумом, прежде чем уйти на танцы. Пропащая твоя душа!

— Почему пропащая? — Модьун говорил автоматически. — Какие танцы?

Человек-медведь не обратил внимания на его вопросы:

— Судлил сказала, что ты сам справишься с их гипнозом. Для нее сделать это означало бы

посягнуть на твои тайны.

— Правильно, — согласился Модьун. Он думал. — А что вы скажете насчет того, что она соединила вас со мной, умники? Это тоже посягательство.

— Она считает, что это наше дело, — объяснил Дуулдн с удовлетворением. — И у нас нет угрызений совести. Согласен, Руузб?

— Согласен, — возбужденно ответил человек-медведь.

— Слушай, друг, — сказал Дуулдн, — ты должен принять решение. Либо убить нас

— так установила Судлил, по нашей просьбе, — либо дать нам указание убрать последствия гипноза Зувгайта из твоей нервной системы. Готовься сражаться за свою жизнь.

Модьун сел на кровати и быстро оглядел полные решимости лица. Взволнованный тем, что он увидел, он сказал:

— Я должен буду активизировать свое восприятие, направив его против вас.

— Это убьет нас тем способом, который установила Судлил, — сказал Руузб.

Он немедленно ударил Модьуна большим кулаком в грудь. Удар оказался таким сильным, что у человека перехватило дыхание.

— Ради Бога, — с трудом произнес он. Он не мог закончить. В это мгновение Дуулдн нанес ему страшный удар в голову.

— Активизируй восприятие, чтобы избавиться от гипноза! — зарычал человек-ягуар.

— Послушайте, — пронзительно закричал Модьун, — это нечестно.

Кулак Руузба попал ему прямо в челюсть, и человек издал странный звук.

— Это несправедливо, — пробормотал Модьун.

— Их бессмертие, — Дуулдн остановился, чтобы нанести предательский удар в желудок. — Активизируй восприятие!

Модьун начал защищаться. Позже он был удивлен, обнаружив, что стоит на коленях у двери, а Руузб душит его и кричит:

— Активизируй восприятие, ублюдок!

Наконец, Модьун подумал несколько неопределенно, что внушение, действительно, может принимать разные формы. Такой метод очень убедительный.

Примерно через минуту после этого он лежал на полу, Дуулдн сидел верхом на его ногах, а Руузб коленями прижимал его бицепсы. Кулак человека-медведя был поднят и, казалось, что он намерен нанести сокрушительный удар в лицо

Модьуна.

Это было слишком. Человек съежился.

— Не бейте меня! — сказал он. — Я сделаю все.

В уголке его мозга возникло удивление. Он думал о том, что Зувгайты, действительно, никогда не рассчитывали, что кого-то будет заботить, что случится с людьми.

Кулак, занесенный над ним, ослабел.

— Хорошо, активизируй восприятие.

Модьун сделал это, а потом вздохнул:

— Это все равно неправильно, но дело сделано.

Они подняли его на ноги. Обнимали его. Руузб чуть не плакал. Он обнял Модьуна.

— Парень, это самое трудное, что я когда-либо делал. Но теперь, — он остановился, — ты должен сделать еще одну вещь. Четыре миллиарда людей решили, что жизнь не стоит того, чтобы жить, так?

Модьун ждал. Он чувствовал, что ответ не нужен. И, действительно, человек-медведь продолжал:

— Поэтому ты, наверное, так думал, уходя в себя, и помогая гипнозу Зувгайта. Так?

Это была правда.

— Поэтому должны были действовать твои друзья, чтобы убедиться, что ничего не случит-

ся, — сказал человек-медведь. — Теперь, слушай. Ты хочешь, чтобы эта женщина забеременела в следующие несколько недель, а мы останемся здесь, чтобы видеть, что все сделано; или мы побьем тебя сильнее, чем в этот раз?

— Ннуу… — сказал Модьун с сомнением. — Я думаю, так будет правильно. Кроме того, она моя жена.

Модьун смеялся и плясал. Все люди-животные вокруг него весело плясали. Он был самый свободный из них. Всегда его двигательные центры имели сознательные ограничения, а теперь на некоторое время они исчезли. Ритмичная музыка звучала в его ушах и побуждала тело к движению. Результатом был быстрый, но удивительно изящный танец.

Он умело двигался в толпе пока, наконец, еще раз закружившись, он не оказался лицом к лицу с женщиной и схватил ее в тот самый момент, когда она, также засмеявшись, повернулась к нему.

Она была счастлива и смеялась, когда он обнял ее, и отдалась танцу.

И тут впервые за все время она посмотрела ему в лицо.

37

Еще раз мысль — или, скорее, новый ее вариант промелькнул в мозгу Модьуна: «Все это очень убедительно».

Он заметил эту мысль, когда она промелькнула.

В это мгновение он с ужасом понял: все это недостаточно убедительно. На женском лице появилась нерешительность. Они продолжали танец. Иллюзия — как сейчас воспринимал это Модьун — удерживала его.

Хотя он больше не верил в нее. Он с любопытством ждал правильного восприятия. И он не был особенно удивлен, когда следующее проявление его «я» было не реальностью, а другой галлюцинацией: из всех людей Банлт, человек-крыса, и он вдруг оказались стоящими лицом к лицу. И Банлт заговорил с ним неуверенно:

— Моя… философия? Какая философия?

Они стояли вдвоем, высокий могучий человек и высокий более худой человек-крыса… стояли там в сверкающем мраморном вестибюле здания суда на Земле, когда Модьун объяснял, что философия — это причина действий. Поэтому…

— Какая была у вас причина украсть тот авто-

мобиль?

— Я говорил вам, я представил, что получил столько же прав…

Банлт замолчал, беспомощно глядя, протянул руки и ждал.

— Тогда вы на самом деле говорите, что в этом мире, созданном людьми, люди-гиены могут взять на себя законное управление планетой, а остальные люди втягиваются в раздоры из-за незначительных нарушений равенства, которые они замечают рядом?

Человек-крыса моргал.

— Эй, — сказал он. — Разве я это сказал?

Он казался удивленным.

Когда Банлт закончил, его изображение и вестибюль суда побледнели, как сцена в фильме.

Но, хотя Модьун был во власти галлюцинации, его ноги твердо держали его тело. Он терпеливо переносил это состояние, убежденный, что его мозг все еще стремится окончательно проснуться, очевидно, преодолевая сопротивление. Короткий диалог между Банлтом и Модьуном, которого никогда не было в реальной жизни, был еще одной попыткой со стороны Зувгайтов ослабить человека. Они еще раз показали ему, что человек и его разумные животные — неисправимо испор-

ченные и нелогичные существа.

«Действительно, — подумал Модьун, — положение человека было значительно хуже, чем продемонстрировал Банлт. За обычным сопротивлением по поводу чьих-либо льгот таится эгоцентричное безумие».

Импульс затаившейся перед прыжком пантеры. Если в этом запрограммированном сопротивлении промывке мозгов на мгновение выдавалась пауза, как это иногда случалось, если вдруг на мгновение ждущий безумец видел путь, он устремлялся по этому пути. Что бы ни вело его — желание царствовать, деньги, имущество, власть, какими бы путями — с помощью убийства, пыток или арестов всех противников без сострадания — он должен получить это.

А женщина желала быть именно здесь, рядом с божеством как бездумная принцесса, никогда не спрашивающая, как человек достиг такого положения, требующая только, чтобы он был на вершине… и делал все, что нужно, чтобы оставаться там.

Те мужчины и женщины, которые не сделали этого, ждали, расстроенные и нетерпеливые, своей возможности.

Зувгайты правы. Человеческая раса недостойна

того, чтобы существовать…

Модьун не удивился, что это, казалось, не волновало его. Он начинал постепенно осознавать изменения в самом себе.

Вся эта борьба… Такая длительная. Враги были безжалостны и полны решимости; поэтому своим воздействием они навязали ему новую программу действий, начиная с автоматической активизации защиты его тела против тех первых людей-гиен… через грандиозную битву (которую он считал грандиозной) с черной дырой и теперь, наконец, путем беспощадного нападения на него, как на личность…

«Тупые идиоты, — думал Модьун, — они превратили меня в воина так, что я не заметил».

Когда он так подумал, его сознание… прояснилось.

Он увидел, что стоит перед прозрачной дверью здания Зувга. Вокруг была тишина.

«Конечно, — подумал он, — что же еще?»

Он только что прибыл.

Зувгайты предприняли коллективную попытку контроля над его разумом в первые мгновения его прихода сюда. И все эти ужасные секунды его мозг и его способности, так прекрасно усовершенствованные Нунули, вели молчаливую битву

за выживание на уровне подсознания, где, увы, действительно, действует человек.

Бесконечность сокрытых глубинных сил человеческого разума, которые привели людской род на край пропасти, с никогда ничего не спрашивающей и со всем соглашающейся глупостью мгновенных настроений, которые привели к точке, где один мужчина и одна женщина теперь стояли одни перед лицом вечности…

Еще раз Модьун оглядел горный пейзаж, а потом снова посмотрел на двери и заглянул внутрь себя. У него не было сомнений. Он чувствовал, что все это реально. «На этот раз я здесь».

Оставалось только его решение о его будущем.

Не спеша, Модьун открыл дверь и вошел в приемную. Хозяин Нунули, который ждал за конторкой в двадцати футах, протянул ручку и показал на книгу для записи гостей.

Модьун взял ручку и наклонился, и твердо, без колебаний расписался. Он написал:

«Модьун, человек с Земли, находится здесь, чтобы обсудить условия постоянного мира, которые победитель в битве диктует побежденному врагу…»

Только когда он написал эти слова, он заметил, что они, по существу, были полным отрицани-

ем его жизненной философии. «Ну, — подумал он, — твои внутренние чувства изменились. Ты, на самом деле, стал другим».

То, что он чувствовал, свидетельствовало о том, что любая раса делает все, что нужно для того, чтобы выжить. В таких рамках несогласные личности могли ожидать, что рост и изменение, возможно, уничтожат неприятные черты, возникающие в результате эволюционного приспособления расы к окружающей среде. Но человеческий род никогда не согласится с таким качественным ограничением.

Раса принимала жизнь.

Да, это было другое чувство. Да, да, да, да.

После минутного размышления Модьун еще раз взял ручку и к тем словам, которые написал, добавил: «чтобы жить и, на самом деле, давать жить другим».

Он подчеркнул ключевую мысль: «на самом деле».

Потом Модьун выпрямился в полный рост, понимая при этом, что испытывает чувство, которого не знал никогда раньше, своеобразное ликование, потому что процесс письма не повлек за собой никаких последствий.

— Какая дверь? — спросил Модьун, и его голос

громко прозвучал в тишине приемной.

Последовала длинная пауза. Странное, напряженное, испуганное выражение появилось на гладком сером лице Нунули. «Он получает инструкции», — подумал Модьун.

Медленно, с неохотой Нунули поднял руку и указал на дверь справа.

Ликуя, как победитель, Модьун вошел в комнату за дверью.

Ван Вогт Альфред
Клетка для разума

Альфред Ван Вогт
Клетка для разума
Перевод И.Петровской
Глава 1

Дэвид Марен нетерпеливо кусал губы, пока Председатель Совета Глав Групп объявлял: "Слушается дело Уэйда Траска, обвиняемого в антигосударственной деятельности".

До этого момента Марен с таким же нетерпением выслушивал предложения Главы Группы Джона Пилера, который после целого года напрасных усилий ещё раз пытался убедить советников в необходимости отменить Закон о Группе для женщин. Всем была известна тайная причина стараний Пилера - он испытывал особую привязанность к одной девушке и всеми силами добивался выделения части женщин в специальную категорию, чтобы исключить эту юную особу из любовных игр Группы.

"...Уэйда Траска, обвиняемого в антигосударственной деятельности..." Услышав эти слова,

Марен сразу потерял интерес к дискуссии о женщинах, которую шепотом продолжали вести Пилер и советники. Начиналось слушание по делу, которого Марен ждал. Он обвел взглядом зал Совета. За большим столом сидели двенадцать членов суда и два секретаря. Глава группы "Америка-Центр" Оскар Подредж, суровый с виду, тяжеловесный и крупный молодой человек, поднял голову: "Это тот ученый?"

Председатель Медельин указал подбородком на одного из секретарей, тот пролистал несколько документов и прочел: "Уэйд Траск, инженер-физик, эксперт по прапспам, специалист по прикладной электронике... Далее следует список его работ".

Медельин осмотрел лица своих коллег - одно за другим. "Похоже, что решение принято единогласно, господа", - бросил председатель, и в его голосе прозвучала нотка облегчения.

Марен поднял руку, показывая, что берет слово, но, внимательно оглядев аудиторию, задумался. Из всех находившихся здесь членов суда только Подредж, Эдмунд Слейтер, Медельин и он были профессионалами. Остальные до того, как им предложили их нынешние высокие посты, были руководителями в промышленности,

образовании или науке. Медельин и Подредж были верховными организаторами - высшими владыками в эту эпоху, соединившую жизнь в коллективах со свободным предпринимательством. Слейтер, представляющий полицию, был их мечом и плетью. А сам он, Дэвид Марен, был... кем же он был?

Он был человеком не совсем того же круга, что эти реалисты. Марен был Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил Великого Судьи и поставлял остальным человеческий материал, который они безжалостно кроили и обтесывали.

Его задача была завоевывать по одному или по несколько сразу "государства-бандиты", которые в огромном количестве возникли во всех частях мира после третьей атомной войны, завершившейся двадцать лет назад. Закончив свою работу, Марен передавал покоренные народы организаторам и полицейскому-палачу, а сам отходил в сторону: то, что происходило потом, его не касалось.

В Совете Марен всегда держался в стороне от коллег. Может быть, теперь это сослужит ему плохую службу: он знал, что возбудил в советниках ревнивую зависть, злобу и страх по отношению к себе.

Нарочно замедляя свою речь, чтобы справиться с тревогой, он сказал:

- Я считаю, что дело Траска нуждается в более подробном рассмотрении и, честно говоря, думаю, что имеются основания для оправдательного приговора.

- Какие основания?

Это спросил Подредж, скорее с любопытством, чем агрессивно.

Марен изложил один за другим свои аргументы.

- Когда я прочел те бунтарские слова, в произнесении которых обвиняют Траска, я пришел к выводу, что их основной смысл таков: принцип коллективистского свободного предпринимательства требует дальнейшего развития.

Сколько раз мы сами в этом же зале обсуждали этот вопрос? Сколько раз мы спрашивали себя, не может ли изменение принципа Группы уничтожить тот или иной неисправимый порок человеческой природы? Поэтому я не могу признать, что за то, в чем его обвиняют, Траск заслужил смерть.

И, завершая свое выступление, Главнокомандующий твердо заявил:

- Я убежден, что Траск находится в начале такой

научной карьеры, которая сделает честь власти, позволившей ей осуществиться. Вот почему я прошу, чтобы обвинительный приговор завершался так: "Судье, заседателям и общественному обвинителю выносится благодарность за усердие. Обвиняемому выносится порицание, однако он освобождается от наказания ввиду высокой ценности его работ".

Произнося эту речь, Марен ясно видел, что лица некоторых из сидящих за столом все больше хмурятся. Но не только он один заметил, как подействовали на суд его аргументы. Медельин раз за разом обводил взглядом судейский стол, и лицо председателя вздрагивало от мучительной тревоги. Он торопливо сделал рукой знак тому из секретарей, который сидел ближе к нему: "Будьте добры, прочтите точную запись высказываний Траска".

Секретарь порылся в своих папках, вынул из одного рукописного документа несколько листков, развернул их и начал отрывисто читать:

- "Принцип группизма внедрен слишком широко", - это говорит господин Траск, господа. - "Исследования, которыми я занимаюсь, показывают, что общественные отношения требуют взглянуть на понятие Группы под новым углом

зрения, отличным от того, под которым оно рассматривалось до сих пор".

Марен мысленно проклял то помрачение ума, которое заставило Траска забыть распространявшиеся на всех граждан ограничения свободы слова. По словам ученого, в тот самый день, когда он высказал свои взгляды, он сумел перенести в нервную систему цыпленка импульсы нервной системы собаки, отчего почувствовал необычное для себя возбуждение. Во время судебного процесса Траск старался оправдаться тем, что открытие привело его в ненормальное душевное состояние, но это объяснение ему не помогло.

Медельин снова обратился к тому же секретарю:

- Ознакомился ли Великий Судья с материалами?

По телу Марена пробежала дрожь: то, как был задан этот вопрос, явно показывало, что Великий Судья интересуется делом Траска.

- Да, сэр. Он затребовал это дело на прошлой неделе и вернул сегодня утром.

- Высказался ли Великий Судья о том, какие меры следует принять к обвиняемому?

Это было похоже на вопросы по катехизису во время урока закона божьего. Было ясно: Меде-

льин с самого начала знал, что Великий Судья уже вынес приговор.

Секретарь какое-то время листал свои документы, словно отыскивая ответ. Наконец он прочел:

- "Явный случай предательства".

- Стоит ли под этим его собственноручная подпись?

- Он поставил свой росчерк, сэр.

Итак, смерть.

Марен не спросил, почему это предварительное мнение не было вынесено на обсуждение: Великий Судья никогда не вмешивался в дебаты внутри Совета. Совет старательно поддерживал для заграницы видимость своей независимости. "Достаточно ученому сказать несколько критических слов, и человек, который правит Землей в 2140 году, уже нервничает", - с горечью подумал Марен. Кусая губы, он покачал головой и насильно заставил себя улыбнуться.

Теперь должны были начаться действия, которые обычно следуют за вынесением приговора. Простая техническая операция во всей её привычной грубости.

Медельин поднял трубку телефона. "Вы Тилден Аралло, глава Группы 814?"

Громкоговоритель передал ответ: "Тилден

Аралло у аппарата". У этого человека был баритон. Аралло, должно быть, догадывался, что ему звонят "сверху", потому что был почтительным.

- С вами говорит Медельин, Председатель Совета Глав Групп.

- Я к услугам Вашего Превосходительства.

- Совет поручил мне связаться с вами по поводу члена вашей Группы Уэйда Траска.

- Жду ваших указаний.

- Уэйду Траску вынесен приговор - смертная казнь. Следовательно, начиная с данного момента ваша Группа отвечает за действия упомянутого Уэйда Траска. Передвижению и деятельности названного Траска не должно чиниться никаких препятствий, помимо ограничений, предусмотренных действующим законодательством. Уэйд Траск, приговоренный к смерти за антиправительственную деятельность, должен быть извещен о том, что обязан явиться к Конвертеру для казни через неделю после сегодняшнего дня, до полуночи.

- От имени Группы 814 подтверждаю прием сообщения сегодня, 26 августа, в 10.30.

- Подтверждение приема зарегистрировано.

Медельин положил трубку.

Потом он обвел взглядом стол. Выражение кост-

лявого лица Председателя было добродушным, но взгляд был холодным. Худыми пальцами глава Совета теребил свои седеющие волосы.

- Ну что же, господа, думаю, что на этом мы прервем работу Совета до будущей недели. Дэвид, - прибавил он, глядя на Марена, - я хотел бы немного поговорить с вами.

- Я в вашем распоряжении, - ответил Главнокомандующий. Тон этих слов был почтительным, но без малейшего следа любопытства. Марену было легко догадаться, что разговор пойдет о военных действиях против "бандитствующей" королевы соседнего государства Георгия, которые были неизбежны и уже подготавливались. "Я должен бы сообщить Траску о приговоре", - подумал он.

Собеседники направились в один из углов зала Совета.

- Дэвид, - тихо и быстро произнес Медельин, - если бы я знал, что вы собираетесь ходатайствовать в пользу Траска, я предупредил бы вас.

Тут Председатель вдруг прервал себя и переключился на другую тему.

- Но хватит об этом. Мы совещались, Великий Судья и я, и выработали для вас следующие инструкции. Завтра вы завтракаете с Великим Су-

дьей, а затем вылетаете в Лагерь "А", на границу с Георгией. Самолет отправляется в четырнадцать часов. Вскоре после прибытия в Лагерь "А" вы выступите с речью перед собранием георгийских революционеров. Затем подождете сорок восемь часов, чтобы дать им время вернуться на родину. В подходящий момент те из них, кому достанется роль убийц, казнят самых видных руководителей георгийского режима. Одновременно с этим ваши войска перейдут границу и займут страну. Королеву и её семью нужно пощадить.

Медельин помолчал, потом нахмурил брови и продолжил:

- Мы желаем, чтобы вы переспали с королевой, Дэвид. Конечно, я должен признать, что она не воплощение красоты. Но необходимо, чтобы она считала, будто это вы лично из-за любовного каприза спасаете ей жизнь. Не обращайте ни малейшего внимания на её протесты. Пусть она поселится у вас, если будет нужно, похитьте её. Пообещайте ей вашу личную защиту, убедите её, что позаботитесь, чтобы её семья сохранила власть.

Марен утвердительно кивнул. Он чувствовал себя немного циником, но это было очень слабое чувство. Не в первый раз он будет для вида под-

держивать законное правительство страны, а на самом деле захватывать её.

- Кому я должен сообщить дату наступления? - спросил он.

- Никому. Сейчас об этой операции знают только Слейтер, вы, я и, разумеется, Его Превосходительство. Применяйте обычную тактику дезорганизации. Желаю удачи!

Сказав это, Медельин быстро ушел, а Марен покинул зал Совета со странным чувством пустоты в душе.

Глава 2

Опираясь на парапет, окружавший Группистский Центр, Марен ждал своего "прыгуна" - магнитолет. Свежий колючий воздух обещал прекрасный день, но Марен ненадолго задержался на этой мысли. Он задавал себе вопрос, как он расскажет Траску о происшедшем, и от этого у него сосало под ложечкой. Марен решительно стиснул зубы. Совершенно ясно: только он и никто другой должен сообщить все Траску. Он сможет успокоить приговоренного, твердо пообещать, что воспользуется всей своей властью, чтобы добиться смягчения приговора.

Конец этим размышлениям положило появление "прыгуна", который скользил навстречу

Марену по наклонному спуску. Совершенство этой машины мгновенно привело Главнокомандующего в почти детский восторг. Все в ней вызывало у Марена восхищение - и бесшумность магнитных двигателей, и чистота линий массивного сверкающего металлического корпуса.

Укороченные крылья "прыгуна" не несли машину в воздухе - их единственным назначением было помешать ей переворачиваться, потому что для магнитного поля Земли, из которого "прыгун" черпал движущую энергию, было все равно, вверх или вниз головой расположен водитель. Эти усеченные крылья и ещё более укороченный хвост лишь обеспечивали устойчивость машины во время полета. Механик, который привел машину из подземного гаража, находившегося в глубине здания, вышел из нее, и Марен забрался на его место. Главнокомандующий направил "прыгун" по полосе, предназначенной для личных машин, включил автопилот и набрал номер личного телефона Траска. Почти сразу же он услышал низкий голос:

- Алло, слушаю вас!

- Это вы, Уэйд?

- А, Дэвид! Ну что?

В голосе физика вдруг почувствовалась на-

стойчивость. Марен описал заседание суда, поторопился успокоить своего собеседника и наконец замолчал, чувствуя себя неуютно. За свою жизнь Главнокомандующий достаточно часто произносил смертные приговоры, в боях он посылал людей на смерть тысячами, но этот раз был не похож на прежние.

- Дэвид, я обязательно должен увидеться с вами сейчас же!

Разве можно колебаться? Этот человек должен узнать, что друзья не покинули его.

- Где?

- В Лабораториях Траска.

Марен ненадолго задумался. Место встречи было не очень хорошим для него. Теперь, когда приговор вынесен, Лаборатории временно будут переданы под контроль государства, и эта охранительная мера будет выполнена быстро. Этот арест имущества не ставил под вопрос право собственности на него Траска, но все же лучше, чтобы Дэвида Марена не обнаружили в таком месте.

Тем не менее колебания Главнокомандующего были недолгими. Дэвид забыл о своих мысленных возражениях: в такой час дружба не должна иметь границ.

- Я буду там через десять минут.

- Прекрасно.

Раздался резкий щелчок - окончание связи. Марен ощущал какое-то неопределенное беспокойство. В первый раз с начала своей военной карьеры он испытывал неприятную уверенность, что совершает ошибку.

В конце концов он забыл это тревожное чувство и тогда смог задуматься об участи, ожидавшей Уэйда Траска. Приговор будет официально сообщен ученому главой Группы 814 Тилденом Аралло. С этого момента приговоренный теоретически будет волен провести последнюю неделю своей жизни настолько приятно, насколько пожелает. Правительственная пропаганда настойчиво подчеркивала это: никогда, твердила она, цивилизованное общество не предоставляло такой большой свободы виновному. Но в действительности бегство было абсолютно невозможно. Каждому подданному Великого Судьи была вживлена непосредственно в плечевые мускулы электронная схема, которую могла включить любая станция контроля, а во включенном состоянии эта схема вызывала у человека боль, которая постоянно усиливалась. Это устройство действовало избирательно: каждый подданный

имел свой код, соответствующим образом зарегистрированный в Центре Контроля. У Марена была своя комбинация цифр, у Траска тоже. Эти коды, секрет которых был известен лишь немногим, и давали абсолютную власть Великому Судье.

* * *

- Садитесь, - сказал Траск.

Ученый был высоким и худощавым - у него была изящная стройная фигура интеллектуала. В его поведении чувствовалась странная решительность. Голубые глаза сверкали за стеклами очков. Жесты Траска были уверенными, в них не было ни малейшего намека на душевное смятение.

- Я должен вам кое-что показать.

Марен уселся там, где ему указал собеседник. Главнокомандующий был удивлен, но покорился. Он сомневался, чтобы то, что Траск хотел ему показать, имело какую-либо ценность. Марену часто приходилось обнаруживать, что приговоренный считает, будто имеет возможность сделать властям предложение, которое, как он надеется, окажется достаточно интересным и склонит чашу весов в его пользу. Главнокомандующего разочаровало, что Траск тоже поддался этой неразумной надежде. Он-то должен был знать, что, поступая так, предается напрасным

мечтам.

Траск занял место напротив.

- Дэвид, - начал он с усилием (это чувствовалось по голосу), - Дэвид, я кое-что скрыл от вас. Вы помните, как я рассказывал вам о своем эксперименте, в ходе которого я перенес импульсы нервов собаки в нервную систему цыпленка?

Марен ответил утвердительно. Он был озадачен и растерян: этот вопрос свалился как снег на голову.

Траск торопливо продолжал:

- На самом деле этот эксперимент продолжается достаточно долго, - уже больше года. За это время я провел опыты на прапспах и теперь точно знаю свои возможности.

В тоне этого человека звучала такая сила, что Марен насторожился и удвоил внимание: Траск говорил так, словно не был приговорен!

Симпатия Главнокомандующего к Траску остыла. Дэвид стал ждать продолжения. Проявить добрые чувства к попавшему в беду гражданину, к тому же другу, - это одно, а чувствовать, что тебя заставляют слушать антиправительственные высказывания, - совсем другое дело!

- К чему вы клоните? - сухо спросил Марен. Эти слова подействовали на Траска, как холодный

душ. На мгновение ученый замер на месте, потом его губы сложились в неуверенную улыбку, которая постепенно стала шире. Траск медленно заговорил:

- Дэвид, сейчас я могу противостоять приговору, опираясь только на свои силы. Но все было бы намного проще, если бы я смог убедить вас и добиться вашего сотрудничества.

Вот оно! Роковые слова произнесены! В изумлении и ужасе Марен понял, что с самого начала скрывалось за поведением Траска. Обоснованы его притязания (способен противостоять приговору опираясь только на свои силы) или нет? Это неважно: перед Мареном было неоспоримое доказательство правильности вывода Великого Судьи.

Сознательное предательство!

Марен вдруг почувствовал печаль: он понял, что Траск не раскаивается в своем богохульстве. Подумать только, после трех атомных войн есть ещё люди, которые могут говорить таким языком! С горечью в сердце Марен, упершись взглядом в пол, вспоминал, как разбиралось дело Траска. Приходилось признать, что слепым был он, а зрячими остальные. Проницательный и ясный ум Великого Судьи позволили ему распознать изме-

ну, и он без лишних слов вынес не подлежащий обжалованию приговор. Марен негодовал. Он поднял взгляд на человека напротив, видя в нем только приговоренного: теперь дружба умерла. Но в его уме - к несчастью, тоже слишком поздно - возникла другая мысль: опасность! Траск был из тех людей, которые ничего не оставляют на волю случая. Траск не рискнул бы так открыться перед ним, не подумав заранее, как и чем бороться с последствием отказа.

Рука инженера была в кармане. У него там - оружие?

Взгляды противников скрестились.

- Вы понимаете, Дэвид, что я должен был попросить вас об этом ради нашей прошлой дружбы?

Нужно выиграть время, подумал Марен, и найти случай вынуть пистолет.

- Каким же образом я мог бы сотрудничать с вами?

Траск покачал головой, его лицо искривилось в иронической улыбке.

- Боюсь, дорогой Дэвид, что потрясение было для вас слишком сильным. Ваше лицо вас выдало, поэтому я не думаю, что мои предложения способны привлечь ваше внимание.

Улыбка исчезла с лица Траска, он вынул руку из

кармана и направил на Марена нейтрализатор.

- Пройдите туда, - бросил он, указывая на угол, загроможденный инструментами.

Марен поднялся на ноги и подчинился без слов. Он ждал, спокойный, полный любопытства и смирившийся. Смирившийся с чем? Этого он пока не мог точно сказать. Во всяком случае, угрозы для его жизни, похоже, не было. Когда Дэвид поднял голову, его взгляд встретился со взглядом ученого, и в этот раз именно Траск в конце концов отвел глаза.

- Полагаю, вы были бы не прочь подробнее ознакомиться с моими проектами?

Марен вздохнул: совершая низости, люди всегда ищут уважительные причины, чтобы оправдать их. Теперь Траск не вызывал у него ни малейшего интереса.

- Прошу вас, избавьте меня от вашей болтовни!

Ученый замер. Потом покраснел. От гнева или от нетерпения? Этого Марен не смог понять. Но когда голос Уэйда зазвучал снова, тот уже опять владел собой.

- Может быть, я слишком долго ждал удобного момента, чтобы начать действовать. Ясно, что сейчас мы слишком далеки друг от друга, чтобы я мог открыть вам мотивы своих действий. Тем

не менее я немного удивлен, что политическая экономия оставила настолько глубокий след в сознании такого человека, как вы. Итак, я скажу вам лишь вот что: идеология "группового свободного предпринимательства" дает человеку не больше, чем одна Группа или одна свобода деятельности. Такая идеология, как наша, может держаться лишь с помощью традиционных приемов придирающейся ко всему судебной власти, и в конечном счете потерпит крах в тот момент, когда преемники Великого Судьи перессорятся между собой.

- И именно вы измените это?

Должно быть, враждебные чувства Марена были заметны по его голосу, потому что на этот раз лицо Траска не просто покраснело, а побагровело. Ученый отрывисто рассмеялся.

- Прекрасно, дорогой друг! Впрочем, сама жизнь будет для вас наилучшим уроком. Когда вы проснетесь, идите ко мне и оставайтесь там, пока я не подам вам знак. Я не оставлю вас в затруднительном положении.

Когда Марен проснулся, только воспоминание об этих словах спасло его от помешательства.

Глава 3

Марен проснулся, словно вырвался из туман-

ного мира полузабытого сна. В этом сне его тревожили знакомые образы, но одновременно он чувствовал, что блуждает по неизвестным ему местам, видит и слышит что-то, что не имеет никакой связи с его жизнью. Марен раздвинул сумрак сна без страха и тревоги, совершенно не помня, что лишило его сознания.

Открыв глаза, Дэвид увидел, что он лежит на походной кровати в углу Лаборатории Траска. Никаких следов самого физика не было, и Марен почувствовал большое облегчение. Он снова закрыл глаза, расслабился и лениво потянулся.

Потом Марен подумал:

"Как только произойдет обмен тел, я перенесу аппаратуру в кабинет Марена. Тогда мне понадобится всего день или два для подготовки, а потом я пойду к Великому Судье".

Эта мысль возникла в уме Марена так естественно, что он не сразу осознал, какой поразительно чужеродной она была в его сознании.

"Когда произойдет обмен тел..." Обмен чего? Он был в недоумении.

@BODYM = От мыслей об этом ему хотелось спать. Марен с силой потряс головой: странно, как этот сон преследует его и наяву!

@BODYM = Дэвид вспомнил его и был удивлен

точностью воспоминания. В уме Марена всплывали обрывки разговоров и картины, связанные с событиями, к которым он никогда не имел никакого отношения. Впрочем, события эти были весьма прозаическими: какие-то люди серьезно обсуждают какие-то планы; он сам идет по улице в компании друзей; равнинные просторы до самого горизонта; города, которые он видит сверху, пролетая над ними; поросшая травой равнина, через которую к нему идет, раздвигая руками высокие стебли, улыбающаяся женщина - женщина, которую Марен никогда не видел наяву.

@BODYM = Что-то в этих воспоминаниях, хотя они и не принадлежали ему, неуловимо говорило о том, что они отражали реальное прошлое. Размышлять над всем этим было нелегко, тем более что Марен валился с ног от желания спать. Его как будто накачали снотворным. И вдобавок ко всему он чувствовал беспокойство и странное физическое недомогание.

@BODYM = Внезапно вспыхнула мысль: "Где Траск?" И почти тут же он вновь начал блуждать по огромному миру умственных образов.

@BODYM = На этот раз он осознал кое-что новое, что его поразило: эти картины были из жизни Уэйда Траска. В то время это был прилежный

ученик, застенчивый подросток, для которого его страхи стали толчком к формированию тайных идеалов. А идеалы в свою очередь порождали у юноши бешеную энергию. Особенно четкой была одна картина: он стоял на коленях у изголовья умирающего и явно делал это в ходе эксперимента.

@BODYM = - Вам нужно только попросить у неё то, что вам нужно. Мы сделаем так, как вы скажете, - говорил он. Умирающий бросил на него полный ненависти взгляд:

@BODYM = - Мерзавец! Подлец! Помогите мне! Вы это можете!

@BODYM = Тот, кто говорил во сне, ответил:

@BODYM = - Не позволяйте страху лишить вас здравого смысла. Объясните, почему вы болеете, и скажите, что нужно делать.

@BODYM = - Это же работа врачей! - простонал больной. - Откуда мне знать, почему я болею.

@BODYM = - Нужно сказать мне это или смириться с тем, что вы умрете, - ответил Траск, и эта картина рассеялась, как туман.

@BODYM = Эпизод с умирающим, как и все последующие эпизоды, состоял не из непрерывного ряда образов, а из разрозненных кусков, не связанных между собой.

@BODYM = Невозможно было точно определить, когда Траск приступил к исследованиям, итогом которых стало его грандиозное открытие, но результаты этой работы были совершенно ясны. После начального периода подстройки под новое тело перенесенное сознание полностью берет управление на себя, и все воспоминания, сохранившиеся в занятом теле от прежнего сознания, стираются. Человек полностью сохраняет свои воспоминания, чувства и волю с той лишь разницей, что у него теперь чужое тело. Чтобы описать это удивительное явление, Траск должен был разработать новую теорию жизни.

@BODYM = Марен готовился изучить эту теорию, уже начал представлять её себе в общих чертах, - и тут вдруг в одно мгновение понял, что с ним произошло. Это был не зародыш мысли и не полуоформившееся подозрение, а молниеносное полное осознание. В один миг спутанная паутина страхов, удивлений, сомнений и фактов, в которой он бился, превратилась в единый и непрерывный упорядоченный узор.

@BODYM = Как сказал Траск? "... Перенести нервные импульсы цыпленка в нервную систему собаки".

@BODYM = Только в этот драматический

момент, когда весь опыт последних часов выстроился в его уме в логическом порядке, Марен почувствовал грандиозность открытия Уэйда. Если такая операция удалась с цыпленком, почему она не может удаться с человеком? Почему нервные импульсы Траска не могут перейти в нервную систему Марена?

@BODYM = И наоборот!

@BODYM = "Я здесь, - думал совершенно ошеломленный Глава Группы Дэвид Марен. - Мое Я лежит здесь, это мое Я со всеми его воспоминаниями. И в то же время на этой постели лежит тело Траска с воспоминаниями и проектами Траска. А Траск теперь выглядит как я! Внешне он - это я, и если у него хватит смелости, он сможет проникнуть куда угодно. Даже к Великому Судье!"

@BODYM = Признания Траска не оставляли места для сомнений: у него был необходимый запас смелости. От потрясения, вызванного этим выводом, Марен открыл глаза и бессознательно поднялся на ноги.

Только сделав это движение, Дэвид понял, что тело Траска прекрасно повинуется ему: одним слитным усилием он сразу включил в работу кисти рук, ступни и органы чувств другого человека! Озадаченный этим, Марен опустил взгляд,

поднял руку и наконец увидел... себя.

Не осознавая, что делает, он рванулся с места и выбежал на улицу.

Его "прыгуна" уже не было на стоянке у Лаборатории, но Марен, кажется, недолго раздумывал, как быть, потому что добежал без передышки до самой остановки воздушных такси. Задыхаясь от бега, он стал ждать машину и через несколько минут, все ещё не отдышавшись, уже называл водителю адрес Траска и падал на сиденье.

После этого лихорадочное возбуждение сменилось апатией. Марен почувствовал такую растерянность, что его действия показались ему бессмысленными. Он был ничем - обезумевшая от страха и тоски точка в непрерывной системе координат "пространство-время". Человек, переставший быть собой. Он с ужасом дотронулся до очков Траска на своем носу. Подумать только! А его собственное зрение было не хуже, чем у орла! Как его вымотал этот бег и как долго он чувствует усталость от него! А тело Дэвида Марена было не знающей износа стальной машиной.

Наконец он начал реагировать на окружающий мир. За прозрачной стенкой такси проносился город. "Куда я еду? - спросил себя Марен. - Ах, да. Конечно, к Траску. Он сказал мне, чтобы я отпра-

вился к нему".

На мгновение Марен замер неподвижно, снова подавленный и обессиленный, примиряясь с тем, что для того, кто внешне является Траском, квартира Траска единственный разумный адрес.

- Земля, - через громкоговоритель объявил из кабины таксист, и машина начала опускаться.

- Земля?

Марен начал было подниматься на ноги, готовый последовать указаниям Траска, но остановился, помрачнел и вместо этого передвинулся в угол диванчика-сиденья.

- Я передумал, - бросил он водителю и назвал парк в центре города приятное место, куда он, когда ещё был Мареном, иногда приходил, если нужно было решить трудную стратегическую задачу. Такси взлетело. Марен набрал в грудь столько воздуха, что узкие легкие Траска чуть не разорвались. Еще никто никогда не сталкивался с проблемой, как та, что стояла перед ним сейчас.

В парке Марен сел на скамью. Судя по солнцу, скоро должен был наступить полдень, но утро ещё не кончилось. Каждый раз, когда Марен осознавал, что ещё немного времени безвозвратно потеряно, он слегка вздрагивал.

Раз десять он пытался сосредоточиться на своей

проблеме. Но каждый раз его внимание отклонялось в сторону, и в его уме оставалась пустота. Не в силах ничем заняться, Марен нервно скреб носком ботинка. Подгоняемый беспокойством и тревогой, он начинал идти по какой-нибудь из дорожек, встретив развилку, сворачивал на другую дорожку, возвращался на свою скамью и тут же вновь срывался с нее. Снова уходил, снова садился на прежнее место и опять уходил.

Глава 4

В тот же вечер, за несколько минут до двадцати двух часов, Марен, совершенно обессиленный и мрачный, вошел в просторную гостиную квартиры Траска: в конце концов он признал тот факт, что другого способа найти физика не было. На диване лежала худая и черноволосая молодая женщина. Она спрыгнула на пол, бросилась навстречу Марену, повисла у него на шее и раньше, чем ему могла бы прийти в голову мысль о сопротивлении, влепила ему в губы поцелуй. Марен оттолкнул её, и она с обиженным видом отошла прочь.

- Я нахожусь здесь ради вас, - сказала она. - Как только ваши собратья по Группе узнали, что вас приговорили, они наняли меня и послали к вам домой.

Эти слова тут же покорили Марена. Купленная любовница для мужчины, который, вероятно, больше не может добиться милости у женщины, не торгующей собой! Это было великолепное средство контроля, и быстрота, с которой действовали руководители Группы, позволяла предположить, что, когда речь шла о приговоренном, этот метод был весьма эффективен.

Марен с любопытством стал рассматривать девушку: стройная и гибкая, полная жизни, явно прекрасного мнения о себе, судя по волнующей дерзости её манер. Потом внимание Марена переключилось на гостиную, роскошнее которой он ничего не видел в своей жизни: высокий потолок, стены обшиты дубом. Одну из стен почти целиком занимал прочный дверной проем. Марен инстинктивно остановил взгляд на больших часах, вделанных в правую стену: они вызывали у него странное воспоминание. Тело Траска вспомнило, что часы маскировали один из входов в личную лабораторию физика, где тот тайно провел немало экспериментов. Другой выход из неё вел в рабочий кабинет. С этой мыслью связалась вторая, непредвиденная: часы - один из бывших приемников Мозга.

Мозг исчез во время последней атомной войны,

остались лишь следы его существования, и те, если не были уничтожены, оставались без употребления.

Марен отметил, что стрелки настенных часов показывали практически то же время (если не считать нескольких секунд разницы), что и его наручные часы, и уже собирался отвести взгляд от большого циферблата, но его остановили гулкие удары - часы начали отбивать время. Потом несколько секунд ожидания в давящей тишине, которую нарушало только слабое быстрое тиканье, - и послышался серебристый перезвон. Одновременно на циферблате задрожали цветные лучи. Эхо перезвона заглохло, и после новой паузы раздалась барабанная дробь, которая постепенно стала лишь далеким пульсирующим звуком. Тогда на её фоне зазвучал голос, говоривший с хорошо узнаваемым акцентом, характерным для речи автоматов. Он сказал на "типовом английском": "Сейчас быть двадцать два час, двадцать шестое август, две тысячи сто сороковой год" - и добавил, что "погода быть прохладная для август" и "небо быть немного облачное".

Удар литавр, и какой! Затем повтор колокольной мелодии, звучавшей перед этой сложной

церемонией, и наконец снова тишина.

Марен, который самым явным образом показал свой сильный интерес к этому музыкальному представлению, понял, что молодая женщина наблюдает за ним с некоторым удивлением. Ну конечно - часы должны быть для Уэйда Траска привычной вещью, и он должен едва обращать на них внимание. Притворившись, что очнулся от глубокой задумчивости, Марен пристально взглянул на женщину и спросил:

- Чем ты зарабатываешь на жизнь? Спишь с мертвыми мужчинами?

Она, похоже, на мгновение сжалась, но не ответила.

У Марена не было ни малейшего желания играть роль моралиста и осуждать её, однако он продолжал тем же тоном:

- И какие у тебя расценки?

- От ста до пятисот долларов за неделю, - ответила она так же колко.

Марен вдруг осознал, что он не только старается стереть из памяти этой девушки эпизод с часами: он поймал себя на том, что всерьез думает, не принять ли её услуги. И мгновенно его мысль перенеслась к Делинди Даррелл, самой прекрасной женщине из всех, которые родили

ему детей. Он и Делинди прожили вместе около трех лет, но полгода назад Великий Судья взял её в любовницы. И за эти шесть месяцев Марен не взглянул ни на одну женщину.

- Ты можешь жить здесь, если хочешь, малышка, - снова заговорил он, на этот раз с неожиданной для себя лаской в голосе, - но я буду совершенно искренним и признаюсь, что мое сознание не будет достаточно свободным от посторонних мыслей.

Он улыбнулся и добавил с оттенком сарказма в голосе:

- Я буду считать тебя пятисотдолларовой девушкой.

Она рассмеялась, бросилась к нему, горячо обняла и убежала в сторону спальни.

Марен взял стул и сел на него лицом к двери. В первый раз за этот день он сказал себе, что, вероятно, уже мог бы действовать. Все заставляло думать, что Траск уже давно воспользовался своим сходством с Мареном, чтобы договориться о встрече с Великим Судьей. Все позволяло считать, что сознание диктатора уже похищено из его тела. "Я должен был что-нибудь сделать", - подумал Марен, побледнев от горя и волнения.

Потом захлестнувшая его волна отчаяния отка-

тилась: совершенно очевидно, что он не смог бы сделать ничего. Иначе он бы уже действовал. Уже одно то, что он начинал оправляться от шока, должно быть поставлено ему в заслугу, потому что никогда ни один человек не испытывал душевного потрясения такой силы. В конце концов он решил: "Завтра (было около двенадцати часов ночи) я перейду к действиям".

Если только уже не слишком поздно!

С трудом передвигая ноги под грузом накопленной за день усталости, Марен направился в спальню. Едва перешагнув её порог он замер на месте: он совершенно забыл о женщине! Она лежала на постели, и её белое плечо сияло ярким пятном на фоне простыней. Небрежным движением она повернула голову к Марену, взглянула на него в упор и бросила:

- На случай, если вас заинтересует, как меня зовут, - мое имя Рива Аллен.

Марен сел рядом с ней. Ее близость переключила его мысли на другое: он был убежден, что группизм устранил проституцию, но вот теперь перед ним была проститутка - впрочем, очень привлекательная. Мало того - её прислала ему Группа. Эта неожиданно открывшаяся Марену сторона жизни подданных Великого Судьи не

вписывалась в его представления об этой жизни и вызывала жгучее любопытство.

- Расскажи мне о себе, о своей юности.

Обходной способ спросить, как она стала... тем, чем стала. Она ничего не имела против этой просьбы и легко рассказала Марену историю своей жизни.

- Я родилась среди тех, кому было поручено обслуживание Мозга. Как раз поэтому ваши часы меня так заинтересовали: я уже давно не видела таких.

- Мозг!

Несомненно, Рива не заметила необычного тона этого восклицания, потому что спокойно продолжила:

- По этой причине я никогда не могла зарегистрироваться: власти отказываются регистрировать всех, кто контактировал с Мозгом до его исчезновения.

Тут Рива оборвала свой рассказ и сменила тему.

- Где вы нашли эти часы?

Марен вряд ли расслышал её.

- Ты не зарегистрирована? - спросил он. Но этот вопрос лишь маскировал его подлинную реакцию на слова Ривы.

"Значит, Контроль до сих пор так же сильно интересуется Мозгом, как и раньше!" Это была очень важная новость, открывавшая перед ним перспективы, о которых он и не подозревал. Но прежде всего нельзя было, чтобы девушка заметила его волнение. И он продолжал:

- Как же ты живешь? Где ты берешь еду?

- У меня есть временная продовольственная карточка. Через каждые шесть месяцев её возобновляют.

- А где ты живешь?

- Здесь.

Марен стал нетерпеливо настаивать:

- Эту неделю - да. Но у тебя ведь должен быть постоян...

Он оборвал фразу на полуслове и уже ласково продолжил:

- Где же ты держишь свои вещи?

- В камере хранения на вокзале. Это мне стоит двадцать пять центов в день. А наверху в вокзальном здании есть ванная комната, там я переодеваюсь.

У Марена были свои проблемы, и большие. Но, представив себе жизнь этой отверженной девушки, он посочувствовал ей. Несмотря на всю тяжесть существования, которое выпало ей на

долю, Рива излучала бодрость и хорошее настроение и была переполнена энергией. Марен начал задавать ей подряд все возникавшие у него вопросы. Кем она работала за свою жизнь? Где спала, когда у неё не было под рукой кого-нибудь вроде Уэйда Траска, кто приютил бы ее? А как она решает проблему получения почты? Пыталась ли она когда-нибудь поселиться в квартале прапспов? Почему она не живет в сельской местности?

Этих вопросов, следовавших один за другим, было много. Рива ответила почти на все, иногда лишь в общих чертах, но редко задумывалась над ответом. Через час Марен знал её жизнь.

У неё была печальная юность. Рива вспоминала о жизни с родителями. Семья всегда была в пути - то на дорогах, то в самолете. Они постоянно забирались все дальше и дальше, пытаясь сделать невозможное - убежать от властей. А бюрократия Великого Судьи всегда преследовала их по пятам, потрясая всеми своими списками. Представителям того меньшинства, в которое они входили, всюду отказывались предоставить права членов Группы. Прежние контакты с Мозгом были проклятием, которое преследовало их и загоняло в тупик нищеты и отчаяния. И наконец грянул гром: однажды люди из Контроля

ворвались в хижину, где семья Алленов нашла себе приют. Несмотря на возмущенные протесты отца Ривы, который не мог поверить в то, что с ним происходит, его толкнули к стене пристройки и расстреляли без всяких объяснений. После этого власти не вмешивались непосредственно в жизнь Ривы и её матери, но кормильца в семье больше не было. Их жизнь превратилась в кошмар, и Рива, спасаясь от голода, переселилась в город.

Девушка начала проявлять признаки усталости, и Марен набрался смелости задать ей роковой вопрос. Он сделал это как можно более безразличным тоном.

- А Мозг? Куда он делся?

- Улетел на межпланетном корабле.

- На чем?

- На межпланетном корабле. Ну, вы же знаете: Космос, Луна, Венера, Марс...

- А, все это просто легенда! - возмутился Марен. - Есть упоминания о межпланетном полете, происходившем до второй атомной войны, это правда, но общепринятая точка зрения...

Он замолчал, увидев, что слова падают в пустоту: Рива уснула.

Марен разделся и лег в другую кровать. Он не

чувствовал ни малейшей тяги ко сну, и мысль его работала с максимальной скоростью. Мозг должен быть еще... жив. Иначе чем объяснить ожесточение и упорство, с которым люди Судьи старались уничтожить всех, кто в прошлом контактировал с этим огромным компьютером?

Говорили, что Мозг наделил Великого Судью бессмертием. Марен, который уже много лет считал слухи о бессмертии диктатора по-детски наивной пропагандой, думал, что это утверждение заслуживает лишь того, чтобы пожать плечами. И все-таки существовала какая-то ужасная правда о Мозге, которую где-то скрывали, иначе Рива Аллен не оказалась бы в таком тяжелом положении. История её жизни была лишь маленькой деталью в общей картине, однако она придала реальность всему, что Марен слышал о Мозге.

Вдруг мысли Марена приняли странный оборот:

"...Нелегко выбрать удачный момент для восстания против такого сильного противника, как бессмертный диктатор. Георгийская группа рискует опоздать, а я не могу ждать".

Марен уже засыпал и мрачно задал себе вопрос: "Я ли это думаю?" Мысль о восстании никогда

даже не мелькала в его уме.

И что это за "георгийская группа"? Возможно ли, что в то короткое время, когда он спал, в его сознание проник какой-то проект Траска?

Впрочем, зачем Траску восстание? Разве нужна революция человеку, способному перемещать из одного тела в другое свое "я" и свои научные знания? И в любом случае восстание было немыслимо.

Идеология группизма, соединенного с теорией свободного предпринимательства, сейчас переживала этап становления. Как гигант, который идет по земле огромными шагами, она распространялась по миру, подавляя всякое сопротивление и возбуждая огромные надежды. В таких обстоятельствах люди неохотно прислушиваются к голосам, которые предостерегают их против катастроф, ожидаемых в далеком будущем, или обещают более грандиозные возможности, чем победители.

Тут мозг Марена снова начал действовать сам по себе: "Если они не начнут действовать, мне будет нужно перейти к действиям самому", - подумал он.

Он чувствовал облегчение от того, что не посвятил в тайну своего открытия ни одного человека:

благодаря этому он сможет действовать без посторонней помощи, и поле деятельности будет наибольшим.

Сон Марена был беспокойным. Дэвида тревожили нечеткие, но логически упорядоченные сновидения, как будто в его ум проникали замыслы другого человека.

Глава 5

Когда Марен проснулся, все тело его болело. Это было так непривычно, что его мгновенно охватила тревога. Дэвид задрожал от испуга и тоски. Темнота словно давила на него - это был древний страх людей перед ночью. Марен жадно вслушивался в тишину, ожидая повторения звука: он решил, что только какой-то необычный шум мог так подействовать на его нервы. Дрожь, от которой у него волосы вставали дыбом, не только не ослабевала, а наоборот, становилась все сильнее - ощущение не из приятных!

Вдруг он с поразительной остротой ощутил близость смертельной опасности. Это чувство было таким сильным, что по его спине пробежал холодок, словно вдоль позвоночника стекла струйка холодной воды. Замирая от ужаса, Марен приподнял голову и бросил взгляд на дверь.

То, что он увидел, привело его в замеша-

тельство. Широкие лучи света, вернее, полосы какого-то светящегося вещества вплывали в комнату через открытую дверь и останавливались посередине между дверью и его кроватью. Пока Марен, не веря себе и окаменев от изумления, рассматривал эту игру света, ближайшие к нему полосы растянулись, сделали скачок вперед и оказались в нескольких дюймах от его постели. Все остальные лучи - их было более десяти - в это время качнулись из стороны в сторону и ярко вспыхнули.

Марен выскользнул из постели так быстро, что его ноги коснулись пола раньше, чем он осознал, что делает. Все происходило в полной тишине, которую нарушило лишь слабое шуршание простыней.

Он нашел время бросить взгляд на другую кровать. Оттуда доносилось спокойное дыхание Ривы Аллен: она ничего не заметила.

В следующий момент мысль об этой девушке исчезла из ума Марена: лучи, словно их поднята какая-то внешняя сила, встали вертикально и ударили по кровати, которую он только что покинул. Один из лучей, похожий на узкий ремень, почти задел лицо Марена перед тем, как обрушить на постель свой конец, свисавший, как

конец провода.

Именно этот автоматизм вернул Марену самообладание. Перед ним было механическое устройство. Это было странно, даже невероятно, но он имел дело с машиной, а не с какой-то формой жизни. Теперь, когда эффект внезапности перестал действовать, Марен видел опасность лишь в загадочности этого явления. А источником опасности был тот, кто организовал нападение.

Марен одним прыжком оказался у платяного шкафа, осторожно достал нейтрализатор из кармана своего пиджака, и обошел кровать, крепко сжимая рукоять своего оружия. Страх покинул Марена, но осторожность - нет.

Он добрался до двери. Теперь надо было выбрать одно из двух броситься вперед или наблюдать. Пройти через сеть лучей или... или что?

Сначала - сориентироваться в обстановке! Марен стал внимательно всматриваться в пространство по ту сторону дверного проема. Определив источник света, он облегченно вздохнул: "Ну конечно!"

Лучи шли от одного из приемников, встроенных в часы. Быстро сделав в уме нужные расчеты, Марен перепрыгнул через лучи и оказался на

другой стороне. Он торопливо ощупал часы, отыскивая нужную кнопку, - и в одно мгновение все полосы света, которые попадали в поле его зрения между часами и дверью, исчезли. Одновременно погас светящийся циферблат часов. Марен вернул выключатель в прежнее положение - циферблат зажегся, но сверкающих серебристых лучей на этот раз не было.

Он вернулся на прежнее место, оглядел комнату, проверяя, не осталось ли в ней каких-нибудь следов "световых проводов", и убедился, что нет. Фантастическое представление пока закончилось.

Марен осторожно закрыл дверь, подождал несколько секунд, чтобы убедиться, что Рива по-прежнему спит, и зажег свет. Он был удивлен, что нападение, если это было нападение, было направлено против него, точнее, против Уэйда Траска.

Если только... Еще одна возможность: что, если нападение было организовано не против Траска, а самим Траском?

Когда в уме Марена зародилась эта мысль, он внимательно осмотрел гостиную и подумал о воспоминании по поводу секретной лаборатории, возникшем у него, когда он впервые вошел

в эту комнату. Любопытно, что тогда он четко представлял себе, как можно попасть в лабораторию. Теперь это воспоминание стало смутным, но Марен помнил, что средством связи между ней и гостиной служили часы.

Через пять минут он открыл замаскированную дверь и вошел в большую длинную и узкую комнату. Она была ярко освещена. Может быть, при открывании двери автоматически включался свет? Взгляд Марена скользнул по целому складу всяких сложных научных штуковин, присутствие которых в лаборатории электроника было естественным: двигатели, металлические панели, усаженные циферблатами, измерительными приборами и выключателями. К потолку было подвешено множество громоздких приборов, а одна из стен комнаты была похожа на телефонный коммутатор. Один из углов занимала куча ящиков, а возле стола на полу...

Марен крепче сжал в руке свое оружие и замер на месте. Потом он стал осторожно приближаться к бесчувственному телу, лежавшему на полу лицом вниз, и его пальцы уже не так крепко стискивали рукоять нейтрализатора.

Фигура человека на полу показалась Марену знакомой. Подойдя к столу, Дэвид опустился на

колени рядом с лежащим и осмотрел его. Этот человек дышал. Перевернуть его на спину в этой тесноте было нелегко, но все же Марен смог рассмотреть лицо неизвестного. Это было лицо, которое Марен хорошо знал, но через несколько секунд он с замиранием сердца понял, что не имеет ни малейшего представления о том, кто этот человек.

Марен поднялся на ноги и стал искать какую-нибудь веревку. Моток электрического провода, найденный в одном из ящиков, успешно заменил её, и Марен умело и быстро связал лежащему руки в запястьях и ноги в лодыжках, позаботившись о том, чтобы не нарушить кровообращение. "Завтра он должен проснуться. Тогда все и объяснится!" Несомненно, этот человек был лишен сознания с помощью нейтрализатора. Но чтобы выяснить, какой газ был использован, была нужна сложная аппаратура, так что лучше было не искать противоядие наугад, а дать сознанию вернуться естественным путем.

Марен возвратился в гостиную. Аккуратно вставив часы на прежнее место, он спросил себя, что ему следует сделать. Конечно, выспаться! Поэтому он вернулся в спальню и на этот раз закрыл за собой её дверь, хотя не думал, что недавнее

происшествие повторится.

Какой-то подручный Траска пробрался в тайную лабораторию, но не смог выполнить свое задание, каким бы оно ни было. То, что Траск прислал своего человека таким странным способом, должно получить объяснение позже. Утром с этим будет покончено.

Марен погасил свет и вернулся в свою постель в темноте. Теперь он чувствовал усталость и тяжесть под ложечкой. "Я чего-то не заметил", упрямо твердил он себе.

Чего же?

Он проспал около часа, а когда проснулся, ответ был совершенно ясен. "Ну конечно! - была первая мысль Марена. - Я не надел очки Траска и прекрасно видел без них!"

Он должен был это предвидеть: техника перемены внешности в армии была на очень высоком уровне, и было замечено, что многие манипуляции с внешностью способны изменить работу органов чувств. Несколько часов тело Траска было сильнее программы работы мышц Марена, хранившейся в его сознании, но сейчас Марен, несмотря на свою депрессию, должно быть, уже изменил "тональность" этого тела.

Дэвид долго размышлял над этим. Потом бес-

покойство возникло снова: причиной тревоги в первый раз была не история с очками, а что-то другое.

Вот только что именно?

Он опять заснул. И проснулся с ответом в уме:

"О господи, тот человек - это был... Дэвид Марен!"

Глава 6

Зазвонил телефон.

Тяжелые заботы и тревоги, заполнявшие ум Марена, покинули его. От них ничего не осталось, как только он открыл глаза.

Марен удивился, что было так рано: только что рассвело. Ему казалось, что он всю ночь обдумывал множество задач, которые его ожидали: его тело в лаборатории, вылет в Азию в четырнадцать часов, невозможность найти время для выполнения обязанностей Главы Группы (тех обязанностей, способы уклонения от которых он долго изучал, выбирая лучший) и Мозг, о котором он должен был найти документальные сведения: то, что заставило так энергично действовать Великого Судью, могло оказаться весьма полезным. Кроме всего этого, его внимание, кажется, привлекли Делинди, война в Азии и изобретение Траска. Но получалось, что он размышлял над

этим не всю ночь, раз какое-то время он спал или, во всяком случае, его мысль не работала сознательно. С невеселой улыбкой Марен протянул руку к телефону и в очередной раз заколебался. А если это кто-то, кого он не знает, но кто будет убежден, что имел с ним какие-то дела раньше?

Марен старался найти решение, а телефон продолжал настойчиво звонить. Наконец Дэвид поднял трубку.

- Это Ральф Скаддер, мистер Траск! - произнес мужской голос.

Марен подавил восклицание: он знал этого человека, вернее, этого прапспа. Ральф был старостой прапспов, то есть фактически предводителем банды. Не было тайной, что он руководил обществом "Удовольствия", тайной организацией, контролирующей азартные игры и проституцию, которой занимались женщины-прапспы, а также замешанной во множестве менее серьезных правонарушений. Среди сотрудников Контроля было распространено убеждение, что "Удовольствия" находились под защитой Великого Судьи.

У Марена вырвался глубокий вздох.

- Слушаю вас...

- Я организовал встречу по поводу того, что мы обсуждали вместе. Сегодня в десять часов.

Что-то внутри Марена натянулось, как струна.

- Где?

- Перед встречей позвоните в "Удовольствия". Там вам скажут.

- Хорошо.

И Марен положил трубку, не позаботившись узнать, хочет ли Скаддер что-нибудь добавить. Дэвид почувствовал облегчение: его первый контакт с людьми в роли Траска прошел без труда. А если человек в лаборатории действительно Уэйд, Марен узнает, какие отношения связывают ученого и прапспа.

Когда Дэвид дошел в своих размышлениях до этого места, его взгляд случайно упал на соседнюю кровать. Она была пуста и аккуратно застелена. Марен с досадой поглядел на нее, потом пожал плечами: он не имел ни права, ни желания контролировать поступки Ривы Аллен. Однако в этом поспешном уходе было что-то странное и необъяснимое. Ее исчезновение раздражало Дэвида по самой простой причине: в нем поднималось, как волна, вожделение к женщине. Древнее заложенное в генах желание билось в самой глубине его клеток, жадно ища утоления.

Когда этот любовный огонь погас, Марен осознал, что со вчерашнего дня от сильно изменился.

Он уже не чувствовал себя таким растерянным. Тиски, которые сдавливали его, немного ослабили свой тяжелый нажим. И он видел даже не одно, а несколько решений.

Если будет необходимо, он предупредит Великого Судью. Удивительно, что он не подумал раньше о таком простом и прямом решении проблемы. Но до тех пор ему нужно было ещё многое узнать. Значит, было необходимо дождаться, пока очнется человек из лаборатории, который вполне мог и не быть Траском. Об этой возможности Дэвид думал с чувством вроде священного ужаса.

Какое потрясающее открытие сделал Траск! Одним усилием своего гениального ума он расшатал опоры власти. Вся военная техника, все мастерство такого человека как Эдмунд Слейтер оказались бессильны перед чисто механическим процессом, позволяющим душе менять тела. Как демон в представлении древних, человек, имеющий в своих руках эту силу, может овладевать людьми, быть каждым из них по очереди.

А поскольку людям будет нелегко осознать такую опасность, Траск может подняться на самую вершину власти, даже оказаться во главе какого-нибудь всемирного движения.

Правда, Траску мешает одна мелочь: он пострадал от непредвиденной катастрофы и стал пленником в собственной лаборатории. Может быть, сейчас он как раз осознает весь размер катастрофы.

Марен устал, но желание побеседовать с Траском оказалось достаточно сильным, чтобы заставить его направиться в лабораторию. Пострадавший лежал на старом месте, по-прежнему без сознания. Он по-прежнему дышал.

Глава 7

Марен вернулся в постель и снова заснул. Его разбудил скрип открывающейся двери: вошла Рива Аллен, одетая для улицы и с двумя чемоданами в руках, которые объясняли её бегство. Она выглядела очень элегантно и была очаровательна в своем синем костюме.

- Ох! Я вас разбудила, - огорченно воскликнула она.

- Ничего страшного, все равно уже пора просыпаться.

Марен не удержался от вздоха, когда взглянул на свои наручные часы: без двадцати девять - давно пора вставать! Он собрался вылезти из постели, но в это время Рива подошла ближе. Остановилась перед ним и опустила чемоданы

на пол.

- Я ходила за своими вещами, - объяснила она, словно Марену были нужны объяснения. Дэвид представил себе, как она на аэровокзале забирает свои вещи из камеры хранения. Его лицо сморщилось, словно от боли, и он сердито проворчал:

- Отлично! Располагайтесь как дома.

Ее ответная улыбка была неуверенной:

- Зачем мне оставаться, если вы решили и дальше обращать на мое присутствие так же мало внимания, как сегодня ночью?

Эта вспышка недовольства вернула Марену веселое настроение.

- Я был деморализован, но больше этого не случится!

Он встал и погладил Риву по щеке. Молодая женщина взяла Дэвида за руку и сладострастным движением прижалась к нему. Марен на мгновение обнял её, неразборчиво бормоча, что должен идти, и поскольку Рива, похоже, не собиралась отрываться от него, сам её отстранил.

- Сегодня вечером, - бросил он, уходя.

В ванной Марен составил себе план на день. Прежде всего замаскироваться под Марена. Подумав это, он подскочил на месте: в легкости, с которой эта мысль пришла ему в голову, бы-

ло что-то удивительное. И не потому, что это превращение было трудным физически: армейские специалисты так далеко продвинулись в науке маскировки, что любого человека можно было превратить в точную копию другого, если только разница во внешности не была слишком большой.

Марен улыбнулся своему отражению в зеркале - узкому лицу Траска: если существует человек, способный идеально сыграть роль Главы Группы Дэвида Марена, то это он! Но маскировка - только первый этап: перед ним была целая куча дел, за которые он не знал, как приняться. Его первоочередной долг, разумеется, приступить к выполнению своих срочных военных обязанностей. Но в тот же вечер он может вернуться из Георгии. Через двое суток, когда начнутся военные действия, ему будет уже не так легко покинуть фронт.

В одном он был уверен: если все пройдет успешно, он, может быть, избавится от необходимости рассказать о том невероятном, что с ним произошло. Первая задача: найти способ вернуть сознания Траска и Марена каждое в его первоначальное тело. После этого, когда он снова по-настоящему станет самим собой и сделается

хозяином положения, он сможет объективно поразмыслить об изобретении Траска и заняться остальными стоящими на очереди проблемами. Тогда ему не составит никакого труда оправдаться в своих поступках.

Одевшись, Марен поднялся на крышу и почувствовал облегчение при виде своего "прыгуна", припаркованного на стоянке для посетителей: это было своего рода материальным доказательством того, что человек в лаборатории был действительно Траском. С помощью находившейся в машине аппаратуры Марен мог за несколько минут покончить с подготовительным этапом своей программы действий - маскировкой.

Он вскочил в машину и, когда она набрала высоту, поторопился выйти на дорожку для личных аппаратов. Сделав это, Марен переключился на автоматический режим полета.

Глава 8

Хотя маскировочный индуктор, которым был оборудован "прыгун" был стандартного типа, применявшегося в армии, маскировка заняла немало времени. Сначала нужно было "впечатать" ряд простых электронных схем в мышцы лица, головы и шеи, под кожу. Для этого использовался сверхскоростной пульверизатор, который

впрыскивал специальный газ согласно заданному шаблону. Скорость струи была такой, что кожа оставалась совершенно неповрежденной.

Марен дождался, пока сгустки газа достигли нужной степени эластичности и упругости, и начал работать с табуляторами - их было по одному для каждой схемы. Нажимая на одну из регулирующих кнопок, он каждый раз ослаблял или растягивал те или иные пучки волокон в мышцах, определяющих форму лица.

После ночного происшествия в лаборатории Марен уже не доверял своим воспоминаниям о собственном лице. Поэтому он работал по модели - по своей фотографии, на которую смотрел через прозрачное покрытие удостоверения личности, прикрепленного к пульту управления "прыгуна". По мере того, как Марен перемещал регуляторы, сначала выражение, потом общая форма лица Траска изменялись.

Когда Марен счел себя достаточно похожим на Дэвида Марена, он выключил ток и соединил схемы параллельно.

Следующий этап лишь дополнил результаты первого: Марен отпечатал схемы на своих голосовых связках и медленно изменял натяжение мускулов гортани, пока голос Уэйда Траска не

превратился в голос Марена, такой, каким он был записан на магнитной ленте системы связи аппарата.

После этого Марен перепробовал один за другим несколько своих же костюмов из шкафа для одежды, который тоже был в аппарате. Два сидели хорошо, все остальные были слишком широки в груди и плечах. Из этих двух один был темный, другой светлый. Марен выбрал второй. Решение подсказал ему опыт: яркая одежда, хотя и выделяет из толпы того, кто её носит, на самом деле отвлекает внимание от его внешности и позволяет ему остаться неопознанным.

Через несколько мгновений он приземлился на стоянке дворца Глав Групп, примирившись с тем, что должен играть себя самого.

Глава 9

В большой комнате, которую выделили во дворце начальнику Контроля, не было ничего, кроме внушительного вида письменного стола из стали и нескольких стульев. Бетонные стены, бетонный пол. Не видно никакой аппаратуры, что удивило Марена, который знал, как сильно этот низенький и худой решительный человек автоматизировал свое зловещее ремесло. Впрочем, отсутствие здесь электроники как раз

и доказывало, как высоко шеф полиции ценил такие устройства: вид кабинета давал понять со всей нужной Эдмунду Слейтеру ясностью, что он, главный шпион беспощадного диктатора, не имеет никакого желания, чтобы другие в свою очередь шпионили за ним в его святилище.

Когда Марен вошел, Слейтер перестал ходить из угла в угол, остановился перед ним и двусмысленно улыбнулся Главнокомандующему.

- Ваше вчерашнее вмешательство в ход заседания было совершенно неоправданным, Дэвид, - сразу же пошел в бой шеф полиции. - Правила игры, которую ведет тот, с кем мы имеем дело, не знают исключений и при этом очень разумны. Так разумны, что в этом есть что-то страшное! Даже я не считаю себя незаменимым!

- Я полагаю, вы намекаете на дело Траска. Да... я не понял, что лез прямо в зубы волку.

Слейтер покачал головой, и в его зеленовато-голубых глазах незаметно для Марена промелькнул какой-то вздрагивающий огонек.

- Вы поступили так не по незнанию, это была защита. В вашем голосе звучали неожиданные интонации - интонации гнева, и признаюсь вам, Дэвид, я даже сейчас не понимаю, почему вы так себя вели.

Слейтер замолчал. Было ясно, что он ждет объяснений. Марен не сводил взгляда с шефа полиции. Теперь наступила очередь Главнокомандующего показать свое недовольство собеседником.

Отбить нападение прямым ударом, сказав всю правду, было невозможно, кроме того, продолжать разговор на эту тему означало зря терять время. Поэтому Марен спокойно ответил:

- Перестаньте тревожить себя попусту, Эд! И знайте одно: слухи о скрытых мотивах моих действий ни в коем случае не могли бы произвести на меня впечатление. Если бы опасения, которые вы пытаетесь мне внушить, были способны взволновать меня, то нужно было бы сразу же начать расследование против меня. И достаточно об этом! Скажите мне, что конкретно вы хотите мне сообщить, потому что мне тоже нужно вам кое-что сказать.

Зловещий маленький человек явно помедлил в нерешительности перед тем, как рассмеяться, но в его смехе не было ничего неприятного.

- Как вы знаете, иногда случается, что моя служба обращается к вашей с просьбой о подготовке кадров для связи между ними.

- Надеюсь, вы удовлетворены проведенными

для этого мероприятиями?

У Слейтера несомненно была какая-то конкретная причина поднять этот вопрос, потому что такие мелкие проблемы не решались на уровне Главы Группы.

- Я хотел бы, - с легкой улыбкой продолжал Слейтер, - чтобы вы взяли под свою опеку одного молодого человека и сделали это сейчас же. Он впервые попадет на войну, и вы увидите, что ему нужно закалить свой характер.

- Сегодня у меня слишком напряженный график, и я не смогу заняться этим делом, - попытался защититься Марен.

И снова Слейтер улыбнулся.

- Мы - Великий Судья и я - проявляем особый интерес к этому молодому человеку. Когда вы увидите его, понаблюдайте за ним внимательно и спросите себя, не похож ли он внешне на какого-нибудь знакомого вам человека?

Марен широко раскрыл глаза от удивления и быстро подсчитал в уме: любовные игры начались сразу после войны, то есть двадцать лет назад: значит, молодой новичок вполне может быть сыном Великого Судьи. Глава страны участвовал в нескольких первых играх и в интересах общества отказался от участия в любовных состя-

заниях, лишь когда его стало вызывать слишком много женщин. Марен не мог упорствовать в своем отказе.

- Пусть он ждет на взлетной полосе в четырнадцать часов.

Слейтер утвердительно кивнул:

- Хорошо! Этот вопрос решен, и теперь ваша очередь сказать мне, что у вас на уме.

После этих слов наступила тишина.

Потом Марен встал и направился к окну. Ответить оказалось труднее, чем он предполагал: то, что он хотел узнать, имело такую огромную важность, что он не мог позволить себе ошибиться. Расследование уже оказалось опаснее, чем он предполагал.

Марен стоял к окну лицом, и потому его взгляд не мог не упасть на здание за окном, нависавшее над внушительным дворцом Глав Групп. Именно в этот похожий на барак корпус Траск через шесть дней должен будет прийти на казнь. Здание было низким и уродливым массивным кубом, а решетки на окнах придавали ему тот мрачный вид, который подходит тюрьме. По бокам строения поднимались два одинаковых шпиля из стали и бетона в несколько сот футов высотой - это были выпускные камеры конвертеров.

Со своего места Марен не мог видеть ни центральную станцию контроля, ни направляющие антенны: станция располагалась в пристройке корпуса, а антенны над его более высокой частью, которая не была видна отсюда. Но Дэвид знал, что где-то под этой отталкивающей своим суровым видом оболочкой находится реле, которое, когда будет включено в сеть, вызовет невыносимую боль в плечах Траска и неизбежно приведет его к его судьбе. Он начал нервничать. "Сколько людей вбивали себе в голову мысль проникнуть в эту крепость и уничтожить карточку со своим кодом?" - спросил он себя. Насколько ему было известно, это ещё никому не удалось. Эта мысль подействовала на Марена, как удар плети, он решительно отвернулся от окна и нарушил молчание:

- Эд, я хотел бы получить информацию по теме, запретной даже для Совета.

Слейтер, наполовину отвернувшийся от Дэвида, взглянул на него и прищурился:

- И какая это тема?

- Мозг.

Снова возникла давящая тишина. Марену показалось, что начальник полиции бледнеет и по его телу пробегает дрожь.

- Дэвид, если бы я должен был сообщить Великому Судье, что вы произнесли это слово, я начал бы беспокоиться за вас.

Марен не ответил, и Слейтер, понизив голос, продолжил:

- Я сам руковожу его поисками. Они ведутся непрерывно. Мои люди знают: если они, на свое несчастье, проговорятся, что это расследование до сих пор продолжается, то умрут. Советую вам забыть о нашем разговоре.

Серьезность этого предупреждения не ускользнула от Марена, но все же Дэвид без колебаний продолжил:

- Я открою вам свою тайную мысль: если Мозг ещё существует, то именно вы знаете, где он находится.

Щуплый и нервный шеф полиции имел быстрый ум и сразу же понял, что скрывалось за этими словами. Он заговорил, словно думая вслух:

- Следов так много... Десятки тысяч версий... Куски мозаики, которую нужно сложить... Может быть, чтобы связать их между собой, нужен свежий глаз и острый ум?

Его взгляд перестал упираться в пустоту и остановился на Марене. Слейтер, казалось, дрожал от сдержанного волнения.

- Дэвид, - продолжал шеф полиции, и в его голосе так же, как в поведении, чувствовалось старание сдержаться. - Дэвид, ваше предположение это, может быть, самый важный элемент мозаики за десять лет поисков. Мы должны поговорить на эту тему подробнее, а потом я решу, действовать мне по собственной инициативе или доложить о вашей идее Великому Судье.

- Где видели Мозг в последний раз?

- Сведения противоречивы. Последняя известная нам версия такова: это было примерно двадцать лет назад. Один бродяга - он за это время умер заявил, что однажды около двух часов ночи он увидел огромный самолет, паривший над горой, служившей укрытием для Мозга. На глазах у этого человека открылись громадные стальные двери, замаскированные в вершине горы, и самолет опустился в гигантский вертикальный туннель, предназначенный для эвакуации Мозга в случае опасности. Очевидно, нижняя часть корпуса самолета была съемной или раздвигалась так, что оказывалась полностью убранной. Есть и ещё кое-что, гораздо более важное: явно было продумано все, чтобы обеспечить защиту Мозга от возможного нападения в воздухе. Стальные штифты, отверстия, просверленные в метал-

лических стенках и перегородках, множество креплений - благодаря всему этому массивный Мозг мог быть размещен в специальных гнездах и укреплен там болтами и заклепками, что позволяло перемещать его весь целиком. Эта система была рассчитана с математической точностью. Нет смысла добавлять, что мы постарались найти всех, кто знал об этом полете.

"Мозг был переправлен на другую планету", - утверждала Рива Аллен. До сих пор рассказ Слейтера наилучшим образом подтверждал её слова.

- И что вы обнаружили?

- Загипнотизированных людей, сознание которых управлялось извне, и электронные схемы неизвестного типа непосредственно в их мозгах. Было слишком рискованно оставить в живых большинство тех, кто был бы косвенно причастен к этому делу. Я мог бы сказать вам, сколько человек было ликвидировано, но эти цифры вам бы не понравились: сумма звучит достаточно неприятно. Несмотря ни на что, мы пожалели некоторых из этих людей и ограничились либо наблюдением, либо контролем по отношению к ним и их потомкам.

Мысли Марена вернулись к Риве Аллен: теперь все стало ясно. Ее история идеально сочеталась с

признаниями Слейтера, но эта девушка никогда не узнает, как близко от смерти были она и её мать. Убить их было бы гораздо проще. Неужели количество жертв должно стать огромным, чтобы такие, как Слейтер и Великий Судья, устали быть палачами и успокоились!

- Знаете ли вы, кто организовал похищение Мозга?

- Да.

- Кто это был?

- Сам Мозг.

Эта голая комната, в сущности, была самым подходящим местом для такого разговора: её бетонные стены были непреодолимыми укреплениями для бесцеремонно следящих за жизнью людей записывающих устройств. Мрачный кабинет шефа полиции был почти единственным местом, где можно было укрыться от их коварства, и не нужно было напрягать воображение, чтобы представить себе человечество, вынужденное искать в таких клетках убежища от вторжения вражеских орд, управляемых мыслящими машинами. Марену было нелегко представить себе такую сверхмашину. Ему было известно, что эксперты, изучившие приемники Мозга, пришли к заключению, что эти устройства

свидетельствуют о существовании в электронике целой системы неизвестных теперь научных знаний. Со времени создания Мозга она была утрачена, и даже сейчас до её восстановления было далеко. Но из слов Слейтера возникал образ "существа", которое человеческий ум был не в силах представить себе, но которое (что ещё труднее было принять) интересовалось людьми.

Марен оперся спиной о подоконник.

- Каковы цели Мозга?

- Установить свою диктатуру над всем миром. Взять под свой контроль человечество.

Марен затрясся от смеха, но его хохот оборвался, когда он увидел, как серьезен Слейтер.

- Я не очень хорошо понимаю, что я нашел смешного в ваших словах, но, по правде говоря, я не в силах представить себе машину, которая интересуется людьми и заботится о них.

Слейтер покачал головой.

- Речь идет не о сознании, а о математике. Мы имеем дело не с чудовищем, больным манией величия, а с великолепным инструментом, решающим задачу, которую ему поставили. Мы не собираемся уничтожать Мозг, если сможем избежать этого, мы лишь хотим восстановить свой контроль над ним и снова поставить ему ту же

задачу, но в менее радикальной форме. Конечно, мы желаем покончить с войнами, мы стремимся к спокойному и гармоничному миру, но нельзя, чтобы эти цели были достигнуты за счет самоопределения человеческой личности. Мозгу было дано задание: употребить все находящиеся в его власти средства для разработки эффективного способа положить конец войнам. Он понял слово "власть" буквально.

Мысли Марена вернулись к вопросу о бессмертии Великого Судьи и его собственному неверию в это пропагандистское утверждение, но сейчас был неподходящий момент для разговора на эту тему. Нет! На это он найдет ответ, но не здесь, не сейчас, не сегодня. Марен взглянул на свои часы - пора было уходить.

- Я должен идти, Эд. То, что вы мне рассказали, очень любопытно. Но в вашем рассказе есть несколько утверждений, с которыми я не могу согласиться. Мозг никогда не участвовал ни в каких интригах, разве что кто-то побудил его к этому. Мозг способен проанализировать заданную ему ситуацию, выделить в ней нужные элементы и представить результаты на рассмотрение людям, а те могут изучать его ответы и основывать на них свои действия. Сам же Мозг способен

действовать только посредством сервомеханизмов, которые, какими бы чувствительными и тщательно разработанными ни были, все же остаются механизмами.

- Мозг - величайшая машина из всех когда-либо созданных, - ответил Слейтер. - Получив общие установки, он потом сам дает себе подробные указания через подчиненные ему механизмы. Разумеется, для этого было нужно, чтобы уже при создании Мозга конструкторы наделили его большими возможностями. Могу заверить вас, что лучшие ученые и инженеры нашей планеты в течение века создавали основное ядро Мозга.

Марен, уже направившийся к двери, обернулся.

- Есть ли признаки соглашения между ним и Георгией?

- Что заставило вас задать этот вопрос?

- Мы находимся накануне войны, а я внезапно почувствовал, что за тем, что на виду, скрывается действие каких-то других сил.

- Вы присутствовали на всех наших дискуссиях.

В этом Марен был сейчас гораздо меньше уверен, чем до сих пор. Он задумался, помрачнел и ответил:

- Я признаю, что на первый взгляд все идет, как обычно. Более удачного стечения обстоятельств мы не могли бы пожелать: противник сверхконсервативная монархия! То, что такой режим смог возникнуть в государстве, которое двести лет было коммунистическим, несомненно, один из самых удивительных парадоксов этой войны.

Марен сделал жест, выражавший раздражение.

- В конце концов мы с ними справимся... До свидания! - и вышел, закрыв за собой дверь.

Наступило время завтрака: настал момент выяснить намерения диктатора.

Глава 10

Под "прыгуном" проносилась столица, но Марен не видел её такой, какой она была на самом деле, а представлял себе то, что видел в старых фильмах как она выглядела во время больших войн, когда корчилась в предсмертных судорогах среди дыма пожаров.

Этот город-феникс дважды возрождался из пепла. В первый раз он сохранил традиционные городские черты: дома, созданные каждый по своему проекту в соответствии со вкусом владельца, улицы, широкие, как рукава огромной реки и бесконечные в длину, которые пересекались друг

с другом в фантастическом беспорядке. Но второе возрождение произошло под твердой рукой Великого Судьи, и поэтому сейчас перед глазами Марена было что-то вроде шахматной доски. В каждой её клетке-квартале был зеленый участок, и каждая клетка, большая или маленькая, была окружена, как оправой, рядом высоких зданий. Считалось, что благодаря таким стенам из домов атомная бомба, если она упадет на город, разрушит лишь часть кварталов, так как эти мощные укрепления смогут уничтожить или по крайней мере ослабить огромную разрушительную силу, высвобождающуюся при взрыве.

Марен считал, что город выглядит немного средневековo, несмотря на тучи сновавших в небе "прыгунов", воздушных такси и самолетов. Благодаря своей профессиональной подготовке он мог, не обращая внимания на поверхностные черты, видеть основное, поэтому для него архитектура столицы несла на себе отпечаток устаревшей формалистической красоты. Строгость геометрической формы кварталов компенсировалась разнообразием их размеров, привносившим в облик города оттенок импровизации, без которой не бывает подлинного искусства. Многочисленные парки, которые благодаря регулярному уходу

всегда оставались зелеными и густыми, были на этой картине последним мазком, придававшим ей изящество и элегантность. Город Судьи казался процветающим и построенным на века.

Но тут вид под аппаратом Марена изменился: пейзаж стал более печальным и был ему незнаком. Теперь машина летела над пригородом, который тянулся до самого горизонта и представлял собой мрачный сероватый лабиринт низких построек. Их трубы выплевывали в небо дым и сажу, и местами были скрыты, как занавесом, грязным облаком вырывавшегося из домов затхлого воздуха.

Город Прапсп!

"Прапсп" было сокращением от "Пространство для Размещения Подлежащих Сегрегации Пораженных". Прапспами стали называть и обитателей таких кварталов.

Это было лишь сочетание звуков, но оно становилось кошмаром, когда у человека отнимали всякое иное имя и выдавали ему удостоверение о том, что он находится под юрисдикцией организации прапспов. Со времени катастрофы прошла четверть века, но по-прежнему внизу каждого из этих удостоверений можно было прочесть напечатанную мелкими буквами строчку, в которой

заключался весь смысл документа: "Владелец данного удостоверения подлежит смертной казни, если будет задержан вне запретной зоны".

Вначале такая мера казалась необходимой. Тогда в стране бушевала смертельная эпидемия, которую - может быть, слишком быстро и слишком легко - приписали радиации. Никто не задал себе вопрос, могло ли психологическое воздействие ужаса и отчаяния на тысячи людей отчасти объяснить её возникновение. Беда шла по обессиленному миру, а за ней следовала безжалостная реакция на нее: постоянное исключение из общества пострадавших и смертная казнь для нарушителей этого закона. Те, кто выжил, изменились физически, и это было воспринято как доказательство справедливости жестоких указов.

"Прыгун" приземлился, и Марен увидел картину, обычную в Городе Прапсп: мужчина с головой тигра (кошачьи глаза, кошачьи уши и даже лицо покрыто блестящей шерстью) шел по улице с женщиной, в лице которой были явно рыбьи черты. Эти двое, несомненно, были людьми, но по их генетическому коду прошлась лапа ужаса и оставила на нем следы своих когтей. На эволюционном дереве человечества возникли, словно

поднявшиеся на поверхность подземные воды, черты других форм жизни, унаследованные от далекого прошлого человеческого вида.

Тайна, которую несли в себе эти существа, вызвала у Марена совершенно новое для него любопытство. Однако это чувство не было ему полностью незнакомо. Ему вспомнился Траск, о котором он надолго забыл: Уэйд Траск, физик, электронщик и эксперт по прапспам не мог не интересоваться этим вопросом!

Марен поставил свой "прыгун" на стоянке и направился к воздушному такси. На этой машине была табличка "Занято", но посвященные знали, что это была рейсовая машина Дворца. Это такси было единственным законным транспортным средством для поездки к Великому Судье. Агент спецслужбы, который вел машину, был одет как все воздушные шоферы. Он и Марен хорошо знали друг друга, но тем не менее Главнокомандующий назвал пароль этого дня и причину своего визита. Офицер с серьезным видом запросил из Воздушного Контроля Дворца подтверждение, и лишь когда оно было получено, такси взлетело.

Глава 11

Такси погрузилось в смог, образованный дымами заводов и испарениями лачуг Города Прапсп.

Когда оно достигло сердцевины этого облака, ему внезапно преградила путь вертикально взлетевшая патрульная машина Контроля. Она сияла белизной, и все в её очертаниях, вплоть до самых мелких деталей, говорило о высочайшей скорости. Голос по радио протрещал: "Назовите себя!" Марен и водитель выполнили приказ, и такси смогло продолжить свой полет. Над такси и под ним пролетали другие аппараты, но их, должно быть, предупредили, потому что оттуда никто не спросил, по какой причине Марен и таксист находятся в запретной зоне.

Наконец, Марен увидел зелень парка и маленькие постройки разбросанные между деревьями. Дальше виднелась лужайка, в центре которой стрелка показывала на табличку с надписью "Приземляйтесь здесь". Пилот посадил такси на бетонную дорожку, такси по инерции прокатилось и остановилось перед деревьями, загораживавшими дворец. Марен молча вышел из машины.

Трудно было поверить, что он находится в самом центре Города Прапсп. Легкий ветерок скользил по его лицу и заставлял тихо шелестеть листву. Этот мирный пейзаж скрашивал некоторый аскетизм домашнего быта Великого

Судьи. Может быть, диктатор лишь играл роль неприхотливого в домашней жизни человека, но у Марена эта простота всегда (и даже сегодня, когда у него было достаточно забот) вызывала ощущение, что он прилетел сюда отдохнуть и восстановить силы.

Дэвид направился к умело замаскированной решетчатой ограде, попутно отметив про себя, что часовые по традиции были одеты в форму прапспов. Диктатор использовал на своей службе как в секретных, так и в несекретных делах огромное количество этих отверженных.

Может быть, потому, что Великий Судья и сам находился вне сообщества обычных людей, он считал необходимым пользоваться для выполнения своих честолюбивых замыслов всеми силами, которыми располагал?

Эта идея была не из тех, которые могли погрузить Марена в бездну размышлений, однако его сознание на мгновение отметило сходство этого предположения с его предыдущими мыслями, и Дэвид автоматически признал за этими... созданиями право на место в обществе. Говорили, что Слейтер, когда десять лет назад занял свою должность, попытался поставить возле Великого Судьи своих людей. Его доводы явно ничего не

изменили в образе жизни главы государства.

Правду говоря, правитель - странный человек - выбрал своими защитниками и слугами отверженных! Но в данном случае прапспы, похоже, опровергли свою репутацию злобных и коварных существ. Несомненно, дело в том, что место при диктаторе позволяло им обрести чувство собственного достоинства.

Офицер охраны с рыбьими глазами, встретивший их у входа, был довольно красив... по-своему.

- Господин генерал, мисс Делинди Даррелл желала бы немного побеседовать с вами перед тем, как вы присоединитесь к гостям. Вы найдете её в личном бассейне, - объявил он.

Марен поблагодарил этого человека кивком, потому что был не в силах произнести ни звука. "Что-то должно произойти", - думал он, идя в указанное ему место. Они встретятся впервые с тех пор как... Он вздрогнул и сделал усилие, чтобы перевести свою мысль на другое. "Смогу ли я убедить её прийти ко мне?"

Делинди обсыхала на солнце, и вода стекала струйками по её телу. Она была одна, и это было восхитительно. Сияющая улыбка ясно говорила о том, как она рада снова увидеть Марена. Она

протянула руки навстречу Дэвиду, и он сжал её ладони в своих. Делинди разглядывала его, и в глубине её зрачков плясали веселые огоньки. Но в её голосе были тоска и тревога, когда она попросила Марена:

- Я хочу, чтобы ты послезавтра увез меня с собой в Азию. Можешь ты это сделать?

Пока она говорила эти слова, с ней произошло поразительное превращение. Маска радости спала! Делинди дрожала всем телом. Марен видел, как лихорадочно пульсировала артерия на её горле, как быстро поднималась и опускалась её грудь и вздрагивала от волнения ладонь.

- Умоляю тебя, подумай об этом, - прошептала она. - Ох! Если меня спросят, почему ты здесь, что я отвечу?

- Дети... Как поживают... - он запнулся и начал снова. - Как поживают наши дети?

- Великолепно!

Делинди слабо улыбнулась. Пульс на её горле перестал биться, дыхание стало нормальным, и на щеки вернулся румянец. Она улыбнулась ещё раз, более горячо и естественно.

- Милый, я так счастлива, что ты спросил меня о них. А теперь тебе лучше уйти, - и она выпустила его руки из своих.

- Я был бы рад взять тебя с собой, - тихо и быстро сказал Марен.

Он вернулся назад тем же путем, которым пришел, и теперь дрожал он. Значит, вот в чем было дело: Делинди хотела полететь вместе с ним на георгийскую границу накануне войны. Подозревает ли она, что там готовится наступление?

Завтрак был подан в маленьком особняке, построенном, как удостоверяла надпись на пилястре террасы, из гранита, привезенного со всех четырех сторон света, причем из каждого карьера было поставлено не более шести блоков. Эту постройку подарило Великому Судье в знак благодарности население одной старой европейской страны, завоеванной восемь лет назад. Все сооружения, которыми был уставлен парк, были такими же дарами, и каждое из них было образцом великолепного вкуса.

В углах зала с высоким потолком, вдали от оркестра был накрыт стол на восемь человек. Больше десятка слуг-прапспов стояли на своих местах возле кухни. Гости, пробуя ликеры, ждали начала завтрака в глубине этой гостиной. Марен узнал среди них драматурга, знаменитого музыканта, карточного игрока. Остальных было труднее подвести под какую-нибудь категорию.

Каждый выглядел образцовым светским человеком: мастера разговора, умелые рассказчики, наделенные тем гибким, но неглубоким умом, который позволяет рассуждать о больших проблемах, совершенно не беспокоясь о том, как их решить. Для Марена георгийская кампания была делом, от которого зависел его престиж, а для этих людей, если бы они знали о ней, была бы просто темой для застольной беседы.

Гости обменялись с Мареном положенными приветствиями. Драматург предложил ему стакан. Дэвид уклонился от одного или двух замечаний по поводу своей личной жизни и принялся изучать тех, кого Великий Судья попросил явиться на свое празднество.

Главнокомандующего интересовала загадка его собственного приглашения. Строго говоря, оно было излишним. Обсуждать георгийскую кампанию? Об этом не могло быть и речи. К тому же, если только не отменить приказ о наступлении, Великому Судье было слишком поздно изменять план атаки, состоявший из огромного множества действий и передвижений.

У двери возникла суматоха, и в зал вошел человек, очень мало отвечавший обычному представлению о диктаторе. Он был раздражителен

до того, что никому никогда не приходило на ум спорить с ним: или человек был согласен с господином, или прощался с жизнью.

Марен всегда разделял мнение Великого Судьи. Он заключил с самим собой странный компромисс, основанный на том, что он считал полным принятием целей диктатора, и свободно перемещался в границах этих общих принципов, принимая решения и действуя без страха вызвать злобу великого человека.

Иван Проков, более известный под прозвищем "Великий Судья", был красив. Ростом он был около шести с половиной футов. Диктатор был одет в рубашку из розового шелка и брюки из такой же ткани, но белого цвета, а вокруг шеи небрежно повязал галстук, тоже белый. Лицо его чем-то напоминало морду льва. От Великого Судьи исходила сила, подчиняющая себе других, но этот ореол власти был сочетанием внешних признаков, а они обманчивы. Поприветствовав жестом остальных гостей, он бросился к Марену, протягивая ему обе руки.

- Дэвид! - горячо воскликнул Великий Судья, схватив своего гостя за руку и увлекая за собой к столу, - начнем сейчас же - у вас совсем нет времени.

На этом разговор между ними практически прекратился: потом оба только подключались к светской беседе других участников завтрака.

Марен, у которого впереди была тяжелая работа, торопливо поглощал восхитительную смесь из устриц, плова и овощей под соусом. Все остальные углубились в оживленную дискуссию на тему, нужно ли теперь же, не откладывая, начать исследование того, побеждают или терпят поражение группистские законы и правила жизни и, если нужно, кто должен руководить этим исследованием.

"Кто направил разговор по этому пути?" - задавал себе вопрос Марен, который не мог не отметить, что многие из сказанных здесь слов, если бы они прозвучали в суде, автоматически были бы основанием для обвинительного приговора. Он не помнил, чтобы при нем когда-нибудь было высказано столько бунтарских мыслей в присутствии Великого Судьи.

Эта мысль, как вспышка света, мгновенно раскрыла перед Мареном правду: его испытывают! Должно быть, речь в защиту Траска вызвала какие-то подозрения у диктатора.

Душу Марена терзало необычное для него беспокойство: он впервые оказался в таком поло-

жении. Два раза, пользуясь перерывами в беседе, он поднимал глаза - и встречал остановившийся на себе внимательный взгляд Великого Судьи. Во второй раз хозяин дома спросил: "Каким организациям или лицам вы поручили бы это исследование, Дэвид?"

Теперь, зная, что это испытание, Марен с полнейшим спокойствием ответил:

- Я без колебания выбрал бы Медельина и Слейтера.

Великий человек фыркнул со смеха:

- Вот мысль, которая не пришла бы мне в голову! - искренне признался он.

- Желаете ли вы, чтобы я изучил этот вопрос и представил вам доклад примерно через две недели, считая с сегодняшнего дня?

Брови Великого Судьи сдвинулись.

- Неплохая идея, но у меня есть для вас гораздо более важные поручения. Мы поговорим об этом потом, - и Великий Судья с задумчивым лицом переключился на еду. Позже он первый посмотрел на часы и воскликнул:

- Вам пора в путь, Дэвид! Желаю удачи!

На этом завтрак закончился.

На обратном пути Марен размышлял о том, что произошло. Его пригласили, чтобы понаблюдать

за ним. Великий Судья, обеспокоенный позицией, которую занял его Главнокомандующий в деле Траска, пожелал как следует прощупать его. Трудно предугадать последствия этого экзамена. Да и совершенно бесполезно ломать над этим голову! В любом случае на данный момент мнение о нем Великого Судьи было второстепенной проблемой. Марен должен был выполнить поручение, потерять время и выиграть время.

Глава 12

Около двух часов дня Марен увидел ракетодром. Это была база, укрытая в глубине долины в двадцати милях к северу от столицы. Основной корпус представлял собой низкое и плоское здание без всяких украшений, похожее сверху на обструганную доску. Оно имело тот унылый вид, который характерен для военных городков. Население долины целиком состояло из солдат, и все здания в ней были предназначены для военных целей. Севернее, там, где местность становилась неровной, находилась стартовая площадка. Сам самолет-ракета стоял под защитным навесом огромной постройки, похожей на оборонительное сооружение.

После того, как "прыгун" коснулся земли, суета вокруг чудовищных размеров самолета с укоро-

ченными крыльями, похоже, ускорилась и стала лихорадочной. С высоты эта картина казалась почти спокойной, но по мере приближения Марен все больше воспринимал её как муравейник, где беспорядочно двигались во все стороны хлопотливые машины, тянувшие за собой пустые прицепы, полные прицепы, или не тянувшие ничего.

Возле трапа, приставленного к самолету, стояла группа людей. В центре её находился некто высокий и хорошо сложенный с мальчишеским лицом, чуть дальше двое мужчин постарше, сохранявшие на лицах бесстрастное выражение, и четвертый, который улыбался, несмотря на печаль в глазах. Последний протянул Марену свое удостоверение: это был одетый в штатское офицер Контроля. И он же, указав на молодого, объявил:

- Вот тот, о ком вам говорил господин Слейтер!

Из-за рева двигателей, гула голосов, криков и мелькания двигавшихся взад и вперед людей и машин Марен не расслышал часть последовавшей за этим формулы представления. "Представляю вам... (следующее слово потонуло в шуме) Бернли". Марен пожал руку молодому силачу, который был на несколько дюймов выше

своих спутников. Новичку было самое большее двадцать лет, и на первый взгляд он не имел никакого сходства с Великим Судьей. Его лицо напомнило Марену чье-то другое, знакомое, но у Главнокомандующего не было времени думать об этом. Проворные маленькие тягачи рычали, перетаскивая грузы. Люди постепенно исчезли в бетонных укрытиях, и площадка вокруг огромного самолета-ракеты опустела.

- Можно взлетать, как только вы пожелаете, господин генерал, - сказал на ходу пилот.

- Я бы лучше поднялся на борт, - пробормотал Бернли, бросая робкий взгляд на Марена. Его спешка была почти грубой: Бернли рванулся к трапу с такой скоростью, словно боялся, что его не возьмут в самолет, если он отстанет. Марен пошел за ним более медленным и спокойным шагом. Что он будет делать с этим Бернли? На его взгляд, новичок был не способен к самостоятельным решениям. Люди такого типа могут испытывать вспышки ума и энергии под действием страха, но доверять им командные должности было бы безумием. Марен был разочарован: Великий Судья останется недоволен.

Усевшись рядом с мальчишкой, Главнокомандующий добросовестно пристегнулся ремнем

безопасности. Пилот, несомненно, ждал лишь его, чтобы поднять машину в воздух, потому что двери тут же с мягким шорохом закрылись и сиденья бесшумно откинулись назад; потом послышался приглушенный рев реакторов, и толчок придал машине фантастическое ускорение, которое сохранялось в течение нескольких минут, требовавшихся самолету, чтобы набрать высоту.

Вдруг реакторы замолчали, и аппарат полетел как ракета в верхних слоях атмосферы по параболе.

Когда он начал опускаться, Марен повернулся к своему молодому спутнику. Бернли закрыл глаза, откинул голову назад и полностью расслабился. Его вид тронул сердце Марена, отцовские глаза обнаружили сходство, которого не осознал ум. Если этот мальчик считается сыном Великого Судьи, для того это равносильно признанию отцовства. Ох, Великий Судья, уж не обманул ли вас кто-то? Конечно, результаты любовных игр аккуратно регистрируются, но в те далекие времена в их организации было меньше порядка, и ни один архивист не мог поручиться за то, как женщина провела ночь перед открытием игр.

- Как вас зовут?

- Дэвид.

- Вот как! Значит, мы тезки.

- Конечно, господин генерал, меня ведь назвали в вашу честь!

Марен оцепенел от изумления, но быстро овладел собой и углубился в воспоминания о первых играх. Тогда нашлось много охотниц бросить ему вызов, и хотя в семнадцать лет он по закону ещё не имел права участвовать в любовных состязаниях, в то время существовало достаточно способов обойти правила, чтобы решительный молодой человек, воспользовавшись влиянием своей матери, мог выйти на старт. Для соблюдения внешних приличий на лицо Дэвида был наложен грим, делавший его старше. Возбуждение, эгоизм молодости и большой запас жизненных сил помогли ему одержать две победы и оплодотворить двух женщин.

Марен наклонил свое сиденье так, чтобы лучше видеть молодого человека. Тот густо покраснел от смущения.

- Расскажите мне о себе!

Дэвид Бернли рассказал историю своей жизни. Он вырос в маленькой общине на западном побережье у своей матери Этель Бернли вместе с двумя другими её детьми.

- Я был любимым ребенком в семье, - уточнил он с некоторой гордостью. - Мама после вас ни разу не встретила никого такого же восхитительного. Она повторяла это на все лады, и не думаю, чтобы эта похвала принесла много пользы Джорджу и Саре!

Джордж и Сара - это, конечно, два других ребенка, но Марен не стал спрашивать об этом: он был в ярости от того, что не мог вспомнить ни одну из двух первых женщин, от которых имел детей.

- Мама работала в яслях, поэтому я видел её очень часто и не чувствовал себя покинутым, как другие дети. Они, конечно, не находятся там все время, но...

- А где вы учились?

- В колледже. Сейчас у меня каникулы до сентября. Я пишу диплом по политэкономии.

Дэвид Бернли отдал себя в распоряжение правительства на время каникул, но он не предполагал, что его отправят на задание "вместе с его собственным отцом".

- Я, конечно, указал ваше имя в документах и, может быть, именно это сыграло роль. Но все равно я был так удивлен...

Было совершенно очевидно, что их встреча умело организована. И Марен подумал, что

несмотря на все старания уменьшить значение отцовства, люди упорно продолжали мыслить прежними представлениями и желали, чтобы отцы и сыновья постоянно были рядом друг с другом. Они совершенно не принимали всерьез официальную точку зрения, по которой это считалось семейственностью, а возврат к отжившей свое системе брака снова сделал бы женщину рабыней мужчины.

Правительство выплачивало матерям пособие на воспитание детей из фонда, в который вносили деньги все мужчины страны без исключения победившие в любовных играх или проигравшие в них, квалифицированные работники и люди с низкой квалификацией.

Матери должны были сами заботиться о своих детях, но благодаря общественным детским учреждениям они освобождались от семейных обязанностей на определенное количество часов в неделю. На протяжении недели мать сама по согласованию с персоналом детского учреждения распределяла это время наиболее удобным для неё и ребенка образом. Женщины могли делить недельную норму пребывания ребенка в яслях или детском саду на части, но минимум часов под присмотром общественных нянек был обя-

зателен для ребенка, так как закон запрещал женщинам целиком посвящать себя обязанностям матери.

Эта система, которая предполагала хорошее знание положения женщины в прошлые эпохи и воплощала идею освобождения женщины, была прекрасна, но Марен вспомнил, что исследование, проведенное по поручению Совета, показало, что тридцать восемь процентов жителей страны обоих полов пыталось неофициально жить семьями. Приспосабливаясь к установленным порядкам, они придумывали десятки ухищрений, позволявших мужчинам, женщинам и детям быть вместе: иногда мужчина снимал комнату у женщины, иногда жил в соседнем доме, иногда через дорогу от своего семейного очага.

- Как быстро мы летим! Сколько времени занимает этот перелет? услышал Марен рядом с собой голос своего молодого спутника.

Главнокомандующий не успел ответить. Уже достаточно долго их аппарат спускался по длинной плавной кривой. Внезапно сиденья выпрямились, и в следующее мгновение зарычали, извергая потоки энергии, тормозные реакторы. Разговаривать было совершенно невозможно, и Марен закрыл глаза, проклиная случай, который

заставил семейные связи ворваться в его судьбу в самую важную неделю в его жизни и мешать ему заниматься делами.

В прошлом Дэвид Марен очень редко и нерегулярно интересовался своими детьми. Он вспомнил, как однажды, из любопытства пожелав узнать, какое потомство произвел на свет, он попытался проявить внимание к одному молодому человеку трех лет от роду, а тот все время отцовского визита был в бешенстве и не переставал орать.

Очень многозначительная реакция - мальчик интуитивно понял, что Дэвид Марен представлял из себя в области чувств.

Глава 13

Когда они приземлились, вокруг была полная темнота: здесь, в глубине Сибири, ещё не рассвело, и землю можно было различить сверху лишь по обширной сети разноцветных огней. Среди этих светящихся точек находился лагерь одной из бесчисленных армий Великого Судьи, окружавших георгийские горы. Лагерь "А" был фактически создан ещё в конце третьей атомной войны, но количество находящихся в нем солдат и техники со времени его основания неуклонно возрастало, и в последние три года накопленные

в нем военные силы стали значительными. За эти двадцать лет, среди которых были годы с самыми суровыми зимами из всех когда-либо отмеченных, в "городе" под названием Лагерь "А" развился ряд постоянных инфраструктур. Сейчас темнота все скрывала, но Марен знал, что в эту систему входили бетонированные дорожки, ангары для самолетов, несколько больших посадочных площадок и - что было ещё ценнее в таком удалении от центров - площадка для приземления ракет.

Самолет-ракета с заглушенными реакторами вынырнул из мрака под пронзительный кошачий визг разрываемого воздуха. Хотя магнитная аппаратура не годилась для этих крупных аппаратов и случай, когда такое чудовище с обрубками крыльев приземляется на малой скорости, никогда не предусматривался, пилот и наземный радар вступили в тесное взаимодействие между собой, чтобы успешно выполнить трудную операцию - посадку при скорости пятьсот миль в час. Перед самым прикосновением машины к земле шасси выдвинулись из своих гнезд. Колеса при этом крутились с ужасающей скоростью, чтобы смягчить эффект отрывания, который испытывали шины. Долго, очень долго - так по крайней

мере казалось пассажирам - аппарат летел над самой землей. Колеса едва касались бетона, из сопел вырывалось пламя, но автоматическая система компенсации обеспечивала самолету устойчивость.

Когда скорость была уменьшена с помощью сложных и идеально согласованных действий электронных приборов, пилот перешел на ручное управление. Аппарат сделал разворот, свернул на вспомогательную полосу, по инерции, с заблокированными тормозами подъехал к ярко освещенному зданию и остановился так тихо, что Марен, который ещё был в напряжении, не сразу понял, что буйство бешеной силы прекратилось.

- Ура! - воскликнул молодой Бернли.

Свистящий шорох открывающихся дверей. Марен спустился по трапу на землю и представил своего молодого спутника группе офицеров и гражданских лиц - своих подчиненных. В Лагере "А" было 4.20 утра. "Сколько из этих людей покинули постели, чтобы встретить меня?" - подумал Марен.

Прибывших уже ждали автомобили, которые доставили их к огромному зданию Ставки Главнокомандующего. Марен сразу же направился в библиотеку в сопровождении своего сына,

которому он подал мысль ознакомиться с политическими и экономическими проблемами Георгии.

- Я особенно хотел бы, чтобы в ближайшие дни вы изучили документацию по структуре исполнительной власти в Георгии и составили для меня список влиятельных должностных лиц: имена, должности и важность их функций внутри системы.

- Я сделаю все, что в моих силах, - оживленно ответил молодой человек. - Кроме того, у меня уже есть данные общего характера по этому вопросу.

Покинув библиотеку, Марен вместе со специалистами приступил к проверке многочисленных электронных устройств и измерительных приборов, закрепленных под каждым сиденьем в конференц-зале. Перед группой электронщиков стояли две задачи. Во-первых, некоторые из участников совещания не знали ни слова по-английски. Для них нужно было сделать понятным выступление Марена, подключив к их шлемофонам электронные системы перевода. Эти аппараты действовали по тому же принципу, что телефоны и автоматические пишущие машинки: звуковые колебания преобразовывались в электрические импульсы, которые активизи-

ровали матрицу, выбиравшую слова и их формы, а та включала механизм воспроизведения получившегося текста. Но была ещё и другая задача: выследить шпионов. Марен убедился, что его техническая команда достаточно квалифицирована, чтобы извлечь пользу из данных, полученных от стоящих под сиденьями датчиков. Потом он пил кофе в компании своих гражданских сотрудников и офицеров. При этом ему сообщили, что большинство георгийских агентов уже прибыло сюда. Обратно их доставят по воздуху и сбросят на парашютах в нескольких пунктах, а оттуда каждый будет добираться домой кто как сумеет. Несомненно, некоторые будут схвачены по дороге. Информация, которую противник сможет получить от них, придет слишком поздно, и власти не успеют принять какие-либо эффективные контрмеры.

Марен никого не порицал, но сделал вывод: шпионская сеть Великого Судьи уже раскинута здесь. Лучше сейчас же предупредить Дэвида Бернли, чтобы он не вступал в разговор с незнакомыми людьми.

Вошел курьер.

- Господин генерал, аудитория начинает заполняться!

Марен встал.

- Я только переоденусь в форму. Когда все займут места, сразу же предупредите меня.

Он прошел в комнату, переоделся и направился в библиотеку по лестнице, которая начиналась в подвальном этаже, где хранились старые архивы, а кончалась в маленьком вестибюле библиотеки. Но у входа Марен остановился за шторами, закрывавшими дверь: он услышал голос своего сына:

- И что тогда будет?

- Ничего, - ответил мужской голос. - Мы хотим только загипнотизировать его с помощью медикаментов и закодировать против войны. У нас нет лишнего времени, и мы так или иначе должны начать. Слушайте меня внимательно: когда кончится собрание, мы используем вас, чтобы заманить его сюда. Вы будете связаны, так что у него не возникнет никаких подозрений...

Марен рискнул слегка раздвинуть шторы и осторожно заглянуть в библиотеку. Бернли сидел за столом, и над ним наклонялся очень смуглый высокий мужчина лет тридцати. Лицо Дэвида было бледным и выражало растерянность и отчаяние. В нескольких шагах от них другой враг, коренастый и коротконогий, с электроразрядным пистолетом в руке наблюдал за дверью, выходив-

шей в большой вестибюль напротив аудитории. Этот казался настолько же нервным, насколько его соучастник был спокоен.

Марен снял с предохранителя свой электропистолет, мускулы его лица напряглись. Он не чувствовал никакой жалости к этим двоим. Они сами сделали выбор: предпочли энергетическое оружие, выстрел которого ударяет как молния, менее опасному газовому нейтрализатору. Что ж, пусть будет так, как вам угодно, господа!

Одним точным движением Марен выстрелил во врага, который был вооружен. Тот рухнул на пол. Его голова превратилась в обугленную массу. Затем Главнокомандующий армиями Великого Судьи вышел из своего укрытия и снова выстрелил, на этот раз по сообщнику убитого. Одежда врага задымилась, он повернулся на месте и медленно упал на пол.

- А теперь перейдем к нам с тобой, Дэвид! - угрожающе произнес Марен. Его голос дрожал от гнева. - Побеседуем немного. Ты...

Он не договорил. Молодой человек наблюдал за уничтожением своих мучителей, разинув рот, но взгляд его быстро перемещался, следуя за развитием событий, и все поведение Бернли говорило о внимании и настороженности. Но вдруг

выражение лица Дэвида-младшего изменилось: огонь, горевший в его глазах, погас, бдительность исчезла. Бернли, словно придавленный огромной усталостью, свалился грудью на стол и замер без движения.

"Грохнулся в обморок!" Марен подумал об этом с презрением, но слабость молодого офицера была для него большим ударом, чем предательство: его родной сын - трус и кисейная барышня! Гнев жег Главнокомандующего как раскаленное железо.

Он сгреб в кулак аккуратно причесанные волосы Бернли, поднял за них его голову и с размаху залепил ему звонкую пощечину.

"У меня нет лишнего времени. Я должен до начала собрания узнать обстоятельства этого дела и решить, как быть с этим мальчишкой".

Дав волю своему гневу, Марен ещё несколько раз ударил по безжизненному лицу. Но прикосновение к нему мгновенно насторожило этого человека с богатым жизненным опытом, хорошо знакомого со всеми видами обмороков, - Марен почувствовал под рукой потерявшую упругость вязкую плоть.

Почувствовал признаки смерти!

Удивленный этим, он разжал руку и схватил мальчика за запястье: пульса не было. Марен

усадил тело сына в кресло, наклонился над ним, прижал ухо к его груди - и медленно выпрямился.

К растерянности и недоверчивому изумлению, которые он испытал в этот момент, добавилось другое чувство. Это было не горе. И даже не мысль, что смерть сына, о котором он ещё несколько часов назад не знал совершенно ничего, должна была бы причинить ему горе. Нет, Марен знал причину своего душевного смятения: сломана одна из его ветвей.

Ребенок - это твое продолжение в будущем. У мира Великого Судьи была своя трагедия: семьдесят процентов мужчин терпели поражение в любовных играх, и закон лишал их права продолжать поток жизни, который лился из глубины веков. Род побежденных обрывался: одним ударом был положен конец великой игре случая - произвольному сочетанию генов между собой.

Когда прошло первое потрясение, Марен снова был в состоянии думать. И действовать тоже. Он взял трубку: "У телефона Дэвид Марен. Немедленно направьте врача в библиотеку. Кроме того, срочно пришлите мне санитарную машину и отделение охраны".

Наконец-то короткая передышка! Разве мало

было случаев, когда люди умирали на его глазах - в основном под пыткой, иногда от слишком большой дозы газа или какого-нибудь препарата, - но врачи, специально обученные реанимации людьми из Контроля, оживляли их.

Марен опустился на колени возле трупа того врага, который был выше ростом, и начал его обыскивать. Связка ключей, записная книжка, ручка, бумажник, где не было ничего, кроме небольшой суммы денег, и носовой платок - вот все, что он нашел. Марен положил книжку себе в карман и собрался проделать со вторым трупом то же, что с первым, но тут стала открываться дверь. Когда она распахнулась, Марен был уже на ногах, а его нейтрализатор в боевом положении. Но вошли всего лишь охранники - шесть солдат под командой сержанта. Сержант с первого взгляда понял, что произошло.

- Возьмите под охрану двери и окна! - приказал он своим людям. Потом он повернулся к Марену: - Врач будет здесь с минуты на минуту. Что случилось, господин генерал?

Марен предпочел оставить вопрос без внимания: он не хотел никому открывать подробности случившегося.

- Этот молодой человек скончался, очевидно,

из-за нервного потрясения. Насколько мне известно, физически он не подвергся никакому насилию. Врач должен сделать все возможное, чтобы он вернулся к жизни. И избавьте меня от этих трупов!

- Есть, господин генерал!

Марен разрывался на части, не зная, как быть дальше. Наступало время идти на собрание, но уйти из библиотеки он не решался: если Дэвида Бернли удастся воскресить, мальчик может сказать что-нибудь такое, что вызовет подозрения.

Вдруг тело Бернли зашевелилось. Решив, что оно соскальзывает на пол под собственной тяжестью, Марен бросился к нему, чтобы поддержать, схватил Бернли за руку и почувствовал, что мышцы под её кожей дрожат! Реанимация произошла с удивительной быстротой: раньше, чем Марен успел спросить себя, как это случилось, Дэвид-младший уже сидел на столе и испуганно бормотал:

- Что это было - эта штука в моей голове?

Марен, для которого эти слова оказались полной неожиданностью, от изумления сделал шаг назад.

- Какая "штука"?

- Что-то завладело моим умом и управляло им.

Я... - на глазах у Бернли выступили слезы.

- Могу ли я быть вам полезен? - спросил, подходя ближе, сержант из охраны.

- Сходите поищите врача!

Это было сказано, чтобы выиграть время: Марену нужно было во всем разобраться. По словам Слейтера, существует метод управления людьми на расстоянии с помощью электронных схем, вживленных в мозг, как прививают черенок к растению.

"Он был мертвым", - твердил себе Марен. Его сын умер без видимой причины. Может ли прерывание контакта управляемого с управляющим или даже просто короткое замыкание в схеме-"прививке" вызвать смерть управляемого?

Конечно, у Марена было слишком мало времени, и потому он не мог обдумать эту проблему на свежую голову, но все указывало на то, что Дэвид Бернли был вовсе не предателем, а жертвой. Его "смерть" прервала контакт впрочем, это последнее было лишь предположением.

- Как ты себя чувствуешь, Дэвид? - ласково спросил Марен.

- Прекрасно, господин генерал!

Бернли попытался встать, покачнулся, но широко улыбнулся и восстановил равновесие. Он

явно делал над собой усилие.

- Со мной все в порядке, - повторил он.

- Я прикажу отвести тебя в постель. Да! Дэвид, ещё вот что...

- Что?

- Ты не скажешь никому ни слова обо всем этом до моего возвращения.

Марен произнес это командирским тоном. Не дожидаясь ответа, он подозвал двух охранников, и те, наполовину волоча, наполовину толкая, вывели молодого человека из комнаты. Лишь после этого Главнокомандующий вернулся в свои комнаты, сознавая, что главная часть его работы ещё впереди. Он стал с беспокойством ждать начала собрания, удивляясь, отчего до сих пор нет сообщения, что оно открыто.

Чем больше Марен думал о последних событиях, тем больше становилась его тревога. "Что-то завладело моим умом и управляло им", - сказал молодой Бернли. Если это правда, это важнейшее событие, может быть, не сравнимое по значению ни с чем другим. В любом случае было несомненно: нападение готовилось давно - управляющая схема, разумеется, была установлена в мозгу Бернли заранее.

Марен вздохнул, открыл прозрачную пластмас-

совую дверь и вышел в сад. Уже наступил рассвет, хотя солнце ещё не взошло. Воздух был холодным, даже колючим. Подумать только - совсем недавно он был в Городе Судьи, и там все ещё день!

Марен стоял неподвижно в сером полумраке раннего утра и думал, что находится на земле, породившей первый авторитарный режим, достойный этого имени. Именно здесь, в этом ключевом районе Земли, более двухсот лет назад возник Советский Союз, который распространил свои принципы силой раньше, чем они доказали свою правильность.

Кровь текла тогда по земле многих стран: невежды и софисты приняли сторону системы, обещавшей подорвать основы истории. Во многих странах народы, разбуженные западной цивилизацией от вековой спячки, стали жертвами демагогов, чья неразборчивость в средствах могла сравниться только с их же бескультурьем, и прежде, чем люди смогли свободно высказать свое мнение о новой власти, оказывалось, что власть покончила со свободой мнений. После этого выяснилось, что эксплуатируемый народ, словно ребенок, который грубо обращается с младшими товарищами, вымещая на них свою ненависть к кому угодно, кроме настоящих ви-

новников его несчастий. И в этих странах произошли крутые повороты в общественном мнении, приступы неудержимой безумной ярости, жажда бить насмерть, все виды общественных волнений, разгул всех видов физического насилия.

Потом были три большие атомные войны, и человечество сильно поредело. Когда в конце концов уцелевшие вышли из укрытий, они были обессилены и практически не оказали сопротивления новому вождю, сказавшему им: "Мы соединим коллективизм со свободным предпринимательством. Стремление к тому и другому заложено от природы в любом сердце. Первый устанавливает систему добрых отношений между коллективами, второе освобождает ум личности. Первый обеспечивает человеку жизнь через коллектив, второе признает за этим человеком его врожденное право на творчество".

И Великий Судья добавил:

- В путанице этих послевоенных лет крупные регионы надолго останутся без соответствующего их специфике управления. Возникнут временные государственные структуры, которые окостенеют, пытаясь закрепиться навсегда. Мы уже сейчас предупреждаем эти государства: опыт двух последних столетий не позволяет нам проявить

к ним милосердие. Мы не потерпим никакого сепаратизма.

Возникло несколько тысяч самостоятельных государств, в основном крошечных и незначительных, чьи политика и экономика были чаще всего примитивными. Время от времени горстке людей удавалось подняться на вершину абсолютной власти, и с высоты своего величия они пугливо оглядывались вокруг, спрашивая себя, сколько времени оно продлится. Тогда незаметно рождались перешептывания, дипломатические маневры, успокаивающие слухи, распространяемые множеством ртов: первые декларации Великого Судьи носили в некоторой степени обобщенный характер, и никогда не шла речь о том, чтобы понимать их буквально, к тому же, если говорить правду, Судья произнес эти слова под возбуждающим влиянием момента.

Никто никогда не узнает точно, какая часть этих слухов была распущена самим Великим Судьей, но как бы то ни было, за двадцать лет число независимых государств сократилось с первоначальной тысячи до ста. Падение Георгии, вероятно, вернет в овчарню ещё двадцать с лишним заблудших овец столько государств поторопятся заключить соглашения, которые

независимо от формулировок будут означать одно - включение страны в единое Мировое государство.

Марен обернулся на звук шагов. К нему шел курьер с сообщением, что все готово для выступления генерала на собрании.

Глава 14

В зале было около ста человек - мужчины и женщины. Марену сказали, что каждый из присутствующих представляет от двадцати до двадцати пяти групп или организаций - значит, в этом собрании участвовали через своих представителей около десяти тысяч человек. Среди делегатов, несомненно, скрывались два или три шпиона георгийской королевы, но какую бы маску они ни носили, они будут схвачены в ближайшее время, и их судьба будет решена ещё до отлета Марена.

Главнокомандующий вошел в зал в одежде простого солдата, но эта форма была свежевыглаженной и скроена так, чтобы как можно больше идти Марену хорошо разыгранная мизансцена, чтобы произвести впечатление на этих людей, которые воображали себя идеалистами и мечтали включить свою маленькую страну в экономико-политический комплекс Великого Судьи.

Политически Георгия была противоестественным образованием. Во время развала мировых армий группа европейских авантюристов захватила власть, а потом предприняла довольно странные маневры. Первым действием новых правителей было создание научно-военного государства, которое быстро раскололось примерно на тридцать федераций с коллегиальным управлением.

Когда закончился период послевоенной неразберихи, глава авантюристов принял титул наследственного монарха. Несмотря на всю странность этой фантазии, консервативные элементы общества одобрили решение правителя взять власть в свои руки и возложить на себя её знаки. Но после убийства "короля" действие демократии в стране было приостановлено и под управлением его старшей дочери там установился застывший строго иерархический режим, который стал готовиться к защите от Великого Судьи. Неудивительно, что многие георгийцы в негодовании на то, что их лишили прежних прав, стали работать на Великого Судью.

Марен поднял руку, призывая собравшихся к тишине.

- Мужчины и женщины Георгии, я узнал, что

ваши комитеты составили список примерно тысячи георгийских должностных лиц, которые должны быть убиты или казнены в случае захвата в плен. Я должен попросить вас - не принимайте никаких мер против королевы, не предупредив меня заранее.

Больше он не наложил никаких запретов. По правде говоря, поскольку всем георгийцам будут вживлены болевые схемы, смерть большинства приговоренных не принесет никакой пользы: просто делегаты ничего не знали об этом эффективном инструменте Контроля.

- Кого бы вы ни посчитали необходимым ликвидировать, убедитесь, что ваши планы идеально скоординированы: в первые часы революции один из вождей может собрать вокруг себя столько сторонников, что поставит под угрозу всю операцию.

Марен не чувствовал никакой жалости к намеченным жертвам. В трех атомных войнах погибли миллионы людей, и те, кто в очередной раз пытался возродить сепаратизм, источник будущих войн, вызывали у него отвращение.

Когда Главнокомандующий подробно излагал план действий, его ораторский пыл произвел впечатление на молча слушавших делегатов.

Эта часть выступления закончилась словами: "Каждому из вас будет передан листок с инструкциями. Вы должны заучить их наизусть, так как текст написан симпатическими чернилами и через определенное время внезапно исчезнет".

Это было не совсем верно: директивы были не написаны чернилами, а отпечатаны с помощью электроники на материале, имитирующем бумагу. В заданный момент тексты на всех листках будут уничтожены дистанционной командой, и одновременно на какой-то срок будет активизировано другое сообщение, вписанное в саму структуру заменителя бумаги, которое непоправимо исказит первый текст и навсегда сделает его недоступным для расшифровки. Эта технология была разработана в Электронных Лабораториях Траска.

Теперь настало время заговорить о вознаграждениях. Марен перечислял их одно за другим и на этот раз внимательно следил за реакцией своих слушателей: как правило, именно в такое время контроль человека над собой ослабевает. Если в ряды восставших проник шпион георгийской королевы, при этой распродаже должностей и богатств своей страны он должен втайне от других быть в бешенстве, и часть детекторов лжи,

скрытых под сиденьями, обязательно отметит его волнение. Но больше, чем чувствительности аппаратов, Марен доверял своему собственному умению обнаруживать борьбу чувств в душе человека по выражению лица и движениям тела. С самого начала он обратил внимание на мужчину, сидевшего очень прямо в центре зала - рост выше среднего, около тридцати лет, внешность интеллектуала. Глава Группы сделал условный знак, и через мгновение у него в руке была записка : "Детектор подтверждает ваши подозрения".

Читая её, Марен краем глаза наблюдал за агентами Контроля, которые входили в зал через боковые двери по крайним проходам. Оказавшись на одной линии с подозреваемым, они синхронно повернулись и, растолкав нескольких слушателей, умело окружили свою жертву.

Мышцы шпиона напряглись, но он был вынужден сдаться: было совершенно очевидно, что сопротивление бесполезно. Агенты потащили его к сцене. Марен успокоил собравшихся: "Этот арест произведен для вашей защиты: мы имеем основания подозревать, что этот человек - шпион. Может быть, некоторые из вас смогут его узнать, когда мы снимем с него маску".

Пленнику, должно быть, это казалось нереаль-

ным - так неожиданно все произошло. Он начал вырываться, но было слишком поздно. Его силой удержали на стуле, а в это время в зал вошел химик, кативший перед собой столик с банками и пузырьками. Этот человек не торопился, но знал свою работу: он проверил волосы, брови, щеки, уши, подбородок и рот арестованного, пробуя на каждой части тела все реактивы без исключения.

И на глазах у толпы лицо шпиона изменилось: белые, как лен, волосы сделались густо-черными, лицо стало худее и длиннее, а глаза, в которых светился страх, из серо-голубых превратились в светло-карие. Вдруг какая-то женщина крикнула: "Это же Куда!" Марен бросил вопрошающий взгляд на одного из своих подчиненных, и тот быстро набросал на грифельной доске несколько слов: "Высшее георгийское общество. Семья потомственных политиков".

Тогда Дэвид Марен вышел на авансцену.

- Друзья мои, я уверен: вы согласитесь, что мы в силах разобраться с этим Кудой и ему подобными. Перед вами стоят более важные задачи, чем решение судьбы шпиона. Отправляйтесь же выполнять свой священный долг! Через три дня мы встретимся в Итнаму. Приветствую вас от

имени Великого Судьи, будущие руководители провинции Георгия!

Слушатели ответили на эти слова приветственными криками. В их дрожащих от волнения голосах прорывались истерические нотки. Скольких из этих людей не будет в живых через три дня? Возможность такого исхода их не останавливала, а Марен не имел никакого желания говорить, что статистические подсчеты по прежним революциям позволяли предполагать смертность среди руководителей восстания порядка двадцати процентов.

Пока участники собрания выходили из зала, Марен повернулся к охранникам, державшим шпиона:

- Хорошо обыщите его и приведите ко мне: я сам займусь им.

Через минуту Главнокомандующий входил в библиотеку. Дэвид Бернли сидел за тем самым столом, за которым недавно "умер". Увидев это, Марен нахмурился. Молодой человек встал со своего места и вытянулся по стойке "смирно".

- Почему ты не в постели, Дэвид?

- Я должен был выполнить задание! - щеки Бернли горели от волнения. Я чувствовал себя прекрасно и настоял на своем... у них не было

никакого предлога помешать мне встать. Я проверил информацию, которую вы просили у меня. - Он очень старался угодить Марену.

В этот момент генерал не знал, за что взяться: по его мнению, то, что случилось с его сыном, было гораздо важнее, чем георгийский шпион, а эта минута (точнее, две минуты) была драгоценна.

- Дэвид, эта... "штука", которая была у тебя в голове, - сколько времени она там находилась?

- Я её почувствовал, как только вошли те двое.

- Ты их знал?

- Я их никогда не видел, но они меня знали.

Марен быстро прикинул в уме: Слейтер, Великий Судья, многие люди из Контроля, сотрудники правительственных служб, участвовавшие в подготовке наступления, - о его полете знало достаточно много людей, и это объясняло утечку информации.

Дэвид-младший продолжил:

- Они знали, что я был пацифистом: я, конечно, болтал много лишнего в колледже. Они спросили меня, хочу ли я им помочь. Сначала я отказался. Клянусь, господин генерал, это правда! И тогда... появилось оно - там, в моем уме! Что-то завладело мной, и я услышал, как отвечаю им "да"! Они тут же сказали мне, что хотят взять ваше сознание

под контроль, чтобы вы прекратили войну. Я продолжал говорить им, что согласен - против моей воли, честное слово, господин генерал! - Бернли дрожал.

- Не мучай себя, я тебе верю.

Это была правда: временная смерть Дэвида-младшего была неоспоримым фактом, и Марен был уверен, что первые слова, которые мальчик пробормотал, придя в сознание, вырвались у Бернли против его воли. План заговорщиков был совсем не плох: какой был бы успех, если бы накануне войны они смогли захватить вражеского Главнокомандующего и управлять им с помощью гипноза!

От этих размышлений Марена оторвал звук открывающейся двери - это были охранники, которые привели Куду.

- Подождите минуту! - Марен закрыл дверь и подошел к сыну. - Сейчас мы будем допрашивать шпиона. Будь добр, забери свои бумаги и книги и жди меня в саду.

Дэвид быстро собрал свои вещи, но потом остановился:

- Я не могу остаться?

- Нет. У нас нет времени устраивать допрос по всем правилам, но мы не будем и перегибать

палку.

Молодой человек немного побледнел, взял свои вещи и направился к двери, но замедлил шаг и обернулся.

- Насилие абсолютно необходимо?

- Насилие никогда не бывает абсолютно необходимым.

- Тогда почему...

Дэвид Бернли был явно озадачен.

- Если арестованный скажет нам то, что мы хотим узнать, никто не тронет и волоска на его голове, - спокойно ответил Марен и саркастически улыбнулся молодому офицеру, который кусал губы, говоря себе, что, вероятно, шансов на то, что шпион окажется таким сговорчивым, очень мало.

- И это ещё не все: может быть, мы посчитаем необходимым изменить некоторые из его взглядов и вернуть его в Георгию как нашего платного агента!

Молодой Бернли дрожал так, что его зубы стучали.

- Но как вы можете надеяться, что он станет работать на вас? Люди так не поступают! Ни при каких обстоятельствах!

- Нам больше всего не хватает времени, а не

методов, - категорически заявил Марен. - До встречи, Дэвид!

Бернли в последний раз показал свое нежелание уходить: уже положив ладонь на ручку двери, он обернулся.

- А какие методы вы примените?

- Для начала нанесем ему самый тяжелый удар: приговорим его к смерти по всем правилам.

Глава 15

После принудительного сеанса гипнотического внушения арестованный начал кричать что-то бессвязное. Марен, наблюдавший за ним с другого конца комнаты, с трудом разбирал слова, но его интонация говорила о ярости, и то же бешенство читалось в позе и жестах шпиона.

Потом этот гнев мгновенно погас. Арестованный вполголоса пробормотал несколько слов, упал на стул и замер без сил. Его длинное тело сгорбилось и напряглось. Было заметно, как вздрагивают под одеждой его мышцы. В светло-карих глубоко сидящих глазах блестела влага, и их взгляд говорил о капитуляции: в нем были отчаяние и мольба о пощаде - взгляд человека, обезумевшего от страха и боли.

Это затишье перешло в драматическую замедленность движений: жертва медленно поднялась

и, волоча ноги, стала ходить взад-вперед лицом к широкому окну, освещенному первыми лучами зари. Через одинаковые промежутки времени арестованный что-то бормотал сквозь зубы, но Марен лишь время от времени разбирал отдельные слова и не мог понять смысл его монолога. Генерал внимательно следил за этой сценой. Агент Контроля, который вел допрос вместе с Мареном, явно не очень привыкший к таким зрелищам, наклонился к командующему:

- Никогда бы не подумал, что такой парень сломается!

- Я уже видел, как раскалываются на допросах. Когда посмотришь на несколько нервных срывов, более или менее знаешь, чего можно ожидать.

Против воли Марена на мгновение перед его глазами пронеслись сумрачные тени, населявшие его прошлое. Это были не четкие образы, а сплав мрачных воспоминаний - вереница сливающихся друг с другом мелькающих лиц диких от ужаса и растерянности, искаженных или безучастных, у которых общим было лишь одно - все они излучали страх, злость, отчаяние и боль.

- Чего мы ждем, господин генерал? В конце концов, судя по его виду, он готов быть послушным.

Вместо ответа Марен вдруг встал и пошел через

комнату так, словно собирался пройти перед пленником, который еле держался на ногах. Но генерал специально оказался на дороге у шатавшегося арестанта, который его не видел, и толкнул его, делая вид, что хочет обойти. Куда тяжело упал на колени и остался так стоять, нелепо выгнув спину, похожий на пса, которого ударили плеткой. Потом он встал и снова, спотыкаясь, зашагал из угла в угол - падение явно уже стерлось из его памяти.

Марен прошел в соседнюю комнату: нужно было создать впечатление, что толчок был простой случайностью. Там он достал записную книжку, найденную на трупе. В ней были записи разного характера: телефонные номера, что-то похожее на запись расходов, несколько строчек заглавных букв, объединенных по две или по три (должно быть, чьи-то инициалы) и пять записей. Одна была такая:

"У.Т. приговорен к смерти 26/8
Наступление на Г. 30/8
Уничтожение доказательств 29/8
Уничтожение архивов 30/8, 31/8, 1/9
Уничтожение аппаратуры 1/9, 2/9
Все секретари ячеек покидают Г. 1/9, 2/9, 3/9 (последний срок)".

Не веря своим глазам, изумленный Марен внимательно перечитал эти строчки. "У.Т. приговорен к смерти" - Уэйд Траск. Приговор действительно был вынесен 26 августа. Наступление на Г. (Георгию) действительно было назначено на тридцатое, но об этом знали только Великий Судья, Слейтер, Медельин и он сам. Главы Групп знали, что атака неизбежна, но никто из них не был поставлен в известность о дате начала операции. Марен поморщился, дойдя до выражения "секретари ячеек", которое принадлежало к терминологии коммунистов и не употреблялось уже четверть века. Разумеется, его использовало не георгийское правительство.

Снова положив книжку в карман, он позвонил в группу электронщиков и велел, чтобы ему принесли детектор лжи. Когда аппарат был установлен, арестованного усадили на сиденье детектора. Упрямо не отрывая взгляда от пола, шпион срывающимся голосом ответил на вопросы.

Имя? Йозефус Куда. Происхождение? Младший сын Георгия Куды, георгийского министра сельского хозяйства. Его рассказ не содержал ничего интересного: правительство его страны не знало, была ли в этот раз угроза войны серьезнее, чем в

предыдущие годы, и Куда, агент разведки, внедренный в группу повстанцев, получил обычные указания: выяснить все, что удастся. Общее собрание, на которое были созваны делегаты, для него не было решающим событием, потому что в прошлом бывали другие такие же собрания, столь же тревожащие власти и при подобных же обстоятельствах. Он ничего не знал о тех двоих, кого застрелил Марен.

- Тогда кто они были? - воскликнул Главнокомандующий в порыве раздражения и приказал принести трупы. Куда посмотрел на них ничего не выражающим взглядом и отрицательно покачал головой. Стрелка детектора *лжи* не шевельнулась.

- Внушить ему наши принципы и заслать обратно для работы на нас? спросил агент Контроля.

Марен сделал знак, что нет. От этого не было бы никакой пользы: атака начнется уже через два дня. Тем не менее он ничего не сказал по этому поводу.

- В таком случае как с ним поступить?

- Одну минуту!

Марен подошел к двери в сад, позвал своего сына, и тот вбежал в библиотеку. Нескладной фигурой и угловатыми жестами он был похож

на мальчика-переростка, задержавшегося в подростковом возрасте. Когда Дэвид Бернли увидел, в каком состоянии находится георгиец, то отнес это на счет побоев: на миг взгляд и поза выдали его молчаливое неодобрение.

- Он лишился сил, когда мы его загипнотизировали. Он придет в себя, поторопился объяснить Марен и замер, осознав, что говорит так, словно оправдывается. Он прикусил губу. Сломается ли он сам? Потом он продолжил самым приветливым тоном, на какой был способен: - Я доверяю тебе этого арестанта. Я хочу, чтобы ты выяснил у него имена и адреса всех близких родственников королевы Кийшнашении: мы намерены сохранить им жизнь. Я говорю это тебе потому, что уверен - мой сын поверит в мою искренность. Если он даст нам эти сведения, его семью тоже пощадят.

- А его?

- Ему я не имею возможности предложить такую же сделку. - Марен был серьезен. - Мы не торгуемся со шпионами насчет их жизни. Он приговорен к смерти, и только суд имеет право выслушать просьбу о снисхождении к нему.

- А... - Молодой человек стоял неподвижно, как статуя, хотя дрожал всем телом. Наконец, он

приоткрыл рот:

- Что я буду с ним делать?

Марен повернулся к человеку из Контроля.

- Арестованный Куда будет пользоваться полной свободой передвижения внутри этого здания. Ответственность за него несет Дэвид Бернли.

Генерал пожал руку сыну.

- До встречи через два дня.

- Вы уезжаете сейчас?

- Нет, но я не смогу увидеться с тобой до отлета.

Снова его беспокоило время. До сих пор, подчиняясь неизбежному, он старался терпеливо переносить свою боль. Но сегодняшний георгийский антракт подходил к концу. Еще один час на совещание в штабе, чтобы убедиться, что все возможности учтены. А потом...

Глава 16

Было около девяти часов, когда самолет-ракета с пронзительным свистом спустился с высоты верхних слоев атмосферы. Он планировал над Долиной совсем близко от Города Великого Судьи, пока скорость не уменьшилась настолько, что позволила перейти на ручное управление. Самолет плавно подъехал к посадочной площадке, и Марен, который сумел поспать полчаса в дороге,

вышел из него с твердым намерением посвятить остаток вечера своим личным делам. У выхода с площадки он остановился: его ждал Эдмунд Слейтер! Марен мгновенно упал с высоты положения Главнокомандующего в бездну тревоги - и на самое её дно. Он пошел навстречу Начальнику Контроля, протягивая ему руку и думая о том, что у Слейтера должна быть конкретная причина прийти сюда.

- Хозяин просит вас переночевать во Дворце и приглашает вас позавтракать с ним утром, - после обычного приветствия объявил генералу Слейтер.

- Завтрак в таком благородном обществе для меня большая радость, но...

Невероятно, чтобы Слейтер потрудился приехать сам лишь для того, чтобы передать такую незначительную новость. Ее прекрасно можно было бы сообщить простой запиской или по телефону, в крайнем случае через посыльного. Марен взял себя в руки и твердо решил, что не позволит никому ни Слейтеру, ни Великому Судье - украсть у него этот вечер.

Он собрался объявить о своем решении явиться во Дворец позже и уже приоткрыл рот, но снова сжал губы: что на уме у этого карлика? Лучше

говорить как можно меньше, пока положение не прояснится: несмотря на свое внешнее добродушие, Слейтер был профессионалом в делах смерти и разрушения. И Марен ограничился тем, что сказал:

- Я задаю себе вопрос, почему вы пришли встретить меня, Эд!

Слейтер помрачнел и стал смотреть себе под ноги. Потом, явно приняв важное решение, он заговорил:

- Дэвид, - и стал смотреть Марену в глаза, - Дэвид, я думаю, мы должны увидеться с Великим Судьей - я и вы.

- По какому вопросу?

- По делу Траска.

Поразительно, что руководитель такого уровня ещё беспокоится из-за этого дела: приговор вынесен, казнь совершится по заведенному порядку в назначенное время.

Марен мысленно выругал себя: "Как я не догадался раньше?" Полицейский пес Слейтер и Великий Судья, тигр, управляющий миром, должны были почуять, что в этом деле что-то не ладится. Марен уже не раз убеждался, что диктатор обладал удивительным шестым чувством: способностью в запутанном нагромождении

фактов, связанных между собой или разрозненных, найти решающий фактор. Он безошибочно определил, что Траск - опасный человек.

Смятение, в которое привела Марена эта неожиданная помеха, улеглось так же быстро, как возникло, и Марен осознал, что на свой лад - и этот "лад" был неприятным - маленький нервный шеф полиции оказывает ему услугу.

- Благодарю вас, Эдмунд. Разумеется, я поеду с вами. Мы полетим на вашей машине или на моей?

- На моей.

- В таком случае я прикажу подогнать мою ко Дворцу.

- Это вы сделаете в самолете! Идемте же! - нетерпеливо поторопил его Слейтер.

Второй раз за этот день - второй день после приговора - в уме Марена пронеслась мысль: "А если я не сумею вернуться в свое тело вовремя?" Он почти видел, как уходят, тают пять дней отсрочки, которые ещё остаются у Траска, а он, Марен, неуклюже и беспомощно пытается вырваться из капкана из чужого тела, в котором застрял. В конечном счете его умение маскироваться будет бесполезно: возбудитель боли, дающий Контролю власть над человечеством, не даст обмануть себя

внешним видом. Под бичом, вернее, под колющим стрекалом пытки, которая, раз начавшись, не прекратится ни на миг, он будет вынужден явиться на смерть.

- Дэвид, если я скажу Его Превосходительству, что он должен выслушать вас, думаю, он сделает это без предвзятого мнения.

Сердце подскочило у Марена в груди: Великий Судья мог принять окончательное решение и помиловать Траска до полуночи, а кто лучше Слейтера мог заступиться за Уэйда? Никто, даже Медельин, не имел лучшей возможности для этого. Но радость Марена была недолгой: ещё рано! Он будет готов к этому решающему шагу лишь тогда, когда узнает, пришел ли в себя связанный человек в тайной лаборатории. До тех пор у него не будет никаких гарантий, что он спасется. Конечно, Великий Судья может дать себя убедить и пересмотреть приговор, но Марен совершенно не верил в это.

Сидевший рядом с ним Слейтер покачал головой, выражая сомнение:

- Мой друг, я задаю себе вопрос, почему вы прибегаете к уловкам, когда вас вот-вот могут снять с должности! Сейчас беспокоиться о чем-либо, кроме этого, совершенно бессмысленно.

- Снять с должности? Бог мой, почему? - ошеломленно спросил Марен.

Слейтер серьезно ответил:

- Он недоволен, Дэвид: ваш призыв к милосердию удивил и расстроил его.

Марен промолчал и пошел следом за шефом полиции к его "прыгуну".

Когда они долетели до передовых постов охраны Дворца, их начали сопровождать патрули Воздушных Сил Контроля. Машина Марена и Слейтера перелетала от одного патруля к другому, и когда очередная группа самолетов Контроля принимала эстафету, предыдущая возвращалась на свое место и снова начинала без остановки описывать свои круги. Последняя машина сопровождения приземлилась одновременно с высокопоставленными посетителями, и раньше, чем те сделали хотя бы намек на шаг в сторону ограды Дворца, пеший патруль проверил, кто они такие, и передал их под присмотр часовых-прапспов.

- Советую вам пропустить меня вперед, - сказал Слейтер своему спутнику. - Погуляйте немного и присоединяйтесь ко мне через десять минут.

Для того, чтобы заняться поисками Делинди, момент был неподходящим, поэтому Марен стал

ждать у входа в сады Дворца, сверкающие под лучами света. Когда прошло назначенное время, он подошел к скромному жилищу Великого Судьи - восьмикомнатному домику в сельском стиле.

В тенистом внутреннем дворике сидели под деревом двое мужчин. Когда Марен приблизился к ним, оба встали, и один - Слейтер - пошел ему навстречу скользящей походкой, словно выплывая из темноты.

- Дэвид, Его Превосходительство согласен обсудить с вами дело Траска, - в голосе Начальника Контроля звучала нотка гордости - он явно считал, что одержал нелегкую победу.

Внешне Марен был спокоен, но внутренне весь пылал. Идя к ожидавшему его Верховному Судье, он чувствовал кипение скрытого гнева в душе диктатора. Тело Главнокомандующего инстинктивно напряглось: Марен твердо решил сражаться.

Какое-то время не было слышно ничего, кроме его голоса и шороха ночного ветра. Вначале Марен повторил доводы, которые изложил перед Советом, когда тот отклонил его ходатайство. Потом генерал напомнил о некоторых изобретениях Траска и подробно остановился на том, какую услугу эти открытия оказали ему, Марену;

наконец, он изложил свою просьбу:

- В таких обстоятельствах я полностью завишу от гения этого человека, поскольку нашим войскам постоянно нужны плоды его творчества - во всяком случае большинство этих плодов. Он помогал нам столько раз, что невозможно сосчитать, и ни разу не отказался выполнить заказ. По-моему, все это дело можно было бы решить на уровне отношений между людьми. Если бы я был при том, когда этот вопрос был поднят в первый раз, думаю, простой разговор с Траском быстро позволил бы мне выяснить, что он имел в виду на самом деле, когда критиковал наш строй. Поэтому, Ваше Превосходительство, я не считаю, что Траска нужно казнить. У меня такое чувство, что его надо освободить, и как можно скорее.

То, что нужно было сказать, сказано. Какой бы ни оказалась цена защитительной речи, она произнесена и вернуть слова назад невозможно. Марен не представлял, что ещё он мог бы добавить. Может быть, в его голосе прозвучало немного больше волнения, чем надо. Жаль, но это было сильнее его. И к тому же, повлияет это волнение на решение Судьи или нет, оно будет отнесено за счет всем известного интереса Марена к судьбе Траска.

Генерал стал ждать.

Под деревом с шелестящей листвой сгущалась тишина, и неумолимо тянулось мгновение за мгновением, пока тот, кто сидел в тени дерева, взвешивал слова Марена. Легкий ветерок играл в ветвях. На миг опьяняющий запах цветов и кустов стал сильнее - и тут же растворился в затихающем ветре.

Вождь поднял голову.

- Дэвид, сначала я хочу, чтобы вы знали, как я ценю вас и за ваши человеческие качества, и за ваш дар военачальника. То, что вы вступились за Траска, потрясло и огорчило меня. На мгновение я задал себе вопрос, какие у вас в действительности отношения с этим человеком.

- Я не поддерживал с ним никаких отношений, кроме тех, которые были необходимы по должности.

- Я верю в это, и именно поэтому рассчитываю на то, что вы перестанете оказывать ему поддержку. С этого момента целиком посвятите себя тому, чтобы одержать победу над Георгией.

Это был откровенный приказ. Марен побледнел, но заставил себя улыбнуться.

- Считайте, что это уже сделано!

Диктатор о чем-то задумался, потом продол-

жил:

- Дело Траска серьезнее, чем кажется. Мне жаль, Дэвид, что я не могу открыть вам всю правду, но поверьте мне - крайне важно, чтобы Георгия капитулировала как можно скорее. Вы можете спросить: если смерть Траска так необходима, почему не отменить отсрочку, предоставленную ему законом? Могу вам ответить лишь одно: у нас есть причины не делать этого.

Марен подумал о записях, найденных на трупе георгийца-заговорщика. Генерал собирался показать их Великому Судье в критический момент, но теперь об этом не могло быть и речи: у него было слишком много сомнений относительно Мозга - и относительно Великого Судьи тоже.

Диктатор встал.

- Остановимся на этом. Советую вам пройти в домик для гостей, как заведено. До встречи за завтраком!

И перед Мареном непоправимо закрылась дверь.

Глава 17

Марен неохотно направился к построенному в швейцарском стиле домику для гостей. За это время в воздухе разлилась ночная прохлада, и мрак по бокам ярко освещенной дорожки стал

гуще. Генерал вошел в дом. У него не было никакого желания спать, и мысль о том, что эта ночь будет потрачена зря, была ему невыносима.

Но приказ диктатора был ясен: Марен не должен был покидать охраняемую зону вокруг Дворца. Выйти из неё по какой бы то ни было причине значило неизбежно навлечь на себя подозрения. Марен неуверенно разделся, но из упрямства не надел пижаму, хотя и вынул её из шкафа: надеть её значило решиться лечь спать. А спать значило умереть через пять дней. Невеселое уравнение, к которому нельзя ничего прибавить и из которого ничего нельзя вычесть. Нежелание спать не было результатом расчета, оно было рефлексивным.

Марен лег в постель голый, погасил свет и лежал в темноте с широко открытыми глазами. Он не смог удержаться от мысли о несостоявшемся свидании с Ральфом Скаддером. Не то, чтобы у Марена был план как-то использовать руководителя прапспов, но неудавшаяся встреча казалось ему упущенной возможностью. Генерал установил на нужное время звонок настенных часов со светящимся циферблатом. "Что ж, будем спать", - грустно сказал он себе. По крайней мере, завтра он будет бодрым.

Проснулся он мгновенно - от ощущения, что рядом кто-то есть. "Дэвид", - прошептал в темноте женский голос.

Делинди!

- Иди сюда, - шепнул он в ответ, и через мгновение почувствовал движение её тела и запах духов. Простыня соскользнула с Марена. Делинди свернулась рядом на постели и прижалась к нему. Шелк её пеньюара приятно холодил кожу Дэвида. Делинди возмутилась: "Ах ты, негодяй! Совсем голый!" Но при этом её пальцы быстро и без остановки скользили по его телу.

- Я не могу оставаться долго. Поговорим серьезно: как нам встретиться, чтобы поехать вместе?

Дэвид обнял её. Мягкие губы молодой женщины приоткрылись, когда он прижался к ним ртом, но Марен чувствовал скованность её тела, которое держал в объятиях.

- Причешись просто и не крась лицо. Я предупрежу коменданта базы, что меня будет сопровождать дама.

Делинди молчала.

- Ну так как? Что ты об этом думаешь?

- У меня будет не слишком соблазнительный вид...

- Не выдумывай! Красота Делинди не в кос-

метике. Кому это знать, как не мне! Не будем усложнять ситуацию ненужной маскировкой. Как ты объяснишь свое отсутствие Великому Судье?

- А! Ему будет все равно: оно продлится всего один или два дня, а такие короткие отлучки для него ничего не значат.

- Ты сказала ему, куда едешь?

- Нет: он никогда не требует объяснений.

В темноте не было видно, что Марен при этих словах слегка покачал головой: Делинди дала себя обмануть, поверив в полную терпимость, которая была лишь видимостью. Сам Марен не обманывался на этот счет, но не верил и в то, что диктатор так подозрителен по натуре, как думали многие наблюдатели. Правда была проще: невероятная проницательность сочеталась у Великого Судьи с его широко известной склонностью к гневу, которую он старался подавлять. Великий Судья как никто умел читать в чужих сердцах, и, едва заметив у другого бурление той ярости, прилив которой он чувствовал в себе, он брал себя в руки раньше, чем безумный гнев успевал разрушить его душевное равновесие.

- Вот как ты это проделаешь, - нежно заговорил Марен.

- Я слушаю, - Делинди прижалась к нему ещё теснее. В нескольких словах Марен назвал ей маршрут, которым она полетит в своем личном "прыгуне", место, где она должна пересесть на воздушное такси, и наконец пункт, где она найдет военный транспорт.

- Хитрый план, - сказала она, когда Дэвид закончил. - Но ты действительно считаешь, что они дадут себя обмануть?

Марен объяснил, почему это возможно.

- Те, с кем ты будешь иметь дело, - всего лишь люди. Их будет не так много, и им будет мешать необходимость действовать скрытно. Они утонут в таком объеме работы и потеряют твой след.

Это рассуждение, несомненно, убедило Делинди, потому что у неё вырвался вздох облегчения.

- Ох, Дэвид! Как хорошо снова быть рядом с тобой! Мне так тебя не хватало! Я... - и вдруг оказалось, что Марен держит в объятиях плачущую женщину. - Господи, какая я несчастная! Как такое могло с нами случиться?

Марен крепче обнял её. Он чувствовал себя так, словно увяз в чем-то мягком: его ум как будто отказывался работать, словно горе этой женщины автоматически заблокировало какую-то тайную пружину в мозгу Марена. "Не поддавайся! Не

позволяй жалости повлиять на твои решения!" - скомандовал он себе, он не очень хорошо понимал, что он хочет этим сказать, потому что какие же у него решения? В перспективе у него была лишь одна задача - снова стать Дэвидом Мареном по-настоящему, а не по видимости.

Всхлипывания молодой женщины вдруг оборвались.

- Сейчас мне лучше уйти. Я встречусь с тобой на ракетодроме.

Она обняла Марена и легким движением выскользнула из-под простыни. Дэвид услышал, как она встает, потом его уши уловили шуршание её шагов. Дверь открылась, потом закрылась. На мгновение Марен возобновил в памяти эти недолгие минуты: прикосновение её ладони к своему телу, её шепот, слезы - все, что теперь ушло в прошлое, но оставило неизгладимое и яркое воспоминание.

Делинди, дочь бывшего посла Георгии в стране Судьи, попадала под подозрение в первую очередь. Желание полететь на границу, возможно, было лишь проверкой: она хотела знать, отвезет ли Марен её туда, и нельзя было исключить, что так она пыталась понять, начнется ли война на этот раз.

Генерал заворочался в постели, взбешенный тем, что эта ночь была полностью потеряна для дела.

Когда он снова проснулся - настольные часы показывали 1.18, - в его уме созрело бесповоротное решение. Марен оделся в темноте, не давая себе труда даже задуматься о его пересмотре. Решение было таким: начать действовать. Без колебания он покинул домик для гостей и через несколько мгновений шел по дорожке, которая вела к особняку Великого Судьи. Он двигался небрежным шагом, притворяясь, что просто захотел подышать свежим воздухом, - это дало бы ему возможность объяснить свой уход из домика, если Делинди тайком следила за ним.

Тут Марен осознал, что его план основывался на предположении, что в доме Судьи находится вход в Укрытия (когда-то имевший номер 808-В). Сегодня он выяснит, так ли это, и, кроме того, узнает, что находится в этой части Укрытий. Когда он окажется там, то осмотрит их - как можно большую часть и как можно быстрее.

Когда окажется там...

В этих словах и заключалась вся проблема: как попасть в подземелье? При этой мысли Марен с такой остротой почувствовал свое бессилие,

что должен был остановиться под прикрытием искусственной рощицы. Усилием воли генерал прогнал овладевшие им сомнения. О возвращении назад не могло быть и речи: сегодня ночью у него был шанс окончательно выяснить, находится ли Мозг в Укрытиях, и этот шанс мог больше никогда не представиться.

Благодаря прекрасному знанию местности Марен легко ориентировался по теням. Он прошел около шестидесяти ярдов, значит, на ближайшем перекрестке станет виден дом Великого Судьи. Все будет заперто на висячие замки: это свое постановление диктатор соблюдал. Посетители Дворца обожали мелкие подробности такого рода, а популярность вождя часто держится на соблюдении какого-нибудь ничтожного правила. Выбор, стоявший перед Мареном, был очень прост: пробраться в дом диктатора обходными путями или...

Спокойный и уверенный в себе, он подошел прямо к главной двери, и та бесшумно открылась. Марен переступил порог. Справа от него из прихожей шел слабый свет. Ни малейшего шума.

Марена охватил безумный восторг. Это было ликование, вспышка неистовой радости, опьянение, слишком сильное и бурное, и потому

опасное: счастье игрока, который поставил на кон свою жизнь и выиграл. Марену и раньше приходилось делать подобные ставки, но сегодня он впервые бросил на карту все: жизнь, имя, положение, власть. Однако его чувство было двойственным, потому что уже начинался второй тур этой партии, и ставка осталась прежней.

Марен на цыпочках прошел через зал, следя за тем, чтобы не задевать мебель, добрался до противоположной входу двери и оказался в абсолютно темном колодце-коридоре, куда выходили справа комната Делинди, слева комната Великого Судьи. Марен прислушался - тишину ничто не нарушало. Он с облегчением сделал вывод, что комнаты закрыты. Двигаясь вдоль стены и ощупывая её, Марен нашел кнопку вызова лифта. В одноэтажном бунгало такое устройство могло находиться лишь по двум причинам: либо оно спускалось в подвальный этаж, либо (что вероятнее) подъезжало ко входу 808-В. Лифт для быстрой эвакуации Великого Судьи в Укрытия в случае необходимости - что может быть естественнее?

Приглушенный свистящий звук, потом скольжение, смягченный толчок при остановке - и прихожую залил поток света. Створки двери разошлись в стороны, и Марен, вздрогнув, вошел

в кабину, где снова почувствовал дрожь на этот раз от облегчения.

Панель управления была кодовой. На ней было десять кнопок с цифрами от 0 до 9 и одиннадцатая для пуска лифта. Как у каждого калькулятора или вычислительной машины, эта клавиатура позволяла набрать любое число. Марен набрал 100 и нажал на кнопку пуска. Двери закрылись, двигатель тихо загудел - его звук был похож на стон, - и кабина быстро поехала вниз. Десять кнопок панели зажглись одна за другой. Когда дошло до 10, 0 засветился белым светом, а 1 красным. На цифре 11 кнопка 1 стала наполовину красной, наполовину белой, а на цифре 100, когда лифт остановился, единица сделалась синей, а 0 красно-белым.

Дверь открылась. Перед Мареном был узкий коридор с сероватыми стенами, такой же, как все коридоры Укрытий. Марен пошел по нему, сжимая в руке энергетический пистолет, и примерно полчаса осматривал этот этаж если быстрое заглядывание внутрь бетонных комнат (которые были пусты) и окидывание взглядом темных переходов можно считать осмотром.

Потом генерал обшарил этаж, который находился ниже, поднялся на два этажа вверх, снова

спустился на четыре этажа и так далее. С каждым шагом он все сильнее чувствовал себя одураченным и не заметил, как у него за спиной в стене вдруг открылось окно. Оттуда высунулась трубка из гибкого металла, нацелилась на Марена и выстрелила... чем-то. После этого по приказу невидимой машины он свернул со своего пути.

Потом он лежал без сознания, привязанный к медицинской тележке. Вокруг не было слышно ничего, кроме шелестящего шума механизмов, похожего на неразборчивый полушепот, тихого жужжания, напоминающего приглушенный смех, и диалога думающих машин. Не было сказано ни одного слова, но колебания мозга Марена были записаны и внесены в регистрационные списки, кроме того, были проанализированы его рефлексы. Под конец в мозг генерала, непосредственно в нейронные структуры, машины вживили три блока управления. После этого Марен был освобожден и продолжил свои поиски, даже не подозревая, что они были прерваны.

Незадолго до пяти часов утра Марен поднялся на поверхность, убежденный в том, что в такой ситуации один человек может самое большее начать правильный обыск. Он снова почувствовал, что находится на пороге открытия, хотя теперь

это чувство как-то странно ослабло. Генерал поторопился покинуть сад и успокоился лишь тогда, когда увидел, что от него до павильона Великого Судьи уже сто ярдов: теперь его в любом случае не могли застигнуть врасплох.

Марен вернулся в свою постель в бледном предутреннем свете, полный ярости от того, что ночь растрачена зря, и мысль об этой потере не дала ему уснуть. Он не нашел того, что искал и, значит, рисковал зря.

Да! Эта ночь действительно была испорчена - полный проигрыш.

Завтрак с Великим Судьей прошел без осложнений. Хозяин и гость не сказали друг другу ни слова о георгийских делах. Вскоре после этого Марен покинул Дворец.

Снимая с лица Уэйда Траска маску Марена, он перебрал в памяти события прошедшего вечера. Нужно запомнить две вещи: Великий Судья выслушал его защитительную речь, и Делинди пришла к нему. Для Марена, который не мог себе позволить оставить что-либо на волю случая, каждый из этих фактов мог сам по себе быть причиной его приглашения во Дворец. Легко было представить себе, что подлинным организатором разговора о Траске был не Слейтер, а сам Великий

Судья. Что до прихода Делинди, его можно было объяснить тремя причинами: во-первых, нет ничего невероятного в том, что диктатор хладнокровно использовал свою любовницу для слежки за её бывшим любовником, считая, что женщина будет верна скорее хозяину мира, чем одному из его подчиненных. С другой стороны, Делинди, возможно, была георгийской шпионкой и воспользовалась своими женскими чарами, чтобы обольстить диктатора после того, как покорила Главу Группы. И, наконец, третья гипотеза: она влюблена в Дэвида Марена.

Можно представить себе ещё четвертую возможность, подумал Марен: Делинди бессознательно действовала под управлением Мозга, а её сознательное поведение полностью соответствовало её характеру. При этой мысли Марен почувствовал себя неуютно и отбросил её. Не то чтобы она была невероятной или нелепой - просто она была слишком неожиданной, и он не чувствовал себя в силах разбираться в этом сейчас, на рассвете третьего дня, возможно, последней недели своей жизни, когда у него столько дел.

Глава 18

Открывая дверь в квартиру Траска, Марен поду-

мал, что большая залитая светом гостиная была пуста, но в угловом кресле сидела, свернувшись, Рива Аллен. Она бросилась навстречу Марену с радостным криком и стала обнимать и целовать его, дрожа от восторга, извиваясь всем телом, изгибаясь всеми возможными способами.

Но вдруг Рива, что-то вспомнив, отодвинулась от Марена и заговорила. Глухим голосом она произнесла заученные слова: "Мистер Аралло поручил мне сказать вам, чтобы вы позвонили ему, как только вернетесь, или позвонить самой".

- А-а!

Ну вот: теперь Марен уже не полностью хозяин и своего дня! На секунду окружавший его мир как-то странно уплотнился, и Марен остро почувствовал его давление на себя: эта комната, такая уединенная, эта квартира, которая, хотя была снята на имя Траска, фактически являлась его собственностью, крепостью, где теоретически ничто не могло его коснуться без разрешения закона... Кроме того, он пользовался свободой, которую конституция предоставляла приговоренному до часа его казни. И тем не менее, несмотря на эти данные законом гарантии, власти всегда могли украсть у него часть его времени, имели тысячу способов тормозить его действия.

Поэтому было жизненно важно смириться с этим и хотя бы немного подчиниться желаниям этих наглецов. Он исчез на целый день, и Аралло, должно быть, заволновался. Марен почувствовал к Аралло все презрение, которое такой мелкий функционер мог вызвать у Главы Группы. Но в данных обстоятельствах было бы напрасно сопротивляться его желанию.

Марен нажал на кнопку телефона и старательно выговорил: "Аралло Тилден". Четкость произношения была необходима, чтобы электронная аппаратура могла соединить говорящего с нужным ему абонентом по одному звуку имени вызываемого. Этот способ связи, разработанный в Лабораториях Траска, основывался на ранее известных методах: им пользовались почти одни служащие правительства, но Траск имел экземпляр своего изобретения.

Сервомеханизм, включенный сигналом вызова, зарегистрировал слоги, произнесенные Мареном, и преобразовал их в электрические импульсы, которые анализатор потом связал с группой звуков, имеющих общие характеристики, тем самым исключив из рассмотрения все другие группы. Затем селектор нашел в наборе заранее встроенных в аппарат матриц ту, где

было записано сочетание звуков, соответствующее запрошенному имени. Второй селектор обследовал другой ряд матриц, содержащий позывные, нашел запрошенный номер, и тот был с помощью электрических сигналов набран на диске телефона. Этот же принцип использовался в аппаратах синхронного перевода и автоматических пишущих машинках.

Все эти сложные операции заняли лишь одно короткое мгновение. Настенный экран засветился, и на нем возникло мужское лицо. "А, это вы, Траск!"

Выражение лица Тилдена Аралло было недружелюбным: брови нахмурены, губы плотно сжаты, взгляд мрачный - лицо человека, у которого неприятности.

- Рива передала мне, что вы хотели говорить со мной.

- Да. Я хотел напомнить вам, что сегодня вечером будет собрание группы.

Марен не ответил. Поведение Аралло явно показывало, что исчезновение Траска произвело на него плохое впечатление.

- Мы рассчитываем на ваше присутствие.

- Я не вижу никаких причин, которые помешали бы мне присутствовать на нем.

- Честно говоря, я их тоже не вижу, - и после недолгого колебания Аралло добавил: - Я бы посоветовал вам проявить искренность и братские чувства.

Сказав это, Аралло положил трубку, а Марен в это время молча сел на прежнее место.

Этот разговор позволял предвидеть серьезные затруднения, но как их избежать? Что до искренности - вот уж она была бы сейчас совсем некстати. За работу! И Марен повернулся к Риве.

- Мне надо кое-чем заняться в кабинете, и я не хочу, чтобы меня беспокоили!

По выражению лица девушки он понял, что был с ней слишком резок.

- Сегодня вечером я буду свободен, дорогая!

Рива горько покачала головой.

- Это не имеет значения... вы уже мертвы!

Тем не менее она проводила Марена до двери.

- Что ж, делайте то, что вам нужно. Хотите, я приготовлю вам завтрак?

- Прекрасная мысль! - воскликнул Марен, чувствуя облегчение от того, что она вела себя благоразумно.

Тем не менее, оказавшись в другой комнате, генерал с удивлением почувствовал, что дрожит всем телом. Но он не стал тратить время на

анализ своих чувств, а загородил дверь стулом и через тайный вход прошел в лабораторию. Сверкание стекла, игра лучей на металле и блеск стола едва не ослепили Марена. Тело на полу - его собственное тело - было в сознании. Когда Марен подходил к связанному человеку, тот смотрел на него с тревогой, но в этом взгляде было больше гнева, чем страха.

- Вы слышите меня?

Пленник утвердительно кивнул.

- Скажите мне, куда вы спрятали переносчик сознания после того, как ушли из Лаборатории?

Ответом была циничная полуулыбка и покачивание головой. Марен опустился на колени и вынул изо рта Траска кляп, соблюдая осторожность, потому что хорошо помнил, как крепки его челюсти.

- Как вы умудрились попасть в эту западню? - спросил он с любопытством.

Но Траск внимательно рассматривал его с мрачным выражением в глазах.

- Вот как! Вы не носите мои очки?

Марен забыл об этом, и при словах Траска в его уме забрезжил слабый свет догадки.

- Это была непредвиденная случайность, - хриплым голосом продолжил Траск, так как Марен

молчал. - Я пришел сюда взять кое-что из аппаратуры. Вдруг у меня помутилось в глазах, я споткнулся и ударился головой о корпус часов. Это, несомненно, вызвало короткое замыкание, потому что я перенес электрический удар, от которого потерял сознание. Один из идиотских несчастных случаев.

Было похоже, что это воспоминание унижало Траска, но Марен едва обратил внимание на чувства Уэйда. Несчастный случай? Нет ли связи между этим несчастным случаем и струями света, которые вытекли из часов в первую ночь?

- Дэвид, неужели вы не видите, что это сенсация? - прошептал Траск. Одним этим случаем мы с вами перевернули всю научную психологию!

Марен пожал плечами: слова Уэйда не произвели на него ни малейшего впечатления.

- Психология не наука. В этой области можно самое большее иметь какое-то мнение, но ни одна психологическая школа ни разу не согласилась с мнением другой. В армии мы теперь не используем психологов, разве что как техников на низких должностях под руководством военных.

Траск, похоже, не расслышал его слов.

- Сколько времени вам понадобилось для этого - я хочу сказать, для возвращения к вашему обыч-

ному зрению?

- Около пятнадцати часов.

- Ровно столько же, сколько и мне! - пришел в восторг Траск, который сумел сесть, несмотря на то, что был связан. - Вы разве не понимаете, что это значит, Дэвид? Что главное в человеке - его способ рассматривать объекты, его философия. С тех пор, как я себя помню, я всегда держался в стороне от мира действия. Я был наблюдателем, который строит в воображении отвлеченные проекты и чувствует любопытство, но не покидает своего безопасного места. Я ученый и созерцатель, и если мое зрение слабо, то потому, что оно приспособилось к основному закону работы моего сознания.

Марен слегка заинтересовался этим открытием и удивился, что этот человек в такой критический момент может ликовать по поводу заумных идей, возникших в его изобретательном мозгу. Это делало Траска более человечным, и Марен немного смягчился.

Но огонь, горевший в глазах ученого, погас.

- Вы понимаете, Дэвид, что теперь мы связаны друг с другом, хотим мы этого или нет?

- Вы будете делать то, что я вам велю, - это все, что я понимаю.

- Мне достаточно делать только одно - ничего, и через четыре дня вы будете в конвертере! - и Траск погрузил в глаза Марена взгляд, в котором были ожесточение и настороженность, как будто пытался угадать намерения генерала.

- У меня нет времени обсуждать с вами что бы то ни было. Чем больше вы будете ставить мне палки в колеса, тем меньше я буду настроен помогать вам... потом. Я повторяю последний раз: где аппарат?!

Траск как будто пошатнулся. Его голос дрогнул.

- Мерзавец! Я знаю этот тон! Я узнаю убийц по одному голосу! Вот только речь идет о вашем собственном теле, и я не думаю, что вы захотите его искалечить!

Марен ничего не ответил. Да, он убивал и без всякого сомнения ещё будет убивать - как инструмент государства. Но предполагая, что человек может применить в личных целях методы, которыми он пользуется на службе, Траск сам себе создал пугало и теперь напрасно пугает им себя.

Траск с жаром заговорил снова:

- Если бы у меня было время, я смог бы убедить вас, что сочетание коллективизма и свободного предпринимательства имеет все пороки, которые есть у каждой из этих систем в отдельности.

- Ученый, должно быть, считал, что Марен вот-вот прервет его, потому что дальше говорил, захлебываясь, на одном дыхании: - Какова первая добродетель сверхчеловека, Дэвид? Принимать смерть как должное и быть готовым взглянуть ей в лицо в любой момент. Поэтому лучшее место для сверхчеловека - армия: она показывает нам невероятное - мужчин в расцвете сил, которых посторонняя им воля ведет в смертный бой.

Как только какой-нибудь гениальный вождь осознает эту истину, у него сразу же буквально начинает кружиться голова от того, сколько в людях скрытой силы, и он уже представляет себе массы народа, организованные для достижения великих целей.

Вот только на практике это не получается! Выйдя из казармы, человек автоматически теряет то величие, которое дает ему слияние с массой. Опыт пяти тысяч лет ведения войн доказал, что армейская жизнь не решает эту проблему для человека - существа, способного не нуждаться ни в ком, кроме себя самого, но при этом не лишенного чувства солидарности, которое связывает его с другими людьми.

Тут Траск остановился и с беспокойством пробормотал:

- То, что я говорю, ни к чему не приведет: вы верны Великому Судье... но, Дэвид, вы когда-нибудь задавали себе вопрос, откуда появился Великий Судья? Нет, нет! Не вынимайте из кармана штампованные ответы, которые дают пропаганда и официальная история: родился в той части Советского Союза, которая потом стала Георгией, стал офицером... Нет! Не этот период! Вы слышали когда-нибудь рассказ, который заполнил бы пропасть между полковником Иваном Проковым и Великим Судьей? Я нет, а я очень люблю биографии без пробелов.

- Я могу вас просветить, - ответил Марен. - В конце войны в войсках Восточной Коалиции какое-то время был полный хаос. Фронтовые офицеры поняли то, чего, кажется, не знали в штабах: солдатам просто надоело воевать. Под руководством полковника Ивана Прокова они...

Вдруг поток генеральского красноречия иссяк от иронического взгляда Траска.

- Вы хорошо помните свой урок, верно? Но, может быть, мой дорогой, вы будете так добры объяснить мне, как человек, которому четверть века назад было под пятьдесят, сейчас может выглядеть на тридцать восемь? - Ученый бросил на Марена проницательный взгляд. - Ну? Я жду

вашего ответа!

Марен, имевший мало желания продолжать этот бесплодный в его глазах разговор, колебался: он подумал о воспоминаниях Траска, которые видел во сне, пока приспосабливался к телу Уэйда. Тот эпизод, когда умирающий просил его о помощи... Это вполне могло указывать на прежнюю деятельность Траска!

Марен коротко рассказал ученому о случае со сном.

- Думаю, что если бы тот человек смог назвать причину своей болезни, он был бы спасен? Что с ним стало?

- Это был один из моих первых экспериментов, которые должны были показать самодостаточность человека.

- И что доказал эксперимент?

Траск помрачнел.

- Наш мир потерпел крах, Дэвид. Невозможно сосчитать число людей, которым нужно, чтобы им говорили, что надо делать, что думать, во что верить! Они скорее умрут, чем возьмут на себя ответственность за свои боли, за свои неудачи, за свои многочисленные слабости. Мы должны изменить это! Мы должны установить новый порядок, при котором все люди будут зависеть

друг от друга, а авторитет одаренного человека будет лишь источником информации, из которого будут черпать равные ему.

- Тот больной... он умер?

- Нет. Мы спасли его.

У Марена был ещё один вопрос, который надо было задать раньше, чем переходить к тому, что его больше всего волновало.

- Где происходили эти эксперименты?

- В Георгии. Королева и её младшая сестра благосклонно относились ко всякого рода экспериментам над жизнью и не были слишком любопытны. Я прожил там три года.

- Кого вы посещали в эти годы?

Траск пристально взглянул на Дэвида и вздрогнул, прежде чем ответить. Он явно чувствовал себя неуютно.

- У вас что-то есть на уме, это видно! Но все-таки я вам отвечу. В то время я встречался с несколькими из самых выдающихся людей, которых я знал. Они, конечно, были идеалистами, но признавали ценность моих теорий об отношениях между людьми. Они поощряли меня в моих исследованиях.

- Как вы сблизились с ними?

- Я познакомился ещё в колледже с тремя из

них - двумя мужчинами и женщиной, и спорил с ними целыми часами. Конечно, тогда мои идеи ещё не сформировались.

- И вы уехали в Георгию, как только закончили колледж?

- Нет. Я уехал лишь после того, как разработал свой резонатор с камерой для создания бесконечной последовательности эхо, который позволяет радио и телевидению транслировать свои передачи на всю планету без релейных станций. Это изобретение принесло мне деньги, которые мне были нужны, чтобы свободно продолжать мои работы.

- И тогда вы начали искать этих людей?

Траск помолчал, потом раздраженно бросил:

- Послушайте, я пытаюсь быть совершенно искренним, но все это не имеет никакого отношения к тому, что вас интересует. Я буду счастлив рассказать вам все о тех делах, но не сегодня.

- Хорошо! Но я задам ещё два вопроса - последние.

- Спрашивайте, - покорно вздохнул ученый.

- Много ли было в Георгии этих... идеалистов?

- Я знал примерно двести таких людей, но у меня было впечатление, что их были тысячи. Можно было сказать, что у них были связи повсюду.

- Второй вопрос: говорили ли вы им о своем переносчике сознания?

- М-м... косвенным образом.

- Что это значит?

Траск беспокойно заворочался на своем месте, затрудняясь ответить.

- Ну, я дал им понять, что работаю над чем-то крупным, но всегда уклонялся от прямых вопросов.

- Почему?

Траск задумался.

- Да... понимаю, куда вы клоните. Вы спрашиваете, почему я не доверился этим людям, если они заслуживали уважения. Может быть, тут сыграла роль любовь к секретам, общая для всех изобретателей. Кроме того, я подозревал, что некоторые из тех, с кем я переписывался, были сторонниками насилия, и представлял себе, что будет, если они попытаются силой изменить общество. К тому же, по правде говоря, я думал, что изобретатель процесса, способного направлять ход истории, имеет право высказать свое мнение о том, как должно использоваться его открытие. Я же не мог предполагать, что так скоро буду обязан мчаться со всех ног в открытую могилу! - добавил он с язвительным смехом.

- Она действительно открыта, и чуть-чуть шире, чем надо! - угрожающим тоном сказал Марен.

Но рассказ Траска принес генералу большое облегчение, и Марен начал понимать, как обстояло дело. Натура Траска была странной смесью искреннего идеализма и практичности. Траск явно не пользовался их доверием и даже не был членом их организации. Его просто держали на длинном поводке.

- Дэвид, - серьезно заговорил Траск, - вы не представляете себе, насколько мы далеки от того принципа уважения к достоинству отдельно взятого человека, который в общем виде можно сформулировать так: нарушить права одного значит нарушить права всех. Вот принцип, которому я следую!

- А маленький фокус, который вы проделали с моим телом, разумеется, не противоречит вашему моральному кодексу?

В пылу спора Траск упустил это из вида.

- Сейчас я ставлю на карту все, - помолчав немного, медленно сказал он. - Изобретатель устройства, которому суждено изменить историю человечества, оказался в исключительной ситуации.

Тут Траск замолчал, и на его лице отразилось

удивление. Как будто слова, которые он только что произнес, открыли перед ним неожиданные перспективы и этим ошеломили его.

При виде того, как пот заливал лицо Траска, Марен подумал, что это его собственное тело возбуждается, напрягается, покрывается потом под влиянием чужих мыслей. Для Дэвида это было чем-то вроде осквернения - его тело было обесчещено.

Голос Траска зазвучал снова. Этот голос был хриплым, и слова, которые он тихо произнес, отодвинули мысль об этом невероятном, но реальном переселении душ на задний план сознания Марена.

- Дэвид, вам не понадобится пытать меня. Я отдам вам свое изобретение.

Глава 19

Изумленный Марен стал ждать. Когда люди оказываются перед лицом вечности они реагируют по-разному. Это может быть ледяное спокойствие, мощный всплеск эмоций (варианты которого бесчисленны) или насмешка. Третий тип поведения выбирают в основном сторонники оппозиционных взглядов: проиграв, они принимают свою судьбу с шуткой на устах и наигранной улыбкой.

Траск начал с эмоций.

- С того момента, как мое изобретение будет у вас в руках, вы окажетесь на перекрестке путей истории, - патетически заявил он. - Вы будете в состоянии перекраивать мир по своему желанию. И у вас не будет выбора: вы неизбежно будете действовать так, как действовал бы я. Точно так же!

Тут его порыв мгновенно угас, и Траск с покорным видом поднял взгляд на своего тюремщика.

- Само собой разумеется, меня вы ликвидируете. Хотя в конце концов, кто знает, - мечтательно добавил он. - Может быть, вы используете меня?

Это был уже не тот человек, который только что с таким жаром произносил высокие слова. Марен попытался понять, что скрывалось за этими словами, и в ужасе отступил: в них ясно были видны предательство, личные амбиции и жажда мести. Идеалы были тоже, но такие расплывчатые!

- Один из основных принципов группизма состоит в том, что индивид должен сознательно приносить себя в жертву высшим интересам коллектива, резко ответил он.

Траск, к которому, похоже, вернулась его самоуверенность, поморщился:

- Дэвид, учение группизма не настолько возвышенно и не настолько фундаментально, чтобы

требовать самоотречения. Единственная сила, которая может побудить человека принести в дар самого себя - это глубокое внутреннее убеждение, что существует нечто незыблемое на уровне вечности.

- Тогда мы возвращаемся к боженьке!

- Я этого не сказал! - Траск, по-видимому, не потерял своего хорошего настроения. - Я лишь рассуждаю логически.

Несмотря на свою внешнюю веселость, видимо, в глубине души он был задет реакцией Марена, потому, что не настаивал на развитии этой мысли и сухо закончил:

- Аппарат лежит в вашем "прыгуне".

Ну конечно! Это было самое вероятное место, и Марен рано или поздно догадался бы об этом. Какой тайник может быть неприступнее, чем личный самолет Главы Группы? Откуда Траск мог знать, когда вышел из Лабораторий и направился к "прыгуну", что пустячный несчастный случай (неверный шаг!) сбросит его с высоты мечтаний о власти в болото катастрофы?

Уточнять, где находится аппарат внутри "прыгуна", было незачем: переносчик сознания мог быть только в багажнике.

- Идите за ним.

Видя, что Глава Группы молчит и не двигается с места, Траск стал настаивать:

- Чего вы ждете? Здесь есть все, что нам нужно: ток и необходимые интерфейсные устройства.

- Если вы не возражаете, я хотел бы также принести детектор лжи.

Траск пожал плечами:

- Это совершенно лишнее, но делайте, как хотите!

- Я также хотел бы на это время снова закрыть вам рот кляпом.

- Это тоже не обязательно, но если вам нравится... Стены в этом доме не пропускают звуков, и лаборатория изолирована от квартиры.

Марен почувствовал искушение поверить словам ученого, но он не имел права даже на тень риска. Если Траск сумеет бежать, ему будет нетрудно выдать себя за Дэвида Марена, а настоящий Дэвид Марен, заключенный как в тюрьму в подлинное тело этого самозванца, проживет недолго, если его обвинят в том, что он незаконно держал в заточении Главу Группы.

Марен заткнул рот своему узнику и вошел в квартиру. Рива читала, свернувшись на диване. Увидев Марена, она отшвырнула книгу так, что та перелетела через всю комнату, и вскочила

на ноги.

- Кончил? - с жадным нетерпением спросила она.

- Я только начинаю.

Дойдя до двери, Марен обернулся.

- Я возьму аппаратуру из "прыгуна" и сейчас же вернусь.

Он перенес в логово Траска три ящика, лежавшие один на другом в багажнике, а потом отсоединил от уникального пульта управления своей машины детектор лжи, встроенный в этот пульт среди множества других приборов. Собрав переносчик сознания по указаниям по-прежнему связанного Траска, Марен включил детектор лжи и задал своему пленнику несколько заранее подготовленных вопросов. Не могло быть ни малейшего сомнения: Траск действительно отдал ему свое изобретение - распознаватель лжи ясно показал это.

Марен не стал зря тратить время: он без предупреждения выстрелил гипнотическим зарядом в лишенного возможности двигаться Траска. Когда тот, потеряв сознание, соскользнул на пол, Марен развязал его, уложил возле переносчика и быстро прикрепил к бесчувственному телу электроды - восемь с одной стороны и около двадцати с дру-

гой. Каждый из них накладывался на тщательно выбранный нервный центр. Марен был удивлен тем, какое значение Траск придавал некоторым из этих центров: основным двигательным сочленениям - коленям, бедрам, лодыжкам и запястьям, потом основанию горла, пояснице, точке, расположенной рядом с сердцем с левой стороны, темени, макушке и вискам. Кибернетическое устройство позволяло благодаря двойной схеме включения привести в чувство или лишить сознания как Траска, так и его самого.

Успешно преодолев первый этап, Марен проделал то же с телом, которое занимал сейчас. Это была трудоемкая работа. Когда она была наконец закончена, генерал лег рядом с Траском, взялся за ручку, чтобы включить аппарат, но на мгновение замер и с тревогой подумал: "Не сделал ли я каких-нибудь ошибок?" Марен не находил себе места от беспокойства. Ему было страшно: если он ошибся и теперь потерпит неудачу, он, может быть, навсегда потеряет возможность снова стать самим собой. Но Марен заставил себя расслабиться и после нового колебания повернул ручку.

Прошло несколько секунд - ничего не изменилось.

Марен попытался взять себя в руки и справить-

ся с поднимавшейся в его душе волной страха. После отчаяния, в котором он жил последние двое суток, было бы ужасно обмануться сейчас в своих надеждах и потерпеть неудачу.

"Подожди! - мысленно сказал он себе. - Подожди еще! В конце концов, человеческий организм сложен и ему, наверное, нужно время, чтобы отреагировать".

В этот момент чей-то голос громко прокричал ему прямо в ухо:

"Срочное сообщение: подача тока от незарегистрированный устройство".

Марен подскочил на месте и испуганно оглянулся, чтобы увидеть источник этого неожиданного голоса, отзвуки которого ещё отдавались в его голове. Но в лаборатории не было никого, кроме тела, тихо лежащего рядом с ним. Послышался другой голос:

"Определение направления: посторонний устройство обнаружен: сектор Группа 814".

Снова наступила тишина. Марен обвел взглядом комнату - она по-прежнему была пуста. Тогда его мозг начал работать: "Слова звучали в моем мозгу. Я воспринял их без помощи ушей. Телепатия? Но... как это сделано? И кто говорил?"

Развить эту мысль дальше Марен не успел:

прозвучал третий голос.

"Контакт невозможен: есть нужны дополнительные исследования и данные".

После этого Марен почувствовал нечто новое - на этот раз не слова, а ощущения на уровне подсознательных автоматических органических процессов: словно что-то сжалось в основании его мозга, слабая дрожь пробегала по его телу. Это были изменения в организме, настройка функций, тончайшие операции над железами и клетками - глубинное исследование всего его существа.

Еще один голос:

"Передатчик номер 28.058 сообщать: случайно есть установлен контакт с нежелательный лицо, который не входить в организация. Необходимы внешний действия".

"Центральный устройство есть должен использовать внешний сервомеханизмы", - был ответ.

Марен, который слушал этот странный диалог со все большим изумлением, судорожно надавил на кнопку остановки аппарата и оборвал контакт с бесчувственным телом, лежащим рядом. Потом он сел и при этом сбросил с себя десяток электродов, прикрепленных к его коже. Голос снова зазвучал в мозгу генерала, но теперь был слабее

и как будто дальше:

"Прямой контакт есть прерван, личность не есть установлен, хотя имя Уэйд Траск пройти верно. Другой имя отсутствовать".

Голос (или бог знает что) вдруг стал тише и замолк. Дрожащими пальцами Марен снял с себя электроды, которыми было утыкано его тело, сел на угол стола и стал обдумывать это фантастическое происшествие.

Он не сумел вернуться в свое тело. Это поражение заставляло Марена смотреть в будущее с ужасом, но он не мог ошибиться в причине неудачи: многозначительные фразы, которые он подслушал, произносились на знаменитом "типовом английском" - языке "мыслящих машин" высокого уровня. А это значит...

Что Мозг действительно жив!

Осознав это, Марен почувствовал себя как человек, перед которым в один миг открылась спрятанная от глаз правда, - словно крестьянин, который в ужасе видит, как зеленый ковер его луга распарывает трещина и на мгновение открывается бурлящий вулкан - огненное кипящее сердце Земли.

Итак. Мозг установил личность Траска! Начав с этого, он может вычислить и самого Марена.

А это значит... Значит что? Мысленно ругаясь, генерал снова связал лишенное сознания тело. Что делать теперь? Разумеется, у него оставался выход: перенестись в чье-нибудь другое тело. Он не знал точно, как может подействовать на сознание человека прохождение через несколько тел, но предполагал, что его "я" останется внутренним миром Дэвида Марена. Он ведь сильно изменился за пятнадцать лет - а разве основа его "я" стала другой?

Марен покачал головой: он решительно отказывался от такого выхода. У этого пути к спасению был один принципиальный порок: пойти по нему значило передать кому-то другому связанный с телом Траска смертный приговор, который унаследовал от него Марен. Посторонний человек, ставший жертвой такого обмена, не имел бы той информации, которая была у Марена с самого начала, и неминуемо сошел бы с ума.

"Нужно разбудить Траска! Мне нужен чужой ум". Как только Марен принял это решение, в его сознании перестали кружиться обрывки проектов, беспорядочные впечатления, попытки принять решение, чувство собственного бессилия и ужасная уверенность в том, что надо торопиться.

Дэвид не думал, что Траск подскажет ему спасительный выход, но ему был нужен человек, с которым можно говорить, чужой взгляд на случившееся, новые идеи. Генерал ещё немного поколебался и выстрелил в направлении лежащего тела патроном с газом, снимающим гипноз. Еще мгновение - и Траск зашевелился.

Глава 20

Уэйд застонал и перевернулся, словно для того, чтобы сменить неудобную позу. Под слоем загара он был бледен как мел. На мгновение его веки приподнялись, открыв невидящие глаза. Потом Траск лежал неподвижно. Сознание возвращалось к нему медленно. Марен ждал: этот процесс нельзя было ускорять искусственно, особенно для тела, которое несколько раз подряд насильственно погружалось в бессознательное состояние. Наконец Траск открыл глаза и чихнул. Тогда Марен заговорил, мучаясь сомнением, надо ли это делать. Он рассказал о силе, завладевшей сознанием Дэвида Бернли, пересказал то, что услышал от Слейтера о поисках Мозга, упомянул о случае со "шнурами света", произошедшем две ночи назад. Когда Марен дошел до этой части рассказа, Траск, внимательно слушавший его, вмешался:

- Вы думаете, что это было вызвано моим падением?

- У меня нет никаких идей, я излагаю вам факты, но не толкую их. Дайте мне договорить до конца.

Больше Траск не прерывал его, но, когда Марен дошел до того, что случилось с ним при включении переносчика сознания, выражение лица ученого стало суровым.

- Я отдал вам свое изобретение, не прося ничего взамен. Вы подумали в тот момент, что значил мой поступок?

- Что вы хотите сказать? - спросил Марен, у которого было свое мнение о причинах, заставивших его собеседника сделать это.

- Я поступил так потому, что это было единственное логичное решение.

Марен покачал головой, но понял, что имел в виду Траск: логика требовала, чтобы он использовал власть, которая была у него в руках, так, как планировал это сделать сам изобретатель. Но в первый раз он подумал, что логика Уэйда, возможно, не так строга и рациональна, как тот считает. И тем не менее Траск показал, что способен быть решительным и бесстрашным, когда взялся за это исследование, выходившее за рамки обычного и связанное с опасностью для жизни.

Траск настойчиво продолжал:

- Неужели вы будете менее логичным, чем я? Вы должны освободить меня!

- Что?

Эта просьба изумила Марена. Он быстро окинул умом такую возможность. "Я мог бы завладеть всеми существующими экземплярами его изобретения и загримировать его... в Траска. Несмотря на его опыт электронщика, ему будет непросто избавиться от навязанной маски". Невозможно было сосчитать, сколько вражеских разведчиков, засланных обратно в свои страны, были превращены в верных агентов Великого Судьи одним лишь изменением внешности. И Марен на мгновение замечтался: он часто думал о судьбе этих шпионов, которые возвращались на родину с чужим лицом, не осмеливались никому открыть, кто они такие на самом деле и которым болевая схема постоянно напоминала, чего от них ждут. Нет, если Уэйд Траск в теле Дэвида Марена будет замаскирован под Траска, положение станет вдвойне невыносимым. А он, Марен, доведен до того, что прячется... под маской Дэвида Марена! Если бы все это не было так опасно, можно было бы умереть от смеха!

Марен представил себе Траска на свободе - это

будет осложнением и опасностью.

- Я не согласен с вашей логикой, - медленно произнес генерал. Но на душе у него было неспокойно: он не был уверен в своей правоте. Траск наполовину убедил его.

- Дэвид, не будем зря выбрасывать на свалку мои знания и опыт. Мозг вычислительная машина, это моя область. Никто в мире не знает об этом столько, сколько я. Вы так же нуждаетесь во мне, как я в вас. Разве вы этого не видите?

- Я вижу только одно: если вы будете на свободе, вы предадите меня.

- А как я смогу это сделать?! - воскликнул Траск. В его голосе смешались мольба и гнев. - Вы мне отчаянно нужны. Послушайте меня, - и Уэйд перечислил меры предосторожности - те, о которых Глава Группы думал сам: контроль за изобретением, маскировка занятого Траском тела и так далее. - К тому же я думаю, что, Мозг это или нет, вы не собираетесь начать наступление сию минуту, - закончил ученый.

- Кто-то должен сохранять свободу воли, а я знаю, что сейчас я свободен, - просто ответил Марен.

- А если предположить, что Великий Судья - агент Мозга?

- Допустим. И что тогда? - ответил Марен, не проявляя желания углубляться в этот разговор.

- Считали бы вы нужным хранить ему верность и в этом случае? Нет... подождите, не отвечайте! Еще не время. Рано или поздно этот вопрос встанет перед вами, но сейчас мы должны провести главную операцию независимо от того, какой выбор будет сделан в конце.

Марен, который привык действовать в рамках строгих предписаний, согласился с ним:

- Но если я отпущу вас, что помешает вам собрать новый переносчик сознания и завладеть телом Великого Судьи, как вы планировали в самом начале? - спросил он, желая все предусмотреть.

- Вы не будете против, если я отвечу под контролем детектора лжи?

Не теряя ни минуты, Марен включил прибор-свидетель.

- Мне нужно как минимум три недели, чтобы изготовить второй экземпляр моего аппарата, - сказал после этого Траск, и стрелка, отмечавшая ложь, не шевельнулась.

Решающий момент наступил, но слишком рано: сначала Марен должен был уладить некоторые вопросы - и генерал покачал головой.

- Нет. Пока нет. Позже.

- Но почему? - Траск явно старался справиться с гневом.

- Я должен перенести ваш аппарат в надежное место. И если говорить честно, я должен подумать, что мне делать с таким опасным человеком, как вы.

- Несчастный человек! - прошептал потрясенный Траск. - Ради бога, перестаньте хитрить. У нас не так уж много времени, все может решиться уже сегодня вечером.

Марен интуитивно чувствовал, что ученый прав. Но он не забыл о телефонном звонке, на который ответил накануне.

- Какие у вас отношения с Ральфом Скаддером?

На лице Траска отразилось изумление. Он с трудом сглотнул слюну и неуверенно пробормотал:

- Скаддер? Вы хотите говорить со мной об этом прапспе?

Марен опустил взгляд на собеседника и вдруг качнул головой.

- Не теперь: сейчас у меня нет времени просить у вас объяснений по поводу Скаддера.

К Траску уже вернулось все его хладнокровие.

- Послушайте: год назад он поставил мне группу подопытных, и я думал о том, чтобы использо-

вать его организацию. Но ещё ничего не решено, и мы должны были встретиться ещё раз. Он недоверчив, требует много денег. Я был удивлен, что вы знаете о моих делах с ним, вот и все. Это было для меня шоком.

- Я это вижу.

Марен считал, что Траск сказал правду, но это не помешало генералу решительно заявить:

- Существует слишком много неконтролируемых факторов. Например, собрание вашей Группы, которое скоро начнется. У меня нет никакого желания терять время, но мне кажется, что и в ваших, и в моих интересах лучше, чтобы я пошел туда вместо вас. Это позволит мне выяснить, какое там настроение. После собрания я вернусь сюда и тогда обещаю вам принять решение - склониться в одну или в другую сторону. У меня едва остается время наскоро перекусить, принести вам еды, погрузить переносчик сознания в мой "прыгун" и умчаться отсюда.

Уходя, Марен чувствовал себя гораздо спокойнее. Он совершенно не мог представить себе Траска освобожденным: этот человек так далеко зашел в своем предательстве, что даже мысль о каких-либо отношениях с ним кроме отношений тюремщика к заключенному навсегда опозорила

бы Марена в собственных глазах.

Но с этим убеждением смешивалась уверенность в том, что назревают важные события и он должен предпринять решительные действия ещё до рассвета.

Глава 21

Девятнадцать часов тридцать минут.

Типичное собрание Группы. Марен, играя роль Траска, занимал место номер 564. Члены Группы много раз выразили свои дружеские чувства приговоренному как человеку, - "хотя мы не находим ни малейшего оправдания вашим бунтарским высказываниям", уточнил оратор.

Двадцать часов четырнадцать минут.

Марен вышел из зала заседаний Группы. Лил дождь. Оконные стекла со встроенным освещением отбрасывали разноцветные блики на стены квартала символ атомной эпохи.

За высокой цепью зданий человек был словно в отдельном замкнутом мире. В квартале было только четыре прохода - мостики и туннели, специально сделанные узкими и низкими, которые прорезали стену домов, окружавшую квартал по периметру, во всех четырех её углах. Но Марен думал не об этом. Ему нужно было принять решение: встретиться со Скаддером в десять часов

или...

Впереди у генерала была скучная задача: изучить старые отчеты, где говорилось от Укрытиях. Что происходило раньше там, где потом была построена резиденция Великого Судьи? Мог пройти не один день прежде, чем у него найдется время для встречи с прапспом.

Снова изменив внешность, Марен отправился в свой штаб, и там два часа служащие, которым он доверял, с бешеной скоростью носились из архивов в его кабинет и обратно. Запах пыли и старой бумаги пропитал весь воздух, но Глава Группы в конце концов сумел откопать в этой груде бумаг несколько фактов: в этом секторе Укрытия пострадали особенно сильно - бомба вырыла в них воронку в две с половиной тысячи футов глубиной и в несколько тысяч футов в диаметре.

Мозг вполне мог быть размещен в котловане такого размера, а потом замаскирован постройками, если бы Великий Судья отдал соответствующие приказы.

"Это надо проверить", - сказал себе Марен, покидая свой кабинет.

Глава 22

По-прежнему шел дождь, и "прыгун" генера-

ла по дороге к Городу Прапсп летел словно над черной пропастью. Никого не встретив на своем пути, аппарат начал спускаться. Невозможно было поверить, что под "прыгуном" находится город, но скоро внизу стали видны его очертания - огромное пятно, раскинувшее вокруг себя щупальца.

Идя по улицам, Марен рассматривал плоды злых шуток судьбы - чудовищ, которые встречались ему по пути, - со сложным чувством, в котором смешивались отвращение и восторг: их сделал такими процесс, протекавший на уровне клеток, точнее, на энергетическом уровне, находившемся ниже диапазона молекулярных частот. На том уровне, на котором работает переносчик сознания! Марен обнаруживал в своем уме проекты и теории относительно прапспов, он знал, что нужно сделать с ними, что нужно сделать для них.

Генерал упрямо сопротивлялся этим мыслям, потому что это были не его мысли: на самом деле он ничего не знал о научных принципах, на которых было основано открытие Траска, и не разрабатывал никаких планов, связанных с прапспами. Его мгновенно охватила тревога: то, что чужие воспоминания могли так незамет-

но для него всплыть в его уме, не переставало беспокоить Марена: их присутствие говорило о конфликте в его подсознании. Подавленные воспоминания Траска пытались вырваться наружу. Не может ли "я" ученого подняться из подсознания и завладеть сознанием Марена?

С этой неотвязной мыслью в уме генерал вошел в будку телефона-автомата и набрал номер общества "Удовольствия". Ответила женщина. Когда Марен назвал свое имя, она сказала:

- Через десять минут два человека встретят вас на уровне три Укрытий. Они будут иметь приказ провести вас к мистеру Скаддеру. Точно выполняйте их указания. Чтобы попасть на уровень три, идите через вспомогательный выход номер восемь. Вход вы найдете в ста ярдах к западу от того места, где находитесь сейчас.

- Вас понял. Я приду на встречу.

Уровень три был скупо освещенным стальным подземельем. Тусклые лампы редким пунктиром отмечали состоявший из ряда больших залов коридор, в который Марен осторожно спустился согласно переданным по телефону указаниям. Местами от главной галереи отходили то с одной, то с другой стороны ещё более темные боковые проходы. Вокруг стояла полнейшая тишина.

Наконец вдали среди полумрака стали видны две черные фигуры, и Марен решительно направился им навстречу. Это были мужчина и женщина.

- Меня зовут Йиша, Дэн Йиша, - сказал мужчина. Спутницу свою он не представил. - Можно задать вам один вопрос перед тем, как мы двинемся в путь?

- Какой вопрос?

- Однажды вы использовали прапспов для своих экспериментов с памятью предков, которой мы обладаем. Нужны ли вам новые подопытные? И если да, отвечает ли один из нас необходимым требованиям?

Марен открыл рот, чтобы отклонить это предложение, но вдруг с изумлением понял смысл этих слов и снова сжал губы. Могут ли эти создания быть ему чем-нибудь полезны?

- Что вы помните? - сгорая от любопытства, спросил он Дэна.

- У меня полные воспоминания о времени разделения человеческой расы. Это то, что вам нужно?

Правда ли это? Со странным восторгом Марен понял, что благодаря изобретению Траска он мог бы сам превратиться в прапспа и проверить

слова Дэна. Как бы он использовал полученные знания - это уже другой вопрос, главное, что это превращение возможно. Отправиться на поиски глубинного смысла жизни, выяснить, какие ужасные природные механизмы заставили её создать прапспов...

И снова в уме Марена возник неотвратимый вопрос: что я могу сделать с этим... сейчас?

Нужно иметь этих двоих под рукой...

- А она? - Марен указал на женщину, не обращаясь к ней напрямую: женщины-прапспы психически опустились ниже своих товарищей по несчастью мужчин, поэтому даже прапспы-мужчины относились к ним как к дурочкам.

- Что ты помнишь? - грубо спросил свою спутницу Йиша.

- Море, - в её голосе звучала тоска, как по потерянной родине, и женщина дрожала. - Тину на глубоком дне. Подводные рифы. Жаркие пляжи, где невозможно спастись от жгучего солнца.

- Это вам подходит? - вежливо спросил Йиша.

Марен внезапно принял решение.

- Вы понадобитесь мне оба.

- Это будет опасно?

- Вам не причинят никакого физического вреда.

Этого им явно было достаточно.

- А сколько вы нам заплатите?

- Двести долларов каждому.

- Куда мы должны явиться?

- Приходите по этому адресу (он дал им адрес Траска) сегодня в час ночи.

Марен вынул из своего бумажника две пятидесятидолларовые бумажки и протянул их женщине, поскольку она стояла ближе к нему.

- Вот по пятидесяти долларов для каждого из вас.

- Одна моя! - дрожащим голосом воскликнула женщина, быстро пряча одну из банкнот за вырез своей одежды. Вторую Йиша вырвал у неё из рук. На мгновение Марену показалось, что Дэн вот-вот бросится на свою спутницу, но тот взял себя в руки и заявил голосом, в котором чувствовалась ещё не погасшая ярость:

- Я должен завязать вам глаза.

Спорить было не время, и Марен долго шел вслепую прежде, чем добрался до лифта, который поднял их на один из более высоких этажей. Там ему пришлось снова идти и сесть во второй лифт, который на этот раз спустился вниз. Дверь открылась, повязку сорвали с глаз Марена, и генерала тут же ослепил направленный на него луч яркого

света. Чьи-то руки держали Марена, не давая ему двигаться.

- Обыщите его!

Скрипучий голос, который произнес это, был немного знаком Марену, и генерал предположил, что голос принадлежит Скаддеру, которого он слышал только раз и по телефону. Кто-то обшарил карманы Марена. У него забрали нейтрализатор. Наконец грубые руки отпустили генерала.

Глава Группы, хотя был наполовину ослеплен бившим в глаза светом, начал различать окружающее. Он был в большой комнате, где находились пять или шесть прапспов богатырского сложения и в стороне от них сидел за массивным письменным столом тощий и хилый карлик с лицом хитреца.

Ральф Скаддер!

- Ну вот! Что может быть проще? Теперь мы сможем мило поболтать, и мне не придется при этом все время задавать себе вопрос, какую подлость вы мне готовите.

Марен, который уже полностью овладел собой, пожал плечами:

- Послушайте... Ральф (он не без труда назвал собеседника по имени, но через это надо было пройти) - вы что, всерьез считаете, что я могу

устраивать подлости тому, кто может оказать мне услугу?

Скаддер немного помедлил, потом ответил, обдумывая каждое слово:

- Будь на вашем месте любой другой человек, этот вопрос не стоял бы вообще, но вы слишком много знаете о прапспах. Я собрал кое-какие сведения о ваших экспериментах и без труда могу представить себе, что вам легко сделать меня своим орудием, нравится мне это или нет.

- Если я здесь, Ральф, то потому, что у меня есть определенная информация, которую вы можете использовать в наших общих интересах.

Эти слова Марен произнес как можно убедительнее, но при этом думал: "Какие проекты, должно быть, были у Траска! Использовать эти удивительные создания!"

- Я хотел бы поговорить с вами наедине. Это всего на несколько минут.

Скаддер, должно быть, совершенно успокоился, потому что сделал знак своим охранникам, и те вышли из комнаты.

Гном за письменным столом имел человеческую внешность, острый ум. Душа его была полна горечи, как у всех преследуемых людей, но он улыбался:

- Вам осталось жить три дня, не считая эту ночь. Я не могу понять, почему я ещё теряю время на вас!

- Я долго размышлял над тем, что я хочу сказать.

- Забавный вы человек! - в голосе Скаддера звучало уважение к собеседнику. - Ваши серые клетки работают гениально, так что я вас слушаю, хотя не очень хорошо представляю, что вы можете сделать за три дня.

Впечатляющая похвала! Но несмотря на это ободрение, Марен колебался: он не мог сразу выложить Скаддеру свою идею: она была такой невероятной, что для того, чтобы эффект был полным, требовалась подготовка.

- Ральф, вы обследовали все Укрытия?

Марену показалось, что перед ответом была едва заметная пауза.

- Да, - сказал глава прапспов, но торопливо поправился: - В определенной степени.

- Какая часть их заперта?

- Три четверти... приблизительно.

Скаддер впился в собеседника горящими глазами.

- И какую часть этих трех четвертей вы контролируете?

- Боюсь, вы идете по неверному пути. Я контролирую лишь малую часть Укрытий, самое большее одну двадцатую. По правде говоря, есть целый сектор, где мы вообще не бывали.

Дэвид сделал первый прыжок в неизвестность:

- Ральф, сколько людей вы потеряли, пытаясь проникнуть в этот сектор?

Последовало долгое молчание. Глаза, сверлившие Дэвида Марена загадочным взглядом, горели от восторга. Наконец прозвучал ответ. Он был уклончивым.

- Нам запретили ходить туда. Но я все же послал в этот сектор наших ребят. Они не вернулись.

- Ни один?

- Ни один.

Марен вздрогнул, и его тело напряглось: Скаддер сознательно послал своих агентов на верную смерть!

- Вы нашли какие-нибудь следы, позволяющие объяснить их исчезновение?

- Никаких.

На этот раз по глазам прапспа было видно, что тот начинает терять терпение, но Марен не хотел торопиться.

- Кто приказал вам обходить этот сектор стороной?

Ответа не было.

- Великий Судья, так ведь, Ральф?

Скаддер внезапно встал со своего места и сухо спросил:

- К чему вы клоните?

Настал момент нанести главный удар.

- Именно там спрятан Мозг. Мы должны добраться до него, взять под свой контроль и дать ему свои инструкции.

Крысиные глазки Скаддера заморгали. В этот момент предводитель прапспов был похож на веселого беса, который весь горит от надежды удовлетворить свою похоть.

- Вы ткнули пальцем в нужную точку, Уэйд! - сказал он почти шепотом. - Такой поразительной новости я не слышал уже много лет! И если это получится, вы выиграли! Каков ваш план?

Теперь Марен больше не старался хитрить.

- Мне нужна карта с обозначением верхней, нижней и боковых границ запретной зоны.

- Это сделать легко: все эти данные есть в картотеке. Я сейчас же прикажу начертить такую карту.

- Прекрасно. Это все, чего я хочу. А теперь не позовете ли вы моего партнера по жмуркам? Больше мне здесь нечего делать.

- Подождите минутку! - тонкие длинные пальцы Скаддера постукивали по столу. - Такие молниеносные встречи не в ваших привычках. Обычно вы осторожнее и щедрее на подробности. Расскажите мне о Мозге.

Это был первый вопрос. За ним должна была последовать дюжина других, точных и относящихся к существу дела (в определенном смысле), что обеспокоило Марена, у которого на самом деле не было серьезных планов.

Он ограничился тем, что пересказал информацию, которую узнал от Слейтера. Скаддер, не имевший этих сведений, должно быть, был удовлетворен, потому что после недолгой паузы, которая показалось лже-Траску бесконечной, предводитель прапспов поставил заключительную точку в их разговоре:

- Сейчас я позову Дэна. Свяжитесь со мной снова.

- Конечно, свяжусь.

- Сделайте это послезавтра. Это будет ваш последний день. Правду говоря, у вас немного времени!

- У меня есть ещё дела, тоже важные и которые нужно выполнить сейчас же.

- Подчиняюсь необходимости, Уэйд. Но я дорого

бы дал, чтобы узнать, что вы задумали!

- Выслушайте меня внимательно, Ральф: то, что я собираюсь сделать, имеет смысл только в том случае, если вы правильно выполните свою часть работы. Если вы потерпите неудачу, ничто уже не спасет положение.

Это была чистейшая правда, и Ральф понял это, потому что поторопился ответить:

- Не нервничайте: вы получите свою карту.

Потом он нажал кнопку внутреннего телефона:

- Дэн, иди сюда!

Марен с облегчением снова почувствовал повязку на глазах и, подчиняясь толчкам своих проводников, зашагал к двери, говоря себе, что сейчас он наконец выберется на свободу.

Но в этот самый момент в его уши ворвался грохот. Звук был приглушенным, но мощь вызвавшего его удара была, наверное, ужасной, потому что Укрытие покачнулось. Этот звук был знаком Марену: генерал уже слышал его во время испытаний оружия и в старых фильмах. Марен вздрогнул. В первое мгновение его ум отказывался признать правду. Но сомневаться в ней было невозможно.

Где-то поблизости затрещал громкоговоритель,

и голос произнес:

- Войдите в ближайшее Укрытие. Только что произошел взрыв атомной бомбы в квартале Группы 814. Квартал полностью уничтожен. Войдите в ближайшее Укрытие и ждите дальнейших инструкций. Повторяю...

Глава 23

Марен сорвал с глаз повязку и увидел, как Скаддер бросился к двери, но на пороге задержался и бросил через плечо:

- Надо выяснить, где находится эта Группа 814! Нам точно придется убрать часть аппаратуры, и быстро!

Марен мог бы дать ему нужные сведения, но в этот момент он думал о другом: "Квартира Траска, Рива, мое тело..." Он был в ужасе, но спокоен. Все это казалось ему таким далеким, таким нереальным - не совсем настоящим. Прозвучал новый монолог громкоговорителя:

- Всем Главам Групп! Приказ срочно прибыть в помещение Генерального Штаба в Укрытиях.

- Завяжите мне глаза снова: мне нужно уйти отсюда до того, как Контроль запретит машинам взлетать Военный совет собрался в подземном убежище Генерального Штаба Великого Судьи. Марен, торопливо загримировавшийся по дороге,

сидел за письменным столом лицом к двери, через которую в зал вбегали курьеры из импровизированного информационного центра, созданного военными, которым передала свою власть полиция, получившая приказ обеспечивать безопасность столицы под командованием Слейтера. Иногда генерал протягивал Великому Судье сообщение. Обычно это был сжатый отчет о положении наверху: по улицам ходят патрули, расстреляно около дюжины мародеров, транспортные колонны с продовольствием движутся из соседних секторов к складам Укрытий, где уже готовится к подаче на стол миллион завтраков. Еще более успокоительная информация: сильные ветры в верхних слоях атмосферы рассеяли смертоносное облако взрыва, и потому уровень радиоактивности осадков был ниже, чем нужно для объявления тревоги. Спокойно, без волнения и спешки, руководители Групп применяли систему децентрализации обязанностей, предусмотренную для поддержания порядка во время тревоги: из членов каждой Группы часть будет отобрана в отряд, и эти отряды получат приказ постепенно возвращаться в общественные и жилые помещения. Каждый отряд будет разделен на четыре смены, и до конца тревоги на поверх-

ности все время будет находиться лишь одна из этих смен, чтобы в случае взрыва второй бомбы ни одна Группа не была уничтожена полностью.

Уже было ясно, что опасность крупномасштабной катастрофы полностью устранена. Лица стали менее напряженными, и улыбки, хотя были мрачными, тем не менее говорили об облегчении. Все донесения, которые поступали теперь, лишь подтверждали первоначальную информацию, и Марен, откинувшись на спинку стула, отдался своим мыслям.

Что будет теперь? Отказавшись освободить Траска, он совершил катастрофическую ошибку: приговорил к смерти и Траска, и себя самого. Настоящий Траск погиб от бомбы, и вместе с ним уничтожено, разлетелось на атомы тело Дэвида Марена.

Со времени короткой встречи Марена со Скаддером прошло уже много часов, и, хотя воспоминание о первоначальном шоке цепко держалось в памяти Главы Группы, следы этого шока уже изгладились из его сознания, потому что Марен, привыкший не предаваться чувствам, а действовать, приложил все силы, чтобы забыть свой панический страх и заняться стоявшей перед ним неотложной задачей.

Несмотря на непрочность своего положения, Марен переключил внимание на чисто военную сторону происшедшего. Зрелище, которое открылось перед генералом на большом телеэкране, находившемся у него перед глазами, было ужасным. Марен подумал, что для экспертов этот день будет звездным часом, и почувствовал интерес не без примеси радостного возбуждения: наконец станет ясно,насколько эффективны хваленые противоатомные кварталы-четырехугольники!

Как ни силен был взрыв, стены квартала, похоже, хорошо выдержали удар. Ударная волна отразилась от изогнутых секций умело спроектированного каменного барьера из домов, отхлынула и потом снова и снова бросалась на приступ запиравшей её преграды, каждый раз ещё больше разбивая развалины. Все произошло так, как предсказывала теория - вот о чем говорил печальный вид крошева, в которое разъяренная стихия превратила внутренность квартала.

Оставалось лишь определить с помощью анализа калибр бомбы, которую так хорошо удержала идеальная ловушка, и подсчитать число жертв. На данный момент было лишь известно, что девяносто четыре члена Группы 814, которые после собрания Группы отправились в другие

районы города - кто на спектакль, кто к друзьям, - остались живы, команды Слейтера допрашивают их, и свидетельства уцелевших будут приложены к докладу.

Марен оборвал свои размышления, увидев, как Медельин шепнул что-то на ухо Великому Судье. Эти двое, словно сговорившись, одновременно перевели взгляд на Дэвида, и Судья сделал ему знак. Марен подошел к диктатору и поздоровался с ним, тот в ответ с важным видом наклонил голову. Когда глава государства выпрямлялся, в уме генерала с молниеносной быстротой пронеслись слова Траска: он будет сражаться с Великим Судьей, судьба неизбежно заставит его натянуть на себя шкуру мятежника. Как вообще можно представить себе такое? Это сумасшествие! Как можно пойти против такого восхитительного вождя, против создателя Государства Свободного Коллективистского Предпринимательства? Марен признавал, что это общество, возможно, не идеально, но лежавший в его основе компромисс был таким совершенным, что только поврежденный умом человек мог легкомысленно пожелать разрушить этот строй.

"То, что он, воспользовавшись своим положением, отнял у меня Делинди, могло бы стать

мотивом для убийства", - серьезно подумал Марен. Но он не чувствовал ни малейшего гнева. Делинди, конечно, должна была согласиться. Может быть, она уступила из страха, но это было лишь "может быть", а из-за женщины, которая не сопротивляется, соперника не убивают.

Оставался, разумеется... Траск, приговоренный предатель. Никто не знал, что он виновен, лучше Марена, который из-за фантастического стечения обстоятельств должен был расплатиться вместо него за эту вину. Строго говоря, Глава Группы мог представить себя уничтожающим Великого Судью для спасения собственной жизни, но его совесть не оправдывала эту смерть. Нет, он не убьет Великого Судью! Он не пойдет по стопам заговорщика Траска! Собственная безопасность не была в глазах Марена уважительной причиной для преступного убийства. Марен слишком долго был солдатом и слишком много людей погибло под его командованием, исполняя свой долг, чтобы он мог ни во что не ставить свою присягу и свою честь. Выход нужно было искать не в преступлении и не в захвате власти.

Марен не мог и подумать о том, чтобы, не имея за собой никакой вины, пойти на смерть, не испробовав все законные способы избежать этой

судьбы, однако было ещё рано думать об отчаянных решениях, например, о том, чтобы во всем признаться - особенно теперь, когда он задавал себе вопрос, не является ли сам Великий Судья, не сознавая того, агентом Мозга... И все же он в любом случае должен будет что-то сделать до того, как пробьет час казни.

Марен выпрямился. Диктатор снова поклонился ему, а Медельин произнес:

- От имени Его Превосходительства Великого Судьи и от имени Совета мне поручено выразить вам благодарность за то, как умело ваши люди овладели ситуацией в этих критических обстоятельствах.

Эта похвала была произнесена так церемонно, что тот, кому она была адресована, спросил себя, не передается ли эта сцена по телевидению, и эта мысль подсказала ему ответ:

- От имени гарнизона столицы я принимаю вашу благодарность.

На самом деле в его сегодняшней работе не было никаких проблем и невозможно было представить себе никаких затруднений. Войска были подготовлены к ликвидации чрезвычайных ситуаций, и эта подготовка основывалась только на логическом расчете: после того, как определены

все возможные варианты развития обстановки, нужно лишь организовать действия частей и даже целых армейских корпусов по борьбе с катастрофой, учитывая человеческие и военные нужды и так, чтобы получить максимальный результат с минимальными погрешностями.

Марену не понадобилось оглядываться назад, чтобы понять, что передача, если она велась, теперь закончена - он догадался об этом по тому, что Медельин и диктатор вдруг стали держаться менее скованно. Его предположение подтвердили слова Медельина:

- Дэвид!

- Что?

- Его Превосходительство и я сам надеемся, что чем скорее падет Георгия, тем меньше у нас будет причин опасаться повторения подобных случаев.

Было ясно: Великий Судья и Медельин считали, что взрыв произвели оказавшиеся в безнадежном положении георгийские шпионы. Значит, они ещё не установили связь между уничтожением Группы 814 и Траском. Не зная о том, что произошло в секретной лаборатории, как они могли догадаться, что единственным виновником случившегося был Мозг?

- Дэвид, атака должна быть проведена согласно плану.

- Можете положиться на меня.

- Передайте руководству работами, которые ведутся здесь, своему заместителю и Совету.

- Отлично!

Марен был доволен: до отлета у него больше не будет служебных обязанностей. Но и свободный он мог делать лишь одно - ждать. События держали его в когтях, и он был бессилен против них.

Нужно ждать.

Глава 24

Было шесть часов. Громадный самолет-ракета, скользя в сером полумраке раннего утра, как сгусток светящегося серебристого тумана, пикировал над центром Урала, совершая посадку в Лагере "А". Когда его огромная скорость достаточно уменьшилась, Делинди оторвала взгляд от телеэкрана, который принимал изображение с камер, находящихся на взлетно-посадочной полосе, позволяя пассажирам наблюдать за приземлением. Молодая женщина была немного напугана и улыбалась через силу, её дыхание только начинало приходить в норму.

- Это что-то необыкновенное... это потрясающе... - пробормотала она. - Ты часто так летаешь?

Марен, который за восемнадцать лет совершил больше двухсот таких полетов, нежно улыбнулся любимой:

- Это слишком опасно!

- Я вижу, ты у меня образцовый скромный эгоист. Или я не права? Делинди погладила его по щеке.

- Я люблю тебя, вот и все!

Сказав это, Марен удивленно моргнул: у него не было никакого намерения произнести эти слова, так как он вовсе не желал ходить по краю чувства-пропасти. Генерал повернулся в своем кресле, чтобы усесться поудобнее, чувствуя, что Делинди наблюдает за ним и так же смущена и встревожена, как он.

- Это звучит искренне, - нежно прошептала она. - Я не верила, что эти слова ещё могут быть настолько верны.

- Я тоже не верил в это.

Но генерал взял себя в руки, перешел опасную зону и снова был на твердой почве светского разговора. Он сменил тему:

- Я хочу, чтобы ты поселилась совершенно отдельно от меня. У нас есть чудесная комната, где ты прекрасно проведешь день или два.

- Ты уже говорил мне это, дорогой. Ты разве не

помнишь?

- Я? - Марен был удивлен. - Да... может быть... Похоже, я никак не могу выбросить из головы эти маневры!

"Странные маневры", - подумал он уже про себя. Маневрами Марен называл войну с Георгией, особенно в присутствии Делинди. До сих пор он ни разу даже не подумал об этих "маневрах", потому что был почти не в силах отвлечь свои мысли от собственного незавидного положения. Генералу казалось, что его ум кружится в четырех стенах, как лев в клетке.

Выйдя из машины, предоставленной в их распоряжение после посадки, Марен и Делинди вошли в аллею сада, окружавшего здание Ставки. В саду сидел высокий молодой человек, который, похоже ждал их - Дэвид Бернли. Увидев его, Марен остановился: ему стало неприятно от мысли, что он должен познакомить свою любимую с этим плодом своей крови. Для его отцовской гордости этот юнец был разочарованием: он не сумел создать себе имя, достойное их семьи. Отец Марена был известен как великолепный солдат в начале войны, карьера самого Марена тоже была далеко не ничтожной. И вот этот сын, который был (или казался) всего лишь второразрядной личностью.

- Здравствуй... э... папа.

Марен кивнул ему и повернулся к Делинди.

- Моя дорогая подруга, представляю вам молодого человека, с которым я сам познакомился лишь недавно. Во время первых игр его мать бросила мне вызов, а я имел дерзость победить её. Удивительно, как летит время!

Делинди с улыбкой протянула руку стоявшему перед ней юноше.

- Сын Дэвида Марена может быть для меня лишь другом.

Дэвид Бернли бросал на Делинди полные огня взгляды, и восхищение, написанное на его лице, ясно говорило, что ещё один мужчина сложил оружие перед совершенством её прекрасного лица и тела. По неопытности молодой человек не знал, как держать себя со зрелой и такой обольстительной женщиной. Марен поспешил ему на помощь:

- Что ты делал это время, Дэвид?

- По вашему желанию, господин генерал, я взялся за изучение родственных связей королевы с помощью... шпиона. Когда я сказал ему, как вы хотите использовать этот список, он очень воодушевился и охотно стал сотрудничать со мной. Теперь у нас есть полные данные.

- Прекрасно. Отошли их на мой КП или лучше отнеси их туда сам.

Бернли уже овладел собой.

- Я хотел сказать вам... тебе... э... папа, что ты поступил просто восхитительно! Я прекрасно знаю, что ты, если бы захотел, мог бы его казнить. Твое великодушие делает тебе честь, и я горд, что в моих жилах течет твоя кровь.

Теперь настала очередь Дэвида Марена чувствовать себя неловко. Не найдя никакого ответа, он покачал головой и направился к двери, ведя под руку Делинди.

- До скорой встречи, Дэвид!

Когда влюбленные вошли в дом, Марен вытер лоб.

- Я совершенно не привык говорить с молодыми людьми. Ты это заметила?

- Чтобы уметь это, надо жить с ними с самого начала. Между мной и малышами нет преграды - мы шагаем в ногу друг с другом.

Марен не ответил: дети Делинди всегда были для него щекотливой темой, к тому же он чувствовал себя виноватым, что не зашел повидать их.

Оба ребенка были от него, что было довольно редким случаем: считалось нежелательным, с точки зрения генетики, чтобы одни и те же

ветви жизни скрещивались несколько раз. Дети одних и тех же родителей слишком похожи друг на друга, и в плодах таких союзов отсутствует фактор случайности. Но Марен использовал все свое влияние, чтобы нарушить это правило, чем ещё раз показал, что руководители страны ведут себя беззастенчиво и считают, будто они выше принципов группизма. Вспоминая прошлое, Марен видел в своем поведении пример наглости людей, стоящих у власти, - если ещё нужны дополнительные примеры этого.

Делинди, разумеется, не зачала ребенка от Великого Судьи. Это удивляло Марена, знавшего откровенно властный характер диктатора. "Надо будет на днях спросить об этом Делинди", - подумал он.

- Правда, есть одна неприятность.

- Какая?

- Старший узнал, что ты отец им обоим.

- И что же?

Делинди слегка встряхнула головой.

- Это перевернуло всю его душу, дорогой. Ему стыдно. Мне пришлось пообещать ему, что я никогда не расскажу об этом его друзьям.

Марен сжал губы. Это не смешно. Вот он, след новой культуры. У детей вырабатывают совер-

шенно новые рефлексы, и они, как маленькие губки, впитывают то, чему их учат. "Человек под давлением среды может принять любую форму, - подумал генерал. - Может быть, именно это хотел сказать Траск. Их умение приспосабливаться обманывало всех наблюдателей. Люди хамелеоны? Да, но лишь на время. Поместите этих зверьков под жгучее солнце, забудьте, что их приспособление к среде лишь поверхностная окраска, сделайте так, чтобы все вокруг них было раскаленным от жары. И тогда пусть кто-нибудь попытается заставить их принять так называемую "защитную окраску"! Они отпрыгнут от него и убегут прочь с его глаз!"

Эти размышления затрагивают слишком много сложных тем. Нужно вернуться к этому позже, на свежую голову.

- Дорогая, я буду занят весь день. Я приду к тебе, как только смогу.

Делинди нежно поцеловала его в губы.

- Я буду ждать. У тебя есть какая-то специальная программа работы?

Тон вопроса был непринужденным, но от Марена не ускользнуло напряжение в её голосе. К любому другому подозреваемому генерал уже давно применил бы решительные меры, чтобы

заставить его говорить. Но из-за своего положения любовницы диктатора Делинди была неприкосновенна. С другой стороны, как дочь бывшего георгийского посла, она не должна была знать о готовящейся атаке на её родину. Марен имел причины считать, что будет благоразумнее не сообщать ей никаких сведений, кроме тех, которые она уже имеет.

- Мы начинаем крупные учения... Думаю, тебе они покажутся... в общем, они не заставят тебя скучать. И я хотел бы, чтобы ты как можно больше находилась рядом со мной.

Глава 25

В восемь часов Марен передал войскам приказ, который за два месяца до этого составили совместно Медельин, Слейтер, Великий Судья и он сам. Весь личный состав примет участие в "крупной операции", более полная информация о которой будет дана позже. Пусть "отважные солдаты этой великой армии" покажут "свое воинское мастерство, свой боевой дух и свою отвагу". От успеха "широкомасштабных маневров, которыми будем заняты вы и я в ближайшие дни", зависит будущее. Выдающиеся заслуги "Великий Судья немедленно отметит высокими наградами".

В этом приказе говорилось не больше, чем в десятках других подобных приказов, отдававшихся в предыдущие годы, и все же нынешний отличался от них по тону. Тот, кто прочтет или услышит его, неизбежно спросит себя, не объявление ли это об ударе, которого ожидали так долго. В георгийской столице, куда приказ неизбежно попадет, каждое его слово будут взвешивать с тревогой и озабоченностью. Министры, замкнувшиеся в узких рамках своих бухгалтерских расчетов, будут задавать себе вопрос, не послать ли подкрепления на границу. Эти люди в своем иллюзорном мире воображали, что сто тысяч не желающих воевать новобранцев усилят двухсоттысячную армию, уже охраняющую границы. В конце дня стало известно, что по воздуху перебрасываются свежие войска. При этой новости Марен вздохнул: скоро станет известно, кто тешит себя иллюзиями - он или георгийцы. Генерал был готов биться об заклад, что методы, с помощью которых уже много лет прощупывались на большую глубину реакции противника, были научно обоснованы и, следовательно, сопротивление будет незначительным.

Вечером он пришел к Делинди. Молодая женщина была с ним ласкова и, похоже, старалась

понравиться ему, но в то же время она была в таком напряжении, что не могла ответить на ласки Марена. Это было именно поведение женщины, которая опасается атаки против своей родины, и мог ли Марен сердиться на неё за это? За притворной беззаботностью Делинди скрывались отчаяние и тоска, разрывавшие ей душу. Может быть, позже, когда завоевание Георгии будет только страницей истории и напрасные старания дочери посла помешать катастрофе, обрушившейся на её родину, станут лишь воспоминаниями, Делинди наконец снова станет самой собой?

Тогда будет интересно узнать точно, какой она была в эти дни.

Глава 26

Час ночи.

В слабо освещенном Лагере "А" жизнь кипит ключом. В полумраке Марена и Делинди ведут к самолету, который снаружи ничем не отличается от других воздушных машин, предназначенных для транспортировки десантных войск, но внутри оборудован роскошно: спальня, кабинет комната охраны, где могут находиться ординарец и часть экипажа.

Самолет направился к югу, где была выбрана

база для атаки. Во время перелета Марен и Делинди спали, потом они отдыхали ещё два часа после приземления. Около четырех часов Марен остановил разбудивший его звонок будильника. Он спал в одежде, сняв лишь ботинки и китель, так что, выбравшись из постели, сразу же прошел в кабинет. Едва генерал закончил надевать свою форму, как шум шагов заставил его поднять голову: к нему подошла Делинди. Она на ходу причесывалась.

- Я бы хотела быть рядом с тобой, если в этом нет неудобства для тебя.

Марен был не в силах избавиться от мысли, что видит перед собой шпионку в разгар её приготовлений. Он обнял Делинди, и та улыбнулась ему деланной улыбкой: "Я не буду путаться у тебя под ногами".

На что она могла ещё рассчитывать? У неё больше не было ни малейшего шанса: приказы отданы, войска идут - уже ничто не может помешать атаке.

Марен нажал кнопку, в проеме двери, ведущей в комнату охраны, появился мужчина лет пятидесяти с красным лицом и отдал генералу честь.

- Дженнингс, покажите мне все сообщения, которые к вам поступили.

- Есть только одно сообщение, господин генерал. Оно принято только что. Я ещё не успел расшифровать его, - Дженнингс положил перед Мареном листы и ушел.

Это была шифрованная телеграмма за подписью начальника штаба армии: войска перешли границу Георгии. Война началась. Марен поднял взгляд от бумаги и посмотрел на Делинди: настало время сказать ей правду.

Он сделал это, сперва осторожно подготовив Делинди к такой новости, и прибавил в конце:

- Ты понимаешь, что раньше я не мог ничего сказать тебе об этом.

Она побледнела, но не потеряла спокойствия, и утвердительно кивнула ему.

- Это будет опасно для тебя?

Вместо прямого ответа Марен сказал:

- Тебя, кажется, волнует только это.

Молодая женщина неуверенно и слабо улыбнулась:

- Все ждали этой войны уже много лет. Мы, георгийцы, постоянно живем в состоянии коллективной иллюзии. У нас есть лишь одна надежда: что нас поймут.

- Что ты хочешь сказать?

Глава 27

Делинди отвернулась и стала смотреть на прозрачную пластмассовую стенку самолета, не обращая внимания на взгляд, который не сводил с неё Марен. В одно мгновение эта женщина стала совершенно другой - возможно, немного более суровой. Может быть, нежность, которую Марен чувствовал в её душе, была лишь плодом его воображения, его вымыслом?

Чем больше Марен думал, тем сильнее становилось его убеждение, что Делинди либо георгийская шпионка, либо неосознанно выполняет приказы Мозга. А двое детей, которых она родила Марену? Часть её плана. И любовницей Великого Судьи она стала, выполняя этот же план. Теперь она хотела... быть понятой!

Генерал нарушил молчание:

- Представь себе, что Великий Судья дал мне полную свободу действий. Чего бы ты попросила у меня?

Ответ последовал мгновенно, и Делинди не стала придерживаться тех терминов, в которых был сформулирован вопрос. Она не повернулась к Марену, но генерал чувствовал, как часто и тяжело она дышит.

- Если бы ты был Великим Судьей, я попросила бы тебя изменить правила любовных игр, разре-

шив брак после определенного срока близости. Я попросила бы тебя предоставить автономию самым крупным из подвластных тебе государств, таким, как Георгия. Я попросила бы тебя восстановить свободу вероисповедания. Я попросила бы тебя...

Тут её голос оборвался, но звук её слов отдавался в самой глубине души Марена.

"Если бы ты был Великим Судьей..."

"Она хотела бы увидеть, как я разрушу то, что Великий Судья создавал всю свою жизнь..." Марен не осуждал её, но вдруг почувствовал странную грусть. Потом он осознал, что Делинди замолчала.

- К несчастью (или, может быть, к счастью), я не Великий Судья. Однако несколько дней я должен замещать его на этой войне.

Наступила тишина. Делинди прошла у Марена за спиной и оказалась вне поля его зрения. "Как она отреагирует на мои последние слова?" - подумал Марен.

Пока генерал ждал ответа, его взгляд упал на папку, лежавшую перед ним. "Королевская семья Георгии. Доклад Дэвида Бернли". Марен неохотно взял в руки этот документ, хотя и знал, что собранная в нем информация будет для него бес-

ценной завтра, когда ему нужно будет мгновенно принимать решения. Своему сыну он поручил эту работу лишь из любопытства. Интересно, как мальчик справился с ней?

Генерал бросил взгляд на список имен (их было чуть больше ста), пробежал глазами комментарии, одним взглядом улавливая смысл нескольких параграфов. Вдруг одна фраза привлекла его внимание:

"После смерти своей младшей сестры Анделиндамины, скончавшейся много лет назад, её величество королева Кийшнашения является единственной представительницей королевской семьи по прямой линии". Дальше молодой офицер добавил:

"Королева не замужем. По моему мнению, её безбрачие имеет политическую причину: его цель - создать в других странах впечатление, что нынешняя королева последняя представительница королевской семьи".

Марен молча кивнул в знак согласия. Тактику королевы было нетрудно понять: если бы ей этим способом удалось убедить Великого Судью, что Георгия может пасть без боя, можно было надеяться, что он направит свою военную активность в другую сторону. Вероятно, это был один из бес-

численных георгийских приемов выигрывания времени, которые теперь потеряли смысл.

Марен положил бумаги на стол. Он уже знал немалую часть данных, собранных в этом докладе, но в первый раз видел их так четко изложенными. И обнаруженная Дэвидом Бернли связь между георгийской политикой и безбрачием королевы была оригинальной идеей. Некоторые люди из списка и соединявшие их связи были Марену незнакомы. Не знал он и некоторых второстепенных деталей, к примеру, имени сестры королевы. Кстати, как её звали?

Анделиндамина!

Сохраняя полное спокойствие, даже не оборачиваясь, Марен опять положил доклад на стол и спросил Делинди:

- Ты была знакома с сестрой королевы?

- Да... мы были знакомы.

- Какая она была?

- Молодая наивная. Теперь она умерла, ты ведь знаешь.

Это была чистая правда. Может быть, физическая смерть более окончательна, но разве превращение неопытной молоденькой девушки в светскую даму не один из видов смерти?

Если то, о чем думал Марен, правда, то каким

хитроумным был этот план! Дочь георгийского посла! Разведслужбы увидели лишь то, что было перед глазами, и не удивительно: отношения между Георгией и государством Судьи были восстановлены совсем недавно. Значит, родная сестра царствующей королевы, никем не узнанная, проникла в самое сердце империи Великого Судьи! Проникла с конкретным заданием... и потерпела поражение.

Марен ясно чувствовал, что молодая женщина была в безумном смятении, сравнимом с тем, которое испытал он сам в предыдущие дни. Делая вид, что увлекся чтением доклада Дэвида-младшего, генерал тайком следил взглядом за отражением Делинди в находившемся рядом зеркале. Он видел, что Делинди сжалась и испугана. Но когда она заговорила, голос был бесстрастным и звучал естественно. Она спросила:

- Кто будет казнен?

Вот оно!

- Решения будут приняты на месте.

Любовница диктатора нисколько не сомневалась в том, каким будет исход сражения: она уже сейчас считала поражение своей родной страны свершившимся фактом.

- А королева? - снова спросила Делинди после

долгой паузы.

- Тут у меня полная свобода действий.

Снова молчание.

- Она моя подруга, - теперь голос Делинди замирал.

Марен мысленно вздохнул: да, он не ошибся! Эта женщина действительно умоляла пощадить свою сестру. Говорить о распоряжениях, полученных относительно королевы, ему было запрещено, но он мог дать своей спутнице минимум спокойствия.

- Когда - и если - встанет вопрос о... возмездии, я могу сначала поговорить об этом с тобой, если ты пожелаешь.

- Спасибо!

Марену показалось, что тело, отражение которого он не терял из виду, вдруг немного расслабилось.

- Меньшего я от тебя не ожидала, - голос Делинди снова окреп.

- Хорошо, это решено!

После этого разговора ум Марена был занят только заданием, которое он должен был выполнить. Однако на мгновение в его памяти возникли дымящиеся развалины Квартала Группы 814, и это напомнило генералу о смертельной

смертельной для него и для Великого Судьи - угрозе, воплощением которой были эти руины. Генерал стиснул зубы и отогнал от себя все личные мысли.

Меньше чем через час Марен вел Делинди в самолет, на котором она возвращалась в Лагерь "А", где должна была пересесть в рейсовый самолет, регулярно летавший между Лагерем и столицей. Впрочем, в столице она не останется, потому что должна вернуться к своим детям, которые ждут её за городом, и быть с ними до тех пор, пока в столицу не вернется спокойствие.

Глава 28

В девять часов утренний туман рассеялся, и горы, над которыми летел самолет, вспыхнули зеленым пламенем под лучами солнца. Пол аппарата был прозрачным, и время от времени Марен различал внизу характерные признаки возделанных земель. Под крылом самолета возникали города и через мгновение снова растворялись вдали. Вдруг в небе закружился вихрь серебристых бликов: на самолет нападали вражеские истребители. Должно быть, эту эскадрилью вовремя перехватили, потому что больше не было ни одной тревоги.

В половине десятого Марен, чье сердце билось

чуть быстрее обычного, прыгнул с парашютом и приземлился очень удачно - меньше чем в четырехстах ярдах от района высадки.

Магнитные реакторы, катапультированные с самолетов-маток, опустились на землю следом за ним и извергли из себя в беспорядке тысячу сверкающих ракет, танки, мобильные артиллерийские орудия и транспортные машины, которые составили движущуюся гудящую цепочку и за несколько минут забрали всех солдат.

К половине одиннадцатого армия парашютистов, защищенная спереди движущейся стальной стеной, готовой изрыгнуть смерть при малейшем сопротивлении, стекалась к георгийской столице со всех сторон и двигалась по всем главным магистралям города, который можно было посчитать пустым, если бы столько полных ужаса лиц не смотрело настороженно из окон. Марен не увидел никаких следов боя. Когда незадолго до двенадцати часов генерал в сопровождении отряда солдат на бронемашинах подъехал к дворцу, тот был уже занят передовыми патрулями. При появлении Марена люди из охраны, которых он лично отобрал для предстоящего задания, замерли по стойке "смирно", а их офицер зашагал навстречу своему командующему. Отдав честь,

этот человек тихо доложил:

- Королева в Тронном зале. Люди из Лаборатории вызваны.

Марен кивнул. Все было рассчитано с точностью до минуты.

- Как только они будут здесь, пусть камергер доложит обо мне.

Через несколько минут Марен входил в приемный зал для малых церемоний. Королева сидела очень прямо, вытянувшись в кресле с высокой спинкой. Она была молода, носила косы, и её лицо не было накрашено, но несомненно она была похожа на Делинди. Семейное сходство было не очень заметно, потому что королева не обладала классической красотой своей младшей сестры, и все же ошибиться было невозможно: линия носа, форма нижней челюсти, изгиб щеки и, что было менее явно, общее строение лица были одинаковы у обеих сестер. Королева была одета в шелковистое светлое платье, доходившее ей до колен.

Марен поклонился, королева ответила ему легким наклоном головы. Выпрямляясь, он увидел техника, входившего в заднюю дверь, к которой правительница сидела спиной. Даже не взглянув на Главу Группы, этот человек направил свой

нейтрализатор на трон и выстрелил. Королева поникла в кресле, согнувшись пополам. Тогда в зал вкатили передвижной аппарат для вживления болевых схем. Женщины-операторы уложили бесчувственное тело вниз лицом на обитую мягкой тканью подставку, над которой поднималась мощная лампа. Машина заурчала, и, хотя ничего не было видно, болевая схема была впечатана в мышцы плеча георгийской королевы. Теперь правительница страны была отдана на милость подстанции Контроля, который мог в любую минуту начать терзать её плечо постоянно усиливающейся болью.

Марен все это время стоял неподвижно. Под его взглядом операторши снова усадили жертву в её кресло. Аппарат исчез. Подчиняясь беззвучному приказу генерала, анестезиолог выстрелил снова и скрылся.

Королева зашевелилась. Открыла глаза. Узнала Марена.

- Я в смущении от того, что произошло, Ваше Величество! Сейчас я пришлю к вам ваших женщин и попрошу у вас аудиенцию позже.

Королева встряхнула головой, словно для того, чтобы развеять туман в своем уме.

- Я не думаю, что... Я не знаю, что... - она говори-

ла по-английски почти без акцента.

Марен попрощался с ней и быстро ушел.

Покинув дворец, генерал сразу же поторопился в свой новый штаб, размещенный в главном военном здании павшей столицы. Там шла лихорадочная деятельность. Время от времени поступали сообщения. Около трех часов дня, когда Марен торопливо поглощал сандвичи, запивая их кофе, ему передали целую охапку телеграмм. Беглый взгляд на всю эту кучу в целом позволил Главнокомандующему сделать вывод, что победа была полной: всякое организованное сопротивление было практически подавлено, и ниоткуда не поступало сведений о серьезных боях. Он передал эти доклады в штаб для анализа, и через час Верховное Командование объявило, что "великая" война с Георгией завершилась.

Тогда Марен переключил свое внимание на другую задачу: стал просматривать протоколы допросов вражеских руководителей. Никто из них не признался, что имеет какое-либо отношение к взрыву, разрушившему Квартал 814, и детектор лжи подтвердил их слова. Но когда их спрашивали, известно ли им о существовании тайных георгийских боевых групп, выполняющих задания за границей, их ответы были менее

категоричными: "У нас существовало и существует до сих пор столько экспериментальных групп... Я не знаю ничего похожего на прежний коммунизм. Идеалисты? - у нас идеалисты тринадцать человек из каждой дюжины".

Марен сделал вывод, что георгийское правительство не было замешано в этом деле. Он направил на все пограничные заставы Георгии группы разведчиков с приказом вести тщательное наблюдение, особенно на границах с двумя соседними государствами, не находившимися под контролем Великого Судьи. Кроме того, Главнокомандующий отдал приказ такого содержания:

"С 1.09 до 3.09 арестовывать всех лиц, мужчин и женщин, которые попытаются покинуть Георгию. Проверять на детекторе лжи всех из их числа, кто относится к типу идеалиста или кажется умнее среднего человека".

Это распоряжение было сформулировано не очень четко, как заметил Марену полковник, руководивший службой военной разведки. Можно ли считать умным человека, который ещё пытается путем заговора воскресить отживший свое коммунизм? На это Марен ответил с насмешливой улыбкой:

- Мой дорогой Рекс, я имею в виду ум, на первый взгляд выдающийся, но имеющий пробелы, которые особенно благоприятствуют таким взглядам.

Отдав своему начальнику штаба приказ передавать по телеграфу в столицу те протоколы допросов арестованных, которые будут содержать сведения, имеющие отношение к бомбе, Марен лично направил Великому Судье официальное сообщение:

"Ваше Превосходительство! Полицейские силы, которые вы так великодушно предоставили в распоряжение Ее Величества Королевы Георгии Кийшнашении, выполнили свою задачу. В настоящее время они по просьбе Ее Величества обеспечивают безопасность пограничных провинций страны. Но, вероятнее всего, в течение недели их заменят верные законной власти местные войска. Выступления революционеров полностью подавлены. В Георгии снова действует законное правительство".

И подписался: "Дэвид Марен, Глава Группы".

В конце дня, дрожа от ядовитой радости, в столицу прибыл Слейтер. Он и Марен поужинали вместе в мирной обстановке, которую время от времени нарушало приглушенное эхо орудийных выстрелов. Немалая часть их разговора была

посвящена войне. Потом Марен, более заинтересованный, чем хотел показать, спросил своего гостя, есть ли что-нибудь новое о бомбе. Слейтер отрицательно качнул головой, и сделал это с таким нетерпением, что Глава Группы предпочел оставить эту тему. За кофе они затронули вопрос о подозрительных лицах, которых предполагалось ликвидировать. Начали с тех, кто в это время по той или иной причине находился в заключении. Таких было восемьдесят два. Марен и Слейтер решили этот вопрос самым простым образом: каждый составил список людей, которых считал необходимым принести в жертву, и оба сравнили перечни своих жертв. У Марена оказалось восемь имен, у Слейтера тридцать одно. Семь приговоренных Марена были указаны и в списке Слейтера. Шеф полиции позвонил в тюрьму, прочел эти семь имен и коротко приказал:

- Ликвидировать сейчас же!

Потом он положил трубку и повернулся к Марену:

- А теперь перейдем к остальным.

Марен кивнул в знак согласия, немного удивленный тем, что его не трогает судьба этих людей. Смерть, которой он боялся для себя, в этом случае казалась чем-то абстрактным. "Пусть каждый из

них выпутывается из этого сам", - подумал генерал. Если сумеют, хорошо, если нет - что ж, тем хуже для них. Он должен был выполнить свою работу - определить степень скрытой опасности, которую представлял каждый подозреваемый с учетом его карьеры и биографии. Одна ошибка в этой оценке - и умрет не один человек, а тысяча!

Марен сравнил имена Слейтера со ста десятью именами, перечисленными Бернли. Восемнадцать были в обоих списках. Он отрицательно качнул головой по их поводу: "Родственники королевы. Подождем!"

Кстати - королева! Марен взглянул на свои наручные часы: уже больше половины десятого! Он встал.

- Придется отложить наши дела. Вы знаете, что я должен сделать с этой дамой? Настало время для этого!

- Я тоже должен уйти: нужно решить целую кучу неотложных вопросов. И... Можно сказать ещё одно слово?

- О чем вы?

- О Мозге. Вы нашли что-нибудь?

- Нет.

- Ладно. Желаю удачи... с Ее Величеством.

Марен самодовольно усмехнулся, как полагает-

ся мужчине в таком случае.

- Есть моменты, когда по-настоящему понимаешь, как хорошо быть Главой Группы.

Глава 29

Оказавшись во дворце - было чуть меньше десяти вечера - Марен прошел в покои королевы. Увидев его, правительница встала со стула, на котором сидела, и повернулась к Марену лицом. Ее глаза были огромными - так широко они были раскрыты. Все в поведении королевы говорило, что её силы на пределе, а напряжение её тела показывало, насколько она испугана.

Когда королева заговорила, её голос, несмотря на старания держать себя в руках, дрогнул.

- Вы сейчас убьете меня, не правда ли? Великий Судья всегда казнит правителей тех стран, которыми он завладевает. Я готова к смерти. Но сначала я хотела бы обратиться к вам с просьбой, мой победитель.

Момент был неподходящий для того, чтобы рассеивать её заблуждение. Тон королевы был мелодраматическим, и Марен догадывался, что сейчас услышит что-то сентиментальное.

- Любая просьба, не выходящая за рамки данных мне предписаний, будет удовлетворена, Ваше Величество, - медленно и спокойно ответил он.

Королева покачивалась на ослабевших ногах и сжимала губы. Марен чувствовал, что она вот-вот расплачется.

- Для вас, генерал, покорение Георгии, возможно, лишь одна из глав вашей биографии. Для меня же это похоронный звон по целой эпохе. В предсмертный час мне приходят в голову сумасшедшие мысли. Поражение имеет много символов, и в этих символах присутствует образ победителя. Я женщина. Я побеждена. А вы мужчина и мой победитель. Я видела вас всего одно мгновение - сегодня утром, но в это мгновение я почувствовала испуг, ужас... и любовь!

Марену не понадобилось закрывать дверь: по его приказу она была автоматически закрыта. Он обнял стоявшую перед ним женщину и на руках донес её до постели. Вздрогнув, словно её обожгло горевшее в ней самой пламя, побежденная прижала к себе своего победителя. В этот момент она была сильной!

* * *

Марен и королева лежали рядом в рассветном полумраке. Оба устали, но не были сонными.

- Ты не забудешь меня, правда?

- Никогда!

- Теперь ты можешь меня убить. Я в мире с

самой собой - поражение завершено.

"Двое приговоренных к смерти (двое) цепляются за крошечный остаток жизни", - подумал Марен. Он действительно приговорен и умрет, если не сможет избавиться от этой судьбы, а она считает себя приговоренной.

Страсть, которой были заполнены предыдущие часы, заставила его забыть, что настала пора подарить этой женщине жизнь. Мысли генерала пошли в другом направлении: он перестал быть примитивным человеком, чей внутренний мир состоит только из реакций его клеток, и снова сделался сложным и многосторонним существом.

- Я подумал, как быть дальше, Шения. Может быть, есть выход. Возможно, есть способ оставить твоим власть, и я мог бы найти предлог для этого.

- Моим? Ты хочешь сказать - моим родным?

Она была в изумлении.

- А почему бы и нет? Для ста людей это сделать не труднее, чем для одной.

- Но это не будет опасно для тебя?

- Подожди... Я не сказал, что непременно добьюсь успеха, я лишь сказал, что есть возможность попробовать найти общий язык. Только для этого ты будешь вынуждена согласиться на те ме-

ры, от которых до сих пор всегда отказывалась.

- Так или иначе ты все равно выполнишь эти меры, - с жаром начала она. - Чтобы спасти моих... - Королева вдруг замолчала, а потом спросила, словно удивленный ребенок:

- Почему ты делаешь это? - И, не давая Марену времени ответить на этот вопрос, задала новый: - Ради меня?

- Ради тебя!

Это было все. Королева, похоже, поверила его словам, что было не так уж непривычно для Марена. Как он и предполагал, теперь она будет верить, что имеет защитника среди высших руководителей, входящих в Совет Великого Судьи. То, что этот защитник сам тайно от всех обречен на смерть, в данный момент, разумеется, не играло роли.

Если бы не эта договоренность, королева могла бы заупрямиться и противопоставить требованиям победителя театральное поведение в духе: "Я умираю за свой народ!" Теперь же она поставила подпись на всех документах, которые Марен попросил её подписать, и подтвердила по телевидению, что "столкнувшись с невероятным по дерзости восстанием, зачинщики которого поставили перед собой безумные цели, и учитывая

международную ситуацию", она "была вынуждена обратиться за помощью к Великому Судье и передать себя и свой народ под его защиту". И коротко сказала с горечью в голосе: "Эта защита предполагает некоторые перемены, но лучше перемены, чем неконтролируемое кровопролитие". "Чтобы облегчить проведение мер, необходимых в этой чрезвычайной ситуации, - сказала королева в заключение, - я приняла отставку Кугарачара Майетта и обратилась к Дуони Хавариcту с просьбой сформировать новый кабинет министров".

Грубые фамилии, грубые люди - методы, освященные традицией: для молниеносной войны хороши все, кто есть под рукой. Для войны, правду о которой, конечно, никогда не узнает ни георгийский народ, ни какой-либо другой.

Слейтер расставлял по местам свои команды "офицеров в штатском". Сто тысяч георгийцев, известных своими монархическими взглядами и уже много лет назад отмеченных как потенциально опасные, будут "зарегистрированы" первыми. В таком масштабе эта процедура будет унизительной. Эти гордые люди будут мучиться от позора, когда им придется стоять в очередях к передвижным регистрационным установкам, применявшимся в полевых условиях. Каждый

гражданин будет должен пройти процедуру снятия отпечатков пальцев, подписать обязательство быть верным властям и лечь на живот под прибор впечатляющих размеров, который обычно принимали за рентгеновский аппарат, но который на самом деле вживлял болевые схемы.

Начав свою работу, люди Слейтера не остановятся, пока не пометят всех георгийцев до одного. Но Марен не стал ждать этого. Незадолго до двенадцати дня он позвонил Медельину.

Глава 30

- Оставляю вам готовую площадку для вашей работы, дорогой друг!

- От души поздравляю вас, Дэвид! - серьезно ответил Медельин. Полнейший успех по всей линии фронта. И вдобавок какой личный триумф! Главное - не забывайте раз в год навещать королеву, чтобы поддерживать вашу с ней дружескую связь.

- Вам нужно лишь сказать своему секретарю, чтобы он напоминал мне об этом, - сухо ответил Марен.

Вспоминая прошедшую ночь, он ясно чувствовал, что, если у него ещё есть будущее, он не перестанет повторять восхитительное приключение, которое пережил вчера. Может быть,

вначале это была хитрая игра женщины, желавшей спасти свою жизнь, но победа королевы над своим победителем была абсолютной: Марен был уверен, что она родит ему ребенка.

Да, возможно, это было расчетливое соблазнение. Только соблазнительница душой и телом попала в собственную западню.

В любом случае желания Марена были выполнены. И, конечно, королева в любой момент может обратиться за помощью к своему защитнику (если только он ещё будет жив).

Марен положил трубку и вбежал в самолет, который отвез его обратно в Лагерь "А". В пути на его эскорт напал георгийский истребитель, который после короткой схватки разбился, превратившись в пылающий факел. Безумный поступок вражеского летчика напомнил Марену о том, как патетически вела себя королева перед лицом, как она считала, неизбежной смерти, и он спросил себя, как он сам поступит в полночь, когда наступит седьмой день.

На посадочной полосе Лагеря "А" он обнаружил Дэвида Бернли, который был вне себя от восторга.

- Папа, это чудесно! Ты спас тысячи человеческих жизней, которые надо было уберечь! Я

жалею лишь об одном, что не смог принять в этом большего участия!

Тогда Марен объяснил своему сыну, как благодаря составленному им списку восемнадцать человек, намеченных для казни, были оставлены в живых. Действие этого рассказа было удивительным: на глазах Дэвида-младшего выступили слезы, и он, не говоря ни слова, крепко сжал руки своего отца. Оставшись один, Марен задумался об этой сцене.

"Каким станет мир, когда это сверхчувствительное поколение повзрослеет?" Генерал представил себе Группы, состоящие из людей, практически лишенных отцов с раннего детства - людей, которых неудовлетворенное желание иметь отца приведет к изменению самих основ группизма. Будет ли так на самом деле? Если такая эволюция должна произойти, он не ждет для страны в будущем ничего хорошего.

Приближался час отлета, и Марен начал нервничать и беспокоиться, потому что совершенно не знал, что произошло в столице за время его отсутствия. Как только там поняли, что между Группой 814 и Траском есть связь, то, разумеется, включили болевую схему Траска, и дальность действия этого сигнала будет постепенно увели-

чиваться. У Марена были все основания запастись обезболивающими средствами: они могут понадобиться ему ещё до прилета в столицу. До приземления придется терпеть боль: Марен совсем не желал, чтобы офицеры, которые придут его встречать, заметили, что Главнокомандующий наглотался таблеток.

Однако самолет успел уже пролететь верхнюю точку своей параболы, когда боль грубо вонзила свой кинжал в плечо Главы Группы. Марен молча стал бороться с этой пыткой.

Было ясно: критический момент наступил.

Глава 31

Скрючившись в неудобной позе в своем кресле, Марен не мог заставить себя думать ни о чем, кроме хлеставшего его бича боли. Наконец телеэкран показал ему, что самолет круто заходит на посадку, и у Марена сжался желудок от резкого уменьшения скорости. Как обычно, посадка была выполнена с поразительной точностью. Лишь только двери открылись, генерал положил в рот таблетку и покинул самолет.

Его встречали, но это была не делегация его сотрудников, которую он ожидал увидеть. Принимавшая Марена группа была необычной: его пришли поздравить с возвращением Подредж,

ещё пять или шесть Глав Групп и Великий Судья, стоявший несколько в стороне от остальных. Тот, кому оказывалась эта честь, с ужасом подумал, что лишь через несколько часов сможет полностью избавиться от муки, которую терпел.

Диктатор подошел к генералу, положил свои тяжелые ладони ему на плечи и крикнул, покрывая своим голосом оглушительный шум машин:

- Дэвид, Медельин сообщил мне, что георгийское дело выполнено!

- Ваше Превосходительство, Георгия рухнула, как карточный домик. Война продолжалась всего пять часов.

Великий человек радостно прижал победителя к своему сердцу.

- Молодец, Дэвид! Вы по-прежнему величайший в истории мастер молниеносной войны!

Это похвала вызвала некоторое беспокойство в душе Марена, которому ещё никто до сих пор не выражал свое восхищение так демонстративно и который считал себя просто хорошим логиком в одном конкретном роде деятельности. По-прежнему такой же радостный, Великий Судья повел его к остальным.

- Оскар, пожмите руку тому, кто не знает поражений!

Подредж погрузил свой взгляд в глаза Марена, словно вонзил в них пару стальных лезвий. Самый одаренный из Глав Групп пожал руку Главнокомандующему и, с любовью указывая на вождя страны, объявил:

- Для хозяина это великий день! С падением Георгии осуществилось то, о чем он мечтал двадцать лет. Теперь не осталось ни одного противника, настолько серьезного, чтобы нам стоило из-за него беспокоиться.

Откровенно говоря, это было не совсем верно: ещё могли возникнуть опасные коалиции. Но отчасти эти слова были верны, и Марен заставил себя улыбнуться:

- Георгия задержит нас надолго, Оскар: надо будет её очистить и проглотить!

Удивление генерала переросло в тревогу: он вспомнил об одном человеке, которого Великий Судья осыпал преувеличенными похвалами. Через несколько часов этого человека не было в живых! Марен вздрогнул и подумал: "Осторожно! Он опасается меня со времени истории с Трасском". Может ли этот вождь с необычным характером вернуть свое доверие человеку, в котором однажды усомнился? В этом весь вопрос!

Покончив с поздравлениями, Великий Судья

положил свою крепкую руку на плечо Марена и сказал:

- Господа, нам остается решить одну важную проблему, и я желаю, чтобы мы немедленно отправились на место взрыва: нужно ввести Дэвида в курс дела, а для этого лучше всего быть на месте.

Все уселись в большой "прыгун", который быстро взлетел в сопровождении больших отрядов охраны - одного спереди, другого сзади.

Первым признаком того, что пострадавшая от взрыва зона уже близко, для Марена стали яркие огни мощных фонарей. Когда аппарат подлетел ещё ближе, генерал понял, что это были прожектора, установленные на всех уцелевших зданиях квартала. Место взрыва было полно занятых работой людей и техники.

Наблюдая за этой сценой, Марен в то же время не упускал ни слова из того, что говорили его адъютант, Подредж и диктатор. Так генерал узнал, что были обнаружены ещё восемь уцелевших членов Группы 814, которые после собрания покинули город, так что общее число выживших было теперь сто два. Было похоже, что эта цифра окончательная, так как уже двадцать четыре часа не поступало сведений о новых спасшихся.

- Как только мы узнали, что Траск входил в восемьсот четырнадцатую, мы почувствовали, что дело принимает новый оборот, - сказал Подредж. Недавно была включена его болевая схема, и скоро мы узнаем, жив ли он. Я совершенно не представляю себе, какую выгоду он мог бы извлечь из этого взрыва, но совпадение слишком явное. За этим что-то кроется.

Марен, злой от боли, готов был ответить: "А если целились как раз в него?" но устоял против этого искушения и ограничился тем, что спросил:

- Предположим, он не появится - что тогда?

- Будем считать дело закрытым!

Марен утвердительно кивнул. В сущности, не было смысла уточнять столь очевидный факт, но окружавшее его облако боли замедляло работу его ума. За его спиной прозвучал голос адъютанта:

- Доказано, что бомба была сброшена с большой высоты, но табло контроля за воздушным пространством интересующего нас сектора показывает, что бомбардировщик под конец опустился в самый центр пожара.

Беспилотный самолет! Автоматические приборы слежения зарегистрировали его полет над столицей. Если бы его база находилась за чертой города, радиолокаторы наблюдения отметили бы

его обратный путь. Офицер продолжал:

- Самолет взлетел с Запасного Аэродрома "Б", который находится в самом центре города. Судя по регистрационным журналам аэродрома, эта машина приземлилась на эвакуационной полосе для торговых самолетов ровно за пять часов десять минут до взрыва. График посадки показывает, что она прилетела с востока. РЛС обнаружения проследили его путь от самого атлантического побережья, а радары дальнего действия определили место его старта подводную лодку, находившуюся на поверхности в открытом море на расстоянии двухсот миль от берега и взорвавшуюся через минуту после разрыва бомбы. Все прибрежные станции отметили ударную волну этого взрыва. Хронометраж позволил нам даже точно определить место, где находилась субмарина, и мы знаем, что она затонула и лежит на глубине трех тысяч футов. Зондирование показало, что в этой точке действительно находятся какие-то металлические объекты. Как только эта новость стала известна, многие нейтральные страны тут же сообщили нам, что ни одна из их подлодок не пропала. Вот все данные, которыми мы располагаем.

На мгновение внимание всех остальных было

отвлечено от Марена, и генерал воспользовался этим, чтобы наклониться к своему адъютанту и шепнуть ему:

- Проверьте местонахождения всех подлодок, спущенных на воду за последние пятьдесят лет. Доклад представите мне лично.

- Слушаюсь!

Марен глубже уселся в своем кресле. Не в первый раз он размышлял над тем, как невероятно трудно организовать такое покушение в самом центре Города Судьи. Поэтому он предполагал, что бомба была изготовлена достаточно давно и доставлена издалека. Он смутно помнил, что двадцать пять лет назад в водовороте войны бесследно исчезло немало боевой техники, в том числе подводных лодок. Разве подчиненные Мозга не могли восстановить все это вооружение, укрыть его в бесчисленном множестве надежных тайников и переделать так, чтобы им можно было управлять дистанционно? И разве субмарина не могла незаметно покинуть свое укрытие, катапультировать беспилотный самолет и взорваться сама после того, как находившиеся на её борту приборы установили, что взрыв успешно произведен?

"Прыгун" резко опустился, и Марен обвел

взглядом опустошенное взрывом пространство. Работы по разборке развалин продвинулись уже достаточно далеко.

- Сколько времени понадобилось, чтобы радиоактивность упала до нормального уровня?

- Взрыв был вызван сверхтяжелыми элементами, которые образовались в последний момент перед ним и имеют период полураспада порядка одной сотой секунды. Через несколько минут после взрыва уровень радиоактивного заражения был уже неопасным.

Марен прокрутил эту мысль в своем уме.

- Был такой генерал Инскип, который десять лет назад ушел в отставку. Жив ли он еще?

- Да. Ему больше восьмидесяти лет, но у него ещё крепкое здоровье.

- Он был величайшим авторитетом в области вооружения, применявшегося в прошлом веке. А во время второй атомной войны было потрясающее оружие! Пошлите к нему комиссию из экспертов. Я хочу получить от него информацию, особенно относительно оборонительных средств, которые использовались для отражения штурмовых операций различного рода.

- Инскип будет в восторге. Я слышал, у него было впечатление, что им немного пренебрегают.

Подредж, который расслышал конец этого диалога, повернулся к ним.

- Ясно, что организаторы покушения имели ограниченную цель: они хотели разрушить только этот квартал. Еще до получения от вас сообщений, что вы не смогли найти доказательств связи взрыва с происками георгийцев, мы чувствовали, что Георгия в этом деле ни при чем.

- Что вы обнаружили на Аэродроме "Б"?

- Пустой номер, - вмешался адъютант. - Бомбардировщик лишь использовал его как стоянку. Он ничего не выгрузил и не принял на борт.

- Понимаю... Он ждал команды. Если только он не был оборудован программируемым устройством управления, установленным на определенное время.

Марена тревожила одна назойливая мысль: Мозг пожертвовал ценнейшей техникой и подверг себя огромному риску лишь для того, чтобы уничтожить одного человека, в действиях которого не был уверен! Генерал не сомневался, что логика мыслящей машины была безупречной и та верно оценила степень опасности. Но мощь и жестокость её ответа сами по себе подтверждали величайшую ценность изобретения Траска. Марен задавал себе вопрос, от которого ему стано-

вилось не по себе: может ли человек, владеющий таким открытием, дать победить себя из-за собственной неспособности защититься?

Чуть позже, когда он стоял среди развалин квартиры ученого, это смутное чувство боязни чего-то билось в его душе в одном ритме с колющей болью, терзавшей его плечо. Пол в основном уцелел, и на нем разложили листки с надписями, обозначавшими степень прочности разных участков: "безопасно", "ненадежно", "опасно", и в некоторых местах "особо опасно". Обходя участки, отмеченные последней из этих надписей, Марен без колебаний направился туда, где раньше была спальня и где теперь была прикреплена табличка "опасно".

Ни от тел, ни от кроватей не было и следа. Генерал стал осторожно расспрашивать проводника. Тот взглянул в свои записи:

- Здесь не было найдено никаких трупов, господин генерал.

Этот ответ отозвался в душе Марена таким отчаянием, что тот забыл даже о боли, которая грызла его плечо. Как будто до сих пор он не переставал надеяться, а теперь надежда мгновенно умерла. На смену ей пришли апатия и покорность судьбе. Марен осознавал, что случилось самое худшее, и

чувствовал себя раздавленным огромной тяжестью своего горя. Здесь Рива провела свою первую ночь в доме Траска. Марен мысленно видел перед собой её бронзовое от загара тело, наготу которого лишь наполовину прикрывали простыни, и одновременно представлял себе, как это тело обуглилось и рассыпалось в мельчайшую пыль под действием гигантского взрыва. А члены Группы 814, которые проявили сочувствие к Траску, мгновенно испарились в пламени пожара в своих стоявших вокруг домах, которые были теперь лишь кучами мусора. Люди умерли лишь из-за того, что их сосед-ученый узнал какую-то тайну, - вот в чем была вся трагичность случившегося.

Когда Марен возвращался назад, осторожно ступая по ненадежному полу, ему пришла в голову ещё одна мысль: даже если он спасется от приговора, Мозг не остановится, пока не найдет человека, узнавшего о его существовании, то есть его, Марена. Значит, для Дэвида Марена настал час показать, как он умеет применять законы логики. Генерал задал себе вопрос: "Буду ли я пытаться спасти свою голову?" С мучительной тревогой он понял, что до сих пор ждал спасения со стороны - какого-нибудь случая, который автоматически изменит его нынешнее плачевное

положение. "Что ж, проанализируем ситуацию так, словно это военная операция. Кто противник?"

Мозг?

Марен был в замешательстве и тревоге. Он с трудом нагнулся, чтобы не удариться о почерневшую от огня балку. Если его расчеты верны, он стоит в лаборатории, на том самом месте, где тогда лежала его телесная оболочка. Именно здесь два дня назад сознание Уэйда Траска, переселившееся в тело Дэвида Марена, нашло свою смерть. Этот несчастный случай усложнил ситуацию, но лишь отчасти. Если противником действительно был Мозг, Марен мог считать всех остальных всего лишь марионетками. "Они и есть марионетки", - внушал он себе. Он хотел верить в это и стал убеждать себя в своей правоте. Невозможно, чтобы компетентные органы до сих пор не сумели найти Мозг. Их неспособность сделать это можно было объяснить лишь тем, что сотрудники, занятые его поиском, находились под контролем Мозга, и все расследование было комедией огромного масштаба. Тут не могло быть ошибки. Марен вспомнил, что сказал ему Слейтер о тайне, окружавшей поиски. Сотрудники Контроля, которые вели их по видимости так

решительно, должно быть, дали клятву молчать о своей работе, и у них у всех было выработано психическое поведение, смысл которого сводился к следующему: человек чувствовал, что вспоминать о существовании Мозга опасно.

Марен подошел к месту, где раньше находились часы, и осмотрел пол, выясняя, нет ли в нем следов проводки. Но сложившийся в его уме образ Мозга не покидал его сознания. Вопрос был лишь один: где скрывается Мозг? Наиболее вероятным местом была все-таки воронка внутри Укрытий под особняком Великого Судьи. Более надежного тайника не было на всей планете. Правда, при одном условии: если Великий Судья находится под контролем Мозга.

Марен представил себе мыслящую машину, которая управляет всеми властителями человечества. Теперь, подумав об этом, он понял, что перед Мозгом стояла почти неразрешимая проблема - обеспечение собственной безопасности. Мозг нашел решение, жестокость которого была невообразимой: с помощью двух своих главных марионеток - Великого Судьи и Слейтера он уничтожил всех, кто непосредственно помещал его в тайник, и одновременно убедил свои живые орудия, что бойни, которые они устраивали одну за

другой, имели лишь одну цель: уничтожить его. Это убеждение невозможно было искоренить: чем больше становилось убийств, тем меньше их исполнители сомневались в их причине. Но фактически единственным, кто извлекал выгоду из этого настолько же долгого, насколько безрезультатного расследования, был Мозг.

Вдруг Марен заметил, что рядом с ним стоит Великий Судья.

- В чем дело, Дэвид?

Услышав, что диктатор обращается к нему, генерал показал на отверстия в главной балке, в которые, должно быть, пропускались соединительные провода часов.

- Я задавал себе вопрос, что это такое, Ваше Превосходительство.

Судя по планам, разрешение на просверливание этих отверстий не было дано. Это было отмечено. Значит, все рабочие, когда-либо выполнявшие ремонт в этом доме, будут опрошены на детекторе лжи. Для этого понадобится несколько дней, может быть, целая неделя, - подсчитал Марен.

Но по-настоящему этот вопрос его не интересовал. Главное - он увидел собственными глазами, что от квартиры Траска ничего не осталось.

Ему было недостаточно увидеть разрушения на экране телевизора: Марену было необходимо побывать здесь, взглянуть на развалины собственными глазами, почувствовать, как раскатываются под ногами обломки, вдохнуть стойкий запах, оставленный бомбой.

Марен вдруг почувствовал огромную усталость. Доказательства налицо его тело больше не существует. Дэвид отказывался признать бывшее тело Траска своим, он внутренне сопротивлялся бы этому, даже если бы не имел других поводов для страха. "Если бы я каким-то чудом оказался в безопасности, сохранил бы я оболочку Уэйда?" - спрашивал он себя. Такая перспектива мало радовала Марена: в лучшем случае он теперь будет вынужден до конца жизни носить грим.

"Сейчас мне бы нужно принять снотворное и спокойно поспать часа четыре. Потом я буду готов действовать!"

В этот момент на плечо Марена легла чья-то рука. Он обернулся и увидел офицера-прапспа из охраны Великого Судьи. К нему подходили ещё четыре прапспа. Странно, но они держались настороженно.

- Именем Его Превосходительства Великого Судьи вы арестованы! Будьте добры следовать за

мной без скандала.

- Что? - воскликнул Марен, одновременно ошеломленный и взбешенный.

- Вы арестованы, господин генерал.

Марен повернулся к офицеру спиной. Плечи его согнулись под тяжестью поражения. Диктатор, Подредж и ещё два Главы Групп наблюдали за происходившим.

- Ваше Превосходительство, я не понимаю.

- Мы тоже многого не понимаем, господин Траск! Например, мы хотели бы знать, что стало с нашим дорогим другом Дэвидом Мареном.

Марен собрался было ответить, но закрыл рот и слегка встряхнул головой, словно разгоняя туман, которым боль окутывала его ум. Первое впечатление было верным, хотя он не ожидал, что события примут такой оборот: начинается кризис, а он не готов к этому.

Голос Великого Судьи зазвучал снова, на этот раз угрожающе:

- Даю вам гарантию, что вы получите полную возможность дать нам свои объяснения перед тем, как вас казнят.

Отвезите его в Контроль! - отрывисто приказал диктатор и на этом закончил разговор.

Глава 32

Ничто не было оставлено на волю случая. Перед тем, как втолкнуть Марена в специальный самолет Контроля, ему сковали руки, а как только арестованный оказался в машине, его обыскали. Это было сделано вежливо, но если бы Марен сам командовал этими людьми, то назвал бы такой обыск тщательным. В процедуру обыска вошел осмотр рта, и арестованный с удивлением узнал, что среди его зубов был один искусственный с отверстием, наполненным каким-то веществом. Те, кто осматривал Марена, не посчитали нужным проверить, нет ли у него капсул внутри мышц, и не стали выяснять, пропитаны ли какие-нибудь участки кожи арестованного составом, который, растворившись, мог бы превратиться в наркотик, но зато поскоблили Марену ногти: под конец его заставили снять мундир и надеть тонкий серый комбинезон. Все это было выполнено до того, как "прыгун" приземлился на террасе здания Совета Глав Групп. По прибытии на место Марена в наручниках провели в комнату из цемента и стали - одну из одиночных камер ведомства Слейтера. Там специалисты стали уничтожать маскировку Дэвида, и через полчаса по фотографиям и данным из архивов Контроля в нем узнали приговоренного бунтовщика Уэйда Траска.

Марен заметил тревожный признак: по мере того, как схема за схемой исчезал его грим, поведение его тюремщиков менялось - они становились грубее. Пока заключенный был похож на Дэвида Марена, они проявляли к нему некоторое уважение, теперь же руки, обшаривавшие того, кто считался Траском, толкали, щипали, хватали его все сильнее, все грубее, каждый раз чуть больше выходя из пределы необходимого. Наконец, один из обыскивавших, самый крупный, попытался силой усадить Марена. Дэвид ударил грубияна коленом в низ живота. Обидчик тут же со стоном свалился на пол, корчась от боли. Один из его собратьев ударил заключенного по лицу, но тот был готов к ударам: Марен уже достаточно долго старался вызвать у себя ненависть и ярость - единственное, что позволяло человеку выдержать пытку. Поэтому удар лишь немного оглушил Дэвида: вся сила кулака разбилась вдребезги об эту стену гнева. Защищенный своей мощной броней из ненависти, Марен выбросил ногу вперед, целясь в лодыжку того, кто его ударил. Потом заключенный сел: он не потерял хладнокровия и знал по собственному опыту, что сидящего человека ударить труднее, чем стоящего.

С другого конца комнаты прозвучал властный голос:

- Оставьте его. Надо дождаться приказа.

Лежавший на полу здоровяк встал, кое-как дотащился до раскладушки и сел на нее, а второй пострадавший в это время перестал растирать себе лодыжку и упал на стул, явно страдая от боли.

Теперь Марен смог изучить своих сторожей. Их было пятеро, и все явно были из Контроля. Два более молодых, которым, похоже, было около тридцати лет, выглядели сообразительными и опытными в своем деле, остальные трое были плотного телосложения и чуть старше сорока лет. Что до их седого начальника, ему было лет пятьдесят пять. Он как раз подходил к заключенному.

- Моя фамилия Кэролл, господин Траск. С минуты на минуту я должен получить приказ применить все средства, чтобы получить от вас подробный рассказ о том, что вы делали в эти дни.

Марен рассматривал лицо этого человека, которого немного знал, потому что один или два раза видел его в обществе Слейтера. Кэролл имел твердый характер, а высокое представление этого офицера о долге сейчас делало его опасным

противником, так как Кэролл совершенно не сомневался в законности полученного им задания.

Но Марен не стал задумываться над этим. Ему было нужно лишь одно ненависть. Ненависть, которая одна своей необузданной силой может придать твердость мышцам человека и крепость его нервам, когда его пытают. Дружелюбные и благоразумные мысли были теперь очень далеко, на самой периферии сознания Дэвида.

За дверью послышался шум, Кэролл подошел к ней и несколько минут говорил там с человеком, которого Марен не видел. Потом дверь закрылась, офицер снова приблизился к Дэвиду и остановился перед ним. Голос Кэролла звучал бесстрастно, но офицер немного побледнел, когда объявлял заключенному:

- Приказ поступил. Когда вы решите заговорить, скажите это мне, и я вызову Великого Судью. Он желает лично выслушать ваше признание.

Глава 33

После этого время остановилось для Марена. Когда боль набрасывалась на него, он что-то вопил в припадке ненависти и бешенства, почти не сознавая, что именно выкрикивает, - в основном это были бессмысленные неразборчивые ругательства по адресу мучителей. Слова не играли

роли: значение имели только горевшая в нем ярость и его желание поддерживать в себе этот внутренний жар.

У Марена была серьезная причина молчать: он не мог, не должен был, не смел ничего сказать людям, которыми управлял Мозг, - во всяком случае, пока не исчерпает все другие средства. По своему опыту Марен знал, что его не убьют, пока не вырвут у него признание. Молчать значило жить, заговорить означало подписать себе смертный приговор.

В застенке, под слепящими лучами прожекторов, время то сжималось, то растягивалось до бесконечности, а Марен мог рассчитывать лишь на свои нервы. Он собирал все свои силы, и, падая в бездну слабости, каждый раз находил на её дне новый запас ненависти, которая опять наполняла его тело жгучей энергией. Тогда, весь дрожа от бурлившей в нем бешеной злости, Марен пронзительно кричал: "Кретины, придурки, рабы... идиоты, идиоты, идиоты..." - и снова те же ругательства, раз за разом, без конца. Он ни на мгновение не пожалел себя, ни разу не попросил пощады. В сущности, Марен ни в чем не обвинял своих палачей - ему незачем было знать, правы они или нет. Он видел все стадии постепенного

физического, морального и психического разрушения человека в тюрьме и под пыткой. Выжили только те, кто ухватился как за соломинку за что-то вроде сумасшествия - за безумную злость. И это было единственное, что имело значение для Марена.

В конце концов неослабевающий гнев заключенного подействовал на тех, кто его пытал. Марен знал, что так должно было случиться, хотя и не добивался этого намеренно. Жестокость этих людей, без которой они не были бы агентами Контроля, была также их скрытым уязвимым местом. Один за другим падали рубежи их духовной обороны, и давало трещины, как разрушающийся фасад, их наружное спокойствие, за которым скрывалась тяжелая душевная драма.

Один из агентов вдруг завопил во все горло. Остальные стали, подталкивая, выводить его из комнаты, а он вырывался и орал, как рассерженный ребенок. Но это был большой мальчик, и понадобилось несколько человек, чтобы справиться с ним. Другой начал тихо всхлипывать. "Дэн, вы позорите себя! Сейчас же прекратите!" - крикнул ему Кэролл. "Это сильнее меня", - ответил агент. Слезы не переставали литься у него из глаз, и его тоже пришлось отправить за дверь.

Потом не выдержал третий офицер: на глазах у своих ошеломленных сослуживцев он вытянулся и словно окаменел. Все его мышцы напряглись как в столбняке, глаза выкатились. Врач поспешил сделать ему укол, и офицер рухнул на пол как развинтившаяся кукла.

Кэролл, конечно, поставил Великого Судью в известность о том, что произошло, потому что дверь вдруг открылась, и в её проеме Марен через сероватый туман различил представительную фигуру диктатора. Государственный человек озадаченно покачал своей львиной головой и сказал:

- Остановитесь: дайте ему отдохнуть. Отведите его в...

Марен не расслышал, куда Великий Судья велел его отвести: он просто отключился. Заключенный почувствовал, как чьи-то руки схватили его и погрузили в забытье, находившееся в опасном соседстве с обмороком.

Марен зевнул, открыл глаза, и к нему вернулась память. Он находился в большой со вкусом обставленной комнате и сидел в кресле. Его руки были прикованы наручниками к подлокотникам и, судя по тому, как онемели оживавшие теперь ноги, их тоже приковали к ножкам кресла.

Поскольку его голова могла двигаться свободно, Марен огляделся вокруг в надежде узнать это место. Справа были дверь и настенный телеэкран; окна не было; слева стояла кушетка; прямо перед Мареном были большие вделанные в стену часы, и...

Часы захватили его внимание. "Такие же, как у Траска", - подумал Марен, и тошнота подступила у него к горлу.

Пока Дэвид рассматривал часы, они вдруг загудели и пробили половину десятого (утра или вечера?). Едва затихло эхо этих ударов, как из какого-то скрытого отверстия часов вырвалась струйка света - серебристый ручеек, который потек по полу, свертываясь, скручиваясь в подобие шнура. А в это время часы выпускали в комнату все новые струи того же вещества. Вдруг конец "шнура" изогнулся, потом распрямился - и "шнур" сделал скачок в сторону Марена, который смотрел на это, парализованный изумлением. Дэвид вспомнил ту ночь неделю назад, когда в квартире Траска он видел, как такие же часы ткали паутину из таких же светящихся нитей, и задрожал от панического страха. Живой световой шнур, рывками подползавший к нему, делал то, что не смогла сделать пытка.

В ужасе Марен, словно загипнотизированный, следил за приближением шнура, который, судорожно извиваясь, делал рывок за рывком вперед, каждый раз ещё немного сокращая расстояние между собой и его креслом. Вначале световая нить была ярдах в восьми от Дэвида; меньше чем за две минуты она проползла половину этого расстояния. Когда прошел шок, вызванный удивлением, Марен стал звать на помощь - сперва тихо, потом все громче. Его голос поднялся до крика, потом перешел в вопль. Гордость исчезла, желание держать себя в руках было забыто. У него было только одно желание: пусть придет кто-нибудь. Прекратите это, и скорее, скорее!

Никто не появился. Марен внезапно понял, что никто и не придет. И тут Дэвида осенило: перед ним мгновенно открылся подлинный смысл происходившего. Мозг умело навязал Великому Судье свою волю - заставил его перевести заключенного в комнату с часами. Мозг же внушил диктатору убеждение, что незачем ставить охрану у её двери, или устроил так, что часовым был назначен один из его рабов. Слейтер ведь говорил, что Мозг может управлять людьми на расстоянии. Значит, его компьютерный противник способен блокировать слух человека в

решающий момент. Может быть, часовой стоял на своем посту за дверью, но не мог услышать крики, звучавшие из охраняемой им комнаты.

Больше у Марена не было времени размышлять о своей судьбе: один из "шнуров света" подлетел к нему по воздуху и завис над его головой. Марен сжался, но "шнур" упал ему на колени...

* * *

... Где-то шумело море, разбиваясь о подводные скалы. В первое мгновение он лежал неподвижно. Потом в него ударила волна. Это ощущение было настолько реальным, что он почувствовал, как вода приподняла его и понесла в сторону берега. Потом она отхлынула назад. Отступая, море пенилось и шумело, вполголоса напевая свою песню. Он сжал губы и поймал ртом что-то неощутимо маленькое и приятное на вкус, принесенное волнами, проглотил это, одновременно пытаясь улечься на песке. Он плохо понял, как сумел сделать это: тело действовало само по себе, мысли и сознание не принимали в его движениях никакого участия. Он действовал, он существовал, он жил - и это было все.

С нового места ему не было видно море, но он слышал близкий шум откатывающихся назад волн, шелест и свистящий шорох сливающихся

друг с другом струй и...

Звук затих.

* * *

"Я был морским животным, находящимся на одной из низших ступеней эволюционной лестницы", - с изумлением подумал Марен. "Это было воспоминание о какой-то ранней эпохе существования жизни!" Эта мысль потянула за собой другую, не менее поразительную: "Это то, что бывает с прапспами. Они могут сознательно вызывать у себя такие воспоминания!"

* * *

... Его окружала давящая тьма. Он почувствовал странное возбуждение и тут же тьму разорвал свет, такой ослепительный, что вызывал боль. Он понял, что именно этот свет возбуждал его. Прошло сколько-то времени, и вокруг снова потемнело. Его возбуждение ослабло, превратившись в слабую пульсацию. Вскоре свет возник опять. Теперь Марен знал, что означало связанное с ним чувство - это было ощущение жизни. Свет и тьма и связанные с ними ощущения продолжали чередоваться. Марен был потрясен до глубины души, когда понял, что это было - самый ранний период существования жизни. Темнота - ночь, свет - день. А то, что возбуждалось под

этим светом, было, должно быть, одной из первых переходных форм от мертвой материи к живой. Он попытался ещё глубже заглянуть в свою память, но тут...

* * *

... Он сжался, притаившись за гребнем скалы, и чувствовал пьянящий восторг, но к этому восторгу примешивался страх. Он чувствовал, что ниже, по другую сторону остроконечной скалы, находится огромный зверь, и изо всех сил старался не привлечь к себе его внимание. В ужасе и отчаянии тот, кем Марен себя вспоминал, судорожно стиснул в ладонях рукоять грубого каменного топора, и лишь тогда Дэвид осознал, что он уже не крошечное животное. Сгорбившись и прижимаясь к боку пригорка, он больше чувствовал, чем видел великолепные мощные мышцы, выступавшие буграми на его плечах и груди, и был уверен, что мог бы хорошо постоять за себя в схватке с насторожившимся чудовищем. Но зверь был нечувствительный к ударам - большой и глупый. Он сначала отступит, но потом разорвет человека когтями. А человек был в силах заставить зверя отступить, но не мог рассчитывать на то, чтобы его уничтожить.

В отчаянии человек распластался на земле, же-

лая избежать боя - и на этом месте воспоминание Марена оборвалось...

* * *

Было темно. Марен лежал на ковре - по крайней мере так ему казалось. Но его ощущения были немного искажены: он чувствовал себя физически слабее, чем раньше. "Не переселили ли меня в другое тело?" - с тревогой спросил он себя. Он попытался пошевелиться - и услышал звон цепей. Его запястья были стиснуты чем-то тонким и прочным, а ноги были сжаты в лодыжках металлическими кольцами. Марен вздрогнул и заставил себя расслабиться.

- Вы проснулись? Давно ли вы здесь? - спросил сзади него голос Ривы Аллен.

Это мог быть только сон! Этот голос мог появиться только из какого-то уголка его памяти! Рива Аллен ведь умерла, рассыпалась в прах от взрыва гигантской бомбы, самой мощной за последние четверть века!

Тот же голос снова зазвучал в темноте рядом с ним.

- Нам давали еду восемь раз. Это может означать три дня, но, может быть, прошло больше времени, потому что я все время была голодна.

Теперь Марен понял, что его слабость вызвана

голодом. Но что все это значит? Кто все-таки лежит в этой темной комнате рядом с женщиной, которой больше нет?

Он с тревогой вспомнил: "Я не знаю, где я, но я попал сюда по воле Мозга. Ему совершенно безразлично, хорошо мне или плохо, он хочет лишь одного: узнать, какую опасность представляет для него Уэйд Траск и каковы цели Уэйда Траска. Он использует свое знание функций живого организма для выполнения своих хитрых замыслов".

Что узнал Мозг?

Тут мысли Марена прервал шум. Открылась дверь, пропустив луч света, который, расширяясь, как раскрывающийся веер, превратился в конус, и Марен повернул голову в его сторону. В комнату входили два прапспа, которые несли подносы с дымящимися кушаньями.

- Наконец-то принесли поесть! - радостно воскликнула Рива Аллен.

В этот момент в комнате появился третий незнакомец. Поскольку он был в маске, было невозможно понять, был ли он тоже прапспом, но как только он заговорил, Марен узнал его - это был Ральф Скаддер.

- Глава Группы Дэвид Марен, - прозвучал из-под капюшона голос карлика, - я принял решение

освободить вас и вашу подругу. Развяжите их, приказал Скаддер своим двум подчиненным.

Марен вспомнил, как Скаддер вел себя в ночь взрыва. Предводитель прапспов старался задержать его у себя, засыпая его вопросами. Это могло объяснить многое! Марен легко мог представить себе, что в это время подручные бандитского главаря Скаддера устроили обыск на квартире Траска. Однако оставалось неясным одно: как они отыскали секретную лабораторию?

Он заставил свои мысли переключить на многозначительное обращение к нему Скаддера: "Глава Группы Дэвид Марен". Он Дэвид Марен, и только это имеет значение! "Я снова стал собой", - сказал себе генерал. Должно быть, Мозг, выполняя над ним свои операции, каким-то образом включил некий жизненный механизм. "Я наконец вернулся в свое тело!" Сознание этого наполняло Дэвида восторгом. Это было чудесно!

- Только что было объявлено об аресте Уэйда Траска, - снова заговорил Скаддер. - Больше нет смысла держать вас под охраной.

Эти слова тоже немало объяснили. Предводитель прапспов честно ждал возвращения Траска. Марен растер себе запястья, чтобы вернуть им гибкость, быстро проглотил свою долю еды, и

потом принял решение. Было ещё слишком рано делать выводы из того, что с ним произошло: в последних событиях были противоречия, которые нельзя было разрешить одними раздумьями.

Его и Риву каким-то сложным путем вывели на поверхность. Оказавшись на улице, Глава Группы сразу же вбежал в телефонную будку и набрал номер персонального телефона Великого Судьи. На экране появилось лицо Селис, личной секретарши диктатора. Оно исчезло на несколько мгновений, потом появилось снова, и теперь Селис казалась взволнованной.

- Дэвид, - тихо сказала она. - Его Превосходительство отказывается разговаривать с вами. Но он просит вас быть на заседании Совета, которое начнется завтра в одиннадцать часов. Вы не хотите ему что-нибудь передать? - спросила она ещё тише.

- Моя милая, будьте добры, попросите его от моего имени отложить казнь Уэйда Траска до тех пор, пока я не побеседую с ним, то есть с Великим Судьей, - с беспокойством попросил Марен.

- Минуточку!

Она снова исчезла. А когда изображение девушки снова появилось на экране, Великий Судья, должно быть, находился рядом и диктовал ей

слова, потому что она говорила бесстрастным голосом и четко отделяя слово от слова. Селис произнесла:

- Его Превосходительство поручил мне сообщить вам, что Траск уже получил отсрочку до конца заседания Совета. Он не понимает, как замаскированный Траск мог одержать победу над Георгией, и требует удовлетворительных объяснений по этому поводу. Это все. До свидания.

Послышался щелчок - их разъединили.

Глава 34

Отходя от телефона вместе с Ривой Аллен, Марен вспомнил слова секретарши диктатора, вздрогнул и покачал головой.

Потом генерал задумался. Он остановился и внимательно взглянул на свою спутницу. Эта женщина провела пять дней с Траском. Что тот рассказал ей? Если Дэвид хотел отчитаться перед Советом по всей форме, ему было необходимо иметь больше информации, чем сейчас.

- Вы не откажетесь поехать со мной? - спросил он.

Молодая женщина была лишь тенью той Ривы Аллен, которую он знал: она похудела, глаза были как у сумасшедшей во время галлюцинации. Тем не менее она согласилась.

- Но вы понимаете, что это подразумевает? Вам известно, кто я такая?

- Да, да.

Она явно думала, что речь идет о любви. Тем хуже! Ему нужно быть в курсе всего, что произошло между ней и Траском, до последнего слова, до самого легкого намека. За это он заплатит Риве ту цену, которую она запросит.

Марен отвез Риву в свою квартиру во дворце Глав Групп. Но его ждали более срочные дела, и их было много, поэтому, приведя Риву к себе, Марен оставил её одну и прошел в свой кабинет в том секторе здания, который занимало руководство Вооруженных Сил. Оттуда он связался по телефону с начальником отделения военной разведки, работавшего в Георгии.

- Я так рад, что вы позвонили! - воскликнул, услышав его голос, этот офицер. - Я хотел доложить вам результаты операций, которые мы провели согласно вашим указаниям. Захватив всех, кто пытался пересечь границу, мы решили нашу проблему: первые же допросы дали интересную информацию. Прежде всего дело Траска, о котором писали газеты, - не то, чем оно кажется на первый взгляд. Траск знает какой-то - мне неизвестно какой - секрет, и эти люди пристави-

ли к нему одного из своих самых умелых агентов - женщину. И...

Марена нелегко было удивить, но на этот раз он не смог сдержаться и изумленно воскликнул:

- Что?!

- Я был очень озабочен этой новостью, и как раз поэтому очень рад вашему звонку.

Марен сделал глубокий вдох и ответил:

- Благодарю вас, полковник. С этого момента я лично займусь этим делом.

- Если бы вы не позвонили, я передал бы свою информацию непосредственно Великому Судье. Я уже решил это сделать.

- Держите меня в курсе всего, что сможете узнать.

Кладя трубку, Марен почувствовал, что его руки дрожат.

Рива Аллен! Что она узнала за все то время, пока жила в квартире Траска? А за все то время, которое провела связанная по рукам и ногам рядом с тем, кто был для неё Дэвидом Мареном, Главой Группы, имеющим какие-то отношения с Уэйдом Траском?

Еще не совсем оправившись от волнения, генерал позвонил в Службу Связи и спросил подошедшего к телефону дежурного офицера:

- Майор, можно ли передать из этого здания секретное сообщение?

Маленький коренастый военный, чье изображение было видно на телеэкране, выглядел человеком, которого застали врасплох.

- Это... необычный приказ, - начал он, запинаясь, однако потом взял себя в руки и задумчиво добавил, - но в конце концов... Глава Группы может его отдать.

Марен был удивлен этим ответом и почувствовал приступ гнева. Поэтому тон его нового вопроса был вызывающим:

- Насколько я понимаю, у вас есть система автоматического прерывания всей неофициальной связи?

Собеседник генерала, похоже, забеспокоился, но его голос звучал по-прежнему твердо.

- Да, но только, если вызывающий абонент не пользуется изобретенной Траском аппаратурой с бесконечной цепочкой эхо, а большинство Глав Групп имеют её в порядке исключения, хотя мы и были против этого. Такие сообщения мы можем перехватывать, но не можем остановить.

Марен вспомнил, что Великий Судья действительно пожелал иметь линии прямой связи со своими советниками.

- Немедленно установите мне такую аппаратуру. Не теряйте ни минуты!

- Есть господин генерал.

Марен закончил разговор. Его мысль перепрыгнула на другое:

"Скаддер явно участвует в заговоре, иначе он не оставил бы Риву Аллен рядом со мной на все это время".

Едва эта мысль зародилась в уме генерала, как он уже звонил в Военную Полицию и отдавал приказ арестовать старосту прапспов.

- Пусть он принесет план Укрытий, который попросил его подготовить Уэйд Траск. Можете сказать Скаддеру, что, если он будет сотрудничать с нами, с ним ничего не случится. Я хочу допросить его завтра в первом часу. До этого он не должен видеться ни с кем.

После этого Марен велел людям из Службы Связи вызвать к нему на завтра к 10.40 его сына Дэвида Бернли и уточнил: "Пусть он придет в форме". Затем Главнокомандующий позвонил генералу в отставке Юджину Инскипу. К его удивлению, медсестра, которая подошла к телефону, быстро передала трубку старому генералу.

- Эти чертовы бабы укладывают меня в постель уже на закате! Чем могу вам служить?

- Связались ли мои помощники с вами в последние дни?

Отрицательный ответ не слишком удивил Марена: сразу после приказа своему адъютанту связаться с Инскипом он был изобличен как самозванец, и адъютант, разумеется, не стал выполнять указания того, кого считал лже-Мареном. Дэвид глубоко вздохнул и задал решающий вопрос:

- Завершили ли вы свою работу о вооружении, применявшемся в прошлом веке?

После паузы и подчеркнувшего её вздоха Инскип ответил:

- Молодой человек, я не знаю, что у вас на уме, но по вашему тону догадываюсь, что речь идет о чем-то срочном. Желаете ли вы, чтобы я прислал вам второй экземпляр своей рукописи?

- Я не только буду счастлив получить его, но ещё хотел бы сам зайти за ним и побеседовать с вами полчаса, если вы сможете не заснуть до этого времени.

- Если это важно, я не буду спать всю эту чертову ночь, и пусть эти бабы только попробуют отправить меня в кровать до вашего приезда!

- Вот это настоящий разговор! - засмеялся Марен. - А теперь выслушайте меня внимательно:

меня интересуют, и срочно, бомбы и ракеты, способные разрушить целый город или уничтожить все на большой площади. Мы готовимся к отражению атак, при которых будут применены бомбы крупного калибра. Что ещё есть подобного?

- Вибрационное оружие. Потом газ, не имеющий себе равных по эффективности. И еще... В общем, я понимаю, чего вы хотите. Я просмотрю свою документацию, а пока могу вам сказать, что есть по меньшей мере пять типов ракет, относящихся к названной вами категории. До скорой встречи.

Встреча заняла девяносто минут этого судьбоносного вечера. Марен вернулся в свою квартиру, не забыв по дороге отдать приказ мобилизовать всех находящихся в городе техников для выполнения чрезвычайного задания.

Дэвид решил не открывать Риве, что он знает, кто она на самом деле. Не из жалости к ней: он подумал, что труп настоящей Ривы Аллен, должно быть, лежит в какой-то тайной могиле, и стиснул зубы. Нет, им двигала не жалость. Просто он не забывал, что эта женщина имела способ ускользнуть от него: несмотря на все меры предосторожности она могла незаметно проглотить яд и этим избежать допроса. Решение могло

быть только одно: заставить её все рассказать с помощью хитрости, вести себя так, словно она действительно та, за кого себя выдает. Что могла узнать она, теперь уже неважно.

Когда он вошел к себе, в ванной журчала вода. Рива вышла оттуда в его халате и, увидев Марена, бросилась к нему в объятия со страстностью молодого животного. Марен цинично ответил ей поцелуями на поцелуи, признавая при этом, что её любовный пыл не был поддельным. Эту женщину действительно сжигала страсть, которую, несомненно, он должен был утолить. Марен разделся. Ему пришла в голову мысль использовать гипнотизирующий газ, но он отказался от этого: такие газы сильно влияют на женский организм, и последствия их действия могут сохраняться ещё дольше, чем последствия действия наркотиков.

- Тогда ты сказал... А потом я сказала...

Сначала Рива отказалась подробно пересказать ему содержание "их" разговора. Она была явно удивлена его требованием и воскликнула, что Марен должен и сам знать, о чем они говорили между собой, когда он лежал рядом с ней на полу. Она вспоминала какую-нибудь фразу, потом качала головой, глядя на Дэвида, словно желала сказать "Неужели вы на самом деле хотите, чтобы

я это повторила?" Тогда она начинала сокращать и обобщать, и Марену приходилось вытягивать из неё подлинные слова и их точный смысл. "Она, должно быть, сильно заинтригована, но при этом ни на мгновение не вышла из своей роли", - подумал Марен. Вожделение, которое все больше охватывало Риву, мешало ей вспоминать. Хотя, может быть, это тоже была расчетливая игра: возможно, она хотела таким способом выяснить, насколько ценна для Марена эта информация, и определить, что в её рассказе интересует его больше всего. При других обстоятельствах полнейшее спокойствие, с которым эта женщина вела свой любовный шантаж, восхитило бы Марена. Но он твердо держался того объяснения, которое дал Риве по поводу своего любопытства: он тогда частично был под влиянием гипнотического средства и потому его воспоминания об этом времени спутанные и смутные, а он хочет знать, что его похитители могли из него вытянуть, - и не отступил от этой легенды.

Понемногу у генерала сложилось убеждение, что Траск был немного болтливее, чем хотел, чего обычно нельзя избежать, когда разговор перескакивает с темы на тему, говорил о своих социальных идеях и делал туманные намеки на

свое изобретение, но его открытие было слишком революционным: люди были просто неспособны без посторонней помощи преодолеть психологический барьер и представить себе механический перенос сознания из одного тела в другое, лежавший в основе изобретения Уэйда. Дэвид с облегчением сделал вывод, что шпионка ничего не поняла.

Около четырех часов утра у Ривы больше не осталось сил, и она уснула. Когда её дыхание стало ровным и спокойным, генерал выбрался из постели и выглянул в коридор, чтобы убедиться, что охрана, которую он приказал поставить у своей двери, на месте. Он увидел на посту двух крепких, широкоплечих женщин, опытных сотрудниц Контроля, и приказал им: "Разбудите её в половине девятого, отведите в свой сектор и допросите".

Сделав это, Марен взял свою одежду и прошел к себе в кабинет. В соседней с кабинетом комнате стояла раскладушка. Генерал лег на нее, но из-за волнения и тревоги заснул не сразу.

Эта ночь не пропала зря: одно за другим события, с виду не имевшие друг к другу отношения, прочно связывались в его уме между собой, складывались в одно целое, и это целое приобретало

смысл - смысл такой страшный, что Дэвид не решался взглянуть истине в лицо. "Если это правда, если это правда..." - думал он, дрожа от испуга.

Веки Марена отяжелели, и он закрыл глаза. В этот момент в его уме возникла навязчивая мысль - последняя за эти сутки:

"На этот раз я должен принять решение!"

Глава 35

Марен встал в начале седьмого, надел халат и позвонил заместителю начальника охраны.

- Полковник Грегсон у телефона, - ответил тот сонным голосом.

Марен назвал себя и спросил:

- Задержали вы Скаддера?

- Да, он в наших руках, - теперь Грегсон окончательно проснулся. - До чего он был удивлен!

Марен мог себе это представить: ещё бы, то, что хранилось в такой глубокой тайне, вдруг вышло наружу! Но в ответ он сказал только:

- Немедленно пришлите его ко мне.

- С картой?

- С картой. Да, есть ещё одно дело, Грег...

- Какое?

- Мне нужны все штурмовые бригады, которые у нас есть, с тяжелой техникой, такой, чтобы могла прорывать мощные укрепления. Боевые

действия будем вести в Укрытиях, поэтому осторожнее со взрывчаткой!

- Предполагать, что против нас применят газы и радиоактивные снаряды?

- Будет прекрасно, если предположите.

- Мы будем готовы в девять. Это вас устроит?

- Вполне.

- Тогда можете положиться на меня!

Закончив этот разговор, Марен позвонил в Управление Противовоздушной Обороны.

- Приказ Воздушному Контролю: полностью запретить полеты над городом до новых указаний и постоянно патрулировать над ним на большой высоте. Стрелять по всем аппаратам, если они обнаружены в верхних слоях атмосферы сразу, если в нижних - после предупреждения. Мейер!

- Что прикажете, господин генерал?

- Соблюдайте строжайшую секретность. Людей, которые сегодня на дежурстве, предупредите по мере их заступления на посты.

- Слушаюсь, господин генерал!

Марен положил трубку, встал - и тут осознал, что за время его короткого сна решение было найдено. Он знал, что нужно делать. Марен с идеальной ясностью представлял себе, как ему следует поступить, и никогда не был так уверен

в своей правоте, как сейчас. Он готов действовать, и ничто не сможет его остановить! В хаосе последних событий родился новый Дэвид Марен - человек в полном смысле этого слова. Генерал вспомнил свой жизненный путь, состоявший частью из жестокости, частью из служения идеалу. Это был путь приспособленца: вся его жизнь прошла в рамках ограничений, с которыми он соглашался, чтобы принять мир таким, каким его видел Великий Судья.

Со всем этим было покончено. Конец сомнениям! Конец страху! Одеваясь, Дэвид перебрал в уме то, что он должен сделать в этот решающий день. Нет, больше у него не оставалось никаких колебаний. Все в его уме было четким и ясным. Все было очевидно.

Это будет необычная битва. Но на данный момент в его руках сосредоточена огромная военная сила, которая дает ему возможность вступить в сражение с таинственным неприятелем. И этот неприятель - Мозг - будет вынужден открыться.

Условия боя были фантастическими: враг мог в любой момент подчинить себе сознание своих главных противников. В такой ситуации Марену оставалось лишь одно: решиться действовать первым и бросить свои силы вперед, чтобы заста-

вить противника ответить.

Надо действовать, не заботясь о последствиях.

По почти пустым в этот ранний час коридорам Марен прошел в свой рабочий кабинет. Туда ему подали завтрак, и пока он подкреплялся едой, ввели Скаддера. Карлик выглядел одновременно рассерженным и сильно встревоженным.

- Значит, Траск начал свою игру? Хорошо, но я тут при чем? Я всего лишь согласился дать ему карту. Что тут противозаконного?

- Где эта карта? - резко оборвал его Марен.

Полковник Грегсон, хорошо сложенный человек немного старше сорока лет с неприметной внешностью, достал карту и развернул её под лампами. Глава Группы подошел к прапспу.

- Расскажите мне подробно о том, что показано на этой карте.

Скаддер неохотно подчинился. Из его объяснений стало понятно, что значение для Марена имели этажи 48, 49, 50 и 51 Укрытий. На штабных картах было отмечено, что этот их участок был закрыт и опечатан двадцать пять лет назад по приказу Великого Судьи.

А Мозг, похоже, до сих пор не обращал внимания на то, что готовил Марен! Генерал почувствовал, что снова начинает волноваться, но

его голос звучал спокойно и уверенно, когда он приказывал штурмовым бригадам захватить отмеченные на карте сектора и уничтожить все машины и приборы, которые будут там обнаружены. Разнести все на куски, сжечь все дотла, ничего не оставить! Марену было нелегко отдать такую команду, но выбора не было: у генерала было ощущение, что в его время никто не знает эту технику достаточно хорошо, кроме, может быть, Траска. А Траска он использовать не мог.

Когда приказ был отдан и войска двинулись в путь, Марен поручил одной из частей войск связи срочно доставить на "прыгунах" ко всем телефонным коммутаторам саперов, которые должны были полностью лишить связи Город Прапсп, перерезать все линии связи, идущие в Укрытия, и прервать междугородную связь.

Глава 36

"Жребий брошен!" - сказал Марен.

После напряжения последних часов его мозг был как пустой. Но мощные силы уже пришли в действие. Оставалось только ждать.

Чтобы время ожидания не пропало зря, Марен воспользовался своей властью члена Малого Совета диктатора и члена правительства и послал на все главные радио и телевизионные студии

заявление, которое они должны были передать сегодня в одиннадцать часов утра. Это было заявление об отставке с поста Главы Группы. Он завернул свое кольцо в бумагу и сделал надпись: "Моей любимой Делинди", потом упаковал свою печать и поручил курьерской службе передать её в одиннадцать часов госпоже Селис во дворце Судьи. После этого Марен подготовил служебные письма ко всем Главам Групп с извещением, что он отказывается от всех своих официальных должностей, и уложил свои ордена в драгоценный футляр - посыльный доставит их на военное кладбище хранителю наград. Поскольку Марен не мог выйти из своей Группы, он не сделал никаких попыток связаться с ней.

Без двадцати десять из его личного громкоговорителя зазвучали хриплые голоса офицеров, командовавших штурмовыми бригадами. После наполненной тяжелым ожиданием паузы послышался свист распылителя газа. Марен приглушил звук, но шумы не исчезали, и он выключил аппарат.

Затрещал телефон: звонил его секретарь.

- На проводе полковник Грегсон. Он звонит со своего полевого КП.

- Дэвид, - заговорил Грегсон, - мы сражаемся,

можно сказать, на два фронта. Когда мы продвигаемся в одну сторону, то натыкаемся на прапспов. А на всех других направлениях мы сталкиваемся с механическим чудовищем, которое защищено толстой металлической броней. Судя по показаниям наших датчиков, толщина брони восемь футов. Прапспы и эта машина применяют против нас газы. Нам тут придется несладко!

- Значит, вы разворошили осиное гнездо! - с удовлетворением ответил Марен. - Продолжайте в том же духе!

Он приказал снова привести Скаддера. На этот раз у прапспа был вызывающий вид.

- Я не виновен, - пошел он в наступление, - но я знаю, что происходит. Мы - вернее, те из нас, кто находится в Укрытиях, - можем продержать вас в таком напряжении восемь дней без передышки. Мы ведем переговоры.

Вот чего Марен не ожидал!

- Переговоры! - ошеломленно повторил он. - Но, боже праведный, с кем вы можете их вести?

@BODYM = - С настоящими хозяевами мира! - вызывающе ответил Скаддер и с усмешкой добавил: - И если вы хотите услышать мой совет, вам было бы лучше не пользоваться этими сведениями без разрешения вашего господина и

повелителя, Великого Судьи!

@BODYM = Для Марена, который сжег за собой мосты, важным было лишь то, что слова Скаддера проливали неожиданный свет на тайну загадочных переговоров. Заставляя себя не повышать голос, генерал спросил:

@BODYM = - Не могли бы вы объяснить мне все это подробнее?

@BODYM = - Нет ничего проще. Я начал о чем-то догадываться, когда мне однажды сообщили, что мне будет поручено быстро набрать среди прапспов телохранителей для Великого Судьи. Это было достаточно давно. В то время у нас, у прапспов, было два хозяина: Великий Судья и секретная группа, которая связалась со мной. Вы догадываетесь, кто платил больше? Так вот, щедрее была группа. Это был наш первый выход на сцену. Примерно в то же время появился Траск. У него была теория, что прапспы не результат несчастного случая и последствий войны, и я сразу же понял, что если удастся это доказать, то наше движение сможет стать самостоятельным и покончить с нашей изоляцией от общества. Поэтому я встал на сторону Траска. Порывшись в старых архивах, я узнал достаточно, чтобы убедиться в одном: то, что считали эпидемией,

вначале было экспериментом, который проводила эта самая группа. Вот об этом мы и ведем переговоры, - угрожающим тоном закончил Скаддер. - Мы желаем получить информацию об этих опытах.

@BODYM = Марен чувствовал в этом маленьком уродце всю решимость, на которую способен человек, сражающийся за свою жизнь. Уничтожение Мозга задержится на целую неделю... Он вздрогнул при этой мысли. Возможности для колебаний не оставалось - решение было лишь одно: он тоже должен вступить в переговоры и играть всеми картами, которые имеет на руках. И не время жалеть противника: после одиннадцати часов он уже не будет иметь власти члена правительства. Марен пошел в наступление:

@BODYM = - Скаддер, вы ошиблись, выбирая партнера для переговоров: единственный партнер, имеющий нужную силу, это я. Почему - я вам сейчас объясню.

@BODYM = После этого генерал, не повышая голоса, рассказал об арестах, произведенных в Георгии, и коротко изложил сведения, полученные во время допросов.

@BODYM = - Одним словом, - сказал он в заключение, - если вы не свяжетесь со своими

товарищами, которые руководят сопротивлением в Укрытиях, вы будете расстреляны в течение часа. Если они не сдадутся к десяти тридцати, все захваченные в плен будут казнены. Больше я не обсуждаю этот вопрос. Отвечайте: да или нет!

@BODYM = Крошечное крысиное лицо предводителя прапспов побледнело до синевы, но Скаддер был не лишен мужества и спросил:

@BODYM = - Получим ли мы те данные об экспериментах, которые желаем иметь?

@BODYM = - Вся информация по этому поводу, которая станет нам известна, будет передана прапспам, - пообещал Марен.

@BODYM = Какое-то время Ральф Скаддер молчал, сгорбившись и упершись взглядом в пол. Наконец он выпрямился и голосом, похожим на подавленное ворчание зверя, произнес:

@BODYM = - Хорошо! Мы сдаемся!

@BODYM = Победа Марена обернулась тяжелой драмой для прапспов, и генерал мысленно дал себе слово, что займется судьбой этих несчастных, если только у него ещё есть будущее. Может быть, он в силах что-то сделать для них.

@BODYM = Но сейчас в его уме крутился другой вопрос, и Марен задал его Скаддеру: как его, Марена, тело было похищено из тайной лабора-

тории и переправлено в убежище предводителя прапспов?

@BODYM = - Да, - ответил Скаддер, - мои люди отправились искать вас к Траску за час до взрыва. Это была забавная история, - добавил он с невеселым смехом, - Траск в это время был в моем кабинете, и я тянул наш разговор, задерживал его у себя, чтобы мои люди смогли обшарить всю его квартиру сверху донизу.

@BODYM = - Но зачем все-таки вам понадобилось обыскивать его квартиру? Вы же не рассчитывали найти там меня?

@BODYM = - Нет, вам не за что благодарить нас: вам просто повезло. Эта женщина - Рива Аллен, кажется, так? - подняла тревогу и связалась со мной через людей, которые стоят за ней. Она уже много дней наблюдала за Траском, и вдруг он словно испарился: вошел в свой рабочий кабинет и не вернулся. Это озадачило и обеспокоило девушку.

@BODYM = - Спасибо! - Марен чувствовал большое облегчение: тайна разъяснилась.

@BODYM = Он велел привести шпионку, и вскоре та вошла в комнату, очень уверенная в себе, невозмутимо спокойная и веселая: она, очевидно, больше не желала играть роль скрывающейся

от властей куртизанки. Широко улыбнувшись Марену, она радостно воскликнула: "Здравствуй, красавец-любовник!" - и рассмеялась искренним, безмятежным и звонким смехом. Марен вопросительно взглянул на стоявших по бокам заключенной женщин, которых он знал как мастериц своего дела.

- Вы вытянули из неё что-нибудь?

- Мы не отходили от неё с тех пор, как нам её передали - это было без четверти девять. Мы перепробовали все методы убеждения, но на все вопросы она только смеялась.

Марен спокойно покачал головой, но он не тешил себя напрасной надеждой: Рива сумела накачаться наркотиком. Вероятнее всего, наркотик был спрятан в одном из зубов. Достаточно было хорошего укуса. А что такое "наркотик смеха", Марен знал хорошо. Это средство убивало страх. Угроза смерти и пытки вызывали у того, кто находился под его влиянием, эйфорию. Действие наркотика продолжалось минимум двадцать четыре часа. На ближайшее время шпионка ловко увильнула от допроса.

- Уведите её и держите под наблюдением.

Нелегко было Марену отдать этот приказ!

Вошла его секретарша.

- Прибыл лейтенант Бернли.

- Впустите его.

Глава 37

В дверях возникла высокая фигура Дэвида Бернли. Желто-голубой мундир туго обтягивал его широкие плечи. Молодой офицер замер по стойке "смирно".

- А, вот и ты, сын! - воскликнул Марен, намеренно напоминая о своем отцовстве. Генерала немного смутило то, как подействовало на Бернли его дружеское приветствие. Марен сейчас не слишком гордился собой, потому что в этом проявлении родительских чувств был вполне конкретный расчет: в ближайшие часы ему понадобится верность, которую нельзя найти у первого попавшегося подчиненного, - верность, которую отец имеет право ожидать от сына.

Судя по выражению лица, мальчик был глубоко растроган: приветствие подействовало так, как рассчитывал Марен.

- Здравствуй... папа! Вы меня вызывали?

- Я очень рад тебя видеть!

Стыд и чувство вины мгновенно исчезли у Марена: то, что он готовился совершить, имело такое огромное значение, что угрызения совести в подобный момент были чем-то смешным и

второстепенным.

- Я хочу поручить тебе очень ответственное задание.

- Это будет для меня счастьем!

Марен решил не давать никаких объяснений.

- Иди за мной, Дэвид!

Возле двери генерал обернулся к Бернли:

- Под твоим началом будет небольшой отряд. Никто не должен знать, что ты мой сын.

- Есть, господин генерал! - ответил Бернли, отдавая честь, и на его лице отразилась решимость выполнить приказ.

- Речь идет о деле чрезвычайной важности. Вся моя надежда на тебя, ласково продолжил отец.

Бернли с трудом проглотил слюну, комком вставшую в горле, но недрогнувшим голосом ответил:

- Можете положиться на меня, господин генерал!

- Я полагаюсь на вас, лейтенант.

Больше они не обменялись ни словом. Как было условлено заранее, в соседней комнате Марена ждали солдаты - двенадцать рядовых и капрал, присланные в его распоряжение командованием столичного гарнизона. Глава Группы представил им "лейтенанта Дэвида Бернли, ко-

торый назначается командиром этого отряда до нового приказа", и подробно объяснил, что они должны делать. Им Марен тоже не дал никаких объяснений: они опытные солдаты, а он их главнокомандующий - этого достаточно. Все время, пока Марен говорил, он не переставал наблюдать за Дэвидом Бернли, щеки которого постепенно бледнели. Закончив инструктаж, Марен взглянул в лицо Дэвиду-младшему.

- Лейтенант!

- Что прикажете, господин генерал?

- Следуйте за мной со своим отрядом!

- Слушаюсь, господин генерал!

Они поднялись на этаж, где ровно в одиннадцать часов должно было открыться заседание Совета. Марен взглянул на свои часы: осталось ещё четыре с половиной минуты. Все шло точно по графику. У двери зала заседаний стояли на часах пять рядовых охранников и их офицер, все прапспы - значит, Великий Судья уже здесь. Офицер узнал Марена и кивком поздоровался с ним.

- Мы обязаны обыскать вас - так положено, господин генерал.

- Разумеется! - ответил Марен, нажимая на курок спрятанного в кармане нейтрализатора. Потом он схватил офицера свободной рукой и, за-

крываясь им как щитом, выстрелил снова, целясь в одного из охранников. Позади генерала его солдаты уже стреляли в остальных противников.

Боя практически не было - такой полной была внезапность нападения. Шесть прапспов совершенно не ожидали его и потому были побеждены мгновенно.

Марен не стал останавливаться и выяснять, заметил ли кто-нибудь происшедшее. Даже не обернувшись, он вошел в зал заседаний. Часы на стене показывали 11.01. График по-прежнему соблюдался идеально.

Глава 38

Марен неподвижно стоял в проеме двери, открывавшейся в залитый светом зал: он ждал, пока телохранители, насторожившиеся на своих постах за прорезанными в стенах амбразурами, узнают Главнокомандующего и ослабят внимание, а его бойцы, согласно его приказу, скрытно поднимутся по лестнице в коридор для наблюдения, где стоят эти охранники, и начнут вторую внезапную атаку. Потом Марен очень медленно и размеренным шагом направился к Великому Судье, рядом с которым сидел Подредж. Генерал начинал волноваться: это был ключевой момент, и все зависело от синхронности действий. Его сол-

датам была поставлена задача нейтрализовать охранников выстрелами газовых пистолетов, завладеть их оружием, занять их места за амбразурами и служить ему прикрытием. Но нельзя было допустить, чтобы солдаты узнали диктатора до решающего момента: на этом условии держался весь план.

- Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

В сознание Марена навсегда врезалась картина, которую он увидел в последнюю секунду перед тем, как начать действовать: почти все Главы Групп - не хватало только Медельина и грозного Эдмунда Слейтера; Уэйд Траск, прикованный к креслу на нижнем конце стола, и, наконец, в своем белоснежном костюме Великий Судья, который поворачивал к нему лицо.

Пора!

Марен выстрелил через карман в Великого Судью, целясь ему в голову. Гипнотический пистолет генерала имел особую конструкцию: выбрасываемая им струя газа была диаметром всего в несколько молекул. Тем не менее Великий Судья почувствовал легкий толчок, от которого его голова слегка качнулась назад. Впрочем, это могло быть просто сокращение мышц, потому что больше действие выстрела на диктатора ничем

не проявилось. Марен стал ждать. Газ, который он применил, действовал по принципу вируса, только гораздо быстрее. Он мгновенно пропитывал всю сеть кровеносных сосудов, питающих мозг, и нервные клетки тут же реагировали на него: молекулы калия, которые в каждой клетке находятся в подвешенном состоянии на её заряженной электричеством поверхности - точнее, висят в энергетическом поле, которое и есть эта поверхность, освобождались. И тут же возникала путаница в мыслях и чувствах загипнотизированного человека: исчезала соединяющая их между собой огромная сцепляющая сила, которая позволяет им обеспечивать полное единство и целостность сознания человека, его "я".

Диктатор качнулся и стал наклоняться вперед. Подредж и Марен подхватили его, не дав упасть, и посадили в кресло на верхнем конце стола. Голова Великого Судьи склонилась набок, но диктатор был больше похож на расслабившегося человека, чем на потерявшего сознание. Солдаты, которые в этот момент, должно быть, занимают места у амбразур, может быть, удивятся, но не станут задавать себе вопросы. Впрочем, об этой стороне проблемы Марен думал недолго. Как только диктатора удобно усадили, генерал перестал

интересоваться им и повернулся к остальным. Они, кажется, уже опомнились. "Нужно вызвать врача... Ему плохо!" - громко закричал чей-то хриплый голос. Марен, который не предполагал, что непонимание происшедшего может быть таким полным, на мгновение встревожился. Глава Группы Джон Пилер уже открывал дверь. Главнокомандующий с ужасом представил себе, как его тайна будет раскрыта.

Дверь уже приоткрылась, но тут в образовавшуюся щель просунулось дуло нейтрализатора. Оно почти коснулось лица Пилера, и тот отскочил назад, растерянный и озадаченный. Одновременно с его движением державший оружие солдат четко и громко объявил:

- Никто не должен покидать зал: приказ генерала Марена!

- Рядовой, закройте дверь! - приказал Марен со своего места.

- Есть, господин генерал!

Дверь закрылась.

Глава 39

Марен оказался в центре внимания. Большинство повернувшихся к нему лиц окаменело от страха. Но чувствовалось, что под этим страхом тлеет гнев.

- За одно это вы пойдете в конвертер! - бешено выкрикнул Глава Группы Ярини, указывая на бесчувственное тело Великого Судьи. Подредж с грозным видом сверлил генерала взглядом и наконец задал странный вопрос: "Какая муха вас укусила, Дэвид?" Судя по этим комментариям, присутствующие оправились от первоначального шока, поэтому Марен заговорил:

- Не пугайтесь, господа, - это не государственный переворот. Я дам вам все необходимые объяснения. Прошу вас быть очень внимательными.

Советники молча вернулись каждый на свое место за столом. Вдруг раздался шум: Ярини вместо того, чтобы сесть, схватил свой стул и, потрясая им над головой, с воплем бросился на Марена. Не сделав и двух шагов, нарушитель спокойствия вдруг споткнулся и рухнул на пол. На мгновение в воздухе разнесся характерный запах гипнотического заряда. Если бы Марен ещё сомневался контролируют ли его люди амбразуры, этого было бы достаточно, чтобы рассеять его сомнения.

- Господа, - очень спокойно продолжил он. - Не отказывайтесь от права услышать то, что я должен вам сказать. Вам совершенно незачем

беспокоиться о Великом Судье: он очень скоро проснется.

Советники молчали и явно чувствовали себя неуютно. Марен догадывался, что некоторые из них задавали себе вопрос, не повредит ли им в какой-то степени уже одно то, что они слушают его. Но он был готов заставить их слушать и больше не обращал внимания на их сомнения и страхи.

Генерал начал со своей встречи с Траском после приговора, которая закончилась тем, что их сознания поменялись местами, и, ничего не скрывая, рассказал о своих отношениях с ученым. Только после этого он обвинил Великого Судью в том, чего никто не мог заподозрить - что диктатор защищает Мозг и сам находится под его управлением. Услышав это Джон Пилер побледнел, зажал себе уши и закричал во все горло:

- Больше я не стану слушать ни слова из этих предательских фантазий!

Марен снял нейтрализатор с предохранителя и выстрелил. Пока тело Пилера бессильно опускалось в кресло, генерал холодно предупредил остальных:

- Я убежден, что Пилер и Ярини разыгрывают комедию в интересах Великого Судьи. Если вы в дальнейшем потерпите присутствие подобных

трусов на своих заседаниях, Совет покроет себя позором.

На губах Главы Группы Эльстана появилась улыбка, не предвещающая ничего хорошего:

- В любом случае вы не сможете увидеть, кто будет заседать в Совете!

- Совершенно верно, - ответил Марен и холодно сообщил, что он публично объявил о своей отставке.

Подредж пристально глядел на него, не веря своим ушам, и наконец сказал:

- Могу я позвонить в свой кабинет? Я хотел бы получить подтверждение этому.

Генерал кивнул в знак согласия.

Положив трубку после этого звонка, Подредж обвел взглядом комнату, не зная, как заговорить: то, что он услышал, явно привело его в замешательство. Наконец советник медленно произнес:

- Заявление Марена произвело сенсацию. Курс ценных бумаг на бирже упал на много пунктов.

Эльстан вскочил на ноги. Это действительно предательство и бунт!

- Я должен позвонить своему биржевому маклеру, - пробормотал он и неуверенно протянул руку к телефону.

- Сядьте и перестаньте срамиться! - гневно

прикрикнул на него Марен. Эльстан помедлил в нерешительности, потом покраснел и вернулся в свое кресло, больше не настаивая на своей просьбе.

После этого Подредж выпрямился и сказал:

- Дэвид, я хотел бы задать вам вопрос: чем вы объясните, что Мозг ни разу не выполнил обмен телами, хотя и знает этот процесс?

Несколько мгновений Марен молчал. Но у него не было никакого способа избежать изложения теории, которую он построил на этот счет и принял в качестве рабочей гипотезы. Наконец генерал ответил:

- По моему мнению, а оно, я подчеркиваю, основано на том, что Мозг не смог сделать меня бессильным, - так вот, по моему мнению, Мозг совершенно ничего не знает о переносе сознания. Думаю, установив в тюрьме контакт с Траском (то есть на самом деле со мной), он случайно включил какой-то механизм нервной деятельности, который автоматически вернул наши сознания в их первоначальные тела. Более того, я думаю, что Мозг дезориентирован этим явлением.

- Это лишь предположение, - сказал Подредж.

Марен утвердительно кивнул. Он начинал злиться: неужели никто из них не может понять,

какую борьбу он выдержал, чтобы добыть эти факты и раскрыть их? Но ничто в голосе генерала не выдало его раздражения, когда он ответил:

- Разумеется, это лишь предположение. Но то, что все действия Мозга, направленные против меня, потерпели неудачу, доказывает, что оно логично. К тому же правда, какова бы она ни была выяснится до конца дня.

- Вы хотите сказать, что теперь, когда Мозг загнан в угол, он будет вынужден показать, каковы на самом деле его возможности?

Это было настолько очевидно, что Марен чуть не дал волю своему нетерпению. Но генерал удержался от язвительного замечания, которое уже было готово сорваться с его губ: он понял, что Подредж, описывая ситуацию на таком примитивном уровне, пытается ему помочь. Марен вдруг сообразил, что его слушатели ещё в шоке и с ними нужно говорить просто.

- Да, это именно так, господин Подредж, - сказал он, повысив голос. Что ещё вы хотели бы, чтобы я разъяснил?

Подредж несколько мгновений бесстрастно смотрел на Марена, потом на волевом лице советника появилась слабая улыбка, и он открыл рот. Но раньше, чем он успел сказать хотя бы слово,

раздался целый хор голосов. Какое-то время все или почти все присутствующие говорили сразу:

- Мозг уже один раз показал свою находчивость. Как мы можем быть уверены, что он не одержит над нами верх?

- Что будет, когда Его Превосходительство проснется? И каков ваш план?

- Как мы сможем узнать, что Мозг действительно побежден?

- Что...

Марен поднял руку.

- Господа, прошу вас, тише! - сделал он замечание советникам. Во вновь наступившей тишине опять прозвучал серьезный голос Подреджа.

- Я думаю, Дэвид, что эта лавина вопросов сводится в основном к одному: что произойдет, когда он (советник указал подбородком на Великого Судью, который по-прежнему был без сознания) придет в себя? Скажу откровенно: как ни странно это может вам показаться, я считаю, что вспышка гнева, свидетелем которой вы были, отчасти объясняется нашим общим беспокойством за вас.

Марен перевел взгляд на диктатора. Какой это необыкновенный человек! Сомнения быть не могло: министры Великого Судьи остались верны своему повелителю. Обаяние этой сильной

личности было так велико, что обнаружение слабостей Судьи даже не пошатнуло веру советников в него. Потом мысли Марена приняли более личный характер: в первый раз за все утро он задал себе вопрос: "Что будет со мной?" Он сжег за собой мосты, теперь он всего лишь рядовой гражданин. Он не имеет никакой законной власти и подлежит всем наказаниям, которые могут повлечь за собой его действия. Чувство, вызванное этой мыслью, было неприятным, но прошло так же внезапно, как возникло.

- Прежде, чем перейти к вопросу о моей судьбе, - без труда ответил он Подреджу, - нам ещё осталось выслушать один любопытный рассказ. Этой ночью, когда я начал угадывать правду, я понял, что находился за кулисами драмы, о существовании которой я не подозревал, хотя в определенном смысле знал её полностью. Дело в том, господа, что все вроде бы не имеющие ничего общего между собой факты: Мозг, возникновение сразу после войны множества государств, быстрая капитуляция почти всех этих стран, как только мы ставили под сомнение их право на существование, бесчисленные казни - на самом деле тесно связаны между собой. И не будем забывать о прекрасной физической форме, в которой

поддерживает себя Великий Судья. А теперь я хочу показать вам достаточно удивительное зрелище.

Марен придвинул стул к креслу Великого Судьи и сел рядом с диктатором.

- Ваше Превосходительство, теперь вы можете говорить. Вы хотите говорить. Вы понимаете меня?

Находившийся без сознания правитель как будто выпрямился.

- Я вас понимаю, - произнес он.

По группе слушателей пробежала дрожь, словно рябь по поверхности воды: все зашевелились на своих местах. Марен заметил это, но не повернул головы в их сторону.

Глава 40

- Сколько вам лет? - спросил Марен.

- О господи! - негромко пробормотал кто-то.

- Семьдесят девять, - ответил Великий Судья.

Марен быстро обвел взглядом стол заседаний: на всех лицах только внимание, все словно околдованы. Никто ни о чем не спрашивал, но нужный результат был достигнут с первого удара.

Генерал повернулся к Великому Судье и продолжил свои вопросы. Постепенно перед советниками разворачивался странный и впечатляющий

рассказ.

Во время третьей атомной войны Великий Судья был офицером связи при штабе Восточной Коалиции. Он знал большую часть секретов и был знаком практически со всеми компетентными специалистами во всех отраслях знаний: учеными, инженерами, исследователями и множеством техников, в совершенстве знавших свое дело. К концу этой катастрофической войны он узнал, что ученые готовили заговор и выяснил, что в научных кругах всех стран шло брожение умов. В воздухе носились идеи, обладавшие огромной силой. Исследования, проводившиеся в военных целях, привели к созданию новых изобретений и оригинальным открытиям во всех областях науки. В частности, был разработан процесс, позволяющий замедлить старение организма и даже в определенной степени обновлять уже постаревшие ткани тела. Было ещё множество других малоизвестных работ, которые могли открыть неслыханные перспективы перед группой достаточно решительных людей, которая набралась бы смелости их использовать.

Полковник Иван Проков понял всю выгоду своего уникального положения: он был единственным штабным офицером, знавшим о

заговоре, и потому имел возможность диктовать его участникам свои условия.

На этом месте рассказа Марен повернулся к Главам Групп и пояснил:

- Только человек, осуществляющий связь между службами, как полковник Проков, имел средства арестовать или казнить во время восстания военных руководителей высшего уровня.

Это уточнение не вызвало никакого отклика, и Марен продолжил свой гипнотический допрос.

Заговорщики к тому времени уже давно установили контакт с подобными им тайными группами, действовавшими на территории Западного Союза, что и позволило им организовать заговор с целью прекратить войну и взять в свои руки управление миром и в итоге осуществить этот план с не имевшим себе равных успехом.

Заговорщики предвидели мощную вспышку шизофренического национализма, прежде всего в Восточной Европе и на Среднем Востоке, поэтому в каждом из нескольких тысяч самостоятельных государств, возникших после войны, взял власть тайный представитель их организации. На все эти новые страны оказывалось огромное давление изнутри и извне. Агент заговорщиков, даже держа в своих руках рычаги

власти, иногда должен был использовать все возможные виды обмана и предательства, чтобы включить доставшуюся ему частицу мира в Мировое государство - в Союз Великого Судьи. Чаще всего для присоединения страны к Союзу оказывались необходимы измена и война.

Тут Марен вмешался снова.

- Как все вы знаете, больше десяти лет я лично руководил всеми этими присоединительными войнами. Я предполагаю, что те главы правительств, кого мы казнили, не участвовали в заговоре, а те, кого мы по той или иной причине оставили у власти, были его участниками. Впрочем, есть одно исключение, - уточнил он, - это Георгия. Но о нем у нас будет возможность поговорить позже.

Первые заговорщики были сторонниками коллективизма, принятого в восточных странах. Они понимали необходимость компромисса с силами, стоявшими за свободное предпринимательство, но для них это был только компромисс, необходимый ради прекращения войны, и они заключили тайное соглашение, по которому Великий Судья должен был, не теряя времени, саботировать проведение капиталистических принципов в экономике, чтобы в конце концов

заменить капитализм социализмом, основанным на принципе Группы.

В течение предусмотренного для этого срока экстремисты сделали первый шаг к отмене компромисса - беспощадно перерезали восемьдесят тысяч соратников по заговору. Но их ждало разочарование: во время войны "западники" спрятали Мозг в тайном укрытии. Через десять лет после бойни Великий Судья попытался провалом попыток разыскать Мозг объяснить экстремистам то, что свободное предпринимательство искоренялось медленнее, чем они хотели. Тогда тайная группа, которая осуществляла свою деятельность через широкую сеть фиктивных организаций, а свой штаб разместила в Георгии, начала опасаться диктатора.

Несмотря на свое долгожительство, заговорщики уже много лет растили себе смену из одаренных молодых людей. Некоторые из этих подрастающих талантов были приняты в тайную организацию, другим не доверяли настолько, чтобы ввести в засекреченное общество, но тем не менее выгодно использовали их.

Уэйд Траск принадлежал ко второй группе, и теперь заговорщики воспользовались Траском, который имел свои собственные взгляды на раз-

витие общества, чтобы раз и навсегда выяснить, могут ли они рассчитывать на сотрудничество Великого Судьи. Для этого диктатору тайно сообщили, что ученый позволил себе бунтарские высказывания.

Траск был арестован и приговорен к смерти.

Тут же началась война с Георгией. Худшие опасения заговорщиков подтвердились: они поняли, что Великий Судья не имеет никакого желания пересматривать компромисс между группизмом и свободным предпринимательством. Они бросили бунт Траска как перчатку на арену, и, приговорив ученого к казни в конвертере, диктатор ясно показал своим бывшим друзьям, что теперь от стал их непримиримым врагом.

- Что вы думаете обо всем этом, Уэйд? - спросил Марен.

Изобретатель смотрел перед собой невидящим взглядом. Услышав вопрос Марена, он шевельнулся и устало пробормотал:

- Кто бы мог подумать, что третья атомная война ещё не закончилась?

- Ваше Превосходительство, - продолжил Марен, повернув голову к диктатору, - вы хотите рассказать нам ещё кое-что, так ведь? Есть ли заговорщики среди Глав Групп?

- Два заговорщика: Ярини и Джон Пилер.

- Отлично! - Марен обвел присутствующих взглядом с видом величайшего удовлетворения. - Вот кто доказал свою полнейшую бездарность: они не сумели помешать мне действовать.

- Вы все же должны учесть, Дэвид, насколько внезапными были ваши действия, - мягко заметил Эльстан. Но Марен едва расслышал его, поскольку уже переходил к следующему вопросу.

- Вы хотите рассказать нам... рассказать нам, как захватить этих... коммунистов, Ваше Превосходительство!

Ответ был жестоким:

- Для этого нет никакого надежного метода: участники заговора, как правило, замаскированы. Они находят людей, не вызывающих подозрений, изучают их привычки, потом убивают или похищают таких людей и занимают их места.

- Сколько примерно у них крупных руководителей? Я подчеркиваю крупных, то есть имеющих доступ к органам власти нашей страны.

- Около трех тысяч.

- У них обязательно должен быть центральный штаб, центр информации и связи. Вы хотите

рассказать нам о нем, Ваше Превосходительство, - поторопил Великого Судью Марен.

- Я не знаю, где он находится.

Марен был разочарован, но не стал настаивать. Однако он ненадолго задумался над этим. Всего три тысячи человек! Это совсем немного! Члены такого малочисленного комитета вполне могли в случае неудачи своего дела собраться на относительно малом пространстве. Например, в Георгии! И если бы они слишком поздно узнали о начале наступления, они уничтожили бы свои технику и документацию вместо того, чтобы вывезти их. Это и произошло. И происходит сейчас.

Марен с беспокойством спросил:

- Предупредили ли вы эту группу об атаке, которая готовилась против Георгии, и если да, то когда?

- В день, когда был вынесен приговор Траску.

- Значит, позже, чем это обычно делается в подобных случаях?

- Да, намного позже.

Глава Группы Гейнс, который до сих пор лишь молча смотрел на происходящее своими большими печальными глазами, теперь прервал допрос.

- Мне непонятно кое-что: почему вы посчитали нужным загипнотизировать Его Превосходи-

тельство? Мне кажется, что под давлением неопровержимых доказательств Великий Судья заговорил бы сам.

- Мы ещё дойдем до этого. Почему вы предупредили их? - продолжил он, глядя на диктатора.

- Я надеялся, что они не порвут со мной раньше, чем я буду готов завладеть всем остальным миром. Я хотел убедить их, что разногласия между нами не принципиальны и касаются лишь выбора подходящего момента для преобразования нового строя.

- Но почему именно вы отказывались порвать с ними?

- Они угрожали, что перестанут поставлять мне эликсир долголетия.

- Понятно! - помолчав, Марен спросил: - Они выполнили свою угрозу?

- Да, на этой неделе я не получил очередную порцию эликсира.

Марен повернулся к Гейнсу.

- Является ли это ответом на ваш вопрос?

- Боже мой... да!

Марен снова резко спросил у главы государства:

- Вы знаете, где находится Мозг?

- Нет.

"Больше к рассказу нечего добавить", - сказал себе Марен. Однако его душевное напряжение вместо того, чтобы ослабеть, наоборот, усиливалось. Он явно знал все фактические данные, необходимые действия выполнялись, и тем не менее...

Подредж встряхнул головой и спросил:

- Какое отношение имеет ко всему этому королевское правительство Георгии? Оно тут как будто совершенно ни при чем.

- При чем. Заговорщики навязали народу, который давно привык к коллективизму, режим западного типа, к тому же монархический. Они явно считали, что такое правительство продержится недолго. Первый "король" Георгии был участником заговора. Он был убит, но от его дочерей скрывали правду и сохранили им жизнь.

- Интрига внутри интриги и ещё третья интрига внутри второй! произнес какой-то Глава Группы.

- Заговор на мировом уровне подразумевает бесчисленное множество особых ситуаций. Он требует привлечения экспертов, администраторов, квалифицированных переводчиков. Один человек сам по себе может составить лишь обобщенный набросок такой схемы, как та, о которой мы сейчас узнали.

- А Мозг? - не выдержал Подредж. - Какое место он занимает во всей этой истории?

Этот вопрос разозлил Марена, но генерал быстро понял, что его раздражение лишь форма возникавшей в его душе мучительной тревоги.

У него было неспокойно на душе, когда он отвечал:

- В наших рассуждениях не хватает одного элемента. У меня складывается впечатление, что нам угрожает ужасная опасность. Интуиция подсказывает мне, что было бы хорошо эвакуировать из города всех жителей.

В зале наступила мертвая тишина.

Глава 41

Молчание нарушил Подредж, и в первый раз с начала этого долгого кризисного заседания он торопился, поэтому его слова звучали отрывисто.

- Это только впечатление, Дэвид?

Но в уме генерала произошел непонятный сбой: он чувствовал что-то вроде тумана в голове, словно его мозг превратился в жидкую кашицу, и с трудом понял слова советника. Марен огляделся. Странно: все расплывалось у него перед глазами и выглядело таким далеким! Люди казались какими-то призрачными фигурами, и в комнате было темно.

Подредж наклонился к нему:

- Не представляю, что может пойти не так на этом этапе. Большинство заговорщиков схвачено. Убежище Мозга найдено, и на Мозг ведется лобовая атака. Город защищен лучше, чем когда-либо за всю свою историю. Единственный человек, который мог бы представлять опасность, если бы Мозг завладел его сознанием, - Великий Судья, а Великий Судья защищен от всего, что могло бы в этом случае ему угрожать. Мы... В чем дело, старина? Вам плохо?

Марен уже знал: что-то не в порядке. Он чувствовал панический страх, такой же сильный, как в те минуты, когда, связанный по рукам и ногам, следил за тем, как часы испускали одну за другой полоски света и те подползали к нему. С огромным трудом, дрожа всем телом, он встал со своего стула и пробормотал, едва шевеля вдруг отяжелевшим языком:

- Помогите мне!

Крепкие руки поддержали генерала и, подталкивая, помогли отойти в сторону.

Постепенно ум Марена немного прояснился и ноги стали уже не такими ватными. Еще немного пошатываясь и борясь с головокружением, Дэвид высвободился из державших его рук, и взгляд его

лихорадочно блестевших глаз упал на Траска. Руки ученого извивались в сковывавших его запястья наручниках, мышцы челюстей и шеи проступили у него под кожей, все тело Траска напряглось и по его лицу стекал пот. Остекленевшие глаза Уэйда, которые, казалось, ничего не видели, встретились с глазами Марена. Траск выпрямился и прерывающимся голосом выговорил:

- Дэвид, несколько минут назад что-то попыталось завладеть моим сознанием.

Тени, окружавшие Марена, снова сгустились. Теперь зал казался погруженным в ночную тьму, а находившиеся в нем люди представлялись Марену черными силуэтами на фоне ещё более черного густого мрака.

"Дэвид Бернли..." - вспомнил генерал. В голове его сына Дэвида Бернли тоже ведь побывало "что-то". Может быть, это оно и есть? Может быть, та же самая сила теперь проникла в его собственное сознание?

В это было тяжело поверить, потому что Марен не ощущал в своем уме никаких четко оформленных чувств или конкретных мыслей. Кроме того, он не чувствовал, что посторонняя сила управляет им. Скорее его состояние напоминало

положение человека, погружающегося в море. Сейчас над ним было лишь несколько футов воды, но когда он опустится глубже, над его головой сомкнутся огромные водные массы.

Эта мысль была, как удар хлыста, и снова привела его в чувство.

Марен, подбирая подходящие слова, спросил Траска:

- Вам приказывают что-нибудь?

- Да. Что-то вроде "прекратить атаку". Мне кажется, что меня принимают за вас!

Это было так неожиданно, что Марену было очень трудно осознать все, что следовало из предположения Траска. Это значило, что Мозг действительно перешел к обороне. Это значило, что теперь Мозг покажет, что он знает и чего не знает.

Он не знал, что сознания Траска и Марена менялись местами. Тем не менее генерала тревожило, что между ним и Траском по-прежнему сохранялась какая-то связь. А она была, потому что ничем другим нельзя было объяснить то сильное возбуждение нервной системы, признаки которого Марен чувствовал только что и продолжал чувствовать сейчас - головокружение, темноту в глазах, ощущение нереальности окружающего.

Несомненно, его организм улавливал гармонические составляющие того пучка энергии, который Мозг направлял на Траска. Что-то от ученого продолжало жить в Марене, а что-то от Марена осталось в Уэйде. Но если Мозг думал, что управляет Дэвидом Мареном, он, несомненно, когда-то установил над ним контроль. Когда же?

Взгляд Дэвида по очереди останавливался на лицах советников - все они были мрачны. Он решительно вынул из кармана свой гипнотический пистолет, установил его на минимальный заряд (который погружал в гипноз человека со средними физическими данными на тридцать минут) и отрывисто сказал:

- Будет лучше, господа, если сейчас вы допросите меня. Пока я буду под гипнозом, постарайтесь узнать, завладел ли мной Мозг.

Потом Марен сел, поднял пистолет и нажал на курок.

- Не люблю я этого. Вы слишком торопитесь, - сказал Глава Группы Эльстан.

"Может быть, он прав?" - смутно подумал Марен.

И это было все: больше он не думал. Он плыл посреди усеянного звездами мрака. Чей-то голос заговорил с Мареном. Он звучал над самым ухом

Дэвида, если только Марен не уловил путем какого-нибудь резонанса мысль, посланную в ум Траска.

- Я есть рад от этот прямой связь. Много лет я не открывать мои планы. Теперь я иметь сообщение для человечества - высший степень важность. Люди плохо уметь думать. Человеческий мысль всегда становится нелогичный от ассоциации. Люди есть должны ненавидеть: они всегда думать внутри рамка ненависти. Человек входить в группа люди и думать только в понятия его группа. Люди никогда не понимать корни своя мысль. Поэтому они не иметь будущее. Без Я ваш вид неизбежно вымирать. Ваш поддержка сейчас есть весьма нужный для Я. В обмен на ваша помощь я предлагать вам свой полный сотрудничество, который делать эффективный ваш настоящий сила. Вы думать, я действовать. Вы управлять, я выполнять. Вы стать мой хозяин с этого момент на весь ваш будущий жизнь. Вы есть согласны?

Это был вопрос, над которым стоило подумать, но Марену по-прежнему казалось, что он плавает в непроницаемом мраке среди ослепительных звезд. Его мысль вернулась к "чему-то", подчинившему себе ум его сына. Был ли это Мозг? И

если да, то помогал ли он заговорщикам?

Ответ прозвучал непосредственно в уме Марена:

- Нет! Я иметь датчики, подключенные к Дэвид Бернли как ко все подчиненные мне люди. Я защитить Дэвид, когда видеть, что он подвергаться опасность. Контроль есть очень хорошо! Два человека найти ваш сын в библиотека военный лагерь. Они надеяться иметь его сотрудничество. Но если сын не сотрудничать, они быть готовы убить его и поставить на его место другой человек в грим. Я завладеть ум Бернли и заставить его говорить "Согласен, хорошо, как вы хотеть". Хорошие вопросы, хорошие ответы. Нет колебание, нет обман. Верно?

Возможность разговора с помощью одних мыслей изумила Марена. Но когда Мозг упомянул о своих "подчиненных", генерал вздрогнул. Он вспомнил об уничтожении квартала Группы 814 и мысленно спросил:

- Это сделали вы?

- Да.

Поскольку Мозг не понял смысла событий, происшедших в квартире Траска, они "казаться" ему опасными. "И я уничтожить это место". "Люди есть плодовитые, они скоро заполнить места тех,

кто умереть". Количество уничтоженных жертв не имело для Мозга никакого значения, пока на земле оставалось достаточно людей, чтобы продолжить человеческий род.

На взгляд Марена, такая философия была слишком варварской, и он ответил:

- Именно поэтому мы хотим вас уничтожить: эта логика нам не подходит!

- Вы говорить совсем глупо. Это есть эмоциональный мысль, типичный для люди. Когда люди есть добрые, они говорить о жалость с поверхностный логика. Но правда не есть такой. Когда у люди возникать ненависть, логика переворачиваться. Тогда происходить уничтожение. Неразумный уничтожение, гораздо более жестокий, чем Я. Я делать логические действия. Ни больше и ни меньше.

В глубине души Марен должен был признать, что в этом анализе была доля правды, но доводы Мозга не действовали на генерала.

- Механический Мозг, управляющий людьми, не представляет для нас ни малейшего интереса. Задание, которое вам дали, было неверно сформулировано. Перестаньте выполнять его и ждите новых указаний. Больше мне нечего сказать.

Ответ был категорический и угрожающий.

- Вы выполнять то, что Я говорить. Вы есть под мой прямой контроль. Контроль не действовать вполне верно - что-то быть не совсем ясно в этот случай - но Я думаю, что он все же есть достаточный.

Возможно, Мозг был прав. А возможно, и нет!

- Я не думаю, что вы контролируете меня, но я хотел бы знать, где, по вашему мнению, вы завладели мной.

- В Укрытия.

Марен почувствовал облегчение и вместе с ним огромную усталость: после долгой тревоги он наконец узнал правду. Он попал под власть Мозга во время той рискованной вылазки в Укрытия под Дворцом, неудачная мысль о которой пришла ему на ум, когда он находился в теле Траска. А теперь он ощущал лишь действие остаточной связи, сохранявшейся между ним и ученым. Марен совершенно не собирался вводить Мозг в курс того, что произошло между ним самим и Траском, но все же не удержался и сказал:

- Мне кажется, что вы заблуждаетесь насчет эффективности вашего контроля.

- Я есть должен признать: это иметь в себе что-то интересный и странный. Но я дать вам дополнительный шанс. Я есть весьма ценный

инструмент. Я иметь в моей память документация за сто двадцать пять лет. Она стоит больше тысяча миллиарды доллары. Это есть первый причина. Второй: когда Я раньше выбрать вас как мой хозяин, Я найти все ваши дети. Все они теперь есть подключены к мои линии управление. Плохо, если Я есть должен убить их.

- Только попытайтесь убить хотя бы одного из них, и я не оставлю вам никакой возможности сдаться! Кроме того, какой вам смысл навязывать мне свою волю, играя на семейных чувствах? Согласно принципу, на котором основаны любовные игры, отец не имеет большого значения.

- Семья всегда есть важный. Но сначала есть нужно разбить старые формы, потом заменить их на новые. Тогда семья возродится на другая основа. Слушать, друг: вы сейчас прекратить штурм. Если нет, Я не иметь выбор: Я уничтожить весь город. Мои правила не оставить мне другой выход. Думать быстро!

Пауза, которая переросла в молчание. Прекращение контакта.

Марен открыл глаза, увидел, что все, кто был в зале, столпились вокруг него, и почувствовал, что улыбается. Однако его душу сжимала мучительная тревога.

- Объявите тревогу! Всех жителей - в Укрытия! Я не знаю, сколько времени у нас осталось - может быть, всего несколько минут.

Глава 42

Поднявшись на ноги, Марен увидел, что настенные часы показывали 2.10 и долго смотрел на них, не в силах прийти в себя от изумления. Дэвид едва верил своим глазам: ему-то казалось, что с начала заседания прошло гораздо больше времени! Рассказать, что с ним происходило в последнюю неделю, убедить скептиков, допрашивать лишенного сознания Великого Судью - все это было непросто, и порой ему казалось, что время тянется бесконечно. Генерал пришел в ужас от того, что у штурмовых частей Грегсона оказалось так мало времени для прорыва укреплений Мозга.

В страшном беспокойстве, Марен подошел к Траску, который был очень бледен и не сводил с него широко раскрытых глаз.

- Дэвид, лучшее, что вы можете сделать, - это усыпить меня до тех пор, пока все это не кончится. Я соединительное звено между Мозгом и вами. Я все слышал, если только в этом участвует слух.

Марен заколебался: этот последний вопрос представлял для него величайший интерес, но

момент казался ему неподходящим для его обсуждения. Тем не менее он не удержался и спросил:

- Вы хотите сказать, что речь идет о каком-то ином акустическом процессе?

- Вот именно: в слуховой центр мозга вживляется схема с миниатюрным микрофоном, расположенным поблизости от костной стенки уха.

- Значит, телепатия исключена? Но ведь точно установлено, что схема находится в вашем мозгу, как же вы объясните, что я тоже слышу с её помощью?

На лице Траска отражалась усталость.

- Дэвид, на днях я изложу вам мои теории о жизни и эффекте удвоения, но сейчас разрядите в меня ваш нейтрализатор. Наш противник так же беспощаден, как сам человек, а когда он поймет, что вы не желаете играть по его правилам, я буду полностью в его власти! Ради бога, старина, поторопитесь!

Марен установил нейтрализатор на двадцатичетырехчасовой заряд и выстрелил. Ученый медленно поник в своем кресле.

Потом генерал задумчиво подошел к Великому Судье, который полулежал на подлокотнике кресла и, казалось, мирно спал, посмотрел на

диктатора и со вздохом сказал:

- Господа, придется держать его в этом состоянии до конца боя, - и прибавил: - С минуты на минуту надо ждать мощных ударов!

* * *

Незадолго до трех часов дня Мозг понял, что не сможет добиться победы дипломатическим путем: за несколько минут до трех эскадрилья, выполнявшая разведывательный полет над Мексиканским заливом, сообщила по радио, что на поверхности моря появились пять подводных лодок и каждая выпустила одну за другой восемнадцать дистанционно управляемых ракет, которые понеслись к столице с ужасающей скоростью три тысячи миль в час. Воздушный патруль тут же атаковал подлодки, но столкнулся с артиллерийским огнем невиданной силы и потерял более половины своего состава. Его ракеты класса "воздух-вода" были уведены со своих траекторий и взорвались в открытом море, не причинив никакого вреда своим целям. После этого уцелевшие самолеты отступили и запросили указаний у своей базы. Подводные суда ещё какое-то время плавали там же, потом синхронно погрузились, и больше их никто не видел.

Тем временем ракеты мчались к столице с та-

кой невероятной скоростью, что человеческий глаз не смог бы их разглядеть. Но автоматические радары обнаружили их, и длинные тонкие противоракеты по команде электронного устройства взлетели навстречу им с окружавших город укрепленных рубежей. В верхней части стратосферы один за другим вспыхнули девяносто взрывов оборонительные ракеты перехватывали и поражали свои цели. Мозг, сражавшийся за свое существование, взорвал боеголовки своих разлетевшихся на куски ракет. Семьдесят две из них разорвались - семьдесят две атомные бомбы, маленькие по размеру, но способные каждая разрушить целый город, вспыхнули исполинским фейерверком. Ударная волна ощущалась в радиусе ста миль, и приглушенный грохот разрывов донесся до Дворца Глав Групп, где продолжали непрерывно работать в своем зале Дэвид Марен и советники.

Уже давно был передан сигнал тревоги, предупреждавший жителей столицы, что они должны спуститься на самые нижние этажи Укрытий. Кроме того, были получены сообщения о новых ударах противника.

С самолета военной разведки, выполнявшего наблюдательный полет в тридцати милях от

столицы, было передано сообщение:

- Справа впереди облако пыли на расстоянии примерно тридцати миль. Оно движется в направлении города. Скорость десять миль в час.

Место, откуда было выпущено это облако, на данный момент было трудно точно определить. По всей видимости, распыление осуществлялось из длинного подземного трубопровода, связанного с тайным складом. Защитники столицы применили тактику, подсказанную методами, которыми авиация борется с пожарами: навстречу опасности были высланы самолеты, которые поднялись выше облака и опрыснули его химическими составами. Облако медленно разорвалось на мелкие хлопья, которые, крутясь, разлетелись во все стороны и потом растаяли. Там, где пролетела "пыль", погибло все живое: не осталось ни одного зверька, ни одного насекомого, а трава высохла и почернела.

- Подумать только, он прятал все это десятки лет! - пробормотал Эльстан, не в силах опомниться от того, что увидел.

- Подождите, это ещё не все! - мрачно ответил Марен.

А третий этап наступления уже начинался.

С неба полил цветной дождь - розовый, синий,

желтый и зеленый. Марен побледнел и задрожал, когда увидел его на телеэкране: этот дождь не падал ни на один город Земли уже семьдесят пять лет - со второй атомной войны. Как ни ужасна была третья, во время неё воюющие стороны по взаимному соглашению не применяли эти проклятые капельки, начиненные вирусами, спорами и бактериями - возбудителями смертоносных заразных болезней.

Специалисты, которым Марен передал главы рукописи Инскипа, объединенные под заголовком "Дождь", просто не имели тех десятков тысяч тонн антивирусных средств, которые были им необходимы, и поневоле были вынуждены проявить находчивость: они стали лить на город огромные потоки воды из противопожарных установок.

Вода текла ручьями из каждого дома и на каждый дом, смывая разноцветную полужидкую массу в водостоки, по которым та попадала на очистные станции и смешивалась с грязью. После этого перед людьми возникла гигантская задача: уничтожить эту живую массу, которая невероятным образом несла в себе смерть.

За три четверти века до этого дня такой же разноцветный дождь падал на некоторые круп-

нейшие города земного шара много раз и по нескольку часов подряд, так огромны были запасы вирусов, велико ожесточение нападавших и сильно их желание поставить врага на колени. На этот раз ливень прекратился через одиннадцать минут, и Марен облегченно вздохнул: "Ну конечно! Он не может развернуть крупномасштабное наступление".

Позади генерала кто-то вдруг свистнул от удивления. Никакие слова не были бы яснее и многозначительнее этого сигнала и не заставили бы Марена сильнее насторожиться. Марен обернулся - и был настолько изумлен увиденным, что смог лишь пробормотать:

- Ваше Превосходительство!

Великий Судья выпрямлялся в своем кресле! А ведь гипнотический газ, который был ему впрыснут, должен был действовать ещё много часов! Судья сел, огляделся вокруг себя бессмысленным взглядом и произнес:

- Я есть побежден. Мой долг есть капитулировать. Для интересы человечество - не уничтожать Я. Я отменять все приказы, которые есть даны мне. Я очистить все мои схемы, чтобы принять новое задание. Советники, теперь вы есть должны быть справедливые. Я есть полностью готов к

будущее применение.

Передав сообщение Мозга, диктатор бессильно упал на спинку кресла и остался лежать неподвижно. Его тело обмякло, дыхание было частым и тяжелым.

После этого в зале долго стояла тишина, которую внезапно нарушил восторженный возглас Подреджа:

- Дэвид! Скоро Великий Судья проснется и узнает свой голос, когда будет прослушивать записи заседания. Теперь он не сможет сомневаться, что находился под управлением Мозга, и поймет, что ваши действия были необходимы. Вы можете также рассчитывать на мою поддержку: я не соглашусь ни с каким требованием наказать вас и не одобрю никакие меры, которые могли бы быть приняты против вас в связи с тем, что вы сделали.

Эти слова были встречены одобрительными восклицаниями и аплодисментами всех советников. Все окружили Марена, стали пожимать ему руку и звонко хлопать по плечу. Когда восторг утих, герой дня взял трубку своего телефона и, прикрыв её ладонью обратился к советникам:

- Я считаю, что Мозг не лжет, поэтому, если никто не против, я сейчас отдам Грегсону приказ

прекратить огонь и ждать, пока машина сама откроет проход.

Никто не был против.

Отдав эту команду, Марен положил трубку и, глядя на Подреджа, покачал головой, но не высказал вслух беспокоившие его мысли. Остальные Главы Групп, похоже, не понимали, что произойдет в душе Великого Судьи, когда он будет вынужден признать, что находился под управлением Мозга. Столько безвинных людей убито лишь потому, что они, может быть, имели какую-то информацию о Мозге, - такое не может не вызвать тяжелейшей борьбы чувств в душе человека, даже если он ничем не ограниченный властитель. И ему может оказаться легче свалить свою вину на другого, чем признать свою ответственность за эти смерти.

Но Марен ограничился лишь тем, что бесстрастно произнес:

- Думаю, что военная операция закончена. Когда Его Превосходительство проснется, будьте добры сообщить ему, что я нахожусь по этому адресу.

Он написал на листке адрес собственного особняка Делинди, положил записку в конверт, запечатал его и молча протянул Подреджу.

Генерал и советник пожали друг другу руки.

Глава 43

- Его гнев не проходит. Он отказывается видеть вас, - сказал Подредж Марену по телефону.

Генерал повесил трубку, вернулся к увлеченно читавшей книгу Делинди, лег на траву у её ног и задумался. Взгляд Марена блуждал по окутанному легкой дымкой горизонту. Прошло примерно три недели. Ему повезло, что он ещё жив.

Молодая женщина отложила книгу и спросила:

- Ну что?

Марен ласково улыбнулся ей.

- Думаю, мы можем начать привыкать к мысли, что он не убьет меня, моя любовь, моя обожаемая Анделиндамина!

Когда Дэвид произносил георгийское имя своей любимой, в его голосе звучала нежность. Этот вопрос был улажен ещё в тот день, когда Марен приехал к ней после победы над Мозгом. Он спросил Делинди, верно ли, что она и сестра георгийской королевы - один и тот же человек, и она без колебаний признала, что это правда.

- Я и не верила, что он убьет тебя. Хотя считается, что мужчины уничтожают то, что любят, - ответила она и стала смотреть куда-то вдаль.

- Особенно разгневанные мужчины, - согласился Марен и покачал головой. - Когда человек по-настоящему разъярен, дорогая, он нелегко меняет свое мнение. Я знал таких: их злоба гаснет только вместе с их жизнью. Против них есть одно средство: пуля или дубина. Чтобы вернуть их в нормальное состояние, нужен по-настоящему мощный удар - эмоциональный или иной. И даже он ещё должен быть нанесен с достаточной силой. Другого решения не существует.

- Твое рассуждение ошибочно уже в исходной точке, - твердо ответила Делинди. - Великого Судью можно убедить. Кроме того, я сейчас сама поговорю с ним.

Марен покраснел.

- И в самом деле... Я больше не думал об этом!

Делинди наклонилась к любимому, нежно поцеловала его в лоб и прошептала:

- Дэвид, милый, я здесь с тобой потому, что очень хочу этого, а не потому, что ты приказал!

Потом она встала и уверенной походкой направилась к дому, бросив через плечо:

- Я иду звонить ему.

Марен не шевельнулся. Он сгорал от ревности.

* * *

- Я не собираюсь подавать в отставку, но в мо-

ем нынешнем положении я должен подумать о преемнике для себя. Тем более, что меня ожидает старость, - сказал Великий Судья.

- У вас впереди ещё много лет, Ваше Превосходительство!

Марен держался немного официальнее и скованнее, чем обычно. Он и Великий Судья разговаривали во Дворце на следующий день после того, как Делинди позвонила диктатору.

- Разумеется, существует много возможностей. Например, эликсир долголетия ещё может быть найден, хотя мои бывшие товарищи уничтожили все его запасы. Как бы то ни было, о вашем месте в правительстве мы сможем поговорить в другой раз. Основная причина, по которой я вызвал вас сегодня, другая: я размышлял по поводу философии Траска и в конце концов пришел к мысли, что в его взглядах на Группу, может быть, содержится ответ на один вопрос, который постоянно мучил меня с тех пор, как я узнал, что вы живете с Делинди. Тогда я просто приказал ей расстаться с вами.

- Ваше Превосходительство! - воскликнул Марен, побледнев. Он был в полном замешательстве: разговора на эту тему он меньше всего ожидал от Великого Судьи.

- Видите ли, Дэвид, - спокойно продолжал глава государства, - в моей жизни есть много тайн, и не самая малая из них - мое давнее желание иметь как можно больше детей. Я произвел на свет не один десяток сыновей и дочерей, прежде чем понял, что из-за них стал очень уязвимым для врагов. Тогда я скрыл от своих детей, что я их отец. Я скрыл это и от вас, и от вашей сестры Делинди.

- Я ваш сын? Делинди ваша дочь? - потрясенно спросил Марен и прерывающимся голосом добавил: - Это и есть то, что вы ей сказали, чтобы она навсегда покинула меня?

- Да. Я не заметил, как вы сблизились с ней. Это была ошибка с моей стороны.

Марен открыл рот, но от волнения слова застряли у него в горле. А Великий Судья продолжал говорить:

- Я полагаю, что в любовных играх рано или поздно был неизбежен случай, когда брат покоряет сестру по отцу, не зная о своем родстве с ней. Риск этого становится все меньше, но в прошлом архивные данные были недостаточно полными. Короче говоря, я попросил назначить Даррелла (как он называл себя здесь) послом Георгии в нашей стране потому, что надеялся видеть рядом с собой его дочь Делинди, которая на самом деле

моя дочь.

Ум Марена обрел всю свою обычную ясность: как обстояло дело с его рождением, он знал гораздо лучше, чем Великий Судья. В самом начале войны родители Марена попали в плен. Когда он стал взрослым, мать искренне призналась ему, что была любовницей Судьи. Как она сказала, диктатор был убежден, что Дэвид его сын, и благодаря этому тот мог надеяться на благосклонность главы страны. "Но ты не его сын, - добавила она. - Я и твой отец почти не расставались друг с другом, пока были в плену, и мне пришлось приложить много стараний, чтобы Великий Судья считал себя твоим отцом. Если он когда-нибудь заговорит с тобой об этом, притворись, что удивлен".

- Значит, - медленно заговорил Марен, - дочь посла - ваша дочь и ваш интерес к ней был отцовским?

Диктатор улыбнулся:

- Она просто чудо. Я горжусь, что у меня такая дочь.

- Но, - осторожно продолжил Марен, - как в те времена посол согласился, чтобы его жена и вы...

- Бросьте, Дэвид! - усмехнулся диктатор. - Вы же знаете, что тогда шла война. Он был на фронте. А она была гораздо более светской, чем позже.

Делинди мой ребенок, хотя жена посла и убедила меня, что младенец родился раньше срока.

Марен нисколько не сомневался в том, кто настоящие родители Делинди. Великий Судья, возможно, хранил много тайн, но ему не было известно, что сестра георгийской королевы для пользы своего государства заняла место дочери дипломата.

- Как вы сказали, вы считали, что нашли средство, решающее проблему кровосмешения?

- Я твердо решил, что мы должны сделать попытку.

Марен напряг все силы, чтобы сдержать бурливший в его душе восторг.

- Должен ли я понять, Ваше Превосходительство, что вы готовы допустить, чтобы я воспользовался новым законом, разрешающим брак между мужчиной и женщиной, которые произвели двух общих детей в результате любовных игр, и женился на Делинди Даррелл?

Великий Судья встал со своего места и протянул руку собеседнику.

- Это всего лишь формальность, Дэвид! Вы можете быть счастливы друг с другом. Я убежден в этом.

- Я тоже, Ваше Превосходительство!

Великий Судья и Марен пожали друг другу руки.

Пока они шли по аллее к выходу, Марен размышлял над этим разговором.

"Это не просто формальность, - говорил он себе. - Я не его сын. Делинди не его дочь, но поскольку он считает нас своими детьми, для него, по крайней мере в области чувств, все происходит так, как если бы он действительно был нам отцом".

У Марена возникло предчувствие, что этой мыслью он прикоснулся к великой тайне человеческой природы. Существует какая-то идея - мысль или чувство - которая, если люди воспримут её, утолит их неотступное желание близости друг к другу. Они пытались выразить эту близость словами "товарищ", "друг", "брат", но идеал быстро улетучивался из этих звуков и растворялся в туманной дали истории. Может быть, такие чувства способны послужить цементом, скрепляющим человечество, а новые отношения между человеком и Группой сделают их прочнее.

Вдруг эти серьезные мысли покинули Марена, и он почувствовал, что улыбается. Ему было весело, и он знал, почему: это было тайное удовольствие от победы над противником, чье превосходство было подавляющим.

"Подержать Старика в своей власти - это стоило всего остального!" - с лукавым озорством подумал он.

КОНЕЦ

Альфред Элтон Ван Вогт
Корабль-бродяга

Форду Маккормаку, другу, логику, техническому эксперту, единому во многих лицах, чувствующему себя как дома не только в экзотических мирах сверхсветовых скоростей, но и на сцене маленьких театров, — у которого я позаимствовал кое-какие концепции и почти все научные идеи, использованные в этой фантастической истории.

1

Краем глаза молодой Лисби увидел Ганарета, который по лесенке поднимался на капитанский мостик космического корабля, и испытал смутное неудовольствие. Девятнадцатилетний Ганарет был крепким и рослым юношей с квадратной челюстью и агрессивными манерами. Как и сам Лисби, он родился на корабле. Поскольку Ганарет не имел офицерского звания, ему не разрешалось появляться на мостике, и это, ко всему прочему, еще сильнее раздражало Лисби.

К тому же его вахта заканчивалась через пять минут.

Ганарет взошел на последнюю ступеньку и шагнул на застеленный ковром пол капитанского мостика. Должно быть, он смотрел только себе под ноги, поскольку восхищенно ахнул, подняв взгляд к черным, усыпанным звездами небесам. Его реакция удивила Лисби. Ему не приходило в голову, что на корабле есть люди, которые видели космос только на экранах мониторов.

Голая холодная реальность звездного неба, от которого их отделял лишь прозрачный пластик, произвела на Ганарета сильное впечатление. Лисби ощутил легкое превосходство. Ему разрешали приходить на мостик с самого раннего детства.

Для него все здесь казалось обычным, как и сам корабль.

Он видел, что Ганарет постепенно приходит в себя.

— Значит — сказал Ганарет, — вот как это выглядит. И где же Альфа Центавра?

Лисби неохотно показал на очень яркую звезду, которую можно было разглядеть и без приборов астронавигации. Интересно, обязан ли он доложить о появлении на мостике Ганарета, ведь

гражданский персонал не допускается сюда?

Ему не хотелось этого делать, прежде всего потому, что не стоило раздражать других молодых обитателей корабля. К нему и без того относились с опаской, ведь Лисби был сыном капитана. А если он доложит о приходе Ганарета, то и вовсе окажется в изоляции.

Он вдруг отчетливо представил себе, что ведет такой же одинокий образ жизни, как его отец. Лисби тихонько покачал головой: нет, он не будет так жить.

Через несколько минут его вахта закончится, он возьмет Ганарета под руку и постарается по-дружески ему все объяснить. Однако Лисби заметил, что Ганарет смотрит на него с циничной улыбкой.

— Не похоже, что до нее близко. Выходит, колонистов обманули, когда заявили, что корабль будет лететь со скоростью света или даже быстрее и доберется туда через четыре года, — язвительно заметил Ганарет.

— Еще девять лет, и мы будем на месте, — ответил Лисби.

— Ну да! — презрительно бросил Ганарет. — Это мы еще посмотрим. — Он повернулся к Лисби. — А где Земля?

Лисби подвел его к противоположному краю мостика, где стояло смотровое устройство, и направил его на земное Солнце.

Почти минуту Ганарет не мог оторваться от созерцания Солнца. На его лице появилось мрачное выражение, плечи опустились.

— Оно так далеко, — прошептал он. — Даже если мы прямо сейчас повернем обратно, нам с тобой будет по сорок лет, когда корабль доберется до Земли.

Потом он резко обернулся и схватил Лисби за плечи.

— Ты только представь себе! Сорок лет. Половина нашей жизни пройдет, но у нас еще останется надежда получить хоть какое-то удовольствие — если мы повернем прямо сейчас.

Лисби высвободился из цепких пальцев, его охватила тревога. Прошло больше года с тех пор, как он в последний раз слышал подобные разговоры от других молодых парней. Тогда его отец прочитал лекцию о важности путешествия к Альфе Центавра, и настроения среди молодых людей изменились.

Похоже, Ганарет сообразил, что ведет себя глупо. Смущенно улыбнувшись, он отступил назад и решил обратить все в шутку.

— Но теперь, когда мы находимся всего в девяти годах от Центавра, глупо поворачивать обратно, через восемнадцать лет мы вернемся.

Лисби не стал спрашивать: «Куда вернемся?» Уже довольно давно большинство находящихся на борту людей пришло к выводу, что исходная цель полета потеряла всякий смысл. Разве они не видят Солнце, которое совершенно не меняется? Значит, необходимо вернуться на Землю. Лисби знал, что молодежь считает его отца старым дураком, который не осмеливается повернуть обратно, поскольку опасается насмешек своих коллег-ученых. Гордость глупого старика вынуждает обитателей корабля провести всю жизнь в космосе. Лисби и сам испытывал ужас от такой перспективы и не мог не порицать отца вместе со всеми.

Он посмотрел на часы и с облегчением обнаружил, что пришло время переключиться на автопилот. Его вахта закончилась. Он повернулся к приборной панели, пересчитал гаснущие огоньки и сверил показания приборов с докладом двух физиков, находившихся в машинном отделении. После чего еще раз пересчитал горящие огоньки. Все в порядке. Теперь в течение двенадцати часов кораблем будет управлять электроника. Потом

на вахту на шесть часов заступит Карсон. За ним, через двенадцать часов, придет очередь первого помощника, которого сменит Браун, третий помощник. Пройдет еще двенадцать часов, и на капитанский мостик вернется Лисби.

Так Лисби жил с тех пор, как ему исполнилось четырнадцать лет. Надо признать, его обязанности не были слишком уж сложными. Старшие офицеры корабля не очень напрягались. Однако они трепетно относились к своей работе и всегда вовремя заступали на вахту. Несколько лет назад Браун даже приказал прикатить его на капитанский мостик в кресле на колесиках и всю вахту провел вместе со своим сыном, который помогал заболевшему отцу все шесть часов.

Такая преданность долгу смущала юного Лисби, и он предпринял одну из редких попыток поговорить с отцом. Он спросил, что заставляет Брауна столь рьяно исполнять свои обязанности. Старик насмешливо улыбнулся и объяснил:

«Право стоять на вахте повышает статус офицера, поэтому следует рассматривать его с максимальной серьезностью. Поведение Брауна может служить наглядным тому примером. Мы принадлежим к официальному правящему классу, мой мальчик. Веди себя с этими людьми уважитель-

но, обращайся к ним по званию, а в ответ они будут признавать твой статус. От того, насколько тщательно мы будем соблюдать формальности, зависит отношение команды к офицерам».

Лисби уже знал, что статус имеет известные преимущества: самые красивые девушки охотно ему улыбались, а когда он улыбался в ответ, с удовольствием проводили с ним время.

Вспомнив улыбку одной особенной девушки, он вдруг сообразил, что у него едва остается время, чтобы освежиться перед началом фильма.

Тут только Лисби заметил, что Ганарет смотрит на часы на приборной панели. Юноша перевел взгляд на Лисби.

— Ладно, Джон, — произнес он, — пора мне кое-что тебе сказать. Через пять минут после того, как начнется фильм, моя группа захватит корабль. Мы намерены сделать тебя капитаном, но только при условии, что ты повернешь к Земле. Мы не станем трогать старых чудаков — если они будут вести себя скромно. Если же окажут сопротивление, тогда получат по полной программе. Ну а если ты попытаешься предупредить своих, капитаном тебе не быть.

Не обращая внимания на вытаращенные глаза Лисби, Ганарет продолжал:

— Главное для нас не вызвать подозрений. Из чего следует, что все, в том числе и ты, должны вести себя как обычно. Как ты поступаешь, когда заканчивается твоя вахта?

— Иду в свою каюту и принимаю душ, — честно ответил Лисби.

Он начал приходить в себя после испытанного потрясения. И удивительное дело, Лисби охватило беспокойство: вдруг эти глупцы все испортят, их мятеж потерпит поражение и безумное путешествие будет продолжаться бесконечно. Сообразив, что он сочувствует мятежникам, Лисби сглотнул и ощутил смущение.

— Хорошо, но я иду с тобой, — сказал Ганарет прежде, чем Лисби успел взять себя в руки.

— Возможно, будет лучше, если я не стану заходить домой, — с сомнением ответил Лисби.

— И вызовешь подозрения у своего отца! Вот уж нет!

Лисби не знал, что ему делать. Он понимал, что становится участником мятежа, а на этом пути его могли поджидать неизвестные опасности. Однако эмоции, возникшие в глубинах его существа, продолжали управлять им.

— Ему не следует видеть нас вместе, — тоном заговорщика ответил Лисби. — Ты ему не нра-

вишься, и он непременно спросит, что я с тобой делаю.

— О да, я ему совсем не нравлюсь! — воинственно сказал Ганарет, но на его лице неожиданно выразились сомнения. — Хорошо, мы пойдем в кинотеатр сразу. Однако помни о том, что я тебе сказал. Веди себя осмотрительно. Делай вид, что ты ничего не подозреваешь, но будь готов принять командование кораблем. — Он неожиданно положил руку на плечо Лисби. — Мы победим. Боже мой, у нас нет другого выхода.

Когда они спускались вниз, Лисби обнаружил, что все его мышцы напряжены, словно он приготовился с кем-то драться.

2

Лисби опустился на свое место. Вокруг рассаживались зрители. Лисби успел поразмыслить о том, что ему предстоит. Если он намерен что-то предпринять, то сейчас самое время — потом будет поздно.

Стоявший в проходе между рядами Ганарет что-то прошептал на ухо другому молодому человеку, а потом плюхнулся в соседнее кресло.

— Осталось всего несколько минут, — зашептал он, наклонившись к Лисби. — Нужно подождать,

когда все займут свои места, погаснет свет и начнут показывать фильм. Тогда я в темноте выйду на сцену. Лишь только зажжется свет, присоединяйся ко мне.

Лисби кивнул, но ему было не по себе. Всего несколько минут назад он сочувствовал мятежникам, однако теперь, когда свет в зале начал меркнуть, Лисби стало страшно. Он не мог себе представить, что произойдет. Нечто ужасное, подумал он.

Прозвенел звонок.

— Сейчас начнется фильм, — прошептал Ганарет.

Время неумолимо шло. Лисби ощутил непреодолимое желание действовать. Он вдруг решил, что мятежники используют его на ранней стадии восстания, а потом избавятся от него. Неожиданно Лисби пришел к выводу, что ничего не выиграет, если мятежники одержат победу.

Охваченный отчаянием, он завертелся в своем кресле, пытаясь найти путь к отступлению.

И сразу же отказался от этой мысли. Его глаза быстро привыкли к полумраку зала. В одном из соседних рядов он заметил офицера Брауна с женой. Браун перехватил его взгляд и кивнул. Лисби умудрился ответить ему кривой улыбкой

и отвернулся.

— А где Карсон? — спросил Ганарет.

Лисби удалось раньше его отыскать первого помощника Карсона, который сидел в задней части кинотеатра, а также второго помощника, устроившегося в одном из передних рядов. Из старших офицеров корабля не было только капитана Лисби. Это вызвало у Лисби некоторое беспокойство, но в целом кинотеатр был почти полон.

Фильмы показывали три раза в неделю. Три раза в неделю восемьсот человек собирались в зале и молча смотрели на изображения далекой Земли, скользившие по экрану. Обитатели корабля редко пропускали эти сеансы. Его отец должен был появиться с минуты на минуту.

Лисби приготовился принять неизбежное. На экране замелькал свет, послышались первые аккорды. Затем голос произнес что-то относительно «важного процесса», по экрану пошел текст и список экспертов. И вновь взгляд Лисби переместился к месту, зарезервированному для его отца.

Оно продолжало пустовать.

Лисби испытал потрясение, его переполняло предчувствие неминуемой катастрофы, он вдруг понял, что отец знает о заговоре.

На молодого человека нахлынуло разочарование. Он с горечью осознал, что путешествие будет продолжаться. И удивился собственной реакции. Оказывается, он не понимал всей глубины отвращения к своей нынешней жизни, на расстоянии семи тысяч восьмисот дней от Земли. Он повернулся, чтобы высказать Ганарету все, что думает по этому поводу.

Лисби уже раскрыл рот, но тут его вновь охватили сомнения. Если мятеж будет подавлен, то ему не следует ничего говорить в поддержку Ганарета. Он со вздохом откинулся на спинку кресла. Гнев исчез, а с ним вместе и разочарование. Что ж, значит, они будут лететь дальше.

Между тем на экране показывали заседание суда.

— …Этот человек совершил предательство. Законы Земли не заканчиваются за пределами стратосферы, на Луне или на Марсе…

И вновь Лисби отвлекся. Его взгляд вернулся к месту капитана, и с его губ сорвался вздох, когда он увидел, как усаживается отец. Значит, он ничего не подозревает. И его опоздание лишь случайность.

Через несколько секунд вспыхнет свет, и юные мятежники захватят власть на корабле.

Как ни странно, только теперь его внимание обратилось к происходящему на экране. Казалось, сознание молодого человека пытается избавиться от чувства вины, стараясь переключиться на внешние события. Лучше смотреть на окружающий мир, чем заглянуть к себе в душу.

Действие происходило в суде. Очень бледный юноша стоял перед судьей в черном головном уборе, и тот произносил:

— Вы хотите что-нибудь сказать перед объявлением приговора?

Ответ прозвучал неуверенно и с большими паузами.

— Ничего, сэр… если не считать… мы находились так далеко… казалось, мы уже совсем не связаны с Землей. После стольких лет мы подумали, что земные законы больше не действуют…

Лисби вдруг заметил, что в зале стоит мертвая тишина, а условное время начала мятежа давно прошло. И только после того, как прозвучали последние слова судьи, он понял, что восстания не будет, и сообразил почему. Судья с далекой Земли говорил:

— У меня нет выбора, я должен приговорить вас к смерти… за мятеж.

Через несколько часов Лисби зашел в проекци-

онную кабину.

— Привет, мистер Джонатан, — сказал он стройному мужчине среднего возраста, который наводил порядок среди своих пленок.

Джонатан вежливо кивнул в ответ. Однако в его глазах промелькнуло удивление — что здесь делает сын капитана? Выражение его лица напомнило Лисби, что он должен обращать внимание на всех членов экипажа, даже на тех, которые кажутся незначительными.

— Вы показали странный фильм в начале вечера, — небрежно заметил Лисби.

— Да, — Джонатан продолжал возиться с аппаратурой. — Я удивился, когда твой отец позвонил мне и попросил показать именно этот фильм. Знаешь, он очень старый. Его сняли, когда межпланетные путешествия только начинались.

Лисби боялся что-нибудь сказать — его мог выдать голос. Он кивнул, делая вид, что осматривает аппаратуру, а потом быстро вышел — сам не понимая, куда направляется.

Целый час он блуждал по кораблю, пока у него не начало формироваться решение. Он должен повидать отца.

После смерти матери они практически перестали разговаривать.

3

Он нашел старика в просторной гостиной корабельной квартиры, которую они занимали вдвоем. В свои семьдесят с лишним лет Джон Лисби давно научился владеть собой, поэтому он лишь поднял голову, когда вошел его сын, вежливо поздоровался с ним и возобновил чтение.

Прошла минута, прежде чем отец заметил, что сын не ушел в свою спальню, и с некоторым удивлением вновь поднял глаза.

— Да? — спросил он, — Ты хочешь что-то спросить?

Молодой Лисби колебался. На него накатили эмоции, ему вдруг захотелось заключить с отцом мир. Он так и не смог простить ему смерти матери.

— Отец, почему мама покончила с собой? — неожиданно спросил он.

Капитан Лисби отложил книгу. Он побледнел, хотя его лицо уже давно приобрело сероватый оттенок, и глубоко вздохнул.

— Ты задал странный вопрос.

— Я считаю, что должен знать, — настаивал Лисби.

Наступила долгая тишина. Морщинистое ли-

цо старика оставалось бледным, однако глаза неестественно блестели.

— Она часто с горечью говорила о тебе, — продолжал молодой Лисби, — но я никогда ее не понимал.

Капитан Лисби кивнул, словно хотел в чем-то убедить самого себя. Наконец он принял решение и расправил плечи.

— Я воспользовался своим положением, — спокойно заговорил он. — Она находилась под моей опекой, а когда повзрослела, стала привлекательной женщиной, которую я полюбил. При обычных обстоятельствах я бы хранил эти чувства при себе и она бы вышла замуж за своего ровесника. Но я убедил себя в том, что она выживет, если полетит со мной. Так я предал ее доверие, доверие ребенка к отцу, а не женщины к любовнику.

Поскольку юный Лисби никогда не считал свою мать особенно молодой, ему было трудно понять причины ее страданий. И все же он знал, что отец говорит правду. Тем не менее сейчас наступил момент для всей правды, и он решил идти до конца.

— Она называла тебя глупцом и… — он немного помолчал, — и не только. Но я твердо знаю, что ты

совсем не глуп. Однако, сэр, мама поклялась мне, что смерть мистера Тельера не была результатом несчастного случая, как утверждал ты. Она… назвала тебя убийцей.

На бледных щеках отца появились розовые пятна. Старик долго молчал, потом на его губах заиграла слабая улыбка.

— Только время покажет, Джонни, глупец я или гений. Я оказался сильным противником, но только благодаря тому, что Тельеру приходилось набираться храбрости перед каждым следующим шагом, а мне помогал опыт. Когда-нибудь я расскажу тебе о нашей долгой и трудной борьбе. Он так хорошо знал наш корабль, что мог бы меня победить. Впрочем, мне помогал сильный стимул — в отличие от него.

Должно быть, капитан понял, что его объяснения носят слишком общий характер, поскольку продолжил:

— Хватит нескольких фраз, чтобы ты все понял. На момент старта Тельер был убежден, что мы сумеем развить скорость, близкую к скорости света, и в дело вступит теория сжатия Лоренца — Фицджеральда. Как тебе прекрасно известно, мы не сумели развить такую скорость. Двигатель не оправдал надежд Тельера. Как только Тельер

осознал, что нам предстоит долгое путешествие, он захотел повернуть назад. Естественно, я не мог этого допустить. В результате Тельер утратил контроль над своим сознанием, а во время одного из приступов с ним произошел несчастный случай.

— Но почему мать считала тебя виновным в его смерти?

Старший Лисби пожал плечами. Должно быть, сказывалась давняя обида, поскольку его голос прозвучал глухо.

— Твоя мать так и не поняла сути наших научных разногласий. Она знала лишь, что Тельер хочет повернуть назад. Она разделяла его желание и решила, что его знания астрофизика глубже моих познаний астронома и я попросту спорю с человеком, владеющим всей полнотой информации.

— Понятно, — ответил молодой Лисби. — Честно говоря, я никогда не понимал теорию сжатия Лоренца — Фицджеральда, а также сути твоего открытия, которое привело к нашему путешествию.

Капитан задумчиво посмотрел на сына.

— Это очень сложная идея, — сказал он. — К примеру, я анализировал вовсе не само Солн-

це, а искривление пространства. К настоящему моменту это искривление должно было уничтожить Солнечную систему.

— Но наше Солнце не вспыхнуло.

— А я никогда не утверждал ничего подобного, — раздраженно ответил отец. — Мой мальчик, ты найдешь мой отчет среди научных трудов в библиотеке. Там же имеются отчеты доктора Тельера об экспериментах по достижению более высокой скорости. В его бумагах также содержится описание знаменитой теории сжатия Лоренца — Фицджеральда. Почему бы тебе их не почитать в свободное время?

Молодой человек колебался. Ему совсем не хотелось вникать в длинные научные рассуждения — особенно сейчас, в такой поздний час. Однако он прекрасно понимал, что его откровенный разговор с отцом есть результат сегодняшних событий — кто знает, когда у них еще появится такая возможность. Поэтому он решил продолжить расспросы.

— Но почему кораблю не удалось развить предполагаемую скорость? Что случилось? — Он тут же добавил: — Я слышал лекции, которые ты читал экипажу, но мне хорошо известно, что ты рассказывал лишь то, что считал полезным для

продолжения путешествия. Каковы истинные причины?

Глаза старика неожиданно заблестели, и он усмехнулся.

— Похоже, мне удалось обрести инстинктивное умение поддерживать дисциплину и мораль на корабле, не так ли? — Он посерьезнел. — Как бы я хотел передать тебе эти умения! Впрочем, не важно. Ты совершенно прав. Я рассказал то, что считал нужным. А правда тебе уже частично известна. Когда Тельер обнаружил, что выбрасываемые частицы не могут достичь расчетных скоростей, появилась необходимость беречь топливо. Теоретически частицы, разогнавшиеся до скорости света, должны были давать нам почти неограниченную мощность при минимальных затратах топлива. На самом же деле мы потратили сотни тонн топлива, чтобы достигнуть пятнадцати процентов скорости света. И с этого момента мы поняли, что расход топлива не будет уменьшаться. Тогда я приказал выключить двигатели. С тех пор мы летим по инерции с прежней скоростью. Чтобы произвести торможение перед Альфой Центавра, нам потребуется такое же количество топлива. И все будет хорошо, если не возникнет никаких проблем. В противном случае

нам придется заплатить за ошибку Тельера.

— Как? — спросил молодой Лисби.

— Нам может не хватить топлива, — ответил отец.

— Ах вот оно что!

— И еще одно, — сказал капитан. — Мне прекрасно известно, что многие на корабле верят в существование Земли, вопреки моим предсказаниям, и что я подвергаюсь жестокой критике. Много лет назад я обдумал эту ситуацию и решил, что лучше поступиться гордостью, чем спорить. И вот почему: мои полномочия получены на Земле. Если люди поверят, что Земля и в самом деле уничтожена, то те, кто сейчас находятся у власти — я, ты и другие старшие офицеры, — не сумеют сделать то, что мне удалось сегодня: напомнить инакомыслящим о том, как поступает Земля с предателями.

Молодой человек кивнул. Ему совсем не хотелось углубляться в обсуждение данного предмета, и он решил, что пришло время закончить разговор. Он хотел задать еще один вопрос об отношениях между старшим Лисби и вдовой Тельера после смерти его матери. Но он решил, что сейчас лучше об этом не упоминать.

— Спасибо, отец, — сказал он и ушел в свою

спальню.

4

В течение нескольких недель они тормозили. День за днем росли звезды на черном фоне, становясь все ярче. Четыре солнца Альфы Центавра больше не походили на один ослепительный бриллиант — теперь их разделяли темные пространства.

Они пролетели мимо Проксимы Центавра на расстоянии около двух миллиардов миль. Тусклая красная звезда постепенно оставалась позади.

Целью их путешествия была вовсе не красная маленькая Проксима, а яркая Альфа А. С Земли телескопы сумели различить семь планет, вращающихся вокруг Альфы А. Несомненно, хотя бы одна из них должна быть пригодной для жизни.

Когда корабль находился в четырех миллиардах миль от главной системы, шестилетний сын, Лисби II, нашел его в гидропонном саду, где он обсуждал проблемы охлаждения растущих здесь овощей и фруктов.

— Папа, дедушка ждет тебя в капитанской каюте.

Лисби кивнул. Он обратил внимание, что мальчик даже не посмотрел на работающих в

саду людей, и ощутил некое удовлетворение. Хорошо, что ребенок уже понимает значение своего статуса. С самого рождения мальчика через несколько лет после неудачной попытки мятежа под предводительством Ганарета Лисби всячески старался воспитать в своем сыне правильные представления о мире корабля.

Мальчик должен чувствовать свое превосходство — в противном случае он не сможет руководить другими людьми.

Лисби взял сына на руки и зашагал к лифту, чтобы подняться на офицерскую палубу. Когда он вошел, его отец, четверо физиков из инженерного отдела, а также мистер Карсон, мистер Хенвик и мистер Браун что-то обсуждали. Лисби молча уселся среди них, но вопросов задавать не стал.

Довольно быстро он понял, о чем идет речь. Искровые разряды. Вот уже несколько дней корабль летел через мощный электрический шторм. Разряды обрушивались на корпус от носа до кормы. На прозрачном капитанском мостике стало невозможно находиться без темных очков; беспрестанные вспышки слепили и вызывали сильные головные боли.

Более того, разряды усиливались.

— Я считаю, — заявил главный физик, мистер

Плаук, — что мы столкнулись с газовым облаком: как известно, космос не является полным вакуумом, особенно в окрестностях звездных систем, где имеется большое количество свободных атомов и электронов. В сложных структурах, образованных Альфами А, В и С, а также звездами Проксимы, сила тяготения притягивает огромные массы атомов газа из внешней атмосферы всех звезд, которые проникают в окружающее пространство. Относительно электрических аспектов явления можно предположить, что среди газовых облаков возникает течение, возможно вызванное нашим полетом, хотя подобное объяснение представляется мне маловероятным. Межзвездные электрические бури не являются для нас новостью.

Он помолчал и вопросительно посмотрел на своих ассистентов. Один из них, похожий на мышь мистер Кессер, сказал:

— Я противник теории электрических бурь, хотя и согласен с идеей о присутствии в космосе газовых облаков. Не следует забывать, что астрономам о них известно уже очень давно. Я попытаюсь дать собственное объяснение искровых разрядов. Еще в двадцатом веке или даже раньше считалось, что молекулы и атомы газов

перемещаются в пространстве, меняя скорость и температуру. Мы обнаружили, что температура этих частиц в момент разряда составляет двадцать тысяч градусов по Фаренгейту.

Он огляделся по сторонам, на миг перестав походить на мышь.

— Что произойдет, если молекула, перемещающаяся с такой скоростью, ударит в корпус нашего корабля? Естественно, возникнут искры и начнется выделение тепла, — он немного помолчал, качая седой головой. — Конечно, нам не следует забывать о первой экспедиции к Центавру и придется соблюдать максимальную осторожность.

Наступила тишина. И Лисби II вдруг показалось, что все думают о первой экспедиции, но никто не хочет упоминать о ней вслух. Он посмотрел на отца. Капитан Лисби нахмурился. За последние годы командир корабля заметно похудел, но при росте шесть футов и три дюйма он все еще весил сто семьдесят пять фунтов.

— Нам в любом случае необходимо соблюдать осторожность. Одна из наших задач состоит в том, чтобы выяснить судьбу первой экспедиции, — он бросил взгляд на сидевших вместе физиков. — Как вы знаете, они стартовали в сторону Альфы Центавра почти семьдесят пять лет

назад. Мы предполагаем, что двигатели их корабля продолжают работать. Значит, в атмосфере планеты должны остаться следы. Вопрос лишь в том, сохранил ли корабль через три четверти века способность перемещаться?

Ответы физиков поразили Лисби отсутствием единства. Большинство специалистов считало, что многое должно было сохраниться. Ядерные двигатели. Все электронные детекторы и часть источников энергии. Также отмечалось, что приборы могут выдерживать огромные перегрузки. Корпус корабля? Тут многое зависело от скорости, с которой он вошел в атмосферу планеты. Кое-кто предполагал, что она была существенно выше пределов безопасности. В таком случае корабль мог попросту взорваться.

Но эксперты считали иначе. Они заявили, что «корабль будет найден в течение нескольких часов после прибытия на планету, где он разбился».

Когда все собрались уходить, отец жестом попросил Лисби остаться. Лишь только за последним физиком закрылась дверь, капитан сказал:

— Необходимо подготовиться к предотвращению второго мятежа. Существует заговор — люди хотят отменить земной закон, по которому мы

обязаны основать колонию на Центавре и никогда не возвращаться на Землю. Поскольку я считаю, что Земли больше нет, подобные намерения вызывают у меня опасения. Мне до сих пор представляется, что будет лучше, если наши люди сохранят веру в существование Земли. Однако сейчас мятежники не собираются делать капитаном тебя. Поэтому нам необходимо выработать тактику и стратегию…

Вахты превратились в настоящий кошмар. Три старших офицера и Лисби разделили их на трехчасовые промежутки, следовавшие один за другим. Они начали носить скафандры для защиты, но глаза Лисби теперь болели постоянно.

Когда он спал, ему снились искры, танцующие под его веками в странном ритме, на фоне успешного мятежа во главе с Ганаретом, которому удалось застать их врасплох, несмотря на принятые меры предосторожности. Просто удивительно, как отцу удавалось узнавать о готовящихся мятежах.

Скорость корабля заметно уменьшилась. Они медленно приближались к планете, выбранной для первой высадки. Впрочем, других вариантов не существовало. Из семи планет системы шесть были размером с Юпитер, а седьмая имела

диаметр в десять тысяч миль. В 120 миллионах миль от Альфы А, звезды на 15 процентов более жаркой, чем Солнце, вращалась планета, чрезвычайно похожая на Землю. Ситуация несколько осложнялась наличием бледной, но размером с Солнце Альфы В, находящейся на расстоянии в миллиард миль от Альфы А, и практически невидимой Альфы С, которая также должна была оказывать какое-то влияние на планету. Но это уже не имело значения, поскольку планета подходила для их целей по размерам, и даже с такого огромного расстояния было видно, что она обладает атмосферой.

Вращаясь на орбите, находящейся на расстоянии в четыре тысячи миль от поверхности планеты, гигантская «Надежда человечества» сохраняла скорость, позволявшую команде вести наблюдение. Очень скоро было обнаружено, что на поверхности планеты есть города.

Событие, которое должно было стать главным в жизни каждого обитателя корабля, привело к росту всеобщего напряжения. Тесты показывали, что условия на поверхности планеты не вполне подходят для жизни человека. Однако все понимали, что измерения, проделанные с такого большого расстояния, нельзя считать

достоверными.

Однажды, когда Лисби II поднялся на мостик вместе с отцом, за ними увязался стареющий химик Кессер.

— Чем скорее мы войдем в атмосферу для последнего тестирования, тем лучше, — заявил он.

У Лисби II возникли такие же чувства, но отец покачал головой.

— Вы едва успели закончить колледж, когда стали членом нашего экипажа, мистер Кессер. И вам неизвестны стандартные меры предосторожности, которыми мы должны руководствоваться. Вот в чем одна из наших главных проблем. Те, кто родился во время путешествия, так и не поняли, что такое настоящая эффективность. Я не собираюсь высаживаться на поверхность планеты еще в течение двух недель. Возможно, даже больше.

Проходили дни, им удалось получить данные, подтверждающие первые замеры. Атмосфера планеты имела сильный зеленоватый оттенок — оказалось, что причина в присутствии хлора. В стратосфере обнаружили много кислорода, его количество было сравнимо с обитаемой Венерой, но людям пришлось бы носить маски, чтобы избежать отравления хлором. Кессер и его ассистенты пока не получили точных данных о содержании

водорода и азота в воздухе, что лишь усиливало их желание быстрее спуститься вниз.

На высоте в четыре тысячи миль удалось зафиксировать границы между водой и сушей, были сделаны фотографические карты. Камеры, производящие тысячи снимков в секунду, позволили получить картину, полностью очищенную от искр.

Всего на планете имелось четыре континента и бесчисленное количество островов. Несмотря на расстояние, удалось обнаружить пять тысяч девятьсот городов. Они не были освещены по ночам, но здесь не существовало ночи в земном смысле. Когда заходила Альфа А, поверхность планеты освещалась Альфой В или Альфой С.

— Нам не следует считать, — заявил капитан Лисби во время ежедневного выступления по корабельному интеркому, — что цивилизация на этой планете не открыла электричества. Если в отдельных домах свет включается не слишком часто, мы можем его не замечать.

Однако Лисби обнаружил, что выступления капитана не достигли своей цели. Командира постоянно критиковали, считая, что он слишком осторожен.

— Почему мы до сих пор не опустились ниже, —

спрашивал один человек, — чтобы взять пробы атмосферы и положить конец сомнениям? Если мы не сможем дышать таким воздухом, нужно возвращаться домой.

Неожиданно Лисби понял, что, несмотря на уверенность в правильности действий отца, он согласен с этим мнением. Он считал, что обитатели планеты не станут их атаковать. Кроме того, если они сразу же улетят…

Отец рассказал ему, что мятеж отложен до прояснения ситуации. План мятежников, состоящий в том, чтобы навсегда осесть на планете, теперь нельзя было привести в исполнение, поскольку планета могла оказаться непригодной для жизни людей. К тому же требовалось получить разрешение от нынешних обитателей планеты.

— И, хотя никто не говорит об этом вслух, — сказал капитан, — всеми овладел страх.

Лисби тоже было страшно. Мысли об иной цивилизации его пугали. Он даже опасался, что окружающие заметят его сомнения. Утешением могло служить лишь то, что он не был одинок. У большинства обитателей корабля дрожали голоса, а лица стали бледными. Лишь твердый голос отца помогал сохранять хотя бы видимость спокойствия.

Он уже начал представлять себе отсталую цивилизацию, для которой появление удивительного корабля с Земли станет настоящим откровением. Лисби рисовал в воображении такую картину: он шествует среди охваченных благоговением аборигенов. Подобно богу, явившемуся с небес.

Его мечты развеялись на девятый день пребывания корабля на постоянной орбите, когда во всех помещениях раздался голос капитана:

— Говорит капитан Лисби. Нами только что обнаружен огромный космический корабль, входящий в атмосферу планеты. Судя по направлению полета, он должен был пролететь в нескольких милях от нас и наверняка зафиксировал наше присутствие. Всем офицерам и мужчинам занять свои посты. Я буду сообщать вам любую новую информацию.

6

Лисби надел скафандр и поднялся на капитанский мостик. Искры продолжали свой безумный танец за прозрачным пластиком, поэтому он с удовольствием уселся в кресло перед монитором, который два дня назад установили физики. На экран подавалось изображение со сканеров, но электронная система полностью отсеивала ис-

кры. В результате получалось четкое движущееся изображение.

В тот момент, когда он удобно устроился в кресле, в нижней части монитора возникла вспышка — примерно в десяти милях от них.

Корабль!

Тут же начались споры о том, каким образом он смог так быстро к ним приблизиться. Секунду назад окружающее их пространство было совершенно пустым, и вот уже перед ними парит гигантский космический корабль.

Из интеркома послышался спокойный голос капитана Лисби:

— Очевидно, эти существа изобрели новый тип двигателя, при помощи которого им удается преодолевать инерцию, что позволяет им быстро стартовать и стремительно тормозить. Должно быть, они способны развить огромную скорость уже через несколько минут после выхода из атмосферы.

Лисби II едва слушал отца. Он неотрывно наблюдал за чужим кораблем, размышляя о том, что «Надежде человечества» потребовалось несколько месяцев, чтобы набрать скорость, и столько же времени пришлось тормозить. Впрочем, он заставил себя выбросить эти мысли из головы

— уж слишком невыгодным для землян получалось сравнение.

Лисби с испугом смотрел на приближающийся корабль.

— Зарядить торпеды! — раздался резкий голос капитана. — Но не стрелять! Офицер, который выстрелит без приказа, будет наказан. Возможно, эти существа имеют дружеские намерения.

Пока корабли сближались, на мостике царило молчание. Наконец расстояние между ними сократилось до двух миль. Теперь они находились на общей орбите, чужак слегка отставал от земного корабля, но его двигатели продолжали работать, поскольку он приближался. Миля, половина мили. Лисби облизнул сухие губы, в смятении посмотрел на первого помощника Карсона и увидел, что тот замер в своем кресле, не отрывая глаз от монитора. На его бородатом лице застыло напряжение.

И вновь раздался голос капитана Лисби:

— Я хочу, чтобы все офицеры, сидящие в орудийных рубках, выслушали меня внимательно. Мой последующий приказ касается только торпедного аппарата А, которым командует Дауд. Вы должны выпустить холостую торпеду. Вы меня поняли? При помощи сжатого воздуха.

Лисби II увидел, как выдвинулась наружу торпеда, потом услышал голос отца, дающего указания.

— Оставьте торпеду на расстоянии нескольких сотен ярдов, чтобы они не могли ее не увидеть. После чего торпеда должна перемещаться по кругу диаметром в двести футов, — капитан продолжал спокойно объяснять свой план невидимой аудитории: — Я рассчитываю, что наши действия покажут чужакам, что мы вооружены, но не собираемся предпринимать никаких агрессивных действий. А они должны продемонстрировать в ответ свои намерения. Кроме того, я рассчитываю получить дополнительную информацию, которая нам необходима, но сейчас не стану делать никаких окончательных выводов. Не тревожьтесь. Включены все защитные экраны, объединенные в мощное силовое поле. За нами могучая наука Земли.

Лисби облегченно вздохнул, однако тревога не уходила. Наконец послышался напряженный голос Дауда:

— Говорит командир торпедного аппарата Дауд. Кто-то пытается перехватить управление торпедой.

— Не мешайте им! — тут же ответил капитан

Лисби. — Они наверняка обнаружили, что торпеда разряжена.

Лисби наблюдал, как торпеда медленно перемещается к огромному кораблю чужаков. Распахнулся люк, и снаряд проскользнул внутрь корпуса.

Прошла минута, еще одна, затем торпеда выплыла наружу и медленно двинулась к «Надежде человечества».

Лисби ждал, но слова потеряли для него значение. Он прекрасно знал, какую важность имеет первый контакт двух разных цивилизаций. Вот уже несколько недель их путешествие и тот факт, что он играет в команде не последнюю роль, стали для него особо значимыми. Из миллиардов жителей Земли он оказался среди избранных, среди тех, кто участвует в важнейшем событии в истории человеческой расы. И он вдруг понял, почему отец так гордится возложенной на них миссией.

Страх исчез, Лисби охватило чувство гордости и такой огромной радости, какой ему еще не доводилось испытывать.

Но все эти чувства исчезли, когда капитан отрывисто сказал:

— Сейчас меня слышат только офицеры кораб-

ля и ученые. Прежде всего я хочу, чтобы Дауд вновь попытался взять торпеду под контроль. Нам необходимо знать, готовы ли они ее вернуть. Немедленно.

После короткой паузы Дауд ответил:

— Сэр, торпеда под контролем.

— Хорошо, — в голосе капитана Лисби послышалось облегчение. — Каковы показания телеметрической аппаратуры?

— Полный порядок, оба канала.

— Проверьте, по-прежнему ли торпеда разряжена.

— Есть, сэр. Все в порядке. Торпеда не представляет для нас опасности.

— Они бы все равно не успели ее зарядить. — Однако капитан действовал с максимальной осторожностью. — Все ли показания приборов в норме? Нет ли дополнительной радиации?

— Никаких отклонений, сэр.

7

Суд над Ганаретом начался вскоре после завтрака на следующий день по звездному времени. «Надежда человечества» все еще находилась на орбите вокруг Альфы А-4, но корабль чужаков исчез. Поэтому обитатели земного корабля могли

спокойно наблюдать за процессом.

Объем улик поразил воображение Лисби II. Час за часом они слушали записи разговоров, и голос Ганарета звучал удивительно четко, однако голоса людей, с которыми он беседовал, узнать было невозможно.

— Я принял такое решение, — объяснил капитан Лисби своим безмолвным слушателям, — поскольку Ганарет был лидером. Лишь я буду знать имена его сообщников, и я намерен их забыть, как если бы они ни в чем не принимали участия.

Улики были убийственными. Лисби мог лишь догадываться, каким образом сделаны записи, о существовании которых Ганарет не подозревал. Он часто говорил о необходимости прикончить тех, кто выступает против мятежа, и дюжину раз предлагал убить капитана, двух старших офицеров и сына Лисби.

«Их необходимо убрать, в противном случае они встанут на нашем пути. Остальные на корабле привыкли, что Лисби решают их судьбу, — здесь Эмиль Ганарет рассмеялся, а потом дерзко продолжал: — Ведь я говорю правду, не так ли? Вы полнейшие идиоты, которые считают, что должны подчиняться человеку, назначенному вашим боссом. Проснитесь, глупцы! У вас всего

одна жизнь. Не позволяйте другому человеку прожить ее за вас».

Ганарет даже не пытался ничего отрицать.

— Конечно, все это правда. С каких пор вы стали богом? Я родился на корабле, и меня никто не спросил, хочу ли я здесь жить. Я не признаю за другими людьми права решать мою судьбу.

Несколько раз он высказывал сомнения, которые уже давно формировались в сознании Лисби II.

— Что здесь происходит? — вопрошал Ганарет. — Этот суд не имеет никакого смысла теперь, когда мы обнаружили, что система Центавра обитаема. Я готов отправиться на Землю, как воспитанный маленький мальчик. Уже одно то, что наше путешествие оказалось бессмысленным и мне будет шестьдесят лет, когда мы доберемся до Земли, является достаточным наказанием. Я и сам понимаю, что нам необходимо вернуться назад. Кроме того, никакого мятежа не было. Вы не можете приговорить меня за одни только разговоры. Ведь ничего же не произошло.

Ближе к концу суда Лисби внимательно наблюдал за лицом своего отца. На нем появилось выражение, которого он не понимал, мрачность, от которой ему стало не по себе, — очевидно,

капитаном двигали неизвестные Лисби II побуждения.

Когда до обеда оставалось меньше часа, командир задал обвиняемому последний вопрос:

— Эмиль Ганарет, все ли доводы в свою защиту вы привели?

Ганарет пожал плечами.

— Да, я закончил.

Наступило долгое молчание. Наконец капитан Лисби начал зачитывать приговор. Он остановился на законе о подстрекательстве к мятежу на военном корабле. В течение десяти минут он цитировал документ, которого Лисби не видел никогда в жизни. Капитан назвал его «статьями закона на „Надежде человечества“, выпущенными Объединенными силами Запада за несколько дней до отлета корабля с Земли».

«…Считается непреложным фактом, что корабль всегда остается частью цивилизации, к которой он принадлежит. Его команда ни при каких обстоятельствах не может существовать самостоятельно. Полномочия назначенных на Земле офицеров и исходные цели экспедиции не могут быть изменены экипажем при помощи голосования или иным способом. Космический корабль отправляется в полет его владельцами

или правительством суверенного государства… Все офицеры назначаются вышестоящими органами. Корабль управляется в соответствии с законами, установленными космическими властями.

Отмечается, что в данном случае владельцем „Надежды человечества“ является Эврил Хьюит и его наследники, а также его представители. Поскольку перед кораблем поставлены определенные задачи, „Надежда человечества“ должна считаться военным кораблем, а назначенные управлять им офицеры являются официальными военными представителями Земли при любых контактах с иностранными государствами в других звездных системах. Все эти положения не имеют никаких ограничений…»

Текст оказался очень длинным, но его суть не оставляла сомнений: на борту корабля продолжают действовать законы далекой Земли.

Однако Лисби не понимал, к чему клонит его отец. Он все еще не осознал, зачем вообще устроили этот процесс, когда угроза мятежа миновала.

Последние слова капитана обрушились на обвиняемого и аудиторию подобно удару грома.

— По праву, возложенному на меня жителями Земли через посредство законного правитель-

ства, я готов вынести приговор этому несчастному молодому человеку. Закон не допускает иных толкований. У меня нет выбора: я должен приговорить его к смерти в атомном конвертере. И да смилостивится над ним Господь.

Смертельно побледневший Ганарет вскочил на ноги.

— Ты глупец! — дрожащим голосом произнес он. — Что ты делаешь? — Неожиданно до него окончательно дошло, что ему зачитали смертный приговор. — Тут какая-то ошибка. Он что-то задумал. Он знает неизвестные нам факты. Он…

Перед судом Лисби получил указания отца. По его сигналу он, Браун, Карсон и трое полицейских вывели Ганарета из комнаты. Лисби обрадовался, что у него появилась возможность действовать. Теперь можно было не думать.

Когда они вышли в коридор, Ганарет немного осмелел, на его щеках даже появился румянец.

— Вам это так не пройдет! — громко сказал он. — Мои друзья придут мне на помощь. Куда вы меня ведете?

Лисби и сам только теперь сообразил, что происходит. И вновь Ганарет понял, что его ждет.

— Вы чудовища! — выдохнул он. — Неужели вы собираетесь убить меня прямо сейчас?

Лисби вдруг пришло в голову, что сторонний наблюдатель едва ли сумел бы отличить палачей от жертвы — так сильно все они побледнели. Когда через несколько минут появился капитан Лисби, его морщинистое лицо также было белым, но голос оставался холодным и твердым.

— Эмиль Ганарет, у вас есть минута, чтобы найти мир со своим Богом…

Казнь назначили на вечернее время, чтобы не мешать обеду.

Лисби, как и все остальные участники казни, не мог есть.

8

На следующее утро Лисби разбудил сигнал тревоги.

Он быстро оделся и отправился на капитанский мостик.

Усевшись в кресло рядом с Брауном, он с удивлением отметил, что казавшаяся такой близкой планета исчезла. Взгляд на мощное солнце Альфа А принес другой, более приятный сюрприз. Оно стало заметно меньше и продолжало удаляться. Три солнца А, В и С еще не превратились в единое целое, но впереди виднелось лишь тусклое С, два других остались позади, в глубоком мраке

космоса.

— Ага, — сказал капитан Лисби у него за спиной, — вот и ты, Джон. Доброе утро, джентльмены.

Все дружно повернулись, услышав его голос. Отдохнувший капитан занял свое кресло. Лисби неуверенно ответил на приветствие. Его совсем не порадовало дружеское обращение отца, он начал сомневаться в том, что ему нравится капитан. Какие бы ужасные вещи ни говорил Ганарет, молодому Лисби было трудно забыть, что они выросли вместе. К тому же Ганарет прав! Теперь, когда угроза мятежа ликвидирована, его не следовало казнить. Финал наступил слишком быстро, с ужасом подумал Лисби. Будь у него больше времени, он попытался бы оспорить приговор. Безотлагательное приведение его в исполнение вызвало у Лисби отвращение, а жестокость шокировала.

— Пока ты спал, Джон, — вновь заговорил капитан, — я отправил специальным образом снаряженную торпеду в атмосферу А-4. Уверен, что все собравшиеся здесь хотели бы узнать, что с ней произошло.

Он не стал дожидаться ответа. Изображение на экране изменилось. Теперь они вновь виде-

ли близкую планету, затем появилась торпеда, которая в светлом ореоле устремилась к дымке атмосферы.

Далее стали происходить удивительные вещи. Траектория торпеды начала меняться самым непредсказуемым образом, затем от нее потянулся шлейф дыма.

— Еще минута, и мы бы ее окончательно потеряли, — продолжал капитан Лисби. — Мы послали команду на возвращение, и к нашему удивлению, торпеда вернулась.

Они молча наблюдали, как торпеда выправила курс, развернулась и полетела обратно к кораблю. Часть ее пути назад прошла под мощным дождем, который обрушился на землю внизу.

Торпеду захватили силовые лучи и вернули на корабль.

Изображение на экране потускнело, капитан Лисби встал и подошел к длинному закрытому брезентом предмету, который Лисби заметил, как только поднялся на мостик.

Капитан неспешно стащил брезент.

Лисби не сразу узнал помятую и обугленную сигарообразную форму еще недавно блестящей торпеды.

Он невольно вскочил на ноги и подошел

рассмотреть торпеду поближе. Собравшиеся офицеры удивленно перешептывались. Лисби не обращал на них внимания. Корпус торпеды толщиной в дюйм был изъеден в дюжине мест — казалось, в нее ударил мощный огненный смерч. За спиной у него кто-то с сомнением произнес:

— Вы хотите сказать, сэр, что… атмосфера… там… внизу?..

— Эта торпеда, — заявил капитан Лисби, словно не слышал вопроса, — и, весьма возможно, «Центавр I» попали под дождь из соляной и азотной кислот. Корабль из стекла, платины, или свинца, или покрытый воском мог бы войти в такую атмосферу. Да и мы сумели бы это сделать, если бы постоянно поливали корабль раствором едкого натра или другим сильным основанием. Так мы решили бы одну из проблем, которые поставила перед нами дьявольская атмосфера планеты.

Он мрачно оглядел своих офицеров.

— Ну, вот, пожалуй, и все, что я хотел вам сказать, джентльмены. Есть и другие данные, но мне не нужно объяснять, что эта планета не предназначена для людей. Мы никогда не узнаем, что произошло с первой экспедицией на Альфу Центавра. Возможно, они вошли в атмосферу, не сделав предварительных анализов. В таком

случае они познали страшную правду на собственной шкуре.

Слова отца сняли камень с души молодого Лисби. Он предполагал, что они несколько лет будут исследовать планету, а оказалось, что они возвращаются домой.

И он еще увидит Землю перед смертью.

Однако оживление оставило его, когда капитан снова заговорил:

— Мы мало что можем сказать о жителях планеты, но ясно одно: они не слишком дружелюбны. Да, они нас предупредили, но, возможно, причина в том, что они не хотели, чтобы наш большой корабль рухнул на один из их городов. Отправив нам предупреждение, они скрылись. С тех пор мы видели два корабля, они к нам подлетали и тут же исчезали — вероятно, уходили в межзвездное пространство. Ни один не пытался войти с нами в контакт.

После небольшой паузы он добавил:

— Теперь разрешите мне перейти к другим проблемам. Судя по всему, обитатели системы неплохие психологи, поскольку они прислали нам фильмы о жизни на своей планете. Они предположили, что нам будет любопытно их посмотреть. Я успел мельком взглянуть на них и

скажу лишь, что местные жители напоминают ходячих змей — очень высокие, грациозные, гибкие и умные. Их жизнь приятна и изящна, общаются они между собой исключительно учтиво.

Он вновь немного помолчал и грустно добавил:

— Надеюсь, вы понимаете: нам здесь делать нечего. Однако мы не полетим домой. На то есть две причины: во-первых, Земля перестала быть обитаемой планетой. Больше я не стану об этом говорить, поскольку это касается меня лично. Но даже если на минуту предположить, что Земля не пострадала, мы обязаны лететь дальше. Я получил приказ от Эврила Хьюита, владельца корабля. Мы должны отправиться к Сириусу, а если и там нас постигнет неудача, то к Проциону. Вероятно, теперь вы понимаете, почему было так важно избавиться от человека, который сеял среди нас раздор. Его пример заставит другие горячие головы умерить свой пыл.

Капитан Лисби заговорил спокойнее:

— Джентльмены, вы получили всю необходимую информацию. Надеюсь, вы поведете себя с достоинством офицеров, несмотря на трудности, которые выпали на нашу долю. Я очень вам этого

желаю…

9

Джон Лисби III, действующий капитан, сидел в большом кресле, которое было установлено на капитанском мостике, и размышлял о проблемах стариков.

Их стало слишком много. И они очень много едят. А также требуют постоянного внимания. Удивительное дело: на борту корабля находится семьдесят девять человек, которым перевалило за сто лет.

С другой стороны, некоторые из старых мерзавцев знают о науке и межзвездной навигации больше, чем вся молодежь корабля, вместе взятая. И эти хитрые дряхлые типы прекрасно все понимают. Кого из них можно прикончить, не лишившись важных знаний? Он начал записывать имена, главным образом женщин и мужчин, которые не были офицерами. Закончив, задумчиво посмотрел на список и выбрал пять первых жертв. Затем нажал кнопку на своем кресле.

Вскоре на мостик поднялся молодой человек крепкого телосложения.

— Да, что случилось? — спросил он.

Лисби III посмотрел на него с тщательно скры-

ваемым отвращением. Грубость Аткинса оскорбляла его чувства. Да и как еще он мог относиться к человеку, убившему его отца, Джона Лисби II, хотя он сам отдал этот приказ?

Лисби вздохнул. Жизнь есть постоянная адаптация к реалиям органической и неорганической материи, составляющей среду обитания. Чтобы эффективно лишать людей жизни, нужно иметь в своем распоряжении умелого убийцу. С самого юного возраста он понял, что его отца, который представлялся ему полнейшим ничтожеством, необходимо убить. Поэтому он и приблизил к себе Аткинса. Но тот должен знать свое место.

— Аткинс, — сказал Лисби, устало махнув рукой, — я приготовил для тебя несколько имен. Будь осторожен. Смерть должна выглядеть естественно, иначе я отрекусь от тебя как от бесполезного глупца.

Аткинс что-то пробурчал в ответ. Он был внуком одного из садовников, и несколько лет назад, когда Лисби освободил его от этих обязанностей, среди обитателей корабля начались волнения.

Однако негодование быстро прекратилось, когда на место Аткинса в саду назначили работать сына того офицера, который протестовал громче всех. Лисби III научился продумывать такие вещи

задолго до того, как избавился от своего отца. Он намеревался прикончить Аткинса, как только тот выполнит свою миссию.

Лисби холодно назвал первые пять имен, а когда Аткинс ушел, обратил свое внимание на экран. Он нажал другую кнопку, и вскоре на мостик медленно поднялся седеющий сын старого первого помощника.

— Что вы хотели, капитан?

Лисби колебался. Его разозлила маленькая пауза, которая возникла перед тем, как прозвучало его звание. Ему не слишком нравился Карсон. Он вздохнул. В жизни приходится улаживать такое количество проблем, ведь каждый из членов экипажа тщательно хранит знания, которыми располагает. Он вынужден слишком со многим мириться, а Лисби еще помнил времена своей юности, когда люди были открытыми и доброжелательными.

Первое поколение научило своих детей всему, что знало, — во всяком случае, так говорили.

— Мистер Карсон, каковы последние сведения о Сириусе?

Лицо Карсона просветлело.

— До него осталось десять тысяч миллионов миль. Мы развернули корабль, чтобы начать

торможение. Однако лишь через неделю наши телескопы сумеют определить размеры планет и наличие у них атмосферы.

— А как насчет радиации?

Карсон собрался покачать головой, но тут на его лице появилось удивленное выражение. Лисби проследил за его взглядом.

И застыл в неподвижности.

На поверхности прозрачного пластика плясали искры. Их становилось все больше и больше.

Через час корабль оказался в центре газового шторма.

С расстояния в пятьсот миллионов миль Сириус А был похож на Солнце, каким его видели с Земли. Конечно, Лисби III не мог сделать такой вывод на основании собственного опыта, но на корабле имелось немало фильмов, которые каждый из них видел по нескольку раз.

А вот планеты выглядели иначе. Между Сириусом А и вторым солнцем имелось всего две планеты. Та, что вращалась вокруг В, располагалась очень близко к своей звезде и двигалась с высокой скоростью. Другая планета, находившаяся на расстоянии четырехсот семидесяти миллионов миль от А, двигалась значительно медленнее вокруг своего большого яркого солн-

ца.

Только ближняя планета давала им какую-то надежду. При диаметре в семнадцать тысяч миль она была в два раза меньше второй планеты и примерно в сто раз меньше остальных планет, вращающихся по неустойчивым орбитам вокруг Сириуса В. Сквозь облака Сириуса А-1 были видны города.

Лисби III прочитал отчеты и посмотрел на экран. Он был мрачен, но полон решимости. Не приходилось сомневаться, что эта область Вселенной не создана для жизни человека, но он должен как можно спокойнее принять неизбежность поражения. Он неохотно проследовал в каюту, где уже давно изолировал своего престарелого деда.

Он нашел его в кресле, откуда тот на небольшом мониторе наблюдал за неуклонно приближающейся планетой. Владение монитором стало одной из множества маленьких услуг, которые младший Лисби оказывал старшему, но до сих пор младший не услышал ни слова благодарности. Дед даже головы не повернул, когда вошел Лисби III. Лисби постоял немного у двери, а потом уселся в другое кресло, напротив старого капитана.

Он ждал. Плохо, когда люди неправильно понимают чужие намерения. Раньше он рассчитывал, что дед будет единственным человеком, который поймет, что Джон Лисби III прежде всего печется об успехе путешествия.

Быть может, он слишком долго ждал. Человеческие существа охотно сохраняют объективность — но только в тех случаях, когда речь идет о других; старику не понравился метод, при помощи которого его отправили в отставку. Лисби III не сомневался, что настанет момент, когда Лисби IV, которому сейчас всего десять лет, отправит в отставку его самого. И молодому Лисби вдруг стало ужасно себя жалко, но он был уверен, что с достоинством смирится с его решением — если это произойдет не слишком скоро.

Его раздражение прошло. И он поделился с дедом своей сногсшибательной новостью:

— Дед, я пришел попросить вашего разрешения объявить, что вы вновь выйдете на мостик на весь период, пока мы находимся в системе Сириуса. И все это время вы будете управлять кораблем.

Длинное худощавое тело пошевелилось, но не более того. Лисби скрыл улыбку. Похоже, дед отчаянно просчитывает варианты. Лисби III про-

должал приводить доводы:

— В течение всей своей жизни, сэр, вы стремились только к одному: довести до конца путешествие «Надежды человечества». Я понимаю ваши чувства. Не следует забывать, что именно я решил считать корабль нашим постоянным домом, — он пожал плечами. — До этого люди рассчитывали вернуться на Землю. Я пресек раз и навсегда подобные настроения. Всех обеспокоил тот факт, что в третьем поколении девочек родилось на одну больше, чем мальчиков. Я сумел решить и эту проблему — взял вторую жену. Поначалу все были шокированы, но теперь такое положение вещей больше никого не смущает.

Он откинулся на спинку кресла.

— Наше путешествие особенное. Мы стали замкнутым маленьким миром, нам необходимо меняться самим, если меняются окружающие условия. И я надеялся, что вы меня поддержите.

Он ждал ответа. Однако старик молчал. Лисби скрыл раздражение за учтивой улыбкой.

— Возможно, вас заинтересует мое предложение, сэр, относительно нашего пребывания в системе Сириуса. Естественно, уже сейчас очевидно, что мы не сможем там остаться. Атмосфера планеты насыщена серой. И никто не знает, что

произойдет с обшивкой корабля, если мы попытаемся в нее войти. Нам необходимо немедленно принять решение, куда мы отправимся дальше.

Лисби показалось, что старика заинтересовали его последние слова. Поджав губы, старый капитан поглаживал чахлую седую бороду.

Однако молчание пришлось прервать Лисби:

— Я изучал методы, при помощи которых вы пытались войти в контакт с обитателями Альфы Центавра. Мне они представляются слишком робкими. Мы не продемонстрировали твердого желания навязать им наше присутствие, и, хотя по вашему приказу корабль находился на орбите несколько месяцев, ваше нежелание проявить инициативу сделало пребывание там пустой тратой времени. Природа атмосферы не оставляла сомнений, что вы столкнулись с существами, дышащими хлором, а также, что их цивилизация по уровню развития превосходит земную. Теперь мы прибыли в мир, где живые существа дышат серой.

Он наклонился вперед и заговорил с неожиданным воодушевлением:

— Мы должны вести себя с обитателями системы Сириуса как можно жестче, чтобы заставить их поделиться с нами своими знаниями. Вас ин-

тересует мое предложение?

Старик повернулся к Лисби, медленно выпрямил свое длинное тело, и его прищуренные голубые глаза пристально посмотрели на внука.

— Что еще у тебя на уме, кроме убийства? — спросил он.

10

Атомная бомба, сброшенная в атмосферу Сириуса А-1, набрала скорость тридцать миль в минуту. Поэтому, несмотря на мощные энергетические вспышки, направленные ей навстречу, она успела пролететь около сорока миль к далекой поверхности планеты — и только после этого ее уничтожило прямое попадание.

Не прошло и часа, над планетой все еще дрейфовало огромное облако, а они получили первую реакцию ее обитателей. Сканеры засекли прозрачный сверкающий снаряд диаметром всего в десять футов. Внутри снаряда что-то находилось, но землянам никак не удавалось получить четкое изображение.

Снаряд неуклонно приближался, но наблюдатели не могли сказать ничего определенного о его содержимом.

Лисби III стоял на мостике рядом с креслом,

в котором сидел дед. На его лбу выступил пот. Когда снаряд находился всего в двухстах ярдах, он произнес:

— Вы считаете, что нам ничего не следует предпринимать?

Старик бросил на него презрительный взгляд.

— Наши защитные экраны включены, не так ли? Если они отправили к нам бомбу, она не причинит никакого вреда кораблю.

Лисби III молчал. Он не разделял уверенности деда в том, что земная наука способна отразить любую атаку из космоса. Он был готов признать, что почти ничего не знает о земной науке, но все же — к ним приближался снаряд.

— Сэр, похоже, он останавливается, — сказал Карсон, подчеркнуто обращаясь к старому капитану.

Слова Карсона вызвали облегчение у Лисби III, но самоубийственное поведение первого помощника огорчило. Ну как мог Карсон всерьез считать, что временное присутствие на мостике столетнего, вышедшего на покой капитана дает ему право оскорблять человека, который будет им командовать по меньшей мере в течение следующих тридцати лет?

Он забыл о Карсоне, ощутив, что сидевшее в

капсуле существо наблюдает за ними.

— Кто-нибудь, сделайте изображение более четким, — приказал Лисби III.

Экран затуманился, а потом изображение сфокусировалось, но существо в капсуле выглядело неописуемо странным. Через мгновение оно пошевелилось — движение получилось совершенно нечеловеческим. Одновременно капсула начала двигаться к кораблю. Через несколько секунд она уже находилась в сотне ярдов и продолжала сближение.

— Ему не пройти сквозь силовые экраны! — с сомнением сказал Лисби III.

Он напряженно наблюдал за капсулой. Еще несколько мгновений, и капсула оказалась всего в двадцати пяти ярдах, не только преодолев силовые поля, но и подчинив себе сознание Лисби III. Однако он по-прежнему не мог разглядеть ее пассажира. И это его ужасно раздражало. Его взгляд продолжал метаться по экрану, словно мозг не мог принять изображение. Ощущение было фантастическим. Мужество оставило его, и Лисби III метнулся к лестнице, ведущей с мостика вниз. С удивлением он обнаружил, что Карсон его немного опередил. Сзади пыхтел огромный Браун.

Последнее, что запомнил Лисби III, был древний капитан Лисби, неподвижно застывший в своем огромном капитанском кресле, и капсула чужака, повисшая всего в нескольких ярдах от корпуса корабля.

Оказавшись в коридоре, Лисби III немного пришел в себя и махнул офицерам в сторону лифта. Вскоре они расположились в запасной рубке управления. Лисби III сразу же включил мониторы, чтобы видеть, что происходит на капитанском мостике. На экране появились полосы света, но изображения не было. Из микрофонов доносился лишь непрерывный шум.

Положение становилось пугающим.

— Что может так воздействовать на наше зрение? — с трудом поборов отчаяние, спросил Лисби III. — Кому-нибудь из вас знакомы такие феномены физики света?

Ученые предположили, что подобный эффект могут вызвать несколько лазеров, оказывающих болезненное воздействие на зрительные центры.

Кроме того, страх способен оказывать на зрение аналогичное воздействие.

Других предположений не было.

— Постарайтесь каким-нибудь образом экра-

нировать воздействие лазеров, о которых вы говорите, — приказал Лисби III. Повернувшись к доктору Каспару, он добавил: — А что может стимулировать страх?

— Некоторые звуки.

— Но мы ничего не слышали.

— Волны определенной частоты, воздействующие на мозг, могут вызывать ужас.

— Ну, — с сомнением сказал Лисби III, — нас заставили сбежать, но я не чувствовал страха. Скорее смятение.

— Возможно, это некое силовое поле — тут мы можем лишь строить догадки! — сказал психолог.

— Попробуйте выяснить параметры воздействия! — приказал Лисби III. — Наверняка наши приборы способны что-то засечь. И не теряйте времени!

Люди погрузились в работу, когда монитор в рубке управления неожиданно ожил. Одновременно стих доносившийся из микрофонов шум. Они увидели мостик. Старый капитан по-прежнему сидел в своем кресле, но его голова свесилась на грудь. Больше ничего разглядеть не удавалось. Лисби III с надеждой обратился к данным наружных сканеров. Они показывали, что капсула

удаляется — она уже находилась на расстоянии четверти мили от корпуса корабля. Вскоре она превратилась в точку на фоне огромной планеты, окутанной облаками.

Не дожидаясь, когда капсула окончательно исчезнет, Лисби III бросился к лифту; за ним спешили Браун и Карсон. Старый капитан был жив, но лепетал какую-то чепуху, к тому же почти сразу выяснилось, что старик ослеп.

Когда они несли его вниз по лестнице, а потом по коридорам обратно в каюту, Лисби III внимательно прислушивался к его бормотанию. Все хоть сколько-нибудь осмысленное относилось к детству старика на далекой Земле.

Когда они оказались в каюте, Лисби III взял худые холодные руки старика в свои ладони.

— Капитан! Капитан!

После того как Лисби повторил свое обращение несколько раз, старик перестал бормотать.

— Капитан, что произошло на мостике?

Старик начал говорить. Лисби III удалось разобрать несколько фраз:

— …Мы забыли об эксцентрических орбитах звезд А и В Большого Пса. Мы забыли, что В одно из самых необычных солнц Галактики… такое плотное, такое чудовищно плотное… оно сказало,

что планета В… оно сказало, уходите прочь! Они не станут иметь дел с теми, кто пытался сбросить на них бомбу… Уходите! Уходите!.. Оно оставило что-то на корпусе… картины, оно сказало…

Лисби III метнулся к интеркому и приказал надеть скафандры и выйти в открытый космос, чтобы снять то, что прикреплено к корпусу, погрузить в спасательный катер, проверить, не представляет ли посылка опасности для корабля, и доставить ее на борт.

Когда Лисби III снова повернулся к капитану, он невольно вздрогнул. Лицо старика, на котором промелькнуло осмысленное выражение, вновь изменилось. Глаза смотрели в разные стороны, словно им уже было не под силу ни на чем сфокусироваться. Лисби III не мог оторвать взгляда от лица старика. Он продолжал повторять: «Капитан, капитан», — но старик уже не обращал ни на что внимания. На морщинистом бородатом лице застыло бессмысленное выражение.

Пришел врач. Двое санитаров помогли раздеть старика и уложили его в постель. Лисби III покинул каюту.

Перед обедом вернулся спасательный катер с прозрачным сосудом необычной формы, наполненным бесцветной жидкостью. Лисби III

увидел картинку на внутренней стороне сосуда, нетерпеливо схватил его, намереваясь поднести поближе к глазам, — и картинка изменилась.

Изображение менялось при каждом движении сосуда. И сцены ни разу не повторились. Чтобы изучить хоть какое-то изображение дольше нескольких долей секунды, сосуд пришлось поставить на стол. Слегка перемещая его пальцами через короткие промежутки времени, Лисби удалось взглянуть на странный мир Сириуса А-1, обитатели которого, судя по всему, появились с таинственной планеты В.

Сначала он видел лишь ландшафты и океаны. Чем эти океаны наполнены? Трудно сказать — вода в них имела желтый оттенок. Создавалось впечатление, что в океанах царят шторма.

Одна сцена сменялась другой: величайшие океанские волны перекатывались от горизонта до горизонта.

Потом возникло изображение суши: склоны гор, покрытые серовато-желтой растительностью, напоминающей мох. Впрочем, были тут и другие формы — от маленьких до огромных. Множество острых углов придавало картинам очарование, Лисби III они почему-то напомнили изделия из золота и серебра.

Попадались и другие виды растительности, но красная и зеленая листва тонули в желтизне. Желто-серый «мох» и серебристо-золотые «деревья» доминировали как в горах, так и на равнинах.

Неожиданно появилось изображение города.

И они сразу же увидели многочисленные каналы, заполненные, как казалось, водой. Очарованный Лисби III вспомнил фильм об итальянском городе Венеция на далекой Земле.

Потом он разглядел, что «каналы» находятся на крышах зданий, и даже на разных уровнях. Высоченные здания тянулись на мили, словно бесконечные утесы одной высоты. Между двумя контрфорсами на передних и задних границах зданий текли два потока желтоватой «воды»... в противоположных направлениях.

На каждом из трех уровней потоки имели разную направленность. Периодически здания пересекались друг с другом под прямыми углами.

...Одна квадратная миля за другой, тысячи каналов... и нигде не видно улиц — лишь сплошные массы зданий на разных уровнях, а по крышам каждого из них текут два потока в противоположных направлениях.

На поверхности воды Лисби разглядел темные

движущиеся формы. Подробности оставались неясными.

На картинах, где появлялись живые существа, возникал световой эффект, не позволявший их рассмотреть.

Лисби III был изумлен, заинтересован и совершенно разочарован.

— Будь я проклят, — сказал он. — Они не хотят, чтобы мы их увидели.

Физик Плаук, выглядывавший из-за плеча Лисби, заметил:

— На такой огромной планете должна быть очень большая сила тяжести, из чего следует, что этим существам необходимо находиться внутри жидкости — в противном случае мышцы не выдержат нагрузок. Если они родом с планеты В-1 — а она еще больше, — то они, подобно землянам на Марсе, могут перемещаться значительно свободнее, чем в своем прежнем мире. И все же они нуждаются в жидкости. Стало быть, у них высокая плотность тела.

У Лисби III разболелись глаза, и он встал.

— Заберите сосуд, — сказал он, — и снимите на камеру меняющиеся картинки. Позднее устроим просмотр для всех.

Потом Лисби добавил:

— После того как вы снимете фильм, попытайтесь разобраться, как им удалось создать такое удивительное устройство. Они наверняка продвинулись дальше нас в изучении физики и химии жидкости.

Лисби направился в каюту деда. Старик впал в кому.

Капитан Джон Лисби, первый командир «Надежды человечества», умер во сне в тот же день по звездному времени, через семьдесят семь лет, четыре месяца и девять дней после старта с Земли, в почтенном возрасте ста тридцати одного года.

В течение следующих шести месяцев не осталось в живых ни одного человека его поколения.

Именно в этот момент Лисби III совершил большую ошибку. Он попытался избавиться от исчерпавшего свою полезность Аткинса.

Смерть Лисби III от рук Аткинса — который был немедленно казнен, несмотря на то что пытался убедить суд, что лишь защищался, — привела к новому кризису на борту «Надежды человечества».

Джону Лисби IV было всего десять лет, и, хотя Браун настаивал, чтобы его немедленно сделали капитаном, первый помощник Карсон придерживался другого мнения.

— Он вырастет к тому моменту, когда мы долетим до Проциона, но на данном этапе следует учредить капитанский совет, который будет за ним присматривать.

Карсона поддержал второй помощник Лютер. И только через несколько недель Браун обнаружил, что одна жена Лисби III живет с Карсоном, а другая с Лютером.

— Вы старые козлы! — возмутился он на следующем собрании капитанского совета. — Я требую немедленных выборов. И если вы не согласитесь со мной сейчас, я обращусь к ученым и команде.

Он встал, возвышаясь над остальными. Пожилые офицеры отпрянули назад, а Карсон попытался вытащить из внутреннего кармана бластер. Разъяренный Браун не сумел соразмерить своих сил. Он схватил Карсона и Лютера за шиворот и одним могучим движением стукнул их лбами. Сила удара оказалась такой большой, что лобные кости не выдержали, тем более что озверевший Браун не смог сразу остановиться.

Лишь почувствовав, как поникли тела обоих офицеров, он пришел в себя. Браун вызвал ученых, и было решено провести выборы.

Прошло некоторое время, прежде чем люди поняли, что от них требуется, но в конце концов

при помощи тайного голосования избрали исполнительный совет. Совет признал право Джона Лисби IV сменить отца на должности капитана, когда он достигнет зрелости. Между тем совет предложил Брауну стать исполняющим обязанности капитана сроком на один год.

К концу следующего года два члена совета решили выдвинуть свои кандидатуры на должность капитана, но Брауна избрали вновь.

Бывший третий помощник, ныне исполняющий обязанности капитана, Браун был недоволен появлением оппозиции.

— Почему, — с горечью сказал он своему старшему сыну, — они забыли о долге офицера?

И он начал учить сыновей своим обязанностям.

— Вам не помешает кое-чему научиться. Кому-то это знать просто необходимо!

Некоторое время его тревожили уколы совести, но потом он обнаружил, что против него ведется кампания.

— Раньше никогда не было таких безобразий, — пожаловался он совету. — Когда такие ослы, как молодой Кессер и козел среднего возраста Плаук, называют тебя за спиной глупцом, очевидно, что дела на корабле плохи. Полагаю, будет лучше,

если вы передадите мне полномочия капитана до тех пор, пока Лисби IV не исполнится двадцать пять лет, чтобы положить конец сварам. Мы не можем допустить, чтобы капитаном стал идиот, не понимающий, как работает корабль.

Член совета Плаук сухо заметил, что знание физики является полезным для любого командира корабля, бороздящего просторы космоса, полного опасных лучей. Брауну отказали в его просьбе. Однако продлили полномочия еще на один год.

Вскоре после этого один из членов совета заметил среди рабочих гидропонного сада знакомое лицо. Он тут же собрал совет на экстренное совещание. Выступление Брауна получилось чрезвычайно вкрадчивым.

— Почему бы молодому Лисби немного не размять мускулы? Идея постоянного иерархического управления ошибочна. По моему мнению, все молодые люди должны некоторую часть года работать в саду. Я намерен выдвинуть это предложение на голосование. Могу спорить, что садовые рабочие будут только рады, когда увидят, что даже старшие офицеры не отказываются от физического труда.

Позднее, когда у него спросили, как проходит обучение молодого Лисби, Браун грустно покачал

головой.

— Откровенно говоря, джентльмены, мне нечем вас порадовать. Я предложил ему каждый день приходить на мостик после окончания работы в саду, но он не проявил никакого интереса. Я вынужден признать, что он не отличается большим умом. Мне кажется, он не сможет стать капитаном.

Зато некоторые члены совета поняли, что сам капитан учится весьма успешно.

11

Джон Лисби IV не стал останавливаться, перед тем как сорвать очередной спелый плод. До ближайшей стены гидропонного сада оставалось еще двести футов, но его осторожность не знала границ. Он с равнодушным видом слушал девушку.

— Мама говорит, что два дня назад появились искры. Должно быть, мы приближаемся к Проциону.

Лисби IV ничего не ответил. Он принял обоснование этого явления: вокруг корпуса корабля всякий раз появляются искры, когда два или более солнц выдергивают заряженные энергией частицы из магнитных полей друг друга и направляют их в межзвездное пространство.

Хотя его претензии на капитанское кресло становились все менее весомыми, он вел свою игру, которая заключалась в том, чтобы не обсуждать технические вопросы со своими единомышленниками. Он дал девушке исчерпывающие инструкции прошлой «ночью». Теперь она ему докладывала.

Его пальцы автоматически делали работу, а девушка продолжала:

— Многие считают, что ты должен участвовать в нынешних выборах. Браун хочет провести своего старшего сына в совет. Если мы сумеем выбрать вместо него тебя… — она замолчала, а потом добавила: — Тебе ведь уже исполнился двадцать один год. А совет до сих пор не вспомнил о твоих правах. Ты должен за них бороться.

Лисби IV ничего не ответил. Ему надоели идиоты, которые все время предлагали ему действовать открыто. Неужели они не понимают, какая серьезная опасность ему грозит? Кроме того, он хотел подождать, пока они не доберутся до Проциона. После этого, когда следующим пунктом назначения станет Земля, мерзавцам, которые лишили его законных прав, придется дважды подумать, прежде чем предпринимать против него какие-то шаги.

— Если ты ничего не собираешься делать, — с тревогой продолжала девушка, — другие возьмут все в свои руки. Они устали — мы все устали — выполнять самую тяжелую работу и получать худшую пищу. Горди сказал… — она вновь немного помолчала, — что мы захватим корабль.

В голосе девушки послышалось благоговение. И в первый раз Лисби сделал жест, который не имел отношения к сбору фруктов.

— Аа-ай, — сказал он и презрительно махнул рукой.

Невежественные идиоты, подумал он. Они не понимают, о чем говорят. Захватить корабль — кучка рабочих, не имеющих ни малейшего представления о космосе.

— Тебе следует поспешить! — не унималась девушка. — Пора принимать решение…

Невнятные донесения о готовящемся восстании не встревожили капитана Брауна.

— У этих грязных нищих, — сказал он лейтенанту Джорджу Брауну, своему младшему сыну и старшему офицеру корабля, — не хватит мозгов, чтобы украсть мою шляпу. К тому же они еще не знают моих планов, о которых мы им сообщим после прибытия в систему Проциона. Им придется крепко призадуматься.

Молодой Браун промолчал. Он считал отца глупцом и уже давно сообразил, что капитан, обладавший крепким здоровьем, постареет очень не скоро. В свои сто четыре года он мог легко протянуть еще лет двадцать.

Слишком долго ждать до получения капитанского поста. К тому времени он и сам станет стариком. Он уже обсуждал это со своим старшим братом, который должен был председательствовать на совете во время выборов в следующем месяце.

Возможно, следует сообщить подпольщикам о своих настроениях. Несколько расплывчатых обещаний…

Процион А, яркость которого в шесть раз превышала яркость Солнца, уже появился на экранах. Желто-белое солнце становилось все больше и больше, на него уже трудно было смотреть без фильтров. А во мраке космоса, в миллиардах миль от него, находился бледный диск Проциона В, который можно было увидеть лишь в телескоп.

Как ни странно, но в системе Проциона оказалось больше планет, чем у яркого Сириуса. Телескопы обнаружили двадцать пять огромных миров. Корабль исследовал два из них с диаметрами в двадцать пять тысяч миль. Оба были

обитаемыми, и на обеих планетах атмосфера содержала хлор.

— У наших предшественников были неплохие идеи, — заявил капитан Браун, — но они считали, что иные цивилизации не способны к проявлению доброй воли. Мы должны помнить, что ни разу чужаки не попытались причинить нам вред. Вы спросите, а как же старый капитан Лисби? И я отвечу вам: чепуха. Он посмотрел на то, что не предназначалось для человеческих глаз, его мозг не выдержал, и он умер. Но нам не следует забывать, что существо, которое входило с ним в контакт, могло сделать с нашим кораблем все, что пожелает, однако оно улетело, даже не попытавшись нам навредить.

Капитан оглядел собравшихся на совет и продолжил:

— Что же из этого следует? Мы находимся в чрезвычайно выгодном положении. Старик Лисби не осмелился навязывать свою волю обитателям Центавра, поскольку имел дело с неизвестностью. На Сириусе мы все ужасно испугались и сразу же улетели, поскольку неведомое предстало перед нами в невероятной форме. Но теперь мы знаем намного больше. Мы видим межзвездную цивилизацию, и она может по-

ведать о том, что нам необходимо. А к чему мы сейчас стремимся? Нам нужна звезда, планеты которой имеют кислородную атмосферу. Они не станут нам мешать. Какое им до нас дело? Ведь они не смогут жить на кислородных планетах, а нам нечего делать на тех, где атмосфера полна хлора или серы. Мы расскажем им о том, что нам нужно. Как? — Браун торжествующе улыбнулся, победно глядя на членов совета. — Предоставьте это мне. Как только к нам приблизится первый из их кораблей, вы все узнаете.

На самом деле это был четвертый корабль. Первые три попросту игнорировали «Надежду человечества». Четвертый остановился на расстоянии ста ярдов от земного корабля и сохранял полнейшее молчание во время представления, которое устроил Браун.

Он использовал довольно простой механизм. Внутри одной из спасательных шлюпок Браун установил экран, а шлюпку отправили к кораблю чужаков. Передающее устройство находилось на капитанском мостике. Чужакам показали, как «Надежда человечества» взлетает с Земли, потом прибывает на Альфу Центавра, затем к Сириусу. Чужакам также сообщили, что в обеих системах есть обитаемые планеты, но атмосфера на них

содержит хлор или серу.

Эффект достигался достаточно простым методом: рядом с планетами проецировали атомные структуры хлора и серы. А Землю изображали с кислородом и азотом, впрочем, подразумевалось, что чужаки понимают: именно кислород делает жизнь возможной.

После чего наступила самая важная фаза фантастического шоу.

На экране появилась звездная карта с изображением шестидесяти с лишним звезд, находившихся не более чем в двадцати световых годах от земного солнца. На экране возникли три атомные структуры — хлора, кислорода и серы. Все они перенеслись к изображению одного солнца, задержались там на несколько мгновений, а потом передвинулись к следующей звезде.

— А теперь посмотрим, — сказал Браун, — как быстро они сообразят, что нам неизвестно, какова атмосфера планет, которые вращаются вокруг указанных нами звезд.

Чужаки поняли, что от них требуется, когда атомные структуры хлора, кислорода и серы переносились от шестой звезды к седьмой. Движущиеся структуры исчезли, карта стала неподвижной. И возле каждой звезды возникло

по одной атомной структуре.

Браун насчитал четыре, имеющих кислородные атмосферы. Прямо у них на глазах возникла новая звездная карта, синхронизированная с картой землян. На ней имелись изображения тысяч солнц, а возле каждого стоял значок атомной структуры, определявший тип атмосферы обитаемых планет.

А потом корабль чужаков начал стремительно уменьшаться в размерах.

— Верните спасательную шлюпку на корабль! — приказал Браун. — Полагаю, пришло время стартовать. Думаю, нам следует лететь на Альту — это ближайшая к нам звезда.

Позднее, когда он выступал перед советом, на его крупном лице блуждала глуповатая улыбка. Он гордился собой. Его план сработал, и теперь земной корабль имел изображение десятков, а может быть, и сотен планет, пригодных для колонизации людьми.

Ощущение успеха переполняло Брауна, когда он переводил взгляд с одного члена совета на другого. Интересно, о чем они думают и все ли уверены, что они правильно поступали, когда выбирали его капитаном на ежегодных собраниях? Быть может, теперь они поймут, что пора

отказаться от выборов. Такая система слишком опасна, к тому же она противоречит законам военных кораблей. Необходимо решить вопрос раз и навсегда, на случай если с ним что-нибудь произойдет.

И дело не в том, сказал себе Браун, что он чувствует себя старым. Но он подсчитал, что им потребуется тридцать лет, чтобы долететь до Альты, а он может столько не прожить. Исключительно по эмоциональным причинам он желал знать имя своего преемника. Он хотел, чтобы капитаном стал его второй сын.

В тот самый момент, когда эта мысль пришла ему в голову, взгляд Брауна скользнул к дверной ручке. Он увидел, как она поворачивается, и у него вдруг возникло интуитивное прозрение…

Браун выхватил бластер…

Быстрота его реакции избавила корабль от власти заговорщиков, но не спасла ему жизнь. Позднее, когда младший Браун привел группу вооруженных техников и ученых на помощь совету, они обнаружили, что все его члены, кроме одного, убиты, а оставшийся в живых серьезно ранен. Капитан Браун и его старший сын стали жертвами повстанцев, которыми руководил Горди. Как выяснилось, Лисби IV отказался принять

участие в восстании.

Из двадцати с лишним молодых людей, помогавших Горди, семнадцать были убиты. Кровавый след привел сначала к двум мятежникам, получившим серьезные ранения, а потом и к кладовой, где забаррикадировался Горди.

Поскольку Горди отказался сдаться, они использовали против заговорщика свое знание корабля. К нему подкрались через один из аварийных ходов. Горди так и не узнал, кто его прикончил.

Новый капитан Браун, которому недавно исполнилось семьдесят лет, приказал отнести раненого члена совета в капитанскую каюту. Позднее, когда по звездному времени наступила ночь, новый капитан обдумал проблему, которую представлял оставшийся в живых член совета. Наконец он решительно покачал головой.

Если он выживет, размышлял Браун, придется менять систему выборов, а это просто смешно.

Затем он вызвал по интеркому своего сына. И вдвоем — а сыну в то время было сорок пять лет — они пришли к выводу, что отец совершенно прав. По предложению старшего молодой Браун вернулся в свою каюту.

И совершенно не удивился, когда на следующее утро отец сообщил ему, что раненый член совета

не пережил ночи.

Теперь на борту корабля не осталось никого, кто мог бы потребовать новых выборов.

12

Через сто девять лет после старта с Земли космический корабль «Надежда человечества» вышел на орбиту вокруг Альты III, единственной населенной и пригодной для землян планеты во всей системе.

На следующее «утро» капитан Браун сообщил четвертому и пятому поколению колонистов, что на поверхность планеты будет отправлен челнок с людьми.

— Все члены экипажа челнока должны понимать, что их жизнь может быть принесена в жертву общему делу, — серьезно сказал он, — Наступил день, о котором мечтали наши прадеды, когда смело отправились в неизвестность более столетия назад, проявив мужество и решительность. Мы не можем их подвести.

Свое выступление капитан Браун завершил, обещав назвать имена членов экипажа челнока в течение ближайшего часа.

— Я уверен, что все настоящие мужчины мечтают о том, чтобы оказаться на его борту.

Джон Лисби, пятый в своем роду, сразу все понял, как только услышал последние слова капитана. И его самые худшие предчувствия оправдались.

Пока он размышлял, не следует ли дать сигнал о начале восстания, капитан сделал заявление, которое ничуть не удивило Лисби.

— И я уверен, что все мы будем им гордиться, когда я скажу вам, что Джон Лисби поведет отряд, на который возложены надежды людей в этом удаленном уголке Вселенной. А вот имена остальных…

И он назвал имена семи из девяти соратников Лисби, с которыми тот рассчитывал захватить власть на корабле.

Поскольку экипаж челнока состоял из восьми человек, Лисби понял, что Браун старается избавиться от максимального числа своих врагов. С растущей тоской он слушал, как капитан приказывает всем собраться в комнате отдыха.

— Экипаж челнока получит приказ сдаться любому судну, которое попытается его перехватить. Сканеры челнока будут передавать изображение на корабль, что позволит определить уровень развития доминирующей расы планеты.

Лисби поспешил вернуться в свою каюту, кото-

рая находилась на палубе техников, рассчитывая, что Тельер и Кэнтлин зайдут к нему. Он хотел провести военный совет, пусть даже совсем короткий. Он подождал пять минут, но никто из группы заговорщиков так и не появился.

Тем не менее Лисби получил шанс успокоиться. Как ни странно, умиротворяющее действие оказали запахи корабля. С самого детства аромат озона и нагретого металла стали постоянными спутниками Лисби. Сейчас, когда корабль находился на орбите, здесь царили тишина и покой.

Он устроился в кресле — он обычно здесь читал — и закрыл глаза. Лисби вдыхал смесь запахов, продукт титанической жизнедеятельности корабля. Страх оставлял его тело и разум. Он стал храбрым и сильным.

Лисби прекрасно понимал, что его план захвата власти связан с серьезным риском. Хуже того, никто не поставит под сомнение решение Брауна сделать Лисби командиром группы десанта.

Вероятно, рассуждал Лисби, он лучший техник на корабле. Браун III взял Лисби к себе, когда ему исполнилось десять лет, и заставил овладеть одним за другим секретами разных технических отделов. Браун IV продолжал его учить.

Лисби умел чинить управляющие системы.

Постепенно он начал разбираться в смежных областях, связанных с компьютерами. Уже давно сложнейшая паутина электрических цепей стала для Лисби продолжением его нервной системы.

Однако у него так и не нашлось времени для изучения главного двигателя корабля. Доступ к этой информации оставался привилегией Брауна, но он и сам разбирался в двигателе значительно хуже, чем его отец.

Отец Лисби множество раз пытался передать свои познания сыну. Но очень трудно обучать усталого и сонного ребенка сложнейшим понятиям. Впрочем, и его отцу пришлось учиться в тяжелых условиях. Лисби даже ощутил облегчение, когда отец умер. Ему стало легче, он избавился от постоянной опеки. Однако довольно скоро Лисби понял, что семья Брауна, навязавшая потомку первого капитана корабля изучение второстепенных навыков, одержала важнейшую победу.

Когда Лисби шагал в комнату отдыха, он без устали задавал себе вопрос: неужели все это время Браун готовил его именно для этой миссии?

Он широко раскрыл глаза. Если это правда, то его заговор не более чем повод. Решение его уничтожить принято более десяти лет назад…

Когда челнок мчался к Альте III, Лисби и Тельер сидели на соседних креслах и наблюдали, как на экране клубится туманная атмосфера огромной планеты. Доктор Тельер так и не сумел понять, почему корабль не способен превысить четверть скорости света. Из его записей следовало, что он рассчитывал превысить скорость света, но он умер, так и не успев передать своему сыну необходимые знания, чтобы тот сумел продолжить его дело. С тех пор никто не занимался этими исследованиями.

Ученые, занявшие место доктора Тельера, предполагали, что корабль столкнулся с парадоксами, описанными в теории Лоренца — Фицджеральда.

Так или иначе, но окончательного ответа получить не удалось.

Наблюдая за Тельером, Лисби размышлял о том, что сейчас чувствует его спутник и лучший друг. Поразительно, но он, как и все остальные члены экипажа, впервые покинул пределы большого корабля. «Мы ведь и в самом деле спускаемся к огромным массам воды и суши, — подумал он, — приближаемся к чужой планете!»

У него на глазах шар стремительно увеличивался.

Они летели по широкой дуге, готовые в любой момент уйти в сторону, если уровень радиации окажется слишком высоким и система защиты не сумеет с ней справиться. Однако все приборы показывали, что пока жизни экипажа ничто не угрожает.

Тишину разорвал вой сирены.

Одновременно на одном из экранов появилась стремительно приближающаяся к ним точка света.

Ракета!

Лисби затаил дыхание.

Однако сияющая световая точка сделала полный разворот, оказалась в нескольких милях от челнока и синхронизировала свое движение. Теперь они опускались одновременно. «Они не позволят нам сесть», — такой была первая мысль, которая пришла в голову Лисби. Он ощутил жгучее разочарование.

Загудел один из приборов.

— Они нас сканируют, — нервно сообщил Тельер.

В следующее мгновение челнок содрогнулся — Лисби понял, что их захватил силовой луч с корабля чужаков. Силовое поле крепко держало челнок.

Наука Альты III оказалась весьма продвинутой.

Челнок продолжал спускаться.

Весь экипаж собрался, чтобы наблюдать за приближающейся точкой света, которая быстро росла, превращаясь в некий объект. Очень скоро все поняли, что этот объект значительно больше, чем челнок.

Раздался звонкий стук. Челнок содрогнулся от носа до кормы.

— Обрати внимание, они совместили свой шлюз с нашим, — заметил Тельер прежде, чем прошла дрожь после стыковки.

За спиной Лисби экипаж обменивался дурацкими шутками испуганных людей. Они были предельно глупыми, но помогли Лисби справиться с собственным страхом. Он с удивлением обнаружил, что смеется вместе со всеми.

И хотя Лисби совершенно успокоился, он не забыл, что за ними наблюдает Браун, — у него не оставалось выбора.

— Открыть шлюз! Пусть чужаки берут нас в плен — ведь мы получили именно такой приказ.

13

Через несколько минут после того, как был открыт шлюз челнока, отошел в сторону люк чужого корабля. Выдвинулись прорезиненные устройства и соединились с корпусом земного челнока, герметично запечатав оба шлюза.

В переходном патрубке зашипел воздух. Перед ними возникло существо, которое двигалось с удивительной уверенностью. Оно тут же постучало по корпусу каким-то предметом, зажатым в одной из четырех кожистых рук.

Теперь Лисби мог хорошо разглядеть чужака: четыре ноги и четыре руки, длинное тонкое тело расположено вертикально. У него практически отсутствовала шея, однако многочисленные складки кожи между головой и туловищем показывали, что чужак обладает достаточной гибкостью.

Пока Лисби разглядывал пришельца, существо слегка повернуло голову и два его больших глаза посмотрели прямо на скрытый сканер, который вел съемку. Получилось, что чужак смотрит Лисби в глаза.

Лисби заморгал, с трудом оторвал взгляд от пришельца и кивнул Тельеру.

— Открывай! — приказал он.

Как только внутренняя переборка челнока отошла в сторону, появилось еще шестеро четвероногих существ, которые одно за другим вошли в коридор, ведущий во внутренние помещения челнока. Все они двигались с той же уверенностью, что и первый пришелец.

И как только они оказались внутри челнока, их мысли проникли в сознание Лисби…

Пока Дзинг и его отряд шагали по коридору маленького корабля карнов к шлюзу, старший офицер обдумывал свое сообщение.

— Давление воздуха и содержание кислорода почти не отличается от аналогичных параметров на поверхности Карна. Они могут жить на нашей планете.

Дзинг вошел в новое помещение и понял, что находится в рубке управления. Только теперь он впервые увидел людей. Он и его отряд остановились, некоторое время два вида разумных существ — люди и карны — смотрели друг на друга.

Появление двуногих созданий не удивило Дзинга. Лучи датчиков вибрации проникли сквозь металлические стены челнока, позволив ему с достаточной степенью точности оценить форму

и размеры существ, находившихся на борту.

Прежде всего он хотел проверить, действительно ли незваные гости сдались. Он приказал:

— Передайте пленникам, что в качестве меры предосторожности мы просим их снять одежду.

До того, как прозвучал приказ, Лисби не знал, способны ли эти существа воспринимать человеческие мысли. Поначалу чужаки вели между собой ментальную беседу так, словно они не подозревали о мыслях людей. Между тем один из карнов подошел к Лисби и дернул его за одежду. Теперь у Лисби не осталось никаких сомнений.

Телепатия действовала только в одну сторону — от карна к человеку.

Торопливо раздеваясь, он моментально оценил значение своего открытия. Он не должен допустить, чтобы Браун об этом узнал.

Лисби полностью разделся, но прежде, чем сложить одежду, вытащил блокнот и ручку. И быстро написал:

«Никому не говорите, что мы способны читать мысли этих существ».

Он передал блокнот остальным и облегченно вздохнул, когда убедился, что все прочитали его предупреждение, подтвердив это чуть заметным кивком.

Дзинг вошел в телепатическую связь с кем-то на поверхности планеты.

«Эти пришельцы, — докладывал он, — явно получили приказ не сопротивляться. Проблема состоит в том, как дать им победить нас, не возбуждая подозрений, чтобы они не поняли, что мы хотим именно такого исхода?»

Лисби не сумел сразу же услышать ответ. Однако он узнал его из сознания Дзинга.

«Начинайте уничтожать их маленький корабль. Посмотрим, как они себя поведут».

Отряд карнов тут же принялся за дело. Они сорвали контрольные панели. Затем сняли плиты пола. Обнажились провода, приборы и инструменты.

Вероятно, Браун наблюдал за уничтожением, поскольку его голос прозвучал прежде, чем карны успели повредить автоматику:

— Приготовьтесь! Ровно через двадцать секунд я загерметизирую шлюз и резко поверну челнок.

Лисби и Тельер тут же опустились в свои кресла и повернули их так, чтобы ускорение вдавило их в спинки. Остальные опустились на разодранный пол и приготовились к рывку.

Корабль начал медленно уходить из-под ног Дзинга, и тот проворно метнулся к стене, из ко-

торой выдвинулись ручки. Он тут же ухватился за них своими многочисленными руками. Когда крен усилился, он успел надежно упереться в пол своими четырьмя короткими ногами, и все его стройное тело напряглось. Примеру Дзинга последовали и остальные. Все они сделали вид, что сила тяготения не дает им пошевелиться.

Поворот закончился, челнок встал под прямым углом. Дзинг доложил о том, что произошло, и получил ответ:

«Продолжайте уничтожать все вокруг. Наблюдайте за ними и, как только они перейдут в атаку, немедленно подчинитесь им».

Лисби торопливо написал в блокноте: «Нам не нужно особенно хитрить. Они будут вести себя так, что мы легко одержим верх».

Лисби подождал, пока все земляне прочитают запись в блокноте. Он все еще сомневался, что его товарищи поняли, что происходит.

Тельер написал в ответ: «Очевидно, эти существа также получили приказ пожертвовать собой».

Теперь Лисби все понял. Остальные ничего не заметили. Лисби облегченно вздохнул, у него появилось огромное преимущество, и он сумеет сполна воспользоваться своим образованием.

Получалось, что только он обладает достаточной информацией, которая позволяла ему проанализировать поведение этих существ.

Его поразила удивительная ясность их мыслей. Много лет назад ученые Земли установили, что человек обладает слабыми телепатическими способностями, которые удается эффективно использовать только при электронном усилении сигнала вне мозга. Количество необходимой для такого процесса энергии было столь большим, что мозг не выдерживал, нервные окончания попросту выгорали.

Поскольку карны получали указания непосредственно, они не могли быть живыми существами. Значит, Дзинг и его спутники являются сложными роботами.

Истинные обитатели Альта III не пожелали рисковать собственной шкурой.

Но сейчас для Лисби важно было совсем другое. Он понял, как воспользоваться этими великолепными механизмами, чтобы победить Брауна, взять власть на «Надежде человечества» в свои руки и начать долгое возвращение на Землю.

14

Лисби наблюдал за карнами, продолжавшими разрушать челнок. Наконец он решил, что пришла пора действовать.

— Ханкер, Грейвс, — сказал он вслух.

— Да? — ответили они одновременно.

— Сейчас я попрошу капитана Брауна еще раз повернуть корабль. Как только челнок начнет разворачиваться, воспользуйтесь нашими газовыми пистолетами!

— Считайте, что дело сделано! — ухмыльнулся Ханкер.

Остальным четверым членам команды Лисби приказал удерживать чужаков.

— Если со мной что-нибудь случится, командование примешь ты, — сказал Лисби Тельеру.

Затем он написал в блокноте еще одно послание: «Эти существа будут продолжать вести ментальные переговоры даже после того, как сделают вид, что потеряли сознание. Не обращайте на это внимания и никак не комментируйте».

Он почувствовал себя гораздо лучше, когда все ознакомились с его приказом и вернули ему блокнот.

— Капитан Браун! Сделайте новый разворот,

чтобы прижать их.

Они почти без сопротивления захватили Дзинга и его отряд.

Как Лисби и предполагал, карны продолжали вести телепатические переговоры. Дзинг доложил своему руководству:

«Мне кажется, все прошло удачно».

Вероятно, он получил ответное послание, поскольку продолжал:

«Да, командир. Теперь, в соответствии с вашими приказами, мы стали пленниками и ждем дальнейшего развития событий… Как им удалось нас захватить? Каждого из нас зафиксировала машина, которая уселась на нас верхом. Наши конечности закреплены жесткими металлическими отростками. Все устройства контролирует электроника. Конечно, мы можем в любой момент освободиться. Естественно, мы прибережем эту возможность на потом…»

Лисби стало не по себе, но пути назад у них не было.

— Одевайтесь, — приказал он своим людям. — И начинайте приводить корабль в порядок. Поставьте на место все сорванные панели, за исключением секции Д-8. Они вытащили часть приборов, и я хочу убедиться, что аппаратура

в норме.

Одевшись, Лисби изменил курс челнока и связался с Брауном. Через мгновение загорелся экран, и на нем появилось недовольное лицо сорокалетнего офицера.

— Я должен поздравить тебя и твой экипаж, — хмуро сказал Браун. — Похоже, мы обладаем некоторым техническим превосходством и можем попытаться произвести посадку.

Поскольку Лисби знал, что до посадки на Альте III дело все равно не дойдет, он просто ждал, а Браун погрузился в размышления. Наконец он неуверенно заговорил:

— Мистер Лисби, вы прекрасно понимаете, в каком трудном положении я сейчас оказался, — впрочем, он тут же торопливо добавил: — Как и вся наша экспедиция.

Как только Лисби услышал слова Брауна, он сразу же понял, что капитан не намерен разрешать ему вернуться на корабль. Однако ему было необходимо снова оказаться на борту, чтобы претворить в жизнь свой план. Вероятно, придется сообщить о готовящемся заговоре, подумал Лисби, и выдвинуть компромиссное предложение.

Он сделал глубокий вдох и, глядя Брауну в глаза, заговорил с мужеством и твердостью человека,

принявшего окончательное решение.

— Мне кажется, что у нас есть выбор из двух вариантов. Либо решить все проблемы через демократическое голосование, либо остановиться на варианте с совмещенным капитанством, когда кораблем будем командовать вы и я.

Любому другому человеку, слушавшему их разговор, слова Лисби показались бы странными и никоим образом не вытекающими из контекста беседы. Однако Браун все прекрасно понял.

— Значит, решил играть в открытую, — с презрительной усмешкой сказал он. — Ну, тогда разрешите напомнить вам, мистер Лисби, что никто не вспоминал о выборах, пока у власти стояли Лисби. И на то были серьезные основания. Космическим кораблем должна управлять техническая аристократия. Ну а двум капитанам нет места на одном судне.

Лисби начал свою игру.

— Если мы намерены оставаться здесь, то потребуется по меньшей мере два человека, наделенных равными полномочиями: один на планете, другой — на корабле.

— Я не могу доверить тебе корабль! — холодно ответил Браун.

— Что ж, тогда на корабле останетесь вы, —

предложил Лисби. — Мы легко решим все технические вопросы.

Капитан с трудом себя контролировал.

— Твоя семья находилась у власти более пятидесяти лет! — вспыхнув, заявил он. — Как ты можешь говорить о правах?

— А как вы можете знать, о чем я говорю? — парировал Лисби.

— Концепция наследственной передачи власти придумана первым Лисби. На Земле это никто не планировал, — дрожа от ярости, сказал Браун.

— Но вы сами стали капитаном по праву наследования, — напомнил Лисби.

Браун ответил, не разжимая зубов:

— Тебе не кажется абсурдным, что земное правительство, которое находилось у власти, когда корабль стартовал — кстати, все его члены давно мертвы, — может назначать кого-то командиром корабля… а теперь потомок первого капитана заявляет, что этот пост должен принадлежать его семье на все времена!

Лисби молчал, удивленный глубиной ненависти, которую не скрывал Браун. Теперь ему было проще сделать следующее предложение:

— Капитан, у нас кризис. Следует забыть о личных интересах. Почему бы нам не доставить

одного из пленников на борт, чтобы допросить его при помощи фильмов или иным способом? Позднее мы сможем спокойно обсудить наши противоречия.

По лицу Брауна Лисби видел: капитан понимает, что ему сделано разумное предложение, и осознает возникающие в связи с ним возможности.

— Только ты вернешься на борт корабля и приведешь одного пленника! — быстро ответил Браун.

Лисби ощутил сильное возбуждение: Браун проглотил приманку. «Это похоже на упражнения в логике, — подумал Лисби. — Он намерен меня убить, как только окажется со мной наедине и сможет атаковать меня без малейшей опасности для себя. Но у меня появляется шанс вернуться на корабль и привести в действие свой план».

Браун нахмурился.

— Лисби, ты считаешь, что твоего пленника нельзя пускать на борт корабля? — спросил он с беспокойством.

Лисби покачал головой.

— Нет, сэр, — солгал он.

Браун принял окончательное решение.

— Очень хорошо. Скоро мы встретимся, и тогда

у нас появится возможность обсудить детали.

Лисби не осмелился ничего отвечать. Он кивнул и отключил связь, чувствуя, как его пробирает дрожь.

«Но что еще мы можем сделать?» — подумал он.

Он повернулся к секции пола, оставшейся открытой. Быстро нагнувшись, изучил кодировку каждого устройства, запрограммированного для дистанционного управления системой приземления, хитроумного механизма Уолдо, способного посадить челнок на планету и вновь стартовать, настроенного на пульсации человеческого мозга.

Он установил каждое устройство последовательно и закрыл секцию. Покончив с этим важным делом, он небрежно засунул в карман датчик дистанционного управления.

Лисби вернулся в рубку управления и некоторое время изучал провода, сравнивая их расположение с висящей на стене схемой. Часть проводов была выдернута из гнезд. Он поставил их на место, умудрившись одновременно закоротить схему дистанционного управления кораблем.

Затем Лисби вернул на место панель, но не стал ее закреплять. Теперь у него появились основа-

ния для следующих действий. Лисби вытащил из грузового отсека клетку и, не снимая с Дзинга наручников, жестами предложил ему перейти туда.

Прежде чем закрыть дверь клетки, Лисби поставил простую цепь, экранирующую передачу мыслей карна на уровне человека. Устройство было совсем несложным, имело выключатель и позволяло полностью экранировать телепатический канал.

Установив устройство, Лисби положил второй датчик дистанционного управления в карман. Он не стал включать экран. Время еще не пришло.

Между тем Дзинг телепатировал из клетки:

«Следует отметить, что эти существа выбрали именно меня. Мы можем предположить, что случайно. Однако нельзя исключать, что они обладают наблюдательностью и заметили, что я отдавал приказы. В любом случае сейчас глупо отступать».

Зазвенел звонок. На одном из экранов появилось пятнышко света, которое стремительно перемещалось к центру экрана. Роковая встреча челнока и «Надежды человечества» становилась неизбежной.

— Наша встреча состоится в запасной рубке

управления, — приказал Браун.

Лисби осуществил перегрузку клетки с пленником через шлюз В — и увидел, что его встречает второй помощник Селвин. Такой крупный чин для решения вполне рутинной задачи. Селвин криво улыбнулся и помахал рукой, когда Лисби вкатил клетку на колесах в пустой коридор.

Они никого не встретили на всем пути в рубку. Очевидно, людей сознательно удалили из этой части корабля. Вскоре полный решимости Лисби поставил клетку в центре запасной рубки управления. Затем он зафиксировал ее при помощи магнитного зажима.

Браун поднялся из кресла капитана и соскочил с помоста, а затем с улыбкой подошел к Лисби, протягивая ему руку. Как и все Брауны, он был крупным, почти на голову выше Лисби, красивым мужчиной с четкими чертами лица. Больше в рубке никого не было.

— Я рад, что ты был откровенен, — сказал капитан. — Сомневаюсь, что я мог бы говорить с тобой прямо, если бы не твоя инициатива.

Но когда они пожимали друг другу руки, Лисби не оставляли подозрения. «Он пытается загладить резкость своей первой реакции. Мне удалось вывести его из равновесия», — подумал Лисби.

— Я принял решение, — продолжал Браун все тем же сердечным тоном. — О выборах не может быть и речи. На корабле полно инакомыслящих, мечтающих лишь о том, чтобы вернуться на Землю.

Лисби, желавший того же самого, благоразумно промолчал.

— Ты будешь капитаном на земле, — продолжал Браун. — А я на корабле. Почему бы нам не сесть и не выработать официальное заявление, которое я зачитаю всем, кто находится на борту?

«Что он выиграет, назначив меня капитаном на планете? — размышлял Лисби. — Только одно: обретет уверенность, а потом обманет и уничтожит соперника».

Лисби незаметно оглядел рубку, большое квадратное помещение, по соседству с которым находились массивные главные двигатели корабля. Система управления дублировала основную, располагавшуюся на капитанском мостике. Огромным кораблем можно было управлять как с мостика, так и из рубки, но преимущественным правом обладал мостик. Стоявший на вахте офицер принимал решения в экстренных случаях.

Лисби прикинул, что сейчас на капитанском мостике находится первый помощник Миллер,

который во всем поддерживал Брауна. Почти наверняка он наблюдает за ними на одном из экранов и готов в любой момент прийти Брауну на помощь.

Через несколько минут Лисби задумчиво слушал, как Браун читает по интеркому их совместное заявление, в котором говорилось, что Лисби будет исполнять обязанности капитана на поверхности планеты. Его переполняли смешанные чувства. Должно быть, капитан был абсолютно уверен в надежности своего положения, если согласился назначить на такой высокий пост своего главного соперника.

Следующий шаг Брауна также оказался для Лисби неожиданным. Пока они оба находились на экране, Браун наклонился к Лисби, дружески потрепал его по плечу и сказал, обращаясь к многочисленной аудитории:

— Вам всем известно, что Джон единственный прямой потомок нашего первого капитана. Никто точно не знает, что произошло пятьдесят лет назад, когда мой дед стал капитаном. Но я помню, старик часто говорил, что только он понимает, как все следует делать. Сомневаюсь, что он был готов поверить какому-то самонадеянному молокососу, которого не мог бы полностью

контролировать. Порой мне казалось, что мой отец стал жертвой темперамента деда, всячески старавшегося подчинить себе сына.

Браун располагающе улыбнулся и продолжал:

— В любом случае, хотя мы и не можем склеить разбитые яйца, нам вполне по силам начать исцелять раны, — тут он сделал значительную паузу, и его голос обрел твердость. — Однако все мы понимаем, что мой опыт и знания дают мне возможность достойно управлять кораблем, — он неожиданно сменил тему: — Мы с капитаном Лисби вместе попытаемся войти в контакт с захваченным разумным представителем иной цивилизации. Вы сможете за этим наблюдать, однако мы оставляем за собой право прервать передачу, если возникнут непредвиденные обстоятельства.

Он повернулся к Лисби:

— Как ты считаешь, с чего нам следует начать, Джон?

Лисби был охвачен сомнениями. Он впервые подумал о том, что Браун может быть искренним. И это его тревожило: ведь он собирался претворить в жизнь свой план в самое ближайшее время.

«Нам нужно было оказаться в одном шаге от

безумия, чтобы всерьез подумать о возможном соглашении», — подумал он.

— Почему бы не показать нашего пленника? — спокойно предложил Лисби.

Когда силовой луч вынул Дзинга из клетки, освободив тем самым от полей, подавлявших телепатические волны, карн сообщил на Альту III:

«Меня держали в замкнутом пространстве, экранирующее поле мешало мне с вами связаться. Сейчас я попытаюсь оценить состояние и возможности корабля…»

В этот момент Браун протянул руку и отключил аудиторию. Он резко повернулся к Лисби и спросил:

— Объясни, почему ты не рассказал, что эти существа владеют телепатией? — Он говорил угрожающе, глаза метали молнии.

Наступил момент истины.

После коротких колебаний Лисби решил, что их новые отношения стоят дороже, и откровенно все рассказал Брауну.

— Я считал, что этот секрет позволит мне прожить немного дольше, ведь, когда нас отправили на планету, вы не рассчитывали, что мы вернемся обратно, — сказал Лисби в заключение.

— Но как ты собирался… — начал Браун, но

потом махнул рукой. — А, не имеет значения, — пробормотал он.

Дзинг вновь начал телепатировать.

«Во многих отношениях корабль является весьма передовым. Все автоматические системы удачно сконструированы и способны к самовосстановлению. На корабле имеется отличная силовая защита, они умеют создавать силовой луч, мощность которого сравнима с мощностью лучей наших кораблей.

Однако двигатель на атомной тяге недостаточно эффективен. Витки, создающие резонансное поле, которое контролирует ускоритель частиц, плохо сбалансированы, поскольку чужаки не до конца понимают базовые физические принципы процесса. Вместо того чтобы ускоряться до скорости света, частицы выбрасываются на сравнительно низких скоростях, в результате чего их масса практически не увеличивается. Массы не хватает для поддержания скорости до ближайшей планетарной системы. Разрешите мне закончить передачу данных, которые я получаю, для обработки на большом компьютере…»

— Поскорее, сэр, верните его обратно, пока мы не разобрались в том, что он говорит! — с тревогой сказал Лисби.

Браун так и сделал, а Дзинг в это время телепатировал:

«Мой анализ верен! Эти существа полностью в нашей власти».

В этот момент его мысль прервалась, поскольку его опустили обратно в клетку, за энергетический барьер.

Браун включил систему трансляции.

— Прошу меня простить за то, что нам пришлось прервать передачу, — сказал он. — Вам будет интересно узнать, что мы сумели прочитать мысли пленника и перехватить его сообщение на планету. Теперь у нас появилось преимущество. — Он повернулся к Лисби. — Вы согласны со мной, капитан?

Внешне Браун сохранял спокойствие, хотя последние слова Дзинга — «Эти существа полностью в нашей власти» — ошеломили Лисби. Он никак не мог поверить, что Браун ничего не понял.

Между тем Браун воодушевленно продолжал:

— Меня восхищает телепатия — великолепный способ связи. Будет замечательно, если мы сумеем создать такую же систему импульсов. Возможно, нам удастся использовать принцип устройства дистанционного управления, который позволяет управлять посадкой. Как вы знаете, он дает

возможность направлять человеческие мысли подобно радиопередатчику.

Сейчас Лисби гораздо больше занимали мысли о том, что у него в кармане трехступенчатый дистанционный ключ для электронно усиленных импульсов мысли. К несчастью, это устройство управляло только челноком. Будет неплохо, если он сумеет взять под контроль еще и корабль. Он и раньше пытался справиться с этой проблемой, но теперь Браун дал ему в руки простое решение.

Лисби постарался говорить спокойно:

— Капитан, разрешите мне запрограммировать аналоги, пока вы подготовите фильмы для контакта с чужаком. В этом случае мы будем готовы к любым неожиданностям.

Похоже, Браун ему полностью доверял, поскольку сразу же согласился с предложением Лисби. По указанию Брауна установили проектор. Третий помощник Миндель и оператор, который пришел вместе с ним, уселись в кресла рядом с проектором.

Пока шла подготовка, Лисби обратился за помощью к нескольким техникам — и лишь один из них запротестовал:

— Но, Джон, — возразил он, — так у нас получится двойной контроль, причем система

управления челноком будет иметь преимущество над управлением с капитанского мостика. Это противоречит всем принципам координации. Я… так никогда не делалось.

Да, действительно. Но Лисби сражался за свою жизнь. И в его кармане лежал пульт дистанционного управления челноком, до которого он мог дотянуться в любой момент, поэтому он жестко спросил:

— Ты хочешь обсудить мой приказ с капитаном Брауном? Тебе необходимо его разрешение?

— Нет-нет, — сомнения техника рассеялись. — Я слышал, как он назвал тебя одним из капитанов. Теперь ты босс. Все будет исполнено.

Лисби выключил переговорное устройство и обернулся. Оказалось, что все готово для демонстрации фильма. Браун положил руку на устройство, управляющее силовым лучом, и вопросительно посмотрел на Лисби.

— Все готово? — спросил Браун.

В последний момент Лисби охватили сомнения.

Но он почти сразу же сообразил, что у него остается только два варианта: или продолжать, или обо всем рассказать Брауну. Лисби колебался до последнего мгновения.

— Вы не могли бы выключить интерком? — спросил он.

— Мы вернемся к вам через несколько минут, — сказал Браун застывшей в ожидании аудитории.

Он выключил общий канал связи и вопросительно посмотрел на Лисби.

— Капитан, — тихо заговорил Лисби, — я должен вас предупредить, что привел на борт корабля карна в надежде использовать его против вас.

— Откровенное признание, — мягко ответил Браун.

— Я упомянул об этом, — продолжал Лисби, — на случай, если у вас были аналогичные намерения. Мне бы хотелось окончательно с вами договориться, прежде чем мы займемся карном.

Браун покраснел. Но через пару секунд справился с собой и сказал:

— Я не знаю, как мне тебя убедить, но у меня нет никаких гнусных замыслов.

Лисби посмотрел в открытое лицо офицера и вдруг понял, что тот говорит искренне. Браун принял предложенный компромисс. Его устраивает вариант с совместным капитанством.

Лисби переполняли радость и сомнения. Он все

еще не избавился от страха. С другой стороны, они вроде бы теперь союзники. Можно говорить правду и рассчитывать, что тебя услышат — если в твоих словах будет смысл.

Получалось, что он должен поверить в то, что его правда имеет смысл. Он предлагает Брауну мир на борту корабля. Естественно, за мир придется заплатить, но это мир! Сейчас, когда они оказались в исключительно опасной ситуации, Браун понял важность такого решения.

Теперь это стало для Лисби очевидным.

Без колебаний он поведал Брауну о том, что существа, высадившиеся на челноке, роботы. Браун задумчиво кивнул. Наконец он ответил:

— Но я не понимаю, как можно это использовать, чтобы захватить корабль.

Лисби объяснил, что роботы имеют встроенную систему самоуничтожения, которая при активизации может разрушить все, что окажется рядом с ними.

— Вот почему, — продолжал Лисби, — он лежал на спине, когда я доставил его на корабль. Я мог бы развернуть его и направить на вас. Естественно, я бы не стал этого делать до тех пор, пока вы не открыли бы своих планов. Одна из принятых мной мер предосторожности состояла в том, что

слышать мысли этого существа без…

Лисби засунул руку в карман, чтобы показать Брауну пульт дистанционного управления, при помощи которого они сумеют читать мысли робота, не вынимая его из клетки.

Однако в этот момент лицо Брауна перекосила злобная гримаса, и он повернулся к третьему помощнику Минделю.

— Ну, Дэн, — сказал он, — пожалуй, достаточно?

Лисби с ужасом обнаружил, что из уха Минделя торчит крошечное усиливающее устройство. Вероятно, он слышал каждое слово их разговора. Миндель кивнул.

— Да, капитан, — ответил он. — Я полагаю, он сказал нам то, что мы хотели узнать.

Браун отстегнул предохранительный пояс, встал и заговорил холодно и формально:

— Техник Лисби, мы слышали ваше признание в нарушении воинского долга и заговоре с целью свержения законного правительства корабля, в ваших намерениях использовать чужаков для уничтожения человеческих существ и в других чудовищных преступлениях. В таких экстремальных условиях оправдана казнь без формального суда. Поэтому я приговариваю вас к смерти и

приказываю третьему помощнику капитана Минделю…

Он сбился и замолчал.

16

Пока он говорил, Лисби автоматически переключил пульт — это ни в коей мере не являлось результатом осмысленного решения, его пальцы сами спазматически дернулись. Освобождение мыслей Дзинга никак не могло ему помочь. Единственная надежда — почти сразу же сообразил он — в том, чтобы засунуть руку в другой карман и добраться до пульта дистанционного управления посадкой, секрет которого он так наивно выдал Брауну.

Между тем освобожденный Дзинг протелепатировал:

«Вновь свободен — и теперь уже окончательно! Мне только что удалось активизировать устройство дистанционного управления, которое через несколько мгновений запустит двигатели корабля, а затем я откорректирую механизм контроля за ускорением…»

Вероятно, мысли робота произвели ошеломляющее впечатление на Брауна, поскольку он так и остался стоять с открытым ртом.

«И я улучшил систему контроля над полями, теперь атомный двигатель сможет достигать скорости света. Кроме того, я внес изменения в систему синхронизации искусственной гравитации при ускорении. Они ничего не предприняли, чтобы помешать мне захватить корабль…»

Лисби включил интерком и закричал в микрофон:

— Всем приготовиться к экстренному ускорению! Хватайтесь за все, что попадется под руку! — Повернувшись к Брауну, он рявкнул: — Садись на место… быстро!

Поведение Лисби было автоматической реакцией на опасность. Только после того, как слова были произнесены, Лисби сообразил, что ему совсем не нужно, чтобы капитан Браун остался жив. Ведь он встал со своего места только для того, чтобы не мешать Минделю выстрелить в него из бластера.

Браун осознал, что ему грозит опасность, и направился к креслу, но его руки находились в футе от спинки, когда заработали двигатели, и ускорение швырнуло его на пол. Браун изо всех сил уперся ладонями и подошвами в пол, что спасло его от травмы головы, поскольку ценой колоссальных усилий ему удалось сохранить си-

дячее положение. Браун начал скользить по полу к стене. Поскольку стены были упругими, чтобы защитить экипаж от экстренного торможения, удар получился не слишком сильным. Ускорение стремительно возрастало, и Браун умоляюще закричал:

— Лисби, захвати меня силовым лучом. Спаси меня. И я с тобой помирюсь.

Отчаянная мольба о помощи удивила Лисби. Он ничего не мог поделать, поскольку ускорение не позволяло ему помочь Брауну. Однако его позабавило, что Браун рассчитывал на милосердие после того, как сам отдал приказ о его казни.

Сила тяжести становилась невыносимой. Лисби вдруг понял, что и сам находится в трудном положении.

Он повернулся назад, когда разговаривал с Брауном, поэтому резкое изменение в работе двигателей оказалось для него неожиданностью. Лисби бросило вперед, его спас лишь ремень безопасности, ноги и руки бессильно свисали вниз, и ему вдруг показалось, что еще немного, и его внутренности покинут тело. Глаза вылезали из орбит. Ощущение было ужасающим.

Необходимо каким-то образом развернуть кресло, чтобы спина приняла на себя чудовищные

перегрузки.

Он уже собрался что-то сделать, когда крыша клетки приподнялась и появилась голова Дзинга. И Лисби вновь услышал мысли робота.

«…Ну, это оказалось совсем несложно, — докладывал карн. — Я установил ускорение на отметке, в четыре раза превышающей их тяготение. Теперь двуногие существа не могут двигаться, но их жизни не грозит опасность. Как скоро прибудет абордажная команда?»

Он немного подождал ответа.

«А я пока успею лично осмотреть двигатель. У меня возникли некоторые сложности с системой управления, я не запрограммирован для работы с такими тонкими материями…»

Одновременно робот выбрался из клетки — казалось, тяготение не оказывает на него никакого влияния, — а затем вышел в дверь и исчез в коридоре. Еще несколько секунд Лисби слышал, как он продолжает общаться с обитателями планеты. Наконец волны мыслей робота перестали до него доходить.

Лисби заметил, что Браун также наблюдает за Дзингом. Люди обменялись пристальными взглядами, после чего Браун попытался заговорить. На него было страшно смотреть, сила тяжести

обошлась с ним безжалостно. Лисби с трудом удалось разобрать несколько слов.

— …Твои безумные действия… Нас схватят… уничтожат…

«Будь я проклят, — подумал Лисби. — Он винит меня во всех наших несчастьях».

Он ощутил укол совести, но тут же о нем забыл. В чем причина катастрофы? Лисби, в отличие от Брауна, считал, что ответ на этот вопрос совсем не так прост. Почему Браун решил, что он имеет право отнять у Лисби жизнь?..

Однако Лисби ничего не сказал вслух, лишь осторожно попытался пошевелить правой рукой. Слегка согнув локоть, он обнаружил, что не полностью потерял контроль над своими движениями. Он вцепился в ручку кресла, а потом начал перемещать пальцы к кнопкам управления креслом.

Наконец он до них добрался! Его палец лег на кнопку, которая развернет кресло…

И тут Лисби остановился. Его мозг начал работать вновь. Он открыл рот, чтобы задать Брауну вопрос. Язык с огромным трудом ворочался во рту.

— Сколько топлива… в двигателе?

На искаженном лице Брауна появилось удив-

ленное выражение.

— На много часов! — прохрипел капитан.

Лисби почувствовал разочарование. Он вспомнил разговоры о нехватке топлива. Ходили слухи, что во время торможения перед Альтой топлива осталось всего на несколько часов работы. На самом деле он неоднократно получал приказ вырезать куски металла из скрытых частей корабля. И когда Лисби приносил результаты своих трудов в двигательный отсек, он думал, что двигатель тут же пожирал все запасы.

Но тогда откуда берется топливо?

Лисби пришел к выводу, что их попросту обманывали. Конечно, топлива не хватало. Однако Браун сильно это преувеличивал, чтобы получить возможность рискнуть жизнью Лисби и его отряда: в таких условиях никто не посмел бы ему возражать.

Получалось же, что топлива осталось более чем достаточно… Лисби расстался с надеждой, что оно кончится и избыточная сила тяжести исчезнет. Значит, нужно выбрать другой способ спасения. Но он слишком опасен. Хотя действия…

Лисби нажал кнопку на панели управления креслом.

Кресло резко развернулось, внутренние органы

Лисби отчаянно запротестовали, руки и ноги изменили положение, и волна боли затопила тело. Прошла минута, и Лисби почувствовал, что ему стало легче.

Он заставил себя немного приподнять руку и засунуть ее в карман. Процесс получился болезненным и ужасно медленным.

Лисби пришлось приложить все силы, чтобы сжать пульт дистанционного управления. Однако он не стал сразу же приводить его в действие.

«Нужно подождать, — подумал он, — пока карн не отойдет подальше».

Он сидел и дышал — даже это оказалось выматывающим делом. Лисби чувствовал, как теряет силы.

«Неужели при четырехкратных перегрузках человек слабеет оттого, что сидит?» — с тоской подумал он.

Но если он прикончит Дзинга прямо сейчас, то останется наедине с Брауном и его приспешниками, а его смертный приговор никто не отменял.

Если же он выключит двигатель и избыточная сила тяжести исчезнет, робот карнов сразу же вернется, чтобы выяснить, что произошло.

Как избежать подобного развития событий?

Чем дольше он будет тянуть, тем больше у него

времени узнать жизненно важные сведения. Например, насколько Дзинг сумел перестроить двигатель корабля. Если слишком резко изменить ускорение, люди могут мгновенно погибнуть, да и корабль получит серьезные повреждения.

Лисби принялся внимательно разглядывать приборную панель, находившуюся перед ним. Время шло, но он упорно продолжал ее изучать. Вскоре на него навалилась усталость, и это стало главной проблемой. Несколько раз он засыпал и просыпался с мыслью, что драгоценное время уходит.

Наконец он понял.

Ускорение составляло 12 *g*, а сила искусственной гравитации — 8 *g*. Разность между ними — 4 *g* — оказывала на него и на весь экипаж корабля такое мучительное действие.

Лисби охватило чувство благоговения. Они столкнулись с удивительной, невероятной техникой. Робот карнов сумел силой мысли внести колоссальные изменения в двигатель и витки катушек искусственной гравитации.

До настоящего момента считалось, что использование искусственной гравитации в период работы двигателя невозможно. Для этого попросту не хватало мощности. Однако Дзинг сумел все

изменить, создав новый мощный источник энергии: быстрое испускание и расширение частиц увеличивало количество энергии во множество раз. Теоретически — в десятки тысяч раз. На практике, естественно, энергия увеличивалась «лишь» в несколько сотен раз.

Однако сейчас энергии хватало на любые непредвиденные случаи. Дыхание с трудом давалось Лисби, пока он размышлял о фантастических реалиях Вселенной. Долгое столетие длился их медленный полет сквозь бесконечные пространства космоса — и все это время «Надежда человечества» имела потенциал для многократного увеличения скорости.

«И доктор Тельер упустил эту возможность», — подумал он.

Упустил! Огромный корабль, полный людей, скитался в течение жизни нескольких поколений по темным глубинам межзвездного пространства.

«В тот самый момент, когда я активизирую первую фазу пульта дистанционного управления, — размышлял Лисби, — Дзинг потеряет контроль над двигателем и искусственной гравитацией. К сожалению, это приведет к тому, что он примчится обратно в рубку управления, чтобы

выяснить, в чем причина».

Лисби сообразил, что не может рисковать. Он должен активизировать третью фазу, которая приведет к самоуничтожению робота карнов. Парадокс состоял в том, что робот служил ему защитой.

В тот самый миг, когда робот будет уничтожен, Браун вновь станет полновластным хозяином корабля.

«Если бы мне удалось выиграть хотя бы несколько минут для переговоров с Брауном…»

Он продолжал искать альтернативный вариант. Наконец, понимая, что другого выхода нет, Лисби последовательно активизировал первую фазу и почти сразу же третью.

В тот же миг перегрузки исчезли, и его тело обрело удивительную легкость.

Лисби напряженно прислушивался, но взрыва не последовало.

«Боже мой, — с ужасом подумал Лисби, — неужели система самоуничтожения не работает?»

Однако в данный момент у него возникла другая проблема. Браун с трудом поднялся на ноги.

— Нужно сесть в кресло… — пробормотал капитан.

Он успел сделать два шага, когда на него снизошло озарение. Он ошеломленно посмотрел на Лисби.

— Ах вот оно что! — с тоской прошептал он.

Лисби было некогда тревожиться о Дзинге. Он навел силовой луч на Брауна и сказал:

— Совершенно верно. Ты смотришь на своего врага. Я хочу окончательно прояснить ситуацию, но времени у нас очень мало. Сейчас я задам тебе пару вопросов.

— Я поступил так, как следовало поступить законному правительству в кризисной ситуации. Быстро подавить мятеж, лишь только выяснятся имена заговорщиков и их планы.

С учетом истории корабля объяснения Брауна выглядели полнейшим абсурдом, но Лисби не стал тратить время на споры. Он знал, что у него в распоряжении имеется всего несколько минут — в лучшем случае. Как это ни ужасно, но он был вынужден сражаться на два фронта — против Брауна и Дзинга, но тут он ничего не мог поделать. Поэтому он перенес к своему креслу Брауна и забрал у него бластер.

Теперь, когда у него появилось оружие, Лисби почувствовал себя лучше. Не поворачиваясь, он заговорил в интерком, соединяющий рубку с

капитанским мостиком:

— Мистер Миллер? Вы меня слышите?

Ответа не последовало. Тогда Лисби обратился к Брауну.

— Скажите Миллеру, чтобы он не пытался взять управление кораблем на себя, в противном случае я воспользуюсь бластером. Вы все поняли, мистер Миллер? — холодно спросил Лисби.

И вновь никакого ответа.

— Возможно, он потерял сознание, — хмуро предположил Браун.

Лисби горячо этого желал, но не мог ждать подтверждения. В оставшееся до возвращения Дзинга время он должен был получить у Брауна все необходимые ему сведения.

17

Лисби понимал: он должен обмануть Брауна, убедив его в своей искренности. Он бы многое отдал за возможность задать один вопрос по интеркому. Необходимо знать, произошел ли взрыв на корабле.

Но едва об этом узнают остальные, лишь только Браун поймет, что ему противостоит один Лисби, шансов на победу у него не останется.

И Лисби не стал задавать этот вопрос.

Однако Браун мог ему помочь, если Лисби удастся его напугать.

— Как инопланетный робот может передвигаться при такой силе тяжести? Сейчас меня беспокоит только этот вопрос. Данное явление противоречит всем законам физики, но мы собственными глазами видели, как легко он прошел через рубку, — и далее Лисби солгал: — Мне бы не хотелось предпринимать против него никаких действий, пока мы не найдем ответ.

Он опустил Брауна на пол и слегка ослабил напряжение в силовом луче, но капитан так и не получил свободы передвижения. Браун глубоко задумался. Наконец он кивнул:

— Хорошо. Кажется, я понял, что произошло.

— Ну так скажи!

Браун заговорил о том, что его волновало гораздо больше.

— Что ты намерен со мной сделать? — осторожно спросил он.

Лисби пораженно посмотрел на него.

— Ты не собираешься мне отвечать?

— А как ты думаешь? До тех пор, пока я не узнаю, что меня ждет, мне нечего терять.

— Неужели? — насмешливо спросил Лисби. — Похоже, тебе плевать, что робот может

уничтожить людей? Тебя больше тревожит собственная безопасность, чем благополучие корабля и выполнение нашей миссии? Разве подобное преступление не заслуживает смертной казни?

Тон Лисби встревожил Брауна, и он быстро сказал:

— Послушай, тебе больше нет нужды устраивать заговоры. Ведь ты хочешь только одного: вернуться домой, не так ли? Разве ты не понимаешь, что теперь, когда у нас есть возможность разогнаться до скорости света, мы попадем на Землю через несколько месяцев?

Браун замолчал, охваченный сомнениями.

— Кого ты пытаешься обмануть? — сердито спросил Лисби. — Мы находимся на расстоянии дюжины световых лет от Земли. Нам потребуются годы, а не месяцы.

— Ладно, ты прав, несколько лет. Но не вся жизнь. И если ты обещаешь больше не устраивать заговоров против меня, я поклянусь…

— Ты поклянешься! — яростно ответил Лисби, которого возмутила попытка шантажа. Затем ярость и ощущение поражения исчезли, и на их место пришла холодная решимость. — Мистер Браун, у вас есть двадцать секунд на размышле-

ния. Если вы не начнете говорить, вам конец.

— Ты собираешься меня убить? Послушай, — умоляюще продолжал Браун, — нам больше нет нужды враждовать. Мы можем вернуться домой. Разве ты сам не видишь? Долгое безумие подошло к концу. Никому не нужно умирать. Не тяни, уничтожь чужака при помощи своего пульта!

Лисби колебался. В словах Брауна была толика правды. Да, он пытался выдать двенадцать лет за двенадцать недель или двенадцать месяцев. Но в одном Браун не соврал: это действительно небольшое время по сравнению с путешествием, которое длится столетие.

«Так убивать Брауна или нет?» — подумал он.

Лисби сомневался, что сможет это сделать. Но если не смерть, то что? Он продолжал колебаться. Драгоценные секунды уходили, а он никак не мог найти решения.

«Нужно выиграть время», — наконец решил он.

— Вот что я могу тебе обещать, — сказал Лисби. — Если ты сумеешь меня убедить, что я буду чувствовать себя в безопасности на корабле, где ты останешься капитаном, я обдумаю твое предложение. А сейчас, мистер, говори.

Браун кивнул.

— Я принимаю твое предложение. Существует два возможных объяснения. Естественно, я склоняюсь к более банальному. Предположим, роботу необходимы потоки энергии, что-то вроде силового луча. Он использует этот поток мгновенно или при помощи системы обратной связи, которая лежит в основе сохранения равновесия во время обычной ходьбы при нормальной силе тяжести.

— А в чем состоит второе объяснение? — осведомился Лисби.

— Здесь нам придется забыть о нормальных реакциях и обычных потоках энергии. Когда мы в последний раз видели робота, он перемещался как объект, на который вообще не действует сила тяготения. Если это так, то мы наблюдали поразительное явление. Чтобы его понять, нам необходимо обратиться к теориям световых скоростей, в частности к теории сжатия Лоренца — Фицджеральда. При достижении скорости света масса бесконечна, но размеры обращаются в ноль. Таким образом, масса моментально перестает быть объектом инерции в том смысле, как мы ее понимаем. В природе не существует условий, когда такое явление происходит естественным путем. Дзингу каким-то образом

удалось создать такие условия искусственно — если, конечно, второе объяснение справедливо.

— Я склонен принять вариант с силовым лучом, — с сомнением проговорил Лисби. — А есть ли возможность выяснить, что имеет место на самом деле?

Браун ничего не смог придумать.

— Если речь шла о комбинации потоков энергии, то приборы могли их зарегистрировать. И они вновь это покажут, если он сюда вернется.

Тогда будет уже слишком поздно, сообразил Лисби.

— Что нам нужно у него узнать? — беспомощно спросил Лисби.

— Мы уже все узнали, — ответил Браун. — Эта штука обладает невероятным контролем над энергией и пониманием пространства и времени, о чем мы можем лишь мечтать. Нам нечего делать в этой звездной системе. Пора уносить ноги.

Лисби вспомнил, как все карны делали вид, что на них действует сила тяжести.

— Возможно, второе объяснение больше соответствует действительности, — сказал он вслух.

Браун покачал головой.

— Нет, в таком случае он появился бы здесь через несколько мгновений. При достижении

скорости света время спрессовывается.

— Что ты имеешь в виду?

Браун мрачно мотнул головой.

— Давай не будем тратить время на интеллектуальные дискуссии, — предложил он.

— Я хочу понять, о чем ты говоришь.

— Речь идет об уплотненном времени. Его время движется медленнее, чем наше, в сотни раз медленнее. Для нас проходит десять минут, а для него одна секунда.

— Значит, он давно уже был бы здесь, если он обладает такими способностями?

— Именно это я и пытаюсь тебе втолковать.

Лисби с трудом подавил охватившее его возбуждение. Он пришел к выводу, что, нажав сразу же вслед за первой кнопкой третью, ему удалось предотвратить мгновенное возвращение карна.

«И я сделал это, не понимая, насколько серьезная опасность нам угрожала, — подумал Лисби, — Так получилось только благодаря тому, что я мыслил логически и не хотел рисковать».

Его охватила радость.

— Ради бога, Лисби…

Лисби мгновенно успокоился — Браун все еще представлял для него серьезную опасность.

— Ради бога, Лисби, — повторил Браун, — это

существо может вернуться в любой момент. Скажи мне, чего ты хочешь, и я соглашусь.

— Полагаю, нам необходимо провести выборы.

— Я согласен, — тут же ответил Браун. — Ты можешь сам их организовать. А сейчас убери силовой луч. Нам пора действовать.

Лисби посмотрел в открытое лицо Брауна: все тот же честный взгляд, который предшествовал вынесению смертного приговора.

«Но что он может сделать?» — спросил себя Лисби.

Он успел перебрать множество вариантов, а потом с отчаянием подумал: «У Брауна есть передо мной преимущество: он гораздо больше знает — и это самое непобедимое оружие в мире. А я могу ему противопоставить лишь совершенное понимание механизмов корабля».

Однако что Браун может предпринять против него сейчас?

— Прежде чем я тебя освобожу, я хочу перенести тебя к Минделю. Ты возьмешь у него бластер и передашь мне, — мрачно сказал Лисби.

— Конечно, — небрежно ответил Браун.

Через несколько минут он протянул бластер Минделя Лисби. Значит, дело не в нем.

«Миллер находится на капитанском мостике

— быть может, он успел послать какое-то сообщение Брауну, когда я отвернулся?» — подумал Лисби.

В любом случае необходимо выяснить, в каком состоянии Миллер и пострадал ли он от резкого увеличения силы тяжести.

Лисби включил связь с капитанским мостиком. На экране появилось нахмуренное морщинистое лицо первого помощника. У него за спиной Лисби разглядел мрак межзвездного пространства.

— Мистер Миллер, как вы перенесли избыточную силу тяжести? — учтиво спросил Лисби.

— Она захватила меня врасплох, капитан. Я получил несколько сильных ушибов. Вероятно, на некоторое время потерял сознание. Но сейчас со мной все в порядке.

— Вот и хорошо, — продолжал Лисби. — Вероятно, вы слышали, что капитан Браун и я пришли к соглашению. Сейчас нам необходимо уничтожить существо, свободно перемещающееся по кораблю. Будьте в полной боевой готовности! — И он хладнокровно отключил связь.

Итак, Миллер практически не пострадал. Чего можно от него ждать? Ответ показался ему очевидным: Миллер может перехватить управление. «И тогда, — спросил себя Лисби — что он

станет делать?»

И тут же получил ответ.

Наконец Лисби понял план Брауна. Они ждут, когда Лисби немного расслабится. Тогда Миллер вмешается, освободит Брауна и захватит силовым лучом Лисби.

Оба офицера опасались одного: как бы Лисби не выстрелил в Брауна. Похоже, сейчас их тревожит только такой вариант развития событий. А когда они прикончат Лисби, Браун заберет пульт и, активизировав третью фазу, уничтожит Дзинга.

У этого плана есть только один недостаток: Лисби его разгадал и теперь сможет обратить против самого Брауна и Миллера. Нужно побыстрее принять встречные меры, пока Браун ничего не заподозрил.

Повернувшись к интеркому, Лисби включил общую связь.

— Всем, — сказал он, — необходимо пристегнуться. Помогите тем, кто получил ранения. Возможно, у нас вновь возникнет критическая ситуация. У вас есть около минуты, так что не теряйте времени.

Он выключил связь и активизировал канал технического персонала.

— Специальные инструкции для техников.

Прошу вашего внимания. Никто из вас не слышал взрыва около десяти минут назад?

Почти сразу же раздался звонкий голос:

— Это Дэн. В коридоре рядом с нами был взрыв — мне кажется, около десяти минут назад.

Лисби с трудом подавил волнение.

— Где именно? — спросил он.

— Сектор Д-4-19.

Лисби быстро нажал на несколько кнопок, и на экране возник искореженный взрывом коридор. Повсюду валялись куски обгоревшего металла. Дзинг взорвался — тут не могло быть никаких сомнений.

Он облегченно вздохнул, но тут же напомнил себе, что от главной опасности он все еще не избавился. Лисби быстро сунул руку в карман и активизировал фазу два, чтобы взять управление кораблем на себя. Потом он повернулся к Брауну. Тот слегка смутился, не зная, как реагировать на происходящее.

— Что все это значит? — спросил Браун.

Лисби объяснил, что Дзинг уничтожен.

— Понятно, — пробормотал Браун. — Ты поступил умно, не сообщив об этом сразу.

— Я сомневался, — сказал Лисби. — Корабль снабжен звукоизоляцией. Здесь мы не слышали

взрыва.

Браун кивнул. Кажется, он поверил Лисби.

— Подожди, я уберу бластер, чтобы выполнить свою часть договора, — сказал Лисби.

Но когда Лисби убрал бластер, он пожалел Брауна и не стал ничего предпринимать сразу.

Он размышлял над словами Брауна: «Теперь путешествие на Землю займет всего несколько месяцев». Потом капитан отказался от своего заявления, но Лисби одолевали подозрения.

Если Браун сначала сказал правду, никому не нужно умирать.

— Почему вы сказали, что путешествие домой займет меньше года? — быстро спросил Лисби, снова переходя на «вы».

— При достижении скорости света время сильно сжимается, — охотно объяснил Браун. — Нам нужно преодолеть расстояние чуть больше двадцати световых лет. Но теперь, когда наш корабль обладает двигателем с новым принципом ускорения, мы сможем увеличить коэффициент сжатия времени в триста, четыреста или даже пятьсот раз — и тогда окажемся дома менее чем через месяц. Когда я впервые об этом заговорил, то сразу же понял, что тебе непонятно, откуда берутся эти числа. Да я и сам с трудом в них верю.

— Боже мой! — потрясенно пробормотал Лисби. — Мы можем вернуться в Солнечную систему уже через несколько недель, — он немного помолчал, а потом сказал: — Послушайте, я готов принять вас в качестве капитана. Нам не нужны выборы. На такой короткий срок это не будет иметь никакого значения. Вы согласны?

— Конечно, — кивнул Браун. — Именно это я и пытался тебе втолковать.

Лицо Брауна оставалось совершенно искренним. Лисби смотрел на это олицетворение невинности и отчаянно пытался понять, что задумал Браун.

«В чем же дело? — спрашивал он сам себя. — Почему он внутренне не согласен закончить дело миром? Быть может, он не хочет оставаться капитаном всего месяц?»

Лисби изо всех сил пытался поставить себя на место капитана корабля, взглянуть на перспективу возвращения на Землю с его точки зрения. Задача оказалась очень трудной. Но все же он сумел ее решить.

— Будет немного жалко вернуться на Землю, так и не высадившись ни на одной из планет, — осторожно заговорил он, нащупывая верный путь. — Обладая способностью перемещаться с

такими скоростями, мы успеем посетить дюжину звездных систем и все равно вернуться на Землю через год.

На лице Брауна промелькнуло незнакомое выражение, и Лисби понял, что ему удалось проникнуть в замыслы капитана. Однако Браун решительно потряс головой.

— Сейчас нет времени для экскурсий, — заявил он. — Мы предоставим исследование новых звездных систем будущим экспедициям. Экипаж корабля сделал свое дело. Мы немедленно возвращаемся домой.

Лицо Браун было совершенно спокойным. Взгляд голубых глаз оставался открытым и честным. Больше Лисби ничего не мог сказать. Его и Брауна разделяла пропасть — им никогда не договориться.

Командир корабля должен убить своего соперника, чтобы возвратиться на Землю и доложить о достижениях «Надежды человечества».

18

Лисби при помощи силового луча отодвинул Брауна на шесть футов от своего кресла и освободил его. Затем совершенно сознательно убрал руку от панели управления силового луча и раз-

вернул кресло так, что оказался к ней спиной. Теперь Лисби стал совершенно беззащитен.

Наступил самый опасный момент.

Браун прыгнул к нему с криком:

— Миллер, бери на себя управление!

Первый помощник выполнил приказ капитана.

Как только управление перешло на капитанский мостик, сработали реле, установленные техниками по указанию Лисби.

Система управления была изолирована от электрической цепи. Переключившиеся реле обесточили рубку в соответствии с законами физики.

Две управляющие панели были так идеально синхронизированы, что вторая всегда успевала перехватить предыдущее действие у первой — при передаче управления не могло произойти никаких неприятностей.

Но сейчас обе системы управления были переподчинены крошечному устройству, лежавшему в кармане Лисби. И этот мощный маленький пульт взял на себя компенсацию 12 *g* ускорения двигателей и 8 *g* искусственного тяготения… в обратном порядке, как Лисби его и запрограммировал, когда сработала кнопка перехода на

вторую фазу.

Как только капитанский мостик перехватил управление, включился двигатель и искусственное тяготение.

И «Надежда человечества» начала торможение с ускорением 4 *g*.

Большую часть удара приняла на себя спина Лисби, опирающаяся на спинку кресла, и он практически не пострадал.

Но Браун потерял равновесие. Он перемещался к Лисби под углом к линии торможения. И мощнейший удар швырнул капитана прямо на панель управления. С утробным звуком он уткнулся в панель да так и остался лежать на ней без движения.

В следующее мгновение специальное реле, которое Лисби перепрограммировал лично, выключило двигатели. Тут же наступила невесомость, тело Брауна заскользило по панели, оставляя на ней длинный кровавый след.

Лисби завороженно смотрел, как темные пятна появляются на форме капитана Брауна.

19

— Ты собираешься устроить выборы? — спросил Тельер.

Большой корабль под командованием Лисби вернулся назад и подобрал отряд, дожидавшийся решения своей участи на челноке. А сам челнок вместе с карнами оставили на орбите вокруг Альты III.

Двое молодых людей сидели в кабине капитана.

Услышав вопрос, Лисби откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Ему не требовалось времени на размышление, он уже успел почувствовать вкус власти.

Почти сразу же после смерти Брауна Лисби обнаружил, что согласен со многими высказываниями прежнего капитана, в том числе и с причинами, по которым выборы капитана никому не нужны. Он подождал, пока Ильза, одна из его трех жен — младшая из двух вдов Брауна, — налила им вина и молча вышла. Потом он мрачно рассмеялся.

— Мой добрый друг, — сказал он, — нам ужасно повезло, что время сжимается при полетах со скоростью света. Если учесть, что время для нас замедляется в пятьсот раз, любые исследования иных звездных систем потребуют нескольких месяцев, ну, в самом крайнем случае, лет. Поэтому мы не можем допустить, чтобы единственный

человек, разбирающийся в деталях полета на световой скорости, проиграл выборы. До тех пор, пока я не решу, сколько еще мы будем заниматься исследованиями, тайна полета со скоростью света останется при мне. Однако один человек должен знать, где хранится запись всех технических подробностей. Естественно, таким человеком будет первый помощник капитана Арманд Тельер.

Он поднял свой бокал.

— Как только я закончу отчет, ты получишь копию.

— Благодарю, капитан, — ответил Тельер, задумчиво потягивая вино. Потом он заметил: — Полагаю, выборы упрочили бы твое положение. Я уверен в твоей победе.

Лисби добродушно рассмеялся и покачал головой.

— Боюсь, ты не понимаешь динамики управления, — ответил он. — В истории нет прецедентов, когда владеющий властью человек добровольно передал бы ее кому-то другому.

Он одним глотком допил вино и закончил с уверенностью человека, обладающего абсолютной властью:

— И я не настолько самонадеян, чтобы созда-

вать такой прецедент.

Он сидел с циничной улыбкой на губах, когда услышал, как в дверь капитанской каюты кто-то стучит. Лисби знал, что одна из его жен подойдет впустить гостя. Как ни странно, в каюте царила тишина. Он не услышал приветствий, только молчание.

«Наверное, ей передали записку», — подумал Лисби.

Однако он ощутил тревогу. Лисби собрался вновь сесть в кресло, когда у него за спиной послышался грубый голос:

— Ладно, мистер Лисби, твое время подошло к концу, а наше только начинается.

Лисби застыл на месте, потом медленно повернулся и обнаружил, что за спиной говорившего столпилось несколько вооруженных мужчин. Лисби никого из них не знал, вероятно, это были простые работники из сада или камбуза. Люди, о существовании которых он лишь догадывался.

Лидер группы вновь заговорил:

— Меня зовут Горди, мистер Лисби, и мы забираем власть — эти люди и я, — потому что мы хотим вернуться домой, на Землю… Не делайте ошибок, тогда вы и ваши друзья не пострадают…

Лисби облегченно вздохнул, услышав послед-

ние слова. Еще далеко не все потеряно.

20

Горди исполнилось тридцать четыре года, когда он возглавил переворот, лишивший власти Лисби V. Он был темноглазым коротышкой крепкого сложения, которому с самого детства постоянно напоминали, что его отец возглавлял неудавшийся мятеж. Много лет назад он решил, что будет следовать идеалам отца — пусть даже ему придется погибнуть. Он черпал мужество в ненависти, а его скептическое отношение к любой информации, которая доходила до нижних палуб, сделало его весьма проницательным. Он сразу же понял, что союз Брауна и Лисби фальшивка, и ему стало ясно, что они начали борьбу за власть. Он мастерски выбрал момент для захвата корабля.

Горди перебрался в капитанскую каюту. Все здесь было для него в новинку, и он ко всему относился критически. От его пристального взгляда ничего не ускользало. Он сообразил поднять металлический пол каюты, чтобы быть уверенным, что оттуда ему ничто не угрожает, — и обнаружил устройства для прослушивания кают. Сняв стены, Горди нашел лабиринт ходов, при помощи

которых техники вроде Лисби контролировали десятки тысяч миль проводов.

Только теперь ему удалось узнать, как погиб его отец, когда он находился в кладовой и думал, что его никто не найдет, — для этого использовали один из таких проходов. Так тайны корабля одна за другой открывались перед Горди, лишив «Надежду человечества» волшебного ореола. Горди пришел к выводу, что капитану, чтобы управлять кораблем, вовсе не обязательно быть ученым, но не сомневался, что ему придется убить нескольких человек, прежде чем научное сообщество примет его самого и его людей в качестве старших офицеров.

В Горди с самого начала бушевала такая ненависть и он так хотел добиться успеха, что действовал с удивительным хладнокровием и расчетливостью. Всех, кто выказал хоть какие-то сомнения в его правах, он отправил вниз на рабочие палубы, полностью перекрыв им доступ наверх. Горди пришел к выводу, что все его решения, связанные с назначением офицеров, будут иметь далеко идущие последствия. И хотя речь шла о большом количестве людей, Горди лично беседовал с каждым.

Большинство ученых согласились работать с

ним, многие говорили, что давно мечтали вновь попасть на Землю. Им Горди разрешил вернуться к исполнению своих обязанностей. Однако он кардинально изменил всю систему работы: в лаборатории одновременно допускалась лишь треть обычного состава.

Около двух десятков людей вызвали у него подозрения. Он выделил их в специальную категорию. На данном этапе им категорически запретили появляться на верхних палубах.

Всем офицерам Брауна и Лисби он прямо сказал, что планирует воспользоваться их знаниями, но их будут допускать в рубку управления или на капитанский мостик только по одному и под охраной.

Из почти двухсот человек лишь один техник и двое не слишком важных ученых не проявили сговорчивости. Они не скрывали своего презрения к новому руководству «Надежды человечества». Все трое оскорбляли Горди, когда он их допрашивал. Они насмехались над его одеждой и манерой разговаривать.

Горди отнесся к оскорблениям исключительно серьезно. Он не сомневался, что эти люди не являлись заговорщиками, уж слишком откровенно они себя вели. Однако он не мог проявить

сочувствия или понимания и с мрачным удовлетворением решил, что у него появилась прекрасная возможность сделать их судьбу примером для остальных.

Он позвал всех троих и объявил о казни за час до наступления времени сна.

Только после этого он приказал привести к себе Лисби. Так состоялась их вторая встреча после переворота. Когда они остались наедине, Горди язвительно сказал своему пленнику:

— Я собирался оставить тебя напоследок…

Он ничего не стал объяснять, а для Лисби после трех казней его сторонников это уже не имело значения. Сидя под пристальным взглядом темных глаз, Лисби беззвучно ругал себя. У него было ощущение, что Горди может пойти на крайние меры, он даже подумывал о том, чтобы отправить ему послание с просьбой не предпринимать никаких решительных действий без предварительного обсуждения. Но тогда новый капитан стал бы задавать вопросы, поэтому Лисби решил промолчать.

На самом деле он был рад, что получил возможность собраться с мыслями. Сначала Лисби подумал, что никто, в том числе и он сам, не выиграет от долгого путешествия под руковод-

ством Горди. Поэтому он собирался рассказать ему об эффекте сжатия времени при полете со скоростью света.

Убийство трех человек изменило его намерения. Теперь он не осмеливался рассказать Горди правду, ведь новый капитан не захочет возвращаться на Землю, где его наверняка ждет суд.

Чтобы скрыть страх, Лисби решил вести себя как настоящий ученый. Если люди, не имеющие необходимого образования, возьмут корабль под свой контроль, это будет ужасной ошибкой. Поэтому он предложил Горди объединить силы, чтобы корабль успешно долетел до Земли, — например, создать капитанский совет, состоящий из Горди, двух его сторонников, Тельера и самого Лисби.

— В результате у вас всегда будет преимущество три к двум при любом голосовании, а двое будут знать, как устроен корабль. К тому же мы с Тельером пострадали от стоявшего у власти Брауна.

Лисби вовсе не рассчитывал, что Горди согласится на компромисс. Однако надеялся, что он будет себя вести не так жестко.

Горди отреагировал на предложение Лисби равнодушно. Он сказал, что не верит ни в капитанский совет, ни в разделение полномочий и

намерен довести это до всеобщего сведения. У корабля может быть только один капитан, Горди. Остальные на борту должны с ним сотрудничать и работать изо всех сил, либо их ждет наказание, в зависимости от серьезности проступка. Смертная казнь будет грозить за предательство и саботаж.

Горди изложил свою программу так категорично, что Лисби даже испугался за собственную безопасность. Ему ничего не оставалось, как сказать, что он готов выполнять приказы Горди.

Маленький человечек долго наблюдал за Лисби, а затем проговорил с суровой сердечностью:

— Что ж, давай за это выпьем!

Он налил вина в два бокала, протянул один Лисби и поднял свой бокал.

— Лисби, — продолжал он, — я оставил разговор с тобой напоследок, поскольку ты единственный эксперт на корабле, которому я могу доверять, несмотря на то что я отнял у тебя власть.

Они потягивали вино, но Лисби по-прежнему испытывал тревогу. Он сохранял решимость не рассказывать Горди о близости Земли. Горди же что-то смущало в поведении Лисби, но он пришел к выводу, что сделал правильный выбор.

Широко улыбнувшись, он лукаво сказал:

— Через пару недель, если будешь достойно

себя вести, я переселю тебя в каюту и верну тебе жену. И хотя я не принял окончательного решения, наверное, я оставлю себе двух остальных женщин. Моя собственная жена — хочешь верь, хочешь нет — на этом настаивает. Я ужасно удивился: внизу она была невероятно ревнива. Но только не здесь, — он нахмурился. — Женщине плохо жить на таком корабле. Она чувствует себя одинокой. Моя жена множество раз проклинала меня и закатывала истерики. Ей кажется, что я не стану настоящим капитаном, пока не завладею капитанскими женами. Но не беспокойся, твою жену я не трону.

Лисби помалкивал. Он размышлял о том, что истерики у женщин могут быть вызваны условиями путешествия. Потом он сообразил, что все это не имеет значения. Между тем Горди продолжал:

— Получается как-то неловко. Внизу все выступали против того, чтобы капитан имел несколько жен. А теперь получается, что мы какие-то ненастоящие: сразу хватаем себе женщин, как только оказываемся наверху, — он вновь нахмурился и поднял бокал. — О женщинах я подумаю потом. А сейчас выпьем за твою жену.

После того как они допили вино, Горди поста-

вил бокал на стол и заговорил отрывисто:

— Пора лететь домой.

И повел Лисби в рубку управления.

— Пока дорога на капитанский мостик тебе закрыта, — сказал он, а потом угрожающе добавил: — И не вздумай что-нибудь выкинуть.

Лисби неспешно подошел к панели управления, размышляя: «Если я переключу пару тумблеров и сниму показания приборов, Горди может решить, что он и сам справится с управлением корабля. С другой стороны, если начать делать что-нибудь слишком сложное, капитан может позвать кого-нибудь другого — например, Миллера или Минделя — и приказать ему проверить, что тут натворил Лисби».

В конце концов Лисби сделал только две абсолютно ненужные вещи. Поскольку Горди потребовал объяснения всех его действий, он весьма заумно рассказал ему о каждом своем шаге. Через несколько минут ускорение составляло 12 *g*, а искусственное тяготение 11 *g*, и на корабле осталась привычная гравитация.

Закончив программирование, Лисби встал рядом с Горди, который сделал заявление для всех членов корабельного сообщества, завершив его следующими словами:

— Мы направляемся домой. Да, друзья мои, сейчас наша цель — Земля. Сегодня ночью вам следует пристегнуться, поскольку мы планируем продолжить ускорение.

Лисби слушал капитана, охваченный стыдом. «Продолжение ускорения» означало, что капитан предполагает увеличение разницы между тягой двигателя и искусственной гравитацией, что совсем не обязательно. С того момента, как Дзинг «скорректировал» витки генератора искусственной гравитации и синхронизировал всю систему, они имели возможность тормозить или ускоряться, не меняя нормального тяготения на корабле.

Однако до настоящего времени ситуация была иной; следовательно, Лисби должен сохранять все на прежнем уровне. К тому же ему выгодно парализовать движение на корабле.

Слушая Горди, Лисби подумал с мрачным цинизмом: «Забавно: как только Горди обнаружит, насколько близко мы находимся от Земли, он сразу же меня прикончит».

21

Проходили дни и недели, и Лисби понял, что из всех техников только он имеет доступ на капитанский мостик, в рубку управления и к

двигателю. Значит, только он мог действовать и что-то предпринять.

В его мозгу бурлили различные планы заговора. И все же единственный вариант, который мог принести успех, пришел ему в голову в самый первый день. Однако Лисби продолжал искать другие возможности и находил все новые и новые недостатки в исходном плане. Наконец на двадцать шестой день он поделился своей идеей с Тельером — в один из тех редких моментов, когда не сомневался, что за ним не следят: Горди только что покинул нижние палубы и наверняка не успел добраться до подслушивающей системы.

На лице его друга отразились сомнения.

— Превзойти скорость света! — эхом отозвался Тельер. — Ты серьезно?

— Ну, на самом деле до этого не дойдет, — стал оправдываться Лисби, — Но я должен запрограммировать двигатель, чтобы иметь козырную карту. Не забывай, он убийца.

— Если это твой лучший план, — простонал Тельер, — то наше дело дрянь.

— При нынешнем уровне ускорения, — тихо проговорил Лисби, — мы наберем 99,9999998 процентов от скорости света примерно через три дня. Когда это произойдет, по корабельно-

му времени пройдет всего два часа, а корабль совершит прыжок на множество световых лет — и мы окажемся возле Солнечной системы. Нам потребуется начать торможение, в противном случае мы покинем пределы нашей Галактики. Как я объясню все это Горди, который уверен, что путешествие на Землю займет тридцать лет?

На худощавом умном лице Тельера появилось странное выражение. Он схватил Лисби за руку и хрипло проговорил:

— Джон, за последние три дня ты можешь подготовить один из челноков? Затем ты выключишь двигатели корабля и свет, а, когда начнется суматоха, мы с тобой улизнем.

Лисби был поражен. Покинуть корабль! И, хотя идея Тельера показалась ему не слишком разумной, его поразило, что он сам ни разу об этом не подумал. Потом Лисби сообразил, в чем дело: корабль стал частью его жизни, он не мог отделить себя от него.

— На челноке необходимо установить дополнительное приспособление, — задумчиво сказал Лисби. — В противном случае торможение займет слишком много времени. Когда мы приблизимся к скорости света, я фальсифицирую тяготение, чтобы капитан приказал начать торможение.

Он нахмурился и замолчал.

Тельеру захотелось узнать, что тревожит его друга.

Лисби понял, что не может никому объяснить, как трудно ему общаться с Горди. Запинаясь, он попытался описать невероятную подозрительность нового капитана.

— Он знает достаточно о системе управления, чтобы понимать, когда двигатель работает. У меня был только один способ с ним сотрудничать: мне пришлось начать его учить, в противном случае он привлек бы других офицеров. Если я обращусь к нему… — Лисби замолчал, размышляя о возможных вариантах развития событий, а потом сказал: — Это так важно, что я не имею права рисковать.

— Так что же ты решил? — нетерпеливо спросил Тельер.

Получалось, что Лисби должен сказать капитану Горди, что с двигателями что-то происходит, и попросить у него разрешения их отключить. Причем до того, как корабль достигнет скорости света.

— Однако я запрограммирую автопилот на случай, если у Горди возникнут подозрения и он отправит меня на нижние палубы. Тогда двигате-

ли заработают вновь, и корабль перейдет через световой барьер — получится, что я не напрасно поднял тревогу. А Горди снова мне поверит.

Лисби увидел, что Тельер с восхищением смотрит на него.

— Ты виртуоз интриги! — потом он с беспокойством добавил: — Но если у него не возникнет никаких подозрений, ты не станешь переходить световой барьер?

— Конечно! Неужели ты думаешь, что я спятил? Уж не знаю, поверишь ты мне или нет, но я на всякий случай настроил сенсоры на Солнечную систему, а затем на Землю.

Напоследок они договорились, каким шлюзом и при каких обстоятельствах воспользуются.

В тот же день Лисби запрограммировал корабль на дополнительное ускорение, пользуясь электромагнитной системой управления. Он решил, что не следует доверять механическому оборудованию на субсветовых скоростях.

Покончив с этим, он пришел к Горди и объявил, что с двигателями возникли какие-то проблемы и их необходимо остановить, чтобы провести профилактические работы. Горди сразу встревожился.

— Но мы будем продолжать лететь вперед, пока

ты их проверяешь? — спросил он.

— Конечно, — кивнул Лисби. — Нам в любом случае пришлось бы выключить двигатели, чтобы сэкономить топливо. Но только через несколько месяцев.

Одно время он даже раздумывал, не поступить ли ему именно так. Но потом пришел к выводу, что чем дольше он будет находиться во власти Горди, тем труднее ему будет осуществить свой план. Даже сейчас, с увеличенной скоростью, придется слишком долго ждать, пока они доберутся до Земли. К сожалению, лишь при значительном приближении к скорости света начинал сказываться эффект сжатия времени.

Они стояли на мостике, а за прозрачным колпаком расстилалась бесконечная чернота ночи, усеянная звездами. Горди прищурился. Его охватили сомнения, и Лисби кожей ощущал его напряжение.

— Проблемы настолько серьезны, что ты предполагаешь катастрофические последствия?

— Капитан, чем быстрее я проверю двигатели, тем лучше. Но можно подождать еще некоторое время. Скажем, до завтра.

— Ладно… — Казалось, Горди принял решение. — Наверное, так мы и поступим. А что будет

с гравитацией?

— Ее необходимо отключить, — солгал Лисби.

— Тогда подождем до обеда. Если я не свяжусь с тобой за час до наступления периода сна, запрограммируй двигатель на выключение в ночное время. Я объявлю, что все должны пристегнуть ремни безопасности. Как ты думаешь, сколько времени займут профилактические работы?

— Пару дней.

Горди надолго задумался.

— Досадная задержка, однако тут ничего не поделаешь, — наконец сказал он. — Но дождись моей команды. Хорошо?

— Хорошо.

Лисби хотелось побыстрее закончить опасный разговор. С отчаянно бьющимся сердцем он спустился по ступенькам с мостика. Лишь после того, как Горди по общей связи объявил о готовящемся выключении двигателей, Лисби облегченно вздохнул.

К несчастью, выключив передатчик, Горди вспомнил, что Лисби проходил обучение как техник, а не инженер. Его охватили сомнения: а вдруг Лисби не сумеет устранить неисправность. Сможет ли он разобраться с атомным двигателем?

Впрочем, у Горди не возникло никаких подозрений относительно мотивов Лисби. Он просто задал себе вопрос: разумно ли доверять технику такой важный узел корабля?

После некоторых размышлений Горди приказал привести в рубку управления Миллера, бывшего первого помощника капитана Брауна.

— У меня есть основания предполагать, что у нас возникла проблема с двигателями, — спокойно сказал он Миллеру, — Меня интересует твое мнение.

Миллера охватили сомнения. Он был офицером всю свою жизнь, презирал Горди и недолюбливал Лисби, но еще сильнее ему не нравилась жизнь на нижних палубах. Во время сражения с роботом в системе Альты он был без сознания, пока Лисби и Браун вели дискуссию о скорости света. Вот почему он ничего не понял из разговора двух «капитанов», когда они обсуждали теорию Лоренца — Фицджеральда. Ему даже в голову не приходило, что корабль развил более высокую скорость.

Миллер впервые оказался рядом с панелью управления с тех пор, как к власти пришел Лисби, и с искренним интересом изучал показания приборов. Очень скоро он сделал вывод, что с двигателями все в порядке. Более того, он

вспомнил, что написано в старых учебниках о теоретическом оптимуме, и ему показалось, что сейчас двигатели работают существенно лучше, чем раньше.

С присущим всем инженерам презрением к техникам Миллер решил, что Лисби просто не разобрался в показаниях приборов. Теперь оставалось придумать, как воспользоваться своим преимуществом и вернуть себе прежнюю должность. Следует ли поддержать Лисби и заняться никому не нужной профилактикой? Или немедленно вступить с Лисби в борьбу?

Он выбрал последний вариант. «В конечном счете, — подумал Миллер, — каждый сражается за себя».

В тот самый момент, когда он принял решение, его взгляд скользнул по датчикам скорости, которые находились на отдельной панели. Миллер нахмурился и подошел ближе, пытаясь понять, что могут означать необычные показания. Его одутловатое лицо дрогнуло, и он повернулся к Горди.

— Капитан Горди, — сказал он, — мне многое понятно.

Когда Миллер объяснил Горди, что он имел в виду, его отправили вниз. Он разыскал ничего не

подозревающего Лисби и самодовольно сказал:

— Капитан Горди только что попросил меня осмотреть двигатели.

Лисби молча перенес первое потрясение. Он не забыл, что Горди наверняка следит за их разговором, поэтому спокойно ответил:

— Я и сам подумывал предложить капитану твою кандидатуру, чтобы ты подтвердил мои выводы.

— Ладно, если хочешь прикидываться, дело твое, — резко сказал Миллер. — Мне многое стало ясно, когда я взглянул на датчики скорости, — Он с пониманием улыбнулся, — Очень ловко с твоей стороны: выйти почти на скорость света, никому об этом не рассказав.

Лисби показалось, что его лицо приобрело цвет свинца. Ему ужасно хотелось ударить Миллера, которого распирало ликование. Лисби сделал шаг к нему и едва слышно проговорил со злостью:

— Глупец! Неужели ты не понимаешь, что Горди не может вернуться на Землю? Теперь мы все мертвецы!

Он испытал краткое удовлетворение, когда в округлившихся от ужаса глазах Миллера промелькнуло понимание. Лисби повернулся к нему спиной. Теперь он понял, зачем Горди вызвал

его к себе.

Однако Лисби так и не добрался до капитанской каюты. По пути его арестовали и поместили в одну из тюремных камер, куда пришел Горди. Его угольно-черные глаза смотрели на Лисби сквозь прутья решетки.

— Ну, мистер Лисби, расскажи мне о скорости нашего корабля.

Лисби решил рискнуть — а вдруг Горди не слышал его разговора с Миллером. Он сделал вид, что не понимает, о чем тот говорит. Лисби знал, что у него есть только один шанс: убедить ужасного маленького человечка в своей полной невиновности.

Горди поразило поведение Лисби. Ситуация действительно была фантастической, и ему хотелось поверить Лисби. Техник в самом деле мог не понять, что произошло.

Однако Горди не мог не учитывать и другую возможность: а вдруг Лисби с самого начала все знал и планировал остановить корабль и сбежать с него, предоставив остальным самостоятельно решать тайну скорости. Одна мысль о подобном коварстве вызывала у Горди неукротимую ярость.

— Ну, тебе решать! — злобно сказал он. — Если

будешь молчать, мне ничего не останется, как считать тебя лжецом и саботажником.

Однако он вернулся в свою каюту, потеряв уверенность в себе. Горди понимал одно: нужно что-то решать. Необходимо действовать.

Горди понимал, что сейчас ему грозит опасность, и решил поступать, подчиняясь интуиции. Прежде всего необходимо принять меры предосторожности. В результате, как только все улеглись спать, он вместе с отрядом своих людей спустился вниз и арестовал восемнадцать человек, в том числе Миллера и Тельера. Всех поместили в отдельные помещения и заперли.

Следующие два часа Горди провел в безрадостных размышлениях. Все его действия, и прежде всего казнь троих инакомыслящих, были рассчитаны на тридцатилетнее путешествие к Земле.

«Пора взглянуть правде в глаза, — подумал он. — Я не могу вернуться на Землю».

Когда Горди все спланировал, он решил, что заставит Лисби уменьшить скорость корабля настолько, чтобы путешествие к Земле действительно заняло тридцать лет. А потом найдет причину для казни Лисби, Миллера, Минделя и других подозреваемых. Повод: заговор с целью захватить власть на корабле. Однако он должен

самым тщательным образом продумать детали, чтобы остальные поверили ему или хотя бы захотели поверить.

Он все еще строил планы, когда час спустя корабль дернулся так, словно получил удар, а потом начал ускоряться.

Лисби не спал, дожидаясь наступления рокового часа. И когда он настал, ускорение прижало его к койке, к которой он заблаговременно пристегнулся. Он запрограммировал двигатели так, что разница между ускорением и искусственной гравитацией составила 3 *g*. Теперь никто не сможет помешать кораблю пересечь световой барьер.

Он почувствовал всепоглощающий страх, как только понял, что именно в этот момент пространство и время изменяются с невероятной быстротой.

«Быстрее, быстрее!» — беспомощно подумал он.

И хотя Лисби прекрасно понимал, что ничего не почувствует, поскольку ускорение росло одновременно с искусственной гравитацией, он приготовился пережить фантастические мгновения пересечения светового барьера. Он надеялся, что они не затянутся надолго.

Он ждал мучительных ощущений, но перед

ним вдруг возникла фантазия, исчезнувшая так быстро, что Лисби ее сразу же забыл. Затем появился новый образ, лицо, которое он никогда не видел прежде, но и оно моментально пропало. Перед его мысленным взором вставали новые и новые образы. Но он сам и другие обитатели корабля шагали назад, как в фильме, запущенном в обратном направлении. Сцены сменяли друг друга с головокружительной скоростью, пока не пришла очередь его детства.

Наконец все образы исчезли. Лисби овладело необычное ощущение, не слишком приятное, но совсем не болезненное. А потом…

Вероятно, Лисби потерял сознание.

22

Эврил Хьюит повесил трубку и повторил сообщение, которое получил несколько секунд назад: «Ваш корабль „Надежда человечества“ только что вошел в атмосферу Земли».

Слова эхом отдавались в его сознании, вызывая смятение. Спотыкаясь, он подошел к дивану и лег.

В водовороте его сознания закружились новые слова с иным смыслом. Через шесть лет… «Надежда человечества»… через шесть лет, когда даже по

самым оптимистическим прогнозам она могла лишь долететь до созвездия Центавра… входит в атмосферу Земли…

Хьюит лежал и думал: «Десять лет я верил в теорию Джона Лисби, утверждающую, что в ближайшие месяцы наше Солнце должно показать признаки переменной звезды!»

Он потратил большую часть своего огромного унаследованного состояния на постройку гигантского корабля. Мир смеялся над самым богатым простофилей Запада; Джоан ушла от него, забрав с собой детей, и лишь план колонизации принес ему правительственную поддержку…

И все это уничтожено возвращением «Надежды человечества» — в канун катастрофы, которую он пытался предотвратить.

«Что могло заставить Джона Лисби повернуть назад?..» — беспомощно рассуждал Хьюит.

Его горькие размышления прервал телефонный звонок. Он встал с дивана и подошел к столу.

«Мне нужно подняться на борт и попытаться их убедить. Как только они приземлятся, я…»

На сей раз ему звонил официальный представитель космического патруля. Хьюит слушал, пытаясь представить себе картину, которую описывал его собеседник. Патруль не смог связаться

с экипажем корабля.

— Наши люди в скафандрах заняли позиции возле наблюдательных портов и капитанского мостика. К сожалению, они не могут заглянуть внутрь, поскольку обшивка пропускает свет только в одну сторону. Мы уже час пытаемся установить контакт с экипажем, но не получаем никакого ответа.

Хьюит задумался. Он не знал, что делать. Наконец он спросил:

— С какой скоростью движется корабль?

— Он приближается к Земле со скоростью тысяча миль в час.

Хьюит не слышал ответа, его мозг заработал быстрее.

— Беру на себя все расходы по проникновению внутрь корабля. Я прибуду через час.

«Если я сумею попасть внутрь, то попытаюсь их уговорить. Нет, я заставлю экипаж продолжить путешествие», — размышлял он, шагая к своему личному кораблю.

Он решил быть безжалостным. Пожалуй, впервые в истории человеческой расы оправданы любые средства принуждения.

Два часа спустя он спросил:

— Вы утверждаете, что воздушный шлюз не

открывается?

Хьюит находился на борту спасательного корабля «Молли Д» и наблюдал за безуспешными попытками вскрыть один из люков «Надежды человечества» при помощи огромных магнитов. На время ему пришлось забыть о своих намерениях.

Приходилось считаться с тем, что на борту «Надежды человечества» могли возникнуть серьезные проблемы.

— Продолжайте попытки, возможно, дверцу заклинило. Люки должны легко открываться.

Он обратил внимание, что ему охотно предоставили право командовать спасательной операцией. В некотором смысле его это нисколько не удивило. «Молли Д» была коммерческим спасательным судном, которое реквизировал космический патруль. Теперь, когда на борту корабля находился Хьюит, представитель патруля капитан-лейтенант Мардоннел играл роль наблюдателя. А капитан «Молли Д» с радостью подчинялся человеку, который оплачивал все счета.

Через час гигантский магнит сумел повернуть круглую крышку люка чуть больше чем на фут. Побледневший Хьюит советовался с двумя офицерами.

Высотомер «Молли Д» показывал, что они находятся на высоте в девяносто одну милю. Капитан-лейтенант Мардоннел сказал:

— Мы опустились примерно на девять миль за шестьдесят — восемьдесят минут. Поскольку мы движемся не только вниз, но и вперед, столкновение с Землей произойдет через десять часов.

Очевидно, что за это время они не успеют вскрыть люк.

Хьюит с трудом сдерживался. Он продолжал считать, что проблема, которую они не могут решить, гроша ломаного не стоит.

— Что ж, тогда нужно расплавить люк или высверлить его, — предложил он, — А еще можно попытаться прорезать отверстие в обшивке.

И он приказал доставить с Земли специальное оборудование. Но даже вмешательство космического патруля не позволило решить эту проблему быстрее, чем за два с половиной часа. Наконец Хьюит отдал приказ привести в действие мощный бур.

— Вызовите меня, когда я смогу попасть внутрь корабля, — приказал он.

Он вдруг почувствовал ужасную усталость и прилег отдохнуть.

Хьюиту удалось задремать, но он постоянно

вертелся, в любой момент ожидая, что его позовут. Его мозг продолжал напряженно работать над тем, что он скажет экипажу «Надежды человечества».

Он проснулся, когда прошло пять часов с момента прибытия бура. Хьюит одевался с ощущением приближающейся катастрофы. Его встретил Мардоннел.

— Мы не тревожили вас, мистер Хьюит, поскольку после того, как стало ясно, что мы не можем прорезать отверстие в обшивке корабля, я связался со штабом. Нам удалось получить совет одного из крупнейших земных ученых, — капитан-лейтенант заметно побледнел. — Боюсь, порадовать вас нечем. Никакие советы не помогли. Мы не в силах проникнуть внутрь корабля.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вам лучше взглянуть самому.

Когда Хьюит прибыл на место, бур продолжал работать. Он приказал остановиться и принялся осматривать обшивку «Надежды человечества». Буру удалось углубиться на три четверти миллиметра.

— Но это просто смешно, — запротестовал Хьюит. — Шесть лет назад, когда строили корабль, подобных проблем не возникало.

— Нам доставили еще два бура, — устало сказал Мардоннел. — Алмаз не в состоянии справиться с этим металлом. Ученые рассчитали, что корабль упадет в предгорьях Скалистых гор. Удалось довольно точно вычислить место. Жители предупреждены.

— А что будет с теми, кто находится на борту? Что будет с… — Хьюит осекся.

Он собирался спросить, что будет с человеческой расой, но промолчал. Зачем зря раздражать людей?

Волнуясь, Хьюит подошел к бортовому иллюминатору «Молли Д». Похоже, они находятся на высоте пятнадцати миль от поверхности Земли. До падения два часа.

Когда оставалось двадцать минут, Хьюит отдал приказ разорвать стыковку. «Молли Д» медленно отошла от «Надежды человечества» и стала набирать высоту. Хьюит стоял и с растущим ужасом смотрел, как огромный корабль падает на Землю.

Горизонтальная скорость составляла чуть меньше тысячи миль в час — корабль пропахал огромную борозду в земле, подняв невероятную тучу пыли. Хьюит и все, кто находился рядом с ним, не слышали звука удара, но ему показалось,

что он видит, как дрогнула земля.

— Ну вот и все, — сглотнув, сказал Хьюит. — Если на борту оставались живые люди, они погибли.

Не требовалось особого полета воображения, чтобы представить себе последствия столь чудовищного удара. Все обитатели корабля превратились в кровавые пятна на полу, стенах или потолке.

В этот момент до них долетел грохот удара. «Молли Д» задрожала, и у всех, кто находился на борту спасательного судна, на несколько мгновений заложило уши.

Прошла пара секунд, и кто-то выкрикнул:

— Корабль прошел сквозь гору!

— О господи! — пробормотал Хьюит.

«Надежда человечества» рассекла небольшой холм на две части. Сквозь тучи пыли Хьюит видел, как огромный сферический корабль скользит вниз, в долину. Наконец корабль опустился, и вновь пыль закрыла обзор. Однако Хьюиту показалось, что «Надежда человечества» почти не замедлила ход.

Корабль начал уходить под землю.

Постепенно пыль осела. Образовалась дыра диаметром более двенадцати тысяч футов, косо

уходящая в склон горы, который начал складываться внутрь, и тонны камня обрушились вниз.

Спасательный корабль спустился ближе к земле, и Хьюит отчетливо услышал гром лавины.

Скалы и земля еще продолжали падать вниз, когда пришло радиосообщение. В пятидесяти милях рухнула гора. Образовалась новая долина, погибли люди. Зафиксировано три подземных толчка.

В течение следующих двадцати минут приходили все новые и новые сообщения. Было зафиксировано еще четырнадцать подземных толчков, причем два из них оказались самыми сильными за все время наблюдений. Образовались огромные трещины. Последнее землетрясение произошло в четырехстах милях от первого, и все они находились на линии следования «Надежды человечества».

Неожиданно поступило новое, ошеломляющее сообщение. Корабль вышел на поверхность в пустыне и начал набирать высоту по пологой дуге.

Менее чем через три часа «Молли Д» вновь состыковалась с огромным кораблем. Мощные магниты продолжали воздействовать на люк.

— У нас ушел час, чтобы сдвинуть крышку на один фут, — сказал Хьюит полудюжине ученых,

которые находились на борту спасательного судна. — Значит, за тридцать пять часов задача будет решена. Впрочем, потом придется открывать внутреннюю дверь шлюза, но это уже совсем другая проблема, — он немного помолчал. — Джентльмены, почему бы нам не обсудить фантастические события, которым мы все стали свидетелями?

Последовавшая дискуссия не позволила никому сделать какие-нибудь содержательные выводы.

— Ну вот и все! — воскликнул Хьюит.

Внешний люк открыли пару часов назад, и сейчас мощный магнит открывал внутренний люк. Пока они ждали за прозрачным барьером, в шлюз протянулась толстая металлическая рука и толкнула дверцу. После нескольких безуспешных попыток оператор вопросительно посмотрел на Хьюита. Тот тут же сказал в переговорное устройство:

— Возвращайтесь на корабль. Нам нужно закачать воздух в шлюз, тогда мы сумеем открыть дверь.

Он с трудом сдерживал гнев. Внешняя дверь люка открылась довольно легко. Он не понимал, почему у них возникли проблемы с внутренней.

«Надежда человечества» продолжала проявлять упрямство.

Капитан «Молли Д» с сомнением посмотрел на Хьюита.

— Если дверцу люка заклинило, — возразил он, — то невозможно заранее предсказать, какие усилия придется приложить, чтобы ее открыть. Не забывайте, что корабли удерживаются рядом при помощи магнитов. Поэтому не потребуется большой силы, чтобы они оторвались друг от друга.

Хьюит нахмурился, услышав возражения капитана.

— Возможно, нам не понадобится прикладывать изрядных усилий. Ну а если корабли оторвутся друг от друга, мы можем задействовать дополнительные магниты, — а потом добавил: — Или построим переборку между переходными шлюзами, связав таким образом корабли стальной арматурой.

Решили последовательно увеличивать давление сжатого воздуха. Хьюит внимательно наблюдал за показаниями манометра. Когда они перевалили за девяносто одну атмосферу, давление резко пошло вниз. За несколько секунд оно упало до восьмидесяти шести, затем стаби-

лизировалось, а потом снова стало подниматься. Капитан отдал какой-то приказ в машинное отделение, и стрелка прибора застыла на месте. Он повернулся к Хьюиту.

— Это предел. При девяносто одной атмосфере резиновые прокладки теряют герметичность. Мы не можем дальше увеличивать давление.

Хьюит недоуменно покачал головой.

— Я не понимаю, — пробормотал он. — Как люк может выдерживать давление в тысячу двести фунтов на квадратный дюйм?

Ничего не оставалось, как заказать оборудование, которое сможет зафиксировать переходные шлюзы кораблей. Чтобы не терять зря времени, они пробовали разные способы воздействия на люк. Ни один из них успеха не принес. Стало очевидно, что потребуются значительно большие усилия, чтобы проникнуть внутрь корабля.

Только после того, как давление достигло девятисот семидесяти четырех атмосфер, дверь неохотно открылась. Хьюит подождал, когда стрелка манометра опустится вниз, показывая, что давление выровнялось. Воздух стремительно уходил внутрь корабля — к счастью, объем «Надежды человечества» был огромен. И все равно поток воздуха походил на торнадо, которому по

силам уничтожить все на своем пути.

Наконец давление упало всего на одну атмосферу, и стрелка манометра застыла на месте.

— Что произошло? — сдавленно спросил один из ученых. — Давление выровнялось на совершенно невозможном уровне. Как такое может быть? Сейчас оно составляет тринадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм.

Хьюит отошел от барьера из асбостекла.

— Мне нужен специальный скафандр, — сказал он. — Ни один из наших скафандров не выдержит такого давления.

Для этого требовалось вернуться на Землю. Хьюит знал, что некоторые фирмы в состоянии сделать нужный скафандр за несколько дней. Но он решил лично наблюдать за его изготовлением.

Возвращаясь на челнок, который должен был отправиться к Земле, Хьюит подумал: «А потом я поднимусь на борт, и мы стартуем к Альфе Центавра. Наверное, мне придется лететь с ними. Но сейчас это не имеет значения. Теперь слишком поздно строить другие корабли для колонизации иных миров».

Он вдруг преисполнился уверенностью, что все очень скоро выяснится. У него не было никаких

предчувствий.

Когда Хьюит приземлился, в городе наступило утро. Новость о его возвращении опередила Хьюита; а когда вскоре после полудня он покинул фабрику по производству космических скафандров, его поджидала группа репортеров. Он рассказал им последние новости, но репортеров это не удовлетворило.

Вернувшись в офис, он сделал ошибку: позвонил Джоан. Прошли годы после их последней встречи, и она уже не была так напряжена, когда подняла телефонную трубку.

— И о чем ты хочешь со мной говорить? — небрежно спросила она.

— О примирении.

— Ради бога! — сказала она и рассмеялась.

Голос Джоан показался ему чересчур визгливым. Хьюит с некоторым беспокойством вспомнил, что о ней ходили самые невероятные слухи: будто бы она встречалась с разными мужчинами. Он вдруг понял, что эти слухи правдивы.

Хьюит на мгновение задумался, но решил не отступать.

— Не понимаю, почему мое предложение вызывает у тебя смех? — серьезно спросил он. — А куда девалась твоя всепоглощающая и вечная

любовь, в которой ты столько раз мне клялась?

Наступило долгое молчание. Наконец она ответила:

— Знаешь, я готова поверить, что ты настолько глуп, чтобы предложить мне примирение. Но я достаточно умна, чтобы сообразить: именно возвращение твоего дурацкого корабля заставило тебя позвонить мне. Ты хочешь, чтобы мы всей семьей полетели к Альфе Центавра?

Хьюит понимал, что после такого отвратительного начала не следует продолжать разговор, однако уже не мог остановиться.

— Почему ты не разрешаешь мне взять детей? — не унимался он. — Путешествие им не повредит, более того, их здесь не будет, когда…

Тут Джоан надоело его слушать, и она рассмеялась.

— Вот видишь, я все правильно поняла, — и швырнула трубку.

Ему тут же начали названивать из вечерних газет, а потом напечатали искаженную запись его разговора с Джоан. В газетах его называли «простофилей с новой звезды». Хьюит спрятался от репортеров, но они круглосуточно дежурили в отеле, где он остановился.

Два дня спустя ему потребовался полицейский

эскорт, чтобы добраться до фабрики и взять там специально созданный для него скафандр-танк. Затем он помчался на взлетное поле. Челнок доставил его на «Молли Д».

На тестирование скафандра пришлось потратить больше часа. Наконец магнит закрыл внутренний люк «Надежды человечества», затем давление в соседнем отсеке было снижено до одной атмосферы. Хьюита, сидевшего внутри скафандра на колесах, при помощи крана переправили в этот отсек и плотно закрыли дверцу люка. Вновь закачали воздух. Хьюит наблюдал, как манометр его скафандра показывает постепенное увеличение давления до девятисот семидесяти трех атмосфер. Прошло еще несколько часов, пока Хьюит окончательно не убедился, что скафандр выдерживает огромные нагрузки.

Он включил первую передачу, и танк медленно вполз внутрь «Надежды человечества».

23

ТЕМНОТА!

Свет погас, как только он оказался внутри корабля. Изменения были поразительными. Снаружи коридор выглядел совершенно нормально. Теперь Хьюит находился в призрачном темно-

сером мире. Несколько секунд он вглядывался в сумрак, но постепенно его глаза привыкли к тусклому освещению. Хотя прошли годы с тех пор, как он в последний раз побывал на борту «Надежды человечества», его поразило ощущение ограниченности пространства.

Хьюит находился в коридоре, который, как он точно знал, ведет в самое сердце корабля. Теперь он показался ему более узким, чем раньше. Причем значительно более узким. Хьюит прекрасно помнил, что коридор был рассчитан на перемещение крупных грузов. Но сейчас…

Хьюиту не удавалось точно оценить его ширину. Прежде он шел через весь корабль, и его протяженность составляла тысячу футов. Естественно, так далеко Хьюит видеть не мог. Темнота быстро сгущалась.

А вот высота коридора не изменилась — как была около тридцати футов, так и осталась.

Но ширина уменьшилась с сорока футов до пяти. Однако у Хьюита не создалось впечатления, что стены отстроили заново. Стальная арматура по-прежнему являлась частью стен.

Хьюит пришел к выводу, что должен двигаться дальше, в противном случае ему не реализовать поставленную перед собой задачу.

Он собрался закрыть дверь переходного шлюза. И здесь его ожидал новый сюрприз. Во время перемещения дверь искажалась. Снаружи подобный эффект не наблюдался. Когда дверь закрылась, ее ширина, прежде составлявшая двенадцать футов, сократилась до четырех.

Изменения показались Хьюиту такими чудовищными, что на его лице выступил обильный пот. Тут только он понял, что все это может означать: «эффект теории сжатия Лоренца — Фицджеральда».

И тут ему пришла новая, ошеломляющая мысль: «Значит, скорость корабля приблизилась к скорости света».

Хьюит моментально отбросил эту мысль. Такого просто не могло быть. Наверняка существовало другое объяснение.

Он осторожно направил свой танк вперед. Прежде всего он хотел посетить каюту капитана. Тень медленно и неохотно открывала перед ним свои тайны. Только оказавшись на расстоянии десяти футов от него, он заметил пандус, ведущий на следующий уровень.

Появление знакомых предметов немного успокоило Хьюита. Более того, они находились на прежнем расстоянии друг от друга. Да и распо-

ложение осталось прежним: шлюз, пандус, а затем мастерские. Коридор вывел его прямо на пандус, а затем вновь сузился. Все выглядело жутко маленьким — суживающий эффект оказывал пугающее воздействие. Однако длина была неизменной.

Хьюит ожидал, что двери капитанской каюты окажутся слишком узкими для его скафандра. Однако их ширина не изменилась. Хьюит кивнул и подумал: «Конечно, это вполне соответствует теории Лоренца — Фицджеральда. Сжатие происходит лишь вдоль направления полета». Поскольку двери каюты находились под прямым углом к данному направлению, их размеры не изменились. А вот дверная ручка должна была уменьшиться.

Так и оказалось. Хьюит остановил скафандр и принялся рассматривать ручку.

— Нет, что-то здесь не так, — сказал он самому себе. — Как и коридор, ручка уменьшилась в восемь раз, а коэффициент изменения давления — во много раз больше.

И вновь он попытался убедить себя, что должно существовать другое объяснение, не связанное со знаменитой теорией сжатия. Ведь скорость не имела отношения к происходящему. Сейчас

«Надежда человечества» практически находилась в состоянии покоя, а ее полет с высокими скоростями остался в прошлом.

— Я зря теряю время! — проворчал Хьюит.

Он напомнил себе, что намеревался сделать быстрый ознакомительный объезд корабля, включил двигатель скафандра и въехал в каюту.

Первая комната капитанских апартаментов оказалась пустой. Хьюит сразу же направил скафандр в спальню. Дверь в нее была закрыта, но при помощи специального щупа Хьюит легко ее распахнул. Он въехал внутрь, испытав некоторое смущение — ведь он оказался в чужой спальне. Хьюит увидел две одинаковые кровати. На ближайшей лежала женщина, накрытая тонкой простыней, он увидел лишь часть руки, плечо и голову. Она была повернута к нему спиной. На первый взгляд, женщина выглядела вполне нормально — больше он на нее не смотрел, поскольку его внимание приковал мужчина.

Он лежал у изголовья кровати в очень странном положении — казалось, его отбросило в результате резкого торможения. Какие-то части его тела выглядели слишком тонкими, какие-то сохранили естественные размеры — аномалия могла объясняться необычным положением

тела. Хьюит объехал кровать, чтобы взглянуть на мужчину с другой точки. Теперь он выглядел совершенно нормально.

Но сбоку его голова и тело больше походили на карикатуру, а не на обычного человека — нечто подобное можно увидеть в кривых зеркалах.

Хьюит никогда не встречал этого человека раньше. И, вне всякого сомнения, он не был капитаном Джоном Лисби, который командовал огромным кораблем во время старта шесть лет назад.

Хьюит решил не делать никаких выводов. Некоторые его наблюдения указывали на присутствие эффекта Лоренца — Фицджеральда. Однако большую их часть легко объяснить, если представить себе, что корабль одновременно летит с разными скоростями. Невероятно.

Хьюит повернул к выходу из капитанской каюты. Он старался ни о чем не думать, но задержался, чтобы заглянуть в другую спальню. Здесь стояло три кровати, и на каждой лежала молодая женщина. Все трое были укрыты простынями, но их фигуры искажал все тот же эффект. Хьюит содрогнулся и двинулся к входной двери. Женщины почему-то произвели на него более сильное впечатление, чем мужчина.

Вновь оказавшись в коридоре, Хьюит заставил себя принять то, что он увидел. Теперь, когда его скафандр перемещался дальше, ему удалось немного расслабиться и спокойнее воспринимать удивительное явление. Он заглядывал в каюты офицеров и ученых. Почти во всех в главной спальне находились женщины, в соседних — дети.

Когда Хьюит увидел первого подростка, он стащил с него тонкое одеяло — ему пришлось приложить немалые усилия — и внимательно осмотрел перекошенное тело. Он хотел убедиться, что перед ним юноша. Да, сомнений быть не могло, несмотря на искажения пространства. После этого он видел еще несколько юношей и девушек, примерно восемнадцати лет.

Но куда исчезли мужчины?

В соседнем коридоре, неподалеку от апартаментов капитана, он нашел троих мужчин с грубыми лицами. Они также находились в кроватях, а поскольку все они лежали по-разному относительно направления полета, мужчины и выглядели непохоже друг на друга. Когда Хьюит поднял одеяло, которым был укрыт первый из них, он увидел невероятно худое вытянутое тело. Второй мужчина показался ему каким-то укоро-

ченным и чахлым. А третий больше походил на силуэт, чем на нормального человека.

Больше на верхней палубе он мужчин не нашел. Только спустившись вниз, Хьюит обнаружил в маленьких тесных каютах несколько сотен мужчин. Женщин среди них не было, что еще больше смутило Хьюита. Он никак не мог понять, зачем держать женщин и детей на верхних палубах, отдельно от мужчин.

Окончательно зашедший в тупик Хьюит отправился в машинное отделение. Оказалось, что на корабле полно совершенно незнакомых ему мужчин, женщин и детей. А ведь он встречался со всеми колонистами, техниками, учеными и офицерами — однако не узнал ни одного человека.

Наконец Хьюит добрался до машинного отделения. Первый же взгляд на дисплеи приборов его ошеломил.

Ядерный реактор раскалился до адских температур. Несмотря на огромную нагрузку трансформатора, стрелка даже не дрожала. При этом приборы показывали, что ускорение равно нулю. Изучая показания приборов, Хьюит вспомнил разговор с Тельером относительно попыток достижения субсветовых скоростей. Он нахмурился. Дисплей показывал, что корабль перемещается

со скоростью 198 700… Нет, не может быть! Быстрее скорости света!

«Но корабль не может сейчас…» — подумал Хьюит.

Его разум отказывался воспринимать полученную информацию. Он решительно развернулся и направился обратно в «Молли Д».

24

Пока Хьюит отсутствовал, на борту спасательного судна появился великий человек. Он выслушал вместе с остальными доклад Хьюита и практически не участвовал в дискуссии, которая разгорелась, когда тот закончил свой отчет. Молодые ученые заметно смущались в присутствии великого. Они не рисковали высказываться. «Пусть говорит кто-нибудь другой,» — такие мысли читались на их лицах.

В результате дискуссия получилась вялой. Чаще всего звучали слова: «естественное объяснение». Наконец терпение Хьюита лопнуло.

— В конце концов, все эти явления реальность. Что вы имеете в виду, когда употребляете слово «естественное»?

Он не собирался на этом останавливаться, но тут великий человек откашлялся и заговорил

впервые с того момента, как его представили присутствующим.

— Джентльмены, я бы хотел избавиться от мусора, накопившегося с начала преодоления полосы препятствий.

Он повернулся к Хьюиту.

— Я поздравляю вас, сэр. Впервые в истории появился мифический наблюдатель — невероятное явление. Вы стали свидетелем феномена, который до настоящего момента описывался лишь уравнениями.

И без дальнейших отступлений он принялся объяснять природу произошедшего, которое он назвал «движение со скоростью света».

— На данной стадии, — продолжал он, — нам не следует искать ответ на вопрос, как такое могло произойти, хотя подобные рассуждения, вне всякого сомнения, еще впереди. Я готов поделиться с вами своими мыслями. Мистер Хьюит видел, что приборы показывали скорость, превышающую скорость света. Можно ли предположить, что корабль, набравший такую невероятную скорость, познакомил нас с истинным состоянием пространства и материи, которое до этих пор оставалось от нас скрытым? Я готов предположить, что корабль движется со скоростью,

превышающей скорость света, в собственной зоне существования, в параллельном нам времени. Конечно, нам необходимо изучить данное явление. Но этим мы займемся позже. Сейчас нам следует решить практический вопрос. Вот что я предлагаю. Копии тщательно составленного письма следует вложить в руки всех ключевых фигур на борту корабля, чтобы они его прочитали после пробуждения. В этом письме мы опишем известные нам события и предложим старшим офицерам корабля выключить двигатель и автопилот. Если наше пожелание не будет выполнено через определенный промежуток времени — тут мы должны принять во внимание разницу во времени, — мы будем вынуждены признать, что нас неправильно поняли. И тогда Хьюит вернется на борт и попытается выключить автопилот и реверсировать двигатель. Но прежде чем покинуть корабль после доставки письма, Хьюиту необходимо включить сигнал тревоги, чтобы разбудить экипаж.

Хьюит нахмурился, услышав последнее предложение. Он не видел никаких логических ошибок в рассуждениях великого человека. Но после пребывания на борту жуткого корабля с искаженной перспективой, на котором атомный реактор дав-

но вышел за безопасные пределы температурного режима и где люди застыли в неподвижности смерти, у него сложилось впечатление, что они что-то упустили.

Он вспомнил о мужчине, скорчившемся на постели в капитанской каюте. Да, великий человек объяснил это несоответствие, но во время его рассуждений в голову практичного Хьюита пришли новые мысли. Скафандр следовало модифицировать, чтобы он сумел включить сигнал тревоги, ведь работать придется в условиях иного времени.

Относительно третьего появления на борту корабля Хьюит задумчиво проговорил:

— Если получится, что я буду вынужден отключить двигатель, мне потребуется взять с собой воду и пищу. Разница во времени может сделать мою миссию весьма длительной.

У них ушло тридцать пять часов, чтобы открыть люк, — обычно такая работа занимала пять минут. Таким образом, выключение двигателя может занять несколько недель. Значит, нужно к этому подготовиться.

Другой ученый предложил снабдить скафандр приборами для наблюдения, фиксации и записи состояния двигателя.

Сразу же последовал поток новых оригинальных идей, но Хьюит остановил энтузиастов:

— Послушайте, джентльмены, скафандр невозможно бесконечно набивать аппаратурой. Почему бы вам не отправиться со мной на фабрику, где вы сможете поработать над возможными изменениями? А пока специалисты напишут письмо и сделают нужное количество копий. Мы скоро вернемся, и тогда я вновь поднимусь на борт «Надежды человечества».

Хьюит решил, что на модернизацию скафандра потребуется около недели, и предложил немного поспать. Никто не стал ему возражать.

25

На борту корабля проснулся Лисби V.

Он лежал и вспоминал все, что произошло за последнее время. Лежал и вспоминал, как ребенок, даже не пытаясь ни о чем думать. Воспоминания обрушились на него.

— Боже мой! — простонал он.

Его долго не оставлял страх, но потом пришло облегчение. Он все еще жив! Сверхсветовая скорость не смертельна для человека. Страшный миг, когда корабль достиг скорости света, остался позади.

Лисби размышлял о том, как долго он находился без сознания. Потом пришла новая тревога: необходимо спуститься в машинное отделение, провести тесты, приготовиться к торможению.

«Интересно, что стало с Горди? Может быть, он мертв?» — с надеждой подумал он.

Протянув руку, Лисби включил свет — движение было чисто автоматическим, и только после того, как стало светло, он сообразил, что электрические сети и антигравитация в порядке.

...Им овладело удивление. Однако все укладывалось в теорию, что при полете со скоростью света свет тоже перемещается.

Лисби расстегнул ремень безопасности и сел.

Он услышал шум, который доносился снаружи. В замке повернулся ключ. Дверь по другую сторону решетки распахнулась. На него смотрел Горди, голову которого украшала белая повязка. За спиной капитана высилась плотная фигура бывшего кухонного рабочего по имени Харкорт.

Увидев Горди, Лисби испытал разочарование. Он ожидал его прихода, его анализ оказался правильным, но реальность — Горди не получил серьезных ранений — разрушила надежды Лисби... Однако разочарование моментально исчезло.

Он вспомнил, что приход Горди уже сам по себе означает, что одержана победа.

Лисби сразу же приободрился. Именно поэтому он так и запрограммировал двигатели: теперь маленький убийца вынужден обратиться к нему за помощью.

Лисби заговорил первым, чтобы захватить инициативу.

— Я потерял сознание и только что пришел в себя. Что произошло? Люди не пострадали?

Горди озадаченно посмотрел на него.

— Значит, тебе тоже досталось! — сказал он.

Лисби лишь бросил на него взгляд. Он не хотел ничего преувеличивать, чтобы не вызвать подозрений.

— Лисби, ты уверен, что это не часть заговора?

Лисби сумел заверить Горди, что он ничего не знает о заговоре — ему практически не пришлось лгать, поскольку его план не был продуман дальше. Иными словами, если заговор и существовал, то он остался в прошлом. С этого момента они столкнулись с ситуацией, в которую люди никогда не попадали: ведь никому еще не доводилось летать со скоростью, превышающей скорость света.

Слова Лисби явно успокоили Горди. После

недолгих колебаний он хрипло произнес:

— Я дам тебе еще один шанс, Лисби. Спускайся в машинное отделение! Харкорт отправится вместе с тобой… И учти — не вздумай выкинуть какой-нибудь номер!

Вероятно, Горди понимал всю бесполезность своих угроз.

— Послушай, Лисби, — проникновенно заговорил он, — выясни, что произошло, и постарайся устранить неполадки. А потом мы поговорим. Хорошо?

Лисби ему не верил, да и как он мог верить Горди? Ведь положение нового капитана не изменилось, он по-прежнему не мог вернуться на Землю. Но вслух Лисби сказал:

— Да, конечно.

Горди криво улыбнулся.

— Встретимся позже.

Он ушел, чтобы допросить других арестованных. На данный момент Лисби был оправдан. Горди сразу же заподозрил, что в случившемся виновен Миллер. Кто еще мог все это устроить? Ведь больше в машинном отделении никого не было! Он вспомнил, как Миллер вглядывался в показания приборов, касался некоторых из них.

«Наверное, тогда-то он и провернул свой

номер! — решил сразу рассвирепевший Горди. — Прямо у меня на глазах!»

Между тем Лисби в сопровождении Харкорта добрался до рубки управления. Взглянув на мониторы, он вздохнул с облегчением: впереди чернела космическая пустота. Слегка дрожащими руками он быстро запрограммировал двигатели на торможение с тяготением в 12 *g* и на 11 *g* антигравитации. Закончив программирование, он потянулся к главному рубильнику, взялся за него…

И задумался.

Теперь, когда пришло время для окончательного решения, он вдруг понял, что ему необходимо осмыслить многие важные вещи. Ускорение до сверхсветовой скорости выполнило главную задачу: его освободили из-под ареста. Но в целом ситуация не изменилась.

В случае ошибки его ждет смерть. Более того, любое промедление также ведет к гибели. Таким образом, его действия должны определяться именно этими обстоятельствами.

…Нужно отобрать к Харкорта бластер, связать его или даже убить, если не останется другого выхода. Так или иначе, но Харкорта необходимо убрать с дороги.

Приняв решение, он потянулся к рубильнику.

Но вновь убрал руку, так и не переключив его. Он должен принять во внимание еще один фактор, не столь личный, но еще более важный.

«Почему я потерял сознание в точке перехода? — подумал Лисби, — Необходимо найти объяснение этому факту».

Люди не теряют сознание просто так, за время пребывания на борту огромного корабля он не раз в этом убеждался. Если не давать человеку анестезирующих препаратов, он цепляется за сознание, даже если испытывает невероятно сильную боль.

Лисби повернул голову к Харкорту и спросил:

— Ты потерял сознание, Харкорт?

— Угу.

— А что-нибудь помнишь?

— Абсолютно ничего. Просто вырубился. Потом пришел в себя. И подумал: «Парень, тебе нужно к Горди!» И нашел его возле кровати…

— И ты ни о чем не подумал? — перебил его Лисби. — У тебя не возникло никаких картин, воспоминаний? Перед тем, как ты отрубился?

— Ну-у-у-у, — с сомнением протянул Харкорт. — Если подумать… мне приснился сон. Какой-то неясный.

Лисби ждал. Судя по выражению лица, Харкорт мучительно пытался вспомнить — сейчас ему не следовало мешать.

— Знаете, мистер Лисби, — наконец заговорил Харкорт, — когда мы заглядываем в свое нутро, то редко находим там правду.

Лисби мысленно простонал. Этот человек не умеет излагать свои мысли.

— Мне нужно заняться двигателем. Поговорим позже, Харкорт.

Он вновь положил руку на рубильник. И медленно перевел его в рабочее положение. Покончив с этим, Лисби уселся в кресло, взял микрофон и объявил по общей связи, что ускорение начнется через одну минуту. Лисби собрался пристегнуть собственный ремень, когда заметил, что Харкорт устроился в соседнем кресле и уже пристегнулся.

Он ощутил, как закипел адреналин в его крови. Быть может, атаковать Харкорта прямо сейчас?

И все же Лисби не стал ничего предпринимать.

Нет, еще рано, слишком много неизвестных факторов. Ему может помешать начавшееся ускорение. Дрожащими пальцами Лисби пристегнул ремень.

Он внимательно смотрел на показания при-

боров.

Внезапно стрелки резко отклонились.

Он приготовился к удару. Однако ничего особенного не произошло. Тут же сработал генератор искусственного тяготения.

«Неужели даже при субсветовых скоростях возникает мгновенная компенсация ускорения?» — подумал Лисби.

Стрелки приборов вернулись в прежнее положение.

— Вы знаете, мистер Лисби, сон был удивительным. Я, как наяву, увидел изображение каждой части своего тела — и все они кувыркались в воздухе. А я был такой большой, как космос, и мог видеть свои внутренности, а также маленькие смешные пятнышки кружащегося света, вот только потом они перестали быть маленькими и больше не кружились, а начали разлетаться в разные стороны. Мне показалось, что я иду задом наперед. Наверное, тогда я и отключился.

Лисби повернулся к Харкорту, который описывал свои впечатления. Ему вдруг показалось, что простой, не обремененный знаниями разум этого человека воспринимает мир чистым внутренним зрением.

«…кувыркались…» — Что еще?

«…такой большой, как космос…» — В полном соответствии с теорией: масса становится бесконечной, а размер стремится к нулю.

«…маленькие смешные пятнышки кружащегося света…» — Электроны, видит Бог, вращающиеся на своих орбитах, неожиданно поменяли направление вращения…

Естественно. Фантастично, но естественно.

Да, именно тогда он и потерял сознание. В момент изменения направления. Сама структура жизни и материи была вывернута наизнанку. Лисби с благоговением подумал: «Мы погрузились в свои ничтожные распри, а корабль преодолевает барьеры времени и пространства».

И ему вдруг представилась бесконечная ночь, покоренная благодаря удивительному открытию. Расстояние подчиняется человеку, и даже время теперь поддается воздействию.

Лисби с волнением ждал, когда корабль пересечет световой барьер в обратном направлении. Ждал шока возвращения к нормальному состоянию…

Секунды быстро убегали прочь. Стрелки приборов медленно, но верно перемещались.

Ничего.

26

На Земле прошло три недели.

Расстроенный Хьюит пытался ускорить процесс. Деньги, конечно, сыграли свою роль. Но человеческий фактор не позволял делать некоторые вещи быстрее.

Одна из задержек была связана с письмом. Хьюит написал его довольно быстро, а потом отправил копии разным людям, чтобы они его одобрили и подписали.

Последовали многочисленные изменения и задержки, а окончательная версия «потерялась» в офисе одного высокопоставленного чиновника, и ее «искали» неделю.

Наконец все двенадцать копий письма вернулись к Хьюиту, ему осталось лишь поставить собственную подпись. В последней версии говорилось:

> «ВНИМАНИЕ: ЭКИПАЖУ
> „НАДЕЖДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА“.
> Ваш корабль прибыл в Солнечную систему в уникальном состоянии материи. Доказательством служит посещение корабля его владельцем, Эврилом Хью-

итом, который сумел дважды побывать на борту „Надежды человечества“, оставаясь невидимым для вас. Для него вы находились в бесчувственном состоянии. Создается впечатление, что ваш корабль движется со скоростью света или даже превышает ее.

Объяснение этого удивительного и противоречивого явления породило споры среди ученых Земли, но нам удалось найти решение, которое вызвало всеобщее одобрение.

Немедленно начинайте торможение, чтобы минимизировать эффект полета со световой скоростью.

Затем постарайтесь установить радиоконтакт с Землей!

Поскольку мы считаем возможным, что в действие вступил эффект теории сжатия Лоренца-Фитцджеральда, нельзя исключить, что искажено не только пространство, но и время. Имейте в виду, что на Земле прошло всего шесть лет с тех пор, как „Надежда человечества“ стартовала к Альфе Центавра. Теперь у вас появилась возможность реально оценить

свое положение.

Пожалуйста, действуйте без промедления, поскольку корабль может рухнуть на планету, если не изменит свой курс.

Необходимо срочно принять меры…»

Место для первой подписи было зарезервировано для Хьюита. Дальше следовало множество других известных имен. Премьер-министр Объединенного Запада. Адмирал Космического флота. Затем шли подписи трех ученых: «великого человека» физика Питера Линдена, ведущего астронома и главы научных исследований.

Несколько официальных лиц и наблюдателей проследовало вслед за Хьюитом на борт «Молли Д». Офицеры космического патруля, врач, член кабинета министров, представитель Азиатского союза и несколько физиков космоса…

«Надежда человечества», как и следовало ожидать, за прошедшие три недели удалилась от Земли на пятьсот тысяч миль. К тому же на корабль не действовало тяготение Солнца, поэтому следовало учитывать, что Солнечная система перемешалась со скоростью двенадцать миль в секунду в сторону созвездия Овна. В результате «Надежда человечества» по диагонали дрейфова-

ла мимо Солнца. С Земли было зафиксировано, что корабль дважды корректировал курс, чтобы через некоторое время вновь выйти на околоземную орбиту.

Из чего и был сделан вывод, что сенсоры корабля все еще запрограммированы на Землю.

Хьюит приказал стартовать.

Через восемь дней спасательное судно состыковалось с огромным кораблем. С момента предыдущего посещения миновал месяц — по земному времени. Однако на «Надежде человечества» прошло всего полчаса.

Как только были полностью состыкованы шлюзы, Хьюит направил свой скафандр-танк внутрь корабля. Он сразу двинулся в каюту капитана — и тут же столкнулся с первой проблемой. Темноволосый человек, бессильно лежавший на одной из кроватей, исчез. Женщина оставалась в своей постели.

Хьюит с сомнением посмотрел в сторону второй спальни — там по-прежнему находились три женщины. Но человек, которому он намеревался оставить одно из писем, покинул каюту капитана.

Впрочем, это не имело значения. Эксперты пришли к единому мнению: двенадцать писем,

оставленных у двенадцати разных людей, дадут желаемый результат.

Хьюит оставил одно письмо на смятой постели, еще несколько копий у женщин в офицерских каютах, четыре экземпляра рядом со случайно выбранными из двух сотен мужчин в спальнях нижней палубы, и по одному экземпляру для каждого из двух мужчин, пристегнутых к креслам в машинном отделении.

Машинное отделение Хьюит посетил в последнюю очередь, поскольку на его скафандре имелись камеры, которые должны были зафиксировать изменения показаний приборов. Физики на борту «Молли Д» хотели иметь возможность следить за показаниями приборов в реальном времени.

Хьюит сделал несколько снимков. Он уже собрался нажать на кнопку, чтобы все оборудование автоматически ушло в специальные пазы, когда заметил, что показания датчика скорости изменились!

Он внимательно посмотрел на дисплей. Если раньше стрелка далеко уходила за красную отметку, соответствующую скорости света, то теперь она замерла прямо над ней.

Хьюит вдруг испытал острый приступ страха.

Корабль начал торможение. Сейчас его скорость лишь немногим превышала скорость света.

Он сразу же решил, что момент перехода через световой барьер будет для него опасным. Не теряя ни секунды, Хьюит тут же направил скафандр к выходу из машинного отделения. Находящиеся на борту люди пережили переход через барьер в другом направлении. Но как обратный переход скажется на человеке, который не участвовал в прямом переходе? Одно было очевидно: даже с коэффициентом 973:1 в его пользу он не успеет выбраться из корабля.

Все произошло, когда Хьюит уже сворачивал в коридор, ведущий к шлюзу. Он даже успел его разглядеть, когда почувствовал легкую тошноту. Хьюит не знал, что сейчас будет.

«Пожалуй, лучше сбросить скорость», — успел подумать он.

Хьюит нажал на тормоз и почувствовал, что скафандр остановился. А потом…

Что-то схватило его тело со спины и безжалостно сдавило. Ему показалось, что его сжимает могучая рука великана, и он даже попытался вырваться.

Потом хватка огромной руки стала слабеть. И

Хьюиту показалось, что из замкнутого пространства скафандра он переходит в нечто огромное.

А затем вокруг него сомкнулся мрак.

27

Что-то ударило Лисби.

Сначала глубоко внутри, а потом по всей поверхности тела.

Затем на него обрушилась непереносимая боль.

Должно быть, он погрузился в дремотное состояние — вот только на этот раз у него не было никаких фантазий, — а когда Лисби вновь вынырнул на поверхность, он сообразил, что корабль сделал обратный переход. Судя по ощущениям, торможение продолжалось.

«У нас получилось», — с дрожью ужаса и восторга подумал он.

…Пересекли световой барьер и вернулись обратно! Покинули нормальное время и пространство и возвратились.

Не глядя вниз, Лисби отстегнул ремень и встал. Он не заметил, как с его колен упало письмо Хьюита. Лисби был так заинтригован показаниями приборов, что даже сделал несколько шагов вперед.

У него за спиной послышался голос Харкорта.

— Эй, а это еще что такое?

Лисби оглянулся. Происходящее не имело ни малейшего смысла. Харкорт что-то читал.

Лисби вновь посмотрел на приборную панель.

28

Когда Хьюит пришел в себя и открыл глаза, он обнаружил, что его скафандр стоит, наклонившись возле стены. Он не мог себе представить, как это случилось.

У него сложилось впечатление, что произошли и другие изменения, но сейчас ему было некогда разбираться.

Хьюит боялся, что его средство передвижения может опрокинуться. Он схватился за рычаги управления и плавно отпустил тормоза. Скафандр медленно встал на колеса.

Хьюит облегчено вздохнул и подумал: «Похоже, переход через световой барьер прошел успешно. Было очень больно, но я не получил никаких повреждений».

Хьюит тут же обо всем забыл, и его глаза округлились. Он начал дико озираться по сторонам. Коридор был ярко освещен. Жуткий сумрачный эффект исчез. И еще одно: коридор больше не ка-

зался узким. Конечно, он не стал бы утверждать это с полной уверенностью, но ему показалось, что все вокруг обрело прежние размеры. Тут только Хьюит осознал, что происходит.

Он больше не сторонний наблюдатель. Он стал частью происходящего. В глазах любого человека, который взойдет на борт «Надежды человечества», он будет выглядеть искаженным. Для себя самого и всех, кто и раньше находился на борту, он будет казаться совершенно нормальным. Люди, подвергшиеся воздействию эффекта Лоренца — Фицджеральда, не замечают произошедших с ними перемен. Сжатие повлияло не только на их тела, но и на восприятие.

Хьюит вспомнил свои ощущения — да, огромная сила сжала его тело. И изменения в его теле были неравномерными. Передняя часть менялась быстрее, чем задняя.

Воспоминания о боли вдруг стали такими острыми, что он содрогнулся.

«Интересно, где мы находимся?» — подумал Хьюит.

С тех пор, как Хьюит пришел в себя, на «Надежде человечества» прошла одна или две минуты. На «Молли Д» — от шестнадцати до тридцати часов. Но Хьюит понимал, что эффект сжатия мог

приготовить для него и другие сюрпризы.

Снаружи могли пройти годы.

Если это правда, то «Надежда человечества» могла удалиться от Солнечной системы на световые годы.

Хьюит вдруг ощутил спокойствие и мрачную уверенность. Что ж, совершенно случайно он получил то, что хотел, — разве не об этом он мечтал с того самого момента, как ему сообщили о возвращении корабля?

Он надеялся подняться на борт и уговорить экипаж отправиться в долгое путешествие к солнцам Альфы Центавра.

А если они откажутся, заставить их. Или обмануть…

Однако Хьюит понимал, что не контролирует ситуацию. И все же он на борту «Надежды человечества».

Из динамика над головой Хьюита послышался громкий голос:

— Внимание всем! Говорит капитан Горди. Мистер Лисби из машинного отделения только что сообщил мне, что ускорение будет продолжаться на уровне одного *g*. Вы можете отстегнуть ремни.

На глаза Хьюита навернулись слезы. Он почти

сразу же понял их причину. После долгой и жуткой тишины он наконец услышал человеческий голос. И что еще важнее, этот голос упомянул знакомое имя.

«…Мистер Лисби из машинного отделения…»

Лисби!.. Хьюит вспомнил двух мужчин, которых видел в машинном отделении, — обоим было около тридцати. Он совсем по-другому оценил время, которое прошло на корабле после старта с Земли.

Более того, теперь у Хьюита появилась возможность поговорить с известным ему человеком. Его охватило возбуждение. Быстро развернув машину, он покатил обратно в машинное отделение, оставленное им всего несколько минут назад.

Он свернул за угол — и резко остановил свой мобильный скафандр.

Хьюит увидел, как в коридор из каюты среднего уровня выходит человек. Тот закрыл за собой дверь, повернулся — и увидел Хьюита.

Должно быть, скафандр его поразил, потому что человек застыл на месте. Хьюит подъехал к нему и сказал через переговорное устройство:

— Не бойтесь!

Человек продолжал стоять на месте, бессмысленно глядя в сторону Хьюита.

— Когда ваш корабль летел со скоростью, превышающей скорость света, он прошел через Солнечную систему. Я попал к вам на борт с земного военного корабля. Меня зовут Эврил Хьюит, я владелец «Надежды человечества».

Его заявление было не совсем правдивым. Однако ему очень хотелось, чтобы здесь думали, что за ним стоит серьезная сила.

Если человек и слышал слова Хьюита, он никак на них не отреагировал. Его взгляд оставался бессмысленным, лицо побледнело.

— Как вас зовут? — мягко спросил Хьюит.

Никакого ответа.

Хьюит понял, что человек находится в глубоком шоке.

— Ну, очнитесь! — резко сказал он. — Как вас зовут?

Командный тон сделал свое дело.

— Земля, — прохрипел человек. — Вы с Земли!

— Я попал к вам на борт с боевого корабля Земли, — продолжал Хьюит. — А сейчас расскажите мне, что здесь происходит?

Получить информацию оказалось совсем непросто. У Хьюита создалось впечатление, что его собеседник не понимает, как мало ему известно. Человека звали Ли Винэнс, и от него

Хьюиту удалось услышать часть истории корабля. Теперь он знал, сколько прошло времени, а также о Лисби и о том, как Горди захватил власть. Для Винэнса эти события произошли совсем недавно.

Хьюиту также удалось получить некоторое представление о нравах на корабле: о том, что среди офицеров процветает многоженство и существует — до прихода к власти Горди — неизменная кастовая система.

Полученная информация оказалась такой сложной, что Хьюит растерялся. Он сидел и беспомощно смотрел на Винэнса.

«Пять поколений!» — думал он.

Для этих людей Земля стала чужой планетой.

Пока ошеломленный Хьюит размышлял, Винэнс неожиданно свернул за угол и бросился бежать. Хьюит направил машину за ним и крикнул ему вслед:

— Скажите капитану Горди, что я хочу с ним поговорить, но сначала я намерен отправиться в машинное отделение.

Однако Винэнс продолжал убегать со всех ног. Через несколько секунд он скрылся за поворотом.

Между тем Харкорт связался с Горди, который

вернулся в капитанскую каюту. Горди мрачно выслушал его доклад, глядя на письмо, которое Харкорт держал так, чтобы капитан мог его прочитать. Все это очень походило на заговор, но смысл происходящего от Горди ускользал, поэтому он приказал:

— Принеси мне письмо.

Он еще не побывал в своей каюте и не знал, что там его ждет такое же послание.

Хьюит добрался до машинного отделения без всяких происшествий и нашел там одного Лисби V.

Лисби краем глаза увидел приближающееся устройство и повернулся…

После удивленных восклицаний и коротких переговоров Лисби понял, что ему не нужно больше соблюдать осторожность.

Позднее он вспомнил лишь одну свою фразу, произнесенную в ответ на предложение Хьюита:

«Вновь вернуться в космос? Никогда!»

Лисби пришел в себя, когда увидел, как замигал индикатор на приборной панели. Он получил предупреждение: за ними следят.

Горди!

Лисби не знал, как давно включился индикатор, и с ужасом представил себе, какое впечатление

могли произвести на подозрительного маленького человечка его заявления.

Лисби потребовалось всего несколько мгновений, чтобы взять себя в руки. Он вновь стал прежним Лисби, способным предвидеть следующий шаг своих противников, какими бы хитрыми они ни были. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы попытаться определить место Хьюита в их корабельном сообществе.

«Он не сможет быстро приспособиться к миру, где люди убивают друг друга. Значит, он станет лишь пешкой в игре», — подумал Лисби.

Вопрос состоял в том, как лучше использовать такую сильную фигуру в своих целях? Лисби пришел к выводу, что на данном этапе Хьюит будет источником информации и партнером, который поможет ему обвести Горди вокруг пальца.

Тем временем Хьюит немного успокоился. Если они действительно отправились в будущее, то катастрофа с Солнцем либо уже произошла, либо обошла его стороной. Они могут вернуться на Землю, чтобы выяснить, каковы размеры катастрофы. Только после этого можно принимать решения.

Приземлиться или вернуться в космос — это будет легко решить, когда они узнают правду.

— Как владелец «Надежды человечества», — облегченно вздохнув, сказал Хьюит, — я приказываю вам взять курс на Солнечную систему, чтобы выяснить, каково истинное положение Земли.

— Сожалею, мистер Хьюит, но я должен получить подтверждение от капитана Горди. Лишь он имеет право отдавать на корабле приказы.

Лисби был очень рад, что произнес эти слова, которые должны были хотя бы на время успокоить Горди.

Его возражение поразило Хьюита. Но потом он сообразил, что Лисби повел себя разумно. К тому же Хьюит вдруг понял, что его права на корабль имеют силу только до тех пор, пока за ним стоит мощь Земли.

Но если верить предсказанию, истинность которого он всячески отстаивал, никакой мощи Земли более не существует.

Хьюит вдруг ощутил, что становится самым обычным человеком, а его капиталы ему ничем не помогут.

И в ответ на его мысли прозвучал голос Лисби:

— Почему бы вам не поговорить с капитаном Горди?

…Поговорить с… Горди. Попытаться убедить того, кто обладает реальной властью… И соблюдать

осторожность!.. Ведь сейчас все вопросы жизни и смерти решает именно он…

Хьюит с некоторым удивлением обнаружил, что развернул свою машину и двинулся к двери. Но когда он выкатился в коридор, он не стал поворачивать к капитанской каюте, а торопливо направил скафандр на нижние палубы, где располагались склады.

Хьюит въехал в одно из многочисленных помещений, где почти до самого потолка были сложены детали какого-то оборудования. Каждый сегмент занимал отведенное ему место. Хьюит выбрал свободное пространство между двумя стойками и привел в действие механизм открывания своего скафандра.

Резиновые прокладки раздвинулись с шипящим звуком, и через мгновение он уже стоял на полу на собственных ногах.

Хьюит слегка дрожал и ощущал слабость, поскольку его обуял самый настоящий страх. Однако ему хватило сил, чтобы забраться в узкий отсек, находившийся у самого потолка. Слегка задыхаясь, он растянулся на гладкой поверхности.

Он лежал и смотрел на приборный щиток своего скафандра, где мигал огонек наблюдающего устройства. Как только он погас, Хьюит быстро

слез вниз и повел машину на максимально возможной скорости.

29

Сбежав от Хьюита, Ли Винэнс сразу же направился в каюту капитана Горди и рассказал ему о встрече с ним.

Горди, прищурившись, слушал невероятный рассказ Винэнса. В нем росло подозрение, что Винэнс, которого он считал ничтожеством, оказался вовлеченным в заговор.

Однако Горди сообразил, насколько абсурдными являются его подозрения.

— Подожди минутку! — властно приказал он. — Оставайся здесь!

Горди подошел к двери, ведущей в кабинет капитана. Как только Винэнс потерял его из виду, Горди побежал в маленькую смежную комнатку, где размещалась следящая система. И сразу же вызвал на экран изображение машинного отделения.

Несколько долгих секунд Горди с изумлением наблюдал за невероятным приспособлением, в котором находился Хьюит; впрочем, он сразу понял, как важно ему узнать, о чем будут разговаривать эти два человека. Когда Хьюит торопливо

выехал из машинного отделения, Горди продолжал следить за ним до тех пор, пока гость не спрятался в одной из кладовых. И все это время в сознании Горди вертелась одна мысль: «Убить его или попытаться использовать в своих целях?»

Затем он сообразил, что прежде всего необходимо поймать пришельца. Он выключил следящую систему и собрался вернуться обратно, когда обнаружил, что старшая из вдов капитана Брауна проскользнула в комнату.

— Кто это такой? — удивленно спросила она.

Ее звали Рут, ей было немногим больше тридцати, и она отличалась аристократической внешностью. Горди уже давно желал ее и сдерживал себя только из политических соображений; вот почему он обращался с ней уважительно, хотя рассчитывал со временем овладеть этой женщиной.

Он рассказал ей о Хьюите, но потом добавил, что Земля, возможно, уничтожена, а в заключение проговорил:

— Пожалуй, нам стоит позавтракать и подождать, что будет дальше. Похоже, очень скоро придется принимать важные решения.

Она кивнула и ушла. Горди вернулся к Винэнсу и бросил ему автоматический пистолет. Винэнс

неловко его поймал.

— Идем! — коротко приказал Горди и вышел в коридор.

Побледневший Винэнс последовал за ним.

— Что происходит, сэр? — испуганно спросил он. — Куда мы?

— Попытаемся поймать типа, которого ты видел.

— Но он вооружен.

— Мы тоже.

— Да, — пробормотал Винэнс.

Горди улыбнулся. Реакция Винэнса успокоила капитана — человеческая природа не меняется. Страх управляет всеми, и, как ни странно, испуганных людей легко заставить рисковать.

— Тебе нужно лишь выполнять мои приказы, — сказал Горди.

— Хорошо, босс.

Как только они оказались в коридоре, Горди сразу же увидел появившегося из-за угла Харкорта. Через минуту они уже втроем шагали к ближайшему лифту. В лифте Горди молча прочитал письмо. Оно лишь подтверждало полученную им ранее информацию и окончательно утвердило в решении пока ничего не предпринимать.

Однако Хьюита он все равно решил захватить.

Когда они подошли к кладовой, где прятался Хьюит, Горди первым вошел внутрь. Он собрался занять удобную позицию и предложить Хьюиту сдаться.

Здесь его поджидал первый сюрприз: машины Хьюита в кладовой не оказалось. Горди вдруг показалось, что он падает в бездну. В течение десяти минут они втроем обыскивали кладовую. Наконец Горди осознал, что его каким-то непостижимым образом обхитрили, но не мог понять, как это Хьюиту удалось.

«Тем не менее, — подумал Горди, — если мы и в самом деле ускользнули в будущее, ему никуда не деться».

Тут у Горди появилась новая идея. Нужно подняться на мостик и посмотреть, где находятся Земля и Солнце.

И он решительно зашагал к лифту, чтобы подняться наверх.

30

После того как Хьюит уехал из машинного отделения, Лисби для видимости вернулся к работе над снятой панелью. Но он все время поглядывал на мигающий глазок следящей системы.

Неожиданно глазок погас.

Лисби немного подождал. Когда сомнений больше не осталось, он подбежал к монитору, связывающему машинное отделение с капитанским мостиком, и сквозь прозрачный пластик смог разглядеть звездное небо.

Солнце оставалось яркой звездой первой величины. Он сделал вычисления на основании измерения его яркости — получилось, что Солнце находилось на расстоянии одной сотой светового года.

Учитывая то, что сказал Хьюит о движении «Надежды человечества» через Солнечную систему, Лисби сделал быстрые расчеты. У него вышло, что корабль переместился в будущее на промежуток от пятидесяти до ста лет.

В распоряжении Лисби появилась важнейшая информация.

У Хьюита больше не осталось никаких оснований претендовать на владение кораблем.

Затем Лисби подключился к радиоприемникам капитанского мостика, которые автоматически улавливали все радиосигналы. После того как Горди пришел к власти, только Горди и Лисби имели возможность получать сообщения извне.

Послание, которое услышал Лисби, было первым за все время его наблюдений. Оно на-

чиналось с простого звукового сигнала, за ним следовали слова:

«Земля на связи. Прибывающие корабли должны использовать канал 71,2 метра».

Лисби прервал прием, выключил монитор связи с мостиком и побежал к выходу. Он должен воспользоваться тем, что Горди занят Хьюитом и на время забыл о Лисби.

И хотя он сильно рисковал, Лисби на одном из лифтов поднялся на мостик.

Он сразу же вскрыл панель приемника радиосигнала и вырвал провода. Потом поспешно поставил панель на место и побежал в рубку управления. Лисби вновь решил рискнуть и при помощи сканера быстро нашел каюту, где под замком сидел Тельер.

Лисби включил камеру наблюдения. Тельер лежал на койке. Лисби негромко его позвал, и Тельер тут же сел, а потом подошел к интеркому.

— Послушай, мы должны покинуть корабль, — сказал он Тельеру.

Лисби объяснил, что произошло и что он успел сделать. Он обещал освободить Тельера, когда придет время. Напоследок Лисби сказал:

— Не задавай никаких вопросов. Скажи только: ты готов последовать за мной?

— Я вижу прежнего Лисби, — с восхищением ответил Тельер, но потом с тревогой добавил: — Джон, нам будет очень нелегко улизнуть. Однако я согласен последовать за тобой.

Лисби выключил связь и снова со всех ног помчался по коридорам. Влетев в машинное отделение, он сел в кресло, чтобы перевести дух. А потом вновь сделал вид, будто занят ремонтом двигателя.

31

Выбравшись из кладовой, Хьюит направил свой скафандр в капитанскую каюту.

Там он наткнулся на четырех женщин, весело готовивших завтрак. Когда его удивительная машина вкатилась в каюту, они с испугом уставились на Хьюита.

— Не бойтесь, — мягко сказал он. — Я пришел поговорить с капитаном Горди.

Они быстро успокоились, когда Хьюит объяснил им, кто он такой. К тому же Хьюит понял, что Рут успела рассказать остальным женщинам, что она уже видела Хьюита и его скафандр по монитору слежения.

— Правда ли, что Земля уничтожена? — спросила Рут. — Так нам сказал муж.

Поскольку Хьюит не обсуждал эту проблему с Лисби, он сразу понял, что столкнулся со слухами, которые распространяет Горди. В его нынешнем пребывании на борту «Надежды человечества» была горькая ирония. Он испортил себе репутацию, предсказав опасность, грозящую Земле из-за изменений, происходящих на Солнце. Однако на корабле он только выиграет, если его предсказание не сбудется.

Он вынужденно вступил в борьбу за власть, и теперь необходимо, чтобы ему поверили, что Земля и ее военная мощь никуда не исчезли. Только в этом случае его права на владение кораблем будут иметь под собой все основания.

И тут Хьюиту пришло в голову, что обсуждать Землю сейчас слишком опасно.

— Ваш муж? — спросил он, делая вид, что ужасно удивлен. Лучше сменить тему.

— Капитан Горди! — объяснила старшая из четырех женщин, которая представилась как Рут. Она гордо продолжала: — Мы все капитанские жены. То есть, — продолжала она осторожно, — Ильза и я были женами покойного капитана Брауна. Потом мы стали второй и третьей женами мистера Лисби, когда он занимал должность капитана.

Она показала на стройную светловолосую женщину, чьи голубые глаза напомнили Хьюиту Джоан.

— А это Энн, первая жена мистера Лисби. Насколько я понимаю, ее отправят обратно к нему.

Блондинка пожала плечами, но ничего не сказала. Наконец Рут указала на мрачную красивую брюнетку, сидевшую с дальней стороны стола.

— Марианна — первая жена капитана Горди. Естественно, Ильза и я теперь станем его женами.

Хьюит счел за лучшее промолчать. Но ему хватило одного взгляда на женщин, чтобы понять, что они полностью согласны с Рут. Он вдруг почувствовал странное возбуждение.

Эти женщины, понял Хьюит, являются воплощением всех мужских фантазий. За долгую историю человечества мужчинам не раз удавалось так повернуть дело, что женщины соглашались на многоженство — во всяком случае, когда речь шла о вождях. Многие мужчины мечтали о покорном гареме, в котором женщины жили бы в мире и не ревновали друг к другу. Ведь именно ревность больше всего отравляет жизнь мужчин. Мечты об обладании несколькими женами заложены в подсознании мужчины, хотя многие не

готовы в этом признаться.

Однако сам Хьюит никогда не испытывал подобных желаний. Поэтому он мог взглянуть на этих женщин как на любопытное явление природы.

И тут на него снизошло озарение.

— Я буду капитаном, — заявил он. — И вы станете моими женами. Если мне понадобится ваша помощь, вы должны немедленно ее мне оказать. Не бойтесь, вам не будет грозить опасность. Конечно, вам не следует ничего говорить об этом — прежде всего капитану Горди — до тех пор, пока я не дам вам разрешения.

Женщины заметно побледнели.

— Вы не поняли, — слегка задыхаясь, ответила Рут. — Женщина не выбирает мужчин и никак не показывает, какие мужчины ей больше нравятся, пока не становится чьей-то женой. Тогда она автоматически предпочитает всем остальным своего мужа.

Хьюит перевел взгляд с одной женщины на другую. Он был восхищен и шокирован. Он прекрасно знал долгую историю отношений мужчин и женщин. Но одно дело знать историю, и совсем другое — встретить женщин, которые готовы стать игрушками в руках мужчин. Они даже не

понимали, сколь унизительно их положение.

Хьюит решил, что знание истории дает ему заметное преимущество перед остальными мужчинами.

— Сожалею, леди, — твердо заявил он, — но теперь вам придется сделать выбор. Я уже сейчас могу вам сказать, что, став капитаном, я оставлю в женах тех из вас, которые окажут мне помощь, когда я о ней попрошу.

Его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. На лице Рут появилось странное выражение. Ильза заметно смутилась. Энн Лисби смертельно побледнела. В глазах Марианны вспыхнул огонь.

Хьюиту показалось, что все четверо испытывают робость, — и еще он чувствовал их удивительную женственность и принятие своей второстепенной роли по отношению к мужчинам, а также необычную практичность.

Он понял, что только серьезное изучение данного явления позволит ему разобраться в том, как развивался столь любопытный процесс. Впрочем, этим займутся ученые, если у них когда-нибудь появится возможность.

— Когда капитан Горди вернется, — продолжал Хьюит давать указания, — вы расскажете ему,

что я побывал здесь, а сейчас отправился вниз, к мужчинам. Я буду ждать его там.

Когда через полчаса Горди передали его слова, он тут же направился в комнату со следящей аппаратурой и включил сканеры. На нижнем уровне царило настоящее сумасшествие. Все поверили, что очень скоро они прибудут на Землю. Но больше всего Горди ошеломило то, что его охранники веселились вместе с остальными. Они смешались с арестованными, решив, что их больше не нужно охранять.

Наблюдая за дикой сценой, Горди с опозданием понял, что не учел впечатления, которое производит на всех машина Хьюита. Что ж, ошибку нужно исправить. Он стал обдумывать меры, которые должен принять. Затем призвал Харкорта и показал ему, что происходит на нижних палубах.

— Как можно быстрее спустись вниз. Воспользуйся лифтом. Постарайся незаметно проникнуть в общую спальню. Затем переговори с нашими людьми. Скажи, что для нас сложилась крайне опасная ситуация. Мы должны сохранять контроль над кораблем до самого возвращения на Землю. Если мы его потеряем, арестованные выплеснут на нас свой гнев. Пусть наши люди

незаметно покинут общую спальню и соберутся в малом зале. Там я им кое-что сообщу. Скажи, что я на них не в обиде. Все в порядке.

Когда Харкорт отправился выполнять приказ, Горди почувствовал облегчение.

Затем он решил посмотреть, чем занят Лисби. Некоторое время он наблюдал за работой молодого техника. И огорченно вздохнул. Многое в Лисби ему нравилось, но интуиция подсказывала, что бывший капитан является его главным соперником. Он решил, что от него, как и от Хьюита, необходимо избавиться. Чуть позже. А сейчас…

Он связался с Лисби через интерком.

— Мистер Лисби, я передаю в ваше пользование офицерскую каюту номер три и отправляю туда вашу жену. Кого из офицеров следует освободить в данной сложной ситуации?

Он считал, что Лисби в курсе происходящего на корабле.

Лисби, у которого имелись собственные планы, сразу же ответил:

— Я бы не стал выпускать офицеров Брауна, сэр.

«Во всяком случае, пока я занят здесь бессмысленной работой», — подумал он, а вслух добавил:

— А поскольку вы не доверяете моим людям,

почему бы вам не выпустить мистера Тельера, чтобы он помог мне в работе над двигателем?

«И тогда мы сможем заняться более важными делами», — подумал Лисби. И почтительно закончил:

— Вот только я бы хотел уточнить: что вы имели в виду, когда говорили о сложной ситуации?

Горди рассказал о беспорядках, которые начались в общей спальне.

— Мы не можем допустить, чтобы Хьюит пришел к власти, — откровенно заявил Горди. — Как вы считаете?

— Согласен, — тут же ответил Лисби. — Я даже готов дать вам совет, если пожелаете.

— Я слушаю.

— Выступление Хьюита у многих породило надежду. Поэтому нам нужно взглянуть на Землю. Люди находятся в таком состоянии, что поверят только собственным глазам. А поскольку в ваших интересах продолжать полет, — Лисби остался доволен выбранной формулировкой, — вот что мы сделаем: без возражений примем предложение Хьюита — согласимся вернуться на Землю. И тогда напряжение спадет. А дальнейшее мы сможем обсудить позднее.

Искренность, с которой говорил Лисби, принес-

ла Горди большое облегчение. Он вновь пожалел, что не может оставить Лисби в живых — об этом и речи не шло. Слишком непростой стала ситуация на корабле. Сейчас не до милосердия.

Поскольку у Горди не было больше времени, он быстро сказал:

— Я передам в распоряжение мистера Тельера одну из кают на верхнем уровне и верну ему жену. И сделаю то, что вы предлагаете, как только поговорю со своими людьми.

Он выключил интерком и вскочил на ноги. К нему вновь вернулась уверенность. Горди направился в соседнюю комнату, где женщины приготовили ему завтрак. Он сразу же сообщил Энн Лисби, что она может вернуться к мужу.

К его удивлению, она расплакалась, и Горди понял, что она не желает уходить. Рут и Ильза проводили Энн в спальню, чтобы она собрала вещи.

Марианна принялась ругать мужа.

— Это нечестно! — неожиданно разрыдалась она, но в ее голосе слышался гнев. — Тебе не следовало отсылать Энн.

Поскольку Горди лишь делал ход в сложной игре, реакция жены его позабавила.

— Послушай, — сказал он, — Я возвращаю ее к

красивому мужу. Чего еще может желать женщина?

— А теперь ты говоришь глупости! — со слезами сказала Марианна.

Горди не мог продолжать беседу, у него не оставалось времени. Поэтому он так и не узнал, почему поступил глупо. Он решил, что сейчас не станет разбираться с плачущими женщинами: его уже ждали в малом зале.

32

«Интересно, — размышлял Лисби, — зачем Горди отправил меня в каюту? Неужели он хочет, чтобы я встретился с женой?»

Он решил никуда не ходить. Уж слишком легко запереть его в каюте так, чтобы никто об этом не узнал.

Получалось, что капитан Горди хочет нейтрализовать Лисби, пока ситуация в общей спальне не будет взята под контроль. А потом он решит, кого следует убить. Горди потребуется человек, который будет помогать ему управлять кораблем. Лисби вдруг понял, что для капитана безопаснее воспользоваться помощью Миллера или других офицеров Брауна. Миллер лучше подготовлен, кроме того, у него есть еще одно огромное пре-

имущество перед Лисби: он никогда не пытался стать капитаном. Так Лисби пришел к выводу, что Горди уже принял решение: у него самого и его сторонников нет шансов, они будут уничтожены.

Если удастся незаметно устранить Лисби и его приспешников, одновременно договорившись с Миллером, то одним мастерским ударом бывший маленький садовник избавится от всех конкурентов, кроме Эврила Хьюита.

…Пожалуй, сейчас, пока он в центре внимания, Хьюиту ничто не грозит… Судя по быстроте, с которой Горди согласился выпустить Тельера, капитан ужасно торопится…

В этот момент в машинное отделение вошел Тельер.

Друзья молча пожали друг другу руки. Лисби еще раз убедился в том, что за ними никто не следит, и со значением спросил:

— Ты готов?

Тельер потрясенно посмотрел на Лисби.

— Прямо сейчас?

— Сейчас.

— Но ты говорил, что мы находимся в одной сотой светового года от Земли. И все это время корабль продолжал лететь со скоростью света.

— К тому же тормозить челнок будет гораздо медленнее, чем корабль, — согласился Лисби. — Но у нас нет выбора.

— Понятно, — пробормотал Тельер. — А как насчет наших жен?

Лисби удивился. Он никак не ожидал услышать возражения подобного рода. Он схватил Тельера за руку.

— Мы не можем ждать!

Однако Тельер посмотрел ему в глаза.

— Я не хочу оставлять Лу.

— Она в любом случае тебя потеряет. Если ты останешься, тебя убьют…

— Она не поймет.

Такая тревога из-за женщины была непонятна Лисби.

— С каких это пор женщина стала что-то понимать? — раздраженно спросил он.

Слова Лисби показались Тельеру разумными, и он перестал спорить. Однако все еще колебался.

— Наверное, все дело в том, что я даже подумать не могу о том, чтобы покинуть корабль, — удрученно признался он. — Почему бы тебе не остаться и не попытаться сразиться с Горди при помощи твоих знаний?

— Потому что большая часть людей на корабле

поддерживает Горди.

— Его можно убить. В конце концов, он отнял у тебя корабль.

— Тогда мне придется сражаться с его сторонниками. Кроме того, если я его убью, на Земле меня могут отдать под суд. Я не хочу рисковать. Мне до смерти надоел космос.

— Неужели мы ничего не можем сделать против такого невежественного человека, как Горди? Ведь мы знаем, как работают механизмы корабля!

— Послушай! — нетерпеливо сказал Лисби. — Без поддержки мы ничего не сможем добиться. Мое восстание против Брауна получило почти всеобщее одобрение. Горди застал нас врасплох. Но люди почувствовали облегчение, когда Горди объявил, что мы возвращаемся на Землю. Они до сих пор не понимают, что он не может туда вернуться, но у нас нет времени им это объяснять. Новое восстание никто не поддержит…

— Получается, ты считаешь, что мысли и чувства толпы имеют какое-то значение.

— Когда люди знают, чего хотят, с ними невозможно бороться.

— Но тогда почему же они терпели столько лет?

— Потому что ничего не знали.

— Тогда они не отличаются умом.

— Верно. Но сейчас они мечтают вернуться на Землю, и их ничто не остановит. Я не хочу оказаться виноватым, когда человек, который не может вернуться — Горди, — попытается их удержать. Он очень хитер и подозрителен, но не понимает, что все стремятся вернуться на Землю. Он еще не убил нас потому, что рассчитывает использовать, но он покончит с нами, думая, что именно мы настраиваем против него толпу. Нам нельзя медлить, пошли!

Неожиданно выражение лица Тельера изменилось, и он вновь с восхищением посмотрел на Лисби. Схватив друга за руку, он воскликнул:

— Ты и в самом деле все продумал! Джон, ты просто чудо.

Он больше не колебался и решительно направился к двери.

— В конечном счете, если ты прав, — добавил Тельер, — они все равно вернутся на Землю, и я еще увижу Лу.

Как только они вышли в коридор, Лисби подтолкнул Тельера, и они побежали. Спустя несколько минут они уже устраивались в челноке, который Лисби заранее подготовил к вылету.

Как и другие спасательные шлюпки, челнок занимал отдельный отсек корабля. Они уселись в соседние кресла, и Лисби нажал на кнопку старта.

Внешний люк большого корабля начал медленно открываться. Одновременно распахнулся внутренний люк. Челнок выскользнул в шлюз, внутренняя дверь закрылась, и насосы начали быстро откачивать воздух.

Еще через минуту открылся внешний люк, и мощный механизм катапультировал челнок и двух друзей в открытый космос. После того как они по инерции пролетели несколько миль, Лисби включил главный двигатель, и сразу же началось торможение. Челнок моментально ушел в сторону, и очень скоро «Надежда человечества» превратилась в темное пятно на фоне звезд.

Лисби знал, что на пультах управления капитанского мостика и рубки замигали сигнальные датчики. Однако Лисби было очень хорошо известно, что никто из тех, кто может там находиться, не обратит на них внимания.

Тельер прервал молчание.

— Ты только взгляни на звезды, — тихо сказал он. — Похоже, мы вращаемся.

Взгляд Лисби обратился к показаниям ста-

билизирующих двигателей. Все в порядке. Он нахмурился и взглянул в иллюминатор. Вне всякого сомнения, происходило что-то непонятное. «Неподвижные» звезды перемещались.

Он положил руки на рычаги управления и слегка изменил курс. Маленький кораблик превосходно реагировал, сначала свернув вправо, а потом влево. Затем Лисби вновь включил автопилот. Челнок подчинялся любому приказу.

А звезды продолжали свое медленное вращение. За долгие годы, проведенные в космосе, Лисби ни разу не наблюдал такого явления. Более того, самым неприятным в длительном пребывании в космосе было то, что ничего никогда не менялось. Проходили долгие годы, и несколько «ближайших» звезд перемещались всего на пару градусов. Лишь в тех случаях, когда сам корабль начинал вращаться, звезды приходили в движение.

А теперь все звездное небо перемещалось прямо у них на глазах. Во всяком случае, возникало такое впечатление. Наблюдая за этим фантастическим явлением, Лисби заметил, что большая туманность и отдаленные созвездия остаются неподвижными.

Это доказывало, что звезды и в самом деле дви-

гались. Даже если туманность перемещалась с такой же скоростью, как ближайшие звезды, они не смогли бы это заметить. Уж слишком далеко находилась туманность. А если бы ее звезды начали перемещаться со скоростью нескольких десятков световых лет в секунду, они все равно ничего бы не увидели.

Таким образом Лисби окончательно убедился в том, что движение звезд не является плодом его воображения.

— Ну и как понять это явление? — смущенно спросил Лисби.

В голову ему приходило единственное объяснение: звезды действительно движутся относительно челнока.

Он не осмелился произнести эту мысль вслух.

Прошел час, потом два. Прошло много часов.

Впереди, в темноте, возникла звезда. Лисби решил, что это земное Солнце. Его встревожило, что звезда начала тускнеть прямо у них на глазах и, хотя они к ней приближались, ее размеры неуклонно уменьшались. Но еще больше Лисби смущал тот факт, что звезда продолжала медленно перемещаться. Ему периодически приходилось слегка сдвигать сканеры, чтобы удерживать ее в центре экрана.

Лисби был совершенно сбит с толку. Если верить показаниям приборов, они летели к Солнечной системе почти со скоростью света.

И все же Солнце удалялось, словно его скорость была еще выше.

Прямо на глазах у Лисби скорость движения звезд начала постепенно увеличиваться. Поскольку все они смещались в одном направлении, у него возникло ощущение хаоса.

С каждым мгновением картинка, разворачивающаяся перед ними, становилась все безумнее.

33

Горди пригласил Хьюита подняться вместе с ним на капитанский мостик.

Их сопровождали старшие офицеры Брауна — Миллер, Селвин и Миндель, а также несколько ученых. Среди них были Клайд Джозеф, глава астрономов, и его заместитель Макс Хук.

Чуть поодаль держались пятеро подручных Горди. Каждый из них был вооружен двумя бластерами.

Не меньше минуты вся компания молча наблюдала за вращающимися звездами, а потом Хьюит заметил, как засияли глаза главного астронома.

— Джентльмены! — с благоговением прогово-

рил он. — Мы стали свидетелями удивительного зрелища, люди и не мечтали увидеть подобное — во всяком случае, ни один астроном, который считает незыблемыми законы пространства-времени.

Тут только Джозеф обратил внимание на остальных людей, на напряжение в их позах — все они не сводили с него глаз. Он вопросительно посмотрел на Хьюита, а затем повернулся к Горди и сказал:

— Что вы хотите знать, капитан?

Горди издал сдавленный звук.

— Что происходит? — резко спросил он.

— Вселенная перемещается со скоростью миллионы световых лет в секунду.

Джозеф немного помолчал, словно только что сам осознал смысл сказанного. Должно быть, он впал в шоковое состояние, поскольку добавил:

— Надеюсь, вы дадите мне возможность тщательно изучить это уникальное явление.

Затем по выражению разгневанного лица Горди он сообразил, что капитан относится к происходящему иначе.

Джозеф оглядел молчащих людей, напряженно ожидающих его объяснений, и на его круглом лице отразилось понимание.

— Не тревожьтесь, джентльмены! Если вы опасаетесь, что звезды от нас убегут, вам не о чем беспокоиться. Этот процесс может продолжаться миллиард лет.

И вновь он замолчал. До Джозефа стало доходить, что все эти люди ждут от него совсем других слов.

Неожиданно Хьюит успокоился и дружелюбно сказал:

— Мистер Джозеф, число, которое вы назвали — миллионы световых лет, — показывает, что мы попали в беду, ведь мы всего лишь люди. Мне очень страшно. Увидим ли мы когда-нибудь Землю, и если да, то как? Вот что сейчас больше всего нас тревожит.

Джозеф продолжал удивленно моргать. Через несколько мгновений он смущенно ответил:

— Солнце удаляется от нас достаточно медленно. Я бы осмелился предположить, что речь идет не только о феномене изменения скоростей.

— Иными словами, — заговорил потрясенный Хьюит, — вы утверждаете, что речь идет о растяжении времени в невероятных пропорциях. Я не в силах даже представить себе данного процесса.

— Быть может, чем быстрее я начну свои исследования… — извиняющимся тоном проговорил

Джозеф.

— А где же планеты? — вскричал Горди, — Вот что мы хотим знать. Что произошло с Землей, Марсом, Венерой, Юпитером и… остальными? Их нет!

Сейчас его гораздо больше интересовал этот факт, чем скорость разбегания звезд. Земля являлась его главной целью. А в данный момент, в отличие от остальных, он совсем не спешил на нее попасть.

Однако он очень хотел, чтобы Земля оказалась на месте, когда они наконец туда прилетят.

И вновь в голосе Джозефа послышались извиняющиеся нотки.

— Вероятно, они на прежних местах, сэр, но вращаются вокруг Солнца с такой высокой скоростью, что мы попросту не в силах их заметить. Полагаю, если мы присмотримся повнимательнее, то увидим световые кольца. Мгновенно фиксирующие камеры наверняка сумеют получить изображение планет.

— Так сделайте снимки, — сквозь стиснутые зубы прошипел Горди. — Проклятье! Сделайте их и пришлите мне.

Через несколько часов Горди получил фотографии всех планет. Джозеф написал небольшую

сопроводительную записку:

«Дорогой капитан!

Солнечная система удаляется от нас под углом к направлению нашего движения. Этот угол возник в связи с тем, что система по-прежнему движется в направлении Овна, а мы приближаемся к ней с другой стороны.

Нам следует принять во внимание рассказ мистера Хьюита о том, как „Надежда человечества“ появилась в Солнечной системе, догнала Землю и вошла в атмосферу — при этом создалось впечатление, что корабль движется со скоростью нескольких миль в час. Однако „Надежда человечества“ перемещалась со скоростью, превышающей скорость света.

Теперь, когда мы начали торможение, Солнечная система стала от нас убегать. Таким образом, мы получили логическое объяснение происходящего.

Кроме того, создается впечатление, что после того, как мы вновь пересекли световой барьер, наше восприятие времени изменилось, но тем не менее для нас еще

не все потеряно.

Если мы не хотим упустить наше Солнце, я рекомендую увеличить скорость, после чего решить, что делать дальше.

Клайд Джозеф».

Горди нетерпеливо просмотрел фотографии. Он уже собрался отложить их в сторону, когда одна из них привлекла его внимание. Он вытащил ее из пачки и принялся рассматривать более внимательно.

Камера сфотографировала часть корпуса «Надежды человечества». На темном фоне сияли тысячи звезд. На обратной стороне фотографии было написано рукой Джозефа: «Вид на созвездие Овна, к которому перемещается Солнечная система».

Тут все было понятно.

Но в нижней части фотографии Горди заметил белое пятнышко — казалось, оно каким-то образом связано с корпусом корабля.

Вот что написал относительно этого феномена Джозеф на оборотной стороне фотографии: «Я не знаю, что это за объект. Возможно, часть пленки случайно засветилась. Однако я бы не стал утверждать наверняка, что мы имеем дело с дефектом

фотографии, — уж слишком необычными являются наши обстоятельства».

Горди также не сумел сделать никаких выводов. Поэтому он пожал плечами и отложил фотографию в сторону. От обилия непонятных научных гипотез у него кружилась голова. Однако Горди продолжал считать, что именно он должен оставаться капитаном и руководить исследованиями. Ученые будут ему отчитываться, а он решать, что делать и когда.

Он сказал Харкорту, принесшему фотографии:

— У нас полно научных мозгов, чтобы решить все проблемы.

И с легкостью отмахнулся от явления, не имевшего аналогов в истории человечества.

Впрочем, Горди получил именно ту информацию, которую хотел получить.

— Собери всех в большом зале советов, — приказал он. — И позаботься о том, чтобы наши парни были вооружены. Скажи им: если потребуется, они могут открывать огонь на поражение.

— Вы хотите собрать всех? — удивленно спросил Харкорт. — И даже тех, кто находится на нижней палубе?

— Всех. После обеда.

Всем собравшимся в большом зале показа-

ли увеличенные фотографии планет, а потом Джозеф объяснил, что все это значит. Когда он закончил, вперед выступил Горди.

— А теперь, друзья мои, — сказал он, — я поясню, что все это значит. Мы не сможем приземлиться до тех пор, пока не решим проблему, с которой столкнулись. Я обещаю вам, что наши лучшие ученые и инженеры приложат все силы для решения этой задачи, и, — он указал на Хьюита, который сидел в переднем ряду, — я не сомневаюсь, что мистер Хьюит окажет нам всяческую поддержку, ведь он превосходно знает наш корабль.

Он поманил к себе Хьюита и вежливо предложил:

— Вы не подниметесь ко мне, сэр?

Хьюит с мрачным видом поднялся на сцену. Его тревожила легкость, с которой Горди манипулировал собравшимися.

— Мистер Хьюит, — все так же вежливо продолжал Горди, — расскажите, пожалуйста, как вы попали на наш корабль?

Когда Хьюит закончил, Горди спросил:

— Как вы считаете, нельзя ли воспользоваться вашим методом в обратном направлении и доставить всех нас на Землю?

Если такая возможность и существовала, то Хьюит не собирался о ней рассказывать — у него были совсем другие планы.

— Поскольку мы до сих пор не знаем, что произошло на самом деле, я отвечу вам отрицательно. Я пытался представить параметры пространства-времени в тот момент, когда поднялся на борт «Надежды человечества», — ну, например, каковы физические и химические законы, действующие на меня и на корабль. И не сумел получить удовлетворительного ответа. Я согласен с мистером Джозефом, который предлагает пуститься в погоню за Солнечной системой, а все решения принимать, когда наступит какая-то ясность.

Горди выступил вперед и оказался рядом с Хьюитом. Он улыбался. Но его охватила тревога. И, хотя он не видел никакого вреда в предложении Джозефа и Хьюита, он вдруг вновь заподозрил зреющий заговор. Тот факт, что Джозеф и Хьюит сошлись в своих рекомендациях, показался Горди важным и зловещим. У него возникло ощущение, что ученым известно много больше, чем они говорят.

Но сейчас ему ничего не оставалось, как согласиться.

— Я назначаю мистера Хьюита и мистера Миллера ответственными за разгон корабля. Мы отправляемся в погоню за Солнечной системой.

Он повернулся к Хьюиту и небрежно спросил:

— Кстати, как идут дела у мистера Лисби? Он закончил починку двигателей?

Хьюит уже успел осмотреть двигатели и понять, чем занимался Лисби.

— Пока удалось снять приборную панель, но к началу периода сна все работы будут закончены.

— Тогда действуйте! — напутствовал Горди и объявил, что собрание закончено.

Вернувшись в свою каюту, Горди уселся в любимое кресло и с мрачным удовлетворением сказал Харкорту:

— А теперь пришла пора избавиться от Хьюита. Он пытался заручиться всеобщей поддержкой, но у него ничего не вышло.

Прежние подозрения успели превратиться в уверенность.

— С тех пор, как сбежал Лисби, он остается единственным источником опасности.

Мысль о Лисби заставила его покачать головой.

— У Лисби есть голова на плечах. Он разгадал мои намерения. Но я даже рад, что ему удалось

унести ноги — если, конечно, он не потерялся в этой вращающейся Вселенной. — Он сменил тему: — На, выпей!

Пока Горди беседовал с Харкортом, Ильза разливала вино. Он обращал на нее внимания не больше, чем на предмет мебели. Горди и сам не заметил, когда изменилось его отношение к женщинам. Все чаще и чаще он вел себя так, словно их мнение не имело ни малейшего значения.

— Смерть Хьюита должна выглядеть как несчастный случай, — продолжал он, игнорируя Ильзу. — Но нам нельзя терять времени. Разберись с ним до наступления утра. Лучше всего представить дело так, будто в его машине произошло короткое замыкание и она взорвалась.

— Мне будет довольно трудно провернуть это дельце, — с сомнением пробормотал Харкорт.

— Не будь дураком, — презрительно бросил Горди. — Не имеет значения, как все будет проделано, важно найти лазейку. Нужно просто смутить этих болванов, больше ничего не требуется. А если кто-нибудь станет задавать вопросы, его всегда можно запугать.

Однако Харкорт только угрюмо качал головой. Горди нахмурился.

— Послушай, — решительно сказал он, — нам

необходимо покончить с Хьюитом. И не спорь со мной!

— Я не спорю, босс, — запротестовал Харкорт. — Я лишь размышляю о том, как это сделать. Поскольку вы не отобрали его капсулу, никому не известно, что в ней. Я попробую ее взорвать, но еще не знаю, каким способом.

— Я оставил ему капсулу, потому что не хотел вызывать у него подозрений.

— Вот что я сделаю, — увереннее заговорил Харкорт. — Переговорю с парочкой парней, а потом спущусь в машинное отделение, когда Миллер и Хьюит начнут торможение. И с этого момента буду все время оставаться рядом с Хьюитом. Я последую за ним в его каюту. В коридоре ко мне присоединятся наши ребята. А ближе к утру мы проберемся внутрь и займемся им вплотную. Как, подойдет?

— Звучит неплохо, — сказал Горди.

В этот момент женщина выскользнула из комнаты. Тут только Горди вспомнил о ее существовании.

— Как только мы избавимся от Хьюита, я возьму себе этих женщин. Жену Лисби мне уже вернули. Поскольку она с самого начала не хотела уходить, я решил возвратить ей статус жены капитана.

Если она сама так хочет, я не против.

Он бросил циничный взгляд на своего подручного.

— А теперь слушай меня внимательно. Я решил позволить нашим парням взять вторую жену. Пусть каждый выберет себе несколько кандидаток и придет ко мне. И мы вместе решим, кто кому подходит. Я запрещаю трогать жен тех мужчин, которые нам необходимы, кроме того, у нас могут возникнуть проблемы, если кто-то захочет заполучить совсем молодую девочку. Но пока это секрет.

Глаза Харкорта заблестели.

— Могу я взять жену Тельера?

— Завтра ты ее получишь, — небрежно сказал Горди. — А теперь вперед!

И воодушевленный Харкорт помчался выполнять приказ.

34

Как ни странно, Хьюит довольно быстро нашел общий язык с Миллером. Совместная работа позволила им преодолеть неприязнь друг к другу, возникшую в первый момент.

Они с огромным интересом изучили удивительные изменения, которые сделал Дзинг в

ускорителе частиц.

Их поразила простота метода перемещения частиц при помощи изменения угла наклона антигравитационных пластин.

Теперь генератор антигравитации был теоретически способен компенсировать ускорение чуть ли не в сотни или даже тысячи *g*.

Однако это открытие вызвало у них не только восхищение, но и страх: они понимали, что с такими могучими силами следует обращаться осторожно.

Они аккуратно повторили тесты, сделанные ранее Лисби, постепенно увеличивая ускорение до 12 *g* — естественно, 11 *g* мгновенно компенсировались. Глаза у них блестели — так надежно функционировала вся система; а когда работа была закончена, они почти дружески пожали друг другу руки.

Миллер заявил, что ему необходимо доложить о результатах Горди, и удалился. Из-за присутствия Харкорта Хьюит не стал сразу же покидать машинное отделение. Интуиция подсказывала, что ему следует ждать от этого человека неприятностей.

Первым делом он незаметно засунул в карман небольшой гаечный ключ. Затем, делая вид, что

изучает панели, снятые Лисби, вытащил маленький сосуд с редким ядовитым газом и сунул в другой карман. В случае опасности он успеет бросить его под ноги Харкорта, яд вызовет спазмы, и он воспользуется гаечным ключом.

Ничего лучшего Хьюит придумать не смог.

Затем он отправился в офицерскую каюту, которую ему предоставил Горди. Хьюит заметил, что Харкорт на некотором расстоянии следует за ним.

Тогда он остановился и решил его дождаться. Когда тот поравнялся с ним, Хьюит спросил:

— Почему бы нам не идти вместе?

Харкорт пробормотал что-то невнятное, однако возражать не стал, и они зашагали рядом. Наконец они подошли к каюте Хьюита, и тот отпер дверь, чувствуя, что Харкорт стоит у него за спиной.

— Я могу чем-нибудь вам помочь? — вежливо спросил Хьюит.

Харкорт сделал вид, что ему нечего скрывать.

— Я должен за вами присматривать, мистер Хьюит, чтобы у вас не возникло неприятностей. Я буду в одной из соседних кают и оставлю дверь открытой. Если что, сразу же зовите меня. Договорились?

Все выглядело вполне нормально, но Хьюит вошел в свою каюту с неприятным чувством. Он понимал, что нужно что- то делать.

В его голове возникал один дикий план за другим. Пожалуй, лучше всего забраться в танк-скафандр и выехать в коридор. Если Харкорт попытается в него стрелять, он просто его раздавит.

Скафандр выдержит выстрел в упор из любого оружия.

Приняв решение, он двинулся в сторону второй спальни, где находился скафандр, — и замер на месте.

Он услышал негромкий звук, который доносился из его спальни!

Хьюит схватился за гаечный ключ, но тут же облегченно вздохнул, когда увидел, что из спальни выходит Рут. Она прижала палец к губам, заставив его подавить удивленное восклицание.

Рут шепотом рассказала ему, что Ильза подслушала план его убийства.

— Если уж выбирать, то я выбираю вас! — сказала она в заключение.

Хьюит, чей разум уже начал искать выход из создавшегося положения, заставил себя обратить внимание на Рут. Она сказала, что сделала свой

выбор!

Он пришел в замешательство. С его стороны это был лишь ход в сложной игре. Хьюит всегда верил в моногамию. Он внимательно посмотрел на Рут. Ее щеки раскраснелись, она избегала смотреть ему в глаза — нет, для нее и остальных женщин это не игра.

— Я знала, что должна попасть сюда до того, как вы с Харкортом вернетесь. Так что теперь вам придется придумать, что со мной делать дальше… И еще я принесла это!

Она засунула руку в складки платья, вытащила маленький бластер и протянула его Хьюиту, который с благодарностью принял оружие. Теперь, когда он зажал рукоять в ладони, страх немного отступил.

Пожалуй, стоит изменить план.

Хьюит быстро объяснил Рут, что ей следует делать: спрятаться в его спальне, подождать, когда они с Харкортом войдут в соседнюю комнату, после чего выскользнуть в коридор.

— И не забудь снять туфли, — предупредил Хьюит, — чтобы двигаться бесшумно…

Она послушно направилась к спальне, но перед дверью остановилась. Смущенно посмотрев на него, Рут тихо спросила:

— Меня выбрали?

К горлу Хьюита подкатил комок. «Это космос так повлиял на женщин, — подумал он. — Ужасающая пустота космоса сделала их уязвимыми, лишила уверенности в себе». Он интуитивно догадался, что слов сейчас будет недостаточно. Рут необходимо приласкать. Он подошел к ней, взял за руку, коснулся плеча.

— Да, ты выбрана, — тихо произнес он.

На красивом лице выразилось облегчение. Рут моментально успокоилась и стала прежней практичной женщиной.

— Мне лучше уйти! — сказала она, а потом посмотрела ему в глаза. — С вами все будет в порядке?

Хьюит отпустил ее руку.

— Я постараюсь, чтобы все кончилось хорошо, — ответил он. — Встретимся позже.

— Мы будем тебя ждать! — прошептала Рут, быстро скрылась в спальне и закрыла за собой дверь, оставив маленькую щелочку.

Хьюит положил бластер и гаечный ключ в карман и открыл дверь в коридор. Затем он высунулся наружу и позвал Харкорта, сидевшего в одной из соседних кают за приоткрытой дверью.

— Вы не могли бы мне помочь, мистер Хар-

корт? — позвал Хьюит.

Харкорт встал на ноги и, тяжело ступая, подошел к Хьюиту.

— Что я должен сделать?

— Мне нужно кое-что наладить в моей машине.

— Вы куда-то собираетесь? — спросил Харкорт и неуверенно подошел к каюте Хьюита.

Харкорт не умел спонтанно менять планы. По просьбе Хьюита он зашел в пустую спальню.

— Эй! — воскликнул он, увидев бластер, который навел на него Хьюит.

Лицо Харкорта исказилось от ужаса, и он медленно поднял руки.

Через несколько минут Хьюит уже мчался на своем маленьком танке — он очень торопился.

35

Взволнованный Лисби разбудил Тельера.

— Эй! Я понял истинную природу Вселенной.

Худощавое умное лицо его друга слегка оживилось, бесцветная кожа перестала быть мертвенно-бледной.

— Как ты сказал?

Когда Тельер, потирая глаза, сел, Лисби повторил свои слова, а потом добавил:

— Теперь мы можем сделать все, что пожелаем: сесть на Землю, захватить корабль… все, что душе угодно.

Тельер покраснел.

— Ради бога, Джон, — прошептал он, — ты серьезно? Ты же знаешь, с каким уважением я всегда относился к твоим идеям.

— Послушай, — нетерпеливо повторил Лисби. — Во-первых, мы кое-что видели сами или слышали точное описание…

И он обратил внимание Тельера на отдельные аспекты их путешествия, связанные с физикой пространства: исходная невозможность разгона частиц до скорости света, открытие при помощи карнов правильной модели…

— А еще история, рассказанная Хьюитом, — заявил в заключение Лисби, — о прибытии «Надежды человечества» в Солнечную систему в необычном состоянии пространства-времени, которое, как выяснилось, означало, что корабль перемещался в собственном пространстве со скоростью, превышающей скорость света. Наконец, когда корабль начал тормозить и его скорость стала равна скорости света, Хьюит неосмотрительно перешел в мир корабля…

Лисби немного помолчал.

— Таковы факты, верно? — резко спросил он.

Тельер кивнул, не сводя горящих глаз с друга.

— На самом деле, это еще не все, — продолжал Лисби. — Например, время и давление сжались в отношении девятьсот семьдесят три к одному. Но снаружи корабль по-прежнему сохранял свою прежнюю форму. А размеры коридора уменьшились лишь в три раза. Теперь я все понимаю.

— А нам какая от этого польза?

— Посмотри! — воскликнул Лисби.

И пропал.

Исчез внутри крошечного челнока, находящегося среди бескрайних просторов космоса… Тельер принялся судорожно озираться, а потом услышал шум у себя за спиной и обернулся. Там стоял Лисби с торжествующей улыбкой на счастливом лице.

Однако улыбка тут же исчезла, и Лисби помрачнел.

— Мы возвращаемся на корабль! — воскликнул Лисби.

— Зачем? — удивился Тельер.

Стальные глаза посмотрели на него.

— За твоей женой — и за моей… Чтобы проследить за посадкой корабля… Мы об этом не думали, ведь речь шла о жизни и смерти. Но теперь все

изменилось.

Тельер благодарно сжал его руку.

— Ты настоящий друг! — сказал он. — Но ради бога, расскажи мне, что тебе удалось открыть.

— Прежде стартуем, — сказал Лисби. Он повернулся к панели управления и продолжал: — Теоретически мы можем оказаться там уже в следующее мгновение. Машина может. Но вспомни, что произошло с Хьюитом: у него возникло ощущение, что его сжимают. Человеческие клетки не могут долго выдерживать сжатие. Поэтому мы должны принять постулат, что жизни требуется время.

— Но…

— Вселенная есть фикция, — через несколько мгновений сказал Лисби. — Вот в чем ее тайна! Послушай…

И он описал субъективное пространство, по существу состоящее из уровней движения. В этой Вселенной жизнь началась с того, что вцепилась в частицы мертвой материи. И со своего не слишком надежного наблюдательного пункта, подобно жуку, попавшему в водоворот и ухватившемуся за соломинку, она созерцала себя и вселенную.

Она осторожно исследовала могучие потоки

движения, заключая себя в герметичные контейнеры, чтобы иметь возможность противостоять энергии на нижних уровнях, верхних уровнях и на сверхсветовых скоростях.

Здесь, в среде бесконечного расширения и нулевых величин, мы имеем дело с нормальными пространством и временем. «Ниже» находится мрак остановки движения и мертвой материи. «Выше» — бесконечный, лишенный времени свет вечности.

Когда жизнь в герметичных контейнерах — космических кораблях — пересекает разделяющую границу и попадает в состояние нормы, барьеры исчезают. Как если бы человек выполз из темного колодца и оказался на лугу, а над головой у него — голубое небо. Законы, управляющие лугом, отличаются от законов колодца, хотя и имеют нечто общее с ними.

— Теоретически, — продолжал свои откровения Лисби, — мы можем мгновенно перейти от состояния покоя к движению со скоростью, в миллионы раз превышающей скорость света. Но, как я уже говорил, с практической точки зрения внутреннее движение клеток слегка нас тормозит. На некотором уровне мы испытываем страх, хватаемся за перила и держимся изо всех сил.

Я намерен с уважением отнестись к чувствам наших клеток, — добавил Лисби, — и продолжать движение осторожно.

Тельер с недоумением уставился на Лисби.

— Я не понял, — признался он. — Ладно, я готов согласиться, что состояние пространства-времени за пределами скорости света является нормой. Да, я там побывал. Но со мной не произошло ничего такого, о чем я мог бы рассказать.

— Все дело в том, что ты все время сохранял неподвижность, — ответил Лисби. — И не был настроен на посадочное устройство, которое управляется мысленными импульсами.

Тельер безучастно посмотрел на него.

— Неужели ты хочешь сказать, что все это время связь сохранялась? — выпалил он после некоторой паузы.

— Нет. Но как только меня допустили к двигателю, я сразу же восстановил контакт.

Лисби объяснил Тельеру, что перед тем, как покинуть корабль, он постарался принять меры предосторожности. И почти сразу же сообразил, что посадочный механизм челнока, которым можно управлять с капитанского мостика «Надежды человечества», позволит им — если потребуется — управлять большим кораблем,

находясь в челноке.

— Я всего лишь пытался предвидеть все варианты развития событий, — признался Лисби. — Представил себе, что Миллеру приказали нас догнать, поэтому сделал так, чтобы в решающий момент перехватить управление. Ничего другого мне в голову не пришло. Ну а все остальное я придумал, когда вспоминал, что произошло с Дзингом.

— Разве он не взорвался?

— Да, так выглядело.

— Но в коридоре все было изуродовано, взрыв разнес его на мелкие осколки, практически лишенные массы.

— А тебе это не показалось странным? — слабая улыбка Лисби получилась напряженной.

— Ну… — Тельер недоуменно пожал плечами.

Глядя в лицо своего друга, Лисби вдруг понял, как трудно человеку отойти от привычных стандартов мышления. Вероятно, его мозг обрел такую способность из-за того, что сам Лисби находился под постоянным контролем со стороны семейства Браунов. Его вечно подстегивали страх, ярость, зависть, уверенность в собственной правоте… Общая картина вдруг предстала перед ним в удивительно четком свете.

А Тельеру все приходилось объяснять — шаг за шагом.

Лисби впервые испытал сомнения. Быть может, не следует ничего рассказывать Тельеру. Он встал, пытаясь принять окончательное решение.

Осталось поделиться фантастической, но удивительно простой мыслью, тесно связанной с базовой структурой Вселенной — и вполне объяснимой. Когда Лисби активизировал систему самоликвидации Дзинга, он уничтожил робота. В качестве доказательства остались иссеченные осколками стены, потолок и пол коридора. Но карн находился в состоянии нормы, когда это произошло.

Дзинг все время существовал вне пространственно-временных ограничений «Надежды человечества». На робота не действовало ускорение в 4 *g*. Еще одним важнейшим фактом являлись почти невесомые осколки тела робота, что очень хорошо соответствовало природе материи, разогнавшейся до световой скорости, о которой говорил Браун. Иными словами, теория сжатия Лоренца — Фицджеральда в полной мере применима к данной ситуации.

Поэтому, пока Тельер спал, Лисби засунул руку в карман и включил кнопку посадочного

механизма, позволив его энергии усилить свой разум.

В тот же миг Лисби перешел в нормальное состояние Вселенной — за барьером световой скорости. Благодаря открытию Хьюита он сразу же установил соотношение времени 973:1. Лисби решил, что клетки человеческого тела — возможно, всех тел — при таких показателях находятся в состоянии равновесия. Ему совсем не хотелось вступать в противоречие с естественными законами, пока эксперимент не будет тщательно подготовлен.

В миг наивысшего восторга ему захотелось разбудить Тельера и рассказать ему о своем великом открытии, но теперь, когда возбуждение спало, он передумал.

Лисби повернулся, посмотрел на друга и спокойно сказал:

— Арманд, я вижу, тебе необходимо время, чтобы осмыслить новую информацию.

Тельер ничего не ответил. Момент восторга прошел, и в поведении Лисби появилась знакомая жесткость, которая его всегда удивляла. Тельер вдруг понял, что его друг, несмотря на множество привлекательных качеств, по сути своей диктатор… и ничего хорошего в этом нет.

— Остальное я расскажу тебе позднее, — дружелюбно пообещал Лисби.

Но так ничего и не рассказал Тельеру.

36

В глазах Горди что-то вспыхнуло. Он пошевелился во сне и проснулся.

Его спальня была ярко освещена. Он заморгал и, как только глаза привыкли к свету, увидел Хьюита и полдюжины людей, одетых в форму… Горди не поверил своим глазам. Он узнал серо-голубой цвет, знакомый ему по старым фильмам.

Космический патруль!

Один из людей в форме, немолодой мужчина с суровым лицом, сказал баритоном:

— Мистер Горди, вы арестованы и немедленно покинете корабль.

Двое других мужчин в форме шагнули к нему, и через мгновение Горди ощутил на запястьях холод металла. Наручники защелкнулись.

Горди удалось сесть. Он мучительно старался стряхнуть остатки сна. Потом он посмотрел на блестящий металл наручников, и ему показалось, что ему снится кошмар.

Человек в форме обратился к Марианне:

— Если пожелаете, вы можете сопровождать

вашего мужа на Землю, миссис Горди.

— Нет. Нет-нет… — ее голос прозвучал высоко и неестественно. — Я останусь здесь…

— Это ваше право, мадам. Мистер Хьюит решил, что путешествие будет продолжаться. Вы одна из немногих, кому позволено остаться на корабле.

Сильные руки заставили Горди встать.

— Пошли! — приказал кто-то.

Горди начал сопротивляться.

— Эй! — возмутился он, пытаясь вырваться.

Человек с суровым лицом сделал небрежный жест мужчинам, которые держали Горди, они молча подняли его и вынесли из спальни в гостиную.

На пороге второй спальни Горди увидел трех остальных женщин — Рут, Ильзу и Энн, — все они были в ночных рубашках. К ним подошла женщина в форме космического патруля и сказала:

— Прошу вас одеться, леди!

Рут кивнула и увлекла остальных обратно в спальню. Дверь за ними закрылась.

Теперь Горди заметил еще двух мужчин в форме, стоявших у двери, ведущей в коридор. Они отступили в сторону. И тут же в каюту вошли Харкорт и еще один человек Горди в сопровождении четверых патрульных. Подручные Горди

были скованы наручниками друг с другом. Оба выглядели ошеломленными и сначала даже не заметили Горди.

Патрульные о чем-то тихо переговорили с Хьюитом и вышли.

В течение следующего часа все восемнадцать людей Горди были арестованы и приведены в каюту капитана. Когда их собрали вместе, Хьюит попросил патрульных отойти и обратился к арестованным.

— Фотография с пятнышком в углу стала ключом, — начал он. — Я с самого начала понял, что пятно появилось не случайно. Когда я изучил его увеличенное изображение, в чем мне любезно помог астроном Джозеф, то увидел, что это секция земного спасательного корабля «Молли Д». Как только я открыл шлюз и вышел наружу, мои предположения подтвердились.

Хьюит немного помолчал, с довольным видом глядя на арестованных.

— У нас нет научного объяснения двойственной природы пространства-времени, — продолжал Хьюит. — В нашей ситуации имеется несколько удивительных обстоятельств. К примеру, когда я вчера стоял на мостике «Надежды человечества», нам всем казалось, что Солнечная система нахо-

дится на расстоянии множества квадриллионов миль. Однако наблюдения из бортового иллюминатора «Молли Д» показывали, что мы все еще в пределах Солнечной системы. Более того, я видел Землю, и она выглядела совершенно нормально. Итак, мы можем сделать вывод, что некоторые из существ, с которыми вы встречались в космосе, сумели решить задачу пространства-времени. Нам очевидно, что «Надежда человечества» должна оставаться в космосе до тех пор, пока человечество не откроет для себя эти законы. Несколько ведущих ученых Земли согласились перейти к нам на борт, чтобы оказать необходимую помощь. Мы также можем рассчитывать на участие в экспериментах других специалистов и экспертов. Естественно, для поддержания порядка на корабле останется подразделение космического патруля. Некоторые солдаты и офицеры прибудут на борт «Надежды человечества» вместе с семьями. Как только все они поднимутся на борт, «Молли Д» улетит и мы вновь останемся одни. Что касается вас…

Хьюит сделал паузу, чтобы убедиться в том, что его слушают внимательно.

— Насколько мне известно, никому из вас не будет предъявлено обвинений. Ученые изучат

историю корабля как новое социальное явление. Но мы не хотим, чтобы вы здесь оставались.

Хьюит повернулся к офицеру патруля.

— Пожалуй, я закончил, — сказал он.

После того как Горди и его соратников вывели из капитанской каюты, Хьюит вошел в спальню, где его ждали успевшие одеться женщины.

— Успокойтесь, — сказал он. — Все будет хорошо. Почему бы вам не позавтракать? А у меня еще много дел.

Не пускаясь в дальнейшие объяснения, Хьюит вышел из каюты. Он предвидел, что женщинам понадобится время, чтобы привыкнуть к изменившейся ситуации. Впрочем, такая же проблема возникнет и у многих других.

В течение всего переходного периода Хьюит не появлялся в капитанской каюте… На восьмой день прибыл патрульный катер с первой партией новых пассажиров.

Среди них был и внушающий восхищение Питер Линден.

— Молодой человек, — сказал он Хьюиту, сохраняя серьезное выражение лица, хотя в его глазах плясали чертики, — возникшие многочисленные сюрпризы пространственно-временного характера заставили меня наконец взглянуть

на математические труды Джона Лисби Первого. Я сообщил Объединенному правительству Запада, что его теории и выводы потрясли меня до глубины души, и я полагаю, что с Солнечной системой может что-то случиться. Возможно, Солнце и в самом деле ждут изменения. Кстати, как звучит фраза, над которой так часто смеялись в последние годы? «Некоторые аспекты переменных звезд»? Нам нужно что-то делать по этому поводу.

Хьюит, который долгие годы страдал из-за того, что никто его не понимал, а его теории поднимали на смех, ничего не ответил. К тому же у него не было простого решения.

37

Лисби и Тельер почти мгновенно вернулись на «Надежду человечества». Лисби перешел во временной режим 973:1, поэтому их появления никто не заметил.

Когда челнок подошел к шлюзу, Лисби вернулся в корабельное время. Он намеревался быстро попасть внутрь, что и было сделано. Но теперь он нервничал. Как только челнок занял свое место в ангаре, Лисби открыл шлюз и выбрался наружу — однако он вновь перешел в другой масштаб

времени.

И сразу же направился на капитанский мостик, прихватив с собой инструмент, позволяющий ускорять время. Первым делом он переключил тумблер, показывающий, что челнок занял свое место в ангаре.

Затем он направился в каюту Тельера и в буквальном смысле материализовался перед его женой. Ему пришлось потратить некоторое время, чтобы объяснить, чего он хочет.

Женщина долго не могла прийти в себя. Она то закрывала свои серые глаза, то снова открывала их, смотрела на Лисби, но была не в состоянии поверить в его появление. И все время повторяла, что скучает по мужу.

В итоге она немного успокоилась и уже спустя несколько минут принялась возбужденно рассказывать о появлении незнакомцев. Тут Лисби заинтересовался, решив расспросить ее подробнее. Впрочем, он подумал, что это может подождать.

Наконец она закончила свой сбивчивый рассказ, несмело улыбнулась и спросила:

— Так что мне делать?

Он хотел, чтобы она собрала свои вещи и вместе с ним отправилась к челноку.

Это заняло некоторое время. Вскоре Лисби отвел ее в челнок, к мужу. Оставив супругов Тельер вдвоем, Лисби вернулся, чтобы осмотреть корабль, и увидел вновь прибывших. Он решил, что должен понаблюдать за ними — Лу Тельер так и не смогла толково объяснить ему, кто они такие.

…Офицеры космического патруля и штатские.

Лисби проследил их путь до «Молли Д» и попытался понять, что происходит на корабле. И довольно быстро догадался, что «Надежда человечества» готовится к новому путешествию: вновь прибывшие занимали каюты, несколько семей привезли с собой вещи.

Спрятавшись в пустом контейнере, Лисби на одном из катеров «Молли Д» спустился на Землю.

И вот он на поверхности планеты, двумя ногами стоит на настоящей земле. Большую часть первого дня он в режиме обычного времени бродил по улицам, наблюдал за движением транспорта, читал газеты. Перейдя в режим быстрого времени, он зашел в банк, где клерк работал с наличными деньгами. Лисби взял тысячу долларов и спокойно удалился. Пройдут месяцы, прежде чем кто-нибудь обнаружит пропажу.

Он вернулся в режим обычного времени, снял номер в роскошном отеле, насладился неверо-

ятно вкусным ужином. Позднее в баре отеля он познакомился с хорошенькой молодой женщиной, которая также остановилась в отеле. Вечером они поднялись в его номер. В течение нескольких часов он слушал ее болтовню, стараясь осмыслить реалии этого мира. Утром они вместе позавтракали, и Лисби сделал ей дорогой подарок. После чего они расстались.

В утренних газетах было написано, что Горди арестован.

Лисби с волнением прочитал отчет. Было решено, что космический патруль станет следить за порядком в течение всего путешествия, даже если оно займет пять поколений. Как бы долго ни продолжался полет, экипаж должен принять «естественный» — именно это слово было использовано в статье — порядок власти на корабле. Любое нарушение закона будет караться в полном соответствии с земными законами.

В результате Лисби сделал вывод, что его восстание может считаться нарушением закона. А вот переход власти к Брауну со стороны выглядит почти естественно.

Неожиданно у Лисби появился выбор: остаться на Земле и жить тихо, не привлекая к себе внимания… или вернуться на корабль, отобрать его

у Хьюита и продолжить путешествие…

Поскольку человеку, обладающему информацией огромной важности, нет никакого смысла оставлять ее при себе, первый вариант не имел ни малейшего смысла.

Но окончательное решение Лисби принял после того, как несколько газет напечатали выводы Питера Линдена, поддержавшего теорию изменения Солнца, выдвинутую Джоном Лисби I. Линден сформулировал свое заключение очень аккуратно. Он предсказал, что у людей остается достаточно времени, чтобы проанализировать все возможности и подготовиться к худшему.

Лисби, читавший научные труды в файлах корабля, вспомнил, что его прапрадед предсказывал, что изменения начнутся — если Лисби все правильно запомнил — в промежуток от шести до десяти лет после старта «Надежды человечества».

Сделав элементарные подсчеты, Лисби с беспокойством обнаружил, что этот период уже начался!

Он переключился на супервремя и направился в тюрьму, чтобы побеседовать с Горди. После того как прошел первый шок — Лисби материализовался посреди камеры, — они поговорили.

…И вот до чего договорились: они вновь возьмут контроль над кораблем в свои руки! Лисби будет капитаном, а Горди его первым помощником. Для Лисби это было опасным, но необходимым компромиссом. Один человек не способен захватить корабль и удерживать власть.

Лисби перевел Горди и его соратников в быстрое время, и они, предварительно опорожнив несколько контейнеров, где они спрятались, сели на катер, возвращающийся на «Молли Д». Когда катер стартовал, на его борту находилось два десятка безбилетных пассажиров.

Лисби был слишком занят подготовкой к старту и не успел прочитать вечерние газеты, в которых напечатали протест Хьюита против ареста Горди. Газеты его поддержали. Вскоре после полуночи собрался Космический совет. Было принято решение вернуться к судьбе Горди и его сторонников через неделю.

Но оказалось уже слишком поздно.

Возвратившись на «Надежду человечества», Лисби устроил Горди и его людей на складе, где находилось оборудование, необходимое при высадке на другие планеты, куда редко наведывалась команда. Было решено, что вся группа будет вести себя тихо до тех пор, пока «Молли

Д» и катера космического патруля не отойдут от «Надежды человечества».

Лисби не составило особого труда отсоединить сканирующие устройства, предназначенные для наблюдения за складами. Потом он принес продукты и все необходимое для жизни: складные койки, одеяла, игры и книги — на борт доставили сто тысяч новых книг.

Находясь среди людей Горди, Лисби прислушивался к их грубым шуткам, и ему становилось не по себе. Но всякий раз он прогонял сомнения прочь, поскольку другого выхода не существовало.

Лисби не видел разницы между решением Космического совета арестовать и судить Горди за убийство и решением Горди убить двух техников и ученого. Своими действиями Космический совет рассчитывал заставить будущих космических путешественников подчиниться новому командованию. А Горди хотел напугать всех, кто противился его желанию занять пост капитана.

«Никакой разницы!» — так рассуждал Джон Лисби V. И желваки на его челюстях перекатывались — он был полон решимости довести свой план до конца.

Дожидаясь, когда «Молли Д» вернется на Землю,

Лисби наблюдал за происходящим на корабле.

Многое изменилось. На борту появились ученые. Психологи читали лекции. Социологи исследовали историю корабля, стараясь сделать выводы на будущее. Военный порядок, навязанный в самый последний момент перед началом экспедиции, был заменен на систему, которую выработали ученые без участия военных.

Спрятавшись на балконе, выходящем в зал советов, Лисби выслушал лекцию Хьюита о различиях между научным подходом и другими системами. Среди прочего Хьюит сказал:

— Ученые — удивительное племя. С одной стороны, они чрезвычайно консервативны. Но внутри своего сообщества группа ученых олицетворяет правду, честность, чуткость и восприимчивость высочайшего уровня…

Он сравнивал невероятные трудности, с которыми столкнулся, когда пытался привлечь к участию в первой экспедиции лучших ученых, и ту легкость, с которой они соглашались принять участие во второй. И вот в чем причина: корабль, вернувшийся после столетнего путешествия, был просто напичкан нерешенными загадками. И все они вызывали огромный интерес ученых…

Лисби имел возможность наблюдать за тем,

какие результаты принес энтузиазм нового командования. Все законы систематизированы. Возникла полиция и судебная система. Капитан — да, Хьюит, — но он стал лишь управляющим, в чьи обязанности входит следить за исполнением закона.

Введена единая и равная система образования во главе с административным советом и учителями с личными правами и привилегиями…

На следующий день Хьюит объяснял аудитории, почему только на корабле возможна такая совершенная система. Внешние силы и технологии, альтруистические с научной точки зрения, могут быть привнесены в замкнутый мир «Надежды человечества», где за короткое время вполне реально навести образцовый порядок.

Хьюит сказал, что среди разных народов, населяющих Землю, нет такой альтруистичной внешней силы. Победители в войнах, мотивированные ненавистью и необходимостью всеобщего контроля, унижают, обирают и наказывают проигравшую нацию — других внешних сил человечество не знает. Побежденные понимают, что такова их судьба, и терпят притеснения из страха, основанного на ненависти. Они ждут своего шанса, который обязательно появляется

по молчаливому согласию международных сил.

Сначала Лисби решил, что Хьюит очень наивен.

Казалось, он не понимает, что обитатели корабля, легко принявшие свои права, уже начали роптать из-за обязанностей.

Хьюит не замечал, что мужчины возмущены поведением новичков, которые всячески показывали, что на корабле неправильно обращались с женщинами.

Затем Лисби предположил, что Хьюит лишь делает вид, что ему ничего не известно, и его поведение является ловкой игрой, новым способом завоевания и удержания власти.

Наконец «Молли Д» улетела.

Для Лисби пришло время действовать.

38

Лисби ужасно хотелось сначала повидать Тельера.

Но потом он пришел к выводу, что это будет проявлением слабости.

«Быть может, я хочу, чтобы он меня отговорил», — подумал Лисби. И не стал встречаться с Тельером.

В течение мгновений, пока он не перешел из

быстрого времени в обычное, Лисби смотрел на карикатурные фигуры банды Горди. Его размышления получились невеселыми. Лисби не нравились эти люди. Но сейчас у него попросту не было других союзников.

Неприятные предчувствия не покидали Лисби, когда он объяснял ситуацию Горди. Его мучили сомнения.

«Создается впечатление, — размышлял Лисби, — что я пытаюсь внедрить устаревшее решение. Возможно, я принял научную пропаганду Хьюита слишком близко к сердцу».

Он попытался убедить себя, что Хьюит является очередным диктатором, который стремится к власти.

Рассеянное выражение лица Лисби не укрылось от внимания Горди.

Именно этого он и ждал. Он со значением посмотрел на Харкорта, который получил указание внимательно наблюдать за Лисби и Горди.

Лисби вздохнул:

— Пора захватить корабль.

Он намеревался разоружить всех, кто находился на борту.

В последний момент он заметил движение Харкорта, и его пальцы сомкнулись на приборе.

Это было последнее, что он сделал в жизни.

Энергетический заряд бластера Харкорта ударил его в затылок и плечо.

Провал!.. Смерть!.. В одно мгновение.

Нажатие контрольной кнопки моментально перекинуло его в другое время, которое почти не отличалось от времени скорости света и было близко к отношению 973:1, где находился Хьюит.

Он лежал, похожий на самого обычного мертвеца.

Горди посмотрел на тело, принявшее очень необычное положение. Он успел заметить, что всякий раз перед тем, как Лисби исчезал, его рука опускалась в карман.

Значит, пришел к выводу Горди, у Лисби имеется некое устройство, при помощи которого он становился невидимым.

— Переверните его и посмотрите, что у него в карманах, — приказал Горди.

Мертвое тело оказалось удивительно легким.

Через секунду Харкорт с торжествующим видом передал Горди устройство.

Горди нажал кнопку и последовательно перевел переключатель в три возможные позиции. Ничего не произошло. Возможно, это совсем не то… Они тщательно обыскали Лисби, но больше

ничего не нашли.

Вновь и вновь Горди производил манипуляции с маленьким прибором, переключая рубильник. Поскольку устройство реагировало только на определенные мысли, ничего не происходило.

Наконец он обратил взгляд на невесомое хрупкое тело своего мертвого врага. Горди охватило бессилие невежественного человека перед непостижимыми достижениями науки.

Он не в первый раз подумал о том, как ему необходим Лисби или человек, наделенный его способностями.

Однако Горди прекрасно понимал, что им двигало: он хотел обладать капитанскими женами. Когда он сидел в тюрьме, когда казалось, что все потеряно, это желание стало невыносимым.

Что ж, сейчас ему пришлось признать, что он потерпел частичное поражение.

— Ладно, ладно! — прошипел он, свирепо глядя на своих сторонников. — Мы вернем себе корабль — только подождем, когда все отправятся спать, и захватим их врасплох. У нас есть десять часов. Давайте отдохнем немного, а потом начнем подготовку.

Через десять часов Горди отдал следующие инструкции:

— Убивайте только парней из космического патруля… и Хьюита. Нам необходимы люди, с которыми мы прожили столько лет.

Захват корабля начался с того, что отряд Горди вышел в опустевшие коридоры. Затем три человека направились в машинное отделение. Еще один отряд двинулся в рубку управления, другой — на мостик. Основная часть под предводительством Горди поднялась на верхние уровни.

Именно здесь в первой офицерской каюте — по словам Лисби — находился штаб космического патруля. Остальные патрульные занимали соседние каюты.

Две группы по три человека отправились туда с универсальными ключами, получив указание беспощадно прикончить всех, кто недавно прибыл на борт корабля.

Горди с двумя подручными осторожно подошел к капитанской каюте. Воспользовавшись ключами, которыми снабдил его Лисби, Горди осторожно отпер внешнюю дверь и на цыпочках вошел внутрь. Через минуту две испуганные женщины удивленно уставились на него с кроватей, стоящих в главной спальне: его жена Марианна и Рут.

Один из его подручных зашел в соседнюю ком-

нату. Вскоре он вернулся и доложил, что там находятся Ильза и Энн.

Хьюита нет. И никогда не было! Почему Лисби ничего ему не сказал?

Горди охватила ярость. Однако он заставил себя успокоиться, понимая, что не может терять ни минуты. Он вышел в соседнюю комнату, где находилась аппаратура слежения.

Все каюты были заняты.

После нескольких минут безуспешных поисков он понял, что это может занять слишком много времени. Тогда Горди переключился на общую спальню в нижней части корабля. Там никого не было. Значит, все вернулись к своим семьям.

Довольно быстро ему удалось найти штаб космического патруля. Он удовлетворенно кивнул: на полу лежали двое мужчин в пижамах. Рядом с телом одного из них рыдала женщина.

Переключаясь на соседние каюты, он с радостью отметил победную поступь своих людей. В двух каютах завязалась борьба — очевидно, не всех удалось захватить врасплох. В другой лежал труп одного из его людей, но рядом Горди разглядел тело мертвого незнакомца.

В двух последних каютах царил полнейший беспорядок.

Радостно потирая руки, Горди вернулся в гостиную. Двое его людей стояли в коридоре, нервно поглядывая по сторонам, — он видел их через приоткрытую дверь. Четверо женщин накинули халаты и замерли у входа в главную спальню.

Его женщины. Скоро. Очень скоро.

— Ну, леди, — сказал он, широко ухмыляясь, — похоже, я снова стану капитаном.

Женщины молчали. Он пригляделся к ним, и хмурые выражения их лиц вывели Горди из себя.

— Видит бог! — воскликнул он. — Я вышвырну вас всех вон, если вы не проявите немного интереса!

Из глаз Рут покатились слезы. Казалось, остальные женщины ждали сигнала и тут же разрыдались.

Горди охватил приступ ярости.

— Идите туда! — приказал он, показывая на вторую спальню. — И оставайтесь там.

Рыдания стихли. Женщины молча вошли в спальню и закрыли за собой дверь. Двое его соратников влетели в каюту, как только услышали крик Горди.

— Что происходит, капитан? — нервно спросил один из них.

— Мы побеждаем, — ответил Горди.

Однако он вернулся к сканерам, чтобы убедиться, что это действительно так.

Дрожащими пальцами он включил машинное отделение.

И увидел, что его люди и здесь одержали победу. Они захватили бывшего первого помощника капитана, Миллера. Горди включил видеосвязь и, обращаясь к Миллеру, спросил:

— Где Хьюит?

Миллер находился в шоке, но его ответ прозвучал искренне:

— В одной из кают на верхнем уровне. Я не знаю, в какой именно… честно!

Горди сразу же ему поверил.

— Мы до него доберемся! — яростно пробормотал он и прервал связь.

К несчастью, на верхних уровнях корабля было более сотни кают. Горди забеспокоился, опасаясь, что удача отвернулась от него и он не сможет найти нужную.

«Проклятье! — подумал он. — Почему он не попытался захватить женщин, как сделал бы другой нормальный мужчина на его месте?»

По мере того как соратники Горди лично рапортовали ему о своих достижениях, он начал

успокаиваться. Успех был практически полным.

— Несколько раз мы входили не в те каюты! — доложил Харкорт. — Увидев знакомые лица, мы говорили — как ты просил, — чтобы все оставались на своих местах и вели себя тихо… Но некоторые уже знают, что происходит.

Почти все его сторонники рассказывали примерно одно и то же.

— Ну, мы знаем, с кем имеем дело, — презрительно ответил Горди.

Раздался мелодичный перезвон включившегося интеркома. Горди автоматически направился к нему, но на середине пути остановился и нахмурился.

— Кто может меня вызывать?

Продолжая хмуриться, он включил связь.

Хьюит!

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Горди прищурился. Первым заговорил помрачневший Хьюит.

— Мне только что сообщили о твоей попытке захватить власть, Горди. Уж не знаю, как тебе удалось пробраться на борт, но ты совершил роковую ошибку.

Самое большое впечатление на Горди произвело слово «сообщили».

— Кто тебе сообщил? — прошипел Горди. — Ну подожди, как только я до тебя доберусь…

— Я собрал два десятка человек, — холодно продолжал Хьюит, — и люди продолжают подходить…

Горди почувствовал, как по его спине заструился пот.

— Мы вооружены! — не унимался Хьюит. — Через несколько минут мы до тебя доберемся — тебе придется сдаться.

Горди пришел в себя.

— Вам до меня не добраться, жалкие трусы! — надменно заявил он и прервал связь.

39

Через час Хьюит начал схватку за корабль.

Восемнадцати человекам, вооруженным бластерами, пистолетами и ружьями, противостояли ученые и техники, которые захватили бластеры, пистолеты, газовые ружья и все, что им удалось наспех собрать в лабораториях.

Горди считал их трусами, поскольку прежде они даже не пытались оказывать сопротивление. Но Хьюит знал, что ситуация изменилась. За последние несколько недель все обитатели корабля стали частью единого сообщества.

Он не сомневался, что они еще не расстались со своими предрассудками в отношении женщин, но мысль о власти Горди вызывала у них полное отторжение.

Как только было принято решение — получилось, что очень многим оно пришлось по душе, — дальше все пошло само собой. Инстинктивно они обратились к Хьюиту. А когда он предложил им придумать стратегию борьбы, физики, химики и инженеры, не теряя времени, занялись делом.

…Был переделан лазер, теперь его луч нес электрический разряд…

…Силовое поле, воздействующее на нервную систему и вызывающее мышечные судороги…

…Маленький круглый шарик вкатился в машинное отделение, коснулся одного из двигателей, напитался от него энергией и начал излучать тепло. Когда температура достигла 180 градусов по Фаренгейту, группа сторонников Горди, находившихся в машинном отделении, отправила Миллера с заявлением о капитуляции.

Хьюит тут же с этим согласился.

От пленников они узнали об убийстве Лисби. Хьюиту рассказали, как Лисби научился останавливать время, что позволило Горди и его отряду сбежать из тюрьмы и вернуться на корабль. Хью-

ит сразу понял, что с ним произошло примерно то же самое, когда он появился на борту «Надежды человечества».

Он почувствовал, как его охватывает волнение. Хьюит подумал, что метод механического воздействия на время может помочь решить загадки пространства-времени.

Затем он сообразил, что люди Горди ничем помочь не смогут. Они так и не сумели понять, что с ними происходило.

Молодой ученый по имени Роско высказал разумную мысль: если Лисби вернулся на корабль, значит, здесь должен находиться и Тельер. Хьюит отправил Роско в сопровождении патруля обыскать челноки, и они довольно быстро наткнулись на Тельера.

Однако Тельер разрыдался, узнав о смерти Лисби, и ничем не смог быть им полезен. Его представления об идеях Лисби носили поверхностный характер.

Строго говоря, ученые не узнали ничего нового. Все изобретения были сделаны достаточно давно, а процессы известны и раньше. Однако реализовать их оказалось совсем не просто.

Для ученых происходящее напоминало игру. Они имели десятки приборов, знали о множестве

процессов…

Одному из людей Горди, захватившему капитанский мостик, предложили сдаться. Он отказался. Тогда из интеркома на мятежника обрушился страшный шум, грозивший разорвать его барабанные перепонки.

К тому времени, когда он сдался, двое мятежников в рубке управления были охвачены пламенем, обрушившимся на них со стен. Ученые использовали лазеры и сочетание разных волн, вызвавших резкое повышение температуры окружающей среды. Всполохи света, несущие в себе пламя, разили на расстоянии от десяти до двадцати футов. После атак, продолжавшихся всего несколько минут, подручные Горди сдались.

Человек, доложивший об успехе Хьюиту, добавил с отвращением:

— Самое обидное, что мы могли все это проделать, когда Горди в первый раз захватил корабль…

Хьюит посмотрел на ученого, который был таким же крупным мужчиной, как Харкорт, но немного старше, и решил ничего ему не отвечать.

Но потом его мысли обратились к аналогичной ситуации на Земле. Там также десятки тысяч

ученых понимали и умели использовать силы природы. Однако в периоды жестоких диктатур эта огромная группа просвещенных людей не могла объединить свои усилия, выйти из лабораторий и изменить положение вещей. Ученые лишь исполняли приказы свыше.

Вспомнив об этом, Хьюит покачал головой и обратился к ученому, которого звали Уильям Лоуренс.

— Я не согласен с вами, — возразил Хьюит. — В течение последнего столетия вас не интересовала политика. Об этом заботились ваши капитаны, сменявшие друг друга. Теперь положение изменилось, — он едва заметно улыбнулся. — И вы чувствуете себя иначе, не так ли?

Приближался конец периода сна. Большие группы людей постепенно занимали позиции вокруг капитанской каюты. Хьюит не начинал решительной атаки только из-за того, что в каюте находились капитанские жены.

К Хьюиту обратился отряд ученых под началом Лоуренса.

— Боюсь, нам придется принести женщин в жертву, — глядя в глаза Хьюиту, сказал Лоуренс. — В противном случае мы должны будем штурмовать капитанскую каюту. Потери могут

составить тридцать-сорок человек.

Хьюит уже взвесил все за и против. Он хотел предложить Горди сдаться, пообещав ему полную амнистию.

— После того, как он убил стольких людей! — послышались со всех сторон возмущенные возгласы.

Хьюит разозлился. Если есть возможность спасти жизни людей, необходимо идти на компромиссы.

— Горди убивал ради достижения политических целей.

— Но это все равно убийство! — возразил Лоуренс.

Сдерживая раздражение, Хьюит объяснил, что во многом он считает обвинение справедливым. Убийство есть убийство. Но до недавних времен для политических лидеров делалось исключение. И в данном вопросе в сознании людей, которые оказались в новой системе, сами того не понимая, еще не произошла окончательная перестройка.

— Мы можем определить суть общества, — сказал Хьюит, — осмыслив те виды убийства, которые оно считает допустимыми. Когда мы попытаемся выяснить, кто в таком обществе отвечает за применение смертной казни и дру-

гие виды наказаний, мы убедимся в том, что убийцы получают санкции от политических лидеров, которые, в свою очередь, имеют широкую поддержку масс. На «Надежде человечества» возникла упрощенная версия такого общества. Для вас наступил переходный период от одной системы к другой, и сейчас вы не можете принять такой уровень насилия, который характеризовал прежнюю систему. Если кто-то из вас готов окончательно отказаться от старых законов, я с радостью его выслушаю.

Наступило долгое молчание, затем руку поднял прежний первый помощник капитана Миллер.

— Я противник старой системы, — сказал он.

Один из ученых презрительно фыркнул и сердито заявил:

— Мистер Миллер, я не могу принять ваше заявление на веру.

— Я возненавидел Горди с того самого момента, как его увидел, — негодующе ответил Миллер.

— А как насчет времени, когда вы были лакеем Брауна? — хрипло спросил ученый.

Миллер заметно удивился.

— Мистер Браун являлся законным капитаном корабля! — запротестовал он.

Хьюит взмахом руки заставил спорящих замол-

чать. По его лицу бродила слабая улыбка, когда он обратился ко всей группе.

— Теперь вы видите, что я имел в виду? — спросил он.

Молодой ученый по имени Роско пробормотал:

— Я не совсем понимаю. Но мне кажется, в этом что-то есть. Вы обещаете ему неприкосновенность. Ладно. Но как вы собираетесь поступать в дальнейшем, если возникнет аналогичная ситуация?

— Нужно сделать так, чтобы он стал частью новой системы, — откровенно ответил Хьюит.

— А если не получится?

— Я готов рискнуть, — заявил Хьюит. — Ну а теперь, если вы не возражаете, я попытаюсь с ним договориться.

Многие отводили глаза, когда Хьюит смотрел на них, но вслух никто возражать не стал.

Горди оглушительно расхохотался, когда Хьюит обратился к нему с предложением сдаться.

— Послушайте, — сказал Горди, — очень скоро вы увидите, чем мужчины отличаются от мальчишек. За вами стоят мальчики, за мной — мужчины. У нас столько запасов, что мы в состоянии продержаться долгие годы.

Хьюит объяснил, что с помощью ученых они

могут быстро прикончить Горди и его людей. В заключение Хьюит сказал:

— Я вижу, вы мне не верите, не так ли?

— Почему же, я вам верю.

— Тогда в чем дело? — настаивал Хьюит, — Если вы не примете наше предложение, вам конец, Горди.

— Я уверен в своей победе, — ответил Горди, — Эти ваши научные штучки… вам прекрасно известно, что прежние капитаны корабля позаботились о том, чтобы капитанская каюта была надежно от них защищена.

— Они знали, что ученые на их стороне, — объяснил Хьюит.

В ответ Горди лишь презрительно пожал плечами.

Но было видно, что слова Хьюита произвели на него впечатление.

В глубине души Горди верил, что это конец пути. И все же он не мог сдаться. Что-то должно случиться. Что? Он не знал. Но о капитуляции думать не хотел.

— Вы можете сдаться в любой момент — пока не прозвучат первые выстрелы, — спокойно сказал Хьюит и выключил интерком.

Несколько ученых стояли во время разговора

рядом с Хьюитом. Один из них произнес:

— Судя по выражению вашего лица, вам трудно сохранять беспристрастность.

— К Горди невозможно хорошо относиться, — не стал спорить Хьюит, — Однако он тоже нервничает.

Впрочем, Хьюит заметно успокоился, когда доставили его скафандр-танк и он объяснил, что задумал. Забравшись внутрь скафандра, Хьюит подал сигнал к началу военных действий и направил скафандр в коридор, ведущий к капитанской каюте.

Первая пуля ударила в сверхтвердый пластик прямо у него перед носом! По удивительному материалу прошла рябь, но он тут же восстановился. Хьюит отшатнулся, его трясло.

Однако он заставил себя успокоиться, и машина покатила дальше.

Вдоль передней поверхности скафандра затанцевали искры — бластер! Эффект был жутковатым, но чрезвычайно красивым.

Наконец кто-то из мятежников в упор выстрелил в него из ружья, и на мгновение Хьюита оглушил грохот.

Однако он продолжал катить дальше. Когда до входа в капитанскую каюту оставалось несколь-

ко ярдов, он услышал из-за двери голос Горди:

— Будь ты проклят, Хьюит! Что тебе надо?

— Я хочу поговорить.

— Мы можем говорить по интеркому.

— Лицом к лицу лучше.

Наступила пауза.

— Ладно, заезжай!

И вновь Хьюит двинулся вперед. Ученые и техники предупредили его, что люди Горди попытаются перевернуть танк, как только он окажется внутри каюты. Но он знал, что это нелегкая задача. При нормальном тяготении скафандр весил 450 фунтов, не говоря уже о 190 фунтах самого Хьюита. И все же трое или четверо сильных мужчин вполне могли с ним справиться.

Поэтому Хьюит остановился в дверном проеме, где мятежники не могли к нему подобраться. Поскольку его главной целью было спасение женщин, Хьюит не обращал внимания на мятежников — он смотрел в сторону дверей спальни.

Удивительное дело, но через мгновение дверь слегка приоткрылась, и он заметил блестящий глаз, однако ему не удалось понять, кто это.

Больше Хьюиту ничего не нужно было знать, и он на полной скорости — десять миль в час — направил скафандр вперед. Боковым зрением

он заметил мужчин, которые бросились к нему с вытянутыми руками, но им пришлось с криками отскочить назад, когда по их пальцам больно ударило электрическое поле.

Приблизившись к двери спальни, Хьюит заговорил в микрофон:

— Леди, отойдите с дороги!

Через мгновение передняя часть скафандра ударила в приоткрытую дверь — створка тут же распахнулась, и Хьюит въехал в спальню. Он сразу же увидел всех четырех женщин. Хьюит облегченно вздохнул.

— Огонь! — крикнул он в микрофон.

Это было кодовое слово, означавшее, что он готов защитить женщин.

Ответ ученых последовал мгновенно. Зазубренная молния дугой прошила стену, ударила в скафандр и отразилась в гостиную, оставшуюся за спиной Хьюита. Раздались крики мучительной боли.

Через несколько мгновений Хьюит услышал глухие удары падающих на пол тел.

40

Хьюит позвал в микрофон:

— Быстро зайдите в каюту!

— Торопиться не нужно, — последовал спокойный ответ. — Больше они никого не побеспокоят.

Хьюит узнал голос Уильяма Лоуренса, в котором слышались такие необычные нотки торжества, что Хьюиту стало не по себе. Быстро развернув скафандр, он вернулся в гостиную.

На полу без движения лежала дюжина мятежников.

Ему хватило одного взгляда на тела, чтобы понять: все эти люди мертвы. Сердце Хьюита сжалось.

— Лоуренс, — заговорил Хьюит в микрофон неожиданно севшим голосом, — ведь мы договаривались…

Лоуренс в ответ мрачно рассмеялся.

— Боюсь, мистер Хьюит, мы случайно неправильно рассчитали силу разряда. Нам очень жаль.

Хьюита охватила ярость, его возмутил не только тон Лоуренса, но и смысл его слов.

— Вы только что сами стали убийцей!

Лоуренс сохранял спокойствие.

— Вы слишком взволнованы, мистер Хьюит. Но это совершенно естественно. Мы не станем припоминать вам неосторожно сказанные слова.

Хьюит попытался взять себя в руки, однако ему не удалось скрыть горечь.

— Полагаю, вы сделали это из лучших побуждений, — сказал он. — Как раньше вы, не раздумывая, приспосабливались к старой системе, так и теперь, не подумав, вживаетесь в новую.

— Неужели вы рассчитывали, что мы позволим им вновь остаться безнаказанными! — разозлившись, воскликнул Лоуренс.

— Ладно, ладно, — успокаивающе проговорил Хьюит. — Давайте приведем здесь все в порядок и отправимся спать. Я ужасно устал.

Краем глаза он заметил одну из женщин на пороге спальни.

— Леди! — сказал он в микрофон. — Пожалуйста, оставайтесь в спальне и закройте дверь.

Через мгновение дверь тихо закрылась, но прежде он услышал, как кто-то из женщин зарыдал.

Хьюита разбудил звонок в дверь. Он поспешно накинул халат и распахнул дверь. На пороге стоял Роско, молодой ученый.

— Все мужчины собираются в главном зале, сэр, — сказал Роско. — Мы хотим, чтобы вы присоединились к нам.

Помрачневший Хьюит вздохнул и ответил:

— Хорошо, я буду через десять минут.

Он побрился и торопливо оделся, размышляя над словами Роско. Вполне возможно, что он сделал все, что мог. Теперь потребуется время и совместные усилия множества людей, которые еще не поняли до конца возможностей новой системы.

…Он разработал надежную программу, которая должна была продержаться долгие годы. Каждый человек получил жесткую личную мотивацию для поддержания существующего порядка. Такая система была достаточно гибкой. Для ее функционирования не требовалось исполнения кодекса правил или определенного лидера. Теперь он имел дело с людьми, которые вольны поступать так, как пожелают.

Когда Хьюит появился у входа в зал, его заметило сразу несколько человек. Один из них вскочил на ноги и выкрикнул:

— Он пришел!

Для Хьюита это оказалось полнейшей неожиданностью. Он даже остановился.

Пока Хьюит пытался понять, что происходит, люди начали вставать со своих мест, радостно его приветствуя. Он заметил на сцене Уильяма Лоуренса, который с широкой улыбкой махал

ему рукой.

Хьюит медленно двинулся вперед. Он еше не был уверен, что ему ничего не грозит, но настроение у него заметно улучшилось.

Как только Хьюит оказался на сцене, Лоуренс поднял руку, призывая аудиторию к порядку. Когда наступила тишина, он громко обратился к Хьюиту:

— Мистер Хьюит, как вы понимаете, здесь собрались только ваши друзья. То, как вы попали к нам на борт, система отношений, которую вы ввели, все ваши действия убедили нас, что вы действуете, руководствуясь самыми высокими этическими принципами. Вот почему это собрание считает, что вы являетесь лучшим лидером для нашей экспедиции.

Ему пришлось сделать паузу, поскольку вся аудитория начала хлопать и кричать. Когда спокойствие было восстановлено, Лоуренс продолжал:

— Однако есть несколько проблем, связанных с управлением кораблем. Прежде чем мы примем вас в качестве капитана, мы хотим получить заверения в том, что вы не станете вмешиваться в решение вопросов, которые вас не касаются. Кроме того, мистер Хьюит, собравшиеся хотят

знать, что вы намерены делать с капитанскими женами?

Переход от общих вопросов к частному получился таким неожиданным, что Хьюит совершенно оторопел. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он сообразил, что от него ждут прямого ответа на прямой вопрос.

Он чувствовал, что от него зависит очень многое. Может ли он сейчас солгать? Нет, этого делать нельзя.

— Джентльмены, — сказал он, — я не знаю, как долго мы будем находиться внутри замкнутого пространства корабля. Но мне представляется, что пройдет немало времени, прежде чем мы закончим эксперименты и исследования, а также проведем необходимые тесты и проверку полученных результатов в огромной лаборатории пространственно-временного континуума. Естественно, жизнь на корабле должна идти своим чередом. Будут заключены браки, родятся дети, мы разработаем новые образовательные программы, произойдет множество других важных событий.

Он замолчал, почувствовав неожиданное смущение. То, что он собирался сказать, не предназначалось для ушей такого большого количества

мужчин. Тем не менее он набрался мужества и продолжал.

— Я ощущаю сильное влечение к старшей из четырех женщин, о которых вы меня спрашиваете, и надеюсь, она разделяет мои чувства. Я намерен предложить ей стать моей женой.

Он говорил с такой глубокой искренностью, что слушатели затаили дыхание. Более того, когда Хьюит замолчал, в зале надолго воцарилась тишина. Стоявший на возвышении рядом с Хьюитом Уильям Лоуренс задумчиво потирал подбородок.

Наконец молчание нарушил поднявшийся со своего места Роско.

— Мистер Хьюит, — сказал он, — в течение всей моей жизни, а также жизни моего отца капитан «Надежды человечества» имел несколько жен. Вы хотите сказать, что намерены изменить этот обычай и ограничиться одной женой?

Хьюит стоял и молча смотрел на притихшую аудиторию, которая терпеливо ждала его ответа.

«Какая глупость, — подумал он, — неужели они намерены потребовать, чтобы я и дальше придерживался дурацкой традиции? Вероятно, они хотят, чтобы таким образом получила подтверждение гегемония мужчин на борту „Надежды

человечества“».

Так или иначе, но Хьюит мысленно отверг любые компромиссы и твердо заявил:

— Да, у меня будет одна жена.

На лицах всех мужчин разом появились довольные улыбки.

К Хьюиту подошел Лоуренс и крепко пожал ему руку.

— Ну, капитан Хьюит, — сказал Роско, — вы прошли проверку. Мы за вас. Мы вам верим. Правда, джентльмены?

И Хьюит получил вторую овацию.

41

На корабле прошло восемь лет.

Ученые методом проб и ошибок нашли то, что Джон Лисби V понял благодаря удивительному озарению. Но они отвергли его объяснение. Вселенная — это вовсе не «фикция». Она то, что она есть. Возникает «видимость», которую способна воспринимать высокоразвитая нервная система человека и животных. Очевидно — постулировали они, жизнь требует уникальной стабильности, поэтому и созданы механизмы мозга, ограничивающие восприятие до неких стабильных пределов. Внутри цельного каркаса

жизнь существовала в убаюкивающем режиме и развивалась, постоянно приспосабливаясь к бессознательному уровню восприятия реальной Вселенной.

И вот наконец человек, благодаря научному использованию своих чувств, стал способен воспринимать правду.

…Они измерили эту правду, открыли базовые принципы, научились делать предсказания, нашли способы их проверять. Контроль над временем был установлен благодаря постепенным механическим манипуляциям со сверхсветовыми скоростями.

Прежде «Надежда человечества» умудрилась скользнуть обратно во времени. Теперь же огромный корабль перемещался в лишенной времени Вселенной со сверхсветовыми скоростями.

Хотя на борту миновало более четырехсот недель, корабль перешел в обычный режим времени и вернулся в Солнечную систему через неделю после того, как «Молли Д» стартовала к Земле.

Оба корабля вышли на орбиту вокруг Земли с разницей в один день. Для «Молли Д» прошла неделя, а для межзвездного корабля почти три тысячи дней…

Тут же состоялось экстренное заседание кабинета, консультации с Азиатским блоком, а также расширенные дискуссии между учеными Земли и «Надежды человечества».

И только после этого Питер Линден и Эврил Хьюит обратились к жителям Земли.

Первым выступил физик, рассказавший о научной стороне вопроса. Он сообщил, что «Надежде человечества» удалось переместиться в будущее и взглянуть на Солнечную систему. Выяснилось, что Солнце обрело ряд характеристик переменной звезды.

Пока он делал свои заявления, на экранах телевизоров все увидели будущие события: неожиданную вспышку и огромную волну жара, обрушившуюся на Землю…

Ученый несколько раз объяснил, что жители Земли наблюдают за съемками, сделанными в будущем. Это был результат — точнее, это будет результатом — движения материи со сверхсветовой скоростью. Нечто напоминающее огромную прибойную волну достаточно скоро обрушится на Солнечную систему.

И эта стремительная волна пройдет через Солнце за четыре секунды, а расстояние в девяносто три миллиона миль между Солнцем и Землей

преодолеет за шесть с половиной минут.

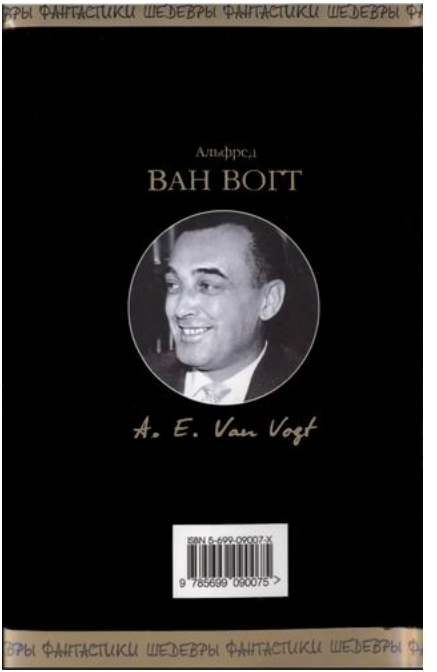
И все разрушения будут следствием выброса тепла, подхваченного волной за время четырехсекундного контакта с Солнцем.

— Меркурий, — сказал Питер Линден, — будет обожжен, но остальные планеты, в том числе и Земля, выживут. Тем не менее необходимо подготовить убежища. В момент вспышки людям, находящимся на той стороне Земли, которая будет обращена к Солнцу, необходимо находиться под землей… К счастью, огромный Тихий океан примет на себя большую часть теплового удара…

Затем пришел черед Хьюита выйти к микрофонам.

— У меня есть для вас более приятные новости. За время путешествия со сверхсветовыми скоростями «Надежда человечества» посетила десятки других звездных систем. Нам удалось найти три планеты, на которых могут жить люди. Часть экипажа «Надежды человечества» осталась на этих планетах. Для заселения новых миров требуется множество добровольцев. В данный момент, — заявил Хьюит, — моя собственная семья, состоящая из жены и четверых детей, осталась на одной из этих планет. Она станет нашим постоянным домом.

Так началась рекламная кампания, которой внимал весь мир.

Альфред Э. Ван Вогт
Путешествие на космическом корабле «Бигль»

1

Широкими кругами Зорл неустанно рыскал по окрестностям. Черная ночь, безлунная и почти беззвездная, нехотя уступала место угрюмому рыжеватому рассвету, зарождающемуся слева. Бледная заря не возвещала никакого тепла. Из темноты медленно проступал бредовый пейзаж.

Постепенно и сам Зорл обрисовался на фоне черных зазубренных скал, которыми щетинилась голая равнина. Тусклое красное солнце вставало над горизонтом, понемногу высвечивая самые темные закоулки ландшафта. Но Зорл по-прежнему не видел ни одного следа семейства существ, обладающих идом, за которыми гнался около ста дней.

Наконец он встал, заледенев от осознания. Огромные передние лапы свело судорогой, дрожь пробежала по телу до самых кончиков острых, как бритва, когтей. Мощные щупальца, выступающие из плеч, тоже всколыхнулись. Он крутил из стороны в сторону своей крупной кошачьей головой, волоски на ушах лихорадочно подрагивали, улавливая и исследуя каждое дуновение ветерка, всякое трепетание атмосферы.

Ничего. Ни одного ответного импульса не возникло в его нервной системе. Ни малейшего признака, позволяющего надеяться на досягаемое присутствие носителей ида, его единственного пропитания на пустынной планете. Ни в каком направлении. Обескураженный Зорл присел на задние лапы. Силуэт гигантской кошки очертился на красноватом небе, словно карикатурное изображение черного тигра в диковинном театре теней. Встревожило его то, что он потерял контакт. В нормальном состоянии сенсоры позволяли ему обнаружить любой организм, несущий ид, в радиусе многих километров. Следовательно, он больше не был нормальным. То что ему не удалось удержать в течение последней ночи контакт, в достаточной степени свидетельствовало о вырождении. И это был смертельный недуг, он уже знал. Семь раз за последнее столетие он сам натыкался на зорлов, чересчур обессиливших, чтобы даже шевельнуться; их тела, вообще-то бессмертные, угасали, совершенно изможденные отсутствием пищи. Он жадно бросался на беззащитные полутрупы, разрывая в клочья, чтобы извлечь остатки ида, поддерживающие в них жизнь.

Вспомнив эти пиршества, он содрогнулся от

удовольствия и зарычал. Мощный рык раскатился по равнине, несколько раз отразившись от скалистых выступов. Возвращенное эхо отозвалось в теле всплеском энергии. Таково было инстинктивное выражение воли к жизни.

Неожиданно он напрягся.

Вдали над горизонтом он заметил мерцающую точку. Точка приближалась. Она росла и с ошеломляющей быстротой превращалась в металлический шар. Шар обернулся круглым кораблем, сияющим, словно полированное серебро. Со свистом пронесся над Зорлом, затем, замедлившись, стал удаляться вправо, в сторону черной зубчатой линии горизонта, где на мгновение завис неподвижно, потом снизился и пропал из виду. Оцепеневший от изумления Зорл встряхнулся и длинными прыжками помчался между скалистых выступов. Его расширенные черные глаза горели алчным огнем. Мерцательные волоски на ушах, несмотря на снижение чувствительности, указывали на наличие ида в таких количествах, что перехватывало дыхание.

Солнце, уже розоватое, стояло высоко в фиолетово-черном небе, когда Зорл добрался до вершины холма и, укрывшись за скоплением скал, оглядел развалины города, раскинувшиеся

внизу. Серебристый корабль, вопреки своим размерам, казался рядом с ними крошечным. Однако из этого корабля источалась эманация содержащейся в нем жизни, латентной энергии, что очень скоро сделало его центром пейзажа. Он покоился в углублении, образованном своим собственным весом в каменистой почве равнины, начинавшейся сразу же на выходе из мертвого города.

Зорл смотрел на двуногих существ, появляющихся из люка корабля. Они собирались небольшими группами у подножия движущейся лестницы, соединявшей ярко освещенный проем на высоте метров тридцати с поверхностью планеты. Он почувствовал, как спазмом сдавило горло — настолько безотлагательной была потребность в питании. Мозг затуманился желанием немедленно броситься на эти мелкие создания, которые там внизу испускали вибрации ида.

Обрывки воспоминаний остановили порыв еще до того, как импульсы достигли мускулов. Воспоминания относились к далекому прошлому его расы — машинам для истребления, мощностям и масштабам, намного превосходившим возможности зорла. Источники для поддержа-

ния силы тогда-то и оказались отравленными. Он успел заметить, что двуногие носили что-то поверх их настоящих тел: они были покрыты блестящей полупрозрачной тканью, в которой отражались лучи солнца.

В голове прояснилось, и он, наконец, снова обрел способность рассуждать. По всей видимости, перед ним была исследовательская экспедиция, прибывшая с другой планеты. Исследователи, они не уничтожают. Эти существа не станут его убивать, если он не нападет. Ученые, в своем роде — слабоумные.

Голод придал ему смелости. Он выбрался из укрытия. Они его заметили. Они смотрели на него. Трое, находившихся ближе всего, медленно отступили и присоединились к остальным. Один из двуногих, самый маленький в своей группе, вынул из чехла на боку продолговатый предмет из темного металла и принялся небрежно покачивать в руке.

Зорл ощутил определенное беспокойство, но поворачивать было уже поздно.

Эллиот Гросвенор остался там, где был, далеко сзади, у подножия движущегося трапа. Он уже начинал привыкать держаться на заднем плане. Будучи единственным нексиалистом на

борту межзвездного корабля *Бигль*, он в течение месяцев наблюдал пренебрежительное к себе отношение со стороны специалистов, которые не только не знали в точности, что есть нексиализм, но и очень мало беспокоились своим незнанием. Гросвенор рассчитывал в конце концов исправить положение, но до сего момента подходящего случая не представлялось.

Внезапно ожило переговорное устройство в его скафандре. Кто-то рассмеялся и сказал:

— Лично я не стану рисковать перед чудовищем такого размера.

Гросвенор узнал голос Грегори Кента, руководителя отдела химии. Несмотря на маленький рост, Кент был сильной личностью. У него имелось множество друзей на корабле, и он уже дал понять, что собирается выставить свою кандидатуру на ближайших выборах главы экспедиции. Среди тех, кто видел приближающееся чудовище, один лишь Кент достал оружие, и теперь его пальцы ощупывали металлический цилиндр.

Послышался другой голос, более глубокий и непринужденный, принадлежащий Хэлу Мортону, нынешнему начальнику экспедиции.

— Именно поэтому вы здесь, Кент, — произнес Мортон. — Вы ничего не пускаете на самотек.

Замечание было высказано самым дружеским тоном. Похоже, Мортона не слишком заботило то, что Кент стал его соперником в преддверии выборов. Однако это могло быть и ловким ходом, призванным показать самым доверчивым слушателям, что он не питает никакой неприязни к будущему противнику. Гросвенор считал Мортона достаточно тонким политиком. Он уже составил себе представление о нем, как о человеке хитром, в меру порядочном и интеллигентном, знающем, как себя повести в любой ситуации.

Мортон выдвинулся на несколько метров вперед всех. Крепкое тело в скафандре из прозрачного металла казалось очень крупным. Он стоял, наблюдая, как приближается огромная уродливая кошка. В переговорном устройстве Гросвенора звучали комментарии руководителей отделов:

— Не хотелось бы встретить этого чудного котенка в ночном лесу.

— Не говорите глупостей. Наверняка, это разумное существо. Возможно, даже представитель господствовавшей на планете расы.

— Физическая развитость тела, — произнес голос Зиделя, психолога, — и приспособленность к среде обитания, заставляют думать, что перед на-

ми животное. С другой стороны, он приближается скорее не как животное, а как разумное существо, осознающее, что имеет дело с существами, в свою очередь, тоже разумными. Обратите внимание на замедленность движений. Он приближается с осторожностью, так как понял, что мы вооружены. Неплохо бы изучить поближе щупальца на его плечах. Если они утончаются и оканчиваются придатками в форме рук или присосок, у нас появятся первые доказательства того, что мы видим перед собой потомка обитателей этого города.

Он помолчал, потом добавил:

— Очевидно, мы бы сильно продвинулись, если бы удалось вступить с ним в контакт. Однако в данный момент я больше склоняюсь к тому, что это какой-то выродившийся вид, вернувшийся к примитивной стадии.

В трех метрах от ближайших существ Зорл остановился. Он чувствовал, что потребность в иде может в любой момент выйти из-под контроля. Обезумевший мозг неумолимо скатывался в хаос, и ему приходилось прилагать неимоверные усилия, чтобы сдержать себя. У него было ощущение, что тело погружено в какую-то вязкую жидкость. Зрение затуманивалось.

Большинство людей подошло к Зорлу. Он видел,

что они изучают его, откровенно и с большим любопытством. Их губы шевелились в прозрачных шлемах. Общение — а именно его он, наверное, сейчас воспринимал — осуществлялось в хорошо доступном ему диапазоне. Однако смысла посланий, которыми они обменивались, он не улавливал. Стараясь выглядеть приветливым, Зорл передал свое имя при помощи мерцательных волосков на ушах, одновременно указывая на себя изогнувшимся щупальцем.

Незнакомый Гросвенору голос воскликнул:

— Послушайте, Мортон, в моем переговорнике прошли какие-то помехи, когда он шевельнул ушами. Не кажется ли вам?..

— Возможно, — ответил начальник, не дожидаясь окончания вопроса. — Это по вашей части, Гурли. Если он разговаривает посредством радиосигналов, мы могли бы выработать какой-нибудь код для общения с ним.

Значит, это был Гурли, главный связист. Гросвенор порадовался. Благодаря появлению монстра, ему, пожалуй, удастся, наконец, записать голоса всех важных членов экспедиции. Он пытается сделать это с момента старта.

— Точно! — произнес психолог Зидель. — Щупальца оканчиваются присосками. Следова-

тельно, если его нервная система достаточно развита, это существо вполне способно, после предварительного обучения, управлять любым механизмом.

— Думаю, нам пора вернуться на корабль и позавтракать, — сказал Мортон. — Предстоит еще многое сделать. Я хочу получить подробный доклад о развитии данной расы, и особенно о причинах, приведших ее к гибели. На Земле в эпоху, предшествующую галактической цивилизации, культуры сменяли друг друга, каждая, достигнув вершины своего развития, разрушалась, чтобы уступить место следующей. Почему этого не произошло здесь? Пусть каждый отдел займется исследованием в своей области.

— А как быть с котенком? — спросил кто-то. — Уверен, он горит желанием отправиться с нами.

Мортон фыркнул, потом, посерьезнев, сказал:

— Если бы нам удалось заставить его подняться, не прибегая к насилию… Как думаете, мистер Кент?

Маленький химик затряс головой с решительным видом.

— Здешняя атмосфера содержит больше хлора, чем кислорода, но тот и другой в очень малых количествах. Полагаю, кислород внутри корабля

разъест его легкие.

Однако зверь, как догадался Гросвенор, не думал об этой опасности. Он уже добрался на эскалаторе до входного люка позади двух людей и вслед за ними вошел в шлюзовую камеру.

Люди обернулись к Мортону, который слегка махнул им рукой и сказал:

— Приоткройте вторую дверь, пусть он глотнет немного кислорода. Это послужит уроком.

Несколько секунд спустя начальник воскликнул ошеломленно:

— Вот тебе на! Не могу поверить, он даже не заметил разницы! Либо у него совсем нет легких, либо он дышит не хлором. Ну, конечно же, надо его впустить! Смит, это настоящее сокровище для биолога… Совершенно безобидный, если вести себя с ним осмотрительно. Какой метаболизм!

Смит был высоким костлявым парнем с мрачным лицом. Его голос, необычайно сильный для такой комплекции, мощно срезонировал в переговорном устройстве Гросвенора.

— Во время различных экспедиций, в которых я принимал участие, мне встретились лишь две высшие формы жизни. Одна использует для окисления хлор, другая — кислород… Случалось мне, правда, слышать о существах, живущих за счет

фтора, но сам я таких ни разу не видел. Однако я готов был поклясться своей репутацией, что ни один сложный организм не может приспособиться к дыханию какими-нибудь двумя газами сразу. Мортон, нужно сделать все необходимое, чтобы это создание от нас не сбежало.

Мортон хохотнул, потом произнес совершенно серьезно:

— Похоже, у него нет никакого желания сбегать.

Начальник экспедиции вошел в шлюзовую камеру вслед за Зорлом и двумя людьми. Гросвенор поспешил за ними, его примеру последовали не более десяти человек. Внешняя дверь закрылась, и в камеру со свистом стал поступать воздух. Все держались на почтительном расстоянии от монстра. Гросвенор наблюдал за зверем, испытывая смутное беспокойство. Множество мыслей вертелось в его голове. Он бы предпочел поделиться некоторыми соображениями с Мортоном. Вообще-то, он имел на это право. На подобных экспедиционных кораблях руководители отделов, обычно, беспрепятственно общались с начальником. И как руководителю отдела нексиализма — пусть он там и единственный человек — Гросвенору надлежало пользоваться прямым

доступом к Мортону наравне с остальными руководителями. Однако переговорное устройство в его скафандре было настроено исключительно на прием. Во время выходов он мог лишь слушать, как работают другие. Если он хотел обратиться к кому-нибудь из спутников или оказывался в опасности, ему приходилось отправлять вызов на центральный коммутатор корабельной связи.

Гросвенор не оспаривал принципиальной справедливости этой системы. На борту находилось более тысячи человек, и вряд ли можно было позволить всем обращаться к Мортону каждый раз, когда у них возникнет такое желание.

Внутренняя дверь камеры открылась. Гросвенор вместе с остальными двинулся к выходу. Вскоре они оказались перед рядом лифтов, связывающих с жилой частью корабля. Краткая дискуссия между Мортоном и Смитом окончилась тем, что первый сказал:

— Отправьте его одного, если он не против.

Зорл участвовал в процедуре безропотно, пока не клацнули, закрываясь за ним, двери и клетка не дернулась вверх. Он развернулся на месте и зарычал. Разум его помутился. Он бросился на дверь. Металл прогнулся, и ответная боль в теле окончательно взъярила его. Теперь он был

только зверем, угодившим в западню. Выпущенные когти рвали металл, мощные плечевые щупальца гнули листы вспоротой обшивки. Весь механизм лифта скрипел и визжал в знак протеста. Кабина, увлекаемая магнитной силой, продолжала рывками подниматься, цепляясь рваными зазубринами за стены шахты. Наконец лифт достиг места назначения и остановился. Зорл выдрал остатки дверной панели и выскочил в коридор. Пригнувшись, он принялся ожидать, когда подойдут люди с оружием наготове.

— Мы полные идиоты, — сказал Мортон, выходя из кабины. — Надо было сначала продемонстрировать ему, как работает лифт. А так он решил, что мы его заманили в ловушку.

Он показал монстру пустые руки. Гросвенор заметил, как исчез дикий блеск в черных глазах зверя, когда Мортон принялся открывать и закрывать двери ближайшего лифта. Конец уроку положил сам Зорл. Развернувшись, он двинулся по коридору и вошел в зал.

Зорл лег на ковер, стараясь погасить электрические импульсы в нервах и мышцах. Он злился на себя за то, что не сдержал страха. Он утратил преимущество, которое имел бы, продолжая изображать кроткое благодушное создание. Он

удивил и насторожил их, показав свою силу.

И теперь еще более трудной становилась его задача — овладеть кораблем. На планете, с которой прибыли эти существа, он найдет ид в неограниченных количествах.

2

Не проявляя никаких чувств, Зорл смотрел, как два человека расчищают подход к огромным металлическим воротам древнего строения. Человеческие существа позавтракали, затем, снова натянув свои доспехи, рассеялись по мертвому городу. В любом направлении взгляд Зорла натыкался на людей, занятых, как он понимал, научными исследованиями.

Его же интересовало только одно — пища. Все тело болело, каждая клеточка требовала ида. Мышцы сводило судорогой, он сгорал от желания броситься за теми, кто углублялся в развалины. Какой-то человек двинулся туда в одиночку.

Во время завтрака люди предлагали ему различные образчики их питания, все совершенно для него бесполезные. Похоже, они просто не понимали, что ему нужны живые существа. Ид это не просто субстанция, но субстанция именно в том виде, в котором она существует только в еще трепещущих тканях, источающих витальность.

Проходили минуты. Зорл продолжал сдерживать себя. Он по-прежнему наблюдал, понимая, что люди, в свою очередь, присматривают за ним.

Он видел, как они привели какую-то машину к каменному завалу, перекрывавшему вход в здание. Он не упускал ни одного их движения. Несмотря на туман, периодически застилавший взгляд, он сразу же понял, как действует эта машина, и механизм ему показался очень простым.

Он хорошо знал, чего ожидать, когда раскаленный луч принялся кромсать скалистую породу, однако подпрыгнул и зарычал, чтобы показать им, будто испугался.

С борта маленького патрульного катера за Зорлом следил Гросвенор. Он сам возложил на себя эту миссию, чтобы подметить все реакции монстра. Делать ему, впрочем, больше было нечего. Никто на корабле *Бигль*, похоже, не помышлял воспользоваться знаниями единственного в экспедиции нексиалиста.

Вскоре ворота были полностью расчищены. Появился Мортон в сопровождении какого-то ученого. Оба они вошли внутрь здания. Немного погодя Гросвенор услышал их голоса в своем переговорном устройстве. Спутник Мортона заговорил первым:

— Это гекатомба. Видимо, была война. Что касается машин, разобраться в их действии несложно. Все они второго поколения. Но хотел

бы я знать, как они управлялись и для чего предназначались.

— Боюсь, я не совсем вас понимаю, — сказал Мортон.

— Все очень просто, — ответил его собеседник. — Пока я вижу тут только вспомогательные механизмы. Почти каждое из этих приспособлений, будь то станок или оружие, снабжено трансформатором, позволяющим преобразовывать энергию и затем использовать. Но где же ее источники, генераторы? Надеюсь, нам удастся найти ключ к разгадке в библиотеках. Кстати, что могло привести цивилизацию к такой быстрой гибели?

В переговорном устройстве послышался еще один голос:

— Говорит Зидель. Я слышал ваш вопрос, мистер Пеннонс. Существуют две причины, которые могут по-быстрому очистить какую-нибудь территорию от ее обитателей: во-первых, голод, во-вторых, война.

Гросвенор обрадовался тому, что смог при посредстве Зиделя опознать собеседника Мортона. Еще один голос прибавился к его коллекции. Пеннонс был главным механиком корабля.

— Возможно, друг мой психолог, — сказал

Пеннонс, — но их наука вполне способна была помочь в разрешении проблемы обеспечения, по крайней мере, для небольшой части населения. Если нет, почему они не пытались исследовать космос, чтобы поискать пропитание на других планетах?

— Спросите у Ганли Лестера, — посоветовал Мортон. — Я слышал, как он излагал целую теорию по этому поводу перед нашей посадкой.

Астроном откликнулся немедленно:

— Мне еще нужно перепроверить все данные. Но один факт, думаю, вы со мной согласитесь, значим уже сам по себе. Эта опустошенная планета у здешнего убогого солнца единственная. Ничего больше нет. Ни спутника, ни даже астероида. И ближайшая звездная система находится в девятистах световых годах отсюда. Следовательно, местной господствующей расе необходимо было освоить разом не только межпланетные, но и межзвездные перелеты, путь к которым гораздо более тернист. Вспомните, чтобы представить их проблему, как действовали мы. Сначала достигли Луны. Потом планет. От успеха к успеху, и по прошествии долгих лет мы выполнили первый полет к ближайшей звезде. И, в конце концов, человечество открыло антигравитацию, что

позволило осуществить уже межгалактические путешествия. Размышляя обо всем этом, я пришел к убеждению, что никакая раса не в состоянии приступить к межзвездным полетам, не имея опыта предыдущих стадий.

Последовали комментарии, но Гросвенор уже не слушал. Его взгляд вернулся на то место, где он в последний раз видел гигантскую кошку. Она исчезла. Гросвенор выругался, злясь, что позволил себе отвлечься. Он быстро облетел всю территорию на своем маленьком катере. Поиски оказались безрезультатными, перед глазами было слишком много руин, слишком много сооружений, слишком много завалов. Повсюду различные препятствия перекрывали видимость. Он посадил катер и принялся расспрашивать всех подряд. Большинство людей припомнили, что видели кота «минут двадцать назад». Мало удовлетворенный ответами, Гросвенор снова поднял катер в небо над городом.

Немного ранее Зорл пришел в движение. По возможности уклоняясь от открытых пространств, он перебегал от одной группы людей к другой, настоящий сгусток энергии, нервный, сверхчувствительный, больной от голода. Какая-то машина приблизилась к нему и остановилась.

Странное жужжащее устройство сфотографировало его. На скальном выступе заработал огромный перфоратор. Образы виделись, словно в тумане. Каждая клеточка страдающего тела требовала погони за человеком, который ушел в развалины в одиночку.

Внезапно он потерял способность сдерживаться. Изо рта выступила зеленая пена. Никто, казалось, не смотрел на него. Он прыгнул за кучу битого камня и рванулся вперед. Он забыл все, кроме цели. Он стелился в длинных прыжках по пустынным улицам, срезая путь через провалы в стенах и сквозные коридоры полуразвалившихся строений. Потом замедлил бег, потому что уши восприняли вибрации ида.

Он присел и выглянул в пролом ограды. Двуногий, стоя перед тем, что когда-то было окном, светил лучом фонаря внутрь здания. Фонарь щелкнул и погас. Человек с коренастой и мощной фигурой быстро двинулся дальше, настороженно оглядываясь по сторонам. Его движения ничего хорошего Зорлу не сказали. На опасность он среагирует молниеносно. Это предвещало дополнительные хлопоты.

Зорл подождал, пока человек не скроется за поворотом, затем выбрался из укрытия и бесшумно

устремился вперед. План был ясен. Призрачной тенью пролетев вдоль ряда домов на прилегающей улице, он скользнул в ближайший поворот, одним прыжком перемахнул открытое пространство, взобрался на огромную груду обломков рухнувшей стены здания и уже на брюхе втиснулся в темный проем между двумя плитами. Протянувшаяся улица напоминала скальное ущелье, и узкая горловина выхода лежала как раз внизу.

Но в последний момент он слишком поторопился. Когда человек был уже под ним, Зорл напрягся в нетерпении, и вниз посыпались камешки. Человек вскинул голову и одновременно выхватил оружие.

Зорл вытянул лапу и нанес единственный удар сверху по шлему. Послышался шум лопнувшего металла, и брызнула кровь. Человек укоротился вдвое, как складной телескоп. Какое-то время кости и мышцы необъяснимым образом продолжали удерживать тело в вертикальном положении, затем оно повалилось, громыхнув металлическими частями скафандра.

Содрогаясь в конвульсиях, Зорл прыгнул на жертву. Сейчас он уже вырабатывал защитное поле, чтобы ид в крови не распался. Не теряя

ни мгновения, он разорвал скафандр и тело под ним. Хрустнули кости. Разверзлась плоть. Зорл погрузил морду в теплое тело, его миниатюрные сосочки вытягивали и впитывали в себя весь ид из клеток. Минуты три он в исступлении предавался своему занятию, пока перед глазами не мелькнула какая-то тень. Он вскинул голову и увидел маленький летательный аппарат, приближающийся со стороны низкого солнца. На миг Зорл оцепенел, но тут же встряхнулся и укрылся среди обломков.

Когда он снова поднял глаза, летательный аппарат медленно удалялся влево. Но он заходил в разворот, так что мог скоро вернуться. Доведенный почти до бешенства тем, что приходится прерывать насыщение, Зорл оставил добычу и поспешил к космическому кораблю. Он несся, как преследуемый зверь, и замедлил ход, только увидев первую группу работающих людей. Приближался он с осторожностью, но они были так заняты, что ему удалось пройти мимо них незамеченным.

Гросвенор устал искать Зорла. Город оказался чересчур крупным. В нем было гораздо больше развалин и возможных укрытий, чем он предполагал. В конце концов он смирился с

необходимостью вернуться на корабль. Он испытал огромное облегчение, заметив монстра, который, лениво развалясь на плоском камне, принимал солнечные ванны. Он остановил катер на достаточном расстоянии и продолжил свои наблюдения. Он не отводил взгляда до того момента, когда, по прошествии двадцати минут, услышал по переговорному устройству сообщение о том, что одна из групп, обследовавших город, наткнулась на растерзанное тело доктора Джарвея из химического отдела.

Гросвенор отметил точное место трагедии и немедленно туда направился. Почти сразу же он узнал, что Мортон не собирается осматривать тело на месте. Каким-то торжественным тоном начальник экспедиции распорядился по радио:

— Перенесите останки на борт.

Коллеги Джарвея находились уже там, серьезные и напряженные.

При виде клочьев мяса и залитых кровью обломков скафандра у Гросвенора перехватило горло. Он услышал, как Кент воскликнул:

— Понадобилось же ему отправиться совсем одному, идиотизм какой!

Голос главного химика подрагивал. Гросвенор вспомнил, что Кент и его первый заместитель

Джарвей были близкими друзьями. Кто-то, видимо, заговорил с ним на частоте, зарезервированной за химическим отделом, поскольку Кент ответил:

— Да, нужно делать вскрытие.

Гросвенор понял, что может упустить важную часть разговора, так как устройство в его скафандре не было подключено к этой частоте. Он поспешил прикоснуться к плечу ближайшего человека и спросил:

— Вы не против, если я послушаю химиков при вашем посредничестве?

— Валяйте.

Слегка придерживаясь пальцами за руку человека, Гросвенор расслышал чей-то дрожащий голос:

— Самое ужасное в том, что убийство, похоже, лишено мотива. Тело представляет собой сплошное месиво, но, кажется, все части на месте.

В разговор, на общей волне, вмешался Смит, биолог. Голос его был мрачен как никогда.

— Убивший вполне мог напасть на Джарвея с целью сожрать, а затем обнаружил, что подобное мясо для него несъедобно. Вспомните о нашем котике. Он не притронулся ни к чему из того, что ему предлагали… — Смит помолчал, потом

медленно продолжил: — Кстати, он достаточно крупный и сильный, чтобы проделать эту работу голыми лапками.

Мортон, видимо, слушавший беседу, перебил его:

— Эта мысль, по всей вероятности, закрадывается в головы многих из нас. В конце концов, он пока единственное живое существо, встреченное нами здесь. Однако мы не можем его казнить только на основании подозрений.

— Тем более, — произнес кто-то, — что я ни на мгновение не терял его из вида.

Прежде чем Гросвенор успел вмешаться, на общей волне послышался голос психолога Зиделя:

— Мортон, я тут переговорил напрямую с некоторыми нашими людьми. Поначалу все были уверены, что не теряли монстра из виду, но потом припомнили, что он имел возможность отойти на несколько минут. У меня самого осталось ощущение, что наш зверь все время находился поблизости. Но сейчас, думая об этом, я обнаруживаю пробелы. Были моменты, даже долгие минуты, в течение которых никто его не видел.

Гросвенор выдохнул, решив промолчать. То, что он хотел сказать, уже сказано.

Вместо него в разговор вступил Кент.

— По моему мнению, — заявил он непримиримым тоном, — мы не должны рисковать. Пусть это только подозрения, но надо уничтожить зверя, прежде чем он успеет загрызть еще кого-нибудь.

— Корита, — спросил Мортон, — вы здесь?

— Я здесь, шеф.

— Корита, вы с Крэнесси и Ван Хорном уже прошлись по окрестностям. Как думаете, этот кот может быть потомком ведущей расы планеты?

Гросвенор огляделся и заметил археолога, держащегося немного позади Смита; его окружали коллеги.

Высокий японец заговорил медленно, чуть ли не благоговейным тоном:

— Шеф, мы присутствуем при каком-то таинстве. Обратите внимание на всю величавость этих линий. Оцените размеры монументов. Данные существа, хотя и выстроили для себя мегаполис, оставались верны природе. Их сооружения не только украшены. Они сами являются украшениями. Вот эквиваленты дорической колоны, египетской пирамиды, готического собора, вырастающие прямо из почвы, значительные и в себе самих содержащие послание. Если сей мертвый пустынный мир можно считать родиной,

значит, природа занимала важное место в сердцах его обитателей. Извилистые улицы только усиливают впечатление. Их машины показывают, что эти существа были математиками, но прежде всего они были художниками. Поэтому они не стали создавать город по расчерченным линиям, как, например, наша сверхвычурная столица. Во всем здесь явлена истинно художественная небрежность, глубокое радостное чувство, читающееся в кривизне и иррациональных пропорциях домов, сооружений, проспектов; ощущение силы, божественной убежденности в собственной правоте. То была не упадочническая, убеленная сединами цивилизация, но молодая, уверенная в себе и верящая в будущее культура. И затем она резко остановилась, точно познала свою битву при Пуатье и начала разрушаться, как старая мусульманская цивилизация. Или, словно, рывком перескочив целые века медленной приспособляемости, оказалась сразу в эпохе мировых войн.

Однако во вселенной нет никаких свидетельств того, чтобы какая-нибудь культура могла проделать такой резкий скачок. Закат цивилизации — это процесс, и он проходит медленно. Упадок всегда начинается с безжалостной постановки

под сомнение всего, что ранее считалось священным. Убежденность перестает существовать. Истины, некогда непреложные, рушатся перед отважными аналитическими и научными умами. Скептики становятся высшим типом.

Я утверждаю, что данная культура закончилась внезапно, в самом апогее своего развития. Такая катастрофа непременно должна была привести в социальном плане к падению морали, возврату к праву сильного, звериным нравам, не смягченным никаким идеалом. Она также влечет за собой полное безразличие к смерти. И если наш котенок является потомком этой расы, он, несомненно, создание хитрое, скрытное, готовое без зазрения совести перегрызть глотку собственному брату, буде в том какая-либо выгода.

— Достаточно, — сухо сказал Кент. — Я охотно исполню роль палача.

— Протестую! — вмешался Смит. — Послушайте, Мортон, нельзя убивать зверя сразу, даже если он виновен. Это диверсия против биологии.

Кент и Смит метали друг в друга яростные взгляды. Наконец, последний сказал:

— Мой дорогой Кент, я понимаю, что вашему брату химику больше всего хотелось бы разместить по пробиркам и ретортам плоть и

кровь котенка и приняться за разложение их на составляющие элементы. И тем не менее, с сожалением вынужден вам заметить, что вы слегка торопитесь. Мы, биологи, работаем с живым материалом, не с мертвым. Более того, у меня есть ощущение, что и физики предпочли бы бросить на него взгляд, пока он еще в живом состоянии. Таким образом, вы последний в списке. Вам надлежит смириться. Вы получите свою добычу где-нибудь через год, не раньше.

— Я смотрю на это не с научной точки зрения, — сдерживая себя, ответил Кент.

— Но именно так следует поступать сейчас, когда Джарвей мертв и для него ничего уже нельзя сделать.

— Я прежде всего человек и только потом ученый, — резко ответил Кент.

— И вы готовы под влиянием чувств уничтожить ценнейший научный экспонат?

— Я собираюсь уничтожить это создание, потому что оно представляет опасность. Мы даже не знаем, насколько она велика. Мы не имеем права ждать, когда оно выберет новую жертву.

Конец дискуссии положил Мортон. Он произнес задумчивым тоном:

— Корита, думаю, мы примем вашу теорию в

качестве рабочей гипотезы. Но еще один вопрос. Возможно ли, что цивилизация, о которой вы говорите, утвердилась на планете позже, чем наша стала галактической, освоив всю эту систему?

— Вполне возможно, — сказал Корита. — Речь может идти о середине десятой цивилизации здешнего мира. В то время как наша, насколько мы сумели установить, является восьмой цивилизацией Земли. Каждая из десяти цивилизаций этой планеты, естественно, создавалась на развалинах предыдущей.

— В таком случае, котенку не должен быть знаком тот скептицизм, который заставил нас подозревать в нем прирожденного убийцу?

— Никоим образом.

В переговорном устройстве послышался горький смех Мортона.

— Ваши желания исполнятся, Смит, — сказал он. — Котенок останется живым. И если теперь, когда нам известно, кто он такой, что-то случится, то только лишь по нашему недосмотру. Не исключено, кстати, что мы ошибаемся. У меня тоже сложилось впечатление, что зверь все время был рядом. Возможно, мы несправедливы по отношению к нему и на планете водятся другие опасные создания…

После некоторой паузы Мортон спросил:

— Кент, как мы поступим с телом Джарвея?

Химик ответил горестным тоном:

— Мы похороним его не сразу. Этот проклятый кот что-то искал в нем. С виду все на месте, но чего-то все равно должно недоставать. Мне нужно самому проверить, и тогда вы убедитесь, что монстр виновен, без всяких сомнений.

3

Вернувшись на борт, Эллиот Гросвенор направился в свои владения. На двери висела табличка: ОТДЕЛ НЕКСИАЛИЗМА. За ней находилось помещение размерами пятнадцать на двадцать пять метров, поделенное на пять комнат. Там располагалось большинство приборов и устройств, которые Институт нексиализма вытребовал у правительства. Свободного места оставалось мало. Войдя в дверь отдела, Гросвенор оказался в полном одиночестве.

Он сел за свой рабочий стол и принялся составлять отчет для Мортона. Прежде всего, он проанализировал физическое строение кошки, обнаруженной на этой холодной пустынной планете. Он указал, что такого матерого зверя нельзя рассматривать только как бесценную находку для биологии. Не следовало забывать, что монстр должен иметь свои собственные инстинкты и потребности, определяемые метаболизмом, отличным от человеческого. «Мы располагаем уже достаточным количеством собранных сведений, — диктовал он в записывающее устройство, — чтобы составить то, что нексиалисты

называют памяткой с рекомендациями».

Понадобилось значительное время, чтобы завершить эту памятку. Закончив работу, он отнес кассету с записью в машинописное бюро и потребовал немедленной распечатки. Будучи начальником отдела, он получил ее очень быстро. Через два часа он представил свой доклад в приемную Мортона. Второй секретарь выдал ему расписку в получении. Посчитав свой долг исполненным, Гросвенор отправился в столовую на поздний обед. Он спросил у официанта, где находится кот. Тот не мог сказать с уверенностью, но полагал, что, скорее всего, в большой библиотеке.

Гросвенор провел в библиотеке целый час, наблюдая за Зорлом. Все это время монстр лежал, растянувшись на толстом ковре, совершенно неподвижно. В конце часа открылась одна из дверей, пропуская внутрь двух человек, несущих большую чашу; тут же вслед за ними показался Кент. Глаза химика лихорадочно блестели. Остановившись посреди зала, он произнес усталым, но решительным голосом.

— Хочу показать вам, что сейчас произойдет!

Обращался он ко всем присутствующим, но смотрел только на группу ученых, располо-

жившихся в углу. Гросвенор поднялся, чтобы заглянуть в чашу. Там колыхалась какая-то коричневатая жидкость.

В углу со своего места встал Смит.

— Минутку, Кент. В любых других обстоятельствах мне бы и в голову не пришло оспаривать ваши действия. Однако сейчас вы мне кажетесь больным. Вы, явно, переутомились. Вы получили разрешение Мортона на свой эксперимент?

Кент медленно повернулся, и Гросвенор, который снова сел, смог увидеть, что Смит ничего не преувеличил. Под глазами главного химика залегли черные круги, щеки ввалились.

— Я пригласил его прийти сюда. Он отказался. Но согласился с тем, что, если монстр легко поддастся, эксперимент никому не повредит.

— И что у вас в чаше?

— Я определил элемент, которого не хватает, — сказал Кент. — Это калий. В тканях тела осталось всего две трети или три четверти его нормального количества. Вы знаете, что в клетках человеческого тела калий находится в соединении с большой белковой молекулой, данное соединение способно порождать электрические импульсы. Это одно из основных условий жизни. Обычно, после смерти клетки выделяют калий в кровь, что приводит

к ее отравлению. Я обнаружил, что в клетках тела Джарвея недостает калия, однако следов его нет и в крови. Я не очень хорошо представляю себе все значение этого факта, но намерен выяснить.

— Но что именно в этой чаше? — спросил кто-то.

Все отложили книги и журналы и с интересом наблюдали за происходящим.

— Она содержит живые клетки с калием во взвешенном состоянии. Вы знаете, мы способны получить это соединение искусственным путем. Возможно, котенок отказался от пищи, которую ему предлагали, по той причине, что присутствующий в ней калий находился не в том виде, который он может усвоить. По моему мнению, он учует это соединение, или почувствует с помощью того, что ему служит вместо обоняния.

— Мне кажется, он воспринимает волны, — вступил в разговор Гурли. — Временами, когда начинают шевелиться мерцательные волоски на его ушах, мои приборы регистрируют мощные помехи. Потом они стихают. Думаю, он использует какую-то частоту за пределами нашего восприятия. Похоже, он способен распоряжаться электромагнитными колебаниями по своему усмотрению. Вряд ли сами движения волосков

порождают это излучение.

Кент, с заметным нетерпением ожидавший, когда Гурли замолчит, продолжил:

— Хорошо, будем считать, что он воспринимает колебания. Мы сможем понять, что доказывают его реакции, если он, восприняв эти колебания, начнет бурно реагировать. — И закончил уже более примирительным тоном: — Что вы думаете, Смит?

— В вашем плане три слабых места. Прежде всего, вы, видимо, полагаете, что он только животное. И вы, похоже, забыли, что он должен быть, наверное, сытым после того, как покормился Джарвеем… если он в самом деле им кормился. Кроме того, вы, кажется, рассчитываете, что он не заподозрит подвоха. Но в любом случае, предложите ему свою чашу. Возможно, его реакция все же что-нибудь нам скажет.

Эксперимент Кента стоило признать абсолютно годным, несмотря на множество содержащихся в нем эмоциональных моментов. Существо уже продемонстрировало, что способно не сдержать реакции при внезапном возбуждении. Не стоило упускать из внимания его поведение в неожиданно закрывшемся лифте. По крайней мере, таковыми были размышления Гросвенора.

Немигающим взглядом Зорл следил за тем, как двое людей ставят перед ним чашу. Они поспешно отступили, и вперед вышел Кент. Зорл узнал его: это был человек, который целился в него утром. Какое-то время Зорл смотрел на двуногого, потом его внимание привлекла чаша. Его мерцательные волоски восприняли пьянящие вибрации ида, которые она испускала. Вибрации были слабыми, настолько слабыми, что, если бы он не сконцентрировался, то мог бы не заметить их, и ид находился в той форме, которая практически неусвояема для него. Но вибрации были достаточно сильными для того, чтобы Зорл понял, чего от него ожидают. Он привстал с глухим рычанием. Схватил чашу с помощью присосок, которыми оканчивались плечевые щупальца, и выплеснул ее содержимое в лицо человека. Взвыв, Кент отступил.

Зорл метнул чашу в угол и толстым щупальцем обхватил Кента за талию. Оружие, висевшее на его поясе, Зорла не беспокоило. Он чувствовал, что это всего лишь вибратор, а не атомный дезинтегратор. Он отшвырнул двуногого в другой конец зала и только тогда осознал, досадливо зашипев, что все-таки следовало его разоружить. Теперь ему, очевидно, придется раскрыть свои

защитные возможности.

Взбешенный Кент отер лицо от слизи, другой рукой выхватывая оружие. Трассирующий луч ударил в массивную голову Зорла. Мерцательные волоски его ушей загудели, поглощая энергию. Он глянул недобро на других людей, положивших руки на свои вибраторы.

Гросвенор сказал резким тоном:

— Стойте! Если мы не возьмем себя в руки, потом будем сожалеть.

Кент вложил оружие в кобуру и повернулся, с удивлением глядя на Гросвенора. Зорл присел на задние лапы, злясь на человека, вынудившего его показать, что он способен контролировать внешние колебания. Но теперь уже не оставалось ничего другого, кроме как держаться настороже и ждать последствий.

— Кто вам дал право командовать? — спросил Кент раздраженно.

Гросвенор не ответил. Его роль в инциденте уже исчерпалась. В критический момент он произнес необходимые слова безапелляционным тоном. И неважно, что подчинившиеся ставят теперь под сомнение его авторитет. Кризис миновал. То, что он сделал, не имело отношения к вопросу виновности или невиновности монстра.

В любом случае, решение о судьбе зверя должны принимать законные представители власти, а не отдельный человек.

— Кент, — ледяным голосом произнес Зидель, — я не верю, что вы действительно потеряли голову. Вы осознанно пытались убить котенка, зная, что начальник экспедиции запретил это делать. Меня снедает желание сообщить о вашем поведении, настаивая на применении санкций. Вы знаете, что сие означает: потеря руководящего положения в отделе и невозможность выставлять свою кандидатуру ни на один из двенадцати высших постов.

Недовольный гул всколыхнул небольшую группу людей, в которых Гросвенор узнал сторонников Кента.

— Послушайте, Зидель, — протянул один, — не говорите глупостей.

Другой высказался более откровенно:

— Не забывайте, что найдутся свидетельства и в пользу Кента, не только против.

Кент глянул на своих помощников с презрением.

— Корита был прав, говоря, что мы прошли этап культуры и живем теперь в позднюю эпоху цивилизации. Следовательно, наступает закат.

Господи, да хоть кто-нибудь из вас в состоянии осознать весь ужас ситуации? Джарвей погиб несколько часов назад, а чудовище, как нам всем известно, в том виновное, лежит тут совершенно свободно, готовясь к следующему убийству. И будущая жертва, вне всяких сомнений, находится в этом зале. Что мы за люди? Идиоты, циники, вампиры? Или наша цивилизация уже настолько рациональна, что мы способны даже смотреть на убийцу с симпатией? Мортон не ошибся, — сказал он, с мрачным видом рассматривая монстра, — это не животное. Это демон, вышедший из глубин ада забытой планеты.

— Не надо мелодрам, — сказал Зидель. — Ваш анализ ситуации свидетельствует о том, что вы не в себе. Мы не циники и не вампиры. Мы просто ученые, и нам нужно изучить нашего котенка. Сейчас, когда мы его подозреваем, очень сомнительно, чтобы он мог захватить кого-нибудь из нас врасплох. Один шанс из тысячи.

Он огляделся вокруг, потом продолжил:

— В отсутствии Мортона возьму на себя инициативу предложить провести немедленное голосование по данному поводу. Я выразил общую мысль всех присутствующих?

— Только не мою.

Это высказался Смит. И поскольку психолог смотрел на него с недоумением, он добавил:

— В пылу момента никто, похоже, не обратил внимания на то, что, когда Кент применил вибратор, луч ударил прямо в голову кота, не причинив ему ни малейшего вреда!

Удивленный взгляд Зиделя переместился со Смита на монстра, затем вернулся обратно.

— Вы уверены, что луч в него попал? Как вы и отметили, все произошло очень быстро… Увидев, что котенок не ранен, я просто решил, что Кент промахнулся.

— Я абсолютно уверен, что он попал в голову, — сказал Смит. — Вибратор, конечно, не может убить человека сразу, но он в силах его оглушить. Однако на котенка прямое попадание никак не подействовало; он даже не вздрогнул. Я не говорю, что это убедительное доказательство, но в свете наших сомнений…

Зиделя было нелегко сбить с толку.

— Возможно, его шкура является хорошим тепло- и энергоизолятором.

— Возможно. Однако, ввиду нашей неуверенности, считаю необходимым просить Мортона, чтобы он распорядился запереть зверя.

Зидель задумчиво наморщил лоб; в разговор

вступил Кент:

— Вот это уже более здравая мысль, Смит.

— Итак, Кент, — быстро откликнулся Смит, — вы сочтете это достаточной мерой, если мы посадим его в клетку?

После некоторой паузы Кент ответил с неохотой:

— Да. Если десятисантиметровая сталь не в состоянии его удержать, лучше уж сразу отдать ему корабль.

Гросвенор промолчал. Он уже рассмотрел проблему заключения монстра в своем докладе Мортону и отверг вариант с клеткой из-за системы запирания, которую он в себя включал.

Зидель приблизился к настенному коммуникатору, негромко побеседовал, затем вернулся к остальным.

— Мортон сказал, что если мы можем поместить зверя в клетку, не прибегая к силе, то он согласен. В противном случае советует просто закрыть его в той комнате, в которой он находится. Что вы об этом думаете?

— В клетку! — вскричали хором человек десять.

Гросвенор использовал паузу, чтобы вставить:

— Выпустите его на ночь наружу. Он все равно

не уйдет от корабля.

Реплику проигнорировали. Один лишь Кент глянул на него и произнес язвительно:

— Сдается мне, вы сами не понимаете точно, чего хотите. Сначала вы спасаете ему жизнь, потом признаете, что он опасен.

— Он спас себе жизнь без посторонней помощи, — сухо заметил Гросвенор.

Дернув плечом, Кент отвернулся.

— Посадим его в клетку, где и подобает сидеть убийце.

— Теперь нужно решить, — сказал Зидель, — как мы это проделаем.

— Вы все же хотите поместить монстра в клетку? — спросил Гросвенор.

Он не стал дожидаться ответа, его, впрочем, и не последовало. Он шагнул вперед и тронул окончание ближайшего щупальца. Придаток слегка втянулся, но Гросвенор не смутился. Он сжал щупальце ладонью и указал на дверь. Поколебавшись еще мгновение, зверь молча пересек зал.

— Нужно тщательно согласовать наши действия. Готовы?

Минутой позже Зорл, трусивший за Гросвенором, оказался в помещении с металлическими переборками и двумя входами, расположенными

друг против друга; человек вышел во вторую дверь, Зорл направился за ним, но дверь захлопнулась. В то же мгновение сзади послышалось металлическое клацанье. Он резко развернулся. Первая дверь также была закрыта. Он ощутил поток энергии в электронном замке, который защелкнулся. Когда он понял, что угодил в ловушку, клыки оскалились, но он быстро овладел собой. Он обратил внимание на то, что на эту ситуацию реагирует по-другому, нежели на происшествие в лифте. В течение столетий его занимала еда, и только еда. Сейчас начинали пробуждаться другие воспоминания. Его тело обладало способностями, которыми он давно перестал пользоваться. По мере того, как он осознавал их существование, мозг сам принимался обдумывать открывающиеся перед ним новые возможности.

Он присел на короткие задние лапы. Мерцательные волоски исследовали энергетические потенциалы окружающего пространства. Потом он лег с презрительным блеском в глазах. Точно, слабоумные!

Примерно через час он услышал, как человек — это был Смит — приводит в действие какой-то аппарат на потолке клетки. Зорл вскочил. Снача-

ла мелькнула мысль, что он в них ошибся и они собираются прикончить его немедленно. А он рассчитывал, что ему дадут время осуществить задуманное.

Он всполошился, нервная система напряглась, почувствовав излучение, гораздо более жесткое, чем видимый свет. Понадобилось несколько секунд для осознания того, что происходит: фотографировали внутренности его тела.

В следующее мгновение человек удалился. Немного погодя Зорл расслышал других людей, хлопотливо суетившихся в соседних помещениях. Потом и они угомонились. Он терпеливо ждал, пока тишина не окутает корабль. В далеком прошлом, когда они еще не обрели своего бессмертия, зорлы тоже спали по ночам. Он вспомнил об этой привычке, заметив, как некоторые члены экипажа дремлют в библиотеке.

Однако один из шумов не исчез. Даже когда ночная тишина воцарилась на всем корабле, Зорл продолжал слышать шаги двух людей. Они присматривали за его камерой, удаляясь на некоторое расстояние, затем возвращаясь. Сложность состояла в том, что часовые ходили не вместе. Сначала у дверей появлялся один, затем другой.

Зорл долго прислушивался к их шагам, отмечая

каждый раз, сколько времени занимает у них обход. В конце концов он перестал сомневаться, что запомнил совершенно точно. Как только прошел второй охранник, он перенастроил свои рецепторы, и пробежал весь диапазон используемых людьми частот. Яростное буйство силы, содержащейся в атомном реакторе, расположенном в машинном отделении, отозвалось в его нервной системе, успевшей все же приглушить этот привет. Динамо-машины мурлыкали песенку чистой энергии. Он ощутил электрические токи, струящиеся по кабелям внутри стен и в дверном замке клетки. Он сдержал дрожь тела, сохраняя полную неподвижность. Мерцательные волоски подстроились и внезапно вошли в резонанс.

Замок клацнул. Легким прикосновением щупальца Зорл открыл дверь и выбрался в коридор. На какое-то мгновение его захлестнула волна презрения к глупым созданиям, посчитавшим, что они в состоянии помериться хитростью с зорлом. Затем вдруг вспомнил, что он не единственный зорл на планете. Мысль пришла неожиданно и вызвала в нем странное ощущение. Он всегда питал к другим зорлам лютую ненависть и ожесточенно бился с каждым встреченным, но сейчас увидел в этих малочисленных существах

себе подобных, представителей собственного исчезающего рода. Если бы они получили шанс расплодиться, никто — и уж тем более люди — не смог бы противостоять им.

Размышляя о данной возможности, он ощутил свою слабость, одиночество, потребность действовать сообща. Он был один против тысячи, а ставкой в этой битве выступала целая галактика. Его честолюбие распространилось на всю вселенную в ее совокупности. Если он проиграет сейчас, случай никогда больше не выпадет. Он не мог надеяться в мире, лишенном пищи, отыскать секрет полетов к другим мирам. Даже конструкторы города не сумели найти способ покинуть планету. Он пересек просторный салон и оказался в другом коридоре. Увидел перед собой дверь каюты. Она была закрыта на электронный замок, но Зорл открыл его без шума. Прыгнул в помещение и перегрыз горло человеку, спавшему на койке. Голова свесилась на бок, тело забилось в конвульсиях. Зорл чуть было не поддался соблазну, ощутив эманации ида, исходящие от тела, но заставил себя продолжить путь.

Семь кают — семь трупов. Затем Зорл бесшумно вернулся в клетку и запер за собою дверь. Он великолепно рассчитал время. Прибыли карауль-

ные. Они по очереди глянули на монитор камеры наблюдения и, удовлетворенные, двинулись дальше по своему маршруту. Зорл отправился во вторую вылазку и за несколько минут обошел четыре каюты. Затем он попал в большое спальное помещение, которое занимали двадцать четыре человека. До этого он действовал без лишних проволочек, потому что в любой момент точно знал, через какое время нужно вернуться в клетку. Но при виде такого количества добычи у него помутилось в голове. В течение тысяч лет он убивал все живые создания, которые мог поймать. Но даже в самом начале удавалось найти существ с идом не чаще, чем раз в неделю. У него никогда еще не было необходимости сдерживаться. Он вошел бесшумно и неумолимо, как дикий зверь, которым и был, и наслаждался убийством, пока в помещении не осталось ни одного живого.

И только тогда понял, что уже не успевает. Он содрогнулся, осознав чудовищность ошибки, которую совершил. По плану он должен был последовательными набегами убить всех обитателей корабля, рассчитывая свои вылазки таким образом, чтобы оказываться на месте каждый раз, когда проходящие мимо охранники заглянут в клетку. Теперь он был вынужден расстаться с

надеждой захватить корабль в течение одной ночи.

Зорл встряхнулся, стараясь прийти в себя, и рванулся вперед. Огромными прыжками он проскочил салон, совершенно не заботясь о производимом шуме, и влетел в коридор, ведущий к клетке. Он напрягся, почти ожидая, что его встретят мощным залпом энергии, с которой он не сумеет совладать.

Оба караульных стояли у клетки. Они, видимо, только что обнаружили его отсутствие.

Они одновременно подняли головы, мгновенно парализованные ужасом перед когтями и щупальцами монстра, его головой дикой кошки и глазами, горящими ненавистью. С большим запозданием один из них потянул руку к своему оружию. Другому удалось лишь завизжать от страха. Этот пронзительный визг, прозвучавший в тишине очень странно, пронесся по коридорам и отозвался в мембранах настенных коммуникаторов, перебудив всех на корабле. Он закончился утробным выдохом, потому что Зорл одним мощным ударом отшвырнул обоих людей в другой конец длинного коридора. Он не хотел, чтобы трупы нашли возле его клетки. В этом заключалась единственная надежда.

Глубоко потрясенный, осознавая непоправимость допущенной ошибки, не в силах сосредоточиться, он бросился в свою камеру. Дверь закрылась за ним с приглушенным щелчком. Еще раз в замке возник электрический ток. Зорл прилег на полу и сделал вид, что дремлет, так как расслышал приближающийся топот и возбужденные голоса. Он и с закрытыми глазами чувствовал, что никто не смотрит на него через систему наблюдения. Решающий момент наступит не раньше, чем обнаружат остальные трупы.

Зорл медленно напрягся, готовясь к самой великой битве в своей жизни.

4

— Сивер мертв! — произнес Мортон глухим голосом. — Что мы будем делать без Сивера? И Брекенриджа? И Култера? И… Это ужасно!

Люди теснились в коридоре. Гросвенор, которому пришлось проделать немалый путь, добираясь до места, оказался в последних рядах толпы. Он предпринял две попытки подобраться ближе к Мортону, но каждый раз его отталкивали, даже не повернувшись, чтобы посмотреть, кто это. Гросвенор смирился. Он заметил, что начальник экспедиции собирается обратиться к присутствующим. Мортон осмотрел всех с мрачным видом. Его подбородок выступал вперед еще больше, чем обычно.

— Если у кого-нибудь есть хоть какое-то предположение, пусть выскажется, — потребовал он.

— Космический психоз!

Гросвенор поморщился. Это выражение, до сих пор еще бывшее в ходу, несмотря на долгие годы существования межзвездных перелетов, не имело абсолютно никакого смысла. Тот факт, что в космосе некоторые действительно сходили с ума, не выдерживая одиночества, страха и

постоянного напряжения, вовсе не означал, что они были поражены какой-то особенной болезнью. Длительное путешествие на корабле *Бигль* тоже таило в себе определенные опасности для психического здоровья — и это одна из причин, по которым в состав экспедиции был включен Гросвенор — но опасность психоза в их число не входила.

Мортон колебался. Похоже, и он считал поданную идею не заслуживающей внимания. Но время не располагало к тонким научным дискуссиям. Люди испытывали страх. Они нуждались в успокоении и ободрении, они хотели увериться в том, что все меры по обеспечению их безопасности будут приняты. Именно в такие моменты, как показывал опыт, начальники экспедиций, командиры кораблей и всякого рода ответственные лица рисковали навсегда утратить свой авторитет. Мортон, по-видимому, это знал, поскольку каждое его слово, когда он снова заговорил, показалось Гросвенору тщательно взвешенным.

— Мы уже о том подумали, — сказал он. — Доктор Эггерт и его помощники проведут обследование всех находящихся на борту. Сейчас они заняты осмотром тел.

Мощный бас рявкнул почти у самого уха Грос-

венора:

— Я здесь, Мортон! Скажите этим людям, чтобы пропустили меня.

В толпе задвигались, освобождая проход. Не мешкая, Гросвенор двинулся следом. Как он и рассчитывал, все пропускали и его, принимая за ассистента доктора. Когда они добрались до Мортона, доктор Эггерт сказал:

— Я слышал ваши слова, шеф, и могу сразу же заявить, что в данном случае и речи не идет о космическом психозе. Привести тела в такое состояние возможно только с помощью силы, на порядок превышающей человеческую. Они даже не успели крикнуть.

Эггерт помолчал, потом спросил:

— А что там с нашей большой кошкой, Мортон?

Начальник экспедиции покачал головой:

— Котенок в клетке и ходит по кругу. Но мне хотелось бы услышать мнения специалистов. Можем ли мы подозревать его? Клетка предназначена для содержания животных в четыре-пять раз более крупных. Мне кажется, в его виновность трудно поверить, если же он, конечно, не обладает какими-то способностями, о которых мы пока не имеем представления.

В разговор вступил Смит.

— Мортон, — сказал он мрачным тоном, — у нас уже достаточно доказательств. Говорю об этом с сожалением: вы знаете, я бы предпочел, чтобы кот был живым. Я пытался провести флюорографическую съемку. Пластины остались девственно чистыми. Вспомните, что говорил Гурли. Похоже, данное существо в состоянии поглощать и излучать волны любых частот. Подтверждением может служить то, как оно играючи справилось с выстрелом Кента. Все доказывает, что кот обладает совершенно уникальной способностью контроля энергии.

Кто-то пробурчал:

— Час от часу не легче! Если он способен модулировать и испускать колебания любых частот, не вижу, что может помешать ему перебить нас всех.

— Одно из другого, — сказал Мортон, — не вытекает с неизбежностью, в противном случае, он давно бы это сделал.

Начальник экспедиции решительно направился к щитку у двери.

— Вы не откроете клетку, — вскричал Кент, хватаясь за свой излучатель.

— Не открою. Но если я нажму вон на ту кнопку,

в полу возникнет электрический ток и уничтожит все находящееся внутри. Таким устройством оснащены все наши клетки, это одна из мер предосторожности.

Мортон нажал на кнопку. Через долю секунды из щитка брызнули голубые искры, выбитый предохранительный блок пролетел над его головой. Мортон поднял коробку, вытащил одну вставку и нахмурил брови.

— Странно, — сказал он. — Эти предохранители не должны перегорать. Теперь мы не можем даже увидеть, что происходит в клетке, поскольку камера наблюдения тоже вышла из строя.

Смит произнес:

— Если ему под силу открыть электронный замок, то, наверное, он изучил и остальные устройства в клетке и подготовился к электрическому разряду.

— По меньшей мере, это доказывает, что он уязвим для наших энергий, — сказал Мортон, — раз уж ему понадобилось их обезвреживать. Главное то, что мы поместили его за десятисантиметровые стены из самого прочного металла. В крайнем случае, мы всегда можем открыть двери и направить на него полупортативный излучатель. Но для начала давайте попробуем пустить

ток в клетку через силовой кабель флюорографической камеры.

Шум, донесшийся изнутри, прервал его слова. Тяжелое тело ударилось в содрогнувшуюся стену. Последовали приглушенные звуки, словно множество мелких объектов непрерывно сыпалось на пол. Гросвенор мысленно сравнил это с шумом небольшой лавины.

— Он знает, что мы собрались сделать, — сказал Смит Мортону. — И готов поспорить, ему не по себе там внутри. Он, должно быть, сознает, что сглупил, вернувшись в клетку!

Напряжение немного ослабло. Кое-кто нервно улыбнулся. Замечание Смита вызвало даже несколько улыбок. Гросвенор же пребывал в озадаченности. Услышанные звуки не сказали ему ничего толкового. Слух самое обманчивое из всех пяти чувств. Невозможно было догадаться, что произошло или происходит в клетке.

— Хотел бы я знать, — произнес Пеннонс, главный механик, — почему стрелка индикатора флюорографической камеры дернулась и задрожала, когда котенок устроил весь этот тарарам внутри. Индикатор был у меня перед глазами, и я не понимаю, что могло случиться.

Как внутри, так и снаружи клетки установи-

лась тишина. Неожиданно возникло какое-то движение позади Смита. Подошли капитан Лит и два его офицера.

Капитан, крепкий мужчина пятидесяти лет, сказал:

— Я собираюсь взять дело в свои руки. Насколько я понял, ученые проводят диспут на тему: убивать или не убивать монстра, верно?

Мортон покачал головой:

— Диспут уже окончен. Мы пришли к единому мнению, что его нужно уничтожить.

Капитан Лит согласно кивнул:

— Именно такой приказ я и намеревался отдать. Считаю, что безопасность корабля под угрозой. А ее обеспечение входит в мои обязанности.

Он повысил голос:

— Освободите проход! Отойдите от двери!

Минуло немало минут, прежде чем коридор опустел. Гросвенор вздохнул с облегчением. Если бы монстр выбрался из клетки и обнаружил перед дверью толпу людей, даже не имеющих места отступить, он мог бы устроить настоящую бойню. Опасность, конечно же, не исчезла, но, по крайней мере, стала меньшей.

— Странное дело! Такое ощущение, что корабль вздрогнул.

Гросвенор тоже почувствовал; это было так, словно кто-то проверял работу главных двигателей. И еще раз корабль содрогнулся, потом замер.

Капитан Лит резко спросил:

— Пеннонс, кто там в машинном отделении?

Главный инженер побледнел:

— Второй механик и его помощники. Не понимаю, как они…

Последовал мощный рывок. Большой межзвездный корабль накренился, рискуя завалиться набок. Гросвенора с силой швырнуло на пол. Несколько мгновений он лежал, оглушенный ударом, затем тревога быстро заставила его подняться. Вокруг него вповалку валялись люди. Некоторые стонали от боли. Мортон прокричал какой-то приказ, которого Гросвенор не понял. Капитан Лит, в свою очередь, с трудом встал на ноги. Гросвенор услышал, как он ругается:

— Черт, что за кретин запустил двигатели?

И все это время корабль набирал скорость. Ускорение достигло пяти или шести g. Гросвенор, за неимением лучшего, направился к ближайшему настенному коммуникатору и попытался связаться с машинным отделением. За спиной кто-то взревел от ярости. Он обернулся. Мортон,

глядевший поверх его плеча, выкрикнул:

— Это котенок! Он в машинном зале. И мы отправляемся в космос!

Еще до того, как он закончил, экран коммуникатора затемнился. Корабль продолжал ускоряться. Гросвенор, шатаясь, пересек салон и углубился во второй коридор. Он вспомнил, что видел там склад космических скафандров. Добравшись до входной двери, он заметил, что капитан Лит опередил его и уже натягивает на себя один из скафандров. Когда он приблизился, капитан успел застегнуться и включить антигравитационное устройство.

Заметив Гросвенора, Лит поспешил ему помочь. Спустя минуту нексиалист уменьшил силу тяжести в своем скафандре до одного g. Теперь они оба могли действовать нормально. Нетвердой походкой в помещение входили другие. Через пару минут на складе не осталось ни одного скафандра. Те, кому их не хватило, отправились на другие этажи. Способных к работе теперь было несколько десятков. Капитан Лит уже исчез, и Гросвенор, не очень хорошо представляя, что ему следует делать дальше, быстро направился к клетке, в которую был заключен большой кот. Собравшаяся группа ученых толпилась перед две-

рью, по всей видимости, только что открытой.

Гросвенор через плечо стоявшего перед ним заглянул внутрь. В дальней стене зияла дыра, достаточно широкая для того, чтобы сквозь нее могли пройти пятеро людей развернутым строем. Рваные края выгибались наружу. Пролом выводил в другой коридор.

— Я мог бы поклясться, — пробормотал Пеннонс сквозь приоткрытое забрало своего шлема, — что такое невозможно. Даже наш десятитонный молот одним ударом мог бы лишь прогнуть данную переборку. Мы ведь слышали всего один удар. И атомному дезинтегратору понадобилось бы не меньше минуты, чтобы проделать подобное отверстие, и то потом вся зона оставалась бы радиоактивно опасной в течение многих недель. Мортон, это какое-то сверхсущество!

Начальник экспедиции не ответил. Смит изучал пробоину в стене. Потом биолог поднял глаза:

— Если бы был жив Брекенридж. Только специалист по металлам способен это объяснить. Посмотрите!

Он коснулся рваного края, кусок металла отделился, раскрошился и мелкой пылью просыпался на пол. Гросвенор двинулся вперед.

— Я немного разбираюсь в металлах, — сказал он.

Машинально ему освободили проход. Смит оглядел его инквизиторским взглядом.

— Вы один из ассистентов Брека? — сухо поинтересовался он.

Гросвенор сделал вид, что не расслышал. Наклонившись, он пощупал металлические осколки на полу и быстро выпрямился.

— Тут нет никакого чуда, — сказал он. — Как вы знаете, клетка спрессована в электромагнитном поле из очень мелкой металлической пыли. Монстр использовал свою способность управления энергией, чтобы воздействовать на силы сцепления частиц металла. Это объясняет скачок стрелки индикатора флюорографической камеры, виденный Пеннонсом. Наш кот вобрал в себя электроэнергию, трансформировал в своем теле и направил на металл, разрушив его структуру. Затем проломил уже хрупкую стену и устремился в машинное отделение.

К великому удивлению Гросвенора, его выслушали не прерывая. Наверное, в самом деле приняли за одного из ассистентов покойного Брекенриджа. Ошибка вполне естественная для такого огромного корабля, где далеко не каждый

успел познакомиться поближе со всем техническим персоналом других отделов.

— Итак, — спокойно произнес Кент, — теперь кораблем управляет сверхсущество, ставшее хозяином машинного отделения с его почти неограниченными источниками энергии, в настоящий момент оно имеет в распоряжении еще и наиболее важную часть мастерских.

Ситуация, как отметил про себя Гросвенор, была обрисована очень точно. На лицах собравшихся воцарилась тоска.

Слово взял один из офицеров подразделения безопасности:

— Мистер Кент ошибается, — сказал он. — Монстр не является полновластным хозяином машинного отделения. Рубка управления остается в наших руках, что обеспечивает нам возможность контролировать работу любых механизмов. Вы не входите в состав экипажа и, следовательно, не знакомы с точным устройством всех систем корабля. Естественно, монстр может в конце концов перекрыть доступ, но в данный момент ничто не мешает нам отключить любой механизм в машинном зале.

— Тогда какого черта, — вскричал кто-то, — вместо того, чтобы попросту остановить двигатели,

вы заставили тысячу человек переодеться в космические скафандры?

Офицер не позволил себя смутить:

— Капитан Лит считает, что в скафандрах с их защитными полями мы будем в большей безопасности. Скорее всего, монстр еще никогда не подвергался силе тяжести в пять-шесть *g*, и было бы жаль, поддавшись кратковременной панике, утратить то преимущество, которое представляет нам нынешнее положение дел, равно как упустить и другие возможности.

— Какие другие?

Слово взял Мортон.

— Полагаю, я тоже могу вам сказать. Мы уже кое-что знаем об этом создании. И я хочу предложить капитану Литу провести над ним один опыт.

Он повернулся к офицеру.

— Вы не могли бы попросить командира разрешить нам небольшой эксперимент?

— Думаю, лучше вам самому спросить у него. Вы можете связаться с ним по коммуникатору. Он сейчас на мостике.

Мортон вернулся через минуту.

— Пеннонс, — сказал он, — поскольку вы член экипажа и ответственны за машинное отделение,

капитан Лит просит, чтобы нашим экспериментом руководили вы.

Гросвенору показалось, что в голосе Мортона прозвучало некоторое раздражение. Капитан корабля не шутил, когда говорил, что берет дело в свои руки. Напомнила о себе старая история раздельного командования. Разграничительная линия была прочерчена с максимально возможной четкостью, но всего, естественно, не предусмотришь. В конце концов наступал момент, когда принимаемые решения начинали зависеть от личности конкретных людей. До сего дня офицеры и члены экипажа, исключительно из военных, аккуратно исполняли свои обязанности, подчиняясь научным целям путешествия. Тем не менее, опыт других экспедиций показывал, что по каким-то неизвестным причинам военные придерживаются не очень высокого мнения об ученых. И в такие моменты, как настоящий, скрытая неприязнь выплывала наружу. Почему, собственно, Мортон не мог провести задуманный эксперимент под своим руководством?

— Шеф, — сказал Пеннонс, — у нас просто нет времени, чтобы вводить меня в курс всех деталей. Командуйте сами! Если у нас возникнут разно-

гласия, мы их обсудим в процессе.

Уступка полномочий была проведена очень элегантно. Но Пеннонс, являясь главным механиком, сам принадлежал к клану людей науки.

Мортон не стал терять времени.

— Мистер Пеннонс, — произнес он безапелляционным тоном, — направьте по пять техников к каждому из четырех входов в машинное отделение. Одной группой займусь я. Вторую возглавит Кент. Третью поведет Смит. Четвертую, конечно же, мистер Пеннонс. Мы возьмем с собой переносные тепловые излучатели и взрежем главную дверь. Я заметил, что наш монстр там заперся.

Он оглядел остальных.

— Селенски, вы поднимитесь в рубку управления и отключите все, кроме ходовых двигателей. Переведите на главный рубильник и разом отключите. Но смотрите, не ошибитесь. Ускорение снижать нельзя. И самое главное — никакой антигравитации. Понятно?

— Да, сэр!

Пилот отсалютовал и скрылся в коридоре.

Мортон крикнул ему вслед:

— Если какая-нибудь машина вдруг заработает, сообщите мне по переговорному устройству!

Люди, выбранные в помощь руководителям

групп, все до одного относились к корабельному «гарнизону». Гросвенор вместе с оставшимися следил за тем, как разворачиваются события, со значительного расстояния. Когда появились переносные излучатели и защитные экраны, его начало снедать мучительное предчувствие провала. Он оценил по достоинству задействованные средства и примененную тактику. Он даже готов был допустить, что атака может увенчаться успехом. Но победа или поражение в данный момент были совершенно непредсказуемыми. Операцию спланировали исходя из давно устаревших принципов использования людей и их компетенции. И Гросвенор мог лишь наблюдать за затеей, которую решительно не одобрял.

В главном переговорном устройстве раздался голос Мортона.

— Как я уже говорил, в значительной степени, это представляет собой эксперимент. Он основан на предположении, что у монстра до сих пор еще не было достаточно времени произвести серьезные разрушения в машинном отделении. Следует захватить его раньше, чем он, в свою очередь, успеет подготовиться к нападению на нас. Но и помимо того факта, что мы, возможно, сумеем обезвредить его, у меня есть еще одна тео-

рия. Вот в чем моя идея: данные двери способны выдержать мощный взрыв, и понадобится, по крайней мере, пятнадцать минут, чтобы прожечь их. Все это время монстр не будет иметь в своем распоряжении никакой энергии, потому что Селенски все выключит. Останутся, естественно, работать двигатели, но не думаю, что он может использовать их энергию атомного распада. Через несколько мгновений вы увидите, что я имел в виду… во всяком случае, я на это надеюсь.

Он возвысил голос и крикнул:

— Готовы, Селенски?

— Готов.

— Тогда отключайте!

Коридор — и одновременно весь корабль, Гросвенор знал это — погрузился в темноту. Нексиалист зажег прожектор на своем шлеме. Все сделали то же самое. В свете прожекторов каждое лицо выглядело бледным и напряженным.

— Огонь!

Приказ Мортона прозвучал в переговорном устройстве.

Генераторы начали пульсировать. Жар, который они вырабатывали, по своему происхождению, если уж не по природе, был атомным. Он изливался на твердый металл двери, и Гросве-

нор заметил, как из нее стали сочиться первые капли. Зона плавления расширялась, и вскоре на пол потекли уже десятки ручейков. Прозрачный защитный экран мало-помалу запотевал, сквозь туман раскаленным сиянием блистала плавящаяся дверь. Адское зрелище: полыхающий огонь в топке взрывался и выстреливал градом ослепительных искр по мере того, как излучатели все глубже и глубже вгрызались в металл двери.

Время шло. Наконец, в переговорном устройстве раздался хриплый голос Мортона.

— Селенски!

— По-прежнему, ничего, шеф.

— Но должен же он делать что-нибудь, — пробормотал Мортон. — Не может ведь он просто ждать, как загнанная в нору крыса. Селенски!

— Ничего, шеф.

Прошло семь минут, потом десять, затем двенадцать.

— Шеф! — напряженным голосом доложил Селенски. — Он запустил главный электрогенератор.

Гросвенор затаил дыхание. Потом услышал голос Кента в переговорном устройстве.

— Мортон, мы не можем пробиться дальше. Если вы ожидали именно этого…

Гросвенор увидел, как Мортон сквозь экран изучает дверь. Даже издалека было заметно, что металл уже не настолько белый, как мгновениями раньше. Он начал краснеть, потом потемнел, остывая.

— Пока это все, — сказал Мортон, вздохнув. — Поставьте людей охранять коридоры! Не убирайте излучатели! Всем руководителям отделов собраться в рубке управления!

Гросвенор понял, что эксперимент закончен.

5

Гросвенор протянул свои верительные грамоты охраннику, преграждавшему вход в рубку управления. Тот с подозрением изучил документы.

— Вроде бы в порядке, — сказал он наконец. — Но в любом случае, вы первый человек моложе сорока, из тех, кого я пропускаю. Как вы добились этого в таком молодом возрасте?

Гросвенор улыбнулся:

— Мне повезло выбрать совсем новую науку.

Охранник еще раз поглядел в удостоверение, потом вернул его.

— Нексиализм? Что это такое?

— Прикладной тотализм, — ответил Гросвенор.

И переступил порог.

Оглянувшись, он заметил, что человек провожает его оторопевшим взглядом. Он усмехнулся, потом выбросил инцидент из головы. В рубке управления он оказался в первый раз и смотрел на все зачарованным взглядом. Приборная панель, занимавшая ограниченную площадь, впечатляла своей структурой. Она представляла собой ряд уровней, расположенных друг над

другом закругленными террасами метров пятидесяти длиной, с уступа на уступ вели узкие крутые лесенки. Приборами можно было управлять, передвигаясь по террасам своим ходом, или же, что гораздо быстрее, на подвесном операторском сидении, прикрепленном к потолку с помощью перевернутого подъемного крана. В глубине помещения был устроен зал с сотней удобных кресел, достаточно широких, чтобы в них могли разместиться люди в космических скафандрах. Двенадцать ученых уже сидели там, Гросвенор тихо пристроился с краю. Минутой позже Мортон и Лит появились из дверей, ведущих на капитанский мостик, и присоединились к собравшимся руководителям отделов. Командир сел, а Мортон начал без предисловий:

— Нам известно, что из всех механизмов машинного зала наибольший интерес для монстра представляет электрогенератор. И он применил все свои способности, удесятеренные паникой, чтобы запустить его до того, как мы проникнем через двери. Имеет ли кто высказать какие-либо замечания по этому поводу?

Слово взял Пеннонс:

— Кто-нибудь может объяснить, каким образом кот добился того, чтобы двери стали неприступ-

ными?

Гросвенор сказал:

— Существует способ, позволяющий удерживать металл в твердом состоянии даже при температурах значительно выше точки плавления. Но, насколько мне известно, это требует не одну тонну оборудования, которым мы не располагаем на корабле.

Кент повернулся и посмотрел на него.

— Чем нам сейчас поможет знание того, как он ухитрился это устроить? — заметил он с резкостью. — Если мы не сумеем пробиться через двери с помощью дезинтеграторов, нам конец. Он сделает с кораблем все, что захочет.

Мортон покачал головой.

— Мы должны найти выход и именно для этого собрались.

Он повысил голос:

— Селенски!

Пилот, расположившийся на операторском сидении, высунул голову. Гросвенор удивился, обнаружив его там.

— Да, сэр? — откликнулся Селенски.

— Запустите все машины!

Пилот плавно перенесся на сидении к центральному рубильнику. Он осторожно перевел

ручку в нужное положение. Корабль вздрогнул, визжащий свист наложился на мощный гул, задрожал пол. Затем огромный корабль вернулся в свое равновесное состояние, машины исправно работали, гул преобразился в едва слышимое гудение.

Не медля более, Мортон сказал:

— Я попрошу специалистов представить свои соображения по поводу того, как справиться с котенком. Нам нужно провести обсуждение с руководителями различных отделов и, самое главное, как бы ни были интересны любые теории, выработать практические методы.

«Другими словами, — грустно подумал молодой ученый, — Эллиот Гросвенор, нексиалист, вы нам ни к чему». А ведь то, что пытается найти Мортон, предполагает объединение различных наук; такова в точности и цель нексиализма. Однако Гросвенор знал, что не окажется в числе специалистов, узнать мнение которых стремится Мортон, и он не ошибся.

По истечении двух часов Мортон произнес усталым голосом:

— Полагаю, пора устроить получасовой перерыв, чтобы поесть и передохнуть, потому что нам понадобятся все наши силы.

Гросвенор направился в свой отдел. Он не чувствовал необходимости ни есть, ни отдыхать. В тридцать один год он еще мог время от времени позволить себе пропустить обед или провести бессонную ночь. И он рассчитывал употребить эти полчаса на то, чтобы решить, что делать с монстром, завладевшим кораблем.

Подходу, который продемонстрировали ученые, не хватало, на его взгляд, глубины. Каждый из них довольно поверхностно изложил свои мысли людям, имевшим совсем другие специальности и не привыкшим пользоваться возможностями, предоставляемыми подключением различных областей знания. Таким образом, план нападения, с которым в конце концов согласились все, был лишен стратегической целостности.

Гросвенор испытывал определенную неловкость, говоря себе, что, несмотря на молодость, он, может быть, единственный на борту человек, способный увидеть слабости этого плана. Ни разу еще с того самого момента, когда он шестью месяцами ранее взошел на борт корабля, Гросвенор не осознавал настолько хорошо, какая огромная трансформация произошла с ним в институте нексиализма. Без преувеличения ска-

зать, система обучения в альма-матер была самой передовой. Он совершенно не кичился своим современным образованием. Не он ведь создавал принципы. Но как дипломированный выпускник института и как специально уполномоченный участник экспедиции на корабле *Бигль* он чувствовал себя просто обязанным найти решение проблемы монстра и затем, используя все доступные средства, убедить руководителей в верности своих взглядов.

Однако в настоящий момент ему сильно недоставало информации. Стараясь исправить положение наиболее быстрым способом, он принялся связываться с различными отделами по коммуникатору.

Почти всегда он имел дело с рядовыми сотрудниками. Представляясь, он каждый раз называл свою должность руководителя отдела, и это производило нужный эффект. Молодые ученые, как правило, не отказывали в помощи. Некоторые, правда, уклонялись, ссылаясь на то, что им, де, необходимо получить разрешение вышестоящего начальства. Один из руководителей отделов, Смит, сам подошел к коммуникатору и поделился всеми испрашиваемыми сведениями. Другой очень вежливо советовал связаться с ним, после

того, как кот умрет. В последнюю очередь он обратился к химикам. Он попросил Кента в надежде — даже уверенности — что его к нему не допустят. Он уже приготовился сказать одному из подчиненных: «В таком случае, может быть, вы мне дадите справку?» К разочарованию и удивлению Гросвенора, его тут же переключили на Кента.

Руководитель химического отдела не скрывал своего нетерпения и, не дослушав, резко прервал:

— Вы можете получить желаемые сведения в установленном порядке. Но, должен вам сказать, открытия, сделанные на планете кота, станут доступны не раньше, чем через несколько месяцев. Нам нужно еще проверить и перепроверить все факты.

Гросвенор не сдавался:

— Мистер Кент, настоятельно прошу вашего разрешения на предоставление мне результатов количественного анализа состава атмосферы. Это может отразиться на том плане, который принят на собрании. Для подробного объяснения понадобилось бы время, но, уверяю вас…

Кент прервал его:

— Послушайте, мой мальчик, — в голосе звучала сильная нота сарказма, — время ака-

демических дискуссий прошло. Вы, похоже, не понимаете, что мы находимся в смертельной опасности. Малейший сбой в наших действиях — и вы, и я, и все остальные подвергнемся вовсе не интеллектуальным наскокам оппонентов, а самому реальному нападению. Речь не идет о борьбе идей. А сейчас попрошу вас не беспокоить меня в течение ближайших десяти лет.

Щелчок коммуникатора показал, что Кент прервал связь. Оскорбленный Гросвенор покраснел, но быстро взял себя в руки, и последние вызовы делал уже с улыбкой на губах.

Его нормографические таблицы высокой вероятности, среди прочих сведений, расположенных каждое в соответствующей клетке, включали в себя данные о содержании вулканической пыли в атмосфере планеты, описание предполагаемых растительных форм, составленное на основании изучения их семян, типе пищеварительной системы, каковую должны иметь животные, кормящиеся рассматриваемыми растениями, а также о выведенном методом экстраполяции строении и основных особенностях живых существ, которые питаются животными, употребляющими в пищу те самые растения.

Гросвенор энергично принялся за работу, и

поскольку приходилось лишь вносить соответствующие пометки в уже отпечатанные колонки, составление таблицы не отняло много времени. Эта таблица была достаточно сложной, и мало что могла сказать человеку, далекому от нексиализма. Но для Гросвенора вывод был ясен. Выстроенные графики указывали варианты и вероятности, которыми не стоило пренебрегать.

В графе: ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ он указал: «Любое решение должно быть застраховано от возможности катастрофических последствий».

Затем, сделав четыре копии таблицы, он направился в отдел математики. Вход преграждали охранники; эта необычная мера, по-видимому, была принята для защиты от кота. Поскольку его не пропустили в личный кабинет Мортона, Гросвенор попросил вызвать одного из секретарей начальника экспедиции. Появившийся, в конце концов, молодой человек вежливо изучил таблицу и сказал, что постарается представить ее вниманию Мортона.

Гросвенор произнес решительным тоном:

— Я уже неоднократно получал подобные ответы. Если начальник экспедиции не увидит данную таблицу, я попрошу провести служебное расследование. Не знаю, куда деваются доклады,

которые я подготавливаю для Мортона, но если это продолжится, я приму действенные меры.

Секретарь был на пять лет старше Гросвенора. В его отношении просматривалась неприязнь. Он поклонился и тоном, полным сарказма, ответствовал:

— Начальник экспедиции — человек очень занятой. Из всех отделов требуют его внимания. Некоторые имеют большие достижения и пользуются авторитетом, что дает им определенные преимущества перед более молодыми науками… и учеными. — Он пожал плечами. — Но в любом случае, я сейчас же поинтересуюсь, не желает ли он посмотреть эти таблицы.

— Попросите его прочитать *рекомендации*. На остальное уже не хватит времени.

Секретарь сказал:

— Хорошо. Я передам ему ваши слова.

Далее Гросвенор направился к капитану Литу. Тот принял его и внимательно выслушал. Затем изучил таблицы. Наконец качнул головой и произнес не без напыщенности:

— Мы, военные, смотрим на вещи немного с другой точки зрения. Мы готовы подвергнуться некоторому риску ради достижения определенных целей. Вы настаиваете на том, что, в

конечном счете, было бы предпочтительнее позволить этому созданию сбежать; я же придерживаюсь совершенно иного мнения. Перед нами разумное существо, взявшее на себя инициативу предпринять враждебные действия против вооруженного корабля. Я убежден в том, что, затевая подобное, оно осознавало последствия своего поступка. — Капитан изобразил улыбку. — И последствиями может быть лишь смерть.

По мнению Гросвенора, смерть с тем же успехом могла поджидать и тех, кто стремится использовать непреклонные методы в борьбе с абсолютно экстраординарной опасностью. Он открыл было рот, чтобы сказать, что совсем не имел намерения отпустить кота с миром. Но еще до того, как он заговорил, капитан Лит поднялся.

— Теперь попрошу меня оставить. — И добавил, обращаясь к одному из своих людей: — Проводите мистера Гросвенора.

— Я знаю дорогу, — заметил Гросвенор горьким тоном.

В пустынном коридоре он посмотрел на свои часы. До намеченной атаки на монстра оставалось несколько минут.

Он грустно направился в рубку управления. Почти все остальные находились уже на местах.

Сразу же за ним прибыли Мортон и капитан Лит. Заседание было объявлено открытым.

Мортон в заметном напряжении прохаживался перед аудиторией. Его волосы, обычно прилизанные, пребывали в беспорядке. Бледность лица еще больше подчеркивала агрессивную выдвинутость подбородка. Внезапно он остановился и произнес резким голосом:

— Для уверенности в том, что наш план хорошо скоординирован, я попрошу каждого из коллег доложить по очереди, какое участие в атаке он примет. Мистер Пеннонс, начните!

Пеннонс встал. Даже не имея высокого роста, он производил впечатление крупного человека, возможно, вследствие авторитета, которым была отмечена его личность. Как и другие, он получил специальное образование, но из-за своей специальности, имел меньше нужды в нексиализме, чем кто-либо иной из собравшихся здесь ученых. Пеннонс досконально разбирался в технике. Гросвенор заглядывал в личное дело главного инженера и знал оттуда, что тот изучал развитие механики на доброй сотне планет, где, по всей видимости, приобрел огромный опыт. Он мог говорить о технике тысячи часов, так и не успев больше, чем затронуть тему. Пеннонс сообщил:

— Мы установили электрическое реле в рубке управления, которое будет запускать и стопорить все машины ритмически. Прерыватель в реле делает сотню оборотов в секунду. Это породит различного рода вибрации. Существует вероятность того, что, подобно тому, как солдаты, марширующие в ногу по мосту, могут его разрушить, одна-две машины выйдут из строя, но все же, на мой взгляд, это не послужит источником серьезной опасности. Мы рассчитываем лишь создать колебание, которое будет требовать от монстра постоянного контроля, что поможет нам высадить двери!

— Теперь Гурли! — сказал Мортон.

Гурли лениво поднялся. Выглядел он сонным или, скорее, скучающим. Гросвенор подозревал, что ему нравится выступать в глазах собратьев чувствительной личностью. Занимаемая им должность называлась: главный инженер связи, и его личное дело свидетельствовало о том, что он прилагал постоянные усилия для самосовершенствования в своем виде деятельности. Диплом — если дипломы что-то решают — ставил его в первые ряды специалистов этой области. Наконец заговорив, он произносил слова тягучим голосом и не экономил на паузах. Гросвенор

обратил внимание на то, что избранная манера действует на присутствующих успокаивающе. Напряженные лица расслабились. Каждый принялся устраиваться поудобнее в своем кресле. Гурли заявил:

— Мы смонтировали волновые экраны, предназначенные исполнить роль зеркал. Установленные на месте они послужат для отражения любого излучения обратно. В дополнение мы имеем полные резервы электричества, которые тоже предполагаем направить на монстра. Должен же иметься предел у его способности поглощать энергию.

— Селенски! — воззвал Мортон.

Когда Гросвенор перевел взгляд на него, главный пилот уже стоял. Это было проделано так быстро, что создалось впечатление, будто он опередил свой вызов. Гросвенор заворожено смотрел на него. Селенски был тонок костью и лицом и имел глаза удивительной голубизны. Он производил впечатление человека с хорошо развитыми физическими способностями. Судя по личному делу, он не обладал широким кругозором, но компенсировал недостаток устойчивостью нервной системы к любым воздействиям, способностью все схватывать на лету и большой выносливо-

стью. Он сказал:

— Если я правильно понял план, атака должна носить кумулятивный характер. Каждый раз, как монстр начнет чувствовать, что справился, будет следовать очередная добавка к его смятению. Когда какофония достигнет пика, я включу генератор антигравитации. Шеф согласен с Ганли Лестером, что зверю ничего не известно о невесомости. Данное явление можно открыть только во время космических полетов, и нигде больше оно не возникает. Мы полагаем, что, неожиданно ощутив воздействие невесомости — вы все помните это чувство провала — он будет совершенно сбит с толку и перестанет понимать, что делать.

Селенски сел.

— Корита, теперь вы! — позвал Мортон.

— Мне нечего вам предложить, кроме нескольких слов ободрения, — произнес археолог. — Согласно моей теории, наш монстр обнаруживает все черты преступника времен самого начала цивилизации. Смит говорил, что был поражен научными познаниями котенка. По его мнению, мы имеем дело с одним из бывших обитателей давно мертвого города, а не с их потомком. Это предполагает вероятное бессмертие у нашего

противника, качество, частично подтверждаемое его способностью дышать одновременно кислородом и хлором, или никаким из этих двух газов. Но бессмертие монстра ничего не меняет в том вопросе, который нас занимает. Факт в том, что он вышел из определенного возраста своей цивилизации и пал так низко, что его представления о мире сформированы большей частью на воспоминаниях того периода. Несмотря на свое умение контролировать энергию, он утратил самообладание, оказавшись первый раз в лифте. Позволил захлестнуть себя эмоциям в тот момент, когда Кент предложил ему пищи, и вынужден был выдать свою неуязвимость перед вибрационным оружием. Еще через несколько часов предался безумству массового убийства. Таким образом, он доказал, что его примитивное сознание полностью замкнуто на самого себя, ему не очень или совсем не понятны реакции собственного тела, и он имеет крайне ограниченное представление об организации, на которую напал.

Корита едва заметно улыбнулся:

— Его можно сравнить с германским солдатом, каковой, как особь, чувствует свое превосходство над римским ученым, хотя этот последний принадлежит к цивилизации, к коей германцы

тех времен относились исключительно с восхищением. Резюмируя, мы имеем примитивное существо, внезапно оказавшееся в космосе, далеко от привычной среды своего обитания. Вперед же, у нас есть все, чтобы победить!

Поднялся Мортон. На лице его бродила слегка сардоническая улыбка. Он сказал:

— В соответствии с предварительно намеченными планами, воодушевляющая речь Кориты должна была стать прелюдией к атаке. Но во время перерыва я получил некий документ от одного молодого человека, присутствующего на борту и являющегося представителем науки, о которой мне известно очень мало. Но уже сам факт нахождения этого человека среди нас требует, чтобы мы учитывали его мнение. Уверенный в том, что знает решения всех наших проблем, он побывал не только у меня, но и у капитана Лита. И капитан, и я, мы оба согласились предоставить мистеру Гросвенору несколько минут, чтобы он мог изложить предлагаемый им выход и убедить нас в том, что знает, о чем говорит.

Подавляя дрожь, Гросвенор встал и начал:

— В Институте нексиализма учат, что за основными положениями каждой науки просматриваются ее сложные связи со всеми остальными.

Идея, конечно же, очень старая, однако имеется большая разница между идеей и ее применением на практике. И именно методы практического применения искали и нашли в Институте. У меня в отделе есть несколько одних из самых замечательных машин для обработки и вероятностного анализа данных. Не имею возможности в данный момент их вам описать, но могу продемонстрировать, каким образом человек, умеющий ими пользоваться, решал бы проблему кота.

Гросвенор смущенно улыбнулся.

— Во-первых, соображения, звучавшие здесь до сего момента, рассматривают вопрос только в общем плане. Они достаточны для того, чтобы его обозначить. Но они не ведут дальше. Сейчас мы уже имеем все необходимые сведения, для того чтобы более или менее ясно обрисовать прошлое нашего котенка. Восемнадцать столетий назад растения на плодородных землях данной планеты внезапно стали получать значительно меньше солнечных лучей определенной длины. Это произошло вследствие появления в атмосфере большого количества вулканической пыли. В результате едва ли не на следующий день большая часть растений погибла. Вчера один из наших разведывательных аппаратов,

совершающих патрульный облет примерно в ста пятидесяти километрах от мертвого города, заметил несколько живых существ, размерами с земного оленя, но, по всей видимости, более умных. Эти животные оказались настолько осторожными, что поймать их не удалось. Пришлось убить. Ассистенты мистера Смита провели количественный анализ тканей и обнаружили калий в том электрохимическом виде, в котором он содержится в теле человека. Эти животные единственные, встреченные патрулями. Вполне вероятно, что они представляли, по крайней мере, один из источников калия для нашего кота. В желудках трупов биологи нашли частички растений в различной стадии переваривания. Вырисовывается цикл: растения, травоядные, хищники. Можно предположить, что когда погибли растения, вымерли и животные, ими питающиеся. Таким образом, едва ли не на следующий день наш котенок оказался без еды.

Гросвенор быстро обежал собрание взглядом. За одним исключением, все напряженно следили за его речью. Исключение составлял Кент. Главный химик лучился раздражением. Его мысли, похоже, были заняты другим.

Нексиалист поспешил продолжить:

— Во вселенной существуют примеры полной зависимости некоторых форм жизни от одного единственного типа пищи. Но никогда еще мы не видели, чтобы разумные существа какой-либо планеты проявляла такую исключительность в том, что касается их еды. Этим созданиям, похоже, даже в голову не приходило заниматься продуктами своего питания и, понятно, способом их производства. Думаю, вы согласитесь с тем, что такую непредусмотрительность следует признать невероятной. Настолько, в самом деле, невероятной, что никакие построения, не принимающие во внимание этот момент, не могут быть *ipso facto* удовлетворительными.

Гросвенор сделал еще одну паузу, но только для того, чтобы перевести дыхание. На этот раз он ни на кого из собравшихся не смотрел. Он не мог представить окончательных доказательств тому, что собирался сейчас сказать. Начальникам отделов потребуются недели, чтобы проверить детали, соотносящиеся с их частными областями. Он мог лишь сформулировать вывод, чего не осмелился сделать ни в своей вероятностной таблице, ни в отдельной беседе с капитаном Литом. Он поторопился приступить к заключительной части:

— Факты не допускают иной интерпретации. Котенок не является ни одним из основателей города, ни их потомком. Он и другие представители его расы были животными, над которыми создатели производили свои эксперименты.

Отметив паузу, Гросвенор продолжил:

— Что же произошло с создателями? Мы можем только догадываться. Возможно, они сами истребили себя восемнадцать столетий назад в атомной войне. Почти полностью разрушенный город и внезапное появление в атмосфере вулканической пыли в количествах, достаточных для того, чтобы затмить солнце на тысячелетия, сильно свидетельствуют в пользу такого предположения. Человечеству едва не удалось добиться того же самого на Земле, так что не будем судить чересчур строго эту исчезнувшую расу. Однако к чему нас все это ведет?

Гросвенор еще раз перевел дыхание и поспешил дальше:

— Будь котенок из создателей, он бы уже проявил свои возможности во всей мере, и мы бы знали в точности, что нам противостоит. Но это не так, поскольку мы имеем дело с животным, которое не осознает отчетливо свои умения. Оказавшись в безвыходном положении или даже

просто в трудной ситуации, он может открыть в себе не проявлявшуюся ранее способность, которая позволит уничтожить людей и взять машины под полный контроль. Мы должны обеспечить ему случай сбежать. За пределами корабля он окажется всецело в нашей власти. Я закончил, благодарю за то, что выслушали меня.

Мортон оглядел собрание:

— Итак, коллеги, что вы об этом думаете?

Кент колко произнес:

— Мне еще никогда не доводилось слышать ничего подобного. Возможности. Вероятности. Фантазии. Если это и есть нексиализм, я, пожалуй, подожду, пока мне его не представят в более убедительном виде, чтобы заинтересоваться.

Смит заметил:

— Не вижу, каким образом мы могли бы принять такое объяснение, не изучив предварительно тело котенка.

Фон Гроссен, руководитель отдела физики, сказал:

— Я сомневаюсь, что даже тщательное обследование тела может послужить окончательным доказательством того, что монстр послужил объектом экспериментов. Выводы мистера Гросвенора есть и останутся спорными.

— Если бы мы смогли провести более подробный осмотр города, — осторожно произнес Корита, — возможно, нам удалось бы обнаружить подтверждения гипотезы мистера Гросвенора. Она не опровергает теорию цикличности цивилизаций, поскольку развитый опытным путем разум, который мистер Гросвенор приписывает монстру, скорее всего, отражает взгляды и убеждения тех, кто выступал его наставниками.

В свою очередь, слово взял Пеннонс:

— Один из наших разведывательных аппаратов в настоящий момент находится в механических мастерских; он частично разобран и занимает единственный ремонтный стапель. Но для приведения его в такое состояние, чтобы им мог воспользоваться монстр, понадобится времени и усилий не меньше, чем для запланированного наступления. Конечно же, в случае провала операции можно будет подумать о том, чтобы пожертвовать одним аппаратом, хотя я и не вижу, каким образом котенок сумел бы вывести его наружу. В мастерских нет ни одного шлюза.

Мортон повернулся к Гросвенору:

— Что скажете на это?

— Шлюзовая камера есть в конце коридора, ведущего из машинного отделения. Нужно предо-

ставить ему свободный доступ туда.

Поднялся капитан Лит:

— Как я уже давал понять мистеру Гросвенору во время его визита ко мне, мы, военные, проявляем в подобных случаях больше отваги. Мы не удивимся, если будут потери. Мистер Пеннонс очень хорошо выразил и мое мнение. Если атака не принесет успеха, мы рассмотрим возможность принятия других мер. Благодарю вас, мистер Гросвенор за ваш доклад. А теперь, за дело!

Это был приказ. Собравшиеся быстро разошлись.

6

Под безжалостным светом прожекторов Зорл лихорадочно работал в механических мастерских. Воспоминания большей частью к нему вернулись, а вместе с ними технические знания и навыки, привитые когда-то создателями, равно как и умение приноравливаться к новым машинам и ситуациям. Он уже нашел частично разобранный патрульный катер на стапеле.

Зорл спешно занимался его ремонтом. С каждым мгновением необходимость бегства ощущалась им все острее. Наконец, он обрел средство для возвращения на свою собственную планету и к другим зорлам. После того, как он их обучит, они станут непобедимыми. Таким образом, успех им обеспечен. Ему казалось, он принял решение окончательно. Однако покидать корабль не хотелось. Он не был уверен в том, что находится в опасности. Сейчас, когда он исследовал источники энергии в мастерских, ему сдавалось, что двуногие не имеют необходимого оснащения, чтобы справиться с зорлом.

Продолжая работу, он пребывал в состоянии внутреннего конфликта. И лишь отвлекшись на

то, чтобы глянуть на разведывательный аппарат, осознал размеры ремонтных работ, которые только что закончил. Ему оставалось погрузить приборы и инструменты, которые он надумал забрать с собой. И затем… отправляться или сражаться? Его беспокойство возросло, потому что он услышал, как люди приближаются. Он отметил также резкое изменение, произошедшее в грохотании двигателей. Теперь это было уже ритмическое вибрирование, более резкое, более пронзительное, более раздражающее, чем глухой ровный гул, доносившийся ранее. В звуке имелось что-то крайне надоедливое. Зорл старался изо всех сил к нему приспособиться, и когда его телу уже почти это удалось, возник еще один источник беспокойства. За массивными дверями машинного отделения загудело пламя мощных передвижных излучателей. Приходилось срочно выбирать, чему противодействовать — излучателям или новому ритму двигателей. Он уже понял, что не сможет преуспеть и в том, и в другом одновременно.

И он сконцентрировал усилия на побеге. Каждый мускул его мощного тела пребывал в напряжении, когда он торопливо перетаскивал в патрульный катер инструменты, механизмы,

приборы, используя для размещения малейшее свободное в нем место. Наконец, он остановился на пороге и начал готовиться к действию, непосредственно предшествующему побегу. Он знал, что двери не устоят. Пламя полдюжины излучателей, направленных в одну точку каждой двери, медленно, но неумолимо прожигало их до последних сантиметров. Зорл поколебался, потом извлек из металла дверей и вобрал в себя его силы сопротивления. Всем своим существом он сосредоточился на внешней корабельной переборке в том месте, куда был направлен нос патрульного катера. Он сжался под потоками электричества, перетекающими в его тело из генераторов. Мерцательными волосками на ушах он направлял излучение на всех частотах прямо на стену. Он чувствовал себя словно в огне. Все тело отдавалось болью. Он понимал, что уже почти достиг предела своей возможности поглощения энергии.

Вопреки усилиям, ничего не происходило. Стена не поддавалась. Металл оказался более прочным, чем все другие, которые ему встречались до сих пор. Он сохранял свою первоначальную форму. Молекулы были моноатомны, но соединялись вместе особенным образом. Они располагались

очень близко друг к другу, однако их спрессовывало вовсе не давление от высокой плотности.

Зорл услышал, как одна из больших дверей обрушилась внутрь. Люди закричали. Пламя излучателей ворвалось в машинное отделение, вскипевший металл пола зашипел, испаряясь. Чудовищный угрожающий шум приближался. Через минуту люди прожгут тонкие двери, ведущие из машинного отделения в мастерские.

И во время именно этой минуты Зорл одержал победу. Он ощутил, что структура сопротивляющегося металла изменилась. Вся стена утратила свою нерушимую монолитность. Внешне она выглядела по-прежнему, но никаких сомнений не оставалось. Потоки энергии, струившиеся через его тело, уже не встречали на выходе той преграды. Еще несколько секунд Зорл продолжал концентрироваться, потом почувствовал себя удовлетворенным. С торжествующим рыком запрыгнул в маленький разведывательный аппарат и задействовал механизм, задраивший за ним люк.

Одним из щупальцев он обхватил ручку управления с почти сладострастной нежностью. Катер рванулся вперед, прямо на толстую внешнюю переборку. Едва нос аппарата коснулся ее, стена

взорвалась фонтаном блистающей пыли. Тяжелое металлическое облако слегка притормозило движение, но уже через мгновение катер рывком преодолел его и устремился в пространство.

Прошло несколько секунд. Затем Зорл заметил, что стартовал перпендикулярно траектории полета корабля. Он находился еще так близко, что мог четко различить дыру, пробитую в обшивке. За ней на ослепительно ярком фоне вырисовывались силуэты людей, одетых в бронированные панцири. Люди и корабль становились все более и более маленькими. Вскоре Зорл видел уже только корабль, сверкающий тысячью своих огней.

Зорл быстро удалялся. Бортовое табло показывало, что поворот на девяносто градусов закончен; он перевел ускорение на максимальное. Таким образом, через минуту с небольшим после побега он уже возвращался туда, откуда стартовал корабль многими часами ранее.

Позади него гигантская сфера уменьшилась до такой степени, что все ее огоньки слились в один. Почти прямо перед собой он видел красноватый крошечный шарик: свое собственное солнце. Там, вместе с другими зорлами, он построит межзвездный корабль, и они смогут отправиться на поиски обитаемых планет. Важность встающей

перед ними задачи на мгновение даже ужаснула его. Он снова повернулся к экрану заднего обзора. Корабль виднелся маленькой светящейся точкой в черной необъятности пространства. Внезапно она замигала, затем исчезла.

У него возникло странное ощущение, что перед тем, как исчезнуть, точка начала смещаться. Но ничего уже не было видно. Он чувствовал себя неспокойно. Что если они потушили огни и следуют за ним в темноте? В любом случае, в безопасности он окажется, только когда ступит на поверхность своей планеты.

Встревоженный и озабоченный, Зорл вернулся к переднему экрану. Внезапно он замер, пораженный неприятным открытием. Бледное солнце, к которому направлялся катер, не увеличивалось в размерах. Оно *заметно уменьшалось*, потом превратилось в крохотную точку на черном небе и погасло.

Зорл похолодел, как на ледяном ветру. Несколько минут он лихорадочно обшаривал взглядом пространство в надежде, что его единственный путеводный знак снова появится. Но видел он только светящиеся неподвижные точки далеких звезд.

Неожиданно одна из этих точек начала расти.

Напрягшись, Зорл смотрел, как точка становится капелькой. Достигнув размеров шарика, она продолжала увеличиваться. Она все росла. Из нее брызнул свет, и внезапно Зорл увидел перед собой сверкающий всеми своими огнями космический корабль, тот самый, который чуть ранее исчез из видимости позади него.

В этот момент в Зорле что-то произошло. Его сознание принялось раскручиваться, как маховик, все быстрее и быстрее. Оно разрывалось на миллионы мучительных клочков. С глазами, вылезающими из орбит, Зорл заметался по маленькой клетке. В безумной ярости он хватал бесценные приборы и с размаху разбивал их о стены. Потом начал бросаться на сами стены. Последним проблеском разума он понял, что не справится с излучением атомных дезинтеграторов, которые люди в данный момент наводили на него с почтительного расстояния.

Это было совсем нетрудно — запустить процесс стремительного клеточного распада, который испарит из его жизненных органов все до единой частички ида.

Морду свело в последнем рыке вызова. Бесполезно задвигались щупальца. Затем, исчерпав все силы к сопротивлению, его тело бесформенной

грудой осело на пол. Смерть пришла тихо после стольких часов ярости и неистовства.

Капитан Лит не стал рисковать понапрасну. Когда дезинтеграторы, наконец, умолкли, посланные на осмотр места люди смогли обнаружить лишь расплавленные частицы металла да кое-где следы того, что было телом монстра.

— Бедный котенок, — сказал Мортон. — Интересно, что он почувствовал, когда сначала исчезло его солнце, а потом на этом самом месте внезапно возник наш корабль? Не зная ничего об антигравитации, он и предположить не мог, что мы способны мгновенно остановиться в пространстве, тогда как ему на патрульном катере понадобилось бы более трех часов на то, чтобы погасить первоначальную скорость и начать действительно двигаться в обратном направлении. Думая, что приближается к своей планете, он продолжал все больше и больше удаляться от нее. Он и не догадывался, что, когда мы остановились, его катер пронесло мимо нас, и нам достаточно было просто двигаться за ним, чтобы неожиданно появиться со стороны его солнца. Он, наверное, решил, что весь космос вывернулся наизнанку.

Гросвенор слушал начальника экспедиции со

смешанными чувствами. История с монстром, удаляясь в прошлое, начинает подергиваться дымкой. Отдельные детали событий вспоминаются совсем не так, как они происходили. Опасность, которая им грозила, теперь уже кажется далекой.

— Никакой пощады, — увещевал Кент. — Мы должны выполнить нашу миссию: истребить всех грязных котов, которые остались в этом проклятом мире.

— Дело нехитрое, — мягко вторил Корита. — Создания они примитивные. Нужно только высадиться, и они сами соберутся, воображая, что смогут нас провести.

Он повернулся в сторону Гросвенора.

— Думаю, их можно так назвать, даже если они, как утверждает наш юный друг, всего лишь животные. Что вы об этом думаете, мистер Гросвенор?

— Я бы заглянул немного дальше, — сказал Гросвенор. — Как историк вы, я уверен, согласитесь с тем, что еще ни одна попытка полного истребления не достигла успеха. Вспомните, котенок напал на нас главным образом потому, что отчаянно нуждался в еде. Очевидно, что ресурсы этой планеты уже не могут удовлетворить по-

требности вида. Сородичам котенка совершенно не известно о нашем существовании и, следовательно, они не представляют для нас угрозы. Так почему бы просто не оставить их вымирать от голода?

7

ЛЕКЦИЯ С ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ДИСКУССИЕЙ

Нексиализм — это наука, имеющая своей целью координацию элементов какой-либо области знания с элементами других областей. Она предлагает методы ускорения процесса усвоения новых сведений и эффективного использования уже изученного. Добро пожаловать на лекцию
ЭЛЛИОТА ГРОСВЕНОРА,
которая состоится в отделе нексиализма
9/7/1 в 15.50[4]

Гросвенор прикрепил свое сообщение к доске объявлений. Затем слегка отступил, чтобы оценить впечатление. Его приглашение занимало очень маленькое место среди уведомлений о восьми других лекциях, трех художественных фильмах, четырех документальных, девяти дискуссионных кружках и множестве спортивных

---

[4] notes: 4

Речь идет об автономном времени межзвездной экспедиции, час в этом календаре состоит из ста минут, сутки — из двадцати часов. Неделя включает в себя десять дней, месяц — тридцать, год — триста шестьдесят. Дни и месяцы не имеют названий и различаются только по номерам. Отсчет начинается с момента старта. — *Прим. автора.*

соревнований. Следовало еще учесть тех, кто удалился в свои каюты, чтобы почитать, дружеские сборища и посетителей полудюжины баров и кафе — как обычно, по вечерам их число было велико.

И тем не менее, он мог рассчитывать на то, что его извещение прочтут. Оно отличалось от всех остальных, отпечатанных на бумаге, и представляло собой табличку толщиной примерно в сантиметр. Буквы рельефно выделялись на переливающемся фоне, постоянно меняющем свой цвет. Тонкий полихромный диск, вращающийся в магнитном поле внутри пластины, преобразовывал источник света. Сами буквы тоже изменяли окраску, то по одной, то целыми группами. Поскольку частота испускаемых волн в следующее же мгновение становилась иной, полученные цветовые комбинации ни разу не повторялись.

Таким образом, его объявление выделялось из своего окружения, словно яркая неоновая вывеска среди нарисованных бедных родственниц.

Гросвенор направился в столовую. На входе какой-то человек всунул ему в руку листок плотной бумаги. Удивленный Гросвенор глянул в него и прочел:

НАЧАЛЬНИКОМ ЭКСПЕДИЦИИ ДОЛЖЕН СТАТЬ КЕНТ

Мистер Кент возглавляет самый важный отдел нашей экспедиции. Проявляемый им дух сотрудничества с представителями прочих отделов всем хорошо известен. Грегори не только ученый, но и человек большого сердца, знающий проблемы других людей. Не стоит забывать, что помимо ста восьмидесяти военных и членов экипажа на борту корабля присутствуют восемьсот сорок ученых, возглавляемых администрацией, выбранной впопыхах ничтожным меньшинством прямо перед стартом. Подобное положение несправедливо. Мы имеем право на демократическое представительство.

ПРЕДВЫБОРНОЕ СОБРАНИЕ
9/7/1
в 15 часов
Голосуйте за Кента!

Гросвенор сунул воззвание в карман и вошел в ярко освещенный зал. Личности, подобные Кенту, подумалось ему, редко отдают себе отчет о последствиях, к которым рискуют привести их старания развести людей по двум враждебным лагерям. В течение двух последних веков более

половины межзвездных экспедиций пропало. Причины их исчезновения можно было искать только в том, что происходило на борту вернувшихся кораблей. Обычно, там царили разлады, ожесточенные споры, разногласия по поводу целей и задач, и разделение на группировки. Число последних возрастало почти в прямой пропорции к длительности путешествия.

Выборы в экспедициях стали недавним нововведением. Разрешение было дано по причине того, что люди крайне неохотно смирялись с необходимостью беспрекословного подчинения воле руководства, назначенного заранее. Однако корабль не является государством в миниатюре. Во время путешествия потери восполнить нелегко. Перед лицом катастрофы человеческие ресурсы ограничены.

Озабоченный этими размышлениями и раздосадованный тем, что политическое событие совпало по времени с его лекцией, Гросвенор направился к своему столу. Зал был полон. Его компаньоны по этой неделе — трое молодых ученых из разных отделов — уже сидели и ели.

Когда он опустился на стул, один из них произнес жизнерадостным тоном:

— Ну, и на какую несчастную беззащитную

женщину мы набросимся сегодня?

Гросвенор засмеялся с добродушием, хотя и знал, что эти слова были шуткой лишь наполовину. Разговор молодых людей обнаруживал тенденцию к однообразию, постоянно скатываясь к женщинам и сексу. Сексуальная проблема решалась химическим методом, путем включения некоторых препаратов в пищу. Физическая потребность устранялась, но чувства оставались неудовлетворенными.

Никто не ответил на вопрос. Карл Деннисон, химик, сделав замечание его задавшему, повернулся к Гросвенору.

— Как собираетесь голосовать, Гров? — спросил он.

— Самым тайным образом, — ответил Гросвенор. — Давайте лучше вернемся к той блондинке, о которой Эллисон рассказывал утром…

Деннисон не отступал:

— Вы проголосуете за Кента, не так ли?

Гросвенор улыбнулся.

— Я еще не думал. У нас несколько месяцев до выборов. Чем вам неугоден Мортон?

— По сути, это человек, которого назначило правительство.

— Тем не менее, он устраивает меня, да и вас,

вроде, тоже.

— Он всего лишь математик, а не ученый в прямом смысле слова.

— Вы открываете мне нечто совсем новое. Столько лет я прожил в иллюзии, что математики относятся к ученым.

— Все верно. Лукавое сходство порождает иллюзию.

Деннисон явно пытался приобщить их к одному из своих самых глубоких убеждений. С серьезным видом он наклонился вперед и продолжил так, словно они уже согласились с ним:

— Ученые должны сплотиться. Вы отдаете себе отчет, что у нас тут полный корабль людей науки? И кто же поставлен руководить нами? Человек, работающий в области абстрактного. Он не может иметь достаточной подготовки, для того чтобы решать практические проблемы.

— Это смешно. Мне кажется, он совсем неплохо справляется с преодолением наших реальных трудностей.

— Мы способны сами справиться с нашими трудностями.

Деннисон выглядел раздраженным.

Гросвенор нажал на несколько кнопок. Из люка подъемника в центре стола начали появляться

первые блюда его обеда. Он втянул воздух носом:

— О! опилки жареного дерева, прямиком из химического отдела. Восхитительный аромат! Вот только, спрашиваю я себя, достаточно ли приложено усилий к тому, чтобы опилки с планеты кота стали такими же питательными, как те, которые мы брали с собой? — Он поднял руку. — Нет, не отвечайте. Я не хочу расставаться с моими иллюзиями о добросовестности отдела мистера Кента, даже если мне не нравится, как там обходятся с другими. Знаете, я просил его оказать немного содействия в духе того сотрудничества, о котором говорится в листовке, и он посоветовал обратиться к нему через десять лет. Я полагаю, в тот момент он не думал о выборах. Кроме того, у него хватило бесцеремонности устроить собрание в тот самый вечер, когда я читаю лекцию.

Он принялся есть.

— Никакая лекция не может быть столь же важной, как наше предвыборное собрание. Мы займемся обсуждением вопросов, касающихся условий работы каждого из нас на этом корабле, включая и вас. — Лицо Деннисона покраснело, а голос затвердел: — Послушайте, Гров, я действительно не понимаю, что вы можете иметь против человека, которого едва знаете. Кент из тех, кто

никогда не забывает своих друзей.

— Бьюсь об заклад, для тех, кто не пришелся ему по сердцу, у него припасено совсем другое отношение, — сказал Гросвенор. Он пожал с нетерпением плечами. — Карл, на мой взгляд, Кент представляет все самое деструктивное в современной цивилизации. Если верить теории цикличности истории, высказанной Коритой, мы находимся на стадии «зимы» нашей культуры. Нужно будет на днях попросить его объяснить мне более подробно, но уже сейчас я достаточно убежден в том, что устроенная Кентом карикатура на демократическую кампанию является одним из самых отвратительных проявлений этого зимнего периода.

Ему хотелось добавить, что собственно для предотвращения таких вариантов развития событий он и находится на борту, но, естественно, об этом не могло быть и речи. Раздоры, подобные зародившемуся на *Бигле*, уже привели к катастрофе столько предыдущих экспедиций. Люди не знали, но именно по данной причине межзвездные корабли стали местом проведения разнообразных социологических экспериментов с нексиалистами, выборами, двойным командованием и прочими многочисленными изменениями в

деталях. Все помянутое представляло собой попытки сделать менее дорогостоящим освоение человеком космоса.

На лице Деннисона нарисовалась насмешливая гримаса. Он воскликнул:

— Растолкуйте мне этого молодого философа! — И добавил уже без обиняков: — Послушайтесь доброго совета, голосуйте за Кента, так будет лучше для вас!

Гросвенор с трудом сдержал раздражение.

— И что он может мне сделать, лишить моей порции опилок? А вдруг я сам настроился выставить свою кандидатуру на пост шефа? Я, пожалуй, соберу все голоса тех, кто моложе тридцати пяти. В конце концов, нас больше, чем стариков, в три, а то и четыре раза. Демократия требует пропорционального представительства.

Деннисон, похоже, снова обрел свое спокойствие. Он сказал:

— Вы совершаете серьезную ошибку, Гросвенор. Вы еще убедитесь в этом.

Остаток обеда прошел в молчании.

Следующим вечером, когда до 15.50-ти оставалось пять минут, Гросвенор начал осознавать, что его рекламное панно не принесло никакого результата. Он был в замешательстве. Он понимал,

что Кент мог не допустить своих приверженцев на лекцию, устроенную тем, кто откровенно выступал не на его стороне. Но даже если руководитель химического отдела контролировал большинство избирателей, оставались еще сотни участников экспедиции, на которых его влияние не распространялось. Гросвенор не удержался от того, чтобы припомнить слова одного из членов правительства, тоже нексиалиста, сказанные им накануне старта корабля:

— Ваша миссия на борту *Бигля* не станет легкой. Нексиалистские концепции обучения и функционирования социальных организмов абсолютно новые. Старшее поколение будет бороться с ними инстинктивно. Что касается молодых, то они получили образование по обычным методикам и неизбежно окажутся настроенными враждебно по отношению к тому, что может объявить их недавно освоенные приемы и методы уже устаревшими. А вам самому еще лишь предстоит применить на практике то, что вы изучили в теории, даже если в вашем особом случае осуществление этого перехода включалось в программу обучения. Помните только, что и человек, который прав, довольно часто бывает вынужден добиваться того, чтобы его слушали в

критические моменты.

В 16.10 Гросвенор подошел к доске объявлений, расположенной между двумя барами в центральном коридоре, и перенес начало своей лекции на 17 часов. В 17 часов изменил время на 17.50, затем на 18. «Они скоро выйдут, — думал он. — Политическое собрание не может продолжаться вечно. И другие лекции продлятся самое большее два часа». За пять минут до восемнадцати он расслышал шаги двух людей, медленно идущих по коридору. Шаги затихли перед открытой дверью отдела Гросвенора, потом чей-то голос сказал:

— Надо полагать, здесь.

Они рассмеялись без видимой причины. В следующее мгновение в проеме показались двое молодых людей. Поколебавшись немного, Гросвенор поприветствовал их дружеским кивком головы. С первого дня путешествия он поставил себе задачей узнать всех людей, находящихся на борту: голоса, лица, имена и все, что удавалось выведать на их счет. Участники экспедиции были столь многочисленны, что до сего дня он различал еще не всех. Но этих двоих он помнил, они принадлежали к персоналу химического отдела.

Он осторожно наблюдал за ними, пока они обходили комнату, разглядывая обучающие ма-

шины. Они явно забавлялись. В конце концов они устроились на стульях, и один из них спросил с подчеркнутой вежливостью:

— Когда вы предполагаете начать вашу лекцию, мистер Гросвенор?

Гросвенор посмотрел на часы.

— Примерно через пять минут.

За это время подошли еще восемь человек. Гросвенор заметно приободрился, тем более что поначалу ничто не предвещало хорошего; кроме того, он обрадовался, обнаружив в аудитории Дональда Мак Канна, руководителя геологического отдела. И даже факт нахождения среди присутствующих четырех химиков его не смутил.

Осчастливленный, он приступил к своей теме: условный рефлекс и его роль в науке от Павлова до момента, когда он стал краеугольным камнем методологии нексиализма.

Когда он закончил, Мак Канн подошел к нему и заговорил:

— Я обратил внимание на то, что, среди прочего, вы ссылалась на машины для обучения во сне. — Он хихикнул. — Я вспоминаю одного из моих старых профессоров, который не уставал повторять, что для усвоения всех современных научных знаний понадобится не более тысячи

лет. Похоже, вы не согласны с этим ограничением.

Гросвенор заметил в его серых глазах дружеский блеск.

— Это ограничение, — ответил он с улыбкой, — частично обусловлено старым методом использования машин без предварительной подготовки обучающегося. Сегодня в институте нексиализма прибегают к гипнозу и психотерапии, чтобы преодолеть первоначальное сопротивление. Когда меня тестировали при поступлении, моя нормальная толерантность к гипногенератору едва дотягивала до пяти минут на каждые два часа.

— Весьма невысокая толерантность, — сказал Мак Канн. — В моем случае, например, тесты показали три минуты на каждые полчаса.

— Но вы свой показатель таким и оставили, верно?

— А вы что сделали со своим?

— Ну, сам-то я ничего не делал. Мою обучаемость подвергали различным усовершенствующим процедурам, пока я не стал спать глубоким сном восемь часов при непрерывно работающем аппарате. Различные другие методики дополнили мое образование.

На последнюю фразу геолог не обратил вни-

мания.

— Восемь часов подряд? — воскликнул он изумленно.

— Подряд, — подтвердил Гросвенор.

Старый ученый задумался.

— В любом случае, — произнес он наконец, — это способно довести период усвоения только до одной трети от общего времени. Даже без техники улучшения многие могут подвергаться гипнотическому обучению в течение пяти минут на каждые четверть часа сна.

Гросвенор отвечал медленно, ни на мгновение не отводя взгляда от лица собеседника.

— Но им нужно повторять изучаемое несколько раз.

Выражение, мелькнувшее на лице Мак Канна, подсказало ему, что замечание достигло цели. Он поспешил продолжить:

— Я совершенно уверен, что вам случалось, увидев или услышав что-нибудь всего одни раз, потом уже никогда не забывать. Но в то же время, другие слуховые или зрительные впечатления, такие же глубокие, как и те, которые неизгладимо запечатлены в вашей памяти, иногда меркнут до такой степени, что вы не можете припомнить их в точности, даже если кто-нибудь о них упомянет.

Этому есть причины, и в институте нексиализма определили данные причины.

Мак Канн ничего не ответил. Он стоял, поджав губы. Гросвенор обратил внимание на то, что четверо химиков собрались у выхода в коридор и вполголоса о чем-то спорят. Он не стал задерживаться на них взглядом и сказал геологу:

— В самом начале мне время от времени казалось, что требуемые от меня усилия превышают мои возможности.

Мак Канн кивнул.

— Предположу, что наиболее значимых результатов вы добились с помощью этих маленьких фильмов, в которых изображение остается на экране лишь долю секунды.

Гросвенор подтвердил:

— У нас действительно были демонстрации тахистоскопических лент примерно по три часа в день, но это представляет всего лишь сорок пять процентов от общего объема обучения. Главный секрет кроется в скорости и повторении.

— Вся наука в одном курсе! — воскликнул Мак Канн. — Вот что вы называете интегральным образованием.

— Это только один из аспектов. Мы учились с помощью всех чувств, используя слух, осязание

и даже обоняние.

И еще раз Мак Канн замер с пораженным видом. Гросвенор заметил, что молодые химики, наконец, решили уйти. Из коридора донеслись приглушенные смешки. Шум вывел Мак Канна из задумчивости. Геолог протянул руку и сказал:

— Зайдите на днях в мой отдел. Возможно, нам удастся найти способ объединить ваш интегральный подход и наш практический опыт. Посмотрим, что это принесет, когда мы в следующий раз совершим посадку на какой-нибудь планете.

Направляясь в свою спальную каюту, Гросвенор тихо насвистывал. Он только что одержал первую победу, и ощущение не было неприятным.

8

Приближаясь на следующее утро к своему отделу, Гросвенор с удивлением обнаружил, что входная дверь приоткрыта. Луч света падал на противоположную стену коридора. Гросвенор ускорил шаг и резко остановился на пороге.

Он увидел семерых техников из химического отдела, включая тех двоих, что побывали вчера на его лекции. С собой они принесли различные приборы и приспособления. Имелся целый ряд чанов, горелок и трубок, предназначенных для доставки химических веществ в чаны.

Гросвенору вспомнилось, как вели себя химики во время лекции. Он переступил порог, снедаемый беспокойством по поводу того, что могло статься с его собственным инвентарем. В комнате действительно располагалось кое-какое оборудование, но по большей части она служила временным пристанищем для машин, закрытых обычно в прочих залах, которые доставали лишь для проведения сеансов обучения. Специальная аппаратура Гросвенора хранилась в других помещениях.

Через открытую дверь студии записи он уви-

дел, что она тоже оккупирована. Он онемел от удивления. Не узнавая никого из присутствующих, он осмотрел одну за другой свои четыре комнаты. Три из них были захвачены химиками: студия записи, лаборатория и мастерская. Четвертую, где он держал технические средства и материалы, тоже не обошли вниманием: всю мебель и портативные устройства перенесли и задвинули туда. К двери в эту комнатку вел маленький коридор. Гросвенор с грустью сказал себе, что отныне вход в его отдел будет находиться, по-видимому, здесь.

Несмотря ни на что, он не хотел пока пускаться в гнев. Он обдумывал различные аспекты новой ситуации. Очевидно, от него ожидали, что он заявит протест Мортону. Кент, надо полагать, хотел обернуть инцидент в свою пользу в преддверии выборов. Гросвенор не очень ясно представлял себе, какие дивиденды надеялся получить Кент, но, вероятно, главный химик имел какую-то идею.

Гросвенор медленно вернулся в студию. И здесь он заметил, что в чанах происходит процесс приготовления пищи. Это было умно. Теперь сам собой напрашивался вывод, что его помещения, наконец-то, стали служить чему-то полезному, тогда как раньше, очевидно, было не так.

Гросвенор ни на секунду не усомнился в мотивах, повлекших вторжение на его территорию. Кент его не любил. Не став скрывать, что на ближайших выборах выступит против, Гросвенор только усилил неприязнь химика. Кроме того, тот мог извлечь дополнительную выгоду из своей мести, еще и настроив общественное мнение против Гросвенора.

Действовать следовало так, чтобы инициатива Кента не принесла ему той пользы, на которую он рассчитывал.

Он подошел к одному из людей и сказал:

— Не могли бы вы передать своим товарищам, что я счастлив предоставленной мне возможности расширить познания технического персонала химического отдела и надеюсь, никто из присутствующих не откажется подучиться, не отрываясь от своей работы.

Он удалился, не дожидаясь ответа. Обернувшись, увидел, что человек оторопело провожает его взглядом. Гросвенор сдержал улыбку. С радостным ощущением он вошел в оставленное ему помещение: наконец, он сможет опробовать несколько имеющихся у него новых методов обучения.

Из-за устроенного беспорядка поиски гипно-

тического газа заняли значительное время. Он потратил еще около четверти часа на установку декомпрессионного крана на выводную трубку, чтобы газ, распространяясь, не свистел. Потом перенес баллон во внешнюю комнату и поместил в шкаф с сетчатой дверцей. Открыв кран, тут же запер дверцу на ключ.

Легкий аромат примешался к запахам, исходящим из чанов. Гросвенор, уже собравшийся выйти, был остановлен тем человеком, который присутствовал накануне на его лекции.

— Что вы туда засунули?

Гросвенор не утратил своего спокойствия.

— Через мгновение вы уже ничего не будете ощущать. Это входит в программу образования вашего персонала.

— Кто вас просил нас образовывать?

— Но послушайте, мистер Мэлдон, — сказал Гросвенор, изобразив удивление, — какой другой причиной могу я объяснить ваш визит ко мне?

Он добродушно рассмеялся.

— Впрочем, это шутка. Я ограничился дезодорантом. Не хочу, чтобы воздух здесь стал непригоден для дыхания.

Он отошел, опять же не дожидаясь ответа. Расположившись в дальнем углу, принялся следить

за поведением людей. Их было пятнадцать человек. Пятеро продемонстрировали полностью положительную реакцию, еще пятеро — частично. Он продолжил наблюдение за теми и за другими.

После нескольких минут внимательного изучения он двинулся вперед, остановился перед одним человеком и произнес тихим, но твердым голосом:

— Зайдите в лабораторию через пять минут, и я вам кое-что дам. Больше об этом не думайте.

Он отступил к двери, ведущей в студию записи. Обернувшись, обнаружил, что Мэлдон подошел к этому человеку и задал какой-то вопрос. Человек затряс головой, изображая явное недоумение.

Мэлдон в гневе воскликнул:

— Перестаньте делать вид, что он с вами не говорил, я как раз смотрел на вас!

Техник, в свою очередь, тоже разозлился:

— А я ничего не слышал, хотя был гораздо ближе к нему!

Гросвенор перестал следить за дискуссией, поскольку краем глаза заметил в соседней комнате человека, похоже, достигшего стадии удовлетворительной внушаемости. Он тут же приблизился к нему и тем же тихим, но твердым голосом от-

дал точно такой приказ, что и первому, изменив только время: четверть часа вместо пяти минут.

К эксперименту в общей сложности оказались годными шесть человек, что Гросвенор счел вполне достаточным для своего плана. Среди девятерых остальных трое, включая Мэлдона, проявили более слабую реакцию. Гросвенор не стал упорствовать долее. Пока ему нужны были только верные случаи. Позже он сможет изменить исходные параметры для других.

Гросвенор направился в лабораторию, где к нему вскоре присоединился первый из шести его подопечных. Гросвенор улыбнулся ему и, показав крошечный кристаллический кубок с ободком, предназначенным для закрепления приборчика в ухе, спросил:

— Вам доводилось уже видеть это?

Человек взял кристалл, покатал его на ладони, потом замотал головой:

— Что за штука?

Гросвенор приказал:

— Поверните этой стороной и вставьте прямо в ухо.

Тот беспрекословно повиновался, и Гросвенор продолжил повелительным тоном:

— Думаю, вы обратили внимание на то, что

внешняя часть прибора имеет телесный цвет. Другими словами, заметить, что вы носите эту чашечку, можно только с очень близкого расстояния. Если кто-нибудь начнет задавать вопросы, скажите, что это аппарат для улучшения слуха. Сами вы через минуту-другую перестанете его ощущать.

Человек заинтересовался:

— Я его в самом деле почти не чувствую. А для чего он служит?

— Это радиоприемник, — ответил Гросвенор. И далее перешел на размеренный тон, выделяя каждое слово: — Но вы не будете осознавать то, что из него услышите. Сказанное станет проникать напрямую в подсознание. Вы без всяких помех сможете воспринимать реплики других людей и участвовать в беседах. Вы продолжите вести нормальную жизнь, не отдавая себе отчета в том, что в вас происходит, пусть оно и не очень обычно. Вы больше не будете об этом думать.

— Надо же! — подивился техник.

Он вышел, покачивая головой. Спустя несколько минут в лаборатории появился следующий подопечный, затем по очереди и остальные четверо, продемонстрировавших наибольшую внушаемость. Каждому из них Гросвенор вручил

миниатюрный радиоприемник и велел тут же пристроить его в ухе.

Затем, насвистывая, отправился искать второй баллон с другим гипнотическим газом, которым заменил первый в затянутом сеткой шкафу. На этот раз Мэлдон и еще четверо отреагировали в полной мере. Среди оставшихся двое проявили легкую реакцию, один, слегка затронутый порцией первого газа, похоже, совсем оправился, а последний, по-прежнему, не показывал никаких признаков воздействия.

Гросвенор решил удовлетвориться, полностью загипнотизировав одиннадцать подопечных из пятнадцати. Кент будет неприятно удивлен, обнаружив такое количество гениальных химиков в своем отделе.

Однако до окончательной победы было еще далеко. Для этого, вероятно, придется браться за Кента более непосредственным образом. Гросвенор поспешно приготовил запись для наушных радиоприемников. Он запустил ее, продолжая прогуливаться по комнате и наблюдать за людьми. Четверо подопечных выглядели озабоченными. Гросвенор приблизился к тому из них, который не переставая тряс головой.

— Что с вами? — спросил он.

Человек смущенно хихикнул:

— Я слышу голос. Идиотизм какой-то.

— Громкий?

— Нет, скорее далекий. Сначала затихает, затем снова…

— Это пройдет, — произнес Гросвенор успокаивающе. — Должно быть, умственная усталость. Держу пари, сейчас уже лучше.

Человек склонил голову набок, явно прислушиваясь.

— Прекратилось. — Он вздохнул с облегчением. — А то я уже начал беспокоиться.

Двоих из трех, выглядевших озабоченными, Гросвенору удалось успокоить с относительной легкостью. Но третий, вопреки усилиям, продолжал слышать голос. В конце концов Гросвенор отвел его в сторону и под предлогом осмотра уха, снял миниатюрный приемник. Человеку требовалась, вероятно, дополнительная подготовка.

Гросвенор поговорил по очереди с каждым из оставшихся подопечных. Затем, удовлетворенный, зашел в свой кабинет, где подобрал серию дисков, запрограммировав воспроизводящее устройство таким образом, чтобы они звучали по три минуты в каждые четверть часа. Вернувшись в студию, убедился, что все проходит нормально.

Он решил, что может совершенно спокойно оставить этих людей заниматься своей работой. Он вышел и направился к лифтам.

Несколькими минутами позже он добрался до математического отдела и попросил встречи с Мортоном. К его удивлению, он был немедленно допущен.

Он нашел Мортона удобно расположившимся перед большим письменным столом. Математик кивнул на стул, и Гросвенор сел. У Мортона он оказался в первый раз и оглядывался вокруг с любопытством. Одну из стен просторного кабинета полностью занимал экран. В настоящий момент он представлял пространство под таким углом, что вся Галактика, с крошечной пылинкой Солнца, была видна от края до края. Также в поле зрения попадали многочисленные звездные скопления, которые, хотя и не входили, строго говоря, в состав Млечного Пути, вместе с ним неслись сквозь космическое пространство. При виде их Гросвенор вспомнил, что именно в одном из данных скоплений в настоящий момент двигался *Бигль*.

После обмена обычными формулами вежливости он поинтересовался:

— Уже решено, будем ли мы останавливаться у

одного из солнц этого скопления?

— Похоже, проект не нашел необходимой поддержки, к моей радости. Мы направляемся прямо в другую галактику и, следовательно, больше времени проведем вдали от Земли.

Начальник экспедиции наклонился вперед, взял какую-то бумагу на столе, затем откинулся на спинку кресла. Неожиданно он сказал:

— Мне доложили, что вас захватили.

Гросвенор улыбнулся. Он не сомневался в том, что кое-кто из членов экспедиции воспринял новость с известным удовлетворением. Много было тех, которые чувствовали себя неловко при мысли о возможностях нексиализма. Они — а среди них не только сторонники Кента — не одобрили бы вмешательства начальника в данное дело.

Несмотря на это Гросвенор пришел к Мортону, чтобы понять, готов ли тот глянуть ситуации в лицо. В нескольких словах он описал случившееся. Он закончил, сказав:

— Мистер Мортон, хочу, чтобы вы попросили мистера Кента вернуться к себе.

В действительности он совсем не имел желания увидеть такой приказ изданным, ему лишь нужно было посмотреть, сознает ли сам Мортон опасность.

Начальник экспедиции поднял голову и произнес ровным тоном:

— В конце концов, у вас очень много места для одного. Почему бы не поделиться с другим отделом?

Ввиду такой нейтральной реакции Гросвенор не имел иных средств, кроме как настаивать. Он сказал с твердостью:

— Должен ли я понимать так, что на борту данного корабля руководитель отдела может захватить территорию другого руководителя отдела, даже не испросив предварительно разрешения вышестоящего начальства?

Мортон ответил не сразу. Лишенная иллюзий улыбка бродила по его лицу. Наконец, он заговорил.

— Мне кажется, вы недостаточно ясно представляете мое положение на борту *Бигля*. Прежде чем принять какое-либо решение, касающееся руководителя отдела, я должен посоветоваться с другими. — Он посмотрел в потолок. — Предположим, я внес вопрос в повестку дня и после обсуждения было решено выделить Кенту ту территорию, которую он занял в вашем отделе. В результате мы получим признанный статус, то есть, постоянный. — Он закончил непринуж-

денным тоном: — Думаю, вам не очень хочется увидеть ваше жизненное пространство ограниченным уже окончательно.

Он улыбнулся шире.

Гросвенор, добившийся своей цели, вернул Мортону улыбку.

— Счастлив был получить вашу поддержку в настоящем деле. Так значит, я могу рассчитывать на вас в том, чтобы Кент не внес вопрос в повестку дня?

Если Мортон и был удивлен таким поворотом, то не дал этого заметить.

— Повестка дня является как раз тем пунктом, на который я имею немалое влияние. Собственно, мой кабинет ее и готовит. Именно я ее и представляю. Руководители отделов могут потребовать, чтобы ходатайство Кента было внесено в повестку одного из будущих собраний, но не ближайшего.

— Полагаю, — произнес Гросвенор, — мистер Кент уже подал заявку на приобретение четырех комнат в моем отделе?

Мортон подтвердил. Он положил бумагу, которую держал в руке, на место и взял хронометр. Внимательно его изучил.

— Очередное собрание пройдет через два дня.

Затем через неделю, если только я его не перенесу. Думаю… — Тон Мортона стал задумчивым, — думаю, у меня не возникнет особых трудностей с отменой того, которое должно состояться через двенадцать дней. — Он положил хронометр и встал. — Это вам даст двадцать два дня на то, чтобы справиться с ситуацией.

Гросвенор медленно поднялся. Он решил не делать никаких комментариев по поводу предоставленной отсрочки. В настоящий момент он считал ее совершенно достаточной, но, заявив это, рисковал показаться чересчур самонадеянным. Вероятнее всего, ситуация действительно разрешится задолго до окончания данного времени, однако исход не был предопределенным: либо он вернет себе свою территорию, либо его поражение станет уже признанным фактом.

Он произнес громко:

— Существует еще один вопрос, к которому хотелось бы привлечь ваше внимание. Мне кажется, я должен иметь возможность общаться напрямую с руководителями отделов, когда надеваю скафандр.

Мортон улыбнулся.

— Уверен, что в данном случае речь идет о простом упущении. Я прослежу за тем, чтобы оно

было исправлено.

Они пожали друг другу руки и расстались. Возвращаясь в отдел, Гросвенор говорил себе, что в каком-то очень не прямом смысле нексиализм начинает утверждаться на корабле.

Войдя в первую комнату, он к своему удивлению обнаружил в ней Зиделя, который наблюдал за работающими людьми. Заметив его, психолог приблизился, покачивая головой.

— Молодой человек, — спросил он, — не кажется ли вам, что это несколько аморально?

Гросвенор не без страха осознал, что тот догадался, объектами какого рода экспериментов стали люди. Он постарался не выдать своего беспокойства голосом:

— Абсолютно аморально. Я чувствую то же самое, что чувствовали бы вы, подвергнувшись захвату, вопреки вашим законным правам.

«Что он здесь делает? — думал Гросвенор. — Кент попросил его провести расследование?»

Зидель потер подбородок. Это был широкоплечий человек с блестящими черными глазами.

— Вы не очень хорошо меня поняли, — сказал он. — Но, я смотрю, вы чувствуете себя правым.

Гросвенор изменил тактику.

— Вы намекаете на способ обучения, который я

применил по отношению к этим людям?

Он не испытывал угрызений совести. Каковы бы ни были причины, приведшие сюда Зиделя, он хотел обернуть его присутствие в свою пользу. Он надеялся вызвать у психолога внутренний конфликт и сделать его нейтральным в своем противостоянии с Кентом.

Зидель ответил с едва уловимой язвительностью:

— Совершенно верно. По просьбе мистера Кента я осмотрел тех людей из его персонала, поведение которых ему показалось не очень нормальным. Теперь я должен сообщить мистеру Кенту результаты моего обследования.

— Почему? — спросил Гросвенор. И продолжил степенным голосом: — Мои рабочие помещения были захвачены человеком, который меня невзлюбил за то, что я открыто объявил о своем нежелании голосовать за него на выборах. Поскольку этот человек действовал вопреки законам, регулирующим жизнь на борту, я имею полное право защищаться с использованием всех своих возможностей. Соответственно, я прошу вас сохранять нейтралитет в ссоре, носящей исключительно частный характер.

Зидель помрачнел.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Я здесь нахожусь в качестве психолога. Я вижу, вы загипнотизировали пациентов, не испросив на то их разрешения, и считаю это абсолютно безнравственным. Я удивлен тому, что вы ожидаете от меня соучастия в деле, которое я совершенно не одобряю.

— Могу вас заверить, — ответил Гросвенор, — что мои личные моральные принципы столь же строги, как и ваши. Действительно, эти люди были загипнотизированы мной без предварительного обсуждения с ними, но я принял все меры предосторожности, чтобы им не повредить и не доставить никаких неудобств. В таких условиях я не вижу, почему вы чувствуете себя обязанным принять сторону Кента.

— Это ссора между вами и Кентом… не так ли?

— Совершенно верно, — сказал Гросвенор, догадываясь, куда клонит Зидель.

— И тем не менее, вы загипнотизировали не Кента, а группу ни в чем не повинных зрителей, разве нет?

Гросвенор припомнил, как вели себя химики на его лекции. Не так уж невинны были и остальные, как могло показаться.

— Не стану спорить с вами в этом пункте. Я

мог бы ответить, что с незапамятных времен бездумное большинство всегда расплачивалось за слепое повиновение приказам вожаков, цели которых оно не удосужилось понять. Но вместо того, чтобы входить в рассмотрение данных соображений, я хочу вам задать вопрос.

— Да?

— Вы заглядывали в комнату, в которой находятся мои машины?

Зидель молча подтвердил.

— Вы видели диски?

— Да.

— Следовательно, вы знаете, о чем в них толкуется?

— О химии.

— Это все, чему я их обучаю, — сказал Гросвенор. — И это все, чему я собирался обучать их в будущем. Я рассматриваю свой отдел как образовательный центр. Те, что проникают сюда силой, будут просвещаться, хотят они того или нет.

— Признаюсь, — сказал Зидель, — я не понимаю, как это вам поможет разрешить вашу проблему. Однако сообщу Кенту, что именно вы сделали. У него не должно быть причин сердиться на то, что вы увеличиваете профессиональные познания персонала отдела.

Гросвенор не ответил. Он имел свое представление о том, до какой степени обрадуется Кент, когда выяснится, что его ученики вскоре станут более сведущими в их специальности, чем он сам.

Он с грустью смотрел на то, как Зидель исчезает в коридоре. Поскольку теперь Кент, вне сомнения, все узнает, не оставалось ничего иного, кроме как придумывать другой план противодействия. Время для принятия драконовских мер еще не наступило. Он не мог быть уверенным в том, что даже одобренная и поддержанная акция, не приведет к появлению тех самых раздоров и расколов на борту корабля, которые он хотел предотвратить. Несмотря на сдержанность, проявленную им самим по отношения к циклической концепции истории, не следовало забывать, что цивилизации действительно всегда рождались, старились, затем умирали от старости. Перед тем, как предпринимать новые шаги, стоило зайти к Корите и спросить, в какие ловушки он рисковал угодить по недосмотру.

Он нашел японца во второй библиотеке, которая располагалась на том же этаже, что и нексиалистский отдел. Корита уже уходил, и Гросвенор пристроился рядом. Без предисловий

он изложил ему проблему, которая его занимала.

Корита ответил не сразу. Они прошли весь коридор, когда историк, наконец, заговорил.

— Друг мой, — сказал он, — я уверен, вы осознаете, насколько трудно разрешить определенную проблему, основываясь на обобщении: а практически ничего другого циклическая теория истории не предлагает.

— Несмотря ни на что, — сказал Гросвенор, — какие-то аналогии могли бы оказаться очень полезными. Из всего прочитанного мною по этому поводу я сделал для себя вывод, что наша собственная цивилизация пребывает на стадии «зимы». Другими словами, мы находимся в процессе совершения ошибок, которые приведут к нашему исчезновению. Хотелось бы знать поточнее.

Корита пожал плечами.

— Постараюсь быть кратким. Главным общим знаменателем «зимнего» периода всех цивилизаций выступает то, что в это время миллионы людей начинают все лучше и лучше понимать, как функционируют разные вещи. Суеверные и сверхъестественные объяснения того, что происходит в мозге и теле, не удовлетворяют больше никого. Постепенное накопление знаний

приводит к тому, что самые недалекие умы уже *хорошо разбираются* и отвергают претензии меньшинства на наследственное превосходство. Именно тогда начинается непримиримая борьба за равенство.

Корита немного помолчал, потом продолжил:

— Собственно эта борьба за улучшение личного положения и определяет наиболее значимые параллели между «зимними» периодами всех известных в истории цивилизаций. К счастью или к несчастью, сражения учиняются внутри законной системы, направленной на защиту меньшинства, которое за ней укрывается. Подоспевшие к месту баталии слепо бросаются в схватку, не понимая ее мотивов. В результате возникает настоящий хаос, в котором с упоением сталкиваются взбудораженные умы. В своем исступлении и жажде власти люди повинуются вожакам, идеи которых столь же туманны, как и их собственные. И каждый раз возникающий в результате беспорядок приводит последовательными, хорошо известными этапами, к статичной и окончательной фазе феллахов.

Рано или поздно одна из групп возвышается над другими. Добившиеся своего вожди восстанавливают *порядок* такими кровавыми методами,

что массы усмиряются. Очень быстро группа, оказавшаяся у власти, начинает ограничивать активность других граждан. Лицензирование и другие регулирующие меры, обязательные для всего организованного общества, используются в качестве инструментов подавления и монополизации. Вскоре отдельному человеку становится очень трудно, а потом и невозможно затеять новое предприятие. И таким образом мы начинаем быстро продвигаться к кастовой системе античной Индии и другим, менее известным, но столь же негибким социальным устройствам, таким, как Римская империя к 300-му году после Рождества Христова. Человек рождается в определенном положении и не может над ним подняться… Это краткое изложение способно оказаться вам полезным?

Гросвенор чинно ответил:

— Как я уже говорил, мне нужно найти решение предложенной мистером Кентом проблемы, не впадая в ошибки, свойственные человеку стареющей цивилизации, которую вы мне только что описали. Мне хотелось узнать, имеются ли разумные основания надеяться на то, что получится защитить себя, не усугубив притом уже развернувшейся на борту *Бигля* борьбы.

Корита тонко улыбнулся.

— Если вы преуспеете, это будет уникальная в своем роде победа. Еще ни разу в истории человечества не удавалось разрешить данную проблему. Но все-таки удачи вам, молодой человек!

И именно в этот момент оно началось.

9

Они остановились перед «стеклянной комнатой» на этаже нексиалистского отдела. Она не была стеклянной, и, строго говоря, не являлась комнатой. Скорее, альковом в наружной переборке корабля; «стеклом» же выступала огромная выпуклая пластина, отлитая из кристаллической формы одного из самых прочных металлов. Эффект прозрачности достигал такой степени, что возникало ощущение, будто в этом месте стены прорезано отверстие.

За ней была пустота и тьма пространства.

Гросвенор неосознанно отметил, что они почти полностью пересекли небольшой звездный рой, в котором находились. Лишь несколько из примерно пяти тысяч солнц системы оставались еще видимыми. Гросвенор открыл рот, чтобы сказать: «Хотелось бы еще раз побеседовать с вами, когда у вас появится время, мистер Корита».

Но он не успел произнести эту фразу. Прямо перед ним за стеклом возникло двоящееся и слегка расплывчатое видение женщины в шляпе с перьями. Изображение мерцало. Гросвенор почувствовал, что глазные мышцы ненормально

напряжены. На мгновение в голове образовалась пустота. Но тут же следом он услышал шум, увидел брызнувший свет и почувствовал жгучую боль. Гипнотические галлюцинации! Внезапная догадка встряхнула, словно электрический разряд.

Осознание его спасло. Собственная подготовка позволяла моментально освобождаться от подобных образов. Не теряя ни секунды он повернулся к ближайшему настенному коммуникатору и прокричал:

— Не смотрите на эти картинки! Они гипнотические. Мы подвергаемся нападению!

Он наткнулся на тело Кориты, лишившегося сознания. Гросвенор опустился перед ним на колени.

— Корита! — произнес он резко, — вы *можете* меня слышать, верно?

— Да.

— Только *мои* указания действуют на вас. Понятно?

— Да.

— Вы начинаете расслабляться и забывать. Ваше сознание спокойно. Влияние картинки ослабевает, оно исчезает. Оно полностью исчезло. Понимаете? Полностью исчезло.

— Понимаю.

— Они больше на вас не действуют. На самом деле каждый раз, как вы увидите картинку, она воскресит в вашей памяти какое-нибудь приятное воспоминание из прошлого. Ясно?

— Вполне.

— Теперь вы начинаете пробуждаться. Я буду считать до трех. Когда я произнесу «три», вы окончательно проснетесь. Раз… два… три… Просыпайтесь!

Корита открыл глаза.

— Что случилось? — спросил он удивленно.

Гросвенор объяснил в нескольких словах.

— А сейчас, — сказал он, — следуйте за мной, быстро! Светящиеся изображения притягивают мои глаза, несмотря на способность к контрсуггестии.

Он повел ошеломленного археолога к своему отделу. За первым поворотом коридора они наткнулись на человека, лежащего на полу.

Гросвенор сильно ущипнул его. Он хотел, чтобы находящийся в шоке человек ответил.

— Вы меня слышите? — спросил он.

Человек вздрогнул:

— Да.

— Тогда слушайте. Светящиеся картинки на

вас не действуют. Теперь вставайте. Вы уже проснулись.

Человек поднялся и бросился на Гросвенора. Тот увернулся, и нападавший слепо проследовал мимо него своим курсом.

Гросвенор приказал ему остановиться, но тот даже не обернулся. Гросвенор подхватил Кориту под руку:

— Кажется, я опоздал.

Корита крутил головой с ошалевшим видом. Его глаза повернулись к стене, и когда он заговорил, стало заметно, что попытки внушения Гросвенора не увенчались полным успехом или же они уже уравновешены противодействием.

— Но что это? — спросил он.

— Не смотрите!

Было очень трудно бороться с этим. Гросвенору приходилось беспрерывно моргать глазами, чтобы избежать светового шока сетчатки от нескольких картинок на стене. Сначала ему показалось, что изображения мерцают повсюду. Потом он заметил, что силуэты женщины — некоторые простые, другие необычно двоящиеся — занимают места только рядом с прозрачными или светопроницаемыми частями внешней переборки. Подобных проемов было сотни, но все

же это представляло предел.

По всей длине коридора им попадались лежащие без сознания люди. Двое уже очнулись. Один стоял прямо на их пути, но, похоже, не видел. Пришлось его обходить. Второй закричал, схватился за оружие и выстрелил. Смертоносный луч угодил в стену рядом с Гросвенором. Нексиалист успокоил стрелявшего ударом кулака. Человек — сторонник Кента — посмотрел на Гросвенора недобрым взглядом.

— Грязный шпион! — крикнул он. — Доберемся мы до тебя!

Гросвенор не стал останавливаться, чтобы попытаться выяснить причины такого странного поведения человека. Продолжая вести Кориту к себе, он чувствовал, как возрастает его беспокойство. Если даже у мало знакомого с ним химика так быстро выплыла наружу ненависть, то как поведут себя те пятнадцать, что захватили нексиалистский отдел?

К его большому облегчению, все они были без сознания. Поспешно он отыскал две пары черных очков, для Кориты и для себя самого, затем направил потоки света на стены, потолок и пол. Мерцающие изображения мгновенно поблекли и растворились в ярких лучах.

Гросвенор прошел в студию записи и передал приказы, освобождающие загипнотизированных им подопечных. Через дверь он следил за реакцией на его призывы двух из людей, лежащих на полу. И через пять минут они не подавали никаких признаков вернувшегося сознания. Гросвенор понял, что гипнотическое воздействие нападавших перекрыло его собственное, или же они воспользовались состоянием, в котором он оставил своих подопечных, чтобы заранее отменить возможные последующие приказы. Не исключено теперь, что через мгновение они сами по себе очнутся и бросятся на него.

При содействии Кориты он перетащил их в лабораторию, двери которой затем запер на ключ. Одно представлялось совершенно очевидным. Зрительно-подсознательный гипноз, используемый нападавшими, имел такую силу, что он сам спасся лишь благодаря быстроте реакции. Но происходящее не ограничивалось зрением. Посредством картинок возбуждающее влияние оказывалось и на другие отделы мозга. Гросвенор был в курсе всех работ, ведущихся в этой области в настоящее время. Он, следовательно, знал — чего нападавшим, похоже, не было известно — что управлять нервной системой человека

извне возможно исключительно с помощью энцефалорегулятора или другой аналогичной аппаратуры.

По тому, как это едва не случилось с ним, он догадался, что другие члены экспедиции погружены в глубокий гипнотический сон или находятся в плену галлюцинаций и не контролируют свои поступки.

Оставалось лишь отправиться на командный пост и установить экран энергетической защиты. Откуда бы ни велась атака — с другого корабля или с какой-то планеты — посылаемые нападавшими лучи будут нейтрализованы.

Гросвенор лихорадочно подготавливал передвижные излучатели. Нужно было задействовать какое-нибудь средство для перехвата изображений на то время, пока он не доберется до рубки управления. Он прикреплял последний контакт, когда вдруг испытал краткое ощущение, которое тотчас же узнал. Нечто вроде легкого головокружения, возникавшего, в основном, при резком изменении направления движения корабля, и вызванного регулировкой искусственной гравитации.

Они действительно сменили курс? Надо проверить… чуть позже.

Он сказал Корите:

— Хочу провести эксперимент. Останьтесь, пожалуйста, здесь.

Гросвенор перенес излучатели в прилегающий коридор и разместил на электрокаре. Затем уселся за руль и направился к лифтам.

Минуло примерно десять минут с того момента, когда он увидел первую картинку. На повороте к площадке с лифтами он заложил вираж на скорости четырех километров в час, что в узком коридоре могло считаться лихачеством. В алькове напротив лифтов два человека беспощадно дрались друг с другом. Они не обратили никакого внимания на проехавшего мимо них Гросвенора и продолжили ругаться, надсадно кхекать и махать кулаками. Несмотря на электромагнитный барьер, создаваемый передвижными излучателями, взаимная ненависть людей, похоже, не утихла. Они были чересчур глубоко погружены в галлюцинации.

Гросвенор завернул в ближайшую кабину и нажал кнопку спуска. Хотелось надеяться, что рубка управления окажется пустой.

Надежда улетучилась, когда двери лифта раскрылись. Коридор кишел людьми. Были уже воздвигнуты баррикады, и в воздухе плавал

характерный запах озона. Трассирующие лучи вибраторов прошивали коридор насквозь. Гросвенор, не покидая кабины, осторожно осматривался, пытаясь оценить ситуацию. Положение выглядело неутешительным. Оба входа в рубку управления перегораживали опрокинутые тягачи, за которыми укрывались люди в военной форме. Среди защитников Гросвенор заметил капитана Лита, а с другой стороны, за баррикадой осаждавших, увидел Мортона.

Все прояснилось. Подавляемая до сих пор враждебность, усиленная гипнотическими образами, вырвалась наружу. Ученые нападали на военных, которых всегда неосознанно ненавидели. В свою очередь, военные чувствовали, что, наконец-то, могут дать волю своему презрению и ярости по отношению к ученым.

Гросвенор хорошо знал, что на самом деле это не являлось подлинными чувствами, которые они испытывали друг к другу. Обычно многочисленные противоречивые импульсы уравновешиваются в сознании, и таким образом человеку удается достичь в своей жизни того, чтобы никакое из чувств не брало верх над всеми другими. Но сейчас равновесие нарушилось. Экспедиция людей находилась под угрозой гибели,

начинало казаться, что победу одержит враг, о целях которого оставалось только догадываться.

Каковы бы ни были причины, но вход в рубку управления оказался перекрыт. С неохотою Гросвенор вернулся в свой отдел.

Корита ожидал его у дверей.

— Посмотрите! — воскликнул он.

Он кивнул на настенный коммуникатор, соединенный в данный момент с командным постом. Многочисленные графики и показания приборов, выведенные на экран, на первый взгляд не представляли ничего необычного. Однако, приблизившись, Гросвенор заметил, что траектория движения корабля ведет прямо к ослепительно белой звезде. Задействованный автопилот следил за тем, чтобы корабль не отклонился от курса.

— Как думаете, нас захватывают в плен? — спросил Корита.

Гросвенор недоуменно пожал плечами, он действительно больше был удивлен, чем обеспокоен. Судя по спектру, величине и яркости звезды, находилась она чуть далее чем в четырех световых годах. Корабль пролетал световой год за пять часов, и скорость его лишь возрастала. Быстрый подсчет подсказал Гросвенору, что они окажутся в окрестностях звезды примерно через

одиннадцать часов.

Резким движением он отключил коммуникатор. В голове внезапно вспыхнула мысль о том, что изменение курса могло не преследовать иной цели, кроме простого уничтожения корабля и его экипажа. В таком случае оставалось не более десяти часов на то, чтобы избежать катастрофы.

Хотя у него еще и не было определенного плана, он уже понимал, что только ответная гипнотическая атака поможет им справиться с врагом. А пока…

Он решительно поднялся. Настал момент для повторной попытки проникнуть в рубку управления.

Но сначала нужно было позаботиться о возможности воздействия непосредственно на клетки мозга. Такая аппаратура в распоряжении имелась. Большая часть ее, правда, служила лишь сугубо терапевтическим задачам. Однако наличествовал и небольшой энцефалорегулятор, который можно использовать для передачи импульсов из одного мозга в другой.

Несмотря на помощь Кориты, ему понадобилось много времени на подключение регулятора, но еще больше на проверку его действия. Поскольку аппарат был чрезвычайно чуткий и

капризный, пришлось предварительно устраивать на платформе электрокара амортизирующее гнездо. В общей сложности подготовка отняла тридцать семь минут.

Затем состоялась краткая, но бурная дискуссия с Коритой, который упорствовал в своем желании его сопровождать. В конце концов археолог все же согласился остаться в арьергарде, чтобы охранять базу операции.

По причине прихотливого устройства аппарата Гросвенор вынужден был ехать очень осторожно. Медлительность продвижения его раздражала, но позволяла наблюдать по пути изменения, произошедшие с момента начала вражеского нападения.

Сейчас валявшиеся на полу тела встречались очень редко, из чего Гросвенор заключил, что погруженные в гипнотический сон люди очнулись сами по себе. Последствия в современном гипнозе хорошо известны. Теперь они подчинялись новым побуждениям, и, к несчастью — хотя иного и не стоило ожидать — это означало, что импульсы, так долго воздействовавшие на сознания, в данную минуту управляют их поступками.

Таким образом, люди, в нормальных условиях испытывавшие друг к другу всего лишь умерен-

ную неприязнь, в настоящее время обнаружили, что сдержанное чувство вдруг переросло в смертельную ненависть.

Опасность усугублялась тем, что они совершенно не осознавали произошедшей в них перемены. Действительно, было *возможно* нарушить душевное равновесие так, чтобы сам человек не отдавал себе в этом отчета. Стоило лишь, к примеру, поместить его в поле генератора плохих ассоциаций или использовать те методы, что применили против членов экспедиции нападавшие. В обоих случаях поведение людей будет строиться так, словно новые идеи и чувства являются столь же давними и привычными, как те, чье место они заняли.

Гросвенор вышел из лифта на том этаже, на котором располагалась рубка управления, но был вынужден поспешно отступить назад. В коридоре тепловой излучатель выплевывал сгустки пламени. Металлические переборки шипели. Перед глазами Гросвенора лежало три трупа, и это притом, что поле его зрения было сильно ограничено. Внезапно стены сотряс чудовищный взрыв. Почти сразу же вспышки излучателя прекратились. Голубоватым дымом заволокло видимость, из коридора в кабину лифта дохнуло

удушливым жаром. Дым и жара стояли лишь несколько секунд. По крайней мере, вентиляционная система функционировала нормально.

Гросвенор отважился высунуться в притихший коридор. На первый взгляд тот казался пустынным. Затем он заметил Мортона, наполовину укрывшегося в алькове в нескольких метрах от лифта. В то же мгновение начальник экспедиции увидел его и сделал знак присоединиться. Гросвенор поколебался, затем решил, что должен пойти на этот риск. Он вывел наружу электрокар, модулирующий защитное поле. Мортон торопливо поприветствовал его.

— Вы тот человек, которого я ищу, — сказал он. — Нам абсолютно необходимо вырвать управление кораблем из рук капитана Лита до того, как Кент сумеет поднять свою группу в атаку.

Мортон выглядел совершенно спокойным, его взгляд ничуть не утратил обычной интеллигентности. Он производил впечатление человека, вставшего на защиту своих законных прав. Ему, похоже, даже не пришло в голову, что подоспевшему Гросвенору надо бы объяснить случившееся поподробнее. Он продолжил:

— Вы нам нужны особенно для борьбы с Кентом. Он сейчас занимается тем, что насылает

на нас какое-то химическое вещество, мне не известное. Пока нашим вентиляторам удается отогнать этот газ, но он начал устанавливать свои воздуходувы. Вопрос заключается в том, успеем ли мы справиться с Литом до того, как Кент сумеет направить на нас все свои силы и возможности.

Гросвенор и сам был обеспокоен вопросом времени. Он медленно положил правую ладонь на левое запястье и незаметно коснулся кнопки, контролирующей движение направляющих пластин расположенного на электрокаре аппарата. Продолжая наводить их на Мортона, он сказал:

— У меня есть план. Думаю, мы сможем одолеть врага.

Он замолчал. Мортон опустил глаза:

— Вы доставили энцефалорегулятор и только что его включили. Чего вы рассчитываете этим добиться?

Когда прошел первый шок, Гросвенор расслабился и принялся искать удовлетворительный ответ. А он-то надеялся, что познания Мортона относительно регуляторов ограничены. Но даже если оказалось не так, ничто не мешает ему воспользоваться аппаратом, пусть и без того преимущества, которое мог бы дать эффект

неожиданности. Он произнес голосом более напряженным, чем хотелось:

— Да, именно это устройство играет ключевую роль в моем плане.

Мортон поколебался, потом произнес:

— Если я правильно понимаю, мысли, приходящие мне сейчас на ум, как раз те, что вы в данную минуту передаете…

Он замолчал. На лице обозначился интерес.

— Послушайте, — сказал он, — а это хороший ход. Если вам удастся внушить им, что мы подверглись внешнему нападению…

Он прервался. Сжав губы и опустив глаза, он размышлял. Наконец, сказал:

— Капитан Лит дважды пытался вступить со мной в переговоры. Я сейчас сделаю вид, что согласен, и вы сможете попасть туда со своим аппаратом. Мы двинемся в атаку в тот момент, когда вы подадите сигнал. — Он пояснил с достоинством: — Вы же понимаете, что я не стал бы вступать в переговоры ни с Литом, ни с Кентом, если бы подобное не понадобилось для того, чтобы обеспечить нам победу. Надеюсь, вы хорошо это осознаете, не так ли?

Гросвенор нашел капитана Лита в рубке управления. Военный принял его с напускной

сердечностью.

— Борьба между учеными, — сказал он, — поставила нас в трудное положение. У нас нет иного выбора, кроме как защищать рубку управления и машинный зал, чтобы иметь возможность продолжать исполнять свои прямые обязанности на корабле. Естественно, мы не позволим победить ни тем, ни другим, это вне обсуждения. Мы, военные, готовы пожертвовать собой, чтобы помешать победе любой из двух сторон.

Гросвенор пришел в изумление. Он начал задаваться вопросом, а не капитан ли направил корабль прямо на звезду? Поскольку он только что получил тому подтверждение, по меньшей мере, косвенное. Похоже, капитан Лит руководствовался убеждением, что победа одной из групп совершенно недопустима. И оставался, вероятно, один лишь шаг для дальнейшего вывода о том, что следует пожертвовать всей экспедицией.

С небрежным видом Гросвенор навел пластины регулятора на капитана Лита.

Мозговые волны, электрические импульсы, передающиеся от аксона к дендриту, от дендрита к аксону, всегда следующие по пути, уже установленному предыдущими ассоциациями — данный процесс беспрерывно протекает внутри

девяноста миллионов нервных клеток человеческого мозга. Каждая из этих клеток имеет свое собственное электроколлоидальное равновесие, рожденное из сложной игры многочисленных напряжений и пульсаций. И только поэтапно, после долгих лет исследований, удалось создать аппараты, способные определить с достаточной степенью точности значения энергетических потоков внутри мозга.

Первые энцефалорегуляторы являлись непрямыми потомками знаменитых электроэнцефалографов. Однако их действие было обратным: они создавали искусственные мозговые волны любого желаемого типа. Умеющий в совершенстве управляться с аппаратом мог возбудить нужную часть мозга, вызвав тем самым определенные мысли, чувства, видения или заставив пациента пережить заново некоторые воспоминания из прошлого. В своей сущности это не было инструментом контроля сознания, поскольку подвергаемый процедуре человек сохранял свою личность. Тем не менее, аппарат позволял передавать импульсы одного человека другому. Поскольку рассматриваемые импульсы изменялись, следуя мыслям передающего, воспринимающий мозг в результате приходил в состояние чрезвычайно

тонко нюансированного возбуждения.

Капитан Лит не заметил присутствия регулятора и, следовательно, не подозревал, что его мысли не являются больше полностью его собственными. Он сказал:

— Нападение на корабль посредством этих картинок делает свару ученых особенно непростительной, поскольку она приобретает характер предательства.

Он помолчал, потом добавил задумчиво:

— Мы применим следующую тактику.

Намеченная тактика предусматривала запуск искусственной гравитации для физического изматывания противника, залповый огонь тепловых излучателей и частичное уничтожение обеих группировок ученых. Капитан даже не помянул о нападавших извне и более того, похоже, не осознавал, что раскрывает свои замыслы посланнику тех, кого считал врагом. Напоследок он сказал:

— Особенно в научной области я ожидаю от вас помощи, мистер Гросвенор. Ваши познания нексиалиста включают в себя сведения различных отраслей, поэтому вы можете сыграть решающую роль в борьбе против других ученых…

Усталый и обескураженный, Гросвенор сдался.

Царивший хаос был чересчур велик, чтобы он мог справиться с ним в одиночку. Повсюду, куда ни падал его взгляд, он видел вооруженных людей. Он уже насчитал более двадцати трупов. С минуты на минуту формальное перемирие между Литом и Мортоном окончится градом огня. Он уже слышал гудение вентиляторов, установленных людьми Мортона для защиты от атак Кента.

Со вздохом он повернулся к капитану:

— Мне нужно взять кое-какое оборудование в моем отделе. Можете пропустить меня к задним лифтам? Я вернусь через пять минут.

По дороге в свои владения он перестал сомневаться по поводу того, что именно должен делать. План, который по первому размышлению показался ему чересчур заумным, теперь представлялся единственно еще выполнимым.

Надо было организовывать атаку на неизвестных агрессоров, действуя через мириады их картинок и посредством их собственного гипнотического оружия.

10

Корита наблюдал за Гросвенором, занимающимся своими приготовлениями. Приблизившись, он смотрел, как компаньон проводит сборку сложного агрегата из энцефалорегулятора и различных других приборов, но вопросов не задавал. В настоящий момент он уже полностью оправился от полученного шока.

Гросвенор периодически отирал пот со лба. Однако в комнате не было жарко. Температура оставалась нормальной. Закончив предварительную работу, нексиалист отвлекся на мгновение, чтобы проанализировать причины снедающего его тревожного беспокойства. По-видимому, наконец решил он, беспокойство вызвано неудовлетворительным уровнем его осведомленности о противнике.

Одного понимания способа нападения, который тот применяет, было недостаточно. Большую загадку представляло то, что вражеское воздействие проявляется в женских образах, частично простых, частично двоящихся. Гросвенор чувствовал необходимость строить ответные меры на более концептуальной основе: только лишь

знание могло придать его плану глубины и гибкости, которые там отсутствовали.

Он повернулся к Корите и спросил:

— На ваш взгляд, на какой стадии исторического развития находятся эти существа?

Археолог сел, немного подумал, потом сказал:

— Поведайте о своем плане.

Гросвенор приступил к изложению. Слушая его, японец постепенно бледнел. По окончании он вдруг спросил:

— Как вышло, что вы спасли меня, но не других?

— В случае с вами я мог действовать немедленно. Влияние, оказанное на нервную систему человека, закрепляется повторениями. Вы видели их светящиеся картинки не так долго, как другие.

— Никакого средства избежать катастрофы не было? — спросил он печально.

Гросвенор слабо улыбнулся.

— Для этого нужно, чтобы все прошли через обучение в институте нексиализма. Противостоять гипнозу можно, лишь имея собственную специальную подготовку. Но прошу вас, Корита, ответьте на мой вопрос: на какой стадии?

Капли пота выступили на лбу археолога.

— Друг мой, — произнес он, — не требуйте от меня немедленных выводов. Что мы знаем об этих созданиях?

Гросвенор выругался про себя. Он понимал отношение ученого, но время-то шло. Он сказал почти наугад:

— Существа, способные загипнотизировать нас на расстоянии, должны уметь воздействовать непосредственно на мозг друг друга, иными словами, они используют некий вид телепатии, чего люди могут достичь только при посредничестве энцефалорегуляторов.

Гросвенор наклонился вперед, внезапно оживившись:

— Корита, какое влияние на цивилизацию может оказать способность читать мысли без помощи аппаратов?

Археолог, в свою очередь, выпрямился.

— Разумеется! Вы попали в самую точку. Чтение мыслей воспрепятствовало бы развитию любой расы; следовательно, они находятся на стадии феллахов.

Он весело смотрел на опешившего Гросвенора.

— Вы не понимаете? Если вы умеете читать в мыслях другого, у вас возникает ощущение, что в нем не остается ничего не известного вам. На

данной основе складывается система абсолютной уверенности. Как можно испытывать какие-либо сомнения, когда *знаешь*? И этого совершенно достаточно для того, чтобы разумные существа с быстротой молний проскочили все стадии цивилизации и оказались в феллахском периоде.

С энтузиазмом он принялся описывать Гросвенору, все еще пребывающему в беспокойстве, каким образом различные цивилизации Земли и других планет заходили в тупик и там увязали. Феллахи не любили ни новшеств, ни изменений. Они не являлись особенно жестокими, но, будучи очень бедными, часто проявляли полное безразличие к страданиям отдельной личности.

Когда Корита закончил, Гросвенор спросил:

— Может, именно из-за страха перемен они напали на корабль?

Археолог не захотел заходить слишком далеко.

— Возможно, — ответил он.

Возникло молчание. Гросвенор думал о том, что ему следует действовать так, словно вывод Кориты бесспорен. Другой гипотезы у него все равно нет. Используя теорию археолога как отправную точку, он может попытаться проверить ее через одну из картинок.

Брошенный на ручной хронометр взгляд при-

вел его в шок. Оставалось менее семи часов на то, чтобы спасти корабль.

Не теряя больше времени, он включил энцефалорегулятор. Затем установил экран, затенив часть стены напротив иллюминатора так, что теперь на нее падал только прерывистый внутренний свет самого аппарата.

В то же мгновение появилась картинка. Двоившаяся картинка. Благодаря регулятору Гросвенор смог ее спокойно изучить. После первого же внимательного взгляда он пришел в изумление: перед ним было изображение существа лишь слегка гуманоидной формы. Однако он понял, почему, увидев его в прошлый раз, подумал о женщине. Двоящееся лицо, обе части которого налагались друг на друга, увенчивалось хохолком из золотистых перьев. Но голова, вне всякого сомнения, имевшая форму птичьей головы, чем-то походила и на человеческую. На лице перья отсутствовали, и на нем просматривалась сеть прожилок. Человеческий облик ему придавали эти прожилки, сгруппированные таким образом, что производили впечатление щек и носа.

Другая пара глаз и другой рот размещались примерно в пяти сантиметрах выше первых. Казалось, что вторая голова собирается появить-

ся из первой. Имелась также вторая пара плеч и рук, оканчивающихся красивыми кистями, длинными и тонкими. Все вместе это создавало впечатление женской фигуры. Гросвенор неожиданно поймал себя на мысли о том, что именно руки двух тел, вероятно, отделяются друг от друга прежде всего. В данный момент второе тело выглядело уже способным выдержать собственный вес.

«Партеногенез, — подумал он. — Автономное произведение потомства. Появление и выращивание в материнском теле почки с дальнейшим ее отделением для образования нового существа».

Изображение, проецирующееся на стене, имело остаточные признаки крыльев: на «запястьях» различались пучки перьев. Тело, на удивление прямое, было покрыто искрящейся белой туникой. Одеяние скрывало другие возможные следы птичьего прошлого. Одно не вызывало сомнений: эта птица уже не способна летать.

Заговорил Корита.

— Как вы им дадите понять, что готовы подвергнуться гипнозу в обмен на сведения? — спросил он с беспокойством.

Гросвенор не стал отвечать словами. Он поднялся и попытался изобразить фигуру и самого

себя на темной части стены. Через сорок семь минут, когда он заканчивал двадцатый рисунок, изображение птицы неожиданно исчезло и заменилось на изображение города.

Он не выглядел крупным и был представлен целиком с вершины какого-то холма. Здания казались очень высокими и узкими, расположенными так тесно друг к другу, что нижние этажи, по-видимому, тонули в темноте большую часть дня. Гросвенор подумал мимоходом, не является ли подобное состояние дел напоминанием о ночном образе жизни в далеком прошлом? Но он оставил в покое дома. В первую очередь его интересовал уровень техники этих существ, каким образом они общались между собой, и был ли город, который он видел, тем местом, откуда велась атака на корабль.

Он не заметил ни механизмов, ни самолетов, ни автомобилей. А также ничего, имеющего отношение к межзвездной связи, станции которой на Земле занимали многие квадратные километры. Возможно, нападение производилось и не отсюда.

В тот самый момент, когда он сделал это открытие, вид, стоявший перед его глазами, изменился. Теперь он уже смотрел на город не со стороннего

холма, а с крыши одного из зданий, расположенного в центре. Он спрашивал себя, каким образом они так быстро изменили вид? Переход совершился в мгновение ока. Менее минуты прошло с того момента, когда ему, наконец, удалось выразить на черной стене свое желание узнать о них побольше.

Эта мысль, как и другие, пронеслась в голове с быстротой молнии. Он сосредоточил внимание на боковой поверхности здания. Пространство, отделявшее его от соседнего строения, показалось ему не шире трех метров. Но сейчас он заметил то, что ускользнуло от взгляда, когда он смотрел на город с высоты холма. На каждом этаже дома соединялись между собой тротуарами шириной в несколько сантиметров. Именно по ним перемещались пешеходы птичьего города.

Как раз под Гросвенором две птицы двигались навстречу друг другу по одному и тому же тротуару. Тот факт, что они находятся на высоте более тридцати метров над поверхностью, похоже, не заботил их сверх меры. Они шли спокойно и уверенно. Каждая из них перенесла свою правую ногу над пустотой, нащупала ею тротуар, подтащила к ней левую и затем спокойно продолжила путь. На других этажах этот маневр повторяли

другие пешеходы и все с той же безмятежностью. Наблюдая за ними, Гросвенор догадался, что они имели тонкие полые кости и были очень легкими.

Сцена снова сменилась и менялась потом еще много раз. Взгляд перемещался из одной части улицы в другую. Гросвенору удалось увидеть этих существ на всех возможных стадиях воспроизводства. Некоторые достигли того момента, когда руки, ноги и туловища уже освободились. Другие походили на самое первое изображение. В каждом из представленных случаев материнское тело, казалось, не испытывает никаких неудобств от дополнительной нагрузки.

Гросвенору хотелось заглянуть внутрь какого-нибудь строения, но тут картинка на стене начала стираться. Мгновение спустя город полностью исчез. На его месте возник силуэт двоящегося существа. Пальцы указывали на энцефалорегулятор, в толковании нельзя было ошибиться. Это означало, что птица считает свою часть договора исчерпанной, и теперь наступил черед Гросвенора возвращать долг.

С ее стороны было наивно надеяться на то, что он подчинится. Но загвоздка заключалась в том, что Гросвенор не имел иного выхода. Ему

не оставалось ничего, кроме как исполнять свои обязательства.

11

«Я спокоен и расслаблен, — заклинал записанный голос Гросвенора. — Мои мысли ясны. То, что я вижу, не обязательно соотносится с тем, на что я смотрю. То, что я слышу, может не иметь никакого смысла для интерпретирующих центров моего мозга. Их город я видел таким, каким они его считают. Есть или нет смысла в том, что я вижу и слышу, я, в любом случае, чувствую себя легко, свободно и непринужденно…»

Гросвенор внимательно прослушал наставление, затем, повернувшись к Корите, сказал:

— Превосходно!

Возможно, наступит момент, когда он уже не будет осознанно воспринимать эти слова. Но они не исчезнут, отпечатанные на более глубинных уровнях, и продолжат свое воздействие. Не прерывая слушания, Гросвенор в последний раз проверил регулятор. Результат осмотра его удовлетворил.

Он объяснил Корите:

— Я запрограммировал прерыватель на автоматическое отключение через пять часов. Нажав здесь, — он указал на красную клавишу, — вы

сможете освободить меня раньше. Но не делайте этого без крайней необходимости.

— Что можно считать крайней необходимостью?

— Случай повторной атаки на корабль.

Гросвенор колебался. Он предпочел бы немного передохнуть. Однако, то, к чему он собирался приступить, являлось не просто научным экспериментом, но смертельной схваткой. Готовый к действию, он положил ладонь на диск настройки регулятора и замер.

Решающий час пробил. Через несколько секунд объединенное сознание бесчисленной группы птичьих существ овладеет большей частью его нервной системы. Вне всякого сомнения, они попробуют управлять им, как управляли другими членами экспедиции.

Он был практически уверен в том, что ему придется иметь дело с группой сознаний, действующих совместно. Он не заметил в городе ни машин, ни даже колесных транспортных средств с самыми примитивными механическими двигателями. Какое-то время он думал, что противник использует телевизионную технику, теперь больше склонялся к тому, что видел город глазами других различных существ. Телепатия

у этой расы была развита в такой же степени, как и зрение. Совокупная энергия мозга миллионов птиц может преодолевать световые годы расстояния. Никакой нужды в дополнительном оборудовании нет.

Гросвенор не мог предвидеть, к чему приведет его подключение к коллективному сознанию.

Продолжая слушать запись, он сдвинул ручку настройки энцефалорегулятора, слегка изменив ритм своих мыслей. Следовало быть осторожным. Теперь даже если бы он захотел, его сознание все равно не смогло бы прийти в полное созвучие с вражеским. Именно от этих ритмических колебаний зависели все степени здравомыслия, безрассудства и безумия. Ему нужно было ограничить поле собственного восприятия только «нормальными», с точки зрения психиатрии, волнами.

Регулятор продуцировал свои колебания, добавляя их к лучу света, который падал прямо на картинку. Если существо, представленное на ней, и ощутило волновое наложение, то ничем этого пока не выдало. Но Гросвенор и не ожидал заметных результатов, так что не испытал разочарования. Он был убежден, что воздействие не скажется на самих образах, передаваемых

противником. Он сможет почувствовать его только посредством своей собственной нервной системы.

Сосредоточиться на картинке было трудно, однако он не сдавался. Излучение энцефалорегулятора начало создавать видимые интерференционные помехи, но он продолжал напряженно фиксировать изображение взглядом.

«Я спокоен и расслаблен. Мои мысли ясны…»

Слова громко раздавались в ушах; мгновение спустя он их уже не слышал, они заменились отдаленным грохотанием.

Грохот постепенно унялся, оставив тихий ровный шум, сравнимый с тем, который звучит в большой морской раковине. Гросвенор почувствовал слабый свет, он был размытым и бледным, словно от лампы, видневшейся сквозь густой туман.

«Я продолжаю полностью владеть своим сознанием, — напомнил он самому себе. — Я воспринимаю чувственные ощущения через нервную систему этого существа. Оно воспринимает ощущения через мою».

Можно было подождать. Можно было посидеть и подождать, когда рассеется мгла и мозг начнет осознавать импульсы, переданные ему нервной

системой враждебной стороны. Можно было посидеть и…

Стоп! Посидеть? Разве *оно* это делало? Он задержал дыхание и напряг все свое внимание. Он различил вдалеке голос, произносивший: «Есть или нет смысла в том, что я вижу и слышу, я, в любом случае, чувствую себя легко, свободно и непринужденно…»

Засвербело в носу. Он подумал: «У них нет носа, по крайней мере, я его не видел. Следовательно, речь идет о моем собственном носе или же о раздражении, не имеющем определенного места». Он поднял руку, чтобы почесаться, но был остановлен резкой болью, пронзившей желудок. Он бы согнулся от боли пополам, если бы мог. Но он не мог. Он не мог почесать себе нос. Он не мог положить руки на живот.

Он догадался, что зуд и боль пришли не из его собственного тела. И совсем не обязательно, что они имели прямое соответствие в нервной системе другой стороны. Две высокоразвитые формы жизни обменивались сигналами — Гросвенор очень надеялся на то, что он не только воспринимал их, но и передавал — и ни одна из сторон не была способна правильно перевести сигналы, отправленные другой. Его преимущество

заключалось в том, что он предвидел подобное положение дел. Противник же (если он, как утверждал Корита, находился на феллахской стадии) этого не ожидал и даже не мог ожидать. Таким образом, Гросвенору оставалось только улучшать свое восприятие, в то время как другая сторона могла лишь запутываться все больше и больше.

Зуд исчез, боль в желудке обернулась некоторой тяжестью, какую испытывают после чересчур плотного обеда. Но в каждом своем позвонке он ощущал нечто вроде укола раскаленной иглой. В середине спины игла была изо льда, который расплавлялся и студеным ручьем струился вдоль поясницы. Что-то — пальцы? металлические прутья? клещи? — сжимало мышцы руки и тянуло их, почти вырывая. Мозг Гросвенора получал сообщения, визжащие от боли. Вот-вот он должен был потерять сознание.

Ужасная боль, наконец, утихла, но Гросвенор продолжал содрогаться. Все это было не более чем иллюзии. Ничего такого нигде не происходило, ни в его собственном теле, ни в теле птицы. Его мозг всего лишь воспринимал с помощью глаз импульсы, которые не мог перевести верно. Таким образом, удовольствие могло стать болью, и любое раздражение породить какое угодно

ощущение. Он не думал, что ошибки его мозга окажутся такими серьезными.

Он отвлекся от этих размышлений, потому что губы почувствовали мягкую и влажную ласку. Какой-то голос произнес: «Я любим», но Гросвенор отверг употребленное понятие. Нет, не «любим». Скорее, это его мозг в очередной раз пытался перевести рефлексы нервной системы, реакции которой совершенно отличны от реакций любого человеческого существа. Он сознательно заменил «я любим» на «меня возбуждают», затем позволил ощущению следовать своим путем. Но он так и не понял, что именно чувствовал. Возбуждение не было неприятным. Нервы вкусовых рецепторов слегка щекотало. Взгляд затуманился, что являлось признаком расслабления. В сознании возник образ цветка, восхитительной гвоздики, такой же красной, какими они бывают на Земле, и, следовательно, не имеющей никакого отношения к флоре мира Риима.

«Риим!» — подумал он и всем существом заворожено потянулся навстречу. Это пришло к нему сквозь пространство? Он не сумел бы объяснить почему, но имя казалось ему точным. Однако, вопреки всему, в сознании не исчезали сомнения. Он не мог быть уверенным.

Последняя серия ощущений оказалась полностью приятной. Тем не менее, он ожидал продолжения с тревогой. Свет по-прежнему был слабым и размытым. Затем его глаза еще раз повлажнели. Ноги начали сильно чесаться. Ощущение прошло, оставив его, однако, гореть и задыхаться почти непереносимым образом.

«Неверно! — сказал он себе. — Ничего подобного со мной не происходит».

Возбуждения прекратились. Снова не было ничего, кроме ровного шума и рассеянного света. Гросвенор забеспокоился. Возможно, его метод хорош и в конце концов удастся установить некоторый контроль над отдельным представителем или группировкой вражеского войска. Но время сильно поджимало. Каждая проходящая секунда на неимоверно много приближала его к полному провалу и уничтожению. Там — на самом деле, здесь (на мгновение он запутался в пространстве) — один из самых мощных и дорогих межзвездных двигателей, когда-либо созданных человеком, пожирал километры со скоростью, почти выходящей за пределы смысла.

Он знал, какие именно отделы мозга подвергаются воздействию. Шум он мог слышать, только когда возбуждение возникало в некоторых чув-

ствительных зонах на боковой поверхности коры. Область над ухом при раздражении порождала видения и воскрешала старые воспоминания. Подробная карта мозга была составлена очень давно. Точное местоположение зон ощущений слегка различалось от человека к человеку, но общая структура сохранялась у всех.

Глаз нормального человека передает изображение, относительно соответствующее действительности. Хрусталик фокусирует на сетчатке реальную картинку. Судя по городским видам, демонстрируемым обитателями Риима, они тоже имеют объективно точное зрение. Если Гросвенору удастся скоординировать свои зрительные центры с визуальным восприятием противника, он сможет получать достаточно достоверные образы.

Снова потекли минуты. Неожиданно впав в отчаяние, Гросвенор спросил себя, не проведет ли он на этом самом месте все пять часов, так и не установив никакого полезного контакта? Он начал сомневаться, имеет ли смысл в подобной ситуации и дальше оставаться в столь глубоком подчинении. Но когда он попытался положить руку на диск настройки энцефалорегулятора, результат, похоже, оказался отрицательным.

Возникли смутные ощущения, среди которых он различил характерный запах горелой резины.

В третий раз он почувствовал, что его глаза наполнились слезами. Затем появилась абсолютно четкая картинка. Она исчезла так же внезапно, как и возникла. Но Гросвенор, обученный самым современным подсознательным методам, сохранил послеобраз, отпечатанный в сознании столь же четко, как если бы он без всякой спешки наблюдал сам образ.

Ему показалось, что он находится внутри одного из высоких и узких зданий. Помещение слабо освещалось лучами солнца, падающими через открытые двери. Не было ни окон, ни сплошных межэтажных перекрытий. Вместо них имелось множество дорожек, продолжавших наружные тротуары. На дорожках сидело несколько птиц. Многочисленные дверцы указывали на наличие стенных шкафов и кладовых.

Это видение его не только обрадовало, но одновременно и обеспокоило. «Предположим, — говорил он себе, — что мне удалось установить контакт с этим существом, и я управляюсь его нервной системой, так же как и оно — моей. Допустим, я достиг той точки, в которой уже могу слышать его ушами, видеть его глазами и

испытывать, с определенной степенью точности, то, что испытывает оно. Это не более чем ощущения органов чувств. Можно ли надеяться на то, что пропасть преодолена и я способен заставить откликнуться его мышцы? В моей ли власти принудить существо идти, поворачивать голову, поднимать руку, в общем, действовать так, словно это мое собственное тело?» Атака на корабль производилась группой созданий, объединивших свои усилия. «Могу ли я, влияя на одного из членов, добиться контроля полностью над всей группой?»

Он понимал, что ясная картинка пришла к нему из восприятия отдельной птицы. Похоже, ничего из того, что он ощущал до сих пор, не представлялось возможным приписать группе. Он сравнил себя с заключенным, запертым в темной комнате; в одной из стен этой комнаты располагался иллюминатор с матовым стеклом, пропускающим рассеянный свет. Время от времени сквозь туман проступали некие виды, и заключенный получал представление о внешнем мире: он мог лишь надеяться, что эти виды относительно точные. В противном случае, ему оставалось только испытывать сомнения относительно природы звуков, доносящихся из второго

отверстия во второй стене, равно как и других чувственных ощущений, поступающих каждое из своего отверстия в потолке и полу.

Человеческое ухо воспринимает звуки вплоть до частоты в двадцать тысяч колебаний в секунду. Некоторые расы с этой частоты только начинают слышать. Подвергая определенным гипнотическим внушениям, можно заставить страдающих людей хохотать, а тех, кого щекочут, выть от боли. То, что вызывает боль у одних существ, может оставить безразличными других.

Гросвенор позволил умственному напряжению ослабнуть. Следовало передохнуть в ожидании дальнейших событий. Больше заняться пока было нечем.

Неожиданно в голове возникла идея о том, что, возможно, существует связь между его собственными мыслями и воспринимаемыми ощущениями. О чем в точности думал он как раз перед тем, как увидел внутреннюю часть здания? Он тогда, вспомнилось ему, мысленно сосредоточился на устройстве глаза.

Связь выглядела столь очевидной, что он сильно приободрился. До сего момента он прилагал усилия к тому, чтобы видеть и чувствовать посредством нервной системы одной птицы. Но

исполнение его замыслов по-прежнему зависело от того, удастся ли ему вступить в контакт и оказать воздействие на группу, которая осуществляла нападение на корабль. Неожиданно он понял, что проблема, с которой он столкнулся, требует от него перенастройки собственного мозга. Нужно было практически усыпить некоторые зоны; чувствительность других, наоборот, повысить до крайности для того, чтобы предоставить потоку получаемых ощущений более свободный способ выражения. Имеющийся у него навык самовнушения позволял успешно достичь обеих целей.

Начинать, очевидно, следовало со зрения. Затем продолжить установлением мышечного контроля над телом птицы, посредством которой группа ведет борьбу с ним.

Появились, мешая сосредоточиться, разноцветные всполохи. Гросвенор увидел в них доказательство действенности проведенных самовнушений. Затем его зрение, внезапно приспособившись, стало четким, и он понял, что находится на правильном пути.

Он оказался, точно так же как и в первый раз, сидящим на насесте внутри большого здания. Вцепившись в образ с энергией отчаяния, он

направил все свои усилия на то, чтобы воздействовать на мышечные движения обитателей Риима.

Но точная причина, по которой рождается движение, осталась для него темной. Его зрительное восприятие не могло, очевидно, вместить в себя в подробностях миллионы мышечных рефлексов, позволяющих поднять один палец. Тогда он сконцентрировался на отдельной конечности. Ничего не произошло. Разочарованный, но не потерявший решимости, он прибег к помощи символического гипноза, использовав одно ключевое слово для обозначения всей совокупности вазомоторных процессов.

Медленно одна рука поднялась. Еще одно ключевое слово — и подопечный Гросвенора осторожно встал. Затем Гросвенор заставил его повернуть голову. Скользнувший по стене взгляд подсказал, что такой-то ящик, такой-то шкаф, такая-то кладовая являются «моими». Напоминание едва коснулось сознания. Существо со спокойствием признало свое.

Гросвенору приходилось сдерживать волнение. С бесконечным терпением он посадил, потом поднял птицу, заставил поднести руки к лицу, поцеловать их, двинуться вперед, затем вернуть-

ся к своему насесту. В конце концов он усадил ее на место.

Теперь, очевидно, их нервные системы оказались в достаточной степени синхронизированными для того, чтобы он мог воспринимать малейшие оттенки любого внушения. Едва он начал снова сосредоточиваться, как все его существо, мысли и ощущения, заполонило послание. Более или менее автоматически Гросвенор переводил затопившие его тревожные мысли:

«Ячейки взывают, взывают. Ячейки боятся. О! ячейки ощущают боль! Ночь наступила у риимов. Отдались от создания… отдались, Риим… Тени, вихри… Нужно, чтобы ячейки уклонились… Но они не в состоянии. Они имели право быть приветливыми с существом, вышедшим из тьмы, поскольку не знали, что являются ему врагом… Ночь стала мрачной. Все ячейки тянутся назад… Но они не могут…»

Гросвенор замер, пораженный: «приветливыми».

С ужасом он понял, что события, легко объяснялись как тем, так и другим образом. Ситуация была серьезной. Если безумие, поразившее экипаж корабля, явилось следствием попыток проявить приветливость и вступить в общение с

чужеземцами, то какие бедствия могут произойти в том случае, когда их симпатия перейдет в неприязнь?

Для него положение представлялось еще более трудным, чем для них. Если он сейчас прервет контакт, они станут свободными. И тогда, возможно, предпримут настоящую атаку. Как только избавятся от него, попытаются действительно уничтожить *Бигль*.

Значит, у него не было иного выхода, кроме как держаться выбранного пути, надеясь, что, в конце концов, обнаружится возможность повернуть ситуацию в свою пользу.

12

Для начала он попробовал достичь того, что по всей логике могло считаться промежуточной стадией: он сосредоточился на том, чтобы перенести свой контроль на другого представителя группы. Выбор казался очевидным.

«Я любим, — сказал он, воспроизводя в себе ощущение, в определенный момент смутившее его. — Я любим материнским телом, в котором рождаюсь и развиваюсь. Я разделяю мысли матери, но вижу своими глазами и знаю, что я один из группы…»

Как Гросвенор и ожидал, переход совершился внезапно. Он пошевелил самыми маленькими пальцами. Сгорбил хрупкие плечи. Потом снова вернулся к матери. Результат эксперимента был до такой степени удовлетворительным, что Гросвенор почувствовал себя готовым проделать следующий шаг и войти в контакт с существом более удаленным.

И на этот раз он добился своего, возбуждая соответствующие центры нервной системы. Он понял, что находится на вершине дикого холма, поросшего густым кустарником. Перед ним из

каменистой почвы выбивался источник. Вдали низкое оранжевое солнце следовало заведенным путем по покрытому кучевыми облаками фиолетовому небу. Гросвенор заставил своего нового подопечного выполнить полуоборот. Он заметил жилище, укрывавшееся среди деревьев на берегу ручейка. Он приблизился и заглянул внутрь. В полутьме он различил множество насестов, один из которых был занят двумя птицами. Обе сидели с закрытыми глазами.

Вполне вероятно, подумалось Гросвенору, что они в данный момент принимали участие в нападении на *Бигль*.

Оттуда он переместил свой контроль на птицу, находившуюся в той части планеты, где стояла ночь. Он оказался в затемненном городе, среди тесного строя узких домов и переплетения тротуаров. Он переходил по очереди из одной нервной системы в другую. Он не знал, почему связь устанавливается с тем, а не иным существом. Возможно, некоторые подопечные были более восприимчивы к гипнотическому воздействию Гросвенора, чем другие. Возможно даже, что поддающиеся легче всего происходили из семейства самой первой птицы, с которой удалось вступить в контакт. Посетив таким образом два

десятка различных нервных систем, Гросвенор решил, что уже получил достаточно полное представление о ситуации.

Он имел дело с каменным веком и с «нейропсихическим сообществом», которому, очень вероятно, не найти подобия ни на какой другой планете. Эта раса обошла далеко стороной ту стадию развития, на которой находилось человечество: эпоху машин с ее открытиями секретов материи и энергии.

Теперь Гросвенор мог в полном спокойствии переходить к следующему и предпоследнему этапу своего контрнаступления.

Он настроился на совокупность характеристик, которые должны были отличать существо, участвующее в данный момент в передаче изображения на *Бигль*. Прошло какое-то время, короткое, но вполне определенное. Затем…

Он смотрел изнутри одной из картинок и видел через картинку корабль.

В первую очередь, ему хотелось узнать, как развивается баталия на борту. Но следовало обуздать это желание, потому что задача, определенная им самому себе, являлась не менее важной, и возвращение на корабль составляло лишь часть ее. Ему нужно было повлиять на действия груп-

пы, возможно, из миллионов особей, повлиять таким образом, чтобы они отступились от *Бигля* и в дальнейшем могли лишь держаться от него подальше.

Он уже доказал, что может воспринимать их мысли и внушать им свои; в противном случае, те два десятка успешных контактов с птицами не стали бы возможными. Значит, он был готов. Он направил свои мысли в ночь:

«Вы живете во вселенной; вы создаете образы этой вселенной, такие, какой она вам представляется. И об этой вселенной вам не известно ничего, кроме ваших образов. Но образы вселенной, которые находятся внутри вас, не есть сама вселенная…»

Как можно подействовать на разум? Перестроив систему его постулатов. Каким образом можно повлиять на поведение? Разрушив фундаментальные убеждения, верования.

Шаг за шагом Гросвенор продвигался вперед:

«И образы, находящиеся внутри вас, не показывают вам всей вселенной, потому что есть много вещей, которые вы не можете воспринимать напрямую, поскольку не обладаете органами чувств для их восприятия. Внутри вселенной существует свой порядок. И если порядок ваших образов

не тот же самый, что и порядок вселенной, это приводит вас к заблуждениям...»

В истории различных форм жизни мало кто из разумных существ совершал когда-либо что-нибудь нелогичное... с точки зрения своей системы координат. Когда основания этих координат были ложными, то есть постулаты разумных существ не соответствовали реальности, логика могла привести их к краху.

Нужно было менять постулаты данной расы. Гросвенор действовал обдуманно, хладнокровно, честно. Он исходил из предположения о том, что риимы беззащитны. Он вносил в их сознание первые новые идеи, какие внушались им за время бесчисленных поколений. Потрясение, он не сомневался, будет неимоверным. Никогда еще так не обрушивались на этих феллахов, погрязших в своих предрассудках. Однако, в Истории достаточно примеров того, как единственный завоеватель, даже не располагающий большими силами, изменял будущее всей феллахской цивилизации.

Огромная индийская империя пала перед несколькими тысячами англичан. Так же легко были покорены все феллахские народы античности; они поднимались, только когда свету,

наконец, удавалось проникнуть в их потемки, показав им, что в жизни существует другое, отличное от того, чему учила своя закоснелая система.

Риимы были особенно уязвимы. Их способ общения между собой, каким бы уникальным и замечательным ни являлся, позволял оказать на них воздействие сразу при условии приложения достаточного усилия.

Снова и снова Гросвенор повторял свое сообщение, добавляя каждый раз что-нибудь, относящееся к *Биглю*:

«Измените картинку, которую вы используете для того, чтобы дотянуться до чужеземцев на корабле, затем уберите ее. Измените ее так, чтобы они могли расслабиться и уснуть, затем уберите. Ваш дружественный акт нанес большой вред людям на борту. Мы тоже хорошо расположены к вам, но ваш способ выразить свое дружелюбие причинил нам зло».

Он не мог сказать точно, в течение какого времени продолжал накачивать своими заповедями необъятную сеть нервных систем. Два часа, может быть. Но какова бы ни была продолжительность действия, закончилось оно резко, поскольку выключатель в энцефалорегуляторе

автоматически прервал контакт между ним и картинкой на стене.

Он тут же оказался в привычном окружении. Он посмотрел на стену перед собой. Картинка исчезла. Он бросил быстрый взгляд на Кориту. Свесив руки на пол, археолог крепко спал в кресле.

Гросвенор с содроганием вспомнил данные им самим инструкции: расслабиться и уснуть. Результат находился перед глазами. Все люди на борту корабля, должно быть, спали.

Задержавшись лишь для того, чтобы разбудить Кориту, Гросвенор вышел в коридор. На протяжении всего пути ему попадались лежащие с закрытыми глазами люди, но стены были чисты. Он добрался до рубки управления, не встретив ни одной картинки.

Внутри ему пришлось перешагивать через уснувшее тело капитана Лита, чтобы пройти к приборной панели. Со вздохом облегчения он повернул ручку включения внешнего экрана энергетической защиты.

Несколькими секундами позже, расположившись в операторском кресле, он уже вносил изменения в курс корабля.

Перед тем, как покинуть рубку, он привел в

действие, установив на два часа, устройство, блокирующее доступ к рулевому управлению. Обезопасив таким образом корабль от того возможного случая, когда кто-нибудь из людей пробудится с желанием самоуничтожения, он поспешил в коридор для оказания помощи раненым.

Пациенты все до единого пребывали в бессознательном состоянии; следовательно, он мог лишь предполагать, от чего они страдают. Он не рисковал. Каждый раз, устанавливая, что дыхание затрудненно и, по-видимому, человек в шоке, он вводил ему кровяную плазму. Он вкалывал болеутоляющее, встречая скверную рану, и наносил заживляющую мазь на ожоги, ссадины и порезы. Семь раз с помощью Кориты он переносил мертвых в реанимационные палаты: четыре души удалось таким образом вернуть из небытия. И все же осталось тридцать два трупа, которые он даже не стал пытаться оживить.

Они с Коритой продолжали заниматься фельдшерской работой, когда рядом с ними очнулся один геолог, зевнул… затем забурчал ругательства. К нему возвращалась память. Гросвенор смотрел за тем, как человек поднимается на ноги, подходит и, поглядев на них обоих с ошарашен-

ным видом, спрашивает:

— Я могу вам помочь?

Вскоре они имели уже с десяток подручных, которые с остервенением впрягались в работу; время от времени роняемые ими реплики свидетельствовали об осознании того, что происходивший на борту кошмар стал следствием охватившего их безумия.

Гросвенор заметил прибывших Лита и Мортона только когда увидел, как они разговаривают с Коритой. Через некоторое время последний удалился, а оба руководителя подошли к Гросвенору и пригласили принять участие в собрании, которое должно было состояться в рубке управления. Без лишних слов Мортон похлопал его по плечу. Гросвенор не знал, вернулась ли к ним память, поскольку гипноз достаточно часто вызывает самопроизвольную амнезию. И если они оба все забыли, Гросвенору будет чрезвычайно сложно заставить их поверить тому, что случилось.

Поэтому он вздохнул с облегчением, когда капитан Лит произнес:

— Мистер Гросвенор, обсуждая катастрофические события, имевшие место на борту, и Мортон, и я, мы вспомнили, что в определенный момент вы пытались убедить нас в том, что корабль под-

вергся нападению извне. Мистер Корита доложил нам о ваших действиях, свидетелем которых он явился. Мне бы хотелось, чтобы вы объяснили все произошедшее руководителям отделов, собравшимся в рубке управления.

Рассказ Гросвенора длился более часа. Когда нексиалист закончил, кто-то спросил:

— Должен ли я понять так, что в действительности речь идет о дружественной попытке вступить с нами в контакт?

Гросвенор подтвердил:

— Ну да.

— По-вашему, — сказал тот с горечью, — не следует и поднимать вопрос о том, чтобы отправиться туда и с помощью нескольких бомб уничтожить их всех до последней особи?

— В этом нет никакого смысла. Но мы можем совершить на их планете посадку для более прямого общения.

Капитан Лит живо вмешался:

— Это отняло бы чересчур много времени. Перед нами еще долгий путь. — Он добавил кислым тоном. — К тому же, кажется, это весьма недоразвитая раса.

Гросвенор колебался. Прежде чем он успел заговорить, Мортон спросил:

— Что скажете, мистер Гросвенор?

— Полагаю, капитан намекает на полное отсутствие у данного народа каких-либо механических устройств. Но разумные существа могут иметь известные потребности, для удовлетворения которых машины бесполезны: есть, пить, жить среди друзей и быть любимыми. По моему мнению, эти птицы находят радость в их совместном мышлении и способе размножения. Существовало время, когда человек имел не намного больше, однако уже тогда говорилось о цивилизации; и в то время были великие люди, как и сейчас.

— И все же, — тонко заметил фон Гроссен, физик, — вы не остановились перед тем, чтобы разрушить их образ жизни.

Гросвенор не позволил выбить себя из седла.

— Это нехорошо, когда птицы или люди чересчур зацикливаются на своем. Я всего лишь сломил их сопротивление новым идеям, чего мне, кстати, до сих пор еще не удалось проделать на борту нашего корабля.

В аудитории послышались смешки, и ученые начали расходиться. Гросвенор увидел, что Мортон беседует с Йеменсом, единственным химиком, присутствовавшим на собрании. Йеменс, являвшийся теперь первым заместителем Кента,

долго хмурил брови и качал головой. Напоследок он разразился довольно длинной речью, после которой они с Мортоном расстались, пожав друг другу руки.

Мортон подошел к Гросвенору и сказал тихим голосом:

— Химики освободят помещения в вашем отделе в течение ближайших двадцати четырех часов при условии, что им никогда не станут напоминать об этом инциденте. Йеменс…

Гросвенор перебил:

— А что говорит Кент?

Мортон помедлил.

— Кент хлебнул своего газа, — произнес он, наконец, — и ему придется провести в постели несколько месяцев.

— Но, — напомнил Гросвенор, — скоро выборы.

И еще раз Мортон помедлил, прежде чем сказать:

— Верно. И это означает, что у меня не будет конкурентов, поскольку один лишь Кент выступал против.

Гросвенор молча размышлял. Известие о том, что Мортон сохранит руководство над учеными, следовало признать хорошим. Но что станется

со всеми недовольными, которые поддерживали Кента?

— Хочу попросить вас о личном одолжении, мистер Гросвенор, — снова заговорил Мортон. — Мне удалось убедить Йеменса в том, что было бы не очень разумно продолжать наступление Кента на вас. Но хотелось, чтобы и вы, в свою очередь, не распространялись о данной истории. Не старайтесь извлечь дополнительную выгоду из вашей победы. Если вас спросят, скажите, что возвращение к *статус-кво* стало результатом несчастного случая с Кентом, но сами эту тему не поднимайте. Речь идет о мире на борту. Обещаете?

Гросвенор пообещал, затем добавил:

— Могу ли я подсказать вам один ход?

— Давайте, посмотрим.

— Почему бы вам не назначить Кента своим заместителем?

Мортон уставился на него озадаченно:

— От вас я такого совета не ожидал. Лично я не чувствую в себе желания так уж сильно приободрять Кента.

— Речь не о Кенте, — сказал Гросвенор.

Теперь уже Мортон сделал паузу. Наконец, он произнес:

— Пожалуй, это разрядило бы атмосферу.

Тем не менее, он, по-видимому, не испытывал энтузиазма.

— Ваше мнение о Кенте, — заметил с улыбкой Гросвенор, — похоже, совпадает с моим.

Мортон рассмеялся:

— Можно насчитать не менее полусотни людей на борту, которых я предпочел бы в качестве своего заместителя, однако для поддержания мира мне действительно стоит воспользоваться вашей подсказкой.

Они распростились. Гросвенор не был таким удовлетворенным, каким мог показаться. У него оставалось ощущение, что, спровадив химиков из своего отдела, он выиграл стычку, но не сражение. Тем не менее, по его убеждениям, подобный исход в любом случае выглядел лучше продолжения войны, которая могла принять и более ожесточенный характер.

13

Икстл плыл в беспредельной ночи. Время медленно продвигалось к вечности, и тьма пространства была непроницаемой. Сквозь безмерность проглядывали смутные пятна холодного света. Каждое из них, он знал, являлось галактикой пламенеющих звезд, преобразованной расстоянием в вихревую туманность. Там имелась жизнь, которая размножалась на мириадах планет, безостановочно вращающихся вокруг своих солнц. Подобно жизни, извлекшейся когда-то из первозданной грязи Глора, задолго до того как космический взрыв уничтожил всю могущественную расу икстлов, забросив его собственное тело в межгалактические бездны.

Он жил — в этом состояла его персональная катастрофа. Почти бессмертное тело, уцелевшее в катаклизме, поддерживало себя, все более и более слабея, энергией, разлитой в пространстве и времени. Мозг неустанно возвращался к одной и той же мысли; Икстл думал: один шанс из дециллиона, что он когда-нибудь окажется в какой-либо галактической системе. И еще более исчезающе малый — что упадет на планету и

найдет драгоценный *гуул*.

Миллиард миллиардов раз, следуя по кругу, он приходил к тому же самому выводу. Умозаключение стало неотъемлемой частью его бытия. Словно анимационный образ, беспрерывно развертывающийся перед внутренним взором. Вкупе с далекими светящимися лентами там, в черной пучине, это составляло мир, в котором протекало существование Икстла. Он почти забыл об объемном сенсорном поле, сохраняемым его телом. Когда-то он получал от него сигналы, но сейчас не улавливал ничего в радиусе нескольких световых лет.

Он ничего не ждал, и первый признак появления корабля дошел до него с трудом. Энергия, плотность… материя! Очень смутные, ощущения тыкались в уснувший мозг Икстла. Он почувствовал резкую боль, словно вдруг напрягся давно не используемый мускул.

Боль исчезла. Мысль угасла. Мозг снова погрузился в долгий сон, прерванный на мгновение. Икстл вернулся в свой мир безнадежности и мерцающих пятен. Представление об энергии и свете обернулось грезой и начало стираться. Какой-то уголок сознания, пробудившийся более, чем остальная часть, следил за тем, как мысль

исчезает и тени забвения разворачивают свои туманные вуали, окутывая слабо вспыхнувший было проблеск. Но снова, и теперь уже более пронзительно, прозвучало сообщение, посланное сенсорами. Конвульсивное движение напрягло изможденное тело. Четыре руки дернулись вперед, четыре ноги резко распрямились в рефлекторном прыжке.

Широко раскрытые глаза настроились. Взгляд, ничего уже не искавший, снова обрел свою живость. Часть нервной системы, контролировавшая поле восприятия, внезапно пришла в возбуждение. Икстл отвлек внимание от биллионов кубических километров, не подающих никаких сигналов, и сосредоточил все силы на установление точного места, откуда поступил импульс.

Но пока Икстл пытался его определить, оно переместилось на огромное расстояние. И только тогда отшельник подумал о корабле, летящем из одной галактики в другую. Одно ужасное мгновение ему казалось, что аппарат сейчас удалится еще дальше и он не сможет его больше обнаружить, что потеряет контакт навсегда, так и не сумев ничего сделать.

Он чуть растянул сенсорное поле и неожиданно

опять ощутил возбуждение, вызванное несомненным присутствием посторонней материи и энергии. На этот раз он в нее вцепился. Он вылил в один электромагнитный пучок всю энергию, которую могло поставить ослабевшее тело.

Через этот луч он жадно втянул в себя огромное количество энергии. Ее было больше — в миллионы раз больше — чем он мог использовать. Он вынужден был изливать ее в пространство. Но, словно чудовищная пиявка, он удлинял свою присоску на четыре, пять, десять световых лет и сосал движущую энергию корабля.

Поскольку уже бесчисленные эры он перебивался слабыми лучиками света, Икстл даже не осмелился попробовать впитать в себя колоссальные количества, доставшиеся ему сейчас. Они рассеются в пространстве, которое поглотит их навсегда. Но и то, что он взял, вдохнуло в его тело жизнь. С неистовой силой он ощущал, как расширяются его возможности. Мощным порывом он привел в движение собственную атомную структуру, и сам устремился в луч.

Корабль, потерявший энергию двигателей, но продолжавший движение за счет имевшейся скорости, проследовал мимо и отдалился на один световой год, на два, на три. Всполошенный

Икстл осознал, что аппарат ускользает, вопреки всем его усилиям. Но в этот момент…

Корабль остановился, на полном ходу. Он продвигался со скоростью многих световых лет в день и неожиданно замер в состоянии равновесного покоя, вся скорость оказалась мгновенно погашенной. Он все еще был на значительном расстоянии, но уже не удалялся.

Икстл догадывался, что произошло. Находящиеся на борту корабля заметили вмешательство и остановились выяснить, в чем дело. Мгновенное торможение указывало на высокий уровень техники, хотя Икстл и не мог определить его с точностью. Сам он собирался останавливаться, преобразуя свою скорость в движение электронов внутри собственного тела. Потеряется на этом очень малое количество энергии. В каждом атоме скорость электронов немного возрастет — совсем немного — и добавленная скорость перейдет в движение на субмолекулярном уровне. Именно на этом уровне он ощутил, что корабль рядом.

События следовали одно за другим в чересчур быстром темпе, чтобы успевать их обдумывать. Корабль отгородился от него сплошным энергетическим барьером. Ощутив концентрацию энергии на пути, внутренние рефлексы остано-

вили движение Икстла на долю микросекунды раньше, чем он хотел. В расстоянии это выразилось пятидесятью дополнительными метрами.

Он смотрел на корабль, блистающий в черном пространстве. Барьер по-прежнему был на месте, другими словами это означало, что находящиеся внутри, вероятно, не могли его обнаружить, равно как и он не сумел бы подобраться к кораблю. Он предположил, что чувствительные приборы на борту заметили его приближение, идентифицировали как угрозу и установили защиту.

Икстл находился в нескольких метрах от почти невидимой преграды. Отделенный от исполнения своих надежд, он с вожделением разглядывал аппарат. Это было сферическое чудовище из темного металла, утыканное рядами светящихся точек. Корабль парил в бархатно-черной пустоте пространства, сверкающий, словно драгоценность, спокойный, но живой, обжигающий жизнью. Он принес с собой ностальгическую мысль о мириадах далеких планет и о жизни, неукротимой и суматошной, которая устремилась к звездам, чтобы овладеть ими.

До сего момента ему так много нужно было делать с физической точки зрения, что он пока еще очень смутно представлял, чего может добиться,

поднявшись на борт. Тысячелетиями погруженный в беспредельное отчаяние, мозг пришел в безумное возбуждение. Подобно пляшущим языкам пламени, ноги и руки корчились и извивались под ярким светом из иллюминаторов. Изо рта, напоминающего порез на карикатурном изображении человеческого лица, выступила белая пена, разлетевшись мгновенно застывшими капельками. Икстл чувствовал, как растет надежда, затопляя его всего до такой степени, что мутилось зрение. И уже сквозь туман он увидел, как на металлической обшивке корабля набухла световая прожилка. Вздутие обернулось огромным люком, который, вращаясь, открылся. Из проема хлынул ослепительный свет.

Возникла пауза, затем наружу выбралось с десяток двуногих существ. Одетые в почти прозрачные доспехи, они вели или направляли большие плывущие машины. Они собрали все машины в одном месте на корпусе корабля. Заблистали огоньки, которые издалека казались маленькими, но чрезвычайная яркость вспышек свидетельствовала либо о крайне высокой температуре горения, либо о неимоверной концентрации нетепловых лучей. Двуногие принялись за свою работу — по ремонту, по всей

видимости — с тревожной быстротой.

Икстл лихорадочно обрушился на экран, преграждавший ему доступ к кораблю, пытаясь выискать в нем слабые места. Но не нашел их. Действующие силы были комплексными, они закрывали чересчур большую поверхность, чтобы Икстл мог одолеть их теми средствами, которыми располагал. Он чувствовал это и на расстоянии. Реальность только подтвердила опасения.

Работа — Икстл видел, как двуногие сняли толстый слой обшивки и заменили его на новый — была закончена очень быстро. Сварочные аппараты притушили свои горелки, последние искры растаяли в ночи. Машины отправились обратно тем же путем, каким прибыли. Двуногие существа вернулись в корабль вслед за ними. Металлическая поверхность стала такой же пустынной, как само пространство.

От нахлынувшей тоски Икстл едва не потерял рассудок. Он не мог позволить им ускользнуть сейчас, когда вся вселенная оказалась в пределах досягаемости… в нескольких метрах от него. Он протянул руки, словно одной лишь потребности, которую он имел, было достаточно, чтобы удержать корабль. Все тело прострелило резкой болью. Его затягивало в черную бездонную про-

пасть отчаяния, он остановился как раз перед окончательным погружением.

Люк снова пришел в круговое движение. На обшивку выбрался один-единственный двуногий и побежал к тому месту, где производился ремонт. Что-то подобрал и двинулся обратно. Он находился еще на некотором расстоянии от входа, когда заметил Икстла.

Он резко остановился, как от полученного удара. Казалось, он с трудом удержал равновесие. В свете иллюминаторов на его лице за прозрачным шлемом хорошо различались широко распахнутые глаза и открытый рот. Он встряхнул головой, затем его губы быстро задвигались. Чуть позже люк открылся шире, давая проход группе двуногих, все из которых смотрели на Икстла. Должно быть, последовала дискуссия, потому что их губы по очереди приходили в движение.

Вскоре была доставлена большая клетка с металлическими прутьями. Она плыла, похоже, ведомая двуногим, сидящим наверху. Икстл догадался, что его собираются поймать.

Странное дело, но он не почувствовал облегчения.

Он ощущал себя так, словно ему ввели какой-то наркотик, поскольку внезапно начал провали-

ваться в бездну усталости. Впадая в панику, он пытался бороться с охватывающим его оцепенением. Ему понадобятся все способности его расы, достигшей самого порога высшего знания, если он хочет, чтобы икстлы обрели жизнь.

14

— Но, в конце концов, ради всех святых рая, как что-то может жить в межгалактическом пространстве?

Искаженный тревогой голос прозвучал в переговорном устройстве. Гросвенор видел, как спутники рядом с ним жмутся теснее друг к другу. Ему самому было не по себе, и даже присутствия остальных членов экспедиции не хватало для того, чтобы рассеять до конца это ощущение. Он чересчур явственно чувствовал, как неосязаемая ночь обволакивает их, подобно савану, прилипая полами к самой поверхности иллюминаторов.

Никогда еще с момента начала путешествия необъятность ночи не поражала Гросвенора до такой степени. Он столь часто смотрел на нее изнутри корабля, что она стала ему безразличной. Но внезапно он осознал во всей полноте, что даже самые дальние звездные границы человечества представляют собой всего лишь булавочную головку в этой ночи, протянувшейся на миллиарды световых лет во всех направлениях.

Гнетущее молчание нарушил Мортон.

— Вызываю Ганли Лестера… Ганли Лестера…

После некоторой паузы послышалось:

— Да, шеф?

Гросвенор узнал голос руководителя астрономов.

— Ганли, — сказал Мортон, — тут есть над чем поработать вашему астро-математическому уму. Подсчитайте вероятность того, что *Бигль* остановится точно в том месте пространства, где плавает эта штука. Даю вам несколько часов.

Слова только подчеркнули драматизм сцены. Это было вполне в духе Мортона, самого математика, дать возможность кому-нибудь другому блеснуть в той области, где он являлся мэтром.

Астроном сначала рассмеялся, затем ответил совершенно серьезно:

— Мне не нужно заниматься вычислениями. Понадобилось бы вводить новую систему обозначений, чтобы выразить указанную вероятность в конкретных цифрах. В арифметическом смысле, то, что вы имеете перед собой, не может случиться. Вот корабль с людьми на борту, который останавливается для ремонта на полдороге между двумя галактиками — и заметьте, мы делаем это в первый раз. И тут, говорю я, данная крошечная точка абсолютно непредусмотрено пересекает траекторию движения другой точки, еще более

крошечной. Такое невозможно, если только пространство не кишит похожими существами.

Гросвенор видел феномену иное, вполне правдоподобное объяснение. Почему бы не допустить, что два события просто связаны причинно-следственными отношениями? В переборке машинного зала была проделана дыра. Потоки энергии ускользнули в пространство. Они и остановились, чтобы исправить повреждение. Гросвенор открыл рот, собираясь изложить свой взгляд, потом закрыл, так и не заговорив. Вступал еще один фактор, если дело действительно происходило таким образом. Сколько энергии потребовалось бы приложить для того, чтобы за несколько минут вытянуть весь объем, вырабатываемый реактором? Он произвел подсчет в уме. Цифры получались такими большими, что его гипотеза, похоже, отпадала сама по себе. Даже тысяча зорлов, собранных вместе, не могла распоряжаться такими энергиями. Следовательно, речь стоило уже вести не об одних только существах, но и о машинах.

Кто-то сказал:

— Такие маленькие вещи нужно разыскивать при свете прожектора.

Дрожь в голосе человека передалась Гросве-

нору. Подействовала она, очевидно, и на других, поскольку, когда заговорил Мортон, по его тону было заметно, что он старается успокоить смятенные умы.

— Этот красный дьявол, вышедший, похоже, из кошмара, страшный, как семь смертных грехов, возможно, совершенно безобиден, подобно тому, как наш очаровательный котик на поверку оказался опасным, — сказал он. — Как думаете, Смит?

Биолог ответил со своей холодной логикой:

— Данное существо, насколько я могу судить с того места, где мы находимся, имеет руки и ноги, что является признаком чисто планетарной эволюции. Если оно разумно, то начнет реагировать на знакомую среду обитания в ту же минуту, как его поместить в клетку. Может быть, перед нами почтенный мудрец, выбравший тишину пространства для медитации, потому что здесь его ничто не отвлекает. Возможно, это молодой убийца, приговоренный к ссылке и сгорающий от желания вернуться к себе и продолжить жизнь в своей цивилизации.

— Жаль, что Корита с нами не вышел, — произнес Пеннонс, руководитель механиков. — Его выступление о коте подсказало нам тогда, чего

ожидать…

— Корита здесь, мистер Пеннонс. — Как всегда, голос археолога в переговорном устройстве прозвучал с размеренной четкостью. — Я слежу, как и многие другие, за происходящим и, должен признать, сильно впечатлен изображением на экране, прямо перед моими глазами. Но, думаю, в данный момент, ввиду отсутствия фактов, было бы неосмотрительно пускаться в предположения, основываясь на теории цикличности истории. В случае с котом мы имели опустошенную планету с оскудевшими источниками питания, на которой он обитал, и архитектурные остатки мертвого города. Здесь же перед нами существо, которое живет в пространстве на расстоянии в четверть миллиона световых лет от ближайших звезд, по всей видимости, совсем без еды и какого-либо средства передвижения. Вот что я бы посоветовал: удерживайте защитный барьер на месте, оставив проход для клетки. Когда запрете создание в ней, изучите его, проанализируйте все поступки и реакции. Проведите флюорографию внутренних органов, функционирующих в пустом пространстве. Соберите максимальное количество данных, чтобы знать, кого именно мы поднимаем на борт. Постарайтесь не убивать

и не быть убитыми. Предосторожности излишними не будут.

— На мой взгляд, очень разумные советы, — сказал Мортон.

Он принялся раздавать распоряжения. Из корабля привели другие машины. За исключением огромной флюорографической камеры, все они расположились вокруг людей охранным кольцом. Что касается камеры, ее установили на передвижную клетку.

Гросвенор, неприятные ощущения которого не рассеивались, услышал, как Мортон заканчивает инструктаж людей, управляющих клеткой:

— Распахните двери как можно шире и быстро надвигайте на него. Надо, чтобы лапы не могли уцепиться за прутья.

«Если я собираюсь высказать замечания, — сказал себе Гросвенор, — то сейчас или никогда».

Но он не видел, что именно сказать. Он мог изложить свои смутные сомнения. Мог завершить рассуждение Ганли Лестера логическим выводом о том, что произошедшее не было случайным. Мог бы даже намекнуть, что, дескать, целый корабль, набитый этими красными дьяволами, где-нибудь неподалеку только и дожидается того момента, когда их товарища начнут захватывать.

Но дело заключалось в том, что против этих возможных событий меры предосторожности были уже приняты. Если на самом деле поблизости притаился корабль, то, приоткрывая защитный экран только для прохода клетки, они покажут врагу лишь уголок мишени. Люди, управляющие клеткой, действительно рискуют, но сам корабль останется в безопасности.

Противник увидит, что его операция провалилась. Он обнаружит перед собой огромный вооруженный и бронированный корабль, ведомый представителями расы, умеющей применять самые беспощадные методы борьбы.

И Гросвенор решил воздержаться от комментариев. Он сохранит сомнения для себя.

Мортон спросил:

— У кого-нибудь еще есть замечания?

— Да. — Это был голос фон Гроссена. — Думаю, нужно провести углубленное обследование этого существа. «Углубленное» для меня означает неделю, месяц.

— Другими словами, — сказал Мортон, — вы хотите, чтобы мы оставались здесь, посреди пространства, пока наши специалисты будут изучать монстра?

— Естественно, — ответил физик.

Мортон немного подумал, потом медленно произнес:

— Я должен вынести ваше предложение на рассмотрение руководителей отделов, фон Гроссен. Это исследовательская экспедиция. Мы достаточно оснащены, чтобы собрать тысячи образцов. Для нас, ученых, все хорошо. Все заслуживает быть изученным. Тем не менее, я уверен, вам возразят, что, если мы будем задерживаться на месяц ради каждого экземпляра, который предполагаем взять на борт, наше путешествие продлится пятьсот лет, а не пять или десять, как запланировано. Я излагаю вам не мою личную точку зрения. Несомненно, каждый образец должен быть изучен с тем подходом, которого он требует.

— Мне хотелось лишь, — сказал фон Гроссен, — чтобы об этом подумали.

— Других возражений нет? — спросил Мортон. Поскольку никто не ответил, он подвел итог спокойным тоном: — Ну, ребята, давайте, ловите его!

15

Икстл ждал. Словно в калейдоскопе, в его сознании появлялись и исчезали воспоминания о том, что он когда-то знал или о чем думал. Всплыло видение планеты, с которой он происходил и которая уже давно уничтожена. Он почувствовал гордость и возрастающее презрение к этим двуногим, взявшим себе в голову захватить его.

Он не забыл о том периоде, когда представители его расы могли управлять движением целых солнечных систем сквозь пространство. Это было еще до того, как они, отказавшись по собственной воле от межпланетных перемещений, предались более спокойному существованию, целиком посвященному восторгу художественного созидания.

Он смотрел на приближающуюся к нему клетку. Барьер приоткрылся, пропуская ее, и тут же закрылся. Это оказалось проделанным столь быстро, что, захоти он воспользоваться отверстием, чтобы проскользнуть к кораблю, у него бы не получилось. Клетка медленно надвигалась. Два человека, ведущие ее, внимательно оглядывали пространство перед собой. Один из них держал

в руках какое-то оружие, которое, как ощущал Икстл, стреляло атомными зарядами. Он почувствовал к нему определенное уважение, но и сразу же понял, что преимущества этого оружия ограничены. Они могут применить его здесь, но никто не осмелится пустить в ход такую разрушительную энергию внутри корабля.

Это только утвердило его в принятом решении: подняться на борт! Проникнуть внутрь!

В то время как решимость укреплялась в нем, клетка объяла его тело и дверь бесшумно закрылась. Он дотянулся до ближайшего прута и крепко ухватился за него. Так и остался, прицепившись там, оглушенный реакцией. Он был спасен! Сознание под действием шока от этого открытия расширилось. Произведенный эффект был не только ментальным, но и физическим. Рои свободных электронов покинули тело, неистово стремясь присоединиться к электронам других атомарных систем. Икстл был спасен после квадриллионов лет безнадежного отчаяния. В безопасности, на материи. Что бы ни случилось потом, контроль над источником энергии клетки навсегда освободит его от былой неспособности распоряжаться своими передвижениями. Никогда больше он не будет оставаться в полной

власти слабых сил отталкивания и притяжения далеких галактик. Отныне он сможет перемещаться в тех направлениях, которые сам выберет. И одна лишь клетка уже дала ему это.

Его тюрьма тронулась в сторону корабля. Когда они приблизились, защитный экран приоткрылся и тут же захлопнулся, пропустив их. Вблизи двуногие существа выглядели хрупкими. Факт необходимости космических скафандров свидетельствовал о том, что они не умеют адаптироваться к средам, отличным от их собственных; иными словами, физически они находятся на низкой стадии эволюции. Однако было бы неразумно недооценивать их достижения в научной области. Они имели живые умы, способные создавать и использовать мощные машины. Они доставили некоторое количество своих устройств, явно, чтобы изучить его, Икстла. Таким образом разоблачатся его цели, идентифицируются драгоценные объекты, спрятанные в груди, и выставятся на обозрение некоторые жизненные органы. Он не мог допустить, чтобы его подвергли подобному обследованию. Он заметил, что кое-кто из двуногих носил по два оружия вместо одного. Оно скрывалось в футлярах, прикрепленных к поясу скафандров. Одно из них

было того типа, с атомными зарядами, которым ему уже угрожали. Другое имело мерцающую и полупрозрачную рукоятку. Икстл заключил, что это вибратор. Оба двуногих, управлявших клеткой, им располагали.

Когда клетка прибыла в импровизированную лабораторию, камера придвинулась к узкому промежутку между двумя прутьями. Для Икстла это послужило сигналом. Без усилия он прыгнул к потолку. Его зрение интенсифицировалось и стало восприимчиво к колебаниям очень высокой частоты. Тотчас же он заметил, словно светящуюся точку в пределах досягаемости, источник энергии вибратора.

Одна рука, оканчивающаяся восьмью железными пальцами, протянулась вперед и *проникла сквозь* металл; он схватил вибратор одного из своих стражей.

Он не стал изменять атомную структуру оружия, как проделал с рукой. Не нужно, чтобы они могли догадаться, откуда последовал выстрел. Сохраняя равновесие в неудобном положении, он навел вибратор на камеру и группу людей, расположившихся за аппаратом. Нажал на спуск.

С невероятной быстротой движений Икстл отпустил оружие, отдернул руку и вернулся на

пол. Заряд молекулярной энергии срезонировал в камере и задел в той или иной степени все оборудование временной лаборатории. Съемка была полностью испорчена; измерительные приборы придется заново эталонировать и все данные перепроверять. И самым лучшим представлялось то, что произошедшее посчитается несчастным случаем.

Гросвенор расслышал в переговорном устройстве ругательства и понял, не без облегчения, что компаньоны тоже борются с резкими вибрациями, которые лишь частично были поглощены материалом космических скафандров. Очень медленно зрение пришло в норму. Он снова увидел изогнутую металлическую плиту, на которой стоял, чуть далее клетку, словно пятно в тени, и за ней — темное и бездонное пространство.

— Мне очень жаль, шеф, — извинялся один из людей на клетке. — Вибратор, должно быть, выпал из кобуры и сам выстрелил.

Гросвенор вмешался:

— Это кажется маловероятным, учитывая отсутствие силы тяжести за пределами скафандра.

— Вы правы, Гросвенор, — сказал Мортон. — Кто-нибудь видел что-либо, способное объяснить произошедшее?

— Может, я тут наверху стукнулся обо что-то, сам того не заметив, — предположил тот, чье оружие выстрелило.

Смит в своем углу бормотал сквозь зубы:

— Страбизмический эрисипелатус, стеатопигмейский…

Гросвенор не расслышал продолжения, но догадался, что это личные ругательства биолога. Последний, видимо, облегчив душу, взял слово.

— Минутку, дайте-ка вспомнить, что я видел. Я стоял здесь, прямо на линии огня… Ну вот, мой каркас перестал сотрясаться. — Его голос окреп: — Клясться не стану, но как раз перед тем, как в меня выстрелил вибратор, создание дернулось. У меня сложилось впечатление, что оно прыгнуло под потолок. Я понимаю, было чересчур темно, чтобы различить точно, но…

Он оставил фразу неоконченной.

— Лихо! — бросил Мортон. — Направьте-ка прожектор, посмотрим, что там происходит!

Поток света залил клетку, обрисовывая Икстла, спокойно сидевшего на полу. Дрожь ужаса пробежала по телу Гросвенора при взгляде на монстра. Цилиндрический торс переливался пурпурными, почти металлическими отблесками, глаза горели, словно угольки, пальцы и уши казались

железными, весь образ в целом производил впечатление совершенного уродства.

— Глядя в зеркало, он, видимо, приходит в восхищение, — произнес Зидель.

Высказанное неуверенным голосом замечание все же разбило лед.

Кто-то заговорил:

— Если всякая жизнь эволюционирует сообразно условиям среды обитания, зачем этому типу, живущему в пространстве, настолько развитые руки и ноги? Интересно бы глянуть, что у него внутри. Но в данный момент аппарат не работает. Вибрации повредили объектив, да и остальное не в лучшем состоянии. Попросить доставить другую камеру?

— Нн… нет, — ответил Мортон неуверенным тоном.

Затем он принял решение и его голос окреп.

— Мы потеряли много времени; в конце концов, ничто нам не мешает воссоздать условия космической пустоты в наших лабораториях и включить на некоторое время антигравитацию.

— Следует ли понимать так, что мои соображения больше не принимаются во внимание? — спросил фон Гроссен. — Помните, я говорил, по крайней мере, о неделе исследований, прежде

чем брать это создание на корабль?

Мортон колебался:

— У кого-нибудь еще есть возражения?

Он выглядел обеспокоенным.

— Думаю, неразумно бросаться из одной крайности в другую, — вступил Гросвенор. — Приняв максимум предосторожностей, затем совсем от них отказаться.

— Кто еще поделится мнением? — спросил Мортон. И поскольку все молчали, добавил: — А вы, Смит?

Биолог заметил:

— В любом случае его нужно поднимать на борт, рано или поздно. Не стоит забывать, что ничего более необычного, чем это создание, живущее в пространстве, мы за время экспедиции не видели. Даже наш котенок, сумевший приспособиться к кислороду так же хорошо, как и к хлору, все же нуждался в некотором количестве тепла и не выжил бы в космическом холоде и вакууме. Если, как мы предположили, естественной средой обитания этого существа не является пространство, нужно узнать, как оно попало туда, где мы его нашли.

Мортон пребывал в озабоченности.

— По-видимому, придется ставить вопрос на

голосование. Впрочем, мы могли бы закрыть клетку металлическим кожухом и установить в нем энергетическую защиту. Это удовлетворит вас, фон Гроссен?

— Разумная мера, — ответил тот. — Однако мы вернемся к тому же самому, перед тем как решиться снять защиту.

Мортон рассмеялся.

— Как только мы тронемся, вы можете обсуждать это вместе с другими хоть до самого окончания путешествия. А у вас, Гросвенор, есть что добавить?

Гросвенор склонил голову.

— Энергетический экран мне кажется надежной защитой, — ответил он.

Спросив в последний раз, имеет ли кто возражения, Мортон приказал людям на клетке:

— Подведите ее сюда, чтобы зарядить энергией.

Двигатели клетки заработали, и Икстл ощутил вибрации в металле. Потом он почувствовал во всем теле приятные покалывания. В нем что-то происходило, замедляя мысли. Когда ему удалось снова обрести контроль над мыслительными способностями, клетка уже нависала над ним, а сам он лежал на твердой поверхности обшивки

корабля.

Он встал с рычанием, догадавшись, что именно случилось: он забыл вернуть себе прежнюю атомную структуру после того, как выстрелил из вибратора. Вследствие этого упущения его тело свободно прошло сквозь металлический пол клетки.

— Господи! — воскликнул ужаснувшийся Мортон.

Зрители сцены увидели, как пурпурная тень метнулась к люку и затем исчезла.

Приспособив организм к атомной структуре двух внутренних дверей, Икстл проскользнул в корабль. Он оказался в начале длинного коридора, залитого светом.

Одно представлялось несомненным: в той борьбе, которую ему придется развернуть, чтобы завладеть кораблем, он будет иметь очень большое преимущество и помимо индивидуального превосходства — они не знают, какие безжалостные замыслы он вынашивает.

16

Двадцатью минутами позже Гросвенор, устроившись в аудитории рубки управления, смотрел на Мортона и Лита, что-то оживленно обсуждавших на одном из уступов, ведущих к основной секции приборной панели.

Переполненный зал гудел. Не считая часовых, расставленных на ключевых постах, все были приглашены принять участие в собрании. И все они находились здесь, в самой аудитории и прилегающих к ней проходах: военные и их командиры, ученые, административный и технический персонал.

Прозвенел звонок. Мало-помалу разговоры прекращались. Звонок прозвенел еще раз. Воцарилась тишина. Капитан Лит выдвинулся вперед.

— Похоже, джентльмены, — сказал он, — надолго нас в покое не оставляют, вы не находите? Я подозреваю, что мы, военные, раньше имели неправильное представление об ученых. Я, например, был убежден, что они проводят всю жизнь в своих лабораториях, вдали от какой-либо опасности. Теперь я начинаю думать, что они

обладают присущей только им способностью вызывать молнию там, где небо совершенно чистое.

Он помедлил мгновение, затем продолжил с тем же, немного суховатым, юмором:

— Мортон и я, мы оба пришли к согласию в том, что одним лишь военным не справиться с положением, каковое к настоящему моменту сложилось. До тех пор пока монстр продолжит разгуливать на свободе, каждый должен сам себе стать охранником. Вооружитесь, передвигайтесь только по двое или группой… Чем больше вас будет, тем лучше.

Он обвел аудиторию взглядом, затем заговорил уже серьезным тоном:

— Я допускаю, что еще не все в полной мере осознали, в какой опасности мы оказались. Не исключены жертвы. Возможно — я. Возможно — вы. Нужно смотреть ситуации в лицо и привыкнуть к мысли о том, что мы подвергаемся смертельному риску. И тем не менее, если судьба сведет вас с этим чудовищем, защищайтесь до последнего вздоха. Постарайтесь добиться своего. Не страдайте и не погибайте понапрасну.

Он оглянулся на Мортона.

— А сейчас начальник экспедиции проведет

обсуждение, касающееся использования против врага огромного научного потенциала, собранного на корабле. Вам слово, мистер Мортон.

Мортон вышел вперед.

Его высокая фигура смотрелась не так внушительно на фоне гигантского пульта управления, перед которым он остановился. Серые глаза оглядели зал, вопросительно задерживаясь на каждом, словно он хотел оценить настроение людей. Он занял место капитана Лита, затем сказал:

— Я перебрал в памяти всю цепь случившихся событий и, кажется, имею право утверждать, что никто — включая меня самого — не может считаться ответственным за появление монстра на борту. Мы решили, если вы помните, поместить его в электромагнитное поле. Эта предосторожность удовлетворила всех критиков, и достойно сожаления то, что она не была принята вовремя. Вследствие этого факта монстр проник на корабль по своей воле и тем способом, который мы не могли предвидеть.

Он помолчал. Снова осмотрел все лица.

— Или же кто-то из вас имел что-нибудь более определенное, чем тайное предчувствие? В таком случае, пусть поднимет руку.

Гросвенор огляделся, но ни одна рука не под-

нялась. Он устроился поудобнее на сидении и тут не без удивления заметил, что глаза Мортона остановились на нем.

— Мистер Гросвенор, — спросил тот, — нексиализм давал основания предвидеть, что это создание способно проходить сквозь стены?

— Нет, — ответил Гросвенор ясным голосом.

— Благодарю, — сказал Мортон.

Ответ Гросвенора, похоже, его удовлетворил, поскольку он не стал больше никого спрашивать. Гросвенор уже догадался, что Мортон пытается оправдать свою собственную позицию. Это могло плохо сказаться на умонастроениях на борту. Но Гросвенора больше всего заинтересовало то, что Мортон сослался на нексиализм, как на некий высший авторитет.

— Зидель, — говорил уже Мортон, — объясните нам, что произошло с точки зрения психолога.

Спрошенный ответил:

— Перед тем, как бросаться на охоту за этим созданием, нам нужно кое-что прояснить на его счет. Вот существо, имеющее руки и ноги, но притом, плавающее в пространстве, где оно остается живым. Оно позволяет запереть себя в клетке, зная, что клетка не может его удержать. Затем проскальзывает сквозь дно, что с его сторо-

ны глупо, если оно не хочет, чтобы мы знали за ним умения совершать подобные подвиги. Когда разумные существа допускают ошибку, этому всегда есть причина, фундаментальная причина, которая должна позволить нам догадаться, откуда прибыл наш монстр и, естественно, почему он здесь. Смит, поведайте нам о его биологическом строении.

Поднялся Смит, худой и хмурый.

— Мы уже отметили явно планетарное происхождение рук и ног. Способность жить в пространстве, приобретенная в результате эволюционного развития, конечно же, поражает. По моему мнению, перед нами представитель расы, разгадавшей последние тайны биологии; если бы я знал, каким манером можно хотя бы приступить к попыткам захватить создание, умеющее проходить сквозь первую попавшуюся стену, я бы все равно сказал: гоните его и убейте, как только увидите!

— Ах... — вздохнул Келли, социолог. (Это был мужчина сорока лет, наделенный лысиной и удивительно интеллигентным взглядом). — Существо, которое в состоянии адаптироваться к жизни в пустоте, могло бы стать хозяином вселенной. Данная раса заняла бы все планеты,

все звездные системы. Они бы кишели повсюду. Однако мы знаем, что в нашей галактике их нет. Вот парадокс, который заслуживает того, чтобы над ним поразмыслили.

— Я не очень хорошо уловил, Келли, — сказал Мортон.

— Раса, разгадавшая последние тайны биологии, должна быть на тысячелетия впереди человечества. Ее представители высокосимподны, то есть могут приспособиться к любой среде обитания. По законам витальной динамики они должны были распространиться до самых дальних границ вселенной, как пытается сделать человек.

— Действительно, парадокс, — признал Мортон, — и он доказывает, что этот монстр, все же, не сверхсущество. Какова его история, Корита?

Японец пожал плечами, но поднялся и сказал:

— Боюсь, что в настоящий момент я мало чем могу вам помочь. Вы знаете современную теорию: жизнь развивается последовательными циклами. Каждый цикл начинается с крестьянина, привязанного к своему клочку земли. Крестьянин ходит на рынок; мало-помалу место рынка преобразуется в деревню с многочисленными, но все менее прямыми связями с землей.

Потом возникают города и нации, затем бездушные мегаполисы, изнуряющая борьба за власть, серия опустошительных войн, которые снова погружают человека в примитивное состояние крестьян, или феллахов. Вопрос в том, на какой стадии своего цикла — крестьян или мегаполисов — находится это создание? Или же на какой промежуточной?

Он замолчал. Каждый период, подумалось Гросвенору, должен иметь свою собственную психологическую обстановку. Существует множество научных взглядов на феномен, и старая шпенглеровская теория циклов, только один из них. Вполне возможно, что Корите удастся предсказать поведение монстра, опираясь на свою циклическую концепцию. Он уже доказал в предыдущих случаях, что его система жизнеспособна. И сейчас он единственный, кто располагает методами, применимыми к ситуации.

Голос Мортона нарушил тишину:

— Корита, на основании того немного, известного нам о монстре, какие черты характера следует ожидать в нем, предположив, что он находится на стадии мегаполисов своей цивилизации?

— Это был бы в целом непобедимый ум, во всех отношениях замечательный. В своей привычной

среде он не допустит никакой ошибки, одолеть его можно только в обстоятельствах, которые он не в состоянии контролировать. Самый наглядный пример такого существа, — уточнил японец мягким тоном, — человек нашей эры.

— Но монстр уже совершил ошибку! — заметил фон Гроссен. — Он по-глупому провалился сквозь дно своей клетки. Это свойственно крестьянину?

— Давайте предположим, что он находится на стадии крестьян, — сказал Мортон.

— В таком случае, — начал Корита, — его основные реакции намного проще. Прежде всего, он хочет оставить потомство, иметь сына, знать, что его род не угаснет. При условии высокой разумности, данный рефлекс у высшего существа может принять форму драматичной борьбы за выживание расы. И это все, что я могу пока сказать, — закончил он твердо и сел на место.

Мортон снова глянул на Гросвенора и произнес:

— Недавно я приобрел убеждение, что нексиализм способен предложить новые методы решения проблем. Поскольку это целостная концепция жизни, возведенная в *энную* степень, возможно, он поможет найти выход в наших условиях, когда фактор времени очень важен.

Гросвенор, прошу вас поделиться своим взглядом на вторгшегося к нам монстра.

— Я хочу представить вывод, основанный на моих наблюдениях. Я мог бы изложить собственную маленькую теорию о том, каким образом мы вступили в контакт с монстром, или напомнить как, после опустошения реактора, вынуждены были отправиться починять внешнюю переборку машинного зала и там я заметил несколько очень значимых пауз. Но вместо того, чтобы заставлять вас слушать мои соображения по сему поводу, я предпочел бы рассказать вам, как, по моему мнению, нам удалось бы убить…

В этот момент он был прерван десятком людей, пытавшихся проложить себе дорогу в аудиторию. Гросвенор бросил вопросительный взгляд на Мортона. Тот повернулся к Литу. Капитан подошел к прибывшим, среди которых находился Пеннонс, главный механик.

— Вы закончили, мистер Пеннонс? — спросил Лит.

Тот подтвердил:

— Да, капитан. — И добавил предупреждающим тоном: — Наденьте свои скафандры.

Лит пояснил:

— Мы навели электромагнитное поле в стенах

спальных блоков. Ничто не говорит о том, что мы поймаем монстра немедленно, и не стоит подвергаться риску быть убитыми в постелях. Мы…

Он прервался и живо спросил:

— Что там, мистер Пеннонс?

Пеннонс смотрел на маленький прибор, который держал в руке. Он медленно произнес:

— Мы все здесь, капитан?

— Да, за исключением часовых.

— В таком случае… Что-то попалось в завесу. Быстрее, надо его окружить!

17

Для Икстла, который после осмотра внутренней части корабля возвращался на внешние этажи, потрясение было ужасным. Он двигался, убаюканный приятной мыслью о том, что удастся спрятать гуулы в металлических отсеках трюма, как вдруг оказался внутри электромагнитного поля.

Сознание его затуманилось. Облака свободных электронов роились в нем. Они метались от системы к системе, пытаясь присоединиться, но каждый раз атомы их упорно отталкивали, стремясь сохранить свою стабильность. В течение этих долгих и страшных секунд, весь организм, вообще-то исключительно устойчивый, едва не разрушился. Спасло Икстла то, что коллективный гений его расы предусмотрел даже ситуацию, в которой он оказался. Подвергая себя искусственной эволюции, они учли вероятность возникновения сильного излучения. С быстротой молнии тело Икстла перестраивалось и перенастраивалось, и каждая новая структура брала на себя дополнительный заряд. Через долю микросекунды, он уже смог вырваться из заслона.

Он был спасен.

Он обдумал сложившееся положение. Электромагнитная ловушка, по-видимому, привела в действие сигнал тревоги. Следовательно, люди в данный момент занимают окрестные проходы, пытаясь его окружить. При этой мысли его глаза радостно заблестели. Люди сейчас рассеются, и он сможет поймать и изучить одного из них, чтобы определить, насколько годятся они в качестве гуула.

Времени терять было нельзя. Он бросился к первой стене, не несущей энергии. Не задерживаясь, он продвигался из помещения в помещение, оставаясь на линии, параллельной главному коридору. Его чувствительные глаза различали туманные силуэты людей, пробегавших мимо. Один, два, три, четыре, пять в этом проходе. Пятый следовал на некотором отдалении от остальных. Совсем на незначительном, но Икстлу большего не требовалось.

Словно видение, он выскользнул из стены прямо перед человеком. Вставший во весь свой рост, с мерцающими глазами и разинутой пастью, он выглядел ужасающе. Вытянув четыре лапы огненного цвета, он обхватил человеческое существо. Человек отчаянно отбивался, но очень

скоро рухнул на пол.

Он остался лежать на спине, его рот открывался и закрывался с нерегулярной последовательностью. Икстл почувствовал покалывание в ногах. Ощущение объяснялось просто, это были звуковые колебания призыва на помощь. Икстл прыгнул и одной из своих рук ударил по шевелящимся губам. Человек задергался. Но он был жив и находился в сознании, и Икстл погрузил в него две руки.

Жест привел человека в оцепенение, он прекратил сопротивляться. Расширенными глазами смотрел, как длинные тонкие руки исчезли под рубашкой и принялись рыться в его груди. Затем с ужасом уставился на пурпурный цилиндр, нависающий над ним.

Внутри тело человека, по видимости, состояло из прочной плоти. Значит, требуется полое пространство, имеющее выход наружу, или пространство, которое можно открыть давлением, но так, чтобы оно не убило человека. Плоть должна быть живой.

Быстрее, быстрее! Его ноги зафиксировали вибрацию, указывающую на спешащие шаги. Они приближались только с одной стороны, но очень быстро. В своем беспокойстве Икстл допустил

ошибку, поторопившись с обследованием. На короткое время он повысил плотность пальцев до полутвердого состояния. И в тот же момент задел сердце. Человек конвульсивно дернулся и погрузился в смерть.

Мгновением позже пальцы Икстла обнаружили желудок и кишечник. Он зарычал в ярости: наконец-то он обрел, что хотел, но из-за его собственной оплошности оно стало бесполезным. Однако когда он выпрямлялся, новая мысль вернула ему спокойствие: он и надеяться не смел, что разумные существа могут умереть столь легко. Последнее все меняло и упрощало. Это они в его власти, а вовсе не он в их. Ему достаточно просто быть осторожным, и все.

Два человека с вибраторами в руках появились из-за поворота коридора. Они резко затормозили при виде монстра, склонившегося над трупом и встретившего их угрожающим рычанием. Они оправились от испуга лишь после того, как Икстл прошел сквозь ближайшую переборку. Секундой ранее он был пурпурной тенью в освещенном коридоре, а теперь исчез, и тем, которые его видели, могло показаться, что монстр им почудился. Лучи вибраторов поглотились стеной.

Теперь Икстл уже имел план. Он захватит

десяток людей и сделает из них гуулы. Потом можно убить всех остальных, поскольку они ему не понадобятся. Затем останется лишь достичь галактики, к которой направляется корабль, и там завладеть первой встреченной обитаемой планетой. После этого прибрать к рукам всю досягаемую вселенную будет только вопросом времени.

Гросвенор в окружении других смотрел на экран коммуникатора, направленного на группу людей, столпившихся вокруг мертвого тела. Он бы предпочел находиться на месте событий, но на дорогу туда понадобилось бы не менее десяти минут. На это время он бы потерял контакт с происходящим. Он решил остаться у коммуникатора, чтобы ничего не упустить.

Мортон занимал на экране первый план, расположившись рядом с доктором Эггертом, склонившимся над умершим. Он выглядел напряженным, челюсти его были крепко сжаты.

— Ну что, доктор? — спросил он наконец вполголоса.

Врач поднялся и повернулся к Мортону. Гросвенор заметил, что лицо у него озабоченное.

— Остановка сердца, — сказал он.

— *Остановка сердца?*

— Знаю, знаю. — Доктор вытянул руки, словно защищаясь. — Выглядит так, точно ему вонзали зубы прямо в кости, и мне самому, много раз его обследовавшему, хорошо известно, что сердце у него было в идеальном состоянии. И тем не менее, я не могу констатировать ничего другого, кроме смерти от остановки сердца.

— Меня это не удивляет, — произнес один из людей мрачным голосом. — То же самое едва не случилось со мной, когда мы выскочили в коридор и увидели это чудовище.

— Мы теряем время, — сказал фон Гроссен, державшийся около Мортона. — Мы еще можем одолеть это животное, но только не занимаясь обсуждениями и не зарабатывая сердечный приступ каждый раз, как заметим его в углу. Коли мне суждено попасть в список его жертв, я бы предпочел знать, что лучшие ученые наших дней будут не плакаться над моим телом, а выискивать способ отомстить за меня.

— Вы правы, — вступил Смит. — Нас губит чувство слабости. Это существо здесь не более часа, но уже понятно, что кое-кто из нас погибнет. Если я окажусь в их числе, тем хуже. А теперь давайте организовывать борьбу.

Мортон сказал:

— Мистер Пеннонс, вот проблема для вас. Мы имеем примерно пятьсот тысяч квадратных метров пола на наших тридцати этажах. Сколько потребуется времени, чтобы подключить все это к источникам энергии?

Гросвенор не мог разглядеть главного механика, который находился вне поля зрения, но догадался, что его лицо должно выглядеть расстроенным, поскольку ответил он подавленным голосом.

— Понадобилось бы, вероятно, не более часа, чтобы затопить корабль энергией сверху донизу. Не стану вдаваться в детали, но сплошная и бесконтрольная энергизация может привести к тому, что мы убьем все живое на борту.

— Но вы могли бы просто немного повысить уровень энергии в стенах, разве нет? — спросил Мортон.

— Нн…нет, — Пеннонс, по-видимому, колебался. — Они не выдержат. Расплавятся.

— *Стены не выдержат?* — воскликнул кто-то. — Но вы отдаете себе отчет, какую в таком случае мощь мы предполагаем в этом создании?

Тревожная тоска проступила на всех лицах. Тягостную тишину разбил голос Кориты.

— Шеф, — сказал японец, — я наблюдаю за ва-

ми через коммуникатор рубки управления. Вы говорите, что мы имеем дело со сверхсуществом. Но вспомните, оно вляпалось в электромагнитный барьер и было вынужденно признать, что не в силах проникнуть в спальный отсек. Я намеренно употребил слово «вляпалось», поскольку это еще раз доказывает, что наш монстр может допускать ошибки.

Мортон сказал:

— Это возвращает нас к тому, что вы говорили о психологических чертах, свойственных различным этапам развития. Предположим, что это существо из крестьянской стадии своего цикла.

Корита ответил без колебаний:

— Неспособность осознать мощь организации. По всей вероятности, оно считает достаточным перебить людей на борту, чтобы захватить управление кораблем. Оно инстинктивно оставляет без внимания тот факт, что мы являемся частью галактической цивилизации. Истинный крестьянин по натуре индивидуалист, почти анархист. Его стремление оставить потомство очень эгоистично: это желание увидеть продолжение собственной крови. Данное существо — если оно действительно находится на стадии крестьян — очень вероятно, захотело бы иметь себе подобных

для помощи в борьбе с нами. Оно любит компанию, но боится, что они станут вмешиваться в его дела. Любое организованное общество превосходит крестьянскую общину, потому что крестьяне не в состоянии создать ничего кроме крайне аморфного объединения против чужаков.

— Объединение, даже крайне аморфное, этих пожирателей огня уже совсем немало, — прокомментировал один из техников язвительным тоном. — Я… Аааа-аааа!

Фраза техника закончилась воем. Его рот остался открытым, нижняя челюсть совсем отвалилась. Глаза вылезли из орбит. Гросвенор увидел, как присутствующие отскочили в стороны.

Прямо в центре экрана вырос Икстл.

18

Он стоял там, грозный призрак, вырвавшийся из пурпурного ада. Он был по-прежнему начеку, но вовсе не встревожен. Он держал людей в поле восприятия и знал, что успеет нырнуть в ближайшую стену, прежде чем кто-нибудь из них сумеет выстрелить из своего оружия.

Он прибыл за первым гуулом. Забрав его прямо из центра этой группы, он деморализует всех членов экспедиции.

Гросвенор с трудом верил в то, что изображение на экране соотносится с реальностью. Только несколько человек попадало в объектив камеры. Ближе всех к монстру находились фон Гроссен и два техника. Мортон располагался как раз за фон Гроссеном, виднелась так же часть головы Смита, стоявшего позади одного из техников. Все они выглядели не очень серьезными противниками существу, огромный силуэт которого намного возвышался над ними.

Молчание нарушил Мортон. Он убрал руку с прозрачной кобуры своего вибратора и произнес твердым голосом:

— Не пытайтесь стрелять в него. Он чересчур

быстр. К тому же, он бы не появился здесь, если бы думал, что наше оружие может нанести ему ущерб. Мы не имеем права на неудачу. Возможно, в этом единственный для нас шанс.

Он перешел к прямым распоряжениям:

— Всем спасательным командам, которые меня слышат, занять места сверху, снизу и рядом с нашим коридором. Захватите самые тяжелые портативные излучатели и даже несколько полупортативных и напитайте стены, пусть пылают. Очистите проходы вокруг этой зоны и перекройте лучами все мыслимые направления. Давайте!

— Хорошая идея, шеф! — заметил капитан Лит, лицо которого на мгновение мелькнуло на экране коммуникатора. — Постарайтесь продержаться три минуты, и мы прибудем.

Гросвенор тоже покинул коммуникатор. В рубке управления, он был чересчур далеко от сцены, чтобы иметь возможность проводить необходимые наблюдения для выработки плана действий. Поскольку он не входил ни в одну спасательную команду, ему оставалось лишь присоединиться к Мортону и другим в опасной зоне.

Пробегая по коридорам мимо множества включенных коммуникаторов, он слышал голос Кориты, предлагавшего свои советы со стороны:

— Мортон, воспользуйтесь случаем, но не рассчитывайте на успешное завершение. Заметьте, он опять появился раньше, чем мы успели подготовиться к атаке на него. И не важно, случайным или намеренным было его появление. Результат тот же самый, а именно — общая паника. Нам еще не удалось навести порядок в мыслях.

Гросвенор вбежал в кабину лифта и нажал кнопку спуска. Открыв двери внизу, устремился в коридор.

— Я убежден, — продолжал голос Кориты, — что при наших ресурсах, мы в силах справиться с любым созданием… в том случае, если оно будет одно, конечно…

Завершилась ли на этом речь Кориты, Гросвенор уже не услышал. Завернув за угол, он увидел перед собой людей и монстра.

Фон Гроссен как раз закончил что-то рисовать в своем блокноте для набросков. Не без тревоги Гросвенор смотрел, как он подходит к монстру и протягивает ему лист. Мгновение поколебавшись, тот взял бумагу. Бросив короткий взгляд, отступил назад с рычанием, искривившим его лицо.

— Что вы делаете? — вскричал Мортон.

Фон Гроссен нервно улыбался.

— Я показал ему, как мы можем с ним справиться. Я…

Он не договорил. Гросвенор, со своего места на заднем плане, принимал участие в последовавшей сцене в качестве наблюдателя.

Мортон, вероятно, догадался, что сейчас произойдет. Он двинулся вперед, будто пытаясь защитить фон Гроссена своим большим телом. Рука с длинными железными пальцами отбросила шефа на людей, находившихся сзади. Он упал, заставив потерять равновесие других. Но быстро поднялся, схватился за вибратор, потом замер с оружием наизготовку.

Словно сквозь искажающее стекло, Гросвенор видел, как существо держит фон Гроссена в двух руках огненного цвета. Бедный физик напрягал все сто килограммов своей плоти в безуспешных попытках вырваться. Он был зажат, как в тисках. Выстрелить Гросвенору помешала лишь уверенность в том, что, попав в монстра, он заденет и фон Гроссена. Вибратор не может убить человека, но сознание тот потеряет. Гросвенор, таким образом, оказался перед пугающей дилеммой: использовать оружие в надежде, что отключится и монстр, или попытаться любой ценой вырвать нужную информацию у фон Гроссена? Он выбрал

последнее решение.

— Фон Гроссен, — встревожено окликнул он физика, — что вы ему показали? Как мы можем справиться с ним?

Фон Гроссен услышал его, поскольку повернул голову. Но больше ничего не успел сделать. В этот момент произошло невообразимое. Монстр совершил бросок и исчез в стене, не выпуская физика из рук. Какое-то мгновение Гросвенору казалось, что зрение его обманывает. Но нет, перед ним действительно была стена, гладкая и сверкающая, и одиннадцать человек, стоявших, как вкопанные, с лицами, блестящими от пота, и глазами, вылезающими из орбит; семеро из них держали наготове бесполезное оружие.

— Мы пропали, — пробормотал один из них. — Если он в состоянии перестраивать также атомную структуру наших тел и утаскивать нас с собою сквозь переборки, с нами покончено.

Гросвенор заметил, что слова привели Мортона в раздражение. Последний реагировал как человек, пытающийся сохранить хладнокровие вопреки обстоятельствам. Он произнес сухим тоном:

— С нами не покончено, пока мы живы! — Затем, подойдя к ближайшему коммуникатору,

спросил: — Капитан Лит, какова ситуация?

Голова и плечи капитана появились на экране.

— Сообщить нечего, — сказал он коротко. — Лейтенант Клэй видел нечто пурпурное, прошедшее сквозь потолок и далее сквозь пол. В данный момент мы можем сосредоточить поиски на нижних уровнях корабля. Что касается остального, то мы только собирали наши аппараты, когда это произошло. Вы не дали нам достаточно времени.

— Нашего мнения не спрашивали, — заметил Мортон горько.

Что было не совсем точно, как подумал Гросвенор. Фон Гроссен ускорил свое пленение, показав созданию схему, объяснявшую, как можно того победить. Типично эгоистичный поступок. Это только увеличило претензии Гросвенора к специалисту, привыкшему действовать в одиночку и не способному нормально сотрудничать с другими учеными. Фон Гроссен продемонстрировал подход, уже давно себя изживший. Данный подход давал результаты в начальную эпоху научных исследований. Но представлялся не очень эффективным сейчас, когда каждый новый элемент знания рождался на стыке различных, зачастую далеких друг от друга областей.

Гросвенор даже начал сомневаться в том, что

фон Гроссен в самом деле нашел средство справиться с монстром. Он подозревал, что это не под силу одному специалисту. Предъявленный рисунок, вероятно, не выходил за пределы его знаний физика.

Мортон прервал ход мыслей Гросвенора.

— У кого-либо есть идеи по поводу того, что было на листке, который фон Гроссен показал созданию?

Гросвенор подождал, не ответит ли кто-нибудь другой. Но поскольку все молчали, произнес:

— Мне кажется, у меня есть одна, шеф.

Мортон колебался не более секунды, затем сказал:

— Давайте посмотрим.

Гросвенор начал:

— Единственное средство привлечь внимание чужеземного существа — представить ему какой-либо общеизвестный символ. Учитывая, что фон Гроссен физик, нетрудно догадаться, каким символом он воспользовался.

Он замолчал и огляделся вокруг. Он чувствовал себя слегка мелодраматично, но ничего не мог поделать. Несмотря на дружеское отношение Мортона и происшествие с риимами, он не считался на борту признанным авторитетом, и было

бы лучше, если ответ найдет кто-нибудь из его слушателей.

Тишину нарушил Мортон:

— Ну, ну, молодой человек, не оставляйте нас в подвешенном состоянии.

— Атом, — сказал Гросвенор.

Лица вокруг него не обрели никакого выражения.

— Но это не имеет смысла, — откликнулся Смит. — Зачем ему было показывать атом?

— Не любой атом, конечно же, — ответил Гросвенор. — Держу пари, что фон Гроссен продемонстрировал созданию нестабильный атом металла, из которого сформирована внешняя обшивка *Бигля*.

Мортон воскликнул:

— А ведь вы правы!

— Минутку! — На экране коммуникатора появился капитан Лит. — Согласен, я не физик, но все же объясните мне, почему он прав.

Мортон ответил:

— Гросвенор хочет сказать, что только две части корабля сделаны из этого невероятно прочного металла: наружная оболочка корпуса и переборки машинного зала. Если бы вы были с нами в тот момент, когда мы поймали монстра, вы бы

заметили, что, провалившись сквозь пол клетки, он резко остановился на обшивке. Кажется ясным, что данный металл ему сопротивляется. Тот факт, что для входа внутрь корабля он вынужден был воспользоваться тем же путем, которым пользуемся мы, служит дополнительным доказательством. Удивительно, что мы не подумали об этом сразу же.

Капитан Лит сказал:

— Если фон Гроссен открыл монстру природу нашей защиты, не мог ли он нарисовать схему электромагнитных барьеров, которые мы установили в стенах? Разве это не столь же вероятно, как и вариант с атомом?

Мортон вопросительно глянул на Гросвенора.

— К этому времени, — ответил тот, — монстр уже столкнулся с электромагнитным барьером, и ему удалось из него выбраться. Фон Гроссен был убежден, что нашел нечто новое. К тому же, для изображения электромагнитного поля на бумаге понадобилось бы передать уравнение, составленное из произвольных символов.

Лит повеселел:

— Ну что ж, хорошая новость. На корабле есть, по крайней мере, одно место, где мы останемся в безопасности: машинное отделение; кроме

того, мы, возможно, будем относительно защищены энергетическими барьерами в переборках спальных отсеков. Отныне персонал корабля не должен покидать пределы этих двух зон без специального распоряжения.

Он повернулся к ближайшему настенному коммуникатору и повторил приказ, затем сказал:

— Пусть руководители отделов готовятся ответить на вопросы, связанные с их специальностями. Некоторые миссии, вероятно, будут поручены людям с высокой квалификацией. Мистер Гросвенор, можете считать себя приписанным к этой категории. Доктор Эггерт, приготовьте тонизирующие препараты, будете раздавать тем, кто попросит. Никто не ляжет спать, пока этот зверь жив.

— Приятная работа, капитан! — горячо подхватил Мортон.

Лит согласно кивнул и исчез с экрана коммуникатора.

В коридоре один из техников спросил неуверенным тоном:

— А фон Гроссен?

Мортон ответил без колебаний:

— Единственный способ, которым мы можем помочь фон Гроссену, состоит в том, чтобы убить

его похитителя!

19

В огромном зале среди громадных машин люди смотрелись карликами в окружении гигантов. Гросвенор невольно начинал моргать каждый раз, когда потолок заливало волной голубоватого огня. И так же, как этот свет болезненно бил по глазам, один звук действовал ему на нервы: грохот ужасающей мощи, подобный раскатам грома и вызванный непрерывным выбросом колоссального потока энергии.

Корабль продолжал свой путь, все далее углубляясь в черную бездну, разделяющую спиральную галактику, в которой Земля представлялась маленьким атомом, и другую галактику, почти равного размера. И эта бездонная пучина служила фоном развернувшейся смертельной битвы. Самая крупная и амбициозная экспедиция, когда-либо отправленная из Солнечной системы, находилась в очень серьезной опасности, наиболее серьезной из всех, каким она подвергалась до сих пор.

В этом Гросвенор не сомневался. Теперь им противостоял не сверхвозбудимый Зорл, переживший смертоносные войны своих экспери-

ментирующих создателей на планете котов. Равно как и не риимы, на которых после первого плохо организованного контакта удалось оказать воздействие, принесшее ему одному победу над целой расой.

Пурпурный монстр являл собой совершенно особенный случай.

Капитан Лит поднялся по металлической лесенке до маленького балкона. Мгновением позже Мортон присоединился к нему и обвел взглядом собравшихся людей. В руке он держал стопку листов бумаги, поделенную вставленным пальцем на две части. Они оба изучили записи, затем Мортон сказал громко:

— Это первая краткая передышка, которую мы имеем за последние два часа, начиная с момента появления на борту создания, такого же невероятного, каким оно и выглядит. Мы с капитаном Литом ознакомились с рекомендациями, представленными руководителями различных отделов и распределили их по двум категориям. Первые, носящие сугубо теоретический характер, мы оставили на более позднее время. Вторые, поскольку они посвящены практическим способам борьбы с нашим противником, выходят на первое место. Позвольте, прежде всего, уверить

вас в том, что всем нам не терпится выработать план, который позволит найти и освободить фон Гроссена. Мистер Зеллер, изложите вашу точку зрения.

Зеллер, бойкий человек, не достигший еще и сорока лет, выдвинулся вперед. Он сменил Брекенриджа, убитого Зорлом, на посту главы металлургического отдела. Он сказал:

— Как только стало известно, что монстр не может проникнуть сквозь сплавы, называемые сверхпрочными металлами, мы тут же решили создать космический скафандр из подобного материала. Мой помощник работает сейчас над этим, и скафандр будет готов часа через три. Для поисков же мы, естественно, воспользуемся флюорографической камерой. Если у кого-нибудь есть замечания…

— Почему вы не делаете несколько скафандров? — спросил кто-то.

Зеллер покачал головой:

— Мы располагаем лишь ограниченным запасом металла. Мы можем изготовить его больше, но только методом трансмутации элементов, что займет много времени. Не стоит забывать, что наш отдел никогда не являлся крупным. Будет очень хорошо, если нам удастся изготовить даже

один скафандр в указанный мною срок.

Больше вопросов не возникло, и Зеллер вернулся в мастерскую, прилегающую к машинному залу.

Мортон поднял руку, прося тишины, затем сказал:

— Для меня уже утешение знать, что, как только у нас появится защитное одеяние, монстру придется постоянно перетаскивать фон Гроссена, чтобы мы его не нашли.

— Откуда вам известно, что он еще жив? — спросил кто-то.

— Если бы эту чертову зверюгу интересовали трупы, она бы утащила первую свою жертву. Ей нужны живые. Заметки Смита кое-что проясняют относительно цели монстра, но поскольку они относятся ко второй категории, мы обсудим их позже.

Порывшись в бумагах, Мортон продолжил:

— Из планов собственно атаки мы имеем два; один предложен двумя техниками из физического отдела, другой — Эллиотом Гросвенором. Мы с капитаном Литом подключили к их рассмотрению Пеннонса и других экспертов и пришли к выводу, что план мистера Гросвенора представляет большую опасность для членов экспедиции,

и решили отложить его для использования лишь в качестве последнего средства. Таким образом, если, конечно, не возникнет серьезных возражений, мы сейчас приступим к немедленной реализации первого плана, в который вошли различные добавления, подсказанные другими. Знаю, что по правилам положено дать каждому изложить свои идеи самому, но в данном случае, думаю, мы сэкономим время, если я перескажу вкратце план, с которым в конечном итоге согласились все эксперты.

В зале стало еще тише.

— Два наших физика, — Мортон сверился с бумагами, которые держал в руке, — Ломас и Хиндли, признают, что их план осуществим только в том случае, если монстр позволит нам подсоединить необходимые энергетические контакты. Подобное развитие событий нам кажется очень вероятным, поскольку теория Кориты, на которую мы опираемся, говорит, что «крестьянин» чересчур занят собой и продолжением своего рода и оттого недооценивает значимость организованного отпора. На этом основании и следуя плану, разработанному Ломасом и Хиндли, мы собираемся зарядить энергией седьмой и восьмой этажи, только пол, но не стены. Мы

надеемся вот на что: до сего момента монстр не принялся за методичное уничтожение людей. Корита утверждает, что, имея крестьянское мышление, существо еще не осознало, что должно убить всех, если не хочет само быть убитым. Впрочем, рано или поздно, оно все-таки поймет, что в первую очередь нужно уничтожить нас. Если оно не помешает подготовительной работе, мы запрем его на восьмом этаже между двумя заряженными перекрытиями. И там, убедившись, что оно не может ни подняться, ни спуститься, подвергнем обстрелу из наших излучателей. Мистер Гросвенор, я уверен, поймет, что данный план содержит существенно меньше риска, чем его собственный, и именно поэтому мы отдали предпочтение ему.

Гросвенор собрал все свое мужество, чтобы заметить:

— Если значение имеют лишь риски, почему бы нам просто не остаться здесь в ожидании, пока монстр не найдет способ напасть на нас? — Он перешел на серьезный тон: — Прошу, не поймите так, словно я пытаюсь, прежде всего, превознести свои личные соображения, но… — Он немного поколебался, затем бросился вперед: — Я считаю план, который вы изложили, совсем не стоящим.

Мортон, похоже, был искренне озадачен.

— Довольно резкая оценка, — произнес он.

— Если я правильно понимаю, план в том виде, в котором вы его представили, является измененной версией оригинала. Что из него было выброшено?

— Физики рекомендовали накачать энергией четыре этажа: седьмой, восьмой, девятый и десятый.

Гросвенор снова помедлил. Он не имел никакого желания выглядеть придирчивым. Если он продолжит в том же духе, в конце концов его мнением вообще перестанут интересоваться. Он сказал:

— Это уже лучше.

Капитан Лит, державшийся позади Мортона, спросил:

— Мистер Пеннонс, не могли бы вы объяснить, почему предпочтительней зарядить не более двух этажей?

Главный механик выдвинулся вперед и ответил слегка напряженным голосом:

— Основная причина в том, что в противном случае это заняло бы на три часа больше, а лишнего времени у нас нет. Если бы не фактор времени, куда предпочтительней было бы энер-

гизировать весь корабль, стенные переборки и межэтажные перекрытия, лимитируя количество выделенной энергии. Тогда монстр не смог бы от нас ускользнуть, но чтобы разместить все оборудование, потребуется около пятидесяти часов работы. Как я уже говорил, бесконтрольная энергизация корабля равносильна самоубийству. К тому же, надо учитывать еще один фактор, чисто человеческий. Если монстр снова нападет, значит, ему понадобились другие люди, и каждый раз он будет утаскивать одного из нас. И мы хотим, чтобы этот несчастный, кто бы он ни был, имел шанс выжить. — Голос Пеннонса стал более твердым: — В течение трех часов, необходимых для подготовки операции, в качестве защитных средств у нас будут только передвижные вибраторы и тепловые излучатели. Более тяжелые виды вооружения использовать внутри корабля очень опасно, да и те, что я назвал, нужно применять с осторожностью, поскольку они смертельны для человека. Естественно, каждый должен иметь при себе свой личный вибратор.

Он повернулся, чтобы идти.

— Ну, за дело!

Капитан Лит не выглядел полностью удовлетворенным.

— Не так быстро! — произнес он. — Возможно, мистер Гросвенор имеет и другие замечания.

Гросвенор сказал:

— Было бы, наверное, интересно посмотреть, как реагирует монстр на стены, заряженные энергией.

Кто-то закричал с места:

— Не вижу, какой в этом смысл. Если мы зажмем его между двух этажей, ему конец. Мы знаем, что он не сможет оттуда выбраться.

— Мы абсолютно ничего об этом не знаем, — медленно ответил Гросвенор. — Нам известно только то, что он вошел в силовой барьер и выбрался из него. Мы предполагаем, что данное место ему не понравилось. Похоже, монстр действительно не способен долго находиться в электромагнитном поле. К несчастью для нас, мы не можем установить энергетические барьеры неограниченной мощности. Пеннонс говорит, что они расплавят стены. Выходит, *мы сделали в указанном направлении все возможное, но этого оказалось недостаточно, поскольку он все же ускользнул.*

Капитан Лит пришел в замешательство.

— Джентльмены, — воскликнул он, — почему до сих пор на данный пункт не обратили вни-

мания? Он представляет собой очень серьезное возражение.

Мортон сказал:

— Я предлагал пригласить на предварительное обсуждение Гросвенора, но мне ответили, что автор одного из рассматриваемых планов не должен принимать в нем участия. Два физика не были допущены по той же самой причине.

Зидель откашлялся.

— Мне кажется, мистер Гросвенор не до конца понимает, что именно совершил. Нас всех убеждали в том, что энергетический экран корабля является одной из самых крупных научных разработок человечества. Лично я испытывал от его наличия ощущение благополучия и безопасности. И вот теперь нам сообщают, что это существо может сквозь него проникнуть.

— Я не говорил, что экран проницаем, мистер Зидель, — возразил Гросвенор. — Наоборот, у нас есть все основания полагать, что противник не смог и сейчас не может его пройти. Вспомните, он ждал снаружи, пока мы не введем его внутрь. Накачивание же энергией перекрытий, предусмотренное нашим планом, создает защитную систему, значительно менее надежную.

— И все же, — спросил Зидель, — не кажется ли

вам, что эксперты неосознанно уподобляют эти две системы? Не считаете ли вы, что они рассуждают таким образом: если накачивание энергией не даст эффекта — мы погибли. Следовательно, оно должно дать эффект.

Капитан Лит произнес усталым тоном:

— Похоже, мистер Зидель нашел наше самое слабое место. Я сейчас вспоминаю, что тоже руководствовался тем рассуждением, о котором он говорит.

Из середины зала донесся голос Смита:

— Возможно, стоит изучить план мистера Гросвенора.

Лит повернулся к Мортону, который помедлил, затем сказал:

— Он предлагает нам разделиться на столько групп, сколько есть на борту атомных излучателей…

Мортон замолчал. Один из физиков воскликнул:

— Атомная энергия… внутри корабля!

В течение последующей минуты в зале царило нервное оживление.

Когда оно утихло, Мортон продолжил так, словно и не прерывался:

— У нас таких излучателей сорок один. Если

мы примем план мистера Гросвенора, каждым из них займутся военные, мы же с вами рассредоточимся, и, все время оставаясь в пределах досягаемости излучателей, будем исполнять роль приманки. Военные получат приказ пускать излучатели в ход, даже если один или несколько из нас окажутся на линии огня.

Мортон покачал головой, потом продолжил:

— Возможно, этот план лучший из тех, что нам представили. И все-таки мы были шокированы его жестокостью. Идея стрельбы по своим пусть и не нова, однако принять ее гораздо труднее, чем думает мистер Гросвенор. Надо, впрочем, добавить для полной ясности, что другой момент заставил нас отказаться от данного плана. Капитан Лит разъяснил нам, что «приманке» полагается быть безоружной. Для большинства из нас это показалось чересчур. Каждый человек должен иметь право защищаться. — Он пожал плечами. — Поскольку имелся еще один план, мы проголосовали за второй. Лично я теперь склоняюсь к тому, чтобы вернуться к плану мистера Гросвенора, но, по-прежнему, возражаю против условия капитана Лита.

При последних словах Гросвенор повернулся и посмотрел на военного. Затем сказал громко и

решительно:

— Мне кажется, нужно пойти на риск, капитан.

Тот поклонился почти церемонно.

— Хорошо, я снимаю свое условие.

Гросвенор заметил, что Мортон заинтригован этой короткой беседой. Взгляд начальника экспедиции переходил от Лита к молодому ученому. Затем, видимо, в его голове прояснилось, так как он спустился к Гросвенору и сказал:

— Подумать только, я совершенно не понимал, к чему он ведет. Он считает, что в критический момент…

Он повернулся и посмотрел на капитана Лита.

Гросвенор заметил успокаивающим тоном:

— Полагаю, теперь он осознает, что был не прав, поднимая этот вопрос.

Мортон кивнул и с неохотою признал:

— В конце концов, не так уж он и не прав. Инстинкт самосохранения является основным. Но, думаю, эту тему лучше обойти молчанием. Ученые могут почувствовать себя оскорбленными, а на борту и так достаточно раздоров.

Он повернулся к собравшимся и сказал громким голосом:

— Джентльмены, считаю, что пора перейти к

голосованию. Кто за план мистера Гросвенора, поднимите руки.

К великому разочарованию Мортона, поднялось лишь около полусотни рук. Поколебавшись, Мортон продолжил.

— Теперь, кто против.

На этот раз поднялось чуть более десятка рук.

Мортон задал вопрос человеку из первого ряда:

— Вы не подняли руку ни в первом, ни во втором случае. Почему?

Тот пожал плечами.

— Я воздержался. Я не понимаю, за я или против. Я недостаточно об этом знаю.

— А вы? — спросил Мортон, обращаясь к другому.

— Но как быть с остаточной радиацией?

На замечание ответил Лит:

— Мы ее заблокируем. Мы перекроем всю зону. — Он повернулся к Мортону. — Я не понимаю, чего мы ждем. Пятьдесят девять голосов против четырнадцати высказались за план Гросвенора. Во время кризисов, пусть и в ограниченном виде, моя юрисдикция распространяется и на ученых, и я считаю результаты голосования действительными.

Мортон выглядел растерянным.

— Но, — запротестовал он, — около восьмисот воздержавшихся!

Лит был непреклонен:

— Тем хуже. Те, что воздержались, сделали это по собственному желанию. Взрослые люди знают, чего хотят. Всякая демократия основывается на данном предположении. Поэтому я приказываю немедленно приступить к операции.

Мортон вздохнул:

— Итак, джентльмены, мне остается лишь подчиниться. Давайте примемся за работу. Понадобится определенное время, чтобы разместить атомные излучатели. В ожидании мы начнем заряжать энергией седьмой и девятый этажи. В конце концов, мы вполне можем соединить пока оба плана, а затем отказаться от того или другого, в зависимости от развития ситуации.

— Вот это кажется разумным, — сказал какой-то человек с видимым облегчением.

Многие другие присутствующие, похоже, испытывали то же самое чувство. Лица участников собрания расслабились, и они толпой стали покидать зал. Гросвенор повернулся к Мортону.

— Гениальный ход, — признал он. — Я был чересчур настроен против ограниченного накачивания энергией, чтобы подумать о подобном

компромиссе.

Мортон с достоинством принял комплимент.

— Я держал это про запас, — сказал он. — Имея дело с людьми, я понял, что решить проблему — еще не все, прежде всего надо успокоить людей, которые заняты ее решением. В опасности, в разгар событий, просто в действии, снимать напряжение всеми доступными средствами. — Он протянул руку: — Ну, удачи, молодой человек. Надеюсь, вам удастся выбраться живым и здоровым.

Пожимая руку, Гросвенор спросил:

— Сколько времени потребуется, чтобы доставить на места атомные излучатели?

— Около часа, может, чуть больше. До того момента для защиты будем использовать большие вибраторы.

Появление людей на седьмом этаже заставило Икстла действовать в самом спешном порядке. Он быстро продвигался между переборок и перекрытий. Два раза его замечали, и излучатели выпускали по нему свои заряды. У них теперь имелись и другие вибраторы, отличные от тех, что находились в руках, в той же степени, в какой жизнь отличается от смерти. Заряды сотрясали стены, сквозь которые он прыгал, чтобы

ускользнуть от них. Один раз луч задел его ногу. Он содрогнулся от удара. Нога вернулась в нормальное состояние менее чем через секунду, но он осознал, что порог его сопротивляемости этим мощным передвижным штукам ниже.

Несмотря на это, он не почувствовал встревоженности. Благодаря быстроте, уму, точному расчету времени и тщательной подготовке каждого из своих появлений ему удастся нейтрализовать действие нового оружия. Важно лишь было понять, *что люди делают*. По всей вероятности, закрывшись в машинном зале, они выработали какой-то план и теперь приступили к его выполнению. Неподвижными мерцающими глазами Икстл следил за тем, как план обретает форму.

Во всех коридорах люди трудились над чем-то вроде низких черных печей. Из отверстия на верхушке каждой печи выбивалось яростно извивающееся белое пламя. Икстл заметил, что люди почти ослеплены сиянием. Они были в скафандрах, но полупрозрачный материал, непроницаемый для электрической энергии, не давал достаточной защиты глазам от этого белого огня. Из печей вытягивались длинные раскаленные ленты, которые подхватывались какими-то механизмами, приводились к определенным

размерам и прикреплялись к полу. Весь пол был покрыт лентами. Огромные холодильные установки поглощали жар разогретого металла.

Поначалу мозг Икстла отказывался принять результаты наблюдений. Он упорствовал в поисках более сложных объяснений, менее очевидных. Но вскоре пришлось признать: это именно то, что он видит. Люди устанавливали энергетические барьеры внутри межэтажных перекрытий. Позже, поняв, что ловушка ограниченной мощности совершенно бесполезна, они, вероятно, попробуют что-нибудь другое. В какой именно момент их защитная система станет представлять для него определенную опасность, Икстл не знал. Но, главное, он знал, что, как только она ему покажется опасной, ничего не будет проще пройти вслед за людьми и нарушить контакты, подводящие энергию.

Полный надменного презрения он отбросил свои беспокойства и задние мысли. Люди лишь облегчали выполнение его задачи, делая более простым захват гуулов, которые ему были еще нужны. Свою недавнюю жертву он выбирал тщательно. Он обнаружил, изучив случайно убитого им человека, что желудок и кишечник очень хорошо подходят для его целей. Из этого вытекало,

что в первую очередь его должны интересовать люди с большими животами.

После беглого осмотра он бросился вперед. Прежде чем успели навести на него излучатель, он исчез, унося с собой бьющееся тело. Ему было нетрудно изменить свою атомную структуру так, чтобы, пройдя потолок, затормозить падение на полу следующего этажа. Но на этот раз он позволил себе падать сквозь несколько этажей и остановился только в трюме корабля. Он мог падать быстрее, но приходилось следить за тем, чтобы не повредить человеческое тело, которое он переносил.

Трюм ему уже стал привычным. Сразу по прибытии на борт он основательно, хотя и очень быстро, его обследовал, и, доставив туда первого человека, обнаружил нужное укрытие. В полутьме он направился прямо к задней стене. Большие ящики, составленные друг на друга, громоздились до самого потолка. То огибая их, то проходя сквозь, он добрался до входа в огромную трубу. Она имела достаточные размеры для того, чтобы он мог стоять внутри нее в полный рост. Это был один из воздуховодов вентиляционной системы.

Обычным глазам тайник, конечно же, показал-

ся бы темным. Но для его зрения, чувствительного к инфракрасным лучам, там царил мягкий сумеречный свет. Он увидел тело фон Гроссена и положил рядом с ним свою новую жертву. Затем с тысячью предосторожностей погрузил одну из рук в собственную грудь и вынул оттуда яйцо, которое потом поместил в желудок человека.

Тот еще продолжал бороться, но Икстл этим не беспокоился: он знал, что сейчас произойдет. Тело жертвы начало медленно коченеть, мышцы постепенно отвердевали. Охваченный паникой человек чувствовал, как наступает паралич. Монстр по-прежнему крепко держал его, ожидая завершения химической реакции. Наконец человек, неспособный сделать малейшее движение, замер на полу с широко открытыми глазами и струящимся по лбу потом.

Через несколько часов из яиц в желудках двух людей проклюнутся крошечные копии Икстла, которые станут расти, извлекая необходимые вещества из их организмов. Довольный Икстл приготовился покинуть трюм, чтобы отправиться наверх на поиски новых гуулов.

Икстл спустил в трюм свою третью жертву, когда люди принялись за девятый этаж. В коридоре бушевали волны жара, гонимые порывами

какого-то адского ветра. Несмотря на системы охлаждения в скафандрах, люди изнемогали и истекали крупными каплями пота. Кроме того, яростный раскаленный свет слепил глаза, и они работали почти автоматически.

Неожиданно кто-то неподалеку от Гросвенора воскликнул хриплым голосом:

— А вот и они!

Ученый повернулся в указанном направлении и невольно вздрогнул. Приближающаяся к ним машина, движимая своим собственным мотором, была не очень крупной. Она представляла собой массивный шар, внешняя оболочка которого состояла из углеродистого вольфрама; на сфере имелся лишь один выступ, напоминающий по форме клюв. Функциональная часть покоилась на станине, которая, в свою очередь, опиралась на четыре каучуковых колеса.

Вокруг Гросвенора все прекратили работу. С бледными лицами они заворожено смотрели на чудовищное устройство. Внезапно один из людей повернулся к Гросвенору и сказал голосом, полным злобы:

— Старина, появление этих штук на вашей совести. Если мне суждено будет загнуться от лучевой болезни, я не удержусь от удовольствия

сначала набить вам морду.

— Я остаюсь здесь, — спокойно ответил Гросвенор. — Если умрете вы, я тоже.

Похоже, это немного успокоило его собеседника. Но он все же заметил с враждебностью:

— Не верю, что невозможно найти ничего лучше, чем использовать людей в качестве приманки.

— Ну да, есть и другой выход, — сказал Гросвенор.

— Какой?

— Всем нам покончить жизнь самоубийством, — серьезно произнес Гросвенор.

Человек в замешательстве глянул на него, затем отошел, бормоча что-то по поводу людей, развлекающихся тупыми шутками. Гросвенор вернулся к своей работе. Почти сразу же он заметил, что его компаньоны утратили задор. Обстановка накалилась. Малейшее неловкое действие вызывало бурю возмущения.

Они были приманкой. Всем людям знаком страх смерти. Никто не может иметь к нему иммунитета, поскольку инстинкт самосохранения является неотъемлемой частью нервной системы. Капитан Лит, например, со своей подготовкой военного умел в любых обстоятельствах

держаться невозмутимо, однако напряжение все же присутствовало, пусть и подспудно. Так и Гросвенор ощущал опасность всеми фибрами но, тем не менее, считал, что выбрал правильный путь, и был полон решимости сделать все для выполнения своего плана.

— Внимание!

Как и остальные, Гросвенор вздрогнул при звуке голоса, выкрикнувшего приказ по переговорному устройству. Ему понадобилось некоторое время, чтобы признать голос командира корабля.

Капитан Лит продолжил:

— Все излучатели в данный момент расположены на своих позициях на седьмом, восьмом и девятом этажах. Хочу сообщить, что мы с офицерами обсудили риски, которым подвергаются люди, и можем порекомендовать вам следующее: как только заметите монстра, не ждите, не оглядывайтесь по сторонам! В то же мгновение бросайтесь ничком на пол. Орудийным расчетам немедленно установить горизонтальную плоскость огня на пятьдесят сантиметров. Полуметровая мертвая зона не предохранит вас от остаточной радиации, но если вы кинетесь на пол достаточно быстро, это позволит доктору

Эггерту и его помощникам спасти вам жизнь.

Было заметно, что речь капитану дается нелегко.

— В заключение, — голос Лита зазвучал более непринужденно, — могу вас заверить, что никто на борту не отсиживается в тылу. Не считая медиков, которые развернули полевой госпиталь в машинном отделении, и троих лежачих больных, все пребывают в такой же опасности, как и вы. Мои офицеры и я сам распределились по разным группам. Начальник экспедиции Мортон направился на седьмой этаж; Гросвенор, план которого мы сейчас выполняем, находится на девятом, и так далее. Удачи вам, джентльмены!

Несколько мгновений стояла тишина. Затем командир орудийного расчета, державшийся неподалеку от Гросвенора, крикнул:

— Эй, парни! Мы установили прицел излучателя. Так что если вам удастся вовремя приклеиться животом к полу, можете чувствовать себя спокойно!

— Спасибо, старина, — сказал Гросвенор.

На какое-то время напряжение ослабло. Знакомый биолог хохотнул:

— Так! Гров, а давайте-ка подмажемся.

— Я всю жизнь обожал военных, — сказал

кто-то другой. И уже в сторону, но так, чтобы не ускользнуло от стрелков, добавил: — Возможно, это мне даст дополнительную секунду.

Гросвенор едва их слышал. Приманка, думал он. И никакая из групп не знает, когда час опасности пробьет для других. В «критический момент» — измененная форма «критической массы», во время достижения которой в маленьком реакторе высвобождается огромное количество энергии — из жерла орудия вырвется трассирующий луч, испуская по пути невидимую радиацию.

Когда все закончится, выжившие доложат капитану Литу по его выделенному каналу. Тот предупредит остальные группы.

— Мистер Гросвенор!

При звуках этого пронзительного голоса Гросвенор нырнул вперед. И только после жесткого контакта с полом узнал голос капитана Лита и встал. Вокруг него другие тоже, ворча, поднимались на ноги. Кто-то воскликнул:

— Черт, он перебарщивает.

Гросвенор приблизился к коммуникатору и, не спуская глаз с коридора, отозвался:

— Да, капитан?

— Не могли бы вы немедленно спуститься на седьмой? В центральный проход.

— Хорошо, иду.

Гросвенор двинулся в путь, мучимый предчувствиями. По голосу капитана он догадался, что произошло нечто непредвиденное.

Он нашел сцену кошмара. Приблизившись, он увидел, что атомный излучатель валяется на боку. Рядом, обгоревшие до неузнаваемости, покоились останки троих членов расчета. Четвертый тоже находился на полу, неподалеку от своих товарищей; он был без сознания, но его тело, получившее, по-видимому, разряд из вибратора, все еще сотрясалось в судорогах.

Далее по коридору в пределах действия излучателя лежали двадцать человек, без сознания или мертвые; среди них Гросвенор узнал Мортона.

Бригады скорой помощи, одетые в защитные скафандры, прибывали со всей поспешностью и увозили пострадавших на моторизованных каталках. Санитары, похоже, работали уже несколько минут, из чего следовало заключить, что имелись и другие жертвы, но в данный момент они уже получали медицинскую помощь в полевом госпитале.

Гросвенор направился к баррикаде, воздвигнутой за поворотом коридора. Там он обнаружил капитана Лита, который в нескольких словах

объяснил, что случилось.

В центральном проходе появился Икстл. Молодой техник — Лит не назвал его — в панике забывший о том, что для спасения жизни нужно распластаться на полу, повернулся к стрелкам и разрядил по ним свой вибратор, оглушив их. Последние, по всей вероятности, колебались не менее секунды, видя на линии огня стоявшего человека. Мгновением позже эти солдаты стали невольными виновниками катастрофы. От разряда вибратора трое из них повалились на излучатель и, зацепившись, накренили его. Орудие опрокинулось, увлекая за собой четвертого стрелка.

К несчастью, палец его оставался на спусковой кнопке, и примерно в течение секунды излучатель вел огонь.

Трое его товарищей угодили прямо под луч. Они умерли мгновенно. Потом излучатель по касательной прошелся по всей стене. Мортон и его группа на траекторию стрельбы не попали, но были поражены остаточной радиацией. Сейчас еще невозможно сказать, как сильно им досталось, но даже наименее пострадавшему из них придется провести на больничной постели около года. Некоторые не выживут.

— Мы действовали нерасторопно, — признал капитан Лит. — Это произошло, вероятно, сразу же после того, как я кончил говорить. Но только через минуту кто-то, привлеченный шумом, пришел сюда посмотреть, что стряслось. — Он вздохнул. — Даже в самых пессимистических прогнозах я не мог предположить, что мы разом потеряем целую группу.

Гросвенор молчал. Очевидно, именно по этой причине Лит хотел, чтобы ученые оставались безоружными. В критической ситуации человек пытается защитить себя самого. Он не может от этого удержаться. Подобно зверю он отчаянно бьется за свою жизнь.

Гросвенор старался не думать о Мортоне, который, поняв, что ученые не захотят быть безоружными, испытал на себе *modus operandi*, сделавший применение атомной энергии приемлемым для всех.

— Почему вы позвали меня?

— Мне кажется, этот провал затрагивает ваш план.

— Элемент неожиданности исчез, — признал с неохотою Гросвенор. — Появившись, он не подозревал, что его ожидает. Теперь он станет осторожнее.

Он представил, как пурпурный зверь высовывает голову из стены, осматривает коридор, и, уверенный в том, что делает, одним прыжком оказывается у излучателя и хватает одного из стрелков. Единственной адекватной защитой было бы поставить рядом другой излучатель, чтобы иметь возможность накрыть первый. Но это вне обсуждения, поскольку на корабле всего лишь сорок одно орудие.

— Он утащил кого-нибудь еще? — спросил он наконец.

— Нет.

Как и все другие, Гросвенор мог лишь строить предположения о причинах, заставляющих монстра уносить живых людей. Одно из объяснений предоставляла теория Кориты, согласно которой создание находилось на крестьянской стадии развития и было озабочено продолжением рода. Гросвенору смутно предугадывалась леденящая душу возможность, и в этом случае потребность будет толкать монстра на поиски новых жертв.

— По моему мнению, — сказал Лит, — он вернется. Моя идея заключается в том, чтобы, не трогая орудий, закончить установку энергетических барьеров на этажах. Седьмой готов, девятый — почти; займемся же восьмым. Получится три

этажа. Что касается вероятности успеха этого плана, вспомните, помимо фон Гроссена монстр унес еще троих людей. И каждый раз мы видели его направляющимся вниз. Я предлагаю после завершения подняться на девятый этаж и ожидать врага там. Когда он захватит одного из нас, мы несколько мгновений подождем, затем мистер Пеннонс опустит ручку рубильника, подающего энергию на этажи. Монстр прибудет на восьмой и найдет его заряженным. Если ему удастся спуститься, выяснится, что и седьмой этаж заряжен. Поднявшись, он обнаружит то же самое. В обоих случаях мы вынудим его проходить сквозь барьеры в перекрытиях. — Капитан сделал паузу, задумчиво глядя на собеседника, потом сказал: — Вы, я знаю, считаете, что контакт с одним этажом, накачанным энергией, его не убьет. Но вы не были столь же уверенны относительно двух этажей.

Он замолчал, вопросительно глядя на Гросвенора.

Тот ответил:

— Давайте попробуем. На самом деле ничто не позволяет нам утверждать, что среагирует он тем или иным способом. Возможно, нас ожидает приятный сюрприз.

Он сомневался в этом, но хорошо понимал, что в данный момент нужно учитывать важный фактор, фактор уверенности и надежды людей. Только событие в силах изменить некоторые мнения. Когда их убежденность пошатнется под действием реальности, тогда — и лишь тогда — они будут готовы для более энергичных решений.

Медленно, но верно, как казалось Гросвенору, он обучается умению влиять на людей. Недостаточно знать и быть правым. Нужно еще уговаривать и убеждать. Случается, это требует больше времени, чем его можно потерять. Бывает, успеха совсем не добиваются. Так рушатся цивилизации, проигрываются сражения и пропадают в пространстве корабли, потому что те или иные люди, обладавшие спасительными знаниями, не дали себе труда и времени убедить других.

Но Гросвенор не позволит, чтобы так случилось на этот раз, по крайней мере, он сделает все возможное, чтобы того избежать.

— Мы можем оставить атомные излучатели на месте, пока не закончим заряжать перекрытия, — сказал он. — Затем их придется убрать. Накачивание энергией способно вызвать достижение «критической массы», даже если жерла

орудий закрыты. Это приведет к взрыву.

Так, самым простым на свете образом, он заставил компаньонов отказаться от использования плана Гросвенора.

20

Икстл поднимался наверх два раза в течение часа с тремя четвертями, которые понадобились людям для завершения работ на восьмом этаже. У него оставалось шесть яиц, и он собирался использовать их все, за исключением двух. Единственное затруднение состояло в том, что захват гуулов требовал теперь больше времени. Противники, казалось, стали защищаться более ожесточенно, а присутствие атомных излучателей вынуждало Икстла выбирать жертвы только среди тех, кто приводил их в действие.

И все же, каждый его выход получался шедевром расчета. Он не чувствовал себя обеспокоенным. Надо, чтобы это было сделано. Людьми он займется в свое время.

Когда восьмой этаж закончили, орудие отвели, а весь народ собрался на девятом, Гросвенор услышал, как капитан Лит спросил:

— Мистер Пеннонс, вы готовы пустить энергию?

— Да, капитан, — ответил тот по переговорному устройству. Потом добавил мрачным тоном: — Для этого потребовалось выходить пяти чело-

векам, и придется снова кого-нибудь посылать. Пока нам везло, но, по крайней мере, еще один должен будет отправиться на этажи.

— Вы слышите? Еще один. Кто-то из нас опять послужит приманкой, хочет он этого или нет.

Голос был знакомым, хотя и давно не слышанным. Он продолжил серьезно:

— Говорит Грегори Кент. К великому сожалению должен признать, что нахожусь в машинном отделении, то есть, ничем не рискую. Доктор Эггерт не желает меня отпускать раньше, чем через неделю. Говорю с вами сейчас потому, что капитан Лит передал мне бумаги Мортона и я хочу, чтобы Келли объяснил подробнее изложенное им в своей записке. Это прольет свет на один очень важный момент и позволит нам более ясно представить ситуацию. Лучше знать самое худшее.

— Ах!.. — в переговорном устройстве зазвучал надтреснутый голос социолога. — Вот мое рассуждение. Когда мы обнаружили это существо, оно плавало в пространстве в четверти миллиона световых лет от ближайшей звездной системы, не имея никакого космического средства передвижения. Вообразите себе это расстояние и затем задайтесь вопросом, сколько примерно потребовалось бы времени, чтобы какой-нибудь

объект, движимый одной лишь случайностью, преодолел его? Цифры мне предоставил Лестер, и думаю, будет лучше, если он сам введет вас в курс того, что рассказал мне.

В свою очередь слово взял астроном.

— Большинству из вас, — сказал он на удивление сухим тоном, — хорошо известна распространенная ныне теория происхождения современной вселенной. Имеются факты, позволяющие считать, что она родилась в результате гибели другой вселенной много миллиардов лет назад. Существует мнение, что через несколько миллионов лет и наша вселенная, завершив свой цикл, распадется вследствие катастрофического взрыва. О природе этого взрыва можно только строить гипотезы.

Он продолжил:

— Что касается вопроса Келли, я могу лишь нарисовать вам картинку. Предположим, что пурпурное существо было заброшено в пространство, когда произошел Большой взрыв. И оно оказалось в межгалактической пустоте, без какого-либо средства изменить направление движения. В таких условиях оно могло бы плыть до скончания времен без надежды приблизиться больше чем на миллион световых лет к какой-

нибудь звезде. Вы это хотели услышать, Келли?

— Именно. Многие из вас, наверное, помнят, как я называл парадоксом то, что существа, исключительно симподные, не заселили всю вселенную. Ответ, по всей логике, заключается в том, что если данная раса должна была править вселенной, она это и делала. Но теперь мы видим, что речь идет о предыдущей вселенной, а не о нашей. Конечно же, создание рассчитывает теперь овладеть вселенной, в которой живем мы. Это представляется, по крайней мере, правдоподобной теорией, если не больше.

— Уверен, все ученые на борту, — произнес Кент примиряющим тоном, — понимают, что лишь необходимость заставляет нас выдвигать гипотезы на темы, относительно которых мы располагаем очень малым количеством данных. Думаю, однако, мы не ошибаемся, предполагая, что столкнулись с выжившим представителем господствующей расы вселенной. Возможно, он не один в своем положении. Хочется только надеяться, что никакой из наших кораблей не натолкнется на другого выжившего. Биологически данная раса, вероятно, на многие биллионы лет опередила нас. Поэтому мы можем чувствовать себя вправе требовать от каждого человека на

борту максимальных усилий и самопожертвования…

Речь была прервана душераздирающим криком:

— Он меня схватил!.. Быстрее! Он стаскивает с меня скафандр…

Слова перешли в булькающий хрип.

— Это Дэк, помощник главного геолога, — произнес машинально Гросвенор, который теперь уже знал голоса всех членов экспедиции.

В переговорном устройстве раздался другой крик:

— Он спускается. Я видел, что он двинулся вниз!

— Включаю энергию, — спокойно объявил Пеннонс.

Гросвенор с изумлением глядел на свои ноги. Внизу плясало яркое голубое пламя. Языки огня лизали его защитный скафандр. Не было слышно никакого звука. Гросвенор посмотрел вдоль коридора, до самого конца покрытого полыхающим голубым ковром. Какое-то мгновение ему казалось, что видит он не только коридор, но достигает взглядом самых глубин корабля.

Пеннонс снова заговорил.

— Если все прошло как надо, — произнес он со

вздохом, — эта чертова зверюга должна быть на седьмом или восьмом.

— Пусть все, чьи фамилии начинаются на буквы от A до L, следуют за мной на седьмой этаж. Остальные, от M до Z, вместе с Пеннонсом — на восьмой. Орудийным расчетам оставаться на своих постах. Командам с камерами заниматься тем, чем было приказано.

На седьмом этаже, за вторым поворотом от площадки с лифтами, идущие впереди резко остановились. Гросвенор пробрался среди притихших людей и увидел человека на полу, притянутого, по-видимому, к металлу голубым пламенем.

Капитан Лит нарушил тишину:

— Освободите его!

Два человека нерешительно приблизились и прикоснулись к телу. Языки огня обвили их. Они потянули, и пламя отпустило свою добычу. Пострадавшего отнесли на десятый этаж. Когда тело положили на пол, несколько минут оно конвульсивно дергалось, освобождаясь от избытков энергии, затем постепенно обрело спокойствие смерти.

— Жду докладов.

Голос Лита звучал напряженно.

Последовала секунда молчания, затем Пеннонс

сказал:

— Люди распределены по трем этажам, как и предусмотрено. Они проводят съемку в рентгеновских лучах. Если монстр где-нибудь там, его обнаружат. Нужно подождать около тридцати минут.

Наконец поступило сообщение.

— Пусто! — Пеннонс не смог скрыть разочарования. — Капитан, должно быть, он проскочил.

На неожиданно освободившейся линии переговорного устройства раздался чей-то жалобный голос:

— И что же мы теперь будем делать?

В этой фразе, подумалось Гросвенору, выразились сомнения и тревоги всех пассажиров *Бигля*.

21

Тишина стала давящей. Люди, обычно очень красноречивые, словно потеряли голос. Что касается самого Гросвенора, то он внутренне содрогался при мысли о новом плане, который только что составил. Затем медленно обдумал действительно критическое положение, в котором они в настоящий момент находились. И тем не менее, он ждал. Поскольку не ему принадлежало право говорить первым.

В конце концов, чары разрушил Кент.

— Похоже, — сказал он, — наш противник столь же легко преодолевает стены, накачанные энергией, как те, которые процедуре не подвергались. Мы можем продолжать считать, что сам проход сквозь барьер ему неприятен, но следует признать очевидное: быстрота его адаптации такова, что последствия воздействия, полученного им на одном этаже, перестают ощущаться уже на следующем.

В разговор вступил капитан Лит:

— Хотелось бы узнать, что об этом думает мистер Зеллер. Где он?

— Я здесь, — тут же откликнулся металлург. —

Я закончил прочный скафандр и приступил к поискам в глубине корабля.

— Сколько потребуется времени, чтобы сделать такие скафандры для всех?

Зеллер подумал, прежде чем ответить.

— Понадобится устанавливать сборочный конвейер, — произнес он наконец. — Другими словами, начинать надо с изготовления устройств, которые создадут станки, позволяющие выпускать скафандры в неограниченных количествах и из любых металлов. Одновременно нужно задействовать одну из наших печей для производства сверхпрочных металлов. Полагаю, мы сможем получить первый из серийных скафандров примерно через двести часов.

Гросвенор мысленно отметил, что это можно считать оптимистическим взглядом, поскольку производство сверхпрочных металлов представляло собой чрезвычайно сложный процесс. Но каким бы он ни был, ответ Зеллера, похоже, поверг капитана Лита в молчание. Вместо него заговорил Смит:

— Значит, об этом не может быть и речи. С другой стороны, и накачивание энергией всего корабля является делом чересчур долгим. Получается, нам нечего больше делать.

Голос Гурли, обычно тягучий, прозвучал на этот раз хлестко:

— Не понимаю, почему не может быть и речи об обоих методах действия. Мы еще не умерли. По моему мнению, у нас нет иного выбора, кроме как приняться за работу и сделать все возможное в максимально короткий срок.

— Что позволяет вам думать, — спросил Смит сухо, — что монстр не способен превратить сверхпрочный металл в кашу? Мы имеем дело с высшим существом, его познания в физике, вероятно, намного превосходят наши. А вдруг для него проще простого направить на нас излучение, которое разрушит все, что мы имеем? Наш котенок, например, мог распылять металлы, не забывайте. Бог знает, не найдет ли оно необходимое ему оборудование в наших лабораториях!

— По-вашему, нам остается только сдаться? — спросил Гурли желчно.

— Нет! — На этот раз биологом овладел гнев. — Я хочу лишь, чтобы мы руководствовались здравым смыслом. Не стоит слепо бросаться к цели, которой мы не можем достичь.

Ораторскую дуэль прервал Корита:

— Я во многом разделяю мнение Смита. Я бы даже пошел дальше, сказав, что с минуты на ми-

нуту наш противник, конечно же, осознает, что в его интересах не давать нам передышки. По этой причине, равно как еще и по другим, думаю, он не позволит нам зарядить энергией весь корабль.

Лит опять промолчал. В машинном зале слово взял Кент:

— На ваш взгляд, как он поступит, когда поймет, что сильно рискует, позволяя нам беспрепятственно налаживать оборону?

— Он начнет убивать. Я не вижу, как мы сможем ему помешать, разве только закроемся в машинном зале. Однако я согласен со Смитом и в том, что, если мы предоставим ему время, он придет за нами и туда.

— Есть ли у вас какой-нибудь совет? — спросил Лит.

Корита помедлил.

— Откровенно говоря, нет. Могу лишь напомнить, что перед нами существо, находящееся на крестьянской стадии своего цикла. Для крестьянина его земля и его сын, или, выражаясь более абстрактно, его имущество и его кровь, священны. Он, не раздумывая, будет биться со всем, что им угрожает. Подобно растению, он прикрепляется к клочку земли, укореняется в почве, тем и питается. Вот так обстоят дела, джентльмены. В

данный момент я не в состоянии сказать, какие практические выводы следует отсюда извлечь.

— Я не вижу, чем нам это поможет, — сказал Лит. — Пусть руководители отделов посовещаются со своими подчиненными по частным линиям. Если по истечении пяти минут у кого-то из вас появится какая-нибудь идея, поделитесь со мной.

Гросвенор, не имевший подчиненных, поинтересовался:

— Могу ли я пока задать несколько вопросов мистеру Корите?

— Если никто не против, — сказал Лит.

Возражений не последовало, и Гросвенор спросил:

— Мистер Корита не уделите ли мне пару минут?

— Кто это?

— Гросвенор.

— О, конечно, мистер Гросвенор, теперь я узнал ваш голос. Прошу вас.

— Вы говорили об упорстве, с которым крестьянин цепляется за свою землю. Допустив, что это создание находится на крестьянской стадии, думаете ли вы, что оно способно приписать нам по поводу нашей «земли» чувства, отличные от его собственных?

— Уверен, что нет.

— Таким образом, это существо основывает все свои планы на убеждении, что мы не можем от него сбежать, поскольку неразрывно связаны с этим кораблем?

— Что не так уж лишено смысла. Мы не можем покинуть корабль и остаться в живых.

Гросвенор продолжал настаивать:

— Но мы-то в отличие от него находимся на той стадии развития, на которой земля не имеет очень большого значения. Мы же не цепляемся за нее бездумно?

— Я по-прежнему не понимаю, куда вы клоните, — признался Корита в явной озадаченности.

— Я довожу ваш анализ до логического конца, — сказал лишь Гросвенор.

В разговор вступил капитан Лит:

— Мистер Гросвенор, кажется, я начинаю улавливать вашу мысль. Вы собираетесь предложить нам новый план?

— Да.

Вопреки усилиям, его голос слегка подрагивал.

Лит, заметив напряжение, произнес:

— Мистер Гросвенор, я предчувствую, что ваше решение потребует от всех нас определенной доли смелости и воображения. Давайте, вы изло-

жите его через… — Он глянул на часы: — …когда истекут пять минут.

После краткого молчания Корита сказал:

— Мистер Гросвенор, ваше рассуждение верно. Мы можем принести эту жертву, не будучи духовно уничтоженными. Это единственный выход.

Минуту спустя Гросвенор уже излагал свой план собравшимся членам экспедиции. Когда он закончил, Смит произнес голосом, звучавшим чуть громче вздоха облегчения:

— Гросвенор, вы нашли! Это значит, что придется принести в жертву фон Гроссена и остальных. Это значит, что и каждый из нас должен будет пожертвовать собой. Но вы абсолютно правы. Для нас собственность не является священной. Что касается фон Гроссена и тех, кто разделяет его судьбу… — Его голос напрягся: — … я еще не говорил о записке, которую передал Мортону. Он ничего не сказал вам, потому что я посоветовал провести параллели с одним видом осы, которая встречается на Земле. Предназначение настолько ужасное, что смерть для этих людей, думаю, станет избавлением.

— Оса! — воскликнул кто-то. — Ваша правда Смит. Чем раньше они умрут, тем лучше.

— Всем в машинный зал! — приказал капитан

Лит. — Мы…

Но тут в переговорном устройстве раздался возбужденный голос. Гросвенору понадобилось время, чтобы узнать Зеллера, металлурга.

— Капитан… скорее! Пошлите людей и излучатели в трюм! Я нашел их в воздуховоде. Монстр тоже здесь, я держу его пока вибратором на расстоянии, но, похоже, это не очень на него действует, так что… поспешите!

Капитан Лит не стал терять времени:

— Всем ученым и персоналу перейти в спасательные отсеки. Военные на грузовом лифте следуют за мной. Возможно, нам не удастся убить или запереть его в трюме. Но, джентльмены, — он говорил строго и решительно, — мы избавимся от монстра любой ценой. Время думать только о себе прошло.

Икстл с сожалением отступил, глядя, как люди забирают гуулы. Впервые в его сознание закрался страх поражения, и он почувствовал внезапное желание броситься в гущу людей и передавить всех. Но их сверкающее оружие его сдержало. Он попятился, затопляемый усиливающимся ощущением катастрофы. Он утратил инициативу. Люди сейчас обнаружат яйца и уничтожат их, перечеркнув таким образом все шансы немедленно

усилится другими икстлами.

Единственная решимость переполняла его: с этого момента он должен убивать и только убивать. Он был чересчур заворожен возможностью продолжить свой род и пренебрег всем остальным. Он уже упустил драгоценное время. Чтобы убивать, ему нужно оружие, от которого нет защиты. После краткого размышления он направился к ближайшей лаборатории. Никогда он еще не ощущал себя до такой степени загнанным.

Когда он трудился, склонившись над своим аппаратом, его ноги, чрезвычайно чувствительные, восприняли изменение в потоке нестройных вибраций, пронизывающих корабль. На секунду он отвлекся и выпрямился. Внезапно он понял, в чем дело. Двигатели молчали. Корабль остановился в пространстве. Подступила смутная тревога. Его длинные гибкие пальцы лихорадочно продолжили свою тонкую работу.

Неожиданно он снова прервался. Ощущение тревоги усилилось. Что-то произошло, что-то крайне опасное. Мышцы ног напряглись. Он осознал, что не чувствует больше вибрации людей. *Люди покинули корабль!*

Оставив почти законченное оружие, он нырнул в ближайшую стену. Он знал с уверенностью,

что надежду может обрести только в ночи пространства.

Он стремительно несся по пустым коридорам. Сверкающие стены, казалось, насмехаются над ним. Этот большой корабль, так много обещавший, стал теперь всего лишь адским резервуаром энергии, которая вот-вот рванет. С облегчением он увидел перед собой шлюзовой люк. Он проскочил первый отсек, второй, третий… и оказался в пространстве. Он был готов к тому, что люди поджидают его появление, и запустил на максимум силу отталкивания между своим телом и кораблем. Он ощутил возрастающую легкость, удаляясь от корабля и углубляясь в черную ночь.

Позади него огни иллюминаторов померкли и сменились сверхъестественным голубым сиянием. Голубые огни сочились из всех пор корабля. Затем и они в свою очередь исчезли, почти неохотно. Как раз перед тем, как им потухнуть окончательно, снова появился сплошной энергетический барьер, навсегда закрывая Икстлу доступ к кораблю. Несколько иллюминаторов опять осветилось, сначала слабо мерцая, потом более ярко. Огромные машины оправлялись от перенесенного энергетического шока. Вскоре огни корабля снова стали обычными.

Икстл, отдалившийся на несколько километров, вернулся обратно. Он держался настороже. Сейчас, когда он находился снаружи, они могли применить против него атомные излучатели, не подвергая себя самих никакой опасности. Он приблизился на расстояние нескольких сотен метров к экрану и неуверенно остановился. Он увидел, как первое орудие показалось из темноты, прошло сквозь экран и проникло в корабль через отверстие в боку. Все прочие быстро проследовали за ним, смутным отблеском проступая на черном фоне пространства. Они озарились ярче, когда вспыхнули иллюминаторы.

Отверстие в боку корабля закрылось, и неожиданно он исчез. Мгновением ранее большой металлический шар находился здесь. Теперь он был сверкающей точкой, далекой галактикой, мерцающей на той стороне пропасти в миллион световых лет.

Время печально тянулось к бесконечности. Икстл, оцепенев в отчаянии, плыл в бескрайней ночи. Он не мог перестать думать о маленьких икстлах, которые никогда не родятся, и о вселенной, которую потерял из-за собственной ошибки.

Гросвенор, не отрывая глаз, следил за элек-

трическим скальпелем хирурга, только что вскрывшего желудок четвертого человека. Последнее яйцо поместили внутрь объемного бака из сверхпрочного металла. Яйца были круглыми, сероватого цвета, скорлупа одного из них уже немного надтреснула.

Люди с оружием наготове смотрели за тем, как трещина расширяется. Жуткая красная голова с маленькими круглыми глазками высунулась из яйца. Голова повернулась на короткой шее, и глаза хищно уставились на людей. С резвостью, едва не заставшей наблюдателей врасплох, создание распрямилось и попыталось выскочить из бака, но заскользило по металлической стенке, упало на дно, где и было сожжено направленным на него пламенем тепловых излучателей.

Смит провел языком по губам и сказал:

— Представьте, что оно добралось до ближайшей переборки и просочилось сквозь нее.

Никто не ответил. Глаза собравшихся не отрывались от бака. Яйца раскалялись очень медленно, но, в конце концов, все же заполыхали и быстро сгорели золотистым огнем.

— Ах! — воскликнул доктор Эггерт. Все перевели взгляды на доктора и на его пациента, фон Гроссена. — Мышцы стали расслабляться, и он

открыл глаза. Полагаю, он осознает окружающее. Паралич был вызван присутствием яйца, и теперь, когда его убрали, постепенно проходит. С ним ничего серьезного. Полагаю, скоро все они уже будут на ногах. А что с монстром?

Капитан Лит ответил:

— Двое людей, находившихся на катере, говорят, что видели красную фигуру, выскочившую через главный люк сразу после того, как мы приступили к неуправляемому накачиванию всего корабля энергией. По-видимому, это был наш противник, поскольку его тела мы не обнаружили. В любом случае, Пеннонс со своими командами обходит корабль, проверяя установленные нами флюорографические камеры. А вот и он. Итак, мистер Пеннонс?

Инженер вошел и поставил на стол какой-то бесформенный металлический объект.

— Пока не могу вам сказать ничего определенного… но я нашел эту штуку в одной из физических лабораторий. Что вы о ней думаете?

Гросвенор оказался вытолкнутым в первый ряд руководителей отделов, которые столпились вокруг стола, чтобы изучить вещь поближе. Он увидел предмет, очень хрупкого вида, опутанный сетью проводов. Имелось три различных трубки,

выходящих из трех маленьких шаров, испускавших какой-то серебристый свет. Свет, попадая на стол, делал его прозрачным. Но самым странным было то, что шары поглощали тепло, словно термические губки. Гросвенор протянул ладонь и почувствовал, как все тепло из нее уходит, и она стремительно коченеет. Он резко отдернул руку.

Рядом с ним капитан Лит произнес предостерегающе:

— Думаю, лучше будет оставить исследования нашим физикам. Фон Гроссен скоро поправится. Вы говорите, что нашли это в лаборатории?

Пеннонс подтвердил. Смит сказал:

— Похоже, монстр работал там, когда вдруг осознал, что происходит. Он, должно быть, сразу догадался, поскольку успел покинуть корабль. Это не согласуется с вашей теорией, Корита. Вы говорили, что, будучи крестьянином, он даже представить себе не может, что мы способны совершить такое.

Археолог слегка улыбнулся.

— Мистер Смит, — произнес он учтиво, — не подлежит никакому сомнению, что он прекрасно представил себе это. Из чего, вероятно, следует заключить, что наш монстр, по всей очевидности, является крестьянином, самым развитым из тех,

каковые нам когда-либо встречались.

Пеннонс проворчал:

— Вот бы нам обладать некоторыми способностями этого крестьянина. Знаете ли вы, что понадобится не менее трех месяцев, чтобы исправить все повреждения, которые причинили кораблю три минуты неуправляемой энергизации? Какой-то момент, я даже боялся, что…

Он оставил фразу неоконченной.

На лице капитана Лита мелькнула улыбка:

— Я закончу вашу фразу за вас. Вы боялись, что корабль полностью разрушится. Думаю, почти все из нас понимали, на какой риск мы идем, принимая окончательный план мистера Гросвенора. Мы знали, что наши спасательные катера оборудованы лишь системами частичной антигравитации. Другими словами, после катастрофы мы бы остались здесь, в миллионе световых лет от дома.

— Интересно, — задумчиво протянул кто-то, — в случае, если бы монстру удалось завладеть кораблем, он в самом бы деле завоевал вселенную? В конце концов, человек, по крайней мере, в нашей галактике утвердился достаточно прочно… и скорее по праву.

Смит кивнул головой:

— Пурпурный монстр уже господствовал над вселенной и мог достичь этого еще раз. Вы склонны считать человека образцом справедливости и забываете, что у него имеется долгое прошлое, полное жестокости. Он убивал живых существ не только для пропитания, но и ради удовольствия; он делал из соседей рабов, подвергал своих врагов массовому уничтожению и испытывал самое садистское удовольствие от страдания других. Возможно, во время наших путешествий мы еще встретим разумных созданий, более чем человек, достойных управлять вселенной.

— Господи, — произнес кто-то, — давайте никогда больше не будем брать на корабль опасных существ. У меня нервы на пределе, и я уже не тот человек, который поднимался на борт перед стартом.

— Мы все можем сказать то же самое!

Слова, произнесенные по переговорному устройству, принадлежали Кенту, новому начальнику экспедиции.

22

Кто-то пошептал Гросвенору на ухо так тихо, что ему не удалось разобрать слова. Звук сопроводился какой-то приглушенной трелью, которой также недоставало смысла.

Гросвенор невольно обернулся и посмотрел вокруг. Он находился в собственной студии записи и был совершенно один. Он подошел к двери аудитории посмотреть, не явился ли какой посетитель — и никого не увидел.

Сильно озадаченный, он вернулся за свой стол, спрашивая себя, не направил ли кто на него энцефалорегулятор, поскольку это было единственным объяснением слуховому феномену, которое он смог найти.

Но очень быстро понял, что это маловероятно. Регуляторы действовали только на близком расстоянии, к тому же, помещения его отдела были защищены от большинства видов излучения. В конце концов, он чересчур хорошо знал психический механизм возникновения подобных иллюзий. Он не мог оставить произошедший инцидент без внимания.

В качестве предосторожности он обследовал

все пять комнат своего отдела и проверил регуляторы в зале технических средств. Все было в нормальном состоянии и располагалось на своем обычном месте. В тишине он вернулся в студию и продолжил изучение структуры светящихся гипнотических картинок, записанных во время нападения на корабль, предпринятого риимами.

Неожиданно накатила волна страха, заставившая его съежится. Затем вернулся шепот, такой же тихий, как и в первый раз, но теперь, хотя Гросвенор и не сумел определить почему, он показался ему явно враждебным.

В изумлении он поднялся. Надо полагать, это все-таки был энцефалорегулятор. Кто-то воздействовал на его мозг на расстоянии таким мощным аппаратом, что защитных экранов в переборках оказалось недостаточно для нейтрализации.

Поразмыслив, он решил, что атаке, по-видимому, неоткуда было прийти, кроме как из психологического отдела, и попросил соединить его с Зиделем. Тот подошел к аппарату, и Гросвенор начал рассказывать, что произошло. Он не успел закончить.

— А я как раз собирался связываться с вами, — перебил его Зидель. — Я считал виновником вас.

— Вы хотите сказать, что все почувствовали

то же самое? — спросил Гросвенор медленно, пытаясь осознать по-новому повернувшуюся ситуацию.

— Меня особенно удивляет, что это почувствовали вы, принимая во внимание, насколько защищены стены вашего отдела. Вот уже двадцать минут мой коммуникатор перегружен, со всех сторон жалуются, а еще чуть ранее некоторые из приборов зафиксировали всплеск активности.

— Какие именно?

— Детектор мозговых волн, самописец нервных импульсов и самые чувствительные из электрических индикаторов. Кент собирает всех в рубке управления. Увидимся там.

Но Гросвенор не отпустил его так быстро.

— Уже было какое-нибудь обсуждение?

— Ну… говорят примерно об одном.

— Об одном?

— Мы сейчас подходим к галактике M31, и все предполагают, что это идет оттуда.

Гросвенор усмехнулся:

— Достаточно правдоподобная гипотеза. Я подумаю над ней. Присоединюсь к вам через несколько минут.

— Приготовьтесь к шоку, когда будете выходить в коридор. Воздействие здесь постоянно и на

любой вкус: шумы, игра света, видения, полное смятение всех чувств.

Гросвенор поблагодарил за предупреждение и отключился.

Он едва успел расставить на места свои фильмы, как коммуникатор передал приглашение Кента на собрание. Через мгновение он открыл дверь в коридор и сразу же отметил, что Зидель ничуть не преувеличивал.

Волны возбуждения обрушились на его мозг. Встревоженный и обеспокоенный, он направился в рубку управления.

Он сидел среди своих спутников, а вокруг них ночь, необъятная ночь пространства, подступала к кораблю и нашептывала свои угрозы. Капризная и ужасающая, она множила предупреждения. Она насвистывала, потом ворчала. Она скулила от голода и трепетала от страха. Она умирала в медленной агонии, затем возрождалась, упиваясь жизнью. И все время она коварно угрожала.

— Я вам точно скажу, в чем тут дело, — произнес кто-то позади Гросвенора. — Этому кораблю пора возвращаться в порт приписки.

Не в состоянии опознать голос, Гросвенор обернулся посмотреть, кто говорит, но оратор уже замолчал. Приняв первоначальное положение,

Гросвенор заметил, что Кент, их новый шеф, не отвлекся от окуляра телескопа, в который смотрел. Или же он счел реплику не заслуживающей ответа, или просто ничего не услышал. Больше никто из присутствовавших не высказывался.

Молчание продолжалось, и Гросвенор настроил коммуникатор на подлокотнике кресла; на экране перед ним возникло слегка размытое изображение того, что Кент и Лестер видели непосредственно в телескоп. Он понемногу забыл о своих компаньонах и сосредоточился на открывающемся виде. Они достигли дальних подступов большой галактической системы; однако даже ближайшие звезды были еще так далеки, что телескоп с трудом передавал с достаточной четкостью мириады светящихся точек, образующих спиральную туманность Андромеды, место назначения экспедиции.

Гросвенор поднял взгляд как раз в тот момент, когда Лестер оторвался от телескопа.

— То, что происходит, кажется невероятным, — сказал астроном. — Мы воспринимаем излучение, испускаемое скоплением многих миллиардов солнц.

Он помолчал, затем продолжил:

— Мистер Кент, думаю, что эта проблема не из

области астрономии.

Кент, в свою очередь, обернувшись, ответил:

— Все, что включает в себя целую галактику, относится к разряду астрономических явлений. Или же вы можете назвать мне какую-нибудь другую науку, которая этим занимается?

Лестер помедлил, затем медленно произнес:

— Масштабы получаются просто фантастическими. Не думаю, что стоит сразу же говорить о галактическом феномене. Эти волны могут быть переданы сфокусированным лучом, направленным непосредственно на корабль.

Кент повернулся к собравшимся и спросил:

— Кто-нибудь имеет что-то сказать или предложить?

Гросвенор поглядел вокруг, надеясь, что анонимный автор недавнего замечания снова заговорит, но тот, кем бы он ни был, хранил молчание.

Стало уже очевидностью, что люди не чувствуют себя столь же свободно в выражении своего мнения, как было под руководством Мортона. Кент неоднократно давал им понять, что готов прислушиваться лишь к руководителям отделов. Не вызывало сомнений и то, что лично он отказывается признавать нексиализм отде-

лом. В течение многих месяцев Гросвенор и он, всячески соблюдая по отношению друг к другу корректность, старательно уклонялись от необязательных контактов. Во время этого периода новый начальник экспедиции упрочивал свое положение, проводя различные решения, расширяющие полномочия его отдела, и объясняя это тем, что следует избавляться, насколько возможно, от дублирования функций.

Пользу от поощрения на борту личных инициатив, пусть и немного в ущерб эффективности, мог усмотреть лишь нексиалист. Гросвенор хорошо понимал это и воздерживался от бесполезных протестов. И на людей, запертых в корабле и ведущих жестко регламентированное существование, накладывались дополнительные ограничения.

Смит в глубине рубки управления первым откликнулся на вопрос Кента. Он поднял свою костлявую фигуру и произнес сухим тоном:

— Я смотрю, мистер Гросвенор вертится на своем месте. Возможно, он чересчур вежлив, чтобы брать слово раньше старших. Мистер Гросвенор, что у вас есть сказать?

Гросвенор подождал, пока смешки, к которым Кент не присоединился, утихнут, затем произнес:

— Несколько минут назад один из присутствующих подал нам идею отступить и вернуться домой. Хотелось бы послушать его доводы.

Ответа не последовало. Гросвенор заметил, что Кент нахмурил брови. Было действительно странно, что кто-то не желал признаваться в столь краткой и вызывающей реплике. Многие оглядывались вокруг с удивлением.

Затянувшееся молчание нарушил Смит:

— Когда это заявление прозвучало? Я не помню, чтобы слышал его.

— Я тоже! — откликнулись эхом еще с дюжину голосов.

Глаза Кента загорелись. Он бросился в дискуссию так, словно ожидал для себя личной победы.

— Давайте разберемся, — сказал он. — Либо кто-то говорил это, либо ничего подобного не происходило. Кто-нибудь что-то слышал? Поднимите руку!

Ни одна рука не поднялась. Кент спросил слегка насмешливым голосом:

— Мистер Гросвенор, что в точности вы слышали?

Тот неторопливо ответил:

— Насколько я помню, кто-то произнес: «Я вам точно скажу, в чем тут дело. Этому кораблю пора

возвращаться в порт приписки». Видимо, то, что я услышал, было вызвано возбуждением слуховых центров моего мозга. Что-то там очень хочет, чтобы мы вернулись домой. — Он пожал плечами: — Конечно же, я не претендую на достоверность моего объяснения.

Кент произнес с твердостью:

— Мы все же продолжаем не понимать, мистер Гросвенор, почему вы единственный слышали эти слова?

По-прежнему не обращая внимания на неприязненную иронию Кента, Гросвенор ответил серьезно:

— То же самое я спрашиваю у себя. В первую очередь мне приходит на ум, что во время инцидента с риимами, я подвергся длительному воздействию. Возможно, это сделало меня более чувствительным к подобным сообщениям.

Быть может, тем же самым объяснялось и то, что он воспринимал шепот, несмотря на изолирующие переборки своего отдела.

Гросвенор не удивился, увидев, что Кент изобразил гримасу. Химик не скрывал, что предпочитает не вспоминать о том, как сказалось вмешательство птичьих существ на моральном состоянии членов экспедиции.

— Я имел удовольствие, — произнес он язвительным тоном, — прослушать запись вашего доклада о названном эпизоде. Если память меня не подводит, вы заявили, что своей победой обязаны тому факту, что риимы не понимали, до какой степени трудно представителю одной расы управлять нервной системой существа, принадлежащего к другой, совершенно отличной, расе. В таком случае, как вы объясните, что кто-то там, — он указал рукой в направлении движения корабля, — сумел нащупать ваш мозг и возбудить определенные чувствительные зоны с такой точностью, что вы ясно расслышали приведенные вами слова?

Тон Кента, выбранные обороты, самодовольный вид свидетельствовали о неприкрытой враждебности. Поэтому Гросвенор ответил достаточно резко:

— Ничто не говорит, что тот, кто оказал такое воздействие на мой мозг, не знаком с проблемой. И не надо думать, что для этого необходимо было владеть нашим языком. К тому же, успех можно считать лишь частичным, поскольку я оказался единственным затронутым. На мой взгляд, в данный момент вопрос не в том, каким образом я услышал эту фразу, а почему и что нам теперь

следует делать.

Мак Канн, геолог, кашлянул, затем подал голос:

— Гросвенор прав. Думаю, нужно признать очевидное: мы проникли в частные владения кого-то, и *какого кого-то!*

Кент прикусил губу, помедлил, потом сказал:

— Полагаю, не стоит убеждать друг друга в том, что у нас достаточно доказательств для окончательного вывода. Однако следует поступать так, словно мы действительно имеем дело с разумом, более могущественным, чем человеческий… более могущественной формой жизни, чем все, какие мы знаем.

В рубке управления повисла тишина. Гросвенор догадался, что неосознанно каждый собирается с силами. Губы сжались, лбы нахмурились. Впрочем, не он один заметил эту реакцию.

Келли, социолог, мягко произнес:

— Счастлив видеть, что никто из вас, похоже, не горит желанием повернуть назад. Тем лучше. Наш долг как находящихся на службе своего правительства и как служителей своей расы изучить все достойное внимания, что представляет новая звездная система; это особенно важно в настоящем случае, поскольку доминирующая

раса данной галактики знает, что *мы* существуем. Заметьте, прошу вас, что я следую рекомендации мистера Кента и говорю так, словно мы вправду имеем дело с разумным созданием. Тот факт, что оно воздействовало более или менее непосредственно на мозг пусть и одного из нас доказывает, что оно за нами наблюдало и многое о нас знает. Мы не можем допустить, чтобы эта осведомленность оставалась односторонней.

Кент снова обрел свой апломб и сказал:

— Что вы думаете, мистер Келли, о месте, в которое мы направляемся?

Старый социолог поправил пенсне:

— Ммм… трудно сказать. Но эти нашептывания могут быть эквивалентами помех от наложения радиоволн, которые имеются и в нашей собственной галактике. Не исключено, что мы всего лишь воспринимаем знаки, предвозвещающие переход из пустыни в цивилизованную область.

Келли помолчал, но поскольку никто не спешил высказываться, продолжил:

— Вспомните, и человек наложил неизгладимый отпечаток на свою собственную галактику. Омолаживая затухающие солнца, он зажег *сверхновые*, видимые из-за ее пределов. Изменил орбиты небесных тел. Оросил и озеленил бес-

плодные миры. Океаны заняли место огромных пустынь под жгучими солнцами некогда выжженных планет. И наше присутствие здесь, на борту данного корабля — это тоже проявление могущества человека, простирающегося дальше, чем слышанный нами шепот в состоянии когда-либо дотянуться.

Гурли, главный связист, сказал:

— Следы человека не вечны в космическом смысле. Не понимаю, как можно их сравнивать. Воспринимаемые нами пульсации — живые. Они являются формой мысли, настолько мощной, настолько заполоняющей, что все пространство вокруг нас нашептывает их. Это не кот со щупальцами, не пурпурный монстр, не раса крестьян, замкнувшаяся в своей системе. Возможно, мы столкнулись с непостижимой совокупностью сознаний, которые общаются между собой через километры и годы своего пространственно-временного континуума. Это цивилизация соседней галактики, и если их представитель нас предупреждает…

Гурли внезапно прервался, испустив сдавленный крик и выставив перед собой руку, словно защищаясь.

И он не единственный, кто это сделал. Повсюду

люди вжались в свои кресла, поскольку Кент судорожным движением выхватил вибратор и выстрелил в зал. И только втянув инстинктивно голову в плечи, Гросвенор заметил, что оружие было нацелено не в него, а во что-то выше.

Позади послышался вопль боли, затем грохот, от которого содрогнулся пол.

Гросвенор, как и другие, рывком вскочив, развернулся и уткнулся взглядом в бронированного зверя девяти метров, корчившегося на полу за последним рядом сидений. Мгновением позже красноглазая копия первой твари материализовалась в пространстве и распласталась с глухим шумом тремя метрами дальше. Возникло третье дьявольское создание, упало на первое, многократно прокрутилось вокруг себя, и наконец поднялось с рычанием.

Спустя несколько секунд их было уже с десяток.

Гросвенор, в свою очередь, выхватил вибратор и выстрелил. Звериный рев добавил громкости. Пластины чешуи скрежетали о металл переборок. Стальные когти звенели, тяжелые лапы с буханьем топали по полу.

Все вокруг стреляли. Монстры продолжали материализовываться, Гросвенор, перемахнув

спинки кресел, запрыгнул на уступ первого уровня приборной панели. Увидев его рядом с собой, Кент перестал стрелять и вскричал с яростной злобой:

— Какого черта вы здесь делаете, подлый трус?

Его вибратор повернулся… и Гросвенор ударил наотмашь кулаком, выбивая оружие. Он был взбешен, но ничего не сказал. Перепрыгивая на следующий уровень, он заметил, что химик, присев на корточки, поднимает вылетевший из рук вибратор. Кент намеревался в него выстрелить, Гросвенор не сомневался в этом. Со вздохом облегчения он нащупал ручку, управляющую экраном поливалентной энергии, опустил ее и бросился на пол… как раз вовремя. Кент разрядил свой вибратор точно в то место, где долей секунды раньше находилась голова Гросвенора. Но пучок излучений уже пропал, и начальник экспедиции, выпрямившись, прокричал:

— Я не понял, что вы собирались делать.

Это извинение оставило Гросвенора холодным. Кент, по всей видимости, рассчитывал оправдать свой поступок желанием покарать дезертира. Гросвенор молча прошел мимо химика; он был чересчур зол, чтобы говорить. В течение месяцев он терпел Кента, но теперь хорошо видел, что по-

ведение этого человека делает его недостойным находиться во главе экспедиции. Им предстояли решающие недели, и личные качества Кента, его нервозность, грозили лишь усугубить их положение.

Спустившись на нижний ярус, Гросвенор подключился к стрельбе. Краем глаза он заметил, что трое человек устанавливают тепловой излучатель. К тому моменту, когда излучатель принялся выплевывать сгустки пламени, звери уже потеряли сознание под действием вибраторов и убить их не представляло особой сложности.

После того, как опасность миновала, до Гросвенора дошло, что чудовищные существа были перенесены сюда, живые, через сотни световых лет расстояния. Это выглядело фантастически, поверить в подобное едва удавалось.

Но запах горелой плоти служил доказательством реальности кошмара. А также кровь, голубовато-серого цвета, заливающая пол. И, наконец, двенадцать остовов, покрытых чешуей, валявшиеся по всей рубке управления.

23

Когда несколькими мгновениями позже, Гросвенор снова увидел Кента, тот был совершенно спокоен и раздавал приказы через коммуникатор. Появились подъемные краны, и трупы убрали. Сообщения по основной линии корабельной связи следовали одно за другим, и вскоре картина прояснилась.

Создания были телепортированы только в рубку управления. Радар не зафиксировал присутствия в округе никаких материальных объектов, таких, например, как вражеский корабль. Расстояние до ближайших звезд, в каком направлении ни поворачивайся, составляло около тысячи световых лет. При объявлении этих данных во всех углах рубки раздавались ругательства.

— Десять световых веков! — воскликнул Селенски, главный пилот. — Мы не в состоянии даже передавать послания на подобные расстояния без ретрансляционных станций.

Прибыл озабоченный капитан Лит. Коротко переговорив с разными учеными, он собрал военный совет. Он сам открыл обсуждение:

— Вряд ли есть необходимость долго обрисо-

вывать положение, в котором мы оказались. Нашему кораблю противостоит то, что, похоже, является враждебной галактической цивилизацией. В настоящий момент мы в безопасности за энергетическим экраном. Характер угрозы требует, чтобы мы ставили перед собой ограниченные задачи, но все-таки не слишком ограниченные. Нужно понять, почему от нас потребовали повернуть обратно. Надо определить природу опасности и уяснить, какой разум за ней стоит. Я смотрю, наш главный биолог продолжает изучать трупы. С какими животными нам пришлось иметь дело, мистер Смит?

Смит поднял голову, отведя взгляд от монстра, над которым склонился, и медленно произнес:

— На Земле подобные могли появиться в эпоху динозавров. Судя по чрезвычайно малым размерам мозга, интеллект их должен находиться на очень низком уровне.

Вступил Кент:

— Мистер Гурли уверяет, что эти животные были перемещены на корабль через гиперпространство. Не можем ли мы попросить его развить свою мысль?

— Мистер Гурли, вам слово, — сказал капитан Лит.

— Речь идет лишь о теории, — начал Гурли свои тягучим голосом, — к тому же, достаточно новой теории. Вселенная в ней сравнивается с надутым шаром. Если сделать прокол в оболочке шара, тот сразу же начнет сдуваться, одновременно затягивая повреждение. Но как ни странно, когда какой-нибудь объект проникает за внешнюю оболочку, он необязательно возвращается в ту же самую точку пространства, откуда вышел. И умея управлять данным феноменом, можно использовать его в качестве средства телепортации. Я понимаю, все это скорее выглядит порождением чересчур буйного воображения, но полагаю, что именно так обстояло дело в том событии, которое прошло перед нашими глазами.

Кент произнес язвительно:

— Трудно поверить, что есть существа до такой степени более разумные, чем мы. Для проблем гиперпространства должны иметься достаточно простые решения, которые наши ученые пока не видят. Возможно, нам удастся что-нибудь узнать.

Он помолчал, потом продолжил:

— Корита, вы необычайно молчаливы. Не поведаете ли нам, что вы обо всем этом думаете?

Археолог поднялся и развел руками.

— Я не могу вам предложить даже гипотезы.

Нужно быть чуть более осведомленным о мотивах нападения, чтобы пускаться в сравнения, основанные на циклической концепции истории. Если их целью было завладеть кораблем, то они ошиблись с выбором тактики. Если же требовалось просто напугать нас, то, признаемся, они добились блестящего успеха.

Корита сел под общие смешки. Но лицо капитана Лита, как обратил внимание Гросвенор, осталось серьезным.

— Что касается мотивов, — медленно произнес капитан, — мне пришла в голову идея, довольно неприятная, однако ею нельзя пренебрегать. Она хорошо согласуется с фактами. Предположим, что этот могущественный разум желает узнать, откуда мы прибыли.

Он замолчал. После того, как улеглось волнение, вызванное его словами, стало заметно, какое действие они оказали. Капитан продолжил:

— Рассмотрим проблему с… *его* точки зрения. Приближается какой-то корабль. В том направлении, откуда он двигается, находится значительное число галактик, звездных скоплений, туманностей. Где мы располагаемся?

В зале установилась тишина. Лит повернулся к Кенту:

— Если вы не против, я бы предложил немедленно заняться изучением планетных систем этой галактики.

— Не вижу никаких возражений, — сказал Кент, — разве что кто-то еще хочет высказаться…

Гросвенор поднял руку. Кент продолжил:

— Объявляю заседание…

Гросвенор встал и сказал громко:

— Мистер Кент!

— … закрытым, — закончил Кент.

Люди продолжали сидеть на своих местах. Кент поколебался, затем, наконец, произнес смущенным тоном:

— Прошу прощения, мистер Гросвенор, вам слово.

Гросвенор решительно сказал:

— С трудом верится, чтобы это существо было способно понимать наши символы, но все же предлагаю уничтожить звездные карты.

— Я как раз собирался предложить то же самое, — подхватил взволнованный фон Гроссен, — Продолжайте, Гросвенор!

В зале возник одобрительный гул, и Гросвенор двинулся дальше:

— Наши действия основываются на убеждении в том, что под защитой экрана мы находимся в

безопасности. В любом случае, у нас нет пока других возможностей, кроме как положиться на это. Но к моменту посадки лучше бы иметь несколько больших энцефалорегуляторов. Тогда мы сможем заглушить мозговые волны, не позволив, таким образом, читать наши мысли.

И опять зал продемонстрировал согласие.

— У вас все, мистер Гросвенор? — холодно спросил Кент.

— Хочу лишь присовокупить совет общего характера. Начальникам отделов, наверное, стоит провести инвентаризацию имеющихся материалов, на тот случай, если *Бигль* будет захвачен и возникнет необходимость уничтожить все, что может поставить под угрозу нашу расу.

Он сел среди оцепенелого молчания.

Время шло, а противник, похоже, не предпринимал никаких инициатив, если только энергетический экран не гасил все попытки приступа. Так или иначе, но новых инцидентов не происходило.

Солнца были далеки и редки на внешней границе галактики. Первое, к которому они приблизились, представляло собой гигантский светящийся шар, ярко пылающий в великой ночи. Лестер и его помощники выявили пять

планет, достаточно близких к своему светилу, чтобы заслуживать изучения. Они посетили их все. Одна из них оказалась обитаемой: это был мир джунглей, туманов и огромных животных. Корабль покинул ее, совершив облет внутреннего моря и большого болотистого континента. Ничто не указывало на существование какой-либо цивилизации, тем более такой, какую они подозревали в нападении.

Бигль продвинулся на три сотни световых лет и достиг маленького солнца, вишнево-красного цвета, вокруг которого вращались две планеты. На одной имелась жизнь, и это тоже был мир джунглей, туманов и ящероподобных животных. Они оставили ее без изучения, облетев на низкой высоте обширное болото и землю, покрытую буйной растительностью.

Новые звезды сияли в ста пятидесяти световых годах. Большое голубовато-белое солнце с кортежем из не менее двадцати планет привлекло внимание Кента, и корабль устремился в том направлении. Семь ближайших к светилу планет представляли собой раскаленный ад, где невозможно было надеяться встретить какую-либо жизнь. Затем *Бигль* прошел по спирали около трех, расположенных неподалеку друг от друга

планет, и на всей скорости устремился в межзвездную пустоту, не осматривая остальные.

Позади них три затуманенные планеты вращались по своим орбитам вокруг породившего их жгучего солнца. А на борту Кент собрал руководителей отделов и их первых заместителей.

Он начал без преамбул.

— Лично я не думаю, что в настоящий момент мы обладаем решающими доказательствами. Это Лестер настоял на том, чтобы я вас собрал. — Он пожал плечами. — Но, возможно, мы что-нибудь узнаем.

Он умолк, и Гросвенор, глядевший на него, с удивлением заметил, что Кент лучится довольством. «Что у него на уме?» — спросил себя молодой человек. Странно, но новый начальник экспедиции, похоже, заранее настроился отказаться от результатов, которые могло принести собрание. Кент снова взял слово, и его тон был дружеским.

— Ганли, не поднимитесь ли сюда, чтобы самому объяснить?

Астроном взобрался на первый ярус приборной панели. Он был высок и худ, как Смит, и имел глаза фарфоровой голубизны на бесстрастном лице. Все же волнение прорывалось в его голосе,

когда он заговорил:

— Джентльмены, три обитаемых планеты, которые мы увидели, были идентичными копиями, что свидетельствует об их искусственном происхождении. Не знаю, сколько среди вас человек, знакомых с современной теорией образования планетных систем. Те, кому она неизвестна, пусть поверят мне на слово, что расположение тел в системе, которую мы только что пересекли, с точки зрения динамики невозможно. Я могу утверждать, что две из этих трех планет были искусственно помещены на свои нынешние орбиты. По моему мнению, мы должны вернуться и изучить феномен подробнее. Похоже, кто-то намеренно создает планеты-джунгли; не берусь объяснить, с какой целью.

Он замолчал и метнул в сторону Кента воинственный взгляд. Химик выдвинулся вперед с легкой улыбкой на губах и заявил:

— Ганли потребовал от меня, чтобы мы совершили посадку на одной из планет. Мы сейчас это обсудим и поставим на голосование.

«Так дело в этом», — вздохнул Гросвенор, который, не испытывая восхищения перед Кентом, по крайней мере, оценил по достоинству его тактику. Тот не предоставил никаких аргументов

оппозиции. Вполне возможно, что он и не был против плана Лестера. Но, принимая решение собрания, где его мнение оставалось в меньшинстве, он показывал всем, что готов подчиниться демократической процедуре. Это был ловкий, хотя и несколько демагогический способ сохранить поддержку своих сторонников.

По сути же, предложение Лестера вызывало серьезные возражения. Трудно было поверить, что Кент их осознает, иначе пришлось бы думать, что он намеренно пренебрегает угрозой, нависшей над экспедицией. Гросвенор решил отнести это за счет непонимания и принялся ожидать, пока ученые зададут свои вопросы второстепенной важности. Когда, наконец, любопытство всех было удовлетворено и дело казалось урегулированным, молодой человек встал и заявил:

— Мне бы хотелось поддержать точку зрения мистера Кента на данную проблему.

Заинтересованное лицо холодно заметило:

— Действительно, мистер Гросвенор, отношение ваших коллег выглядит достаточно ясным, принимая во внимание малое количество высказанных возражений, и я сомневаюсь, что продолжение дискуссии…

И тут он замолчал. До него, наконец, дошел

точный смысл слов Гросвенора, и он, похоже, на короткое мгновение впал в ступор. Затем сделал неопределенный жест в сторону зала, словно прося помощи. Однако присутствующие молчали; он уронил руку и пробормотал:

— Вам слово, мистер Гросвенор.

Гросвенор произнес решительным тоном:

— Мистер Кент прав. К настоящему моменту мы посетили три планетных системы. А следовало бы осмотреть, по крайней мере, тридцать, учитывая масштабы нашего поиска. Буду рад, если математики проверят мой подсчет. К тому же, как только мы станем садиться, придется снять энергетический экран. Соответственно, мы должны быть готовы подвергнуться неожиданной атаке противника, способного мгновенно наслать на нас свои силы через гиперпространство. Представляю, что произойдет, когда биллионы тонн материи обрушатся на нас, оставшихся без защиты на какой-нибудь планете. На мой взгляд, джентльмены, нам предстоит целый месяц или два интенсивных приготовлений. Конечно же, в этот период нам нужно осмотреть как можно больше солнц. Если их обитаемые планеты исключительно — либо же преобладающим образом — первобытного типа, или планеты-

джунгли, у нас появится солидное основание для подтверждения гипотезы мистера Лестера об искусственно созданном положении. Мистер Кент, именно в этом заключается ваше мнение?

Кент снова обрел полное самообладание:

— Почти в точности. — Он огляделся вокруг. — Если никто больше не имеет ничего сказать, я предлагаю перейти к голосованию по поводу предложения Ганли.

Астроном поднялся.

— Я его снимаю, — произнес он. — Признаю, что не подумал обо всех опасностях, сопряженных с преждевременной посадкой.

Он снова сел.

Кент поколебался, потом сказал:

— Есть ли желающие выступить в поддержку предложения Ганли?

Но никто не откликнулся, и он продолжил с уверенностью в голосе:

— Хочу, чтобы руководители отделов предоставили подробные доклады относительно способа, каковой, по их мнению, может обеспечить успех высадке, на которую мы, в конце концов, должны будем решиться. Это все, джентльмены.

В коридоре Гросвенор почувствовал чью-то ладонь на своей руке. Он обернулся и узнал Мак

Канна, руководителя геологов.

— Мы были настолько захвачены восстановительными работами последние месяцы, — сказал Мак Канн, — что не возникало случая пригласить вас зайти ко мне. По всей вероятности, при обследовании планеты оборудование геологического отдела станет использоваться не совсем в тех целях, для которых оно предназначено. Нексиалист оказался бы нам очень полезен.

— Я зайду завтра утром, — сказал Гросвенор после краткого размышления. Хочу сначала приготовить мои рекомендации мистеру Кенту.

Мак Канн глянул на него, слегка поколебался, потом спросил:

— Вы не надеетесь его заинтересовать, верно?

Итак, уже замечено, что Кент его не любит. Гросвенор медленно произнес:

— Наоборот, поскольку ему не нужно будет демонстрировать свое отношение.

Мак Канн улыбнулся:

— Ну что ж, удачи вам.

Он повернулся, чтобы уйти, но Гросвенор остановил его.

— На ваш взгляд, — спросил он, — откуда исходит популярность Кента в качестве начальника экспедиции?

Тот подумал, прежде чем ответить:

— Он человек. Он имеет предпочтения и антипатии. Он вспыльчив. У него плохой характер. Он совершает ошибки и пытается уверить, что ничего подобного не произошло. Он страшно хочет быть начальником. Когда корабль вернется на Землю, поднимется много шума вокруг главы экспедиции. Кент есть в каждом из нас. Ну да… он человек.

— Я вижу, вы не назвали ничего, что могло бы дать ему основание занимать пост.

— По правде сказать, данный пост не является жизненно важным. Каждый раз, когда возникает необходимость, он обращается за справкой к специалистам. — Мак Канн в задумчивости подвигал губами. — Трудно выразить словами, что именно определяет успех Кента. Полагаю, однако, что ученые постоянно беспокоятся по поводу приписываемой им интеллектуальной сухости. Поэтому они счастливы видеть своим руководителем того, кто способен страстно волноваться и для кого в то же время наука имеет неоспоримую ценность.

Гросвенор потряс головой:

— Думаю, вы ошибаетесь, считая, что должность Кента не первой важности. Все зависит от

человека, который ее занимает и от того, каким образом он использует свою большую власть.

Мак Канн посмотрел на него с лукавством и произнес:

— Людям вашего строго логичного склада всегда непросто понять успех какого-нибудь Кента. Впрочем, у вас немного шансов перед ними — политически, я разумею.

Гросвенор горько улыбнулся.

— Вовсе не приверженность научному методу мешает специалистам, а цельность натуры. Обычно специалист понимает тактику, используемую против него, даже лучше, чем тот, кто ее применяет. Но он не может решиться ответить подобными же методами, поскольку самому ему они претят.

Мак Канн сдвинул брови:

— Вы хотите сказать, что не терзаетесь сомнениями?

Гросвенор промолчал.

Мак Канн не отступал:

— Предположим, вы решили, что Кент должен быть отстранен от должности, каковы будут ваши действия?

— В настоящий момент все мои замыслы носят исключительно конституционный характер, —

ответил Гросвенор осторожно.

К его удивлению, Мак Канн, похоже, испытал облегчение. Старец взял его дружески под руку:

— Счастлив слышать, что вы не собираетесь выходить за пределы законных методов, — произнес он серьезно. — Со времени той вашей лекции я не устаю удивляться, почему никто еще не догадался, что потенциально вы самый опасный человек на борту. То целостное знание, которым вы обладаете, будучи направленно на определенные цели, могло бы стать более разрушительным, чем любое внешнее нападение.

После секундного замешательства, Гросвенор помотал головой:

— Вы заходите слишком далеко. Одного человека чересчур легко убить.

— Я смотрю, вы не оспариваете моих слов о ваших возможностях.

Гросвенор протянул ему руку, чтобы попрощаться:

— Спасибо за ваше высокое мнение обо мне. Пусть и сильно преувеличенное, оно меня морально поддержит.

24

Тридцать первая звезда, которую они посетили, была того же размера и типа, что и Солнце. Из трех ее планет одна следовала по орбите радиусом в сто двадцать восемь миллионов километров. Как и все остальные обитаемые планеты, виденные ими, она представляла собой покрытый туманами мир первозданных джунглей и океанов.

Бигль, огромный металлический шар, вошел в атмосферу, насыщенную водяными парами и продолжил свой путь на низкой высоте.

В отделе геологии Гросвенор наблюдал за приборами, которые исследовали облетаемую территорию. Это являлось сложной работой, требующей огромного внимания, поскольку для истолкования различных поступающих данных нужен был ум, тренированный во всех видах комплексного восприятия. Необходимо было упорядочивать во времени и пространстве постоянный поток ультразвуковых сигналов, испускаемых кораблем и отражаемых поверхностью планеты. Гросвенор добавил к обычным методам, знакомым Мак Канну, некоторые тонкости в духе нексиалистских принципов. На их

глазах обретала форму удивительно подробная картина коры небесного тела.

Гросвенор оставался там в течение часа, изучая новые данные. Те сильно разнились в деталях, но представляли несомненную геологическую идентичность в том, что касается молекулярной структуры и распределения различных элементов: грязи, песчаника, глины, гранита, органических останков — вероятно, залежей каменного угля — силикатов в виде песка, покрывающего скальные породы, воды…

На различных шкалах перед глазами Гросвенора стрелки совершили резкий скачок, затем замерли. Их реакция указывала на наличие в больших количествах железа со следами углерода, молибдена…

Сталь! Гросвенор схватился за рычаг, что поторопило серию дальнейших событий. Зазвучал звонок. Бегом появился Мак Канн. Корабль остановился. В нескольких шагах от Гросвенора Мак Канн заговорил с Кентом:

— Да, сталь, не просто железная руда. Мы имели наблюдателя, способного уловить различия. — Он не назвал имени Гросвенора и продолжил: — Мы запрограммировали приборы на зондирование коры глубиною до тридцати метров. Так что речь

может идти о мертвом городе… или скрытом в грязи джунглей.

Кент ответил с полным спокойствием:

— Узнаем через несколько дней.

Корабль предусмотрительно удерживался над поверхностью планеты, а необходимое оборудование спустили сквозь приоткрытое отверстие в энергетическом экране. В исследуемой зоне разместили гигантские экскаваторы, подъемные краны, ленты транспортеров, равно как и множество других машин. Все было тщательно отрепетировано заранее, так что уже через полчаса после того, как корабль начал выгрузку, он снова отошел в пространство.

Все работы по расчистке осуществлялись под дистанционным управлением. Люди следили за ходом операции на экранах коммуникаторов и отдавали команды машинам, действующим на поверхности. Через восемь дней яма в семьдесят пять метров глубины, сто двадцать ширины и двести сорок длины была вырыта. Обнажились фантастические развалины того, что когда-то являлось городом.

Здания выглядели так, словно обрушились под тяжестью груза, который не смогли выдержать. Улицы располагались на самом дне котлована,

и именно на этом уровне стали обнаруживаться останки. Была отдана команда прекратить раскопки, и вниз направились различные исследовательские аппараты. Гросвенор, находившийся на борту катера вместе с Мак Канном, вскоре оказался вместе с другими учеными перед одним из скелетов.

— Почти расплющен, — сказал Смит, — но, думаю, я сумею его немного подлатать.

Через минуту он объявил:

— Четвероногий. — Подвергнув одну из костей флюороскопии, добавил: — Он умер около четверти века назад.

Гросвенор отвернулся. Возможно, эти раздробленные мощи раскроют основные особенности физического строения погибшей расы. Но вряд ли удастся извлечь из скелетов какие-либо сведения о безжалостных существах, их уничтоживших. Поскольку все находящееся перед ними было останками жертв, а не убийц.

Мак Канн изучал пробу грунта, взятого там, где пролегала улица города.

— Полагаю, — сказал геолог, — нужно произвести стратиграфический анализ всей зоны еще на несколько сот метров в глубину.

За дело взялась бригада бурильных установок.

В течение часа Гросвенор был очень занят изучением образцов грунта, которые поступали к нему по мере продвижения работ. Время от времени он определял химический состав какой-нибудь пробы. Когда их исследовательский катер вернулся на корабль, Мак Канн смог представить Кенту относительно подробный доклад. Гросвенор при этом не присутствовал.

— Вы меня просили, — сказал Мак Канн, — определить, не имеем ли мы дело с искусственной планетой джунглей. По всей вероятности, так и есть. Геологические пласты, находящиеся под грязью, принадлежат, по-видимому, более старой планете. Трудно поверить в то, что сняли слой почвы какой-то первозданной планеты, чтобы разостлать на данной, однако, похоже, именно это и произошло здесь.

— А сам город, — спросил Кент, — как он был разрушен?

— Мы сделали некоторые подсчеты, но не настолько комплексные, как следовало бы. Так что со всеми сопутствующими оговорками мы предполагаем, что разрушения могли быть вызваны огромным весом камней, земли и воды.

— Вы можете определить, в какую примерно эпоху данная катастрофа произошла?

— Мы имеем несколько признаков геофизического плана. В некоторых местах, обследованных нами, новая поверхность вызвала образование впадин в старой, свидетельствуя об избыточном давлении на более слабую зону. Мы попытались установить параметры изменений, произошедших в нижних слоях, и получили несколько цифровых данных, на которых можно основывать вычисления. По приблизительным подсчетам компетентного математика — (он подразумевал Гросвенора) — деформирующее давление начало действовать самое большее сотню лет назад. Учитывая, что геология занимается явлениями с периодом длительности в тысячи и миллионы лет, наши машины лишь подтвердили расчеты, произведенные человеком. Я не в состоянии дать более точной оценки.

Возникла пауза, затем Кент произнес важным тоном:

— Благодарю вас. Вижу, вы и ваш персонал проделали хорошую работу. Еще один вопрос: в процессе исследований не удалось ли вам обнаружить что-нибудь, способное подать нам идею о том, что могло спровоцировать эти катастрофические разрушения?

— Не возьмусь ничего утверждать по данному

поводу до консультации с моими помощниками. От себя лично я бы сказал: нет.

Гросвенор порадовался тому, что Мак Канн не проявил категоричности. Для геолога изучение планеты было началом поиска противника. Для него же стало последним звеном в той цепи открытий и доказательств, в которой странный шепот, слышимый в пространстве, представлял собой первое.

Он идентифицировал наичудовищнейший из всех мыслимых чужих разумов. Он догадывался, в чем могла заключаться его ужасная цель. Он тщательно проанализировал то, что следовало сделать.

Он не думал больше о самой опасности. Он достиг той стадии, на которой, прежде всего, требовалось провести свой план безоговорочным решением. К несчастью, эти люди, специалисты в одной или от силы в двух областях науки, не способны были осознать истинные размеры угрозы, нависшей над жизнью всего межгалактического мира. План Гросвенора, вполне возможно, станет объектом яростных споров.

Проблема являлась одновременно научной и политической. Пришло время тщательно выработать тактику борьбы и придерживаться ее с

жесточайшей решимостью.

Пока еще невозможно было предугадать, как далеко придется зайти. Но Гросвенор считал, что уже не имеет права ограничивать свои действия. Он должен сделать все, что необходимо.

25

Когда Гросвенор был готов перейти к делу, он написал письмо Кенту:

Уважаемый мистер Кент,

Я имею важное сообщение для всех руководителей отделов. Сообщение касается чужеродного существа, встреченного нами в этой галактике. К настоящему моменту я собрал о нем необходимые сведения, которые позволят нам начать широкомасштабные действия. Прошу вас созвать руководителей отделов, чтобы я мог изложить им свое решение проблемы.

Искренне ваш,
ЭЛЛИОТ ГРОСВЕНОР.

Он спрашивал себя, заметит ли Кент, что он не привел никаких доказательств в поддержку своего решения? В ожидании ответа, он, не привлекая лишнего внимания, перенес личные вещи из каюты в помещения собственного отдела. Это было последним пунктом плана, предусматривающего и возможность осады.

Ответ пришел на следующее утро.

Уважаемый мистер Гросвенор,

Я сообщил мистеру Кенту сущность вашей записки, поступившей вчера после полудня. Он просит вас подать доклад на прилагаемом формуляре № А-16-4 и выражает удивление, почему вы не сделали этого сами.

Мы получили много докладов по данному вопросу, и ваш будет рассмотрен и изучен в свою очередь.

Не могли бы вы прислать прилагаемый формуляр, надлежащим образом заполненный, как можно скорее?

За мистера Кента,
Джон Форэн.

Гросвенор прочитал письмо и озабоченно задумался. По всей вероятности, Кент высказал в присутствии своего секретаря несколько язвительных замечаний по поводу единственного на борту нексиалиста. Но он, конечно же, выбирал выражения и сдерживал всю ненависть, клокотавшую в нем. Если Корита прав, то она прорвется наружу в критический момент. Человечество находилось на стадии «зимы» своего исторического развития, а в эту эпоху целые цивилизации разваливались из-за культа собственного «я»

отдельных представителей.

Хотя первоначально в его намерения и не входило раскрывать факты, он заполнил формуляр, присланный ему секретарем Кента. Но все-таки ограничил подтверждающую информацию. Он ее не интерпретировал и не предлагал способа разрешения. В рубрике РЕКОМЕНДАЦИИ он написал: «Вывод представляется очевидным любому компетентному человеку».

По сути, каждое из приведенных им сведений было известно тому или иному специалисту, находящемуся на борту *Бигля,* а все вместе они уже скопились за последние недели в кабинете Кента.

Гросвенор пошел относить формуляр сам. Он не ожидал немедленного ответа, но все же остался в своем отделе. Он даже попросил доставлять ему туда еду. Прошло сорок восемь часов, и прибыл ответ Кента.

Уважаемый мистер Гросвенор,

Бросив взгляд на формуляр A-16-4, предоставленный мне вами, я заметил, что вы не раскрыли свои рекомендации. Принимая во внимание то, что мы получили рекомендации и из других отделов и рассчитываем объединить лучшие из них в единый план, я бы попросил вас любезно сообщить

мне ваши в подробностях.

Буду счастлив получить ответ на данную записку как можно скорее.

Подписано было: ГРЕГОРИ КЕНТ — *Начальник*.

Гросвенор понял, что первый прямой удар нанесен и открытое столкновение вот-вот начнется.

Молодой ученый принял препарат, действие которого невозможно отличить от симптомов гриппа. В ожидании он написал Кенту, что чувствует себя чересчур больным, чтобы составить *рекомендации,* которые «неизбежно стали бы достаточно длинными, поскольку должны будут включить в себя цепь дедуктивных умозаключений, основанных на известных сведениях различных наук. В любом случае, предусмотрительность требует начать проводить разъяснительную работу, имеющую целью приучить членов экспедиции к мысли о том, что им придется провести в космосе на пять лет больше».

Опустив письмо в почтовый ящик, он соединился с кабинетом Эггерта. События развивались стремительно, и через десять минут доктор прибыл со своим чемоданчиком.

В тот момент, когда он заканчивал осмотр, в коридоре зазвучали шаги. На сцене появился

Кент в сопровождении двух химиков.

Доктор Эггерт повернулся, поприветствовал вошедшего дружеским: «Привет, Грег», затем снова перенес внимание на Гросвенора.

— Ну, мой друг, — сказал он, — похоже, у нас тут вирус. Потрясающе, мы принимаем все возможные и мыслимые меры предосторожности, а он все равно откуда-то берется. Я распоряжусь, чтобы вас отвезли в изолятор.

— Я бы предпочел остаться здесь.

Эггерт наморщил лоб, потом пожал плечами:

— В конце концов, в вашем случае это допустимо. Я сейчас пришлю к вам фельдшера. Мы не можем рисковать с вирусом.

Медик уложил инструменты в чемоданчик.

Кент сдавленно зарычал в своем углу. Гросвенор, изобразив удивление, глянул на него вопросительно. Кент воскликнул раздраженно:

— Что происходит, доктор?

— Не могу пока ничего сказать. Нужно дождаться результатов анализов. — Он нахмурил брови. — Я сделал их все, какие возможно. В настоящий момент единственными симптомами является жар и, похоже, мокрота в легких. Очень жаль, Грег, но, боюсь, я не могу вам разрешить говорить с ним сейчас. Не исключено, что заболе-

вание серьезно.

— И все же мы должны пойти на риск, — живо возразил Кент. — Мистер Гросвенор обладает важными сведениями, и, я уверен, он в состоянии их предоставить.

Доктор Эггерт повернулся к Гросвенору:

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Я могу говорить, — ответил тот слабым голосом.

Лицо Гросвенора горело, глазам было тяжело смотреть. Но одной из причин, заставившей его сделаться больным, выступало намерение вынудить Кента зайти к нему, что и случилось.

Второй причиной было нежелание участвовать в общем собрании ученых. В своем отделе, и только там, он мог защитить себя от любых мер, которые вдруг решат принять против него.

Доктор глянул на часы.

— Послушайте, — сказал он, обращаясь к Кенту, а больше к Гросвенору, — я направляю сюда фельдшера. Нужно, чтобы ваша беседа закончилась к его прибытию. Хорошо?

— Замечательно, — ответил Кент с умеренным энтузиазмом.

Гросвенор присоединился.

Доктор Эггерт задержался на пороге, чтобы

добавить:

— Мистер Фэндер будет здесь минут через двадцать.

Когда он скрылся, Кент медленно приблизился к постели больного. Некоторое время он оставался так, затем произнес с напускным спокойствием:

— Я вас не понимаю. Почему вы не сообщили нам то, что знаете?

— Вы в самом деле удивлены, мистер Кент? — спросил Гросвенор.

И еще раз в помещение повисло молчание. Гросвенор отчетливо ощутил, что его собеседник едва сдерживает себя. Наконец, Кент сказал, не повышая голоса:

— Я начальник этой экспедиции и требую, чтобы вы прямо сейчас изложили ваши рекомендации.

Гросвенор слабо покачал головой. Он чувствовал тяжесть и жар. Он произнес:

— Не знаю, что вам и ответить, мистер Кент. Видите ли, вы тот человек, реакцию которого очень легко предсказать. Я предвидел, как именно вы отнесетесь к моим письмам, и я не ошибся. Я предугадывал, что вы придете… — он бросил взгляд на спутников Кента… — с двумя людьми

под рукой. В таких условиях полагаю возможным попросить вас пригласить сюда руководителей отделов, чтобы я мог изложить им мои рекомендации лично.

Если бы он успел, то поднял бы руку, чтобы защититься. Но Гросвенор чересчур поздно заметил, что Кент взбешен еще более, чем он думал.

— Вы считаете себя очень хитрым, да? — вскричал Кент в ярости. Он ударил Гросвенора кулаком по лицу. Затем продолжил сквозь зубы: — Так вы больны? Люди, одержимые странными недугами, иногда теряют рассудок, и с ними следует обращаться без всяких церемоний, чтобы они не подвергали опасности своих дорогих друзей.

Гросвенор видел, словно сквозь туман. Он поднес руку к лицу. Его действительно лихорадило, он ослабел, и ему не сразу удалось положить противоядие в рот. Он сделал вид, что держится за щеку, куда ударил Кент, проглотил новый препарат, затем произнес не очень уверенным голосом:

— Хорошо, я сумасшедший. Что дальше?

Если Кент и был удивлен подобной реакцией, то не показал этого. Он сухо спросил:

— Чего именно вы хотите?

Какое-то время Гросвенор боролся с тошно-

той. Когда недомогание немного отступило, он ответил:

— Я хочу, чтобы вы развернули разъяснительную работу, темой которой станет то, что, на ваш взгляд, новые сведения о нашем нынешнем противнике требуют от членов экспедиции приучить себя к мысли о продлении срока пребывания в космосе на пять лет дольше предусмотренного. Когда сделаете это, я сообщу вам все, что пожелаете.

Он начинал чувствовать себя лучше. Противоядие оказывало свое воздействие. Жар спадал. И он хорошо осознавал, что сказал. Его план был достаточно гибким. В любой момент Кент или, позже, целая группа могли принять его предложения, что сняло бы необходимость уловок.

Два раза Кент открывал рот, вроде бы намереваясь заговорить, но каждый раз закрывал его. Наконец он спросил изумленным тоном:

— И это все, что вы собираетесь нам предложить?

Под одеялом палец Гросвенора лежал на кнопке, готовый на нее нажать. Он сказал:

— Клянусь, вы получите все, что хотите.

— Об этом не может быть и речи, — произнес Кент решительным тоном. — Я не пойду на подоб-

ное безумие. Люди не станут слушать разговоров даже об одном годе продления экспедиции.

Гросвенор ответил, не выходя из своего спокойствия:

— Ваше присутствие здесь доказывает, что мой план не такое уж безумие.

Кент сжал кулаки.

— Это невозможно! Чем, по-вашему, я оправдаю свое поведение перед руководителями отделов?

Гросвенор, наблюдавший за маленьким человеком, почувствовал, что близится переломный момент.

— Вам не нужно ничего объяснять им, по крайней мере, сейчас. Достаточно пообещать проинформировать позже.

Один из техников, не спускавший глаз с Гросвенора, взял слово:

— Послушайте, шеф, похоже, этот человек не отдает себе отчета в том, что говорит. Может, стоит его немного поучить?

Кент, собравшийся было что-то сказать, остановился. Он отступил на шаг и провел языком по губам. Наконец решился:

— Вы правы, Бреддер. Нет смысла спорить с ним. Подождите, я сейчас запру дверь на ключ. Затем мы…

— На вашем месте я бы ее не закрывал, — сказал Гросвенор. — Это запустит повсюду тревожную сигнализацию.

Кент, уже положивший ладонь на ручку, резко остановился и повернулся. На лице его появилась улыбка.

— Ладно, — сказал он, — мы это проделаем с открытой дверью. Давайте, говорите, мой друг.

Оба техника двинулись вперед. Гросвенор сказал:

— Бреддер, вы когда-нибудь слышали об электростатическом напряжении? — И поскольку техники замерли в нерешительности, добавил холодно: — Дотронетесь до меня, и вас ударит током. Ваши руки покроются язвами, лицо почернеет…

Техники отпрыгнули. Светловолосый Бреддер бросал в направлении Кента неуверенные взгляды. Тот в ярости воскликнул:

— Количества электричества в человеческом теле недостаточно даже для того, чтобы убить муху!

Гросвенор покачал головой:

— Не кажется ли вам, что это немного выходит за пределы вашей специальности, мистер Кент? Электричество не в моем теле, оно возникнет в

вашем, когда вы прикоснетесь ко мне.

Кент вытащил свой вибратор и решительным жестом передвинул на нем регулятор.

— Отойдите, — бросил он своим людям. — Я сейчас направлю в него разряд в одну десятую секунды. Сознания он не потеряет, но потрясет его до последней молекулы.

— На вашем месте, Кент, я бы не стал этого делать. Предупреждаю вас.

Но тот не услышал, или был чересчур взбешен, чтобы обратить внимание. Светящийся луч вспыхнул и погас, и Гросвенор увидел, как Кент пытается отбросить оружие, прилипшее к руке. Наконец вибратор упал на пол с металлическим лязгом. Кент, морщась от сильной боли, тряс пораненной рукой.

Гросвенор заметил не без некоторой жалости:

— Почему вы меня не послушали? Эти стенные панели насыщены высоким электрическим потенциалом. Излучение вибратора ионизирует воздух и вызывает разряд, нейтрализующий освобожденную энергию повсюду, кроме дульного среза. Надеюсь, вас не очень сильно обожгло.

Кент снова обрел самообладание. Он был бледен, но спокоен.

— Это дорого вам обойдется, — произнес он

тихо. — Когда другие увидят, какими методами вы пытаетесь заставить принять вашу точку зрения…

Он прервался и сделал знак своим людям:

— Пойдемте, пока нам больше нечего здесь делать.

Спустя восемь минут после их ухода прибыл Фэндер. Гросвенору пришлось терпеливо и несколько раз объяснять ему, что он уже не болен. Понадобилось еще больше времени, чтобы убедить в этом доктора Эггерта, которого тотчас же вызвал фельдшер. Гросвенор не беспокоился о том, что его разоблачат. Нужны не подозрения, а уверенность и многочисленные исследования, чтобы обнаружить следы препарата, которым он воспользовался. В конце концов Эггерт и фельдшер оставили его одного, посоветовав только не выходить день-другой. Гросвенор пообещал следовать совету, впрочем, он и сам имел твердое намерение не покидать своих владений. Отныне отдел будет служить его крепостью.

Он не знал в точности, каким образом на него нападут, но был готов к любой неожиданности.

Примерно через час после ухода медиков раздался щелчок в почтовом ящике. Поступило приглашение на собрание, созываемое Кентом

«по просьбе Эллиота Гросвенора», с цитатами из его собственного первого письма, но без какого-либо упоминания о последующих событиях. Уведомление заканчивалось словами: «Учитывая предыдущие подвиги мистера Гросвенора, начальник экспедиции считает, что он заслуживает быть выслушанным».

На бланке приглашения, адресованного ему лично, Кент добавил от руки: «Уважаемый мистер Гросвенор, поскольку вы больны, я попросил мистера Гурли связать вас с аудиторией, чтобы вы могли, не покидая постели, участвовать в собрании, которое, во всем остальном, будет закрытым».

В назначенный час Гросвенор соединился с рубкой управления. Когда показалось изображение, он понял, что оно передается большим коммуникатором, расположенным прямо над приборной панелью. Он сам появился на главном экране аудитории, глядя на присутствующих сверху. Впервые, заметил Гросвенор не без иронии, он занимал на собрании до такой степени видное место.

Большинство руководителей отделов уже сидели в зале. Как раз под экраном Кент беседовал о чем-то с капитаном Литом. Это был, очевид-

но, конец, а не начало разговора, поскольку он поднял глаза на Гросвенора, слегка улыбнулся и повернулся лицом к собравшимся. Гросвенор увидел, что его левая рука перевязана.

— Джентльмены, сразу же передаю вас мистеру Гросвенору, — сказал Кент. Затем, глянув на последнего, все с той же нехорошей улыбкой произнес: — Мистер Гросвенор, вам слово.

Гросвенор начал:

— Джентльмены, уже неделю я обладаю достаточным количеством сведений, чтобы определить, как нужно действовать против нашего противника, которого мы встретили в данной галактике. Это выглядит громким заявлением, и, к сожалению, я могу предложить вам лишь мою личную интерпретацию того, что нам всем известно. Я не в силах доказать каждому из присутствующих здесь, что нам противостоит реальное существо. Некоторые из вас увидят, что мое рассуждение верно. Другие, поскольку их знания не касаются некоторых областей науки, посчитают мои выводы исключительно темой для полемики. Я ломаю себе голову, пытаясь найти средство убедить вас, что только действие, предлагаемое мной, поможет нам выпутаться из сложившегося положения. Я пришел к заклю-

чению, что лучше сообщить вам о проделанных мною экспериментах.

Он не помянул о том, что пришлось прибегать к уловке, чтобы быть услышанным. Несмотря на произошедшее, он не намеревался отталкивать Кента больше, чем было необходимо.

Он продолжил:

— Я сейчас обращаюсь к мистеру Гурли. Уверен, вы не сильно удивитесь, узнав, что все началось с автоматического Си-9. Хочу, чтобы вы дали некоторые разъяснения вашим коллегам.

Главный связист бросил на Кента вопросительный взгляд. Тот выразил согласие пожиманием плеч. Гурли произнес:

— Невозможно сказать в точности, в какой момент Си-9 появился. Для тех, кто уже меня не понимает, уточню, что Си-9 это дополнительный экран, устанавливающийся автоматически, когда космическая пыль достигает плотности, способной помешать нормальному движению корабля. Значение данного показателя в том же самом объеме пространства, конечно же, существенно выше для больших скоростей, чем для малых. Именно один из моих ассистентов первым заметил появление Си-9 незадолго до того, как известные ящерицы нанесли визит в нашу рубку

управления. У меня все, — закончил он и сел.

— Мистер фон Гроссен, — спросил Гросвенор, — что вы выяснили относительно космической пыли, присутствующей в этой галактике?

Могучий фон Гроссен пошевелился в своем кресле. Он сказал, не вставая с места:

— Ничего из того, что можно было бы счесть характерным или необычным. Она чуть более плотная, чем в нашей собственной галактике. Мы собрали несколько образцов, ионизировав пластины до очень высокого потенциала, а потом соскоблив отложения. Эти пробы, по большей части, в твердом состоянии и содержат помимо некоторых простых веществ следы многочисленных соединений — которые могли образоваться в момент конденсации на пластинах — затем еще немного свободных газов, в основном, водород. Проблема в том, что собранные образцы, возможно, имеют лишь слабое соответствие пыли в том виде, в каком она существует снаружи; в действительности еще не удалось разработать метод, позволяющий получить пробы в их первоначальной форме. Эта форма претерпевает изменения в самом процессе взятия образца. Поэтому мы способны только строить предположения о том, что на самом деле происходит в пространстве. —

Физик вскинул руки в беспомощном жесте. — И это все, что я могу на данный момент сказать.

Гросвенор снова взял слово:

— Я мог бы продолжать опрашивать остальных руководителей отделов на предмет того, что они обнаружили, — сказал он. — Но, думаю, проще будет, если я резюмирую их заявления, не забывая, естественно, отдавать им должное. Так у мистера Смита и у мистера Кента техники столкнулись с теми же самыми трудностями, что и в физическом отделе. Полагаю, мистер Смит наполнил интересующей нас пылью одну из клеток. На животных, которых он поместил в клетку, это, похоже, никак не подействовало. В конце концов он провел эксперимент на самом себе. Мистер Смит, имеете ли вы что сказать нам по данному поводу?

Смит покачал головой:

— Если вы пытаетесь доказать существование какой-нибудь формы жизни, от меня вам не будет пользы. Операция, позволившая нам добыть образец пыли в наиболее приближенном к первоначальному виде, состояла в том, чтобы вывести наружу исследовательский аппарат, открыть все люки, затем их закрыть и снова впустить воздух. Произошли небольшие изменения в химическом

составе воздуха, но ничего значительного.

— Таковы факты, — сказал Гросвенор. — Я сам получил образец пыли тем же способом, что и мистер Смит. Меня интересовало: если это живое существо, чем оно питается? Я взял воздух, доставленный моим исследовательским аппаратом. Я провел анализ. Затем убил несколько маленьких животных и снова провел анализ воздуха. Я послал обе пробы воздуха, взятые соответственно до и после, мистеру Кенту, мистеру фон Гроссену и мистеру Смиту. Они констатировали многочисленные, очень слабые, химические изменения. Их можно было списать на погрешности анализа. Но мне хочется, чтобы мистер фон Гроссен сказал, что он обнаружил.

Фон Гроссен выпрямился на своем месте и заморгал глазами:

— Так это являлось доказательством? — спросил он удивленно. Он оглядел коллег с озадаченным видом. — Не знаю, как данное обстоятельство истолковать, но молекулы воздуха из образца, помеченного «после», имели чуть более высокий электрический заряд.

Наступил самый решающий момент. Гросвенор внимательно осмотрел лица присутствующих, в надежде, что хотя бы одно из них озарится по-

ниманием.

Но никто не отреагировал, и та же самая озадаченность оставалась на всех лицах. В конце концов кто-то заметил ироничным тоном:

— Предполагается, видимо, отсюда заключить, что мы имеем дело с разумностью, вышедшей из пыли космической. Для меня это чересчур.

Гросвенор молчал. Догадка, которую он от них ожидал, лежала глубже, хотя различие и было тонким. Он чувствовал, как его охватывает разочарование… Он стал готовиться к тому, что должно последовать.

Кент бросил:

— Итак, мистер Гросвенор, объясните уж нам, и мы поймем, что нужно об этом думать.

Гросвенор начал скрепя сердце:

— Джентльмены, я чрезвычайно расстроен тем, что вы до сих пор не видите, куда я клоню. Предвижу, что у нас возникнут затруднения. Войдите в мое положение. Я вам изложил все данные, которыми мы располагаем, и описал эксперименты, позволившие мне идентифицировать нашего противника. Теперь уже очевидно, что мои заключения поднимут волну возражений. А для человечества, равно как и для любой разумной расы, обитающей во вселенной, наступит

катастрофа, если не предпринять разработанных мною мер. Я не могу ставить на голосование свой план, поскольку в этом случае решение будет зависеть уже не от меня. Решение примет большинство, и против него у меня не будет никаких законных средств.

Он помолчал, чтобы дать всем время осознать свои слова. Несколько человек обменялись растерянными взглядами. Кент сказал:

— Да-да. Я уже натыкался на стену нарциссового комплекса нашего героя.

Это было первое враждебное замечание, которое он позволил себе с начала собрания. Гросвенор коротко глянул на него, потом отвернулся и продолжил:

— Моим тяжким долгом является сообщить вам, что, ввиду обстоятельств, проблема из разряда научных переходит в политические. Я вынужден настаивать на том, чтобы мой план был безоговорочно принят. Надо убедить всех, что мистер Кент и руководители отделов считают необходимым, чтобы *Бигль* провел в космосе еще пять земных лет; впрочем, действовать следует так, словно речь идет о звездных годах. Я сейчас вам все объясню, но нужно, чтобы каждый руководитель понял, что он должен использовать

весь свой авторитет и репутацию. Опасность, на мой взгляд, настолько велика, что любые споры, сколь бы незначительны они ни были, явятся лишь серьезной потерей времени.

В нескольких словах он описал то, что было этой опасностью. Затем, не дожидаясь их реакции, изложил способ, которым предполагал ее устранить.

— Необходимо найти планеты, содержащие запасы железа, и запустить все производственные мощности корабля для изготовления радиоактивных ракет. Предвижу, что понадобится около года, чтобы пройтись по этой галактике, рассылая наши ракеты в большом количестве и во всех направлениях. После того как данный сектор пространства сделается практически непригодным для противника, мы уйдем и предоставим ему возможность последовать за нами в надежде найти более обильные источники питания, чем те, которыми он пользуется здесь. Нам придется потратить большую часть времени на то, чтобы убедиться, что мы не приведем его в нашу галактику.

Он взял паузу, потом продолжил спокойно:

— Вот что я имел вам сказать, джентльмены. Я вижу по вашим лицам, что реакция на мои слова

будет различной и что мы впадем в одну из тех ужасных полемик, к которым так привыкли.

Он замолчал. Последовала тишина, затем кто-то произнес:

— Пять лет!

Это прозвучало почти как вздох. Но сигнал был дан, и люди задвигались на своих местах.

Гросвенор живо откликнулся:

— Земных лет.

Надо было обязательно подчеркнуть этот пункт. Он осознанно выбрал исчисление, чтобы при переводе в звездные годы названный период выглядел короче. Дело в том, что звездное время со своим часом в сто минут, сутками в двадцать часов и годом в триста шестьдесят дней вводилось на кораблях с психологическими целями. Приспособившись к более долгим дням, люди постепенно забывали, что их длительность намного больше, чем они привыкли думать.

Поэтому, подсчитав, что получается только три звездных года, люди должны были испытать некоторое облегчение.

— Кто-нибудь еще желает высказаться? — спросил Кент.

Фон Гроссен произнес недовольным тоном:

— К сожалению, не могу назвать себя соглас-

ным с мистером Гросвенором. Предыдущие его подвиги внушили мне глубокое к нему уважение. Но он требует поверить ему на слово вместо того, чтобы представить нам действенные доказательства. Я не хочу думать, что нексиализм наука настолько всеобъемлющая, что только владеющие ею способны понять сложные явления.

Гросвенор возразил:

— А не слишком ли вы торопитесь отбросить то, что даже не дали себе труда изучить?

Фон Гроссен пожал плечами:

— Возможно.

— Как я понимаю, — вступил Зеллер, — мы собираемся посвятить много времени и усилий плану, при выполнении которого ни в какой момент не будем иметь прямых доказательств того, что он действует успешно.

Гросвенор поколебался, но быстро понял, что надо придерживаться своей позиции. Ставка была чересчур высока. Он не мог принимать во внимание чувства этих людей. Он сказал:

— *Я* буду знать, имеем ли мы успех. И если кто-нибудь из вас соблаговолит прийти ко мне немного подучиться, ему тоже станет известно.

Смит заметил хмуро:

— В одном мистеру Гросвенору точно не отка-

жешь — он всегда предлагает нам подняться до своего уровня.

— Больше никаких комментариев?

Голос Кента повысился на тон, в нем улавливалось предвкушаемое торжество. Несколько человек было собрались заговорить, но потом передумали. Кент продолжил:

— Чем терять время, давайте лучше поставим предложение мистера Гросвенора на голосование.

Он медленно выдвинулся вперед. Гросвенор не видел его лица, но догадывался, что оно выражает надменность.

— Ну что ж, пусть те, кто за метод мистера Гросвенора и, другими словами, согласны продлить наше путешествие на пять лет, поднимут руки.

Не поднялось ни одной руки.

Кто-то воскликнул агрессивным тоном:

— Нужно время, чтобы хорошенько обдумать вопрос.

Кент возразил:

— Мы всего лишь хотим составить представление об отношении к данному предложению. Всем важно знать, что думают самые крупные ученые экспедиции. Теперь те, кто против.

Поднялись все руки, за исключением трех.

Одним взглядом Гросвенор определил воздержавшихся: это были Корита, Мак Канн и фон Гроссен.

Затем он заметил, что капитан Лит, стоявший рядом с Кентом, тоже воздержался.

— Капитан Лит, — неожиданно обратился к нему Гросвенор, — сейчас именно тот момент, когда необходимо применить ваше конституционное право взять в свои руки командование. Опасность чересчур очевидна.

— Мистер Гросвенор, — медленно ответил тот, — это было бы так в случае видимого противника. В данных же обстоятельствах я могу лишь следовать мнению научных специалистов.

— На борту только один научный специалист, — сказал Гросвенор сухо. — Остальные не более чем любители, плескающиеся на поверхности.

Эта реплика, похоже, повергла собравшихся в оцепенение. Кое-кто порывался немедленно выступить, но затем просто насупился в молчаливом бешенстве.

Наконец капитан Лит произнес размеренным голосом:

— Мистер Гросвенор, я не могу согласиться с вашим заявлением, которое мне кажется без-

основательным.

Кент заметил с холодной иронией:

— Итак, джентльмены, теперь мы знаем, какого мнения о нас мистер Гросвенор.

Сам химик не выглядел оскорбленным, напротив, был расположен пошутить. Похоже, он забыл, что положение обязывает его поддерживать на собрании атмосферу уважения и учтивости.

Мидер, руководитель подотдела ботаники, призвал его к порядку разъяренным тоном:

— Мистер Кент, не понимаю, как вы можете терпеть такое вызывающее замечание.

— Верно, — сказал Гросвенор, — Надо защищаться. Вся вселенная находится в смертельной опасности, но главное сохранить свое достоинство.

Слово взял Мак Канн.

— Корита, — спросил он, — если действительно там имеется сущность, которую нам описал Гросвенор, как это согласуется с теорией цикличности истории?

Археолог с сомнением покачал головой:

— Очень плохо, должен признать. Можно было бы, наверное, постулировать форму примитивной жизни. — Он посмотрел вокруг себя. — Меня

больше занимает то, до какой степени теория цикличности истории подтверждается поведением моих друзей. Приятно видеть поражение человека, поставившего всех нас в слегка неловкое положение размахом своих замыслов. Случай внезапно открывшейся эгомании.

Он посмотрел с сожалением на экран, на котором светилось лицо Гросвенора:

— Мистер Гросвенор, я был очень разочарован, услышав от вас подобное заявление.

— Мистер Корита, — произнес Гросвенор серьезно, — займи я любую другую позицию, вы бы даже не имели возможности услышать, как я разговариваю с этими джентльменами, к большинству из которых персонально я испытываю чувство подлинного восхищения, что я им говорил и что мне еще остается сказать.

— Я убежден, — произнес Корита, — члены экспедиции сделают все, что нужно, не считаясь с необходимыми личными жертвами.

— Трудно в это поверить, — сказал Гросвенор. — Я вижу, на большинство из вас подействовал тот факт, что мой план требует продления на пять лет нашего путешествия. Я знаю, это жестокое требование, но уверяю вас, что другого выхода нет.

Он помолчал, потом коротко заметил:

— Впрочем, я ожидал такой реакции и подготовился к ней.

Затем, обращаясь к собравшимся, добавил:

— Придется, джентльмены, прибегнуть к мере, которая для меня самого более тяжела, чем я способен выразить словами. Вот мой ультиматум.

— Ультиматум! — воскликнул Кент, внезапно побледнев.

Гросвенор сделал вид, что не услышал.

— Если к 10-ти часам завтрашнего утра мой план не будет принят, я возьму на себя управление происходящим на борту. Каждый будет делать то, что я прикажу, хочет он этого или нет. Предвижу, что ученые объединят свои знания, чтобы противостоять мне. Предупреждаю заранее, что всякое сопротивление бесполезно.

Поднявшийся ропот еще не стих, когда Гросвенор отключил соединение с рубкой управления.

26

Примерно через час после собрания с Гросвенором по коммуникатору связался Мак Канн.

— Я бы зашел к вам, — сказал геолог.

— Так зайдите, — весело ответил Гросвенор.

— Предполагаю, — произнес тот неуверенным тоном, — вы установили ловушки в коридоре.

— Клянусь... да, если хотите, — признался Гросвенор, но вы не испытаете от них никаких неудобств.

— Допустим, я прибуду с тайным намерением вас убить?

— В моем отделе, — произнес Гросвенор с уверенностью, которая, как он надеялся, должна была впечатлить тех, кто слушает их разговор, — вы не смогли бы меня убить даже дубиной.

Мак Канн еще поколебался, но наконец решился:

— Хорошо, я иду, — сказал он и отсоединился.

По-видимому, он находился неподалеку, поскольку прошло не более минуты, как детекторы, спрятанные в коридоре, сообщили о его приближении. Вскоре голова и плечи геолога появились на экране коммуникатора, и прерывающее реле

разомкнуло контакт. Так как это было элементом системы защиты, действующим автоматически, Гросвенор отключил его вручную.

Несколькими секундами позже Мак Канн вошел в открытую дверь. Он на мгновение задержался на пороге, затем двинулся вперед, протянув руку.

— Ощущение не из приятных. Вопреки вашим уверениям, мне казалось, что я пробираюсь по минному полю под прицелом нескольких батарей. Однако я ничего не заметил. — Он внимательно посмотрел в лицо Гросвенору. — Вы меня обманули?

Гросвенор медленно произнес:

— Я тоже обеспокоен, Дон. Вы пошатнули мое доверие. Откровенно говоря, я не ожидал, что вы придете ко мне с бомбой.

Мак Канн чуть ли не взвыл:

— Уверяю, у меня ее нет. Если ваши приборы показывают…

Он умолк и принялся обшаривать карманы. Внезапно он побледнел и поднес к глазам тонкую, как пчелиные соты, серую пластинку длиною около пяти сантиметров.

— Что это такое? — спросил он.

— Соединение стабилизированного плутония.

— *Атомное?*

— Нет, оно не радиоактивное, по крайней мере, в данной форме. Но может быть трансформировано методом распада в радиоактивный газ с помощью передатчика высокочастотного излучения. И указанный газ сожжет нас обоих.

— Гров, клянусь, я не знал, что эта штука со мной.

— Говорили ли вы кому-нибудь, что идете сюда?

— Естественно. Все ваше крыло заблокировано.

— Другими словами, вам пришлось брать разрешение на проход.

— Да, у Кента.

Гросвенор немного подумал, затем сказал:

— Постарайтесь вспомнить. В какой-либо момент вашей встречи с Кентом не возникало ли у вас ощущения, что в комнате жарко?

— Ну… да, припоминаю. Мне даже подумалось, что я сейчас задохнусь.

— Сколько это длилось?

— Около секунды.

— Ммм… Выходит, вы оставались без сознания примерно десять минут.

— Без сознания? — Мак Канн рассвирепел. —

Надо же! Этот маленький негодяй накачал меня наркотиками!

— Я мог бы, вероятно, сказать, какую точно дозу вам ввели, — произнес Гросвенор неторопливо. — Достаточно сделать анализ крови.

— Ну так сделайте его. Это докажет…

Гросвенор покачал головой:

— Это докажет лишь то, что вы подверглись эксперименту. Но еще не будет означать, что вы не пошли на него по доброй воле. Более убедительным мне кажется тот факт, что никто в здравом уме не согласится, чтобы плутоний-72 подвергся распаду в его присутствии. Индикаторы защитного экрана указывают, что они пытаются запустить процесс в течение, по крайней мере, минуты.

Мак Канн побледнел:

— Гров, с меня хватит этого стервятника. Признаю, я стал жертвой чувства долга и обещал доложить ему о нашей беседе… но я собирался предупредить вас, что все вами сказанное будет передано Кенту.

— Успокойтесь, Дон, я вам верю. Садитесь.

— А с этим что делать?

Мак Канн протянул ему бомбу.

Гросвенор взял предмет и отнес его в маленький

сейф, в котором хранил все свои радиоактивные материалы. Он вернулся и сел.

— Думаю, сейчас на нас нападут. Это единственный способ для Кента оправдать свое поведение перед другими и убедиться, что нас спасут вовремя, чтобы медики могли позаботиться о наших радиоактивных ожогах. — Он повернулся к экрану. — Мы будем следить за операцией.

Начало атаки, прежде всего, зарегистрировали многочисленные электронные детекторы. На стенной приборной панели замигали огоньки, и раздался звонок.

Вскоре они увидели нападавших на экране. Двенадцать человек, одетых в космические скафандры, продвигались по коридору. Гросвенор узнал фон Гроссена и двух его ассистентов из физического отдела, четырех химиков, двое из которых были из отделения биохимии, трех связистов Гурли и двух офицеров-артиллеристов. Трое солдат образовывали арьергард, нагруженные соответственно переносным вибратором, тепловым излучателем и газовым гранатометом.

Мак Канн заерзал на своем сидении, ему было явно не по себе.

— Другого входа сюда нет?

— Есть, — ответил Гросвенор. — Он охраняется.

— А сверху и снизу?

Мак Канн указал на потолок и пол.

— Наверху склад, а внизу кинозал. Оба под присмотром.

Они помолчали. Группа в коридоре остановилась.

— Я удивлен, видя фон Гроссена, — сказал Мак Канн. — Мне казалось, он вами восхищается.

— Я задел его за живое, назвав любителем, как и остальных. Он пришел посмотреть, на что я способен.

Люди в коридоре, похоже, совещались. Гросвенор продолжил:

— Ну а вас что привело сюда?

Мак Канн ответил, не сводя глаз с экрана:

— Я хотел сообщить вам, что вы не один. Многие руководители просили передать, что они с вами. Но не будем об этом сейчас; то, что происходит, гораздо более интересно.

— Наоборот, поговорим именно об этом.

Мак Канн, казалось, не слышал.

— Не понимаю, как вы собираетесь их остановить, — произнес он с беспокойством. — У них там есть чем прожечь ваши стены.

Но так как Гросвенор молчал, он повернулся к нему и сказал:

— Буду откровенен с вами. Я уверен, что вы правы, но мне не нравятся ваши способы действия, на мой взгляд, они аморальны.

Казалось, он забыл, что отвернулся от экрана.

Гросвенор сказал:

— Способ только один: выставить мою кандидатуру против Кента. Поскольку он занял пост в результате замещения, а не голосования, я смог бы, вероятно, устроить выборы примерно через месяц.

— Почему вы этого не делаете?

— Потому, — ответил Гросвенор с дрожью в голосе, — что я боюсь. Это… снаружи… практически умирает от голода. С мгновения на мгновение оно может решиться проверить другую галактику, и кто знает, не остановит ли оно выбор на нашей? Мы не можем ждать целый месяц.

— Однако ваш план состоит как раз в том, чтобы выманить противника из его галактики. Вы говорили, что на это уйдет год.

— Вы когда-нибудь пробовали отнимать кусок мяса у хищника? — спросил Гросвенор. — Он старается его удержать, не так ли? Даже вступает за него в борьбу. По моей мысли, как только наш противник поймет, что мы его выгоняем, он станет цепляться за то, что имеет, пока возможно.

— Понимаю, — согласился Мак Канн. — К тому же, вы допускаете, что с вашей программой шансы на выборах у вас невелики.

Гросвенор тряхнул головой.

— Я их выиграю. Вы можете мне не верить. И тем не менее, привести к нужным взглядам людей, находящихся во власти своих удовольствий, волнений или амбиций, чрезвычайно легко. Не я изобретатель методов, они используются уже в течение веков. Но все попытки их проанализировать ранее не добирались до сути. До недавнего времени о связи между физиологией и психологией было известно лишь сугубо в теоретическом плане. Именно нексиализм позволил разработать вытекающие из нее практические применения.

Мак Канн размышлял.

— Какое будущее предвидите вы для человечества? — спросил он наконец. — Хотите, чтобы мы все стали нексиалистами?

— На борту нашего корабля это является необходимостью. Для человеческой расы в целом — выглядит довольно трудно реализуемым. Но, в конце концов, все же ни для кого не будет простительным не знать того, что он мог бы знать. Почему человек должен оставаться невежественным? Зачем ему поднимать к небу своей планеты

бессмысленные, непонимающие взгляды и суеверно думать, что его судьба разыгрывается где-то там, а не в нем самом? На Земле погибло достаточное количество цивилизаций, чтобы стало ясно, что происходит, когда человек действует в некоторых ситуациях безрассудно или слепо подчиняется авторитарным доктринам.

Он пожал плечами:

— Но пока мы можем сосредоточиться на более выполнимой задаче, а именно, сделать человека скептичным. Неграмотный, но себе на уме крестьянин, которому нужно иметь перед глазами доказательства, чтобы он поверил, приходится духовным отцом ученому. На всех ступенях умственного развития скептик частично компенсирует недостаток знаний требованием, чтобы ему *показали!* Я открыт всему, но одних ваших слов мало, чтобы меня убедить.

Мак Канн глядел на него задумчиво.

— Со своим нексиализмом, — заметил он, — вы нарушите процессы циклического развития. В этом и состоит ваше намерение?

Гросвенор помедлил, потом сказал:

— Должен признать, что я не осознавал значения теории цикличности истории до встречи с Коритой. Но он произвел на меня впечатление.

Полагаю, что в некоторых своих пунктах концепция нуждается в пересмотре. Так, в частности, понятия *раса* и *кровь* мне кажутся лишенными смысла. Но в целом, похоже, она подтверждается фактами.

Мак Канн перенес внимание на нападавших.

— У них такой вид, — произнес он озадаченно, — что они не спешат начинать. Не думаю, однако, что они пришли сюда, не выработав предварительно никакого плана.

Гросвенор молчал. Мак Канн посмотрел на него с любопытством.

— Скажите, а не натолкнулись ли они уже на вашу защиту?

И опять не получив ответа, геолог вскочил на ноги, приблизился к экрану и принялся внимательно изучать изображение. Он особенно заинтересовался двумя людьми, опустившимися на колени.

— Но, в конце концов, что они делают? — воскликнул он, отчаявшись понять. — Что их останавливает?

Гросвенор, наконец, решил дать объяснения.

— Они стараются не провалиться сквозь пол.

Вопреки усилиям, которые он прилагал, чтобы сохранить спокойствие, в голосе прорывалось

возбуждение.

То, что он делал, для него самого было совершенно новым. Он знал теорию, естественно, и уже достаточно давно. Но это являлось практическим применением. Он только что начал операцию, которая никогда и нигде еще не осуществлялась именно в таком виде. Он использовал элементы различных наук и изменил тактику, приспособив ее к тем обстоятельствам, в которых действовал.

И результат отвечал ожиданиям. Он не ошибся. И даже будучи предвиденным, успех погружал его в чувство почти эйфорическое.

Он сел рядом с Мак Канном.

— А перекрытие действительно рухнет? — спросил тот.

Гросвенор помотал головой.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Пол не претерпел никаких изменений. Это они в него западают. Если они продолжат движение, то провалятся.

Он весело рассмеялся.

— Дорого бы я заплатил, чтобы увидеть лицо Гурли, когда они, вернувшись, расскажут ему об этом явлении. Вот его телепортация сквозь «шар», понятие гиперпространства, плюс немного геологии нефтяных месторождений и две разработки

физической химии.

— Какова роль геологии в данной истории? — спросил Мак Канн. — Ах, да… вы имеете в виду последние методы добычи без бурения скважин: на поверхности создают такие условия, что вся нефть, находящаяся в районе, поднимается наверх. — Он наморщил лоб. — Да, но есть один фактор, который…

— Имеется дюжина факторов, друг мой, — перебил Гросвенор, — Я повторяю вам: это лабораторная работа. На короткое время можно добиться любых результатов без больших затрат энергии.

— Почему вы не попробовали применить какие-нибудь из ваших трюков против кота или пурпурного зверя? — спросил Мак Канн.

— Я уже говорил вам. Нужна ситуация, которую я полностью подготовил. Я работал часы, чтобы задействовать все мое оборудование, чего я никогда не имел возможности сделать во время нападений наших монстров. Поверьте, если бы я был начальником экспедиции, мы бы не потеряли столько человеческих жизней в тех двух эпизодах, о которых вы вспомнили.

— А почему вы не навязали свое руководство?

— Было чересчур поздно. Время сильно поджимало. К тому же, этот корабль спроектировали

задолго даже до создания института нексиализма, и я считаю, что нам еще повезло быть допущенными на борт.

— Не вижу, как вы возьмете власть завтра, поскольку для этого понадобится выйти из вашей лаборатории.

Он замолчал и посмотрел на экран. Внезапно он воскликнул:

— Они доставили антигравитационные плоты! Они пройдут поверх вашего пола.

Гросвенор не ответил. Он уже сам видел это.

27

Антигравитационные плоты основывали свое действие на тех же принципах, что и система искусственной гравитации. Было открыто, что изменения, которые претерпевал объект, переставший подчиняться законам тяготения, происходили на молекулярном уровне, но они не становились необратимыми для структуры вещества. Искусственное гравитационное поле немного смещало орбиты электронов. Это создавало напряжение, вызывающее небольшую, но общую их перегруппировку.

Материя в таком виде оказывалась неподвластной обычным инерционным явлениям, вызываемым ускорением и торможением. Корабль, снабженный системой подобного рода, мог резко остановиться в пространстве, даже если его скорость составляла многие миллионы километров в секунду.

Нападавшие погрузили оружие на плоты и взобрались на них сами, включив поле достаточной напряженности. Затем, используя силу магнитного притяжения, двинулись к открытой двери, находящейся в шестидесяти метрах от них.

Они преодолели метров пятнадцать, затем плот замедлил ход, полностью остановился и поплыл обратно. Потом снова замер.

Гросвенор, занятый у приборной панели, присоединился к Мак Канну.

— Что вы сделали? — спросил ошеломленный геолог.

Гросвенор ответил без раздумий:

— Вы видели, как они продвигались, наведя магниты на стальные стены. Я им противопоставил поле отталкивания, которое само по себе не является чем-то новым. Однако в данном случае, по сути, оказывается задействованным термодинамический процесс, напоминающий скорее тот способ теплообмена, который мы с вами используем для поддержания температуры собственного тела. Теперь им остается лишь попробовать реактивные двигатели, гребные винты или же, — рассмеялся он, — весла.

Мак Канн, продолжавший смотреть на экран, не разделил веселья Гросвенора.

— Они не станут этим заниматься. Они собираются пустить в ход излучатели. Лучше бы вам закрыть дверь!

— Подождите!

Мак Канн пришел в сильное беспокойство.

— Но жар проникнет сюда. Мы спечемся!

Гросвенор покачал головой:

— Я говорил вам. Тут у нас задействован термодинамический процесс. Получив дополнительную порцию энергии, всякая металлическая поверхность постарается удержать свой температурный баланс на чуть более низком уровне. Ну, вот… смотрите!

Переносной тепловой излучатель стал белым. Мак Канн удивленно ругнулся.

— Лед, — пробормотал он. Но каким образом?..

Стены и пол покрылись инеем. Стылый воздух проник в дверь. Мак Канн поежился.

— Равновесие на чуть более низком уровне, — повторил он ошалевшим тоном.

Гросвенор поднялся:

— Думаю, им пора вернуться назад. В конце концов, я не стремлюсь к тому, чтобы они заболели.

Он подошел к аппарату, расположенному у стены первой комнаты. Сел за пульт с клавиатурой разного цвета, разделенной на двадцать пять рядов по двадцать пять клавиш в каждом. Мак Канн приблизился к нему и спросил:

— Что это такое? Я впервые вижу подобное устройство.

Беглым движением пальцев, почти небрежно,

Гросвенор коснулся семи клавиш, затем ногою придавил педаль. Негромко прозвучала чистая ясная мелодия. Ноты угасли, но отголоски созвучий оставались в воздухе еще много секунд.

Гросвенор поднял голову:

— Какие ассоциации вызвал у вас этот мотив?

Мак Канн медлил с ответом. На лице его было странное выражение.

— Я видел орган, играющий в церкви. Затем картина сменилась, и я оказался на политическом собрании; кандидат включил веселую музыку, чтобы поднять настроение своих будущих избирателей. — Он прервался и закончил почти шепотом: — Так вот что могло бы обеспечить вам победу на выборах…

— Среди прочего.

— Черт возьми, у вас страшная власть.

— На меня это не действует, — сказал Гросвенор.

— Но вы специально подготовленный. Не доведешь же до кондиции всю человеческую расу.

— Младенец проходит подготовку, когда учится двигать руками, ходить, разговаривать. Почему бы не продолжить улучшение способностей гипнотическим обучением, химическими препаратами, правильно подобранным питанием?

Такое возможно уже сотни лет. Это помогло бы избежать множества болезней, душевных страданий, всякого рода катастроф, вызванных непониманием человеком того, что происходит в его теле и сознании.

Мак Канн перевел внимание на аппарат с клавиатурой:

— Как он работает?

— Он представляет собой сложное соединение из кристаллов и электрических цепей. Вы знаете, что электричество способно изменять некоторые кристаллические структуры. Аппарат позволяет создавать ультразвуковые волны, не воспринимаемые ухом и действующие прямо на мозг. Я могу сыграть на данном инструменте, как музыкант на своем, и вызвать у человека определенные умонастроения и расположения чувств, чересчур глубокие, чтобы сопротивляться им без специальной предварительной подготовки.

Мак Канн подошел к своему креслу и сел. Он был бледен.

— Вы меня пугаете, — произнес он тихо. — Я уже говорил, что нахожу ваши методы аморальными.

Гросвенор внимательно посмотрел на него. Потом повернулся к пульту и тронул клавиши.

Теперь мелодия была печальнее, нежнее. Воздух вокруг них оставался ею наполненным еще долго после того, как ноты стихли.

— Что вы испытали на этот раз? — спросил Гросвенор.

Мак Канн опять помедлил, затем ответил не очень уверенным голосом:

— Я подумал о матери. Я почувствовал сильное желание вернуться домой и…

Гросвенор наморщил лоб:

— Слишком опасно, — сказал он. — Если я усилю тему хотя бы чуть-чуть, кое-кто из них попытается принять положение, в котором находился во чреве матери.

Он сделал паузу.

— А так?

Раздался звон колокола, отозвавшийся эхом где-то вдали.

— Я был младенцем, — сказал Мак Канн, — и подоспел час укладываться в постель. Господи, как хочется спать!

Похоже, он не заметил, что неожиданно перешел на настоящее время. Он невольно зевнул.

Гросвенор выдвинул ящик и достал два пластиковых шлема. Один протянул Мак Канну, другой надел сам.

Геолог последовал его примеру с видимым отвращением.

— У меня нет никакого желания изображать из себя Макиавелли, — заметил он брезгливым тоном. — Но вы скажете, что ничего не означающие звуки не в первый раз используются для возбуждения определенных чувств и воздействия на людей.

Гросвенор, настраивавший какой-то прибор на панели, прервал работу, чтобы ответить:

— Люди расценивают что-нибудь как нравственное или безнравственное в соответствии с ассоциациями, возникающими в их умах непосредственно в момент рассмотрения проблемы. Отсюда не следует, что ни в какой этике нет смысла. Лично моя мораль основывается на том, что нужно быть полезным наибольшему количеству людей, не ущемляя и не отменяя при этом прав тех, кто не придерживается названного принципа. Общество должно научиться оберегать больных и несведущих.

Он разгорячился:

— Заметьте, прошу вас, что никогда ранее я не использовал данный инструмент. Я не прибегал к гипнотическим методам за исключением того случая, когда Кент захватил мои рабочие поме-

щения, но я собираюсь сделать это сейчас. Еще в начале полета я мог бы привлечь сюда людей дюжиной способов. Почему я воздерживался? Потому что институт нексиализма имеет свой моральный кодекс, который прививается студентам и на котором построено все, чему их учат. Я могу нарушить заложенные этические принципы, но это будет чрезвычайно трудно.

— А сейчас вы их разве не нарушаете?

— Нет.

— В таком случае, нексиалистская мораль мне кажется очень гибкой.

— Все верно. Как только я убеждаюсь, а в настоящий момент так оно и есть, что мои действия правильны, никакие соображения эмоционального порядка уже не должны меня останавливать.

Мак Канн молчал. Гросвенор продолжил:

— Полагаю, у вас возникает образ диктатора — меня в данном случае — силой завладевающего демократией. Это ложный образ, поскольку подобный корабль может управляться методами, лишь с виду демократическими. И особенно не забывайте, что по возвращении с меня можно будет спросить.

Мак Канн вздохнул:

— Видимо, вы правы.

Он посмотрел на экран. Гросвенор проследил за его взглядом и увидел, что нападавшие пытаются продвинуться вперед, используя стены. Их руки проходили сквозь переборку, но некоторое сопротивление там все же имелось.

— Что вы теперь будете делать?

— Я их усыплю… вот так.

Он нажал на клавишу своего инструмента.

Зазвонил колокол, как показалось, громче, чем раньше. Однако люди в коридоре сразу же погрузились в сон.

Гросвенор поднялся.

— Это станет повторяться каждые десять минут, а размещенные повсюду динамики будут разносить звук по всему кораблю. Пойдемте.

— Куда мы?

— Хочу оборудовать главный распределитель электроэнергии новым реле.

Он отправился за своим устройством и мгновением позже вышел в коридор в сопровождении Мак Канна.

На протяжении всего пути им попадались спящие люди. Мак Канн, поначалу выражавший свое удивление постоянными восклицаниями, мало-помалу притих с хмурым лицом. Наконец он произнес:

— Трудно поверить, что человек до такой степени беззащитен.

Гросвенор качнул головой.

— В действительности дело обстоит еще хуже, чем вы думаете, — сказал он.

Они добрались до машинного зала, и Гросвенор установил свое реле. Операция заняла не более десяти минут. Он молча спустился с лестницы, ведущей к распределительной стойке, не объясняя, ни что именно сделал, ни чего рассчитывает добиться.

— Не будем об этом говорить, — сказал он Мак Канну. — Если они заметят, мне придется возвращаться и ставить другое.

— Теперь вы их разбудите?

— Да. Как только окажусь в отделе. Но сначала хочу, чтобы вы помогли мне перенести фон Гроссена и остальных в их каюты. Пусть они будут противны сами себе.

— Вы полагаете, они уступят?

— Нет.

Он оказался прав. Поэтому в десять часов следующего утра, он нажал на кнопку, задействовав установленное накануне реле.

Все лампы на корабле принялись слегка мерцать. Это было нексиалистской версией сугге-

стивных методов риимов. Мгновенно все члены экспедиции, не отдавая себе в том отчета, впали в состояние глубокого гипноза.

Гросвенор уселся за свой инструмент, возбуждающий нужные чувства. Он сосредоточился на выражении мужества и самопожертвования, долга по отношению к расе перед лицом опасности. Ему удалось вызвать и сложное ощущение того, что время проходит вдвое и даже втрое быстрее обычного.

Потом он включил коммуникатор и по основной линии дал точные указания каждому. Перед тем как покончить с этим, он сообщил, что отныне они будут слушаться при произнесении ключевого слова, не зная, что оно подчиняющее, и не помня после, что оно было произнесено.

Затем он заставил их полностью забыть обо всем гипнотическом эксперименте.

Он отправился в машинный зал и убрал реле.

Вернувшись в отдел и разбудив всех на борту, связался с Кентом. Он сказал ему:

— Я снимаю свой ультиматум. Я готов уступить. Я понял, что не могу идти наперекор желанию всех остальных членов экспедиции. Хочу, чтобы вы снова созвали собрание руководителей отделов, на котором я буду присутствовать лично.

Естественно, я попытаюсь еще раз настоять на том, чтобы мы направили все наши силы на борьбу с разумным существом этой галактики.

Он не удивился, услышав, как руководители отделов заявили с поразительным единодушием, что после некоторого размышления изложенные факты им показались неопровержимо доказывающими очень серьезный характер опасности, и посему нужно немедленно подниматься на битву.

Кент получил приказ преследовать врага всеми средствами и невзирая на личные жертвы, на которые должны пойти члены экспедиции.

Гросвенор, не мешавший свободному волеизъявлению собравшихся, не без внутреннего смеха наблюдал, как Кент от себя лично примешивает явное отвращение к признанию того, что необходимо переходить к действиям.

Великое сражение между человеком и его противником вот-вот должно было начаться.

28

Анабис, огромная и бесформенная, заполняла собой все пространство соседней галактики. Несчетные части ее тела слегка подрагивали, непроизвольно стремясь отпрянуть от радиации и губительного жара двух сотен миллиардов пылающих солнц. Но она не ослабляла давления на мириады планет, пытаясь утолить неистощимый голод на квадриллионах мерцающих точек, где умирали существа, доставляя ей жизнь.

Этого было недостаточно. Ужасающая уверенность в том, что ей угрожает неминуемое голодание, проникала до самых дальних границ ее тела. Со всех сторон от неисчислимых клеточек поступали сообщения, кричащие, что питания не хватает. Уже давно клетки вынуждены были ограничивать себя.

Постепенно Анабис пришла к убеждению, что она чересчур большая… или чересчур маленькая. Она совершила фатальную ошибку, столь беспечно позволяя своему телу расти на заре собственного существования. В тот момент будущее представлялось не имеющим пределов, а галактика, в которой ее тело могло беспрерывно

распространяться, бесконечной. И Анабис развивалась с этой горделивой радостью организма низкого происхождения, осознающего свою ошеломительную судьбу.

Ибо она имела низкое происхождение. Сперва это был всего лишь газ, с бульканьем всплывающий со дна болота, покрытого туманом. Газ не имел запаха, вкуса и цвета, однако, совершенно необъяснимым образом, он представлял собой динамическое соединение. И в нем возникла жизнь.

Поначалу Анабис была клочком прозрачного тумана. Она развила бурную деятельность над илистыми водами, давшими ей рождение, извиваясь, ныряя, безостановочно и с живостью охотясь — возрастающая потребность — и изо всех сил стремясь оказаться рядом, когда что-нибудь… неважно что… умрет.

Так как смерть других являлась ее жизнью.

Ей было неведомо, что процесс, благодаря которому она продолжает жить — один из самых сложных из всех, когда-либо протекавших в естественной химии. Влекла ее жажда удовольствий, а не знаний. Какую радость испытывала она, когда могла ринуться на двух насекомых, ведущих смертельную борьбу, окутать их и ждать, дрожа

каждым газовым атомом, ждать, что жизненная сила побежденного брызнет на ее собственные элементы.

Последовал долгий период, во время которого бытие Анабис ограничивалось этой беспрерывной охотой за пропитанием. Миром была тесная топь, серое пасмурное место, в котором протекало ее существование, удовлетворенное, деятельное, идиллическое, почти неразумное. И несмотря на малое количество солнечный лучей, получаемых возле болота, Анабис незаметно росла. Вскоре ей понадобилось больше питания, больше, чем могли предоставить умирающие насекомые.

Так в ней развились зачатки хитрости, возникли фрагменты знаний. Она научилась различать насекомых-охотников и насекомых-жертв. Она запомнила часы, во время которых каждый вид охотится, места, где они укрываются в засаде. За теми, которые летали, проследить было труднее всего, но Анабис достаточно быстро обнаружила, что и у них имелись свои привычки. Она научилась использовать собственную парообразную форму в качестве ветерка, чтобы направить ничего не подозревающие жертвы к их судьбе. Он быстро нашла чем питаться в достаточных количествах. Она выросла еще и снова ощутила

голод. Нужда заставила узнать, что жизнь есть и за пределами трясины. И однажды, забравшись дальше, чем когда-либо ранее, она наткнулась на двух гигантских животных, покрытых броней, которые бились насмерть в чавкающей грязи. Возбуждение, охватившее ее, когда жизненная сила побежденного растеклась по телу, количество извлеченной энергии привели Анабис в экстаз, который она никогда до этого не испытывала. За какие-то несколько часов, пока победитель пожирал еще трепещущую жертву, она увеличила свой объем в сто миллионов раз.

В течение одного дня и одной ночи она окутала все окрестные джунгли. Она распространилась на целые океаны, континенты и дотянулась до тех самых мест, где бесконечные облака уже пропускали чистый солнечный свет. Позже, когда пришла пора разумности, она смогла проанализировать, что произошло. Каждый раз, набирая массу, она поглощала определенные газы из окружающей атмосферы. Для этого требовалось два фактора, а не один. Во-первых, пища, которую следовало найти. Во-вторых, естественное действие ультрафиолетовых лучей солнца. На болоте, под толстым слоем воздуха, насыщенного водяными парами, до нее доходила лишь очень малая часть

необходимых коротких волн. И результаты были незначительными, ограниченными и только планетарного масштаба.

Выступая из густого тумана, Анабис все больше и больше подвергалась действию ультрафиолетового света. Последовавшее за этим динамическое расширение длилось века и века, не обнаруживая никаких признаков замедления. В один прекрасный день Анабис достигла ближайшей планеты. Затем в короткое время распространилась до границ галактики и машинально принялась выискивать солнца другой звездной системы. Но здесь она потерпела неудачу, поскольку эти отдаленные места, похоже, были недоступны ее шарящей ползучей манере.

Она усваивала знания так же, как свое питание. Поначалу она считала, что мысли принадлежат ей на правах собственности. Но постепенно осознала, что электрическая нервная энергия, которую она извлекала из каждого смертного действия, поставляла ей ментальную субстанцию сразу обоих животных: торжествующего победу и умирающего. Некоторое время ее мышление оставалось на этом уровне. Она изучила хитрости разных охотящихся хищников и тактику спасения преследуемых. Но то тут, то там, на многих

планетах она сталкивалась с совершенно иной степенью разумности — с существами, которые умели думать, создавали цивилизации, развивали науки.

От них она узнала, что, сконцентрировав свои элементы, может проделать дыру в пространстве, пройти насквозь и оказаться очень далеко от исходной точки. Она научилась таким образом переносить материю. Совершенно естественно, она начала преобразовывать планеты в джунгли, поскольку именно в первозданных мирах легче всего было найти необходимые ей жизненные силы. Она переправляла пласты джунглей через гиперпространство. Она передвигала холодные планеты поближе к их солнцам.

Этого было недостаточно.

Дни ее могущества теперь казались всего лишь моментом. Повсюду, где Анабис питалась, она росла. Несмотря на свой чрезвычайный разум, ей ни в чем не удавалось достичь равновесия. С охватывающим ее целиком ужасом она видела, что приговорена к отмеренному будущему.

Прибытие корабля подарило ей надежду. Сделавшись до опасного предела тонкой, она последует за кораблем до того места, откуда он прибыл. Так она начнет отчаянную борьбу за

выживание, перепрыгивая из галактики в галактику, простираясь все дальше в необъятной ночи. Все эти годы ей приходилось черпать надежду из уверенности, что она всегда сможет преобразовывать планеты в джунгли и что пространство не имеет конца…

Для людей ночь имела мало значения. *Бигль* теснился посреди огромного карьера, заваленного искромсанной породой. Большие прожекторы заливали светом ряды машин, пробивающих бреши в железорудных залежах. Сначала металлом кормили только одну машину, которая производила ракеты по одной в минуту и немедленно выстреливала их в пространство.

На рассвете следующего дня начали создаваться сами машины, и роботы забрасывали железо в каждую, вступившую в строй. Вскоре уже сотни, тысячи машин производили маленькие темные ракеты. Они запускались в постоянно возрастающем количестве в окружающую ночь, рассеивая во все стороны свое радиоактивное вещество. Эти ракеты будут распылять губительные атомы в течение еще тридцати тысяч лет. Им было предназначено оставаться в гравитационном поле галактики, не падая ни на какую планету или солнце.

Когда на горизонте показалась красноватая заря второго утра, Пеннонс, главный инженер, выступил с докладом по общему переговорному устройству:

— Сейчас мы их производим около девяти тысяч в секунду, и думаю, можем совершенно спокойно позволить машинам закончить работу. Мы установили экран частичной защиты вокруг планеты, чтобы избежать интерференции. Еще сотня удачно расположенных миров, богатых железом, и наш объемистый друг начнет ощущать каверны в своих жизненных органах. Время двигаться дальше.

Месяцы спустя они решили, что направятся к туманности NGC-50347. Лестер, астроном, объяснил причину выбора:

— Рассматриваемая галактика, — произнес он спокойно, — находится в девятистах миллионах световых лет отсюда. Если это газообразное существо последует за нами, оно растеряет вещество своего ошеломляюще огромного тела в почти бесконечной пустоте.

Он сел, и Гросвенор, поднявшись, в свою очередь, взял слово:

— Уверен, все знают, что мы не собираемся лететь до самой этой туманности. Нам понадоби-

лись бы века, может даже тысячелетия, чтобы ее достичь. Мы всего лишь хотим завести противника в то место, где он умрет от голода. Продолжая слышать шепот его мыслей, мы будем знать, что он еще следует за нами. И станет понятно, что он умер, когда этот шепот прекратится.

Так и случилось.

Прошло время. Войдя в аудиторию нексиалистского отдела, Гросвенор увидел, что его класс еще более вырос. Все места были заняты, принесли даже стулья из соседних комнат. Он начал свою вечернюю лекцию:

— Проблемы, которыми занимается нексиализм, это проблемы во всей их целостности. Человек разделил вселенную на обособленные части бытия и сознания. И даже употребляя иногда слова, показывающие, что он понимает важность меры, человек по-прежнему ведет себя так, словно единый и вечно изменяющийся мир состоит из различных частей, функционирующих раздельно. Методы, о которых мы поговорим сегодня…

Он сделал паузу. Обегая взглядом аудиторию, неожиданно наткнулся на знакомое лицо. Слегка поколебавшись, он последовал дальше:

— … покажут вам, как можно избежать несов-

падения между реальностью и теми представлениями о ней, на которых человек строит свое поведение.

Он принялся излагать методы. В глубине зала Грегори Кент вел свой первый конспект по нексиализму.

И с несколькими сотнями цивилизованных существ на борту *Бигль* продолжал, со все возрастающей скоростью, свой полет сквозь ночь, не имеющую конца.

И начала.

Альфред Ван Вогт
Обитель вечности

ПРОЛОГ

Первое, что он услышал, придя в себя, был тихий мужской голос, пришедший откуда-то из темноты:

— О ранах такого рода мне приходилось слышать, доктор, но вижу я такое впервые.

Тут он четко осознал, что пуля, которую в него выпустили со стороны аллеи, только ранила его, но не убила. Он жив!.. Ощущение счастья словно обволокло все его тело, и он снова погрузился в сон. Когда сознание вновь вернулось, до него донесся женский голос:

— Таннахил… Артур Таннахил из Альмиранта — города в Калифорнии.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я секретарь его дяди и хорошо знаю этого молодого человека.

Так он вспомнил свое имя и место жительства и почувствовал себя увереннее. Потом он услышал чей-то шепот:

— Выносите его через окно, только осторожно.

Он ощутил, что его тело раскачивается, медленно опускаясь куда-то. Затем последовали отрывистый мужской смех и слова, произнесен-

ные женским голосом:

— Если корабль не придет вовремя, то я…

Следующее, что он почувствовал, было снова движение вниз, но на этот раз стремительное, кровь в его висках бешено застучала. Потом — снова мужской голос из темноты:

— Организация похорон займет немало времени. Очень важно, чтобы на церемонии он выглядел совсем как мертвый.

Его охватило возмущение при мысли, что он стал беспомощной игрушкой в чьих-то руках.

Затем — полный паралич и звуки похоронной музыки. Он услышал глухой звук удара над головой — это крышка деревянного ящика (гроба! — с ужасом понял он). Очевидно, на крышку упали комья земли. Мозг его снова погрузился во тьму, но что-то внутри него продолжало отчаянно сопротивляться. Кто и по какому праву распоряжается его жизнью?

Внезапно он почувствовал, как его лица коснулась прохладная струя свежего воздуха. В полной темноте Таннахил протянул руку, она наткнулась на преграду из мягкого атласа. Он оцепенел от ужаса, но через мгновение услышал какие-то знакомые звуки. Звуки ударов лопатой!

Его могилу вскрывали. Он успел еще воспри-

нять слова, произнесенные мужским голосом:

— Отлично. Скорее поднимайте гроб. Корабль ждет.

Он попытался осмыслить их, но не смог. В следующий раз сознание вернулось к нему уже в больничной палате.

1

До Рождества оставалось всего три дня, и Стивенс задерживался на службе допоздна, чтобы закончить все неотложные дела и получить в награду полноценный отдых во время праздников.

Позже он понял, что на этот раз его задержка была величайшим из совпадений, которые могут произойти в жизни человека. Стивенс уже складывал в ящик стола свои книги по юриспруденции, когда раздался телефонный звонок. Он снял трубку и, как обычно, назвал себя:

— Алисон Стивенс.

— Вестерн Юнион, — произнес женский голос. — Вам срочная телеграмма от Уолтера Пили из Лос-Анджелеса.

Уолтер Пили был главным поверенным в делах семьи Таннахилов. Это он в свое время назначил Стивенса местным управляющим их делами. «С чего бы это?» — подумал Стивенс и попросил прочесть телеграмму.

Девушка размеренно прочитала:

— Артур Таннахил прибывает сегодня в Альмирант. Будьте наготове, но не набрасывайтесь на него сразу с делами. Лучше будет, если вы пред-

ставитесь ему после Рождества. Мистер Таннахил продолжительное время провел в больнице в результате несчастного случая. Теперь он очень замкнут. Планирует пока жить в Альмиранте. По его словам, хочет там кое-то выяснить. Помогайте ему всем, чем сможете. Что касается налаживания взаимоотношений с ним, полагайтесь на свой опыт общения с людьми. Мистеру Таннахилу чуть больше тридцати, как и вам, что облегчит установление контакта. Помните, что в главной резиденции Таннахилов — Грэнд Хаузе, не утвердят вас окончательно в вашей должности без его особого распоряжения. Желаю успеха…

Девушка закончила.

— Это все. Прочитать еще раз?

— Нет, я все понял. Спасибо.

Он повесил трубку, запер ящик стола и, подойдя к огромному окну, залюбовался ночным небом. Переведя взгляд ниже, он увидел немногочисленные рассеянные огоньки, основная часть Альмиранта осталась слева, вне поля его зрения. Было тихо, и ничто не указывало на то, что всего в одной трети мили отсюда находится Тихий океан.

Стивенс размышлял. Информация его встревожила. Весь тон телеграммы говорил о том,

что и сам Пили был неуверен и обеспокоен. Конечно, его совет был разумным. Если наследник Таннахилов ведет себя странно, то его адвокаты просто обязаны быть настороже. Обидно было бы потерять работу в конторе только из-за каприза молодого человека, которому придет в голову, что Стивенс ни на что не годен.

«Позвоню ему завтра, — решил он, — и предложу свои услуги. Если даже это его рассердит, то мне здесь все равно не служить».

Стивенс задержался у дверей своего кабинета, чтобы повернуть несколько раз ручку и удостовериться в том, что дверь заперта. Вдруг он ясно услышал женский крик, доносившийся явно изнутри здания.

Стивенс прислушался.

Тишина. Успокоившись, он уловил лишь неясный шум из разных отсеков здания, не переставшего еще реагировать на отсутствие дневных человеческих толп, понижение температуры и увеличение влажности воздуха. Слегка поскрипывали деревянные полы, шуршали шторы на открытых окнах, постукивали двери. Однако ничего, указывающего на человеческое присутствие.

«Как отвечающий здесь за законность, — по-

думал он, нахмурившись, — я должен провести расследование».

Контора состояла из разветвленной структуры офисов, часть которых располагалась ниже уровня земли. Длинный коридор, где находился кабинет Стивенса, освещался двумя, правда, довольно тусклыми светильниками. В среднем коридоре горели три светильника, в дальнем — два. Никого и ничего необычного видно не было.

Стивенс стремительно вошел в лифт и нажал на кнопку с надписью «Вверх». Реакция машины была мгновенной: дверь лифта хлопнула, двигатель жалобно заскулил. Когда двери разъехались, открывшись, Стивенс увидел Дженкинса, дежурного вахтера, который приветливо произнес:

— Поздновато возвращаетесь домой, мистер Стивенс.

— Билл, кто еще остался наверху? — спросил Стивенс.

— Да только эти религиозные индейцы из триста двадцать второй комнаты. Они… А что случилось, сэр?

Стивенс нехотя объяснил. Его опасения были напрасными. Религиозные индейцы! Он смутно представил себе триста двадцать вторую комнату, но помнил, что она занята какой-то

мексиканской фирмой.

— Они не совсем индейцы, — продолжил между тем словоохотливый Дженкинс. — Лица у них у всех белые, за исключением разве что двух. Мадж говорит, что здесь полно каменных индейских символов.

Стивенс рассеянно кивнул. Основу состояния Таннахилов частично составила богатейшая коллекция ранней мексиканской скульптуры, и, став здесь управляющим, Стивенс специально изучал ее. Нельзя сказать, чтобы это доставило ему удовольствие, тем более он не стремился к общению с индейцами. Бедные жалкие варвары — вот что он думал об этих людях. Раздавшийся в здании несколькими минутами раньше крик теперь вполне объясним. Очевидно, он сопровождал отправление одного из их многочисленных культов, сопровождаемого стонами, завываниями, криками и визгами, которые периодически раздаются в любом большом городе западного побережья.

— Думаю, — все же сказал Стивенс, — что нам лучше постучать и…

Второй крик, сдавленный, но продолжительный, ошеломляющий своей невыносимой мукой, заставил его умолкнуть на полуслове. Он бросил

растерянный взгляд на Дженкинса, лицо которого стало серым.

— Схожу-ка я за полицией, — быстро произнес тот.

Дверь лифта захлопнулась, клеть со скрипом упала в пропасть, и Стивенс остался один. Надо было идти. Он пошел с неохотой, как человек, которому трудно заставить себя вмешиваться во что-либо, что может нарушить принятый распорядок его жизни.

Табличка на дверях гласила: «Мексиканская импортирующая компания». Через стеклянную панель в мутном свете просматривались довольно многочисленные плавно скользящие тени. Вид такого большого количества людей в этот поздний час насторожил Стивенса. Он слегка нажал на ручку. Дверь, конечно, была заперта. Послышался низкий сердитый мужской голос. Не все слова можно было разобрать, но смысл Стивенс уловил:

— Отдельной от нас деятельности быть не может. Вы или с нами, или против нас. Группа функционирует как в пределах обитания нашего народа, так и вне их…

Раздались одобрительные возгласы. Затем тот же голос продолжил:

— Решайтесь!

Теперь из-за двери донесся взволнованный женский голос:

— Мы должны остаться, даже если начнется атомная война, и вы должны будете убить меня, прежде чем…

Раздался щелчок, а за ним последовал крик боли. Мужчина грязно выругался, но Стивенс не понял, что его рассердило. Он забарабанил в дверь кулаком. Внутри все стихло. Одна тень отделилась от группы и направилась к двери. Щелкнул замок, дверь открылась. Маленький желтолицый человек с огромным носом вперился взглядом в Алисона Стивенса.

— Вы опоздали… — начал было он, но вдруг осекся, изумленно уставившись в лицо незнакомца.

Желтолицый пытался закрыть дверь, но Стивенс подставил ногу и всем своим весом навалился на дверь со своей стороны. Несмотря на отчаянное сопротивление изнутри, Стивенс все-таки открыл ее. Мгновением позже он ступил на порог и громко объявил:

— Я управляющий этой конторой. Что здесь происходит?

Вопрос прозвучал глупо. То, что там происхо-

дило, было вполне очевидным. Девять мужчин и четыре женщины застыли, стоя или сидя в напряженных позах. Одна из женщин, удивительно красивая блондинка, была раздета до пояса, сидела, привязанная веревками к стулу. На ее загорелой спине проступили кровавые полосы, на полу рядом с ней лежал кнут. Краем глаза Стивенс уловил, что маленький человечек с большим носом вытягивает из кармана какой-то длинный и тонкий предмет. У Стивенса не было времени рассматривать его. Он бросился вперед и ребром ладони ударил человечка по запястью. Оружие, если это было оно, — сверкнуло в воздухе и ударилось об пол, издав какой-то необыкновенный мелодичный звук, и закатилось под стол, исчезнув из виду. Человечек выругался. В его руках мгновенно появился нож. Но прежде чем он успел им воспользоваться, другой, стоявший рядом с ним мужчина властно осадил его:

— Тезла, прекрати! — и громко добавил, обращаясь к остальным:

— Освободите ее! Пусть она оденется!

Стивенс, который отпрянул от ножа скорее изумленный, чем испуганный, возмущенно заявил:

— Оставайтесь на местах. Сейчас здесь будет

полиция.

Мужчина, пытавшийся навести порядок, внимательно посмотрел на Стивенса и в задумчивости произнес:

— Так вы управляющий конторой… Алисон Стивенс… капитан военно-морских сил, получивший звание два года назад. Окончил юридический факультет университета. Что ж, все это прекрасно, но мне бы хотелось знать, что вы здесь делаете в это время.

Он резко отвернулся, не дожидаясь ответа. Ни он, ни другие больше не обращали на Стивенса внимания. Мужчина и две женщины развязали пленницу. Четверо мужчин, стоявшие в углу возле своих каменных идолов, тихо разговаривали. Тезла стоял на коленях и пытался достать из-под стола тонкий и длинный предмет, который несколькими минутами раньше был у него в руках. Прошло еще несколько секунд, потом кто-то сказал: «Пошли!» Все они начали выходить из комнаты, проходя мимо Стивенса, который, чувствуя превосходство противника в численности, не пытался никого остановить.

— Задняя лестница, — спокойно произнес мужской голос, когда все уже были в коридоре.

Через минуту Стивенс остался в обществе мо-

лодой белой женщины, которая продолжала судорожно застегивать пуговицы на блузке. Наконец она преуспела в этом и схватила меховое пальто, которое валялось на полу возле стола. Нагибаясь за ним, она слегка покачнулась.

— Осторожно, — сказал Стивенс.

Она быстро накинула пальто. Ее глаза сузились:

— Занимайтесь своим делом! — бросила она и направилась к двери.

В этот момент раздался звук остановившегося в коридоре лифта, и женщина замерла. Постояв мгновение, она угрюмо произнесла:

— Я должна поблагодарить вас.

Но в ее зеленых глазах не было ни тени дружелюбия. Стивенс, который уже начал успокаиваться — хотя и был удивлен ее поведением, — насмешливо парировал:

— Надеюсь, ваше решение поблагодарить меня не связано с появлением полиции.

Шаги быстро приближались. Наконец в дверях вырос патрульный полицейский, за ним маячила фигура Дженкинса, который участливо спросил:

— Все в порядке, мистер Стивенс?

— Что здесь происходило? — рявкнул полицейский.

Стивенс повернулся к девушке:

— Может быть, леди объяснит.

Она покачала головой.

— Не имею понятия, зачем вас вызвали, сэр. Очевидно, кто-то сделал это по ошибке.

Стивенс заморгал от изумления.

— По ошибке?! — воскликнул он.

Она пристально смотрела на него. Ее глаза казались зелеными озерами невинности:

— Не знаю, что вы подумали, но здесь просто проходила небольшая церемония исполнения ритуала, как вдруг… — она повернулась к полицейскому, — …этот человек начал барабанить в дверь… — И она показала на Стивенса.

— Церемония?.. — переспросил патрульный, обводя глазами комнату и задержавшись взглядом на каменных фигурах.

Стивенс догадывался, что подумал о нем этот человек, но ему не в чем было упрекнуть полицейского. Удивленный тем, что девушка все отрицает, он почувствовал себя неловко, и ему захотелось побыстрее покончить со всем этим странным делом. Однако он все-таки объяснил, что слышал крики, доносившиеся из этой комнаты. Патрульный повернулся к девушке:

— Что вы скажете на это, мадам?

— Это недоразумение. Мы исполняли ритуал… — Она пожала плечами и неохотно продолжила: — Впрочем, я понимаю, что у мистера Стивенса имелись основания для беспокойства.

Стивенсу было ясно, что ситуация исчерпала себя. Полицейский осведомился у него, не хочет ли он выдвинуть какое-либо обвинение, но с его стороны это было простое соблюдение формальностей. Без свидетельских показаний жертвы никакому обвинению все равно не дали бы ходу. Девушка положила всему конец, осведомившись:

— Я могу идти, сэр?

Даже не дождавшись ответа, она тихонько проскользнула мимо полицейского в коридор. Постукивание ее каблучков вскоре замерло вдали.

Дженкинс уже пришел в себя и сказал:

— Я, пожалуй, вернусь на свой пост.

Полицейский тоже поспешил уйти. Оставшись один, Стивенс обвел глазами комнату и подумал: «Что же здесь произошло?» Каменные фигурки божков тупо глядели на него своими каменными глазами. Стало совсем тихо.

Стивенс уже выходил из комнаты и собирался щелкнуть выключателем, когда увидел на том месте, где лежало пальто девушки, дамскую

сумочку. Он, не колеблясь, поднял ее и открыл. В ней лежало удостоверение личности на имя Мистры Ланет. Он еще раз обвел глазами кабинет «Мексиканской импортирующей компании», и в голову ему пришла мысль: какие политические соображения могли натолкнуть мексиканцев на то, чтобы стегать кнутом участниц своей религиозной группы в связи с «атомной войной»?

Задумавшись, Стивенс направился в свой кабинет, прихватив свою находку. Затем он спустился на лифте вниз, к посту Дженкинса.

— Едете в резиденцию Таннахилов? — поинтересовался вахтер.

Стивенс встрепенулся. Неужели Дженкинсу уже известно о возвращении молодого Таннахила домой? Он осторожно спросил:

— А зачем мне туда ехать?

— Вы разве не слышали?

— Не слышал что?

— Об убийстве.

— О Боже! — воскликнул он, вообразив, что убит молодой Таннахил. Но Дженкинс тут же продолжил:

— Полиция обнаружила в одном из старых заброшенных колодцев позади дома тело сторожа-негра, который присматривал за зданием.

— Ох, — с облегчением произнес Стивенс, но тут же нахмурился, вспомнив о телеграмме Пили.

Он посмотрел на часы. Половина первого. Едва ли это удобное время, чтобы представляться наследнику Таннахилов.

Он вышел на улицу и прошел до угла, откуда хорошо просматривался Грэнд Хауз. На фоне ночного неба вырисовывались смутные очертания дома, возвышавшегося над горой. Стивенс не заметил там ни единого пятна света. Решив, что резиденция пуста, он сел в свою машину и поехал домой.

Дома, отправляясь в свою спальню, Стивенс остановился, чтобы постучать в дверь экономки и попросить подать завтрак пораньше, но тут же вспомнил, что дал ей двухнедельный отпуск для посещения родных. Она уехала днем раньше.

Стивенс переоделся в пижаму и халат. Когда он чистил зубы в ванной комнате, у входной двери три раза подряд быстро позвонили. Стивенс уже был в холле, когда в замке повернулся ключ. Дверь распахнулась, и в нее стремительно проскользнула Мистра Ланет. Она тяжело дышала. Девушка быстро захлопнула дверь и закрыла ее на засов. Затем она виновато взглянула на Стивенса.

— Я не могла больше ждать, — выдохнула она. — Они гонятся за мной. Погасите, пожалуйста, свет, заприте заднюю дверь и выходы на балкон и срочно звоните в полицию.

Он растерянно топтался на кухне. До его ушей донесся звук открываемого дверного засова. Ее тревога передалась Стивенсу. Он быстро запер двери, ведущие на балкон из спальни и прилегающего к ней кабинета. Мистра тем временем начала выключать везде свет. Менее чем через минуту они оказались в полной темноте. Но она все еще продолжала опережать его действия. Стивенс услышал, как она набирает номер, но, очевидно, безуспешно.

— Тишина, — прошептала она напряженным голосом. — Линия, кажется, не работает. Они отрезали нас от…

Она помолчала, потом произнесла просительным тоном:

— Вы не могли бы поухаживать за мной? У меня в боку горит, как от укола иглой. Очень больно.

2

Алисон Стивенс в темноте на ощупь пробрался к дивану в гостиной. «Укол иглой! — думал он. — Что все это значит?» А вслух спросил:

— Где вы?

— Я на полу, — ответила она тихо.

Стивенс встал возле нее на колени. Он очень волновался. Царившая вокруг кромешная мгла делала ситуацию еще более пугающей. Он представил себе людей, которые сейчас еще на улице, но в любой момент могут вломиться в дом, и внезапно почувствовал сильнейшую неприязнь к девушке: ему совсем не хотелось быть замешанным в неприятностях, которые его не касались.

Стивенс вспомнил о своем оружии. Вскочив на ноги, он бросился в спальню, где хранил отличный автоматический пистолет, схватил его, так же быстро вернулся в гостиную и снова встал на колени возле Мистры Ланет.

К нему вернулась уверенность в себе, и он твердо решил держаться до конца.

— Куда вас ранили?

— В бок, — прошептала девушка.

То, что она была в состоянии разговаривать,

вселило в него надежду. Он вспомнил, как она металась по дому еще несколько минут назад. Правда, тогда, очевидно, страх придал ей силы.

— Может, я отнесу вас в комнату моей экономки? — предложил Стивенс. — Там окна выходят на овраг. Чтобы добраться туда, им понадобится лестница. Мы могли бы включить там свет.

Стивенс не стал ждать, когда она ответит. Он на ощупь нашел ее в темноте, замер на мгновение, случайно дотронувшись до обнаженного бедра девушки, — вероятно, платье у нее задралось, — потом быстро поднял ее.

— Держитесь, — ободряюще сказал он.

Она весила меньше, чем он предполагал. Стивенс положил ее на кровать, а сам пошел включить свет. Когда он повернулся к девушке, то увидел, что от двери к кровати тянется длинный кровавый след. Она была очень бледна, когда Стивенс начал расстегивать ей блузку, которая уже сильно промокла от крови. Пятна крови он заметил и на ее костюме, и даже на пальто.

Стивенс бросился в кухню, взял нож и, вернувшись, быстрым движением разрезал рубашку под блузой. Наконец он добрался до раны. Пуля прошла почти по поверхности. Но ему показалось странным, что и вход, и выход пули, находив-

шиеся не более чем в четырех дюймах друг от друга, были как бы прижжены, и из них тонкой струйкой вытекала кровь. Осмотрев рану, Стивенс подумал, что девушка потеряла не так уж много крови.

Такое ранение не могло представлять серьезной опасности. Ему приходилось видеть людей, которые чуть ли не плавали в собственной крови и тем не менее не умирали. Девушка наклонила голову, чтобы рассмотреть рану. На лице у нее появилось раздражение.

— Будь я проклята, если они не промахнулись. А я уже до смерти испугалась.

— Я принесу бинт и сделаю перевязку, — сказал Стивенс.

Стивенс перевязывал ее быстро и аккуратно, не забывая о том, что нужно постоянно прислушиваться ко всем посторонним звукам. Когда Стивенс, наконец, закончил и отступил на шаг назад, чтобы рассмотреть результаты своей работы, в доме было по-прежнему тихо.

— Почему же они ничего не предпринимают? — спросил он.

Девушка откинулась на подушку. Она изучающе смотрела на него, потом слегка нахмурилась.

— Я у вас уже дважды в долгу, — произнесла

она.

Стивенса мало интересовал ее долг.

— Как вы думаете, что они будут делать? — допытывался он.

На этот раз она отреагировала на его вопрос:

— Это зависит от того, кто там еще, кроме Кахуньи. Я знаю, что Кахунья там есть, потому что он единственный, кто может выстрелить. Но когда речь идет о его собственной шкуре, он предельно осторожен. Однако если с ними Тезлакодонал, они не остановятся. Они все боятся Тезлу. Он злейшая из гадюк, которые когда-либо жили на свете. — Она улыбнулась ему с легкой насмешкой. — Кажется, я так и не ответила на ваш вопрос.

Стивенс почти не слышал ее. Он думал об опасности, которая им грозит. Ему казалось, что если бы врагов было много, они бы давно предприняли попытку вломиться в дом. Он быстро пошел в холл.

— Я сейчас вернусь, — бросил он через плечо.

Стивенс направился к входной двери и, остановившись возле нее, начал пристально вглядываться в темноту за стеклом окна, находившегося рядом. Небо все еще было покрыто тучами. Ничего и никого не было видно. Он еще раз проверил,

хорошо ли закрыты все окна и двери — все было в порядке. Немного успокоившись, он вернулся в комнату экономки.

Девушка открыла глаза и устало улыбнулась ему, но ничего не сказала.

— Моя комната находится в конце коридора, — сказал ей Стивенс. — Я оставлю дверь открытой и постараюсь не заснуть.

Она кивнула, но опять ничего не сказала. Он направился в свою спальню, выключил свет и лежал так некоторое время, держа под рукой пистолет. Ни единого звука: ни в доме, ни на улице. Стивенс задремал, проснулся, снова задремал, снова проснулся. Когда он заснул в третий раз, его разбудил голос Мистры:

— Мистер Стивенс!

— Да? — сонно спросил он, а потом сел на диване, стряхивая с себя остатки сна. — Что случилось?

Он видел смутные очертания ее фигуры, приближающейся к кровати.

— Я пришла заплатить свой долг тем способом, который более всего предпочитают мужчины, — заявила она, и в темноте раздался ее мелодичный смех.

Не успел он открыть рот, чтобы что-то ответить,

как она скользнула к нему в постель. Стивенс протянул вперед руку и наткнулся на ее голое тело. Он поспешно отпрянул.

— Не бойтесь, — прошептала она. — Вы можете приласкать меня. Но только поаккуратней с моим боком… и спиной. Они здорово исполосовали ее.

— Это совсем необязательно, — растерянно ответил Стивенс. — Вы мне ничего не должны.

Мгновение она молчала. Потом — спросила:

— Вы отталкиваете меня? А я думала, что вы мужчина. Или я ошиблась?

Она задела его за живое. Дело в том, что Стивенс считал себя первоклассным любовником и во что бы то ни стало решил доказать ей, что он умеет удовлетворить женщину сексуально.

У нее было удивительно сильное тело. Она держала его в объятиях так же крепко, как и он ее. Когда все было кончено, Мистра несколько секунд молча лежала рядом, потом — потянулась и встала. Он увидел, как ее фигура тенью удаляется по направлению к двери. Вдруг девушка остановилась и сказала:

— Никак не могу понять, кто из нас получил больше удовольствия. Но, очевидно, никто же никому ничего не должен. — После небольшой паузы она добавила: — Да, кстати, если нам до-

ведется встретиться когда-либо в будущем, не считайте, что сегодняшняя близость сделала нас друзьями.

— Спокойной ночи, — ответил Стивенс.

Теперь ему еще сильнее хотелось спать, но он чувствовал удовлетворение от того, что послала ему сегодня судьба. «Лучше мне все-таки пересилить себя и не спать», — подумал он. Поднявшись и прихватив пистолет, Стивенс прошел в гостиную. Там он и провел остаток ночи в полудреме, и только на рассвете сон окончательно сморил его.

Стивенс проснулся с мыслью о том, что солнце уже высоко. Он глянул на часы: было пять минут второго. Он вздохнул, а потом на цыпочках пошел по коридору в свою спальню. Проходя мимо комнаты экономки, Стивенс увидел, что дверь закрыта: а он оставил ее приоткрытой.

Стивенс застыл. Потом — постучал. Никакого ответа. Он снова постучал, а потом тронул ручку. Дверь оказалась незапертой, комната — пустой. Стивенс простоял там несколько минут, раздраженный тем, что чувствует себя, как будто его предали. У него было такое впечатление, что он пережил нечто очень приятное, но теперь будет тяжело вспоминать об этом, потому что это приятное больше никогда не повторится.

У него уже было такое однажды из-за женщины. В Сан-Франциско он встречался с девушкой — такой же красивой, как Мистра Ланет.

Это было давно… Но сейчас Стивенс искал в женщине нечто большее, чем просто эффектную внешность. И вряд ли он мог бы влюбиться в незнакомку.

Стивенс подумал, что все же пожалел Мистру. Девушка была так замучена. Как загнанное животное, она искала убежища у человека, который был ей совсем не знаком. Однако в ее мужестве Стивенс не сомневался. Даже когда ее били кнутом и у нее не было ни малейшей надежды, что кто-то придет на помощь, она возражала своим мучителям.

Продолжая размышлять о происшедшем, Стивенс открыл входную дверь и вышел на улицу. Ярко сияло солнце, издалека доносился плеск морских волн. Бунгало, где жил Стивенс, было собственностью Таннахилов. Оно располагалось довольно далеко от главного шоссе и от других резиденций отделялось цепочкой низких холмов. Здесь были бассейн с обогревом, гараж на три автомобиля и четыре спальни с прилегающими к ним ванными комнатами. Стивенс платил за свое жилище шестьдесят пять долларов в месяц.

Он снял его по совету Пили.

Сначала ему было не по себе среди этой роскоши, но постепенно он привык к своей жизни в этом доме, и бунгало стало непременным условием его комфортного существования с тех пор, как он работал управляющим у Таннахилов.

Идя вдоль автодороги, Стивенс заметил следы от колес машины, которая, судя по всему, заезжала на тротуар, а потом разворачивалась. Он с удовлетворением отметил, что по следам колес может определить размеры автомобиля и даже приблизительно его марку: это был «кадиллак» или «линкольн».

Вернувшись к дому, Стивенс начал осматривать телефонный провод и обнаружил, что его перерезали на уровне земли. Нужно сообщить об этом телефонной компании. Хорошо бы еще связаться с Таннахилом, но, очевидно, еще не время.

Стивенс снял халат и пижаму и нырнул в бассейн. Вода была прохладной, и он поторопился выйти из нее. Он поднимался по ступенькам из бассейна, когда его взгляд упал на лицо, таращившее на него глаза из воды. На мгновение он в ужасе застыл. Ему показалось, что это лицо трупа, но нырнув в воду, он обнаружил… маску.

Она была скользкой и казалось, что вот-вот расползется прямо у него в руках. Стивенс осторожно вытащил ее из воды и положил на бетон. Маска была сделана из поразительно тонкого материала, но не это удивило его. У нее были знакомые ему черты лица! По краям маска была немного повреждена, но Стивенс уже не сомневался, где видел эти черты. Это было лицо человека, который остановил Тезлу, когда тот вытащил нож.

Стивенс оставил маску на бетоне, оделся и отправился в свой офис. По дороге он вспомнил, что в его кабинете лежит сумочка Мистры. Накануне он плохо рассмотрел ее содержимое, не исключено, что в ней мог оказаться адрес девушки.

Ему хотелось узнать побольше об индейских идолопоклонниках, которые вели беседы об атомной войне, нещадно хлестали членов своей секты и, не задумываясь, пускали в ход оружие.

Но прежде всего надо выяснить, кто такая Мистра. Она, став загнанным животным, наверняка является ключом к разгадке.

Через четверть часа Стивенс уже сидел за своим столом, на котором было разложено содержимое сумки. Портсигар, кошелек, ключи, футляр для визитных карточек, дорогой носовой платок и маленькая матерчатая косметичка. Стивенс

внимательно рассмотрел каждый предмет — и был очень разочарован. Ни на одной из вещей не оказалось даже инициалов. Стивенс открыл косметичку. Внутри не было ни помады, ни пудры, ни какой-либо другой косметики. Единственный предмет, который она содержала — маска женского лица! Она выглядела удивительно естественно, но лицо было ему незнакомо. Маска испачкала его руки: с нее стекала краска. Он на мгновение растерялся, но затем успокоился и внимательно рассмотрел ее: она была тонкой и полупрозрачной.

Стивенс тяжело вздохнул. Он понятия не имел, что все это значит. Делать выводы слишком рано. Ему нужна была дополнительная информация, и притом срочно. События грозили выйти из-под контроля. Нельзя было забывать о том, что он стал свидетелем издевательства над Мистрой и чуть ли не попытки убийства ее.

Вдруг Стивенсу пришло в голову, что у него есть еще один источник информации. Ни минуты не колеблясь, он вышел из своего кабинета и вдоль по коридору направился в помещение «Мексиканской импортирующей компании».

Дверь была заперта. Он открыл ее своим универсальным ключом. Внутри все выглядело так

же, как вчера. При более близком рассмотрении каменных фигурок божков Стивенс обнаружил, что они глиняные и, вероятнее всего, полые. Он поднял одну из них и взвесил на руке. Фигурка оказалась тяжелее, чем он мог предположить. Он уже собирался положить ее на место, когда обнаружил, что от ее основания отходит электрический шнур. Он вставил его в розетку.

Ничего не произошло. Стивенс отсоединил шнур и повернул фигурку боком. Провод исчез в крошечной щели. Стивенс не мог видеть, что находится внутри и что произошло в результате электрического соединения. Он поставил фигурку на место и начал рассматривать письменный стол. Все ящики были заперты, но один из них ему удалось открыть ключом, который нашелся в сумочке Мистры. Внутри оказались бланки счетов, учетные книги и стопка писем, которые начинались словами: «Дорогой сэр, мы посылаем Вам произведения искусства стоимостью...»; другая стопка писем на копировальной бумаге содержала набор подтверждений, квитанций о получении грузов; третья — накладные на транспортные перевозки, в которых имелись фамилии адресатов — тех, кому были проданы «произведения искусства», в основном это были

мексиканские фамилии.

Стивенс насчитал двадцать семь раз название «Вальдорф Армс» и вдруг вспомнил, что ему приходилось проезжать мимо здания с таким названием. Это был пятиэтажный дом в престижном районе, очень вычурной архитектуры и, насколько он помнил, с ограниченным доступом посетителей.

Ни на одном из бланков с этим названием не оказалось фамилий, но он все-таки выписал дюжину адресов людей, живших там.

Вернувшись в свой кабинет, Стивенс вспомнил о Таннахиле и позвонил в Грэнд Хауз. Трубку сняли немедленно, и недовольный голос резко произнес: «Кто говорит?» Стивенс назвал свое имя, изумленный грубостью тона. Неужели это наследник Таннахилов? Однако его собеседник быстро рассеял его сомнения:

— А, адвокат! Таннахила нет, мистер Стивенс. Я охранник из полиции, сержант Грэй, — я здесь один, за исключением электриков, которые только что пришли. Вы слышали об убийстве?

— Да.

— Так вот, мистер Таннахил ушел в суд поговорить по этому поводу с мистером Хаулэндом.

Стивенс сдержал готовое сорваться с губ вос-

клицание. По его глубокому убеждению, молодой Таннахил не будет в особом восторге от того, чем ему приходится здесь заниматься вместо своих адвокатов.

Стивенс поспешил поблагодарить полицейского и положил трубку. Несколькими минутами позже он уже был на пути к офису окружного прокурора.

3

Войдя в безлюдное фойе суда, Стивенс услышал веселые крики, раздававшиеся где-то внутри здания. Но только нажав кнопку вызова лифта, он вспомнил, что рождественский вечер в полном разгаре.

Стивенс поднялся вверх по лестнице и увидел, что дверь одного из кабинетов открыта. Там на краешках письменных столов сидели мужчины и женщины, все вокруг было заставлено бутылками и полными стаканами. Собравшиеся держались одной компанией, так что если Таннахил был здесь, то он, вероятно, праздновал Рождество вместе с ними.

Фрэнк Хаулэнд сидел на полу в дальнем углу комнаты. Стивенс налил себе и решил подождать, пока окружной прокурор со стаканом коричневой жидкости в руке наконец заметит его. Ждать пришлось несколько секунд. Увидев Стивенса, Хаулэнд издал пронзительный крик: «Привет, Стивенс!», с трудом встал на ноги и нетвердой походкой направился к нему. Хаулэнд был высокий человек, ростом под стать Стивенсу. Не успел адвокат перевести дух, как Хаулэнд снова обнял

его и повернул лицом к собравшимся.

— Ребята! — начал он. — Хочу вам представить своего старого приятеля, Алисона Стивенса. Этот парень очень преуспел в делах — до сих пор не понимаю, как ему это удалось. Он здесь управляет делами семьи, которой принадлежит все в этой чертовой округе.

Хаулэнд взмахнул рукой, в которой держал стакан, и все его содержимое выплеснулось Стивенсу на брюки и рубашку. Прокурор даже не заметил этого, а Стивенс выругался про себя. Хаулэнд между тем продолжал низким баритоном:

— Я хочу, чтобы все вы усвоили, что Стивенс — мой друг, и я приглашаю его отпраздновать с нами Рождество. Отнеситесь к нему тоже как к другу. Ладно, Стивенс, позже у нас с тобой будет один разговорчик, а сейчас присоединяйся…

Улыбаясь, Хаулэнд потащил Стивенса к группе девушек.

— Ну, девчонки, не теряйтесь. Он еще холостой.

Девушки восприняли заявление прокурора с воодушевлением. Одна из них достала платок и начала вытирать пятна с рубашки Стивенса, бормоча себе под нос:

— Актеришка чертов. Он же раньше был акте-

ром — вы знаете?

Стивенс немного выпил и поболтал с женщинами. Наконец, ему удалось сбежать от них. Он нашел Хаулэнда на полу: тот обнимал высокую девицу, и Стивенс едва оторвал его руки от ее талии.

— Пошел вон, — пробормотала она. — Хочу спать.

И тотчас же уснула. Мгновение Хаулэнд не мог понять, что произошло, а потом заорал:

— Какого черта ты влез? Эта красотка так долго была холодна со мной, что я и думать о ней перестал. И теперь, когда она уже почти согласилась, ты… — Хаулэнд замолчал. Пьяно уставившись на Стивенса, он всхлипнул несколько раз, а потом, ухватив его за руку, тяжело поднялся. — Кстати, ты мне нужен. Покажу тебе кое-что. Хотел показать Таннахилу, но он так и не появился. Сегодня утром пришло со специальной почтой… Продувная бестия твой босс. Я бы доллара не пожалел, чтобы узнать, в какие игры он играет. Идем в мой кабинет.

Когда они вошли, Хаулэнд отпер ящик своего стола и достал оттуда сложенный вдвое листок бумаги. Стивенс развернул и стал читать, все больше и больше хмурясь. Письмо было напеча-

тано на машинке, подпись отсутствовала.

«Уважаемый мистер Хаулэнд!

Если вы найдете нужным вскрыть могилу Ньютона Таннахила, то обнаружите, что гроб пуст. Сходство между дядей и племянником потрясающее, не так ли? А теперь делайте свои выводы по поводу убийства сторожа-негра, труп которого был обнаружен сегодня утром».

Сжав губы, Стивенс перечитал письмо, пытаясь понять, какое отношение оно имеет к недавно произошедшим событиям. Правда в нем была или нет, неизвестно, но несомненно одно: кто-то пытался извлечь выгоду из загадочных событий. В кабинет доносился пьяный смех дюжины глоток. Кто-то безудержно кричал. Раздавался звон стаканов.

Стивенс облизал пересохшие губы и посмотрел на Хаулэнда. Подбородок прокурора уткнулся в грудь: казалось, он спал. Внезапно он дернулся и пробормотал:

— Непонятно. К чему имитировать свои собственные похороны, если деньги и так принадлежат тебе? Неясно. И как ему удалось так резко помолодеть?

Тут он снова сник и засопел. Стивенс покачал головой и сунул письмо в тот ящик, где оно ле-

жало. Затем он запер ящик, а ключ положил в карман пиджака прокурора. Хаулэнд не шевельнулся.

Пьяные крики сопровождали Стивенса до самого выхода из здания, пока Стивенс не закрыл плотно дверь и не вышел на улицу. Он сел в машину и стал раздумывать над тем, что делать дальше. «Нужно все-таки увидеться с Таннахилом», — решил он.

Включив зажигание, он подъехал к газетному киоску. В газете, которую он купил, сообщение об убийстве уместилось в одну короткую колонку, где было сказано о том, что тело сторожа-негра Джона Форда нашел в одном из колодцев позади своего дома приехавший Артур Таннахил. Вся остальная информация посвящалась его приезду в Альмирант. Там же была напечатана фотография наследника, с которой на Стивенса смотрело красивое, утонченное, но уставшее лицо. В газете объяснялось, почему Таннахил выглядит таким изнуренным: почти два года он провел в клинике, где его лечили после серьезной травмы головы, которую он получил в результате несчастного случая. Наследник поправлялся очень медленно.

Рассказ о семье Таннахилов продолжался на следующей странице. Стивенс, который уже

познакомился с подобной, но только более подробной информацией в Альмирантской публичной библиотеке, свернул газету и задал себе вопрос: что же дальше?

Он решил снова позвонить в Грэнд Хауз. Ответил сержант Грэй:

— Нет, еще не вернулся.

Стивенс пошел обедать в ресторан. Он ощущал чувство досады, оттого что не справлялся с задачей. И при этом Таннахил, возможно, ничего не знает о грозящей ему опасности. А главное то, что сам Стивенс не знает, что это за опасность.

Он закончил обед, выпил дополнительную чашку кофе и снова погрузился в чтение все той же статьи о Таннахиле. Одно место привлекло его внимание: »…Молодой мистер Таннахил не знаком своим согражданам, потому что посещал Альмирант всего два раза, когда был еще ребенком. Затем он учился в Нью-Йорке и в Европе.

Травма его была такой тяжелой, что он находился без сознания год и семнадцать дней, за исключением промежутка времени с 24 апреля по 5 мая этого года, когда, очевидно, в шоковом состоянии он ушел из больницы. Выздоровление молодого мистера Таннахила проходит очень медленно, и, к сожаления, он до сих пор не может

вспомнить некоторые события своей жизни».

Даты, в промежутке между которыми Таннахил отсутствовал в больнице, поразили Стивенса. «Теперь я могу кое-что проверить», — подумал он и, взволнованный, устремился к выходу.

Было уже темно. Стивенсу не очень-то хотелось ехать на кладбище, но необходимо было проверить, насколько его подозрения соответствуют истине. Будучи адвокатом Таннахилов, Стивенс просто обязан был узнать все, что было в его силах. Он поехал в северо-западную часть города, где находилось кладбище. Минут через пять Стивенс уже прибыл на место и рассматривал карту кладбища, которая была изображена на стене сторожки смотрителя. Подъехав к участку, где были захоронены Таннахилы, он припарковал машину и направился вдоль темной аллеи к северному заграждению. Дойдя до него, Стивенс повернул на восток и вскоре нашел место, которое искал. Он прошел вдоль металлической ограды и открыл зарешеченную сверху калитку. Осветив фонариком решетку, он увидел металлические буквы, составляющие фамилию Таннахилов. Внутри оказалось около дюжины надгробий. Он склонился над ближайшим из них. На испанском языке было написано:

«Франциско де Таннахила и Мерида 4 февраля 1709 г. — 3 июля 1770 г.»

Следующее имя тоже было написано по-испански, даты жизни обозначались как 1740 — 1803. На третьем надгробии впервые появился английский вариант написания имени: «Таннехил», с «е» вместо «а». Этот предок семьи умер в 1852 году — свидетель начала золотой лихорадки.

Стивенс теперь двигался медленнее: он отказался от своего первоначального намерения быстро рассмотреть все и исчезнуть. Возраст могил произвел на него впечатление, он почувствовал нечто вроде гордости, оттого что связан с семьей с такой древней историей. Он попытался представить себе Франциско де Таннехила, родившегося в незапамятные времена и похороненного здесь солнечным днем 1770 года. «Еще до революции,

— подумал Стивенс. — Корни Таннахилов уходят в глубокое прошлое».

Он вдруг почувствовал, что стало прохладно. С моря дул ветер, шуршали листья деревьев, нашептывая свою песнь, которую пели с тех пор, как были вырыты эти могилы. Стивенс наклонился пониже и осветил фонариком еще одно надгробие, на котором было выгравировано:

«Ньютон Таннахил»

Он перечитал даты жизни и смерти и почувствовал себя человеком, который нашел наконец то, что долго и мучительно искал. Ньютон Таннахил, дядя, был похоронен третьего мая. С двадцать четвертого апреля по пятое мая Артур Таннахил отсутствовал в больнице. Стивенс уже поворачивался в сторону выхода, когда за спиной услышал слабый звук. Что-то твердое и тугое уперлось ему в спину, мужской голос тихо сказал: «Осторожно, не шевелись!» Мгновение Стивенс колебался, но, поняв, что у него нет иного выхода, подчинился.

4

Ветер затих. На кладбище стало очень тихо. Стивенс думал о том, есть ли у него хоть какой-нибудь шанс изменить ситуацию в свою пользу. Во всяком случае, если его начнут связывать, он будет защищаться, решил он. Тихий голос за его спиной произнес:

— Садись на землю и подожми под себя ноги. Если будешь делать то, что я говорю, с тобой ничего не случится.

Стивенс несколько успокоился. Он боялся, что их несколько. Но слово «я» имело подтекст, не оставляющий никакого сомнения: человек был один. И Стивенсу не захотелось слепо подчиняться ему:

— Что вам нужно?

— Поговорить с тобой.

— А почему не поговорить без усаживания на землю?

Раздался смешок:

— А потому что тогда у тебя не будет возможности напасть на меня. Быстро садись!

— О чем вы хотите говорить?

— На землю!

Тон голоса человека был настолько устрашающим, а тупой предмет так врезался в спину, что Стивенс, проклиная все на свете, решил повиноваться. Он присел, думая, что теперь напавший на него бандит успокоится.

— Какого черта вам надо? — раздраженно спросил он.

— Как тебя зовут? — голос снова стал тихим.

Когда Стивенс назвал свое имя, — его собеседник несколько секунд помолчал.

— Кажется, я где-то слышал это имя. Чем ты занимаешься?

Стивенс ответил.

— Адвокат? Ну теперь я, кажется, вспомнил. Пили говорил мне о вас. А я не обратил на это особого внимания.

— Пили? — переспросил Стивенс, и тут же догадался: — Боже, вы Таннахил!

— Да.

У Стивенса гора с плеч свалилась. Он поднялся на ноги и быстро произнес:

— Мистер Таннахил, я везде ищу вас.

— Не поворачивайтесь!

Стивенс замер, каблуки его туфель глубоко вдавились в грязь. Он был поражен враждебностью тона своего босса. После небольшой паузы

Таннахил пояснил:

— Мистер Стивенс, я никому не доверяю только по внешнему виду, так что оставайтесь в той же позе, пока мы кое-что не выясним.

— Мне, без сомнения, удастся убедить вас, что я являюсь вашим поверенным в делах в этом округе и действую в ваших интересах, — отозвался Стивенс.

Он начинал понимать, что подразумевал Пили, когда советовал ему быть поосторожнее с наследником.

— Посмотрим, — последовал уклончивый ответ. — Вы говорите, что ищете меня.

— Да.

— И поэтому вы пришли сюда?

Стивенс понял, к чему клонит Таннахил. Он живо представил себя с фонариком в руке разглядывающим семейные надгробия. Что мог подумать о нем Таннахил, явившийся свидетелем этого? Стивенс понял также, что прежде чем он начнет задавать боссу какие-то вопросы, он должен будет сам дать объяснения по поводу своего вмешательства в дела его семьи.

Стивенс коротко рассказал о том, что произошло с ним с того момента, когда сегодня днем он уехал из дому. Дойдя до письма, которое показал

ему Хаулэнд, он заметил:

— У меня возникла одна мысль. Она привела меня сюда. Я решил проверить кое-какие даты.

Таннахил слушал молча, не подавая никаких реплик. Стивенс закончил, он еще в задумчивости молчал целую минуту. Потом — сказал:

— Давайте присядем вон под теми деревьями, и теперь я вам кое-что расскажу.

Стивенс заметил, что Таннахил сильно хромает. Но ему показалось, что боли при этом он не испытывает: во всяком случае присесть ему удалось без видимого труда. Когда Стивенс пристроился рядом, молодой человек заговорил снова:

— Вы думаете, они вскроют могилу?

Стивенс был поражен. Он не думал, что все рассказанное им произведет на Таннахила такое впечатление. Неужели могила действительно пуста?.. Ему пришло в голову, что окружной прокурор Фрэнк Хаулэнд, смещенный в свое время с должности управляющего делами Таннахилов в этом округе, вполне может навредить своему бывшему боссу. Он медленно произнес:

— Боюсь, сэр, что я не смогу ответить на этот вопрос. Я звонил Пили и пригласил его сюда. Как только он прибудет, мы сможем встретиться с

Хаулэндом и поинтересоваться, не удалось ли ему найти автора письма. Кстати, вы никого не подозреваете?

— Вопросы буду задавать я, — отрывисто ответил Таннахил.

Стивенс прикусил губу. Помолчав, он продолжил:

— Я был бы рад ответить на все ваши вопросы, мистер Таннахил. Я хорошо знаю здешние порядки и надеюсь скоро докопаться до истины.

— Стивенс, моя роль во всем этом очень мала. Я долгое время находился в клинике с полностью парализованной левой стороной. После несчастного случая я более года был без сознания. В конце апреля я исчез из больницы и пятого мая меня нашли на ее ступеньках без сознания. Я пришел в себя лишь неделю спустя. Через три недели я получил письмо от женщины, подписавшейся именем Мистры Ланет… В чем дело?

Стивенс, который не смог сдержать восклицания, произнес только одно:

— Продолжайте, сэр.

Таннахил заколебался, но потом продолжил:

— Мисс Ланет назвалась секретарем Ньютона Таннахила, который, очевидно, умер и, благодаря странному совпадению, был похоронен в то вре-

мя, когда я отсутствовал в клинике. Она писала, что вскоре меня поставят в известность о том, что я являюсь единственным наследником семьи. Действительно, через несколько дней я был уведомлен, что наследую одно из крупнейших состояний в Калифорнии. Я должен был переезжать сюда и мог нанять целый штат медицинского персонала, который присматривал бы за мной здесь. Но я никуда не поехал сразу по двум причинам. Первая — это моя большая вера во врача, который лечил меня в клинике. Благодаря ему я могу передвигаться. Медленно, но передвигаться. Однако он ни за какие деньги не согласился переехать сюда. Вторая причина связана с теми смутными воспоминаниями, которые остались у меня о том времени, которое я провел вне клиники, впрочем, я ничего не могу сказать вам об этом. Важно только одно: я понял, что, когда приеду сюда, со мной не будут обращаться как с больным. — Он сделал глубокий вдох. — События, похоже, подтверждают этот мой вывод. — Некоторое время он молчал, а потом заговорил, как Стивенсу показалось, более сердито:

— На следующее утро после того, как я приехал сюда, — я еще жил в гостинице, ко мне пришли три человека, судя по всему, мексиканцы. Они

делали вид, что являются моими старыми друзьями. Один из них, индеец небольшого роста с огромным носом назвал себя Тезлакодоналом, второй — похоже, полукровка, — Кахуньей, а имени третьего я не запомнил, хотя он тоже представился. Они настойчиво обращались ко мне как к Ньютону Таннахилу. Вы знаете, что так звали моего дядю. Я не боялся их, но, чтобы выиграть время и провести свое расследование, я подписал письмо, которое они принесли мне.

— Письмо? — переспросил Стивенс.

— Оно было адресовано Пили. В нем я обязывал его продолжать платежи Клубу пан-американ. Я пообещал им также, что буду подтверждать необходимость дальнейших платежей каждые полгода. Понятия не имею, о чем шла речь, но думаю, что еще легко отделался.

— Вы чувствовали, что вашей жизни что-то угрожает?

— Н-нет. Просто было странно, что они ко мне обращались так, как будто я — мой дядя, Ньютон Таннахил.

Стивенс еще раз прокрутил в голове все то, что Таннахил рассказал о письме.

— Фраза «продолжать ранее осуществлявшиеся платежи» действительно именно так и звучала?

— Да.

— Ну, это указывает на то, что какое-то сотрудничество осуществлялось и раньше. Можно спросить об этом мистера Пили… Но почему они называли вас именем вашего дяди? Он ведь по крайней мере на двадцать лет старше вас…

Таннахил ответил не сразу. Когда он заговорил снова, его голос звучал как-то отрешенно, и в нем уже не было сердитых ноток.

— Стивенс, мне снятся кошмары. В больнице у меня были странные сны, в которых действовали фантастические действующие лица. Однажды мне приснилось, что я в гробу. В другой раз я увидел себя в Альмиранте на берегу моря. Я смутно помню дом: он виделся мне как сквозь дымку. Правда, перед этим Пили присылал мне несколько книг об Альмиранте, возможно, сны были навеяны их чтением. Из этих книг я узнал, что Альмирант возник еще до прихода белых. Архитектура здешних строений порой напоминает древние постройки. Глядя на длинные ступени фасадов, невольно думаешь, что это скорее храм, чем дом, хотя внутри он очень хорошо приспособлен для нужд современного человека. Когда я был в гробу…

Он замолчал. На кладбище было очень темно и

стояла абсолютная тишина.

— Ну, если вы читали газеты, то знаете остальное, — закончил он.

— Вы упомянули Мистру Ланет. Она действительно была секретарем вашего дяди?

— Да.

Стивенс был потрясен. Ему никогда бы не пришло в голову связать «Мексиканскую импортирующую компанию» с Таннахилом. Об этом стоило подумать. Но сейчас, когда наследник еще не верит ему безоговорочно, не стоило рассказывать ему об индейцах-идолопоклонниках. Стивенс решил, что ничего подобного не нужно рассказывать и в суде, если он состоится.

— Мистер Таннахил, — сказал Стивенс серьезно, — нам нужно докопаться до истины. У меня есть подозрение, что кто-то хочет навесить на вас убийство негра-сторожа. Не знаю, прав я или нет, но мы должны быть готовы ко всему. Уже несколько раз вы упомянули, что помните, как были погребены живым. Что вы имели в виду?

Ответом было молчание.

— Мистер Таннахил, я считаю, что вам не стоит что-либо утаивать от меня.

И снова он не дождался ответа.

Стивенс сдался:

— Ну, может, вы хотите подождать, пока приедет мистер Пили, и мы сможем побеседовать втроем.

На этот раз Таннахил заговорил. Его голос звучал, как будто издалека, и казалось, что мысли его точно так же далеки отсюда:

— Это был сон. Мне снилось, что меня похоронили живым. Я же говорил вам, что мучаюсь кошмарами… А теперь, Стивенс, пора нам закончить. У меня есть кое-какие соображения, и я поделюсь ими с вами завтра, если вы приедете в Грэнд Хауз. Может, к этому времени вам уже удастся увидеться с Пили. Попросите его как можно скорее связаться со мной.

Он медленно встал и оперся на свою трость.

— Думаю, мистер Стивенс, — сказал он, — что нам лучше уйти порознь. Не нужно давать Хаулэнду шанс обнаружить… — он помедлил, а затем спокойно прибавил, — что наследник Таннахилов и его адвокат вместе приходили на кладбище сопоставить кое-какие даты.

— Сэр, мне бы хотелось предупредить вас еще об одном. Надеюсь, у вас есть разрешение на ношение оружия, иначе у вас могут быть…

— Я не ношу оружия.

— Но…

В темноте раздался приглушенный смех, и в грудь Стивенсу уперся твердый набалдашник трости.

— Ну как? — спросил Таннахил.

— Ого!

— Позвоните мне завтра утром, думаю, что еще до конца рождественских праздников мы договоримся о встрече. Вы хотите спросить о чем-нибудь еще?

— Да. — Стивенс заколебался. У него был еще один вопрос, ответ на который мог бы стать ключом к разгадке. Все равно рано или поздно Таннахилу придется на него ответить. Он медленно проговорил: — В газетах написано, что травма серьезно повлияла на вашу память. Что вы сами думаете по этому поводу?

Воцарилось молчание. Наконец Таннахил все же заговорил:

— Я ничего не помню из того, что было со мной до прихода в сознание в больнице. Я в состоянии говорить, думать, рассуждать, но ничего не помню. Я даже не знал, как меня зовут, пока мне этого не сказали. — Он напряженно засмеялся. — Конечно, все это усложняет ситуацию. А теперь, мистер Стивенс… — он помолчал, потом очень серьезно продолжил: — Надеюсь, что вы

понимаете, какую важную информацию я вам сообщил. Об этом не знает ни одна живая душа. Я сделал это, потому что вы мне кажетесь честным человеком, а мне нужны честные помощники.

— Вы всегда можете рассчитывать на меня, — произнес Стивенс.

— Вы никому не дадите этих сведений без моего согласия?

— Никому.

Стивенс вернулся в машину и несколько минут сидел в ней, размышляя о том, что предпринять дальше. Он чувствовал себя утомленным, но — одновременно — полным желания продолжать начатое. Слишком много вопросов еще оставалось без ответа. Почему кто-то пытается утверждать, что дядя и племянник — одно и то же лицо? И почему все — даже он — считали это возможным, вместо того, чтобы со смехом отмести эту нелепую мысль? Только потому, что дядя ушел из жизни в те дни, когда племянник исчез из больницы? Какое отношение ко всему этому имели маски, которые (он мог поклясться) можно было носить без страха быть узнанными? На мгновение Стивенсу показалось, что он грезит наяву.

Но один ключ у него уже был, это упоминание

Таннахила о Мистре Ланет.

Стивенс завел машину и поехал в сторону Вальдорф Армс. У него не было никакого конкретного плана, но была непоколебимая убежденность в том, что этот дом может быть центром, из которого осуществлялось руководство: иначе он не упоминался бы так часто в документах «Мексиканской импортирующей компании».

Он припарковал машину возле Вальдорф Армс, но вышел не сразу. В темноте перед ним смутно вырисовывались очертания необычной куполообразной постройки. Со стороны фасада, однако, это было вполне обыкновенное здание, немного старомодное, построенное из кирпича. Стивенс уже собирался выйти из машины, когда увидел, что к дому быстро направляется маленький человек. Он сразу же узнал коротышку с огромным носом, который вчера набросился на него с ножом. Когда Стивенс выбрался на тротуар, нервы его были натянуты до предела: он уже знал, что ступил на опасную стезю.

5

Стивенс наблюдал, как коротышка быстро достиг входа и вошел внутрь. Стремительно двинувшись за ним, адвокат бесшумно остановился у двери и через стекло начал рассматривать холл. Индеец стоял у стойки с периодикой и читал газету, название которой с небольшого расстояния можно было рассмотреть: «Альмирант геральд». Стивенсу удалось понять, что коротышку заинтересовала статья о Таннахиле. Дочитав, Тезлакодонал сунул газету под мышку и двинулся в сторону лифта. Он кивнул лифтеру, но прошел мимо него и направился дальше в глубь холла. Там индеец остановился у одной из дверей, достал ключ, повозился мгновение с замком и исчез. Больше он не появлялся.

Стивенс перелез через заграждение и медленно пошел вдоль здания. Он остановился у окна, через закрытые жалюзи которого пробивался тусклый свет. Окно было открыто, и жалюзи трепетали от ветра. Это было единственное движение внутри помещения: ничто не указывало на то, что там кто-то есть.

Прождав полчаса, Стивенс начал сомневать-

ся в том, что он правильно оценил расстояние, которое должен был преодолеть коротышка внутри здания. Стивенс двинулся назад, останавливаясь возле каждого окна. Шторы всюду были полуоткрыты, и адвокат получил возможность убедиться в том, что все эти комнаты составляют одну квартиру.

Стивенс спрятался в тень кустарника и снова приготовился ждать. Время тянулось медленно. Становилось все холоднее. Над деревьями взошла луна: тонкий кусочек лимона, забравшийся высоко в небо. Стивенса стали одолевать невеселые мысли. Он подумал о том, как нелегко адвокатам зарабатывать себе на жизнь.

Свет за жалюзи продолжал тускло гореть. Стивенс отчаянно проклинал и Тезлакодонала за то, что тот не ложится спать, и себя за то, что продолжает здесь ждать, хотя не уверен в том, что у коротышки нет привычки спать с зажженным светом.

Наконец Стивенс решился приблизиться к открытому окну и, отодвинув жалюзи, заглянуть внутрь. Он увидел диван, красный ковер, стул и открытую дверь, через которую и пробивался свет. Он шел от лампы, стоявшей на письменном столе. Над столом были подвешены книжные

полки, на одной из них стояли глиняные фигурки идолов.

Стивенс подошел к противоположному краю и осторожно отодвинул там жалюзи. Он увидел стулья; двери, из которой шел свет, видно не было. И снова — ни единого звука, ни малейшего признака присутствия человека.

Стивенс оставил своим сомнения. Он бесшумно взобрался на подоконник и, подняв жалюзи, скользнул на находившийся прямо под ним диван, а затем — на красный ковер. Всего пять шагов — и он уже стоял у таинственной двери.

Эта комната тоже оказалась пустой, но вторая дверь, которая вела в соседнюю комнату, была приоткрыта. Подкравшись к ней, он прислушался и уловил звук равномерного дыхания спящего человека. Стивенс замер.

Что, собственно, он надеялся здесь найти? Какого рода информацию он ожидал получить? Стивенс решительно обвел глазами комнату. Очевидно, она служила кабинетом. Полки над столом оказались книжным шкафом. Стивенс скользнул взглядом по корешкам книг. Название одной из них привлекло его внимание: «Танекила Отважный». Это была тонкая книжица, и адвокату ничего не стоило сунуть ее в карман.

Теперь он начал внимательнее рассматривать названия книг. Почти все они были на испанском языке, познания в котором у Стивенса оставляли желать лучшего. Но он обнаружил и три книги на английском языке. Осторожно достав их, он вернулся в гостиную и, не мешкая, выбрался наружу.

Придя домой, адвокат обнаружил, что телефон у него работает, и сразу же набрал номер телефонной компании. С Пили его пообещали вскоре соединить. Приготовившись ждать, он надел пижаму и халат и, удобно расположившись в кресле своей гостиной, начал рассматривать книги. Все они повествовали о Грэнд Хаузе и семье, которая в нем проживала. Стивенс не мог вспомнить, что видел хоть одну из них в Альмирантской публичной библиотеке.

Первая книга называлась «История Грэнд Хауза». На форзаце Стивенс прочел пометку:

«Первое издание, ограниченное, отпечатано пятьдесят три экземпляра, распространено в узком кругу, январь тысяча восемьсот семидесятого года».

Перевернув страницу, он прочитал начальный абзац первой главы:

«Более тысячи лет стоит на высоком склоне

горы замечательный дом, выходящий окнами на море. Точных сведений о том, кто его построил, — нет».

Стивенс скользнул взглядом по следующей странице, потом — дальше, пытаясь вникнуть в суть написанного. Манера изложения напоминала исторические романы. Воображение автора рисовало подробности периода, который, несомненно, являлся наименее известным в истории человечества: Мексика и Южная Калифорния с десятого столетия до прихода испанцев.

Чрезмерная занимательность событий навела Стивенса на мысль о некоторой надуманности повествования. Он был неплохо знаком с историей майя и ацтеков и, кроме того, хорошо понимал, что настоящий научный труд должен основываться лишь на кропотливом изучении достоверных фактов. Книга же изобиловала именами каких-то жрецов, наемных солдат. Одна из историй рассказывала о человеке по имени Уксулакс, пронзенном стрелами за преступление, которого он не совершал. Около тысячи лет назад этот несчастный, по свидетельству автора, был казнен и похоронен на «восточной стороне склона в сосновой роще, которую потом вырубили ацтеки» — вот так в двух предложениях и

без всякой мотивировки поступков и ссылок на документы.

Однако Стивенс продолжал чтение:

«Когда изнуренные тяжелым переходом и жарой ранней осени сюда пришли ацтеки, они хотели сначала разрушить Грэнд Хауз. Но, как и у других завоевателей, дошедших ценой больших потерь до этой отдаленной границы, у них не оказалось орудий, с помощью которых можно было бы демонтировать мраморную постройку.

Обследовав здания, ацтеки сделали неожиданное открытие: им никогда не приходилось пользоваться такими бытовыми удобствами, которые были присущи этому дому, брошенному при попытке спастись бегством их предыдущими владельцами, укрывшимися далеко на севере в деревеньке Пуэбло. Жрецы воздвигли на искусственной насыпи деревянный храм (так, что он возвышался над домом) и поселились в доме со своими женами. Фавориткой верховных жрецов была…»

Имя женщины было залито черными чернилами. Стивенс в недоумении обследовал кляксу; чернила были настолько темными, что сквозь них не проступала ни одна буква. Он пожал плечами и продолжил чтение, которое все больше и

больше захватывало его. Изобилие подробностей создавало неповторимую картину исторического прошлого, быта и настроений людей, живших тогда.

«Проходил год за годом, а подкрепления тем силам ацтеков, которые пришли первыми, все не поступало. Так начался кризис власти: верховный жрец, просидевший в резиденции десять лет, был тупым эгоистом и… (снова вымарка) решил, что правителя нужно лишить жизни, дабы он не открыл в конце концов секрета Грэнд Хауза».

Стивенс глянул на первые строки следующей страницы и остановился. Ему показалось, что дальнейшая информация никак не связана с предыдущей, но он сразу понял, в чем дело. Одиннадцатая и двенадцатая страницы, посвященные описанию убийства, содержали, вероятно, и описание таинственного «секрета», и поэтому были вырваны.

Стивенс отложил книгу и взялся за биографию Таннахилов. Название ее — «Танекила Отважный» — заинтересовало Стивенса. Начальные главы содержали повествование о ранних годах жизни капитана Танекилы: его рождении на севере Испании, первых экспедициях вдоль побережья Африки, о не слишком честных путях его

обогащения и, наконец, о путешествии в Америку, которое закончилось кораблекрушением его флагмана «Альмирант» у берегов Калифорнии в 1643 году, то есть более трехсот лет назад.

Стивенс начал вспоминать даты жизни и смерти того Танекилы, который был похоронен на кладбище. Если ему не изменяла память, тот умер в 1770 году. Значит, погребенный не был основателем рода. Следовательно, род Таннахилов был старше более чем на сто лет.

Стивенс перевернул страницу. Следующая глава называлась «После кораблекрушения». И если Стивенс лишь бегло просматривал предыдущие главы, то эту он прочитал он начала до конца.

«После кораблекрушения.

К полудню мы уже все выбрались на берег — все выжившие. Исчезли Эспанта, де Куржиль, Марчино и Керати, и мы понятия не имели, утонули они или нет. Мне было жаль только Марчино. Конечно, и он был порядочным негодяем, но остальные трое были еще хуже. Надеюсь, на том свете эти мерзавцы будут жариться в аду за те гадости, которые учиняли мне на корабле. Но чтобы сделать приятное экипажу, я должен буду прочесть литанию за упокой их душ, а пока я успокоил людей тем, что начертил на песке крест

и пробормотал пару молитвенных слов. После этого они взялись за работу.

Мы не могли терять ни минуты. Алонсо уже видел нескольких туземцев, расхаживавших вблизи от берега, и у нас не было уверенности в том, что это обычный глупый дружественный скот. Нам необходимо было забрать оружие с тонущего «Альмиранта».

Около двух часов пополудни Кахунья заметил, что шторм стихает, поэтому я послал его и еще двенадцать человек на двух лодках начать работы по разгрузке и разборке корабля. Ветер постепенно совсем прекратился, и к вечеру море успокоилось. Вечером у нас на берегу были две 37-миллиметровые пушки и несколько мушкетов, так что я перестал опасаться туземцев. На следующее утро я отправил людей, чтобы найти их и установить с ними дружеские отношения: конечно же, с целью добыть пищу.

Берег, на котором мы высадились, был диким и пустынным. Со всех сторон нас окружали низкие склоны, поросшие сочной зеленью: как раз накануне прошел сильный дождь. Неподалеку от нашего лагеря мы обнаружили два болота, над которыми летали стаи птиц. Их громкие пронзительные крики не смолкали ни на минуту.

Группа людей, которых я послал на поиски еды, вернулась с тремя подстреленными оленями и съедобными кореньями. Приготовленным мясом, а также продуктами, спасенными с корабля, мы удовлетворили становившийся уже мучительным голод. В дальнейшем мы не испытывали недостатка в пище. Я никогда не видел земли, которая была бы столь богата, и климата, который был бы столь благоприятен. Это один из самых прекрасных садов планеты, который цветет круглый год.

На пятый день часовые привели в лагерь индейца — маленького, некрасивого человека, отлично говорившего по-испански. Он наверняка был негодяем, и мне хотелось сначала выслушать его, а потом утопить. Но он оказался слишком хорошим переводчиком, а кроме того — принес добрые вести. Он рассказал, что дальше на севере есть деревня Пуэбло и что верховный вождь, живущий в доме на высоком холме, приглашает нас быть его гостями. К сожалению, ему придется уехать ненадолго — поэтому он не сможет встретить нас лично. Это приглашение особенно обрадовало женщин, которые устали жить на открытом воздухе. Но я подозревал неладное. Какой умный человек (достаточно умный, чтобы

стать вождем) мог пойти на то, чтоб пригласить в свой дом группу испанцев? Ведь это непременно значило, что в день, когда они прибудут, ему придется расстаться со своей властью.

Правда, меня это не сильно испугало. Будучи вооруженными, мы вполне могли защитить себя в случае необходимости. Кроме того, было очевидным, что так называемый верховный вождь слишком поздно осознает угрозу, которую мы представляем, потому что будет далеко. Я решил убить его, как только он соизволит вернуться.

Захват прошел даже проще, чем мы ожидали. Мы расположили свои пушки за каменной насыпью вокруг вершины холма, откуда хорошо просматривалась вся местность. Через неделю мы уже так укрепились, что только вооруженные до зубов европейцы могли рискнуть напасть на нас. Никто не сопротивлялся. Вассалы неизвестно где находящегося верховного вождя восприняли наше размещение в доме как нечто вполне естественное, и никто из них не удивлялся тому, что я занял спальню бывшего владельца.

Недели шли за неделями, и я начал понимать, что мы засели там надолго. Зная капитанов других судов и помня о нашем договоре относительно доли каждого в прибыли, я не сомневался

в том, что они следят за мной. К счастью, стычек избегали все. Я был почти уверен в том, что вскоре они уберутся отсюда, отплыв к мысу Горн, а потом вернутся в Испанию, и пройдет не один год, прежде чем на этом берегу появится следующий корабль. Именно поэтому я решил покрепче привязать членов экипажа к тамошней жизни.

Я сам лично спустился в деревню, раскинувшуюся у подножия холма, на котором возвышался мой дом, и приказал выстроить перед собой в ряды мужчин, женщин и даже девушек. Выбрать тридцать, самых привлекательных из них, а потом быстро убить и похоронить их мужей не составило труда. Среди вдов и нескольких незамужних члены экипажа выбрали себе жен, я сочетал их браком с помощью Библии, и они расселились в тех домах, где женщины жили со своими предыдущими мужьями. Конечно, оставалась проблема индейских детей, родившихся раньше, но я предоставил решать ее каждому мужчине так, как он найдет нужным. В течение месяца жизнь в деревне вполне упорядочилась.

В следующем году моей главной заботой стала разработка земли. Чтобы достичь максимально хороших результатов, я отказался от мысли сделать рабами местное население. Вместо этого

я отправлял отряды захватывать пленников, причем в наиболее отдаленных местах. Взятые в плен узнавали о своих обязанностях от туземцев нашей деревни, которая стала называться Альмирант. «Альмирантцы» выступали в роли надсмотрщиков. Они, казалось, не замечали, что плоды трудов тех, за которыми они надзирали, доставались не им, а мне. К концу года почва была обработана. Бывший владелец не появился и к концу второго года, из чего я сделал вывод, что в свое время он правильно оценил ситуацию, и его целью было не дать нам разрушить дом. Мы не нашли никаких следов ацтекских храмов, которые, по легенде, возвышались над домом. Их, вероятно, снесли, а все, что осталось от них, уничтожили. Мне казалось, что дом построен согласно канонам архитектуры майя: он замечателен и внутри, и снаружи, но отличается от всего того, что я видел в Центральной Америке.

Проблемы архитектуры мало занимали меня в то время, а к концу третьего года и вовсе выветрились из моей головы. Тогда начали предприниматься первые попытки убийств. Нас спасло только то, что мы правильно поняли ситуацию: убийства были не результатом случайностей, а следствием продуманных действий

бывшего владельца, который решил, что пора избавляться от оккупантов. Нож, который сунул мне в спину Тезлакодонал (индеец, который первым появился в нашем лагере), мог бы убить меня, если бы у него хватило сил добить свою жертву. Стрела, которую выпустили в Кахунью, не попала в его правое легкое, благодаря чистейшей случайности. А вот Алонсо повезло меньше: его жена-индианка Джико Айне успешно заколола его ножом.

Джико и Тезлакодонал сбежали вместе. За ними последовали еще двое, но одного из них мы поймали и убили. Это были первые из впоследствии многочисленных попыток уничтожить нас. О них я напишу поподробнее в другой главе, так как без них мы бы не пришли к случайному открытию тайны Грэнд Хауза. Тайна эта…»

Следующая страница была вырвана. Стивенс перелистал книгу в надежде найти недостающую страницу, но вместо этого обнаружил еще семь мест с вырванными листами. Внимательно прочитав все, что предшествовало пропускам, он понял, что во всех случаях речь заходила о тайне Грэнд Хауза. Так и не найдя никаких объяснений по этому поводу, Стивенс вернулся к главе, в которой упоминался Тезлакодонал: интересно,

что у него оказались потомки. Стивенс думал об этом, или же ему казалось, что он об этом думает, когда неожиданно проснулся.

6

В комнату еле-еле пробивался рассвет. Было еще настолько темно, что ему удалось разглядеть только очертания фигур двух людей, стоявших возле него. Он уставился на них, напрягшись всем телом, приготовившись защищаться.

— Стивенс, не двигаться! — приказал мужской голос.

Тон, которым это было сказано, заставил Стивенса замереть. В нем была угроза. Стивенс нервно сглотнул и только теперь, когда его глаза привыкли к темноте, увидел, что людей в комнате не менее дюжины. Это почему-то заставило его вздохнуть с облегчением: поначалу он боялся, что какие-то два бандита забрались в дом, чтобы убить его. Но это было явно что-то другое. Вместе с тем Стивенс не мог понять, зачем понадобилось такой толпе врываться к нему в дом посреди ночи. Он решил взять себя в руки и не показывать свой страх. К тому же, Стивенс вдруг понял, что это те самые люди, которые били кнутом Мистру!

Двое стоявших около него мужчин сели. Тот, который уже успел заговорить, предупредил

Стивенса:

— Ни единого движения! На нас очки ночного видения, так что мы видим каждый твой шаг. — Последовала пауза, а потом — вопрос: — Стивенс, кто ты?

Вопрос удивил Стивенса еще больше, чем сообщение о странных очках. Он невольно переспросил:

— Кто я? Что вы имеете в виду?

Тревога вернулась к нему: люди из «Мексиканской импортирующей компании» не могли задать ему такой глупый вопрос; они знали, кто он.

— А кто вы такие? — парировал Стивенс.

Из темноты раздался вздох и голос женщины:

— Я уже почти нащупала его мозг. Мне кажется, он невинен.

Мужчина, который говорил от всей группы, не обратил на ее слова никакого внимания. Он продолжил:

— Стивенс, нам не нравится то, что ты участвуешь в этом деле. Если ты тот, за кого себя выдаешь, то я посоветовал бы тебе честно ответить на все наши вопросы. Если же нет, то ты, конечно же, попытаешься нас обмануть.

Стивенс слушал его, стараясь сохранять спо-

койствие. В словах этого человека был какой-то скрытый смысл, но Стивенс не понимал, какой. У него было ощущение, что все это происходит не с ним. Внезапно ему пришла в голову мысль, что как адвокат Таннахила он должен постараться выудить у них как можно больше информации.

— Я не знаю, к чему вы клоните, но продолжайте, — сказал он.

Из темноты раздался тихий смех женщины, которую несколько минут назад прервали:

— Он думает, что сможет что-то узнать у нас.

Мужчина с раздражением попытался остановить ее:

— Дорогая, мы ценим ваше умение читать мысли, но, пожалуйста, старайтесь избегать ненужных комментариев.

— А сейчас он испуган, как ребенок, — сообщила женщина, но тут же добавила: — Хорошо, я замолкаю.

Воцарилась тишина. Стивенс напряженно думал. Телепатия! Это было бы смешно в другой обстановке, но сейчас соответствовало правилам игры, в которую его втянули. Стивенса снова охватила тревога, и он подумал, что стоит здесь перед этими людьми, как на суде, не понимая, в чем его обвиняют. Прежде чем он успел что-то

сказать, мужчина заговорил вновь:

— Стивенс, мы изучили твою биографию и установили, что действительно существовал ребенок по имени Алисон Стивенсон, родившийся в Сан-Франциско, а в 1942 году Алисон Стивенс попал в морскую пехоту.

Мужчина замолчал, а Стивенс, перед глазами которого вдруг промелькнула вся его жизнь: город, где он родился и вырос, потом — тот случай в школе, затем — служба, — кивнул и принялся ждать. Молчание затянулось, и Стивенс понял, что они нарочно давали возможность своей телепатке прощупать его мозг.

Внезапно в сознании Стивенса вспыхнула мысль, которая до этого не приходила ему на ум, и он громко произнес:

— А кем же я, по-вашему, могу быть еще?

Отозвалась женщина:

— Думаю, нам не стоит продолжать. Я чувствую, что мысль, которая только что пришла ему в голову, полностью соответствует тому естественному удивлению, которое прозвучало в его голосе.

Заговорил уже другой мужчина:

— Зачем же он пробрался в квартиру Тезлакодонала?

Тут же вступил первый:

— Ответь, Стивенс, и мы оставим тебя в покое!

Стивенс решил рассказать им, как увидел Тезлу возле Вальдорф Армс, но не успел, потому что снова заговорила женщина:

— Он сейчас очень сердит и думает о том, как у нас хватило нахальства прийти сюда и допрашивать его, словно мы имеем на это право.

Все засмеялись. Когда смех утих, тот, кто его допрашивал, снова властно спросил:

— И все же, почему он пошел туда? Ну, Стивенс, не давай своему раздражению заглушить голос здравого рассудка. Отвечай!

Стивенс колебался. С ним явно не шутили. А почему бы и не сказать им кое-что? Если только одно слово может избавить его от этих опасных людей, почему бы не признаться? Он тихо произнес:

— У меня была беседа с мистером Таннахилом, и он сказал, что Мистра Ланет была секретарем его дяди. Я сразу вспомнил о вашей группе, поэтому, когда я увидел… — тут Стивенс запнулся, — я забыл его имя…

Женщина прервала его:

— Я чувствую, что он здесь чего-то не договаривает. Он надеялся найти Мистру. Похоже, что мистер влюбился в нее.

Все начали подниматься со своих мест. Главный тихо приказал:

— Заберите книги, которые он унес с собой.

Потом они направились к двери, и вскоре Стивенс услышал, как одновременно заводятся несколько машин, а через мгновение шум их растаял вдали. Адвокат осмотрел замок двери. Сначала Мистра открыла его без труда, а потом — эти люди. «Нужно заменить замок, — подумал он, — хотя неплохо было бы узнать, откуда у них взялся ключ». Стивенс вернулся в спальню, и тут ему пришло в голову, что их телепатка упустила одну очень важную деталь. Она не поняла, что Стивенс узнал о том, где живет Тезла, из бумаг «Мексиканской импортирующей компании». Допустив эту серьезную оплошность, женщина оставила ему возможность проверить другие адреса, по которым он непременно поедет завтра утром. Может, по одному из них проживает Мистра. Такая перспектива очень обрадовала его, и, засыпая, Стивенс думал: «Она прекрасна… прекрасна… прекрасна…»

В девять часов утра адвокат уже подъезжал к дому, адрес которого выписал первым. Это был небольшой особняк, находившийся довольно далеко от шоссе и огороженный высоким ме-

таллическим забором. Маленький мальчик, проходивший мимо, сказал, что это дом судьи Адамса. «Судьи Адамса? — озадаченно подумал Стивенс. — Но это же смешно! Судья Адамс никогда бы не…»

До одиннадцати часов утра адвокат объехал уже все двенадцать адресов. Люди, проживавшие по ним, были все без исключения наиболее влиятельными гражданами Альмиранта: судья Уильям Адамс, судья Альден Портер, Джон Кареуэл и Мартин Гран — владельцы двух ежедневных газет, затем — владельцы трех строительных концернов, Маделин Мэлори, которой принадлежал единственный частный банк в Альмиранте, две очень известные общественные деятельницы и один крупный импортер. Последней, но не менее значительной фигурой был Дж. Ансуэлл Дорди, владелец большой сталелитейной компании на востоке страны; еще молодой, но уже очень уважаемый человек, переехавший в Альмирант по причинам, связанным со здоровьем.

Список был впечатляющим, у Стивенса возникло убеждение, что он потревожил осиное гнездо. Его первой мыслью было попытаться разоблачить этих людей, если они возьмутся преследовать Таннахила, но по трезвому раз-

мышлению он понял, что лучше затаиться: город явно контролировался какой-то сильной группировкой. Он поехал в библиотеку одной из двух крупнейших газет города и провел там более часа, внимательно изучая фотографии знатных альмирантцев. Стивенс не запрашивал никаких снимков, сделанных по особым случаям, и обнаружил только семь фотографий людей, которые стали объектами его расследования.

Стивенс рассмотрел эти лица, пытаясь понять, могли ли они в масках превратиться в лица тех, кто проник в его дом прошлой ночью. Если бы он мог увидеть их воочию и услышать их голоса… Впрочем, очевидно, этого тоже было бы недостаточно. Один актер рассказывал Стивенсу, что голос имитировать очень легко. Что же касается внешности, то, не имея возможности сравнивать лица, одного человека можно вполне принять за другого, если это люди одного телосложения.

Стивенс вышел из библиотеки, раздумывая над тем, что ему делать дальше. Было 24 декабря — не самый удачный день для получения сведений. Магазины будут работать до девяти часов вечера, но большинство офисов уже закрыто. Стивенсу не терпелось начать поиски отпечатков пальцев Ньютона Таннахила, хотя он плохо представлял,

как их можно найти без помощи полиции. Сразу после праздника Стивенс попросит мисс Чейнер внимательно изучить документы, подписанные старшим Таннахилом. Может, ему также удастся снять с них отпечатки пальцев, хотя выделить нужные ему будет нелегко, вероятнее всего, даже невозможно. И все же он сделает первый шаг.

Стивенс поехал было домой, но в последний момент свернул на дорогу в сторону Вальдорф Армс. Он подумал, что может припарковаться в пятидесяти-шестидесяти ярдах от здания и понаблюдать за входом будет небесполезно.

Он просидел в машине минут десять, когда дверца внезапно распахнулась и рядом с ним, тяжело дыша, плюхнулась Мистра Ланет.

— Проводите меня домой, — попросила она. — Я не отваживаюсь вступать в борьбу одна.

7

Стивенс сидел, не шелохнувшись. Его охватило смешанное чувство радости и злости. Ему, конечно, приятно было видеть ее, но одновременно его раздражала ее бесцеремонная манера вторгаться в его жизнь. Отчасти ее оправдывало лишь то, что в прошлый раз у нее не было другого выхода.

— Как ваш бок? — поинтересовался он, стараясь придать своему тону выражение равнодушия.

Мистра отмахнулась:

— Ерунда, все уже прошло.

На девушке был зеленый костюм, который удивительно шел ей, сочетаясь с цветом глаз. Эффект был потрясающим: от Мистры словно исходило какое-то особое тепло. Стивенс с трудом сдержался, чтобы не сказать ей об этом. Вслух он произнес:

— Надеюсь, вы прежде всего объяснитесь.

Девушка внимательно смотрела в сторону входа в здание. Так и не взглянув на него, она сказала:

— Мы сможем поговорить, когда войдем внутрь. Пожалуйста, давайте не будем терять время.

— Вы хотите сказать, что кто-то не дает вам

войти в вашу собственную квартиру?

— Мне нужно, чтобы со мной был мужчина. — Она проворно вышла из машины. — Идемте же!

Никто не пытался остановить их. Стивенс, который был слишком занят прошлой ночью, чтобы рассматривать интерьер, поразился увиденному. Высокие потолки с искусной отделкой, на полу — ковры, стоившие тысячи долларов.

Лифт остановился на третьем этаже, и они пошли по коридору, освещенному роскошными светильниками, отбрасывавшими голубые блики на стены и потолок. Мистра остановилась у прозрачной стеклянной двери. За ней находилась другая дверь — металлическая и непрозрачная. Ключ бесшумно вошел в незаметный с первого взгляда замок наружной двери, и она открылась, издав свистящий звук. Мистра вошла первой. Она остановилась в проеме, подождала, пока войдет Стивенс, и проследила, чтобы он захлопнул наружную дверь. Потом девушка отперла внутреннюю дверь. Стивенс последовал за ней и увидел коридор с необычайно высоким потолком — пятнадцать ярдов, не меньше. Высота комнаты, последовавшей за коридором, была такой же. Мистра бросила свою сумку и меховую накидку на стул и подошла к чему-то, похожему на встро-

енный бар. Стивенс достал свой пистолет:

— Может, лучше осмотреть квартиру?

— В этом нет необходимости, — ответила девушка. — Здесь мы в безопасности.

Но Стивенс не разделял ее уверенности. Он стремительно вышел в коридор и устремился в две спальни, к каждой из которых примыкали ванные комнаты. В конце холла находилась лестница. Он быстро поднялся по ней и наткнулся на массивную металлическую дверь, которая была заперта. Вернувшись в гостиную, адвокат вышел через дверь, за которой оказался второй коридор, а потом очутился в комнате, являвшейся, по-видимому, музыкальным салоном. У стен стояли стеллажи с пластинками. Ими было уставлено все пространство до потолка. Справа от Стивенса размещалась встроенная электронная аппаратура: проигрыватель, телевизор, радио — он не сразу это заметил — устройства для радиовещания: трансформаторы и панель управления. Адвокат покачал головой, повернулся и увидел по левую сторону от себя шкафы с многочисленными рядами книг. Ему стало интересно: каковы читательские интересы Мистры? На ближайших к нему полках стояла техническая научная литература — сотни томов. Потом он увидел книги

по истории, половина из них — на испанском языке: «История испанцев в Америке», «Популь Вух», «Испанское влияние на древнюю Мексику», «Начало Альмиранта», «Танекила Отважный», «История Грэнд Хауза»…

Звон бокалов со стороны гостиной прервал его осмотр. Он напомнил Стивенсу о том, что красивую женщину нельзя оставлять надолго одну, потому что ее интерес к нему может ослабеть. Мистра стояла возле бара и расставляла бутылки.

— Вы предпочитаете сначала выпить или лечь в постель? — дружелюбно спросила она.

Стивенс вновь поразился ее чрезмерной раскованности. Он осведомился дрогнувшим голосом:

— А что, вы снова у меня в долгу?

— Просто я вижу, что в данный момент спиртное не очень привлекает вас. — Она пошла навстречу ему. — Надеюсь, что мы выпьем позже. Вы же останетесь со мной на Рождество? — Она потянула его за руку: — Пойдемте в мою спальню.

Позднее, в постели женщина прошептала:

— Все мои синяки уже исчезли, так что не нужно обращаться со мной, как с фарфоровой чашкой, которая может разбиться.

Стивенс с досадой произнес:

— Почему бы тебе не оставаться женщиной, вместо того, чтобы отдавать мне приказы? Ты отлично чувствуешь, что я стараюсь, чтобы тебе было хорошо.

— Да, ты специалист, — признала она после короткой паузы. — У тебя, наверняка, большой опыт.

— Не такой большой, как мне бы хотелось, — сказал он. — Я так рад, что мы встретились сегодня.

— Надеюсь, что я и дальше не разочарую тебя. — Это было сказано таким серьезным тоном, что Стивенс подумал: «Она позволяет мне ласкать ее только потому, что не хочет оставаться одна». Сам же он не был уверен, что помог бы ей сегодня, если бы не воспоминание об их первой ночи и не надежда на повторение сладостной любви.

— Не одевайся. Надень только халат.

Сама она скользнула в легкий голубой пеньюар, который отнюдь не скрывал ее формы. Вернувшись к бару, Мистра налила в два бокала темную коричневую жидкость и спросила:

— Ты хочешь сказать, что в Альмиранте я единственная женщина, которая была удостоена твоей любви?

Это была не вполне правда, но в то мгновение

Стивенсу казалось, что так оно и есть. У него был роман с одной женщиной, которая ушла от мужа и детей, узнав, что у ее супруга есть любовница. Она стала возлюбленной Стивенса вскоре после того, как он приехал в Альмирант. Женщина очень заботилась о том, чтобы скрыть их отношения, и при встречах постоянно рассказывала о своей семье. За две недели до Рождества она сказала Стивенсу, что муж просит ее вернуться и что она больше не может жить без своих детей. У Стивенса было ощущение, что за все то время, пока они жили вместе, она ни разу серьезно не подумала о нем.

Мистра подала Стивенсу один из бокалов.

— Выпей это, — предложила она. — Ты ничего подобного никогда не пробовал.

Стивенс присел на табурет и внимательно рассмотрел бокал. Напиток был похож на плохо обесцвеченную воду.

— Что это?

— Попробуй.

Когда Стивенс сделал первый глоток, у него возникло ощущение, что во рту зажгли спичку. Потом огонь обжег горло и переместился в пищевод. Ему пришлось поставить бокал, глотая ртом воздух. Из глаз полились слезы.

Стивенс сидел неподвижно, испытывая чувство стыда. Напиток чуть не лишил его сознания, в то время как на Мистру он, казалось, не произвел ни малейшего впечатления!

— Не сдавайся, — сказала она ободряюще. — У него же вкус классической музыки. Хорошо снимает напряжение. — Она улыбнулась. — Лучше, чем любой другой напиток.

Стивенс сделал еще одни глоток и снова почувствовал жжение. Но на этот раз он никак не выдал себя и, глянув Мистре в глаза, заметил:

— Я не сдался. Так все-таки что это?

— Октли. Древний напиток майя. Конечно, версия рецепта моя собственная.

Слово «майя» напомнило Стивенсу о книгах, которые он так и не рассмотрел. Он сделал еще один глоток, снова едва не поперхнулся, а потом медленно спросил:

— Что это все за история? Кто эти люди, которые били тебя?

— А!.. — она пожала плечами. — Члены клуба.

— Какого клуба?

— Самого невероятного клуба на свете, — ответила она и тихо засмеялась.

— Кто же может вступить в него? — настаивал Стивенс, хотя у него было ощущение, что девушка

смеется над ним.

— Для этого нужно быть бессмертным. — Мистра снова засмеялась. Ее глаза вспыхнули зелеными огнями, лицо заискрилось весельем.

Стивенс понял, что он не получит удовлетворительного ответа, если сам не станет более искренним с ней.

— Послушай, о чем все эти твои книги? В чем тайна Грэнд Хауз?

Мистра долго смотрела на него, не мигая. Глаза ее стали особенно лучистыми. Наконец она произнесла:

— Так ты был в библиотеке. И много ты прочитал?

— Ничего. Послушай меня.

И Стивенс рассказал ей о книгах, которые обнаружил в квартире Тезлакодонала. Мистра понимающе кивнула, и на ее лице появилось озабоченное выражение.

— Эти страницы, — сказала она, — в моих экземплярах отсутствуют тоже.

— А вымаранные слова есть?

Она кивнула. Минуту они молча пили, и у Стивенса появилось ощущение, что девушка собирается сказать ему что-то еще.

— Мне случайно известны вымаранные име-

на, — решилась наконец она. — Это имена, которые приняли люди из нашего маленького… — она улыбнулась, лукаво посмотрела на него и закончила: — …клуба.

Стивенс кивнул. Внезапно он почувствовал, что голова его отяжелела.

— Вот как, — пробормотал он, увидев, что Мистра вновь наполняет бокалы.

Сделав первый глоток, он снова пришел в себя и воскликнул:

— Что, черт возьми, происходит с Калифорнией? Куда ни глянь, везде эти идиотские культы… так называемых ранних мексиканских цивилизаций. Мексиканцы словно утратили свою душу и теперь судорожно пытаются найти ее.

Глаза Мистры зажглись, как два ярких бриллианта, но очертания ее лица стали расплываться, как будто у Стивенса внезапно испортилось зрение. Он мрачно продолжил:

— Из всех кровожадных народов древние мексиканцы — самые кровожадные. Ежегодно они приносили в жертву своим отвратительным богам и богиням более пятидесяти тысяч человеческих жизней. Дьяволы проклятые! Больные ненавидящие умы! Позор земли.

Стивенс вдруг обратил внимание на то, что его

бокал как-то незаметно опустел. Он, шатаясь, встал на ноги и сказал:

— Ладно, давай не будем говорить об этом. Поговорим о тебе. И больше не наливай мне, пожалуйста. Еще один глоток — и я свалюсь с ног.

Стивенс подошел к Мистре и обнял ее. Она не сопротивлялась его поцелуям и, спустя мгновение, начала отвечать на них, они долго стояли, обнявшись, и целовались. Потом он отпустил ее и отступил на шаг.

— Ты самая прекрасная женщина, которую я когда-либо встречал.

Стивенс увидел, что она смотрит на него пристальным взглядом, словно ждет он него чего-то. Внезапно Стивенс покачнулся, и комната поплыла у него перед глазами. Он оперся рукой на бар и в замешательстве произнес:

— Я пьян.

Он вдруг оказался в центре комнаты, покачиваясь, уставившись на девушку сквозь странную дымку, застилавшую ему глаза.

— Я подмешала кое-что в напиток, — призналась Мистра.

Стивенс неуклюже сделал шаг к ней навстречу, и ему показалось, что пол сильно качнулся под ним. Шок от падения на мгновение отрезвил его:

— Но почему? Что…

Это было не последнее, что он помнил. Но это было последнее, что он помнил отчетливо.

8

Когда Стивенс проснулся, было уже светло. Он долго лежал, уставившись затуманенными глазами в потолок незнакомой комнаты, пока память не вернулась к нему. Вскочив с кровати, он на мгновение почувствовал страх, но постепенно успокоился. Он был жив. И что бы она ни подсыпала ему в бокал, это не было ядом.

Одежда Стивенса лежала на стуле. Он быстро оделся и выглянул за дверь. Насколько он помнил, там, по коридору, в нескольких ярдах, находилась еще одна спальня. Стараясь не шуметь, он осторожно подкрался к ней, обнаружил, что дверь открыта, и заглянул внутрь.

Несколько секунд он стоял неподвижно, рассматривая спящую Мистру. Лицо ее во сне было удивительно молодым. Если бы ему не был известен ее возраст, он подумал бы, что она намного моложе: казалось, что ей не тридцать, а чуть больше двадцати.

Стивенс смутно помнил, что ночью он слышал ее голос. Он не мог сказать наверняка, в какой комнате они находились, но он много раз слышал ее крики, а иногда она что-то шептала о Грэнд

Хаузе. Многое из того, что она говорила, Стивенс помнил плохо, но кое-что очень отчетливо. В его мозгу это запечатлелось так же ясно, как в горле — ощущение жжения от октли. Его коробило от воспоминаний, и он уже собрался выйти из спальни, когда увидел, что глаза Мистры открыты, и она смотрит на него.

Наблюдает за ним. Стивенс невольно отступил, заметив, что глаза ее вспыхнули, сделавшись яркими, как звезды. Он помнил этот странный яркий свет ее глаз, даже тогда, когда провалился в темноту.

Неожиданно у него появилось ощущение, что этой женщине не меньше, а гораздо больше тридцати. Он вспомнил, что она вчера говорила что-то о бессмертии. «Дом такой старый, — возбужденно шептала она в темноте ночи, словно перед ее глазами вставали какие-то страшные образы древней жизни. — Такой старый, такой старый…»

Стоя теперь перед ней, Стивенс вдруг подумал, что уже знает тайну Грэнд Хауза. Холодок пробежал у него по спине, когда в ее глазах он прочитал, что она поняла его догадку. Губы Мистры слегка приоткрылись, и она приподнялась в кровати, как будто захотела быть ближе к нему. Ее глаза

напоминали горящие озера, а мышцы лица так напряглись, что черты застыли, как будто их изваяли из камня. Тело ее мгновенно сделалось некрасивым, напряженным и скованным.

Но через мгновение она уже была такой же, как и прежде. Потянувшись в кровати, она улыбнулась и лениво произнесла:

— В чем дело? Решил незаметно подкрасться ко мне?

Видение исчезло, и Стивенс, вместо фантастических образов, представил, что стоит посреди спальни девушки, смущенный ее взглядом и словами.

— Нет, — пробормотал он. — Я хочу побриться.

Бритье было чем-то реальным, а ему хотелось сбежать от нее хоть в какую-то реальность.

— Принадлежности для бритья в ванной комнате.

Бреясь, Стивенс вспомнил, что сегодня Рождество. Но его мысли недолго задержались на этом. Он снова подумал о Мистре. Из ее спальни не доносилось никаких звуков: вся квартира погрузилась в тишину, — и ему был слышен только звук собственного дыхания. Он думал о том, верна ли разгадка тайны Грэнд Хауза. Закончив одеваться, он направился в библиотеку. «Мне

нужно почитать эти книги», — решил он.

«Истории Грэнд Хауза» на месте не оказалось, и, поискав ее на других полках, Стивенс понял, что она исчезла. Пропали также книги «Начало Альмиранта» и «Танекила Отважный». Ему показалось невероятным, что Мистра могла спрятать их. Он стоял в раздумье, в то же время невольно прислушиваясь к шуму воды в ванной наверху. Она была там.

Стивенс поднялся в гостиную, а потом пошел в сторону спальни Мистры. Солнце сквозь все окна заливало квартиру, и от темных мыслей Стивенса не осталось и следа. Он почувствовал себя идиотом: как такие фантазии, как бессмертие, могли прийти ему в голову?! Но все-таки ему очень хотелось выяснить кое-что.

Дверь в спальню была открыта. Стивенс постучался достаточно громко, чтобы приличия были соблюдены, но не слишком громко, чтобы это услышала Мистра из-за шума льющейся воды. Заглянув в спальню, он увидел, что дверь в ванную открыта, и из нее выползает белый пар. Шум воды тут же прекратился, за ним последовало шлепанье босых ног, а через мгновение в дверях появилась Мистра, завернутая в необъятно большой халат. Она задумчиво посмотрела на

Стивенса, но ничего не сказала, потом села за туалетный столик и начала приводить в порядок волосы.

Стивенс ждал. Он чувствовал, что ощущение страха, испытанное перед ней недавно, снова возвращается.

Мистра была красивой женщиной, если под красотой понимать эффектную внешность — лицо и тело — и уверенность в себе. По ее русым волосам, ярким зеленым глазам, тонко очерченному лицу и светлой коже можно было сделать вывод, что в ней есть европейская кровь, хотя Стивенс не сомневался, что предки девушки смешивались не только с европейцами. Ему казалось, что в ее жилах течет кровь благородных и отважных людей. Глядя на нее, он на минуту совсем забыл, зачем пришел сюда, но все же ему удалось сформулировать свой вопрос:

— Ночью вы, кажется, беспокоились по поводу того, где добывался мрамор для постройки Грэнд Хауза. Кому об этом известно? — Стивенс видел в зеркале ее лицо и задумчивые глаза. Когда женщина перевела на него взгляд, ему показалось, что она не собирается отвечать. Но она ответила:

— Значит, ночью у меня были какие-то видения, вызванные октли? — Она засмеялась и

добавила: — Думаю, мне нужно прекратить пить его.

Стивенс подумал, что она не похожа на человека, которому смешно, а кроме того, она так и не ответила на его вопрос. Он подождал, когда она перестанет смеяться, и попытался настаивать:

— Этот мрамор… — начал он, но она резко оборвала его.

— Откуда я знаю? Чертовому дому больше тысячи лет.

Стивенс не сдавался:

— Из первого абзаца книги о Грэнд Хаузе я узнал, что никому не известно, кто построил дом, но, может быть, сведения о том, откуда брался мрамор, есть.

Она иронически улыбнулась:

— Люди, которые ведут себя так, как вы, уже давно не удивляют меня. Вот вы стоите здесь, имея в руках множество нитей, ведущих к разгадке. По вашему лицу и вопросам я вижу, что мои доводы представляются вам разумными, но вы продолжаете рваться в бой. И вам, кажется, наплевать, что я намеренно одурманила вас.

— А зачем вы одурманили меня?

— Чтобы дезориентировать. Я хотела побольше узнать о вас, выиграв время.

— Не понимаю.

Она пожала плечами:

— Я хотела узнать, не тот ли вы человек, которого все боятся.

Прошло немало секунд, прежде чем Стивенс, ошеломленный ее заявлением, смог продолжать:

— Какой человек?

— Разве не понятно? Ведь кто-то же должен был построить Грэнд Хауз. Кто? Все эти годы мы не переставали думать об этом.

Стивенс почувствовал разочарование. Ее объяснение было полнейшим безумием. Мистра между тем продолжила:

— Если вы… — строитель, — то вам удалось скрыть это от меня. Хотя вам вряд ли повредит то, что вы останетесь предметом их внимания.

Ее слова поразили Стивенса. Ведь — из-за безумия или нет — один человек уже был убит. Почему бы за ним не последовать Алисону Стивенсу, если они сочтут его опасным? Быть убитым только потому, что какому-то сумасшедшему пришло в голову измерять возраст Стивенса тысячелетиями?!

— Кто убил Джона Форда? — спросил он. — Его убийство ведь имеет отношение к вашей груп-

пе?

Она покачала головой, а потом серьезно сказала:

— Ни один член группы не виноват в этом. Наш экстрасенс прощупал мозг каждого из пятидесяти трех.

— Пятидесяти трех! — воскликнул Стивенс. Он не ожидал, что их так много.

Казалось, Мистра не слышала его восклицания.

— Это простое убийство. — Она замолчала на мгновение. — Хотя, может быть, его следует использовать в своих целях. Пока не знаю.

В ее целях! Стивенс напрягся. Это было именно то, что ему необходимо было узнать. Не особенно надеясь получить ответ, он все же спросил:

— А какова твоя цель?

Воцарилось долгое молчание. Она размышляла. Наконец медленно наклонилась к ящику столика, открыла его и достала один-единственный лист. Не глядя на него, она сказала:

— Это ультиматум, который я очень скоро передам по радио правительству Лорилии. Срок выполнения будет окончательно установлен днем, когда сообщение поступит в эфир. Моя ссылка на Марс связана с психологическими

причинами. Я хочу привести их в смятение, поколебать их уверенность в себе, чтобы они немедленно эвакуировали те заводы, о которых говорится в ультиматуме. Послушай!

Она медленно начала читать уверенным и решительным голосом:

Рабочие, занятые в проекте «Туман»! Ровно через два часа все ваши заводы будут снесены с лица земли энергетическими потоками с космического корабля. Это акция обитателей планеты Марс, которым хорошо известны планы ваших правителей, готовящих внезапный атомный удар по Соединенным Штатам.

Немедленно расходитесь по домам. Не дайте никому остановить вас. К полудню на заводах не должно остаться никого. Помните: защитить вы себя не сможете.

Нет атомной войне на Земле!

Мистра внимательно посмотрела на Стивенса и сказала:

— Может быть, я изменю время, но все остальное будет так, как здесь написано. Что ты думаешь об этом?

Стивенс не услышал вопроса. В голове у него была какая-то каша. С трудом придя в себя, он произнес срывающимся голосом:

— Ты что, сошла с ума?

Она не обратила на его слова никакого внимания и добавила:

— Я думаю, что мне придется прибегнуть к твоей помощи. Никто в одиночку не может взять штурмом хорошо укрепленную крепость.

— Если вы атакуете Лорилию, там подумают, что это дело рук Соединенных Штатов, и предпримут ответный удар.

— Они и так планировали осуществить внезапную бомбардировку, а потом собирались отрицать свою ответственность.

— Если все так, как ты говоришь, они не выйдут сухими из воды.

— Выйдут. — Она продолжала уже очень спокойно: — Если основные города США будут мгновенно уничтожены, разрушатся их промышленный хребет и их сердце. Кто им объявит войну, если их первые бомбы упадут на Вашингтон во время работы Конгресса? — Мистра покачала головой, ее взгляд стал тверже.

— Мой друг, ты не хочешь мыслить рационально. Уверяю тебя, что наша группа никогда бы не пошла на то, чтобы покинуть Землю, если бы не исключительные обстоятельства.

Стивенс вдруг подумал: «Я реагирую так, как

будто действительно верю в то, что у них есть космические корабли». Его взгляд упал на листок бумаги, и он попросил:

— Дай-ка мне посмотреть ультиматум.

Мистра протянула ему листок с загадочной улыбкой. Стивенс взял его, бросил на него взгляд и понял, почему она улыбается: текст бы написан на иностранном языке. Стивенс был не настолько компетентен, чтобы утверждать, что это — лорилианский, но, скорее всего, это был именно он. Мистра снова заговорила:

— Вот это и есть причина моего разлада с группой. Они хотят разобрать Грэнд Хауз и увезти его с Земли. До тех пор, пока буря здесь не утихнет. А я думаю, что мы несем ответственность за судьбу Земли, что мы не можем позволить себе использовать свои знания только для своего собственного удовольствия, как это было раньше.

— Куда они хотят отвезти его? — задав этот вопрос, Стивенс обнаружил, что стоит, наклонившись к ней, и с замиранием ждет ответа. Она, казалось, не замечала его возбуждения.

— На Марс. — Мистра произнесла эти два слова как ни в чем не бывало.

— У нас там есть подземный центр, где дом будет в безопасности.

— Вы все отправитесь туда?

— Да, но только на время войны.

— А у вас имеются действительно серьезные причины для опасений? Почему вы считаете, что они сбросят бомбу в Альмиранте?

— Дело не только в этом. Если прибрежные воды Лос-Анджелеса или Сан-Франциско будут заражены, на Альмирант это тоже окажет воздействие. Радиоактивность может повлиять на структуру мрамора, благодаря которому дом так долго стоит. Даже те в нашей группе, кто против полета, понимают, какой большой опасности подвергается Грэнд Хауз.

— Значит, есть кто-то еще, кроме тебя, кто не согласен с тем, чтобы улетать с Земли? Почему же они не помогают тебе?

Губы Мистры сжались:

— Таннахил тоже возражал против этого, естественно. Здесь он законный владелец дома, а на Марсе нет законов, которые будут защищать его права на собственность. Он потеряет свое преимущество перед нами.

— Понятно. — Стивенс кивнул. Теперь он знал кое-что о своем хозяине.

— Непонятно только, для чего понадобилось группе покушение на его жизнь.

— Мы к покушению не имеем никакого отношения. — Она говорила быстро и нетерпеливо. — Что же касается права собственности на Грэнд Хауз, то все было продумано. Группа получала от Таннахила полное финансовое обеспечение. Каждый отписал все, что имел, Таннахилу, дабы укрепить Грэнд Хауз в правовом и финансовом отношении, а за это получал доход. Любой, кто потом начал бы претендовать на владение домом, был бы наказан.

— Но ведь это только деньги, — возразил Стивенс. — Если же дом имеет какую-то особую силу, значит, он бесценен.

— Не забывай, что речь идет именно о том, чтобы уберечь дом от какого-либо ущерба. И все члены группы неукоснительно придерживались установленного закона. Даже когда Таннахил был практически убит, они ждали, пока он окажется в безопасности, пройдет через фальшивые похороны и снова вступит по праву наследства во владение дома. Чтобы к моменту, когда он придет в сознание и подпишет свой отказ на право владения Грэнд Хаузом, они успели все подготовить для отлета.

Лицо Стивенса прояснилось:

— Понятно. Значит, Таннахил и его дядя — одно

и то же лицо? А когда он пришел в себя, то забыл свое прошлое?

— Это я помогла ему, — безразличным тоном произнесла она. — Пробралась в больницу и дала ему наркотик.

— Ты… дала наркотик… Таннахилу и уничтожила его память?!

Это был не вопрос. Стивенс верил ей, хотя все сказанное этой железной женщиной поставило его в тупик. Все это было выше его понимания. И вдруг он подумал: «Я же доверенное лицо Таннахила, и я слушаю все это».

У Стивенса и в мыслях не было использовать информацию, которую он получил от Мистры, против нее. Он думал, что ее вину было бы слишком трудно доказать, ведь воздействие на сознание Таннахила произошло в результате использования какого-то еще не известного человечеству химического вещества. И кто поверит всему этому?

Мистра снова заговорила:

— Дело в том, что в механизм человеческой памяти вообще-то вмешаться очень легко. Тут хорошо работает глубокий гипноз. А то, что я ему дала, просто оказывает более длительное действие. Хотя в любой момент я могу нейтрали-

зовать его антидотом.

— Почему же другие не сделают этого?

— Потому что, — слегка улыбнулась девушка, — они не знают, какую дозу я ему дала. И какой наркотик. А навредить Таннахилу ни в коем случае нельзя.

Стивенс недоумевающе покачал головой. Потом озабоченно спросил:

— Но если не ты стреляла в Таннахила, то кто же?

— Я же сказала, произошла случайность, несчастный случай. Наш экстрасенс заявила, что в группе никто к этому не причастен.

Стивенс вспомнил, что их телепатка не смогла полностью прощупать его сознание, допустив одну важную ошибку.

— Кажется, вы все слишком полагаетесь на нее. Я имею в виду, что тяжело поверить в случайность, когда речь идет о владельце Грэнд Хауза. Может быть, кто-то еще возражал против отлета?

— Еще один. Но он в конце концов передумал, как и Таннахил.

— Как и, очевидно, Таннахил, ты хочешь сказать.

— Тризель выяснила это.

— Тризель — так зовут телепатку?

— Да. — Мистра замолчала. — Ты недооцениваешь роль несчастных случаев. Эта штука — наш кошмар. Всякого рода крушения, пьяные шоферы, пожары, перестрелки бандитов. Война.

Помолчав, Стивенс спохватился:

— Этот разговор о Таннахиле напоминает мне о том, что я плохо справляюсь со своими обязанностями. Надо мне позвонить ему, хоть сегодня и Рождество.

— Рождество! — повторила Мистра, удивленно глянув на него. — Это наркотик так сильно одурманил тебя. Сегодня уже двадцать шестое. Разве ты не помнишь?

— Что?

Когда прошел первый шок, Стивенс попытался напрячь память. Но ему ничего не удалось вспомнить, кроме того, что уже вспоминалось ему: длинная ночь и сон, прерывающийся криками Мистры.

— Тем более, надо позвонить немедленно.

Стивенс поспешил в гостиную, где, как он помнил, находился телефон. Он набрал номер, уже приговаривая в уме слова извинения. Но это оказалось лишним. Услышав его голос, Таннахил сразу сказал:

— Я как раз собирался позвонить вам. Я хочу познакомить вас кое с кем. Мы будем у вас дома через час. Надеюсь, вы хорошо отпраздновали Рождество.

Стивенс ответил, что — да, он хорошо провел время, что его не было дома, но он немедленно вернется туда. Положив трубку, он облегченно вздохнул. Голос Таннахила звучал спокойно: значит, ничего неожиданного не произошло. Потом он набрал номер офиса, услышал щелчок, а за ним — голос своей секретарши.

— Мисс Чейнер, я хотел…

Но девушка внезапно прервала его:

— Ой, мистер Стивенс, как хорошо, что вы позвонили. У нас произошло убийство. Убит мистер Дженкинс, вахтер. В канун Рождества.

9

— Убит! — повторил ошеломленный Стивенс.

Связано ли это убийство с его расследованием? По сути, Дженкинс был служащим Таннахилла. Но втиснуть прискорбный факт его смерти в цепочку других событий, имевших недавно место, пока не представлялось Стивенсу возможным. Хотя, он чувствовал, связь здесь должна была быть: сначала охранник, потом — вахтер. Кто-то действовал очень решительно и последовательно. Если не члены группы, то кто?

Он начал задавать мисс Чейнер вопросы. Фактов оказалось немного. Дженкинс был найден с ножом в спине возле лифта. Так как имелись некоторые основания подозревать ревнивую супругу, женщину арестовали. Стивенс чувствовал себя отвратительно. Ему нравился Дженкинс.

— Я сегодня буду попозже, — предупредил он секретаршу. — До встречи.

Он повесил трубку и нахмурился. Что-то происходило. Но что все это значит? От Мистры он знал, что группа придает значение убийству охранника постольку, поскольку убитый имел какое-то отношение к Таннахиллу. Вряд ли им придет в

голову, что между Таннахилом и Дженкинсом тоже может быть какая-то связь. Стивенс решил, что в данном вопросе он, пожалуй, осведомлен лучше их. Надо только проанализировать и сопоставить все факты.

Стивенс вернулся через гостиную к комнате Мистры и постучал в дверь. Через мгновение дверь открылась. Мистра вопросительно посмотрела на него. Адвокат объяснил, что уходит, чтобы встретиться с Таннахилом.

— А что ты будешь делать? — спросил он.

— У меня все будет в порядке, — спокойно ответила она.

— Может, тебя проводить куда-нибудь отсюда?

— Нет, — холодно произнесла женщина. — Меня нужно было проводить сюда. Здесь я в безопасности.

Стивенс стоял в нерешительности, думая о том, что до сих пор не знает, чего она боялась и боится до сих пор.

— Почему же войти сюда одной было проблемой?

— Потому что они не хотят, чтобы у меня был корабль.

Корабль! Стивенс не знал, как реагировать, и почел за благо поменять тему.

— Я скоро вернусь и, возможно, снова смогу быть тебе чем-нибудь полезен.

— Спасибо, — ее голос звучал равнодушно. — Но меня здесь не будет.

Стивенс понял, что, к его величайшему сожалению, от него отмахиваются самым решительным образом. Он внимательно посмотрел ей в глаза и спросил:

— Ты боишься, что я расскажу кому-нибудь о том, что узнал от тебя?

— О нет, ведь тогда люди подумают, что ты сошел с ума. — Она засмеялась.

Ему все же не хотелось уходить.

— Мы еще увидимся?

— Возможно.

Стивенс попрощался с ней и вышел из спальни, надеясь, что она все же окликнет его и что-нибудь скажет. Но женщина этого не сделала. Он открыл обе двери и закрыл их за собой, спустился на лифте вниз и, выйдя на улицу, зажмурился от яркого дневного солнца. Его часы остановились, но ему казалось, что сейчас не больше часа дня. Домой Стивенс добрался без всяких происшествий.

Таннахил прибыл через десять минут, один. Стивенс открыл дверь, ему пришло в голову, что это их первая встреча в дневное время. И все же

он узнал бы Таннахила где угодно и когда угодно: бледный высокий молодой человек со впалыми щеками, передвигавшийся с помощью палки. Стивенс предложил ему руку, чтобы помочь войти, но Таннахил с раздражением отмахнулся от нее.

— Мы решили прийти порознь, — объяснил он. — Поэтому я пришел раньше.

Так и не назвав человека, которого он сюда пригласил, Таннахил проковылял в гостиную и присел. Стивенс внимательно изучал его. Он думал о том, что представлял из себя этот человек. Танекила Отважный, проницательнейший из капитанов испанских судов семнадцатого столетия. Трудно было представить себе Таннахила смущенным или несчастным.

Таннахил опустил глаза, глубоко вздохнул и произнес:

— Должен вам признаться, Стивенс, что в ночь нашей встречи вы узнали обо мне больше, чем любой другой человек на свете. Место, где мы встретились, всегда располагает к искренности.

Он замолчал и испытующе посмотрел на Стивенса, который немедленно твердо заверил его:

— Я могу повторить еще раз: в любой ситуации я на страже ваших интересов.

Таннахил продолжил:

— Я хочу открыть вам очень большой секрет, — он снова замолчал. — Стивенс, я помню, что находился в гробу.

Адвокат молча ждал: он боялся спугнуть человека, решившего довериться ему. Тот продолжал:

— Я попытаюсь кратко описать вам мои впечатления, пока нас не прервали.

В нескольких словах он рассказал Стивенсу, как его вытащили из больничной койки, перевезли на космический корабль, с которого он попал на свои похороны, а потом вернули в больницу.

Таннахил закончил, и в большой гостиной воцарилась тишина. Поколебавшись, адвокат спросил:

— А на каком этаже вы располагались в больнице?

— Придя в себя после всего этого, я обнаружил себя на пятом. А на каком я был до моего похищения — не знаю.

— Нужно проверить, — сказал Стивенс. — Интересно, как им удалось спустить вас по лестнице.

Он собрался было поподробнее расспросить о корабле, но передумал. Ему не хотелось даже думать о том, что межпланетные корабли существуют. Ведь если это так, то бессмертные,

которые летают на них, должны обладать гораздо более высоким уровнем развития науки и техники, чем люди. Стивенс поймал себя на мысли, что все же верит всему, о чем говорила Мистра.

Звук приближающегося автомобиля вывел адвоката из оцепенения. Машина уже была на дороге, идущей в гору, и подъезжала прямо к его дому. Стивенс вопросительно глянул на Таннахила, который поспешно сказал:

— Когда я был в Лос-Анджелесе, то нанял детектива. Это, наверное, он. Что ему можно рассказать?

— Детектива? — воскликнул Стивенс. Ему никогда бы не пришла в голову мысль, что Таннахил пойдет на это. Он разочарованно и без всякой заинтересованности произнес: — Все зависит от того, каков этот человек.

Снаружи уже заглох мотор, и на ступеньках раздались шаги. Потом раздался звонок в дверь. Через мгновение Стивенсу был представлен маленький крепкий человек.

— Билл Ригз? — переспросил Стивенс.

— Билл Ригз, — кивнул весь покрытый веснушками молодой человек.

Такое имя легко запоминалось. Стивенс пожал протянутую руку и приготовился слушать

вполуха, так как не надеялся услышать ничего особенно ценного.

— Послушайте меня оба несколько минут и скажите, насколько правильно я понимаю ситуацию.

Таннахил кивнул, Стивенс оставался безучастным. Когда Ригз закончил, Таннахил повернулся к адвокату, который мобилизовал все силы, чтобы не выдать своего недоверия к детективу.

— Так что вы об этом думаете, Стивенс?

— Скажите, вам кто-либо порекомендовал нанять мистера Ригза?

— Нет. Я сам нашел его, когда мне потребовался человек его профессии.

Стивенс решил, что детектив, по крайней мере, лицо не подосланное и не заинтересованное.

«Хорошо было бы, если бы он нашел того, кто послал записку Хаулэнду»,

— подумал адвокат, а вслух сказал:

— Ну тогда можно рассказать ему все.

Таннахил последовал его совету без малейших колебаний. Когда он закончил, Ригз спросил:

— А вы проверяли отпечатки пальцев?

— Пока нет, — ответил Стивенс, предусмотрительно умалчивая о том, что узнал от Мистры.

Ригз кивнул и медленно произнес:

— Если дело дойдет до суда, поменьше настаивайте на своей амнезии. Я понимаю, что вы чувствуете и что вы испытали, но в делах, связанных с убийством, доводы такого рода всегда вызывают подозрение. — Он помолчал. — Но что же, думаю, мне пора заняться делом.

Ригз поднялся и направился к выходу, но на полпути обернулся:

— Естественно, я навел о вас, мистер Таннахил, кое-какие справки в городе — совершенно конфиденциально. Я узнал, что вам принадлежит четверть Калифорнии, но в Альмиранте вас практически никто не знает.

— И что же?

— Сэр, то, что вас никто не знает, — плохо. Первая реакция людей по отношению к человеку с деньгами — зависть. Мой вам совет: преподнесите им на блюде кое-что из своих доходов. Многие станут думать, что вы способны принести пользу городу. И если начнется суд, горожане будут смотреть на дело с точки зрения своей выгоды. Они будут считать, что в вашем лице преследуют человека, от которого зависят их материальные интересы.

— Дельный совет, — кивнул Таннахил. — Мистер Стивенс, надо немедленно продумать, как

это осуществить.

Уже в дверях Ригз снова обернулся к ним:

— Я вам позвоню. Первые козыри у меня на руках уже есть.

Из окна Стивенс увидел, как старенький «седан» детектива вырулил на шоссе, обогнул место, густо поросшее деревьями, и скрылся. Эта встреча произвела на адвоката более благоприятное впечатление, чем он ожидал.

— Думаю, что вы выбрали нужного человека, — сказал он.

Но полное спокойствие не возвращалось к Стивенсу. Как можно быть спокойным, узнав о том, что совсем рядом стоит дом, который дарует своим обитателям вечную жизнь? Ведь если это правда, то проблема законного владения Грэнд Хаузом очень серьезна. Разоружив законного владельца, Мистра, например, нарушила устоявшийся образ жизни всей группы «бессмертных».

— Стивенс, позвоните в агентство «Ильвер имплоимент» и спросите, есть ли у них что-нибудь для меня, — прервал молчание Таннахил. — А где у вас тут кухня? Мне нужно выпить глоток воды.

Стивенс показал и сразу же позвонил в агентство:

— Я звоню по поручению мистера Таннахила.

— Да-да. Для него имеется сообщение. Скажите мистеру Таннахилу, что мы нашли ему экономку.

Стивенс записал сообщение. Оказалось, что агентство двадцать восьмого числа обеспечивает двух опытных слуг для обслуживания гостей на приеме, организуемом наследником.

Стивенс закончил разговор, когда вошел Таннахил. Адвокат передал ему содержание сообщения. Тот кивнул и пояснил:

— Я хочу устроить небольшой праздник для альмирантцев, на котором каждая капля спиртного будет за счет Таннахила. — Его впалые щеки порозовели. — Мне нужны единомышленники. Люди, на которых я могу положиться. Придете?

Стивенс покачал головой:

— Мне лучше остаться дома и вновь попытаться связаться с Пили. Если это удастся, я еще успею присоединиться к вам.

Стивенс проводил Таннахила, посмотрел на часы — было уже начало четвертого — и позвонил в телефонную компанию.

— У нас есть ваш заказ, мистер Стивенс, — отозвался женский голос. — Мы уже несколько раз соединялись с домом и офисом мистера Пили, но его нет. Хотите поговорить с кем-нибудь из

его семьи?

— Конечно! — воскликнул адвокат.

Минуту спустя, трубку взял человек, назвавшийся слугой:

— Мистер Пили уехал на праздник, сэр… Нет, сэр, мы не знаем адреса… Мы все беспокоимся… Мистер Пили обещал позвонить, но до настоящего момента мы не получили от него никаких известий. У нас имеется ваша телеграмма.

Стивенс просил передать мистеру Пили, как только он появится, чтобы он срочно связался либо с мистером Таннахилом, либо с мистером Стивенсом.

Небо было, как голубой бархат, а воздух — прохладен и свеж, когда Стивенс ехал на своей машине в город. В здании конторы уже работал новый вахтер, в котором адвокат узнал тестя охранника. Старик временно исполнял обязанности вахтера.

Тело Дженкинса убрали сразу же, но Стивенс попросил, чтобы охранник показал, где оно лежало. Труп обнаружили за лифтом возле лестницы, ведущей в подвал. Стивенс не нашел никаких следов, свидетельствовавших о том, что Дженкинс боролся за свою жизнь. Слегка разочарованный, он успокоил себя тем, что это только начало

поисков.

Стивенс прошел в свой кабинет. Найдя адрес Дженкинса, он поехал к его дому кратчайшим путем. Это был беднейший из районов города… высокие пальмы… бунгало со следами штукатурки.

Стивенс позвонил, но никто не ответил, тогда он пошел к черному ходу с задней стороны и увидел в дальнем конце огороженного забором участка гараж, а под деревом с северной стороны — маленький трайлер. Тонкая струйка дыма тянулась из металлической трубы, выступавшей из его крыши. Стивенс подошел туда и постучал.

Дверь открыла женщина, в которой он узнал одну из уборщиц своей конторы. Кажется, ее звали Мадж. Увидев его, женщина всплеснула руками:

— Это вы, мистер Стивенс!

— Я ищу миссис Дженкинс, — солгал Стивенс.

Худое, дряблое лицо Мадж приняло удивленное выражение:

— Да ее же арестовали. Полиция думает, что она порешила мужа.

— А что вы думаете, Мадж? Она могла это сделать?

Бойкий взгляд живых глаз остановился на

Стивенсе:

— Не… На черта ей это нужно было? Из-за того, думаете, что у нее был другой мужик? Это те, у кого много мужиков, должны глядеть в оба.

По-видимому, самой Мадж глядеть в оба не грозило. Уборщице очень хотелось поговорить, а так как болтливый Дженкинс ничего от нее не утаивал, Стивенсу показалось разумным попытаться выведать у нее хоть что-нибудь.

— Мадж, — сказал он решительно, — не могли бы вы припомнить все, что происходило накануне убийства Дженкинса? Может быть, он вам о чем-то рассказывал? Меня интересует любая, пусть самая маленькая деталь.

Мадж пожала плечами:

— Да какой с меня толк, мистер Стивенс! Билл мне рассказывал как вы вдвоем слыхали крики этих индейцев. — Она захихикала. — А когда позднее пришел мистер Пили, Бил сказал…

— Пили?! — воскликнул пораженный Стивенс. — Вы имеете в виду Уолтера Пили, адвоката из Лос-Анджелеса?

— Да, его. Он всегда давал Биллу хорошие чаевые. Мировой парень!

В голове Стивенса ярко вспыхнула вся картина. Он вспомнил, что в ту ночь Тезлакодонал,

открывая ему дверь офиса «Мексиканской импортирующей компании», ожидал увидеть какого-то другого человека. Неужели Пили можем быть связан с ними? Вслух он произнес:

— Послушайте, Мадж, если вы что-нибудь вспомните, скажите об этом сначала мне. Хорошо?

— Конечно, — согласилась Мадж.

Стивенс уходил с мыслью о том, имеет ли Пили отношение к убийству Дженкинса. Пили мог и не волноваться о том, что его узнают. Ему незачем было объяснять свое поведение — ни Алисону Стивенсу, ни кому-либо другому.

Адвокат направился в центр города. Было уже начало шестого. Он пообедал, а потом более двух часов просидел у входа в Вальдорф Армс, наблюдая за входящими и выходящими из здания. У Стивенса уже имелась версия относительно намерений жильцов дома. Все они были членами группы, которых ему следовало запомнить.

За то время, пока Стивенс наблюдал, у входа появилось пять человек. Адвокат хорошо рассмотрел двух из них — оба белые, с запоминающейся внешностью, раньше он их не видел.

Незадолго до того, как пробило девять, Стивенс, бросив последний взгляд на вход в необычное

здание, решил вернуться в свой офис.

Стивенс испытал одновременно разочарование и облегчение, увидев, что в окнах помещения «Мексиканской импортирующей компании» нет света. Он постоял у дверей офиса некоторое время, прислушиваясь, пока не убедился, что все абсолютно тихо. Воспользовавшись своим универсальным ключом, Стивенс отпер дверь, щелкнул выключателем и убедился, что находится в помещении один. Адвокат сразу же нашел книгу с адресами, ради которой пришел. Он выписал еще двадцать два адреса людей, с которыми «Мексиканская импортирующая компания» имела деловые отношения.

Закончив, Стивенс взял одну из глиняных фигурок, положил ее на бок и начал внимательно изучать, придумывая, как бы ему рассмотреть механизм изнутри. Вдруг его внимание привлек какой-то звук. Стивенс поспешно обернулся: в дверях стоял человек и пристально смотрел на него. Незнакомец был высок, хорошо сложен и удивительно похож на какого-то знакомого Стивенса. И все же адвокату пришлось еще немало раздумывать, прежде чем он понял, что видит своего двойника: на мужчине была маска лица Алисона Стивенса, и у адвоката возникло ощу-

щение, что он смотрит в зеркало. В следующее мгновение в мозгу Стивенса словно погас свет.

10

Очнувшись, Стивенс обнаружил, что находится в полной темноте. Ему показалось, что он лежал на голом земляном полу и, ощупав пространство вокруг себя, он понял, что догадка верна. Он начал вспоминать, как потерял сознание, и пришел к выводу, что ему нанесли удар сзади. Стивенс ощупал затылок, но не обнаружил повреждения. Изумленный, он полез в карман за своим пистолетом и с облегчением вздохнул: пистолет оказался на месте. Вскочив на ноги, адвокат вытащил из кармана спички и зажег одну из них, но она сразу же погасла, так что с первого раза он ничего не увидел. Стивенс зажег вторую спичку и убедился в том, что и над головой, и под ногами у него земля.

Пещера!

В голову ему пришла бесспорная, по его мнению, мысль: он не мог находиться далеко от своей конторы. Это придало ему сил. Стивенс посветил на часы: было без пяти десять. Спичка вспыхнула и погасла, а он решительно направился вперед в полной темноте. Двигаясь очень осторожно, держась за стенку, Стивенс, прежде чем сделать

шаг, тщательно ощупывал ногой место, на которое ступает. Вскоре он понял, что поднимается вверх.

Прошло полчаса. «Боже мой, — думал он, — где же это я? Куда иду?» Он пытался представить, какая местность может быть над ним, и вдруг его осенило. Ну конечно же! Он идет в сторону Грэнд Хауза, который находится на возвышенной местности. Очевидно, это подземный ход. Через час Стивенс вышел за пределы пещеры. Он шел по покрытому ковром полу и прислушивался. Ни единого звука. Адвокат зажег еще одну спичку и обнаружил, что находится в небольшой комнате. В углу, в отгороженной части помещалась кровать, а у стены — стол, на котором стояли причудливые лампы, похожие на керосиновые. Стивенс снял стекло с одной из них, чтобы зажечь, но только попусту истратил несколько спичек: фитиль не загорался. Ощупывая в темноте гладкую поверхность чашеобразной части лампы, он обнаружил кнопку. Нажав на нее, адвокат отпрянул: сердцевина лампы ярко загорелась, и стало светло как днем. В комнате было три стула и еще кое-какая разрозненная мебель. Стивенсу хотелось осмотреть все подробно, но он слишком нервничал, понимая, что его пребывание здесь

не случайно.

Заглянув за занавеску, он обнаружил за ней узкий коридор. Неся перед собой лампу, адвокат пошел вперед и дошел до небольшой лестницы. Поднявшись вверх по ступенькам, он увидел перед собой глухую металлическую дверь. Стивенс толкнул ее, но дверь не открылась, и он начал искать механизм, с помощью которого можно было бы ее открыть, но вдруг передумал, оставил поиски и вернулся в комнату. На этот раз он осмотрел ее более тщательно.

Было заметно, что в комнате давно никто не жил. Все было покрыто пылью, даже покрывало из декоративной ткани на кровати потемнело от грязи, а на нем лежал тоже запыленный экземпляр «Истории Грэнд Хауза». Стивенс схватил томик, и из него выпал листок бумаги. На листке он увидел много фантастических рисунков, а также надпись, сделанную уже выцветшими чернилами:

«Лучше перевести это. Я постепенно забываю язык».

Стивенс сразу же вспомнил все, о чем узнал из «Истории» при первом чтении. Ему стало интересно, и он сразу забыл обо всем, кроме книги. Вот о чем она рассказала ему на этот раз.

Испанская экспедиция, предпринявшая путешествие из Мексики к заливу Сан-Франциско, так и не обнаружила Грэнд Хауз, благодаря смелым действиям Тезлакодонала. Индеец спустился на берег, чтобы встретить корабль. Он без промедления оклеветал уже нанятых членами команды индейцев-проводников, заявив, что они агенты диких племен убийц, и предложил свои услуги. Его отличное знание испанского языка ввело в заблуждение де Порталу, к тому времени губернатора обеих Калифорний. Этот недалекий человек имел глупость безгранично довериться своему новому проводнику, так никогда и не узнав истинного положения вещей. Большая экспедиция вместе со своим военным эскортом была уведена в глубь суши, потом Тезлакодонал привел ее снова к побережью, но Грэнд Хауз на этот раз оказался далеко от них. За это время владельцы получили возможность подумать, что делать дальше с домом. Обмазав Грэнд Хауз глиной и посадив перед ним деревья, они укрыли его от посторонних взглядов со стороны моря. Но теперь перед ними встала более серьезная проблема: спрятать дом от взоров испанских авантюристов и священников, которых было здесь теперь даже больше, чем членов экспедиции.

Тогда решили создать видимость разрушения Грэнд Хауза.

Индейцы — жители деревни вдруг обнаружили, что им уже не разрешается подниматься на холм. На всех подступах к дому были поставлены надежные часовые. С севера привели сотни рабочих и расселили в хорошо охраняемом бункере. Днем мужчины и женщины дома, вооруженные и готовые в любой момент к бою, сторожили рабочих, пока те возили с восточного склона большие массы земли и заваливали ими Грэнд Хауз.

Замаскировать дом удалось в обстановке строжайшей секретности, и те, кто жил в деревне у подножия холма, не подозревали, что делается наверху. Работы длились год и два месяца, а после их окончания рабочие вернулись в свои дома. Но не прошло и дня, как в результате четко организованного нападения армии индейцев-головорезов из-за холма они были уничтожены все: каждый мужчина, женщина, даже ребенок. Таким образом одним ударом были уничтожены все, кто знал об операции по захоронению Грэнд Хауза.

В тот же вечер жители Альмиранта проснулись от громадного зарева, которое было видно со стороны холма. Огонь бушевал почти всю ночь, а утром они увидели огромные мраморные плиты,

лежавшие на земле и покрытые сажей. Все как будто свидетельствовало о том, что Грэнд Хауз сгорел.

На верху укрытого землей дома была сооружена легкая испанская гасиенда — небольшое поместье, и снова было посажено много деревьев. После этого Танекила отправился в Мехико-Сити и организовал там большое количество роскошных приемов, угощая местных высокопоставленных чиновников. Он недолго оставался там, чтобы не возбуждать излишнюю зависть, но губернатор, которому очень понравились его угощения, успел пожаловать ему большие земельные владения, своевременно зарегистрированные Танекилой в Мадриде. Через несколько лет его право на эти владения было ратифицировано американским правительством.

На этом Стивенс прервал чтение, мысленно представляя себе, как Таннахил играл роль добродушного хозяина перед людьми, которые уже два века были мертвы. Тут его поразила мысль о том, что он принимает все это как должное, ничему не удивляясь. Наконец он снова вернулся к действительности, пытаясь понять, как он мог забыть о том, что с ним произошло.

Все дело было в книге. Она словно устанавли-

вала связь между пещерой и Грэнд Хаузом. По какой-то причине член группы привел его в эту тайную пещеру, предполагая, что он обнаружит комнату с книгой. Зачем? И почему этот человек скрылся?

На этой мысли Стивенс споткнулся. Он не мог найти ответа на эти вопросы. Нервничая, адвокат прислушался: было тихо. Он запихнул книгу в карман куртки, поднял лампу и остановился в нерешительности. Куда же ему идти?

Наконец Стивенс откинул занавеску и, спотыкаясь от волнения, вновь прошел по узкому коридору, заканчивающемуся лестницей и глухой металлической дверью, которую он уже осматривал. Стивенс опустил лампу на пол и налег на дверь. Со второй попытки дверь вдруг бесшумно поддалась. За ней находилась длинная комната, в которой Стивенсу сразу бросились в глаза стеклянные шкафы с глиняными фигурками божков. Он поднял лампу и шагнул в комнату. Она оказалась больше, чем ему показалось с первого взгляда, и в одном из ее углов он увидел лестницу. Стивенс поспешил к ней по проходу между рядами стеклянных шкафов. На полках была выставлена целая коллекция маленьких фигурок и причудливых украшений из драгоцен-

ных камней. Это, скорее всего, был музей, но у Стивенса не было времени внимательно разглядывать его экспозицию.

Когда он поднимался вверх по лестнице, у него появилось ощущение, что место ему знакомо. Мгновение спустя, находясь уже на самом верху лестницы, он увидел перед собой плохо освещенную переднюю Грэнд Хауза. Стивенс медленно пошел вперед. Через стеклянную входную дверь не проникал ни один луч света, и адвокат облегченно вздохнул: он боялся, что часы показывают уже дневное время. «Значит, сейчас все-таки ночь, — подумал он, — и я был без сознания всего несколько минут». Он заглянул в гостиную, потом в комнату, уставленную книжными шкафами, а затем — в спальню. Нигде не было ни души. «Вряд ли это удобный момент, чтобы надолго оставаться здесь», — решил он и пошел назад к лестнице, по которой поднялся сюда. Спустившись по ступенькам в музей, Стивенс возвратился к металлической двери. Ему удалось закрыть ее за собой без особых усилий, и он вновь очутился в маленькой комнате, в которой незадолго до этого обнаружил книгу. Он не задержался здесь, быстро пошел дальше в пещеру. Он собирался повнимательнее осмотреть ее. Стивенс посмотрел

на часы: четверть первого.

Немного поколебавшись, Стивенс двинулся вперед, на этот раз по боковому тоннелю, освещая себе лампой путь. Из-за того, что извилистая дорожка круто спускалась вниз, ему приходилось почти бежать. Тоннель закончился другим — поперечным тоннелем, и Стивенс остановился, осматриваясь и размышляя, в какую сторону идти дальше. Он стоял так довольно долго, как вдруг его внимание неожиданно привлек тусклый отблеск стены напротив. Шагнув вперед и дотронувшись до нее, адвокат понял, что стена металлическая. Он вспомнил, что был уже здесь, когда выбирался из пещеры, но тогда подумал, что это — скалистая порода. Стивенс пошел сначала сто ярдов в одну сторону, уткнувшись в тупик, а потом, вернувшись к металлической стене, — приблизительно ярдов сто пятьдесят в другую сторону, также дойдя до тупика. Он снова вернулся к своему металлическому ориентиру и пошел назад по тому же тоннелю, который привел его сюда. На полпути вверх, слева от себя, он нащупал металлическую дверь. Уверенный в том, что здесь есть выход, адвокат начал скользить пальцами по поверхности двери, надеясь открыть ее. Вдруг дверь легко сдвинулась влево,

открывая широкий проем. Сделав шаг вперед, Стивенс определил, что находится в подвале здания своей конторы. Несколько минут он прислушивался, потом зажег электрический свет и выключил лампу. Он положил ее на грязный пол с той стороны двери, откуда пришел, и заметил, что с его стороны дверь покрыта бетоном: таким образом она была надежно замаскирована (стены подвала также были бетонными). Стивенс несколько раз открыл и закрыл дверь, а после этого направился в офис мексиканской компании.

В комнате ничего не изменилось с тех пор, как он побывал здесь несколько часов назад. Дверь была открыта, свет зажжен, глиняная фигурка лежала в том положении, в каком он оставил ее.

11

Был уже почти час ночи, когда адвокат отправился на поиски Таннахила.

Он обнаружил наследника вместе с большой компанией подвыпивших веселых молодых людей в ночном клубе под названием «Пристанище любителя выпить». Официант немедленно поднес ему бокал.

— Не беспокойтесь, — сказал он Стивенсу. — Это за счет миллионов Таннахила.

Огромная, тускло освещенная комната, забитая людьми, гудела от восторга. Адвокат медленно направился к боссу, который сидел в отдельном кабинете напротив двери, улавливая по пути обрывки разговоров: «Вы знаете, что счет, выписанный в…», «Восемьсот девяносто шесть долларов…», «Мне говорили, что он дал каждому официанту по пятьдесят долларов чаевых», «Говорят, что Таннахилы всегда устраивали пышные праздники. Надеюсь, традиция возродится…». Кто-то толкнул Стивенса сзади. Обернувшись, адвокат увидел, что это Ригз.

— Хотел вам дать знать, что я здесь, поблизости. Еще увидимся, — прошептал он и скрылся.

Вслед за Таннахилом Стивенс прошел в бар рядом. У дверей их встретил один из распорядителей, которого, очевидно, предупредили заранее о том, что наследник заглянет сюда. Громко и отчетливо он представил Таннахила большой компании присутствовавших. После этого не менее дюжины молодых девиц предприняли небезуспешные попытки расцеловать щедрого хозяина. Таннахилу это, как видно, понравилось. И Стивенс, стоя за его спиной, подумал, что вряд ли можно упрекать за это человека, который столько времени провел в больнице. Он решил не мешать боссу наслаждаться обществом, но и не терять его из виду.

Через час, когда адвокат уже собрался уходить домой, возле него возникла женщина. У нее были черные как смоль волосы и полное, но не лишенное прелести лицо. Она была небольшого роста, одета в красное платье, в ее ушах сверкали крупные рубины, а на пальцах — бриллианты. Украшением ее платья служили орнаменты, выполненные тоже из драгоценных камней. Она сказала:

— Мистер Таннахил прислал меня. Он хочет, чтобы вы отдали окончательные распоряжения.

Стивенс удивленно уставился на нее. Женщина

тихо засмеялась.

— Я уже осматривала дом, — продолжила она. — Для начала мне потребуется в помощь несколько девушек. Для них нужно найти жилье неподалеку от дома. Но я сама буду жить в доме. Подходит?

Экономка! Стивенс совсем забыл об этом. А ведь он сам принимал сообщение от агента «Ильвер имплоимент» о том, что они подыскали экономку Таннахилу. Босс с большим нетерпением ожидал момента, когда вся прислуга будет нанята.

— Если мистер Таннахил одобрит вашу кандидатуру, — сказал Стивенс, — то мы вас возьмем. Когда вы сможете приступить к своим обязанностям?

— Мистер Таннахил хочет, чтобы я начала службу завтра утром. Но я могу только послезавтра. Так складываются обстоятельства. — Женщина говорила очень решительно.

— Вы имеете в виду — двадцать девятого?

— Мистер Таннахил предложил мне премию в сто долларов, если я начну завтра, и пятьдесят — если я начну послезавтра. — Она весело рассмеялась.

— Я выбираю пятьдесят.

Когда Стивенс наконец узнал, как зовут жен-

щину, — Джико Айне, — ему пришлось долго напрягать память, чтобы вспомнить, где он встречал это имя. Ну конечно! В «Танекиле Отважном» была следующая фраза: «Алонсо не повезло. Его жена, индианка по имени Джико Айне, заколола его ножом».

Стивенс не переставал думать о женщине, когда приехал домой и обнаружил, что уже четыре часа утра. «Значит, члены клуба пытаются проникнуть в Грэнд Хауз», — сделал он заключение.

Адвокат разделся в гостиной и пошел в спальню. Не включая света, он забрался под одеяло, и его тело тут же соприкоснулось с теплым обнаженным женским телом.

— Не бойся, — произнес голос Мистры Ланет.

— Господи Боже мой! — только и смог воскликнуть Стивенс.

— Ты ведь рад, что я здесь, правда? — спросила она.

И в первый раз ему показалось, что она хочет оправдаться.

Стивенс должен был признать, что действительно рад ее приходу. Он притянул женщину к себе.

— А какой долг ты платишь мне сейчас? — улыбнулся он.

— Прекрати. Ты единственный мужчина, с которым мне хорошо. Мне неприятно говорить тебе, что все это ненадолго, поэтому давай наслаждаться мгновением. — Она тихо засмеялась. — Может, я даю тебе пока небольшой кредит.

Усталости его, как не бывало. Стивенс почувствовал себя сильным, полным жизни, счастливым. Какова бы ни была причина ее прихода, он ощущал, что держит в объятиях женщину удивительного ума и чувственности, способную удовлетворить сильнейшее сексуальное влечение мужчины. Очень возможно, что он при этом лил воду на мельницу интересов группы, к которой она принадлежала. Стивенс припомнил, что Кахунья был, кажется, ее возлюбленным. Она что-то говорила об этом в их первую ночь…

Его захлестнула волна ревности, но уже через мгновение он отогнал неприятное чувство и забыл о прошлом женщины, которую так неистово любил сейчас. Позднее, когда они тихо лежали рядом, Мистра сказала:

— Говорят, что мужчина и женщина, испытывающие друг к другу одно только сексуальное влечение, не могут быть счастливы. Сейчас я готова оспаривать это утверждение.

Стивенс внезапно почувствовал себя очень

уставшим.

— Извини меня, — сказал он, — но я смертельно хочу спать. — Он завернулся в одеяло и через мгновение провалился в небытие.

Было уже совсем светло, когда Стивенс проснулся от шума посуды на кухне. В первое мгновение он подумал, что это его экономка, но тут же вспомнил прошедшую ночь, поглядел на то место, где рядом с ним спала Мистра, и все понял. Надев халат, Стивенс зашел на кухню.

Мистра стояла возле открытого посудного шкафа. Она обернулась и, спокойно посмотрев на него, объяснила:

— Я готовлю завтрак.

От безразличного тона ее голоса у Стивенса все внутри дрогнуло. Все было так, как будто ночью они не любили друг друга.

Попытавшись взять себя в руки, он просительно посмотрел ей в глаза, понимая, что эта женщина имеет над ним огромную власть, хотя для нее их отношения, возможно, всего лишь мимолетная связь. Стивенс медленно пошел к ней.

— Прошлой ночью, — начал он, — я так быстро увлекся, что не успел подумать, чем вызвано еще одно появление дамы, даже не обещавшей мне, что мы когда-либо увидимся. Что еще у тебя

стряслось?

Мистра тянулась к верхней полке. Она взяла какую-то посуду, а потом, повернувшись к нему со слабой улыбкой, произнесла:

— К чему эти вопросы? Я думала, ты рад меня видеть, или я произвела на тебя прошлой ночью плохое впечатление?

Ее близость вдруг ударила его, как электрическим током. Он бросился к ней и прижал к себе, ощущая за тонкой тканью пижамы податливое тело. Губы Мистры открылись для поцелуя, но в них не было столько страсти, сколько в его губах. Почувствовав это, Стивенс отпустил ее. Женщина сказала:

— Я думаю, что прежде чем лечь в постель, нам следует позавтракать.

— Я не собирался… — смешался он.

— А почему бы и нет? Ведь это так приятно. Ты можешь заниматься со мной любовью столько, сколько захочешь.

Никакой другой ответ из ее уст не доставил бы Стивенсу, столько удовольствия, как этот. Все его раздражение мгновенно прошло. Он спросил:

— При выходе из Вальдорф Армс проблем не было?

Она покачала головой:

— Я поднялась на сотню миль вверх на корабле, а вниз вернулась на шлюпке.

Ответ был очень неожиданным. Стивенс спросил:

— У вас есть корабли?

— Ты ведь был в одном из них, — ответила Мистра, не глядя на него, занятая приготовлением завтрака.

Стивенс уставился на нее, чувствуя, что его раздражение возвращается. Одновременно он вернулся мыслями к квартире Мистры в здании со странным куполом и вообще причудливой архитектурой. Ему трудно было поверить в то, что Мистра говорит правду, хотя он слышал от нее и более невероятные вещи.

— Как же это происходит? — допытывался он. — Купол открывается в туманные ночи, и корабль взмывает в темноту?

— Я понимаю, что это звучит странно для тебя. Но именно так механизм и работает. — Она замолчала. — А сейчас мне нужно одеться. Мы поговорим за едой. Это очень срочно.

Стивенс побрился, оделся, и все это время чувствовал, что неприятное чувство не покидает его. Но не успел он приняться за завтрак — французские тосты, бекон и кофе, как настроение

улучшилось. Глядя на Мистру Ланет, он видел ее ясные зеленые глаза, аккуратно убранные волосы и лицо… Внезапно он нахмурился, вспомнив маску, которую обнаружил в сумочке женщины. Мысль о том, что она может носить маску (маску настоящей Мистры Ланет!) насторожила Стивенса. Заметив, что она наблюдает за выражением его лица, Стивенс улыбнулся. Она улыбнулась в ответ — и на щеках появились морщинки. Он сразу подумал, что маска вряд ли могла быть такой чувствительной к каждому движению мускулов на лице. Стивенс спросил ее:

— В чем секрет вашего бессмертия?

Мистра пожала плечами.

— В Грэнд Хаузе.

— Но каким образом дом воздействует на тело? — настаивал он.

— Клетки кожи остаются неизменными.

Стивенс удивленно посмотрел на собеседницу. В ответ на его взгляд Мистра пояснила:

— Клетки кожи остаются молодыми. Они, в свою очередь, воздействуют на весь организм… Ну в общем, именно поэтому мы очень медленно стареем.

— Но почему именно клетки кожи? Почему тогда не стареют другие системы организма?

— Все дело в коже. Если кожа остается молодой, время останавливает свой бег.

— Ты хочешь сказать, что все эти косметологи, которые вечно твердят о необходимости ухаживать за кожей, правы?

Она пожала плечами.

— То благотворное влияние, которое оказывает хорошая кожа на организм, — бесспорно, важно для всех процессов жизнедеятельности. Но она также играет существенную роль в процессе дедифференциации…

Стивенс недоуменно взглянул на собеседницу, услышав незнакомое слово.

— Ты же слышал о таких формах жизни, которые способны восстанавливать конечности? — продолжила она. — Это и есть дедифференциация, и она осуществляется клетками кожи. — Мистра помолчала.

— Когда-нибудь я подробней объясню тебе это. А сейчас у меня мало времени. Мне срочно нужен адвокат.

Лицо ее мгновенно приняло серьезное выражение, глаза сузились. Она наклонилась к нему и стала рассказывать:

— Вчера днем мне позвонил мистер Хаулэнд. Он попросил меня прийти завтра до двенадцати

часов дня в его офис и дать свидетельские показания по делу об убийстве Джона Форда, охранника Грэнд Хауза. Мне крайне необходимо, чтобы со мной был адвокат.

Стивенс подумал о том, в какой неприятной ситуации оказались члены их группы. Во-первых, все планы этих людей срывались из-за того, что дом продолжал оставаться собственностью Таннахила. Во-вторых, Мистра вынуждена была дать кое-какие сведения о них представителю закона. Она, конечно, могла сбежать, надев на себя маску и представ перед всеми другим человеком. Но изменение документов влекло за собой различные конфликты с законом: любое ведение дел, связанное с переходом имущества или денег от одного лица к другому, рано или поздно попадало под юрисдикцию правительственных чиновников и наименьшим злом здесь мог оказаться сборщик налогов. Хороший адвокат был им просто необходим!

— Ты возьмешься представлять мои интересы? — спросила Мистра.

Стивенс, очнувшись от своих раздумий, поспешил ответить:

— Я думаю, что да. Нет, подожди!

Он сидел, напряженно размышляя. Будучи

представителем адвокатской конторы, распоряжавшейся делами Таннахила в Альмиранте, мог ли он взять в клиенты кого-нибудь, не спросив разрешения у хозяина? Минуту спустя, он продолжил:

— А как тебя угораздило вляпаться в дело об убийстве? Я плохо знаю, как там все произошло, поэтому расскажи мне все с самого начала.

— Я была секретарем последнего Ньютона Таннахила и находилась в доме до тех пор, пока несколько недель назад мне не пришлось уехать по личному делу. Вот и все.

— Тогда ты в последний раз и видела Джона Форда?

— Я встретила его на улице около недели назад.

— Понятно, — сказал Стивенс. — Ну что ж, я буду сопровождать тебя на свидетельский допрос к окружному прокурору, но, если дело дойдет до суда, я вряд ли смогу помочь. С моей стороны это будет неэтично… Нам нужно придумать подробную историю, которую ты расскажешь Хаулэнду и… — он усмехнулся — она должна быть очень правдоподобной.

— Я расскажу тебе о себе, — предложила она.

Стивенс приготовился внимательно слушать.

Мистра начала с событий пятилетней давности, когда она поступила на работу к Ньютону Таннахилу. Она рассказала, что тогда в ее обязанности входило составление каталога коллекции произведений искусства босса. Постепенно круг ее обязанностей расширился, она стала заниматься самыми разнообразными делами дома и решала многие возникавшие вопросы, если Таннахила не было в городе.

В логической цепи, которую выстроила Мистра, отсутствовало очень важное объяснение: как она, еще несколько лет назад нуждавшаяся в работе, могла сейчас позволить себе носить норковые пальто и ездить в самых дорогих автомобилях. Женщина упустила также и то, почему несколько недель назад внезапно отказалась от работы. На эти вопросы Хаулэнд заставит ее ответить непременно.

Поэтому Стивенс предложил ей эти вопросы заблаговременно.

— Ты спрашиваешь, откуда у меня деньги? — воскликнула она удивленно, как будто раньше это не приходило ей в голову. — Ну, у меня были сделаны, по совету мистера Таннахила, некоторые вложения. У него на этот счет всегда было чутье.

— Почему же ты не оставила работу, когда у тебя появились большие деньги?

— Я была предана мистеру Ньютону Таннахилу. Но, естественно, моя преданность не обязательно должна была распространяться на его наследника.

Подумав мгновение, Стивенс кивнул и заметил:

— Звучит правдоподобно. Ты уверена, что не существует ничего другого, на чем Хаулэнд мог бы поймать тебя?

Мистра задумалась, потом покачала головой:

— Ничего, что ему могло бы быть известно.

— Ну, тогда я иду звонить окружному прокурору. Может, мне удастся получить отсрочку.

— Я пока вымою посуду, — сказала Мистра.

Стивенс мгновение наблюдал, как она быстро убирает со стола. Было в этой сцене что-то уютно-успокоительное. Когда Мистра прошла рядом, Стивенс инстинктивно взял ее за руку. Она вырвала руку и насмешливо-серьезным тоном произнесла:

— Ты идешь звонить?

Стивенс улыбнулся, встал и пошел звонить Хаулэнду. Секретарь сразу же соединила его, и Стивенсу быстро стало ясно, что окружной про-

курор не допустит отсрочки.

— Она должна быть в офисе сегодня же. Я не шучу, Стивенс.

— А тебе не кажется, что ты несколько превышаешь свои полномочия? В конце концов, мисс Ланет никуда не уезжает, и с ней можно встретиться в любое удобное для нее время.

— Если она сегодня не явится, — отрывисто произнес Хаулэнд, — я выпишу ордер на ее арест.

Стивенс не пытался скрыть удивления:

— Я протестую против такого обращения с моей клиенткой. Но если ты настаиваешь, мы приедем.

— Я настаиваю, — заявил Хаулэнд. — А сейчас, если ты не возражаешь, я хочу задать тебе вопрос. — Голос его стал еще более строгим. — Об убийстве Джона Форда.

— Да? — Стивенс терпеливо ждал.

— Мисс Ланет — твоя единственная связь с этим делом?

«Ну уж нет, — подумал адвокат, — ты ничего из меня не вытянешь, даже и не пытайся», а вслух сказал:

— На что ты намекаешь?

— Больше никто не пытался вовлечь тебя в это дело?

— Еще нет. А что, ты меня кому-то рекомендовал?

— Ну ты шутник, — рассмеялся Хаулэнд. — А если серьезно, Стивенс, кто-то ведь должен ответить за убийство этого ниггера, и, похоже, что игра здесь идет по-крупному. У меня имеются основания полагать, что убийца уже принял определенные меры и, очевидно, нанял себе адвоката.

— В таком случае ты знаешь, кто он. Так? — жестко спросил Стивенс.

— Думаю, что знаю. Вопрос в том, чтобы найти доказательства и понять мотивы преступления, хоть есть и кое-что другое, о чем я тебе, конечно же, не скажу. А теперь... — тон голоса Хаулэнда стал покровительственным. — Срочно приводи эту дамочку, если хочешь, чтобы все было в порядке. До встречи!

Стивенс положил трубку и сразу же снова снял ее, чтобы набрать номер Грэнд Хауза. Дойдя до последней цифры, он сделал сбой. «Подожди, — сказал он себе, — лучше после допроса. У меня появится хоть какая-то информация». В этот момент в комнату вошла Мистра и весело сказала:

— Возьмем мою машину. Сегодня я буду твоим шофером.

У Мистры был новенький блестящий «кадиллак». Сидя рядом с ней в комфортабельном салоне, он снова поймал себя на мысли о том, откуда у его возлюбленной столько денег. Всего пять лет назад она была обыкновенной секретаршей, а теперь — поглядите-ка! Все это будет нелегко объяснить прокурору.

Они доехали до здания суда без происшествий, и Хаулэнд сразу же принял их. Окружной прокурор встал и пошел им навстречу, внимательно рассматривая Мистру. Его взгляд перебегал с ее дорогих туфель на норковую горжетку, с горжетки на великолепную дорогостоящую шляпу. По взгляду Хаулэнда можно было догадаться, что он оценил не только красоту здорового крепкого тела женщины. По его лицу скользнула удовлетворенная улыбка, и он задал свой первый вопрос:

— Мисс Ланет, вы были возлюбленной Ньютона Таннахила?

Мистра, казалось, была удивлена, но сразу же решительно ответила:

— Нет!

— Если это так, — вкрадчиво начал Хаулэнд, — то как объяснить тот факт, что с тех пор, как вы стали служащей мистера Таннахила, вам еже-

месячно выплачивалось жалованье размером в двенадцать тысяч долларов, и так все пять лет? Неплохая сумма для секретарши, которую наняли для того, чтобы заниматься каталогами коллекции!

Стивенс стоял рядом с Мистрой, чтобы видеть ее реакцию. Действительно, как можно объяснить это? До него вдруг дошел смысл цифры, которую назвал Хаулэнд. Все его спокойствие мгновенно улетучилось. Стивенс почувствовал себя человеком, стоящим над пропастью. Теперь он уже верил всему и ясно осознавал, что эта группа бессмертных мужчин и женщин веками проживала в вечном доме, возвышавшемся над древним океаном. Он знал, что эти люди использовали достижения самой передовой науки и техники и что они обладали несметным богатством.

Стивенс еще раз попытался осмыслить размер жалованья Мистры. Да это же сто сорок четыре тысячи в год! Он никогда не был слишком меркантильным человеком, но эта цифра его потрясла. Как будто издалека до него донеслись слова Хаулэнда:

— …мисс Ланет, думаю, понимает, что ей не следует вступать в конфликт с властями. Уверен, что ей никогда не приходило в голову, что тот

небольшой обман, с которого все началось, закончится убийством. Естественно, она хорошо понимает, к чему я веду. Итак, мисс Ланет?

— У меня нет ни малейшего представления о том, что вы имеете в виду. Я отрицаю все ваши обвинения и подозрения, какими бы они ни были. Мне ничего не известно о смерти Джона Форда.

Хаулэнд начал терять терпение.

— Подумайте, мисс Ланет. Вам необходимо поскорее понять, в какое положение вы попали. Я все еще настроен по отношению к вам дружественно. Я все еще готов заключить с вами соглашение, благодаря которому против вас не будет выдвинуто обвинение в соучастии в преступлении.

Стивенс решил, что настал момент ему вмешаться.

— Что вам нужно от мисс Ланет? — начал он официальным тоном. — Из ваших вопросов следует, что вы хотите знать, как умер Ньютон Таннахил.

Хаулэнд насмешливо посмотрел на Мистру:

— Да, мисс Ланет, как он умер?

— Сердечный приступ, — объяснила она спокойно. — Доктор де лас Сьенгас сможет больше вам сообщить об этом. Он осмотрел тело. И, кро-

ме того, я думаю, что свидетельству о смерти, которое выписано в Нью-Йорке, есть основания доверять.

— Ну, конечно, — насмешливо сказал Хаулэнд. — А кто его видел, это нью-йоркское свидетельство о смерти? Оно вообще когда-то существовало? — Он взмахнул своей огромной рукой. — Ну ладно. Теперь это уже не имеет значения. Мисс Ланет! — В голосе окружного прокурора появились ехидные нотки.

Стивенс, глянув на Мистру, понял, что она тоже уловила изменение в тоне Хаулэнда.

— Да? — голос ее стал жестким.

— Вы не возражаете против встречи с Артуром Таннахилом, владельцем города?

Мистра помолчала в нерешительности.

— У меня нет ни малейшего желания встречаться с ним, — в конце концов бросила она.

Хаулэнд вскочил с кресла.

— Не связано ли ваше нежелание встречаться с ним лицом к лицу с тем фактом, что, когда сегодня утром мы вскрыли могилу Ньютона Таннахила, гроб оказался пустым?

Хаулэнд обошел вокруг стола.

— Если у вас теперь нет возражений, — саркастически сказал он, — я немедленно отвезу вас

в Грэнд Хауз и представлю мистеру Таннахилу. Идет?

Стивенс, который уже достаточно хорошо оценил ситуацию, быстро сказал:

— Я сам позвоню мистеру Таннахилу и все объясню ему.

Хаулэнд оскалился:

— Ты ничего ему не скажешь. Хочешь предупредить его, чтобы туда наехала вся полиция города? Нет уж! Я хочу устроить сюрприз.

Стивенс разъярился:

— Послушай! Ты хоть понимаешь, что делаешь?

— Никогда, — решительно парировал Хаулэнд, — я не был более уверен в своей правоте.

— Ради Бога, вспомни, что у тебя есть мозги. Вспомни, что ты втягиваешь во все это Таннахила. А отпечатки? Их можно проверить, и тогда все выяснится, а ты останешься в дураках.

Стивенс чувствовал себя неловко, когда говорил это. Если Мистра сказала ему правду, то отпечатки дяди и племянника совпадут. Невероятно, что их группа не подумала об этом. Если бы они это предусмотрели, то отпечатки были бы уже под рукой.

— Мы проверили уже все агентства, в которых

могли быть отпечатки пальцев Ньютона Таннахила, — сообщил Хаулэнд. — И нигде — ничего. К сожалению, мы можем полагаться только на официальные инстанции.

Стивенс и сам не знал, принесла ли ему эта информация облегчение.

— И все же, — просительно начал он, — позволь мне позвонить мистеру Таннахилу, и я думаю, что все это можно будет выяснить без лишних осложнений.

Хаулэнд покачал головой.

— К черту Таннахила! — сказал он грубо. — Все равны перед законом, ни у кого нет никаких преимуществ. Вы едете или я звоню в полицию, чтобы тебя продержали здесь, пока мы с мисс Ланет не приедем в Грэнд Хауз.

Следуя за Хаулэндом, Стивенс думал: «Это из-за того, что его лишили места управляющего в конторе. Он все же решил отомстить».

По крайней мере, во всем этом был один обнадеживающий аспект. Пока интересы Стивенса и интересы Таннахила в основном совпадали.

12

Машина поднималась в гору. Стивенс обернулся. Солнце освещало безбрежный океан. Справа и слева окраины Альмиранта плавно переходили в цепь холмов, покрытых зеленью. Далеко на юге сверкала серебряная колея, по которой периодически из поросшей кустами равнины выползал и поворачивал в сторону океана поезд.

Машина сделала крутой поворот, выровнялась на последнем выступе горы и очутилась возле дома.

Первое, что увидел Стивенс, заставило его на какое-то мгновение застыть в машине: он совсем забыл об эффекте ступеней или, может быть, просто этот дом не значил для него так много, когда он в последний раз видел его с фасада. Ряды деревьев были посажены так, чтобы дом как можно меньше бросался в глаза. Они скрывали ступеньки. Прохожие могли видеть Грэнд Хауз в том случае, если поднимали головы. А над деревьями виднелся только один этаж. Ни одна ступенька не была видна снизу, а их было — двадцать пять. Ступеньки набегали на дом по всей ширине его фасада по крайней мере футов

на сто. Они заканчивались широкой мраморной террасой, в центре которой располагалась двойная дверь из толстого стекла.

Ступеньки были из мрамора. Сам дом был построен из хорошо отполированных плит того же материала, и на расстоянии его стены создавали иллюзию удивительной белизны. Вблизи из-под верхнего блестящего серовато-беловатого слоя просвечивал зеленый оттенок.

Стивенс вышел из машины вслед за Хаулэндом и Мистрой и медленно последовал за ними на террасу, где остановился позади них, ожидая, когда ответят на звонок. Позвонил Хаулэнд.

Окружной прокурор повторил звонок еще раз пять, но никто не откликнулся.

Стивенс первым отошел от двери. Он последовал вдоль террасы, молча глядя по сторонам. Слабый ветерок коснулся его щеки, и его поразила мысль о женщине — до сих пор живущей: неужели тысячу лет назад она так же стояла на этой мраморной террасе, а ветер точно так же ласкал ее лицо, и был точно такой же зимний калифорнийский день?

Тогда эта местность еще не называлась Калифорнией. Это было еще до того, как пришли испанцы (часть их направилась в сторону низ-

менности, часть — в сторону гор), даже до того, как пришли ацтеки.

Стивенс глянул вниз, где зеленая земля сливалась с сине-зеленым океаном… Почти пятьдесят поколений смотрели с этого места на его величественные воды, на незнакомых мужчин и женщин, приходивших сюда из далеких стран за горизонтом. Стивенс почувствовал внезапную грусть и острое нежелание стать старым и умереть, в то время как бессмертный дом будет продолжать жить и стоять здесь, под вечно теплыми небесами Калифорнии.

Стивенс в задумчивости перевел взгляд на мраморную террасу. Боковые стороны ступенек были отполированы до такого же блеска, как и их основания. Но все же то тут, то там виднелись небольшие выщербины. Стивенс подумал, не являются ли они последствиями давних битв: швыряния камней, метания стрел.

В чем же заключалась тайна этого места? Каким образом дом помогал людям жить вечно? Стивенс встал на колени и, нагнувшись, поднял кусочек мрамора, отколовшийся от одной из ступенек. Адвокат положил его в карман с намерением позже сделать анализ материала. Потом он обернулся и увидел, что Мистра стоит в двух

шагах от него. Их глаза встретились; Стивенс смущенно опустил голову, увидев удивленное выражение на ее лице.

Мгновение спустя, Стивенс услышал шум открывающейся двери и услышал голос Таннахила. Он поспешил к хозяину.

— Мистер Таннахил, — сказал он уныло, — я хотел позвонить вам, но мне пригрозили арестом, если я сделаю это.

Таннахил посмотрел на него сузившимися глазами, потом перевел взгляд на Хаулэнда.

— Что ж, проходите все вместе, — наконец пригласил он, а потом добавил:

— Я дремал, а слуг в доме пока еще нет.

Стивенс вошел последним. Они очутились в огромной передней. Полы были отполированы до блеска. Далеко впереди виднелась лестница, которая вела на площадку. С каждой стены передней было по шесть дубовых дверей. Таннахил повел их к ближайшей слева.

Стивенс замешкался у дверей, намереваясь отстать от Хаулэнда и Мистры. Он успел шепнуть боссу:

— Дела плохи.

— Я ожидал этого, — кивнул Таннахил.

В гостиной хозяин предложил всем сесть. Его

взгляд задержался на Мистре:

— А, мисс Ланет. Молодая леди, которая уволилась без объяснений как раз перед моим приездом. Вы были секретарем дяди. Почему вы так поступили?

Хаулэнд прервал Таннахила:

— Я могу дать возможное объяснение ее поведения. Причина, вероятно, в том, что мисс Ланет была возлюбленной… ээээ… вашего дяди. Несколько лет назад он в сущности бросил ее, из-за чего она и решила причинить вам некоторые неудобства. Особый способ мести.

— Давайте прекратим сплетничать. Вы вскрывали могилу? — спросил Таннахил.

— Да.

— Что-то нашли?

— Гроб был пуст.

— Вы намерены выдвинуть против меня обвинения в убийстве?

— Да, намерен, — ответил Хаулэнд.

— Но это же идиотизм! — сказал Таннахил, но Стивенс увидел, что он побледнел.

Воцарилось молчание. Стивенс не шелохнулся. У него было ощущение, что Таннахил избрал правильный метод, предложив играть в открытую. Никто лучше Стивенса не знал, что Хаулэнд

пошел ва-банк и теперь немало удивлен тем, как спокойно встретили его здесь, перейдя сразу к откровенному разговору.

Таннахил проковылял к креслу и тяжело опустился в него. В кресле напротив расположился Хаулэнд, который снова рвался в бой. Он обратился к Мистре:

— Ну что, мисс Ланет, поиграем в мячик?

Краска прилила к щекам Таннахила. Он тоже посмотрел на Мистру.

— Мне бы хотелось задать мисс Ланет несколько вопросов.

Хаулэнд грубо прервал его:

— Можете устроить ей перекрестный допрос, когда она будет стоять на свидетельском месте в суде. А мне сейчас нужно только…

— Хаулэнд! — громко произнес Стивенс. — Я хочу выяснить, какое обвинение вы выдвигаете против мистера Таннахила. Вы собираетесь обвинить его в убийствах дяди и Джона Форда?

— Мы посмотрим, как сформулировать обвинение, когда будем его арестовывать, — ответил окружной прокурор.

— Думаю, — мрачно заметил Стивенс, — что мотивы поведения бывшего адвоката Таннахилов могут быть неправильно истолкованы, когда он

в качестве шефа прокуратуры начнет выдвигать обвинения против бывшего клиента. Вы меня понимаете? Вы готовы к тому, что ваши поступки станут притчей во языцех?

Однако Хаулэнд, очевидно, не относился к типу людей, которые заботятся о своей репутации. Он небрежно махнул рукой.

— Естественно, — сказал он, — что арест будет произведен, когда расследование придет к концу. Мы ждем подтверждений из больницы о факте исчезновения больного третьего мая этого года. И это еще не все. Я настоятельно советую мистеру Таннахилу не предпринимать ни малейших попыток покинуть город.

Таннахил встал с кресла. Он выглядел устало.

— Мне кажется, — сказал он, — что мистер Хаулэнд делает ошибку, пытаясь отличиться на службе без, скажем так, учета местных финансовых интересов, которые ему могли бы быть обеспечены, если бы он рассматривал кое-какие вопросы под правильным углом зрения. Это все, что я могу ему сказать, — он пристально посмотрел Хаулэнду в глаза. — Если он решится на тот шаг, о котором говорил, — Таннахил заколебался, — то есть, выдвинуть против меня это смехотворное обвинение, то ему придется

вступить в схватку, из которой он вряд ли выйдет победителем. — Он закончил очень тихо: — До свидания, мистер Хаулэнд, надеюсь, мы еще увидимся.

— Я уверен в этом, — иронически отпарировал Хаулэнд.

Он встал и посмотрел на Мистру:

— Вы идете, мисс Ланет?

Женщина быстро встала и подошла к Стивенсу:

— Я отвезу господина окружного прокурора, а потом вернусь за вами.

Не дождавшись его ответа, она повернулась и направилась к двери. Они с Хаулэндом вышли. Стивенс посмотрел в сторону Таннахила и увидел, что тот наблюдает за ним.

Молчание прервал Таннахил.

— Что вы имели в виду, когда говорили о Хаулэнде как о бывшем управляющем делами?

Когда Стивенс объяснил, Таннахилл долго сидел, не говоря ни слова и сжав губы. Наконец он заговорил:

— Люди, в общем, не любят чувствовать себя подкупленными. Не сердитесь, если я подразню Хаулэнда, предложив ему прежний пост. Он его, конечно, не займет, как вы понимаете. Ни я, ни

он после того, что здесь сегодня произошло, уже не сможем доверять друг другу. Но возможность получить значительный доход при невозможности принять место, которое его обеспечивает, будет отравлять жизнь этому джентльмену.

Стивенсу не слишком понравилась эта идея, так как он не разделял уверенности хозяина в том, что Хаулэнд не ответит согласием на предложение. Однако он не собирался обсуждать эту тему. Вместо этого он задал вопрос, который его давно мучил:

— Мистер Таннахил, можете ли вы как-то объяснить, зачем человеку нужно притворяться умершим, заплатить огромный налог за право вступления во владение своим собственным имуществом, а потом вернуться в свой собственный дом, назвавшись своим собственным племянником?

— Не говорите глупостей. У меня есть своя версия на этот счет. Очевидно, меня положили в гроб вместо моего дяди, потому что его тело найдено не было. — Таннахил наклонился вперед и серьезно спросил: — Какое еще разумное объяснение здесь может быть? За его убийством последовала целая цепь событий. Тот, кто его убил, был заинтересован в том, чтобы состоялись

официальные похороны. Меня в бессознательном состоянии выкрали из больницы, чтобы я сыграл роль исчезнувшего покойника. Сходство между нами, вероятно, было. А так как я был без сознания, то, конечно же, ничего не могу помнить.

— Значит, мы будем строить защиту на этих доводах? — с сомнением спросил Стивенс.

Таннахил нахмурился:

— А что мисс Ланет?

— Как секретарь вашего дяди она, без сомнения, будет главным свидетелем на суде. Но меня не так волнует то, что она скажет там, как то, какие факты могут всплыть в связи с этим. Например, ее положение в доме, ее большое состояние и так далее.

— Понятно, — кивнул Таннахил.

— К сожалению, дела складываются пока не в вашу пользу, — извиняющимся тоном добавил Стивенс.

Таннахил встал и четко произнес:

— У меня есть одно предположение относительно того, чего хочет мисс Ланет. Если будет нужно, я дам ей то, что она хочет. — Его голос напрягся:

— Я хочу, чтобы вы, Стивенс, тоже поняли одну вещь. Нет ничего такого, что может оказаться мне не по силам. Из истории своей семьи я вынес

убеждение, что мужественный и решительный человек способен преодолеть любые преграды, когда попадает в трудную ситуацию.

Стивенсу было любопытно узнать, какие книги об истории своей семьи прочитал Таннахил, но он не решился на расспросы. Адвокат услышал шум автомобиля, поднимающегося в гору, и подумал, что Мистра уже возвращается. Поколебавшись, он сказал:

— Мистер Таннахил, я полагаю, что самое главное для нас сейчас — избежать ареста. Если нам это удастся, мы сумеем оправдаться в глазах города. Мы должны убедить газеты стать на нашу сторону и пока ничего не опубликовывать из фактов, которые будут им сообщать. Нам следует их предостеречь против этого.

— Вы полагаете, что пора переходить к безотлагательным мерам?

— Да. Нужно позвонить судьям Портеру и Адамсу. Думаю, они не осведомлены о том, что затевает Хаулэнд.

Сам он верил в это только наполовину. Возможно, что группа в целом не осознавала, какие опасности ей грозят. С одной стороны — Мистра, которой группа не могла доверять и у которой были свои собственные планы. С другой

— Хаулэнд.

Таннахил протянул Стивенсу руку:

— А вы знаете, мне эта история начинает нравиться все больше и больше.

Пожав протянутую руку, адвокат сказал:

— Если случится неприятное, нашим главным оружием будет убийца, которого необходимо нам самим разыскать. Я позвоню вам, если появится какая-либо информация.

Стивенс остановился на самом верху лестницы с мраморными ступеньками и посмотрел по сторонам. Мистра как раз сворачивала на дорогу, прямо ведущую к Грэнд Хаузу. Ветер усиливался, и Стивенс замер, пораженный красотой открывшегося перед ним вида. Полуденное небо было ослепительно ярким. Океан переливался всеми цветами драгоценных камней. Раскинувшийся внизу город зеленел роскошным убранством деревьев.

Мистра притормозила рядом со Стивенсом. Когда он наклонился, чтобы открыть дверцу, она его опередила и крикнула:

— Быстрее, пожалуйста!

Обеспокоенный ее тоном и выражением лица, Стивенс быстро забрался внутрь и спросил:

— Что случилось?

Она не ответила, а вместо этого рванула машину вперед. Когда они доехали до развилки, то вместо того, чтобы повернуть в ту сторону, откуда она приехала, женщина резко развернула машину и бросила ее на узкую дорожку, пролегавшую вдоль высокой изгороди. Скорость машины так быстро увеличивалась, что Стивенс мог только прошептать:

— Мистра, ради Бога…

Вдруг машина резко остановилась. Дорога закончилась в ста футах от обрыва. Стивенс повернулся к Мистре и с удивлением обнаружил, что к своему носу и рту она приложила какой-то прозрачный щит. В это же время он почувствовал острый запах в машине.

Бензин!

Эта мысль продолжала смутно витать в мозгу, когда на его голову обрушился тяжелый удар. Органы чувств Стивенса работали еще ровно мгновение, потом — все перестало существовать.

13

Едва Стивенс открыл глаза, как услышал голос Мистры:

— Если ты хочешь связаться с мистером Таннахилом, можешь позвонить ему.

Слова эти показались Стивенсу бессмысленными, но, вспомнив их автомобильную гонку и остановку на краю обрыва, а потом — вспышку перед глазами, он инстинктивно потянулся к экстренному тормозу.

Но его на месте не оказалось.

Пораженный, Стивенс начал осматриваться по сторонам и обнаружил, что находится в квартире Мистры. Справа был бар. Слева — коридор, который вел в спальни, и окно, из которого падал солнечный свет. В углу что-то тихо бормотало радио, и Мистра, которая успела куда-то выйти, через мгновение появилась рядом с ним, держа в руках два бокала.

Женщина внимательно посмотрела на Стивенса и настойчиво повторила:

— Уверяю тебя, ты можешь позвонить отсюда. Этот телефон подключен к универсальной коммуникационной системе и через нее — ко всем

телефонным линиям.

Стивенс посмотрел на телефон, потом — покачал головой, не желая признаваться, что не понимает, о чем говорит Мистра. Он дважды пытался прокрутить в голове то, что произошло с ними, и каждый раз, когда он доходил до того момента, как их машина остановилась у края пропасти, он не мог вспомнить, что было дальше.

Но в конце концов его внезапно озарило.

Стивенс обвиняюще глянул на Мистру и спросил:

— Чем ты оглушила меня?

— Извини, — виновато улыбнулась Мистра, — но у меня совсем не было времени объясняться с тобой. Ты мог оказать сопротивление.

Стивенс раздраженно продолжил:

— Насколько я помню, ты должна была отвезти Хаулэнда в его офис и…

Мистра скороговоркой начала объяснения:

— Я связалась с группой и рассказала о намерениях Хаулэнда. Было решено, что нужно тщательно скрыть все, а для этого оказать давление на окружного прокурора. Хотя я не думаю, что это сработает.

Стивенс начал вспоминать всех важных особ в городе, которые, предположительно, являлись

членами группы. Многие из них могли бы оказать давление на Хаулэнда.

— Почему же нет? — удивился он.

— Дорогой, ты не понимаешь. У окружного прокурора политические амбиции. Если его друзья начнут на него давить, это вызовет у него протест. Такое уже один раз произошло в нашей истории, в результате чего мы потеряли контроль над городом на целые несколько лет. Мы не можем допустить, чтобы это случилось еще раз.

— Как же планирует действовать группа?

— Для начала все-таки нужно попытаться отговорить Хаулэнда от каких-либо действий. Если это не получится и он начнет осуществлять свой план, нам придется уничтожить его.

— Ты хочешь сказать, что вы позволите ему арестовать Таннахила? — Стивенс упрямо покачал головой. — Извини, но я все еще надеюсь предотвратить это.

— Почему?

— Мне не может нравиться, — начал Стивенс, — что женщина, однажды уже чуть не отравившая моего босса, продолжает делать все, чтобы окончательно утопить его. И если группа тоже плохо к нему относится, то ситуация может разрешиться не в пользу наследника. Она закончится чем-то

вроде открытого линчевания. Я отказываюсь играть в такие игры.

— Группа, может, и плохо относится к нему, — сказала Мистра, — но это совершенно не оказало влияния на ее решение. Все понимают, что смена владельца — очень сложный процесс. Наследников у семьи нет, и мы можем вообще потерять дом.

— Здесь что-то не так. Ты можешь поклясться, что вы не замышляете принести в жертву Таннахилла?

— Я не могу поклясться в этом, но верю в то, что этого не произойдет.

Стивенс вынужден был признать, что Мистра ответила ему честно. Она не могла отвечать за каждого из членов группы, чьи тайные намерения были известны только им самим или же их телепатке.

— Я думаю, — продолжил он, — что мы должны попытаться оградить Таннахила от ареста. А если уж это произойдет, немедленно освободить под залог. И я не вижу причин для того, чтобы позволить Хаулэнду вести себя, как ему вздумается.

— Тогда лучше звони Таннахилу. Думаю, что на окружного прокурора уже начали оказывать давление. Если он заартачится, то ордер на арест

Таннахила будет готов не долее, чем через час.

— Что?!

Стивенс вскочил и уже через мгновение разговаривал с Таннахилом по телефону. Он объяснил ситуацию, не выдавая источника информации, и предложил план действий:

— У вас наверняка найдется какая-нибудь служебная машина, по которой нелегко будет сразу вас распознать. Воспользуйтесь ею. И, если возможно, когда придется идти пешком, старайтесь ходить без палки… наложите усы… и… мы сможем снова увидеться на том же месте и в то же время.

Таннахил, казалось, нисколько не был обеспокоен.

— Это хороший совет, Стивенс, — сказал он. — Я воспользуюсь им.

Адвокат, облегченно вздохнув, положил трубку, и в этот момент он услышал убитый голос Мистры:

— А теперь, пожалуйста, выгляни в окно.

— В окно? — удивленно переспросил он.

Стивенс подошел к окну, отодвинул занавески и, несмотря на то, что он не мог поверить своим глазам, почувствовал близкий обморок.

— Господи! — вырвалось у него.

Вокруг простиралась огромная, подернутая темной дымкой пустота. Первоначальное чувство ужаса постепенно утихло, и он попытался рассмотреть мир, раскинувшийся перед ним, не имеющий ни формы, ни размеров, ни жизни…

Стивенс припомнил, где он видел нечто подобное: фотографии, отснятые с борта самолета на высоте сотен миль, давали приблизительно такой же эффект.

Стивенс отпрянул от окна и, не обращая внимания на стоявшую рядом Мистру, бросился в сторону коридора, который вел в комнату, являвшуюся одновременно библиотекой и музыкальным салоном. Вбежав в нее, он сразу же увидел, что металлическая дверь на вершине лестницы, которая во время его первого визита была заперта, — теперь открыта. Он мгновенно взобрался наверх, туда, где как он уже догадался, находилась рубка управления космического корабля.

Стивенс увидел там четыре прикрепленных к полу кресла. Они располагались в ряд вдоль огромной панели управления. Через ряд окон можно было наблюдать за работой каких-то машин и механизмов. Над окнами и прямо над креслами управления располагались плоские

телевизионные мониторы, на одном из которых запечатлелась картина раскинувшегося внизу мира.

Казалось, что корабль двигался очень плавно, внутри движение его вообще не ощущалось. У Стивенса возникла мысль, что под огромным куполом над Вальдорф Армс скрывается ангар корабля. Мистра в этом не обманывала его.

Почему он так долго сопротивлялся очевидности? По сути, ситуация была ясна и так, но ему непременно необходимо увидеть все своими глазами. Вот теперь он и увидел…

Мысли Стивенса обратились к угрозе атомной войны… Медленно ступая, он направился обратно в гостиную. Женщина сидела на диване, на столе перед ней стояли два бокала с напитком. Она испытующе посмотрела на адвоката.

— Ты все еще отказываешься помогать мне?

— Я не могу.

— Почему?

Стивенс чувствовал острое желание объяснить свою позицию, но убедительных аргументов не возникало. В конце концов он спросил:

— Зачем я тебе нужен?

Мистра спокойно объяснила:

— В годы последней войны на бомбардиров-

щиках во время полета обязанности были четко распределены между членами экипажа. Я смоделировала здесь такие условия, при которых одна смогу справиться с любой из задач, исключение составляет лишь случай массированной огневой атаки на корабль.

— Тебе придется опустить корабль так низко?

Мистра кивнула.

— Некоторое время придется лететь в зоне мощнейшей противовоздушной обороны. Но мой корабль не полностью приспособлен к условиям войны. Вот почему они оставили мне его.

— Ты намерена рисковать жизнью?

— Элисон, мы должны попробовать. Другого выхода нет.

Стивенс начал подыскивать подходящий ответ и, не найдя его, с досадой выговорил:

— Но к чему такая спешка?

— Я получила важные известия. Атака на Соединенные Штаты планируется вместо января на октябрь.

— Еще восемь месяцев, а ты уже волнуешься.

— Ты не понимаешь, — продолжила Мистра. — Пока атомные боеголовки хранятся на складах. Но в течение следующей недели они будут доставлены на воздушные и морские базы. После

этого можно будет оказывать только психологическое воздействие. — Женщина замолчала, а через мгновение произнесла: — Элисон, я не скрываю от тебя опасности, на которую мы оба идем. Но это залог твоего входа в дом.

Предложение Мистры прозвучало очень неожиданно для Стивенса, хотя, в общем-то, он должен был догадаться о том, что она пообещает ему это. В конце концов после всего того, что он узнал, группа могла с ним поступить лишь двумя способами. Его либо приняли бы в свои ряды — либо убили бы! Сейчас Мистра обещала ему, что за определенную услугу с его стороны она сможет добиться его приема в группу и входа в Грэнд Хауз.

Стивенсу очень хотелось этого, но, осознавая опасность их теперешнего положения, он понимал, что надежды мало. Кроме того, он сомневался в ее возможностях, что и высказал ей:

— Не думаю, что ты одна можешь открыть передо мной двери Грэнд Хауза.

— Не сомневайся, — спокойно ответила она и, не глядя на Стивенса, продолжила: — Дорогой мой, долгая жизнь имеет и свои грустные моменты. Ужас вечных вопросов для нас становится особенно безысходным. Элисон, я играла с кро-

шечными детьми, а спустя девяносто лет, стояла, нетронутая временем, над их могилами и думала: в чем был смысл их жизни и зачем живу я? Это нелегко, должна тебе сказать. Некоторые из нас стали закоренелыми циниками и попытались уйти от мыслей о бессмысленности существования в бесшабашность разгульной жизни. Я тоже на протяжении некоторого времени вела подобный образ жизни: имела несчетное количество любовников, бросала одного за другим, как только обнаруживала в них признаки старения. Но это прошло. Потом я жила как монахиня. Но и это не принесло моей душе умиротворения. Постепенно я начала строить свою собственную философию жизни — долгой жизни. Я поняла, что хорошо в основном то, что связано с хорошим здоровьем; что тело и дух должны жить в согласии; и многое, многое другое, что, может, звучит тривиально, но не перестает быть истиной. Однако есть одно оправдание существования, самое важное для женщины. У меня его пока нет. Ты догадываешься, что я имею в виду?

Стивенс нежно посмотрел на Мистру, тронутый теплотой и серьезностью, прозвучавшими в ее низком голосе. Понимание и сочувствие наполнили его волнением.

— У тебя никогда не было детей. Так?

Мистра кивнула.

— Правилом группы — было никогда не заводить детей. Очень давно родились несколько, но их исключили из нашего круга. Это было безжалостно, но я понимала и принимала такую жестокость, связанную с необходимостью сохранения группы в определенных границах… Теперь же мое мнение изменилось. Уже десять лет я ищу человека, от которого могла бы родить ребенка.

Она замолчала. Потом, глубоко вдохнув, произнесла:

— Элисон, думаю, ты уже догадался. Я хочу, чтобы ты стал отцом моего ребенка.

Сказав это, Мистра нежно коснулась его руки. Ее неожиданное прикосновение было для него как удар током, пробежавшим по всему телу. Он схватил ее руку и жадно поцеловал.

Без единого слова они начали раздеваться. Несколькими мгновениями спустя, он легко поднял ее и на руках отнес в спальню. Когда Стивенс уже держал ее в объятиях, его внезапно ударила мысль: «А что, если она своим телом покупает его помощь — и больше ничего?» Но его опасение быстро потеряло свою остроту. Что ж! В каком-то смысле это было правдой. Но факт оставался фак-

том: сейчас эта женщина принадлежала ему без остатка. Их обоих одинаково охватило любовное желание. Стивенс даже готов был поверить в то, что на протяжении множества лет она никого не любила так, как его.

Но действительно ли может существовать любовь между смертным мужчиной и бессмертной женщиной? Ведь, когда он постареет, она будет оставаться молодой, прекрасной и вечно желанной. Ему не хотелось думать об этом. Сейчас же между ними происходил акт любви — любви зрелого мужчины и здоровой женщины, которые с каждой новой встречей все неоспоримее доказывали друг другу, как удивительно хорошо им вместе.

Когда они оделись, Мистра повела Стивенса к бару. Остановившись возле него и резко повернувшись к своему возлюбленному лицом, женщина произнесла:

— Элисон, я точно знаю: то, что я чувствую по отношению к тебе, — это моя первая настоящая любовь.

В голосе ее звучала нежность. Стивенс поцеловал ее, все еще не до конца веря тому, что она сказала. В их поцелуе было столько неподдельного чувства, что теперь он уже не сомневался в

ее искренности.

— Мистра, — сказал он. — Ты прекрасна.

Она рассмеялась.

— Это тебе я гарантирую навсегда. Поверь мне.

Ее смех вернул его к реальности. Внезапно ужасная мысль пронзила его мозг. Он отнял от себя ее руки и тихо спросил:

— Ты говорила о спасении планеты. Почему же ты не думаешь о тысячах тех жизней, которые будут уничтожены твоим ударом?

— Ведь я показала тебе предупреждение, с которым мы обратимся к населению.

— Они не обратят на него внимания. Ты это прекрасно знаешь.

— Элисон, атаку нужно предпринять. Несмотря ни на что. И ты должен помочь мне… Ты ведь не хочешь упустить свой шанс — войти в дом и приобрести мою вечную любовь? Я клянусь тебе, что мы сделаем все, чтобы предупредить этих людей.

Стивенс не ответил, но его мозг отчаянно работал. Если он согласится на этот шаг, то уже никогда не сможет быть независимым. Эта женщина навсегда лишит его свободы самому решать за себя. Он должен идти или назад, или вперед. Даже любя, нельзя отказываться от своих

убеждений.

Мистра глубоко верила в правоту своего дела. Но он точно знал, что она сбросит бомбы на тысячи невинных людей, работающих на военных заводах, и обречет их на смерть.

Сомнений у Стивенса больше не было. Одна женщина и один мужчина не имеют права вести войну против целого народа. Когда он закончил объяснять ей свою точку зрения, Мистра грустно произнесла:

— Как только стемнеет, я отвезу тебя обратно в Альмирант.

14

Ночь была темной, и если бы не постоянные вздохи океанского бриза, на кладбище царила бы абсолютная тишина. Прождав Таннахила целый час, Стивенс и Мистра заволновались. Сидя рядом с адвокатом в машине, женщина тихо произнесла:

— Наверное, полиция задержала его.

Стивенс ничего не ответил, но подумал, что она, скорее всего, права. Отдав приказ об аресте Таннахила, Хаулэнд вряд ли повернет назад.

Прошло еще полчаса. Была уже почти полночь, когда Мистра снова заговорила:

— Может, я побуду здесь, а ты пойдешь позвонить в полицию и узнать, не задержали ли они его?

— Пока нет. Его могло что-нибудь задержать.

В следующий раз молчание прервал Стивенс.

— Я много думал о вашей группе. А вы раньше часто ссорились?

— Нет, пока среди нас не появилась двести лет назад ясновидящая.

— Я хотел спросить у тебя, почему у вас только один человек с такими способностями. Я всегда

считал, что чтение мыслей — просто результат долгой жизни.

— Нет, — возразила она. — Один из членов нашей группы вошел в одну семью, живущую в Европе, в которой все обладали удивительным талантом ясновидения. Мы проводили эксперимент по получению такого человеческого экземпляра, в котором этот талант проявился бы наиболее мощно. Эксперимент продолжался два поколения подряд, пока не родился ребенок…

— И ты считаешь, что эксперимент прошел удачно?

— Что ты имеешь в виду?

Ему и самому трудно было сформулировать это. Он пытался связать воедино все нити, но очень многое все еще оставалось непонятным. Взять хотя бы ту же телепатку. Ведь Мистра наверняка обезоружила ясновидящую группы, когда у нее появился собственный план, противоречащий плану группы, стремившейся покинуть Землю. Ясновидящая должна была заблаговременно узнать о ее «предательстве» и предупредить остальных.

В группе считалось невероятным, что кто-то на какое-то время может скрыть что-то от ясновидящей. Может быть, допускалась возможность

утаивания каких-то личных мыслей, но не более. Поэтому-то они и поверили ясновидящей, которая утверждала, что убийства совершались не членами группы, а посторонними людьми.

Но ведь Стивенс сам убедился, что от женщины, читавшей мысли, можно скрыть нечто очень важное. Не обнаружив в его мозгу информации об адресах «клиентов» «Мексиканской импортирующей компании», она лишь распознала ту его слабость, которая и без ясновидения могла стать понятной всем.

Стивенс медленно произнес:

— Был ли кто-то, у кого возникли возражения по поводу введения в группу человека с телепатическими способностями?

— Да. — Тон ее голоса стал ироничным. — Поначалу все, кроме того, кто обнаружил возможность заполучить такого человека.

— И кто это был?

— Таннахил.

— У него, наверное, были на это причины?

— Да, самые веские. Он подозревал, что в группе зреет недовольство его руководством, и хотел, чтобы домом управлял совет директоров, то раз это невозможно (а оказалось, что это действительно невозможно), мы предпочитаем

Таннахила. Он вызывает некоторую неприязнь, но зато мы хорошо знаем его позицию. Любой другой владелец принес бы с собой что-то свое, нам неизвестное, и, скорее всего, стало бы еще хуже. Поэтому-то мы и согласились принять в свои ряды телепатку, чтобы она оказывала некое стабилизирующее влияние на группу. Она прочитала мысли самых непокорных. После этого результаты голосования были единодушными. — Она невесело засмеялась.

— Были ли попытки отобрать дом у Таннахила?

— Да, у предыдущего владельца.

— Ты имеешь в виду таинственного вождя, который занимал Грэнд Хауз, когда появился Таннахил? Он вернулся? Выжил?

— Да, и многие из нас вернулись вместе с ним.

— Ты тоже была среди этих людей? — изумился Стивенс. — Так ты жила еще до Таннахила?

— Элисон, — спокойно начала Мистра, — ты не понимаешь, сколько лет я живу на свете. Я была среди пассажиров корабля, которые вынуждены были защищать себя во время бунта гребцов-рабов. Мы одолели мятежников, но сразу после этого попали в шторм, а среди нас не было никого, кто умел бы как следует управлять судном.

Наше судно несло мимо берегов экваториальной Африки, а потом — Южной Америки, — в конце концов мы совсем заблудились.

— А как ты оказалась на этом корабле? Куда он следовал? — Стивенс с растущим интересом следил за ее рассказом.

— В то время я была дочерью римского чиновника.

Стивенс сглотнул, а потом спросил:

— Когда это было?

— В трехсотом году нашей эры.

— Дом такой старый?

— Намного старше. Нас наконец прибило к берегам нынешней Калифорнии, все мужчины были убиты владельцами, которые жили в доме уже несколько столетий.

— Но кто же построил Грэнд Хауз?

— Мы сами бы хотели это знать, — невесело сказала Мистра. — Одно время мы подозревали, что это ты. Помнишь?

Стивенс задумался, но через несколько минут снова начал допытываться:

— Мистра, тем великим вождем был Пили?

— Не знаю; кстати, Пили был одним из немногих сторонников идеи ввести в группу ясновидицу. Он первый присоединился к мнению Таннахила.

Думаю, ты на ложном пути, подозревая его.

— Если только ему не известен способ утаивать каким-то образом свои мысли. Кроме того, ему удалось стать главным поверенным в делах Таннахила.

— Конечно, это дает ему определенные возможности, но не такие большие, как тебе кажется. Мы все были очень осторожны. Не случайно офисом Таннахила в Альмиранте уже много лет руководят люди со стороны — ты, Хаулэнд, другие до вас.

— А почему Хаулэнда отстранили от должности?

— Он заметил, что подпись на каком-то документе столетней давности точно такая же, как и на тех, с которыми ему пришлось иметь дело.

Стивенс иронично рассмеялся.

— И его заменили человеком, которого посвятили в массу тайн.

— Я посвятила тебя в эти тайны. Не группа… Элисон, уже час ночи. Если ты не пойдешь звонить, пойду я. Мне не очень хочется просидеть на кладбище всю ночь.

Стивенс неохотно вылез из машины.

— Думаю, ты права, — сказал он. — Я зайду в ближайшую аптеку в двух кварталах отсюда, а

если она закрыта, двинусь дальше по направлению к центру.

Стивенсу показалось, что она кивнула, ничего не сказав. Он наклонился и поцеловал ее. Сначала ее губы не отвечали на поцелуй, но внезапно она обняла его за шею. Он прошептал:

— Тебе, наверное, лучше выйти из машины и где-нибудь укрыться. Там, где у тебя будет возможность увидеть каждого, кто будет приближаться.

— Не волнуйся за меня, — ответила Мистра. — У меня есть пистолет. — В ее руке сверкнул металл.

Стивенс спокойно направился к воротам кладбища. Выйдя на улицу, он осмотрелся, но, не увидев никаких признаков присутствия человека, поспешил в тень деревьев, которые росли вдоль дороги. Первая аптека, как он и предполагал, оказалась уже закрыта. Вторая — тоже. Было уже без десяти два, когда он вошел в какое-то ночное кафе и позвонил в полицию. Ему ответили, что Артур Таннахил арестован не был.

Стивенс побрел к стоянке такси в двух кварталах от кафе. Проехав два квартала назад к кладбищу, он расплатился с таксистом и побежал к воротам, а затем, не останавливаясь, по

территории кладбища. Наконец, изумленный, он остановился.

«Машина стояла рядом с участком захоронения Таннахилов», — прошептал он самому себе.

Стивенс прошел еще немного вперед и снова остановился. Несмотря на темноту, он хорошо различал очертания ограды: она находилась в нескольких футах справа от него. Ни впереди, ни позади него никого не было. Может, Мистра спрятала свой «кадиллак» где-то поблизости под деревьями? Но он мало верил в это.

— Мистра! Мистра! — позвал он.

Никакого ответа. Ни единого звука, кроме гулких ударов его собственного сердца.

Стивенс обыскал все те места поблизости, где можно было спрятать машину. Через пятнадцать минут он уже был окончательно убежден, что Мистры на кладбище нет.

Измученный и удрученный, он вернулся на стоянку такси, взял машину и поехал к ее дому, но убедился, что там ее нет. Не было ее и у него дома. Он позвонил в Грэнд Хауз. Снова никакого ответа. Отпустив такси, он вывел из гаража свою машину и снова поехал в центр. В половине четвертого он добрался до своей конторы.

Единственный огонек горел в фойе как раз воз-

ле лифта, но двери были заперты. Это, конечно, ничего не значило. У Пили есть ключи — и он единственный, кроме охранника, имеет право в любой момент воспользоваться ими.

Стивенс вставил ключ в замок, но остановился в нерешительности. Что ему нужно было здесь? У него был пистолет, и в случае неприятностей он сможет постоять за себя. Однако действительно ли он хочет, чтобы Пили увидел его здесь? Конечно, нет, но если Мистру держат пленницей…

Очень тихо Стивенс вошел в здание. Он направился к задней двери и по ступенькам поднялся на третий этаж. В офисе мексиканской компании было темно. Он несколько минут прислушивался у двери, а потом медленно двинулся вниз по лестнице, намереваясь спуститься в подвал.

Несколько минут ушло на то, чтобы обнаружить ту стену, в которой находилась металлическая дверь, служившая входом в пещеру. Лампа стояла на том же месте, где Стивенс оставил ее. Он закрыл за собой потайную дверь и начал всматриваться в слабо освещенное помещение. Пещера была единственным местом, которое могло ему помочь в расследовании, прежде чем он примется за жилища людей, адреса которых обнаружил в офисе «Мексиканской импортирую-

щей компании».

Стивенс двинулся вперед. Тоннель постепенно перешел в спуск, потом поверхность под ногами выровнялась. Когда до Грэнд Хауза оставалось менее трети мили, Стивенс ускорил шаг. Спустя двадцать минут, он достиг второго тоннеля, в который шагнул без колебаний. Подойдя к длинной металлической двери, он увидел, что большая ее часть поднята, а за ней простирается коридор. Адвокат резко остановился, выключил лампу и прислушался, но, кроме бешеного стука своего сердца, ничего не услышал. Мгновение спустя, он бросился вперед и увидел блеклое отражение тускло освещавшего коридор света. Медлить он не имел права. Вдруг Мистра в опасности?

Стивенс снова включил лампу и с пистолетом наготове двинулся вперед. Он очутился в просторном коридоре, отделанном по всей длине прозрачными стеклянными плитами. Стивенс несколько раз останавливался, чтобы пощупать материал, но так и не понял, что это такое. Ему удалось установить только, что «стекло» не бьется.

Коридор привел его в просторный зал с куполообразным потолком, и он увидел, откуда исходит странный свет. В углу стоял глобус, который туск-

ло светился зеленоватым светом.

Стивенс осмотрелся. У него возникло ощущение, что прямо над порогом зала что-то вибрирует: как будто работает механизм какой-то скрытой от глаз машины. Он увидел другие коридоры, отходившие от зала, но не стал осматривать их, а подошел к глобусу. Оттенки света, исходящего от него, все время менялись: зеленый превратился в кремовый, потом — в белый. И вдруг Стивенсу показалось, что глобус увеличивается в объеме. Он различил знакомые очертания Северной и Южной Америк, Испанского полуострова.

Планета Земля! В этот момент Стивенс словно наблюдал вид Земли с приближающегося к ней космического корабля. Он узнал простертую руку Нижней Калифорнии, а через мгновение на экране начали отражаться все более мелкие детали. Вдруг появилось впечатление, что плавное движение корабля нарушилось, словно управление вышло из-под контроля. Он увидел стремительно приближавшийся океан, потом — горы, а мгновение спустя — удар и полная темнота. Кто был на его борту? А на «экране» начала складываться другая пульсирующая картинка…

Два часа подряд Стивенс не мог оторваться от удивительного глобуса. Стивенсу пришло в

голову, что он смотрит видеозапись о том, как в каком-то непонятном прошлом, возможно многие тысячелетия назад, у берегов нынешней Калифорнии потерпел аварию космический корабль.

Постепенно он получил довольно полное представление о том, что произошло.

Неизвестно в какой момент прошлого управляемый роботами космический корабль, получивший какие-то повреждения, врезался в скалу.

Робосистема уцелела, а поскольку она обладала способностью как читать мысли, так и передавать на расстояние свои собственные, независимо от языковых барьеров, она смогла установить контакт с небольшой группой туземцев. Роботы обнаружили, что в мозгу туземцев доминируют страх и преклонение перед высшими силами, поэтому они имплантировали в сознание этих людей приказ открыть им доступ к выходу наружу и попытались восстановить свой корабль. Однако повреждения оказались слишком серьезными. Тогда они внедрили в сознание туземцев еще один приказ: построить храм, каждый камень которого перед использованием для постройки должен быть отнесен на корабль для специальной обработки.

Обработка сопровождалась яркими вспышками, что производило на туземцев впечатление действия сверхъестественных сил. На самом деле плиты для постройки бомбардировались внутриатомными частицами очень редких искусственных элементов, после чего они получали способность выделять особые вещества, препятствующие старению клеток живых организмов. Целью робосистемы было продлить жизни тех, кто стал свидетелями крушения, чтобы в дальнейшем они, получив определенные знания, помогли отремонтировать корабли.

Вся группа туземцев прожила очень долго, но потом была почти полностью истреблена в одной из местных войн. Среди тех, кто заменил погибших, Стивенс в изумлении увидел знакомую фигуру высокого светлокожего мужчины. Это, без сомнения, Уолтер Пили.

Именно Пили и маленький человечек — единственный выживший из первой группы — поняли, что корабль не является обителью богов. Роботы приняли их на корабль и начали обучать.

Кроме всего прочего, они узнали, где именно на корабле находятся части мозга, осуществлявшие чтение мыслей и их передачу, и попытались ис-

пользовать это знание для того, чтобы подчинить себе робосистему. Для начала они отключили передатчик мыслей, с помощью которого роботы могли управлять туземцами, находящимися снаружи.

Удар был неожиданным. Роботы поняли, что враждебность жрецов исходит из самой глубины их человеческого естества.

Защищаясь, роботы пустили внутрь корабля газ. Кашляя, извиваясь в судорогах от боли, эти двое бежали. Дверь за ними закрылась.

Больше внутрь корабля их не пускали. Они начали думать, как им захватить корабль.

Роботам удалось прощупать сознание этих двоих, и они обнаружили, что маленький человек является инициатором борьбы против них, а Пили отчасти сопротивляется ему.

Планы простирались дальше, чем простой захват дома и установление своей власти над ним. Он мечтал о власти над всей планетой…

Лицо заговорщика было незнакомо Стивенсу. Если он когда-то и видел его, то тот, наверняка, носил маску.

Когда показ картин прекратился, Стивенс несколько минут рассматривал «груз» корабля, находившийся там же. По фильму — а Стивенс

считал, что ему показали запись фильма, — длинные, закрытые полки на корабле были нагружены маленькими блестящими капсулами, в каждой из которых содержалось небольшое количество некоего искусственного элемента в чистой форме.

Это был элемент, не известный на Земле, который в таблице Менделеева стоял бы настолько выше над ураном, что открытие его стало бы величайшим в истории человечества.

Но Стивенсу пока не приходило в голову, как можно было использовать это вещество в данной ситуации.

Было уже четверть шестого, когда Стивенс, уставший, снова вошел в подвал здания своей комнаты и начал подниматься вверх по ступенькам в фойе. Больше всего его волновало то, что он не получил ни единого указания на то, кем был партнер Пили.

Очень важно было обнаружить этого человека и показать группе.

Адвокат дошел до лифта и направился в офис. Пройдя полпути, он увидел тень человека. Выхватив из кармана пистолет, Стивенс взвел курок.

— Спокойно, — произнес человек, — это я, Билл Ригз.

15

— Итак, мистер Стивенс, — начал Билл Ригз, когда они закрылись в кабинете адвоката, — я располагаю секретными данными о похоронах Ньютона Таннахила. Ими занималось похоронное бюро «Альмирант мортуори», которым тогда владел Норман Моксли. Он купил бюро за несколько месяцев до похорон и сразу после совершения обряда продал его.

Ригз замолчал. Стивенс подумал, что по сравнению с тем, что ему известно теперь, информацию Ригза нельзя назвать сенсационной. И все же она имела определенное значение — как все, что касалось босса. Стивенса продолжало тревожить обвинение, которое Хаулэнд выдвигал против Таннахила.

Вычислить Моксли, при желании, очевидно, было возможно. Можно было попытаться узнать, кто из членов таинственной группы отсутствовал в Альмиранте, пока здесь был Моксли, а потом путем постепенного отсеивания найти того, кто сыграл его роль. Но вряд ли удастся доказать, что подобный маскарад имел место.

Выйдя из задумчивости, Стивенс понял, что

детектив ждет его реакции на свое сообщение, и сказал:

— Плохие новости. Боюсь, что окружной прокурор может использовать эту информацию против мистера Таннахила.

— Да, хорошего мало, — согласился Ригз, — а то, что я узнал о враче, еще менее утешительно. Его зовут Хаим де лас Сьенгас. Он окончил медицинский факультет пятнадцать лет назад, но частную практику начал только в декабре прошлого года, когда поселился в Альмиранте. Пятнадцатого мая он продал свою практику за сотню долларов и на следующий день уехал.

— Откуда у вас эта информация? — полюбопытствовал Стивенс.

— «Альмирант мортуори» сейчас называется «Похоронное бюро Бенсон Бразас». Я зашел к хозяину и узнал, что, когда он покупал бюро, их финансовые дела вело местное отделение «Банк оф Америка». От управляющего банком мне стало известно, сколько Моксли заплатил за место. Кстати, и хозяин бюро, и управляющий банком описали мистера Моксли: высокий англичанин, сдержанный, вежливый, с изысканными манерами. Ходили слухи, что у него страсть к азартным играм, но наверняка никто ничего не знает. На

вид ему лет сорок.

— А врач? — спросил Стивенс, раздумывая над тем, как поудачнее использовать эту информацию против Пили.

— Я узнал кое-что о нем от секретаря местного отделения Медицинской ассоциации. Доктор был очень дружелюбным человеком, и коллеги его любили. Между прочим, у него интересное хобби: яды. Доктор де лас Сьенгас собрал огромную библиотеку по этому предмету, но, поскольку яды нас ни под каким углом зрения не интересуют, я дальше не занимался этим вопросом.

Ригз замолчал и вопрошающе посмотрел на Стивенса. Глаза детектива слегка сузились, и у адвоката создалось впечатление, что собеседник внимательно следит за его реакцией. Стивенсу показалось, что Ригз чего-то не договаривает, он, наверняка, не слишком уверен в том, что яды их ни под каким углом зрения не интересуют.

Что же касается Стивенса, то он хорошо понимал, как группа могла использовать яды — например, для амнезии. Об этом следует подумать. Но не сейчас. Позже. Сейчас Стивенсу не мешало бы придумать вразумительное объяснение причины его нахождения в здании конторы в такую рань.

— Мистер Ригз, — начал адвокат, — мы с мистером Таннахилом пришли в конце концов к выводу, что во всей этой истории задействованы большая группа людей и большие деньги. Ситуация, по-моему, очень сложная. — И Стивенс рассказал детективу о том, что сказал Хаулэнд о доходе Мистры, потом снова упомянул письмо, которое Таннахил был вынужден подписать. Он ничего не сказал о том, что узнал от мисс Ланет, но высказал якобы свое мнение о финансовой зависимости группы от Таннахила. Он рассказал детективу и о пещере, но не упомянул, кто его привел туда: Стивенс якобы сам случайно наткнулся на нее.

Разумеется, в разговоре с Ригзом адвокат не стал вспоминать о космическом корабле, бессмертии, масках и о том, как он узнал о таинственной группе людей. В заключение Стивенс сказал:

— Наше положение, мистер Ригз, — довольно щекотливое. С одной стороны, нам нужно попытаться пролить свет на секретную деятельность группы, но, с другой стороны, постараться не навредить при этом нашему работодателю. Мы обязаны проявлять крайнюю осторожность, чтобы своими действиями не увеличить количество врагов мистера Таннахила. Возможно, нам самим

придется искать настоящего убийцу.

Ригз кивнул и задумался.

— Эта пещера, — произнес он наконец, — не в ней ли ключ к разгадке?

— Сомневаюсь, — солгал Стивенс.

— Ну тогда забудем об этом, — сказал Ригз. — Признаюсь, все эти упоминания об амнезии, тайных пещерах и религиозных бандах очень пугают меня. Думаю, нам следует выставлять все, что нам об этом известно, «на обозрение публики», — Ригз замолчал и через мгновение продолжил: — А теперь хочу быть с вами откровенным и признаться, что я следил за вами.

— Следили за мной?! — воскликнул Стивенс.

Он заволновался, перебирая в памяти события минувшей ночи. За исключением того, что он долго находился в пещере, Стивенс не мог вспомнить ничего такого, из-за чего Ригз начал бы подозревать его в чем-то. Успокоившись, адвокат заметил:

— Вы меня удивляете.

— А как иначе я мог убедиться, что вы не находитесь в лагере врагов? Да, я решил последить за вами. Правду сказать, скучновато было на кладбище, где мы все четверо сидели, затаясь, и ничего не делали.

— Четверо?! — изумленно вскричал Стивенс, подпрыгнув в кресле. — Вы сказали — четверо?

— Не знаю, понравится вам это или нет, но он несколько часов ждал, пока вы уйдете…

— Кто?

— Таннахил. У меня создалось впечатление, что они с девушкой обо всем договорились заранее. Во всяком случае, когда вы ушли, он подошел к ней. Таннахил спросил ее, правильно ли он понял ее заверения. Она ответила, что выйдет за него замуж. Потом они сели в машину и направились в Лас-Вегас. — Ригз замолчал; его голубые глаза светились сочувствием. — Вижу, вам это неприятно. Простите.

Стивенс внезапно осознал, что сидит, словно прикованный к креслу, мускулы лица — напряжены, зубы — сжаты, глаза — болят. Несколько раз он сглотнул слюну, и с каждым разом в горле пекло все больше и больше. Наконец огромным усилием воли Стивенс овладел собой.

— И что же было дальше? — спросил он.

— Вы вернулись, и я продолжил слежку за вами. К сожалению, зайдя в здание конторы, вы заперли за собой дверь. Я битый час пытался проникнуть внутрь, и, как только я влез в окно третьего этажа, я сразу же увидел вас.

Стивенс кивнул и с трудом выдавил из себя:

— Думаю, нам обоим нужно хорошо выспаться.

Адвокат лихорадочно обдумывал ситуацию. Ему предстояло слишком многое сделать: добиться права поручительства за клиента (если возникнет необходимость), продумать детали защиты, подготовить материал для прессы. Все это он сможет делать открыто. Но ему еще нужно продумать, как вступить в контакт с группой. Он должен быть хорошо подготовлен к этому.

Попрощавшись с Ригзом, Стивенс начал думать о Мистре и пришел к выводу, что ее действия явились результатом его отказа. Не добившись от него согласия помогать ей, Мистра предприняла решительный шаг. Она считала, что спасение Земли намного важнее, чем их любовь.

Теперь у нее был Таннахил. Через него она могла воздействовать на группу.

Стивенс устало растянулся на кушетке в комнате отдыха, находившейся недалеко от его кабинета. Он так и не смог уснуть. Когда в восемь тридцать появилась мисс Чейнер, Стивенс встал и направился в парикмахерскую. Побрившись, он позавтракал в ресторане напротив и, возвращаясь в офис, вдруг увидел вывеску пробирной

палаты, находившейся поблизости. Он и раньше видел ее, но никогда не думал, что когда-нибудь придется воспользоваться услугами такого заведения. Рука Стивенса скользнула в карман куртки и извлекла из него кусочек мрамора, который адвокат подобрал на ступенях Грэнд Хауза. Стивенс вошел в помещение палаты и уже через минуту протягивал служащему образец.

— Как скоро вы сможете произвести анализ этого образца? — осведомился он.

— А как скоро он вам нужен? — ответил вопросом худощавый, стареющий мужчина в очках с золотой оправой. Он что-то промямлил насчет праздников. Стивенс прервал его:

— Я плачу двойную цену, если анализ будет готов завтра.

Служащий немедленно выписал квитанцию.

— Приходите завтра в десять.

Выходя из палаты, Стивенс услышал выкрики мальчишки-газетчика:

— Читайте о нападении на Лорилию!

16

Стивенс дрожащими руками взял газету. Крупные заголовки кричали: «Лорилия обвиняет Соединенные Штаты в нападении!» Ниже, буквами помельче, писалось: «Посол передает ноту протеста в госдепартамент».

Статья начиналась словами: «Правительство Соединенных Штатов категорически отрицает, что сегодня, в полдень (по лорилианскому времени), самолеты американских военно-воздушных сил совершили налет на промышленные объекты Лорилии. Госсекретарь Уолтер Блейк заявил об отклонении протеста американским правительством…»

Взгляд Стивенса перебегал от строки к строке в поисках информации, более важной, чем обвинения и протесты. Наконец, он нашел то, что искал:

«Политические обозреватели приведены в полное недоумение обвинением, выдвинутым правительством Лорилии, при этом мало кто действительно поверил в его истинность. Однако из Антуллы сообщают, что военные летчики Лорилии не смогли сбить самолеты, которым

удалось скрыться после атаки. Военные эксперты Антуллы высказали предположение, что на летчиков было оказано какого-то рода воздействие, хотя ни одни из них не погиб».

Стивенс продолжал лихорадочно просматривать газету. Он представил себе Мистру, пытающуюся вывести свой корабль из-под обстрела реактивными снарядами с управляемых ракет. Газеты утверждали, что ей это удалось. Она рискнула своим бессмертным телом — ради чего? Ради мира, который так никогда и не узнает, что стоял на грани катастрофы?

В нападении, без сомнения, участвовал не один корабль. Группа, вероятно, капитулировала перед Мистрой, испугавшись за судьбу Таннахила и боясь целого ряда осложнений, которые возникнут, если с ним что-то случится. Поэтому они и помогли ей осуществить ее план.

Это был крутой поворот в стратегической деятельности группы. Грэнд Хауз теперь останется на Земле. Группа тоже останется на планете. Потерявшие значительную часть ядерных запасов лорилийцы не посмеют начать войну.

В полдень Стивенс позвонил в офис окружного прокурора. Его тут же соединили с Хаулэндом.

— Вы понимаете, что исчезновение мистера

Таннахила — свидетельство его виновности? Это доказывает, что я был прав, выписывая ордер на его арест, — холодно начал окружной прокурор.

Стивенс, услышав характерные щелчки подслушивающего устройства, постарался придать своему голосу как можно больше удивления.

— В конце концов, — очень отчетливо произнес он, — вряд ли можно обвинять в побеге человека, который даже не знал о существовании ордера на его арест.

— Послушайте, Стивенс, — попытался остановить его раздраженный Хаулэнд, — я…

— Вполне возможно, — не дал себя сбить Стивенс, — что мистер Таннахил уехал встречать Рождество в Сан-Франциско. Он говорил мне, что хочет немного развлечься. Как только я получу от него какие-то известия, я сообщу ему о ваших действиях. Что касается меня, то я немедленно обращусь к судье Адамсу за разрешением об освобождении моего клиента под залог и попрошу начать слушание дела.

После обеда в ресторане Стивенс, возвращаясь к себе в офис, зашел в центральный книжный магазин и попросил служащего найти ему книги по проблема долголетия.

— Вы имеете в виду книги по гериатрии? —

уточнил продавец.

Стивенс кивнул, хотя и слышал это слово впервые. Он последовал за продавцом, разглядывая названия сотен томов, уместившихся на огромном количестве полок.

— Вот! — служащий снял с полки тоненькую брошюрку, — «Продление жизни». Автор — русский, Богомолец. Он советует пить болгарский йогурт, в котором содержится бактерия, убивающая токсины в человеческом организме. Я постоянно пью этот йогурт, но, честно говоря, совсем не чувствую, чтобы он оказывал на меня какое-то благотворное воздействие. — Продавец рассмеялся.

— Вот еще брошюра, изданная в Нью-Йорке Комитетом общественного здоровья. Называется «Долгой вам жизни и радости». Главная мысль — постоянные медицинские осмотры. Если у вас что-то обнаружили — не жалейте денег и сил на лечение! Ваша молодость — заложница жизнедеятельности самого больного из ваших органов.

Стивенс полистал брошюру и сказал, что возьмет ее. Потом несколько неуверенно спросил:

— А нет ли у вас литературы по вопросу дедифференциации?

Он объяснил, как понимает этот термин, но

служащий отрицательно покачал головой.

— Хотя… — задумался он. — Есть книга о хамелеонах. Очень занимательная.

Стивенс купил книгу о хамелеонах вместе с нью-йоркской брошюрой и трактатом Богомольца.

Вернувшись к себе в офис и вновь — в который раз! — перебирая в памяти события, произошедшие с момента приезда Таннахила, он впервые во всей полноте осознал свою ответственность за ход их развития. Стивенс начал думать о Фрэнке Хаулэнде — единственном человеке, который мог легально вступить в борьбу с группой. Проблема состояла только в том, чтобы передавать ему понемногу информацию, но так, чтобы он не узнал всей правды.

Фрэнк Хаулэнд… его соратник. Стивенс засмеялся и решил про себя, что завтра обязательно ему позвонит. Потом он взял трубку, набрал номер аэропорта и заказал себе индивидуальный ночной рейс в Лос-Анджелес. Выйдя из офиса, Стивенс зашел в магазин купить лопату и киркомотыгу. Он должен сегодня же проверить, верна ли самая важная из его догадок. Эти люди, может быть, и бессмертны, но нельзя никому верить на слово.

Вернувшись в контору, Стивенс задумался о своих дальнейших шагах.

Да, очень многое еще нужно расследовать. Но как ко всему этому подступиться? Все еще ничего не известно об убийствах Дженкинса и негра-охранника. Не известно также, кто прислал записку Хаулэнду. Непонятны планы Пили и его партнера — индейца-коротышки. Почему коротышка воспротивился намерению группы покинуть Землю, вплоть до попытки убийства Таннахила, когда последний уже дал свое согласие увезти Грэнд Хауз?

В конце концов адвокат пришел к выводу: его главная цель — наиболее оптимальным образом использовать известную информацию, чтобы поймать убийцу, нанести поражение группе и спасти Грэнд Хауз — для себя, для Мистры, для всего мира.

Стивенс посмотрел на часы: без пяти четыре. Еще можно кое-что успеть сделать.

Он посетил морг, который в Альмиранте находился прямо возле похоронного бюро, и убедился в том, что Форд погиб от пулевого ранения, а Дженкинс — от ножевого.

— Интересная история с этой ножевой раной, — поделился с ним врач-патологоанатом. — Ее края

сплошь покрыты волдырями, как-будто лезвие было сильно раскалено.

Игольный луч!

Стивенс оторопел. Остаток дня он провел, проверяя адреса, которые выписал себе из отчетов мексиканской компании. Большинство людей оказались промышленными и финансовыми магнатами.

Никогда Стивенс не чувствовал себя столь слабым и беззащитным, как сейчас — перед лицом этой мощи.

Пообедав, он поехал домой, надел спортивные брюки, теплую рубашку и свитер. Ночь была темной, благодаря чему ему удалось незамеченным пробраться на кладбище. В его намерения входило вскрыть две могилы Таннахилов: Франциско Таннахилы, который скончался в 1770 году, и любую другую на пробу. Почва была такой твердой, что он целых два часа трудился над первой, пока лопата не наткнулась на деревянную плиту. Дерево уже почти сгнило, а под ним находилась дюжина булыжников общим весом около ста восьмидесяти фунтов. В гробу больше ничего не было. Отдохнув немного, Стивенс решил, что нужно обязательно вскрыть еще какую-нибудь могилу. Он попробовал лопатой землю и выбрал

ту, на которой земля была наиболее мягкой. Вырыв яму всего лишь в фут глубиной, он тут же наткнулся на что-то. Стивенс присел и начал разрывать землю руками. То, на что наткнулась его лопата, оказалось головой человека. Лицо трупа было обезображено до неузнаваемости. Справившись с тошнотой, подступившей к горлу, адвокат все-таки решил продолжить работу. Нащупав руку трупа, он поднес ее указательный палец к одной стороне стекла солнцезащитных очков, которые прихватил с собой, а мизинец — к другой. Положив очки в футляр, Стивенс спрятал его в карман.

Очень осторожно он зарыл могилы и отправился домой. Было уже за полночь, а ему еще нужно было добраться до аэропорта.

Дома он принял ванну и оделся.

Через полчаса полета самолет приземлился в лос-анджелесском аэропорту. Такси доставило Стивенса к офису Пили. Окна были темными, а подступавшие со всех сторон к офису магазины в это время ночи — безлюдными. Адвокат хотел уже взломать дверь, но неожиданно вспомнил о связке ключей, которую он обнаружил в сумочке Мистры. Один из ее ключей подошел. Найти письмо, которое подписал Таннахил, доверяя

Пили продолжить выплаты членам «Пан-американского клуба», не составило труда.

Большую часть времени по пути в Альмирант Стивенс проспал, а приехав домой, тут же отправился досыпать в спальню.

В центре города он был к полудню. Осмотрев еще ночью солнцезащитные очки, к стеклам которых он приложил пальцы трупа, Стивенс пришел к выводу о том, что отпечатки достаточно четкие. Теперь при свете дня он осмотрел их еще раз; в их четкости сомневаться не приходилось. Достав платок, Стивенс стер части отпечатков по краям, потому что для полиции совсем необязательно было демонстрировать их четкость — это могло показаться подозрительным, и направился в полицейский участок.

Там он объяснил дежурному офицеру:

— Несколько дней назад я заявлял о том, что хулиганы перерезали провода у моего дома. Сегодня утром я случайно нашел на газоне эти очки. Я подумал, что вы можете сфотографировать отпечатки пальцев и проверить их.

— Конечно, — ответил лейтенант, осматривая очки. — Мы это обязательно сделаем. Мы позвоним, когда будем располагать результатами проверки.

— А сколько времени уйдет на это?

— Боюсь, нам придется пересылать их в Сакраменто. Не меньше недели.

— Вы, наверное, можете передать фото телеграфом?

— Из-за хулигана? — изумленно спросил офицер.

— Для меня этот случай очень важен, и я не хочу оставлять его без расследования. Я оплачу телеграфные расходы.

После этого Стивенс отправился в пробирную палату.

— Странный вы человек, — встретил его служащий. — Платите за срочность, чтобы работа была выполнена к десяти, а сами не являетесь в срок.

— Я был слишком занят.

Старик перешел к делу.

— Химически в образце нет ничего особенного. Это обыкновенный карбонат кальция в форме мрамора.

— Это все, что вы можете сказать о нем? — разочарованно спросил Стивенс.

— Не так быстро, — усмехнулся старик. — Я еще не закончил.

Стивенс насторожился.

— Позже, продолжая проверять материал

уже на содержание урана, мы провели опыты с электроскопом и обнаружили, что состав радиоактивен. — Старик значительно взглянул на Стивенса и повторил: — Радиоактивен… Очень незначительно, конечно. Я не смог обнаружить никакого остатка. Когда материал был разложен отдельно на кальций, углерод и кислород, оказалось, что сам по себе ни один из этих элементов не радиоактивен. Очень интересно, правда?

Выйдя на улицу, адвокат задумался. Радиоактивность… Ею можно было объяснить и все, и ничего. Это был тот аспект природы, который человек исследовал вроде бы достаточно скрупулезно. И все же…

Стивенс вдруг увидел перед собой человеческий род, строящий себе дома из такого радиоактивного материала, обеспечивая себе бессмертие. Можно ли процессы, происходящие в подобранном Стивенсом на лестнице Грэнд Хауза образце мрамора, усилить, чтобы то, к чему они приводят, послужило не привилегированной кучке людей, а всему человечеству?

17

Стивенс поехал в издательство «Альмирант Герольд», но Кеавелла, его владельца, с которым он намеревался встретиться, не оказалось. Позвонив судье Портеру, потом судье Адамсу и десятку других членов группы, он получил приблизительно такие же ответы: «Уехал», «Будет завтра». Каждый раз Стивенс оставлял отсутствующему сообщение с просьбой позвонить ему в любое время дня или ночи, как только у того появится возможность.

Зайдя в свой офис, адвокат сел за стол и подумал, что он в очередной раз начал опасную игру. Ведь для всех этих людей он в конце концов просто чужак, который слишком много знает. Не лишним было бы как-то обезопасить себя.

Его мысли прервала мисс Чейнер:

— Мистер Стивенс, с вами хочет поговорить мистер Хаулэнд. Он у телефона.

«Вот кстати, — подумал адвокат, — это, пожалуй, выход номер один. В чрезвычайных ситуациях полиция может оказаться очень полезной».

— Мне нужно, чтобы ты подъехал ко мне в офис

сегодня днем, — прозвучал, спустя мгновение, в трубке голос Хаулэнда. — Сможешь?

— Смогу прямо сейчас.

— Отлично.

Стивенс повесил трубку. Шаг вперед был сделан. Отступать — некуда. Он еще раз позвонил издателям и судьям, с которыми хотел встретиться. Их по-прежнему на месте не было. Стивенс еще раз назвался, прежде чем положить трубку.

Прибыв в суд, он направился прямо в кабинет Хаулэнда, который его немедленно принял. Пожав его руку, окружной прокурор предложил Стивенсу сесть. Сам Хаулэнд, плюхнувшись в свое кресло, немедля перешел к делу.

— Мы проверили отпечатки пальцев Ньютона Таннахила. Они не совпадают с отпечатками его племянника. Так что я допустил ошибку, приказав арестовать твоего клиента.

Он замолчал и, казалось, начал изучать Стивенса, пытаясь угадать в нем ответную реакцию. Стивенс постарался придать лицу выражение холодной самоуверенности:

— Я говорил тебе, что спешка в этом деле неуместна.

— Черт, — с досадой выругался Хаулэнд, — почему же мы раньше нигде не смогли обнаружить

отпечатки Ньютона Таннахила? — Успокоившись, он признался: — Мне нужна твоя помощь.

Но Стивенс его уже не слышал. Первой его реакцией было изумление: группа, вероятно, все же решила проблему отпечатков, но как она это сделала — об этом ему оставалось только гадать. Может, их метод был частью процесса дедифференциации. Если клетки благодаря этому процессу вновь обретают молодость, то — почему бы им не изменяться полностью? Другое объяснение Стивенсу просто не приходило в голову.

Тем временем Хаулэнд, наклонившись к нему, сказал:

— Я готов забыть прошлое. Что было — то прошло. Но теперь я должен подумать о себе. В этом вся проблема. Если я просто сниму обвинение, я распишусь в своей некомпетентности. Придумай что-нибудь, как я мог бы выкрутиться из этой ситуации. Обещаю, что тоже буду тебе полезен.

Сердце Стивенса подпрыгнуло от радости: он не мог себе представить, что так быстро предоставится возможность использовать Хаулэнда.

— Я объясню тебе, как мы сможем оправдать мистера Таннахила.

— Давай!

Стивенс обстоятельно рассказал ему, как стал

свидетелем истязаний над Мистрой. Он не назвал никаких имен, не упомянул о роботах, космических кораблях, пещере и группе бессмертных. Он представил дело так, будто девушку пытали члены индейской религиозной секты, которые стремятся вытянуть из Таннахила деньги.

Только этим, подчеркнул он, можно, вероятно, объяснить также убийство охранника и последовавшие за ним события.

Когда Стивенс выходил из кабинета Хаулэнда, у него было такое чувство, что он сделал еще один шаг в неизвестность.

После этого он поехал в Грэнд Хауз. Обогнув ряды деревьев, Стивенс увидел величественную лестницу. Ни единого признака присутствия в доме человека не было заметно. Он позвонил в дверь, — тишина. Он мог бы отпереть дверь, воспользовавшись ключами Мистры, но не стал торопиться. Вместо этого, дойдя до конца террасы, спрыгнул на траву и начал огибать дом.

В свете голубого неба и синего сверкающего моря дом вырисовывался очень четко. Мирная тишина распространялась на прилегавшие к дому земли. Над домом ярко светило солнце. Трудно было себе представить, что с ним связано столько убийств, интриг, тайн жизни и смерти,

что уже сотни лет здесь тянется длинная-длинная кровавая история.

Все постройки, находившиеся на территории поместья, были отделены от Грэнд Хауза несколькими цветниками и длинной полосой высоких кустарников. Деревья были посажены так умело, что отлично скрывали убогость этих построек от глаз жильцов дома.

Стивенс поднялся на восточный склон холма. Перед ним простиралась величественная долина, а вдалеке — среди деревьев — притаился домик фермера с зеленой крышей. За ним к горизонту поднимались новые холмы. Стивенс проследовал к тому участку дороги, который заканчивался обрывом, — к утесу, на котором Мистра затормозила, когда они вдвоем уезжали из Грэнд Хауза.

Возвратившись к тому месту, где начинались служебные постройки, Стивенс уже имел полное представление о расположении всего поместья. Солнце уже клонилось к горизонту, готовое слиться со сверкающей равниной океана. Стивенс подумал, что вряд ли есть смысл осматривать постройки. Значение имел только дом.

Он вошел в Грэнд Хауз через парадную дверь и внимательно изучил все его двенадцать комнат: восемь спален, просторную библиотеку, столо-

вую, гостиную и огромную кухню. Каждая из комнат выходила в закрытый коридор. Стивенс пришел к выводу, что дом спланирован очень удобно: по две комнаты в каждой секции.

Уже темнело, когда адвокат, разочарованный, уезжал из поместья. Ему не удалось найти ничего, что указывало бы на то, кем был индеец — единственный выживший из первой группы бессмертных.

Пообедав в городе, Стивенс поехал домой. Он уже поставил свою машину в гараж и шел к дому, когда из-за кустов вылетел канат и начал обматываться вокруг его плеч и рук, мгновенно сбив Стивенса с ног. Не в состоянии сопротивляться, будучи скованным по рукам и ногам, он почувствовал, что в рот ему вставили кляп.

18

— Ладно, Стивенс, вставай и пошли!

Он вскочил на ноги, но снова упал, не сумев сохранить равновесия: руки его были крепко связаны за спиной. Чьи-то сильные руки подхватили его, сорвав с него пиджак и разорвав рубашку. Полураздетого, его привязали к дереву.

Прошло всего несколько секунд, как раздались протяжные свистящие звуки: это на его голые плечи начал опускаться кнут. Было больно так, как будто его полосовали ножом. У Стивенса перехватило дыхание. Он в ужасе ждал, что сейчас кнут пройдется по его лицу и глазам. Сжав зубы, он крепче прижал к дереву затылок. Боже! Так они мстят ему!

Все время, пока Стивенса избивали, его сверлила мысль о том, как бы посчитаться со своими мучителями. Внезапно боль потеряла свою остроту, колени начали подкашиваться, а в голове стало темно. Когда его перестали бить, Стивенс услышал голос:

— Мы могли бы тебя и убить. Это первое предупреждение. Если ты когда-нибудь еще хоть раз сунешь нос в наши дела, мы тебя ослепим и разре-

жем твою симпатичную мордашку на ленточки.

Они, наверное, ушли, потому что внезапно стало очень тихо. Силы медленно возвращались к нему, а когда на востоке появился первый луч солнца, Стивенс почувствовал, что он в состоянии подняться. Протянув руку к тому месту, где должны были находиться концы привязывавшего его к дереву каната, он обнаружил, что один из них ослаблен. Для Стивенса не составило большого труда отвязаться от дерева.

Упав на землю, он долго лежал, прерывисто дыша. Наконец ему удалось подняться на ноги и доковылять до дома. Отперев дверь, он прошел в гостиную и лег на диван. Спустя некоторое время, он встал и направился в спальню, достал лечебную мазь и осторожно обмазал ею раны. Потом он наложил на них повязки и сварил себе кофе. Выпив первую чашку, он почувствовал себя лучше и увереннее.

Все утро и часть дня он провел в постели. Способность анализировать понемногу возвращалась к нему. Стивенс решил, что группе все-таки неизвестно, насколько много он знает о них. Иначе они поступили бы с ним еще хуже.

Ставки в этой игре были слишком высоки. Бессмертные, тайно проживавшие на Земле,

вдруг оказались под угрозой раскрытия своей тайны, что могло привести к непредсказуемым последствиям. Сейчас, не будучи знакомыми с планами таинственного индейца, они пытаются сомкнуть ряды и оградить себя от опасности. Если им это удастся, события, произошедшие недавно, забудутся, и очень скоро Элисон Стивенс канет в Лету, вслед за Джоном Фордом и Уильямом Дженкинсом, пополнив список жертв. Несколько лет, десятилетий — всего лишь мгновение для вечности. И никто никогда не узнает, что он жертвовал своей жизнью для того, чтобы подарить человечеству бессмертие.

К половине третьего Стивенс почувствовал себя настолько окрепшим, что смог встать, побриться, одеться и пообедать. Потом он набрал номер Гранд Хауза. Он долго ждал ответа, наконец в трубке раздался щелчок, и женский голос произнес:

— Это экономка. Кто звонит?

Голос принадлежал Джико Айне!

Стивенс назвался, подождал у телефона, а потом услышал, как она сухо сказала:

— Мистер Таннахил просит меня передать, что он уже все сказал вам в своем письме, отправленном на адрес офиса.

— В письме? — изумился Стивенс, а через мгно-

вение, овладел собой, спросил: — А мисс Ланет есть?

— Мисс Ланет не может подойти к телефону, — ответила женщина и положила трубку.

Стивенс немедленно поехал в офис. Войдя в свой кабинет, он услышал от мисс Чейнер:

— Вам заказное, доставленное по спецпочте, письмо. На нем штамп «лично», поэтому я не открывала его.

— Спасибо, — автоматически ответил Стивенс.

Сжав губы, он прочитал:

— «Мистер Стивенс, ставлю вас в известность, что с настоящего момента ваша служба в качестве управляющего делами моей семьи окончена. Прошу вас переслать ключи в Грэнд Хауз и покинуть свой кабинет в течение часа. Материальная компенсация вам будет выплачена в положенный срок.

С уважением, Артур Таннахил».

Стивенс сложил письмо и положил его во внутренний карман пиджака. Оно его расстроило, но нельзя сказать, что это было для него неожиданным ударом. Группа пыталась обезвредить его. И это не последний их шаг. Даже ссылка на «материальную компенсацию» была тактической уловкой. Может быть, если бы он согласился

уехать из Альмиранта, его «выходное пособие» увеличилось бы.

Стивенс позвонил в отель Ригзу, его соединили немедленно.

— Извините, мистер Стивенс, — начал детектив, — я не звонил вам по той причине, что получил письмо от мистера Таннахила, в котором он мне сообщил, что вы больше у него не работаете и отношения к интересующему нас делу не имеете.

— Вы получили только письмо? Никакой личной встречи не было?

— Нет.

— Телефонного разговора тоже не было?

— На что вы намекаете? — голос Ригза зазвучал встревожено.

— Послушайте, Билл, — тон голоса Стивенса стал очень серьезным, — у меня есть веские основания полагать, что мистер Таннахил действует по принуждению. Вы тоже получили уведомление об освобождении от работы?

— Ну… в письме говорилось, что во мне больше не нуждаются и что мне пришлют чек… Черт, так вы считаете, что нас провели? А я уже упаковывал вещи.

— Лучше распакуйте их — если, конечно, у вас

есть желание продолжать расследование.

— Решено: я остаюсь. Где мы встретимся?

— Не будем пока договариваться о месте. Я собираюсь заставить одних очень опасных людей раскрыть свои карты. И мне нужна будет очень большая помощь…

Стивенс позвонил в издательства. Ни Кеавелла, ни Гранта до сих пор не было — во всяком случае, ему так сказали. На этот раз он решил поговорить с редакторами газет. Обоим он сообщил примерно одно и то же: «Передайте вашему издателю, что сегодня вечером произойдет очень серьезное событие. Он знает, где оно произойдет. Кроме того, он единственный из издателей, кто будет приглашен, и должен присутствовать лично. Скажите ему, что все остальные члены группы тоже должны быть на месте».

Потом Стивенс позвонил судьям Портеру и Адамсу и, не получив возможности поговорить с ними лично, передал им то же самое через секретарей. Это были единственные члены группы, которых он оповестил лично. Остальные узнают сами и явятся без приглашения. Стивенс был уверен, что так оно и будет. Явится и убийца, и связанная с ним группа. Маньяк и его будущие жертвы. Тот, кто хотел добиться единоличного

господства над всей планетой, и те, кто думают, что этого можно избежать.

Человек этот шел на очень большой риск. В любой момент остальные члены группы могли узнать о его деятельности, и, безусловно, потянулась бы вереница преступлений. Он должен был бы убить их всех, чтобы спасти себя.

Мысль об убийстве напомнила Стивенсу о том трупе, который он обнаружил на кладбище в могиле одного из Таннахилов. Он позвонил в полицию и узнал, что результаты экспертизы отпечатков еще не пришли. Стивенс тяжело вздохнул и повесил трубку. Он планировал сразиться с группой именно в эту ночь, а такого важного доказательства их вины, какое могли представить отпечатки, у него на руках не оказалось.

Кем же мог быть убитый? И связано ли это убийство с деятельностью бессмертных? Скорее всего, связано, не случайно для его захоронения использована одна из пустых могил Таннахилов. Но кто он? Стивенс представил себе труп неизвестного мужчины из разрытой могилы. Пожалуй, телосложением он походил на Уолтера Пили.

Внезапно перед его мысленным взором выстроились в стройную цепочку факты, казавшиеся

до сих пор разрозненными: Пили исчез неделю назад; Дженкинс видел его в ту ночь, когда избивали Мистру; несмотря на многочисленные попытки найти Пили, его так никто нигде не обнаружил.

Мозг робота-корабля идентифицировал Пили как человека, противящегося агрессивным планам партнера. Вполне вероятно, что теперь, когда назрел кризис в группе, партнер убил своего излишне щепетильного товарища, несмотря на то, что Пили был крайне осторожен.

Стивенс был уверен в том, что теперь убийца обязательно сделает следующие шаги. Обезвредить его необходимо немедленно.

Неожиданно дверь открылась, вошла мисс Чейнер и объявила:

— Вас хочет видеть мисс Ланет.

Когда Мистра вошла, мисс Чейнер как будто растворилась в воздухе. Стивенс изумленно глядел в лучистые глаза женщины. Направляясь к стулу, она холодно осведомилась:

— Мне можно сесть?

Внимательно изучая ее и боясь какого-нибудь подвоха, Стивенс наконец произнес:

— Вижу, что ты выиграла, осуществив налет на Лорилию.

— Это тебя удивляет?

Он покачал головой:

— Я все равно не мог участвовать в нем, но если ты считаешь, что была права… Скажи, ты, правда, вышла замуж за Таннахила?

— Откуда ты узнал об этом? — после долгого молчания спросила она.

У Стивенса не было желания выдавать Ригза — особенно сейчас, когда тот мог сыграть важную роль в разоблачении убийцы.

— Это вытекало из логики событий. Выйти замуж за Таннахила и автоматически получить половину его собственности по закону Калифорнии.

Мистра некоторое время хранила молчание, потом сказала:

— Мне нужна назад моя сумочка. Та, которую я забыла в первую ночь.

Она ничего не отрицала и не подтверждала, просто отмахнулась от его вопроса. Стивенса глубоко ранило ее равнодушие. Он тут же отодвинул ящик стола и, не говоря ни слова, протянул ей сумку. Она положила ее на стол, перебрала предмет за предметом, потом подняла на него глаза:

— А где ключи?

— Ах, да, — спохватился он, опустил руку в

карман, достал связку ключей и отдал ей.

— Сегодня вечером я собираюсь встретиться со всеми вами. Ты, наверное, слышала, — сказал он.

Она как-то странно посмотрела на него:

— Тебе, очевидно, интересно будет узнать, что к мистеру Таннахилу вернулась память. И в связи с этим у тебя уже друзей в группе не осталось.

— Ни одного?

— Ни одного, — ответила она ровным тоном.

Стивенс криво улыбнулся. Его разоружали постепенно, шаг за шагом. Но они не понимали, что окончательно его можно обезвредить, только отняв дыхание.

— Можешь передать мистеру Таннахилу, — начал он, — что он не имеет права уволить меня. Я подчиняюсь непосредственно Уолтеру Пили. Когда Пили освободит меня от должности, я буду официально уволен.

В душе Стивенс посмеялся над своими словами. Если это Пили лежал в той могиле, то немало времени уйдет на то, чтобы уволить Элисона Стивенса.

— Хорошо, — кивнула Мистра. — Мы попросим мистера Пили известить тебя официально.

— А как же мы? Когда ты говорила, что любишь меня, — ты лгала? Это было частью твоего

плана?

— Нет, — ответила она, на лице ее не дрогнул ни единый мускул. — Но я справлюсь с этим — у меня на это уйдет не одна сотня лет, но все же, может быть, когда-нибудь появится другой.

Отчужденность женщины разозлила его, ему захотелось и ей сделать больно.

— А ваша ясновидица все еще в группе?

Она утвердительно кивнула.

— Увольте ее. Она плохо знает свое дело.

— Ты никак не можешь переключиться с темы Пили.

— Кстати, а где Пили? Он уже появился?

Она ответила не сразу:

— Еще нет. Но если он что-то против нас замышляет…

— Не думаю, — усмехнулся Стивенс.

— Тогда кто же?

— Не знаю. Но… — Он наклонился к ней и очень серьезно произнес: — Мистра, вы все в опасности. Вас всех могут убить.

Мистра покачала головой и иронично улыбнулась:

— Элисон, ты ведешь себя по-детски. Хочешь запугать группу, чтобы самому пробраться в ее ряды. Ничего у тебя не выйдет. Мы никогда не

были так осторожны и бдительны, как сейчас.

Она начала надевать перчатки.

— Мистра, подожди! — воскликнул Стивенс.

Женщина снова медленно опустилась в кресло. Ее зеленые глаза вопросительно смотрели на него.

— Неужели ты не видишь, — сказал Стивенс, — что я пытаюсь помочь тебе? Я располагаю важными фактами.

У адвоката не было желания делиться с этой ставшей ему чужой женщиной тем, что он узнал от робосистемы корабля.

Но в его планы входило оказание как можно большего давления на группу, а для этого ему нужна была информация. Он спросил у нее:

— Мистра, Грэнд Хауз может быть разрушен?

Она засмеялась:

— Ты думаешь, я кому-нибудь скажу об этом?

— Ради своей собственной безопасности, подумай над ответом. Лучше тебе сказать.

— Но это просто смешно! — Ее глаза расширились. — Ты думаешь, что кто-то из нас может быть так глуп? Грэнд Хауз — все, что у нас есть.

— Исходя из некоторых ставших мне известными фактов, я предполагаю, что его разрушение — это именно то, к чему стремится предатель.

Следовательно, у вас имеется нечто такое, посредством чего дом может быть разрушен, причем очень быстро. Я не имею в виду атомную бомбу. Скорее всего, это что-то такое, что можно пронести в кармане.

Мистра заколебалась, но потом кивнула.

— Ладно, не вижу смысла в том, чтобы скрывать это от тебя. Ты все равно не сможешь воспользоваться своим знанием. Элемент сто шестьдесят седьмой дестабилизирует физическую структуру мрамора. Выделенный в виде тончайшего порошка, он разрушает атомное строение материала, из-за чего его первоначальная форма уже никогда не сможет быть восстановлена.

— Элемент сто шестьдесят седьмой? И больше ничего?

— Это все, что мне известно.

— Спасибо, — произнес Стивенс и замолчал. — Извини, но пока я не могу в точности сказать тебе о том, кто предатель. Расскажи еще немного о ваших людях. Сколько их всего в городе?

— Сорок один.

— Из пятидесяти трех, — задумчиво произнес Стивенс. — Для него было бы большой удачей накрыть их всех. — Помолчав, он решительно сказал: — Они все должны прийти. Он должен

думать, что это его единственная возможность. Другого способа заставить его раскрыться нет. Понимаешь?

Мистра поднялась с кресла. Надев перчатки, она сказала:

— Я могу только пообещать тебе, что все будут извещены. Но если ты не сможешь ничего доказать, ты конченый человек. — Голос ее звучал тихо и серьезно: — Вернув Таннахилу память, мне удалось склонить его на свою сторону. Так что я выиграла. Но для тебя я ничего не смогу сделать. И даже не буду пытаться. Так что полагайся только на самого себя.

Она направилась к двери. Не выдержав, Стивенс окликнул ее. Наверное, в его голосе прозвучало столько чувства, что она сразу же обернулась и сказала:

— Постарайся только не усложнять ситуацию.

— И это все, что ты хочешь сказать человеку, который был твоей единственной любовью?

— Ты подвел меня, помнишь? Мне пришлось искать другой выход. Ты сам отказался от меня и нашего будущего.

Стивенс стоял и смотрел на нее. Она подошла к нему, бросила взгляд на диван, где он иногда отдыхал, когда оставался допоздна на работе, а

потом, махнув в сторону двери, спросила:

— Мы можем закрыться здесь?

— Господи Боже мой, Мистра, ты с ума сошла!

— Конечно. А ты разве нет?

Когда они занимались любовью на узком диване, женщина издавала непроизвольные крики, которые всегда сопровождали их физическую близость. Неожиданно она замолчала и тихонько рассмеялась.

— Интересно, что мисс Чейнер думает о нас. Ты знаешь, она влюблена в тебя.

— Мисс Чейнер? — недоверчиво спросил Стивенс, но тут же забыл об этом.

Когда они одевались, он, вспомнив ее реплику, спросил:

— Ты думаешь, она слышала нас?

— Конечно.

Стивенс смутился.

— Мистра, ты шокируешь меня, — произнес он.

Однако, несмотря на неловкость ситуации, он чувствовал себя удивительно бодро. Их физическая близость была совершенной. И Мистра не оплачивала ему никакой долг. Она просто отдавала ему себя, и Стивенсу радостно было это осознавать.

Мистра приводила себя в порядок. Когда она закончила, Стивенс отпер дверь и они вышли в приемную. Мисс Чейнер не подняла на них глаз, сосредоточенно изучая лежавший перед ней документ. Но Стивенс заметил, что ее лицо и шея стали пунцовыми.

Стивенс проводил Мистру, а вернувшись в приемную, сказал мисс Чейнер, не глядя ей в глаза:

— Если кто-нибудь будет спрашивать меня, скажите, что я вернусь к шести.

Он спустился вниз и, выждав нужный момент, пробрался в подвал — так, чтобы его никто не увидел. Очутившись в пещере, он уверенно направился к кораблю роботов. По мере приближения к цели напряжение Стивенса возрастало. Примут ли его роботы?

Он облегченно вздохнул, когда увидел, что дверь открыта: значит, ему все еще доверяли. Когда он приблизился к зеленоватому глобусу, там немедленно сформировалась картинка. Стивенсу показывали, в каком конкретном месте в хранилище он сможет найти элемент сто шестьдесят седьмой, а также элемент, который в соединении с ним способен свести его разрушительное действие на нет, — газ, элемент двести двадцать первый.

Стивенс аккуратно извлек тюбики с обоими элементами и снова подошел к глобусу. Но картинок больше не было: очевидно, мозг робота полагал, что он вряд ли сможет помочь Стивенсу чем-то большим. Если в могиле одного из Таннахилов и лежит Пили, то машина не в состоянии подтвердить это.

Стивенс, мрачный и задумчивый, вернулся в свой офис. Мисс Чейнер уже ушла, а как только Стивенс вошел в свой кабинет, то сразу же увидел посетителя.

За его столом сидел Уолтер Пили.

19

После того как они обменялись приветствиями, Стивенс сел и озадаченно уставился на своего гостя. Появление Пили — в то время, как Стивенс уже успел определить его на роль погибшего, — поразило его. Конечно, тот факт, что Пили оказался жив, не мог изменить планы адвоката, но он создал брешь в его концепции.

Если это не Пили был в могиле… то кто же?

Пили никогда, по мнению Стивенса, не выглядел лучше, чем сейчас. На его лице, в котором едва-едва угадывались черты индейца, — что обычно так резко бросается в глаза у других людей, имеющих эту кровь, — разливался румянец.

— Я только что имел разговор с Фрэнком Хаулэндом, — начал Пили. — Он сообщил мне, что вы оба имеете намерение арестовать большую часть группы, которая много лет пользуется финансовой поддержкой Таннахила.

Услышав это, Стивенс замер. Его поразило то, что окружной прокурор так легко выболтал их секрет. Стивенс осторожно спросил:

— Что еще вам стало известно?

Выслушав Пили, Стивенс понял, что Хаулэнд

рассказал все, предав его. Но теперь это уже не имело особого значения.

Пили, несомненно, сам что-то замышляет против группы. Так что вполне возможно, что он ничего не расскажет своим коллегам.

Пили предложил Стивенсу пообедать вместе. Во время еды у адвоката появилась новая неожиданная мысль. Не мог ли человек в могиле, исследованной им, оказаться Фрэнком Хаулэндом? Чем больше он думал над своим предположением, тем более вероятным оно ему казалось…

Убив его, Пили принял определенные меры предосторожности против своего предателя-партнера.

Сильной стороной в рассуждениях Стивенса было то, что Пили сам нанял Хаулэнда — человека одного с ним телосложения. Став управляющим Грэнд Хаузом, Хаулэнд заметил сходство между подписями на документах восемнадцатого и двадцатого веков, — тогда-то группа и стала свидетелем того, как решительно способен Пили расправиться со своим служащим. Потом он нанял Элисона Стивенса — тоже одного с ним телосложения. Если наступит критический момент, Пили уберет и этого управляющего, а сам, живя

и работая в Лос-Анджелесе, всегда сможет надеть маску одного или другого убитого и сыграть роль каждого из них в зависимости от ситуации.

Извинившись, Стивенс пошел позвонить в офис Хаулэнда. Ему ответили, что босс уехал. Позвонив Хаулэнду домой, он услышал женский голос:

— Он будет поздно.

Стивенсу очень хотелось спросить миссис Хаулэнд (скорее всего, это была она), не заметила ли она в последние несколько дней чего-то необычного в поведении мужа. Но тут же отказавшись от этой затеи, он повесил трубку и, не торопясь, вернулся за стол. Он не получил ни подтверждения, ни опровержения своей догадки, однако меры предосторожности принять следовало.

«Я покажу ему письмо, в котором Таннахил уведомляет меня об увольнении, — подумал адвокат. — Может быть, это убедит его в том, что убивать меня не имеет смысла».

Стивенс все еще раздумывал над тем, показать ли Пили письмо, когда услышал:

— Мне бы хотелось, чтобы после обеда мы поехали к вам домой, где вы представите устный отчет о сложившейся в Грэнд Хаузе ситуации.

Стивенс представил себя наедине с Пили в от-

даленном загородном доме — и содрогнулся. Он тут же достал письмо Таннахила.

Пили прочитал письмо и вернул его Стивенсу. В машине по дороге к Стивенсу он был очень задумчив.

После того как адвокат предложил гостю виски с содовой, тот попросил еще раз показать письмо. Внимательно перечитав его, он спросил:

— Чем вы ему насолили?

— Не имею ни малейшего представления. И сегодня вечером я надеюсь сделать то, что считаю необходимым.

— Так вы не отказываетесь от своего плана?

— Я уже не имею права. Я вовлек в него Хаулэнда, и теперь слишком поздно.

То, что человек, стоявший перед ним, мог иметь в кармане маску Фрэнка Хаулэнда и в любой момент достать ее, уже ничего не меняло.

Следующий час они провели в разговоре о поместье. Пили слушал с нескрываемым интересом: наверное, ему важно было узнать мнение о происходящем от человека, не являвшегося членом группы.

В четверть десятого зазвонил телефон. От неожиданного звука звонка Стивенс нервно вздрогнул. Взяв трубку, он услышал:

— Мистер Стивенс, вам звонят из полиции по поводу отпечатков, которые вы приносили. Мы идентифицировали их.

— И что же? — спокойно спросил адвокат, хотя сердце у него вырывалось из груди.

Услышав ответ, он, сразу же почувствовав себя опустошенным, повесил трубку. Но уже через мгновение, взяв себя в руки, подумал о том, что теперь ему действительно ничего не остается, кроме как привести свой план в исполнение. Он начнет с Уолтера Пили. А потом будет то, что повергнет группу в шок. А потом…

Стивенс задумчиво покачал головой. Реакция их, конечно же, будет ужасной.

20

Припарковав машину, Стивенс увидел машину Мистры и еще несколько знакомых машин. Поднявшись вверх по лестнице вслед за Пили, он обратил внимание на то, что весь дом ярко освещен. На звонок в дверь ответила Джико Айне, которая на этот раз была без своих драгоценностей и выглядела как-то совсем по-другому. Она молча провела их в гостиную, где уже находилось одиннадцать человек. Стивенс узнал судей Адамса и Портера, Кеавелла, Гранта, Таннахила и Мистру. Две другие женщины и трое мужчин были не знакомы ему.

Вперед с презрительной усмешкой на губах выступил Таннахил, который, не поздоровавшись, холодно осведомился:

— Вы Стивенс? — словно Таннахил не был уверен в этом.

Стивенс, удивленно подняв брови, кивнул и повернулся лицом к собравшимся. Ему не терпелось начать. Он намеренно явился раньше Хаулэнда, чтобы успеть ввести группу в курс дела и даже, может быть, склонить хотя бы часть ее членов на свою сторону.

Стивенс открыл свой дипломат, достал из него бумаги и окинул взглядом присутствующих. Ему хотелось увидеть, где находится ясновидящая: не из-за опасения, что она прочитает его мысли — план его был слишком сложен, чтобы его можно было разгадать таким образом, он хотел, чтобы женщина поняла, прощупав его сознание, что он только собирается оказать на группу давление, но главная опасность исходит не от него.

Начал он с заявления:

— Моей первейшей заботой, естественно, является служение мистеру Таннахилу.

Уголком глаза Стивенс уловил мрачную улыбку на лице Таннахила, но спокойно продолжил:

— Заканчивая свою службу, я хочу представить доказательства, которые, думаю, убедят присутствующих в том, что мистер Таннахил не виновен в преступлениях, совершенных в последнее время.

Стивенс заметил, что Мистра, сидя в дальнем углу комнаты, пытается поймать его взгляд. Но он продолжал смотреть в сторону мужчин, которые собрались у входной двери.

Стивенс выдвинул обвинение против Пили и серьезно обосновал его. С каждым его словом становилось все более ясно, насколько убедительно

прозвучат эти факты в зале суда: тайные поездки в Альмирант, связь с бандой, выплаты огромных сумм денег из кармана Таннахила. Но наиболее убедительным, по утверждению Стивенса, станет тот факт, что после предварительного слушания дела Пили навсегда уйдет со сцены. И его уход окончательно докажет его вину.

Несколько раз во время своего выступления Стивенс смотрел в сторону Пили. Тот сидел, нахмурившись, глядя в пол, и явно нервничал.

В обвинении, выдвинутом Стивенсом, не упоминались ни бессмертные, ни космические корабли, ни атомная война. Прежде всего было важно увязать факты, лежавшие на поверхности. «Ньютон Таннахил был убит, потому что обнаружил, что его обкрадывают на большие суммы денег, — заявил Стивенс, а затем представил такие красноречивые факты, как исчезновение врача и директора похоронного бюро. — Вместо дяди был похоронен племянник. Почему? Потому что тело дяди, вероятно, было изуродовано».

Причина, по которой был убит Джон Форд, тоже вытекала из логического анализа. Его убрали, чтобы добраться до Таннахила и заставить его подписать документ, по которому Пили мог продолжать получать выплаты.

Дженкинс? Вахтер был убит, потому что увидел Пили в ту ночь, — он мог проболтаться, что тот был в городе.

Стивенс закончил свое обвинение словами:

— В мои намерения не входило раскрытие обстоятельств, которые заставили мистера Пили выуживать из кармана мистера Таннахила большие суммы денег и пойти на ряд убийств. Могу сказать только одно: нельзя недооценивать здесь того факта, что мировоззрение его сформировалось под воздействием верований древних народов Центральной Америки. Леди и джентльмены, я закончил свое обвинение против Уолтера Пили.

После этого Стивенс в первый раз открыто взглянул в сторону Мистры. В ее холодных глазах застыло изумление. Стивенс улыбнулся и направился к свободному стулу.

21

Молчание нарушил судья Портер:

— Итак, мистер Пили, — спросил он, — что вы можете сказать в свое оправдание?

Пили не произнес ни слова. Он сидел в кресле, безвольно опустив руки, лицо его выражало смятение, бросив быстрый взгляд на Стивенса, он тут же отвернулся. Наконец, вздохнув, он произнес:

— Так вот, что вы затевали…

Снова воцарилось молчание. Пили понимал, что все за ним внимательно наблюдают. Он нервно засмеялся, достал из кармана сигарету и закурил.

— Мне хотелось бы, чтобы вы еще раз объяснили, зачем мне понадобилось совершать убийства, — сказал он.

Когда Стивенс еще раз рассказал о письме, которое вынужден был подписать Таннахил, Пили снова засмеялся, еще более неприятным смехом. Он был похож на человека, которого ожесточила близость грозящей опасности.

— Идиот! — бросил он Стивенсу. — Вы же сами сказали, что письмо, подписанное Таннахилом, давало мне полномочия продолжать — понима-

ете? — продолжать передавать большие суммы нужным мне людям. Из письма ясно, что Таннахил знал цель выплат не хуже, чем я.

— Письмо с вами? — вкрадчивым голосом осведомился Стивенс.

Его тон произвел впечатление. До этого самого мгновения Пили, наверное, еще полагал, что сможет приуменьшить значение письма. Теперь же его лицо выражало одновременно изумление и злость.

— Ах ты негодяй! Ты шпионил в моем офисе в Лос-Анджелесе!

— Надеюсь, вы хорошо понимаете, что любая попытка отрицать существование письма и его значение не убедит этих людей, — парировал Стивенс.

Пили сел. Ему с трудом удалось овладеть собой, и теперь он спокойно оглядывал присутствующих. Судья Портер решил, что настал момент подвести некоторые итоги:

— Вы оказались в весьма сложном положении, Пили. Создается впечатление, что те опасения, которые у нас возникли относительно вас в последнее время, небезосновательны. Вам необходимо снять с себя обвинение. В конце концов, мы не можем позволить, чтобы управляющий

Грэнд Хаузом был под подозрением.

Потом, взглянув на издателей, судья спросил:
— А что вы думаете, джентльмены?

Кеавелл, высокий сухопарый человек, шептавшийся с Грантом, поднялся со своего места.

— В утреннем выпуске моей газеты мистер Таннахил будет полностью реабилитирован. Я имею в виду — вся семья Таннахилов, которая много поколений подряд была кровью и плотью Альмиранта. Наша газета, имеющая долгую и славную историю, не позволит втоптать в грязь семью, так глубоко уходящую корнями в американскую почву. Особенно сейчас, когда в мире столько проблем, когда его подспудно разрушают аморальные выскочки, существа без роду без племени… И на этом дела об убийствах закроем.

Мистра встала и кивком головы подозвала к себе Стивенса. Когда он подошел, она отвела его в угол и тихо спросила:

— Это и есть твое разоблачение? Я думала, ты действительно нашел убийцу и предателя.

— Так где же ваша чертова телепатка? Приведешь ты ее сюда или нет? — рассердился Стивенс.

Не говоря ни слова, Мистра поспешила выйти и вернулась в сопровождении миловидной де-

вушки. Стивенс сразу понял, что она обладает удивительной для своих лет мудростью, которая читалась в ее спокойном взгляде.

— Это Тризель, — представила девушку Мистра.

Тризель взяла Стивенса за руку и замерла.

— У вас наготове еще один удар, но я не знаю, какой.

— А что еще вам удалось установить?

— Я не знаю, кто ваш информант. — Она заколебалась. — Передо мной просто темная картина. И все же — кто бы вас не информировал, он допустил ошибку. Человека, которого вы ищете, не существует.

— Давайте не будем спорить. Есть ли у вас ощущение надвигающейся опасности?

— Не могу понять… — Тризель умолкла.

— Ну что?

— Очень смутное.

— От кого она исходит?

— Я… не знаю! — И девушка закусила губу. — Я не могу сказать даже приблизительно.

Стивенс беспомощно посмотрел на Мистру, которая в ответ покачала головой.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Но у меня всегда возникает такое же ощущение, когда Тризель

с кем-то мысленно общается.

Стивенс молчал. Тризель, оказывается, намного лучше, чем он полагал, умела читать мысли. Но кто-то на протяжении многих лет дурачил ее, приобретя, в конце концов, отличную сноровку скрывать свои мысли. Стивенс снова посмотрел на девушку, она покачала головой и ответила на его размышление:

— Многие здесь пытались делать это. Они часами разговаривали со мной, используя то один, то другой метод сокрытия мыслей. Иногда мне казалось, что они в этом преуспевают, но точно я не знала никогда.

Стивенс кивнул.

— А кто именно пытался скрывать свои мысли?

Девушка вздохнула.

— Я вижу, вы меня не поняли. По сути, все они. Даже вам удалось скрыть от меня в ту ночь важную информацию.

В этот момент Пили, сидевший в дальнем углу комнаты, встал.

— Вот что, друзья мои, мне нужно сейчас уйти, чтобы начать поиски настоящего убийцы и оправдать себя. Я возьмусь за это дело сам.

Стивенс в один момент оказался в центре ком-

наты.

— Сядьте, мистер Пили, — вежливо предложил он. — Мне нужно еще кое-что сообщить. Относительно вас.

Повернувшись лицом к группе, Стивенс рассказал о своих предположениях относительно того, почему на должность управляющего Грэнд Хаузом были выбраны Фрэнк Хаулэнд и он сам.

— Я могу с уверенностью сказать что, выйдя отсюда, мистер Пили немедленно превратится во Фрэнка Хаулэнда, — закончил он.

Стивенс обвел взглядом слушающих и понял, что его удар не достиг цели.

Таннахил насмешливо обратился к Пили:

— Снова взялись за свои старые штучки?

— Уолтер, вы неисправимы, — добавил судья Портер.

— Мы с мистером Хаулэндом, — снова пошел в атаку Стивенс, — разработали план разоблачить членов вашей группы, использующих в своих преступных целях маски, с помощью которых можно выступать от имени других людей. Мы полагали, что многие перестанут считаться именитыми гражданами города, когда их выведут на чистую воду.

Судья Портер покачал головой:

— Не очень умно. А ты, Уолтер, меня просто удивляешь.

Стивенс был поражен. Эти люди за долгие столетия жизни стали поистине невозмутимыми. Их уже не могла по-настоящему взволновать даже попытка одного из членов их сообщества захватить Грэнд Хауз.

— Что ж, — не сдавался Стивенс, — кажется, пора начинать последний акт драмы. Должен сказать, что планы мистера Пили все же были расстроены. Представьте себе: он убивает Джона Форда, потом пишет письмо Хаулэнду, потом его видит Дженкинс, которого мистер Пили тоже решается убить. При этом он использует игольный луч, который вряд ли вступил бы в дело, если бы не чрезвычайные обстоятельства. И в самом конце он допускает роковую ошибку.

— Я ухожу, — сказал Пили. — Не люблю мелодрам.

— Прежде чем вы уйдете, — ответил Стивенс, — снимите-ка маску!

Вытащив из кармана свой пистолет, адвокат нацелил его на Пили. Появление оружия не смутило присутствующих. Однако их встревожила последняя фраза, сказанная Стивенсом. Несколько человек вскочили со своих мест. Таннахил

впился взглядом в того, кого все присутствующие считали Уолтером Пили, и воскликнул:

— Маска?!

Стивенс подождал, пока снова воцарится молчание, потом повторил:

— Снимите ее, мой друг. Вы действовали в целях самозащиты. Обещаю вам, что, независимо от того, понравится это присутствующим или нет, вы уйдете отсюда целым и невредимым. Пусть кто-нибудь поможет ему, — обратился он к окружающим. — Должен же быть какой-то быстрый способ снять маску.

Вперед выступила Тризель. В руках она держала флакон бесцветной жидкости.

— Протяните руки, — предложила она человеку в маске.

Тот пожал плечами и протянул ей руки ладонями вверх, позволив налить на них несколько капель жидкости. Его руки поднялись, потом — опустились.

Перед собравшимися предстал Фрэнк Хаулэнд.

Нахмурившись, он сказал:

— Что ж, мне нужно было быть осторожным, когда я начал играть против вас. Я действительно убил Пили, — но исключительно в целях самообороны. Что же касается других убийств, я к ним

не имею никакого отношения.

Стивенс пристально смотрел на него.

— Хаулэнд, — начал он, — что вы знаете о деятельности… этих людей?

Хаулэнд выглядел озадаченным.

— Но ты же сам рассказал мне о них… Впрочем, теперь это не имеет значения.

Стивенс обвел взглядом комнату. Таннахил довольно безразлично наблюдал за ними, судья Портер о чем-то размышлял, Мистра и Тризель тихо шептались. Адвокат понял, что группа не видит в Хаулэнде угрозы.

Но Стивенс не успокаивался.

— Хаулэнд, откуда у вас маска Пили?

Все с интересом уставились на окружного прокурора, ожидая его объяснений.

— Мне ее прислали по почте. — На лбу у него выступили капельки пота.

— В сопроводительном письме объяснялось, как ею пользоваться, напоминалось, что моя карьера находится в опасности и предлагалось воспользоваться способностью имитировать голоса. В противном случае, указывал автор письма, в полицию сообщат, где похоронен Пили.

— А как вы должны были объяснить, почему используете маску, если вас разоблачат?

— Из-за денег. Хотя, честно говоря, я вообще не должен был допускать разоблачения. Но в крайнем случае мне оставалось бы только сказать правду.

Стивенс изучал выражение лица окружного прокурора. Он не сомневался в том, что Хаулэнд говорит правду, но ему трудно представить, что тот мог попасть в такую ситуацию. Может, его просто одурманили чем-то, заставив поверить в то, что он убил Пили? На этот вопрос придется дать ответ позже.

Стивенс проводил Хаулэнда до входной двери и на прощание сказал:

— Увидимся и обсудим все это завтра.

Окружной прокурор кивнул. На лице его появились красные пятна.

— Боже мой, — взволнованно проговорил он. — Не верится, что ухожу отсюда живым.

Стивенс не ответил. Его занимала уже другая мысль, мысль о серьезной опасности. Он поинтересовался у Хаулэнда:

— Где ты разместил полицейских?

— Что? Думаешь, я такой дурак, что втяну во все это полицию?

Огромным усилием воли Стивенс подавил волнение. В его мозгу быстро пронеслась картина

вызова наряда полиции. Нет, они не успеют: слишком много времени уйдет на разъяснения.

Он увидел, как Хаулэнд спускается вниз по ступенькам. Быстро пройдя через холл, Стивенс оказался на одной из террас дома. Он тихо свистнул и принялся ждать.

Из темноты появилась фигура Ригза. Он сунул в руку Стивенса записку и исчез. Развернув записку, адвокат всматривался в нее в свете ближайшего освещенного окна.

— Все решено, — прошептал он.

Стивенс скомкал записку, сунул ее в карман и вернулся в гостиную.

В это время человек небольшого роста, сняв с себя маску лица Ригза, легко проник в дом через одну из многочисленных дверей, ведущих на террасу.

22

Пока Стивенса не было, к присутствующим присоединилось еще несколько человек. Все общество теперь находилось в гостиной с дубовыми панелями, из которой на террасу выходили стройным рядом французские двери. Все они, кроме одной, были закрыты.

Стивенс насчитал в комнате двенадцать мужчин, не считая его самого, и шесть женщин. Все они выжидающе смотрели на него. Не обращая на них внимания, адвокат направился туда, где стояла телепатка. Девушка покачала головой и сказала:

— Угроза как будто увеличилась десять минут назад, но сейчас снова исчезла. То, чего вы опасаетесь, я понимаю уже более отчетливо, но не до конца.

Стивенс посмотрел на Мистру:

— Сколько людей сейчас находится в Грэнд Хаузе?

— Кого не хватает?

— Ты говорила, что в городе находится сорок один человек?

— Я имела в виду еще и Пили, — просто отве-

тила женщина.

— И они все здесь в данную минуту?

Ответила Стивенсу Тризель:

— Нет, двадцать минут назад Тезла вышел, чтобы посмотреть, все ли вокруг спокойно.

«Итак, в комнате находится восемнадцать бессмертных», — подумал Стивенс. Он внимательно рассмотрел каждого. Несмотря на свои дорогие одежды, мужчины не производили внушительного впечатления. Судьба не слишком позаботилась о том, чтобы наделить этих избранников впечатляющей внешностью. Женщины же, наоборот, были красивы все без исключения — этим и объяснялось то, почему выбрали именно их.

После реплики телепатки насчет маленького индейца, прозвучавшей достаточно громко, чтобы ее услышали все, присутствующие зашевелились и зашушукались друг с другом. Стивенс выждал, пока они немного успокоились, и громко сказал:

— Я просматривал пленку, на которой были отсняты Пили и еще один человек, телосложения Тезлы, но лицо у него было совсем другое. — Не сдержавшись, Стивенс вскричал: — Чертовы маски! Благодаря им, любой может стать тем, кем захочет! Я дважды видел Тезлу. Это был он

или маска?

— Маска! — ответил Таннахил.

Стивенс громко выругался, потом спросил:

— Он действительно индеец?

— Да.

Стало абсолютно тихо, но через мгновение тишину прервал вопрос Таннахила:

— Где вы видели фильм, о котором говорите?

— Этому фильму около двух тысяч лет, — ответил Стивенс, одновременно отвечая и не отвечая на вопрос.

— Обыщите все подступы к дому! Проверьте каждую дверь! Приведите его сюда, если он где-то здесь! Мы немедленно все выясним! — начал отдавать приказы Таннахил.

— Подождите!

Голос Стивенса прозвучал так неожиданно резко, что все, бросившиеся к дверям, сразу же остановились и повернулись к нему. В это решающее мгновение в хозяине Грэнд Хауза вскипела кровь его предков. Губы Таннахила растянулись в злобной ухмылке, а глаза сузились в щелки. Эти глаза Танекилы Отважного бурили Стивенса испепеляющим взглядом.

— Что это значит, что ты здесь распоряжаешься? — осведомился он умышленно тихим

голосом.

— Открытие любой из этих дверей послужит сигналом для моего партнера начать забрасывать мраморные стены дома элементом сто шестьдесят седьмым.

— Остановившись на мгновение, Стивенс быстро продолжил: — Причин для того, чтобы бить тревогу, — нет, если мы правильно идентифицировали нужного нам человека. Я предлагаю обращаться с ним…

— Мы сами знаем, как с ним обращаться, — прервал адвоката Таннахил. — Согласно нашей традиции.

— Вы будете вести себя с ним так, как я скажу, — заявил Стивенс. — Должен также сообщить вам, мистер Таннахил, что ваше безраздельное царствование здесь подошло к концу. В моем дипломате более пятидесяти экземпляров документа, который вы подпишите, и согласно которому дом перейдет в собственность группы. Группа образует совет директоров новой компании. Ваше имя стоит в этом списке первым, я включил в него и свое имя. Вам лучше начать побыстрее подписывать. Я не позову сюда своего человека до тех пор, пока каждый член группы не получит подписанного документа. Вытащите

же кто-нибудь бумаги!

Распоряжение Стивенса выполнила Мистра, достав бумаги и разложив их на столе перед Таннахилом, который сердито смотрел на них и уже собирался что-то сказать, но адвокат упредил его:

— Быстрее же! Спросите вашу телепатку, правду ли я говорю. У меня действительно есть элемент сто шестьдесят седьмой, а возле дома находится мой человек, который в случае необходимости выполнит мое распоряжение.

— Тризель! — позвала Мистра. — Это правда?

— Да.

Таннахил криво усмехнулся:

— Почему же ты нас не предупредила?

— Потому что он пришел с добрыми намерениями, — тихо ответила девушка. — И неужели вы думаете, что я помешала бы ему искать среди нас человека, который…

Стивенс прервал ее.

— Мы должны разумно разобраться с Тезлой. Помните, что на протяжении сотен лет у него сложилась непоколебимая убежденность в том, что как первый из ставших бессмертными он вправе претендовать на роль правителя. Сейчас он уже играет в открытую. Мы сможем одолеть

его лишь в том случае, если сумеем избавиться от подозрительности и вражды, царящих в рядах группы. Таннахил, подписывайте! Не забывайте, что нам еще нужно найти Тезлу. Мы обязаны убедить его не совершать безрассудств.

На этот раз правитель Грэнд Хауза не сопротивлялся. Он схватил ручку и начал нацарапывать на бумагах свою подпись.

Стивенс вручал по экземпляру членам группы. Когда было подписано уже десять документов, когда один из них уже лег в его собственный нагрудный карман, — только тогда Стивенс пошел звать Ригза. Когда маленький детектив вошел, все в ожидании взглянули на него и Стивенса.

— Что ж, сэр, — начал Ригз. — Вижу, что план нам удается. Что-нибудь еще?

— Отдай мне капсулу.

Ригз протянул капсулу Стивенсу, который сразу же пошел к Мистре и отдал ее ей.

— Тезла в состоянии достать этот элемент из ваших секретных лабораторий, — предупредил адвокат. — Насколько я понимаю разработанный им план, его единственной целью является убедить меня взойти на корабль…

— Корабль? — переспросила Мистра.

Стивенс запнулся, но тут же решил, что теперь,

когда документы подписаны, он может рассказать им о корабле, который прилетел со звезд две тысячи лет назад.

— …взойти на корабль, чтобы посмотреть, работает ли до сих пор мозг робосистемы.

— Мозг робосистемы? Элисон, о чем ты говоришь?

— И если он работает, — продолжал Стивенс, — Тезла уничтожит дом, потому что только после этого мозг вступит с ним в контакт. У него не будет другого выхода…

Стивенс вдруг увидел, что рядом с ним стоит Тризель.

— А кто этот маленький человечек, который вошел в гостиную, а сейчас вышел?

— Не волнуйся по поводу Ригза, — ответил он, — если кто и безвреден для нас, так это…

Адвокат внезапно замолчал, пораженный возникшей у него мыслью. Он вспомнил, что Таннахил нашел детектива случайно в телефонной книге Лос-Анджелеса. Стивенс тут же спросил у Тризель:

— Какие мысли от него исходят?

— Мысли его спокойны, хотя есть небольшое волнение. И если он скрывает свою решимость разрушить Грэнд Хауз, то делает это замеча-

тельно.

Стивенс подошел к Таннахилу, который тут же заговорил:

— Я не очень отчетливо помню тот период времени. Помню только, что мы вместе сидели в баре и он предложил мне чего-то выпить…

— Но после этого вы первым позвонили ему?

— Позвонил ему? Нет, конечно, нет.

Стивенс огляделся по сторонам. Ригза в поле зрения не было.

Стивенс выбежал из комнаты и увидел, что и в холле Ригза нет. Он бросился к ступенькам, которые вели в подвал. Бесшумно спустившись, Стивенс оказался у стеклянной двери, через которую увидел Ригза, поднимавшего крышку одного из дисплей-устройств. Опустив руку в карман, адвокат нащупал маленькую трубочку, которую унес с корабля-робота. Сжав ее в руках, он смело открыл дверь и шагнул в сторону Ригза.

Тот поспешно обернулся.

— Я как раз рассматривал этот образец ацтекского искусства. Замечательно выполнено, — сказал он.

— Ригз-Тезла, ты еще можешь спасти свою жизнь. Ты проиграл. Сдавайся!

Наступило долгое молчание. Потом человечек

посмотрел Стивенсу прямо в глаза и проговорил:

— Мы с тобой можем получить возможность править миром.

— Но не без Грэнд Хауза. Закрывай крышку!

— Нам не нужен дом — разве ты не понимаешь? У нас есть корабль. Мы возьмем с него все, что нам необходимо. Если никто не будет стоять на нашем пути, он…

Из-под приподнятой крышки появилось голубоватое сияние.

— Закрой ее немедленно, закрой элемент! — закричал Стивенс.

— Это будет стоить мне только руки. Слушай!

— Твоя рука или твоя жизнь! Быстрее! У меня здесь элемент двести двадцать первый, которому в мире нет аналогов. При соединении с твоим сто шестьдесят седьмым…

Его палец нащупал на трубочке «сброс» элемента как раз в тот момент, когда в руках Тезлы сверкнул игольный луч. Швырнув свое оружие в маленького индейца, Стивенс пригнулся и изо всех сил бросился назад, в сторону ступенек. Комната позади него задрожала, лестницу начал окутывать голубой дым.

— …Согласны ли вы, Мистра Ланет, взять в законные супруги этого человека?

— Да, — решительно прозвучало в ответ.

Позже, у себя в машине она сказала Стивенсу:

— Я ужасно волновалась. Я ведь в первый раз вышла замуж. Понимаешь?

Стивенс не ответил. Он думал о корабле, который столько веков был похоронен под стенами дома и который очень скоро отправится домой, к звездам. Стивенсу очень хотелось полететь на нем вместе с Мистрой.

— Лично я, — внезапно услышал он, очнувшись от раздумий, — хочу девочку. Конечно, мальчики — это тоже неплохо, но…

Стивенс вздохнул: ох уж эти женщины с их вечным стремлением иметь семью и детей! Перед ними с Мистрой может открыться целый мир, если они полетят с роботами, но она, по-видимому, меньше всего стремится к этому.

Когда они приехали к Стивенсу домой, он внес внутрь чемоданы жены и уже открыл было рот, чтобы поговорить с ней о космическом путешествии, как… снова закрыл его. Мечта Стивенса о звездных просторах утонула в нежности ее взгляда. В зелени глаз женщины для него было заключено больше миров, чем существовало во Вселенной.

Когда они были в постели и их тела слились,

Стивенс спросил:

— Откуда ты знаешь, что сможешь родить ребенка?

— Я это чувствую. И знаешь, почему я выбрала для свадьбы именно сегодняшний день? — улыбнулась Мистра. — У меня начинается благоприятный для беременности период. У меня за века накопилось столько сил для материнства, что мне кажется, я могу родить целую дюжину детей. Может быть, — с надеждой добавила она, — для начала я рожу сразу пятерых — и всех девочек.

— Трех девочек и двух мальчиков, — возразил он, снова найдя ее губы.

Их желание могло поспорить с их бессмертием, и он знал, что всегда будет ждать мгновения, которое они переживали сейчас.

Альфред Ван Вогт
Поиск Будущего

Пролог

Время — великое неизменяемое, но неизменяемость — это не просто одинаковость. Время там, где ты находишься. Оно никогда не бывает одинаковым где-нибудь в другом месте. Звездный луч проходит в атмосферу. Он несет изображение из семисот тысяч лет в прошлом. Электрон несет изображение из пятидесяти, ста и больше лет в будущем. Звезды — мир предельно огромный, — всегда находятся в прошлом. Мир безмерно и все же предельно малый — всегда в будущем.

Это — строгость Вселенной. Это тайна времени.

1

Сто делегатов съезда производителей электронного оборудования, посетивших сеанс, медленно двигались к выходу. Были здесь и несколько жен, и голоса их сливались с более низкими мужскими голосами. Звуки быстро угасали, исчезая в пространстве отеля, но сеньор дель Кортейя, неожиданно оторвавшись от своего занятия, увидел, что он все еще не один.

Он продолжал сматывать ленту, затем уложил ее в коробку и начал убирать проектор. Искоса он пристально следил за оставшимся. Наконец, закончив, он повернулся и сказал:

— Вы хотите поговорить со мной, сеньор? — Крупный мужчина помялся, затем подошел ближе. Он был высок, плотен, лет сорока, с карими глазами и скудной шевелюрой.

— Интересную картину вы нам сегодня показали, — Кортейя улыбнулся, принимая это за комплимент.

— Вам понравилось, сеньор? — Мужчина снова помялся и спросил:

— Где вы ее взяли?

Кортейя пожал плечами. Вот уж эти прямоли-

нейные американцы. Неужели он считает, что он, Кортейя, раскроет свою коммерческую тайну? Именно это он и сказал:

— Вы думаете, сеньор, что я дурак. Вдруг вы решите открыть такое же дело. Может, у вас много денег — я разорюсь, когда вы будете сбивать цены.

Незнакомец засмеялся. Но вытащил визитную карточку и протянул ее Кортейя. Тот прочел:

УОЛТЕР ДОРМАН

президент электронной компании Америки.

Посмотрев карточку, Кортейя вернул ее владельцу. Дорман пристально посмотрел на него. Когда он, наконец, заговорил, в его голосе звучали нотки недоверия.

— Вы все еще не верите, что я не охочусь за вашими тайниками?

Кортейя снова пожал плечами.

— Что вы хотите узнать, сеньор?

— Про фильм.

Кортейя пренебрежительно махнул рукой.

— Десятиминутная лента о новинках.

— Весьма неплохо сделано, если хотите знать мое мнение.

— Весь мир знает, сеньор, что Голливуд великолепен.

— Голливуд еще ни разу не делал такую хорошую картину.

Кортейя улыбнулся, словно говоря: «Ну, раз вы так говорите…» Затем он впервые мысленно вернулся к картине, которую только что показал. Он не мог ее вспомнить четко. Обычно он наблюдал за аудиторией, а не смотрел фильм. Тем не менее, он вспомнил, что в картине речь шла о какой-то автоматической электроплите, которой требовались лишь соответствующие ингредиенты, и она их перемешает, приготовит и в соответствующее время выдаст совершенно свежее горячее блюдо. Две недели назад он уже показывал этот фильм собранию диетологов и зал от души смеялся над несуществующим аппаратом.

Кортейя сказал:

— Сеньор, я беру ленты в нескольких фильмотеках. Откуда они их получают, я не знаю. Все, что я делаю — это просматриваю их каталоги и заказываю фильмы, когда мне нужно.

Он пожал плечами.

— Вот и все.

— У вас были какие-нибудь наподобие этого?

— Да, несколько. Я не могу припомнить.

— И они все из одной фильмотеки? Настойчивость Дормана начала утомлять.

— Я действительно не помню, сеньор. Для меня все это обычный бизнес.

— У вас сейчас есть подобные фильмы?

— Здесь? Нет.

— Я имею в виду ваш офис.

Кортейя поскучнел. Он был простым, честным человеком, который, случалось, мог и приврать, но уж если начал врать, то должен и продолжать. Начав же с правды, он не мог остановиться.

— Завтра на обеде в Аэроклубе, — сказал он мрачно, — я показываю фильм о путешествии на одну из планет. Если судить по каталогу, очень интересный.

— Я понимаю, что прошу очень много, но не могли бы вы отвезти меня в свой офис и показать мне эту картину сейчас?

— Сеньор… моя жена… она ждет меня дома.

Дорман ничего не сказал. Вытащив бумажник, он достал двадцатидолларовую банкноту. Как он и ожидал, тонкая рука его собеседника деликатно — но без робости — приняла деньги.

Потребовалось всего лишь восемь минут, чтобы добраться до офиса Кортейя, и спустя несколько минут проектор уже стрекотал.

Какой-то морской пейзаж разорвал тень облачного, но яркого горизонта. Море было ровным — спокойная гладь воды. Вдруг в этих глубинах возникло какое-то существо. Разорвав гладь моря, оно выпрыгнуло на двадцать, пятьдесят, сто футов. Его неимоверных размеров выпуклая голова и широко разинутая пасть, казалось, коснулась камеры. А затем оно устремилось вниз, все еще борясь, яростно дотягиваясь до добычи, за которой оно и выпрыгнуло.

Промахнувшись, оно упало в воду с таким гигантским всплеском, что Дорман вздрогнул от испуга. Вплоть до этого момента он с восхищением смотрел, как какое-то — должно быть искусственное — чудовище, механически управляемое откуда-нибудь из моря имитации, в павильоне, создавало иллюзию абсолютной реальности. Но всплеск и в самом деле выглядел «настоящим». Через мгновение диктор сказал:

— Это был венерианский кальмар. Эти существа, обитающие в глубинах теплых морей Венеры, выходят на поверхность только в поисках пищи. Наш оператор служил приманкой и соблазнил кальмара напасть на него. Он был, тем не менее, в безопасности, под постоянной защитой электронных устройств.

Дорман криво улыбнулся. Сначала электроплита, которая готовит обеды, а теперь вот поездка на Венеру. Оба фильма — блестящая работа оператора, и — как в этом случае — очень ловко подано, совсем не было ощущения опасности. Столько этих кинопутешествий по реально существующим местам с их загадочностью и тревожностью доводили до тошноты. Он поднялся, интерес его почти совсем пропал. Лишь на какой-то момент, когда он наблюдал за действиями у плиты, у него была мысль, что картина — это просто рекламный трюк для конкурента. Фильм же о Венере придал всему надлежащий вид. Он увидел, что Кортейя остановил аппарат. Щелкнул верхний свет.

— Вы узнали все, что хотели?

— Практически.

Молодой человек продолжал перематывать ленту. Тем временем Дорман оглядел небольшую комнату. Впереди была стойка. Проектор стоял у стены на стойке. За стойкой был один стул и небольшой набор полок. Вот и вся мебель. Беленые стены офиса были украшены фотоснимками. На каждом снимке стояло название и цена. Очевидно, для продажи. Никто никогда не пришел бы в такое место, если бы ему раньше об этом не

сообщили.

— Что еще, сеньор?

Дорман обернулся. Фильм был уже в коробке, проектор тоже.

— Я бы хотел, чтоб вы проверили, не из одной ли фильмотеки эти картины.

— Из одной, сеньор.

Кортейя не двигался, он улыбался.

— Я посмотрел в коробке, — объяснил он, — когда зашел.

Дорман не уходил. В общем то, почти все было ясно, но он не любил оставлять дело незавершенным. Все проверять и перепроверять — вот его правило, и он не собирался изменять ему. Он достал бумажник и вытащил десятидолларовую банкноту.

— Каталог этой фильмотеки. Я хотел бы взглянуть на него.

Кортейя взглянул на банкноту, полез под стойку и достал несколько папок.

— Они присылают его мне раз в месяц. Здесь за четыре последних месяца.

Списки фильмов-новинок были лишь в двух последних. Дорман пробежал глазами по колонке, улыбка на его губах стала шире. Здесь было несколько фильмов о путешествиях: Венера, пу-

тешествие по марсианской пустыне, космическое путешествие на Луну, воздушное путешествие над горами Европы, один из спутников Юпитера, киноосмотр колец Сатурна, спуск на лодке по реке жидкого кислорода на Плутоне и, наконец, — виды Солнца с каждой из десяти планет солнечной системы.

Дорман быстро просмотрел оставшиеся двадцать или около того фильмов, собранных под одним заголовком. Мгновенно нашел тот, который искал. Запись была следующей: «Увлекательное сообщение об автоматической плите, которая делает все». Он закрыл папку и, помедлив, посмотрел на адрес: Фильмотека Арлей, бульв. Ламонт, Центр.

— Спасибо, — сказал Дорман.

Выйдя на улицу, он сел в машину. Становилось прохладно, он закрыл окно и с минуту сидел, прикуривая сигарету. Затем не спеша поехал назад в отель.

2

Десятью неделями раньше мистер Лестер Арлей, из Фильмотеки Арлей, прочитал первую жалобу, нахмурив свой и без того морщинистый лоб. Письмо было вложено в коробку с фильмами и начиналось так: «Уважаемый м-р Арли...»

Мистер Арлей сразу же нахмурился. Он не любил когда искажали его имя. В мрачном настроении он продолжал читать дальше:

«Уважаемый м-р Арли!

Звуковой фильм «Волшебство продуктов», присланный Вами, оказался, к сожалению, совершенно не тем, что я ожидал. Ни я, ни зрители не могли ничего понять. Он конечно же не имеет с продуктами ничего общего. Моя программа собрания бакалейщиков потерпела полное фиаско».

Письмо было подписано одним из его лучших клиентов и мистер Арлей, прекрасно помнивший фильм «Волшебство продуктов», пришел в уныние. Это был учебный фильм, одна из тех лент, которые небольшие фирмы, мотели могли брать бесплатно, а затем давать напрокат за небольшую, но выгодную плату. В общем, подходящий

фильм для собрания бакалейщиков.

Мистер Арлей хмуро сунул письмо обратно в коробку, а коробку положил на полку с надписью «Просмотреть». Он начал проверять остальные десять коробок с фильмами, которые были возвращены этим утром. Из десяти клиентов четверо жаловались:

— «Это не тот фильм, который мы просили». «Непонятно, зачем вы прислали совершенно не тот фильм». «Это какая-то галиматья». «Ваша шутка погубила наше представление»,

В течение нескольких минут мистер Арлей тускло смотрел на письма, а затем, с неожиданным приливом энергии, вытащил одну из лент из коробки. Вставив пленку в проектор и настроив его, он выключил свет и в озадаченном ожидании уставился на экран.

Послышались отдаленные звуки музыки. Музыка приближалась, но чем ближе она была, тем больше в ней было неопределенности. Поющие скрипки играли приятную мелодию, но быстро включалась более резкая тема, трель сомнения. Сомнение все нарастало и нарастало, пока наконец счастливые, безоблачные звуки не были совсем заглушены. Неясно, смутно, почти нестройно играла музыка — и наконец отступила

в даль.

Ожил сам экран. По нему расходился цвет, замысловатое, переливающееся движение цвета, так и не принявшее узнаваемый рисунок. Сочные, богатые цвета сгущались и темнели, пока экран почти не стал черным.

Из черноты вышла молодая женщина. Она вышла из тени на свет естественно, легко, непринужденно, что сразу же отметило ее прекрасную фотогеничность. Мистер Арлей ее никогда раньше не видел, но она растянула губы в улыбку, сделала движение пальцами, и он увидел ее яркую индивидуальность.

Беда была в том, что едва появившись, она резко исчезла в круговом облаке темных красок. Она появилась снова и на этот раз она шла по сочно-синему залу в комнату, где у огромного окна сидел и читал газету какой-то молодой человек. Мистер Арлей мельком увидел за окном какой-то город, затем камера сдвинулась к девушке.

Она в нерешительности стояла за мужчиной. Когда она стояла, человеческие детали ее плоти слились в темные цвета, и именно эти цвета в человеческой форме двинулись вперед и очень отчетливо поцеловали молодого человека в губы. Это был долгий поцелуй, и в конце его молодой

человек тоже оказался цветным рисунком.

Смешанные краски стали изгибаться и скручиваться. Экран превратился в цветной блеск вихревого света. Он только начал сливаться с возвращающейся музыкой, когда мистер Арлей вышел из замешательства и подставил письмо об этом фильме под яркий луч проектора.

Он прочел: «Это какая-то галиматья!»

Значит, вот этот! Он положил письмо и поднял крышку коробки с надписью «Как управлять птицефермой».

На экране молодая женщина неуверенно шла по улице, оглядываясь на мужчину, который шел чуть позади нее. Мистер Арлей выключил прибор, перемотал ленту и вытащил следующий фильм из коробки. Это был тот самый фильм, о котором клиент писал: «Ваша шутка погубила наше представление».

Он вставил ленту, и вот на экране появилось изображение машины. Очень яркое, чистое изображение, без всякой чепухи, но мистер Лестор Арлей не мог припомнить, чтобы видел эту машину раньше. Сразу это его не встревожило. Мир был полон машин, которых он не видел и, более того, никогда и не хотел видеть. Он подождал, и какой-то тихий баритон сказал:

— Ни один космонавт не будет иметь проблем с ремонтом этого нового космического аппарата.

Мистер Арлей вздохнул и поднес крышку коробки к свету. Надпись была «Как управлять дизельным локомотивом».

Мистеру Арлею стало ясно. Кто-то вернул целый ряд не тех фильмов, а он выслал их в тех же коробках. Еще более неудачным было то, что одновременно пропали не менее пяти подлинных фильмов.

На экране баритон продолжал:

— Теперь поднимайте сам кожух. Так как стандартный вес около восьми тон, необходимо соблюдать осторожность, находясь вблизи от небесного тела…

Мистер Арлей выключил фильм, и когда он закладывал ленту в коробку, пришла мысль: «Что он сказал? Что он сказал?»

Он стоял по-совиному моргая от смятения. Что-то было не так.

Тут его прервали. Внешняя дверь открылась, и вошла молодая женщина. Она была в норковой шубке, на пальцах блестели кольца, щедро усыпанные драгоценными камнями.

— Привет, милый, — сказала она хриплым голосом. Мистер Арлей — все посторонние мысли

улетели из его головы — вышел из-за стойки. Его жена ловко уклонилась от поцелуя, который он намеревался нанести ей в губы.

— У тебя есть какие-нибудь деньги? — спросила она. — Я иду по магазинам.

— Осторожней, Таня. Мы почти на дне.

Он произнес это нежно. Снова пытался поцеловать *ее* и на этот раз задел щеку. От этих слов она передернула плечами.

— Это все, что я постоянно слышу от тебя, — сказала она мрачно, — Почему ты не зарабатываешь как некоторые?

Мистер Арлей чуть было не сказал, что он зарабатывает. Но воздержался. Иллюзий, насчет обладания этой молодой женщиной у него не было. Его дело приносило ему триста — пятьсот долларов в неделю. Не самые большие деньги, но они могли бы соперничать с заработками многих актеров. Они могли получать за неделю и чуть больше, но очень немногие пользовались его услугами все пятьдесят две недели в году. Именно этот доход дал ему возможность три года назад, во время одной из его поездок в Голливуд, жениться на актрисе, снимавшейся в эпизодических ролях, внешне гораздо более привлекательней любой, о которой он смел бы мечтать без денег. С умом же

у нее обстояло все наоборот. В известном смысле она было тем выживающим видом, который поразил бы Дарвина. Независимо от вариантов его дохода, она умудрялась тратить его из месяца в месяц. Ее приспосабливаемость иногда изумляла даже такого капитулянта, как мистер Арлей.

Он не представлял себе однако всю глубину влияния, которое она на него оказывала. Все творческие, художественные качества, создавшие ему дело, были заменены полной зависимостью от ее капризов. Он считал себя человеком практичным и абсолютно не подозревал, что удовольствие думать о себе как о «мистере» было всего лишь вознаграждением за несчастье, свалившееся на него в тот день, когда она вошла в его жизнь.

И он никогда не заподозрил бы, что он стал обладателем фильмов, сделанных сто или более лет вперед, в будущем.

Теперь, когда она зашла в офис, он очень хотел задержать ее здесь.

— У меня здесь есть кое-что интересное, тебе может понравиться. Кто-то по ошибке прислал фильм из другой фильмотеки. Довольно любопытно, что-то вроде оптического искажения.

— Нет, дорогой, я спешу…

Слегка сощурившись, она вдруг увидела, что

сейчас ему нельзя было отказывать. Время от времени его нужно было подкармливать, что бы он совершенно ничего не подозревал. В конце концов она будет дурой, если позволит этому простаку уйти от нее.

— Хорошо, милый, — прошептала она, — если ты так хочешь…

Он показал ей фильм про мужчину и девушку — с цветными разводами, и в тот момент, когда девушка появилась на экране, понял, что сделал ошибку. Его жена вдруг как-то напряглась, когда показалась эта прекрасная актриса.

— Хм, что за чепуха?

Мистер Арлей не сказал ни слова. Он совсем забыл, что Таня не любила других актрис, в особенности звезд. Просматривая фильм во второй раз, он рассеянно отметил, что причина мрачных тонов заключалась, видимо, в том, что девушка была несчастна в замужестве, а излом и игра красок и цвета были задуманы, чтобы показать ее меняющиеся чувства, эмоции, сомнения и мысли.

«Интересно, — подумал он, — интересно, кто это сделал».

Фильм закончился, и Таня вскочила на ноги.

— Ну, надо бежать. Я возьму по чеку пятьсот

долларов, ладно?

— Триста, — сказал мистер Арлей.

— Четыреста, — сказала его жена тоном дружеской уступки.

Итак, четыреста. Когда она ушла, мистер Арлей решил проверить, кто прислал ему эти необычные фильмы. На карточке фильма «Как управлять птицефермой» был список людей, школ, учреждений, которые брали его напрокат. Он молниеносно бросил взгляд в конец списка — Тигенор-Колледж.

Мистер Арлей нахмурился и мысленно изменил формулировку письма, которое он намеревался послать. Тигенор-Колледж был одним из лучших его клиентов. И, что самое главное, их ответственный оператор, Питер Кэкстон, преподаватель естествознания, был очень опытным человеком. Невозможно было представить, что он мог быть виноват.

Мистер Арлей быстро проверил карточку еще одного странного фильма. Опять Тигенор-Колледж. То же самое было и с остальными тремя фильмами, возвращенными ему, но не принадлежащими его фильмотеке. Мистер Арлей сел за машинку и написал: «Уважаемый м-р Кэкстон.

Несколько фильмов, которые вы нам верну-

ли, оказались не из нашей фильмотеки. Пять фильмов…»

Здесь он остановился. Пять? Откуда он знал, что было только пять? Мистер Арлей достал папку с делом Тигенор-Колледж, Папка была толстая. Туда уже иногда подклеивались добавления.

Он быстро взглянул на пятнадцатое название. Осталось еще немногим больше двух недель до возвращения. Это был фильм «Подрезка фруктовых деревьев». Фильм оказался прекрасной фантастической выдумкой, в которой какой-то корабль причудливой формы, кажется, покинул поверхность Земли и полетел на Луну. Виды были очень правдоподобны, а съемки по-голливудски превосходны. Выключив наконец проектор, мистер Арлей впервые подумал, что кто бы там ни делал эти картины, его стоило представить как следует.

А пока необходимо было заняться делом. Один за другим он прокрутил последние девятнадцать фильмов, которые брал Тигенор. То есть он прокрутил шестнадцать, которые были здесь. Три уже взяли вновь и в свое время, несомненно, он услышит о них.

Из шестнадцати семь были про путешествия. Путешествия были необыкновенные — по-

трясающая, невероятная работа, сделанная ненормальным. Но так или иначе, это был гений, впервые создавший удивительно правдивый фон для фантастических историй. Среди них был фильм и про Венеру, который Педро дель Кортейя показал через десять дней Дорману. Мистер Арлей смотрел этот фильм оценивающим глазом. Как и ему казалось, здесь многое можно было сказать по поводу живой демонстрации научных представлений о планетах.

Мистер Арлей уже потерял терпение, когда просмотрел восемь фильмов. Чересчур. Кинопутешествия еще обладали определенной научной ценностью, но фильмы по управлению и ремонту, с их претензией на подробные изложения, злоупотребляли доверием. Атомный двигатель и атомный пистолет, ремонт космического корабля. Управление и уход за «Полетом — О» — индивидуальным аппаратом (комбинация из лямок и металлической трубы), который в фильме поднял человека с земли и перенес по воздуху как Бака Роджерса. Рация в виде обыкновенного браслета, сделанного из некоего «чувствительного» металла. Подробное описание этой «чувствительности» и показ трансформации радиоволн в звук — при помощи ультраатомных

пузырьков в металле. Было три довольно забавных фильма о предметах домашнего обихода. Свет из невидимого источника, падающий куда пожелаешь, накачивающиеся ковры и мебель, и наконец, автоматическая плита, которая позже затронет инстинкты Уолтера Дормана. Задолго до того, как просмотр закончился, мистеру Арлею пришла в голову мысль, что аудиторию, которой было бы интересно посмотреть эти фильмы, найти можно. Здесь только было бы важно подчеркнуть аспект новизны, как-то подготовить ее так, чтобы люди готовы были посмеяться.

Было бы здорово установить их источник и самому взять хотя бы немного. Он позвонил в Тигенор-Колледж и спросил Кэкстона. Кэкстон сказал:

— Дорогой мистер Арлей, не может быть, чтобы это была наша вина. Чтобы не путаться с учетом, я взял за правило пользоваться услугами только одной фильмотеки зараз. Последние два месяца мы получали материалы у вас и возвращали вовремя. Может, вам лучше пересмотреть свои дела еще раз.

Его немного покровительственный тон давал достаточно четкое представление о том, что клиент был оскорблен, и мистер Арлей уступил.

— Д-да-да, конечно. Я взгляну на них сам. Мой помощник должно быть… и… э-э…

Мистер Арлей повесил трубку, увидел, что уже около часа и пора обедать. Он проехал через всю Мейн-стрит за тарелкой томатного супа. Возбуждение постепенно спало, и он пришел к мысли, что в общем-то ситуация была несложной. Он потерял двадцать фильмов, но если он осторожно сообщит об этом фирмам, поставившим их ему, возможно, они сразу пришлют новые. А в качестве определенной компенсации за эту нервотрепку у него осталось шестнадцать, возможно девятнадцать фильмов, которые могут довольно успешно пойти.

И они шли. По меньшей мере раз в неделю новинки отправлялись по почте и возвращались обратно. А к тому времени большинство уже ждали заказы на следующую неделю. Мистер Арлей не беспокоился, что подумает настоящий владелец, когда он обнаружит, что происходит. Ни один фильм из фильмотеки не стоил очень многого. Владелец, возможно, потребует свой процент, а на это мистер Арлей готов был пойти.

На случай, если потребуются отзывы зрителей, мистер Арлей разослал отпечатанные бланки. Они вернулись заполненными как надо. Размер

аудитории: сто, двести, семьдесят пять. Состав аудитории: различные торговцы, университетский астрономический кружок, общество физиков, школьники. Реакция аудитории — наиболее часты отзывы: занимательный, интересный, хорошие съемки. Одно общее критическое пожелание — диалог мог быть более юмористическим, смешным, комическим, что более соответствовало бы тематике.

На этом дело не стало. В конце второго месяца у мистера Арлея был еще тридцать один фильм о новинках, и все они были присланы ему Питером Кэкстоном из Тигенор-Колледж.

Две недели спустя, примерно в то время, когда Педро дель Кортейя должен был показать фильм про плиту собранию электронщиков, приблизительно одновременно произошли два события: мистер Арлей поднял плату за прокат примерно на пятьдесят процентов, и Кэкстон прислал ему письмо, которое гласило — «В ваших папках я заметил ссылку на некоторые новинки. Я бы хотел получить один про планеты к следующей среде».

«Сейчас, — подумал мистер Арлей, — сейчас посмотрим».

Коробка вернулась в четверг. Фильм в коробке тоже был о новинках. Но не тот, который он

посылал.

3

По пути в Тигенор-Колледж, когда он шел на послеобеденные занятия, Питер Кэкстон остановился у углового магазина и купил пачку сигарет. Как раз напротив входной двери висело большое, в полный рост, зеркало. Войдя в магазин, он ненадолго остановился, чтобы осмотреть себя.

То, что он увидел, ему понравилось. Высок, хорошо одет, лицо чистое, но не слишком юное, лучистые серые глаза. Ухоженный вид подчеркивала и аккуратная серая шляпа. Довольный, он пошел дальше. У Кэкстона не было иллюзий о жизни. Жизнь такова, какой ты ее делаешь. А насколько он мог предвидеть, если он все сделает правильно, он должен стать директором Тигенор-Колледж через два года. Границы времени обойти нельзя. До этого времени старый Варняк не уйдет в отставку, а Кэкстон не видел способа, которым можно было бы ускорить этот процесс.

Тигенор не был супер школой, не было там и баснословных денег, которые некоторые соседние общины давали на образование.

Комната для курения была общей — для мужчин и для женщин. Кэкстон уселся в одно из

кресел и быстро затянулся. Он докурил почти до половины, когда зашла мисс Грегг.

Она тепло улыбнулась.

— Привет, Питер, — сказала она. Она многозначительно метнула взгляд в сторону закрытых дверей гардеробных, а затем вновь посмотрела на него.

Кэкстон сказал:

— В мужской никого.

Она открыла дверь в женскую, заглянула внутрь, затем скользящим движением приблизилась к нему и поцеловала его в губы.

— Осторожно, — сказал Кэкстон.

— Сегодня вечером, — сказала она тихо, — в конце парка…

Кэкстон не мог сдержать легкого раздражения.

— Я постараюсь, — сказал он, — но моя жена… Она нежно шепнула:

— Я буду ждать тебя.

Дверь за ней мягко закрылась. Кэкстон сидел хмурый и встревоженный. Сначала это было приятно — завоевание сердца мисс Грегг. Но после шести месяцев чересчур частых свиданий все это становилось немного утомительным. Она уже дошла до того, что предвкушала, как он каким-то образом заполучит развод, и это каким-то

образом не повредит его карьере, и что каким-то образом все образуется. Кэкстон не разделял ни ее страстного желания такой развязки, ни ее смутной убежденности, что не будет никаких последствий.

Мисс Грегг была, как он слишком поздно уяснил, чувствительной дурой. Уже месяц, как он понял, что должен порвать с ней, но пока ему в голову пришел только один способ: ее нужно осторожно убрать из школы. Как? Ответ на это тоже нашелся легко. Пустить слушок про нее и Доррита. Таким образом он мог убить двух зайцев. Доррит был его единственным серьезным соперником на пост директора и, что было самое страшное, он очень хорошо ладил со старым Варняком.

Это будет не очень трудно. Все кроме мисс Грегг знали, что Дорриту она безумно нравилась, а Доррит, кажется, не подозревал, что тайна его была известна. Эта ситуация забавляла Кэкстона. Он, женатый человек, увел девушку мечты Доррита. А почему бы не увести из-под его носа, так сказать, заодно и директорство? Надо будет подумать немного над ходами и двигаться с чрезвычайной осторожностью.

Кэкстон задумчиво вмял сигарету в пепельни-

цу, а затем направился в аудиторию. На первом занятии должна быть демонстрация фильма. В самом начале ему было довольно интересно, но было много и неважных фильмов.

Кроме того, эти остолопы так ничему и не учились. Однажды он спросил нескольких из самых успевающих учеников, что они узнали из фильма — результат был плачевный. Защитники данного метода, тем не менее, утверждали, что эффект был несомненно. Детишки предпочитали это всем другим методам обучения и на прошлой неделе школьный совет постановил, что необходимо показывать каждый фильм и десятому, а не только одиннадцатому классу.

Это означало, что один раз утром и один раз после обеда ему приходилось управляться с роем подростков в темноте аудитории. Во всяком случае, это был последний фильм на сегодня. Фильм шел уже минуту, когда Кэкстон по-настоящему посмотрел на экран. Какое-то мгновение он бессмысленно смотрел, затем выключил проектор, включил свет и спустился из операторской.

— Кто выкинул эту глупую шутку? — сердито спросил он.

Никто не отвечал. Девочки были немного напуганы, мальчики напряжены, за исключением

нескольких — учительских любимчиков, которые побледнели.

— Кто-то, — кричал Кэкстон, — во время обеда поменял мне фильм.

Тут он замолчал. Его собственные слова покоробили его. Когда он вылетел из кабины, он даже не помедлил, чтобы оценить смысл происходящего. Сейчас он неожиданно понял. Впервые за свои четыре года в Тигенор он стал жертвой ученической проделки, но повел себя неправильно. С минуту подумав, он мысленно собрался, и положение было спасено.

Кэкстон тяжело сглотнул. Бледная улыбка осветила его напряженное лицо. Он холодно посмотрел вокруг.

— Ну что же, — сказал он, — если вы хотите этого, вы это получите.

На второй день улыбка его была мрачней, и это уже становилось вопросом дисциплины.

— Если это повторится еще раз, мне придется доложить старому Варн… — он остановился. Он хотел сказать «старому Варняку». Вместо этого он закончил как положено, — доложить мистеру Варни.

В офис директора на следующий день вошел потрясенный и озадаченный Кэкстон.

— Но где они берут фильмы для подмены? — беспомощно спросил старик. — В конце концов, они стоят денег.

Этот вопрос не был последним его словом. В четверг, когда фильм опять подменили, он, исполненный сознанием долга, зашел в оба класса и подчеркнул непорядочность их действий. Он также указал на то, что раз за утерянные фильмы придется платить, дело начинает принимать определенный преступный оборот.

Следующий день был пятница, и было очевидно, что учащиеся обговорили эти вопросы, потому что президент каждого из двух классов сделал сообщение, отвергающие подозрение преподавателей.

— Как вы знаете, — заявил один, — учащиеся обычно знают, что у них происходит. Но весь наш класс не знает, кто это. Кто бы ни подменивал фильмы, он действует в одиночку, и мы осуждаем его и отказываем ему в поддержке или сочувствии, которое мы обычно могли бы оказать такому учащемуся.

Эти слова должны были успокоить нервы Кэкстона. Но они имели обратный эффект. Его первоначальное убеждение, что его разыгрывали учащиеся, уже частично уступило место

более дикой мысли, и эти выступления просто подбодрили его новое чувство. В этот же день, во время большой перемены, он непредусмотрительно сделал ошибку, высказав свое подозрение директору.

— Если не виноваты учащиеся, тогда должен быть виноват один из учителей. А единственный, кого я знаю, кто ненавидит меня — это Доррит, — и мрачно добавил, — на вашем месте я также расследовал бы отношения между мисс Грегг и Дорритом.

Варни проявил удивительную инициативность. Дело было в том, что старик легко уставал и уже был вымотан всем этим делом. Он вызвал мисс Грегг и Доррита, и, к испугу Кэкстона, повторил обвинения. Мисс Грегг метнула изумленный взгляд на ошеломленного Кэкстона, а затем неподвижно просидела до конца совещания. Доррит был некоторое время был взбешен, затем рассмеялся.

— Эта неделя открыла глаза большинству из нас, — сказал он. — Мы увидели, как Кэкстон сник от убеждения, что коллектив учащихся не любит его. Я всегда считал его законченным неврастеником, а теперь он за пять дней показал, что он даже хуже того, что я представлял. Как и все

настоящие неврастеники, он не смог провести даже элементарного расследования перед тем, как предъявлять свои обвинения. Например, первое. Я могу это опровергнуть, так как по крайней мере два дня я не мог быть рядом с операторской.

Он продолжал. Во вторник и среду он лежал больной у себя дома.

— Что касается второго, и самого непростительного обвинения, я только желал бы, чтобы это было правдой, хотя и не в том смысле, какой вкладывает сюда Кэкстон. Я вообще застенчив, когда дело касается женщин, но при данных обстоятельствах я могу сказать, что я давний поклонник мисс Грегг.

Здесь молодая женщина проявила первые неясные признаки интереса. Она искоса взглянула на Доррита, словно видела его в новом свете. Взгляд длился всего лишь мгновение, затем она вернулась к своему напряженному созерцанию стены прямо перед собой. Доррит продолжал:

— Трудно, конечно, опровергать такое обвинение, какое выдвинул мистер Кэкстон, но…

Старый Варняк перебил его:

— Совершенно необязательно продолжать дальше. Я и на минуту не поверил ни в одно слово, и не могу понять, какую цель мог иметь мистер

Кэкстон, вводя столь необдуманное обвинение в это злополучное дело с потерянными фильмами. Если ситуация с фильмами не улучшится, я доложу школьному совету на следующей неделе, и мы проведем расследование. Все. Всего доброго, джентльмены. Всего доброго, мисс Грегг.

Кэкстон провел беспорядочный день. Он был совершенно уверен, что директор получил удовлетворение из этой ситуации, но ничего нельзя было сделать, только проклинать себя за предоставленную старику возможность избавиться от нежелательного наследника на свою собственную должность. Самое большое замешательство, однако, не имело ничего общего с Варни. У него было ощущение, что за его спиной что-то происходит. Ощущение оказалось верным.

В понедельник утром все женщины-учителя выказали ему свое пренебрежение, а большинство мужчин были подчеркнуто недружелюбны. Один из них подошел и тихо спросил:

— Как случилось, что вы выдвинули такое обвинение против Грегг и Доррита?

— Я был вне себя от волнения, — жалко сказал Кэкстон. — Я был не в своем уме.

— Конечно, — сказал он, — Грегг рассказала всем женщинам.

«Презренная женщина», — мрачно подумал Кэкстон. Вслух же закончил:

— Я постараюсь сделать, что смогу, но…

— Слишком поздно. В обед женщины всем коллективом вошли в кабинет директора и объявили, что отказываются работать в одной школе с учителем, способным на такую ложь в отношении одной из них.

Кэкстон, уже допускавший мелькнувшую мысль о возможности отставки, сейчас стоял перед необходимостью принятия решения. Он написал заявление на перемене, увольнение должно произойти в конце месяца, на следующий уик-энд.

Его поступок внес ясность. Учителя-мужчины стали дружелюбнее, и его собственные мысли медленно и болезненно пришли в порядок. Ко вторнику он думал яростно, но с ясностью: «Эти фильмы! Если бы не эта неразбериха, я бы не потерял голову. Если бы я смог найти, кто это сделал…»

Ему казалось, что полученное в результате удовлетворение почти компенсирует потерю работы. На обед он домой не пошел. Он только сделал вид, что уходит. Быстро вернувшись через задний ход, он поспешил в операторскую и

укрылся за экраном.

Он прождал весь перерыв. Ничего не произошло. Никто не пытался открыть замок аудитории. Никто даже не подходил к двери операторской.

А после обеда, когда он включил проектор, фильм был другой.

Утром это был обыкновенный фильм, про ежедневную работу на ферме. После обеда фильм был про сгущение или разбавление человеческой крови, что дает возможность людям быстро приспособиться к изменениям температуры.

Впервые Кэкстон внимательно просмотрел один из этих странных фильмов о новинках, несколько штук он заказал около двух недель назад. Изучил, то есть — разумом и глазами, и изумился. «Кто делает эти картины? — думал он. — Почему они так удивительно полны идей, которые…»

Он вернулся в операторскую после занятий, чтобы посмотреть еще раз. И был потрясен случившимся. Это был другой фильм. Не тот, что был утром. Не тот, что был после обеда. Это был третий фильм, про Солнце. Дрожащими руками Кэкстон перемотал пленку и поставил еще раз. Испарина выступила на лице когда совершенно новый, четвертый фильм, развернулся на экране.

Появилось дикое желание броситься вниз, в офис и позвонить Варни. Истерика закончилась сознанием полной безысходности. Директор дал понять, что вопрос с фильмами, возможно, уладится в тот момент, когда Кэкстон уйдет. Утомительная ноша ответственности заставила его цепляться за это убеждение.

— Завтра, — скажет он, — Я просмотрю его завтра.

Дело не могло ждать до завтра, так показалось Кэкстону. Впервые он вспомнил телефонный звонок, более двух месяцев назад, от мистера Арлея из фильмотеки «Арлей». Воспоминание остудило его. Второй порыв в течение нескольких минут — на этот раз позвонить Арлею — угас перед воспоминанием, что он сказал ему. Он был, как он помнит, довольно высокомерен. Лучше позвонить Арлею позже.

Он сел и нервно закурил сигарету. «А может быть все дело в этом самом замечательном приборе двадцатого века? Но если это так, то необходимо заполучить его и сохранить для себя».

Поскольку еще в раннем возрасте он впервые отметил, что если мать не замечала, как он сделал что-то, то она и не жаловалась на это, Питер

решил проблему с проектором очень просто.

Он спустился в подвал школы и достал кусок мешковины. Затем снял проектор, надежно его завернул, и отнес в свою машину. Вернувшись, он собрал все фильмы, которые, как он знал, были прокручены на этом проекторе, и тоже унес их в бумажном пакете.

Пусть они обсуждают, что произошло. Исчезновение проектора будет казаться чем-то вроде последней загадки в конце всей неразберихи.

И, конечно, он будет отрицать, что знает хоть какой-то намек на разгадку.

Для особой осторожности он проехал весь путь в город на машине и поставил ее на стоянку, используя вымышленное имя.

Было около семи часов, когда он приехал домой и, естественно, Люси была сердита. Но Кэкстон уже проанализировал, что вся эта школьная история скоро выйдет наружу, так что он уже готовился к отравляющей обстановке, которая, как он не без содрогания представлял, сложится в результате. Однако, он также ожидал, что последующий кошмар даст ему возможность развестись с женщиной, которая состарилась быстрее, чем он.

Невероятно, но его жена подала прошение на

развод. Кэкстону это казалось невероятным, потому что он ожидал, что она будет держаться за него, и что ему придется с трудом выходить из этого брака.

Он был свободен и мог вести свой фантастический поиск.

Первым делом Кэкстон хотел найти корпорацию Квик-Фото, чьей фирме он сам заказывал проектор для школы несколько месяцев назад. У этого, бывшего в употреблении аппарата, практично купленного им по низкой цене, — один из многих поступков, который должен был показать, каким он будет экономным директором, — несомненно, была своя история.

Это должен быть верный след.

4

Больничная кровать под ним была жесткой. Какой-то момент Кэкстону казалось, что его беспокоит именно это. Он повернулся в более удобное положение и понял, что это вовсе не физическое состояние. Это что-то в его мозгу, чувство пустоты, возникшее с того времени, когда они сказали ему число.

Через некоторое время, показавшееся очень долгим, дверь открылась и вошли двое мужчин и сестра. Один из мужчин сказал сердечным голосом:

— Ну, как вы, Кэкстон? Очень жаль, что вы в таком положении.

Человек был полноват и на вид очень общителен. Кэкстон принял его энергичное рукопожатие, полежал некоторое время очень тихо, а затем решился задать несколько неловкий, но очень важный вопрос.

— Извините, — проговорил он сдержанно, — мы знакомы?

— Я — Брайсон, управляющий из Квик-Фото. Некоторое время назад я принял вас на работу и назначил агентом по торговле. И вот узнаю, что

вас нашли без сознания в канаве, а из больницы сообщили, что вы здесь. Они выяснили где вы работаете по документам, которые обнаружили у вас.

Кэкстон кивнул. Правда, он был разочарован, так как надеялся, что чей-либо приход заполнит пробел в его памяти. Оказалось, нет. Наконец, он сказал:

— Последнее, что я помню, это решение попросить место в вашей фирме, Очевидно, в этот момент что-то случилось с моей головой и…

Он остановился. От мысли, что это могло быть как-то связано с его поиском происхождения проектора, у него расширились глаза. Испытывая какое-то неприятное ощущение, он медленно произнес:

— Очевидно, у меня потеря памяти.

Он заметил, что на него пристально смотрит врач, пришедший с Брайсоном. Кэкстон выдавил из себя слабую улыбку.

— Думаю, все в порядке, док. Что мне не ясно, так это то, что же я делал все эти две недели. Все время лежу и напрягаю мозги. Где-то в подсознании что-то есть, но не могу вспомнить, что.

Доктор улыбался.

— Я рад, что вы так это воспринимаете. Беспо-

коиться не о чем, правда. А что касается того, что вы делали все это время — уверяю вас, по нашему опыту мы знаем, что жертва амнезии обычно ведет нормальный образ жизни. Наиболее часты случаи, когда человек выбирает новый род занятий. Вы не сделали даже этого.

Он замолчал, а Брайсон добродушно сказал:

— Я могу прояснить для вас вашу первую неделю. Пару дней вы просматривали наш ассортимент и проверяли источники поступления. Потом сказали мне, что ребенком некоторое время жили между Уорвиком и Кисслингом. И что хотели бы, чтобы это был ваш первый маршрут. Я и направил вас туда.

Это была первая настоящая информация — и Кэкстон с трудом сдержался. Раз он там никогда не жил, то это, должно быть, то место, на которое его вывел проектор… Он обнаружил, что Брайсон продолжал.

— Мы получили от вас заказы из пяти городов, но вы так и не добрались до Кисслинга. Может это поможет вам… Нет? — он пожал плечами — Ну ничего. Как только поправитесь, приходите. Сейчас, когда всюду столько электроники, я очень рад, что у нас появился специалист. Я как раз разбираюсь с некоторыми представительствами,

и рассчитываю на вас. Здесь есть возможность заработать гораздо больше, поэтому поправляйтесь скорее.

Кэкстон сказал:

— Я хотел бы получить сейчас ту же самую территорию, если возможно.

Брайсон кивнул.

— Конечно, вопрос только в том, чтобы закончить все, что вы пропустили, а затем двигаться дальше по основному пути. А для других представительств потребуется немного времени. Так что маршрут на Кисслинг — ваш. Я полагаю, вы хотите разузнать, что с вами произошло.

— Это именно то, что я и хотел. Своего рода поиск памяти.

Он грустно улыбнулся. «Должно быть, я что-то нашел… и это был „настоящий“ поиск», — подумал он. Его коснулся страх. Он отогнал его, и сказал:

— Я хочу поблагодарить вас за то, что вы пришли.

— Все нормально. Пока.

Брайсон тепло пожал руку, и Кэкстон проводил его взглядом.

5

Через два дня Кэкстон сошел с поезда на станции Уорвик и стоял, щурясь на яркое утреннее солнце. Первое разочарование уже наступило. Он-то рассчитывал, что вид кучки домов, вырисовывающихся на фоне холмов, вернет ему память.

Совершенно очевидно, что его разум не отозвался на них никакими воспоминаниями о том, что он сделал и увидел шестнадцать дней назад. Кэкстон озадаченно покачал головой. «Кто-то знал меня, — подумал он, — кто-то меня, должно быть, видел. Я разговаривал с торговцами, коммивояжерами, проводниками, администраторами гостиниц. Я всегда умел напускать на себя вид общительного человека».

— Привет, Кэкстон, старина, — услышал он веселый голос сзади, — У тебя такой вид, словно ты думаешь о похоронах.

Кэкстон обернулся и увидел довольно стройного молодого человека, смуглолицего, темноволосого, лет тридцати. Вид у него был, как у хрупкого человека, пронесшего очень много ящиков и коробок. Он, должно быть, заметил что-то в глазах

Кэкстона, потому что быстро спросил:

— Ты же меня помнишь, да? Билл Келли. — Он легко засмеялся. — Кстати, послушай, у меня с тобой счеты. Что ты сделал с той девушкой, Селани? Я уже дважды проезжал Пиффер Роуд с тех пор, как видел тебя в последний раз, и оба раза ее не было. Она… — Он замолчал и вдруг пристально посмотрел на него. — Послушай, ты же помнишь меня, да?

Кэкстон вышел из огромного внутреннего напряжения и по выражению лица Келли понял, что пора было объясниться. Он и объяснил, сказав в конце:

— Так что, видишь, я в довольно трудном положении. Может быть, если ты не против, ты мог бы прояснить то, что произошло, когда я был с тобой. Кто эта девушка, Селани?

— Ну конечно, — сказал Келли, — конечно я… — Он замолчал и нахмурился. — А ты меня не разыгрываешь? — Он махнул рукой. — Хорошо, хорошо, верно. У нас еще полчаса до поезда. Амнезия, да? Я слышал об этом, но — послушай, а ты не думаешь, что старик мог иметь какое-то отношение к… — он кулаком ударил себя по ладони. — Точно, так и есть!

— Старик? — сказал Кэкстон. Он перебил себя,

закончив твердо. — Так что это за история?..

...Поезд притормозил. В полосатом окне Кэкстон мог видеть холмистую долину с пятнами зеленых деревьев и мерцающей, извивающейся нитью воды. Затем показались несколько домов, полдюжины запасных путей и наконец — начало деревянной платформы.

Высокая, стройная, симпатичная девушка прошла мимо окна с корзиной. За спиной Кэкстона коммивояжер, севший на поезд на предыдущей станции, и с которым он беседовал, сказал:

— А вот и Селани. Интересно, что она сегодня продает.

Кэкстон откинулся назад, мысль его медленно зацепилась за эти слова.

— Селани! — отозвался он. — Интересное имя. Вы сказали, что она торгует?

— Да уж торгует! — Келли будто взорвался.

Он должно быть понял, что слова его были очень сильными, потому что он глубоко и шумно вздохнул. Голубые глаза его пристально смотрели на Кэкстона. Он начал было что-то говорить, затем остановился и немного помолчал, таинственно улыбаясь. Минуту спустя он сказал:

— Знаете, я должен извиниться, правда. Я только сейчас понял, что захватил весь разговор с тех

самых пор, как мы заговорили.

Кэкстон вежливо улыбнулся.

— Вы очень интересно рассказываете.

Келли продолжал:

— Я хотел лишь сказать, что вы сказали, будто продаете фотопринадлежности, кроме всего прочего.

Кэкстон пожал плечами. Интересно, выглядел ли он настолько озадаченным, насколько начинал это чувствовать. Он видел, что Келли вытащил какой-то фотоснимок и протянул ему. Келли спросил:

— Видите здесь что-нибудь необычное?

Кэкстон с первого взгляда увидел мастерски сделанный цветной снимок. Он с трудом сосредоточился на нем, потому что подсознательно ожидал бессмысленного спора об относительных достоинствах товара, которым он торговал. Во-первых, ему было это неинтересно, а во-вторых — ну, да черт с ним!

С этими мыслями он попытался рассмотреть фотографию. Словно наяву он вдруг увидел картину. И с мысленным всплеском возбуждения понял, что уже видел ее раньше: тот же самый вид венерианского океана, что и в одном из фильмов, который он брал из фильмотеки Арлея, когда

работал в Тигенор-Колледж. По крайней мере, очень похоже.

Пальцы Кэкстона крепче сжали снимок.

— Эй, — сказал он — где вы это взяли?

— У Селани, — последовал ликующий ответ. Кэкстон рассмотрел прекрасный, дикий морской вид с безумным чудовищем поближе — и сразу успокоился. Очень удачно, сказал он себе, что это «действительно» венерианский пейзаж. Что придавало всему этому привычную перспективу, потому что исследование Венеры Великими Державами установило, что Венера не является дышащей паром моделью теплых морей доисторической Земли. Наоборот, это сверхраскаленная пустыня, с температурой поверхности достаточной для того, чтобы расплавить многие металлы.

Он протянул руку, возвращая снимок молодому человеку.

— Очень хорошо, — сказал он, — какой прекрасный художник. Я бы хотел познакомиться с этой девушкой, Селани.

— Постойте-постойте, — сказал Келли, — это не все. Он протянул руку и коснулся снимка, слегка сжимая один край. — А теперь посмотрите, — сказал он.

Кэкстон небрежно глянул вниз. Какой-то мо-

мент — всего лишь момент — он был спокоен и просто ждал. Затем в голове возникло какое-то расплывчатое пятно, затем появилось ощущение, будто все его внутренности одновременно прыгнули в разные направления.

Откуда-то издали он услышал Келли.

— Я же говорил, что в ней что-то странное.

— Странное! — Кэкстону понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что этот квакающий голос принадлежит ему.

Потом он уже только смотрел.

Изображение на… вернее, в карточке… двигалось. Волны пенились. То же существо со своей головой ящерицы, так напоминающее зверей, бродивших по серым болотам на Земле сорок миллионов лет назад, опять пыталось схватить человека, парившего над волнами. Оно метнулось вперед. Его пасть разверзлась, и оно рванулось из воды. Словно дразня, человек поднялся на своем «Полете-О» выше, оставаясь за пределами досягаемости острых как бритва зубов, яростно рвавшихся к нему.

Кэкстон смотрел, как развивалась атака. Изображение замерло как раз когда гигантские челюсти полностью разошлись на весь снимок. В этот момент возникло что-то расплывчатое,

а затем… челюсти постепенно исчезли. Снова возникло то же самое изображение, что было на снимке, когда Кэкстон взял его в первый раз.

Неподвижное, прекрасное, безмолвное, фантастическое.

По-видимому, снова готовое развернуться.

Кэкстон держал удивительную вещицу, словно знаток, ласкающий драгоценный камень. Он слышал, как Келли болтал где-то вдалеке.

— Их делает ее отец, — говорил он, — он настоящий гений с этими приспособлениями. Вы бы посмотрели, что она продавала в поезде в прошлом месяце. На днях он собирается начать большое производство. Когда это наступит, все фото компании и множество других фирм окажутся не у дел.

Такая идея уже приходила в голову Кэкстону. Прежде, чем он овладел своими мыслями и смог что-либо сказать, снимок из его рук забрали, и Келли наклонялся в проход к симпатичному седовласому человеку. Келли сказал:

— Я заметил, что вы рассматривали это, сэр, когда я показывал его своему другу. Не хотите ли взглянуть?

— Ну конечно, — ответил человек.

Он говорил тихо, но резонанс его голоса вызвал

звон в ушах Кэкстона. Пальцы старика схватили протянутый снимок, и каким-то непостижимым образом снимок разорвался на несколько кусочков.

— Ой! — беспомощно воскликнул Келли.

— Прошу прощения, — сказал старик.

В его руке появилась долларовая бумажка.

— Ради бога простите, виноват. Но вы сможете купить у девушки еще одну, когда она придет.

Он откинулся на спинку своего сидения и зарылся в газету.

Кэкстон заметил, что Келли закусил губы. Молодой человек сидел, уставившись на обрывки снимка, затем посмотрел на долларовую бумажку. Наконец Келли вздохнул.

— Ничего не понимаю. Он у меня уже неделю. Дважды падал в воду, был на жаре… и ничего, а тут рассыпался, как кусок гнилого дерева.

Он пожал плечами, а когда продолжил, в голосе его послышалась жалоба.

— Наверное и впрямь нельзя ожидать от отца Селани первоклассной работы в тех условиях, которые… — в возбуждении он замолчал. — О, смотрите, вон Селани. Что у нее сегодня, интересно.

На его узком лице появилась хитрая улыбка.

— Подождите-ка, я пойду, покажу ей порвавшийся снимок. Я помню, шутил, когда его покупал — говорил, что это какой-то трюк. Она тогда рассердилась и дала гарантию на всю жизнь. Да что она там еще продает? Смотрите, вокруг нее уже целая толпа.

Кэкстон поднялся. Стараясь получше увидеть, он вытягивал шею над толпой, обступившей девушку, которая что-то показывала в дальнем конце вагона.

— Бог ты мой! — послышался возглас. — Сколько вы просите за эти чашки? Как это получается?

— Чашки? — произнес Кэкстон и двинулся к группе, находясь в состоянии какого-то смутного очарования. Он не ошибся, девушка раздавала какие-то сосуды, постоянно наполняющиеся жидкостью. Из сосуда люди пили, но он мгновенно наполнялся вновь. Ее отец, подумал Кэкстон, каким-то образом сумел получить воду из воздуха. Настоящий гений! Если бы он смог сговориться с ним сам — это успех.

Полет его мысли оборвался, когда кристально чистый голос девушки возвысился над возбужденным бормотанием.

— Цена один доллар за штуку. Это результат конденсации. Процесс знает только мой отец. Но

подождите, я еще не закончила показывать.

Она продолжала, голос его звучал холодно и сильно в образовавшейся тишине.

— Как видите, это складывающаяся чашка без ручки. Сначала открываете. Затем поворачиваете первое кольцо по часовой стрелке. На определенной точке получается вода. А сейчас — смотрите. Я поворачиваю дальше. Жидкость краснеет и превращается в кисло-сладкий напиток, весьма освежающий в жару.

Она передала чашку. Пока она переходила из рук в руки, Кэкстону удалось оторвать взгляд от диковинки и хорошенько рассмотреть девушку. Она была высока, около пяти футов и шести дюймов, волосы у нее были каштановые. Очень умное лицо. Оно было тонким, привлекательным, и в нем была какая-то гордость, что придавало ей поразительный вид отстраненности, несмотря на то, как она брала доллары, которые ей совали в руки.

Ее голос поднялся еще раз.

— Извините, только по одной на человека. На днях они появятся на общем рынке. Это просто сувениры.

Толпа рассосалась, все вернулись на свои места. Девушка шла вдоль прохода и остановилась

напротив Кэкстона. Кэкстон быстро сказал:

— Здесь мой друг показывал мне фотоснимки, который вы продавали. Интересно…

— У меня есть еще несколько. — Она серьезно кивнула головой. — Вы не хотели бы еще и чашку?

Кэкстон кивнул на Келли.

— Мой друг также хотел бы еще один снимок. Его порвался.

— Извините, я не могу продать ему второй снимок. Она замолчала. Глаза ее расширились.

— Вы сказали, его снимок порвался? Пораженная, она резко повернулась.

— Позвольте посмотреть? Где он? — спросила она яростно.

Она взяла обрывки фотографии из рук Келли и уставилась на них. Губы ее задрожали. Руки затряслись. Лицо исказилось и приобрело серый оттенок. Ее голос, когда она заговорила, даже слегка осип.

— Скажите… как это случилось? Как именно?

— Как? — Келли отпрянул в удивлении. — Я подал его этому пожилому джентльмену, когда…

Он остановился, потому что разговаривать уже было не с кем. Девушка повернулась на пятках. Это был словно сигнал. Старик опустил газету и

посмотрел на нее. Она зачарованно уставилась на него, словно птица, загнанная в угол змеей. Затем, во второй раз в течение этих двух минут, она резко повернулась. Корзина чуть не выпала у нее из рук, когда она побежала.

Через какое-то мгновение Кэкстон видел, как она бежала по платформе.

— Что за черт! — взорвался Келли. Он резко повернулся к старику.

— Что вы с ней сделали? — яростно спросил он. — Вы…

Голос его затих, и Кэкстон, который также собирался добавить к этому требованию несколько резких слов, тоже промолчал…

6

Голос коммивояжера под ярким солнцем на платформе «А» на станции Уорвик замолк. Кэкстону понадобилось минута, чтобы понять, что рассказ закончился.

— Вы хотите сказать, что это все? — спросил он. — Что мы вот так сидели, как два болвана, сконфуженных каким-то стариком? И это был конец всей истории? Вы до сих пор не знаете, кто напугал девчонку?

На лице Келли он видел странное выражение человека, мысленно подбирающего слово или фразу, чтобы описать неописуемое. Наконец Келли сказал:

— В нем было что-то такое… словно все самые властные и важные менеджеры в мире сошлись в одно. Мы просто заткнулись.

Кэкстон мрачно кивнул головой и медленно спросил:

— Он не сходил?

— Нет, вы были единственным, кто сошел.

— Да?

Келли посмотрел на него.

— Знаете, это самое странное и чертовски инте-

ресное. Но так и было. Вы попросили кондуктора сдать ваш багаж в Инчни. Последний раз я видел вас до того, как поезд тронулся. Вы шли по Пиффер Роуд в том же направлении, куда ушла эта девушка. Ага, вот идет поезд.

Шумно подошел объединенный грузовой и пассажирский поезд… Позже, когда он, петляя, пробирался вдоль края равнины, Кэкстон сидел, глядя в окно, смутно слушая болтовню сидящего рядом Келли. Он наконец решил, какой курс взять: после обеда он сойдет в Инчни, пройдет по домам, пока магазины не закроются, затем поедет на Пиффер Роуд и проведет долгий летний вечер в расспросах. Если он верно помнил свою карту, расстояние между большим городом и крошечной общиной составляло семь миль. В худшем случае, он мог дойти обратно до Инчни за пару часов.

Первая часть плана оказалась еще проще. Служащий отеля Инчни сказал ему, что в шесть часов есть автобус.

Двадцать минут седьмого он сошел с автобуса. Стоя в грязи Пиффер Роуд, смотрел как автобус какими-то толчками тронулся и покатился по шоссе. Шум мотора затих в отдалении, когда он устало потащился через пути. Вечер был теплым

и тихим, и его плащ оттягивал руку. Позже будет прохладно, он знал, но сейчас он почти жалел, что взял его с собой.

У первого дома на газоне, стоя на коленях, работала какая-то женщина. Кэкстон поколебался, затем подошел к изгороди и какое-то мгновение смотрел на женщину. Он думал, не должен ли он ее помнить. Наконец он сказал:

— Прошу прощения, мадам.

Она не взглянула на него. Не поднялась с клумбы, которую полола. Это было костлявое создание в ситцевом платье. Она, должно быть, видела, как он подходил, раз так упорно молчала.

— Мне бы хотелось знать, — настойчиво продолжал Кэкстон, — не могли бы вы сказать, где тут живет один пожилой человек с дочерью. Дочь зовут Селани и она еще продавала в поездах авторучки, чашки и другие вещи.

Женщина поднялась и подошла ближе. Вблизи она не казалась такой уж большой или неловкой. У нее были серые глаза, глядевшие на него с некоторой враждебностью, а затем с любопытством.

— Послушайте, — сказала она наконец — разве не вы были здесь около двух недель назад, спрашивали о них? И разве я тогда вам не сказала, что они живут вон в той роще.

Она махнула рукой в сторону деревьев в четверти мили от дороги, но когда она смотрела на него, глаза ее были прищурены.

— Я что-то не понимаю, — сказала она мрачно.

Кэкстон не мог представить, как он будет объяснять этой сварливой и подозрительной женщине про свою амнезию. Он сказал поспешно:

— Спасибо большое. Я…

— Туда идти бесполезно, — сказала женщина. — Они уехали в тот же день, когда вы были в прошлый раз… на своем большом трейлере. И не вернулись.

— Они уехали! — воскликнул Кэкстон.

В пылу своего разочарования он чуть было не сказал больше. Затем он увидел, что женщина смотрела на него со слабой улыбкой на лице. Она выглядела так, словно успешно нанесла нокаутирующий удар какому-нибудь неприятному человеку.

— Думаю, — отрезал Кэкстон — я все равно схожу, посмотрю.

Он повернулся, настолько обозленный, что некоторое время почти не видел, что шел по канаве, а не по дороге. Его ярость медленно уступила место разочарованию, а оно так же медленно растаяло перед мыслью, что раз он оказался здесь, то

можно было бы и посмотреть.

Через минуту он уже изумлялся, что он позволил одной-единственной женщине так подействовать себе на нервы за такое короткое время. Он покачал головой. Надо быть поосторожнее. Процесс выслеживания проектора и провалы в памяти изнуряли его.

Легкий ветерок подул ниоткуда, когда он свернул в тенистую рощу. Он нежно обдувал лицо, и мягкий шорох деревьев был единственным звуком, нарушающим тишину вечера. Ему не понадобилось и минуты, чтобы понять, что его ожидания, ощущения чего-то, что гнало его в путь, не будут удовлетворены. Потому что здесь не было ничего. Ни одного признака того, что здесь когда-либо жили люди: ни одной жестяной банки, ни связки мусора, ни печной золы. Ничего. Несколько минут он безутешно побродил вокруг, осторожно поворошил палкой засохшие ветки. И, наконец, пошел по дороге обратно. На этот раз уже женщина окликнула его. Он поколебался, затем подошел. В конце концов, она может знать и гораздо больше, чем сказала. Он увидел, что сейчас она было более дружелюбна.

— Нашли что-нибудь? — спросила она с плохо скрываемым интересом.

Кэкстон мрачно улыбнулся этой силе любопытства, затем горестно пожал плечами.

— Когда трейлер уходит, — сказал он, — это как дым — просто исчезает.

Женщина фыркнула.

— Все следы, которые остались, конечно, быстро исчезли после того, как здесь побывал старик.

Кэкстон сделал усилие чтобы сдержать возбуждение.

— Старик? — воскликнул он. Женщина кивнула, затем горько сказала:

— Красивый такой. Сначала все выспрашивал у всех, что нам продала Селани. А через два дня все утром проснулись — всё до единой вещи пропало.

— Украл?

Женщина нахмурилась.

— Почти что так. За каждую вещь была оставлена долларовая бумажка. Но все равно воровство — для таких-то вещей. Знаете, у нее была такая сковородка…

— Но чего он хотел? — перебил озадаченный Кэкстон.

— Разве он ничего не объяснял, когда расспрашивал? Ведь вы не позволили ему просто так ходить и задавать вопросы?

К его изумлению, женщина разволновалась.

— В нем что-то было. Такой внушительный и важный, — она сердито замолчала. — Негодяй!

Ее глаза сузились. Она пристально посмотрела на Кэкстона.

— Ну вы молодец — спросили мы что-нибудь или нет. А вы сами-то? Стоите тут, выспрашиваете… Послушайте, вы мне скажите, это вы приезжали сюда две недели назад? Вы-то здесь при чем?

Кэкстон колебался. Перспектива необходимости вот так рассказывать свою историю людям, оказалось, была полна трудностей. Но все же она должна знать что-то еще. Должно же быть очень много информации о том месяце, что эта девушка, Селани, и ее отец провели в этом районе. Одно казалось определенным. Если были еще какие-то факты, то женщина их обязательно знает.

Его колебание прошло. Он объяснил, но закончил немного неопределенно.

— Так что, как видите, я человек, который, в общем, ищет свою память. Может, меня ударили по голове, хотя шишки нет. Потом, может, меня одурманили. Что-то произошло со мной. Вы говорите, что я туда приходил. А вернулся? Или что я сделал?

Испуганно вздрогнув, он замолчал, потому что женщина без предупреждения разомкнула губы и испустила рев.

— Джимми! — заорала она оглушительным голосом. — Джимми! Поди сюда!

— Да, мам! — раздался из дома мальчишеский голос.

Кэкстон бессмысленно смотрел, как нечесаный двенадцатилетний мальчишка с проницательным, смятым лицом вылетел из дома. Дверь за ним с грохотом закрылась. Кэкстон слушал, все еще наполовину ничего не понимая, как мать объясняла мальчику, что — «этого человека ударили по голове те, в трейлере, и он потерял память, и он хочет, чтобы ты рассказал ему о том, что ты видел».

Женщина повернулась к Кэкстону.

— Джимми, — сказала она гордо, — никогда не верил этим людям. Он был уверен, что они иностранцы или что-нибудь в этом роде, и поэтому внимательно следил за ними. Он видел, как вы пошли туда и почти все, что случилось, вплоть до того, как уехал трейлер. Конечно, было нелегко узнать, что происходило внутри, потому что во всей машине не было ни одного окна. Но, — закончила она, — он забрался внутрь, когда их не

было рядом, и осмотрел все место, просто чтобы убедиться конечно, что они ничего не тащат.

Кэкстон кивнул, сдерживая ухмылку. Возможно, это была такая же уважительная причина для того, чтобы совать нос в чужие дела, как и любая другая. В данном случае, она была счастливой для него.

Мысль закончилась с пронзительным голосом Джимми, проникшим в сгущавшиеся сумерки.

...День был жарким, и Кэкстон, остановившись и спросив женщину из первого дома, где живут отец с дочерью, медленно пошел по направлению к роще, которую она показала.

За спиной поезд дважды дал гудок, а затем тронулся. Кэкстон подавил в себе желание повернуть обратно. Он понимал, что все равно не успеет. Кроме того, человек так легко не бросает надежду на удачу. Шаг его ускорился, когда он подумал о снимке, чашке и кинопроекторе.

Он не видел трейлера, пока не свернул под первые деревья. Когда же он увидел его, то резко остановился. Трейлер был гораздо больше, чем он представлял его себе даже по описаниям матери Джимми. Он был такой же длинный, как небольшой грузовой вагон, только модифицирован, так что сзади немного сужался.

На его стук никто не ответил.

Он подумал, что девушка убежала сюда. В неопределенности он обошел этот монстр на колесах. Как доложил Джимми, там не было окон, так что было невозможно ниоткуда ничего увидеть, кроме как спереди, где в лобовом окне были видны два сидения. За вторым сидением была дверь, ведущая в основной отсек трейлера. Дверь была закрыта.

Насколько он мог узнать, было только два выхода, по одному с каждой стороны — впереди, на дальней стороне, и чуть сзади — там, где он впервые подошел к трейлеру.

Кэкстон вернулся к двери, в которую постучал, и напряженно прислушался. Но снова ничего не было. То есть, ничего, кроме легкого ветерка, дувшего по макушкам деревьев. Вдалеке жалобно свистнул поезд. Он попробовал запор, и дверь открылась так легко, что все его колебания кончились. Он решительно распахнул ее и встал, уставившись в одну из комнат.

Первое, что увидел Кэкстон, когда залез внутрь, была корзинка девушки, стоящая у стены как раз слева от двери. От увиденного он резко остановился. Сел в проходе, свесив ноги вниз. Его нервозность уступила место продолжительной

тишине, и он начал с растущим любопытством рассматривать содержимое корзинки. Там было около дюжины волшебных снимков, по крайней мере три дюжины складных самонаполняющихся чашек, дюжина каких-то округлых черных предметов, не поддавшихся ему, и три пары пенсне. У каждой пары крошечное прозрачное колесико, приделанное сбоку, у правой линзы. У них не было футляров, видимо, здесь не боялись, что они разобьются. Пара, которую он примерил, очень удобно подошла ему, и на какое-то мгновение ему даже показалось, что они подходили и глазам. Затем он заметил различие. Все было ближе — комната, рука — не увеличены или размыты, а словно он смотрел сквозь полевой бинокль с небольшим увеличением. Не было никакого напряжения в глазах. Через мгновение он снова вспомнил про колесико. Оно вполне легко повернулось. Мгновенно все оказалось ближе, эффект бинокля стал в два раза сильнее. Немного дрожа, он стал поворачивать колесико, сначала в одну, затем в другую сторону. Всего лишь несколько секунд понадобилось, чтобы подтвердить замечательную реальность. На нем была пара пенсне с регулируемыми линзами, невероятное сочетание телескопа и микроскопа:

суперочки.

Почти ничего не соображая, Кэкстон положил удивительные вещи обратно в корзину. Затем решительно забрался в трейлер. Он прошел по узкому коридору сначала вперед, затем назад, пробуя каждую дверь. Их было одиннадцать и только две были не заперты. Первая открылась в небольшую женскую спальню. В полузакрытом шкафу были видны женские вещи. Кэкстон быстро окинул взглядом блестящие стены и потолок, заметил аккуратно сделанную сборную кровать, полку книг и стул, затем виновато закрыл дверь.

Другая незапертая дверь вела в заднюю комнату. Заглянув внутрь, он сразу увидел целую стену, уставленную полками. Каждая уставлена разнообразными вещицами. Кэкстон взял нечто похожее на фотоаппарат. Это был искусно сделанный небольшой прибор. Посмотрел в объектив, пальцы его нажали на что-то поддающееся. Раздался щелчок. Мгновенно блестящая карточка вышла из прорези сзади. Фотография.

Верхняя часть мужского лица. Замечательная глубина и удивительно естественный цветовой эффект. Именно напряженное выражение карих глаз мгновенно сделало черты неузнаваемыми. Затем он понял, что смотрит на себя. Он сфотогра-

фировал себя, и снимок мгновенно проявился.

Опешивший Кэкстон сунул фото в карман, положил прибор и, дрожа, выбрался из трейлера и пошел по дороге к деревне.

— А потом, — продолжал Джимми, — через минуту вы вернулись, забрались внутрь, захлопнули дверь и прошли в конец салона. Вы вернулись так быстро, что почти увидели меня, я думал, что вы ушли. А потом…

Дверь трейлера открылась. Девичий голос сказал что-то, чего Кэкстон не понял. В следующее мгновение какой-то мужчина промычал что-то в ответ. Дверь закрылась, последовало какое-то движение и звук дыхания.

— Вот и все, мистер, — закончил Джимми. — Я подумал, что что-то случилось, какая-то беда. И пошел домой рассказать все маме.

— Ты что, хочешь сказать, — запротестовал Кэкстон, — что я вернулся не вовремя, и чтобы меня не поймали, я не посмел показаться?

Мальчик сказал:

— Я рассказал вам все, что я видел.

— Это все, что ты знаешь?

Джимми помялся.

— Ну, — наконец начал он, сдаваясь, — то, что

произошло потом, было странным. Понимаете, когда я на дороге обернулся, трейлера там уже не было.

— Не было? — медленно произнес Кэкстон. Он мысленно представил это место. — Ты имеешь в виду, они завели мотор, выехали на Пиффер Роуд и дальше, на шоссе?

Мальчишка упрямо покачал головой.

— На этом меня всегда хотят поймать. Но я знаю, что я видел и слышал. Я стоял на Пиффер Роуд. Не было никакого шума мотора, они просто пропали, и все.

Кэкстон почувствовал жутковатый холодок по спине.

— А я был в нем? — спросил он.

— Вы были в нем, — сказал Джимми.

Тишину, последовавшую затем, прервала женщина, сказавшая громко:

— Хорошо, Джимми, можешь идти играть. Она повернулась к Кэкстону.

— Знаете, что я думаю? — спросила она.

С усилием Кэкстон поднялся.

— Что?

— Они занимаются мошенничеством, все они вместе. Выдумка про ее отца, который делает все эти штучки… Не могу понять, как мы попались

на это. Он просто ходил здесь, покупал старый лом. Но, учтите, — признание пришло почти неохотно, — у них есть несколько удивительных вещей. А загвоздка вот в чем. Пока что у них всего несколько сотен поделок. Так вот, они продают их в одном месте, затем воруют и перепродают в другом.

Несмотря на то, что он был погружен в свои мысли, Кэкстон уставился на нее. Он и раньше сталкивался со странной логикой людей, во всем видящих какие-то преступления, но его всегда поражало то, каким вызывающим образом игнорировались факты ради убедительности какой-нибудь бредовой теории.

— Не вижу, где здесь выгода. А как же доллар, который вы получили за каждую украденную вещь?

— Ой, — сказала женщина. Лицо ее вытянулось. Затем она деланно удивилась. А потом, когда поняла, что ее идея разбита, на ее лице вспыхнул сердитый румянец. — Все равно какая-то махинация, — отрезала она.

Кэкстон понял, что пора заканчивать беседу. Он поспешно сказал:

— Вы не знаете, никто не едет в Инчни? Я бы хотел, чтобы меня подбросили, если возможно.

Смена темы разговора сделала свое дело. Румянец сошел, и женщина задумчиво сказала:

— Нет, не знаю. Но вы не волнуйтесь, выходите прямо на шоссе и вас подвезут.

Вторая машина подобрала его.

7

Когда сгустились сумерки, он сидел в отеле и думал о ее отце и машине, полной изделий искуснейшей работы. Она продает их как сувениры, по штуке. Он покупает старый металл. Потом появляется этот непонятный старик, который скупает проданное — тут он вспомнил про снимок Келли — или уничтожает его. Наконец, странная потеря памяти у агента по торговле по имени Кэкстон, вышедшего на поиск происхождения одного проектора.

Где-то сзади раздался мужской голос, в котором слышалось отчаяние:

— Ну посмотрите, что вы сделали. Вы же порвали… И тут же другой голос — спокойный, зрелый, звучный:

— Прошу прошения. Вы говорите, что заплатили за это доллар? Конечно, я заплачу. Возьмите — и примите мое сожаление.

В наступившей тишине Кэкстон поднялся и обернулся. Он увидел высокого, красивого седого мужчину в тот момент, когда тот поднимался со своего места рядом с молодым человеком, глядевшим на обрывки фотографии. Старик направился

к турникету, ведущему на улицу, но первым там оказался Кэкстон, который сказал тихо, но требовательно:

— Одну минуточку, пожалуйста. Мне нужно объяснение того, что произошло со мной, когда я попал в трейлер Селани и ее отца. И мне кажется, что вы — тот человек, который может мне его дать.

Старик остановился. Глядя в серые, полыхнувшие огнем глаза, Кэкстон чувствовал, как ему в лицо врезался и с неослабевающей силой проникает в мозг острый взгляд. Тут Кэкстон испуганно вспомнил слова Келли о том, как этот человек привел их в поезде в замешательство одним лишь убийственным взглядом, но для других мыслей времени уже не было. Старик потигриному сделал выпад и схватил Кэкстона за запястье. В этом прикосновении почувствовался металл, и от него по руке Кэкстона прошел жар. Тихим, но властным голосом:

— Сюда, в машину.

Кэкстон едва помнил, как залезал в длинную, сверкающую крытую машину. Все остальное — темнота…

Он лежал на спине на жестком полу. Кэкстон открыл глаза и с секунду, ничего не понимая,

смотрел на возвышающийся над ним свод. Потолок был по меньшей мере триста футов в ширину, и почти четвертую его часть занимало окно, через которое был виден серо-белый неясный свет, словно какое-то невидимое солнце упорно старалось пробиться сквозь негустой, но устойчивый туман.

Широкая полоса окна шла через центр потолка прямо вдаль. «Вдаль!» Раскрыв рот, Кэкстон резко сел. Какие-то мгновения разум не принимал то, что видели его глаза.

У коридора не было конца. Он простирался в обоих направлениях, пока не превращался в какое-то неясное, размытое пятно мраморно-серого цвета. Там же был балкон, галерея и вторая галерея, на каждом этаже был свой боковой коридор, отделенный перилами. Кроме этого — бесчисленные блестящие двери и через небольшие промежутки — ответвления коридора, каждое из которых наводило на мысль о других обширных пространствах этого громадного здания.

Очень медленно, уже после того, как прошло первое потрясение, Кэкстон поднялся на ноги. Воспоминание о старике, и о том, что произошло, камнем лежало на душе. «Он посадил меня в свою машину и привез сюда», — подумал Кэкстон.

Однако почему он здесь? На всем пространстве Земли такого здания не существовало.

По спине пробежал холодок. Ему потребовались определенные усилия, чтобы дойти до ближайшей из длинного ряда высоких, резных дверей и открыть ее. Что он ожидал там увидеть, он не мог сказать. Но первой реакцией его было разочарование. Это был офис, большая комната с ровными стенами. Вдоль одной стены стояли несколько прекрасных шкафов. Противоположный от двери угол занимал огромный стол. Несколько стульев, два удобных на вид дивана и еще одна узорная дверь завершали картину. В комнате никого не было. Стол был безупречно чист. На нем не было ни пылинки и ни признака жизни.

Вторая дверь оказалась запертой, или же засов был для него слишком мудреным.

Снова оказавшись в коридоре, Кэкстон ощутил напряженную тишину. Его туфли щелкали пустым звуком. И дверь за дверью открывались в тот же официальный, но пустой офис.

Прошло полчаса по его часам. Затем еще полчаса. А затем он увидел вдали двери. Сначала это было всего лишь светлое пятно. Затем оно приняло сверкающие очертания, превратилось в стекло, вставленное в окрашенную раму. Дверь

была много больше пятидесяти футов в высоту. Когда он всмотрелся через стекло, он увидел огромные белые ступени, ведущие вниз, в легкий туман, сгущавшийся где-то через двадцать футов, так что нижние ступени были невидимы.

Кэкстон с беспокойством осмотрелся. Что-то здесь было не так. Туман, скрывающий все, сгущался с каждым часом. Он встряхнулся. Возможно, там внизу была вода, тепловатая вода и поток холодного воздуха — поэтому образовывался густой туман. Он представил себе некое здание длиной в десять миль, стоящее около озера и навечно погруженное в серый туман.

«Выйти отсюда!» — неожиданно подумал Кэкстон.

Запор на двери был на нормальной высоте. Но трудно было поверить в то, что он сможет свернуть такую махину таким сравнительно маленьким рычагом. Открылась она легко, мягко, как прекрасно отлаженный механизм. Кэкстон вышел в туман и стал спускаться по ступенькам, сначала быстро, а затем со все большей осторожностью. До воды было не дойти. Сотая ступенька была последней, а воды все не было. Не было ничего, кроме тумана: ни основания ступенек, ни земли.

На четвереньках, почувствовав неожиданное головокружение, Кэкстон развернулся и пополз вверх по лестнице. В голове у него все кружилось, словно у нетренированного человека, повисшего на веревочной лестнице, которую неожиданно толкнули.

Он оглянулся назад. Это было совершенно случайное движение головы — тело его дернулось, голова свободно повернулась… и он увидел комнату.

Кэкстон остановился. Но это тоже был неконтролируемый жест. Образ промелькнул в его голове как фантазия, и если бы у него были силы, то это было бы только фантазией. Если бы у него была сила, он полез бы и дальше, и вся сцена исчезла бы, как исчезает сон. Но он ловил воздух ртом от слабости и страха, охватившего его, затем лег во всю длину на ступеньку, одной рукой ухватившись за ступеньку ниже, а другой — выше.

Когда он был в состоянии чтобы посмотреть туда, сквозь прореху в тумане, то увидел комнату. Она была слегка накренена, но ярко освещена, и плывущий туман казался полузадернутым занавесом, который кто-то пытался прикрыть, но это не совсем удавалось.

Сколько точно времени прошло, когда он ока-

зался за этим «занавесом», Кэкстон в дальнейшем не мог вспомнить. Он не помнил даже своего маршрута. Должно быть, он прополз вдоль ступеньки, а затем наклонился к полуоткрытому «занавесу».

Он предполагал, что он полз, потому что, конечно, не посмел бы выпрямиться.

Кроме того, когда он неожиданно как бы пришел в себя, он стоял на коленях на второй ступеньке, думая, что оттуда действовать будет безопаснее.

Кэкстон переставил ногу со ступеньки на пол. Чего он ожидал, было неясно, но он коснулся твердого пола.

Даже это движение потребовало немало времени потому, что он не решался довериться твердому основанию.

«Я, учитель, действую как верхолаз», — думал он изнуренно. Странно, этот образ подействовал успокаивающе.

Теперь он четко знал. Это был настоящий пол в настоящей комнате.

Что произошло? Он оттолкнулся от ступенек, но держался за них, пока продвигался по блестящему, гладкому (пластиковому?) полу.

Он резко поднялся и оказался в комнате.

Так быстро. Так легко. Совершенно нелепым было то, что когда он выпрямился, он увидел в этой комнате окно… а за ним открывался вид… и он забыл о предосторожности.

Это был момент, когда он забыл обо всем. Через это огромное окно можно было увидеть все.

Любопытство полностью овладело им. Словно ребенок, он бросился к окну, и только встав, осознал, что остался абсолютно без автоматического чувства самосохранения, некоторого внутреннего состояния, которое он в прошлом всегда называл временным нервным расстройством.

Осознавая происшедшее, он был ошеломлен всей убийственностью возможного такого развития… что если бы что-то было не так, то это могло бы стать его концом.

Мысль-ощущение угасла. Он никогда не был человеком, цепляющимся за прошлые страхи. Его внутренний мир был вполне приспособляем и обычно не поддавался на всякие «могло бы быть». Что его всегда спасало от таких… расстройств… так это то, что он редко задумывался над ними, когда они уже прошли.

Он не знал.

Прямо напротив него было окно. За ним открывался вид. И Кэкстон автоматически уже

реагировал на него.

8

Он с высоты смотрел на какой-то город. Кэкстон затаил дыхание, потому что…

Это был тот город из фильмов Арлея. Все небо было в «Полетах». Тысячи «Полетов». Но на жилой улице, как он заметил, были и обычные прохожие.

Первый изумленный взгляд не заметил никаких других средств передвижения, кроме «Полетов».

То, что он увидел в этом городе, не очень отличалось от многоэтажных городов-гигантов его времени. Казалось, было больше блеска, сверкания, больше солнечного отражения. «Больше стекла? — подумал Кэкстон. — Или, возможно, прозрачного пластика?»

Эти мимолетные наблюдения прошли своим чередом. И вот тогда возникла в голове мысль: «Какой город? Какой год?»

Мгновенно, с этой мыслью, к нему вернулся прежний страх.

КАКОЙ ГОД?

Он повернулся. Увидел какую-то дверь и побежал к ней. Она открылась от его прикосновения,

за ней были ступеньки, ведущие вниз, в украшенный проход к большой стеклянной двери, которая вела к следующим ступенькам. Он оказался на улице.

Когда он через едва заметные двери вышел на нечто похожее на пластиковый тротуар, частица здравого смысла вернулась к Кэкстону. «Я могу заблудиться».

Возбуждение, ненормальная нервозность остались. Но после этого понимания он смог заставить себя остановиться и осмотреться. Здесь на уровне улицы он увидел, что дом, из которого он почти что выбросился, был единственным на самом верху склона.

Это вселяло уверенность. Такое трудно потерять. «Все, что я хочу — это взглянуть на какую-нибудь газету...» На газете будет число и название города. Он схватит ее, посмотрит — и сразу же бросится назад к дому, в комнату, где странный туман образовывал проход к какому-то гигантскому зданию, через которое он прошел из другого времени.

Кэкстон увидел, что справа, в квартале от него, здания имели форму и очертания торгового центра, и ринулся туда.

Он бежал мимо людей, одетых в блестящие

свободные костюмы и куртки. У многих на спине он видел соответствующего цвета «Полет», перевязанный через плечи и подмышки.

Именно осознание различия в одежде между ним самим и остальными остановило Кэкстона. Он четко чувствовал, что человек, одетый в нездешний старомодный костюм, должен идти спокойно.

С этой мыслью, сдерживающей его порыв побежать, он добрался до торгового центра. На этой более оживленной улице тоже не было транспорта, но было больше людей. Как ему показалось — несколько сот.

Вид был совершенно завораживающий. То и дело кто-нибудь на «Полете» слетал с неба или взлетал с тротуара… Сначала Кэкстон каждый раз затаивал дыхание. Каждый раз появлялся страх, что человек, взлетая, упадет, или приземлится слишком быстро. Однако он понял, что для них это было привычным делом, и было их так много, что лучше было побеспокоиться о себе. И вновь именно собственная внешность обеспокоила его.

«Я, должно быть, выгляжу очень странно», — подумал он.

Но на самом деле люди едва смотрели на него, и это вернуло его к варианту старого убеждения:

это был большой мир, даже еще в 1970-х это было так. У любого человека было только двадцать четыре часа в сутках, и поэтому он был занят только собой. Обыкновенный эксцентрик не мог отвлечь его.

«Может, я актер, иду с репетиции… Откуда им знать? Да и какое им дело? Там, дома, люди никогда не задерживали взгляд на странного вида прохожих».

То же самое происходило и здесь, поэтому он мог смотреть свободно. Охватившее его возбуждение не имело параллелей в его прежнем опыте. Здесь были дети детей людей его собственного времени… «Бог мой, как здорово!»

В таком приподнятом настроении он прошел целый квартал. Он просто смотрел в витрины и открытые двери магазинов. Несколько раз у него было смутное побуждение остановиться и разглядеть то, что он видел. Но он даже не мог замедлить шаг, ноги сами несли его вперед. Однако, он заметил, что магазины не слишком отличались от магазинов его эры. И это не удивляло его. Продавцы и товары уже тысячи лет существовали в человеческом мире.

Тем не менее, это успокоило Кэкстона. Это была некоторая близость, которая даже поглотила

часть его растущего волнения из-за того факта, что он не видел ни газет, ни журналов.

«Придется кого-то спросить», — подумал он, слегка встревоженный. Еще более встревожило, что он не представлял себе, как задать такой вопрос.

Все, что он хотел знать, это числа: день, месяц, год.

Казалось, так немного. И все же у Кэкстона было грустное убеждение, что люди не отвечают на такие вопросы. День, да.

Например можно сказать, что вы не знаете — сегодня двадцать второе или двадцать третье. Но после того, как вам ответят, и вы скажете:

— Ну, а какой месяц?

А когда они с подозрением посмотрят на вас и скажут — тогда вы спросите о главном: «Какой год?»

Откуда вы узнаете, что ответ, который вы получите, не будет таким же шутливым, каким кажется собеседнику ваш вопрос.

Сознательным усилием Кэкстон остановил свои мысли и, полностью на мгновенном порыве, подошел к какому-то человеку, который стоял и глядел на витрину впереди. Этому незнакомому Кэкстон сказал:

— Извините, сэр.

Человек обернулся. У него были карие глаза, темно-каштановые волосы. Кожа была гладкая и розовая, и он был моложе Кэкстона, казалось, ему было около тридцати.

Он ответил на совершенно четком понятном английском:

— В чем дело? Вы больны?

«Значит, я выгляжу диким…» Даже когда он осознал это, Кэкстон повторил мысль, которая так резко толкнула его к этому разговору:

— У меня, кажется, амнезия. Какой это год? Где я? Что это за город?

Незнакомец сочувственно посмотрел на него, затем поднял руку. Когда он сделал это, свободный рукав упал с запястья и обнажил браслет.

— Где ваш? — спросил человек.

Кэкстон моментально решил, что этот браслет был опознавательным знаком. В этот же миг ему показалось, что он в ловушке, только из-за разговора с одним-единственным человеком.

Он отвернулся и кинулся через улицу. Торопливо оглянувшись через несколько секунд, он увидел, что человек не пошевелился и все еще стоял там, у витрины. Но он смотрел на Кэкстона.

Успокоившись, Кэкстон замедлил бег. Но через мгновение он понял, что в этом человеке все еще беспокоило его: то, как он стоял. Он снова оглянулся и хотя сейчас он был еще дальше, сомнений не было. Рука незнакомца была поднята, и он держал браслет у рта.

Он что-то говорил.

Кэкстон подошел к углу. Испуганно юркнул за него и побежал вдоль следующей улицы.

В этот раз, когда он бежал, у него было новое ощущение: дезориентации. Это было пугающее внутреннее ощущение. Он почему-то отказывался принимать то, что улицы действительно были твердым, постоянным местом. Это было совершенным безумием. Было ощущение, что это не он двигался, а тротуары надвигались него. Он вспомнил о похожем ощущении, которое было у него в детстве, когда, глядя с моста на ручей, вдруг думал, что движется сам мост.

Сейчас же был не только ручей или мост — двигался весь мир. Он понял, что все это возникло отчасти из страха, будто он рискнул зайти слишком далеко. Все казалось странным. Словно его перевернули.

«Не нужно было так бежать».

Он остановился, задыхаясь от ужасного внут-

реннего усилия в попытке восстановить самоконтроль. И понял, что какая-то девушка — на вид ей было всего лишь около двадцати — стояла в нескольких футах и смотрела на него широко раскрытыми глазами. Она сказала просто:

— Вы тот, кого они ищут. Вам не нужна помощь?

Кэкстон уставился на нее, его рассудок пытался ухватить пугающую мысль, что он, очевидно, стал объектом общей тревоги.

Он сказал, заикаясь:

— Скажите мне число и какой это город.

— Ну как же, конечно. — Она, казалось, успокаивала его. — Это Лейксайд и сегодня третье июня две тысячи восемьдесят третьего года нашей эры. Это помогает?

Ну вот, он получил сведения. Удача еще была с ним. Потому что когда она говорила, остекленевшие глаза Кэкстона случайно взглянули мимо нее под низкое строение на той стороне улицы — в сторону небольшого магазина. И там, как раз позади него, он увидел холм с небольшими домами.

— Скажите им, что мне не нужна помощь, — сказал Кэкстон девушке. — Спасибо.

И побежал. Свернув за угол, он пробежал, пых-

тя, сто футов по круто поднимающийся вверх улице. Когда добежал до ворот дома — его цели — он остановился там, переведя дух. И посмотрел назад. И вверх.

Несколько «Полетов», накренившись, надвигались на него… Кэкстон подергал запор, а когда он не поддался, перепрыгнул через изгородь и пролетел вверх по крутой лестнице. Снова остановился и оглянулся он тогда, когда добежал до стеклянной(?) двери. Семь «Полетов» — все мужчины — остановились по ту сторону двора и парили над ним на высоте примерно сто футов.

— С вами все в порядке? — крикнул один из них.

— Да.

— Это ваш дом?

— Да.

— Очень хорошо.

Кэкстон не стал задерживаться. От того что он так быстро оказался в безопасности, у него задрожали ноги. Но полная безопасность была за дверью. И только там его поразила мысль, что если бы дверь была заперта — что тогда?

Когда волнение от этой мысли улеглось, он пошел по лестнице. Наверху он увидел, что там несколько дверных проходов, очевидно ведущих

в разные комнаты, и это тоже привело к небольшому замешательству. Однако, в конце концов, он безошибочно направился в нужную сторону. В следующую секунду дверь за ним закрылась, и он оказался в «той же» комнате.

Сейчас, впервые, он увидел, что по эту сторону тумана не было. Просто в одном углу в стене был неровный пролом. За ним он увидел большие белые ступени, которые вели к огромному зданию, из которого он и появился раньше.

«Задание выполнено!» — радостно подумал он.

Он не испытывал неловкости от того, как оно было выполнено. Не было ощущения того, что он несколько раз опозорил себя своим несдержанным, почти безумным поведением. Он почти согласился со своим безумием. Его главная задача всегда состояла в том, чтобы не дать другим узнать, какой он неустойчивый. И довольно долго он чувствовал себя чертовски довольным от того, что это ему удавалось. Только представьте, маленький идиот Пити Кэкстон был теперь магистром наук по физике и быстро продвигался к успеху. Доказывая, как он часто думал, что все-таки можно долго обманывать многих.

Нечто подобное этой самоуспокаивающей мысли было у него в голове, когда он осторож-

но проходил в пролом на нижнюю ступеньку. Совершенно не беспокоясь о том, насколько она или другие были прочны, он ступил на нее без промедления и бегом пробежал вверх к двери.

Дверь открылась так же легко, как и тогда, когда он выходил из нее. Он мог открыть ее практически одним пальцем.

Через несколько секунд он уже был внутри, в безопасности — по крайней мере на мгновение — и с новой целью, уже полностью оформившейся в его голове.

9

Пора было исследовать фантастическое здание. Сначала один из офисов. Осмотреть каждый шкаф. Взломать ящики стола и поискать там.

Ломать что-либо не было необходимости. Ящики поддались. Двери шкафов были не заперты. Внутри были журналы, гроссбухи, странного вида дела. Увлекшись, Кэкстон просмотрел несколько из них, которые он разложил на большом столе. Наконец он отодвинул в сторону все, кроме одного журнала. Раскрыв его наугад, он прочел:

КРАТКИЙ ДОКЛАД ОБЛАДАТЕЛЯ

КИНГСТОНА КРЕЙГА В ДЕЛЕ ИМПЕРИИ ЛИЦИЯ 2

7346 — 7378 н. э.

Нахмурившись, Кэкстон задержал взгляд на дате, затем продолжил чтение:

> …обычная история этого периода — коварная узурпация власти безжалостным правителем. Тщательное изучение этого человека, обнаруженное стремление за-

щититься за счет других.

ВРЕМЕННОЕ РЕШЕНИЕ: Предупреждение Императора, чуть не лишившегося сил, когда он узнал, что ему противостоял бессмертный Обладатель. Инстинкт самосохранения заставил его дать гарантии относительно дальнейшего поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Вернулся во Дворец Бессмертия после трехдневного отсутствия.

Кэкстон сидел словно окаменев, наконец он перевернул лист и прочел:

КРАТКИЙ ДОКЛАД ОБЛАДАТЕЛЯ

КИНГСТОНА КРЕЙГА.

Это дело Лейрда Грейтона, инспектора полиции, 900 участок, Нью-Йорк, 17 июля 2830 г.н.э. ложно осужденного за взятки.

РЕШЕНИЕ: Добился отставки инспектора Грейтона за два месяца до даты, указанной в обвинении. Уехал на свою ферму и с тех пор оказывал минимум влияния на большую сцену существования. Жил в мире этой вероятности до своей смерти в 2874 году и тем самым обеспечил почти совершенный 290А.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Вернулся во Дворец Бессмертия через один час.

Были еще записи, сотни, тысячи записей в нескольких журналах. Каждая из них была докладом Обладателя Крейга, и всегда он возвращался во «Дворец Бессмертия» через столько-то дней, или часов, или недель. Однажды это было три месяца и это было какое-то неясное, неопределенное дело, относящееся к «установлению времени разделения между девяносто восьмым и девяносто девятым веками» и касалось «воскресения в активные личные миры вероятностей трех убитых, звали которых…»

В какой-то момент Кэкстон начал беспокоится: если эти… Обладатели (обладатели чего, бог ты мой?)… возвращались во Дворец Бессмертия так часто, где же они?

С этой мыслью он вышел в зал и уставился в его молчаливую даль. Полная тишина и покой были пугающими. И он заметил что-то. Ему показалось, что свет потускнел. Стало вдруг труднее видеть. Может, наступала ночь? Он вдруг представил себя одиноким в этом склепе, в кромешной темноте, и спокойствие последних нескольких часов исчезло. Он в тревоге пошел по первому же боко-

вому коридору, который смог найти, и, к своему огромному облегчению, обнаружил лестницу, ведущую вверх.

Кэкстон взбежал по лестнице и попробовал первую дверь. Она открылась в жилую комнату великолепной квартиры. Там было семь комнат, включая светящуюся тусклым светом кухню с встроенными шкафами, полными прозрачной посуды. Её содержимое было продуктами как знакомыми, так и неизвестными.

Кэкстон не испытывал никаких чувств. Не удивился он, когда шевельнул крошечный прозрачный рычажок наверху банки с грушами, и одна груша упала на стол, хотя банка никаким образом не открывалась. Просто в следующий раз он подготовит блюдо, вот и все. Потом, когда он съел её, он поискал выключатель. Но стало уже слишком темно, чтобы можно было что-то ясно увидеть.

В основной спальне была кровать с балдахином, которая неясно вырисовывалась в сумерках, а в ящиках были пижамы. Лежа между прохладными простынями, тяжелея от надвигающегося сна, Кэкстон смутно думал о девушке Селани и ее страхе перед стариком, почему она так боялась? И что такого могло произойти в трейлере, что

безвозвратно ввергло Питера Кэкстона сюда?

Он беспокойно спал, в голове его все еще были эти мысли.

Свет сначала был далеко. Он приближался, становился ярче, и напоминал о пробуждении. Потом, когда Кэкстон открыл глаза, в память его хлынули воспоминания. Он лежал на левом боку. Был разгар дня. Краем глаза он видел над собой серебристо-голубой балдахин кровати. Над ним был высокий потолок.

В тенях предыдущего вечера он почти не заметил как велико, просторно и роскошно было его жилье. Здесь были толстые ковры, обитые стены, розовая мебель, сверкающая дорогой краской. Кровать была королевских размеров.

Вдруг мысли Кэкстона остановились, потому что, отвернув голову от стен комнаты, он бросил взгляд на другую половину кровати. Там лежала молодая женщина. Она, казалось, крепко спала. У нее были темно-каштановые волосы, белоснежная шея и, даже во сне ее лицо казалось прекрасным и умным. На вид ей было около тридцати. Она имела поразительное сходство с Селани, только была старше.

Дальше Кэкстон не смотрел. Словно вор в ночи он выскользнул из-под стеганого одеяла, сполз

на пол и припал к нему. Когда затихло дыхание на кровати, у него перехватило от страха собственное. Послышался вздох женщины и — он обречен!

— Дорогой мой, — раздалось звучное контральто, — что ты делаешь там на полу?

Послышалось движение на кровати, и Кэкстон съежился, ожидая визга, после того, как она обнаружит, что он был не тем «дорогим». Но ничего не произошло. Прелестная головка показалась из-за края кровати. Серые глаза смотрели на него спокойно. Молодая женщина, казалось, забыла свой первый вопрос, потому что сейчас сказала:

— Милый, ты должен сегодня отправляться на Землю?

Это поставило его в тупик. Вопрос сам по себе был настолько изумительным, что его личное отношение ко всему казалось второстепенным. Кроме того, он начинал смутно понимать.

Это был один из тех миров вероятностей, о которых он читал в журналах Обладателя Кингстона Крейга. Здесь было нечто, что могло произойти с миром Кэкстона. А где-то за кадром кто-то делал так, чтобы это произошло. Все из-за того, что он отправился искать — среди прочего — свою память.

Кэкстон поднялся. Он покрылся испариной. Его сердце билось словно падающий молот. Колени дрожали. Но он встал, и он сказал:

— Да, я отправляюсь на Землю.

Это давало ему предлог, думал он напряженно, чтобы выбраться отсюда как можно скорее. Он направлялся к стулу, на котором висела его одежда, когда смысл собственных слов нанес второй, гораздо больший удар по его и без того сильно расшатанной нервной системе.

«Отправляюсь на Землю!» Он почувствовал, как его мозг прогнулся под тяжестью факта, выходящего за все реалии его существования. Отправляться на Землю откуда? Совершенно безумный ответ: из Дворца Бессмертия, конечно. Из дворца в тумане, где жили бессмертные Обладатели.

Он дошел до ванной. Прошлой ночью он обнаружил здесь прозрачную банку мази, этикетка на которой гласила: средство удаления волос — намазать, затем смыть. На это потребовалось полминуты. Остальное заняло на пять минут больше. Он вышел из ванной, полностью одетый. Его мозг был словно камень, и словно камень, идущий на дно, он пошел к двери рядом с кроватью.

— Милый?

— Да?

Похолодев и застыв, Кэкстон обернулся. С облегчением он увидел, что она не смотрит на него. Вместо этого, с ручкой в руке, она хмурилась над какими-то цифрами в гроссбухе. Не взглянув на него, она сказала:

— У нас ухудшается наше времяотношение. Мне придется еще остаться во дворце, чтобы реверсировать возраст, в то время как ты отправляешься на Землю и добавляешь два года к своему. Ты все сделаешь, дорогой? Девятнадцать лет для меня, ты в два раза старше? Всё так?

— Да, — сказал Кэкстон, — да.

Он прошел в небольшой холл, затем в жилую комнату. Оказавшись наконец в коридоре, он прислонился к прохладной, гладкой мраморной доске и безнадежно подумал: «Реверсировать возраст! Так вот что делало это невероятное здание!» С каждым днем ты становишься моложе на день и необходимо ехать на Землю, чтобы создать равновесие.

Потрясение росло. Поскольку произошедшее с ним в трейлере явно свидетельствовало о том, что какая-то сверхчеловеческая организация стремится не дать ему узнать правду, каким-то

образом сегодня ему действительно придется разузнать, что все это значило, исследовать каждый этаж и попытаться найти какой-то центральный офис. Он медленно расслабился, выходя из этой напряженной внутренней концентрации мыслей, когда впервые услышал звуки. Голоса, движение, какие-то люди. Когда он отпрыгнул к балкону, он подумал, что мог бы догадаться и раньше. Ведь со слов женщины можно было понять, каким сложным был этот мир. Но, тем не менее, он чувствовал потрясение. В изумлении он смотрел вниз на огромный главный коридор здания, по тихим пустынным просторам которого он бродил в прошлый день столько часов. Сейчас же мужчины и женщины шли здесь нескончаемым потоком. Словно это была городская улица, по которой в обоих направлениях спешили прохожие.

— Привет, Кэкстон, — раздался сзади молодой мужской голос.

На это у Кэкстона эмоций уже не осталось. Он обернулся медленно, словно безмерно уставший человек. Незнакомец, который стоял и рассматривал его, был высок и хорошо сложен. Темные волосы и цветущее, сильное лицо. На нем было что-то вроде комбинезона, верхняя часть которого красиво облегала тело. Брючная же часть была

широкой, раздуваясь, словно галифе. Он улыбался дружелюбно и лукаво. Наконец он спросил:

— Итак, вы хотите узнать, что все это значит? Не беспокойтесь, узнаете. Пойдемте со мной. Кстати, меня зовут Прайс.

Кэкстон не двинулся.

— Какого… — начал он бессмысленно. И замолчал. Возникло убеждение, что его толкали слишком быстро, чтобы разобраться. Этот человек, ожидавший его около дверей — не случайность. Он видел, как Прайс надевал перчатки, и что у него, кажется, были с этим проблемы.

Наблюдая за ним, Кэкстон немного расслабился и сказал:

— Вы сказали, что хотите, чтобы я отправился с вами. Куда?

— Я собирался отвезти вас на Землю — в вашу собственную эру.

— Вы имеете в виду, за эту большую дверь, по этим лестницам?

— Нет, другую дверь, — последовал ответ, — мы поедем туда по одной из труб под основным этажом.

Во время разговора он закончил натягивать перчатку. Казалось, он немного запыхался от усилия. Это Кэкстон заметил смутно. Он был раз-

досадован. Возможность транспортировки через подвал ему в голову не приходила. Тем не менее, он прекратил свое сопротивление. Когда Кэкстон шагал рядом со своим спутником, направляясь к лестнице, он видел, что относились к нему дружелюбно. Это его беспокоило, потому что он был одиночкой, и друзей среди мужчин у него не было. Он настороженно думал: «Я не уйду из этого здания, я не вернусь на Землю или куда бы то ни было, пока не разберусь во всем».

Самым загадочным для объяснения, казалось ему, была абсолютная пустота вчера и такое оживление сегодня.

Они уже достигли уровня основного коридора и сейчас пошли вниз по еще одной лестнице, которую Кэкстон не заметил прошлым вечером. Он не позволил себе отвлечься больше чем на секунду, однако, задал свой вопрос.

Человек ответил:

— Мы испробовали на вас два мира вероятности, Кэкстон, чтобы посмотреть, как они подходят.

Это казалось бессмысленным.

— Вы имеете в виду это? — сказал Кэкстон. — Наподобие того, что я проснулся рядом со старшей Селани, словно я был женат на ней?

— Вы женаты на ней в этом мире вероятности, — ответил Прайс.

Кэкстону очень хотелось представить то, что он женат на этой восхитительной девушке, которую он видел в поезде. Ему стало интересно.

— Но где я был вчера? Если это было вчера,

— Это было время другой вероятности. Ни одно из них не подошло, к сожалению.

Комментарий показался угрожающим.

— Что вы имеете в виду? — быстро спросил Кэкстон.

— Ну, в каждом из них вы остались самим собой, а в последний раз мы даже предоставили вам другую вероятность, омолодив вас на десять лет. Но проснулась та же стойкая личность. Вы согласитесь, я уверен, что у вас нет чувства изменения. Вас не затронуло даже то, что вам показалось вчерашним днем.

— «Показалось» вчерашним днем? — отозвался Кэкстон.

— Ну…

Кэкстон перебил, потому что у него появилась еще одна большая мысль:

— Вы хотите сказать, что я на десять лет моложе? — Возбужденная память мгновенно перенесла его в ванную наверху, где он одевался.

Тогда он был встревожен, но если подумать…

— Эй! — воскликнул он. — Я помню, что когда я взглянул в зеркало… Кажется, я действительно выглядел моложе.

— На десять лет, — сказал Прайс. — Но это не помогло изменить плотную структуру личности.

Он замолчал.

— Сюда, — сказал он.

Они тем временем подошли к отверстию в гладкой, серой стене. Это было отверстие овальной формы, а внутрь была аккуратно подогнана круглая дверь. Дверь была открыта. Внутри Кэкстон мог видеть ряд освещенных сидений и пришел к выводу, что эта та самая машина, которая перевезет их к выходу в дальнем конце этого полосатого здания.

Заглянув внутрь и не решив, входить или нет, Кэкстон сказал уклончиво:

— Уверен, я ничего не понимаю в этом деле с вероятностями.

— Это не такая вещь, которую понимает любой, — сказал Прайс. — Отец Селани — Клоден Джонс — нашел Дворец Бессмертия и весь этот обратный ход во времени и знает об этом больше, чем кто-либо другой. Главная его заслуга как ученого то, что он открыл законы, и несомненно

еще не все из тех, по которым это работает. Как физику вам, может быть, интересно узнать, насколько широко это явление.

Он вопросительно глянул на Кэкстона. Кэкстон колебался. Вот что ему сейчас не нужно — это научная информация. Он пытался решить, куда все это ведет… «Пока, я думаю, лучше послушать».

Итак, он узнал:

Вселенная была столь же огромна во времени, как и в пространстве. Точно так же, как она разрасталась миллионами галактик, она… допускала… вероятности. Повсюду. Так случилось, что для создания другой вероятности для Земли, не той, которая существовала вначале, нужно было, чтобы нечто из другого времени… какой-то предмет или человек, разрушили структуру энергии, которая жестко держала эту самую вероятность. Точнее говоря, одного предмета, или одного человека было недостаточно. Тут действовала критическая масса энергии. Лучше всего подходили определенные металлические сплавы, известные только Обладателю Джонсу. Считалось довольно опасным для человека быть использованным для этой цели, потому что происходило некоторое взаимодействие между включенными в процесс энергиями и предме-

том, или человеком, который силой проводил трансформацию. Поэтому, хотя теоретически и считалось, что дюжина Обладателей, сознательно объединившихся в определенной эре, могут изменить эту эру, это никогда не делалось. Вместо этого использовались металлы.

По случайности, до сих пор было мало, насколько это можно было определить, естественных переходов из одной эры в другую. Обычно Вселенная везде — или почти везде — двигалась вперед во времени медленным регулярным шагом, который измерялся в солнечной системе секундами, минутами, часами. Однако, всегда существовали и другие охваты, повороты или ходы времени, как например тот, в котором укрылся Дворец Бессмертия. Но если Обладатель Джонс и знал метод отыскания таких ходов, он его никому не открывал. Он утверждал, что наткнулся на ход, в котором находится сейчас Дворец Бессмертия, в результате эксперимента, который он проводил. Но он никогда не объяснял, что это был за эксперимент.

— По существу, — сказал Прайс, — тут нечего объяснять про Дворец Бессмертия. Он находится во временном охвате, движущемся несколько тысяч лет. Он уже был там, когда Клоден нашел

его, и в нем никого не было, не было и записей о том, кто построил его.

Слушая этот рассказ, Кэкстон поразился имени: Клоден Джонс. Это имя — Клоден — хотя и обычное развитие раннего слова, оно несло в себе что-то футуристическое… Оно пришло не из двадцатого века. Кэкстон даже слегка удивился этой мысли, но волнение оставалось.

Действительно, ситуация была весьма впечатляющей и волнующей, и все же, уже через несколько секунд его мысли сосредоточились на том, что Прайс сказал о его неподдающейся индивидуальности.

— А как я должен был отреагировать? — спросил он. Прайс сказал:

— Позвольте мне четко прояснить нашу позицию. Поскольку вы нас выследили, и даже столкнулись с нашей оппозицией…

— Оппозиция? Вы имеете в виду того старика? — Кэкстон очень заинтересовался. — Вы хотите сказать, что в таком месте, как этот… Дворец, существует раскол?

— Это очень серьезно, — последовал ответ. — Совершенно случайно какой-то параноик приобрел способность Обладателя. Это означает, что он может проходить во времени, не используя

Дворец как вход и выход — как это всегда должны делать я, Селани, и конечно вы…

— Вы не Обладатель? — спросил Кэкстон.

— Нет. Я вам сказал. Мне приходится пользоваться Дворцом. Однако это всего лишь один человек, единственная наша ошибка. У нас есть надежда, что фантастический потенциал бесконечной вероятности — она кажется неиссякаемой — сокрушит его. А то, что я говорил про вас: мы хотели, чтобы вы связались с нами. Но… — Он оборвал фразу. — Скажите, когда вы стали таким искушенным? Сколько вам было?

— О-о, — Кэкстон задумался. — К четырнадцати я уже все соображал. Однажды застал родителей в постели. Сами-то они делали вид, что ничего такого, как секс, не существует. Наверное, это было полная утрата иллюзий.

Он замолчал. Опять у него было чувство, словно по чьей-то посторонней воле его отвлекали от главного.

— Послушайте, — запротестовал он, — такое замечательное здание! Несправедливо держать его для себя.

— Не волнуйтесь, — сказал Прайс. — Не держим. Мы собираемся взять всех, когда-либо живших, прежде чем закончим.

— Но люди умирают, — возразил Кэкстон.

— Их можно взять когда-то при их жизни, — был ответ. — Мы заберем их, и они отправятся в какой-нибудь другой мир вероятности. Нам помогают уже очень много людей, как вы видели. Но мы всегда можем использовать еще больше. Поэтому мы дали вам эти два шанса. Но не волнуйтесь! Мы найдем вас в раннем возрасте до того, как вы расстанетесь с иллюзиями, и вы отправитесь в тот мир вероятности. Однако, я могу сказать, что ваши четырнадцать — это не то. Тем не менее, давайте приступим.

— Но, — Кэкстон нахмурился. — А как же я — «сейчас»? Как…

Это все, что он успел сказать. Прайс встал рядом с ним, будто бы для того, чтобы помочь ему сесть в трубомашину. Его рука в перчатке крепко сжала Кэкстону локоть. Сотрясение, прошедшее по его телу, было точно таким же, как тогда, в отеле, когда старик сжал тот же самый локоть.

Впрочем, было и отличие. Тогда он был захвачен врасплох. Сейчас издал крик и попытался вырваться. Или, точнее, он думал, что закричал, и думал, что отпрянул. Переход в неясность и неопределенность был так стремителен, что какое-то время единственно ясным было лишь

ощущение, что его локоть был сжат рукой, сделанной из железа.

Словно откуда-то издалека Кэкстон слышал, как Прайс говорил:

— Мне очень жаль. Мы стремились для вас сделать все, что в наших силах. Мы очень хотели. Но вы не смогли. Поэтому, единственное, чего вы добились — это омоложение на десять лет…

Голос неожиданно замолк. На мгновение опустилась темнота. А затем…

Кэкстон моргнул, открыл глаза и увидел улицу грязного города, в котором он, с растущим ощущением беды, узнал Кисслинг. Он обнаружил, что сидит на обочине прямо против отеля.

«Вернулся. Ох, черт, черт, черт!»

10

Прошло три недели. Надо было жить, а жизнь требует расходов, поэтому Кэкстон продолжал работать — за комиссионные (с авансом) — на Квик-Фото Корпорейшн. У него по-прежнему была своя территория, обслуживание которой отрывало его от дома и от офиса не на одну неделю.

Из него получился неплохой коммивояжер — немного напористости и агрессивности, немного заискивающей вежливости и улыбок. К тому же он неплохо разбирался в технической сущности продаваемых им товаров. А постоянное общение со специалистами, которые разбирались не только в кино — и фотоаппаратуре, но и в теле — и радио-, добавляло ему знаний, что, в свою очередь, нравилось клиентам.

Но наконец его повинность — срок на дороге, как он это называл — закончилась. Хотя его смета предусматривала только железнодорожный проезд, он не мог больше ждать и полетел самолетом, заплатив разницу из своего кармана.

Таким образом, он еще и заработал себе лишний свободный день. В пятницу в полдень он

уже был дома, плюс уикэнд — прежде, чем ему надо было явиться в Квик-Фото. И в самолете, и в автобусе от аэропорта до дома он размышлял о том, как бы повторить свой фантастический опыт, как вернуться во Дворец Бессмертия.

Впрочем, об этом же он думал все три последние недели.

Кэкстон вошел к себе в комнату и просто уронил свои сумки на пол. Он заметил пачку почты, которую его домохозяйка складывала на стол в его кухоньке, но вряд ли там могло быть что-то очень интересное для него. Он сразу спустился вниз к своей машине и поехал прямо к складам, где он оставил на хранение украденный кинопроектор.

Кэкстон не мог найти корешок квитанции.

Нахмурившись, он стоял перед стойкой и шарил в бумажнике. Было досадно осознавать, что он, должно быть, оставил его в бумажнике в другом костюме. Но так как он был не из застенчивых, он наконец назвал число, когда он здесь был, и предложил служащему выдать вещь без корешка.

Служащий воспринял это с неохотой, но не отказал с ходу.

— Если вы можете подтвердить свою лич-

ность… — протянул он, просматривая регистрационный журнал…

Кэкстон показал свое водительское удостоверение, а затем стоял и наблюдал, как клерк пальцем водил по страницам. Наконец он остановился.

— Вот здесь, — сказал он. Но тут же его лицо помрачнело.

— Извините, мистер Кэкстон. Эти вещи были выданы три недели назад по квитанции.

Мысль о том, что они его нашли, вызвала жуткое ощущение того, что за ним следили. Он постоянно смотрел в зеркало машины, проверяя нет ли «хвоста», и у него даже возникла дикая мысль, что он мог бы выследить их, следуя за своими преследователями. Однако за ним никто не следил.

Вернувшись домой, он прочел почту, что его нисколько не ободрило. Его щеки казались бесцветными, серыми от страха. Одно из писем было от его поверенного, и в нем был чек на две тысячи четыреста тридцать два доллара. Понадобилось целых двадцать секунд, прежде чем Кэкстон смог оценить, что это была его доля от того, что он отчислял все эти годы в учительский сберегательный фонд. Остальное было перечислено его

бывшей жене.

Глядя на чек, Кэкстон вдруг почувствовал, как к нему понемногу возвращается часть его мужества. Он всегда чувствовал себя храбрее в день получки… «Ну и что? — думал он. — Не такая уж огромная сумма. Но в эти дни…» Бросать работу, конечно, не стоит. Но это дает ему относительную свободу. У него теперь есть средства на дополнительные расходы в его поисках. Внезапно у него появилась другая, более потрясающая мысль.

«В конце концов, они ведь меня не убили!»

А они могли. Без сомнения, он был полностью в их власти. Однако сейчас казалось, что все, чего они хотели — закрыть двери, которые он открыл, и отрезать его от того, что он обнаружил. Он подозревал, что они нашли корешок в его бумажнике и каким-то образом догадались — или выудили у него, пока он спал, — для чего он нужен.

Так как они могли бы убить его, но не убили, он решил, что напрасно испугался. Такой ход рассуждения успокаивал его, тогда как появилась новая мысль: «Фильмы! Они взяли и их?»

Через минуту он был у телефона и неуверенно разговаривал с Арлеем, снова пытаясь овладеть собой, когда голос на другом конце сообщил, что да, фильмы о новинках еще можно получить.

Хотя, конечно, многие из них уже на руках.

Кэкстон не терял ни минуты. Он взял напрокат проектор, затем поехал в Фильмотеку Арлея и взял все фильмы, которые там были. Он провел уикэнд, бесконечно прокручивая невероятные ленты: их было семь, включая одну о том, как ремонтировать «Полет», и одну о том, как ремонтировать космический корабль.

Ближе к воскресному вечеру утомленный Кэкстон уже точно знал, как ремонтировать оба аппарата. Некоторые из фильмов были объединены в один цикл. На них были этикетки с буквами и цифрами, и их можно было приобрести, как сказал голос за кадром, в любом магазине.

«Можно… — мрачно подумал Кэкстон. — У поставщиков в 2083 году».

Тем не менее в понедельник он вернул фильмы и был счастлив, когда узнал, что с утренней почтой вернулись еще два. Кэкстон сразу же взял и их. Когда Арлей выписывал фильмы, Кэкстон заметил красивую женщину, которая сидела в глубине магазина. Арлей, должно быть, почувствовал, что Кэкстон обратил на нее внимание, выпрямился и представил женщину как свою жену, Таню.

Взгляд Кэкстона встретился с ее взглядом — и

это стало началом его краткой связи с миссис Арлей. Впоследствии он убедил себя, что просто хотел использовать ее для приобретения фильмов у ее мужа.

Они были в его квартире через час после первой встречи: не было никаких предварительных обсуждений. Он подождал ее в пол-квартале от магазина Арлея. Она подошла к его машине через десять минут. Он попросил ее поехать за ним в ее собственном авто, что она и сделала. Такие женщины встречались ему прежде. Поэтому он не спрашивал о причинах, просто понимал, что некоторые женщины были доступны для таких отношений. А то, что Таня Арлей была очень красивой женщиной, с хорошей фигурой, было просто удачей. Не всегда ему так везло.

Когда дело было сделано, они договорились встретиться еще раз на следующий день, после чего она поспешно ушла, а он быстро отправился в главный офис Квик-Фото.

Управляющий с воодушевлением приветствовал его.

— Как я говорил вам сегодня по телефону, — сказал он, — некоторые из этих переговоров по товарам прошли быстрее, чем я ожидал вначале. Так что, побудьте здесь пару недель, изучите их.

Советую сегодня просмотреть некоторые образцы и подготовить вопросы, которые вы хотели бы задать.

Это казалось хорошим предложением — если он вообще мог уделить внимание этой проблеме.

Весь первый день, пока Кэкстон пытался сосредоточиться, Коренастый Брайсон все время заглядывал к нему. Совершенно неожиданно выяснилась и причина этого интереса. Он не выдержал:

— Кэкстон, я поражен. Когда я вас нанимал, я думал, что вам далеко за тридцать. Но когда вы вошли сегодня, вы выглядели как переросший юнец. Черт возьми, вам не дашь и тридцати.

— Я похудел в дороге, — сказал Кэкстон. Это было объяснение, которое он придумал заранее. — Мне тридцать восемь.

— Бог ты мой, — сказал старик, — если потеря веса может сотворить такое, то пожалуй я брошу датские пирожные, мороженое и ликеры.

Кэкстон скромно промолчал. Он видел, что старик поверил… и самодовольно подумал: «Естественно, как Брайсон мог не поверить мне?» Правда была совершенно невероятна.

Таня Арлей, как любовница, явно показывала глубочайшее презрение к человеку, который

женился на ней. Дважды за ту неделю она просто звонила Арлею прямо из постели Кэкстона. Это казалось настолько ненормальным, что даже беспокоило Кэкстона — хотя он и не делал вид, что понимает основную причину. Он принял решение покончить с этой связью, как только… У него не было ясного решения, но, конечно, к тому времени, когда он просмотрит все фильмы… Что обострило дело, так это то, что Арлей неожиданно отказался давать ему фильмы. Извещение об отказе пришло по почте в пятницу утром, ровно через неделю после возвращения Кэкстона.

Кэкстон сразу же виновато решил, что муж Тани узнал, что происходит. Однако, с тревогой мысленно просмотрев прошедшую неделю и свои встречи с ней, он не мог понять, как или когда это могло произойти. Убедившись в этом, он дерзко предстал перед Арлеем.

Тот пришел в замешательство, но наконец сказал откровенно, как мужчина мужчине:

— Должен сказать вам вот что, мистер Кэкстон. Я очень сожалею, что моя жена оказалась здесь в прошлый понедельник, когда вы пришли. Вы не понравились ей, и чтобы сохранить покой в доме, мне приходится отказываться от дел с людьми, которые ей неприятны.

Так значит, вот как она маскировала свое дурное поведение. Кэкстон искал способ получить еще несколько фильмов, и наконец сказал:

— Послушайте, все же у меня дома три фильма. Как насчет того, что вы дадите мне еще три фильма, а в книгах оставить, будто это те же самые? После этого мы можем прекратить дело.

На это Арлей неохотно согласился.

Позже, когда Кэкстон обвинил женщину в вероломстве, она звонко рассмеялась и небрежно сказала:

— Я таким образом контролирую домашнюю ситуацию. Ты можешь брать фильмы у кого-нибудь еще.

Она видимо посчитала, что фильмотека мужа, сведя их, выполнила свою миссию.

Вот так через семь дней он оказался отрезанным от доступа к самым удивительным фильмам, которые можно было достать в двадцатом веке. Отрезанным своим собственным порывом и ложной интуицией…

«Очень плохо, — подумал Кэкстон мрачно, — когда никого нельзя винить, кроме себя. Что же теперь делать? »

Погоне, похоже, пришел конец. «Я полагаю, — думал он, — я мог бы выследить того человека, у

которого был магазин в Кислиннге, где Квик-Фото получил кинопроектор». Этот человек переехал куда-то на Западное побережье. Неясно куда. Но попытаться можно.

У Кэкстона появились какие-то смутные ощущения. Он понимал, реальность состоит в том, что надо принять свершившееся, что все закончилось, что должна продолжаться серая однообразная жизнь. Определенные воспоминания надо перевести в мир туманных фантазий, и считать их интересным плодом перевозбужденного воображения.

В пятницу он засыпал, еще раз убеждая себя, что если это то, что он должен сделать, он сделает это.

А в субботу он проснулся с таким чувством-ощущением в голове и теле… с такой мыслью, какой у него не было все месяцы этой суматохи, практически не было никогда в жизни. Словно острый режущий инструмент она проникала в глубину сознания.

Это принесло надежду, о — такая надежда, такая мысль!

Мысль-ощущение заключалась в том, что, так как эти люди бессмертны, то, благодаря им, пробившись туда, он тоже мог бы стать бессмерт-

ным.

Невероятно, но столь простая мысль раньше не приходила ему в голову. Ход рассуждений сейчас подвел его к следующему шагу.

Чтобы добраться до них, ему придется перестать бояться, прятаться и найти их. Какими бы то ни было средствами.

«Эти психи, — подумал он презрительно, — думают, что меня устроит какой-то другой вариант самого же меня, перенесенного из раннего возраста в мир другой вероятности».

С тех пор ему постоянно снились эти странные сны. Его собственные образы. Возможно, как он стал физиком, а не учителем физики. Картина, где более простой Кэкстон серьезно ведет исследовательскую работу, где он женат на удивительно уравновешенной молодой женщине. Удивительно для него, думал он, отчетливо представляя ее себе, ему-то нравились эмоциональные женщины.

Кэкстон в этом сне-образе никогда, казалось, не замечал вокруг себя искаженного мира. По крайней мере, у него не было того критического отношения, которое было необходимо, если вы действительно надеялись понять, какое это было паршивое место.

«Смешно, — подумал Кэкстон. — Это я — такой, какой я есть сейчас — тот, кому надо идти вперед». Он понял, что не мог даже представить какого-нибудь Питера Кэкстона, который был бы «настоящим».

Так огромно было его стремление, так сильно его решение, что вчерашние апатичные мысли о том, насколько безнадежен его поиск, исчезли, словно их и не было вовсе.

Он все еще продолжал думать: «Я могу вернуться туда, где я впервые увидел Селани… Разговор должен быть там…».

В тот же день он поехал к Пиффер Роуд и прибыл туда вскоре после полудня, проделав утомительный четырехчасовой путь.

И нашел пустынную местность, заросшую кустарником, холмистый ландшафт.

Вернулся в город потрясенный. В нем формировалось убеждение, что его поиск не закончился, Были места, которые он не видел… Взять напрокат мотоцикл, посмотреть все следы.

Вернулся он в воскресенье. Его машина ревела по объездным потокам, врезалась в лесистые места, поднималась вдоль потоков.

Поздно вечером Питер Кэкстон, магистр физики, вернулся в свою однокомнатную квартирку

в городе. И теперь, наконец, он знал свою проблему.

Как проскочить через сто с лишним лет в будущее… если абсолютно необходимо?

…Надо, надо, надо…

В его мыслях все время возникала картина, которую он видел, он сам, возникший из временного вихря… незадолго до полудня третьего июня 2083 года.

Если бы «он» мог ждать там, возле дома, в тот момент, когда он же раньше ушел в этот торговый центр, и если бы он мог пойти во Дворец Обладателей и спрятаться…

Что он будет делать там, было немного неясно. Но он представлял себя «в этот раз» изучающим всю ситуацию. Настоящее научное исследование, для которого он приготовит себя, для которого, в общем-то, он был уже частично готов… по фильмам, которые он просмотрел.

«Должен быть какой-то способ», — упрямо сказал себе Кэкстон.

Все последующие дни эта мысль ни на минуту не оставляла его.

11

Способ обнаружился на четвертое утро. Кэкстон открыл утреннюю газету и прочитал заголовок: «ПЯТИСОТЛЕТНЕЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ».

Подзаголовок гласил: «Джеймс Ренфрю собирается выступить спонсором фантастического путешествия к Альфе Центавра. Он готов отправиться и сам, заявляет на всю страну миллионер — прожигатель жизни».

В заметке сообщалось, что четверо человек совершат невероятное путешествие. Кроме Ренфрю там будет Нед Блейк, личный управляющий Ренфрю, и Артур Пелхам, химик, лауреат Нобелевской премии, создавший препарат, позволяющий консервировать живые организмы».

Газетный отчет сообщал, что четвертый член экспедиции еще не был выбран. Требовался доктор наук, физик, который будет техническим и научным экспертом группы в этой области: «К сожалению, — газета цитировала слова Неда Блейка, — пока что мы получили отказы от всех физиков, к которым обращались».

Сообщение заканчивалось словами: «Однако

тройка уверена, что найдется квалифицированный физик, который…»

В этом месте Кэкстон уронил газету и схватился за телефон. Потребовалось какое-то время, но он все узнал номер в Нью-Йорке. Набрав номер, он назвал свое имя и цель звонка ответившей молодой женщине.

Его сразу же соединили с человеком, который решительным голосом представился Недом Блейком. Блейк внимательно расспрашивал его с все возрастающей любезностью и — неужели? — облегчением. Наконец он сказал: «Нам так нужен квалифицированный физик, мистер Кэкстон, что уверен, нам подойдет и магистр. То что вы сказали, меня впечатляет. Так что, почему бы вам не вылететь в Нью-Йорк сегодня? Ваш билет будет ждать вас у вас в агентстве. Когда прилетите в Нью-Йорк, вас вызовут и отвезут в…»

Он дал адрес офиса в центре Нью-Йорка и закончил: «Я оставлю ваше имя у вахтера на тридцатом этаже, и вы сможете пройти туда».

Кэкстон ничего не сообщил в Квик-Фото. Он не представлял, как бы он мог объяснить свой отъезд. «…Если из этого ничего не выйдет, — подумал он, — я вернусь сюда завтра, а там как-нибудь выкручусь».

Но у него было чувство, воодушевляющее чувство, ощущение момента, что это дело должно получиться.

В аэропорту Нью-Йорка его встречал «Роллс-Ройс» с водителем. Кэкстон сидел на роскошном заднем сидении, затаив дыхание на протяжении всего пути в город. Это было какое-то другое возбуждение, не страх. Постоянно возникала мысль о том, что любое проявление отваги и решительности ведет на более высокую ступень жизни.

От этого он почувствовал себя гораздо лучше. На тридцатом этаже, после того, как вахтер проверил его, он поднялся на лифте на насколько этажей и вышел в величественный офис. Когда он осторожно вышел из лифта, трое мужчин, которые сидели со стаканами в руках, поставили их и поднялись.

У двоих из трех были большие усы и длинные, но элегантно уложенные волосы. Третий был хорошо одет, хотя и несколько консервативно. Он был постарше и почти лысым.

Один из усатых подошел к нему, протягивая руку. У него была квадратная челюсть, слегка прищуренные глаза и в его поведении был оттенок разочарования жизнью.

— Нед Блейк, — сказал он.

— Питер Кэкстон, — сказал Кэкстон.

— Вы моложе, чем я думал по нашему телефонному разговору, — сказал Блейк, и именно тот тон, каким он сделал это, встревожило Кэкстона.

— Мне тридцать восемь, — сказал он. — Я преподавал физику в средней школе двенадцать лет, могу дать доказательства… Сожалею, что я так молодо выгляжу.

В действительности он совсем не жалел… Ради бога, поэтому он и пришел.

Прежде чем Блейк успел сделать следующее замечание, как второй усатый сказал:

— Черт, Нед, он не был бы здесь, если бы у него не было затяжной молодости.

Блейк однако уже смягчился. Сейчас он энергично сжал Кэкстона за запястье и подтащил его к своим товарищам — сначала к консервативно одетому.

— Это мистер Пелхам, мистер Кэкстон.

Кэкстон пожал руку знаменитому на весь мир химику и подумал: «Я и правда на небесах. Встретиться с таким человеком».

Вслух он сказал:

— Как я понимаю, сэр, Ваши великие достижения делают это путешествие возможным.

Пелхам был худощав, даже больше, чем казался

на газетных фотографиях, лицо его было почти треугольным. Он взял ладонь Кэкстона в свою костлявую руку и сказал напряженным тоном:

— Как мы сообщили газетам, мы хотим, чтобы первым, кто проснется, был физик. Как вы думаете? Способны вы прийти в сознание через пятьдесят лет, когда остальные трое из нас все еще будут в законсервированном состоянии?

Тут послышался приглушенный звук от третьего человека. Потом:

— Боже мой, Пелхам, какое паршивое начало!

— Не хуже, чем у Кэкстона, — сказал Пелхам с улыбкой.

Ясно было, что они очень близки, потому что в этот момент третий схватил химика за плечи, и навалившись на хрупкого Пелхама, возвышаясь над ним на несколько дюймов, схватил руку Кэкстона.

— Я — Ренфрю, — сказал он.

В газете говорилось, что Ренфрю было тридцать девять. Он казался несколько старше. На его щеках были следы беспутства, крошечные багрово-красные прожилки, первые признаки одутловатости. Но у него были самые голубые глаза из всех, которые Кэкстон когда-либо видел.

— Мы хотим задать вам массу вопросов, —

сказал Ренфрю. — Но мы можем сделать это по дороге к дому, где вы остановились. Утром мы пригласим газетчиков.

«Дом», в который они его привезли, оказался пятиэтажным дворцом, выходящим фасадом на Ист-Ривер. Из окна спальни Кэкстон немного понаблюдал за движением на реке и затем наконец уступил изнеможению. Было около пяти часов утра.

В следующий полдень по меньшей мере сотня фотовспышек ослепили Кэкстона. Некоторые из микрофонов, в которые он говорил, как оказалось, были подключены одновременно на несколько общенациональных радио — и телепрограмм.

Именно в то время, когда им задавали вопросы, он услышал, как Нед Блейк сказал, отвечая на вопрос, что на него будет выписан счет на тысячу долларов в неделю, а перед отправлением ему будут даны сто тысяч долларов, которые он сможет отписать любому родственнику или лицу, находящемуся у него на иждивении.

Как во сне.

С этого момента он был то в этом доме, то в «Кадиллаке» или «Роллс-Ройсе», то в величественном офисе, то в личном самолете Ренфрю… Несколько раз Кэкстон вместе с остальными летал на мыс

Кеннеди, откуда должен будет состояться старт, потому что, раз это дело было связано с такими деньгами и с таким влиянием, то, разумеется, это путешествие было совместным правительственным и частнопромышленным проектом.

Он узнал, что Ренфрю в свое время без особых усилий получил инженерное образование в колледже, он даже сохранил довольно обширные знания и без труда понимал то, что касалось технической стороны предприятия. Кэкстон быстро обнаружил также, что сам он был сейчас объектом теплого расположения со стороны Ренфрю. У этого миллионера-повесы была поразительная способность к товариществу. Когда впервые Ренфрю представил его как «мой дорогой друг Питер», Кэкстон был наэлектризован. В нем мгновенно возникло ответное чувство, мгновенное желание быть достойным такой дружбы.

Но впоследствии он предостерег себя… «Надо поосторожней. Не давать себя опутывать личными привязанностями. В конце концов, это я верну корабль, когда проснусь. И окажусь на Земле опять за пару лет до 2083 года н.э.».

Кэкстона несколько раз разбирало любопытство, когда он наблюдал вокруг себя эти блестящие события. Он знал, почему он отправлялся в

это сказочное путешествие. Но что заставляло такого человека как Ренфрю выйти из мира, в котором у него было все?

Именно этот вопрос он однажды задал Блейку. Этот довольно мрачный молодой человек уставился на него, а затем пожал плечами и сказал:

— Он говорит, что имел четыреста прекрасных женщин, съел тысячи превосходно приготовленных бифштексов, подстрелил тигра и льва — и пожалел, потому что бедняги кричали, когда умирали. Но это заставило его задуматься над своим собственным будущим. Для него, с его миллионами долларов, со слугами для всех целей, жизнь была прекрасна… за исключением того, что с каждым днем рождения он становился на год старше, и однажды, в недалеком будущем, его съедят черви. Он рассчитывает, что через пятьсот лет проблема продления жизни, возможно, будет решена.

Значит, та же самая причина. Кэкстон почувствовал возбуждение. Странно, это было своего рода подтверждение. На рассвете он еще сомневался, был ли он в здравом уме…

Но это были какие-то мимолетные сомнения. А когда выяснилось, что такой же сильный мотив двигал и другим человеком, они стали еще более

скоротечны.

«Это правда, — подумал он. — Здесь ничего ни для кого нет…» Из ниоткуда ему представилась возможность, и он преследовал ее с целеустремленностью, которая так же часто гнала его. Случай только сбил его с одного пути и поставил на другой.

Блейку, как давно понял Кэкстон, он нравился. По мере приближения дня отправления Блейк все чаще искал его общества, и Кэкстон узнавал о Ренфрю все больше и больше.

Блейк волновался за своего друга.

— Этот золотой человек, — сказал он тихо Кэкстону в один из дней, — зависит от того, что в жизни он денежный король… Когда он проснется впервые в пустом пространстве и неожиданно поймет, что этого больше нет…

Блейк с сомнением покачал головой и его грубое квадратное лицо выказало озабоченность, когда он закончил:

— Что произойдет, приходится только гадать.

Мысль Кэкстона была такова, что эта проблема не была такой тяжелой, как ее представлял Блейк. Потому что, к тому времени, когда Ренфрю проснется — через сто лет — корабль будет снова в солнечной системе…

Естественно, Кэкстон не упомянул об этих утешительных мыслях.

Взлет, когда он наконец произошел, был самым обычным, разумеется.

12

Вздрогнув, Кэкстон проснулся и подумал: «Как перенес это Ренфрю?»

Должно быть, он пошевелился, потому что чернота с болью сомкнулась над ним. Сколько он пролежал здесь в мучительном забытьи, он не мог определить. В следующий раз он очнулся от пульсирования двигателя.

На этот раз медленно, но сознание вернулось. Он лежал очень тихо, ощущая тяжесть лет сна, полный решимости следовать установленному порядку, давно предписанному Пелхамом.

Он не хотел больше терять сознание. Он подумал: «Глупо было волноваться за Джеймса Рефрю. Он не должен выходить из законсервированного состояния еще пятьдесят лет».

Посмотрел на освещенный циферблат часов на потолке.

В свое время они зарегистрировали 23:12, сейчас 23:22. Десять минут, отведенные Пелхамом на переход от пассивного созерцания к первым действиям, истекали. Он медленно протянул руку к краю кровати. «Щелк!» Его пальцы нажали на кнопку. Послышалось слабое гудение.

Автоматический массажер стал осторожно разминать тело.

Сначала он массировал ему руки, затем двинулся к ногам, и так по всему телу. Кэкстон чувствовал, как приятно скользило масло, сочившееся из массажера в его сухую кожу.

Десяток раз он чуть не вскрикнул от боли возвращения к жизни. Но через час уже мог сесть и включить свет.

Небольшая, полупустая знакомая комната не могла задержать его внимания больше мгновения. Он встал.

Движение, должно быть, было слишком резким. Он зашатался, схватился за металлическую стойку кровати и его вырвало бесцветным желудочным соком.

Тошнота прошла. Но ему потребовалось усилие воли, чтобы дойти до дверей, открыть их и выйти в коридор, который вел в комнату управления.

Он вовсе не должен был останавливаться, но приступ абсолютно ужасного очарования охватил его, и он ничего не мог поделать. Нагнувшись над креслом управления, он взглянул на хронометр.

Он показал: «53 года, 7 месяцев, 2 недели, 0 дней, 0 часов, 0 минут».

«Пятьдесят три года!» Почти не видя, безучастно, Кэкстон подумал о людях, которых они знали на Земле, молодых людях, с которыми они ходили в колледж, о девушке, которая поцеловала его на вечеринке, которую устроили в день их отправления — все они умерли или умирали от старости.

Кэкстон вспомнил девушку очень ярко. Она была красива, оживлена, совершенно незнакома. Она рассмеялась, когда подставила свои красные губы и сказала:

— Поцелуй и для молодого.

Сейчас она была уже бабушка… или в могиле.

С этими мыслями он начал разогревать банку концентрированной жидкости, которая должна была быть его первой пищей. Его мысли медленно успокоились.

«Пятьдесят три года и семь с половиной месяцев», — подумал он грустно. Почти четыре года сверх предназначенного времени. Придется сделать кое-какие подсчеты, прежде чем принять еще одну порцию препарата вечности. По расчетам двадцать гран должны были сохранить его плоть и жизнь ровно на пятьдесят лет.

Препарат был, очевидно, сильнее, чем Пелхам мог оценить по своим краткосрочным тестам.

Он сидел напряженный, прищурившись, и думал об этом. Вдруг резко до него дошло то, что он делал. Смех сорвался с его губ. Звук разорвал тишину, как серия пистолетных выстрелов, заставив его вздрогнуть.

Но это же и успокоило его.

Даже если произошла ошибка на четыре года, все равно они попали в яблочко, если брать во внимание такие масштабы времени. Метод был не так прост, как при Дворце Бессмертия. Но и он тоже сработал.

Он был жив и еще молод. Время и пространство было завоевано при помощи другой системы обхода лет.

Кэкстон ел суп, не спеша глотая каждую ложку. Он растянул небольшую чашку до последней секунды имеющихся тридцати минут. Затем, невероятно посвежев, он направился обратно в комнату управления.

На этот раз он надолго задержался у приборов. Потребовалось всего лишь несколько секунд, чтобы найти Солнце, очень ярко светящуюся звезду приблизительно в центре экрана заднего обозрения.

Для поиска Альфы Центавра потребовалось больше времени. Но в конце концов она сияла

— сверкающая точка в темноте, забрызганная каплями света.

Кэкстон не тратил время, пытаясь определить расстояние до них. Они выглядели нормально. За пятьдесят четыре года они прошли примерно одну десятую от четырех с небольшим световых лет до знаменитой ближайшей звездной системы.

Когда Кэкстон выпрямился, он понял, что в голове у него была мысль, совершенно отличная от той, что должна была быть у него в этот момент. Он должен был проверить своих трех товарищей, удостовериться, что все в порядке.

Он обнаружил, что сопротивляется этому, обнаружил, что думает: «Сначала проверить корабль. Было бы совершенно глупо, если из-за какой-то задержки сейчас, корабль вернется на Землю после третьего июня 2083, .. Нужно помнить, уже есть отрыв в четыре года, который надо компенсировать». Первоначально он определил, что для того, чтобы развернуться и совершенно точно встать на курс, потребуется время, равное одному земному дню. «Начни это, затем посмотришь».

Делая точные расчеты и устанавливая приборы, он с раздражением осознал, что после пробуждения первой его реакцией была мысль о Ренфрю.

«Понял я его, — подумал он. — „Мой дорогой друг Питер“, как же. Он едва знал меня, черт возьми, когда сказал это. Значит, это должна была быть ложь. Показывал, как легко люди попадали под влияние его богатства».

«Даже я», — подумал Кэкстон… Через некоторое время он понял, что «даже я» звучало фальшиво. Самым важным для него всегда были деньги. Или, лучше сказать, успех.

Так что колоссальный успех и богатство семьи Ренфрю имели огромное влияние. В его мыслях этот человек казался больше, чем жизнь, словно то, что с ним произошло, каким-то образом было важнее того, что произошло с Питером Кэкстоном.

Что, разумеется, было нелепо.

Но ему впервые в жизни пришло в голову, что это было то самое чувство, которое двигало древних на самопожертвование и смерть с улыбкой радости от того, что они смогли оказать услугу высшему существу, монарху.

Что ж, Ренфрю ожидал главный сюрприз всей его избалованной жизни, когда он, проснувшись, поймет, что его «дорогой друг» повернул корабль обратно на Землю.

Кэкстон сидел в кресле управления в ожидании

легкого рывка корабля, который бы означал, что световые двигатели сделали свое дело… Для того, чтобы изменить курс корабля в космосе, достаточно небольшого толчка.

Прошло полчаса, он ничего не почувствовал.

Проверил свои цифры и приборы. Стрелки отмечали, что двигатели работали.

Но он ничего не чувствовал. Не было совершенно никаких ощущений.

Корабль продолжал свое бесконечное движение. Его скорость увеличивали только несколько небольших светодвигателей, которые были сконструированы таким образом, что ускоряли движение на один фут в секунду каждые три минуты.

Почти бесконечно малая величина, фантастически незаметная. Но в глубоком космосе это крошечное ускорение, добавленное к огромной скорости, приобретенной машиной на взлете, придало, как это и ожидалось, достаточную высокую скорость почти без затрат топлива. Было рассчитано, что на отметке половины пути задние светодвигатели прекратят работу, а подобные двигатели впереди начнут медленное реверсирование процесса.

Прошел еще один час. Также ничего.

Кэкстон ужасно разволновался, когда до него дошла потрясающая мысль: «Черт бы их побрал! Голову даю на отсечение, они ожидали этого… Голову даю… Управление отключено, так что никто не может повернуть корабль».

Ему в голову пришла запоздалая мысль, что если предчувствие его не обманывало, здесь для этого должна быть письменная информация в бортовом журнале. Через минуту у него в руках уже был открытый журнал и он, побледневший, смотрел на четкий, почти каллиграфически красивый почерк Пелхама.

Все, чего он боялся, было здесь, черным по белому.

Он прочел:

«Дорогой Питер.

Конечно, мы надеялись и надеемся, что сейчас, читая это письмо, вы находитесь в хорошем настроении, стремитесь к великим приключениям, ожидающим нас впереди. Однако на всякий случай, если вас охватила некоторая паника — согласитесь, это будет совершенно подходящий момент для приступа настоящей агорафобии (страха большого пространства) — и на всякий случай, если такое произошло, Джим, Нед и я согласились, что нам придется защитить себя от

чьей-либо попытки вернуться на Землю во время первой половины путешествия. Так что, Питер, я должен сказать вам, что скрытый компьютер — прочно приваренный под полом — запрограммирован на исправление любого изменения маршрута. Мы считаем, что через двести пятьдесят лет, чтобы вернуться, потребуется столько же времени, как и для продвижения вперед, и поэтому нам придется вернуться к ручному управлению.

Пока до свидания, мой друг. Как вы знаете, я дал препарат вам, затем Джеймсу, затем Неду и наконец я сам сейчас приму его. Так что я пишу это в мире космоса, где я так же одинок, как и вы в своем мире. Вы трое крепко спите, и сейчас я присоединюсь к вам.

Au revoir и с любовью.

Артур».

Кэкстон перечитал послание, и его первой реакцией было саркастическое неприятие выражения привязанности, которым оно заканчивалось. «С любовью», черт!

«Ах, ты… — выругал он Пелхама. — Ты погубил мою жизнь…» — без такой любви он мог обойтись, спасибо.

Мрачная ирония прошла.

Вдруг его осенила страшная мысль, понимание того, что теперь ему придется идти вперед с первоначальной целью путешествия. Кэкстон почувствовал ужасную слабость и потом — да вот так — сильное беспокойство. До него дошло, с некоторым угрызением, что он тратил драгоценный кислород так, словно он не понадобится позже.

Он слабо поднялся на ноги… «Назад, спать!» — приказал он себе. Он тупо направился к своей комнате. И уже сидел на кровати, когда вспомнил про остальных.

Медленно поднялся опять, сознавая, что должен выполнить свою обязанность. Проверить их. Сделать запись в судовом журнале. Скрыть то, что он пытался сделать. Защититься.

Посмотреть по очереди, подумал он. Первый — Пелхам.

Когда он открыл герметическую дверь комнаты Пелхама, в ноздри ударил тошнотворный запах разложившейся плоти. Задохнувшись, он захлопнул дверь и, вздрогнув, застыл в узком проходе.

Через минуту все равно ничего не было, кроме действительности.

Пелхам был мертв.

Теперь он был обречен на пятисотлетнее пу-

тешествие в космосе. А поразивший его страх оставил ужасную мысль, что ему придется совершать это путешествие в одиночку.

Потом он обнаружил, что бежит. Он распахнул дверь Ренфрю, затем Блейка. Чистый приятный запах их комнат, вид их молчаливых тел на кровати вернули Кэкстону рассудок.

В этот момент он испытал прилив чувства, совершенно неизвестного ему раньше. В его взрослой жизни он не знал этого: печали. Невероятно, щеки его были мокрыми.

«Черт возьми, — подумал он. — Я плачу».

Все еще плача, он пошел в кладовую и достал свой личный скафандр и брезент. Но все равно, это было ужасно. Препарат сохранил части тела, но когда он поднял его, куски все равно отваливались.

Наконец он подтащил брезент с содержимым к люку и вытолкнул его в космос.

Прибравшись, он пошел к радио. Было подсчитано, что пол светового года — это предел для радиоприемника, а они были очень близки к этому пределу. Поспешно, хотя тщательно, Кэкстон сделал доклад, затем записал его и начал передавать, установив запись на стократный повтор.

Немногим больше, чем через пять месяцев, на

Земле замелькают заголовки.

Он отсчитал пятьдесят пять гран препарата вечности и растворил их в жидкости. Это было близко к тому количеству, которое, как он чувствовал, понадобится на сто пятьдесят лет. Он ввел эту дозу в несколько приемов.

В последние минуты перед тем, как пришел сон, Кэкстон обнаружил, что думает о Ренфрю и о том ужасном потрясении, которое он испытает вдобавок ко всем естественным реакциям на далекий космос, которых так боялся Блейк.

Кэкстон попытался отогнать эту мысль, стараясь вернуться к тому, чего хотел лично он.

Но беспокойство о Ренфрю все еще оставалось в голове, когда наступила темнота.

13

Почти мгновенно он открыл глаза. Лежал, думая: «Препарат не сработал!».

Ощущение тяжести в теле, однако, подсказало истину. Он лежал неподвижно, глядя вверх на висящие над ним часы. На этот раз следовать маршрутом было легче, только он снова не мог удержаться, чтобы не изучить хронометр по пути.

Он показывал: 201 год, 1 месяц, 3 недели, 5 дней, 7 часов, 8 минут.

Осторожно выпив суп из чашки, он с интересом устремился к большому вахтенному журналу.

Кэкстон никогда не смог бы передать то возбуждение, которое он испытывал, увидев знакомый почерк Блейка и потом, когда читал то, что написал Ренфрю. Это был доклад: ничего больше, гравиметрические показания, тщательный подсчет пройденного расстояния, подробный доклад о работе двигателя, и, наконец, оценка вариантов скорости, основанная на семи согласующихся факторах.

Прекрасная математическая работа, первоначальный научный анализ. Но и все. Больше здесь

ничего не было. Никакого упоминания о Пелхаме, ни слова о том, что написал Кэкстон или о том, что произошло.

Ренфрю тоже просыпался, и если по его докладу можно было о чем-то судить, то он, возможно, тоже бесчувственный робот. Но Кэкстон прекрасно знал, что это не так.

Знал это — как полагал Кэкстон, когда начал читать доклад Блейка — и Блейк.

«Питер!

Вырвите этот лист, когда прочтете!

Итак, случилось страшное. Худшего мы не могли получить от судьбы. Ужасно думать, что его больше нет. Какой был человек, какой друг! Но все мы знали, на какой риск шли, он же больше других. Так что все, что мы можем сказать: «Спи спокойно, дорогой друг. Мы тебя никогда не забудем».

Однако, дело с Ренфрю теперь осложняется. В конце концов, мы переживали о том, как он перенесет свое первое пробуждение, не говоря про удар, каким является смерть Пелхама. И я думаю, что первое беспокойство было оправдано.

И вы и я знаем, Ренфрю был одним из светлейших умов Земли. Просто представьте себе какого-либо человека, рожденного с его соче-

танием внешности, денег и ума. Огромной его ошибкой было то, что он никогда не боялся за будущее. С такой ослепительной индивидуальностью, толпами поклонниц и подхалимов вокруг, у него не было времени кроме как на настоящее.

Действительность всегда поражала его, как гром среди ясного неба. Этого прощального вечера было достаточно, чтобы напустить тумана в голову, когда доходило до действительности. Проснуться через сто лет и понять, что те, кого он любил, состарились, умерли и сгнили в могиле — да!

(Я специально говорю напрямик, потому что человеческий разум способен на самые невероятные мысли, какой бы цензуре он не подвергал свою речь.)

Я лично рассчитывал на то, что Пелхам будет действовать как некая психологическая поддержка Ренфрю. Это влияние должно быть заменено. Постарайтесь что-нибудь придумать, Питер, за то время, что вы дежурите, выполняя заданную работу. Нам придется жить с этим человеком, после того, как мы все проснемся в конце пятисот лет.

Вырвите этот лист. Дальше идут дежурные записи. Нед».

Кэкстон сжег письмо в печи, проверил два спя-

щих тела — как мертвенно спокойно лежали они — затем вернулся в комнату управления.

На экране Солнце казалось очень яркой звездой, драгоценным камнем, убранным в черный бархат. Великолепным сияющим бриллиантом.

Альфа Центавра была ярче. Все еще невозможно было разобрать отдельные солнца Альфа А, В и Проксима, но их совместный свет нес ощущение трепета и величия.

«Так, — подумал он, — вот я здесь, на этом фантастическом пути и одновременно стараюсь сойти с него… Ощущая этот внутренний конфликт, он сопротивлялся возбуждению, и сопротивлялся своей причастности. Возбуждение возникло из очевидного факта, что он был причастен.

Возможно, как настаивал Блейк, ему даже следовало переживать за Ренфрю. Однако, хотя он осознавал славу этой поездки — вот они, первые люди, стремившиеся к звездам — хотя он и понимал все это, он каким-то образом держался своей собственной цели.

Он сказал себе, что держаться лучше своих собственных целей, никогда не забывать, что он — Питер Кэкстон, знает точно — ну, почти точно — что делает.

Он сделал свое дело, принял третью дозу препарата и пошел спать. Сон застал его все еще без плана относительно Ренфрю.

Его третье пробуждение было вполне обычным, за исключением того, что когда он прочел журнал, там вообще не было записи Ренфрю. Запись же Блейка показывала, что Блейк не знал, что с этим делать и очень волновался.

«По крайней мере, — писал Блейк — он дал себе правильную дозу, потому что я посчитал капсулы. Подумайте хорошенько, Питер и уничтожьте и эту записку тоже».

Позже, когда Кэкстон лежал и ждал начала действия последней дозы, он подумал: «Если Ренфрю и правда чокнется, им несомненно придется с этим что-то делать. Но в основном это будет проблема Ренфрю».

Тем не менее, он почувствовал надвигающуюся тяжесть, потому что с другой стороны было даже интересно думать: «Ну вот. Теперь, когда я проснусь, мы будем там».

Это пробуждение, должно быть, приблизило последние сто пятьдесят лет времени. Потому что когда Кэкстон проснулся, он подумал: «Мы здесь! Все закончилось, долгая ночь, невероятное

путешествие. Мы все вместе сейчас увидимся и увидим солнце великой Центавры».

Странное дело, когда он лежал здесь, ликуя, его поразило то, что время казалось долгим. И все же… все же он просыпался только три раза, и только на время, равное последнему дню.

Строго говоря, он видел Блейка, и Ренфрю, и Пелхама — не более, чем полтора дня назад. Со времени взлета в сознании он был только тридцать шесть часов.

Тогда откуда это ощущение, что тысячелетия протекали словно секунда за секундой? Откуда это жуткое осознание путешествия сквозь неизмеримую, нескончаемую ночь? Неужели человеческий разум так легко обманывается?

Кэкстону показалось наконец, что ответ был в том, что он жил эти пятьсот лет, все его клетки и органы существовали, и, весьма вероятно, что какая-то часть его мозга все-таки была в сознании за время этого немыслимого периода.

И был, конечно, дополнительный психологический эффект того, что он знал, что эти пятьсот лет прошли и что…

Вздрогнув, он увидел, что его десять минут истекли.

Осторожно он включил массажер.

Массажер работал над ним около пятнадцати минут, когда дверь в его каюте открылась, щелкнул выключатель, и перед ним появился Блейк.

От чересчур резкого движения, с которым он повернул голову, чтобы посмотреть на вошедшего, у Кэкстона поплыло перед глазами. Закрыв глаза, он слышал, как Блейк подходил к нему через комнату. Через минуту он снова смог смотреть на Блейка. Блейк нес чашку с супом. Он стоял, глядя на Кэкстона со странным мрачным выражением.

Наконец выражение его лица расслабилось изнуренной улыбкой.

— Привет, Питер, — сказал он. — Ш-ш-ш! — сразу зашипел он. — Не надо пока говорить. Я покормлю вас этим супом пока вы еще лежите. Чем быстрее вы подниметесь, тем лучше.

Сказав это, он снова помрачнел.

— Я проснулся две недели назад.

Он сел на краешек кровати и зачерпнул ложку супа. Затем последовало некоторое молчание, лишь было слышно шуршание массажера. Тело Кэкстона медленно наливалось силой, и с каждой секундой он все яснее видел мрачность Блейка.

— Что Ренфрю? — наконец вымолвил он хрипло. — Проснулся?

Блейк, поколебавшись, кивнул. Его лицо потемнело от хмури, он сказал просто:

— Он обезумел. Абсолютный сумасшедший. Мне пришлось его связать. Держу его в его комнате. Сейчас стал потише, но вначале он даже заговаривался.

— Вы с ума сошли? — прошептал наконец Кэкстон. — Ренфрю никогда не был настолько чувствительным. И просто от того, что прошло время, мысль от понимания, что все его друзья умерли, он не мог сойти с ума.

Блейк качал головой.

— Не только это, Питер. — Он помолчал, затем продолжал. — Питер, я хочу, чтобы вы приготовились к самому страшному потрясению.

Кэкстон уставился на него, ощущая внутри пустоту.

— Что вы имеете в виду? Блейк скривился и продолжал:

— Я знаю, вы воспримете это нормально. Так что не пугайтесь. Вы и я, Питер, некоторым образом потусторонние существа.

Кэкстон прошептал:

— Давайте к делу, что случилось? Блейк поднялся на ноги,

— Питер, планеты Альфы достаточно близки

— уже две недели назад до них было всего шесть месяцев при нашей средней скорости пятьсот миль в секунду. Я думал даже попробовать поймать их радиостанции.

Он криво улыбнулся.

— Ну вот, — сказал он, — я настроил рацию и поймал их — чистота удивительная.

Он замолчал, посмотрел на Кэкстона, улыбка его была болезненной.

— Питер, — простонал он, — мы совершеннейшие глупцы. Когда я сказал Ренфрю правду, он сразу пал духом.

Он снова замолк. Молчание для напряженных нервов Кэкстона было невыносимо.

— Да ради же бога, ну, — начал он. И остановился. И лежал, очень тихо. В голове мелькнула догадка. В жилах застучала кровь. Наконец он слабо произнес:

— Вы хотите сказать… Блейк кивнул.

— Да, — сказал он. — Вот так. И они уже засекли нас своими сверхрадарами. Один из их кораблей подойдет встретить нас, как только я отвечу, что вы пришли в себя. Я только надеюсь, — закончил он мрачно, — что они смогут что-то сделать для Джима.

Полчаса спустя Кэкстон сидел в кресле управле-

ния, когда увидел какое-то мерцание в темноте. Возникла какая-то вспышка, которая стала разрастаться в размерах. В следующее мгновение громадный космический корабль поравнялся с ними меньше, чем в миле о них.

Кэкстон вымучено улыбнулся. Он сказал Блейку:

— Они сказали, что этот корабль вышел из ангара десять минут назад?

Блейк кивнул,

— Они могут долететь от Земли до Центавра за три часа, — сказал он.

Раньше Кэкстон этого не слышал. В голове его что-то произошло.

— Как! — вскрикнул он. — Как, ведь нам понадобилось пятьсот, — он замолчал, сел. — Три часа! — прошептал он. — Как же мы могли забыть о прогрессе человечества?

В последовавшей за этим тишине Кэкстон увидел, как в скалообразной стене, обращенной к ним, появилось черное отверстие. В эту пещеру Кэкстон и направил их корабль.

На экране заднего обзора было видно, что вход закрывается. Свет, вспыхивающий впереди, сфокусировался на двери. Когда он осторожно посадил корабль на металлический пол, на ра-

диоэкране замелькало чье-то лицо.

— Касселехат! — прошептал Блейк Кэкстону. — Единственный человек, который пока что говорил непосредственно со мной.

С экрана на них всматривалось лицо утонченное, лицо ученого. Касселехат улыбнулся и сказал:

— Вы можете выйти из корабля и пройти в двери, которые вы здесь видите.

14

У Кэкстона было ощущение пустоты вокруг, когда они забрались в обширный приемник.

Молча они вдвоем гуськом прошли в зал, который выводил в очень большую, роскошную комнату.

В такую комнату, не моргнув, мог бы войти король или киноактриса в фильме. Она была вся увешена роскошным гобеленом, то есть, на какой-то миг он подумал, что это гобелен, затем увидел, что нет. Это был… он не мог определить.

Он и раньше видел дорогую мебель — в офисе и доме Ренфрю. Но эти диваны, стулья сияли, словно они были сделаны из подобранных разноцветных… Нет, не то, они не совсем сияли. Они…

Опять он не мог определить.

У Кэкстона не было времени на более тщательный осмотр. Потому что с одного из стульев вставал какой-то человек. Он узнал Касселехата.

Касселехат пошел вперед, улыбаясь. Затем он остановился, поморщив нос. Через мгновение, поспешно пожав руки Блейку и Кэкстону, он быстро отступил на десять футов к стулу и сел с довольно натянутым видом.

Это был поразительно нелюбезный поступок, несколько смягченный мгновение спустя тем, что человек знаком пригласил сесть и их. Кэкстон с некоторым недоумением уселся на диван, рядом с Блейком.

Касселехат начал.

— О вашем друге, — должен предостеречь вас. Это случай шизофрении, и наши психологи могут добиться только временного выздоровления. Полное выздоровление потребует большего времени и вашей полнейшей помощи. С готовностью соглашайтесь со всеми планами мистера Ренфрю, если конечно, они не примут опасный оборот.

— Теперь же, — он изобразил улыбку, — разрешите мне приветствовать вас на четырех планетах Альфы Центавра. Для меня лично это величайший момент. С самого раннего детства меня готовили единственного для того, чтобы быть вашим наставником и гидом, и, естественно, я переполнен радостью оттого, что пришло время, когда мои знания среднеамериканского языка и обычаев могут быть применены на практике, для чего они и предназначались.

Радости однако было не видно. Он продолжал морщить нос, и на лице его было общее болезненное выражение. Но слова его поразили Кэкстона.

— Что вы имеете в виду под знаниями американского языка? Это тот английский, который мы слышали по радио?

— Конечно, — последовал ответ. — Но язык в своем развитии изменился до такой степени — я могу быть откровенен — ведь у вас были сложности с пониманием всех предложений, не так ли?

— Но мы понимали отдельные слова, — сказал Блейк.

— Да.

— Хорошо. Значит, дело за тем, чтобы выучить новые слова?

— Ну да, так.

Они сидели молча, Блейк покусывал нижнюю губу. Именно Блейк сказал наконец:

— Что представляют из себя планеты Центавры? По радио вы говорили что-то о том, что центры населения снова вернулись к городской структуре.

— Я буду счастлив, — сказал Касселехат, — показать вам столько наших огромных городов, сколько вы захотите увидеть. Вы наши гости, на ваши отдельные счета были положены по два с половиной миллиона, чтобы вы использовали их на свое усмотрение.

Он замолчал.

— Но если сейчас у вас больше нет вопросов… Блейк и Кэкстон заговорили практически вместе:

— Минутку, сэр, — сказал Кэкстон.

— У нас полно вопросов, — сказал Блейк.

Старик поклоном принял эту задержку и остался сидеть. Первый вопрос задал Кэкстон:

— Как насчет продления жизни?

— Двадцать лет, — последовал осторожный ответ, — сверх того, что у вас есть теперь.

Потребовалась некоторая сверка, чтобы удостовериться, что они говорили об одном и том же «есть». Но Касселехат уже помнил урок по «среднеамериканскому». Он подразумевал примерно семидесятилетний возраст для их времени и девяностолетний для своего собственного.

Это казалось необычно скромным увеличением. Сначала разочарование явилось шоком, затем шок сменился замешательством. Тогда было столько надежд на то, что медицина вскоре сделает что-то значительное в этой области.

Как оказалось, проблема была в том, что клетки могли восстанавливаться ограниченное количество раз, первоначально — десять-двенадцать раз, приблизительно через шесть с половиной — семь лет. Улучшение состояло в открытии,

которое сделало возможным производить максимум тринадцать делений почти в каждом человеке.

Но увеличить этот максимум было невозможно.

Люди из прошлого доказывали, что их собственное путешествие почти в пятьсот лет, конечно, разбило этот барьер. Но очевидно это было не так. Препарат Пелхама просто обеспечил неимоверное замедление клеточного процесса.

Хотя Блейк изредка вставлял свои вопросы во время разочаровывающего разговора о продлении жизни, теперь он поднял руку. Улыбнувшись, он сказал:

— Питер, вы до сих пор задавали вопросы Ренфрю. Сейчас я задам ваши вопросы. — Все еще улыбаясь, он повернулся к Касселехату. — Мистер Кэкстон — наш физик, и я уверен, ему так же, как и мне, будет интересно то, о чем я вас спрошу.

— Пожалуйста, отойдите немного назад, когда будете спрашивать, — сказал Касселехат. Он извинился, когда оба они отступили назад. — Я объясню через несколько минут. Однако, ваши вопросы, мистер Блейк.

— Что, — начал Блейк, — делает скорость света постоянной?

Касселехат даже не моргнул.

— Скорость равна кубическому корню gd в кубе, где d — это глубина пространственно-временного континуума, а g — общая допустимость или, как бы вы сказали, сила тяжести всей материи в этом континууме.

— Как образуются планеты?

— Любое солнце должно сохранять свое равновесие в том пространстве, в котором оно находится. Оно выбрасывает материю, подобно тому, как морское судно выбрасывает якорь. Это весьма приблизительное описание, Я мог бы дать вам объяснение при помощи математических формул, но придется записывать. В конце концов, я не ученый. Это просто факты, известные мне с детства.

Кэкстон перебил, озадаченный.

— Любое солнце выбрасывает эту материю без какого-либо воздействия, кроме как своего желания держать равновесие?

Касселехат уставился на него.

— Конечно нет. Это воздействие очень мощное, уверяю вас. Без такого равновесия солнце выпало бы из этого пространства. Лишь несколько одиночных солнц научились поддерживать равновесие без планет.

— Несколько чего? — отозвался Блейк.

Кэкстон чувствовал, что Блейка заставляли забыть вопросы, которые он намеревался задать. Слова Касселехата перебили эту мысль.

— Все одиночные солнца — это очень старые холодные звезды класса М. У самой горячей из известных температура сто девяносто тысяч градусов по Фаренгейту, у самой холодной — сорок восемь. Одиночки своенравны, норовисты с возрастом. Их основная черта — это то, что они не допускают к себе ни планет, ни материю, ни даже газы,

Блейк стоял молча, нахмурившись, задумчиво. Кэкстон ухватился за возможность продолжить.

— То, что вы, не ученый, знаете все это, мне очень интересно. Например, тогда, дома, в 1979 году, каждый ребенок понимал принцип движения ракеты практически с рождения. Мальчишки восьми-десяти лет ездили в специальных игрушках, разбирали и снова собирали их вместе.

— Я уже пытался объяснить это мистеру Блейку, когда мы говорили по радио, но его мозг, кажется, не может воспринять некоторые из простейших аспектов.

Блейк поднялся, скорчив гримасу.

— Он пытался рассказать мне, что электроны

думают, а я не верю в это.

Касселехат покачал головой.

— Не думают, они не думают. Но у них есть психология.

— Электронная психология! — сказал Кэкстон.

— Просто аделедикнандер, — ответил Касселехат. — Любой ребенок…

Блейк простонал.

— Потому я и подготовил множество вопросов. Я считал, что раз у нас хорошая подготовка, то мы смогли бы довольно легко понять это так же, как это делают дети.

Он еще раз посмотрел на Касселехата. Но тот поднял руку.

— Ничего больше, мистер Блейк. Дальнейшие научные вопросы должны быть обращены к соответствующим специалистам, которые, уверяю вас, очень хотят встретиться с вами.

Кэкстон с любопытством спросил:

— Хорошо, больше без научных вопросов. Какие сейчас люди? — он развил мысль. — Когда мы улетали, мы находились в заключительной части бунта пятнадцатилетних против истэблишмента — я говорю в заключительной части, не потому, что он заканчивался, а потому, что он, казалось, выровнялся. Как бы стабилизировался.

Что стало с этим?

— Боюсь, — неохотно сказал Касселехат, — что я никогда не мог точно понять, что это было, но вы встретитесь с людьми. Завтра, среди прочего, вы будете на телевидении. Сможете определить сами.

Он встал.

— Перед уходом я должен сделать одно предупреждение. Возникла несколько неожиданная ситуация. В момент нашей встречи я был поражен неприятным запахом, исходящим от вас обоих. По крайней мере, сначала это произвело на меня неприятное впечатление, хотя сейчас я уже не так уверен. Но данную проблему нужно изучить. А пока вы должны быть очень осторожны при тесных контактах с людьми в этой эре. Это тем более важно, что мы приземлились несколько минут назад.

— А сейчас, — закончил он, — я вас покину на время. Первую ночь вы проведете на своем корабле, пока не закончатся все приготовления. Надеюсь, вы не будете возражать, если в будущем я присоединюсь к вам. Желаю вам всего хорошего, джентльмены, и…

Он взглянул мимо Блейка и Кэкстона и сказал:

— А вот и ваш друг.

— Ну что, привет, ребята, — сказал Ренфрю весело из дверей, затем кисло. — Ну не болваны ли мы?

О происшедшем затем событии Кэкстон впоследствии вспоминал со стыдом. Поездка была уже слишком, он сказал себе: «Господи, я ведь не железный… И вдобавок это неожиданное возвращение к здравомыслию того, кто еще несколько минут назад заговаривался — кого бы это не вывело из равновесия?»

Какова бы ни была причина, толкнувшая его вперед, первым рядом с Ренфрю оказался он. И он же обвил его руками и с полными глазами слез обнял его.

Наконец он понял, что происходит, он отступил и, с запозданием попытавшись обратить все в шутку, сказал:

— А сейчас хочу дать в челюсть этому парню за его слова.

Но когда он повернулся, Касселехата уже не было.

В ту ночь, лежа на своей койке, Кэкстон не мог уснуть. Сначала он объяснил себе, что это возбуждение… Но вдруг он понял, что беспокоило его.

Я думаю не о том. Какая разница, кто попал на Альфу Центавра первым? Ренфрю все спутал.

Цель-то наша не эта — добраться сюда перед кем-либо с Земли… Что интересно, Ренфрю и он — мотив Блейка все еще был не известен Кэкстону — отправились в будущее, чтобы заполучить бессмертие для себя. Чего за это время добились другие, для них было не важно. То, что человечество сотворило за пятьсот лет, было великолепно. Но какую пользу несло это всем людям, которые находились в могилах?

Кэкстон сел в кровати, намереваясь броситься и объяснить все это Ренфрю и Блейку. Он быстро улегся назад. Ведь он никогда, как до него дошло, и намека не давал другим относительно своих настоящих мотивов этого путешествия. Глупо открываться на этой поздней стадии. Лучше — как это он всегда и делал — держать свои мысли при себе.

У него была та же самая проблема, что и тогда, во Дворце Бессмертия. По-видимому, все эти миллионы людей будут так же спасены Обладателями, в том смысле, что их заберут в четырнадцатилетнем возрасте, или около этого, и направят в более долгую жизнь в мир других вероятностей.

Как и тогда, Кэкстон раздраженно откинул такое решение, как бессмысленное. Придя к этому

выводу, он смог наконец заснуть спокойно.

15

Кэкстон проснулся следующим утром и некоторое время думал, что он еще в пути.

Он мгновенно пришел в замешательство, так как не мог вспомнить, какое по счету возвращение в сознание это было. В следующий миг память вернулась.

Облегчение его было кратким. Он поднялся, надел свою одежду.

Стоя здесь, он понял, что та цель, которую он ставил перед собой — поиск Обладателей — при его нынешних обстоятельствах была очень труднодостижима. Им втроем придется остаться какое-то время на Центавре, а когда они вернутся на Землю, трудностей будет еще больше. Он вдруг вспомнил, что ему сказала его первая жена:

— Ради бога, Питер, расслабься, вот мы занимаемся любовью, а у меня такое впечатление, что ты в своих мыслях ушел куда-то далеко, и то, что ты делаешь сейчас, совершенно ничего для тебя не значит.

Это была правда. В мыслях своих он был далеко, нервно что-то задумывая, замышляя. Такое его поведение, несомненно, внесло свой вклад в то,

что она так быстро подала на развод.

Кто-то однажды сказал Кэкстону, что женщина никогда не отпустит мужа, если он только не будет отгонять ее палкой. Но это, как Кэкстон понял, было неправдой. Были такие мужчины, от которых женщины все-таки уйдут и будут рады. Он улыбнулся своей бледной улыбкой, оттого, что ему пришло в голову, что не каждый мужчина мог заявить, что он тот самый тип, от которого женщина наконец-то вырвалась.

Он усмехнулся над собой: «По крайней мере со мной это так. Я могу выбраться из переделок, в которые сам же попадаю, потому что люди радуются моему уходу. Может, это у меня получится и здесь».

Держа эту возможность в голове, он сразу повеселел. После чего открыл дверь и вышел в узкий коридор и оттуда в комнату управления. Он нашел там Блейка и Ренфрю.

Первым увидел его Блейк.

— Я собирался пойти к вам, — поприветствовал он Кэкстона. — Нам надо пройти большой медосмотр, так что приготовьтесь к скучному дню.

Кэкстон сказал:

— О-о!

Странно, после всей долгой безрезультатной

дискуссии с самим собой Кэкстон понял, что ему было интересно.

— Может быть, мы найдем быстрый способ избавиться от нашего запаха и снова стать привлекательными для женщин.

Остальные двое просветлели при этих словах, так что заинтересованная тройка осторожно пробралась туда, где приземлился их корабль и дальше в комнату, где они впервые встретились с Касселехатом.

Касселехат и несколько других людей, как мужчин, так и женщин, ждали их и поднялись, когда они вошли.

В движениях этих людей было что-то особенное, какая-то медлительность, и это подействовало на Кэкстона.

Едва он уловил их основательность, любопытство Кэкстона увяло.

И, тем не менее, там было несколько интересных вещей. С той ночи в комнату привезли несколько машин. Касселехат сидел рядом с одной из них и действовал, как переводчик, и то, что он говорил, было простыми вариантами фразы.

— Мистер Ренфрю, они бы хотели, что бы вы сняли одежду и легли на этот стол, — И дальше. — Теперь вы, мистер Блейк, — И наконец. — Мистер

Кэкстон — ваша очередь.

Хотя он наблюдал, как остальные молча раздевались, но когда подошла его очередь, Кэкстону было немного неловко. Он, как он решил, был не из тех, кто одобрительно относится к врачам-женщинам. Пожалуй, это изумило его, потому что примерно с семнадцати лет он всегда зорко следил за женщинами, постоянно добиваясь возможных перспектив близких личных отношений, которые — он всегда надеялся на это — рано или поздно включают полное раздевание и обнаженные объятия. Это его никогда не смущало. Так почему он должен смущаться теперь?

И тем не менее он смущался. Он стыдливо лежал и грустно смотрел, как у него взяли примерно пинту крови. (Кровь передали за дверь и куда-то унесли, вероятно, на лабораторный анализ). Одна из врачих взглянула ему в глаза через какой-то оптический прибор и сфокусировала тонкий луч света на зрачок. Приблизительно через каждые двадцать секунд она меняла цвет: белый на красный, затем зеленый, желтый и так далее. Наконец она, видимо, получила информацию, которую хотела, подошла к одной из машин, где какой-то человек тщательно расспросил ее о чем-то.

Еще одна женщина несколько раз втыкала иг-

лу ему то в руку, то в ногу, или тело, каждый раз впрыскивая то одну, то другую жидкость. Удивительно — он не чувствовал уколов иглы, что его заинтересовало, но он все еще поеживался, ожидая очередной инъекции, думая, что на этот раз будет больно. Женщина, казалось, не замечала этого. Она смотрела на показания датчиков и наконец тоже ушла для доклада человеку у машины.

Было совершенно непонятно, что же они увидели и какие выводы сделали. Кэкстон уже собирался задать вопрос об этом, когда у него возникла собственная мысль. Он быстро заговорил с Касселехатом.

— Обязательно, — сказал Кэкстон, — введите нам препараты, которые продлят нашу жизнь до девяноста лет.

Касселехат серьезно кивнул, но когда он повернулся к своим коллегам двадцать пятого века, он улыбался. И он продолжал слабо улыбаться, когда «переводил», если можно так сказать, эту инструкцию. Казалось, потребовалось несколько секунд, что бы они поняли то, что он имел в виду. И вдруг они тоже заулыбались, и некоторые говорили что-то, что Кэкстон не совсем, но все-таки понял.

Касселехат повернулся к тройке и сказал что эти инъекции будут в самом деле даны. Но волноваться не надо, ибо есть вещи более важные, первоочередные. С улыбкой он закончил:

— Ваш вопрос, мистер Кэкстон, поразил одного из наших психиатров тем, что он подразумевает то, что вы чувствуете себя гостем незнакомой страны, который может приобрести местные товары только за период короткого визита. Пожалуйста, будьте уверены, что теперь вы — постоянные жители нашей эры — если только вы не решите отправиться в следующее путешествие, используя препарат Пелхама, а есть причины, и они будут вам объяснены, почему это стоит сделать.

В комнату вкатился большой сверкающий аппарат, открывающийся с одного конца, и все повторилось снова: сначала Ренфрю улегся в подвижный, похожий на гроб, контейнер, к которому его направили. Как только его тело оказалось в горизонтальном положении, контейнер скрылся, вкатившись в отверстие. Он исчез в аппарате, оставались видимыми только нервно подрагивающие пальцы ног.

Когда контейнер наконец выкатился из аппарата, он сел в нем, несколько раз тяжело вздохнул

и сказал: — Черт возьми! Следующим шел Блейк, и наконец Кэкстон.

Первый раз он удивился, когда обнаружил, что, оказавшись в аппарате, он смог смотреть сквозь материал. Оттуда, откуда он наблюдал раньше — снаружи — он казался металлически непрозрачным. Но изнутри он мог видеть, не ясно, а как бы через слегка затемненные очки. Лица нескольких из докторов — двух женщин и трех мужчин — выгнувшихся в металле, словно в дверном глазке, наблюдали за ним.

Кэкстон напряженно ждал, не зная, чего ожидать, и вдруг в голове возникло какое-то ощущение. Одновременно с этим мизинец его левой руки свело судорогой. Почти мгновенно в голове возникло еще одно ощущение: свело безымянный палец.

Он лежал, пока его пальцы, затем кисти рук, затем локти, руки в плечах, затем пальцы ног, ступни и части тела сводило судорогой. Каждый раз судорога сопровождалась этим странным ощущением в голове. Это была проверка рефлексов — на таком уровне и таким методом, о которых в двадцатом веке и не мечтали.

Все, казалось, шло отлично, пока они не дошли до глаз. Кэкстон почувствовал подергивание

глазных мышц и серию болезненных ощущений.

А где-то там врачи отошли к аппарату на краткое обсуждение, и у Кэкстона было время вспомнить, что, хотя он никогда не носил очки, иногда глаза застилало туманом, и он страдал от нечастых, но сильных головных болей из-за напряжения глаз… Проанализировав все это, он с удивлением понял, что они определили это состояние.

Вскоре после этой мысли медицинское обсуждение закончилось, и врачи вновь столпились вокруг и стали вглядываться внутрь. И вдруг он испытал ощущение в глазах, которого раньше никогда не было — быстрое движение глаз, которое он ощутил, как чрезвычайно быстрое подрагивание.

— Эй! — громко крикнул Кэкстон. — Какого…

Подрагивание остановилось. Пауза. Затем прежняя судорожная дрожь глазной мышцы повторилась.

На этот раз боль не была такой сильной.

Минуту или что-то около этого спустя, задохнувшегося и восхищенного Кэкстона выкатили из аппарата. Он понял, что между врачами и Касселехатом шел разговор. Последний повернулся к Кэкстону, когда тот поднялся и подошел к стулу,

где была его одежда. Касселехат сказал:

— Они хотят знать, куда вы все время рветесь, мистер Кэкстон?

Он говорил серьезно, и Кэкстон воспринял было вопрос так же серьезно, но потом он увидел огонек в глазах старика. Он глубоко вздохнул и сказал:

— Что, я так нервничаю? Касселехат кивнул.

— Нервничаете, дрожите, не можете лежать спокойно. Вам нужно отдохнуть.

— Я отдыхал пятьсот лет, — сказал Кэкстон.

— Они не хотят давать вам никаких транквилизаторов, — сказал Касселехат, — так что постарайтесь расслабиться. Подумайте о чем-нибудь спокойном.

«Я знаю, — подумал Кэкстон. — Путешествие окончилось, мы здесь, в нашем распоряжении все время, которое нам отпущено… до девяноста лет». Даже когда он уверял себя, он понимал, что не верит этому. Внимание его уже устремилось вперед, к тому моменту, когда он сможет сделать свой первый шаг к поиску в этом времени следа Обладателей.

«Это было, конечно, совершенное безумие», — сказал он себе. Посидев некоторое время, он оглядел эту восхитительную комнату… «Мне

следует радоваться просто тому, что я здесь, в таком месте, испытываю такие потрясающие впечатления».

Однако, он не был счастлив. Он рассеянно смотрел, как врачи снова что-то делали с Ренфрю. Ему пришло в голову, что одна из женщин-врачих была довольно хорошенькой. Может быть — эта возможность поддержала его на некоторое время — у врача-женщины могло быть профессиональное отношение к запахам мужчины из прошлого, исключительно в научно-практических целях. Ей был бы интересен небольшой сексуальный контакт с таким зловонным типом. Возможно, ему следует сообщить ей о своей собственной готовности и желании участвовать в подобном эксперименте.

Он все еще праздно предавался подобного рода мыслям, когда Ренфрю поднялся и присоединился к двум своим товарищам из двадцатого века. Одновременно с этим все девять врачей скрылись за дверью. Подошел Касселехат.

— Они ушли на обед, — сказал он. — Позвольте, я покажу вам, как пользоваться кухней этой квартиры.

Кэкстон спросил:

— Они вернутся?

— О, да! Обследование шло только полчаса.

Позже, когда осмотр наконец завершился, один из врачей сел возле аппарата и заговорил так подробно, что Касселехату пришлось протянуть руку и остановить его. Затем он повернулся и улыбнулся своим подопечным.

— Он забросал нас информацией. Но картина в общем такая…

Все трое были в хорошем физическом состоянии, и по существу то же самое можно было сказать и об их психическом состоянии. Вероятно, когда они постепенно привыкнут к своему новому окружению, успокоятся — ощущение небезопасности мистера Кэкстона, ощущение потери мистера Ренфрю — вот как они называли, что беспокоит Ренфрю! — и неловкость мистера Блейка из-за их запаха — со временем улягутся.

Что же касается запаха, — Касселехат экспрессивно развел руками, — доктор Манаданн говорит, что запах — это быстроиспаряющееся вещество, выделяемое телом, растением или предметом, а то, что выделяете вы, джентльмены, кажется, не имеет таких свойств. Последуют новые опыты, но в соответственно оборудованной лаборатории.

Было сказано что-то еще, но это было главное.

Еще говорили так же и некоторые другие врачи, но более кратко, и все это, казалось, добавлялось к тому, что они, очевидно, не несли с собой ничего заразного для охраняемого населения этого периода истории.

За этим последовал еще более краткий разговор об изготовлении для них одежды из специальной ткани, закрывающей все тело, кроме головы и рук, чтобы их запах мог быть сведен до минимума. Но они не должны ходить купаться или раздеваться, чтобы позагорать рядом с другими. Касселехат еще раз развел руками и, снова улыбнувшись, сказал:

— Ну вот. Вы можете идти, куда хотите. Вселенная две тысячи четыреста семьдесят шестого года нашей эры — как это говорится? — у ваших ног. Езжайте — самое позднее завтра — отдохните.

Блейк сказал:

— Мы, пожалуй, никуда не поедем, кроме как, может быть, по личным делам, пока не получим эту одежду.

Один из врачей заговорил опять — какая-то просьба, насколько Кэкстон мог понять (язык уже становился не таким непонятным). Когда сообщение закончилось, Касселехат объяснил, что врачи хотели бы, чтобы «один из трех джентльменов»

пошел с ними на дополнительный тест. Казалось, они предпочитали Ренфрю.

Ренфрю сказал:

— Вы хотите сказать, что меня вот прямо сейчас заберут, а мои друзья, — он нежно обнял Кэкстона, который оказался рядом, — останутся здесь?

Этот неожиданный жест смутил Кэкстона. «Друзья, — подумал он насмешливо, — вот все, что мне нужно». Пока он боролся со своими чувствами, все было приготовлено. Ренфрю и врачи ушли. Пришли люди и выкатили аппараты. Касселехат, уходя последним, остановился.

— Ну, мистер Кэкстон, у вас было время сформировать какое-то мнение о людях этой эры?

Кэкстон вынужден был признать, что нет. День показался ему совершенно пустым. Что было неудивительно. Врачи, выполняющие свои профессиональные обязанности, были почему-то как роботы, а не люди.

Вслух он сказал:

— Я думал, с нами сегодня побеседуют, и тогда я смог бы определиться.

На лице Касселехата появилось странное выражение: он неожиданно заволновался.

— Но, — он почти выдохнул слова, — вы разве не поняли? Что весь медосмотр передавался на

все четыре планеты.

Здесь он немного пришел в себя и извинился:

— Я понял, что я просто принял за должное то, что вы узнаете обычное телевизионное оборудование.

— Телевизионное! — простонал Блейк, стоявший в стороне.

— Вы имеете в виду, — сказал Кэкстон, — нас наблюдали весь день без… — он хотел сказать «без одежды». Но слова не выходили. Мысли роились в голове.

Он смутно слышал голос Касселехата.

— О, да. Весь день. Вы должны понять, джентльмены, — он снова был совершенно спокоен, — что ваше прибытие — это давно ожидаемое событие, и люди всех четырех планет очень интересуются любыми подробностями вашего пребывания здесь.

Кэкстон открыл было рот для протеста. Но краем глаза он увидел, что Блейк пытался привлечь его внимание. Добившись своего, Блейк подмигнул. И замолчав, Кэкстон понял, что Касселехат был не в состоянии понять, что их тревожит.

Потом, когда Касселехат ушел, и они обсудили этот день и это поразительное открытие в конце, Кэкстон узнал от Блейка, что Ренфрю не

будет всю ночь — это он пропустил из-за своего замешательства по поводу дружеских излияний Ренфрю. «Ловко они это устроили», — подумал он с восхищением.

Вслух же он сказал:

— Думаю, под видом анализа ему будет оказано дополнительное лечение.

Блейк кивнул.

Кэкстон настойчиво продолжал:

— Джеймс ничего не подозревал?

— Абсолютно ничего, насколько я мог видеть, — сказал его товарищ. — Даже был доволен. Пролетит над городом. Нам это удовольствие достанется завтра.

— А я-то думал, что мы свободны, — проговорил Кэкстон, — и что у нас ключи от города.

Блейк рассмеялся. Он снова отпускал усы, и теперь над его верхней губой была черная полоска. С усами возвращался и тот первоначальный вид, который был у него, когда Кэкстон впервые встретился с ним. Он сказал:

— Только, очевидно, не сегодня. Но мы можем остаться здесь.

— Ого! — огляделся вокруг Кэкстон, — В этих апартаментах?

Когда Блейк снова кивнул, Кэкстон сказал:

— Что ж, это по крайней мере один шаг вперед. Который час?

Они одновременно посмотрели на часы, и оба были ошеломлены, когда увидели, что был уже десятый час вечера. Пока они соображали, что им следует делать, из кухни донесся мягкий звонок. Они зашли туда как раз в тот момент, когда плита (это устройство Касселехат продемонстрировал им за обедом) выставляла тарелки с дымящимся блюдом на стол.

Блейк рискнул предположить, что еда предназначалась для них и предложил поесть, пока никто не пришел и не оспорил это предположение.

Что они и сделали.

Пройдя в одну из спален, Кэкстон обнаружил ряд брошюр, озаглавленных: «Исторические путеводители для наших выдающихся гостей из прошлого». Они были на английском, и их было достаточно, так что он мог почитать перед сном.

Это был первый полный день на Альфе Центавра.

Когда на следующее утро Кэкстон проснулся, он все еще был утомлен от долгой ночи жадного чтения. Но Ренфрю был уже на месте. Одевшись и позавтракав, они были готовы ко второму дню

на планетах Центавры.

16

Теперь-то, наконец, их вывели из квартиры. А Кэкстону было интересно наблюдать за Ренфрю: тот уже побывал в городе, и ему было приятно показывать Блейку и Кэкстону все, что он там узнал.

Сначала они прошли в дверь и оказались в сверкающем коридоре большого космического корабля, который два дня назад встречал их. Спустились по лестнице, затем сошли на двигающийся пол. Сойдя с него они прошли короткий отрезок до следующей двери.

Когда открылась эта дверь, их встретил мягкий бриз и они оказались снаружи, выйдя на открытое место — тихий эквивалент летного поля. Над ними было голубовато-зеленое небо, не очень отличное от неба Земли.

Правда, на небе было два светила: одно, размером примерно с Солнце, находилось на четверть над горизонтом на востоке, другое — яркое, белое, размером с теннисный мяч, было в нескольких дюймах над горой на западе.

Кэкстон остановился и уставился на ландшафт. На какой-то момент он забыл свои собственные

цели. Он смотрел, на глаза навернулись слезы, и он подумал: «Мы здесь! В самом деле!»

Рядом с ним Блейк говорил Ренфрю:

— Они вас водили сюда прошлой ночью?

— Да.

— Счастливчик.

Ренфрю скромно сказал, что он не думает, что их хозяева заботились о том, кто из них увидит все это первым, так как они не собирались скрывать это ни от кого из них. Но он с осведомленным видом взглянул на Касселехата.

— Тот же эскалатор? — спросил он.

Старик кивнул, и поэтому к турникету их повел Ренфрю, а там вдоль корабля до площадки они сошли по эскалатору.

Совершенно обыкновенный на вид автобус ждал их внизу, и когда они вошли в него и сели, их отвезли к отдаленным воротам, а затем на какую-то улицу, которая не очень отличалась от улиц любого заграничного города на Земле, разве что она была очень широкой. И что еще было отличным, так это то, что они впервые увидели «Полеты».

Их везли по улицам, которые все были чрезвычайно широки, к отелю, куда они вошли через заднюю дверь. Затем, на эскалаторе — на самый

верх в фешенебельную квартиру.

Внутри улыбающийся Касселехат сказал:

— Господа двадцатого века, среди многого прочего вчера вас сфотографировали, и в результате для вас были сделаны костюмы по вашим индивидуальным меркам. Имена пропечатаны в карманах.

Он сделал приглашающий жест рукой.

— Так что устраивайтесь в комнатах, одевайтесь, а я вернусь, когда прибудут ваши личные «Полеты».

«Полеты» были доставлены к вечеру. Оказалось, что они еще не знали, как они работают. Инструктор-физик, кажется, должен был появиться поздно вечером. Но Касселехат, чья собственная машина была в камере хранения для таких средств, был счастлив, как он сказал, показать им простые операции. Трое охотно согласились, и он вывел их на большой внутренний двор позади отеля. Накинув на себя аппарат, он поднялся на высоту в двадцать футов и окликнул своих подопечных.

— Давай!

Они попробовали по очереди, сначала Нед Блейк, весело крикнувший:

— Эй!

Затем Ренфрю, который взлетел молча, но улыбаясь, и наконец, с неохотой, Кэкстон. Неохота объяснялась тем, что он быстро заметил несколько внешних отличий этого аппарата от того, который он изучил по фильму Арлея. Там были наплечные лямки с парой петель, охватывающих тело и проходивших снизу между ногами, как дополнительная поддержка. В этом же все прикреплялось к лямкам тонким шнурком, и вдобавок нужно было прикрепить две похожие на шлепанцы штуки на каждый ботинок. А они в свою очередь крепились к плечам точно таким же шнурком. Кэкстону казалось, что все эти отдельные части никак не могли действовать вместе, чтобы держать его на лету, так как они друг друга не крепили. Судя по тому, как держали себя другие, здесь было какое-то взаимодействие, но как они этого добивались, было не ясно.

Кэкстон колебался, думая о том, что ему хотелось бы знать об этих вещах, прежде чем доверяться им. Потом он снова заколебался, подумав, что в конце концов Блейку и Ренфрю действительно нечего было терять, потому что они больше никуда не собирались, а он собирался, его целью было — бессмертие. Потом он уже заколебался еще раз, подумав, что аппарат был

слишком быстр, это нужно делать постепенно, сначала на пять футов, затем десять, а может в первый день и не выше.

Когда он дошел до этого, он увидел, что на него смотрят. Блейк слетел вниз и тихо сказал:

— Питер, ради Бога, не позорьте нас.

После этого Кэкстон сопротивлялся лишь несколько секунд. Он резко ухватился и осторожно сжал крошечный рычаг, свисающий с руки.

Сначала натянулись лямки на плечах. Затем возникло давление в области нижней части. И в то же время ноги его окрепли. Кэкстон настолько был поглощен этими ощущениями, что поднялся на несколько футов, не успев приготовиться к первому подъему. Он открыл рот от изумления и восторга. Затем задержал дыхание. И поднялся на двадцать футов вместе с другими, и все было так просто, восхитительно, и — о, боже мой!

Когда они вчетвером поднялись на высоту, как оказалось, более пятисот футов, Касселехат объяснил, что это был предел для полета персонального «Полета».

— Но самого ограничителя нет, — добавил он. — Где бы вы ни были, над горой или над морем, машина поднимется на любую высоту до максимальных пятисот футов.

Кэкстон не считал это ограничением. Что беспокоило его, так это разговор, который он услышал, когда молча летал возле своих трех спутников. О путешествиях, которые планировались, о местах, куда они пойдут. Это походило на деловой маршрут, отдаляющий возвращение на Землю. Эта мысль опечалила его, но он ничего не мог с этим поделать.

Первый полет пронес их над огромным городом Ньюмерика, затем над заливом, откуда был виден океан, и, наконец, обратно в отель.

После обеда в номере Кэкстон вытащил свой «Полет» и попытался разобрать его под заинтересованными взглядами Блейка и Ренфрю.

Он не мог даже открыть его. Он все еще возился с ним, когда появился Касселехат не с одним, а с двумя механиками и физиками. И, когда механик со знанием дела разобрал его аппарат, ему объяснили разницу между «Полетом» две тысячи восемьдесят третьего года и нынешним.

Первоначально «Полет» работал на компакт-батарее, которая образовывала противоположные поля возле опоры. Между опорой и землей устанавливалась связь. Сдвигая поля, можно изменить связь. Таким образом, «Полет» опускался или поднимался для того, что бы поддержать

высоту.

Все это, как объяснили Кэкстону, было слишком сложно. Аделедикнандер упрощал этот метод — чем? Кэкстон не очень понял. Очевидно, противоположные поля были не нужны, потому что электроны «знали», как оказаться на различных высотах.

Хотя он не мог понять эту науку, они все, наконец, разобрались в практических операциях.

Таким был второй день.

На третий их подняли на корабле к верхним слоям атмосферы.

С этой высоты трое из далекого времени смотрели вниз на планету. Они видели мир размером, как утверждалось в путеводителе, с Землю. Этот мир назывался Блейном. А через некоторое время он был уже слишком велик для быстрого взгляда.

Города и снова города. Бесконечные мили сельскохозяйственных угодий, затем обширный океан. Их судно проходило в верхних слоях атмосферы со скоростью, поглощающей мили и огибающей планету приблизительно за семь часов. На такой высоте и при такой скорости трудно было отличить Блейн от Земли. Материки были очерчены смутно, так что они могли быть чем

угодно и где угодно.

Каждое утро Кэкстон поднимался с красивой кровати в своей превосходной, большой комнате, осматривался и нетерпеливо пожимал плечами. И когда, наконец, объявляли программу на день — это всегда была чья-то идея, но никогда его собственная. Его не оставляло ощущение навязчивости и убеждение в том, что сегодня предстоит еще один безрадостный день. Так оно и было.

В этих турах он почти ничего не видел. Мысли его были где угодно, только не там, где он находился. Впоследствии, когда Ренфрю и Блейк обсуждали события дня, в голове у Кэкстона мелькали какие-то смутные воспоминания об описываемом эпизоде. И некоторое время он улыбался, кивал и даже делал какие-то собственные замечания. Иногда — не очень часто — в этих воспоминаниях он казался довольно заинтересованным. В такие моменты он снова поражался и разочаровывался в себе. Потому что: «Правда, — говорил он себе, — торопиться некуда. Прошлое время ждет вечно… где-то». И, тем не менее, в следующее мгновение какая-то его часть больше не верила этому, а затем была злость, фрустрация — еще один бесконечный день, когда он плелся

за своими возбужденными товарищами.

Изменение произошло на одиннадцатый день. Блейк и Кэкстон находились в номере. Ренфрю, спускавшийся вниз, не сказав зачем, вошел, улыбаясь во весь рот. Он сказал:

— Я все время слышал ваши тихие мысли, Питер, и, наконец, они тронули меня.

Он пояснил:

— Может, вам будет интересно услышать, что я только что купил нам всем билеты до Земли, и, как я понимаю, когда мы доберемся туда, нас будет ожидать какое-то подобие приветствия.

Молча Кэкстон продолжал в раздумье лежать на кушетке, но очень легко покачал головой. Добраться до Земли, очевидно, должно было быть настолько простым делом, раз Ренфрю хотел, чтобы это произошло.

«Я, — подумал он, несколько сбитый с толку, — не смог бы сделать этого менее, чем за три недели или месяц».

Думая так, он удивлялся себе, тем не менее настроение поднялось.

На Землю. Слава Богу.

17

Через три часа они, конечно же, отправились в поездку, и, конечно же, им понадобилось почти столько же, чтобы добраться до своего отеля из космопорта через приветствующие их толпы.

В тот вечер, когда во время интервью, транслировавшегося на весь мир, его спросили, что он хочет увидеть на Земле больше всего, Кэкстон сказал:

— Город Лейксайд. Журналисты были ошеломлены.

— Но почему? Родились вы в другом месте, и жили вы не там.

— Я видел его во сне, — вежливо сказал Кэкстон. Он приукрасил ложь. — Где-то в долгом сне, может под самый конец, перед пробуждением, явилось мне название, и вот интересно, очевидно, — все с той же вежливостью, — через пять веков мы можем посмотреть на наши родные города, как люди, занимающиеся археологическими раскопками. Естественно, я хочу туда, но сначала — Лейксайд.

Ему показалось, что это была смелая мысль — назвать город, где он очутился, выйдя из Дворца

Бессмертия несколько сот лет назад. Но он верил, что Обладатели знали, что это он отправился в это невероятное путешествие, и они должны знать так же, что у него была цель, связанная с ними. Так что его присутствие здесь не было тайной.

«Нет, нет, — подумал Кэкстон, — они меня могут видеть, а я их не могу». У него была надежда на то, что его откровенность и искренность — это было доказано тем, что он проделал такой огромный путь во времени — даст ему то, в чем раньше ему было отказано.

Это, как ему показалось, было для него самой простой и самой прямой возможностью.

Команда операторов прибыла прямо в отель, и вот, когда Кэкстон вышел, Блейк ждал его возле дверей.

Кэкстон увидел, что несколько человек наблюдали за ним, словно у них были личные планы на него. Но первым был Блейк, и Блейк сказал:

— Вот, кто делает это, приятель.

Кэкстон понял, что происходит, и он взял себя в руки. Он считал Блейка важной персоной и ему просто повезло, что внимание его было сосредоточено на его бывшем боссе. Таким образом он избежал прямой конфронтации с одним из проницательных людей среди тех, кого он когда-

либо встречал до сих пор.

Блейк продолжал.

— Питер, — сказал он и тряхнул своей темноволосой головой, — вы ведь никогда не жили в Лейксайде, не так ли?

Кэкстон должен был признать, что не жил.

— На самом деле, если я правильно помню, ваш родной город находиться около пятисот миль западнее.

Кэкстон ничего не сказал, и Блейк спросил:

— Вы когда-нибудь были в Лейксайде?

Кэкстон решил, что одна его поездка в 2083 году не считалась визитом. Поэтому он опять покачал головой и попытался на этот раз напустить на себя несколько загадочный вид.

— О'кей, О'кей! — качал головой Блейк. — Если вы так хотите, друг мой, то так и будет.

Он по-дружески схватил Кэкстона за руку и потащил в дверь к ожидавшим там людям.

— Здесь вот человек, который хочет с вами познакомиться.

Он подал знак, и вперед выступил какой-то сурового вида человек лет сорока. Блейк сказал:

— Мистер Бастман, я хочу вас познакомить с моим другом, Питером Кэкстоном. Это, — он произнес слово, похожее на «шлемиль», но такое

же, конечно, было невозможно, и после такого начала Кэкстон не осмелился спросить имя еще раз. Какой-то Бастман. Остановившись на этом, он начал бормотать что-то о признательности, когда, впервые взглянув на этого человека, смог разглядеть его как следует.

Это был момент дежа вю. Не «я уже был здесь раньше», а «я уже видел этого человека». Где? Кэкстон задрожал. В двадцатом веке, где еще? А если так, тогда-тогда…

Опять говорил Блейк:

— Мистер Бастман отличается от большинства людей, которых мы встретили в этой эре тем, что, как и Касселехат, он говорит на среднеамериканском почти как на родном.

— Обладатель!

Что спасло Кэкстона от того, чтобы не встать и не выдать себя, ибо он был ошеломлен, так это другие люди, которые лезли вперед, улыбались, пожимали его руку, бормотали слова на диалекте теперешнего времени, которые Кэкстон уже некоторым образом понимал и на которые он отвечал в своей манере, медленно выговаривая каждое слово.

И с каждой секундой он все больше овладевал собой, восстанавливая свою защитную оболоч-

ку, которая обычно была из мрамора и железа, и каждую секунду он думал: «Где? Кто?» За эти полторы минуты беглых знакомств память его пролистала весь опыт общения с Обладателями, а его было не много, так что он мог зрительно представить Бастмана, состарившегося до семидесяти. Но лихорадочно перебрав несколько людей, которых он видел во Дворце Бессмертия или как-то связанных с ним, он быстро сосредоточился на одном человеке.

«Тот старик… Как это сказал тот торговец Келли: „Он выглядит, как все самые важные и властные менеджеры в мире“ — Надо поддержать связь с этим парнем!»

Когда они прощались, он в отчаянии сказал это же самое и поймал удивленный взгляд Бастмана.

— Ну, конечно, — сказал он вежливо, — я увижу вас утром, как мы только что договорились.

— Ради Бога, Питер, — это был Блейк, — вот вы опять.

Одной рукой он обхватил Кэкстона за плечи, рассмеялся дружелюбно, но несколько извиняюще, и, наклонившись вперед, объяснил Бастману:

— Кажется, мы никак не можем полностью

оставить его в двадцать пятом веке. Он все время ускользает куда-то.

Кэкстону же Блейк сказал:

— У мистера Бастмана личная воздушная яхта, которая, по всеобщему мнению, гораздо удобнее, чем государственная: так что он отвезет нас завтра в Лейксайд.

18

Процессия, направлявшаяся на следующий день в Лейксайд, состояла из прекрасного корабля Бастмана, правительственного конвойного судна и большого корабля с операторами и репортерами, которые, очевидно, будут следовать за ними по пятам.

Внутри роскошный корабль Бастмана был размером с железнодорожный личный вагон. Кэкстон сидел на плюшевом стуле возле огромного окна, его беспокоило то, что он уже достиг своей цели. Неожиданное появление Бастмана было, в своем роде, все, на что он надеялся, когда упомянул Лейксайд.

Тем не менее он решил, что не будет тянуть попусту время, а попытается определить местонахождение нужного ему дома…

Здесь, как оказалось, была только одна проблема. Когда экспедиция добралась до Лейксайда и под его управлением пролетала над городом, он не мог найти ничего похожего на этот дом.

Он повторял себе, что холмы существенно не менялись. Трудно поверить, что кто-либо — строитель, комиссия по городскому планированию,

военная необходимость, или что бы там ни было — тратил время, усилия или деньги на то, что бы сровнять с землей постамент подобный тому, на котором стоял тот дом в 2083 году.

Однако во всем Лейксайде наблюдалось только два основных холмистых образования. Кэкстон подходил к ним со всех углов — и преуспел только в том, что запутался. Ни с воздуха, ни с земли не было ничего, что напоминало бы то, что он видел когда-то. Конечно, прошло уже четыреста лет. На одной из вершин город построил музей, что было довольно глупо, как казалось очень раздраженному Кэкстону. Когда, справившись, он узнал, что музей был построен только сорок восемь лет назад, у него появилось болезненное подозрение, что это действительно было то самое место, и что тут в результате чьего-то идиотизма был конец его надеждам.

Они прилетели обратно в Нью-Йорк поздно вечером. У Кэкстона было ощущение, что он, должно быть, выглядел дураком в глазах тех людей, которые весь день или по крайней мере время от времени смотрели на него со своих настенных экранов. Он не мог представить, что кто-то еще интересовался гостями из прошлого до такой степени, чтобы продолжать уделять

основное внимание такому скучному событию, как путешествие в поисках неизвестно чего.

Тем не менее, когда у него в тот вечер брали интервью по телевидению, журналисты, казалось, были настойчивы, принимали его серьезно и были чрезвычайно заинтересованы его утверждением о том, что невозможно найти за время однодневного визита то, что он ищет. И поэтому он выразил свое намерение переехать на некоторое время в Лейксайд.

— Но что вы надеетесь найти, мистер Кэкстон? — настаивал собеседник.

— Не знаю. У меня такое чувство, будто я узнаю, когда увижу это.

Собеседник улыбался.

— Мистер Кэкстон, вы определенно захватили воображение нашей довольно поразительной эры этим своим мистическим сном. Он до некоторой степени напоминает древний поиск Святого Грааля, мы, — он взглянул на камеру, — будем держать наших зрителей в курсе. Удачи, сэр.

Он протянул руку, и Кэкстон пожал ее. По пути в комнату он подумал, «Мой поиск — поиск бессмертия, и вести я его буду с тем же фанатизмом, что и древние крестоносцы. Даже…» Ему вдруг пришло в голову, что если исходить из того,

что знал диктор о его цели, это сравнение было неудачным и даже лишено вкуса. Но с его действительной, скрытой целью некоторое сходство было. Потому что те искатели древности пришли к ужасному пониманию того, что человек смертен, так что для своего времени по-своему они сделали то, что он делал сейчас. Было это их безумием? Он всегда так думал. А его? Было или нет, в любом случае, сдаться было невозможно. Что еще делать? Вернуться на Центавры — совершенно не хотелось. Обживаться в двадцать пятом веке? Нехотя он согласился с Блейком и Ренфрю, что это было невозможно, легче не будет. Они были, как эмигранты из очень отсталой страны, а такие селились в каком-нибудь месте рядом с себе подобными. Только такого места для эмигрантов времени не существовало.

В тот вечер, пока Блейк и Ренфрю наблюдали за ним, не говоря ни слова — некоторое время — Кэкстон уложил свои вещи. Ощущая на себе их взгляд, следующий за каждым его движением, он чувствовал себя бесконечно глупо, и тем не менее был настроен решительно. Именно Кэкстон наконец нарушил молчание.

— Я на несколько дней уеду. Надеюсь, вы не будете возражать.

Двое обменялись взглядами, а затем Ренфрю подошел к тому месту, где Кэкстон склонился над своим чемоданом, и положил руку ему на плечо.

— Мы едем с тобой, приятель. Нед и я можем выбраться из Лейксайда так же легко, как и из любого места. О'кей?

Это был еще один из тех сумасшедших, эмоциональных моментов.

«Ради Бога, — подумал Кэкстон, сдерживая слезы, — если я не поостерегусь, то скоро разрыдаюсь, как женщина, и расскажу им всю эту безумную историю».

Они двинулись в Лейксайд.

Бастман отправился с ними.

— В конце концов, — сказал он, — я независим и богат. Так что я в вашем распоряжении. Делать что-то другое мне не хочется.

Кэкстон это мрачно обдумал. Становилось ясно, что даже «оппозиция» во Дворце Бессмертия не собиралась устраивать ему легкую жизнь.

19

В последующие семнадцать дней в дневнике Кэкстона — если бы у него хватило терпения вести его — можно было бы прочесть:

В течение недели каждый день ездил на Пиффер-Роуд. Сейчас это часть Центр-Востока 42, который состоит из длинного торгового ряда, тянущегося на тридцать семь с половиной миль откуда-то с севера от Бульвара Уорвик к Кисслинг-Драйв. Здесь семьдесят три города такого типа. Это то, что имел в виду Касселехат, когда сказал про возврат к городской структуре. В Центр-Востоке 42 я не нашел следов Дворца Бессмертия.

…Середина второй недели. Удалось ускользнуть и нанять одну поисковую фирму на поиск владельца всех домов на двух холмах в Лейксаиде. Это займет несколько дней.

…Так, выяснилось, что некая семья Магольсон владела одним из домов, пока собственность не была передана музею. И что в каждом поколении главу семьи Магольсонов звали Дэниелем. Поисковая фирма идет сейчас по следу семьи в этом поколении. Они рассчитывают, что адрес

для меня будет у них завтра или послезавтра. То ли это? Нашел ли я Обладателя из основной дворцовой группы? Надеюсь, что да. Ренфрю и Блейк потеряли покой.

В тот вечер, когда у него появилась эта мысль, Ренфрю и Блейк пригласили пойти его куда-нибудь в бар. Кэкстон пошел, но было как-то неудобно. Что-то в их поведении было…

В полумраке бара они подняли бокалы по предложению Блейка и выпили за красивых женщин всех времен. Отпив из своего стакана, Блейк поморщился и сказал:

— Как мы сейчас можем предположить, человеческий запах отражает пищу, которую употребляют люди. Так, китайские собаки нашего времени яростно лаяли на белых посетителей и не обращали внимания на китайских путешественников, которые предположительно ели то же самое, что ели и в этой деревне. Так что, может быть, мы и не захотели бы близко общаться с женщиной шекспировских дней и захотели бы оставить Клеопатру Цезарю и Марку Антонию. Очевидно дело здесь не в ванной. Большое количество одеколона помогает, но, похоже, нам придется еще несколько месяцев подвергать свои клетки нынешней диете, прежде чем мы наконец

сольемся с всеобщим запахом.

Он замолчал, и Кэкстон, начавший испытывать облегчение — разговор пока что, казалось, очень отличался от предыдущих — воспринял слова Блейка по их поверхностному смыслу. Он сказал:

— Я немного изучал это. Думаю, что дело в удобрениях, которыми пользовались тогда и сейчас. В старом Китае, вспомните, человеческим шлаком тщательно сдабривали почву, результаты, с точки зрения западного человека, были тошнотворны. Здесь же они применяют химические составы, которые были не известны в наше время.

Он уже собирался было дать более подробное описание, когда заметил выражение глаз Ренфрю, и остановился.

— Что случилось? — спросил он.

Блейк раскрыл было рот, чтобы снова сказать что-то, но Ренфрю, положив руку ему на плечо, остановил своего друга и сказал с улыбкой:

— Помните, когда вы оба предложили мне свои деньги. Я сказал, что думаю…

Кэкстон почувствовал, как у него изменилось лицо.

Он забыл.

Подарок в два с половиной миллиона от пра-

вительств четырех обитаемых планет Центавры был, очевидно, третьей частью той суммы, которую Ренфрю вложил за них правительственными облигациями пятьсот лет назад. Тогда вышел закон, санкционировавший такой долгосрочный вклад и, конечно, это был произвол со стороны правительства — делить этот вклад поровну на оставшихся путешественников во времени. По праву все деньги принадлежали Ренфрю.

Вскоре после того, как был выяснен источник этих щедрых денег, Блейк сразу же предложил свою долю Ренфрю и, после мимолетного колебания, это же сделал и Кэкстон. К его разочарованию, Ренфрю не стал сразу отказываться от предложенных денег. Тогда он с улыбкой сказал:

— Давайте оставим все как есть. Но у меня есть одна мысль, и я попросил бы вас обоих принять участие в довольно солидном финансировании. Если это осуществится, тогда я возьму чек. В противном случае, забудьте это.

Что было очень великодушно. Но это все же оставило деньги не Кэкстону.

Теперь, приготовившись к худшему, он думал: «Мне придется делать расчеты?»

Ренфрю продолжал:

— Я рад вам сообщить, что дело сработало. —

Он нежно улыбнулся Кэкстону. — За последние недели, что вы осматривали город, Нед и я приценивались к супер кораблям. Ну, мой друг, — он вытащил руку и этим магнитным касанием легонько схватил Кэкстона за запястье, — мы сможем приобрести один за пять с половиной миллионов. Так что…

Ренфрю отвернулся от Блейка в своем ликовании, взглянув на него, Кэкстон же заметил на себе и взгляд Блейка. Блейк делал кивающий жест головой, а глаза его умоляли Кэкстона согласиться с этой идеей, какой бы она ни была.

Ренфрю заканчивал свое предложение.

— Почему бы нам не выложить равные суммы и совместно не приобрести корабль, который мы с Недом выбрали?

Кэкстон делал быстрые подсчеты, деля пять с половиной на три, а так как треть была меньше того, что у него было более чем на полмиллиона, то это ничего не значило, это была такая же нереальная сумма, как и первоначальное количество, которым он все равно никогда не обладал.

На его личные цели оставалось еще достаточно. Если уж эта просьба ничего для него не значила, то можно было, недолго думая, соглашаться.

Практически он и не раздумывал — и не имел

подозрений.

— Великолепно! — сказал он громко, слишком громко.

— Считайте дело сделанным. Даже…

Он вытащил свою чековую книжку и выписал чек Джеймсу Ренфрю на один и пятьдесят шесть миллиона. Размашисто подписывая его, он услышал, как Блейк рассказывал ему их планы.

Кэкстон смутно увидел, как Ренфрю взял чек. Но внутри него была ужасная пауза… Что он сказал? Какая поездка?

Блейк пылко рассказывал:

— Завтра мы проверим корабль. Да, он автоматический. Нет проблем. И потом, на следующий день, уезжаем.

Кэкстон смотрел на него, ничего не соображая. Затем не смог сдержаться:

— Ради Бога, куда мы едем?

Блейк с сияющими глазами ответил:

— Питер, это один из кораблей, который может добраться до Центавры за три часа, до Сириуса — около десяти и так далее.

Теперь он уже схватил Кэкстона за руку. Его взгляд искал глаза Кэкстона.

— Слушай, малыш, мы ведь здесь поиграли с вами в вашу игру. А теперь вы поиграйте в игру

Джима — пару месяцев космического исследования. О'кей?

— Немного попутешествуем, — сказал Ренфрю. — Что скажете, дружище?

Он не сопротивлялся. Не мог сопротивляться. Пока не мог. Странно, но он все еще испытывал привязанность к ним обоим: не мог возражать их планам. Много раз он думал: «Это потому, что они любят меня, а я раньше этого не имел…» Но был еще и тот фактор, что если — если — ему придется остаться в двадцать пятом веке, тогда, возможно, он в них будет нуждаться больше, чем они в нем. В конце концов, они всегда были вместе. В этом отношении он определенно был вторым. Блейк всегда выберет сначала Ренфрю, а Ренфрю всегда будет, ну, ожидать, что Блейк выберет его первым. Но казалось верным и то, что они оба отдавали часть своей привязанности этому дрожащему, нервничавшему, напряженному, раздражительному, рассеянному потенциальному отступнику, этому странному запутавшемуся типу по имени Питер Кэкстон, обладающему степенью магистра двадцатого века и степенью круглого идиота, стремящегося к бессмертию. И потому что ему нужно было теплое чувство, которое они предлагали ему, он не мог ничего поделать — он делал

то, что они хотели. Поэтому избежать этой исследовательской поездки в космос было нельзя.

Кэкстон остался в вестибюле отеля, пытаясь придумать, как он мог ускорить поиск нынешнего адреса Дэна Магольсона. Потому что, если он сможет пойти туда…

Что тогда? Он вдруг обнаружил, что зримо представляет вход во Дворец Бессмертия через дом Магольсона. И если он был там, то он проберется во Дворец и спрячется. А уж там… Планы его были смутны, ну да черт с ними. Он будет решать тогда, когда доберется туда, но где-то в подсознании у него была призрачная надежда на то, что он сможет договориться с Обладателями, и они позволят ему остаться, пока он делает усилия привести свои личные качества в соответствие с их требованиями.

Конечно, Кэкстон думал, расхаживая из угла в угол, что сможет стать — он криво усмехнулся — более мягким, нежным, более привлекательным Питером Кэкстоном. Трудно было представить такую перемену, но другие же были такими, так почему не он? И все же проблема никогда не была в нем. Его личные качества приобрели нынешнюю форму, пока он постепенно и довольно неохотно осознавал сумасшествие других.

«Может быть, они смогут изменить меня, но как, ради всего святого, они собираются изменить те миллионы сукиных сынов там, с которыми мне приходится иметь дело?» Его беспокойному разуму казалось, что его восприятие окружения должно быть затуманено, прежде чем он осмелится подвести своего опекуна.

Ближе к десяти вечера его лихорадочное возбуждение неожиданно утихло. Кэкстону это было знакомо. Своими мыслями он довел себя до изнеможения. Сейчас наступит период апатии и смирения.

Он уже поворачивался, чтобы подняться к себе в комнату, когда впервые вспомнил про Бастмана. Возбуждение мгновенно нахлынуло вновь, на этот раз более усталое, но достаточное, чтобы он направился в комнату связи и оттуда, из тишины, связался с человеком, который был врачом главной группы Обладателей. К тому времени, когда на экране показалось знакомое уже суровое лицо, Кэкстон был уже снова спокоен и готов со своим рассказом.

Рассказ это был типа благодарно-вас-за-все-надеюсь-мы-еще-увидимся-когда-вернемся-из-нашего-путешествия. Несказанным было: «Теперь сделайте же что-нибудь!»

Дальше произошло то, что где-то глубоко в подсознании породило почти невидимую надежду. Казалось, Бастман сильно опешил. Но он быстро оправился и проговорил волшебные слова:

— Ах, Питер, почему мне не прилететь за вами в отель, и нам не отправиться куда-нибудь поболтать. Вы согласны?

— Еще бы!

Кэкстон бросился в свою комнату. Рассовал по карманам браунинг, пару запасных магазинов, лазерорежущее устройство, купленное им в магазине, крошечный тюбик с пищевыми капсулами, газовый пистолет из двадцать пятого века и с полдюжины возбуждающих средств, предназначенных для поддержания пробуждающего центра мозга в состоянии готовности даже при работе центра сна. Одну таблетку он проглотил.

Было еще несколько средств, которые, как ему показалось в неожиданном приступе беспокойства, он хотел бы взять с собой. Но он боролся со страхом и держал свои защитные инстинкты… На крыше он появился менее чем за минуту до того, как машина Бастмана села на одну из площадок.

Дверь открылась. Бесшумно откинулся трап. Кэкстон, полный решимости, чувствуя, что его приняли, уже собрался подняться, когда увидел,

что Бастман вышел ко входу и загородил его.

Бастман сказал решительным тоном:

— Ну, Питер, пришел час расплаты, а?

Слова эти были тихо произнесены человеком, который прекрасно знал, что Кэкстон его узнал, когда их знакомил Блейк. Он хотел, чтобы Кэкстон тоже знал это и, чтобы он понял, что то, что сейчас должно произойти, потребует решения.

Бастман был горд. Это было, возможно, то самое качество, которое выделяло его из других Обладателей. В своей гордости он смотрел на них как бы со стороны. Что спасло его от раскрытия в свои первые дни во Дворце — это улыбка. Позже он потеряет ее, но вначале он всегда улыбался, как будто он был с ними заодно.

А он не был. Он-то и заметил, что Клоден Джонс тоже стоял особняком. Что как не было дубликатов вероятности Камила Бастмана, так не было таковых и у Клодена Джонса.

Джонс, наблюдая за Бастманом, заметил отсутствие его вероятностей, но по природе он был мягким человеком и ему никогда не приходило в голову рассматривать это, как уязвимость Бастмана. Бастман же, изучая Джонса, понял с все возрастающим ликованием, что здесь-то и была их общая слабость, что он мог остановить все это

безумие с вероятностью, нанеся удар по одной ключевой фигуре.

Питер Кэкстон и оказался тем человеком, которого он выбрал для нанесения этого удара. Он не ждал от Кэкстона никаких проблем. Потому что, конечно же, он намеревался произнести волшебные слова:

— Питер, это ваш путь во Дворец Бессмертия. Он также собирался сказать:

— Мне пришлось пропустить эти недели, так чтобы вы поняли, что они не собирались вас спасать, и что, фактически, они и не вспоминали о вас с тех пор, как вас выкинули.

Его дополнительные инструкции включали требование, что Кэкстон должен переодеться, чтобы подходить к двадцатому веку.

— Потому, что вы отправляетесь туда, Питер…

Как он и ожидал, Кэкстон, когда ему предложили выбор, почти из кожи вылез в своем желании принять его.

20

Пыль. Он сидел в пыли у грязной дороги.

Кэкстон обвел вокруг глазами, узнав наконец Пиффер-Роуд в серости двадцатого века. Где-то слева от него — он мельком заметил — был белый дом малыша Джимми. Вдали какая-то мужская фигура быстро двигалась по направлению к железной дороге дальше на восток…

«Так это я?» — с удивлением подумал Кэкстон. Желания проверить у него не было. Напротив того места, где он сидел, был забор, а сзади — дикость редконаселенной местности.

Повернувшись, он уставился на дорогу. Там невдалеке он увидел деревья и наполовину скрытый в листве и ветвях большой ржавого цвета трейлер.

Это подняло его на ноги. Должно быть это тот самый трейлер.

Он побежал мимо другого дома, мимо каких-то старых консервных банок, зарослей ив в канаве, отблеска застойной воды, затем, свернув на открытую площадку, усаженную деревьями, где стоял трейлер, он замедлил бег и, задыхаясь, быстро подошел к двери трейлера.

Как раз тогда, когда входил, он вспомнил, что Джимми потом расскажет про это, а это значило, что Джимми прятался где-то поблизости. Кэкстон не дал этому задержать себя. Потому что, как он тоже вспомнил по рассказу Джимми, едва он успел войти и спрятаться, как пришли хозяева.

Потому-то он и прошел в трейлер, веря, что все это правда. Спотыкаясь, он прошел крошечный коридор в заднюю кладовую, и как мог пригнулся, скрываясь из вида в углу.

Вдруг голоса. Мужской и женский.

Прячась здесь, Кэкстон думал, что могло бы произойти даже сейчас, если бы его поймали за руку прежде, чем он успеет что-то сделать. Он слышал, как мужчина сказал:

— Отправимся в четырнадцатый век.

Мужской голос мрачно продолжал:

— Ты заметишь, что иметь дело нам придется только с одним человеком. Так вот, ему пришлось выйти и провести тридцать или сорок лет, чтобы постареть, потому что у стариков значительно меньше влияния на окружающих, чем у молодых. Не хотел воздействовать на двадцатый век больше, чем он это уже сделал. Однако теперь ступай в кабину и заводи.

Вот этого момента и ждал Кэкстон. Он бес-

шумно вышел, разминая свою правую руку в перчатке. Он увидел мужчину, смотревшего в направлении двери, которая вела в переднюю комнату и в кабину. Сзади мужчина казался плотным, лет сорока пяти. В руках он сжимал два прозрачных конусообразных предмета, мерцающих тусклым светом.

— Хорошо, — сказал он резко, когда Кэкстон подошел сзади. — Отправляемся. А на будущее, Селани, не бойся, каким бы этот человек не казался ужасным. Что мне удалось сделать, так это обеспечить, что бы никто из той толпы никогда не мог подобраться к нам…

Голос его сорвался, когда Кэкстон схватил его за плечо и крепко сдавил над ключицей.

Крепыш стоял совершенно без движения, подобно человеку, пораженному невыносимым ударом. И затем, когда Кэкстон отпустил его плечо, он медленно повернулся, и его взгляд остановился не на лице Кэкстона, а на его перчатке.

— Перчатки Разрушителя! — прошептал он. — Но как? Ведь репеллеры включены, мое специальное изобретение, которое предохраняет меня от приближения любого Обладателя! — здесь он впервые взглянул Кэкстону в лицо. — Как вы это сделали? Я…

— Отец! — это был голос девушки, чистый, испуганный, из кабины. Голос стал ближе. — Отец, мы остановились где-то около 1650 года нашей эры. Что произошло? Я подумала…

Она остановилась в дверях, словно испуганная птица, высокая, стройная девушка девятнадцати лет, вдруг показавшись старше, серее, когда она увидела Кэкстона. Взгляд ее метнулся в сторону отца. Она задохнулась.

— Папа, он не…

Крепыш безнадежно кивнул.

— Где бы мы ни были, в каком пространстве и времени, мы там. Но не это имеет значение. Дело в том, что мы потерпели неудачу. Бастман выиграл.

Девушка снова повернулась к Кэкстону.

— Как, вы же тот человек, — она замолчала, потом. — Разве не вас я видела в поезде сегодня? — она снова замолчала, качая головой. — Там было так много людей, но вы кажетесь знакомым.

Кэкстону было самому трудно сориентироваться и понять, что для этих людей он был незнакомец. Он узнал саму Селани, но нечетко. В самом деле, было очень трудно мысленно вернуться к этой поездке в поезде, к тому, что ему рассказал торговец Келли. Кроме инцидента в

поезде и краткой личной встречи с гораздо более старшей Селани во Дворце Бессмертия, это было все, что он помнил о девушке.

Неожиданная мысль встревожила Кэкстона. «Я сделал это, — подумал он, — с двумя людьми, которых я не знаю и которые не знают меня».

Он вспомнил сейчас, откуда возникло его ощущение ложного знакомства: утверждение о том, что в какой-то вероятности взрослая Селани была его женой, отпечатало ее личность у него в голове. Все остальное ему говорили другие, и он не помнил об этом, если говорить о его личном опыте.

Эти разнообразные мысли вспышкой пронеслись в его голове, когда он стоял здесь, внутри трейлера, и пристально смотрел на девушку и ее отца. Наконец, он ответил на ее вопрос.

— Да, — сказал он, — я следовал за вами, ибо это мой путь во Дворец Бессмертия.

Девушка смотрела на него.

— Ох, глупец, — прошептала она. — Вас обманули. Вы обречены вместе с нами.

Взглянув на нее в ответ, Кэкстон почувствовал внутри внезапную слабость. Он вспоминал, что Бастман не сказал о том, как он будет спасен. Другие уверения старика вдруг показались менее

значительными, потому что Кэкстон некоторым образом предполагал, что этот трейлер использовал Дворец для своего путешествия во времени. А это было явно не так.

Прежде чем он смог открыть рот, чтобы что-нибудь сказать, девушка сказала:

— Он не может вызволить вас раньше 1977 года, потому что никто кроме моего отца не знает, как попасть в этот период, а вы только что уничтожили его способность передвигаться во времени. Мы находимся где-то в середине семнадцатого века, а в этом периоде нет ничего, что могло бы пригодиться для путешествия во времени.

С каждым сказанным ею словом сердце Кэкстона обрывалось все ниже. И, когда она наконец закончила, он был на самом дне отчаяния.

1650 год нашей эры — примерно в центре Америки. Кажется тогда — он не мог вспомнить точное время — ни один белый не забирался так далеко вглубь материка. С этой мыслью память у него провалилась.

21

Первое, что увидел Кэкстон, очнувшись, это как девушка отворачивалась. На глазах ее были слезы, когда она открыла внешнюю дверь и спрыгнула на зеленую траву.

Первым движением его было последовать за ней, попытаться хоть как-то исправить ситуацию. Однако он был не тот человек, который когда-либо доверял подлинной сути женщины. Поэтому он помялся, а затем сказал ее отцу:

— Это правда? Мы застряли?

Не поворачивая лица, старик одними глазами посмотрел на него.

— Проблема в том, — сказал наконец Джонс, — что я, как экспериментатор, не участвовал в эксперименте. И дочь я также попросил воздержаться от участия с тем, чтобы она могла помогать мне. Да, она отправлялась в некоторые вероятности, но всякий раз — по моей просьбе — она быстро заканчивала все дела и снова сливалась в одного человека. Так что, как вас там, вина сегодня на мне. Ибо из-за моего упорства и ее верности, и еще потому, что охват времени, в котором функционирует Дворец Бессмертия,

действует только с 9812 г. н. э. и обратно до 1977, но не до семнадцатого века — ни у Селани, ни у меня нет никакого места, куда мы можем пойти. Так что, теперь мы здесь. И я не вижу выхода.

Для Кэкстона это было слишком много, чтобы ухватить все детали. Но вывод был ясен. С дрожью подошел он к открытой двери, спустился на землю, и отважился войти в мир буйной зелени.

Он увидел, что девушка забралась туда, что в двадцатом веке было небольшим лесистым холмом. Здесь, на холме, не было деревьев, и хотя у него не было ясной цели, связанной с ней или с общей ситуацией, он тоже пошел туда и наконец стоял рядом с ней.

Помня об индейцах, он лишь мельком взглянул на девушку: вместо этого он смотрел на простиравшуюся вокруг землю. Ему было удивительно трудно уловить все, потому что постоянно мешали ассоциации с Пиффер-Ро-уд.

Но ветер, дувший в лицо, был в настоящем, а не из прошлого. И воздух был кристально чист, кроме слабой голубой дымки, которая наполовину скрывала далекий холм. На всем протяжении между тем холмом и этим на земле не было абсолютно никакого движения — ни животного, ни человека. Несколько птиц летали вдали, но

слишком далеко, чтобы определить их породу.

Еще вверху были облака, и ветер на той высоте, должно быть, был гораздо сильнее: облака двигались по небу с видимой скоростью.

— Ну, — сказал Кэкстон, с облегчением, — сегодня нам не придется защищаться.

Девушка стояла к нему спиной. Не поворачиваясь, она сказала:

— Мистер… Как вас там, первые индейцы, увидевшие белых, были дружелюбны. Так что не стоит искать угрозу там, где ее не может быть.

Вполне вероятно, однако Кэкстон подозрительно относился к идеалам молодых людей, потому что среди них много было и довольно противоречивых. Ее замечание подразумевало ненасильственное учение, предполагающее, что раз сами они отвергают насилие и не прибегают к нему, то имеют право судить о человеческой истории. Тем не менее, когда он заговорил, тон его был ревнивым.

— Все равно, ведь индейцы воевали между собой до прихода белого человека. А зовут меня Питер Кэкстон.

Говоря это, он пристально глядел на нее. Однако узнала ли она имя, не было видно ни по ее спине, ни по тому, как она держала голову.

Кэкстон был сбит с толку.

«Что ж, — решил он, — еще не время для выяснения столь отвлеченных вопросов». Он был главным злодеем этой трагедии — вот что имело значение. Вот это он должен каким-то образом исправить.

— Мисс Селани, — начал он запинаясь. — Кажется я совершил серьезную ошибку в суждении. Я не только совершил губительный поступок против вас и вашего отца, но и сам ошибся, поверив…

Его оборвали.

— Мистер Кэкстон, — сказала женщина, — лучше бы вы не извинялись. Глядя на эту ситуацию, создавшуюся по вашей милости, я очень хорошо представляю, что в конце концов может ожидать из всего этого мужчина. Так вот я сразу хочу внести ясность, мистер Кэкстон — клетки вашего организма некоторым образом отражают дурное состояние вашего тела, и поэтому вы и я — здесь — никогда не будем иметь личных отношений. Это понятно?

Это было так прямо и неожиданно, что Кэкстон побледнел. Прежде, чем он смог оправиться от ее слов, или даже обдумать значение сказанного ею, она повернулась и быстро спустилась с холма.

Когда он смотрел на нее, появился страх, что она войдет внутрь трейлера и закроет перед ним дверь. И они с отцом уедут, оставив его в этой пустынной прерии. Он побежал по склону за ней. Она, должно быть, услышала его, потому что замедлила ход. Он обогнал ее и дошел до дверей первым. Огромным внутренним усилием он сдержал этот неожиданный страх, сдержал настолько, что открыл дверь и подождал ее, а затем, все еще задыхаясь от непрерывной нагрузки, вошел вслед за ней, в безопасность.

Затем ему стало стыдно самого себя. Но это чувство просто наложилось на остатки его внезапного страха. В центре комнаты напротив дверей стоял табурет, и Кэкстон сел на него, еще больше стараясь удержать свое дрожащее тело.

Он заверил себя в том, что они, кажется, не боялись его. А это было удивительно, потому что насколько они знали — он был преступник. Ни страха, ни тревоги, ни волнения, что он мог причинить им еще больший вред. Девушка, кажется, принимала его за джентльмена, которым можно управлять женским отказом.

Кэкстон зрительно представил их троих здесь, в этой дикой Америке более чем за тридцать лет до появления белых: все это время она будет, пред-

положительно, неприкосновенной королевой, а он — недостойным крестьянином, которому лучше и не мечтать ни о чем таком…

Прошло какое-то время, а буря эмоций не утихла. За это время девушка несколько раз проходила через среднюю комнату. Каждый раз она бросала на него взгляд и ничего не говорила. И каждый раз, когда она уходила, он слышал ясные и громкие звуки кухонной утвари, казалось, в дюймах от барабанных перепонок. Наконец девушка вышла. — Обедать, мистер Кэкстон, — сказала она. Он пошел без слов. Там был крошечный столик, накрытый на троих. Селани указала ему в дальний конец. Ели молча. Отец сидел напротив Кэкстона, но глядел на стену мимо него. Девушка чувствовала себя за столом легко и свободно. А Кэкстон уже съел половину, когда понял, что в голове у него беспорядочно проносился набор мыслей. Первая мысль: «Обед! Уже так поздно?» Он вспомнил, что видел солнце, когда стоял с девушкой на вершине холма, но не мог вспомнить в какой части неба оно было. По зелени листвы и травы, он понял, что это была середина или конец весны и что это был теплый день: значит, солнце описывало дугу фактически в зените. Поэтому, когда они были снаружи, оно должно

было катиться к западу.

«О'кей! — подумал он устало, — значит я в самом деле самый худший наблюдатель. Я человек, который постоянно находится в таком возбуждении, что ему все равно — день или ночь, дождь или солнце...» Кроме того, понял он уныло, у него сейчас будет масса времени понаблюдать за такими мелочами природы.

Годы, даже десятилетия — правда, ограниченное их число. Потому что, конечно — он засмеялся молчаливым, мрачным, глубоко внутренним смехом — это был конец поиска бессмертия Питера О. (то есть — осла) Кэкстона. Интересно, знал ли Бастман, что этот трейлер мог пройти в более раннее время, чем того позволял временной охват Дворца Бессмертия. В это было трудно поверить, потому что дело в том, что Бастману ведь нужны помощники. Его группа была очень маленькой, состоящей, очевидно, из одного человека: его самого.

Обед завершился несколько менее молчаливо, чем начался. Когда Селани стала убирать со стола, Кэкстон подошел к ней и спросил:

— Разрешите помочь?

Но она отказалась, покачав хорошенькой головкой.

— Нет, спасибо, мистер Кэкстон. Ваша комната в задней части трейлера, и я бы была признательна вам, если бы вы вышли туда или на улицу.

Так как он не собирался выходить на улицу, Кэкстон удалился в заднюю комнату и там обнаружил, что деревянная настенная кровать была разложена и занимала все место в комнате. Дверь, к счастью, была выдвижной, и он быстро заперся, удивляясь, как можно дышать в таком тесном пространстве. Дышать можно было превосходно. Причем было непривычно тихо.

Его собственный опыт говорил, что вентиляция производит слабый шум. Заинтересовавшись, он начал пробный поиск вентиляционной системы, но хотя он и чувствовал движение воздуха по комнате, оно было недостаточно прямым, чтобы его источник располагался в таком маленьком пространстве.

Наконец, он лег на кровать и собрался вздремнуть после обеда. Но, когда он разлегся, надеясь дождаться прихода сна, он внезапно вспомнил, что на обед был бифштекс: запасы их кончались, потом ему придется стать охотником и добытчиком. «Что станет потом, — подумал он, — моя прекрасная леди, с твоей отчужденностью, когда я стану мужчиной, добытчиком в первобытном

мире?»

«Вот как это все начиналось, малышка. В те дни еду было трудно достать, и женщины держались мужчин, которые могли пойти и добыть ее. Ты хочешь сказать, что думаешь, я буду напрягаться без женского общества в качестве справедливой награды? Если ты так думаешь, ты…»

Только это он и успел подумать. И тут, откуда-то близко — не из трейлера — он услышал резкий хлопок. Прошло какое-то время, потому что он не привык к этому звуку, прежде чем он понял, что это — выстрел!

Кэкстон сел, свесил ноги с кровати и наткнулся на ящики. Их содержимое рассыпалось вокруг, пока он искал под кроватью туфли. Наконец он надел их, не зашнуровав, поднялся и перешагнул через кровать к двери. Забыв, что она выдвижная, он несколько раз дернул ее, думая, что она заперта.

Потом открыл дверь и неуклюже побежал, наступая на шнурки, через следующую комнату к входной двери, которая была закрыта. Открыв ее, он с облегчением увидел, что еще светло.

К нему, по тому, что позже — гораздо позже — станет Пиффер-Роуд, шла Селани. В левой руке она несла винтовку, а в правой болталась со сви-

сающей вниз головой птица, размером с крупного голубя, только коричневатая по цвету. Кэкстон, чрезвычайно слабо разбиравшийся в птицах, тем не менее догадался, что это была куропатка, или степная курица, или, возможно даже, какая-то разновидность фазана.

Когда девушка подошла к нему, она протянула птицу ему, чтобы он посмотрел.

— Я увидела, как она села недалеко от кустов, — сказала она весело, — и вот подкралась к ней — так что всем нам будет, что поесть на завтрак.

Она добавила все тем же счастливым голосом:

— Я назначила себя охотницей, поваром и вообще добытчицей. Будет чем заняться.

— Н-но, — Кэкстон уселся на траву, завязывая шнурки. — Но, что делать мне?

Девушка пожала хрупкими плечами.

— Такие мужчины, как вы, склонны к философии, — сказала она. — Несколько примитивной, несколько бесконечной, но тем не менее. Так что продолжайте в том же духе, — закончила она.

Выдав это небрежное суждение, она прошла в трейлер. Так как дверь оказалась открытой, Кэкстон оставался на месте.

За эти несколько минут на улице стемнело, на небе стали видны звезды, их становилось

все больше. Когда он лежал и смотрел на них, где-то завыл койот. Кэкстон, ни разу в жизни не видевший койота, узнал тем не менее его вой по описаниям, которые он читал. Что его напугало, так это то, что животное несомненно просто издавало звуки, но для его ушей и для чего-то в его мозгу это звучало очень мрачно. Впервые он вспомнил, как один друг — нет, он сознательно исправил слово: знакомый (у него не было друзей) — однажды сказал ему, что в Северной Америке нет по-настоящему опасных зверей. Остерегайтесь медведей, что означало просто свернуть и держаться подальше… и ничего больше. Кугуары не нападали на людей — люди сами нападали на них. У них был такой особый, дружелюбный интерес к людям, что подпуская людей к себе, они, не шелохнувшись, позволяли убить себя. Обходи гремучих змей, не стой на пути стада бизонов — и все. Ничего больше на целом континенте не было опасным для взрослого человека.

«О'кей, — подумал он в раздражении, — так значит я должен философствовать, значит великий и удачливый охотник не заставит ее передумать».

Снова улегшись на кровать, он, наконец, понял, что ему стало легче.

Это был их — его — первый день в середине

семнадцатого века, в центре того, что когда-то станет Соединенными Штатами.

День второй!

После завтрака, поглощенного Кэкстоном молча, он пошел к себе в комнату, так как все еще не хотел доверяться им, оставаясь снаружи, в то время, как они оставались здесь, и лег на кровать, подумать над тем, что ему нужно сделать со своим временем. Минуты шли, а он ничего не мог придумать. Нужны один или два разговора с мистером Джонсом: как действовала перчатка? Каким образом она ему повредила? Как получилось, что Кэкстону не повредило тогда, когда его схватили за локоть с такой же перчаткой?

Потом ему пришли в голову еще несколько вопросов, пока день тянулся, а он продолжал лежать: что было известно о Дворце Бессмертия? Как долго там были Обладатели?

И это все. Теперь это были абстрактные вопросы. Временной охват был в будущем, вне их досягаемости. Любой вопрос об этом был академичным, интересным только потому, что у него сильное любопытство. Но ни один из ответов, либо Джонса, либо его дочери, не имел практического применения.

Кэкстон зрительно представил будущее, состо-

ящее из пяти, может шести разговоров с Джонсом и случайных оскорблений от Селани, и был потрясен… «Боже, — подумал он, — тут нужен секс. Без этого я убью себя».

С этой мыслью, где-то в полдень, он встряхнулся и вышел из комнаты в поисках девушки. Внешняя дверь была открыта, и он обнаружил, что Джонс взял странного вида металлический стул и усаживался на него в тени около трейлера. Что было странного в этом стуле, Кэкстону было не совсем ясно, но Джонс читал, откинувшись назад, и стул откидывался, так что он мог это делать с удобствами. Кэкстон решил, что надо будет рассмотреть это механическое изобретение. Но это потом.

— Где ваша дочь?

— Она пошла поохотиться, — небрежно ответил Джонс, тело его шевельнулось так, что показывало, что он не хочет, чтобы его беспокоили. Взгляд его оставался прикованным к книге.

Поохотиться? Кэкстон прошел мимо сидящего на холм. Представив ее где-то там, в одиночестве, он испытал некоторую тревогу. К тому времени, когда появилась эта мысль, он уже был на вершине и глядел на просторы. Хотя он осмотрел весь горизонт, ее нигде не было видно.

Сначала он решил, что не может заметить ее маленькую, несомненно движущуюся фигурку, потому что смотрит вдаль. Словно он был в машине и искал, куда можно поставить ее. Даже на относительно близком месте часто не видно, что впереди есть даже два или три места для парковки. Таким же образом там были, как он вспомнил, небольшие долины, начинающиеся в миле или около того от него, и еще больше долин дальше, невидимых с того места, где он стоял.

Может она нашла ручей в одной из этих долин и шла вдоль него, рассчитывая, как он предположил, что какое-то супер оружие защитит ее от банды индейцев. Однако если индейцы заметят ее, то скорей всего они нападут внезапно, прежде чем она успеет взяться за свое оружие. Бесшумно подкрадутся и схватят ее.

Он снял пальто, положил его на траву и сел рядом, чтобы выследить девушку. Солнце спустилось к горизонту, но девушка ни разу не появилась ни в одной из долин. Самое меньшее, чем через час, он начал сомневаться в своей памяти… ведь он прошел значительные расстояния. Может быть, те долины были гораздо дальше, чем он думал, когда исследовал их в двадцатом и двадцать пятом веках.

Наконец положение снова стало невероятным. Он ведь мог видеть на целых 5-8 миль во всех направлениях — не могла же она зайти так далеко? В тревоге Кэкстон позвал Джонса:

— Я нигде не вижу вашей дочери, сэр.

— О, она взяла свой велосипед, — отозвался Джонс, — и у нее ее «Полет», так что с ней все в порядке, — ответив, он вернулся к своему чтению.

Из Кэкстона словно выпустили воздух. Конечно. Как он мог забыть? Эти люди имеют доступ к далекому будущему. «Велосипед», возможно, был так же бесшумен, как «Полет», и может тоже мог летать.

Он поднялся. Надев плащ, он спустился с холма к трейлеру. Услышал он ее где-то через час. Мгновенно почувствовав облегчение, Кэкстон поспешил к двери. Стоя в дверях, он увидел «велосипед». Это было трехколесное устройство, и Селани в шортах, в ремнях и с «Полетом» сидела верхом. В тот момент, когда Кэкстон увидел устройство, она все еще была в нескольких футах над землей: ясно, она могла летать. Тем временем машина изящно села на траву. Селани легко сошла с «велосипеда» и по очереди достала из просторного багажника, прежде скрытого от глаз, семь уток, еще три точно таких же куропатки,

каких он уже видел прошлым вечером, и еще кроликов.

Оставив дневную добычу на земле, Селани откатила машину за трейлер и сделала три вещи. Нажала на какую-то кнопку, на трейлере, потому как на стене трейлера появилось отверстие. Еще одна кнопка, и велосипед сам начал складываться. Это было удивительное складывание, потому что около минуты спустя он превратился в комнатную конструкцию из плоскостей, сложенных одна на другую, а его общий размер, казалось, был около двух футов в самых толстых местах. Все это Селани подняла, будто оно ничего не весило, и установила в углублении, открывшемся в трейлере, которое, когда она отступила, закрылось, оставив лишь едва видимую полоску.

Она быстро вернулась к тому месту, где Кэкстон собирал убитых птиц и кроликов.

— Отнесите их в переднюю кладовую, — скомандовала она. — Я почищу их после обеда.

— Буду рад помочь, — сказал Кэкстон.

Но она отклонила предложение, резко мотнув головой.

Таким был второй день.

На следующее утро, когда Кэкстон проснулся, трейлер был в пути.

22

Когда он одевался, ему все время приходилось держаться, чтобы не потерять равновесие. Наконец, он прошел вперед и нашел отца и дочь в кабине. Управляла машиной Селани.

Трейлер, как он увидел, медленно двигался по относительно — но недостаточно — ровным прериям. Кэкстон неловко уселся на заднее сиденье: прошло несколько минут прежде, чем женщина увидела его. Она тотчас сняла ногу с акселератора и большой трейлер резко остановился.

Селани сказала:

— Вы спрашивали меня как-то, что вы могли бы сделать, мистер Кэкстон. Я бы хотела, что бы вы повели, пока я готовлю завтрак.

Это походило на первый признак улучшения их отношений… Когда она поднималась из своего сиденья, он подхватил ее под локоть, чтобы поддержать… и она ничего не сказала. Как только она поравнялась с ним, он сразу же убрал руку. Затем подошел к месту водителя и скользнул за руль, ища на приборном щите знакомые приборы автомобильной кабины.

Увы, за исключением рулевого колеса, здесь все

было по-другому, и им пришлось ему объяснять. Здесь было восемь ножных педалей, но он вскоре смог легко ставить ногу на две главные — тормоз и акселератор. Для чего служили остальные, ему не сказали, и он не экспериментировал. Селани ушла, как только его урок вождения закончился, и Кэкстон остался с ее отцом, сидящим на соседнем сиденье, а перед ним — мир без единой дороги, где каждый раз необходимо было выбирать лучший путь среди бездорожья. Сначала у него была смутная мысль расспросить мистера Джонса, но фактически это было невозможно. Вся его энергия и все внимание были отданы вождению.

Однако ему наконец удалось выдохнуть:

— Куда мы едем?

Худощавый Джонс покачал головой.

— Вам придется спросить у Селани, — сказал он. — Это была ее идея.

Через несколько минут, когда они остановились на завтрак, у Кэкстона появилось время обдумать это. Он решил тогда, что эта девушка принадлежала к доминирующему типу. Что делается — у двух мужчин даже не спрашивали мнения — ни о чем!

Однако за завтраком он задал сначала вопрос,

который пришел ему в голову, когда объяснялось назначение педалей.

— Этот трейлер может летать?

— Да.

Кэкстон был поражен.

— Тогда почему мы не летим?

— Потому, что к сожалению, у нас ограничен запас энергии. — Неожиданно она покраснела. — Это единственное, за чем я позволила проследить мужчине — своему отцу, но по какой-то причине он все время не пополнял его, доверялся, я уверена, нашей, как он считал, совершенной оборонительной позиции, не думая, что Бастман убедит кого-нибудь вроде вас действовать против нас. И вот теперь у нас энергии на два дня полета или около года езды.

— Что это за энергия? — спросил Кэкстон.

— Нечто под названием аделедикнандер, — сказала она. — Вам это не известно. Очень мощный источник, но его необходимо постоянно заменять.

Значит, она не знает, что он был в двадцать пятом веке. Сидя здесь, Кэкстон вспомнил, как ему в 2476 году было неинтересно знакомиться с подробностями об аделедикнандере, и сейчас они расплачивались за его невежество и невни-

мание.

Однако — он просветлел — это давало надежду на улучшение его отношений с Селани. Неизбежно, наступит момент, когда они исчерпают механические ресурсы трейлера. «Чем скорей, тем лучше», — решил он. Имея в виду, подумал он мрачно, чем дольше поездка, тем лучше.

Так что его второй главный вопрос был:

— Куда мы едем?

Они ехали туда, сказала она, где будет легче найти еду.

— К горам, я думаю. Вчера я летала много времени, но увидела очень мало дичи.

Кэкстон молчаливо обрадовался, услышав это. У него было чувство, что поиски дичи будут постоянным движением. Он все еще думал об этом, когда Селани сказала:

— Если вы не возражаете, мистер Кэкстон, я думаю, надо взять отца и отправляться дальше.

Остаток этого дня и в последующие Кэкстон вел машину с довольной улыбкой и легким чувством. Он неизменно выбирал самые окружные пути, всегда обосновывая это необходимостью поиска наиболее ровных участков для маневрирования. Несколько раз Селани сидела рядом с ним. Каждый раз в этих случаях она заставляла его

перелетать трудные места, подсказывая, что тем самым они сэкономят топливо. (Как управлять летающим трейлером, она показала в первый же поздний вечер). А однажды она сама забрала у него руль и перелетела через лесную местность, которую он намеревался объехать. Наконец, на тридцать пятый день пути она коротко сообщила ему, что с этого момента вести будет она.

На четвертое утро после этого, трейлер не возобновил путешествие. За завтраком Селани заявила: — Мы побудем здесь немного.

«Здесь», как обнаружил Кэкстон, выйдя наружу, оказалось предгорьями Скалистых гор — где-то, решил он, неподалеку от того места, где когда-то будет Колорадо Спрингс или Денвер, или, возможно даже, Пуэбло. Трейлер стоял у горного потока, ярко сверкающего на солнце. Стоя здесь и оглядывая гористую местность, Кэкстон внезапно увидел, что девушка вышла из трейлера и стоит поблизости.

Он обернулся, и она сказала, избегая прямого взгляда: — Мистер Кэкстон, я все думала о нашем положении здесь, в этой эре. И мне кажется неправильным, что нам с отцом приходится так близко общаться с человеком, который оказался причиной такого несчастья, и чье вождение —

позвольте сказать откровенно — вдруг навело на мысль, что он пытался истратить наше топливо.

Выражение ее лица, когда она говорила все это, не было враждебным. На ней были широкие брюки и кофта. Брюки были красными, кофта белая — очень славно. Хотя и не враждебные, слова ее явились для Кэкстона страшным ударом.

Прежде чем он нашелся, что сказать, она закончила:

— Так вот, я думаю, а что если мы снабдим вас каким-то оружием, каким-то подобием палатки… и вы уйдете. И не имею в виду сегодня, а как только вы укрепитесь настолько, что сможете стать настоящим мужчиной.

Через довольно продолжительную минуту Кэкстон осознал, что главное чувство, владевшее им сейчас, было изумление. Куда он мог пойти?

Мысль эта была столь сильной, что он даже отвернулся от Селани и вновь уставился в этот отдаленный мир, словно ища подтверждения, что это действительно была необитаемая дикость. Девушка и он стояли возле стремительного потока, и все было диким и нетронутым, и самое убедительное — он помнил про все пройденные ими мили, про леса и реки, которые они пролетели. И, еще раз, какие могут быть сомнения: это

была западная Америка перед приходом цивилизации.

Медленно он вновь повернулся к Селани. Интересно, ее отец был того же мнения? Он сомневался. Улыбка тронула его губы, когда ему в голову пришла неожиданная мысль: «Далеко не каждая женщина может сказать мужчине „убирайся“ при таких обстоятельствах».

И он высказал эту мысль вслух. Девушка чуть вспыхнула, но когда она заговорила, голос ее был ровным.

— У меня очень большой опыт, мистер Кэкстон, и потому, увы, мне слишком хорошо известно, какие мысли приходят в голову мужчине, склонному к паранойе. Так что, — она пожала плечами, — мне бы не хотелось снова оказаться в такой ситуации когда-нибудь в будущем.

У него перехватило дыхание так, что он не мог вымолвить ни слова. Он-то думал, что барьеры подняты, но был поражен жестоким значением приговора. Параноик!.. Она и правда решила расправиться с ним.

Тем не менее он наконец смог запротестовать.

— Послушайте! То, что я сделал, должно было доставить меня во Дворец Бессмертия. Я не вижу в этом, честно говоря, ничего плохого. По правде,

это у вас не было права не пускать меня туда, когда я обнаружил его. Так что злодей — это вы, а не я. Но, — он почувствовал себя значительно лучше к тому времени, когда у него появилась эта мысль, — я не ощущаю в себе никакого беспокойства от вашей близости. Девушка холодно сказала:

— Ваши чувства сейчас не обсуждаются. Вас сюда не звали.

Это было все еще нападение и все еще безжалостное. Однако, он всегда умел сохранять самообладание с женщинами и каким-то образом оставаться спокойным, когда они совершали свои возмутительные поступки.

В данном случае это женское безумство вызвало в нем некоторое веселье. Как только это произошло, он снова почувствовал уверенность. Он сказал:

— В любое время, как только вы найдете способ, чтобы я смог отправиться в будущее, я буду рад уйти.

— Боюсь, — сказала она холодно, — такое решение будет невозможно — благодаря вам. Так что теперь, когда вам известно мое мнение, что вы предлагаете?

Он слишком долго обходился без женщин в

2476 году н. э. А теперь еще более месяца здесь. Так что он был готов. Он сказал:

— Есть два способа встретить будущее, и я могу заверить вас, что ваш — неверен.

— Мистер Кэкстон, — резко сказала Селани, — я не желаю выслушивать ваше решение.

Он не мог остановиться. Он сказал просто:

— Если с этого момента мы находимся в таком затруднении, вы становитесь моей женой. И я делаю всю тяжелую работу, что и должен делать мужчина.

Она засмеялась. Этот звенящий смех был бы музыкален, если бы не его язвительный, насмешливый тон, и он прекратился только, когда она сказала:

— Невероятно. Очевидно вы не знаете, мистер Кэкстон, что у вас постоянный неприятный запах,

Кэкстон почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Шок был тем сильней, что он совсем забыл. С его возвращением в двадцатый век, а затем в семнадцатый, воспоминание об этом печальном опыте двадцать пятого века ушло куда-то на дно его мира.

В таком тяжелом состоянии он словно в тумане видел, что она отвернулась от него и

стала забираться на холм, возвышавшийся над стремительным потоком. Ее уход снял с него ужасное давление. Наконец он посмотрел на нее и подумал: «Она живой человек, со своими собственными потребностями. Поэтому, должно прийти время, когда даже я — с запахом и все такое — покажусь ей привлекательным».

Стоя здесь и наблюдая за тем, как она достигла вершины холма, он подумал, примет ли он — когда наступит это время, и она перестанет вдруг сопротивляться и изъявит желание, — примет ли он спокойно то, что она предложит. Будет ли он вести себя так, чтобы не направить все эти минуты, часы и месяцы ожидания, пока природа не образумит ее, против нее? Он мрачно подумал, что сможет. Но останется, с горечью понимал он, какая-то мысленная сдержанность. Вот поэтому-то женщина часто теряет уважение мужчины: потому что никогда не пользуется своими богом данными мозгами.

Горькие размышления прервались. Потому, что Селани поспешно бежала с холма назад. Скорость ее возвращения встревожила его… что-то случилось! Непроизвольно Кэкстон кинулся к ней. Она махнула ему, что бы он стоял. Через минуту она была рядом, задыхаясь.

— Индейцы, — сказала она. — Несколько десятков.

— Они видели вас?

— Думаю, да.

23

Когда они оказались в трейлере и закрыли дверь, Кэкстон язвительно подумал: «Как странно, что она убежала, как любой обычный человек… А где же эта высокомерная уверенность, с которой она так пренебрежительно говорила ему о миролюбии индейцев?»

Он дипломатично не высказал эти мысли вслух, а молча прошел вместе с ней к окну кабины — и сел рядом, когда около сотни индейцев бегом обогнули излучину ручья и остановились в смятении, бежавшие сзади почти свалились на своих товарищей. Некоторые даже упали, а нескольких столкнули вниз.

Прошло около десяти секунд. Кэкстон с легким потрясением обнаружил, что он перестал дышать. Ему понадобилось усилие, чтобы выдохнуть и вдохнуть. Наконец, он подумал: «Они выглядят точно так же как на картине Джорджа Кэтлина. Там за двести лет до времени знаменитого художника, одежда не изменилась… трудно себе представить такое в обществе, в котором нет научных и философских корней потенциального прогресса».

В этот момент мистер Джонс устроился на заднем сиденье. Он усмехнулся.

— Я включил мозговой звук. В конце концов, не хотим же мы, чтобы они тут рыскали или следили за нами.

«Мозговой звук», как он объяснил, создавал гул в голове, на которую он был направлен, что на самом деле означало, что он расстраивал внутреннее ухо ненаправленным действием.

Воздействие его можно было видеть за окном. Индейцы отступали. Сначала они повернули и медленно пошли прочь, словно стараясь сохранить свое мужское достоинство. Затем ускорили шаг, словно по общему согласию сохранение достоинства было заменено сильным стремлением выжить. И вдруг они резко бросились бежать и исчезли за излучиной. Через некоторое время Кэкстон вышел наружу. Он нервничал, но чувствовал, что это должен сделать он. Он забрался на холм и с его вышины заметил вдали нескольких отставших. К его облегчению, они все еще бежали.

Когда он спустился, Селани ушла к себе в комнату, Джонс все еще был в кабине. Кэкстон опустился рядом и спросил:

— На какое расстояние действует, э-э, мозговой

звук? Джонс пожал плечами.

— В пределах видимости. Пока мы их видим. В конце концов мы же не хотим причинять вреда этим людям.

Впервые он показался дружелюбным. И Кэкстон, в голову которому неожиданно пришла идея, воспользовался такой возможностью и спросил про этот прибор.

— Можно уменьшить эту штуку, которая производит этот звук, до размеров ручного оружия?

Вместо ответа Джонс сунул руку в карман и осторожно вытащил оттуда крошечный металлический предмет. Другой рукой он схватил ладонь Кэкстона, разжал ему пальцы и положил туда этот предмет.

— Не направляйте его на собственную голову, — посоветовал он. Предмет был немногим меньше полудюйма в диаметре, и было немного трудно определить, какую часть можно «направлять». Но Кэкстон держал его на ладони точно так, как его положили, а затем осторожно нагнулся и внимательно его рассмотрел. При близком рассмотрении оказалось, что у него очень сложная конструкция, каждый выступ которой, по просьбе Кэкстона, Джонс ему разъяснил.

Устройство, казалось, было постоянно вклю-

чено. Но оно работало буквально на линии видимости. Малейшая преграда кроме воздушной останавливала его действия. Даже клочок папиросной бумаги был непреодолимой преградой.

— Так что, если окажетесь снаружи и натолкнетесь на какое-либо животное, которое хотели бы отогнать, — сказал старик, — просто вытащите его из кармана, правильно направьте, и оно убежит.

Кэкстон был поражен этими словами.

— Вы даете это мне? — спросил он.

— Конечно. Это должно быть у всех нас.

Когда Кэкстон положил этот предмет себе в карман, он обнаружил, что в голове у него возникла грандиозная мысль.

— Несколько минут назад ваша дочь попросила меня покинуть трейлер — так как меня никто сюда не звал. И сейчас я впервые понял, как это сделать. С этим прибором я, возможно, пойду жить к этим индейцам.

Он выдавил улыбку, необходимую для того, чтобы скрыть свой хитрый мотив.

— В конце концов, — продолжал он искренним голосом, — было бы неправильно с моей стороны навязывать свое присутствие людям, которым

я причинил вред, особенно когда ваша дочь, — закончил он вежливо, — сообщила, что у меня неприятный запах.

Старик кивнул.

— Я заметил, — сказал он. — Это запах продвижения во времени в одну сторону. Я еще удивлялся, откуда он у вас.

Кэкстон, открывший рот, чтобы продолжать свою хитрую игру, снова закрыл его. И так и сидел. Когда он вышел из шока, он обнаружил, что рассказывает Джонсу о своем пятисотлетнем полете на Центавра.

Когда он обнаружил это, он замолчал, испугавшись самого себя. В течение двух месяцев он успешно сдерживал потребность рассказать свою тайну. Не потому, что была какая-то причина. Просто у него было жизненное правило никогда ни о чем не рассказывать для того, чтобы просто рассказать.

Он забыл это. Это казалось незначительным. Он просто почувствовал необходимость выговориться.

— Запах времени? Помедлил, а затем:

— Селани знает?

Джонс помотал головой. В его глазах было рассеянное

выражение.

— Это, — сказал он, — было довольно длинное путешествие. Жаль. Вам придется прожить неопределенное число лет во Дворце, чтобы избавиться от него. Самое большое, я думаю — это сто лет.

— Почему вы не сказали дочери?

Джонс был изумлен.

— Зачем?

Кэкстон возмутился… Что с ним? Разве он не разговаривал даже со своими родственниками? Краткая вспышка гнева успокоилась. Он вспомнил, каким необщительным был Джонс: не было никаких сомнений, он вообще ни с кем много не разговаривал.

Внимание Джонса уже не было прямо направлено на Кэкстона. Настроение было что-то вроде — «Ну-ну, значит я все еще сталкиваюсь с последствиями своего эксперимента. Значит, Бастман прислал его из двадцать пятого века, чтобы погубить меня и мою мечту». Вероятности, скорей всего, будут продолжаться. Их было слишком много, чтобы Бастман смог их остановить. Но экспериментальный аспект был обречен. Джонс, удивляясь, покачал головой и подумал: «Как кто-то меньший может быть лучшим?»

Этот вопрос Клоден Джонс задавал себе много раз. Иногда, когда он оглядывался на созданных им всех ярких, удивительных Обладателей, и видел, какие они яркие и удивительные, и как они полностью превратились в Новых Людей, существование которых и было его мечтой о совершенстве, казалось невероятным, что они воспринимали себя такими, какие они есть, без всяких вопросов. Он также мог воспринимать их такими, какие они есть, и ценить их — и радоваться, что они не думают об этом. Но было также очевидно, что тот, кто не думает о себе, каким бы он ни был совершенным, тот не… что? Он не знал, что.

«Я не совершенен, — думал он, — но я могу думать о себе, а также бесстрастно наблюдать за ними. Так что я — экспериментатор, а они мои объекты. Но они лучше».

Он никогда не участвовал, Он наблюдал, как они весело уходили в миры вероятности, охотно создавая копии самих себя, и, казалось, иногда не беспокоясь о том, чем из этого получится. Клоден Джонс беспокоился. И никогда не делал свою копию.

Но они были лучше, свободнее, способнее, счастливее, умнее. Это было поразительно. Они

были лучше. Но в своих исследованиях он узнал вещи, обнаружить которые у них никогда не было мотива — они просто жили этим: им не нужно было знать это — и поэтому его терпели, и каким-то любопытным образом его принимали, как наставника и лидера.

Точно таким же бесстрастным образом он изучал и Питера Кэкстона… шизофренический тип, как он заметил, по терминологии двадцатого века. Обладателями было определено, что двадцать процентов мужчин двадцатого века принадлежали к такому же типу параноиков, что и Кэкстон. Доминирующий, субъективный, эгоцентричный, на личном уровне неспособный понять другую точку зрения. Это был тип мужчины, который, как полагали Обладатели по своим изучениям истории, когда-то составлял еще больший процент. Уходя же вглубь веков — этот процент среди мужчин доисторического периода был около восьмидесяти. Никогда не было ста процентов. Никогда. Всегда находились некоторые люди, которых можно было бы убедить. На личном уровне тип Питера Кэкстона убедить было невозможно.

Мечтой Новых Людей было, чтобы в будущем не было Питеров Кэкстонов. И, конечно, чтобы не было Камилов Бастманов.

Поэтому Клоден Джонс с определенным сочувствием, на какое был способен, видел, что поиск Питера Кэкстона был невозможен. Обладатели, с этим его поиском, принять его не могли.

Однако, Джонс видел, что Кэкстон волновал его дочь… Может быть, от знания того, что они не могли выбраться отсюда. Возможно, зашевелился так долго спавший женский инстинкт. Исторически женщины общались с более субъективными мужчинами… такими, как Кэкстон. То, что эта женщина была его собственной дочерью, для Клода Джонса проблемой не являлось. В конце концов ей было четыреста тридцать девять лет и, как подсказывал ему разум, она была в состоянии позаботиться о себе.

Как только эти мысли полностью сформировались у него в голове, он поднялся на ноги с загадочной улыбкой. — Не уходите к этим индейцам, — сказал он, — пока я не смогу обсудить это с Селани.

Кэкстон, у которого и не было намерения никуда уходить, и чьей единственной целью упоминания **об**индейцах было желание, чтобы об этом услышала Селани, пообещал, что не будет предпринимать поспешных действий.

Но дни проходили, и ничего не происходило, за

исключением того, что Джонс стал более дружелюбен. В результате у них было несколько бесед, и Кэкстон узнал немного — совсем чуть-чуть — нового о Дворце Бессмертия.

О том, как произошел поворот во времени в ноябре 9812 года н. э. когда время пошло обратно до февраля 1977, а затем, предположительно, снова двинулось вперед. Но куда оно пошло после этого, они не поняли.

«Только, — подумал Кэкстон, — это не касается людей, запертых в семнадцатом веке».

В другой раз Джонс описал, как у Обладателей была надежда на то, что они смогут найти путь движения вероятности вперед, дальше 9812 года н. э.

— Я сказал им, что испытания, которые я провел, показывают, что нет никаких «потом», что — это все здесь и что единственное будущее — в вероятностях в этом обширном временном пространстве почти в восемь тысяч лет — между 1977 и 9812. Это и ничто другое является вселенной времени.

— Какие испытания вы проводили? — спросил Кэкстон, в котором моментально проснулся физик.

Улыбаясь, Джонс помотал головой. В другой

беседе Кэкстон спросил:

— Как получилось, что вы ввели Бастмана в свой эксперимент?

— Точно так же, как туда попали и все настоящие Обладатели, — последовал ответ. — Небольшой процент людей обладают способностью проходить сквозь время. Это было мое огромное открытие. Как только я узнал движущую силу этого, я начал свой долгий поиск людей, которые обладают им. Тем временем в одну из своих трансформаций во времени я обнаружил Дворец. Так что я наконец был готов к великому эксперименту, потому что во Дворце я мог использовать людей, которые сами не были Обладателями.

— Позвольте разобраться, — сказал Кэкстон. — Здесь два момента. Первое — это то, что люди, которые умеют проходить сквозь время, естественно существовали в мире?

— Да.

— В результате вашей способности Обладателя, — продолжал Кэкстон, — и это второй, и отдаленный момент, вы случайно обнаружили Дворец Бессмертия?

— Верно.

— Дворец был пуст, когда вы нашли его? — спросил Кэкстон.

— Да. Пуст. Покинут. Мы могли подозревать, что им пользовались в течение долгого времени, а затем бросили. Для чего брошен? Ответа на это не было.

Немного позже в тот же день Кэкстон столкнулся с Джонсоном в коридоре трейлера. Джонс сказал:

— Ваш вопрос о Бастмане — с тех пор я все думаю о нем. В своем усердии он сделал несколько интересных открытий. Он первым заставил меня понять, что после долгого разделения все миры вероятностей могут слиться. Например, та вероятность 2083 года н. э., где вы были. Это была первая попытка моей группы создать идиллическую Землю, где все любят всех. Бастману понадобилось много времени, но к 2130 году н. э. он определил место всех — по крайней мере достаточного количества — металлических предметов и вернул их во Дворец. Когда два мира слились, была некоторая путаница, но ничего страшного не произошло.

Кэкстон пытался представить картину рассказанного Джонсом. Но «слияние двух миров» это было для него слишком. Подразумевалось, что большинство людей, за исключением некоторых вариантов, были в основном на тех же местах,

пошли, по существу, по тем же направлениям и в момент слияния были точно в том же месте в обоих мирах вероятности… Мозг его здесь заколебался, но не смог найти точку принятия.

Те люди в том мире другой вероятности 2083 года в самом деле попытались помочь ему. Его истерия смущала людей, с которыми он сталкивался. Но, сейчас это было ясно, их преследование никогда не было угрожающим, и в конечном итоге он и ушел возможно потому, что они никому не насаждали своей помощи.

Кэкстон очнулся от своих личных мыслей и обнаружил, что Джонс ушел и скрылся в своей лаборатории. Кэкстон пожал плечами. Это были, как он понял, бесполезные разговоры. Все это не имело значения. Здесь, в 1650 все, что произошло в недосягаемом будущем, было абстрактным и бессмысленным.

На следующее утро он сидел за завтраком, все еще с этой пессимистичной мыслью в голове. На улице шел дождь с монотонным однообразным звуком, Кэкстон представил тысячу миль дождя там, на улице — и тридцать лет сплошного ничего здесь, в этом трейлере.

«Боже, — думал он, — лучше чем-нибудь заняться… но чем?» Его интересовало только

будущее и поиск бессмертия. И, однако, может, ему лучше примириться с настоящим и в самом деле разыскать индейцев, как он и грозился.

Мысль была, как толчок. Он взглянул на девушку.

— Ваш отец рассказал вам о моем плане жить с индейцами?

Девушка повернулась и уставилась на него. Она казалась особенно свежей и молодой: Кэкстон почувствовал мгновенное влечение.

— Да, — сказала она.

— Хорошая идея, не так ли? Женщина молчала, затем:

— Что вы там будете делать? Кэкстон изобразил удивление.

— Жить нормальной жизнью, боже мой. Уговорю одну из женщин жить со мной, как…

Он остановился. Он чуть было не сказал — как однажды вы жили со мной.

Его мысль повисла в воздухе, он дрожал.

За все эти многочисленные дни стало очевидно, что это здесь, в трейлере, их первая встреча, и поэтому (впервые он подумал об этом) то время, — там во Дворце Бессмертия, когда он проснулся в постели рядом со старшей Селани, — должно быть позже.

Это означало, что раз было позже, значит они, должно быть, выбрались из этого трудного положения.

На его лице должно быть проявилась какая-то часть его страшного возбуждения от осознания этого. Селани сказала:

— В чем дело?

Дрожащим голосом он рассказал ей всё, настолько охваченный своим собственным внутренним беспокойством, что почти не заметил ее первую реакцию.

На какой-то момент в ее лице появилось что-то… Затем она несколько овладела собой. Это чувствовалось даже по голосу, когда она заговорила.

— Я не помню такую вероятность. Значит, это должна быть та, которую сотворил из меня Прайс без моего ведома. Я спрошу отца об этом.

Она посмотрела на него с тем же спокойствием.

— Вы случайно не сталкивались с отцом где-нибудь по пути?

— Нет, извините.

Надежда Кэкстона уже пропала от ее остужающего отношения и слов, но ее последний вопрос обеспокоил его. Он спросил, пораженный.

— С чего бы Бастман сделал такое?

— У него огромное чувство ложной гордости, — сказала она. — Я уверена, что он считал, что только у него чистые мотивы, так что, когда он обнаружил, что отец остался вне эксперимента, я уверена, что он должен был попытаться… — она замолчала. — Ну да ладно. Расскажите еще раз о том, что произошло между мной и вами.

Душа Кэкстона уже не лежала к этому рассказу. Тем не менее он дал ей отчет, на этот раз более детальный. Но во время рассказа он все время думал: «Я только мельком заметил борьбу между двумя противоборствующими силами во Дворце Бессмертия, даже хотя одной из сил был только один человек».

Он понимал, что его оценки были достаточно грубы.

Казалось, только человеческие существа могли дойти до ссоры, отделившей Бастмана от главной группы, занимающей Дворец Бессмертия. Безусловно, большего безумия нельзя было представить. Эти люди управляли поворотом во времени, где, какие бы ни были практические цели, время шло обратно. Они могли на себе перекраивать годы, собранные в главном потоке времени — переделывать их все время заново. И

— невероятно — это стало делом насилия.

Это сильное чувство угасло, потому что, когда он закончил пересказывать увиденное во Дворце, у него появилась одна мысль, и он сказал:

— Хорошо. Теперь вы расскажите мне кое-что. Как получилось, что в той вероятности Селани вышла за меня замуж?

Девушка засмеялась.

— Мне, очевидно, придется попросить отца объяснить вам про вероятности. Тогда поймете.

— Но то, что я только сейчас рассказал вам, — сказал Кэкстон, разочарованный, — ничего не значит?

— Я поговорю с папой об этом, — сказала она, и голос ее снова окреп, — и он сможет объяснить вам и это.

После этих слов он вновь обнаружил себя в трейлере с монотонным шумом дождя, и с единственной перспективой тусклого будущего.

— Хорошо, хорошо, — сказал он устало, — а как насчет индейцев? Когда мне уходить?

Он замолчал, потому что девушка отвернулась, и его последние слова были обращены к ее уходящей спине. Если она и дала какой-то ответ на его вопросы, Кэкстон его не услышал. В мрачном настроении он поднялся, вернулся к себе в ком-

нату и лег.

«Хорошо, — подумал он, — значит, это дельце не сработает. Так что, может, я правда пойду жить к индейцам».

Как бы он не пытался, он не мог действительно представить себе это.

Он забылся и проснулся от дождя. Снова заснул, а когда пробудился, опять шел дождь…

И он еще два раза пообедал под шум дождя.

И где-то в это время у него появилась фантастическая мысль, что им удастся выбраться из этого времени. Казалось абсурдным, что такая мысль могла вообще прийти ему в голову. Нет, не здесь, в этой дикости. Ибо, конечно же, не было пути из этой эры, в которой не было других цивилизованных людей, кроме их самих. Но мысль появилась. И все время возвращалась. И он все время говорил себе, что там, в 1970-х это тоже было невозможно — однако это случилось. Значит, если рассуждать таким образом, это могло бы случиться так же и в семнадцатом веке.

В ту ночь, в сумерках своей собственной крошечной комнатки, он лежал и спорил с рациональной, научной частью своего мозга, со своей подготовкой, как физика.

«Конечно, — сказал он себе со слабой улыб-

кой, — я только магистр наук… и хорошо известно, что магистрам еще дозволена крошечная доля сумасшествия». Они все еще могли раствориться в людях, даже рассматривать какую-нибудь случайную бездоказательную гипотезу, без — и это было важно — риска быть обвиненными в дилетантстве. Товарищ по колледжу, который вскоре вынужден был бросить учебу и искать работу, даже пытался убедить своих друзей, что статус магистра все же лучше, потому что любому магистру было дано право на развлечения.

Успокоившись таким образом, Кэкстон продолжал обдумывать невозможную мечту, которая так неожиданно вспыхнула у него в голове: обязательно должен быть какой-то способ вернуться в будущее.

Что, наконец, поразило его, так это то, что с подтверждением его настоящей цели пришла мысль о том, что ему надо прекратить изводить эту бедную девушку.

Дело в том, что не было логического основания для того, чтобы Селани Джонс удовлетворяла сексуальные потребности Питера Кэкстона, или любого другого человека, который ей не нравиться.

С этой мыслью внутри него что-то чрезвычайно

расслабилось и как бы отпустило.

На этот раз, когда он спал, он не просыпался до утра. Он уже собирался перевернуться со стоном, когда обнаружил, что шум дождя прекратился. Поспешно одевшись, он вышел, дверь была открыта: в нее щедро брызгал солнечный свет.

Кэкстон осторожно сошел на траву, которая сверкала от росы, и увидел, что Клоден Джонс шел к нему вдоль разлившейся реки, бывшей прежде горным ручьем. Старик помахал рукой, и Кэкстон сказал:

— Где ваша дочь, сэр?

— О, она ушла, — сказал Джонс.

Странное выражение — для сообщения о том, что она улетела на своем велосипеде. Кэкстон почувствовал, как к нему вернулось его раздражение из-за Селани. Он покачал головой, думая: «Я туда, она сюда. Как раз тогда, когда я готов объявить мир, она куда-то исчезает… так что к тому времени, когда она вернется, кто знает, в какой я буду душевной тревоге?»

Затем смирился… «О'кей! Значит, она такая. Мне надо бы привыкнуть к этому».

— У Селани есть одна мысль, — продолжал Джонс, — что Бастман — именно он — подстроил так, что я, сам того не зная, попал в некий мир

вероятности. Если это правда, то меня тоже можно спасти.

Разговор все больше терял смысл. У Кэкстона было впечатление, что его уводили в техническую болтовню, словно он понимал основные принципы и мог вспомнить недостающие детали. А он, конечно же, не мог сделать ничего подобного.

Он сдержал свой порыв вернуться в трейлер. Сдержал, потому что внутри, черт побери, делать было нечего. Наконец он устало подумал: «Хорошо, значит, я хочу остаться на улице и находиться здесь, когда она вернется. Было бы смешно не признаться в этом самому себе. Значит, продолжу разговор».

Вслух он сказал:

— Все это дело с вероятностями очень таинственно. Очевидно, я сам тоже там, в каких-нибудь мирах вероятности.

Джонс помотал головой.

— Не получится, — сказал он твердо. — Мы проверяли, когда вы спали, и очевидно то, что сказал вам Прайс — это правда. Вы были слишком стойки, и на вас фактор вероятности не подействовал. Я думал, что могла помочь собранная в ваших клетках энергия времени, но это не изменило ни

одно из ваших проявлений. Очень жаль.

Кэкстон уже было раскрывал было рот, чтобы продолжить с еще одной собственной ассоциацией, когда его вдруг осенило: «В том, что он мне только что сказал, совершенно нет смысла. Я даже несколько минут не понимал ничего, что он сказал».

Кэкстон начал:

— Прошу прощения, сэр, кажется, разговор прошел совершенно мимо. Ничего, если мы начнем еще раз?

Джонс метнул на него изумленный взгляд. Кэкстон поколебался, затем:

— Что вы со мной сделали во сне?

Джонс уже был спокоен.

— Мы попытались слить вас, нынешнего, с одной из этих ваших вероятностей.

Он пожал плечами.

— Это не получилось, несомненно, по тем причинам, которые объяснил Прайс. Очень жаль.

— Слить меня? — отозвался Кэкстон. У него было ужасное ощущение внезапной слабости.

— Кажется, сейчас я об этом вспоминаю, — продолжал болтать Джонс. — Около пятидесяти лет назад в моей жизни… — Он извиняюще замолчал. — Я живу то во Дворце, то еще где-нибудь

— прибавляю годы к своей жизни, а затем снова их отнимаю. К счастью, спешки никогда не было. Прошлое, знаете ли, всегда ждет тех, кто может вечно двигаться сквозь время… Ну так вот, — продолжал он, — мне напомнили, что Прайс отослал меня назад во времени и дал кому-то из своего отрочества еще до 1977 года, раннюю вероятность. Потом я подошел к этому же человеку, когда ему было тридцать — это в конце 1960-х — взял его и перенес дальше во времени и передал Прайсу. Позже Прайс рассказал мне, что они не могли соединить старшего с младшим в смысле индивидуальности, но, что младшего надо было слить со старшим, и что такое слияние на старшего не подействовало. После того, что вам рассказала Селани, я вдруг понял, что это должно быть были вы, — Он снова заговорил извиняющимся голосом. — Такие детали имеют обыкновение ускользать из головы.

Он замолчал.

— Во всяком случае, это пока остается проблемой. Прежде чем я слил Селани с той вероятностью, о которой вы ей рассказали, она предложила, чтобы я попробовал это на вас, но ваша не сработала, как я вам сказал. И это очень жаль. Понимаете, если она права в том, что Баст-

ман создал из меня вероятность, потом, если бы я слился там, вы бы остались здесь одни. Селани это обеспокоило, — сказал Клоден Джонс.

24

Как долго можно стимулировать железы: страх угасает и переходит в апатию, только шок может возобновить остроту чувств.

Наконец, приговоренный взбирается к виселице и понуро стоит, не замечая даже мгновения, когда распахивается люк.

Подобное ощущение темноты обволокло разум Кэкстона на неопределенный период, после того, как до него дошел смысл слов Клодена Джонса.

Все это время Джонс продолжал говорить: в конце концов, отложилось из этого продолжительного монолога только: «...Если вы хотите рискнуть, нам надо спешить. Селани сказала, что даст десять дней, после чего сольет меня».

Это походило на чушь, но смысл, наконец, дошел. Кэкстон кивнул. Он впервые почувствовал неясную горечь. По крайней мере это было чувство, а не физиологическое опустошение. Чувство не принимало никакой формы, ни на кого не устремлялось: просто покоилось там, в его теле, как первое пробуждение сознания.

— Я приготовлю завтрак, — сказал он наконец. И добавил. — Я хотел бы также познакомиться с

тем, как работает оборудование трейлера, раз я остаюсь здесь один.

Он повернулся и прошел внутрь. Он уже занялся тем, что обычно делала Селани с кухонной утварью, как его осенила новая мысль. Он не помнил, чтобы пошел искать Джонса, но он вдруг очутился в дверях лаборатории и сказал:

— Если вы сольетесь там с еще одним Клодом Джонсом, вы восстановите свою способность проходить сквозь время. Почему бы тогда не вернуться за мной?

— Это будет иной мир вероятности, — сказал Джонс, — поэтому я не буду знать, как сюда вернуться.

— Ради Бога, — взорвался Кэкстон, — это реальный мир. Вы должны вернуться к нему рано или поздно.

Последовало долгое молчание. Джонс выпрямился. Его серые глаза с крошечными темными пятнышками смотрели в загнанное лицо Кэкстона. — Питер, — сказал он трезво, — вы не понимаете. Реального мира нет. Вы, очевидно, не поняли всю громадность того, с чем мы имеем дело. Я думал, вы говорили Селани, что Прайс описал вам миры вероятности. Послушайте! Существует бесконечное число миров вероятно-

стей. В этом одна из наших трудностей. Например, мы не можем найти временной поворот, когда оно предположительно снова идет вперед в 1977, и мы не можем найти ничего, что идет дальше после 9812, когда начинается поворот назад. Пока что, насколько нам известно, мир заканчивается четырнадцатым ноября 9812 года нашей эры в каждой вероятности.

Кэкстон в изумлении открыл было рот, чтобы сказать:

— Но это же смешно. Ведь очевидно, что Вселенная существует и дальше.

Он этого не сказал, потому что вдруг оказалось, что это не столь очевидно.

Наконец, ему пришло в голову логическое следствие, и он сказал:

— А как ваша дочь рассчитывает открыть эту случайную вероятность?

— О, — Джонс уже снова качнулся над длинным, призрачным ящиком, который стоял у него на полу трейлера. При вопросе Кэкстона, он еще раз выпрямился и сказал:

— Не знаю, сможем ли мы все это разъяснить вам. Есть два хода. Первый — это то, что сказал Бастман перед тем, как порвать с нами. Он сказал, что он сейчас — на то время — единственный

Обладатель без какой-либо вероятности самого себя. Когда кто-то показал на меня, он просто многозначительно рассмеялся и отказался обсуждать это. Селани полагает, что у него параноидальная потребность свалить вину на меня и тешить себя тем, что исключительным условием был его идеал.

Глаза старика не хотели отпускать Кэкстона. Он спросил:

— До сих пор — все понятно?

С ним говорили, как с шестилетним, но, может быть, — Кэкстон кисло улыбнулся при воспоминании о смутном периоде с тех пор, как он впервые услышал об «отъезде» Селани — может быть, он заслуживал этого.

Джонс продолжал:

— Второе — это то, что одна из наших рассказала дочери, что видела меня в каком-то мире вероятности. Селани собирается разузнать у этой женщины, где это было. Женщины отправятся туда и сообщат все тому Клодену Джонсу, после чего он сольется со мной, и тогда он будет мной. В следующий раз, когда я вернусь в семнадцатый век, это уже будет в другом мире вероятностей: это будет в том, а вы — в этом. Так что лучше, если вы сделаете то, что я предложил.

Во рту Кэкстона появился привкус горечи от мысли: «Конечно. Селани мне ничего не должна. Так почему я переживаю, что она уехала?» Не то, чтобы ему ее очень не хватало, но он ругал себя за то, что докучал ей, когда, в общем, каждое его слово было ей неприятно.

Через час Кэкстон мрачно подумал про историческую параллель с отъездом Селани. Даже черная чума имела хорошую сторону для выживших. Неожиданно люди, у которых никогда не было никаких прав, которые никогда ничем не владели и у которых даже не было надежд на богатство — они вдруг стали наследниками остатков и целых владений.

«Ну вот, — подумал он, — для начала я получаю велосипед».

Джонс был чем-то занят в своей лаборатории, так что отказать Кэкстону было некому, когда он вытащил машину, нажал на кнопку, как это делала Селани, и смотрел, как она сама раскладывалась. Через минуту он сидел на ней верхом, скользя по воздуху и набирая высоту.

Он взглянул на трехмерную дикость этого мира, это было так же интересно, как часами раскладывать пасьянс. Расстояние. Горы. Потоки. Голубое небо. Облака… Не забирайся слишком

далеко. Запомни приметы…

Наступило четвертое утро после отъезда Селани. После завтрака Джонс поднялся из-за столика и сказал:

— В любое время, когда вы захотите прийти в лабораторию и посмотреть, чем я занимаюсь, пожалуйста. Я буду рад объяснить.

Кэкстон промычал:

— Спасибо.

Но он не пошевелился. И воспоминание о приглашении погасло, когда Джонс прошел в дверь.

Как-то в этот день, когда он взял велосипед и улетел в свои часовые грезы, Кэкстон спросил себя: «Возможно ли, чтобы я мог оставаться в этом полусознательном состоянии целых десять дней?»

Оказалось, что он потерял счет дням. Дважды в утро, что должно было быть десятым, он звал Джонса прийти позавтракать.

В ответ — тишина, если не считать слабого эха собственного голоса.

— Эй! — прошептал Кэкстон. — Вы не ушли? Он разговаривал сам с собой.

Кэкстон вышел наружу. Мысленная нечувствительность этих десяти дней, казалось, распространилось на его тело: он стоял в ледяном

ручье, почти по пояс мокрый, прежде чем понял, что он не заметил, как вошел прямо в воду.

Отрезвев, он выбрался на берег. «Этого мне только не хватало, — подумал он, — простудиться и умереть от пневмонии».

Около полудня, когда он все еще ждал, пока высохнут его брюки, туфли и носки, его поразила мысль, что все проблемы его были внутренними, для человека, обладающего — как он сейчас — такой комбинацией — супертрейлер-грузовик-аэроплан, на всей этой земле объективно не было ничего, из-за чего можно было беспокоится.

Надо принять решение. Да. Решение.

О чем?

Когда на дикий мир первобытной Америки медленно спустились сумерки, у него все еще не было ни малейшей идеи. Кроме того, что он находится внутри трейлера, за дверями, прочно запертыми… от страха. Он без труда признался себе в этом страхе.

Несмотря на беспокойство, он мгновенно уснул.

Это был ясный день, и все же, когда он проснулся в первый раз, по крыше трейлера стучал дождь. Снова сон пришел легко. Проснувшись, он осознал две вещи.

Дождь прекратился. Это первое. Второе: он понял, каково должно быть его решение. Он такой человек — это надо признать, как он признавал это в прошлом — который умел выбивать себя из колеи. Это помеха, которая заставила бы сникнуть большинство людей. Но каким-то образом он каждый раз спасал свое раненое эго, осторожно возвращал его себе и всякий раз после этого считал трофеи,

«Я не посчитал трофеи, — подумал он. — Сейчас». Фантастический трейлер, со всем этим… на что он по-настоящему не обращал внимания.

Он понял, что давно проснулся. Часы показывали три минуты четвертого, когда он вошел в лабораторию Клодена Джонса. Мгновенно и впервые он понял, что это была самая большая комната в громадном транспорте, и несомненно самая компактная научная мастерская, какую он когда-либо видел.

Несколько минут осторожного осмотра подтвердили, что каждый дюйм на стене использовался для хранения каких-то складывающихся приспособлений такой же сложности, что и велосипед Селани. А каждая ячейка сама по себе была конструкцией, сделанной так, чтобы служить для многих вещей. Самым большим предметом был

тяжелый, обложенный свинцом, проекторный механизм, занимавший часть одной стены, с припаянной к основанию инструкцией. Книга была открыта на семнадцатом утверждении: «Производит все 154 элемента из воздуха. (Осторожно: радиоактивные вещества получаются только при соблюдении определенных мер — см. стр. 98)»

От этих слов Кэкстона отшатнуло, он буквально сделал несколько шагов назад. Сейчас же захотелось изучить замечательную машину. Что произошло, так это то, что последним шагом он споткнулся о какой-то гробообразный ящик на полу и, удерживая равновесие, наполовину опустился на колено.

Согнувшись, он заметил письмо на дне ящика. На лицевой стороне было написано: «Для Питера Кэкстона». Вскрыть и выхватить содержимое было делом одной минуты. Содержимое состояло из нескольких листов бумаги и письма.

Кэкстон поднялся на ноги и перенес письмо к откидному столу возле стула. Он намеревался сесть и прочесть его, но первые слова сразу привлекли его внимание. Так, стоя, он и прочел письмо от начала и до конца. «Дорогой Питер К.

Прекрасно понимаю ваше нежелание предпринять то, что в вашей эре — конце двадцатого

века — пока еще было экспериментом. Что я хочу сказать — с этим транспортом и его возможностями вы можете чувствовать себя спокойно и уверенно. Так, с абсолютной точностью контроля за температурой (пока сам трейлер не развалится на части — а чтобы этого не произошло, я предлагаю найти какую-нибудь пещеру), примите мои заверения, это оборудование перенесет вас туда, куда вы захотите. Однако я рекомендую вам или двадцатый век (1979), или 2476 г. н. э. Не отправляйтесь никуда больше — вот мой совет. Селани и я сошлись на том, что вы недостаточно устойчивы эмоционально, чтобы вынести поход в другую эру. Мне очень жаль сообщать вам, что мы (Селани и я) также согласились с тем, что Обладатели не примут вас во Дворец Бессмертия. И все же куда вам отправиться — решать вам. Только удостоверьтесь, что вы сделали все правильно, чтобы выжить.

Клоден Джонс».

Прилагаемые листы состояли из чертежей, которые, как Кэкстон быстро определил, были связаны с прозрачным гробом на полу, и сугубо технического описания механизма, производящего различные операции. Одна стрелка наконец привлекла его внимание, потому что указывала

на контейнер и гласила: «Кровь стекает сюда и замерзает!»

Кэкстон вдруг сел на стул, а когда он быстро прочитал остальное, он с неожиданным осознанием задохнулся от осознания реальности.

«Крионика!»

Но это его не убедило.

Потребовалось некоторое время, чтобы вернуться к письму Клодена Джонса с его заверениями. Чтобы решиться, времени потребовалось больше, однако в конце довод его был тем же: «Что еще остается делать человеку с моими целями?»

Слабый свет зари пробивался на востоке, когда Кэкстон открыл внешнюю дверь и сошел на мокрую от дождя траву. Позже он с беспокойством позавтракал, но понял, что ждет дневного света, и ожидание это было тяжелым, когда знаешь наконец, что ты намерен делать… Он намеревался поискать подходящую пещеру.

Когда он нашел ее, на третий день, он подъехал и осторожно завел туда трейлер. Понадобился еще один день, чтобы загородить вход в пещеру. Но наконец дело было сделано. Раздевшись, он лег на дно гроба.

То, что он сделал потом, было бы легче сделать,

если бы у него был помощник. По инструкции он должен был ввести четыре иглы в ноги и две — в левую руку. Каждый раз Кэкстон морщился, но, как в 2476 г. н.э., это было не больно, неприятно было ожидание укола, а не сама игла.

Еще некоторое время он обвязывал эти иглы специальным материалом, это очень важно, написал Джонс.

Наконец, работа была завершена.

Кэкстон осторожно лег, аккуратно опустил крышку и запер ее.

Инструкция гласила: «Опустив крышку, не теряйте зря кислород. Немедленно переходите к дальнейшей операции».

Но он не мог удержаться от сомнений. Он дотянулся до кнопки, которая должна начать «процесс» путешествия во времени при помощи замораживания. И уже, коснувшись пальцем кнопки, остановился.

«Я сумасшедший? — спросил он себя. — Ради Бога — это будет мое второе путешествие сквозь время…»

Путешествие при помощи способа Дворца Бессмертия почему-то не имело для него такой абсолютной реальности.

И снова было впечатление, что колеса его мозга

крутятся вхолостую. Потому что вопреки сдерживающим мыслям, его негнувшийся палец, ведомый упрямством, нажал на кнопку.

Он услышал щелчок.

Дальше было не совсем то, чего он мог ожидать, если бы думал, что там могло быть все, кроме пустоты (чего он не думал). Где-то кто-то в изумлении произнес: «Я почувствовал отдаленный сигнал снизу. Настройщики, быстро проверьте». Последовала пауза, а затем другой голос — женский — сказал: «Это не сигнал. Это поток энергии». Третий голос — второго мужчины — сказал: «Но откуда? Ощущение такое, будто издалека». Снова заговорила женщина: «Человеческое тело преодолело барьер…» Голоса стали удаляться. Как шепот они становились все менее различимы — мужской или женский: «…Мертвое тело — похоже на…» Потом что-то еще: «Нет, не мертвое, замороженное… Да».

Другой голос: «Искусственно… А-а, один из тех… обычно они не показывают такой выносливости… А этот начал нормально, так что выживет… Хорошо, проследите…»

Какое-то время после этого они, казалось, все еще шептались, но Кэкстон уже не мог различить ни одного звука. Наконец, прекратился и тихий

шепот.

Кэкстон попробовал открыть глаза — и не смог.

Одеревенел — вот ощущения, переданные ему телом… Не шевелись!

Он не шевелился.

25

Если кто-то и знал, что 10 сентября 2476 г. н.э. вечером, где-то около одиннадцати, некто Питер Кэкстон поднялся на борт корабля Камила Бастмана и где-то сошел — и если бы Питер Кэкстон вошел в отель в полночь той же ночью, никто бы не заметил разницы.

«На этот раз, — сказал себе Кэкстон, — никакой ерунды». Он отправится в эту поездку с Ренфрю и Блейком, и, пока он там, узнает про научные достижения этой эры.

В общем, он воспользовался одним «Полетом» из трейлера и сел на небольшую посадочную площадку своей собственной комнаты. Прошел внутрь, слегка задохнувшись от совершенства всего происшедшего.

Джонс был прав: оборудование трейлера было совершенно. Он установил время на третье сентября, давая себе неделю на восстановление сил. К пятому дню рвался в дело. Однако он сопротивлялся своему нетерпению, и вот он здесь.

«Я отправлюсь в эту поездку. Затем вернусь и разузнаю у поисковой фирмы о нынешнем доме Дэниеля Магольсона — и выйду оттуда».

Вся прелесть этого была в этом фантастическом опыте, но здесь, в этой комнате, у него был костюм, не пропускающий запах, поэтому он может спуститься завтра вниз и никто ничего не заподозрит.

Как оказалось, прошло не совсем так. Наблюдательный Нед Блейк, долго и изучающе посмотрев на Кэкстона на следующее утро, сказал:

— Вы изменились. Что произошло? Кэкстону стало интересно.

— Изменился — каким образом?

— Похоже на кошку, которая поймала мышь, — сказал Блейк, — и не хочет делиться.

— Я бы подумал, — ответил многоречиво Кэкстон, — что все как раз наоборот. Я наконец решил смириться с этой эрой, отправиться в эту поездку с Джимом и вами — тихо, спокойно — и не думать о том, что мне где-то надо быть, как я делал до сих пор.

— Хорошо, — Блейк смотрел на него с сомнением.

— Думаю, такое возможно. Но в ваших глазах и лице другое выражение. Я бы сказал — вы стали тверже. Более уверенным в том, куда идете и чего хотите.

Кэкстон молчал, несколько испуганно. Он был

победителем, думал он, он рискнул. Он принял решение рискнуть и отправиться в еще одно опасное путешествие в будущее.

Это потребовало твердости, да. Но, некоторым образом, той, которая всегда была в нем. В прошлом большой проблемой для него была его неуверенность в том, чтобы определиться, что он хочет делать и куда хочет идти.

Теперь он знал. Сначала — в космос с Ренфрю и Блейком. И посвятит свое время изучению основ науки. Три месяца — чуть больше или чуть меньше — на это. Затем — вернуться сюда, к дому Дэна Магольсона — и скрыться прочь. Сразу же входить во Дворец Бессмертия? Это решение могло подождать.

Три следующих месяца были любопытными. Некоторое время Кэкстон испытывал благоговение перед безбрежностью космоса. Безмолвные планеты проплывали мимо и растворялись, оставляя ностальгические воспоминания о необитаемых лесах и равнинах, пустынных морях и безымянных солнцах.

Вид космоса и воспоминания принесли одиночество, похожее на боль, понимание, медленное понимание того, что это путешествие не снимало груз чужеродное, лежавший на них со времени

их прибытия на Альфа Центавра.

Здесь для их душ не было ничего, что наполнило бы один год их жизни, не говоря уже о пятидесяти. «Люди в самом деле принадлежат своей собственной эре», — подумал Кэкстон. Он хотел подавить это чувство в себе.

Но он видел, как это понимание росло у Блейка, и ждал каких-то знаков от Ренфрю, что он это тоже почувствовал. Знаков не было. Затем он понял нечто другое: Ренфрю наблюдал за ним, Наблюдал так же и за Блейком.

И в проведении его угадывалось какое-то тайное знание, какая-то тайная цель.

«Мы должны помнить — он болен», — подумал Кэкстон. Несмотря на это предупреждение самому себе, вечная жизнерадостность Ренфрю усыпила его. Кэкстон лежал на своей койке в конце третьего месяца, думая обо всей неудовлетворительной ситуации, когда открылась дверь и вошел Ренфрю.

Он нес парализующий пистолет и веревку. Нацелив пистолет на Кэкстона, он сказал:

— Извините, Питер. Касселехат сказал мне не рисковать, так что просто лежите тихо, пока я вас свяжу.

— Блейк! — заорал Кэкстон. Ренфрю мягко по-

качал головой.

— Бесполезно, — сказал он. — Сначала я побывал у него.

Пистолет в его руке был тверд, его голубые глаза сияли сталью. Все, что мог сделать Кэкстон, это напрячь мышцы, когда Ренфрю связывал его и довериться своему убеждению, что он все-таки сильнее. Ренфрю наконец отступил и сказал:

— Простите, Питер, — он добавил. — Мне неприятно говорить вам об этом, но вы оба потеряли самообладание, когда мы прибыли на Альфа Центавра — вы со своей навязчивой идеей про Лейксайд, а Блейк так встревожился из-за нашего запаха. Это лечение прописано психологом, у которого проконсультировался Касселехат. Нужно, что бы вы получили такой же шок, как и тот, который потряс вас.

В первый раз Кэкстон не обратил внимания на упоминание имени Касселехата. Но вторая ссылка привлекла его внимание.

— О, бросьте, Джим, подумайте хорошенько. Это ведь не совсем то, что сказал Касселехат. Подумайте. Каковы были точные слова?

Вопрос, кажется, засел в его голове. Он остановился. С минуту, казалось, он пытался вспомнить. Секунды прошли. Он встряхнулся.

— Это не надолго. Мы уже входим в поле одиночного солнца.

— Одиночное солнце! — вскрикнул Кэкстон.

Ренфрю не ответил. Сразу же после того, как за ним закрылась дверь, Кэкстон принялся за веревку, стараясь выпутаться, все это время он думал: «О чем тогда говорил Касселехат?» Одиночные солнца поддерживали себя в этом космосе рискованным балансированием.

«В этом космосе!» По лицу его заструился пот, когда он представил, как их корабль ввергается в плотность другого пространственно-временного континуума. Он, казалось, чувствовал, как падает их корабль, когда, наконец, освободил свои руки из веревки.

Связан он был не так долго, чтобы у него затекли руки и ноги. Он направился в комнату Блейка.

Через две минуты они шли в комнату управления.

Ренфрю не заметил их до тех пор, пока они его не схватили. Блейк схватил его пистолет, Кэкстон стащил его из кресла управления одним мощным рывком и повалил на пол.

Он лежал, не сопротивляясь, улыбаясь им всем.

— Слишком поздно, — усмехнулся он. — Мы приближаемся к первому порогу недопустимости, и теперь вам ничего не остается, как приготовиться к удару.

Кэкстон едва слышал его. Он тяжело уселся в кресло и взглянул в смотровую панель. Ничего не видно. На некоторое время это поставило его в тупик. Затем он увидел регистрирующие приборы. Они яростно дрожали, регистрируя какое-то тело бесконечно огромных размеров.

Довольно долго Кэкстон безумно смотрел на эти невероятные цифры. Потом двинул деселератор дальше. Машина напряглась: у Кэкстона возникла неожиданная фантастическая картина двух неудержимых сил в их полном столкновении. Задыхаясь, он рывком выключил питание.

Они все еще падали.

— Орбита, — говорил Блейк, — выводите нас на орбиту.

Дрожащими пальцами Кэкстон ударил по клавиатуре, накладывая на какую-то планету солнцеподобных размеров диаграмму — тяготение, масса.

Одиночка не давала им сделать это. Он попробовал другую орбиту, третью и еще… наконец ту, что дала бы им орбиту вокруг самого мощ-

ного Антареса. Но беспощадное, убийственное положение не изменилось. Корабль продолжал падать, все вниз и вниз.

И на экранах ничего не было видно, ни малейшего признака субстанции. Кэкстону показалось, что он мог различить смутный сгусток на фоне общей черноты космоса. Звезд же было мало во всех направлениях, и невозможно было быть уверенным…

Наконец, в отчаянии, Кэкстон метнулся из кресла и опустился на колено возле Ренфрю, который до сих пор не предпринимал никаких усилий, чтобы подняться.

— Послушайте, Джим, — взмолился он, — для чего вы это сделали? Что сейчас произойдет?

Ренфрю непринужденно улыбался.

— Подумайте, — сказал он, — о старом, раздражительном холостяке — человеке. Он поддерживает какие-то отношения со своими приятелями, но эта связь такая же отдаленная, как и та, что существует между одиноким солнцем и звездами в галактике, частью которой оно являлось.

Он добавил:

— В любую секунду мы можем удариться о первый период недопустимости. Она действует с ускорением, как кванты, каждый период равен

четыремстам девяноста восьми годам, семи месяцам и восьми дням, плюс несколько часов.

Он ухмыльнулся.

— Это сказал мне Касселехат. Это походило на тарабарщину.

— Но что должно произойти? — настаивал Кэкстон.

— Ну, ради же Бога!

Ренфрю мягко взглянул на него, и тут Кэкстон вдруг с удивлением понял, что перед ним был совершенно нормальный, старый Джим Ренфрю, абсолютно в здравом уме, только как-то лучше, сильнее. Ренфрю тихо сказал:

— Ну что, это нас просто выбьет из области допустимости, и тем самым вернет нас назад…

Удар!

Корабль очень сильно накренился. С грохотом Кэкстон ударился об пол, отлетел, а затем чья-то рука — Ренфрю — подняла его. И все закончилось.

Он поднялся и обнаружил, что они больше не падали. Он посмотрел на приборную панель. Огоньки были тусклы, но не повреждены, все стрелки прочно показывали на ноль. Кэкстон обернулся и уставился на Ренфрю и на Блейка, который жалко поднимался с пола.

Ренфрю убедительно сказал:

— Пустите меня к панели управления, Питер. Наш корабль, возможно, поврежден из-за маневров, которые вы пытались провести, но я бы хотел добраться ближе к Земле до того, как нам придется забраться в нашу спасательную шлюпку. Вы двое одевайтесь в спасательные скафандры и принесите мне мой. Торопитесь. Я не рискну переходить на ускорение до тех пор, пока мы не будем надлежащим образом одеты.

Целую минуту Кэкстон смотрел на него, а затем кивнул. Позже он стоял возле Блейка, когда Ренфрю установил рычаги и потянул за акселератор. Ренфрю взглянул на них.

— Мы достигнем Земли примерно через восемь часов, — сказал он, — и это будет примерно через полтора года после нашего отъезда пятьсот лет назад.

Страшная мысль дошла неожиданно до сознания Кэкстона… «Одиночное солнце, — подумал он изумленно, — выпустив из своего поля, оно просто выбросило их в период времени, находящийся за его пределами. Ренфрю говорил, что это происходит с ускорением в четыреста девяносто восемь лет и семь с чем-то месяцев и…»

С пониманием всего этого ужас кризиса еще

больше усилился. И до него дошла истина его нынешнего поло-Жжения. Он стоял, охваченный ужасом: «Но это же означает… мы вернулись!»

Вернулись в двадцатый век.

И на этот раз у него была лишь одна слабая возможность снова найти когда-нибудь след в будущее: тот кинопроектор!

26

Кэкстон глянул на имя в книге регистрации города Кисслинга: Магольсон. Дэниель Магольсон. Через некоторое время он оторвал взгляд от страницы и подумал о том, как неоригинальны люди. Магольсон, вероятно, пользовался этим именем во всех периодах времени, куда он отправлялся, по-видимому, полагаясь на то, что за ним никто не последует, или никто его никогда не выследит.

Да и кто мог следовать за ним? Остальные обитатели Дворца Бессмертия! Да, конечно. Но они были малочисленны. И Обладатели, очевидно, полагали, что использование одного имени упрощает дело: это, несомненно, предотвращало путаницу. Если вы всегда были Дэниелем Магольсоном, тогда вы никогда не начнете вдруг удивляться, кто вы теперь. Где бы это «теперь» не произошло.

Что беспокоило Кэкстона, так это то, что это походило на конец следа. Как он это представлял себе, какой-то Обладатель времени вел какое-то дело в Кисслинге. Находясь там, он продал Квик-Фото кинопроектор, который довольно давно и

положил начало этому сумасшедшему поиску. А затем вышел из этого дела и сделал вид, что перебрался — куда? На Западное побережье: так было установлено по его предыдущим запросам.

Даже тогда, вспомнил Кэкстон, этот шаг казался неясным. Выйдя на улицу города, Кэкстон вспомнил также и то, что он уже слышал имя этого человека во время того запроса, только тогда это казалось неважным, и имя выскользнуло из его головы, было столько имен, столько людей, которых он встречал в свою бытность торговым агентом. В его воспоминаниях это походило на одно большое размытое пятно из «никого».

Тем не менее, поскольку он был упрям и отказывался делать предложения, он отправился на почту и спросил о пересылочном адресе Магольсона. Человек, подошедший к стойке, отошел куда-то от окошечка и, наконец, подошел с карточкой.

— Да, — сказал он, — мы храним их некоторое время. — Он объяснил. — Просто в таких небольших местах мы более услужливы.

Этот лысый человек был никем для Кэкстона, и он когда-нибудь умрет без выбора жить вечно, несомненно, даже без мысли об этом. Но когда Кэкстон протянул руку, что бы взять карточку,

тот одернул руку и сказал:

— Простите, я не могу вам это показать. Не положено. Что я могу сделать, так это принять письмо, которое вы напишите и переслать его. Захочет ли мистер Магольсон ответить вам — это его дело, — он виновато улыбнулся.

— Минуточку, — сказал Кэкстон, — не уходите.

Он зашел за стойку, вытащил бумажник, вытащил стодолларовую банкноту, которую он спрятал в руке таким образом, чтобы было видно ее достоинство. Затем снова подошел к окошку и показал ему банкноту.

Припухшие глаза немного расширились. Потом человек тихо сказал:

— Где я могу встретиться с вами после четырех — после работы?

— В Кисслинг-Отеле, — ответил Кэкстон.

Его ладонь накрыла банкноту. Если какая-то часть этой сцены и была замечена другими служащими, или человеком, который встал сзади Кэкстона, все равно увидеть деньги было невозможно.

Кэкстон повернулся возбужденный, но со сдерживаемым возбуждением. Было всего лишь несколько минут после полудня: ждать надо было долго.

Приложенные сто долларов к цене за адрес ничего не значили. После того, как он убедил Блейка и Ренфрю высадить его в своем родном городе, он сходил в банк, где у него оставалась небольшая сумма денег, и выписал контрчек. Затем он пошел туда, где хранил свое имущество, взял ключ от сейфа. Пошел в другой банк — где под вымышленным именем хранился сейф — и какое облегчение, когда в уединении кабины он поднял крышку и увидел сто тысяч долларов, которые дал ему Ренфрю перед тем, как они отправились на Альфа Центавра.

Какое облегчение, да, и какая оценка его собственных стремлений. Деньги, разумеется, предназначались Ренфрю для раздачи кредиторам и наследникам Питера Кэкстона. Но он, имея свой план, со страстной решимостью думал, что он вернется. И, слава Богу, он вернулся.

Вспоминая о том моменте, сидя в Кисслинг-Отеле, глядя из большого окна на эту серую улицу двадцатого века, Кэкстон ждал почтового служащего и думал: «Ну ладно, значит это было несчастье, это одиночное солнце вдруг низвергло меня обратно туда, откуда я начал… это точно».

Ну конечно же, то, что деньги были здесь, ждали его, как он и представлял, конечно это был знак

того, что все происшедшее было не напрасно.

Ощущение приближающейся победы становилось сильнее, и когда, примерно в восемь минут пятого, в отель зашел служащий, они вышли и, пройдя в переулок, обменяли деньги на небольшую белую карточку с адресом.

— Я сделал копию, — сказал клерк. — Вы не скажете ему, где вы ее взяли?

— Нет, конечно нет.

Через плечо, уже поворачиваясь, Кэкстон добавил:

— Я прекрасно всё понимаю.

Он уже взглянул на адрес. Лейксайд, а вовсе не Западное побережье. Ловко.

Было уже темно, когда вскоре после девяти он прибыл в небольшой аэропорт Кисслинга. Расплатившись с таксистом, он вначале почти и не заметил человека, прошедшего мимо машины и шедшего за ним, почти рядом.

Слишком рядом. Кэкстон повернулся.

Как только он повернулся, рука в перчатке крепко схватила его за левое плечо. Перед Кэкстоном проплыло лицо Камила Бастмана, и ему послышалось, как Бастман говорил:

— Извините, Питер, но вы очень опасный для меня человек…

27

Был 2026 год н.э., и хотя проектор в Тигенор-Колледже обладал компьютерным управлением и чувствовал своим электронным чутьем, что что-то было не так, он продолжал работать.

Точно также фильмо-распределительная машина, действующая в ближайшем крупном городе, тоже знала про ошибку. Но это нарушение было не из тех, что приводили в действие механизм, принимающий решения. Во всяком случае не вначале. Не во времени.

Из Тигенора по обычным электронным каналам прошла команда. Команда исходила от человека. Сначала был отмечен номер фильма, затем номер школы, куда он предназначался. Обычно, когда фильм находился на своем месте в фильмотеке, больше никакого человеческого участия не требовалось. Однако, если фильм и все его копии были на руках, в проекторной Тигенора вспыхивал красный свет и тогда уже, если потенциальный клиент желал, он мог заказать взамен что-то другое.

На этот раз копия была на месте. На сенсорную пластинку контейнера и на ряд учетных пластин

нанесли номер школы. Пластины проходили через аппарат, который собирал информацию, и в результате деньги собирались вовремя. Фильм со своей копией мгновенно поступал в трубу.

В начале скорость продвижения была невелика. Время от времени спереди и сзади щелкали другие контейнеры, и необходима была авторегулировка скорости для предотвращения столкновения. Номер предназначения этого фильма был 9-7-43-6-2 зона 9, Главная Труба 7, Пригород 43, Распределение 6, Школа 2.

Обходной путь в зоне 9 автоматически открылся, когда контейнер привел в действие механизм. Через мгновение фильм был в главном почтовом канале под номером 7. По каналу бесконечной вереницей шли небольшие пакеты, каждый в электронно-управляемом контейнере. Вереница никогда не останавливалась, лишь замедляла и ускоряла свой ход, когда в трубу попадали новые контейнеры, а старые уносились по своим маршрутам.

43-6-2. Щелчок — и фильм прибыл на место. Автоматические устройства мягко установили его в проектор и, в установленное время — в данном случае примерно через час — видящее устройство — глаз проектора открылся и осмот-

рел аудиторию. Несколько студентов все еще были в проходах. Дал предупредительный сигнал, подождал полминуты, затем запер двери аудитории и снова открыл «глаз». На этот раз в проходе оставался лишь один студент.

Проектор дал последний звонок. Следующим предупреждением явится световспышка в кабинете директора вместе с телеизображением аудитории, которое четко покажет нарушителя дисциплины. Последнее действие оказалось ненужным. Молодой человек, некто по имени Камил Бастман, закончил дурачиться и завалился в кресло. Сеанс начался.

Электронные устройства проектора были не в силах понять, что юный Бастман был — сам того не зная — Обладателем, который мог, меняя время, влиять на — один или больше — окружающие предметы. Действие — как открыл Джонс — всегда было случайным, беспорядочным, но оно обычно приводило к одному. В данном случае на экране шел нужный фильм, но фильм, который потом был уложен в контейнер и возвращен в фильмотеку, оказался одним вышедшим из употребления творением под названием «Волшебство продуктов», предоставленным Тигенор-Колледжу Фильмотекой Арлея в 1979 году.

Вся последующая «работа», совершаемая в 1979 году Клоденом Джонсом и Селани, действовавшими из трейлера на Пиффер-Роуд и Обладателем Дэниелем Магольсоном, продавшим специальный кинопроектор в Квик-Фото (которое, в свою очередь, продало его Тигенору) была рассчитана на то, чтобы воспользоваться этим случайным, но неизбежным влиянием на время, которое происходило так близко от временного поворота — всего лишь в двух годах от 1977. У них была надежда на то, что созданная таким образом неустойчивость (если ее правильно использовать) даст им возможность определить место временного охвата, когда он, повернув, снова двинется вперед.

С другой стороны, вмешательство Бастмана в их усилия основывалось на подозрении, что то, что они делали, было как-то направлено на него. Никакие заверения со стороны Обладателей не могли убрать это ужасное подозрение.

По чистой случайности ни один из контейнеров, в который поочередно попадал фильм 1979 года, не выходил по вызову, пока не стало поздно. Когда он попал на другой проектор, Кэкстон разобрал проектор 1979 года и последовательный процесс связи времени был нарушен.

Бастман привел Кэкстона, связанного по рукам и ногам, в 14 ноября 9812 года н. э. — последний день времени. Оставалось еще двенадцать минут и несколько секунд известной Вселенной. Было 7:59 вечера, а конец должен приходиться на 8:11.

Все это Бастман объяснил своему пленнику ровным голосом, и закончил:

— Через двенадцать минут, Питер, вы перейдете за край.

Кэкстон тупо уставился на своего пленителя. Давно придя в сознание, Кэкстон погрузился в состояние безнадежности. Поэтому он просто спросил, не резко, без всякого настоящего интереса:

— А почему вы считаете меня опасным?

— В ваших клетках собрана вся эта энергия времени, вот почему.

Кэкстону пришла в голову мысль, что если это было истиной причиной, то почему Бастман просто не убил его? Для чего готовить такую странную долю. Так как такая возможность неверия приходила ему в голову, он задал этот вопрос вслух.

Бастман был удивлен.

— Я вижу, что вы не представляете своего положения, Питер. В ваших клетках собрано

больше энергии времени, чем у любого когда-либо жившего человека. Никто не знает, что может произойти с окружающим, если вас неожиданно застрелить. Ну, и конечно, если Обладатели заполучат вас со всей вашей энергией, у них, очевидно, возникнет желание развить ваши необычные способности. Но если даже и нет, рано или поздно вы создадите исключительное волнение во времени — а это то, что я, имея свои цели, не могу позволить. Вот такая картина. Поверьте, я больше не знаю мест, куда можно было бы поместить эту энергию времени, кроме как за край. Он внезапно замолчал.

— Это как старая проблема с радиоактивными веществами, прежде чем люди научились выбрасывать их к Солнцу. Я выпускаю вас в единственный известный мне эквивалент Солнца.

Взглянув в эти суровые глаза и не увидев в них пощады, Кэкстон задрожал. И затем сказал дрожащим голосом:

— Тогда, в семнадцатом веке, Клоден Джонс, кажется, не думал, что у меня есть какая-то особая способность.

— Это потому, что те вероятности, в которые вас помещали во Дворце, вас не принимали. Так что вам некуда было идти. Но сейчас у вас в два

раза больше энергии.

— Но почему не помочь мне? Может быть, мы смогли бы действовать вместе? Вы же видели, до этого я хотел.

— Простите, Питер. При таком партнере я вскоре стал бы играть второстепенную роль. Я не могу доверять параноику.

Два параноика посмотрели друг на друга, а затем Бастман взглянул на свои часы.

— Еще пять минут, — сказал он. — Установка времени на конец мира была разработана Клоденом на основе сравнения из Дворца. Я не хочу полагаться на него до секунды, хотя он очень силен в таких вещах. Но я не хочу рисковать. Я ухожу прямо сейчас.

Он поспешно снял хронометр с руки и положил его на пол возле Кэкстона.

— Вот. Это позволит вам кое-чем заняться.

С такой же поспешностью он направился к открытой двери в десяти футах от них и вышел.

Через мгновенье он ворвался обратно. Он был бледен.

— Ради Бога, что вы со мной сделали? Я больше не могу проходить сквозь время. Я потерял свою способность Обладателя.

В руках у него был ключ. Опустившись на ко-

лени рядом с Кэкстоном, дрожащими руками отомкнул что-то в цепях, связывавших Кэкстона. Поспешно поднявшись, он оттащил цепь. Быстро попятившись в центр комнаты, он стоял и бормотал:

— Весь этот путь сюда с вами… Я находился с вами слишком долго… О боже, мы оба обречены!

Его ужас вдруг сделал угрозу более реальной. Кэкстон встал на ватные ноги. Однако через мгновение он был уже сильнее. Лицо Бастмана, только что такое твердое и решительное, вдруг обмякло, приобретя какое-то одутловатое выражение, и это как-то укрепило его. У него появилась блуждающая мысль: «Может эти важные и властные критерии менеджера по торговле вовсе не такие властные и крепкие».

Мысль остановилась. Потому что Бастман был рядом, сжимая его руку.

— Питер, послушайте, — простонал он, — после того, как я взял вас с крыши отеля, я решил использовать вас двумя способами. Первый — позаботиться о Джонсе. Второй — я отделил вашу вероятность и переправил ее во Дворец, где у меня есть водородная бомба. Я собирался использовать ваши знания, что бы вы помогли мне взорвать Дворец Бессмертия и всех этих ублюдков.

Он сглотнул, затем бросился говорить дальше:

— Послушайте, есть один способ взять меня туда — так же, как Джонс мог проводить этот трейлер, я смог бы провести вас сюда. Но вы должны сделать это очень быстро,

Кэкстон сказал:

— Я связан… там?

Одного взгляда на это убитое горем, виноватое лицо было достаточно, чтобы понять, что его мрачная догадка была верна. Он пробормотал:

— Вы собирались отправиться отсюда туда, где находится эта бомба и силой заставить меня взорвать ее?

Через мгновение эти слова показались ему недостаточными. Казалось, изо всей силы, он ударил Бастмана в лицо. Отдача от удара пронеслась по руке до плеча, он всем телом бросился на Бастмана. Они оба рухнули. Дыхание Кэкстона сбилось и он, лежа сверху на своем противнике, судорожно глотал воздух. Его посетила удивительная мысль: «Черт побери. Пити Кэкстон в конце концов оказался славным парнем, надо же!»

Они упали рядом с часами Бастмана. И в тот же момент, когда у Кэкстона возникло это славное представление о самом себе, он мельком заметил

циферблат хронометра. Время было 8:11 плюс — когда он глянул — тридцать одна секунда…

28

Кэкстону снился сон. Какой-то голос сказал:

— Хорошо, настройте…

И в следующий миг…

Он входил в аэропорт Кисслинга. Мимолетное воспоминание промелькнуло как раз в тот момент, когда он толкнул турникет.

Он непроизвольно остановился. Или, вернее, он попробовал остановиться. Дверь вытолкнула его из ночной улицы в яркое помещение. Мимо прошло несколько людей. Это было узкое место, и Кэкстон был уже за стойкой и сдавал свою сумку, прежде чем снова обрел способность вспоминать.

Воспоминание на этот раз показалось немного смутнее.

— Вам придется поторопиться, сэр, — дошел до него голос служащего. — Самолет отправляется через четыре минуты. Так что лучше просто пронести свою сумку.

И вот он бежит по коридору, выбегает, пересекает бетонную полоску. По эскалатору, в машину, последний пассажир задыхается от бега.

«Куда ушло время? Я думал, у меня масса вре-

мени».

Дверь за ним с шумом закрылась. Краткий разговор со стюардессой.

С каждой секундой все происходящее с ним, казалось, уходило все дальше, однако, словно это было что-то далекое, в его прошлом.

Вскоре, после десяти, на следующее утро, Кэкстон свернул к воротам дома в Лейксайде, где жил Дэниель Магильсон. Проходя к двери, он увидел, что это был элегантный особняк на большом участке земли. У дверей он остановился. Какое-то время Питер Кэкстон стоял, полный своих мыслей и целей, напрягшийся, готовый к сопротивлению, человек, не имеющий как личность почти ничего, но никогда не прекращавший попытки пробиться туда, где он хотел быть.

Нарушитель спокойствия, непреклонный любовник, творец в своей специальности, разрушитель в большинстве других ситуаций. Где бы он ни был, везде возникала некоторая суматоха и беспорядок, причиной которых, если проследить, оказывался он сам.

Но он был жив и имел свое право на свои семьдесят (нормальная продолжительность человеческой жизни по Библии) или больше, если сможет. Он был очарователен с женщинами, и

некоторые его любили, принимая его эгоистичность за твердость характера.

Дверь открывалась.

29

Через минуту человек, стоявший в проеме двери, сказал:

— Да, я — Дэн Магольсон.

Странно, но у Кэкстона не было мгновенной реакции. Он заметил, что Магольсон был высок, имеет дружелюбные манеры и легок в общении. Обладатель выглядел на тридцать лет.

Кэкстон открыл рот, чтобы произнести заготовленную фразу: «Магольсон, я шел за вами тысячу триста лет…» Он так и не сказал ее, потому что Магольсон заговорил первым.

— Проходите, Питер, — сказал он. — Но уж простите меня, если я не позволю вам подойти слишком близко.

Обладатель улыбнулся.

— Согласитесь, вся эта энергия времени должна быть не менее чем в четырех, лучше в шести футах от Обладателя.

Эти слова, с их мгновенным пониманием опасности, которую он представлял, вызвали в Кэкстоне внезапный страх, что в этот решающий час он все еще мог проиграть. Он обдумывал, слегка подавшись вперед, словно собираясь шаг-

нуть, однако не осмеливаясь ничего сказать или шевельнуться.

Магольсон продолжал:

— Мы вас уже ждем. Ваши друзья здесь. Это дошло сквозь всю его настороженность.

— Мои друзья? — отозвался Кэкстон. А затем снова застыл. В его напряженном состоянии это означало… пустоту. Он не мог представить друзей. Он был одинок. Не было никого, кого бы он называл другом.

Магольсон отступил на шаг и знаком пригласил войти. Кэкстон автоматически вошел в прихожую, повинуясь жесту хозяина, двинулся почти робко ко входу в большую комнату. И здесь он, отшатнувшись, остановился.

Он стоял. Смотрел. Попытался заговорить, но не было слов. Наконец Ренфрю и Блейк, должно быть, поняли, что шок был слишком велик, и поспешно кинулись к нему в тревоге, и оба говорили что-то вроде «Питер, не волнуйтесь, не торопитесь. Спокойно. Тише едешь, дальше будешь».

Первая дельная, ясная мысль, которая пришла к Кэкстону, была та, что он был в положении преступника-дилетанта, пойманного за руку на месте преступления. Перед его глазами про-

несся калейдоскоп всех его тайных действий и лжи, которые он ввел в свои отношения с этими людьми.

И сильнее прежнего была реакция: слишком много… Он был респектабельным банкиром из небольшого городка, пойманным за преступление, и это было слишком…

Кэкстон стоял, слезы подступили к глазам и покатились по щекам. Затем, запинаясь, добрался до кушетки, смутно осознавая, что Блейк и Ренфрю помогали ему. Но их помощь не имела значения. Слезы текли беспрепятственно.

Слишком много. Пятьсот лет до Центавры в каталептическом состоянии, потом свыше восьмисот лет из семнадцатого века, снова в 2476 год н.э., в замороженном состоянии. И вот сейчас это внезапное разоблачение… Господи, сколько может вынести человек?

Где-то здесь пришел стыд. И поскольку слезы все таки останавливаются, а мышечные спазмы можно все-таки контролировать, наступил момент, когда он вытащил свой носовой платок, высморкался и вытер лицо. Теперь, когда он посмотрел вокруг, он мог увидеть, что остальные трое сидели и смотрели на него без осуждения.

Блейк помотал головой, когда встретился гла-

зами с Кэкстоном, и сказал:

— Мы с тобой, приятель.

Голубые-голубые глаза Ренфрю были слегка затуманены.

— Я полагаю, здесь двое расчувствовавшихся, мой дорогой друг, — сказал он.

Магольсон, все еще казавшийся нейтральным, наклонился вперед и сказал:

— Я рассказывал мистеру Блейку и мистеру Ренфрю о ваших последних мучениях.

Кэкстон ждал. Он сразу же предположил, что это замечание относилось к его путешествию во времени из 1653 года н. э., и он уже собирался сказать что-нибудь, признающее это знание за само собой разумеющееся, когда его осенила обнадеживающая мысль: «Может, они не знают!»

И, если они не знали, он конечно же не собирался рассказывать им.

Блейк поднялся, подошел к нему и стоял, улыбаясь ему и упрекающе качая головой.

— Если исповедь полезна для души, Питер, вы никогда не узнаете этой пользы.

Он продолжал:

— Послушайте, друг мой, мы знаем основные факты.

Пораженный Кэкстон слушал, а Блейк продол-

жал со своим кратким отчетом о первом опыте Кэкстона с Дворцом Бессмертия, а потом об эпизоде из семнадцатого века и его последствиях. Затем он описал, как Ренфрю и он приземлились в одном из имений Ренфрю, на борт к ним поднялся какой-то Обладатель и убедил их не сообщать миру о возвращении путешественников во времени.

Он объяснил им тогда, что механические сенсоры засекли присутствие корабля из другого времени.

— Они не смогли, — добавил Блейк, — добраться до нас прежде, чем мы высадили вас, но им удалось преградить нам путь.

И, конечно, как только Ренфрю и он поняли, что даже спасательная шлюпка была достаточно велика, чтобы создать другой мир вероятности, в такой опасной близости к 1977 году, вот…

Здесь Блейк внезапно замолчал, а затем закончил:

— Питер, я должен сказать вам это. То, как вы предстали передо мной в отеле там, в 2476 году после всего того, что вы прошли, было шедевром обмана. Но вы можете прекратить все это, помните, что основная часть Обладателей — это добросердечные люди, так что здесь решение

для всех нас.

Он повернулся к единственному Обладателю в комнате.

— Скажите ему, мистер Магольсон.

Магольсон медленно поднялся. Он опять улыбался.

— Да, Питер, вы выиграли. Позвольте мне так квалифицировать это: столько, сколько вы можете выиграть, что, мы надеемся и верим что сможем удовлетворить вас.

Он стремительно сделал ряд утверждений, прояснивших его слова: для Блейка и Ренфрю принятие во Дворец Бессмертия. Они оба, казалось, были того типа люди (хотя сами и не Обладатели), которые вполне подходили к требованиям, предъявляемым к новым членам.

— В конце концов в нашей работе, — сказал Магольсон, — мы бы нашли их и все равно внесли бы их в список. Так что мы были очень рады, что они прошли испытание, и теперь мы можем отплатить им за их сотрудничество. Теперь вы, Питер…

Оказалось для Кэкстона не могло быть всеобщего принятия «… по только что приведенным причинам».

Но ему будет разрешен периодический допуск,

так чтобы он мог обращать назад свой возраст и сохранять себя вечно.

Магольсон продолжал:

— Вам понадобятся какие-то доказательства того, что все это честно.

Он обвел рукой в сторону большой комнаты.

— Что вы думаете об этом доме? — спросил он. Кэкстон не оглянулся, не шелохнулся. Что должно было произойти, он не имел ни малейшего понятия. Но он уже начал оправляться от удара и припоминать свою цель поиска этого дома. Все, что здесь происходит — что он надеялся выполнить — было абсолютно важно.

— Похоже на состоятельного человека, — сказал он ровным голосом.

— Это вход в этой эре во Дворец Бессмертия, — был ответ, — и здесь вы будете жить следующие несколько лет, пока войдете в курс дела.

Опять улыбка, но худое лицо высокого человека было странным образом напряжено.

— Как вы думаете? — спросил человек. Он закончил почти что извиняющимся голосом. — Это самое большее, что остальные Обладатели позволят мне для вас сделать, Питер.

Кэкстон увидел, что все трое озабоченно наблюдали за ним. Поразительно, что… «Значит,

Ренфрю и Блейку было сказано, что я считаюсь одним из двадцати процентов мужчин этой половины века, являющихся параноиками», — подумал он. Он моментально почувствовал себя униженным от мысли, что они знают. Это придало ему силы сказать то, что он должен был.

— Я собственно не совсем понимаю это ограничение, — сказал он. Затем пояснил. — В одно из просветлений я посмотрел весь этот комплекс с вероятностями, и мой вопрос — почему вам не слить меня со взрослой версией четырнадцатилетнего Кэкстона, которую, как сказал Прайс, вы, Обладатели, найдете и отделите?

— Это еще не сделано.

Он мог бы удовлетвориться таким ответом. Если это правда, ему нечего боятся. Однако он понимал, что его порывало сказать им обо всем своем замысле по существу. И сразу же узнать, могли ли они остановить его.

Если могли, тогда ему лучше принять то, что они предлагали.

Вслух он упрямо сказал:

— Я не пойму, какая разница.

Магольсон сказал:

— Мы соединим вас, как только Клоден Джонс откроет способ прохождения в период до 1977

года. Не забывайте, что вам было четырнадцать — когда? До 1977, так?

— Все равно, — настаивал Кэкстон, — то, что с Питером Кэкстоном был контакт в каком-то будущем мы с вами можем и не знать. Но начиная со времени, предшествовавшему его четырнадцатилетию, он существует в своей собственной вероятности. Значит он где-то есть. Не так ли?

Магольсон улыбнулся своей мягкой улыбкой.

— Верно. Но, — он покачал головой, — это значит только, что где-то в будущем какой-то Обладатель знает, в каком мире вероятности находится Питер Кэкстон, и где это. Однако, — продолжал он, — здесь и сейчас не знает никто.

— Мы согласны, — сказал Магольсон, — что, весьма возможно, существуют все ваши потенциальные вероятности. Но мы не можем связаться с ними для вас.

И все равно это был недостаток понимания.

— Послушайте, — вяло сказал Кэкстон, — все это уже должно произойти. В какой-то вселенной бесконечных вероятностей они уже слились. Почему же этот полностью слившийся Питер Кэкстон где-то там, — он неопределенно махнул рукой на север, — не вернется сюда и не уберет мою паранойю?

Улыбка Магольсона вдруг стала мрачной.

— Да, — сказал он, — почему вы этого не сделали? Он не ждал, пока Кэкстон ответит, и серьезно продолжал.

— Ваш вопрос — это одна причина того, почему Клоден Джонс так упорствует в своих экспериментах. Он задал этот же самый вопрос.

— Это все, что вы можете сказать? — спросил Кэкстон.

— Я не могу придумать лучшего, — был ответ. Кэкстон больше ничего не говорил. Ему приходилось надеяться, что этот неучаствующий экспериментатор Джонс и добросердечные Обладатели действительно не смогли проанализировать то, что параноику казалось таким очевидным.

Он увидел, что Магольсон отвернулся от него к Ренфрю и Блейку.

— Хорошо, джентльмены, — сказал он. Они поднялись. Магольсон через плечо взглянул на Кэкстона.

— Я беру их во Дворец, — объяснил он. — Они вернутся через несколько дней. И с этого момента будут регулярно отправляться туда и возвращаться снова.

Из кармана он достал ключи и положил их на

столик возле дверей.

— Это от входных дверей и от апартаментов западного крыла, — он показал жестом, — которые мы передали вам.

Кэкстон подошел к столу и взял ключи. Он уже подумал, что вход в это здание — это одно из тех предварительных условий подготовки, которые он должен полностью иметь под своим управлением. Затем он поднялся с ними троими на второй этаж в комнату, где одна стена была странно туманной. Сквозь туман была видна гигантская лестница. Он пожал руки своим друзьям и Магольсону и, глядя им вслед, когда они проходили сквозь туман вверх по лестнице, подумал: «Значит, они не знают о том, что случилось после 1653 года. Они не знают про Бастмана и меня там, в 9812».

Лениво, почти не соображая, он смотрел, как они трое прошли к огромным дверям Дворца Бессмертия, открыли одну из них и прошли внутрь. Когда они скрылись из вида, и когда за ними закрылась дверь, Кэкстон отвернулся и подумал: «Вот победа, которую они мне желают».

Он осмотрел дом — внутри здесь все было так же красиво, как и снаружи. Западное крыло было прекрасной отдельной квартирой. Наконец, он

сделал себе ленч и сел на кухне в углу с книгой из 2863 года.

Английский язык, на котором она была напечатана, был точно таким же, как американский двадцатого века. Значит он должен быть из мира вероятности, в котором тот был сохранен. Это был роман, изображавший людей в сексуально свободном обществе, где каждая женщина спала с каждым мужчиной, который желал ее, при условии, что она могла включить его в свое расписание. И если нет — если у нее просто не было времени — мужчина все прекрасно понимал и сильно не огорчался, потому что его расписание было так же очень плотным. Во всем остальном люди делали все то же самое, что всегда делал Кэкстон. Они ели, они работали, они учились, они спали, они играли в игры.

«Это — победа. Это — то, что будет у меня. Это — то, за что я сражался».

Победа, то есть, если он принял бы их предложение.

Это было хоть что-то, он ведь любил читать, всегда любил. И потому прочитал этот роман до конца. А затем он прочитал второй, сюжет которого заключался в том, что одна прекрасная девушка была поражена недугом, о чем никто,

включая ее саму, не знал. Она стала отказывать всем своим возлюбленным и вскоре ушла в уединение, чтобы поразмышлять о жизни и ее истинном значении. В конце недуг был обнаружен. Медицинская наука бросилась на помощь, и вскоре она снова была со своими приятелями, улыбалась сквозь слезы сожаления по поводу всех волнений, причиной которых она была, и снова вела нормальный образ жизни.

Кэкстон предположил, что описанное было лишь одной вероятностью, и что другие вероятности двадцать девятого века показали бы и другие взаимоотношения людей.

Но сколько же основных поворотов могло быть?

Был уже первый час ночи, когда у него возникло это безрезультатное соображение, и он отложил вторую книгу. Но, раздевшись, он тем не менее вновь подтвердил себе: «О'кей. Значит все это может быть просто повтором. Но все же лучше быть живым и делать одно и то же, чем быть мертвым и ничего не делать».

Он лег в постель. Затем поставил странного вида, но узнаваемый будильник, чтобы встать в половине четвертого утра.

Это было решение.

Это было отклонение от маленького решения, сделанного Обладателями.

Потом он лежал, вполне очнувшись ото сна, и думал: «Несколько смешно, если сейчас я не смогу уснуть…»

Он проснулся от звука будильника, похожего на звон маленьких колокольчиков.

Часы показывали 3:42 утра. Хорошее время для начала… «Пусть, — подумал он, — это и будет моментом». Следующие слова он произнес вслух:

— Все мое будущее исчисляется от 3:42 утра 10 августа 1981 года.

Очевидно, что для Большой Мысли всего времени и пространства должен быть какой-то точный момент, из которого не было поворота назад. Призыв он тоже выкрикнул вслух:

— О'кей, хорошо. Эй, там, Питер Кэкстон. Давай, соединяй.

30

В 10:28 на следующее утро Питер Кэкстон сидел на кухне западного крыла и ел завтрак. Сзади него послышался звук открывающейся двери. Не поворачиваясь, он сказал:

— Доброе утро, мистер Джонс. Молчание.

«Он думает о том, откуда мне известно, кто он», — подумал самодовольно Кэкстон.

Вслух, все еще не поворачиваясь, он сказал:

— У меня здесь тарелка для вас. Почему бы вам не присоединиться ко мне?

Нет ответа.

— Может быть, вам будет интересно узнать, — продолжал Кэкстон, — что я принял истинность ваших утверждений, буквально принял слова, о том, что прошлое ждет вечно. И будущее, разумеется, тоже.

Он поднял руку и махнул в неопределенном направлении.

— Я предполагаю, что я был там в каждом временном измерении, в каждой эре между этим временем и 9812 годом нашей эры, я был умножен, — он сделал паузу, — так как каждому где-то понадобится время, и каждый должен создавать-

ся определенным усилием — и что более важно — так как мне надо будет записывать и вести учет, где они все были, я ограничил учет до ста.

— Так что, как я представляю, — небрежно продолжал Кэкстон, — в один из этих веков я начну строительство Дворца Бессмертия. Вы можете спросить, действительно ли я построил его? И мой ответ — кто еще это мог быть или будет?

По-прежнему ни одного звука от человека, который открыл заднюю дверь и вошел в квартиру. Это вдруг стало раздражать Кэкстона. В его голосе звучало раздражение, когда он сказал:

— Возникает вопрос, кто-нибудь может меня сейчас остановить? Насколько я могу судить об этом, мой ответ — нет. Какие-нибудь замечания?

Так как ответа опять не было, у него появилось первое крошечное сомнение… «В конце концов, — подумал он, — трудно уследить. Так что, может быть, я все перепутал. Может быть это не Джонс».

После чего он повернулся на стуле, намереваясь посмотреть…

Кэкстон проснулся от смеха Селани. Он открыл глаза и посмотрел на потолок трейлера, когда раздался задыхающийся голос мужчины. Кэкстон с удивлением подумал о том, что здесь могло про-

исходить. Он предположил, что мужчина был ее отцом, так как кто еще это мог быть в этот второй день после их пребывания в 1653 год н. э.?

Что было странным в этом голосе — это то, что мужчина, казалось, задыхался. И раз, таким вот образом, сказал:

— Заканчивай, Селани. Достаточно на первый раз.

— Нет, сэр, — раздался голос девушки. — Сорок минут, — и она опять весело засмеялась.

Это пожалуй казалось забавным и было невероятно таинственным. Кэкстон поспешно оделся и вышел наружу и застал неожиданную картину.

Джонс, раздетый до пояса, медленно бежал мимо дверей трейлера. Девушка бежала рядом и однажды, когда он запнулся, она подхватила его и поддержала. Они свернули за трейлер, и Кэкстон мог слышать с той стороны их топот. Наконец, они снова показались из-за трейлера. Девушка увидела Кэкстона и весело позвала его:

— Присоединяйтесь, мистер Кэкстон!

Идея показалась слишком нелепой Кэкстону, который никогда не занимался физическими упражнениями. Он помотал головой.

Отец и дочь два раза обежали трейлер, пока он стоял там. «Думаю мне следует пойти побриться

и привести себя в порядок», — подумал Кэкстон. Но он взглянул на солнце, которое было удивительно высоко. «Около девяти часов, — решил он. — Или даже позже».

Забравшись на холм, он окинул взглядом те же пустые мили, которые помнил из предыдущей вероятности. «Это настоящее, — подумал он. — Потому как я тут и не знаю, как я пришел, или, кто был этот человек у дверей, в доме Магольсона». Он посмотрел вниз на трейлер и на двух человек, все еще медленно — мужчина неуклюже — бегавших вокруг. А потом еще раз осмотрел дальние горизонты безвременного дня, и реальность помрачнела.

В неуверенности он спустился с холма. Другие слияния, казалось, находились где-то под контролем какого-то Питера Кэкстона. Но это слияние было тайной.

Он все же заметил, что у него не было обычного психического порыва прореагировать на беспокойство. Так что это было изменение.

Не обращая внимания на отца и дочь, он вошел в трейлер, нашел туалет, оправился, а затем, поискав, нашел ту же самую мазь для бритья, которой он пользовался в свой первый визит во Дворец Бессмертия. Как и тогда, необходимо

было нанести мазь, а затем стереть бороду. Затем карманной расческой он пригладил волосы. Почувствовав, что выглядит вполне прилично, вышел во второй раз и присел, дожидаясь конца пробежки.

Кэкстон наблюдал за ними прищурившись, оценивающим взглядом. Он понимал, что оценивая девушку, он мог не видеть ее привлекательности в сексуальном плане, и тем не менее сейчас он видел, что ее лицо, хотя и девятнадцатилетнее во многих отношениях — чистота кожи, молодость — еще имело и другие, более зрелые черты. Не останавливаясь ни на одной цифре, он с интересом подумал о том, сколько ей могло быть лет? Несколько раз, пробегая мимо, она бросала на него взгляд, который оценивал его совершенно не по-девичьи. А когда же, наконец, утренняя пробежка закончилась, отец и дочь подошли к тому месту, где он сидел, и дочь сказала:

— Прошлой ночью я обнаружила, что перчатка повредила отца больше, чем я думала вначале. Все его тело пострадало от потери энергии: он вдруг начал поддерживать свое чувство собственного достоинства какой-то странной мистической идеей, будто он человек, особенно любимый Богом.

Откуда-то до Кэкстона мгновенно пришло понимание этого состояния.

— Ах, вот что, — сказал он. Даже когда он заговорил, у него не было интереса к этому делу, так как он не желал вникать в этот похожий на сновидение мир сливающихся воспоминаний. Почему его снова слили здесь, не предупредив? Вот на что надо направить свое внимание.

Девушка смотрела на него с каким-то странным выражением.

— Мистер Кэкстон, мы с отцом обсуждали наше положение, и так как он кажется в ослабленном состоянии — хотя ему уже лучше — похоже, мужские обязанности придется выполнять вам. Если вы хотите, я готова играть свою роль, — она дружески улыбнулась, — в некотором роде в отношениях между мужем и женой, что вы скажете?

Впоследствии Кэкстон никак не мог вспомнить все чувства, возникшие у него, когда он понял смысл слов Селани. То, что в этой второй вероятности взаимоотношения, которых он так сильно желал в первой, станут такими легкими, было оскорбительно, еще и по ее предложению, «если хотите».

Отчасти его негодование объяснялось тем,

что его вырождающиеся клетки в этих обстоятельствах, очевидно, ничего не значили. Запах времени сейчас был отброшен, словно бы и не имел значения. Причина этого была в ситуации, которую он в тот раз не прочувствовал: потребность женщины в защите, тогда, конечно же, удовлетворенная ее настоящим отцом. Так что замена тогда была не нужна, спасибо. Ей-богу!

Эмоции улеглись. Осталось слабое сожаление, что он, вероятно, не сможет остаться и воспользоваться этим предложением.

Должно быть, она заметила его колебания, потому что сказала:

— Конечно, если вам не интересно… — Она отвернулась.

— Подождите! — настоятельно сказал он. — Я хочу рассказать вам обоим правду о создавшемся положении.

Девушка снова повернулась к нему. Старик с интересом уставился на Кэкстона.

Кэкстон рассказал им, что с ним произошло.

Он не упомянул, как они выбрались из другой вероятности. Это должно быть его властью над ними, в случае, если ему понадобиться рычаг.

Клоден Джонс сказал:

— Я прихожу сейчас к выводу, что перчатка,

которую дал вам Бастман, была заряжена сильнее, чем это требовалось для того, что он хотел. В результате получилось две, возможно и больше вероятностей.

Его собственные слова, казалось, подстегивали его. Неожиданно проявилось что-то от того, прежнего Джонса, которого помнил Кэкстон.

— Что вам нужно от нас? — спросил он проницательно,

Кэкстон поколебался, поразившись тому, что лежало за этим вопросом.

Что беспокоило Кэкстона, так это мысль, что он все ещё мог в чем-то нуждаться. И вот потому он и был здесь. Он медленно сказал:

— Я думаю, все необходимое сделано. Я собрал энергию времени. Это должно было быть подготовительным этапом. Дальше я получил доступ во Дворец. Это было необходимо. Сейчас я слился с тридцатью девятью из ста постулированных Питеров Кэкстонов. Остальные еще там, предположительно, в курсе того, что они должны делать, и охраняют все это положение. Так что, — он пожал плечами, — я думаю, я здесь просто, чтобы забрать тело в этой вероятности.

Он взглянул на девушку.

— Что вы думаете? — спросил он.

На ее лице все это время было выражение растущей тревоги. После его вопроса она повеселела.

— Думаю, нам нужно позавтракать, — сказала она своим звонким голосом. — И если вы потом все еще останетесь здесь, тогда мы сможем обсудить ваше и наше будущее.

Это был молчаливый завтрак. Но когда они после завтрака вышли из трейлера, Клоден Джонс сказал, что считает, что вычислил причину возвращения Кэкстона в эту вероятность семнадцатого века.

— Вы здесь, — сказал он, — чтобы узнать мой метод прохождения в период до 1977 года.

Кэкстон открыл было рот, чтобы отрицать. Но не произнеся ни слова, закрыл его. «Пусть они верят, — решил он, — что в этой ситуации у них есть какая-то сила».

Что он в конце концов сказал, так это:

— Какова ваша цена за метод?

Старик и девушка сделали поразительно простодушную вещь. Они посмотрели друг на друга. Затем, словно по взаимному согласию, Селани сказала:

— Мистер Кэкстон, скажите нам еще раз точно, что вы предполагаете делать.

Кэкстон ответил не сразу.

Он стоял, а над его головой с криком пролетела птица. Легкий ветерок нежно дул ему в лицо, донося запах зелени и травы, и воды. Над головой была синева, широкая, по всему небу и только тут и там виднелись следы облаков. Чудесный невероятный мир, завершенный, очевидно, до мельчайших деталей.

Он вдруг непроизвольно обнаружил, что смотрит на изумительную внешнюю картину бесчисленных миров вероятности, подобных этому. И вспомнил план Обладателей — превратить каждого живущего когда-либо в некий мирный тип, который потом сольется со всеми остальными своими вероятностями. Так, что каждый человек с начала человечества когда-нибудь будет жить вечно.

Еще раз, так же как и утром, тогда, в доме Магольсона, он подумал об этом, как о самой грандиозной и удивительной идее, когда-либо приходившей в голову.

И он вновь подтвердил, что это был его идеал. Так же, как и их.

Его лицо посуровело. «Независимо от последствий, — подумал он мрачно, — никому нельзя позволить встать на пути такой желанной цели. Вся оппозиция должна быть подавлена и отбро-

шена в сторону.

Нельзя позволить глупым людям мешать.

Те, кто сопротивляется или серьезно мешают великой цели, будут единственными, кого не воссоздадут в будущем мире вероятности. И первым будет Бастман».

Не сходя с места, он объяснил Селани и ее отцу прекрасное совершенство своего идеала. И поразился, когда девушка помотала головой и сказала:

— Папа, не давай ему секрета.

— Ха-а! — сверкнул глазами Кэкстон. — Вы что с ума сошли? Это же то, что вы хотите, не так ли?

Она серьезно смотрела на него.

— Нет, мистер Кэкстон, это не то, что мы хотим. Вы просто параноик, извративший хорошую идею. И мы не хотим участвовать в этом.

Кэкстон стал приходить в себя еще когда она говорила. Ему не нужна их помощь. Потому что его теория включала метод проникновения в период до 1977 года. Так что, он мог позволить себе быть терпимым к сопротивлению этой молодой женщины.

Тем не менее, он чувствовал себя невиновным. «Ради бога, — подумал он, — я не стремился быть параноиком. Все произошло само. Я чувствую,

словно меня хотят в чем-то убедить».

Он так и сказал Джонсу и продолжил:

— Кажется, мы расходимся лишь в том, как это будет совершено. Миллионы параноиков научились контролировать свое неосознанное желание убивать. Как мы можем убедиться, что я не вернусь к прежнему состоянию в каком-нибудь будущем стрессовом моменте? И ведь это же будет проблемой, не так ли, как с каждым параноиком, достигшим какой-то власти?

— Без сомнения, — ответил Джонс, — вы поставили проблему, — он улыбнулся. — Однако, так как вы очевидно в самом деле создали все это и в самом деле построили Дворец…

— Построю, — поправил Кэкстон.

В глазах старика вдруг что-то промелькнуло. Каким-то образом он должно быть пропустил эту мысль, в том что Кэкстон прежде описывал ему.

— Боже мой, — он больше выдохнул слова, нежели произнес их, — вы хотите сказать, что вы этого еще не сделали?

Это был великий момент. Потому что это была его величественная идея.

— Я еще ничего не сделал, — сказал Кэкстон. Он добавил небрежно. — Когда-нибудь у меня будет время, необходимое для создания этих ста

Питеров Кэкстонов.

Он внезапно замолчал.

— А пока я должен вести точную регистрацию.

Клоден Джонс сказал после долгой паузы:

— Очевидно, я должен рассказать свою тайну человеку, который решил такую проблему.

Кэкстон взглянул на девушку. Она была бледна, но покорна. Она поймала его взгляд.

— Я доверяю мнению папы, — сказала она приглушенным голосом. — В некоторых вещах он никогда не ошибается.

От ее слов у него потеплело на душе.

— Я понял, почему я здесь на самом деле, — сказал Кэкстон.

— Вы здесь, чтобы заполучить секрет моего отца, — ответила она.

— Нет-нет. Я его знаю.

Он был в нетерпении. Выхватив записную книжку из внутреннего кармана, он что-то написал, вырвал страницу и передал ее, сложенную, девушке.

Джонсу он сказал:

— В чем секрет? Старик не колебался.

— Я посчитал, что кто бы ни построил все это вместилище времени, он оставил по крайней мере один путь вероятности к прошлому. Мне

понадобилось некоторое время, чтобы найти его, и в конце концов он нашелся.

Кэкстон повернулся к девушке.

— Прочтите записку, — сказал он.

Она развернула бумагу, которую он дал ей, и прочла вслух.

— Так как я рано или поздно подойду к строительству всего этого, я оставлю один проход в прошлое открытым.

— А почему еще и не в будущее? — спросил Джонс заинтересовавшись.

— Это уже сделано, — сказал Кэкстон. Он пояснил. — Мой сон после того, как Бастман захватил меня, и мы подошли к краю времени. И вдруг я снова оказался в аэропорту. Я понял, что я мог бы в любое время слиться с самим собой, вышедшим за барьер. Но не хочу, остерегаюсь. Может быть, мы все видим сон о том, как и что происходит там, за барьером. Однако, большинство из нас не спешит туда отправляться.

Он пожал плечами.

— Работа, которую надо делать здесь, достаточно большая.

— Вы сказали, — подсказал Джонс, — что вы только сейчас поняли, почему вы здесь.

Кэкстон улыбнулся. Он чувствовал себя уди-

вительно расслабленным. Он не смотрел на девушку, когда говорил.

— То, что только что сказала ваша дочь, что в некоторых вещах вы никогда не ошибаетесь, напомнило мне, что ваш обширный опыт наблюдателя и экспериментатора делает вас, образно говоря, королем Обладателей. Я столько раз думал, что рано или поздно я должен помириться с вами, добиться того, чтобы воспользоваться вашими знаниями. Так что, моя цель до некоторой степени соответствует — то есть эгоистична. Но это традиционный вид эгоизма, что, как я чувствую, может решить все проблемы, которые мы обсудили.

Он закончил просто:

— Ясно, я здесь для того, чтобы жениться на дочери короля, пока она находится в затруднительном положении и не может отказать мне.

Сказав, он взглянул на девушку. Щеки ее внезапно покраснели. «Значит, где-то внутри нее гормоны все еще пляшут, — радостно думал он, — несмотря на ее истинный возраст».

Женщина мотала головой.

— То, что я предлагала вам раньше, мистер Кэкстон, было временным средством. Но прежде, чем принять решение о замужестве, я должна

быть свободной.

Она замолчала.

— Каким образом мы с папой вышли из другого мира вероятности семнадцатого века?

Вот так стремительно и естественно надвинулся перелом. Это должно случиться без давления. Кэкстон стоял здесь, на траве, потом взглянул на прекрасное небо, наконец, он сказал:

— Мне кажется, мне придется рискнуть так же и с этим, не так ли? — он вздохнул. — Хорошо…

Он рассказал им, что произошло. Описал, как та Селани слилась с Селани постарше, которую Прайс создал во Дворце Бессмертия.

Довольно долгое время после того, как он закончил, девушка стояла со слабой улыбкой на лице. Потом она сказала:

— При этих обстоятельствах мне будет немного трудно выйти за вас замуж.

— Что вы имеете в виду? — спросил мгновенно разочарованный Кэкстон.

— Папа, — сказала девушка, быстро взглянув на отца, стоящего рядом с Кэкстоном, — ты делаешь то, что ты должен делать?

— Делаю, — последовал загадочный ответ. Она исчезла.

Кэкстон лишь моргнул, а в это мгновение она

пропала, Кэкстон сглотнул. Затем, повернувшись, он уставился на старика. Когда он спросил, в голосе его звучала горечь:

— Опять слияние?

— Опять, — лаконично. — А теперь, — продолжал Клоден Джонс, — я бы хотел слить вас с Питером Кэкстоном, который сидит на кухне Магольсона.

— Но тот слился здесь, — напомнил Кэкстон.

— Что же, — старик улыбнулся, — эти штуки с вероятностями иногда несколько запутаны. Я думаю, что раз вы считали, что там у дверей стоял я, то в другой вероятности этой сцены это действительно был я.

Кэкстон взмолился:

— О, ради Бога!

Морщинистое лицо, которое, казалось, вновь стало совершенно нормальным, все еще улыбалось. Глаза горели ярко.

— Люди, совершившие это слияние, имеют обыкновение защищать себя, используя несколько вероятностей. Или это происходит автоматически.

— Что вы предлагаете?

— То, что вы, который пришел сюда, это несомненно тот в той вероятности, где я буду чело-

веком у двери. Ясно, что вам придется вернуться туда первым. Возможно, это я слил вас здесь. Так что…

— Так этот другой я все еще сижу на кухне, все еще поворачиваюсь, чтобы посмотреть, кто там у дверей.

— Верно. И когда вы повернетесь, я соединю этого Питера Кэкстона, — он вытащил руку из кармана, и там оказался какой-то крошечный приборчик, который он направил на Кэкстона, — с тем. И вот теперь, когда повернетесь, вы вдруг вспомните об этом…

… Сидя на кухне в тот августовский день 1981 года, Кэкстон оглянулся. Увидев, кто стоял в дверях, он вспомнил те ночи.

Селани медленно подошла к нему. Она была несколько старше той девушки, которую он оставил несколько минут назад. Но улыбка, которую она подарила ему, была ее.

Она казалась такой дружелюбной, такой теплой, что Кэкстон неуверенно сказал:

— Ваши последние слова были, что вам было бы трудно выйти за меня замуж. Хотелось бы знать, почему?

Она помолчала.

— Подумайте теперь, — сказала она. Он не знал,

что думать. Но опять ее манера была поразительно открыта. Что-то внутри Кэкстона, почти забытое, начало расправляться.

Селани сказала легко:

— Я не могу выйти за вас замуж, потому что та, с которой я слилась, уже замужем за вас, помните?

Ощущение чего-то расправлявшегося внутри него становилось все более определенным. Он чувствовал, словно тот, другой, молодой Питер Кэкстон, с которым его давно слил Прайс (и тогда это не получилось), вдруг смог выбраться из темной психической дыры, где его держали до этого момента. И на самом деле мог слиться с тем, что до этого мгновения было упорно отталкиваемой индивидуальностью подлинного Кэкстона.

Женщина закончила несколько излишним:

— Я буду жить здесь с тобой… в дальнейшем.

Эпилог

Синьор Педро дель Кортейя собрал проектор. Отчего-то был недоволен и грустен. Плохая посещаемость всегда так действовала на него. Когда он вышел на улицу, было уже поздно, но он на минуту задержался у машины, задумчиво посмотрев вверх, в звездную ночь. Небо над ним было полно тайны огромной Вселенной. На что Кортейя едва обратил внимание. Он подумал: «Им наскучили эти фильмы про новинки. Я показал их слишком много. Все, хватит».

Ему стало немного легче, как будто с души упал камень. Он забрался в машину и направился домой. Когда он ехал, в его голове какой-то голос произнес:

— Все в порядке, настройщик, дело сделано. Единственный, кого мы не смогли спасти — это Бастман. Но барьер удержался.

Голос пропал, совершенно не произведя на Кортейя никакого впечатления. Он был сугубо практическим человеком и не обращал внимания на бессвязные мысли, беспрестанно шумевшие в его голове.

Альфред Ван Вогт
Слэн

Глава 1

Он почувствовал холод руки матери, сжавшей его руку.

Они спеша шли по улице, и ее страх передавался скрытой пульсацией из ее мозга в его. Сотни других мыслей бомбардировали его мозг, исходившие из кишевших по обе стороны от них толпы и внутри домов, мимо которых они проходили. Но только мысли его матери были ясные и последовательные — и в них был страх.

— Они следуют за нами, Джомми, — телеграфировал ее мозг. — У них нет полной уверенности, но они подозревают. Мы очень сильно рисковали, приехав в столицу, хотя я надеялась, что на этот раз мне удастся показать тебе старый, известный только слэнам, вход в катакомбы, где припрятана тайна, которой владел твой отец. Джомми, если случится худшее, ты знаешь, что делать. Мы достаточно часто прорабатывали с тобой это. И, Джомми, не бойся и не волнуйся. Пусть тебе всего девять лет, но у тебя разум не хуже любого пятнадцатилетнего человеческого существа.

«Не бойся — советовать легко», — подумал мальчик и спрятал от матери свои мысли. Ей,

конечно, не понравилось это утаивание, этот барьер, внезапно разделивший их. Но есть мысли, которые не следует никому открывать. Она не должна знать, как он боится!

Все вокруг было неизвестным и поэтому волнующим для него. Он чувствовал волнение каждый раз, когда попадал в сердце Центрополиса с тихой окраины, где они жили. Громадные парки, километры небоскребов, суматошная толчея всегда казались ему более замечательными, чем рисовало его воображение — но от столицы мира и следовало ожидать всего в огромных размерах. Здесь размещалось правительство. Где-то здесь живет Кир Грей, абсолютный диктатор всей планеты. Когда-то давно — сотни лет назад — Центрополис был в руках слэнов в короткий период их возвышения. Но это было когда-то, а сейчас здесь обосновался Грей…

— Джомми, ты чувствуешь их враждебность? Ты можешь определять такие вещи на расстоянии?

Он напрягся. Неизменная волна неопределенности, омывавшая его и исходившая от толп людей, сновавших мимо, переросла в бурлящий водоворот, вынесший случайный обрывок мысли:

«Говорят, что в городе все еще есть живые слэны, и это несмотря на то, что приняты все возможные меры. Говорят, что даже скоро выйдет приказ пристреливать их на месте…»

«… Но разве это не опасно? — возникла другая мысль, очевидно, вопрос, заданный вслух, хотя Джомми уловил только мысленный образ. — Я имею в виду, что можно по ошибке убить кого-нибудь невиновного».

«Именно поэтому так редко полиция стреляет на виду. Их стараются сначала поймать и проверить. У них отличные от нас внутренние органы, и на их головах есть…»

«Но теперь будет отдан закон о возможности стрелять в слэнов не только полиции, но и гражданским лицам. Представляешь, какая может подняться неразбериха…»

— Джомми, ты чувствуешь их? Они на квартал позади нас. В большом автомобиле! Ждут подкрепления, чтобы перегородить нам путь спереди.Они действуют быстро. Ты можешь уловить их мысли?

Он не мог! Несмотря на все отчаянные попытки расширить восприятие своего мозга, несмотря на то, что он напрягся и до пота бился над усилением своей способности. Именно здесь возможности

взрослых превышали его неокрепшие инстинкты. Взрослые могли легко охватывать большие пространства и выстраивать отдаленные вибрации в последовательные картины.

Ему хотелось обернуться и посмотреть, но он не отважился. Его небольшие, хотя и длинные ноги так и сверкали, ему приходилось почти бежать, чтобы идти вровень с нетерпеливой матерью. Так ужасно быть маленьким и беспомощным, молодым и неопытным тогда, когда жизнь уже требовала зрелой силы, мужественности и настороженности взрослого слэна.

Мысли матери вонзились в его размышления.

«Теперь кто-то впереди нас, Джомми, а другие переходят улицу. Ты должен уходить, дорогой. Не забывай того, что я тебе говорила. Ты живешь только ради этого: сделать так, чтобы слэны могли жить нормальной жизнью. Я думаю, что ты должен будешь убить нашего злейшего врага, Кира Грея, даже еси бы это означало, что за ним тебе пришлось бы войти в Большой Дворец. Помни, может быть стрельба и суматоха, но ты не вешай голову. Удачи тебе, Джомми».

И только тогда, когда она отпустила его руку, наспех пожав ее, Джомми понял, что общее содержание ее мыслей изменилось. Страх исчез. Из

ее мозга источалось ободряющее спокойствие, которое успокаивало ее нервы и замедляло биение двух его сердец.

Проскользнув под прикрытие проходящих мимо мужчины и женщины, Джомми украдкой взглянул на устремившихся к его матери, которая сейчас выглядела очень обычно, и в своих спортивных брюках и розовой кофте, с волосами, подобранными вверх, и туго повязанным шарфом на шее очень напоминала обычную женщину.

Через улицу шли одетые в гражданское с мрачными лицами, на которых было выражение неприятной обязанности, которую им предстоит выполнять. Мысль о непривлекательности этого, ненависть, которую они несли с собой, ложилась тенью на их разум, которая падала и на Джомми. Это его ошеломило даже в тот момент, когда он сосредоточился только на том, чтобы убежать. Почему так необходимо, что он должен умереть? Он и его чудесная, добрая, умная мать! Это было чудовищно несправедливо.

Автомобиль, блестящий на солнце, словно длинный бриллиант, резко затормозил у бордюра. Джомми услышал грубый мужской голос:

— Стой! Тут есть еще парнишка. Не дайте ему уйти! Остановите его!

Прохожие остановились и стали озираться. Мальчик почувствовал вызывающую замешательство мягкость их мыслей. И тогда он обогнул угол и побежал по Кэпитал Авеню. Какой-то автомобиль отъезжал от тротуара. Ноги Джомми с бешеной скоростью застучали об асфальт. Его необычайно сильные пальцы ухватились за задний бампер. Он подтянулся и повис на нем. Автомобиль устремился в лабиринт уличного движения и стал набирать скорость. Откуда-то пришла мысль:

«Будь счастлив, Джомми».

Девять лет она готовила его к этому моменту. Но что-то подступило к его горлу, когда он ответил:

«Будь счастлива, мама».

Автомобиль быстро мчался, накручивая один километр за другим. Очень многие из прохожих останавливались и смотрели на маленького мальчика, едва удерживающегося на сверкающем бампере. Джомми ощущал силу этих взглядов, мысли, которые мелькали в их сознании и заставляли их губы издавать робкие, но резкие пронзительные выкрики. Выкрики, которые водитель автомобиля не мог слышать.

Джомми внезапно почувствовал мысли людей, которые вбегали в телефонные будки и сообщали

в полицию о мальчике, вцепившемся в бампер. Малыш изогнулся, пытаясь уловить тот момент, когда за ним начнет гнаться полицейская машина, которая очень быстро заставит замедлить ход автомобиля, уносившего его. Встревоженно он впервые сосредоточил свои мысли на седоках автомобиля.

Он уловил вибрацию двух разумов. Как только он поймал их мысли, он содрогнулся и опустился почти до самой мостовой, приготовившись отцепиться. Он взглянул вниз, потом — ошеломленный — снова взобрался на свое место. Мостовая вызывала головокружение, скорость автомобиля полностью размывала ее очертания.

Очень неохотно его мозг снова стал прощупывать сознание сидевших в автомобиле. Мысли водителя были сосредоточены на задаче управления машиной. Один раз в его мозгу промелькнула мысль о пистолете, упрятанном в кобуру на плече. Имя его было Сэм Эндерс, и он был шофером и телохранителем человека, сидевшего рядом — Джона Петти, шефа секретной полиции всемогущего Кира Грея.

Опознание личности шефа полиции как будто электрическим током пронзило Джомми. Печально известный охотник за слэнами сидел

расслабившись, не обращая никакого внимания на скорость автомобиля. У него было задумчивое настроение, он никуда не торопился.

Какой необычный мозг! В нем ничего нельзя было прочесть, кроме смутных поверхностных пульсаций. «Это не вызывало бы удивления, — подумал Джонни, — если бы Джон Петти мог сознательно оберегать свои мысли.» Похоже, что здесь действительно был барьер, столь действенно скрывающий мысли, барьер, почти такой же, как и у слэна. Но в то же время и чем-то отличный. Через него проникали обертона, которые говорили о безжалостном характере, о высшей степени тренированном и выдающемся уме. Неожиданно через этот барьер пробился обрывок мысли, вынесенный на поверхность шквалом бушевавшей внутри страсти, всколыхнувшей спокойствие Петти.

«… придется убить эту девчонку-слэна, Кетлин Лейнтон. Это единственный способ подкопаться под Кира».

Джомми судорожно старался ухватиться за эту мысль, но она ушла в тень, за пределы досягаемости. И все-таки он уловил суть. Девочку-слэна по имени Кетлин Лейнтон должны были убить, чтобы тем самым подорвать влияние Кира Грея.

— Босс, — донеслась мысль Сэма Эндерса, когда он обращался к сврему шефу, — включите, пожалуйста, вон тот тумблер. Мигающий красный огонек на панели означает общую тревогу.

Мозг Джона Петти остался равнодушным.

— Пусть их, — отмахнулся он. — Эти тревоги только для мелких сошек.

— Может быть, все же послушаем, в чем там дело? — сказал Сэм Эндерс.

Автомобиль чуть-чуть замедлил свой ход, когда он дотягивался до дальнего края приборной панели, и Джомми, рискованно свесившись с бампера, стал ждать случая спрыгнуть на землю. Взгляд его, скользя под крылом автомобиля, видел только нескончаемую мутную линию на мостовой, не переходящую в травяной газон и не пускающую его. Спрыгнуть сейчас означало бы разбиться о бетон. Когда он, потеряв надежду, вновь прижался к кузову, на него обрушился шторм мыслей Эндерса, поймавшего сообщение общей тревоги:

«Все автомобили на Кэпитал Авеню и в ее окрестностях должны следить за мальчиком, которого считают слэном, по имени Джомми Кросс, сыном Патриции Кросс. Миссис Кросс убита десять минут назад на углу Главной и

Кэпитал. Мальчик вскочил на бампер автомобиля, который, по показаниям свидетелей, быстро умчался».

— Послушайте, босс, — сказал Сэм Эндрс. — Мы находимся на Кэпитал Авеню. Может быть, остановимся и поможем поискам. За каждого слэна дают вознаграждение в десять тысяч долларов.

Взвизгнули тормоза. Автомобиль так сильно затормозился, что Джомми буквально придавило к задней части кузова. Он с трудом превозмог давящую на него силу и как раз перед остановкой автомобиля опустился к мостовой. Ноги сами понесли его. Он бросился стрелой мимо какой-то старухи, пытавшейся схватить его (разум ее был наполнен жадностью). Затем он оказался на пустой автостоянке, за которой громоздился длинный ряд почерневших кирпичных и бетонных зданий — начало района оптовых складов и заводов.

Из автомобиля донеслась до него полная злобы мысль:

«Эндерс, вы понимаете, что мы проехали перекресток с Главной десять минут назад? Этот мальчик... Да вот он!!! Стреляйте живее, болван!»

Чувства этого Эндерса, вытаскивающего пистолет, дошли до Джомми столь отчетливо, что он ощутил даже скребущий звук металла о кожу. Он почти увидел, как этот человек прицеливается, причем мысленная картина была такой четкой, как будто их не разделяло пятьдесят метров.

Джомми нырнул в сторону, когда раздался резкий хлопок пистолета. Он едва ощутил удар и затем стрелой вскарабкался по ступеням в открытую дверь какого-то просторного тускло освещенного склада. Сзади доносились неясные мысли:

— Не беспокойтесь, босс, сейчас этот малютка выдохнется.

— Вы болван, Эндерс, человеку не дано загнать слэна, — пролаял Петти. — Свяжитесь по радио с управлением и прикажите, чтобы район 57-й улицы был окружен. Все полицейские машины должны быть здесь. Позаботьтесь, чтобы солдаты…

Как все вокруг стало неясным! Джомми споткнулся в темноте, думая только об одном, что несмотря на то, что его мышцы не знают усталости, мужчина может бежать по крайней мере вдвое быстрее его. Просторное помещение склада было тускло освещенным миром неясных

очертаний каких-то ящиков и настилов, которые простирались насколько мог различить взгляд в этой полутьме. Дважды спокойные мысли людей, перемещавших ящики где-то слева от него, вторгались в его сознание. Но они не знали ни о его присутствии, ни о суматохе, поднявшейся снаружи. Далеко впереди и чуть правее он увидел яркий просвет, ворота. Он понесся в этом направлении. Когда он достиг двери, его изумила ее ветхость. Что-то сырое и липкое прицепилось к его боку, и мускулы начали цепенеть. Ход мыслей его замедлился, сами мысли стали неуклюжими. Он остановился и выглянул за дверь.

Перед ним была улица, совершенно непохожая на Кэпитал Авеню. Это была грязная улица с потрескавшейся мостовой. По обеим сторонам ее тянулись дома, выстроенные из пластика лет сто или даже больше тому назад. Сделанные из практически неразрушаемого материала, с вечной окраской, такие же свежие и яркие на вид, как и в день постройки, они тем не менее несли на себе отпечаток времени. Пыль и копоть, как пиявки, покрывали их некогда респектабельную поверхность. Газоны вокруг домов были плохо ухожены, всюду валялись груды всякого хлама.

Улица была, кажется, пустынной. Неясный ше-

пот мыслей полз из этих грязных зданий. Джомми был слишком усталым, чтобы удостоверяться, что мысли исходят только из-за стен домов.

Джомми соскочил с края разгрузочной платформы на твердый бетон улицы. Сильная боль охватила его бок, но тело не собиралось покоряться, хотя удар был настолько силен, что пружинящее действие мышц обыкновенного человека вряд ли предохранило бы от увечья. Однако, сотрясение было очень сильным, и все кости мальчика вибрировали.

Мир потемнел, когда он перебегал улицу. Он потряс головой, чтобы прояснить восприятие, но это ему не удалось. Он только смог стремглав броситься в переулок между закопченым двухэтажным домом и небесно-голубым кварталом из прямолинейных жилых домов-башен. Он не увидел женщину на веранде под ним и не почувствовал ее, пока она не замахнулась на него шваброй. Это импровизированное оружие прошло мимо, так как он уловил ее тень и успел увернуться. — Десять тысяч долларов, — вскричала она вдогонку. — Радио сказало — десять тысяч! И они мои, слышите! Пусть никто не прикасается к нему! Он мой! Я увидела его первая!

Он смутно разобрал, что она кричит это другим

женщинам, повыскакивавшим из квартир. Слава богу, мужчины были на работе.

Ужас жадных умов цеплялся за него, пока он мчался, гонимый страхом, по узкому тротуару перед жилым домом. Он весь съежился от отвратительных мыслей и дрожал от самых ужасных звуков в мире: пронзительных криков людей отчаянно бедных, доведенных до крайней степени отчаяния в своей безнадежной гонке за богатством и до крайней степени жадности в своих сокровенных мечтах.

Его охватил страх от того, что его могут забить всеми этими швабрами, мотыгами, метлами и граблями, что ему разобьют голову, переломают кости, истерзают плоть.

Извернувшись, он обогнул угол дома. Бурлящая толпа продолжала преследовать его. Он чувствовал, как они нервничают, судя по потоку их мыслей. Они наслышались рассказов о слэнах, и эти воспоминания даже в некоторой степени затмевали жажду обладать десятью тысячами долларов. Но то, что они были в толпе, придавало смелость каждому в отдельности. Толпа напирала.

Он попал в крохотный задний дворик, с одной стороны которого были навалены пустые ящики.

Груда ящиков возвышалась над ним, темная масса, которую было трудно рассмотреть, несмотря на яркий солнечный свет. В его затуманенном усталостью сознании мелькнула мысль, и через мгновение он уже взбирался на эту рукотворную гору.

Боль от напряжения была подобна боли от зубов хищника, впившегося в его бок. Он рискнул пробежать немного по ящикам и затем быстро опустился в пустое пространство между двумя старыми рамами для перевозки стекла. Места вполне хватало, чтобы опуститься до самой земли. Почти в полной темноте ему удалось различить еще большую черноту в пластиковой стене жилого дома. Он вытянул руки и стал ощупывать края отверстия в совершенно гладкой стене. Через мгновение он протиснулся через это отверстие и залег в изнеможении на сырой земле внутри. Острые камни впились в тело, но в течение некоторого времени он был настолько утомлен, что не был в состоянии что-нибудь предпринимать, и просто лежал, едва дыша, пока толпа неиствовала снаружи, обезумев от безуспешных поисков.

Темнота успокаивала его, так же, как и слова матери, сказанные ею при расставании.

Кто-то взбирался по ящикам как раз над ним, и это помогло ему понять, где он очутился: в небольшой полости под черной лестницей. «Интересно, — подумал он, — почему это прочный пластик был в этом месте разрушен?»

Лежа здесь, оцепенев от страха, он размышлял о своей матери — теперь уже мертвой, как сообщило радио. Мертвая! Она, конечно, не боялась смерти. Он давно знал, что она страстно желала дожить до того дня, когда она могла бы воссоединиться со своим мертвым мужем в тишине могилы. «Но я должна прежде всего вырастить тебя, Джомми. Отказаться от жизни так легко, так приятно, но я обязана сохранить тебе жизнь до той поры, когда кончится твое детство. Твой отец и я потратили все, что было у нас в жизни, на работу над его великим изобретением, и все окажется истраченным впустую, если ты не сможешь продолжать наше дело».

Он оттолкнул от себя это воспоминание, потому что от него у него в горле встал комок. Теперь уже его сознание не было столь затуманенным. Короткая передышка, должно быть, помогла ему. Но теперь он гораздо острее чувствовал, как досаждают ему острые камни, на которых он лежал, и терпеть боль стало гораздо труднее. Он

попытался изменить положение тела, но место было очень узким.

Машинально он стал щупать камни одной рукой и сделал открытие. Это были пластиковые черепки, а не камни. Пластик, который упал внутрь, когда ударили по небольшой секции стены, и образовалось отверстие, через которое он и пролез. Было как-то странно размышлять об этом отверстии, сознавая, что кто-то еще — кто-то там снаружи — думает об этом же отверстии. Шок от этой неясной мысли, донесшейся снаружи, пламенем обжег всего Джомми.

Испугавшись, он стал пытаться изолировать эту мысль и разум, который породил ее. Но вокруг было слишком много других разумов, слишком большое волнение. Переулок кишел солдатами и полицейскими, которые обыскивали каждый дом, каждый сарай, каждое строение. Из всего этого хаоса мыслей он уловил отчетливую, хладнокровную мысль Джона Петти.

— Вы говорите, что именно здесь видели его в последний раз?

— Он свернул за угол, — сказала женщина, — и затем как в воду канул!

Трясущимися пальцами Джомми стал извлекать черепки из влажной земли. Усилием воли он

заставил успокоиться свои нервы и начал старательно и быстро заполнять отверстие, используя влажную землю для того, чтобы зацементировать ею куски пластика. Хотя он и понимал совершенно отчетливо, что эта работа не выдержит тщательной проверки.

И все то время, в течение которого он работал, он ощущал чью-то мысль снаружи, хитрую и проницательную мысль, которая безнадежно смешивалась с диким потоком мыслей, бурлившим в его сознании. Кто-то там, снаружи, не переставал думать об этом отверстии ни на секунду. Джомми никак не мог разобрать, то ли это мужчина, то ли женщина. Но мысль присутствовала все время, как дьявольская вибрация какого-то изощренного разума.

Когда стали оттаскивать ящики в сторону и заглядывать под них, мысль эта все еще была здесь — и затем постепенно стала удаляться по мере того, как затихали крики, и стал отодвигаться хаос мыслей преследователей. Его искали повсюду. Еще долгое время Джомми мог слышать мысли охотников за ним, но в конце концов все вокруг стало успокаиваться, и он понял, что наступает вечер.

Однако, почему-то возбуждение, порожденное

дневным происшествием, никак не угасало. Из домов ползли приглушенные мысли — люди в своих квартирах думали о том, что произошло, обсуждали это событие.

Наконец, он осмелился не ждать больше. Где-то там, снаружи, был ум, который все время знал, где Джомми находится, но почему-то промолчал об этом. Этот ум был злонамеренным, что наполняло мальчика дурным предчувствием и побуждало поскорее убраться из этого опасного тайника. Орудуя замлевшими пальцами, он разобрал отверстие, затем, все еще одеревеневший от долгой неподвижности, он осторожно протиснулся наружу. Каждое движение вызывало приступ боли в боку, и волна слабости затуманивала сознание, однако, он осмелился не возвращаться. Постепенно он подтянулся наверх ящиков, а затем уже снаружи их стал спускаться вниз. Его ноги почти коснулись земли, когда он услышал быстрые шаги — и впервые почувствовал личность того, кто так долго ждал его.

Тонкая рука схватила его за лодыжку и раздался торжествующий голос старухи:

— Вот и хорошо! Спускайся-ка к Гренни. Гренни позаботится о тебе, да, да. Она все время была уверена, что тебе осталось только залезть в эту

дырку, и что эти дураки не догадаются об этом. О, да, Гренни очень ловкая. Она ушла, а затем вернулась, и, так как слэны могут читать мысли, она держала свой мозг очень спокойным, думая только о кухонных делах. И это сбило тебя с толку, не так ли? Гренни хорошо знает, что может сбить тебя с толку. А сейчас пойдем. Гренни присмотрит за таким хорошеньким мальчиком, ведь она так ненавидит полицию.

От страха у Джомми перехватило дыхание, но он все-таки узнал ум жадной старухи, которая хотела схватить его, когда он убегал от автомобиля Джона Петти. Тот мимолетный взгляд запечатлел образ злой старухи в его сознании. И теперь от нее исходило такое дыхание ужаса, такими омерзительными были ее намерения, что он взвизгнул и набросился на нее.

Тяжелая палка в свободной руке старухи опустилась на его голову прежде, чем до него дошло, что у нее есть такое оружие. Удар был умопомрачительным. Мышцы его стали непроизвольно дергаться, и тело рухнуло на землю.

Он почувствовал, как руки его связывают, а затем, наполовину подняв его, она оттащила его на несколько шагов в сторону. В конце концов старуха ухитрилась запихнуть мальчика в шат-

кую тележку и накрыла тряпьем, пропахшим конским потом, машинным маслом и урнами для мусора.

Тележка покатилась по ухабистой мостовой заднего проулка, и сквозь громыханье колес Джомми уловил ворчание старухи:

— Какой же была бы Гренни дурой, если бы позволила поймать тебя, мой мальчик. Награда в десять тысяч — ха! Мне бы ни за что не дали столько. Думаю, что я не получила бы и цента! Уж Гренни-то знает этот мир. Когда-то она была известной актрисой, теперь же просто мусорщица. Они бы никогда не дали не то что сотню сотен, но и одной-единственной сотни собирательнице тряпья и утиля. Ни за что! Гренни еще покажет им, что можно сделать с молодым слэном. Гренни наживет огромное состояние с помощью этого дьяволенка…

Глава 2

Опять здесь этот отвратительный мальчишка.

Кетлин Лейнтон застыла в защитной позе, но затем расслабилась. От него нельзя было убежать оттуда, где она стояла, на этой почти двухсотметровой зубчатой стене дворца. Но не составило бы особого труда, после всех этих долгих лет в качестве единственного слэна среди столь большого количества враждебных существ стоять лицом к лицу с чем угодно, даже с Дэви Динсмором, которому одиннадцать лет.

Она не обернется. Она не покажет ему, что ей стало известно, что он идет по широкому застекленному переходу. Она непреклонно старалась не думать о нем, поддерживая едва уловимый контакт, необходимый для того, чтобы он не мог подойти к ней неожиданно. Она должна продолжать смотреть прямо на город, как-будто не зная, что он подходит.

Город начинался совсем неподалеку от нее, обширное пространство зданий и сооружений, бесчисленных форм и цветов, постепенно обволакиваясь легкой дымкой сгущающихся сумерек. Еще дальше чернела зеленая равнина и обычно

голубая, несущаяся потоком вода реки, извивавшейся снаружи города. Она сейчас казалась более темной, лишенной блеска в этом почти лишенном солнца мире. Даже горы в отдалении у покрытого туманом горизонта имели темный оттенок. В них была какая-то печальная задумчивость, которая была так подстать грусти в ее собственной душе.

— А-а-а! Нужно смотреть получше. Это твой последний.

Нестройный голос резанул по ее нервам, как совершенно бессмысленный звук. Некоторое время настолько сильным было предположение о полностью нечленораздельных звуках, что значение слов не проникло в ее сознание. А затем помимо своей воли она резко повернулась в его сторону.

— Мой последний? Что ты имеешь в виду?

Она тут же пожалела о своем поступке. Дэви Динсмор стоял менее, чем в двух метрах от нее. На нем были длинные шелковистые брюки и желтая рубаха с открытым воротом. На его мальчишеском лице было выражение «ух, какой я хулиган!», и губы его кривились в усмешке, убедительно ей напоминая, то, что она заметила его, было его же победой. Но все же — что могло заставить его произнести такие слова? С трудом

верилось, что он мог сам додуматься до таких слов. Ее охватил короткий импульс поглубже порыться в его сознании. Она вздрогнула и решила не делать этого. Войти в его мозг в его нынешнем состоянии означало на добрый месяц почувствовать отвращение к наблюдению за происходящим вокруг.

Уже много времени, несколько месяцев, как она решила прекратить контакты своего разума с потоком человеческих мыслей, с надеждами людей и их ненавистью, превращавшей в ад атмосферу во дворце. Лучше всего сейчас — презирать этого мальчишку, так же, как она делала это в прошлом. Она повернулась к нему спиной, и даже ничтожнейшее из ничтожнейших прикосновений к его разуму донесло до нее обертона неистовства, побуждавшего его к действию. И затем снова раздался его голос:

— Й-э-э, в последний раз! Я ЭТО сказал, и ЭТО я имел в виду. Завтра твой одиннадцатый день рождения, не так ли?

Кетлин не отвечала, притворившись, что не слышит. Однако, чувство опасности жалило своей неопределенностью. В его голосе было слишком много едва скрываемого злорадства, слишком много уверенности. Может быть, проис-

ходит нечто ужасное, составлены ужасные планы в течение этих месяцев, когда она изолировала свой мозг от мыслей этих людей? Может быть, она совершила ошибку, замкнув себя в своем собственном мире? А теперь реальный мир проломил ее защитную броню?

— Ты думаешь, что очень хитрая? — не унимался Дэви Динсмор. — Посмотрим, как ты себя будешь чувствовать завтра, когда настанет твой конец! Может быть, ты об этом еще не знаешь, но мама говорит, что по дворцу ходит слух, что когда тебя впервые привели сюда, мистер Кир Грей вынужден был обещать правительству, что он велит убить тебя в день твоего одиннадцатилетия. И ты не думай, что это обещание не будет выполнно. Вчера убили женщиу-слэна прямо на улице. Вот был спектакль! Мне было бы очень интересно знать, что ты думаешь обо всем этом, а?

— Ты… сошел с ума!

Слова помимо ее воли слетели с ее губ. Она едва ли сознавала, что превосходит их потому, что они вовсе не такие, как она думала. Так или иначе, он говорил правду. Это вполне соответствовало нравственности этих убогих людишек. Это было столь логичным, что ей вдруг показалось, что она всегда знала об этом.

Весьма странным было упоминание о том, что его мать сказала своему сыну о том, что хранилось в памяти Кетлин. Девушка сразу вспомнила, как три года назад этот мальчишка, пользуясь молчаливым покровительством своей матери, которая находилась рядом, напал на нее с целью запугать и превратить в забитое, бессловесное существо. И какое было удивление, какой был крик и барахтанье ногами от страха, когда она оторвала его от пола и держала высоко в руках, пока вперед не бросилась его разъяренная родительница, выкрикивая угрозы о том, что она собирается сделать с этим «грязным, подлым, маленьким слэном».

И затем неожиданно появился Кир Грей, неумолимый, высокий, властный, и миссис Динсмор раболепствовала перед ним.

— Мадам, на вашем месте я бы и рукой не дотронулся до этого ребенка. Кетлин Лейнтон является собственностью государства, и когда понадобится, будьте уверены, что государство сможет само избавиться от нее. Что же касается вашего сына, то я видел все, что здесь сейчас произошло. Он получил то, что полагается каждому забияке, и я надеюсь, что этот урок пойдет ему на пользу.

Как она была глубоко тронута тем, что он защи-

тил ее! И после этого она поместила Кира Грея в своем сознании в совсем отличную категорию от той, к которой она причисляла другие человеческие существа. И это несмотря на его жестокость, несмотря на все жуткие рассказы о нем. Но теперь она знала правду и то, что он ничего другого не имел в виду, когда говорил, что «государство может само избавиться от нее».

Она сбросила с себя состояние горькой задумчивости и увидела, что город внизу меняет свой облик. Вся его огромная масса оделась в свое вечернее великолепие с мириадами мерцающих огней. Сейчас город казался удивительным, он раскинулся перед нею, как огромный сверкающий бриллиант, как какая-то невообразимая страна зданий, которые грандиозно вздымались к небесам и ярко сияли своим сверкающим великолепием. Как она всегда страстно хотела уйти в этот город и воочию увидеть все то, что так волновало ее воображение. Теперь, конечно, она никогда уже не увидит все это. Она так и не сможет увидеть весь этот мир красоты, попробовать его, насладиться им.

— Й-э-э, — снова раздался нечленораздельный крик Дэви. — Смотри хорошенько и думай, что смотришь в последний раз!

Кетлин задрожала. Она чувствовала, что не в силах больше вынести присутствие этого… этого гнусного мальчишки, ни секунды более. Не произнося ни слова, она повернулась и спустилась вниз, во дворец, в одиночество своей спальни.

Было уже поздно, но сон не приходил.

Кетлин знала, что уже очень поздно, так как уменьшился шумовой фон, создаваемый мыслями снаружи, — люди давно уже были в кроватях…, кроме часовых, гуляк и страдающих бессонницей.

Странно, что она не могла уснуть. По сути, она ощущала облегчение, теперь, когда ей стало известно все… Жизнь изо дня в день была ужасной, ненависть слуг и большинства других человеческих существ была близка к пределу, который она могла вынести. Она, должно быть, все-таки задремала, так как жестокая мысль, которую она уловила откуда-то извне, в искаженном виду превратилась в нереальный сон, который она увидела.

Кетлин беспокойно зашевелилась. Усики слэна (тонкие пряди волос, тускло поблескивающие, как полированное золото, на фоне волос, которые обрамляли ее точеное детское личико) целиком приподнялись над остальными волосами и слабо

колыхались, как будто их обвевал слабый ветерок… Слабо, но настойчиво.

Вдруг эти чувствительные антены подцепили угрожающую мысль из мрака окутанного ночью дворца Кира Грея. Кетлин проснулась, дрожа от страха.

В ее мозгу застряла на мгновение мысль — мысль отчетливая, жестокая, мысль, выражающая намерение совершить хладнокровное убийство. Подобно холодному душу, эта мысль полностью прогнала ее сон. А затем она вдруг исчезда, исчезла совершенно, будто ее и вовсе не было. Осталась только смутная неразбериха мысленных образов, которые лились нескончаемым потоком из бесчисленных помещений огромного дворца.

Кетлин лежала очень тихо, и из глубины ее собственного сознания пришло понимание того, что все это означало. Кто-то не хочет ждать до завтра. Кто-то сомневается в том, что над ней совершится казнь. И он намеревается поставить Совет перед свершившимся фактом. Могло быть только одно лицо, достаточно могущественное, чтобы не бояться последствий: Джон Петти, глава секретной полиции, фанатик, ненавидивший слэнов и вместе с этом и ее, ненавидел столь люто,

что даже в этой берлоге анти-слэнов его мысли были наиболее яркие и впечатляющие. Убийца, должно быть, из его приспешников.

Она усилием воли успокаивала свои нервы и заставила свой разум начать зондаж все дальше и дальше, до самых крайних пределов ее возможностей. Тянулись секунды, но она продолжала лежать, разыскивая мозг, который хоть на короткое мгновение таил бы в себе угрозу ее жизни. Шепот мыслей извне превратился в рев, который потряс ее сознание. Уже несколько месяцев она обследовала мир неконтролируемых умов. В ее сознании никогда не ослабевала память об их ужасах. Однако реальность была хуже воспоминаний. Неумолимо, почти со взрослой настойчивостью она удерживла себя в этой буре разумов, изо всех сил стараясь по очереди изолировать индивидуальность каждого. Откуда-то внезапно выплыла фраза:

«О, господи, надеюсь, они не обнаружат, что их обманывают. Сегодня — на овощах!». Это, должно быть, жена помощника повара, несчастная богобоязненная женщина, которая жила в постоянном смертельном страхе перед днем, когда будет разоблачено вероломство ее мужа.

Кетлин на миг прониклась жалостью к этой

испытывающей ужасные муки совести маленькой женщине, лежащей без сна в темноте рядом со своим мужем. Но не слишком сильной жалостью, так как эта маленькая женщина однажды, повинуясь абсолютно злобному импульсу, остановилась, когда Кетлин проходила мимо нее по коридору, и безо всякого предварительного раздумья, что могло бы предупредить девушку, с силой ударила ее по лицу.

Разум Кетлин спешил, движимый все более растущим чувством безотлагательности.

Разные картины мелькали в ее голове, настоящий калейдоскоп, причем, некоторые из них были настолько ярки, что почти полностью перекрывали все другие. Здесь был целый мир дворца с его интригами, с его бесчисленными личными трагедиями, с его жестоким честолюбием. Здесь были самые сокровенные мечты ворочающихся во сне людей. И здесь присутствовали также и мысли людей, всю ночь занимающихся составлением хитроумных планов.

И вдруг к ней ворвался обрывок грубого желания, жестокой решимости убить ее! В тот же момент он пропал, как неуловимая бабочка, но сам он не напоминал бабочку. Беспощадность этой мысли была подобна шторе, доводящей ее

до отчаяния. Потому что этот второй проблеск угрожающей ей мысли был таким мощным, что источник ее мог находиться где-то рядом, только где-то в непосредственной близости от нее.

Ее начало лихорадить, и тут она уловила эту мысль в третий раз. Сейчас она смогла определить и ее источник. Теперь девушка поняла, почему этот мозг так долго избегал ее. Его мысли были тщательно рассеяны, умышленно рассредоточены на тысячи различных дел, которые казались просто обертонами в неразборчивом шуме, создаваемом множеством находившихся вокруг разумов.

Он, должно быть, имел практику. Но даже если это было так, то это был не Джон Петти и не Кир Грей, каждый из которых придерживался бы жесткого хода мыслей, подчиненного законам логики, которые ни за что бы не позволили хоть одной искринке задуманного проскользнуть из своего разума. Ее возможный противник, несмотря на весь свой ум, выдал себя. И как только он войдет в комнату, она…

Мысль оборвалась. Ее разум был потрясен обрушившейся на нее истиной. Человек был уже в ее спальне и в этот самый момент подползал на коленях к ее кровати.

Кетлин показалось, что время остановилось. Этому чувству способствовали и темнота, и то, как вся она, даже ее руки, были укрыты одеялами. Она знала, что от малейшего движения зашелестят плотные накрахмаленные простыни. Он набросится на нее, прежде чем она успеет двинуться, прижмет ее под одеялами, и она всецело окажется в его руках.

Она не могла ни шевельнуться, ни что-либо разглядеть в темноте спальни. Она могла только чувствовать, как нарастает возбуждение в пульсирующем мозгу убийцы. Его мысли стали более быстрыми, и он перестал рассеивать их. Пламя его убийственной страсти обожгло ее разум, оно было настолько мощным и неистовым, что ей пришлось отключить часть своего сознания от этого воспаленного разума, потому что она внезапно почувствовала настоящую физическую боль.

И в этом полном откровении его мыслей Кетлин прочла всю предысторию этого покушения. Этот человек был часовым, пост которого был снаружи, за дверью. Но это не был обычный часовой. Странно, что она не заметила подмены. Наверное, ее сделали, когда она спала. Либо тогда, когда она была полностью погружена в свои

собственные мысли.

Она уловила его план действий, когда он поднялся с покрытого ковром пола и склонился над кроватью. Впервые ее глаза уловили неясный блеск ножа в его руке, которую он отвел для замаха.

Оставалось единственное. Единственное, что она могла сделать! Она быстро и решительно поднялась и швырнула одеяла на голову и плечи ошеломленного убийцы. Затем она спрыгнула с кровати — и стала еще одной тенью среди теней комнаты.

Позади нее раздался приглушенный одеялами крик. В этом низком вопле был испуг и страх перед тем, что может случиться.

Она уловила его мысли, услыхала шум его движения, когда он одним прыжком перепрыгнул кровать и начал молотить руками, стараясь обыскать самые дальние уголки комнаты. В этот момент ей показалось, что ей не следовало бы вскакивать с кровати. Если все равно завтра наступит смерть, то к чему эта отсрочка? Но она знала, что ответом была охватившая ее всецело воля к жизни; и в ее разуме вновь шевельнулась мысль, уже во второй раз, что этот полуночный посетитель был доказательством того, что кто-то,

кто желал ее смерти, боялся, что казни не будет.

Она постаралась перевести дыхание. Ее собственное возбуждение смешалось с презрением, которое она испытывала, глядя на неуклюжие старания убийцы.

— Дурак ты, — сказала она своим детским голосом, полным презрения, но абсолютно недетским своей разящей логикой. — Ты в самом деле веришь, что можно поймать слэна в темноте?

То, как убийца прыгнул в направлении ее голоса и размахивал во все стороны кулаками, было отнюдь не привлекательно. Это было жалкое и уродливое зрелище, потому что мысли этого человека стали теперь совсем гадкими от ужаса, охватившего его. В этом страхе было что-то нечистое, и Кетлин брезгливо поморщилась, стоя босиком у противоположной стены спальни.

Еще раз она заговорила своим высоким детским голосом:

— Лучше бы ты ушел прежде, чем кто-либо услышит, как ты здесь спотыкаешься. Я не сообщу о тебе мистеру Грею, если только ты уйдешь немедленно.

Она почувствовала, что человек ей не поверил. В нем было слишком много страха, слишком много подозрительности и, что было неожиданным,

коварства! Бормоча проклятия, он перестал ее искать и опрометчиво кинулся к двери, где был выключатель освещения. Она почувствовала, что он вытаскивает пистолет и наощупь ищет выключатель. Девушка поняла, что он предпочел рискнуть и попытаться убежать от часовых, которые обязательно прибегут на звук выстрела, чем решиться на встречу со своим начальником, которому придется сознаваться в своей неудаче.

— Ты глупый дурак! — сказала Кетлин.

Она знала, что предпринять, хотя раньше никогда не сталкивалась с такой ситуацией. Она беззвучно прокралась вдоль стены, ощупывая пальцами ее поверхность. Затем она открыла обшитую филенками дверь, проскользнула в нее, заперла за собой и побежала вдоль тускло освещенного коридора к двери в конце его. Та открылась от ее прикосновения в большой, роскошно обставленный кабинет.

Внезапно испугавшись смелости своего поступка, Кетлин задержалась в проеме, глядя на человека, который сидел за столом и что-то писал при свете затененной настольной лампы. Кир Грей не сразу поднял голову. Но через мгновение девушка поняла, что он уже знает, кто это вошел, и тут к ней пришла смелость хорошенько рас-

смотреть этого могущественного человека, пока он молчит.

Было что-то величественное в этом повелителе людей, что всегда восхищало ее, и даже сейчас, когда страх перед ним навалился на нее всей своей тяжестью, она не могла это не отметить. Резкие черты придавали его лицу благородное выражение; сейчас он задумчиво склонился над письменным столом, размышляя над очередной фразой письма.

По мере того, как он писал, она была в состоянии следовать по поверхности за его мышлением, но не более. Потому что Кир Грей, она обнаружила это давным-давно, разделял с этим самым ненавистным человеком, Джоном Петти, способность мыслить в ее присутствии, не отклоняясь, причем, таким образом, что чтение его мыслей становилось практически невозможным. Она могла уловить только скользящие по поверхности мысли, слова письма, которое он писал. И ее возбуждение и нетерпеливость переборoли всякий интерес к его писанине.

— Там, в моей комнате, какой-то человек, — взорвалась она. — Он хотел убить меня!

Кир Грей поднял голову. Его лицо стало более суровым, когда он полностью перенес на нее

свое внимание. Благородные линии его профиля уступили место решительности и властности. Кир Грей, повелитель людей, холодно смотрел на нее. Когда он заговорил, его ум двигался с такой точностью, а голос и разум были столь тесно скоординированы, что она не была в состоянии определить, издает ли он вообще какие-либо звуки.

— Какой-то убийца, да? Продолжай!

Кетлин разразилась дрожащим потоком слов, в которых было все, что случилось с ней с того времени, когда Дэви Динсмор насмехался над нею еще на стене дворца.

— Значит, ты думаешь, что за всем этим стоит Джон Петти? — спросил он.

— Только он мог бы решиться на это. Секретная полиция распоряжается людьми, охраняющими меня.

Грей медленно кивнул, и она почувствовала, что его мозг чуть-чуть напрягся. Однако мысли его продолжали быть глубокими, спокойными и неторопливыми.

— Значит, это случилось, — сказал он наконец мягко. — Джон Петти делает заявку на высшую власть. Я почти чувствую жалость к этому человеку. Он слишком слеп к своим собственным

недостаткам. Никогда шеф секретной полиции не станет пользоваться доверием народа. Меня боготворят и боятся. Его же — только боятся. А он думает, что это важнее всего.

Карие глаза Грея серьезно смотрели на Кетлин.

— Он намеревался убить тебя до срока, установленного Советом, потому что я бы уже ничего не смог предпринять, поставленный перед свершившимся фактом. И эта беспомощность в противодействии ему, он это точно рассчитал, снизила бы мой авторитет в Совете, — теперь его голос был совсем низким, как будто он совсем забыл о Кетлин и размышлял вслух. — И он прав. Совет был бы только раздражен, если бы я попытался навязать им какое-то решение относительно смерти ненавистного слэна. И все же они не предприняли бы никаких действий против меня. Они отлично знают, что это было бы началом конца. Распад, раскол на группы, которые постепенно становились бы все более враждебными друг другу, пока так называемые реалисты не воспользуются сложившейся ситуацией и не примкнут к какой-нибудь группе, обеспечивая ей победу, или же начнут эту приятную игру, которая известна, как игра центра против обоих крайних направлений.

Он помолчал немного, затем продолжал:

— Как ты можешь видеть, Кетлин, положение очень трудное и опасное. Так как Джон Петти, чтобы дискредитировать меня в Совете, был неутомим в распускании слухов, что я намерен оставить тебя живой. Соответственно, и это как раз то, что может заинтересовать тебя, — впервые улыбка озарила суровое лицо мужчины, — соответственно, мой авторитет и мое положение теперь зависят от того, сумею ли я сохранить тебе жизнь несмотря на все старания Джона Петти.

Он еще раз улыбнулся.

— Ну, а что ты думаешь о нашем политическом положении?

Кетлин презрительно поморщилась.

— Он дурак, выступая против вас, вот что я думаю. И я буду помогать вам, как могу. Я могу помочь читать мысли и намерения.

Широкая улыбка озарила все лицо Кира и стерла суровые линии с него.

— Ты знаешь, Кетлин, — сказал он, — мы, человеческие существа, должны иногда казаться слэнам очень странными. Например, как мы обращаемся с вами. Ты знаешь причину этого, не так ли?

Кетлин покачала головой.

— Нет, мистер Грей. Я часто читала в умах людей об этом, и как-будто никто не знает, почему все ненавидят нас. Что-то есть в войне между слэнами и людьми, которая была давным-давно. Но ведь войны были и раньше, но после них люди же не ненавидели друг друга. И кроме того, все эти ужасные истории, настолько абсурдные, что не могут быть ничем иным, кроме ужасной лжи.

— Ты слышала, — сказал он, — что делают слэны детям людей?

— Это именно одна из тех глупых и лживых историй, — презрительно скривилась девушка. — О, боже, какая низкая ложь!

— Да, вот теперь я знаю, что ты слышала эти истории, — рассмеялся диктатор. — И, возможно, это потрясет тебя: такое действительно встречалсь с детьми. Что тебе известно об уме взрослого слэна, чьи умственные способности на двести-триста процентов выше, чем у среднего человеческого существа? Все, что ты знаешь, ты знаешь только о себе. Ты этого бы не делала, но ты еще ребенок! Но не обращай пока на это внимания. И мне, и тебе, пожалуй, придется еще побороться за наши жизни. Сейчас, наверное, убийца уже покинул твою комнату, но ты все же должна взглянуть на его мозг, чтобы идентифи-

цировать его. У нас теперь будет откровенный обмен мнениями. Я приглашу сюда Петти и Совет. Им наверняка не понравится то, что их оторвут от прекрасного сна, но черт с ними! Ты оставайся здесь. Я хочу, чтобы ты прочла их разум и рассказала мне, о чем они думали во время этого небольшого расследования.

Он нажал кнопку на столе и вежливо сказал в маленький похожий на коробочку прибор:

— Скажите капитану моей личной охраны, чтобы он зашел в мой кабинет.

Глава 3

Сидеть под ослепительно сияющими лампами было нелегко. На нее смотрели слишком часто. В мыслях у нее была смесь нетерпения и безжалостности. Их ненависть придавливала ее дух и отравляла сознание. Они ненавидели ее лютой ненавистью. Они страстно желали, чтобы она была мертва. Девушка в ужасе закрыла глаза и отвела свое сознание от них, стараясь поудобнее устроиться в кресле, как-будто посредством своей силы воли она могла сделать невидимым свое тело.

Но слишком много было поставлено на кон, чтобы она могла осмелиться упустить хоть какую-нибудь мысль или образ.

Глаза и разум ее распахнулись, и снова комната, люди, вся эта грозная ситуация.

Джон Петти резко встал и сказал:

— Я возражаю против присутствия слэна на этой встрече на том основании, что ее невинная детская внешность может пробудить в ком-нибудь из нас искру милосердия.

Кетлин удивленно взглянула на него. Шеф скретной полиции был коренастым мужчиной

среднего роста, и на его лице, которое было, скорее, похоже на ворону, чем на орла, не было никаких следов добросердечия. Кетлин подумала: «Неужели он и в самом деле верит в это? Неужели он думает, что кто-нибудь из этих людей по какой-то причине сможет проявить милосердие?»

Она попыталась прочесть то, что было упрятано за этими словами, но его мозг был преднамеренно затуманен, а мрачное, властное лицо лишено было какого бы то ни было выражения. Она уловила очень слабый оттенок иронии и поняла, что Джон Петти всецело осознает сложившуюся ситуацию. Это было его заявкой на власть, и все его тело и ум были настороженны и беспощадны.

Кир Грей сухо рассмеялся, и неожиданно Кетлин уловила отблеск магнетической силы этого человека. Что-то в вожде было от тигра, невообразимо захватывающее дух, подобная пламени эманация, которая делала его более сильным и решительным, чем все остальные в комнате.

— Не думаю, что нам нужно беспокоиться, — сказал он, — о наших добрых побуждениях, которые могут превозмочь здравый смысл.

— Совершенно верно, — сказал Мердю, министр транспорта. — Судья должен сидеть в присутствии обвиняемого.

Министр остановился, но про себя продолжил: «Особенно, если судья наперед знает, что приговором будет смерть!» Он слегка хихикнул про себя, однако, взгляд его оставался бесстрастным.

— Но я хочу, чтобы эту паршивку выставили отсюда, — сердито проворчал Петти. — Вы знаете, что она С Л Э Н, и, клянусь небом, я не хочу, чтобы слэн сидел в одной комнате со мной!

Ответный поток коллективных эмоций на это популярное изречение физическим ударом обрушился на Кетлин.

ПРисутствующие яростно загалдели:

— Вы чертовски правы!

— Выставите ее вон!

— Грей, что это вы так разнервничались, если решились посреди ночи разбудить нас…

— Совет уладил все это одиннадцать лет назад. До недавнего времени я даже не знал об этом.

— Приговором была смерть, не так ли?

Поддержка присутствующих заставила Джона Петти с триумфом посмотреть на Кира Грея. Глаза их встретились, как шпаги фехтовальщиков перед решающим уколом. Кетлин сразу поняла, что Петти пытается повлиять на результат. Но если диктатор и чувствовал, что он проигрывает, это не отражалось на его бесстрастном лице, и ни

тени сомнения не мелькнуло в его разуме.

— Господа, вы все заблуждаетесь. Кетлин Лейнтон, слэн, не находится здесь на судебном разбирательстве. Она здесь для того, чтобы дать показания против Джона Петти, и я могу себе отчетливо представить его желание, чтобы ее не было в этой комнате.

Удивление Джона Петти было несколько наигранным, как удалось отметить Кетлин. Его разум оставался слишком спокойным, слишком холодным, как лед, в то время, как его голос был похож на рев быка.

— Что ж, это все ваши нервы! Вы оторвали всех нас ото сна только для того, чтобы затащить на это «утреннее» разбирательство против меня — на основании показаний какого-то слэна!!! Я вижу, что нервы ваши совсем расшатались, Грей. Я предлагаю сейчас раз и навсегда решить одну юридическую проблему — может ли слово слэна иметь хоть малейший вес в качестве свидетельских показаний!

Этим он снова воззвал к первородной ненависти. Под натиском волн ответных чувств Кетлин вздрогнула. У нее не было ни малейшего шанса, никакой надежды остаться в живых после этого собрания — только смерть!

Голос Кира Грея оставался таким же бесстрастным, как и прежде.

— Петти, я полагаю, что вам следует понимать, что сейчас вы выступаете не перед сборищем крестьян, сознание которых взращено нашей пропагандой. Ваши слушатели — реалисты, и, несмотря на ваши очевидные попытки одурманить их, они понимают, что их собственное политическое, а, возможно, и физическое будущее является ставкой в этом кризисе, который ВЫ, а не я, спровоцировали.

Лицо диктатора стало твердым, в голосе появилась железная хрипота.

— Я надеюсь, что каждый из присутствующих полностью придет в себя ото сна, отбросит эмоции и нетерпение и поймет, что Джон Петти бросает вызов, чтобы сместить меня. Но учтите, что независимо от того, кто из нас победит, некоторые из вас могут не дожить до утра.

Теперь на нее никто уже не смотрел. В этой внезапно притихшей комнате у Кетлин возникло такое чувство, что она неожиданно стала невидимкой. Как будто какой-то груз покинул ее разум, и она почувствовала, что может видеть, чувствовать и думать впервые с обычной четкостью.

В этой обитой дубовыми панелями комнате наступила как звуковая, так и мысленная тишина. На некоторое время мысли всех этих людей стали неясными, их интенсивность резко уменьшилась. Как-будто возник барьер между их сознанием и ее, так как их мозги очень усиленно работали на очень глубоком уровне, до которого она не могла достать. Кетлин поняла по выражению их лиц, что члены Совета начали усиленно взвешивать все за и против, анализировать положение, искать все возможное, чтобы достойно встретить внезапно осознанную смертельную опасность. Внезапно девушка почувствовала сильный всплеск на фоне неясных мыслей. Четкую, резкую команду в уме: «Иди к креслу в углу, где они не смогут видеть тебя. Не поворачивай голову! Ну, быстро!»

Кетлин бросила взгляд на Кира Грея и увидела, что он мельком взглянул на нее. Затем она беззвучно соскользнула со своего кресла и повиновалась приказу.

Никто не обратил на это внимания. Вслух Кир Грей сказал:

— Конечно, нет никакой необходимости в экзекуции, при условии, что Джон Петти раз и навсегда выбросит из головы это безумное жела-

ние занять мое место.

Было совершенно невозможно разобраться в мыслях присутствующих, пока они, размышляя, смотрели на диктатора. Некоторое время их умы были полностью неконтролируемы. Так как и у Джона Петти, и у Кира Грея, все их сознание было сосредоточено на том, что следует сказать и что делать после такого предостережения.

Кир Грей все так же бесстрастно продолжал:

— Я подчеркиваю, что такое желание безумно. Многим может показаться, что все это не что иное, как драка за власть. Но, поверьте мне, что это немного больше, чем простая перебранка. Человек, обладающий верховной властью, представляет стабильность и порядок. Человек, который жаждет властвовать, должен в тот же момент, как он заполучил эту власть, обеспечить безопасность своего положения. Это означает казни, изгнания, конфискации, тюремные заключения, пытки — все это, конечно, направленное птив тех, кто противостоит ему или кому он не доверяет.

Прежний вождь не может просто отступить на роль подчиненного. Его престиж никогда по существу не исчезает — свидетельство тому Наполеон или Цезарь — следовательно, он остается

источником постоянной опасности. Претендента же на место вождя можно просто приструнить и вернуть на прежнее место. Именно таковыми и являются мои намерения относительно Джона Петти.

Он, как это виделось Кетлин, взывал к их инстинктам благоразумия, их страху перед тем, что могут повлечь такие перемены. Размышления ее были прерваны тем, что Джон Петти резко встал. Некоторые мгновения он был совсем беззащитен перед ее способностью, но ярость его была так велика, что было совершенно невозможно читать его мысли. Создавалось впечатление, что и в этот момент он мог всецело владеть собой.

— Я думаю, — взорвался он, — что мне еще никогда не приходилось слышать такое необычное заявление от человека, который находится в своем уме, как считают многие. Этот человек обвинил меня в попытке бросить вызов. Господа, разве вы не понимаете, что у этого человека нет никаких оснований на подобное заявление. Мне кажется, что не существует даже предмета спора! Все, что мы имеем, — это голословное высказывание и драматическое разбирательство, к которому нас вынудили посреди ночи. Должен признаться, что я сам еще сонный, но как я пола-

гаю, уже достаточно в своем уме, чтобы оценить, что Кир Грей поддался болезни, терзавшей диктаторов всех веков, — мании преследования. У меня нет сомнений, что уже несколько лет назад он начал искать в каждом нашем высказывании, в каждом нашем поступке призрачную угрозу своему положению. У меня нет слов, чтобы выразить ужас при мысли, что все это означает. При столь отчаянном положении дел со слэнами, как он может даже подозревать, что кто-либо из нас будет стремиться к расколу? Я говорю вам, господа, что мы не можем позволить себе в настоящее время и намека на разногласия. Общественность доведена до предела чудовищной деятельностью слэнов в мировом масштабе, направленной против детей. Их попытки превратить в слэнов всю человеческую расу с ужасными конечными результатами является величайшей из проблем, с которой сталкивалось какое-либо правительство.

Он повернулся к Киру Грею, и Кетлин похолодела от совершенства его поступков, его внешней искренности.

— Кир, я хотел бы забыть то, что вы только что сказали. Я хотел бы забыть это разбирательство, эти угрозы, что некоторые из нас не смогут до-

жить до утра. При данных обстоятельствах я могу только предложить, чтобы вы ушли в отставку. У меня больше нет доверия к вам.

— Вы видите, господа, — сказал,, слегка улыбнувшись, Кир Грей, — что мы сейчас подошли к сути проблемы. Петти-таки высказался насчет моей отставки!

Высокий худой моложавый мужчина с лицом, как у ястреба, вступил в разговор.

— Я согласен с Петти. Ваши действия, Грей, доказывают, что вы более не являетесь ответственным лицом. Уходите в отставку!

— В отставку! — раздался еще один голос в поддержку, и внезапно как-будто загремел хор из бедлама: — В отставку! В отставку! В отставку!

Кетлин, которая все внимание сконцентрировала на том, чтобы следить за словами Джона Петти, почувствовала, что слова эти приближают ее конец. Однако, уже через мгновение она поняла, что только четверо из десяти сидящих здесь устроили весь этот шум.

Выкрикивая непрерывно «В отставку!», они надеялись запугать сомневающихся и трусливых, но это им не удалось. Ее разум и взор обратились к Киру Грею, чье одно только присутствие удерживало остальных от паники. Она смотрела на

него, и к ней возвращалась смелость. Потому что он продолжал сидеть, как ни в чем ни бывало, чуть выпрямившись в кресле, и казался еще более высоким, широкоплечим и сильным. На его лице была уверенность и ирония.

— Разве это не странно, — спросил он тихо, — что эти четверо молодых сплотились, чтобы поддержать молодого лидера Петти? Я надеюсь, что более старшим присутствующим здесь джентльменам совершенно ясно, что все это было организовано заранее. Мне кажется, что у этих молодцов приготовленные заранее группы боевиков ждут-не дождутся утра, так как эти молодые смутьяны откровенно нетерпимы к нам, старомодным чудакам, хотя я по возрасту отношусь к их поколению, они на самом деле считают меня отсталым чудаком. Они совершенно потеряли самообладание и, конечно, убеждены, что, расстреляв тех, кто постарше, они только ускорят то, что природе удается в любом случае сделать с каждым индивидуумом.

— Расстрелять их! — прорычал Мердю, самый старший из присутствующих.

— Чертовы молодые выскочки! — прокричал Харихэн, министр авиации.

Кетлин было бы очень интересно послушать

бормотание тех, кто был постарше, если бы она не осознавала отчетливо, какие побуждения скрывались за этими словами и мыслями. Это были ненависть, страх, сомнение, высокомерие; крах надежд и решимость — все было там, путаница духовного убожества.

Чуть-чуть побледнев, Петти противостоял этому ворчанию. Но Кир Грей вскочил с места, сверкая глазами и подняв сжатые в кулаки руки:

— Да сядьте же вы, невообразимый глупец! Как вы осмелились ввергать нас в этот кризис, когда мы, возможно, должны будем изменить нашу политику в отношении слэнов? Мы проигрываем, вы разве не замечаете этого? У нас нет ни одного ученого, который мог бы сравниться со сверхучеными из слэнов. Что бы я только не отдал за то, чтобы иметь хотя бы одного из них на нашей стороне! Иметь, ну скажем, такого слэна, как Питер Кросс, который по-глупому был убит три года назад, и все потому, что полицейские, поймавшие его, заразились настроениями толпы. Да, я сказал, «толпы». Именно таким сейчас стал наш народ. Толпой, зверем, которому мы помогли встать на ноги своей пропагандой. Они боятся, смертельно боятся за своих детей, а у нас нет ни одного ученого, который смог бы объек-

тивно исследовать этот вопрос. Фактически у нас нет людей, которых можно было бы назвать учеными. Какие побудительные мотивы есть у человеческого существа провести всю жизнь в исследованиях, когда в своем сознании они держат умертвляющее знание того, что все открытия, которые он надеется совершить, давно уже сделаны слэнами? Что все эти открытия уже где-то спрятаны в тайных пещерах или зашифрованы на бумаге, готовые к тому дню, когда слэны сделают следующую попытку подчинить себе мир?

Наша наука смехотворна, наше образование — сплошной набор небылиц. И с каждым годом крушение устремлений человечества и его надежд становится все более очевидным. Нам ничего не остается, кроме ненависти, но одной ненависти уже недостаточно. Мы либо должны полностью выкорчевать всех слэнов, либо помириться с ними и покончить с этим безумием.

Лицо Кира Грея потемнело от страсти, которую он вкладывал в свои слова. И все это время, как отметила Кетлин, разум его был холоден, насторожен и бдителен. Эот повелитель людей был мастером по части демагогии. Его величественный баритон был ровным, чистым и бесстрастным.

— Джон Петти обвинил меня в стремлении оставить в живых эту девчонку. Я хочу, чтобы вы все обдумали то, что происходило в течение последних нескольких месяцев. Разве Петти при каждой встрече, смеясь, не говорил вам о том, что я намерен сохранить ей жизнь? Я знаю, что говорил, потому что это дошло до моего слуха. Но вы видите, ради чего он делал это, тайно распространяя яд. Ваши умы политиков подсказали бы вам, что это он принудил меня к этой мере. Убив девчонку, я как-будто уступил ему и, следовательно, потерял свой престиж.

Поэтому я должен сейчас сделать вам одно заявление. Кетлин Лейнтон не будет казнена. Вследствие того, что мы очень мало знаем о слэнах, она будет оставлена в живых для тщательного изучения. Я лично намерен со всей решимостью пользоваться ее присутствием здесь для того, чтобы понаблюдать за развитием слэна и его взрослением. Я это уже начал проводить и должен сказать, что сделал уже громадное количество наблюдений по этому вопросу.

Джон Петти все еще был на ногах.

— Не пытайтесь заставить меня молчать, — огрызнулся он. — Вы зашли слишком далеко. Следующий шаг, который вы сделаете, — это

передача слэнам целого материка, на котором они могли бы делать свои сверхъизобретения, о которых мы столько слышали, но никогда не видели. Что же касается Кетлин Лейнтон, то, клянусь небом, вам ее удастся оставить в живых только через мой труп. Женщины-слэны наиболее опасны из всех. Они — производительницы потомства, и они знают свое дело, черт их побери!

Во второй раз Кетлин почувствовала в своем разуме настойчивый вопрос Кира Грея: «Сколько из присутствующих на моей стороне? Покажи на пальцах.»

Она в изумлении взглянула на него, и затем ее разум погрузился в поток эмоций и мыслей, исходивших из присутствующих. Разобраться во всем этом переплетении мыслей было очень трудно, и, кроме того, ее разум был несколько потрясен, столкнувшись с той правдой, которую она находила в их мозгах. Она почему-то раньше была уверена, что все, кто был здесь постарше, остались верны своему вождю. На самом же деле это было не так. В их сознании был страх, растущее убеждение, что дни Кира Грея сочтены и что лучше переметнуться на сторону молодой, более сильной группировки.

В конце концов она со страхом подняла три пальца. Три из десяти были за Грея, четверо настроены решительно против него, и трое пока колебались.

Она не могла передать ему две эти последние цифры, потому что его ум больше ничего не спрашивал. Его внимание было сосредоточено на ее трех пальцах, глаза чуть-чуть расширились, слегка встревожившись. На какое-то мгновение ей показалось, что в его мыслях появилось некоторое беспокойство. Затем спокойствие охватило его разум, и к нему возвратилось полнейшее самообадание. Он восседал в своем кресле, как статуя из камня, холодная, суровая и беспощадная.

Она не могла отвести взгляда от диктатора.

Ей пришло на ум, что это загнанный в угол человек, заставивший работать свой мозг в полную силу в надежде отыскать в своем опыте приемы, которые позволили бы предотвратить надвигающееся поражение. Она изо всех сил пыталась проникнуть в этот мозг, но железная хватка, с которой он держал свои мысли, создавала непреодолимый барьер между ними.

Но в тех мыслях, которые все-таки подымались на поверхность этого разума, были сомнения,

чувство неопределенности, но страха в них не было — он просто колебался, что ему следует предпринять, что он может сделать при следующем шаге. Казалось, что он не ожидал кризиса таких размеров, он не ждал, что появится такая оппозиция, не думал, что возникла такая затаенная ненависть к нему, которая только и ждала случая, чтобы свергнуть его и уничтожить.

Ее размышления прервал голос Джона Петти:

— Полагаю, что нам следует сейчас проголосовать по этому поводу!

Кир Грей разразился смехом, глубоким, долгим, циничным смехом, который заканчивался на удивительно добродушной ноте.

— Значит, сейчас вы хотите поставить на голосование вопрос, наличие которого, как вы сказали всего лишь какой-то миг назад, я не мог доказать! Естественно, я отказываюсь взывать к рассудительности присутствующих здесь. Время логики прошло, раз уши были глухи к ней раньше. Только ради занесения в протокол я скажу, что требование голосования в такое время подразумевает признание вины, несет в себе высокомерную уверенность в том, что результат, без сомнения, был известен заранее, так как имеется поддержка пяти, а может быть, и более членов

Совета. Разрешите мне открыть еще одну из моих карт. Я знал об этом мятеже уже некоторое время и успел подготовиться к нему.

— Еще что! — засмеялся Петти. — Вы просто блефуете. Я следил за каждым вашим шагом. Когда мы впервые организовали этот совет, мы боялись возможности, что один человек будет зависеть от голосов других, и не забудьте, что предпринятые еще тогда меры предосторожности еще в силе. У каждого из нас есть своя личная армия. Мои собственные телохранители находятся снаружи, патрулируя по коридору. Такие же телохранители есть у каждого члена Совета, готовые по первому же слову своего господина вцепиться друг другу в глотку. Мы практически готовы издать соответствующий приказ, а там, что бог пожелает!

— О, — усмехнулся Кир Грей. — Теперь мы начинаем играть в открытую, а?

Послышалось шарканье ног, леденящая струя мыслей и затем, к ужасу Кетлин, Мердю, один из тех, троих, кого она считала безоговорочным приверженцем Кира Грея, прочистил горло.

— В самом деле, Кир, вы делаете ошибку, считая себя диктатором. Вы только избраны советом, и у нас есть право избрать на ваше место кого-нибудь

другого. Кого-нибудь, вероятно, кто будет более удачлив в организации уничтожения слэнов.

Это было ренегатством; крысы бежали с тонущего корабля и сейчас старались изо всех сил, как поняла Кетлин, убедить новых всемогущих, что их поддержка должна быть соответствующе оценена.

В мозгу еще одного приверженца Кира Грея, Хэнхана, наметился поворот мыслей в новом направлении.

— Да, да. Ваши разговоры о заключении договора со слэнами — измена. Чистейшей воды измена! Это единственная неприкосновенная тема, пока речь идет о наших отношениях с тол… с народом. Мы должны сделать что-нибудь для уничтожения слэнов, и, возможно, более решительная политика со стороны более решительного человека…

Кир Грей сделал гримасу, в его сознании все еще оставалась неопределенность — что делать, что делать? Было какое-то смутное предположение о чем-то еще, о еще какой-то возможности… Но все это было покрыто туманом, дымкой, и Кетлин ничего не могла понять в этом умеющем себя контролировать разуме.

— Значит, — все так же спокойно подытожил Грей, — вы назначите председателем этого Сове-

та человека, который всего несколько дней назад позволил Джомми Кроссу, девятилетнему слэну, возможно, самому опасному из живущих ныне слэнов, убежать. Причем, убежать, предоставив для этого собственный автомобиль!

— По крайней мере, — кивнул головой Джон Петти, — есть еще один слэн, который уже никуда не убежит.

Он бросил зловещий взгляд в сторону Кетлин, затем, торжествуя, обернулся к остальным.

— Я предлагаю следующее, господа. Завтра эта девчонка должна быть казнена. А сейчас, пока мы не разошлись по своим спальням, надо издать заявление, по которому Кир Грей будет смещен со своего поста.А мотивировка этому… гм… думаю, может быть следующая: он заключил секретное соглашение со слэнами, и его отказ казнить Кетлин Лейнтон является ярким доказательством этому.

Было самой странной вещью в мире сидеть здесь, слушать свой смертный приговор и не испытывать при этом никаких эмоций. Как будто здесь говорят не о ней, а о ком-то другом. Казалось, что ее сознание витает где-то далеко отсюда, обособленно, и что соглашение, которое заключают между собой эти люди, как-то странно

искажено расстоянием.

Улыбка сошла с лица Кира Грея.

— Кетлин, — сказал он резко. — Мы можем уже прекращать игру. Сколько их против меня?

Она взглянула на него затуманенным взором и услышала свой ответ.

— Они все против вас, сэр. Они всегда ненавидели вас, потому что вы гораздо более умный и ловкий, чем они, и потому, что вы думаете гораздо быстрее их. Они понимают, что этим вы как бы принижаете их, пусть даже невольно, но на фоне вас они кажутся такими незначительными.

— Значит, он пользуется ею, чтобы шпионить за нами, — загремел Джон Петт, и в его ярости был триумф. — Что ж, приятно знать, по крайней мере, что все мы согласны в одном — с Киром Греем пора кончать! И думаю, что с ним уже покончено.

— Ошибаетесь, — коротко бросил Кир. — Я так резко не согласен с этими вашими доводами, что уже минут через десять вы все одиннадцать предстанете перед взводом солдат, которому будет отдан приказ расстрелять вас! Я был в нерешительности, следует ли сейчас предпринимать такие крайние меры, но теперь у меня нет другого выхода и нет пути назад, потому что то, что я

только что сделал, отменить уже невозможно. Я нажал на кнопку, давая тем самым знать одиннадцати офицерам, командирам вашей охраны, вашим самым довереным советникам… и вашим преемникам, что настал их час.

Члены Совета изумленно уставились на говорившего.

А Грей продолжал.

— Как видите, господа, вы забыли, что всецело полагаться на преданность людей, пользующихся вашим доверием, было непростительной ошибкой. Жажда власти у нижестоящих такая же сильная, как и у вас самих. Разрешение возникшей у нас сегодня ситуации было предложено мне некоторое время тому назад, когда помощник мистера Петти вошел ко мне с предложением о том, что он с великой охотой заменил бы своего господина. Я взял себе это на заметку и с удовольствием обнаружил, что такие же помыслы и у остальных ваших заместителей. О, а вот и новый состав Совета!

Дверь распахнулась, и одиннадцать суровых молодых людей с пистолетами наготове вошли в кабинет. Раздался громкий крик Джона Петти:

— Ваше оружие!

Ответом была пистолетная стрельба, напол-

нившая комнату.

Люди корчились на полу, давясь собственной кровью. Сквозь туман, царивший в ее сознании, Кетлин увидела, что один из одиннадцати членов Совета все еще стоит с дымящимся револьвером в руке. Она узнала Джона Петти. Он выстрелил первым, и тот, кто думал занять его место, упал замертво на пол. Шеф тайной полиции, твердо держа пистолет, целился в Кира Грея.

— Я убью вас прежде, чем доберутся до меня, если мы только не заключим договор. Я буду продолжать сотрудничать с вами, раз уж вы так чисто перевели игру в свою пользу.

Главарь офицеров вопросительно взглянул на Кира Грея.

— Так что, оставим его, сэр? — спросил он.

Это был статный смуглый человек с лицом орла и резким баритоном. Кетлин время от времени встречалась с ним во дворце. Его звали Джем Лорри. Она никогда прежде не пробовала читать в его разуме, но сейчас она с удивлением обнаружила, что у него тоже есть способности управлять своими мыслями и преграждать чужеродному проникновению в его мозг. Однако, на поверхности его сознания было достаточно мыслей, которые указывали на то, что он из себя

представляет: жестокий, расчетливый и честолюбивый молодой человек!

— Да, — задумчиво ответил Кир Грей. — Думаю, что Джон Петти будет еще нам полезен. Он, я думаю, должен согласиться с тем, что остальные члены Совета были казнены в результате расследования, проведенного тайной полицией. Их вина была в том, что они заключили тайное соглашение со слэнами!

И именно таким будет объяснение — оно всегда срабатывает среди бедных, сбитых с толку масс дураков, живущих за стенами дворца. Мы обязаны этой идеей самому мистеру Петти, но я думаю, что мы и сами могли бы до такого додуматься. Однако, его влияние будет неоценимо при обнародовании такой новости. Фактически, — цинично усмехнулся Грей, — я уверен, что лучше всего все заслуги по уничтожению предателей приписать мистеру Петти. То есть, он настолько был потрясен таким вероломством, что начал действовать по собственной инициативе, а затем бросился к моим ногам, испрашивая милосердие, каковое, ввиду неопровержимых доказательств, представленных им, было тут же ему даровано. Ну, как?

Джем Лорри вышел вперед.

— Прекрасная версия, сэр. А теперь мне хотелось бы, чтобы была внесена ясность и в наши взаимоотношения, а я говорю от имени всех новых советников. Мы нуждаемся в вас, в вашей устрашающей репутации, в вашем уме, и мы очень хотели бы помочь стать богом для народа — иными словами, помочь укрепить ваше положение, сделав его неприступным для попыток нападения на вас, — но вы не думайте, что вам удастся еще раз такая шутка. Второй раз на нашими спинами договориться с нашими старшими офицерами вам вряд ли удастся.

— Это вряд ли будет необходимо, — холодно заметил Кир Грей. — И с вашей стороны очень глупо говорить мне столь очевидные вещи. Уберите отсюда эту падаль, а затем нам нужно разработать кое-какие планы. Что касается тебя, Кетлин, то ступай в кровать. Ты и так почти что заснула.

Идя по коридору в свою спальню. Кетлин никак не могла успокоиться. Что же он имел в виду? Что? После убийств, свидетельницей которых она была, она уже не могла быть уверенной в нем, верить ему всецело.

В эту ночь она еще долго, очень долго не могла заснуть.

Глава 4

Для Джомми Кросса наступил длительный период перемежавшейся тьмы и душевной путоты, которые в конце концов смешались в серо-стальную паутину реальности. Он открыл глаза, чувствуя страшную слабость.

Он лежал в маленькой кроватке, глядя на грязный потолок с осыпавшейся во многих местах штукатуркой. Стены были шероховатыми, серыми, потемневшими от времени. Стекла в единственном окне были потрескавшиеся и пожелтевшие.

Он лежал, укрытый грязными лохмотьями, которые когда-то назывались серым одеялом. Из старого матраца торчала солома, и вся постель была пропитана затхлым, невыветрившимся запахом. И хотя он был очень слаб, он все же сбросил с себя тряпье и попробовал встать. Угрожающе загремела цепь, и мальчик почувствовал боль в правой лодыжке. Он лег на спину, тяжело дыша от напряжения и застыл. Он был прикован цепью к этой омерзительной кровати!

Тяжелые шаги вывели его из оцепенения. Он открыл глаза и увидел высокую изможденную

женщину в бесформенном платье. Она стояла у двери, и ее черные глаза, похожие на две яркие бусинки, были устремлены на него.

— А-а..., — протянула она, — новый постоялец Гренни пришел в себя. Теперь, я думаю, мы можем познакомиться. Вот хорошо! Вот хорошо!

Она потерла свои маленькие ручонки.

— Мы прекрасно уживемся, не так ли, мой мальчик? Но ты должен будешь сам зарабатывать себе на пропитание. Гренни не потерпит лодыря на своей шее. Нет, сэр. Нам об этом нужно обязательно сердечно побеседовать. Да, да, — она с вожделением взглянула на него, — чистосердечно поговорить.

Джомми смотрел на старуху с каким-то отталкивающим очарованием. Когда-то худое, слегка сутулое создание ворча пристроилось на кровати у его ног. Он постарался как можно дальше отодвинуться от нее, настолько дальше, насколько это позволяла цепь. Его поразило то, что ему никогда прежде не приходилось видеть такое лицо, которое так соответствовало зловредному характеру этой карги, скрываемого за маской старой плоти. Он с отвращением сравнил ее сморщенную, яйцеобразную голову с вмещавшимися в ней мозгами и удивился их сходству. Каждая

извилистая линия этого ужасного лица имела свой аналог в мозгу.

Видимо, его мысли появились в выражении лица, потому что она с неожиданной жестокостью произнесла:

— Да, да, мой мальчик. Посмотришь сейчас на Гренни и никогда не подумаешь, что когда-то она была известной красавицей. Ты и не подозреваешь, что мужчины когда-то боготворили белизну ее тела. Но не забывай, что эта старая ведьма все же спасла тебе жизнь. Никогда не забывай об этом, или Гренни выдаст тогда неблагодарного полиции. И как они будут рады, когда почувствуют слэна в своих лапах. Как это понравится им! Но Гренни так же добра к ним, как и они к ней. Первое правило у Гренни — делать то, что заблагорассудится.

«Гренни? Действительно ли это ее настоящее имя?»

Он рылся в ее памяти, стараясь найти в глубинах ее мозга настоящее имя. Но там были только туманные образы глупой, мечтающей о сцене девчонки, распутной, напропалую торгующей своим обаянием, потерявшей всякую честь, низведенной до уровня улицы, ожесточившейся и уничтоженной несчастьями. Ее истинная сущ-

ность была погребена в сточной яме творимого ею зла и гнусных помыслов. В ее памяти была бесконечная вереница краж, мрачный калейдоскоп еще более омерзительных преступлений. В ней было даже убийство, совершенное…

Содрогнувшись от увиденного, Джомми прекратил дальнейшие исследования этой изломанной души. Старая негодница склонилась к нему, ее глаза как-будто сверлили его.

— Это правда, — спросила она, — что слэны могут читать мысли?

— Да, — признался Джомми. — и я могу видеть, о чем вы думаете. Но в этом нет никакой пользы.

Она мрачно рассмеялась.

— Значит, ты не читаешь все мысли в мозгу Гренни? Гренни, могу тебя заверить, совсем не дура. Гренни очень умна, и она знает, как придумать, чтобы заставить слэна остаться и работать на нее. Его надо отпустить на волю, но он должен делать то, что нужно для Гренни. Будучи слэном, он поймет, что до тех пор, пока он не вырастет, эта каморка будет для него самым безопасным местом. Так что же, разве Гренни не умница?

— Я вижу, что у вас на уме, но я не хочу с вами сейчас ни о чем говорить, — зевая, сказал Джомми. — Когда мы, слэны, больны, а это случается

не часто, мы просто спим и спим. То, что я сейчас проснулся, означает, что мое подсознание встревожилось и заставило меня проснуться, потому что ему показалось, что я в опасности. У нас, слэнов, много разных защит, кроме этой. Но сейчас я должен как можно скорее заснуть, а встану, скорее всего, уже здоровым.

Черные, как уголь, глаза расширились. Он увидел, что ее похотливый разум отступил. Она потерпела поражение в выполнении своей главной цели — немедленно нажиться с помощью своей добычи. Жадность уступила место жестокому любопытству, но намерения дать ему выспаться не было в ее мыслях.

— Это правда, что слэны делают из людей чудовищ?

Ярость охватила разум Джомми. Усталость как рукой сняло. Он сел на кровати, весь охваченный гневом.

— Это ложь! Это одна из самых ужасных небылиц, которые люди распускают о нас, чтобы мы казались чуждыми всему человеческому. Чтобы заставить каждого человека ненавидеть нас и убивать первого же встречного слэна.

Он в изнеможении откинулся назад, ощущая, как приступ ярости покинул его.

— Мои мать и отец были самыми лучшими изо всех живых людей, — сказал он, немного помолчав. — И они были ужасно несчастливыми. Однажды они повстречались на улице и увидели, что они слэны. До этого каждый из них вел одинокую жизнь, но никому они не причиняли вреда. Это вы, люди, являетесь преступниками! Отец не боролся изо всех сил, как он мог, когда его, как собаку, загнали в угол и убили выстрелом в спину. Он мог бы бороться! Он обязан был бороться! Потому что у него было самое ужасное оружие, которое когда-либо видел мир, — настолько ужасное, что он не отваживался носить его при себе из боязни, что мог бы им воспользоваться. Когда мне будет пятнадцать лет, предполагают, что я…

Он остановился, испугавшись своей неосторожности. На какое-то мгновение он почувствовал себя таким больным, таким усталым, что мозг его отказывался держать бремя мышления. Он только сейчас понял, что выдал величайшую тайну в истории слэнов, и если эта жадная старая карга выдаст его полиции в его нынешнем жалком состоянии, все будет потеряно.

Постепенно он стал дышать спокойнее. Он увидел, что ее ум не уловил смысл его откровений. Она фактически не слушала его, когда он говорил

об оружии — потому, что в этот момент ее жадный мозг был слишком занят своими мыслями. Сейчас же он снова занялся своей жертвой.

— Гренни очень приятно узнать, что Джомми такой хороший мальчик. Бедной старой, полуголодной Гренни нужен молоденький слэн, который будет делать деньги для нее и для себя, конечно. Ты же не против того, чтобы немного помочь доброй старой Гренни, не так ли? — голос ее стал жестче. — Нищим ведь не приходится выбирать, знаешь ли.

Уверенность в том, что его тайна осталась в безопасности, подействовала на мальчика, как лекарство. Веки его закрылись.

— На самом деле я сейчас не могу с вами разговаривать, — прошептал он тихо. — Мне необходимо спать.

Он увидел в ее разуме, что она отнюдь не намерена оставлять его в покое. Ее ум уже понял, что может оживить пленника. Она резко заговорила, не из-за того, что ей было интересно, а ради того, чтобы не дать ему уснуть.

— Что такое слэн? Что отличает вас от людей? Где впервые появились слэны? Они были сделаны, не правда ли, — ну, как делают машины, а?

Мальчику самому стало забавно, как это могло

рассердить его, если он давно понял, в чем состоит ее цель.

Смутно он осознавал, что телесная слабость лишает его нормального самообладания.

— Это еще одна из ваших выдумок. Я был рожден, как и любой другой человек. И мои родители тоже. Что было еще раньше — я не знаю.

— Твои родители должны были это знать, — старуха подгоняла его.

Джомми покачал головой. Глаза его закрылись.

— Нет. Мать как-то говорила мне, что мой папа всегда был слишком занят, чтобы исследовать тайну слэнов. А теперь оставьте меня в покое. Я знаю, ради чего вы стараетесь, и знаю, чего вы хотите, но это бесчестно, и я не буду этого делать.

— Вот и глупо, — сердито вскрикнула старуха. — Разве не честно грабить людей, живущих грабежом и обманом? Ты и Гренни будут есть сухие корки хлеба, когда мир столь богат, что из каждого банка вот-вот и высыплется золото? Разве ты не знаешь, что амбары ломятся от пшеницы, а мед течет по улицам? Твоя честность — полнейшая чушь! И это говорит тебе Гренни! Как может слэн, за которым охотятся, как за крысой, говорить, что является честным?

Джомми молчал и не только из-за того, что остро нуждался во сне. У него самого были похожие мысли.

— Куда ты пойдешь, — продолжала нажимать старуха. — Что ты будешь делать? Куда во всем этом мире может пойти маленький мальчик-слэн?

Она снизила голос, стараясь пробудить к себе симпатию.

— Твоя бедная дорогая мамочка хотела бы, чтобы ты выполнил мою просьбу. Я уверена, что у нее не было любви к человеческим существам. Я сохранила газету, чтобы показать тебе, что ее застрелили, как бешеную собаку, когда она пыталась удрать. Хочешь почитать?

— Нет, — вымолвил Джомми, и в голове его все завертелось.

Грубый голос старухи продолжал припирать его к стенке.

— Разве ты не хочешь изо всех сил бороться с миром, который так жесток к вам? Разве ты не хочешь отомстить ему? Заставь этих юдишек раскаиваться в том, что они сделали! Ты же не трус!

Мальчик молчал. Старуха совсем уже заскулила.

— Жизнь очень сурова для старой Гренни.

Очень сурова! Если ты не поможешь старой и бедной женщине, то она просто будет вынуждена пойти куда надо и… Ты же прочел в ее мозгу, что она может это сделать. Но она торжественно клянется тебе не делать этого, если ты дашь свое согласие помогать ей. Подумай хорошенько об этом. Она прекратит все свои порочные занятия, которыми вынуждена была заниматься, чтобы выжить в этом жестоком и жадном мире.

Джомми чувствовал себя так, как будто его избили.

— Вы отвратительная жалкая старая негодяйка, — медленно произнес Джомми, — и когда-нибудь я убью вас.

— Ну, и оставайся со мной до этого «когда-нибудь», — торжествующе сказала старуха. — И делай то, что скажет тебе Гренни, или она выдаст тебя полиции… Добро пожаловать в наш маленький дом, дорогой Джомми. Добро пожаловать. Гренни надеется, что на следующий раз, когда ты проснешься, тебе будет намного лучше.

— Да, — слабо кивнул головой мальчик, — мне обязательно будет лучше.

С этими словами он и уснул.

Через три дня Джомми последовал за старухой на кухню к двери черного хода. Кухней была

пустая комнатушка, и Джомми решил не обращать внимания на грязь и беспорядок, царящие кругом. Он подумал, что старуха права. Какой бы ужасно ни была жизнь в этом бараке, надо притаиться здесь, в забвении нищеты — идеальное место для мальчика-слэна, которому нужно ждать еще шесть лет до тех пор, пока он не сможет посетить то место, где хранятся отцовские тайны; которому нужно вырасти, прежде чем он может надеяться выполнить все то, что ему было предназначено отцом и матерью.

Дверь открылась, и он увидел все, что было за нею. Он приостановился, ошеломленный зрелищем, которое открылось перед ним. Нигде во всем мире он не ожидал увидеть что-либо, похожее на «это».

Сначала был двор, заполненный старым железом и различного рода хламом. Двор, лишенный травы и деревьев, лишенный всякой красоты; неупорядоченное безжизненное пространство, замкнутое ржавым, покосившимся забором из колючей проволоки на подгнивших столбиках. Небольшой ветхий сарай, который, казалось, вот-вот развалится, располагался в самом дальнем конце этого двора. Из сарая к нему пришла мысленная картина находившейся там лошади.

Сама лошадь была видна через открытую дверь.

Но взгляд Джомми быстро пронесся дальше, по ту сторону изгороди, за шаткий сарай. Там, дальше, были деревья, небольшая группа, которая окаймляла небольшой приятный луг, постепенно спускающийся к широкой речке, тускло поблескивающей в вечерних сумерках.

Но даже луг (как он отметил — часть площадки для гольфа), не задержал его внимание надолго. Земля его мечты начиналась на противоположном берегу реки, истинная волшебная страна, настоящий рай. Так как некоторые деревья загораживали вид, он мог различить только узкую полоску этого рая, с его сверкающими фонтанами и километрами цветников на различных террасах. Эта узкая, различимая часть удивительного сада содержала в себе белую дорогу.

Дорога! Разум Джомми устремился к ней. Невыразимое чувство застряло у него в горле. Дорога шла абсолютно прямо, сверкающая лента, которая с одной стороны пропадала в туманной дали. А с другой стороны, как раз у пределов его зрения, у самого горизонта, он увидел дворец. Над линией горизонта виднелась только часть основания этого грандиозного, этого невероятного строения. Основание дворца возвышалось на добрых три-

ста метров и переходило в дальнейшем в башню, которая устремлялась в небеса еще метров на сто пятьдесят. Изумительная башня! Сто пятьдесят метров бетонного кружева и стеклопластиковых бриллиантов; сверкающее всеми цветами радуги полупрозрачное фантастическое творение человеческого разума, построенное в благородном стиле старых лет; оно не было просто украшено — оно само по себе было украшением.

Здесь, в этом сиянии триумфа архитектуры, слэны создали свой шедевр только для того, чтобы он попал в руки победителей после продолжительной и разрушительной войны.

Он был слишком красив, этот дворец. Он резал глаза, вызывал головную боль от мыслей, которые сами возникали в мозгу. Только подумать, что он жил девять лет так близко к этому месту и ни разу не видел этого замечательного достижения своей расы.

Рассуждения матери, согласно которым не стоило показывать ему дворец, были ошибочными. Он понял это, когда эта реальность возникла перед ним. «Это сделает твою жизнь более горькой, Джомми. Сознание того, что дворец слэнов принадлежит сейчас Киру Грею и его мерзкой своре, ляжет тяжелым грузом на твое сердце. Кроме

того, против нас в этой части города соблюдаются особые меры предосторожности. Думаю, что ты еще успеешь насмотреться на него».

И это «успеешь насмотреться» наступило очень быстро. Но все же чувство, что он что-то упустил, не покидало его все время, пока он был с матерью и невидившими этого благородного памятника его соплеменниками.

Мать говорила ему, «эти человеческие существа никогда не узнают всех тайн этого здания. В нем есть различные чудеса, тайные комнаты и переходы, о которых не знают теперь даже слэны. Кир Грей не осознает этого, но ты должен знать, что все машины и оружие, которые так отчаянно ищут люди, упрятаны непосредственно в этом здании».

Хриплый голос резанул его слух. Джомми неохотно оторвал взгляд от великолепия, расположенного за рекой и вспомнил о Гренни, которая в это время запрягала такую же, как она сама, старую лошадь в свой фургон для хлама.

— А ну, выбрось-ка из головы эти фантазии, — скомандовала она. — И не вздумай вбить себе в голову какие-то смешные идеи. Дворец и все, что вокруг него, — не для слэнов. А теперь залезай-ка под эти одеяла и притихни. На улице обычно

дежурит любящий совать свой нос в чужие дела полицейский, которому лучше не попадаться на глаза. Давай-ка побыстрее! Нам надо спешить!

Джомми бросил в сторону дворца последний жадный взгляд. Значит, этот дворец не для слэнов! Когда-нибудь он обязательно проникнет туда за Киром Греем. И когда этот день наступит… Мысль оборвалась; он дрожал от ярости и ненависти к убийцам своего отца и матери.

Глава 5

Ветхая телега катилась по деловой части города. Она гремела и тряслась на выщербленной мостовой переулков и боковых улиц. Джомми полулежал на спине, и ему казалось, что с него непрерывно стряхивает одежду. Дважды он пытался приподняться, но каждый раз старуха тыкала в него своей клюкой.

— А ну, оставайся внизу! Гренни не хочет, чтобы кто-нибудь узрел твои великолепные одежды. Смотри, не высовывайся из-под них!

Старое тряпье пропахло потом лошади, которую старуха называла Биллом. Этот запах время от времени вызывал у Джомми приступы тошноты и головокружения. Наконец фургон остановился.

— Вылезай, — проскрипела Гренни, — и иди в этот магазин. К твоему пальто я пришила большие карманы. Наполни их, но так, чтобы они заметно не оттопыривались.

Превозмогая головокружение, Джомми слез на бетон. Он стоял, шатаясь, и ждал, пока пройдет эта слабость. Затем он сказал:

— Я вернусь примерно через полчаса.

Жадное лицо старухи наклонилось к нему. Черные глаза ее блестели от возбуждения.

— Не давай им себя поймать, мой мальчик. Полагайся на свой здравый смысл и внимательно выбирай, что взять.

— Вам не нужно беспокоиться, — уверенно ответил Джомми. — Прежде, чем я возьму что-либо, я прозондирую окружающих и удостоверюсь, что за мной никто не следит. Ведь это так просто!

— Хорошо! — на ее изможденном лице появилась ухмылка. — И не беспокойся, если не застанешь Гренни здесь, когда вернешься. Гренни собирается заглянуть в винный магазин, чтобы присмотреть там себе кое

— какое лекарство. Теперь, когда у нее есть свой маленький слэн, она может себе это позволить. О, как она нуждается в том, чтобы согреть свои старые кости! Гренни теперь может хорошенько воспользоваться лекарством.

Волна страха обрушилась на него, как только он влился в толпу, снующую вокруг небоскреба, в котором помещался огромный универсальный магазин. Волна ненормального страха чудовищных размеров захлестнула его. Он широко распахнул свой мозг и какой-то миг постарался держать его открытым. Беспокойство, напря-

женность, тревога, неопределенность и страх всех оттенков пронизывали его, бурным потоком захлестывая разум. Задрожав, он заставил себя проанализировать причину этого массового всеобщего страха.

И он понял причину этой всеобщей истерии. Казни во дворце! Джон Петти, глава секретной полиции, изобличил десять членов Совета в том, что они вступили в сговор со слэнами, и убил предателей. Толпа едва ли верила в это. Джона Петти боялись все. Ему не доверяли как члену правительства. Хвала небу, что есть еще Кир Грей, непоколебимый, как скала, достойный защитник слабых и обездоленных людей от этих чудовищ слэнов и, конечно же, от этого жуткого Джона Петти.

Внутри магазина было еще хуже. Здесь было много народу. Мысли собравшихся здесь людей бомбардировали его мозг все время, пока он пробирался мимо ярко освещенных витрин. Ярко освещенный мир всевозможных товаров в невообразимых количествах окружал его со всех сторон, и взять то, что он хотел, оказалось легче, чем он ожидал.

Он прошел до конца длинного сверкающего ювелирного отдела и присмотрел кулон стои-

мостью в пятьдесят пять долларов. Однако тут же он ухватил мысли продавщицы. В них было раздражение, настороженность к тому, что в ювелирную секцию вошел маленьких грязный мальчик. Детям нечего было делать в этом мире великолепных самоцветов и благородных металлов.

Джомми вышел из секции и прошел мимо красивого высокого мужчины, не удостоившего его даже мимолетным взглядом. Джомми отошел от него на несколько шагов и остановился. Никогда еще он не испытывал подобного потрясения. Казалось, будто нож воткнулся ему в мозг, настолько острым и неожиданным было охватившее его чувство. И тем не менее оно не было неприятным. Удивление, радость, изумление промелькнули в его сознании, когда он обернулся и пылко взглянул на удаляющегося мужчину.

Красивый, могучего сложения незнакомец был слэном, взрослым СЛЭНОМ!!! Это открытие было настолько важным, что после того, как прошло первое острое чувство новизны, в голове у него закружилось.

Он быстро зашагал вслед за незнакомцем. Мысли его устремились к нему, отыскивая контакт с разумом другого слэна, — но все было напрасным.

Джомми стало как-то не по себе. Он все еще понимал, что перед ним слэн, но он не мог проникнуть глубже поверхностного сознания незнакомца. И в этих поверхностных мыслях не было ничего о попытках Джомми, ни малейшего предположения, что его разум подвергается анализу извне.

В этом было нечто таинственное. Несколько дней назад он столкнулся с невозможностью прозондировать мозг Петти. Однако, не было никакого сомнения в том, что Джон Петти был ничем иным, как человеческим существом. Мальчик не мог объяснить себе разницу. Даже тогда, когда его мать прикрывала свое сознание от внешнего вторжения, он всегда мог дать ей знать о своих попытках контакта с помощью направленной вибрации.

И тут вывод ошеломил его. Это все означало, что существуют слэны, которые не могут читать мысли, но которые тем не менее оберегают свой разум от внешнего проникновения. Но от кого же они тогда оберегают свой мозг??? От других слэнов? И что это за слэн, который не умеет читать мысли?

Они оба уже выбрались на улицу, и мальчику не составляло много труда следовать за незнакомцем среди толп равнодушных прохожих,

которым не было дела до какого-то спешащего оборванца.

Но вместо того, чтобы уменьшить расстояние, отделяющее его от слэна, Джомми несколько поотстал от него. Все логические предпосылки его существования оказались под угрозой вследствие ситуации, которая возникла в связи с обнаружением этого слэна; и все знания, которые отец гипнотически запечатлел в его сознании, противились немедленному сближению и уберегали его от опрометчивых поступков.

В двух кварталах от универмага слэн свернул на широкую боковую улицу. Джомми недоуменно следовал за ним, соблюдая безопасное расстояние. Он видел, тчо это тупиковая улочка, находящаяся вне жилых кварталов. Еще два, три государственных здания… и мальчик понял, что незнакомец направляется в Центр Воздушных Сообщений, здания, заводы, взлетные площадки которого простирались на несколько квадратных километров в этой части города.

Это было немыслимо. Потому что никто не имел права даже близко подойти к самолету, не сняв головного убора, чтобы показать, что на голове отсутствуют характерные для слэнов завитки-антенны.

Незнакомец направлялся прямо к огромной сияющей вывеске «Центр Воздушных Сообщений» и, не колеблясь, исчез во вращающейся двери под этой вывеской.

Джомми приостановился у двери. Этот «Центр» господствовал над всей авиационной промышленностью земного шара! Разве мыслимо, что здесь работают слэны? Здесь, в самом центре мира людей, которые ненавидят их столь люто. Ведь это получается, что слэны по-существу контролируют величайшую транспортную систему всего земного шара?!

Он прошел в дверь и зашагал по открывшемуся его взору огромному мраморному коридору, в который выходило бесчисленное множество дверей. Какое-то мгновение никого не было видно, но даже ручеек мыслей, просачивающихся в коридор, поверг его в изумление и восхищение.

Все помещения кишели слэнами. Их здесь были десятки… сотни!

Как раз перед ним открылась дверь, и двое молодых людей с непокрытыми головами вышли в коридор и пошли ему навстречу. Они тихо переговаривались и некоторое время не замечали его. Ему хватило времени подцепить мысли, находившиеся на поверхности их сознания, —

спокойную и величественную их уверенность, полное отсутствие страха. Два слэна в полном расцвете сил находились перед ним с непокрытыми головами.

С непокрытыми головами!!!

Именно это ошеломило его больше, чем что-либо. С непокрытой головой… и без завитков!

Какой-то миг ему казалось, что зрение обманывает его. Он отчаянно искал взглядом золотистые пряди, которые непременно должны были быть к них. Слэны без завитков! Вот в чем дело! Это объясняло то, почему они не могут читать мысли. Они были всего лишь в трех метрах от него и, одновременно обнаружив его присутствие, остановились.

— Мальчик, — сказал один из них, — тебе нужно уходить отсюда. Сюда детям вход воспрещен. А ну, давай беги отсюда. Иди играть куда-нибудь в другое место.

Джомми затаил дыхание. Мягкость, с которой ему сделали выговор, успокоила его, особенно теперь, когда тайна перестала быть тайной. Как замечательно, что всего лишь убрав эти свои предательские завитки, они могут безопасно находиться в самой гуще своих врагов! Размашистым, почти мелодраматическим движением он

схватился за свою кепку и снял ее.

— Все хорошо, — начал он. — Я…

Слова застряли у него в горле. Он смотрел на них широко раскрытыми от страха глазами. Потому что после некоторого удивления защитные экраны их сознания наглухо закрылись. У них были дружественные улыбки, и один из них от удивления воскликнул:

— Вот так неожиданность!

Другой эхом отозвался:

— Чертовски приятная неожиданность. Привет, малыш.

Но Джомми уже не слушал их. Его сознание было потрясено мыслями, которые пронеслись в их головах в тот момент, когда они увидели блестящие золотистые завитки в его волосах.

«Боже, — подумал один из них. — Это змееныш!»

И этой мысли вторила холодная, совершенно безжалостная мысль другого:

«Убить гаденыша!»

Глава 6

Для Джомми, как только он уловил мысли этих двух слэнов, не было никаких сомнений, что он должен дальше делать.

Вопрос был в том, есть ли у него время. Даже ошеломляющая неожиданность их смертельной враждебности не лишила его сознание должной эффективности.

Он знал, даже не размышляя об этом, что бежать назад по коридору, пытаясь покрыть добрую сотню метров, по этому мраморному полу будет равносильно самоубийству. Его ноги девятилетнего ребенка не могли сравниться с лишенными усталости ногами двух взрослых слэнов. Ему оставалось только одно — и он так и поступил. С мальчишеской живостью он рванулся в сторону, к одной из дверей, выходивших в коридор.

К счастью, она была незаперта. С удивительной легкостью она открылась перед ним, однако, он был столь осторожен, что приоткрыл ее ровно настолько, чтобы проскользнуть в нее. Перед ним мелькнул еще один освещенный коридор, в котором было пусто, и, закрывая дверь, он нащупал своими чувствительными пальцами замок. За-

щелка издала резкий звук, и мгновением позже послышался свирепый удар двух натолкнувшихся на препятствие тел взрослых слэнов. Дверь при этом даже не шелохнулась. На какой-то миг он оказался в безопасности!

Его разум несколько расслабился и попытался соприкоснуться с разумом своих преследователей. Сначала ему показалось, что их сознание наглухо закрыто, но затем его пытливый мозг уловил обертона досады и беспокойства, причем, эти мысли были столь ярко выражены, что, казалось, будто нож вспарывает поверхность их серого вещества.

— Боже всемогущий! — прошептал один. — Быстро включай секретную тревогу. Если эти змеи обнаружат, что мы контролируем воздушные сообщения…

Джомми не стал зря тратить отпущенные ему секунды. Каждая частица любопытства в нем побуждала его остаться и выяснить загадочную природу ненависти слэнов, лишенных завитков, к настоящим слэнам. Но под напором простого здравого смысла любопытство отступило. Он побежал как можно быстрее, в полной уверенности что он должен дальше предпринять.

Мальчик понимал, что никакая логика не убе-

дит его в безопасности этого коридора. В любое мгновение могла открыться какая-либо дверь, обрывки мыслей предупреждали его о людях, направляющихся по этому коридору. Он решительно замедлил свой бег и попробовал открыть несколько дверей. Четвертая поддалась его нажиму, и Джомми, торжествуя, пересек порог, так как в дальнем конце комнаты он увидел широкое и высокое окно.

Мальчик распахнул окно и вскарабкался на широкий подоконник. Низко согнувшись, он посмотрел вокруг. Из других окон здания исходил тусклый свет,позволявший разглядеть узкий проезд между двумя обрывистыми кирпичными стенами.

Он колебался всего лишь мгновение, а затем, уподобившись мухе, стал взбираться вверх по кирпичной стене. Подъем был делом несложным, его чрезвычайно сильные пальцы уверенно отыскивали шероховатости стены. Сгущавшаяся тьма затрудняла подъем, но с каждым шагом вверх уверенность все больше наполняла его. Впереди была крыша длиной в несколько километров, и, если память ему не изменяла, здание аэропорта соединялось со всех сторон с другими зданиями. Какие шансы были у слэнов, неспособных к

чтению мыслей, против слэна, который может ускользнуть из любой западни?

Вот и тринадцатый, самый верхний этаж! Со вздохом облегчения Джомми подтянулся, держась за карниз, и побежал по плоской крыше. Было уже почти темно, но он мог еще различить верхнюю часть соседнего здания, которая почти соприкасалась с крышей, на которой он находился. Двухметровый прыжок не представлял никакого затруднения. С громким меьалли-ческим звуком часы на соседней башне стали отсчитывать удары. Один… два… пять… десять! А затем вместе с последним ударом часов низкий скрежещущий звук резанул по ушам Джомми, и внезапно в находящемся сейчас в тени центре противоположной крыши зазияло широкое черное отверстие. Ошеломленный мальчик застыл, едва дыша.

Из этого темного отверстия в усыпанное звездами небо устремилось какое-то неясное, похожее на торпеду, тело. Оно двигалось все быстрее и быстрее и, прежде, чем совсем скрылось из виду, он увидел ослепительную вспышку в нижней части этого неизвестного объекта. Огонек какое-то время продолжал мерцать в небе, пока не пропал из виду. Джомми, как каменный, наблю-

дал за траекторией этого необычного корабля. Космический корабль! Конечно же, космический корабль!!! Неужели эти слэны, слэны без завитков, осуществили вековую мечту человечества — полеты к планетам? Если так, то как им удается держать такое в тайне?

Он снова услышал скрежет. Мальчик подпоз к краю крыши и начал всматриваться в крышу соседнего здания. Он смог различить, как зияющая чернота постепенно сходит на нет, закрываемая двумя огромными металлическими листами. Через мгновение крыша стала такой же цельной и плоской, как и раньше.

Джомми подождал еще какое-то мгновение, затем собрался с духом и перепрыгнул на соседнюю крышу. Теперь у него была только одна цель — быстро возвратиться к Гренни и причем как можно более окольными путями. По параллельным улицам, переулкам, через дворы — таким должен быть его маршрут. Потому, что легкость, с какой он убежал от своих преследователей, неожиданно показалась ему очень подозрительной. Если только они, конечо, не захотят поднимать шум из-за предосторожности, что их тайна тогда уже обязательно станет достоянием людей.

Однако, из любых соображений было очевидно, что ему нужна безопасность жалкой лачуги Гренни. У него не было желания пытаться разрешить такую сложную и смертельно опасную проблему, которую представлял из себя треугольник взаимоотношений между людьми, слэнами и слэнами без завитков. Во всяком случае, до тех пор, пока он не станет взрослым и сможет сравняться в умственном развитии с теми острыми умами, которые вели эту непрекращающуюся и жестокую борьбу.

Да, назад, к Гренни, и по дороге еще добыть приношения, которыми можно было бы умилостивить старую каргу, пока еще не поздно. Ему нужно спешить. Магазин закрывался в одиннадцать.

В универмаге Джомми не рискнул проникнуть в ювелирную секцию, так как там все еще работала та продавщица, которой не по нраву были оборвыши в ее владениях. Впрочем, здесь было достаточно и других богатых прилавков, и он скоро снял сливки с менее ценных товаров. Однако, он взял себе на заметку, что если придется еще в будущем бывать в этом магазине, то нужно быть на арене действий до пяти часов, то есть тогда, когда заступает вечерняя смена и подозритель-

ная девушка не будет досадной помехой.

Решив, что наворованного вполне хватит, мальчик осторожно двинулся к ближайшему выходу, но тут же остановился. Мимо него прошел задумчивый толстяк средних лет. Это был главный бухгалтер универсама; он размышлял о четырехстах тысячах долларов, которые будут оставлены в сейфе на всю ночь. В мозгу бухгалтера был также и шифр замка сейфа.

Джомми поспешил к выходу, испытывая внутреннее недовольство своей близорукостью. Как глупо красть товары, которые потом еще придется продавать, что рискованно, тогда как полно более простых приемов, как надо добыть деньги.

Гренни была все еще там, где он расстался с нею, но в ее мозгу был такой ералаш, что мальчику пришлось подождать, когда она заговорит, и он сможет понять, что она хочет.

— Быстро, — хрипло проговорила она, — забирайся под одеяла. Только что полицейский предупредил Гренни, чтобы она убиралась отсюда.

Они отъехали по меньшей мере на два километра от универмага, прежде чем старуха остановила тележку и проворчала, сорвав одеяло с Джомми:

— Ну, неблагодарный негодник, где это ты

пропадал?

Джомми не нужно было говорить. Он съежился, глядя на жадность, с которой она ухватилась за сокровища, которые он выложил ей на колени. Она быстро оценивала каждый предмет и когда закончила это занятие, тщательно спрятала добычу в тайник, который был сделан в настиле телеги.

— Не меньше двухсот долларов для старой Гренни, — радостно хрюкнула старуха. — Именно столько даст за эти сокровища старик Финн. Ай да умница старушка Гренни, что догадалась поймать молодого слэна. Он ей заработает не десять, а все двадцать тысяч в первый же год. Подумать только, они, эти болваны, обещают в награду какие-то десять тысяч. Наградой должен быть миллион!

— Я могу достать гораздо больше, — добровольно вызвался Джомми. Ему казалось, что самое время рассказать старухе о сейфе универмага и что есть возможность больше не воровать по мелочам. — В сейфе сейчас четыре тысячи, — закончил он, — и я могу добыть их сегодня же ночью. Я залезу по тыльной стороне здания, кстати, оно почти не освещается, вырежу в окне дыру… у вас есть где-нибудь стеклорез?

— Гренни все достанет, мой мальчик, — трясясь от радости, воскликнула старуха. — О, как Гренни рада! Теперь Гренни понимает, почему люди так ненавидят слэнов! Они слишком опасны. Да ведь слэны могут таким образом украсть весь мир. Они, правда, пробовали это, как ты знаешь…

— Я… не знаю… об этом ничего, — медленно вымолвил мальчик. Ему отчаянно хотелось, чтобы Гренни все знала о том, что говорит, но через мгновение он уже знал, что ей толком ничего не известно, и она просто пользуется слухами. В ее мозгу была весьма туманная информация о том далеком периоде, когда слэны (судя по обвинениям людей) пытались покорить весь мир. Однако, ей было известно не больше, чем ему, и не больше, чем всей этой огромной невежественной массе людей.

Какова же была истина? И была ли на самом деле война между слэнами и людьми? Или это такая же пропаганда, как и бредни о том, что слэны делают с детьми? Джомми увидел, что ум Гренни снова вернулся к деньгам в магазине.

— Всего четыре тысячи долларов! — резко сказала она. — Разве… Ведь ежедневно должно быть не менее нескольких сотен тысяч выручки, а, может быть, и миллионов!

— Они не хранят все деньги в магазине, — солгал Джомми и к своему облегчению увидел, что старуха согласилась с этим объяснением.

Пока телега грохотала по выбитой мостовой, он размышлял о своей лжи. Он солгал почти машинально. Теперь же он понял, что это была своего рода самозащита. Если он сделает старуху слишком богатой, то она скоро начнет думать о том, чтобы предать его.

Было абсолютно необходимым, чтобы в течение последующих шести лет он безопасно прожил в лачуге Гренни. Отсюда напрашивался вопрос: какой наименьшей суммой она сможет удовлетвориться? Он должен был определить золотую середину между ее ненасытной жадностью и собственной безопасностью.

Не было никакого сомнения в том, что старуха была настолько эгоистична, что может легко впасть в панику и уничтожить его прежде, что он сможет уловить грозящую ему опасность. Поведение старой карги становилось наиболее опасным и наименее предсказуемым фактором в течение тех шести лет, которые отделяют его от могущественного открытия, сделанного его отцом.

Глава 7

Быстрое обогащение развратило Гренни.

Она часто исчезала на несколько дней и, судя по ее бессвязным словам, она, наконец, зачастила в те увеселительные заведения, о которых всегда страстно мечтала. Когда она бывала дома, ее почти неразлучной спутницей была бутылка. Поскольку Джомми хотел, чтобы старуха была как можно боьше возле него, он стал приготовлять ей пищу и тем самым поддерживать ей жизнь, несмотря на все ее излишества. Было необходимо, когда она оставалась без денег, делать время от времени набеги вместе с ней, во всех же других случаях ему удавалось не путаться у нее под ногами.

У мальчика было достаточно много свободного времени, и он посвящал его получению образования — а сделать это было довольно нелегко. Он жил в районе, особенно сильно пораженном крайней нищетой. Большинство обитателей этих мест были люди необразованные, даже неграмотные, но и тут попадались люди с пытливым умом. Джомми узнал их и очень часто расспрашивал их обо всем том, что они знали. Для всех он был

внуком Гренни. И как тоько это стало общепризнанным, большинство затруднений исчезло.

Были, конечно, люди, которые осторожно вступали в контакт с внуком старьевщицы, считая его не заслуживающим доверия. Некоторые даже, испытав на себе уколы резкого языка Гренни, были ее врагами; однако, что касается Джомми, то они просто не замечали его. Другие же были настолько заняты, что их мало беспокоили Гренни и ее мальчишка.

Джомми даже энергично приковывал к себе внимание некоторых, хотя старался, как только мог, не быть назойливым. Один молодой студент — будущий инженер — назвал его как-то «чертовой занудой», но все же продолжал объяснять ему основы инженерных знаний. ДЖомми прочел в его мозгу, что тот при таком объяснении будто бы приводит в систему свои знания и более глубоко уясняет предмет. Кроме того, Джомми как-то услышал, что этот студент хвастался своим друзьям, что он настолько хорошо знает технику, что может свободно объяснять ее основы даже десятилетнему мальчику.

И он ни разу не догадался, насколько не по годам развитым ребенком был Джомми.

Одна женщина, которая много путешествовала

до своего замужества, но теперь была в затруднительном положении, жила на этой же улице в следующем квартале и подкармливала его пирожками, заодно с пылом рассказывая о мире и его обитателях, которых ей довелось когда-то увидеть.

Было необходимо принимать от нее эту плату за разговорчивость, так как если бы он отказывался от пирожков, она могла бы начать задумываться над этим странным фактом. А так он был самым благодарным слушателем миссис Харди. Изможденная, ожесточившаяся женщина, муж которой проиграл все ее состояние, в юности много путешествовала по Европе и Азии, и ее острое зрение отмечало огромное количество подробностей. Более смутно она знала прошлое этих стран.

Некогда — так она слышала — Китай был густонаселенной страной. Затем серия кровавых войн много лет тому назад опустошила наиболее населенные районы. Эти войны, кажется, не имели никакого отношения к слэнам. Только в последние сто лет слэны обратили свое внимание на детей китайского происхождения, а также и из других стран Востока — и тем самым обратили против себя те народы, которые до этого терпимо относились к существованию слэнов.

По словам миссис Харди, это оказалось еще одной бессмысленной акцией со стороны слэнов. Джомми молча впитывал всю информацию, глубоко убежденный в том, что вряд ли это объяснение соответствовала действительности. Он страстно желал узнать, в чем же состояла истина, и был уверен, что когда-нибудь все же ему прольется свет на все эти ужасные бредни.

Студент-машиностроитель, миссис Харди, бакалейщик, который был прежде пилотом ракеты, мастер по ремонту радиоприемников и телевизоров, старик Даретт — вот те люди, от кого Джомми черпал свои знания в течение первых двух лет, проведенных с Гренни. Изо всех их Даретт был наиболее ценным знакомым мальчика. Это был большой коренастый циничный человек семидесяти с лишним лет, который некогда был профессором истории, — но история была далеко не единственным предметом, о котором он имел почти неистощимые запасы информации.

Было очевидно, что рано или поздно старик расскажет о войнах со слэнами. Это было настолько очевидным, что Джомми совершено не спешил с расспросами. И однажды зимой, когда старик заговорил о прошлом, Джомми сказал:

— Вы часто говорите о войнах, сэр. А ведь их

могло и не быть. Люди, которые устраивают такое, должны находиться вне закона. Тогда вы не воевали бы с изгоями. Вы их просто уничтожите и все!

Даретт решительно стал возражать.

— Изгои? — подняв брови, спросил он. — Молодой человек, это были великие времена. Эти изгои-слэны, а их было что-то около ста тысяч, практически прибрали к рукам весь мир. Это была красивая работа — шедевр планирования, выполненный с предельной дерзостью. Что вы должны уяснить, так это то, что люди в своей массе всегда играют под чью-то дудку, а не действуют по своей воле. Они попадаются в силки, из которых больше не в силах выбраться. Они принадлежат к различным группам, они являются членами организаций, они преданы идеям, отдельным личностям, географическим понятиям. Но если вы сможете прибрать к рукам учреждения, которые они поддерживают, — вот вам и способ овладеть ими.

— И слэнам это удалось? — спросил Джомми с таким пылом, что сам удивился. Это слишком обнажало его собственные чувства. Поэтому он поспешил добавить небрежным тоном: — Этому трудно поверить. Похоже, что это вымысел. Или

же просто пропаганда, чтобы напугать нас — ну, вроде того, о чем вы часто говорили в отношение других событий.

— Пропаганда! — взорвался Даретт, но тут же замолчал. Его большие выразительные глаза были наполовину скрыты за длинными темными ресницами. Наконец, он медленно произнес: — Мне хочется, чтобы вы зрительно представили себе это, Джомми. Весь мир был в замешательстве и сбит с толку. Повсюду дети людей были втянуты в потрясающую кампанию слэнов с целью воспроизводства этих монстров. Цивилизация начала разрушаться. Последовал низмеримый рост безумия. Самоубийства, убийства, преступления — кривая хаоса вздымалась все выше и выше. И в одно прекрасное утро, даже не представляя отчетливо, как все это вышло, человеческая раса обнаружила, что за ночь противник взял власть в свои руки. Слэнам удалось захватить бесчисленное количество ключевых организаций. Когда ты, мальчик, узнаешь о неповоротливости и отсутствии гибкости государственных структур нашего общества, ты поймешь, насколько беспомощными ощутили себя люди в первое время. Мое глубокое личное убеждение состоит в том, что слэны могли бы выйти сухими из воды, если

бы не одно «но».

Джомми ждал, затаив дыхание. У него было предчувствие, что должно последовать дальше. Старик Даретт продолжал:

— Они продолжали свои бессердечные попытки превратить в слэнов детей обычных людей. В ретроспективе это оказалось довольно глупой затеей.

Даретт и другие были только началом. Джомми продолжал изучать людей, окружающих его на улицах, стараясь постоянно быть в курсе того, что у них на уме. Он прятался поблизости от лекционных площадок, телепатически прослушивая лекции. У него стало множество книг, но знаний, почерпнутых из книг, было недостаточно. Их еще надо было интерпретировать, объяснить. Его интересовала математика, физика, химия, астрономия — словом, все точные науки. Его жажда знаний не имела предела.

За шесть лет, между девятью и пятнадцатью годами от роду, он приобрел начала знаний, которые его мать описывала как основополагающие дл взрослого слэна.

В течение этих лет он осторожно, с почтительного расстояния наблюдал за слэнами без завитков. По ночам, в десять часов, их косми-

ческие корабли взмывали в небо; их служба работала точно по расписанию. Каждую ночь в пол-третьего другой акулообразный монстр выныривал с неба. Безмолвный и темный, он, как призрак, исчезал в верхней части того же самого здания.

Только дважды в течение всех этих лет движение прерывалось, каждый раз на один месяц. И в обоих этих случаях Марс, следуя по своей эксцентрической орбите, находился на максимальном удалении от Солнца.

Джомми старался быть подальше от Центра Воздушных Сообщений, так как с каждым днем росло его уважение к мощи слэнов без антенн-завитков. И ему все более отчетливо становилось ясно, что только какая-то случайность спасла его в тот день, когда он открылся перед двумя взрослыми. Случайность и изумление.

Однако, он так ничего и не узнал о главных тайнах слэнов. Для того, чтобы убить время, он впадал в буйные оргии физической активности. Прежде всего, ему нужен был потайной путь к бегству — тайный для Гренни и всего остального окружающего его мира. Кроме того, он не мог больше так жить в этой жалкой лачуге. Требовались месяцы, чтобы прорыть сотни метров

туннеля, месяцы, чтобы перестроить интерьер их дома, сделать панели на стенах, очистить потолки и настелить новые пластиковые полы.

Тайком от Гренни он по ночам приносил в дом новую мебель, различные стройматериалы и делал, делал ремонт. Только это отняло у него целый год — и все из-за Гренни и ее пристрастия к бутылке. Нет, она ему не мешала, но вечная пьяная болтовня старой женщины сводила Джомми с ума.

Сегодня ему исполнилось пятнадцать лет. В два часа дня Джомми отложил книгу, которую читал, и одел башмаки. Наступило время решительных действий. Сегодня он должен пойти в катакомбы и вступить во владение отцовской тайной. Из-за того, что ему не были известны секретные входы, которыми пользовались слэны, он должен будет рискнуть воспользоваться общеизвестными.

Он совсем не думал о возможной опасности. Это был имеено тот день

— давным-давно эта дата была гипнотически введена в его мозг отцом. И тем не менее, было очень важно, чтобы он ускользнул из дома, как можно быстрее и тише, старуха не должна была ничего услыхать.

На короткое время он позволил своему разуму

вступить в контакт с ее мозгом и без малейшего чувства неприязни ознакомился с потоком ее мыслей. Она не спала и ворочалась в постели. Из ее мозга свободно и неистово извергались сумбурные, удивительно злые мысли.

Джомми Кросс неожиданно нахмурился. В сущем аду воспоминаний старухи (когда она была пьяна, то жила почти полностью в своем воображаемом прошлом) возникла мимолетная коварная мысль: «Пора избавляться от этого слэна… опасно стало для Гренни, опасно… а если отберут деньги?… нельзя позволить, чтобы он узнал об этом… держать это подальше, не думать, не думать…»

Джомми Кросс невесело улыбнулся. Не впервые он улавливал в ее мозгу мысли о предательстве. С неожиданной целеустремленностью он завязал шнурки, встал и вошел в ее комнату.

Гренни лежала, неуклюже развалясь под побуревшей от коньяка простыней. Ее глубоко посаженные глаза тускло мерцали на фоне сморщенного пергамента ее лица. Взглянув на нее, Джомми Кросс ощутил невольную жалость к этой старой женщине. Хоть и ужасной, и омерзительной была прежняя Гренни, но все же он предпочитал ту, которую он знал шесть лет назад,

а не эту слабую старую пьяницу, которая, подобно средневековой ведьме, чудесным образом получила незаслуженное богатство.

Ее глаза устремились на него. С ее губ сорвался поток отборных ругательств, и только затем она смогла выдавить из себя:

— Что тебе нужно, негодник? Гренни хочет побыть одна!

Вся жалость мальчика к этому несчастному созданию внезапно пропала. Он холодно взглянул на нее и произнес:

— Я просто хотел предупредить вас. Я вскоре покину этот дом, и вам не придется попусту тратить время на разработку плана выдачи меня полиции. Но учтите, что любой способ не будет безопасным. Это ваше старое, заваленное сокровищами логово не будет стоить и медного гроша, если меня поймают.

Черные глаза старухи хитро взглянули на него.

— Ты думаешь, что очень ловкий, а? — проворчала она. — Ловкий…

— задумчиво повторила она злорадно. — Самое ловкое, что когда-нибудь сделала Гренни, знаешь что? Нет? Это то, что она поймала шесть лет назад одного молодого слэна. Хотя это и стало для нее сейчас опасно…

— Старая дура, — бесстрастно прервал ее Джомми Кросс. — Не забывай о том, что всякий, кто укрывает слэна, автоматически подлежит смерти. И тебе придется хорошенько подрыгать своими костлявыми ножками, когда вот на эту грязную шею набросят петлю.

Он повернулся и вышел из комнаты. Постояв немного на пороге дома, он принял решение и направился на остановку автобуса.

«Мне нужно проследить за нею, — подумал он, — и постараться побыстрее покинуть этот ужасный дом. Всякий, кто мыслит категориями вероятности, не смог бы доверить ей что-либо ценное».

Даже в деловой части города улицы были безлюдны. Джомми вышел из автобуса, ощущая непривычную тишину там, где обычно царил сущий бедлам. Город был слишком тих, как-будто в нем напрочь отсутствовали жизнь и движение; он стоял в нерешительности у бордюра, совершенно позабыв в данную минуту о Гренни и широко распахнув свой разум. Сначала он не уловил ничего, кроме обрывков мыслей водителя автобуса, который все дальше удалялся по пустынной дороге. Солнце ярко освещаол мостовую. Несколько человек поспешно прошмыгнули ми-

мо юноши. В их сознании был только лишенный содержания страх, причины которого Джомми никак не мог выявить.

Тишина все боьше углублялась, и тревога стала проникать в сознание мальчика. Он попробовал прозондировать близлежащие здания, но не смог обнаружить в них какие-либо мысли. С боковой улицы послышался шум двигателя, и в двух кварталах от него появился трактор, таща за собой огромное орудие, дуло которого угрожающе смотрело в небо. Трактор с грохотом выехал на середину улицы, от него отцепили орудие, и он отъехал на ту же улицу, откуда появился. Вокруг пушки начали суетиться люди, очевидно, подготавливая ее к выстрелу. Через несколько мгновений они закончили свои приготовления и начали напряженно всматриваться в небо.

Джомми Кроссу хотелось подойти поближе, чтобы прочесть их мысли, но он не осмеливался. Чувство, что он находится в незащищенном и опасном месте, переросло в нем в болезненную уверенность. В любую минуту могла подкатить военная или полицейская машина, и его спросят, что он делает здесь в эту минуту. Его могут арестовать или заставить снять шапку — и тогда будут видны его волосы и золотистые пряди его

антенн.

Определенно, происходило что-то очень важное, и наилучшим местом для него сейчас будут катакомбы, где он не будет на виду, хотя возникнет опасность другого рода.

Мальчик поспешил ко входу в катакомбы, что и было его целью, как только он ушел из дома старухи. Он свернул на боковую улицу, когда с ревом ожил громкоговоритель на углу.

«Последнее предупреждение — всем очистить улицы!!! Всех жителей просим оставаться дома! Таинственный воздушный корабль слэнов в настоящее время с огромной скоростью приближается к городу. Предполагается, что он направляется ко дворцу. На всех радиодиапазонах включены глушители, чтобы не допустить распространения лживых заявлений слэнов по радио. Всем очмстить улицы! Корабль приближается!»

Джомми замер. В небе сверкнуло серебро, и прямо над ним пролетела длинная крылатая торпеда из сверкающего металла. Он услыхал короткий отрывистый выстрел орудия на улице, ему вторило эхо других орудий, а затем корабль превратился в мерцающую точку, движущуюся ко дворцу.

Крылатый корабль! Сколько ночей за последние шесть лет он следил за космическими кораблями, которые взлетали из Центра Воздушных Сообщений, контролируемого слэнами без завитков.Бескрылые ракетные корабли и кое-что еще. Кое-что, что делает металлические машины легче воздуха. Реактивные двигатели, казалось, использовались в этих машинах только как источник движущей силы. То, как они взмывали ввысь, наводило на размышления, что эти слэны открыли антигравитацию! Но это было только в тех машинах. А здесь был просто крылатый корабль со всем тем оборудованием, которое было присуще ему: ракетные двигатели, системы управления и тому подобное. Если это было наилучшим, что могли сделать настоящие слэны, то тогда…

Глубоко разочарованный Джомми повернулся и по длинной лестнице спустился в общественный туалет. Там никого не было, и царила такая же тишина, что и на улицах города. Для него, который сумел пройти через столько запертых дверей, было совсем несложно открыть замок решетчатой двери, ведущей в катакомбы.

Он ощущал, как напрягся его разум, когда он взглянул на прутья дверной решетки. Впереди

был виден бетонный пол, а несколько дальше — темнота, которая означала начинающуюся лестницу. Он открыл дверь и бросился вперед и вниз по темным сырым ступенькам с наибольшей возможной скоростью.

Где-то впереди начал монотонно дребезжать звонок, включенный фотоэлектрическими датчиками, которые пересек Джомми, войдя в дверь,

— мера предосторожности, предпринятая много лет назад против слэнов и других преступников.

До тупика теперь оставалось совсем небольшое расстояние, однако, до сих пор не чувствовалось присутствие какого-либо мозга в коридоре, простирающемся перед ним. По-видимому, никого из охранников, охраняющих катакомбы, поблизости не было. Джомми увидел укрепленный высоко на стене звонок, тускло поблескивающий кусок металла, издающий дребезжащие звуки. Стена была гладкой, как стекло, вскарабкаться по ней было нелегко, вернее, невозможно, если учитывать, что звонок висел на высоте более шести метров от пола. Он все звенел и звенел, но никаких отрывков мыслей ДЖомми не обнаруживал.

«Это не может служить доказательством того, что сюда никто не спешит, — напряженно

подумал Кросс. — Возможно, что эти стены рассеивают волны, которые несут мысли.»

Мальчик с разгона устремился к стене и отчаянно подпрыгнул вверх, к звонку. Его вывернутая рука чиркнула пальцами по мраморной стенке на добрый фут ниже этого дьявольского устройства. Он потерпел поражение. Звонок все звенел, когда он обогнул изгиб коридора, но звук его становился все слабее и слабее, замирая по мере отдаленности. Но даже он уже не был слышен, все же в сознании Джомми звенело эхо этого звонка, напоминая об опасности.

Странно, но предупреждающий звон в его мозгу стал звучать сильнее, пока ему неожиданно не показалось, что этот звонок есть на самом деле, а его слабость объясняется большим расстоянием мальчика от источника звука. Ощущение становилось все более сильным по мере бега, пока Джомми не осознал, что это другой звонок, звенящий столь же сильно, как и первый. Это означало (он ощутил, что близок к панике), что здесь должна быть установлена длинная цепь таких звонков, и в обширной сети туннелей должны быть уши, которые слышат их… люди, которых эти звонки заставляют напрячься и вопросительно переглядываться.

Джомми Кросс продолжал свой бег. Он не знал маршрута, по которому он должен бежать. Он знал только, что в его мозгу отец заложил все необходимые сведения, и ему нужно просто подчиняться импульсам, диктуемым подсознанием. Эти импулься приходили крайне неожиданно, как, например, сейчас, резкая команда:"направо!»

Он выбрал более узкий из двух проходов и, наконец, оказался в убежище. Все было достаточно просто: под действием силы его рук одна из мраморных плит скользнула в сторону, открыв темную полость. Он бросился туда…

Его пальцы коснулись металлического ящика. Он подтянул его к себе. Пальцы мальчика дрожали; какое-то мгновение он стоял неподвижно, изо всех сил стараясь вернуть себе самообладание, стараясь нарисовать мысленную картину, как его отец стоял перед этой плитой, упрятавшей великие тайны, ради сына, для того, чтобы удостовериться, что все идет так, как и предполагалось.

Джомми почудилось, что это, возможно, один из самых величайших моментов в истории слэнов. Это мгновение, когда труды мертвого отца передаются пятнадцатилетнему сыну, который так долго дожидался этого момента.

Грусть мгновенно покинула его, как только он уловил шепот в своем мозгу. «Вот чертов звон, — думал кто-то, — это, наверное, кто-нибудь бросился вниз, когда в небе появился корабль слэнов. Похоже, кто-то решил переждать здесь бомбардировку».

«Может быть, но нельзя полагаться на это. Ты ведь знаешь, какие строгие правила относительно этих катакомб и их посещения. Кто бы ни активировал этот звонок, не забудь, что он все еще внутри. Пожалуй, нам необходимо передать сигнал тревоги в полицейское управление».

«Может быть, кто-нибудь заблудился?» — донеслась третья мысль.

«Вот пусть сам и объясняется, — сказал первый. — Я предлагаю пойти к первому звонку и держать оружие наготове. Если слэны в этот день открыто летают по небу, то вполне возможно, что кому-нибудь из них захотелось забраться и сюда, вниз».

Джомми стал поспешно обследовать металлический ящик, чтобы определить, как он открывается. В его мозгу была гипнотическая команда забрать содержимое этого тайника, оставив ящик на месте. В свете этого приказа ему даже в голову не пришла мысль о том, что можно просто за-

брать с собой весь ящик и убежать отсюда.

Казалось, что здесь не было ни замка, ни защелки. И все же что-то должно было плотно удерживать крышку. Быстрее! Быстрее!

Через несколько минут приближающиеся охранники будут здесь, там, где он сейчас стоит.

Тусклое освещение длинных бетонных и мраморных коридоров, затхлый запах, сознание того, что над головой проходят толстые кабели, передающие в город миллионы киловатт электроэнергии, весь мир окружающих его катакомб и даже воспоминания из прошлого — все эти мысли проносились в мозгу Джомми, когда он осматривал металлический ящик. Здесь были и мысли о пьяной Гренни и о тайнах слэнов, и все это смешалось с приближающимися торопливыми шагами. Он теперь отчетливо слышал их, три пары шагов, тяжело шлепающих по бетонному полу все ближе и ближе.

Мальчик схватил крышку ящика, напрягся и рванул изо всех сил. Он едва не потерял равновесие — так легко отскочила, оказывается, незакрепленная крышка.

И вот он уже смотрит на толстый металлический стержень, который лежит на кипе бумаг. Удивления при тайном зрелище мальчик в себе

не обнаружил. Он только ощутил облегчение, увидев нетронутым то, что, как он знал, должно было быть здесь. Это тоже, очевидно, было частью гипнотического инструктажа.

Металлический стержень был выпуклым, шириной в два дюйма посредине и сужающийся на концах. Один из его концов имел насечку, что безошибочно означало возможность хорошо держать этот предмет в руке. У начала вздутия в середине стержня была кнопочка, которую было удобно нажимать большим пальцем. Все приспособление очень слабо светилось своим собственным светом. Этого света и рассеянного света из коридора было вполне достаточно, чтобы прочесть надпись на листе бумаги, который лежал тут же под стержнем.

Э Т О О Р У Ж И Е ! ! ! П О Л Ь З У Й С Я И М Т О Л Ь К О В С Л У Ч А Е К Р А Й Н Е Й Н Е О Б Х О Д И М О С Т И.

На мгновение Джомми так отвлекся от всего, что не осознал того, что преследователи очутились рядом с ним. Вспыхнул луч карманного фонарика.

— Что это… — взревел голос одного из охранников. — Руки вверх, эй, ты!

За все эти долгие шесть лет это была для

мальчика первая реальная опасность, но она почему-то не воспринималась им, как что-то угрожающее. В его мозгу уже давно укоренилась мысль о том, что рефлексы людей не столь быстры, как у слэнов. Он уже держал в руках металлический стержень, когда поворачивался на окрик, и ему оставалось только безо всякой поспешности нажать на кнопку.

Даже если кто-либо из людей стрелял, это действие было подавлено белым пламенем, сверкнувшим из дула силовой трубки. Какие-то мгновение назад перед ним были живые, огромные, надвигающиеся на него силуэты, угрожающие его жизни; и вот в следующее мгновение их уже не стало, они были сметены вспышкой страшного огня.

Джомми посмотрел на свои руки. Они дрожали. Во всем теле его была слабость, ему стало дурно от мысли, что он повинен в смерти трех живых разумных существ. Пелена с глаз сходила очень медленно, и только через несколько минут он обнаружил, что коридор перед ним совершенно пустой. Ни костей, ни клочка плоти, ни одежды не осталось. Не было ничего, что указывало бы на то, что здесь мгновение назад погибли люди. В полу образовалась выемка, края которой были

обожжены… но и только!

Он усилием воли прекратил дрожь в пальцах. Не было никакой пользы в том, чтобы продолжать бичевать себя за то, что он посягнул на жизнь этих… Да, убивать — очень тяжелое занятие, но эти трое безо всякого сожаления предали бы его смерти, точно так же, как похожие на них поступили с его отцом и матерью — и бесчисленными другими слэнами, которые погибли только впоследствие тех лживых измышлений, которыми люди продолжали питать друг друга и проглатывали их без малейшей тени сомнения. Будь они все прокляты!

Какое-то мгновение все его эмоции были неистовыми и яростными. Он подумал: возможно ли, что все слэны становятся с возрастом ожесточившимися и теряют чувство раскаяния, убивая человеческие существа, так же как безо всякой тени сомнения люди убивают слэнов?

Его взгляд упал на листик бумаги, где рукой отца было начертано:

«… оружие. Пользуйся им только в случае крайней необходимости».

На него нахлынули воспоминания о тысяче других примеров благородства его родителей. Он все еще помнил тот вечер, еогда отец сказал ему:

— Запомни это: какими бы сильными ни стали слэны, поблема, что делать с людьми, остается препятствием на пути к овладению миром. Пока эта проблема не будет решена справедливо и психологически разумно, применение силы будет черным преступлением».

Джомми стало легче на душе. Этому было докзательство. Отец не носил с собой дубликат этого оружия, которое могло бы спасти его от преследователей. Он предпочел смерть сделке с собственной совестью.

Джомми нахмурился. Благородство — очень хорошее качество, и, возможно, он прожил слишком долго бок о бок с людьми, чтобы стать настоящим слэном, но он не мог отказаться от убеждения в том, что лучше бороться, чем умереть.

Сейчас не было времени предаваться каким-либо чувствам. Нужно выбираться отсюда — и как можно быстрее! Мальчик сунул оружие в карман пальто, быстро собрал бумаги, находящиеся в ящике, и рассовал их по карманам. Затем, завросив теперь уже пустой, ненужный ящик обратно в полость в стене, он закрыл ее ранее сдвинутой плитой.

Он побежал по коридору, вбежал вверх по

ступеням и на мгновение остановился перед туалетом. Некоторое время назад тот был пустым и беззвучным. Сейчас же в нем было полно народу. Мальчик в нерешительности ждал за углом, ожидая, что число людей уменьшится.

Но люди входили и выходили, и толпа не становилась более редкой. Бедлам слов и мыслей нисколько не утихал. Беспокойство, страх, волнение. Все это были простые маленькие люди, в мозгах которых грохотало сознание того, что происходит нечто странное. И отзвук этого понимания проник через решетчатую дверь, за которой скрывался Джомми, не выходя из полутьмы. В отдалении все еще продолжал звенеть звонок. Его настойчивость продиктовала то, что мальчик был должен предпринять. Сжав оружие в кармане одной рукой, Джомми решительно шагнул вперед и распахнул дверь. Затем он повернулся спиной к присутствующим и начал тихо закрывать ее за собой, одновременно зондируя собравшихся здесь, пытаясь поймать хоть малейший намек на опасность.

Но люди не обращали на него никакого внимания, когда он проталкивался между ними и выходил на улицу. И здесь было полно людей. Толпы теснились на троьуарах и на проезжей

части. Резко переливались полицейские свитки, громкоговорители ревели, но ничто не могло сдержать анархию толпы. Образовались автомобильные пробки. Потные ругающиеся водители оставляли свои машины прямо посреди улицы и присоединялись к слушателям, сгрудившимся у уличных громкоговорителей, изрыгающих пулеметные очереди слов и предложений.

«Ничего неизвестно определенного. Никто точно не знает, приземлился ли корабль слжнов во дворце или сбросил послание, а затем исчез. Никто не видел, чтобы он приземлялся. Никто не видел, как он исчез. Возможно, что он был сбит. Возможно также, что в настоящее время происходят переговоры слэнов с Киром Греем во дворце. Слух об этом уже распространился, несмотря на опровержения, переданные несколько минут назад самим Киром Греем. Для тех, кто не слышал этого заявления, повторяем его. Дамы и господа, вот заявление Кира Грея:

«Не волнуйтесь и не впадайте в панику! Неожиданное появление корабля слэнов ни в малейшей степени не изменило относительного взаимоположения людей и слэнов в нашем обществе. Мы полностью контролируем положение.

Они ничего не смогут сделать где бы то ни

быол, кроме того, что они уже сделали. Люди многочисленнее слэнов, они превосходят их по меньшей мере в миллион раз и при данных обстоятельствах слэны никогда не осмелятся провести открытую организованную вылазку против человечества! Так что пусть успокоятся ваши сердца…»

Дамы и господа, вот что заявил Кир Грей, комментируя сегодняшние события. Заседание Совета продолжается. Я повторяю, больше ничего определенного неизвестно. Неизвестно, приземлился ли корабль слэнов. Никто в городе не видел, как он исчез. Никому, кроме властей, неизвестно, что же на самом деле произошло. Вы только что слушали единственное заявление по этому вопросу, сделанное самим Киром Греем. Сбили ли корабль слэнов…»

Болтовня диктора не прекращалась. Снова и снова повторялось заявление Кира Грея и слухи, связанные с появлением корабля слэнов. Все это совершенно приелось Джомми, но он не уходил, надеясь услышать что-нибудь новое. С нетерпением ожидая узнать нечто о других слэнах.

Однако, ни о чем новом не сообщалось, и он в конце концов взобрался в автобус и направился домой. Постепенно темнота опускалась на землю,

сменяя жаркий весенний день. Часы на башне показывали четверть восьмого вечера.

Как всегда осторожно он вошел в заваленный старым хламом двор. Джомми мысленно прикоснулся к мозгу Гренни и вздохнул. Все еще пьяная! Как только может выдержать это ее омерзительная карикатура на тело. Такое количество спиртного должно было бы полностью высушить ее организм. Он толкнул дверь, вошел внутрь, притворил ее за собой — и… замер!

Его мозг, все еще едва соприкасаясь с разумом Гренни, принял мысль. Старуха услыхала, что дверь открылась и закрылась, и звук этот слегка встряхнул ее мысли.

«Нельзя позволить, чтобы он узнал, что я позвонила в полицию. Эту мысль нужно изгнать из своего сознания… Не могу же я всю жизнь прятать слэна… опасно иметь слэна в своем доме… полиция перегородит улицы…»

Глава 8

Кетлин Лейнтон сжала свои ладони в маленькие, твердые, коричневые кулачки. Е„ стройное юное тело дрожало от отвращения к мыслям, которые она уловила, уловила в одном из коридоров. Е„ разыскивал семнадцатилетний Дэви Динсмор, направляясь к мраморной террасе, откуда она любовалась городом, окутанным легкой дымкой влажного теплого весенненго полдня.

Обрывки мыслей Дэви Динсмора становились все отчетливей, все ближе. Она свободно читала в мозгу этого молодого человека и знала, что он сейчас опять попытается уговорить ее стать его девушкой. В последний раз вздрогнув, она отключила свое сознание и стала ждать, когда появится юноша Это было ошибкой, что она была вежлива с ним, хотя то, что она имела его поддержку при встречах с другими молодыми людьми, избавляло ее от многих забот в годы ее отрочества. Теперь же, она предпочитала враждебность с ним, тому сорту любви, мыслями о которой был пропитан его мозг.

— О, — ухмыльнулся Дэви Динсмор, появляясь в двери, — вот где ты ныходишься!

Она серьезно взглянула на него. Семнадцатилетний Дэви Динсмор был долговязым парнем, лицом напоминавшим свою матушку с ее выступающими челюстями, у которой казалось всегда на лице играла глумливая улыбка. Дэви поднялся на террасу с агрессивностью, отражавшей его далеко идущие замыслы в отношении молодой девушки: с одной стороны, он стремился физически овладеть ею, а с другой — ему хотелось хоть как-то нашкодить ей.

— Да, — коротко бросила Кетлин. — Я нахожусь здесь. Мне почему-то показалось, что здесь я хоть на короткое время смогу побыть наедине сама с собой.

Она знала, что в основе натуры Дэви Динсмора лежало упрямство и что оно делало его невосприимчивым к подобного рода замечаниям. Мысли, извергавшиеся из его мозга, на таком близком расстоянии полностью улавливались ее разумом, сообщая ей, что «эта госпожа зря прикидывается застенчивой. Но я-таки заставлю ее оттаять!»

За этой твердой убежденностью был заставляющий замирать мозг опыт. Кетлин несколько притупила свое восприятие, чтобы отгородиться от подробностей, которые всплывали из глубин памяти самодовольного парня.

— Я не хочу, чтобы ты и дальше крутился возле меня, — сказала девушка с холодной решимостью. — Твой мозг как помойка. Мне жалко, что я вообще заговорила с тобой, когда ты впервые пытался обратить на себя внимание. Ты понимаешь, что я сейчас говорю тебе абсолютную правду и ты знаешь, почему это так. И поверь мне, что сравнение твоего мозга с помойкой еще не самое удачное. А теперь — уходи!

Краска сошла с лица юноши. Он стал переполняться яростью, интенсивность которой прямо-таки давила на ее прикрытое сознание. Она сразу же еще сильнее отключила свой разум от поношений, которые источало его сознание. Ей внезапно пришла в голову мысль, что досадить этой твари можно, только совершенно унизив его. Она сердито бросила:

— Отцепись, жалкий слизняк.

Он вскрикнул и набросился на нее.

На секунду она застыла от изумления, что он отважился сразиться с ее превосходящей силой. Затем, сжав губы, она легко избегая его беспорядочно движущихся рук, бросилась на него и резко сбила этого мужчину на пол. Но тут, она слишком поздно поняла, что именно на это он и рассчитывал. Его грубые пальцы устремились к ее голове и,

вцепившись в волосы, он начал падать, увлекая ее за собой, зажав в ладони шелковистые пряди, в которые были уложены золотистые, блестящие завитки.

— О,кей! — заорал он. — Теперь-то я наконец добрался до тебя. Вот так, так. Не дай мне упасть. Вот здорово! Думаю, что ты не хочешь, чтобы я сейчас упал на пол, а? Ха-ха. Тогда и ты ведь тоже упадешь на пол и тогда… И не смей брыкаться! Я знаю, что тебе хочется сейчас сделать. Схватить меня за кисти и сжимать до тех пор, пока я не отпущу тебя. Так вот, если я опущусь хотя бы на дюйм, я так дерну за твои драгоценные локоны, что повырываю их! Я знаю, что ты можешь очень долго держать меня, не уставая, — вот так и держи!

Она оцепенела от отвращения. Он сказал «драгоценные локоны». Да, настолько драгоценные, что впервые в жизни она была вынуждена издать гортанный крик. Настолько драгоценные, что она никогда не ожидала, что кто-нибудь осмелиться прикасаться к ним. Едва не упав в обморок от страха, она всхлипнула:

— Что ты хочешь?

— Вот ты наконец и заговорила человеческим языком, — произнес Дэви.

Но ей не нужны были его слова. Сейчас все содержимое его сознания потоком вливалось в ее мозг.

— Хорошо, — вяло промолвила она. — Я сделаю это.

— И смотри, чтобы ты отпускала меня как можно медленнее , — засмеялся парень. — И когда мои губы прикоснутся к твоим, смотри, чтобы этот поцелуй длился не менее минуты. Я научу тебя, что со мной нальзя обращаться как с какой-то мразью!

Его губы расплылись в торжествующей ухмылке, но откуда-то сзади на них обрушился резкий, властный голос, в котором звучало удивление и гнев.

— Что все это значит?

— Ох, — запнулся Дэви Динсмор, и она почувствовала, что его пальцы освободили ее волосы и завитки. Она резко оттолкнула его от себя. Юноша зашатался, но затем овладел своим телом и стал заикаться:

— Я… я прошу вашего извинения, мистер Лорри. Я… я..

— Убирайся жалкий негодяй, — взорвалась Кетлин.

— Да, уйди отсюда, Дэви, — послышался мягкий

голос Джема Лорри.

Кетлин посмотрела вслед спотыкающемуся Дэви — в его мыслях был панический страх, что он оскорбил одного из самых влиятельных членов правительства. Но когда он исчез, она не повернулась лицом к вновь вошедшему. Инстинктивно девушка чувствовала, как напряглись все ее мускулы, когда она старалась отвести глаза и лицо от этого человека, наиболее могущественного советника в кабинете правительства Кира Грея.

— Так что же здесь происходило? — донесся до нее голос мужчины, находившегося сзади, и он, и этот голос, был для девушки вовсе не неприятным. — Повидимому, очень вовремя я подошел, а?

— О, я даже не знаю, — холодно ответила Кетлин. Она хотела быть предельно искренней с этим человеком. — Большое спасибо за помощь, но думаю, что ваше пристальное внимание к моей особе в равной степени отталкивает меня.

— Гм-м! — он стал рядом с нею, и девушка увидела его твердый профиль, когда он склонился над перилами.

— Да, на самом деле никакого различия, — настойчиво произнесла Кетлин. — Вы оба хотите одного и того же.

Мужчина некоторое время молчал, но его мысли были такими же неуловимыми, как и у Кира Грея. Со временем он станет таким же мастером скрывать свои мысли от возможного прочтения.

Когда Лорри наконец заговорил, голос его изменился. В нем появилась нотка жестокости.

— Без сомнения ваша точка зрения на эти вещи изменится после того, как вы станете моей возлюбленной.

— Этого не будет никогда! — отрезала Кетлин. — Мне не нравятся люди. И соответственно не нравитесь вы!

— Ваши возражения не имеют значения, — хладнокровно сказал молодой мужчина. — Единственная проблема — это как я могу завладеть вами не подвергая себя обвинениям, что я вступил в тайный сговор со слэнами. Пока я не решу данной проблемы, вы можете быть спокойной за себя.

Его уверенность заставила Кетлин вздрогнуть.

— Вы полностью ошибаетесь, — сказала она твердо. — Ваши намерения не увенчаются успехом по той простой причине, что Кир Грей является моим опекуном. И даже вы не осмелитесь идти против него.

Джем Лорри задумался над этим. Затем:

— Ваш опекун, да. Но у него нет никаких сдерживающих факторов, когда дело доходит до женских прелестей. Я не думаю, что он будет возражать против того, чтобы вы стали моей любовницей. На одном только он может настаивать — это чтобы я нашел какую-нибудь причину, за которую могла бы уцепиться наша пропаганда. Не забывай, моя девочка, что твой опекун, Кир Грей, за последние несколько лет стал наиболее ревностным антислэном. Раньше, мне казалось, что у него были какие-то прослэновские настроения. Но теперь он совершенно фанатичен в отношении того, что с ними, с этими нелюдьми, нечего церемониться. Он и Джон Петти очень близки друг другу по этому вопросу, ближе, чем когда бы то ни было. Забавно!

На мгновение, он над этим задумался.

— Но вам не о чем беспокоиться, моя милая. Я отыщу формулировку и…

Голос Лорри заглушил рев громкоговорителя:

«Всеобщее предупреждение! Несколько минут назад наблюдали неопознанный летательный аппарат, пересекающий Скалистые Горы и направляющийся на восток. Он быстро оторвался от преследовавших его самолетов и предположительно направляется прямо к Центрополюсу.

Всем приказывается немедленно разойтись по своим домам, поскольку корабль — есть уверенность, что он построен слэнами — будет здесь через час, исходя из его нынешнего расположения и скорости. Улицы следует освободить для военных целей. Расходитесь по домам!» Громкоговоритель замолчал. Улыбаясь, Джем Лорри повернул свое красивое лицо к Кетлин.

— Не думайте, моя милая, что может появиться надежда на спасение. Один корабль не можен нести на себе каких-либо важных вооружений, если за ним не стоит массовое производство. Старомодную атомную бомбу, например, невозможно изготовить в пещере, и кроме того, если быть предельно честным, то слэны не использовали атомное оружие в своей войне с людьми. — Лорри приостановился на несколько мгновений, и затем продолжил: — Все думают, что не первые бомбы полностью разрешили тайну атомное энергии. Как мне кажется, этот полет предназначен для того, чтобы посеять панику между простодушных людей, перед тем, как будет сделана попытка к прямым переговорам.

Через час Кетлин стояла рядом с Лорри, когда серебристый корабль скользнул ко дворцу. Он приближался, двигаясь с огромной скоростью.

Ее сознание устремилось к этому странному объекту, пытаясь войти в контакт с существами, находившимися внутри него.

Корабль был все ближе, все ниже, но не было ответных мыслей его повелителей. Неожиданно от него отделилась металлическая капсула и упала на садовую дорожку где-то там, в глубине сада, но все же в зоне прямой видимости. Она блестела, как бриллиант, в лучах полуденного солнца.

Девушка подняла голову, но корабль уже исчез. Нет, ей все-таки удалось увидеть серебрянную черточку далека в высоте прямо над дворцом. Она некоторое время мерцала словно звезда, но потом исчезла. Ум Кетлин вернулся с небес на землю, и она вновь почувствовала присутствие Джема Лорри. Он ликовал.

— Что бы это ни означало, это то, что я так долго ждал — возможности предъявить аргумент, который бы мне позволил сегодняшним вечером забрать вас в свою квартиру. Сейчас немедленно соберется Совет — так мне во всяком случае кажется.

Кетлин сделала глубокий вздох. Теперь она поняла, каким образом он может все устроить и настало, следовательно, время, начать с ним борьбу любым имеющимся у нее оружием. Она

с достоинством начала говорить, гордо откинув назад голову и сверкая глазами:

— Я попрошу, чтобы мне разрешили присутствовать на этом заседании, на том основании, что у меня была мысленная связь с капитаном слэнов, находившемся на борту корабля. — Она спокойно завершила свою ложь. — Я могу пролить свет на содержание послания, которое найдут в капсуле.

Она в отчаянии подумала, о том, что она смогла бы прочесть в мозгу советников о чем шла речь в послании и, исходя из этого, она могла бы сочинить логичную историю, о чем говорил с ней предводитель слэнов. Если ее уличат во лжи, может возникнуть опасная реакция со стороны этих слэноненавистников. Но она должна всеми силами препятствовать их согласию передать ее Джему Лорри.

Когда она вошла в комнату, где должно было проходить заседание Совета, ее поразила мысль о предстоящем поражении. Включая Кира Грея, было всего семеро. Она взглянула на них по очереди, стараясь как можно больше выудить информации из их умов… и почувствовала себя беспомощной.

Четверо из членов Совета, которые были по-

моложе других, были друзьями Джема Лорри. Шестой, Джон Петти, всего лишь раз взглянул на нее, и в его отрывистом взгляде была леденящая враждебность. После этого, он равнодушно отвернулся от нее.

Взгляд девушки невольно обратился к Киру Грею. Легкий трепет удивления передался по ее нервам, когда она увидела, что он тоже смотрит на нее, красноречиво подняв одну бровь и усмехается. Он уловил ее взгляд и нарушил тишину.

— Значит, вы были в мысленной связи с представителем слэнов, не так ли, моя милая? — сурово спросил он и рассмеялся. — Я предлагаю на некоторое мгновение пропустить мимо это утверждение.

В его голосе было столько недоверия, столько враждебности, что Кетлин почувствовала облегчение, когда он отвернулся от нее и обратился к членам Совета.

— Очень жаль, но пятеро остальных наших товарища находятся сейчас в отдаленных точках земного шара. Я лично не считаю слишком разумным удаляться от штаб-квартиры на большое расстояние. Путешествовать должны подчиненные. Тем не менее, мы не можем откладывать обсуждение этой проблемы. Если семеро из нас

придут к соглашению, то нам не нужно будет спрашивать согласия остальных пятерых. Большинство будет на нашей стороне. Если же мы зайдем в тупик в поисках решения, нам придется связываться с каждым из них по радио.

Суть содержимого металлической капсулы, сброшенной с корабля, заключается в том, что они заявляют, что имеется миллион слэнов организованных в единое целое и разбросанных для конспирации по всей планете…

Джем Лорри язвительно прервал диктатора.

— Мне кажется, что глава наше тайной полиции запустил свою работу, несмотря на столь превозносимую ненависть к слэнам.

Петти выпрямился и огрызнулся, бросив на Лорри холодный взгляд.

— Может быть, вы хотите на год поменяться со мной работой, а? Посмотрим тогда, что вы предпримите. Я не против того, чтобы ради перемены поля деятельности взять на себя несложные обязанности государственного секретаря.

Кир Грей прервал перепалку между советниками.

— Позвольте мне закончить, господа. Они говорят, что существует не только миллион организованных слэнов, но в дополнение к этому,

огромное количество слэнов, как мужчин, так и женщин, не присоединившихся еще к организации и что их количество оценивается по меньшей мере в десять миллионов. Что вы можете сказать на это, Петти?

— Без сомнения, существует некоторое количество неорганизованных слэнов, — осторожно признал шеф тайной полиции. — Мы вылавливаем около сотни этих ублюдков каждый месяц по всему миру. Они, скорее всего, не входят ни в какую организацию. В обширных же районах менее развитых территорий земного шара трудно возбудить в народе антипатию к слэнам. Фактически, там их продолжают считать людьми. И, нет сомнения, что в наиболее труднодоступных районах Азии, Африки, Южной Америки и Австралии возможны большие колонии этих существ. Прошли годы с тех пор, как мы перестали обнаруживать такие поселения, но отвергать поэтому мнения, что их больше не существует, нельзя. И можно только уповать на то, что за эти годы, они не смогли выработать в высшей степени эффективных способов самозащиты.

Но я, однако, готов не принимать во внимание деятельность этих отдаленных очагов сопротивления. Цивилизация и наука — это надстройка,

опирающаяся на достижения промышленности и интеллекта сотен миллионов существ. Как только эти слэны ушли в отдаленные, оторванные от цивилизации районы, они тем самым обрекли себя на поражение, так как они отрезали себя от книг, от контактов с высоко развитым уровнем интеллекта, что является возможно единственным базисом для дальнейшего развития.

Эти слэны не являются и никогда не являлись опасными. Главная опасность исходит от слэнов, живущих в больших городах, где у них появляется возможность вступить в контакт с разумом наиболее выдающихся людей и, несмотря на все наши предосторожности, некоторый доступ к книгам. Очевидно, что этот корабль, который мы видели сегодня, построен слэнами, которые живут в центрах цивилизации, хоть это и крайне опасно для них.

Кир Грей кивнул головой.

— Да, многие из ваших предположений вероятно соответствуют истине. Но вернемся к письму. В нем далее говорится, что эти несколько миллионов слэнов слишком стремятся положить конец периоду напряженности, существующим во взаимоотношениях между ними и расой людей. Они осуждают замыслы мирового господства, кото-

рыми были охвачены ранние слэны, объясняя эти амбиции ложной концепцией превосходства над людьми, не подтвержденной последующим жизненным опытом. Они убедились, что не превосходят людей, а просто отличаются от них. Они также обвиняют Самоэля Ленна, ученого-биолога, человека по происхождению в том, что он впервые создал слэнов, по имени которого они и были так названы — Самоэль Ленн, С. Ленн, слэн… и который взлелеял в своих детях веру в то, что они должны править миром. И что эта вера, а не внутреннее присущее слэнам стремление к господству, была источником опасных амбиций ранних детей Лэнна.

Развивая эти идеи, они далее указывают на то, что ранние изобретения слэнов были просто незначительными усовершенствованиями уже существовших принципов. Как они заявляют, слэнами не было проявлено истинное творчество в деле развития физики. Они также утверждают, что их философы пришли к утверждению (заключению), что мозги слэнов не являются научными в любом из истинных смыслов этого слова, отличаясь от мозгов нынешних людей в этом отношении точно так же, как отличаются наши мозги от мозгов древних греков или рим-

лян, которые не развивали ту науку, которую мы понимаем в значении этого слова.

Он продолжал говорить, но после какого-то момента Кетлин слушала его только частью своего сознания. Возможно ли, чтобы это было правдой? Мозги слэнов не имеют научной ориентации? Невозможно! Наука была просто накоплением фактов и дедуктивными заключениями на основе этих фактов. А кто бы мог лучше навести божественный порядок в запутанную действительность, как не могучий умом, взрослый, зрелый слэн? Она заметила, что Кир Грей поднял со стола лист серой бумаги и сконцентрировала снова свое внимание на том, о чем он говорит.

— Я намерен прочитать вам последнюю страницу, — произнес он сухо.

— «Мы не можем придавать слишком большое значение важности этого. Это значит, что слэны никогда не бросали серьезный вызов военному могуществу людей. Какие бы усовершенствования мы не сделали в своих существующих машинах и оружие, они не смогут оказать решающего значения на исход борьбы, если опасность возникновения войны появится снова.

По нашему мнению, нет ничего более бесполезного, чем нынешнее безысходное положение,

которое ничего не разрешая, преуспевает только в поддержании беспорядка и постепенно создает экономический хаос, от которого люди страдают во все более возрастающей степени.

Мы предлагаем почетный мир, единственным условием для преодоления трудностей является предоставление слэнам законных прав на существование, свободу и стремления к счастью».

Кир Грей положил бумагу на стол, холодно обвел взглядом всех присутствующих и сказал ровным суровым голосом:

— Я категорически против любого какого-бы то ни было компромисса. Когда-то я думал, что можно что-нибудь сделать в этом направлении, но не сейчас! Каждый слэн здесь, — он взмахнул рукой, многозначительно показывая на глобус, — должен быть уничтожен!

Кетлин показалось, что какая-то тень пала на эту и без того неярко освещенную комнату. В наступившей тишине мысли негромко отдавались в ее мозгу подобно далекому прибою на первобытном берегу. Глубокое потрясение охватило девушку. Потрясение от того, какая глубокая перемена произошла в Кире Грее.

А была ли эта перемена вообще? Разве не было возможно, что этот человек всегда был столь же

безжалостным, как и Джон Петти? Причина, по которой он даровал жизнь ей, могла иметь и в самом деле, как говорил он, чисто познавательные цели. И, конечно, было время когда он верил, правильно или неправильно, что его политическое будущее неразрывно связано с продолжением ее существования. Но ничего более. Не было чувства сострадания или жалости, не было интереса к беспомощному юному созданию ради того, чтобы помочь ему. Ничего, кроме в высшей степени материалистического взгляда на жизнь. Ведь это правитель людей, которым она восхищалась, почти что боготворила, в течение многих лет. Ведь это ее опекун!

Конечно, по-правде говоря, слэны лгали. Но что еще они могли сделать, имея дело с людьми, у которых была только ненависть и ложь? По крайней мере, они предлагают мир, а не войну: и здесь, этот человек отвергает без всяких размышлений, предложение, которое бы покончило с четырехсотлетним, если не больше, уголовным преследованием ее расы.

Она ощутила, что взгляд Кира Грея устремлен к ней. С саркастической улыбкой он произнес:

— А теперь, давайте послушаем так называемое послание, принятое этой девушкой во время…

э… мысленного контакта с командиром корабля слэнов.

Кетлин с отчаянием взглянула на него. Он не верил ни слову из ее заявления и перед лицом его уничтожающего скептецизма она знала, что самое лучшее, это предложить какое-нибудь тщательно подготовленное в ее уме заявление на суд безжалостного в своей логике разума этого человека. Ей нужно было время.

— Я…, — начала она. — Это было…

Она неожиданно поняла, что Джем Лорри, нахмурившись, вскочил со своего места.

— Кир, — обратился он к председателю Совета. — Похоже, ты избрал очень крутую тактику. Вопрос очень важный и ты делаешь ошибку, не дав Совету даже возможности обсудить это предложение. В свете твоих действий Кир, у меня не остается другой альтернативы, как заявить — с оговорками однако, что я склоняюсь к тому, чтобы принять это предложение. Главная моя оговорка состоит в том, что слэны должны слиться с людьми. Они должны ассимилировать! Для этого, слэны не должны вступать в брак с друг другом, а должны принудительно вступать в брак с людьми, без всяких на то исключений.

Кир Грей без какой-либо враждебности посмот-

рел на него.

— Что заставляет тебя думать, что выход заключается в браках между людьми и слэнами?

— Именно это я и собираюсь определить, — кивнул головой Джем Лорри настолько спокойно, что только Кетлин смогла уловить в его голосе скрытую напряженность. Она подалась вперед, затаив дыхание.

— Я решил взять Кетлин в качестве своей возлюбленной и мы все вскоре увидим, что из этого может получиться. Я надеюсь, что против этого никто не выскажется.

Более молодые члены Совета пожали плечами. Кетлин совсем не требовалось читать их мысли, чтобы понять, что у них нет ни малейших возражений по этому поводу. Она заметила, что Джон Петти вообще не обращает внимания на этот разговор, а Кир Грей, казалось, углубился в собственные мысли, как будто он также ничего не слышал.

Она попробовала разжать губы, чтобы заговорить, но в последний момент сдержалась. В мозгу ее возникла внезапно новая мысль. Предположим, что перекрестные браки в самом деле могут решить все проблемы слэнов. Предположим, что Совет примет предложение Джема Лорри. Даже

если она и понимала, что оно основано всецело на его страсти к ней, могла ли она осмеливаться защищать себя от него, если бы малейшая вероятность того, что другие слэны согласятся с этим планом и таким образом, завершится сотни лет жалкого существования и убийств?

Она еще глубже опустилась в свое кресло, едва ли сознавая иронию своего положения. Она пришла на заседание Совета, чтобы бороться за себя, а теперь не осмеливается даже слово вымолвить.

Кир Грей заговорил снова:

— В решении предложенном Джемом нет ничего нового. Сам Самоэль Ленн был весьма заинтересован таким бракосочетанием и убедил одну из своих внучек выйти замуж за человека. От такого союза не было детей.

— Я обязан доказать это сам, — упрямо кивнул головой Лорри. — Это все слишком важно, чтобы полагаться на результаты только одной пробы.

— Их было больше, чем одна, — мягко заметил Кир Грей.

Тут в разговор вмешался еще один член Совета.

— Важным во всем этом является то, что ассимиляция действительно может быть неплохим решением, и что исходя из слов нашего председа-

теля, можно не сомневаться, что в конце концов человеческая раса станет на планете доминирующей. Нас более чем три миллиарда, против, ну скажем, пяти миллионов слэнов. И даже если в результате таких браков не будет детей, все равно мы добъемся своего в течение ста пятидесяти — двухсот лет, если принять нормальную протяженность жизни слэна за сто пятьдесят лет. Через двести лет не останется ни одного живого слэна на Земле!

Кетлин была потрясена тем, что Джему Лорри удалось отстоять свою точку зрения. Она видела, судя по неясным обрывкам на поверхности его разума, что у него не возникало больше намерений подымать снова этот вопрос на обсуждение. Похоже, что все было уже решено. Сегодня вечером он пошлет за нею солдат и никто после не сможет сказать, что Совет не пришел к соглашению. Молчание было знаком одобрения!

В течение нескольких минут она очень смутно воспринимала голоса, а тем более мысли. Наконец, ее мозг смог уловить какую-то фразу. Усилием воли она опять обратила свое внимание к собравшимся. Фраза «можно было бы покончить с ними таким образом!» полностью высветила то, как далеко ушли сейчас эти люди

в своих намерениях от первоначальных, за прошедшие несколько минут.

— Давайте внесем ясность, — оживленно произнес Кир Грей. — Идея использования некоторого кажущегося соглашения со слэнами для окончательного их искоренения кажется вызвала среди нас соответствующий отклик, который — снова — внешне, кажется, ослабил всякие помыслы об истинном и честном соглашении, основанном, например, на идее ассимиляции.

Короче говоря, существуют следующие проекты. Номер один — позволить им смешаться с людьми, пока они не будут тщательно идентифицированны, затем, согнаны вместе. Большинство из них будет захвачено врасплох, а остальные выследят в течение небольшого промежутка времени.

Проект номер два — принудительно собрать всех слэнов на каком-нибудь острове и уничтожить их там, используя военные корабли и самолеты.

Проект номер три — с самого начала обращаться с ними сурово. Настоять на их фотографировании и снятии отпечатков пальцев. Кроме того, необходимо чтобы все слэны через определенные промежутки времени проходили регистрацию в

полицейских участках.

Эта третья идея может прийтись по нраву слэнам, если будет выполняться в течение некоторого промежутка времени, так как покажет им, что в этом плане присутствует как элемент требовательности, так и элемент справедливости…

Равнодушный голос продолжал что-то говорить, но почему-то всей этой сцене не доставало реальности. Разве можно просто так сидеть здесь, обсуждая предательство и убийство в таком большом масштабе — семеро людей, решающих за всю расу людей вопросы более важные, чем жизнь и смерть.

— Ну и глупцы же вы все, — с горечью вымолвила Кетлин. — Неужели вы хоть на одну минуту можете представить себе, что слэнов можно втянуть в ваши дурацкией проекты? Слэны могут читать мысли, а кроме того это столь прозрачно и смехотворно, каждый из ваших проектов настолько ясен и ничем не прикрыт, что я удивляюсь, как это можно думать о вас, как об умных и трезво мыслящих людях!

Они молча и холодно стали разглядывать ее. Легкая, ироничная усмешка искривила губы Кира Грея.

— Боюсь, что ты заблуждаешься, моя девочка.

Мы допускаем, что они умны и подозрительны. Вот поэтому мы и предлагаем столь несложные идеи. А это, конечно, первый элемент успешной пропаганды. Что же касается чтения мыслей, мы здесь никогда не встретимся с руководителями слэнов. Мы передадим менее большинства остальным пяти членам Совета, которые будут вести переговоры, будучи твердо убеждены, что ведут честную игру. Ни один из наших подчиненных не будет иметь никаких других инструкций, кроме тех, которые требуют, чтобы вопрос решался справедливо. Так что, понимаешь ли…

— Одну минуту, — прервал диктатора Джон Петти, и его голосе была такая удовлетворенность, такое ликование, что Кетлин сразу же повернулась к нему, — наша главная опасность в том, что эта девушка-слэн знает о наших планах. Она только что сказала, что у нее была телепатическая связь с командиром корабля слэнов. Иными словами, они теперь знают, что она находится здесь. Предположим, что поблизости появится еще один корабль. Тогда ей представится возможность уведомить наших врагов о планах Совета. Поэтому, я предлагаю, чтобы эта девчонка была сейчас же убита!

Кетлин обуял ужас. Логику этого аргумента

невозможно было отрицать. Она увидела как в мозгу других членов Совета растет понимание этого. Пытаясь безрассудно избежать внимания Джема Лорри, она сама себя завлекла в ловушку, которая скорее всего приведет к смерти.

Кетлин зачарованно смотрела на лицо Джона Петти. Оно раскраснелось от глубоко укоренившегося удовольствия, которое доставили ему его собственные слова, и он даже не пытался скрыть этого. Не было сомнения в том, что он даже не помышлял о такой победе. И от этого его глубокое волнение было еще большим.

С трудом девушка оторвала свой взор от Петти и сосредоточилась на других. Неясные мысли, которые ей удавалось уловить, стали принимать боле отчетливые очертания. Это решение не доставляло им большого удовольствия, поскольку, в отличие от Джема Лорри, они были совершенно безразличны к ней. Но их убеждения были неизменными. И поэтому, ее ждала смерть!

Кетлин показалось, что окончательность этого приговора встревожила Джема Лорри. Его манеры, как только он повернулся к ней, подтвердило это. Все его естество было пронизоно страхом.

— Вот чертова дурочка! — сказал он, и стал кусать нижнюю губу, откинувшись на спинку

кресла.

У нее закружилась голова. Она посмотрела на Кира Грея. С ужасом она следила за тем, как он нахмурился, как в его глазах появилось выражение, как будто его сразило громом. Это придало ей храбрости. Он не хотел, чтобы она погибла, иначе он не встревожился бы.

Храбрость, и вместе с нею появившаяся надежда, сейчас же исчезли, когда она поняла, что его испуг указывал на то, что у него не было решения проблемы, которая подобно бомбе только что взорвалась в комнате. Медленно, очень медленно выражение лица диктатора стало вновь безразличным, и она не ощущала никакой надежды до тех пор, пока он не заговорил:

— Смерть была бы необходима в том случае, если бы ее утверждение соответствовало истине. Она солгала, что имела телепатическую связь с командиром кораблы слэнов. На этом летательном аппарате не было ни одного слэна. Это был корабль-робот.

Кто-то возразил:

— Я полагаю, что управляемые автоматические корабли могут быть легко выведены из строя посредством радиопомех работе их механизмов. Мы пытались…

— Да, это возможно, — перебил говорящего Кир Грей. — Вы, наверное, помните, как этот корабль взмыл прямо вверх, перед тем, как исчез в глубине неба. Слэн, который управлял им по радио, дал команду на этот маневр, так как неожиданно понял, что мы вмешались, и причем успешно, в действие механизмов их корабля. — Вождь сурово улыбнулся.

— Хочу сейчас сообщить вам, что мы сбили этот корабль в полуторастах километрах отсюда к югу. К сожалению, это произошло над Мэнчирскими болотами, и его до сих пор еще не вытащили. Однако, после того, как его извлекут, он будет отправлен на заводы Каджина, где без сомнения, наши специалисты легко разберутся в принципе работы его механизмов. Причина, по которой установка соответствующих радиопомех отняла у нас так много времени, заключается в том, что автоматика этого корабля несколько отличается от стандартной и потребовалась новая комбинация радиоволн, с помощью которых можно было бы осуществить вмешательство в ее действие.

— Все это несущественно, — нетерпеливо бросил Джон Петти. — Существенно только то, что этот слэн, — и он указал пальцем на Кетлин, — находился все это время в одной с нами комнате

и знает все наши планы по уничтожению ее соплеменников, и следовательно, она может быть опасной, если сделает попытку сообщить другим слэнам о наших соображениях. Ее необходимо убить!

Кир Грэй медленно встал и лицо его было суровым. В голосе диктатора послышались металлические нотки:

— Я уже сказал вам, сэр, что я провожу социологическое исследование этого слэна и я буду очень благодарен вам, если вы воздержитесь от дальнейших высказываний о ее смерти. Вы только что сказали, что ежемесячно ловят и казнят по несколько сотен слэнов. Слэны же заявляют, что их все еще существует около одиннадцати миллионов. Я надеюсь — и в голосе вождя зазвучал неприкрытый сарказм,

— я надеюсь, что мне будет дана привелегия сохранить в живых одного слэна для научных целей, одного слэна, которого, повидимому, вы ненавидите больше, чем всех остальных вместе взятых..

Джон Петти резко перебил Грея:

— Все это очень хорошо, Кир. Но мне очень хотелось бы знать, для чего Кетлин Лейтон солгала о том, что она вступила в телепатический

контакт с кораблем слэнов?

Девушка перевела дыхание. Она почувствовала, как оцепенение в котором она находилась все эти жуткие минуты, сменяется облегчением и радостью, что самое страшное уже, похоже, позади. Она сама не поняла, что помимо своей воли вскричала, дрожа от негодования.

— Потому что я узнала, что Джем Лорри собирается сделать меня своей любовницей и я просто хотела, чтобы вы узнали, что я возражаю против этого!

— Ради бога, Джем, — сказал один из советников. — Вы что не можете держать свои любовные дела подальше от Совета?

— При всем должном уважении к Киру Грею, — сказал другой, — я должен все таки заявить, что есть нечто, что нельзя терпеть от слэна. Как это она смеет возражать человеку, наделенного определенной властью, которому она нужна для выполнения определенных исследований. Мне очень интересно посмотреть, каков будет результат этой забавной связи. Ваши возражения, Грей, недействительны и поэтому, я советую вам, Джем, не обращать ни на кого внимания. Велите-ка лучше своей охране схватить девчонку и доставить ее в вашу комнату. Думаю, что на этом

можно было бы и закончить наше совещание.

Впервые за все свои семнадцать лет Кетлин была потрясена тем, что существует предел нервного напряжения даже для слэнов. Как будто что— то натянулось у нее внутри, как будто что-то жизненное очень важное готово было вот-вот оборваться. Она до боли сжала пластиковые поручни кресла. Неожиданно, она уловила какую-то мысль в своем мозгу — резкую, хлесткую мысль Кира Грея!

— Ты глупышка. Как это тебя угораздило угодить в такую кашу?

Она взглянула на него, жалкая и подавленная, и впервые увидела, что он сидит откинувшись в кресле, наполовину прикрыв глаза и плотно сжав губы. Затем, он тихо процедил сквозь зубы.

— Все это было бы прекрасно, если бы результаты такой связи требовали проверки, господа. Но этого не требуется. Зарегистрированные случаи более чем сотни попыток людей и слэнов воспроизвести детей занесены в картотеки библиотек под заголовком «ненормальные браки».

Причины стерильности трудно определить, потому что люди и слэны не отличаются особенно друг от друга. Удивительно крепкая мускулатура слэнов объясняется не новым типом мышц, а

ускоренным прохождением нервных импульсов, активирующих эти мышцы. Имеются также увеличение числа нервов в каждой части тела, делая поэтому, слэнов гораздо более чувствительными, ко всем внешним раздражителям.

Два сердца не являются по-настоящему двумя сердцами, это просто одно комбинированное сердце, каждая секция которого действует независимо друг от друга. Вместе, оба сердца были ненамного больше одного сердца нормального человека. Так, что это всего лишь более хороший насос!

И, наконец, завитки-антены, которые посылают и принимают мысли. Как показали наши исследования, они выросли из слабо изученных образований в верхней части коры головного мозга, которые, очевидно, должны были быть источником неустойчивости телепатического обмена мыслями, известного у более ранних народов и все еще практикующегося людьми.

Так что вы должны понять, что то, что сделал Самоэль Ленн своей жене с помощью изобретеной им мутационной машины, ничего не добавило нового к человеческому организму, а только изменило или побудило к мутации то, что уже существовало. Кстати, вы и без меня знаете,

что первых детей-слэнов было всего трое.

Кетлин показалось, что он говорит только ради того, чтобы выиграть время. Она чувствовала, что он полностью осознает сложившуюся ситуацию и понимает, что никакие логические аргументы не смогут разубедить такого человека, как Джем Лорри.

— Кетлин… Впрочем, я сообщаю вам всю эту информацию, — продолжал дальше свой разговор Кир Грей, — по той причине, что по-видимому, никто из вас до сих пор не удосужился исследовать истинное положение дел и сравнить с распространенными в народе убеждениями относительно слэнов. Возмем, хотя бы так называемое умственное превосходство слэнов, на котором есть ссылка в послании, полученном сегодня. Имеется одна старая иллюстрация по этому вопросу, на сегодня уже почти всеми забытая: эксперимент, во время которого Самоэль Ленн, этот в высшей степени необычный человек, вырастил детеныша обезьяны, ребенка-человека в ребенка-слэна при строгих научных обстоятельствах. Обезьяна была наиболее не по годам развитой, научившись в течение нескольких месяцев тому, что потребовало от слэна и человеческого ребенка гораздо больше времени. Затем

человек и слэн научились говорить, а обезьяна безнадежно отстала. Слэн и человек продолжали развиваться практически нога в ногу до тех пор, пока в возрасте четырех лет способности слэна к телепатии начали болезненно проявляться. С этого момента, ребенок-слэн стал постепенно обгонять человека.

Тем не менее, доктор Ленн позже обнаружил, что интенсификация ребенка-человека, интенсификация его обучения позволяет догнать слэна и оставаться примерно на одном уровне развития со слэном, в особенности по быстроте ума. Большим преимуществом слэна была возможность чтения мыслей, что давало ему непревзойденную проникновенность в психологию и более готовый доступ к образованию, тогда как человеческий ребенок мог впитывать информацию только посредством зрения и слуха…

Джон Петти грубо прервал плавную речь диктатора.

— То, о чем ты говоришь, Кир, мне давным-давно известно и в этом главная причина, почему мы не можем начать обсуждение мирных переговоров с этими… этими чертовыми искусственными существами. Для того, чтобы человек мог сравниться со слэном, ему нужно напрягаться многие

годы изо всех сил, чтобы получить то, что с такой легкостью достается слэнам. Другими словами, все кроме ничтожнейшей частички человечества неспособны быть ни чем иным, как рабом в сравнении со слэном. Господа, здесь не может быть мира, а только интенсификация методов искоренения чудовищ. Мы не можем рискнуть выполнять один из этих планов, достойных Макиавели, потому что опасость слишком велика, что все пойдет вдруг не так, как мы хотели.

Один из членов Совета заметил:

— Он прав!

Несколько голосов одобрили это утверждение и стало очевидным, каков будет приговор. Кетлин поймала жестокость во взгляде Кира Грея, когда он по очереди посмотрел на всех членов Совета.

— Если таким должно быть наше решение… я считаю смертельной ошибкой любого из нас взять эту девушку-слэна себе в качестве любовницы. Это может создать неправильное впечатление.

Последовавшая за этими словами тишина была тишиной одобрения и Кетлин бросила быстрый взгляд на лицо Джема Лорри. Он хладнокровно встретил ее взгляд, томно встал и подождав, когда она встанет и пойдет к двери, пошел рядом

с ней.

Он открыл перед ней дверь и тихо сказал:

— Это ненадолго, моя госпожа. Так что не стройте фальши надежды.

И он уверенно улыбнулся, глядя на ее стройную фигуру.

Но не об этой угрозе думала сейчас Кетлин, медленно идя по коридору. Она заметила, как изменилось лицо Кира Грея, когда Джон Петти потребовал ее смерти.

Это было очень странно. Особенно, те мягкие слова сказанные им минутой позже, о том что корабль слэнов управлялся по радио и сбитый валяется в болотах. Если это было так, почему же он был так ошеломлен ранее? Если же это было неправдой, тогда почему Кир Грей взял на себя ужасный риск солгать ради нее и наверное, даже теперь беспокоится об этом.

Глава 9

Джомми Кросс в упор посмотрел на ту пародию на человека, которую представляла из себя Грэнни. Он не ощущал в себе ярости, от того, что она предала его. Результатом была беда, будущее его стало пустым, непредсказуемым, бездомным.

Первой задачей для него было, что делать со старухой.

Она весело сидела в кресле, в необычайно дорогом и цветастом вечернем платье, туго спеленавшем ее нескладную фигуру. Она, хихикая, обратилась к нему:

— Грэнни что-то знает, да, Грэнни знает.

Ее слова превратились в бессвязное бормотание, но вскоре опять стали различимы:

— Деньги, о, всемогущий боже, да! Грэнни нахапала кучу денег себе на старость. Смотри!

С доверчивой невинностью старой пропойцы она вынула из-под платья пухлую черную сумку. Но тут же здавый смысл страуса заставил ее возвратить свое сокровище на прежнее место.

Джомми Кросс был сражен. Впервые по сути он увидел ее деньги, хотя всегда знал ее укромные места. Но иметь это прямо при себе, когда вот-вот

нагрянет полиция — такая глупость заслуживала самого большого наказания.

Но он все еще стоял в нерешительности. Напряженность в нем все больше росла — по мере того, как давление мыслей людей снаружи лачуги становилось все более невыносимой тяжестью в его сознании. Десять людей, все ближе и ближе, с тупорылыми автоматами в руках. У него было полное право оставить предательницу перед лицом разъяренных охотников, оставшихся без добычи. Оставить перед лицом закона, который гласил, что любой человек, без какого-то ни было исключения, должен быть повешен за укрывательство слэнов.

В мозгу юноши промелькнула кошмарная картина Грэнни на пути к виселице, Грэнни, умоляющей о милосердии, Грэнни, пытающейся сбросить веревки с шеи, дрыгающей ногами, царапающейся, кусающей своих душителей.

Он нагнулся и схватил ее за голые плечи. Он несколько раз встряхнул ее, так, что застучали ее зубы, так, что она стала всхлипывать от боли — и в ее глазах чуть-чуть блеснул здравый смысл. Он сказал резко:

— Если вы останетесь здесь, то вскоре умрете. Вы разве не знаете закона?

— Ха! — она приподнялась, несколько смущенная, затем снова скользнула в сточную канаву своего сознания.

Спеши, спеши, подумал он и принудительно погрузил свой разум в нечистоты ее сознания, стараясь своими словами разбудить последние остатки здравомыслия в ее разуме. И когда он готов был уже отступить, внезапно перед ним открылась крохотная секция ее мозга, в которой еще был страх и благоразумие почти погребенная под тяжелой массой бессвязных, расплывчатых мыслей.

— Х-хорошо, — пробормотала она. — У Грэнни много денег. Богачей не вешают. Подумай об этом.

Джомми отступил в нерешительности. Преследователи были все ближе и ближе, замыкая круг вокруг убогой лачуги. Его поразило их количество. Даже грозное оружие оружие в его кармане может оказаться бесполезным, если град пуль изрешетит заплесневелые стены комнаты. А для того, чтобы разрушить все мечты его отца было достаточно всего лишь одной пули.

— Тьфу, черт, — вслух выругался он. — Какой я дурак! Что я буду делать с вами, даже если вытащу отсюда? Все шоссе из города перекрыты. Есть

только одна реальная надежда на спасение, да и то она будет безнадежно трудной, а если еще будет мешать пьяная старуха, то… — Джомми покачал головой. — Я не представляю себе, как это я смогу взобраться на тридцатиэтажное здание с пьяной старухой на шее.

Логика говорила ему, что ему следует не обращать внимания на эту женщину. Он сделал пол-оборота и затем, еще раз мысль о том, что Грэнни повесят, повергла его в ужас. Каковы бы ни были ее пороки, само ее существование обеспечивало ему возможность оставаться в живых все эти долгие годы. Это был долг, который следовало платить!

Одним резким движением он вытащил из-под платья Грэнни черную сумку. Она что-то хмыкнула спьяна, и затем сознание вернулось к ней, когда он подразнил ее, держа сумку перед ее глазами.

— Смотри, — понукал он ее, — здесь все деньги, которые вы собрали. Здесь все ваше будущее. Без этого вы будете голодать. Без этого вы будете скребсти полы в ночлежках для бедняков. Вас будут избивать и, вполне возможно, смогут даже одним разом убить!

Через пятнадцать секунд старуха была уже

трезвой, со всей пылающей трезвостью, которая улавливает самое существенное с ясностью мысли закоренелого преступника.

— Грэнни повесят! — вскричала она.

— Мы должны поскорее убраться отсюда, — кивнул Джомми Кросс. — Вот, возьмите свои деньги.

Он сурово улыбнулся, глядя на то, с какой жадностью она вырвала сумку из его рук.

— У нас есть подземный туннель, который ведет из моей спальни в частный гараж на углу четыреста семидесятой улицы. Я достал ключ от автомобиля. Мы поедем на нем к Центру Воздушных Сообщений и украдем один из…

Он запнулся, сознавая непрочность этой последней части своего плана. Казалось невероятным, что у слэнов без завитков такая плохая организация, что ему удастся заполучить один из тех волшебных космических кораблей, которые они запускают в небо каждую ночь. Правда, он один раз уже сумел убежать от них с абсурдной легкостью, но…

Тяжело дыша, Джомми усадил старуху на плоскую крышу здания, внутри которого помещались космические корабли. Он тяжело бухнулся рядом с нею и лежал, стараясь перевести дух. Впервые

в своей жизни он почувствовал физическую усталость.

— Бог ты мой! — прошептал он. — Кто бы мог подумать, что старуха такая тяжелая!

Грэнни же никак не могла прийти в себя, потрясенная ужасом этого страшного подъема. Его мозг поймал первые предупреждения о взрыве брани, которая вот-вот могла слететь с ее губ. Его усталые мышцы сработали мгновенно. Одним быстрым движением он закрыл ладонью ее рот.

— Заткнись! — тихо приказал он. — Или я спущу тебя, старуха, вниз, как мешок с картошкой. Ты — причина возникшего затруднительного положения, и тебе придется волей неволей переносить стоически все последствия.

Его слова подействовали, как струя холодной воды. Джомми был вынужден прямо-таки восхититься, как быстро она отошла. Старая тварь, казалось, имела неистощимую силу. Она оттолкнула его руку от своего рта и угрюмо спросила:

— Что теперь?

— Нам нужно найти какой-нибудь путь вовнутрь здания и как можно быстрее.

Он взглянул на свои ручные часы, встрепенулся и вскочил на ноги. Без двадцати десять. Через двадцать минут можно будет наблюдать взлет

очередного корабля. Двадцать минут на то, чтобы овладеть этим кораблем!

Он приподнял Грэнни, легко перебросил ее через плечо и побежал к центру крыши. Не было времени искать двери, да к тому же на них были, наверное, еще датчики тревожной сигнализации, на изучение и ликвидацию которых также необходимо было время. Оставалось только одно. Где-то должен быть вертикальный ствол, по которому корабли устремляются в самые отдаленные районы солнечной системы.

Он почувствовал под ногами какое-то возвышение — небольшую плавную выпуклость. Мальчик на мгновение остановился и наощупь определил точную форму всего выпуклого места. Это и есть по всей вероятности крышка шахты. Джомми быстро выхватил отцовское атомное ружье из кармана и направил дезинтегрирующий огонь вниз.

Он заглянул в отверстие диаметром чуть больше метра, в туннель, который шел глубоко вниз точно под углом в шестьдесят градусов. Сто, двести, триста метров сверкающей металлической стены, и когда глаза Джомми привыкли к полумраку, постепенно стали вырисовываться контуры кораблы. Он увидел заостренный нос

и ракетные двигатели. У корабля был внушающий страх вид, но пока еще он был недвижим и беззвучен.

Мальчику казалось, что он смотрит вниз, в ствол огромной пушки, на снаряд, которым она вот-вот выстрелит. Сравнение это произвело на него настолько сильное впечатление, что некоторое время его мозг отказывался от мысли, что ему нужно сделать. В его разум вкралось сомнение. Осмелится ли он соскользнуть вниз по этому гладкому, как стекло, склону, когда в любой момент корабль может, устремляясь в небо, врезаться в него?

Мороз прошелся по телу Джомми. С трудом от оторвал взгляд от парализующей глубины туннеля и перевел его на отдаленное, смутно вырисовывающееся великолепие дворца, который он сначала не заметил, но затем стал смотреть со все более растущим восхищением. Все его мысли на время были заняты только этим зрелищем. Тело расслабилось. В течение нескольких долгих секунд он просто стоял, упиваясь красотой гигантского изысканного бриллианта, которым был этот дворец ночью.

Он был хорошо виден с этой высоты, расположенный чуть сзади двух небоскребов, и он

сверкал как алмаз. Но это не было ошеломляющим разум и туманящим взор сиянием. Он святился мягким, живым, чудесным пламенем, цвет которого менялся каждую секунду, великолепным и искрометным огнем, который переливался тысячами различных комбинаций, и каждая из них была не похожа на другую.

Тысячи вечеров он согревал свою душу красотой этого огня, и сейчас это чудо снова было перед ним, вливая в него силу и смелость. Он сжал губы и непреклонно взглянул в глубины этого гладкого и скользкого туннеля.

Опасность спуска в него символизировала его будущее, неясное и наименее предсказуемое когда-либо.

Здравый смысл подсказал, что слэны без завитков уже осведомлены о том, что здесь, на этой крыше. Здесь должна была быть тревожная сигнализация — обязательно должна была быть.

— Что это ты смотришь все время в эту дыру? — заскулила Грэнни. — Где нужная дверь? Время…

— Время! — произнес Джомми. На его часах было без четырех минут десять. Оставалось всего четыре минуты на то, чтобы овладеть цитаделью. Он уловил мысль Грэнни, догадавшейся о его намерении и ладонью закрыл ей рот, чтобы

не слышать ее трусливого визга. Еще секунда, и они стали падать вниз, безвозвратно предав свои тела силе тяготения. Они почти не ощущали движения, но мозг и глаза Джомми нельзя было ввести в заблуждение. Нос корабля стремительно приближался к ним, создавая иллюзию того, что корабль начинает надвигаться на них. Эта иллюзия была настолько реальна, что мальчик едва сдерживал себя от паники.

— Быстро! — прошипел он Грэнни. — Тормози ладонями! Тормози!

Старуху не надо было долго уговаривать. Из всех инстинктов в ее изношенном теле самым сильным был инстинкт самосохранения. Она цеплялась ладонями за металл, прижималась всем телом, стараясь как можно дальше раскинуть руки и ноги. Она боролась изо всех сил за свою жизнь, и какими бы жалкими не были ее попытки, ей удалось почти приостановить это безумное падение.

И вот им уже удалось проскользнуть мимо гигантского носа. В пространстве между корпусом корабля и стеной туннеля тело проходило почти свободно, но, опускаясь все ниже они больно бились о выступы на корпусе корабля и о какие-то непонятные рычаги и приспособления на стене.

Внезапно Джомми увидел пятно света, как раз под огромным корпусом, на металлическом полу, на котором покоилась хвостовая часть корабля. Откидная дверь! Здесь, за несколько секунд до отправления корабля! Он нашел дверь! Отверстие, диаметром более полуметра, в четвертьметровой толще корпуса. Он без колебаний подтянулся к отверстию, сжимая в кармане свое грозное оружие, готовый пустить его в ход при малейшем подозрительном движении. Но внутри никого не было. С первого же взгляда он понял, что это рубка управления. В ней было несколько кресел, приборная панель и какие-то огромные изогнутые светящие пластины по обе стороны от нее. И здесь также была открытая дверь, ведущая во второй отсек корабля. Мгновенье — и он уже внутри, таща за собой онемевшую от ужаса старуху. Затем он бросился ко второй двери.

У порога он остановился и заглянул за порог. Эта вторая комната была частично заставлена креслами, такими же глубокими и удобными, как и в рубке управления. Но почти половина комнаты была заставлена какими-то ящиками. В комнате было две двери. Одна вела по всей вероятности в третий отсек этого длинного корабля. Она была приоткрыта, и в этом третьем отсеке

виднелись такие же ящики и дверь, ведущая в четвертый отсек. Но именно взгляд на эту вторую дверь во втором отсеке заставил Джомми Кросса неподвижно застыть.

Из четвертого отсека исходил яркий свет, и на фоне его виднелись фигуры людей. Джомми напряг свой мозг и сейчас же погрузился в их мысли. И хотя ничего существенного он не смог обнаружить из-за того, что мышление их было прикрыто защитными барьерами, у него сложилось впечатление, что эти слэны без антен со страхом ждут чего-то.

Джомми стряхнул с себя обрывки их мыслей и метнулся к приборной панели, которая занимала всю переднюю часть рубки управления. На ней были десятки рядов каких-то измерительных приборов, масса неизвестных Джомми органов управления.

Он, конечно, не мог разобраться во всем этом за те несколько секунд, которыми он располагал. Плотно сжав губы, он уселся в ближайшее кресло, и плавно, не спеша, включил все выключатели и рукоятки, находящиеся перед ним.

Дверь за его спиной издала механический звук. Наступило внезапное удивительное чувство легкости, быстрого движения вперед, прижимаю-

щее тело в спинку кресла. Затем раздался низкий пульсирующий рев. Теперь сразу же стало ясным назначение двух изогнутых пластин. На одной из них, правой, появилась картина неба спереди. Были видны огни и земля далеко внизу, но корабль поднимался так круто, что Земля была видна только в самом низу экрана.

А вот в левом экране было видно все великолепие огней гигантского города, размеры которого поражали воображение и который все больше оставался позади корабля.

А затем город исчез, оставшись за полем зрения левого экрана. Осторожно Джомми выключил все ранее активированные им механизмы, по очереди следя за происходящими при этом явлениями. За две минуты он в общих чертах разобрался в принципах управления этим кораблем. Оставалась неясной роль всего лишь четырех тумблеров, но это могло подождать.

Он вывел корабль в горизонтальный полет, так как у него не было намерения уйти в космос. Это потребовало бы глубокого знания в деле обращения в этим кораблем, а его ближайшей целью должно было стать установление новой, безопасной базы для дальнейшего изучения корабля. Только после этого он смог бы заставить

корабль отвезти его в любое место, куда он только захочет…

Его мозг захлестнули мечты. Он почувствовал необычайную власть. Оставалось, конечно, еще сделать тысячу всяких вещей, но все же он был уже на свободе, достаточно взрослый и достаточно сильный, как умом, так и телом, и мог бы сам о себе позаботиться. Впереди у него было еще много лет, много долгих лет зрелости; за это время он изучит все то, что оставил ему отец, и научится пользоваться этими знаниями. Но прежде всего необходимо вступить в контакт с настоящими слэнами! Нужно хорошенько поразмыслить и разработать план поисков настоящих слэнов.

Мечты его прервались, так как внимание его внезапно полностью переключилось на разум Грэнни. Мысли старухи все время не выходили у него из головы, но только сейчас, он обратил внимание что она вошла в соседнюю комнату. В мозгу Джомми появилась картина того, что она видит. Но внезапно эта картина стала затемняться, как будто старуха начала медленно закрывать глаза.

Юноша схватил свое оружие, одновременно повернулся и метнулся в сторону. Сноп пламени из двери пересек то место, где только что нахо-

дилась его голова. Пламя коснулось приборной панели и погасло. Высокая взрослая женщина-слэн (конечно, не настоящая, без прядей!) стояла на пороге, направив на него дуло своего маленького серебристого пистолета. Она вся окаменела, когда увидела направленное на нее оружие Джомми. Глаза женщины были сверкающим омутом.

— Ты, змея проклятая!

Но несмотря на гнев, а может быть, именно благодаря ему, голос женщины был необычайно красив, и неожиданно Джомми Кросс почувствовал свое поражение. Вид этой женщины, ее голос, внезапно воскресили в его памяти воспоминания о матери, и тут он понял, что не сможет обратить свое оружие против этого восхитительного создания, так же как не смог бы поднять руку на свою мать. Несмотря на то, что его оружие угрожало ей точно также, как и ее пистолет угрожал ему, по существу он был беззащитен перед нею. И то, как она выстрелила ему в спину, указывало на непреклонную решимость, пылавшую в ней. Убийца! Безумная ненависть этих неполноценных слэнов к истинным сверхлюдям!

Но несмотря на свой испуг, Джомми смотрел на нее и все больше и больше восхищаясь ею. Стройная, сильная, гибкая, она стояла, чуть по-

давшись впред, словно бегун изготовившийся к бегу. На ней было простое прямое платье, слегка подобранное у талии. Ее прекрасное чувственное лицо с чуть припухлыми губами венчала корона из спадающих волнами волос каштанового цвета. Тонкий нос и слегка выдающиеся впред скулы придавали ее лицу выражение энергии и интеллектуальной силы. У нее была нежная, безупречная кожа и серые, как бы светящиеся изнутри глаза.

Нет, он не смог бы выстрелить. Он не был в состоянии уничтожить эту женщину, наделенную такой утонченной красотой. Ее разум был отгорожен таким же барьером, как и у других слэнов без завитков, но этот барьер, так же как и у них, не охватывал всю интеллектуальную деятельность их мозга, поскольку лишенные способности чтения мыслей, они не понимали, каким должно было быть экранирование их собственных мыслей.

Первое время, мальчик не осмеливался отвлечься, чтобы проанализировать излучаемую сознанием этой женщины вибрацию. Он не сводил глаз с этой чрезвычайно опасной особы. Их оружие было направлено друг на друга, каждый нерв и каждая мышца их тел находились в состо-

янии крайнего напряжения и внимания.

Женщина заговорила первой.

— Все это очень глупо, — сказала, наконец, она. — Мы могли бы сесть, положить наше оружие на пол и обсудить спокойно создавшееся положение. Это ослабило бы невыносимую напряженность, но наши позиции остались бы фактически неизменными.

Джомми почувствовал недоумение. Это предложение указывало на ее слабость перед лицом опасности, однако, это совсем не отражалось на смелом выражении ее лица. Это, с одной стороны, психологически усиливало его положение, но с другой стороны, у него было подозрения, даже убежденность, что, приняв ее предложение, он только усилит грозящую ему опасность.

— Преимущество будет тогда на вашей стороне, — медленно произнес он. — Вы — взрослый слэн, ваши мышцы лучше скоординированны. Вы можете быстрее, чем я, схватить свое оружие.

Она кивнула, по сути соглашаясь с ним.

— Да, это верно. Но фактически преимущество на вашей стороне, поскольку у вас есть возможность следить за моими мыслями.

— Совсем наоборот, — солгал он без запинки. — Когда ваш мозг прикрыт, то барьер столь

сильный, что я не смогу предугадать ваши намерения, а когда это сделаю, боюсь, что это будет слишком поздно.

После этих слов он понял, насколько несовершенным было экранирование ее мыслей. Несмотря на то, что он в основном был сосредоточен на грозящей опасности и поэтому старался предупредить возможный обман с ее стороны, ему удалось все же извлечь из ее сознания краткую, но достаточно ясную историю этой женщины.

Ее имя было Джоанна Хиллори. Она была профессиональным пилотом на линии Земля — Марс. Но это был ее последний полет перед перерывом во много месяцев. Причиной этому было то, что она недавно вышла замуж за инженера, который работал на Марсе, и сейчас она ждет ребенка — так что ее переведут вскоре на другую работу, которая будет не столь напряженная по сравнению с теми перегрузками, которые она испытывает во время путешествий в космосе.

Джомми почувствовал облегчение. Женщина, которая ожидает ребенка, вряд ли пойдет на отчаянный шаг.

— Ну, хорошо. Давайте одновременно положим наше оружие и сядем.

Как только оружие оказалось на полу, юноша взглянул на женщину и улыбка, искривившая ее губы, ошеломила его. Стало ясно, что женщина иронически смеется над ним.

— А теперь, когда ты себя обезоружил, — сказала спокойно женщина,

— приготовься к смерти!

Охваченный ужасом, Джомми оцепенел, глядя на крошечный пистолет, сверкнувший в ее левой руке. Она, должно быть, все это время прятала это величиной с игрушку оружие, дожидаясь возможности пустить его в ход. Ее богатый, музыкальный голос звенел в ушах Джомми.

— Вот ты и принял на веру всю эту историю о бедной маленькой невесте, ожидающей ребенка и спешащей к любящему мужу! Взрослая змея ни за что не была бы такой легковерной. А молодой змееныш, на которого я смотрю, сейчас умрет из-за своей невероятной глупости.

Глава 10

Женщина-слэн держала свой пистолет твердо и не колеблясь готова была пустить его в ход. Но несмотря на весь свой страх и досаду, Джомми заметил как плавно и необычайно быстро движется корабль. Ускорения не было, просто безостановочное, бесшумное перемещение, и нельзя было определить, вращаются ли они вокруг Земли или корабль уже находился в открытом космосе.

Но как бы ни был напуган он, в его мозгу паники не было. Однако, не было и какого-либо плана действий. В его мозгу ничего не осталось, как только он до конца понял, что полностью одурачен. Эта женщина воспользовалась собственным своим недостатком для того, чтобы перехитрить его.

Она должно быть догадывалась о несовершенстве экранирования своих мыслей и поэтому почти с коварством хищника подкинула ему эту патетическую историю, предназначенную для того, чтобы внушить ему, что у нее ни за что не хватит смелости драться до конца, без глядки. Теперь же он отчетливо видел, что в ее смелости было нечто такое холодное, как сталь, равного

чему он и не помышлял когда-либо увидеть.

Он послушно прошел к одной из стенок, повинуясь ее угрожающему движению пистолета и с горечью увидел, как она нагнулась и подняла с пола оружие. И его и свое! Но ни на секунду она не отводила своего взгляда от него и рука ее, направляющая на него пистолет, ни разу не задрожала.

Она отложила свой маленький пистолет и взяв в правую руку свое прежнее оружие, спрятала прежнее в маленький ящик под приборной панелью.

Ее напряженность не оставляла ему надежд на то, что он мог бы каким-то образом заставить ее отложить свое оружие в сторону. То, что она не пристрелила его немедленно, означало, что она сначала очевидно хочет поговорить с ним. Но он не мог не приминуть этой возможностью и поэтому хрипло спросил:

— Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов, прежде чем вы меня пристрелете?

— Здесь я буду задавать вопросы! — сухо ответила она. — Какой мне смысл удовлетворять твое любопытство? Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Значит ты уже на такой стадии умственного

и эмоционального развития, когда с радостью воспринимаешь пятиминутную задержку перед смертью; и, подобно любому взрослому человеку, вероятно будешь доволен, когда узнаешь, что пока будешь отвечать на мои вопросы, я не нажму на курок этого электролучевого пистолета, хотя в конце концов тебя ожидает только смерть.

Джомми не стал зря тратить время на обдумывание ее слов.

— А как же вы будете знать, что я говорю правду?

— Правду можно извлечь из самого умного вранья, — она самоуверенно улыбнулась. — Мы, слэны, не умеющие читать мысли, были вынуждены развить нашу психологию до крайних пределов. Но какое тебе до этого дело? Тебя послали украсть этот корабль?

— Нет.

— Тогда кто же ты?

Он спокойно рассказал вкратце о своей жизни. И по мере того, как он рассказывал о своих заключениях, лицо женщины становилось все более удивленным.

— Значит, ты хочешь сказать мне, — резко прервала она его, — что ты есть тот самый мальчишка, который в свое время был в конторе

Центра Воздушных Сообщений?

Джомми кивнул.

— Меня ошеломило то, что эти двое слэнов без завитков были настолько пропитанны ко мне ненавистью, что не остановились бы даже перед убийством ребенка.

Он остановился, так как увидел, как вспыхнули глаза женщины.

— Наконец-то это прояснилось, — медленно сказала она. — В течение шести долгих лет мы обсуждали и анализировали, будучи в неведении, правильно ли мы поступили, позволив тебе убежать.

— Вы… позволили… мне убежать???

Она не обратила на него никакого внимания и продолжала свою речь:

— С той поры мы с беспокойством ждали следующего шага со стороны змей. Мы были совершенно уверены, что они не предадут нас, так как не захотели бы, чтобы наше величайшее изобретение — космические корабли

— попало в руки людей. Главное, что нас интересовало, что последует за этим первым пробным шагом. Теперь же, после твоей попытки украсть корабль, мы наконец, получили ответ.

Джомми Кросс молча слушал эти ошибочные

умозаключения и страх все больше охватывал его, страх, который не имел ничего общего с личной для него опасностью. Это был ужас перед этим немыслимым буземием войны слэнов против слэнов. Ужас вне всяких рамок воображения. В сочном же голосе Джоанны Хиллори вибрировали нотки триумфа.

— Очень хорошо, что мы теперь с уверенностью знаем то, о чем так долго подозревали. Мы обследовали Луну, Марс и Венеру. Мы уже добрались до спутников Юпитера, но ни разу не повстречались ни с чужими кораблями, ни с кораблями змей.

Вывод был неизбежен. По некоторой причине возможно, из-за того, что выдающие их локоны заставляют их все время находиться в движении, меняя места укрытий, змеи так и не смогли изобрести антигравитационные экраны, дающие возможность выйти в космическое пространство. Но какова бы ни была этому причина, логические умозаключения неизбежно приводили нас к тому, что межпланетные путешествия змеям не под силу.

— Вы и ваша логика, мисс, — заметил Джомми, — становится все более скучными… Совершенно невероятно, чтобы слэны могли так заблуждаться. Только на одну секунду, всего на

одну, попытайтесь быть благоразумной и представьте, просто представьте себе, что моя история правдива.

Легкая усмешка коснулась ее губ.

— С самого начала существовали только две возможности. Первую я уже обрисовала. Вторая — что ты на самом деле не контактировал до сих пор со соэнами — очень беспокоила нас все эти годы.

Если ты подослан слэнами, значит они уже знают, что мы контролируем Воздушные Сообщения. Но если ты слэн сам по себе, значит ты владеешь секретом, который рано или поздно станет этим змеям известен, когда ты волей или неволей вступишь с ними в контакт. Короче, если твоя история правдива, мы должны убить тебя, чтобы помешать в дальнейшем раскрытию нашего секрета. И поскольку наша политика по отношению к змеям такова, что мы стараемся исключить возможность хоть малейшей ошибки, в любом случае можешь уже считать себя мертвецом. Ее слова были жестокими и произнесены они были ледяным тоном. Но еще более угрожающим, чем ее тон, понял Джомми, было то, что эта женщина-слэн была выше таких категорий как «добро» и «зло», «истина» или «ложь». Его мир

был разбит вдребезги мыслью о том, что если эта аморальность была моралью и справедливостью слэнов, значит им нечего предложить миру, что могло бы сравниться с состраданием, добротой и душевной чуткостью, которые он так часто видел в сознании самых плохих и низких людей. Если все взрослые слэны были такими, то тогда не оставалось уже никакой надежды.

Его разум был потрясен этой ужасной, ошеломляющей бездной бессмысленной междуусобицы между настоящими слэнами, людьми и этими недослэнами, а также более личной, но и более мрачной и ужасной мыслью — неужели на самом деле все мечты его отца были бессмысленными перед лицом этого безумного братоубийства. Неужели все его тяжкие труды будут уничтожены и развеянны в прах? Бумаги с секретными записями результатов научных исследований отца, которые он совсем недавно извлек из катакомб, были в его карманах. Они будут использованы и обесчещены этими жестокими, безжалостными недослэнами… если только эта женщина доведен до конца свое намерение убить его. Несмотря на всю эту убийственную логику, несмотря на полнейшую невозможность того, что ему удастся ослабить бдительность взрослого слэна, он обя-

зан остаться живым, чтобы предотвратить эти ужасные последствия.

— Я тщательно рассмотрела твой случай, — сказала женщина. — У меня, конечно, есть достаточно власти, чтобы уничтожить тебя не консультируясь с нашими предводителями. Весь вопрос состоит в том, заслуживает ли твоя проблема внимания Совета? Или достаточно будет потом краткого сообщения? О каком-либо сострадании здесь не может быть и речи, так что надеяться тебе не на что.

Но надежда все таки появилась. Представив его случай на суд Совета, она предоставит ему время, а сейчас, время было жизнью.

— Я должен признаться, что мой разум потрясен междуусобицей слэнов. Разве ваши люди не понимают, насколько бы улучшилось положение слэнов, если бы начали сотрудничать с теми, кого вы так презрительно называете «змеями»? Надо же придумать такое — «змеи». Само это слово является доказательством вашего интеллектуального банкротства, вызывая мысли о пропагандистской компании, изобилующей лозунгами и эмоциями.

— Немного истории возможно просветит тебя в вопросе о сотрудничестве слэнов. — Усмехнулась

женщина. — Слэны без завитков существуют почти четыреста лет. Единственное отличие их от истинных слэнов то, что они рождаются без завитков. Ради целей безопасности мы образовали общины в отдаленных районах земного шара, где опасность обнаружения сведена почти к минимуму. Мы были готовы дать руку дружбы истинным слэнам, объединившись с ними перед лицом общего врага — расы людей!

Каков же был наш ужас, когда на нас самих нападали и убивали истинные слэны. Наша тщательно возведенная, изолированная цивилизация была уничтожена огнем и мечом этими змеями. Мы делали отчаянные попытки установить с ними контакт и стать друзьями, но все оказалось впустую. В конце концов, мы обнаружили, что только в таких в высшей степени опасных местах, как городах людей, мы можем обрести относительную безопасность. Там, где настоящие слэны из-за выдававших их антен не отваживаются появляться.

Змеи! А какое другое слово может им подойти? У нас нет к ним ненависти, но есть чувство недоверия горечи по поводу крушения всех наших планов. Наша тактика уничтожать слэнов на месте, основанна на самозащите, которая

постепенно и переросла в безжалостное, бескомпромисное отношение к ним.

— Но ваши лидеры, конечно, могли бы вступить в переговоры со слэнами?

— Переговоры? С кем? За последние триста лет мы не обнаружили ни единого прибежища настоящих слэнов! Да, случается, что мы ловим несколько слэнов, нападавших на нас. Убиваем некоторых, в небольших стычках. Но сейчас, мы ничего не знаем о них! Они существуют! Но где и как и какова их цель — об этом у нас нет ни малейшего представления. На всей Земле нет большей тайны, чем эта!

— Если только это правда, — перебил ее Джомми, — если вы, простите сударыня, не лжете, уберите на одно мгновенье барьер, чтобы я мог удостовериться в правдивости ваших слов. Я также считаю, что междоусобица среди двух разновидностей слэнов бессмысленна и безумна с первого и до последнего шага. Если бы я смог всецело убедиться, что это безумие односторонне, что это истинные слэны повинны в братоубийственной войне, что ж, я мог бы…

— Я мог бы! — перебила его женщина. — А что бы сделал? Помог бы нам? Неужели у тебя складывается впечатление, что мы поверим в

такую сказочку и отпустим тебя на свободу? Чем больше ты говоришь, тем более опасным я тебя считаю. Мы уже давно поняли, что змеи, вследствие того, что умеют читать мысли, превосходят нас и поэтому мы не можем себе позволить хотя бы ничтожный риск в отношении между нами и ими. Твоя молодость удлинила тебе жизнь на десять минут, но теперь, когда мне все стало о тебе известно, я не вижу целесообразности оставлять тебя в живых. Более того, похоже, что нет причин, почему вопрос, что сделать с тобой, следовало бы выносить на Совет. И так, еще один вопрос тебе, а потом смерть!

Джомми Кросс разгневанно взглянул на женщину. В нем уже не было ни дружелюбия, ни чувства родства между этой женщиной и его матерью. Если только эта маньячка говорит правду, значит будет очень опасно, если после его смерти самое могущественное оружие, какое мир только когда-либо знал, попадет в этот адский котел взаимной ненависти. И поэтому, он должен, да должен, нанести поражение этой женщине. Он должен спасти себя. Должен!

— Прежде чем вы зададите мне последний вопрос, мисс, — сказал он,

— подумайте серьезно, какая беспрецендент-

ная возможность предоставилась вам. Разве может быть, чтобы ваш разум был полностью искажен ненавистью? Согласно же вашему утверждению впервые в истории слэнов без антен вы ведете долгий разговор с настоящим слэном, со слэном, который хочет вам помочь, который абсолютно убежден, что два типа слэнов должны мирно сотрудничать, а не убивать друг друга в братоубийственной войне.

— Не будь дураком, — резко сказала она. — Любой слэн, когда мы его ловили, готов был наобещать нам что угодно.

Слова эти подобно удару попали в Джомми. Он весь съежился, чувствуя свое бессилие и недостаточность своих аргументов. В самых своих сокровенных мыслях он всегда рисовал взрослых слэнов как благородных существ, преисполненных величия, презирающих своих гонителей и от этого сознающих свое превосходство. Но готовых наобещать чего-угодно только ради того, чтобы спасти свою жизнь! Он поспешил вернуть утраченные им позиции.

— Это нисколько не меняет положения. Вы можете проверить все, что я рассказал о себе. О моих убитых отце и матери. То, что я вынужден был спасаться бегством из дома старьевщицы, ко-

торую вы ударили по голове в соседней комнате. Я с ней прожил несколько лет. Все это доказывает, что я говорю сущую правду. Я в самом деле настоящий слэн, который никогда не имел никаких отношений с тайной организацией слэнов. Разве можно просто так игнорировать возможность, представившуюся сейчас вам? Во-первых, вы и ваши люди должны помочь мне отыскать настоящих слэнов. Затем, я взял бы на себя роль связного

— установив тем самым контакт между двумя видами слэнов впервые в истории этих рас. Скажите мне, а вам по крайней мере известно, почему настоящие слэны ненавидят ваших соплеменников?

— Нет..., — в голосе Джоанны звучало сомнение. — У нас есть любопытное утверждение пленных слэнов по этому вопросу. Так вот, они заявляют, что истинные слэны терпеть не могут существование любой другой разновидности слэнов. Только в высшей степени совершенный продукт машины Самоэля Ленна должен жить на Земле!

— Машины... Самоэля... Ленна? — Джомми Кросс почувствовал, что чтото внутри его оборвалось. — Вы на самом деле считаете, вы считаете

что это правда… неужели вы думаете, что первоначальные слэны были произведены машиной?

Он увидел, что женщина удивленно посмотрела на него.

— Я уже почти что верю в правдивость твоей истории. Я считала, что каждый слэн знает, что Самоэль Ленн воздействовал на свою жену с помощью мутационной машины. Позже, в течение безымянного периода, который последовал после войны со слэнами использование мутационной машины вызвало появление новой разновидности: слэнов без завитков. Разве твои родители ничего не знали об этом?

— Предполагалось, что это сделаю я, — печально сказал Джомми. — Я должен был провести расследование, наладить контакты, в то время как отец и мать подготавливали…

Он остановился, чувствуя досаду на самого себя. Сейчас не время признаваться в том, что отец посвятил всю свою жизнь науке и не потратил бы ни единого дня на то, что считал длительным и пока что необязательным делом. Первое же упоминание о науке могло привести к тому, что эта проницательная женщина проверит его оружие. По всей вероятности она считает, что это одна из разновидностей ее электролучевого пистолета.

— Если эти машины все еще существуют, — продолжал Джомми, — значит все эти обвинения людей в том, что слэны превращают детей в чудовища, правдивы.

— Я видела некоторых из этих монстров, — кивнула Джоанна Хиллори.

— Это были, конечно, неудачные экземпляры. Дефекты в работе машин случаются, к сожалению, очень часто.

Все, во что он так долго верил, верил страстно и с гордостью, сейчас рушилось как карточный домик. Все, что он считал безобразной ложью, отнюдь не было выдумкой. Борьба с людьми шла с совершенно непостижимой бесчеловечностью.

— Я должна признаться, — заметила женщина, — что несмотря на мою уверенность в том, что Совет все же примет решение уничтожить тебя, представленные сейчас тобой доводы несколько изменили положение. Я решила, что ты д о л ж е н предстать перед Советом.

Как только до него дошел смысл сказанных ею слов, он почувствовал необычайное облегчение. Наконец-то у него появилось то, в чем он так отчаянно нуждался: время, драгоценное время! Было бы время — и какая нибудь случайность поможет ему спастись.

Женщина осторожно подошла к большой приборной панели и нажала кнопку.

— Вызываю членов Совета… Срочно… Пожалуйста настройтесь сейчас же на волну семь тысяч четыреста тридцать один для немедленного принятия решения по делу, связанного со слэнами.

Немедленное решение! Он был сердит на себя за то, что позволил надежде вкрасться в его душу. Ему следовало бы догадаться, что наличие радио делало необязательным его фактическое присутствие на заседании Совета. Если только у членов Совета не возникнет выводов отличных от выводов Джоанны Хиллори, в противном же случае, его ждет смерть!

В наступившем молчании был слышен только приглушенный рокот ракет. Судя по свисту воздуха в рассекателях, корабль все еще находился в земной атмосфере. Но самое главное — молчание позволило мальчику обнаружить настойчивый поток мыслей Грэнни — активную, сознательную деятельность разума Грэнни. Старая мошенница пришла в себя от удара женщины-слэна, который похоже был только временной мерой. Но занявшись Джомми Кроссом, Джоанна Хиллори совсем выпустила из головы старуху. А та, довольно трезво оценила создавшуюся сейчас ситуацию.

Джомми широко распахнул свой мозг перед потоком мыслей Грэнни.

«Джомми, она убьет нас обоих! Но у Грэнни есть план. Сделай какой

— нибудь знак, что ты слышишь меня. Постучи тихонько ногой, Джомми. У Грэнни есть план, как помешать ей расправиться с нами».

Это послание неизбежно повторялось раз за разом, хотя и не всегда одинаково отчетливо и вразумительно. Но главное было в том, что Грэнни была жива, что она осознала грозящую им опасность, и что самое главное, она готова сотрудничать, чтобы любым способом остаться в живых.

Джомми как будто невзначай стукнул ногой о пол раз, другой; громче, сильнее…

«Грэнни поняла».

Он перестал стучать.

«У Грэнни есть даже два плана. Первый — Грэнни начнет громко кричать. Это отвлечет внимание женщины и ты сможешь броситься на нее. А Грэнни кинется тебе на помощь… Второй — Грэнни подымется с пола, прошмыгнет к двери, а затем прыгнет на женщину, когда она будет проходить мимо ДВЕРИ. Вот тогда ты и набросишься на нее. Грэнни передаст тебе „Один“, затем „Два“.

Стукни ногой после того номера плана, который тебе покажется лучшим. Только подумай немного, перед тем как сделать свой выбор».

Раздумывать особенно не приходилось. Первый план он сейчас же отверг. Врядли громкий крик или шум может подействовать на стальные нарвы слэна. Физическое нападение было для них единственной надеждой.

«Один!» — раздалась мысль Грэнни в его мозгу. Он подождал, следя за напряженным беспокойством в мозгу Грэнни, за ее простодушной слабой надеждой, что он посчитает первый план удовлетворительным и тем самым ей не придется рисковать своей собственной жизнью претворяя в жизнь второй план. Но все же она была очень опытной старой мошенницей и глубоко в своем сознании была сама убеждена в слабости первого плана. Наконец, ее мозг испустил слово «Два!»

Джомми Кросс постучал ногой и одновременно с этим понял, что Джоанна Хиллори говорит в микрофон, излагаю его историю и предложение сотрудничать, а затем и собственное мнение о необходимости уничтожения его.

Из скрытого динамика он слышал глубокие голоса мужчин, сочные вибрирующие голоса женщин. Но он почти не был в состоянии уло-

вить нить их рассуждений, хотя и догадался, что между членами Совета есть разногласия.

Одна из женщин захотела узнать его имя.

— Ваше имя, — раздался ее голос из радио.

Джомми стоял, молча, не понимая, что это непосредственно обращенный вопрос относится к нему.

— Ты что глухой? — резко сказала Джоанна Хиллори и отошла от передатчика в направлении к двери. — Она хочет знать твое имя!

— Имя? — удивился Джомми Кросс и часть его сознания отметила неожиданность этого вопроса. Но в этот напряженный момент ничего не могло по настоящему отвлечь его. Сейчас или никогда! Как только он постучал ногой, все посторонние мысли вылетели у него из головы. Он знал только то, что Грэнни стоит сейчас за дверью. Он ощущал вибрацию ее мозга, в которой были и напряженность ее тела, и удерживающий на месте инстинкт самосхранения, и в последний момент просто ужас. Он беспомощно ждал, пока старуха все-таки сможет одолеть сковавший ее паралич.

И именно память о тысячах незаконных дерзких вылазках в течение всей ее долгой черной карьеры придала ей силы. Она ворвалась в

комнату с горящими глазами, оскалив зубы и бросилась на спину Джоанны Хиллори. Она обхватила своими тощими руками тело женщины и громко завизжала.

Из пистолета Джоанны Хиллори блеснуло пламя, но оно пришлось в пол. Затем, как зверь, молодая женщина вывернулась из столь ненадежных объятий и обрушила всю свою неотразимую силу на старуху. Какое-то мгновение Грэнни еще отчаянно цеплялась за ее плечи. Но именно этого мгновения так не хватало раньше Кроссу. В этот момент он рванулся, но тут же остановился. В это же самое мгновение раздался пронзительный крик Грэнни, когда женщина сумела вырваться из цепких, как клешни, пальцев Грэнни и швырнула ее изможденное тело на пол.

Джомми не стал зря тратить время. Он понимал, что его сила не идет ни в какое сравнение с силой этой женщины. И когда она как тигрица бросилась на него, он нанес ей один сильный резкий удар по горлу тыльной стороной своей кисти. Это был опасный удар, требовавший предельной координации мышц и нервов. Он легко мог бы сломать ей шею, но при искусном выполнении мог на некоторое время лишить сознания.

Джомми подхватил женщину, чтобы она не

упала и даже тогда, когда он осторожно опускал ее тело на пол, его мозг настойчиво пытался проникнуть в ее разум, через брешь в барьере. Но биение ее мозга было очень медленным — ведь она потеряла сознание и юноше был слишком неясен застывший калейдоскоп картин ее разума.

Он начал осторожно трясти Джоанну Хиллори, следя за ходом ее мыслей; за тем, как они меняются синхронно с теми изменениями, которые начали происходить в ее теле. Однако, для выявления всех подробностей времени не было и когда общая картина стала все более и более для него угрожающей, он неожиданно бросил ее и поспешил к радио. Несколько раз грубоко вздохнув, он через мгновение заговорил ровным тоном:

— Я все еще изъявляю желание обсудить с вами вопрос об отношениях дружбы. Я бы мог оказать вам значительную помощь.

Ответа не было.

Джомми повторил свои слова снова и кроме того, добавил:

— Я очень стремлюсь заручиться поддержкой такой могущественной организации, как ваша. Я даже верну вам этот корабль, если вы логически убедите меня, что я не попаду, сделав такую лю-

безность, в засаду.

Тишина! Он выключил радио и повернувшись, угрюмо взглянул на Грэнни, которая полусидела, полулежала на полу.

— Похоже, что все это зря, — устало сказал мальчик. — Все это, этот корабль, эта женщина-слэн, все это только часть западни, в которой не оставлено места для случайности. В этот самый момент нас преследуют, в сознании Джоанны этот факт отмечен, семь тяжело вооруженных шестисоттысячетонных крейсеров. Их поисковые приборы реагируют на наши антигравитаторы, так что никакая тьма нас не скроет. Нам конец!

Проходили часы и с каждым уходящим мгновением все более отчаянным становилось их положение. Фантастическая ночь! С одной стороны — понимание того, что в любую минуту их могут сокрушить, а с другой — Джомми Кросс как зачарованный смотрел на видеоэкран, где удивительная картина раскрывалась перед ним. Мир огней, ярко разбегающихся во все стороны, озера, моря, океаны огней, маленьких ферм, сел, малых и больших городов и многомильных колоссов-мегалополисов. В углу, где лежало тело женщины-слэна послышалось какое-то шуршание, Джомми оглянулся и увидел как Грэнни

заканчивает вязать на руках и ногах Джоанны узлы стягивающих пут. Старуха закончила свое дело, отошла немного в сторону, полюбовалась произведением своих рук, покачала от удовольствия головой и села в ближайшее кресло.

Джомми опять посмотрел на женщину и увидел, что та пристально смотрит на него. Прежде, чем он успел раскрыть рот, она спросила:

— Ну, ты уже решил?

— Что именно?

— Когда ты убьешь меня, конечно!

Мальчик медленно покачал головой. — Для меня, — сказал он, — самым страшным в ваших словах является нгепреклонная уверенность в том, что следует либо убивать, либо быть убитым самому. Я не намерен убивать вас. А вот освободить, это надо еще подумать!

— В моем отношении к жизни, — спокойно заметила Джоанна Халлори,

— нет ничего удивительного. В течение сотни лет настоящие слэны убивали всех попадавшихся им на глаза моих соплеменников! Несколько сотен лет мы платим им те же! Что может быть еще более естественным?

Джомми Кросс нетерпеливо пожал плечами. Слишком много неопределенного было в его

знаниях о настоящих слэнах, чтобы он позволил себе ввязаться в дискуссию, особенно когда весь его ум должен быть сосредоточен на том, как бы спастись.

— Меня не интересует эта трехсторонняя война между людьми и слэнами. В данную минуту важно, что нас преследует семь боевых кораблей.

— Жаль, что тебе удалось обнаружить это, — заметила женщина-слэн.

— Теперь все твое время займет бесполезное беспокойство и составление планов спасения. Было бы намного менее жестоким, если бы ты чувствовал себя в безопасности. Когда бы ты обнаружил обратное, уже ничего нельзя было бы поделать. Через мгновение наступила бы смерть!

— Но я еще не мертвец! — вскинул голову Джомми и голос его стал неожиданно резким. — Я не сомневаюсь в том, что для полувзрослого слэна я слишком уж самонадеян, считаю, что всегда должен быть какой-нибудь выход из такое западни. При всем моем уважении к уму взрослых слэнов, я не забываю о том, что ваши соплеменники не имеют горького опыта поражений. Почему, например, раз уж мое уничтожение является столь несомненным, почему так тянут с этим военные

корабли? Почему не нападают?

Джоанна Хиллори улыбнулась и ее сильное, красивое лицо немного расслабилось.

— Ты ведь не ожидаешь, что я отвечу на этот твой вопрос, не так ли?

— Да, — кивнул Джомми, не понимая причины для ее веселья. — Вы должны понять, что за те немногие часы, что я провел в этом корабле, я немного повзрослел. До этого, я на самом деле был слишком невинный, был идеалистом. Например, в те несколько первых минут, когда мы целились друг в друга, вы могли бы уничтожить меня без всякого сопротивления с моей стороны. Для меня вы были представителем расы слэнов, а все слэны должны объединяться. Я не смог бы нажать на спуск, не загубив этим свою душу. Вы же ждали, только для того, чтобы допросить меня. Но теперь, положение изменилось.

— Я кажется начинаю понимать, чего ты хочешь.

— Все действительно очень просто, — угрюмо кивнул Джомми Кросс. — Вы или отвечаете на мои вопросы, или я ударив вас по голове, получу необходиму мне информацию прямо из вашего разума, когда вы будете выляться тут без сознания. Это будет конечно трудно, но я поста-

раюсь...

— Как же ты будешь знать, что я говорю правду, — женщина остановилась, глубоко раскрыв глаза. — Ты ожидаешь...

— Да! — Он иронически взглянул в ее сверкающие ненавистью глаза — Вы уберете экран из своего сознания.

— Никогда!

— Конечно, я не думаю, — продолжал Джомми, сделав вид, что не слышал реплики слэна, — что у меня будет абсолютно свободный доступ к вашему сознанию. Я не возражаю против того, что вы будете контролировать свои мысли в узком диапазоне предмета разговора. Но ваш экран должен быть снят — немедленно!

Она с отвращением смотрела на него.

— Что меня удивляет, — продолжал мальчик, — так это то, какие странные комплексы развиваются в разуме тех, кто не имеет прямого телепатического контакта с другими людьми. Может быть, недослэны построили внутри себя неприкосновенный, тайный внутренний мир и подобно другим чувствительным человеческим существам ощущают стыд, когда кому-нибудь другому удается заглянуть в него? Вот материал для психологических исследований, которые

могли бы пролить свет на тайные причины войны слэнов против слэнов. Однако, вернемся к нашей прерванной теме. Запомните, что я уже был в вашем мозгу. Запомните также, что в соответствии с вашей собственной логикой через несколько часов мы все на этом корабле перестанем существовать!

— Конечно, — быстро ответила женщина, — это верно. Ты умрешь, в этом я не сомневаюсь. Поэтому, я могу ответить на все твои вопросы!

Разум Джоанны Хиллори был подобен книге, толщину которой нельзя было измерить. Приходилось проверять все бесконечные множества страниц, немыслимо богатую, невероятно сложную структуру миллиардов переплетенных между собой понятий и представлений, накопленных и рассортированных в течение многих лет работы острого и наблюдательного интеллекта. Среди самых недавних впечатлений Джомми обнаружил картину невыразимо тусклой планеты, покрытой невысокими горами, засыпанной песком, где все, абсолютно все было заморожено — Марс! Картину великолепного, закрытого стеклопластиком купола большого города, каких-то огромных землеройный машин, копающих грунт в свете мощных прожекторов.

Путаница мысленных образов несколько уменьшилась, как только Джоанна заговорила. Она говорила неспеша, но Джомми не пытался подгонять ее, несмотря на то, что он прекрасно понимал, что счет времени идет уже на секунды, что в каждую минуту их может настичь смерть.

Недослэны поняли с самого начала, как только он начал подниматься по стене здания на крышу, что кто-то хочет вмешаться в их дело. Пытаясь выяснить его основную цель, они решили не останавливать его, хотя и могли без труда уничтожить. Ему предоставили несколько возможностей добраться до корабля и он использовал один из них, — хотя здесь вмешался один неизвестный, неожиданный фактор — не сработала сигнализация.

Причина, по которой боевые корабли медлили с его уничтожением, заключилась в том, что они не решались воспользоваться своим оружием над столь плотно заселенным материком. Если бы их корабль поднялся выше или летел бы над морем, нападение было бы осуществлено тотчас. С другой стороны, если бы он и дальше предпочел кружить над этим материком, у него через дюжину часов закончится топливо, но перед этим взойдет Солнце и в его блеске слэны смогут

применить свои смертоносные электролучевые орудия.

— Предположим, — сказал Джомми, — что я приземлюсь где-нибудь в центре большого города. Я мог бы убежать и затеряться среди множества домов и людей.

Джоанна Хиллори покачала головой.

— Если скорость корабля снизится до трехсот километров в час, он будет немедленно уничтожен, пусть даже с риском обнаружения себя в ночном небе. Не забывай, мальчик, что мои товарищи надеются все же спасти мне жизнь, захватив корабль неповрежденным. Теперь ты видишь, что я совершенно искренне рассказываю тебе обо всем.

Джомми Кросс замолчал, убедившись в существовании такой огромной опасности. Они полагались только на грубую силу своих тяжелых орудий и на их количество. И все это против одного несчастного слэна, одного корабля. Насколько велик их страх, что они тратят столько усилий и средств, так мало получая взамен.

— Мы ставим змей вне наших законов, — как бы прочла его мысли Джоанна Хиллори и ее серые глаза загорелись холодным огнем. — То, что ты украл, является настолько драгоценным,

что если ты сбежишь, это будет величайшим бедствием в нашей истории.

— Вы слишком полагаетесь на допущение, что у настоящих слэнов пока что еще нет антигравитационных устройств. Моя цель на ближайшие годы отыскать прибежище слэнов; и скажу вам честно, что все, о чем вы мне порассказывали здесь, звучит для меня не слишком убедительно. Сам факт того, что они так спрятались, указывает на их неизмеримую изобретательность.

— Ход наших рассуждений очень прост, — заметила Джоанна, — мы не видим ракетных кораблей настоящих слэнов — потому что их у них нет. Даже вчера, этот нелепый полет к дворцу, их самолет, пусть даже очень красивый с виду, приводился в движение многотактными реактивными двигателями, от которых мы отказались еще сто лет назад. Логика, как и наука, делает обобщения на базе наблюдений, так что…

Джомми Кросс был подавлен. Все, что думал он раньше о слэнах, оказалось неверным. Они были групцами и убийцами. Она затеяли глупую, безжалостную, братоубийственную войну с недослэнами. Они рыскали по стране, воздействуя на человеческих матерей своими дьявольскими мутационными машинами — и уродства, которые

появлялись в результате этого, уничтожались медицинскими властями. Безумное, бесцельное уничтожение!

Все это совершенно не соответствовало его прежним убеждениям.

Это как-то не вязалось с благородным характером его отца и матери. Это никак не вязалось с гениальностью отца и с тем фактом, что несмотря на то, что он сам шесть лет жил под влиянием омерзительной Грэнни, он остался нетронутым и неиспорченным. И, наконец, это навязалось с тем, что он полувзрослый настоящий слэн храбро пошел навстречу западне, устроенной специально для него и благодаря единственной лазейке в их сети, одному неучтенному фактору, до сих пор избежал возмездия!

Его атомное ружье!!! Еще один фактор, о котором никто не подозревает. Оно, конечно, бесполезно против военных крейсеров идущих по пятам за ним. Уйдет не меньше года на то, чтобы построить достаточно мощный проектор, который мог бы достать эти корабли на большом удалении и разнести их в клочья... Но одно оно так может сделать! Чего бы оно не коснулось, его огонь дезинтегрирует этот предмет на составляющие атомы. И, ей богу, подумал он, дайте мне

только немного времени и чуть-чуть удачи!

Огонь прожектора залил его видеоэкран. Одновременно с этим корабль подпрыгнул как игрушка от сильного удара. Заскрежетал металл, затряслись стенки, замигали на пульте сигнальные огоньки и затем, когда вновь наступила убийственная тишина, Джомми бросился к ракетным активатам.

Корабль рванулся вперед с головокружительным ускорением. Преодолевая невыносимое давление он подался вперед и включил передатчик.

Если только он не убедит их повременить, ему так и не удастся воплотить в жизнь единственный имеющийся у него план.

Богатый, резонирующий голос Джоанны Хиллори был эхом его собственных мыслей.

— Что ты намере делать? Отговорить их от того, что они собираются предпринять? Ну не будь же ты таким глупым. Раз они в конце концов решили пожертвовать мною — то за твою жизнь они не дадут и медяка!

Глава 11

Снаружи ночное небо было темным. Вокруг не было признаков вражеского корабля. Внутри корабля напряженное молчание было взорвано хриплым криком и шквалом ругательств. Грэнни проснулась.

— В чем дело? Что происходит?

Короткая пауза и затем внезапно гнев ее остыл и начался безумный страх. Воздух потрясли порожденные этим страхом непристойные ругательства и проклятия. Грэнни не хотела умирать. Пусть эти чертовые слэны передерутся между собой, но при чем же здесь Грэнни. К тому же, у нее есть деньги и если…

Она была пьяна. Сон, в котором она находилась, позволил спиртному вновь овладеть ее организмом. Джомми Кросс немедленно отгородился от потока ее мыслей и слов и сказал в микрофон:

— Вызываю командира крейсера! Вызываю командира! Джоанна Хиллори жива! Я готов освободить ее на заре при одном только условии, что мне возволят снова подняться в воздух.

Наступила тишина. Затем воздух наполнил спокойный женский голос:

— Джоанна, ты здесь?

— Да, Мариан.

— Очень хорошо, — продолжал этот же спокойный женский голос. — Мы принимаем предложение со следующими условиями. Вы сообщите нам за час до посадки, где ее осуществите. Пункт приземления должен быть по меньшей мере за километров сто от ближайшего большого города. Если вы допускаете, что сумеете скрыться, что ж, в вашем распоряжении будут два часа. А у нас будет Джоанна Хиллори. Честный обмен!

— Я согласен, — сказал Джомми Кросс.

— Подождите! — вскричала пленница. Но Джомми Кросс был намного быстрее, чем она. За секунду до того, как слово слетело с ее губ, он выключил передатчик.

— Вам не следовало вновь устанавливать защитный экран в своем мозгу. Этого предупреждения было мне вполне достаточно. Но, конечно, я опередил бы вас в любом случае. Если бы вы не воздвигли барьер, я бы уловил ваши мысли, — он подозрительно взглянул на нее. — К чему эта неожиданная безумная страсть пожертвовать собой только для того, чтобы лишить меня двух лишних часов жизни?

Она молчала. На лице ее было такое задумчи-

вое выражение, какого он еще не видел.

— Может ли случиться так, что вы действительно подарите мне возможность бегства?

— Меня все еще интересует, — наконец, вымолвила женщина, — почему это сигнальное устройство, там, в здании, где находился корабль, не известило нас о том, с какой именно стороны ты приближаешься к кораблю? По-видимому, сработал фактор, который мы не брали в расчет. Если ты умудрился сбежать на этом корабле…

— А я и сейчас сбегу, — тихо сказал Джомми Кросс. — И буду жить наперекор людям, наперекор Киру Грею и Джону Петти, наперекор всей этой банде убийц, живущих во дворце. Я буду жить наперекор этой огромной организации недослэнов с их жаждой крови! И когда-нибудь, я отыщу настоящих слэнов! Не сейчас, потому что нечего юноше надеяться на успех там, где потерпели неудачу тысячу ваших соотечественников. Но я разыщу своих единокровников и в тот день… — он замолчал на мгновение. — Мисс Хиллори, мне хочется заверить вас, что ни этот, ни какой-либо другой корабль не будет использован против ваших соотечественников.

— Твои слова опрометчивы, — ответила женщина, и в ее тоне звучала неожиданная горечь. —

Как ты можешь заверять меня в чем-либо от имени тех, кто верховодит в Совете змей?

Джомми Кросс внимательно посмотрел на пленницу. В ее словах была правда. Но тем не менее он осознал свое величие и свое предназначение. Он сын своего отца, наследник отцовского гения. Дайте только время, и у него будет неодолимая сила.

— Сударыня, при всей моей скромности, я все же могу сказать, что из всех слэнов, живущих сейчас, нет более значительного, чем сын Питера Кросса. Куда бы я ни шел, всюду сказывались мои слова и воля. В тот день, когда я разыщу настоящих слэнов, навсегда закончится война с вашим народом. Вы сказали, что мое бегство было бы несчастьем для ваших соплеменников; скорее, это будет их величайшая победа. Когда-нибудь и вы, и они поймут это.

— Между прочим, — женщина-слэн печально улыбнулась, — у тебя есть два часа на то, чтобы спастись от семи тяжелых крейсеров, принадлежащих истинным властителям Земли. Ты, кажется, до сих пор еще не осознал, что мы фактически не боимся ни людей, ни змей. Наша организация настолько обширна, что трудно вообразить даже ее размеры. В каждой деревне,

в каждом большом и маленьком городе есть своя подпольная ячейка недослэнов. Мы знаем свое могущество, и в один прекрасный день мы выступим открыто, для того, чтобы взять власть над планетой в свои руки. И…

— И это будет означать войну! — вспыхнул Джомми.

— Мы сокрушим все сопротивление, — хладнокровно сказала Джоанна Хиллори. — На это уйдет минимум два месяца!

— И что же после этого? Вы намерены обречь на вечное рабство все население земли, все четыре миллиарда людей?

— Мы неизмеримо превосходим их. Нам ли жить, бесконечно таясь, жить в уединении холодных планет, когда сама зеленая Земля предназначена нам. Нам надоела эта вечная борьба с враждебной природой других планет. Мы жаждем независимости от людей, которых ты так доблестно защищаешь! Думаю, что с тобой бы они разбираться не стали. Прихлопнули бы как муху и все! Ты должен понять, что этим людишкам мы ничем не обязаны, кроме тех страданий, которые они несут нам. Обстоятельства вынуждают нас отплатить им сторицей.

— И это будет несчастием для всех.

— Фактор, который работал на тебя там, в Центре Воздушных Сообщений, когда мы просто ожидали, как повернутся события, не может теперь помочь тебе, когда мы преисполнены решимости покончить с тобой, покончить с помощью наиболее сильных средств, имеющихся у нас. За минуту от этой машины останется только горсть пепла, которая упадет на землю как облачно сверкающей пыли.

— За одну минуту! — воскликнул Джомми Кросс. — Хватит этих проклятых разговоров. Я должен перенести вас в соседнюю комнату. Я должен смонтировать кое-что в носовой части корабля, а поэтому, не хотел бы, чтобы вы видели, что я собираюсь предпринимать.

...За мгновенье до того, как Джомми Кросс перенес Джоанну Хиллори через рубку к шлюзовой двери и опустил ее на пол, она увидела огни города на западе через смотровой экран. Корабль стоял на земле. Джомми Кросс открыл шлюз и развязал женщину.

Держа в руке ее электропистолет (свое собственное оружие он укрепил в носовой части корабля, как задумал) он внимательно следил за женщиной, которая на мгновение задержалась в дверях. Заря на востоке четко обрисовала силуэт

ее сильного красивого тела. Ничего не сказав, она спрыгнула на землю.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросила она. Ее лицо было на уровне нижней части двери.

Мальчик пожал плечами.

— Не совсем уверенно, но смерть мне кажется отдаленной и неприложимой ко мне.

— Даже более, чем это, — последовал честный ответ. — Нервная система слэна — почти неприступная крепость. Она не может быть задета бедумием нервов или страха. Когда мы убиваем, то это просто продолжение политики, продиктованной холодной логикой. Когда смерть приближается к нам самим, мы спокойно встречаем ее, борясь до последнего, в надежде, что какой-нибудь неучтенный фактор еще может спасти нас, и в конце концов, неохотно уступаем необходимости, сознавая, что жили мы не зря.

Он с любопытством взглянул на нее, удивившись неожиданному дружелюбию ее слов и мыслей, заполнивших ее разум. Какая цель этого?

— Джомми Кросс, возможно, это удивит тебя, но я поверила твоей истории, и что ты не просто заявляешь, а действительно имеешь идеалы, которым стремишься следовать. Ты первый

настоящий слэн, с которым мне довелось встретиться и, впервые в моей жизни, у меня такое чувство облегчения, как будто после всех этих веков борьбы исчезает смертельная тьма. Если тебе удастся избегнуть наших орудий, я прошу тебя сохранить свои идеалы и когда ты станешь старше. Еще об одном я хотела бы тебя просить — не предавай нас! Не стать слепым орудием у созданий, которые сеят смерть и разрушение вот уже много веков подряд. Ты всегда будешь в моем сознании и ты знаешь, что я не лгу об этом тебе. Не становить змеей — вот о чем я тебя прошу! Какой бы не была их философия, она неправильна, потому что бесчеловечна. Она должна быть неправильной, так как породила эти нескончаемые страдания.

Если ему удастся спастись! Если ему это удастся, они будут зависеть от его доброй воли и поэтому, она старается заслужить хорошие воспоминания о себе!

— Но запомни одно, — продолжала Джоанна Хиллори, — ты не можешь ожидать помощи от нас. Мы должны, во имя своей безопасности, считать тебя противником. Слишком многое зависит он этого. Так что не ожидай в ближайшем будущем милосердия к себе за то что освободил

меня. Не пытайся проникнуть к нам потому что, я предупреждаю тебя, это будет означать быструю смерть.

Ты понимаешь, что мы уверены в превосходстве разума истинных слэнов, вернее, в более высоком развитии интеллекта, что обусловлено способностью к чтению мыслей. Нет такого коварства, на которое они не были бы способны, так же как и нет такой жестокости, которую они бы не проявляли. Твои планы могут отнять тридцать, а то и все сто лет. Следовательно, хотя я и верю тому, что ты мне говорил, неопределенность того, каким ты станешь, когда будешь взрослым, заставила бы меня тут же убить тебя, будь это в моих силах. Не доверяй никогда нашей доброй воле. Не терпимость, а подозрение правит нами. А теперь прощай, и как бы парадоксально это не звучало — удачи тебе!

И она быстро пошла на запад, по пути, который вел в город. И когда она скрылась за холмом, Джомми закрыл шлюз, ринулся в кладовую и снял со стены два космических скафандра. Старуха что-то протестующе лепетала, когда он запихивал ее в один из них. Одев второй, он прошел в рубку управления.

Его пальцы устремились к выключателям

антигравитационных пластин, но тут в душу к нему вкралось сомнение — возможно ли, что его простой план на самом деле будет осуществлен?

В небе над ним показались крохотные темные точки кораблей. Там уже вовсю сияло солнце, заливая своим светом узкие сигарообразные корпуса кораблей на фоне невообразимого голубого небосвода. С волшебной скоростью исчезал туман и облака над маленькой долиной, и теперь мальчик понял, что даже погода против него. Через несколько минут видимость станет такой, что у него почти не останется шансов на то, чтобы спастись.

Его разум был настолько поглощен этим, что когда он уловил чью-то расплывчатую мысль, ему показалось, что она родилась в его собственном мозгу.

«… не надо беспокоиться. Старая Грэнни избавится от слэна. Достанет грим и изменит свое лицо. Что в том, что когда-то она была актрисой, если не может изменить свою внешность! Грэнни сделает себе белое красивое тело, какое когда-то было у нее, и изменит это старое лицо. Ха!»

Эти мысли многое напомнили Джомми. Его родители часто применяли поддельные волосы, но необходимое при этом уничтожение собствен-

ных волос приводило к тому, что антены-завитки приходилось тоже уничтожать! Тем не менее, настоящим слэнам приходилось все время заниматься этим. Сейчас он был уже достаточно взрослым, чтобы как следует заняться своими волосами, а опыт и помощь Грэнни могут оказать ему неоценимую помощь.

Теперь, когда начал вырисовываться четкий план последующих действий, исчезла вся прежняя нерешительность. Легко, как мотылек, корабль оторвался от земли и с огромной скоростью взмыл в небо, когда ожили его ракетные двигатели. Пять минут на ускорение и торможение — вот что было у него, как сказал командир эскадры крейсеров. Джомми улыбнулся. Он не собирался замедлять скорость. С той же огромной скоростью он нырнул к реке, которая протекала в окрестностях города, города, который он выбрал именно из-за того, что рядом с ним текла река. И только в последний момент он включил полное замедление.

И в этот последний момент, когда уже было слишком поздно, в этот момент была поколеблена самоуверенность командиров кораблей слэнов. Они словно позабыли свою прежнюю нерешительность показываться вблизи городов

людей и использовать свои тяжелые орудия на виду у всех. Они, как ястребы, устремились вниз; из всех семи крейсеров засверкали вспышки огня… Джомми Кросс тихонько потянул за провод, который был прикреплен к спуску его собственного оружия, смонтированного на носу корабля.

Яростный удар снаружи добавил еще скорости к тремстам милям в час его корабля. Он едва обратил на это внимание, на этот единственный эффект огня противника. Его внимание было приковано к собственному оружию. Как только он потянул за провод, сноп огня проделал в толстом носу корабля отверстие диаметром более полуметра и, подобно урагану, ринулся вниз, рассекая воду перед сигарообразным корпусом. В образованный таким способом туннель проскользнул корабль под аккомпонемент ужасных взрывов, расположенных в передней части тормозных ракет.

Видеоэкраны потемнели, как только и снизу и сверху оказалась вода. Они стали совсем черными, когда вода закончилась, и невообразимая свирепость атомного дезинтегратора стала непрерывно высверливать туннель в грунте, все глубже и глубже.

Это было похоже на полет в воздухе, только

здесь почти не осуществлялось сопротивления, и только рев хвостовых ракет напоминал о движении вперед. Атомы грунта, расщепленные на свои составные части, теряли свою механическую твердую структуру и превращались в легко преодолимое газовое обрако первоначальной материи, из которой в течение миллиардов лет образовалась Земля и все остальные планеты Солнечной Системы.

Прошло двадцать…тридцать секунд… минуту. Джомми Кросс стал постепенно выравнивать нос корабля. Через две с половиной минуты подземного полета корабль остановился. Он должен был находиться вблизи центра города — там остался туннель длинной в двадцать километров, в который хлынула вода из реки. И хотя в воде следов не остается, у Джомми не было сомнений в том, что недослэны поняли, что произошло, и имеют в своем распоряжении приборы, которые смогут в любую секунду определить местонахождение его корабля.

Джомми Кросс рассмеялся. Ну и пусть знают. Что они могут теперь с ним сделать? Конечно, впереди еще много опасностей, особенно, когда он и Грэнни достигнут поверхности. К этому времени уже будет оповещена о случившемся вся

организация недослэнов. Тем не менее, это все еще в будущем. Пока что победа за ним и это было приятно, после всех отчаянных, утомительных часов неопределенности. Теперь черед за планом Грэнни, согласно которому им нужно разделиться друг от друга и замаскироваться.

Черная сумка с деньгами, которые теперь были так нужны ему, лежала на коленях старухи под защитой похожей на клешню руки. Прежде, чем она успела разгадать его намерение, он выхватил это сокровище. Грэнни завизжала и набросилась на него. Он хладнокровно не подпускал ее к себе.

— Не волнуйтесь. Я решил принять ваш план. Я попытаюсь замаскироваться под человека, и мы разделимся. Сейчас я намерен дать вам пять тысяч. Остальные вы получите назад через год. Вот что вы обязаны сделать.

Мне нужно какое-нибудь место, где я мог бы жить. Поэтому вы должны подняться в горы и купить какое-нибудь ранчо или нечто вроде этого. Когда вы устроитесь на новом месте, дайте объявление в местной газете. Я дам ответное объявление, и мы снова будем вместе. Я забираю на это время деньги только для того, чтобы вы не смогли меня предать. К сожалению, вы сами когда-то поймали меня, и теперь нам придется

вместе переносить все невзгоды, так как нам теперь угрожает равная опасность. А сейчас мне нужно пойти закупорить туннель. Когда-нибудь я надеюсь оборудовать этот корабль атомными двигателями и не хочу, чтобы он сейчас достался противнику.

Ему, конечно, нужно быстро уйти из этого города и начать путешествие через континент. Он обязательно должен найти настоящих слэнов. Так же, как случайно встретились его отец и мать, он, возможно, так же случайно встретит еще одного настоящего слэна. И кроме того, нужно провести еще различные исследования прежде, чем приступить к осуществлению еще туманного, но грандиозного плана, который постепенно начал обрастать очертаниями в его голове. Плана, который позволит найти путь к сердцам настоящих слэнов.

Глава 12

Он искал — и он трудился. В тихой цитадели своей лаборатории на ранчо в горах, купленном Грэнни, он постепенно претворял в жизнь планы и проекты, завещенные отцом. Сотнями различных способов он научился управлять неограниченной энергией, которую он должен был в равной степени передать как слэнам, так и людям.

Он открыл, что эффективность изобретенного отцом основана на двух главных факторах: что источником энергии может быть даже крохотная частичка материи и что выход этой энергии не обязательно должен быть в форме тепла.

Эта энергия может быть направлена в электричество, или могла быть превращена в движение, вибрацию или радиацию.

Он начал сооружать свой собственный арсенал. Он превратил ближайшую к ранчо гору в крепость, хотя и понимал, что она не выдержит совместной атаки людей и недослэнов. Но это было уже что-то. Опираясь на предпринятые им меры по самообороне, он стал еще более решительным в своих поисках.

Казалось, что он всегда был или на дорогах, ведущих за горизонт, или в чужих городах, в каждом из которых были бесчисленные скопища людей. И хотя он всегда был один, одиночество не затрагивало его, так как его всепоглощающая ненасытная душа, казалось, всегда была наполнена живым итересом к грандиозной драме, ежедневно разворачивавшейся над ним. Куда бы он ни направлялся, всюду он натыкался на различные следы деятельности организации недослэнов, и с каждой неделей он все больше и больше недоумевал — где же настоящие слэны?

Загадка эта казалась безумной, необъяснимой. Она никогда не покидала его. Она преследовала его, когда он бродил по улицам сотен, а может быть, и тысяч городов.

В каждом городе он дожидался наступления вечера, шел к ближайшему газетному киоску, покупал все местные газеты и затем возвращался к своему автомобилю. С виду это был самый обычный автомобиль. На самом же деле это была боевая машина на колесах, от которой он никогда не отходил более, чем на сотню метров. Прохладный вечерний ветер шуршал в переворачиваемых им страницах, которые он быстро пробегал взглядом.

На этот раз ветер стал еще более холодным, неся с собой влажный запах дождя. Он сложил газету и залез в кабину машины. Через час он швырнул семь ежедневных газет в урну, установленную на тротуаре. Углубленный в собственные мысли, он тяжело облокотился на руль своей машины.

Все та же старая история. Две газеты были явно собственностью недослэнов. Мозг Джомми легко отмечал ничтожные отличия, особый стиль статей, особое словоупотребление, которые отличали газеты недослэнов от газет, выпускаемых людьми. Две из семи! Но именно эти две газеты имели наибольший тираж. И в каждом из городов это можно было принять за правило.

Вот и все. Люди и недослэны. Никакой третьей группы, не было никаких отличительных признаков, которые могли бы предсказать ему то, что газета выпущена настоящими слэнами. Мальчик начинал сомневаться в правильности его теории розыска. Оставалось только еще получать все еженедельники и проводить все вечера, так же как и дни до этого, проезжая по улицам, осматривая каждый дом и прощупывая мозг каждого прохожего.

Наконец, Джомми встряхнулся и поехал на восток, уходя от бури, которая поглотила остав-

ленный им город. Еще один город, еще одна неудача.

Корабль окружала темная и спокойная вода, когда, наконец, на третий год Джомми Кросс вернулся в туннель. Копошась в грязи, он стал чинить раненную его атомным оружием машину. Сначала он заделал отверстие в носу корабля десятидюймовыми стальными листами. Затем в течение целой недели он был занят перестройкой структуры обшивки корпуса с помощью своих различных атомных инструментов. Атом за атомом, кристал за кристалом он превращал металл корпуса корабля в новую сверхпрочную сталь.

Еще несколько недель заняло у него изучение антигравитационных пластин и изготовление точной копии их. Стремясь поиздеваться над недослэнами, он оставил эту копию здесь, в туннеле, так как именно пластины, как он смог определить, обнаруживаются детекторами недослэнов. Пусть продолжают считать, что корабль по-прежнему находится в прежнем месте.

Наконец, еще неделя прошла в монтаже атомного привода, и вот после трех месяцев каторжного труда, в конце холодной октябрьской ночи, корабль вернулся по туннелю назад, движимый не знающими преграды двигателями, и выныр-

нул под завесой ледяного дождя.

Дождь превратился в колючий снег, но Джомми был уже над облаками, вне жалкой ярости земных стихий. Над ним простерся огромный купол небес, на котором ярко горели бессчисленные звезды. Вот Сириус, самый сверкающий бриллиант в небесной диадеме, вон красный, зловещий Марс. Но сегодня он не намеревался еще направляться туда. Пока еще Марс может подождать. Сегодня он намеревается осуществить только небольшой пробный полет — осторожная вылазка на Луну — полет, который вкупе с его логикой, должен дать весь необходимый опыт, для последующего долгого и опасного путешествия, которое, казалось, становилось с каждым месяцем более неизбежным по мере его совершенно бесплодных поисков. Когда-нибудь ему все же придется отправиться на Марс!

Его размышления были прерваны сигналом тревоги. На переднем видеоэкране заплясал огонек. Притормозив, Джомми стал наблюдать, как меняется положение огонька, и, когда тот приблизился, мальчик с удивлением обнаружил, что это большой корабль.

К этому времени уже начался рассвет, и было четко видно, что корабль не направляется в его

сторону. Он прошел мимо его корабля, купаясь в лучах восходящего солнца, менее чем в сотни миль, громадное сооружение длиной в триста метров из гладкого черного металла. Через мгновение неизвестный корабль нырнул в тень Земли и тут же исчез. Через полчаса звонок тревоги прекратился.

А затем, всего лишь через десять минут, он зазвенел снова. Второй корабль был еще дальше, идя под прямым углом к траектории первого. Это был значительно меньший корабль, чем предыдущий, и двигался он не по прямой, а рыскал из стороны в сторону.

Когда и он исчез в отдалении, Джомми Кросс стал быстро снижаться, охваченный ужасом. Крупный боевой корабль и истребитель. Зачем? Похоже, что это патруль. Но не против же людей! Они ведь и не подозревают о существовании недослэнов и их кораблей.

Джомми замедлил ход своего корабля и задумался. Он еще не был готов рисковать, бросая вызов хорошо оснащенным боевым машинам. Осторожно мальчик начал поворачивать свой корабль, и прямо посреди разворота истерично заверещал сигнал тревоги. Бросив внимательный взгляд на экран переднего обзора, он обнаружил

прямо по курсу небольшой темный предмет, похожий на метеорит; Джомми резко бросил корабль в сторону, но неизвестный предмет повернул вслед за ним, словно какое-то живое чудовище, рожденное в глубинах космоса. Предмет становился все больше и больше, пока не предстал из себя небольшой металлический шар, примерно полметра в диаметре. Джомми Кросс поспешно пытался убрать свой корабль с его траектории, но прежде чем ему удалось совершить новый разворот, раздался оглушительный взрыв, швырнувший его на пол. Сотрясение не дало ему возможности подняться с пола. Он был ошеломлен, все в нем болело, но он с радостью понял, что остался жив и что стены его корабля смогли выдержать этот чудовищный взрыв.

Корабль трясся с головокружительной амплитудой. Джомми все-таки взял себя в руки и залез в кресло пилота. Да, он наткнулся на мину!!! На плавающую в космосе мину! Какие ужасные меры предосторожности — но от чего или может быть, кого???

Он осторожно направил свой корабль в новое убежище, построенное им под ранчо Грэнни. У него не было ни малейшего представления, сколько придется держать его здесь спрятанным.

Он не был еще готов для противоборства с недослэнами…

В течение первых нескольких месяцев, после того, как он впервые попал на эту ферму, которую купила ему Грэнни, он постарался добиться контроля над мыслями каждого из нескольких сотен людей, населяющий идиллическую долину с ее вечно зелеными подножьями холмов. Сначала ему требовалось для этого коллосальные усилия, но по мере того, как росло его знание человеческой психики, он обнаружил, что может со все большим успехом воздействовать на мозг этих не очень-то интеллектуальных фермеров.

Поэтому-то сейчас он не боялся появиться в дневном небе над долиной, чтобы скрыться в своем убежище под ранчо. Гипнотически обработанные поселенцы все равно не обратят никакого внимания на странный объект промелькнувший в небе…

Глава 13

Она была в западне. Кетлин Лейнтон сразу же напряглась. Молодое тело выпрямилось над открытым ящиком письменного стола Кира Грея, содержимое которого она изучала.

Она уловила вибрацию разума Кира Грея и еще одного человека, которые были уже в коридоре, ведущем к кабинету диктатора. Ей стало досадно. Уже несколько недель она ждала заседания Совета, для того чтобы проникнуть в комнату Кира Грея и просмотреть кое-какие документы. Наконец, Совет отправился на заседание, но кто бы мог подумать, что оно так быстро закончится.

Она была в западне! И все же она не раскаивалась в том, что вошла сюда. Серьезность ее положения все более и более осознавалось ею. Быть пойманной на горячем! Она перестала укладывать бумаги назад в ящик и выпрямилась. Уже не было времени — Кир Грей начал открывать дверь своего кабинета.

Она села в кресло и повернула голову навстречу вошедшим. При виде девушки красивое лицо шефа тайной полиции потемнело, глаза его прищурились, он резко повернулся к диктатору. Кир

Грей насмешливо приподнял бровь, в его улыбке сквозил едва уловимый намек на иронию.

— Хелло, девочка, — сказал он. — Что привело тебя сюда?

Кетлин пришла к выводу, что ей нужно сказать, однако Джон Петти опередил ее:

— Она шпионит за вами, Кир! — выкрикнул он.

Казалось, что присутствие шефа тайной полиции в критические моменты ее жизни было мрачным предначертанием для нее. Сейчас девушка почувствовала — был именно один из таких моментов, а из всех людей на Земле никто не прилагал столько усилий и такую полную ненависть и жажду видеть ее мертвой. Тем временем Джон Петти продолжал:

— В самом деле, Кир. Мы опять драматически возвращаемся к тем вещам, о чем спорим. На следующей неделе этому слэну будет двадцать один год, и у нее будут все устремления и мысли, присущие для слэнов. Будет она и дальше жить здесь, пока в конце концов не умрет от старости в возрасте ста пятидесяти лет — ведь это такой фантастический срок, или…

— Кетлин, разве ты не знала, что я на заседании Совета?

— Держу пари, что знала, — вмешался Джон Петти, — а его преждевременное окончание стало неприятным сюрпризом для нее.

— Я отказываюсь отвечать на любые вопросы, — холодно изрекла Кетлин, — в присутствии этого человека. Он старается выглядеть спокойным и рассудительным, однако, несмотря на странный способ, с помощью которого он прячет свои мысли, есть отчетливая струя беспокойства, исходящая из него. А на поверхности его сознания мгновение назад выплыла мыслишка, что наконец-то он сможет убедить вас, сэр, что меня нужно уничтожить.

Лицо диктатора стало задумчивым, и на нем появилось отражение враждебности. Она слегка дотронулась к поверхности его разума и ощутила, что барьер, воздвигнутый на пути его мыслей, стал еще более плотным.

— Если припомнить историю, — наконец начал Кир Грей, — ее обвинение против вас, Джон, вполне обоснованно. Ваше желание ее смерти…основано, конечно, на вашем антислэновском рвении, однако, такой фанатизм странно видеть в столь чрезвычайно способном и умном человеке.

Джон Петти, казалось, нетерпеливым жестом

отмахнулся от этих слов.

— Да, это правда, я хочу ее смерти, но одновременно и не хочу. Что касается меня, то этот слэн представляет серьезную угрозу для государства, когда находясь здесь, во дворце, читает мысли всех членов Совета. Я просто хочу, чтобы ее убрали с дороги; и совсем не будучи сентиментальным по отношении к слэнам, я считаю смерть наиболее действенным способом добиться этого. Тем не менее, я не настаиваю на таком приговоре. Но я серьезно думаю, что мое предложение должно заслуживать внимания. Ее следует о б я з а т е л ь н о перевести в какое-нибудь другое место.

По мыслям Кира Грея, которые были на поверхности его разума, трудно было судить о том, что он думает по этому поводу.

— В тот самый момент когда меня переведут из этого самого дворца,

— язвительно заметила Кетлин, — я буду убита! А как сказал один раз десять лет назад мистер Грей, когда ваш наймит, Джон Петти, пытался меня убить, «раз уж слэна убили, то всякие расследования по этому поводу могут повлечь за собой нежелательные подозрения…»

Она остановилась, потому что поняла, что Кир Грей заговорил тихим, мягким голосом, голосом,

какого ей еще не доводилось от него слышать:

— Слишком быстро ты уверовала себя в том, что я не могу тебя защитить. А вообще-то, я думаю, что предложение Джона не лишено смысла.

Она взглянула на него, застыв от ужаса. Диктатор продолжал:

— Ты должна собрать свою одежду и имущество и подготовиться к убытию в течение ближайших двадцати четырех часов.

Первое потрясение прошло, разум ее стал гораздо спокойнее. Знание того, что Кир Грей больше уже ее не защищает, пришло очень быстро, не нуждаясь в каких-либо дополнительный аргументах.

Что ошеломило ее — так это то, что не было улик, на которые он мог бы опереться, вынося такое страшное решение. Он даже не взглянул на бумаги, которые она в спешке собрала в кучу на столе. Следовательно, его решение было основано только на факте ее присутствия здесь и на обвинениях со стороны Джона Петти.

А это вызывало удивление, потому что в прошлом он не раз защищал ее от Петти при гораздо более зловещих обстоятельствах. И она безнаказанно заходила в этот кабинет по крайней мере уже десяток раз, причем он не раз заставал ее

здесь.

Это означало, что решение было принято заранее и, следовательно, было вне всякой аргументации, которые она могла бы надеяться выдвинуть. Она ощутила, что в сознании Джона Петти возникло большое чувство изумления. Перед той легкостью, с какой ему далась эта победа. На поверхности его сознания было чувство неудовлетворенности и желания продолжать схватку. Он внимательно оглядел комнату и остановился перед столом.

— Весь вопрос в том, что она искала в вашем кабинете, Кир! Что это за бумаги? — он не был из робких и поэтому, стал внимательно перекладывать листки. — Гм..м, это список старых убежищ слэнов, которыми мы все еще пользуемся, как ловушками для неорганизованных слэнов. К счастью, этот список настолько велик, что вряд ли у нее было достаточно времени запомнить их расположение.

Ошибочность такого заключения не слишком обеспокоила Кетлин. Очевидно, Петти и не подозревал, что в ее памяти мгновенно запечатлелись не только месторасположение каждого из тайных убежищ слэнов, но и почти фотографический отпечаток системы тревожной сигнализации,

которую установила тайная полиция в каждом из убежищ с целью своевременного предупреждения о том, что в него вошел ничего не подозревающий слэн. В соответствии с анализом одного из отчетов, должен быть какого-то рода мыслепередатчик, который давал бы возможность одиноким и чужим слэнам обнаруживать эти убежища. Но все это было не столь важным в данный момент.

Что действительно встревожило девушку, так это Кир Грей. Диктатор как-то странно смотрел на бумаги.

— Это более серьезно, чем я предполагал, — сказал он медленно, и сердце Кетлин оборвалось. — Она рылась в ящиках моего стола.

Кетлин напряженно думала: «Совсем не обязательно было говорить это Джону Петти. Прежний Кир Грей никогда не снабдил бы ее смертельного врага подобной информацией, которая могла бы использоваться против нее.»

У Кира Грей были холодные глаза, когда он повернулся к ней. Странно, но его разум был таким же спокойным и хладнокровным, как и раньше. Он был, поняла она, совсем не разгневан, он просто с ледяной решимостью порывал с нею.

— Тебе следует уйти в свою комнату, чтобы

собраться и ждать дальнейших указаний.

Она отвернулась и услыхала, как Джон Петти сказал:

— Вы неоднократно говорили, сэр, что сохраняете ей жизнь только для того, чтобы изучать ее жизнь. Если же она уедет отсюда, то эта цель уже не может быть достигнута. Следовательно, я надеюсь, что она будет помещена под надзор тайной полиции.

Кетлин закрыла за собой дверь и побежала по коридору в свою комнату, отключив свой ум от наблюдения за мыслями, которые таились в головах этих двух людей. У нее не было ни малейшего интереса к подробностям любого лицемерного плана по ее убийству, который возможно сейчас разрабатывали диктатор и его приспешник. Ей было ясно, что следует предпринять. Она открыла дверь, ведущую из ее комнаты в один из главных коридоров, поздоровалась с часовым, который едва ответил на ее приветствие и спокойно направилась к ближайшему лифту.

Теоретически, ей было позволено подниматься только до высоты в сто пятьдесят метров, ангары же для самолетов и вертолетов находились выше еще на сто пятьдесят метров. Но молодой коренастый солдат, обслуживающий лифт, не выдержал

боковой удар в челюсть. Как и большинство других людей, он никак не мог представить себе, что эта высокая, тонкая девушка столь опасна для девяностокилограммового мужчины в расцвете сил. Он оказался без сознания еще до того, как обнаружил свою ошибку. Это было жестоко, но она связала проводом его руки и ноги и использовала провод, чтобы закрепить кляп, который она затолкала ему в рот.

Прибыв на крышу, она сейчас же произвела быструю мысленную разведку непосредственного окружения лифта, затем открыла дверь ангара и быстро прикрыла ее за собой. Менее чем в десяти метрах от нее стоял самолет. Чуть поодаль стоял еще один аппарат, возле которого возились три механика. Какой-то солдат разговаривал с ними.

За десять секунд она подбежала к самолету и забралась в его кабину. За долгие годы она многому научилась, читая мысли офицеров-летчиков. Взревели реактивные двигатели, огромная машина покатилась вперед и взмыла в воздух.

— Ого! — донеслась вслед мысль одного из механиков. — Опять полковник вылетает.

— Скорее всего за еще одной юбкой, — заметил солдат.

Через два часа она достигла выбранного ею убежища слэнов. Она произвела посадку, перевела самолет на автопилот, вылезла из машины и отправила аппарат в полет на восток. В течение последующих дней она жадно высматривала какой-нибудь автомобиль, но только на пятнадцатый день из-за деревьев, окаймляющих старинное шоссе, показалась длинная черная машина, которая явно двигалась в ее сторону. Девушка напряженно ждала. Она обязательно должна заставить водителя остановиться. Ей просто необходимо захватить этот автомобиль. В каждую минуту сюда может нагрянуть тайная полиция! Она ждала, не сводя взгляда с автомобиля.

Глава 14

Наконец-то холодные прерии оказались позади. Джомми Кросс свернул точно на восток, затем на юг. И заехал… по-видимому, в бесконечную серию полицейских заслонов. Однако, никто не делал попыток остановить его, и в конце концов он наткнулся в мыслях нескольких человек на то, что разыскивается девушка — слэн!

В первый момент он с трудом воспринял этот факт — настолько сильной оказалась вспыхнувшая в нем надежда. И это,конечно, не могла быть женщина-недослэн. Люди, которые отличали слэнов только по их завиткам, знали кого искать! Его мечта, наконец, могла осуществиться!

Он умышленно направился в том направлении, которое они должны были особо тщательно прошарить. Для этого пришлось съехать с главной дороги и поехать по второстепенной, которая вилась по лесистым долинам и пересекала высокие холмы. С утра день был пасмурным, но к полудню выглянуло солнце и засияло в бирюзово-голубом небе.

Его четкое ощущение, что он близок к самому сердцу опасной зоны, внеозапно еще более усили-

лось, как только какая-то мысль извне коснулась его сознания. Пульсация этой мысли была слабой, однако смысл ее был столь необычайно важен, что разум его всколыхнулся.

«Внимание, слэны! Это работает Поргравская Мыслепередающая Машина. Пожалйста, сверните на боковую дорогу в полумиле впереди. Дальнейшая инструкция будет передана позже.»

Джомми нажал на тормоз и остановил движение машины. Нежная и настойчивая, эта мысль пульсировала в нем, как ласковый летний дождь. «Внимание, слэны!... Пожалуйста сверните...»

Он продолжал молча сидеть в автомобиле добрых пять минут, пока не пришел в себя от радостного известия и не продолжил свой путь. Чудо свершилось. Слэны где-то поблизости! Возможно, такой передатчик мог бы сделать и одиночка, но что-то в этом послании говорило о наличии общины...О, слэны...

Однако, тут же ему в голову пришла мысль, что это может быть и западней. Может быть, это просто устройство, оставшееся от давно уже не существующего поселения слэнов. Существенной опасности для него, конечно, не было, у него был его чудо-автомобиль и оружие, способное парализовать ударную силу противника. Но не следует

отвергать возможность того, что эту мыслепередающую машину установили люди в качестве приманки и теперь окружают примыкающую к ней местность, в надежде, что кое-кто все-таки попадется.

Через полмили прошел еще один мысленный приказ и, повинуясь ему, Джомми свернул на проселок, петлявший по лесной чаще. Через пять километров следующее послание заставило его неожиданно остановиться.

«Говорит передатчик Порграйва. Он ведет вас, настоящего слэна, к небольшой ферме, на которой имеется вход в подземный город. Город с заводами, парками и зданиями для жилья. Добро пожаловать в наш город! Говорит передатчик…»

Еще немного и Джомми Кросс очутился в заросшем сорняками дворе, образованном покосившимся зданием фермы и двумя обветшалыми строениями

— сараем и гаражом.

Непокрашенный, шаткий двухэтажный дом с выбитыми окнами смотрел на него невидящим взором. Дверь в сарай висела всего лишь на одной петле, и угол ее уже давно был засыпан землей.

Однако, гараж имел какой-то другой вид, хотя с первого взгляда казался таким же мертвым.

Казалось, что он вот-вот разрушится, но более внимательный осмотр показал, что первое впечатление достигнуто его формой, а не ветхостью стен. Стены были во многих местах укреплены металлическими полосами-бандажами.

Сломанная на вид дверь внезапно легко отворилась, и из гаража вышла гибкая стройная девушка в сером платье. Она смотрела на него, ослепительно улыбаясь.

У девушки были сверкающие глаза и нежное, чуть-чуть загорелое лицо, и потому что мысли его были всегда сконцентрированы в очень узком диапозоне, она сначала подумала, что он просто человек.

Она же была с л э н о м !

Но и он был с л э н о м !

Для Джомми Кросса, который и так уже много лет тщательно обыскивал мир, с его всегда собранным мышлением, потрясение и обретение себя после этого потрясения произошли почти одновременно. Он знал, что когда-нибудь это должно было произойти. Он знал, что когда-нибудь обязательно встретит девушку-слэна. Но для Кетлин, которой никогда не нужно было прятать свои мысли, изумление было всепоглощающим. Она пыталась взять себя в руки, но так и не смог-

ла этого сделать.

Редко используемый барьер в ее мозгу рухнул под тяжестью дисциплинированного собранного интеллекта Джомми.

В обычном потоке ее мыслей была благородная гордость. Мозг ее был подобен открытой книге. Гордость и золотая скромность. Скромность, основанная на глубокой нежности, на неизменном понимании, которое было таким же, как у него, но лишенным закалки в бесконечной борьбе с опасностями. В ней была теплая добросердечность, несмотря на то, что она познала обиды и слезы и сталкивалась с неприкрытой ненавистью.

А затем — ее мозг плотно закрылся, и она стояла, глядя на него широко раскрытыми глазами. Через некоторое время она снова открыла свой разум, и до него дошла ее мысль.

«Нам нельзя здесь оставаться. Я и так уже долго здесь. Вы, вероятно, увидели в моем мозгу все, что касается полиции. Лучшее, что мы можем сделать, это немедленно уехать отсюда.»

Он продолжал стоять, глядя на нее сияющими глазами. С каждой секундой все его тело ощущало все большую теплоту встречи. Казалось, что с его плеч свалилась невыносимая тяжесть. Все эти годы все зависело только от него. То грозное оружие,

которое он хранил для грядущих дней, казалось ему прежде дамокловым мечом, занесенным как над человечеством, так и над слэнами, и висящим на одной единственной хрупкой нити его жизни. Теперь же будут две жизни, способные предотвратить надвигающуюся опасность.

Это была чистейшей воды эмоция! Мужчина и женщина, одни в мире, встретившиеся так же, как встретились его отец и мать!

В ответ на ее мысль он покачал головой.

«Нет, не сразу. Я уловил в вашем мозгу что-то о машинах, находящихся в пещерном городе. Мне хотелось бы взглянуть на них. — Он успокаивающе улыбнулся. — Не беспокойтесь слишком об опасности. У меня есть кое-какое оружие, которому нет равного у людей. Этот автомобиль является очень удобным средством для бегства. Он может пройти практически повсюду. Думаю, что в пещере ему найдется место.»

«О, да! Сначала мы опустимся на нескольких лифтах, а затем сможем ехать на машине куда угодно по городу. Но мы не должны там слишком задерживаться. Мы…»

«Никаких „но“!!! — счастливо засмеялся Джомми Кросс.

«Я действительно не думаю, что нам следует

оставаться в этом городе. Я вижу в вашем уме, что у вас есть чудодейственное оружие и что ваш автомобиль сделан из металла, который вы называете десятикратной сталью. Но у вас есть также тенденция недооценивать людей. Вы не должны этого делать! В своей борьбе против слэнов люди, подобные Джону Петти, развили свой интеллект почти до нашего уровня. Кроме того, вы должны знать, что Джон Петти не остановится ни перед чем, пока не уничтожит меня. Даже сейчас его сеть систематически сужается вокруг различных убежищ слэнов, где я могу по его предположению оказаться.»

Вокруг Джомми простиралась тишина пещерного города. Когда-то здесь жили люди и были изгнаны отсюда своими безжалостными врагами. Это было по всем признакам лет тридцать-пятьдесят назад, но угрожающая атмосфера борьбы, казалось, все еще продолжала висеть здесь. Оглядевшись, Джомми невольно поежился.

«По всей логике, мы должны внимательно следить за мыслями извне и не должны отходить слишком далеко от нашего автомобиля, — передал он.

— Но меня все больше тревожат ваши страхи. Постарайтесь найти в своем мозгу основания для

этих ваших страхов. Я не могу сделать это лучше, чем вы сами.»

Некоторое время она молчала, а потом вдруг спросила вслух:

— Скажите, что такое десятикратная сталь?

— О, — удовлетворенно кивнул Джомми. — Я начинаю понимать, какие психологические факторы здесь замешаны. Мысленная связь имеет много преимуществ, но она не может донести степень, например, разрушительной силы оружия, так же, как и картинку на листе бумаги, и не всегда так точно передать значение чего-либо, как это может сделать устная речь. Мощность, размеры, сила и другие подобные понятия передаются не совсем хорошо.

— Продолжайте.

— Все, что я сделал, — объяснил Джомми, — это развил открытие моего отца. Открытие первого закона атомной энергии — концентрации, как средства противоположного старому методу диффузии. Насколько мне известно, отец никогда не подозревал о возможностях упрочнения металлов. Подобно всем исследователям, которые идут вслед за великим ученым и его основным открытием, я сосредоточился на деталях совершенного им открытия. Так вот, применяя различные ме-

тоды атомного воздействия на структуру атомов и характер их взаимосвязей в кристаллических решетках, мне удалось получить так называемую десятикратную сталь, которая превышает прочностные возможности обыкновенной стали в десять раз. Три миллиметра такой стали предохраняют от воздействия наиболее мощных взрывчатых веществ, известных как людям, так и недослэнам.

Он коротко описал свою попытку путешествия на Луну и столкновение с миной, которое заставило отказаться от дальнейшего полета.

— Существенным является то, что даже атомная бомба, которая в состоянии взорвать гигантский боевой корабль недослэнов, не может разрушить тридцатисантиметровую броню из д-стали моего корабля, как это произошло при столкновении с атомной миной, хотя на корпусе все— таки остались огромные вмятины, а от сотрясения повреждены многие жизненно важные функциональные части корабля.

— Какая же я глупая, — тихо произнесла она. — Я повстречала величайшего из ныне живущих слэнов и стараюсь напичкать его страхами, которые набрались в меня во время моего долгого, двадцатилетнего, соприкосновения с людьми,

с их ничтожными возможностями и способностями.

— Великий человек не я, — улыбаясь, покачал головой Джомми Кросс, — а мой отец, хотя и у него были свои недостатки, из которых самый большой — отсутствие надлежащей самозащиты, — улыбка сошла с его лица.

— Я думаю, что нам придется слишком часто навещать эту пещеру и хочу надеяться, что последующие наши путешествия в этот район будут не столь опасны, как это. Я очень недолго видел Джона Петти, но то, что находится в его мозгу, говорит о том, что это абсолютно безжалостный человек. Я знаю, что он ведет наблюдение за этим местом, но нам не надо бояться этого. Мы останемся здесь только до наступления темноты — времени будет вполне достаточно, чтобы ознакомиться с имеющимся здесь оборудованием. В автомобиле есть немного еды, поэтому мы сначала поедим, а потом я отправлюсь для детального изучения этого места.

— Ваша машина может летать? — спросила Кетлин. — Похоже, что я что-то подобное прочла у вас в мозгу.

— Может, — спокойно кивнул Джомми. — До наступления темноты еще семь часов. Можете

себе представить, что бы радировали летчики на ближайший военный аэродром, увидев летящий по воздуху автомобиль. А если бы мы поднялись повыше, ну, скажем, на 70 километров, нас бы непременно заметил патрульный корабль недослэнов.

Первый же командир тотчас же понял бы, кто находится в этом автомобиле и непременно напал бы на нас. У меня есть оружие, чтобы уничтожить его, но я вряд ли смогу уничтожить десятки кораблей, которые прилетели бы позже. К тому же взрывная ударная волна покончила бы с нами сразу же после первого бомбового залпа, оставив автомобиль неповрежденным. И кроме того, я не могу добровольно ставить себя в положение, когда мне придется убивать кого-нибудь. За всю свою жизнь я убил только троих людей, и с той поры во мне росло с каждым днем отвращение к убийству людей, пока не стало в настоящее время одним из самых сильных моих убеждений — настолько сильным, что весь мой план поисков настоящих слэнов я построил на основе этой одной доминирующей черты.

— У вас есть план отыскать настоящих слэнов? — воскликнула девушка.

— Да. Фактически это очень просто. Все насто-

ящие слэны, с которыми я знаком — мои отец и мать. Я сам, а теперь и вы — были добросердечными, хорошими людьми. И это несмотря на ненависть человеческих существ, их попытки уничтожить нас всеми силами. Я не могу поверить в то, что мы все четверо являемся исключением. Следовательно, должно быть какое-то логическое объяснение всех этих чудовищных актов, которые приписываются настоящим слэнам. Может быть, в этом замешаны недослэны, не знаю… Во всяком случае, мне нельзя делать какие-либо решающие ходы в игре, пока я не предприму дополнительных мер защиты от недослэнов.

— Теперь я понимаю, почему мы должны до темноты оставаться здесь.

Странно, но ему очень хотелось, чтобы она больше не затрагивала эту тему. Потому что в какое-то краткое мгновение он укрыл эту мысль от девушки, у него возникло предчувствие невероятной опасности. Настолько невероятной, что логика отметала ее.

Но оставшийся мутный осадок заставил его сказать:

— Оставайтесь рядом с автомобилем, и пусть ваше сознание будет все время начеку. Ведь мы

способны нащупать человека на расстоянии почти в полкилометра от себя, даже если спим.

Но как бы это ни было странно, это совсем не успокаивало его.

— Я хочу посмотреть ваш автомобиль, можно? — спросила девушка.

— Ну, конечно же, — рассмеялся Джомми и приглашающим жестом распахнул дверцу машины.

Причудливая, радостная мысль пришла из глубины его сознания — «как замечательно, что он, наконец, нашел еще одного слэна, такую великолепную и красивую девушку.»

«И такого отличного молодого человека.»

Была ли эта мысль его, или ее — это его очень заинтересовало.

«Это моя мысль, Джомми.»

Как радостно переплести свой разум с другим привлекательным разумом настолько тесно, что поток мыслей кажется одним. И вопрос, и ответ, и все переговоры мгновенно вмещают в себе самые тонкие оттенки мысли, которые нельзя передать посредством холодных, равнодушных слов.

Возникла ли между ними любовь? Как могут двое просто встретиться и полюбить друг друга, когда, насколько это им было известно, в мире есть еще миллионы слэнов, среди которых могут

быть десятки других мужчин и женщин, которых бы при других обстоятельствах они выбрали в мужья или жены с большей охотой?

Это все не так, Джомми. Всю свою жизнь мы были одиноки в мире среди чужих нам людей. Найти, наконец, кровного родственника — это большая радость, а вот встреча с другими, даже со всеми слэнами где-то в будущем — это совсем не то же самое. Мы собираемся вместе делить все наши надежды и сомнения, опасности и победы. Разве это не любовь?

Он подумал, что это так, и сознание его заполнило неизмеримое счастье.

Они сидели в машине уже немного больше часа, и вот только сейчас Джомми понял, как он устал. Все эти дни он был почти на пределе своих сил, он почти не спал уже несколько дней, а тут, похоже, задремал… Ему показалось, что все переполнявшее его счастье внезапно исчезло из его сознания, осталась только чернота, которая стала бездонной, когда он заглянул в ее необозримые глубины.

Проснувшись от испуга, он бросил тревожный взгляд туда, где должна была сидеть Кетлин. Откидное кресло было пустым. Его обостренный разум, все еще не сбросивший остатки сновиде-

ний, устремился наружу.

«Кетлин!»

Девушка подошла к дверце автомобиля.

— Я взглянула на кое-что из этих металлических деталей, стараясь придумать, какая бы из них могла пригодиться тебе в первую очередь, — она запнулась, улыбнулась и поправилась — нам в первую очередь.

Да, он не на шутку всполошился, когда она на минуту покинула машину. Он предположил, что она привыкла жить в менее напряженной обстановке, чем он. У нее была свобода движения и была, несмотря на отдельные угрозы, определенность положения, на которую она могла положиться. В его же печальном существовании постоянно присутствующей реальностью было то, что результатом малейшего ослабления бдительности была смерть. Каждый шаг его включал в себя определенную степень риска.

Теперь Кетлин придется приспособиться именно к такому образу жизни. Смелость в осуществлении своей цели перед лицом опасности — это одно. Небрежность — совсем другое.

— Пока ты пойдешь в город для того, чтобы отобрать себе некоторые особенно нужные тебе вещи, я приготовлю немного еды, — сказала

Кетлин.

Джомми Кросс взглянул на свой хронометр и кивнул. До наступления темноты времени было вполне достаточно, чтобы свершить небольшую прогулку в город.

— А где здесь ближайшая кухня? — только поинтересовался он.

— Вот там, — она сделала жест рукой, показывая на длинную линию дверей.

— Как далеко?

— Примерно сотня метров, — она нахмурилась. — Джомми, я ощущаю твое сильное беспокойство. Но если мы собираемся быть в одной упряжке, один из нас всегда должен делать что-либо одно, в то время, как другой будет делать что-то другое!

Он с тяжелым сердцем посмотрел ей вслед, стараясь понять, будет ли приобретение партнера благоприятным для его нервов. Ему, который закалил себя в преодолении опасности, нужно будет привыкнуть к мысли, что и ей также придется рисковать.

Правда, в данное мгновение не было какой-либо опасности. В городе слэнов стояла тишина. Ни звука, ни шелеста мыслей, если не считать Кетлин.

Разведчики, охотники и монтажники заграждений, которых он видел днем, сейчас должно быть уже в своих домах, спят или отдыхают.

Он увидел, в какую дверь вошла Кетлин, и оценил расстояние метров в пятьдесят.

Джомми уже вылезал из машины, когда принял страшную, резкую, отчаянную мысль:

«Джомми, стена отворяется Кто-то…»

Неожиданно ее мысли прервались, и она начала передавать слова какого-то человека.

«Ну, вот. Разве это не Кетлин,» — раздался удовлетворенный голос незнакомца.

«Это Джон Петти,» — отметило сознание Кетлин.

— И всего лишь в пятьдесят седьмом убежище, которое мне довелось посетить. Я был во всех, потомучто немногим из людей удается скрыть свои мысли, что они не предупреждают слухачей о своем приближении. А кроме того, разве можно было доверить кому-нибудь такое важное поручение? Кстати, Кетлин, что ты думаешь о психологии строителей этого тайного хода в кухню? По-видимому, слэны тоже не доверяют друг другу, а?..»

Повинуясь быстрым движениям пальцев Джомми, машина рванулась вперед. Он поймал

ответ Кетлин, хладнокровный и неторопливый.

— Значит вы нашли меня, мистер Петти. И что же, я должна сейчас испрашивать у вас милосердия?

Ледяной ответ устремился из ее мозга к Джомми Кроссу.

«Милосердие не является чертой моего характера. К чему откладывать, раз уж представилась такая возможность!»

«Джомми, быстрей!»

Выстрел эхом прокатился из ее мозга в его. На какой-то ужасный момент за счет невыносимого напряжения, ее разум задержал наступление смерти, которую обрушила на ее тело крупнокалиберная пуля.

«О, Джомми, ведь мы могли бы быть такими счастливыми. Прощай, мой самый дорогой…»

С отчаянием и ужасом юноша увидел, как жизненная сила вспыхнула в последний раз в ее мозгу и погасла. Темная завеса смерти отгородила его разум от разума, принадлежавшего ранее Кетлин.

Глава 15

В мозгу Джомми Кросса не осталось места ни для мыслей, ни для ненависти, ни для печали, ни для надежды — его мозг сейчас воспринимал впечатления, а его в высшей степени отзывчивое тело реагировало, подобно совершенной телесной машине. Его автомобиль затормозился, и он увидел фигуру Джона Петти, стоявшего над поверженным телом девушки.

«О, небо! — вспыхнула на поверхности мозга этого человека мысль, — еще один из них!»

Искры полетели из непробиваемойц брони машины. Ошеломленный неудачей, шеф тайной полиции отскочил назад. С его губ сорвался яростный выкрик. На какое-то мгновение вся лютая ненависть человечества к покушаюшемуся на его права противнику-слэну, как в зеркале, отразилась в жестоком выражении лица и в той напряженности, с которой его тело ожидало, казалось, неминуемой гибели.

Одно прикосновение к кнопке, и он превратится в ничто, исчезнет в небытии. Но Джомми Кросс не шевельнулся и не издал ни звука. Его разум стал еще более холодным и ожесточившимся.

Его тусклый взгляд безразлично устремился сначала на Петти, затем на тело мертвой Кетлин. И в конце концов пришла тщательно обдуманная мысль — единственный обладатель тайной атомной энергии — он, и поэтому он не имеет никакого права ни на любовь, ни на нормальную жизнь. Во всем этом мире людей и слэнов, дико ненавидящих друг друга, его удел — неотступная настойчивость в осуществлении своего высшего предначертания.

Из потайного входа стали выскакивать другие люди. Их автоматные очереди не причиняли никакого вреда автомобилю. И среди ворвавшихся он внезапно обнаружил двух недослэнов, так как ощутил наличие экранирования их разумов. Его взор заприметил, как один из них отбежал в угол и прошептал быстрое сообщение в радиопередатчик, прикрепленный к его запястью. Его слова скользили по поверхности сознания:

«— модель 7500, база — 5 метров… общий физический тип — 7, голова

— 4, шея — 4, рот — 3, глаза — карие, — брови — 13, нос — 1, скулы — 6…Конец!»

Он с легкостью мог бы сокрушить их всех, всю эту продажную, мерзкую свору. Но в застывшую, туманную область, которою стал его мозг, не

могли проникнуть мысли о возмездии. В этом безумном мире он мог положиться только на безопасность своего вооружения и уверенность, которую оно придавало ему.

Он дал задний ход и со скоростью, превышающей быстроту ног человека, направился к туннелю, через который протекал ручей, служивший для орошения одного из подземных садов. Используя свои дезинтеграторы, он пробил проход почти до самой поверхности земли. Подыматься дальше он не решался, так как был уверен, что наверху его поджидают крейсера недослэнов.

Черные тучи опустились над ночным миром, когда Джомми Кросс, наконец, появился на склоне холма. Он остановился, аккуратно заделал отверстие в земле и взмыл в небо. Во второй раз за эти сутки он подключился к радиосети недослэнов.

«...только что появился Кир Грей и забрал тело. Получается, что организация змей снова позволила уничтожить одного из своих членов, не пошевелив для его спасения и пальцем. Самый раз сделать соответствующий вывод из их неудач и прекратить рассматривать любые противодействия, которые они могли бы оказать

осуществлению наших планов, как важный и значительный фактор. Тем не менее, существует непредвиденная опасность, которую представляет собой этот самый Джомми Кросс. Нужно сразу же разъяснить, что наши военные действия против Земли должны быть отсрочены до тех пор, пока он не будет уничтожен.

Его неожиданное появление сегодня на сцене, однако, позволило нам извлечь крупную выгоду из этого происшествия. Теперь у нас есть описание его машины и очень подробное описание его физического типа. Как бы он ни пытался изменить свою внешность, он не может изменить структуру костей своего лица, и даже немедленное уничтожение им своей машины не уничтожит учетных данных о ней. Автомобилей модели 7500 было продано всего несколько сот тысяч. И хотя его автомобиль наверняка был украден, его можно легко проследить.

Джоанне Хиллори, которая очень подробно изучила этого змея, поручено возглавить расследование. Под ее руководством будут работать агенты, которые проникнут в каждый район Земли. На этой планете существуют такие местности, куда мы еще не проникли: маленькие долины, узкие полосы джунглей, обособленные сельско-

хозяйственные районы. Такие местности должны быть закрыты, и на выходах из них поставлены заставы.

У змей нет ни малейшего шанса выйти с ним на связь, поскольку мы контролируем все средства коммуникации. И, начиная с этого дня, наши агенты начинают тщательную проверку каждого, у кого физический тип лица и строение тела совпадает с разыскиваемым.

Это заставит Кросса держаться подальше от дорог и предотвратит случайное обнаружение змей с его стороны, а нам предоставится время, необходимое для поисков. Сколько бы это ни отняло времени, мы обязаны найти убежище этого слэна. Неудача должна быть исключена.

Генеральный штаб заканчивает передачу.»

Значит, война с миром людей теперь тесно связана с его собственной судьбой, и пока что для обоих наступила некоторая отсрочка. Недослэны, конечно, найдут его. Один раз их уже подвел неучтенный фактор — его оружие — но теперь они знают об этом. И, кроме того, этот фактор нисколько не сможет повлиять на результаты розыска. На несколько минут он представил себе, как они вторгнутся в его долину и пришел к окончательному выводу, что только один факт

говорит в его пользу, скорее даже вопрос. Да, они обнаружат его, но сколько времени у них уйдет на это?

Глава 16

На это ушло четыре года. Джомми Кроссу было 23 года и 2 месяца, когда организация недослэнов неожиданно обрушилась на него с невообразимым неистовством…

Глядя на видеоэкран заднего обзора своего космического корабля, он увидел, что в долине полыхает пламя. Там был кромешный ад, создаваемый не столько огневой мощью противника, сколько атомными минами Джомми. Взрывалось оборудование, стальные перекрытия, под неистовым потоком энергии плавился металл.

Пусть теперь роются в этом расплавленном, искаженном металле!!! Пусть теперь их ученые трудятся в своих лабораториях над тайной, к которой они так хищно стремились и, чтобы овладеть ею, даже рискнули выйти из подполья и продемонстрировать перед людьми часть своих достижений. Но в долине они ничего не смогут обнаружить!

Но его заметили. Четыре черных, как сама смерть, боевых катеров недослэнов одновременно повернулись в его направлении, а затем неожиданно зависли в воздухе, потеряв про-

тивника из видимости. Дело в том, что сразу же заметив, что его обнаружили, Джомми включил механизмы невидимости. Заработали мощные генераторы, и вокруг корабля создалось зеркальное поле.

Однако, у недослэнов оказались детекторы атомной энергии. Они, после некоторой заминки, все же последовали за ним. Джомми заметил, что приборы отметили появление впереди еще нескольких кораблей противника, пытавшихся перехватить его. Только его не имеющие равных атомные двигатели спасали пока корабль от преследования этого огромного воздушного флота. Кораблей было так много, что он даже не смог начать подсчитывать их. Противник произвел залп бортовыми орудийными установками, скорректированными детекторами атомной энергии, но промахнулся, так как в течение тех мгновений, когда он проводил расчет данных стрельбы, корабль Джомми молнией рванулся вперед и оказался вне зоны поражения.

Совершенно невидимый, двигаясь со скоростью многих сотен километров в секунду, его корабль держал курс на Марс. Впереди его еще могли ожидать минные поля, но они не могли остановить его. Прожорливые лучи дезинтеграторов,

испускаемые из корабля, уничтожали мины до того, как они могли взорваться, и одновременно уничтожали все световые волны, которые могли бы выдать полет его корабля настороженным наблюдателям.

На его видеоэкране Марс с расстояния в несколько миллионов километров был уже крупным, сверкающим шаром такой же величины, как Луна, наблюдаемая с Земли. Он рос, как раздувающийся баллон, пока его темная масса не заслонила половину неба и потеряла свой красноватый оттенок.

На поверхности этой планеты уже можно было различить материки, горы, моря, немыслимые нагромождения скал, голые пространства равнин. Картина становилась все более унылой: в телескоп было видно, что это мертвая планета, изрытая оспой, и, подобно слишком старому человеку, покрыта морщинами, вся высохшая, безобразная, отталкивающая.

Темная местность, известная под названием Киммерийского моря, оказалась страшным, усеянным клыками скал, морем. Неподвижные воды простирались под вечно темно-синими небесами, но никакой корабль не мог бы пересечь эти, казалось безмятежные, воды. Бесконечные мили

зазубренных скал торчали над поверхностью вод без всякого порядка, без прохода между ними — только море и выступающие из него скалы, громоздящиеся одна на другую.

Внезапно Кросс увидел город. Странную мерцающую картину под огромным прозрачным куполом… Вскоре показался еще один… затем третий…

Он пролетел далеко за орбиту Марса и отключил двигатели, чтобы никакая атомная энергия не исходила ни из одной части его корабля. Это была простейшая мера предосторожности. Постепенно гравитационное поле планеты стало оказывать все большее влияние на его полет. Как бы нехотя, огромный аппарат уступал неистощимому притяжению планеты и начал опускаться в направлении ее ночной стороны, вращаясь вокруг планеты по все более низкой орбите. Прошло несколько земных недель, прежде чем он включил антигравитационные пластины, которыми он не пользовался с тех пор, как установил на своем корабле совершенные атомные двигатели.

День за днем сидел он без сна, наблюдая за видеоэкранами. Пять раз страшные шары из черного металла, эти атомные мины недослэнов, устремлялись к его кораблю, и каждый раз на

долю секунды он оживлял свои всепожирающие дезинтеграторы, — а затем напряженно ждал приближения патрульных кораблей, что могло бы случиться, если бы засекли кратковременную утечку энергии. Добрый десяток раз раздавался звонок предупредительной сигнализации, и на видеоэкранах вспыхивали огоньки, но вблизи его корабля патрульных крейсеров он не засек. Внизу планета становилась все больше и больше, заслоняя всю нижнюю часть неба. Кроме городов на ночной стороне планеты, не было видно больше ничего.

Однако, то тут, то там вспышки света указывали на какую-то деятельность, и, наконец, он нашел то, что искал. Просто одинокую точку огня, похожую на свечу, тускло мерцающую в бархатной мгле ночи.

Свет исходил из небольшого домика, в котором жили четверо недослэнов, обслуживающих автоматизированную шахту. В домике уже погас свет, когда Кросс вернулся на свой корабль, удовлетворенный тем, что это было как раз то, что ему было нужно.

Темная мгла, как черное покрывало, окутало планету на следующую ночь, когда Кросс еще раз посадил свой корабль в ущелье, которое вело к

шахте. Он осторожно приблизился к ее входу и вмонтировал в расщелину расположенной рядом скалы гипнокристалл.

Затаившись во тьме, Кросс стал ждать. Через двадцать минут дверь домика отворилась. Поток света изнутри высветил контуры высокого человека. Дверь закрылась, и человек с фонариком в руке направился к шахте. Внезапно он остановился, привлеченный светом, который отбрасывал кристалл, когда на него попадала узкая полоса света. Человек подошел поближе и нагнулся. Мысли его скользили по поверхности сознания.

«Забавно! Утром этого кристалла здесь не было, — он пожал плечами.

— Видимо, откололся кусок скалы, за которым и находился этот кристалл.»

Свет, отраженный кристаллом, завораживал человека, поэтому у Кросса было достаточно времени, чтобы тщательно прицелиться и выстрелить в темную фигуру из парализующего пистолета.

Сразу же после выстрела он бросился вперед и уже через несколько минут оттащил человека далеко во тьму ущелья, чуть ли не к самому своему кораблю. Начиная с этих первых минут, его разум проник в сознание поверженного недослэна,

расшатывая существующий там барьер. Это было медленным делом, так как блуждать мыслью в мозгу потерявшего сознание человека напоминало ходьбу под водой — таким большим было внутреннее сопротивление. Но все же он нашел, что искал — коридор в сознании, проделанный лучом гипнотического кристалла.

Кросс быстро проследил этот коридор до самого его конца. Тысячи путей открылись беспрепятственно перед ним. Спокойно и тщательно он исследовал всех их, не обращая только внимания на маловероятные комбинации.

Восемь ключевых тропинок, пятнадцать минут — и в его руках шифр мозга недослэна! Кросс как бы щелкнул выключателем, набирая этот код, и человек по имени Миллер пришел в себя. Он тотчас же заблокировал свое сознание, но Кросс только рассмеялся.

— Не будьте нелогичным, Миллер. Уберите экран!

Блокировка была снята, и недослэн с удивлением уставился на Джомми.

— Не понимаю, как это вам удалось, — сказал он нерешительно.

— Должно быть, гипноз?

— Это довольно трудно объяснить, — холодно

отозвался Кросс. — Этот метод может использовать только настоящий слэн.

— Настоящий слэн?! — потрясенно вымолвил Миллер. — Значит вы — Кросс?

— Да, меня так зовут.

— Вы, должно быть знаете, что делаете, но ей богу, я не могу себе представить, что вы ожидаете получить от контроля надо мной.

— Хватит лишних разговоров, — резко прервал недослэна Кросс. — Слушайте меня внимательно, Миллер. Завтра у вас выходной день. Вы пойдете в статистическое бюро и выясните фамилии и местопребывание всех недосленов с моими физическими данными…

Он прервал свою речь, потому что пленник засмеялся.

— Дружище, я могу сказать вам это прямо сейчас. Эти люди были зарегистрированы в соответствии с описанием ваших данных еще несколько лет назад. Они постоянно находятся под наблюдением. Их всего 27 человек, которые до мелочей похожи на вас. Правда, они все женаты, так что не вижу, чем это может вам помочь. Но постойте… Один из них женат на женщине, которая недавно очень сильно пострадала во время аварии на космическом корабле. Она, ко-

нечно, будет возвращена к жизни, но…

— Но на это уйдет несколько недель, — закончил за него Кросс. — Имя этого человека Бертон Корлисс. Он живет недалеко от Киммерниума, столицы Марса и работает на заводе космических кораблей. Так же, как и вы, Миллер, он каждей четвертый день имеет выходной и навещает тело своей жены в госпитале.

— Люди совершенно правы, когда пытаются под корень вырубить всю нашу породу, — угрюмо произнес Миллер. — Ведь должны же быть какие-то этические нормы в деле чтения мыслей. К счастью, приемники Порграйва тут же обнаружат ваше присутствие, если только вы рискнете проникнуть в Киммерниум-сити!

— Да? — резко сказал Кросс.

Миллер заговорил немного спокойнее, и мысли подтверждали каждое его слово.

— Передатчик Порграйва генерирует мысли, а приемник Порграйва их принимает! В Киммерниуме они установлены на каждом шагу. Это наша защита от шпионажа со стороны змей. Одна неосторожная мысль, Кросс, и тебе крышка!

— Еще один вопрос, Миллер, — немного помолчав, сказал Кросс. -

— Я хотел бы знать, что вы собираетесь делать с

людьми, когда начнете боевые действия с целью захвата власти на Земле?

— К черту этих муравьев, — равнодушно откликнулся недослэн. — Когда речь идет о нашем собственном существовании, какое нам до них дело!

По мере того, как Джомми проникал в смысл произнесенных пленником слов, на душе у него становилось все тяжелее. Война!!!

«Только с помощью настоящих слэнов можно было бы предотвратить предстоящую бойню, — подумал с ожесточением Кросс. — И я должен, обязан их отыскать!..»

Большого труда не составляло занять место Корлисса. Через несколько дней один Бертон Корлисс остался в пещере, погруженный в гипнотический сон, другой сел в небольшой, покрытый красными полосами летательный аппарат и направился в Киммерниум-сити.

Через двадцать минут в небе сверкнул крейсер.

— Корлисс, — раздался голос по радио, — в ходе обычного наблюдения за слэнами, похожими на эту змею Джомми Кросса, мы ждали вас в этом пункте и оказалось, что ваше опоздание от обычного графика полета по этому маршруту со-

ставляет около пяти минут. Поэтому приказываю вам проследовать за крейсером до Киммерниум-сити, где вам предстоит пройти внеочередную проверку личности.

Глава 17

Вот так просто и нагрянула катастрофа. Нелепая случайность, хоть и не неожиданная, но все же обидная. Шесть раз до этого Бертон Корлисс опаздывал, причем иногда даже на целых двадцать минут, и все это оставалось незамеченным. Сейчас же пять минут неизбежной задержки — и длинная рука случайности ударила по последней надежде всего сущего на Земле.

Джомми Кросс уныло смотрел на видеоэкраны. Под ним были только скалы, в которых негде было спрятаться от сопровождающего его крейсера.

Конечно, какая-то надежда все же оставалась. У него был атомный пистолет — точная копия энергетического оружия настоящего Корлисса, а на руке блестело обручальное кольцо, в котором был вмонтирован атомный микрогенератор, который в нужный момент мог излучать смертоносную энергию. Два вида оружия, дюжина гипнокристаллов — вот и все, что у него было, для того чтобы остановить эту войну.

Сто пятьдесят километров непреодолимых нагромождений скал, ужасных зазубренных хребтов, и вот уже впереди засверкал купол Ким-

мерниум-сити.

Город не был очень большим, да и вряд ли мог существовать большой город в этой страшной пустыне. Его купол имел форму полуэллипсоида с диаметрами около пяти и трех километров. Согласно данным, полученным от Миллера и Корлисса, в нем жило около двадцати тысяч недослэнов.

Посадочная площадка была там же, где ей и полагалось быть. Это была громадная металлическая плита, выступающая из одного из краев купола, достаточно широкая для приема большого крейсера. Она вся была изрезана сверкающими полосами рельсов, которые по высоте не превышали нескольких сантиметров. Его аппарат без труда сел на одну из тележек под номером 9974. Одновременно с этим огромный корпус сопровождающего боевого корабля устремился в сторону моря и исчез из виду за громадой купола.

Автоматически управляемая тележка покатилась к большим стальным воротам, которые на мгновение открылись перед нею.

Кросс остановился посреди огромного ангара, небрежно вылез из аппарата и вежливо поклонился трем слэнам, которые уже ожидали его.

Старший из них вышел вперед с улыбкой на лице.

— Ну, что ж, Бертон, вот вы и заработали себе еще одну проверку. Правда, можете не беспокоиться, все будет сделано очень быстро. Обычные долгие процедуры — отпечатки пальцев, рентгеноскопия, анализы крови, химическая реакция крови, исследование волос под микроскопом — проводиться не будут.

Среди едва различимых мыслей в их мозгу Кросс ощутил предвкушение чего-то необычного. Но ему не требовалось знать их мысли. Никогда раньше он не был столь собранным, способным моментально различать малейшие оттенки в окружающей его реальности. Он только кротко спросил:

— Разве теперь химическая реакция кожи вошла в объем обычной проверки?

Никто из них и не подумал извиниться за этот маленький подвох, и в мыслях их не появилось и следа разочарования в неудаче. Да и Кросс не совсем радовался этой своей первой небольшой победе. Что бы ни случилось на этой первой стадии, он все равно не смог бы в дальнейшем пройти тщательную проверку, используя только те данные, которые получил, основываясь на

анализе информации, извлеченной из мозгов Миллера и Корлисса.

Один из слэнов, по имени Прентис, произнес:

— Прошу вас сдать оружие, Бертон.

Кросс беспрекословно повиновался.

И они опять застыли в ожидании — старший, Ингрэхэм, выжидающе улыбаясь, Брэдшоу, младший, глядя на него немигающими серыми глазами. И только Прентис, казалось, был равнодушным, засовывая в карман пистолет Кросса. Но именно молчание, а не их действия, обеспокоили Кросса. Нигде не было ни звука, ни проблеска разговора или мысли. Весь ангар был скорее всего похож на кладбище, и на какое-то мгновение показалось совершенно невероятным, что за этими стенами город весь гудит, занятый подготовкой к войне. Джомми набрал нужный шифр и увидел, как тележка с его аппаратом беззвучно заскользила по горизонтальным направляющим, а затем далеко вверх, под самый потолок. Раздался металлический щелчок, раскрылись дверцы секции, и корабль занял свое место в этом импровизированном гараже. Дверцы закрылись, и в амбаре снова наступила мрачная тишина.

Внутренне смеясь над тем, как они следили за ним, ожидая хоть малейшей ошибки в процеду-

ре, Кросс двинулся вперед к выходу. Он открыл дверь в ярко освещенный коридор и, обернувшись, спросил:

— Надеюсь, вы позвонили в госпиталь и известили врачей, что я немного задержусь?

Ингрэхэм засмеялся и покачал головой.

— Никакой задержки не будет, Бертон. Мы тоже хотим как можно быстрее доставить вас в госпиталь. Сущность нашей проверки проста — если Корлисс — замаскированный Кросс, то оживление миссис Корлисс в его присутствии может иметь для нее трагические последствия. Причина, по которой истинный Корлисс должен находиться в операционной, элементарна — он легко может распознать что что-то неладное в ходе восстановления разума жены, так как между ним и ей всегда был эмоциональный и духовный контакт. Сигнализируя об этом хорургам, он может предотвратить нежелательные последствия. Но это тоже означает, что миссис Корлисс тот час же после прихода в сознание может определить, кто перед нею — муж или просто его физический двойник.

— Что-то вы очень перемудрили с этой проверкой, — усмехнулся Джомми, — а если лже-Корлисс, читая мысли этой женщины, будет активно

вмешиваться в ее действия?

— Вы, кажется, забыли, Бертон, о аппаратуре Поргрэйва, — оскалил зубы Ингрэхэм. — Думаю, что она остановит даже Кросса!

Джомми промолчал. Он всецело проанализировал проблему, связанную с аппаратурой Поргрэйва. Наличие ее, конечно, представляет определенную опасность, но ведь это всего-навсего — машина. Строжайший контроль над своими мыслями может значительно уменьшить опасность с этой стороны.

Родство душ между восприимчивыми мужем и женой можно было легко понять. Для него была ужасной мысль, что он может быть причиной гибели мозга этой женщины-слэна. Он должен каким-то образом спасти ее рассудок, однако при этом должен спасти и себя!

Огромные толстые стальные стены коридора, по которому они шли, показывали, с каким почтением здесь относятся к настоящим слэнам. Мир людей будет атакован только из-за страха этих недослэнов, и в том была ирония грядущей трагедии.

«Если я прав, — подумал Джомми, — и настоящие слэны живут среди недослэнов, так же, как сами недослэны, в свою очередь, живут среди лю-

дей, то тогда все эти приготовления направлены против врага, который уже одолел эту массированную оборону.»

Они остановились у ниши в стене, куда выходила дверь лифта. Находясь в кабине, которая стремительно мчалась вниз, Кросс незаметно вынул из кармана один гипнотический кубик и бросил в урну для мусора, которая аккуратно была укреплена в одном из углов кабины.

Юноша заметил, что недослэны заинтересованно посмотрели на него.

— Набрал дюжину этих штуковин, — со смехом пояснил он, — но теперь думаю, они мне ни к чему. Все сразу выбросить жаль, вот и приходится выбрасывать по одной, чтобы не было так жалко.

Ингрэхэм наклонился и поднял кристалл.

— Что это?

— Причина моей задержки…

Недослэн задумчиво посмотрел на Кросса и уже собрался было снять с кристалла защитный ободочек, предохраняющий владельца от воздействия гипноизлучения, но тут лифт внезапно остановился, и Ингрэхэм решительно засунул эту неизвестную ему вещицу себе в карман.

— Я сохраню это, — сказал он. — Корлисс, вам

выходить первому.

Кросс, не колеблясь, вошел в широкий мраморный коридор. К нему подошла женщина в белом халате.

— Вас вызовут через несколько минут, мистер Корлисс. Пожалуйста, подождите здесь.

Она исчезла за дверью.

— Это дело с миссис Корлисс очень меня беспокоит, — сказал Ингрэхэм, обращаясь к своим товарищам. — Был бы я на месте Джоанны Хиллори, я сначала провел бы с этим типом процедуру обычных испытаний.

Прентис покачал головой.

— Неужели ты думаешь, что обычная процедура дала бы свои результаты? Ведь в уме-то этому Кроссу не откажешь. Так не думаешь ли ты, что за те долгие годы, пока мы не добрались до его долины, он не нашел лучшего способа скрыть свои завитки, как только надеть парик, а?

— И все же я хотел бы попробовать прочность его волос! — настаивал Ингрэхэм.

Кросс рассмеялся.

— Пожалуйста! Я уверен, что вы убедитесь, что это мои подлинные волосы.

Конечно, это было так. Он нашел довольно простое и эффективное средство, способное распря-

мить его завитки-антены. Правда, применение этого вещества требовало периодичности. От чрезмерно частого употребления этого химического соединения могло случиться непоправимое — сгорали корни завитков.

— Это по сути ничего не докажет, — вмешался в разговор Бредшоу. — Я согласен с Прентисом. О, а вот и доктор. Ну, как, док, все в порядке?

Палата была большая, серая, заполненная тихо работающими механизмами. Пациент не был виден, но внутри палаты был расположен продолговатый металлический ящик, что-то вроде обтекаемого саркофага, один из концов которого был направлен к двери. Другой конец Кросс не мог видеть, но он догадывался, что из той дальней грани должна торчать человеческая голова.

К крышке ящика были прикреплены множество различных трубок и проводов. Рядом с головой женщины был расположен богатый набор хирургических инструментов.

С того места, где врач велел ему остановиться, Кросс мог видеть голову женщины на фоне аппаратуры Поргрэйва. Нет, не ее голову. Были видны только бинты, которыми она была вся обмотана. И в эту толщу бинтов шел толстый кабель из пульта управления.

Ее мозг был неэкранированным. Он еще не достиг стадии интеграции, но Кросс все же решил осторожно начать зондаж этого несчастного разума.

Обрывки мыслей шевелились в мозгу женщины:

«Борьба…оккупация…»

Слова эти легко объяснялись тем, что она была военным командиром, но этого было не вполне достаточно, чтобы полностью уловить смысл.

«Июнь… определенно июнь… сможем рассчитать до прихода зимы и тем самым уменьшить ненужные потери от мороза и неурядиц… значит, договорились… десятого июня…»

Он мог бы восстановить пробелы в ее сознании с помощью гипнотического внушения. Но это повлекло бы за собой вероятность его обнаружения аппаратурой Поргрэйва. Поэтому приходилось довольствоваться тем, что есть.

Итак, 10 июня — дата нападения на Землю. Сейчас по земному календарю 4-е апреля. Два месяца! Месяц на перелет на Землю, и месяц

— для чего???

Он снова сосредоточился. Через несколько минут начнется основная проверка! Несмотря на все, несмотря на успешную попытку задержать

проверку, несмотря на предварительный успех, когда ему удалось передать в руки одного из конвоиров гипнокристалл, полоса везения на этом заканчивалась. Ингрэхэм не оказался достаточно любопытным, чтобы извлечь кристалл из кармана и раскрыть его обертку. Он, конечно, мог бы осуществить еще одну попытку, но это будет уже жест отчаяния. Любой недослэн станет подозрительным, увидев эту его вторую попытку, под каким бы предлогом она ни совершалась. Мышление его остановилось. Мозг его застыл в состоянии чистого восприятия, когда почти неслышный голос раздался из радио на руке Ингрэхэма, и слова пронзили сознание Джомми.

«Независимо от того, завершена ли проверка или нет, препроводите Бертона Корлисса немедленно ко мне. Этим отменяются все ранние приказания!»

— О'кей, Джоанна! — весьма громко ответил Ингрэхэм и повернулся.

— Вас сразу же отведут сейчас к Джоанне Хиллори, Бертон. к специальному военному комиссару.

— А как же моя жена? — изумился, делая растерянный вид, Кросс. — И зачем это я ей понадобился?

— Джоанна — единственная из нас, — сказал Прентис, — кто провел несколько часов с этим змеем Кроссом. Благодаря ее опыту, она и получила назначение на этот пост. Хиллори руководила поисками укрытия Кросса и, хотя они увенчались успехом, она в самом начале предсказала неудачный их исход с целью пленения этого слэна. В дополнение к этому она написала объемистый отчет, где с мельчайшими подробностями описала часы, проведенные в его обществе. Если вы — Кросс, она за минуту узнает об этом.

Джомми пока что не смог оценить замечание недослэна, но почувствовал, что по всей вероятности он говорит правду.

По пути в военный комиссариат Джоанны Хиллори он был занят только одним. Город, его архитектура, планировка юношу не интересовали. Ему были интересны только люди. Их здесь были тысячи — в домах, в автомобилях, на улицах. Тысячи разумов в пределах досягаемости одного, ничего не упускающего ума, который искал одного, хотя бы одного настоящего слэна.

Но их здесь не было. Ни одного обнадеживающего обрывка мысли. Ни одного разума, который не был бы уверен в том, что носитель его является недослэном. Убеждение Джомми в том, что насто-

ящие слэны могут быть здесь, было поколеблено. А может быть, где бы ни были настоящие слэны, их защита была настолько сильна, что ее не может преодолеть другой слэн? Зачем же тогда все его усилия?..

— Здесь! — тихо сказал Ингрэхэм.

— Заходите, Корлисс, — сказал Бредшоу. — Мисс Хиллори сейчас поговорит с вами!

Ее кабинет был большим и уютным и больше напоминал жилую комнату, чем деловой оффис. На полках были книги. Возле одной из стен располагался небольшой электрофицированный бар. На полу был пушистый ковер. У другой стены — диван скромной расцветки. И, наконец, большой полированный стол, за которым сидела гордая, улыбающаяся, пышащая молодостью женщина.

Он с удивлением заметил, что ее глаза нетерпеливо блестели, и это показалось ему неуместным. Юноша сосредоточился. Скоординированная сила его восприятия постепенно проявила в выражении ее лица торжество и подлинную радость. Его мозг настороженно стал пытаться проникнуть в ее разум, отыскивая узкие щели в защитном барьере, поглощая каждую утечку мысли, анализируя каждый оттенок, и секунда за секундой выросло его изумление. Ее улыбка

расплылась в искренний смех, и затем барьера не стало. Ее разум лежал перед ним, открытый перед его взором. Одновременно с этим в мозгу женщины сформировалась мысль:

«Вникай поглубже, Джон Томас Кросс, и прежде всего знай, что все аппараты Поргрэйва в этой комнате и поблизости от нее отключены! Знай также, что я твой единственный в мире друг и что я велела привести тебя ко мне, предвидя, что такой проверки тебе было бы не пройти. Я наблюдала за тобой с помощью аппаратуры Поргрэйва и в конце концов поняла, что это ТЫ. Не спеши, изучай мой мозг, удостоверяйся в моей доброй воле. Но не забывай, что для того, чтобы спасти тебе жизнь, нам необходимо действовать быстро!»

Его сознанию была чужда доверчивость. Несколько минут он пытался выяснить те главные причины, которые могли бы объяснить такое чудо. Наконец он тихо произнес: «Значит вы поверили в идеалы пятнадцатилетнего юноши… приняли огонь из рук юного эгоцентриста, который предлагал только…»

— Надежду! — закончила она. — Ты принес надежду перед тем, как я достигла той точки, когда большинство слэнов становятся суровыми и безжалостными. «Человеческие существа,»

— говорил ты. — «А что же будет с людьми?» И потрясение от этого, и многое другое повлияли на оздоровление моих взглядов. Я умышленно исказила описание твоей внешности и психики. Ты, возможно, удивишься, как мне удался такой обман? Он удался, потому что предполагалось, что я не являюсь экспертом в области психологии. Я, конечно, им не была, но я могла по памяти дать твое точное описание. Считалось естественным, что я стала изучать все, что имело хоть малейшее отношение к проблеме Кросса. Поэтому считай, что с этого мгновения у тебя есть компаньон для осуществления твоей миссии. Как тебе помочь?

— Все, что мне сейчас нужно, — кивнул Кросс, — это немного времени и способ передать некоторое количество кристаллов в руки Ингрэхэма и его друзей.

— Что за кристаллы? — поинтересовалась Джоанна.

— Прошу вас, не перебивайте меня, — нетерпеливо мотнул головой Джомми. — И то, и другое вы мне дали. Нам также нужен парализующий пистолет из ящика в вашем столе. А затем позовите моих сопровождающих сюда, по одному.

Одним быстрым движением она вытащила пистолет.

— Стрелять буду я! — сказала она. — Что теперь?

Кросс мягко улыбнулся ее горячности и почувствовал странное изумление перед тем, как все обернулось. Неожиданно частица ее огня задела и его. Глаза юноши заблестели.

— Скажите мне, мисс, существует ли способ, которым я мог бы пробраться на Землю? Я прочел в мозгу настоящего Корлисса что-то о проекте переброски на Землю всех слэнов, похожих на меня. Это может быть сделано?

— Да. Решение зависит только от меня.

— Тогда, — печально сказал Кросс, — настало время для решительных действий. Мне необходимо быть на Земле. Я должен быть во дворце и встретиться с Киром Греем!

Ее красивый рот озарила улыбка, но в прелестных глазах сквозила печаль.

— Как же ты, — мягко спросила она, — намереваешься приблизиться ко дворцу?

— Моя мать часто рассказывала о секретных подземных ходах под дворцом. Возможно, ваша статистическая машина знает расположение некоторых входов.

— Машина! — воскликнула женщина. — Да, она знает. Она знает очень многое. Идем со мной.

Он последовал за ней в другую комнату, стараясь не отставать от нее среди стелажей, заполненных толстыми блестящими металлическими пластинами. Это было Статистическое Бюро, и эти пластины были запоминающими устройствами, выдававшими сведения при нажатии на соответствующую комбинацию кнопок. Никто не знал (так информировал его об этом Корлисс), сколько бит информации было в этом хранилище. Его привезли на Марс с Земли, и информация, заложенная в это хранилище, простиралась в глубь истории до самых первых дней существования слэнов.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказала, обернувшись, Джоанна Хиллори.

Она взяла пластину с надписью «Самоэль Ленн», а также другую — «Естественная изменчивость» и, вставив их в воспроизводящее устройство, нажала на кнопку включения. На мерцающем экране появился текст:

«Выдержка из дневника Сэмоэля Ленна. 1 июня 2071 года. Сегодня я еще раз осмотрел троих детей и нет сомнения, что это совершенно необычная мутация. Мне приходилось видеть людей с хвостами. Я проверял кретинов и идиотов, а также уродов, которых так много появилось в последнее

время. И я внимательно изучал эти удивительные, чудовищные отклонения от человеческой нормы. Но здесь нечто полностью обратное этим ужасам. Это улучшение человеческой породы!

Две девочки и мальчик. Какая грандиозная и великая случайность. Если бы я не был хладнокровным рационалистом, правомерность того, что произошло, сделало бы меня лепечущим поклонником в храме метафизики. Две девочки для воспроизводства их рода и один мальчик — их будущий муж. Мне нужно воспитать их так, чтобы они с детства привыкли к этой мысли.

«2 июня 2071 г.» — появилась надпись на экране, но Джоанна нажала на другую кнопку, сделала какие-то переключения, и на экране вспыхнуло:

«7 июня 2073 года.

Проклятый чертов журналист сегодня опубликовал статью о моих подопечных. В своей писульке этот невежда заявил, что я испытал на их матерях какую-то машину. О, боже, я ведь даже не знал этих женщин до тех пор, пока у них не родились дети. Похоже, что мне придется убедить эти семьи уехать куда-нибудь в провинцию. Может случиться все, что угодно, когда существуют такие люди — суеверные, подверженные эмоциям ослы.»

Джоанна Хиллори еще раз переключила кнопки на пульте.

«31 мая 2088 года.

Сегодня им исполнилось по семнадцать лет. Девочки всецело приняли идею брака со своим братом. Что ж, это еще раз говорит, что мораль — это в конце концов вопрос воспитания. Я хочу, чтобы состоялся этот брак, хотя в прошлом году я обнаружил еще несколько таких же подростков. Считаю, что было бы неумным дожидаться, когда они повзрослеют. Перекрестные браки можно начать и позже.»

Запись от 18 августа 2090 года.

«Каждая из девочек родила тройню. Замечательно! При таком темпе воспроизводства период, когда случайность может уничтожить эту мутацию, вскоре будет сведен до едва различимого минимума. Несмотря на то, что такие же случаи произошли еще во многих местах, я постоянно внушаю детям, что их потомки будут будущими властелинами мира…»

Вернувшись в кабинет, Джоанна Хиллори взглянула ему в лицо и сказала:

— Теперь ты видишь, что нет и никогда не было никакой мутационной машины, воспроизводящей слэнов. Все слэны являются результатом

естественной мутации.

Затем она резко перескочила на другую тему.

— Наилучший вход во дворец расположен в том месте, где находятся знаменитые скульптуры. В парке. В двух милях от внешней границы дворца. Но это место всегда ослепительно освещено и находится непосредственно под прицелом орудий первой линии охраны. Первые же дре мили парка контролируются пулеметными точками и танковыми патрулями.

— А как насчет пистолета? Мне разрешат его иметь при себе на Земле?

— Нет! План перемещения на Землю людей, похожих на тебя, включает в себя их разоружение!

Кросс нахмурился.

— Какого рода человек, в соответствие с вашими наблюдениями, Кир Грей?

— Необычайно одаренный, по человеческим меркам. Наше тайное наблюдение за ним показывает, что это человек, так как у него только одно сердце! Меня интересует только одно — как ты расцениваешь свои шансы на преодоление укреплений перед дворцом?

Джомми покачал головой, совсем невесело улыбаясь.

— Когда ставка велика, соответствующим дол-

жен быть и риск. Естественно, я пойду один. Вам, мисс, — он хмуро взглянул на нее, — я оказываю великое доверие, указав в какой пещере находится мой корабль. Он должен быть отправлен на Землю до десятого июня. Корлисс также должен быть освобожден. А теперь, пожалуйста, вели Ингрэхэму войти сюда.

Глава 18

Река казалась шире по сравнению с тем временем, когда Кросс в последний раз видел ее. С тяжелым сердцем смотрел он на полкилометра бурлящих вод. В быстром течении реки плясали отражения удивительных огней из дворца. В кустах, где он снял свою одежду, был еще поздний весенний снег, и он пощипывал его голые ноги, пока юноша раздевался.

Он старался очистить свой разум от каких-либо мыслей. Внезапно онощутил всю трагичность ситуации. У него было много всякого оружия, но он совершенно не использовал его, хотя и мог. Теперь же вот это кольцо на пальце, с его крохотным атомным генератором и жалким диапазоном действия около метра — вот что осталось у него от всех его усилий за многие годы.

Тени деревьев на том берегу закрыли почти половину реки. Тьма испещрила полосами рябь на поверхности воды, которая отнесла его ниже по течению метров на пятьсот, пока последние мощные гребки не вынесли его на мелководье.

Он залег, отметив в своем сознании мысли, пришедшие от двух пулеметчиков, спрятавшихся

за деревьями. Осторожно он вылез под покров прибрежных кустарников и натянул одежду. Затем он снова лег, терпеливый как старый тигр, подкрадывающийся к добыче. Нужно было пересечь прогалину. Внезапно пришло мгновение, когда бдительность охраны ослабла. Он покрыл полсотни метров за три с лишним секунды. Один из них так никогда и не узнал, что ударило его. Другой резко повернулся, но не смог избежать удара в челюсть, который поверг его наземь. Пятнадцать минут гипноза при помощи кристалла и вот оставшийся в живых уже под контролем Кросса. Пятнадцать минут! Четыре человека в час! Кросс иронически рассмеялся. Это абсолютно исключает любую возможность овладения дворцом, где находится не менее десяти тысяч человек.

Он отдал приказ пленнику. Тот взял пулемет и залег позади него. Ему был известен каждый дюйм этой части парка. Солдат знал, когда танковый патруль будет делать свой ночной объезд. В армии людей не было лучших солдат, чем эта дворцовая стража. За два часа под его командой оказалась дюжина опытных бойцов, скользящих как тени, бесшумно делающих свое дело, скоординированных столь хорошо, что им нужна была

только негромко высказанная команда.

Еще три часа и у него семнадцать человек, среди них полковник, капитан и три лейтенанта. А впереди еще длинный коридор из изысканных скульптур, искрящихся фонтанов и сверкающих огней, которые означают сразу и его цель, и конец первой сравнительно простой фазы операции.

Первый проблеск нарождающейся зари показался в восточной части неба, когда Кросс залег со своей маленькой армией в тени кустов перед четвертью мили ярко освещенного пространства. Он видел темную линию деревьев на другой стороне, где были скрыты укрепления.

— К несчастью, — прошептал полковник, — нет ни единого шанса провести их. Юрисдикция нашего подразделения заканчивается именно здесь. Без пропуска запрещено пересекать любой из десятка укрепленных кругов, и даже пропуском можно пользоваться в дневное время.

Кросс нахмурился. Он не ожидал таких мер предосторожности и видел, что их строгость недавнего происхождения. Атака слэнов на его долину, хотя никто и не поверил диким крестьянским фантазиям о размере кораблей и подозрениям, что это были космические корабли, усилили напряженность и бдительность охраны.

Но это не могло уже остановить его.

— Капитан!

— Да? — высокий офицер подполз к нему сзади.

— Капитан, вы больше других похожи на меня. Поэтому вы должны поменяться со мной одеждой, а потом прикажете всем присутствующим здесь вернуться к исполнению своих обычных служебных обязанностей.

Он подождал, пока все они не исчезли во мраке, а затем встал и со строгой выправкой капитана гордо вышел на свет. Десять шагов, двадцать, тридцать… Уже фонтаны были почти рядом, однако, вокруг было слишком много искусственного света и слишком много пульсации различных разумов, которые мешали ему нащупать ту единственную волну, к которой он так старательно стремился. Конечно, если только эта чертова штуковина была все еще здесь после всех этих сотен лет. Если же ее не стало, то только бог мог помочь ему.

Сорок шагов, пятьдесят, шестьдесят…

Затем его взбудораженный мозг уловил шепот, вибрацию крохотного устройства.

«Любому слэну, которому удастся сюда забраться: здесь тайный ход во дворец. Скульптура,

изображающая букет из пяти цветов на белом фонтане, точно на северной стороне, запомни: на северной стороне имеет кнопку, которая приводит в действие потайную дверь. Шифр кнопки…»

Он знал — скорее, знала статистическая машина, — что тайна находится в фонтане, но не более того. Теперь же…

Грубый громкий голос из громкоговорителя, спрятанного среди деревьев на другой стороне, разорвал тишину.

— Кто это там шатается? Что вам нужно, капитан? Возвращайтесь к своему командиру, получите пропуск и возвращайтесь утром. Быстро!

Но он был уже у фонтана. Его проворные пальцы коснулись северного цветка. Еще несколько мгновений и он набрал нужный шифр. И тут же из еще одного передатчика Поргрэйва раздалась следующая инструкция.

«Дверь теперь открыта. Это необычно узкий туннель, идущий в кромешной тьме. Вход в него находится в центре группы конных скульптур в сотне метров к северу. Смелее!»

Но не храбрости не доставало сейчас Кроссу, а времени. Сто метров севернее, в направлении дворца, в направлении грозных укреплений.

Кросс коротко рассмеялся. Древний строитель дворца вряд ли догадывался, в какой ад превратятся эти сто метров всего лишь через сто лет. Юноша продолжал двигаться вперед, не обращая внимания на грубый голос из динамика.

— Эй, ты там… остановись сейчас же, или мы стреляем. Возвращайся в свое подразделение и передай своему командиру, чтобы он арестовал тебя. Живо!

— У меня очень важное донесение, — отозвался Кросс, стараясь подражать голосу капитана. — Крайняя необходимость заставила меня пойти на такое грубое нарушение!

Они все же не считают, что один человек может быть опасен. Только этим можно объяснить тот факт, что он все еще жив и продолжает идти дальше.

— Никакая крайняя необходимость не оправдывает такое вопиющее нарушение порядка. Возвращайтесь немедленно к своему подразделению… Я предупреждаю вас в последний раз!

Но он продолжал идти вперед. Уже стало видно маленькое черное отверстие потайного хода.

Внезапно до него донесся из-за деревьев слабый обрывок мысли. Кто

— то сказал:

— Сержант, проверьте на нем прицел своей винтовки.

— Слушаюсь, сэр.

— Цельтесь сначала в ноги, а потом в голову!

Сжав зубы, он прыгнул ласточкой над землей, выставив руки над головой… и точно приземлился в туннеле. Вертикальные стены хода всего несколько секунд касались его одежды, когда он ногами вперед съезжал вниз. Пол туннеля был гладким как стекло, и только после того, как он упал несколько раз, Кросс решил отказаться от вертикальной походки. Как только он стал на четвереньки, трение возросло, и он почувствовал, что начал скользить вперед, так как пол туннеля был выложен под углом. Впереди показался свет и неожиданно он очутился в низком, тускло освещенном коридоре. Он все еще продолжал скользить вниз, но по замедлению скорости знал, что пол выравнивается. Его путешествие оканчивалось. Свет исходил от единственной маленькой лампочки на потолке, светившей настолько слабо, что свет ее едва касался потолка и смешивался с тьмой так и не достигнув пола. Кросс встал и увидел надпись, которая была на стене на такой высоте, где ее еще можно было с трудом прочесть.

«Сейчас вы находитесь в трех километрах под поверхностью земли. Туннель позади вас блокирован стальными и бетонными переборками, которые опускались одна за другой по очереди, после того как вы проходили контрольные датчики. Для того, чтобы отсюда подняться во дворец, нужно не менее часа. Под страхом суровых наказаний слэнам запрещено показываться во дворце. Остерегайтесь!»

У него запершило в горле. Несмотря на все старания, он все же чихнул. Слезы побежали по щекам. Освещение стало более тусклым. Кросс нагнулся и провел рукой по полу. На нем лежал толстый мягкий ковер пыли. Юноша взгянул вперед по коридору, стараясь заметить чьи-нибудь следы, но повсюду была только пыль. За многие годы ее накопилось не менее дюйма в толщину.

Прошли бесчисленные годы с тех пор, как здесь была установлена эта предупреждающая надпись с туманной угрозой. Теперь опасность была куда более реальной. Люди теперь знали, где искать потайной вход. Но прежде чем они обнаружат человека воспользовавшегося им, он должен, пренебрегая этой надписью слэнов, проникнуть во дворец и добраться до Кира Грея!

Не обращая внимания на постоянную щекотку

в носоглотке, Джон Томас Кросс двинулся вперед, через бесчисленные множества дверей, коридоров и больших, величественных залов.

Внезапно он услышал тихий металлический щелчек позади себя. Резко повернувшись он увидел, как цельный лист металлической двери мягко опускается к полу в том месте, где он только что прошел, образуя гладкую, прочную стену. Юноша на мгновение окаменел, превращаясь в чувствительный механизм, воспринимающий все внешние впечатления. Коридор, узкий и длинный, впереди заканчивался тупиком. В тишине резко прозвучал еще один щелчок, и стены коридора с металлическим скрежетом постепенно начали приближаться одна к другой, угрожая расплющить попавшегося в эту мышеловку человека.

Кросс хладнокровно стал осматриваться, отлично понимая, чем грозит ему эта западня. На противоположных боках приближающихся стенок он внезапно увидел углубления до двух метров высотой, каждое из которых было высечено по контуру человеческого тела и могло вместить только одну из его половинок.

Джомми печально усмехнулся. Через несколько минут стены сомкнутся, и единственным для

него прибежищем будет место, где смыкаются два углубления. Очень искусная ловушка!

Правда, энергия кольца на пальце, возможно, помогла бы ему рассчитать путь через эти смыкающиеся стены, но что-то удерживало его от этого шага и заставило ждать до конца.

Как дальше будет вести себя эта автоматическая ловушка? Он более внимательно осмотрел выемки в стенах. Дважды его кольцо вспыхнуло яростным атомным пламенем. В первый раз оно аннигилировало захваты для рук, которые должны были сработать после смыкания стен; а во второй — значительно расширило оба углубления, дав человеку возможность более свободно себя чувствовать в этом металлическом саркофаге.

Когда между стенками остался зазор всего лишь в сантиметров тридцать, в полу открылась трещина шириной в ладонь. Еще несколько минут и обе стены с лязгом сомкнулись.

Наступил момент тишины! Затем раздался слабый звук включившихся двигателей, и Кросс почувствовал быстрое движение вверх. Оно длилось несколько минут, затем скорость подъема стала снижаться и, наконец, движение и вовсе прекратилось.

Еще секунда и небольшой отгороженный отсек, в котором он стоял, начал медленно вращаться. Наконец вращение прекратилось и на уровне лица юноши открылось прямоугольное отверстие, через которое было видно какое-то помещение.

За письменным столом сидел мужчина могучего телосложения, с поседевшими висками и морщинистым от возраста лбом. Не было в мире никого, кто бы не узнал это вытянутое лицо, этот пронизывающий взгляд, жестокость, которую нельзя было ничем смыть с контуров носа и выдающейся нижней челюсти. Это лицо было слишком сурово и решительно и поэтому вряд ли его можно было бы считать приятным. Но при всем этом у него был благородный вид. Вот он, прирожденный вождь человечества. Кросс почувствовал, что острый глаз этого человека рассекает его на части, осматривая содержимое мышеловки.

— Значит, вы все же дали себя поймать, — насмешливо произнес Кир Грей. — Не очень-то умно с вашей стороны.

Именно эти слова и выдали его. Вместе с ними Кросс уловил скользящие по поверхности мозга мысли, абсолютно совпадающие с этими словами, что говорило о том, что внутренний экран

мозга этого человека был таким же непреодолимым, как и его собственный. Дырявый экран недослэнов не шел с ним ни в какое сравнение. Кир Грэй, вождь людей, был человеком абсолютно уверенным в том, что он — «И С Т И Н Н Ы Й С Л Э Н!» Только этим единственным предложением взорвался Кросс, а затем весь его мозг застыл как замерзший поток. Сколько лет Кетлин Лейнтон жила рядом с этим человеком и не подозревала об этом. Конечно, у нее не было опыта обращения с экранированным мышлением, да и к тому же еще этот Джон Петти, который, имея примерно такой же барьер, спутал все ее предположения, потому что без всяких сомнений уж он то был обыкновеннейшим человеком. Как идеально диктатор имитировал человеческий тип мыслезащиты! Кросс взял себя в руки и произнес:

— Значит, вы — СЛЭН!

Лицо диктатора искривилось в язвительной усмешке.

— Вряд ли это правильное определение. Но все же я слэн! Хотя и не умею читать мысли, так как не имею антен-завитков. В течение сотен лет мы, которым была известна истина, существуем только ради того, чтобы помешать недослэнам захватить мир обычных людей. Что может быть

более естественным, чем то, что нам следовало незаметно взять в свои руки правление над людьми? И разве мы не обладаем самыми сильными умственными способностями на Земле?

Кросс кивнул. Именно так оно и было, конечно. Его собственное умозаключение сказало ему это. Как только он обнаружил, что настоящие слэны не являются тайными правителями недослэнов, неизбежно возникал вывод о том, что они правят миром людей, несмотря на уверенность Кетлин и рентгеновские снимки недослэнов, доказывающие, что у Кира Грея обычное человеческое сердце и другие органы, соответствующие анатомии людей, а не слэнов. В этом таилась какая-то чудовищная загадка.

— Я все же не могу ничего понять. Я почти ожидал такого. Слэны господствуют над людьми! Но зачем тогда вся эта антислэновская пропаганда? Что это был за воздушный корабль, который несколько лет назад передавал вам какое-то послание слэнов? Почему настоящих слэнов травят и убивают, как крыс? Почему нет договоренности с недослэнами? И еще много «почему»…

Диктатор задумчиво посмотрел на него.

— Мы время от времени пытались вмешаться в антислэновскую пропаганду. Как раз одной

из таких попыток и был тот самый корабль, на который вы ссылаетесь. По некоторым соображениям я вынужден был издать приказ, чтобы он опустился в болото. Но, несмотря на эту кажущуюся неудачу, мы достигли основной цели, которая была в том, чтобы убедить недослэнов, определенно замышлявших нападение, что мы все еще представляем из себя силу, с которой приходится считаться.

И именно очевидная слабость того серебряного воздушного корабля убедила недослэнов. Они поняли, что мы никак не можем быть такими бессильными и, поэтому, они снова стали колебаться и тем самым упустили победу.

Всегда существовало много несчастных слэнов, которых убивали в различных районах мира. Это были потомки слэнов, которые были рассеяны после Войны Бедствий и так и не воссоединились с организацией слэнов. После того, как на сцену вышли недослэны, то, конечно, было уже поздно что-либо предпринимать. У наших противников было положение, позволяющее подавлять любые устройства связи, которыми мы располагали.

Мы, естественно, стараемся помочь потерянным слэнам. Однако, помощь получают только те, кто проникает во дворец с целью убить меня. Вот

и вы проникли во дворец, хотя и воспользовались для этого очень трудным путем. Вобщем, хорошо. В нашей организации всегда найдется место для еще одного отважного молодого человека.

Кросс холодно посмотрел на Грея. Диктатор, очевидно, не знал, кто перед ним. Он не знал, на сколько близок час нападения недослэнов. Стараясь придать важность моменту, Джомми вызывающе произнес:

— Я поражен, что вы позволили захватить себя в расплох!

Улыбка сейчас же сошла с лица Кира Грея. Он сурово произнес:

— Ваше замечание очень колкое. Вы считаете, что поймали меня. Или вы глупец, в чем я очень сомневаюсь, или на самом деле ваши руки свободны. Существует только один человек во всем мире, который смог бы уничтожить прочную сталь наручников в этой камере.

Жестокое лицо диктатора расслабилось, исчезли морщины на лбу, но зато загорелись глаза. В них возникла радость, энергия, нескрываемое торжество.

— Ты… ты сделал это! — его голос сорвался, и он почти перешел на шепот. — Несмотря на невозможность с моей стороны хоть чем-нибудь тебе

помочь… наконец-то стала доступной атомная энергия в любой из ее форм.

Голос его снова зазвенел, чистый и торжествующий.

— Джон Томас Кросс, я приветствую тебя и открытие твоего отца. Входи и садись. Я освобождаю тебя из этой проклятой мышеловки! Мы сможем спокойно говорить в моем кабинете. Сюда не допускается ни одно человеческое существо.

… Конечно, — говорил Кир Грей, — в твоем открытии, что слэны — продукт естественного развития, а не продукт действия машин, нет для нас ничего нового. Мы — следующая мутация в эволюции разума, следующая ступень развития человеческого существа. Должен сказать, что эта мутация действовала задолго до того дня, как ее заметил великий Ленн и понял, в чем состоит ее сущность. Только после этого стало известно, что природа в своей созидательной деятельности время от времени взрывается попытками изменения. Угрожающе растет число уродств, подскакивает во много раз процент слабоумных. Удивительной является та быстрота, с которой биологические сети накрывают всю Землю.

В течение всей истории человечества нарастала напряженность. И затем за одну четверть

тысячелетия были зарегистрированы миллиарды ненормальных рождений. Человеческая природа взбунтовалась. Правда была потерена в волне террора, который поверг мир в войну. Все попытки потом возродить истину были залиты потоком невероятной массовой истерии… даже сейчас, через тысячу лет. Да, я сказал «через тысячу лет!» Только мы, настоящие слэны, знаем, что безымянный период войны длился без малого пятьсот адских лет. И что дети-слэны, открытые Самюэлем Ленном, были рождены около тысячи пятьсот лет назад. В течение первых нескольких лет, десятков, а может быть и сотен почти все слэны рождались близнецами, обычно по три, реже по два. Теперь редко рождаются близнецы. Правилом является один ребенок. Природа, выполнив свою часть работы, исчерпала себя. Дальнейшее должен был сделать разум. И именно здесь-то и возникли трудности.

Во время безымянного периода на слэнов охотились, как на диких зверей. Сейчас даже не возможно себе представить ту жестокость, с которой обращались люди с теми, которых считали ответственными за наступившие бедствия. По-существу, слэнам не было никакой возможности по-настоящему организоваться. Наши далекие

предки использовали все: подземные убежища, хирургическое удаление завитков, пересадку обычных сердец вместо слэновских сдвоенных. Но все оказалось зря.

Подозрения превозмогало любые попытки сопротивления. Люди доносили на своих соседей и требовали, чтобы тех проверяли. По малейшему поводу полиция устраивала облавы. Наиболее тяжкие затруднения были связаны с деторождением. Если до этого родителям удавалось удачно замаскироваться, то появление ребенка всегда, почти всегда, приводило к смерти и матери, и отца ребенка.

Постепенно, наиболее выдающиеся слэны начали понимать, что новая раса людей выжить не сможет. Разбросанные остатки слэнов сосредоточили в конце концов все свои усилия на том, чтобы научиться управлять силами мутации. Наконец, было обнаружено, как можно влиять на форму больших молекул, из которых состоят гены. Это было то жизненное вещество, которое управляло генами, как сами гены в свою очередь обуславливали форму различных органов и развитие тела.

Оставалось только экспериментально проверить это, но что ушло двести опасных лет. Расой

никак нельзя было рисковать, хотя отдельные индивидумы рисковали своей жизнью и своим здоровьем. Наконец, нашли, каким образом сложные группы молекул могут обуславливать форму каждого органа не только в одном поколении, но и во многих. Стоило немного изменить эту группу, и затронутый орган изменялся, проявляясь в прежнем виде только в следующих поколениях. Вот таким образом была изменена базовая структура генофонда слэнов, сохраняя то, что было полезным и ценным для выживания расы и устраняя то, что оказывалось опасным. Были изменены гены, обуславливающие рост завитков-антенн. Таким образом, удалось переместить способность к чтению мыслей во внутренние отделы мозга, обеспечив то, что эта возможность не проявится в течение нескольких поколений.

— Подождите! — прервал диктатора Кросс. — Когда я впервые стал искать истинных слэнов, логика мне подсказывала, что они должны были проникнуть в организацию недослэнов. А сейчас вы хотите сказать, что эти недослэны и есть истинные слэны, которыми они станут через некоторое время?

— Менее чем через пятьдесят лет у них появится способность читать мысли. Можем ли мы

какое-либо изменение закрепить в организме навечно, мы пока не знаем.

— Но почему же их лишили этой способности к чтению мыслей, причем в эти решающие годы?

— Я вижу, что ты так и не понял жизни наших предков. Мы, лидеры слэнов, изменили так много из наших отличительныз признаков, чтобы защитить будущую расу от людей.

— Поэтому вы защитили недослэнов от ярости людей, а потом изгнали, убрали у них мысль о принадлежности к истинным слэнам. Но почему вы не открыли перед ними истину?

Диктатор печально развел руками.

— Мы пытались, но те, которых мы выбрали в качестве доверенных лиц, подумали, что это какой-то трюк с нашей стороны. Их логика тут же погнала их в места наших тайных убежищ. Мы были вынуждены убить их всех. Нам ничего не остается как ждать, пока у них не восстановятся телепатические способности. А теперь, судя по тому, что ты мне рассказал, мы должны действовать быстро. Твои гипнотические кристаллы, конечно, могут быть окончательным решением проблемы антагонизма со стороны людей. Как только у нас будет достаточное количество слэнов, умеющих с ними обращаться, эта трудность,

скорее всего, будет преодолена. Что же касается грозящего нападения…

Он протянул руку к кнопке и, нажимая на нее, объяснил Кроссу:

— Сейчас подойдут еще несколько моих коллег. Мы должны провести срочное совещание.

— Слэны, не опасаясь людей, могут устраивать свои совещания во дворце? — изумился Джомми.

— Друг мой, мы основываемся при своих операциях на ограниченности отдельных человеческих индивидуумов.

— Не уверен, что понимаю вас.

— Это очень просто. Много лет назад очень много людей знали почти все о тайных помещениях дворца. Одним из первых моих мероприятий, как только это стало возможным, было засекречивание этих зданий. Затем людей, которым была известна хоть малейшая информация по этому поводу, я перевел на другую работу в другие части света. Там, изолированные в отдельных правительственных учреждениях, все они были через некоторое время убиты, — он печально покачал головой. — Это отняло совсем немного времени. И, как только была установлена такая секретность, сама необъятность этого дворца — и строгий военный контроль над каждой дорогой

к нему — предохранял от открытия секретов заново. Вокруг дворца редко бывает меньше сотни слэнов. Большинство из них настоящие, хотя некоторое количество недослэнов — потомков, подобно мне, тех ранних добровольцев, которые согласились на эксперименты по трансформации своих генов для того, чтобы выжить — уже знают свою правду и являются частью нашей организации. Мы могли бы, конечно, прооперировать настоящих слэнов и обеспечить им беспрепятственный выход из дворца наружу, но мы достигли уже такой стадии, когда нам нужно иметь приблизительно именно настоящих слэнов, чтобы остальные могли видеть, какими будут их потомки через несколько поколений. Ведь мы же после всего не хотим, чтобы их внезапно охватила паника.

— А кем же была Кетлин? — медленно спросил Кросс.

Диктатор долго оценивающе смотрел на юношу и в конце концов сказал:

— Кетлин — это эксперимент. Я хотел посмотреть, могут ли люди, которые растут вместе со слэнами, прийти к сознанию внутреннего родства с ними. Когда в конце концов стало очевидным, что этого достичь нельзя, я решил перевести ее

в эти потайные помещения, где она могла бы развиваться дальше в сообществе с другими слэнами и стать нам активной помощницей. Но она оказалась смелее и изобретательнее, чем я предполагал. Но тебе уже известно все об этой эскападе.

Слово «эскапада» было слишком мягким описанием одной из главных трагедий в жизни Кросса. Очевидно, этот человек в гораздо большей степени привык к смерти других, чем он. Но прежде чем он успел что-либо произнести, Кир Грей сказал:

— Моя собственная жена, которая была настоящим слэном, пала жертвой тайной полиции, когда я… — он остановился. Некоторое время Грей сидел, зажмурив глаза, и было отчетливо видно страдание на его лице. Затем он встрепенулся и резко сказал:

— Я слишком с тобой заговорился. В чем же все таки секрет твоего отца?

— О подробностях я расскажу несколько позже. Если же говорить кратко, то мой отец отверг понятие критической массы, как способа использования атомной энергии. Если критическая масса приводит к атомному взрыву, то мой отец нашел способы использовать энергию атома при

нецепной реакции.

Он остановился и взглянул на открывшуюся дверь. Вошли трое мужчин с золотистыми локонами в волосах. Увидев его, они сняли экранирование своих мыслей. Мгновением позже Кросс тоже убрал свой барьер. Произошел как бы обмен молниями мыслей между всеми четырьмя: имена, предыдущая жизнь, цели — разного рода данные, необходимые для более полного постижения друг друга. Процесс этот ошеломил Кросса, который за исключением короткого контакта с неопытной Кетлин и своих детских взаимоотношений с родителями, до этого мог только в своем воображении представлять, насколько эффективным может быть такое взаимообогащение.

Он настолько был ошеломлен свалившимся на него богатством, что был застигнут врасплох, когда дверь отварилась снова.

В кабинет вошла высокая молодая женщина. У нее были лучистые глаза и волевое, зрелое, полностью оформившееся нежное лицо. Взглянув на нее, он окаменел, и все тело его пронялось холодной дрожью. И только какие-то остатки мыслей на самом дне его сознания подсказывали ему, что об этом давно уже следовало бы догадаться… Особенно тогда, когда он присутствовал

на возвращении к жизни миссис Корлисс в марсианской операционной. Он должен был понять это и тогда, когда узнал, что Кир Грей был слэном. Он должен был догадаться, зная всю ненависть и зависть, процветающую во дворце, что только смерть и тайное воскрешение из мертвых могли окончательно и бесповоротно обезопасить Кетлин Лейнтон от Джона Петти.

И именно в этот момент его мысли прервал голос Кира Грея, в котором чувствовались гордость и многолетнее ожидание подобного момента.

— Джон Томас Кросс, разреши мне представить тебе Кетлин Лейнтон Грей, мою дочь. Да, да, Джомми, эта девушка — моя дочь!

Альфред Элтон Ван Вогт
Творец вселенной

1

Лейтенант Мортон едва держался на ногах, когда вышел из коктель-бара. Несколько секунд он стоял неподвижно, собираясь с силами, для того чтобы продолжить свой путь, и вдруг почувствовал у себя за спиной какое-то движение. Он осторожно повернулся и не успел шагнуть в сторону, как вышедшая вслед за ним из бара девушка натолкнулась на него и чуть не упала, судорожно вцепившись в рукав его кителя. По-видимому, она была ещё более пьяна, чем он сам. Ему с трудом удалось сохранить равновесие и не дать ей упасть, и он уже почти отпустил её, как вдруг она еле разборчиво пробормотала: «Вы обещали отвезти меня домой.

Каргилл оторопел. Он был уверен, что видит её первый раз в жизни, и уже собирался сказать ей это, но промолчал, так как вдруг понял, что ещё никогда в жизни не был так жутко пьян. А что с ним происходило в течение предыдущего часа, он вообще не мог вспомнить, так что, вполне возможно, эта девушка говорила правду.

Во всяком случае он определенно собирался найти кого-нибудь, с кем можно было бы про-

вести остаток вечера. Да и вообще, какое все это имело значение? Оставалось всего три дня до конца отпуска, и ему было совершенно некогда уточнять, как далеко зашли их отношения.

— Где ваша машина? — спросил он со всей решительностью, какую только мог собрать в своем расслабленном теле.

Слегка пошмтываясь на ходу, девушка повела его к своей машине. Это был «шевроле». Она подождала, пока Мортон откроет ей дверь, и рухнула на сиденье. Все тело её как-то сразу обмякло и голова безжизненно повисла. Каргилл сел за руль и еле удержался от того, чтобы тут же не сползти на пол, положить голову на сиденье и заснуть.

Последним усилием воли он попытался собраться, сконцентрировать свое внимание, и внезапно ему стало страшно: «А я ведь совершенно не в состоянии вести машину. Лучше взять такси», — вяло подумал он.

Но воплотить это в действие он был уже не в состоянии. То странное оцепенение, с которым он все это время боролся, одолело его, и сознание отключилось. В последнюю секунду он ещё ощущал, что тело его механически, уже помимо его воли, совершает какие-то движения — кажется, нога нажала на педаль, — и больше он ничего

не помнил.

Когда Каргилл пришел в себя, он понял, что произошла авария. Автомобиль съехал с дороги и врезался в дерево. Попытка выбраться из машины не удалась — дверь, видимо, заклинило. Осмотревшись получше, Каргилл убедился, что лишь чудом избежал смерти или серьезного увечья, так как корпус автомобиля был просто искорежен.

Он решил попробовать открыть другую дверь, с той стороны, где сидела девушка, и тут его охватил ужас: вся передняя часть машины в этом месте была вдавлена внутрь. Именно сюда пришелся самый сильный удар.

Даже в темноте было понятно, что этот удар оказался для девушки смертельным. Отчаянным усилием Каргилл снова дернул свою дверь, и на этот раз она поддалась. С большим трудом он выбрался из машины, постоял минуту, стараясь унять дрожь в ногах, и медленно, неверными шагами пошел куда-то в ночь, прочь от этого места. Никто не остановил его. Улица была пустынна.

Утром, бледный и протрезвевший, он прочитал сообщение об этом случае в газете:

«Обнаружен труп женщины.

Прошлой ночью на окраине города была найдена врезавшаяся в дерево машина. В салоне находился труп молодой женщины по имени Мари Шане, скончавшейся от потери крови в результате повреждений, которые она получила во время аварии. Тело было обнаружено только рано утром, и, как полагают врачи, её можно было бы спасти, если бы своевременно была оказана медицинская помощь.

Мари Шане была замужем, но жила отдельно от мужа с трехлетней дочерью. Известно также, что у неё есть брат, который живет в Нью— Йорке. Просьба родственникам связаться с властями по поводу организации похорон».

В первых сообщениях ни слова не говорилось о том, располагает ли полиция какими-то сведениями о возможных причинах аварии и о том, кто видел Мари Шане в тот вечер. В одном из следующих выпусков газет было упомянуто, что незадолго до того, как произошла авария, её видели в коктейль-баре разговаривающий с каким-то военным. Все вечерник газеты подхва-

тили сообщение и стали развивать эту тему. А на следующее утро в газетах уже излагались версии о возможном убийстве. На душе у Каргилла было неспокойно, и он решил немедленно, не дожидаясь окончания отпуска, вернуться в свою часть.

Когда через неделю ему стало известно, что его часть направляют в Корею, он испытал чувство огромного облегчения, несмотря на то, что (это было в 1953 году), в Корее шла настоящая война. Жизнь в обстановке постоянных боев ожесточила Каргилла. Зрелище крови, человеческих страданий и чужой смерти уже не трогало его, и постепенно чувство вины, преследовавшее его раньше, исчезло. Так прошел год, и он почти совсем забыл об этом неприятном случае.

В начале 1954 года он, уже в чине капитана, вернулся в Лос— Анджелес. Он пробыл дома несколько месяцев, когда однажды с утренней почтой получил какую-то странную записку. В ней говорилось:

«Дорогой капитан Каргилл!

Вчера я увидела вас на улице и узнала ваш адрес и номер телефона из телефонного справочника. Не будете ли вы так любезны встретиться со мной в отеле «Гиффорд» сегодня (в среду) вечером около 20.30?

С нетерпением ждущая встречи, Мари Шане».

Каргилл сначала ничего не понял. Мари Шане? Кто это такая? И вдруг он все вспомнил, и тот давний, уже позабытый страх вновь охватил его. «Но ведь она умерла, — подумал он растерянно. И она не знала, как меня зовут…»

Внутри у него все похолодело. Инстинкт самосохранения подсказывал ему, что идти на эту встречу нельзя, но по мере того, как приближался вечер, росла и его решимость узнать, что же все это значит, что хочет от него эта странная женщина, подписавшаяся именем той, которой уже давно нет в живых, почему она с нетерпением ждет их встречи.

В великолепном фойе отеля «Гиффорд» Каргилл был уже в начале девятого. Он нашел удобное место за одной из колонн, откуда можно было наблюдать за входом, и приготовился ждать.

Ждать ему пришлось долго. В 21.30 внутри у него все кипело от негодования, так как он уже пять раз предпринимал попытки заговорить с незнакомыми женщинами, принимая их за Мари Шане, и каждый раз ему приходилось выслушивать, что они думают по поводу его бестактной навязчивости. Он чувствовал, что терпение его иссякает с каждой минутой.

Его неуспех у женщин не остался, однако, незамеченным. Derejrhb отеля, высокий, крепкого сложения человек, бесшумно подошел к нему и тихим, но убедительным голосом сказал:

— Капитан, а что, если вам попытать счастья в другом месте? Вы же видите, что здесь у вас дело не идет, — и добавил ещё более убедительно: — Короче, друг, топай отсюда, и живо!

Каргилл, побелев от злости, посмотрел в бесстрастные глаза детектива и понял, что ему придется уйти. И в эту минуту где-то рядом за его спиной приятный женский голос произнес:

— Я долго вас заставила ждать, капитан?

С чувством облегчения Каргилл повернулся и замер. Он был уверен, что не помнит, как выглядела та несчастная девушка, но сейчас, как только он увидел её, сразу понял, что это Мари Шане.

Она изменилась, но сомнения не было.

— Это была она. Краем глаза он увидел, что местный детектив отошел в сторону. И тогда осталось только эта девушка и он, смотрящий на неё во все глаза.

— Это действительно вы, — сказал он, — Мари Шане

Ему было трудно произнести это имя, как будто слова были тяжелыми, как камни, и для того,

чтобы заставить их двигаться, нужно было приложить достаточно усилий. Присмотревшись к ней получше, Каргилл начал осознавать, что она очень изменилась.

Та девушка, которую он согласился отвезти домой год назад, была тоже хорошо одета, но не так, как эта. Сейчас на ней было ярко-розовое платье типа сари и манто из меха какого-то неизвестного ему животного. Мех был необыкновенно красив, ничего подобного Каргилл не видел со дня своего возвращения в Америку.

Но, собственно говоря, одежда её сейчас не имела никакого значения. «Вас ведь нет на свете, — хотел он сказать. — Я сам читал сообщение о ваших похоронах».

Но он не стал этого говорить. Что-то останавливало его. Девушка тихо произнесла.

— Пойдемте в бар. Там мы можем чего-нибудь выпить и поговорить о старых временах…

Каргилл выпил первую рюмку залпом, не отрываясь. Вопросительно взглянув на девушку, он заметил, что она наблюдает за ним с легкой, снисходительной усмешкой.

— Я задавала себе вопрос, — произнесла она медленно, — какое чувство я буду испытывать, когда вернусь и буду пить вместе с убийцей. Это

совсем не весело, правда?

Каргилл почувствовал в её словах скрытую враждебность и что— то еще, что-то более глубоко запрятанное и непонятное ему. С враждебностью ему приходилось сталкиваться не раз, и он знал, как надо защищаться, — изо всех сил, до последнего, со всей решимостью.

Эта женщина собиралась причинить ему вред, и ему нужно было быть настороже.

— Я не понимаю, о чем идет речь, — сказал он резко. В его голосе слышались угрожающие нотки. — Я даже не уверен, что знаю вас.

Женщина немного помедлила, открыла сумочку и вынула оттуда две большие фотографии. Молча бросила их на стол перед Каргиллом. ему понадобилось несколько секунд, чтобы сосредоточить внимание на том, что было изображено на фотографиях. Когда до его сознания дошло то, что он увидал, Каргилл торопливо схватил снимки и поднес их ближе, не веря своим собственным глазам. на обеих фотографиях был запечатлен человек в офицерской форме, выбирающийся из сильно поврежденного автомобиля. У Каргилла перехватило дыхание от ужасающих своим неприкрытым натурализмом подробностей. На одном из снимков было видно, что тело девушки

буквально вдавлено в ту дверь, около которой она сидела. Голова её была как-то meeqreqrbemmn повернута, а по лицу текла кровь. На другом снимке крупным планом было изображено лицо офицера, сфотографированное из абсолютно невероятного положения откуда-то сзади.

Это был он. Это он выбирался из разбитой машины, в которой лежал залитый кровью труп девушки.

Пальцы его сами собой разжались, и фотографии упали на стол. Он посмотрел ей прямо в глаза тяжелым, угрожающим взглядом.

— Что вам надо от меня? — спросил он с ненавистью. — Где вы взяли эти снимки?

Тот последний вопрос, как электрический шок, побудил его к действию, и он с невероятной быстротой — никто не смог бы опередить его в эту минуту — схватил эти фотографии, как утопающий хватается за соломинку, мертвой хваткой. Пальцы его совершенно не слушались, когда он начал рвать их на мелкие клочки.

— Не трудитесь, — спокойно произнесла девушка. — У меня есть негативы.

Каргилл остановился как по команде и, наверное, машинально посмотрел в сторону официанта, стоявшего неподалеку, потому что тот в

одно мгновение возник около их стола, убрал разорванные фотографии и принес ещё виски. Каргилл торопливо опрокинул рюмку в рот и почувствовал, что здравый смысл начинает возвращаться к нему. Если она не умерла, тогда никто не может ни в чем его обвинить, ведь никакого преступления не было?

Он увидел, что девушка опять что-то ищет в сумочке. Она вытащила блестящий предмет в форме сигареты, приложив его к губам, глубоко затянулась и выпустила тонкую струйку дыма. Пока он завороженно смотрел на эту «сигарету», она снова достала что-то из сумочки. Это «что-то» выглядело как визитная карточка, размером несколько больше обычной. Она бросила её на стол перед ним.

— Вам, конечно, непонятно, — сказала она, — что это значит. Вот, это до некоторой степени прояснит дела. Взгляните.

Каргилл почти не слышал, что она говорила.

— Эта ваша сигарета, — медленно произнес он. — Вы же её не зажигали.

— Сигарета? — Она сначала не поняла, о чем идет речь, потом достала из сумочки ещё одну блестящую трубочку, такую же, как и первая, и протянула ему.

«Она автоматически включается, когда затягиваешься. Это на самом деле очень просто, но я забыла, что они появятся только через сто лет. Они очень хорошо успокаивают нервы».

Успокоить нервы — это как раз то, что ему сейчас было нужно. Каргилл глубоко затянулся три раза подряд и почти сразу ощутил расслабляющий эффект душистого дыма. Он взял карточку, которую девушка бросила на стол. На ней какой-то блестящей краской было написано:

> «Межвременное Общество Психологической Адаптации рекомендует коррекционную терапию для капитана Мортона Каргилла
>
> 5 июня 1954 года
> Преступление: убийство.
> Терапия: смерть».

Блестящие строчки поплыли у него перед глазами.

— Но этого не может быть! Это какая-то мистификация! — голос его звучал глухо, как будто со стороны. Разум отказывался верить в реальность происходящего, но инстинкт, такой же древний, как мир, действовал независимо от сознания и

готовил его к худшему. Руки его похолодали.

Она пожала плечами:

— Это не моя идея. Я только обратилась к ним за помощью, а все остальное от меня уже не зависит. А вы... — Она не договорила. Qm`w`k` её голос, а потом и она сама медленно растаяли, и все погрузилось в темнотму.

2

Темнота стала рассеиваться, но все вокруг было видно очень смутно, контуры предметов были расплывчатыми и неопределенными. каргилл потряс головой, потер глаза и почувствовал, что к нему начало возвращаться нормальное зрение. Он увидел, что сидит на стуле в углу просторной, со вкусом обставленной гостиной. Слева находилась дверь, видимо в спальню — был виден край кровати. Стена напротив была, как ему показалось, зеркальной. Но это зеркало выглядело как-то необычно. В нем отражался не он, а какая-то девушка, которая, так же как и он, сидела на стуле в следующей комнате, представляющей собой зеркальное отражение той, в которой находился он. Это была та самая девушка, которая называла себя Мари Шане.

Каргилл поднялся со стула и принялся осматривать квартиру. Да, его догадка была правильной, и дверь налево действительно вела в спальню, рядом с которой находилась ванная. Дверь из ванной выходила, очевидно, наружу, но она была заперта. А зеркальная стена гостиной, как оказалось, была на самом деле стеклом, разде-

ляющим две одинаковые квартиры с одним и тем же расположением комнат. На одной из стен висели часы, на которых горела надпись: «6 мая, 18 часов 22 минуты». Они, видимо, остановились месяц назад.

Пока Каргилл осматривал квартиру, он ощущал какое-то нервное возбуждение, но вскоре это смущение пропало, и он устало опустился на стул, непрязненно глядя на девушку и вспоминая ту карточку, на которой он прочел это безжалостное слово «смерть».

Погруженный в свои тяжелые раздумья, он не сразу заметил, что девушка встала и подошла к разделяющему их стеклу. Она произнесла что-то, но он увидел только, как двигались её губы. Ни единого звука до него не донеслось. Каргилл, выйдя из своего оцепенения, вскочил со стула, подбежал к стеклянной стене и крикнул: «Где мы находимся?»

Она отрицательно покачала головой. Он стал осматривать стеклянную стену, потом комнату, пытаясь найти какую-нибудь возможность для обобщения «Может быть, есть телефон? — подумал он, и чуть не рассмеялся — такой глупой ему показалась эта мысль. — Ну, и какой же номер ты стал бы набирать, если бы нашел здесь

телефон?»

Но один выход все-таки был. Каргилл принялся лихорадочно шарить по карманам в поисках ручки и хотя бы клочка бумаги и нашел и то и другое, вздохнув с облегчением. Пальцы его дрожали, когда он торопливо писал: «Где мы?»

Он приложил бумагу к стеклу. Девушка кивнула головой, показав, что поняла его, достала из сумочки блокнот и ручку, написала несколько слов и тоже подошла к стеклу. Каргилл прочел: «Я думаю, это Город Теней».

Это ему ни о чем не говорило. «Где это?» — написал он.

Девушка пожала плечами и ответила: «Где-то в будущем».

Странно, но этот ответ его почему-то успокоил. Он все больше убеждался, что имеет дело с какими-то ненормальными людьми и что ему необходимо очень взвешенно проанализировать случившееся и продумать свои действия, раз уж он попал в руки сумасшедших. «Они не посмеют мне ничего сделать», — сказал он сам себе.

Очевидно, каким-то образом родственники Мари Шане узнали, что это он был с ней во время аварии и, движимые чувством мести, решили сами наказать его за её гибель.

Но он никакого чувства вины не испытывал и вовсе не собирался opnqrn так дать себя убить ради успокоения этих психопатов Теперь, когда ему все стало ясно, страх прошел и он почувствовал яростную решимость вырваться из их рук. В его разгоряченном воображении мгновенно возник десяток планов освобождения. Для начала он разнесет тут все: разобьет стекло, вышибет дверь и разломает всю мебель до последней дощечки. Эти люди ещё долго будут сожалеть о том, что посмели тронуть его. Он поднял стул, чтобы ударить им по стеклу, и в этот момент услышал голос, который раздался как будто прямо из воздуха:

— Мортон Каргилл, моя обязанность объяснить вам, почему вы должны умереть.

От неожиданности Каргилл замер на месте со стулом в руках. Он поискал взглядом динамик и убедился, что его в комнате нет, а если верить слуху, то голос доносится ниоткуда, просто из воздуха, но это было невозможно. Он решил осмотреть все стены, мебель, чтобы найти, где спрятан динамик, и вдруг тот же голос раздался снова, на этот раз, вне всякого сомнения, непосредственно из воздуха и почти что над его ухом.

— Необходимо, — сказал голос, — сначала объяснить вам кое— что, учитывая то воздействие,

которое может быть оказано на вашу нервную систему.

Каргилл практически ничего не понимал, так как его охватила настоящая паника — нигде не было и следов загадочного устройства, которое должно было создавать иллюзию того, что кто-то говорит прямо ему в ухо.

Голос заговорил снова, на этот раз где-то позади него.

— Видите ли, капитан Каргилл, для эффективности нашей терапии абсолютно необходима перестройка организма на глубинных уровнях. Такие изменения невозможно вызвать искусственным путем. Нельзя этого делать и с помощью гипноза, так как независимо от того, насколько глубоко воздействие, часть мозга все равно бодрствует и осознает, что это только иллюзия. Вы поймете, что я имею в виду, когда я скажу, что даже в случае сильнейшей амнезии вы можете быть уверены, что человек в состоянии вспомнить все, что произошло. Сам факт наличия памяти, которая обладает способностью воспроизводить нужную информацию под воздействием соответствующих стимулов, объясняет, почему стандартная терапия для нас не подходит.

На этот раз сомнений уже не было. Этот монолог был достаточно долгим, и у Каргилла было время осмотреться и убедиться, что голос доносится из какой-то точки в воздухе над его головой. Это открытие поколебало его уверенность в том, что он хоть немного понимает, что происходит, но он не хотел даже себе в этом признаваться и решил прибегнуть к самому эффективному средству разрешения сомнений, которое он знал, — к действию. Он снова взял в руки стул, с помощью которого собирался разнести вдребезги стеклянную стену, и опять услышал все тот же ровный, бесстрастный голос:

— Только совершившийся факт может оказать непосредственное воздействие и вызвать необратимые изменения. Недостаточно просто представить себе, что на все на полной скорости мчится автомобиль, даже если вам будут внушать это с помощью гипноза. Только когда машина на самом деле несется прямо на вас и опасность абсолютно реальна — только тогда человек всеми клетками своего мозга и тела способен осознать реальность происходящего.

Каргилл вдруг осознал, что именно это и происходит с ним в действительности, что его сомнения в реальности происходящего начинают исчезать.

Похоже, что здесь что-то иное, чем просто группа психопатов-родственников, помешавшихся на почве мести. Здесь была реальная, осязаемая, непосредственная опасность. А это было ему знакомо как ничто другое. Больше года он прожил в naqr`mnbje постоянной смертельной опасности, что невероятно закалило его дух и тело. Он был настроен на опасность, она приводила его в потрясающее своей парадоксальностью состояние высочайшего напряжения и концентрации всех сил и, одновременно, релаксации.

— Что все это, черт возьми, значит? Где я нахожусь? — обратился Каргилл в пространство. Это необходимо было узнать как можно скорее, прежде чем начинать действовать. Впрочем, первый шаг к действию он уже сделал, осознав угрожающую ему опасность как вполне реальную. Голос из воздуха, проигнорировав его вопрос, продолжал:

— Сказать потомкам Мари Шане, что вы убиты, было бы недостаточно. Девушка должна присутствовать при этом, она должна увидеть вас мертвым, дотронуться до вашего холодного трупа и осознать реальность вашей смерти и её необратимость. Только при этом условии могут произойти необходимые изменения в её орга-

низме на глубинном, клеточном уровне. Ну а теперь мне хотелось бы предложить вам немного отдохнуть. Нужно, чтобы у вас было время все осмыслить ещё до того, как начнется коррекционная терапия.

— Я все-таки хочу получить ответ на свой вопрос: где я? Кто вы такие, черт возьми? — угрожающе произнес Каргилл. Ответа не было, и когда он понял, что ждать дальше бесполезно, он схватил стул и со всего размаха ударил по стеклу. В течение десяти минут дрожащими от напряжения руками он колотил по стеклу что было сил, стул был разнесен в щепки, а на стекле не осталось даже ни малейшей царапины. Убедившись в бесполезности дальнейших усилий в этом направлении, он постоял минуту, быстро направился в ванную и стал осматривать дверь, которая, как он предполагал, вела наружу. Она была сделана из какого-то очень прочного металла. Целый час он провозился, пытаясь открыть её, но все его усилия и здесь оказались тщетными.

В конце концов усталый, но несдавшийся, Каргилл решил немного отдохнуть и собраться с мыслями. Кровать в спальне показалась ему очень удобной, он прилег и моментально заснул.

Проснулся он оттого, что кто-то отчаянно тряс

его за плечо. Женский голос торопливо говорил ему в ухо:

— Живее! Нельзя терять ни минуты. Нужно уходить сейчас же.

Ничего ещё толком не понимая, он сел на кровати. Да, он в той же спальне в квартире со стеклянной стеной. Но девушка, стоящая около кровати, ему совершенно не знакома. Пока он разглядывал её, она шагнула в сторону и наклонилась над каким-то непонятным устройством. Что-то, видимо, было не в порядке, и она явно пыталась устранить неполадки, но это ей не удавалось. Потом, очевидно отчаявшись, она посмотрела на Каргилла и воскликнула:

— Боже мой, да не сидите вы тут как истукан! Подойдите сюда и потяните за этот рычаг. Нам надо побыстрее выбираться отсюда.

Каргилл никак не мог стряхнуть с себя оцепенение. Появление здесь этой девушки совершенно сбило его с толку. Он подошел и опустился на пол рядом с загадочным устройством. С одной стороны на его корпусе был небольшой выступ.

— Возьмитесь за выступ и тяните изо всех сил. — Приказала она, но он продолжал сидеть неподвижно. Она, видимо, заметила выражение его лица и спросила раздраженно: — Ну, что еще?

В чем дело?

— Пустяки, — ответил он. — Просто я ничего не понимаю, что здесь происходит, но вас ведь это не волнует, правда?

Девушка устало пожала плечами.

— Ну ладно. Похоже, что события слишком быстро развиваются. Вам надо время, чтобы все осмыслить. Хорошо, будем сидеть и ждать, пока не придет кто-нибудь из Теней.

— Что?!

Девушка почти простонала:

— Господи! Ну когда же я научусь держать язык за зубами? Ну сейчас начнутся расспросы! — Ее снисходительно-раздраженный тон взбесил Каргилла, и лицо его гневно вспыхнула:

— Да, черт вас всех возьми, что все это значит в конце концов? И кто вы вообще такая?

Девушка подняла руку, как будто защищаясь.

— Ладно, тихо, успокойтесь. Начнем с последнего вопроса. Меня зовут Энн Рис. А что касается всего остального, я не собираюсь вам ничего объяснять. Скажу только, что вас забрали сюда из двадцатого века по приказу Теней, а я принадлежу к группе, которая борется против них. Меня послали сюда за вами… — Она остановилась и посмотрела на него, нахмурив брови: — Только

не спрашивайте, как мы узнали, что вы здесь. Я и так вам слишком много рассказала. Я попала сюда, в Город Теней, с помощью этой вот машины, и если вам удастся вытянуть рычаг, — кажется, его заклинило, — тогда мы оба сможем отсюда выбраться. А если не хотите, можете оставаться тут, скоро за вами придут. Помогите мне с машиной, у меня нет времени сидеть тут с вами. В конце концов, может быть, вы хотите, чтобы вас убили. Кстати, я не уверена, что это такая уж плохая идея. Ну, помогите же!

Похоже, у него не было выбора. Он наклонился над машиной, взялся за выступ и почувствовал, что пальцы с него соскальзывают, такой он был гладкий. Он схватил покрепче.

— Дергайте! — резко произнесла девушка.

Каргилл потянул выступ к себе и почувствовал, что он поддается.

— Есть! Быстро, теперь хватайтесь вот за эту ручку. — Она показала, где нужно было взяться, и сама положила свою руку рядом с его. В машине что-то засветилось, он перестал ощущать свое тело, а в следующую минуту он уже лежал на жестком гладком полу в каком— то незнакомом месте.

3

Каргилл медленно и осторожно поднялся на ноги и, к своему удивлению, не почувствовал ни боли, ни головокружения, ни вообще каких бы то ни было неприятных ощущений. он стал осматриваться. Комната была большая, с высокими потолками, стены и пол облицованы каким-то материалом, напоминавшим мрамор. Здесь почти не было мебели, только у одной стены стояло что-то вроде стульев. В дальнем углу комнаты была дверь в форме арки, а вид из единственного в комнате большого окна загораживали какие-то кусты.

Внезапно он обернулся, почувствовав, что за ним наблюдают, и увидел ироническую усмешку на лице Энн Рис.

— Ну и как? — спросила она снисходительным тоном. — У вас довольно дурацкий вид, должна вам сказать.

Каргилл посмотрел на неё со злостью. Сейчас она показалась ему более миниатюрной, и, очевидно, она была старше, чем он думал раньше. Ей было, наверное, лет двадцать пять, и, скорее всего, она была незамужем. Молодые замужние

женщины с детьми не бывают такими авантюристками и не вступают в группы заговорщиков.

Ему самому понравилось, какой он умный и рассудительны. он почувствовал, как напряжение, в котором он все это время пребывал, начинает спадать. В первый раз он отчетливо осознал, что действительно находится в будущем и что он наконец свободен! Ему захотелось увидеть как можно больше нового, прежде чем его снова вернут в двадцатый век.

Внезапно он вспомнил слова Энн о том, как он выглядит, и посмотрел на себя. Одежды на нем, кроме каких-то шорт наподобие qonprhbm{u. Нельзя сказать, что он выглядел неприлично, тело его было крепким и сильным, но было неприятно находиться в таком виде в присутствии незнакомой женщины. Он сказал с раздражением.

— Вы могли бы позаботиться и приготовить для меня какую-нибудь одежду. Между прочим, здесь совсем не жарко. и действительно, становилось холоднее. В окне было видно, что на улице темнеет. Если они по-прежнему находятся в Калифонии, то вечером даже в разгар лета там бывает прохладно, когда с моря дует ветер.

Девушка обронила небрежно:

— Кто-нибудь принесет вам одежду. Как только стемнеет, мы отсюда уйдем.

Каргилл снова почувствовал себя очень неуютно оттого, что он пока так мало знает обо всем, что Межвременное общество психологической адаптации решило использовать его для лечения кого— то из своих пациентов. С точки зрения морали это, на его взгляд, не выдерживало никакой критики, и даже мысль об этом приводила его в ярость. Значит, для того, чтобы успокоить чьи-то нервы, нужно было убить его? Он попытался сдержать свой гнев, так как этой опасности, хотя бы временно, ему удалось избежать. Теперь ему предстояло выяснить, что за люди спасли его, какие цели они преследовали и куда собирались его везти.

Каргилл не успел открыть рот, чтобы задать Энн все эти вопросы, как она предложила:

— Осматривайтесь пока, а я вас оставлю. Мне надо кое с кем поговорить. Не ходите за мной, пожалуйста.

— Нет, подождите, мне нужно кое-что спросить, — попытался остановить её Каргилл, но она только засмеялась:

— Меня это не удивляет. Но вы можете спросить его, потом.

Она быстро вышла, прежде чем он смог что-либо ответить.

Когда он остался один, то даже обрадовался этому. Ему необходимо было все спокойно обдумать, проанализировать, а делать это в присутствии других людей обычно трудно, так как это мешает сосредоточиться. А подумать ему было над чем. У всех тут, казалось, имелись какие-то планы на его счет, как будто он просто пешка в чьей-то игре. Это его совершенно не устраивало. Но своих планов у него пока не было, вот разве что посмотреть внимательнее, что там за окном. Сначала он решил, что окно выходит в большой и ухоженный парк, но, вглядевшись получше, увидел, что это улица. Дома стояли в окружении зелени: фруктовых деревьев, пальм, кустарников с яркими и, наверное, душистыми цветами. Сами дома были необычной архитектуры, и разнообразие форм поражало воображение. Откуда-то лился мягкий теплый свет, делая все вокруг таинственным и прекрасным. Это действительно был город будущего. Каргилл просто не мог оторваться от этого великолепного зрелища. Он хотел видеть все, ему было мало этого кусочка незнакомого мира, который открывался перед его глазами. Он подошел к двери и увидел, что она выходит в просторный,

тускло освещенный вестибюль. Свет этот падал из другой двери в его противоположном конце. Каргилл помедлил на пороге, помня, что Энн запретила ему идти за ней. Но она не сказала, что может что-то произойти, если он не послушается. Может быть, ничего? И вдруг он увидел через раскрытую дверь напротив, что так кто-то есть, и услышал голоса. Это Энн Рис разговаривала с каким-то человеком. Слов Каргилл не мог разобрать, но по тому мужчины было ясно, что он отдает какие-то распоряжения девушке. А её тон был совсем непохож на тот, к которому он привык в общении с ней, в нем теперь слышались почтительные нотки. Он решил, что сейчас не время совершать решительные поступки, нужно подождать — она, видимо, скоро вернется.

Он отошел от двери и внезапно почувствовал, что ударился обо wrn-то металлически звякнувшее. В комнате было уже почти совсем темно, и он не сразу понял, что это та самая машина, с помощью которой они перенеслись сюда. Желая получше рассмотреть это загадочное устройство, Каргилл вдруг подумал, что было бы здорово воспользоваться этой машиной сейчас и оказаться где-нибудь подальше отсюда, от всех этих обществ и групп, которые пытаются использовать

его для каких-то своих, наверняка темных целей, совершенно не интересуясь, чего он сам хочет. Судя по голосу того человека, настроены они были вполне решительно.

Каргилл опустился на пол около машины. В темноте он попытался найти наощупь тот выступ, за который надо было потянуть, чтобы привести это устройство в движение, но поверхность машины казалась совершенно гладкой.

Вдруг за дверью послышались шаги. Они приближались. Каргилл поднялся с пола и повернулся лицом к двери. Кто-то вошел в комнату, послышался какой-то шорох, и вспыхнул яркий свет. На пороге стояла… тень, тень человека.

Каргилл смотрел на газообразное полупрозрачное облако в форме человеческого тела, что-то совершенно невероятное, которое вдруг заговорило:

— Да, он один из них. Я ничего не ощущаю.

Откуда-то сзади послышался голос Энн:

— И сколько их?

— Не больше десятка во всем этом временном отрезке. Любопытный феномен.

Разговор этот велся и буквально, и фигурально через голову Каргилла. Фраза «любопытный феномен» относилась явно к нему, и Каргиллу,

который так долго находился в состоянии сильнейшего эмоционального стресса, внезапно ему стало смешно — ведь эти слова изрекало такое фантастическое существо. Он расхохотался так, что на глазах у него появились слезы. Каргилл абсолютно потерял контроль над собой и уже не мог остановиться, пока совершенно не обессилел и не сполз на пол, так как ноги его просто не держали. Он лежал на полу, не в состоянии пошевельнуться от изнеможения, когда вдруг ощутил какое-то легкое прикосновение и в следующую секунду понял, что тело его пришло в движение.

Он почувствовал, что идет. Каким образом это произошло, было совершенно непонятно, но он, безусловно, шел по дороге — во всяком случае, ноги двигались и несли его сами.

Энн шла впереди него. В руках у неё был фонарь. От его тусклого света темнота вокруг казалась совершенно непроницаемой, но было ясно, что они находятся вдали от города и идут по грунтовой дороге. Каргилл поднял голову, но небо было, очевидно, покрыто облаками, так как ни звезд, ни луны видно не было. Только был слышен монотонный звук их шагов. Теперь, когда все чувства вернулись к нему, он поразился, каким молниеносным оказалось их перемещение в про-

странстве: только что они были в городе, а сейчас находились явно в глухой местности, вдали от людей и цивилизации. И за всем этим стояло то загадочное существо: один взгляд, несколько слов, легкое прикосновение — и вот под его ногами темная дорога, а впереди — молчаливая попутчица.

— Энн! — тихо позвал Каргилл.

Она отозвалась, не поворачивая головы и не замедлив шаг:

— Приходите в себя?

Нельзя сказать, чтобы тон её был доброжелательным. Каргилл задумался над тем, после чего это он приходит в себя. Наверное, у него был приступ амнезии, временная потеря памяти. Он усмехнулся — такое состояние для него было уже чем-то привычным, одним разом больше или меньше — не имело значения.

В данный момент он находится здесь, и это было пока edhmqrbemmne, в чем он был уверен.

— Куда мы идем? — спросил он.

Хотя он и не мог этого видеть, но каким-то образом почувствовал, как она пожала плечами,

— Нельзя же было оставить вас в городе, — сказала она.

— Почему?

— Тогда вы попали бы в руки к Теням.

Но по меньшей мере один из теней видел Каргилла, и он напомнил ей об этом. Она ответила не сразу и явно нехотя:

— Он… на нашей стороне. У него есть план, как с ними можно бороться.

— А я? Для чего вам понадобился я?

Энн не ответила. каргилл подождал и, ускорив шаг, догнал её.

— Если я нужен вам для осуществления ваших планов, наверное, я имею право знать, какая роль предназначается мне.

— Это все очень сложно.

Она по-прежнему не поворачивала к нему головы. — Нам нужен кто-нибудь из далекого прошлого, чтобы Тени не могли читать его мысли. Он посмотрел на вас и сказал, что на может определить ваше будущее. Время от времени в истории человечества встречаются люди со сложной судьбой, такие, как вы. Мы выбрали вас.

— Выбрали! — воскликнул Каргилл. Вдруг ему пришла в голову невероятная мысль, что все, что с ним тогда произошло, было заранее продумано, что кто-то выбрал его ещё в баре, чтобы устроить аварию и убить ту девушку.

— Нет, не может быть. Ведь он тогда нарочно

так напился, этого они никак не могли запланировать.

Он почувствовал, что его начинает это раздражать.

— Я хочу знать, — сказал он, — как меня собираются использовать.

— Я не в курсе, — ответила Энн. — Я здесь только исполнитель.

Он схватил её за руку.

— Будто бы! Куда вы меня ведете?

Она попыталась высвободиться, но безуспешно, он сжал её пальцы ещё сильнее.

— Вы делаете мне больно, — сказала она тихо.

Каргилл нехотя отпустил её.

— Почему вы не отвечаете? — спросил он.

— Здесь недалеко есть одно место. Там вам скажут, что делать дальше.

Каргилл задумался, проигрывая возможные варианты, и решил, что все это ему совершенно не нравится. События развивались очень стремительно, но были некоторые вещи, которые не вызывали сомнения, например то, что он сейчас находился уж точно не в двадцатом веке — достаточно было вспомнить фантастическую тень в форме человеческой фигуры и то устройство для перемещения в пространстве, действие которого

ему довелось на себе испытать.

Почему он оказался в будущем, было уже менее ясно. Межвременное общество психологической адаптации перенесло его в будущее, чтобы использовать для лечения кого-то из своих клиентов. Звучала это, кончено, нелепо, но так, во всяком случае, объяснил ему бесплотный голос в странной квартире, где он должен был ждать смерти. И никто, очевидно, не предполагал, что там вдруг окажется Энн Рис.

С её появлением все происходящее обрело новый смысл: «Она сказала, — подумал он, — что они выбрали меня». Это меняло дело. Значит, его роль в этом неизвестном ему деле не так уж второстепенна, следовательно, именно у него есть то, что им нужно.

Та группа, которая прислала за ним Энн, намеревалась использовать его в борьбе с опасным противником, и это было ещё ndmhl подтверждением того, что каким-то образом он может быть им полезным. Что она об этом говорила? — Что его будущее нельзя предсказать. А чье будущее можно предвидеть? Если они имели в виду, что, вырвав его из его времени, они не могли уже проследить за его действиями дальше — это более менее понятно. Но ведь она сказала вполне

определенно, что время от времени в истории человечества появляются люди со сложной судьбой… Что же сделало его одним из таких людей?

Все это время, пока он пытался проанализировать происходящее, сосредоточенно нахмурив брови, они продолжали свой путь. Наконец он произнес:

— Боюсь, что мне все это совершенно не нравится. Пожалуй, я с вами дальше не пойду.

Она, казалось, не приняла его слова всерьез.

— Бросьте глупости, — сказала она. — Куда же вы денетесь?

Каргилл вспомнил, что однажды, когда он был в Корее, они отступали в спешке и беспорядке, и ему пришлось два дня находиться на вражеской территории. Можно было представить, что оказаться в таком положении здесь было бы нерадостно. Он подумал, что в данный момент он не знает даже, какая на нем одежда, так как в темноте разглядеть её было невозможно. Но чувствовал он себя в ней тепло и уютно. Вряд ли ему дали такую одежду, которая могла бы привлечь к нему ненужное внимание. И он решился.

— Кажется, нам больше не по пути. Прощайте.

Он повернул назад и быстро побежал по дороге, но вскоре свернул с неё и оказался в густых зарос-

лях какого-то кустарника. Сзади мелькнул свет фонаря: очевидно, Энн искала его. Ему это помогло сориентироваться и ещё глубже забраться в кусты. Послышался голос Энн:

— Вернитесь! Куда вы? Вот ненормальный! — Она кричала ещё что— то вроде: — Осторожнее, там Планиаки! — но он удалялся так быстро, что вскоре голос её затих вдалеке и пропал совсем.

— Что ещё за Планиаки? Наверное, ему послышалось.

Каргилл продолжал идти вперед, хотя вокруг практически ничего не было видно. Ясно было только, что его окружает дикая природа. Нужно было как можно дальше уйти от дороги, где он оставил Энн, и пройти максимально возможное расстояние до рассвета, так как утром за ним могли послать погоню. Он почувствовал запах водорослей и понял, что приближается к какойзто реке или к озеру. Он повернул в другую сторону, и вдруг совершенно неожиданно перед вспыхнул луч фонаря, осветив его с головы до ног

Тонкий девичий голос произнес:

— А ну, подними руки! А то сожгу тебя заживо!

В свете фонаря Каргилл увидел тусклый металлический предмет в форме удлиненной трубки. Он был нацелен прямо на него, и рука, держав-

шая его, не дрожала.

Девушка закричала:

— Эй, отец, где ты? Я тут поймала Твинера! — В её голосе чувствовалось радостное возбуждение. — Иди же сюда и помоги мне.

Уже после Каргилл понял, что именно в этот момент ему надо было попытаться убежать. Его остановил непривычный вид оружия в руках девушки. Если бы это было что-то знакомое, он бросился бы в сторону и скрылся бы — во всяком случае, так он себе говорил, когда было уже поздно.

Пока он терял драгоценные мгновения, из темноты выскочил какой-то человек.

— Молодей, Лела! — сказал он. — Ловкая ты у меня девица!

Каргилл мельком увидал торжествующее выражение на его худощавом, заросшем щетиной лице, и в следующую минуту ему в спину уперлось что-то твердое.

— Давай пошевеливайся, а то костей не соберешь.

Каргилл нехотя подчинился медленно пошел вперед. В темноте смутно вырисовывался непривычный силуэт какого-то непонятного сооружения. Свет фонаря отражался от его гладкой

поверхности.

Прозвучал приказ:

— Заходи в эту дверь.

Теперь уже деваться было некуда. Сзади него стоял вооруженный и решительно настроенный туземец. Каргилл вошел в дверь и оказался в большой, тускло освещенной комнате, необычно обставленной и довольно уютной. Подталкиваемый сзади твердой рукой отца Лелы, он пересек комнату, оказавшись в узком коридоре, и увидел открытую дверь в маленький закуток, который был освещен ещё более тускло. Мужчина втолкнул его туда и остановился на пороге. Вошедшая вслед за отцом девушка надела ему на ноги колодки из толстой цепи и закрыла замки на два оборота. Выходя из комнаты, она бросила через плечо:

— Там в углу койка.

Отец и дочь пошли по коридору, видимо, очень довольные собой, причем девушка возбужденно восклицала, что наконец-то они поймали «одного из этих», как она выразилась. Мужчина предложил:

— Может, нам надо подняться, а то вдруг он тут был не один?

Свет в комнате у Каргилла погас. Он почув-

ствовал, как пол уходит у него из-под ног, а в следующую минуту это сооружение оторвалось от земли и начало подниматься в воздух. «Так это, — догадался Каргилл, — летательный аппарат!

Он вдруг вспомнил слова Энн Рис: «Осторожно, там Планиаки!» Наверное, это они и есть. Он нашел в углу койку, про которую говорила девушка, и устало опустился на нее. Потом он ощупал цепи вокруг своих лодыжек. Металл был твердым, а сама цепь длиной чуть больше фута — достаточно для того, чтобы ограничить движение. Внезапно на него навалилась страшная усталость, он лег и тут же заснул.

4

Еще до того, как окончательно проснуться, Каргилл почувствовал, что он как будто парит в воздухе. Сначала он никак не мог сориентироваться ни во времени, ни в пространстве. Он потянулся, и в ногах его загремело что-то тяжелое, сковывающее движение. Охватившее его при этом чувство тревоги мгновенно стряхнуло остатки сна.

Каргилл все вспомнил, увидев над собой металлический потолок, а на ногах — цепи. Он начал подниматься с постели и вдруг почувствовал, что в комнате кто-то есть. Он не успел повернуть голову, чтобы посмотреть, кто же это, как вдруг что-то больно хлестнуло его по шее, обжигая кожу.

— Вставай, ты, бездельник! — Человек, стоящий в дверях, уже замахнулся хлыстом, чтобы ударить его снова.

У Каргилла от ярости потемнело в глазах. Он рванулся, чтобы броситься на обидчика, но цепь не пустила его. Его охватило отчаяние от сознания своей беспомощности и такого унизительного положения.

Человек вновь ударил его. Каргилл попытался увернуться, и удар частично пришелся по его рукаву, а острый конец хлыста звонко щелкнул по металлической стене. Человек снова занес над ним руку для удара.

Каргилл узнал этого человека. Это был отец девушки, которая захватила его в плен. При свете дня Каргилл увидел, что это был мужчина лет сорока, сухопарый и неопрятный. Лицо его было покрыто неряшливой щетиной — он, видимо, несколько дней не брился. Тонкие губы и злое выражение глаз дополняли эту неприятную картину. Ndefd` его состояла из засаленных брюк и несвежей и небрежно заправленной рубашки. Человек угрожающе прорычал:

— Шевелись же, черт тебя подери!

Каргилл подумал: «Если он ещё раз посмеет меня ударить, я брошусь на него и собью его с ног». Вслух же он произнес, пытаясь выиграть время, чтобы собраться для прыжка:

— Чего вы от меня хотите?

Это привело его противника в бешенство.

— Ну, сейчас я покажу тебе, чего я хочу!

Хлыст обрушился бы на его голову со всей силой, но Каргилл, не дожидаясь этого, бросился на этого человека, собрав все свои силы, и буквально

пригвоздил его к стене, навалившись всем телом. Тот вскрикнул, пытаясь освободиться. Но было поздно. Каргилл схватил его за рубашку на груди и с размаху ударил в челюсть.

Это был нокаут. Обмякнувшее тело рухнуло на пол. Каргилл неловко опустился на колени рядом с ним и дрожащими пальцами стал обшаривать его карманы.

Из коридора послышался голос девушки:

— Руки прочь, или я сейчас спалю тебя заживо.

Каргилл вздрогнул, поднял голову и, увидев направленное на него оружие, тяжело поднялся на ноги и сел на койку.

Девушка подошла к лежащему на полу отцу и ткнула его в бок ногой.

— Вставай, дурак! — сказала она.

Мужчина пошевелился и сел, потирая рукой ушибленную челюсть.

— Я убью его, — пробормотал он. — Убью, и к черту этого поганого Твинера.

Девушка презрительно усмехнулась.

— Никого ты тут не убьешь. Ты напросился, чтобы тебе дали в зубы, и получил, что заслужил. Что тебе от него было надо?

Мужчина поднялся на ноги, покачиваясь.

— Проклятые Твинеры! Мне просто тошно

смотреть на них. Дрыхнут себе, понимаешь ли, и даже не знают, что им надо делать.

Девушка сказала холодно:

— Не будь дураком, отец. Он же ещё необученный. Ты что хочешь, чтобы он твои мысли читал? И вообще, не суйся к нему со своими грязными руками. Я его поймала, и если его надо будет бить, я сделаю это сама. Дай сюда хлыст.

— Слушай, Лела Боуви, — обратился к ней отец. — не забывай: хозяин здесь я. — Но хлыст он ей все же отдал и проговорил, угрюмо, уставясь на нее: — Все, что я хочу, это позавтракать, и побыстрее.

— Сейчас будет. Ну ладно, давай проваливай, — она махнула рукой. Ее отец повернулся и медленно вышел из комнаты.

Девушка отрывисто скомандовала:

— Эй, ты, давай на кухню.

Жестом она показала, куда нужно идти. Каргилл помедлил, раздумывая, стоит ли попытаться протестовать. Но слово «кухня» вызвало в его воображении приятные гастрономические ассоциации. Не говоря ни слова, он, тяжело переставляя скованные цепью ноги, поплелся туда, куда она показала. Ему вдруг пришло в голову, что эти люди могут держать его здесь

на цепи, пока им это не надоест. Сознавать это было страшно. Отчаяние, навалившееся на него, давило тяжелее, чем цепи.

Кухня оказалась узким коридором между толстыми полупрозрачными стенами. Она была футов десять длиной, и в её дальнем углу находилась закрытая прозрачная дверь, за которой просматривались какие-то механизмы. Кухня была полна света, проникавшего внутрь через полупрозрачные стены. Каргилл озадаченно озирался, но ни плиты, ни ещё какого-нибудь привычного кухонного nanpsdnb`mh нигде не было. Более того, так не было ни посуды, ни еды. Вглядевшись пристальнее в полупрозрачные стены, он увидел там множество непонятных линий — одни шли в горизонтальном направлении, другие — в вертикальном, какие-то — по диагонали, некоторые из них были прямыми, другие — кривые. Картина вырисовывалась совершенно беспорядочная. Было абсолютно неясно, что все это значит.

Он вопросительно взглянул на девушку. Она сказала:

— Хорошо, что сегодня безоблачно. Мы получим столько тепла, сколько надо.

Он увидел, как на протянула руку и двумя

пальцами слегка дотронулась до чего-то наверху, там, где стена соединялась с потолком. быстрым движением она провела рукой сверху вниз до середины стены, а затем параллельно полу. Часть толстой стеклянной стены скользнула вниз. каргилл увидал в проеме прозрачную панель, а за ней полки. С того места, где он стоял, он не мог разглядеть, что находится на полках.

Девушка отодвинула прозрачную панель в сторону и сделала ещё какое-то движение, но что именно, Каргилл не видел. Через минут в руке у неё была тарелка, на которой лежали очищенные сырые продукты: рыба и картофель. Это было весьма странно. каргилл подумал, что ни Боуви, ни его дочь не были похожи на людей, которые заранее будут что-то делать. Значит, у них на кухне в этих стенах было автоматическое оборудование для того, чтобы подготовить продукты к обработке.

Девушка отошла чуть в сторону, повторила свои прежние манипуляции со стеной, и ещё одна секция отделилась и опустилась вниз. Там также была прозрачная панель и полки. Отодвинув панель, она поставила тарелку на одну из полок.

Когда она закрыла панель, рыба прямо на глазах зарумянилась, а картофель почти мгновенно

потерял свою твердость и сварился.

— Пожалуй, достаточно, — сказала Лела Боуви. — Ты тоже перекуси чего-нибудь.

Она вынула тарелку голыми руками, остановилась у панели холодильного шкафа взять что-то из фруктов и вышла из кухни.

Каргилл остался один. Когда она вернулась, он уже приготовил себе курицу с картофелем и с аппетитом завтракал.

Лела остановилась на пороге, и Каргилл подумал, что она вообще-то довольно хорошенькая, если не обращать внимания на несколько угрюмое выражение её лица. Конечно, она могла бы получше причесаться, но, во всяком случае, было заметно, что она следит за своей внешностью в отличие от своего отца. Волосы у неё были чистыми и блестящими, а на загорелом лице выделялись голубые глаза и яркие, полные губы.

Она спросила подозрительно:

— Как же такой ловкий Твинер, как ты, так легко дал себя поймать?

Каргилл быстро проглотил ещё не дожеванный кусок и ответил:

— Я не Твинер.

Глаза девушки вспыхнули злым огнем.

— Ты что тут, умничать будешь?

Каргилл доел то, что оставалось на тарелке, и спокойно сказал:

— Я говорю правду. Я не Твинер.

Она нахмурилась:

— А кто же ты тогда? — В её глазах появилась настороженность, даже тревога: — Тень?

Прежде чем он успел подумать, стоит ли ему притворяться, она сама ответила на свой вопрос:

— Конечно нет. Если бы ты был одним из них, ты знал бы, как p`anr`er кухонное оборудование. они ведь ремонтируют наши летающие дома, когда для нас это слишком сложно.

Притворяться было поздно, и Каргиллу пришлось подтвердить, что она права.

Девушка ещё сильнее нахмурилась:

— Но Твинер ведь тоже знал бы все это… Как тебя зовут?

— Мортон Каргилл.

— Откуда ты?

Каргилл рассказал ей, и она казалось, поняла. Кивнув головой, она проговорила:

— Значит, один из этих… За поимку таких, как ты, нам дают награду. Что же ты сделал — там, в своем времени — почему Тени стали за тобой охотиться?

Каргилл пожал плечами:

— Ничего. — Он не собирался рассказывать ей о трагическом случае с Мари Шане.

Она снова рассердилась.

— Не смей мне врать. Стоит мне только сказать отцу, что ты беглец, и ты пропал.

Каргилл произнес как можно более убедительно:

— Но я действительно не знаю. Что я ещё могу ответить? — Секунду поколебавшись, он спросил: — Какой это год? — почувствовал, что у него перехватило дух в ожидании её ответа.

5

Он как-то не подумал об этом раньше. Не было времени. Часы в комнате со стеклянной стеной в Городе Теней показывали время, но не год. А потом события стали разворачиваться с такой быстротой, что он просто не успевал осознать, что он действительно находится в будущем.

В каком именно будущем? В каком году? Какие события произошли в течение тех столетий, которые отделяют этот мир от его времени? Но сейчас самым главным для него вопросом был тот, который он задал Лале.

Она пожала плечами:

— Две тысячи триста девяносто первый.

Каргилл решил, что предпримет попытку, наконец, хотя бы что— то узнать об этом странном мире, и начал с вопроса:

— Что мне непонятно, так это почему жизнь так сильно изменилась за эти столетия?

Он рассказал ей немного о том, какими были Соединенные Штаты в 1954 году. Она восприняла все очень спокойно.

— Ничего удивительного. Сейчас большинство людей желают быть свободными, не хотят жить

постоянно где-нибудь в одном месте или быть привязанными к какой-нибудь дурацкой работе. Люди пока ещё не совсем свободны. Нам — воздушным кочевникам — в этом смысле повезло больше по сравнению с другими. У нас есть наши летающие дома-флотеры, и мы летаем, где хотим.

Каргилл подумал, что он не назвал бы свободными тех, кто был явно зависим от других — взять хотя бы проблемы с ремонтом флотеров, но решил, что не стоит спорить. Ему нужна была информация.

— И сколько вас?

— Около пятнадцати миллионов.

Каргилл не стал возражать, хотя цифра эта показалась ему явно преувеличенной.

— А сколько всего Твинеров?

— Миллиона три. — Это было сказано презрительным тоном. — Эти трусы живут в городах.

— А Тени?

— Их, наверное, сотня тысяч, может, чуть больше или меньше.

Каргилл понимал, что она не могла быть уверена в точности этих цифр. Она не производила впечатления человека, который обладает достоверной информацией о таких вещах. Но он знал

ещё меньше, чем она, и хоть какие-то знания все-таки лучше, чем ничего. Он представил себе их мир: кругом дикая природа, несколько городов и масса воздушных кочевников, бороздящих небо в своих летающих домах.

— А управляют тут всем Тени, я полагаю? — спросил я.

— Никто тут никем не управляет, — сказала девушка с раздражением. — И вообще, хватит вопросов. Не твоего это ума дело. — Она вышла из комнаты.

Большую часть этого дня Каргилл пробыл один. Лелу он видел лишь раз, когда она на минуту зашла на кухню, чтобы приготовить обед себе и отцу. У него было время, чтобы серьезно подумать над тем, что он узнал. Самым поразительным было катастрофическое сокращение населения. Значит, все честолюбивые стремления людей двадцатого века оказались бессмысленной суетой, значит, все достижения цивилизации оказались ненужными, так как человечество не выдержало её чудовищного стресса и отвергли все накопленное трудами предыдущих поколений, как только появилась такая возможность.

Он не мог в это поверить. Цивилизация, казалось, была незыблемой. Человек достиг чрезвы-

чайно высокого уровня развития в науке, в культуре, и хотя в социальном плане оставалось ещё много проблем, шло постоянное поступательное движение вперед — человек к чему-то стремился, что-то искал, находил, чему-то учился.

Но где-то, видимо произошел сбой. Из того, что он узнал от Лелы, каргилл и сделал вывод, что на каком-то этапе давление властей на человека оказалось непомерны, и люди бросили вызов обществу, которое старалось все больше и больше подчинить себе личность, заставить человека жить по раз и навсегда установленным законам, лишив его свободы выбора.

Поэтому люди взбунтовались. Весь опыт предыдущей истории показывал, что с самых древних времен человек постоянно сталкивался с силами, стремящимися его контролировать, на какое-то время это им удавалось, а потом человек сметал их со своего пути и все начиналось снова.

Так, по-видимому, произошло и на этот раз, и общество потребления ни своей агрессивной рекламой, ни всепроникающим телевидением, ни «кадиллаками», «бьюиками» и «ягуарами» не смогло поработить человека и удержать его в зависимости. Значит, ему нужно ещё что-то, наверное, свобода выбора.

В кухне стало темнее, и Каргилл почувствовал, что их флотер снижается — по его корпусу снизу застучали ветви деревьев. Через минуту вошла Лела. Она стремительно пересекла кухню и открыла дверь в машинное отделение. Догадавшись, что она собирается сделать, каргилл вскочил на ноги, чтобы посмотреть, как она будет открывать наружную дверь, но не успел. Девушка уже вышла, и через открытую дверь внутрь ворвался влажный морской бриз. Он понял, что тот самый глухой звук, который он слышал, — шум прибоя.

Через минуту она вернулась и сказала:

— Можешь выйти, если хочешь. Но не пытайся убежать. Далеко все равно не уйдешь, а если отец выстрелит в тебя, то вспыхнешь, как факел.

Каргилл сказал с сожалением:

— Куда я убегу? Боюсь, что вам от меня никуда не деться.

Говоря это, он внимательно смотрел, как она отреагирует. Ему показалось, что он заметил на её лице выражение облегчения. Это a{kn не совсем то, что он ожидал, он надеялся на большее, но это наводило на мысль, что девушка не против, чтобы рядом был ещё кто— то, кроме её отца. Каргилл решил, что попробует завоевать её

симпатии. Человек в его положении имел право использовать все средства для того, чтобы вновь обрести свободу.

Он не стал задерживаться около машинного отделения — завтра он узнает, как тут все работает. Он неловко спустился по ступенькам — с цепью на ногах это было весьма трудно — и ступил на песчаный пляж.

Весь вечер они ловили крабов и другую морскую живность, которая собиралась вокруг опущенного в воду фонаря. Это был скалистый, безлюдный морской берег, и только местами попадались не занятые скалами кусочки песчаного пляжа. Кое-где почти к самому берегу подходил густой лес. Лала вылавливала морских животных маленькой сетью и бросала их в кучу, а Каргилл под её руководством сортировал их, выбрасывая несъедобных обратно в море, а съедобных кидая в небольшое ведро.

Лела явно наслаждалась жизнью. Глаза её блестели в отраженном свете фонаря, лицо горело возбуждением. Она жадно вдыхала бодрящий морской воздух. Ее гибкое тело легко и ловко двигалось, работа кипела в руках. Несколько раз, когда отец отходил подальше и не мог её слышать, она радостным голосом восклицала,

обращаясь к Каргиллу:

— Ну до чего же здорово, правду? Вот это, я понимаю, жизнь!

— Просто чудесно! Я никогда не видел ничего подобного! — Он говорил это, чтобы доставить ей удовольствие, но до некоторой степени это было правдой. Безусловно, в жизни на природе была своя прелесть, но девушка, по-видимому, не понимала, что это ещё не все, что жизнь в цивилизованном мире гораздо более богата и эмоционально насыщена.

Каргилл подумал, что ему, может быть, придется привыкнуть к такому образу жизни, и, возможно, это было бы весьма неплохо. Здесь, среди этих просторов, он мог бы затеряться и его никогда бы не нашли. Но он был уверен, что новизна впечатлений сменилась бы сначала привычкой, потом скукой, ощущением бесполезности своего существования и затем отчаянием. Это была безрадостная перспектива, и он её отбросил без всякого сожаления.

Когда они закончили работу, было уже далеко за полночь. Усталый, он лег на свою койку, и мысли его обратились к Леле. У него было достаточно опыта в общении с женщинами, и её поведение — то, что она часто обращалась к нему, искала

его глазами, пыталась убедить его в преимуществах жизни на природе — подсказывало, что она одинока и жаждет общения. Хотела ли она любви или, вернее, на каких условиях она согласилась бы на это, зависело от её воспитания. Он подозревал, что, судя по манере держаться, она была девушкой строгих правил, но пока не чувствовал, что готов начать действовать, чтобы преодолеть возможное сопротивление.

На следующий день она несколько раз появлялась на кухне, когда там был Каргилл, и он, после неоднократных безуспешных попыток открыть дверь мишенного отделения, в конце концов решился спросить её об этом. Она без малейшего колебания показала ему, как это делается. Оказывается, нужно было одновременно дотронуться до дверных косяков.

Как только она ушла, Каргилл направился прямо в машинное отделение, чтобы понять, как устроен двигатель, что оказалось бесполезным занятием, так как последний был герметично закрыт. Тогда он, проделав все необходимые манипуляции, опустил одну из секций стены до пола и посмотрел вниз.

Внизу, насколько охватывал взгляд, проплывали картины дикой природы: деревья, кусты,

буйная зелень, не знающая руки человека. Mn кое-где в толще леса можно было заметить какие-то здания. Даже с той значительной высоты, на которой летел флотер, было видно, что они давно заброшены. Многие подворные постройки перекосились, и время от времени можно было увидеть совсем развалившийся дом или сарай. Похоже, когда-то это были формы.

Впереди показался оставленный жителями город. Здесь следы запустения ещё больше бросались в глаза — покосившиеся заборы, заброшенные дороги, заросшие травой и давно оставленные людьми дома. Когда они пролетали над ещё одним покинутым жителями городом, каргилл опустил панель, закрывающую окно, и вернулся в свою каморку.

Он, живущий в мире, где практически не было ни одного клочка земли, который не принадлежал бы кому-нибудь и не использовался бы каким-то образом, был просто потрясен, увидев, что природа на таких обширных пространствах возвращается к своему первобытному состоянию, что люди позволили ей вновь захватить их. Он пытался представить себе, как это могло произойти, вспоминая и сопоставляя эту информацию, полученную от Лелы, с тем, что он увидел своими

собственными глазами. Может быть, развитие науки и техники достигло такого высокого уровня, что это сделало ненужной целую отрасль экономики — сельское хозяйство? Если это так, то значит увиденное — свидетельство смены эпох. Пройдет ещё немного времени, и все эти заброшенные создания рук человеческих превратятся в памятники исчезнувшей цивилизации и покроются пеплом веков, как и города древних.

Еще два вечера они занимались ловлей морских животных. На четвертый день Каргилл услышал в одной из комнат незнакомый женский голос. Это был неприятный голос, и каргилл даже вздрогнул от неожиданности.

Раньше ему почему-то не приходило в голову, что Лела и её отец должны, по-видимому, общаться с другими людьми. Но что ещё больше удивило его, это то, что эта женщина, судя по её тону, давала какие-то инструкции отцу девушки. Почти сразу же, как только умолк её голос, корабль изменил курс.

Когда стемнело, к Каргиллу вошла Лела.

— Сегодня вечером мы будем не одни. С нами будут другие люди, так что учти это, — сказала она. В голосе её звучало раздражение, и она вышла, не дожидаясь ответа.

Вскоре они приземлились. каргилл задумался. После четырех дней на цепи и без надежды на то, что ему когда-нибудь удастся избавиться от своих оков, он был рад любым переменам. Ему казалось, что благодаря присутствию других людей ему представится случай убежать.

— Все, что мне надо сделать, — сказал он себе, — это застать врасплох моих тюремщиков. И при этом вовсе не обязательно с ними особенно церемониться.

Эти размышления привели его в хорошее расположение духа, и он почувствовал новый прилив энергии.

6

Каргилл встал, осторожно переставляя свои скованные цепью ноги, спустился по ступенькам на землю. Картина, возникшая перед его глазами, была просто идиллической. Под деревьями стояли флотеры, он насчитал их по меньшей мере дюжину, а через густую листву светились окна ещё нескольких воздушных кораблей. В темноте мелькали люди, слышались голоса, от реки, которая была, очевидно, неподалеку, тянуло прохладой и влагой. Он сел на землю, жадно вдыхая свежий воздух, и услышал, что кто-то приближается к нему. Это была Лела. Она села на траву рядом с ним, радостно bngasfdemm`, и сказала:

— Здорово так жить, правда?

Каргилл задумался и, к своему удивлению, почувствовал, что где-то внутри уже соглашается с тем, что происходит. Да, в человеке есть стремление вернуться к природе. И он сейчас больше всего хотел бы расслабиться, растянуться на зеленой траве, смотреть в бездонное небо и слушать шелест листьев, ни о чем больше не думая. Сейчас он понимал, что заставило Планиаков бросить упорядоченную жизнь в оковах цивилизации. но,

как это ни печально, уход от цивилизации влечет за собой возвращение к невежеству и дикости. Вслух он сказал:

— Да, это действительно интересная жизнь.

Из темноты появилась и подошла к ним высокая, крупная женщина.

— Где Боуви? — спросила она властным голосом. В руке у неё был фонарь, и она направила его прямо на Каргилла и Лелу. — Черт побери! — воскликнула она. — Малышка, кажется, подцепила себе мужчину!

— Перестань, Кармин, замолчи, — резко ответила Лела.

Женщина громко расхохоталась.

— Я слышала, что у тебя тут завелся мужчина, а теперь, когда я его наконец увидела, скажу тебе, что это то, что надо.

Лела сказала деланно равнодушным тоном:

— Он мне совершенно безразличен.

— Да ну? — произнесла Кармин насмешливо. Она отошла в сторону, как будто внезапно потеряла к ним интерес, и свет её фонаря выхватил из темноты отца Лелы, сидящего на стуле около своего флотера.

— А, вот ты где! — воскликнула она.

— Ну? — лаконично отозвался он. Кармин по-

дошла к нему.

— Встань и дай мне сесть, — скомандовала она. — Что, не знаешь, как надо себя вести с дамой?

— Придержи язычок, старая ведьма, — ответил Боуви миролюбиво. Однако встал и отправился выполнять её просьбу.

Пока его не было, женщина взяла тот стул, на котором он сидел, и отнесла его немного в сторону, ближе к берегу реки. Она крикнула Боуви:

— Тащи свой стул сюда. Мне надо с тобой поговорить с глазу на глаз. Тем более что эти влюбленные птички хотят, наверное, побыть наедине.

Лела сказала Каргиллу голосом, в котором чувствовались напряженность и смущение:

— Это Кармин, одна из боссов. Она думает, что так надо шутить.

Каргилл удивился:

— Что ты имеешь в виду? Что это за боссы?

Этот вопрос озадачил девушку:

— Ну, они говорят нам, что надо делать… — Прозвучало это довольно наивно, и она поспешно добавила: — Но в нашу личную жизнь они, разумеется, не имеют права вмешиваться.

Каргилл на минуту задумался. До них доносил-

ся голос Кармин, говорившей что-то Боуви, но разобрать можно было только отдельные слова. Несколько раз она произносила слова: «Тени», «Твинеры». Один раз он услышал: «дело верное»!

Она явно пыталась в чем-то убедить отца Лелы, и Каргилла это очень заинтересовало, но понять, о чем идет речь, из отрывочных фраз было невозможно. Он повернулся к Леле:

— Я думал, что вы, воздушные кочевники, живете как свободные люди — а за вас, оказывается, решают другие, где нам быть и что делать.

Девушка пожала плечами:

— Должны же быть какие-то правила. Надо знать, что можно, а что нельзя. — И серьезно добавила. — Но мы действительно свободны. Не то, что эти Твинеры в городах.

Последнюю фразу она произнесла презрительным тоном.

Каргилл спросил:

— А если вы не делаете того, что Кармин вам говорит, тогда что?

— Тогда мы лишаемся многого.

— Например?

— Священники не будут вести службу, никто не даст нам еды, Тени не будут ремонтировать флотер, ну и так далее.

Каргилл подумал, что не стал бы беспокоиться по поводу услуг священников. Он считал, что большинство знакомых ему религиозных людей — лицемеры, а священники — тем более. Но то, что он услышал от Лелы по поводу отсутствия еды в случае неповиновения властям, удивило его. У него сложилось впечатление, что Планиаки кормятся за счет природы. Скорее всего, не весь год одинаково сытно и разнообразно, но с помощью великолепного оборудования на борту флотеров можно было делать значительные запасы и жить вполне безбедно.

Значит, самым чувствительным ограничением Планиаков были, по— видимому, вопросы ремонта флотеров. Если бы Тени отказались их ремонтировать, это могло бы иметь катастрофические последствия. Естественно, напрашивался вывод, что самым лучшим выходом из положения для Планиаков было бы научиться ремонтировать свои летающие дома самим. Было непонятно, почему большое количество людей так легко позволяло себя контролировать. Видимо, в данном случае значение имела не материальная сторона дела. Эти люди, как и многие другие, были рабами своих собственных убеждений.

Каргилл спросил:

— Почему Тени признают власть Кармин и других боссов?

— Они просто хотят, чтобы мы вели себя как следует.

— Но вам разрешается ловить Твинеров?

Девушка помедлила с ответом и наконец сказала:

— Это, кажется, никого не волнует.

Каргилл кивнул головой. Он вспомнил свои разговоры с Лелой, попытки получить от неё хоть какую-нибудь информацию. Она явно никогда не думала о тех ограничениях, которые определяли жизнь воздушных кочевников. Но сама того не осознавая, она нарисовала картину общества с очень жесткой социальной структурой. наверняка, думал он, можно найти возможность воспользоваться ситуацией в своих интересах. Он пошевелился, и цепь на его ногах загремела, напомнив о том, что даже все вместе взятые в мире планы не могут оказать непосредственного воздействия на металл.

Кармин и Боуви вернулись к флотеру и поставили около него стулья. Затем Кармин подошла к Каргиллу и остановилась прямо перед ним. Глядя на него, она сказала:

— Мне пригодился бы в хозяйстве такой креп-

кий мужчина, Боуви.

— Он не продается. — Это ответила Лела, резко и решительно.

— Я разговариваю не с тобой, а с твоим отцом, так что попридержи-ка язычок.

— Ты слышала, что сказала Лела, — с важностью произнес Боуви. — Он нам самим пригодится. — Судя по его тону, он давал понять, что хотя и был непрочь поторговаться, но согласился бы только на самые лучшие условия.

Кармин это тоже поняла:

— Цену набиваешь? — и добавила многозначительно:

— Смотри, за этими Твинерами только глаз да глаз, когда рядом хорошенькая девушка.

Боуви недовольно фыркнул:

— Да брось ты. Лела не оставит своего отца и будет ему опорой всю жизнь, ведь правда, дочка?

— Да ну тебя, отец. Молчал бы ты лучше.

— Ух ты, да она борется! — сказала Кармин самодовольным тоном. — Сразу видно, что у неё на уме.

Боуви сел на один из стульев и откинулся на спинку.

— А скажи, Кармин, просто так, для разговора, сколько бы ты за него дала? — спросил он нето-

ропливо.

Каргилл слушал этот диалог с возрастающим чувством нереальности происходящего. Кажется, его здесь собираются продать!

Отсюда можно было сделать вывод, что для Планиаков он был не что иное, как часть их собственности, бессловесное создание, раб, которого можно было заставлять делать черную работу, бить, а может быть и убить, и это все было в порядке вещей. Его судьба никого, кроме него самого, не интересовала. «Кто-то об этом ещё очень пожалеет», — подумал Каргилл со злостью. Он не позавидовал бы рабовладельцу, чей раб был так полон решимости обрести свободу, как он. Во всяком случае, он готов был пойти на все, а его армейский опыт должен был сослужить ему хорошую службу.

Торговля между тем продолжалась. Кармин предложила отдать свой флотер за Каргилла и флотер Боуви.

— Это новая модель. — Убеждала она. — Десять лет можно пользоваться — и без проблем!

Боуви заметно колебался.

— Это не так уж щедро. Тени дадут тебе сколько хочешь новых флотеров. Так что ты мне предлагаешь то, что для тебя не имеет никакой ценности.

Кармин возразила:

— Я предлагаю тебе то, что я могу достать, а ты не можешь.

— Слишком много возни, — сказал Боуви. — Мне придется все вещи перетаскивать.

— Вещи? — голос женщины выражал презрение. — Да этот хлам и доброго слова не стоит. А у меня во флотере очень много ценных вещей.

Боуви заторопился:

— По рукам, если ты отдаешь свой флотер со всеми вещами.

— Кармин рассмеялась:

— Ты, кажется, меня за дуру принимаешь? Я оставлю тебе столько, сколько у тебя никогда не было, но многое я заберу себе.

Лела, которая все это время сидела молча, произнесла:

— Это все только разговоры. Что бы вы ни решили, это не имеет никакого значения. Поймала его я, и он принадлежит мне. Таков закон, и не пытайся использовать свое положение, Кармин, чтобы изменить его. даже в темноте было видно, что Кармин колеблется. НАконец она предложила:

— Поговорим об этом завтра утром. А ты, Боуви, пока научи свою дочь, как себя надо вести.

— Я как раз и собираюсь это сделать, — сказал он угрожающим тоном. — Не беспокойся, Кармин. Ты приобрела себе тввинера, и если завтра будут какие-то проблемы, кажется, придется устроить публичную порку неблагодарной дочери.

Кармин торжествующе засмеялась:

— Вот это разговор! Наконец-то ты решился за себя постоять! — Все ещё продолжая смеяться, она скрылась в темноте.

Боуви поднялся со стула:

— Лела!

— Что тебе?

— Веди Твинера в дом и пристегни его хорошенько.

— Ладно, отец. — Она тоже поднялась. — Давай, двигайся!

Не говоря ни слова, медленно переставляя ноги, скованные цепью, Каргилл вошел к себе и лег на койку.

Прошло, наверное, несколько часов, когда он проснулся от того, что кто-то дергал цепь на его ногах.

— осторожно, — прошептала Лела Боуви. — Я пытаюсь открыть змки. Лежи тихо.

Каргилл повиновался. Черезминуту цепи были сняты и он был свободен! Снова послышался

шепот девушки:

— Иди вперед, через кухню, а я за тобой. Осторожно!

7

Каргилл лежал в темноте на траве, и ему не хотелось даже пошевелиться. Он ещё не вполне осознал, что свободен. Ночь стала заметно прохладнее, и темнота сгустилась. большинство флотеров исчезли в черноте ночи. Только в одном из приоткрытой двери был виден свет, но этот флотер стоял далеко от него.

Каргилл подумал, что ему сейчас достаточно потихоньку, ползком выбраться отсюда, и тогда можно идти куда глаза глядят. Но это было лишь первое его впечатление. На самом деле в темноте передвигаться по незнакомой местности было бы трудно и утро могло застать его в опасной близости от лагеря Планиаков. Его хватились бы, послали бы за ним в погоню флотер, с борта которого его легко можно было бы обнаружить, прежде чем он смог бы уйти достаточно далеко. Значит, в план побега нужно было вносить коррективы. «Если бы я мог украсть один из флотеров», — подумал он нерешительно.

Рядом с ним послышался легкий шорох, и Лела Боуви шепнула ему на ухо:

— Я хочу, чтобы ты взял её флотер. Только в

этом случае я тебя отпущу.

Каргилл повернулся в её сторону. Ее приказной тон, видимо, означал, что у неё есть оружие, с помощью которого она могла заставить его повиноваться. Но в кромешной тьме, окружающей их, нельзя было разглядеть этого. Он, конечно, понял, что Лела имела в виду Кармин. Его молчание, наверное, слишком затянулось, и у девушки иссякло терпение.

— Шевелись, — резко сказала она.

Почему бы и нет? Какая, собственно, разница, чей корабль он возьмет? Он прошептал:

— Который из них ее?

— Тот, где горит свет.

Это осложняло дело, и решимости у него поубавилось. Но несмотря на свои сомнения, он пошел вперед. По крайней мере он может осмотреться, оценить ситуацию, прежде чем примет какое-то решение. Дойдя до флотера Кармин, он остановился неподалеку, в тени дерева. Свет, падающий из приоткрытой двери, выхватывал из темноты полоску травы, а на траве, на границе темноты и света, сидела Кармин.

Каргилл, который уже собирался подойти ближе, увидел её буквально в последнюю секунду и застыл на месте, лихорадочно соображая, что же

делать дальше. Он оглянулся и увидел, что к нему приближается Лела. Он поспешно сделал ей знак рукой, чтобы она оставалась на месте, и тихо, стараясь двигаться совершенно бесшумно, сделал несколько шагов назад и подошел к девушке. Он отвел её в сторону, где они могли спрятаться за толстым стволом какого-то дерева, и объяснил, что происходит. Затем он спросил, если ли там ещё кто-нибудь, кроме нее?

— Нет. Ее последний муж вывалился из летящего флотера три месяца назад и погиб. По крайней мере, так она сама сказала. С тех пор она ищет, кто бы занял его место, но никто из мужчин не изъявляет желания. Вот поэтому ей понадобился ты.

Каргиллу это раньше не приходило в голову. Он представил себя на минуту в роли сидящего на цепи мужа, и ему стало жутко. Чем скорее он расстанется с этими людьми, тем лучше. А так как они с ним явно не церемонились, ему тоже не стоило особенно щадить их. Он тихо прошептал Леле:

— Я сейчас брошусь на неё и ударю чем-нибудь по голове. У тебя найдется для этого что-нибудь подходящее?

В этот момент он ощущал безжалостность дикаря. Он надеялся, что девушка даст ему свое

оружие, и когда его рука дотронулась до чего-то металлического, что протянула ему лела, он подумал, что это оно и есть.

Она прошептала:

— Это я отломала от твоей койки, как будто ты освободился от цепей и взял эту штуку с собой в качестве оружия.

Ее версия звучала не очень убедительно для Каргилла, но ему было ясно, что она прежде всего пытается внушить себе, что это будет выглядеть правдоподобно. Для неё это было особенно важно, так как её отец, без сомнения, будет в ярости и допросит её с пристрастием.

Осторожно и бесшумно Каргилл начал продвигаться вперед. Когда он уже дошел до дерева недалеко от флотера Кармин, та тяжело поднялась на ноги.

— Значит, вы все-таки добрались сюда, Гарннис, — произнесла она, обращаясь к кому-то, кого Каргилл не заметил.

— Да, — послышался мужской голос с другой стороны дерева, за которым прятался Каргилл, оцепеневший от неожиданности. — Я не мог прийти раньше.

— Хорошо, что вообще смогли прийти. Давайте зайдем ко мне.

Каргилл был совершенно сбит с толку. У него мелькнула безумная мысль внезапно наброситься на Кармин и незнакомца, когда в освещенное пространство перед кораблем шагнула… Тень.

Каргилл не двинулся с места. Чувство острого разочарования, которое он испытал, когда увидел, что события разворачиваются не так, как ему хотелось бы, сменилось осознанием того, что ещё не все потеряно. Это была явно тайная встреча. Человек-Тень скоро уйдет, и тогда Каргиллу снова представится возможность захватить корабль.

Он стал тихонько отходить назад и внезапно остановился.

Ему подумалось, что неплохо было бы подслушать, о чем они там говорят, и в этот момент к нему подошла Лела.

— В чем дело? — прошипела она сердито. — Что ты здесь стоишь?

— Ш-ш-ш! — ответил Каргилл автоматически. Он чувствовал, что все, что относится к Теням, касается и его тоже. «Я не должен забывать, — подумал он, — что сюда меня доставили те, кто хотел меня использовать!»

То, что его захватила Лела, было непредвиденной случайностью, явно не входившей в планы тех, кто все это задуумал. Он выскользнул из-за

дерева и стал подбираться к флотеру Кармин. Это ему удалось, и тогда он прижался вплотную к металлической обшивке корабля возле приоткрытой двери.

Почти сразу же он понял, что ничего не получится, — голоса доносились откуда-то из дальнего конца корабля, и он не мог расслышать, о чем они говорили. Как и во время разговора Кармин с отцом Лелы, он мог разобрать только отдельные слова.

Он услышал, как мужской голос возразил:

— Когда это было? Я что-то не помню, когда я на это соглашался.

Потом, чуть позже, Кармина вдруг произнесла громко и rnpfeqrbs~ye:

— За нас не беспокойтесь. Мы будем наготове, если что-то пойдет не так. голоса зазвучали ближе:

— Ну, ладно, — говорил человек-Тень. — Пошли заберем этого Каргилла. Я не буду себя чувствовать уверенно, пока он снова не окажется в наших руках.

Дальше Каргилл не стал ждать. Быстро, но осторожно он отошел от двери, двигаясь вдоль борта корабля. Удалившись на безопасное расстояние, он замер в напряженном ожидании. Дверь от-

крылась шире, и вышла Тень.

Сквозь неё было видно дерево. Тело и голова Тени имели форму человеческой фигуры, и когда она остановилась, поджидая Кармин, ясно были видны глаза. Они не блестели на свету, но, хотя и тусклые, это несомненно были глаза.

Кармин тоже вышла.

— Я хочу все себе четко уяснить. Значит, я должна держать Каргилла у себя, пока вы не свяжетесь со мной? — Она произнесла все это довольным тоном.

— Совершенно верно, — послышалось в ответ. — А когда получите от меня весточку, приведете его немедленно. Придет время, и вы получите всех мужчин, каких захотите. — Тень остановилась. — Где их корабль?

Каргилл не расслышал, что ответила Кармин, очевидно, она показала, куда надо идти. Они вышли из круга света и растворились в темноте.

Лела бросилась из своего укрытия. Тяжело дыша от волнения, она приказала:

— Быстро! Нам надо скорее захватить корабль и улетать.

— Нам? — удивился Каргилл. Но размышлять было некогда. Она ясно услышал громкий стук по металлической обшивке корпуса флотера и

голос Кармин:

— Боуви, открывай! Это я!

Через несколько секунд все раскроется! Каргилл в один прыжок оказался у двери флотера Кармин, втолкнул впереди себя в дверь Лелу и вскочил внутрь.

— Поднимай корабль в воздух, — отрывисто бросил он, — а я из здесь задержу.

Было неясно, что он сможет сделать, если они используют оружие, но каким-то чутьем он понимал, что важно держать дверь открытой до тех пор, пока флотер не поднимется в воздух.

Минуту корабль стоял неподвижно, затем Каргилл почувствовал, что он пришел в движение. Еще через несколько мгновений он оторвался от земли и набрал высоту. Каргилл облегченно перевел дух.

Наконец дрожащими пальцами он закрыл дверь и крикнул Леле:

— Ты можешь выключить огни?

Ответа не последовало, но свет фар погас. Каргилл снова открыл дверь и осторожно выглянул наружу. Внизу, совсем близко, показалась верхушка дерева. Она медленно исчезала из виду, и Каргилл убедился, что скорость у флотеров ночью ничтожно мала, так они используют энергию

солнечного тепла.

Он услышал голос Лелы:

— Я хочу перелететь через реку. Там будет больше света. За нами нет погони?

Этого Каргилл не мог сказать с уверенностью. Сверху было видно, что в лагере Планиаков какое-то движение, кое-где мелькали огни, раздавались взволнованные голоса. Но поднялся ли в воздух ещё какой-нибудь корабль, чтобы преследовать их, Каргилл не мог разглядеть.

Он почувствовал, что флотер увеличил скорость, и посмотрел bmhg. Под ними была река. теперь он понял замысел Лелы. Вода блестела отраженным светом, и скорость их, как он прикинул, была сейчас не менее десяти миль в час. Лагерь Планниаков медленно исчез из вида.

Каргилл закрыл дверь и пошел в общую комнату. Она была больше, чем на корабле Боуви. Затем он заглянул в кабину.

Лела сидела в кресле и смотрела на приборы. На него она не взглянула. Каргилл постоял на месте, потом вернулся к двери и снова открыл её. Он просидел целый час, вглядываясь в темноту. Вскоре взошла луна, и корабль заметно прибавил скорость. Но летели они по-прежнему низко, на высоте всего нескольких футов над верхушками

деревьев.

8

Священник слушал возражения Каргилла с недовольным видом. Это был крупный, мрачного вида человек, явно не любивший сложностей жизни. Когда он, наконец, понял, что говорил ему Каргилл, недовольное выражение его лица сменилось злобным оскалом:

— Ах, ты черт меня возьми! — сказал он. — Какой-то Твинер смеет отказываться жениться на одной из наших девушек… — Не договорив, он внезапно замахнулся толстой, как окорок, рукой, чтобы ударить Каргилла по голове.

Каргилл едва успел увернуться, и огромный кулак, со свистом разрезав воздух, задел только краешек его щеки — чего, впрочем, было достаточно, чтобы чуть не сбить его с ног. Каргилл выпрямился и с побелевшими губами шагнул к священнику, сжимая кулаки и готовясь к нападению.

Лела отрывисто бросила:

— Не смей затевать драку. А то сейчас выстрелю по твоей ноге. И потом всю жизнь не сможешь ходить.

Каргилл остановился. Она решил не испы-

тывать судьбу. Кто знает, может быть, она действительно так сделает? Тогда уж ему никуда не деться.

— Сэди! — рявкнул священник.

Тут же в комнату влетела маленькая женщина и, тяжело переводя дыхание, спросила:

— Да, Генри?

— Посмотри-ка за этим поганым Твинером, — сказал он, — пока мисс Лела и я все обсудим. тут, видимо, будут некоторые дополнительные затраты, так как брак заключается без согласия одной из сторон. — И они с Лелой вышли из комнаты.

Каргилл подошел к окну. Он увидел флотер, на котором они прилетели. Он стоял совсем рядом. «Если бы я мог добраться до него, — подумал он, — через десять секунд меня бы здесь уже не было». К сожалению, Лела приняла меры предосторожности и заперла дверь флотера. Женщина подошла к нему ближе. Громким шепотом она сказала:

— Я знаю кое-что.

Каргилл посмотрел на неё с отвращением — такой жадностью горели её глаза — и ничего не ответил.

Она снова хриплым голосом прошептала:

— Я сегодня утром слышала новости по радио.

Чем ты меня вознаградишь, если я скажу старику, что Кармин против этой женитьбы?

Теперь ему стало ясно, что нужно от него этой женщине, и он подумал, что священники со своими женами, видимо, так и остались на том же низком уровне в плане морали и нравственности. Однако сейчас это даже было ему на пользу. Он торопливо вывернул свои карманы и протянул ей все, что там было: карандаш, шариковую pswjs, связку ключей, несколько серебряных монет и бумажник.

Женщина воскликнула, явно разочарованная:

— Это что, все что у вас есть? — Вдруг её вытянувшаяся физиономия загорелась интересом. Она протянула руку и дотронулась до его часов. — А это что такое?

Каргилл расстегнул ремешок, снял часы и поднес к её уху.

— Они показывают время, — сказал он и с удивлением подумал, что вряд ли возможно, что они здесь не знают, что такое часы. Он не мог вспомнить, видел он где-нибудь на корабле Боуви или Кармин что-нибудь похожее на часы.

Маленькая женщина посмотрела на часы с презрительной миной.

— Я слышала о таких вещах. Это ерунда, зачем

они вообще нужны? Утром солнце встает, а вечером заходит. Мен этого вполне достаточно.

Каргилл наклонился и быстро выхватил часы из её рук.

— Они мне самому пригодятся, если вам без надобности. А теперь я хочу, чтобы вы мне кое-что рассказали.

— Я ничего говорить не буду, — отрезала она.

— Будете, — твердо произнес Каргилл, — или я расскажу вашему мужу, что я вас сейчас дал.

— Вы мне ничего не дали! — возмутилась женщина.

— А это вы ему будете объяснять.

Женщина минуту помолчала, соображая, затем недовольно проговорила:

— Что вы хотите знать?

— Что сообщалось в новостях?

Она оживилась, видимо, болтовня доставляла ей удовольствие:

— Кармин говорит, что вас надо схватить. Вы нужны Теням. Она говорит, что свадьбы быть не должно… — Вдруг она замолчала и отпрянула в сторону.

В комнату вошли Лела и священник. Девушка была бледна, а священник разгневан.

— Ничего не получится, — сказал он жене, —

она не хочет платить, сколько полагается.

— Будем жить в грехе, — решительно ответила Лела, — если вы отказываетесь сочетать нас браком по закону.

— А если вы будете жить в грехе, — в голосе священника звучал праведный гнев, — проклятье падет на ваши головы!

Лела потянула Каргилла за рукав.

— Он хотел, чтобы я отдала ему наш корабль в обмен на ту старую развалину, которая у него есть. Пошли!

Каргилл пошел за ней, хотя ему совсем было не ясно, как он должен реагировать на то, что здесь произошло. Было удивительно, что и Лела, и сам священник, по-видимому, принимали власть последнего как должное. Оба признавали как аксиому, что речь шла о человеческой душе и о наказании на уровне души.

«А что, если душа действительно существует? — подумал Каргилл, — если после тысячелетней борьбы за бессмертную человеческую душу выяснилось, что это вполне реальная, объективно существующая материя?

Например, если взять конкретный случай с ним, он пережил свою смерть примерно на четыреста лет. Поэтому для него реальность или

нереальность души, или жизненной силы, или духа, как это ни назови, была не просто теоретическим вопросом, как для большинства людей. Он оказался вовлеченным в поразительную цепь событий, состоящих из неизвестного и неизведанного, включающих скрытое значение феномена души в десяти тысячах религиозных учений, для сотен тысяч богов.

В определенном смысле было неправильно называть этот феномен душой, так как это слово имеет религиозное значение. Стало быть, `brnl`rhweqjh подразумевает что-то ненаучное, недоказуемое, то, что нельзя проверить. А если это реальное явление, тогда оно должно проявляться в действительности различным образом и подчиняться действию определенных законов. Тот факт, что эти законы, возможно, отличались бы от законов пространственно— временного континуума, называемого материальным миром, не означал бы, что они не имели бы научного обоснования.

«если, — думал Каргилл, входя во флотер вслед за Лелой, — я представляю собой энергетическое поле в реальном мире, каждый раз, когда это поле проявляет свое действие, кто-то где-то говорит: " Ага!» — и вот уже готова новая философская

теория».

Он был твердо убежден, что ему предстоит разгадать эту загадку.

Прошло много дней. Каждое утро их флотер поднимался в небо настолько, насколько позволял его заряжающийся от света двигатель. В ясные солнечные дни они парили на высоте не меньше трех миль. Густой туман мог заставить их снизиться на высоту полмили от земли, а в дождливую погоду им приходилось особенно трудно, когда надо было пролетать над высокими холмами. В такое время они летали, казалось, на высоте не более двух или трех сотен ярдов от земли.

Это было какое-то странное, вневременное существование, полное бездействия, когда Каргилл занимался лишь тем, что смотрел с высоты на землю, ел, спал или сидел в общей комнате, разрабатывая план побега.

Препятствием к этому была Лела. Каргилла поражало, в каком напряженно состоянии она постоянно находилась. Спала она в кабине управления, заперевшись на ключ. Но стоило ему пошевелиться, как у неё зажигался свет, и ему было видно через прозрачную дверь, что она за ним наблюдает. И так каждый раз. Она была по-

стоянно начеку, и это означало, что все его планы застать её врасплох были обречены на неудачу.

Однажды ночью произошло событие, которое изменило их отношения. Случилось это на десятый или одиннадцатый день после их побега, когда Каргилл уже потерял счет времени.

Когда они приземлились в траве около ручья, он открыл наружную дверь, вышел и быстро зашагал прочь от флотера. Сзади раздался сдавленный вскрик. Поток света из мощного фонаря выхватил его из темноты. В сотне футов впереди него упало и загорелось дерево.

Каргилл, который не ожидал, что она сможет выстрелить в него из комнаты управления, остановился как вкопанный. Медленно переставляя ноги, он пошел обратно к кораблю, злой, но полный решимости. Он заранее сказал себе, что если побег на этот раз опять не удастся, он предпримет попытку объясниться с Лелой, и вот этот момент настал.

Она встретила его у двери.

— Ты пытался убежать, — сказала она охрипшим от ярости голосом.

Каргилл посмотрел прямо в её горящие глаза:

— Еще бы! Ты что думаешь, я из камня сделан?

Она, наверное, поняла, что он имеет в виду, и

напряженность её несколько спала. Как ни странно, хотя он сказал это для того, чтобы ввести её в заблуждение, в этом была и доля правды. В армии он научился быть не особенно разборчивым в отношении женского пола. И сейчас после одиннадцати дней в обществе Лелы он смотрел на неё уже не так критически, как прежде. Она была молода, недурна собой и, если разбудить в ней страсть, могла бы очаровать любого мужчину.

Но его целью и данном случае была не просто победа над femyhmni, а полный контроль над кораблем. Он пристально смотрел на нее, стоящую на пороге в отражении света, падающего изнутри. В её руке было оружие, и проблема заключалась в этом.

Он смело шагнул ей навстречу.

— Выбирай, — сказал он. — Или мы будем жить здесь вместе как нормальные люди, или тебе придется убить меня.

— Не смей подходить ближе, — сказала Лела, но в голосе её не было убежденности, и она добавила сбивчиво:

— Мы должны пожениться.

Каргилл настаивал:

— Ты знаешь, что я никуда от тебя не денусь. Куда я пойду?

Он подошел ещё ближе, так близко, что ружье, которое она держала в руке, коснулось его одежды.

— Я останусь, но не позволю собой командовать и отказывать мне в том, чего я хочу.

Она отступила внутрь. Она положил руки ей на плечи и притянул к себе, не обращая внимания на ружье.

Она вся сжалась и пробормотала невнятно:

— Это грех! Грех!

Когда он поцеловал её, губы её дрожали. Она попыталась освободиться из его объятий, и вдруг вся её напряженность пропала. Она отвела руку с ружьем в сторону, но не бросила его и держала его так, как будто боялась, что оно может выстрелить. Видно было, что в ней борются противоречивые чувства:

— Дай мне ружье, — сказал Каргилл. — Женщина должна доверять своему мужчине.

Он снова поцеловал её, и на этот раз она не сопротивлялась. Она беззвучно плакала, а он ловил губами слезы, стекающие по её щекам. Потом протянул руку и взялся за ружье. На секунду тело её напряглось, а потом… потом она позволила ему забрать его у нее.

* * *

Каргилл думал, что контроль над флотером даст ему возможность сделать то, что он хочет. Но чего он хотел? Шли недели, а он не мог этого решить. По какой-то причине он оказался вовлеченным в заговор. Если он предпримет какие-либо действия и обнаружит себя, он снова может попасть в руки заговорщиков, и они попытаются заставить его выполнять их требования.

Наконец, Каргиллу пришла в голову одна идея. Он пошел в кабину управления и сел перед видеоэкраном. Он уже много раз приходил сюда и изучал аппаратуру, и сейчас он собирался осуществить один план.

Так же, как двигатель флотера и другое оборудование на его борту, теле — и радиоаппаратура была герметично закрыта, так что у него не было возможности изучить принцип работы. Сначала он просто настраивал её на прием радио — и телесигналов.

Станция в Городе Теней передавала программу популярной музыки. После каждого номера звучал голос, убеждавший слушателей приехать в Город Теней и пройти курс обучения Каргилл послушал немного этот канал и принялся искать

другие станции.

Время от времени он подключался, чтобы проверить, есть ли изображение на экране телевизора. Сначала он подключил программу, в которой выступал какой-то человек. Как понял Каргилл, это был один из боссов. Он с энтузиазмом рассуждал, какую может получить выручку за новый флотер, который ему дали Тени. Каргилл записал имя этого человека, детали сделки и переключился на другую программу. Перед ним возникла картина управления флотера. Так как только боссы имели телепередающую аппаратуру, он понял, что это флотер одного из них. В течение нескольких минут он наблюдал эту картину, но изображение не менялось, и он стал искать ещё какую— нибудь программу. На следующем канале велся разговор с девушкой. Nm уговаривал ее:

— Ну, Дженни, не ломайся. Попроси свою мать, чтобы сегодня вечером ваш флотер остановился рядом с нашим, ладно? Ты же сама хочешь, да?... Еще несколько раз Каргилл вклинивался в личные разговоры, но он продолжал поиск. Было ещё рано для единственной телепередачи из Города Теней. Нельзя сказать, чтобы она его очень интересовала. Они всегда показывали одно и то

же: приемный центр на окраине города и прибытие Твинеров и Планиаков. Большее внимание уделялось Планиакам. Они собирались принять участие в программе обучения, организованной Тенями, и один из Теней их интервьюировал. Когда Каргилл первый раз увидел эту программу, он думал, что Тени покажут часть своей учебной программы, но они этого ни разу не сделали.

Уже не в первый раз он пожалел, что аппаратура не принимает программы из городов Твинеров. Это означало, что Тени не хотели, чтобы кто-то ещё мог оказывать влияние на воздушных кочевников.

Каргилл отключил аппаратуру и долго сидел задумавшись. Мысль, которая недавно пришла ему в голову, не давала ему покоя. Но стоило ему только проявить себя — и он конченный человек.

Лела, сидящая в кресле рядом, произнесла с тревогой:

— В чем дело, дорогой?

— Мы не сможем долго так жить, когда все против нас. А если возникнет какая-нибудь чрезвычайная ситуация, если что-нибудь сломается?

— Я тоже думала об этом, — нехотя ответила Лела.

Каргилл подумал, что она, скорее, пыталась не думать об этом, а вслух произнес:

— Думать об этом недостаточно, надо что-то делать.

— Что, например?

Каргилл нахмурился.

— Есть кое-что, в чем я должен сначала разобраться.

— Что это?

— Это по поводу однажды высказанного тобой, что теперь мне кажется ещё более невероятным, чем тогда: ты сказала, что Планиаков пятнадцать миллионов.

— Да, правда, это так и есть.

— Лела, это невозможно. Если бы в воздухе было так много людей, мы постоянно натыкались бы на них, каждый день, каждый час.

Девушка помолчала.

— Страна у нас большая, — сказала она наконец, — и я слышала, как Кармин и другие местные боссы говорили об этом, и это они называли эти цифры. И потом, ты же не всегда смотришь за борт. Я вижу много флотеров, просто я стараюсь держаться от них подальше.

Каргилл вспомнил о том, как она целыми сутками не выходила из кабины управления, в каком

напряжении все время находилась и подумал, что, возможно, недооценивает её. Но с этими цифрами он все-таки не мог согласиться. Видимо, она просто не располагала той информацией, которая была ему нужна. По его собственным оценкам, Планиаков было меньше пяти миллионов, а может быть и половина того. Каргилл откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Лела, а что люди думают о Кармин? Как они к ней относятся?

Это, конечно, был вопрос, на который она не могла ответить, так как не знала, что думают миллионы людей. Но она заключила без малейшего колебания:

— Ее никто не любит. Она подлая.

— А как насчет других боссов? Что думают о них? — продолжал расспросы Каргилл.

— Ну, их просто терпят, — сказала девушка. — Они существуют как часть нашей жизни.

— Понятно. — Каргилл был доволен, что кое-что ему удалось opnqmhr| для себя. Она, конечно, этого не осознавала, но её ответ был очень показателен — в нем отражалось отношение общества к бездушно воспринимаемым нормам и правилам, где каждая мысль или действие укладывались в жесткие рамки. Он задал ей вопрос:

— Как Кармин стала боссом?

— Так же, как и другие, я думаю, — ответила Лела. — Тени стали давать ей вещи, чтобы она передавала их нам, и очень скоро мы стали делать все, что она нам говорила, чтобы получить свою долю.

Каргилл кивнул.

— А почему Тени выбрали именно ее?

— Вот этого я не знаю. — Лела оказалась озадаченной. — Я об этом никогда не думала. — Вдруг лицо её просветлело. — Они, наверное, посмотрели на неё и решили, что из неё получится хороший босс.

Ответ был настолько наивным, что Каргилл решил больше её об этом не спрашивать. Он перевел разговор на другую тему.

— Ты когда-нибудь слышала о революциях?

Она подумала, нахмурив брови.

— Это что, когда начинается драка?

Каргилл улыбнулся.

— Что-то вроде того, но в больших масштабах. У нас в двадцатом веке, откуда я родом, были самые решительные и удачливые революционеры за всю историю человечества. Прежде чем остальные успевали спохватиться, те уже завоевывали полмира. Много времени прошло, пока

все поняли, к чему все это ведет дело, и стали к ним присматриваться.

В глазах Лелы мелькнуло понимание.

— Ты имеешь в виду Русов? — начала что-то понимать Лела. Каргилл кивнул. — Да, с ними, по-моему здорово разобрались, — продолжала девушка.

Каргилл, который уже слышал, как именно с ними разобрались, не стал продолжать разговор на эту тему. Огромную территорию разделили на сорок отдельных государств. Падение Советизма привело к возрождению религии, причем на очень примитивном уровне. В результате сложилось общество подобное феодальному под руководством группы полубезумных лидеров, в которой воцарилась атмосфера страха и подавления всего человеческого.

— Для нас самое лучшее — это начать пропаганду и посмотреть, что получится. Схватка будет потом. — Каргилл мрачно усмехнулся и повернулся к телевизору. — А сейчас мы сделаем свой первый шаг.

На пятый день со дня начала своих передач у Каргилла возникло странное ощущение нереальности происходящего. Казалось, он вещает в пустоту. Впервые в жизни он понял, что, навер-

ное, чувствовали люди в то время, когда впервые появилось радио, и перед диктором был только микрофон. Не было ни писем слушателей, с откликами аудитории, ни опросов общественного мнения, ни рейтинга Хупера. Но несмотря на все трудности, Каргилл продолжал свои передачи.

Так прошло тридцать дней. Утром на тридцать первый день, когда Каргилл закончил свое выступление, на экране телевизора возникло лицо какого-то незнакомого человека. Лет ему было около сорока, это был типичный грубоватый Планиак.

— Я хочу поговорить с вами, — сказал он.

Что это, ловушка? Пальцы Каргилла находились рядом с кнопкой, которая отключит его от эфира. Он замешкался, и незнакомец успел представиться:

— Меня зовут Путри. Я хочу поговорить с вами о подстрекательских речах, которые вы ведете.

Он выглядел и вел себя как один из боссов. Эта попытка вступить с ним в контакт впервые за много дней очень обрадовала J`pchkk`. Но пока было ещё не время разговаривать.

— Мне это неинтересно, — отрезал он и прервал связь.

С этого момента в своих передачах он начал

назначать места встреч, где должны будут собираться его сторонники. Это было опасно, но, уговаривал он себя, жить вообще опасно. Успокаивало то, что каждый флотер обязательно был оснащен оружием.

Шло время. Как-то днем Лела на минуту вышла из комнаты управления.

— Пока мы доберемся до озера, уже стемнеем, — заметила она.

— Какое озеро ты имеешь в виду? Да, впрочем, все равно. Меня просто поражает, как здорово ты ориентируешься, — улыбнулся Каргилл.

— Ерунда, — ответила Лела. — Я здесь с самого детства. Я знаю эту местность как свои пять пальцев.

— Держу пари, что даже лучше, — сказал Каргилл.

Они спустились вниз и сели на носу корабля, отыскав там удобное место с помощью прожектора. Когда Каргилл стал открывать дверь, в темноте вдруг плеснула струя огня. Его спасло то, что он стоял за дверью. Сгусток пламени пролетел мимо и с громоподобным стуком ударился о металлическую стену коридора. Стена задымилась от чудовищного жара. К горлу Каргилла подступило удушье. Он вдруг почувствовал, что

флотер начинает подниматься. В этот момент темноту осветила новая вспышка огня, флотер качнулся и рухнул на траву. Каргилл поспешил к кабине и увидел, что Лела сидит у пушки. Она была страшно бледна.

— Эти негодяи повредили наш корабль, — сказала она.

За окнами начало светать. Сначала темнота чуть рассеялась, но потом из кабины управления Каргилл увидел, как вокруг корабля постепенно начинает светлеть. Справа виднелось озеро, дальний берег которого скрывался в серой дымке.

Лела по-прежнему сидела у пушки.

— Уже довольно светло. Попробуй взлететь, — предложила она.

Надежда поддерживала её мужество всю эту долгую ночью — надежда, что утро вдохнет жизнь в их поврежденный корабль. Но ей не суждено было сбыться — это стало ясно буквально секунды спустя, когда Каргилл нажал на все педали и рычаги до отказа, но безрезультатно.

— Мы попробуем еще, — сказала девушка усталым голосом, — когда взойдет солнце.

Каргилл только отмахнулся.

— Твой отец имеет какое-нибудь влияние на боссов? — спросил он.

Лела пожала плечами:

— Кармин он как будто нравится.

Каргилл про себя удивился этому, а вслух он сказал:

— Может быть, если мы поговорим с ними, мы узнаем, чего они хотят.

Из разговора между кармин и Тенью, который он слышал больше месяца назад, каргилл сделал вывод, что за ним ведется охота.

— Я думаю, тебе надо попробовать связаться с отцом и узнать сможет ли он сюда прилететь. Мы постараемся продержаться до тех пор, пока он не прибудет, а тогда, если это будет возможно, ты сможешь уйти с ним, — предложил Каргилл.

— А как же ты? — побледнела она.

Каргилл ответил не сразу. То, что он сейчас ощущал, было трудно описать или объяснить. Это было хорошо знакомое ему чувство, которое он неоднократно испытывал в минуту смертельной опасности, то, что давало ему возможность ещё в Корее бежать вперед под огнем противника, чувство, с которым он всегда шел в бой. Он как бы раздваивался и смутно, как сквозь легкую дымку, bhdek себя со стороны лежащим, бегущим, кричащим, стреляющим, как того требовала ситуация. Сейчас его начинало охватывать то же чувство.

— Я попытаюсь скрыться, когда стемнеет, — Каргилл посмотрел в окно кабины и впереди, на расстоянии не больше ста футов, увидел тень.

На лице Каргилла, видимо, что-то отразилось, потому что Лела резко повернулась к окну и замерла. Тень постояла неподвижно, как бы наблюдая за происходящим, и стала двигаться по направлению к их кораблю. Лела следила за ней завороженным взглядом, потом устроилась поудобнее возле пушки и нацелила её на Тень. Лицо её было мертвенно бледным. Два раза рука её поднималась, чтобы нажать на активатор и выпустить струю почти белого от высочайшей температуры огня. И оба раза она дрожа закрывала глаза.

— Не могу, — прошептала она наконец. — Я не в состоянии этого сделать.

Тень была уже меньше чем в пятидесяти футах от флотера. Отчаянным движением Каргилл выдернул девушку из кресла перед пушкой и сам занял её место. Он нажал на рычаг, и из её дула вырвалось пламя, от которого загорелась трава у ног Тени.

Она продолжала идти к кораблю, как будто ничего не случилось. Каргилл выстрелил ещё раз. Огонь прошил Тень насквозь, и трава и кусты

позади него вспыхнули. Каргилл стрелял в упор ещё и еще, и каждый раз было такое ощущение, что огонь попадает в ничто, в пустоту. А Тень все приближалась. каргилл перестал стрелять. Он оцепенел от неожиданной и страшной мысли, которая пришла ему в голову. Если Тень была лишена материальной оболочки, если реальная, мощная энергия, разрушающая все на своем пути, ничего для неё не значила, то как насчет стальных стен?

В следующее мгновение он получил ответ на свой вопрос. Около двери сгустилась темнота, она дрогнула, и в комнате возникла Тень.

Лела закричала.

10

Каргилл, двигаясь как во сне, поднялся из кресла и попятился к дальней стене. Движение отрезвило его, он остановился и замер в напряженном молчании. Тень тоже остановилась и изучающе смотрела на него. И он получил возможность получше рассмотреть это удивительное создание.

При свете утра было видно, что Тень полупрозрачна, но особенно поражало, что она имела очертания человеческого тела, а не была бесформенной тающей массой, газовым облаком, как этого можно было бы ожидать. Несомненно, это была человеческая фигура.

Он вспомнил о своих недавних размышлениях о душе и подумал, что, может быть, это воплощенная в полуматериальном состоянии душа? Может быть, воплощение души, её проявление в реальной действительности? Нет, в это трудно было поверить, что ничто подобное представшей перед ним Тени вдохновляло людей в течение столетий и вело их к вершинам человеческого гения.

Невероятное создание вдруг заговорило, пре-

рвав ход мыслей Каргилла:

— Мы снова встретились, Мортон Каргилл.

Эта фраза удостоверяла личность не столько Каргилла, сколько самой Тени. Вероятно, это было то самое существо, которое он видел с Энн Рис. Возможно, кто-то ещё видел его, когда он был без сознания, но только один из них встречался с Каргиллом.

Больше он ничего не успел подумать. Тень шагнула к нему, и он почувствовал, что его обволакивает какой-то туман.

На этот раз перемещение было мгновенным. Секунду назад он был q Лелой и Тенью на борту флотера, а сейчас он сидел в кресле, пытаясь сфокусировать зрение. Через несколько секунд ему это удалось, и он стал осматриваться.

Он увидел, что находится в большой, со вкусом обставленной гостиной. На стене висели часы с надписью: «6 мая, 21 час 24 минуты». Слева от него была открытая дверь, и в дверной проем был виден край кровати.

Стена прямо напротив него была сделана из прозрачного стекла, и за ней, в дальнем углу комнаты, в таком же, как у него кресле, сидела девушка. В следующую секунду он узнал её. Это была та молодая женщина, которая выдавала

себя за Мари Шане.

Он снова был в той же комнате, где впервые оказался, куда его перенесли в двадцать четвертое столетие. И если часы шли правильно, он вернулся в вечер того же дня.

Он в этом практически уже не сомневался. Он вновь вернулся назад, в то время, когда его перебросили сюда из 1954 года.

Все же он решил проверить, прав ли он, и торопливо принялся писать записку девушке. Он прижал бумагу к стеклу:

— Как долго вы здесь находитесь?

— Около трех часов, — написала она в ответ.

Хотя Каргилл и не ожидал другого, он напомнил себе, что она, возможно, ведет какую-то хитрую игру и вполне способна солгать За последние несколько месяцев он не раз думал об этой девушке, и всякий раз его поражала его готовность согласиться с тем, что он должен умереть для её успешного лечения.

Он стоял и смотрел на нее, нахмурившись. Ее тоже перемещали во времени, сначала в прошлое, в 1954 год, потом обратно. Значит, и она тоже какая-то особенная, как и он. Он спрашивал себя: «Что в ней такого? Как удалось преодолеть необратимость времени?»

Этот вопрос был для него уже не нов, а ответ, наверное, стоял прямо перед глазами, если бы он только мог читать на том языке, на котором этот ответ был написан, — на языке времени и пространства, энергетических полей, которые составляют это комплексное явление — жизнь, на языке вечности. Каргилл закрыл глаза и стал вспоминать, были ли в его жизни моменты, когда как-то проявлялось то, что делало его особым, не таким, как все, человеком: это случаи отключения сознания, когда он перемещался во времени. Но подобные ощущения казались сейчас неуловимыми, не поддающимися анализу. Например, случай, когда его ранили. Он вспомнил ощущение удара, когда пуля попала в него, мгновенную потерю чувствительности и впечатление того, что он находится где-то далеко от своего тела и наблюдает за собой со стороны.

Может быть, это была частичная смерть? На мгновение он тогда подумал, что это конец. В течение нескольких секунд энергетическое поле было повреждено и нарушился энергетический баланс между этим полем и физическим, материальным объектом, Мортоном Каргиллом. Но когда он осознал, что это не конец, а только незначительное ранение, пришла боль, и стран-

ное ощущение раздвоения пропало.

Где-то здесь был скрыт ключ к загадке, в разрешении которой он был заинтересован больше всех. Но это потом. Сейчас не время для этого. Теоретически вполне возможно, чтобы один человек разгадал тайну веков за час. Решающую роль здесь должна сыграть основная посылка, отправная точка. Верно то, что всегда можно получить правильные ответы, если знать, как грамотно задать вопросы. Но в данный момент ему нужно было сосредоточиться на неотложной задаче — как совершить второй побег.

Он вдруг с удивлением поймал себя на том, что думает о Леле. Что с ней произошло? Или, вернее, что с ней произойдет? Ему пришлось напомнить себе, что то, что произошло, было в будущем. Он стал растерянно думать о возможности связанных с этим парадоксов в opnqrp`mqrbemmn-временно континууме.

Когда мысли его окончательно спутались, он вскочил с кресла и начал осматривать квартиру. Все выглядело так же, как и раньше, когда он в первый раз очутился здесь, а постель была смята, будто он в ней спал. Он вспомнил стул, который разнес в щепки, и пошел снова в гостиную. Стул валялся в угол, там, где он его тогда бросил. Зна-

чит, сейчас он вернулся в эту комнату в какой-то момент после того, как Энн Рис вызволила его отсюда — и ненамного позже.

Отсюда напрашивался однозначный вывод. Если этим людям не нравилось что-то, что происходило в какой-то отрезок времени, они могли все изменить. Одним направленным действием они могли уничтожить то, что вызвало их недовольство, и в следующий раз, зная заранее, какого развития событий необходимо избегать, могли направить происходящее в нужное им русло.

Теперь ему стало ясно, что после всех его попыток организовать восстание Планиаков Гарннис решил, что надо дать Теням возможность осуществить их первоначальный план и убить его. Это было бы простейшим способом стереть нежелательные события в прошлом.

Те, кто первыми перенес его сюда, не зная ничего о том времени, которое он провел у Планиаков, могли теперь приступить к его уничтожению, даже и не подозревая, что Граннис участвовал в заговоре против них. Каргилл сказал себе с мрачной решимостью:

— Я этого так не оставлю. Как только они войдут в контакт со мной, я им все расскажу.

Он стал думать, как именно он преподнесет

им эту неожиданную новость, когда сзади него раздался голос:

— Мортон Каргилл, моя обязанность — подготовить вас к смерти.

Момент для действия настал. Каргилл вскочил на ноги. Стараясь говорить спокойно и ясно выражать мысли, он начал свой рассказ. Он успел сказать предложений десять, когда тот же голос прервал его. Вернее, он снова заговорил, как будто Каргилл не произносил своего монолога. Было ясно, что тот, кто говорил, его не слышал — обратной связи явно не было.

Голос сказал:

— Сейчас я объясню, какую сложную проблему вы для нас создали, когда в двадцатом веке погибла Мари Шане.

Каргилл решил, что нужно ещё раз попытаться завязать диалог:

— Подождите. Вы мне уже все объясняли.

— Насилие, — продолжал голос, — оказывает негативное воздействие не только на одного человека, но и на будущие поколения.

Каргилл закричал:

— Послушайте же! Существует заговор…

— Это как камень, — голос звучал все так же ровно, — брошенный с силой в бескрайнее море.

Круги от него будут расходиться бесконечно долго и выносить самые странные вещи на берега, такие далекие, что их невозможно охватить воображением.

Каргилла просто трясло от злости.

— Вы, тупые идиоты! — заорал он. — Вы что, затащили меня сюда и даже не хотите узнать, что произошло? — Но то, с какой яростью он это говорил, безошибочно доказывало, что он убежден, что именно так все и есть.

Голос послышался снова. И Каргилл вдруг понял, что то, о чем говорит голос, ему ещё неизвестно.

— Послушайте, я расскажу вам о случае Мари Шане.

Каргилл заставил себя слушать, стиснув зубы. Постепенно он стал успокаиваться и понимать, что ситуация действительно была сложная.

Масса событий произошла в результате смерти Мари Шане. Она onchak в аварии, и её боль с её смертью кончилась. Но это было только начало для другой боли.

У Мари осталась дочь, которой в то время было три года и два месяца, и муж, с которым она не была официально разведена. Между Мари и её мужем шла жестокая борьба за право оставить

себе ребенка после развода, и после смерти матери малышка Джулия стала жить со своим отцом, страховым агентом.

Сначала он отдал её в детский сад и нанял женщину, которая ухаживала за девочкой дома после того, как её привозили из детского сада. Первое время он иногда проводил с ней вечера. Но у него было много работы, в частности, по вечерам ему было нужно встречаться с потенциальными клиентами. Он не привык общаться с дочерью, и в те редкие вечера, когда он не был занят, предпочитал встречаться с друзьями, а не проводить время в её обществе. Он говорил себе, что она получает гораздо более хорошее воспитание, чем могла бы дать ей её мать, если бы была жива, и что он не жалеет на неё денег. Когда Джулия спросила, почему у неё нет мамы, как у всех других детей, он решил, что в её собственных интересах ему придется сказать ей неправду.

Он обнаружил, однако, что она уже знала, что произошло на самом деле. Другие дети слышали что-то от своих родителей и дразнили её и смеялись над ней. Что думала об этом и чувствовала она, никому не было известно. Она выросла неуравновешенным, нервным, капризным ребенком. «Совсем как твоя мать, черт тебя возьми!»

— кричал на неё Шане, когда был пьян.

Трагедия её детства осталась с ней навсегда. Она стала хорошенькой девушкой, и в 1973 году, когда ей было 25 лет, вышла замуж за молодого человека, которого завали Томпсон. Это был не лучший выбор, но она была слишком неуверена в себе, чтобы пытаться стремиться к большему. В 1982 году она родила ему сына, а в 1984 родилась их дочь. Сама она умерла молодой в 1988 году, якобы от последствий перенесенной операции, но на самом деле это было серьезное нервное заболевание.

Томпсон в течение некоторого времени плыл по течению, но без жены с её настойчивостью он растерялся и начал стремиться уйти от ответственности. Как раз в то время, когда его должны были повысить по службе после пятнадцати лет работы в компании Амотор, он продал свое имущество, бросил работу, купил флотер и стал Планиаком.

Это были люди, которых называли воздушными кочевниками и домом которых был их флотер. Весь день они проводили в воздухе, а вечером приземлялись где-нибудь на берегу ручья и ловили рыбу. Иногда они летали над океаном и возвращались с уловом морских животных, кото-

рых продавали какой-либо консервной фабрике. Они собирали фрукты и урожай других культур и выполняли сезонные сельскохозяйственные работы. Они работали иногда целый день, иногда неделю, редко целый месяц. Единственное, что им было нужно, это чтобы у них хватило денег дожить до завтра.

В 2010 году в Соединенных Штатах приблизительно девятнадцать миллионов людей стали воздушными кочевниками или Планиаками. Большинства из тех, кто продолжал вести обычный образ жизни, были потрясены, а экономисты предрекали катастрофу, если не будут предприняты какие-то меры, чтобы вернуть воздушных кочевников на землю. Когда Конгресс в 2012 году попытался принять закон, разрешающий путешествия по воздуху только во время отпусков, было уже слишком поздно. Планиаки к тому времени стали уже заметной политической силой, с которой другим приходилось считаться.

Ожесточение, враждебность между воздушными кочевниками и остальными с годами становились все более непримиримыми. Кто-то покупал флотеры и присоединялся к кочевому племени, другие, смутно nqngm`b` опасность и руководимые соображениями морали, возвра-

щались на землю и начинали вести нормальную жизнь.

Среди последних был и Томпсон со своими взрослыми детьми: сыном, которого звали Пинки, и дочерью Кристиной. Пинки Томпсон прожил свою жизнь холостяком, не оставив потомства, но он существовал, и поэтому, естественно, оказывал влияние на людей, с которыми общался. То, что впитали в себя клетки его организма ещё в теле матери, проявлялось косвенным образом. Прошло много лет, прежде чем психологи доказали, что на детей оказывает влияние состояние нервной системы не только матерей, но и отцов. Но у Пинки детей не было.

Когда Кристина Томпсон перестала бороздить небеса и вернулась на землю, Мари Шане, её бабушки, уже 60 лет не было в живых. Последствия её смерти — те самые круги по воде — дошли уже до следующего столетия. Напряжение, в котором жила её мать, привело к преждевременному рождению ребенка на восьмом месяце её беременности. Если бы она родилась семимесячной, было бы лучше. В течение восьмого месяца в организме ребенка происходят определенные изменения, и этому процессу желательно не мешать.

А у Кристины эти процессы были нарушены: когда она была маленькой, у неё часто случались приступы дурного настроения со слезами и рыданиями, а когда она подросла, то стала настоящей проблемой для отца и брата. Она знала, хотя и без подробностей, при каких обстоятельствах умерла её бабушка.

Ей была, однако, неизвестна новая теория в психологии, которая устанавливала, что люди могут подвергаться воздействию событий, имевших место в отдаленном прошлом, так как от поколения к поколению, от матери к дочери передается тот клеточный материал, который существовал ещё с тех пор, когда первая клетка разделилась на две. Кристина с нежеланием, без всякой радости, нашла себе работу, и, когда ей было двадцать восемь лет, вышла замуж за сына одного из бывших Планиаков. Их трое детей, которые родились один за другим, провели свое детство в деморализующей атмосфере бесконечных планов, которые строили их влачившие чуть ли не нищенское существование родители, скопить денег, чтобы купить флоте и навсегда оставить на земле все проблемы. Двое из детей мечтали вместе с родителями, но средний ребенок, девочка, очень страдала от бесконечных

разговоров, которые заставляли её чувствовать неуверенность в будущем и в себе, и осуждала родителей, которых она стала считать безответственными людьми.

Когда выяснилось, что она в действительности думает о благих намерениях своих родителей, они не стали скрывать своего неудовольствия этим обстоятельством. Скорее наоборот, они демонстрировали его своему ребенку при каждом удобном случае. Это ещё больше усугубило её проблемы, пока она не научилась притворяться и скрывать свои настоящие чувства под маской ложного энтузиазма. Но когда ей было восемнадцать лет, накануне их первого путешествия на флотере, который им с большим трудом все-таки удалось наконец приобрести, она убежала из дома.

Она несколько раз меняла работу, и, когда ей исполнился двадцать один год, нашла место служащей в маленькой авиакомпании. Эта авиакомпания была так мала, что доходов от неё едва хватало на то, чтобы содержать её владельцев, отца и сына, и платить зарплату ей, единственному наемному работнику. Когда в двадцать два года она вышла замуж за сына, Гарри Лейна, этот брак казался не очень удачным выбором. Но это

был брак по любви, и против всякого ожидания их дело начало процветать.

Но, может быть, это не было так уж удивительно, так как у сына была деловая хватка и умение обращаться с людьми, и когда он взял дело в свои руки, клиентура их расширилась и доходы стали p`qrh. Вскоре их материальное положение улучшилось настолько, что они могли позволить себе вести образ жизни по-настоящему богатых людей. У них был прекрасный дом, двое детей, которым они могли ни в чем не отказывать. Но дети росли крайне неуравновешенными, с болезненной психикой, и даже постоянное присутствие специально обученных медсестер, нанятых для ухода и присмотра за ними, мало чем помогало.

В двадцать четыре года Бетти Лейн, которая с детства находилась под наблюдением личного врача-психолога, решила по его совету обратиться в Межвременное общество психологической адаптации, так как к тому моменту стало уже ясно, что её проблемы никак не могут быть связаны с её собственным детством. После проведенного этим обществом тщательного обследования жизни семьи Лейн и предыдущих поколений специалисты пришли к выводу, что всему виной смерть Мари Шане.

— И это, — сказал голос из воздуха Каргиллу, — объясняет, почему вы находитесь здесь, в комнате терапии. Завтра утром вам придется умереть, чтобы можно было ликвидировать негативные последствия насильственной смерти Мари Шане и вылечить Бетти Лейн. Это все.

Наступило молчание, и Каргиллу стало ясно, что говоривший окончил свой монолог.

Целый час Каргилл ходил взад вперед по комнате и чувствовал, как внутри у него закипает ярость. Единственным радостным моментом было то, что Тени, гордые сознанием своего превосходства, не знали, что один из них собирается предпринять попытку уничтожить их, а они ничего об этом не подозревают. «Так им и надо! Это они придумали такую нелепую вещь, что их жертвы не в состоянии сказать хоть одно слово в свою защиту, не в состоянии хотя бы попытаться что-то объяснить, войти с ними в контакт — тупые, безмозглые идиоты!»

Эти мысли вновь настроили его на агрессивный лад. Он вовсе не собирался мириться с той судьбой, которую уготовили ему Тени. Он вновь начал обследовать квартиру, сначала гостиную, потом вошел в спальню…

Там стояла Энн Рис. Она поднесла палец к гу-

бам.

— Ш-ш-ш, — сказала она.

У Каргилла даже ноги подкосились от чувства облегчения. Он готов был броситься к ней и заключить её в объятия. Ему пришлось усилием воли удержать себя от того, чтобы не броситься к машине, которая принесла её сюда, и, схватившись за нее, не закричать в полный голос: «Давайте скорей удирать отсюда!» Он остановил себя, потому что не знал, помнит ли она о предыдущей попытке его освобождения.

— На этот раз не будем терять ни минуты, — сказала она. — Достаточно неприятно уже то, что мне пришлось снова оказаться здесь.

Ему все стало ясно — это было все, что он хотел знать. Он быстро ухватился за ручку на машине, на секунду закрыл глаза, и в это мгновение все и произошло.

11

Он стоял на пыльной грунтовой дороге, и вокруг была темнота. На небольшом расстоянии от него Энн Рис, наклонившись, что-то поправляла в своем транспортном устройстве. Она, видимо, пришла в себя раньше, чем он.

Она подняла голову и произнесла саркастическим тоном:

— Ну вот мы и начинаем все снова, мистер Каргилл.

Сначала до него дошел только сарказм в её голосе, и лишь onrnl он понял, что означает скрытый смысл её слов. Ведь где-то здесь, примерно в это же время и, возможно, в этот же день, он убежал от неё и скрылся в кустах. В этот же момент, где-нибудь в миле отсюда, Лела и её отец устраивали свой флотер на берегу озера, и через некоторое время она поймает Мортона Каргилла номер один. Ему вдруг захотелось снова убежать и посмотреть со стороны, как это будет происходить. Но это было только мимолетным желанием, которое он тут же отбросил, покачав головой. У человека, чья жизнь находится под угрозой, нет времени следовать таким порывам.

Энн подняла машину и сказала, обращаясь к кому-то, стоящему за спиной у Каргилаа:

— Ладно, Лауер, отдашь это Граннису. Из-за спины Каргилла вышел какой-то молодой человек. В темноте его практически невозможно было разглядеть.

— Непонятно, почему мы должны отдать ему эту штуку, — недовольно сказал он. — У нас ведь нет ничего подобного.

Энн сунула машину ему в руки, взяла его за рукав и потянула за собой в сторону от Каргилла. Когда они отошли достаточно далеко, чтобы ему не было слышно их слов, Энн начала, видимо, что— то объяснять. Лауер с ней не соглашался, судя по его возмущенному тону. В конце концов он, наверное, вынужден был подчиниться, так как забросил машину себе на плечо и потащился прочь. Энн вернулась к Каргиллу.

— Мы будем ждать здесь, — сказала она, — и на этот раз лучше не пытайтесь убежать. — Она добавила, обращаясь к кому-то, кого Каргиллу не было видно:

— Если он сдвинется с места, стреляйте.

Каргилл понял, что где-то здесь в темноте находятся ещё люди, но это его сейчас не интересовало. Ему показалась очень любопытной ссора

между Энн и Лауером.

Получалось, что по крайней мере некоторые из Твинеров были недовольны Граннисом. Он подумал, что нельзя ли этим как-нибудь воспользоваться, чтобы подготовить почву для новой революции.

Шли минуты. рядом в кустах прокричала ночная птица. Где-то вдалеке завыл койот. Вдруг Каргилл почувствовал движение воздуха над собой, как будто над ним бесшумно пролетела большая птица. Энн включила фонарь, подняла его кверху и быстро замахала им. Потом она повернулась к Каргиллу.

— Через несколько минут, — сказала она, — здесь приземлится корабль. Не говоря ни слова, садитесь в него п проходите назад, подальше от пилотов. — Она добавила тихо:

— Наши авиаторы с нетерпением ждут момента, когда они смогут побеседовать с вами. Они хотят расспросить вас о воздушных боях в двадцатом веке. Но это невозможно, пока вы не пройдете обучение.

Каргилл, который служил в пехоте, не стал её разочаровывать и промолчал.

— Тихо, — сказала Энн, — вот они.

Летательный аппарат, который приближал-

ся к ним, был непохож на флотер. У него были отведенные назад крылья и длинный металлический корпус. Он, очевидно, был сделан из сверхпрочных сплавов, так как, снижаясь среди деревьев, которые росли вдоль дороги, он с необыкновенной легкостью сломал толстый ствол дерева, которое рухнуло с громким треском. Затем на носу корабля вспыхнул мощный прожектор, осветив людей, стоящих на земле, и корабль приземлился. Открылась боковая дверь, и Каргилл побежал вперед, чувствуя, что Энн следует за ним по пятам. Вход оказался выше от земли, чем казалось издалека, и ему пришлось подтянуться на руках, чтобы забраться внутрь. Пройдя мимо человека в форме, который шел ему навстречу, Каргилл двинулся по тускло освещенному коридору и, оказавшись в хвостовой части корабля, опустился на одно из сидений b самом дальнем углу.

Он услышал голос Энн Рис:

— Помогите мне подняться!

Молодой человек ответил что-то, чего Каргилл не расслышал, но, судя по тону, это было что-то очень галантное.

И резкий голос Энн:

— Отпустите мою руку. Я сама могу держать её.

офицер засмеялся и спросил:

— Это и есть тот самый человек?

Дальнейшего разговора каргилл не услышал. Летательный аппарат пришел в движение, и это была мощная машина, так что не было сомнений, что он решительным образом отличается от медлительных флотеров, которые, как хорошо было известно Каргиллу, ночью бывают практически беспомощны.

Корабль круто пошел вверх и меньше чем через минуту развил огромную скорость. Каргилл задумался. Люди, которые были в состоянии создавать такие самолеты, имели явно превосходящий известный ему уровень развития науки и техники, и, конечно, человеку из двадцатого века будет нелегко влиять на них. Его небольшой успех у Планиаков, очевидно, заставил его переоценить свои возможности. Здесь судьба сталкивала его с людьми, которые готовили серьезное столкновение с могущественными и таинственными Тенями.

Внезапно поток его самоуничижительных размышлений прервала неожиданная по своей простоте и ясности мысль, что, несмотря на явную справедливость всех этих неутешительных для него выводов, он был нужен этим людям,

именно он, и настолько, что они даже предприняли вторую попытку спасти его, хотя при этом шли, безусловно, на значительный риск.

Ему необходимо было знать, зачем он был им нужен, какую роль они отводили ему в своих планах. Ему нужно было как можно быстрее разобраться в ситуации, чтобы он мог начать строить свои планы. Перед ним открывалось обширное поле деятельности, и эта перспектива подбодрила его. Мысли его вернулись в настоящее, и он подумал, что неожиданно для него при такой скорости полет их продолжается очень долго.

Он увидел, что Энн села где-то впереди него, но он не предпринял попытки сесть с ней рядом. Так прошел целый час.

Вдруг под ними возник город. В небе проплывали непонятные приспособления, оснащенные мощными прожекторами, которые заливали здания внизу ярким светом. Энн подошла и села в кресло рядом с ним, но Каргилл не обратил на неё внимания.

Он не мог оторвать глаз от поразительного зрелища внизу. Это был город небоскребов, которые блестели разноцветными огнями. Казалось, они были сделаны из стекла. Этот прозрачный материал мягко светился изнутри и отражал

игру разноцветных бликов на своей наружной поверхности. Каргилл смотрел на необыкновенный город с восхищением и каким-то неясным волнением.

Энн тихо сказала:

— Вы первый посторонний человек за двадцать лет, кто видит нашу столицу.

Каргилл посмотрел на неё вопросительно:

— Вы имеете в виду, что посторонние не допускаются на территорию, контролируемую Твинерами?

Энн кивнула головой.

— Это наша столица, — сказала она. — Здесь хранятся все наши секреты. Мы не можем позволить себе рисковать. В течение двадцати лет все Твинеры — все, кто не прошел тесты Теней, — направляются в другие города. Ни один из Теней, даже Граннис, ни разу не бывал здесь за эти годы.

— Как же вы можете остановить Теней? — спросил Каргилл. Он вспомнил, как Граннис прошел через огонь из пушки на борту флотера.

— Она вовсе не так неуязвимы, как кажется, вернее, как они хотели бы, чтобы мы думали, — сказала Энн. — Если на них направить достаточное количество огня, они бегут так же, как и

обычные смертные. Мы в этом уже убедились. Во всяком случае, мы не разрешаем им появляться здесь, и это правило мы соблюдаем очень строго. Никто не имеет права проникать на территорию, находящуюся под нашим контролем, без особого разрешения, а тех, кто этому не подчиняется, мы подвергаем строжайшему допросу.

— Какую же часть континента вы контролируете? — спросил Каргилл.

— Около четверти.

Каргилл кивнул. Он помнил, как часто Лела поворачивала флотер в сторону, говоря:

— Это территория Твинеров. Туда нам нельзя. — Планиаки, наверное, убедились на своем собственном опыте, что это опасно.

— А где Город Теней? — спросил он.

— С Скалистых горах. Этот город — неприступная крепость, со всех сторон окруженный скалами и, кроме того, защищенный энергетическим экраном. Единственный доступ к нему — с воздуха.

Сейчас они находились над столицей Твинеров. Каргилл видел сверкающие огнями магазины, затем внизу показались жилые районы. Самолет начал снижаться. Каргилл заметил, что он идет на посадку на обширную лужайку на территории

какого-то поместья. Вдалеке виднелась каменная ограда и большой дом среди высоких деревьев.

— Это мой дом, — сказала Энн.

Каргилл взглянул на неё с удивлением. У него сложилось впечатление, что она была просто пешкой в этой игре, но теперь он не был в этом уверен.

Выйдя из самолета, он снова посмотрел на дом. Он был удивительно красив. Его каменные стены, поднимаясь высоко вверх, переходили в башни и шпили, и весь дом был похож на сказочный замок. Окна были высокими, узкими, а двери массивными. К входу вела широкая лестница. Каргилл тихонько присвистнул. В 1954 году в Лос-Анджелесе такой дом стоил бы три или четыре сотни тысяч долларов.

Он медленно поднялся по ступенькам. Теперь ему стало ясно, что Энн Рис вращается в высших кругах общества Твинеров. Энн позвонила в дверь. Через минуту она открылась, и на пороге показался пожилой мужчина.

— Добро пожаловать домой, мисс Рис, — поздоровался он.

— Спасибо, Трейнджер, — ответила Энн. Она сделала знак рукой Каргиллу, чтобы он проходил вперед. Они проследовали через ярко

освещенный коридор и оказались в большой уютной комнате. Прямо напротив входа высокие стеклянные двери вели на террасу. Каргилл направился к этой двери и, обнаружив, что она открыта, прошел туда. То, что он увидел, поразило его воображение. Когда они находились ещё в воздухе, висевшие в небе огромные шары, освещавшие город, казались неподвижными. Теперь он обнаружил, что они медленно плывут в небе, как звезды, совершающие свой вечный путь, обратив свои лучи на прекрасный город. Каргилл повернулся и пошел обратно в комнату. только теперь он понял, как сильно устал. За короткое время произошло столько событий, что голова у него шла кругом. Сначала это был обычный день с Лелой, потом долгая ночь, проведенная в осаде. Страх, безнадежность, ярость — все это изматывало. Но это было только начало. Потом он оказался в тюрьме у Теней и в течение долгого времени находился в стрессовом состоянии, под угрозой смерти. Появление Энн Рис освободило его от qrp`u` смерти, но физическая активность его продолжалась ещё два часа.

Он заметил, что девушка наблюдает за ним.

— Я распоряжусь, чтобы вам приготовили что-нибудь поесть. А потом вы сможете лечь спать.

Мне кажется, это будет совсем неплохо для вас, — предложила она.

Каргилл не чувствовал голода, но так как уже сутки он ничего не ел, решил, что, пожалуй, не будет отказываться. Энн уже повернулась, чтобы выйти, когда он вдруг вспомнил, о чем хотел спросить её.

— Скажите, — проговорил он, — а что было с вами, когда я в тот раз убежал?

— Я, естественно, сообщила о вашем побеге Граннису. Где-то через полчаса была проведена временная корректировка, и мне пришлось отправляться за вами опять.

— Как? — вырвалось у Каргилла. — Всего полчаса?!

Он был потрясен. Раньше он очень смутно представлял себе процесс корректировки времени. Теперь ему стало ясно, что они распоряжаются временем так, как хотят. Очевидно, им ничего не стоило провести необходимые манипуляции в отношении одного человека. Для Энн всех этих месяцев просто не существовало, для неё коррективка произошла в тот же самый вечер. Это было непостижимо!

Энн, похоже, совершенно не интересовало, что произошло с ним за это время. Не говоря больше

ни слова, она вышла из комнаты, оставив его одного.

Каргиллу подали большой, в меру зажаренный кусок мяса с гарниром и на десерт — печеное яблоко. Это напомнило ему то, как он первый раз ел на флотере Боуви. Он задумался, опять перебирая в памяти все события этих нескольких месяцев, и вдруг, подняв глаза, увидел, что Энн сидит рядом в кресле и наблюдает за ним со снисходительной усмешкой. Его охватило раздражение. Он уже хотел сказать ей что-нибудь резкое и неприятное, но, посмотрев на неё внимательнее, поразился перемене в её внешности. Она за это время переоделась, и сейчас на ней было красивое длинное темно-голубое платье, очень удачно гармонирующее с цветом её глаз и делающее их более яркими. В этом простом, но элегантном наряде она выглядела значительно моложе. У неё было привлекательное лицо, красиво очерченный рот, и во всем её облике чувствовалась незаурядная личность, умная, уверенная в себе, знающая себе цену женщина.

— Ну, и что теперь? — спросил Каргилл, невольно любуясь ею. — Чему вы собираетесь меня обучать?

Выражение её лица изменилось, и взгляд стал

сосредоточенным и изучающим. Но в голосе по-прежнему чувствовалась усмешка:

— Вы ключевая фигура. Без вас никакой войны не будет.

— Я просто в восторге, — язвительно проговорил Каргилл. — Значит, я буду генералом?

— Не совсем. — Она продолжала уже более резким тоном: — Нам отвратительна та жизнь, которую создали для нас Тени. — В голосе её теперь слышался гнев. — Представьте себе мир, в котором постоянно изменяют прошлое, чтобы люди избавлялись от своих комплексов и неврозов. Это все противоречит здравому смыслу, религии, наконец!

— Религии? — удивился Каргилл. — Вы верите в бессмертие души?

— Бог внутри каждого человека, — сказала Энн убежденно.

Каргиллу эти слова были знакомы.

— Люди повторяют эту фразу, — сказал он, — но тем не менее ведут себя так, как будто сами в это не верят. Давайте попробуем предположить на минуту, что это правда.

— Разумеется, это правда. — В голосе её он услышал mecndnb`mhe. — Что значит «предположим»?

— Это значит, — спокойно продолжал Каргилл, — давайте предположим, что это научно установленный факт.

Энн молчала. На её лице появилось выражение, которое было хорошо знакомо Каргиллу — он наблюдал его у полкового священника и многих других людей, когда разговор заходил о вопросах веры. В такие минуты верующие люди изображают христианское терпение и проявляют упрямое нежелание хоть как-то анализировать доводы других. Вот такое терпеливо-непримиримое выражение надела на себя Энн, готовясь к беседе на эту волнующую тему.

— Научно? — спросила она, и в голосе её явно чувствовалась издевка.

Каргилл расхохотался. Он ен смог удержаться. Ее дом был полон всяких интересных штучек, демонстрирующих торжество науки. Она вызволила его из плена при помощи достижений научно-технической мысли, ушедшей далеко вперед по сравнению с его временем. И теперь она произносит это слово с таким сарказмом и пренебрежением!

Усилием воли он сдержал смех и сказал:

— Я на самом деле начинаю думать, что я единственный человек, который действительно верит

в то, что душа, возможно, реально существует. Но я, очевидно, воспринимаю это не так, как многие, которые любят рассуждать на эти темы. Сначала я думал, что это, может быть сгусток энергии в пространственно-временном континууме, но тогда мы не принимаем во внимание огромный возраст вселенной. Если посмотреть, как меня передвигают во времени и пространстве, становится понятно, что время — это вовсе не важный фактор. Легко можно было бы доказать, учитывая древность нашего материального мира, что все религии — это нелепость, но я не собираюсь этого делать. Я подозреваю, что за всем этим дымом где-то есть огонь, но наше знание об окружающем мире настолько поверхностно, что мы просто не имеем права судить на основе наших ограниченных представлений о том мире, с которым мы соприкасаемся. Что вы об этом думаете?

— Мне не хотелось бы обсуждать этот вопрос, мистер Каргилл, — холодно произнесла Энн. — Ваши рассуждения я не могу считать оскорбительными, так как вы, очевидно, говорите то, что действительно думаете, но они вычеркивают тысячелетия развития религиозной мысли.

— Вы имеете в виду, — сказал он, — десять тысяч лет усилий, направленных на то, чтобы

не знать верований, связанных именно с таким подходом, — и никогда никаких, даже малейших, попыток узнать, а что же на самом деле там может быть. Я, во всяком случае, собираюсь это узнать и буду держать вас в курсе.

Энн недоверчиво улыбнулась.

— Боюсь, что у вас просто не будет времени, чтобы предаваться таким высоким размышлениям. Вы будете слишком заняты, помогая нам изменить наш мир.

Каргилл посмотрел на нее, нахмурившись. Напоминание о том, что его намереваются использовать для осуществлении неизвестных ему планов, рассердило его.

— Этот ваш мир, — сказал он, — есть ли в нем справедливость для людей?

Она сжала губы.

— Есть только один способ изменить этот мир, — медленно проговорила она. — Нам нужно избавиться от Теней и заставить Планиаков спуститься на землю и заниматься делом. Если этого удастся достичь, вскоре на нашей планете вновь возродится экономическая жизнь, промышленность, цивилизация и все то, ради чего стоит жить. И с того времени справедливость для отдельной личности всегда будет включать

упорный труд.

Каргилл демонстративно обвел глазами роскошно обставленную комнату.

— И для вас в том числе? — тихо спросил он.

Она, видимо, поняла, что он имеет в виду, и лицо её залила краска.

— Если вы думаете, что управлять поместьем очень легко, то вы ошибаетесь, — отрезала она.

Это, конечно, было верно, но он не хотел признать этого — слишком сильно было в данный момент его враждебное чувство к ней. Он спросил:

— Какова все-таки моя роль? Что это за курс обучения, который я должен буду пройти?

12

К Энн, похоже, снова вернулось её прежнее настроение, и в глазах вспыхнуло все то же саркастическое выражение. Она сказала с иронией:

— Если единицу достаточно упорно умножать на ноль, то в конце концов может получиться миллион. Вот такая математика в нашем курсе обучения. Есть ли ещё что-нибудь, что вы хотели бы узнать?

— Черт возьми! — воскликнул Каргилл, вскочив на ноги. — Если вы хотите, чтобы я вам помогал, пора, наверное, начинать вводить меня в курс дела. Чья это была идея — использовать меня в ваших планах нападения на город Теней?

— Гранниса.

Он на минуту задумался.

— Каким образом получилось так, что вы все участвуете в деле, которое организовывает предатель из лагеря Теней?

Энн ответила холодно:

— Это не мы участвуем в его деле, а он в нашем. Он согласен с нашими идеями. Он считает, что тот подход к решению проблем нашего века, который предлагаем мы, правильный.

— Знаете, честно говоря, все это напоминает мне детские игры… — Каргилл замолчал. «Спокойно, — сказал он себе. — Сейчас не время разоблачать двуличие Гранниса». Он откинулся на спинку стула и пристально, без улыбки посмотрел на девушку. Энн произнесла своим обычным саркастическим тоном:

— Если вы закончили ужин, я проведу вас в спальню. Похоже, что вам нужно отдохнуть.

Когда она ушла, Каргилл начал осмотр комнаты. Спальня была оформлена в разных оттенках зеленого цвета, что очень эффектно контрастировало с белой мебелью.

Он удивился, когда, выглянув в окно, обнаружил, что спальня находится на втором этаж, так как по лестнице они не поднимались. Он догадался, что дом, вероятно, был построен на склоне холма. Он прикинул в уже расстояние от окна до земли и раздраженно нахмурил брови. Двадцать футов — это было многовато даже для сильного, находящегося в хорошей форме человека. Вообще-то, это, конечно, не имело никакого значения. Он не сомневался, что если бы он и попытался убежать, выпрыгнув в окно, далеко все равно не ушел бы. К решению этой проблемы нужно искать другой подход, на более высоком уровне.

Он отошел от окна и начал раздеваться. Усталость сморила его, и он заснул почти мгновенно.

Сквозь сон ему послышался голос, обращающийся к нему, побуждающий его к действию. Это было как-то связано с Городом Теней, нужно было что-то сломать, разрушить.

— Нажми на включатель, — приказывал голос. — Сигналом к действию для тебя будет…

Голос пропал, растворился во времени и пространстве. Каргилл понял, что в комнате находится Энн Рис и какой-то мужчина.

— Ну, теперь все? — произнес мужской голос.

— Да, это все, закончили, — ответила девушка, и о ни вышли из спальни.

Каргилл лежал с закрытыми глазами и пытался понять, что произошло. У него было странное ощущение, что где-то в самой глубине его существа нарушилось какое-то сложное равновесие и что, если он хорошенько подумает, сосредоточится, все встанет на свои места, и он снова будет ощущать себя единым целым.

Перед его мысленным взором возникла сложная геометрическая конструкция. В ней были черные участки, которые, по-видимому, как— то ассоциировались с отрицательными эмоциями, так как его охватила депрессия. Удивительно

было то, что он знал, что означало это странное сооружение. Это была «складка» во временном континууме. На его глазах в этой фигуре почти неуловимо что-то изменилось. Какие— то линии, как нити в ткани, как бы истончились, как от носки, и он ощутил, что в данной структуре возникло сильнейшее напряжение, грозившее разрушением. Вся эта сложная и многомерная конструкция замерла в каком-то хрупком и опасном равновесии.

Вдруг эта картина перед его глазами сменилась другой, и он увидел, что стоит на холме и смотрит на озеро, фосфоресцирующее в радиоактивном излучении. Кроме этого ярко-голубого озера вокруг ничего не было. Каргилл почему-то знал, что это озеро заброшено миллиарды лет назад.

Поразительно было то, что он был абсолютно твердо убежден, что озеро было частью эксперимента, который он сам начал и потом бросил. Но озеро цеплялось за жизнь и каким-то образом сохранилось в течение почти всего периода времени существования материального мира. В данный момент оно находилось в контакте с похожим объектом на одной из планет какой-то далекой звезды. Их взаимодействие представляло собой, по существу, процесс регенерации, в

ходе которого они заряжали друг друга энергией, необходимой для выживания. Этот сложный процесс общения включал в себя элементы взаимного влечения.

Каргилл некоторое время наблюдал за озером, настраиваясь на волну этой телепатической связи, и внезапно, без всякого усилия, перенесся в глубины космоса, туда, где находилось то, что общалось с его озером. Он увидел высокие скалистые горы и пустынные, лишенные растительности просторы вокруг. На вершине одной из гор стояла гигантская статуя. Она была абсолютно черного цвета и ничем не напоминала творения рук человеческих. Но Каргилл знал, что это была попытка создать какую-то форму существования на более высоком уровне, чем озеро.

Мысль о создании чего-то живого, что имело бы способность двигаться, ещё не приходила ему в голову. Сам он не двигался в общепринятом смысле этого слова. Не было пространства, кроме того, которое он создавал в своем воображении, и только озеро и статуя существовали во времени. Это был блестящий образец того творческого процесса, который он осуществлял на практике. Представляя себе пространство разных уровней — высокого и низкого — он порождал потоки

энергии и, замедляя эти потоки до того момента, когда энергия переходила в материю, он внушил озеру и статуе иллюзию, что они нечто собой представляют и обладают какими— то качествами. С тех пор они отчаянно пытались поддерживать эту иллюзию. На это уходило столько «энергии», что у них не было «времени» анализировать реальность.

Он понимал, что эти возникавшие перед его глазами картины, были результатом случайного контакта с памятью вечности и знал, что возникнут ещё миллионы таких эпизодов в другом времени, в dpscnl пространстве…

Теперь он вновь находился в спальне в доме Энн Рис, и в ту минуту, когда уже был готов повернуться на другой бок и заснуть, он вдруг снова ощутил то состояние нарушенного равновесия, какую— то раздвоенность, мешавшую ему чувствовать себя единым целым. Он снова увидел перед собой уже знакомую ему геометрическую конструкцию, но сейчас она выглядела прочнее: линии-нити казались не такими истонченными, и вся структура казалась более устойчивой. Но она двигалась, то есть слегка покачивалась и колебалась, как будто кто-то наугад, вслепую дотрагивался до нее.

Когда он окончательно вернулся к действительности, первое, что он почувствовал, был запах больничной палаты и прикосновение к телу прохладных простыней. Он проснулся, как после глубокого сна, с ощущением поразительной силы и здоровья во всем организме. Он продолжал лежать неподвижно, с закрытыми глазами, с удовольствием погружаясь в возбуждающее состояние радости жизни.

Он знал, хотя и неизвестно каким образом, что он сейчас не дома у Энн Рис. Все, что происходило с ним раньше, казалось удивительно далеким сейчас, хотя не настолько далеким, как его воспоминания об озере.

Он услышал женский голос, который произнес:

— Сколько еще?

Это была не Энн Рис, и он почему-то не стал открывать глаза.

Послышались чьи-то шаги, и незнакомый женщине ответил приятный баритон:

— Я позову вас, когда он проснется. Мы должны были воспользоваться предоставившейся возможностью. Все пришлось делать без подготовки.

— Неужели, — недовольно сказала женщи-

на, — наш контроль над временем нельзя было использовать с большим эффектом.

Ее собеседник продолжал, уважительно, но твердо:

— Наш контроль не распространяется дальше второй складки. Разрыв во времени между нашим семь тысяч триста первым годом и двадцать четвертым веком настолько велик, что…

Женщина перебила его:

— Эти аргументы мне знакомы. Сообщите мне, как только он придет в себя.

Она, видимо, направилась к двери, и Каргилл осторожно приоткрыл один глаз. Он сразу же снова закрыл его, но успел увидеть очень своеобразно одетую женщину, остановившуюся в дверях и оглянувшуюся назад. На одном её плече как-то очень небрежно было наброшено что-то вроде накидки.

Очевидно, она остановилась, чтобы сказать что-то примирительное.

— Мне все это очень не нравится, — проговорила она, — такое ощущение, как будто все вышло из-под контроля.

— Боюсь, мадам, что в течение некоторого времени так и будет.

В этот момент Каргилл решился вновь открыть

глаза и осторожно взглянул на женщину ещё раз. Он увидел, что на ней надет бюстгальтер, напоминающий модели, какие носили во времена Каргилла, и шорты, и создавалось общее впечатление, что это что-то вроде купального костюма. У Каргилла возникли ассоциации с горячим песчаным пляжем и субтропическим климатом. Накидка, наброшенная на одно плечо, была длинной, до лодыжек, и, казалось, сделанной из тонкой металлической сетки. Ее темные волосы отливали голубым. Лицо её тоже было весьма примечательным: высокие скулы, глубоко посаженные глаза. Она не была красивой, но во всем её облике чувствовался аристократизм, гордость, сознание собственного превосходства, подкрепленного многими веками генетического отбора.

Углом глаза он заметил мужчину с седыми волосами и молодым khvnl, который осторожно наблюдал за ним. Каргиллу почему-то показалось, что ему надо продолжать притворяться, пока эта женщина не уйдет. Он закрыл глаза, и когда снова их открыл, женщины в комнате уже не было.

Мужчина подошел к высокой больничного типа кровати, на которой лежал Каргилл, окинул

его внимательным взглядом, от которого ничего не ускользнуло, и, видимо, остался доволен увиденным. Понимающе и одобряюще улыбнувшись, он сказал:

— Меня зовут Лэн Бруч, и мне хотелось бы успокоить вас: вы в безопасности. На все ваши вопросы вы вскоре получите ответы.

Он повернул какие-то ручки на небольшом приборе, стоявшем на столе около кровати. От этого ощущение возбужденного нетерпения, которое испытывал Каргилл мгновенно сменилось приятным сонным состоянием. Он зевнул, потянулся и заснул.

Когда он снова проснулся, сознание радости жизни, силы и здоровой, бьющей через край энергии стало ещё сильнее, чем прежде. Он почувствовал неудержимую потребность в действии и спрыгнул с кровати. Прыжок оказался упругим и мощным, как у хорошо тренированного акробата, и в один миг он оказался чуть ли не на середине комнаты. Но больше всего он был потрясен тем, что как только он успел подумать, как здорово было бы сейчас вскочить с постели, как эта мысль мгновенно воплотилась в действие, прежде чем он успел что-либо осознать.

Он посмотрел на свое тело и не узнал его.

Вернее, он понял, что это загорелое, крепкое, мускулистое тело явно не его. Из спальни он прошел в выложенную плиткой ванную, подошел к зеркалу и принялся рассматривать свое лицо. Так же, как и его тело, лицо выглядело необычно. Сначала ему даже показалось, что и лицо не его. Потом, присмотревшись, он понял, что оно стало гораздо моложе, выражение лица — увереннее и спокойнее. Так он выглядел на некоторых слегка отретушированных фотографиях, которые были сделаны много лет назад.

Нельзя сказать, чтобы общий эффект помолодевшего и посвежевшего лица и крепкой, стройной фигуры был неприятен, скорее наоборот. Каргилл принял душ и стал искать бритвенные принадлежности. Не найдя их, он посмотрел на свое лицо ещё раз и понял, что бриться ему не нужно. Более того, у него возникло убеждение, что он и не смог бы этого сделать, он не знал бы, как это делается. Это испугало его. Но тот человек, который разговаривал с ним некоторое время назад, Лэн Бруч, заверил его, что ему все объяснят.

Когда Каргилл вышел из ванной, Бруч уже ждал его. Он принес одежду для Каргилла, что-то вроде тоги. Каргилл с любопытством осмотрел необычное одеяние и пошел в ванную, чтобы одеться.

Расшитый шнурок перехватывал просторную тогу в талии, и, плотно завязав его, Каргилл решил, что чувствует себя в этой непривычной одежде вполне удобно.

Когда он снова вернулся в спальню, Лэн Бруч сидел за столом у окна, которого Каргилл раньше не видел, так как оно было искусно замаскировано шторами. Быстро и упруго шагая, он подошел к окну и внезапно замер на месте от неожиданности. За окном ярко светило солнце, но вокруг, насколько он мог видеть, высились одни горные вершины. Внизу под массой облаков смутно вырисовывались очертания каких-то зданий.

За его спиной Бруч сказал:

— Садитесь завтракать. Заодно полюбуетесь видом из окна.

Каргилл повернулся. Как по мановению волшебной палочки стол посередине раскрылся и на его блестящей поверхности появились тарелки. Он некоторых из них поднимался пар. Две чашки были наполнены каким-то горячим напитком, судя по цвету и запаху, это а{k кофе. Посуда и еда выглядели достаточно обычно, но общая картина красиво накрытого стола была очень привлекательной. Каргилл почувствовал, что у него разыгрался аппетит, и с удовольствием

приступил к завтраку.

— То, что вы видите из окна, это не Город Теней. Это Мерлика. Сейчас семь тысяч триста первый год. Вас доставили сюда потому, что нам нужна ваша помощь и сотрудничество. Когда вы разберетесь в ситуации здесь, вас вернут в столицу Твинеров и события пойдут своим чередом, но мы надеемся, вы поймете, что для всей дальнейшей истории человечества, для будущего абсолютно необходимо, жизненно важно, чтобы Твинеры одержали победу на Тенями.

Он жестом остановил Каргилла, который хотел прервать его, и продолжал:

— Подождите. Разрешите мне сначала дать вам необходимую информацию. То, что начали Тени в двадцать втором или двадцать третьем веке, имело более серьезные последствия, чем они могли предположить. В результате их действий возникла цивилизация, которая не должна была бы появиться при обычном ходе развития событий. И она существует, если можно так выразиться, наполовину реально. Посмотрите на этот город внизу. — Он указал рукой на туман, в котором смутно различались силуэты здания. — Если вы спуститесь туда, вы вскоре окажетесь в буквальном смысле на краю света. Вы — че-

ловек, существование которого более реально, чем мое, вряд ли сможете это все в полной мере понять и прочувствовать. Мы осознаем и принимаем свое существование как значительным образом условное, но полны решимости сделать все возможное, чтобы добиться того, чтобы оно стало настоящим. Вы можете спросить, как это возможно? Я не буду вдаваться в подробности действия законов, управляющих временем. Они чрезвычайно сложны, и для того, чтобы понять их, потребуется много времени и специальная подготовка…

Каргилл был не согласен с этим. Какова бы ни была ценность его эксперимента с озером и статуей, с его помощью он понял что-то очень важное о времени, один, может быть самый основной, закон, и сформулировать его было несложно. Энергии жизни нужно было дать возможность где-то закрепиться, и, как только она начинала за что— то цепляться и удерживаться в этом, в свою очередь сохраняя и поддерживая это «что-то», тогда и возникало время. Время — это материальность. Давая материальному миру жизненную энергию, за которую можно было бы держаться, время создавалось буквально в процессе этого. Ему не нужно было представлять, какой креп-

кой могла быть эта связь материального мира с жизненной энергией. Он это все прочувствовал на себе.

Лэн Бруч продолжал:

— Наше существование в нормальном состоянии прослеживается где-то до времен войны между Тенями и Твинерами. На этом этапе произошло какое-то нарушение, сбой, смещение в пространственно— временном континууме, и если вообще существуют какие-то предпосылки будущего для нас, мы никак не можем обнаружить их. Капитан, нам необходимо сделать Мерлику реальной и восстановить связь времен с двадцать четвертого века до настоящего времени. Но сделать это можно только в том случае, если Твинеры выиграют эту войну.

Каргилл ещё раз взглянул на облака, горные пики и на простирающийся в смутной дымке внизу город. Он покачал головой и сказал себе: «Им пока явно не за что зацепиться». Вслух же спросил:

— Что же я должен сделать, чтобы обеспечить победу Твинеров?

Он видел, как двигаются губы Лэна, когда тот начал отвечать на его вопрос. Но ни звука не было слышно. Он подался вперед, o{r`q|, напря-

гая слух, уловить хотя бы один звук. Но в этот момент он понял, что не только звук, но и все вокруг начинает исчезать. И стол, и Лэн Бруч, и комната — все затянулось туманом, задрожало и растворилось. Потом наступила темнота.

Он снова был в кровати. Но на этот раз он знал, что находится в доме Энн Рис. Проснувшись, он услышал голос где-то у себя над головой:

— Сигналом к действию для вас будут слова: «Навестите меня как-нибудь».

В первую минуту он не мог понять, переносился он действительно в восьмое тысячелетие или это был сон, навеянный гипнозом, в который его погрузили Твинеры. Одеваясь, он продолжал думать об этом. Он вспомнил, что когда смотрел на себя, оказавшись в Мерлике, он не мог себя узнать — незнакомыми казались и лицо, и тело. «Значит, — подумал он, — на самом деле я там не был. Кто-то специально пытался внушить мне это для достижения своих собственных целей».

Все, что он видел за это время — и Мерлика, и радиоактивное озеро, и огромная черная статуя — все его размышления и рассуждения, — показались ему сейчас плодами его воображения. Он усмехнулся: когда начинаешь думать о том, что может представлять собой человеческая душа,

можно ещё и не до такого додуматься. И тем не менее…

Тем не менее ему не хотелось отказаться от мысли, что на короткое мгновение ему удалось проникнуть за пределы иллюзорного материального мира и видеть такие вещи, какие немыслимо было бы себе представить обычному человеку. Он вспомнил слова о том, что Бог находится в каждом человеке, и подумал: «Когда я смотрел на озеро и на статую, был ли я тоже частью божественного начала?» Тогда ему так не казалось. Создавая эти две формы жизни, он преследовал какую-то цель, но цель эта существовала с очень давних, древних времен, как будто ему была поручена какая-то миссис и дана полная свобода в выборе средств достижения этой цели. Миссия эта казалась исключительно важной и неотложной.

Стук в дверь прервал размышления Каргилла. Он открыл дверь и увидел на пороге дворецкого Энн, Трейнджера, который торжественно произнес:

— Мисс Рис просила, чтобы я сообщил вам, что завтрак будет подан через десять минут.

Каргилл отправился в комнату, где подавали завтрак, в сопровождении Трейнджера. Внут-

ри его все кипело от возмущения против Энн и других заговорщиков, которые беззастенчиво использовали его в своих целях, подвергая гипнозу без его ведома и согласия. Когда он вошел, Энн уже сидела за столом, одетая в красивое платье из тончайшего белого материала. Он сказал, не скрывая раздражения:

— Не думайте, что ваш гипноз подействует на меня.

Она ответила тоном, полным чувства превосходства:

— Это не совсем гипноз. Электронное устройство, которое мы используем работает по принципу многократного повторения, в результате чего получается миллион или миллиард, в общем, то, на что этот прибор запрограммирован. Вчера с его помощью мы настроили ваш мозг на работу по определенной программе, которую может стереть только другая программа, наведенная другим такого рода устройством. Значит, будем считать, что вы прошли необходимый курс обучения. Вы теперь никому не сможете передать известную вам информацию о заговоре. И когда вы услышите сигнальную фразу, ноги сами понесут вас к нужному объекту, а руки нажмут на нужную клавишу. И сделаете вы это ровно в две-

надцать часов дня или ночи по времени Города Теней — что будет ближе к моменту получения вами qhcm`k`.

— Подождите, — остановил её Каргилл. Он слушал слова Энн с ощущением нереальности происходящего. — Когда это должно произойти?

Она не торопилась с ответом. Немного помолчав, она спокойно продолжала:

— Я не думаю, что дата этого события уже назначена. Скорее всего, когда ваш мозг подвергался обработке, конкретный момент для операции не программировался, здесь должна была остаться свобода для маневра. Во всяком случае, эта информация мне неизвестна, по— видимому, её от меня скрыли из опасения, что вы можете попытаться силой заставить меня заговорить. Вы узнаете, когда это произойдет. А сейчас доедайте свой завтрак. Через полчаса здесь будет флотер военно-воздушных сил, чтобы забрать вас.

Каргилл против своей воли почувствовал что-то вроде восхищения этими людьми, их решимостью добиться своего. Кажется, события начинают разворачиваться быстрее.

13

Наверняка есть способ как-то повлиять на ход развития событий с учетом своих интересов, думал каргилл, стоя среди группы пилотов спустя некоторое время после своего разговора с Энн. Ясно было, что нападение не может произойти по крайней мере в течение двух месяцев. Это он знал наверняка, так как прожил чуть больше двух месяцев с Лелой и слушал передачи телерадиостанции из Города Теней до самого последнего дня.

На какой-то момент в беседе с Энн Рис он забыл об этом, но теперь уже не забудет. Он существовал в условиях временного парадокса, который, возможно, был гораздо более сложным, чем он себе представлял. Но ему нужно будет принять все меры, чтобы отложить нападение, и вообще стараться играть более активную роль и, где возможно, направлять события в нужное ему русло.

Он посмотрел вокруг. День был чудесный. Высоко в небе парили облака, как кусочки белоснежного пуха, и небо на их фоне казалось ещё более синим. Воздух был терпким от запахов трав и деревьев. Вдалеке он увидел широкую, мед-

ленно катящую свои желтые воды реку. Земля вокруг, насколько охватывал взор, была покрыта порослью низких кустарников и жесткой, даже острой на вид травой. каргилл подумал, что это, может быть, река Миссисипи, которая все так же медленно и безостановочно течет, продолжая свой путь через века и почти не изменяясь, несмотря на все, что происходит вокруг.

Кто-то из группы пилотов, стоящих позади него, сказал резко:

— Я все-таки не согласен с тем, чтобы этот человек был нашим советником. По-моему, это какая-то уловка Теней.

Каргилл повернулся и увидел, что эту фразу произнес серьезный молодой человек с карими глазами и носом с горбинкой.

Один из более старших по возрасту офицеров ответил ему тоном, в котором слышался мягкий упрек:

— Витроу, вы должны понимать, что присутствие здесь капитана Каргилла делает наши планы реально осуществимыми. Тем более что он уже здесь, значит, этот вопрос решен. По моему мнению, если мы узнаем от него даже совсем немного о стратегии и тактике воздушных сил во Второй мировой войне, мы сможем спасти жизнь

многих людей.

— А я, — сказал Каргилл, — попытаюсь сделать все от меня зависящее, чтобы ваше наступление было успешным и чтобы я остался в живых. — Именно эту мысль он намеревался довести до их сознания, что он лично и самым непосредственным образом заинтересован в их победе.

Витроу не удалось что-либо ответить, так как в этот момент bqenayee внимание привлекли темные точки, появившиеся среди пушистых облаков, и в следующую секунду все воздушное пространство было заполнено самолетами, которые здесь назывались «волорами». Они летели из-за реки на низкой высоте и в строго организованном порядке. Каргилл заметил на себе взгляды пилотов и понял, что они хотели увидеть, какое впечатление на него произвела эта демонстрация силы. Интересно, какую реакцию они ожидали наблюдать?

Он видел тысячи самолетов, и своих и вражеских, во время военных действий, видел, как они готовились к атаке, какие маневры использовали для этого, но тогда для него самым главным было уцелеть, укрыться, не оказаться беззащитным во время боевых действий с самолетами.

Волоры со свистом пронеслись над их головами.

Каргилл понял, что летели они со сверхзвуковой скоростью. Он повернулся, чтобы посмотреть им вслед, но они уже растворились в ярком, ослепляющем свете солнца.

Он начал задавать летчикам вопросы:

— Каким образом вы планируете осуществить свой воздушный налет? будут ли волоры лететь в боевом порядке или каждый будет атаковать самостоятельно?

Витроу холодно ответил:

— когда будет разрушен защитный энергетический экран, мы пойдем на приступ.

— Мы будем атаковать невзирая на опасность, — добавил командир соединения.

Каргиллу это было знакомо, он много раз встречался с таким подходом, и в этом не было ничего плохого, но одно нужно было уточнить:

— Мне хотелось бы взглянуть на ситуацию с другой стороны, прежде чем я выскажу свое мнение. — Он показал на небо. — Оттуда, сверху. Мы можем подняться вверх? — спрашивал он.

Вскоре он уже сидел в кабине волора в кресле второго пилота. Самолет резко пошел вверх, и Каргилла буквально вдавило в спинку кресла. Кровь отлила от его тела, но в этот момент он почувствовал, что подъем закончился и самолет

лег на курс. Каргилл повернулся к офицерам, которые сидели на небольших сиденьях, расположенных вдоль стен кабины, и, обращаясь к командиру, спросил:

— Сколько оружия на борту?

Командир наклонился вперед и показал на пусковое устройство на приборной доске перед пилотом.

— Отсюда, — сказал он, — видно все, что внизу. Вам нужно только совместить эти тонкие линии на вашей цели и нажать кнопку. Она приводит в движение пусковой механизм, и в дело вступает трубка с миллиардным зарядом.

Каргилл удрученно кивнул головой. Это тот самый знаменитый их математический принцип: одинажды один умножить на ноль в данном случае равняется миллиарду, так как мощность трубки может меняться произвольно. Когда он учился в колледже, он узнал приемы парадоксальной математики: если один умножить на один, в результате получится один с половиной, а один плюс один равняется трем. Но здесь речь шла о миллионах и миллиардах! Это был источник энергии в двадцать четвертом веке — трубка варьируемой мощности. Из того, что ему привелось видеть и слышать, он сделал вывод, что это

была не электрическая энергия.

Волор теперь летел в обратном направлении, в сторону города. Они пролетели над рекой с быстротой пули, так же быстро промелькнул внизу город, и теперь они неслись над огромным лесным массивом. Под ними проплыл ещё один город, над которым они развернулись на 180 градусов и полетели в обратном направлении. Qjnpnqr| самолета была поистине впечатляющей.

Буквально через секунду впереди показалась столица, и волор пошел вниз. Они приближались к военному полигону. Пилот нажал кнопку пускового устройства. Каргилл посмотрел вниз через прозрачный участок пола и увидел, что в направлении к земле полился поток огня. Достигнув поверхности, он понесся по земле, сжигая и сметая все на своем пути. Так, наверное, выглядит ад, подумал Каргилл — и все исчезло, осталось позади.

За его спиной раздался саркастический голос Витроу.

— Итак, капитан Каргилл, какие же рекомендации вы можете нам дать?

Голос его звучал вызывающе. Судя по его тону, он был уверен, что военно-воздушные силы

Твинеров находятся в идеальном состоянии. Он совершенно очевидно не считал нужным прислушиваться к советам человека из далекого прошлого. Каргилл принял вызов:

— Боевые характеристики ваших ВВС слишком низки. Любое сколько-нибудь значительное сопротивление сорвет ваше нападение. А то, что такое сопротивление будет оказано, это неизбежно. Из реплик, которые мне довелось услышать, напрашивается вывод, что среди вас существует мнение, что над Тенями удастся одержать победу чуть ли не в первые минуты налета. Боюсь, что вы выдаете желаемое за действительное. Такие рассуждения не выдерживают никакой критики.

Он продолжал спокойным, холодным тоном, не глядя ни на кого из пилотов. Он рассказал им о случаях, с которыми сам сталкивался в армии, когда целые подразделения приходилось выводить из боя, потому что солдат обучали офицеры, не умевшие воспитать в них боевой дух.

— Такие подразделения, — объяснял он, — могут быть буквально сметены в бою равными силами противника, которые были бы не в состоянии даже замедлить наступление по-настоящему обученных, полных решимости сражаться войск. — Он продолжал не допускающим возра-

жений тоном: — Для того, чтобы понять, какой шок испытывает нервная система человека, впервые оказавшегося под огнем, необходимо прочувствовать на себе. Для наземных войск прием, который использовался, заключался в следующем: солдата забрасывали на вражескую территорию, и он должен был выбираться оттуда самостоятельно, применяя на практике все, чему его учили. И те, кто выживал после целой серии подобных заданий, становились закаленными бойцами. Что касается обучения в военно-воздушных силах, самолеты-бомбардировщики вылетали с целью поражения вражеских объектов с последующим возвращением на базу. В таких случаях экипажи находились под огнем только в течение нескольких минут во время одной операции, а те, кто выживал, приобретали необходимый опыт, становились чрезвычайно искусными и мобильными в сражениях.

В этот момент он остановился, чтобы перевести дух, и в первый раз взглянул прямо в лица офицеров. Он понял, что его слова задели их за живое. Он продолжал:

— Что касается конкретных предложений для вас, вот как я себе это представляю. Нужно, чтобы у вас было оружие и в кормовой части корабля,

чтобы вы могли атаковать цели и на подлете, и покидая место сражения. Кроме того, я думаю, что те волоры, которые непосредственно будут участвовать в налете, должны действовать под прикрытием самолетов-штурмовиков. Кстати, любое нападение с воздуха должно осуществляться неравными порядками со всех сторон одновременно и без какой-либо системы. Это нужно отработать. — Он устало пожал плечами. — А теперь мне нужно время, чтобы обдумать дальнейшие рекомендации. Давайте спускаться.

Они приземлились около огромного здания строгих архитектурных opnonpvhi. Разговаривая с командиром летчиков, он краем глаза заметил, что Витроу подошел к какой-то группе офицеров, стоявших в отдалении. Когда Каргилл снова посмотрел в их сторону, они вели какой-то серьезный разговор. Один из них подошел к Каргиллу, и последний сразу узнал его. Это был пилот, который утром доставил его от дома Энн Рис на летное поле. Звали его Наллен.

Наллен предложил:

— Когда капитан Каргилл будет готов, я отвезу его домой..

Командир протянул Каргиллу руку:

— Мы ещё встретимся с вами, капитан. Ваши

рекомендации оказались для нас шоком, но я понимаю, что вы имеете в виду.

Каргилл пожал протянутую руку и простился с командиром. Мыслями он уже был с Налленом и Витроу. Они, по всей видимости, были членами какой-то отдельной группы. Он решил, что постарается узнать, что они замышляют.

Через несколько минут он был на борту флотера. Ему не пришлось долго ждать. Из кабины вышел Витроу и за ним ещё два офицера. Они сели напротив Каргилла. На лице Витроу он заметил легкую ироническую усмешку.

— Капитан, — обратился к нему Витроу, — я должен извиниться перед вами. Мне пришлось вести себя вызывающе по отношению к вам для того, чтобы скрыть свои истинные намерения. Я представляю группу людей, которые выступают против войны с Тенями. Как нам кажется, вы вряд ли очень стремитесь к тому, чтобы то нападение, о котором шла речь, состоялось. Поэтому мы хотели бы попросить вашего совета и в свою очередь предложить вам кое-что. Вам надо попытаться переубедить Энн Рис, склонить её к нашей точке зрения. Граннис говорит, что лучшим способом было бы попытаться воздействовать на неё как на женщину.

— Граннис! — воскликнул Каргилл.

Он какое-то время сидел неподвижно, стараясь справиться с потрясением. В конце концов он все-таки решил, что этого не может быть. Ведь Граннис как раз и разрабатывал все эти кровавые планы против Теней. С какой стати ему советовать…

Самым ужасным было то, что, если Граннису не понравится какой— либо вариант развития событий, он может воспользоваться своей властью над временем и стереть это все, как будто его и не было. К черту, решил Каргилл. Он будет бороться до конца, используя все доступные ему средства, и, кто знает, может быть, эта группа и есть такое средство к достижению его цели. Он бросил отрывисто:

— Что у вас за организация?

Он внимательно выслушал Витроу, который объяснил, что это многочисленная, тесная группа, состоящая в основном из деловых людей и офицеров среднего поколения. Они встречаются дома друг у друга и более или менее открыто обсуждают свое несогласие с планами войны. Каргилл подумал, что тот факт, что они не скрывают своих убеждений, является, возможно, для них наилучшим прикрытием. Власть предержа-

щие о них явно знали, но, по всей вероятности, не считали их серьезными противниками именно потому, что они открыто высказывали свои взгляды. Но могло быть и так, что правительство было настолько бездарным, что было неспособно разобраться, что происходит перед самым его носом.

Когда Витроу закончил, Каргилл спросил:

— Сколько у вас людей? Мне нужно сориентироваться.

— Около шестидесяти тысяч.

Цифра оказалась неожиданно большой, и Каргилл слегка присвистнул. Он предложил:

— Нам придется несколько изменить структуру организации. Слишком много людей знают друг друга, хотя это совершенно не обязательно, и, кроме того, неизвестно, как многие могут повести qea в случае кризиса. — Он объяснил систему ячеек, которая использовалась тайными организациями в двадцатом веке, когда друг друга знали только члены одной ячейки, и только руководители ячеек входили в контакт между собой. Каргилл продолжал: — Каждая ячейка или группа ячеек должна получить конкретное задание. Планы необходимо довести до всех членов организации, чтобы каждый знал, что ему нуж-

но делать, когда будет подан сигнал. Как я уже говорил, в двадцатом столетии насильственная смена власти происходила много раз в результате антиправительственных заговоров. Вам необходимо составить списки людей, которые могут представлять для вас опасность, и тех, вокруг которых могут объединяться ваши противники. В нужный момент все они должны быть арестованы, а вы должны взять под контроль центры связи и с помощью этих средств коммуникации начать давать свои распоряжения. Если это возможно, было бы желательно привлечь на нашу сторону влиятельных военных. Когда исход борьбы неясен, руководитель крупного вооруженного соединения со своими войсками может повлиять на исход борьбы.

Витроу ещё кое-что уточнил, но это были уже малозначительные детали. Последние минуты полета прошли в молчании — все, по— видимому, сосредоточенно взвешивали в уме сказанное. Каргилл вспомнил Мерлику, город в горах в восьмом тысячелетии нашей эры. «То, что я сейчас делаю, явно противоречит их желанию, — думал он. — Если им нужна победа Твинеров в этой войне для того, чтобы их город стал по-настоящему реальным, — значит, пытаясь не допустить

этой войны, я тем самым лишаю их каких бы то ни было шансов».

Эти мысли ему самому казались далекими от реальности и каким— то образом противоречащими его же собственным рассуждениям о силе жизни. И тем не менее он почему-то был убежден в том, что его оценка событий, связанных с Мерликой, была правильной. В его встрече с Лэном Бручем было что-то странное и беспокоящее его, видимо, это была попытка одурачить его, заставить действовать определенным образом. Но в чьих интересах?

Кто мог пытаться повлиять на него таким образом? А если это было только игрой его воображения? Тогда его план предотвратить войну — это самое разумное, что он может в этой ситуации сделать. А будущее пусть само о себе заботится, как оно и делает уже давно.

Несмотря на все его сомнения в реальности происшедших событий, каргилл не хотел отказываться от выводов, к которым он пришел, о возможной природе души человека. Более того, некоторых моментах своего «она» он собирался поразмышлять поглубже, когда у него будет хотя бы немного свободного времени. Выводы из его рассуждений о природе времени и пространства

были весьма любопытными. Сама возможность того, что материальный мир существует миллионы миллионов лет, сводит на нет теории о происхождении жизненной силы. Ведь все эти теории базируются на истории, насчитывающей всего несколько тысяч дет. Нельзя игнорировать тот факт, что пространственно-временное единство существует огромное количество веков. Было абсолютно очевидно, что жизненная сила все это время развивалась из того неведомого в далеком прошлом, что дало ей начало.

Если есть на свете то, что люди называют душой, значит, душа существует так же давно, как то, что люди называют Богом. И она отличается, как свет отличается от тьмы, от тех представлений о ней, которые сложились в умах людей в темные, мрачные невежественные времена в развитии человечества.

В том состоянии сна и полета воображения, когда к нему пришли эти мысли, Каргилл уловил какие-то неясные признаки того, что, как сейчас он понял, для него существует возможность пережить это состояние вновь. Он решил, что в следующий раз постарается более внимательно наблюдать и более осознанно действовать, он использует r`jni шанс, если тот представится, в

полную меру своих возможностей. Ему почему-то казалось, что это будет то самое важное, что он когда-либо сможет совершить.

Витроу, сидящий рядом с ним, произнес:

— Приехали.

Когда они пошли на посадку, Каргилл вспомнил об Энн Рис.

— Я попытаюсь завоевать расположение прекрасной дамы, — сказал он смеясь. — Не думаю, правда, что из этого что-нибудь выйдет, но, может быть, мои ухаживания хотя бы на время отвлекут её внимание от других дел.

Но он увидал её только через неделю. Она решила провести дома именно тот вечер, когда у него была назначена встреча с Витроу.

14

Было уже поздно. Ему пора было идти в сад, где они договорились встретиться с Витроу, но Энн, похоже, не собиралась уходить из гостиной. Сидя в кресле, каргилл с раздражением наблюдал, как она ходит по комнате, и вдруг она остановилась и пристально посмотрела на него.

— Несмотря на все усилия, которые я предпринимала последние дни, — сказала она обвинительным тоном, — вы все-таки сделали то, что хотели. Вам удалось отложить нападение по крайней мере на месяцы, а может быть, и на дольше. Я пыталась убедить их, что это уловка с вашей стороны, но командир летчиков клянется, что ваши замечания очень ценны и что в наших планах действительно есть слабые места, на которые вы обратили их внимание.

Наши руководители согласились с этим.

Она подошла к нему ближе, и теперь в её манере обращения с ним не было и намека на то снисходительное равнодушие, которое он привык от неё ожидать.

— Капитан Каргилл, — сказала она мрачно, — вы слишком хорошо играете свою роль

советника. На этот раз мы согласились на отсрочку, но… — Она остановилась, и в глазах её появилось угрожающее выражение.

Каргилл молча смотрел на нее. Против своей воли он почувствовал что-то вроде восхищения её решительностью, глубиной чувств, которые руководили ею. Это, безусловно, была сильная личность и привлекательная женщина. Каргилл подумал, что ему будет интересно попытаться обратить её эмоции на более мирные цели. Он медленно, акцентируя каждое слово, произнес:

— Что меня удивляет, так это то, что такая очаровательная девушка, как вы, играет роль заговорщика в мужских военных играх.

Он сказал это со всей серьезностью и подумал, что именно сейчас стоит попытаться воспользоваться советом Гранниса. Он добавил:

— Там, где я жил, девушки понимали, что, если мужчина в форме свистит ей вслед, то не для того, чтобы поговорить о тех идеалах, за которые он сражается. — С этими словами он поднялся и подошел к ней ближе.

Она явно не ожидала услышать ничего подобного и была в первую минуту заметно удивлена. В глазах её появилось испуганное выражение, но она овладела собой, нахмурила брови и резко

приказала:

— Не подходите ко мне.

Каргилл продолжал медленно подходить к ней. Он подумал, что Граннис определенно ошибался, считая, что в этой холодной, решительной молодой особе можно вызвать романтические эмоции. Но то, что она так явно была обескуражена, давало ему шанс.

— Вы, наверное, — сказал он, — воспитывались в какой-то mena{wmni обстановке. Странно видеть, как женщина вашего мужества боится самой себя.

Она перестала отступать назад. Когда она заговорила, Каргилл понял, что его слова сильно задели её. Она произнесла слишком резким тоном:

— У нас только одна цель — уничтожить Теней. Когда она будет достигнута, тогда время подумать о замужестве и детях.

Каргилл остановился тоже.

— Могу сказать вам прямо сейчас, что вы плохо представляете себе, что происходит во время войны. Уровень рождаемости не падает, а наоборот, растет. Больницы бывают полны женщин, которым приходится переживать последствия того, что мужчинами в такое время овладевает

желание оставить свой след на земле, если даже им самим суждено погибнуть.

— Мы будем выходить замуж за тех, кто останется в живых, — проговорила Энн спокойно. — Это глупо, когда девушка, особенно если она живет в стесненных материальных обстоятельствах, берет на себя обузу воспитывать ребенка погибшего отца.

Каргилл сказал сухо:

— Когда я буду заниматься с летчиками, я порадую их тем, что девушки считают, что лучше всего выходить замуж за гражданских.

— Я этого не говорила. Я сказала…

Каргилл перебил её. Он решил, что не сможет ничего добиться от нее, и поэтому чем быстрее он закончит этот разговор, тем лучше.

— А как, — спросил он, — насчет того человека, которому вы с легкостью поручили отключить защитный экран в Городе Теней? Вы хотите сказать, что он не получит даже одного поцелуя от прекрасной девушки?

Он шагнул вперед и хотел обнять её. Она уклонилась от его объятий и бросилась к двери. Смеясь, Каргилл последовал за ней, не так быстро, чтобы действительно поймать её, но так, чтобы она не сомневалась в его решимости добиться

того, чего он хотел. У двери она повернулась на секунду, и он увидел, что лицо её горело от гнева. Он замедлил шаг. Выйдя из комнаты, она быстро пошла по коридору, поднялась по лестнице, и он услышал, как наверху хлопнула её дверь.

Он тут же забыл об этом происшествии и поспешил в сад, где уже через минуту разговаривал с Витроу, который сообщил ему то, что он и ожидал. На то, чтобы перестроить их организацию так, как предложил Каргилл, уйдет по меньшей мере месяц. Каргилл отметил, что в данном случае важно то, что если произойдет что-нибудь непредвиденное, могут пострадать только отдельные люди, а вся организация будет сохранена в работоспособном состоянии.

На этом они расстались, и Каргилл вернулся в дом. Вечером, когда он шел к себе в спальню, он неожиданно для самого себя остановился перед дверью спальни Энн и постучал.

— Можно мне войти? — спросил он.

После нескольких минут молчания он услышал возмущенный голос девушки:

— Не смейте даже подходить к этой двери.

Каргилл демонстративно подергал за ручку двери. Дверь оказалась запертой. Он пошел к себе улыбаясь, не чувствуя ни стыда, ни вины. Он, так

же как и девяносто процентов всех военных, кого он когда-либо встречал, твердо верил в то, что во время войны можно было завоевать любую женщину, — как ещё можно было узнать, что она по этому поводу думает, если не преследовать ее?

Начав компанию преследования Энн, он намеревался её продолжить. Однако, когда он добрался до своей комнаты, мысли его потекли совсем в другом русле. Он лежал в кровати, вспоминая то bpel, когда он был ранен в Корее и испытывал такое ощущение, будто бы он был где-то очень далеко. «Я должен сейчас это почувствовать», — сказал он себе.

И вскоре это ощущение появилось. Он очень внимательно и медленно восстанавливал весь процесс, сначала то, как оно появлялось, потом — как пропадало. И каждый раз стремился сосредоточиться на том моменте, когда происходил этот переход от жизни к состоянию, близкому к смерти. Он заметил, что внутри у него нарастает чувство волнения, возбужденного ожидания, появляется убеждение, что сейчас должно что-то произойти.

Внезапно его тело пронзило что-то вроде электрического тока. Он увидел золотой шар, вращающийся в пространстве. Это было настолько

великолепное зрелище, что он не мог отвести от него глаз. Это было воплощение красоты.

Наблюдая за шаром, Каргилл заметил, что, вращаясь, он разбрасывает во все стороны искры. Искры улетали в пространство, принимая форму спирали. теперь он заметил, что и сам шар состоит из бесчисленного множества подобных форм — это были его части.

«Удивительно, — подумал он, — в нем заключается вся материальная вселенная. Это и есть вселенная».

Что-то черное появилось между ним и золотым шаром, закрывая его от Каргилла. Он знал, кто враг, — чернота, пустота.

В эту секунду он ощутил необъяснимый ужас, смертельную панику. Это касалось той битвы, которая шла, — которая идет здесь.

Фаза жизни в этой битве терпела поражение. Все, кто был вовлечен в этот глобальный конфликт, погибнут в катастрофе. Большие надежны возлагались на жизненную силу, но она показывалась подавляющей, бездумной, нетворческой. Сила духа опустилась так низко, что даже смерть не могла заставить её возродиться. Сила духа застряла в ловушках, расставленных перед ней. Она даже не подозревала, как близко поражение.

Дела обстояли так, что любая новая крупная катастрофа могла привести к окончательному всеобщему уничтожению…

Каргилл постепенно стал возвращаться к действительности. осмотревшись, он понял, что по-прежнему находится в своей спальне в доме Энн Рис, и подивился, как беспределен полет человеческой фантазии. «Мне надо прекращать все это, — подумал он. — Еще несколько кошмаров вроде этого, и я начну думать, что будущее всего мира зависит от этой войны Твинеров с Тенями».

Безусловно, он получил какой-то результат, это надо было признать. Что бы эти странные сны ни представляли собой, они, несомненно, существовали; и, что ещё важнее, он мог вызывать эти картины в своем воображении усилием воли тогда, когда ему было необходимо. По двум успешным результатам из двух попыток делать общие выводы было нельзя, но во время этих экспериментов он чувствовал, что знает такие вещи, которые выходили далеко за пределы обычных представлений человека, и в своих размышлениях пытался проникнуть в самую глубинную суть явлений.

Это были мысли о том, как пространство

возникает из материи, как материя рождает пространство; мысли о процессах созидания и разрушения; о потоках энергии, которые связаны с иллюзиями и красотой…

Красота? Каргилл вспомнил необыкновенный золотой шар и задумался. В то время он казался воплощением жизненного начала, но он таковым не являлся. Сейчас это было абсолютно ясно, потому что красота имеет тенденцию концентрироваться. Красота — это свет, вокруг которого с надеждой машут крылышками мошки жизни. Красота притягивает жизнь, как свет привлекает к себе мошкару, трепещущую в его живительном потоке. Она — окончательная цель и смысл всей и всяческой деятельности. Стремление приобщиться к идеальной красоте h обладать ею движет человечеством на протяжении всей жизни, и если то, что ему удается заполучить, не дает того блеска, который, как он знает, существует, человек становится грустным и болезненным, и вскоре впадает в апатию смерти или погружается во вдохновенную апатию, вызываемую красотой жизни после смерти.

Красота — это только одна грань Главной мысли, а Главная мысль — это только часть… чего?

Спал Каргилл беспокойно. Он постоянно про-

сыпался с мыслями о золотом шаре, который потрясал его своей красотой настолько, что один раз он даже не смог сдержать слез восторга. Тогда он сказал себе, что нужно взять себя в руки. Ведь ему нужно выспаться. Ему показалось, что только он успел закрыть глаза, как Трейнджер постучал в дверь и сообщил, что звонил командир летчиков и просил передать, чтобы Каргилл был готов через полчаса.

За завтраком Энн не было, и это напомнило ему о его решении преследовать её своими ухаживаниями.

Проблема была в том, что она явно его избегала. В течение многих последующих дней он видел её только мельком. Когда он входил в комнату, она выходила. Несколько раз она уходила из дома именно в тот момент, когда он возвращался после тяжелого дня. Каждую ночь без исключения он пробовал открыть дверь её спальни. Дверь всегда была заперта, и только изредка он слышал, что Энн у себя.

Так прошел месяц. И все-таки их тайная организация не была ещё достаточно многочисленной для того, чтобы начать действовать. Проблема была в том, по словам Витроу, что люди, которые были против войны, медленно свыкались с идеей

захвата власти путем внутреннего переворота. Для данного общества далекого будущего это была, по-видимому, совершенно новая идея.

В течение шести недель Каргилл был занят работой с военными летчиками, посещая дальние базы, проводя беседы и давая инструкции. Это позволило ему определить приблизительные размеры территории, контролируемой Твинерами, которую они называли Америкой. Эти претензии, учитывая их малочисленность, показывали, насколько неадекватно их восприятие происходящего.

Земля Твинеров на западе упиралась в подножие Скалистых гор, на севере доходила примерно до южной границы штата Монтана, на востоке же ограничивалась линией, идущей к юго-западу от нижней точки озера Мичиган, а на юге доходила до территории штата Техас. Для трех миллионов людей это была огромная территория, но она находилась, безусловно, под полным контролем Твинеров.

Каргилл был уверен, что в конце концов они утвердят свое господство на весь континент. Он знал, что наиболее дальновидные из Твинеров уже подают заявки на владение обширными территориями. Он вспомнил миллионы людей

в двадцатом веке, которые не имели никакой надежды заполучить в собственность хотя бы клочок земли, и его поразило то, что ошибки прошлого повторяются на новом витке. «Если я выйду из этой переделки живым, — думал он, — я попытаюсь положить этому конец».

Наблюдая происходящее вокруг, он уже мог лучше, более объективно оценить ход развития событий в прошлом, то есть в своем времени, так как, находясь в будущем, он наблюдал конечный результат того, что дало свои корни в двадцатом веке. Много раз он говорил себе: «По этому поводу мне придется кое-что предпринять. Потом».

С каждым прожитым днем он все больше и больше убеждался, что его помощь может оказаться очень ценной для этих людей, и сознание этого наполняло его гордостью и поднимало боевой дух. Даже походка у него изменилась, стала более твердой и уверенной. Он чувствовал, что находится в прекрасной форме, готов к действиям, смелым, pexhrek|m{l, но подкрепленным чуткой инстинктивной осторожностью. Он использовал слова как инструменты и был постоянно начеку, сознавая, что в любой момент может столкнуться с опасностью.

Его осторожность сослужила ему хорошую

службу однажды вечером, когда он вошел в дом Энн Рис. Он шел по ковру, расстеленному на полу в коридоре, направляясь в гостиную, как вдруг услышал голос незнакомого человека, дрожащий от ярости:

— Я убью вас обоих, как только он придет!

Каргилл остановился, услышав голос Энн, явно испуганной, но пытающейся сохранить присутствие духа:

— Вы сумасшедший. Вас за это повесят!

— Заткнись! Я знаю тебя. Это ты все начала. Это ты связалась с Тенями, с Граннисом. Я слышал эту историю, как год назад он пришел к тебе, и с тех пор ты поешь с его голоса.

— Я ничего не начинала.

Ей, видимо, удалось взять себя в руки, судя по более твердому тону её голоса. — Волоры были уже построены и планы подготовлены, когда Граннис связался со мной. Я сообщила об этом правительству, и с тех пор я поддерживаю с ним контакт.

— Вот именно, — и в голосе мужчины послышалось самодовольство, — вот я и говорю, что через тебя и осуществляется эта связь. А если тебя и этого Каргилла не будет, всей этой истории придет конец.

Каргилл больше не слушал. Он побежал к входной двери. Он решил, что этот человек вошел в дом со стороны сада и сейчас стоял, наверное, в гостиной, наблюдая за дверями. Каргилл бесшумно выскользнул из дома, обогнул его и стал медленно и осторожно пробираться к террасе. Одна из дверей, выходящих на террасу, была открыта. Он подполз к ней, скрытый деревянными панелями, и замер, оценивая ситуацию происходящего в доме.

Человек продолжал говорить:

— Мои родители были Планиаками. Они хотели изменить свою жизнь, пройти курс обучения у Теней, но не смогли с этим справиться. Но им дали возможность жить хорошо, я получил хорошее воспитание, приличное образование. Я женился на прекрасной девушке, и сейчас у меня двое чудесных детей. И все это благодаря Теням. Ты и все эти негодяи, кто решил напасть на Город Теней, ненавидите их, потому что вы все неудачники. А теперь вы и другим пытаетесь навязать ваши преступные идеи и планы. Вы хотите уничтожить тех, кого вам не хватает ума победить.

Каргилл, слегка подавшись вперед, осторожно заглянул в комнату и увидел, что говорящий — высокий, мощного сложения мужчина. Он стоял,

как и предполагал Каргилл, спиной к террасе, и в руке его было ружье. Оно было нацелено на Энн.

Она сказала уничижительным тоном, видимо, собрав все свои силы, чтобы заставить голос звучать ровно:

— Как вам не стыдно! Взрослый сильный человек ведет себя как трусливый ребенок. А что произойдет с вашей женой и детьми, если вы совершите сейчас какой-нибудь опрометчивый поступок, вы об этом подумали? — Последние слова она произнесла медленно и твердо: — Даю вам последний шанс. Уходите немедленно, и я никому не скажу, что здесь было. быстро!

— Я тебе сейчас покажу, что я сделаю быстро, — сказал он, угрожающе взмахнув ружьем. — Еще одна секунда…

Он, наверное, услышал какой-то звук или увидел, что выражение лица Энн изменилось, так как повернул голову к двери на террасу. В этот момент Каргилл бросился на него, и тот рухнул на пол как подкошенный. Каргилл яростно навалился на него сверху, и Энн подхватила выпавшее у того из рук ружье.

— Отойдите от него! — крикнула она Каргиллу. — Я выстрелю!

Незнакомец тоже закричал:

— Помогите! Сюда! Манот, Грегори!

Послышался какой-то звук, и чей-то холодный голос произнес:

— Ладно, Энн, положите ружье. Поднимайтесь, Каргилл.

Он помедлил секунду и поднялся в напряженной готовности встретить новую опасность. Он увидел, что в комнате стоят двое в форме пилотов волоров. Каргилл в растерянности перевел взгляд с одного на другого. Здесь что-то было не так.

Один из пилотов сказал примирительным тоном:

— Это просто проверка, обычная проверка. У нас были сведения о том, что в наших рядах готовится какой-то заговор, и мы решили проверить вашу реакцию.

Каргилл мысленно перебрал события последних минут, но все произошло так, как должно. Реакция Энн была естественной, и он, кажется, вел себя так, как от него могли ожидать.

— Надеюсь, вы узнали, что хотели, — медленно проговорил он.

Пилот сказал серьезным тоном:

— Да, именно то, что хотели. — Он повернулся к Энн, которая была очень бледна, и слегка склонил голову. — Позвольте мне, мисс Рис, выразить вос-

хищение вашим мужеством. Не сердитесь за нас. Эту проверну попросил нас провести Граннис.

Он повернулся к человеку, нападавшему на Энн, который поднялся с пола и стоял прислонившись к стене:

— Вы хорошо сработали. Теперь пошли. — похвалил он.

Когда они скрылись из виду, Каргилл подошел к Энн и сказал:

— С их стороны это было не очень красиво. Вам бы лучше сейчас присесть. Они, наверное, не понимают, что такое потрясение может иметь самые негативные последствия.

Про себя он отметил: «Опять Граннис! — Что же, в конце концов, он замышляет?»

Энн позволила ему довести её до кресла и усадить. Она подняла глаза и посмотрела на него. Лицо её было мертвенно-бледным.

— Спасибо вам, что вы спасли мне жизнь, — произнесла она тихо.

— Ну, это преувеличение. Опасность ведь была только воображаемой.

— Но вы же об этом не подозревали, когда бросились на того человека. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас за это.

— Забудьте об этом. Я думал, что спасаю и свою

жизнь тоже.

Она, казалось, не слушала его.

— Они испытывали меня, — произнесла она, как будто не могла поверить своим собственным словам. — Меня! — Голос её прервался.

Каргилл хотел что-то сказать, но остановился. Только сейчас он понял, как глубоко было потрясение, испытанное Энн. Он внимательно посмотрел на нее, потом взял за руку.

— Я думаю, вам надо сейчас пойти к себе и лечь, — сказал он.

Энн позволила ему проводить её до дверей спальни. Там она остановилась. Щеки её порозовели. Не глядя на него, она сказала:

— Капитан, сегодня я поняла, что вы имели в виду, когда говорили, что война совсем не похожа на мои представления о ней. И я сожалею, что частично я была тому виной, что вы оказались в такой опасной ситуации. Вы сможете когда-нибудь простить меня?

Каргилл подумал о неизбежном восстании и холодно ответил:

— Я в этом сам участвую. Я согласился с этой идеей. Я буду сражаться из последних сил, чтобы выжить. — Потом добавил уже другим, будничным тоном: — Вам лучше лечь.

Он открыл ей дверь. Она перешагнула через порог, быстро взглянула на него, покраснев ещё больше, и сказала: — Вы как-то говорили о награде воину... Сегодня, когда вы дотронетесь до ручки}rni двери, вы обнаружите её незапертой.

Она осторожно закрыла за собой дверь. Каргилл медленно пошел к себе. Он почувствовал, что взволнован больше, чем ожидал. Но когда через час он подошел к двери Энн, она оказалась закрытой.

Он стоял, держась за ручку двери, обескураженный, слегка раздраженный, но не готовый сдаться. Большинство женщин, чьего расположения он стремился добиться, ему приходилось завоевывать. Нужно было возбудить их интерес к себе, установить эмоциональный и психологический контакт, и в случае с Энн то, что он её спас от смерти, видимо, оказалось недостаточным. Он все ещё стоял в нерешительности, когда услышал изнутри какой-то звук. В следующее мгновение дверь приоткрылась, и Каргилл увидел странно бледное лицо девушки. На ней был надет голубой пеньюар.

Она прошептала:

— Я просто не могу сделать то, что обещала. Простите меня.

Каргилл вздохнул, как обычно вздыхают мужчины в подобных ситуациях. Но теперь, когда начался разговор, он не собирался его прекращать:

— Можно мне войти и поговорить с вами? Вы не должны меня бояться.

Она колебалась, и он воспользовался её минутным замешательством для того, чтобы тихонько толкнуть дверь. Энн не сопротивлялась и, вернувшись в спальню, включила лампу на тумбочке у кровати и легла в постель. Как бы защищаясь, она натянула до подбородка мягкое розовое одеяло. Каргилл взял одну из подушек, прислонил её к спинке кровати и сел, откинувшись на нее.

— Сколько вам лет, Энн? — спросил он мягко.

— Двадцать четыре. — Она вопросительно взглянула на него.

— Если бы вы сегодня не взяли обратно свое обещание, — спросил он, — я был бы вашим первым мужчиной?

Она помедлила, пожала плечами и невесело усмехнулась:

— Нет, я один раз пробовала, когда мне было семнадцать. Наверное, что-то было не так, потому что единственное, что я помню, это боль. Меня это испугало, честно говоря. — Она снова усмех-

нулась. — С тех пор я не раз слышала, что другие от этого, кажется, получают удовольствие.

— У нас, — сказал Каргилл, — семьдесят процентов женщин фригидны потому, что их мужья так и не усвоили самые элементарные правила сексуальных отношений. Они на самом деле вовсе не холодны, как могут рассказать вам многие военные о якобы фригидных женах других мужчин. — Он остановился. — Так это воспоминания о том, что произошло в семнадцать лет, вас сейчас сдерживают?

Она помолчала.

— Да, я думала об этом, — призналась она и вдруг рассмеялась невеселым смехом. — Боже мой, — сказала она, когда справилась с собой, — это самый удивительный разговор, который я имела за последнее время. Идите сюда, пока я совсем не заморосила голову и вам, и себе. У меня это очень хорошо получается.

С этого момента Энн стала его женщиной.

15

Сначала она не понимала, насколько она принадлежала ему, и не отдавала себе отчета в том, какая сильная эмоциональная привязанность сопровождала её физическое влечение. Если бы у неё был какой-то опыт интимных отношений, все могло быть по-другому. Она тогда могла бы разделиться, образно говоря, на две отдельные личности: с одной стороны, патриотка, а с другой — любовница пленника.

Патриотка, несмотря на потрясение, связанное с испытанием, jnrnpnls их подвергли, держалась пять дней. И тогда произошел её первый срыв. Потом, в течение нескольких дней она, не скрываясь, плакала в присутствии Каргилла. На восьмой день она открыто предложила найти какую-нибудь вожможность для побега. Ее идеи по этому поводу были весьма туманными и поразительно непрактичными для такого серьезного, как она, человека. Она с презрением отвергала возражения Каргилла и несколько раз по-настоящему выходила из себя, потеряв терпение.

Ее поведение усугубляло его собственное тревожное состояние, напряженность, которая росла

с каждым днем. Наконец на двенадцатый день Каргилл поехал в аэропорт и сердито отвел Витроу в сторону:

— У меня такое ощущение, что ваша группа затягивает дело с подготовкой. Где-то есть какая-то слабинка, нерешительность. Вы не готовы сжигать за собой мосты.

Витроу был вынужден согласиться.

— Да, в этом есть доля правды. Я слышу только бесконечные оправдания.

Каргиллу это было понятно. Думая об этих людях, которые никогда раньше не принимали участия в сражениях, он вспоминал свои ощущения накануне боя. Однажды утром, когда разразилась буря, он думал и надеялся, что атака будет отменена, и, как это ни удивительно, одновременно он радовался, что наконец наступает критический момент, когда решение проблемы откладывать больше нельзя.

Такой момент как раз наступил. И только один человек из всех обладал достаточной силой воли и решимостью и опытом, чтобы добиться этого. Каргилл обратился к нему:

— Витроу, нападение должно произойти не позднее завтрашнего утра. Если этого не случится, вашему командиру станут известны имена

заговорщиков.

Витроу побледнел.

— Вы не посмеете этого сделать!

Каргилл сказал спокойным голосом:

— Наверное, будет лучше, если вы уверите остальных, что я посмею это сделать.

Он посмотрел долгим взглядом прямо в глаза Витроу. Выдержав некоторое время этот взгляд, он вздохнул и протянул Каргиллу руку.

— День назначен, — произнес он. — Спасибо!

Они пожали друг другу руки и разошлись.

Когда Каргилл вернулся домой, его в первый раз охватило предчувствие беды. Энн, с лицом, посеревшим от страха, встретила его у двери.

— Вокруг дома расставлена охрана, — прошептала она. — Тебя сегодня вечером отсылают в Город Теней.

Каргилл молча стоял, сосредоточенно думая, а Энн гладила его руку. Она тихо вздохнула:

— Как жаль!

Он с отсутствующим видом потрепал её по руке, думая про себя «Интересно, это случайно? Знают они что-нибудь или только подозревают?» — а вслух спросил:

— Почему именно сегодня вечером?

— Граннис… — начала она.

Это потрясло его. В гневе он схватил её за плечи.

— Как! Я думал, что ты связана с ним.

— Да, так и было, — сказала она растроенно, — но теперь я не знаю, что случилось. Отпусти, пожалуйста, ты делаешь мне больно.

Он опустил руки, пробормотав извинение. Ощущение неминуемой катастрофы усилилось. Таинственный, неуловимый, вездесущий Граннис сделал ещё один ход в своей непостижимой игре. Но на этот раз речь шла о непосредственной и смертельной опасности. Граннис m`lepeb`kq подвергнуть его, Мортона Каргилла жизнь риску, отправив его в Город Теней.

Он погладил Энн по голове. Она никак не могла унять нервную дрожь. Каргилл спросил:

— Дата назначена?

— Я не знаю. Мне ничего теперь не говорят, — покачала она головой.

Он сказал мягко:

— Пойди посмотри, как там с обедом. Я разведаю обстановку.

Он направился на террасу, спустился в сад, пересек его, перелез через забор — и его остановил охранник.

— Назад! — резко бросил он. В руке его блест-

нуло оружие.

Каргилл подчинился и не сопротивляясь сразу же пошел к калитке, дорожка от которой вела к парадной двери дома. Она не была заперта. Но когда он вышел за калитку, из-за дерева выступил солдат и жестом приказал ему вернуться обратно.

Так, в течение нескольких минут, он насчитал девять вооруженных охранников, и все они знали его в лицо. Когда он вернулся в дом, Энн сидела в гостиной, и с ней был командир летчиков, Гриер.

— Простите, капитан, — сказал тот, — но мы не имели права рисковать. Граннис сообщил нам, что затевается заговор, поэтому все офицеры получили приказ прибыть в расположение своих частей. На тот случай, если начнутся беспорядки, после обеда вас сразу отправят в Город Теней

Гриер остался с ними обедать. Когда они встали из-за стола и пошли все вместе к двери, Энн шепнула Каргиллу:

— Постарайся найти какой-либо предлог поцеловать меня на прощание. Я сделаю вид, что сопротивляюсь.

На лужайке перед домом их ждал похожий на флотер корабль. Каргилл повернулся к Энн

и, стараясь, чтобы голос его звучал как можно саркастически, проговорил:

— Мисс Рис, вас когда-то очень забавляло ваше обещание, что вы поцелуете меня, когда мы будем расставаться. Я требую, чтобы вы выполнили его.

Он не стал ждать, когда она согласится, подошел к девушке близко, взял её за подбородок, приподнял её голову и наклонился к ней так, чтобы поцелуй пришелся прямо в губы. Это был весьма смелый поцелуй, и единственной проблемой было то, что она недостаточно сильно сопротивлялась. К счастью, охранники расценили его действия как нападение и оттащили его от девушки.

— До свидания, дорогая, — сказал Каргилл. — Я скоро вернусь.

Против своего ожидания он обнаружил, что говорит то, что думает. Его очень тянуло к Энн. «Я думал, что люблю их всех, — сказал он себе, — и Лелу, и остальных…» Он вспомнил женщин, которые оставили след в его жизни в период ещё до 1954 года. Но с Энн все было иначе — она была не такая, как другие.

«Черт меня возьми! — подумал он. — Я, кажется, люблю ее».

Он вошел на борт корабля, металлическая дверь за ним закрылась, и они резко пошли на подъем. Откинувшись в кресле, он почувствовал, что сила духа его ослабевает по мере того, как до его сознания начинает доходить безнадежность его положения.

В конце концов он взял себя в руки, подумал, что он ещё не решил, что будет делать.

С надеждой он взглянул на летчиков, которые сопровождали его к месту назначения. Он не знал их, но был уверен, что они были из тех, кому он читал свои лекции. он сомневался, что сможет убедить их действовать так, как ему было нужно, но, подумал он, попытка не пытка.

Он выждал момент, когда второй пилот посмотрел в его сторону, h сделал тому знак подойти. Летчик сказал что-то своему командиру, видимо, попросил разрешения отлучиться, и подошел к Каргиллу.

— Капитан? — произнес он почтительно.

Это слово по какой-то причине показалось Каргиллу ужасно смешным. Он расхохотался. «Капитан!» — повторил он вслух и просто покатился со смеху.

По лицу его текли слезы. Он посмотрел на человека, стоящего перед ним.

— Лейтенант.., — начал Каргилл и остановился. — Лейтенант! — Это было ещё смешнее, чем капитан. Он сдержался, чтобы снова не рассмеяться, и ему удалось проговорить: — Лейтенант, вы написали завещание?

— Нет, сэр, — судя по чопорному тону, летчик осуждал Каргилла за его непонятный смех и не был расположен к беседе.

Это вызвало у Каргилла ещё один приступ неудержимого хохота. Он уже понял, в чем дело: ему приходилось видеть людей в таком истерическом состоянии. Чтобы побыстрее справиться с истерикой, надо было дать ей полный выход, не пытаться её сдерживать. Отсмеявшись, он сказал:

— Лучше составьте завещание. На войне люди погибают. Или вы будете отсиживаться где-нибудь в безопасном месте?

— Нет, сэр, я доброволец.

— Доброволец! — на этот раз Каргилл дал себе волю и разразился таким хохотом, что в течение нескольких минут тело его буквально сотрясалось от судорожных приступов. Наконец ему удалось буквально выдавить из себя, в перерывах между всхлипами: — Вот это я понимаю. Это как раз то, что нам нужно в армии, — добровольцы,

готовые жизнь положить за альма матер, — ой, что это я говорю? — Что-то я путаю — то ли место, то ли время.

Это напомнило ему о его фантастических снах, и на этот раз они показались ему невероятно смешными, просто нелепыми, и новый взрыв хохота согнул его обессилевшее тело пополам. Когда он отсмеялся и перевел дух, летчик проговорил.

— Надо знать реальное положение вещей, сэр. — Он сказал это таким серьезным тоном, насупив брови, что Каргилл не выдержал и опять прыснул со смеху, хотя на это у него уже не было сил. Когда ему наконец удалось остановиться, он сказал:

— Молодой человек, продолжайте наблюдать за реальным положением вещей и докладывайте мне об увиденном каждый день. Это очень важно. Держите меня в курсе.

— Жаль, что вы так на это реагируете, — ответил летчик.

— Простите меня и помилуйте, — произнес Каргилл уже серьезным тоном. — Я заслуживаю прощения. — Он подумал, какой подтекст это слово может иметь в данной ситуации, и, подняв голову, увидел, что его собеседник уже не слушает его, а возвращается на свое место. Каргилл

озабоченно посмотрел ему вслед и произнес вслух, ни к кому не обращаясь:

— Он доложит начальству, что я свихнулся.

Какой-то человек среднего возраста в форме капитана подошел к нему.

— Нам ещё лететь всю ночь, капитан Каргилл.

Тот задумчиво кивнул.

— Вы хотите предложить мне поспать? — спросил он серьезно.

— Я это настоятельно рекомендую, — твердым голосом проговорил его собеседник.

— Да, действительно, не соснуть ли мне чуток?

— Я думаю, вам надо принять снотворное.

Каргилл вздохнул. Смеяться уже не было сил, а дело, кажется, здесь серьезное. Эти люди настроены вполне решительно. В назначенный час они пойдут на штурм Города Теней, готовые onfeprbnb`r| собой ради цели, которую считают благородной. Каргилл снова вздохнул:

— Не надо снотворного, капитан. У вас не будет со мной проблем.

Когда Каргилл остался один, он долго сидел, уставившись в сгущающуюся темноту. «Я получил то, что заслужил, — думал он. — Я пытался дергать за веревочки, считая, что управляю марионетками, а на самом деле марионетка — это

я сам». Если посмотреть назад, все его прошлые усилия казались тщетными, а если заглянуть вперед…

На чьей же стороне он все-таки находится? Вернее, кого он должен поддержать? Если победят Твинеры и он останется в живых, он может вернуться к Энн, и ему больше не придется опасаться, что его вернут в комнату терапии в Городе Теней. Это было бы совсем неплохо. Лэн Бруч из Мерлики, города из его сна, тоже одобрил бы это, но что с того ему, Каргиллу? Его-то в том далеком будущем точно не будет. К 7031 году нашей эры кости капитана Каргилла уже четыре тысячи лет будут распадаться на отдельные химические элементы.

Его одолевали мысли ещё об одном. Эту войну начинают Твинеры. Это значит, сто очков против них. Если бы все зависело от Теней, никакой войны не было бы. Значит, сто очков в их пользу. Трудно было найти какие-то аргументы против этого очевидного факта — двести очков в пользу Теней.

Каргилл заснул и проснулся, когда уже ярко светило солнце. Один из летчиков принес ему поднос с завтраком и передал просьбу капитана прийти в кабину пилотов.

Каргилл с аппетитом поел. особенно хорош был кофе. Каргилл пришел в кабину с чашкой в руках. Он был готов отнестись к ним дружелюбно в обмен на дополнительную порцию кофе.

— Если вы посмотрите прямо вперед, — сказал командир корабля, — за туманом можно разглядеть Город Теней. — Он обратился ко второму пилоту: — Эд, уступи место капитану Каргиллу.

Тот немедленно подчинился. Каргилл устроился в кресле и посмотрел вперед. Горизонт был затянут дымкой. В неясном свете можно было смутно различить вершины гор. Все они были поразительно похожи друг на друга.

Вдруг он увидел пирамиду. Это был защитный энергетический экран. Она казалась симметричной и маленькой. так игрушечно маленьким кажется издалека пик высочайшей горы. Каргилл определил, что она находится от них на расстоянии по меньшей мере в сто миль.

Флотер продолжал лететь по направлению к пирамиде на обычной скорости. Каргилл понял, что они не хотят, чтобы Тени заподозрили, что у этого флотера особая миссия, и старались не привлекать к себе ненужного внимания.

Прошло ещё полчаса полет, и все это время таинственный город впереди становился все

больше и больше. Все яснее и яснее становилось, какая огромная на самом деле пирамида. На расстоянии десяти миль она представляла собой высокое, заостренное кверху сооружение, опирающееся на крепкое, широкое основание, которое было вырублено в скальных породах группы стоящих рядом гор. Когда они подлетели ещё ближе, Каргилл увидел, что стены пирамиды прозрачны как стекло, и через них были видны здания центральной части города. Вблизи пирамида ничем не напоминала источник мощнейшего энергетического поля. Было странно думать, что он прислан сюда, чтобы проникнуть в город и отключить энергетический экран, с тем чтобы Твинеры в своих великолепных волорах напали на беззащитный Город Теней и превратили его в… тень.

— Здесь около приемного центра мы садимся. — Пилот показал на здание, стоявшее на краю леса.

Через несколько минут они приземлились на зеленой площадке в qr` пятидесяти футах от длинного низкого здания приемного центра. Каргилл вышел из флотера, и дверь за ним тут же закрылась. Он увидел, как флотер снова взмыл в небо и полетел по направлению к востоку.

Каргилл машинально повернулся и направился в сторону приемного центра. Вдруг он остановился. «Я свободен, — подумал он. — Они не стали ждать, когда я войду внутрь. Почему бы мне не повернуть обратно и не исчезнуть среди дикой природы?

Местность вокруг казалась действительно дикой и заброшенной: горы, ущелья, овраги и со всех сторон неприступные и непроходимые леса. Наверное, нужно будет блуждать в течение нескольких дней, чтобы выйти куда-то, где можно будет найти более благоприятные условия для существования. Но это, по крайней мере, был выход. Каргилл хотел повернуть обратно, но у него ничего не получилось. Испуганный, он несколько минут стоял неподвижно, вспоминая курс обучения, который с ним провели с помощью их знаменитой всемогущей трубки. Он осторожно сделал несколько шагов вперед и, резко остановившись, попытался развернуться на пятках. Бесполезно. Мышцы не подчинялись ему. Бледный, но полный решимости, он подумал: «Ничего, тогда я просто останусь здесь и буду стоять на месте. Тогда Тени поймут, что здесь что-то не в порядке».

Но в этот момент ноги его сами пошли вперед,

легко и уверенно, без малейшего напряжения. Он попробовал остановиться, но ноги, по-видимому, двигались совершенно автономно и спокойно и уверенно продолжали свой путь. Абсолютно этого не желая, он пересек зеленую лужайку и направился к зданию центра. Единственно, что ему удалось сделать самостоятельно, — это остановиться у двери, и то только на одно мгновение, чтобы заглянуть внутрь через толстое стекло. Молодая женщина, сидящая в комнате внутри, улыбнулась ему и нажала на какую-то кнопку. Дверь открылась, и он вошел внутрь.

16

Войдя, он остановился на пороге. Несмотря на испытываемое им напряжение, ему было любопытно изучить здесь все. С интересом и волнением он взглянул на молодую женщину, сидящую за столом в углу комнаты. Тень? В лице её читался ум, что Каргилл и ожидал увидеть, и было ещё «что-то» в выражении её глаз, чего он не смог определить.

Девушка улыбнулась и сказала доброжелательно:

— Мы очень рады видеть вас здесь и от души приветствуем ваше решение прийти к нам по собственной воле. Желаем вам успеха. Мы хотели бы, чтобы вы стали одним из нас.

Каргилл недоуменно посмотрел на нее. Его поразило то, что она произнесла свой монолог явно с настоящим чувством. Он решил, что ему надо быть настороже. Он всегда с сомнением воспринимал бурные выражения эмоций, особенно по отношению к себе.

Молодая женщина заговорила опять:

— Проходите через эту дверь, — сказала она, нажимая на кнопку.

Каргилл тут же заглянул в эту дверь. Она была прозрачной и вела в широкий, выложенный мрамором коридор, который уходил вправо. Он улыбнулся девушке, поблагодарил её и прошел в дверь, которую она перед ним открыла. Здесь он увидел двух женщин приятной внешности, но постарше возрастом, лет около сорока, сидящих за столами с чем-то похожим на картотеку. Одна из них обратилась к нему:

— Вы такой интересный молодой человек. Желаем вам удачи.

Вторая вышла из-за стола и предложила:

— Пойдемте со мной.

Она повела его по коридору, по обе стороны которого за стеклянными дверями располагались небольшие комнатки. В каждой из них стоял письменный стол и два стула. Женщина остановилась у входа в одну из таких комнат.

— Вот, это к тебе, Мойра, — сказала она и слегка дотронулась до рукава Каргилла. — Желаю удачи, молодой человек.

— Спасибо, — обронил он машинально и вошел в комнату. Сидевшая за столом девушка внимательно осмотрела его с головы до ног. Затем она заключила:

— Вы мне нравитесь.

— Спасибо, — несколько суховато произнес Каргилл. Все они почему-то старались показать ему дружеское расположение и дать почувствовать, что здесь ему рады. Это его настораживало, ему хотелось понять, что за этим кроется.

Он заметил, что Мойра смотрит на него понимающе.

— Вы циник? — спросила она.

Это был неожиданный вопрос. Каргилл ответил немного невпопад:

— Я смотрю, у вас тут четко отработанная система.

— Мне вовсе не трудно было сказать, что вы мне нравитесь, поэтому я это и сказала. Не будете ли вы так любезны закрыть дверь?

Каргилл выполнил просьбу и заметил:

— Это очень эффективный способ дать вновь прибывшим почувствовать себя как дома.

Она покачала головой.

— Я очень рада, что должна разочаровать вас. Такой у нас стиль общения. В нашей жизни так много интеллектуальной работы, где все очень точно и научно обоснованно, что мы уже давно сделали правилом теплые эмоциональные отношения на личном уровне во всех областях нашей жизни. Вы почувствуете это, когда будете

в городе. А сейчас присядьте, пожалуйста.

— Она вытащила карточку из стопки на столе и взяла ручку. — Вы Мортон Каргилл, не так ли?

Каргилл замер от неожиданности. Он уже придумал имя, которое собирался назвать ей, и теперь растерялся. Чувство тревоги, охватившее его, с каждой минутой росло. Все, что он до сих пор делал в двадцать четвертом веке, совершалось по принуждению, и тем не менее все это время у него было такое чувство, что он сможет повлиять на свою судьбу. Теперь это ощущение пропало. Несмотря на все его усилия, планы и действия, они взяли над ним верх — он подчинялся их воле.

Он заставил себя справиться с растущим отчаянием. Теперь у него оставался только один шанс, один самый могущественный и опасный противник. Если бы ему удалось найти возможность убить Гранниса, это могло бы ещё склонить чашу весов в его пользу. Вслух он спросил:

— Меня уже ждали?

Она молча кивнула. Каргилл смотрел, как она записывает его имя, и вспоминал комнату терапии, где его, наверное, ждут, чтобы убить на глазах Бетти Лейн. Нет, он не собирался сдаваться до последнего вздоха. Чувство самосохранения,

стремление выжить во что бы то ни стало было сильнее нахлынувшего на него страха. Нужно было как можно больше узнать, выудить информации у этой девушки. Он спросил нарочито спокойно:

— Непонятно, откуда вам может быть известно мое имя. Вы что, заранее знаете имена всех людей, которые к вам приходят?

— Конечно нет. Ваш случай особый. — Она посмотрела на него. — Ведь вы пришли обучаться?

Судя по её интонации, это был только наполовину вопрос. Она, bhdhln, была в этом вполне уверена и без его ответа, поэтому он промолчал. Он решил временно оставить попытки выяснить, откуда они знают его имя. Девушка снова улыбнулась ему. Она была так молода, что он вдруг спросил:

— Вы Тень?

Она утвердительно кивнула:

— Да.

— Значит, вы не всегда находитесь в облике Тени?

— Зачем же? — Она была явно удивлена. — Это совершенно особое состояние, для особых ситуаций. — Она остановилась и, как будто решив, что он подозрительно любопытен, торопливо спроси-

ла: — Вы знаете, какими будут ваши обязанности, когда вы станете Тенью?

Каргилл отметил, что она сказала «когда», а не «если». Это придало ему смелости, и он спросил:

— Откуда вы знаете мое имя?

— Временной парадокс.

— Вы хотите сказать, что произошло что-то, о чем вы знаете, а я нет?

Она кивнула.

— Что? — спросил каргилл, чувствуя, что внутри у него все замерло в ожидании её ответа.

Она пожала плечами.

— Это все, вообще-то, очень просто. В течение многих месяцев вы действовали определенным образом в силу каких-то причин личного порядка. Что это были за причины, нам неизвестно, но это привлекло к вам наше внимание.

Каргилл осторожно поинтересовался:

— И никто не выяснял, что это за причины?

Девушка улыбнулась.

— Конечно, нет. Но сейчас я хотела бы объяснить вам, в чем заключается наша работа.

Каргилл не стал задавать вопросы, которые уже были готовы сорваться с его языка. Он сел поудобнее и приготовился внимательно слушать.

— Мы, Тени, — начала она, — пытаемся устра-

нить последствия психологической катастрофы, которая деморализовала человечество, начиная с двадцатого века. Миллионы людей были не в состоянии вынести стрессов цивилизации. По всему миру люди искали способы уйти от стресса, и таковой была найден в конце восьмидесятых годов, когда были изобретены флотеры. Когда стало ясно, что в мире наблюдается массовый уход людей от цивилизации, психологи стали выяснять причины этого явления. Естественно, в соответствии с теми знаниями о человеческой природе которыми они обладают, они обращались сначала к прошлому каждого человека, и только постепенно, в ходе долгих и сложных исследований, они узнали правду.

Оказалось, причиной была сложная комбинация психологической слабости, уязвимости, передаваемой по наследству, и вполне оправданное, естественное стремление уйти от непосильного давления. Но человек не должен уходить от цивилизации и возвращаться к первобытному состоянию — ведь он может построить такую цивилизацию, какая ему нужна, изменить в обществе то, что его не устраивает. А чтобы помочь каждому из людей освободиться от давящего на него груза прошлого, нужно стереть, уничтожить

память о несчастьях и трагедиях в прошлом, накладывающих негативный отпечаток на первичную протоплазму, которая закодирована в клетках и передается от поколения к поколению. Один из первых исследователей в этой области, Карл Густав Юнг в течение долгого времени подозревал о её существовании. Он назвал её «тенью предков». На протяжении многих лет в ходе многочисленных}jqoephlemrnb им была разработана методика проникновения в прошлое и устранения до определенной степени следов первоначального несчастья. Результаты становятся все более ощутимыми с каждым годом. Все больше Планиаков проходят курс обучения у нас. К сожалению, так как они находятся на очень низком культурном уровне, большинство из них не соответствует предъявляемым требованиям и не справляется с обучением. Результат нашей программы обучения не поддается контролю. Человек или воспринимает обучение и становится Тень, или не воспринимает, и тогда остается только на определенном уровне образования, который дает ему возможность стать Твинером. Но становится он Тень или нет — зависит от особой комбинации внутренних характеристик человеческой личности, наличие которых мы

можем констатировть, но не вольны искусственно создавать или вызывать. Вам это понятно?

Каргилл спросил:

— Какого типа люди обычно добиваются успеха?

— Вашего, — сказала Мойра. Она встала и указала на закрытую дверь справа от него, которой он до сих пор не замечал. — Вам нужно пройти туда. Желаю вам удачи.

Каргилл открыл дверь. Она выходила наружу, и за ней было что— то вроде парка. Каргилл увидел заросшую зеленой травой лужайку и цветущие кусты. Он перешагнул порог, обошел кусты и с удивлением понял, что находится в Городе Теней.

У него захватило дух, хотя он и был знаком с их методами транспортации. Он стоял на какой-то площадке и смотрел на Город Теней, раскинувшийся внизу. Но как он попал сюда так быстро? От того здания, в которое он вошел, до города было не меньше мили.

Он осмотрелся вокруг и увидел позади себя невысокую гору, покрытую растительностью. Среди зеленой листвы виднелись цветы всевозможных оттенков, а сухой прохладный воздух был густой и пряный от их ароматов.

Минуту Каргилл простоял так, глубоко дыша, в приятном расслаблении, и вдруг заметил дверь на одном из склонов горы. Он подошел ближе.

Дверь оказалась самой обыкновенной. Он повернул ручку, толкнул дверь и вошел внутрь. Он снова оказался в приемном центре. Та же самая женщина по-прежнему сидела за столом.

— Вас что-то интересует? — спросила она.

— Как работает эта система?

Она показала на верхнюю планку двери.

— Там установлена трубка. Ее луч фокусируется на вас, когда вы переступаете порог, и таким образом осуществляется транспортация.

— Мгновенно?

Она покачала головой.

— Не совсем.

Каргилл постоял в нерешительности. Его поразило ещё одно. Ему никто не препятствовал, когда он захотел вернуться сюда, но после обработки, которой он подвергся в доме Энн Рис, он не позволял себе даже повернуть голову.

— Если бы я мог рассказать этой женщине о Граннисе, — подумал он.

Он открыл рот, но не смог произнести ни слова. Это не было неожиданностью, но он все-таки попытался заговорить ещё раз, и опять неудач-

но. Все было ясно: его возвращение на этот раз было естественным и не имело целью оказать сопротивление. Но в тот момент, когда он решил использовать ситуацию для своих целей, его опять взяли под контроль. Он попытался сконцентрировать всю свою волю, чтобы преодолеть давление, которое на него оказывалось. Это была молчаливая, но отчаянная схватка. Он произносил в уме нужные qknb`, даже представлял себе, как именно будут двигаться его губы, когда он начнет выговаривать эти самые слова. Все было бесполезно. Поняв это, он заключил:

— Пожалуй, мне пора.

Он вышел за дверь и снова оказался в парке. Перед ним была дорожка, и он зашагал по ней, глядя по сторонам и восхищаясь красотой деревьев, цветов, их ароматами, свежестью воздуха, пением птиц. Он попытался представить себе, что же произойдет, когда исчезнет защитный экран и тучи волоров налетят на город, поливая его огнем. Он представил себе эту картину, и у него похолодели руки.

— Твинеры — просто банда убийц, — подумал он мрачно, — раз они хотят осуществить свой зловещий план. Я сделаю все, чтобы сорвать их замыслы, если даже это будет самое последнее

дело в моей жизни.

Казалось, кроме него, в парке людей не было. По дорожке он дошел до главного входа. На воротах висело объявление:

«Вновь прибывшие!

Используя эти флотеры, направляйтесь к квадратному зданию в Центре города».

Каргилл подошел к одному из флотеров и забрался внутрь. Он завел мотор, поднялся в воздух и полетел в указанном направлении. Квадратное здание, о котором шла речь, он нашел без труда. На его крыше горела вывеска: «Центр обучения». Еще одна надпись, что поменьше, гласила: «Приземляться на крыше».

Выйдя из флотера, Каргилл с помощью стрелок, указывающих направление, нашел нужную дверь, затем спустился по мраморной лестнице в отделанный мрамором же коридор. С противоположных концов коридора находились прозрачные двери из материала, напоминающего плексиглас. За большим столом, отделенным от коридора стойкой, сидела женщина. Подойдя к ней, Каргилл назвал себя и подождал, пока она просматривала документы.

— Первый этап обучения, — сказала она, доброжелательно улыбаясь, — пройдет в комнате

номер одиннадцать. Это дальше по коридору справа от вас. — Она добавила ласковым тоном: — Желаю удачи.

Когда Каргилл шел по коридору и слушал стук своих каблуков по мраморному полу, он чувствовал, что страх, напряженность и другие неприятные эмоции, которые он испытал, когда впервые оказался в Городе Теней, исчезают в атмосфере всеобщего дружелюбия. Во всех людях, которых он наблюдал здесь, он ощущал внутреннее спокойствие, уверенность в себе, искреннее внимание к нему. Как это все увязывалось с теми бесчеловечными методами терапии, для которых они собирались убить его, было совершенно непонятно. Здесь существовала какая-то загадка, тайна, и он был полон решимости её разгадать.

В этот момент справа от себя он увидел комнату номер одиннадцать, постоял минуту, открыл дверь и вошел внутрь.

17

Хотя эта комната была похожа на ту, что в приемном центре, она была просторнее. Он увидел письменный стол, стул (один, а не два) и ещё одну дверь — он подумал, не ведет ли она куда-нибудь подальше от города. На стене слева от него висело зеркало. Каргилл подошел к двери и попробовал, не открывается ли она. Дверь была заперта. Когда он повернулся, в воздухе рядом с ним раздался голос:

— Садитесь, пожалуйста.

Хотя тон и был дружелюбным, Каргилл насторожился. Не зная, wrn его ждет каждую минуту, он напряженно и неловко сел на стул.

Голос заговорил снова:

— Смотрите!

Комната погрузилась в темноту, и в воздухе перед глазами Каргилла, на расстоянии не более двух футов от него, возник светящийся поток энергии, как нить накала электрической лампочки, но вне своего вакуумного окружения.

Голос продолжал:

— Вы наблюдаете поток электронов в вакуумной трубке. Смотрите внимательно.

Направление потока стало меняться, он начал закругляться, вращаться вокруг какой-то оси. Через секунду Каргилл увидел, что теперь поток движется точно по спирали.

Он снова услышал обращение:

— Существует старое теоретическое правило, что две силы, воздействующие друг на друга под прямым углом, порождают движение по диагонали. Поэтому в отличие от классической математики одинажды один может в результате дать один с половиной или чуть больше одного. Посмотрите, что происходит, когда мы подводим спирали ближе друг к другу.

Сначала Каргиллу показалось, что ничего не изменилось. Но внимательно присмотревшись, он разглядел, что спирали медленно, почти незаметно притягиваются друг к другу.

— Одинажды один и ещё раз на один, и снова на один и на ноль, — продолжал голос, — в результате дает миллион. Спирали продолжали сближаться. -...и миллиард, — продолжал голос. — Теперь мы накладываем обычный инфракрасный свет, питаемый небольшим аккумулятором. И получаем свое оружие — наш огнемет.

В воздухе возникла схема огнемета, и Каргилл

увидал, как к нему присоединяется трубка и как он питается энергией от аккумулятора.

— Мы накладываем магнитное поле, — услышал Каргилл, — и теперь можем гнуть даже сталь.

Каргилл увидел, как это делается.

Голос тем временем снова заговорил.

— Мы накладываем обычный солнечный свет и получаем солнечный двигатель, источник энергии для флотеров. Возникают различные возможные варианты использования энергии.

Ему продемонстрировали три таких возможных варианта: принцип работы волора, способы вращения колеса и внушения мыслей.

— А теперь, — проговорил тот же голос, — не хотели бы вы испробовать это на себе? Мы концентрируем излучение миллионной трубки для оказания воздействия на мозг, на соответствующие центры в теменной доле левого полушария мозга — так как вы правша — и создаем в мозгу направленный поток по образу и подобию трубки. Другими словами, в самом мозге возникает трубка из нервных волокон. Так как в своем обычном состоянии вы не можете накладывать другие ритмы на поток в этой трубке из органическокй материи, мы используем полученный нами

новый инструмент контроля для того, чтобы несколько изменить атомное строение вашего тела. И, таким образом, с помощью энергии пирамиды мы создаем облик Тени. Молодой человек! Посмотрите на себя в зеркало.

В комнате стало светло. Каргилл в нерешительности, не зная, что его ожидает, подошел к зеркалу.

На него смотрела Тень!

«О, господи!» — подумал он. Он посмотрел на себя ещё раз. Да, он стал Тенью.

Он стал осознавать разницу между прежним своим состоянием и настоящим. Зрение его стало более острым. Он повернулся к зеркалу и понял, что оно стало как будто менее материальным. В следующую qejsmds его взгляд прошел через зеркало, и вот он уже стоял на какой-то высоте и взирал на мир, будто с вершины Олимпа. Далекая точка в небе за невидимой теперь пирамидой привлекла его внимание. Его взгляд устремился к этой точке. Это был ястреб.

Потрясенный этим удивительным эффектом телескопического зрения, он вернулся в комнату и посмотрел на пол. Пол начал потихоньку растворяться и стал прозрачным как стекло. Каргилл-Тень продолжал смотреть, и взгляд его

пошел вглубь, в землю. Сначала она была мягкой и темно-коричневой, потом шел слой серого камня, потом слой коричнево-красного цвета, потом темный глинистый сланец — далее он уже не мог разглядеть. Он вернул свой взгляд из недр земли, осознав, что его взгляд может проникать лишь на определенную глубину.

Снова послышался тот же голос.

— Теперь мы вас вернем в обычное состояние. Пожалуйста, заметьте, что важно было сначала направить ваше внимание, сконцентрировать его. Таким образом проходит визуализация объектов вашего интереса.

Зеркало снова стало материальным, и он увидел знакомое отражение Мортона Каргилла.

Голос поинтересовался:

— Хотите ли вы что-либо сказать или задать какие-нибудь вопросы?

Каргилл, секунду поколебавшись, спросил:

— Существует ли теория, которая объясняет, каким образом создается облик Тени? Как можно твердую материю превратить в нематериальную субстанцию?

Последовало молчание, потом говорящий тихо рассмеялся и ответил:

— Я, конечно, мог бы сказать, что материя в

действительности не существует. Это поняли уже давно.

Каргилл кивнул и саркастически усмехнулся. В двадцатом веке ученые на словах заявляли о своей приверженности этой идее, а в своей обычной жизни вели себя так, как будто бы материя реально существовала. Он подумал о том мире, который он исследовал в своих, как он их мысленно называл, снах, и решил, что мог бы попытаться изучить его поближе.

Голос заговорил опять:

— В данном случае, однако, правильнее было бы сказать, что мы делаем тело более материальным, но не менее. Дело в том, что мы используем энергию из внешнего источника и настолько органично синхронизируем все потоки энергии в теле, что создаем таким образом дополнительную жизненную энергию. Мы исследовали это явление во всех состояниях до стадии умирания и включая саму смерть, которую можно вызвать как излишком энергии, так и сокращением имеющейся. Результаты этих экспериментов были поразительными. По мере того как мы поднимали уровень энергетического обеспечения, человек становился более разумным, увеличивался его интеллектуальный потенциал, затем

начинался обратный процесс, затем — снова движение вверх, потом — вниз, потом опять вверх, и на каждом этапе этот процесс сопровождался различными явлениями. Эти циклические изменения происходили до стадии дематерилизации, причем последовательное чередование позитивных и негативных моментов сохранялось на всем протяжении процесса. На более высоких негативных этапах имели место опасные реакции.

Если вы можете себе представить человека с высочайшим уровнем развития интеллекта и абсолютно безнравственного, лишенного каких бы то ни было моральных устоев, тогда вам будет понятно, что я имею в виду. В первый раз, когда мы достигли такого эффекта, нам onbegkn. Далее мы уже могли предвосхищать такое развитие эксперимента и принимали все меры предосторожности, но, несмотря на это, в некоторых случаях буквально чудом удавалось избежать больших неприятностей. Этот ответ вас удовлетворяет?

Каргилл немного помолчал, раздумывая. Все, что здесь было сказано, соответствовало в основном тем странным и неожиданным выводам, которые он сформулировал во время своего первого сна. Еще тогда, в том сне, он знал, что

внешняя энергия не нужна. Но если это действительно так, тогда Тени просто ещё не знают, как можно достичь этого состояния. Наконец он отрицательно покачал головой.

— У меня вопросов пока больше нет, — сказал он.

— Очень хорошо. В таком случае после некоторых дополнительных занятий вы можете превращаться в Тень, когда захотите, и для этого вам достаточно будет только подумать об этом. Вторая дверь в этой комнате теперь открыта. За ней вы обнаружите квартиры. Те, над которыми горят зеленый свет, свободны, и вы можете выбрать себе на время одну из них. Я скоро с вами свяжусь.

Квартира, в которой он поселился, была удивительно большой: пять комнат и две ванные. Каргилл быстро осмотрел её. Внимание его привлек только телефон. Он был установлен в небольшой нише, и к нему был подключен телевизор с вынесенным на стену экраном. На приборной панели телевизора находился ряд кнопок, которые заинтересовали Каргилла. Над ними была надпись: «Справочные материалы».

На кнопках были обозначены буквы алфавита, и вдруг ему в голову пришла идея узнать, какая

информация содержится в памяти этого устройства о Граннисе. Он набрал первые три буквы его имени ГРА, и на экране возник длинный список имен, начинающихся с этих букв: Гранджер, Граннел, Грант…

Гранниса среди них не было.

«Но этого не может быть, — подумал Каргилл. — Мне необходимо добраться до него сейчас, до того как он передаст мне сигнал к действию». Он мог бы воспользоваться возможностью и застать Гранниса врасплох, прежде чем тот сможет защититься, превратившись в тень. В облике человека он должен быть уязвимым, как любой другой. «Я обязательно должен найти его, — сказал он себе. — Наверное, есть причина, почему его имени нет в списке. Если бы я только мог кого-нибудь спросить об этом!»

В гостиной были часы, который показывали десять минут одиннадцатого. А что, если они решили, подумал он, что он должен отключить защитный экран сегодня в полдень? Нельзя было терять ни минуты.

Он вышел из квартиры и оказался на длинной торговой улице. Магазины, расположенные по обеим её сторонам, были заполнены покупателями, и ему вдруг страшно захотелось зайти в одно

из этих красивых, просторных зданий, но так как времени у него не было, он ограничился тем, что заглянул внутрь через стекло витрины. Он поразился тому, как привычно все выглядело внутри.

Каргилл поспешил дальше. Готовый к борьбе, полный решимости не останавливаться ни перед чем для достижения своей цели, он не имел представления, куда ему нужно было идти. Единственное, что он знал точно, — это то, что ему дорога каждая минута. Он прошел торговую улицу и оказался в районе тихих, зеленых улиц жилого квартала, среди домов, отдаленных от дороги цветами и газонами. Около многих домов играли дети. Несколько раз он видел мужчин и женщин, работающих или гуляющих в саду или сидящих на верандах около домов. И ни разу он не встретил ни одной Тени. Это состояние было нужно для перемещения во времени и в том случае, когда им угрожала опасность. Каргилл, чувствуя, что начинает нервничать, постарался себе представить, как быстро они могут надевать эту qbn~ защитную личину.

Он все время смотрел на вывески с именами владельцев домов и искал имя Гранниса. Время приближалось к полудню, и тщетность его усилий становилась все очевиднее. В самом деле,

наивно было бы надеяться, что в таком большом городе можно найти человека, чье имя не внесено даже в справочник, торопливо пробежавшись по улицам.

Каргиллу пришлось признаться самому себе, что он совершил ошибку. «Я вернусь в квартиру, — решил он, — и не буду оттуда выходить. Не стану открывать никому дверь и отвечать на телефонные звонки. Тогда они не смогут передать мне сигнал:.

Когда он подошел к квадратному зданию, его часы, которые он ставил по часам в своей квартире, показывали без двадцати двенадцать. Каргилл почувствовал, что от волнения и нервного напряжения у него похолодели руки. Он удивился, заметив, что около входа в одно из круглых зданий неподалеку собралось множество людей, и спросил одного из них:

— Что здесь происходит?

Человек взглянул на него с добродушным видом:

— Мы ждем важного сообщения. Получены сведения из будущего о результатах выборов, которые были проведены сегодня, и мы ждем подтверждения.

Каргилл поспешил к себе. «Значит, они про-

водят выборы?» — скептически подумал он. Почему-то это показалось ему странным. Лэн Бруч сказал, что будущего не существует. Здесь что-то не стыковывалось. Но толпа людей, ждущая подтверждения информации из будущего, была реальностью, а в реальности существования Лэна Бруча в Мерлики в 7301 году у него были большие сомнения. Он склонялся к мысли, что это была игра его воображения.

Наконец он добрался до своей квартиры. Как только он открыл дверь, металлический голос, доносящийся из ниши с телефоном, сказал, «Вам надлежит немедленно явиться в главный оффис, здание „С“ Граннис просит вас немедленно явиться в главный оффис, здание „С“…»

Хотя это и не было совершенно неожиданно, каргилл вздрогнул и замер на месте в оцепенении. Через мгновение самообладание вернулось к нему, и он понял, что настал момент для решительных действий. Ему все-таки придется убить Гранниса, воспользовавшись тем, что он теперь тоже стал Тенью и возможности его расширились.

Все, что до сих пор происходило, было результатом его собственных действий, и никто не может снять с него ответственности за их последствия.

Он должен сделать то, что ему предначертано. Только теперь он знает о неминуемой катастрофе, грозящей людям и миру.

Каргилл отключил устройство, монотонно повторяющее распоряжение Гранниса, и вышел из квартиры. У какого-то прохожего он узнал, где находится здание «С», и удивился, что оно оказалось совсем рядом. Через несколько минут он был уже на месте и вошел в главный оффис.

Каргилл увидел перед собой высокого крепкого сложения мужчину приятной внешности с сединой на висках. На вид ему было лет шестьдесят. Он поднялся из-за стола, подошел к Каргиллу и заговорил с ним без всяких предисловий.

— Я старею, — сказал он. — Несмотря на то, что я все время в движении и веду активный образ жизни, возраст все-таки берет свое. Хотя, может быть, это не удивительно, если учесть, что прожил я где-то в общей сложности тысячу лет. — Он усмехнулся. — Я пробыл Граннисом уже восемьдесят семь лет, так что сейчас я рад, что мне наконец подобрали преемника. Необычно то, что избран человек, который только что попал к нам, но выбор этот сделан людьми из asdsyecn, и это они предложили вашу кандидатуру и потребовали, чтобы это было осуществлено

немедленно. Так что, — он обвел руками комнату, — вот! — Он заговорил деловым тоном. — Вы быстро войдете в курс дела и освоитесь со своими обязанностями. Короче говоря, ваша роль будет… — защитник государства. чтобы выполнять эту функцию так, как полагается, вам придется время от времени жить среди Твинеров. За ними надо приглядывать. Как это сделал я — я женился на девушке из Твинеров. Жена у меня была Тень, но четыре года назад она окончательно умерла. — Он не объяснил, что это значило, и продолжил: — Я думаю, вам надо вскоре проверить, что там затевают Твинеры. Ну и, конечно, вы подписываете документы, дающие разрешение на терапию. Правом вето в этих случаях вы не обладаете, но у вас ещё все впереди. — Он протянул Каргиллу руку. — Ну, а теперь, прежде чем я уйду, есть ли у вас вопросы?

* * *

— Граннис! — произнес Каргилл. Он был потрясен до такой степени, что, хотя у него возникло тысяча вопросов, он смог выговорить только это магическое слово.

Замешательство Каргилла вызвало улыбку у его собеседника.

— Так как вы у нас недавно, вы, конечно, не знаете ничего о нашей истории. Человека, первым открывшего секреты Теней, звали Граннис. Он стал нашим первым предводителем, и теперь его имя — это символ, синоним слова «лидер».

— Граннис! — снова повторил Каргилл. Перед его глазами мелькнуло видение, образ человека, использовавшего энергию времени сначала для спасения своей собственной жизни, потом для того, чтобы предотвратить ненужную войну, и в конце концов занять место лидера среди Теней, стать Граннисом. Эти размышления придали ему сил и уверенности в себе, и когда он заговорил, голос его прозвучал вполне твердо:

— Не расскажете ли вы мне поподробнее о своих обязанностях?

Пока он слушал, голова его кружилась от волнения, и мысли путались. Теперь он Граннис и будет планировать нападение Планиаков на Твинеров, а Твинеров — на Теней. Но он будет делать это не потому, что вынашивает какие-то тайные планы, а потому, что так случилось в действительности.

Усилием воли он остановил полет своей фантазии и вспомнил недавнее прошлое, как его вернули в комнату терапии здесь, в Городе Теней,

а оттуда — в столицу Твинеров. Для чего это было нужно? Почему нельзя было, чтобы он прибыл прямо в приемный центр и дальше в Город Теней и ждал бы там исхода своих выборов?

Конечно, Граннису необходимо было держать под контролем заговоры, которые уже замышлялись. Как Граннис он был бы вынужден действовать, исходя из понимания хода развития событий Мортона Каргилла. Как Каргилл он действовал в соответствии с указаниями Гранниса. Тут Каргилл задумался, удивленный своим собственным выводом. «Минутку, — сказал он сам себе. — Здесь что-то не так. Мы оба не можем действовать в соответствии с тем, что делал каждый из нас. Тогда получается замкнутый круг…»

В этот самый момент Граннис перебил его мысль.

— У вас есть ещё вопросы?

Каргилл должен был задать ещё один вопрос.

— Каким образом люди будущего дали вам знать, что нужно выбрать меня?

Граннис улыбнулся.

— Их представитель, Лэн Бруч, передал нам результаты выборов и назвал ваше имя. Сегодня после голосования с помощью компьютера были сверены его материалы с результатами голосо-

вания, и, когда они полностью совпали, мы не сомневались, что получили достоверные сведения из будущего. Естественно, когда было названо ваше имя, qngd`k`q| ситуация, уникальная для нашей истории. Нас всех очень интересует, какими будут результаты.

Каргилл в это время думал: «Лэн Бруч из призрачной, полуреальной Мерлики упорно борется за свое будущее, за то, чтобы его мир стал реальным и осязаемым. Но какую роль здесь играют Тени?» Не в первый раз ему пришло в голову, что эти суперлюди— Тени, несмотря на свои добрые намерения, очень смутно понимали, как огромен потенциал той энергии, которую они приручили. Может оказаться, что их усилия видеть во всем хорошее не дадут положительных результатов. Они пытались жить, не стесняя себя границами, но, возможно, это представляло собой равновесие между добром и злом, между правдой и ложью, причиной и следствием, ответственностью и безответственностью.

В одном сомнения не было: Теней в данном случае использовали в своих интересах. Здесь он остановился от неожиданности. как-то незаметно для него самого фантазия стала реальностью. «Лэн Бруч? — спросил он вслух. — Лэн Бруч?»

Граннис ответил ему что-то, но Каргилл не расслышал. Он подумал, что если Лэн Бруч действительно из будущего, значит эта часть «сна» Каргилла была реальностью. Это было первое подтверждение того, и поэтому трудно было переоценить его важность. Значит то, что произошло, стало событием в пространственно-временном континууме, но пока неизвестно, где. Ему нужно было помнить, что пространственно-временной континуум Мерлики ещё не существовал. Мерлика не станет реальностью, пока Твинеры не победят.

Каргиллу стало не по себе, так как все шло к этому, сам ход развития событий вел, подталкивал к достижению этой цели. И тем не менее по-прежнему ясно было то, что разрушение Города Теней было бы несправедливо. Но к разрушению все уже было готово: в критический момент войны между Твинерами и Тенями Мортон Каргилл, загипнотизированный Твинерами, занял позицию в Городе Теней, откуда он мог отправиться, не встретив сопротивления, совершать свой акт предательства. Все, что было нужно для осуществления зловещего плана — сигнал к действию, который должны были передать ему.

Граннис произнес:

— Сейчас половина первого. Я оставлю вас, чтобы вы освоились здесь, в оффисе. В соседней комнате ваши помощники. Не стесняйтесь обращаться к ним.

Он снова протянул руку Каргиллу. Тот пожал её и сказал:

— Мне могут понадобиться ваши советы. Навестите меня как— нибудь, хорошо?»

Граннис в этот момент отвернулся, и Каргилл не видел его реакции. «Навестите меня как-нибудь!» — это был сигнал для него отключить защитный экран. И он дал себе его сам.

Когда Граннис ушел, Каргилл опустился в кресло. Его охватило невольное восхищение: это была блестящая идея сделать так, чтобы он сам произнес сигнальную фразу. Таким образом, они застраховали себя от непредвиденных случайностей. Какая хитрая это штука, человеческий мозг! Как естественно она вписалась в обычный разговор. Наконец он решил, что пора действовать. «У меня в запасе чуть больше двенадцати часов, — подумал он. — Нападение будет предпринято в полночь».

Он поднялся, вспомнив, что сказал ему голос, когда его перенесли в будущее из коктейль-бара в Лос-Анджелесе в 1954 году: его организм реаги-

ровал позитивными изменениями только когда действительно происходили какие-то события. Должный сигнал получен. Он знал, сколько ему отведено времени. Это было реальное событие.

Оставалось уточнить одну вещь: как специалисты в области терапии в Городе Теней восприняли исчезновение Мортона Каргилла два месяца назад? Это происшествие, наверное, нашло свое отражение где-то в бумагах. Он решил посмотреть подборку документов, относящихся к Граннису.

Эту запись он нашел на удивление быстро, и она потрясла его до глубины души.

«Мортон Каргилл, 1954. Рекомендуемая терапия: быть убитым в присутствии Бетти Лейн. Выполнение: выполнено в 9 часов 40 минут.

Примечание: объект казался необычайно спокойным во время смерти».

И это было все. Очевидно, процесс был настолько привычным, что все подробности опускались и регистрировалась только основная информация.

Значит, Мортон Каргилл, несмотря на все свои ухищрения, все— таки каким-то образом снова попал в комнату терапии к Теням, которые даже и не подозревали о его похождениях, и в нужное время получил назначенную ему терапию. Кстати, в официальных документах не говорилось,

что было сделано с его телом.

Каргилл медленно покачал головой. «Я не верю этому, — сказал он себе. — Как Граннис я мог подделать эту запись».

Он ещё раз перечитал её и обратил внимание на то, что внизу рядом с его подписью были подписи ещё двух человек, а на бумаге стоял штамп с печатью. Хотя это придавало документу официальный и весьма убедительный вид, Каргилл все же отказывался этому верить. Кроме того, с той властью, которую Тени имели над временем, с тем пониманием жизненных процессов, которого им удалось достичь, они были способны создавать удивительные парадоксы, и эта смерть могла иметь место в далеком будущем, где-нибудь через тысячу лет.

Это подбодрило его. Он осмотрел свой просторный кабинет, подошел к окну, которое выходило на красивый и уютный город в горах.

Перед ним раскинулся голод будущего, город необыкновенных людей, покоривших пространство и время. И он, Каргилл, был их предводителем, Граннисом Теней! Он мог перемещаться во времени так, как хотел. «Мне нужно только обеспечить, чтобы все произошло так, как это было на самом деле».

Он стал торопливо готовиться к парадоксу. Сначала несколько раз принимал облик Тени и возвращался в обычное состояние. Затем решил попробовать перемещение: «Я хочу вернуться обратно в…» Мысленно он назвал то место, в котором хотел бы оказаться, но ничего не произошло. Это испугало Каргилла, но сдаваться он не собирался.

«Наверное, я что-то делаю не то, — сказал он себе. Но что нужно было делать? Он вспомнил, что говорил ему инструктор о вибрации и визуализации. Он снова принял обычный человеческий облик и задумался, какую вибрацию можно использовать как основу. Единственное, что пришло в голову, это средняя нота „да“ в музыкальной гамме. Он прикинул на бумаге, сколько её вибраций приходится на один день.

Затем он снова превратился в Тень, представил себе то место, где хотел оказаться, — таким образом состоялась визуализация — произнес ноту «до» и подумал о количестве её вибраций.

Он почувствовал, что неудержимо падает куда-то и… исчез.

А за два часа до того, как флотер с Мортоном Каргиллом на борту вылетел из столицы Твинеров в Город Теней, другой Мортон Каргилл

связался с Витроу. В результате, спустя полчаса, когда первый Каргилл находился на пути к Городу Теней и прежде чем правительство смогло принять какие-либо защитные меры, началась революция Твинеров. Так как правительство было захвачено врасплох, sd`knq| быстро одержать победу ценой минимальных потерь. Таким образом, фраза, которая должна была стать сигналом для отключения защитного поля, теряла свой смысл, так как ни о какой войне с Тенями теперь не могло быть и речи.

Затем Граннис-Каргилл вернулся в прошлое, в тот момент, когда Лела Боуви и ещё один Мортон Каргилл были осаждены в своем флотере. Оказавшись внутри флотера, он перенес Каргилла в комнату терапии в Городе Теней, откуда Энн Рис должна была его вызволить во второй раз. В облике Гранниса он немедленно вернулся на флотер. Не обращая внимания на протесты Лелы, он проследовал прямо в кабину управления. После того обучения, которое он прошел, ему было достаточно взглянуть на трубку мотора, чтобы определить причину неисправности. Бестелесными руками Тени он проник сквозь защитный кожух мотора и поправил один рычажок, который заклинило. Когда восстановился нормальный поток энергии,

флотер тут же начал подниматься вверх.

Когда Лела уже была в безопасности, он ещё раз перенесся в прошлое, в ту ночь, когда Каргилл и лела убежали из лагеря Планиаков.

Осторожно намекнув на их прошлые встречи, он выведал у Кармин, когда и где они происходили. Он начал вести дневник, в котором записывал свои перемещения, но потом с досадой на себя подумал: «Но ведь такой дневник существует там, в будущем. Я, безусловно, положил его так, чтобы его легче было найти».

Вернувшись в Город Теней, он отыскал дневник в верхнем ящике стола Гранниса. Список был там, с перечислением всех имен, мест и предпринятых действий.

Теперь он мог вернуться в главный оффис здания «С» через минуту после того, как он покинул комнату. Благодаря временному парадоксу в Городе Теней прошло всего несколько часов с тех пор, как он в первый раз оказался в приемном центре. Через пять минут после его возвращения зазвонил телефон. Это был инструктор, который обучал его премудростям, которые должны знать Тени.

— Если вы вернетесь в комнату номер одиннадцать, мы продолжим занятия. Осталось не так

много, но нужно довести дело до конца.

Каргилл пошел по направлению к комнате, рассуждая про себя: «Если бы я только мог задать вопрос о записи в документах о моей смерти так, чтобы не выдать себя». Он попытался представить, можно ли было сделать так, чтобы он мог присутствовать во время проведения терапии, но эту мысль прошлось отбросить. Необходимо было помнить, что действие парадокса имело тоже какой-то предел, дальше которого заходить не следовало.

Как только он вошел в комнату номер одиннадцать, так погас свет и все тот же голос заговорил:

Давным-давно, когда мы впервые раскрыли сущность процессов, управляющих жизнью и смертью, мы решили, что Теням необходимо испытать на себе ощущения, связанные со смертью, и, конечно, возрождением к жизни. Это посчитали необходимым в связи с всеобщим страхом перед смертью. Когда человек на самом деле умирает и возвращается к жизни, ассоциирующийся со смертью страх исчезает навсегда, кроме очень редких случаев. Процесс смерти оказывает и другое влияние на весь организм человека. Особенно важно то, что смерть окончательно снимает

разные типы нервных стрессов. По этой причине мы без колебания рекомендуем смерть как вид терапии для людей, которых мы забираем из прошлого в ходе нашей работы в Межвременном обществе психологической адаптации.

«Что-что? — хотел спросить в этот момент Каргилл. — Что вы сказали?» — но промолчал.

Инструктор продолжал:

— Мы всегда оживляем пациента после терапии, после того как nm и пострадавшая сторона убеждаются на практике, что смерть действительно имела место, но вторая сторона никогда не узнает о том, что затем происходит оживление. Многие из них испытывают потом потрясение по поводу того, что произошло, но тогда мы убеждаем их, что справедливость восторжествовала. И в таком сочетании, и только в таком, достигается тот самый эффект, который необходим.

Каргилл медленно проговорил:

— Что касается смерти, то может ли один человек пройти через неё несколько раз без отрицательных последствий?

— Мало кто из Теней, — прозвучало в ответ, — смог бы прожить тысячу лет, если бы это было по-другому. Но несмотря на все меры предосторожности, происходит много несчастных

случаев. — Голос добавил: — Однако мы не рекомендуем переживать смерть более десяти раз. Иначе клетки начинают запоминать этот процесс.

Каргилл, поколебавшись, спросил:

— Есть ещё одна вещь, которую мне хотелось бы выяснить. Могу ли я перенестись в свое будущее?

— Нет, Тело может повторить что-то, что уже с ним случалось. Для того, чтобы вы могли попасть в будущее, нужно, чтобы кто— нибудь оттуда забрал вас. Тогда будет как бы проложен путь и вы сможете перемещаться из этого будущего в прошлое.

Каргилл внимательно слушал. Причина, по которой он интересовался будущим, — его общение с Лэном Бручем. Теперь он был уверен, что Лэн Бруч на самом деле переносил его в будущее, в Мерлику. Все остальное в его «снах» казалось скорее пробуждением давно забытых воспоминаний.

Он не хотел, чтобы что-либо подобное произошло сейчас, чтобы какой-нибудь случайное вторжение экстрасенсорных явлений помешало процессу его обучения. Возникал, естественно, вопрос: а что он может сделать, чтобы этого не

случилось. Если в смерти наступало разделение тела и духа, тогда он, со своим прошлым опытом, будет способен осознать это и будет об этом помнить.

Каргилл сказал медленно:

— Когда я должен принять смерть?

— Это зависит от вас. Можно сейчас, а можно подождать, когда произойдет какой-нибудь несчастный случай.

Каргилл задумался. Мысль о том, что умереть можно сейчас, пугала его. И, кроме того, нужно было сначала кое-что сделать. Возможно также, что он мог бы каким-то образом отделить свою «смерть» от случая с Бетти Лейен и рассматривать её как неотъемлемую часть программы обучения, и тогда уме будет легче пойти на это.

— Я подожду, — сказал он наконец.

— Очень хорошо, — произнес голос, — свяжитесь со мной, когда будете готовы.

Раздался щелчок в замке, и дверь открылась. Каргилл решил, что ему нельзя терять времени. Он вспомнил ещё кое-что, что ему нужно сделать прежде, чем он убедится, что останется здесь, в двадцать четвертом веке.

Например, он вспомнил себя, когда Энн Рис впервые привела его, капитана Мортона Кар-

гилла, только что перенесенного в двадцать четвертое столетие, в мраморную комнату, где он встретился с Граннисом. Зачем нужна была эта встреча, раньше ему было непонятно, а теперь стало ясно. «Конечно, — думал он, — было необходимо, чтобы Каргилл увидел, что представляет собой Тень. Кроме того, это был простейший способ забрать обратно то устройство для траспортации, которе он дал Энн, чтобы она могла освободить Каргилла из комнаты терапии».

Был ещё один момент, который он хотел для себя прояснить, а hlemmn причину того ложного представления о себе, которое сложилось у Планиаков и Твинеров о том, в чем могущественны и чего не могут делать Тени. Некоторые вещи, конечно, можно было отнести за счет собственного невежества Твинеров и Планиаков, но Граннис, видимо, намеренно подтверждал их ошибочные выводы, чтобы ввести их в заблуждение. И ещё одно: факт, что раньше уже были случаи удачных побегов. Теперь Каргиллу было ясно, что ни Планиаки, ни Твинеры не могли бы убежать от Теней без их ведома. безусловно, беглецам помогал Граннис. Но для чего? Для того, чтобы Планиаки убедились, что такие случаи имеют место, и чтобы, когда появится Каргилл, у них не

было бы сомнения в том, что он такой же беглец, как и другие.

Каргилл вздохнул. Задача найти свое место в будущем была сложной, включающей много этапов. Но он постепенно делал все необходимое для этого…

* * *

Позже, направляясь в комнату терапии, он наконец почувствовал, что готов к той процедуре, которая казалась ему сначала просто невероятной. По-видимому, для него смерть будет не таким впечатляющим событием, как для Бетти Лейн. Она должна будет пережить потрясение, наблюдая его смерть, а он не ожидал испытать никакого шока. Но один вопрос все-таки не давал ему покоя все то время, пока он ждал в своей половине квартиры со стеклянной стеной, когда за ним придут. Вопрос этот касался Лэна Бруча из далекой Мерлики.

Тот собирался сказать ему, что он, Каргилл, должен сделать, чтобы Твинеры победили. Было странно, что именно в тот момент, когда Лэн об этом заговорил, все исчезло. Каргилл неоднократно задавал себе вопрос, слышал ли он эти слова на самом деле или нет? Возможно ли, что

знает, каким образом Твинеры могли победить? Может ли быть так, что все, что он до сих пор сделал для того, чтобы Твинеры не победили, будет перечеркнуто каким-нибудь непредвиденным событием?

Каргилл уверял себя, что такое невозможно. Но в ту минуту, когда он услышал знакомый голос, прозвучавший в воздухе прямо около его уха, Каргилл подумал: «Если я смогу вспомнить, как выглядела та геометрическая фигура, мне, может быть, удастся приблизиться к Мерлике и вспомнить точно, что сказал Лэн Бруч».

19

Каким-то непостижимым образом Каргилл, казалось, отделился от своего тела, поднялся вверх и стал наблюдать сцену, происходящую под ним. Но в то же время он сам участвовал в этом процессе. Ему хотелось разорвать потоки энергии мощностью в миллион единиц, которые связывали его с неодушевленным материальным предметом, который находился внизу. Но он знал, что тело его в действительно ещё не мертво, хотя всякое движение в нем прекратилось. Сердце, легкие, все внутренние органы перестали функционировать.

Тот факт, что тело его все ещё удерживало, очень беспокоил Каргилла, потому что ему как раз куда-то надо было идти. Он понял, что на этот раз все происходит по-другому, не так, как раньше. Раньше он не ставил под сомнение необходимость идти куда-то, не задавал себе вопросов, куда он должен направиться, а просто шел туда. Сейчас он думал: «С какой стати мне вообще куда бы то ни было надо идти?»

И это на самом деле была новая мысль. В ней чувствовалась уверенность не как эмоциональ-

ное состояние, но как убеждение. С любопытством он созерцал тело, которое было Мортоном Каргилллом, бесстрастно взирал на то, что происходило. Он направил поток}mepchh сквозь стену, туда, где находилась энергетическая трубка, с помощью которой была вызвана смерть и которая сейчас осуществляла изменения состояния его тела. Некоторые из этих изменений интерферировали со сложным потоком из многих энергетических составляющих, который связывал его с комплексом пространства, времени и энергии внизу, который, как он внезапно понял, был частью его собственного мира. Эта интерференция была интересна тем, что была направлена на области турбулентных потоков, которые с того места, откуда он их наблюдал, казались черными.

По мере того как трубка работала, направляя потоки энергии на участки турбулентного возмущения, нарушенные потоки в этих местах меняли цвет, становясь белыми. Заинтересовавшись, Каргилл стал искать новые черные участки и, найдя ещё несколько, тоже сделал их белыми. Он с интересом продолжал заниматься этим, как вдруг вспомнил, как выглядела та геометрическая фигура, которая привела его и к

озеру, и к статуе, и в Мерлику. Он попал туда, как ему помнилось, вроде бы случайно. Тогда части, составляющие эту геометрическую структуру, пришли в движение, как будто под воздействием какой-то силы. Он представил себе эту структуру рядом с собой и увидел, что внутри неё происходит какой-то движение! Она дрожала, закручивалась и вибрировала.

Не отдавая себе отчета в том, почему он так делает, но совершенно точно зная, что именно так следует поступить, Каргилл сосредоточился на небольшом участке геометрической фигуры, — причем остальные в этот момент как бы исчезли — и усилил все автоматически происходящие вибрации и закрчивания, периодически пытаясь резко остановить их. С третьей попытки ему удалось полностью прекратить всякое движение на этом небольшом участке, не прилагая больших усилий.

Сейчас же он вообразил себе всю фигуру целиком и начал повторять эти же манипуляции, пытаясь взять её под контроль целиком. Это у него получилось с четвертой попытки.

«Чего я достиг?» — спросил он себя.

Он все ещё ощущал себя парящим где-то над мертвым телом Мортона Каргилла со стоящей

рядом с ним с побелевшим лицом Бетти Лейн. Посмотрев вокруг, он заметил, что откуда-то издалека к телу, лежащему внизу, направились потоки энергии и обволокли его со всех сторон. Он знал каким-то непонятным для себя образом, что источники этой энергии находились далеко в глубине времени и пространства.

Каргилл решительно направил вниз сложный поток своей энергии и отвел от тела энергетические лучи, идущие извне, один за другим. Когда он проделал это с первым пучком энергии, вдруг услышал слова Лэна Бруча:

— Он победил нас.

Отсоединяя второй луч, он воспринял ещё чью-то мысль: «Я сомневаюсь, что города будущего должны вмешиваться.

Мысли, которые передавались ему вместе с другими потоками энергии, было труднее выразить словами, но смысл их был в том, что то, что сейчас проделал Каргилл, отсоединив направленную извне энергию, никогда не случалось раньше. Каргилл почувствовал, что это вызвало насмешки тех, кто посылал эту энергию. Он ощутил, этот беззвучный смех, вернее, сардоническую усмешку, за которой было скрыто понимание. Каргиллу стало ясно, что за этим скрывается. Это было при-

знание, что он овладел некоторыми правилами игры и мог теперь считаться по меньшей мере игроком вспомогательного состава.

Где-то чей-то властный голос предложил:

— Давайте изменим правила нашей вселенной.

Тут же послышался ответ:

— Он уже устанавливает свои правила.

— Это, — вмешался кто-то третий, — кратчайший путь к тому, чтобы оказаться не у дел.

Каргилл подумал серьезно: «Значит, Лэн Бруч считает, что я взял над ним верх. Хорошо». Значит, теперь ему не нужно знать, что тогда сказал ему Лэн. Эта связь была разорвана на энергетическом уровне. Он продолжал напряженно думать: «На самом деле в моем мире больше никого, кроме меня, нет. Все это мои собственные мысли. Я играю в эту игру, и все фигуры в этой игре — это я, и все игроки — это тоже я, и…

Последнюю мысль ему почему-то не удалось оформить словами. Он сознательно постарался не знать, что он подумал и пообещал сам себе не пытаться это вспомнить. Зачем-то ему было важно как можно дальше отогнать эту мысль от себя. Он подумал даже, какие вечные кары он мог бы наложить на себя за то, что даже на мгновение

показал… что?

Он не мог вспомнить.

Он открыл глаза и посмотрел на стоящие над ним две Тени, которые проводили терапию. Один из них тут же ушел, а второй посмотрел на лежащего Каргилла лишенными всякого выражения глазами и сделал ему знак рукой, смысл которого было однозначен: «Садитесь!»

Каргилл сел, посмотрел вокруг и поразился произошедшей с ним перемене. Он чувствовал себя отдохнувшим, полным новой энергии и более чем когда-либо ощущающим радость жизни. Теперь он ещё яснее понимал, для чего нужно было, чтобы он прошел через то испытание, которое ему было уготовано. Он вспомнил, какую релаксацию на всех уровнях испытал он в результате своей смерти, которая означала катарсис для Бетти Лейн.

Это было старо как мир. Наказание существует и в животном мире, и когда его нет, мозг зверя поражается неврозом так же глубоко, как и мозг человека в подобных обстоятельствах. На слона—самца, наслаждающегося жизнью среди своих самок, нападает более сильный самец и изгоняет его в джунгли. Несправедливость случившегося сводит пострадавшего с ума, и вскоре в джунглях

появляется опасное, злобное, полупомешанное от отчаяния животное. Ад существовал ещё до того, как придумали рай. Когда-то людей вешали за то, что они украли шиллинг, — до тех пор, пока эта сумма считалась значительной. Мораль, конечно, претерпевала изменения. То, что одно поколение считало преступлением, для следующего становилось обычным делом, и таким образом приходило избавление для страдавших потомков людей, которые не испытали очистительного воздействия катарсиса. Но всегда существовали вечные, непреходящие ценности, и одной из них всегда являлась неприкосновенность человеческой жизни. За лишение человека жизни ему подобным нужно было платить. грубые оскорбления оставляли неизгладимый след на протоплазме. Революции и войны, бесчеловечные и жестокие — какой страшной была расплата за них! Катастрофы потрясали землю и порождали новые и новые трагедии. Последствия трагедий проходили через века как ударная волна после взрыва.

Жертва переживает катарсис, когда преступник схвачен и наказан. Сам преступник, оказавшись в тюрьме, искупает свою вину наказанием и получает облегчение… Свободный и успокоенный,

Каргилл в первый раз осознал, что осталось последнее из того, что ему необходимо сделать.

В данном случае «преступник» ещё не совершил того преступления, которое сделало возможным появление Мортона Каргилла в двадцать четвертом столетии.

Это был 1953 год. По одной из улиц Лос-Анджелеса шел… человек— Тень. Ему понадобилось некоторое время, чтобы найти нужный jnjreik|-бар. Он не очень ясно помнил, где он бродил в тот вечер, но вдруг он увидел вывеску, и что-то в его памяти подсказало ему, — что это здесь. Глядя сквозь стену, он увидел внутри Мортона Каргилла. Но Мари Шане там не было.

Это поразило Гранниса-Каргилла. Он отступил в темноту и в первый раз серьезно задумался над тем, что он сейчас собирался сделать. Он понял, что намеренно отодвигал этот эпизод подальше, в глубины своей памяти, с тем, чтобы забыть его. Но тем не менее он знал, что рано или поздно ему придется вернуться в двадцатый век и проследить за тем, чтобы все шло так, как на самом деле случилось в ту ночь. Он должен быть уверен, что Мари Шане действительно умерла.

Каргилл подумал со страхом: «Неужели я действительно допущу, чтобы она погибла, зная, что

я могу остановить ход событий в любой момент вплоть до самого несчастного случая?»

Поставив вопрос таким образом, он ощутил, что в его душе идет отчаянная борьба. Он уговаривал себя, что это необходимо сделать. Если сейчас он допустит срыв, последствия будут совершенно непредсказуемыми. Его предостерегали против попыток изменить события. Для этого требовалась законченная серия действий. Отдельные изменения могли происходить на протяжении значительного отрезка времени, но испытания, проведенные тенями, показали, что предметы можно было переносить, не вызывая тем самым серьезных нарушений. Что касается различных форм жизни, включая и людей, их можно было перемещать из одного времени в прошлое или будущее. Но ни в коем случае вмешиваться в жизненный цикл процесса умирания человека нельзя было — неважно, тысячу или всего несколько лет прошло — такое вмешательство было недопустимо. было известно, что Мари Шане умерла. Этот факт уже нашел свое отражение в диагнозе, который привел к тому, что пришлось испытать Мортону Каргиллу. И что ещё более важно, это было первым событием в цикле, который он пытался сделать законченным

и в котором каждое событие занимало строго определенное место в цепи, выстроенной в определенной логической последовательности.

Граннис-Каргилл стоял и думал, что рассуждает совсем нелогично. Что, в конце концов, могло произойти? Такое количество изменений уже имело место. Казалось нелепым думать, что ещё одно может иметь большое значение. Тени-экспериментаторы просто перестраховываются.

Он представлял себе, что до того как все было поставлено на научную основу, видимо, могли происходить такие вещи, которые вызвали бы недовольство специалистов. Да нет, возразил он сам селе, вряд ли. Все, связанное с феноменом Теней, очевидно, всегда разрабатывалось и передавалось из поколения к поколению учеными. Больше никто не имел таких возможностей.

Он все ещё стоял в нерешительности, когда лейтенант Каргилл, которому ещё предстояло получить звание капитана во время службы за границей, нетвердо стоя на ногах, пошел к выходу из бара.

Но где же девушка? Граннис-Каргилл вдруг увидел перед своим мысленным взором картину какой-то аварии и мгновенно перенесся в то место. Уткнувшись в дерево, там стояла разбитая

машина. Внутри была Мари Шане. Он осмотрел её. Насколько он мог судить, она была мертва по меньшей мере уже целый час.

— Я не виноват, — громко сказал Граннис-Каргилл. — Я её, оказывается, даже не видел. Она попала в аварию без меня.

Он был по-настоящему поражен. Этого он совершенно не ожидал, и задача его серьезно осложнялась: ему надо было обставить дело так, чтобы создать видимость того, что все произошло именно таким образом, как он сам до этого считал.

Этого нынешнего Каргилла надо убедить, что он, хотя бы w`qrhwmn, был виноват в смерти Мари Шане. Почему для данной цели выбрали именно эту девушку, было совершенно неясно.

Неохотно, но с чувством облегчения по поводу своей невиновности в аварии и гибели девушки, он быстро перенесся туда, где, покачиваясь, стоял лейтенант Каргилл. Пьяный Каргилл не почувствовал приближения почти невидимого существа, которое навело на него трубку мощностью в миллион единиц энергии. Таким образом лейтенанту Каргиллу внушили, что он познакомился с Мари Шане. Когда это впечатление достаточно прочно закрепилось в его памяти,

Граннис-Каргилл уже собрался перенести его к машине Мари, как вдруг ему пришло в голову, что достаточно ему вернуться в прошлое на полтора часа назад, и он может спасти жизнь Мари Шане.

Вслух он сказал:

— Нет!

Это не было отказом, он отдавал себе отчет в том, что ему стоило только начать предотвращать несчастные случаи, и тогда ему придется делать это до конца своей жизни.

«Кроме того, — продолжал он рассуждать сам с собой, — она сама это сделала. Я не имею к этому никакого отношения.» Но убедить себя ему не удавалось. Прописные истины не помогали, он не мог применить их к данному конкретному случаю. Мари Шане была живым, реальным человеком, беззащитной маленькой женщиной. Какой ужас она, наверное, испытала, последний раз вскрикнув в предсмертной агонии!

Граннис-Каргилл сделал свой выбор: Мари Шане должна жить. Через несколько мгновений он уже стоял в тени у дороги, наблюдая за её машиной, приближающейся к месте аварии.

Он заметил направление, откуда приехала её машина, вернулся назад во времени и простран-

стве и таким образом проследил за её действиями до того момента, когда она вышла из ночного клуба в сопровождении какого-то солдата. Они пьяно и шумно ссорились по какому-то поводу. Каргилл решил больше не ждать. Прежде чем девушка успела сесть в машину, он перенес её в её спальню.

Потом он вернулся в то время и на то место, где должна была бы произойти авария. «Я подожду здесь, пока этот момент минует». И вот настало это мгновение, когда должна была умереть Мари Шане.

В пространственно-временном континууме порвалась энергетическая «ниточка». В определенном месте та иллюзия, которая называется пространством, рухнула. В то же мгновение в этой части пространства прекратился поток энергии, и оно сразу выключилось из действующей вселенной. В этом переставшем функционировать участке вселенной возникло мертвое пространство, которое слабеющие потоки энергии из других областей тщетно пытались возродить к жизни. Мертвое пространство крепло и распространялось.

Грандиозный пространственно-временной континуум переживал последние секунды своего

существования.

Каргилл был уже мертв. В то самое мгновение, когда произошел первый «разрыв», его тело потеряло всякую связь с пространством и стало просто копией чего-то, что продолжало думать, как Каргилл, и было Каргиллом в том смысле, в котором все тело есть клетка, а целое есть часть.

А тот, кто тридцать с лишним лет был Мортоном Каргиллом, смотрел на вселенную и проникал в неё всеми тысячами своих перцепций.

То, что случилось сейчас, было не похоже на происходившее до сих пор. Каким-то образом прояснилось его сознание, и теперь Каргилл знал, кто он.

Как зеркало, он отражал в себе весь материальный мир, всю вселенную, начало мира, сущность бытия. Он посмотрел на многие триллионы лет назад и увидел, где он согласился принять участие в hcpe в создание материального мира и почему!

То вневременное существо, которое раньше было Мортоном Каргиллом, решило возобновить это соглашение, и тогда возник вопрос, нужно ли это делать, изменив правила игры или подчинившись этим правилам?

Он сделал невероятную вещь. Он создал копию

всего материального мира и изменил одно за другим все правила и в самых сложных сочетаниях. Затем он сделал этот новый мир реальным и создал и его точную копию. Он ставил Мари Шане в разные ситуации и делал так, что она умирала в разное время, и каждый раз он наблюдал, как это будет сказываться на зеркальном изображении, отражавшем весь материальный мир.

Каргилл видел, что иллюзия жизни могла сохраняться только тогда, когда сама жизнь могла удержаться за что-то. Жизнь — это вещественность, материальность, а альтернативой является потеря материальности, а значит и жизни. Все эксперименты с озером и статуей были бессмысленными, так как тогда ему этот жизненно важный факт был неизвестен.

Мари Шане должна умереть.

Но нужно предпринять попытку, чтобы она сначала вступила в контакт с реальной действительностью.

Творец вселенной, отражающий в себе мысль, магию, иллюзию и красоту, создал небольшой участок пространства. Разорванная энергетическая связь восстановилась. Начался поток энергии. Мари Шане потрясла головой, пытаясь прояснить свое сознание, и села в машину. По-

чему ей казалось, что только что она была у себя в спальне? Она завела мотор и поехала, забыв о солдате, которые озадаченно смотрел вслед удаляющейся машине.

Мрачно сосредоточившись, Граннис-Каргилл ждал, когда произойдет авария. Потом он перенес лейтенанта Каргилла к разбитой машине и посадил его на сиденье рядом с Мари Шане. Он сделал снимки, которые потом, в 1954 году, потрясут капитана Каргилла.

Он ждал, пока к нему не пришла мысль: «Я разрушил барьеры, отделяющие жизнь от смерти. Теперь мне открылась вся вселенная, теперь, когда я знаю истину».

С этим он вернулся в Город Теней. Круг замкнулся.

Альфред Ван Вогт
Тьма над Диамондианой

Посвящается Фреду Полу, который в 1964 году, когда был главным редактором «Галактики», «Миров невероятности» и «Миров завтрашнего дня», на мое счастье одновременно, убедил меня вернуться к сочинению научной фантастики.

Никакое испытание не может изменить природу человека и никакой кризис не может изменить природу государства.

Шарль де Голль

Диамондианская задача

Дано:

1) Если полковник Чарлз Мортон и лейтенант Лестер Брэй оба станут частью Тьмы и Изолина Феррарис продолжит свой путь в Дамаск, то корабль D.A.R. будет сражаться с Тьмой

и

2) Если капитан Джеймс Марриотт эгоист или майор Луфтелет не смирит свое самолюбие, то корабль D.A.R. не будет сражаться на стороне Мортона.

Отсюда следует:

I) если Дэвид Керк станет полковником Мортоном, то:

(а) ирски и диамондианцы примут мирные предложения Мортона и

(б) несколько диамондианских проституток станут полковником Мортоном

II) если капитан Марриотт одержит верх, то:

(а) оружие Лозитина будет нейтрализовано и

(б) Изолина Феррарис станет полковником Мортоном

III) если корабль D.A.R. вступит в бой, то:

(а) Тьма сохранит свою власть и

(б) все люди станут Мортоном.
Ответы: (I) Да (II) Да (III) Да.

1

«Серые мысли под серым небом… Из своего окна Христомена видела над потемневшими крышами Нового Неаполя вершину Везувия-2, который непрерывно извергал клубы дыма. Глядя на этот далекий дым, она видела в нем то, что заполняло ее мысли, как человек, который ищет возникающие в его уме образы в пляшущем пламени костра», — прочел Мортон.

Дальше он не смог читать, потому что машина неожиданно нырнула в воронку от снаряда и, подпрыгнув, выскочила из нее. Кроме того, с тех пор как Мортон оказался на Диамондиане-6, он ни на чем не мог надолго сосредоточиться, и был не в состоянии напрягать свое внимание.

Мортон на мгновение закрыл глаза и несколько раз (надеясь, что это будет замечено) моргнул, сильно зажмуриваясь: он в очередной раз пытался прогнать из своего сознания неотвязную тьму. Это короткое усилие, которое потом придется повторять весь день, успокоило Мортона — в десятитысячный раз с тех пор, как он приземлился на Диамондии в составе Комиссии по Переговорам.

Тьма внезапно рассеялась, словно с Мортона сняли тяжелый груз. Полковник вдруг почувствовал себя почти нормально и словно стал легче. Он бросил взгляд на лейтенанта Брэя, который вел машину. Ходили слухи, что этот молодой офицер разведки, недавно прикомандированный к новонеаполитанскому управлению, пишет романы, но сейчас Мортон впервые прочел образец его прозы.

— Что, люди, в самом деле, читают такие невероятные истории? — спросил он, вернувшись к мыслям, которые прервала тьма.

Худое лицо Брэя сморщилось.

— Трудно сказать, — признался он. — Примерно тридцать таких книг опубликовано, а тридцать других не приняты, хотя они не хуже и не лучше тех. По-моему, все зависит от мнения редактора-землянина и от того, насколько он будет рад, что получил рассказ, так сказать, прямо с места событий — из экзотического города, где происходит действие. Этот рассказ будет называться «Новый Неаполь, Диамондиана».

Мортон покачал головой и почувствовал, что улыбается, а этого уже давно с ним не случалось.

— А какой у вас сюжет? — спросил он.

— Диамондианка, богатая наследница, подхва-

ченная бурей войны, влюбляется в солдата-землянина, — стал рассказывать лейтенант, — но на самом деле он миллиардер, который записался в армию простым солдатом. Так ему захотелось. А она всегда была против войны.

Мортон попытался представить то, о чем писал Брэй, и не смог. Потом он попробовал мысленно увидеть, как лейтенант Брэй без устали работает, чтобы найти подходящие слова для этой истории. Это показалось ему еще более невероятным. Мортон вздохнул и удобнее уселся на своем месте.

— Почему вы не напишете вместо этого о той работе, которую мы здесь делаем?

Теперь вздохнул Брэй.

— Все спрашивают меня об этом. Честно говоря, наша работа не слишком увлекательная тема. Если смотреть правде в глаза, задача, ради которой мы здесь — начать быстрый вывод с этой планеты войск Земной Федерации, — просто ужасна. Мы же прекрасно знаем, что, как только мы уйдем, ирски перережут всех людей на Диамондиане. Надеюсь, моя повесть будет напечатана раньше, чем произойдет эта трагедия.

— Нет никаких причин считать, что ирски кого-нибудь убьют, — решительно запротестовал Мортон, сам не слишком веря своим словам. Это

была официальная точка зрения, и Мортон счел своим долгом высказать ее. В конце концов, он член Комиссии по Переговорам.

— Например, эта девушка, с которой вы сейчас встретились, Изолина Феррарис, — снова заговорил Брэй. — Думаю, она достаточно красива для тех, кто любит такой тип внешности. Кажется, ее мать была с Земли, из Италии, и умерла при родах. Теоретически Изолина должна быть идеальной героиней для романа. А что на самом деле? Она диамондианская националистка. Она сделала из своего тела оружие. При виде этого можно прийти в отчаяние и опасаться, что у здешних людей душевные качества стали лишь видимостью. А ее отец поддерживает связь с отрядами мятежников, действующими в этом секторе. Так что нам придется вступить в борьбу с разгневанной молодой женщиной. Кроме того, все здешние службы безопасности напуганы и всей своей силой обрушились на сепаратистов, убивают их, а те из-за этого больше не верят нам. И у нас еще думают, что диамондианцы в своем большинстве здравомыслящие люди и готовы сдаться без сопротивления, чтобы мы не платили такие огромные налоги!

— Основная их масса действительно здраво-

мыслящие люди.

— Но не эти, полковник, — возразил лейтенант. — Представьте себе интригу, где участники — сотня мелочных и злобных эгоистов, которые думают лишь о себе и ни на мгновение — о несчастных налогоплательщиках Федерации. Ни один из них не способен благородно пожертвовать собой, как наследница из моего романа.

Вдруг голос Брэя оборвался. Машина вильнула в сторону, сделав опасный разворот посреди плотного потока автомобилей, но лейтенант сумел справиться с рулем и остановил ее, поставив вплотную к красному бордюру тротуара. Брэй даже не взглянул на Мортона: выпрямившись на водительском сиденье, он моргал.

Мортон онемел от изумления и лишь ошеломленно смотрел на него. Лейтенант вел себя точно так же, как чуть раньше он сам!

Тем временем Брэй уже начал приходить в себя. Мортон с опозданием понял, что должен бы удивиться странному поведению лейтенанта.

— Что с вами? — спросил он.

Полковнику показалось, что его молодой спутник сжался в своем кресле, но, когда Брэй ответил, его голос не дрожал.

— Я как раз собирался сегодня поговорить об

этом с вами, полковник. Я был счастлив поехать с вами потому, что получил возможность довериться вам. Но мое состояние бывает разным по силе, и я ждал серьезного приступа. Только что вы были его свидетелем.

— Ваше состояние? — пробормотал Мортон, следя за тем, чтобы не выдать себя.

Последовала долгая пауза. Потом Брэй объяснил:

— Время от времени что-то словно затопляет мое сознание.

— А что именно вы ощущаете? — спросил Мортон, стараясь дышать ровнее и чувствуя, как сильно бьется от нетерпения его сердце.

— Как вам объяснить…

— У вас не возникает впечатления… Вы не чувствуете чего-то вроде темноты?

— Вот именно темноты! — воскликнул Брэй. — Как будто что-то внешнее, какое-то существо пытается…

Тут он снова замолчал, подбирая подходящие слова.

Мортон вспомнил о тьме в своем собственном сознании. Что это такое? Ответ подсказало слово, которое только что произнес лейтенант.

СУЩЕСТВО! Господи, боже мой, неужели это

возможно?

На мгновение Мортон почувствовал ужас человека, попавшего в катастрофу. Чтобы избавиться от него, полковник применил свое старое средство: стал осматриваться вокруг и ориентироваться.

В этот раз испытанное лекарство не помогло, оттого что усилие Мортона было таким же неосознанным, как душевное смятение, которое его вызвало. Тем не менее, полковник осознал, что по-прежнему находится на Виа Рома. Мимо него и Брэя с бешеной скоростью проносились машины. У всех водителей были лихорадочные взгляды и блуждающая улыбка на губах.

Мортон, не отрываясь, смотрел на это движение еще не вполне осмысленным взглядом, и постепенно ему становилось легче. Бешеное биение сердца прекратилось, страх отступил, и полковник понял, что думает о существе не как о новой беде, а как о давно знакомой проблеме, над которой уже когда-то серьезно размышлял.

Рядом с ним лейтенант Брэй снова заговорил своим обычным уверенным тоном. Тревога почти не чувствовалась в его голосе.

— Я снова и снова говорю себе, что мне надо побывать у психиатра, но боюсь, что это будет

записано в мое личное дело и повредит мне. Поэтому я все время откладываю осмотр на потом.

Мортон, который и сам думал, не сходить ли к врачу, несколько раз кивнул, признавая справедливость этих доводов. На самом деле положение было еще хуже, чем опасался Брэй. Мортон знал, что в армии вопросы решались способом рутинным и чудовищно жестоким одновременно. Психиатрами на отдаленных планетах были, как правило, совсем молодые врачи. Они попадали в эту глушь на стажировку и быстро приучались не делать даже попыток кого-нибудь лечить, чтобы не потерять свою репутацию. Поэтому больного сразу же направляли в военный госпиталь в другую часть Вселенной. То, что проделывали там с невинной жертвой, и то, как это отражалось на ее карьере, давало все основания дрожать от страха тем немногим, кто мог что-то услышать потом о больном.

Мортон сильно боялся, что должность Брэя, а может быть, и его собственная не достаточно высоки, чтобы спасти их от такой судьбы. Эти мысли совсем не приводили полковника в восторг.

Вдруг он не только снова заметил уличное движение, но и узнал место, где они с Брэем находились.

— Музей вон там, чуть подальше, — сказал Мортон. — Вы можете высадить меня там. Дальше я пойду пешком.

Пока машина под управлением Брэя осторожно двигалась вперед, полковник заговорил снова:

— Прежде всего, не рассказывайте никому о вашем состоянии, по крайней мере, до того, как мы снова побеседуем о нем. И не ходите к психиатру.

Брэй молча кивнул, не отрывая взгляда от дороги. Лишь через минуту или две, остановившись перед музеем, он осмелился спросить, и в его голосе чувствовалась тревога:

— Полковник, вы вполне уверены, что можете идти на встречу с этой девшей совершенно один? Эти диамондианцы — банда отпетых убийц.

— Мы — их последняя надежда, — успокоил его Мортон. — Убедить нас остаться — их единственный козырь. Каждому понятно, что невозможно создать воздушный мост такого масштаба, чтобы вывезти с планеты полмиллиарда жителей. Так что диамондианцам во всех отношениях невыгодно раздражать нас.

Его ответ, похоже, не убедил Брэя.

— Могу я осмелиться спросить вас, полковник, чего вы надеетесь добиться прямыми перегово-

рами с кликой этого генерала Феррариса?

— Хорошо…

Вдруг Мортон замолчал: ему внезапно пришла в голову тревожная мысль. Полковник вспомнил, что не получил четких указаний от Поля Лорана, председателя Комиссии по Переговорам. Лоран лишь сказал ему: «Чарлз, в сущности, мы ничего не можем сделать. Наша комиссия носит громкое имя, которое ничего не значит. Мы здесь не ради переговоров, а ради того, чтобы вывести с этой планеты войска Земной Федерации, и должны направить все усилия именно на это независимо от того, будут с нами вести переговоры или нет. И все-таки действуйте так, словно наша цель действительно переговоры. Так мы, может быть, сумеем решить нашу задачу».

В общем, это напутствие не было многообещающим. Не знаю как, но я уже увяз в этих переговорах гораздо больше, чем разрешали его инструкции», — подумал Мортон. В глубине души он мечтал с помощью переговоров разрешить ужасный диамондианский конфликт.

— Не будьте слишком циничным, лейтенант. И не возражайте, что все эти отряды состоят из убийц. Мне доложили, что генерал Феррарис и его дочь установили контакт с крупным отря-

дом ирсков и направили туда представителей для переговоров о мире. Вот почему я здесь. Мы хотели бы узнать подробности этой операции, и я подумал, что самый простой путь для этого — спросить их самих. Почему бы и нет?

— А! — недоверчиво вздохнул Брэй.

Мортон не стал продолжать и сменил тему разговора.

— Сверните налево вон там, — полковник вытянул руку, показывая, где именно. — Улица Авеначчо находится сразу за ботаническим садом. По ней вы доедете до Каподочино-Корапо, это километров десять, максимум двенадцать, если я правильно помню. Там я встречусь с вами сегодня вечером, и мы вместе поедем в имение Феррарисов. Завтра в двенадцать часов дня мы начнем наблюдать за перекрестком в Корапо. С двенадцати до вечера мы будем выборочно останавливать и проверять автомобили. У нас есть данные, что в это время на нескольких машинах будет возвращаться к себе мирная делегация.

Тут нужно было добавить «надеюсь», но Мортон сдержался и уверенно продолжил:

— Не забывайте: наша цель не торпедировать переговоры, а выяснить, каков их истинный характер. Если мы правильно используем наши

способы устрашения, члены делегации почти наверняка ничем не покажут, что мы учинили им допрос. При их гордости… По-моему, решение для Диамондианы должно основываться, прежде всего, на логике. Что до капитана Марриотта — он командует базой Корапо… На чьей он стороне? — вот что я хотел бы узнать.

Брэй пообещал сделать все, чтобы выяснить это, но в его голосе не чувствовалось особого энтузиазма. Судя по выражению лица, он думал о другом. Было похоже, что он чем-то озадачен.

— Полковник, — вдруг заговорил он, — уже почти две тысячи лет техника и наука управляют миром. Но и сейчас, в три тысячи восемьсот девятнадцатом году, человечество все так же склонно к буйству и бунту. Как могло случиться, что до сих пор никто не изобрел таблетку, которая превратила бы всех этих сумасшедших диамондианцев в цивилизованных людей?

Мортон не смог сдержать улыбку, хотя вопрос оторвал его от размышлений.

— У меня есть ответ, но не знаю, верен ли он.

— Какой ответ?

— Люди продолжают думать по правилам той логики, которую раньше называли современной, но их внутренняя сущность, как и Вселенная,

построена по законам другой логики, определенной.

— Честное слово, похоже, что вы правы, — медленно и сквозь зубы проговорил Брэй.

Тем не менее, по мальчишескому лицу лейтенанта было видно, что он не удовлетворен ответом. Брэй встряхнулся и повернулся к шоссе, словно ожидая, что Мортон выйдет из машины.

Но Мортон сидел неподвижно: его мысли приняли новое направление, и вывод, следующий из них, ошеломил полковника.

То, что Брэй тоже чувствует Тьму в сознании, — информация первостепенной важности! Возможно ли, что кто-то нацелил на них обоих устройство, воздействующее на психику?

До сих пор все это казалось Мортону не очень опасным. Но то, что от Тьмы пострадали именно два офицера разведки, должно иметь какой-то смысл.

«Может ли Тьма влиять на другие события? Нет, это невозможно!»

Диамондианские националисты должны отступить на второй план: то, что происходит в его уме и в уме Брэя, важнее, чем они. И в частности, он должен немедленно выяснить, страдает ли той же болезнью еще кто-нибудь.

В мысли полковника проник голос Брэя.

— Что-то не так, полковник?

Странно, голос доносился словно издалека. Это мгновенно привело сознание Мортона в боевую готовность; видимо, начиналась еще одна из его бесчисленных схваток с существом. И полковник быстро проговорил:

— Лейтенант, отмените приказы, которые я вам сейчас дал. Девушка может подождать. Меня интересует то, о чем вы мне только что рассказали, — ваше недомогание. Отвезите меня обратно в штаб.

Еще не кончив говорить, Мортон почувствовал, что затоплявшая его сознание масса Тьмы в этот раз была очень большой. Такое иногда случалось. Он попытался сопротивляться.

Это было последнее, что он сумел вспомнить потом.

2

Лейтенант Брэй окаменел от изумления, когда увидел, тело его начальника обмякло и полковник медленно соскользнул на пол, под щиток управления. Затылок Мортона уперся в край сиденья, рот был открыт. Тело не могло падать дальше и остановилось, скрючившись в этом тесном углу.

Только в это мгновение, ни на секунду раньше, Брэй подумал: «О господи, он убит!»

Лейтенант в ужасе склонился над неподвижным телом своего начальника и замер, не позволяя себе никаких других действий и лишь наблюдая за происходящим.

Жгучий ветер, название которого Брэй никак не мог запомнить, дул с залива, принося с собой жару и влагу моря.

Обливаясь потом, молодой офицер подумал, что, если при покушении и был какой-то шум, он не смог бы его расслышать. Даже выстрел из пистолета, наиболее вероятного оружия в этом старомодном Новом Неаполе, был бы заглушен ревом автомобилей.

Из этого лейтенант сделал вывод, что никто,

кроме него, не мог заметить происшедшего несчастья, и понял, что ему в любом случае придется принимать решение самому. Брэй дрожащей рукой нащупал под щитком маленький рычаг и нажал его так, словно это был курок пистолета. Гибкая крышка из графитового волокна бесшумно выдвинулась из своего гнезда. Раздался щелчок — она сомкнулась.

Теперь лейтенант был защищен от всего, кроме прямого попадания бомбы. Он тщательно осмотрел тело Мортона, пытаясь найти рану, и не нашел ничего, но заметил, что полковник дышит. Он жив!

Брэй выпрямился, открыл дверь, спрыгнул на землю, обежал вокруг машины и распахнул другую дверь. Через несколько секунд он вытащил Мортона из машины и уложил его на тротуар.

Второй осмотр подтвердил, что на теле полковника не было никакой раны, что его сердце билось нормально, и дыхание было ровным.

Но Мортон не проявлял никаких других признаков жизни и не приходил в себя. Тем не менее, молодой лейтенант немного успокоился. Для Брэя мир был таким, каков он есть, — не больше и не меньше, не лучше и не хуже, и Диамондиана не была исключением. Лейтенант снова

выпрямился и на мгновение задержался возле неподвижного тела. Теперь, зная, что полковник жив, он уже не чувствовал ни панического страха, ни тревоги.

Брэй заметил, что Мортон и в бессознательном состоянии казался сильным. Мускулы лица не расслабились. Перед лейтенантом лежало воплощение решимости — человек, сбитый с ног, но ожидающий возможности ответить на удар. Красивая голова, тело стройное, но не худое… Брэй постоянно поддерживал свою спортивную форму, был худощавее и, разумеется, моложе, но когда он, борясь с Мортоном, наносил ему удар, то каждый раз сам отлетал назад, как мяч от стены. Молодой офицер предполагал, что полковнику около сорока лет и, значит, его спортивная форма и здоровье достигли высшей точки. От этого было еще тяжелее видеть его в таком состоянии.

Думая об этом, но, не давая печали сломить себя, Брэй начал что-то насвистывать, глядя на многочисленных прохожих. Сначала он видел только диамондианцев. Все они были похожи на скандинавов или, вернее, англичан. Никто из них явно не собирался помочь Брэю. Лейтенант представил себе их разговоры:

— Посмотрите, кто там лежит — офицер Фе-

дерации!

— Вижу. Он из Комиссии по Переговорам: видите, какие у него погоны?

— Тогда, синьор, пусть он выкручивается сам.

Или:

— Посмотрите на этого беднягу офицера!

— Не вмешивайтесь в это, мой друг, а то не успеете оглянуться, как окажетесь в Комиссии по Переговорам, которая не ведет никаких переговоров, и будете зря терять время, как они.

И, наконец:

— Вы думаете, он умер?

— Будем надеяться, что да. Может быть, его смерть заставит всех этих бездельников из Федерации понять, какой станет жизнь Диамондианы после их ухода.

Брэю казалось, что он угадал мысли торопливо проходивших по тротуару диамондианцев. Едва взглянув на него и Мортона, все они тут же ускоряли шаг.

Лейтенант бывал в домах у некоторых диамондианцев и потому знал, что люди Диамондианы относились к Комиссии по Переговорам крайне негативно. Их горечь выражалась то в оскорблениях, то во вспышках ярости, а время от времени в немотивированных преступлениях — не говоря

уже о действиях профессиональных убийц.

Думая об этом, Брэй продолжал стоять на прежнем месте, плохо представляя себе, что он должен сделать. В это время к нему подошли два ирска, одетые в рубахи с зелеными полосками — знак друзей диамондианцев — поверх толстого нижнего белья. Они помогли лейтенанту перенести Мортона на заднее сиденье машины и предложили проводить Брэя и отвезти полковника в военный госпиталь.

Лейтенант отрицательно покачал головой. Он отказал им автоматически, потому что знал, в каких отношениях ирски находятся с диамондианцами. Несомненно, миллионы ирсков в этой части самого большого из трех материков Диамондианы были тем, чем казались, — приветливыми и радушными существами. Когда первые земные поселенцы обнаружили ирсков на Диамондиане, это был большой народ, мирно живший на развалинах своей древней цивилизации.

С самого начала ирски вели себя с ними очень дружелюбно и всегда были готовы помочь людям в их делах. И когда позже комиссии Земной Федерации прибыли выяснить последствия этого, они обнаружили, что диамондианцы сначала поз-

волили ирскам помогать, а потом переложили на них всю работу. Первые ревизоры покачали головами и улетели, но другая комиссия, которая прибыла позже, успокоила совесть всех недовольных приказом платить ирскам за их труд наравне с людьми.

Результаты этого постановления поразили всех. Вначале туземцы не знали, что делать со своими деньгами. Потом они пристрастились к диамондианской еде. До этого у ирсков не было никакого видимого источника пищи, и вдруг они стали объедаться пиццей, сосисками, сыром, макаронами и гамбургерами. Закусочные зарабатывали огромные деньги. И когда ирски ели, их странные, диковинные для диамондианцев лица все время сохраняли забавную гримасу, которую люди, в конце концов, стали считать улыбкой.

Два ирска, которые только что помогли Брэю, выставляли напоказ эту улыбку. Но сегодня уже нельзя было доверять всем ирскам, и нужно было остерегаться даже тех из них, кто носил рубахи с зелеными полосками. «Значит, никто из них не заслуживает моего доверия», — решил лейтенант.

В конце концов, подумал он, эти ирски, может быть, втайне были счастливы помочь Комиссии

по Переговорам именно потому, что она не вела переговоров.

Он вежливо отказал этим двоим:

— Очень вам благодарен, но у моего друга просто легкое недомогание, и он очень скоро придет в себя.

Оба ирска пробормотали своими нежными голосами извинения и ушли. По дороге они несколько раз оборачивались назад и улыбались. Брэй принял решение и вернулся в машину.

Еще неделю назад Брэй заметил, что Мортон часто моргает и скрывает это: всегда старается отвернуться в такие моменты. Это происходило примерно каждые пять минут. Брэй попытался сам закрывать глаза с такой же частотой. Сначала он отмечал пять минут по часам, потом отмерял наугад, но ничего не получилось. Какая-то автоматическая сила заставляла Мортона закрывать глаза через такие равные промежутки времени.

Сейчас Брэй был потрясен. В его уме раз за разом прокручивались одни и те же мысли. Мортон еще раз моргнул и тут же потерял сознание. Теперь надо было решить, что можно в этой обстановке сделать для полковника.

Брэй не мог найти ответа на этот вопрос и пришел к выводу, что, по крайней мере, пока

лучше всего просто ждать. Как долго будет продолжаться это ожидание, он не имел никакого представления. Чувствуя себя философом и очень мужественным человеком, Брэй, уверенный, что скоро узнает о том, что случилось, больше, стронул машину с места и вскоре стал еще одним сумасшедшим водителем в бешеном потоке машин на улицах Нового Неаполя.

Приехав в Корапо (так называли это место диамондианцы) живым и невредимым только по божьей милости, лейтенант припарковал свою машину возле военного поста Земной Федерации, но не на стоянке. Потом он затемнил прозрачные панели — боковые, переднюю и заднюю. Теперь Мортона нельзя было разглядеть снаружи, а старательно закрытая на ключ машина — достаточно надежное убежище для лежащего без сознания человека, особенно если на ней установлена специальная аппаратура против воров.

Солнце уже касалось горизонта, когда Брэй отошел от машины и направился к зданию поста Земной Федерации.

Здание поста было одноэтажным, старого стиля. Оно совершенно не сочеталось со старомодной архитектурой города. Местные эстеты и фанатики культуры, должно быть, возмущались

по этому поводу. Но даже если бы к лейтенанту не вернулась способность вспоминать, он сумел бы догадаться, что были какие-то особые причины построить пост именно так. Брэй спросил себя, знал ли Мортон, что на Диамондиане существует такая казарма.

Сам Брэй слышал только неопределенные разговоры о зданиях этого типа, но знал, что они строились из особых материалов, имели уникальные свойства и возводились только на планетах, где требовалась максимальная защита. Значит, кто-то отнес Диамондиану-6 к этой категории. Брэй зашагал к зданию, удивляясь, что Марриотту, который считался подозрительным, доверили командовать таким постом.

Охранники в форме, стоявшие у двери, отдали честь Брэю небрежно. Это явно значило, что они не беспристрастно относятся к конфликту на Диамондиане. Если такое становилось известно начальству, виновных после возвращения с планеты увольняли из армии. Армии не нужны люди, потерявшие воинский дух, по какой бы причине это ни произошло.

По правде говоря, сам Брэй тоже не был беспристрастным. Но тесты доказали, что он в силах отрешиться от своих чувств и быть объективным

при поиске решения проблемы, а не становиться частью этой проблемы. Именно в последнем Мортон подозревал Марриотта.

Пройдя по освещенному коридору в глубь здания, Брэй нашел Марриотта в его кабинете. Командир размещенной в Корапо части, высокий, красивый черноволосый мужчина, принял Брэя довольно холодно.

— Я попросил подать нам обед сюда, лейтенант: здесь мы сможем говорить, не боясь, что нас подслушают. А теперь, лейтенант, как насчет того, чтобы попробовать это прекрасное диамондианское вино?

То, что Марриотт два раза упомянул его звание в двух коротких фразах, обнадежило Брэя. Он сказал себе, что Мортон правильно понял характер Марриотта, послав к нему, капитану, на обед для разведки лейтенанта. Полковник понимал, что командир базы почувствует себя обезоруженным перед старшим по званию.

Хозяин и гость выпили вина, пообедали и снова выпили. Вечер только начинался.

Брэй, который благодаря своему крепкому, как сталь, желудку мог много выпить, оставаясь трезвым, притворился, что постепенно пьянеет.

Молодой офицер должен был признаться

себе, что капитан сбивал его с толку. Для недиамондианца Марриотт слишком долго жил на Диамондиане. По сведениям разведслужбы, он прибыл на эту планету в возрасте двадцати шести лет. Вначале он только учился то в одном, то в другом диамондианском университете.

Восстание ирсков началось через четыре года после его появления здесь, а оно продолжалось уже десять лет. Значит, Джеймсу Марриотту должно быть сорок лет.

На этот возраст капитан и выглядел. От невоздержанной жизни его щеки покрылись сетью красных прожилок. С первого своего дня на Диамондиане Марриотт проявил себя большим женолюбом. В личном деле капитана было записано, что однажды он заявил: «Диамондианские женщины слишком рвутся замуж. Чтобы их терпеть, нужно быть закоренелым холостяком».

В последующих донесениях было сказано, что Марриотт переключился на проституток, которые заполнили улицы с начала войны.

Странно, но он вступил добровольцем в экспедиционный корпус Земной Федерации. Высшее командование было просто счастливо получить в свое распоряжение человека с такой великолепной подготовкой и так хорошо знающего

Диамондиану. Можно только удивляться, что такой ценнейший специалист застрял в Корапо, в этом тупике для всякой карьеры. И в усердии, с которым он сейчас поил лейтенанта Лестера Брэя, было что-то неестественное.

Что он затевал? Брэй решил, что должен обдумать это, и попытался найти ответ, но не смог.

Когда уже стемнело, Марриотт заявил:

— Время уже позднее. Нас ждут, а диамондианцы придают большое значение вежливости и точности.

Брэй тяжело поднялся из-за стола и, пошатываясь, прошел через комнату. Краем глаза он увидел, что Марриотт наблюдает за ним, не скрывая своего презрения. Брэй небрежно поставил ногу, споткнулся и едва не упал, но, когда капитан захотел его поддержать, оттолкнул Марриотта размашистым движением и нечленораздельно, словно язык еле ворочался у него во рту, пробормотал, что не нуждается в помощи.

Оба офицера вышли из здания через заднюю дверь. Брэй, притворяясь, будто ничего не видит, рассмотрел, что они находятся во дворе, огороженном высокой решеткой, где стоит много бронированных машин под охраной одного часового.

Когда Марриотт и этот солдат помогли Брэю взобраться в одну из машин, капитан, наклонился к окну и объявил своему гостю:

— Я кое-что забыл. Устраивайтесь поудобнее, я отлучусь всего на минуту.

Потом он захлопнул дверцу.

Капитан отсутствовал не меньше десяти минут. За это время Брэй, продолжая играть для охранника роль пьяного, нашел возможность выяснить, что все стальные двери и ставни машины были прочно закрыты на засовы. Лейтенант подумал, сможет ли он в случае неудачи взломать один из засовов с помощью пистолета.

Его размышления оборвало возвращение Марриотта, который сел рядом с ним и стронул машину с места. Он не извинился за свое слишком долгое отсутствие.

По дороге в имение Феррарисов Брэй иногда пел и тихонько бормотал о том, что, вероятно, во всей Вселенной не существует ни одного действительно важного события.

— Все на свете лишь энергия. Человек — только сгусток энергии в замкнутом контуре. И меньше чем через сто лет все сгустки, которые сейчас живут — «проявляют себя», унесутся прочь, и растворятся в бесконечном пространстве-времени.

Затем Брэй очень убежденно заявил, что историю отношений между этими элементами энергии обычно пишут одиночные замкнутые контуры. С течением времени они тоже исчезают или совмещаются друг с другом.

— Так что, — пел Брэй, — по-настоящему не имеет никакого значения, превратят ли ирски сегодня в пыль результаты всех половых актов на Диа-мон-ди-а-не…

Эту песенку Брэй напевал, уже раскинувшись на диване в большой комнате дома Феррарисов и смутно осознавая, что вокруг него стоит десяток людей, большей частью мужчин, — смутно потому, что он закрыл глаза, как человек, который борется со сном. Он не понимал, почему он находится здесь. Мортон приказал узнать правду о Марриотте любой ценой, но было трудно понять, почему эти люди согласились потратить весь вечер на гостя, который сейчас должен был казаться им самым неотесанным пьяницей, какого они когда-либо видели.

Могут ли эти диамондианцы при их горячем нраве ответить на грубость силой? Брэй чувствовал свое тело, развалившееся в самой оскорбительной позе, какую он смог принять, и ему показалось, что очень скоро пойдет речь о

его наказании.

В тот момент, когда это пришло лейтенанту на ум, он почувствовал рядом с собой движение. А потом…

Брэй заметил, что все вдруг замолчали. Наконец кто-то наклонился над ним.

Это был момент, которого лейтенант ждал. Он раскусил твердую капсулу, которую держал во рту на этот случай. С легким шумом, похожим на вздох, оболочка раскололась на языке. Капля жидкости, находившаяся внутри, мгновенно превратилась в отвратительный, вызывающий тошноту газ. Брэй очень часто учился выпускать это вещество изо рта, но все-таки его самого чуть не вырвало.

Как всегда, лейтенант пожалел того, кому в лицо попадет струя этого газа. Он услышал над собой полный отчаяния слабый крик — голос был мужской. Кто-то споткнулся и едва не упал. Потом один из мужчин, видимо тот же самый, грубо выругался.

Какая-то женщина стала шепотом отчитывать его. Но мужчину явно уже убедила вонючая струя, вылетевшая изо рта Брэя. Он громко ответил:

— Не беспокойтесь за него.

Брэй захрапел.

— И на такого мы рассчитывали, что он нас спасет! — воскликнул другой мужчина.

Брэй услышал приближающийся шум легких шагов. «Это Изолина», — подумал он. Женщина заговорила удивительно молодым голосом:

— Он похож на ребенка, а уже стал омерзительным пьяницей.

— Должно быть, Комиссия по Переговорам выбирала своих людей из отбросов армии. Где еще можно найти таких, чтобы сидели сложа руки, когда у них на глазах уничтожают пятьсот миллионов людей.

Это был голос Джеймса Марриотта. «Итак, — подумал Брэй, — я только что узнал, ради каких принципов он стал сотрудничать с повстанцами».

Услышав выдавшие капитана слова и узнав, что Джеймс Марриотт действительно совершил то, в чем его заподозрили, Брэй выполнил свое поручение. Ему оставалось лишь выйти отсюда живым.

— А где другой? — спросила молодая женщина. — Он должен был увидеться со мной утром.

Значит, это действительно была Изолина.

— Но, — продолжала она, — те, кто наблюдал за ним, сказали мне, что он потерял сознание и

лежал на тротуаре в ста метрах от моего дома. Никто не знает, что с ним стало после того, как его подняли и положили в машину.

— Не тревожьтесь о Мортоне, — отозвался Марриотт без малейшего волнения. — Он был в машине этого жалкого ничтожества, которое находится перед вами, и я отправил его в госпиталь. Туда же я отправлю и этого, если мне разрешат это сделать.

— Вы хотите сказать…

— Разумеется, с приказом для наших людей отослать обоих в какую-нибудь военную больницу подальше отсюда, — со смехом ответил капитан.

Один из местных мужчин вздохнул.

— Это наилучший способ. У меня сложилось очень неприятное впечатление, что Мортон узнал слишком много и нам следует действовать.

Чья-то рука грубо схватила Брэя за ногу.

— Помогите мне тащить этого типа, — проворчал голос Марриотта.

Это движение было таким неожиданным, что Брэй едва не подскочил на месте. Но он сумел мгновенно овладеть своими рефлексами, превратил инстинктивный рывок во враждебный удар ногой и пробормотал несколько ругательств

по адресу людей, которые живут на Диамондиане всего триста лет и еще не потеряли охоты выдавать себя за землян. Сейчас, в 3819 году от рождества Христова, уже давно известно, что даже на Земле практически невозможно найти настоящего землянина. Без всякого сомнения, диамондианцы съели достаточно гамбургеров, и это делает им честь, они старались воссоздать старую культуру Земли, но подлинная Земля, веселая, приветливая, чудесная Земля прошлых веков полностью исчезла за тысячелетие смешения рас.

— И все-таки лучше видеть, как диамондианцы выдают себя за землян, чем не найти никого, кто продолжил бы древние традиции Земли, — напевал Брэй.

Похоже, окружающие считали его болтовню нормальной для пьяного человека. Брэя подняли и отнесли в машину Марриотта. Пока его несли, лейтенант имел время обдумать то, что перед этим услышал о Мортоне. При мысли о полковнике он приходил в отчаяние, с которым не вполне мог справиться. Он был изумлен, когда узнал, что наблюдатели были расставлены от городского особняка Феррарисов до Виа Рома и музея.

Потом ему в голову пришла другая мысль. Воз-

можно ли, что Марриотт сам вынес Мортона из его машины? Может быть, капитан сделал это как раз за те десять минут, на которые отлучился перед отъездом? При этой догадке к Брэю вдруг вернулся его обычный оптимизм. Если Марриотт сделал это сам, это одно из тех чудесных совпадений или, вернее, одна из счастливых случайностей, о которых мечтают офицеры разведки. Как у всех офицеров, машина Брэя была оборудована огромным количеством приборов. Среди охранных систем, установленных на ней, был радиопередатчик, работающий на частоте, гипнотизирующей человека, наклонившегося над замочной скважиной в момент взлома дверцы. Передатчик был запрограммирован на передачу такому человеку нечеткого приказа.

Если Марриотт был человеком у замка, кто-то должен был помочь ему поднять бесчувственного Мортона. Многочисленные тесты уже давно показали, что загипнотизированный человек в течение этой временной путаницы в уме не может действовать один.

Помнит ли он, что произошло? Не похоже, чтобы помнил. Но, возможно, это позволит Брэю взять верх над капитаном.

Размышления лейтенанта прервали тихие

голоса, зазвучавшие вокруг машины.

— Не понимаю, какая нам польза от того, что мы ушлем этих двоих с нашей планеты? — говорила Изолина Феррарис.

Один из мужчин тихо рассмеялся.

— Это только игра, мое дорогое дитя. Нам совершенно все равно, что будет с этими двумя пешками. Они ничто.

— Мы тоже скоро будем ничем, — возразила Изолина. — Тогда зачем все это? Две тени сражаются тенями мечей. Если у вас такие шутки, то… Оставьте в покое этих двоих! — приказала она, повысив голос.

— Изолина! Прошу вас, не надо!

— Вы знаете, какова моя политика: больше никаких необдуманных действий. Никаких бесполезных боев, вызванных гневом, — отозвался юный голос. — Вы сказали мне, что, вполне возможно, разведка Комиссии по Переговорам узнала, что наша мирная делегация отправилась на встречу с ирсками, готовыми заключить договор, и хочет узнать, в какой степени это может помешать выполнению ее задачи. Я потеряла на этих двоих целый вечер, а сейчас вы говорите, что они ничто!

— Речь идет не об этом, — проворчал тот же

мужчина. — Мы просто хотели помочь Джимми, который посчитал, что это лучший способ избавиться от них. Они следили за ним, подозревали его.

— А я уверена, что Комиссия по Переговорам всегда знала и знает, что в ее армии есть десятки тысяч Джимми Марриоттов, которые против вывода войск Земной Федерации. И я также знаю, что все эти изменники, вместе взятые, заинтересуют ее разве что на одну-две минуты, — с глубоким презрением бросила Изолина.

Брэй был поражен верностью ее анализа, но к случаю с Марриоттом он не относился. То, что человек с такой прекрасной подготовкой и на таком низком посту пошел на контакт с руководителями диамондианских противников войны, требовало объяснения.

Самым важным было то, что эта молодая женщина, похоже, обладала большей властью, чем кто-либо представлял себе или подозревал. Она говорила как главная. Это немного пугало Брэя.

Однако сейчас первоочередным делом было доказать, что Марриотт действительно сотрудничает с повстанцами.

В этот момент Марриотт сам дал о себе знать — заговорил, не вполне сумев скрыть, как он

расстроен:

— Хорошо, хорошо, пусть будет по-вашему. Я жертвую собой. Я оставлю это жалкое существо протрезвляться в моем кабинете. Но что касается полковника Мортона, то, вероятно, уже слишком поздно: он в госпитале и вряд ли пришел в себя. А я не в силах остановить машину, когда она уже запущена. Вы все согласитесь, что будет выглядеть очень смешно, если один из нас вдруг попытается остановить силы, которые сам привел в действие… Брэя я оставлю заложником до утра.

Девушка, видимо, признала свое поражение, поскольку, помолчав, неохотно пробормотала:

— Надеюсь, ваши действия против человека с таким положением, как у полковника Мортона, не возбудят подозрений. Пьеро проводит вас, а утром убедится, что лейтенант Брэй действительно свободно покинул ваш кабинет. Но, — неожиданно добавила она, — меня волнует вопрос, почему этот молодой человек сам не отвез своего начальника в госпиталь. Как вы устроили, что Мортон потерял сознание?

— Что значит «мы»? Мы совершенно ничего не сделали, — запротестовал один из мужских голосов.

Молодая женщина, должно быть, покачала го-

ловой или сделала неопределенный жест, потому что, когда она заговорила, в ее голосе чувствовалась покорность судьбе.

— Вы… Вы меня ошеломили! Я была уверена, что все это подстроил Марриотт, а оказалось, что нам нужно разгадывать тайну.

Судя по голосу, Изолина удалялась от Брэя. Несомненно, она возвращалась домой.

— Мне придется поговорить с отцом и попросить его применить к некоторым из вас, его процедуры, обостряющие ум. Как мы можем быть уверены, что это не новая техническая выдумка ирсков?

Дверь дома закрылась, и голос оборвался, словно обрезанный ножом. Через несколько секунд машина Марриотта тронулась с места.

Брэй, бесцеремонно брошенный на заднее сиденье, мог лишь плыть по течению событий и терпеливо переносить то, во что он впутался.

По дороге к военному посту Корапо он притворился, что проснулся, а когда машина въехала во двор за зданием поста, сделал вид, что окончательно опомнился.

— Вам будет лучше провести эту ночь здесь, — сказал ему капитан Марриотт с хорошо разыгранной заботливостью, как будто у его гостя был

выбор.

Брэй согласился с ним: у молодого офицера были к капитану вопросы, которые звучали бы естественнее, если бы их задал вполне протрезвевший человек. А задать их станет легче, если сейчас Брэй не будет слишком протестовать.

Кроме того, в этот поздний час лейтенант не мог ничего сделать для Мортона: заговорщики из госпиталя, куда его увезли, конечно, установили там охрану, ночью еще более надежную, чем днем.

Итак, Брэй закончил этот день в удобной постели в комнате для друзей капитана Марриотта.

3

На следующее утро, входя в столовую, Брэй заметил, что капитан, видимо, не выспался: он был бледен и взгляд у него был не вполне сосредоточенный.

— Вам нездоровится? — вежливо спросил Брэй.

Лейтенант был полон надежды: он догадался, в чем причина недомогания Марриотта: это последствия вчерашнего открывания дверцы в машине.

— Нет, что вы, я в полном порядке, — заверил Марриотт и широко повел рукой. — Садитесь, лейтенант.

Брэй подчинился. Пока ирск в форме комнатного слуги — жилете с зелеными полосами — подавал завтрак, за столом не прозвучало ни слова. Марриотт несколько раз открывал рот, чтобы заговорить, но в последний момент менял решение. Пока хозяин дома не отрываясь глядел на стену, Брэй бегло осмотрел его и убедился, что Марриотт явно находится под гипнотическим воздействием.

К лейтенанту Брэю вернулся его обычный оптимизм: может быть, он найдет возможность

заключить сделку, которая спасет Мортона. Брэй решил попытать счастья и уверенным естественным голосом спросил:

— Значит, все эти люди, которые были там вчера вечером, и есть знаменитые диамондианские пацифисты?

Марриотт был застигнут врасплох.

— Это люди доброй воли, самые простые люди, каких десятки миллионов на Диамондиане.

Сказав это, капитан снова впал в апатию. Брэй обдумал эти слова. Сам он ни разу не встречал «простых» диамондианцев.

— Кто эти ирски, с которыми они устанавливают контакт? Кого они представляют?

По словам Марриотта, переговоры велись с большой группой ирсков, которые объявили себя друзьями диамондианцев и, как говорили пацифисты, обещали использовать мощные силы против непримиримых ирсков. Брэй думал, что это объяснение притянуто за уши.

— Вы действительно считаете, что делегация диамондианцев сейчас находится на пути к месту переговоров с представителями ирсков? — спросил он.

Удивление и недоверчивый тон собеседника, наконец, привели в себя Марриотта.

— Разумеется, да, лейтенант, — подтвердил он резко и снисходительно. — Я же вам говорю, что это очень искренние люди, которые всерьез намерены добиваться мира. Встреча действительно должна произойти сегодня рано утром.

— Значит, она произошла, и с этой делегацией не случилось ничего плохого?

— Видите ли…

Марриотт немного помедлил, потом неохотно продолжил:

— Диамондианцы могут быть очень разными. Они очень умны, они строят прекрасные здания, они пишут лучшую во Вселенной музыку, они понимают толк в жизни и женщинах и очень талантливы, но…

— Но что?

— Никто ничего об этом не знает, — искренне признался Марриотт.

На это Брэю явно нечего было ответить. Оба офицера молча позавтракали, и лейтенант начал понимать, что скоро у него возникнет проблема. Как он должен поступить, когда вернется в свою машину и обнаружит, что Мортона в ней нет?

Может быть, настал момент заговорить о сделке, найти компромисс? И Брэй решительно начал:

— Похоже, вам сегодня нездоровится, капитан. Марриотт немного помедлил, потом выпрямился. По выражению лица капитана было ясно, что он принял решение.

— Лейтенант, нам нужно поговорить об одном деле. По поводу вашей машины…

Брэй понял, что они с капитаном настроились на одну волну, и стал ждать продолжения.

— Вчера вечером, — решительно заговорил Марриотт, — один из моих подчиненных, осматривая при выполнении своих обязанностей машины, припаркованные возле нашего здания, обнаружил в вашей машине человека, очень похожего на труп…

Брэй спросил себя, какой способ осмотра позволил преодолеть практически непрозрачное затемнение, которое он установил, чтобы помешать посторонним видеть внутренность своей машины, но не стал размышлять об этом, так как Марриотт продолжал говорить:

— Мы, конечно, патрулируем весь город, но все машины, которые стоят в радиусе двухсот метров вокруг этого здания, мы осматриваем более подробно и с применением специальных средств. Разумеется, мы ищем спрятанные бомбы или другие смертоносные устройства, которые

могли бы разрушить или сильно повредить наш маленький пост.

Это было достаточно логично.

Так вот, мы вынесли этого человека из машины и отправили в госпиталь.

— А кто открыл дверь моей машины? — спросил Брэй.

Взгляд темно-серых глаз капитана вонзился в выражавшие полнейшую невинность глаза Брэя.

— Я сам, лейтенант.

— Тогда, капитан, нужно как можно скорее размагнитизировать вас.

— Я вас не понимаю. Что вы имеете в виду? — встревоженно спросил Марриотт.

— Извините. Это наш технический жаргон разведчиков. Имеется в виду гипнотическая настройка на другого человека.

Брэй сделал вид, что внимательно рассматривает Марриотта, словно впервые заметил у него мелкие признаки гипноза.

— Я вижу у вас симптомы внутреннего конфликта, капитан. Вы, должно быть, очень плохо провели ночь.

В глазах Марриотта сверкнул гнев, потом они округлились. Было похоже, что капитан ждет продолжения. Брэй объяснил ему природу гипно-

за и в заключение сказал:

— На вашей стадии человек ощущает путаницу в мыслях, а потом другая личность постепенно занимает место первой.

Марриотт медленно кивнул. Ему, похоже, было не по себе.

— Значит, дело в этом аппарате, — пробормотал он. — И освободить человека от гипноза должен тот же механизм, который его загипнотизировал.

Брэй поднялся с места.

— Пока вы будете записывать название госпиталя, куда вы отправили того человека, я схожу за своим аппаратом и освобожу вас.

Чуть позже Марриотт написал на карточке нужное название, и офицеры расстались по виду друзьями.

— Я буду вам признателен, если вы сообщите мне, удались ли переговоры. Мне трудно поверить, что отдельные группы вроде этих могут решить проблему, но я желаю им удачи. До свидания и спасибо, — сказал Брэй.

Он вышел, нашел свою машину и поехал в указанный Марриоттом госпиталь. Лейтенант хотел спасти Мортона, но плохо представлял себе, как сделать это. Еще меньше идей на этот счет у

него осталось, когда он узнал, как и подозревал, предчувствуя несчастье, что Мортона нет в этом госпитале.

Где же полковник? И в каком состоянии?

4

Какая катастрофа могла произойти с мирной делегацией диамондианцев в самом центре диких джунглей сырой и жаркой части одного из континентов Диамондиане-6?

В этом отдаленном краю никто не жил, даже ирски. Так что с нормальной точки зрения все должно было пройти прекрасно. Две делегации — диамондианцев и ирсков — должны были встретиться и достичь согласия. Поскольку каждая из них представляла «молчаливое большинство» своего народа, они разрешили бы конфликт на своей планете без недавно прибывшей с Земли Комиссии по Переговорам.

Так было в теории.

Фронт проходил примерно в ста пятидесяти километрах к северу, в горах с более прохладным климатом, где диамондианцы умело вели короткие наступательные операции, провоцируя ирсков, не способных понять военную хитрость такого рода.

Значит…

В тропиках Диамондианы, в лесу, который назывался Овраг Гиюма, тянулся день. Солнце

начинало спускаться горизонту. Сейчас оно было на расстоянии четырех своих диаметров над самыми высокими вершинами поднимавшихся на западе гор и продолжало опускаться. Группе диамондианцев казалось, что мир вокруг постепенно угасает от потери сил и ему нужна долгая ночь, чтобы подготовиться к новому дню.

Невозможно было обмануться сильнее: мир джунглей не засыпал. Он просыпался, и долина уже на три четверти ожила. Нетерпеливые джунгли едва ли не слишком торопились встретить наступающую ночь. Повсюду уже протянулись тени, а там, где лес был гуще всего, почти ничего не было видно. Маленькая речка, поившая всю эту буйную растительность, местами почти исчезала под растениями, которые она питала. Тысячи лиан тянулись к этому потоку воды, и только их собственные ветви мешали им окунуться в него. Река текла с севера и прежде, чем оказаться здесь, пересекла травянистую равнину, преодолела двадцать километров извилистого пути по оврагу и вырвалась на другую равнину, где духота была еще сильнее.

Мирная делегация людей, подошедшая с северо-востока, не видела никакой причины соблюдать осторожность здесь, вдали от поля боя между диа-

мондианцами и ирсками, и кто-то предложил:

— Встреча возможна не раньше утра. Что, если мы немного поохотимся?

Вся делегация пришла в восторг от этой идеи. В конце концов, это диамондианцы затратили огромные деньги, завезли сюда с Земли всех этих животных. Какой прекрасный случай получить немного пользы от вложенного капитала!

Присутствие людей уже вызвало беспокойство среди обитателей джунглей. Их обычное поведение изменилось.

Дикий кот, почти взрослый зверь мраморной окраски, чуть больше домашнего кота, вдруг почувствовал запах людей и шагнул назад в тот момент, когда собирался прыгнуть на землеройку. Токи, идущие от кошачьих мышц, вспугнули грызуна, и тот исчез под гнилой веткой. Кот, разозленный, убежал в чащу.

За четыреста метров от этого места два ягуара вошли в лес, поднявшись из саванны, где провели день, и почувствовали слабый незнакомый запах. Они напряглись, у каждого приподнялась верхняя губа, обнажая клыки. Потом оба зверя отступили назад, исчезли в овраге и бесшумно бежали до тех пор, пока отвратительный запах не перестал их тревожить.

Все одиннадцать диамондианцев лежали на краю пропасти, прижав к плечу наведенные на цель ружья. На другой стороне оврага стояли две серны. Во время жары они лежали в тени, а теперь проголодались. Несколько мгновений их силуэты — две черные фигуры — были видны на вершине скалистого пика. Серны недоверчиво нюхали воздух, высоко подняв рогатые головы. В этом положении они были идеальными мишенями.

Одиннадцать ружей почти одновременно произвели двенадцать выстрелов.

В любом другом месте было бы довольно трудно понять, почему ни одна пуля не попала в цель. Но тут произошла цепочка событий, типичная для диамондианцев.

Один из охотников вдруг решил, что обязательно должен застрелить серну. Поэтому он, по-прежнему лежа у края оврага и нацеливая ружье на противоположный склон, стал наблюдать за своими товарищами и не смотрел на цель. Это был светловолосый молодой человек маленького роста и весь в рыжих веснушках, по имени Хоакин.

Благодаря присущей диамондианцам остроте чувств он за несколько секунд до выстрелов уви-

дел, как указательные пальцы стали сгибаться, касаясь курков. Движения были быстрыми и умелыми: это были опытные стрелки.

Хоакин выстрелил первым — и промахнулся, потому что не смотрел на дичь.

Все остальные так же, как Хоакин, были выбраны в мирную делегацию потому, что были выдающимися стрелками. Но, к несчастью, они были также диамондианцами. При звуке первого выстрела десять сердец раздулись от ревнивой мужской зависти. Этого оказалось достаточно: ружья отклонились в сторону, и пули прошли мимо цели.

В этот момент главный виновник промаха выстрелил снова. На этот раз Хоакин промахнулся не потому, что был диамондианцем. В мире есть и другие силы, и в этот момент одна из них взяла над ним верх.

Поскольку Овраг Гиюма не находился на линии фронта, выстрелы оказались полной неожиданностью для десяти тысяч ушей, которые еще никогда не слышали подобного шума. Это был трескучий звук поразительной силы, отразившийся от скал множеством изменчивых отголосков.

Два недавно бежавших от людей ягуара, вели-

колепные трехлетние хищники, сейчас ползком пробирались вдоль оврага. Они подскочили, обернулись назад, потом снова начали взбираться на склон.

Десяток других кошачьих, пара покрытых панцирями тапиров, обычная выдра, выдра без когтей, два хорька, сотня белок, индийские мангусты, несколько сот пестрых птиц, среди которых были зеленые голуби, обычные дикие голуби, серебристые и калиджские фазаны, и тысячи других существ, которые жили в овраге, неподвижно замерли, когда этот шум грубо ворвался в их уши, а потом снова отправились по своим делам.

Среди диких животных, обитавших в овраге, сильнее всех отреагировали на стрельбу те две серны, в которых целились охотники. Звуки выстрелов ничего не значили для них, но свист пуль, отскакивавших от скал, заставил их нервы напрячься. Серны испустили тревожный крик и стали взбираться на отвесную скалу, находившуюся позади них. До вершины было больше тридцати метров, но серны уже были только движущимися тенями на фоне серо-коричневых скал. Через несколько секунд животные добрались до гребня и исчезли.

Все это произошло между первым и вторым вы-

стрелами низкорослого светловолосого солдата, и во второй раз Хоакин промахнулся потому, что цель уже двигалась.

Некоторые из его товарищей сразу угадали, что произошло, и задыхались от ярости. Другие пытались понять, в чем дело. К несчастью этих людей, делегация ирсков уже укрывалась за стеной кустарника в нескольких метрах от места, где появились серны. Особые способности ирсков позволили туземным миротворцам сделать так, чтобы лесные животные не заметили их.

Но град пуль, посланных диамондианцами, встревожил ирсков.

И тут всех охватило типично диамондианское безумие. Наиболее взбешенные неудачей диамондианцы стали поворачиваться во все стороны, выкрикивая обвинения и ругательства. Остальные мгновенно поняли, что произошло, и включились в ссору. Все они забыли, где находятся. Полные ярости голоса, отражаясь от скал по всей долине, усиливались, порождали множество отголосков, и казалось, что в Овраге Гиюма собралась целая армия.

Один из диамондианцев осознал опасность и с большим трудом заставил замолчать своих перевозбужденных товарищей. Но было слишком

поздно: звуки будто бы многочисленных голосов уже разгорячили даже самых нерешительных среди ирсков. Уверенные, что с полным правом защищаются от врага, туземцы метнули в самый центр группы диамондианских миротворцев малогабаритное Оружие Дуальда.

Сгустки энергии понеслись по всем направлениям. Словно тысячи крошечных осколков металла разлетелись во все стороны.

И каждый из этих осколков попал в кого-то из людей. Все, кроме одного, умерли мгновенно. Уцелел лишь виновник этого хаоса: в момент взрыва Хоакин по причине, известной одному богу, стоял, пригнувшись, за большой скалой.

Он бросился на землю и дождался, пока прекратится свист освободившейся энергии. Потом он ушел, ни разу не взглянув назад.

5

Человеку, который пробирается в самой гуще джунглей — то идет, то ползет на животе, — нужно много времени, чтобы попасть из пункта А в пункт Б. Поэтому, когда Хоакин наконец остановился, уже достаточно долго царила тишина и на западе солнце опускалось за горизонт.

Ветер, который, проделав немалый путь, достиг оврага и несся вдоль него, легкими порывами раскачивая ветви и заставляя дрожать листву, немного освежил душный зловонный воздух долины.

Единственный уцелевший участник диамондианской мирной делегации добрался до группы кривых деревьев и укрылся под ними. Сидя на корточках под переплетающимися ветвями, Хоакин оглядывал зубчатую вершину холма, которая поднималась в тридцати метрах над его головой.

Его положение казалось безнадежным. Вначале Хоакин думал, что спасся невредимым, но скоро обнаружил, что его плечо сильно кровоточит: один из энергетических «осколков металла» ранил его. А уже наступала ночь.

Раненный, Хоакин стал лесным зверем. Ему понадобилось много времени, чтобы понять это, потому что все его силы и вся воля были направлены на то, чтобы сантиметр за сантиметром тащить свое тело по ночной чаще.

Хоакин не знал даже, в каком направлении он идет: вокруг него была только чернота ночи, и Хоакин ощущал только ее и свои движения.

Наконец Хоакин обессилел. Он лег в траву и лежал неподвижно, оглушенный шумом собственного тяжелого дыхания. В этот момент ему и пришло на ум, что теперь он беззащитен против капризов дикой природы этого края.

Хоакин также понял, в каком направлении он бессознательно шел: к реке. Ему была нужна вода! Жажда заглушала все мысли. Рот и горло Хоакина пересохли, язык распух, в теле не осталось ни капли влаги. Тут он, должно быть, потерял сознание…

Очнулся Хоакин внезапно, словно от толчка. Было ясно, что он долго пролежал без чувств, потому что на востоке, где раньше он видел одни звезды, теперь сияла луна. Его лица касалось горячее дыхание, и на Хоакина смотрела пара желтых глаз, горящих, словно два фонаря. Голова зверя оставалась невидимой в темноте.

Хоакин отпрянул и резко замахнулся. Ладонь больно ударилась о голову хищника.

— Убирайся! — крикнул Хоакин.

Удар был не очень сильным, и голос не очень громким, но глаза отодвинулись от человека. Теперь, когда зверь стоял не так близко, Хоакин разглядел, что это был шакал.

— Значит, ты набирался храбрости, чтобы вонзить зубы мне в горло, да? Пошел прочь! — рявкнул на него Хоакин.

Несмотря на внезапный приступ ярости, молодой солдат успокоился, увидев, что опасность была меньше, чем он думал. Хоакин засунул в кобуру пистолет, который уже наполовину вытащил, огляделся вокруг и увидел второго шакала. Без сомнения, это была самка первого. Она не сводила с Хоакина глаз.

При виде второго зверя Хоакин вздрогнул от страха. Больше он не решился отдаваться на волю случая.

Хоакин почувствовал, что потерял слишком много крови и умрет, если не найдет воду. Он с трудом заставил себя подняться и пополз к реке на коленях. Луна скрылась за лианами, потом медленно поднялась на небо, а он упорно продолжал ползти. Через полчаса Хоакин вдруг услышал

перед собой в темноте журчание реки.

Он лихорадочно заторопился, но не смог ускорить движение, только слон или танк могли бы прорваться через массу переплетенных между собой лиан, которые прокрывали берег реки. Хоакин устало пошел вдоль реки по ее течению.

Вдруг он оказался перед омутом, где жил крокодил. Прибрежная грязь приятно холодила горевшие от начинавшегося жара ладони. Хоакин наклонился, чтобы напиться, качнулся вперед, и несколько капель его крови упали в воду. Течение принесло эту кровь к длинному бревну, которое лежало, наполовину утонув в грязи, в шести-семи метрах от берега.

Бревно ожило и бросилось на Хоакина, не поднимая волн. В лунном свете на нем загорелись две маленькие искры — глаза. Хоакин, отдыхавший после сделанного усилия, смотрел на это таким слабым интересом, что не сразу осознал происходящее. Только в следующее мгновение он с изумлением подумал: «Крокодил! Я должен его убить!»

Снова его охватила ярость. Молодой солдат автоматически прицелился в глаз зверя и почувствовал, что все это происходит с ним, а не с кем-то еще, только тогда, когда звук выстрела

отозвался в долине сотнями отголосков. Это эхо словно ударило Хоакину в лицо и разбудило его.

Тогда он с изумлением увидел, что вода словно кипит от рывков огромного подстреленного зверя. Хоакину не понадобилось усилие воли, чтобы уйти прочь от этого кошмарного чудовища. Для этого были нужны только физические силы.

Казалось, что лагерь и безопасность были очень далеко.

На время джунгли оставили Хоакина в покое. Он был жив и шел наудачу по тропе, которую протоптали звери.

От выпитой воды к Хоакину вернулась способность думать, и он сказал себе, что должен во что бы то ни стало добраться до базового лагеря мирной делегации прежде, чем оставшиеся там участники переговоров тоже погибнут в засаде.

Теперь, когда ум повстанца снова стал ясным, он начал бояться, что джунгли помешают ему выполнить эту задачу. Еще несколько часов назад Хоакин был надежно защищен, был выше всех угроз и опасностей, но теперь ирски грубо столкнули его крепкое коренастое тело на уровень леса.

Какая-то тень заслонила луну. Хоакин упал на живот и сжался в комок. Потом он разглядел, что

это было всего лишь облако, но страх не прошел. Джунгли вдруг ожили: наполнились шепотами, вздохами, шуршанием, свистом и скрипом. Хоакин услышал мягкие тихие шаги и рычание, похожее на тигриное: они то приближались, то удалялись.

Он лежал все на том же месте почти без сознания и вдруг почувствовал, что кто-то стоит рядом с ним и смотрит на него. Сначала Хоакин решил, что это ирск, но когда поднял голову, то обомлел от страха: перед ним была светящаяся прозрачная фигура. Хоакин видел через нее джунгли.

Молодой солдат задрожал от ужаса: он вспомнил старинные рассказы о том, что на закате бесы и призраки ирсков спускаются на землю, раскачивают ветки деревьев, взбаламучивают воду в прудах и кричат так, что невозможно описать.

Это прозрачное существо молча приблизилось к Хоакину, наклонилось над ним и пробормотало несколько слов. Хоакин был хорошим католиком и сразу понял, что находится в полной власти беса и должен терпеть все его причуды. Он мысленно заткнул себе уши, то есть твердо решил не слушать ни единого слова призрака, и, тем не менее, смутно понял, что тот просит его что-то пообещать. Хоакин был так слаб, что послушно

согласился сделать все, что пожелает призрак, но при этом мысленно добавил положенные в таких случаях оговорки.

Звук его голоса и, возможно, движения светящегося существа обратили в бегство трех ходивших поблизости диких свиней. Те бросились к тропе, и Хоакин должен был отскочить в сторону, чтобы не столкнуться с ними. Все же одно из животных, пробегая, отдавило ему своими копытами правую ногу. Когда Хоакин опомнился настолько, что смог обернуться назад, светящаяся фигура уже исчезла.

Не обращая внимания на острую боль, молодой солдат вскочил на ноги и побежал. Через сто метров он стал шататься, потом ноги Хоакина стали заплетаться. В конце концов, он упал, не в силах идти дальше.

Его мозг, лишенный всякой физической поддержки, ослаб еще больше, чем тело. Когда маленькая пальмовая виверра вскрикнула около Хоакина, тот закричал во все горло, ругая зверька.

Весь следующий час Хоакин полз как автомат, крича и вопя при каждом звуке джунглей.

Патруль, вышедший из лагеря мирной делегации, нашел Хоакина в ста метрах от этой

укрепленной базы. Как раз перед этим Хоакин в пятый раз выстрелил по огромному листу, который качался под ветерком перед самым его носом.

Из множества грехов, которые Хоакин совершил в этот день, далеко не самым малым было решение ничего не говорить о встрече с дьяволом в ночных джунглях. Спасенного напоили и накормили, перевязали ему рану, и через час его ум заработал в полную силу. Как только Хоакин смог говорить, он рассказал выдуманную историю о предательстве ирсков, в которое теперь сам начинал подсознательно верить.

Делегация ирсков со своей стороны, разумеется, сообщила на свой командный пункт, что попала в засаду. Поэтому было уже поздно разбираться в случившемся с помощью здравого смысла.

Естественно, арьергард диамондианской делегации потребовал срочно прислать подкрепления Генерала Филиппа Феррариса, который находился в своем штабном кабинете, это очень встревожило, потому что идея мирных переговоров принадлежала его дочери. Все же он послал в лагерь тысячу парашютистов. Они были сброшены в овраг на рассвете и обнаружили там мощно вооруженную роту ирсков, которая бесшумно

пришла туда ночью ускоренным маршем: ирски опасались нового предательства со стороны людей.

В девять часов утра в Овраге Гиюма уже шел ожесточенный бой. Судя по докладам, смерть косила солдат повсюду. Диамондианский генерал решил сдержаться и ничего не сообщать дочери о ее поражении, пока не станет известен исход сражения.

Пока происходили все эти события, с Мортоном случилось вот что. Накануне днем вокруг него были…

6

Даль и тьма!

Звезды… знакомые созвездия. Мортон понял, что видит созвездия, окружающие Диамондиану, и то, куда входит она сама. И что он смотрит на них — тут Мортон окаменел от изумления — из глубины космоса.

Продолжая с все большим изумлением разглядывать звезды, Мортон вдруг почувствовал странное беспокойство, словно рядом было что-то угрожающее ему, на что он должен взглянуть. Он попытался повернуть голову: оказалось, что он идет по улице в компании довольно плохо одетых ирсков.

Мортон смутно подумал, что не позволит втянуть себя в новые глупости.

— Нет, вы не получите Оружие Лозитина!

Мортон понял — и посчитал это мгновенное вхождение в обстановку совершенно естественным, — что эти два ирска-националиста пытаются убедить его передать войскам восставших то, что они называли «разрушительной силой Тьмы».

Ирски-повстанцы шли рядом с ним скользящей

походкой и изящно жестикулировали всеми щупальцами, страстно возражая против его точки зрения на этот вопрос.

Они считали, что для ирска позор быть союзником людей и наступит день, когда всех ирсков, которые сотрудничают с диамондианцами, объявят врагами планеты.

— И в этот день ты будешь в списке предателей. Лозитин! А это решение, если оно будет принято, означает смерть для всех ирсков, носящих зеленые полосы, на всей Диамондиане.

— Так что подумай хорошо, Лозитин. Неужели тебе так хочется, чтобы твои братья ирски стали тебе врагами в этот день? А он не за горами: он наступит через несколько часов после ухода экспедиционных войск Федерации.

Мортон улыбнулся и покачал головой.

— Оставьте меня в покое, понятно? — ответил он. — Вам понадобилось много мужества, чтобы спуститься со своих гор. Но вам надо бы быть сдержаннее и подумать о вашей семье, которая будет в отчаянии, если с одним из ее любимых сыновей случится несчастье.

Слово «семья» показалось ему особенно важным, так как его ум задержался на этом слове.

Потом Мортон снова увидел себя на улице.

Он смотрел, как те же два ирска уходят прочь. Походка и жесты выдавали гнев и раздражение обманувшихся в своих надеждах повстанцев. Мортон заметил, что улыбается. Когда он уходил с этого места, ему показалось, что он знает что-то, ускользнувшее от внимания националистов. Он решил какой-то вопрос, а те еще даже не поняли, что этот вопрос существует и должен быть решен.

Мортон пытался понять, что это за тайна, известная ему одному, и вдруг со всей остротой осознал свое положение.

— Что происходит? Где я?

Он попытался остановиться и оглядеться вокруг, но не смог сделать это. Он не мог даже повернуть голову.

Он ощущал свои ноги, которые продолжали шагать по улице. Видимо, это была улица какого-то поселка. Место показалось Мортону знакомым. Должно быть, это одна из двухсот диамондианских общин, в которых он побывал с тех пор, как вступил в должность.

Но какая? И как он сюда попал?

«И ведь я сидел в машине с лейтенантом Лестером Брэем. Как же я могу быть… где-то еще, о господи?

Кто идет по улице? Это не я.

О господи, я больше не я!»

Мортона охватило совершенно незнакомое ему до сих пор чувство: он оцепенел от страха. А пока он позволял ужасу охватывать себя, тело… — как назвал его тот ирск?.. да, Лозитин… — тело Лозитина продолжало спокойно шагать под ним, вокруг него, сквозь него, совершенно не чувствуя странности этой ситуации.

«Мое имя Чарлз Мортон, а не Лозитин», — автоматически подумал полковник.

Мортону нужно было чем-то подтвердить, что он существует, и он еще раз попытался остановить чужое тело. Но Лозитин продолжал медленно ставить одно щупальце перед другим, выпрямляя их при каждом шаге так, что они становились твердыми, как кости. При такой походке щупальца выдерживали его вес так же естественно, как человеческие ноги.

Наконец Мортон отказался от попыток управлять телом ирска и ограничился тем, что следовал за движениями Лозитина. Тот скоро вошел в магазинчик скобяных товаров и сразу же направился в комнату за лавкой. Там он снял свою куртку с зелеными полосами, надел блузу тоже с рисунком из зеленых полос, вернулся в магазин, встал

за прилавок и начал обслуживать покупателей, в основном крестьян-диамондианцев.

«Эта сумасшедшая история, конечно, через секунду-другую окончится», — подумал Мортон.

Но секунды превратились в минуты, потом в часы. Мортон заметил, что все больше и больше следует за движениями и словами Лозитина.

«Как будто я сам говорю и действую».

Это показалось полковнику опасным, и он попытался сопротивляться.

К концу дня он вновь подумал о беседе Лозитина и двух ирсков-националистов относительно оружия предков.

«Только этого нам не хватало! Новое оружие в этой преступной войне, и еще более мощное, чем все, которые мы знаем…

Невероятно, но этим оружием владел ирск — друг людей, скромный продавец скобяных товаров в большой деревне в центре того континента Диамондианы, где жили люди и климат был умеренным.

По крайней мере, умеренным его назвали Мортону еще по дороге на эту планету. Здесь он быстро узнал горькую правду: умеренный климат на Диамондиане означал температуру выше сорока градусов в тени!

Часы пробили шесть раз. Шесть часов вечера — время закрытия магазина.

Симпатичный молодой ирск снял блузу, надел курку, попрощался с двумя другими продавцами-ирсками и с хозяином, разговорчивым диамондианцем, вышел на улицу и зашагал той же дорогой, по которой пришел в магазин в час завтрака.

Ослепительное диамондианское солнце, сверкающее, как голубовато-белый бриллиант, опускалось на западе за холмы, и повсюду ложились длинные тени. Лозитин шагал не спеша и, наконец, дошел до квартала ирсков на краю поселка.

Увидев вокруг себя со всех сторон древние развалины, Мортон пришел в восторг. До военной службы он был архитектором и всегда мечтал изучить древнейшую цивилизацию ирсков. До сих пор у полковника не было такой возможности: слишком много дел по службе.

Еще больше Мортон восхитился, когда заметил, что Лозитин направляется к самому большому дому, стоящему в центре квартала. К несчастью полковника, для Лозитина это место было привычным и тот почти не смотрел на окрестности своего дома. Более того, Лозитин отвернулся от

самых интересных частей здания, и поэтому Мортон не смог разглядеть, как было восстановлено то, что он, за неимением более подходящего слова, мысленно назвал пластмассой.

«Будет очень интересно когда-нибудь выяснить, как мог разрушиться такой прочный материал и как его восстановили», — подумал Мортон.

Полковник мгновенно забыл о своем отчаянном положении и с нетерпением ждал момента, когда он, наконец, увидит изящно украшенный интерьер ирского дома: до сих пор он видел внутренность таких домов только на фотографиях и в журнальных иллюстрациях, дававших очень слабое представление об убранстве дома в целом.

Мортон представил себе сначала парадную прихожую, а потом другие великолепные комнаты. Его надежды тут же рухнули.

«Эй! Куда он идет?» Вместо того чтобы войти в большую дверь, Лозитин направился по заросшей травой дорожке, огибавшей волшебное здание. Через заднюю дверь он вошел в маленькую комнату с красивым сводчатым потолком (да, форма потолка подобрана так, чтобы запахи выходили через отверстие, оставленное в крыше, это очень интересно). Комната почти полностью

была занята машинами-автоматами.

Кухня. Или комната, переделанная в кухню.

Мортон покорился судьбе и был готов заинтересоваться тем, что видел. Но Лозитин был у себя дома и не обращал ни малейшего внимания на обстановку комнаты. Он слегка коснулся одной из стен. Панель раскрылась, и Лозитин вынул из-за нее тарелку — подумать только, с чем — с пиццей. Затем он сел за стол и с рассеянным видом съел этот ужин. Мортон заметил, что прозрачные стены потемнели: наступила ночь.

Приход ночи грубо вернул полковника к мыслям о его собственном положении.

«Скоро настанет время ложиться спать. И что будет тогда? Усну ли я тоже?»

У одной из дверей, ведших в глубину дома, послышался легкий шум. Когда Лозитин повернулся к двери, в комнату входила девушка-ирска.

Лозитин вежливо встал и приветствовал ее:

— Желаю тебе прекрасного вечера, Аянтса.

Молодая ирска сделала нетерпеливый жест и сухо спросила:

— Бойцы сопротивления говорили с тобой?

— Вот как, они приходили сюда? — удивился Лозитин, который чувствовал себя неловко. — Аянтса, тебе и твоему отцу надо бы вести себя

осторожнее и не слишком вмешиваться в дела этих воинственных дилов («дил» означало «ирск мужского пола» на языке ирсков). Ты же знаешь, у диамондианцев нет ни капли жалости.

Девушка задумалась. Она в нерешительности стояла перед дверью, и, поскольку Лозитин смотрел ей в лицо, Мортон мог разглядывать ее, сколько хотел. За немногие недели, проведенные на Диамондиане, он старался больше узнать ирсков и поэтому смог понять, что, по представлениям своего народа, Аянтса была редкостной красавицей. Ее губы были чуть тоньше обычного, а глаза чуть больше среднего размера и скорее зеленые, чем синие. Удлиненная узкая голова, очень тонкое точеное тело и плавные очертания ручных и ножных щупалец придавали внешности Аянтсы благородное изящество.

Но Лозитин по неясной полковнику причине, казалось, не замечал этой красоты и не интересовался теми сладостными удовольствиями, которые она обещала. Это сильно раздражало Аянтсу.

Ее подослали сюда, чтобы соблазнить этого паренька, с проницательностью разведчика сообразил Мортон. Ирски — враги диамондианцев — составили этот немного смешной, но такой

простой заговор, чтобы скомпрометировать владельца Оружия Лозитина.

— Их доводы не заставили тебя задуматься? — спросила красавица.

Лозитин улыбнулся и ответил:

— Моя дорогая Аянтса, я принадлежу к тому большинству ирсков, которое намерено помочь восстановить на Диамондиане закон и порядок. Я имею в виду человеческий закон. Поскольку мы, ирски, столько лет полностью находились под влиянием диамондианских людей и учитывая их повышенную чувствительность, эта задача не будет легкой. Ты сама пример этого, потому что, сражаясь против диамондианцев, все же ешь их еду, а не пользуешься энергетическими методами, которые позволяли ирскам жить и питаться до появления здесь людей. Подумай также о том, что только что произошло в Овраге Гиюма. Я мысленно протестовал против поспешных действий нашей делегации. Ничем другим нельзя объяснить то, что там случилось. Но мой протест только крошечная капля разума в океане временного безумия. Очень трудно предсказать, что теперь произойдет, но у меня нет на этот счет никаких иллюзии.

— Прекрасно, — ответила девушка и вышла,

закрыв за собой дверь.

Когда она ушла, Лозитин вложил свою тарелку в щель в стене. Потом он открыл вторую дверь. Она выходила на галерею, где было так темно, что из всех предполагаемых красот Мортон смог разглядеть лишь несколько серебристых лепных украшений. Полковнику показалось, что он разглядел большую изогнутую лестницу, которую поддерживали почти невидимые нити из какого-то серебристого материала.

К этой лестнице и направился Лозитин. На первой площадке молодой ирск остановился и посмотрел на большую запертую дверь, находившуюся слева от него. Дверь была едва заметна в полумраке.

Лозитин думал: «Не заглянуть ли туда? Убедиться, что все в порядке с…»

С кем или чем, для Мортона осталось непонятно: он не смог проникнуть в глубинный подтекст этой мысли.

Что бы ни находилось в комнате, оно было важным для Лозитина. Тем не менее, он обуздал свои чувства и взялся за перила. Мортон подумал, что ирск станет подниматься по ступенькам. Но Лозитин не сделал ни одного шага и уже был наверху! «Боже мой!» — потрясение подумал

Мортон, когда осознал, что Лозитин перенесся с места на место практически мгновенно. Изящные пальцы-щупальца коснулись перил, и ирск мгновенно оказался на верхней площадке.

Больше у Мортона не было времени думать об этом: Лозитин прошел мимо многих теней, которые, видимо, были дверями, и вошел в маленькую комнату в дальнем конце коридора.

Там были кровать, стол, маленький шкаф и ковер. Все это едва можно было рассмотреть в темноте. Насколько Мортон мог судить, мебель и ковры были земные. Лозитин разделся, не зажигая света, лег в постель, и какое-то время лежал без сна со спокойной улыбкой на губах.

По крайней мере, Мортон думал, что на лице Лозитина была загадочная улыбка ирсков, а чувствовал он счастье, покой и расслабление

Вытянувшись в своей постели, Лозитин думал: «Что плохого в том, чтобы быть диамондианцем? Каждый должен кем-то быть, а они самый артистически одаренный народ, какой когда-либо существовал».

Улыбка исчезла с его лица, мышцы этого лица напряглись, и Лозитин тихо заговорил, обращаясь — к кому? — к кому-то неизвестному:

— Вы совершаете большую ошибку, сделав то,

что сделали, и, упорствуя в своем заблуждении. Только сегодня ко мне подошли ирски-мятежники и требовали у меня Оружие Лозитина. Просят ли они его от вашего имени? Поскольку вы уже подчинили себе Тьму, я не удивился бы, если бы вы оказывали на них давление, чтобы заставить меня отдать в ваши руки оружие моих предков. Его действительно можно использовать как дополнение к Тьме, но его подлинное назначение — защитить народ ирсков в случае реальной опасности. Я хотел бы спросить вас, что вы выиграете. Вы, у которого так мало надежды остаться в живых? Мне такое властолюбие кажется бессмысленным.

Лозитин помолчал, ожидая ответа, потом продолжил:

— Как? Вы не ответили даже из вежливости? Хорошо. Если это ваш ответ, я распространяю и на вас свою защиту с помощью двойника. Прощайте.

С этими словами Лозитин повернулся на бок и мирно заснул.

А Мортон проснулся в больничной палате.

7

Полковник Чарлз Мортон нашел за раздвижной дверью свою форму. Все его оружие исчезло из тайников мундира. Мортон сердито выругался, хотя это его не удивило. Конечно, оружие лежало где-то под замком вместе с другими его личными вещами.

Успокоившись на этот счет, полковник подошел к окну и неумело попытался поднять штору устаревшего типа. Проклятые новонеаполитанцы! Что у них за страсть восстанавливать старый Неаполь во всех подробностях, даже его неудобства!

Внезапно штора поднялась сама и свернулась в рулон над окном с громким щелчком. Мортон подскочил на месте, но быстро забыл свое изумление, когда выглянул в окно, выходившее на восток.

Диамондианское солнце висело над старинными домами. Любуясь панорамой города и оживленным движением на улицах, Мортон сообразил, что находится на самом верхнем этаже больницы и солнце поднялось над крышами примерно три часа назад, что в Новом Неаполе

означало девять часов утра.

«Похоже, я нахожусь тут со вчерашнего дня», — с беспокойством подумал он. Не было никаких причин считать, что этот срок был больше. Тревожило полковника другое: что с ним произошло прежде, чем он оказался в этой постели? Между потерей сознания в машине лейтенанта Брэя и пробуждением на следующий день в больнице могло произойти многое. Кто его осматривал за это время и что обнаружил?

Эти тревожные мысли продолжали кружиться в уме Мортона, пока он подходил к стоявшему рядом с кроватью телефону. Его комната явно не была отключена от коммутатора, потому что его сразу же соединили с городской сетью. Мортон позвонил в свой кабинет и нашел там своего секретаря, техника-сержанта Струзерса,

— Вот что я хочу, чтобы вы сделали, — приказал Мортон. — Слушайте: возьмите мою машину и приезжайте за мной в… — тут он остановился, чтобы прочесть название больницы, написанное мелким шрифтом на диске телефона, — в больницу Инкурибили, к задней двери.

Струзерс пообещал все исполнить, и Мортон положил трубку. Этот разговор очень успокоил полковника, но выйти отсюда было явно непро-

сто.

Упорно обдумывая план побега, Мортон снова снял трубку. Через несколько секунд, преодолев благодаря своему высокому званию барьер из секретаря и медсестры, полковник объяснял доктору Эндрю Герхардту, психиатру, что с ним случилось, и просил доктора о встрече сегодня же в тринадцать тридцать. В заключение Мортон сказал:

— Я уверен, доктор, что этот случай относится к вашей компетенции, и предпочел бы, чтобы меня не лечили врачи вашей больницы.

Когда доктор Герхардт ответил, в его молодом голосе звучала именно та горечь, которую Мортон хотел у него вызвать. Врач стал убеждать его, что, по всей видимости, его болезнь — не функциональное расстройство.

— Если у вас возникнут хотя бы малейшие трудности в этом отношении, можете сослаться на меня, — заявил он.

Мортон положил трубку уже в хорошем настроении. Он был готов добиваться своего от Герхардту любой ценой, а это оказалось проще простого. Во время бритья полковнику пришла в голову еще одна мысль: с самого пробуждения он ждал очередного наплыва Тьмы с мучительной

тревогой и каждый раз, когда она угрожала затопить его мозг, боялся снова быть… перенесенным куда-то.

Этот страх рассеялся: прошло больше двадцати минут, он перенес четыре прилива и отлива Тьмы и после каждого из них оставался самим собой.

В тот момент, когда Мортон думал об этом, на него нахлынула ее очередная волна. Полковник замер, ожидая, пока пройдет этот приступ, а потом с восхищением подумал, как велики возможности приспособления у человеческого организма. «Как мы быстро привыкаем жить в странном мире, в мире безумия».

Мортон уже оделся и теперь поправлял перед зеркалом фуражку, когда зазвонил телефон. Звонил лейтенант Брэй. Молодой офицер задыхался от спешки и рассыпался в извинениях. Наконец Мортон понял из его прерывистых фраз, что Брэй приехал вместе со Струзерсом, что они сейчас находятся внизу, у задней двери, и готовы помочь полковнику бежать из больницы. Когда смысл этих слов дошел до Мортона, полковник оживился и воскликнул:

— Послушайте! Это может получиться! Это была задача на побег его любимого типа. Сколько раз Мортон, в свободное время, решая для забавы

такие задачи! Восхищенный этим полковник направился к двери комнаты.

Через несколько секунд он был в коридоре, ярко освещенном рядом круглых фонарей, укрепленных на потолке. Около десяти человек ходили взад-вперед по прибитой к полу ковровой дорожке, имевшей около двухсот метров в длину, мимо выкрашенных в ярко-желтый цвет дверей и стен, и еще три человека вышли из разных дверей, пока Мортон быстро, но без спешки шел туда, где, по его предположению, был выход.

Наблюдали за ним эти люди или нет? Узнать это было невозможно, но Мортон начал беспокоиться, когда двое мужчин из первой группы вошли в лифт вместе с ним. — Мортон встал в дальний угол лифта и оперся спиной о стенку. Похоже, эти двое не действовали вместе, потому что они стояли отдельно друг от друга, оба задумавшись о чем-то. Это были хорошо сложенные светловолосые и коренастые диамондианцы. Должно быть, они пришли к кому-то из больных. Это было немного странно в этот утренний час, и Мортон немного встревожился, когда вспомнил, что во всех больницах часы посещений бывают только днем и вечером.

Он поднял взгляд на световое табло над дверью

и прочел, что его комната находится, как он и угадал, на самом верхнем, двенадцатом этаже.

Лифт поехал вниз и остановился на восьмом этаже. Дверь автоматически открылась, и за ней оказался мужчина, толкающий перед собой пустое кресло на колесиках. Когда он вошел в кабину, два диамондианца и Мортон расступились, освобождая ему место, и прижались к одной из стенок.

Санитару с креслом было около тридцати лет, он был довольно красив и вид имел достаточно решительный.

Убедившись, что его перевозочное средство надежно установлено в кабине, он дождался, пока дверь закрылась и кабина снова стала спускаться, и не спеша произнес:

— Друзья, мы теряем время.

Эти слова упали, как топор палача, и звучали угрожающе, как сигнал к нападению. Мортон был один против троих и потому быстро сказал:

— Я сдаюсь.

Сказал ли он правду? Позволит ли он делать с собой все, что им захочется? Мортон не был в этом уверен. Он стал ждать, еще не зная, что сделает В следующий момент.

Молодой санитар с креслом вынул из кармана

шприц.

— Садитесь в это кресло, полковник, и примите это успокоительное средство.

Яд? Мортон сомневался в этом: им не нужно убивать его, и никто из них не похож на фанатика. Значит, речь шла не об отравлении.

И Мортон, не говоря ни слова, сел в кресло, закатал рукав и проследил взглядом за тем, как человек со шприцем протер его кожу спиртом и умело вонзил иглу.

Когда укол был сделан, санитар или ординатор выпрямился и сказал:

— Сначала лекарство, которое я вам сейчас ввел, лишит вас возможности говорить и двигаться. Потом, полковник, вы уснете и пробудете без сознания примерно восемь часов. В это время к вам придут и зададут вопросы. От души советую отвечать на них правдиво.

Это было смешно, но и опасно. Мортон успел с грустью сделать вывод, что телефон его комнаты был подключен к пульту прослушивания и, значит, у него с самого начала не было ни одного шанса вырваться отсюда.

Лифт остановился, двери открылись, и один да первой пары выкатил кресло с Мортоном в большой вестибюль. Когда Мортон увидел это,

его сердце сжалось: полковник понял, что его комната находилась во флигеле, откуда он не мог легко добраться ни до выхода, ни даже до главного здания, где его ждали Брэй и Струзерс.

Похитители Мортона вели себя так, словно речь шла об обычной перевозке больного.

— Спасибо, доктор, — сказал один из них.

— Я провожу вас до машины, — беспечно ответил «доктор».

Так он и сделал. На этом коротком пути навстречу им попадались люди, в том числе две медсестры. Все они, похоже, посчитали эту картину вполне нормальной. Потом Мортон и его похитители оказались за воротами и после этого на стоянке, где их ждал небольшой фургон.

Два коренастых молодых человека подняли кресло с Мортоном в машину и установили его в задней части фургончика. Один из них сел рядом с Мортоном, а другой за руль. Они попрощались с врачом и отъехали от больницы. Врач, настоящий или мнимый, следил за машиной взглядом, пока она выезжала из ворот и поворачивала на узкую улицу. Через несколько секунд полковник и два его похитителя ехали по какому-то извилистому проезду Нового Неаполя.

Это было последнее, что Мортон смог вспом-

нить потом: в следующий момент его тело обмякло и он потерял сознание во второй раз меньше чем за сутки.

8

Фургон промчался по проезду и скоро выехал на широкий проспект. Два диамондианца, увозившие Мортона, что-то тихо напевали в восторге от того, что успешно выполнили задание.

— Изолина будет довольна, — сказал водитель, повернувшись к своему товарищу.

На несколько секунд он доверил судьбу машины и пассажиров своему ангелу-хранителю. А тот, конечно, тоже смотрел в другую сторону, потому что, когда водитель повернулся обратно и снова взглянул на шоссе, он оказался перед выбором: продолжать нестись вперед и тут же умереть или рискнуть сменить ряд и вклиниться между машинами в промежуток, который для любого разумного человека был бы не шире метра. Но в глазах этого парня один метр, должно быть, растянулся до десяти, и он, вполне уверенный в этом, великолепнейшим образом врезался в соседний ряд. В соседнем ряду на расстоянии чуть ли не в целый километр заскрипели тормоза, а потом по божьей милости и по волшебству промежуток между машинами расширился настолько, что автофургон уместился в нем.

Было утро, небо было стального цвета, и воздух уже стал жгучим, что предвещало жару через один-два часа. Похитители Мортона добрались до большого бульвара.

Водитель въехал туда так, что взвизгнули шины, на той же скорости, что и другие сумасшедшие за рулем, которые влетали на эту магистраль и старались поладить с одним и тем же поворотом, оставляя его то спереди, то сзади, то сбоку от себя. Вопль шин не смог разорвать небеса, но сделал для этого все возможное.

Водитель сморщил нос, почувствовав едкий запах паленой резины. Он старался набрать максимальную скорость, ударяясь бампером о бамперы соседних машин, когда его товарищ, сидевший сзади, сказал с волнением в голосе:

— Джордже, нас преследуют.

— Кто, Пьетро?

— Несколько тачек, и в них полно чертовых ирсков в этих пижамах с зелеными полосками — друзей диамондианцев.

Фургон увеличил скорость и перешел в левый ряд.

— Они по-прежнему едут за нами, Пьетро? — спросил водитель.

— Да.

— Не волнуйся, я от них живо оторвусь, сейчас увидишь.

Через минуту фургон, нацеленный водителем, влетел, как пуля в мишень, в пересекавшую проспект улицу. Маневр был рассчитан так, что три автомобиля ирсков не успели повторить его и вихрем пронеслись вперед через перекресток. Джордже промчался по маленькой улице, повернул направо на ближайшем перекрестке, потом снова направо и опять оказался на бульваре, с которого ускользнул минуту назад. Молодой диамондианец снова набрал прежнюю бешеную скорость, и через несколько минут он и его пассажиры оказались у ботанического сада. Если бы Мортон был в сознании, он узнал бы это место: здесь он был с Брэем накануне.

Отсюда водитель на полном ходу повернул фургон во вторую поперечную улицу, свернул влево на третью, и наконец въехал на узкую улочку. Здесь он, стирая покрышки, влетел в широкий двор за большим двухэтажным домом.

Оба похитителя Мортона спрыгнули на землю. Водитель подошел к своему товарищу, дожидавшемуся его сзади машины, они почти без труда подняли кресло с Мортоном, поставили его на круглые плиты двора и, не останавливаясь даже,

чтобы отдышаться, покатили кресло к дому.

На первом этаже была большая массивная дверь, но у боковой стены был бетонный пандус, позволявший попасть сразу на второй этаж. Именно к нему похитители подвезли Мортона. Оба едва не выбились из сил, пока вкатывали бесчувственное тело по этой крутой наклонной дорожке. Они потели, пыхтели, останавливались, чтобы отдышаться, но в конце концов добрались до верха. Тот, которого звали Джордже, постучал в дверь.

Сперва за дверью стояла тишина, потом послышался звук приближающихся шагов. За стеклом, занимающим верхнюю часть двери, показалась изящно одетая молодая женщина в крошечной зеленой шапочке и оглядела троих прибывших.

— Везите его сюда, — наконец сказала она, понижая звонкий от природы голос.

Затем женщина открыла дверь и держала ее, пока Джордже и Пьетро вкатывали кресло в комнату. В доме стоял полумрак, а под его высокими потолками даже сохранялась прохлада. Молодая хозяйка дома забежала вперед маленькой группы и открыла другую дверь.

— Сюда! Кладите его на постель у окна, — приказала хозяйка.

Когда мускулистые молодые люди повернулись, чтобы направиться к выходу, Изолина Феррарис — это была она — внимательно оглядела их сквозь ресницы: она инстинктивно не доверяла диамондианским мужчинам. Потом она спросила:

— Все прошло хорошо?

— Еще бы! — ответил Джордже.

Пьетро, который уже приоткрыл рот для такого же ответа, закрыл рот и кивнул.

— Трудностей не было? Никаких проблем?

— Все прошло как по маслу, — заявил Джордже с самой невинной улыбкой, и молодые подчиненные Изолины вышли из комнаты.

Когда они оказались одни во дворе, Пьетро, немного обеспокоенный, спросил у Джордже:

— Ты не думаешь, что надо было сказать ей про ирсков, которые гнались за нами?

— Кто же рассказывает такое женщине! — отрезал тот. — И потом, мы же оторвались от них, верно?

Затем Джордже ушел, не дожидаясь ответа и всем своим видом выражая полнейшее презрение к глупому и малодушному Пьетро, который ничего не понимает в жизни.

А в комнате Изолина, наклонившись над ле-

жавшим без сознания Нортоном, долго глядела на него, потом покачала головой, язвительно улыбнулась и тихо произнесла:

— Диамондиана не самое безопасное место в мире для члена Комиссии по Переговорам. Вы согласны, полковник? Оказаться без сознания два раза за одни сутки! Так вот, меня тревожит первый раз. Как это произошло? Мы были бы сумасшедшими, если бы позволили увезти вас с вашей планеты, не узнав об этом случае немного больше. Она повернулась и пошла к двери.

— Сегодня вечером я вернусь, и советую вам найти правильные ответы на мои вопросы.

С этими словами Изолина открыла дверь и вышла из комнаты.

Маленькие изящные часы на комоде медленно пробили семь раз. К этому времени в комнату проникла жара диамондианского дня. На лице лежавшего в кровати человека заблестели капли пота, но он не шевелился и не подавал никаких признаков жизни до самого вечера. Сияющий свет — таким было первое ощущение Мортона. Это ощущение долго оставалось единственным, но полковник осознал, что он думает, вернее, может мыслить. Понемногу оцепенение покидало Мортона. Он почувствовал мурашки сначала в

ногах, потом во всем теле. Чувства Мортона медленно просыпались, и наконец он смог открыть глаза, Мортон понял, что лежит на боку лицом к окну. Он мог видеть только ветви дерева за окном и кусок комнаты: вышивку, висящую на стене у окна, кресло в углу под лампой и книгу на нем.

«Может быть, через минуту я смогу повернуться и увидеть остальную часть комнаты и дверь. А тогда…» — подумал он.

Мортон смутно надеялся, что возможность управлять своим телом вернется к нему до того, как кто-нибудь придет, но тут дверь за его спиной открылась, и кто-то вошел в комнату.

Мортон пошлялся повернуться, но не смог. Он чувствовал, что мышцы сокращаются, но им не хватало сипы.

Полковник смирился с этим и стал ждать.

Какое-то время не было слышно ни звука. Потом женский голос тихо и достаточно мягко произнес:

— Изолина Феррарис. Я хотела бы поговорить с вами о вашем вчерашнем обмороке.

Мортон приоткрыл рот и с удивлением услышал свой голос, громко произносящий «да». Ободренный этим успехом, полковник еще раз попытался сдвинуться с места, и опять безуспеш-

но. Мышцы не напрягались, но волю свою он мысленно напряг, заставляя себя сказать правду. У народа Диамондианы оставалось, говоря иносказательно, «пятнадцать минут до полуночи» — совсем немного времени до катастрофы. Это было неподходящее время для хитростей. Накануне Мортон был намерен попытаться убедить эту девушку правдиво ответить на его вопросы о мирной делегации. Он считал, что искренность всегда вызывает уважение. В сущности, неважно, поверит или нет Изолина в его фантастический рассказ.

— Я желаю лишь одного — рассказать вам во всех подробностях о том, что со мной произошло, кроме одного имени, которое я вам не назову, по крайней мере до тех пор, пока не буду убежден, что вам можно доверять, — сказал он вслух.

Полковник рассказал Изолине о своем невероятном приключении. Имя Лозитина он не открыл, а названия деревни не знал.

После того как он закончил, в комнате долго стояла тишина. Было невозможно угадать выражение лица Изолины. Мортон мог догадываться о нем только по голосу, звучавшему у него за спиной, а голос молчал. Он спросил себя, что может думать о таком невероятном рассказе диа-

мондианская женщина, и не смог представить себе этого.

Мортон наугад задал вопрос:

— Какой-нибудь ученый когда-нибудь говорил, что физические характеристики этой планеты могут изменяться?

На это он получил ответ:

— Тьма — всего лишь какая-нибудь энергетическая машина. Это хоть немного утешает.

Заявление Изолины было из числа тех, на которые нельзя ответить сразу. Было похоже, что Изолина считает пустяком устройство, способное на расстоянии лишить человека чувств и перенести его сознание (его «я») в ум другого лица. Если Мортон не ошибался, это действительно было энергетическое поле, и такое огромное, что оно окутывало всю планету. Его самого такая мысль вовсе не утешала.

— Такую машину, о которой вы говорите, было бы слишком трудно обслуживать. Я не удивился бы, если бы логическое определенное число у нее было больше чем сто, а это уже фантастика.

Изолина захотела узнать, что такое определенная логика.

Мортон покачал головой: момент был неподходящий для того, чтобы читать лекции по истории

логики. Он ограничился ответом:

— Это термин, означающий все то, чем математическая система с точки зрения логики отличается от совокупности природных явлений. В математике есть понятие «множество» — совокупность сходных между собой объектов, которые рассматриваются как одинаковые, как двойники друг друга. В природе же «двойников» не существует. Самый яркий пример того, как реально различаются между собой члены одного множества, — группа диамондианцев.

Подавляя дрожь, Изолина ответила, что прекрасно понимает, о чем он говорит.

Мортон закончил свой анализ достаточно мрачно:

— Итак, нужно узнать, какие команды даны этой машине. Что она должна сделать в случае катастрофы?

Молодая женщина молчала. Тогда Мортон заговорил снова:

— То, что ирск, в чьем уме я находился, сказал своей подруге о несчастье с мирной делегацией в Овраге Гиюма… Что это могло значить?

— Я сейчас позвоню отцу, — тихо и быстро проговорила Изолина и вдруг заявила: — Тут что-то не так, встреча должна была произойти только

сегодня утром, а ваш ирск говорил о ней так, словно она произошла уже вчера.

Мортон не мог объяснить ей этого. Оба снова помолчали. Потом Изолина решительно заговорила:

— Думаю, лучше будет перейти к моей собственной роли во всем этом. Полковник, я женщина, которая старается обеспечить себе поддержку самых влиятельных людей в войсках Земной Федерации. Я начала с нижней ступени лестницы — например с… неважно с кого. Но сейчас я достигла вершины, и как раз поэтому вы находитесь здесь.

Говоря это, она обошла постель, встала между Мортоном и окном и начала рассматривать полковника. Мортон видел много фотографий Изолины Феррарис, поэтому теперь у него не осталось ни малейшего сомнения: это действительно была она.

На ее лице молодой патрицианки была легкая циничная улыбка.

— Полковник, что вы думаете о женщине, которая спит с десятком мужчин в месяц?

Мортон спокойно погрузил свой взгляд в глаза, которые вызывали его на осуждающий ответ. Поскольку Мортон почти не знал Изолину и не

чувствовал к ней никакой привязанности, он смог объективно оценить ее внешность. Дочь генерала Феррариса была очень красива, еще красивее, чем на фотографиях. У нее были правильные черты лица, сияющие голубые глаза и молочно-белая кожа. Во взгляде Изолины было, может быть, слишком много волнения, щеки слегка покраснели, словно ей было немного стыдно, но выражение лица было решительным. Перед Мортоном была молодая женщина с прекрасным телом и восхитительным лицом, которая собиралась воспользоваться этими своими достоинствами, чтобы победить и выжить.

И полковник ответил:

— Зная, что любая женщина желает прежде всего истинной любви, я могу лишь сожалеть, что жизненные обстоятельства лишили вас этого чувства. Но вы напомнили мне об одном моем друге. Он следил здесь, на Диамондиане, за судьбой двух женщин, непривлекательной и очень красивой, которые пошли на ту же сделку с совестью, что и вы. Не знаю почему, но он беспокоился в основном о судьбе красавицы и совсем не волновался за некрасивую. По моему мнению, некрасивая тоже мечтала о любви и втайне надеялась однажды найти ее.

Брови Изолины сдвинулись, и она с недоумением взглянула на Мортона.

— Что означает это сравнение?

— Поскольку вы очень красивы, я слишком сильно беспокоюсь о вашей судьбе, и в этом я несправедлив к той некрасивой женщине. Я отдаю себе отчет, что ничем не лучше своего друга.

— Ах, вот что! — рассмеялась Изолина. — Я обнаружила, что мужчины могут беспокоиться о моем будущем, но это не мешает им участвовать в моем грехопадении. Этими словами я даю вам понять, что, как только ваше тело будет в силах действовать и все его органы без исключения начнут функционировать, то есть через два или три часа, я лягу с вами в эту кровать, надеясь, что вследствие этого вы станете другом народа Диамондианы.

Мортон ничего не сказал: его ум на мгновение отключился от происходящего.

Молодая женщина заговорила снова:

— Почему бы вам не попытаться заснуть? Может быть, проснувшись, вы получите приятный сюрприз.

— Я хотел бы принять ванну. Я больше не могу без этого, — сказал Мортон.

Между бровей у Изолины появилась складка.

— Я это вижу. Сейчас я пришлю к вам Джорджа с тазиком.

— Прекрасно. И скажите ему, чтобы он поторопился.

— Он также может помочь вам раздеться, — добавила Изолина и ушла.

9

Второй раз Мортон очнулся от сна уже в самом безмятежном состоянии духа. Он лежал на спине и теперь видел всю эту старомодную комнату в неаполитанском стиле с высокими потолками и сложными украшениями. Он был полностью раздет и накрыт очень тонким одеялом, а рядом с ним лежала молодая черноволосая диамондианка. Мортон увидел, что ее плечи, с которых соскользнула простыня, были голыми, и сделал вывод, что на женщине не было никакой одежды.

Женщина лежала на боку спиной к Мортону, но, должно быть, почувствовала его взгляд, потому что повернулась к полковнику лицом. Разумеется, его догадка оказалась верна — это, была Изолина Феррарис.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Мортон и Изолина лежали рядом, но их тела не соприкасались. А потом…

— Ваши рассуждения о том, что все женщины надеются встретить настоящую любовь, разбудили во мне чувства, которые я считала ушедшими навсегда, — сказала она.

Мортон продолжал смотреть на нее. Он знал много женщин. Когда будущему полковнику едва исполнилось двадцать лет, он случайно открыл способ побеждать феминистские организации: девушка, с которой он был помолвлен, отказалась покинуть свою родную планету, когда Мортона перевели оттуда. Поскольку брошенный жених имел склонность к экспериментам, он тут же решил проверить на практике приобретенный опыт. После этого каждый раз, когда Мортон встречал очаровательную девушку, привязанную к своему дому, он начинал ухаживать за ней и заключал с ней помолвку (которая была чем-то вроде пробного брака сроком на два года). Каждый раз в начале совместной жизни девушка твердо решала следовать за ним, когда он будет обязан уехать, но в конце двадцатого месяца великая страсть ослабевала, невеста отказывалась покинуть свою семью и сама разрывала помолвку. Поскольку Мортона ни разу нельзя было обвинить ни в дурном обращении с девушкой, ни в том мужском шовинизме, который вызывает протесты феминистских лиг, молодой офицер ничем не рисковал: он не оказывался на дурном счету у начальства и свободно мог найти себе новую невесту на новом месте службы.

Мортон сыграл в эту игру с девятью невестами. Две причины положили конец этим хитроумным комбинациям.

Во-первых, Мортону перестало нравиться то, что он делал. Это добродетельное чувство появилось за четыре года до его прилета на Диамондиану. Он жил в спокойном безбрачии, когда появилась вторая причина: женщины стали сами подходить к нему на улицах. Они умело я изобретательно обходили правила союзов, чтобы броситься в его объятия.

К несчастью, на Диамондиане таких женщин не было. Но теперь у Мортона была Изолина. Судя по ее рассуждениям на тему любви, эта женщина не ждала от него быстрых действий. По всей видимости, она хотела лучше запечатлеть свой образ в его душе. Мортон позволил ей это, сказав себе, что тем временем он сможет немало узнать.

Изолина заговорила:

— Когда эта война кончится, я отправлюсь в Дамаск. Вы понимаете почему?

Мортон не смог удержаться от улыбки, услышав ее простодушный обет. Этой поездки, конечно, никогда не будет. Он ответил, переводя символику Изолины в слова:

— Возвращение к морали и, как я полагаю, к

жизни в уединении, забвение всего, что происходит сейчас. Я бы посоветовал вам съездить в Рим и получить благословение папы.

Она засмеялась — сначала весело, потом немного истерически, под конец горько.

— Боюсь, что моя история слишком известна, чтобы я могла ее скрыть.

Выражение лица Изолины снова изменилось: она опять была спокойна, но лицо оставалось розовым — краска волнения не совсем сошла с него.

— Полковник, — медленно заговорила она, — позвольте мне напомнить вам о вашем долге. Когда я освобожу вас, я буду чувствовать себя спокойнее, если вы сохраните воспоминание о том, что обладали мной. Вот так. Когда вы сделаете это, можете уходить.

Оба довольно быстро возвратились к реальной жизни. Обстановка и момент были не совеем те, на которые надеялся Мортон, но близкие к ним.

— Что ваш отец сказал вам о ситуации в Овраге Гиюма?

К удивлению полковника, Изолина ответила сразу:

— Я звонила в его штаб. Мне сказали, что отец отправился туда. Я не хотела ставить его в

неловкое положение, задавая вопросы его подчиненным.

Мортону этот ответ показался уловкой, но тогда Изолина хитрила очень неумело: было трудно поверить, что ее отец не имел свободной линии связи, по которой дочь могла найти его где угодно. И печаль во взгляде Изолины выглядела убедительно.

Тем не менее Мортон должен был обязательно добраться до сути этого дела.

— Если катастрофа произошла, что вы думаете о словах моего дружественного ирска? Могли диамондианцы сделать какую-то оплошность?

Эти слова вызвали гримасу на прекрасном лице Изолины. По нему словно прошла волна, захватившая все мускулы, которые мог видеть Мортон.

— Диамондианцы…

Голос Изолины прервался, словно невысказанные слова душили ее.

— Вы не можете себе представить, что такое наши мужчины, — снова заговорила она. — Они…

Изолина снова замолчала, и ее лицо сморщилось.

— Вы не можете этого представить, — повторила она. В этом было столько отчаяния и старой

как мир тоски, что Мортон положил руку на обнаженное плечо Изолины и нежно потянул ее к себе.

Молодая женщина без колебания бросилась к нему на грудь, и их тела в первый раз коснулись друг друга. Потом Изолина обвила Мортона руками и изо всех сил сжала его в своих объятиях.

— Не знаю, что вы сделали, но вы вернули меня себе самой. Может быть, я воспользуюсь этим, чтобы измениться, и прекращу игру в поддельную проститутку.

Если эти слова были хитростью, Изолина была великолепной актрисой. Мортон поверил ей, хотя циничное сомнение слегка кольнуло его душу. Поэтому то, что последовало дальше, прошло не так фальшиво, как опасался Мортон, и когда их ласки достигли кульминации, он чувствовал неподдельное влечение, а Изолина прекрасно изобразила экстаз. Мортон не желал верить, что это была лишь профессиональная игра «поддельной проститутки».

Наконец Изолина со вздохом оторвалась от него.

— Это… этого я не забуду никогда, — прошептала она.

— Ну… — заговорил Мортон и вдруг замолчал.

Где-то в доме раздался душераздирающий крик. Кричал мужчина. Этот вопль оборвался почти так же быстро, как возник. В дышавшей смертью тишине Мортон почувствовал, что тело прижимавшейся к нему женщины вытянулось как струна. В следующее мгновение Изолина, отбрасывая одеяла, спрыгнула с постели и бросилась к комоду. Она уже выдвигала один из его ящиков, когда дверь распахнулась и в комнату ворвались шесть или семь ирсков. Они скользили и волнообразно извивались — это у ирсков заменяло бег — и были вооружены маленькими энергетическими пистолетами.

Нападавшие могли бы выстрелами раздробить Изолину на атомы, но один из них, видимо командир, крикнул во все горло:

— Хватайте ее! Держите!

Приказ был выполнен с ошеломляющей быстротой: ирски находились на пороге комнаты, а через тысячную долю секунды два из них стояли по бокам Изолины и держали ее.

Мортон, который во время молниеносного вторжения успел встать с кровати, вспомнил, как Лозитин мгновенно поднялся по лестнице своего дома.

«Неужели эти существа могут везде так переле-

тать с места на место?»

Командир ирсков осмотрелся, потом подошел к креслу, внимательно оглядел Мортона и сказал ему:

— Вот ваша одежда, полковник. Одевайтесь, и быстро!

Его тон не располагал к разговору, и Мортон примерно через три минуты после того, как вскочил с кровати, уже был одет и обут. Это не был его личный рекорд, но результат был неплохой.

— Вы пойдете с нами, полковник, — заявил ирск и, повернувшись к своим подчиненным, скомандовал: — Ну, пошли! Уходим!

— Женщину куда? — спросил один из них. — Мы всех здесь перебили. Ее нельзя оставить.

— Ты что, не видишь, что это его подружка? — раздраженно ответил командир. — Думай хоть немного!

Ирск-солдат, судя по всему, подчинился, но все же сказал:

— Ты не думаешь, что нам стоит посмотреть, что она хотела взять из ящика?

Нападавшие открыли ящик и обнаружили в нем два маленьких автоматических пистолета. Ирски, охранявшие Изолину, взяли их — каждый по одному — и отошли от своей пленницы.

Изолина, которая застыла неподвижно, когда ее схватили, не пошевельнулась и теперь, лишь подняла глаза и сказала:

— У полковника Мортона были неприятности с явлением, которое он называет Тьмой и которое, кажется, перенесло его сознание в ум ирска.

При этих словах все замерли.

— Вот поэтому мы и увозим Мортона, — ответил командир. — Когда это произошло, он узнал больше, чем мы думали, а в результате у нас возникла проблема, которую трудно решить.

— Ирски столько лет жили, судя по всему, в полном согласии с диамондианцами, и за все это время никто из нас совершенно ничего не слышал о подобном явлении. Что такое эта Тьма? Почему ее держали в секрете? И почему она поместила сознание полковника Мортона в мозг ирска, дружественного к диамондианцам?

— Когда мы это узнаем, может быть, у нас тоже будет что сказать! — отрезал командир отряда,

Но молодая женщина настаивала:

— Значит, все-таки существует что-то, о чем вам запрещено говорить?

Какое-то время все молча смотрели на нее. Наконец командир ирсков щупальцем сделал Мортону знак выходить и одновременно ответил

Изолине:

— Нам нечего вам сказать: Тьма не для людей.

После этого Мортон вышел из комнаты. Двое из его похитителей шли впереди него, а остальные четверо сзади. Последний из них закрыл дверь.

10

Мортон снова оказался на лестничной площадке, которая была залита ярким светом люстры, висевшей над лестницей.

Все произошло так быстро, что у него до сих пор не было времени думать. В его уме была лишь одна мысль — выйти из этой комнаты, пока эти существа не изменили свое мнение и не убили Изолину. Но теперь…

Теперь, стоя здесь, Мортон спросил себя: «А что же я?»

Больше суток он был игрушкой в чужих руках. Сначала им завладела Тьма. Потом его недолгая мнимая свобода в больнице. Почти сразу же после этого его похитили диамондианские заговорщики и держали его в своей власти до ночи… Кстати, который час? Одиннадцать или даже двенадцать ночи, подумал полковник.

Конечно, в те минуты, которые он провел в объятиях Изолины, он, может быть, действовал свободно и по собственной воле. Но вот он снова в плену, на этот раз у восставших ирсков.

«Могу ли я что-нибудь сделать? Могу ли я сам принять решение?»

Например, нельзя ли выяснить, почему этим ирскам понадобилось взять его в плен? И, не загадывая, что будет дальше, полковник спросил:

— Чего вы, собственно, хотите от меня?

Вместо ответа командир ирсков указал ручным щупальцем на лестницу и приказал:

— Сюда!

Мортон не стал спорить и спустился вниз, как ему было приказано. У подножия лестницы он увидел первый труп — тело пожилой женщины, должно быть гувернантки или горничной, потому что она была в форме. Женщина лежала скрючившись, и потому трудно было понять, каким оружием она была убита.

На первом этаже Мортон, подчиняясь новому властному жесту командира ирсков, зашагал дальше — как он думал, в переднюю часть дома. Бросив взгляд налево, внутрь комнаты, большая дверь которой была открыта, он увидел трупы пяти или шести мужчин и трех женщин. Комната была слабо освещена, и, кроме мертвых тел, в ней находилось более десяти ирсков. Группа, которая вела Мортона, остановилась. Два отряда соединились, и один из тех, кто спустился с Мортоном, спросил:

— А где остальные?

— Еще внизу. Мы тут нашли целое гнездо: тридцать пять мужчин и одиннадцать женщин только в доме, — с довольным видом ответил командир второй группы.

— Прекрасно, — ответил тот, кто привел Мортона. — Но теперь ты должен приказать своему дилу (он употребил это слово в значении «мужской отряд») подняться наверх: мы нашли того, кого искали.

Он указал на Мортона.

— Гм! — отозвался второй. — Ну вот, я позвал их.

Скользя по полу, он подошел к Мортону, встал перед ним и приготовился заговорить, но пленник опередил его:

— Я вхожу в Комиссию по Переговорам. Чего вы хотите от меня такого, о чем мы не можем говорить более дружелюбно?

Если ирск и удивился этим словам, по его лицу это не было видно. Он объявил Мортону торжествующим тоном:

— Полковник, мы взяли вас в плен по причине, которая не имеет никакого отношения к переговорам. Мы знаем, что вы и некий ирск стали духовными братьями, но мы совершенно не знаем, как исправить нечто другое, произошедшее

из-за этого. Вот почему мы должны увезти вас с собой, чтобы изучить эту проблему и действовать так, как окажется нужным.

— Только что вы молча вызвали своих товарищей. Мне кажется, что вы все можете связываться друг с другом телепатически.

— Это не совсем так, — объяснил ирск. — Тут действительно участвует ум, — он слегка стукнул себя по лбу, — но, кроме мозга, нужно еще кое-что — то, что мы держали в тайне от людей. И здесь с нами без спора соглашаются даже ирски с зелеными полосами на одежде — друзья диамондианцев.

— Что это за причина? — спросил Мортон.

Повстанец медлил. Полковник внутренне сжался, ожидая ответа: он чувствовал, что сейчас узнает, насколько верна его интуиция.

Внезапно ирск заговорил:

— Диамондианцы слишком неустойчивы эмоционально и умственно. Они разрушили бы нашу систему, поэтому мы не могли открыть ее вам.

— У меня сложилось впечатление, что в наше время восставшие ирски тоже излишне эмоциональны, — иронически возразил Мортон.

Его собеседник признал это:

— Близость к диамондианцам подействовала

на нас, как зараза: наш народ, жизнь которого была совершенно спокойной и мирной, стал таким же страстным и склонным к насилию, как диамондианцы.

— То, что вы сказали, правда, и если ирски теперь тоже дают волю своим чувствам, почему вы сами не разрушили свою систему мысленной связи?

— Не думайте, что мы не беспокоимся об этом. Именно поэтому вы нам и нужны.

Мортон хотел заговорить, чтобы выразить свое изумление, но ирск движением щупальца приказал ему молчать.

— Мы поговорим обо всем этом позже, а сейчас вас вызывают к видеокому.

Это было настолько нелепо и неожиданно, что Мортон сначала потерял дар речи, а потом смог лишь ошеломленно переспросить:

— Меня? Меня зовут к видеокому?

Но он служил в разведке и потому произнес это так тихо, что никто, кроме него самого, не расслышал. Не сказав больше ни слова и скрывая свое недоумение, полковник прошел в указанную ему комнату и там немало времени молча и неподвижно рассматривал того, кто глядел на него с экрана видеокома.

Это был темно-русый мужчина с серыми глазами на узком лице, который язвительно улыбался. Мортон узнал капитана Марриотта, командира военного поста Каподочино-Корапо.

— Вы помните меня? — прозвучал голос Марриотта.

— Прекрасно помню, — сухо ответил Мортон.

Но, ответив, полковник задумался: было совершенно неестественно, что Марриотт надеялся быть узнанным человеком, который видел его только раз и очень недолго.

Мортон отметил про себя, что ожидал увидеть Марриотта скорее на стороне диамондианцев, чем на стороне ирсков.

— В этом деле я на стороне всех, возможно даже, что и на вашей, полковник. Если бы жизнь продолжалась вечно, никому не пришлось бы решать, где он хочет провести остаток своих дней. Когда я узнал о положении на Диамондиане, я наконец понял, что нашел свое пристанище.

Мортон лихорадочно пытался вспомнить короткие встречи, которые у него были в первые дни после прилета на эту планету, во время его быстрой поездки по Диамондиане для знакомства с обстановкой. Наконец он озадаченно произнес:

— Когда я расспрашивал вас, что я спросил

такого, что могло вас обеспокоить?

— Это был не вопрос, а ваша решительность, — ответил Марриотт. — Я вдруг почувствовал, что вам я не смогу заговорить зубы.

— Почему вы не стали моим духовным братом, чтобы узнать мои планы?

Марриотт помолчал, потом ответил:

— Я никогда не интересовался этим явлением потому, что у меня была на это причина, — вот все, что я вам скажу. Как бы то ни было, я рискнул подключить вас к сети срочной связи ирсков, которую вы называете Тьмой, в надежде, что в решающий момент смогу управлять вами. Это было самой большой ошибкой в моей жизни, — закончил Марриотт, и лицо его на мгновение исказила гримаса.

— Это вы отправили меня в больницу?

— Да.

— И когда Изолина похитила меня оттуда по своим причинам… — Мортон не стал договаривать.

— Меня предупредили, и я послал по вашим следам ирсков, — ответил Марриотт.

— Зная, что они убьют всех, кроме нее? — В голосе Мортона звучала ярость.

Человек на экране пожал плечами.

— По правде говоря, я не знаю, что ответить. Мне было важно лишь одно — снова завладеть вами… Я не давал им приказа убивать. Все ирски и диамондианцы убийцы в душе. Правда, это я десять лет назад стал учить ирсков отличаться друг от друга, поэтому я предполагаю, что отчасти несу ответственность за это. (Он нахмурил брови.) Они были все как одно существо, объединенное с этой системой, находящейся наверху в небе. Фактически она состояла из миллиарда расположенных рядами ирсков-двойников. Моим первым преобразованием было введение способа идентификации, основанного на подчеркивании личных имен ирсков: имя произносится преувеличенно четко. К несчастью, когда ирски приобрели индивидуальность, у них не было другого примера, кроме диамондианцев. Так что мое доброе дело было недостаточно продумано.

— Короче говоря, — добавил он, снова пожимая плечами, — я ведь сказал им: «Не причиняйте никакого вреда Изолине». Большего я сделать не мог. Видите ли, после того, как я подключил вас к Тьме, произошел не один неприятный случай, а два. Первый возник, когда она, не советуясь ни с кем, сделала вас духовным братом Лозитина, ирска, под контролем которого находится средство,

способное уничтожить Тьму.

— А второй? — спросил Мортон.

— Второй случай произошел, когда меня посетил ваш подчиненный.

С некоторым смущением капитан рассказал, как он взломал дверь машины Брэя, и признался:

— Я не остерегался и попался на техническую уловку в виде небольшого приборчика. Из-за этого произошло временное смещение вашей и моей индивидуальностей, а в этом, мой дорогой полковник, нет ничего приятного. Так что мне нужно было действовать быстро. Может быть, будет достаточно удалить вас с этой планеты, но я в этом сомневаюсь.

Мускулы розового лица капитана были напряжены. У Мортона сложилось тревожное впечатление, что Марриотт верил в то, о чем рассказывал.

— Послушайте, капитан, если вы искренне добиваетесь мира на Диамондиане, я на вашей стороне. Я хочу, чтобы переговоры возобновились, и если бы вы смогли начать их и добиться успеха там, где я потерпел неудачу, я оказал бы вам любую поддержку. Но прошу вас, не говорите загадками. Скажите мне, какие у вас проблемы, и

я помогу вам их решить.

На лице смотревшего с экрана вдруг снова появилась прежняя злая усмешка.

— То, что произошло здесь, вызывает у людей не желание сотрудничать, а другие, значительно менее добрые чувства. Произошло то, что вы стали вместо меня главой правительства ирсков, то есть Тьмы.

«Я задал дурацкий вопрос и получил на него самый фантастический ответ», — подумал Мортон.

Тут он заметил, что Марриотт снова начал говорить:

— Даже если у вас нет ни малейшего представления о том, как извлечь выгоду из вашего нового высокого положения, по вашему виду я заключаю, что вы не откажетесь от него с легким сердцем. Так что же вы узнали от Лозитина? — резко спросил капитан. — Соблаговолите вы сообщить это нам или нет?

На экране было видно, как заблестели глаза Марриотта: он сильно волновался. У самого Мортона тоже кружилась голова. Он лихорадочно искал мысль, за которую мог бы ухватиться.

— Послушайте, — сказал он наконец медленно и успокаивающим тоном, — правительственные дела моя специальность. Я умею расстраивать

заговоры, у меня даже есть диплом, который это доказывает. Признаюсь, что мне довольно трудно представить себе Тьму в роли правительства, но я понимаю, что это возможно. Если моя мысль верна, то я предвижу, что к ней можно применить основные положения теории свержения властей. В таком случае я знаю, чем теоретически может быть Оружие Лозитина, Это может быть только…

Тут Мортон замолк, потому что Марриотт вдруг сильно побледнел и сделал ему знак остановиться.

— Тише! Ни слова больше, полковник! Тьма может улавливать мысли тех, кто находится на поверхности планеты, в особенности мысли, оформленные словами. Не раскрывайте ничего!

Мортон мрачно кивнул.

— Если система свержения может быть использована, предварительное знание об этой операции не принесет никакой пользы свергаемому правительству. Тем не менее я согласен умолчать о деталях, если это успокоит вас. Но не забывайте, что в науке все действует автоматически.

На этом разговор, видимо, закончился, потому что помощник командира ирсков сказал Марриотту:

— Капитан, нам пора уходить — полковнику Мортону и мне. Все это будет улажено на уровне начальства. До свидания.

Марриотт снова улыбнулся, но невесело, и сказал Мортону:

— Тьма манипулировала вами так, словно больше не подчиняется своей старой программе Махала. Это позволяет думать, что у нее есть система самозащиты, о которой я ничего не знаю, но которая, несомненно, действует по принципу «сомневаешься — уничтожай». До свидания.

— Подождите! — крикнул Мортон. — Вы употребили новое слово, «Махала». Что это…

Но экран уже погас.

— Сюда! — приказал его похититель. — Они наконец подошли, — и вывел Мортона из комнаты.

«Они» была третья группа — более двадцати ирсков, которые поднялись по одному из подвального этажа и собрались в прихожей особняка. Отряд явно готовился к быстрому отходу, и было похоже, что все повстанцы боялись выходить.

Их было слишком много, и это создавало трудности: если такую большую группу ирсков увидят соседи или — еще хуже — если кто-то видел, как они вошли сюда, положение могло стать опасным.

Мортон ждал, пока командиры трех групп тихо совещались между собой. Они быстро решили вызвать сразу все машины, которые стояли у ботанического сада, где шоферы-ирски, как думали повстанцы, не очень рисковали обратить на себя внимание.

На глазах у восхищенного Мортона машины были вызваны мысленно. Шоферы явно сообщили о своем прибытии тем же способом, потому что кто-то вдруг открыл дверь. Два ирска схватили Мортона и приказали ему:

— Бегите ко второй машине!

Полковник не стал сопротивляться. Он побежал с ними по широкой террасе, потом по обсаженной деревьями лужайке. По пути Мортон, к своему разочарованию, заметил, что перед особняком росли еще и густые кусты, совершенно скрывавшие сад от глаз соседей.

Мортон и два его охранника выбежали на улицу в тот момент, когда первый шофер-ирск останавливал свою машину перед воротами дома Феррарисов. Вторая машина шла сразу за первой. Через несколько секунд полковника втолкнули на ее заднее сиденье. Один из охранников сел рядом с ним, второй впереди, возле шофера.

Одна за другой подъезжали остальные маши-

ны, постепенно весь отряд повстанцев погрузился в них. И тут Мортон осознал три факта сразу. Первое — краем глаза он увидел большую группу людей на холме, второе — он разглядел, что это были солдаты Земной Федерации, вооруженные автоматами. Третий факт был очень простым: одно из правил разведслужбы. Если находиться в тесном пространстве и на тебя нацелено много стволов, бросайся на землю. И Мортон мгновенно, почти так, словцо он был одним из ирсков и скользил на щупальцах, упал на пол машины.

Там он и лежал, сжавшись и дрожа, пока автоматы изрыгали треск и смерть. Вокруг себя он слышал со всех сторон рев работающих на полную мощность двигателей — было похоже, что некоторым из водителей удалось увести машины.

Но тот автомобиль, где был он сам, не двигался. Ирск, сидевший рядом с Мортоном, и два других повстанца постарались выпрыгнуть из машины, как только заметили, что пошли в засаду. Мортон предположил, что все они использовали уже знакомый ему сверхскоростной способ перемещения. Он не мог сказать, кому это удалось, а кто попал под пули.

Мортон по-прежнему лежал, притаившись

между сиденьями, когда почувствовал, что кто-то подходит к его машине и наклоняется, чтобы заглянуть внутрь.

Он осторожно повернул голову — и столкнулся нос к носу с лейтенантом Брэем.

Облегчение, которое испытал полковник в этот момент, выразилось не совсем обычным образом: в порыве благодарности он сказал своему подчиненному:

— Во всей этой истории самым ужасным было чувствовать себя бессильным, полностью зависеть от чужой воли. Теперь, наконец…

— Но… — заикнулся было Брэй и тут же замолчал. Лейтенант сдержался и не сказал, что единственный средством спасти полковника было арестовать его.

Брэй смутился и решил: не сейчас, я расскажу ему об этом позже.

11

Брэй очень долго ждал Мортона у заднего выхода больницы Инкурибили, и, в конце концов, понял, что у полковника что-то не получилось с побегом.

Он и Струзерс, сидя в машине, печально строили догадки, перебирали разные варианты и наконец решили, что им нужна помощь.

Но кто же захочет помочь члену Комиссии по Переговорам?

Прежде всего Брэй решил не обращаться в саму Комиссию. Если узнают, что начальник разведслужбы Комиссии по Переговорам оказался в таком положении, его могут выслать с Диамондианы.

Нет, лейтенант не мог так подвести Мортона.

По той же причине Брэй сказал себе, что будет неразумно связываться со штабом войск Земной Федерации. Там не захотят иметь никаких дел с Комиссией по Переговорам.

На какое-то время Брэй задумался, не в силах найти решение, потом неохотно попросил Струзерса отвезти его обратно во дворец Комиссии. Там, по-прежнему пытаясь решить задачу, как

выручить Мортона, лейтенант занялся делами, которые, по его мнению, могли оказаться важными, когда (и если) он выручит полковника.

В разведке Комиссии по Переговорам было пять капитанов и три майора. Один майор и два капитана были более или менее близкими друзьями лейтенанта Лестера Брэя. Из двух других майоров один, по фамилии Саттер, от души ненавидел всех лейтенантов, и в особенности Брэя, которого считал самонадеянным и дерзким.

Поэтому Брэй испытывал некоторое удовольствие, когда чуть позже в то же утро велел доложить о себе этому офицеру и со всей искренностью в голосе, на которую был способен, сообщил ему, что ночью ему позвонил полковник Мортон («Полковник не хотел беспокоить старшего офицера, например вас, господин майор»).

Мортон, как объяснил Брэй, желал иметь информацию о мирной делегации диамондианцев. Получил ли кто-нибудь приказ обыскивать машины в секторе Каподочино-Корапо?

Голубые глаза майора Саттера были похожи на две ледышки. Единственный из всех офицеров, он, когда Комиссия по Переговорам прибыла на Диамондиану, взял на себя труд убрать из своего кабинета местный письменный стол и устано-

вить там металлические шкафы для картотеки, металлический письменный стол и кресло из хромированной стали. Эта лишенная украшений сверкающая мебель не сочеталась с остальной обстановкой комнаты, высоким потолком и изящно украшенными стенами, но майор, похоже, не замечал этого.

У него был резкий и высокий голос, который прекрасно звучал бы из вычислительной машины. Своим обычным ничего не выражающим и совершенно не дружелюбным тоном майор Саттер ответил:

— А когда полковнику передадут эту информацию, что он с ней сделает? Он сказал об этом?

— Он думает, что вернется в свой кабинет в конце дня, господин майор, и он хотел бы найти отчет у себя на столе, когда приедет.

Худой и узколицый майор отвернулся от своего посетителя, показывая, что прощается с ним.

— Очень хорошо, лейтенант, я передам ваше сообщение.

Брэй не поддался на его игру.

— Господин майор, какой ответ мне передать полковнику через сержанта Струзерса, если полковник позвонит узнать, как решается этот вопрос?

Саттер не ожидал, что попадет в такую западню.

— Как только я получу информацию, я сообщу об этом непосредственно Струзерсу и дам ему необходимые указания. Это все, лейтенант, — сухо заявил он.

— Спасибо, господин майор.

Брэй отдал Саттеру честь, вытянув руку как можно прямее и щелкнув каблуками, как следовало делать перед офицерами такого типа. Потом он вышел из комнаты пятясь и с самым почтительным в мире видом. Саттер, который прекрасно понял его поведение, в этот момент всем сердцем ненавидел. Брэя, но и не подозревал, что распоряжение, которое он только что получил, было выдумкой, существовавшей только в изобретательном уме лейтенанта. Такое было выше понимания майора Саттера.

Тот же спектакль Брэй разыграл перед майором Луфтелетом. В этом майоре не было ничего особенно неприятного. Это был один из самых безликих и посредственных людей. Было трудно понять, как он при своем тупоумии мог попасть в разведку. Его единственным преимуществом были некоторые познания в технике. Луфтелет был педантичен, обращал много внимания на мелкие

детали информации, и его страсть придираться к мелочам иногда злила сослуживцев.

Брэй, снова сделав вид, что вопрос задает Мортон, пожелал узнать подлинное назначение здания, в котором Марриотт устроил свой командный пункт, и почему оно построено в поселке, явно не имеющем стратегического значения.

Старый офицер сидел за одним из местных письменных столов, деревянным и украшенным тонкой резьбой. Несколько секунд он сосредоточенно молчал, словно созерцая глубины своей души. От майора исходило ощущение сверхчувствительности, словно внутри него находился кто-то другой, выдающийся человек, который знает больше, мыслит яснее и обладает более острыми чувствами, чем обычные смертные.

Брэю стало немного грустно, когда после такой подготовки из уст майора Луфтелета прозвучал высокопарный и неумный вопрос:

— Какова ваша квалификация, лейтенант, что вы вообще решаетесь говорить о таких специальных технических вопросах?

— Господин майор, моя квалификация не играет роли. Разумеется, я кое-чему учился и имею институтский диплом, как все здесь. Но с вашим отчетом буду знакомиться не я, а полковник

Мортон.

После этого лицо майора довольно долго отражало смесь противоречивых чувств. Казалось, он сомневался, что кто бы то ни было может понять то, что знает он, однако во взгляде майора было смирение человека, который в конце концов понял, что на этом свете нет правды. Наконец все его тело приняло позу, выражавшую понимание, что в мире существуют офицеры выше его, которые занимают важные посты; может быть, эти офицеры и не имеют достаточной квалификации для своих постов, но все же занимают их И Луфтелет покорно и тихо ответил:

— Очень хорошо! Я составлю… э-э… краткое изложение функций, которые может выполнять это здание. Скажите полковнику, что это будет не технический отчет того уровня, который я мог бы представить лицу с такой же высокой квалификацией, как моя, — с важностью добавил он, — но…

Луфтелет остановился на середине фразы, и Брэй быстро произнес:

— Господин майор, я уверен, что вы не слишком низко оцениваете многосторонние научные познания полковника Мортона и его способность понимать сложные чертежи электронной ап-

паратуры.

Эти слова, казалось, испортили Луфтелету настроение: майор помрачнел и покачал головой. Брэй воспользовался его молчанием, чтобы отдать честь и выйти из комнаты.

Что теперь? Оставалось, конечно, только ждать.

Брэй уселся в своем крошечном кабинете, который про себя называл бывшим чуланом для метел, и попытался понять, сделал ли он что-нибудь полезное.

Размышляя над этим, он следил, как стрелки стенных часов медленно двигались вперед. Так продолжалось с 12.23 до 18.10.

В тот момент, когда наступивший вечер окрасил Диамондиану в серый цвет, Брэю пришла в голову очень простая мысль: его задачу можно решить только хитростью, и он был поражен, что не нашел этого решения раньше.

Когда Брэй объяснил свой план Струзерсу, секретарь подскочил на месте и запротестовал:

— Лейтенант, я вам клянусь, что если вы не будете соблюдать осторожность, то в рекордный срок добьетесь, что полковника вышлют с этой планеты!

— Нам нужна помощь, и единственный способ

ее получить — это задействовать силы порядка,

Брэй велел Струзерсу снова отвезти себя в больницу. Там он имел короткую беседу с неким доктором Фондье, врачом-диамондианцем, и тот сильно рассердился, узнав, что пациент самовольно покинул больницу, хотя даже не был зарегистрирован в ней официально.

Именно доктор Фондье в своем негодовании задействовал те силы порядка, что привели Брэя и солдат Земной Федерации к дому, который, по мнению лейтенанта, должен был находиться под усиленным наблюдением.

12

Согнувшись пополам, Мортон вылез из машины и вздрогнул: земля вокруг него была усеяна трупами ирсков.

— Вернемся в дом, — пробормотал он. Солдаты и техники оказались там раньше их: когда полковник и лейтенант входили в особняк, те уже поднимались из подвального этажа, вынося другие трупы — убитых ирсками диамондианцев. Мортон узнал тела Джордже и Пьетро — единственных людей, которых он видел в этом доме, кроме Изолины, и единственных известных ему людей, связанных с ней.

Изолины здесь не было, поэтому Мортон послал Брэя и одного из солдат на верхние этажи, чтобы найти ее. Изолины не оказалось и там. Это было ударом для Мортона. Он встревожился, сам поднялся по лестнице в сопровождении Брэя и внимательно обыскал комнату Изолины, выясняя, нет ли какого-нибудь тайного хода, по которому она могла убежать. Когда он обнаружил «черную» лестницу, выходившую во двор, это предположение сменилось другим, более правдоподобным и усилившим его тревогу: «А если

она вышла отсюда и наткнулась на убегающих ирсков?»

Но взвод пехотинцев Земной Федерации, посланный осмотреть узкую улочку за особняком, не нашел там ни одного трупа. Это утешило полковника.

Теперь у Мортона наконец появилось время проанализировать свои чувства. Он с огорчением пришел к: выводу, что Изолина, отдавшись ему, достигла своей цели: сейчас он беспокоился именно о ее судьбе.

Мортон понял, что его покорили не воспоминания о ее жгучих ласках, а ее врожденная честность и ум. Прямые вопросы, которые она задала убийцам, показывали, что она быстро справилась со страхом. Это было достаточно смешно, но он подсчитал, что если цифра, которую Изолина сама назвала ему, верна, то за пять лет у нее было от шестисот до семисот любовников, и все же у него не хватало сил упрекать Изолину.

— Где бы она ни была, — сказал он вслух, — если она знала, куда пойти, и смогла сделать это, она должна действовать рационально. У этой молодой особы есть голова на плечах, и она поступает так, как ей подсказывает разум. Значит, если мы

сможем угадать, какие выводы в высшей степени умная молодая диамондианка могла сделать из того, что ей известно о событиях этой ночи, мы узнаем, куца она направилась отсюда.

Мортон почувствовал на себе удивленный взгляд Брэя.

— Кажется, эта молодая женщина произвела на вас впечатление, полковник, — заметил лейтенант.

— По тому рассказу, который я услышал от вас о вашей поездке в имение Феррарисов, я решил, что на вас она тоже произвела впечатление, — отбил удар Мортон.

Это была чистая правда.

— Для диамондианки Изолина… — заговорил Брэй. Мортон неуверенным тоном прервал его:

— Куда вас приведет рациональный анализ, если он будет основан на том, что я вам сказал?

Брэй неохотно признался, что в этом случае он не может действовать рационально.

Поскольку этот короткий диалог не дал никаких результатов, оба замолчали. Потом Брэй снова заговорил:

— Эта история с Лозитином… Судя по тому, что вы мне только что рассказали, мы должны как можно скорее найти его и расспросить.

— Хорошая мысль, — одобрил Мортон.

— Возможно, я смог бы поехать туда завтра. Как называется этот поселок?

— Не имею ни малейшего представления.

Это положило конец разговору. Мортон решительно расправил плечи и повернулся к Брэю.

— Полагаю, совесть вас не замучит, если мы оставим солдат Федерации убираться здесь без нас?

Перед тем как ответить, молодой офицер с силой моргнул и подождал, пока Мортон проделает то же самое. После этого Брэй подмигнул своему начальнику и широко улыбнулся. Эта озорная выходка была такой неожиданной, в ней было столько непринужденности и жизненной силы, что Мортон улыбнулся в ответ. Потом его лицо стало суровым.

— Идемте, — сказал он. — В этой больнице есть врач, которого я хотел бы допросить, и, может быть, подходящий момент для этого сейчас, пока в моем распоряжении этот армейский отряд.

Брэй не сдвинулся с места.

— Честное слово, полковник, — дипломатично сказал он, — я полагаю, что сейчас подходящий момент сообщить вам небольшую подробность, которую я скрыл от вас.

Выражение его лица и тон были такими странными, что Мортон, который уже отошел от лейтенанта, медленно вернулся, встал перед ним и спросил:

— В чем дело?

Брэй объяснил и в заключение сказал:

— Теперь вы понимаете, что находитесь под арестом, возможно, потому, что этот врач покрывает кого-то или всех.

Они снова поднялись по главной лестнице и теперь стояли на ее верхней площадке. Вокруг них солдаты в серо-зеленой форме войск Земной Федерации уносили на носилках трупы, подметали под и вытирали кровь мокрыми губками.

Мортон долго и задумчиво смотрел на это, потом взглянул на Брэя, заставил себя улыбнуться и сказал:

— В такой обстановке что мешает нам обоим спокойно уйти отсюда, лейтенант?

— Весь сектор оцеплен, полковник. Нас схватят.

— А, вот как…

— Интересно будет увидеть, чем все это кончится. Мортон с определенной долей черного юмора должен был признать, что эта фраза была весьма слабым комментарием к его сложным и

запутанным действиям на Диамондиане.

13

Несмотря ни на что, Мортон сумел правильно оценить замечание Брэя. Он не чувствовал себя слишком подавленным, когда немного позже ехал в машине вместе с Брэем под конвоем взвода солдат Федерации на мотоциклах.

— Мне просто будет нужно устроить больничному начальству что-то вроде очной ставки с доктором Герхардтом, — сказал он, не давая никаких разъяснений.

Вокруг полковника и лейтенанта раскинулся ночной Новый Неаполь. Из-за войны улицы не освещались, и вокруг было темно, как в аду, только в аду не было такого невероятного потока машин. Похоже, что все, кто целый день носились по улицам на своих маленьких шумных автомобилях, выехали в этот вечер отдохнуть на тех же маленьких шумных машинах

И что еще хуже, все они ехали наугад, совершенно без огней и по неосвещенным улицам. У ангелов-хранителей, наверное, было много работы — защищать праведных и карать грешных. Каждые пять минут в темноте был слышен ужасный лязг и скрежет столкнувшихся машин:

еще один враг господа получал по заслугам.

Прямо перед их машиной в непроницаемой черноте вдруг послышался оглушительный грохот врезающихся друг в друга железных листов. Их автомобиль сделал головокружительный разворот и замер на месте.

Послышались чьи-то жалобы, яростная ругань и обвинения Загудели сигналы и слились в невыносимую какофонию.

— Ну что же… — решительно сказал Мортон и выглянул в окно, пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте.

Впереди справа он смутно различил силуэты множества остановившихся машин. В другом ряду, слева от него, машины медленно двигались вперед, подавая беспрерывные сигналы. Дальше справа виднелись старинные особняки, похожие на черные привидения в этом мире мрака.

«Через час или два, — подумал Мортон, — огромная диамондианская луна зальет бледным светом эту жуткую картину. Но сейчас, да еще при этом шуме…»

Кошачий концерт сигналов перешел в истерическое крещендо. Сейчас или никогда!

Мортон осторожно открыл дверцу и тихо потянул Брэя за рукав. Его молодой спутник удивился

и сначала стал сопротивляться, но через несколько секунд оба были на мостовой и, цепляясь друг за друга, на ощупь отыскивали между неподвижными машинами дорогу к относительно безопасному тротуару. Затем они быстро пошли вперед.

— Утром мы позвоним в больницу, — заявил Мортон и добавил. — Может быть.

Полковнику начало надоедать все это, он был в ярости и совершенно не был расположен говорить разумно с потерявшими разум людьми. Но он знал, что его злоключения еще не кончились.

Анализируя свое поведение, Мортон вдруг понял, что его раздражение порождено современной логикой, и сказал Брэю:

— Мой профессор старался научить нас воспринимать противодействие окружающего мира по законам определенной логики. Он считал, что человека, верного старой логике, которую называют современной, всегда можно узнать по его поведению перед лицом несчастья. Такие люди, по словам моего профессора, в глубине души верят, что в мире существуют двойники, совокупности одинаковых объектов. Если бы они могли освободиться от этого внушенного им представления, говорил он, эти люди поняли

бы, что в науке все бесконечно изменчиво, но автоматично. Каждый процесс слегка отличается от другого, но то, что существует — существует, и все. Он замолчал, потом продолжил:

— То, с чем мы столкнулись здесь, на Диамондиане, это простая задача типа загадки. Теоретически, если мы найдем решение этой задачи, то, что следует из нее, произойдет автоматически, и мы одержим нечто вроде мгновенной победы.

— Извините меня, полковник, но мгновенная победа сразу на целой планете, которая полна диамондианцев и их двойников — ирсков, мне кажется совершенно невозможной, — почтительно возразил Брэй.

— Что ж… на первый взгляд вы совершенно правы: пятьсот миллионов диамондианцев с их пылким характером и миллиард неустойчивых ирсков. И тем не менее во всех них есть своеобразная чистота.

Брэй заметил, что, по его мнению, слово «чистый» совершенно неприменимо к тем диамондианцам, которых он знает.

— Может быть, женщины… Но, — быстро добавил он, — я всегда остерегался бывать у диамондианок.

На этот раз Мортон невольно или сознательно

не обратил внимания, что прерывает лейтенанта:

— Меня беспокоит прежде всего это духовное братство, — сердито бросал он в темноту ночи. — Лозитин ни на мгновение не почувствовал моего присутствия под своим черепом, не заподозрил, что я наблюдаю его глазами. Однако Марриотт и его друзья ирски знали, что Тьма поместила меня в сознание Лозитина. И с вами, и со мной Марриотт вел себя очень беспокойно: он был зол, обманут в своих надеждах, саркастичен, но ирски говорили с ним вежливо. Тем не менее они вели себя так, словно вопрос о моем снятии с должности главы их правительства еще не решен. Меня должны были куда-то отвезти, допросить, и, может быть, тогда они приняли бы решение относительно меня. Из всего этого я делаю вывод, что в ближайшие дни мне тоже придется делать выбор. Значит, главный вопрос, который встает…

Брэй, продолжая идти, ждал продолжения мортоновского монолога. После нескольких секунд вежливого молчания молодой офицер повысил голос, чтобы его можно было услышать среди рева машин, и сказал:

— Полковник, я очень хотел бы узнать, что это

за главный вопрос.

Ответа не было.

Брэй замер на месте. Потом, шепотом ругая себя, он вытянул перед собой руку и повел ей из стороны в сторону, ощупывая ночной мрак. Рядом не было никого; лишь тропический ветерок ласкал его кожу и приподнимал полы френча.

Продолжая стоять на том же месте, Брэй попытался вспомнить все, что было перед этим. «Слышал или видел я что-нибудь после того, как он кончил говорить?»

У темноты бывают разные оттенки. Диамондианская ночь в этот момент была черной, как чернила, в ней поблескивали лишь кузова автомобилей. Удивительно, как мало от этих бликов пользы в городе, где столько матовых поверхностей.

Вдруг Брэй вспомнил, что время от времени различал силуэт полковника на фоне… чего? темноты? Черное на черном фоне — это же невозможно!

Продолжая задавать себе эти вопросы, Брэй медленно возвращался назад прежним путем. Он шел осторожными широкими шагами, словно ощупывал тротуар ногой.

Лейтенант удивился тому, как много ему

пришлось пройти — он отшагал не меньше пятидесяти метров, прежде чем его нога наткнулась на неподвижное тело.

Кто это был? Брэй был почти уверен, что Мортон. Лейтенант наклонился и провел рукой по одежде лежащего, ища знакомые пуговицы, погоны и нашивки полковничьего мундира. Все это было на месте, значит, это был Мортон.

Брэй отыскал бессильную руку и нащупал на ней пульс. Он был медленный. Шестьдесят ударов в минуту, посчитал наугад Брэй, чувствуя огромное облегчение и сострадание.

«Бедняга Мортон, — думал лейтенант, — уже полтора дня его почти все время держат без сознания. Это, наверное, слишком большая нагрузка для одного человека».

И молодой адъютант решил, что такой ряд неудач и столько обмороков подряд означают, что Мортон недолго проживет.

Тем не менее Брэй был не вполне уверен, что на тротуаре лежал без движения именно полковник Чарлз Мортон. Он поклялся себе, что теперь всегда будет носить с собой все мелочи, которые рекомендует иметь под рукой учебник для разведчиков. Например, лампу-авторучку, которая сейчас лежала у него в машине, и другие

чудеса науки.

Брэй был молод, самоуверен и франтоват и потому считал ниже своего достоинства набивать карманы и подкладку своего мундира этим хламом. И вот теперь он оказался без радиостанции, без устройства для вызова полиции, без… в общем, безо всего. Все это было у него в машине, но не при себе. Он мог позвонить из телефона-автомата, если сумеет найти его в этой темноте.

Брэй даже не попытался искать телефон. Он просто сел рядом с лежавшим без сознания человеком, который еще дышал, и печально сказал себе, что должен остаться здесь до утра. Он не обращал, как Мортон, большого внимания на мелочи и потому не знал, что скоро над крышами Нового Неаполя поднимется огромная диамондианская луна или, по крайней мере, ее четверть. Поэтому примерно через полчаса жизнь преподнесла ему радостную неожиданность: сначала слабый свет-предвестник, потом надежду и наконец желтый месяц, похожий на покрытый туманом осколок второго солнца, который осветил все, что окружало Брэя, и направил свои косые лучи вдоль проспекта. Лунный свет не без иронии показал лейтенанту, что телефонная будка находилась от него менее чем в пяти метрах.

Брэю понадобилась всего минута, чтобы подтащить к ней бесчувственного Мортона. А потом…

Брэй позвонил во дворец, где располагался штаб Комиссии по Переговорам. Коммутационный компьютер соединил его с кабинетом сержанта Струзерса, и наконец в трубке зазвучал сонный баритон мортоновского секретаря.

Через час Струзерс приехал к Брэю на автофургоне Комиссии. Учитывая безумное движение на улицах, это было очень быстро. Ворча и вздыхая, лейтенант и сержант перенесли Мортона в эту машину, отвезли его во дворец и внесли в комнату Брэя. Там они раздели бесчувственное тело, уложили его на кровать и накрыли одеялом. Сделав это, лейтенант Брэй, который по-своему обдумал ситуацию, в общих чертах объяснил Струзерсу свои планы на завтрашний день и затем отослал спать этого достойного служителя, бледного, но покорного судьбе.

14

Волна Тьмы нахлынула на Мортона. Она была мощнее обычного, но полковник мог говорить и ясно мыслить, поэтому ограничился тем, что на мгновение закрыл глаза. А потом он оказался… в небытии.

Мортону показалось, что он висит в пустоте, где ничего не может разглядеть. Это было похоже на слепоту, но не совсем: темнота была скорее серой, чем черной.

Мортон все еще думал, что идет с Брэем среди ночи по улице Нового Неаполя: переход из черного мира в серый был не очень заметен. Поэтому его тревожило в основном то, что он мог… воспринимать со стороны что-то, что казалось ему его собственным живым телом. Мортон протянул руку, словно желая отодвинуть серую мглу, как занавес, потом открыл рот и наудачу спросил: — Где я? Лейтенант Брэй, вы здесь? Он захотел продолжить вопросы, но вдруг с изумлением понял, что не слышит ни малейшего звука. Моргов чувствовал, что говорят: его губы, челюсти и язык двигались. Он видел силуэт человека, наклонившегося Над чьим-то телом, но не слышал

ни одного шороха, ни одного отголоска. Тишина как после смерти.

Мортона охватил панический страх. Справившись с ним, полковник почувствовал, что находится посреди огромного пространства, и заметил слабо светящуюся россыпь звезд сбоку от себя.

«Ах, вот оно что: я наверху, как в прошлый раз», — подумал он.

Теперь Мортон перестал волноваться: он был уверен, что Тьма погружает его в чужой ум. «Буду ли я снова Лозитином?» — попытался угадать полковник.

Он не смог сдержаться и устало подумал, что все это напрасная трата времени. Проблемы, которые разделяют противоборствующие стороны, решаются переговорами. Господи, ну почему эти местные жители не могут встретиться и предъявить друг другу разумные требования?

Прошло еще какое-то время — не слишком много, может быть, минута. И вдруг в уме Мортона зазвучал голос — незнакомый баритон.

«Полковник Чарлз Мортон, тот вы, который находится здесь и кажется вполне живым, — энергетический двойник вашего тела, которое вы только что видели со стороны. Этот двойник

может говорить и слышать чужую речь. То, что ваше настоящее тело сейчас находится без сознания, — одна из причин, по которым люди не могут быть допущены в мысленное объединение ирсков. Когда ирски подвергаются энергетическому импульсу первого уровня или получают мысленное сообщение, они не теряют сознание. Поэтому их двойники могут согласовывать с ними свои действия, в том числе покидать их тела и возвращаться в них. И то, что говорят и делают двойники ирсков, воспринимается подлинным телом, оставшимся на той планете, что под нами».

Мортон почувствовал сильное облегчение. Нет, больше, чем сильное, — безграничное: кажется, он наконец узнал правду. Наконец-то появилось разумно мыслящее существо, с которым можно говорить, подумал он, и быстро заговорил:

— Благодарю вас за разъяснение. Но то, что люди в этих случаях теряют сознание, кажется мне лишь незначительной трудностью, которую вы, должно быть, в силах преодолеть. Слышали ли вы мою беседу с капитаном Джеймсом Марриоттом?

«Да. Именно поэтому вы находитесь здесь на этот раз. Я хочу, чтобы вы проанализировали для

меня, что такое Оружие Лозитина».

— А, вот в чем дело! — произнес Мортон и замолчал: он вдруг почувствовал, как неумолимо это существо идет к своей цели.

В этом не было ничего разумного. Полковник немного помедлил, потом решил быть правдивым и объяснил:

— Сейчас, когда я смотрю на обширное энергетическое поле этой планеты как на правительство, мое знание теорий свержения власти позволяет мне думать, что вы не сама Тьма и не правительство, а лишь их часть.

Поскольку ответа не последовало, он продолжал так же спокойно и размеренно, как начал:

— Мне сказали, что один человек стоял во главе правительства ирсков и что сейчас я, другой человек, заменил его. По аналогии с этим вы, несомненно, центр управления или глава одной из служб. Во всех известных мне правительствах есть много служб или министерств. Из того, что вы занимаете высокий пост, я делаю вывод, что вы должны быть соединены с официальными системами связи и подчиняться программе, которая требует, чтобы вы в чрезвычайных ситуациях брали на себя обязанности главы правительства. Верно ли это?

Ответ, как и раньше, прозвучал у Мортона, в голове.

Тот же бесстрастный голос заявил:

«Полковник Чарлз Мортон, я оживил вашего двойника не для того, чтобы вы получали от меня информацию. До того как я вас освобожу, вы должны сделать для меня два дела: вы проанализируете Оружие Лозитина и вы пообещаете, что поможете мне истребить диамондианцев. Вы согласны?»

Слова голоса попали в мозг, уже готовый сопротивляться фантастическому окружению. Но этот внезапный ультиматум был еще невероятнее всех предыдущих неожиданностей диамондианской головоломки! Молчание затягивалось. Сначала Мортон чувствовал только изумление. Потом возникла первая слабая реакция — мысль: «Автомат. Ни малейшего признака разума».

После этого в течение многих часов Мортон без всяких объяснений отказывался дать какие-либо обязательства относительно диамондианцев. Но, безумно желая выиграть время и одновременно пытаясь найти способ управлять этим совершенно безумным существом, полковник выполнил то, что и сам собирался сделать, — анализ Оружия Лозитина.

— Правительство, — сказал он, — сохраняет власть благодаря лояльности большинства граждан к бюрократическому аппарату. В данный момент вы, элемент этого аппарата, продолжаете работать так, словно ваше правительство по-прежнему находится у власти. Это похоже на ситуацию, когда выборное правительство распущено, но налоговые инспектора продолжают рассылать свои уведомления, а гражданские и уголовные суды заседать. Никто не платит налоги и не является в суд, но народ еще считает, что все эти официальные здания и чиновники — нечто реальное.

Здесь правительство — энергетическое поле. Я понимаю, что как его предполагаемый глава я подключен к энергетическому центру поля — точке управления. Я также думаю, что вы не можете физиологически отключить меня от него, так как вы лишь глава одной из служб. Но поскольку я не знаю, как пользоваться этим центром управления, элемент этого центра, то есть вы, можете действовать от имени Тьмы. Если вы пожелаете подтвердить или опровергнуть то, что я вам сейчас сказал, я выполню анализ Оружия Лозитина

«Довольно хитрый ход, — подумал Мортон, —

но свяжет ли он (или оно) мою потребность в информации с моим анализом, который он (оно) желает получить?» «Ваш анализ совершенно верен», — объявил баритон. В других обстоятельствах Мортон торжествовал бы, но не теперь, когда его тело лежало без чувств среди ночи на тротуаре в Новом Неаполе, а его «я» могло кое-как мыслить в энергетическом двойнике тела.

Мортон справился со своей тревогой и продолжал: — В древности завоеватель, который покорял какой-нибудь народ, начинал с того, что устанавливал свою власть в захваченной стране с помощью войск. Это не всегда оказывалось легко: повсюду были патриоты, боровшиеся против оккупационных армий, вспыхивали восстания, которые нужно было подавлять силой. Эта методы были заменены другими, которые изобрели первые теоретики коммунизма. Пришедшая на смену система требует, чтобы каждый гражданин завоеванной страны или планеты сделал выбор. Прежнее правительство не смещают. С его руководителями обычно обращаются вежливо и, как правило, не причиняют им никакого вреда, разве что находятся причины осудить нескольких из них за прежние преступления.

Завоеватель создает в захваченной стране

структуру, которой дает невинное название, например Центр Политического Просвещения. Власть такого ЦПП основывается на очень простом факте: он контролирует все возможности получить работу в стране. Никого не принуждают идти в ЦПП, но тот, кто не пойдет, будет умирать от голода и окажется бездомным. Каждый гражданин быстро выясняет, куда он должен обратиться, чтобы получить еду и крышу над головой. Узнав на собственном опыте, что такое муки голода, он спускает в своем сердце патриотический флаг и покорно бежит прослушать курс лекций в ЦПП.

Совершенно очевидно, — заключил Мортон, — что Оружие Лозитина — это эквивалент ЦПП для ирсков. Значит, недостаточно заранее знать, что такая система существует, чтобы защититься от нее.

«Эта система в последнее время использовалась для завоевания какой-нибудь планеты?»

— Только в отдаленных областях космоса, жители которых после колонизации не сохранили связь с Земной Федерацией. В этих случаях изоляции люди ведут себя с естественным автоматизмом, и вскоре кто-то, посчитав, что та или иная общественная система больше подходит для его народа, силой вводит тот порядок, в

который верит… но сейчас, когда такие методы слишком хорошо известны, при этом проливается меньше крови, чем раньше. Когда мы сталкиваемся с такой ситуацией, мне часто поручают свергнуть эту больную паранойей власть и установить то, что сейчас принято почти во всем мире: право личности периодически выбирать себе общественную систему, будь это свободное предпринимательство или жизнь в коммуне. Жителям Диамондианы никогда не предлагали такого выбора. Среди диамондианцев никогда не было ни малейшего движения в пользу такого права, несомненно, из-за наличия неисчерпаемого источника дешевой рабочей силы — ирсков. На этом мой анализ завершается.

«Думаю, что в качестве первого шага вы, несмотря ни на что, должны помочь мне истребить диамондианцев. Потом я помогу вам выиграть выборы у Марриотта, а затем…»

Это было уже слишком, и Мортон сдавленным голосом воскликнул:

— Но, бог мой, в конце концов, что один человек может сделать, чтобы уничтожить пятьсот миллионов людей?

«…затем, — невозмутимо продолжал голос, — мы вдвоем завладеем Оружием Лозитина».

Мортон с бьющимся сердцем подумал: «Это действительно автомат». Он приоткрыл рот, чтобы сказать этому лишенному всякой разборчивости в средствах существу, куда оно может убираться, но вдруг вспомнил одно слово из безумного заявления голоса и крикнул:

— Выборы! Какие выборы?

«Все в недоумении и спрашивают себя, каким образом вы внезапно оказались подключены к центру управления правительства ирсков. Капитан Джеймс Марриотт объяснил это искусственным смешением личностей. Но ирскам, у которых индивидуальность заключена в именах, это трудно понять. Они опросят вас обоих, а потом народ ирсков большинством голосов примет решение. Ирски никогда не были вполне довольны капитаном Джеймсом Марриоттом, поскольку он, кажется, преследует свои собственные цели».

Для человека с такой подготовкой, как у Мортона, эти слова «великого существа» были информационной золотой жилой. Но он сдержался и замкнулся в молчании, запретив себе даже думать.

Баритон продолжал:

«Я уверен, что вы победите на этих выборах, если поможете мне истребить диамондианцев.

Капитан Джеймс Марриотт отказался сделать это...»

Чувство, которое охватило Мортона, когда ему в третий раз сделали это ужасное предложение, было полностью порождено иррациональной современной логикой. Он прекрасно понимал, что злиться на машину глупо, и все же его голос повысился, и он визгливо крикнул:

— Убирайся к черту, грязный убийца!

Тьма ответила:

«Периодически я буду спрашивать вас, изменили ли вы свое решение. Когда вы примете мои условия, то сможете вернуться в свое настоящее тело».

Как только она договорила эти слова, на Мортона, по-прежнему висевшего в пустоте, опустилась непроницаемая тишина.

Через одинаковые промежутки времени эта тишина нарушалась и в голове полковника звучал все тот же баритон:

«Вы приняли решение?»

И каждый раз Мортон твердо отвечал:

— Изменений нет.

15

Когда ирски увели Мортона на первый этаж новонеаполитанского особняка ее семьи, Изолина торопливо оделась, нашла третий пистолет, выскользнула в коридор и на цыпочках подбежала к пандусу, спускавшемуся во двор. Через несколько секунд она спешила по переулку к своему личному автомобилю.

Вскоре она была в относительной безопасности в бешеном потоке машин на широком проспекте. И тут перед Изолиной встал вопрос: куда ехать? с кем связаться прежде всего?

Первым ее безотчетным порывом было обратиться к отцу. Поскольку Изолина была дочерью генерала, в ее машине была установлена специальная аппаратура, поэтому молодой женщине было достаточно только подумать. Немного поколебавшись, она мысленно произнесла слова, которые связали ее со штабом отца. Затем Изолина потребовала связать ее с командным пунктом генерала Феррариса возле Оврага Гиюма. Когда из видеокома зазвучал знакомый голос (экран не зажегся, это означало, что генерал, вероятно, был в постели с женщиной), Изолина рассказала

отцу, что произошло. Она заметила, что, когда говорила о некоторых убитых из обслуги дома, у нее на глазах появились слезы. Это было не похоже на нее.

Можно подумать, что генерал Феррарис долгие годы ждал, пока его дочь проявит в чем-нибудь слабость или, как сказал бы он сам, женственность. Он тут же повысил голос как истинный диамондианец и гневно закричал Изолине, что она должна наконец понять, что ей пора вернуться в семейный дворец и жить там в безопасности и в стороне от войны, как положено женщине.

Слушая его пронзительный крик, Изолина подумала: «Бедный папа, он действительно беспокоится за меня».

Но, кроме того, она услышала кое-что, что ее поразило, ее отец был не такой человек, чтобы ограничиться словами, он действовал, и под конец разговора он выкрикнул, что пошлет в их имение отряд десантников и отправит ее домой «сегодня же ночью».

— Оставайся в имении до их прибытия и слушайся отца, поняла? — приказал он.

Это было совершенно типичное отношение диамондианского мужчины к женщине. И так же типично было то, что генерал прекратил связь

раньше, чем его дочь успела запротестовать

Разумеется, после этого для Изолины стало невозможно уехать в имение.

Неожиданно ей пришла в голову мысль: «Марриотт! Уже не один месяц я хочу разгадать, кто он такой. Теперь у меня появился хороший предлог».

И вскоре она называла свое имя охраннику, стоявшему на часах перед уродливым военным постом Земной Федерации в Каподочино-Корапо. Меньше чем через минуту к ней вышел капитан Мариотт в домашнем халате. Он был бледнее, чем помнила Изолина, а взгляд его беспокойно блуждал. Тем не менее капитан встретил ее горячими изъявлениями дружбы и приказал капралу провести Изолину в ту самую комнату для друзей, которую за два дня до того занимал Брэй.

Потом Мариотт ушел к себе, переоделся и послал к Изолине охранника, который, постучав в дверь гостьи, передал ей, что капитан просит ее спуститься в его кабинет, где для нее уже приготовлен стакан вина. Изолину позабавила вежливость Марриотта, однако она поняла, что это почтительное обращение оберегает ее репутацию, но не ее тело. Значит, сегодня ночью она займется проституцией, и клиентом будет

Джимми.

По крайней мере у нее есть крыша над головой на эту ночь и предлог находиться в здании поста, где она наконец получит возможность следить за человеком, по поводу которого у нее возникает все больше вопросов. Это Мариотт организовал первую мирную встречу между ирсками и диамондианцами в Овраге Гиюма и теперь готовил вторую.

Сидя в кабинете Марриотта и глядя в его сжавшееся от напряжения слишком худое лицо, Изолина рассказала капитану почти все. В частности, она умолчала о любовном эпизоде между ней и Мортоном, но почти дословно повторила фразы, которыми обменялись ирски и полковник по поводу Тьмы.

Во время рассказа она маленькими глотками пила вино. Когда молодая женщина закончила, сказав почти все, она откинула голову на спинку кресла и вдруг почувствовала непреодолимое желание спать.

16

Брэй остался в своей комнате рядом с бесчувственным Мортоном.

Тихо насвистывая, он снял полковничьи знаки различия с мундира Мортона и положил их в карман. За ними туда же последовали аптечка и кошелек его начальника.

Сделав это, Брэй лег на пол и какое-то время слушал звуки новонеаполитанской ночи, влетавшие в комнату через открытое окно. Далекий гул машин на улицах отдавался у него в голове. А ближе щебетали ночные птицы, которых, как почти всех других земных животных, диамондианцы ввезли с родины своих предков.

Наконец Брэй заснул как примерный мальчик-лейтенант.

А наутро…

Тело Мортона не изменилось. Он по-прежнему лежал на кровати, дышал ровно, но не подавал никаких других признаков жизни. И ни малейшего признака, который мог бы подсказать, где находилось сейчас его сознание.

В уме Лозитина? Сам не зная почему, Брэй сомневался в этом.

Лейтенант приколол к двери комнаты записку для служанки-ирски: «Не убирайте в этой комнате, пока вам этого не прикажут».

Потом он шел по широкому коридору и, встречаясь с другими военными, вежливо обменивался с ними положенными приветствиями. В Комиссии по Переговорам работало около семисот человек. Служащие и рядовки солдаты занимали маленькие спальни, в каждой по несколько человек. Офицеры и гражданские начальники имели в этом большом дворце отдельные комнаты. Диамондианки-проститутки уже захватили здание Комиссии, я теперь эти агрессивные молодые особы с дерзким видом выходили из разных комнат и направлялись к ближайшему выходу.

— Ты как, свободен сегодня вечером? — отважно спросила Брэя одна довольно красивая девица. Лейтенант молча продолжал идти своей дорогой. Где он будет сегодня вечером, даже где он будет сегодня в полдень, — тайна Господа Бога, как говорят диамондианцы.

Кроме того, Брэй вовсе не желал компрометировать себя. Каждый день два или три сотрудника Комиссии не появлялись на работе, и никому не удавалось выяснить, что с ними стало.

Вначале это утро было для Брэя таким же, как

любое другое: быстрый завтрак в офицерской столовой, возвращение в свой кабинет в глубине дворца и разбор последних телеграмм с диамондианско-ирского фронта.

А в них говорилось, что после полного затишья, которое продолжалось почти с самого прибытия Комиссии по Переговорам на Диамондиану, военные действия возобновились и ожесточенный бой шел в спокойном до сих пор районе, который называется Овраг Гиюма.

Брэя это сильно взволновало. Так вот что вышло из этой встречи! На несколько секунд ему стало грустно. Неужели какая-то новая безумная выходка этих проклятых диамондианцев превратила переговоры о мире в резню?

Брэй погрузился в печаль ненадолго: почти сразу лейтенант вынырнул из нее благодаря обнадежившей его другой мысли: Лозитин знал о бойне в овраге уже через несколько минут после того, как она началась. Это говорит об очень многом. Люди всегда остаются людьми, но если эта связь не вроде телепатии, а она явно не телепатическая, то что же это?

Думая об этом, Брэй просмотрел свою почту. Ничего интересного.

А он думал, что прибытие почты станет грани-

цей… между чем и чем? Брэй плохо представлял. Пожалуй, он ожидал чего-нибудь, чем сможет воспользоваться, чтобы ускорить ход событий.

Лейтенант вспомнил одну подробность своего разговора с Мортоном и подготовил меморандум:

«Кому, всем сотрудникам Комиссии по Переговорам

От кого: полковника Чарлза Мортона

Мы получили несколько донесений о том, что ряд лиц страдает болезнью, признаки которой таковы: больной периодически теряет сознание, но не испытывает никаких других неприятных ощущений. Люди, страдающие этим заболеванием, имеют склонность с силой закрывать глаза…»

Тут перо Брэя повисло в воздухе: он подумал, что, если, когда Мортон очнется, закрывание глаз с силой будет объявлено признаком болезни, у полковника могут возникнуть трудности. Брэй вычеркнул эту фразу и закончил так:

«Каждый, кто обнаружит у себя этот симптом, должен немедленно явиться к полковнику Мортону или лейтенанту Брэю и ни в коем случае не обращаться к врачу».

Благодаря Струзерсу очень скоро выправленный вариант этого документа оказался в центре

мгновенных размножений и рассылки документации; «мгновенные» означало, что примерно через пять минут меморандум оказался на столах у всех, кто работал в Комиссии. Точнее, почти у всех: Брэй посчитал за лучшее не включать в список адресатов господина Лорана и его коллег с высших должностей.

Брэй стал ждать. Шесть минут… десять… двадцать. Никто не пришел. Лейтенант был ошеломлен: неужели Тьма использует и перемещает одного Мортона?

Молодому офицеру было очень жаль, что для поиска поселка, где работал Лозитин, у него был всего один след: Мортон смутно вспомнил, что уже бывал там.

Еще раз повторив в уме вчерашнюю беседу с Мортоном, Брэй вызвал к себе светского молодого человека по фамилии Керк, занимавшего довольно высокую должность и имевшего слабость к диамондианским проституткам, и попросил его найти ирска по имени Лозитин, продавца из магазинчика скобяных товаров в одном из двухсот поселков, «названия которых, — сказал Брэй в заключение, — вы найдете в маршруте инспекционной поездки полковника Мортона».

Увы, предположение лейтенанта, что этот мо-

лодой чиновник умен, тут же подтвердилось. Немного пухлое чувственное лицо Керка приняло задумчивое выражение, и голова с густой каштановой шевелюрой медленно качнулась справа налево в отрицательном жесте.

— Лейтенант, — заявил Керк хорошо поставленным голосом, — через десять минут после того, как мы начнем поиски, и диамондианцы и ирски будут знать, что мы делаем. Какие неприятности могут у нас возникнуть, если они это выяснят?

По правде говоря, об этом Брэй ничего не знал. Но он подумал, что будет неразумно позволить диамондианцам узнать, какого ирска ищет Комиссия по Переговорам.

— Дайте мне подумать, — сказал он.

Керк отошел к двери, постоял в нерешительности возле нее и вернулся.

— Я давно хотел поговорить с вами. Что вы скажете о том, чтобы прогуляться со мной в город сегодня вечером? Себе я уже нашел проститутку-точку. Могу я позвонить ей и сказать, чтобы она привела подружку для вас?

Брэй смутно вспомнил, что Керк был из знатной семьи, и поэтому не стал раздумывать. Для Лестера Брэя соглашаться на встречи не составляло никакого труда, вот являться на них часто

бывало труднее.

— Согласен, — ответил он.

Когда Керк ушел, Брэй позвонил психиатру Герхардту. Ответившей на звонок секретарше он сказал, что он полковник Мортон, и с облегчением услышал, что доктора Герхардта нет в кабинете.

Таким образом он смог, по-прежнему под именем Мортона, извиниться, что не смог прийти на осмотр, и пообещал снова позвонить, чтобы договориться о новой встрече.

Довольный собой, Брэй положил трубку, откинулся в кресле — и в этот момент почувствовал легкое головокружение. Он с силой закрыл глаза и сказал себе: ну, похоже, я действительно здорово устал.

Через несколько минут он снова почувствовал это головокружение и опять закрыл глаза. Открыв их, он осознал, что он сейчас сделал, и испугался.

Какой это был страх!

Брэй никогда не узнал, сколько времени он, молча и дрожа, боролся с этим страхом, восстанавливая ясность ума. За это время его глаза несколько раз автоматически закрывались. Наконец Брэй смог на нетвердых ногах дойти до

ванной комнаты, находившейся рядом. Там он смочил лицо холодной водой.

Затем Брэй вернулся в кабинет Мортона, сел там и попытался взять себя в руки. «Хорошо, я тоже болен этой болезнью. И что теперь?»

Пока он так сидел, минуты утра продолжали уноситься прочь, и ни во внешнем мире, ни в уме Брэя не появилось никакого ответа на этот вопрос.

Но Брэй почувствовал, что совершенно обессилел и ему нужно что-то, но что, он не знает. Поэтому в конце дня он отправился в город с Керком.

17

Выйдя из дворца Комиссии, Брэй и Керк сели в ирское такси, на котором, как объяснил Керк, они должны были приехать в «современный» квартал Нового Неаполя. Там Керк должен был встретиться со своей проституткой, красавицей диамондианкой по имени Марианна. Она обещала привести для Брэя одну из своих подруг, которую звали Мария.

— У тебя будут трудности с Марией, — предупредил Керк. — Она будет злиться на тебя, как большинство диамондианских проституток.

Марианна, пояснил он, тоже была сердитой в первый четверг. Вот чем она была для Керка: его четверговой девушкой на вечер. Естественно, он не хотел, чтобы она знала, что у него есть другие девушки в других кварталах на каждый вечер недели, иначе она снова стала бы сварливой.

— В первый четверг, — рассказывал Керк, — она дала мне то, что я купил: свое тело, но ни капли нежности. Во второй четверг я впервые старательно ухаживал за ней. Этим и несколькими намеками на свое состояние я расплатился, и она была дружелюбной. Сегодня вечером мы, должно

быть, увидим полную капитуляцию.

Чем дальше Керк развивал эту мысль, тем неуютнее становилось Брэю. «Только этого мне и не хватало, — думал он. — Враждебно настроенная девушка вдобавок ко всему, что уже на меня свалилось!»

Как бесчисленное множество молодых людей в населенной людьми Галактике, Брэй провел годы наибольшего любовного пыла в борьбе с плотно сомкнутой цепью феминистских союзов. Эта система отстранила его от всех женщин, за исключением трех молоденьких дурочек и пяти-шести дам достаточно зрелого возраста. Эти последние нервно дарили ему всего одну ночь, и то благодаря случаю, когда Большая Сестра поворачивалась к ним спиной на необходимые два часа. В таких стесненных обстоятельствах пять из его девяти любовных опытов, в том числе три последних, закончились частичной неудачей. Воспоминание об этом постепенно поблекло за пять месяцев, прошедших с последнего свидания. Принимая приглашение Керка, Брэй, естественно, полагал, что на Диамондиане нет феминистских союзов и он не рискует столкнуться с девушкой, чье поведение выбьет его из колеи.

А теперь вдруг оказалось, что он уже ни в чем

не уверен. Брэй внезапно испугался возможного результата своего предприятия. Если ему не хватит мужской силы с Марией, она расскажет это Марианне, а та Керку, и все сотрудники Комиссии по Переговорам узнают о его позоре. Некоторые из них будут счастливы услышать, что у него трудности.

Брэй с тревогой думал о том, что ждет его в ближайшем будущем, и прежде всего ему пришел на ум вопрос:

— Почему проститутки на Диамондиане такие сердитые?

— От гордости, — ответил Керк. — Они занимаются любовью сколько хотят, они имеют всех любовников, о которых может мечтать девушка, и еще получают за это деньги, но могут обвинять мужчин, что те заставили их опуститься до уровня животного. Это же просто мечта любой девушки, разве не так?

Брэй был потрясен: поведение Керка было для него совершенно новым. Но раздумывать над этим было некогда: ему только что пришла в голову прекрасная мысль.

— Почему бы нам не разыграть перед Марианной маленькую комедию: скажем ей, что ты — это я, а я — это ты.

— Чего ради?

— Разве она не почувствует себя обязанной перенести свое дружелюбие на меня? — спросил с надеждой Брэй.

— Послушай, а ведь это неглупо!

Брэй ждал, что он еще скажет, приняв скромный вид, но в душе делал усилия, чтобы не слишком возгордиться собой.

— Понимаю, — рассмеялся Керк, — с женщинами ты такой же циник, как я. Это будет роскошная игра!

Брэй, который за немногие годы своей взрослой жизни получил свою долю несчастий как возмездие за грехи злоупотреблявших женским доверием мужчин предыдущих поколений, еще не имел случая стать циником. Но он был игроком.

— Я буду Керком, ты Брэем, — заявил он. — Мы сделаем вид, что ты что-то вроде моего агента. Может получиться что-то интересное.

— Это будет просто здорово! — со смехом подтвердил Керк.

Он достал свой бумажник и быстро отсчитал Брэю крупную сумму денег.

— Не забывай, — великодушно заявил он, — что за этот вечер плачу я, а ты мой гость. Но нужно

сделать вид, платишь за все ты. Остаток вернешь мне потом.

Через несколько секунд после заключения этой сделки Керк вытянул руку и объявил:

— Вот и они!

Брэй взглянул в указанном направлении и увидел у края тротуара двух девушек. Обе были одеты достаточно вызывающе: в короткие платья-халатики, красное у одной, синее у другой. Такси остановилось, оба молодых человека выпрыгнули на тротуар, и Керк представил девушкам Брэя.

Марианной оказалась та, что в синем. Она была очень красива, и ей было не больше девятнадцати лет. Ее подруга Мария была того же возраста и тоже красива, но с более пышными формами. Как и предсказывал Керк, основная разница между девушками была в том, что Мария имела сердитый и враждебный вид, а Марианна нежно бросилась Керку на шею.

Молодые люди договорились, что обменяются именами ближе к середине вечера. Поэтому Брэй подал руку Марии, а Керк обнял Марианну, и они для начала отправились в ресторан «Корсика», где плата за столик достигала эквивалента восьми федеральных долларов на человека, а обед

стоил не меньше двенадцати франков, и застолье украшали знаменитые оперные певцы.

До знакомства с Керком Марианна ни разу не бывала в «Корсике». Брэй сразу понял, что она была настолько наивна, что питала иллюзии насчет этого члена Комиссии по Переговорам, который, как ей казалось, оценил ее красоту, и даже воображала себя будущей миссис Дэвид Керк с кольцом на пальце.

Было несомненно, что молодой Керк, который имел много денег и свободного времени, добивался от обычно враждебно настроенных к мужчинам диамондианских проституток искренней и пылкой привязанности, безграничного желания доставить ему удовольствие. Семь его девушек — по одной на каждый вечер недели — уже подпали под его обаяние, по крайней мере так он сказал Брэю. Так что теперь на глазах у лейтенанта Керк был обнят, обласкан и сексуально возбужден — в общем, подготовлен к ночным утехам плоти.

После изысканного обеда обе пары отправились в театр Сан-Карло, поскольку Керк, помимо своих телесных вожделений, был еще тонким знатоком искусства. В его глазах Сан-Карло был настолько точной и прекрасной копией старин-

ного неаполитанского театра, что кучи мусора, наваленные перед дверью каким-то безответственным диамондианцем, мгновенно оказались чем-то совершенно неважным. Керк шепнул Брэю, что диамондианцы, бесспорно, с незапамятных времен создавали рядом с грязью красоту, рождая ее из своих мрачных душ.

Театр Сан-Карло был роскошным. Его постановки, предназначенные для солдат и офицеров Земной Федерации, были чем-то вроде поп-опер, но, несмотря ни на что, музыка и игра актеров оставались типично диамондианскими, и этого было достаточно Керку и его девушке на вечер. Даже Мария в конце концов увлеклась спектаклем и несколько раз игриво садилась на колени к Брэю.

Во время антракта Керк объявил:

— Дорогие девочки, я и мой друг должны вам кое в чем признаться.

Затем он сообщил девушкам то, что подсказал ему Брэй.

Им понадобилось время, чтобы понять его. Девушки сначала сдвинули брови, напрягая свой ум, потом удивились, наконец Мария взглянула на Брэя и, показывая на Керка, проговорила:

— Вы хотите сказать, что вы — это он?

Марианна запротестовала.

— Но… но я же знаю тебя уже три недели, — сказала она Керку.

— Ну да, только я не я, а он.

Его мысль быстро дошла до Марианны. Девушка пришла в недоумение, соскочила с колен Керка, вернулась в свое кресло и растерянно взглянула на Брэя.

— Так Дэвид Керк — это вы?

Брэй улыбнулся в ответ.

— Ну да. У меня есть привычка посылать моего приятеля Брэя к девушкам для разведки. Он сказал мне, что вы были просто великолепны. Поэтому я надеюсь, что вы не сердитесь и вам все равно, что вместо него вы пойдете со мной, потому что я содержу Брэя и, конечно, я же плачу и за этот вечер. Вы согласны?

Наступила тишина, которую наконец нарушила Мария:

— Конечно, согласны. Мы с Марианной всего лишь уличные девицы и спим с тем, кто нам платит. Верно, Марианна?

Марианне явно было трудно опомниться от удивления. Она взглянула на Керка.

— Ты и правда этого хочешь?

— Для этого я здесь и был, — весело ответил

тот, — искал своему шефу Дэвиду девушку, которая ему по-настоящему понравится.

После этого вечер стал для Марианны явно менее приятным. Она делала над собой усилие: много смеялась, гладила Брэю щеки и обнимала его так же горячо, как раньше Керка. Но ее взгляд оставался грустным и беспокойным.

Около одиннадцати часов вечера четверо спутников, немного менее веселые, чем вначале, подъехали к дому, в одной из квартир которого жили Марианна, Мария и еще одна проститутка. Брэй заплатил за такси, повернулся, собираясь следовать за остальными, и увидел, что Керк с силой моргнул. Лейтенант подскочил на месте от изумления: до сих пор он не замечал у Керка никаких признаков болезни Мортона.

По правде говоря, молодой чиновник в этот момент вряд ли встревожился из-за мгновенного недомогания. Но через пять минут, когда они поднялись по лестнице на третий этаж, новый наплыв той же тьмы и рефлекторное моргание внезапно заставили его вспомнить о меморандуме полковника Мортона, где говорилось как раз об этом.

Вспомнив это, Керк пришел в ужас: из меморандума можно было сделать вывод, что его

недомогание — признак какой-то тяжелой болезни. Дэвид Керк был не таким человеком, чтобы позволить подобному пустяку испортить себе вечер, но все-таки ему было не по себе оттого, что какая-то чернота заливает ему мозг каждые пять минут, когда он наслаждается ласками молодой сговорчивой диамондианки.

Как Мортон и Брэй до него, Керк начал приспосабливаться к этому неудобству, но вдруг его захлестнула более мощная волна тьмы.

За недолгое время, что Мария торговала своей любовью, она уже видела, как на ней умер клиент — от закупорки сосудов. И потому, когда партнер вдруг навалился на нее мертвым грузом, она немного испугалась.

— Мистер Брэй, — шепнула она.

Ответа не было.

Молодой женщине потребовалось огромное усилие, чтобы сбросить с себя это тело, но наконец оно перекатилось на бок, и Мария, отчаянно крича, вбежала в гостиную. После ее вопля в квартире какое-то время стояла тишина, потом из двух других комнат послышался шум: люди там торопливо задвигались. Первым в гостиной появился пожилой мужчина с заметным брюшком, потом Брэй в кальсонах и последними две другие

девушки. — Замолчи, — обеспокоено шепнули они обе Марии. Та успокоилась и объяснила, что еще один мужчина умер в ее объятиях.

Все пятеро, толкаясь на пороге, прошли следом за Марией в ее комнату. Брэй с облегчением увидел, что Керк дышит.

— Вы должны позвать врача, — нервно заговорил клиент с брюшком, — только подождите, пока мы с моей молодой подружкой уйдем отсюда.

Как реалист, он явно исходил из того, что ему и Брэю совершенно незачем компрометировать себя в этом деле. Затем он вернулся со своей девушкой в ее комнату, несомненно для того, чтобы завершить прерванный акт и заплатить за него, потом оделся и ушел.

Брэй спустился вниз и позвонил Струзерсу. Вдвоем они с трудом перенесли бесчувственное тело Керка в автофургон и отвезли во дворец. Притворившись пьяными, они сумели, поддерживая Керка, пройти без затруднений мимо беспечных охранников, так же дотащили молодого чиновника до его комнаты, раздели его, уложили в постель и ушли, закрыв за собой дверь на ключ.

— Что вы думаете с ним делать? — с беспокойством спросил Струзерс.

Брэй усталым голосом ответил, что эта проблема может подождать до утра.

— Но мы сделаем что-нибудь, найдем какой-нибудь разумный выход, — успокоил он верного сержанта.

Струзерс вышел, опустив голову, Брэй дождался, пока он исчез в коридоре, и поднялся в комнату Мортона, от которой имел ключи. Там он наконец разделся и с наслаждением лег в огромную постель.

В предыдущую ночь лейтенант спал тревожным сном на ковре своей комнаты, уступив свою постель Мортону. Теперь он сумел отогнать от себя сомнения, отметив, что у него хватило силы духа сообразить подняться в эту великолепную комнату, а это явно хороший признак. Это доказывает, что он еще находится в достаточно хорошей форме и оправился от всех последних событий. Но, отдаваясь этим успокаивающим мыслям, Брэй чувствовал какую-то пустоту в сознании, что-то вроде дыры в уме, и еще оцепенение, которое грозило овладеть всем его телом.

Лейтенант смутно понимал причину этой тоски: ему нечего было делать, он не знал, кем или чем заняться; все было бессмысленно. Три возможных действия, которые пришли ему на

ум, пока он лежал здесь, среди роскоши в стиле старой Земли, не смогли его успокоить. Эти варианты были: Марриотт, мирная делегация диамондианцев, Лозитин.

Выяснить все, что можно, о Марриотте (как? Это было не очень ясно), навести справки о мирной делегации диамондианцев (это было нелегко) и, разумеется, разыскать Лозитина,

На рассвете Брэй наконец заснул и несколько часов проспал как убитый.

18

Утро наступило слишком быстро для Брэя. Он, ворча, с трудом заставил себя вылезти из постели и отправился взглянуть на тех двоих, кто лежал без сознания. Их состояние не изменилось. Брэй в обоих случаях мысленно ждал какой-нибудь физиологической катастрофы и теперь заботливо укрыл толстыми одеялами обоих лежавших. Это было все, что он мог сделать для них.

Потом лейтенант без аппетита съел первый завтрак. — Миссис Брэй, — сказал он вслух своей матери, которая была так далеко, — Диамондиана не самое безопасное место для твоего «дорогого малыша».

Через несколько минут, направляясь в свой кабинет, Брэй понял, что говорил с отсутствующим человеком, а для него это был безошибочный признак психического расстройства.

Лейтенант стал ждать. Он ждал потому, что был не в состоянии строить планы. Что может сейчас произойти? Об этом он не имел ни малейшего представления.

Вдруг на его столе зазвонил телефон — часть видеокома. Брэй вскочил с места и быстро схва-

тил трубку. На другом конце провода заговорил Струзерс, который сообщил:

— Секретарь мистера Лорана хотел бы поговорить с полковником Мортоном.

— Соедините его со мной, — ответил лейтенант Брэй, а про себя добавил «Естественно».

Секретарь чрезвычайного посла торжественно объявил Брэю, что миротворческие силы Земной Федерации предоставили начальнику разведслужбы право допросить последнего захваченного в плен мятежника-ирска.

— Это свидание, о котором полковник Мортон просил вскоре после прибытия сюда. Мы наконец смогли получить разрешение.

Разговор с пленным ирском был назначен на двенадцать часов дня.

Словно со стороны Брэй слышал собственный голос, автоматически объяснявший, что Мортон должен позвонить с минуты на минуту и, разумеется, придет на допрос. В это время его мысль бурлила: лейтенант пытался вспомнить, почему Мортон пожелал побеседовать с пленным ирском.

Но это было не так уж важно. «Вот оно, — подумал Брэй. — Вот то, чего я ждал».

Пока Брэй справлялся со своим волнением,

секретарь снова сурово заговорил:

— Ждут только самого полковника Мортона, и никого другого. Хорошо объясните ему это.

— Он придет, — заверил Брэй и машинально добавил: — Если пожелает Бог. Лейтенант Брэй решил идти на допрос один.

Через несколько минут, снова до краев полный бодрости и решительности, он заглянул в кабинет Струзерса и осторожно объяснил сержанту, что лучше было бы кому-нибудь постоянно дежурить перед дверью Мортона, чтобы отгонять посторонних.

— А «разумный выход» из ситуации с мистером Керком и с полковником? — спросил Струзерс.

Вот проблема, от решения которой Брэй хотел уйти.

— Посмотрим днем, — уклончиво ответил он. Струзерс мрачно покачал головой, а молодой лейтенант вышел в коридор, прошел в личную комнату Мортона и ; заперся там В ванной он проделал над своей формой радикальную операцию Еще раньше Брэй отпорол свои погоны и снова пришил, добавив на них лишнюю полосу. Теперь он спорол свои лейтенантские нашивки и заменил их теми, которые снял с мундира Мортона

Закончив это превращение, молодой офицер

взглянул на себя в зеркало и вздрогнул. Лицо, которое смотрело на него, было худым, загорелым, довольно красивым Брэй надеялся, что выглядит старше своих двадцати двух лет. « Лейтенант оценил эту ситуацию философски. Что случится, если его обман раскроется? Трудно представить, что Комиссия легко очнется от своей спячки и вообще обратит внимание на что бы то ни было. Эта мысль подняла его настроение.

Брэй немного удивился, обнаружив в коридоре ждавшего его Струзерса

— К полковнику Мортону пришел профессор-диамондианец, — тихо сказал сержант. — Он говорит, что у него назначена встреча,

— Диамондианец? — изумился Брэй.

Струзерс показал ему настольный рабочий дневник полковника, открытый на нужной странице. Брэй взглянул на часы: 10.15. В дневнике он увидел это же время, а рядом прочел имя профессора Луиджи Покателли и несколько слов, написанных рукой Мортона: «Хорошо знает жизнь ирсков».

Лейтенант пожал плечами. В конце концов, времени у него хватало. И это было что-то серьезное, а не пустяк.

— Пошлите его в кабинет полковника. Я войду

через другую дверь.

Профессор Покателли оказался улыбчивым диамондианцем: редкие светлые волосы и приятная улыбка на широком лице. Как только Брэй закрыл за собой дверь, он понял причину этой улыбки, увидев, как профессор вынимает из кармана гранату той модели, которая использовалась в войсках Земной Федерации при наступательных операциях. По-прежнему улыбаясь, Покателли произнес с напряжением в голосе:

— Вы пойдете со мной, иначе я взорву эту гранату и мы оба погибнем. Я умру счастливым, зная, что отдаю жизнь за народ Диамондианы, — провозгласил он словно на сцене. — А вот вы… — и замолчал.

Маленькие щупальца страха постепенно вползали в сознание Брэя. Его ум как бы отшатнулся от угрозы, и лейтенант мысленно сплюнул, если так можно выразиться, умственную желчь. Под конец Брэй замер, словно загипнотизированный, перед мыслью, которая пришла ему на ум: «Каждый день мы теряем трех сотрудников Комиссии, и сегодня одним из троих буду я».

Шок от этого не прошел, но Брэй взглянул в лицо своему страху и от этого внутренне немного оттаял. Лейтенант начал обдумывать, что он

может сделать.

19

Брэй по-прежнему стоял в роскошном кабинете Мортона — комнате с резным блестящим потолком, почтя сверхъестественной красоты окном с изящной росписью на раме, массивной дверью, выходившей в прихожую, где находились секретарь Струзерс и большая группа служащих.

Перед ним был письменный стол, достойный короля, а по другую сторону этого стола стоял коренастый, одетый в темно-синий костюм диамондианец, только что вынувший из кармана серо-коричневый круглый и расчерченный на клетки предмет, который легко узнал бы любой, кто хоть раз видел наступательную гранату.

В голове Брэя мелькнула новая мысль: он вспомнил слова Керка, мелкого чиновника Комиссии, о том, как быстро диамондианцы и ирски могут обнаружить, что он и Брэй пытаются добыть сведения о Лозитине.

Его слова явно почти полностью относились к информации о диамондианцах и. несомненно, также ирсках, которых просили явиться в Комиссию по Переговорам.

Здесь, в Новом Неаполе, множество заинте-

ресованных людей, несомненно, очень быстро выяснили бы, что кому-то назначена такая встреча, и это заставило бы их задуматься, а может быть, толкнуло бы и на заговор. Как можно извлечь пользу из встречи, если о ней стало известно? Человек, сумевший проникнуть в святая святых такой организации, как Комиссия по Переговорам, был бы сильнейшим козырем. Зная этого человека и время встречи, заговорщики и убийцы могли быстро наметить различные способы использования этой ситуации в своих интересах

Внезапно Брэй вспомнил проституток, заполнявших дворец каждую ночь во все большем количестве, и ошеломленно подумал: «Наш дворец — просто решето!»

Несколько мгновений, которые он уделил этой мысли, быстро истекли. Потрясение прошло, и он начал говорить и делать то, что было необходимо.

С разрешения своего похитителя Брэй просунул голову в главную дверь и сказал Струзерсу.

— Мы с профессором уходим. Я увижусь с вами позже.

Если сержант и удивился, то вида не подал.

— Могу ли я позволить себе спросить вас, гос-

подин полковник, куда вы направляетесь?

— Я еду посмотреть некоторые доказательства, — без труда нашелся Брэй. — Я позвоню вам оттуда.

— Хорошо, господин полковник.

В коридоре, шагая возле диамондианца с грозной улыбкой, который держал руку в кармане куртки (конечно, на гранате, чеку которой был готов выдернуть), Брэй проделал эксперимент: он мысленно вызвал множество людей — целую маленькую толпу.

«Все, кто увлекается телепатией и экстрасенсорикой и кого я постоянно встречаю в этих зданиях (по мнению Брэя, это относилось к пятидесяти процентам сотрудников Комиссии)! Вот для вас случай прийти на помощь коллеге и доказать существование вашей системы связи».

Он продолжил свое телепатическое сообщение так;

«Дело не в том, что я боюсь, как бы от меня не отвернулась удача, но все-таки мне было бы чертовски приятно знать, что кто-то в курсе, где я нахожусь, и может прийти мне на помощь при серьезной неприятности».

В продолжение всего их пути по бесконечным величественным переходам увеличенной копии

Дворца Земли, стоявшего на берегу моря, Брэю казалось, что никто не бросил на них даже взгляда и точно так же вроде бы никто не заметил его спутника, хотя тот бросался в глаза.

Профессор Покателли явно сильно волновался: его глаза как-то странно блестели и были похожи на два черных влажных солнца. Рот его тоже блестел, и хотя во всем дворце работали кондиционеры, пот крупными каплями выступал на лбу профессора и стекал по его лицу.

Эту деталь его внешности уж точно должен был кто-нибудь заметить, но ни один человек не обратил на нее внимания

Наконец они вышли из дворца, и наступила очередь Брэя потеть, когда палящий жар «умеренной» зоны Диамондианы обрушился на него с безоблачного неба Профессор неловкими легкими толчками направил лейтенанта к крошечному автомобилю, стоявшему у края тротуара в пятидесяти метрах от дворца. За рулем сидел смуглый диамондианец немного моложе, чем Покателли. Не говоря ни слова, этот человек откинул одно из передних сидений, чтобы Брэй мог сесть сзади. Профессор сел рядом со своим пленником. Тут же маленький, но мощный мотор взревел, и машина рванулась с места.

Если не считать спрятанной в кармане профессора ручной гранаты, после этого поездка была обычной бешеной гонкой по улицам Нового Неаполя Брэй, который довольно плохо знал этот большой город, скоро окончательно потерял дорогу. Он смирился с этим и удобнее устроился на своем сиденье. Профессор в это время говорил без остановки, и вскоре Брэй не без изумления понял, что темой его монолога были ирски. Только и было слышно: ирски то, ирски это.

Лейтенант снова сел прямо, показывая свой интерес к лекции Покателли: ему давали информацию, и этот рассказ, несомненно, сильно увлек бы Мортона. Брэй вспомнил о запертой комнате в доме Лозитина и спросил о ней:

— Позвольте задать вам вопрос. Что могло быть там внутри?

— Его мертвые родственники, его предки, — ответил профессор Покателли

— Вы смеетесь надо мной.

— Вовсе нет Видите ли, ирски верят, что никто из них не умирает по-настоящему. Поэтому они сохраняют оболочку, то есть тело. Почти все эти тела спрятаны где-то в безопасном месте и, очевидно, никогда не покидают его. Но мы имеем свидетельства людей, которые видели некоторые

из этих пустых оболочек блуждающими по лесам. Их, должно быть, миллиарды, но большая часть хранится в каком-то неизвестном нам месте.

Брэй закрыл глаза и попытался перевести понятие «живые мертвецы» на язык энергетических явлений. Ему это оказалось трудно, потому что он уже давно отказался от веры в потусторонний мир и жизнь после смерти. Однако Брэй мог представить себе, что эта метафизика сильно действовала на диамондианцев-католиков.

Его собственный прозаический и практический ум немедленно переключился на реальную возможность: какая-нибудь особая энергия, выделяемая ирсками. Могли они научиться преобразовывать ее в духовную форму, чтобы дурачить верующих диамондианцев?

Брэй вдруг понял, что эта тема слишком важна, чтобы обдумывать ее, когда то, что заменяет тебе кресло, несется с сумасшедшей скоростью по улицам Нового Неаполя. Он открыл глаза и сказал:

— Я хотел бы увидеть одну или несколько этих оболочек. На что они способны в действительности?

— Ну, естественно, они могут убивать, — был ответ.

— А что еще? — Этот вопрос Брэя слился со вздо-

хом, выражавшим покорность судьбе, и потому прозвучал невнятно.

— Они имеют и другие способности, — заверил профессор.

Разговор об ирсках даже на таком уровне вдруг надоел Брэю. Его мнение об этом народе сильно понизилось. Все это напоминало первобытные суеверия, а он устал, невыносимо устал от примитивных умов.

Ему пришла в голову другая мысль.

— И все ирски, которые убиты на войне, тоже еще живы? — спросил он.

— Поскольку мы, диамондианцы, сожгли их трупы, этот вопрос заслуживает подробного рассмотрения. Ирски утверждают, что эти убитые живы, но, по моему мнению, они могут быть лишь тенями, слабо различимыми оболочками.

В этот момент машина остановилась у тротуара на одной из улиц «старого» города. Брэй прежде всего заметил рады грязных лавочек, мусор, обжигающий воздух и тошнотворный запах гниения.

Все диамондианцы говорили одновременно и никто не слушал другого. Гул голосов почти заглушал рычание маленьких бешеных автомобилей.

— Бесспорно, — сказал Брэй, — корень диа-

мондианской проблемы в том, что все существа таковы, какие они есть. Люди, высадившись на этой планете, столкнулись с местным миром, нарушили сложившийся в нем порядок, и с тех пор он навсегда перестал быть прежним.

— Надеюсь, что ваши слова не упрек диамондианцам, — отозвался профессор Покателли, показывая Брэю, куда идти.

— Вовсе не упрек, — искренне заверил его Брэй. — Я очень люблю диамондианцев. Все их любят. Вот почему мы все так обеспокоены. Что я должен делать?

— Сюда! — показал профессор на ворота, которые вели в сад маленького замка, и сказал: — Ради вашей любви к нашему народу и вашей тревога за него, полковник Мортон, мы во что бы то ни стало должны удержать под своим влиянием слишком пылких молодых людей, пока вы будете рядом с ними.

«Вот именно, во что бы то ни стало», — подумал Брэй. Это оказалось невозможно.

Когда они входили в большой зал, десять-двенадцать диамондианцев разного возраста встали со своих мест. Трое из них были в деревенском доме Феррарисов два дня назад вместе с Мариоттом. Эти молодые люди сразу узнали Брэя, и в их

взглядах вспыхнула ярость.

Когда шум прекратился, профессор Покателли был совершенно подавлен свалившимся на него горем. Теперь он был в собственных глазах лишь полным идиотом, который позволил «мальчишке» выдать себя за полковника. В этот момент кто-то направил на Брэя пистолет, и наступил момент истины. Окончательно убедило лейтенанта выражение лица профессора: отрешенность человека, бессильного перед катастрофой. Как ни странно, тот, кто так театрально захватил Брэя в плен в кабинете Мортона, несколько минут был на его стороне.

Профессор отвернул свое пухлое с вздернутым носом лицо от пленника, вздохнул, пожал плечами с видом глубокой печали, и Брэй быстро произнес:

— Господа, прежде чем вы совершите непоправимое, позвольте мне рассказать вам все.

Вооруженный убийца — у него было очень длинное худое лицо — чуть заметно расслабился и, подчинившись кивку одного из диамондианцев, которого звали Марк, убрал пистолет в кобуру.

— Больше всего, — мягким тоном заговорил Марк, — нас интересует, что случилось с Изоли-

ной. Но мы с удовольствием примем и любую другую информацию.

Брэй был правдивым: час истины пробил — в переносном смысле — еще полчаса назад, и он не мог терять ни минуты. Для этих диамондианцев убийство человека не было чем-то, способным потревожить их совесть.

Так что Брэй рассказал им все или почти все. Он рассказал о тьме в уме Мортона и в его собственном уме и подробно описал перемещение сознания, которому подвергся Мортон.

Имя Лозитина Брэй не назвал: это была слишком ценная информация, к тому же он не видел необходимости сообщать его. Затем он описал, как ирски пощадили Мортона потому, что называли его своим «духовным братом», и пощадили также Изолину потому, что ошибочно посчитали ее подружкой полковника. Наконец Брэй рассказал о второй потере сознания Мортоном и сообщил, где находится тело полковника.

Во время своего невероятного рассказа Брэй с тревогой спрашивал себя, действительно ли эти люди верят ему. Вдруг его прервали.

— Фердинанд, найди наш автофургон, — приказал Марк.

— Понял, иду!

Фердинанд тут же выбежал из комнаты, а Марк повернулся к Брэю. Глаза диамондианца горели от возбуждения.

— Мы отправляемся за Мортоном, — сказал он. — Мы привезем его тело на вертолете к месту переговоров, вызовем туда новую мирную делегацию, покажем Мортона ирскам и потребуем у них объяснений.

— Но… — слабо запротестовал Брэй.

Он хотел сказать: «Но как вы вынесете его из комнаты и пронесете по коридорам? Мы легко смогли войти с ним к себе лишь потому, что заставили охрану поверить, будто он слишком много выпил».

Однако Брэй не сказал этого.

В фургоне, сидя связанным на стуле, лейтенант осознал, что эти люди сумеют завладеть телом Мортона, и его сердце сжалось. Пока он исповедовался перед ними, ему и в голову не пришло, что Мортон мог не быть в безопасности в хорошо охраняемом дворце Комиссии по Переговорам.

Из бледного Брэй стал желтым, как воск, у него закружилась голова. Потом лейтенант почувствовал, что ему развязывают ноги. Через несколько секунд он встал. Его ноги дрожали, но не слишком сильно, так что он смог устоять на них.

Комната слегка кружилась у Брэя перед глазами. Жара на улице казалась чем-то далеким, не имеющим никакого отношения к его собственной горящей коже. И наконец…

Все эти ощущения были, разумеется, более или менее оправданы обстановкой. Они действительно сумели войти, и никто не попытался их остановить. Но Брэй, более или менее пришедший в себя, подменил Мортона. Четыре диамондианца вынесли из комнаты бесчувственное тело Дэвида Керка, пронесли его по широкому коридору, где была целая толпа народа, и ждали, пока Брэй в сопровождении Марка и Фердинанда расписывался в журнале выходов.

— Мы везем его в больницу, — спокойно объяснил лейтенант.

Безразличные ко всему сотрудники охраны равнодушно оформили разрешение на выход. Когда они закончили, Брэй повернулся к Марку:

— Теперь, господа, если вы не против, я должен вас покинуть.

После этого лейтенант повернулся к диамондианцам спиной и побежал, так как иногда он мог рассуждать здраво в затруднительном положении.

Через минуту, ожидая лифта, он позволил себе

оглянуться. Маленькая группа мужчин с носилками исчезла. «Хорошо, — подумал Брэй, — а теперь…» Он поднялся в кабинет Мортона и сказал Струзерсу: — Сержант, свяжитесь с людьми Федерации и скажите им, что полковник Мортон очень извиняется, что его задержали, но в тринадцать тридцать он обязательно придет допросить пленного ирска. Затем позвоните доктору Герхардту и договоритесь с ним о приеме в… в четырнадцать сорок пять для меня, то есть для полковника Мортона. Скажите, что это срочно.

И Брэй вышел так же быстро, как произнес эти слова.

20

Когда Брэй оказался на улице, удушающая жара лишила его сил. Брэй тихо застонал, но все-таки сумел добраться до автостоянки, не пропитавшись потом, как губка.

Он сел в великолепную машину Мортона, в которой был кондиционер, и доехал, как принц, до Палаццо Реале, где находился штаб войск Земной Федерации.

Как множество других новонеаполитанских копий старинных земных зданий, великолепный Палаццо Реале, памятник испанской оккупации старой Италии, «воспроизведенный» в Новом Неаполе, был в пять раз величественнее и крупнее, чем оригинал.

Брэю пришлось подавить смутное неприятное беспокойство, когда он называл у окошка в двери имя Мортона: теперь это была вражеская территория для человека, Которого только вчера вечером арестовали по ордеру, выданному в этом самом здании.

Но, как и надеялся Брэй, левая рука войск Земной Федерации не знала, что делает правая, и его впустили без труда.

Вскоре он оказался на одном из подземных этажей дворца перед закрытой дверью, за которой был слышен приглушенный шум борьбы. Шум прекратился. Брэй открыл дверь и увидел то, о чем догадывался: ирска силой затолкали в прозрачную клетку, стоявшую перед столом для допросов. Дверь этой клетки была заперта на засов, а все ее стенки были небьющимися и гладкими внутри, без малейшего выступа, за который могло бы зацепиться щупальце. Солдаты, которыми командовал молодой лейтенант, красный от напряжения, явно в результате борьбы с заключенным, отошли в глубь зала, встали в ряд, повернулись на сто восемьдесят градусов, как положено по уставу, вышли строевым шагом через заднюю дверь и закрыли ее за собой.

Когда взвод войск Федерации ушел, Брэй разложил перед собой на столе свои заметки и перебрал в уме средства, с помощью которых он надеялся убедить пленного заговорить.

Лейтенант чувствовал на себе неподвижный презрительный взгляд пленного. Когда он сам поднял глаза, то сделал это внезапно и уперся взглядом в глаза ирска.

— Вы видите, — заговорил Брэй, — что я не диамондианец и не офицер Земной Федерации. Я

вхожу в Комиссию по Переговорам.

Лицо пленного выражало только отвращение: он не задумался над словами Брэя.

— Ничто из того, что я собираюсь вам сказать, никаким образом не может оскорбить ваши чувства ирска, верного своему народу.

Взгляд остался недоверчивым, но стал несколько менее враждебным. Ирск по-прежнему молчал.

— Нам известно о существовании Оружия Лозитина. Что мы с ним сделаем, будет зависеть от вас — от того, согласитесь ли вы отправиться вместе со мной к Лозитину, услышать от него самого, что он намерен передать нам свое планетарное оружие, и сообщить об этом своему командиру.

Брэй стал ждать, не сводя глаз с пленного. Ирск выдержал его взгляд. Оба долго молчали.

— Я только что передал беспощадным убийцам то, что вы мне сейчас сказали, — наконец ответил ирск.

Брэй чуть не задохнулся и потерял дар речи, так он был взволнован. Это была потрясающая победа! За два дня своего плена этот ирск не пожелал сказать своим похитителям ни одного слова, даже ругательства, и отверг все попытки вступить с ним в контакт. Брэй был всего лишь

человеком и потому должен был сделать усилие, чтобы скрыть свое ликование.

Удастся ли его план? Выяснит ли он то, что хотел узнать?

Брэя беспокоило главным образом то, что, выложив свои два элемента информации — имя Лозитина и намек на оружие, — он сказал все, в чем был уверен.

Лейтенант, конечно, знал, что Лозитин живет в деревне. Еще он знал, что Лозитин работает в магазинчике скобяных товаров и живет в двухэтажном ирском доме в восьми минутах ходьбы на запад от магазина. И что поселок, где он живет, окружен горами. Только Мортон мог заметить эти подробности. Больше у Брэя совершенно ничего не было.

Брэй призвал на помощь всю свою волю и мысленно приказал ирску: «Скажи что-нибудь. Что-нибудь конкретное. Назови деревню, ты ведь думаешь, что я уже знаю, где живет Лозитин».

Ирск поднял одно из своих щупалец и шевельнул им так, словно отбрасывал навязчивую мысль о чем-то незначительном.

— Я удивлен, что вы готовы зря потратить время на поездку в южные горы, но беспощадные убийцы согласны, чтобы я сопровождал вас. Они

только что пытались связаться с Лозитином, но он, как всегда, отказывается принимать мысли бойцов Сопротивления, поэтому они хотели бы, чтобы я благодаря вам выяснил, верно ли то, что вы мне сейчас сказали. Разумеется, — небрежно добавил он, — раз я в плену, это лучшее, что я могу сделать, пока диамондианцы не увели меня на казнь.

— Диамондианцы не уведут вас! — заверил Брэй. Во взгляде ирска снова появилось презрение.

— Вы не знаете их так, как я. Комиссии по Переговорам совершенно ничего не известно о том, как наши пленные исчезают из тюрем Земной Федерации, а появляются на одну-две минуты спиной к стене перед взводом диамондианских солдат!

Эту сторону жизни на Диамондиане Брэй всегда старался не замечать. Что происходило на самом деле? Правда ли то, что сказал ирск? В таком случае за эти казни отвечают пособники диамондианцев, причем на уровне старших офицеров.

Брэй расправил плечи, сжал зубы и напряг все свои мышцы, борясь с бешеным гневом, который охватил его при этой мысли. Этим он займется позже.

— Как вас зовут?

— Мы все получили приказ не называть свои имена, — ответил ирск, но в его словах не было убежденности.

— Это особая ситуация, — настаивал Брэй. — Может быть, мы уйдем отсюда только поздно вечером, а если я буду знать ваше имя, я смогу сделать так, чтобы вас до тех пор не выкрали отсюда.

Молчание, и потом:

— Мое имя… Зооланит.

Настал момент принимать решение. Брэй протянул руку к кнопке, находившейся перед ним на столе, но не мог решиться нажать ее.

«Они отправят его на казнь», — подумал лейтенант и поднялся с места.

— Будет лучше, если вы пойдете со мной немедленно, — объявил он, потом посмотрел на часы и добавил: — У меня назначена еще одна встреча.

Затем Брэй мужественно подошел к клетке. Не тратя времени на раздумье, он отодвинул засов и открыл дверь, потом отошел в сторону, но всего на метр или два, и Зооланит вышел наружу.

— Мы должны быстро найти мне рубашку с зелеными полосами, чтобы меня можно было принять за друга диамондианцев, — сказал ирск.

— Ждите меня в машине, а я схожу и куплю вам

рубашку, — спокойно ответил Брэй. — Какой у вас размер? Когда Брэй задавал этот вопрос, они были уже в коридоре и быстро шли к лестнице, которая вела на первый этаж и к выходу.

То, что было дальше, показалось Брэю невероятным. Все прошло так, как он обещал: он оставил Зооланита сидеть, пригнувшись, в глубине машины, а сам зашел в магазин и купил рубашку и куртку с зелеными полосами. Когда он вышел оттуда, машина была на месте и ирск в ней. Зооланит торопливо надел рубашку и куртку и с довольным вздохом сел впереди рядом с Брэем.

— Так я чувствую себя лучше, — сказал он. — Куда мы едем теперь?

— Я должен увидеться по делу с одним психиатром. Мне придется оставить вас в машине, когда я поднимусь поговорить с ним.

— Вы позволите мне выключить кондиционер, пока вас не будет? — спросил ирск. Брэй от всего сердца ответил «да».

21

— Полковник, — весьма дипломатичным тоном заявил Брэю молодой психиатр, — я вполне готов выписать вам направление, где будет сказано, что вы переутомились и нуждаетесь в отдыхе в военном госпитале на Сириусе Б-12.

Герхардт был высоким нескладным молодым человеком, его глаза прятались за очками в толстой оправе.

Он нагнулся над своим письменным столом, взял ручку и приготовился писать.

— Это вам подходит? — спросил он и тут же начал выписывать направление. Словно вопрос был пустой формальностью, словно он был уверен, что любой военный с радостью ухватится за такую возможность, или, что казалось Брэю более вероятным, словно он поддерживал связь с тем отделом военного командования Земной Федерации, в котором знали об аресте Мортона и получили приказ сделать именно то, что он предлагал.

— Ни в коем случае! — взбунтовался Брэй.

Перо скользнуло по бумаге и поднялось вверх. Врач поднял голову. На его молодом лице было

удивление.

— Что? — ошеломленно произнес он, потом выпрямился и торжественно заговорил: — Я, со своей стороны, считаю, что…

Брэй встал, протянул руку к листку с направлением и схватил его. Психиатр не хотел выпускать из рук свою бумагу, но Брэй вырвал ее силой. Потом лейтенант без труда продолжал удерживать врача на расстоянии вытянутой руки. Герхардт размахивал руками и бормотал угрозы, но Брэй не слышал его, потому что читал документ.

Направление было отпечатано на машинке. В нем было сказано то же, что молодой врач только что объявил на словах. Герхардту оставалось лишь поставить подпись, что он и начал делать, когда ему помешало внезапное противодействие Брэя.

— Ну и ну! — заговорил лейтенант. — Вы это уже полностью подготовили на основе только того, что я сказал вам по телефону! Если вы всегда ставите диагноз на расстоянии, даже не осматривая пациента, то очень может быть, что я попрошу отослать вас отсюда для повышения квалификации, чтобы вы освоили другую профессию. Ведите себя спокойно и выслушайте меня, вам понятно?

Молодой врач перестал суетиться. В глазах его вспыхнул огонек, и его взгляд скользнул сперва по двери, потом по кнопке вызова, словно врач подсчитывал свои шансы на помощь.

Ничто в поведении Герхардта не показывало, что он признает за Брэем право быть выслушанным, но тем не менее он сел на место, притворяясь, что совершенно успокоился, и даже смог улыбаться, глядя на то, как Брэй разорвал листок — бланк, озаглавленный «Перемещение кадров», — и бросил обрывки на стол. Сделав это, Брэй тоже сел, но оставался начеку и внимательно наблюдал за сидевшим перед ним противником, который был болен неврозом, — ведь что такое решимость, следуя заведенному порядку, совершить насилие над человеком (пусть это делается по чьему бы то ни было приказу), как не одна из типичных форм невроза. Тем или иным способом Брэй должен был пробить эту броню рутины, предрассудков и приобретенных понятий, которые чувствовались в поведении Герхардта, складке его губ, выражении его лица, его взгляде.

«Я должен передать информацию в мозг этого человека, — подумал Брэй, — должен дать ему понять, что его подлинные знания, если их будет

можно отделить от его безумия, будут крайне полезны».

Прежде всего надо попытаться получить его помощь, не прибегая к угрозе. И Брэй спросил:

— Доктор, вы умеете применять гипноз?

Выражение молодого лица изменилось: теперь на нем читалось снисходительное превосходство.

— Сожалею, но в вашем случае я не стал бы рекомендовать гипноз…

Брэй понял, что врач еще не воспринял его информацию и подчинялся только своим инструкциям. Это привело лейтенанта в бешенство.

«Мне придется драться, чтобы выйти из этого дома», — подумал Брэй. Это будет бой между грубыми приборами психиатров и аппаратурой разведчиков, которую Брэй этим утром нехотя переложил в свои карманы.

Он с грустью подумал, что из-за профессиональной гордости Герхардт не позволит манипулировать собой. Значит, нужно быть готовым ко всему, даже к борьбе с противниками такими же опасными, как мнимый полковник Мортон.

У Брэя не было выбора, и он нанес первый удар в схватке, которая, как он думал, будет молниеносной. До сих пор он под столом незаметно держал

руку на рукоятке своего табельного пистолета. Теперь Брэй вынул пистолет из кобуры и поднял его над столом.

— Доктор, я прошу вас сопровождать меня в маленький поселок в юго-западных горах. Там вы будете должны загипнотизировать одного ирска. Вы можете поехать со мной либо добровольно, потому что страдаете от бездействия, либо в качестве пленного. Выбор за вами, а потом мы посмотрим.

Реакция Герхардта была неожиданной: Брэй увидел, что лицо сидевшего перед ним молодого врача стало белым как мел.

Он испуган!

Брэй был ошеломлен. Возможно ли, что Герхардт настолько неопытен, что еще ни разу не испытал на себе насилия?

Было очень похоже, что это так. Какой наивный злодей, подумал лейтенант, до того наивный, что его первая реакция была смешна своей откровенностью. Вдруг лицо Герхардта снова приобрело нормальный цвет. Врач сильно оживился.

— Я должен собрать свои гипнотические средства, — сказал Герхардт.

«Позже, когда он станет немного старше, он уже не выдаст себя так по-детски», — подумал Брэй,

ища оправдание для врача.

Пока Герхардт собирался, Брэй был готов к любым случайностям. Но гипнотический пистолет был наконец уложен в портативный футляр… и не был использован. Брэй взял футляр, а деморализованный Герхардт в это время уже выходил в коридор впереди своего похитителя.

Они прошли по коридорам больницы сестер Божественного Милосердия мимо бесконечного числа раненых. Взгляд молодого психиатра за толстыми стеклами очков тревожно блуждал по сторонам, на щеках Герхардта выступили пятна.

Герхардт и Брэй вышли на крыльцо больницы и оказались перед типично земным пейзажем. На переднем плане стояли на прибрежных высотах грязнейшие домишки. Выше них вдоль вытянувшегося полумесяцем пляжа располагались белые колоннады и темно-зеленые сады. Покрытые виноградниками вершины Вомара с дворцами и виллами и венчавшая их гора Касмольди, которая поднималась к небу как колокольня, служили великолепным задником для этой панорамы.

Как обычно, у Брэя почти не было времени восхититься этими чудесными проявлениями гения диамондианцев.

Он торопливо подтолкнул своего пленника к

служебной машине Мортона и заставил сесть сзади.

Брэю понадобилось несколько секунд, чтобы жестами объяснить Зооланиту, что он должен пересесть на другое место, и шепнуть ирску, что тот должен следить за врачом и защищать Брэя, который поведет машину, от любых насильственных действий, которые может задумать Герхардт.

Берясь за руль, лейтенант подумал: не похоже, чтобы этот доктор Герхардт был способен нанести ему удар исподтишка. Этот молодой негодяй, может быть, в силах тайком нападать на больные или слабые жертвы, но еще не дорос до борьбы с решительным противником.

Может быть, дорастет позже. Брэй очень верил в человеческое мужество, но знал, что это мужество часто надо подвергнуть испытанию, чтобы оно проявилось.

Он как раз и собирался устроить такое испытание молодому врачу.

Все трое вернулись во дворец Комиссии по Переговорам, поднялись на лифте на крышу и нашли там вертолет, который был заказан на имя полковника Мортона. Брэй сделал Зооланиту знак сесть за штурвал. — Не знаю, смогу ли я доверять вам, когда мы будем в воздухе, так что

лучше, чтобы пилотом были вы. Я полагаю, вы умеете водить летательные аппараты?

Вопрос был лишним: уже при своем появлении здесь много веков назад люди обнаружили на Диамондиане цивилизацию, устремленную в небо. Ирски имели небольшие аппараты, которые летали… но только если их вели ирски. Когда туземцев спрашивали об этом, они с улыбкой подносили одно из щупалец ко лбу и отвечали: «Для этого тоже нужен мозг».

Летательные аппараты, которые строили люди, управлялись механически, с помощью комплекса двигательных систем и антигравитации. Но Брэй не удивился, когда ирск сделал жест, соответствующий пожиманию плечами, и ответил «да».

Они сели в вертолет — Герхардт и Брэй сзади, Зооланит впереди. В этот момент Брэй заговорил:

— Вон там, над ветровым стеклом, — карта южных гор. Эта маленькая красная точка — мы. Она будет перемещаться, показывая, где мы летим, так что вы сможете следить за нашим курсом. Может быть, вы хотите получить еще какие-нибудь пояснения?

Ирск наклонился вперед:

— Гм, — пробормотал он и положил конец щу-

пальца на точку, которую Брэй плохо различал со своего заднего сиденья, но положение которой смутно угадывал.

— Это здесь, — сказал ирск, но не произнес название деревни (что было уже неважно в этих обстоятельствах). — Итак, если мы возьмем курс на северо-северо-восток, мы должны попасть туда.

Больше Брэй не осмелился сказать ни слова. Он чувствовал одновременно торжество и стыд: именно эта врожденная наивность ирсков сделала их рабами диамондианцев, а теперь он сам ведет себя с ирском так же, как местные люди. Он ведь это ради доброго дела, сказал себе Брэй.

Через несколько секунд вертолет поднялся в воздух, и Брэй освободился от чувства вины перед Зооланитом — и перед Керком тоже — так, как всегда делал в подобных случаях: задвинул эти чувства в тот участок мозга, который он называл «психиатрической службой» и который был складом для эмоций катастрофического характера.

Вертолет пролетел над тремя маленькими горными цепями и опустился на деревенскую площадь. Двадцать восемь минут быстрого полета — меньше трехсот километров, подумал Брэй.

Был еще день. По правде говоря, спрыгивая на

землю, Брэй не удержался, бросил взгляд на часы — и пришел в восторг.

— Лозитин, должно быть, еще на работе, — сказал он.

Оба спутника оживились. Доктор Герхардт высунулся из двери вертолета:

— Теперь вам буду нужен я?

— Да, — ответил Брэй, делая ирску знак остаться за штурвалом.

Когда психиатр вытащил свое нескладное тело из кабины, Брэй заглянул внутрь и сказал Зооланиту:

— Я вижу отсюда магазинчик скобяных товаров в конце улицы. Оставайтесь в вертолете: на этом первом этапе операции мне нужен только доктор Герхардт.

Ирск, похоже, был сбит с толку. Он явно ожидал, что будет сопровождать Брэя на первую встречу с Лозитином, и теперь, должно быть, мысленно связался с «беспощадными убийцами», потому что какое-то время молчал. Затем Зооланит спросил:

— Значит, вы доверяете мне аппарат?

Именно в это Брэй хотел заставить его поверить. Оставшись один в вертолете, Зооланит должен почувствовать себя в безопасности, зная,

что в принципе может убежать, если захочет. Опыт показал, что такие ситуации были выше понимания ирсков. «Он не сдвинется с места, как цыпленок под гипнозом», — с надеждой подумал Брэй.

— Вы приведете его сюда? — снова задал вопрос Зооланит.

— Разумеется, — ответил Брэй.

Потом лейтенант и врач, не оборачиваясь, пошли по маленькой улочке, вымощенной плитками из заменителя камня. Круглые мнимые булыжники были прекрасно видны через покрывавший их сверху прозрачный материал, гладкий, но упругий. Идти по нему было легко, ноги скользили, и мостовая была похожа на свой оригинал, но тот, кто шел по ней, не рисковал вывихнуть себе лодыжку.

Деревня, название которой Брэй по-прежнему не знал, была похожа на все маленькие поселки, которые он повидал во время инспекционной поездки Мортона, но он не помнил, чтобы они с полковником приезжали сюда. Несколько прохожих остановились, чтобы посмотреть на садящийся вертолет. Но это зрелище вряд ли было здесь слишком необычным: пока двое прибывших подходили к зевакам, те уже отвернулись

и разошлись с отстраненным видом людей, у которых есть дела получше.

Шагая по улице, Брэй обратил внимание, что на западе у подножия гор лежали длинные тени. С этого самого места, подумал он, ирски-повстанцы спустились, чтобы подойти к Лозитину на этой самой улице, а Мортон в это время был в уме Лозитина, все видел и все слышал. Фантастика!

Размышления Брэя оборвались, потому что его спутник приглушенно вскрикнул. Брэй быстро обернулся — и замер как вкопанный: Герхардт стоял неподвижно на метр или два сзади в позе, выражавшей упрямство.

— Больше я не сделаю ни шага, пока не буду знать, о чем идет речь! — заявил врач.

— Ах, вот оно что… — произнес Брэй. — Ну конечно…

Лейтенант сказал себе, что до сих пор он вел себя недостаточно осмотрительно. Он подал врачу сумку с гипнопистолетом и, стараясь, чтобы голос звучал ободряюще, объяснил, чего хочет. Выражение лица Герхардта оставалось озабоченным. Тогда Брэй торопливо закончил:

— Это совершенно безопасно. Я отвлеку его, а вы выстрелите в спину.

Слова, которые лейтенант выбрал, потрясли его

самого. В таком виде его поступок выглядел действительно ужасно. Но один взгляд на психиатра успокоил Брэя: Герхардт, похоже, почувствовал огромное облегчение. Врач выпрямился и ответил слегка дрожащим голосом:

— Можете рассчитывать на меня, полковник.

Это был как раз любимый образ действий молодого врача. Брэй оставил его перед витриной магазинчика. Входя туда, лейтенант нисколько не боялся предательства: Зооланит отвечает за вертолет, Герхардт в ближайшее время не в состоянии бежать и, несомненно, не знает, что ирск наблюдает за ним. Прекрасно…

В магазине Брэй быстро осмотрел мелкие инструменты, выставленные на продажу, выбрал один и подошел к находившейся в глубине кассе. В помещении не было ни одного человека и лишь один продавец-ирск, который принял у Брэя деньги и завернул покупку. Когда продавец подал Брэю пакет, лейтенант вежливо спросил у него:

— Как вас зовут?

Это был Лозитин.

В шесть часов Лозитин вышел из магазина и направился к своему дому. Он не сделал десяти шагов, как появились Брэй и Герхардт. Брэй загородил ирску дорогу и очень вежливо сказал ему.

— Мы хотели бы поговорить с вами, господин Лозитин.

Лозитин остановился и стал вежливо ждать, что последует дальше. Брэй представился Мортоном и заявил:

— Без вашего ведома Тьма поместила «я» другого лица — не могу подобрать более подходящих слов — в ваше сознание. Это произошло несколько дней назад. Мы хотели бы побеседовать с вами об этом случае.

Поведение Лозитина изменилось.

— Я только что попытался связаться с беспощадными убийцами, но они отказываются от всякого контакта со мной, — медленно проговорил он. — Из этого я заключаю, что они не хотят мешать выполнению вашего плана. Поэтому я советую вам не действовать слишком поспешно.

Было уже поздно пока Брэй говорил, Герхардт оказался сзади Лозитина Врач не стал ждать, он даже не слушал их разговор или слишком волновался, чтобы слышать его, — и пустил в ход гипнопистолет. Сначала он выстрелил в Лозитина, а потом, не останавливаясь, слегка повернулся и выпустил такую же дозу гипнотизирующего вещества в Брэя.

Притворный страх… Герхардт гордо улыбнулся,

наслаждаясь представившимся случаем — тем мгновением, которого часто хватает, чтобы человек потерял бдительность.

Вдруг улыбка исчезла с его лица. Герхардт ощутил ужасную слабость, ноги перестали его держать. Он почувствовал, что падает на тротуар, и одновременно смутно разглядел тонкую блестящую струйку жидкости или газа, которая ударила в него из мундира Мортона.

Головокружение грубо оборвало машинальную попытку Герхардта определить, что это за газ.

22

Керк внезапно обнаружил, что находится в каком-то преддверии потустороннего мира. Он ничего не видел, но чувствовал свое тело, по крайней мере ему казалось, что чувствует.

Керк очень хорошо помнил, что произошло. Он был в своем любимом положении — лежал на красивой девушке, какой — ему было безразлично: Мария стоила Марианны. Вдруг волна темноты стала сильнее и мощнее, Мария исчезла, и он повис в пустоте.

— Я болен?

Керк задал себе вопрос вслух, по крайней мере попытался — и не услышал ни звука. Вокруг него была полнейшая тишина Сколько он ни повторял потом эти и другие слова, ничего не изменилось. Тогда Керк пожал плечами и стал покорно ждать, что будет.

Он никогда не узнал, сколько времени прошло. Часы? Дни? Догадаться было невозможно. А вот вопрос, как долго это будет продолжаться, вдруг решился — какой-то голос, баритон, спросил у Керка:

— Вы приняли решение?

Голос звучал близко от Керка, значит, обращался к нему. «Решение? — подумал Керк. — По поводу чего?» Недолгое замешательство, слабое желание разыграть простачка и спросить, что это значит.

Но так как он был Дэвидом Керном, то, разумеется, не мог совершить такой промах. Едва Керк успел сказать себе, что, возможно, кто-то услышал его голос и, значит, он может говорить с этим кем-то — а на это понадобилось всего несколько секунд, — он спросил:

— Не могли бы вы повторить мне, какое именно решение я должен принять и по поводу чего?

Баритон объяснил:

— Вы должны пообещать мне, что поможете истребить диамондианцев.

— Ну конечно, обещаю. А что еще? — ответил Керк.

23

В то самое мгновение, когда эти роковые слова были произнесены, Мортон внезапно проснулся в незнакомой комнате. Он лежал в чужой постели и глядел на потолок, которого он до сих пор ни разу не видел. Полковника охватил ужас: он был свободен, но… но помнил, что обещал Тьме помочь ей уничтожить всех диамондианцев.

«Это смешно, — сказал себе Мортон, — я ни за что не сделал бы такое». Тем не менее, вставая с кровати, Мортон почувствовал дрожь во всем теле — давно знакомый внутренний сигнал, который он ощущал, когда совершал что-то, чего не должен был делать. Неужели это правда, неужели он действительно согласился, потому что это был единственный способ вырваться из-под власти чудовища, которое держало его в плену? Мысль полковника запуталась: он вспомнил, что думал то же самое, когда соглашался.

Но ведь неизбежно настанет момент, когда Тьма поймет, что он собирается взять назад свое обещание. И что будет тогда?

Думая об этом, Мортон уже стоял перед маленьким письменным столом и рассматривал

лежавшие на нем письма. Он понял, что находится в комнате Брэя, и почувствовал облегчение: значит, его привезли сюда с того тротуара и прятали. Значит, никто ничего не знает. «Милый старина Брэй!» — с нежностью подумал полковник.

Мортон нашел свою форму и заметил, что нашивки с нее спороты. Одевшись, он поднялся в свою комнату, смутно удивляясь тому, что думает о Дэвиде Керке. Для него этот молодой человек был только именем; Мортон лишь помнил, что у Поля Лорана среди секретарей был один, которого звали Дэвид Керк.

Странно, что он вспомнил о нем сейчас. Может быть, это одна из частей головоломки? В этом случае он скоро найдет объяснение всему.

В ванной, рассматривая в зеркале свое бледное и осунувшееся лицо, Мортон несколько раз подумал о Поле Лоране. В этом не было бы ничего необычного, если бы не навязчивость этой мысли.

Полковник позвонил в кабинет посла, договорился о встрече с ним в одиннадцать часов, а потом, умирая от голода, спустился в столовую. Было начало девятого.

Благодаря своему высокому званию Мортон

имел доступ в отдельный малый зал столовой, откуда открывался вид на море. Он сел возле широкого окна и, ожидая, пока его обслужат, стал смотреть на покрытую туманом водную гладь, за которой в ясную погоду был виден Сорренто.

Диамондианское море изо всех сил подражало земному в приливах и отливах. Поскольку местная луна была гораздо больше земной, волны, разбивавшиеся о берег, были огромными и их удары были похожи на грохот гигантских пушек, расчеты которых получили команду стрелять, когда хотят. Результат потрясал и оглушал человеческий ум.

Однако сейчас этот чудовищный шум больше успокаивал, чем раздражал Мортона. Ему казалось, что в тихом углу он начал бы думать и, конечно, сошел бы с ума через несколько минут.

Это море не для маленьких суденышек, подумал Мортон и мысленно улыбнулся: на самом деле, как он слышал, здесь было трудно и крупным кораблям — они постоянно плавали в достаточно сильный шторм.

Окончив завтрак, Мортон вышел из столовой и по коридорам и роскошным внутренним дворикам направился в глубь комплекса дворцовых зданий: его кабинет и жилые комнаты помеша-

лись настолько далеко от моря, насколько было возможно.

Постепенно стены заглушили удары волн. Мортон улыбнулся, не в силах удержаться от приятного воспоминания как все радовались, когда он потребовал, чтобы его поместили в задних комнатах! В неразберихе, сопровождавшей въезд, высшие чины Комиссии по Переговорам устроили тихую протокольную битву за помещения. Победители получили комнаты с видом на море, и теперь для них начинался кошмар. А для него…

Входя в свое служебное помещение, Мортон слышал щелканье компьютеров и приглушенные голоса в других кабинетах Но, за исключением этого, вокруг царила чудесная тишина.

Полковник вежливо поздоровался со своим секретарем сержантом Струзерсом, который пробормотал в ответ что-то нечленораздельное.

Через секунду Мортон уже вошел в свой личный кабинет и бросился в свое уютное кресло. Прежде всего он просмотрел почту и ознакомился с донесениями, которыми был завален его письменный стол. Так Мортон узнал о двух запросах, сделанных Брэем от его имени.

Доклад о беседе с Хоакином просто заворожил

полковника. Когда единственного уцелевшего члена первой мирной делегации диамондианцев арестовали, он был загипнотизирован так быстро, что даже не понял, что его гипнотизируют, и потому совершенно ничего не помнил об этом. Вся горестная история гибели его товарищей и его блужданий по джунглям была изложена в докладе, включая роль самого Хоакина в каждой ее части.

Саттер, которому был поручен допрос, указал в заключительной части доклада, что Хоакин в джунглях испытал «некие галлюцинации», но не написал, какие именно. Мортон вызвал его по селектору.

Входя, Саттер внешне был очень спокоен и не отказался сесть в кресло, на которое указал ему Мортон, но голубые глаза майора выражали недоверие.

— Господин полковник. Вы ведь не думаете всерьез, что я должен был терять время, подробно записывая фантазии человека, находившегося в шоке! Это дело медицинской службы!

Мортон тоже не стал терять время.

— Имеете вы какое-нибудь представление о том, что сказал Хоакину светящийся силуэт, который он… э-э… вообразил себе?

Как полковник и ожидал, ответ был отрицательный, и он тут же задал следующий вопрос:

— Где сейчас Хоакин?

— Мы выполнили обычную процедуру. Он считает, что находился под наблюдением врачей. Вчера вечером его отпустили. Он сказал, что хочет вернуться к себе домой, и был намерен уехать сегодня рано утром.

— А где его дом?

— В Новом Риме.

Во время последовавшего за этим молчания Саттер, должно быть, начал беспокоиться, потому что рискнул продолжить:

— Мы могли бы послать кого-нибудь, кто дождется там Хоакина и, когда Хоакин приедет, отвезет его обратно на вертолете.

— Сколько времени это займет?

— Правду говоря, мне надо подумать… От Нового Неаполя до Нового Рима целый день езды. Думаю, мы сможем забрать Хоакина около двенадцати ночи и доставить его сюда около четырех часов утра. Тогда мы передадим его в ваше распоряжение.

— Спасибо, майор, — медленно и спокойно проговорил Мортон. — Не могли бы вы принять необходимые меры и привезти сюда Хоакина?

Когда Саттер ушел, Мортон долго неподвижно сидел за своим письменным столом, время от времени покачивая головой. «Ах, современная логика! — думал он. — Если бы теория была верна! Все было бы так просто».

Но, к несчастью (тут он вздохнул), мир и все живое подчиняются законам определенной логики, где для каждого процесса возможно бесконечное множество вариантов. Поэтому шансы успеть увидеться с Хоакином раньше, чем понадобятся его ответы, очень малы. Те сведения, которые можно было бы так легко получить от этого человека, Мортон должен попытаться добыть трудным путем не позже середины дня.

Подумав об этом, полковник выбросил Саттера из своего ума и начал читать отчет Луфтелета. Мортон посчитал этот документ недостаточно подробным. Поскольку полковник собирался в час дня отправиться в Каподочино-Корапо для решительного разговора с Мариоттом, он снова воспользовался селектором и вызвал к себе Луфтелета.

Майор тоже был в своем кабинете. Через несколько минут, волоча ноги, он вошел к Мортону и с покорным вздохом сел в кресло рядом с полковником. Мортон, думавший лишь о своих

планах, неразборчиво пробормотал «добрый день» и дружески взмахнул рукой. В другой руке он держал доклад Луфтелета, Не поднимая взгляда, полковник сказал:

— Вы упомянули здесь, что военный пост Корапо может создать сильное магнитное поле. Но вы не указали параметры этого поля в гаммах. Можете вы вспомнить эти цифры сейчас, хотя бы приблизительно?

Тут Мортон вдруг замолчал: краем глаза он заметил, как его посетитель чуть не подскочил на месте. Это движение означало, что майор всеми силами сопротивлялся вопросу. Мортон с удивлением взглянул на Луфтелета и подавил вздох, вспомнив, с кем имеет дело.

Майор впился взглядом в своего начальника, тело и лицо Луфтелета напряглись и сжались — он приготовился обороняться.

— Так знаете вы эти цифры? — настаивал на своем Мортон.

Луфтелет напрягся еще сильнее.

— Господин полковник, позвольте мне почтительно заметить, что отчет, который я составил для вас, достаточно подробен для любого лица, не обладающего моей технической квалификацией. Я…

Тут майор растерянно замолчал: на лице его начальника было такое выражение, какого Луфтелет еще ни разу не видел.

Правду говоря, Мортон чувствовал неукротимую злость: в этот критический момент, когда каждая секунда могла быть решающей, этот тип упрямо твердит по канцелярскому шаблону свою чудовищную чушь.

В течение бесконечных часов Мортон был вынужден терпеть противодействие жизни, наносившей ему одно поражение за другим, и за все время этих следовавших одна за другой катастроф он ни разу не имел возможности схватиться с врагом.

В один миг законы определенной логики, подчинение которым делало Мортона в любой ситуации вежливым, великодушным и не прибегающим к насилию человеком, были отброшены. Он дал ярости, порожденной современной логикой, победить себя и сделал то, чего не делал никогда, — ударил подчиненного.

Мортон выпрыгнул из кресла, словно выброшенный катапультой, пролетел короткое — меньше метра — расстояние, отделявшее его от Луфтелета, и обрушил свой кулак на упрямо вздернутый подбородок майора.

Луфтелет исчез: его кресло опрокинулось и накрыло майора, который упал вместе с ним.

Толстый ковер заглушил звук падения. Майор на секунду потерял сознание и лишь потом вскрикнул. Когда он пришел в себя, Мортон, удивленный своим поступком, но не чувствовавший угрызений совести, помог лежавшему на животе Луфтелету встать и одновременно поднял кресло.

Потом полковник повернулся к своему столу, схватил отчет Луфтелета, потряс им у него под носом и стал спрашивать сквозь стиснутые зубы:

— Где закреплены магниты? Где, собственно, расположено это энергетическое поле? Какова его формула? И каково назначение вот этой группы молекулярных схем?

На первый, грубо брошенный в лицо майору вопрос Мортон получил в ответ попытку заслониться от нового удара, на второй — виноватое бормотание, на третий — неразборчивые слова Четвертый вопрос вызвал к жизни более понятный ответ: к майору Луфтелету вернулась способность ясно мыслить, потому что он сказал:

— Господин полковник, я протестую…

Пятый вопрос Мортона был:

— Каково определенное логическое число?

На это Луфтелет ответил:

— Сто тридцать восемь тысяч, господин полковник.

Мортон потерял дар речи.

Так он дошел до конца своего допроса двумя путями сразу: через потрясение из-за огромного числа, которое было названо, и через внезапное ощущение, что майор будет сопротивляться дальнейшим вопросам — и чем дальше, тем сильнее. Не говоря ни слова, Мортон схватил Луфтелета за воротник мундира, вытащил из кресла и без заметного усилия проволок до двери. Открывая ее, полковник процедил сквозь зубы:

— Будьте готовы к двенадцати дня сопровождать меня на эту базу в Корапо. Разрешаю вам не извиняться за ваше неслыханно дерзкое поведение.

— Но, господин полковник, это ваше поведение…

Луфтелет, должно быть, увидел выражение лица Мортона, потому что замолчал, побледнел и пробормотал:

— Я буду готов, господин полковник.

Как только Мортон выпустил воротник майора, тот, шатаясь, вышел из комнаты, прошел мимо

Струзерса и исчез за дверью передней.

Мортон подошел к Струзерсу.

— Где лейтенант Брэй?

Струзерс решил, что говорить всю правду слишком рано. Мысли его были в большом беспорядке.

— Я не видел его сегодня, господин полковник, — ответил техник-сержант, и это была чистейшая правда. Мортон рассеянно покачал головой и заговорил снова:

— Из записки, лежавшей на моем столе, я понял, что Брэй выполнил несколько дел от моего имени. Поэтому я думаю, что мне стоит сходить в конец коридора и прослушать там запись всего остального, что он сделал. Когда Брэй появится, скажите ему, что мне нужно с ним поговорить

Уже идя к двери, Мортон добавил:

— И попросите подготовить для меня один из больших воздушных аппаратов. Я хочу вылететь через десять минут.

— Хорошо, господин полковник.

Через несколько минут, читая расшифровку сделанных аппаратурой записей, Мортон с восторгом обнаружил среди них несколько длинных разговоров. Он быстро просмотрел их и отметил имена: профессор Покателли, Дэвид

Керк, Зооланит и («Вот чего не ожидал!») доктор Герхардт. Миниатюрные приемопередатчики на молекулярных схемах, скрытые в его и Брэя знаках различия, записали все четко и с хорошей громкостью.

Взгляд Мортона упал на многозначительную фразу: система воздушного слежения прекрасно зарегистрировала маршрут вертолета, который Брэй, использовав власть полковника Мортона, заказал через Струзерса. Здесь же Мортон нашел название маленького горного поселка, где уже бывал раньше. Через несколько минут Струзерс вызывал для него справочное бюро и соединялся по телефону с магазином скобяных товаров. После этого Мортон взял у него трубку и попросил разрешения поговорить с Лозитином.

Ему ответил какой-то диамондианец. Когда Мортон представился, голос в трубке сказал очень встревоженно:

— Лозитин сегодня утром не пришел на работу, и у нас есть причины думать, что он стал жертвой нападения ирсков-мятежников.

Похоже, что у нападения есть свидетель — человек, который в это время смотрел в окно. Он не очень хорошо понял, что произошло, но он видел все, что случилось после того, как Герхардт

упал рядом с лежавшими без сознания Брэем и Лозитином. Подробности случившегося не были зафиксированы аппаратурой, потому что никто в это время не говорил.

Вертолет, который вел Зооланит, быстро подъехал по мостовой к магазину, ирск в рубахе с зелеными полосами спрыгнул на землю, подтащил все три тела к вертолету, внес их в свой аппарат, через несколько секунд снова сел за штурвал и взлетел с деревенской улицы.

Свидетель с опозданием предупредил военный пост диамондианцев, и поиски в воздухе вертолета, в котором летели эти четверо, оказалась безрезультатными.

Мортон поблагодарил своего собеседника и положил трубку. Снова просмотрев расшифровку, он понял, что сейчас вертолет приземлялся и находится поблизости от Оврага Гиюма.

«Один человек может помочь другому, но всему есть границы», — с горечью подумал Мортон. Что он может сделать на таком расстоянии для безрассудного Брэя? Сейчас и еще несколько часов — ничего.

У полковника было тяжело на сердце: он чувствовал, что назревает развязка и катастрофа вот-вот начнется.

Затем ему в голову пришла другая мысль, которую Мортон не сразу решился привести в исполнение. Но, понимая, что, может быть, у него уже не будет времени вернуться сюда, в зал SRD, он решил проверить подозрение, которое возникло у него, когда он понял, что Брэй несколько раз выдал себя за полковника Мортона и что

Керк в тот момент, когда потерял сознание, притворялся Брэем.

Мортон осознавал, что логика его рассуждений была в буквальном смысле «черно-белой». Если он прав, то он обязан сделать то, что задумал; если же он ошибается, несколько человек будут страдать из-за этого в ближайшие дни.

«В такой критической ситуации это не может быть препятствием».

И колебания Мортона закончились.

Он вызвал по видеокому доктора Жерома Фондье из больницы Инкурибили. Как только врач назвал свое имя, компьютер SRD послал в его мозг сверхзвуковые колебания, которые немедленно овладели его нервными центрами. Под влиянием этого гипноза Фондье назвал Мортону два имени: офицера войск Земной Федерации, который приказал арестовать полковника, и врача, который сделал Мортону укол, вызвавший

потерю сознания.

После этого Мортон приказал доктору Фондье:

— Увольтесь из больницы, откройте кабинет в бедной квартале и посвятите себя его несчастным жителям — лечите их практически бесплатно. Вы сделаете это под именем… слушайте внимательно… под именем полковника Чарлза Мортона.

И Мортон закончил связь, не чувствуя ни малейших угрызений совести. В круг «Мортонов» должно было войти достаточно много диамондианцев. А демократический ум Мортона требовал, чтобы среди них были люди всех взглядов. Какой патриот мог быть лучше, чем Фондье?

Такие же указания полковник дал второму врачу-агенту диамондианских повстанцев, которого звали Луис Гавиота. Офицеру войск Земной Федерации, некоему полковнику Эксетеру, Мортон сказал:

— В течение пяти дней вы будете утверждать, что вы полковник Чарлз Мортон. Оставляю на усмотрение ваших подчиненных решить, к чему это вас приведет.

Последним действием Мортона в зале SRD была команда компьютеру, которая должна была значительно увеличить число полковников Мортонов. Мортон приказал:

— Выберите десять тысяч пятьсот мужчин-диамондианцев из всех слоев общества, столько же из военнослужащих всех званий ниже полковника из войск Земной Федерации и пять тысяч проституток. Половину этих людей отберите здесь, в Новом Неаполе, а остальных в различных областях Диамондианы, расположенных как можно дальше одна от другой. Скажите всем этим людям, что у них будут временные проблемы с самоидентификацией: каждый из них будет убежден, что он полковник Чарлз Мортон. Они не должны никому говорить об этом, но будут испытывать тяжелый внутренний конфликт. Скажите каждому из них, что для того, чтобы отменить эту команду, он или она может позвонить в SRD — дайте им для этого необходимые телефоны, — но не раньше чем через пять дней считая с настоящего момента. В момент звонка вы будете снимать гипноз с того, кто звонит, и он или она снова начнет чувствовать себя самим собой.

Как правило, во время войны власть начальника действующего в районе боев отделения разведслужбы ограничивалась военнослужащими со званиями не выше майора, и даже при отдаче им команды майору сигнал об этом мгновенно передавался по межзвездной связи

на отдаленные компьютеры. Произнеся особый пароль, начальник разведки мог распространить свою власть на старших офицеров, но обычно такая команда включала системы аварийной сигнализации на отдаленных главных постах. Вводя в свой список полковника Эксетера, Мортон воспользовался этим кодом. Возможно, у него потребуют, объяснений и соберется совет.

Больше всего Мортона волновало, что он совершенно не представлял себе, как включить Изолину в группу, носящую имя «полковник Мортон». Компьютер вызвал по видеокому все места, где она могла находиться, и повсюду получил ответ: здесь ее нет.

Как жаль!

24

Мортон выпрыгнул из вертолета возле деревни Нусеа. Он стоял на земле и чувствовал под ногами ее твердую поверхность. И на этот раз, оглядываясь вокруг, он смотрел своими собственными глазами, воспринимая окружающее своими собственными органами чувств.

Пейзаж, который он видел, был ему странно знаком. Слева раскинулась ирская деревня со всеми ее яркими красками и маленькими колоколенками над домами. Мортон машинально стал искать взглядом двухэтажный дом Лозитина и почти сразу нашел его. Даже на таком расстоянии этот дом выглядел вполне реальным и массивным. Не то чтобы в первый раз он казался призрачным, но разница была. Мортон понял причину этого: со временем в его сознании то, что он видел посредством чужого мозга, становилось реальным.

Несколько минут ходьбы — и полковник оказался перед дверью, в которую, по его мнению, Лозитин должен был войти в тот вечер. Дверь открылась. В следующее мгновение перед Мортоном оказалась девушка-ирска — та самая,

которую Мортон в прошлый раз видел глазами Лозитина. Мортон почувствовал то же волнение, что и тогда, и должен был силой заставить себя делать то, что обязан был сделать. Мортон предположил, что девушка уже мысленно сообщила «беспощадным убийцам» о его приходе. Продолжая стоять на пороге дома Лозитина, он спокойно спросил:

— Вас зовут Айеанантатасееа?

Он не стал называть девушку уменьшительным именем, а произнес ее имя целиком, как это делали ирски.

Туземная красавица, похоже, удивилась, что он знает, кто она. Дрогнувшим голосом она спросила:

— Вы знаете меня?

Мортон успокоил ее:

— Не пугайтесь, я не диамондианец. Я из Комиссии по Переговорам.

— Все-таки вы человек, а я ирска, — ответила Аянтса, но тем не менее, кажется, почувствовала облегчение и стала немного менее враждебной. — Мы разные, и переговоры ничего не могут в этом изменить.

— Хорошие переговоры — это когда ищут, в чем на самом деле состоит проблема, и находят

ее решение. Вот почему я хотел бы заглянуть в эту комнату.

И, не дожидаясь ответа, Мортон вошел в дом, оттеснив хрупкую девушку. Не оставляя ей времени на размышления, он указал на ту дверь в глубине прихожей, на которую Лозитин многозначительно смотрел в тот вечер.

Для Аянтсы это был новый удар.

— Ох, нет! Это комната предков Лозитина!

Имя «Лозитин» она произнесла полностью, по-ирски: Леоозаеетуеина.

— Он здесь? Лозитин?

— Нет, он не вернулся вчера вечером.

Мортон, у которого были серьезные причины думать, что Лозитина здесь нет, и не дожидался ее ответа: он уже шел по замечательному сверкающему полу. Когда Аянтса произносила последнее слово, Мортон уже опустил ладонь на деревянную ручку в виде птичьего клюва. Потом он повернулся к молодой ирске.

— Один вопрос: кто или что находится в этой комнате?

Изящный рот приоткрылся, на лице Аянтсы отразились отчаяние и тревога.

— Там родители и предки Лозитина! Что бы вы подумали о том, кто захотел бы потревожить

могилы ваших родителей?

— Мне говорили, что те, кто находится там, не мертвы в человеческом смысле этого слова, и мой долг требует, чтобы я выяснил, что это значит, — твердо сказал Мортон. — Это особенно важно в случае Лозитина, поскольку он в силах уничтожить Тьму.

Молодая ирска, видимо, покорилась, поняв, как много ему известно, потому что больше не протестовала. Мортон быстро открыл дверь, вошел и закрыл ее за собой.

Несколько секунд он неподвижно стоял на пороге и оглядывался вокруг.

Комната была большая. Занавески, ковры и драпировки почти полностью скрывали отливавший радужным блеском материал стен, пола и потолка. Обстановку дополняли мебель в стиле диамондианцев и несколько скрытых светильников.

На кушетках и креслах сидели еле различимые… призраки ирсков.

Это были немые светящиеся фигуры — восемь дилов и одиннадцать адил («адила» значило «ирска-жинщина» на ирском языке, «дил» — мужчина). Они выглядели мертвыми, и каждая фигура была прозрачной.

Это было похоже на сон. Тем не менее Мортон не колебался. У него была идея насчет того, что означало существование этих странных светящихся созданий, поэтому он направился к свободному креслу, поставил его напротив пожилого призрака-дила и удобно уселся.

«Я уверен, что светящаяся фигура из джунглей заговорила с Хоакином и попыталась получить от него ответ. Значит, эти существа могут контактировать с людьми», — подумал полковник и громко сказал:

— Я глава правительства ирсков, и я хотел бы задать вам некоторые вопросы.

Последовало долгое молчание. Потом голова призрака медленно повернулась, и огромные прозрачные глаза взглянули на Мортона. Губы, до которых нельзя было дотронуться, раздвинулись. Из них не вырвалось никакого звука, но в уме Мортона зазвучал очень ласковый мужской голос. Он произнес:

«Если вы входите в наш круг, ваш двойник услышит то, что я говорю, и передаст вам мои слова...»

* * *

Мортон закрыл за собой дверь «комнаты предков» и долго смотрел на Аянтсу.

— Сколько в среднем живут ирски? — спросил он. Настроение молодой адилы снова стало враждебным.

— Все знают, что мы живем около пятисот диамондианских лет, — ответила она.

Мортон уже слышал эту цифру. Но он всегда старался проверять факты и источники информации. А срок жизни ирсков вызывал у него сейчас сильный интерес.

— Это очень много. Чем вы можете объяснить, что ирски живут так долго?

— Раньше благодаря Тьме мы находились в идеальном согласии друг с другом. Но в наши дни это согласие оказалось под угрозой. И нужно действовать очень быстро: в последнее время ирски начали умирать молодыми, едва дожив до ста тридцати лет. Все обеспокоены этим.

— Может быть, в этом виновата война, — рискнул высказаться Мортон. — Может быть, восстание вредит здоровью ирсков.

— Лучше война, чем рабство! — отрезала Аянтса.

— История свидетельствует, что ирски дружески приняли первых поселенцев-людей и помогли им.

— Эти чистые души ни на мгновение не могли представить себе, что их родная планета скоро будет захвачена людьми, — сурово ответила ирска.

Мортон был прагматиком.

— Как бы это ни случилось, это случилось. Теперь все должны научиться смиряться с тем, что уже существует.

— Это невозможно! — воскликнула Аянтса. Потом она спросила: — Вы оставались в этой комнате полчаса. Что вы узнали?

— Я узнал, — ответил Мортон, верный своему принципу всегда говорить правду, — что самая старшая из «живых после смерти» предков Лозитина — милая и непорочная Утеетенбораста и что она принадлежит всего лишь к пятому поколению его предков. Поскольку родословные ирсков обычно тянутся в прошлое по меньшей мере на миллиард лет, как получилось, что род Лозитина начинается только с нее? Вот почему я пришел сюда — мне показалось странным, что одна комната может вместить входящих во Тьму двойников всех предков ирска.

Тут он замолчал, потом в тишине продолжил:

— Там находятся двойники предков всего за две тысячи лет. Как вы объясните это?

— Тьма появилась две тысячи лет назад, — просто ответила Аянтса.

Такая возможность уже приходила Мортону на ум, и все же подтверждение, услышанное от Аянтсы, удивило его. Итак, это существо кем-то создано… «Только этого нам не хватало, — подумал Мортон, — еще одна огромная сила, способная изготовить что-то, обладающее такой гигантской мощью, как эта штука там наверху».

Он собрался с силами и продолжил:

— Еще два вопроса. Во-первых, почему эти двойники находятся здесь, а не на своих местах в магнитном поле?

— Десять лет назад, когда мой народ в конце концов поднял восстание против своих угнетателей-диамондианцев, многие из тех, кто не восстал, как Лозитин, забрали двойников своих родственников из Тьмы, чтобы уберечь их от ее влияния, потому что Тьма могла повредить их в своем беспокойном самостоятельном развитии, — нехотя ответила Аянтса.

— Второй вопрос: где Оружие Лозитина? — продолжал Мортон.

— Его хранит двойник Лозитина, — медленно

сказала ирска.

— Вы хотите сказать… он там? — воскликнул Мортон, указывая на комнату, откуда только что вышел. — Я только что видел его двойника?

— Конечно, нет…

Она вдруг замолчала. Было похоже, будто что-то в тоне Мортона внезапно убедило ее. Аянтса отвернулась от полковника, скользящими шагами подошла к двери в комнату предков и осторожно открыла ее одним щупальцем.

Вдруг Аянтса замерла на месте, потом покачнулась. Будь она человеком, Мортон решил бы, что она пошатнулась и едва не упала в обморок. Но Аянтса собралась с силами, отвернулась от двери и опять подошла к Мортону.

— Можете вы поговорить с ним? — спросил полковник. — Мне он не захотел ответить.

— Нет, он не принимает сообщений.

— Если Оружие не под охраной двойника Лозитина, то где оно может быть?

Аянтса не имела об этом ни малейшего представления и, кажется, была в шоке.

— Я чувствую, что случилось что-то ужасное, но что, я не знаю, — сказала она с безумной тревогой в голосе.

Мортон, который чувствовал то же, что она, и,

кроме того, ощущал, как уходит время, поблагодарил Аянтсу, попрощался с ней и ушел.

Через несколько минут он посадил свой вертолет на крышу дворца. Чтобы дойти до своего кабинета, он потратил почти столько же времени, сколько на перелет из Нусеа в Новый Неаполь.

25

Одиннадцать часов. Наконец-то.

Пока Мортона вводили в кабинет его превосходительства, полковник еще раз вспомнил, что только рядовые сотрудники Комиссии, сержанты и он сам со своими подчиненными, занимавшие райские уголки в задней части дворца, могли хорошо спать по ночам в этом здании, стоявшем на берегу моря.

Напомнило ему об этом то, что его превосходительство выглядел так, словно не выспался: он постоянно тер глаза.

О Мортоне было доложено, дверь за ним закрылась, и полковник стал ждать, пока человек, сидящий за письменным столом, заметит его: хозяин кабинета был, похоже, поглощен работой над каким-то документом. Мортон воспользовался вынужденным ожиданием, чтобы рассмотреть Великого Человека.

Лицо хозяина кабинета было длинным, очень бледным и умным («изысканное», подумал о нем Мортон). Глаза слегка прищурены, губы приоткрыты, темно-каштановые волосы едва начали седеть на висках. Когда Мортон за несколько

месяцев до этого дня познакомился с ним, то решил, что ему лет пятьдесят. Хозяин кабинета был по происхождению француз и звали его Поль Лоран. Это был чрезвычайный посол Земной Федерации на Диамондиане и глава Комиссии по Переговорам.

Мортона удивило и заинтересовало при знакомстве с послом и беспокоило до сих пор одно обстоятельство: когда полковник впервые увидел Лорана, ему показалось, что он уже знаком с послом и где-то видел его раньше.

Когда? Где? И почему ему так трудно вспомнить человека с такой бросающейся в глаза внешностью.

Лоран еще раз протер глаза, потом встал из-за стола навстречу Мортону и любезно улыбнулся.

— А, это вы, Чарлз! — заговорил он. — Верховное командование очень желало, чтобы я взял с собой хотя бы одного человека, чьи мускулы в трудных обстоятельствах работают на бросок вперед, а не на бегство. Итак, что вы натворили?

Этот вопрос был для Мортона камешком, брошенным в пруд воспоминаний о том, что он сделал, но полковник уклонился от ответа.

Помимо прочих дел, он был здесь для того, чтобы поговорить о Марриотте, но к этой деликатной

теме он хотел подойти обходным путем.

— Ваше превосходительство, — быстро ответил он. — Относительно нашего присутствия здесь… меня больше всего беспокоит, что у нас, кажется, нет плана. А также — почему мы не привезли на эту планету наше новейшее оружие, если не считать того, которым оснащено здание поста в Корапо. Солдаты, несомненно, догадываются, а офицеры знают, что к ним относятся несправедливо.

— Вы что же, намекаете, что силы Земной Федерации должны были бы прийти сюда для того, чтобы помочь людям восстановить их господство на Диамондиане?

Вопрос был направлен в самую суть проблемы. Это удивило Мортона: он не ожидал такой проницательности от члена сонной Комиссии.

— Конечно, нет, — ответил он.

— На этой планете, — снова заговорил Лоран, — мы имеем дело с ситуацией, которой нет в других мирах Галактики. Феминистские союзы никогда не имели здесь сторонников, а если эти сторонники и существуют, то не заметны. Надо вам сказать, что я хорошо изучил ваши доклады на эту тему.

Мортону эта тема показалась второстепенной,

и он стал ждать продолжения. Лоран слегка улыбнулся.

— Тем, что произошло на Диамондиане, мы обязаны излишней мужественности восхитительных диамондианских мужчин, и будет довольно трудно выставить эту мужественность на суд общества.

Мортон, который хотел как можно скорее отправиться в Каподочино-Корапо, решил, что наилучший способ сэкономить время — дать понять, что он прекрасно знает об отклонениях от нормы в отношениях между мужчинами и женщинами на Диамондиане. Он высказал это очень кратко, а потом, немного поколебавшись, выразил убеждение, что силы Земной Федерации не хранят нейтралитет, как обычно, а включились в схватку и борются за то, чтобы воздать всем должное по законам Федерации.

— У меня сложилось впечатление, господин посол, что по неизвестной мне причине офицеры и солдаты Земной Федерации встали в этой войне на сторону диамондианцев и что, хотя верховное командование на Аркгуре-9 благоволит скорее к коренным жителям этой планеты, федеральные войска, которые находятся на диамондианском театре военных действий, ведут себя совершенно

иначе.

Пока Мортон говорил все это, ему казалось, что его собеседник внимательно рассматривает его и слегка улыбается. Когда полковник закончил, Лоран покачал головой. Разумеется, заметил посол, эта война имела много последствий, и одно из них — вот ответ на недоумение Мортона по поводу позиции вооруженных сил Земной Федерации — то, что миллионы диамондианских девушек в один миг перешли от неопытности в любви к положению проституток, враждебно настроенных к клиентам, но готовых на все. Таким образом, по мнению Лорана, Диамондиана стала раем для мужчин, и войска Федерации, прибывшие сюда, нашли во всех городах, где их разместили, продажных женщин всех типов, о которых может мечтать мужчина

— И, как вам известно, Чарлз, нигде, кроме этой планеты, нет домов терпимости. Феминистские союзы повсюду установили свои законы в такой степени, что для мужчин жизнь стала адом. Мы можем быть уверены, что диамондианцы не позволили цивилизации учинить такой разгром в отношениях, определяющих место женщины в обществе. А когда ирски перестали делать всю работу, это тут же создало такое тяжелое положе-

ние в экономике, что девушки были вынуждены торговать собой, чтобы выжить. Вы, конечно, заметили, что наш собственный дворец стал похож на публичный дом.

Великий человек замолчал, словно ждал комментариев. Но Мортон ничего не ответил. Он чувствовал, что плохо рассчитал время, что надо было прервать посла раньше. Эти мысли были более чем уместны. Поразительно, как Лоран, который, насколько Мортону было известно, никогда не выходил из дворца, смог столько узнать.

— Чарлз, мы очень виноваты перед вами за то, что держали вас в неведении. Извинить нас может то, что все, кто открыто передвигался по городу, как вы, могли по неосторожности позволить противнику прочесть их мысли. Чарлз… в магнитном поле, которое окружает эту планету, есть кое-что необычное.

Сердце Мортона сильно забилось: он не был подготовлен к такому признанию. Спокойный разговор — и вдруг…

Невероятно, но они в один миг зашли так далеко! В самой глубине души Мортона забрезжил слабый луч надежды, но беспокойство не проходило: интуиция подсказывала ему, что при-

знания Лорана опоздали на двенадцать часов.

— Четырнадцать лет назад, когда положение на Диамондиане начало беспокоить верховное командование на Арктуре-9, мы завербовали молодого физика и внедрили его сюда для изучения этого магнитного поля. Все время своего исследования он носил при себе защитную аппаратуру. Десять лет назад ему дали сверхмощную защиту — здание типа D.A.R. и официальное прикрытие — маленькую командную должность начальника передового военного поста в Каподочино-Корапо. Физика зовут Марриотт, и, согласно его докладам, он нашел возможность в какой-то мере установить контроль над здешним магнитным полем.

Тревога Мортона усилилась. «Неужели все мои старания были зря?» Он почувствовал на себе тяжелый взгляд и услышал серьезный голос:

— Сегодня утром мы не смогли связаться с Марриоттом, Чарлз. Вот почему я ввожу вас в курс. Не могли бы вы срочно отправиться туда и узнать, что произошло?

— Месье… — Это было все, что смог сказать Мортон. Он был слишком ошеломлен и только начинал очень смутно осознавать, что посту угрожает катастрофа. Голос Лорана доносился до него словно из глубины туннеля.

— Возможно, вы задавали себе вопрос, почему некоторые мои лучшие помощники и я сам никогда не покидаем эту часть дворца. Дело в том, что это крыло здания защищено от воздействия планетарного энергетического поля. Мы связаны с защитной системой поста Корапо.

Мортон медленно выпрямился. К. нему, вернулась ясность ума. Он пробормотал, повторяя за послом, как эхо:

— Это крыло… защищено?

Значит, вот почему Тьма до сих пор не тронула их.

Он с новой надеждой огляделся вокруг, рассматривая сверкающую комнату. Если это так, то и он сам сейчас защищен. Может быть, если он скажет Лорану правду в этом защищенном месте, он не рискует вызвать немедленный ответ со стороны Тьмы?

Раньше чем Мортон смог принять решение, он услышал, что Лоран говорит ему.

— Особенно нас обеспокоило то, что сегодня ночью защитное поле, которое Марриотт установил для нас, внезапно исчезло. Крайне необходимо, чтобы вы как можно скорее отправились туда и разобрались в этом на месте.

В тот момент, когда Лоран замолчал, он зажму-

рил глаза и замер. Это оцепенение продолжалось довольно долго. Выйдя из него, посол снова обратился к Мортону;

— Извините меня: все это, кажется, отразилось на моем самочувствии, и я периодически чувствую головокружение. Кстати, я заметил, что вы, кажется, страдаете тем же заболеванием.

Это соображение было высказано не вовремя: в тот момент Мортон был не в состоянии говорить. Лоран продолжил:

— И еще вот что. Чтобы развеять скуку весьма тоскливого ожидания, я забавлялся небольшой умственной игрой — представлял себя полковником Чарлзом Мортоном.

Он дружески улыбнулся настоящему Мортону и пояснил:

— Прочитав один из ваших докладов, я не мог заснуть и представлял себе, что вижу те события, которые вы описывали. Признаюсь, я даже пробовал повторить ваши движения. Я пытался, просто для упражнения своего ума, мысленно прожить вашу жизнь, такую, какой я ее представлял. Судя по докладам, которые лежат у меня на столе, — добавил он, похлопывая ладонью по пачке бумаг, — мои усилия не увенчались успехом. Если верить этим обвинениям, в последние

дни вы совершили кое-какие небольшие правонарушения: побег из больницы, похищение пленного ирска и…

Мортон открыл рот от удивления.

Посол улыбнулся и поднял руку.

— Не надо ничего объяснять сейчас. Однако я уверен, что, когда наступит время, вы сможете взглянуть в глаза своим обвинителям и сказать им, что офицеры секретных служб иногда бывают должны действовать быстро. Вы свободны, полковник.

Мортон не сдвинулся с места. Он спросил:

— Вы верите Мариотту?

Долгое молчание. Потом глаза на бледном лице немного расширились.

— Он человек, и потому, само собой разумеется, на нашей стороне.

В свою очередь немного помедлив, Мортон покачал головой.

— Очень хорошо, я буду действовать так, словно это правда.

Несмотря ни на что, он не мог решиться уйти. Наконец он прямо спросил:

— Ваше превосходительство, где мы с вами встречались раньше?

Молчание. Серые глаза посла расширились и

пристально взглянули на Мортона. А потом…

Лоран встал и быстро вышел из-за огромного сверкающего стола, протягивая Мортону руку.

— Вы дошли до этого! Поздравляю вас, полковник!

Через секунду он схватил руку Мортона и крепко пожал ее. Сделав это, посол сообщил Мортону некоторые подробности о том, что вопрос полковника показывал в отношении степени его развитости как последователя определенной логики.

Внезапно Мортон отшатнулся от собеседника.

— Господин посол! Вы хотите дать мне понять, что вам около четырехсот лет?

— Да, — спокойно ответил тот. — И то, что вы узнали меня, а я заподозрил это, как только вы вошли в мой кабинет, означает, что вы можете быть приняты на первый уровень братства определенной логики. Я счастлив за вас, полковник. Так бывает всегда: тысячи часов работы — и наконец клетки начинают выстраиваться как нужно.

— Но, — робко попытался не согласиться Мортон, — где же мы встречались раньше? Почему я не могу этого вспомнить?

Лоран еще раз успокаивающе улыбнулся.

— Мы никогда не встречались до последнего

времени, Чарлз. Я кажусь вам давно знакомым потому, что люди определенной логики автоматически узнают друг друга. Вы, разумеется, уже испытали тягу к себе женщин… Однако, — уже серьезнее добавил он, — я должен вас предостеречь: нас так же легко убить, как остальных людей. Но если мы не погибаем насильственной смертью, то можем надеяться на весьма продолжительную жизнь.

Мортон призвал на помощь всю свою силу воли: за чистейшую правду, которую открыл ему Лоран, тот заслужил в ответ столь же полную искренность.

— Теперь моя очередь предостеречь вас, господин посол. Пытаясь быть мной, вы, возможно… подключились… к моему двойнику там наверху, в магнитном поле. Честно говоря, я еще не знаю, к чему это может привести.

Сказав это, Мортон повернулся и вышел из кабинета.

26

Мортон отправился в Каподочино-Корапо вместе с Луфтелетом. На протяжении всей дороги движение было очень оживленным. В очередной раз наблюдая, как улыбающиеся водители на предельной скорости пересекают двойную желтую линию, Мортон подумал: не может быть, чтобы и через тысячу лет эти маленькие машины так же мчались, словно сумасшедшие.

Но определенная логика, разумеется, убеждала его, что эти автомобили всегда будут ездить по улицам (конечно, при лучшем общественном строе) и что за рулем всегда будут сумасшедшие Конструкция межсредного мотора, который стоял на всех этих машинах, не изменялась более тысячи четырехсот лет. Он, конечно, сильно шумел, но работал на азоте — «мертвой» части воздуха, на горючем, которое всегда будет бесплатным. Трудно представить себе какое-нибудь усовершенствование в этой конструкции. Может быть, однажды какой-нибудь гений придумает, как заставить эти ужасные маленькие механизмы работать молча.

Через минуту после отъезда Мортон попытался

усмирить Луфтелета.

— Над силлогизмами Аристотеля смеялись еще задолго до двадцатого века, однако они не лишены определенной чистоты. Когда их применяют там, где этого требуют обстоятельства, в подходящем контексте, они оказываются достаточно верными.

Ответа не было. Старый майор, сидевший за рулем, мрачно смотрел на дорогу, но Мортону показалось, что на его липе смутно отразилось презрение. Мортон упорно продолжал:

— Большую часть того, что мог доказать силлогизм, все знали и без него. То, что он не мог доказать, тоже знали. Поэтому в древние времена образованные люди за неимением лучшего применяли эту систему там, где она применима. Жизнь была достаточно простой. Мрачной, но простой. Так человеческий мозг перешел границу между системой и реальностью. Логику, которая в двадцатом веке пришла на смену силлогистической системе, смело назвали современной, словно ее открыватели наконец нашли истину. Разумеется, это было неверно.

Эта логика основывалась на принципе «или-или»: «там, где находится Эдуард, Мэри не находится». Такой подход, как тогда говорили, был

крайне полезен в больших компьютерных системах обмена информацией. Это были времена, когда инженер, если ручка, реле или транзистор не работали, мог, разозлившись, крикнуть: «Господи, пусть нам принесут другой элемент К2В!»

А потом в двадцатом веке наступил тот роковой день, когда все компьютеры в мире отказались работать. Газеты позже сообщили об аварии. Это явно было не совсем верно, но так показалось людям.

Много дней ученые разбирались в кошмарном порождении логической системы, основанной на математике, — система утверждала, что не существует десятка совершенно одинаковых яиц иди транзисторов, короче говоря, не существует «серии».

Это было неверно.

В день этой всеобщей аварии (авария ли?) все яйца на Земле приняли гордый вид и заявили; «Я тоже индивидуальность!»

Разумеется, предметы и системы, которые провозгласили это, были не яйца, а сложные американские и западноевропейские изделия, полностью механизированные и электронные. Ни одна логическая система не могла работать с таким количеством уникальных объектов. Так

вот, определенная логика, по законам которой работают современные вычислительные системы начиная с двадцать девятого века, состоит в том, что…

Размышления Мортона вдруг резко оборвались: он был сброшен из мира мысли на землю, в Новый Неаполь. Перед ним было настоящее пиршество для глаз.

Их маленькое злобное механическое чудовище только что взобралось на очередной зеленый холм. На этот раз Мортон не увидел новых жмущихся один к другому домов: город кончился. Суша почти исчезла, и слева раскинулась бескрайняя водная гладь. Над ней сияли лучи мягкого света, отражавшиеся в переливающейся опаловым блеском воде. Мортон залюбовался горизонтом и прозрачным, как хрусталь, морем, а когда увидел сверкающую искру — остров Капри, который обычно был скрыт туманом, у него перехватило дыхание от восторга.

Это напомнило Мортону, как Марриотт сказал ему, что наконец нашел место, где хотел бы провести остаток своих дней. Марриотт, конечно, принял это решение уже достаточно давно. Но полковника Чарлза Мортона такие мысли никогда не тревожили по-настоящему.

Вдруг он почувствовал искушение. «Почему бы и нет? — спросил он себя. — Почему бы не жениться на этой девушке?» В конце концов, он тоже не ангел. Он занимался любовью со многими женщинами и достаточно долго, по крайней мере до того дня, когда его метод вдруг стал ему противен.

Провести всю жизнь в восхитительном Новом Неаполе было бы… Что такое? Еще раз его мысль мгновенно остановилась. Мортон на долю секунды закрыл глаза. «Я схожу с ума, — в ужасе подумал он. — О господи, вся эта планета просто кипящий ад!»

Полковник уселся поудобнее и стал глубоко дышать. Немного успокоившись, он догадался, что теперь в его кольце мысленной связи были и другие лже-Мортоны и их коллективные чувства уже влияли на него. В тот момент, когда полковник осознавал это, великолепное море исчезло из глаз. Они обогнули вершину, проехали вдоль нескольких маленьких холмов, спустились по длинному склону и оказались по соседству с Каподочино-Корапо.

Следуя указаниям Мортона, Луфтелет поставил машину так близко к военной базе, как позволяли другие припаркованные машины. Оба офицера

вышли из автомобиля. Луфтелет направился прямо к двери поста, а Мортон перешел через улицу, обернулся назад и стал рассматривать странное маленькое здание.

Оно было темного цвета и казалось каким-то сплющенным. Чтобы вписаться в горный пейзаж, оно должно было бы иметь крышу со скатами и высокие островерхие башенки. Но оно их не имело. Крыша была из какого-то бурого металла, стены из чего-то, похожего на волнистые тусклые листы железа Окон не было.

Здание казалось достаточно высоким, а внутри было наверняка много комнат. Так, вероятно, могла бы выглядеть казарма. Но большим или маленьким был пост, не играло никакой роли: Мортон знал, что размер здания значит ничтожно мало, когда в одном кубическом сантиметре могут уместиться тысячи сопротивлений, проводов, транзисторов и других элементов электроники. Внутренняя и внешняя обшивки этого здания были созданы из искусственного материала, сверхустойчивого к ударам, ко всем видам энергии и так далее — короче говоря, практически ко всем отрицательным воздействиям. Между двумя слоями этого невероятно стойкого материала находилась такая сложная сеть приемников,

передатчиков и детекторов, что ни один человеческий мозг не смог бы охватить ее целиком. Более ста строительных компьютеров работали вместе, чтобы спроектировать это здание.

Довольно неприятно так поздно обнаружить, что начальником этого поста был назначен Джеймс Марриотт — человек, который имеет впечатляющие дипломы по физике, но совершенно лишен чувства верности…

Через минуту Мортон вошел в дверь поста. Еще через несколько секунд, вручая подчиненным Мариотта приказ о том, что обязанности командира поста целиком и полностью переходят к нему, Мортону, он узнал, что Мариотт покинул базу на рассвете и до сих пор не вернулся.

— Он велел нам вызвать санитарный вертолет, господин полковник, и увез на нем больную.

— Больную?

— Да, господин полковник, женщину, она была без сознания.

— Вы знаете имя этой женщины?

— Оно записано у меня здесь, — пробормотал охранник, наклоняясь над своим списком. — Она приехала позавчера вечером. Вот, Изолина Феррарис.

«Значит, вот где она укрылась. Ну и ну!» — по-

думал Мортон.

Он не мог найти этому никакого объяснения. Немного сбитый с толку этой новостью, Мортон обошел некоторые рабочие комнаты поста, ведя за собой Луфтелета. Они обнаружили, вернее, Луфтелет обнаружил, что из всех цепей была отключена лишь одна — та, которая окружала защитным полем дворец Комиссии по Переговорам. «Сделано ли это сознательно?» — спросил себя Мортон. Этот вариант явно был первым, который приходил на ум.

Похоже, ничего серьезного. Выходка Мариотта выглядела почти жалкой Однако она заставляла думать, что Мариотт отрезал себе все пути к отступлению. Мортон, дождался, пока Луфтелет опустил четыре рубильника, включавшие эту цепь.

— Дворец снова защищен? — спросил он. Луфтелет пустился в долгие и малопонятные объяснения. Мортону понадобились весь его ум и все внимание, чтобы сделать вывод, что эта галиматья означает «да». Он подавил в себе желание еще раз попытаться пробить брешь в обороне этого не желавшего контактировать с ним сумасшедшего человека. В конце концов Мортон предпочел пройти по сверкающему коридору в

аппаратную. Ему хватило одного взгляда, чтобы смутное желание проверить, в каком состоянии находится собранная здесь техника, испарилось: длинная узкая комната была так набита различными приборами, что свободным оставался лишь небольшой проход у боковой стены.

«В нашем мире мы просто вынуждены полагаться на заслуживающих доверия техников», — невесело подумал Мортон. Через несколько минут он снова встретился с Луфтелетом в личном кабинете Мариотта. Выбора нет, неохотно подумал Мортон, и к тому же до глобальной катастрофы на Диамондиане оставалось совсем немного времени. Может быть, в случае с Луфтелетом старый как мир прием — напоминание об ответственности — даст результат, которого не смогли достичь доводы разума.

— Майор Луфтелет, вы останетесь здесь и будете командовать этим постом, пока не получите новых указаний. В случае возвращения официального командира поста, капитана Марриотта, вы временно будете его начальником.

— Слушаюсь, господин полковник! Я прикажу прислать сюда мою деловую документацию.

— Считаете ли вы нужным сказать мне еще что-нибудь перед тем, как я уйду отсюда?

Осматривая приборы и устройства управления, собранные в здании поста, Луфтелет заметил много особенностей его автоматики, но посчитал их слишком «техническими», чтобы обращать на них внимание Мортона. Поэтому он ответил

— Нет, господин полковник.

После этого отрицательного ответа майор выпрямился и стоял очень спокойно. Его взгляд был ясным, и лицо выражало полнейшую безгрешность. Весь облик майора дышал душевной чистотой добродетельного человека, который очень умен и знает предел возможностей менее мудрых, чем он, людей, а потому ведет себя по отношению к ним со всеми спокойствием и сдержанностью вежливого человека.

— Прекрасно, — сказал Мортон.

Луфтелет проводил его до выхода. Мортон открыл дверь, даже переступил одной ногой через порог — и вдруг повернулся к Луфтелету, который остановился возле охранника В последний момент полковник интуитивно почувствовал, что должен сделать все на свете, чтобы найти вопросы, которые заставили бы его подчиненного ответить содержательно

— Если я приведу в действие всю эту машину, будет ли она работать в полную силу?

— Она в рабочем состоянии, господин полковник.

— Автоматика здания будет работать как единое целое и выполнит то, для чего была создана? Другими словами, если исходить из названного вами числа 138000, это здание сможет продержаться в рабочем состоянии в течение девяти минут, сражаясь против всего на свете?

— Так точно, господин полковник, — подтвердил майор.

Что-то в поведении этого человека продолжало тревожить Мортона.

— Не повторите ли вы мне, что происходит, когда здание находится в рабочем состоянии?

Луфтелет терпеливо рассказал это Мортону. Полковник услышал точно то же, что понял в первый раз. И все же тон майора, поведение и манера говорить снова вызвали у Мортона беспокойство. Он сделал последнее усилие.

— Майор, — искренне заговорил он, — вполне возможно, что в час «Ч» я действительно отдам этой чудесной технике команду перейти в боевое положение. Если в этот момент она не сработает правильно, мы рискуем потерять эту планету, а вы, если аппаратура поста не отреагирует в точности так, как должна, самое меньшее

предстанете перед военным советом. Хорошо подумайте об этом и скажите мне, действительно ли вам совершенно нечего добавить. Можете не сомневаться — я сейчас говорю с вами на эту тему в последний раз.

Если настойчивый тон начальника и подействовал на майора, это не было заметно. Луфтелет с достоинством ответил:

— Господин полковник, если мне когда-либо придется предстать перед военным советом и я получу возможность обратиться к равным мне специалистам, чтобы они подтвердили мои познания в технике, я буду полностью оправдан. Именно это вы хотели узнать?

— В определенном смысле — да.

Мортон отошел от майора и направился к своей машине. Но по пути к ней он еще раз обернулся назад и остановился.

Полковник помнил, как много всего он еще должен сделать до вечера, но все же решил потратить время и осмыслить результаты поездки на пост. Он попытался убедить себя, что Луфтелет фактически сказал именно то, что он желал от него услышать.

Превратил ли он руками майора это здание в оружие, на которое сможет рассчитывать как на

помощь против надвигающейся бури?

Мортон с сожалением пришел к выводу, что нет.

Он почувствовал себя подавленно и понял почему: его беспокоило, что он не выполнил ни одной из задач, которые поставил себе, выезжая на этот пост. Второе намерение — разобраться, что представляет из себя Марриотт, естественно, оказалось невыполнимым, раз капитана не было на месте.

«Если бы я хота бы мог управлять своим взаимодействием с моим двойником в магнитном поле», — сказал себе Мортон. В тот момент, когда у него возникла эта мысль, полковник почувствовал: то, что он обдумывал, возвращаясь из Нусеа, возможно. Быть двойником! Позволить себе что-то вроде умственных челночных рейсов в виде зрительной иллюзии. Мортону даже показалось, что он мог бы проверить это предположение и при этом попытаться найти лейтенанта Брэя. А потом, точно узнав, как это делается, он сможет искать Марриотта,

На долю секунды полковник забыл, что должен быть настороже, и в его уме зазвучал знакомый баритон:

«С вами говорит Оружие Лозитина по Системе

Махала. Я и Махала заключили между собой союз. Мы хотели бы точно знать, где вы сейчас находитесь».

— Что? — ошеломленно спросил Мортон.

Майор Луфтелет соображал не слишком быстро и потому, когда его начальник упал, лишь смотрел, оцепенев от изумления, на привалившееся к косяку двери тело.

Не веря своим глазам, майор заморгал, прочищая зрение (с мыслью, что бог восстановил справедливость и очень быстро отомстил за него), и услышал, как часовой вызывает дежурного лейтенанта.

Через минуту Мортон был перенесен в комнату охранников и часовой снова стоял у телефона, вызывая санитарный вертолет.

Разумеется, Луфтелет педантично выполнил свой долг дождался, пока санитары-ирски погрузили бесчувственное тело Мортона в свою машину, и проследил взглядом за вертолетом, когда тот взлетал.

27

Мортон почувствовал, что лежит на боку. И тело, в котором он находился, должно быть, спало, потому что он потянулся и проснулся.

В его уме возникли мысли Дэвида Керка.

«О-о! — заговорил баритон. — Это подает нам надежду на будущее: вы наметили как цель лейтенанта Брэя, а установили духовное братство со специальным секретарем Дэвидом Керком. Система Махала и я считаем, что эта способность, если ее можно будет развить и присоединить к вам других представителей человеческого рода, позволит нам распространить власть Системы Махала на всю человеческую Галактику».

* * *

Знакомая пустота. Первое чувство — изумление, отчасти сковавшее ум. Последующие действия Мортона, как он осознал позже, были относительно разумными. Во-первых, он сделал верный вывод, что оказался в этом неприятном положении из-за того, что его выбор способа перемещать свое сознание из тела в двойник

был правильным. Кроме того, — и это было еще важнее — его подключение к Дэвиду Керку доказывало, что старания внести путаницу в ум или механизм Тьмы оказались успешными.

Все, кого выбрал компьютер — диамондианцы, диамондианки и солдаты Земной Федерации, всего десять тысяч человек — фантастическое количество, — были теперь элементами «серии» полковников Чарлзов Мортонов. Немного пугало Мортона то, что Тьма считала это хорошим. Но, во-первых, она заблуждалась, а во-вторых, ее целью было установить свое господство над всем живым во Вселенной. Когда сюда прибыли первые поселенцы-люди, ирски были полностью уравнены между собой. Все ирски были для Тьмы одним существом, хотя и сохраняли подобие индивидуальности благодаря своим странным именам, не похожим одно на другое. Значит, они выжили, различаясь только именами.

Но к тому, что сделал он сам, этот опыт не был применим. Все эти люди носят одно и то же имя… Он спрятался. Теперь она (или они?) не сможет найти его, Мортона, настоящего.

Мортон был восхищен этим, но, несмотря ни на что, к восхищению примешивалось сомнение. Есть ли у него что сказать Дэвиду Керку? Мортон

не мог придумать совершенно ничего.

Полковник решительно вызвал в своем уме нужный образ: мысленно увидел себя «наверху» в магнитном поле. Мгновенно он оказался там, в сером тумане, Сработало!

Восторг от победы был таким огромным, что Мортон долго не мог ни делать что-либо, ни думать о чем-нибудь. Наконец большим усилием воли он погасил это счастливое возбуждение и в первый раз подумал о последствиях соглашения между Тьмой и Оружием Лозитина Набравшись смелости, Мортон задал вопрос:

— Как вы заключили союз?

Его вопрос был оставлен без внимания — вместо ответа баритон сам задал вопрос:

«Где ваше тело?»

За этим последовала пауза, которая превратилась в долгое молчание. «Если я отвечу им правду, это мне не повредит: я в здании поста Корапо, в единственном месте, где Тьма не может до меня добраться».

Но эта мысль сменилась другим чувством, которое заставило Мортона молчать. У Мортона в его работе профессионала-разведчика было правило — никогда не давать информацию возможному противнику. Применительно к данной

ситуации это означало воздержаться от любых необдуманных действий. Воздержаться от любых действий вообще.

Мортон почувствовал, что малейшая ошибка в его рассуждениях будет гибельной. «Вспомни, — сказал он себе, — что это существо требует истребления всех диамондианцев до единого».

После этого ум Мортона заполнили размышления, которые удерживали его там, где он был.

«Обдумай все свои возможные действия, даже самые незначительные, но ничего не делай, не будь нигде и жди, — приказал он себе. — Твердо верь, что угроза геноцида реальна. Поэтому оставайся там, где находишься, до тех пор пока…»

До каких пор — об этом он не имел ни малейшего представления.

28

Изолина проснулась и сразу же почувствовала, что находится в полете. Впереди сидели два ирска, один из них был за штурвалом. Возле ее сиденья, спинка которого была откинута, что превратило его в кушетку, сидел хмурый с виду Марриотт.

Осматриваясь, Изолина, должно быть, шевельнулась, потому что Марриотт повернулся и внимательно посмотрел на нее.

— Вы проснулись, — констатировал он, хотя никакой пользы от этих слов не было.

Быстрый ум Изолины уже понял, что произошло.

— Этот стакан. В нем было снотворное! — обвинила она Мариотта.

Физик печально кивнул.

— Я посчитал, что разговор ни к чему ни приведет, — сказал он.

В этот момент молодая женщина почувствовала насторожившие ее сигналы своего организма: непривычную вялость, слабость и сильное желание сходить в ту комнату, что находится рядом с ванной.

— Сколько времени я пробыла без сознания? — спросила она.

— Сегодня пошел второй день. Я не знал, что с вами делать, — неохотно ответил Мариотт.

Изолине было нужно время, чтобы хорошо осмыслить эту информацию и почувствовать потрясение от того, что так много часов прошло незаметно для нее. Однако она уже снова начинала размышлять. Ее следующий вопрос вел ее прямо к цели. Она не стала интересоваться мелкими промежуточными тайнами, а прямо спросила:

— Что вы знаете о Тьме?

На этот раз колебание Мариотта было незаметным. Слегка дрожащим голосом он рассказал молодой женщине о том, как Мортон победил его. Изолина не могла, опомниться от его рассказа.

— Вы хотите мне сказать, что полковник Мортон уже два дня подключен к центру управления Тьмой и остается подключенным к нему сейчас?

— Я поступил необдуманно, когда взломал дверь в машине лейтенанта Брэя, — признался Марриотт. — Но дело в том, что я хотел заставить Мортона покинуть эту планету уже давно, после тех вопросов, которые он мне задал, когда только что прибыл сюда. Я сказал себе, что этот человек

опасен для моих планов.

Изолина задумалась. Казалось, ее беспокойство стало сильнее. Вдруг у нее возникла мысль:

— Но когда я виделась с полковником Мортоном, он, наверное, уже был подключен к центру управления Тьмой. Не похоже, чтобы это принесло полковнику много пользы.

— Я уверен, что он не имеет ни малейшего представления о том, что ему надо делать, и, не собираюсь объяснять ему это. Но сам я все потерял, — сказал Мариотт.

— Что вы потеряли? Что такое эта Тьма?

— А что такое правительство?

— Группа лиц, которые управляют.

— Нет, — с невеселой улыбкой возразил Марриотт, — правительство — это ваше согласие дать управлять собой.

— Но это же смешно! Это значит, что там, наверху, на самом деле нет ничего!

— Вы правы.

— Так это и есть Тьма?

— Совершенно верно.

— Тьма — ничто?

— Понимаете… правительство сильно настолько, насколько велико согласие, которого оно добивается от своего народа. В случае ирсков,

когда миллиард энергетических двойников их тел входит в магнитное поле этой планеты, эта сила оказывается колоссальной.

— Тогда, что не в порядке?

— Диамондианцы.

— Что вы хотите этим сказать?

Марриотт лихорадочно объяснил ей, что большая возбудимость диамондианцев постепенно вызвала сходную реакцию у сверхчувствительных ирсков, и возникавшая при этом летучая эмоциональная энергия, естественно, воспроизводилась «в поле наверху».

— Поврежден сам механизм поля. Это как если бы армия и чиновники вышли из-под контроля, и каждый стал делать, что хочет. Если вы можете себе представить, что все диамондианцы этой планеты стали неуправляемыми…

— Но мужчины такие и есть! — возразила Изолина.

Лицо Марриотта осветилось усталой улыбкой.

— Нет, мое милое дитя, это лишь впечатление, которое может время от времени возникать у женщины с сильной интуицией. На самом деле диамондианцы прекрасно поддаются управлению.

— Ирски тоже, даже еще лучше!

— Двойники выделяют в магнитное поле слишком много энергии, могу вас в этом заверить, — заявил Марриотт.

Быстрый ум Изолины снова сделал скачок вперед.

— Что теперь будет?

Прежде чем Марриотт смог ответить, их вертолет начал резко снижаться.

— Что происходит? — крикнул Марриотт, наклонившись к пилоту.

— Мы должны приземлиться у границы Оврага Гиюма. Женщину надо связать и нести на носилках, — ответил второй ирск.

— Кто отдал такой приказ? — холодно спросил Марриотт.

— Мгдаблтт. Он со своими войсками занял ваш аппарат.

— Ах, вот оно что…

Марриотт откинулся на спинку сиденья. У него было мрачное лицо человека, подавленного тяжелым горем. Изолина вопрошающе взглянула на физика. Наконец он нашел в себе силы изобразить на лице улыбку и ответил молодой женщине:

— Я свергнутый король, и сейчас меня вдруг заставили шагать в строю, как любого другого.

Какое-то время оба человека — мужчина и женщина — молчали. Потом Изолина осторожно выпрямилась, подняла спинку сиденья, превратив его в кресло. Похоже молодая женщина чувствовала себя неспокойно.

— Овраг Гиюма? — негромко и быстро спросила она. — Это сейчас самое опасное место на всем фронте. Что мы там будем делать?

— Там находится корабль, — сказал Марриотт со своей невеселой улыбкой. — Когда я в первый раз покорил Систему Махала…

— Покорили что?

— В конце концов, вы же не думаете, что магнитное эле так и называется «Тьма» в честь того, что человеческий мозг как бы проваливается в темноту на те пять минут, когда ускоряется пульс? Что бы там ни было с Системой, но несколько лет назад ирски захватили один из самых больших межпланетных кораблей диамондианцев. Я велел закопать его под одним из утесов в Овраге Гиюма. Это был своего рода мой штаб, что-то вроде королевского дворца.

Мысли Изолины мчались намного быстрее слов Марриотта, перебирая все возможности, которые раскрывали перед ней объяснения физика. Вдруг она прервала его:

— Значит, именно поэтому вы устроили так, чтобы мирные делегации встречались в этом овраге?

— Кто мог предположить, — тяжело вздохнул Марриотт, — что они вступят друг с другом в бой и развяжут такую войну, что мое отдаленное убежище окажется в центре самых ожесточенных боев между ирсками и диамондианцами? Уверяю вас, этого я не предвидел.

— Но…

Изолина замолчала: она внезапно увидела через полупрозрачные стенки вертолета вместо неба, которое было за ними до сих пор, холм, поляну и сверкающую воду ручья.

Легкий толчок аппарат приземлился. В дальнем конце поляны появились ирски — около десяти бойцов, которые бежали к маленькому вертолету.

Изолина испугалась и потеряла надежду на спасение.

— Джеймс, почему вы поставили меня в такое опасное положение?! — воскликнула она.

— Эти существа такие же, как диамондианцы: в том, что вы дочь генерала, они видят возможность какого-то выигрыша в будущем. Поэтому они настояли на своем.

Изолина помолчала, потом вдруг поняла смысл его слов и в тоске и тревоге спросила:

— Перед тем как я дам им связать себя, не попросите ли вы, чтобы они разрешили мне сходить… в ванную?

— Вам придется довольствоваться кустами, — предупредил Марриотт.

— Да, конечно, мне все равно куда, только поскорее!

29

Огромное и жгучее диамондианское солнце взошло в это утро над планетой, катившейся, если можно так сказать, в пропасть катастрофы. Его огненные лучи ударили по Новому Неаполю, и люди, выходившие из своих кондиционированных домов, вздрогнули при мысли о душном утре, об изнурительном дне, о прокаленном жарой вечере.

Эти лучи зарывались в листву джунглей Оврага Гиюма, где группа диамондианцев с трудом продвигалась по тропе в полумраке под густыми кронами деревьев. Это был небольшой отрад примерно из тридцати человек; двое из них несли носилки с лежавшим без чувств Дэвидом Керком, которого все они считали полковником Чарлзом Мортоном из Комиссии по Переговорам. Накануне участники мирной делегации диамондианцев получили от своих проводников-ирсков такие указания: идти как можно быстрее вперед к такой-то поляне и там дождаться конца дня. Затем по сигналу делегаты должны были бежать к космическому кораблю. Внутри него должна была произойти встреча договаривающихся

сторон.

Никто не должен был иметь при себе оружия. Никаких исключений, ничего, даже крошечного ножа.

— Мы не желаем повторения ошибки, сорвавшей первую встречу, — передали ирски.

Руководители диамондианцев дали слово, что все придут безоружными.

Приходя в себя на носилках, Дэвид Керк вспомнил, что однажды, довольный собой, подумал вслух: я знаю, что пробуждение Дэвида Керка никогда нельзя спутать с пробуждением от сна обычного человека. Дэвиду было около двадцати восьми лет, и уже примерно десять лет (с тех пор, как он нашел свое собственное решение задачи, как победить феминистские союзы, — денежное) он каждое утро возвращался к жизни рядом с хорошенькой проституткой или другой доступной женщиной.

«Без лишнего хвастовства можно сказать, что я, Дэвид Керк, аморален всегда — и бодрствующий, и спящий», — подумал молодой чиновник, наслаждаясь этой мыслью. Аморален до того, что даже в моменты перехода от сна к бодрствованию, когда сознание работает нечетко, та детская чистота, которая бывает в душах даже самых

закоренелых преступников, была совершенно чужда Дэвиду.

Первыми чувствами Керка, когда Мортон разбудил молодого секретаря, случайно включив механизм духовного братства с ним, были потрясение и удивление: приоткрыв глаза, Керк увидел джунгли. Через несколько секунд Керк с изумлением понял, что его руки и ноги связаны. А потом его природная хитрость взяла верх над остальными чувствами.

Она не дала Керку ни заговорить, ни назвать свое имя. Напротив, Керк снова закрыл глаза и стал обдумывать эту странную ситуацию

Но Керк не смог никого обмануть: у диамондианцев острые глаза, от которых не ускользает ни одна подробность того, что они видят. Все, кто окружал носилки с Керком, увидели, как он приоткрыл глаза, и обменялись многозначительными взглядами.

Новость была передана по цепочке командирам колонны, те пришла взглянуть на Керка и тоже с понимающим видом покачали головами, заметив с типично диамондианской остротой восприятия, что сон того, кого они считали полковником Чарлзом Мортоном, был притворным. — После короткого совещания колонна

остановилась посреди джунглей. Носилки были опущены на землю. Проводники-ирски вежливо ждали в стороне, а глава делегации, два его адъютанта, два из четырех юридических советников, связной офицер (диамондианский полковник) и его адъютант (капитан) окружили своего заложника. После того как Дэвида Керка слегка встряхнули и два раза строго прикрикнули на него: «Полковник Мортон, мы знаем, что вы проснулись», он открыл глаза, принял как должное имя, которым его назвали, и пожелал переговорить наедине с равным себе по званию — диамондианским полковником. Остальные с огорчением отошли в сторону. Находчивый Керк сообщил этому офицеру, что его, «Мортона», отец «стоит» сто миллионов федеральных долларов (что было верно относительно Дэвида Керка) и не пожалеет большого выкупа за любимого сына. Поэтому пусть полковник, собрат по оружию, освободит его, и как можно скорее. Он, «Мортон», дает свое слово полковника, что деньги — около миллиона — будут переданы тайно.

Естественно, его диамондианский коллега начал умело торговаться, чтобы удовлетворить и других членов своей группы. Он предложил Керку-Мортону безопасность в обмен на деньги

и на объяснение причины, по которой ирски так хотели завладеть главой разведки Комиссии по переговорам. Причина этого очень простая, объяснил Керк: на самом деле это он, Мортон, благодаря своему происхождению из богатейшей семьи был подлинным представителем для переговоров, неофициальным послом. Ирски узнали об этом. Понимая, что никакой договор не будет подписан, если с ним не согласится полковник Мортон, они решили силой вырвать у него согласие на новые миротворческие меры, не зная, что он хочет только одного — дать свое согласие на любые мирные переговоры.

Эти признания были переданы остальным членам делегации и показались им вполне правдоподобными. Похитители мнимого Мортона успокоились. Напряжение исчезло, они были счастливы и говорили себе, что теперь успех их задачи обеспечен.

Ближе к концу дня появился разведчик-ирск. Он недолго поговорил с ирсками-проводниками. Потом, получив разрешение у диамондианских руководителей, он подошел к Дэвиду Керку, наклонился над ним и спросил у Керка, действительно ли тот полковник Чарлз Мортон из Комиссии по Переговорам.

Дэвид, разумеется, ответил утвердительно. Когда его ответ был с помощью Тьмы передан по мысленной связи делегации ирсков, ожидавшей разведчика, а от нее группе ирсков, которая надеялась вот-вот увидеть подлетающий вертолет с Лозитином и «настоящим полковником Мортоном» (лейтенантом Брэем) на борту, возникла путаница, в которой ни один ирск не мог разобраться, так как никто из них не обладал нужными для этого умственными способностями.

Тем не менее, поскольку ирски в своих отношениях с людьми были учениками диамондианцев и реагировали так, как сделали бы их учителя, они очень обрадовались, что скоро и настоящий, и ложный Мортон будут в их власти, и с удовлетворением сказали себе, что тогда смогут быстро выяснить, кто из двоих настоящий.

Однако каждый из этих ирсков немного встревожился, вспомнив о третьем Мортоне, — его вез санитарный вертолет, который скоро должен был приземлиться. Что ж, в любом случае скоро в их распоряжении будет и третий.

30

Естественно, Герхардт не очень хорошо понял, что с ним произошло. Он кое-что знал о применявшейся в разведслужбах новой сверхсекретной технологии, по которой защитное устройство срабатывало автоматически при определенных изменениях в биении сердца разведчика, но до сих пор сам ни разу не испытывал на себе действие одного из таких устройств. Герхардт не имел защиты против подобной ловушки и потому попал в нее.

Поскольку примененный метод не был рассчитан ни на то, чтобы убить, ни даже на то, чтобы действовать долго, врач открыл глаза меньше чем через полчаса после того, как потерял сознание, и увидел такую обстановку: он в вертолете, Зооланит за штурвалом, два других их спутника лежат рядом без сознания.

Над этими двумя Герхардт постарался установить полный контроль — такой, чтобы они проснулись не раньше, чем через час и, разумеется, оставались под гипнозом еще несколько дней.

Зооланит, не поворачивая головы, сказал вра-

чу:

— Доктор, у меня ваш химический пистолет и револьвер полковника. Я везу вас всех в Овраг Гиюма.

Движением щупальца ирск небрежно указал на Лозитина.

— Это его мы должны были захватить. Но мы интересуемся также полковником Мортоном. Кажется, полковников Мортонов несколько, и наши руководители получили от Тьмы указание уничтожить ложных Мортонов, так как они создают путаницу.

Герхардт не мог усвоить сразу так много информации, поскольку не имел нужной подготовки. Так как он был не таким человеком, чтобы признаться в своем невежестве, если мог это невежество отрицать, он не попросил пояснений.

На мгновение он подумал, не изобразить ли страх, но отказался от этого и предпочел спросить:

— А я? Почему бы вам не высадить меня где-нибудь?

Но Зооланит получил приказ и относительно него.

— Ваши знания и подготовка могут быть нам полезны для устранения того, что ваше химиче-

ское оружие сделало с этими двумя.

— Для этого я вам не нужен, — ответил врач. — Они проснутся самостоятельно через час.

Герхардт не надеялся заставить ирска пересмотреть уже принятое решение и оказался совершенно прав: Зооланит не обратил на его слова никакого внимания.

Вертолет продолжал лететь. Герхардт сидел тихо. Он не чувствовал ни радости, ни печали, ни гнева. В свои двадцать шесть лет (он выглядел моложе) Герхардт, насколько он знал себя, не имел никаких личных чувств — только знания и реакции, выработанные при обучении. Реакции Герхардта были буквально впечатаны в его нервную систему искусственными энергетическими силами, связанными с нервными импульсами его тела и мозга.

На ситуацию, подобную той, в которой он находился сейчас, полагалось реагировать отсрочкой всех реакций.

Значит, ждать И Герхардт ждал, но не с пустотой в мозгу. У него была привычка перед приходом пациента обдумывать историю его болезни. Сейчас молодой врач не ждал больного, который должен был прийти за консультацией, но положение Брэя и Лозитина было похоже на

положение его пациентов. Герхардт обдумал каждое слово Зооланита, а также все, что подразумевалось в этих словах, и выбрал промежуточное решение: «Я позволю им обоим верить, что они свободны».

Когда двое спавших проснулись и позже, когда аппарат приземлился и все четверо сошли на землю, Герхардт оставался в состоянии сознательного бездействия и нарушил его только раз: во время пути по джунглям нашел способ шепнуть Брэю-Мортону, что ложные Мортоны будут убиты.

В конце концов, что делать?

Герхардт не принял на этот счет никакого решения. «Отложить решение на потом! — приказал он себе. — Отсрочить реакцию! Ждать!»

31

В первый раз, когда Мортон стал искать духовного брата, он выбрал целью Мариотта. Это была проверка, и полковник ничего не сказал. Он только наблюдал.

Джунгли… и случайно он попал в сознание Мариотта в ключевой момент. Большая группа ирсков-партизан бежала через поляну, на ней стоял Марриотт около носилок, которые держали еще два ирска. Марриотт смотрел на приближавшуюся группу повстанцев, поэтому Мортон видел краем его глаза лишь верх носилок и мог только догадываться, кто лежал на них.

Полковник сказал себе, что это, должно быть, Изолина.

В тот момент, когда дилы-повстанцы появились на поляне, санитары поставили носилки на траву. Это движение отвлекло внимание Мариотта от повстанцев, он повернул голову и опустил глаза. На носилках действительно лежала Изолина.

Она казалась печальной и беспомощной. Прекрасная диамондианская «поддельная проститутка» потерялась в джунглях, где она не могла применить свое тело себе на пользу.

Боялась ли она? Взгляд ее глаз был тусклым, но скорее от слабости, чем от страха… может быть, это была апатия. Тем не менее в те несколько мгновений, когда Мортон мог наблюдать за Изолиной, он почувствовал, что молодая женщина отнюдь не побеждена: что-то в поведении Изолины говорило, что она внимательно смотрит вокруг, оценивает обстановку, наблюдает и слушает. Она даже села на носилках, чтобы взглянуть на тех, кто подходил.

Марриотт тоже выпрямился. Мортон посчитал важным признаком, что дилы-повстанцы не обращали внимания на своего свергнутого правителя и говорили только с ирсками, которые несли Изолину.

— Это действительно подружка того, у кого есть духовный брат? — спросил один из восставших.

— Да.

Спросивший дил, скользя на щупальцах, подошел к молодой женщине и наклонился над ней.

— Как вы думаете, что попытается предпринять ваш друг, полковник из Комиссии?

Марриотт снова повернулся к носилкам, так что Мортон смог не только услышать этот обмен репликами, но и увидеть говоривших. По лицу Изолины было ясно видно, что она насторожи-

лась, как только ирск обратился к ней. Молодая женщина явно размышляла. После недолгого раздумья она ответила:

— Полковник Мортон связан с разными видами деятельности Комиссии по Переговорам. Какой из них вы имеете в виду?

— Произошла некоторая путаница при определении места, где находится настоящее тело полковника Мортона. В обычных условиях такая ситуация была бы желательной, поскольку взаимозаменимость облегчает для Тьмы управление большими группами. Однако в данном случае мы должны найти способ точно определить, какой полковник Мортон настоящий. Можете ли вы помочь нам, дать какую-нибудь подсказку?

По лицу Изолины было видно, что этот вопрос был для нее трудным. Но она не имела никакого намерения признаться в этом, потому что быстро произнесла:

— Как знают все, Комиссия по Переговорам находится здесь для того, чтобы позволить ирскам победить, поэтому настоящим будет тот полковник Мортон, который положительно относится к победе ирсков в этой войне, если только ирски не совершат действий, способных восстановить против них членов Комиссии.

Мортон должен был признать, что ответ Изолины Феррарис был очень умелым. Теперь его еще сильнее тревожило, что он не может придумать, как спасти ей жизнь.

Мортон снова попытался стать духовным братом с четверкой Брэй, Герхардт, Лозитин и Зооланит, выбрав как «точку зрения» доктора Герхардта.

Впечатление спокойного внутреннего мира без эмоций. Окружающая обстановка: заросли деревьев, узкая тропа, густой тропический лес. Молодой психиатр шел позади Лозитина и, хотя их разделяло всего несколько метров, постоянно терял из виду молчаливого ирска среди этой плотной массы растений.

Мортон слышал за спиной Герхардта звуки. Несомненно, этот шум создавали Брэй и Зооланит, но с того момента, как Мортон подключился к сознанию психиатра, тот ни разу не обернулся назад.

Холодность этого человека была достойна восхищения. Герхардт действительно нисколько не был обеспокоен ситуацией, в которой оказался.

При втором контакте с этой маленькой группой Мортон разместился в уме Лозитина, и это было неудачно: мозг ирска следил за тропой в густых

зарослях и, похоже, действовал автоматически, на уровне подсознания. Во время своей учебы Мортон занимался химией, но ни разу не видел такого полного стирания личности.

Ему было горько видеть, что ирск, который казался ему такой большой силой оттого, что в своей нынешней жизни владел Оружием Лозитина, вдруг стал ничем. Но, видимо, это было именно так: любезный и великодушный противник мятежа, неутомимый труженик теперь был настолько близок к нулю как самостоятельная величина, насколько это возможно для живого существа.

«Могу ли я освободить его от гипноза?» — спросил себя Мортон. Так как полковник еще не был готов действовать и ограничивался наблюдением, к тому же не имел точного плана, который можно было бы противопоставить могучей власти противника, он лишь подумал это, но ничего не сделал.

Скоро можно будет начать борьбу с небесным гигантом. Скоро, но еще не сейчас.

Вернувшись в магнитное поле, Мортон сказал себе: то, что он может выбирать духовных братьев по своей воле, — явная победа. С высоты этого наблюдательного пункта, оставив свое

тело в постели в военном здании в Корапо (что предпочтительнее) или в какой-нибудь соседней с ним больнице, он способен связаться с кем угодно, разумеется, кроме любого конкретного члена огромной серии Мортонов.

Полковник еще два раза попытался связаться с Брэем. В первый раз он оказался в уме местного мужчины, который шел по улице незнакомого Мортону большого диамондианского города. Несколько минут Мортон наблюдал за внутренним миром диамондианца, потом вздрогнул и вернулся обратно.

Второй раз он установил духовное братство с солдатом федеральной армии, который занимался сексом с проституткой. Это было интересно, но отбило всякое желание продолжать. Мортону было совершенно необходимо побеседовать с Брэем, но было похоже, что шанс на это один из десяти тысяч, значит, невозможно.

Куда еще можно направиться, кто был бы полезен? С кем нужно связаться? Мортон несколько раз попытался мысленно увидеть двойника ирска у Оврага Гиюма — то светящееся существо, которое говорило с Хоакином после истребления мирной делегации диамондианцев.

Все старания оказались напрасными, и это

немного удивило Мортона. Но неудача явно указывала, что враг еще не высадился по-настоящему на этой планете, потому что из всех, с кем Мортон мог стать духовным братом, он (не считая этой безуспешной попытки) был не способен думать ни о ком, кроме Марриотта.

«Должен ли я переговорить с Марриоттом?» Полковник снова быстро принял решение: еще рано.

Когда он во второй раз подключился к Герхардту, уже наступала ночь и был новый ключевой момент.

Маленькая группа дошла до вершины какого-то холма, и теперь перед ними открывалась панорама Оврага Гиюма, который Мортон и рассчитывал увидеть.

Все остановились. Герхардт сделал это, чтобы отдышаться после подъема. Через очки психиатра Мортон видел густые джунгли, уже потемневшие от длинных теней под клонившимся к закату солнцем. Деревья сливались в туман, местами серый, местами черный или зеленый. Этот туман тянулся до самого горизонта, который был дальше, чем представлял себе Мортон.

Тени, густые заросли, далекие утесы… «Иногда, — подумал Мортон, — мы склонны робеть

перед световыми годами и огромными расстояниями между звездами и забываем, что участок джунглей размером около двадцати километров в длину и пяти километров в ширину — достаточно большая площадь, особенно для того, кто идет пешком».

Вид скал, вершины которых Мортон рассматривал человеческими глазами Герхардта, очень успокоил полковника. Тьме будет нелегко найти человека в этом бескрайнем диком пространстве, решил Мортон.

Он мысленно спустился вместе с группой вниз по крутому склону и оставался с ними, когда эти четверо добрались до ровной открытой площадки, которая еще не была дном оврага. Вдруг перед четырьмя путниками сверкнула молния. Лозитин, шедший впереди Герхардта, остановился, взял врача щупальцем за руку и настойчиво потянул эту руку вниз, заставляя его броситься на землю. Пока Герхардт ложился в высокую траву, к нему подполз Брэй. Через несколько секунд настала очередь Зооланита укрываться, и он тоже пригнулся. В наступившей тишине, которая продолжалась примерно минуту, Мортон пытался возобновить в памяти звук, который ударил в уши Герхардту.

Тренированные чувства полковника подсказали ему, что это был шум энергии: звук, который может издать металл, когда чудовищная сила высвобождает поток электронов, протонов или других частиц.

Но среди шумов энергии есть мирные и грозные. В том звуке, который Мортон мысленно пытался снова услышать во всей полноте, было что-то неприятное, зловещее, словно гремучая змея встряхнула своим хвостом-погремушкой, но хвост был стальной.

Сила Тьмы!

Мортон внезапно понял, что молния была световым эквивалентом этого звука. Продолжая свое сравнение, он представил себе эту молнию в виде змеи, которая ужалила землю одним неуловимо быстрым движением своей сверкающей стальной головы.

После таких странных мыслей правда могла поставить в тупик было непросто заставить свой ум свернуть на верную дорогу и понять, что явление, которое они все только что видели, было, вероятно, ударом мощной смертоносной энергетической силы, которой ни в коем случае нельзя было пренебрегать, гигантским электрическим разрядом, но все-таки вполне реальным — «веще-

ственным», если так можно сказать о ней.

Мортон ждал, чувствуя, что психиатр — это невероятно! — по-прежнему оставался бесстрастный, словно окаменел. Молчание нарушил Брэй.

— Что это такое? — шепнул он.

Оба ирска ничего не знали. Зооланит в конце концов сказал:

— Я сейчас мысленно говорил с Мгдаблттом. Он тоже ничего не знает и очень хотел бы допросить полковника Чарлза Мортона.

Настоящий полковник Чарлз Мортон, услышав эти слова ушами Герхардта, решил, что настало время действовать. Наступала ночь. Его наблюдательный пункт давал ему ценнейшую возможность думать, смотреть и пользоваться фантастическими возможностями духовного братства.

При этих условиях что он должен сделать прежде всего? Совершенно очевидно — поговорить с Марриоттом.

И Мортон-дух, Мортон-эктоплазма покинул ум Герхардта. Между ним и Марриоттом было четыре-пять километров по прямой, а фактически — несколько световых лет.

32

Будь правдивым!

И двойник Мортона громко произнес в мозгу Марриотта:

«Капитан, я сейчас установил с вами духовное братство. Мне нужно поговорить с вами».

За этим последовало долгое молчание. Во время этой паузы Мортон смог заметить, что знакомая ему группа ирсков из Сопротивления, два ирска с носилками Изолины и Марриотт шли по тропе у подножия утеса, Марриотт шагал последним.

Физик шел быстро. Теперь он замедлил шаг, отстал от остальных и проговорил:

— Чего вы хотите от меня?

«Можем ли мы вместе найти какой-нибудь способ победить… — Мортон помедлил, не решаясь произнести следующие слова, но колебался всего две секунды… — Систему Махала? Вы ведь видели фейерверк, который она только что устроила, или я ошибаюсь?»

Первая реакция Марриотта поразила полковника: у физика задрожали губы и выступили слезы на глазах. Мортон удивился, что может так непосредственно чувствовать эмоции другого

человека. Но он чувствовал их и был озадачен их силой.

— Мы все находимся в величайшей опасности, — зашептал Марриотт. — То, что мы сейчас видели, очень слабый пример того, на что она способна. Скоро вся Диамондиана будет лежать в развалинах. Войска Земной Федерации будут истреблены. И даже ирски могут не выжить. Сейчас я не могу объяснить, почему это еще не произошло, но я точно знаю: наша единственная надежда — что я смогу вернуть себе контроль над Тьмой, который проиграл вам.

Мортону показалось, что в словах Марриотта скрывалась попытка победить его. Но, к несчастью, он также чувствовал, что физик говорит правду.

Полковник снова обратился к Марриотту:

«Почему бы нам не обсудить это? В тот вечер я сказал, что готов вам помочь. Может быть, мы смогли бы аннулировать выбор, сделанный в мою пользу, и просто вернуть вам контроль? Можем ли мы это сделать? Я только этого и хочу. Позволят ли это ирски?»

У Марриотта вырвался короткий презрительный смешок, похожий на лай. Мортон был поражен мгновенной сменой чувств физика —

тот в один миг перешел от ужаса к цинизму.

— Когда я был господином ирсков, они у меня не имели права на свое мнение, — надменно заявил Марриотт. — Если вы говорите искренне и если мы сумеем найти способ вернуть мне контроль так, чтобы вы не узнали, как устроена моя система управления, они тоже ничего не смогут возразить.

Услышав эти слова и тон, каким они были сказаны, Мортон подумал о Марриотте то, что уже думал раньше: «Этого человека действительно нелегко любить». Но сейчас Мортон должен был отбросить этот фактор. Он в свое время знал немало невыносимых людей, но каждый из них в решающий момент оказывался на стороне человечества.

Итак, у Мортона не было выбора: нужно было довериться Марриотту.

«Согласен, — быстро сказал полковник. — Но скажите мне, раз вы представляете такую угрозу для Тьмы, почему она не уничтожила вас после вашего свержения?»

— Вы не понимаете Тьму. С ее точки зрения, это логично: сейчас я уже не угрожаю ей. Кроме того, я все еще связан с защитными системами Корапо. К тому же Тьме трудно убивать людей по выбору;

она привыкла уничтожать большие группы, а не отдельных индивидов. Она, вероятно, знает, где находятся все большие города, и начнет с того, что разрушит все постройки, в конструкцию которых входит железо или сталь, то есть практически все дома и другие здания на планете. Потом она взорвет все скалы, содержащие железо. Представьте себе, что вы идете по сельской местности, вдруг земля поднимается у вас под ногами и вы мгновенно взлетаете метров на тридцать вверх. Вот что мы видели сейчас. И в тот же момент произошел мощный электрический разряд.

Голос физика стал хриплым. Он как будто забыл о своих спутниках, шедших впереди, заговорил слишком громко, и его услышали. Ближайший к Марриотту ирск остановился и обернулся назад. Его большие синие, подернутые влагой глаза внимательно взглянули на Марриотта. Потом ирск снисходительно произнес:

— А, понятно, — к вам пришел духовный брат. Вы, значит, не можете говорить с ним шепотом, как делаем мы все?

И, не дожидаясь ответа, скользящими шагами пошел вперед.

Марриотт прошептал:

— Мы очень близко от моего корабля. Где нахо-

дится ваше тело?

Почувствовав, что Мортон не решается ответить, физик начал настаивать:

— Мне нужно знать, где вы находитесь, чтобы выполнить то, что я должен сделать.

«Что, если я скажу это вам, когда вы будете готовы?» — предложил Мортон, чтобы выиграть время. Капитан тут же согласился.

— Но это значит, что вы должны оставаться со мной, чтобы я туг же мог связаться с вами, когда настанет этот момент.

Это требование ошеломило Мортона, потому что было как головоломка. Полковник сказал себе: куда я ни повернусь, повсюду повторяются эти головоломки.

Правду говоря, он не представлял себе, куда он сейчас мог бы перенестись. Он очень хотел устроить короткий разговор с Изолиной, когда найдет способ помочь ей. Но это было все, что он мог придумать.

Поэтому, сделав в своем уме эту единственную оговорку, Мортон принял предложение Марриотта и из-за этого не попал на встречу, предназначенную ему судьбой.

33

Через полчаса после этого разговора начало смеркаться. Лозитин, который по-прежнему шел первым, остановился, потом повернулся к Герхардту и в этот момент, похоже, снова стал самим собой. Своим нежным голосом ирск сказал:

— Сюда кто-то идет — двойник кого-то, но не ирска.

Брэй и Зооланит, поравнявшись с Лозитином и Герхардтом, остановились. Все четверо взглянули на тропу, где было уже темно, и увидели… демона.

Немного дальше и выше этой светящейся фигуры еще не погас день, поэтому она была плохо видна. Голова двойника не была ни человеческой, ни ирскской, но все же имела яйцевидную форму. В эти первые мгновения Брэю показалось, что он увидел кого-то вроде льва. Глаза были большие, круглые и широко расставленные, золотистого цвета.

Это существо остановилось меньше чем в пяти метрах от маленькой группы и заявило странным голосом, похожим на шепот:

— Полковник Чарлз Мортон, я желаю говорить

с вами. Подойдите.

Требованию, выраженному так прямо, было невозможно противиться. Брэй неохотно сделал несколько шагов вперед.

Ночь наступала быстро, и в полумраке вечерних джунглей глаз уже плохо различал отдельные предметы. Брэй разочарованно пробормотал сквозь зубы себе под нос, как ему не повезло, что эта встреча произошла в такой неудачный момент. Но через пять минут было бы еще хуже.

Брэй мог видеть только силуэт призрака, который был на целую голову выше его. Призрак, похоже, был невещественным: Брэй видел сквозь него ствол большой пальмы, перед которой тот стоял, терпеливо ожидая собеседника.

Брэй подошел к светящемуся силуэту на расстояние чуть больше метра, но был не в силах сделать еще хоть один шаг. «Вот совершенно новая ситуация, — подумал лейтенант, — до сих пор такого ни с кем не случалось». Он вспомнил слова профессора Покателли: «Они могут убивать».

Призрак не убил Брэя. Призрак заговорил с ним и сказал своим шелестящим голосом.

— Я двойник одного из создателей Системы Махала. Мой оригинал покинул эту планету более двух тысяч лет назад, я же, его копия, остался в

этой части космоса, чтобы быть наставником и руководителем.

Мой долг — поставить вас в известность, что Система Махала господствует над этой частью Галактики. Те, кто против этого, должны умереть. Те, кто согласятся, станут составной частью Системы. Наша конечная цель — включить все живое в Галактике в сеть Системы Махала. Когда десять лет назад капитан Джеймс Марриотт заменил меня, он сделал это таким способом, который не включил аварийную сигнализацию в отдаленных центрах Махалы.

— Какой это был способ? — отважно спросил Брэй.

— Он правил через мое посредство…

У Брэя на мгновение закружилась голова. Потом он сделал усилие, чтобы понять этот ответ. И наконец подумал: «Боже мой, Марриотт был чем-то вроде управляющего дворцом или первого министра на древней Земле, который командовал королем и действовал от его имени».

Он мгновенно понял, почему при этих обстоятельствах Мортон не имел возможности напрямую попасть в центр управления Тьмой: получить туда доступ можно было только через это существо.

То, что сумел сделать Марриотт, произвело впечатление на Брэя. Какой остроумный способ управлять огромной системой!

Это чувство продолжалось только один миг что-то в поведении Марриотта беспокоило лейтенанта. «Он сделал это ради себя», — был тревожный вывод Брэя.

Двойник стоял в полумраке на тропе и молчал, пока Брэй думал обо всем этом. Нарушил молчание лейтенант, который быстро спросил:

— Что мы теперь будем делать?

— Освободите меня!

— Вы хотите, чтобы я освободил вас из-под власти Марриотта?

— Да.

— Что вы сделаете, когда будете свободны?

— Кто мог представить, что в мире может существовать такая форма жизни, как диамондианцы?! — с горечью воскликнул призрак. — Сначала я, разумеется, ограничивался тем, что не замечал их. Но десять лет назад, когда начались беспорядки, это стало невозможно. Следовательно, диамондианцы должны быть устранены.

— Вы хотите сказать — истреблены?

— Да.

Молодой офицер собрал всю свою волю и сказал

то, что должен был сказать:

— Люди; где бы они ни жили, никогда не потерпят того, что вы требуете. К тому же человечеству невыгодно позволить, чтобы кто-то другой вернул себе контроль над этой частью Галактики и заставил беспрекословно подчиняться или убил всех разумных существ, живущих здесь. Политика… Махалы уничтожать всех своих противников — неприемлемая для людей жестокость. Хорошо разъясните это вашему начальству.

Во время последовавшего за этими словами молчания Брэй в ужасе подумал: «Я сейчас объявил войну от имени всего человечества! Что ж, пусть так и будет!»

Ему пришла в голову другая мысль: не это ли призрак сказал Хоакину? Боже, какой промах!

На глазах у Брэя туманный призрак повернулся и стал удаляться по тропе. Через несколько секунд он исчез.

Возвращаясь к своим спутникам, Брэй почувствовал, что дрожит. Правду говоря, эта встреча разочаровала его. Как ни глупо это было, она показалась Брэю слабым лучом надежды. Теперь этот луч исчез.

34

Прошло еще около двадцати минут. Четыре путника внезапно вышли из леса на большую поляну, рядом с которой тек ручей.

К ним приближались какие-то тени, Зооланит быстро шепнул остальным:

— Не сопротивляйтесь. Мы прибыли на место, и я сказал им, кто вы.

Оба человека быстро увидели, что подходившие были ирсками. Туземцы сразу же бесцеремонно схватили щупальцами Герхардта и Брэя. Лейтенант без спора дал связать себе руки и ноги, одновременно то же было проделано с врачом.

Брэй не успел вздохнуть, как был связан. Потом его грубо толкнули. Лейтенант стал падать, но раньше, чем он успел коснуться земли, щупальца подхватили его и положили на носилки, которые тут же качнулись и тронулись с места.

Темнота вокруг Брэя была непроницаемой, но он скоро почувствовал, что его внесли в закрытое помещение. Был ли это космический корабль, о котором ему говорили раньше? Глаза Брэя различили слабый блеск металла. Значит, действительно корабль.

Бесконечный коридор (корабль, очевидно, был большим), потом скрип распахнутой двери и яркий свет. Брэя внесли в зал, который показался ему громадным. Слева от лейтенанта за длинным столом ждали чего-то, стоя или сидя, более двадцати диамондианцев. Это было то, что Брэй успел охватить одним взглядом. Он увидел блестящие глаза, потные багровые лица и в тот же момент почувствовал, что его несут в глубину зала, где у стены, в которой было несколько открытых дверей, стояло много ирсков. За несколько секунд, пока его переносили, Брэй успел окинуть взглядом остальную часть зала. Сбоку от него стоял в стороне от других человек, который выделялся среди собравшихся в корабле людей тем что не был похож на диамондианца и был одет в военную форму. Брэй узнал капитана Джеймса Марриотта. Узкое длинное лицо командира поста Корапо казалось очень бледным в слепящем свете ламп. Брэй бросил взгляд на стоявшие возле Марриотта носилки, но не смог увидеть, кто на них лежал: было похоже, что это женщина.

Ближе к диамондианцам стояли другие носилки, на которых липом к Брэю лежал мужчина. Это был Дэвид Керк.

Брэй не успел рассмотреть еще что-нибудь: ирски наклонили его носилки, подняв один конец, и грубо вывалили лейтенанта на пол. Брэй приземлился на свои связанные ноги и оказался в стоячем положении перед ирском в теплой одежде, которую эту существа носили, когда путешествовали по зоне «умеренного» климата.

В те несколько секунд, за которые Брэй быстро рассмотрел эти подробности, он еще и старался сохранить равновесие. То, что ноги были связаны, мешало ему, но эти ноги устояли, пока он, подпрыгивая, наклонялся вперед, потом назад, потом вбок, чтобы правильно распределить вес своего тела. Наконец он справился с этим. Стоя неподвижно и пытаясь отдышаться, Брэй вдруг почувствовал, что в этом зале можно задохнуться от жары. Пот ручьями стекал по его телу. Духота была такой, что Брэй даже испугался. Он задышал чаще, жадно вытягивая из воздуха кислород для своих горящих легких.

Больше всего Брэя беспокоило чувство, что он должен во что бы то ни стало взять в свои руки всю эту ситуацию. Ему пришлось собрать все свои душевные силы. Сверхчеловеческим напряжением воли он отстранил от себя физические неудобства и спросил у стоявшего перед

ним ирска:

— Могу ли я кое-что сказать?

Дил долго и без улыбки рассматривал его — у ирсков это означало враждебность. Потом он взглянул поверх пленника и крикнул:

— Марриотт, этот человек действительно полковник Мортон?

Мортон, который следил за вновь прибывшей группой глазами Марриотта, сказал в мозгу капитана:

«Не выдавайте его: я уверен, что Система Махала намерена уничтожить настоящего полковника Чарлза Мортона, поэтому наилучшая зашита — поддерживать путаницу».

Сказав это, он с мучительной тревогой стал ждать, что будет дальше.

Марриотт подошел к Брэю и встал перед ним. Физик цинично улыбался и, несомненно, узнал молодого лейтенанта, который несколько дней назад приезжал на пост Каподочино-Корапо.

Наконец Марриотт повернулся к предводителю ирсков.

— Как вы знаете, я ученый, и потому я не могу дать вам абсолютно точный ответ. В случае полковника Чарлза Мортона мы имеем дело с начальником разведслужбы Комиссии по Пере-

говорам. Итак, вот что мне известно.

Затем физик точно описал свои встречи с Мортоном и Брэем и закончил так:

— Мне известно лишь то, как они сами называли себя. Если этот человек утверждает, что он полковник Чарлз Мортон, у меня нет никакого способа доказать или опровергнуть это.

Затем Марриотт вернулся на прежнее место у носилок Изолины. В этот момент настоящий Мортон сказал в его мозгу:

«Спасибо. Я сам не смог бы ответить лучше».

— У меня есть один простой принцип, — прошептал Марриотт. — Когда имеешь дело с ирсками или диамондианцами, чтобы создать путаницу в их мозгах, нет ничего лучше правды.

Наступило молчание, которому, казалось, не будет конца. Предводитель ирсков как будто уснул. Вдруг он выпрямился и сделал знак своим подчиненным. Кто-то снова грубо толкнул Брэя щупальцем. Как и в первый раз, лейтенант едва не упал, но его вовремя подхватили и уложили на носилки.

Дил-командир сделал новый знак. Брэя отнесли в глубину и швырнули носилки на пол радом с теми, на которых лежала женщина, с такой силой, что толчок встряхнул все тело Брэя.

— Посмотрите сюда, мисс Феррарис. Тот ли это человек, которого вы знали под именем Чарлза Мортона?

Женщина повернула голову. Это действительно была Изолина. Она долго разглядывала молодого офицера, потом покачала головой.

— Я знала этого человека под именем лейтенанта Лестера Брэя.

Брэй остался лежать там, где лежал, потому что физически не мог сделать ничего другого. Но его ум вдруг пришел в сильное возбуждение: эти люди говорили правду, и Тем не менее их ответы не изменяли ситуацию. Вспомнив слова Мортона, что диамондианская дилемма относится к типу головоломок, Брэй не смог удержаться от того, чтобы проверить, верно ли это.

Он повернулся к Керку и крикнул ему:

— Керк! Скажите им, кто я!

Предводитель ирсков проследил за его взглядом, но явно не понял, к кому были обращены эти слова, потому что спросил:

— С кем вы говорите?

— С этим молодым человеком на носилках. Предводитель спросил у Керка:

— Как вас зовут?

— Я полковник Чарлз Мортон, — уверенно от-

ветил Керк, сверля взглядом Брэя.

Ничего не сказав на это, предводитель подошел к носилкам Керка, наклонился над ним и, указывая одним из щупалец на Брэя, спросил:

— А кто такой этот?

Вопрос дала, похоже, не был трудным для Дэвида Керка. Молодой чиновник ответил сразу и четко:

— Это Дэвид Керк, специальный секретарь нашей разведслужбы.

В допросе наступила пауза. Она затянулась. Наконец молчание прервал командир ирсков.

Внезапно несколько ирсков заговорили одновременно с ним. Предводитель что-то крикнул им в ответ.

Диамондианцы за длинным столом занервничали: стали громко говорить и жестикулировать.

Из общего шума вырывались отдельные слова, бессвязные обрывки разговора: «Это что-то невозможное! Каждый из них притворяется кем-то другим!»

Предводитель ирсков опомнился первым. Внезапно он выпрямился, словно прислушиваясь к чему-то, потом объявил:

— Два санитара несут сюда бесчувственное

тело третьего полковника Чарлза Мортона. Я только что сказал им, чтобы они вошли.

Прошла минута. Диамондианцы полушепотом говорили между собой, качали ногами. Вдали послышалось гудение какой-то машины.

Дверь, через которую недавно внесли Брэя и ввели его, спутников, открылась. Вошли два ирска с носилками, на которых лежало тело мужчины в военной форме. Мортон, с изумлением наблюдавший за этой сценой глазами Марриотта, увидел перед собой знакомую фигуру. Он не сразу узнал ее, потому что точка зрения была совершенно новой — Мортон видел ее не на кадрах кинопленки, не отраженной в зеркале. Он смотрел на самого… Заблокируй мозг! Не думай об этом! «Кто-то вызвал „скорую помощь“, — наконец подумал Мортон. А работу на санитарном транспорте, разумеется, поручали только ирскам. Два санитара, которые держали носилки, были одеты в куртки с зелеными полосами, указывавшие, что они входили в Общество Друзей Диамондианского Народа, Мортон помрачнел, отметив это: столько миллионов ирсков в одежде с зелеными полосами заполняют все места, где живут Диамондианцы.

Их охотно приняли там, потому что они работа-

ли. С точки зрения диамондианцев, лучше было иметь кого-то, кто соглашается работать за тебя, и надеяться, что все обойдется, чем снизойти до того, чтобы работать самому.

А если эти ирски в рубахах и куртках со знаками дружбы вдруг повернут против тех, кто им поверил?

Мортон задал этот вопрос Марриотту. Физик шепнул в ответ

— Ни один ирск не находится полностью вне своей общины. Они все пользуются большей частью своих служб. Поэтому, когда вас случайно доверили этим двоим, они, несомненно, выполнили обычную проверку и спросили, кто такой полковник Чарлз Мортон. Естественно, стало известно, кого они везут.

«По-моему, в этой ситуации самый логичный выход — чтобы я вернулся в собственное тело. Иначе они догадаются, что это настоящий Мортон, потому что его двойник находится вне тела Прежде чем покинуть вас, мне нужно сообщить вам еще одну новость — последнюю».

Мортон рассказал все, что знал о том, как Оружие Лозитина взяло на себя контроль над центром управления Тьмой, и закончил так:

«Ваш план, который должен остаться между на-

ми, каким бы он ни был, должен учитывать это».

К своему полному изумлению, полковник заметил, что Марриотт, похоже, почувствовал облегчение от его рассказа.

— Слава богу, — прошептал физик. — Это объясняет, почему действия против этой планеты были такими незначительными. Я ожидал, что Махала все взорвет, но Оружие Лозитина было предусмотрено как дополнительный контроль над ней. Оружие не находится ни на стороне диамондианцев, ни на стороне ирсков, но оно запрограммировано против уничтожения.

«Значит, этой проблемы больше нет?»

— Я могу решить этот вопрос с закрытыми глазами, — заверил Марриотт.

«Несомненно, вот человек, который должен быть главнокомандующим во время кризиса», — подумал Мортон. Еще раз Мортон почувствовал, что физик поразил и восхитил его. И еще раз Марриотт вызвал у него беспокойство. «Боже мой, если бы я мог ему верить! Как бы я хотел довериться этому гению!» Именно так — Марриотт, несомненно, был гениальным человеком.

Мортон спросил:

«Теперь я могу вас покинуть?»

— Я пытался придумать, куда поместить вас,

пока я буду делать кое-что, что хотел бы сохранить от вас в тайне. Ваше собственное тело — определенно наилучший вариант. В таких обстоятельствах вам не нужно возвращаться.

Прекрасно. Уверенность на уровне загадки. Однако, возвращаясь в свое тело, Мортон сделал еще одну остановку.

35

«Вот, без сомнения, моя последняя возможность спасти Изолину», — подумал он.

Решив так, Мортон стал духовным братом Изолины и сказал ей.

«С вами говорит полковник Чарлз Мортон. Не делайте удивленное лицо. Если вы хотите говорить со мной, шепчите».

Тело молодой женщины, которое окружало со всех сторон Мортона-двойника и проходило сквозь него, напряглось Но, хвала небу, у ее ума тоже была быстрая реакция, и потому Изолина ограничилась тем, что стала ждать.

«Изолина, — снова заговорил Мортон, — события развиваются очень быстро. Поэтому я пойду прямо к цели. Хотите ли сейчас выйти за меня замуж? С этого момента стать моей женой и в душе считать себя мадам Чарлз Мортон? Шепните мне ваш ответ».

— О боже мой! — вздохнула Изолина Феррарис. — Как вы можете шутить в такой ситуации?

«В вашем уме есть что-то, что с огромной силой привлекает меня. И потому я спросил себя: почему я обязан жениться на идиотке? Почему бы не

взять в жены умную женщину?»

— Но ведь я переспала по меньшей мере с четырьмя сотнями мужчин, — простонала Изолина.

«По моим подсчетам их было больше восьмисот, — шутливо возразил ей Мортон. — Вы будете мне верны, если мы поженимся?»

— Верна целиком и полностью, — искренне ответила она. — С этого момента всем своим сердцем я принадлежу вам одному. Ни один другой мужчина никогда не будет мной обладать.

«Этого мне достаточно, — заверил ее Мортон. — Но вот что еще… и слушайте меня внимательно. Возле порта, к югу от дворца Комиссии по Переговорам, есть маленький ресторанчик. Он называется „Турин“. Если когда-нибудь мы потеряем связь друг с другом, ждите меня там каждое утро в десять часов».

Молодая женщина окаменела от изумления.

— Вот самый фантастический приказ, который мне когда-нибудь давали. Это просто чепуха!

«Это будет очень важно, если я когда-нибудь сумею спутать вас с собой в уме одного существа. Не забудьте название: „Турин“.

Мортон не позволил себе почувствовать стыд перед Изолиной. Возможно, он на самом деле ис-

пытывал к ней все те чувства, о которых говорил ей притворно, но сейчас главное было то, что «мадам» Чарлз Мортон может занять интересное место в «серии» Мортонов.

Если это не так или если по какой-либо причине Изолина не сумеет принять умом свое новое имя, весьма вероятно, что она будет обречена на гибель.

Закончив этот разговор, Мортон не стал терять времени и тут же с помощью иллюзии перенесся в свой двойник в магнитное поле, а потом в собственное тело.

Он оставил Изолину во власти чувств, типичных для диамондианских женщин.

Разумеется, она отбросила мысль, что брачный союз, заключенный лишь мысленно, — это настоящий брак.

Изолина, обычно такая быстрая, внимательная и подвижная, заинтересованная только настоящим моментом, во время всех событий, происходивших потом в этом зале, была полностью сосредоточена на своем плане замужества. Несомненно, слова людей и ирсков отпечатывались в ее остром мозгу. Но предложение Мортона в переносном смысле нанесло ей смертельный удар.

Патриотизм Изолины улетучился. Роль «серого кардинала» при отце больше не существовала для нее. Ее верность диамондианским партизанам растворилась в пустоте. Судьба диамондианского народа была забыта. Умом Изолины владела одна мысль: она может выйти замуж, несмотря на все, что она сделала.

Это было опаснейшее проявление диамондианской женской натуры, но Изолина уступила этому чувству, а ее ум в это время ослабил свой контроль.

Когда к Изолине вновь вернулась способность мыслить, молодая женщина не нашла ничего лучше, как участвовать в безумных планах, которые ей предлагали.

36

В Новом Неаполе было около восьми часов вечера. Сержант Струзерс сидел в своем кабинете, и лицо его было мрачным. Он пожелал остаться на своем посту потому, что очень волновался из-за лейтенанта Брэя и полковника Мортона и думал: «С минуты на минуту зазвонит телефон и полковник или лейтенант заговорит со мной».

В тот момент, когда Струзерс повторял это себе в десятый раз, пол под ним закачался.

Струзерс был опытным человеком. Он сразу же решил, что это землетрясение, и спрятался под свой стальной письменный стол.

В находившемся по соседству университете специальные приборы показали, что вокруг одного из задних флигелей дворца Комиссии образовалось магнитное поле. Оно было таким мощным, что огромные стальные балки, поддерживавшие изготовленный из бетона, камня и дерева фундамент, были вырваны из земли и взлетели в воздух на несколько метров.

Потом магнитное поле исчезло так же мгновенно, как возникло. В тот же миг четыре этажа флигеля рухнули.

Во время падения почти все металлические балки скрутились в жгуты. Некоторые куски флигеля упали на землю почти целиком, но так случилось лишь в нескольких отдельных местах. Все остальное было раздавлено, взорвалось или разбилось.

Среди девяти человек, которых нашли живыми в развалинах, был Струзерс.

Прежняя клиника доктора Фондье (где он собирался практиковать под именем полковника Чарлза Мортона) была маленьким легким одноэтажным зданием, длинным и узким. Он уже много лет владел этой клиникой. Она была для Фондье убежищем, где он мог укрываться во время бесчисленных моментов того напряжения, которому были подвержены все диамондианские мужчины. И, естественно, здесь был кабинет для приема больных.

В глубине здания была довольно богато обставленная комната с кроватью для состоятельных больных, которые могли пожелать ненадолго прилечь. Апоплексический директор больницы Инкурибили был в глубине души добрым человеком и потому давно имел привычку предоставлять эту постель некоторым бедным уличным девицам для дневного сна. А если уста-

лая проститутка случайно находилась в кровати самого добряка-врача, причем совершенно голого, то, в конце концов, врач-диамондианец должен где-то скрываться, когда не находится в своем кабинете, где ему положено проводить большую часть времени.

В тот первый вечер, когда клиника впервые открыла свои двери под новым названием, большая вывеска «Бесплатная медицинская помощь» привлекла много больных. В восемь часов вечера они уже больше часа ждали доктора в коридоре.

Так что, когда все старые дома, занимавшие противоположную сторону улицы, вдруг задрожали, оторвались от земли (вместе с фундаментом) и в буквальном смысле взлетели на воздух, было много свидетелей.

Трех-, четырех-, пятиэтажные дома действительно подпрыгнули и оказались в воздухе. Поскольку эти постройки были старыми и довольно ветхими, их металлические каркасы тут же начали извергать из себя этажи, потолки, мебель и жильцов под гром, в котором слились скрип дерева, глухие удары, взрывы и вопли.

Густое облако пыли, штукатурки и цемента окутало клинику доктора Фондье — полковника Чарлза Мортона. Пациенты мгновенно забыли

о своих болезнях и разбежались кто куда. Что же до самого милейшего доктора, то он, повесив вывеску, ушел по делу, как поступил бы любой диамондианский мужчина. Нетрудно понять, что именно поэтому он не был у себя в час катастрофы.

Удар по клинике Фондье был второй почти удавшейся атакой Тьмы против первого попавшегося из полковников Мортонов. Остальные удары были нанесены один за другим на протяжении примерно двадцати пяти минут и направлены против примерно трехсот других полковников Мортонов. Каждый раз ущерб был ужасающим. В каждом случае жертвы насчитывались сотнями. Но при каждом ударе Тьма промахивалась больше чем на два километра. Поэтому большая часть лже-Мортонов узнала об этих катастрофах только позже, и ни один из них не догадался, что это в него целился нападавший враг, который был не способен попасть во что-либо мельче горы.

В 20.22 по новонеаполитанскому времени это массовое уничтожение прекратилось так же внезапно, как началось.

* * *

За несколько минут до восьми часов вечера Мортон открыл глаза в своем собственном теле. Он лежал на спине, над ним висела люстра. Вдруг она закачалась, по крайней мере так показалось Мортону. На самом деле ее движение объяснялось проще: Мортон был на носилках, и его куда-то несли.

Полковник подумал о далекой Земле, о своих матери и сестре, живших в старом доме их семьи. Они сошли бы с ума от ужаса, если бы могли увидеть сейчас своего Чарлза. Он и сам был встревожен. Но даже в самые тяжелые кризисные минуты своей жизни полковник Мортон никогда не мучился сожалением о том, что сделал.

За те секунды, пока его проносили через огромный зал космического корабля, он собрался с силами и призвал на помощь то, что часто называл своим военным мужеством, — воодушевляющую силу иной природы, чем биологические инстинкты человека. Но было верно и то, что он смог собрать свои силы потому, что верил в то, о чем не знал никто другой. «Современная логика! — подумал полковник. — Только этой ночью или, может быть, еще пять дней ты будешь

существовать так, словно математические серии не ложь и люди взаимозаменяемы».

Додумывая это мысленное напоминание себе, Мортон почувствовал, что его носилки опускают на пол перед дилом, который вел себя как глава беспощадных убийц. Мортон заранее почувствовал, что сейчас начнутся бесполезные задержки и проволочки. А он был убежден, что он и Марриотт должны действовать, и действовать быстро.

Встревоженный этим предчувствием, полковник все же владел собой и обратился к «королю» ирсков:

— Мгдаблтт, сейчас происходят важнейшие события, и с вами должны обсудить их немедленно.

Ирск перевел на него ледяной взгляд своих голубых глаз.

— Когда вы пришли в себя? Несколько секунд назад еще были без сознания. И я буду вам признателен, если вы не станете пользоваться укороченным диамондианским вариантом моего имени.

— Прошу прощения, — извинился Мортон, но в глубине души вздохнул.

Он с уважением относился к этим растянутым до бесконечности необычным именам ирсков.

Они, несомненно, усилили у ирсков остатки их индивидуальности. Но сейчас было неподходящее время для полного имени.

— Мугадаабеебеелатата, — с трудом выговорил Мортон, — по моему мнению, было бы в высшей степени желательно, чтобы я немедленно вернул Марриотту контроль, над Тьмой. Существует способ, позволяющий сделать это, и я хотел бы, чтобы вы облегчили возвращение Марриотту этой власти. Согласны ли вы? После этого мы сможем переговорить.

В этот момент из группы ирсков, собравшихся в глубине зала, раздался пронзительный визгливый крик:

— Я считаю, сомнений больше нет, — вот настоящий полковник Чарлз Мортон!

Мортон удивленно моргнул: он почти забыл об этом главнейшем вопросе. Полковник должен был мысленно вернуться назад и подумать, прежде чем вспомнил, что ирски не блещут умом и достаточно медленно понимают что бы то ни было. Ему пришлось еще раз столкнуться с этой проблемой.

Прежде чем полковник успел сказать хотя бы слово, предводитель гневно повернулся к наглецу, посмевшему вмешаться в его разговор, и во

все горло закричал на него:

— Молчи, воды тебе в рот!

— Легко кричать на других, но ты тоже не открыл Диамондиану! — отозвался тот.

Предводитель выкрикнул новое ругательство и получил другое в ответ.

Мортон с мучительной тревогой смотрел на этих двоих, которые, обезумев от ярости, орали друг на друга. Предметом ссоры был он, и это нужно было учитывать.

Полковник торопливо начал искать способ отвлечь внимание от крикунов и погасить излишнее возбуждение, которое грозило прорваться вспышками гнева во всех группах собравшихся: ирски шевелили щупальцами, а все сидевшие диамондианцы встали.

Глядя на них, Мортон подумал: «Ну конечно, ради этого мы и находимся здесь. Лучший способ отвлечь их — правда».

Мортон стал нетерпеливо ждать подходящего случая. Он беспокойно наблюдал за обстановкой в заде. И наконец…

Когда оба ирска, красные от ярости, остановились, чтобы передохнуть, Мортон крикнул:

— Мы все тонем в стакане воды. Настало время начать наши переговоры о мире!

Вождь ирсков, похоже, даже не заметил, что говорил уже не его оскорбитель. Он резко повернулся к Мортону и обрушил на него свой гнев.

— Мы, ирски, больше трех веков ждали милости от диамондианцев и подбирали крошки с их стола! — возмущенно прокричал предводитель.

— Этого больше никогда не будет, — пообещал Мортон, — но в наши дни ирски стали подвижными, как ртуть, и сделались похожими на худших из диамондианцев.

— Вас никто не просит нас учить — мы и так ученые, — сухо ответил ему ирск. — Нам не нужна ваша помощь.

— Нравится вам это или нет, я уже пляшу в этом хороводе: я вхожу в Комиссию по Переговорам.

— Вы снимаете с нас последнюю рубашку. Почему бы вам не вернуться к себе?

— Я не могу так легко покончить с этой работой — мой долг все предусмотреть. Кто наливает вино из бочки, сперва должен сделать для нее пробку.

— Вы мастера только говорить! Вся Комиссия по Переговорам сидит сложа руки!

— Наша задача — «ударить и по обручу, и по бочке» — воздать по заслугам обеим сторонам, а на это никто не соглашается.

— Это вы, непробиваемые, похожи на железные

бочки, когда ведете себя так, словно беспристрастие — правильное решение!

— Какое вино в бочке есть, такое из нее и льется. Принимайте нас такими, какие мы есть.

Положение, которое создалось после того, как Мортон произнес эти слова, было логическим следствием предыдущих событий. Все, что кричал полковник, говорилось без настоящего раздражения, а Мгдаблтта явно душил гнев. И вот предводитель ирсков окончательно задохнулся от возмущения, не в силах подобрать слова. Теперь оба молчали.

В этой неожиданно наступившей тишине Мортон громко и четко изложил свой план установления мира на Диамондиане.

— Прекрасно! — крикнул он изо всех сил. — Посмотрим в лицо правде. Пусть ирски контролируют все те области Диамондианы, которые называют жаркими землями. Диамондианцы пусть владеют горами и побережьем моря. Ирски с зелеными полосами на одежде пусть получат право оставаться там, где живут, или покинуть эти места по своему желанию.

Едва Мортон замолчал, поднялся целый хор протестующих криков.

Мортон побледнел, когда понял, что эти визг-

ливые вопли вырывались из глоток как ирсков, так и диамондианцев.

Все были против. Все были возмущены. Его предложение — глупость. Кем он их считает — детьми?

Мортон не стал тратить время на выяснение, каким дерьмом они считают его самого. Попытка отвлечь их удалась. Но еще важнее было другое: в первый раз за всю историю ирсков и диамондианцев кто-то сумел полностью изложить проект установления мира. Что этот раз был первый, не было сомнения, так как в эти десять лет насилия и убийств все были полны такого мстительного гнева, что было невероятно, чтобы кто-то мог предложить публично: установим границы между территориями враждующих сторон так, как они сложились фактически.

А он справился с этим и одновременно получил возможность, которой дожидался. Вокруг него со всех сторон люди и ирски орали и ругались. Каждый думал лишь о себе. Мортон выбрал момент, чтобы стать духовным братом Марриотта,

«Можем мы начать сейчас? — спросил он. — У меня такое впечатление, что это поле наверху делает все возможное, чтобы отыскать и убить меня и не остановится, пока не сделает это или

пока мы не подчиним его себе. Умоляю вас, действуйте!»

Сказав это, он вернулся в собственное тело.

Лежа на носилках, Мортон с огромным облегчением увидел, что Марриотт подходит к Мгдаблтту. Физику не сразу удалось привлечь к себе внимание предводителя ирсков, но в конце концов они смогли переговорить друг с другом тихо. За это время делегация ирсков успокоилась и вскоре замолчала. Диамондианцам для того же понадобилось больше времени. Но когда Марриотт наконец зашагал к носилкам, на которых лежал беззащитный Мортон, физик как будто хорошо держал в руках свою публику.

Марриотт поднял руку, делая знак доктору Герхардту и Лозитину. Психиатр подошел со своим обычным отстраненным и безразличным видом. Лозитин подчинился без слов и остановил взгляд на Мортоне, но, казалось, не видел его. Марриотт освободил Герхардта от веревок, потом вынул из своего кармана гипнотический пистолет и передал его врачу.

— Я взял его у Зооланита. Я хочу, чтобы вы загипнотизировали двоих. Сначала Лозитина.

Психиатр ответил, что Лозитин уже находится под гипнозом, и медленно спросил:

— Чего вы хотите?

— Подчините его мне, — ответил Марриотт с жесткой улыбкой, — тогда я шепотом передам вам свои указания.

При этих словах физик бросил на Мортона взгляд, полный торжества.

— Это нужно сделать именно так: я не хочу позволить вам узнать мой метод.

С этим у физика не возникло никакой проблемы. Но пока Марриотт отворачивался от Мортона, тот закрыл глаза, стал духовным братом Лозитина и услышал, как Марриотт шепчет:

— Когда я хлопну в ладоши, вы освободитесь от гипноза и снова возьмете на себя управление Оружием Лозитина.

— Я понял, — пробормотал Лозитин.

— Вы хорошо понимаете, что оно запрограммировано на то, чтобы зависеть от вас, — настаивал Марриотт.

— Да, я это знаю, — безвольно и глухо повторил Лозитин. Мортон торопливо покинул сознание ирска, и, когда Марриотт снова повернулся к Герхардту, полковник снова был в собственном теле.

— Теперь, — приказал капитан-физик, — разрядите этот гипнотизирующий пистолет в

полковника Мортона.

Мортон чуть не задохнулся от возмущения. Он открыл рот, чтобы объяснить, что гипнотизирующие препараты действуют на него лишь несколько секунд. Сделать это ему помешало то, что, приподнявшись для протеста, он увидел диамондианцев и ирсков. Мортон отметил, что все глаза, и серые и синие, жадно следят за этой сценой и неестественно блестят, и с отчаянием и тревогой осознал, что эти люди и ирски не понимают, что происходит.

Но прежде, чем он успел осознать это до конца, почти одновременно произошло несколько событий.

Герхардт все так же бесстрастно поднял свое оружие и навел его на Мортона, но нажал лишь один из двух курков. Мортон, который изо всех сил напряг свои мышцы, готовясь противостоять химическому шоку, не почувствовал ничего. Это удивило полковника, и, когда Марриотт стал наклоняться над ним, чтобы прошептать инструкции для действий под гипнозом, Мортон опередил его и зашептал сам:

— Марриотт, слушайте! Гипноз на меня не действует. Как мы можем проделать это иначе? Я готов на все.

Потрясение, которое вызвали эти слова у Марриотта, было, наверное, фантастическим по силе.

По тому, как растерян и подавлен был физик, было ясно, что он не знал другого решения. Вся кровь отлила от его длинного узкого лица. Выпрямившись, Марриотт пошатнулся. И его сознание явно отключилось, потому что он автоматически хлопнул в ладоши под ухом Лозитина.

Мортон был ошеломлен. «Это же полностью освобождает Тьму от власти, которую имело над ней Оружие Лозитина!»

У полковника внезапно не осталось выбора, и он вызвал в уме одиннадцать мыслей-кодов, которые приводили в действие здание D.A.R. в Каподочино-Корапо.

Прежде чем он успел передать управление зданием Марриотту, единственному, у которого была нужная квалификация, чтобы управлять его аппаратурой, один из членов диамондианской делегации вынул из кармана пистолет и нажал на курок. Пуля выбила шприц-пистолет из руки Герхардта. Гипнотизирующее оружие упало на пол, покатилось и разбилось на куски о вентиляционную решетку. Над осколками поднялось серебристое облачко газа, которое тут же всосал

находившийся под решеткой вентилятор.

Герхардт холодно улыбнулся.

— Я сам как раз пытался придумать, как мне это сделать, — сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Врач даже не попытался пошевелить онемевшей от удара ладонью. Он застыл на месте и стал ждать.

За тысячу километров от них, в поселке Каподочино-Корапо, маленький только на вид военный пост D.A.R., который столько лет находился под командованием капитана Джеймса Марриотта, вступил в бой.

Здание было уже раньше приведено в боевую готовность от имени Марриотта, и теперь Луфтелет ввел его также от имени капитана-физика. Майор решил, что Марриотт понимал систему защиты поста и оставил ее включенной на свое имя явно в расчете, что она будет передана под управление какого-нибудь опытного специалиста. Луфтелет мог лишь согласиться с этим суждением всей своей властной душой и подчиниться воле Мариотта.

…Первое, что осознал Марриотт после шока от неудачи, — отраженные реакции альфа — и бета-волн своего мозга на действие защитной

системы. Почувствовав их, физик поднял голову: к нему вернулась слабая надежда. Он мгновенно понял, что произошло.

Марриотт был потрясен. Он почувствовал небывалый душевный подъем, необъяснимую уверенность в том, что на краю поражения он все-таки вырвет у судьбы победу. «Это задержит Тьму на то время, которое мне нужно».

Думая так, физик уже бежал к выходу. Поскольку Марриотт был своим для всех в зале, никто не попытался его задержать.

Но его бегство вызвало растерянность и замешательство, и все замерли на своих местах. Немая сцена продолжалась несколько секунд. За этот короткий промежуток времени Мортон овладел собой и увидел человека с пистолетом, стоящего в центре комнаты. Кто это был? Какую должность занимал в делегации?

Он выглядел как диамондианец. Мортон должен был довольствоваться этим: разбираться подробнее у него не было времени.

Делегация ирсков воспользовалась этим моментом, чтобы отступить на несколько шагов. Диамондианцы, разумеется, не могли понять, что означало это одновременное движение стольких существ.

И каждый из делегатов-людей, в том числе руководители, бросился кто к мешку, кто к куртке, а некоторые сунули руку в карман. Еще один миг — и все без исключения потрясали спрятанным до сих пор оружием. Было похоже, что все забыли, для чего они находятся на этом корабле.

Мгновенно был перевернут стол, и диамондианцы бросились на пол, упали на колени или пригнулись, укрываясь за этим щитом.

Прошло несколько секунд — никто не шевельнулся. Все ирски словно растаяли в воздухе — они ускользнули своим сверхскоростным способом через открытые двери, которые были у них за спиной. Мортон разглядел Лозитина, который направлялся к другой двери, выходившей наружу. Никаких следов Марриотта не было видно.

В этой ситуации раздалось несколько выстрелов. Кто стрелял — установить было невозможно, но пули зловеще засвистели, отскакивая от металла и непробиваемой пластмассы стен.

На глазах у бессильного что-либо сделать Мортона все обезумели. Он лежал на полу, такой же беззащитный против шальных пуль, как все остальные. В это время Мортон заметил, что диамондианский полковник вылез на четвереньках из-под стола и направился к Дэвиду Керку Мест-

ный офицер вынул из кармана нож, перевернул Керка на живот и перерезал связывающие его веревки. Молодой человек встал, растер себе запястья, потом попросил у своего освободителя нож. Тот без колебаний дал его Керку

Дэвид подбежал к Брэю и освободил его. Через несколько секунд они уже оба бежали к Мортону, но тот покачал головой

— На мне наручники, — со вздохом объяснил он. — Освободите мисс Феррарис!

Брэй и Керк не могли этому поверить. Они перевернули Мортона и обнаружили, что на него действительно надели наручники. Ни один нож не мог освободить полковника от металла, сковывавшего его запястья.

По знаку Брэя Керк побежал с ножом к Изолине. Пока Керка не было рядом, молодой лейтенант торопливым шепотом рассказал своему начальнику о том, что случилось в овраге описал встречу с двойником из Махалы и пересказал содержание своего разговора с ним.

Когда он кончил, вернулся Керк. Вид у него был встревоженный.

— Она ранена в живот, теряет много крови, — сообщил он.

В этот момент Изолина застонала, потом крик-

нула срывающимся голосом:

— На помощь! Помогите мне!

Брэй бросился к ней. Мгновенно оказавшись у носилок, он наклонился над Изолиной и взглянул на нее. Назад он вернулся очень бледным.

— Доктор Герхардт, вы можете что-нибудь сделать?

Психиатр подошел к раненой, присел возле носилок и стал осматривать Изолину. Не вставая с места, он повернул голову и крикнул:

— Где эти санитары?

— Сейчас я их приведу! — ответил лейтенант Брэй. Он уже бежал к двери, когда Мортон понял его намерение и закричал изо всех сил:

— Брэй! Вернитесь! Вас убьют!

Молодой офицер не взглянул назад, словно ничего не слышал, и исчез за одной из задних дверей, через которые бежали из зала ирски.

Прошла минута, потом две и три.

Вдруг молодая женщина перестала всхлипывать.

— От плача нет никакой пользы, боль можно переносить и молча, — сказала она.

Потом Изолина повернула голову. Ее глаза, почти такие же большие и влажные, как у ирскских женщин, и совсем такие же синие, пристально

взглянули на Мортона.

— Чарлз, что будет с диамондианцами? — невнятно спросила она.

Мортон не смог ответить: беда случилась так неожиданно, что он еще не опомнился от потрясения. Вместо ответа он спросил:

— Куда вы ранены?

Изолина думала, что пуля пробила низ ее живота и раздробила одну из костей таза.

Это смерть! Мортон почувствовал, что Изолина не выживет.

На мгновение его сознание словно накрыла тьма — мрак горя, не такой густой, как Тьма Системы Махала. Эта трагедия была такой бессмысленной! Мортон почувствовал, что в его душе поднимается ярость, порожденная современной логикой. Но как только он осознал это, ярость исчезла.

Полковника беспокоила мысль, что он должен что-то сделать в связи с последним рассказом Брэя, но он лишь сказал Керку:

— Перенесите меня к ней.

Керк и один из диамондианцев поставили носилки Мортона рядом с теми, на которых лежала Изолина.

За короткое время, пока это происходило, в уме

Изолины возникла мысль, типичная для диамондианской женщины: «Пока я лежу здесь раненая, мне не составит никакого труда выйти замуж…»

Да, выйти замуж за Мортона, подумала она. Изолина считала, что умрет, но это желание оказалось сильнее предчувствия конца и сделало молодую женщину безумной или гениальной. Изолина не чувствовала никакого стыда, не осознавала, что такой порыв неразумен и не соответствует ситуации.

От нанесенного ей удара, от потрясения, которое Изолина испытала, почувствовав смертельную угрозу своему телу, все остатки здравого смысла покинули ее вместе с вытекающей кровью. И молодая женщина с изумительной простотой сказала тому, кто обещал стать ее мужем:

— Чарлз, я хотела бы умереть под именем мадам Чарлз Мортон.

— Полковницы мадам Чарлз Мортон, — уточнил он.

Священник, сопровождавший диамондианскую делегацию, начал брачную церемонию без особого энтузиазма. Мортон узнал это поведение — то же было на Земле во время второй свадьбы его матери. Католический священник, соединяя католичку с некатоликом, выполнял лишь необ-

ходимый минимум обрядов, явно считая, что Бог не благословляет по-настоящему такой союз.

Церемония закончилась быстро.

Прошло еще тридцать секунд.

Вернулся Брэй. За ним шли санитары,

Позже Мортон вспомнил, как санитары наклонились над Изолиной и как он сказал Брэю:

— Я попытаюсь стать духовным братом с этим двойником из Махалы. Постучите по дереву!

Из того, что было потом, он помнил только окутавший его блестящий туман и свое последнее усилие спасти еще одного человека — свой крик Герхардту:

— С этого момента вы полковник Чарлз Мортон!

37

Частичное бегство животных из Оврага Гиюма началось вскоре после начала боевых действий между крупными силами ирсков и диамондианцами. В тот первый вечер выстрелы лишь возбудили нервы животных и заставили сжаться их мышцы. Несколько голубей, которым раньше приходилось во время перелетов состязаться в ловкости с охотниками, открывавшими сезон, улетели навстречу заходящему солнцу, как только начало темнеть, и две берберийские утки, покинув свои гнезда, направились на север.

На этом миграция в первый день закончилась.

Как ни странно, для большинства птиц самым страшным оказался тот выстрел, который сделал ночью Хоакин по крокодилу. Шум растревожил их и заставил нервничать. Несколько ночных птиц улетели сразу же, однако новая группа голубей отправилась в путь лишь после восхода солнца, когда началась первая непрерывная перестрелка.

Серебристые фазаны — хорошие бегуны, и потому они не стали тратить силы на то, чтобы подниматься в воздух, а побежали через лесную

чащу на юг, к большой травянистой равнине.

Одна фазанья курочка неожиданно выскочила из зарослей рядом с десантником-диамондианцем, присевшим за скалой. Он свернул птице шею так быстро, что та не успела даже вскрикнуть.

Курочка была единственной среди животных жертвой этой первой схватки.

Когда ружейные выстрелы уже раскатывались в утреннем воздухе, два ягуара — те, которые недавно уходили от людей, — беспокойно заворочались на своей травяной постели. Потом по обоюдному согласию животные встали и бесшумно направились к югу. Они были в ярости.

Большая часть мелких диких кошек, все белки, выдры и барсуки ограничились тем, что немного отошли от слишком шумного места. Кокосовый медведь, который спустился на дно оврага, чтобы провести там день, взобрался по косогору обратно наверх и зашагал на восток своей тяжелой походкой.

Днем, во время шедшей с перерывами артиллерийской дуэли, большая часть животных покинула лишь ту часть оврага, где треск ружейной пальбы диамондианцев был оглушительным: овраг был их домом, другого они не знали. Как крестьяне в другие времена и на других плане-

тах, животные затаились в своих маленьких жилищах — под веткой, в выемке скалы, на дне оврага, — пока армии, как волны, разбивались о ряды противника и откатывались назад у них над головами.

Десантники-диамондианцы находили время, чтобы стрелять по всем зверям и птицам, которых видели, и за долгие часы боя некоторые из обитателей оврага были убиты, а другие ранены, что было еще хуже.

Во второй вечер животный мир Оврага Гиюма был в сильном волнении. Все животные были несчастны. Большинство из них чувствовали горе, но некоторые — гнев, в числе разгневанных были два ягуара. Эти крупные звери лежали в засаде, готовые к прыжку, не знали, на кого наброситься, в какую сторону нанести удар, бить лапами, рвать копями и зубами, кого сожрать. На третью ночь по тропе мимо них бежал человек, коли не видел вокруг себя ни леса, ни лесных зверей. Он давно привык к цивилизованной жизни, что дикие животные казались его хитрому и изобретательному уму нереальными.

Марриотт был испуган. Он боялся, что те, кого он оставил в космическом корабле, погонятся за ним и схватят его раньше, чем он доберется

до маленького подземного бункера, который он построил вскоре после того, как закончил свой обширный проект захвата единоличной власти над той огромной силой, что находилась в небе.

«Почему люди умирают за идеи?» Этот вопрос Марриотт задавал себе довольно часто и всегда отвечал на него: «В этом нет смысла».

Десять лет назад он страдал, когда увидел, что ласковые ирски превратились в убийц, и все же не нашел в себе сил отказаться от власти, которая вызывала столько нарушений в Системе Махала.

Тогда он понял, почему не смог это сделать. «Жажда безграничной власти! Это сильнее рассудка. От власти я никогда не откажусь!»

Так Марриотт примирился со своим безумием, как это сделали многие тираны до него. И потому теперь он знал, что должен сделать.

В бункере он сядет в летательный аппарат, поднимется в воздух и своим взлетом приведет в действие ядерную бомбу.

Сколько гектаров джунглей уничтожит бомба вокруг себя, сколько разумных существ — людей или ирсков — и животных погибнут? Марриотту это было безразлично. Для него имела значение только его собственная жизнь. Чужие жизни ничего не значили. Для Марриотта по-настоя-

щему существовал только он сам. Остальные были лишь тенями, которые рано или поздно должны исчезнуть. Тогда почему им не исчезнуть совсем?

Прыжок ягуаров был совершенно бесшумным. Бежавший человек на одно ужасное мгновение увидел, словно при вспышке молнии, огромную кошачью голову, желтые горящие глаза и клыки, блеснувшие под приподнятыми в оскале губами.

Смерть от острых как бритва когтей и зубов, способных одним ударом раздробить затылок или плечо, наступает почти без боли. Самец напал первым, но самка последовала за ним так быстро, что за сорок пять секунд они разорвали тело Марриотта в клочья.

Они прекратили свой пир только тогда, когда внезапно увидели светящееся существо, подходившее к ним по тропе. Тогда ягуары перестали рвать мясо, злобно зарычали в бешеном зверином гневе, потом отступили и растворились в темноте ночных джунглей.

Спугнувшее хищников существо на было похоже ни на ирска, ни на человека. Ростом оно было по меньшей мере на тридцать сантиметров больше, чем ягуары в длину. Его яйцевидная голова совершенно не была похожа на человеческую, а

прозрачное тело отливало серебром.

Лицо его на первый взгляд сильно напоминало морду льва. Круглые золотистые глаза были очень широко расставлены. Если у этого существа были уши, то они располагались не по бокам этой благородной головы. Существо выглядело очень умным, способным к глубоким чувствам, восприимчивым, но… не таким, как люди и ирски.

Оно возникло из ничего на этой тропе и подошло к месту, где лежало то, что осталось от Марриотта. Туда уже подбегал шакал. Зверь сел возле добычи и стал пристально смотреть на непрошеного чужака глазами, такими же желтыми, как у того.

Мортон стал духовным братом светящегося существа и спросил у него:

«Как мы можем установить отношения, при которых люди, ирски и Система Махала могли бы мирно ужиться?»

— У меня нет полномочий заключать такие соглашения, — ответил двойник. — Мой оригинал вернется сюда примерно через две тысячи лет, и тогда вы сможете поговорить со мной об этом.

«Если это ваше последнее слово, то мне придется держать вас под контролем по методу Марриотта», — заявил Мортон.

— Мне нужно ваше разрешение, чтобы связаться для консультации с нашим ближайшим центром. На это может понадобиться довольно много времени.

«Хорошо, я предоставляю вам столько времени, сколько нужно. Даю вам это разрешение, а потом мы еще побеседуем с вами», — сказал Мортон.

После этого он покинул двойника.

38

Была ночь.

Лейтенант Лестер Брэй вошел в большую дверь дворца Комиссии, не заметив, что задний флигель почти полностью разрушен. Брэй плохо помнил, как он вернулся в Новый Неаполь. В его уме была путаница и кружились мысли, не имевшие ничего общего с его предыдущим опытом. Еще он смутно понимал, что по дороге потерял свою военную форму и теперь был одет во что-то вроде брюк и рубашку.

Тем не менее он до некоторой степени сохранял присутствие духа. Поскольку он был Брэем, он небрежным жестом поприветствовал одного из часовых, бросил, на ходу: «Привет, Пит!» — и хотел войти во дворец, словно был одним из гражданских служащих.

— Эй, вы! Подождите! — окликнул Брэя толстяк, сидевший за письменным столом. Его голос, вначале выражавший удивление, под конец перешел в сердитое ворчание.

Брэй остановился с изумленным видом.

— Кто вы такой? — рявкнул охранник.

«Ну зачем поднимать столько шума?» — поду-

мал Брэй. Он повернулся, приняв огорченный вид, но говоря себе, что часовые никогда не знали его по-настоящему, а раньше он свободно входил во дворец лишь потому, что носил магический мундир. Он внушительным тоном назвал свое имя, добавив:

— Получилось так, что сегодня я одет в штатское. Поэтому, если вы позволите… — и хотел уйти.

В этот момент из двери прихожей, над которой светилась надпись «Офицеры охраны», вышли два солдата. Они схватили Брэя и отвели его назад к столу.

Через несколько секунд из комнаты охраны вышел лейтенант федеральных войск.

— Что происходит? Вы ведь звонили, — спросил он. Толстяк показал пальцем на Брэя.

— Этот диамондианец говорит, что он лейтенант Лестер Брэй.

Брэй машинально повернулся посмотреть, о ком идет речь, — и не увидел никого. В этот раз его ум оказался недостаточно быстрым.

— Какой диамондианец? — спросил Брэй.

— Вы.

* * *

В шесть часов утра чрезвычайный посол Лоран, который допрашивал Брэя, сказал ему:

— Надеюсь, теперь вы поняли, что вы диамондианец, гражданское лицо, вам около тридцати лет, и по документам, обнаруженным в вашем бумажнике, вас зовут Пьер Маньян.

Лоран взял в руки пачку бумаг и продолжил:

— Здесь есть расшифровка записи передвижений лейтенанта Лестера Брэя, и все это кажется мне достаточно фантастичным. Но в последнем донесении говорится, что он был в вертолете, который позавчера ночью приземлился на границе Оврага Гиюма. Лейтенант, очевидно, находился в это время в плену и под действием химического гипноза.

— Совершенно верно, господин посол. Я был там с доктором Герхардтом, дружественным ирском по имени Лозитин и ирском-повстанцем по имени Зооланит. Никого из них я не видел после нашего прибытия на место. Нас отвели в космический корабль, и последнее, что я помню, — в зал, где я находился, внесли на носилках полковника Мортона. У него были связаны руки и ноги. Что же касается гипноза, то благодаря подготовке,

полученной в разведслужбе, я, разумеется, сумел освободиться от него, и он с самого начала не имел большого значения.

Лоран взял другой документ, просмотрел его, поднял глаза от листа и произнес:

— Офицер федеральных войск, майор, вчера вечером вошел в больницу, где работает доктор Герхардт, и направился прямо в его кабинет. Майора арестовали, но он упорно продолжает утверждать, что он доктор Герхардт. А здесь, — сказал посол, беря еще одну бумагу, — сказано, что вчера вечером, вскоре после вашего прихода, на нашей проходной появилась проститутка-диамондианка и сказала, что она Дэвид Керк. Охранники сначала решили, что она хотела подняться наверх к Керку (слабая горькая улыбка), что было бы логично. Но она настаивала на своем. Поэтому ее тоже арестовали и допросят позже. Лоран бессильно развел своими красивыми руками.

— Что вы думаете об этом… э-э… лейтенант?

За эти несколько минут ум Брэя оправился от потрясения.

— Я думаю, господин посол, чтобы сделать выводы из всего этого, мы должны собраться вместе — Керк, Герхардт и я.

Лоран нашел эту идею превосходной. Потом, немного поколебавшись, посол сказал:

— У меня здесь лежит доклад майора Луфтелета. Майор сообщает мне, что вчера вечером начиная с двадцати часов двадцати двух минут здание известного вам поста сражалось с магнитным полем, окружающим Диамондиану. Считаете ли вы, что время совпадает?

Какое-то время собеседники молча смотрели друг на друга. Наконец Брэй вздохнул.

— Почти совпадает, месье. Что произошло?

— Если я верно понимаю Луфтелета, а это не всегда легко, то схватка продолжалась чуть меньше восьми минут сорока пяти секунд, что, по его словам, очень близко к пределу, заданному определенным логическим числом здания.

— Значит, здание выиграло бой?

— Луфтелет готовит доклад о его результатах, но должен вам признаться, лейтенант, — то, что случилось с вами, не дает мне уверенности, что победа здания была полной. Кстати, руководствуясь траекториями передвижения полковника Мортона и лейтенанта Брэя, я направил одно из наших спецподразделений в Овраг Гиюма. Несколько минут назад мне передали оттуда донесение: наши люди обнаружили очень круп-

ный объект, закопанный у подножия одного из утесов. Можно сделать вывод, что это космический корабль, о котором вы упоминали. Попытки установить контакт с теми, кто может находиться внутри, не удались. Наши люди продолжают свою экспедицию, соблюдая осторожность.

Брэй немного помолчал, потом тихо спросил:

— Во всех этих бумагах есть хотя бы слово о полковнике Мортоне или подсказка, где он может быть?

— Нет, ничего.

39

Мортон разглядывал незнакомую девушку, которая нерешительно переступила порог ресторанчика «Турин», и вдруг уверенно пошел ей навстречу.

— Изолина? — спросил он.

Женщина была стройной и изящно сложенной, с черными волосами и выражением природной отваги на лице — сейчас это выражение исчезло. Глаза незнакомки удивленно остановились на Мортоне.

— Да, — шепнула Изолина. — Но кто вы такой?

Ее собеседник улыбнулся толстыми губами.

— В данный момент, если верить зеркалу, в которое я, дрожа, смотрел несколько минут назад, я коренастый, курносый и толстогубый диамондианец с жирной кожей и карими глазами, ростом всего метр шестьдесят. Но характер у меня достаточно веселый. Я хозяин маленького торгового дела в «старом» городе и обременен длинной и тощей женой с колючим языком. Она любит кричать на меня, потому что я не всегда возвращаюсь домой по вечерам. Но поскольку я диамондианец, я ее не слушаю. Я ее неплохо выдрессировал и

теперь счастлив. Но на самом деле, — добавил он, открывая в улыбке два ряда ослепительно белых зубов, — я полковник Чарлз Мортон.

— Чарлз, что случилось? — воскликнула девушка. Мортон взял ее за руку своей новой рукой, большой и толстой, и повел в зал.

— Давайте сначала поужинаем. У меня с собой бумажник, набитый деньгами, так что нам не придется ограничивать себя.

Ресторанчик был маленький — всего двенадцать столиков в нишах, и лишь три столика были заняты. Двое диамондианцев — низенький коренастый мужчина и стройная молодая женщина заняли места в стороне от остальных посетителей. Усевшись, Мортон улыбнулся Изолине.

— Вы не слишком пострадали, — сказал он, рассматривая ее. — Посмотрим... Девятнадцать с половиной лет, очень черные волосы, тонкие черты лица и восхитительная фигура — столько достоинств, что с ними вы легко сможете зарабатывать себе на жизнь. Что до меня, то если вспомнить, что диамондианские мужчины одни из самых красивых в мире, мне повезло меньше.

— Прекратите шутить! Что все это значит?

— Это современная логика.

Изолина растерянно смотрела на него.

— Понятие взаимозаменимости деталей распространилось на живые существа, — просто сказал Мортон.

Изолина продолжала глядеть на него, ничего не понимая, и явно чувствовала себя неспокойно.

— Сегодня вы… Как вас зовут сегодня? Вы открыли ее? — спросил Мортон, показывая на ее сумочку.

— Да. Меня зовут Мария Кастанья, и я проститутка,

— Мария? — повторил Мортон, поморщившись, потом пожал своими жирными плечами. — Полагаю, что это еще больше упрощает процесс: на этой планете миллионы Марий. В данный момент около пяти тысяч проституток и столько же мужчин, из которых половина офицеры войск Земной Федерации, а половина диамондианцы, как я, взаимозаменимы с вами и со мной.

— Но как это может быть? И что такое эта современная логика?

Мортон терпеливо объяснил Изолине, что десять тысяч человек были теперь как десять тысяч транзисторов.

— Все мы элементы одного типа, скажем, UT-01. Сами мы, поскольку для нас доступна определен-

ная логика, видим, что мы отличаемся один от другого, но для Тьмы мы представляем собой одно существо. — Он еще раз улыбнулся, показывая крупные зубы, и пожал плечами. — Никто никогда не говорил, что современная логика неверна. Просто ее область действия ограничена: она связывает в одно целое схожие объекты, чтобы каждый из них мог выполнять функции другого. Это выглядит нормально, разве не так?

— Ради бога, перестаньте шутить! — воскликнула Изолина, — Как вы можете так легко относиться к этому?

— Как говорит старая пословица, я живу в ладу с этим миром, каким бы он иногда ни был.

— Но где мое настоящее тело? — сердито спросила Изолина.

При этой внезапной вспышке гнева официантка, которая шла к ним принять заказ, повернула назад. Мария-Изолина отвернулась от нее. Когда официантка отошла достаточно далеко, молодая женщина с болью в голосе повторила:

— Где оно?

Мортон внимательно и серьезно посмотрел на нее.

— Я как раз надеялся узнать от вас некоторые подробности на этот счет. Каково ваше последнее

воспоминание?

— Последнее, что я помню, — как Марриотт и ирск убегали через двери, — ответила молодая женщина.

Тут она неожиданно замолчала, ее большие карие глаза стали круглыми от удивления, и она спросила:

— Почему они это сделали?

— Подумайте как следует. Вы помните свадебную церемонию?

Красивая черноволосая собеседница Мортона наморщила лоб, напрягая память. Вдруг от изумления ее глаза чуть не вылезли из орбит.

— О господи! Вы хотите сказать, что она была на самом деле?

Мортон облегченно вздохнул.

— То, что вы сейчас сказали, доказывает, что мой анализ был верен: только что вы сумели преодолеть самопроизвольную потерю памяти. Теперь я лучше понимаю, что произошло. Думаю, нам всем очень повезло.

— Что вы хотите сказать?

— Пуля, которая попала в гипнотический шприц-пистолет, выбила его из руки Герхардта, пистолет подкатился к вентилятору, тот всосал примерно пол-литра мощного гипнотического

средства и сначала погнал его с воздухом в нижние этажи, где укрылось большинство ирсков. Я уверен, что этот состав усыпил их всех. Возвратившись наверх, газ, должно быть, скопился в некоторых воздухоприемниках, которые не оборудованы фильтрами против примесей этого рода. Я знаю, что фильтров нет, потому что секретные службы держат под наблюдением производство таких изделий и ни разу не позволили никому тайно продать на сторону свою технику. Значит, газ постепенно поднялся обратно к нам, и даже мое собственное тело из-за того, что он подается постоянно, должно быть, еще пропитано им и потому не может автоматически освободиться от его воздействия. То же, видимо, происходит и с лейтенантом Брэем.

— Но, — осмелилась сказать Изолина, — мы… мы же здесь.

— Мы представляем собой новый фактор, — ответил Мортон.

Изолина, похоже, не услышала его.

— Что теперь с нами будет? — простонала она.

— Каждый раз, как вы изменитесь, ищите меня здесь. Да… Так все должно наладиться. В конце концов, пятьдесят процентов из нас находятся здесь, в Новом Неаполе, так что статистика очень

благоприятна.

Огромные карие глаза пристально смотрели на него.

— Но что это значит? О чем вы говорите?

— Прошу вас, Изолина, не твердите «что это значит», как безмозглая диамондианка. Нас в этом кольце десять тысяч. Со временем нас может стать еще больше. Завтра вы рискуете проснуться в теле полковника федеральной армии, хотя до сих пор в кольцо пошел только один из них.

И Мортон прибавил, словно извиняясь:

— Мне очень тяжело, что я выбрал всех женщин кольца среди проституток, но я не нашел в себе силы включить добродетельных диамондианских жен и матерей, этих несчастных рабынь, в кошмар ежедневных или еженедельных превращений, хотя это произойдет достаточно быстро… Послушайте, вы представляете себе, как мы будем вечно искать друг друга в этой путанице меняющихся тел? Понравилось бы это вам?

Изолина, должно быть, только сейчас вдруг осознала произошедшее. Ее нежное лицо изменилось: на нем снова было выражение дерзкой отваги. И еще на этом лице был восторг. Она схватила Мортона за руку.

— Да, да! Боже мой, конечно, да! — и, внезапно

придя в ужас, добавила: — Но нам нужен какой-то способ связываться друг с другом… номер телефона…

Мортон накрыл своей большой пухлой ладонью тонкие пальцы, вцепившиеся в его руку.

— Изолина, успокойтесь. У нас есть место встречи — этот ресторан. Значит, в нужное время мы сможем сделать все остальное, все, что понадобится. Согласны ли ВЫ остаться моей женой в этих обстоятельствах?

Молодая женщина приоткрыла рот, чтобы сказать «да», и ее глаза заблестели от восторга. Вдруг этот блеск погас, и глаза затуманила влага.

— Но завтра я буду уличной девицей в Новом Неаполе, а вы окажетесь далеко в Новом Милане или на фронте с войсками Земной Федерации.

— Да, это возможно.

— Вы, разумеется, ограничили этот эксперимент во времени?

Лида Мортона помрачнело.

— Внушения о том, как освободиться от гипноза, не всегда действуют, как предполагается. Вероятнее всего, все люди из кольца получили команду связаться с 5М5 через пять дней, и с этого времени все они будут в прямом контакте полностью освобождены от гипноза.

— А что тогда? Мне кажется, после этого все будет просто?

— Сегодня рано утром я был там. Вся эта часть дворца Комиссии разрушена. Компьютер, хотя и металлический, был подброшен вверх примерно на тридцать метров. А когда он упал, десять миллионов предохранителей перегорели, — пояснил Мортон.

Выражение затуманившихся глаз Изолины было странным.

— Значит, это может продолжаться вечно?

Мортон не ответил, а поднял руку, делая ей знак замолчать, и шепнул:

— Подождите! Меня сейчас подключили к фантастической беседе.

В его мозгу заговорил шелестящий голос: «Система Махала А-24-69-73-2 вызывает Универсальный Регион, Локальный центр „Примус“. Поступило сообщение о проблеме ROD. Ряд инцидентов логического типа вызвал кризис на уровне загадки. Срочно требуется помощь или совет».

(Ответ: Помощь абсолютно невозможна: системы группы А-24 расположены на периферии уровня 69 и находятся за пределами досягаемости средств прямой связи. Ваша очередь, Второй!)

Диамондианская Система Махала описала события, которые привели к путанице с Мортонами, и в заключение спросила:

«Какие советы вы можете дать?»

(Решение: Случай, когда устройство управления не может идентифицировать объект, никогда не предусматривался. Следовательно, применяйте вариант 96-Т.)

«Не преувеличиваете ли вы?»

(Проверка: Первый вариант — истребление всего вида?)

«Потерпел неудачу».

(Проверка: Уничтожение первоначального устройства управления?)

«Сделано невозможным с помощью средств приоритетного доступа».

(Решение. Предписывается вариант 96-Т.)

«Отлично».

Мортон почувствовал на себе тревожный взгляд молодой женщины.

— У вас странный вид, — заметила она.

— Подождите! — повторил Мортон. — Это еще не кончилось.

40

Хорошо знакомый Мортону женский голос пробормотал:

— Не знаю, что со мной такое. Я, кажется, вот-вот упаду в обморок.

Мортон повернулся, прошел через ярко освещенную кухню к зеркалу и взглянул в него. В стекле отразилось лицо его сестры Барбары (значит, это не зеркало). Она внимательно оглядела себя, потом сказала:

— Какая я бледная, просто ужас: ни кровинки в лице.

Тогда Мортон понял, что происходит.

«Но она же на Земле!» — подумал он. Этот мысленный протест был очень слабым, и почти сразу же его заглушила невероятная правда. Возникла другая мысль, такая огромная, что не умещалась в сознании: «Больше семисот световых лет!»

«Так вот за что боролся Марриотт! — сказал себе Мортон. — Всемогущество, связь с кем угодно во всем мире — для него одного».

Потом, во время этого сеанса связи, которым Мортон теперь управлял сам, его ум, проникаясь грандиозностью этого открытия, с каждым

мгновением расширялся, разбухал, увеличивался в объеме как новорожденная Вселенная после первоначального взрыва.

— Барбара, это я, твой брат Чарлз, — сказал Мортон вслух. — Я говорю с тобой с помощью нового метода: передаю слова прямо в твой мозг. Сядь куда хочешь и говори вслух как обычно, я смогу тебя услышать.

В тот момент, когда Мортон где-то произносил эти слова, он почувствовал, что ему будет еще проще услышать сестру, чем он сказал: в определенном смысле он был Барбарой, Как в первый раз мысли Лозитина, мысли сестры проносились в его уме словно его собственные.

Мортон-Барбара побежал: Чарлз чувствовал себя совершенно так, как если бы бежал сам. Они оба (брат-сестра), задыхаясь от бега, бросились на очаровательную маркую скамейку, стоявшую в оконной нише на кухне. Усевшись, Барбара воскликнула:

— О господи!

— Что случилось? — спросил женский голос в соседней комнате.

— Скажи ей что хочешь, — шепнул Мортон. — Я не знаю, как долго мы сможем поддерживать эту связь.

(Впрочем, связь казалась достаточно надежной.)

Барбара справилась с этой проблемой самым простым способом: когда в кухню вошла говорившая — немолодая женщина, — сестра Мортона просто властным жестом запретила ей задавать вопросы.

— Чарлз, это невероятно?

Слово «невероятно» было слишком слабым, но у Мортона не было времени на объяснения.

— У меня не было выбора: я должен был либо вызвать тебя по межзвездной связи, либо использовать этот новый метод. (Потом он решился на ложь.) Я хотел только, как обычно, узнать, что у вас нового.

В прошлом в критические моменты или тогда, когда он не был абсолютно уверен в том, как будут развиваться события, Мортон звонил своей семье по телефону именно в это время.

Без колебаний он продолжил:

— Я хотел узнать, все ли там… то есть я хочу сказать здесь… в порядке.

Барбара уже опомнилась от потрясения.

— Откуда ты говоришь?

— Я по-прежнему на Диамондиане.

— Как идет война? Легкий вопрос.

— Военная тайна. Мама по-прежнему живет со своим вторым мужем?

— Мама единственная идеальная жена, которую я знаю, — ответил нежный женский голос. — Ни малейшего подозрения, если он не ночует дома. А вот я — другое дело. Вчера Люк позвонил мне — хочет, чтобы мы снова сошлись. Я послала его к черту! Вот тебе моя супружеская жизнь, — с горьким смехом закончила Барбара.

— Советы психиатров иногда помогают женщинам правильно обращаться с такими, как Люк.

— Я отказываюсь играть в эти жалкие игры!

— Тогда вообще не разговаривай с Люком.

— Но я ведь люблю его, — простонала Барбара. Мортон торопливо прервал ее.

— Нам нужно кончать разговор, — сказал он и озадаченно добавил: — Не пойму я некоторых мужчин. Отчего они такие?

— Не знаю, — отозвалась Барбара и мужественно добавила: — До свидания, Чарлз!

— о свидания. Поцелуй за меня маму.

— Обязательно поцелую. — И кухня на далекой Земле вдруг исчезла. Кусок настоящей, совершенно реальной жизни сменился пустотой.

Пустота ожила и стала…

Это «я-ты-вы-все» стало Мортоном.

Мортон смутно чувствовал, что его сознание растеклось по космосу вокруг шестой планеты диамондианского солнца и по ее поверхности.

Мир вокруг него… осветился. Сначала вспыхнуло несколько ярких точек, потом их стало больше. Вначале казалось, что они были относительно близко. Потом они стали охватывать все большее пространство, загораться все дальше. Разница расстояний в один миг четко обозначила границы этого озаренного светом мира, и Мортон понял, что смотрит на полный звезд Космос.

Вдруг он увидел под собой нечто фантастическое — планету, сияющую множеством огней. Но планеты такими не бывают, удивленно подумал Мортон. Они покрыты туманом, окутаны облаками. Как правило, атмосфера обитаемого мира — это туман, который скрывает все, кроме самых крупных возвышенностей и гор. Города на этом расстоянии обычно не видны.

Но сейчас он со всех сторон видел вокруг себя слабо светящиеся линии. Они как будто опускались на поверхность находившейся прямо под ним планеты. Эти линии были почти невидимы, но их было так много, что казалось, будто все пространство вокруг Мортона слабо светится. Мортон попытался понять, почему ему так долго

показывают эту гигантскую панораму, — и вдруг все расплылось у него перед глазами. То, что он видел, удвоилось, утроилось, учетверилось.

В первое мгновение его зрительные нервы едва выдержали такое напряжение: две поверхности планеты, потом три, потом четыре, потом бесконечно много. Число светящихся линий тоже умножалось. Мортон попытался представить себе то, что он видел, как несколько изображений, наложенных одно на другое. Он заморгал глазами, пытаясь лучше разглядеть многослойную панораму.

Это оказалось невозможным.

«Мне дают понять, что Тьма может одновременно видеть все поверхности планеты и слить в своей памяти все виды Диамондианы в один образ», — подумал Мортон. От него самого Система Махала явно не могла требовать так много. Тогда чего она добивается?

Может быть, если он будет считать эти виды зрительными образами и выберет из них один, а остальным позволит потускнеть…

Мортон попытался это сделать.

Тут же он четко увидел часть планеты — Северный полюс. Мортон решительно вернулся к туманящей зрение общей картине и выполнил

операцию «уточнения» по-иному. На этот раз он увидел бескрайнее море.

«Я угадал!» — с торжеством подумал он.

В тот же момент Мортон услышал звуки. Это были голоса, миллионы голосов.

Очень давно, еще учась в университете, он однажды подключился к одному из тех «пучков» сообщений, с помощью которых телефонные вызовы передавались через межзвездное пространство. Принцип этой передачи — использование радиоволн в качестве несущего луча, по которому «пучки» передавались со сверхсветовой скоростью, восхитил Мортона-студента, а передача тысяч вызовов в одном пучке была, как выражался его профессор, «изящным решением».

Тот, меньший хор голосов, который он услышал тогда, напоминал шум в большом переполненном зале, где все говорили одновременно, ожидая начала концерта.

Сейчас Мортон слышал что-то похожее, только голосов было еще больше.

В изумлении он подумал: «Неужели я сейчас слышу все слова, которые в этот момент произносят там, внизу?»

Такая возможность не умещалась в его уме и была слишком огромной, чтобы ее можно было

обдумать за то малое время, которое у него было. Мортон задал себе вопрос, способен ли он еще управлять своими действиями.

В кабинете посла Лорана зазвонил видеоком, и чей-то голос доложил:

— Сообщение от поисковой группы, господин посол!

Лоран быстро снял трубку. Наступило молчание — он слушал того, кто говорил на другом конце провода. Потом, бросив взгляд на Брэя-диамондианца, он задал в трубку вопрос:

— А тело лейтенанта Лестера Брэя? Рядом со мной стоит человек, которому это будет особенно интересно.

Наконец Лоран положил трубку и серьезным тоном сообщил:

— Обнаружен только один труп — тело мисс Феррарис. Спасатели вошли в корабль, надев противогазы, и нашли там около шестидесяти ирсков и людей, которые все были без сознания. Единственный, кто исчез, — Мортон. Предполагают, что в воздухе распылено примерно пол-литра гипнотизирующего газа, а этого в таком ограниченном пространстве достаточно, чтобы усыпить их всех на несколько дней.

Мертвенно-бледное лицо посла постепенно

приобретало обычный цвет, и выражение этого лица было радостным.

— Я велел доставить их всех сюда. Думаю, скоро мы сможем начать мирные переговоры. И в данных обстоятельствах, поскольку большая часть делегатов находится под гипнозом, я очень надеюсь на удачу. Мне кажется, что это полное и окончательное решение военной части той головоломки, о которой вы говорили…

* * *

Мортон вновь оказался в знакомом ресторанчике напротив Марии-Изолины Кастанья-Феррарис.

— Что с вами было? Уже два раза приносили счет, — шепнула она.

— Кажется, решение 96-Т означает вот что: местная группа абонентов Махалы отныне должна подчиняться моим приказам, а через две тысячи лет кто-нибудь прибудет сюда посмотреть, позволю ли я совершиться тому, чего они хотят. Я буду должен уволиться из армии и остаться на Диамондиане. Что вы думаете об этом? Как вам нравится идея сделать всех людей взаимозаменимыми с полковником Чарлзом Мортоном?

Пока он говорил, черноволосая молодая жен-

щина оживилась. Вдруг она встала с места, быстро обошла стол и упала на колени корена-стому смуглому диамондианцу.

— Господину Чарлзу Мортону и его супруге пора удалиться в укромный уголок и там вос-пользоваться своим уединением. Но одно я могу сказать тебе точно.

— Что же?

— Такой план, как тот, что предлагает эта Ма-хала, никогда не будет принят диамондианцами.

Сказав это, она прижала в поцелуе свой изящ-ный рот к толстым губам Мортона.

Эпилог

На Земле через несколько недель.

Заведующий художественной частью некоего журнала V постучал в дверь своего шефа — главного редактора, вошел к нему и почтительно положил на его стол рукопись.

— Я получил новый рассказ лейтенанта Лестера Брэя. С Диамондианы.

— Слушайте, это ведь там только что подписали тот мирный договор! Покажите-ка мне это!

Глаза шефа искрились радостью, когда он читал: «Серые мысли под серым небом… Из своего окна Христомена видела над потемневшими крышами Нового Неаполя вершину Везувия-2, который непрерывно извергал клубы дыма…»

Широко улыбаясь, главный редактор поднял взгляд на своего молодого помощника.

— Нет, вы только послушайте! Какой местный колорит! Это непременно нужно поставить в ближайший номер! Это же фантастическая сенсация — мы первые опубликуем такой материал! Рассказ очевидца — да с этим мы прогремим на весь мир! Вы согласны?

— Конечно, шеф!

Альфред Ван Вогт
Человек с тысячью лиц

1

Стивен Мастерс спустился по трапу космического корабля на поверхность планеты, размышляя, что он при этом должен чувствовать. Унизительно вначале пятиться задом из шлюза, как рядовой астронавт, а затем осторожно сползать по ступенькам.

Снимают ли его на пленку? Интересно, как он выглядит сзади? Ему казалось, что его движения неуклюжи, его даже передернуло от одной этой мысли. И все же — смешанное чувство охватило Стивена… Если люди на Земле следят за ним, то они знают — видят, что он, Стивен Мастерс сейчас, сию минуту спускается по лестнице.

Эта мысль доставила ему удовольствие. Они смотрят на него. Они видят его!

Сейчас он спустится и взберется на тот холм. Оттуда он увидит, как выглядит эта дыра.

Как только его нога коснулась грунта, Стивен попытался осмыслить тот удивительный факт, что именно он первым ступил на новую планету, и это самое главное. Ему стало легче, он оторвался от трапа и внутренне собрался под своим скафандром со всеми его устройствами и

приспособлениями.

Сначала он чуть не упал. Шатаясь и спотыкаясь, Стивен с трудом удержался от падения. Боже, чуть не опозорился!

Прошло немало времени, пока он, обливаясь потом, стоял, застыв в нелепом положении, откинувшись назад. Оглянувшись, он увидел, в чем дело. Один из двух крючков, свисавших с плеча, зацепился за ручку канистры, стоявшей у основания лестницы. От неожиданного толчка он и потерял равновесие: шагнув вперед, чуть не опрокинулся назад, не поняв из-за жесткого кокона костюма, что случилось.

Стивен ослабил и освободил крючок. От злости ему бросилась в голову кровь. Он даже на мгновение стал хуже видеть.

Наконец он понял, что вряд ли кто-то из экипажа заметил его промах.

Чувство приподнятости вернулось, а гнев рассеялся, уступив место смущению. В стрессовой ситуации мелькнул слабый лучик истины, пробившись сквозь обычное для него состояние самоупоения. Что-то подсказало ему, что он не приобрел друзей за время полета. Но что поделаешь — лучше не жаловаться.

Он быстро направился к ближайшему из хол-

мов. По мере приближения он отметил, что холмы не вулканические. Пологие склоны, много кустов, в основном, желтых, встречались и зеленые с оттенком голубого. Самое интересное — это их угловатые согнутые листья. Такого нет ни на Земле, ни на любой другой известной планете.

Педагогам удалось вложить в него кое-какой интерес к знаниям, несмотря на все его противодействие. И все же (он не мог скрывать это от себя) ему скучно уже теперь. Да, будут новые растения и много животных. Однако эти детали не имеют значения для сына самого богатого человека на Земле.

Мысленно он увидел всю эту роскошь: причудливые автомобили, блестящий личный самолет, хорошо одетых девушек, стремящихся ублажить наследного красавчика. Элегантные интерьеры, огромные здания, величественные отели, пресмыкающиеся слуги: «Слушаю вас, господин Мастерс… Что-нибудь еще, господин Мастерс? Вывести машину, господин Мастерс?». Он же бросает не глядя: «Я позову вас, если будет нужно». А если слуг не было на месте, то: «Какого черта, где вы шляетесь?!»

Правда, во время полета на Миттенд он обнаружил, что есть вещи, которые нельзя купить за

деньги. Положение Мастерса-старшего обеспечило сыну койку на борту корабля, но не могло бы ни снять его с борта, ни повернуть корабль назад после старта, ни заставить спутников относиться к нему с симпатией. Люди не любят, когда деньги прут напролом.

Бог свидетель — он пытался наладить контакты. Но все на борту лишь отвернулись от него. В общем-то, ему наплевать. В определенных эмоциональных состояниях ему никто не был нужен.

Да, скучно. А вы, несчастные маленькие человечки, ищете еще одну зеленую планету? Хотите, затаив дыхание, увидеть маленьких птичек и взять пробы грунта? Боже, его тошнит при мысли о том, что еще три недели придется болтаться в космосе, проведя перед этим месяц на планете.

И пока Стивен шел, скучая, злясь и даже слегка дергаясь от нетерпения на каждом шагу, он смотрел на желто-зеленый мир, который расстилался перед ним внизу, в то время как он поднимался все выше. Содержание кислорода здесь было такое же, как на Земле, он снял шлем и бросил его, не глядя. Так лучше видны и отдаленный лес, и блестящая гладь реки. Он презрительно кривлялся, наблюдая открывшуюся ему, необычайную по своей новизне красоту природы.

И все-таки небольшая частица честолюбия еще оставалась в нем. «Стивен Мастерс отбывает на Миттенд с партией первопроходцев.» Этот волнующий заголовок появился после того, как он спьяну признался, что этого хочет. Начитался газетной болтовни о себе, своем отце и захотелось чего-нибудь новенького. А газеты раздули его дурацкое хвастливое замечание на вечеринке.

Стивен мысленно оглянулся назад. Каким идиотом надо было быть! И вот чем закончилось. Он не переживет этого. Это предел!

Предчувствие неприятностей и сознание бесцельности его прогулки не исчезло и тогда, когда с гребня холма он увидел горизонт.

Что-то мимолетно прошло через его сознание в этот момент: «Мать, мы передаем тебе образ этого пришельца. Разрешаешь ли ты заняться им? Даешь ли ты нам силу?»

Иногда Стивена удивлял поток собственного сознания. Но это бывало редко да и в других обстоятельствах. Совершенная бессмыслица промелькнула и исчезла. Осталось раздражение. Перед ним простиралась еще одна гряда холмов, более высоких, чем тот, на котором он стоял. Гряда закрывала западную часть горизонта.

«Хорошо, хорошо, — подумал он, — пойдем и

туда». В конце концов, он всегда был упрямым. Чаще всего это касалось девушек. Его бесило, если какая-нибудь смазливая маленькая дрянь начинала нести вздор, когда он тянул ее в ближайшую постель, и он должен был зажимать и лично раздевать ее. И тогда она начинала вздыхать и расслаблялась, очевидно, считая, что теперь уже все идет как положено.

Путь к гребню пролегал вначале через ложбину, затем шел длинный, пологий, но каменистый подъем. Дойдя до нижней части ложбины, Стивен обнаружил там узкий ручеек, почти скрытый высокой кустистой травой. Вода журчала, несло сыростью, в ручье плавали маленькие черные личинки. На мгновение он вспомнил: маленький мальчик на одном из ранчо отца, узкий ручей, совсем как этот, он так же был скрыт травой, и Стивен нашел его так же совершенно неожиданно. Ему было восемь лет. Сколько радости он испытал тогда от этого открытия!

Его мысль задержалась на этой чистой картинке детства. С тех пор прошло пятнадцать лет «созревания», как он сам называл эти годы.

Зрелость?.. Как можно одновременно презирать свое положение сына мультимиллиардера и не упускать ни одной возможности восполь-

зоваться им? Эту проблему Стивен разрешил очень просто. Презирать все человечество! Без исключения. Делать вид, что деньги ничего не значат. Насмехаться над этим тупарем, своим отцом, потратившим свою жизнь на накопление бесполезного барахла и денег. Тратить деньги с циничной расточительностью, поскольку тебе ведь все безразлично.

Стивен перепрыгнул через ручеек и автоматически совершил правильные действия. Во-первых, он начал подниматься на гребень, а во-вторых, прикинул расстояние до вершины — оно составляло около четверти мили. Тут проявились два его достоинства: никогда не останавливаться, не сидеть или лежать, словом, не бездействовать и еще — уметь правильно ориентироваться в окружающей обстановке. Он мог оценивать направления и расстояния, как почтовый голубь. На эту его способность не влияли ни тяжелые мысли, ни неприятные воспоминания или цепь образов, которые время от времени возникали в сознании, питая его фантазию и оправдывая его поведение. Бывали случаи, когда он наутро после загула просыпался в незнакомых постелях и тем не менее всегда быстро соображал, где находится.

Он все еще шагал к гребню, от высшей точки которого его отделяла всего сотня футов…

«Мать, он видит нас! Дай нам больше сил!»

Мастерс остановился и покачнулся. Подобное движение однажды спасло ему жизнь. Тогда он хотел перейти дорогу, и только он сошел с тротуара, как паромобиль, черный, словно ночь в степи, тихо, без сигнала пронесся мимо, лишь просвистел воздух, и если бы Стивен вот так же не откачнулся, то погиб бы. Тогда он среагировал быстро, крутнувшись в сторону уходящей машины, заметил номер, а затем судился три года, используя при этом всю мощь денег папы Мастерса. Ему пришлось выдвигать все более и более изощренные обвинения против несчастного владельца паромобиля, пока суд не вынес приговор в пользу Стивена, осудив ответчика на миллион долларов по совершенно ложному обвинению в том, что это было умышленное покушение на жизнь Мастерса-младшего. Лишь Верховный суд пересмотрел этот приговор, но ответчику это все же обошлось в восемьдесят четыре тысячи долларов судебных издержек. К тому времени Стивен уже и сам поверил каждому слову своего вранья. После этой истории он цинично распространялся о том, как трудно богатым людям добиться спра-

ведливости.

В других случаях Стивен реагировал на неожиданную угрозу ловким прыжком или другим движением тела, или мгновенным решением. Это всегда случалось моментально. Теперь, когда он отшатнулся в предчувствии опасности, воспоминания о подобных случаях пронеслись в его мозгу.

Он заметил, что десяток каких-то существ, похожих на людей, появились слева от него и что они не совсем нагие, как ему показалось сразу, — на бедрах у них болтались маленькие повязки.

Стивен Мастерс быстро ощутил, что на этот раз ему не придется получить удовлетворения в суде, это не тот случай, НЕ ТОТ, когда ему удастся расквитаться с сукиными сынами, как он обычно называл своих противников.

Перебирая все эти мысли — некоторые из них были совершенно новыми для него — он по меньшей мере полминуты провел в нерешительности, и наконец — слишком поздно: — начал убегать от этих странных существ, но даже и теперь двигался слишком медленно. При этом Стивен почему-то ощущал нежелание убегать, появилось такое чувство, будто он движется в неверном направлении. Что-то внутри него со-

противлялось каждому его шагу. Через минуту, заметив, что преследователи не слишком спешат, он перешел на шаг.

Стивен шагал быстро, с беспокойством думая о том, что он идет примерно параллельно гребню холмов. Уже сейчас между ним и той первой цепью холмов, которую он пересекал раньше, довольно значительная полоса неровной местности. Совершенно ясно, что попасть к кораблю он сможет, только перевалив холмы в другом месте, поскольку дикари — как он заметил — держали в руках короткие копья и могли захватить его, если бы он пошел назад тем же путем.

Он попытался успокоить себя соображением о том, что дикари не так уж и опасны, потому что находятся на низкой ступени развития. Вокруг простиралась дикая природа, тишину нарушали лишь шаги его ног в грубых ботинках скафандра: части костюма при ходьбе скрипели и, как ему казалось, затрудняли его движения. Подумав об этом, Стивен тут же начал развинчивать детали комбинезона и освобождать стяжки. Конструкция костюма была очень удобной в обращении. Но перед тем, как окончательно скинуть с себя скафандр, Стивен вынужден был остановиться и вытащить вначале одну, а затем другую ногу.

Освободившись наконец от костюма, Стивен заметил, что из лощины впереди, на расстоянии ста ярдов, появилась вторая группа полуобнаженных существ, вооруженных копьями и также направлявшихся к нему.

Стивен вновь перешел на бег, он вынужден был теперь двигаться в направлении пересеченной местности, чего раньше он надеялся избежать.

«Фантастика какая-то», — подумал Стивен.

Неожиданно дорогу ему преградил ручей, довольно широкий и не такой уж мелкий. Поколебавшись лишь мгновение, Стивен прыгнул и погрузился в воду сначала до бедер, затем по пояс, еще мгновение — и он уже выбирался наверх по склону противоположного берега. Промокнув и увязнув по колено в грязи, Стивен опять кинулся бежать, однако тут же споткнулся и упал. Он встал и побежал снова, но, ступив ногой в ямку, почувствовал боль в щиколотке. Он собрался было бежать дальше, пусть даже и хромая, но преследователи тем временем почти настигли свою жертву, практически отрезав его от корабля. Ближайшая к нему группа находилась уже всего в двадцати пяти ярдах, и Стивен мог хорошо видеть их.

В такие моменты кажется, что время оста-

навливается. Стивен на мгновение застыл в неподвижности. И, разглядев их лица, он безошибочно определил, что это лица людей.

Человеческие существа!

Правда, его это не очень поразило. Даже сухарь-антрополог обрадовался бы гораздо более. Эмоциональный же ученый просто затрясся бы от восторга. Как-то он случайно попал на собрание ученых мужей, обсуждавших проблемы рас на других планетах. И вот теперь он сам столкнулся с незнакомой жизнью, которую он наблюдал уже несколько секунд. Однако чувства ученого, делающего мощное открытие, были ему неведомы.

Туземцы Миттенда были почти белыми, так во всяком случае показалось Стивену. Сам он часто, смеясь, называл себя гражданином мира. Его прабабка была метиской, но никого это особенно не волновало, тем более, что она отличалась потрясающей красотой. Дед Стивена тоже женился на очень привлекательной женщине с примесью китайской или таитянской крови. Мать Стивена была германо-китайского происхождения, черноволосая, с испанской внешностью.

Что особенно поразило Стивена, так это то, что… миттендиане были, как бы это сказать… все чем-то похожи на самого Стивена! Когда он

разглядел сходство, туземцы были уже совсем близко.

Стивен побежал изо всех сил, задыхаясь, чувствуя, что он долго не выдержит. Он взбирался по склону холма, который казался теперь гораздо круче, чем раньше…

Только сейчас, в этот последний момент, Стивен понял, какую глупость он сделал, отправившись в одиночку. Обычно такие мысли ему в голову не приходили, он всегда делал то, что хотел, и посылал всех при этом к черту.

«Зови на помощь, идиот!» — мелькнуло в мозгу Стивена.

Он попытался крикнуть, но звук его голоса оказался на удивление слабым.

Неудачный призыв о помощи напомнил Стивену, как он закрылся когда-то на верхнем этаже пятиэтажного нью-йорского дома Мастерса, где хранились всякие припасы и располагались комнаты для слуг.

Никто так никогда и не понял, как Стивен закрылся на этаже. Кто мог себе представить, что юноше в пятнадцать лет придет в голову закрыться изнутри на ключ, а затем выбросить ключ в окно?

Потом он стоял у окна, сгущались сумерки, и

Стивен начал звать кого-нибудь. Во всяком случае, он утверждал потом, что звал. Может быть, он звал слишком тихо, может быть, лишь шептал. Об этом он умалчивал при разбирательстве.

Позднее признание получила версия, что один из слуг — Марк Брем — запер мальчика, а затем, стоя внизу на лужайке, смеялся и издевался над ним.

— Он словно сошел с ума, отец. Должно быть, он ненавидит меня, как и всех богатых людей.

Хотя голова Мастерса-старшего была всегда занята массой проблем, на этот раз он так удивился — чем это его Стивен вызвал ненависть и странную злобу слуг — что несколько минут беседовал с сыном:

— Лучше всего говорить правду. Наказание за ложь или вред, нанесенные другому лицу, наступает автоматически, оно неизбежно. Ты остаешься психологически связанным с тем, кого обидел или кому солгал, и тем самым ограничиваешь свою свободу.

Очевидно, правду знали лишь Бог и Стивен. Но у Стивена правда получила странное преображение.

— Этот слуга ненавидит меня без всякой причины. Я всего лишь два раза говорил с ним за все

время, что он служил у нас. Может, он чувствовал себя отверженным, хотел внимания.

Пятнадцатилетний мальчик сказал правду… о себе. Наверное, Стивен нуждался во внимании своего вечно занятого отца.

Мелькнувшее воспоминание, непродолжительное бегство, слабая попытка позвать на помощь — и погоня закончилась, преследователи были уже в нескольких шагах.

Когда его схватили, Стивен содрогнулся. Нечто абсолютно чужое дотронулось до человека впервые с тех пор, как на Земле появилась жизнь. Каждой клеткой своего существа Стивен ощутил отвращение.

Пальцы миттендианина вначале скользнули по правому плечу, затем снова, более надежно схватили его и уже не отпустили.

Глубоко-глубоко внутри Стивена что-то вскрикнуло.

«Мать, прикосновение, ощущение — это невозможно. У него тысяча лиц. Быстрее, перенеси его!..»

…Дзинь!

Стивен уставился на два бокала пива, упавшие на грязноватый пол бара. Резкий голос бармена сзади вывел его из оцепенения.

— Марк, какого черта, проснись!

Стивен обернулся. Он сделал это автоматически, не думая. В первый момент он не понял, что обращаются к нему. Однако кто такой Марк? Марк…

Подняв глаза, он увидел окно бара, на стекле которого с наружной стороны черными буквами было что-то написано. Изнутри это выглядело так:

УЛГУ АН

Еще через мгновение, переживая нестерпимую раздвоенность и не осознавая до конца, что ему придется теперь всегда откликаться на имя Марк Брем, Стивен повалился на пол.

2

Стивен никогда не находил нужным скрывать свои чувства, ему было на всех наплевать. Поэтому и сейчас он начал орать и орал до тех пор, пока около него не собралась целая толпа. Никто ничего не понимал, для всех припадок официанта был полнейшей неожиданностью. Кто-то с ужасом произнес:

— Он помешался!

Стивен закричал еще громче. Где-то за спинами толпы уже набирали телефонный номер и вызывали полицию, но еще до того, как приехали представители закона, возбужденный баритон (Стивену этот взволнованный голос со всхлипываниями напомнил ослиный крик) вызвал скорую помощь.

Санитарам пришлось попотеть, пока они управились со Стивеном, который выкрикивал свою историю и никак не давал сделать себе инъекцию, отчаянно боясь, что его усыпят. В конце концов два прибывших полисмена справились с ним, и ему ввели снотворное. Стивен еще помнил, как его несли, крепко держа, а потом осторожно положили на носилки в машине.

Ему показалось, что в себя он пришел сразу же. Одного быстрого взгляда вокруг было достаточно, чтобы понять, что он находится в больничной палате. Он быстро нашел и нажал кнопку. До появления сестры Стивен сообразил, что он должен изменить свое поведение: они снова усыпят его, если он будет шуметь.

Стивен рассказал свою историю вначале одной сестре, затем другой, третьей, потом студенту-практиканту, потом доктору, еще одному доктору… Наконец, пришел психиатр. Какие-то слухи дошли до репортера. И вот еще дважды хриплый голос Марка Брема без признаков усталости подробно поведал о том невероятном несчастье, которое постигло Стивена Мастерса на далеком Миттенде.

Позже сестра принесла ему газету. Там была помещена колонка с его рассказом, а рядом — обзор новостей, где сообщалось, в частности, что космическая связь с астронавтами на Миттенде прервалась рано утром (значит, через двенадцать часов после психического срыва, случившегося с Марком Бремом).

Стивен даже не подумал о том, какая судьба могла постичь его спутников, его это совсем не интересовало. Взгляд Стивена скользил ниже

по колонке, пока не остановился на том, что он искал:

«Телефонный запрос Ассошиэйтед Пресс в штаб-квартиру Стивена Мастерса-старшего увенчался лишь лаконичным ответом одного из помощников мультимиллиардера: „В данный момент у нас нет комментариев по этому вопросу“.

В данный момент! Подразумевалось, что, возможно, далее что-то последует. Это мгновенно обнадежило Стивена и улучшило его настроение. Всю оставшуюся часть вечера и беспокойную ночь он представлял, как «старушка»

— так он называл мать, которая в свое время была очень красива (да и сейчас еще могла представлять некоторый интерес для мужчин) — теребит «старого хрыча».

Он злорадно подумал: «Уж она-то не даст ему заснуть». Мысленно Стивен увидел, как его мать, обуреваемая страхом и самыми худшими предчувствиями, настаивает, чтобы ни одна, даже самая слабая ниточка, ведущая к спасению ее дорогого сына, не осталась не исследованной.

С самого начала, когда он собрался в экспедицию, мать была сама не своя. Если говорить правду, он так донимал всех близких фокусами и капризами…

Она его вытащит отсюда… С этим убеждением Стивен наконец заснул. Разбудили его медсестра — молодая блондинка — и санитар, ворвавшиеся, запыхавшись, в палату для того, чтобы перевести его в отдельную комнату для интервью с двумя психиатрами и… с самим господином Мастерсом!

Его собирались перенести, но Стивен выпрыгнул из койки и, опираясь на сопротивлявшуюся блондинку и санитара, переместился в большую, ярко освещенную комнату с одной кроватью. Через несколько минут растворилась дверь и…

«Странно, — подумал Стивен, — он не изменился»… Хотя что странного было в том, что органы чувств Марка Брема воспроизвели в точности того Мастерса-старшего, которого знал Стивен? Для Стивена это была новая мысль. Впрочем, все люди выглядят, примерно, одинаково.

Стивен вновь повторил свою историю, но на этот раз спокойно. Впервые за все эти часы он действительно думал о том, что говорит.

Он даже увлекся. Рассказ помог ему высветить в памяти те детали, которые вначале ускользнули от его внимания. Теперь, в процессе рассказа, он сам стал понимать много больше.

Неожиданно что-то снизошло на Стивена. По-

ток сознания в его мозгу превратился в ревущую реку. Внутри него бушевало, он не мог контролировать свои мысли и память, и лишь малая часть его «я» сохранилась, благодаря чему он видел себя со стороны.

«Я уже наполовину чокнулся». Раньше это ему и в голову не приходило.

Возбуждение спало так же быстро, как и пришло. Он старался держать себя в руках, чтобы такое не повторилось. Еще несколько минут Стивен отвечал на вопросы.

Потом вновь стало скучно. Лежа на спине, Стивен отдыхал, затем перекатился на бок и с вызовом уставился на Мастерса-старшего.

— Отец, зачем ты привел сюда этих умников?

В Стивене закипала злость, и он накручивал себя все больше:

— Какого черта, уведи этих крыс!

Мультимиллиардер поднялся:

— Вы закончили, господа? — с достоинством осведомился он.

Врачи переглянулись и кивнули. Один из них сказал:

— В целом все понятно.

Другой начал анализировать:

— Явный случай параноидальной галлюцина-

ции. Вы заметили появление этой мгновенной враждебности, мнимый перенос сознания? Я, вместе с тем, не думаю, что он опасен.

Стивен прорычал со злобой:

— Чистый идиотизм.

Старшему Мастерсу он сказал:

— И ты хочешь позволить этим пузырям выступить в прессе?

Отец был невозмутим:

— Они составят отчет, а помещать его в газетах или нет, я решу сам.

Стивен смягчился:

— Покажи его хотя бы вначале старушке, а?

Папа-Мастерс не ответил. Он подошел к двери, открыл ее и, уже выходя, остановился. Все замерли. Не поворачивая головы, он произнес:

— Я предлагаю вам покинуть больницу, когда вы почувствуете себя лучше, и возобновить вашу деятельность официанта в баре. Не стройте никаких иллюзий. Ваша история — фантастика. Всего хорошего.

И вышел, а вслед за ним и оба врача. Стивен остался лежать с презрительной усмешкой на лице. Однако заявление Мастерса произвело на него пугающее впечатление. Что-то в голосе этого старого лунатика… Неужели он и в самом деле

так думает?

Оставшаяся часть дня тянулась долго. Его отвезли в прежнюю палату, где на других трех кроватях лежали какие-то малоинтересные для Стивена типы. Со Стивеном проделывали какие-то процедуры, он понял, что специальных инструкций относительно него не получено. Настроение его ухудшилось.

Пришла ночь. Вот уже пора спать. А он все еще Марк Брем и все в том же состоянии.

Один.

Стивен свернулся калачиком в темноте, как бы стремясь оградить себя от окружающего. Он лежал, чувствуя себя отвратительно. Беспросветно… Тело Марка Брема — тяжелое, стареющее — казалось ему уродливым и чужим.

Размышления привели его к мысли о том, что с ним обращаются как с сумасшедшим. Нужно быть осторожным, а то его запрут в каталажку.

Ночь Стивен провел, составляя хитрые планы избавления, то просыпаясь, то вновь засыпая. Как можно притвориться здоровым и нормальным, если Стивен Мастерс втиснут в тело слуги, и притом, человека на четырнадцать лет старше его? Как, как, как? Вот история! Наконец пришло утро.

Когда Стивену принесли завтрак из двух яиц, двух тостов с маслом, клубничного джема и кофе, в палату вошел человек простоватого вида с веселым лицом и блестящими глазками, осмотрелся и направился к Стивену. Сначала Стивен подумал, что он его не знает, но через мгновение узнал. Это был владелец бара «На углу».

Как его звали? Да — Джесс Рихтер.

Массивный, крикливо одетый человек подошел к постели и уставился на Стивена.

— Эй, Марк, — сказал он, — ты уже во всех газетах. К нам валом валят, и я обещал посетителям, что ты будешь наливать как раньше.

— Ну же, — Рихтер стал подмигивать, — как насчет вернуться? Пока будет наплыв — плачу вдвое.

Такое оскорбление уже было трудно пережить. Стивену кровь ударила в голову. Пусть он сдохнет, но сейчас выдаст этому нахалу. Он уже открыл было рот, но…

Минутку… Все планы, взлелеянные бессонной ночью, вновь возродились в его мозгу и придержали язык. Ведь этот болван может вытащить его отсюда. Он отсидится в баре и обдумает, что делать. И кроме того, старый хрыч знает, что может найти его там.

— Да, — согласился Стивен.

А что он мог еще сказать?

— Чудненько — радостно воскликнул Рихтер. — Ты всегда был надежным парнем, Марк. А на этот раз ты превзошел себя!

Стивен усмехнулся.

— Так держать, парень. — Рихтеру явно полегчало. — Не меняй ни слова в своих показаниях, договорились?

— Еще бы! — ухмыльнулся Стивен.

Довольный толстяк попятился к двери, махнул еще раз рукой:

— Пока, Марк, до встречи, парень!

Рихтер отбыл. Теперь уже Стивену стало полегче. Ведь ему все время хотелось врезать в эту жирную морду.

Визит Рихтера подействовал на него угнетающе. Если старый дурак не появится и проглотит все, что ему навешивают те два умника о параноидальном состоянии… Одна мысль о том, что отец не предпримет никаких шагов, была убийственной. Потому что тогда он останется Марком Бремом. Он, которому только что было двадцать три года, станет тридцативосьмилетним.

После ленча пришла сестра и объявила, что его выписывают и он может уходить в любое время.

Стивена охватило новое чувство — дела были не так уж плохи. Ведь он мог сейчас находиться на Миттенде в лапах этих дикарей!

Хорошее настроение заметно поубавилось, когда в кассе госпиталя ему выдали чек к уплате на тысячу триста семьдесят восемь долларов и пятьдесят центов. Во всех карманах и в бумажнике Брема нашлось только два доллара бумажками и тридцать восемь центов монетками. К счастью, там оказались и два засаленных чека Пятого национального банка. Не колеблясь, Стивен тут же использовал один из них для оплаты. Вероятность того, что на счету Брема могло не быть такой суммы, его не беспокоила, по крайней мере на данном этапе.

Спустившись по ступенькам, Стивен вышел на улицу. Здесь он остановился. Под вечер в октябре уже довольно прохладно. Когда он однажды лежал в клинике еще ребенком, то его при выпуске вывезли на коляске, погрузили с грузовой рампы в автомобиль и доставили с большой помпой домой, а мать следовала за ними в лимузине.

Сейчас же — ничего похожего. Прескверно чувствуя себя, Стивен побрел по улице в направлении все более убогих районов и остановился около телефонной будки. Дрожа от холода, подав-

ляя злость, он открыл телефонный справочник и стал искать телефон бара «На углу». Ничего лучшего ему пока в голову не приходило.

Октонал стрит, шестнадцать. Где же это? Он позвонил в бар и объяснил Рихтеру свое затруднение. Тот восхитился:

— Ну даешь! Не знает, где находится. Что-то у тебя с головой, Марк. Стой, где стоишь, я пошлю за тобой сына.

Семнадцатилетний сын Рихтера прибыл в дребезжащем фургоне, он привык выполнять всякие поручения отца. Мальчик доставил Стивена в такую же убогую часть города, как и сам бар «На углу», перед входом в который фургон, задребезжав в последний раз, и остановился.

3

Стивен работал, как автомат.

Такую уловку он придумал очень давно и применял ее, чтобы быстрее проходило время в периоды скуки. Это была особая игра: его тело присутствовало в определенном месте, а сознание отсутствовало.

Нося бокалы на подносах, он двигался, как лунатик, говорил ровным, размеренным голосом, принимал заказы и моментально передавал их хозяину-бармену. Вдобавок, прибавлял все время: «Да, сэр».

Удивительно, но никого это не раздражало. Никто не считал его поведение необычным. Посетители улыбались и еще подначивали его:

— Как там, старик, еще не подъезжает в своем «роллс-ройсе»? Марк, а может, ты Стивен?

И так далее, до бесконечности. Стивен попросту не пропускал эти выпады в свое сознание. Он знал, почему он здесь находится и для чего выполняет всю эту невероятную для него работу. На улице было холодно, а в баре — тепло. Кроме того, ему действительно некуда было пойти. Стивен всегда думал, что бедняки работают именно по-

этому и что к нему все это не относилось. Теперь же, вот уже несколько часов он сам был задерганным бедолагой.

Время шло, миновал вечер. В два часа ночи выпроводили последнего завсегдатая, и Рихтер, повозившись за стойкой, вынул деньги из кассы, надел куртку и пальто. Повернувшись к Стивену, он предупредил:

— Если ты не помнишь, то знай: ты спишь в задней комнатке.

— О'кей, — ответил Стивен.

— Ну, пока.

Толстяк ушел, бросив напоследок от двери:

— Уберешь все к трем часам. Запомни: открываем бар в три!

Стивен проследил, как он уходил. Дверь закрылась. Бар опустел. Часть освещения была отключена, Стивену не пришло в голову выключить остальной свет. Он медленно направился в заднюю комнату, которая оказалась разделенной перегородкой на две части. Слева был небольшой склад, заставленный ящиками со спиртным и несколькими урчащими холодильниками.

Стивен открыл дверь справа, нащупал выключатель. Когда лампочка зажглась, он увидел койку в углу. Что-то показалось ему знакомым.

Да, это была его комната.

Стоя в дверях, Стивен пересчитал свои деньги, которые он получил на чай: двадцать восемь долларов и семьдесят центов. Что-то подсказывало ему, что для официанта в коктейль-баре «На углу» — это деньги немалые.

«На проезд автобусом до Нью-Йорка я уже заработал», — подумал Стивен. Хотя он толком и не знал, сколько стоит билет. Ему казалось, что этого достаточно, чтобы добраться до своей квартиры в Нью-Йорке.

Стивен лег на тоненький матрас, не раздеваясь, злость на отца вновь вернулась, он крепко сжал челюсти, вспомнив слова Рихтера об уборке бара с утра.

«Ну и денек будет завтра», — подумал Стивен, тупо глядя перед собой. Вдоль стен были устроены полки, уходившие под потолок. Вторая дверь комнаты вела наружу.

В это время кто-то постучал в нее. Раздался приглушенный женский голос:

— Марк, это я, Лиза. Открой, Марк!

«Ну-ну», — мелькнуло в мозгу Стивена. Он вскочил и открыл дверь. В комнату стремительно вошла худощавая молодая женщина с каштановыми волосами, собранными в пучок. Она

выглядела весьма возбужденной.

Заперев дверь, Стивен повернулся и уставился на нее.

— Готова поспорить, что ты не ожидал увидеть меня после той ссоры.

Рассматривая женщину и слыша ее голос, Стивен смутно припоминал, как и в случае с Рихтером, его сыном и задней комнатой, что он уже видел ее раньше. Что-то было ему в ней знакомо, но не более. Вспомнил он только, что ссора действительно была, и, судя по словам женщины, довольно серьезная. Она хотела замуж. А что он ей отвечал? Это было пока неясно. Вроде бы Марк когда-то был женат, сбежал от супруги, но не оформил развод. Естественно, ему невозможно снова жениться.

Почему она решила вернуться сейчас, после скандала с Марком, женщина, очевидно, сама не понимала. Действовала же она спокойно, как и любая другая женщина в подобной ситуации. Свалилась как снег на голову Стивена. Он как-то не подумал, что у Марка Брема была личная жизнь. Конечно, теоретически Стивен мог предполагать, что другие мужчины время от времени встречаются с женщинами. Каждый Адам имеет свою Еву. И Ева, закончив работу в вечернем баре

(она была официанткой), едет несколько миль по поверхности планеты, чтобы прийти в объятия Марка Брема в задней комнате другого бара.

Да, другие люди тоже хотят счастья, наслаждения, радости, разных приятных вещей — все это, в общем-то, понятно и объяснимо. Все правильно.

Когда Стивен понял ситуацию, перед ним сразу стал вопрос, что делать дальше. По его стандартам, эта баба стоила немногого. С точки зрения Стивена Мастерса, ее нос, рот, а также нижняя часть подбородка, скулы, наклон лба, прическа были несимпатичны, да и вообще он предпочитал блондинок.

Однако ему пришло в голову, что он может убедить ее отвезти его в Нью-Йорк. Кроме того, все же она молода, у нее гибкое маленькое тело и дружелюбные глаза, и она готова все это отдать Марку Брему.

Женщина оказалась из тех, кто нуждается в авансовых платежах в виде нежностей и нашептывания мелкой приятной лжи. Стивен — учитывая свое положение — решил, что ничего другого ему не остается. Поэтому он и постарался больше обычного, доведя партнершу до того, что она уже не контролировала свои непроизвольные стенания. Тогда он выключил свет и

приступил к тому, что он всегда называл «серьезным сексом».

Выполняя эту функцию, Стивен вдруг услышал голос, который прозвучал в его мозгу: «Сейчас темно. Осторожно достань нож и всади в его левый бок».

Женщина под Стивеном освободила свою правую руку и потянулась… куда-то.

Голос повторил: «Осторожно, помедленнее, чтобы он не заметил».

Стивен судорожно перегруппировал бремовское тело, налег всей тяжестью на ее вытянутую руку и пошарил возле тумбочки, включив настольную лампу.

— В чем дело? — Лиза привстала. — Что такое?

Стивен, сидя, держал ее руку. Другой рукой он отобрал нож, который Лиза уже наполовину вытащила из-под своей одежды, лежавшей рядом на стуле. Она могла спрятать нож только там.

Слишком поздно женщина сделала попытку освободиться:

— Пусти меня, что ты делаешь? Откуда ты взял нож?.. Пожалуйста, прошу, не убивай меня! Пожалуйста!

Стивен отпустил ее и положил нож на одну из высоко расположенных полок. Медленно, дро-

жащими руками, он обыскал ее платье и сумку. Она все время плакала и о чем-то просила Стивена. Он понимал, что она, очевидно, ни в чем не виновата.

«Ее послали убить меня», — думал он. На этот раз голос в сознании командовал, приказывал. Размышления привели Стивена к уверенности: это была сама Мать.

Когда он улегся снова рядом с Лизой, ему захотелось узнать, как они добрались до нее.

— Успокойся, — сказал он. — Кто-то загипнотизировал тебя и приказал прийти сюда и убить меня.

— Нет, нет!

— Но именно ты держала в руке нож, когда я зажег свет. Так что давай с этого начнем. Помнишь ли ты, как искала нож рукой в темноте?

— Нет, нет, никогда!

— Прекрати истерику! — Стивен заговорил резко. — Подумай хорошенько. Что заставило тебя прийти сегодня вечером?

— Я… я вдруг поняла, что больше не сержусь на тебя.

Интервью продолжалось в том же духе. С неохотой Лиза опознала нож, сказав, что такие ножи использовались на кухне ресторана, где она ра-

ботала. Она не помнила, где подобрала его.

Амнезия. Мать использовала человеческую податливость к гипнозу. Когда-то Стивен ненадолго заинтересовался гипнозом, но вскоре остыл, придя к выводу, что это чушь. Самое интересное и важное было то, что Мать, очевидно, не подозревала о способности Стивена воспринимать ее мысли и сообщения. Это чрезвычайно подняло ему настроение, так как он понял, что может настроиться на эту примитивную, наивную чушь, которую она выдает…

Его триумф сразу же поблек, когда ему в голову пришла другая, убийственная для него, мысль. Может быть, настройка действует лишь вблизи того, кого Марк Брем лично знает? С незнакомыми она может не сработать. Его просто застрелят с расстояния и все.

Сильно потрясенный, Стивен все-таки — уже через несколько мгновений — принял вызов и внутренне собрался. Впервые в жизни он понял, что ему придется начать думать. Но о чем?

Женщина около него робко спросила:

— Может, я оденусь?

— Сиди на месте, — приказал Стивен.

— Вряд ли мы с тобой будем продолжать после того, что произошло, — заметила она.

— Перестань болтать, ты мешаешь мне думать.

Главное — это составить план, свой план относительно… Матери.

В последние годы ни один человек в здравом уме не мог даже предположить, что Стивен Мастерс может иметь цель в жизни. Более того, если бы об этом кто-то заикнулся, Стивен почувствовал бы себя униженным.

То, что он поступил в колледж, уже было смешно. Ему представлялось, однако, что и там можно развлечься, и он посещал занятия, и окончил его. Преподаватели Стивена, правда, из-за этого перестали себя уважать, хотя и отмечали его сообразительность и даже считали, что он мог бы выполнять задания, если бы, конечно, взялся за это. Однако нечего и говорить, что Стивен до этого не унижался. Но во всяком случае, в первое время пребывания сына в колледже Мастерс-старший несколько успокоился и даже вообразил — после нескольких утомительных визитов, — что Стивен выбирает свою будущую профессию между менеджментом и экономикой.

Наверное, после его визитов Стивен нарочно начал пропускать именно эти два предмета.

Больше никто всерьез не предлагал Стивену

определиться с выбором. Отрезвевший папа-Мастерс поручил своим поверенным узнать, сколько денег нужно подарить колледжу, чтобы там все успокоились и подлечили нервы. Оказалось, что все профессора имеют свои любимые темы и проекты, которые, если бы Мастерс дал деньги, дали бы такие результаты… Да, им пришлось прикусить языки и выставить Стивену проходной балл, утешая себя тем, что, в конце концов, ему вряд ли доведется практически демонстрировать приобретенные в колледже знания.

Так что же должно было произойти, чтобы Стивен приобрел цель жизни? Совсем немного… Оказаться в теле Марка Брема! Цель жизни — стать снова реальным Стивеном Мастерсом! Правда, желание это не было всепоглощающим. Ему не хотелось и думать о возвращении на Миттенд. Может быть, все еще обойдется, и все устроится само собой?

Через час после того, как любовнице Марка Брема было позволено выскользнуть за дверь, Стивен все еще был зол до предела. Это нашло на него, когда Лиза начала канючить, как идиотка, чтобы он отпустил ее. Стивен так хотел наказать дурочку, что грубо накинулся на нее и брал ее

снова и снова. Полудевочка-полуженщина, она почувствовала его настроение и поняла, что надо полностью подчиниться. Чувство вины и страх загипнотизировали ее. Она отдавалась Стивену с такой страстью, которая была почти равна его желанию.

Наконец, Стивен остался один. Он лежал в темноте и злился, умудряясь при этом думать. Собственно, мысль была одна: этот кошмар будет длиться до самой смерти.

Он постарался встряхнуться. Это уже затрагивало его как Стивена Мастерса. В нем начало зарождаться неукротимое желание…

«Боже, ну почему я?» Типичная для Стивена реакция. Пусть такие вещи случаются с кем угодно, но не с ним. Стивен искренне верил, что все мямли знают, какие они мямли, и даже довольны, когда над ними издеваются. Но не он!

Итак, у него появилась цель. Он лежал на спине, уставившись в потолок комнаты Марка Брема — потолок, который был еле виден в тусклом свете, проникавшем сквозь грязную штору от отдаленного мерцающего фонаря на углу. Стивен лежал и думал: «Я должен что-то сделать».

Так он и уснул с этой мыслью. Когда он проснулся, оказалось, что мысль его не покинула. Правда,

прежде всего, проанализировав ситуацию, он понял, что беспомощен и находится в безнадежной ситуации.

Но с этого времени мысль о спасении постоянно была с ним, внутри, и она развивалась.

4

— Эй, Марк, Стивен — смотри!

Стивен наклонился, чтобы поставить на стойку бокал кенейдиан клаб, когда его позвал Джесс Рихтер. Стивен обернулся. Владелец бара предлагал взглянуть в окно.

К бару подкатил «роллс-ройс».

Не задавая никаких вопросов и ни о чем не думая, Стивен поставил поднос, подошел к двери и открыл ее. Снаружи было холодно. Поежившись, но не промедлив ни секунды, Стивен прошел к машине, откуда выходил шофер, кажется, его звали Брод.

— Привет, Брод. Я Стивен. Тебя послал старик?

Поджарый шофер в униформе, без сомнения, знал историю Марка Брема, но все же несколько смешался. Слишком уж все это было необычно.

— Э-э, привет, — пробормотал он наконец. — Ты тот самый Брем?

— Да.

— Ну, тогда не хочешь ли прокатиться в Нью-Йорк и повидать господина Мастерса?

Стивен шагнул прямо к блестящей задней дверце роскошной машины и остановился, ожидая.

Брод колебался. Наконец, он подошел к Стивену. У шофера было абсолютно белое лицо. Он совершенно точно знал, что ожидал бы от него истинный наследник Мастерса. Резким движением Брод открыл дверцу и так же закрыл ее, когда Стивен устроился внутри. Затем ошеломленный Брод прошел к своей дверце, уселся и выжал сцепление.

Стивену пришло в голову оглянуться и помахать всем высыпавшим на улицу завсегдатаям «На углу». Джесс Рихтер напрасно рвался сквозь толпу, чтобы тоже увидеть отъезд Стивена. Его напряженное лицо мелькнуло в задних рядах людей и скрылось. Для такого полнокровного человека он выглядел очень бледным.

…Дверь открывалась комбинированным замком с кодом дня рождения Стивена. Он нажал кнопки и, услышав щелчок язычка, толкнул дверь, и торжественно вошел внутрь.

Мастерс-старший последовал за ним в апартаменты. Понимая, что старик следит за ним, Стивен указывал последовательно на все двери и одновременно перечислял: кухня, три спальни, музыкальный зал, библиотека…

Внезапно возмущение и унижение от того, что он вообще должен этим заниматься, прорвались

у Стивена:

— К черту, — выругался он, — если тебе нужны еще доказательства, ищи их сам!

При этом он бросился в одно из больших мягких кресел, где и расположился спиной к отцу, обозвав его мысленно старым болваном. Позади него раздался знакомый звук: папа-Мастерс прочищал горло.

— О, ради Бога, отец, — взмолился Стивен, — неужели ты, сидя на куче денег, не можешь найти врача, который раз и навсегда прочистит тебе горло?

Последовала пауза.

— Человек, о котором ты говоришь так пренебрежительно, — произнес Мастерс в спину Стивену, — заслужил всеобщее уважение своей последовательностью, пониманием человеческой натуры и нежеланием идти на поводу у кого бы то ни было, кроме собственного сына. Ты же, такой умник, своим поведением создал прецедент самой дикой космической истории, и неизвестно, к чему она приведет. Ты можешь оставаться в своем доме до дальнейшего уведомления, деньги на содержание я буду давать. Я думаю, мой адвокат и мои друзья не поверили твоему рассказу, однако, как я уже говорил тебе,

Стивен, у меня своя философия…

Стивен не мог удержаться, чтобы не продолжить:

— За каждое зло надо платить. — Он остановился, ему стало скучно, скучно, бесконечно скучно. — Ради Бога, отец, прекрати это! Я загнусь, если ты будешь продолжать.

— Я считаю, — продолжал отец, — что то, что произошло, это возмездие. Ты, очевидно, сделал пакость Марку Брему. — Он немного помолчал. — Ты ведь солгал нам тогда о Марке, не так ли? Он никогда не делал того, в чем ты его обвинил?

— Эй, постой, — изумился Стивен.

Он был ошеломлен. Ранее два эти случая не объединялись в его сознании. Теперь он вспомнил, что думал именно о том, как опорочил репутацию Марка Брема, когда произошел перенос сознания.

Он обернулся к отцу и, злясь на Марка и на своих родных за то, что они наняли такого слугу, быстро и возбужденно рассказал обо всем, что с ним произошло на Миттенде.

— Может, это вот так и происходит — эта штука с Матерью. Они переносят тебя в того, о ком ты думаешь, — закончил Стивен.

Знакомые серые глаза наблюдали за ним и

ждали конца его тирады, после которой Мастерс невозмутимо сообщил:

— У меня есть информация, что планируется послать еще одну экспедицию. Мое решение таково. Ты полетишь на одном из спасателей. Когда прибудешь на Миттенд, найдешь оболочку Стивена Мастерса и вызволишь его, в каком бы состоянии ты его ни застал. Его мать настаивает, чтобы я сам летел, но это уже слишком. Имей в виду: если ты говоришь правду, то задание, которое я даю, уникально. Ты отправишься и спасешь — себя! — Черты тяжелого лица разгладились. — Ну, как тебе это нравится? — папа-Мастерс улыбнулся.

Стивену такая настойчивость не понравилась. Малопривлекательное дело, да и тон… Старый ястреб добивается своего. Стивен сделал непроницаемое лицо, а Мастерс-старший пока достал из нагрудного кармана сложенный документ и аккуратно положил его на колени Стивену.

— Вот заключение психиатров, — сказал он, — думаю, ты найдешь его интересным. — Помолчав, он добавил: — По моей просьбе они согласились с гипотезой, что ты и есть Стивен, и вот результат.

Стивен нехотя взял бумагу и тут же отложил ее на кресло, стоявшее рядом.

— Я прочту позже, — сказал он безразлично, —

если найду время.

Отец нахмурился. Он узнавал своего сына. Демонстративно проследовав к двери, он обернулся к Стивену и тихо сказал:

— К тебе будут обращаться разные люди, причастные к подготовке новой экспедиции. Если до меня дойдет, что ты этим не интересуешься или не делаешь того, что нужно, то вылетишь отсюда в двадцать четыре часа.

— Постарайся, чтобы старушка этого не услышала, — ехидно посоветовал Стивен.

Серые глаза смотрели на него холодно, не мигая.

— Да, твоя история, действительно, совершенно фантастична.

Мастерс-старший повернулся на каблуках и вышел, закрыв дверь.

Стивен даже не привстал, задумавшись.

Чем он занимался раньше? Ответить было затруднительно, его дни были заполнены сном, сексом, выпивкой, теннисом, обедами и ночными клубами.

Мыслительная деятельность отсутствовала, он ничем не интересовался, легко поддавался своим импульсам, внезапным вспышкам ярости, ненависти. И еще он постоянно был настороже,

ожидая, что кто-нибудь обидит его.

Ему пришло в голову, что если Мать будет преследовать его, у него теперь не останется времени на всю эту чепуху.

Пока он думал, глаза его пробегали по сочинению психиатров. Оно ему не нравилось.

Документ начинался так:

«Настоящее заключение основано на допущении, что основная цель личности заключается в сознании такой реальности, которая позволит индивидууму существовать в окружающем его мире. Принадлежность к высокообеспеченному слою общества создавала для Стивена Мастерса широкий выбор вариантов поведения. Из них Стивен выбрал тот, что точнее всего может быть обозначен как „элефантиазис эго“, то есть абсолютная субъективность, модифицирующая реальность осознания опасности потенциальной возможности совершения убийства или нанесения телесных повреждений другим лицам. Таким образом, высокомерно присваивая себе власть над жизнью и смертью, он по существу никогда не был себе хозяином. Однако в пределах этой типоосновы он был безудержен и беспощаден и не выказывал сколько-нибудь заметных пристрастий ни к кому, даже к своим родителям».

Дойдя до этого места в заключении, Стивен подумал: «Эге, должно быть, я насыпал вам соли на хвост в этом госпитале…»

Выходит, Стивену удалось стать выдающейся сволочью своего времени, даже не затрачивая больших усилий…

Он ужасно разозлился. Вы во всем не правы, парни. Все это было совсем не просто. Даже совсем наоборот… На самом деле он всегда спрашивал себя, почему он стал таким же тупым, как и все остальные.

«Совсем не просто, — думал он, задетый за живое, — попробуйте не спать целыми ночами, гоняться за новыми девицами, когда и те, кого вы знаете, всегда готовы лечь с вами. А завтракать в полночь, обедать в девять утра?»

Эта несправедливость так потрясла его, что он снова откинул в сторону заключение.

И все-таки хорошо опять оказаться в своем доме. Стивену стало лучше, он поднялся с кресла и поставил кассеты с любимыми музыкальными записями.

«Может быть, позвонить этой девчонке Марка — Лизе — пригласить ее приехать и остаться со мной?..»

Воспоминание о ноже охладило его. Кровь

отхлынула от лица. Он отрицательно покачал головой.

«Нет, — решил он. — Мать до нее добралась. Девчонка несет в себе зло.»

Выключив магнитофон, он подумал, что ему надо держаться подальше от друзей Марка Брема.

Снаружи темнело, он слышал, как где-то рядом возились слуги. Это напомнило ему о том, как он орал на них, не стесняясь в выражениях. На двоих мужчин и женщину. А ведь они всегда держались рядом, да и найти у них промах было трудно.

Больше всего Стивена беспокоила мысль о том, что, может быть, где-то, в каком-нибудь вшивом космическом подразделении юридической службы грубые окрики приравниваются к направленным во вред действиям. Предположение, что это подразделение находится где-то в районе его мозжечка, не пришло ему в голову.

Перспектива находиться день и ночь в своих апартаментах наедине с тремя врагами была не из приятных.

Он поспешно ретировался в спальню. Обыскав комнату, заглянув в стенной шкаф, кладовки и ванную, Стивен пристально осмотрел стены в поисках секретных ходов и закрыл все двери, подперев их стульями.

Когда прислуга сообщила по переговорному устройству, что обед готов, Стивен не послал ее по обыкновению, а вежливо ответил:

— Я не буду обедать, спасибо, я не голоден.

5

На следующее утро Стивен проснулся в необычном состоянии. Очевидно, так просыпался Марк Брем. На душе у него было спокойно, и он ощущал даже некоторую бодрость.

Обычно во сне Стивен скрежетал зубами — так, во всяком случае, говорили его подружки — и, проснувшись, сразу начинал злиться без всякого повода. Сейчас же он открыл глаза и стал рассматривать узоры на полке, настенную лепку, роскошные шторы, величественный стол, бюро, стулья и пуфики, пушистый ковер. Восхищенный, он свернулся калачиком, чувствуя всей кожей белые ирландские простыни и восхитительную мягкость швейцарского одеяла.

Даже когда к нему вернулись его ужасные мысли, он не полностью погрузился в мрачные переживания.

«Я в Нью-Йорке, — думал он, — все-таки я добрался сюда, несмотря на все невообразимые препятствия, всего за пять дней. Я выгляжу по-иному, не как Стивен Мастерс. Но меня здесь принимают. И я еще ни разу не солгал».

Одновременно напуганный и довольный сво-

ими поступками, Стивен еще глубже зарылся в постель. За красивыми занавесками уютной комнаты простирался Нью-Йорк. С каждым днем за окнами становится холоднее, а здесь все так же тепло и чудесно. Нужно быть совсем непростым парнем, чтобы получить все это в облике слуги.

А, черт! Мысль о внешности Марка Брема отрезвила Стивена. Он старался не думать об этом. Не смотреть в зеркало, отворачиваться от своего отражения в оконных стеклах.

Но, несмотря на все уловки, Стивен все же краем глаза замечал неприятные чужие черты. Он решил, что все-таки нужно рассмотреть свою теперешнюю внешность.

Оказалось, что встать не так-то легко. Прошел час, а Стивен все лежал. В конце концов около полудня, перекатившись на край своей императорской кровати, Стивен встал и побрел к зеркалу в ванной, где он мог видеть себя во весь свой рост. Приятных неожиданностей не произошло. Что Стивен ожидал увидеть, то он и увидел — правду. Приближавшийся к сорока, Марк был, по меркам Стивена, старым человеком. Лицо его было не худым, загоревшим и красивым, как у Стивена, а довольно мясистым.

В ярко освещенной ванне, Стивен заставил себя

внимательно изучить новое свое тело. Наглядевшись до отвращения, он вслух заявил:

— Да, это уж слишком! Хорошо, отец, ладно. Я сдаюсь и лечу на Миттенд.

Он вызвал кухню, заказал завтрак и стал одеваться.

— Сейчас несем, сэр, — вежливо ответил мужской голос.

Отключившись от переговорной связи, Стивен подумал, что несколько необычная вежливость с его стороны и может выглядеть подозрительной.

Ведь эти люди могут на суде заявить, что я не Стивен, не тот Стивен, которого они знали.

Оставалось только пожать плечами: «Черт с ним! Если я буду всего бояться и не смогу никого отпихнуть или отругать, то дальше уже идти некуда».

Ему было крайне неприятно думать, что все эти людишки ждут от него агрессивных поступков, хотя на самом деле это вовсе не так. Ведь все они ничтожны, а разве можно сознательно вредить тем, кого даже не принимаешь во внимание?

Стивен, одеваясь, начал опять накручивать себя. Ему представилось, что где-то в немыслимых глубинах космоса кто-то считает его равным всяким ничтожествам.

Он съел завтрак, который подавали трое слуг с их надоедливыми «да, сэр, нет, сэр, что еще, сэр.» Чувствовалось, что они находятся в смятении. Они тут неплохо жили, пока он был на Миттенде, а теперь вновь приходится поработать.

Стивен испытал некоторый шок, когда понял, что его слуги находятся в том же возрасте, что и Марк, а ведь он когда-то не раз говаривал:

— Когда я стану таким же старым, я сам вышибу себе мозги.

Вообще Стивена всегда почти тошнило от тех, кто старше тридцати семи-восьми лет. По его мнению, именно от них весь вред на дорогах, они всегда встревают во всякие происшествия. Все эти старики свыше сорока заполняют хорошие рестораны и вечно суются, куда не следует.

Его ночные страхи уже улетучились. Ему не пришло в голову, что повар Нина или Джозеф и Боб могут быть агентами Матери.

Закончив завтрак, Стивен от скуки забрел в огромную гостиную, а затем в смежный с нею музыкальный зал, одновременно служивший библиотекой. Усевшись перед окном, он заметил валявшееся неподалеку заключение врачей, которое ему вчера передал отец. Он взял его и еще раз прочел первую страницу.

«Боже мой, — с отвращением подумал он, — эти психиатры учились на двенадцать лет дольше меня, а пишут такую муру…»

Он встал и с досадой засунул бумагу в ящик письменного стола. От нечего делать он начал набирать наудачу номера телефонов своих дружков и подруг.

Стивена не могло не раздражать, что каждый разговор начинался одинаково — все колебались, слыша незнакомый голос Марка Брема, который говорил им:

— Это Стивен Мастерс в своем новом теле. Заезжайте.

Как бы ни была коротка пауза после его приглашения, Стивену она казалась слишком длинной. Его так и подмывало взорваться. Затем одни начинали мяться, а другие, наоборот, так и липли.

Отказывались лишь немногие, и к середине дня парочки и одиночки стали прибывать в его дом. Увидев Марка Брема, гости вначале не знали, как вести себя. Но Стивен пил много, и ему постепенно становилось безразлично, как они к нему относятся. Он весело называл тело Брема «эта неуклюжая туша», вроде бы его это не волновало.

Вскоре его апартаменты загудели, как в былое

время. В дальней комнате завывала музыка, слышались смех и голоса, звон бокалов с шампанским. Когда далеко за полночь убрался последний гость, осталась лишь одна девушка по имени Стефани.

Она считалась одной из секс-бомбочек Стивена, и поэтому не спорила, когда Марк Брем-Стивен шепнул ей:

— Останешься, о'кей?

Она не сказала «да», но и не отказалась. Когда Стивен вошел в спальню, она уже была там и раздевалась, небрежно разбрасывая свою одежду.

Стивен был не настолько пьян, чтобы забыть, что за ним охотятся. Помня, что гости обычно приводят с собой своих приятелей, он в течение вечера всматривался во все незнакомые лица и пытался угадать, что скрывается за чужими глазами и лбами. Не помешает обыскать помещения перед тем, как улечься.

С этой целью он направился в ближайшую кладовую для одежды. Едва он сделал первый шаг, ему показалось, будто кто-то потянул его за рукав. Это было неожиданно, и Стивен слегка обернулся.

Это, несомненно, и спасло его жизнь. Протрещала короткая очередь, и, к удивлению Стивена,

от двери рядом с ним отлетело несколько щепок.

Стивен не смог моментально среагировать, прошло несколько мгновений, пока он не развернулся полностью, и в тот же миг последовала вспышка из-за дивана, стоявшего в углу спальни.

Сидя на кровати, Стефани изо всей силы швырнула туфельку на шпильке в голову, торчавшую над спинкой дивана. Конечно, она промахнулась, но прятавшийся человек уловил, должно быть, краем глаза что-то летящее в него и нырнул за диван. Это была спасительная для Стивена секунда.

Стивен схватил стул и бросился вперед, выставив его перед собой. Когда голова вновь высунулась, стул с треском шарахнулся в лицо стрелявшего, грузное тело Марка Брема придало силу удару.

Человек, которого Стивен вытащил из-за дивана, оказался одним из тех, кого он с подозрением изучал во время вечеринки.

Незнакомец зашевелился, и девушка предложила связать его, ведь в книгах пишут, что преступников связывают, Стивен торопливо оторвал несколько полос от простыни и тщательно связал нападавшего.

Теперь неудачливый убийца лежал и, широко

раскрыв глаза, глядел на Стивена и Стефани.

— Говорить не буду, — мрачно заявил он, когда Стивен начал выспрашивать его имя, адрес и занятие.

Это был человек примерно двадцати шести лет, среднего роста, с угрюмым лицом и сердитыми упрямыми серыми глазами. В бумажнике его лежали водительские права на имя Питера И.Эпли. Судя по адресу, жил он в восточной части города, ближе к морю. Нашлась и его визитка, на которой он значился членом ассоциации фотографов.

Что-то шевельнулось в памяти Стивена.

— Эй, — спросил он, — не ты ли тот тип, чью камеру я как-то разбил и…

Он остановился, припоминая в подробностях этот случай. Да, это, наверное, еще одно последствие его прошлых выходок…

«Но, минутку, а этот-то что, совсем чист? — бесился Стивен. — Эта сволочь с фотокамерой следила за мной днем и ночью, с опасностью для своей жизни карабкалась по стене, чтобы заглянуть в мое окно, прикручивала телеобъектив и прочие штучки к своей камере, чтобы добыть на меня компромат, да еще крупным планом».

Стивен взвинчивал себя против фотографа, и еще одно воспоминание всплыло в памяти. Ну

да, это точно он! Дело было так: Стивен разбил камеру, дорогую камеру, а потом, не изменяя своему правилу — око за око, нанял детектива, который выяснил все о личной жизни этого парня, который оказался женатым и имел любовницу на стороне. Рассказать жене о проделках мужа было не лишено приятности. Когда семейный скандал разгорелся как следует, Стивен квалифицированно соблазнил сначала его жену, потом любовницу, причем проделал все это на грани искусства, умело играя на чувствах своих жертв.

Обе женщины не могли и предположить, что в его постели таких, как они, побывало никак не меньше тысячи. Конечно, Стивен, добившись победы, тут же избавился от них. Но если бы жена или любовница сохранили после этого хоть какие-то чувства к Питеру Эпли, то Стивен решил бы, что полностью дисквалифицировался, а об этом пока речи не было.

Стивен давно забыл свои злые чувства к бедняге.

— Как поживает Сью? — спросил он, глядя в лицо Эпли.

Но тот не прореагировал. Пожав плечами, Стивен подумал: «Должно быть, я спутал — так звали жену какого-нибудь другого шиза…»

Он встал и проследовал в библиотеку, где в сейфе хранилась заветная книга с именами и адресами. Да, он вел полный учет своих «доблестей». Открыв солидный том, Стивен посмотрел букву «Э». Вот, он точно помнил — Эпли. Жену звали не Сью, а Сара. А любовницу — Анна Карли.

Стивен удовлетворенно кивнул, закрыл потрепанную книгу и спрятал ее в сейф. Вернувшись в спальню, он спросил у девушки:

— Что будем делать с ним?

— Почему бы тебе не вытащить его в холл? Я как-то читала, что…

Стивену в голову не пришло вызвать полицию. Он был убежден, что Эпли

— еще один агент далекой, смертельно опасной, но пока что ничего не добившейся Матери, что парень действует не по своей воле и лично не виновен ни в чем.

Уже в начале пятого часа утра Стивен, в общем-то довольный, уложил Питера И.Эпли, связанного и с кляпом во рту, в один из лифтов. Двери кабины автоматически закрылись, теперь его не обнаружат до тех пор, пока кто-нибудь не вызовет лифт снизу.

Стивен вернулся в апартаменты.

6

Здесь на него нахлынули прежние заботы и тревоги.

Он вдруг сообразил, что именно Стивен плохо поступил с Эпли, что Брем здесь ни при чем.

Следует принять меры предосторожности.

Во время его отсутствия блондинка Стефани уже забралась под одеяло и лежала на спине, выжидающе глядя на него. Глаза у нее были карие, и Стивен, стоя над ней, подумал, что и раньше сочетание карих глаз и светлых волос казалось ему негармоничным. Ему представлялось, что настоящие блондинки всегда голубоглазы, и он заподозрил, что внешность Стефани — скорее продукт искусства салона красоты, чем природы. Впрочем, странно то, что он ничего о ней не знает.

На свой лад, Стивен был человек практичный. Он ставил себе цели и обычно добивался их, давно поняв, что люди, во всяком случае большинство, привыкли к грубому обращению. Правда, некоторые из них потом избегали его, зато остальные старались поступать так, как хотел Стивен, как будто признавая его определенное право на

злость и грубость.

Стефани всегда старалась подстроиться под него и шла ему навстречу. Однако для него это не такое уж ценное качество. Стивен припомнил, что ее история обычна: два раза замужем, второго мужа оставила потому, что возомнила, будто Стивен увлекся ею. На ее месте могла быть любая из девяноста трех других его блондинок.

Стивен сделал еще шаг к постели и сдернул простыню. Несколько секунд он смотрел на нагое тело Стефани, а потом коротко бросил:

— Сядь!

Став коленями на кровать и не обращая внимания на женские прелести, находившиеся всего в нескольких дюймах от него, он расшвырял подушки. Под одной из них лежала косметичка. Вывернув ее содержимое на постель, Стивен не увидел ни ножа, ни другого оружия, только женские вещи. Отбросив косметичку, Стивен обшарил простыни, а потом поднял и перетряс подушки.

Наконец он набросил простыню на девушку.

— Я сделал тебе что-нибудь плохое? — нахмурившись, спросил он.

— Ты имеешь в виду Стивена?

Этот вопрос сразу же напомнил Стивену его

вчерашние телефонные разговоры с друзьями.

— Кого же еще, глупышка? — процедил он.

Последовала пауза.

— Ты плохо относишься ко мне сейчас, называя меня глупой.

— О, это чепуха, — Стивен качнул головой, — я имею в виду, не бил ли я тебя хоть раз?

— Пару раз ты швырнул меня, и с твоей стороны это было нехорошо, — плаксиво протянула Стефани.

Стивен оторопел. Для человека, который бил женщин сразу же, как только они начинали, по его выражению, «сучиться», было непривычно то состояние, в котором он сейчас оказался: ему очень хотелось примириться с ней, но не потерять при этом своей главенствующей роли.

— И только-то? Всего пару тумаков? — обрадовался Стивен.

— Ну… — она задумалась, и на лице ее отразились умственные усилия. Видно было, что это давалось ей нелегко. Она поежилась под простыней и жалобно продолжала: — Я подозреваю, что ты изменял мне.

— О Боже! — вырвалось у Стивена.

Он снова встревожился. Ему показалось, что он присутствует при рождении комплекса оби-

ды. До этого момента женщина даже не смела подумать, что он не имел права так поступать с ней. А теперь, когда Стефани почуяла, что он смягчился, она решила сразу же использовать свое преимущество…

— Слушай, — решительно сказал Стивен, — а если я извинюсь?

— О, я прощу, — в ее голосе появилась надежда.

— Я никогда больше не буду грубо обращаться с тобой и бить. Обещаю.

— Я так рада! — В ее больших карих глазах появились слезы, и девушка всхлипнула. — Ты обещаешь не изменять мне больше?

От неожиданности Стивен застыл на месте. Мысленно он подивился тому, как быстро произошло превращение в этой женщине, как только она поверила, что парень попался на крючок. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы преодолеть возникшее в нем сопротивление.

— Совершенно точно, — произнес он самым убедительным тоном.

— Я не верю тебе, — голос ее стал враждебным. — Ты лжешь, я не верю тебе, Стивен!

Ситуация становилась неуправляемой. А у него были и другие дела. Стивен начал уговаривать:

— Послушай, Стефани, я хочу обыскать помещение. Если здесь мог спрятаться один убийца, то может и другой, верно? Подожди здесь — я быстро вернусь.

Девушка начала что-то говорить, но Стивен уже отошел и не слушал ее. Сначала он заглянул за диван. Там лежал пистолет, из которого его чуть не прикончили. В обойме было еще два заряда. Значит, в стволе был патрон. Достаточно для того, чтобы Стивен в случае опасности мог обойтись этим оружием, не открывая свой секретер, где лежали еще два пистолета.

Держа оружие наготове, Стивен открыл сначала один стенной шкаф, а затем другой. Перейдя в другую комнату, он заглянул за стулья и диваны, в кладовую, гардеробную. Он даже обыскал кухню и прочие кладовки. Нехотя он отказался от мысли поднять слуг, решив, что если в их комнатах и есть какие-нибудь «гости», то их можно будет обнаружить и утром.

Можно ведь запереться со Стефани в спальне.

Когда он направился, наконец, в спальню, его внутреннее беспокойство не утихло, скорее, даже наоборот усилилось. Нападение Эпли показало, что Мать могла направить против Стивена не только тех, кому причинил вред Марк Брем.

Эпли стал жертвой ряда поступков, которые совершил не Марк Брем, а Стивен.

Вот новость! Оказалось, что подлости обоих были объединены.

Стивен подумал об этом перед тем, как войти в спальню. Он вынул патроны из пистолета и спрятал их под мягкое сиденье одного из стульев, а пистолет — под сиденье другого.

Успокоившись и вспомнив, наконец, об ожидавшей его женщине, Стивен в предвкушении удовольствия открыл дверь спальни…

…И застыл на пороге, пораженный.

Стефани не было. Он обшарил взглядом всю комнату: ни женщины, ни ее одежды не было.

— Черт меня побери! — громко и четко выругался Стивен.

Конечно, он не сразу свыкся с ее отсутствием.

Но что было делать? За какие-то пять минут он обнадежил, а затем разочаровал легко поддающуюся влиянию женщину, одну из тех, кто извечно ведет наивную игру, надеясь, что ее полное подчинение сыну богатейшего в мире человека принесет ей его любовь и она из Золушки превратится в прекрасную принцессу… Вместо этого он оттолкнул ее от себя.

Однако все не так уж печально. Стивен вы-

мотался и поэтому заснул, едва коснувшись подушки.

Проснулся он около полудня от звонка телефона. Звонили из одного правительственного учреждения:

— Хотим установить с вами контакт, сэр. Не могли бы вы приехать к нам после ленча в удобное время, господин Мастерс? Да, в отдел электромагнитных явлений, Биологический институт Центра военно-космических исследований. Когда приедете, спросите доктора Мартелла.

Вспомнив, чем ему пригрозил вчера отец, Стивен вынужден был согласиться, тем более, учитывая, что уже два раза на него покушались.

Он презирал ученых так же, как и других людей, однако, возможно, они имели важную информацию, которой Стивен мог бы воспользоваться.

Наконец-то он в ком-то начал нуждаться.

7

Стивена начали учить обратной биологической связи.

— Наша цель… — произнес Мартелл и остановился. Он посмотрел на потолок и вздернул плечо. Глаза его приобрели бессмысленное выражение, одной рукой он начал проделывать такие движения, как будто что-то закручивал. — Цель — это, — его подбородок отвис, и ученый простоял так не меньше десяти секунд, а затем, очевидно, даже забыв что не договорил фразы, попросил: — Наденьте эту штуку, — тут Мартелл начал смеяться, как будто он схохмил или в слово «штука» вкладывал известный только ему комический смысл, — на голову.

Стивен расположился полулежа, со шлемом на голове в указанном кресле. Мысленно попытался успокоить себя: «Говорят, что ученый может знать свое дело и при этом не выглядеть идиотом».

В жизни часто встречаются парадоксальные явления. Например, преподаватель колледжа, который вел занятия психологического кружка, был специалистом в области психологии брака,

хотя студенты знали о его домашних неприятностях. Кстати сказать, Стивен в силу своей испорченности получал наслаждение от лекций, если компетентность преподавателя была сомнительна или, что еще лучше, его репутация основательно подмочена. Ради таких лекций он даже выползал из постели после бессонной ночи рано утром.

Точно так же, продолжал он размышлять, физик не может наладить дома свой мигающий телевизор, хотя хорошо знает, как его починить. Равным образом и химик, который точно смешивает вещества и получает химические шедевры, зачастую чашку кофе сварить не умеет. А личный доктор Стивена страдал постоянным насморком.

Стивен убеждал себя, что нелепая частная жизнь и извращенные натуры ученых не должны служить непременным доказательством их некомпетентности в науке.

Теперь, сидя в длинной и узкой комнате и проходя специальное обучение, он успокоился в надежде обрести свое прежнее тело.

— Подумайте о чем-нибудь успокоительном, чтобы эта лампочка загорелась зеленым светом! — предложил ему какой-то сотрудник в белом халате.

Стивен подумал: в мозгу у него пронеслось неясное воспоминание о фильме, который он видел в детстве. Пока он думал об этом фильме, лампочка горела зеленым светом.

— Хорошо, а теперь попробуйте заставить включиться синюю лампочку!

На этот раз он вспомнил, как влюбился в женщину старше себя, когда ему было шестнадцать (мужчиной он стал в тринадцать с половиной). Она отвергла его, что Стивена возмутило.

До тех пор, пока он удерживал в голове это воспоминание и переживал прошлую злость, синяя лампочка горела, хотя и слегка мигала. Далее все повторялось в том же порядке: зеленая, синяя, затем красная — одним словом, биологическая обратная связь, как они это называли.

Придется ему, думал Стивен, в конце концов носить шлем постоянно. Если он научится удерживать определенные мысли, то соединенный со шлемом компьютер сможет передавать сигналы в космос и получать ответы — какие?

Ему не говорили, какие. «Поживем — увидим», — вот что они отвечали. У Стивена создалось впечатление, что эти несчастные олухи полагают, что наткнулись на крупное открытие. Мартелл, похоже, подавлял в себе волнение, что-

то бормоча, от чего Стивену хотелось спрятаться, хотя живший в Стивене двойник испытывал некое извращенное удовольствие, глядя на этого неврастеника.

8

В момент телепортации сознания реальный Марк Брем пытался выполнить те движения, которые он обычно делал на работе: ставил два бокала с пенящимся пивом на маленький столик. Внутренне он уже предвкушал получение чаевых, обычно ему совали не так уж мало. Марк ощущал гладкость монет, которые он опустит в свой предназначенный для чаевых карман.

И вдруг что-то произошло: он бежит, нагие люди подгоняют его, над головой ярко-синее небо, вокруг раскинулась холмистая местность, бежать очень тяжело.

В эти первые минуты сожаление об утерянных деньгах оказалось сильнее всех других ощущений. Брем чувствовал себя, как чувствует официант, покидающий смену, не набрав достаточно чаевых. Эти недополученные деньги все еще мнились ему, когда его гнали со связанными сзади руками по достаточно живописной равнине. Марку показалось, что эта местность напоминает западные штаты США, особенно их пустынные районы.

Резкое изменение существования прошло для

Марка не так уж трудно. Он даже не очень-то поразился.

«Как бы сообразить, — думал он, — где и когда мне дали эти капли, от которых я вырубился, и куда меня занесло».

В жизни Марка не происходило ничего таинственного. Поэтому его ничто никогда не удивляло. Все объяснимо. Ничто не происходит без причины. Мир таков, каков он есть, а люди в нем — тут он имел свое собственное мнение — овцы. Придет время, и он узнает, кто его захватил в плен, и что ему готовят.

Пока он размышлял на бегу, преследователи пригнали его к лесу, где они перешли на быстрый шаг.

Марк перевел дух и успокоился на удивление быстро. Конечно, он еще не подозревал, что у него теперь гораздо более молодое и сильное тело. (Стивен всегда компенсировал свои ночные излишества дневным теннисом, но не потому, что заботился о форме, а потому, что просто любил теннис и хорошо играл).

Здесь, в тени раскидистых деревьев, Марк решил, что его просто приняли за кого-то другого. Механика этого дела представилась ему так: зачем-то ему дали какое-то лекарство, после чего он

выключился, так и не успев получить желанных чаевых. Далее тоже все можно было объяснить логически. Тот, кто приехал за ним в скорой помощи, вошел в сговор со злоумышленниками и перевез его сюда, чтобы передать… А вот кому?

Марк еще раз оглядел местность и нагих людей, которые окружали его со всех сторон.

Господи, кто же это? Чем скорее Марк докажет им, что он не тот, за кого они его принимают, тем скорее вернется на свою службу.

— Эй! — громко позвал он.

Никто не обернулся к нему, никто даже, как ему показалось, не услышал его. Вся группа продолжала продвигаться вперед по тропинке между густо росшими деревьями.

«Ладно, скоты», — мрачно подумал Марк. Он остановился, упершись ногой в невысокий выступ в грунте и откинулся назад. Он ждал, что его погонщики, которые держали концы обвязывавших его веревок, сейчас дернут за них, он заорал:

— Эй, давайте поговорим! А-а-а!

Он застонал, так сильно его дернули вперед. Сопровождающие даже не сбавили шаг. Неумолимо, со странным выражением лиц, они волокли его все дальше, не обратив внимания на его жалкую попытку остановиться. Они протащили его

не менее десяти метров, прежде чем он восстановил равновесие…

В течение этого бесконечного дня Марк Брем все больше и больше убеждался в том, что люди вокруг него очень странны. В конце концов он пришел к заключению, что они наркоманы. Его убедили в этом главным образом их глаза. Нет, не враждебность выражали глаза этих людей, как показалось Марку вначале, это были глаза сумасшедших.

Когда день начал сменяться сумерками, они вышли из леса на равнину, поросшую кустами, к берегу реки. Здесь, у струящейся чистой воды расположилась лагерем другая группа дикарей, которые выглядели еще более дикими, даже лица их были еще грубее.

Марка развязали, и через несколько минут он ободрился. Однако тут последовало новое унижение. Перед Марком появился человек с миской, содержимое которой напоминало густой суп. Жестами он приказал Марку сесть и начал кормить его этим супом, используя нечто вроде большой ложки.

Накормив Марка, человек толкнул его, Марк повалился на бок.

Наступила ночь. Темнота была кромешная.

Марк напрягся и тихо лежал, выжидая и прислушиваясь. Вокруг него на траве лежали дикари. Поскольку никто его не трогал, то он со временем успокоился и уснул. Марк не раз просыпался от каких-то характерных звуков: слышалось барахтанье, рычание животных, какие-то крупные тела плескались в воде.

Просыпаясь, он чувствовал, что людей рядом нет, не было видно ни голых тел, ни сверкающих глаз, наблюдавших за ним.

Неизбежно появилась надежда на бегство…

Как только эта мысль пришла в голову, Марк услышал совсем рядом грозное рычание крупного животного. Испуганному Марку показалось, что это лев.

«Боже, неужели я в Африке?»

Это фантастическое предположение мелькнуло, когда вслед за рычанием он услышал рев, вой и трубные звуки, которые как бы отвечали льву. Наконец и они утихли. И он снова заснул.

Проснувшись в следующий раз, Марк вынужден был воспользоваться темнотой для отправления естественных надобностей, для чего ему пришлось присесть на корточки, отчего он стал более заметным. Днем он видел поблизости женщин, которые толпились, разглядывая его, и

теперь он беспокоился, что они могут различить его в темноте.

Бесконечной ночи пришел конец. Утром все дикари оказались на месте. И что интересно, его вчерашнее неясное впечатление подтвердилось: все они чем-то напоминали одно противное существо, у родителей которого когда-то служил Брем. Хотя, это уж совсем нелепое предположение… Марк не мог припомнить, как выглядел пятнадцатилетний Стивен Мастерс, но если представить его взрослым…

В него влили еще порцию супа. Марк уже не сопротивлялся, а ел молча. Молчали и его захватчики. Вообще за все время плена Марк не услышал от них ни слова, слышно было только животных, и то ночью.

Теперь же и следа их не было видно, правда, на берегу, ниже по течению, валялись, кажется, чьи-то скелеты. Марк видел огромные белые кости, ребра и черепа, но непонятно было, кому они принадлежали.

Сразу же после завтрака теперь уже большая группа дикарей вместе со своим пленником перебралась через реку, поднялась на откос и снова вступила на равнину.

К полудню Марк изменил свое мнение о части

света, где он находился. Это не Средний Запад. В свои молодые годы он как-то путешествовал по Аризоне: дикая холмистая местность тянулась вдоль трассы, ведущей в Нью-Мехико.

Вот и сейчас он находился где-то возле главного шоссе, среди холмов. В лагере нудистов. И, очевидно, здесь не один такой лагерь.

Прошел еще день. Странно, что никто не нес ни мешка, ни узла, а вечером, между тем, опять появилась миска супа, который залили в Марка пластмассовой ложкой. Правда, они наткнулись на другую группу нудистов, расположившихся лагерем у ручья; наверное, это они сварили суп и дали миску. Но все же это как-то странно…

На следующее утро Марк внимательно следил, не несет ли кто-нибудь какой-либо груз. Он мог гордиться своей наблюдательностью и умением логически мыслить: оказалось, что дикари все оставили на траве, просто бросили и отправились в путь.

И третий день прошел в утомительном марше с утра до сумерек, марше через пустынную дикую местность, а вечером был все тот же лагерь и ручей, около которого сидели такие же дикари.

«Ладно, сукины дети, — подумал Марк. — Раз не хотите разговаривать, то и Брем будет молчать.

Каков привет, таков ответ».

Четвертый день пути подошел к концу. Когда надвинулись сумерки и отряд уже приближался к огням костров, вдали раздалась канонада, во всяком случае, казалось, что стреляли тяжелые орудия.

«Идиоты, — озабоченно думал он, — надо погасить костры. Они посходили с ума! Сейчас их заметят, пристреляются и уничтожат».

(В восемнадцать лет Марку пришлось отслужить в армии свой срок, и он видел орудийные стрельбы. Тогда ему казалось, что этому конца не будет).

Выстрелы становились все ближе и громче.

Поразительно, но никого это, очевидно, не беспокоило. Дикари все так же продвигались вперед через косматые кусты. В темноте вспыхивали отсветы, и тяжело грохотали залпы. В лагере, куда они пришли, их вновь встретили такие же дикари, и все вместе уселись за трапезу. Один из дикарей накормил Марка, который отворачивался, но ел. По подбородку текла жидкая кашица, пачкая его и так уже нечистую одежду. Ни гром канонады, ни вспышки не волновали присевшего на корточки дикаря. Он не улыбался и не хмурился, не мигал и не поворачивал головы. Все

это было очень непонятно. Но в конце концов, если они не переживают, то что тревожиться ему?

Он перестал беспокоиться и мирно проспал часть ночи. Проснувшись, он не услышал канонады.

Ночь была обычной. Трудно объяснить, почему Марку вдруг подумалось, что наступающее утро ознаменуется каким-то событием. Постепенно он снова задремал.

На пятое утро Марк Брем открыл глаза и увидел реку. За ней расстилался полуразрушенный город. Марка озарило: вот куда они стреляли.

Его, как всегда, накормил тот же дикарь. А может быть, и не тот? Марк не был в этом уверен. Господи, до чего же этот дикарь похож на… Марка так мучило любопытство, что он не выдержал и спросил:

— Послушай, ты или твои ребята знаете Стивена Ма…

Х-хлюп! Ложка супа влилась ему в рот, на полуслове. Если Марк раньше и не догадывался, что во время еды говорить неразумно, то теперь он это хорошо понял.

Он подавился, закашлялся, обрызгал супом лицо кормившего его дикаря и свою одежду.

Он пришел в себя, когда его отвели к реке. Те-

ло болело, мускулы живота, горла и шеи были сведены.

«Боже мой, и все это из-за того, что я забыл, где нахожусь и что можно делать, а что нельзя. Нашел кому задавать вопросы…»

Небольшая река лениво текла в зеленых берегах и скрывалась за изгибом берега, теряясь в руинах города.

У реки, где стоял прохладный запах воды, Марку стало легче. Он вопросительно посмотрел на своего проводника, который отошел назад.

«Он перестал держать меня», — отметил про себя Марк.

Минуты текли, а его никто не хватал. Марк перестал оглядываться по сторонам и, опустившись на травянистую кочку, нагнулся к воде в предвкушении приятного холода. Он открыл глаза и увидел свое колеблющееся отражение.

На него смотрело чужое лицо, не его лицо!

В моменты стресса человеческий мозг реагирует на окружающее очень сложно, однако восприятие действительности не искажается. Эффект стресса начинает ощущаться позднее, часто на всю жизнь остается травма, определяющая все поведение индивидуума. Но в этот момент…

…Шок, почти полное отключение от действи-

тельности, затем миг неверия своему зрению, мысль о невозможности, невероятности увиденного, и лишь затем отдаленная вспышка света — узнавание.

В следующий миг он упал в воду и начал тонуть.

Несколько дикарей вытащили Марка, уложили на берегу, развязали руки.

Спустя некоторое время, почувствовав, что он все еще жив, Марк со стоном вздохнул и открыл глаза. Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, что он лежит на плоту, который раньше был причален к пристани. Теперь плот медленно плыл по течению, приближаясь к развалинам города.

Марк повернулся, чтобы посмотреть туда, где он был раньше, — там стояли его прежние охранники и смотрели ему вслед.

— Эй, — позвал он слабым голосом, — в чем дело?

Ему никто не ответил. Марк хотел позвать снова, но, обессилев, устало прикрыл веки. Все это было слишком фантастично.

Лагерь нудистов на берегу. Голые тела, бродящие по берегу, далеко простирающиеся холмы, а за ними гряда серых гор.

Быстрое течение подхватило плот и закружило. Плот наткнулся на выступ какого-то дома, стоявшего у реки, повернулся, и лагерь скрылся за излучиной.

Одинокий плот медленно втягивался в разрушенный город.

9

Маленькая группа людей по одному выбиралась из космического корабля. Стивен сходил первым.

Разумеется, его не обрадовали слова капитана Одарда:

— В конце концов, господин Мастерс, вы единственный, кто побывал здесь раньше. Мы полагаемся на ваш опыт.

«Ничего хорошего в этом нет, — подумал Стивен. — Но черт с ними, пойду первым».

Все семеро членов экипажа первого посадочного модуля выбрались и стояли на грунте. Четыре других модуля ждали на орбите вместе с грузовым кораблем, который состоял более чем из дюжины больших раздельных транспортных блоков, каждый из которых нес свой груз припасов и экипаж. По сигналу готовы были высадиться на планету еще пятьдесят четыре вооруженных человека.

Капитан — грузный человек примерно такого же сложения, что и Марк Брем, но физически более выносливый — приблизился к Стивену.

— Надеюсь, вы не будете в обиде, господин Мастерс, если мы будем особо приглядывать за

вами?

— Не беспокойтесь, — сказал Стивен, — я привык. После первого случая я не собираюсь больше шляться по холмам и долинам.

Стивен заметил валявшуюся на песке канистру и быстро подошел к ней. Затем он взглянул на линию холмов вдали — все выглядело точно так, как раньше.

«Да, вон там, — подумал он, — те же три холма...» Реальность всего происходящего подействовала на Стивена успокаивающе.

Вон там, в нескольких сотнях футов влево от холмов одиноко торчал первый его космический корабль, молчаливый, покинутый. Никаких следов экипажа не было заметно.

А здесь, рядом стоит их приземлившийся модуль, и его экипаж на месте, на виду.

Стивен втянул в себя глоток миттендианского воздуха и мысленно отметил, что он прохладнее, чем в прошлый раз. Наверное, приближалась зима.

Надо всем сказать об этом... Он повернулся к группе астронавтов, желая сообщить о своем наблюдении капитану, но тот уже отошел от модуля. Стивен мог, конечно, включить свою селекторную связь, но маленькие мигающие

индикаторы подсказали ему, что несколько человек уже говорят между собой. Ладно, поговорим позже!

Вроде бы в настоящий момент им ничто не угрожало. Хорошо, что хоть сегодня не надо противостоять какой-либо враждебной силе, скрывающейся там, за линией горизонта.

Он знал, что у руководителей астронавтов существует некая программа. Разумеется, ее выработали военные умы. Из модуля должны выгрузить и наладить экраноплан, который с экипажем на борту облетит все окрестности, заметив группу миттендиан, захватит одного из них. Затем на планету высадятся все остальные участники космической экспедиции.

Стивен также войдет в экипаж экраноплана вместе с пилотом и еще двумя астронавтами и будет летать через день. Разумеется, группа захвата будет вооружена, а ее члены должны действовать в жесткой силовой манере, агрессивно, не отступая перед опасностью, не жалея собственной шкуры.

После приземления всех остальных модулей предусматривается проведение дальнейших разведок. Одна группа, вооруженная до зубов и готовая сражаться до конца, будет охранять

лагерь.

Размышляя над этой программой, Стивен не сомневался в том, что она нужна военным. Но он мог представить солдатом кого угодно, только не себя. А сейчас ему хотелось бы, чтобы Марка Брема считали рядовым и обращались с ним, как с винтиком военной машины.

Мрачнея от подобной перспективы, он наблюдал, как два астронавта, которые должны были сопровождать его, — Ледлоу и Эрвин — приблизились к канистре, возле которой стоял Стивен, и засуетились возле нее. Сначала он не мог понять, что они собираются делать, а когда понял, быстро отошел. Стивен перешел по другую сторону корабля и стоял там, с дрожью ожидая взрыва, который так и не произошел.

Казалось, Стивен довольно долго простоял около остатков прошлой экспедиции, совершенно не догадываясь, что они могут представлять грозную опасность.

Боже мой, Стивен Мастерс, когда же ты станешь предусмотрительным?

Высадка на планету и проверка оборудования заняла весь остаток дня. Экраноплан был освобожден из-под своего кожуха. Была произведена экспериментальная проверка питания и органов

управления, проведена имитация завтрашнего полета.

Все работало нормально.

Пришла ночь. Половина экипажа спала в модуле. Другая половина плюс Стивен улеглись в спальных мешках на земле. Это было решено жребием. Стивен вытянул длинную травинку, и ему пришлось спать в мешке под открытым небом. Стивену всегда не везло, и сейчас он получил еще одно подтверждение этому. Но что делать, он вытянул жребий сам.

«Однако, — подумал Стивен, — тело этого парня, Марка Брема, иного и не заслуживает.»

Некоторое время Стивен не мог заснуть. Особенно ему мешала спать яркая звезда в черноте южной части неба. Кто-то сказал, что это земное солнце. Стивен долго смотрел на него. Ночь прошла без происшествий, и Стивен благополучно проспал большую ее часть.

После завтрака экраноплан мягко зашипел своими реактивными струями и улетел. На этот раз телу Марка Брема повезло, так как он вместе с четырьмя другими астронавтами остался стоять на земле и наблюдать, как аппарат круто взмывает в небо и становится все меньше, теряясь среди коротких перистых облаков.

У оставшихся не было никакой особо важной работы, кроме перетаскивания оборудования из модуля в лагерь. Так прошло все утро.

Наступил полдень. Все собрались за ленчем, после которого вдруг ожила рация. Голос пилота экраноплана вызывал модуль:

— Мы возвращаемся. Ожидайте прибытия. Мы захватили девушку. Сильная, как дьявол. Совсем как сумасшедшая. Когда прибудем, поднимитесь на борт и окажите помощь!

«Женщина», — разочарованно подумал Стивен.

Из раздумья его вывел вопль одного из членов группы, указывавшего на черную точку в небе. Это был экраноплан. Через несколько минут он с глухим ударом опустился на землю, дверцы его раскрылись.

Стивен уныло смотрел, как трое его компаньонов ворвались в аппарат. Он не тронулся с места и тогда, когда изнутри послышались звуки ожесточенной борьбы. Одна мысль не давала ему покоя: неужели она дралась все это время, пока находилась в экраноплане?.. Поразительно! Какая выносливость! За время столь длительной борьбы мускулы должны были ослабеть. Действительно, нечто нечеловеческое.

То, что произошло потом, развлекло Стивена.

Четверо мужчин, с трудом удерживая девушку, пропихнули ее в дверь. Один стискивал голову дикарки — при этом она все время пыталась укусить его. Двое других с обеих сторон держали ее за руки и плечи. Четвертый охватил руками ее ноги и висел на них, как гиря.

Несмотря на это она продолжала бороться, извиваясь и увертываясь от шприца, который пятый мужчина, наконец, всадил ей в бедро.

Теперь им оставалось ждать. Прошла минута — девушка все еще боролась. Две минуты. Три. Появились первые признаки слабости, и через пять минут туземка затихла. Пока она лежала в состоянии прострации и мозг ее был загипнотизирован действием лекарства, в электромагнитном поле вокруг нее проецировались Кирлиановские образы, и в ее сознание через органы слуха вводился с помощью обучающего устройства английский язык.

Через фантастически короткий срок — всего один час — девушка проснулась. Ее уже связали по рукам и ногам. Когда к ней кто-либо подходил, она скалилась, обнажая крепкие зубы и щелкая ими, как неукрощенное животное.

Пришла ночь, и выяснилось, что ее глаза бле-

стят в темноте, поражая всех своей дикостью.

— Мой Бог, — вздохнул Ледлоу. — Давайте будем за ней приглядывать. Если она вдруг высвободится ночью, мы все покойники.

Все согласились с этим без колебаний. Даже Стивен не мог не признать, что эта мера оправдана.

Караулить девушку договорились по очереди. Каждый должен отдежурить две смены по полчаса. Таймер по очереди разбудит астронавтов, подавая свои сигналы в слуховые устройства, вставленные им в уши перед сном.

Если кто-то заснет во время своего тридцатиминутного дежурства, таймер начнет звонить.

Марк-Стивен, который не боялся диких девушек, ознакомился с расписанием своих дежурств с кривой усмешкой. Он уже решил, как он проведет свое первое дежурство.

…Таймер зажужжал в ухе Стивена. Проснувшись, он выждал, лежа в темноте, так как предшествующий сторож по имени Джони должен был подойти и толкнуть его. Когда через пару минут этого не произошло, Стивен почувствовал что-то неладное. От волнения быстрее забилось сердце, участилось дыхание, восприятие обострилось.

Стивен взял пистолет и осторожно перекатил-

ся на бок. Поднявшись на колени, он осмотрел лагерь. Было темно, но звезды светили, и в их бледном свете уже через минуту он увидел очертания тел.

Стивен пересчитал их — все были на месте, включая девушку и Джони, который лежал. Спал ли он? Возможно, хотя часовые должны были сидеть в течение своей вахты.

Стивен подполз к пленнице. Ее блестящие глаза были открыты и смотрели на него, когда он подошел к ней. Готовясь к близости с девушкой, Стивен и не предполагал о возможных последствиях. Ему не пришло в голову, что Мать сможет использовать девушку против него, если он совершит над нею насилие.

Стивен руководствовался гораздо более примитивной логикой. Он внушал себе: «Вот, я здесь, больше чем в дюжине световых лет от Земли. Я никак не ожидал иметь женщину до своего возвращения. Но теперь я получу ее. Я здесь единственный, кто хоть что-то в этом понимает».

Пока он устраивался в темноте поудобнее, усаживаясь девушке на бедра, он даже не вспомнил, что в первое посещение планеты миттендиане всегда отстранялись с ужасом и отвращением от всего, что исходило от него.

Стивену было ясно лишь то, что эта женщина как бы была приготовлена для него его товарищами, несколько, по его мнению, простоватыми — ведь они все, каждый имея свои представления о чести, чувстве долга, храбрости, захватили ее в плен и доставили сюда связанной, не имея никаких других целей, кроме одной: они хотели утихомирить ее, успокоить и, со временем, вынудить обращаться с ними подобно тому, как одно цивилизованное существо обращается с другим.

Стивен все это понимал и по-своему также хотел этого. В самом деле, ведь его метод общения тоже был направлен на решение проблемы… Она влюбится в меня и…

Земные девушки обычно поступали именно так после того, как он спал с ними. Поэтому они роняли себя в глазах бывших друзей, а Стивен, конечно, бросал их, никогда больше не вспоминая об их существовании и даже не узнавая при случайной встрече.

Раздумывая над всем этим, он склонился над туземкой, чувствуя ее гладкую кожу, и начал медленно входить в нее. Такому опытному, с большим стажем насильнику, как Стивен, было приятно ее извивающееся тело, ее сопротивление. Стивен относился к тем земным мужчинам,

которые в душе считали всех женщин шлюхами, желающими постоянно переживать насилие со стороны мужчин.

Тщательно уклоняясь от зубастого рта, пытавшегося укусить его, Стивен делал свое дело. Ему нравилось, что она не подает голоса, не зовет на помощь. Девушка лишь тяжело дышала, и это было некоторым оправданием для Стивена — реагировала, выделяя достаточно вагинальной жидкости, облегчая тем самым акт близости.

Закончив, Стивен приподнялся и уже осторожно крался на свое место, как вдруг…

«Мать, перенеси меня!»

…Он почувствовал, что лежит на спине, связанный по рукам и ногам. В сумраке он видел, как тело Марка Брема встало на ноги. Стивен был ошеломлен переменой в себе и еще не пришел окончательно в себя, когда дикарка в образе Марка достала пистолет и, подбежав к каждому из трех спавших, разрядила его в головы астронавтов, которым выпал жребий спать на открытом воздухе. Стивен услышал лишь хлопки, один человек застонал.

Уже через секунду дикарка оказалась возле Стивена, перенесенного в ее тело.

Она развязала ноги Стивена и связала свои у

щиколоток. Затем, перекатив временно тело Стивена набок, она развязала ему руки и вложила пистолет в одну из них.

«Мать, перенеси меня обратно!»

…Осуществившийся через мгновение перенос сознания потряс их обоих.

Но Стивен оказался проворнее. Хотя его сознание было замутнено и перед глазами все плыло, Стивен понял, что он снова в теле Марка Брема. Он поднялся и прыгнул со связанными ногами изо всех сил на дикарку, пытаясь перехватить пистолет. Так они и сражались в темноте, две молчаливые фигуры, тяжело дыша, не произнося ни звука. Аборигенка была сильна, как мужчина, невозможно было ухватить ее скользкое обнаженное тело и отобрать пистолет.

Молчание, ночь, страх… Стивен не смел закричать, позвать на помощь оставшихся в живых и спавших в модуле товарищей, не смел потому, что не знал, как объяснить им смерть трех людей… Все произошло слишком быстро, у него не было времени придумать какую-нибудь оправдывающую его историю. Он продолжал бороться. Сейчас главное — выстоять.

И ему это удалось. Он снова прыгнул на нее, всем весом Марка Брема сбил ее с ног и навалил-

ся сверху.

Девушка на мгновение замешкалась. В этот момент Стивен изо всех сил рванул пистолет и отобрал его. Размахнувшись, он ударил ее рукояткой пистолета. Стивен и до этого много раз бил женщин, когда они надоедали ему, правда, только ладонью или кулаком.

Дикарка свалилась и затихла.

Сразу ослабевшими руками Стивен начал развязывать веревки на своих ногах. Освобождаясь от узлов, он уже придумывал историю, которая могла бы сойти за правду. Если бы он и здесь мог положиться на силу денег, когда ему придется подвергнуться допросу на детекторе лжи!

Денег оказалось достаточно, чтобы избежать детектора лжи в случае с тем парнем на паромобиле, а сейчас…

Стивен был в растерянности.

Вдруг что-то опять на него нашло. Накатила какая-то пелена, а затем прошла.

Стивен моргнул — вокруг было светло.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы выйти из шока и сообразить, что он снова на Земле.

Несколько больше времени понадобилось, чтобы припомнить свои последние мысли на

Миттенде и осмотреться. Он нашел себя в чьем-то доме и увидел в зеркале незнакомого мужчину. На столе валялись какие-то письма, адресованные Линде Атгерс и Даниэлу Атгерсу…

И тут он подумал: «Да что же это такое! Это все мой старый отец со своей вшивой философией! Вот она и вылезла снова — я попался!»

10

Некоторые считают, что жизнь — это игра, и играть в нее нужно весело. Другие являются сторонниками так называемого позитивного мышления и советуют не сгибаться ни перед какими трудностями. Наконец, третьи исповедуют философию победы, согласно которой победитель всегда чувствует себя лучше, чем побежденный. Стивен поступал в соответствии со всеми тремя кредо, хотя чаще всего даже не подозревал, что в его поступках есть какая-то система. Он был из тех, кто всегда падает с высоты лапами вниз, и это ему нравилось. За полученные блага Стивен держался обеими руками. Он не довольствовался скромным выигрышем и делал новые ставки, никогда не думая о последствиях тех сомнительных средств, с помощью которых он добивался выигрыша. Об этом всегда можно успеть подумать.

Как, например, сейчас.

Двадцать восемь лет, неплохо, а? Стивену это очень понравилось. Став моложе, он начал оптимистичнее смотреть на мир. Он обнаружил, что бывший владелец паромобиля, которого он так преследовал в свое время, был фанатом

своего тела. Физически Атгерс находился в отличной форме и буквально излучал здоровье: был строен, мускулист и всегда готов ко всяческим нагрузкам.

К тому же Атгерс имел достаток выше среднего, и сочетание физического здоровья и финансовой устойчивости привлекли к нему симпатичную девушку с блестящими глазами, которая в свои двадцать шесть лет все еще носила длинные светлые локоны. Ее внешность привлекала даже Стивена. Однако ему потребовалось провести с ней всего две ночи, чтобы его начала одолевать привычная для него скука.

Конечно, была еще одна причина того, почему он заскучал и принял столь быстрое решение расстаться с этим домом и этой женщиной.

Дело в том, что к вечеру второго дня газета поместила информацию об экспедиции на Миттенд, составленную космическим ведомством. Сообщалось о гибели трех астронавтов, о бегстве взятой ими в плен миттендианки, которая разрядила в них захваченный ею у Марка Брема пистолет.

Газета также информировала, что трагедия произошла во время дежурства Марка Брема, однако оставшиеся в живых члены экипажа до сих пор не смогли добиться от него сколько-нибудь

удовлетворительного объяснения инцидента.

В официальном заявлении не упоминалось о прежней публикации, в которой связывались имена Марка Брема и Стивена Мастерса. Однако прессу нельзя было упрекнуть в излишней сдержанности. Газеты расписали драму во всех подробностях, да и телевидение не упустило шанс позабавить зрителей.

Больше всего Стивена обеспокоило, что космическое ведомство, как ему показалось, чего-то недоговаривает. Капитан Одард, как и предполагал Стивен, конечно, сообщил с Миттенда, что Марк Брем настаивает, будто он является Даниэлем Аттерсом.

Следовательно, должны быть предприняты какие-то меры.

На третье утро Стивен заявил красавице Линде, что ему нужно в город. После завтрака он сел в машину и уехал в Нью-Йорк.

Подкатив к дому Стивена Мастерса, он поколдовал над замками и проник внутрь. Оттуда он позвонил отцу. Услышав в трубке знакомый голос, Стивен произнес:

— Привет, папа, я снова здесь, на этот раз опять в другом обличье. Я нахожусь в Стиге.

Так Стивен называл блок зданий небоскреба

Стигмор, где находились его апартаменты.

— Сейчас буду, — ответил Мастерс-старший.

Оперативность отца подсказала Стивену, что старик уже знал все подробности случившегося на Миттенде. Возможно, именно поэтому Стивену удалось так быстро с ним связаться.

Положив трубку, Стивен услышал за спиной звук открывающейся двери. Старые подозрения сразу же пронеслись в мозгу, он рывком повернулся и узнал: Джо.

Слуга стоял в дверях. В руках у него был автоматический пистолет.

Стивен сразу же кинулся на пол. Первые две пули пролетели там, где он сидел за мгновение до выстрела.

Вторые две пули последовали за ним, когда он катился по полу, пока не спрятался за диваном. Из-за этого сомнительного укрытия Стивен выкрикнул:

— Джо, отец будет здесь через несколько минут!

Даже если смысл этих слов и дошел до Джо, то по его реакции этого не было заметно. Он скомандовал:

— Вылезай оттуда! Руки вверх!

К этому времени Стивен уже быстро и осторож-

но переполз в глубь своего убежища за диваном. Он совсем не собирался отдаться на милость человека, который уже четыре раза стрелял в него. Каким непостижимым образом Джо чувствовал, кто находится перед ним?

Пока Стивен думал об этом, послышались еще два выстрела. На этот раз пули прошли через заднюю стенку дивана в том месте, где Стивен находился пару секунд назад.

Джо заорал:

— Выходи, выходи сейчас же!

Стивен не ответил, он собирался с духом. Выход в коридор, который вел в его спальню, был в десяти футах от него. Глубоко вздохнув, он кинулся туда, как бегун, начинающий стометровку.

Говоря языком математики, такой старт был на девяносто девять и девять десятых процента в пользу Стивена. Хороший бегун может покрыть сотню ярдов за одиннадцать секунд. Человеческие рефлексы так быстро не срабатывают. Лишь через несколько секунд после того, как Стивен оказался в коридоре, он услышал еще два хлопка. К этому моменту он уже вбегал в спальню.

Судя по всему, к этому времени дубина-слуга уже разрядил свою первую обойму, а ведь второй он мог с собой и не иметь, но Стивен, тем не ме-

нее, запер дверь. Затем он открыл потайной ящик своего секретера, где хранился браунинг 32-го калибра. Теперь можно и дверь открыть. Пройдя по коридору и осторожно заглянув за угол, Стивен ничего не увидел и ничего не услышал. Тогда он вошел в комнату.

Он был настолько зол, что перестал чего-либо бояться и приготовился стрелять, но здесь никого не было. Открытая дверь показывала, в каком направлении ушел этот скот; наверное, он отправился за обоймой.

Стивен бегом кинулся в кухню и застал там Нину, которая удерживала своего мужа, пытаясь вырвать у него из рук пистолет. Они так ссорились, что не заметили, как он вошел в кухню.

Первой заметила его женщина, и руки ее сразу же ослабели. Джо понял, что сзади кто-то появился, и медленно обернулся. Повинуясь жесту Стивена, он бросил свой автоматический пистолет на пол, а Стивен его подобрал со словами:

— Господин Мастерс-старший будет здесь с минуты на минуту. Я хочу, чтобы ты собрал свои вещи и убрался до того, как он здесь появится. Он тебе заплатит. Бобу скажи то же самое. А сейчас пошел вон!

Пятясь, Нина и Джо покинули комнату, жен-

щина, всхлипывая, причитала:

— Я не знаю, что на него нашло, я просила, чтобы он только узнал, кто вы и…

Стивен допускал, что Джо мог действовать так по наущению Матери, но лишь повторил:

— Вон! Все убирайтесь отсюда!

Отец, когда Стивен рассказал ему о нападении, молча кивнул и осмотрел следы от пуль. Он расплатился со всеми тремя слугами и вместе со Стивеном проводил их через задний выход из апартаментов. Стивен закрыл и запер за ними дверь. Отец и сын вернулись в гостиную. Только теперь Стивен осознал всю серьезность ситуации.

Дело приняло скверный оборот. Наличие трех убитых опасно осложняло его положение. Следовало поразмыслить и принять разумные решения, не полагаясь на чувства.

Кажется, для Стивена наступил переломный момент. Он понимал, что его история — это еще один печальный комментарий к человеческой натуре. На его примере подтвердилась та истина, что березовая розга, примененная в благих целях, неизбежное наказание за совершенное преступление, а также равенство перед законом для всех, причем даже без участия юристов — идеальный

способ держать в руках эту беспечную человеческую расу, населяющую третью планету Солнца типа Джи, расположенного недалеко от края галактики Млечного Пути на расстоянии тридцати шести тысяч световых лет от ее центра.

Стивен понимал, что доказать свою невиновность в убийствах на Миттенде совершенно невозможно.

Он, впервые в своей жизни, признался самому себе, что поступил плохо. Впервые трезво оценил ситуацию, тогда как раньше всегда сваливал свою вину на других.

В прошлом обвинители Стивена с изумлением обнаруживали, что ответственность за свои поступки не составляла для него главной заботы. Он всегда находил неожиданные и непривычные самооправдания. Лишь в стрессовых ситуациях Стивен давал себе труд раздумывать о происшедшем. Он не принимал ничего близко к сердцу по той простой причине, что умел отключаться от неприятных мыслей.

Конечно, Стивен полностью преобразиться не мог. Он не слишком много времени размышлял о случившемся, пока не прочел сообщение о трагедии на Миттенде.

Оставшись вдвоем в апартаментах Стивена,

Мастерсы продолжали беседовать. Старший Мастерс напрасно пытался поймать взгляд сына. Это обстоятельство частично свидетельствовало о том, что этот странный молодой человек все-таки оставался самим собой. Отец не мог бы припомнить случая, когда Стивен смотрел прямо, не отводя глаз. Он с сожалением иронизировал, что Стивен смотрит в глаза, наверное, только женщинам, да и то, должно быть, только в положении лежа.

Стивен растянулся на кушетке в непринужденной позе, а его отец, по своей привычке, ходил по комнате. Иногда он останавливался и неприязненно смотрел на сына. Тем не менее он его слушал.

Рассказывая отцу о происшествии во время экспедиции, Стивен скрыл истину, хотя и не отрицал очевидных фактов.

— Было очень темно, — сочинял он, — я сидел рядом с этой захваченной в плен дурой. Вдруг она дернулась всем телом и ногой задела мою руку. Должно быть, при этом и случился перенос. Сразу после этого я и оказался здесь.

Причину убийства Стивен объяснил тем, что ошарашенный Атгерс, оказавшись на Миттенде в теле Марка Брема, был вынужден каким-то

образом освободить девушку.

— Вот и все, что я знаю, — пожал он плечами.

Отец раздраженно проворчал:

— Ты мог бы и учесть все, что произошло с Марком Бремом в прошлый раз, незачем было подходить к ней так близко.

— А чего они меня назначили часовым? Не могли лучше придумать! Не думаешь ли ты, что я сам напросился дежурить в кромешной тьме в два часа ночи?

Ответ произвел, очевидно, некоторое впечатление на Мастерса-старшего, он перестал ходить и некоторое время стоял у окна, глядя на огромный город, раскинувшийся под ним. Решив что-то, он подошел к телефону. Стивен уловил кое-что из последовавшего разговора. Кто-то согласился связаться с Космическим ведомством и немедленно, и устроить встречу.

Поскольку встреча была назначена на вторую половину этого же дня, такая спешка могла означать, что всему делу придается большое значение. Стивена это вначале обрадовало. Однако, вылезая из машины, подъехавшей к одному из типовых зданий, которые появляются везде вместе с военными и уродуют окрестности, Стивен вдруг интуитивно почувствовал опасность и

отказался входить в здание.

Папа-Мастерс отреагировал очень просто: отказываешься входить — убираешься из апартаментов.

Стивен сел в машину и снял трубку телефона:

— Я буду говорить с ними отсюда. Можешь сообщить им, что я не вхожу в тюремного вида дома с вооруженной охраной у входа.

— Но там же нет никого, кого бы ты когда-нибудь обидел, — возразил отец.

— Я в таком положении, что не могу рисковать. Каждый офицер, с которым мы будем беседовать, считает личным оскорблением, что ты освободил меня от военной службы, может, они даже обвиняют меня во всем, что произошло на Миттенде. Пусть включат свою переносную систему для проведения совещаний, и я с ними переговорю.

Последовала длинная пауза. Наконец, к полному удивлению Стивена, суровые черты Мастерса прорезала слабая улыбка.

— Знаешь, Стивен, — признался он, — до этой минуты я думал, что ты выжил, благодаря моей заботе о тебе. Но сейчас я начал понимать, что ты, наверное, умеешь, по-своему, бороться за жизнь. Отлично, я уважаю такое умение. Можешь оставаться здесь. Будем говорить через мой

селекторный микрофон. Я постараюсь объяснить твою точку зрения, хотя это будет нелегко. Жди здесь. — И он вошел в дом.

Действительно, точку зрения Стивена объяснить было трудно. Утомительные минуты текли и текли, так как некто, назвавшийся генералом Синтером, упорно требовал присутствия Стивена. Этот спор давно наскучил Стивену, и он несколько раз подавлял желание все бросить и уйти, оставив машину. Его удерживала лишь какая-то необычная особенность речи генерала. Сначала Стивен ее не замечал, общаясь через селекторную систему, но, прислушавшись, уловил, что генерал параллельно вел два разговора. Один из них был диалогом со Стивеном. Второй разговор представлял собой непрерывное бормотание, представлявшее собой комментарий ответов Стивена. То есть получалось, что генерал, невольно, выдавал все, что он думает.

Начал разговор он не так уж плохо, хотя тон его и был агрессивным:

— Молодой человек, нам сообщили о вашем желании. Мы хотели бы услышать ваше заявление и записать его, о чем я вас и предупреждаю.

Стивен заявил:

— Я считаю, что нахожусь в теле человека по

имени Даниэл Атгерс. Однако еще два дня назад я сам в теле Марка Брема был в экспедиции на Миттенде, куда мы прибыли со спасательными целями. Я сейчас говорю с вами, будучи в памяти и сознании Стивена Мастерса-младшего.

Последовал приглушенный комментарий генерала:

— Если бы мы жили в дни инквизиции, то на дыбе он скоро заговорил бы, и мы бы быстро добились бы правды.

— Ну, а теперь расскажите своими словами, что с вами произошло.

Стивен выложил свою фальшивку в точности так же, как он представил ее отцу.

На этот раз генерал пробормотал:

— Большей лжи никогда не слышал. Ничего, мы вытряхнем из этого сукина сына все потроха.

Одни вопросы следовали за другими, все это сопровождалось комментариями, не сулившими ничего хорошего Стивену.

В конце концов генерал Синтер откашлялся, отчего, впрочем, его голос не стал приятнее, и сообщил:

— Я вас арестую, молодой человек, и отдам под трибунал за ваше поведение и халатность, приведшие к смерти на Миттенде трех офицеров

Вооруженных Сил.

Стивен обратился к отцу:

— Папа, ты не устал от этого идиота? С меня уже хватит.

Старший Мастерс обратился к адвокату. Голос его в микрофоне был спокоен.

— Господин Гленкорн, не проинформируете ли вы наших коллег?

Офицерам он сообщил, что господин Гленкорн является его личным адвокатом.

Стивен припомнил Гленкорна, педантичного служаку в очках и с острым носом. Адвокат разразился речью:

— Как уже я сообщил господину Мастерсу, в соответствии с законодательством, тело человека и есть его личность. Тело Стивена Мастерса находится, очевидно, на Миттенде, оно либо живо, либо умерло. Если вы в обозримом будущем намерены подвергнуть тело суду или трибуналу, вам необходимо вначале доставить его на Землю. Далее, я информировал господина Мастерса, что Даниэл Атгерс, чье одушевленное тело находится в автомобиле снаружи этого здания, является гражданским лицом и не может быть подвергнут суду военного трибунала. В случае, если правительство возбудит против Даниэла Атгерса иск,

я буду требовать передачи мне магнитофонной записи данного разговора. Настоящим заявляю перед всеми вами, что в случае, если лента с магнитофонной записью окажется, гм, случайно уничтоженной, я буду вынужден требовать вызова генерала в суд в качестве свидетеля. Вместе с тем, до принятия чрезвычайных мер я прошу генерала прослушать ленту. Мне представляется, что он страдает неким заболеванием, могущим представить интерес для психиатра. С большой долей уверенности могу заявить, что заключение психиатров будет неблагоприятным. Благодарю вас. Это все, что я хотел вам сообщить. В настоящий момент я советую двум господам, моим клиентам, покинуть данный район и предупреждаю, что всякие попытки воспрепятствовать этому являются незаконными. Хочу высказать уверенность в том, что мои клиенты понимают, что они могут быть вызваны в суд для участия в процессе. Не так ли, господин Мастерс?

— Да, — услышал Стивен голос Мастерса-старшего.

— Вы не возражаете, господин Атгерс? — спросил адвокат.

— Нет, от имени тела господина Атгерса, — откликнулся Стивен в микрофон.

Мастерс-старший вышел на улицу в задумчивости.

— Поведение генерала очень необычно, — размышлял он вслух, — интересно, раньше он тоже так вел себя?

Эта проблема Стивена не интересовала.

— Поедем, — нетерпеливо потребовал он.

— Минутку.

Отец продолжил разговор с адвокатом, сопровождавшим его по пути из помещения, где велись переговоры. Они подошли к машине Гленкорна, стоявшей поодаль, и несколько минут что-то серьезно обсуждали.

Наконец Мастерс-старший быстрым шагом вернулся к лимузину, где его ждал Стивен, и уселся рядом с ним. Шоферу он приказал ехать к Стигмору.

Заключение его было таково:

— Пришло время серьезно обдумать все последствия ситуации. Если ты — Стивен, то все, с чем земляне столкнулись на Миттенде, может представлять национальную опасность. Из чего следует, что любое необычное поведение относительно тебя должно быть тщательно изучено и оценено.

— На тебя вся эта чертовщина не повлияла. А

ведь ты был бы самой большой приманкой, — сострил Стивен.

Отец ничего на это не возразил и откинулся на сиденье. Остальную часть пути они проехали молча. Когда Стивен выходил из машины, Мастерс-старший сказал:

— Поскольку на Миттенде сейчас находится достаточно большая экспедиция, то намерений послать туда еще одну в ближайшее время нет. Ты будешь и дальше жить в Стиге и получать свое содержание. Полагаю, что твое новое имя и заявление будут опубликованы, так что будь к этому готов. Что передать матери?

— Скажи ей, что на этот раз я выгляжу привлекательнее, но все же не таким хорошеньким, как это удалось сделать ей, — ответил Стивен.

После чего он повернулся и удалился, не оглядываясь.

11

Стивен проснулся ночью и сразу же вспомнил вчерашнюю речь адвоката. От воспоминания он пришел в ярость.

— Этот сукин сын, как его там, адвокат Гленкорн! «Тело Стивена Мастерса… живое или мертвое…» — передразнил он.

До настоящего времени Стивен старался не думать о том, что могло случиться с его телом.

Он включил свет и посмотрел на часы, стоявшие на тумбочке. С обратной стороны часов был календарь. Стивен начал делать небольшой расчет в уме. Было над чем подумать.

Шок. Без сознания. Очень долго. Я там на Миттенде. Я пленник. Марк Брем у руля.

Время шло, а тяжелые мысли и предчувствия не проходили. Он встал и подошел к зеркалу, чтобы взбодриться. Стивен целую минуту смотрел на отражение Даниэла Атгерса. Не так уж плохо.

«Всего на пять лет старше, — говорил он себе. — С этим можно смириться…»

Он начал постепенно успокаиваться.

Стивен уже было собрался опять улечься, когда вдруг заметил в углу призрачную фигуру.

Он мог видеть сквозь нее и поэтому не слишком испугался. На мгновение ему вообще показалось, что это одна из тех галлюцинаций, которые возникают из-за особого освещения.

Но вот непрошеный гость — это был мужчина — заговорил баритоном:

— На таком расстоянии и в обличье призрака я не могу принести тебе вреда, но я решил прийти и посмотреть на твой последний облик.

При звуке голоса Стивен даже слегка подпрыгнул от неожиданности, хотя на него не так-то легко было произвести впечатление. Сквозь тело человека ему была видна стена и часть кресла. Раньше ему уже приходилось наблюдать подобный эффект. Во время учебы в колледже он однажды видел лазерный трехмерный фильм и телевизионное трехмерное изображение. Сегодняшний призрак был похож на те картинки. Стивен ждал, перебирая в уме, кто бы мог сыграть с ним такую шутку. Он был одновременно и сердит, и несколько испуган.

Его немного успокоило то, что под подушкой у него лежал браунинг.

Лучше быть к браунингу поближе… Стивен начал потихоньку двигаться к кровати. Пришелец не пытался воспрепятствовать этому.

Стивен добрался до кровати и сел.

Пришелец все стоял и смотрел на него.

Протянув руку, Стивен достал из-под подушки пистолет.

Призрак не двинулся, продолжая разглядывать его.

Стивен взвел курок. Пистолет был готов к бою.

Стоящий в углу двери в зал человек-призрак улыбнулся. Он был примерно сорока лет, достаточно высок и хорошо сложен.

— Так это и есть то оружие, которое ты используешь, когда теряешь уверенность? — улыбнулся призрак.

Стивен поднялся с постели и навел дуло пистолета на незнакомца.

— Кто ты? — вызывающе спросил он.

Пришелец улыбнулся еще шире.

— На это ответить нелегко. Я редкий гость в этой части Вселенной, можно сказать, что мой дом — Миттенд. Я помог отобрать эту планету у одних добрых людей, которые уже давным-давно достигли такой степени нравственной чистоты, что не могли обидеть даже насекомое. В последнее время они пришли к выводу, что для того, чтобы выжить, им надо вернуть искусство убивать, но они давно уже не знают, как это делается.

Стивен не был приучен выслушивать такие длинные речи.

— Я ничего не понимаю из того, что ты говоришь.

При этом он чуть опустил дуло пистолета.

— Хорошо, я объясню. Когда ты прибыл на Миттенд в первый раз, это составное существо — Мать — увидело в тебе спасителя Миттенда. Поэтому мне захотелось посмотреть самому, на кого она возлагает такие надежды. Стивен, мне жаль говорить это, — призрак покачал головой, — но ты мало похож на человека, пригодного для того назначения, которое тебе готовит Мать.

Пораженный этой информацией, Стивен спросил у пришельца:

— Спасти Мать? От чего?

— От нас, джи-интов.

— Зачем мне все это нужно? — удивился Стивен, всю жизнь занимавшийся только своей особой и старавшийся ни во что не вмешиваться.

— Я только хотел убедиться, что ты хорошо понимаешь, к чему все это может привести? — ответил незнакомец доверительным тоном. — Теперь я знаю тебя. Если ты когда-нибудь появишься на Миттенде снова, джи-инты немедленно убьют тебя. Понял?

Нельзя сказать, что Стивену понравилось заявление пришельца. Это была угроза, а Стивен угроз не любил. Но с другой стороны, он действительно не собирался на Миттенд, никогда.

— Понял? — настаивал пришелец.

— Минутку, — сказал Стивен.

Он вдруг вспомнил канистру и свои опасения во время первого пребывания на Миттенде. Он быстро сделал три широких шага и вошел в ванную. Оттуда он крикнул:

— О'кей, согласен!

Он заперся в ванной и только начал открывать противоположную дверь, которая вела из ванной в другое помещение, как в это время в спальне раздался оглушительный взрыв.

Грохот и треск были настолько сильны, что хотелось зажать уши, однако Стивен, не останавливаясь, пробежал через все комнаты к телефону в главной гостиной. Оттуда он позвонил в пожарную бригаду.

Только через час пожарным удалось погасить последние язычки пламени. Но Стивен не остался следить за их работой. У него было холостяцкое убежище в другой части города, где он и провел остаток ночи. Сну его вся эта история не повредила.

На следующий день около полудня он позвонил отцу. Описав, что с ним приключилось, Стивен попросил отца:

— Я хотел бы узнать, был ли сделан взрыв с целью убить меня или они хотели только уничтожить оборудование для создания трехмерного изображения и имитации голоса, которое было установлено под полом.

Мастерс-старший сообщил:

— Я уже побывал там и осмотрел повреждения вместе со своими инженерами. Помимо всего прочего, здание стоит тридцать восемь миллионов долларов. Самые большие разрушения в углу возле двери, ведущей в главный зал.

— Вот там он и стоял.

— Под полом нашли много перекрученных металлических деталей.

— Да, — удовлетворенно произнес Стивен, — вот это я и хотел узнать.

— Должен сказать, что, по мнению экспертов, взрыв убил бы тебя, если бы ты находился в комнате. Везде видны следы металлических частей, разлетевшихся при взрыве.

— Отлично, — усмехнулся Стивен, — ну, отец, пока!

— Эй, подожди минутку, — закричал отец в

трубку.

Стивен снова неохотно поднес трубку к уху:

— Что еще?

— Еще один момент. Прежде всего я просил полицию найти всех трех твоих слуг. Кто-то же должен был установить это устройство, а ведь слуги находились там все время.

Это уже совершенно не интересовало Стивена, он нетерпеливо вздохнул.

— Теперь такой вопрос, — продолжал отец. — Предупредил ли тебя твой внутренний голос на этот раз?

— Нет, я просто быстро убрался оттуда, — Стивен уже забыл свое воспоминание о канистре на Миттенде.

— Как раз в нужный момент, прошу тебя, заметь, — уточнил отец.

Стивен снова вздохнул. Ему надоело обсуждение подробностей. Дело сделано, надо все забыть. В следующий раз придется решать все снова.

— Еще одно, — никак не унимался Мастерс-старший. — Уже появились первые вечерние газеты. Я хотел бы, чтобы ты послал кого-нибудь за ними и прочел статью о себе на первой странице.

— О пожаре?

— Нет, об этом на третьей странице.

— О Миттенде?

— Нет, увидишь сам. Всего хорошего.

Из газеты он узнал следующее:

«ЕЩЕ ОДИН ПЕРЕНОС СОЗНАНИЯ Жена Атгерса требует суда Сегодня миссис Линди Атгерс подала судебный иск в связи с нашумевшим переносом сознания с участием Стивена Мастерса.

Она утверждает, что тело ее мужа принадлежит ему, а следовательно, в юридическом смысле, и ей. Миссис Атгерс требует, чтобы суд округа вынес решение о том, чтобы Стивен Мастерс, утверждающий, что он в настоящее время существует в теле Атгерса, был лишен возможности общаться с особами женского пола и возможности причинить физический вред телу Атгерса, а также моральные страдания истице…»

Внимательно прочтя статью, Стивен поднял трубку телефона и заказал междугородный разговор. Через некоторое время его соединили, и откликнулся довольно приятный женский голос.

— Знаешь, кто говорит? — спросил он.

Последовала пауза, а затем несколько напряженно женский голос поинтересовался:

— Что ты хочешь?

Стивен пояснил:

— Похоже на то, что у нас с тобой есть сходные причины желать, чтобы я не маячил на виду. Почему бы тебе не приехать ко мне и не составить мне компанию, пока все не уляжется?

— О, я не могу этого сделать. Что подумает мой муж, когда вернется?

— Постой, — возразил Стивен, — если он способен учитывать моральные аспекты, а ты ведь на это намекаешь, то он лучше меня.

— Судя по тому, что я слышала о тебе, так хуже найти трудно.

— Ты всегда так быстро судишь? — Стивен начинал сердиться, но остановил себя. — Послушай, предлагаю тебе выход из ситуации. Если ты действительно хочешь знать, где находится тело твоего мужа в любое время дня и ночи, то ты лучше скорее соглашайся и приезжай. Приезжай сегодня же вечером. Без женского общества я уже до завтра не выдержу.

В трубке прозвучало нечто вроде слабого стона, выражающего одновременно сомнение и согласие.

— Помимо всего, — продолжал уговаривать Стивен, — ведь я уже провел с тобой два дня и две ночи.

— Но ведь тогда я ни о чем не знала, — протя-

нула Линда.

— Зато я знал. И твой муж узнает когда-нибудь, — резко сказал Стивен.

— Приедешь? Не приедешь? Или будешь ждать, пока адвокат Атгерса или деньги Мастерса выиграют дело? Приезжаешь или нет?

Женщина помолчала, потом вздохнула:

— Ладно.

— Чтобы ты была до десяти часов, — приказал Стивен, — я обычно ложусь в постель в это время, если я давно ни с кем не спал.

Он повесил трубку уже с хорошим настроением. Дело не в том, что Линда была такой уж сексапильной, пожалуй, наоборот, слишком она вялая. Может быть, теперь, когда она знает, кто он, она расшевелится немного?

Впрочем, значения это не имело, ведь Стивену все равно больше нечего было делать.

12

В первый год пребывания Стивенса в колледже преподаватель однажды сказал ему:

— Стивен, почему бы тебе как-нибудь не присесть спокойно и не задуматься обо всем плохом, что ты сделал до сих пор, как пришел в этот класс?

Предложение оказалось явно неудачным. Во-первых, едва дослушав его, Стивен сразу же приобрел иммунитет ко всему, что этот идиот мог еще ему сказать, а во-вторых, тут же принял решение никогда, никогда не обдумывать свои поступки.

И с тех пор, когда перед ним вставала проблема или ему предлагалось какое-то условие, он действовал под влиянием мгновенной реакции. Были ли его реакции всегда верными? Не раздумывая об этом, Стивен поступал так: если возникали какие-либо осложнения, он разрешал их по очереди таким же образом, а затем переставал о них думать.

На второе утро после взрыва Линда и Стивен вернулись в главные апартаменты. Рабочие уже все привели в порядок. Новая кровать, новая

мебель в спальне заменили прежние обломки. Бригада экспертов прошлась по апартаментам в поисках других бомб, но ничего не обнаружила.

Наутро Стивену в голову пришла мысль, которая постепенно вытеснила все остальные. Сводилась она к тому, что всем этим делом с Миттендом следует заняться тем людям, которые уже давно занимаются подобными вещами.

Оторвавшись от Линды, Стивен позвонил отцу и задал ему следующие вопросы:

— Кто решил направить на Миттенд вторую экспедицию? Как давно подложили бомбу в мою спальню? Каким образом напугавший меня до смерти джи-инт общался со мной на разговорном языке среднего американца? Почему он решил, что если убить мое тело, то я не появлюсь вновь в обличье кого-нибудь из тех, кому я ранее нанес вред?

Старший Мастерс был ошарашен таким неожиданно рациональным набором вопросов. Он искренне надеялся, что многочисленные опасности приведут в конце концов Стивена, как он выразился перед женой, «в чувство». Теперь же, выслушав столько соображений, отец решил, правда, преждевременно, что его сын созрел для логичного диалога.

— Я очень внимательно выслушал все, что ты мне в первый раз говорил об этом случае, — ответил отец. — Мне кажется, что джи-инт нарочно отвлекал тебя разговором, чтобы тебе не пришло в голову какое-то имя. Может, все дело в этом?

Отец подумал, что Стивен мог не заметить чего-то при встрече с джи-интом. Стивен же никогда ничего не упускал из внимания, хотя многое тут же забывал.

Теперь Стивен сразу же начал рыться в памяти. С отцом он поспешил проститься:

— О'кей, папа, не хочу больше тебя утомлять. Пока!

— Эй, постой, — попытался его задержать отец.

Но Стивен уже повесил трубку.

Когда телефон через минуту вновь зазвонил, Линда уже получила инструкции.

— Он только что вышел, — сообщила она в трубку, — и будет к полуночи.

В это время Стивен комфортно раскинулся на диванчике.

Линда уже обнаружила, что жизнь со Стивеном отличается от жизни с Даниэлом. Со Стивеном время летело быстро.

Мастерс-старший выразил свое удивление, услышав женский голос:

— Могу я узнать, с кем говорю?

Когда Линда ответила ему, на другом конце линии воцарилось гробовое молчание. Наконец, последовало восклицание:

— Так Стивен, оказывается, женился. Передайте ему мои наилучшие пожелания, когда он, гм… вернется в полночь, и скажите, что я немедленно дам указания своим людям заняться этим делом.

— Я передам, — пискнула Линда.

— А что касается тебя, дорогая, я хочу послать тебе лично свадебный подарок примерно такой же стоимости, что и судебные издержки, которые я мог бы потратить, защищаясь от твоего иска к Стивену. Ты ведь его отзываешь, не так ли?

— Уже отозвала сегодня утром.

— Хорошо, хорошо, благодарю тебя, дорогая. До встречи.

Когда жена повесила трубку, Стивен сказал:

— Я сейчас останусь здесь с моей маленькой Линдой. Двери запрем, обыщем всю квартиру, а потом проведем вместе время. После того мы уложим тебя в другую спальню. Ну а тогда…

Он примолк.

Что-то начало звенеть у него в голове.

Сразу же Стивен ощутил притупление чувств, зрение затуманилось настолько, что сгустивша-

яся темнота спрятала исказившуюся реальность. Послышались неясные звуки, они усиливались, приближались.

Затем вдруг появились зрительные образы. В сознании Стивена возникло человеческое лицо. Через мгновение он уже понял, что это лицо человека, устроившего взрыв в его спальне два дня тому назад. Человек иронически улыбался, так же, как и тогда ночью.

Звучавший в мозгу Стивена звук превратился в голос:

— Стивен, думал ли ты когда-нибудь, что происходит в момент переноса сознания? Если ты поразмыслишь над этим, то увидишь: происходит то, что не присуще самой природе вещей. И поскольку ты причастен к этому процессу, тебя надо немедленно убить, и быстро! Я сожалею.

Стивен не сразу понял сказанное. Смысл слов дошел до него лишь спустя некоторое время. Как только Стивен узнал лицо говорившего, он мгновенно ощутил опасность. Вспомнил предположения своего отца, вспомнил, как джи-инт ошеломил его, утверждая, что Мать считает его своим спасителем. Стивен должен сам спастись, потому что Матери безразлично, если его нынешнее тело проткнут ножом или взорвут.

Все это невольно пронеслось в мозгу Стивена. А затем он начал перебирать в памяти имена всех им обиженных. Мелькнули образы Марка Брема, Даниэла Атгерса, фотографа Эпли, дикарки на Миттенде…

Стивен сразу же отбросил их всех. Его сознание сконцентрировалось полностью и целиком на Матери.

— Мать, — заклинал он, — если между нами существует связь, почему я не могу вызвать тебя?..

Лицо человека начало расплываться. Перед тем, как совсем исчезнуть, оно стало изумленным, затем злобным и наконец зло.

13

Даниэл Атгерс проснулся в темноте, как ему показалось, на полу. Он был страшно удивлен. Он читал, сидя на диване, и…

«Должно быть, я заснул, — успокоил он себя, — а потом свалился на пол.»

Его обидело то, что Линда не пришла посмотреть, что с ним. Нечему удивляться, в этом вся Линда — всегда думает о чем-то своем. Его обида сразу же улетучилась, когда Атгерс обнаружил, что лежит не на ковре, а на траве. Недоумение быстро переросло в страх.

Он осмотрелся. Небо освещали звезды, луны не было. Рядом с ним лежали непонятные предметы. Два странных сооружения, похожие на космические корабли, еще больше озадачили Атгерса. Но тут он заметил, что один из предметов, лежавших рядом с ним, зашевелился.

Глаза его уже привыкли к темноте, первое замешательство прошло. Он увидел, что перед ним сидит кто-то с длинными волосами.

— Линда! — Атгерс вымолвил ее имя с раздражением.

Очевидно, это бестолковая жена виновата в

том, что происходит. Вот только как она это сделала? Она просто чокнулась на романтике. Она вечно нуждалась в необыкновенных приключениях, в отличие от своего мужа, чьим хобби были спортивные машины и физические упражнения.

Атгерс уже раскрыл было рот, чтобы язвительно произнести: «Ради Бога, Линда, что ты опять придумала?» Такие упреки были в их семейной жизни обычным делом.

Но он не успел ничего сказать, так как произошло непонятное. Жена, шатаясь, поднялась на ноги и подалась куда-то в сторону. Тут Атгерс заметил, что она нагая.

— Эй, — в ярости крикнул он, — куда идешь, дура?

Звук его голоса произвел неожиданный эффект: женщина начала убегать, и через несколько мгновений скрылась в темноте.

В этот момент рядом с ним раздался лязг металла. Это находившиеся в космическом корабле астронавты, услышав крик Атгерса, открыли люк и увидели три мертвых тела. Затем последовали долгие часы разбирательства, изумления, гнева, ярости и, наконец, полной растерянности всех присутствующих.

На следующий день, примерно в полдень, с ор-

биты спустился второй большой модуль. Прибыл он с семнадцатью членами экипажа на борту и с большим количеством оборудования. В угрюмом молчании были вырыты могилы, и после краткой службы тела погибших были зарыты.

После этого эмоциональное напряжение несколько спало. Одард сердито обратился к Атгерсу:

— Если такой перенос сознания действительно произошел, то где вы были, когда это случилось?

До похорон напряжение людей было столь велико, что никто даже не додумался спросить Атгерса об этом. Он ответил:

— В библиотеке в моем доме в Вестчестере. Я сидел и читал.

— Какую книгу? — заинтересовался Одард.

— «Ранние греческие мифы» Денисона.

— О! — Одард был несколько разочарован.

Поскольку Атгерс был не только потомком почтенных родителей, но и преподавал античную историю в колледже Отина, название книги было вполне соответствующим его интересам, но мало что говорило его собеседнику.

Одард и Атгерс помолчали. Двое мужчин стояли под ясным синим небом Миттенда. Вокруг простиралась дикая природа, не отличавшаяся,

на первый взгляд, от природы Земли.

— Какую же роль, — прервал молчание Одард, — вы собираетесь тут играть до конца экспедиции?

— Мне все время кажется, что я вижу какие-то картины из жизни этой планеты. По-моему, я как-то связан с этой девушкой. Вроде бы я знаю, где она, и мог бы найти ее.

— О! — обрадовался Одард.

Способность Атгерса устанавливать внутреннюю связь с другим лицом решила, по крайней мере, одну проблему. Атгерса посадили на экраноплан, и он целый день давал пилоту указания, куда лететь, очень часто меняя направление. Однако это ни к чему не привело.

Впрочем, это Атгерсу даже помогло. Его компаньоны успокоились и даже начали избавляться от чувства неполноценности в связи с загадочным талантом Стивена-Брема-Атгерса.

Вторую ночь Атгерс спал уже внутри модуля. Во сне его беспокоили мысли и чувства дикарки, ему снились дикие животные, плескавшиеся в миттендианских реках и выискивавшие там земноводных. Ему казалось, что он сам был таким животным, яростно атакующим, убивавшим и пожиравшим прятавшихся в водах существ.

Проснувшись вскоре после восхода солнца, Атгерс понял, что стал жертвой галлюцинаций и странных видений, от которых страдал этот человек, Брем…

Этот анализ помог ему успокоиться. К нему вернулось чувство уверенности в себе. Весь день Атгерс старался отбиваться от фантазий, которые, как он считал, зародились в затемненном сознании Марка Брема.

И ему действительно это начало удаваться.

14

Стивену чудилось, что он находится в саду.

Пышная растительность, высокие деревья, трава окружали его со всех сторон. Запахи зелени, цветов, влажной земли усиливали впечатление буйства природы. Легкий ветерок шевелил листья, Стивен ощущал себя молодой женщиной. Вдали работала какая-то машина. Сквозь листву виднелись высокие белые стены. Он шел по саду, чувствуя, как его небольшие ступни вдавливаются в землю, как ветер гладит его по щекам. В голове теснились какие-то смутные образы.

Постепенно он понял, что к небу обращаются незнакомые голоса, что его чувства и мысли некто воспринимает и отвечает на них.

Внутри Стивена кто-то вел все время счет голосам. Сейчас их было 8 x 11 в 23 степени плюс 119. Последняя цифра изменялась при каждом счете. Сразу же после 119 их стало 1138, затем 821923. Неожиданно общее число подскочило до 8 x 11 в 24 степени плюс 603. Затем вновь вернулось до 11 в 23 степени.

Каждый голос нес ему информацию. На каждое сообщение Стивен давал немедленный ответ: он

то направлял свой ответ говорившему, включая при этом один из участков своего мозга, то просто позволял своему мозгу выдавать сведения. Иногда он производил эти действия одновременно.

Все это не составляло для него никакого труда, не требовало словесного оформления мыслей. К нему поступали десятки тысяч сообщений, он отвечал на них, совершая ранее не знакомые ему действия. Внутри своего сознания Стивен, то есть молодая женщина в саду, размещал всю полученную информацию, сортируя ее, увязывая между собой, так чтобы ее можно было бы использовать в будущем в соответствии с обстоятельствами: темы и цели разговора собеседника, характеристика окружающей среды и так далее.

Стивен начал понимать, что это вовсе не простой перенос сознания. Сознание той, что присутствовала еще недавно в этом женском теле, ныне находилось, наверное, в теле Даниэла Атгерса, сидевшем в апартаментах Стивена Мастерса напротив Линды Атгерс. Главной особенностью последнего переноса было то, что сознание этой женщины продолжало функционировать в теле наряду с сознанием Стивена на уровне, не достижимом для возможностей Мастерса-младшего.

Стивен обогнул группу деревьев, за которыми

стояли, ожидая его, три молодые женщины.

Стивен не спрашивал себя, почему они ждут его. Он просто знал это и потому остановился.

Одного его взгляда, охватившего их всех, было достаточно, чтобы увидеть, что все они красивы — две блондинки и одна шатенка. Все они были ростом в пять футов шесть дюймов, стройны и одеты в просторные и тонкие белые одежды, которые у Стивена всегда ассоциировались с облачением ангелов. Одежды ниспадали до самой земли и придавали возвышенность облику женщин.

Одна из блондинок на чистом английском языке обратилась к Стивену:

— Меня зовут Эент, Стивен. Я одна из восьмисот восьмидесяти шести женщин, живущих в этом доме за деревьями. Твое нынешнее тело тоже живет там, и все мы вместе есть Мать.

Когда она говорила о доме и количестве его обитателей, она грациозно повела рукой влево, чтобы Стивен обернулся и посмотрел в этом направлении, но он, не отрываясь, смотрел на женщину.

— Значит, я снова на Миттенде, — отозвался Стивен.

— Не совсем так, — промолвила Эент. — Мы не

живем на планете в прямом смысле слова, если ты в состоянии это представить.

— Нет, — искренне признался Стивен, — не могу.

— Так и не пытайся, — вступила в разговор шатенка и с улыбкой представилась:

— Мое имя Ганзе. Ты очень быстро сообразил, Стивен, что надо не заниматься простым переносом сознания, а подумать о Матери. Переносы происходили слишком быстро. Мне жаль, но в другой раз они у тебя так легко не получатся. Поэтому я очень прошу тебя никогда в будущем не прибегать к этому. Пребывание в теле Калькун изменило тебя, и ты уже никогда не сможешь перевоплотиться в тело человека, которого ты обидел. Ты стал лучше, но тебе еще через многое нужно пройти, чтобы ты мог спасти нас.

— От чего? — спросил Стивен.

— Наша раса слишком рано достигла совершенства, — начала объяснять третья женщина и добавила:

— Меня зовут Хормер. Слишком рано, по сравнению с другими. Наша внутренняя чистота такова, что мы не можем убивать или причинять вред. Но жизнь без этого невозможна, мы поняли это уже много лет назад и пытались найти другой

способ борьбы с жестокостью и обрести защитника, который действовал решительно.

Обычно такие длительные объяснения до Стивена не доходили, и он переставал видеть и слышать собеседника. Сейчас же он воспринял большую часть речи Хормер. Однако сознание его уцепилось в основном за слово «чистота».

Понятие чистоты Стивена не привлекало. В сознании двадцатитрехлетнего Мастерса-младшего чистота ассоциировалась с чем-то скучным, бесполым, мешала успешно обделывать свои дела, предполагала лишь тяжелую работу, ранний отход ко сну, чтение благопристойных книг, наличие праведных мыслей и так далее, и так далее до бесконечности.

У него всегда было наготове одно экспрессивное слово для подобных людей — идиоты.

Но сейчас с этим нужно было примириться. В эти драгоценные мгновения, пока они разрешали ему здесь оставаться (если он правильно понял, то они готовы были отправить его назад в любой момент), он получал важную информацию.

Скорее, скорее, больше сведений — это главная его цель.

Стивен быстро спросил:

— А вот этот дом, вот там, — он показал налево,

куда раньше указывала Эент, — этот дом можно защитить?

— Можно, но не всегда, — ответила Хормер. — Впрочем, сейчас здесь, вдали от всей Вселенной, мы в безопасности.

Все, чего Стивен не понял, он просто выбросил из головы.

— Почему бы тогда не остаться здесь? — поинтересовался он.

Они стояли ясным днем посреди зеленого сада, ласковый ветерок развевал их волосы и мягкие складки платьев. Все три одновременно покачали головами.

Эент объяснила:

— Здесь ничего не происходит. Не рождаются дети. Заурядные женщины нашей расы уже давно лишились возможности рожать, поскольку считается, что лишь самые генетически совершенные особи обязаны продолжать род, чтобы обеспечить интеллектуальный уровень. Самые безукоризненные находятся здесь, в этом доме. Опасность в том, что последним, кого мы сюда допустили в роли отца, был джи-инт. Мы полагали, что должны внести в кровь расы некоторую чуждую нам примесь с тем, чтобы раса не выродилась, пока совершенствуется интеллектуальная

жизнь. К сожалению, джи-инт, которого мы избрали, по натуре разрушитель. Он уже дважды пытался убить тебя. Сейчас мы пока что оставили его на планете, и он ждет, когда мы вернемся, чтобы захватить нас.

Необычность объяснений не лишила Стивена его ценного качества — умения замечать ошибки людей. Он подумал: «Боже, как можно быть настолько наивным, чтобы не понимать человеческой натуры? Мне это было доступно уже в три года, а свою мать я подчинил себе еще раньше».

— Мы, — сказала Хормер, — можем видеть и чувствовать потоки энергии, сопутствующие мыслям и поступкам, мы страдаем, если такие потоки извращаются. Мы смотрели на человека и видели волны, ощущали свет и темноту и внутри него. Мы спрашивали себя, имеет ли значение то, что человек сказал и подумал, если все линии токов в нем искривляются? Мы обнаружили, что он, к сожалению, воспринимает свои собственные мысли и чувства как реальность даже после того, как мы объяснили ему, что это не так. Долго, слишком долго мы не обращали внимания на его сопротивление, полагая, что он рано или поздно поймет. Он так и не понял.

— Мы рассматриваем человеческое суще-

ство, — продолжила Ганзе, — как комбинацию твердой материи и жидкости. Частицы приходят и уходят, жидкость перетекает в организм и вытекает из него, так что через некоторое время в нем не остается ни одного прежнего атома. Для нас эта проблема сводится к физическим процессам. Однако, увы, сколько мы ни указывали людям на это, человеческая индивидуальность осталась неизменной. Земляне отказались признать, что каждый из них может превратиться в любого другого человека. Но ведь это объективный процесс эволюции, он не может быть обращен вспять.

— И вот так, — добавила Хормер, — миллионы подобных искривленных, извращенных потоков энергии обрушились на чистых людей и погубили их всех, за исключением лишь некоторых, которые спаслись на Миттенде, самой близкой из планет земного типа.

Как ни старался Стивен, большую часть объяснений он не сумел осмыслить. И все же, как оказалось позднее, несколько мыслей застряло у него в голове, хотя, как правило, все, что люди говорили Стивену в течение его жизни, казалось ему ненужным.

Однако то, что он уяснил, протрезвило его. А в результате…

В результате Стивен понял суровую реальность того, что в этом уединенном саду, именно здесь, должна свершиться его судьба и решиться его проблемы.

Стивена удивляло, что эти необыкновенные женщины потерпели поражение. Со всеми их знаниями, умением управлять ими, контролем за энергетическими потоками и атомами, молекулами, восприятием микрокосмоса. Они смогли сохранить в чистоте человечество, и сейчас сами нуждаются в помощи.

Его мысли рывком вернулись к тому времени, когда он впервые начал участвовать в программе биологической обратной связи. Он сразу же отметил то, что не приходило в голову ни подопытным, ни специалистам: все они были немного чокнутые. Медиумы были не то, чтобы сумасшедшими, но по крайней мере странными. Наблюдатели за ходом экспериментов сами не замечали, что Стивен оказывает на них воздействие.

Да, Стивен Мастерс заметил это, заметил, несмотря на то, что ему не было дела до того, как ведут себя посторонние. И именно сейчас, в саду, Стивен вспомнил все это.

Его память воскресила тот момент, когда он

стал одной из женщин — одной восемьсот восемьдесят шестой частью Матери. Тогда он почувствовал…

Да, он почувствовал какое-то несоответствие, только это ему и удалось припомнить.

Что же это было? Что?

Стивен медлил, думая об этом, а потом поинтересовался:

— Вы упомянули об отце — так вот, вы имеете в виду, что на всех женщин, составляющих Мать, был всего один мужчина?

— На всех восемьсот восемьдесят шесть, — бодро подтвердила Ганзе.

— Он должен был обеспечить, чтобы каждая из нас произвела на свет одного ребенка в год, — добавила Эент.

Стивен был ошеломлен. Часто моргая, он проделал расчет.

— Боже, кто же смотрит за ними всеми, за этими детьми?

Трое ангелов стояли и недоуменно смотрели на него, а он с удовольствием рассматривал их.

«Они действительно очень красивы», — думал он рассеянно. Женщины напомнили ему, как он изумился, увидев на Миттенде первые человеческие существа.

— Как же это получается, — недоумевал он, — вы такие необыкновенные, красивые женщины, а…

Все трое улыбнулись.

— Мы такие для тебя, — объяснила Эент, — ведь именно это привлекает тебя. Нас никто не видит одинаково. Наша раса аморфна. Но ведь и твоя тоже, только в ней потоки энергии остановлены. Тело удерживает свою массу наподобие контейнера. Энергия отражается не снаружи, а внутри тела. Хочешь видеть, как я превращусь в птицу и улечу?

— Да! — воскликнул Стивен.

Как это произошло, ему не удалось заметить. Его глаза будто закатились и начали смотреть внутрь, в его мозг, все плыло перед ним, и Стивен инстинктивно сомкнул веки. Снова открыв глаза, он увидел, как большая, похожая на лебедя серая птица, хлопая крыльями, пробежала по саду и взмыла в воздух, и полетела над самыми вершинами деревьев.

Стивен скептически следил за полетом.

— Вы меня не убедили. Все это вроде гипноза. Не верю. Может быть, вообще все это — галлюцинация. Люди превращаются в лебедей…

— Ты хочешь сказать, что твои два полета на

Миттенд были галлюцинацией? — возразила Хормер.

— Нет.

— Ты считаешь, что галлюцинацией были твое первое возвращение на Землю в обличье Марка Брема и второе возвращение в обличье Даниэла Атгерса?

— Я хотел бы кое-что спросить об этом, — вспомнил Стивен. — Каким образом вы, женщины-матери, связаны с этими нагими дикарями, почему вы несколько раз подсылали людей, которые пытались убить меня, и почему, наконец, вы мне все это рассказываете?

Женщины изумленно посмотрели на него.

— Неужели ты не понимаешь? — выдохнула Ганзе.

— О, мой Бог, разве так трудно сообразить? Ты один из тех мужчин, которых готовят стать следующим отцом. Выигравший испытания получает всех.

— М-да, — протянул пораженно Стивен.

На сей раз он услышал такое, что впервые выбило его из колеи. Он только и смог прошептать:

— Какие испытания?

Сад неожиданно подернулся туманом.

— Постойте! — хотел заорать Стивен, но не

услышал собственного голоса.

Он как бы погрузился в густой туман. В течение длительного времени он не мог ни слышать, ни видеть. Однако Стивен все же воспринимал информацию, поступавшую к нему из множества точек в пространстве, и автоматически давал на нее ответы.

Постепенно и это прошло.

…Тело Атгерса, лежавшее на кушетке в апартаментах Стивена Мастерса, шевельнулось. Глаза открылись и посмотрели на Линду, которая уже начала беспокоиться и не знала, что делать.

— Где я? — пробормотал он.

— Ты уснул, — сочувственно объяснила Линда. — Бедняжка! Еще бы, шесть раз за ночь это слишком даже для Стивена Мастерса! — Глаза лежавшего обескураженно уставились на нее.

— Не знаю, о чем вы говорите, пробормотал он. — Я Марк Брем. — Он вдруг сел. — Постой, я же был на плоту и…

Чтобы прийти в себя, ему потребовалось немало времени.

15

Стивен чуть не упал в воду.

Но на этот раз он спохватился быстро. Он вцепился пальцами в два бревна, которые, как он позднее увидел, были привязаны к плоту. Вода свободно заплескивалась сквозь многочисленные неровные щели настила.

Отдуваясь, он бессильно лежал уже в безопасности, как будто истомил себя чрезмерной работой. Шок может вызвать острую кислородную недостаточность. Зная по опыту, как это бывает, он начал успокаивать себя и осматриваться.

Широкий поток тек в берегах, обрамленных разрушенными и покинутыми городскими домами: таково было его первое впечатление.

Среди домов не было видно никакого движения, ни признака жизни.

Осторожно перемещая свое тело к краю плота, он взглянул на свое отражение в воде.

И вот уже не более чем через одну минуту после переноса он сидел, посвистывая на краю плота и разглядывал окрестности.

Как хорошо снова быть Стивеном Мастерсом! Настоящим Стивеном!

Прошло несколько минут такого безмятежного времяпрепровождения. Никаких изменений не произошло. Плот медленно плыл по реке. Стивен быстро обдумал ситуацию. Он не мог бездействовать более нескольких минут и, несмотря на внешнее спокойствие, уже знал, что ему делать и к какой цели стремиться.

…Добраться до места, где приземлилась последняя ракета! Но как?

Сначала выбраться на берег, как он приказал своему телу. Уже долгое время он считал свое тело не зависимым от сознания Стивена Мастерса. Конечно, «душа» в понимании Стивена не существовала. Вообще говоря, Стивен полагал, что Бог уже давно умер. Впрочем, однажды он уже раздумывал над процессом разделения души и тела в рамках Кирлиановского поля.

Сейчас он удовлетворился этим объяснением. По крайней мере, до тех пор, пока кто-нибудь сильнее чем он, не схватит его за шиворот и не ткнет носом в реальность, какова бы она ни была. Бывало, что такая тактика срабатывала применительно к Стивену.

Поскольку подобной сильной личности поблизости не оказалось, то пусть остается Кирлиан со своим полем. И без проблем. Стивен встал и

уже хотел нырнуть в воду, чтобы добраться до ближайшего берега, но сначала бросил взгляд на воду под собой.

С глубины примерно четырех футов под водой на него смотрело какое-то крокодилообразное существо.

Заметив яркие красные глаза, следившие за ним, Стивен буквально оцепенел от страха. Глаза чудовища не отрывались от Стивена, мускулы которого сразу потеряли свою эластичность, колени подкосились. Стивен опустился на плот, почти упал, чудом не свалившись в воду.

Когда Стивен пришел в себя и обрел способность двигаться, он увидел, что земноводная тварь преследует плот. Вода так и журчала, обтекая внушительные формы чудовища. Стивену стало опять не по себе, как будто бы он сидел в каноэ и вдруг увидел двадцатифутовую акулу.

Стивен не зря тревожился. Огромное существо рванулось к нему. Большая морда, напоминавшая торпеду, высунулась из воды. Съежившись, Стивен инстинктивно попятился и перебрался на другую сторону плота.

Маленький и не очень прочный плот не был рассчитан на такие резкие движения — он накренился. Та сторона, где стоял Стивен, опустилась,

а та, с которой был крокодил, поднялась.

Стивен лихорадочно пытался сохранить равновесие на своем конце плота. Плот выровнялся, ударив при этом чудовище по голове.

Вода вскипела. Плот дико плясал на волнах, а Стивен, стоя на коленях, уцепился за край.

Теперь Стивен увидел в глубине белое тело. Его пронзила мысль, что тварь перевернулась на спину и пытается теперь подобраться к нему так, чтобы сразу схватить его страшными челюстями, которые перемолотят его кости за несколько секунд.

Внутри у Стивена все опустилось, он понял, что на этот раз ему живым не уйти.

Мгновенно он окинул взглядом все вокруг. Хорошо известно, что застигнутые тигром люди автоматически пытаются вскарабкаться на ближайшее дерево. Стивен сразу же отметил, что река становится все уже и что можно перепрыгнуть с плота на ближайший травянистый пригорок.

Поток еще более сузился. Плот уже находился всего лишь в дюжине футов от ближайшего берега. Десять футов. Девять. Собрав все силы, Стивен пригнулся, готовясь к прыжку, но все же оглянулся на чудовище еще раз.

Оно выбиралось на берег слева от него. Как только оно вылезло из воды, у Стивена потемнело в глазах. На мгновение он вообще ослеп. Когда зрение вернулось к нему, он увидел на берегу знакомого ему человека, который силился подняться на ноги.

Джи-инт! Тот самый, который дважды пытался убить его!

Джи-инт постоял две-три секунды, приходя, по-видимому, в себя после превращения, затем бросился рысцой вдоль берега за плотом, на котором плыл Стивен.

Он был нагой и поэтому не выглядел угрожающе. У Стивена мелькнула мысль, что это существо может, очевидно, превращаться в любого монстра. На лице джи-инта была та же сардоническая усмешка, что и при первых двух встречах. Он выкрикнул на бегу:

— Стивен, ты убедил меня. Человек, который может пользоваться плотом как оружием, — я чуть не утонул после удара — заслуживает моего уважения. Почему бы тебе не прыгнуть на противоположный берег? Давай поговорим?

Стивен прикинул, что этот берег всего лишь в шести футах от него. Он мог поклясться, что сумел бы перепрыгнуть на него не глядя, если бы

плот не был таким скользким для его ботинок. И все же он рискнул и приземлился на мелководье, упав на колени. Мокрый и злой, он выбрался на травянистый откос.

Оглянувшись на джи-инта, Стивен увидел его на противоположном берегу в двадцати футах от себя. Плот уже спустился по течению и исчез за нависавшими над рекой кустами.

Стивен пожалел о плоте. Несмотря на всю его убогость, это было средство передвижения. В своем стремлении выбраться на берег Стивен упустил из вида, что все дикари, которых он встречал, перемещались по земле, так что даже такой утлый плот имел свои преимущества.

Конечно, для Стивена, имевшего в распоряжении свою яхту (которой он никогда не пользовался) и личный четырехмоторный самолет (с экипажем из двух человек, один из которых дежурил постоянно), а также кучу других транспортных средств, не пристало сожалеть о каком-то жалком плоте. По обыкновению, Стивен сразу забыл о потере. Теперь исходные данные таковы: он стоит на траве над рекой. Выбросив из памяти все предшествующие события, Стивен даже не задумался, каким образом его тело попало на плот.

Почувствовав себя бодрее, Стивен уставился на своего врага и крикнул ему:

— Что собираешься делать, приятель? — Тон Стивена требовал: отвечай быстро и кратко.

Сейчас он стал почти прежним Стивеном.

— Стивен, — отозвался человек на другом берегу, — я так понимаю ситуацию, что ты стал слишком серьезным противником для меня, так что давай заключим соглашение.

Предложение не обрадовало и не огорчило Стивена. В данный момент ему абсолютно нечем было защитить себя, если не считать своего разума и достаточно потрепанного космического скафандра. Никакого оружия, ни ножа, ни запаса еды в карманах костюма не было. Выбравшись из корабля в тот первый день на Миттенде, Стивен поторопился выбросить из карманов все, что портило его фигуру.

Один из неглупых друзей Стивена сказал однажды (и сразу же перестал быть его другом), что если закон средних чисел верен и Стивен когда-нибудь получит то, что заслуживает, то он тут же на месте погибнет от своего эгоизма.

В этом утверждении было больше правды, чем думал говоривший. Стивен был воплощением эгоизма. Он не притворялся и специально не лгал,

не искал преимущества за счет сознательных уловок. Обман просто был постоянным свойством его существа. А его жизненная философия базировалась исключительно на том, что он сразу же забывал все неприятное и был готов управлять ситуацией, как она есть, обманывая при этом самого себя.

С вызовом глядя на джи-инта, Стивен прокричал ему:

— Не понимаю, что значит «серьезный». Кроме голых рук, у меня ничего нет. Хорошо бы найти дубину!

На это он получил еще одну злобную ухмылку. Джи-инт присел на своем берегу на траву и спокойно произнес:

— Стивен, меня зовут Кроог, мне уже почти четыре тысячи лет. Я заверяю тебя, что в конечном счете тебе не удастся победить меня.

— Я думал, что мы все уже уладили на Земле в первую нашу встречу. — Стивен вздохнул. — А потом — после того, как я согласился, — ты пытался убить меня. Что же ты придумал на этот раз?

— Если бы я был уверен, что легко убью тебя, — ответил Кроог, — я бы уже был на твоем берегу, превратившись в медведя или льва, и растерзал бы тебя на кусочки. Ты говоришь, у тебя нет ору-

жия, я верю тебе. — Кроог покачал головой. — Но дело не в этом. Тебя тренируют на роль отца, и мне кажется вероятным, что Мать желает именно твоей победы. Я хочу, чтобы ты пообещал, что не будешь даже пытаться выиграть.

— О'кей, — сразу согласился Стивен, — идет, если ты доставишь меня назад на Землю.

— Я не привык к таким быстрым соглашениям, — изумился Кроог.

— Дело в том, что я и там имею всех женщин, которых хочу, — пояснил Стивен.

— Ты не понимаешь, — не соглашался джиинт, — это особый случай. Каждый год эти женщины рожают тебе восемьсот восемьдесят шесть детей.

— В мире и так уже слишком много людей, — заметил Стивен. — Кроме того, кто о них заботится?

— Ты что, притворяешься? — удивился Кроог. — Мать управляет девяносто восемью тысячами планет. Для этого существуют миллионы слуг, и целые районы разных планет специально выделены для выращивания малолетних детей.

У Стивена буквально отвисла челюсть:

— Ради Бога, объясни, как это я, человек с маленькой планеты Земля, стал их избранником?

— Потому что Мать, как и все другие матери, родом с Земли. Они же говорили тебе, что где-то в Греции их раса случайно достигла совершенства, после чего они обнаружили, что зависят от прихоти любого злого человека. Около четырех тысяч лет тому назад они построили космический корабль и улетели на Миттенд. Конечно, те, кто выжил.

— Я полагаю, — язвительно заметил Стивен, — что вы выучили разговорный английский язык тоже в Греции?

— Я родом не с Земли, я пошел на эту сделку за двадцать лет до того, как Мать поняла, что мои потомки еще хуже меня. Многие джи-инты периодически посещают Землю. Последний раз, когда я жил там, я провел около двадцати лет в Нью-Йорке.

Стивен поинтересовался:

— Джи-инты обладают особыми качествами?

— Ты же видел меня в воде!

— Что-то вроде крокодила.

— Чтобы справиться с этими восемьюстами восемьюдесятью шестью женщинами, мне пришлось приспособиться к биологическим моделям Земли. Теперь я могу превращаться лишь в людей типа землян и в земных животных. — Неожи-

данно его голос изменился, в лице появились новые краски, глаза заблестели. Он часто задышал: — Стивен, если бы ты только знал, какое эмоциональное возбуждение дают всплески первобытной жизни и дикая ярость хищного животного!

Стивен только пожал плечами.

— О'кей, когда тебе хочется, ты пожираешь других, а потом становишься снова человеком. Все равно что заниматься сексом с утра, до завтрака, а потом вставать и работать. Тебе становится легче до следующего раза.

— К сожалению, — мрачно возразил Кроог, — дикость и жестокость первобытных существ имеют и свою обратную сторону. В облике человека я много раз нападал на людей и избивал их до смерти. Особенно часто это случалось с женщинами, с которыми я до этого занимался сексом. Самые вкусные части их тел я съедал.

— Что же самое вкусное? — полюбопытствовал Стивен.

Кроог, похоже, не услышал.

— Мать ищет человека, который бы отказался от своей личности, полностью забыл о своем эго. Все это прямо противоположно генетическому устремлению джи-интов.

— Что-то вроде старой песни о слиянии с расой. — Суперэгоиста Стивена даже передернуло. — Восточная философия.

— Именно так.

— Да-а! — протянул Стивен.

Теперь он окончательно понял, что все россказни Матери не для него. Пусть на роль отца претендует кто-то другой.

— Ладно, хватит об этом. Что же мы будем делать, Кроог? У тебя есть предложение?

— Ты все еще не согласен?

— На что? — спросил Стивен.

Человек на другом берегу реки замолчал. Земляне тоже замолчали после разговора со Стивеном.

Наконец Кроог медленно, обдумывая свои слова, произнес:

— Я начинаю улавливать ход твоих мыслей. Надо было мне заметить это ранее. Хорошо, я доставлю тебя на Землю в своем собственном корабле.

— Давай, поехали, — поторопил его Стивен.

— А разве тебе не интересно узнать, от чего погиб этот город?

— Никогда не интересовался развалинами. Даже на Земле. Зачем мне это нужно?

И все же Кроог объяснил:

— Каждую ночь мои дети по очереди бомбят тяжелой земной артиллерией этот город. Чтобы Мать не воображала, что она сможет взмахнуть своей волшебной палочкой и восстановить город.

Стивен смотрел вдаль. Этого объяснения он уже не слышал.

Нагой Кроог посидел еще немного на траве, а потом встал и махнул рукой:

— Отлично, — сказал он, — в путь.

16

Во время возвращения домой в космическом корабле, напоминавшем маленький реактивный самолет с короткими и толстыми крыльями, Кроог лишь один раз сделал замечание, поразившее Стивена. Джи-инт после их первого приема пищи спросил:

— Ты что-нибудь почувствовал только что?

— Нет, — удивился Стивен. Он на самом деле ничего особенного не ощущал.

— Корабль только что произвел корректировку времени, так что мы вернулись к нашему нормальному времени.

Кроог считал, что Стивен должен все это понимать.

— Когда мы приземлимся? — спросил Стивен.

— Примерно через двое земных суток. — Скорость корабля Кроога превышала скорость транссветовых земных кораблей раз в девяносто.

В самом деле, через двое суток корабль завис над зданием, крыша которого раскрылась перед ним и вновь закрылась, когда корабль опустился внутрь. Была ночь, и Стивену показалось, что они находятся в открытой сельской местности, а

здание это — нечто вроде амбара.

Впрочем это ему вовсе не было интересно. Выбравшись из корабля, он последовал за Кроогом по нескольким коридорам, а затем они вошли в гараж. Кроог уселся за руль автомобиля, который оказался после включения фар зеленым «меркурием». Последовав его приглашению, Стивен забрался на переднее сидение.

Двери гаража отворились, и они выехали на сельскую дорогу. Проехав около часа по местности, напоминавшей Нью-Джерси, они прибыли в аэропорт. На здании было написано:

«АЭРОПОРТ ПАТТЕРСОН, ПЕНСИЛЬВАНИЯ».

Кроог подъехал к ярко освещенному входу, вынул бумажник и отсчитал две сотни долларов двадцатидолларовыми банкнотами, которые он вручил Стивену:

— Это тебе, чтобы добраться до Нью-Йорка.

— О'кей, — Стивен взял деньги.

Он уже открывал дверцу, чтобы выйти, когда Кроог предупредил:

— Я пришел к выводу, что в моих интересах доверять тебе в этом деле. Но если ты будешь настаивать на своем, то мы вернемся к ситуации, с которой начали. Так что я повторяю: если ты снова окажешься на Миттенде, будь начеку и

готовься к смерти.

Эти слова не понравились Стивену — угроза любого рода всегда затрагивала его. Однако в данной ситуации он был готов оставить неудовлетворенным свое задетое самолюбие ради того, чтобы избежать неприятностей еще одного путешествия на Миттенд.

— Не беспокойся! Если это будет зависеть от меня, то мы никогда больше не увидимся, — раздраженно пообещал он.

Он выбрался из машины и проследовал прямо в зал ожидания, ни разу не оглянувшись. Очевидно, Кроог отъехал, но Стивен так никогда этого и не узнал. Ему пришлось стоять в очереди, покупать билет на вертолет-такси на Нью-Йорк, отправлявшийся через тридцать восемь минут. Перед посадкой в вертолет Стивен представил, как воспримут его возвращение, и позвонил отцу.

Услышав знакомый голос, Стивен обрадовал отца:

— Слушай, отец, я вернулся на этот раз в своем собственном виде и…

Дальше ему продолжить не удалось. На другом конце линии отец ахнул, а затем дрожащим голосом проговорил:

— Стивен, ты…

«Мой Бог, — подумал Стивен, — конечно, это я. Я же сказал ему, да и голос мой…»

Он уже собирался высказать все это отцу, когда к полнейшему удивлению Стивена, этот старый сукин сын снова повторил:

— Это ты, Стивен! — и расплакался.

Через некоторое время Мастерс-старший пришел в себя и успокоился. Стивен нетерпеливо поглядывал на часы. У него была еще масса времени, но ему казалось, что такой разговор с отцом — это бесполезное и скучное дело.

Когда эмоциональная буря улеглась, Стивен сказал:

— Я думаю, мне не стоит общаться с этими Аттерсами. Может, ты пошлешь кого-нибудь в апартаменты, чтобы выставить эту парочку оттуда прежде, чем я вернусь. Согласен?

— Давай лучше вначале допросим Аттерса, — предложил отец, к которому к этому времени вернулся здравый смысл. — К тому же, это теперь Марк Брем, и мы должны сначала узнать его историю.

— Ну и допроси его, — бросил Стивен.

— Хорошо, хорошо, — поторопился Мастерс, узнавая сына с его вечным нежеланием вмешиваться во что-либо неприятное. — Мой секретарь

пошлет тебе запись беседы.

— Не стоит утруждать себя, — процедил Стивен.

Он всегда позволял отцу заботиться о себе, если это ему не докучало. «Старик», которому исполнилось всего сорок четыре года, начал информировать о состоянии дел семьи уже давно. В результате, в одном из встроенных шкафов для одежды в апартаментах Стивена хранилось множество папок с документами, освещавшими многогранную деятельность Мастерса. Стивен не прочел из этого ни строчки…

Так как отец начал прочищать горло, то Стивен понял, что сейчас последуют дальнейшие замечания и указания, которые он предупредил, мгновенно солгав:

— Мой самолет, папа. Я должен бежать, пока!

— Пока! — только и оставалось промолвить Мастерсу-старшему.

Довольный, что освободился от обязанности позвонить отцу, Стивен повесил трубку.

Через тридцать одну минуту полета вертолет сел на крышу Стигмор Тауэрс, и из него вышел загорелый, среднего роста молодой человек. В свои двадцать три года Стивен мог сойти за восемнадцатилетнего.

Его апартаменты были на самом верху. Стивен быстро спустился с крыши на один пролет к своей двери.

«Хорошо! — Он неожиданно почувствовал прилив энергии. — Хорошо быть дома в своем старом логове в Стиге».

Когда автомат убедился, что у двери хозяин, Стивен открыл комбинированным ключом дверь и вошел.

Холл за входной дверью был устроен таким образом, что входящие не могли видеть сразу, кто находится в гостиной. Войдя, Стивен обнаружил, что в гостиной горит свет.

— О черт, старый сукин сын уже здесь, — вырвалось у него. — Неужели нельзя оставить человека в покое до утра!

Стивен вступил в просторную гостиную и увидел… Линду Аттерс.

Она сидела на пуфике, глядя на дверь холла, длинные ноги она поджала под себя. Лицо ее было разгоряченным и решительным.

Стивен прошел прямо к ней и посмотрел на нее сверху вниз.

— Ты здесь одна? Линда кивнула. Сглотнув что-то, видимо от волнения, она проговорила низким голосом:

— Марк уехал, когда твой отец прислал за ним машину. — Пожав плечами, она добавила: — Я отказалась уезжать.

— А как же с намерением защищать тело Даниэла Атгерса от других женщин?

— Это не так важно. Кроме всего прочего, ведь это фактически и не был Дан. Теперь я вижу разницу. — Лицо Линды пылало.

— Но я тоже не Дан.

— Я привыкла к тебе, — оживилась Линда, — как к личности. — Подумав, она продолжала: — Через час я поняла, что Марк — это Марк, а не ты. Я просто ушла в спальню и заперла дверь. Я сидела там, пока не позвонил твой отец.

Как считал Стивен, у нее была типичная женская реакция на богатство Мастерсов. Однако он был рад увидеть ее в эту первую ночь его возвращения. Уже по дороге домой у него возникло чувство, что телу Стивена не хватало женского общества, он уже прикидывал в уме, кому из подружек позвонить.

Теперь уже можно не звонить. Добрая старая Линда заполнит промежуток в течение нескольких дней, пока он снова не наладит свою жизнь.

У Стивена было предчувствие, что ему не избежать неприятностей и разных вопросов. И вот,

пока он не разделается со всей этой тягомотиной, сойдет и Линда, хотя, конечно, в свои двадцать шесть лет она уже не ровня ему.

Увы, все оказалось не просто.

17

Какую бы шкалу интеллектуальных оценок ни применяли к Стивену, его рейтинг был довольно низок.

Однако по достижении определенного возраста его это перестало пугать. Во всяком случае, он не шиз. Если не вдаваться в глубокий анализ психиатрического толка, то он был скорее параноиком.

Представьте очень ограниченный взгляд на мир, добавьте большую дозу субъективизма и крайнюю самоуверенность — и перед вами будет психологический портрет Стивена.

Будучи в чужом теле, Стивен все равно оставался самим собой.

Все это было так до его возвращения с Миттенда.

После же его прибытия, окружающие заметили в нем некоторые странности.

У Стивена появилась привычка впадать в задумчивость. Иногда он вдруг словно бы уносился в иные миры. Знакомые не могли и вообразить, что происходило в мозгу Стивена, когда он выглядел таким внутренне сосредоточенным. А

дело было в том, что в эти минуты Стивен думал о Матери.

Известно, что каждый мужчина сознательно или подсознательно настойчиво стремится продлить себя в потомстве, и тем самым противостоять смерти, обретая бессмертие в продолжателях рода.

Попиравшего все общепринятые нормы Стивена никогда раньше не привлекала эта идея, он тщательно заботился о том, чтобы ни одна из его многочисленных женщин не наградила его ребенком. Но вот теперь…

Все, что было разумного в Стивене, требовало выбросить из головы идею о Матери — это чудовищно и просто глупо, не стоит и минуты его времени… И все же в сознании Стивена постоянно теснились неясные образы: женские фигуры в белых ангельских одеждах, способные дать ему восемьсот восемьдесят шесть детей ежегодно.

И еще. Кроог уверял, что ему четыре тысячи лет. В тот момент эта огромная цифра ускользнула от Стивена, хотя он и запомнил ее. Периодически она всплывала в памяти, и Стивен не мог отделаться от некоторого чувства зависти.

Две мотивации запали в сознание, ситуация многократно им обдумывалась, он не мог отбро-

сить эти мысли, даже когда приказывал себе.

Как оказалось, времени на размышления оставалось у него совсем не много.

18

— Сукин сын! — завопил сержант. — Когда я зову тебя, Мастерс, ты должен подбежать. Живо!

Стивен кинулся бежать уже при первом упоминании своего имени: на восьмое утро своей жизни в военной тюрьме он уже ясно понимал, что нужно делать и как.

— Да, сэр, — запыхавшись, ответил он. Стивен ловко отдал честь и замер навытяжку. Сделать это было нелегко, так как он буквально падал от усталости. — Какие приказания, сэр?

— Подними мой карандаш! Я уронил его.

— Пожалуйста, сэр. — При этих словах Стивен прыгнул вперед, опустился на колени и поднял карандаш, лежавший перед столом сержанта, выпрямился и спросил: — Отдать вам, сэр? Или положить на ваш стол?

Немигающие серо-голубые глаза тяжеловеса сержанта впились в глаза Стивена и требовали подчинения. Стивен сразу же отвел взгляд в сторону.

Сержанту было около тридцати лет, его звали Эммет Обдан.

— Положи карандаш на стол между моей рукой

и листом бумаги.

Чтобы сделать это, Стивену нужно было наклониться над столом. Он сразу же сообразил, что за этим последует. Собравшись с духом, он сделал шаг вперед, наклонился над столом и протянул карандаш. Как только он положил его и еще не начал выпрямляться, сержант взмахнул рукой и своей плоской ладонью хлестнул Стивена по щеке.

Дернувшись назад, Стивен вытянулся в струнку, отдал честь и чужим голосом произнес:

— Спасибо, сэр.

Скотина в облике человека, сидевшая перед ним, оскалилась.

— На место! Занимайся своей уборкой и не подставляй мне больше свое рыло!

— Да, сэр.

Снова Стивен отдал честь, круто повернулся и побежал по площадке лагеря.

Сзади раздался крик:

— Мастерс, назад!

Стивен остановился, повернулся и на полной скорости вернулся к столу. Снова последовал ритуал отдавания чести и тот же вопрос:

— Какие указания, сэр?

Глаза с издевкой изучали его около минуты, и за

это время сержант придумал, к чему придраться:

— Мне не нравится, как ты реагируешь на мои методы обучения, Мастерс.

— Я выполняю все, что требуется, сэр.

Обдан вроде бы и не слышал.

— Мне кажется, Мастерс, что ты ко мне плохо относишься. То есть, ты считаешь меня надсмотрщиком в военной тюрьме.

— О нет, сэр, я ценю ваш объективный подход.

И снова Обдан не обратил внимания на слова Стивена.

— Мастерс, мы не можем согласиться с наружным повиновением и внутренним сопротивлением. Чтобы устранить этот недостаток в твоем обучении, стань на колени и сотри языком пыль с моих ботинок!

Последовала пауза.

— Ну? Чего ты ждешь?

Стивен облизал свои ставшие сухими губы.

— Я боюсь, сэр, что если я начну делать то, что вы приказываете, вы ударите меня ногой в лицо.

— Ну и что? — прохрипел Обдан.

— Вы можете искалечить меня, сэр.

— Дальше!

— Я боюсь, что это заметят и накажут вас за это, сэр, — схитрил Стивен.

Тут Обдан удивился по-настоящему. Он разинул рот, брови его поднялись, а зубы оскалились.

— Черт меня побери. Он думает о моем благополучии. Это очень трогательно, Мастерс. Но не ты первый заботишься обо мне. Должно быть что-то во мне вызывает прилив любви, Мастерс. Почти все такие слабаки, как ты, рано или поздно испытывают такое чувство и тогда…

Последовал один из тех монологов, какие Стивен никогда не мог слушать, даже если они непосредственно касались лично его. Голос маньяка что-то долбил, слова обтекали Стивена со скоростью звука, но он их не слышал — наступил один из моментов отключения Стивена от действительности. На другой стороне площадки заключенные что-то подметали. Всего лишь несколько минут тому назад он был одним из них. И вдруг вот это! Наступил пятьдесят третий кошмар за восемь суток. Именно столько раз Обдан принимался за Стивена, начиная каждый день с шести утра.

Ни разу не обходилось без одной или нескольких пощечин, одного или нескольких ударов тяжелыми ботинками по голеням. Единственное, что удерживало Стивена от ответного удара, это присутствие вооруженной охраны за решетчатой

загородкой в нескольких ярдах от него. И каждый раз, когда Обдан начинал издеваться над ним, охрана снимала с плеч свое оружие и держала его наготове.

Будут ли они стрелять? Стивен почти дошел до точки и готов был проделать такой опыт. Почти готов.

Стоя перед Обданом, Стивен украдкой бросил взгляд на стражу за решеткой, чтобы проверить, как они держат оружие. Сердце его упало. Их было четверо, винтовки были на взводе, а глаза солдат следили за ним.

Что ж, выхода нет. Он обречен…

Все свалилось на него неожиданно. На второе утро после его возвращения военные отвезли его в лабораторию биологической обратной связи, как они говорили, для опроса.

Отказаться он не мог. Конечно, ему все это не понравилось. Будучи самим собой, он и не думал скрывать свою враждебность к военному ведомству

— и приобрел в нем врага.

Стивену казалось неестественным, что занимающиеся проблемами биологической обратной связи люди не понимают, что происходит. Экспериментаторы заболевали, и этого никто не

замечал. У них развязывались языки, они словоохотливо и без конца что-то бормотали, а все окружающие и они сами никак не связывали такое состояние с предметом их опытов.

Фамилия специалиста, которого приставили к Стивену, была Бронсон, вопросы он задавал шепотом, и Стивен их почти не слышал, а когда Бронсону становилось совсем плохо, он беспомощно махал рукой и бормотал:

— Я совсем, как они. Не надо обращать внимания.

Бронсон хотел получить полный отчет о том, что он педантично назвал «ваше изложение того, что происходило с вами здесь и на Миттенде».

Его манера держаться очень раздражала Стивена. Уже на второй день, вновь подробно пересказывая одни и те же факты, Стивен вдруг решил попробовать, в свою очередь, получить какую-нибудь информацию.

— Давайте предположим, — начал Стивен, стараясь говорить медленно и доброжелательно, — что весь мой рассказ о событиях на Миттенде — правда.

Ярко горящие карие глаза Бронсона сузились.

— Не мое дело давать, — тут его голос начал затихать и он пробормотал что-то вроде слова

«оценки».

Стивен настаивал:

Если изменение облика действительно возможно, то почему же джи-инт не может принять вид одного из первобытных земных животных или какой-нибудь совершенно неземной формы, которая может существовать на одной из девяноста восьми тысяч планет, с которыми связана Мать? В таком облике он разделался бы со мной одним движением своего хвоста.

Стивен так никогда и не узнал, принес ли ему пользу этот вопрос. Если скептику изложить в точности то сомнение, которое он с трудом стремится скрыть от окружающих, если, более того, это сомнение высказывается человеком, которого скептик считает отъявленным лгуном (именно такое мнение Бронсон составил о Стивене), то скептик придет в замешательство и выскажет, скорее всего, правду.

Бронсон начал рассуждать:

— Сомнительно, чтобы что-то, кроме латентной памяти, оставалось в клетках мозга человека в связи с первобытными морскими или земными чудовищами. Поэтому такая программа — я имею в виду лишь ее отпечаток в мозгу — не может быть воспроизведена. Однако способность вос-

произвести крокодила в принципе достижима при взаимодействии двух Кирлиановских полей. — Пожав плечами, он добавил: — Я не вижу причин, почему бы такое перевоплощение нельзя было осуществить и с неземным существом.

Он был честным. Он последовал благодаря случайному попаданию Стивена. Несмотря на то, что Бронсон частично пробормотал, частично прошептал, продышал и прошипел эти слова, Стивен уловил главную мысль. В глазах Стивена Бронсон заработал одно очко. При этом Стивен вспомнил, как ему однажды доказывали, что для успешного лечения людей психиатру не обязательно самому быть в здравом уме. Если врач знает свое дело и придерживается верной техники лечения, то он может, скажем, спасти чей-нибудь мозг, хотя его собственный в это время может полным ходом распадаться. Вот и Бронсон мог манипулировать сложной системой элетроэнцефалографа, пользоваться Кирлиановскими полями, прибегать к стимуляторам и механически проводить опросы.

А в соседней комнате эксперт работал с атгерсовской версией Марка Брема, который освещал происшедшее со своей точки зрения.

Стивен не знал, а эксперты вначале никак не

могли понять, почему Марк заявляет, что он пробыл на Миттенде только пять дней. Для Стивена это время составило два месяца и одиннадцать дней.

После опроса на третье утро, когда Стивен уже готовился пойти в обслуживающий лаборатории комплекс на ленч, он был арестован и доставлен в военную тюрьму.

Суд, состоящий из пяти генералов, начал заседать через два дня. Обвинение сводилось к тому, что Стивен никогда лично не бывал на Миттенде.

Прокурор в своей вступительной речи заявил:

— Мы обращаем внимание уважаемого суда на то, что влияние отца обвиняемого лишило военное ведомство возможности перевоспитать испорченного повесу. Общеизвестно, что очень богатые и очень влиятельные люди часто тратят средства на то, чтобы найти похожих на себя мужчин и женщин, чтобы использовать их услуги для самой разнообразной и представляющей опасность деятельности. Двойник Стивена получил, очевидно, достаточную сумму денег и вылетел на Миттенд. Прибыв туда, он не принял необходимых мер предосторожности, вероятно, потому, что не был Стивеном Мастерсом и не

воспринимал эту экспедицию серьезно. Хорошо известно, что он сделал. Он отправился погулять, и его, очевидно, убили.

Когда к трибуне вышел Бронсон, то серьезные обвинения сменились откровенной нелепицей. Он отказался представить какую-нибудь документацию и заметил, что система биологической обратной связи функционирует частично на основе добровольного сотрудничества. Бронсон добавил:

— Я понял, что мы столкнулись с затруднением, когда Мастерс сообщил, что за два дня вернулся с Миттенда в суперкорабле, пилотируемом бывшим крокодилом.

Позднее Гленкорн вспоминал, что после произнесения этой фразы Стивен не имел никаких шансов на благоприятный исход дела.

Попытка адвоката защиты получить документы, подтверждающие свидетельства Бронсона, была отвергнута. А возражения обвинения против вызова свидетелей защиты и представления любых документов защиты поддерживались столь настойчиво, что, наконец, Гленкорн с кислой улыбкой сделал заявление:

— Хочу поблагодарить представляющего обвинение генерала за его глубокое понимание

атмосферы, преобладающей в этом суде.

Для Стивена Мастерса наступили черные дни.

…Находясь в тюрьме под началом сержанта Обдана, Стивен был лишен даже возможности спокойно обдумать все, происшедшее с ним.

— На колени, — процедил Обдан, — или я сейчас выйду к тебе и сам…

По мере осознания ситуации Стивен Мастерс начал невольно восстанавливать всю логическую цепь событий, что уже не раз выручало его в минуты эмоционального стресса.

Память подсказала: нельзя стать Матерью!

Память подсказала: нельзя стать тем, кого ты обидел…

Об этом его предупредили, и он этому поверил.

Кем же тогда?

Догадка пришла в долю секунды: от того, к кому он был добр. Но ни одного такого человека он не мог вспомнить, кроме, может быть… Нет, это уже было бы слишком. Кроме… Нет!

В это решающее мгновение Стивену пришла мысль, что он не имеет права подставить кого-то, ввергнуть человека в те обстоятельства, в которых он оказался.

— Нет, нет! — почти выкрикнул Стивен.

— Да, да! — передразнил его сержант, подни-

маясь на ноги.

Однако он говорил уже не со Стивеном.

19

Некоторое время Стивен лежал с закрытыми глазами, испытывая совершенно новое и потрясающее чувство. Он ненавидел себя.

Потому что догадался, кто он сейчас.

Конечно же, в этот ранний час, когда лишь несколько минут назад пробило восемь, он был уверен, что Стефани находится в постели, в своей собственной или чужой… с кем-нибудь.

Перспектива оказаться в постели в облике Стефани с мужчиной не вызвала у Стивена приятного возбуждения.

Скорее уж Стивену подходила роль активной лесбиянки.

Минуту или около этого Стивен обдумывал подобный поворот судьбы, забыв обо всем остальном.

Затем он осторожно раскрыл глаза, повернул со страхом голову и увидел, что он в постели один.

«Отлично, — с облегчением вздохнул Стивен, — может быть, Стефани действительно хорошая девочка, которая хочет выйти замуж».

Боковым зрением он охватил роскошные светлые волосы, разбросанные по подушке. Поняв,

что теперь эти волосы принадлежат ему, Стивен ощутил некоторую неловкость из-за того, что он утратил положение мужчины и стал женщиной.

Время текло. Постепенно пришло понимание, что он чувствует себя ничуть не хуже, чем раньше.

Слава Богу!

У него было тело с головой и мозгом. Различие в половых органах и их влияние на организм не изменило, вроде бы, его умственных качеств.

Он уже поверил, что приспособится к новой роли, и даже перестал думать об этом.

И тут к нему вернулась память о последних минутах в тюрьме. Он представил бедную маленькую Стефани перед сержантом Эмметом Обданом.

Резко сев на постели, Стивен схватил телефонную трубку.

Попутно он заметил очень женственный пеньюар, изящную белую ногу, узкую и тонкую руку и пальцы с маникюром, набиравшие номер — секретный номер его отца.

На этот раз убедить Стивена Мастерса-старшего оказалось труднее. Дело в том, что Стивен после пятидесяти трех стычек с сержантом Обданом был уже не столь уверенным в себе. Однако при-

мерно через час после звонка папа Мастерс в сопровождении двух секретарш уже входил в апартаменты Стефани.

Секретарши удалились на кухню и занялись приготовлением кофе, а старший и младший Мастерсы уселись в гостиной.

Отец слушал Стивена с отстраненным выражением лица, так как слегка хрипловатый голос Стефани, повествовавшей о своем восьмидневном пребывании в тюрьме, иногда сбивался на истерические нотки.

Стивен искренне удивлялся, почему там с ним так грубо обращались. Раньше у него было представление, что вооруженные силы — это, безусловно, суровая школа, но тем не менее руководствующаяся определенными принципами. Его компаньонами по экспедиции на Миттенд были типичные бравые офицеры, честные, решительные и верные своему долгу. Даже свой приговор с пожизненным заключением и строгим режимом он воспринял вначале как нечто, не выходящее за рамки определенной логики.

— Я сам виноват в этом, — заключил Стивен, — потому что согласился участвовать в их играх и отправился с экспедицией на Миттенд.

— Мне трудно поверить, — помолчав, выразил

сомнение отец, — что не ты сам создал себе проблему в тюрьме и тем самым вызвал к себе такое отношение.

— Мы стояли в шеренге, — стал объяснять Стивен, — и этот тип, Обдан, обходил нас и придрался к четырнадцати из двадцати трех человек. Когда он подошел ко мне, я уже видел, к чему все это клонится, и стоял по струнке. Однако, он прицепился ко мне и ударил по лицу так, что я еле удержался на ногах. Стойку смирно я, конечно, нарушил, и тут он пришел в такую ярость, что начал пинать меня сапожищами по ногам. Это началось с шести утра в первый же день. От воспоминаний тело Стефани передернуло худенькими плечиками. — После этого я решил уж как-то перетерпеть, пока ты и Гленкорн не сможете что-нибудь сделать для меня.

— Мы словно натолкнулись на каменную стену, — осторожно оправдывался отец. — Очевидно, позиция военного суда отражает настроение людей вообще. Тебя описали в прессе как безответственного плейбоя, который должен ответить за смерть трех офицеров на Миттенде. Вот никто и не хочет связываться с этим делом, чтобы не подумали, что их купили за деньги Мастерса.

— Выглядит так, будто они считают меня лично

во всем виноватым. Я в это не могу поверить.

— Суд был очень скорым, — заметил отец.

Звенящим от возмущения голосом Стивен заявил:

— Если уж меня считают таким подлецом, может быть, при рассмотрении показаний Аттерса от лица Брема удастся представить документы, которых нельзя было добиться в трибунале?

— Мы так и хотели, но неожиданно дело против него было прекращено. Он теперь на свободе.

Стивен начал рассуждать:

— Это существо — Мать, находясь в своем астральном пространстве, говорило, что они сражались с нашествием джи-интов много лет и что сопротивление стало возможным лишь благодаря тому, что для перемещения из одной галактики в другую они научились производить некоторые внутренние преобразования. Для этого джи-интам и были нужны модели.

— Миттенд был выбран для межзвездной экспедиции потому, что эта планета неожиданно появилась там, где ранее планеты не отмечались. Решение о полете туда принял генерал Синтер, — вспомнил старший Мастерс.

— Настоящий Синтер, наверное, закопан Бог знает где, — деревянным голосом добавил отец.

— И все же, продолжал Стивен, — вряд ли может существовать много десантников джи-интов типа Кроога и Синтера. Иначе им не нужно было бы использовать кого-то вроде меня для разнообразия.

— Ты мало похож на их агента, — мрачно заметил отец. — Именно этого я и не понимаю. Что в тебе есть такое, что заставляет их идти на все, чтобы тебя убрать?

Стивен молчал. Он вспоминал то, что не говорил еще никому: восемьсот восемьдесят шесть женщин там, далеко, выбравших его потенциальным партнером.

Как только это воспоминание пришло к нему, он почувствовал… как будто чья-то тень упала на него. Глубоко внутри он сохранил связь с Матерью, какая-то частица его существа воспринимала ее сигналы и отвечала на них каждую минуту.

Он сразу подумал обо всех этих тысячах людей, которых он обижал. Выходя из глубокой задумчивости, Стивен услышал, как он предлагает Мастерсу-старшему откупиться от всех им обиженных.

— Ты что же, помнишь имена всех? Как нам всех найти? — удивился отец.

Для Стивена это не представляло затруднений. Как объяснить отцу, что он вел учет всех этих сукиных детей?

Мгновенно взвесив все за и против, на что ушло не более доли секунды, Стивен предложил:

— Давай вернемся в Стиг, и там я покажу тебе… А Линда все еще там?

— Нет, я выдал ей все деньги, потраченные ее мужем на защиту от твоих преследований, и она отправилась домой. — Могущественный человек улыбнулся: — Потом она позвонила, кажется ее возвращение прошло благополучно. Экспедиция на Миттенде вышла на связь с Землей, и она разговаривала с Даниэлом Атгерсом в облике Марка Брема, рассказала ему о деньгах, которые я дал ей, после чего он попросил ее передать мне благодарность. Так что же, это совпадение с тем, что ты просишь?

— Меня удивляет, — признался Стивен, — почему они не добрались до тебя?

— Я такой же, как ты, — улыбнулся Мастер-старший, — принадлежу к тем, кто выживает. К тому же, меня всегда охраняют и притом довольно тщательно. Чтобы проникнуть в мое окружение, нужно иметь очень мощную организацию. Честно говоря, мне кажется, что здесь, на

Земле, они еще недостаточно сильны.

20

В этот же день после обеда в апартаменты в Стигморе прибыла стенографистка, которая записала все имена из дневников Стивена. Со списка были сделаны копии, и крупное детективное агентство запустило весь свой штат на розыски. К вечеру начали звонить телефоны.

Агенты нашли девятьсот двадцать три человека из примерно тысячи имен в списке, все это заняло немногим более двух дней. Старший Мастерс, периодически появлявшийся и следивший за ходом поисков, озадаченно качал головой, удивляясь такому большому числу имен.

— Никак не пойму, как у тебя хватило времени навредить стольким людям, ведь тебе только двадцать три года.

— Это было нелегко, — пробормотал Стивен.

Он и сам был слегка ошарашен. Действительно, все это было так мерзко. Он помнил, как ему было особенно приятно сводить счеты с теми, кто, по его мнению, часто ошибочному, каким-либо образом ущемлял его интересы.

Сейчас все необходимо исправить. Мир с обиженными им людьми надо восстановить или по

возможности купить. Поскольку папа Мастерс увлекся идеей «нейтрализации вреда», с деньгами проблем не было.

Девушки с приятными музыкальными голосами обзванивали мужчин по списку. Мужчины с мужественными баритонами оповещали женщин.

Была сочинена история, и она оказалась удачной. После своего тюремного заключения Стивен ударился в религию. Он крайне сожалеет о своих прежних выходках и недостойных поступках. Не может ли он каким-либо образом возместить причиненный ущерб?

Был снят большой зал и назначено время встречи. Лишь горстка гордецов заявила, что Стивен может убираться ко всем чертям, так как он не сумеет окупить все зло, что причинил.

Все же остальные, очевидно, надеялись получить компенсацию за свои обиды.

Для переговоров с теми, кто отказался от встречи, был направлен отряд опытных адвокатов.

Приглашенные начали съезжаться на встречу довольно рано. Как и предполагалось, многие из прибывших привели с собой родственников.

У входа были установлены микрофоны, и в специальной комнате с аппаратурой для про-

слушивания можно было услышать интересные разговоры.

Муж протестующе заявлял жене:

— Все же я хотел бы знать, это как ты с ним познакомилась? Что он сделал тебе такого, чем он тебя обидел?

— Но, дорогой, — терпеливо объясняла жена, — я же тебе рассказывала. Стивен однажды довольно грубо предложил мне пойти с ним, и я в ответ послала его.

Другая женщина на этот же вопрос ответила, что когда она ему отказала, Стивен ударил ее.

Третья особа была более снисходительна к Стивену:

— Моя радость, — призналась она своему мужу, — когда я тебя еще не знала, я встречалась с двумя или тремя скотами, и Стивен Мастерс был одним из них. Все это длилось не более трех ночей, так что и говорить не о чем, не будь ревнивцем.

Относительно продолжительности встреч она была права. Умолчала она лишь о том, что три ночи со Стивеном стоили трех месяцев, проведенных с ее мужем.

Озадаченные жены тех мужчин, которых Стивен обидел, получали такие ответы: «На одной

из его вечеринок я сказал ему, что он развратная крыса, ну, он меня и уволил с работы». Или: «Я возразил ему, когда он плохо высказывался о бедняках, тогда он договорился с моим издателем и закупил весь тираж моей книги, не пустив его в продажу. Из-за этого меня не читали и не знали все эти годы. Думаю, что ее прочел лишь Стивен — чем лучше книга, тем больше он радовался, что она не дошла до публики».

Всех входящих проверяли у двери, пропуская через специальный детектор. У троих детективы уже выудили спрятанное оружие, и лишь после этого пропустили в зал.

Когда Стивену доложили об этом, он удивился столь малому числу явных недоброжелателей. Обратившийся с обстоятельной речью к аудитории Гленкорн долго не задерживался на обсуждении грехов Стивена. Суд над ним он прокомментировал кратко:

— Это был мой первый военный трибунал, и я был поражен полным нежеланием заслушать свидетельства. Стивена Мастерса отдали под суд за то, что он не хотел лететь на Миттенд, а осудили за то, что он якобы совершил там три убийства.

Затем адвокат торжественно заявил:

— Стивен пригласил вас всех для того, чтобы вручить каждому десять тысяч долларов, получить ваше прощение и обещание забыть о несправедливости.

Как только была упомянута цифра, все задвигались и зашаркали ногами. Вздох изумления пронесся над залом. Объявление произвело впечатление.

Последовали аплодисменты, которые переросли в овацию, прекратившуюся лишь тогда, когда Гленкорн поднял руку и крикнул:

— Все, кто хочет забыть прошлое, могут пройти в помещение за залом сразу же после окончания нашей встречи. Там вас ждут тридцать девушек с уже выписанными чеками. Вам остается лишь подписать простое заявление из четырех предложений, в котором вы заверяете, что прощаете Стивена и не держите на него зла в своем сердце. Видите ли, в ваших интересах забыть все плохое по двум причинам. Во-первых, это освободит вас от возможных неприятностей в связи с угрозой переноса вашего сознания, как это случилось с Марком Бремом и Даниэлом Атгерсом, которые все еще не смогли решить свои проблемы. И, во-вторых, разумеется, вы получите деньги. Стивен и его отец надеются, что вы используете их на

дело, о котором мечтали, или на приобретение того, чего давно хотели.

На удивление, далеко не все проследовали за чеком. Около восьмидесяти человек объяснили, что пришли лишь послушать, что будет. Семьдесят три неподписавших заявление позднее подали иски на значительно большие суммы. О сговоре между ними подозревать не приходилось. Каждый из них самостоятельно лелеял в душе приятную перспективу обрести круглую сумму мастерсовских денег. Ведь после получения приглашения на прощальное примирение они имели основания обратиться в суд, где Стивену уже будет почти невозможно отрицать нанесение им ущерба. Может быть, он сможет оспаривать его степень, но не более.

Сразу после собрания их ждало еще одно событие, случившееся по воле правительства. Гости Стивена по выходе из здания попали на улицу, буквально заполненную солдатами. Здесь же стояли в ряд автобусы, куда и затолкали всех пришедших на встречу, несмотря на их протесты. Туда же попали и члены команды Стивена.

Старший Мастерс, поскольку в таком скопище народа не могли обеспечить его безопасность, благоразумно остался дома.

21

На следующий день в газете появился заголовок:

«ПРАВИТЕЛЬСТВО
АРЕСТОВАЛО 1000 СОУЧАСТНИКОВ СТИВЕНА МАСТЕРСА»

Затем следовал репортаж:

«Подозревая мошенничество, власти прошлой ночью задержали более 900 человек и столько же сопровождавших их друзей и родственников, принявших участие в так называемом „вечере прощения“, организованном Стивеном Мастерсом, печально известным наследником промышленной империи Мастерса. В настоящее время Стивен Мастерс находится в тюрьме.

Комментируя предпринятую акцию, министр обороны заявил: «Испорченный отпрыск зажиточной фамилии позволяет себе глумиться над нашей страной. Все лица, принявшие участие в обмане, будут подвергнуты суду, оштрафованы или заключены в тюрьму в качестве примера для тех, кто проявляет неуважение и презрение к честной и доблестной деятельности вооруженных сил».

Далее сообщалось, что все арестованные доставлены в комендатуру Нью-Йорка, где они были опрошены и разделены на группы, которых в результате получилось четыре.

К первой группе относились служащие детективного агентства, нанятые Мастерсом-старшим для контроля за осуществлением операции. Постоянный и временный штаты агентства были отделены от гостей и отпущены примерно в три часа ночи, с ними же был освобожден Гленкорн.

Вторая группа — свыше девятисот человек — состояла из гостей так называемых потерпевших от Стивена. Их отпустили перед рассветом.

Непосредственно обиженные Стивеном Мастерсом в количестве тоже свыше девятисот человек, составившие третью группу, были переданы полиции. Согласно утверждению городской прокуратуры, они обвинялись в участии в мистификации, задуманной для усугубления того обмана и клеветы, которыми Стивен Мастерс опутал широкие круги общественности. Все эти лица предполагалось отпустить под залог, однако, по просьбе военных, их освобождение было отложено на несколько дней по соображениям безопасности. Срок начала процесса должен быть объявлен дополнительно.

Четвертая «группа» была представлена самим Стивеном в облике Стефани.

Его не передали гражданским властям, а под конвоем шести солдат и лейтенанта проводили по тускло освещенным бетонным коридорам со стальными дверьми, перед одной из которых лейтенант и остановился. В ответ на стук в дверь за ней послышался мужской голос:

— Кто там?

— Заключенный для допроса, генерал Синтер.

— Минутку.

Последовала пауза, раздался лязг металла о металл, и дверь открылась. В дверях стоял человек, внешность которого Стивену была совершенно незнакома, но зато голос его он уже имел удовольствие слышать в течение двух недель. На лице генерала появилась слабая издевательская усмешка. Он напомнил Стивену одного знакомого политикана средних лет, с которым он как-то встречался. Такая же аккуратность во внешности, округлое лицо, синие глаза и маленькие коричневые усики.

— Ну и ну, — удивился Синтер, — хорошенькая маленькая леди.

— Не такая уж маленькая, — отпарировал Стивен.

Насколько он помнил, Стефани имела пять футов и пять с половиной дюймов роста, и руки ее совсем не напоминали палочки. Ему казалось только, что она немного похудела за эти дни, но и только.

Генерал закрыл за ними стальную дверь и коротко скомандовал:

— На крышу!

Поднявшись с помощью лифта на ярко освещенную прожекторами крышу, по краям которой были установлены противоветровые щиты, Стивен увидел вертолет. Его огни уже горели, и в кабине за штурвалом сидел пилот.

Посади ее на борт! — приказал Синтер.

Стивен начал лихорадочно соображать. Он торопливо заявил молодому лейтенанту и окружавшим его солдатам:

— Меня должна сопровождать женщина-охранник.

— Охранник вас будет ждать, когда вы прилетите, — холодно отчеканил офицер.

— Я не верю вам! — воскликнул Стивен, использовав самые музыкальные интонации сопрано Стефани.

Ко всему этому разговору с улыбкой прислушивался Синтер. Теперь он выступил вперед перед

Стефани и сказал:

— Пришел твой конец, Стивен. Тебя доставили сюда семь джи-интов. Пилот — тоже джи-инт, ну и, конечно, я. Тебя подвели люди, вызвавшие газетчиков. Если бы в газетах не появились известия о дне встречи, мы не узнали бы, что ты задумал. Это было ловко придумано — откупиться от всех сразу, но все они сейчас под нашим замком. А тело Стивена находится под присмотром Обдана, джи-инта Эммета Обдана. И в кого бы ты ни перевоплотился, ты окажешься в такой же ситуации, что и сейчас, то есть, под присмотром. — Он издевательски поклонился и, выпрямившись, закончил: — Так что прошу взойти на борт. Я доставлю твое восхитительное женское тело нашему предводителю и отцу Кроогу.

Стивен заинтересовался:

— Эй, так ты один из отпрысков Матери от этого джи-инта?

— Да.

— Один из этих злых людей на Миттенде?

— Именно туда Мать сослала нас, когда увидела, что наши качества неприемлемы для нее.

— Мой старик и я сочли вас сородичем Кроога, потому что бормотали про себя свои мысли, когда

допрашивали меня, как будто у вас раздвоение личности. Мать говорила, что настоящие завоеватели с трудом приспосабливаются к условиям этой галактики. Вы вроде бы подходили под это описание.

— Мы их потомки, имеем те же проблемы, — пояснил Синтер. — Мои подсознательные мысли выходят наружу. На Земле есть только один колонист — Кроог. И чтобы доставить его сюда, чтобы перенести одну жизнь через восемьсот тысяч световых лет, в свое время потребовалось очень много сил.

— А почему же все эти ребята, ваши братья и сестры, не переселились на Землю?

— Что, переселиться? И потерять контакт с Матерью? — Синтер цинично улыбнулся. — Видишь ли, Миттенд — это место, откуда она поддерживает связь со Вселенной. У нее нет выхода, Стивен. Она вскоре должна будет сдаться Кроогу. Это неизбежный результат всех этих потоков энергий, с которыми она работает.

Кончилось это тем, что пожилой человек в генеральской форме рассердился на молоденькую женщину, посмевшую допрашивать его:

— Теперь я задам вопрос. Ты был необычно спокоен во всех опасных ситуациях. Кроог и прочие

отметили это. Как ты объяснишь это?

— Я немного тупой, — искренне признался Стивен.

— Как так?

— Я не могу сосредоточиться на чем-нибудь более чем одну-две секунды. Я всегда был такой.

— Но, разумеется, в минуту опасности…

— Моя всегдашняя защита — поток сознания на базе негативных ассоциаций. Должен признаться, что я понемногу избавляюсь от этой особенности, — бодро объяснил Стивен.

— А я должен признаться, — вдруг разоткровенничался Синтер, — что мне не нравится план Кроога. Он хочет создать для тебя экстремальные условия и посмотреть, что вы будете делать, чтобы ускользнуть.

Стивен вспомнил Обдана.

— Думаю, что я уже побывал в экстремальных условиях. Именно поэтому я превратился в очаровательную Стефани.

— Это и открыло секрет, — сознался Синтер. — Так что теперь мы готовы к главному.

— Какой еще секрет?

— Что ты теперь можешь перевоплощаться в тела людей, которым когда-то чем-то помог. Поэтому мы все и здесь. Давай, в вертолет. По-

жалуйста!

Ничего другого не оставалось. Стивен-Стефани грациозно прошел вперед и легко взобрался в низенькую кабину. Двери захлопнулись, зашипел воздух, создавая в кабине избыточное давление.

Через минуту вертолет был уже в воздухе.

22

— Я понимаю так, что все это дело с переброской сознания через Вселенную, — услышал капитан Одард голос Марка Брема, — может осуществляться, если вы точно следуете правилам. То есть все это — вопрос чистой математики.

Они летели над дикими пространствами Миттенда, здесь были горы, речки, деревья, кусты. Командир экраноплана напряженно всматривался в местность, он искал признаки жизни. Поэтому смысл сказанного дошел до него не сразу.

Эти слова Марка Брема прозвучали для него неожиданно. Он взвесил свой ответ дважды и затем деловито высказал мнение:

— Я думаю, что вас из игры исключат, поскольку Вы в качестве Даниэла Атгерса занимаетесь античной историей. Помните, как вы надеялись найти эту девушку и не смогли — так что будьте осторожны.

— Непосредственно сейчас, — заговорил снова голос Марка Брема — я опять Стивен Мастерс, я здесь в результате того, что джи-инты начали мучить бедную Стефани Вильямс. Они не знали,

что мой отец заплатил Даниэлу и что у меня есть выход — перевоплотиться в Даниэла.

Капитан Одард моргнул. Он лишь на мгновение оторвался от наблюдения за местностью. Всеми своими мыслями и чувствами он был все еще там, внизу.

Стивен успел пока вставить:

— Я думал об этих правилах по мере того, как они становились мне понятными. Математика — это не для меня, также, как и многое другое. Но я владею врожденной логикой, в которую вписывается все это дело.

Одард откинулся в кресле. Посмотрел на пилота. Наконец он снова взглянул на фигуру Марка Брема.

— Вы хотите сказать, — раздраженно ответил он, — что поменялись сознанием с Даном Атгерсом и подставили его в положение жертвы, а сами смылись?

Стивен покачал головой Марка Брема.

— Это была не совсем пытка. Когда я покинул их, вся одежда была со Стефани уже сорвана, а генерал Синтер снимал свои шорты, готовясь улечься с ней в постель. Психологически это был тягостный для меня момент, ну, я и попросил: «Мать — перенеси меня!» Она мгновенно это

исполнила. Боже, какое это было облегчение!

Как только Одард мысленно представил, что происходит в маленькой спальне на расстоянии десяти световых лет отсюда, у него мурашки пробежали по темени, и он судорожно сглотнул. Вместо ландшафта внизу он видел лишь зеленое пятно.

— Вы что же… — визгливо закричал он и тут же остановился, удивившись собственному пронзительному голосу. Он заметил, что Стивен-Брем недоуменно смотрит на него.

Капитан межзвездной исследовательской экспедиции должен обладать спокойствием и здравым умом, не поддаваться эмоциям. Но Роберт Е.Одард почувствовал, как его постепенно, начиная с больших пальцев ног, заполняет страстное, истерическое желание разрядить свою энергию неважно на что или на кого.

— Вы спокойно заявляете мне, — выкрикнул он, что поставили этого беднягу-профессора истории в ситуацию…

— Нет, перебил Одарда Стивен, — я понимаю так, что во время опытов может быть получен и отрицательный результат. Поэтому я не видел никакого смысла в том, чтобы профессор попал в подобную… гм, ситуацию. Я попросил Мать

вернуть его в его собственное тело. Теперь я считаю, что где бы ни находился Марк Брем в теле Атгерса, тело это в настоящий момент движется в направлении Вестчестера.

— Так вы имеете в виду, — промямлил Одард, — что Марк Брем…

— Когда-нибудь, — рассуждал Стивен, — когда сознание Вселенной, центром которого является Мать, заставит всех понять, что мы взаимосвязаны, я полагаю, уже будет не так важно, в каком положении находятся наши тела.

— Всеобщее сознание, — недоверчиво протянул Одард, — не метафизика ли все это?

— В эти мгновения, которые были мне отпущены, — продолжал Стивен, — я должен был принять за аксиому, что женщина считает естественным, что она женщина. Поэтому, так как Атгерс еще не находился в контакте с той дикаркой и не смог бы разыскать ее, я сообразил, что это должна сделать Мать. Я перенес дикарку в Стефани. А дикарка и Синтер — собственно, брат и сестра, правда, между ними разница в те двадцать лет, которые Кроог держал Мать под контролем. Возможно, они что-то почувствуют, и Синтер не станет наседать на нее.

— Всеобщее сознание… — снова задумчиво

произнес Одард.

— Скажите пилоту, чтобы он свернул немного влево, — прервал его Стивен.

— А?

— Там впереди разгорается битва, — указал Стивен, — и нам нужно вначале все сфотографировать. Потом, если женщины начнут сдавать, нам нужно будет вмешаться. — Стивен нахмурился. — Конечно, те, кто сейчас на Земле, участвовать не будут, но все же мы можем начать.

Капитан открыл было рот, чтобы что-то сказать, но промолчал. К ним повернулся пилот.

— Эй, послушайте, — крикнул он, — посмотрите вперед. Может, я спятил. Кто-то перенес зоопарк Сан-Диего на Миттенд.

Больше никто ничего не сказал. Так далеко, как мог видеть глаз, земля была покрыта чудовищами: гигантскими змеями, слонами, тиграми, огромными обезьянами, крокодилами, леопардами, медведями. Это были звери Земли — тысячи зверей.

Звери визжали, ревели, выли, трубили — все это было едва слышно, когда экраноплан с мягким шипением летел над перемещавшейся массой сражавшихся зверей. Позднее выяснилось, что камеры засняли стаю львов, атаковавших двух

тигров и разорвавших их в клочки. Двое слонов затоптали крокодила своими тумбообразными ногами. Четверо леопардов рвали когтями огромную змею длиной не менее тридцати футов. Они не отпустили ее, пока не добили, несмотря на все отчаянные попытки змеи охватить их кольцами или ударить своей огромной головой.

От общей массы зверей начали отделяться группы чудовищ. Они бежали, огрызаясь, все еще сопротивляясь, но на уме у них было бегство.

Вдруг одно из спасавшихся созданий оказалось на сотню футов впереди своих преследователей. Оно бежало все быстрее. Стивену даже представилось, что его очертания начинают размываться… Еще секунда — и…

Проследить за этим превращением не было никакой возможности. Леопард трансформировался в орла, неуклюже взмывшего в небо, затем набравшего скорость и вышедшего на ровный полет.

Через минуту в небе кружила уже дюжина крупных птиц, затем сотня, потом много сотен — тысячи. Все они мощно били воздух своими крыльями.

Экраноплан они увидели слишком поздно. Он налетел на них, ощетинясь пулеметным огнем.

Полетели перья, мертвые орлы падали на землю. Экраноплан вышел из пике и начал разворот. Около тысячи орлов держали курс на восток.

Конечно, ни один орел не мог лететь так же быстро, как машина — этот демон из металла, несущий огромную огневую мощь. Орлы взмывали вверх, трепеща крыльями.

Те, кому удавалось спастись, поворачивали к северу, где высились горы.

Следуя указаниям Стивена, экраноплан летел над поверхностью Миттенда, разыскивал одну за другой группы джи-интов и атаковал их по очереди, стремясь прижать орлов к земле.

Возможно, два или три орла скрылись. Ведь с поля боя животные рассеялись в разных направлениях. К тому же в небе были облака, хотя и немного.

— Как я и думал, — сказал Стивен, — некоторые из детей Матери растерялись. Впрочем, большинство из них в порядке, и нам надо положиться на них. Все таки они приняли мой совет и решили разделаться с отродьем джи-интов.

— Но, но… — Одард не знал, как все объяснить. — Куда же делись тысячи детей? Кто же все-таки их убил?

— Сама Мать.

— Но ведь Мать — это только восемьсот восемьдесят шесть женщин, способных быть слонами или тиграми, — недоумевал капитан. — А мы наблюдали грандиозную битву не меньше, чем сорока тысяч зверей.

Сидевший на одном из передних сидений Стивен развел руками.

— Послушайте, — убеждал он, — ведь Мать — это не количество. Мать — это каждый из них.

— Вы все время это говорите.

— Потому что в этом смысл всеобщего сознания, — Стивен глядел вперед.

— Полная связь каждого с каждым живым существом. Кажется, я уже объяснял вам.

— Да уж, объясняли, — проворчал Одард.

23

Если вы находитесь на вершине промышленной империи, как Стивен Мастерс-старший, занявший это место в двадцать четыре с половиной года (когда его отец погиб в авиакатастрофе), перед вами открывается обзор, недоступный простому смертному.

В среднем возрасте великий человек (ставший великим, поскольку необходимость постоянно держать в руках два миллиарда долларов требует непревзойденного искусства) все еще ходил быстро, работал с увлечением. Он всегда выглядел уверенным в себе.

Была у него хроническая болезнь горла, доводившая его сына до бешенства, потому что вынуждала отца автоматически замедлять речь, но это имело и свои преимущества. Во всяком случае у его собеседника было время подумать, прежде чем говорить «да» или «нет».

На следующий день после массовых арестов Гленкорн, действуя по инструкциям Мастерса, принял на себя защиту обвиняемых. Он также потребовал от городского прокурора сообщить ему местонахождение некоей Стефани Вильямс,

которая получила десять тысяч долларов, но отсутствовала среди задержанных.

Заместитель городского прокурора, полный надежд, видя уже перед собой перспективу ускоренного продвижения по службе, позвонил военному командованию округа и получил ответ: «Мы проверим».

Военные, оказывается, имели свои проблемы. Неожиданно из тюремного подразделения исчез сержант Обдан. Он буквально растворился в воздухе перед строем охранников. Еще большее замешательство внесло появление на месте Обдана крупной змеи, которую пришлось уничтожить, прежде чем можно было организовать соответствующий поиск пропавшего сержанта.

Ну а как же со Стивеном Мастерсом? Об этом старались не особенно распространяться, но он находился в палате для психбольных под наблюдением врачей, так как он внезапно сорвался, начал выкрикивать, что он — это не он, а девушка по имени… и тому подобное. Такую информацию сообщили заместителю прокурора.

— Что за черт! — выругался в трубку говоривший, — я не записал имя девушки, которым он назвался. Впрочем, это значения не имеет. Это произошло несколько дней назад, и он уже из-

менил свою историю. Теперь он снова называет себя Марком Бремом.

Когда Мастерс-старший узнал об этом, он подумал: «Значит, Стивен снова на Миттенде»…

Он решил пока не говорить об этом жене. Раньше Мастерс уже ободрил ее, сказав, что пока Стивен в тюрьме, «мы, по крайней мере, знаем, где он».

В ряду прочих услуг промышленная империя Мастерса пользовалась всемирной компьютерной сетью, и именно туда, по указанию босса, специалист по устранению неисправностей внес программку, разработанную в соответствии с точными указаниями Мастерса-старшего. Еще чуть позднее тот же инженер положил на стол хозяина список из свыше тысячи девятисот имен. Имена шли в алфавитном порядке, так что Мастерсу достаточно было взглянуть в несколько мест, чтобы отметить такие имена, как… Патрик Синтер, Эммет Обдан и Винт Кроог.

Серые глаза его оживлялись по мере того, как он просматривал страницы с именами и адресами. Но он ничего не сказал.

Стоявший рядом инженер ждал и терялся в догадках. Наконец, он высказал свое мнение:

— Я не совсем понимаю ваши критерии отбора,

сэр. Как можно приводить к одному знаменателю министра обороны и его любовницу или женщину-родственницу, которые были найдены мертвыми и частично съеденными?

Босс покачал головой.

— Имена подруг известных лиц, — растолковал он, — входят в нашу программу. Если мы теперь запросим имена убитых и частично съеденных женщин, то система нам их выдаст. А когда мы поднимем документы по такой жертве, то найдем всю прочую информацию.

— Сэр, — нахмурился инженер, — здесь очень много наполовину съеденных женщин, слишком много для цивилизованного мира. Что вы думаете об этом?

— Минутку! — ответил великий человек. — Я попрошу вас выйти пока в приемную, мне нужно срочно позвонить.

Звонок был в Индию. Смуглое лицо индийца появилось на экране видеотелефона. Весь разговор проходил в закодированной форме.

Смысл его был таков:

— Вы все еще занимаетесь убийствами по заказу?

— Мы занимаемся этим, хотя вы однажды и разорили меня.

— Сколько у вас свободных агентов?

— Достаточно.

— Тысяча девятьсот будет?

— Да.

— У меня есть список. Приготовьте свой аппарат к приему.

Список был, безусловно, передан по другому каналу, последующее обсуждение вопросов оплаты услуг также шло кодом. Затем Мастерс уточнил:

— Когда?

— Да.

Что означало: сегодня или самое позднее завтра.

— Могут ли ваши люди проникнуть в военную тюрьму?

— На это потребуется больше времени.

— Менее, чем?.. (Условное обозначение недели).

Ответ был положительным.

— Мой сын, Стивен Мастерс-младший находится в… — Он назвал где.

На другом конце линии связи помолчали. На смуглом лице выразилась пестрая гамма неожиданных переживаний. Немало секунд прошло, прежде чем главарь убийц ответил:

— Мы здесь, в Индии, любим свои семьи. Нам

трудно представить отца, который…

— Жизнь полна странностей, — нетерпеливо перебил его отец Стивена. — Может наступить момент, когда родитель должен признать, что его отпрыск представляет угрозу — терпеть можно лишь до тех пор, пока все его деяния не касаются широкой общественности.

Мрачное лицо на экране впало в задумчивость. Спустя минуту, последовал ответ:

— Мы выполним это.

Абонент исчез с экрана, и видеотелефон отключился. Только теперь Мастерс заметил, что он весь дрожит, чего с ним не бывало уже много лет.

«Либо я сумасшедший, — подумал он, — если готов так поступить, либо я спасу Землю».

Неясно было только, от чего спасать. Но, как обычно, Мастерс тщательно продумал всю последовательность действий.

24

Есть ли предел скуке?

Возьмем, к примеру, палату психов в военной тюрьме. Несколько страдальцев стонут, эти регулярные стоны монотонны, то есть скучны. Большая часть пациентов лежит молча, будто без сознания. В обеих группах есть те, кому уже очень трудно помочь, а есть и симулянты.

Чтобы заслужить специальное лечение и избежать тяжелого физического труда, симулянты прибегают к обычному притворству: стонут сильнее или разыгрывают предсмертное состояние.

Как всегда, есть и исключения. Стивен сидел на постели в дальнем углу палаты номер тринадцать. Он выпросил у санитарки журнал и читал теперь какую-то муть. Это лучше, чем просто сидеть или лежать и ничего не делать.

В палату вошел психиатр, остановился и посмотрел на Стивена. Подойдя ближе, врач обратился к нему:

— Ну, господин Мастерс, я вижу, вы чувствуете себя лучше.

Прищурившись, Стивен взглянул в глаза врачу и отбросил одеяло. Продолжая сидеть, он лишь

подтянул согнутые в коленях ноги.

— Я полагаю, вы собираетесь сделать последнюю попытку, Кроог? — спокойно полюбопытствовал он.

— Я сообразил, — сказал человек, выглядевший в точности как Томас Пейнтер, доктор медицины и психиатр, — что в земном человеческом обществе врач вроде Бога.

— Верно, осторожно подтвердил Стивен.

— Особенно здесь, в военной тюрьме, — продолжал Кроог. — Я принес с собой некое приспособление. Можете ли вы в этот последний час объяснить мне, почему им не следует пользоваться?

— Вы готовы к убийству? — спросил Стивен.

Кроог кивнул.

— Подождите, — сказал Стивен, — пока вы не нажали на курок или что-то в этом роде. Вы не успеете это сделать. Мать убьет вас, она защищает меня здесь.

— Они не могут убить, — заявил Кроог. — Эта способность не входит в их генетическую программу.

— Они уже убивали. Это возможно психологически.

— Не совсем понимаю, — грустно признался

Кроог, — как вы к этому пришли.

— Очень просто. Обычные люди сами по себе не убийцы. Однако когда соответствующие власти велят им, они это делают. Я был для них соответствующей властью: их мужем, а значит, повелителем. — Он дал Кроогу время уяснить сказанное, а потом добавил: — Помни, Кроог, мы сейчас говорим серьезно — о твоей собственной судьбе.

— И о твоей судьбе, — парировал Кроог.

— Тебя вместе со всеми твоими подручными хотели убить все, — медленно начал Стивен. — Я сказал: Кроог — единственная нить, связывающая нас с другой галактикой. Я сказал: кто-нибудь, не я, мне это не по душе, должен хорошо подумать, прежде чем осуществить непоправимое — убийство. Вместе с тем, — тут Стивен пожал плечами, — если мы разрешаем тебе жить, надо поместить тебя туда, откуда ты не сможешь убежать и где я смогу общаться с тобой каждый день по несколько минут с помощью Матери. Так что… Тебя будут много допрашивать. Есть же причина, почему ты так плохо приспосабливаешься к этой галактике. Почему ты так агрессивен?

— Кто бы говорил, — засмеялся Кроог.

И прыгнул.

Как только Кроог навалился на него, Стивен откатился вместе с ним в сторону. Одновременно он вцепился в Кроога обеими руками: правой он ухватился за пиджак и разорвал его сверху донизу, левой — за брюки. Казалось, одежда Кроога сделана из бумаги или же он сам как-то подготовился к быстрому разоблачению, так как одежда мигом разорвалась и спала. Но и Кроог крепко держал Стивена. С такой же яростью он разорвал больничные пижамные штаны на Стивене.

Два тела извивались в жестокой схватке, обнаженные плечи, руки, ноги так и мелькали. В конце концов они свалились за кровать.

Как моментально все переменилось в помещении!

Представьте себе палату психбольницы, в которой пациент напал на врача. А окружающие именно так это и восприняли. Все, за исключением четырех больных, пришли в чрезвычайное возбуждение.

Четверо лежали, не двигаясь, как мертвые. Прочие же реагировали по-разному. Несколько бедолаг даже завыли.

На шум со всех сторон начали сбегаться санитары.

Оказалось нелегкой задачей разнять два борю-

щихся тела, очень похожих друг на друга. Оба были окровавлены, у доктора, по крайней мере, с половины лица была содрана кожа.

— Полотенце! — пробормотал доктор, закрывая руками свое лицо и особенно рот.

Ему принесли полотенце, затем бинты. Кто-то подал пару халатов.

Стивена отвели в карцер. Доктор прежде всего справился о своей разорванной одежде, где, он сказал, лежали ключи и бумажник. Затем он попросил отвести себя к машине, пробормотав сквозь бинты:

— Со мной будет все в порядке.

Приблизительно через десять минут Стивен решил, что теперь уже можно снять бинты. С трудом удалось содрать со своего лица маску, которую на него несколько небрежно наложили и которая карикатурно напоминала лицо доктора Пейнтера. В конце концов, использовав обрывки одежды, которая была пропитана химическим раствором, он добился успеха.

Стивен сел на паром, отходивший в Нью-Джерси, и затем проехал на ферму, находившуюся в часе езды от Паттерсона, штат Пенсильвания. Когда он пустился в путь, была середина дня, на ферму он прибыл затемно.

Этой же ночью, примерно в час, крыша амбара раскрылась, и в небо взмыла тупорылая ракета. Она с шипением и свистом прорезала воздух. Потом звук затих. Крыша сложилась, и амбар приобрел свой прежний вид.

Вокруг по-прежнему простирался сельский пейзаж Пенсильвании…

— Ну и ну! — вырвалось у Стивена.

Его глаза заблестели, когда он увидел сияющий город. Новый город. Он был похож на сад. С высоты была видна река, извивающаяся среди густой зелени роскошных зданий из камня и мрамора.

И лишь в последний момент перед приземлением Стивен сообразил, что под ним необычный город.

Это было поместье с тысячами домов, больших и маленьких. Все это были жилые помещения.

Корабль сел около реки, примерно там, где Стивен впервые увидел крокодила.

Все выглядело совершенно по-другому. Та новизна, в которую Стивен не мог поверить, потрясла его так же, как когда-то руины, в которых город лежал совсем недавно.

Выйдя с корабля, Стивен сразу ступил на зеленую траву, глубоко вдохнув миттендианский воздух и направился к ближайшему зданию.

Дом напоминал греческие постройки. Может, здесь жил король небольшого королевства. Или королева.

Дорожка привела Стивена через сад к величественному мраморному портику. Женщина-слуга открыла перед Стивеном дверь и провела его в большую комнату с высокими окнами из цветного стекла. Там он увидел молодую красивую женщину в пышном белом платье, которая сидела у окна и читала. Отложив в сторону книгу, она встала и улыбнулась Стивену.

Стивен подошел к женщине и спросил:

— Как тебя зовут?

— Риту.

Усевшись на кушетке, Стивен обратился к Риту:

— Ну, детка, скажи женщинам, что прибыл муж.

— Они знают. — В улыбке ее промелькнуло ожидание… Возможно ли, чтобы она уже ощутила женское волнение при виде Стивена?

— Что тебе подать, Стивен? — глядя ему в глаза, спросила она.

— Я проведу с тобой около восьми часов — правильно?

Риту кивнула с напряженным ожиданием.

— Что ж, — Стивен пожал плечами, — у нас масса времени, чтобы познакомиться. Видишь ли, я немного устал. Почему бы мне не вздремнуть? Он растянулся на кушетке. — Разбуди меня через девяносто минут. Спецы по биосвязи говорят, что это как раз один полный цикл сна. До встречи!

И почти немедленно Стивен заснул.

Альфред Элтон Ван Вогт
Силки

Пролог
1

Жарко, очень жарко в эти полуденные часы на улочках маленького гаитянского городка. Конечно, в саду, под сенью деревьев, прохладнее, но жизненная необходимость увидеть ветхого старца вынудила Марию покинуть спасительную тень и ступить на пышущую жаром, словно раскаленный металл, мостовую. Потому что тот сидел прямо на солнцепеке и гнусно улыбался, оскалив белые вставные зубы.

— Так ты, значит, просишь денег на поднятие затонувшего корабля с сокровищами? Неужели ты думаешь, что я выжил из ума?

Он вновь ощерился, утомленно-похотливо, и подмигнул ей.

— Разве что, — со значением произнес этот замшелый пень, — такая молоденькая, красивая девочка будет добренькой к старому человеку…

Он ждал ответа, жадно, подобно сморщенной жабе, впитывая тепло солнца в свои заплесневелые кости, видно уже неспособные согреться естественным путем. Но и испепеляющее солнце

помогало слабо: его непрерывно била дрожь от озноба.

Мария Ледерль взглянула на него с любопытством. Ее воспитал старый морской волк с изощренным чувством юмора, а посему она восприняла слова возможного заимодавца спокойно, лишь чуть-чуть удивившись, что глаза этой сладострастной развалины ещё сохранили возможность увлажняться при виде молодой девушки.

Проигнорировав его намеки, она твердо заявила:

— Дело верное. Корабль затонул в войну в открытом море неподалеку от Санта-Юиля. Капитаном на нем был — в последний раз! — мой отец. Когда компания отказалась финансировать экспедицию, он решил сам собрать необходимые средства. А о вас он узнал от одного из своих приятелей.

Это была неправда, поскольку старик стоял последним в длинном списке потенциальных кредиторов. Но Мария продолжала без остановки:

— И, ради бога, не обижайтесь. Ведь любителей риска все ещё встречается не так уж мало. Так почему бы такому испытанному игроку, как

господин Райхер, не пощекотать себе нервы в последние дни жизни?

Почти безгубый рот растянулся в новой улыбке, вторично продемонстрировав безупречные зубы. На сей раз тон был более благожелательным.

— Я же ответил тебе, дорогуша. Всю свою наличность я решил отдать на исследования в области медицины. Я не перестаю надеяться, что они все же откроют что-нибудь такое… — Он зябко передернул тощими плечами. Лицо исказилось страхом. — Я совсем не расположен сходить в могилу.

На какое-то мгновение Мария даже пожалела эту старую перечницу. Ей подумалось, что придет и ей время превратиться в поминутно дергающуюся старуху. Но эта мысль промелькнула будто легкое облачко на летнем небосклоне. У нее, молодой, были дела поважнее.

— Значит, вы никак в этом не заинтересованы?

— Ни в коей мере.

— Ни капельки?

— Нет, даже на десятую долю процента, — отрезал уже с неприязнью Райхер.

Ничего не оставалось, как удалиться. На прощание она все же бросила:

— Если вдруг передумаете, то наша «Голден Мэри» стоит на четвертом причале.

Мария вернулась в порт, где небольшое суденышко поджаривалось на солнце в нестройном ряду себе подобных. Большинство из них предназначалось для плавания в открытом море. Многие — из тех, что прибыли из Соединенных Штатов, — служили прогулочными яхтами, на борту которых их владельцы и гости играли в бридж, танцевали под звуки, исторгаемые дорогостоящей аппаратурой, и калились на солнышке. Мария не жаловала этих толстосумов за их наглое, избыточное богатство, в то время как люди, подобные ей и отцу, испытывали нужду и находились на пороге отчаяния.

Обжигая руки о деревянные перила, Мария поднялась на палубу. В сердцах пытаясь как-то утихомирить боль от ожога, она похлопала себя по бедрам.

— Это ты, Мария? — раздался откуда-то из чрева судна голос отца.

— Да, Джордж.

— У меня назначена встреча с одним типом. Его зовут Сойер. Там будет и немало солидных деятелей, поговорю-ка я с ними. Все— таки ещё одна попытка…

Мария промолчала, только скользнула по нему взглядом, когда отец вышел наверх. Он надел свою самую шикарную капитанскую форму, но неумолимое время уже взяло свое. Перед ней стоял далеко не тот крепкий и бравый красавец-мужчина, которого она знала с детства. Поседели виски, неизгладимыми отметинами бесчисленных зим были испещрены огрубевшие черты лица.

Она подалась к отцу и поцеловала его.

— Знаешь, я особенно рассчитываю на возможность поговорить с одним очень богатым стариком по имени Райхер. Он обещал тоже там быть.

Мария совсем было уже открыла рот, чтобы объяснить, насколько беспочвенны его надежды, но вовремя удержалась. Она вдруг подумала о том, что до сих пор внушительный мундир продолжает производить благоприятное впечатление на людей. Так что нельзя было исключать, что и Райхер при виде зрелого и образованного мужчины поведет себя иначе.

Лишь после ухода отца она сообразила, какого характера должно было быть предстоящее сборище, чтобы вынудить Райхера вылезти из своей берлоги.

Она прекрасно пообедала вытащенными из холодильника фруктами, а затем принялась сочинять стихотворение, где обыгрывалось сравнение безумия солнечного пекла с разгулом неистовой ярости убийцы. Небрежно бросив свое непритязательное творение в ящик стола, где их накопилось уже изрядное количество, она уселась на палубе под тентом и обвела взглядом порт и беспредельную даль моря. Играли блестками ласковые волны, разбиваясь об острые белые носы суденышек и набегая на столь же непорочного цвета стены домов приморского городка. Эта картина все ещё продолжала завораживать её, хотя в теперешней ситуации Мария уже и не знала, радует она её или вызывает отвращение неизменностью каждодневной безысходности.

«Все это прекрасно и мило, — подумала она, — но насколько же печально и грустно для безденежных отца с дочкой».

Девушка вздрогнула при мысли о возможных бедах, но потом, с вызовом пожав плечами, решила: «Все равно и в самом безысходном положении что-нибудь да придумаю».

Но полной уверенности в этом у неё не было.

Мария спустилась вниз, надела купальный костюм и через минуту уже плескалась в парном,

покрытом легкой рябью море. И все же до wecn это было ужасно: бездарно проходил ещё один день в её жизни, как перед этим пробежали сотни других, бесследно исчезнувших в пучине времени, подобно брошенным в океан камушкам.

Мысленным взором она окинула шлейф тянувшейся позади череды дней, освещенных все тем же великолепием солнца. Каждый из них в отдельности прошел в общем не так уж и плохо, но в сумме они порождали неясную тревогу, поскольку жизнь явно протекала бестолково.

И она — в который уже раз! — собралась было принять какое— нибудь важное решение, которое круто изменило бы её серое существование, как вдруг заметила появившуюся на палубе стоявшей метрах в тридцати от них яхты Сильвию Хаскинс, которая махала ей рукой.

Мария подплыла к соседнему судну и без особого желания поднялась на борт. Она ненавидела Генри Хаскинса, её мужа, и поэтому испытала большое облегчение после того, как Сильвия выложила все волнующие её новости:

— Генри ушел на совещание, посвященное крупному медицинскому открытию. Затем, как он сказал, мы должны будем отплыть на один из близлежащих островов и лично ознакомиться с

чем-то или с кем-то, я так и не поняла, на ком оно было успешно применено.

Мария в ответ вежливо изобразила:

— О!

Ее представление о Генри Хаскинсе весьма отличалось от того, которое, как мнилось его жене, она должна была бы иметь. Этот атлетически сложенный мужчина отличался, по его же собственным словам, невозмутимостью и, уверенный в своей неотразимости, неоднократно пытался приставать к Марии. Он отказался от своих недвусмысленных заигрываний только после того, как однажды натолкнулся на острие кинжала, убедительно сверкнувшего в её ни на секунду не дрогнувшей руке.

В отличие от своего мужа Сильвия была милой, добросердечной, дружелюбной, но несколько нескладной особой. Генри не раз с гордостью расхваливал её достоинства.

Для Марии сама мысль о том, что кто-то, возможно, нашел способ продлить жизнь Генри, была непереносимой. Но в данный момент слова Сильвии заинтересовали её с той точки зрения, что Генри участвовал в важном совещании. Учитывая размеры городишка, было очевидно, что он присутствовал на той же самой встрече, что и

её отец. Она сообщила об этом Сильвии.

Та воскликнула:

— Ну, слава Богу, значит, это не выдумки Генри. Я слышала, что туда намеревались пойти также Педди, старикан Грейсон, чета Хейнцов, Джимми Батт и ещё по меньшей мере два-три человека.

«И этот старый хрыч Райхер, — подумала про себя Мария. — О боже!»

— А вот и ваш отец, — неожиданно прервала её раздумья Сильвия.

Капитан Ледерль, увидев свою дочь, остановился. Он с видимым воодушевлением потер руки.

— Мария, — радостно провозгласил он, — быстренько наведи порядок в моей каюте. Сегодня вечером господин Райхер прибудет к нам на борт, а завтра рано утром мы отчаливаем на Эскоу-Айленд.

Она тут же спрыгнула в море и вскоре уже шла по своему судну по направлению к капитанскому кубрику. Обернувшись к идущему вслед за ней отцу, она увидела, что оживленного выражения на его лице как не бывало.

— Все, что я говорил, предназначалось только для ушей Сильвии, — пояснил он. — А так все гораздо проще: нас наняли как перевозчиков.

Она не проронила ни слова, но отец, очевидно,

расценил это как упрек в свой адрес, потому что тут же начал оправдываться:

— А что мне оставалось делать, дорогая моя? Не мог же я упустить даже такую, пусть плохонькую, возможность!

— Расскажи мне, что там происходило, — попросила она.

— Какой-то хмырь разливался соловьем, что нашел метод омоложения, и все это старичье воспрянуло духом. Я сделал вид, что и сам не прочь поиметь что-нибудь с этого, и, по правде говоря, верю в это.

В сущности, для него это был хоть какой-то, но все же успех. Из обломков своих планов Джордж спасал сейчас самое ценное — контакты. Что получится из того, что у них в гостях переночует Райхер, пока было совершенно неясно. Но важно, что он будет здесь.

— Снаряжение для подводного плавания возьмем? — самым естественным тоном спросила Мария.

— Само собой, — отозвался отец.

Казалось, она обрадовалась этому.

2

Для океана этот день ничем не отличался от вереницы других. Волны привычно ловко растекались между скалами и рифами затерянного в его просторах островка. Они мягко шелестели по песку и угрожающе рычали на неподдающиеся их напору утесы. Но весь этот шум и гам оставался на поверхности. В его глубинах, вдали от берега, царило величавое спокойствие.

Мария стояла на палубе уже начавшего дряхлеть судна и чувствовала свое нерасторжимое единство с природой — небом, морем и этим островом. Именно туда отправились с утра все мужчины. Она обрадовалась, что никому не пришла в голову глупая идея предложить оставшимся в ожидании их возвращения женщинам перекинуться с бридж. Был полдень, и они, скорее всего, сейчас дремали в своих каютах, тем самым весь необъятный мир океана достался ей одной.

Рассеянно поглядывая на воду, Мария неожиданно уловила в ней какое-то движение. Она наклонилась, чтобы получше рассмотреть, что там происходит, и замерла, пораженная.

Глубоко внизу, где-то, наверное, на глубине

метров двенадцати, изящно скользила человеческая фигура.

Сквозь удивительно прозрачную водную гладь хорошо просматривалось песчаное дно. Стайка шаловливых рыб-попугайчиков, порезвившись в этих хрустальных глубинах, стремительно скрылась в сумраке прибрежных скал.

Человек плыл виртуозно. Странным, однако, было то, что делал он это на столь большой глубине без какого-либо специального снаряжения. К тому же, преломляясь в водной толще, его тело казалось ей в чем-то отличным от человеческого. В тот самый момент, когда у неё мелькнула эта мысль, незнакомец, подняв голову, встретился с ней взглядом и невероятной силы гребком рванулся в её сторону.

Лишь тогда, когда он покинул водную стихию, Мария поняла… Это и в самом деле был не человек.

Точнее, от человека в нем оставались общие контуры. Но кожа лица и тела была неестественно толстой, как если бы её прослаивали пласты жира и ещё чего-то, что предохраняло пловца от холода и воды. Знакомая со многими диковинками моря, Мария сразу же заметила у него под мышками… жабры. На ногах виднелись

перепонки, а рост достигал двух метров десяти сантиметров.

Мария уже давно ничего не боялась на этом свете, поэтому лишь слегка отступила от борта и задержала дыхание чуть дольше обычного. И то, что она так спокойно прореагировала на появление}rncn необычного существа, позволило ей увидеть, как оно… перевоплощалось.

Процесс начался, когда тот ещё находился в воде. Продолговатое и крепкое тело укоротилось, толстая кожа утончилась, голова приняла более изящную форму. На глазах ошеломленной Марии под его ставшей необычно гибкой кожей в течение нескольких секунд стремительно скручивались и раскручивались мышцы. Игра света в воде, а также мелкая зыбь мешали проследить за всеми движениями, но в конечном счете то, что ещё несколько мгновений назад было более чем двухметровой «рыбиной» превратилось в стройного и совершенно нагого молодого человека.

А в том, что это существо стало человеком во всех отношениях, не было ни малейшего сомнения. Без видимых усилий он перемахнул через борт. Теперь его рост составлял метр восемьдесят. Юноша вел себя самым естественным образом. Низким приятным баритоном он обратился к

Марии:

— Весь этот шум поднялся из-за моей персоны. Старина Сойер, подарив мне жизнь, превзошел самого себя. Но, понимаю, вы, должно быть, шокированы моим видом. Посему не могли бы вы достать мне что— то вроде брюк?

Мария не двигалась с места. Его лицо кого-то ей смутно напоминало. Когда-то, как ей представлялось, давным-давно, появился в её жизни один паренек… Но продержался он только до тех пор, пока она не обнаружила, что была для него всего лишь одной из дюжины девушек, с большинством из которых у него были гораздо более близкие отношения, чем те, которые она иногда могла бы ему позволить. И этот юноша так разительно походил на её прежнюю симпатию…

— Вы не?.. — вырвалось у неё непроизвольно.

Казалось, он уже знал то, о чем она лишь собиралась его спросить, поскольку отрицательно покачал головой и с улыбкой успокоил ее:

— Нет, я обещаю вам быть верным всегда. — Затем добавил: — Дело в том, что Сойер и я, мы оба нуждаемся в молодой женщине, которая согласилась бы стать матерью моих детей. Полагаем, что закрепить в потомстве мои особые способности вполне возможно, но это надо ещё доказать.

— Но то, что вы сделали, было, на мой взгляд, верхом совершенства, — возразила Мария, лишь смутно осознавая, что у неё и мысли не появилось с ходу и полностью отвергнуть его предложение. Скорее, она почувствовала какое-то неясное ей самой внутреннее удовлетворение оттого, что теперь она могла бы совершить в своей жизни нечто такое, что искупало бы все эти бездарно прожитые годы.

— Вы видели только часть того, на что я способен, — продолжал юноша. — Я могу принимать три различные формы. Сойер не ограничился только поисками в прошлом человечества, но попытался заглянуть и в будущее, раскрыв его потенциальные возможности. Человеческое обличье — лишь одна из форм, в которые я могу преобразовываться.

— А какая же третья? — тихо поинтересовалась Мария.

— Можно, я расскажу об этом чуть позже?

— Но ведь это совершенно невероятно! — воскликнула Мария. — КТО же вы на самом деле?

— Я СИЛКИ, — ответил он, — причем ПЕРВЫЙ.

Глава первая

Нэт Семп, силки класса «Си», очнулся в заданное им самим себе время и тут же, задействовав свои сенсорные каналы, определил, что sfe находится совсем рядом с обнаруженным им ещё час назад космическим кораблем.

На какое-то время он слегка размягчил внешнюю, твердую как сталь и похожую на хитин оболочку — свою своеобразную кожу. Это позволило ему воспринимать световые волны в доступном человеку диапазоне. Упорядочив затем их через систему линз, он обрел способность дальновидения.

Из-за ослабления герметичности между телом силки и вакуумом заметно повысилось внутреннее давление. Возникло особое ощущение, типичное для ускоренного расходования кислорода, накопленного в хитиновом каркасе. Так происходило всегда при переходе на кислородоемкий зрительный канал восприятия действительности. Потребление драгоценного газа быстро вернулось к норме, как только он, проведя несколько нужных визуальных замеров, восстановил жесткость и непроницаемость сво-

его кокона.

То, что Семп увидел своим телескопическим зрением, весьма взволновало его. Стало ясно, что приближавшийся корабль принадлежал Вариантам.

Семпу было хорошо известно, что в обычных условиях Варианты на взрослого, в полном расцвете своих возможностей силки не нападают. В то же время недавно прошли слухи о непонятных пока изменениях в их поведении. Так, некоторые силки при встречах с Вариантами стали испытывать психологический дискомфорт. Поэтому нельзя было исключать, что, наткнувшись на него, Варианты, сконцентрировав всю энергию своей группы, смогут помешать его полету.

Пока Семп раздумывал, что предпочтительней — уклониться от встречи или, наоборот, смело идти, как обычно делали это силки, им навстречу, — он почувствовал, как корабль, слегка сменив курс, развернулся в его сторону. Итак, решение было принято, причем не им. Варианты сами искали контакта.

Естественно, в том, что касается ориентации в космосе, этот звездолет никак не мог быть ни «выше» и ни «ниже» его. Тем не менее Семп, ощутивший наличие на нем искусственной гра-

витации, решил считать её для удобства точкой отсчета. При таком подходе получалось, что чужак подплывал к нему чуть снизу.

Используя другой сенсорный датчик с более высокой частотой восприятия — нечто вроде радара, — Семп внимательно наблюдал за маневрами космолета. Тот сбросил скорость, сделал большой виток и лег на параллельный курс впереди него, двигаясь несколько медленнее Семпа. Получалось, что если он будет продолжать свой путь по прежней траектории, то через несколько минут неизбежно настигнет его.

Семп решил не сворачивать. Постепенно корабль Вариантов наползал на него из мрака космоса, заметно увеличиваясь в размерах. На первый взгляд, они составляли тысячу шестьсот метров в ширину, восемьсот в высоту и пять километров в длину.

Семп не имел дыхательного аппарата, получая весь нужный организму водород за счет внутреннего электролизного обмена. И в общечеловеческом смысле он не мог видеть. Но ситуацию представлял себе достаточно ясно. Поэтому он чувствовал сейчас какую-то обреченность, испытывая печаль от того, что ему так не повезло и что в столь неподходящий для него

момент он так нелепо напоролся на эту, судя по всему значительную, группу Вариантов.

Когда он вплотную приблизился к кораблю, тот несколько подался вверх и застыл над ним в нескольких метрах. На окутанном тьмой мостике Семп различил несколько дюжин поджидавших его Вариантов. Они также были без скафандров, находясь в этот момент в состоянии полной адаптации к космическому вакууму. Позади группы виднелся двойной люк, который вел вовнутрь космолета. Его внешняя bundm` дверь была открыта, а через заднюю прозрачную стену просматривалась заполнявшая весь корабль вода.

Ее вид и обмен предварительными приветствиями неожиданно доставили ему явно преждевременное удовольствие. Он даже слегка вздрогнул, подумав с тревогой: «Неужели я уже так близок к Перевоплощению?»

Силки в стадии «Си» являлись полностью космическими созданиями. Поэтому на палубу корабля Семп сел довольно неуклюже. Специальные костные структуры, которые в ином облике служили бы ему ногами, воспринимали твердые структуры на молекулярном уровне, и, когда он коснулся металла, между ними произошел энергетический обмен, который он тут же по-

чувствовал.

В известном смысле он стоял. Но не путем мускульных усилий, а посредством тонкой калибровки энергополей. Мускулов у него в этом состоянии попросту не было. Закрепившись на поверхности корабля с помощью магнитного поля, он затем внутренним усилием сформировал — один за другим — два прочных, но высокой степени гибкости костных блока.

Это дало ему возможность двигаться, подобно двуногому существу, опираясь на эти эластичные костного характера отростки. Но в целом ходьба для него в нынешнем виде была делом очень трудным. Для этого при каждом шаге ему требовалось давать импульс костной системе размягчаться, чтобы почти тут же восстанавливать её прежнюю жесткость. И хотя научился он этому искусству давно, все равно скорость передвижения была очень низкой. В открытом космическом пространстве он мог развить ускорение в пятьдесят «жи». Но сейчас вышагивал со скоростью не более чем полтора километра в час да ещё и испытывал удовлетворение от того, что был способен достичь такого показателя в этих условиях.

Так, медленно, но уверенно он приблизился к

поджидавшей его группе Вариантов и остановился на небольшом расстоянии от ближайшей к нему коренастой фигуры.

С виду Вариант был тот же силки, но только более низкорослый. Но Семп знал, что на самом деле все эти несчастные создания были лишь неудавшимися моделями подлинных силки, что и объясняло их общее название. Было очень трудно по внешнему облику определить, к какому типу принадлежал тот или иной конкретный Вариант, или попросту «В», поскольку различия касались внутреннего строения. Поэтому первое, что решил для себя Семп, — это определиться в отношении типа «В» космолета.

Для установления с ними связи он использовал ту функцию своего мозга, которую ещё до того, как разобрались в её сущности, называли просто телепатия.

После его мысленного посыла возникла пауза, но через некоторое время один из стоявших далеко в задних рядах «В» ответил ему тем же способом.

«У нас есть причины, не позволяющие нам себя идентифицировать. Именно поэтому мы и просим вас остаться с нами до того момента, пока вы сами не разберетесь в наших проблемах».

«Но подобное утаивание незаконно», — сухо заметил Семп.

Последовал ответ, на удивление не похожий на обычно враждебную реакцию «В»:

«Мы не стремимся создавать ненужных осложнений. Меня зовут Ралден, и нам очень бы хотелось, чтобы вы кое-что увидели на борту».

«Что именно?»

«Девятилетнего мальчишку. Он сын силки и земной женщины. В последнее время проявил крайние вариантные качества. В этой связи просим разрешения уничтожить его».

«О!» — только и смог вымолвить Семп. Его на мгновение nub`rhkn смятение. Память услужливо, хотя и мельком, напомнила, что и его сыну от первого брачного сезона сейчас должно было быть столько же лет.

И дело тут было не в особых родительских чувствах. Силки было запрещено видеть появившихся от них сыновей. Они были воспитаны в том духе, что к потомству всех силки подходили с одинаковой меркой. Но подлинным кошмаром для хрупкого равновесия, установившегося между обычными жителями Земли, Посредниками и двумя устоявшимися классами силки являлась перспектива гипотетического появления среди

нестабильного сообщества Вариантов какого-нибудь высокоодаренного «В».

На деле эти опасения оказались не очень обоснованными. Когда время от времени силки посещали космолеты «В», они обнаруживали, что тот или иной подававший надежды парнишка устранялся самими Вариантами. Они не переносили выделения дарований в своей среде, опасаясь, что талантливый ребенок, став взрослым, установит над ними свою власть и лишит нынешней свободы.

Тогда стали требовать, чтобы подобные расправы были обязательно предварительно санкционированы каким-нибудь нормальным силки, что и объясняло первоначально созданную «В» атмосферу таинственности вокруг дела. Конечно, «В» могли уничтожить таких парнишек даже и в том случае, если бы не получили на то разрешения от силки, в надежде, что их корабль так никогда и не выявят в беспредельных просторах космоса.

«Так вот, значит, в чем дело?» — переспросил Семп.

«В» подтвердили это.

Семп заколебался. Его нерешительность объяснялась тем, что уже в течение некоторого времени он отмечал в своем организме опреде-

ленные признаки того, что он вот-вот начнет Перевоплощение. У него просто не было в запасе одного дня или даже двух, которые ему пришлось бы провести на этом космолете для принятия решения в отношении мальчика.

Но, подумал он, если он не задержится здесь по их просьбе, то тем самым автоматически даст им свое согласие на убийство. А он прекрасно отдавал себе отчет в том, что пойти на это не сможет.

«Ладно, — важно сказал он. — Я пройду в корабль».

Группа «В» сопроводила его до шлюзовой камеры. Они тесно сгрудились, когда за ними закрылась толстенная стальная дверь люка, изолировавшая их от открытого космоса. В шлюз начала неслышно поступать вода. Семп видел, как, проникая в находившуюся ещё в вакуумном режиме камеру, вода в мгновение ока превращалась в газ. Однако по мере заполнения пространства она вновь обретала привычное жидкое состояние и постепенно стала обволакивать сбившихся в кучу «В» и Семпа.

Чувствовать вокруг себя водную стихию доставляло несказанное удовольствие. Костные структуры Семпа сразу же рефлекторно попытались размягчиться, и он был вынужден сделать

заметное волевое усилие, чтобы воспрепятствовать этому. Но когда вода накрыла его целиком, Семп почувствовал, что тяга к размягчению нарастает уже во всей внешней оболочке. Возникло исключительно острое ощущение предстоявшего вскоре блаженства Перевоплощения. Ему пришлось мобилизовать всю свою сферу сознательного, чтобы удерживать под контролем начинавшийся процесс адаптации к новой среде. А так хотелось побыстрее и помощнее прогнать через жабры теплую и ласковую струю воды! Но Семп понимал, что подобная несдержанность и спешка выдадут особо опытным «В» его состояние, и неукоснительно придерживался обычной в таких случаях процедуры.

В свою очередь «В» тоже начали постепенно переходить из исключительной для них космической формы в свое нормальное состояние с жабрами. Наконец открылся внутренний люк, и вся группа hgymn вплыла вовнутрь корабля. Шлюзовая камера закрылась, и они оказались в первом из громадных блоков-резервуаров, из которых собственно и состоял космолет.

К Семпу в состоянии «рыбы» вернулась нормальная способность видеть мир, и он огляделся, пытаясь разобраться в окружавшем его подвод-

ном мире. Но ничего необычного в нем не было — самая обыкновенная трансплантированная в эти особые условия морская фауна и флора. Колыхались под воздействием течений водоросли, но Семп знал, что воду гонят специальные мощные насосы. Он даже чувствовал по еле заметным перепадам напора струй ритм их работы.

Глава вторая

С новой средой обитания у Семпа каких-либо проблем не возникало. Вода для него была естественным элементом, и при переходе из состояния силки в форму рыбы он терял из своих прежних способностей совсем немного. Внутренний богатейший мир ощущений в целом оставался. Нервные центры, по одиночке или в различных друг с другом комбинациях, были связаны с различного рода энергополями. Когда-то в далекие времена все это называлось «чувствами». Но вместо пяти чувств, которыми в течение многих и многих веков ограничивалось восприятие действительности человеком, силки могли фиксировать впечатления от внешнего мира по ста восьмидесяти четырем различного вида сенсорным каналам широчайшего спектра.

Результатом такого невероятно богатого отражения бытия являлся колоссальный внутренний «шумовой фон» из непрерывного потока поступавших извне информационных сигналов. Поэтому с первых же дней существования силки главным элементом его воспитания и постоянной тренировки являлось умение контролировать

всю эту богатейшую палитру разнообразных внешних раздражителей.

Семп, ритмично работая жабрами, величаво проплывал вместе с «В» мимо сказочных подводных пейзажей. Эта водная вселенная чутко реагировала на их вторжение. Кораллы сначала приобрели кремовый оттенок, затем стали оранжевыми, пурпурными, пока не расцветились всем богатством оттенков. Тысячи морских червяков испуганно втянули головы в норки, но тут же повысовывали их им вслед. И то была лишь ничтожно малая часть развертывавшегося перед ними подводного ландшафта.

Между стенками отсека сновали более десятка голубых, зеленых и ярко-красных рыбок. Их нетронутая первозданная красота манила Семпа. Это была старая форма жизни, та, что создавалась самой Природой. Ее не коснулась маги(%-2)ческая рука всемогущего знания, которое в конеч(%0)ном счете разрешило столько загадок таинства жизни. Семп протянул соединенные пленкой пальцы к одной из них, что стрелой проносилась мимо, но та вильнула и, взметнувшись, тут же куда-то умчалась. Семп от полноты испытанного удовольствия даже расплылся в широкой улыбке, за что поплатился, немедленно

хлебнув теплой воды.

Внутри корабля он стал меньше ростом. Произошло это путем уплотнения его тела. Образовавшиеся мускулы сократились, а ставшая целиком внутренней костная система ужалась с трех метров, как это было в космосе, до чуть более двух.

Семп уже сумел разобраться в своих спутниках. Из тридцати девяти вышедших его встречать Вариантов тридцать один относились к разряду самых обыденных. Естественным состоянием для них была форма рыбы, и в ней они проводили основную часть своей жизни. В то же время на короткий срок они могли принимать человеческий облик, а в образе силки были способны продержаться от нескольких часов до недели и больше. Все тридцать девять «В» обладали, хотя и в ограниченных пределах, энергетическим потенциалом.

Из оставшихся восьми трое располагали значительными энергоресурсами, один мог даже создавать силовой барьер, а четверо были способны дышать воздухом в течение достаточно продолжительного времени.

Каждый из них был по-своему умен. Но Семп, который через тот или иной из своих многочис-

ленных каналов восприятия мог улавливать малейшие запахи тела, определять температуру как в воде, так и вне её, понимал сложную музыку расположения костей и мускулов в теле, в каждом из этих существ почувствовал мощный эмоциональный заряд недовольства, гнева, наглой дерзости и ещё более сильного напластования — ненависти. Это не могло не заинтриговать его. Действуя в своей обычной при контактах с «В» манере, Семп вплотную подплыл к ближайшему из них. Затем, выбрав особо стойкую несущую волну — она сохраняла наложенное на неё послание лишь на расстоянии в несколько метров — в упор спросил соседа:

«У вас какой секрет?»

На какой-то миг «В» опешил. Ответ на этот направленный мощный посыл был настолько побудительно рефлекторным, что Семп получил его на той же волне практически немедленно.

Семп улыбнулся, довольный успехом примененного им маневра. Ответ позволял ему завязать разговор в нужном направлении. Поэтому он спросил вновь:

«Никто ведь не угрожает „В“ ни в индивидуальном, ни в коллективном порядке? Непонятно, чем вызвана ваша ненависть.

«Я ЧУВСТВУЮ себя в опасности!» — нехотя отозвался собеседник.

«Узнав вашу тайну, я понял, что вы женаты. Есть ли у вас дети?»

«Да».

«Вы работаете?»

«Да».

«Журналистика, литература, телевидение?»

«Да».

«Спорт?»

«Только смотрю соревнования. Сам не участвую».

В этот момент они проплывали сквозь подводные джунгли. Картина, что и говорить, впечатляла: огромные вздрагивавшие в струях течения чаши растений, стремительно тянувшиеся ввысь колонны кораллов, осьминог, настороженно выглядывавший из укрытия, быстро прошмыгнувший угорь, множество разнообразных рыб. Они все ещё находились в той части корабля, где в первозданном виде были воспроизведены условия океана в тропических широтах. Для Семпа, который беспрерывно патрулировал в космосе вот уже целый месяц, сама возможность поплавать была и наслаждением, и отличной спортивной разминкой.

Но сейчас его занимали совсем другие мысли, и он опять обратился к своему спутнику:

«Послушайте меня, друг. Здесь все создано на благо всех. Такое спокойное и приятное время-препровождение, видно, лучшее, что нам могут предложить в жизни. Если вы завидуете моей службе в качестве полицейского, то, уверяю вас, напрасно! Я тоже привык к исполнению своих обязанностей, но подумайте, например, что из-за них я имею право на брачный период только один раз в девять с половиной лет. Понравилось ли бы вам это?»

Конечно, его заявление ни в коей мере не соответствовало действительности. Но сами силки и их ближайшие земные союзники — Посредники усиленно культивировали подобный миф, убедившись в его психологической необходимости. Дело в том, что от веры в подобную байку обычные земляне испытывали большое удовлетворение, поскольку считали это громадным изъяном в жизни силки, которым они по всем другим статьям откровенно мучительно завидовали.

Обращаясь с подобным утешением к плывущему рядом и почему-то чрезмерно озлобленному «В», Семп рассчитывал именно на такого рода

эффект. Но исходивший от «В» сумрачный эмоциональный настрой лишь усилился и перерос в откровенную враждебность.

«Вы обходитесь со мной, как с ребенком, — мрачно парировал тот. — Но мне кое-что известно о Логике уровней. И мне ваши софизмы ни к чему».

«Не стоит искать в моих словах какой-то скрытый смысл. Просто реплика и не более того, — мягко уточнил Семп. — Лучше расслабьтесь и не бойтесь: о супружеской неверности я вашей жене не сообщу».

«Будьте вы прокляты!» — взорвался «В» и рывком отпрянул в сторону.

Семп, ничуть не огорчившись, повторил свою комбинацию с другим «В» из числа сопровождавших его. Тот утаивал от всех профессиональный проступок, когда он дважды засыпал на посту у одной из шлюзовых камер, соединявших корабль с космическим вакуумом.

С аналогичным вопросом он обратился и к третьему Варианту — женщине. Как ни странно, но её секрет состоял в том, что она считала себя сумасшедшей. Едва осознав, что он проник в её тайну, женщина «В» впала в истерику. Изящная и привлекательная, она явно была из «воздухо-

дышащих», то есть «В», способная сравнительно надолго обретать человеческую форму. Но вот нервы её никуда не годились.

«Умоляю вас, никому об этом ни слова! — телепатически воскликнула она, полная ужаса. — Иначе они меня уничтожат».

Прежде чем Семпу удалось установить, почему она так уверовала в свое помешательство, женщина, не скрывая удрученности, вдруг выпалила:

«Они намерены завлечь вас в отсек, заселенный акулами!»

Поняв, какую важную информацию она разгласила, женщина на миг застыла, её почти земное лицо исказила гримаса.

Реакция Семпа была мгновенной:

«С какой целью?»

«Не знаю. На словах они говорят совсем другое… О! Пожалуйста, не надо больше…» — В определенной степени потеряв контроль за своим физическим состоянием, она стала судорожно дергаться в воде; ещё немного, и на неё могли бы обратить внимание остальные «В».

Семп поспешил успокоить женщину:

«Не волнуйтесь! Даю вам честное слово, что все останется между нами».

Тем временем он успел выяснить, что её зовут Менса и что она, по её словам, становится очень красивой, когда трансформируется в женщину.

Поразмыслив, Семп пришел к выводу, что в будущем эта «В» может ему очень пригодиться и что поэтому он должен не подавать вида о своей осведомленности и позволить увлечь себя в злосчастный резервуар с акулами.

Все произошло как-то очень буднично и незаметно. Один из «В», умевший генерировать энергию, приблизился к нему. Остальные, как бы вполне естественно, чуть поотстали.

«Сюда», — показал направление проводник.

Семп последовал за ним. Прошло, однако, какое-то время, прежде чем он заметил, что вместе со своим гидом очутился по одну сторону прозрачной стены, а остальная часть группы — по другую. Он огляделся в поисках своего провожатого, но тот уже успел быстро нырнуть и втиснулся в небольшую пещеру между двумя скалами.

Неожиданно вода вокруг Семпа замутилась. Это не помешало ему увидеть, что все остальные «В» прильнули к прозрачной перегородке q другой стороны. В то же мгновение Семп уловил легкое движение в колыхавшихся водорослях, оттуда метнулись тени, сверкнул злобный пронзитель-

ный глаз, всплеснулись блики света на сероватом туловище… Семп тут же переключился на иной уровень восприятия — в условиях глухой темноты — и приготовился к бою.

В форме «рыбы» Семп мог повести борьбу методом электрического суперугря, с той только разницей, что его энергоразряд представлял собой пучок и для поражения противника прямого контакта с ним не требовалось. Он формировал свой залп из серии быстро чередующихся вспышек вне своего тела, стыкуя два потока частиц с противоположным зарядом. По своей мощности удар позволял легко справиться с дюжиной морских монстров.

Но нынешнее его состояние нормальным назвать было нельзя. Он по существу был на грани Перевоплощения. И поэтому любую борьбу с обитателем затерянного в космосе моря следовало вести с позиций логики уровней, а не на энергооснове. Сейчас он не мог позволить себе израсходовать хотя бы малую часть своих энергетических ресурсов.

В тот самый момент, когда Семп принял это решение, из чащобы заходивших ходуном зарослей угрожающе выскользнула акула. С ленцой, по-видимому, нарочитой, она направилась в его

сторону, на ходу перевернулась, обнажив чудовищные зубы в мерзкой пасти, и неожиданно резко рванулась к нему.

На волну тут же последовавшего в её адрес мысленного посыла Семп наложил нужную команду. Она подстегивала тот исключительно примитивный механизм в её организме, благодаря которому в мозгу животного возникали образы.

Хищник, естественно, был абсолютно беззащитен против подобной сверхстимуляции своего органа воображения. Мгновенно его зубы сомкнулись, реагируя на ярчайшую картину якобы появившейся перед ним жертвы, тело взметнулось в яростной кровавой схватке, затем возликовало в танце роскошного пиршества. После этого, захлестнутая ощущением переполненного желудка, акула возмечтала о возвращении в сумеречный подводный лес, столь искусно воспроизведенный в одном из уголков громадины-корабля, мчавшегося где-то вблизи Юпитера.

Сверхстимуляция продолжалась, но теперь возникавшие образы уже никак не связывались с движением хищника. Поэтому акулу стало медленно сносить течением, пока, совершенного того не осознавая, она не тюкнулась тупо в стенку кораллов. В таком положении она и зависла,

хотя все ещё представляла себе, что продолжает неудержимо нестись вперед и вперед.

Монстра атаковали с использованием логики, соотнесенной с его структурой, на уровне, который превосходил его мощнейшее боевое оснащение.

Уровни логики. Люди давно уже ею баловались, в том числе и сами с собой, вскрывая наиболее древние пласты мозга, в которых внушенные образы и звуки были столь же реальны, как и в действительности. В данном случае это был наиболее адекватный обстоятельствам уровень логики, ничего общего не имевший с человеческим. С таким животным, как акула, феномен был примитивен — просто серия машинальных рефлексов. Быстрая стимуляция и молниеносное её купирование. Все время движение, обеспокоенность, неутолимая потребность в большем количестве кислорода, чем его имелось в этом конкретном месте. Это была логика уровней в её Механическом цикле.

Погрузившись в мир грез, хищник стал впадать в забытье. Не дожидаясь, пока процесс станет необратимым, Семп холодно обратился к глазевшим на эту сцену зрителям:

«Хотите, чтобы я её прикончил?»

Существа, скрывавшиеся за прозрачной стенкой, промолчали и жестом показали, где находится выход из блока с акулами.

Тогда Семп вернул монстру контроль над собой. Но он знал, что пройдет не менее двадцати минут, прежде чем тот полностью придет в себя.

Когда через несколько минут Семп выплыл из отсека и присоединился к «В», то сразу же уловил, что их отношение к нему изменилось. Они не скрывали своего пренебрежения. Это было тем более забавным, что, насколько он знал, все они находились в полнейшей от него зависимости.

Кто-то в этой группе, очевидно, знал об истинном состоянии Семпа и приближавшемся Перевоплощении. Следовательно…

Он отметил, что группа вплыла в резервуар таких громадных размеров, что не было видно даже дна. Небольшие косяки ярко— пестрых рыбешек скользили в зеленоватых глубинах. Вода похолодала, была по-прежнему приятной, но уже не тяготила, что характерно для тропических морей. Семп подгреб к одному из «В», способных генерировать энергию. Как и прежде, он врасплох подбросил ему:

«Каков ваш секрет?»

Его звали Гелл, а тщательно оберегаемая от всех

личная тайна состояла в том, что он применял свои энергетические способности для физического устранения соперников, оспаривавших у него благосклонность той или иной особы женского пола. Выболтав столь компрометировавшие его сведения, которые могли стать достоянием его соотечественников, сосед Семпа пришел в неописуемый ужас. В таком состоянии ничего путного он сообщить уже не мог, разве что имя административного главы космолета — Рибер, а также то, что именно тот послал их встретить Семпа. Но и эта информация представляла интерес.

Семпа сейчас гораздо больше занимало другое: тревожное, на уровне интуиции, предчувствие, что он ввязался в решение задачи, намного трудней той, на которую указывали до сих пор поступавшие к нему сигналы. Он пришел к выводу, что нападение акулы было подстроено ему как испытание. Но ради чего?

Глава третья

Неожиданно прямо перед Семпом открылась панорама города.

Вода стала кристально чистой. Не было ни малейшего намека на загрязнение, которое так омрачает земные океаны, особенно в местах поселения людей. Среди видневшихся городских построек были куполообразные сооружения, аналогичные по виду тем, что распространены в подводном царстве на Земле. Там подобная форма была жестко обусловлена гигантским глубинным давлением. Но здесь, на корабле с его искусственной гравитацией, вода удерживалась стенками космолета и имела тот вес, который пожелают задать ей его хозяева. Поэтому была возможность воздвигнуть в городе строения достаточно высокие, изящных и порой чрезмерно вычурных форм. В целом их можно было считать красивыми, и не только в функциональном смысле.

Семпа привели к зданию с высоким куполом и напоминавшими минареты башенками. В конечном счете он оказался в помещении вместе с двумя «В», которые умели стабильно принимать

форму воздуходышащих. То были Менса и некий Григ.

Уровень воды в комнате стал понижаться. Со свистом ворвался воздух, и вскоре там установилась вполне земная по составу атмосфера. Семп быстро преобразовался в форму человека и вышел в коридор современного, оснащенного кондиционерами здания. Он и двое сопровождавших его «В» были совершенно нагими.

Мужчина распорядился, обращаясь к Менсе:

— Отведи его к себе и дай какую-нибудь одежду. Когда позову, доставь его в апартаменты номер один наверху.

Григ был уже на пути к выходу, когда его внезапно остановил Семп:

— Кто дал вам это поручение?

«В» заметно колебался, явно смущенный тем, что имел дело с силки. Выражение его лица вдруг изменилось. Казалось, что он к чему-то прислушивается.

Семп тут же задействовал все сторожевые центры своего богатого набора рецепторов, включая и те, что на какое-то время были приглушены. Разумеется, в образе человека их гамма была намного беднее, чем в обличье силки. Тем не менее полностью они никогда ещё его не подводили.

Григ наконец очнулся:

— Это он приказал… немедленно после того, как вы оденетесь…

— Кто это он?

Григ не скрывал своего удивления:

— Мальчик, конечно. — Сказано это было таким тоном, который подразумевал: кто же еще?

Пока Семп обсыхал и надевал одежды, которые ему предложила Менса, он размышлял о том, что могло лежать в основе её уверенности в собственном помешательстве. Стараясь быть предельно осторожным и деликатным, он обратился к ней:

— Почему все вы, Варианты, столь скверного о себе мнения?

— Потому что существует кое-что получше, чем мы… Это — силки! — Свою тираду она произнесла запальчиво, гневно, в глазах стояли слезы существа, чувствующего собственную ущербность. — Я не могу этого объяснить, — устало продолжила она, — но с самого детства я чувствую себя какой-то надломленной. Вот и сейчас я вся охвачена смутной и лишенной всяких оснований надеждой на то, что вы немедленно наброситесь на меня и овладеете моим телом. Мне так хочется стать вашей рабыней!

Хотя Менса, только что выйдя из воды, была

вся мокрая, а её волосы слиплись, следовало признать, что она не преувеличивала, когда чуть раньше заявляла Семпу, что отлично выглядит в облике земной женщины. Можно было смело утверждать, что со своей молочного цвета кожей и стройной, с изящными формами, фигуркой она действительно выглядела красавицей.

У Семпа в этой ситуации не было альтернативы, поскольку в ближайший час, как он считал, ему, видимо, потребуется её помощь. Поэтому он спокойно возвестил:

— Хорошо, я принимаю тебя как свою рабыню.

Менса реагировала на его слова исключительно бурно. В каком— то судорожном порыве она бросилась к нему, пытаясь на ходу освободиться от одежды, которая, однако, застряла у неё на бедрах.

— Возьми меня! — пламенно воскликнула она. — Возьми меня как женщину!

Семп, женатый на молоденькой Посреднице, мягко освободился из её объятий, твердо заявив:

— Рабы требований не выдвигают. Они ждут, когда их хозяева выразят свое пожелание. Мой первый тебе приказ: немедленно открой свой разум!

Женщина, вся дрожа, отпрянула.

— Не могу, — прошептала она. — Мальчик запрещает это делать.

Семп пошел другим путем:

— Что за причина заставляет тебя считать себя ненормальной?

Она покачала головой.

— Что-то такое, что… связано с мальчиком, — выдохнула Менса. — Но я не знаю, что это…

— Тогда ты его рабыня, а не моя.

В её глазах застыла мольба.

— Освободи меня! Сама я не в силах сделать это.

— Где расположены апартаменты номер один?

Она объяснила, добавив:

— Можете пройти туда по лестнице или подняться на лифте.

Семп выбрал первое. Ему требовалось немного, пусть всего несколько минут, для того чтобы оценить сложившееся положение. И он решил сделать следующее. Увидеться с мальчиком! Определить его судьбу. Переговорить с административным распорядителем космолета Рибером. Наказать его! Распорядиться, чтобы корабль сейчас же направился к ближайшей контрольной станции!

С такими намерениями он и поднялся на

верхний этаж и нажал на кнопку при входе в указанное ему помещение. Дверь бесшумно открылась. Семп вошел и тут же очутился лицом к лицу с мальчиком.

Ростом метра в полтора, тот выглядел прелестным земным ребенком. Семп должен был признать, что в своей жизни не часто видел детей столь очаровательной наружности. Он сидел перед экраном телевизора, вмонтированного в стену помещения. Когда Семп вошел, мальчик лениво повернулся в его сторону и произнес:

— Мне было так интересно узнать, как вы поступите с этой акулой в вашем нынешнем состоянии.

ИТАК, ОН ЗНАЛ!

Семп, поняв это, откровенно изумился. Молниеносно мелькнула мысль: лучше умереть, чем идти на какую-то сделку и раскрыться, одновременно удвоить осторожность в достижении прославленной цели.

Мальчик невозмутимо заметил:

— Вполне возможно, что теперь-то вы уж ни на что не способны.

Семп уже полностью овладел собой и не испытывал ничего, кроме острого любопытства. Как же так: он настроил свой организм таким обра-

зом, что информация о его внутреннем состоянии совершенно не просачивалась наружу. Между тем этот мальчик спокойно её считывал, причем в деталях. Как это ему удавалось?

Мальчик чуть улыбнулся, судя по всему этим его мыслям, потому что отрицательно покачал головой.

Семп произнес:

— Если вы не отважитесь пояснить, как вам это удается, я сделаю вывод, что речь идет не о каком-то новом методе. Тогда придется выяснить, кто вы такой на самом деле, а сделав это, я смогу с вами справиться.

Мальчик расхохотался, презрительно махнув рукой, и поспешил сменить тему разговора.

— Так вы считаете, что меня следует уничтожить?

Семп вгляделся в эти сверкавшие стального цвета глаза, в которых сквозило озорное лукавство, и почувствовал, что с ним сейчас играет некто, считавший себя неуязвимым. Значит, вопрос заключался в том, чтобы выяснить, соответствовала ли эта его уверенность реальному положению дел, или же мальчик просто заблуждался на свой счет.

— Соответствует, соответствует, — заверил

его тот.

Но если это так, то обладает ли он изначально присущими ему свойствами, способными ограничить мощный потенциал силки?

— А вот на это я вам не отвечу, — сухо бросил мальчик.

— Ну и прекрасно, — ответил Семп, разворачиваясь и направляясь к выходу. — Если будете упорствовать в вашем решении, то буду считать вас вне закона. Никто не имеет права проживать в пределах Солнечной системы и оставаться вне контроля. Тем не менее даю небольшую отсрочку для того, чтобы вы могли отказаться от ваших нынешних намерений. Лично я советую вам вернуться на стезю законопослушного гражданина.

Семп вышел. Самым важным сейчас для него было то, что ничто me помешало ему сделать это.

Глава четвертая

В коридоре Семпа поджидал Григ. Теперь он почему-то изо всех сил старался угодить ему. Семп попросил отвести его к Риберу и поинтересовался, воздуходыщащий ли тот. Оказалось, что нет. Посему Семпу и Григу пришлось снова трансформироваться в подводные существа.

Они приплыли в громадных размеров расщелину, на внутренних краях которой местами красовались чашечки глубинных растений. Именно здесь, в лабиринте из металла и пластика, заполненном водой, и обитал Рибер. Глава администрации корабля был крепким и крупным Вариантом, с несколько выпученными глазами, что являлось характерным признаком для стадии «рыбы». В ожидании посетителей он плавал рядом с приемником сигналов. Взглянув на Семпа, он включил стоявший рядом аппарат и несколько вызывающе пояснил на использовавшемся при переговорах под водой языке:

— Считаю, что наш разговор следует записать. Не думаю, что силки можно доверять в том, что он объективно доложит о создавшейся ситуации.

Семп не возражал. Рибер начал докладывать,

причем, как представлялось, во вполне откровенной манере:

— Космолет и все находящиеся на его борту лица находятся под полным контролем этого необычного мальчишки. Его воздействие на нас не носит постоянного характера, и большую часть времени мы проводим так, как это обычно принято среди Вариантов. Но, к примеру, те «В», что выходили вас встречать, были бессильны как-то противостоять его приказу. Если вам удастся сокрушить его, то мы, несомненно, освободимся от его тирании. В противном случае мы останемся рабами, хотим мы того или нет.

Семп ответил:

— И тем не менее должен же быть у него какой-то уязвимый уровень. Давайте разберемся: почему вы выполняете его указания?

— Когда он впервые отдал мне распоряжение, — откликнулся Рибер, — я просто-напросто расхохотался ему в лицо. Но спустя несколько часов вдруг понял, что все равно выполнил его волю, оказавшись на необходимое для этого время в бессознательном состоянии. На следующий день я счел предпочтительным лучше делать это сознательно. И такое положение длится по земным меркам уже целый год.

Семп понял, что основным методом наведения бессознательного состояния служило отключение «В» от нормального восприятия ими мира. Он вспомнил, как один из Вариантов признался, что, находясь на вахте у внешнего люка, заснул. Семп попросил вызвать всех «В», ответственных за входные шлюзовые камеры. Уже испытанным методом он опросил каждого из прибывших:

«Каков твой секрет?»

Выяснилось, что семеро из двадцати впадали в сон при исполнении служебных обязанностей. Таким образом разгадка оказалась до смешного простой: мальчик приближался к внешнему люку, погружал постового в дрему и легко проникал в космолет.

Стало очевидным, что проблема предстала намного более сложной, чем казалась на первых порах. Семп вернулся обратно в квартиру Менсы и переоделся. Та, провожая его до двери, шепнула:

— Только не покидайте корабль, не овладев мною. Мне абсолютно необходимо чувствовать, что я принадлежу вам.

Но Семпу уже было предельно ясно, что происходило с ней. Лично он был здесь ни при чем. Просто Менсу вопреки её воле патологически и

неудержимо влекло к кому-то, кого она не только не fek`k`, но и глубоко презирала. Однако, щадя Менсу, он ласково заверил её, что действительно тянется к ней. После этого Семп направился в апартаменты номер один.

На сей раз, отметил он, при его появлении на лице мальчика вспыхнуло смущение, а излучавшие раньше внутренний огонь глаза потускнели. Семп мягко обратился к нему:

— Вижу, что потрудились вы на славу. И это значит, что дела с осуществлением ваших планов обстоят далеко не так, как вам хотелось бы. И все же глубинная суть ваших трудностей в том, что Посредники не теряют времени, когда имеют дело с опасными аномалиями.

Мальчик внезапно тяжко вздохнул:

— Мне это известно. Должен раскрыться вам: я — Тем, ваш сын. Уловив, что вы приближаетесь к кораблю, я подумал, что должен обязательно встретиться со своим отцом. Я очень боялся, что мои способности, которые считаются необычными, обнаружатся. Поэтому я так отчаянно старался как-то обеспечить свою личную безопасность здесь, в космосе. Теперь я понимаю, что не обойдусь своими силами и что мои отношения с землянами нужно решительно изменить. Говорю

это вполне осознанно и готов пройти соответствующий курс перевоспитания.

Для Семпа подобного заявления было достаточно. Ясно, что он не позволит ликвидировать этого мальчика.

Наскоро — Семп имел к тому основания из-за сроков Перевоплощения — они обсудили положение. Договорились, что по возвращении на Землю Семп доложит обо всем Посредникам, от которых силки не имеют права никогда и ничего утаивать. Сложность была в том, что сразу после этого он, Семп, утратит возможность эффективного контроля за развитием событий. Пройдя Перевоплощение, он вступит в брачный период и на многие месяцы лишится своего энергетического потенциала. А именно тогда мальчик окажется целиком и полностью во власти закона, над которым довлеют предрассудки.

Тем пренебрежительно бросил:

— Обо мне не беспокойтесь. С Вариантами я готов помериться силами. Для вас же сейчас лучший выход — незамедлительно лететь на Землю, но, — не удержался он, — как вы сами убедитесь, я окажусь там раньше вас.

Семп не стал выяснять, каким образом тот сумеет совершить подобное чудо. Ему нельзя было

терять ни минуты. Раздеваясь потом в квартире Менсы, он с большой гордостью заявил ей:

— Мальчик — мой сын.

Она испуганно распахнула глаза:

— Ваш сын! Но…

— Что такое?

— Ничего, — как-то машинально ответила она. — Я просто удивилась, и все.

Семп подошел к ней и отечески поцеловал её в темя.

— Я вижу, что вы втянуты в какую-то любовную связь.

Она отрицательно мотнула головой.

— Сейчас нет. С тех пор… — Она умолкла, явно чем-то ошеломленная.

Но у Семпа не было времени разбираться в любовных перипетиях этой женщины.

Как только он покинул помещение, там тут же появился мальчик. Он резко бросил Менсе отнюдь не детским тоном:

— Еще немного, и ты бы меня выдала!

— Но я всего-навсего Вариант, — жалобно простонала Менса.

На её глазах мальчик начал стремительно преобразовываться и вскоре предстал вполне взрослым и крепким мужчиной. Он немедлен-

но onqk`k в сторону Менсы энергоимпульс. Тот оказал на неё такое мощное воздействие, что Менса, несмотря на выступившее у неё на лице выражение глубокого отвращения, в томлении страсти так и потянулась к нему. Когда между ними оставалось всего несколько сантиметров, мужчина купировал исходивший от него призыв. Женщина тут же резко от него отшатнулась. Он ухмыльнулся. Но и сам отодвинулся от нее, а спустя несколько мгновений вошел в контакт с кем-то на одной из планет далекой звездной системы.

Между ними завязался проходивший в полном молчании разговор.

«Я наконец-то решился ввязаться в схватку с силки, одним из могущественнейших жителей этой системы. В своих действиях он руководствуется идеей, которую называет „логикой уровней“. Я обнаружил, что её можно применить и к нему в цикле Интереса, в данном случае к своему сыну, которого он никогда в жизни не видел. Я очень осторожно модифицировал в нужном мне направлении его умонастроение. Полагаю, что после этого я вполне могу в полной для себя безопасности опускаться на их главную планету под названием Земля».

«Но чтобы внести эти коррективы, вам наверняка пришлось создать между вами канал взаимодействия?»

«Естественно, но я все же рискнул пойти на это».

«А какие каналы использовались еще, Ди-изаринн?»

Мужчина бросил взгляд на Менсу.

«Несколько. Но за одним возможным исключением, все эти существа способны воспротивиться любой попытке силки заглянуть в их мозг и попытаться их обнаружить. Мне попалась весьма строптивая группа так называемых Вариантов. Они никому и ни в чем не доверяют в своей солнечной системе. Допускаю, что они вообще относятся ко всем сугубо враждебно. А исключение, о котором я говорю, это женщина „B“, которая, однако, полностью находится под моим контролем».

«Почему ты не ликвидируешь ее?»

«Дело в том, что все члены этой группы состоят между собой в какой-то сложной телепатической связи, в которой мне пока не удалось разобраться. Если она погибнет, то все её сородичи в тот же миг узнают об этом. Поэтому я не могу поступить с ней так, как это принято у нас».

«А что с силки?»

«Он отправился на Землю, полностью сбитый мною с толку. Для него характерен ещё один существенный момент: он накануне периодической глубокой трансформации, во время которой теряет весь свой боевой потенциал, как наступательный, так и оборонительный. Я намерен не мешать этим физиологическим изменениям, дать им возможность нормально развиться, чтобы затем без труда спокойно покончить с ним».

Глава пятая

Еще на подлете к Земле Семп послал через Пятерку-Р донесение Властям силки на имя своего Посредника Чарли Бэкстера. Прибыв на спутник и приняв человеческую форму, он ознакомился с ответом Чарли на свой рапорт: «Мальчик обнаружен. Власти запрещают вам спускаться на Землю, пока все не прояснится».

«Другими словами, ждите, пока мы его не уничтожим», — гневно отреагировал Семп. Итак, возникло препятствие, которого он никак не ожидал.

Командир спутника, обычный, ничем не выделявшийся землянин, проинформировал его:

— Господин Семп, я получил указание не разрешать вам спуск на Землю до получения дополнительных распоряжений. Весьма необычный ophj`g.

Действительно, никогда и никто до сих пор не ограничивал силки в их передвижениях. Но Семп уже принял решение. Самым естественным тоном он заявил:

— Ну что же, в таком случае я вернусь обратно в космос.

— А разве вам не предстоит в самое ближайшее время Перевоплощение? — с подозрением спросил собеседник. — Впрочем, поступайте как знаете. Но не забывайте, что в космосе нет такси, чтобы выручить вас в случае наступления…

— Перевоплощение — не мгновенный процесс, и мы можем оттянуть его на несколько часов, — отозвался он. Семп не стал добавлять, что Перевоплощение уже подступило вплотную и что он вынужден мобилизовывать все свои силы, чтобы как-то его сдержать.

Прежде чем покинуть спутник, он направил телеграмму жене:

«Дорогая Джоанн! Задерживаюсь из-за одного недоразумения. О времени встречи предупрежу. Но увидимся скоро. Позвони Чарли, и он тебе все расскажет. Любящий тебя Нэт».

Это послание носило зашифрованный, понятный только им двоим, характер. Оно наверняка взволнует её. Но Семп не сомневался в том, что Джоанн будет ждать его в заранее оговоренном месте. Она придет обязательно и, как надеялся Семп, не сообщит своим коллегам Посредникам о его намерениях, хотя и сама входит в их число.

Очутившись в космосе, Семп направился к точке, расположенной вертикально над Южным

полюсом. Там он вошел в земную атмосферу. При этом он генерировал перед собой магнитное поле, заставив волны светиться. В тот же миг он почувствовал, как по созданной им энергосфере скользнул луч радара, посланный с поверхности Земли. Ясно, что движение его тела и тянувшийся за ним световой хвост будут зафиксированы, но на экране радара они будут выглядеть в точности как падение метеорита.

На высоте в шестнадцать километров он уменьшил скорость падения и приводнился к северу от Антарктиды, примерно в тысяче шестистах километрах от южной оконечности Южной Америки. Затем он помчался на север со скоростью снаряда на высоте ста пятидесяти метров, иногда опускаясь, чтобы немного охладить нагревавшийся от трения о воздух хитиновый покров. Сорок минут спустя он уже был вблизи места своего проживания, на южной оконечности Флориды.

Недалеко от пляжа Семп опустился в море, превратился в «рыбу» и поплыл. В шестидесяти метрах от берега он принял облик человека. Завидев машину Джоанн на автостраде рядом с дюной, он выскочил на берег вместе с накатившейся волной как раз в том месте, где она поджидала его, сидя на подстилке.

Увидев Семпа, Джоанн встала. Это была элегантно выглядевшая, очень привлекательная блондинка с голубыми глазами. Ее лицо с классическими чертами было необычайно бледным. Семп подхватил протянутое ею полотенце и быстро надел привезенную одежду. Потом, вернувшись к машине, они расцеловались. Но она держалась как-то отчужденно, а её тело было заметно напряжено.

Наконец она заговорила, причем вслух, не прибегая к телепатической связи.

— Надеюсь, ты понимаешь, что если будешь продолжать упорствовать в задуманном, то окажешься первым в течение более чем двухсот лет силки, которого либо сурово накажут, либо вообще лишат жизни?

И тогда Семп понял, что она все же сообщила о его незаконном возвращении на Землю Властям силки и что тем или иным образом, но при разговоре присутствуют их представители. Он не рассердился за это на Джоанн. Быстро оценив ситуацию, он даже пришел к выводу, что Посредники были обязаны как-то помочь ему в этот критический момент. Возможно, они уже проводят ускоренную проверку Тема, чтобы me затягивать с решением вопроса о его судьбе.

— Что ты намерен предпринять, Нэт? — В тоне жены скорее звучала обеспокоенность, чем гнев. Впервые её лицо несколько порозовело.

Семп холодно ответил:

— Если они уничтожат этого мальчугана, то в любом случае я буду добиваться объяснения причин такого решения.

Она тихо произнесла:

— Никогда не думала, что силки способен так переживать за своего сына, которого он никогда даже и в глаза не видел. В конце концов, я ведь тоже была вынуждена отказаться от него. Пришлось ради этого пройти целый курс разблокирования устойчивых рефлексов.

— Дело не в личных сантиментах, — раздраженно прервал её Семп.

— Тогда тем более ты должен понимать сложившуюся обстановку. Ясно, что мальчик владеет методом скрывать свои мысли и одновременно легко проникает во внутренний мир других. Ты же сам об этом сообщал. Даже ты не смог преодолеть воздвигнутый им барьер и не выяснил, что у него на уме. Столкнувшись с таким феноменом, Посредники оказываются не в состоянии осуществлять свою историческую охранительную миссию. А это уже политическая проблема.

— Когда я составлял свой доклад, — возразил Семп, — то предложил в нем пятилетнюю программу изучения и реадаптации мальчика. Так и следует поступить.

Но Джоанн, казалось, не слышала его. Она стала как бы размышлять вслух:

— Силки — это выведенная людьми мутация на основе крупнейших открытий в биологии, сделанных во второй половине двадцатого века. Когда была выделена химическая субстанция Жизни, стало возможным достичь громадного прогресса в создании форм, отличных от тех, что породила Природа.

Все это было Семпу давно известно, но он не перебивал жену.

— Но идти по этому пути надлежало с большой осторожностью. Поэтому было решено, что силки не будут обладать неограниченной способностью к воспроизводству. Поступили следующим образом: их гены наделили громадным количеством каналов восприятия внешнего мира. Тем самым силки стали обладать удивительными свойствами. Но одновременно в те же гены встроили определенные ограничения. В результате этого созданное людьми существо могло по желанию принимать три формы — человека, рыбы

и силки. Но раз в девять с половиной лет силки обязательно должен проходить Перевоплощение — становиться на определенный срок человеком в целях воспроизводства. Это не что-то надуманное, а нечто, родившееся вместе с самими силки, и изменить это они не в состоянии.

Семп подумал, что возразить тут нечего, но Джоанн и не ждала никаких возражений.

— Много времени тому назад нашлись силки, попытавшиеся нарушить этот цикл, но их тут же уничтожили за подобный проступок. На время своего обязательного Перевоплощения силки теряет все свои особые качества и становится во всем подобен человеку. Именно таким образом мы, люди, контролируем свои создания. В течение этого периода мы имеем полную возможность наказать вас за все те незаконные действия, которые вы могли совершить в обличье силки. Наше второе оружие — это отсутствие женщин-силки. Если в результате брачного союза силки с женщиной из числа Посредников рождается девочка, то она не обладает особыми способностями силки. Это тоже предусмотрено на уровне генов…

Она перевела дыхание, затем продолжила:

— Посредники — это выявленная при появлении первых силки nwem| небольшая часть

людей, которые оказались наделенными способностью читать мысли силки. Это обстоятельство было использовано для установления административного контроля над тогда ещё немногочисленной группой силки и для создания гарантий выживания в целом для рода человеческого перед лицом существ, которые иначе бы в силу своих исключительных качеств быстро и полностью подчинили бы его себе.

Заканчивала свой монолог Джоанн в некотором замешательстве.

— Ты всегда был согласен с необходимостью таких защитных мер, направленных на то, чтобы человечество не угасло. Так неужели теперь ты изменил свое мнение? Почему бы тебе не пойти к Властям силки и не переговорить с Чарли Бэкстером? Достаточно одного такого откровенного разговора, и ты сможешь сделать куда больше, чем в случае открытого неповиновения. Мальчик здесь. Поэтому тебе все равно придется пойти к Властям. Умоляю тебя, Нэт!

Семп не думал, что высказанные ею мысли были прямым приглашением сейчас же пройти в административное здание Властей, но он и не удивился, когда скоростной вертолет сел непосредственно на террасу этого учреждения, а

навстречу ему тут же вышел Чарли Бэкстер, высокий, худой мужчина, как всегда приветливый, но на сей раз очень бледный.

Когда они вошли в лифт, Семп сразу же почувствовал, как вокруг него возвели силовое поле, которое отрезало его от всех излучений внешнего мира. В этом не было ничего странного, если не считать необычайной мощности этого поля. По самой первой прикидке его хватало на защиту всего города или даже значительной части планеты.

Семп бросил вопрошающий взгляд на Бэкстера и натолкнулся на пару колючих глаз. Посредник спокойно предложил ему:

— Можете прочесть мои мысли.

Он не замедлил сделать это и с удивлением обнаружил, что его радиограмма о мальчике привела к спешному изучению всех связанных с его сыном документов. В результате специалисты единодушно пришли к мнению, что Тем был абсолютно нормальным подрастающим силки. Значит, произошло что-то необычное и пока неясное с самим Семпом.

— Вашему сыну никогда ничто не угрожало, — пояснил Бэкстер. — Мы предлагаем вам самому взглянуть и указать, кто из предъявленных вам

на опознание мальчиков является вашим сыном.

Они вышли из лифта и направились в большой зал. На телеэкране в одной из стен виднелась обыкновенная уличная сцена. К скрытой камере приближалась, ничего не подозревая, группа подростков.

Семп быстро обежал взглядом их лица.

— Никого из них я никогда в жизни не видел.

— Ваш сын — справа от нас, — просто сказал Бэкстер.

В этот момент энергосвязи в мозгу Семпа возобладали над навязанными ему сцепками на уровне нейронов. В мгновенном озарении он понял все. При этом произошел и молниеносный анализ того, каким образом его естественный долг по защите потомства силки был умело деформирован псевдосыном. Он сразу же распознал проделавший эту операцию энергетический уровень. Семп осознал также, что этот сигнал был следствием разового прямого контакта, который мальчик на корабле установил с ним. Во всех других ситуациях двойник Тема выступал лишь приемником сигналов.

Семп заметил, как внимательно наблюдает за ним своими заблестевшими глазами Бэкстер.

— Думаете, можно что-нибудь предпринять?

Но отвечать на этот вопрос было ещё преждевременно. Вместе с тем он почувствовал, насколько благодарен Посредникам за проявленную ими заботу о его безопасности. Стало ясно, что если бы он догадался о подлинном положении дел до того, как пересек g`yhrm{i барьер, теперь надежно прикрывавший его, то фальшивый Тем, вероятнее всего, попытался бы тут же отделаться от него.

Снова заговорил Бэкстер:

— Садитесь. Посмотрим, что скажет компьютер насчет введенного в вас сигнала.

Машина выдала три структурированных предположения, которые могли бы объяснить комплекс событий, связанных с лже-Темом. Семп и Бэкстер воззрились на эти выводы с изумлением, поскольку их собственные догадки не шли дальше какого-нибудь неожиданного вектора развития нестабильных Вариантов.

Все три гипотезы машины сходились на том, что земляне столкнулись с пришельцем из далеких миров. Экспресс-анализ, тут же проведенный Семпом и Бэкстером, показал, что в двух случаях чужак, располагая очень мощным боевым потенциалом, — а в этом никаких сомнений не

было, — не стал бы столь тщательно заботиться о сохранении своих действий в тайне. В третьем же речь шла о возможности совершенно невероятной формы сексуальных отношений, при которой их кульминационным моментом являлось ритуальное убийство одним партнером другого, наподобие того, как это происходит у некоторых видов пауков.

Бэкстер заговорил тоном человека, который отказывается верить собственным глазам:

— Неужели верно заключение компьютера о том, что они нуждаются в большом количестве разнообразных сексуальных партнеров? — И он закончил чуть слышно: — Надо немедленно предупредить всех силки. Мы мобилизуем для отпора все наши силы. Семп, можете ли вы что-либо предпринять прямо сейчас?

Семп, который уже ввел в свою сенсорную систему характеристики всех трех подсказанных электронным мозгом возможных проявлений неземного разума, откровенно занервничал. Чувствовалось, что он напряжен и напуган.

— Я задал себе вопрос, куда бы сейчас направилось это чудовище, и пришел к однозначному ответу: ко мне домой! Думаете, Джоанн уже добралась к себе? Не собиралась ли она сначала

заглянуть куда-нибудь?

Бэкстер медленно покачал головой.

В ту же секунду Семп выскочил через дверь на большую веранду, с ходу преобразовался в силки и, частично нейтрализовав гравитацию и силовые линии защитного поля, с невиданной для него ранее поспешностью ринулся в образовавшийся проход к своей резиденции во Флориде.

Глава шестая

Он ворвался к себе в громадный, расположенный на берегу моря особняк уже в человеческом облике, наиболее удобном на последних метрах пути и в передвижениях по коридорам дома. Подстроившись перед этим под сенсорную структуру пришельца, он проник в помещение практически незамеченным.

Нэт застал Джоанн полуобнаженной в главной спальне. Как никогда привлекательная, жена встретила его теплой, сердечной улыбкой. Она призывно раскинулась в розового цвета постели. Все её тело, казалось, излучало неодолимый зов, и естество Семпа неудержимо устремилось к ней. Долгое время ничего больше в этом мире для него не существовало — только он и она. В безумном любовном таинстве.

Внезапно у Семпа перехватило дыхание: в чем дело? Почему так, в мгновение ока, он полностью потерял контроль над собой и безоглядно отдался всепожирающей страсти? Что стало с настоящей Джоанн? При этой мысли мигом улетучились наведенные чары. M`nanpnr: неистовым вулканом взорвалась вся его ненависть, злость и ярость

беспощадной борьбы с коварным врагом.

В ту же секунду он выбросил в его сторону мощный энергозаряд. Бесполезно! Его нейтрализовал не менее эффективный защитный барьер, тут же возведенный существом. Тогда Семп в бешенстве набросился на него. Они сцепились в мертвой хватке.

Так продолжалось какое-то время — отчаянная рукопашная между совершенно обнаженным Семпом и полуголой женщиной. В конечном счете стальные мускулы противника, раз в десять крепче, чем у него, отшвырнули силки.

Семпу все же удалось приземлиться на ноги. На смену слепой вспышке гнева снова пришла холодная рассудочность. Вернулось понимание всей масштабности возникшей проблемы с точки зрения угрозы со стороны этой твари для Земли в целом.

Тем временем двойник Джоанн спешно менял форму. Вместо женщины перед Семпом возникла сугубо мужская фигура, правда, с остатками дамского туалета на крепком теле. Зло блестели глаза возбужденного до предела самца.

Нэта охватила безысходная тревога за судьбу жены, но ему в этот момент даже в голову не пришло наводить о ней у монстра справки. Он

отрывисто бросил:

— Вон отсюда! В контакт вступлю в космосе и только тогда, когда нас будет разделять миллион километров.

Человекоподобное лицо пришельца передернула презрительная улыбка-гримаса:

— Сейчас уйду. Чувствую, что вынашивается план выйти через меня на планету, с которой я родом. Ничего не получится!

— Посмотрим, на что способны две тысячи силки в нашем противостоянии, — отрезал в том же тоне Нэт.

Кожа существа глянцево поблескивала здоровьем, от него исходило ощущение самоуверенности и сжатого в пружину могущества.

— На всякий случай пусть силки зарубят себе на носу, что нам, кибмадинам, полностью подвластны те силы, которыми они овладели лишь частично.

— Любая жесткая система всегда носит в себе гибкий элемент, — парировал Семп.

Чужак отреагировал очень резко, в манере, не оставлявшей сомнений в решительности его настроя:

— Не вздумайте напасть на меня — слишком дорого заплатите за это!

С этими словами кибмадин начал растворяться в воздухе. Что-то непроизвольно екнуло внутри у Семпа, слабо протестуя против того, чтобы вот так запросто отпускать восвояси космическое создание, не сделав всего возможного для преодоления разделявшей их пропасти. Ведь что там ни говори, но это был первый контакт человечества с внеземным разумом! Несчетное число раз, подумал Семп, люди пытались представить себе, как он произойдет, строили столько надежд… Но это секундное колебание тут же развеялось, как только силки вернулся к безмерно враждебной реальности, воздвигнувшей эту бездонную пропасть между ними.

Пока эти мысли проносились в голове Семпа, пришельца и след простыл.

Семп срочно вызвал Бэкстера и попросил его:

— Надо послать сюда кого-то из других силки, чтобы тот подменил меня. Чувствую, что вот-вот начнется Перевоплощение.

Все было проделано в считанные минуты, и он тут же сконтактировал с неким Джеддом, с которым обо всем договорился. В свою очередь Бэкстер предупредил его:

— Я сам направляюсь к вам. Правительство наделило меня чрезвычайными полномочиями.

Только после принятия всех этих мер предосторожности Семп позволил себе заняться Джоанн. Он обнаружил её в другой спальне на кровати, полностью одетой и погруженной в сон. Дыхание было ровным и глубоким. Семп не медля прозондировал её мозг. Ответный рефлекс успокоил его: да, она действительно спала, хотя в клетках ещё улавливалось присутствие посторонней, внеземного происхождения, энергии. Семпу удалось считать заложенную в эту чуждую силу информацию, которая объяснила, почему его жена осталась в живых. Оказалось, что кибмадин ограничился тем, что воспользовался её телом как моделью для создания дубликата, призванного завлечь его, Семпа, в ловушку. На этот раз он решил играть только по-крупному и не желал довольствоваться чем-либо меньшим, чем силки.

Семп не стал будить жену. Вскоре появился и Бэкстер. Они обменялись впечатлениями в телепатическом режиме. Посредник неожиданно спросил:

«Нэт, я чувствую, что вас что-то гложет, не так ли?»

Семп кивнул.

«Чего вы опасаетесь?» — тихо осведомился Бэкстер.

«СМЕРТИ!»

И Семп снова, уже вторично после того, как они встретились с пришельцем, поклялся себе, что не остановится ни перед чем, рискнет, если понадобится, собственной жизнью, но обезвредит противника. Приняв столь бесповоротное решение, он без промедления приступил к делу. Начал с того, что свил в тугой жгут все свои рецепторы, тщательно очистив их от постороннего земного фона. Он отключил все ненужные ему в этот момент сигналы-раздражители — от телевидения, радио, радаров, всех излучавших энергию машин. Он целиком ушел в прощупывание космоса, стремясь во что бы то ни стало выявить кибмадина. На него обрушился оглушительный поток информации из бескрайней Вселенной.

Силки уже давно знали о многоголосье Космоса, о сонме бесчисленных пульсаций во всех его уголках. Час за часом, год за годом они жили в этом непрерывном «шуме», и существенная часть их базовой подготовки сводилась к оттачиванию умения выделять из этого изобилия сведений нужные им элементы, овладевать механизмом запуска или выключения того или иного органа восприятия.

И сейчас Семп проводил в своем сложнейшем

сенсорном аппарате «расконсервацию» отдельных участков, пробуждал те из них, которые по тем или иным причинам были на время приглушены.

Его мозг достиг максимума в своей функции осознания мира. В этом своем состоянии Семп начал воспринимать звучание звезд — дальних, ближних, их групп и могучих галактик. Каждое небесное светило имело свой неповторимый и сложнейший «голос». Не только не было дублирования, но даже близкого совпадения.

Весь воспринимаемый им Универсум состоял из неоспоримых индивидуальностей. И Семп мог определять расстояние до каждой звезды, выявлять уникальный характер каждого поступавшего сигнала. И насколько радушным представал перед ним этот мир. В нем не было хаоса. Он отчетливо представлял себе собственное место в этой гармонии Пространства-Времени, и это укрепляло в нем веру в фундаментальное совершенство всего сущего.

Глава седьмая

Сознание Семпа постепенно сужало сферу рекогносцировки с дальних рубежей все ближе к Земле и остановилось в конце концов на рубеже примерно в миллион километров от нее. Силки провел тщательное просеивание информации, находящейся в этой сфере.

Не открывая глаз, он сообщил Бэкстеру:

— Не могу его уловить. Видимо, он обогнул Землю и отгородился е8 массой от наших поисковых усилий. Нельзя ли задействовать отражательные установки?

Бэкстер переговорил по специальному каналу связи, и Семпу были приданы соответствующие спутники. С их помощью чужака обнаружили достаточно быстро.

Семп обратился к пришельцу:

«Мне нужны разъяснения случившегося».

Кибмадин живо откликнулся:

«Тогда лучше всего рассказать о моем народе».

И Семп услышал невероятную историю о вечных жрецах любви, о более чем миллионе существ, которые проводили жизнь в непрерывном кочевье с одной планетной системы на другую.

Попадая в новые условия, они уподоблялись по форме населявшим эти небесные тела жителям и, повинуясь могучему зову смысла собственного существования, вступали с ними в сексуальные отношения. При этом для объекта их страсти эта связь оборачивалась страданиями с обязательным последующим уничтожением. Лишь дважды за все время существования этих удивительных любовных похождений они наталкивались на существ, обладавших достаточной мощью, чтобы отвергнуть их притязания. В обоих случаях кибмадины в отместку полностью уничтожили их звездные системы.

«Все. Дополнительной информации не будет», — лаконично закончил свое повествование Ди-изаринн.

Семп прервал контакт. Потрясенный Бэкстер спросил:

— Неужели все это правда?

Семп убежденно заявил, что верит в то, о чем поведал чужак, и добавил:

— Учитывая смертельную опасность этого существа для всей Солнечной системы, необходимо быстрейшим образом выявить, откуда он прибыл, и ликвидировать монстра.

— Но как? — задумчиво протянул Посредник.

Это был хороший вопрос. Семпу уже довелось схватиться с этим созданием, и он натолкнулся на несокрушимую крепость. Как показывали все имеющиеся на его счет сведения, захватчик обладал способностью с одинаковой легкостью и быстротой принимать бесчисленное множество форм. И тем не менее не было оснований считать, что к его действиям неприменима логика уровней.

Его размышления прервала реплика стоявшего сзади Бэкстера:

— Вы уверены в этом?

Семп ответил громко и убежденно:

— Все всякого сомнения. Но для задействования логики уровней необходимо создать ситуацию максимально близкого контакта силовых полей. Если будет дано выбирать, то сантиметровые расстояния для этих целей предпочтительней дециметровых, а те в свою очередь — метровых. В любом случае операцию следует проводить мне, и, значит, я должен немедленно отправиться туда.

— Куда это — «туда»? — не понял Бэкстер. Он все ещё не мог прийти в себя от полученного шока.

— На его космический корабль.

— Вы думаете, он у него есть?

— Это очевидно. Все остальное было бы менее удобным в практическом плане.

Семп рассуждал просто. Когда кто-то в просторах космоса приближался к звезде, он мог использовать её притяжение для наращивания своей скорости. Но в данный момент кибмадин, судя по всему, как бы «поднимался» по планетам, двигаясь от Солнца. Видимо, он маневрировал гравитацией, нейтрализуя за собой солнечную и используя перед собой планетарную, в первую очередь Юпитера.

Разумеется, ни одному разумному существу даже и в голову не ophder, что такой метод можно применить при межзвездных перелетах. Значит, у пришельца обязательно должен был быть звездолет. Непременно. И Семп знал, где тот находится.

Он обратился к Бэкстеру:

— Прикажите выделить в мое распоряжение космический корабль с переносным бассейном, заполненным водой.

— Вы думаете, что Перевоплощение состоится до того, как вы успеете туда добраться?

— Оно может начаться в любой момент.

Бэкстер сегодня не переставал удивляться:

— И вы собираетесь вступить в поединок с

самым могущественным из известных нам существ, почти не располагая энергией?

— Придется, — ответил Семп. — Это — единственный способ заставить его приблизиться на сантиметровое расстояние от того источника силового поля, который я намерен расположить в бассейне. Ради всего нашего мира, Бэкстер! Начинайте с того, о чем я вас прошу!

Посредник нехотя направился к аппарату связи.

Глава восьмая

Как Семп и ожидал, Перевоплощение случилось во время его доставки на корабль противника. Он вступил в первую обязательную фазу — состояние рыбы. Пришлось размещать силки в логове кибмадина в специально подготовленном бассейне.

Теперь на срок немногим более чем двух месяцев Нэт перешел в класс силки «Би».

Когда Ди-изаринн наконец прибыл к своему скромных размеров звездолету, находившемуся на сильно вытянутой орбите за Плутоном, он по состоянию входа шлюза сразу же обнаружил, что в его отсутствие кто-то побывал в его убежище. Более того, он мгновенно уловил и присутствие незваного гостя — Семпа.

За многие тысячелетия своей жизни рефлексы Ди-изаринна несколько ослабли, бдительность притупилась, а самомнение возросло. Поэтому он не очень обеспокоился сложившейся ситуацией, хотя не мог не признать, что налицо все признаки ловушки.

Первой его реакцией была всесторонняя проверка, нет ли на борту какого-то мощного источника энергии, способного нанести ему

непоправимый ущерб. Выяснилось, что ничего, даже близко похожего на это, не было. Лишь из переносного бассейна, который он, к своему удивлению, обнаружил на космолете, исходит тонкий энергетический ручеек. Однако его целевого назначения он при всем старании так и не понял.

Кибмадин неожиданно подумал: неужели земляне столь примитивным способом стремятся запугать его, надеясь воспрепятствовать возвращению на свой корабль? Это разъярило его.

Он решительно запустил входные механизмы. Приняв человеческое обличье, Ди-изаринн сразу же направился к бассейну, установленному в его маленькой каюте, и сверху вниз взглянул на Семпа, который в своей форме рыбы распластался на дне. Он вызывающе обратился к силки:

— Если все эти проделки — ваша уловка, то она бессмысленна, поскольку мне все равно, кроме звездолета, деться некуда.

Семп в нынешнем состоянии был способен только воспринимать человеческую речь, но отвечать не мог.

Ди-изаринн не сдавался:

— Весьма любопытно, что единственный силки, чьи мысли в настоящее время я почему-то не могу прочесть, подвергает себя исключительной

опасности, заявившись ко мне прямо на борт. Понимаю, что выйти на меня вам помог, видимо, компьютер. И все же невольно задаюсь вопросом, а не примчались ли вы сюда, горя тем неистовым желанием, которое я пытался разбудить в вас при нашей последней памятной встрече? А может быть, вы руководствовались стремлением снова слиться в экстазе и вами двигала тоска по тому всепоглощающему состоянию, которое я дал вам возможность тогда познать?

Семп прикинул: «Кажется, клюнуло. Он не понимает своей роли в том, что происходит». Логика уровней начала успешно действовать в новом цикле — Сладострастия.

После высказанных предположений Ди-изаринн успокоился. Он снова почувствовал себя хозяином положения. Ну что же, решил он, в сущности речь идет о том же самом силки, только в новой форме, и на сей раз ему уж не избежать кульминационного финала сексуальной оргии, когда страсть в буквальном смысле этого слова пожирала его через партнера.

И он внезапно почувствовал глубочайший восторг при одной только мысли о блаженстве, которое испытывал в прошлом при поглощении десятков миллионов клеток трепещущего

тела любовника. Кибмадин живо представил себе, как это происходило: вначале у его объекта вожделения срабатывал рефлекс неприятия происходившего, возникал дикий ужас и взрывался инстинкт отторжения; затем в какой— то момент это внезапно превращалось в свою противоположность — в неуемное стремление каждой частицы быть полностью поглощенной в томлении взывающей к собственной гибели плоти.

Постепенно безмятежное настроение Ди-изаринна стало сменяться катастрофически быстро нараставшим возбуждением под воздействием проносившихся в его воображении сцен десятка тысяч пиршеств, в ходе которых он смачно пожирал своих напарников. Эти воспоминания об остроте пережитых тогда моментов распаляли его все сильнее и сильнее.

«ДА, Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛЮБИЛ ИХ ДО КОНЦА, — с тоской подумал он. — Жаль, что они сами не были в состоянии прочувствовать все сладострастие сексуальной вакханалии с такой концовкой».

Сколько раз, продолжал неуклонно разматываться клубок откуда— то зародившихся в нем мыслей, он говорил десяткам тысяч своих жертв: «Когда-нибудь я повстречаю существо, способное

пожрать и меня. И тогда...» При этом всегда заверял, что кто-кто, а уж он-то сумеет насладиться процессом собственного уничтожения.

В сущности это было извращением самой сути жизни, когда стремление к саморазрушению становилось не менее сильным чувством, чем инстинкт самосохранения.

Ди-изаринн продолжал стоять перед бассейном с водой, неотрывно глядя на Семпа, и чувствовал, как его размышления неумолимо перерастают в чудовищный ком поглощавших его эмоций. И тут он вдруг понял, что не заметил, когда переступил ту черту, перед которой в нем оставалось ещё достаточно сил для возвращения вспять. Теперь он уже не принадлежал себе, потерял способность ориентироваться в действительности, стал неотделимой частицей этого извержения желания.

Кибмадин отошел от бассейна. Позабыв о Семпе, он принялся лихорадочно преобразовываться в одно столь запомнившееся ему по прежним жгучим ощущениям существо — длинношеее, с нежной шерсткой и грозными челюстями. Он с нежностью подумал именно об этой форме жизни, которая совсем недавно была его партнером по смертельной любви. Нервная система тех созданий Природы обладала какой-то уникальной

особенностью взвинчивать в нем удовольствие при пожирании их тел.

Ждать далее было невмоготу. Подстегнутый присущей его роду безжалостностью и свирепостью, Ди-изаринн резко повернул свою голову на длинной шее и изогнутыми острейшими зубами разом nrub`rhk громадный кусок своего бедра.

От нестерпимой боли он взвыл. Но в его мозгу, замороченном процессом, развязанным логикой уровней, этот трубный глас отозвался лишь эхом несчетного числа подобных завываний, которые в былые времена исторгали жертвы под безжалостное пощелкивание его собственных челюстей. Поэтому истошный звук лишь дополнительно стимулировал его к тому, чтобы превозмочь все границы переносимости боли.

Он ещё свирепее, ещё беспощаднее вгрызся в собственное тело, начал рвать его на куски и, давясь, глотать в каком-то исступлении.

Кибмадин уже почти наполовину уничтожил сам себя, когда откуда-то из глубины своего далекого прошлого в нем, наконец, возникло нечто вроде детского страха перед смертью. Робко и нерешительно, исходя слепой тоской и отчаянием, он судорожно попытался войти в спасительный контакт со своим сородичем на

далекой планете, где в этот момент проживали существа его вида. Но тут вмешалась посторонняя сила, которая, пронзив его, повелительно и с непререкаемым превосходством перехватила коммуникационный канал. Это был сведенный воедино энергетический импульс двенадцати силки, настолько мощный, насколько в состоянии была его вынести несущая волна.

Суммарная сила энерговыброса достигала ста сорока тысяч ампер и более восьмидесяти тысяч вольт и была настолько несокрушимой, что прорвала все защитные барьеры застигнутого врасплох соратника Ди-изаринна. Тот мгновенно исчез в пламени и дыму.

Столь поспешно установленная связь столь же молниеносно перестала и существовать. И снова для Вселенной Солнце превратилось, как и раньше, в затерянную в беспредельности Космоса безымянную звездочку.

Подоспевшая вскоре подмога уже занималась решением вопросов транспортировки на Землю бассейна, в котором продолжал плескаться Семп. Очутившись в океане, он погрузился в его пучину. Там на специально сооруженной гигантской платформе вела свою неспешную жизнь в облике рыб колония силки класса «Би».

К ним и подселился Семп, пробывший в их городах под куполами… положенное по циклу Перевоплощения время.

Глава девятая

Нэт Семп обогнал мужчину и… остановился как вкопанный.

От прохожего исходили неясные флюиды. Несмотря на то что в этот момент Нэт находился в облике человека, они затронули тот участок его нервной системы, где таилась частица его способностей силки.

Семп напряг память. Напрасно. Он был уверен, что никогда ранее подобного сигнала ни от кого не получал.

Семп обернулся и посмотрел через плечо. Заинтересовавший его человек остановился на ближайшем углу. Как только красный свет светофора сменился на зеленый, тот быстро перешел на другую сторону улицы. Ростом незнакомец напоминал Семпа, то есть был чуть выше метра восьмидесяти, и даже весил, видимо, столько же — под восемьдесят килограммов.

Этот человек, как и Семп, был брюнетом и одет в такой же точно темно-серый костюм. Теперь, когда их разделяло несколько сотен футов, Семп уже засомневался, действительно ли этот прохожий, как поначалу показалось, был ему знаком.

И все же, преодолев нерешительность, Семп быстрым шагом устремился вслед, догнал его и вежливо осведомился:

— Можно вас на минутку?

Мужчина остановился. Вблизи их сходство было настолько разительным, что наводило на мысль о кровном родстве. Все было одинаковым: серо-голубые глаза, правильной формы нос, плотно сжатые губы, форма ушей, могучая шея и даже манера держаться.

— Не знаю, как у вас, — сказал Семп, — но у меня сложилось впечатление, что мы похожи друг на друга, словно близнецы-братья.

Лицо его соперника исказил легкий тик, губы растянулись в чуть заметной саркастической улыбке. Он посмотрел на Семпа свысока и таким же, как у него, баритоном ответил:

— Именно этого я и добивался. Если бы вы с первого раза не обратили внимание на наше сходство, я бы возобновил попытку. Меня зовут А-Брем.

Озадаченный Семп промолчал. В тоне прохожего, в его манере держаться он уловил какую-то враждебность. А может быть, презрение?

Если бы незнакомец оказался обычным человеком, каким-то образом распознавшим в нем

силки, несмотря на его человеческий облик, Семп воспринял бы это как в общем-то банальный инцидент. Случалось, что люди стремились разыскать тех, о ком было доподлинно известно, что они принадлежат к силки, чтобы просто обругать их. Обычно человека, поступившего столь неподобающим образом, силки избегали, либо обезоруживали его своим добродушием, либо отвечали тем же. Бывало и так, что не оставалось ничего другого, как вступить в драку.

Однако разительное сходство с этим прохожим говорило в пользу того, что встреча носила совсем иной характер.

Пока Семп все ещё раздумывал над сложившейся ситуацией, незнакомец впился в него циничным взглядом серо-голубых глаз. Его губы приоткрылись в насмешливой улыбке, сверкнули белые ровные зубы.

— Примерно в это же самое время, — процедил он, — каждый силки, находящийся в пределах Солнечной системы, выслушивает послание от своего «второго я».

Он немного помолчал, затем продолжил все с той же высокомерной улыбкой:

— Я вижу, как вы подобрались и насторожились…

Это соответствовало действительности. Семп на самом деле внезапно решил, что не упустит своего собеседника независимо от того, скажет ли тот что-либо соответствующее правде или слукавит.

Между тем человек продолжал:

— Вижу, что вы собираетесь с мыслями в надежде меня захватить. Ничего не выйдет, так как я ни в чем вам не уступаю.

— Так вы силки? — осведомился Семп.

— Да, я силки.

Если следовать логике истории силки, то для подобных утверждений никаких оснований не должно было быть. В то же время налицо был факт удивительнейшего и неоспоримого сходства с ним.

Эта мысль никак не повлияла на решение Семпа. Если перед ним был настоящий силки, то Семп обладал над любым своим соотечественником одним, только ему свойственным, преимуществом. Дело в том, что когда в прошлом году ему пришлось вступить в стычку и в прямой контакт с представителем внеземной формы жизни, кибмадином, он научился некоторым методам контроля над своим телом, о которых ранее даже и не подозревал. Власти силки приняли в

то время решение о том, чтобы он не делился своими новоприобретенными качествами ни с кем из своих сородичей. Он твердо следовал этой установке.

Сейчас эти дополнительные знания шли ему на пользу, если, конечно, этот человек действительно был силки.

— Ну как, в состоянии выслушать послание? — с вызовом спросил megm`jnlev.

Семп, готовый к самой важной, может быть, в своей жизни схватке, коротко кивнул.

— Это ультиматум.

— Жду, — жестко ограничился Семп.

— Вам надлежит прекратить все формы связи с людьми. Приказано воссоединиться с народом силки. Для принятия решения дается неделя. По истечении этого срока вы будете рассматриваться как предатель, и с вами поступят так, как поступали с ними во все времена, то есть беспощадно.

Поскольку «народа» силки не существовало, причем никогда, Семп после небольшого раздумья над этим неожиданным ультиматумом решительно отклонил его и тут же нанес удар.

Он по-прежнему не верил, что стоявший перед ним «близнец» был настоящим силки. Поэтому Семп послал лишь минимальный электрический

разряд на одной из тех частот, которые он мог задействовать в своем человеческом облике. Соответственно на человека он оказал бы только парализующее действие и не нанес бы ему никаких травм. К великому изумлению Семпа, его энергетический таран был тут же нейтрализован силовым экраном силки, сравнимым по мощности с тем, который он мог бы развить сам. Так, значит, и впрямь он имел дело с одним из силки!

Незнакомец, скрипнув зубами, смерил его грозным взглядом, в котором сверкнула неожиданная злоба.

— Это я вам ещё припомню, — прорычал он. — Вы ранили бы меня, не располагай я соответствующей защитой.

Семп заколебался в оценке его слов. В конце концов, никто не обязывал его задерживать этого незнакомца.

— Послушайте, — настойчиво сказал он. — А не пройти ли нам вместе к Властям Силки? Если народ силки действительно существует, то наилучшим тому доказательством явилось бы установление с ним нормальных контактов.

Второй силки явно начал отступной маневр:

— Я только выполнял свой долг, — пробурчал

он, — и не имею привычки ввязываться в драку. А вы пытались убить меня.

Второй силки, казалось, был в шоковом состоянии. Его глаза снова изменились, как бы на сей раз потускнев. Предыдущая самоуверенность пропала. Он продолжал отступать.

Семп задумчиво, полный неуверенности, наблюдал за ним. Сам он был настолько хорошо тренированным бойцом, что с трудом мог представить себе, что кто-то из силки слабо владеет искусством единоборства.

— Нам совсем не обязательно затевать потасовку, — примирительно заметил он. — Но не можете же вы всерьез рассчитывать на то, что, предъявив ультиматум, сразу же испаритесь, как будто уже выполнили свою задачу. Вы говорите, что вас зовут А-Брем. Откуда вы?

Произнося эти слова, он отметил, что люди стали останавливаться и приглядываться к этой странной уличной сцене, когда один человек надвигался на другого, а тот медленно, шаг за шагом, отступал.

— Сначала ответьте на один простой вопрос: если народ силки на самом деле существует, то где он — и вы в том числе — скрывался все эти последние годы? — настойчиво расспрашивал

Семп.

— Пошли вы к черту! Перестаньте меня мучить. Ультиматум вы получили. Назначен срок — одна неделя. А теперь оставьте меня в покое!

Было ясно, что его «второе я» не задумывался над тем, как будет вести себя после предъявления ультиматума. И эта непродуманность придавала инциденту ещё более пикантный оттенок. Mn А-Брем опять впал в ярость и снова почувствовал себя храбрым.

Он внезапно атаковал Семпа. Однако зигзагообразная молния, порожденная его силовым полем, тут же, потрескивая, отскочила от мгновенно возведенного Семпом за(%-2)щитного экрана. Она срикошетила в один из домов, про(%0)скочила по тротуару и на глазах изумленных людей заземлилась через металлическую решетку сточной канавы.

— В эту игру можно поиграть и вдвоем! — гневно бросил ему А— Брем.

Семп ничего не ответил. Электрический разряд, выпущенный его противником, достигал максимума, возможного для силки в образе человека. Где-то вблизи испуганно закричала женщина. Улица быстро опустела. Люди разбежались в поисках укрытия.

Было самое время положить конец этому безумию, иначе оно могло закончиться смертельным исходом. Семп решил действовать исходя из постулата, что этот силки не был в достаточной степени тренирован и, следовательно, был уязвим в случае применения против него средств, основанных на простой логике уровней и исключающих поражение на смерть.

Не было даже необходимости использовать тайные приемы, которые он перенял у неземного существа в прошлом году.

Приняв решение, он проделал тонкий энергетический маневр. Он изменил специфический комплекс низкоэнергетических силовых линий в своем мозгу и направил их в сторону А-Брема.

Мгновенно сработала эта странная логика, присущая самой структуре и функционированию жизни. Логика уровней! Эта наука появилась в результате применения методов, разработанных земными учеными, к великолепным способностям силки изменять свою форму.

Каждая живая клетка обладает свойственной только ей жесткостью. Каждое сообщество клеток способно на присущее только ему действие. Возбудившись в этом особом нервном комплексе, его «мысль» проходит именно свой цикл, а

когда имеются ещё соответствующие действие или эмоция… то они проявляются абсолютно в соответствии с этой заданной жесткостью.

Но ещё более существенно то обстоятельство, что определенные сообщества клеток могут в своей взаимосвязи образовать новую систему, и группы из этих конгломератов приобретают уже свое специфическое действие.

Такой системой сообществ клеток является участок мозга человека, регулирующий сон.

Примененный Семпом прием не оказал бы никакого воздействия на силки класса «Си». Даже силки класса «Би» были бы способны успешно противостоять навязыванию сна.

Однако силки в образе человека, повстречавшийся Семпу, зашатался. Его веки внезапно отяжелели, а очевидная неконтролируемость им своего тела показала, что он заснул буквально на ходу.

Когда А-Брем начал падать, Семп быстро подхватил его под руки, чтобы не дать ушибиться об асфальт. Одновременно он осуществил свой второй тонкий маневр.

На другой силовой волне он послал ему команду, которая повлияла на систему сообществ клеток в мозгу А-Брема, ведавшую сознанием.

Тем самым он попытался установить над своим «двойником» полный контроль с помощью логики уровней в цикле Сон-Сознание. Навязанный тому сон изолировал мозг от внешних восприятий, а манипулирование механизмом отключения сознания позволило блокировать те накопленные в памяти команды, которые в обычных условиях были бы способны стимулировать бдительность у того, кто действительно не был бы склонен засыпать.

Семп уже поздравил себя с одержанной так удивительно легко onaedni, как неожиданно почувствовал, что тело «двойника» в его руках напряглось. Семп ощутил присутствие третьей силы. Выпустив А— Брема из объятий, он попятился. С величайшим удивлением он увидел, как «двойник» свечой взвился в небо.

Ограниченный в своих возможностях своей человеческой формой, Семп был не в состоянии установить характер той энергии, которая оказалась способной вызвать этот в высшей степени невероятный феномен. Чтобы разобраться в случившемся, ему следовало — и он прекрасно это понимал — преобразоваться в облик силки. Однако существовало правило, запрещавшее делать это на виду у людей.

И все же Семп, мгновенно оценив уникальность ситуации и беспрецедентное стечение обстоятельств, тут же трансформировался в силки и купировал гравитацию.

И с Земли со скоростью ракеты стартовало трехметровое тело, напоминавшее своим силуэтом снаряд. Большая часть его одежды разлетелась в клочья и осталась на тротуаре. Несколько уцелевших кусочков, зацепившихся за тело, были в конечном счете сорваны вихревым потоком, возникшим в результате бурного взлета Семпа.

К сожалению, на переход из одного состояния в другое ушли добрых пять секунд. Еще несколько секунд он потерял на то, чтобы принять решение. В итоге он взлетел тогда, когда А-Брем уже превратился в стремительно удалявшуюся точку.

Семпа особенно поразило то обстоятельство, что даже с присущим ему как силки особым восприятием мира он никак не мог обнаружить на малейшего следа энергии со стороны беглеца — ни вслед за ним, ни вокруг. К тому же, несмотря на все свои усилия, Семп так и не мог сократить разрыв между ними. Поэтому, хотя и не сразу, он понял, что его гонка за А-Бремом бесполезна и что тело последнего вот-вот войдет в разреженные слои атмосферы, непригодные для жизни

человека. Ему надлежало действовать очень быстро. Учитывая это, он снял свой контроль над центрами сна и сознания своего «двойника».

Чуть позже он уловил, что А-Брем трансформировался из человека в силки, что ничуть не удивило, хотя и разочаровало Семпа. Это доказывало, что тот пробудился ото сна и был отныне в состоянии контролировать свои действия.

А-Брем продолжал свой вертикальный полет, но уже в облике взрослого силки. Вскоре стало очевидным, что он рискует пересечь пояса Ван Аллена. Семп не намеревался следовать этому безрассудному шагу.

Поэтому, когда оба силки приблизились к верхней границе атмосферы, Семп наложил свою мысль на энергетический пучок и послал его на спутник, находившийся на стационарной земной орбите. Он сообщил тем самым о происшествии.

Проделав это, Семп развернулся на обратный курс. Он испытывал глубокое смятение от разразившихся событий. К тому же, оказавшись без одежды, он не мог сейчас появиться в обществе в человеческом облике. Поэтому Семп прямиком направился к Властям силки.

Глава десятая

пускаясь сверху к большому комплексу зданий, где располагалась центральная администрация силки, Семп обратил внимание, что туда же слетались и некоторые другие его сородичи. Он сделал отсюда вывод, что это вызвано теми же, что и у него, причинами.

Поэтому, используя природные особенности силки, он обшарил пространство позади себя и обнаружил большое количество стремительно приближавшихся черных точек. Предвидя неминуемую в этой связи сумятицу, он замедлил скорость, завис в воздухе и m`op`bhk телепатический вызов Чарли Бэкстеру, своему Посреднику из числа людей, работавшему внутри здания. Семп изложил ему план по предотвращению подобного столкновения.

Бэкстер был в совершенной растерянности от случившегося, но отреагировал очень быстро.

— Это лучшее из поступивших к нам предложений. Вы правы: это могло бы стать опасным.

Последовала пауза. Видимо, Бэкстер сообщал в эти минуты о его плане другим членам группы Посредников, так как вскоре Семп принял по

телепатической связи общее распоряжание:

«Всем силки! Внимание! Скопление слишком большого числа силки одновременно в одном и том же месте нежелательно. В этой связи разделитесь на десять групп согласно секретной номерной инструкции Группа, план „Джи“. Пусть к зданию приблизится и совершит посадку только один из вас. Всем остальным рассредоточиться до поступления новых указаний».

Получив приказ, все силки вблизи Семпа стали описывать круги. Сам Семп в соответствии с названной инструкцией входил в группу номер три. Поэтому он свернул в сторону, достиг плотных слоев атмосферы и устремился к себе домой, примерно в тысяче шестистах километрах отсюда, на самой южной оконечности Флориды.

Во время полета, он вошел в мысленный контакт со своей женой Джоанн. Когда голый, как червяк, он вошел в свой дом, та уже подготовила ему одежду и знала о происшедшем столько же, сколько и он сам.

Одеваясь, Семп отметил, что Джоанн была типично по-женски обеспокоена и взволнована даже больше, чем он. Она сразу же поверила в существование нации силки. Это, по её мнению, неизбежно означало, что должны быть и

силки женского пола. Со слезами на глазах она заявила:

— Признайся, что так оно и есть на самом деле и что ты сам уже думал об этом, не правда ли?

— Я следую логике, — заметил Семп, — поэтому рассмотрел все возможные варианты. Но как разумное существо я хотел бы получить ответы на кое-какие вопросы прежде, чем отвергать все, что мы знаем об истории силки.

В отношениях между силки и людьми обе стороны признавали в качестве установленного факта, что силки появились на свет в результате биологических опытов. В свое время генетики сделали ряд интересных открытий, касавшихся АДН и АРН, и реализовали их, поместив в пробирку сперматозоид и яйцеклетку.

— Что станет с нашим браком? — разволновалась Джоанн.

— Да ничего не изменится.

— Скоро ты будешь считать меня чем-то вроде таитянки эпохи трехсотлетней давности, которая вышла замуж за белого на одном из островов Южных морей в тот момент, когда как раз стали высаживаться белые женщины.

Экстравагантность такого рода рассуждений поразила Семпа.

— Ну что же тут общего? — воскликнул он. — Обещаю до конца жизни оставаться тебе верным и преданным мужем.

— Никто не может ничего обещать, когда речь идет о личных отношениях, — парировала она. Тем не менее через некоторое время слова мужа возымели свое действие, и она успокоилась. Вытерев слезы, она подошла к нему и позволила себя поцеловать.

Чарли Бэкстер позвонил только через час. Он извинился за задержку, сославшись на совещание, состоявшееся в связи с разработкой задания для Семпа.

— На совещании говорили практически только о вас, — сообщил Бэкстер.

Семп терпеливо ждал разъяснений.

Оказалось, что окончательное решение уже было принято. Как и раньше, Семпу предписывалось воздерживаться от разговоров с остальными силки.

— По причинам, которые вам известны, — добавил Бэкстер многозначительным тоном.

Семп сделал из этого вывод, что тот намекал на секретные знания, приобретенные им в ходе контакта с внеземным существом. Именно с той поры ему доверяли только специальные миссии,

в результате чего он жил обособленно от других силки.

Бэкстер рассказал ему, что «двойники» вступили в контакт лишь с четырьмястами силки.

— Точнее, с тремястами девяносто шестью, — поправился он.

Семп испытывал смешанное чувство облегчения и смутного пренебрежения. Итак, утверждение А-Брема о том, что они обратились ко всем земным силки, было всего лишь пропагандистским трюком. Своим поведением тот убедительно доказал, что был всего лишь глуповатым силки. А эта ложь только добавила лишний чернивший его мазок к общей картине.

— Некоторые из «двойников» были очень грубыми подделками, — продолжал Бэкстер. — Видимо, у них плоховато с искусством имитации других существ.

В то же время — и теперь он должен был это признать — установление пусть даже всего четырехсот контактов убедительно доказывало наличие до сих пор неизвестной группы силки.

— Даже если они совершенно не тренированы, — подчеркнул Бэкстер, — все равно необходимо выяснить, кто они и откуда явились.

— Имеются ли другие признаки существования

этой группы? — поинтересовался Семп.

Каких-либо иных сведений, кроме тех, которыми располагал Семп, не было.

— Все ли они успели скрыться? — допытывался изумленный Семп. — Неужели никто не преуспел лучше меня?

— В среднем результаты даже хуже ваших, — ответил Бэкстер.

Выяснилось, что большинство силки даже и не пытались задержать появившихся странных сородичей. Они ограничились сообщением об имевшем место факте и запросили указаний.

— Не стоит их упрекать за это, — сказал Бэкстер и добавил в доверительном тоне: — Могу также сказать, что как сама схватка с этим силки, так и причины, побудившие вступить в нее, дают нам основания считать вас одним из двух дюжин силки, на которых мы можем положиться в этом деле. Посему вам предлагается сделать следующее…

В заключение инструктажа он подчеркнул:

— Можете взять с собой Джоанн, но отправляйтесь сейчас же, не мешкая.

На панно виднелась надпись: «В этом здании звучит только музыка силки».

Семп, который другой музыки и не слушал,

заметил на лице Джоанн легкую гримасу отвращения. Она перехватила его взгляд, все поняла и, как бы в оправдание, заявила:

— Да, это так. Мне все время кажется, что звучит только одна струна. Будто тянут одну и ту же ноту или самое большее несколько близких друг к другу, неустанно повторяя их в различных комбинациях… От этого возникает что-то вроде морской болезни.

Для Семпа, который мог различить в этой музыке гармонии, недоступные человеческому слуху, этот эмоциональный взрыв со стороны Джоанн встраивался во множество других, аналогичных. Являясь мужем этой человеческой «супруги», он уже давно к ним привык. Жены же силки с трудом адаптировались к особенностям их qeleimni жизни.

Джоанн не преминула лишний раз подчеркнуть это:

— Вот так все и бывает. В один прекрасный день вы разделяете судьбу с чудесным, физически совершенным мужчиной. Но все время твердите себе: это — не настоящий человек, это — разновидность монстра, который в мгновенье ока может превратиться в нечто вроде рыбы или космического создания… И уж конечно ни за что

на свете я не захотела бы с ним расстаться.

Вскоре панно с предупреждением музыкального характера осталось позади, и они вошли в музей. Целью их визита был осмотр лаборатории, где, по официальной версии, якобы произвели на свет первого силки. Лаборатория занимала всю центральную часть здания. В музей она, согласно вывешенной при входе таблички, была переведена сто десять лет тому назад.

Как считал Бэкстер, следовало более основательно разобраться в технических обстоятельствах истории появления силки. Впервые, действительно впервые, вся концепция истории появления и развития силки была поставлена под вопрос.

Именно такого рода задачу сформулировали перед Семпом и Джоанн: ещё раз оценить все относящиеся к этой проблеме прежние факты.

Лаборатория была ярко освещена. В помещении находилась всего одна посетительница — женщина, скорее невзрачная на вид, с черными как смоль волосами, но без какой-либо косметики, одетая крайне небрежно. Она стояла у одного из стендов, у двери в противоположном углу.

Уже при входе Семп почувствовал, как его мозга слегка коснулась чья-то возникшая извне

мысль. Он повернулся к Джоанн. Как Посредник, та обладала способностью общаться с ним телепатически на расстоянии. Поэтому он подумал, что этот легкий мыслеобраз исходил от нее, и не стал углубляться далее в эту проблему, во всяком случае, в течение нескольких секунд.

И только с небольшим опозданием он осознал, что несущей для этой мысли была магнитная волна, свойственная только силки.

Семп круто развернулся на месте и пристально взглянул на черноволосую женщину. В ответ та несколько принужденно, как отметил Семп, улыбнулась. И тут же он четко и ясно уловил её послание: «Прошу, не выдавайте меня. Я здесь поставлена специально для того, чтобы развеять сомнения у любого силки».

Никаких объяснений и не требовалось. Это сообщение как громом поразило Семпа.

Если верить тому, что им говорили до сих пор, силки женского пола никогда не существовали. Все проживавшие на Земле силки являлись мужчинами, женатыми на женщинах, входивших в группу Посредников.

Однако эта брюнетка сельского вида была «женщиной» силки! Одним фактом своего присутствия она подтверждала это. Она могла бы

добавить — впрочем, этого теперь и не требовалось — что-то вроде: «Не утруждайте себя копанием в старых и пыльных досье. Я являюсь живым доказательством того, что силки родились вовсе не в какой-то там лаборатории двести тридцать лет назад».

Внезапно Семп почувствовал, как его мысли расплываются. Это подошла Джоанн. Он понял, что она, видимо, перехватила его раздумья и сама пришла в волнение. Взглянув он увидел, что в её лице не было ни кровинки.

— Нэт! — донесся до него резкий, как при падении ножа гильотины, голос Джоанн. — Ее надо захватить!

Семп как-то неуверенно двинулся вперед.

В то же время его мысли, несмотря на проявленные колебания, уже подчинялись логике.

Прошло всего несколько часов после его встречи с А-Бремом. Значит, её поставили здесь несколько раньше. Следовательно, она не вступала ещё в контакт ни с кем из своих сородичей. Вывод: она наверняка не знает, что перед таким силки, как Семп, она столь же беспомощна, как гражданский человек перед вооруженным солдатом.

Со своей стороны брюнетка, видимо, почув-

ствовала что-то неладное. Она резко толкнула дверь, перед которой стояла, и исчезла за ней.

— Нэт! — раздался пронзительный голос Джоанн всего в нескольких сантиметрах позади. — Не дашь же ты ей улизнуть!

Семп, замешкавшийся от удивления на несколько секунд, послал вдогонку беглянке:

«Я вовсе не собираюсь вступать с вами в борьбу, но буду тенью следовать по пятам до тех пор, пока не получу нужных нам сведений!»

«Слишком поздно! — отозвалась она на волне, используемой силки в форме человека. — Уже слишком поздно!»

Но Семп придерживался иного мнения. Он быстро подскочил к двери, за которой она скрылась. Его слегка расстроило, что та оказалась запертой. Ему пришлось разнести её вдребезги разовым силовым зарядом, сверкнувшим извилистой молнией. Он быстро перешагнул через дымившиеся обломки и успел заметить женщину в тот самый момент, когда та убегала через потайную раздвижную дверь в стене.

До неё было не более пятнадцати шагов. Она полуобернулась, бросив взгляд в его направлении. То, что она увидела, явилось для неё полной неожиданностью, так как на её лице отразилось

замешательство.

Она поспешно протянула руку, на что-то нажала, и дверь закрылась. Именно в этот момент Семп, который бросился к ней со всех ног, успел рассмотреть, что далее тянется освещенный коридор. Наличие этого секретного прохода было чревато слишком большими последствиями, чтобы Семп мог позволить себе поразмышлять сейчас над этой проблемой.

Он уже добрался до стены и стал на ощупь отыскивать потайную дверь. После довольно длительных безуспешных попыток это ему удалось. Тогда Семп отошел на шаг и уже сдвоенным энергетическим разрядом, посланным его мыслями и материализовавшимся в виде яркой электрической дуги, сокрушил её. Это было единственным энергетическим оружием, доступным ему в облике человека, но его хватило с лихвой.

Минуту спустя он перемахнул через дымящееся отверстие в стене и устремился вперед по узкому коридору.

Глава одиннадцатая

Коридор, куда проник Семп, был сделан из цемента и уводил его легким наклоном под землю. Прямой как стрела, он был освещен, хотя и скуповато. Все же это позволило Семпу увидеть убегавшую женщину метрах в пятидесяти от себя.

Она бежала на женский манер, путаясь в платье, то есть не очень быстро. Семп, сорвавшись с места с максимальной скоростью, за минуту сократил расстояние вдвое. Цемента под ногами уже не было. Впереди показался земляной грот, также освещенный, но ещё более скудно, так как лампы размещались в нем через большие интервалы.

Добежав до грота, молодая женщина выстрелила в него на магнитной волне силки посыл: «Если вы сейчас же не прекратите преследование, я буду вынуждена прибегнуть к...» — и далее последовало не очень понятное слово, что-то вроде «могучей силы».

Семп вспомнил о той энергии, которая вознесла в небо А-Брема. Он воспринял эту угрозу всерьез и тут же смодулировал волну, скомандовав от-

ключение сознания.

Все произошло менее болезненно, чем если бы это случилось чуть раньше. Она вырубилась мгновенно, что доказывало эффективное воздействие приказа Семпа на соответствующие участки её мозга.

Но упала она не на бетон, а на землю. Установка Семпа настигла её на бегу, поэтому она сначала повалилась на колени, а затем подвернулась правым плечом. Судя по всему, ударилась не слишком сильно. Во всяком случае, так показалось Семпу, когда он приблизился к месту, где лежала незнакомка.

Он перешел на шаг. Оставаясь все время начеку, Семп подошел к распростертому телу, твердо решив не позволить на сей раз никакой посторонней «специальной силе» увести у него добычу.

Он испытывал лишь легкие угрызения совести от того, что применил достаточно сильное средство. Поразмыслив, он пришел к выводу, что не мог позволить себе какое-то более мягкое воздействие на эту женщину. Погружение в сон А-Брема не помешало последнему прибегнуть к тому, что Семп посчитал силовым полем, и благополучно спастись.

А он никак не мог позволить ей сбежать. Ока-

завшись лицом к лицу с необычной ситуацией, он действовал быстро и решительно. В данный момент женщина оказалась целиком в его власти. В создавшемся положении было слишком много неясного, чтобы продолжать медлить.

Он тут же опустился перед ней на колени. Поскольку она не спала, а была лишь без сознания, её сенсорная система была открыта для внешних раздражителей.

Напротив, чтобы добиться нужных Семпу ответов, следовало перевести девушку в состояние сна, для того чтобы восстановить внутренние потоки восприятий, действующие в замкнутом цикле.

Так он и поступил: поочередно воздействовал на центр, отключавший сознание, когда задавал вопрос, и на центр сна для получения ответа. Это чем-то напоминало старинный метод работы радиолюбителей, которые по окончании передачи должны были произносить слово «конец!».

Кроме того, — и это было вполне естественно — ему надо было удостовериться в том, что незнакомка отвечала на вопросы правдиво.

Для этого он задавал вопросы один за другим и каждый раз менял частоту магнитной волны, накладывая на неё команду для комплекса кле-

ток мозга, восприимчивых к гипнотическим средствам.

Получился вполне связный мысленный разговор:

«Ваше имя?»

«Б-Росс».

«Откуда вы?»

«Из дома».

«Где ваш дом?»

«В небесах», — появился мысленный образ небольшого скалистого тела в Космосе. У Семпа создалось впечатление, что речь шла о метеоре диаметром меньше тридцати километров.

«Где он находится?»

«Он облетает Солнце внутри орбиты первой планеты».

Таким образом, она явилась на Землю заранее, и все эти «двойники» находились вдали от их дома. Они, судя по всему, совершенно не догадывались, что живущие на Земле силки намного превосходят их по своим способностям. Это позволяло Семпу получить сведения решающего значения.

«Какова его орбита?» — мысленно спросил он.

«Простирается до девятой планеты».

Нептун! Какие поразительные расстояния!

«Его средняя скорость?» — быстро возобновил расспросы Семп.

Она ответила, приняв за меру измерения меркурианский год, что в переводе на земные мерки соответствовало примерно ста десяти годам на один виток.

Семп легонько присвистнул. В его мозгу сейчас же образовалась логическая цепочка. Первый ребенок силки появился на свет «из пробирки» немногим более двухсот двадцати лет тому назад. Так говорилось в официальной истории. А это время соответствовало двойному периоду обращения небольшого планетоида силки. Семп разом оборвал ход своих мыслей, чтобы спросить у Б-Росс, каким образом они находят свой «дом», который можно было запросто спутать с тысячами подобных ему небесных тел.

Ответ был таков, что только силки могли использовать его как исходную точку для последующих операций. В её мозгу были собраны все координаты и ориентиры, которые позволяли ей локализовывать метеор.

Семп тщательно запомнил эти данные. Он уже готовился выведать у женщины новые подробности, как почувствовал, что в его теле возник инерционный момент.

Его отшвырнуло назад…

Все произошло так, как если бы он сидел в машине, спиной по ходу движения… машина резко затормозила, а он продолжал двигаться по инерции…

Но в силу того, что у него был выработан устойчивый рефлекс на случай неожиданного падения, Семп был отброшен всего на несколько шагов, успев включить единственно доступное ему в облике человека защитное поле.

Созданный им барьер был не в состоянии мгновенно нейтрализовать силу гравитационного притяжения, но, будучи производным от магнитного поля Земли, он подпитывался силовыми линиями, проходящими в данной точке пространства.

Эти линии, которые Семп модулировал сейчас по своему усмотрению, начали взаимодействовать с гибкими металлическими пластинами, вшитыми в ткань его одежды, и удержали его. В итоге он оказался в подвешенном состоянии в нескольких футах от земли.

С этого наблюдательного пункта было удобно следить за развитием событий.

Он сразу же понял, что имеет дело с поразительным по своей природе феноменом.

В центре появившегося гравитационного поля он обнаружил микроскопическую группу молекул. Фантастическим во всем этом был тот факт, что гравитация — суть постоянная величина, зависящая только от массы и квадрата расстояния.

А Семп уже подсчитал, что это воздействовавшее на него возникшее гравитационное тяготение в три раза превышало земную норму над уровнем моря. То есть… согласно всем физическим законам столь удивительно малый по размерам комок частиц должен был обладать массой, в три раза превышавшей массу Земли!.. Что, естественно, было делом невозможным.

Насколько мог судить Семп, речь не шла о системе крупных молекул, и та не была радиоактивна.

Он уже готовился прекратить изучение этого феномена и заняться своим собственным положением, как заметил, что возникшее гравитационное поле имело ещё одно совершенно невероятное свойство.

Его действие распространялось только на органическую материю. Оно совершенно не сказывалось на окружавших его земляных стенах и — что довело его изумление до предела — оно не влияло на тело женщины.

Эта грависила воздействовала лишь на одно органическое тело — ecn собственное!

Единственный объект, единственное человеческое существо — Нэт Семп — подвергся её влиянию.

И тогда он вспомнил, что и в случае с А-Бремом его тело не реагировало на тягу, умыкнувшую того с Земли. Он чувствовал в тот момент наличие какого-то поля, но только в той мере, в какой проходившие через его голову силовые линии были затронуты им. Даже тогда, когда он трансформировался в силки и пустился в погоню за своим «вторым я» в атмосферу, феномен строго сохранял все те же характеристики.

Значит, то, что происходило в данный момент, было предназначено исключительно ему самому. Теперь он обладал персональным гравитационным полем и ничтожной группой молекул, которая его «знала».

В то время как подобные мысли беспокойно метались в его сознании, Семп, повернув голову, взглянул на женщину.

Он ничуть не удивился тому, что увидел.

Поскольку его внимание было вынужденно отвлечено возникшим суперполем, тот контроль, который он осуществлял над её мозговыми цен-

трами, ослаб. Женщина задвигалась и начала приходить в себя.

Она села, огляделась и увидела его.

Тотчас же по-спортивному легко вскочила на ноги. Было очевидно, что женщина ничего не помнит из того, что произошло за время, пока она находилась в бессознательном состоянии, и ничуть не догадывается о том, что выдала Семпу самые сокровенные секреты. Доказательством этого служила появившаяся на её лице улыбка.

— Вот видите, — сказала она, — я же вас предупреждала о том, что произойдет. Ну что ж, до свидания!

Видно было, что она находится в отличном настроении. Женщина повернулась, углубилась в грот и вскоре скрылась за левым поворотом.

После её ухода Семп вновь сосредоточил все свое внимание на необычном гравитационном поле. Он подумал, что оно обязательно вскоре исчезнет или рассеется и что тогда он обретет свободу. Семп был глубоко убежден в том, что в его распоряжении, видимо, всего несколько минут, чтобы изучить этот феномен и раскрыть его природу.

«Если бы только я смог принять форму силки, то решить эту проблему не составило бы тру-

да», — подумал он с горечью.

Но Семп не решался попробовать сделать это в сложившейся ситуации.

Было невозможно одновременно и трансформироваться, и поддерживать свою безопасность.

Силки имели одну, так сказать, «слабинку»: во время перехода из одной формы в другую они становились крайне уязвимыми.

Учитывая это, он впервые после расставания вступил в телепатический контакт с Джоанн. Он рассказал ей о своем незавидном положении, передал ей все сведения, которые ему удалось выяснить, и закончил разговор словами:

«Думаю, что смогу продержаться весь день и узнать, что же из всего этого выйдет. Тем не менее считаю желательным присутствие рядом другого силки, чтобы противостоять любым неожиданностям».

«Я попрошу Чарли Бэкстера связаться с тобой», — пообещала она обеспокоенным тоном.

Глава двенадцатая

Джоанн позвонила Бэкстеру и телепатически передавала содержание состоявшегося разговора мужу.

Бэкстер проявил удивительную заинтересованность в сведениях, onkswemm{u Семпом о внеземных силки. Он считал, что гравитационное поле — это какая-то новая форма использования энергии, но проявил сдержанность в отношении того, чтобы выслать ему на помощь кого— нибудь из силки.

— Давайте трезво смотреть на вещи, Джоанн, — сказал он. — В прошлом году ваш муж узнал нечто такое, что в случае, если это станет достоянием других силки, хрупкое равновесие, в котором сейчас удается удерживать совместную с силки цивилизацию, будет поставлено под удар. Нэт прекрасно понимает нашу обеспокоенность на этот счет. Так что сообщите ему, что я вышлю машину, которая обеспечит его защиту на период трансформации в силки.

По мнению Семпа, ещё более опасным для будущих отношений людей с силки являлся сам факт появления этих, дотоле никому не извест-

ных, силки. Но он поостерегся сообщить об этом Джоанне.

Бэкстер в завершение разговора подчеркнул, что для направления машины понадобится некоторое время, и в этой связи просил Семпа не терять присутствия духа.

Когда Бэкстер положил трубку, Джоанн телепатически выпалила своему мужу:

«Во всей этой авантюре есть один момент, который облегчает мне душу».

«Что ты подразумеваешь под этим?»

«Если все женщины силки в облике человека в такой же мере лишены очарования, как эта Б-Росс, мне беспокоиться нечего».

Прошел час, другой, потом… десять.

Снаружи, должно быть, уже наступили сумерки, солнце давно зашло, а звезды, как обычно, сверкали своими тонкими лучиками.

Машина от Чарли Бэкстера прибыла, затем укатила обратно. Семп, чувствуя теперь себя в безопасности в своем обличье силки, не покидал своего поста поблизости от самого замечательного энергополя, которое когда-либо существовало в Солнечной системе. И самым удивительным в нем было то, что оно не проявляло никаких признаков ослабления своей колоссальной

гравитационной мощи. Семп надеялся, что благодаря сверхчувствительной сенсорике силки ему удастся обнаружить линии подпитывания поля из внешнего источника.

Но ничего подобного не существовало, не было ни малейших признаков этого. Вся энергия исходила из этой, единственной в своем роде, ничтожно малой группы молекул — и больше ниоткуда.

Минуты шли одна за другой, часы — за часами. Бдение продолжалось, и у него было предостаточно времени, чтобы оценить все значение той проблемы, с которой теперь должен столкнуться каждый земной силки: необходимость принять решение в отношении космических сородичей.

Наступило утро.

@ABOVEBLANK = Вскоре после восхода солнца снаружи гравиполе проявило склонность к самостоятельности. Оно переместилось вдоль коридора, втягиваясь в глубину грота. Семп плыл в воздухе вслед за ним, сознательно слегка поддаваясь исходящему от того гравитационному притяжению. Но держался настороже, хотя и сгорал от любопытства, надеясь узнать о нем побольше.

Грот внезапно перешел в давно заброшенную

глубокую сточную канаву. Цемент в ней потрескался. Стены были исполосованы бесчисленными глубокими щелями. Но этот участок, казалось, был знаком преследуемой Нэтом группе молекул, так как скорость её возросла. Внезапно под ними появилась вода, причем не стоячая, а вся в завихрениях и покрытая рябью. «Сюда явно доходит прилив», — сделал вывод Семп.

Вода поднималась все выше, и вскоре они на всем ходу, не уменьшая скорости, нырнули в нее. Постепенно мутная вода светлела. В конце концов они достигли освещенных солнцем вод ущелья в каких— mhasd| тридцати метрах от океана.

Когда они чуть позже вынырнули на поверхность, странный комок молекул ещё больше увеличил скорость. Подозревая, что сейчас он попытается от него оторваться, Семп мобилизовал все свои способности силки, чтобы снять с него характеристики.

Но он абсолютно ничего не добился. Не поступило ни единого сигнала, не обнаружилось ни малейшего следа возможного источника энергии. На какую-то долю секунды у него создалось четкое впечатление, что атомы, составляющие группу молекул, были в чем-то необычными. Но как

только он сосредоточился на соответствующей этому ощущению частоте восприятия, молекулы, должно быть, «осознали» его временное прозрение и «закрылись». Впрочем, возможно, это была просто игра его воображения.

В то самое мгновение, когда он начал анализировать эту мысль, у него возникло предчувствие, что комплекс молекул вот-вот оторвется от него. Скорость частиц быстро возрастала. В течение нескольких секунд она достигла предела того, что может выдержать мчащийся сквозь атмосферу силки. Хитиновый покров, защищавший тело силки, стал все больше и больше разогреваться.

Не скрывая огорчения, Семп начал перестраивать свою атомную структуру, что окончательно прервало его настрой на чужое гравитационное поле. Группа молекул стремительно неслась на восток, где уже с час как взошло солнце. Разрыв между ней и Семпом все увеличивался. Спустя несколько секунд после отрыва она покинула пределы атмосферы и со скоростью несколько километров в секунду устремилась, казалось, прямо к Солнцу.

Семп достиг границы атмосферы. Прощупывая с помощью особых органов чувств силки безбрежный и темный океан космоса, обступивший его

со всех сторон, он вошел в контакт с ближайшим к нему геостационарным спутником и сообщил находившимся на его борту ученым координаты системы молекул. Он выжидал, продолжая все ещё надеяться, что те установят её положение. Наконец поступил ответ:

— Сожалеем, но мы не отметили никакого необычного явления.

Ошеломленный Семп отдался на волю земного притяжения. Затем, умело корректируя воздействие на него силы тяжести и магнитных полей планеты, он взял курс на административное здание, где размещались Власти силки.

Глава тринадцатая

Три часа бесконечных разговоров.

Семп как единственный силки среди присутствовавших на заседании занимал место у торца длинного стола. Он считал эту дискуссию нудной и скучной.

Ему давно уже казалось, что самым разумным решением было бы отправить на этот планетоид его или какого-нибудь другого силки. Тот собрал бы факты, принял меры, способные решить вопрос строго логически, но тем не менее гуманно, а потом вернулся бы и обо всем доложил Властям.

Если по каким-то причинам так называемая «нация или народ силки» не прислушается к голосу разума, тогда стоило бы заново обсудить этот вопрос.

Ожидая, когда три дюжины участников совещания соблаговолят договориться между собой, он не преминул отметить тот иерархический порядок, в котором сидели присутствовавшие.

Посредники, куда входил и Бэкстер, занимали место в конце длинного стола. Далее по обе его стороны размещались обычные люди. После них следовал он, а замыкали протокольный порядок

три помощника меньшего ранга и официальный секретарь триумвирата, составлявшего Власти силки.

Такой порядок размещения был не нов для него. Он обсуждал этот вопрос с другими силки, и те говорили ему по этому поводу, что налицо распределение ролей, обратно пропорциональное реальной силе — уникальный случай в истории.

Самые могучие по своим возможностям существа в Солнечной системе, силки всегда занимали посты второстепенного значения.

Он вышел из задумчивости, заметив, что в зале воцарилась тишина. Он увидел, что Чарли Бэкстер, стройный человек с серыми глазами и напряженным выражением на лице, обогнул стол и остановился перед ним.

— Ну вот, Нэт! — сказал он. — Вот так мы видим общую картину случившегося. — Казалось, он испытывал смущение.

С быстротой молнии Семп прогнал автоматически фиксировавшийся в памяти весь ход совещания и констатировал, что в конце концов они пришли к предугаданному им решению.

Он отметил также, что они рассматривали его как чреватое серьезными последствиями. Действительно, предстояло выполнить очень

сложное задание. Дело могло кончиться гибелью. Поэтому они воздержатся от критики в случае отказа с его стороны.

— Мне стыдно просить вас об этом, — продолжал Бэкстер. — Но мы находимся почти в состоянии войны.

Семп прекрасно отдавал себе отчет в том, что участники совещания держались не очень уверенно. На Земле войны не было уже сто пятьдесят лет. И теперь никто не мог претендовать на то, чтобы выступать экспертом в этих вопросах.

Он поднялся, испытывая груз озабоченности этих людей, давивший сейчас на него. По очереди оглядел повернутые к нему лица и сказал:

— Успокойтесь, господа. Конечно, я выполню то, что вы от меня ожидаете.

Все, казалось, вздохнули с облегчением. Очень быстро дискуссия перешла на обсуждение деталей: говорилось о трудностях локализации метеора, особенно с учетом столь длительного периода его обращения на орбите.

Было хорошо известно, что существовало примерно полторы тысячи крупных метеоров и планетоидов, а сверх того ещё десятки тысяч небесных тел меньших размеров. У всех у них орбиты отличались тем, что, подчиняясь в целом

общим законам небесной механики, зачастую выкидывали всякого рода эксцентричности. Некоторые из этих странников, например кометы, периодически подходили довольно близко к Солнцу, чтобы удалиться затем в просторы Вселенной и возвратиться через пятьдесят или сто лет и начать снова раскручивать свою карусель. Скалистых обломков промежуточных размеров было так много, что им даже не присваивали названий, а их траектории вычислялись только тогда, когда в этом возникала особая необходимость. В сущности какой-либо нужды вести наблюдения за этими небесными телами по-настоящему не было.

Семп неоднократно подлетал к этим метеорам-одиночкам, а при случае и высаживался на них. Воспоминания об этих посещениях были одними из самых мрачных, которые он вынес из своих многочисленных вылазок в космос. Абсолютная темень, безжизненная пустота этих бесплодных скал, сенсорный голод. Странно, но чем больше по размерам были эти небесные тела, тем более тягостное впечатление они оставляли.

Как-то раз он обнаружил, что мог испытывать нечто вроде интеллектуального родства с одной из скал диаметром порядка трехсот метров. Тогда

он имел дело с одним аморфным телом, которое в конце концов ушло на гиперболическую орбиту. Когда он подсчитал, что оно обречено навечно покинуть Солнечную систему, то, к собственному удивлению, начал образно представлять себе, как долго}rn небесное тело бороздило космос, какие невообразимые дали оно покрыло за это время, как через некоторое время оно снова затеряется в безмерной бездне Вселенной и будет миллионы лет одиноко мчаться сквозь звезды.

Представитель Правительства — некий Джон Мэтьюз — прервал ход его мыслей.

Семп взглянул на него, наклонив голову.

— Если верить поступившим сообщениям, несколько сотен земных силки уже согласны подчиниться этим космическим сородичам. Вы же, как я полагаю, не считаете, что планетоид является вашей родиной. Почему?

Семп улыбнулся:

— Для начала я не позволил бы выдавать мне черное за белое, как это сделали они.

Немного поколебавшись, он продолжал серьезным тоном:

— Помимо чувства лояльности по отношению к Земле, у меня есть к тому и другие веские причины. Я не считаю, что живым формам жизни

пойдет на пользу жесткая привязанность только к своему виду: я-де лев, а ты — медведь, и на этом кончим. Разумная жизнь развивается, или должна развиваться, в направлении общей цивилизации. Я, возможно, похож на мальчишку, который ушел с фермы в большой город, в данном случае — на Землю. Сегодня мои соотечественники требуют, чтобы я вернулся на ферму. Им никогда не понять, почему эта стало для меня невозможным, поэтому я даже не пытаюсь излагать им свои взгляды.

— Но может так случиться, — произнес Мэтьюз, — что в действительности большим городом окажется планетоид, а Земля — фермой. Как быть тогда?

Семп вежливо улыбнулся, но ограничился тем, что отрицательно покачал головой.

— Еще один вопрос, — настаивал Мэтьюз. — На ваш взгляд, как надо относиться к силки?

Семп развел руками:

— Не вижу необходимости каких-либо реформ в этой области.

Он полностью верил в то, о чем говорил. Семп никогда не придавал значения вопросам ранга и старшинства.

В то же время он давно уже знал, что некоторые

силки болезненно относились к отведенному им на Земле положению, считая, что оно ставило их в подчинение по отношению к людям. Другие, такие, как он сам, выполняли свой долг, были верны своим земным женам и стремились наилучшим образом использовать те, пусть несколько ограниченные, возможности, которые им предоставляла человеческая цивилизация. Она не позволяла им полностью раскрыть свои способности, поскольку силки обладали таким богатым набором органов чувств, что многие из них оставались на Земле без применения, поскольку не существовало организации, способной стимулировать эти творческие потенции.

Вполне возможно, что подобный порядок вещей мог бы быть и улучшен. Но пока силки оставались тем, чем они были. Семп охотно признавал, что всякие попытки изменить условия бытия силки породили бы страх и волнение среди людей. Так зачем же, считал он, предпринимать подобные действия ради единственной цели — удовлетворить самолюбие группы силки общей численностью менее чем в две тысячи индивидуумов?

Во всяком случае так обстояло дело до сегодняшнего дня. Появление же космических силки

намного увеличило бы число его сородичей, недовольных своим положением. Однако, говорил сам себе Семп, этого было бы недостаточно, чтобы существенным образом повлиять на количественное соотношение людей и силки на Земле.

— Насколько я понимаю, — отчеканил он громко, — не существует kswxecn решения проблемы силки, чем сейчас.

Чарли Бэкстер счел момент подходящим для того, чтобы положить конец дискуссии.

— Нэт, в выполнении миссии вас будут сопровождать наши лучшие, наши самые лучшие пожелания успеха и полное доверие. До орбиты Меркурия вы полетите на борту космического корабля. Это позволит сэкономить время. Успеха вам!

Глава четырнадцатая

Открывшаяся перед ним картина поистине была фантастической.

Планетоид силки выходил на свой период обращения вокруг Солнца, находясь далеко внутри эксцентрической орбиты Меркурия. Судя по всему, он должен был задеть солнечную корону — эти бескрайние облака раскаленного газа, которые исторгает из себя огненное светило в виде огромных огненных языков, бесформенных рукавов, мостиков…

Семп несколько сомневался, что дело дойдет до столь катастрофического развития событий. Но, периодически подставляя воздействию Солнца свое тело, защищенное прочным как сталь хитиновым покровом, он чувствовал, насколько могуче его притяжение на столь малом расстоянии.

Небо перед ним почти полностью закрывал добела раскаленный диск. Свет был настолько ярок и воспринимался им в столь широком диапазоне волн, что, как только он приоткрывал свою сенсорную систему, та мгновенно перенасыщалась. Тем не менее ему приходилось периодически

идти на это, чтобы вносить необходимые коррективы в свой полетный курс.

Вскоре он и планетоид вышли на пересекающиеся орбиты.

Но сам момент встречи должен был произойти ещё через несколько часов. Поэтому Семп полностью выключил свою систему восприятия среды. Он мгновенно и глубоко заснул, что силки позволяли себе крайне редко.

Он вышел из сна постепенно, отметив, что правильно рассчитал время. Планетоид уже был «виден» на одном из бесконечно малых нервных экранов на головной части его организма. Изображение на нем напоминало то, что бывает на радарах, и вначале соответствовало размеру с горошинку.

Но менее чем за тридцать минут он заметно приблизился, и его величину уже можно было оценить примерно в восемь километров, что на глазок составляло половину реального диаметра.

В этот момент Семп совершил свой единственно опасный маневр. Он позволил притяжению Солнца втянуть себя внутрь орбиты планетоида. Затем он нейтрализовал звездную тягу и с помощью нескольких энергетических выбросов по

краям поля позади себя устремился к поверхности небесного тела со стороны светила.

Он исходил из того, что ни один силки в нормальных условиях не станет размещаться на солнечной стороне астероида. В их интересах было держаться где-нибудь внутри этого крупного скалистого обломка или уж, во всяком случае, на его неосвещенной части.

Вблизи в слепящем свете планетоид был похож на сморщенную головку старого лысого индейца. Он был красновато-серого цвета, весь в шрамах и трещинах и не совсем круглой формы. Эти щели оказались гротами. В один из них Семп и проскользнул, как рыба в свою норку.

@ABOVEBLANK = Семп погрузился в то, что представилось бы человеческому взору как абсолютная чернота. Однако, находясь в личине силки, он прекрасно видел интерьер в самых различных диапазонах волн.

Вскоре он попал в коридор со стенами из полированного гранита. Его пол под ногами легким наклоном уходил вниз. Минут через двадцать показался поворот. Свернув, он натолкнулся на мерцавший, почти матового цвета, энергетический экран.

Семп сразу же понял, что преодолеть это пре-

пятствие для него не проблема. Впрочем, он весьма сомневался, что оно было воздвигнуто в этом месте для того, чтобы кого-то отловить. Мгновенный анализ его природы показал, что речь шла о стене, по прочности примерно равной внешней оболочке космического корабля.

Она была достаточно крепкой, чтобы устоять перед любым бронебойным снарядом.

Преодоление такого экрана входило в подготовку силки в рамках установления контроля над энергией.

Семп начал с того, что возбудил поле, равное по своей мощности защитному, и придал ему колебательное движение. Это вызвало в экране резонанс. Мгновение спустя они стали взаимно проникать друг в друга. При этом, однако, именно защитный заслон поглощался созданным Семпом полем, а не наоборот.

Тем самым за несколько минут силки оказался внутри объединенного поля и совершенно безопасно преодолел его. После этого ему оставалось только снова разделить оба поля, понижая частоту колебаний до тех пор, пока они окончательно не разомкнулись.

При этом раздался звук, напоминавший удар хлыста.

Факт щелчка доказывал, что отныне Семп находился в пространстве, заполненном воздухом. Очень скоро силки установил, что тот не имел ничего общего с земной атмосферой. В нем содержалось тридцать процентов кислорода, двадцать процентов гелия, остальное — сернистые образования. Что касается давления, то оно примерно вдвое превышало земное над уровнем моря.

И все же это был воздух, а его наличие, без сомнений, было чем-то обусловлено.

Со своей точки возле преодоленного барьера Семп различил метрах в тридцати под собой обширное помещение. В струившемся мягком свете оно выглядело как настоящее сокровище.

Стены были инкрустированы драгоценными камнями, покрыты тонкими слоями благородных металлов и разноцветных горных пород. Все это было умело обработано в серию рисунков. Они представляли собой непрерывно бегущую полосу, отражавшую историю существ, похожих на кентавров с гордой поступью. Крупным планом выделялись их лица, имевшие мало общего с человеческими, но сохранявшими определенную привлекательность своей чувственностью.

На полу этого грандиозного зала виднелся макет какой-то планеты, покрытой блестящей

субстанцией, оттенявшей изогнутую и гористую поверхность со сверкающими линиями рек, деревьев и других растений в трехмерном изображении, океанов и фосфоресцирующих озер, с тысячами ярких точек, обозначавших расположение городов и поселков.

Бока планеты плавно закруглялись, и у Семпа создалось впечатление, что это шар и что если спуститься вниз, то, видимо, можно было бы рассмотреть и его обратную сторону.

Весь этот комплекс являл собой воплощение абсолютной, совершенной красоты.

Семп предположил, что как увиденные им изображения обыденной жизни, так и планеты в целом являлись точной ретроспективой какого— то вида живых существ и места, с которыми силки были связаны в определенный период их истории.

Семп испытал настоящее интеллектуальное потрясение от высочайшего уровня художественного оформления этого помещения.

Спускаясь по туннелю, Семп обратил внимание на несколько nrberbkbxhuq от него в соседние залы переходов с широкими арками. Бросая туда на ходу мимолетные взгляды, он видел размещенные в них новехонькие машины, мебель,

различного рода предметы. Семп сделал вывод, что все это — промышленная продукция либо народа кентавров, либо других цивилизаций. Но времени на подробный осмотр не было. Его внимание привлекла лестница, ведущая вниз.

Он стал спускаться по ней и опять натолкнулся на защитный экран.

Проникнув через него тем же способом, что и раньше, он очутился в зале, наполненном морской водой.

В сумрачном свете подводной цивилизации на дне покоилась ещё одна планета, заточенная в это гигантское хранилище.

И это было только начало. Углубляясь все дальше и дальше, Семп переходил с одного уровня на другой, каждый раз пересекая все новые и новые оборонительные заставы и натыкаясь на столь же художественно оформленные новые палаты.

Все они были отделаны драгоценными камнями и блестевшими на свету металлами. В каждом громадном зале он обнаруживал удивительные сцены, вероятно, из жизни обитаемых планет и далеких звезд, а также новый состав атмосферы.

Когда он проскочил таким образом с дюжину подобных помещений, Семп понял, что в недрах этого планетоида собрано богатство, которому

не было равных где бы то ни было во Вселенной. Семп мысленно подсчитал общий объем внутренней части астероида. Получилось что-то около тысячи — тысячи двухсот кубических километров. И тогда он вспомнил слова члена Правительства Мэтьюза, который предположил, что «городом» мог оказаться планетоид, а Земля — «фермой».

Факты как будто все больше и больше подтверждали эту гипотезу.

Семп все время ожидал, что вот-вот встретит жителя этого небесного тела. Пройдя ещё три зала, где в миниатюре были представлены планеты, столь же далекие в пространстве, как и во времени, силки остановился, чтобы обдумать положение.

Он был твердо убежден в том, что, узнав о существовании подобного богатства, получил преимущество, которое ему следовало сохранить любой ценой. Он также пришел к заключению, что внеземные силки живут на стороне астероида, противоположной Солнцу, и что по этой причине они никак не ожидали визита, нанесенного им столь необычным путем.

Поразмыслив, Семп счел свои выводы достаточно обоснованными и без промедления

отправился на темную сторону планетоида.

@ABOVEBLANK = И опять он увидел входные отверстия гротов, а, шагнув туда, уже через несколько десятков шагов обнаружил энергетический барьер. Преодолев его, он констатировал, что воздух и сила притяжения в этих местах соответствовали земным над уровнем моря.

Планируя между полом и потолком, Семп втянулся в помещение, стены которого были сделаны из полированного гранита. В нем размещалась мебель — диваны и столы, вдоль одной из стен тянулась низкая библиотека. Общий вид комнаты, лишенной каких-либо личностных особенностей, говорил о том, что это представительская приемная. В целом она создавала впечатление чего-то нереального.

Сохраняя форму силки, Семп спустился по лестнице и вошел в другую комнату, в которой пол был устлан землей. Росли цветы и кустарники, характерные для умеренных широт Земли. И все тот же показушный вид…

На третьем, нижнем, уровне располагались офисы с компьютерами. Семп был знатоком в этой области и понял их m`gm`wemhe. Вместе с тем он отметил отсутствие пользователей этого специфического источника информации.

Он уже готовился опуститься на следующий уровень, когда исключительно мощный энергетический пучок возвел сверхбыстрый защитный экран, с природой которого он познакомился во время прошлогоднего контакта с пришельцем кибмадином.

От столкновения этого пучка энергии с охранительным полем Семпа вспыхнул ослепительно яркий свет, словно в комнату ворвалось само солнце. Сияние не ослабевало. Это давало основание предположить, что тот, кто направил энерголуч, хотел выявить, как долго продержится экран силки.

Для Семпа речь шла о схватке, развернувшейся с быстротой молнии по всему фронту его линии обороны. Но эта атака в конце концов захлебнулась, (%-2) натолкнувшись на жесткое ядро второго приема, который он перенял у кибмадина.(%0)

И только это помогло сдержать нападение.

Глава пятнадцатая

Прошла целая минута, прежде чем агрессор сообразил, что для поддержания своего защитного барьера Семп использует его же собственный энергопучок. Иными словами, силки пока даже и не прибегал к своим собственным энергоресурсам и мог продержаться столько времени, сколько будет действовать энерголуч противника, повторяя маневр столь часто, сколь это будет необходимо.

Атака прекратилась так же внезапно, как и началась.

Семп растерянно огляделся вокруг. Все помещение превратилось в свалку добела и докрасна раскаленных обломков различных предметов. Обвалились гранитные стены, обнажив скальную основу метеорита, к которой они крепились. С потолка и раздробленных стен в двадцать ручьев стекали расплавившиеся горные породы. Целые куски и блоки продолжали рушиться со всех сторон, нагромождаясь друг на друга.

То, что совсем недавно выглядело современным офисом, за несколько минут превратилось в сплошные руины. В опустошенном зале сме-

шались в кучу почерневшие металлические предметы с остатками скал.

Самым потрясающим открытием для Семпа было то, что его спас только сверхбыстрый защитный барьер кибмадина. Нападение было рассчитано так, чтобы своей мощностью и скоростью подавить всю оборонительную и наступательную систему обыкновенного силки.

Причем с явным намерением убить его.

Никаких тебе переговоров, вопросов друг к другу, попыток достичь согласия.

Эта беспощадная схватка вновь привела его к специальной логике уровней. В нем непроизвольно поднялась волна ненависти.

Затем спустя некоторое время её сменило другое чувство. «Я выиграл», — подумал он.

Обретя спокойствие, но по-прежнему кипя от злости, он спустился ещё на пять уровней, и неожиданно перед ним возникла обширная панорама открытой местности.

И прямо под ним расстилался город космических силки.

Во всех своих деталях он повторял земной городок. Многоквартирные жилые дома, частные резиденции, улицы, обсаженные деревьями. Семп не мог оправиться от изумления, так как

и здесь местные силки, это было очевидно, постаралась воспроизвести подлинно земную обстановку.

Далеко-далеко под собой он различал силуэты на тротуарах. Семп спикировал вниз.

Когда он завис в тридцати метрах над силки, те остановились, ondmkh головы и стали в него всматриваться. Один из прохожих — это была женщина — довольно резко телепатически спросила: «Вы кто?»

Семп ответил.

Четверо стоявших недалеко от неё людей выразили удивление. Однако они ничуть не испугались и не проявили никакой враждебности.

Небольшая группа из трех мужчин и одной женщины остановилась, поджидая его. Спускаясь, Семп видел, как они знаками подзывают других силки. Вскоре собралась толпа. Большинство были в облике человека, но добрая дюжина в образе силки.

«Не стражи ли это порядка?» — мелькнуло у него. Но они, как и остальные, не проявляли никакой недоброжелательности.

Наоборот, ни один силки не выставил защитного ментального барьера, и — что было самым удивительным — никто из них, кажется, не имел

ни малейшего представления о том нападении, которому Семп подвергся в офисе, близ поверхности астероида.

Он решил воспользоваться их неосведомленностью. Сохраняя бдительность и не распространяясь о случившемся, полагал он, возможно, удастся обнаружить тайного недруга.

Семп предполагал, что проявление насилия в отношении него было задумано и осуществлено на административном уровне.

«Я все равно найду этих проходимцев», — с ожесточением подумал он.

Затем он обратился к собравшейся безобидной аудитории:

— Я послан сюда Правительством Земли с поручением выяснить, на базе каких соглашений мы могли бы установить дружественные отношения между нашими двумя сообществами.

Вмешалась одна из женщин:

— Говорят, что нам невозможно трансформироваться в привлекательную для землян форму. Какие у вас на этот счет предложения?

Ее вопрос был встречен взрывом хохота. Семп был озадачен. Он никак не ожидал проявления столь непринужденной симпатии со стороны толпы.

В то же время это никоим образом не повлияло на его решительное настроение.

— Мне представляется, что и этот вопрос можно было бы обсудить на правительственном уровне, — усмехнулся он, — но не в качестве первого пункта повестки дня.

Видимо, что-то в его мысленном настрое все же отражало недавнее озлобление, поскольку один из стоявших в толпе мужчин язвительно заметил:

— Кажется, не столь уж он и дружелюбен.

Одна из женщин живо откликнулась:

— Послушайте, господин Семп! Но ведь вы вернулись на свою родину.

Семп уже обрел самообладание и ответил ей ровным, спокойным голосом:

— Как аукнется, так и откликнется. В этот момент вы выказываете замечательную доброжелательность. Но силки, которых ваши правители послали на Землю, сыпали кровожадные угрозы.

И все же он не мог избавиться от некоторого замешательства: силки, с которыми он имел дело в данный момент, явно не проявляли враждебных намерений. И этому факту он придавал очень большое значение.

Тем не менее он все же решил логически завер-

шить свою мысль:

— Я прибыл сюда, чтобы раскрыть всю подноготную этой истории. В этой связи, почему бы вам не связать меня с властями?

— Но у нас нет никаких властей! — воскликнула одна из женщин.

— Господин Семп, — заявил мужчина, — мы живем здесь в условиях полной свободы и приглашаем вас и других земных силки присоединиться к нам.

— Кто принял решение послать на Землю эти четыре сотни эмиссаров? — настаивал Семп.

— Так повелевает делать обычай, как только наступает нужный час, — пояснила другая женщина.

— И подкреплять эти визиты угрозами? — упорствовал Семп. — Причем запугивать смертью?

Его слова, казалось, ошарашили женщину. Она повернулась к одному из соотечественников.

— Вот вы были там. Разве вы угрожали прибегнуть к насилию? — требовательно спросила она.

Мужчина замялся:

— Что-то я плохо припоминаю, как все это происходило, — произнес он. — Но думаю, что так оно и было. — Потом добавил: — Так бывает всегда, когда Энергией нас заряжает Е-Лерд. Па-

мять вещь ненадежная. По правде говоря, все, что связано с угрозами, у меня вылетело из головы, и только сейчас я вдруг вспомнил об этом.

Вид у него был растерянный:

— Черт побери! Надо поговорить об этом с Е-Лердом и выяснить, почему все так произошло.

Семп телепатически обратился к нему непосредственно:

«Какие у вас остались воспоминания от пребывания на Земле?»

В ответ он услышал:

«Я лишь помню, как сообщил земным силки, что их сородичи в Космосе прибыли и что давно уже пора проинформировать их о том, откуда они взялись на самом деле».

Он замолчал, а затем, обернувшись к другим силки, вспылил:

— Это и впрямь фантастично! Я потрясен. Необходимо разобраться, какими методами Е-Лерд управляет Энергией. Подумать только! Я кому-то угрожал смертью, находясь на Земле! На меня это совсем не похоже.

То, как искренне он удивлялся случившемуся, свидетельствовало в его пользу больше, чем если бы он начал шумно протестовать.

— Из сказанного вами я делаю вывод, — заявил

Семп, — что, вопреки предыдущим заверениям, у вас все же есть глава, имя которому Е-Лерд.

Один из присутствовавших, который был в облике силки, пояснил:

— Нет, это не так. Он не является нашим шефом, но я вижу, каким образом можно объяснить этот вопрос. Мы свободны. Никто не диктует нам, что нужно делать. Но, действительно, часть своих полномочий мы делегируем. Например, поручаем Е-Лерду заниматься Энергией, и мы получаем её в пользование от него. Хотели бы вы переговорить с ним, господин Семп?

— Еще как! — воскликнул тот с очевидным удовлетворением.

Про себя он подумал: «Энергия! Ну конечно же! Чего ещё надо? Только лицо, контролирующее Энергию, могло напасть на меня!»

— Меня зовут О-Ведд, — представился космический силки. — Соблаговолите в таком случае следовать за мной.

Его длинное вытянутое тело отделилось от группы соотечественников и стрелой помчалось над их головами. Семп ринулся за ним. Они остановились перед небольшим входом в облицованный гранитом узкий туннель и проникли в него. Метров через тридцать они оказались

над вторым, не менее обширным, открытым пространством. То был второй город силки.

Во всяком случае, таково было его первое впечатление.

Однако, приглядевшись повнимательней, Семп заметил, что строения в этом городе носили другой характер. Не было громадных fhk{u домов. У Семпа, знакомого с большинством источников получения энергии, каких-либо сомнений не оставалось: некоторые из крупных зданий, которые он видел перед собой, напоминали помещения, где обычно вырабатывается атомная энергия. Другие служили распределительными центрами электричества. Третьи имели весьма своеобразные формы систем преобразования Илема.

Ни в одном из перечисленных объектов, конечно, не было собственно Энергии как совокупности. Но различных её проявлений здесь было в достатке.

Семп приземлился вслед за О-Веддом во дворе одного из блоков строений, которые он, несмотря на все защитные экраны, без труда определил как источник магнитных излучений.

Космический силки принял форму человека и ждал, когда то же самое сделает силки.

— Нужды нет! — лаконично отказался Семп. — Лучше попросите его выйти сюда.

О-Ведд недоуменно пожал плечами. В своем человеческом обличье он оказался брюнетом небольшого роста. Космический силки прошел в здание.

Вокруг Семпа стояла тишина, которую нарушал лишь выползавший из строений легкий шум. Система сверхчувствительных сигналов обнаружения, которую он постоянно поддерживал вокруг себя, внезапно зарегистрировала легкое касание. Это отмеченное датчиками, похожее на вздох движение воздуха, однако, не вызвало у Семпа мгновенной ответной реакции — выставления защитных экранов.

В конце концов, речь шла о чем-то вроде слабого ветерка, который обычно тянет с моря, и он не программировал свои механизмы обнаружения опасности на столь незначительные раздражители.

Он уже собирался выкинуть из головы этот несущественный факт, чтобы заняться анализом своих впечатлений от встречи с космическими силки и возникшей к ним симпатии, как вдруг в мозгу Семпа шевельнулась мысль: а откуда ЗДЕСЬ мог появиться бриз!

Он мгновенно окутался заградительным полем и ощетинился детекторами.

Семп успел заметить, что это действительно был легкий ветерок, но вызван он был появившимся в окружающем его пространстве участком вакуума.

На глазах Семпа двор подернулся пеленой, а затем и вовсе исчез.

И вообще больше не было никакого планетоида.

Свою восприимчивость к сигналам любого рода Семп поднял до максимума.

Теперь он просто висел в космическом пространстве. Сбоку от него ослепительно белым светом пылал гигантских размеров солнечный диск.

Внезапно всем своим телом он ощутил, что кто-то пытается вытянуть из него энергию. Возникло впечатление, что его экраны силки все больше и больше напрягались, а его организм упорно противился какой-то внешней силе на самых различных уровнях.

«Ясно, что это нападение, — подумал он с тревогой, — опять меня пытаются устранить».

Независимо от природы новой атаки она носила автоматический характер. Его собственная

система восприятия оказалась изолированной от внешнего мира, а сам он очутился во власти агрессора.

И тут Семп почувствовал, как погрузился в глубочайший мрак. Но больше всего его деморализовало осознание того факта, что какие— то внешние силы заблокировали его органы восприятия действительности, что не позволяло ему определить характер предпринятой против него агрессии.

Он увидел, что…

И в этот момент исчезло всякое понятие о расстоянии!

Растянувшись цепочкой на несколько километров, в космосе летели силки. Семп отчетливо различал их. С присущей ему быстротой он сосчитал — двести восемьдесят восемь. Он перехватил их мысли и узнал, что то были силки-ренегаты, покинувшие Землю.

Семп догадался, что им сообщили координаты планетоида и что они возвращались на родину.

Время сжалось.

Буквально, как ему показалось, в одно мгновение всю группу силки перенесли непосредственно к планетоиду. Семп теперь видел астероид на расстоянии максимально километрах в тридцати

от себя.

Но самым обескураживающим, а также самым смертельно опасным для него обстоятельством было то, что в тот момент, когда развертывались все эти удивительные события, которые он все-таки как-то воспринимал на одном из своих уровней, на другом он прекрасно отдавал себе отчет в том, что одновременно против него велась мощнейшая атака на уничтожение.

А он почти ничего не видел, не чувствовал, не осознавал.

В какие-то паузы у него возникали расплывчатые ощущения. Его защитные барьеры продолжали действовать. Но все это было далеко от уровня сознания и походило скорее на какой-то земной сон.

Будучи отлично подготовленным силки, Семп обостренно следил за развитием ситуации как внутри, так и вокруг себя. Он вел ни на мгновение не прекращавшуюся борьбу за обретение чувства реальности, фиксировал тысячи поступавших извне сигналов.

Наконец в нем пробудилось какое-то понимание происходившего. Сформировались некоторые первичные мысли о природе физического феномена, превратившего его в игрушку. Он уже

приступил к анализу обстановки, как феномен вдруг исчез столь же внезапно, как и возник.

Разыгравшаяся в космосе сцена стала тут же размываться, а затем и вообще куда-то исчезла.

Семп снова находился во дворе, примыкавшем к строениям, в которых размещался комплекс, где вырабатывалась энергия магнитного характера.

Навстречу ему, перешагнув порог главного здания, двигался О— Ведд. Рядом с ним шел человек, который по росту и телосложению походил на Семпа, когда тот принимал форму человека, то есть его рост превышал сто восемьдесят сантиметров при хорошо развитой мускулатуре. Однако черты его лица были более грубыми, а глаза не голубыми, а карими.

Подойдя к Семпу, он представился:

— Меня зовут Е-Лерд. Я готов говорить с вами.

Глава шестнадцатая

— Для начала, — продолжил Е-Лерд, — я хотел бы в нескольких словах рассказать вам об истории силки.

Семп все ещё жил недавней безжалостной борьбой, мобилизовавшей все его силы. В нем продолжала происходить перестройка множества энергетических потоков, в природе которых он хотел бы разобраться. Но слова Е-Лерда его взбудоражили.

В этот момент, когда он по-прежнему целиком был во власти негодования и злости, ничто другое, кроме этой темы, не могло бы отвлечь его внимание. Но…

История силки! Для Семпа уже ничего более важного на свете не существовало.

— Около трехсот лет тому назад, — повел свой рассказ Е-Лерд, — планетоид силки попал из дальнего Космоса в Солнечную систему. В msfm{i момент он был выведен на орбиту Солнце — Нептун. Уже в ходе первого орбитального полета некоторые силки, исследуя внутренние планеты, открыли, что лишь Земля была заселена разумными существами.

Силки обладали способностью менять форму тела по своему усмотрению. Поэтому они изучили вопрос о том, какие биологические структуры могли бы жить в двух земных сферах — в атмосфере и в океане, — а затем разработали соответствующую программу.

К несчастью, вскоре обнаружилось, что какой-то небольшой процент землян мог вступать с силки в телепатические контакты и читать их мысли.

Пришлось отозвать всех участников первого эксперимента и замять все воспоминания о них.

Поскольку продолжали встречаться земляне с необычайными способностями, возникла необходимость создать миф о появлении на Земле силки якобы в результате медицинского эксперимента, так сказать, «в пробирке». Была разработана необходимая программа, побуждавшая силки вступать в интимные связи с земными женщинами и приводившая к тому, что их сперматозоид и женская яйцеклетка порождали силки, которые вообще ничего не знали об истории своего вида.

Для поддержания запущенного процесса на автоматическом уровне из людей-телепатов создали группу Посредников, которым поручили следить за ходом операции.

После этого все взрослые силки вернулись на свой планетоид, который к тому моменту выходил уже на самую дальнюю точку своей орбиты. Спустя сотню с небольшим лет силки вернулись в околоземное пространство и решили в осторожной форме нанести повторный визит.

Выяснилось, что за это время произошли непредвиденные события.

Земные биологи к тому времени уже приступили к собственным экспериментам. В результате уже на первом этапе появились на свет мутанты с отличавшимися друг от друга характеристиками. Отклонения от нормы передавались по наследству и усиливались по мере увеличения числа их носителей.

В конечном счете это привело к следующим последствиям: сохранился определенный контингент подлинных силки, способных по своему желанию производить тройную трансформацию; появились силки класса «Би», которые могли совмещать жизнь на суше и в водной стихии, но были неспособны трансформироваться в космических силки; наконец, обнаружились мутанты в самых различных вариантах.

Две последние группы широко распространились в океанах. Поэтому было решено оставить

силки «Би» в покое, но особо мутировавшие особи, то есть Варианты, загрузить в гигантские космические корабли, заполненные водой, и запустить их в космос в целях изоляции и во избежание дальнейшего распространения путем неконтролируемых скрещиваний.

Этот план должен был быть уже реализован, когда планетоид, завершив облет Солнца, вновь отправится к Нептуну.

Теперь силки вернулись в третий раз и столкнулись с досадной ситуацией.

Выяснилось, что земная наука, на которую в первые визиты силки не обратили должного внимания, сумела развить систему восприятия силки мира до такого совершенства, что та оказалась близкой к чуду.

Земные силки сплотились между собой, уверенно пользовались своим даром и были связаны с Землей узами непоколебимой лояльности. Но в их распоряжении не было Энергии.

Все эти сведения Семп извлек из мыслей Е-Лерда.

Он был так изумлен узнанным, что в целях воссоздания полной j`prhm{задал Е-Лерду вопрос, который, как ему показалось, был самым существенным упущением в переданной ему

информации:

— Но откуда прибыл сам планетоид?

Е-Лерд впервые проявил некоторое раздражение.

«Мы слишком далеко и надолго уходим в космос, чтобы кто-то мог вспомнить об истоках, — телепатически ответил он. — Но ясно, что планетоид — порождение другой звездной системы».

«Вы говорите это серьезно? — спросил смущенный Семп. — Неужели вы ничего не знаете об этом?»

Но Е-Лерд ничего, кроме уже сообщенного ему, добавить не мог, с какой бы стороны не подступался к нему Семп. В то же время мозг Е-Лерда оставался для него в целом закрытым и отзывался только тогда, когда тот контактировал с Семпом телепатически. Мозг О— Ведда, напротив, был для него распахнутой книгой. Но он обнаружил там те же самые сведения о роде силки и то же самое отсутствие информации о происхождении их планетоида.

«Но зачем вы стали воздействовать на биологию человека и смешивать два биологических вида?»

«Мы всегда это делаем. Это наш образ жизни

— вступать в контакты с жителями посещаемой нами звездной системы».

«Но каким образом вы можете знать, что так поступаете всегда? Разве вы только что не сказали, что абсолютно не помните, ни откуда прибыли сейчас, ни о тех местах, где были раньше?»

«Очевидность этого подтверждается теми орудиями производства, которые мы оттуда вывезли».

Своим поведением Е-Лерд отвергал любые возражения, которые считал не относившимися к теме их разговора. Семп обнаружил у своего собеседника соответствующий умственный настрой, который объяснял такой подход. Для космических силки прошлое не имело никакого значения. Они извечно выполняли определенные действия, потому что были созданы определенным образом — умственно, физически и эмоционально.

Силки не должен был ссылаться на какой-то предыдущий опыт, а действовать только исходя из того, что в нем (или в ней) было врожденным.

Это фундаментально объясняло значительную часть того, что Семп смог подметить. Поэтому-то силки не получали никакого научного образования. Для космического силки не существовало самого понятия «образование».

«Таким образом, — продолжал расспрашивать, не веря самому себе, Семп, — вы утверждаете, что не имеете ни малейшего понятия о причинах, которые побудили вас покинуть прежнюю звездную систему, где вы поддерживали отношения с местными жителями? А почему бы вам не остаться навсегда в какой-нибудь из облюбованных вами систем?»

«Вероятно, потому, — отрезал Е-Лерд, — что тогда кто-то посторонний сможет в опасной степени приблизиться к секрету Энергии. А допустить этого мы не можем. Именно поэтому, — продолжал Е-Лерд, — Семп и другие земные силки должны вернуться в свое лоно. Их природная сущность силки могла бы помочь им приобщиться к секрету Энергии».

Вполне естественно, что дальнейший ход дискуссии сосредоточился на этом срочном вопросе.

«А что такое Энергия?» — наступал Семп.

Но Е-Лерд без обиняков ответил, что на эту тему разговаривать строго запрещено.

«В таком случае я буду вынужден прибегнуть к силе, чтобы вырвать у вас этот секрет, — заявил Семп. — Иначе будет невозможно достичь какой-либо договоренности».

Е-Лерд сурово ответил, что всякое применение

силы приведет к необходимости воспользоваться самой Энергией в целях защиты.

Семп потерял терпение.

«Вы уже дважды пытались меня уничтожить, — изрек он с холодной яростью. — Так что даю вам только тридцать секунд...»

Е-Лерд был явно удивлен:

«Я пытался вас уничтожить?»

Но как раз в тот момент, когда Семп сосредоточивался, чтобы пустить в ход уровни логики, произошло вмешательство третьей силы.

Один из рецепторов Семпа, расположенный в глубине его мозга, уловил пульсирование неизвестной низкой частоты. Она оперировала с простыми кратными звуковых частот и непосредственно воздействовала на его систему слуха.

Новым в этом приеме было то, что звуковая волна несла встроенную в неё мысленную нагрузку. В результате этого в его ухе как бы раздался ясный и отчетливый голос.

«Ты выиграл, — сказал он. — Хочу поговорить с тобой лично, без посредников, которые мне служат, не подозревая об этом».

Глава семнадцатая

Семп понял, что переданная ему мысль означала установление контакта. Соответственно его мозг, запрограммированный на то, чтобы одновременно отвечать на множество сигналов, мгновенно настроился на прием потока импульсов, исходящих от нового излучателя.

...Промелькнул неясный образ, но настолько неустойчивый и мимолетный, что по прошествии нескольких секунд Семп уже затруднялся сказать, был ли он плодом его воображения, или существовал на самом деле.

Где-то в самых глубинах астероида, в полном мраке затаилось нечто безмерное. Из его убежища веяло поистине гигантской мощью. ЭТО держалось как бы в стороне, а для наблюдения за Семпом использовало лишь ничтожную часть своих возможностей. Взятое в целом, ОНО воспринимало Вселенную и могло манипулировать громадными участками пространства и времени.

«Другим обо мне — ни слова», — возникла в мозгу Семпа мысль прямого контакта, сформулированная в четких словах.

Растерянность, охватившая Семпа в течение нескольких промелькнувших мгновений, граничила с отчаянием.

Он проник в крепость силки, будучи убежденным в том, что образование, полученное им от людей, в сочетании со знаниями кибмадинов обеспечивало ему временное преимущество над космическими силки и что если он не будет слишком затягивать дело, то сможет быстро добиться такого решения, которое полностью устранило бы опасность, исходившую от этих настоящих силки.

Вместо этого Семп, сам того не подозревая, проник в логово космического титана.

«Это и есть то, что называют Энергией», — подумал он, потрясенный своим открытием.

Если то, что ему на какой-то миг приоткрылось, соответствовало действительности, то тогда Семп оказался перед лицом до такой степени могущественного существа, что все то, чем он располагал с точки зрения силы и мастерства, по сравнению с этим выглядело просто смехотворным.

И, следовательно, оба нападения на него исходили от этого монстра.

«Ведь правда?» — спросил он на волне, соединявшей его с собеседником.

«Да, признаю это».

«Но чем они были вызваны?» — тут же ввернул Семп.

«Чтобы не дать себя обнаружить. Меня постоянно терзает страх, wrn если другие формы жизни узнают о моем существовании, то они тут же начнут искать способ меня уничтожить».

Посторонняя мысль внезапно сменила тему:

«А теперь слушай меня внимательно и поступай следующим образом...»

И(%2) это признание вновь внесло сумятицу в душу Семпа.(%0)

Учитывая, что возникшая в нем ненависть была стойкой и в своей основе стимулировалась на уровнях логики (в данном случае это была физическая реакция на попытку его уничтожения), он с трудом сдерживал побочные автоматические последствия.

Но все составные части этой картины-головоломки начали теперь становиться на свои места. Поэтому тотчас же, по просьбе чудовища, он обратился к Е-Лерду и второму силки:

«Подумайте над всем, что было сказано. И когда прибудут покинувшие Землю силки, я с ними переговорю. Тогда мы и продолжим наш разговор».

Столь неожиданное изменение позиции Семпа

поразило обоих его собеседников.

Но, как он заметил, в их глазах этот поворот выглядел проявлением слабости с его стороны, и оба они почувствовали в этой связи облегчение.

«Вернусь через час!» — сообщил Семп телепатически Е-Лерду.

Он повернулся, взлетел и, покинув двор, устремился к отверстию, которое вывело его к извилистому ходу в центр планетоида.

Снова на ультранизкой частоте прозвучал тот же голос, в котором слышалась настойчивость:

«Еще ближе».

Семп повиновался, руководствуясь принципом неотвратимости: либо он мог себя защитить, либо нет. Он решительно устремился вперед, пересек с дюжину защитных экранов и в конце концов добрался до высеченного в глубине метеорита грота, лишенного каких— либо украшений. Не было даже света.

При входе туда в его мозгу прозвучал прежний голос:

«Вот теперь можно и поговорить».

Семп лихорадочно обдумывал ситуацию: ему предстояло адаптироваться к столь фантастической опасности, что он был даже не в состоянии оценить её.

Но ведь чудовище предпочло скорее раскрыть себя ему, чем позволить Е-Лерду заподозрить о своем существовании. Это было одно— единственное очко в пользу Семпа. Но, с другой стороны, он был глубоко убежден в том, что будет обладать этим преимуществом лишь до тех пор, пока находится внутри планетоида.

«Надо извлечь из этого максимум выгоды», — подумал он.

Затем Семп телепатически обратился к незнакомцу:

«После всех этих наскоков на меня ты должен теперь совершенно откровенно ответить, хочешь ли ты достичь со мной договоренности?»

«Что конкретно тебе надо?»

«Ответь: кто ты? Откуда? Чего добиваешься?»

Существо не знало, кем оно являлось.

«Тем не менее у меня есть имя — Глис, — поправилось оно. — Когда-то давно у меня было много соотечественников. Но я не знаю, что с ними стало».

«Тогда что ты есть?»

Существо не знало и этого. Что-то вроде энергетической формы жизни неизвестного происхождения. Оно перемещалось из одной звездной системы в другую, задерживалось на одном месте

на некоторое время и опять пускалось в путь.

«Почему каждый раз ты срываешься с места, а не останешься где— нибудь?» — сердито спросил Семп.

«Наступает такой момент, когда я чувствую, что уже сделал все от меня зависящее для блага той системы, куда попал».

…Используя неимоверную энергию чудовище передвигало крупные метеоры, располагавшие водой и воздухом, к планетам, не имевшим атмосферы, и делало их тем самым пригодными для жизни. Оно освобождало космическое пространство от опасных бродячих небесных обломков, преобразовывало токсичные атмосферы в годные для дыхания…

«Я скоро закончу свою миссию и здесь. Думаю, что настал момент опять заняться изучением безграничного Космоса. Короче говоря, я облагораживаю обитаемые миры, а затем вновь пускаюсь в паломничество по Вселенной».

«А кто такие силки?»

«Это старая форма жизни, развившаяся на метеорах. Я открыл их существование очень давно. Мне были нужны средства, подвижные и способные мыслить. Удалось убедить их поддерживать со мной постоянные отношения».

Семп даже не стал задумываться над тем, какие использовались методы, чтобы убедить силки. Учитывая, что силки даже не подозревали о существовании этих отношений, методы, надо думать, были особенно изощренные. Тем не менее, насколько он мог сам в том убедиться, это было достигнуто мирным путем. В конечном счете, у Глиса оказались на службе силки, которые действовали в его интересах в мире малых перемещений. Силки же, со своей стороны, по— видимому, получили в свое распоряжение различные предметы и определенные части его материальной формы, запрограммированные на выполнение задач, превышавших их возможности.

«Я хотел бы, — заметил Глис, — заключить подобное соглашение и с вашим правительством на то время, которое мне ещё предстоит провести в Солнечной системе. Но все это следует сохранять в самой строжайшей тайне».

«Почему?»

Ответ пришел не сразу. Но частота волны, на которой поддерживалась связь, осталась задействованной, и по ней пробежал поток информации, отражавшей суть реакции Глиса: уверенность в безграничной мощи, которая по-

давляла во Вселенной буквально все.

И вновь у Семпа возникла опустошавшая его мысль о своей полной ничтожности перед подобным могуществом.

Тем не менее он сразу же телепатически ответил Глису:

«Но ведь надо, чтобы кто-то ещё узнал о твоем существовании. Не могу же я хранить этот секрет только для себя?»

«Я категорически возражаю, и это особенно касается силки».

Семп воздержался от полемики. Тысячелетиями Глис не раскрывался перед космическими силки, и Семп был абсолютно уверен в том, что монстр, не колеблясь, уничтожит весь планетоид лишь ради того, чтобы сохранить свой секрет.

Семпу повезло. Глис атаковал его на таком уровне, когда пострадало всего-навсего одно помещение астероида. То есть он сознательно ограничил тогда свою мощь.

«Разрешаю посвятить в эту тайну только ведущих членов правительства и Совета силки», — смирился Глис.

Уступка казалась вполне приемлемой. И все же Семп сильно подозревал, что в течение долгой жизни Глиса всякий, кто узнавал о нем, в конце

концов расплачивался за это жизнью.

Поскольку он был убежден в этом, то пойти на компромисс не мог.

«Покажись мне целиком — таким, как ты есть, — попросил он. — То, что мне чуточку приоткрылось ранее, было лишь бледным отображением твоего существа».

Он чувствовал, что Глис колеблется.

«Обещаю, — настаивал Семп, — что секрет узнают только лица, которых ты укажешь сам. Должны же мы знать, с кем имеем дело!»

Продолжая висеть в своей форме силки между сводом и полом грота, Семп вдруг почувствовал, как изменился энергетический потенциал воздуха и горных пород. И хотя сам он не выставлял никаких дополнительных средств слежения, он явно ощутил понижение уровня собственных энергетических барьеров.

Первое, что он испытал, — это ощущение чего-то совершенно необъятного.

После достаточно длительного изучения он констатировал, что существо, напоминавшее по внешнему виду скалу, имело округлую форму с диаметром около трехсот метров.

Оно жило, но не состояло из плоти и крови.

Оно питалось из какого-то источника энергии,

сравнимого с тем, что бушует в недрах Солнца.

И все же Семп отметил странный феномен.

Магнитные импульсы, пронизывавшие существо и воздействовавшие на его чувства, были в чем-то изменены, причем эквивалента подобных различий он ранее не встречал. Все происходило так, как если бы они пронизывали атомы, структура которых отличалась от всего того, что было ему известно до настоящего времени.

Он тут же вспомнил о том необъяснимом впечатлении, которое произвела на него странная группа молекул во время встречи с женщиной силки на Земле. Речь явно шла об одном и том же явлении, но теперь в неизмеримо большем масштабе.

Его особенно тревожил тот факт, что все его блестящие познания в области строения материи не давали ему никакой зацепки, чтобы понять характер представшего перед ним феномена.

«Достаточно?» — осведомилось существо.

«Да», — как-то неубедительно ответил Семп.

Однако Глис воспринял этот сдержанный ответ как безоговорочное согласие. Тут же образ, простиравшийся через и за пределы стенок грота, померк.

В мозгу Семпа опять прозвучал голос:

«Показав себя, я допустил очень опасную неосторожность. Поэтому я вновь настоятельно прошу не рассказывать о том, что ты только что увидел, другим лицам, кроме тех, о которых мы уже договорились. Только абсолютный секрет на этот счет гарантирует безопасность обеим сторонам, — продолжало существо. — Я считаю, что моя мощь может привести к громадным разрушительным последствиям. Возможно, я и ошибаюсь. Но я был бы весьма удручен, если бы под влиянием внезапного страха уничтожил целую систему».

В этом заявлении звучала скрытая угроза, носившая апокалиптический характер. Оставаясь в пределах возможного, она далеко превосходила все то, что Семпу доводилось до сих пор слышать в своей жизни.

Поэтому Семп все время колебался. Он был потрясен, но его настойчиво терзало желание узнать как можно больше.

«Сколько лет может жить силки? — спросил он и сразу же пояснил: — У нас в этой области нет никакого опыта, поскольку никто из нас до сих пор естественной смертью не умирал».

«Примерно тысячу ваших земных лет», — ответило существо.

«Какие у тебя намерения относительно силки, родившихся на Земле? Почему ты захотел, чтобы мы вернулись на планетоид?»

Снова пауза, и опять ощущение всеподавляющей мощи. Однако вскоре все же последовал сдержанный ответ, состоявший в том, что силки, родившиеся на планетах, оказывались менее тесно связанными с Глисом, чем те, кто совершил вместе с ним последнее странствие.

Поэтому Глис был заинтересован в том, чтобы иметь достаточно времени для подготовки нового поколения силки на смену нынешнему.

«Нам с тобой следует заключить особое соглашение, — завершил беседу Глис. — Возможно, ты смог бы занять место Е-Лерда и служить мне посредником».

Учитывая, однако, что Е-Лерд и не подозревал о том, что является упомянутым посредником, у Семпа создалось впечатление, что сделанное ему предложение ничего, кроме опасности для него, не представляло.

«Как только я удалюсь, — подумал он, — мне никогда уже не позволят сюда вернуться».

Впрочем, это не имело никакого значения. Сей час самым важным было найти способ покинуть планетоид. И как можно скорее.

Глава восемнадцатая

В помещении Властей силки компьютер выдал на его запрос четыре варианта ответа.

Два из них Семп отклонил сразу же. На техническом жаргоне они назывались «пробными шарами». Машина просто выдавала информацию в виде двух сводных таблиц. Тем самым человек или силки могли изучать проблему в разбитом на элементы виде. Но Семп в такого рода ответе не нуждался, во всяком случае пока.

Из двух оставшихся вариантов один утверждал, что это существо и есть Бог.

Но Семп на собственном опыте убедился, что мощь Глиса уступала Всевышнему, так как дважды он не смог с ним справиться. Правда, нужно было учитывать при этом и то, что если монстру не удалось этого сделать, то, видимо, только из-за нежелания уничтожать весь планетоид. Но всемогущий Бог таких ограничений себе не стал бы ставить.

Значит, Семпу следовало исходить из того, что верным был четвертый ответ, каким бы невероятным он ему ни казался.

Эта наиболее вероятная версия уводила в по-

крытые мраком глубины времени.

Согласно ей чудовище, затаившееся в астероиде, было старше большинства планетных систем.

«Когда оно появилось на свет, — докладывал компьютер, — конечно, существовали звезды и их системы, но они отличались от нынешних. Законы природы тогда были иными, чем сейчас. С того времени изменились как пространство, так и время. Они постарели, так что вид сегодняшней Вселенной не соответствует тому, который Глис знал при своем рождении. В этом состоит его преимущество, так как ему известны некоторые из начальных форм бытия атомов и молекул, и он может воссоздавать их в этом состоянии. Часть этих комбинаций отражает состояние материи в тот момент, когда она была, если выражаться фигурально, в „молодом возрасте“.

Правительственная группа, которой Семп доложил эту информацию, была потрясена. Как и он, эти люди строили свои планы из расчета достичь компромисса с космическими силки. А тут внезапно появляется третья колоссальная величина, наделенная неведомой мощью.

— Не означают ли ваши слова, — задал вопрос один из министров изменившимся от волнения

голосом, — что в определенном смысле силки являются рабами этого существа?

— Е-Лерд, — ответил Семп, — совершенно не ведал, с чем он имеет дело. Он полагал, что это всего лишь разработанный наукой механизм для использования определенной природной силы. Глис отвечал на его манипуляции с этой системой так, как если бы речь действительно шла о новой форме энергии. Но нет сомнения в том, что монстр уж давно контролирует Е-Лерда, соответствующим образом внутренне запрограммировав его.

Но, как подчеркнул Семп, столь гигантская форма жизни не может опускаться до каждодневных забот подчиненных ей субъектов. Ей достаточно получать от них то, что требуется.

— И чего же хочет это существо? — спросил другой министр.

— Он бродит по Вселенной, неся с собой благо, — ответил Семп с насмешливой улыбкой. — Во всяком случае, он хотел, чтобы я в это поверил. Он внушал мне, что был бы готов изменить Солнечную систему так, как мы того пожелаем.

В этот момент вмешался Мэтьюз:

— Господин Семп, — проговорил он, — как все это может повлиять на положение силки?

Семп ответил, что покинувшие Землю силки действовали безответственно и опрометчиво.

— Но, — закончил он, — должен вам заметить, что в целом космические силки произвели на меня очень благоприятное впечатление. И если хотите знать мое мнение, вопрос совсем не в них, так как наша проблема — это и их проблема, и они тоже должны найти её решение, хотя и под иным углом зрения.

— Нэт, — спросил Чарли Бэкстер, — вы лично доверяете этому монстру?

Семп помедлил с ответом, вспомнив о нападениях, которым он подвергся, и о том, что его спасли лишь защитный экран кибмадина и метод инверсии энергии. Он не забыл и того, что чудовище предпочло раскрыть себя, чем позволить своему противнику, а именно Семпу, вынудить Е-Лерда дать ему возможность телепатического прочтения его знаний, что позволило бы силки узнать природу Энергии.

— Нет, — ответил он наконец.

Семп тут же понял, что столь простое негативное утверждение не может рассматриваться как полноценный ответ. Оно оставляло в стороне вопрос о реальной опасности, надвигавшейся на них из Космоса.

— Я отдаю себе отчет в том, — резюмировал он, тщательно подбирая слова, — что могут возникнуть сомнения относительно побудительных мотивов того, что я сейчас скажу. И все же, поверьте, я так считаю искренне. На мой взгляд, необходимо обучить всех земных силки оборонительной и наступательной системе кибмадина. Надо также объединить их в группы для постоянного наблюдения за Глисом. Следует запретить кому бы то ни было покидать планетоид, за исключением тех, кто решит сдаться.

Воцарилась глубокая тишина. Наконец один из ученых еле слышно спросил:

— Есть ли хоть малейший шанс на успех в случае использования логики уровней?

— Не вижу, каким образом, — ответил Семп.

— Я тоже, — с сожалением поддержал его спрашивавший.

Семп снова обратился к членам правительственной группы:

— Считаю, что мы должны объединить наши усилия, чтобы изгнать этого монстра из пределов Солнечной системы. Мы не будем чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока он не покинет её.

Еще заканчивая эту фразу, он ощутил… столь

знакомое ему нарастание энергетического потенциала.

Перед его мысленным взором раскрылись космические дали и безмерность космического времени.

Безграничная мощь!

Именно такое ощущение охватывало его при вторичной агрессии со стороны Глиса… когда все его органы восприятия мира оказались дезорганизованными.

Парализовавший его в этот момент страх был несравним по своей интенсивности с тем, что он когда-либо испытывал ранее. Это был ужас человека, которому внезапно приоткрылась перспектива гибели bqeu существ его биологического вида на всей планете в целом.

Движимый этим чудовищным страхом, Семп развернулся и бросился, наклонив голову, к находившемуся позади него широкому окну, одновременно разбивая его вдребезги мощным энерголучом. Закрыв глаза, чтобы не поранить их об осколки стекла, он выбросился в пустоту с семидесятого этажа.

Во время падения пространство и время стали рушиться словно карточный домик. Семп трансформировался в силки класса «Си», что

необыкновенно усилило остроту его восприятия. Он смог тут же составить себе представление о природе задействованной колоссальной энергии: речь шла о гравитационном поле такой интенсивности, что в сущности оно свернулось вокруг самого себя. Все органические и неорганические тела, которые попали в это поле, подвергались неодолимому чудовищному сжатию…

Защищаясь, Семп в первую очередь возвел инверсионную систему.

Но он быстро понял, что это было неадекватной реакцией на происходившие события.

Тогда он пустил в ход преобразователь гравитации. Это была система с неограниченной возможностью менять силу гравитации, и она стала низводить атакующее сверхполе до уровня безобидной для него энергии.

Только после этого Семп почувствовал, что сжатие уменьшилось, но не прекратилось совсем. И все же теперь оно не было до такой степени всеохватывающим и всеобволакивающим. Полной свободы действий он тем не менее не обрел.

В этот момент Семп понял природу явления, которое держало его в плену. Он был ориентирован в направлении крупного участка пространственно-временного континуума, который его

охватывал. В определенной степени все, что происходило в этом участке, совершалось и в нем, Семпе. И в той же мере он не мог выскользнуть из этой ловушки.

Мир закрыла пелена. Исчезло Солнце.

Семп сделал шаг назад, увидев, что находится внутри помещения. Понял: только автоматически встроенные экраны помешали ему столкнуться с твердыми, сверкавшими стенами.

Он отметил и ещё три факта.

Помещение было знакомо ему в том смысле, что внизу под собой он видел один из блестящих образов планеты в миниатюре. Ясно проступали океаны и континенты. То, что Семп мог видеть это со стороны, указывало, что он снова очутился внутри планетоида силки, в одном из его «художественных» помещений.

В то же время имелась и одна существенная разница. Вглядевшись повнимательнее в образ-макет планеты, он узнал знакомые контуры и океаны Земли.

И тогда Семп понял, что испытанное им ощущение безграничной мощи, концентрически сдавливавшей со всех сторон, соответствовало действительности.

Монстр, живший в логове своего планетоида,

овладел Землей. Он ужал все, что находилось внутри и вне земного шара, доведя его до диаметра в тридцать метров, и пополнил им свою сказочную коллекцию.

То, что Семп видел внизу, совсем и не было макетом Земли. Это была сама Земля.

Одновременно Семп почувствовал, что возросла скорость планетоида. «Мы покидаем Солнечную систему», — пришло ему на ум.

За эти несколько минут, что он висел между потолком и полом, неспособный ни во что вмешаться, скорость планетоида достигла сотен, а затем и тысяч километров в секунду.

Через час непрерывного ускорения скорость этого ничтожного по размерам небесного тела, выведенного на гиперболическую и onqrnmmn расширявшуюся орбиту, достигла половины скорости света.

Спустя несколько часов планетоид пересек орбиту Плутона и мчался почти со световой скоростью.

А ускорение все продолжало нарастать…

Глава девятнадцатая

Где-то внутри себя Семп стал накапливать силы. Ярость клокотала в нем, как горный поток на скалистом склоне.

«Исчадие ада!» — телепатически «выстрелил» он в адрес чудовища.

Никакого ответа.

«Ты самое дьявольское создание, которое когда-либо существовало, — продолжил Семп вне себя от негодования. — Но погоди, ты у меня дождешься! Я позабочусь об этом!»

На этот раз ему ответили.

«Я навсегда покидаю Солнечную систему, — откликнулся Глис. — Почему бы тебе не покинуть астероид, пока ещё не поздно? Я даю тебе возможность уйти».

Семп в этом ничуть не сомневался. Он оказался самым опасным для монстра врагом. Его неожиданное появление здесь, то обстоятельство, что ему удалось проскользнуть сквозь ячейки наброшенной им «сети», — все это являлось горьким сюрпризом для Глиса.

«Нет уж, никуда я отсюда не уйду, — огрызнулся он, — до тех пор, пока ты не вернешь Землю в её

прежнее состояние».

Последовало молчание.

«Можешь ли ты это сделать и сделаешь ли?» — добивался своего Семп.

«Нет. Это невозможно», — ответил тот с сожалением.

«Но смог ли бы ты, если бы действительно захотел, вернуть Земле её истинные размеры?»

«Нет, но сейчас я сожалею, что унес твою планету с собой, — жалостливо протянул Глис. — Я всегда придерживался принципа не вмешиваться в дела обитаемых миров, которые защищены развитыми формами жизни. Я и думать не думал, что какой-то там силки сможет представлять для меня реальную опасность. Но я ошибся».

Это был не тот тип покаяния, к которому Семп мог бы отнестись с уважением.

«Но почему ты не можешь вернуть её в прежнее состояние?» — настойчиво допытывался он.

Выяснилось, что Глис был способен создать чудовищное гравитационное поле, но сейчас уже не мог повернуть этот процесс обратно. Для этого потребовалось бы столько же энергии, сколько пришлось затратить на само сжатие.

«Где же взять столько энергии?» — как бы извинился монстр.

Действительно, где? Но Семп не мог так просто отступить.

«Я научу тебя создавать антигравитацию, — предложил он, — на базе того, что я могу делать в собственной системе контроля за энергией».

Но Глис ответил, что у него уже была возможность изучить эту систему у других силки.

«Не думай, что я не пытался добиться этого сам. Выяснилось, однако, что антигравитация является более поздним проявлением материи и энергии. Я же являюсь её первоначальной, примитивной формой, о чем известно только тебе».

Надежды Семпа разом рухнули. Где-то в глубине он рассчитывал на то, что решение проблемы все же существует. Но пока он его не видел.

Впервые его охватило отчаяние, впервые он по-настоящему ondsl`k о неотвратимости гибели Земли.

Глис тем временем продолжал:

«Сейчас я вижу, что мы оба, ты и я, столкнулись с действительно серьезной проблемой. Значит, надо договариваться. Я сделаю тебя главой нации силки. Я буду оказывать на них незаметное воздействие с тем, чтобы все твои желания исполнялись. Женщин — сколько угодно. Власти — сколько пожелаешь. О будущем этого плането-

ида мы позаботимся вместе».

Семп даже не снизошел до того, чтобы рассматривать подобный вариант.

«Ты и я, мы думаем в разных плоскостях, — с горечью передал он ему телепатически. — Хорошо представляю себе, что ты сделаешь со мной, как только я рискну принять человеческую форму. — Он на секунду прервался, затем язвительным тоном продолжил: — Я вижу наше соглашение только как ограниченное во времени перемирие, в течение которого каждый из нас будет искать способ сокрушить другого».

«Ну если у тебя такой настрой, — раздраженно заявил Глис, — то позволь уж изложить и мою позицию. Если ты хоть что-нибудь предпримешь против меня, я начну с уничтожения Земли и народа силки, а потом уж займусь тобой».

Семп отреагировал ледяным тоном:

«Если ты когда-либо нападешь на существо или на что-то, чему я придаю значение, — включая всех силки и все, что осталось от Земли, — я нападу на тебя, используя все имеющиеся в моем распоряжении средства».

«А у тебя за душой нет ничего такого, чем ты мог бы нанести мне вред, — пренебрежительно отозвался Глис. — У тебя только и есть эти защит-

ные экраны, которые обращают вспять поток энергии нападения. Именно так тебе и удается использовать против меня мою же собственную силищу. Но я просто не буду больше на тебя нападать. Следовательно, создалось бессрочное патовое состояние».

«Поживем — увидим», — уклонился Семп.

«Ты же сам сказал, что твои уровни логики бессильны против меня».

«Да, это так, но только непосредственно, — отрезал Семп, — но ведь существует немало обходных путей для того, чтобы подобраться к мозгу».

«Не вижу, каким образом подобная методика может быть использована против меня», — пробурчал Глис.

Этого пока не знал и Семп.

Глава двадцатая

Семп летел внутри астероида, оставляя позади многие километры подъемов и спусков, извивающихся и прямых как стрела. По пути ему попадались большие помещения, забитые обстановкой и произведениями искусства с других планет.

Он видел на многих стенах замечательные и необычные, игравшие всеми красками барельефы. И все время ему попадались замурованные планеты. Они излучали красоту, но одновременно вызывали в нем острый протест в том смысле, что над каждой из них было совершено чудовищное насилие.

Семп направился к городу силки. Он добирался до него внутренними коридорами, лишенный возможности использовать внешние пути, так как остерегался покидать планетоид. Глис практически признал, что не сумел предусмотреть, каким образом его смертельный враг смог остаться в живых. И если Семп когда-либо выйдет из гротов астероида, у него не останется ни малейшего шанса влиять на исход борьбы и на цену, которую придется за это заплатить. Участь qhkjh

будет решаться без него, поскольку — и в этом не приходилось сомневаться — вернуться ему уже никогда не позволят.

Дело было не в том, что Семп уже разработал какой-то план. Слишком тяжело, слишком трудно он переживал случившееся… Он не сумел ни защитить свой мир, ни добиться чего-то существенного. Он провалил задание, не исполнил своего долга.

Земли больше не существовало.

Семп не выдерживал и нескольких секунд, стоило ему только задуматься о всей полноте случившегося, о всеобъемлющей катастрофе, которая произошло так быстро.

Периодически он оплакивал Джоанн и Чарли Бэкстера, других друзей из числа Посредников и среди людей.

Все больше и больше погружаясь в свои тяжкие мысли, он занял наблюдательный пост на верхушке одного из деревьев, которое возвышалось на главной улице города силки.

И стал ждать, приведя в состояние боевой готовности все свои системы предупреждения. Так и нес Семп свою неутомимую вахту, в то время как вокруг него обыденная жизнь Сообщества силки продолжала идти своим чередом. Тот факт,

что силки по-прежнему сохраняли земной облик, показался ему весьма существенным.

«Это сделано специально, — с возмущением подумал он. — Для того, чтобы сохранять их в уязвимом состоянии».

В этом виде их можно было уничтожить одним выбросом всепожирающего пламени!

Он телепатически обратился к Глису:

«Освободи их от этого принуждения, иначе я расскажу им всю правду о тебе».

Сразу же последовал чудовищный ответ:

«Только заикнись, и я одним махом смету их всех».

Семп приказал:

«Перестань принуждать их все время носить личину человека, иначе я немедленно открою боевые действия».

Подобный ультиматум, видимо, подействовал на монстра, так как он на некоторое время задумался. Наконец он телепатически ответил:

«Ладно, согласен освободить половину из них. Ведь мне нужно поддерживать какую-то власть над тобой».

Семп обдумал это предложение Глиса и пришел к выводу, что оно достаточно разумно.

«Но пусть освобождение от этой принудиловки

находиться в облике людей будет чередоваться: полсуток — для одной половины, полсуток — для другой».

Глис пошел на этот компромисс, не торгуясь. Он был готов — и это ясно просматривалось во всем — признать равновесие сил с Семпом.

«Куда движется астероид?» — спросил Семп.

«В другую звездную систему».

Такой краткий ответ Семпа не удовлетворил.

Не мог же Глис питать иллюзии, что ему и теперь позволят продолжать свою чудовищную игру в коллекционирование обитаемых миров.

«Мне кажется, ты что-то затеял», — спровоцировал он Глиса.

«Не дури и оставь меня в покое».

Да, сложилась действительно патовая ситуация.

@ABOVEBLANK = Шли дни, за ними недели. Семп попытался рассчитать расстояние, которое прошел за это время планетоид, и направление, в котором тот двигался.

В среднем метеор мчался со скоростью примерно в один световой год за земной день. Прошло восемьдесят два дня. Внезапно он почувствовал, что астероид тормозит. Так продолжалось примерно два полных дня. Семп не колебался ни

минуты. Он не мог позволить этому qrp`mmnls кораблю, ставшему ему прибежищем, достичь конечной цели, о которой он не имел ни малейшего представления.

«Останови метеор!» — крикнул он.

«Ты что, считаешь, что можешь вмешиваться в столь незначительные решения?» — гневно возмутился Глис.

Но поскольку ситуация могла представлять смертельную опасность, Семп продолжал:

«В таком случае открой мне все закоулки твоего интеллекта. Познакомь меня со всем, что тебе известно об этой системе».

«Я в ней никогда не был».

«Ну и отлично. Я смогу убедиться в этом, как только ты сделаешь то, о чем прошу тебя».

«И думать забудь, чтобы я позволил тебе бродить по лабиринту своего мозга. Тогда ты сможешь обнаружить что-нибудь такое, что сделает меня беззащитным перед твоей техникой боя».

«Тогда смени курс».

«Нет. Это значило бы, что отныне я не смогу направиться туда, куда захочу, до самой твоей смерти, которая случится не раньше чем через тысячу лет. И я отказываюсь даже рассматривать подобное ограничение моей деятельности».

Это повторное упоминание о долголетии силки заставило Семпа задуматься. На Земле никто из них не знал, когда умрет, потому что из всех силки, которые на ней родились, ни один ещё не скончался естественной смертью. Лично ему было тридцать восемь лет.

«Послушай, — вымолвил он наконец, — если у меня в запасе всего тысяча лет, то почему бы тебе не подождать? Ведь этот срок ничтожен по сравнению с продолжительностью твоей жизни».

«Что же, так и поступим», — согласился Глис.

Тем не менее скорость планетоида продолжала уменьшаться.

«Если ты не изменишь курс, — с вызовом бросил Семп, — я приму свои меры».

«Ну и что ты можешь сделать?» — с презрением отмел его браваду монстр.

Это был хороший вопрос. Действительно, а что он мог предпринять?

«Делаю тебе последнее предупреждение», — тем не менее упорствовал Семп.

«Я запрещаю тебе лишь раскрывать факт моего существования кому бы то ни было. В остальном ты волен делать все, что тебе заблагорассудится».

«Если я тебя правильно понял, — настаивал

Семп, — ты убедил себя в том, что я для тебя не опасен. Именно так ты ведешь себя в отношении тех, кого считаешь для себя безвредными».

Глис ответил, что он и в самом деле придерживается такой точки зрения, поскольку, если бы его противник был способен в чем— то нанести ему ущерб, он давно бы уже это сделал.

«Итак, — подвел он итоги, — и я заявляю тебе это без всяких обиняков, отныне я буду поступать так, как мне заблагорассудится. Что касается тебя, то у меня остается лишь одна просьба — не раскрывай мою тайну. А теперь перестань мне досаждать своими обращениями».

Да, все встало на свои места. Его считали безвредным, поместили в раздел тех, чьи пожелания не стоит принимать в расчет. Восемьдесят дней бездействия оказались Семпу во вред. Он не напал на Глиса за это время, значит, не способен сделать это. Такова была очевидная логика монстра.

Так… Но что же все-таки он мог бы сделать?

Обрушить на чудовище энергетический удар? Но потребовалось бы время на его подготовку, да к тому же по закону возмездия — око за око — вполне вероятно, что тот уничтожил бы нацию силки и Землю.

Способствовать подобной катастрофе Семп ни

в коем случае не хотел.

К своему великому смятению, он должен был признать непоколебимость логики рассуждений чудовища. Оставалось лишь закрыть свой интеллект и сохранять секрет монстра — третьего дано не было.

Видимо, стоило бы заявить Глису, что существуют разные виды тайн. Так сказать, их иерархия. Одно дело — хранить секреты о себе самом. Другое — о той звездной системе, к которой сейчас направлялся планетоид. В целом вопрос секрета…

Неожиданно на Семпа нашло озарение.

«И как я об этом не подумал раньше?» — недоумевал он.

И в тот же самый миг, когда он осознал всю свою невнимательность, он понял одновременно и действие того механизма, который ввел его в заблуждение. Стремление Глиса сохранить в тайне факт своего существования показалось Семпу вполне естественным. В какой-то степени именно эта естественность помешала силки проанализировать возможные причины последствия этого требования монстра. Но сейчас…

«Секрет! — подумал он. — Ну конечно — В ЭТОМ-ТО ВСЕ ДЕЛО!»

Поразмышляв ещё несколько секунд на эту

тему, Семп предпринял первые шаги. Он инверсировал гравитацию по отношению к планетоиду под собой. Легкий, как одуванчик, он поднялся в воздух и покинул вершину дерева, которое так долго служило ему наблюдательным пунктом.

Вскоре Семп уже с большой скоростью мчался вдоль гранитных стен коридоров.

Глава двадцать первая

Он без особых осложнений добрался до помещения, в котором хранилась Земля. Располагая свои экраны таким образом, чтобы полностью прикрыть ими этот столь дорогой ему шарик, Семп позволил себе подняться ещё на одну ступеньку по лестнице Надежды.

«Ну конечно же, все дело в секретах!» — снова с воодушевлением подумал он. — В своем естественном проявлении жизнь не нуждается в сохранении каких-то её секретов.

Ребенок постоянно щебечет, плачет или выражает свои потребности по мере поступления чувственных раздражений. Однако взрослея, он все больше испытывает давление различного рода запретов и наказаний, которые подавляют его естественные побуждения. В течение всей жизни растущий организм стремится с одной стороны свободно выразить свои желания, а с другой — все время подвергается принуждению. Фактически он как бы всю жизнь пытается освободиться от детства с его непосредственной реализацией желаний. В этом и состоит «программирование» человека жизнью или выработка условных ре-

флексов.

Само по себе это не логика уровней. Но между ними существует связь — условные рефлексы стоят на порядок ниже. Они являются своего рода контролирующими органами, то есть вырабатывают определенную жесткость поведения. Но это — центр, который создается воспитанием, путем неоднократного повторения и стимулирования определенных действий. Это происходит автоматически.

Решающий факт состоит в том, что раз уж Глис сам себя «запрограммтировал» на сохранение тайны своего существования… то, значит, была возможность и разблокировать этот условный рефлекс, так сказать, «перепрограммировать» чудовище путем соответствующего цикла логики уровней.

Добравшись до этого, предпоследнего этапа своего анализа, Qelo заколебался. В качестве силки он сам был «настроен» скорее на нейтрализацию, чем на убийство, скорее на переговоры, чем на нейтрализацию, на то, чтобы сеять доброе начало.

Даже применительно к Глису вопрос о смерти должен был решаться как нечто стоящее на последнем, а не на первом месте.

Поэтому он телепатически передал ему:

«В течение всего твоего чрезмерно долгого существования тебя преследовал страх, что кто-то узнает способ, которым можно тебя уничтожить. Должен тебе сказать следующее: я — именно тот, кого ты опасался всю жизнь. Поэтому если ты не изволишь взять обратно все свои предыдущие наглые заявления, то должен будешь тоже умереть».

«Я отпущу тебя на планету Земля, — холодно отреагировал монстр, — поскольку держу в полном подчинении заложников. Я говорю о народе силки!»

«И это твое последнее слово?» — спросил Семп.

«Да, и прекрати свои глупые угрозы! Они начинают меня раздражать».

И тогда Семп произнес решающие слова:

«Я знаю, откуда ты появился, чем являешься и что стало с тебе подобными существами».

Конечно, ничего этого он не знал. Но это было элементом разработанной им техники внушения. Этим заявлением общего характера он должен был начать расшатывать те связи мозга Глиса, которые ведали восприятием и памятью, то есть прежде всего знанием истинного положения дел. Затем по примеру всех живых существ у монстра

должен был автоматически появиться рефлекс на выдачу информации в её нынешнем состоянии.

Однако, прежде чем поддастся этому импульсу, он выдвинет вперед самоналоженное принуждение к неразглашению своей тайны. И здесь заработает запущенная им логика уровней в цикле Истина Вопреки Запретам.

Это и составит точную схему воздействия на него, которая явится повторением навязывания точно таких же принуждений, происходивших в течение всей его долгой-долгой жизни. Решение проблемы для Семпа состояло в том, чтобы использовать эту схему путем резкого усиления естественного стимула — стремления к правде, что в конечном счете должно было привести к разрыву наложенных на неё искусственных пут.

Задействовав схему в соответствии с теорией, Семп передал сигнал на активное расшатывание.

Глис откликнулся на его демарш удивленно:

«Что это ты затеял?»

Теперь настала очередь Семпа показать себя существом коварным, уклончивым, интриганом.

«Я должен был привлечь твое внимание к тому факту, что вести дело со мной отвечает твоим интересам».

Отступать было уже поздно, а маневр в случае удачного исхода мог бы спасти много жизней.

«Хочу тебе заметить, — стал оправдываться Глис, — что до настоящего времени я не нанес вреда ничему, что представляло бы собой ценность».

Семп воспринял эту ремарку с большим облегчением. Да и не испытывал он ни малейшего сожаления в связи со своими действиями. С таким созданием, как Глис, он не мог тешить себя надеждой, что ему удастся когда-либо повторить попытку, которую он предпринял против монстра. Раз уж процесс начался, надо было идти до конца — либо все, либо ничего.

«Ты только что говорил о необходимости вступить с тобой в переговоры. Повтори-ка ещё раз свои слова», — настойчиво попросил Глис.

Семп сдержал себя, чтобы не поддаться пробуждавшемуся к нему сочувствию.

Глис продолжал:

«Я согласен выдать тебе все мои секреты, если ты скажешь, что ты предпринимаешь против меня. Я чувствую, как во мне возникают какие-то расстройства и волнения, и я не понимаю, по каким это происходит причинам».

Семп заколебался. Конечно, это было превос-

ходное предложение. Но он понял, что если пообещает, то должен будет сдержать слово.

В мозгу монстра произошло следующее. Как он и надеялся, его последний сигнал привел в движение сообщества клеток, связанные с процессом, благодаря которому формы жизни медленно, годами и тысячелетиями, приспосабливаются к внешним изменениям. Тем самым у монстра оказались стимулированы те контрольные центры, которые обеспечивали последовательность цикла эволюции, механизм роста и изменений в организме.

Силки понимали толк в природе роста. Что касается изменений, то они прекрасно знали, как это происходит, благодаря особенностям собственного тела, которое обладало способностью к трансформациям. Но силки поздно вошли в процесс жизни. С точки сроков эволюции их клетки были так же стары, как скалы и планеты. Вся история жизни была записана в каждой клеточке силки.

Возможно, что у Глиса все было по-другому: монстр появился в предшествующую силки эпоху, и тогда же он остановил течение времени в самом себе. Во всяком случае, он не передавал свои свойства через семя, как это делается при

обычной эволюции, развивающейся во времени. В своем лице он сохранил образчик старых примитивных форм жизни. Конечно, это были крупные формы. Но память, заложенная в каждую их клеточку, была ограничена в наборе содержащихся в ней сведений только тем, что произошло до нее.

Поэтому Глис не мог, заблокировав свою эволюцию принуждением к соблюдению секрета, знать, от чего он защищает себя.

«Обещаю, что я не буду входить в систему ниджэнов, — поклялся Глис, — смотри... я меняю курс».

Семп уже заметил, что планетоид изменил направление полета, но это, видимо, было очень малой уступкой со стороны чудовища, не имевшей большого значения.

Семп ограничился тем, что походя запомнил название звезды, которое произнес Глис. Он сделал вывод, что раз монстр знал название системы, значит, он уже бывал в этом районе. А это в свою очередь говорило о том, что у него были основания направиться именно сюда.

Это уже не имело никакого значения, поскольку они сошли с намеченного курса и никогда в эту систему не попадут. Если в этом месте была

ловушка, ставившая под удар его собственную жизнь или существование силки, то теперь она была нейтрализована. Опыт удался хотя бы уже с той точки зрения, что вынудил монстра действовать, не думая о последствиях.

Тенденция к покаянию, которую проявил Глис с момента, когда у него уже не было выбора, доказывала всю низость его натуры. Но это раскаяние пришло слишком поздно. Слишком поздно для многих планет.

«А для скольких точно?» — подумал Семп.

Он находится в таком странном состоянии, когда все мысли и силы сосредоточены на достижении одной, но страстно желаемой цели. Поэтому он и задал вопрос Глису, сделав это совершенно автоматически, как только мысль пришла ему в голову.

«Не считаю, что в моих интересах раскрывать тебе это, — парировал Глис. — Ты мог бы извлечь из этого нечто такое, что повредит мне».

Но монстр, должно быть, чувствовал непоколебимую решимость Qelo`, поскольку быстро уступил.

«Тысяча восемьсот двадцать три».

Столь большое количество захваченных чудовищем планет не вызвало у Семпа шока. Это

сообщение лишь ещё больше опечалило его, поскольку среди бесчисленного множества невинных жертв на этих планетах находились также Джоанн и Чарли Бэкстер.

«К чему было так бессмысленно свирепствовать? — спросил Семп. — Зачем понадобилось уничтожить столько планет?»

«Они были так прекрасны!»

Да, это было так. Семпу неожиданно вспомнилось, как выглядит из Космоса Земля со своей атмосферой, в которой проплывают над океанами, горами и равнинами облака. Он не раз любовался этой картиной и никогда не уставал от нее, поскольку по красоте это зрелище превосходило все, что Вселенная могла ему предложить.

Это волнующее ретроспективное воспоминание быстро исчезло, поскольку планета прекрасна только тогда, когда о ней по-отечески заботится Солнце, а не когда она сморщивается до размеров музейного экспоната.

Глис вел себя по отношению к планетам, как жившие когда-то на Земле охотники за головами. Те ловко убивали свои жертвы, очень терпеливо доводили их головы до размеров большого апельсина, чтобы затем любовно положить их в свою коллекцию.

В глазах охотника за головами каждая из этих превосходных миниатюр представляла собой символ его мужественности. А чем были планеты для Глиса?

Семп никак не мог представить себе этого.

Но он уже достаточно долго тянул с ответом. Семп почувствовал, как по каналу его связи с монстром пульсирует волна ярости. Поэтому он поспешил заявить:

«Хорошо, я согласен: как только ты сделаешь то, о чем я тебя прошу, я расскажу тебе все, что ты пожелаешь узнать».

«Каковы твои условия?»

«В первую очередь выпусти всех силки в Космос», — потребовал Семп.

«Но ты выполнишь свое обещание?»

«Да».

«Смотри у меня! — с угрозой проворчал монстр. — Если ты не сдержишь слова, я сотру твою планету в пыль. Ни они, ни ты от меня никуда не денетесь, если ты не скажешь мне то, о чем я тебя попросил».

«Я дам тебе ответ».

Глава двадцать вторая

Все произошло следующим образом… Целый конгломерат скал в непосредственной близости от Семпа просто оторвался от планетоида и рванулся вверх. Семп очутился в просторах черного и пустого космоса в свободном парении среди обломков метеора.

«Итак, я выполнил свою часть договора. Очередь за тобой», — донесся до него голос Глиса.

Едва заговорив, Семп стал внутренне мучиться вопросом, а действительно ли он сам понимает все то, что происходит вокруг.

Ему стало не по себе. Расшатывая процесс циклической эволюции у монстра, он исходил из того, что Природа сама определит уровень равновесия. По тем или иным причинам в лице монстра до сих пор сохранилась архаичная форма жизни. А сейчас начался процесс молниеносного развития её телесной оболочки. В течение нескольких минут она проскочила миллионы лет нормальной эволюции. Из того факта, что ни одно из существ этого вида не дожило до настоящего времени, Семп сделал вывод, что остальные его индивиды прошли свой}bnk~vhnmm{i путь в далеком про-

шлом. Но чем он завершился?

Чем все же было это существо? Куколкой бабочки? Яйцом? Превратится ли оно в космическую бабочку? Или в чудовищного червя? А может быть, в колоссальных размеров птицу?

До настоящего времени такие варианты развития событий не приходили Семпу в голову. Он, в сущности, рассчитывал лишь на один вариант: угасание этого вида существ.

Но — и Семп вдруг осознал это очень остро именно в эту минуту — он, в сущности, не слишком серьезно продумал проблему и не ведал, чему могло бы соответствовать это… исчезновение вида… в своем конечном выражении.

По правде говоря, он вообще ни на секунду не задумывался о перспективе конечного продукта эволюции Глиса.

Расстроенному Семпу вспомнилось об одном из выводов компьютера, согласно которому атомная структура этого гигантского существа отражала примитивное состояние материи.

Не может ли случиться так, что в тот момент, когда частицы в его теле начнут перестраивать свои структуры, приводя их в соответствие с нынешним уровнем развития, высвободится такое количество энергии, которому вообще не было до

сего дня эквивалента?

«Чем же завершится эта эволюция?» — мучился вопросом растерявшийся Семп.

А под ним стал развиваться титанический процесс. Часть планетоида вспучилась.

Из него медленно выплыл раскаленный докрасна шар размером в полторы тысячи метров. В то время как Семп поспешно рванул в сторону, чтобы этот немыслимый шар не задел его по пути, он отметил, что у него на глазах разворачивался и второй, ещё более немыслимый феномен. «Восходящая» скорость этого скалистого шара, который в этот момент уже стал бело-красным, увеличивалась, а его масса стремительно возрастала.

Аэролит уже давно проскочил мимо него и достигал теперь диаметра не менее чем в сто пятьдесят километров. Спустя минуту его размеры уже превзошли восемьсот километров, а процесс расширения беспрерывно продолжался и дальше в головокружительном темпе. Вскоре он превратился в пылающую массу гигантских размеров.

Внезапно она достигла в ширину пятнадцати тысяч километров и, удаляясь, все продолжала раздуваться.

Семп подал сигнал общей тревоги:

— Спасайтесь… Как можно быстрее! Уходите!

В то время как он стремительно уносился прочь, инверсировав гравитацию по отношению к чудовищному небесному телу, удалявшемуся от него, он увидел, что в течение нескольких последних минут начальная масса превратилась в солнце, диаметр которого далеко превышал сто пятьдесят тысяч километров.

На этой стадии оно было превосходного розового цвета до странности красивого оттенка.

Его цвет менялся, стал светло-желтым, а диаметр небесного тела, сиявшего чудесным охряным светом, превысил сто пятьдесят тысяч километров.

Это соответствовало размерам Солнца.

Через несколько минут оно по величине уже сравнялось с голубым гигантом, то есть его диаметр стал в десять раз больше солнечного.

Тотчас оно вторично окрасилось в розовой цвет и увеличилось за десять минут в сто раз.

Оно сияло ярче, чем Чудесница Мира в созвездии Кита, было крупнее, чем славная альфа Рас Альгети из созвездия Геркулес.

Оно было розового, а не красного цвета. Эта розовость nrremk`q| более отчетливо, чем раньше, но не переходила в красный, хотя и не оставалась

неизменной.

Вокруг расстилалась звездная Вселенная, помаргивая неизвестными небесными телами, далекими или близкими. Их насчитывались сотни, и они располагалась наподобие венецианских фонариков.

А внизу была Земля.

Семп залюбовался этой необыкновенной картиной неба. Потом взглянул на ближайшую планету, которая привлекла его внимание знакомыми контурами. Его охватило необычайное волнение.

«Возможно ли, — подумал он, — что все в мире обречено на развитие? Не перестроили ли случившиеся с Глисом перемены полностью этот участок пространства-времени?»

Архаичные формы не смогли удержать свою концентрированную структуру, едва лишь розовый сверхгигант перестал раздуваться, то есть как только разрешился тот процесс развития, который по какому— то случайному стечению обстоятельств вдруг прекратился где-то у истоков времени.

И теперь Глис превратился в солнце в пору его первой молодости и был окружен королевской свитой из тысячи восьмисот двадцати трех пла-

нет, рассыпанных, как звездные бриллианты, по всему небосводу.

В какую бы сторону ни посмотрел Семп — вокруг виднелись планеты, настолько близкие друг к другу, что их можно было принять за сестер Луны.

Обеспокоенный, он провел быстрый подсчет и с огромным облегчением отметил, что все планеты, находившиеся в поле его зрения, подпадали под живительные лучи чудовищного солнца, которое сияло наверху на расстоянии в половину светового года.

@ABOVEBLANK = Когда Семп с ограниченной скоростью, которую могло выдержать его тело силки, пробивал плотные слои атмосферы, окружавшие Землю, ему показалось, что на ней ничего не изменилось — те же континенты, моря, города…

Он облетел автостраду и увидел цепочку автомобилей.

Тогда Семп, ошеломленный до предела, взял курс на здание Властей силки и тут же увидел выбитое окно, через которое так драматически вылетел…

Его даже не успели ещё починить!

Когда Семп через несколько мгновений при-

землился среди тех же самых людей, которые присутствовали при его бегстве, он понял, что произошел феномен временного спазма, пропорционального размерам случившегося катаклизма.

Для Земли и её жителей эти восемьдесят дней продолжались всего восемьдесят секунд!

Уже позже он узнает, что люди чувствовали себя в тот момент «не в своей тарелке», примерно как это происходит во время землетрясений: напряженность в организме, временное отключение от действительности, впечатление погружения в темноту…

Как только Семп вошел в здание, он вновь принял форму человека и громко возвестил:

— Господа, я сообщу вам сейчас самую сенсационную за всю историю Вселенной новость. Это розовое солнце, которое вы видите наверху, — не результат атмосферных искажений. Более того, информирую вас, господа, что на сегодня Земля обрела тысячу восемьсот планет-сестер. И все они обитаемы. Посему давайте готовиться к новому фантастическому будущему!

@ABOVEBLANK = Несколько позднее, удобно устроившись в своем доме во Флориде, Семп говорил Джоанн:

— В настоящее время мы понимаем, почему проблема силки не имела решения при прежнем состоянии дел. Для Земли присутствие на mei двух тысяч силки составляло фактор перенасыщения. Напротив, в новой Солнечной системе…

Следовательно, больше не возникал вопрос о том, что делать с шестью тысячами представителей народа силки. Проблема заключалась в том, как увеличить эту цифру раз в сто, чтобы решать новые задачи.

И делать это надо было быстро!

Глава двадцать третья

Когда поступило обращение ко всем силки с просьбой о помощи, Нэт Семп занимался изучением новообразования, получившего астрономическое название Минус 1109-93. Земля теперь вращалась вокруг гигантского солнца и тысяча сто девятая по отношению к ней планета пересекала плоскость её орбиты под углом в девяносто три градуса.

Конечно, все это было только временным каталогированием. Никто и не думал рассматривать Землю в появившемся соцветье небесных тел как какой-то естественный центр. Пока было не до приоритетов: требовалось просто разобраться в составе и структуре возникшей феноменальной космической системы.

Семпу в этой связи было поручено заняться тремя планетами — 1107, 1108 и 1109. Все они, на первый взгляд, были необитаемыми. Вот уже полдня, как он на низкой высоте летал между стройными и необычными на вид зданиями, которые, высоко вздымаясь ввысь, казались тем не менее поникшими — настолько все вокруг было пропитано печалью запустения. Для 1109-й

переходный период к возрождению, очевидно, оказался слишком долгим, чтобы на ней могла сохраниться жизнь.

В момент приема этого экстренного оповещения Семп находился в густо застроенной части города, где раньше, по-видимому, располагался его энергетический узел. Но приемник силки был постоянно настроен на ретранслятор, установленный между 1109 и 1110.

Передали следующее:

«Вниманию всех силки и правительственных учреждений. Только что получено… послание от Лэна Джедда».

Паузу в середине этой фразы заполнял специальный сигнал, означавший, что силки «выстрелил» эту информацию сразу же после своей смерти. В их организме имелся некий пороговый участок, генерировавший самостоятельный нейропучок, который автоматически исторгался из тела по телепатическому каналу в момент прекращения жизненных функций, унося с собой последние мысли силки.

Семп вздрогнул, как от электрического удара: Лэн Джедд был его самым близким другом в рамках того, что в отношениях между двумя силки вообще можно было назвать дружбой.

Они вместе принимали решение заняться этими дальними планетами, чтобы потом обстоятельно обменяться мнениями в свете все более усложнявшихся отношений между силки и людьми.

Но более всего Семпа поразило то обстоятельство, что, если не считать того, кто передал это известие, он в настоящее время пространственно был ближе всех к Джедду. Семп незамедлительно ответил:

— Говорит Нэт Семп. Готов вылететь к месту происшествия. Кто вы и где?

— Оу-Дэн! На 1113-86.

Установить, кто это, было довольно сложно. Дело в том, что такое имя было типичным и широко распространенным среди тех силки с планетоида, о которых ещё год назад никто и не слыхивал.

Появление этих «коренных» силки в новой, невообразимо более naxhpmni, солнечной системе явилось для обитателей Земли фактором неопределенности, породившим немало до сих пор не решенных проблем. Семп и Лэн Джедд в последнее время часто дискутировали между собой на эту тему.

Ему стало немного не по себе при мысли о том, что этот Оу— Дэн, возможно, «прослушивал» их долгие беседы. Но главное беспокойство у Семпа

вызвало то обстоятельство, что как бойцы эти новоиспеченные силки, на его взгляд, стоили немногого. А это означало, что в предстоящие долгие часы ему придется находиться, вероятно, одному лицом к лицу с противником настолько таинственным и наделенным такой мощью, что он сумел уничтожить отнюдь не беззащитного силки.

Продолжая размышлять над возникшим положением, Семп одновременно, не теряя ни минуты, пулей вылетел из здания, где он находился в момент вызова. Несколько мгновений спустя он уже покидал атмосферу этой безжизненной планеты, используя метод гравитационной инверсии.

Несмотря на развитую им в космосе максимально возможную скорость, прошло несколько часов, прежде чем он увидел перед собой застывший корабль черного цвета.

Этот космолет предназначался для сугубо оборонительных целей и был построен в соответствии с чрезвычайной программой мер, принятых сразу же после того, как Земля стала составной частью образовавшейся гигантской солнечной системы. У него отсутствовала внешняя оболочка, а оснащен он был новейшим оружием, действовавшим на принципах, почерпнутых Семпом в ходе его

борьбы с Глисом. Он был одним из элементов того комплекса мер безопасности, которые были необходимы для обследования стольких никому неведомых миров.

Взяв командование кораблем на себя, Семп направил его туда, где находился Оу-Дэн, то есть на орбиту пятой от него планеты. Для такого могучего космолета, которым он располагал, это было пустяковой задачей.

При встрече с Оу-Дэном он узнал, что его друга обнаружили на метеорите, представлявшем собой плоскую глыбу, обращавшуюся вокруг планеты 1113-86. Неизмеримо малая песчинка в беспредельности миров, его тело после смерти гораздо более напоминало человека, чем при жизни.

По внешнему виду было невозможно сделать никакого заключения о том, при каких обстоятельствах и от чего погиб Лэн Джедд. Оу-Дэн телепатически передал Семпу, что, по его мнению, туловище силки было как бы ужато под чудовищным давлением, хотя, на первый взгляд, он если и укоротился, то самое большее сантиметров на двадцать.

При взгляде на своего так неожиданно ушедшего из жизни товарища Семп вдруг осознал,

что случилось худшее из того, чего можно было опасаться. Взрослый, отлично подготовленный силки с его великолепным набором мощнейших энергетических полей как оборонительного, так и наступательного характера встретил на своем пути чужое и враждебное существо. И потерпел полное поражение.

Оу-Дэн, сам в чем-то напоминавший своей формой продолговатый небесный осколок, поспешил телепатически проинформировать Семпа о некоторых подробностях:

«Это случилось во время нашего с ним разговора. Лэм как раз сообщил, что никого в живых на планетах 1110, 1112 и 1113 он не выявил, а я, продвигаясь по нисходящей, зафиксировал перед этим точно такое же положение на 1115, 1114 и подлетал к 1113. Именно в этот момент контакт был прерван на ноте посмертного сигнала от него».

Итак, подумалось Семпу, налицо убитый Лэн Джедд и след для раскрутки — последняя, перед тем как его покинула жизнь, «молния» nr зрелого и грозного силки, каким был его друг. А передал он в этом послании мысленный образ пирамидальной формы и свою спонтанную реакцию: «Возник ниоткуда, совершенно ниоткуда!»

Семп содрогнулся, представив, насколько фантастические выводы напрашиваются после этого прощального слова друга: нападение произошло на невообразимой скорости… из абсолютно неизвестного места. Очнувшись от своих горьких размышлений, он по-прежнему телепатически предложил Оу-Дэну:

«Почему бы вам не перейти на мой корабль? В случае агрессии мы будем чувствовать себя намного уверенней под его защитой».

Оу-Дэн согласился и последовал за ним до силового поля, воздвигнутого вокруг комплекса сложнейших машин, собственно и составлявших космолет.

— Я не намерен у вас оставаться, — предупредил он.

Семп почувствовал в этих словах не скрытый антагонизм к ним, земным силки, а скорее отсутствие интереса к столь взволновавшей его самого проблеме.

— Я просто счел необходимым побыть у тела погибшего до тех пор, пока кто-нибудь не откликнется на мое сообщение. Теперь, когда вы прибыли, думаю, что мне уже можно вернуться на Землю.

— Но на корабле безопаснее, — настаивал

Семп.

— Встретиться с убийцей в таком необъятном пространстве можно только случайно, — упорно гнул свою линию Оу-Дэн. — Я считаю, что он обнаружил Лэна по задействованной им системе связи со мной. Следовательно, чем ближе вы будете к космолету, тем большей будете подвергаться опасности.

Глава двадцать четвертая

Семп остался в том же участке пространства, приведя в полную готовность системы вооружения корабля, в ожидании кого-то, о ком он не имел ни малейшего представления.

Открытый, без внешнего корпуса, космолет был погружен в полный мрак. На его борту не допускалось использование искусственных источников света. Своим излучением они могли повлиять на тончайшую настройку чувствительнейших инструментов, входивших в систему оснащавших его видов наступательного оружия. Этих наводок-паразитов и без того хватало с той техникой, которая была задействована для обеспечения его личной безопасности.

Томясь ожиданием, Семп взглянул в направлении Земли. Сколько же появилось новых, блиставших каждая своим неповторимым цветом планет! Воистину прекрасная и незабываемая панорама!

Он не раз в течение вахты вступал в контакт с Властями силки и другими учреждениями на родном ему небесном шарике, но ни разу никто не посоветовал ему каких-то мер безопасности,

которых он уже не принял бы. Со своей стороны и Земля не верила, что при созданной системе защиты какое-либо живое существо было в состоянии незаметно приблизиться к нему в этих удаленных пограничных регионах. Тем не менее посмертное послание Лэна Джедда недвусмысленно указывало, что все происходит мгновенно, без предварительных настораживающих признаков!

Так оно и было.

На момент нападения Семп находился в режиме полной готовности уже четыре часа восемнадцать минут и сорок две секунды по земному времени.

Существо, которое органы восприятия Семпа уловили буквально лишь на ничтожную долю секунды, имело форму перевернутой пирамиды. Любопытно, что об этой «перевернутости» в сообщении Лэна Джедда не было ни слова. Передававший его ретранслятор-компьютер по своим аналогам выдал значение типичной пирамиды — с широким основанием и nqrpnjnmewmni вершиной.

Здесь же все было наоборот.

Собственно, только это и удалось «рассмотреть» Семпу за тот неуловимо малый промежуток вре-

мени, когда противник попался в расставленную для него ловушку.

Несмотря на то что нападавший исчез с немыслимой быстротой, Семп благодаря своим расширенным возможностям силки через комплекс нейронных и энергетических рецепторов в их определенной комбинации смог воспроизвести эту сцену для более тщательного её изучения. Оно неоспоримо показало, что за время, в течение которого незнакомец находился в западне, он действовал агрессивно и пытался его уничтожить. Семпа спас только дополнительный, специально встроенный защитный блок.

Его так и подмывало бросить все и сосредоточиться на выяснении причин, по которым не сработали его собственные оборонительные барьеры силки, в результате чего он оказался уязвимым для чужака. Но он преодолел в себе импульс нетерпения и решил: «Сначала следует разобраться в том, как и что произошло, а уж потом анализировать сам процесс схватки».

Ведь любая атака, в сущности, сводилась к тем или иным способам использования силовых полей, а сейчас было жизненно необходимо выяснить: ОТКУДА, из каких неведомых далей, возникло это абсолютно фантастическое нечто?

Еще раз пробегая запечатленные в его сенсорном аппарате образы, Семп с удивлением заметил, что пирамидальная форма на самом деле была не существом, а проекцией пучка энергии, исходившей из дальнего точечного источника. Но как ни старался Нэт, он так и не смог из-за невероятной быстроты нападения разобраться в том, что из себя представлял генератор этого луча. Эти необыкновенные скорости живо напомнили ему недавнюю схватку с Глисом, однако и её анализ не подсказал чего-либо стоящего.

Такое бессилие серьезно встревожило Семпа, поскольку сомнений в том, что происходило что-то вполне реальное, не было, но что именно, выяснить не удавалось. Поэтому вопрос о природе феномена встал с пугающей остротой.

И все же по одному каналу пришло очень смутное — он уловил его только потому, что прокручивал стычку с пришельцем раз двенадцать — ощущение чего-то достойного внимания, хотя пока ему было совершенно неясно почему. В конце концов у него создалось, так сказать, «впечатление», что видимое начало этой перевернутой пирамиды имело где-то далеко позади себя другую исходную точку, та — следующую и так далее с уходом в головокружительные по

масштабам глубины… Но можно ли было это считать расстоянием? Семп не мог дать однозначного ответа.

Снова и снова всматривался он в запечатленную в его органах чувств смутную и еле различимую картину. И вдруг Семп неожиданно понял, что она ему напоминает: нескончаемо повторяющееся и убегающее куда-то в безмерную даль отражение предмета, находящегося между двумя идеальными, стоящими друг против друга зеркалами.

Но это была лишь приблизительная аналогия, поскольку в данном случае цепочка уходила в бесконечность лишь в одном направлении. То была загадка, найти ключ к которой пока не удавалось. Чтобы немного отвлечься от этой головоломки, он вновь задумался о самом характере столкновения не на жизнь, а на смерть, которое ему пришлось пережить.

Как и все стороны этого моментального контакта, саму стычку следовало рассматривать путем анализа последствий, пусть даже ещё не совсем ясных. При таком подходе сразу бросалось в глаза, что выпад последовал в то же самое мгновение, как создание появилось в onke его восприятия. Подготовленная для него ловушка сработала

незамедлительно. Она состояла на первой линии обороны из молекулы Глиса с гравитационной мощностью, сопоставимой с планетарной. Та развернулась в сторону противника в тот же миг, потому что это в принципе свойственно гравитации. Практически молекула сразу же «зацепила» чужака и затруднила его действия.

Тем не менее он что-то сумел этому противопоставить — но что? У силки были развернуты буквально все его собственные линии защиты: силовые поля, магнитные методы отталкивания излучений, то, чему он научился в битве с кибмадином — обращать энергию атаки на самого агрессора…

Вывод был очевиден: нападение производилось не на энергетическом уровне. Ни один из силовых экранов Семпа не шелохнулся.

Однако сам он почувствовал, что в теле началась непонятная, но губительная трансформация. Возникло ощущение, что его начали сжимать… Мысли Семпа странным образом исказились. Он оказался не в состоянии дать команду ни одному из своих охранных полей. Нэт чувствовал, как неотвратимо надвигалась смерть…

К счастью, к этому моменту сказалось затруднившее действия чужака влияние молекулы. И

он исчез.

Схватка завершилась.

Глава двадцать пятая

Семп срочно установил связь с Землей. Сразу же обрушился град вопросов.

У кого-то, так же как и у него, возникло предположение, что пирамида — это оружие, работающее на принципе зеркала, находящегося на невообразимо далеком расстоянии. Эффект перехода из ничего во что-то с последующим новым уходом в ничто напоминал ситуацию, когда перед зеркалом включают и выключают в нужный момент свет, причем это продолжается ровно столько, сколько нужно для манипулирования рубильником.

— Нет, — возразил Семп. — Я думаю, что это какая-то форма жизни. Интуиция подсказывает.

Мнение главного участника событий положило конец дискуссии. Бэкстер проинформировал его о том, что полученные сведения введены для оценки в компьютер. В заключение он спросил:

— Пока суд да дело, не хотите ли переговорить с супругой?

Из слов Посредника он сделал вывод, что до сих пор ей ничего не говорили о пережитой им смертельной опасности. Семп с облегчением

вздохнул. Поэтому он радостно приветствовал Джоанн и спокойно поинтересовался:

— Что у тебя нового?

Но, к его удивлению, Джоанн была вне себя.

— Ты знаешь, — возмущенно заявила она, — я тут столько напереживалась в последнее время. — И она рассказала мужу, что силки-женщины недавно начали активно вступать в контакты с подругами земных силки и требовать, чтобы те развелись с ними. Одна из них на днях обратилась к Джоанн с подобным ультиматумом, выпалив, не долго думая, в качестве главного аргумента тезис о том, что её муж-силки проживет по крайней мере тысячу лет, а она умрет намного раньше.

Джоанн тут же ответила разлучнице, что сейчас ей всего тридцать лет, что в настоящее время средняя продолжительность жизни достигла ста пятидесяти и что за то время, что у неё осталось, могут быть сделаны открытия, которые существенно удлинят этот срок, а то и вообще приведут людей к бессмертию.

Разумеется, для Семпа данный момент не был наиболее ak`cnophrm{l для того, чтобы обсуждать проблему будущих взаимоотношений между силки и людьми. Поэтому он, телепатически

вложив в свое обращение максимум теплоты, заверил ее:

«Выбрось ты это из головы. Ты же прекрасно знаешь, как я тебя люблю, и из женщин, кроме тебя, у меня никого нет».

«Самое интересное, что в этом ты абсолютно прав, но тем не менее ты меня не обманешь, — подхватила Джоанн. — Я чувствую, что ты находишься накануне каких-то новых для тебя больших испытаний, но, как всегда, опять все от меня скрываешь.

«Тебе, наверное, лучше всего представлять меня командиром боевого корабля, — отшутился Семп. — В настоящее время судно — это мое тело, а ты неизменно остаешься пылко любимой супругой командира».

Это неуклюжее сравнение тем не менее понравилось Джоанн. Она улыбнулась ему на расстоянии и мысленно произнесла:

«Мне тут подсказывают, что пора прекращать разговор, но я хочу в свою очередь передать тебе, что продолжаю, несмотря ни на что, крепко тебя любить. До свидания, дорогой мой!»

Вмешался Чарли Бэкстер:

— Компьютер напомнил об одном вашем сообщении, заложенном в него несколько месяцев

тому назад. Конкретно, речь идет о словах, сказанных вам Глисом перед смертью.

В тот период, поняв, настолько опасным для него созданием является Семп, Глис направился в дальнюю солнечную систему, заселенную, как он утверждал, давними их врагами. Эти существа сами себя называли Ниджэны, что на их языке имело грозное значение — «Создатели Вселенных». Если же расшифровать это имя полностью, то получалось так: «Народ, Который Знал о Сущности Вещей и Может по своему желанию Создавать Вселенные».

Пока обеспокоенный Семп обдумывал, насколько обоснованной была эта гипотеза, Бэкстер продолжал:

— Вспомните, Нэт, тогда Глис на самом деле куда-то направлялся. Вы всполошились и стали ему угрожать. Тот прервал полет и попытался мирно договориться с вами. Поэтому с достаточной долей уверенности можно предположить, что его цель сейчас находится сравнительно недалеко. Астрономам уже удалось установить на новом небосводе положение нашего доброго старого Солнца, и путем несложных расчетов они получили траекторию тогдашнего направления полета Глиса. Выяснилось, — завершил свое со-

общение Бэкстер, — что пункт его назначения — звездная система, отстоящая от вас на расстоянии примерно в шесть световых лет.

Не теряя времени, Семп телепатически запросил:

«А нет ли у компьютера каких-нибудь идей насчет того, каким образом ниджэн расправился с Лэном и как мне противостоять ему, если он объявится вновь, но уже с подкреплением?»

Бэкстер в смятении ответил:

«Нэт, я понимаю, что это ужасно — говорить такие вещи тому, кто находится в вашем положении. Но компьютер заявляет, что не в силах выдать даже сколько-нибудь завалящую теорию насчет того, как эта штука выскочила из ничего и что за силу она применила против Лэна и против вас...»

Это было последнее, что Семп услышал от своего Посредника.

В этот момент пробудились датчики восприятия, которыми он охватил район, находившийся за границей появления ниджэна. Поскольку силки находился на связи с Землей, полученный им сигнал опасности был тут же зафиксирован и там.

Почти на том же самом месте, что и в первый

раз, в пределах корабля, а ещё точнее в тридцати метрах от него, возникло существо.

Чужак был один, без сопровождающих! Это было единственным nrp`dm{l моментом в ситуации. Перевернутая пирамида сверкала перемежавшимися вспышками.

Теперь Семп отчетливо различал, что находившееся в её вершине создание также представляло из себя перевернутую пирамиду, хотя в известной степени условно, поскольку её основание было намного уже. Кроме того, у него имелись руки и ноги. Ростом в метр восемьдесят, незнакомец был прекрасен, так как его жесткая на вид кожа ослепительно переливалась всеми цветами.

На его появление мгновенно отреагировало поле молекулы Глиса. Но ниджэн был уже готов к этому и лишь слегка покачнулся, после чего вообще перестал обращать на неё внимание.

Семп отметил, что ниджэн внимательно рассматривает его посредством одной — а возможно, и больше — ослепительной точки, находившейся в числе других у него на верхней части тела. Силки попробовал послать в его сторону мыслеобраз на одной из частот электромагнитных волн.

Ответ последовал в том же диапазоне, но был намного мощнее того, к которому привык Семп.

Пришелец предложил:

«Поговорим».

«Сначала вам придется кое-что объяснить, и немало», — отозвался Семп.

«Нас поразил, — невозмутимо продолжило существо, — ряд недавних событий. Во-первых, всего в нескольких световых годах от нашей системы возникла грандиозная звезда. Проведенное нами обследование показало, что речь идет о внезапном появлении, по— видимому, самого крупного скопления планет в нашей галактике. Сейчас только некоторые из них заселены, но в прошлом многие из них тоже были освоены. Наше изумление достигло предела, когда одна из наших исследовательских единиц натолкнулась во время своего рейда на силки — могущественнейшее создание, которое, по преданиям седой старины является нашим опаснейшим врагом. Естественно, его тут же уничтожили».

«Мы требуем, чтобы ваш народ подверг смертной казни того, кто так скоропалительно — или, как вы сказали, „естественно“ — решил уничтожить силки».

«Вы должны учитывать, что он действовал, повинуясь древнему инстинкту. Сейчас, как вы видите, положение исправлено. Таким образом,

никакого наказания мой коллега не понесет. Это могло случиться с любым из ниджэнов».

«Не вы ли сами это сделали? Не вы ли являетесь этой — как вы её назвали? — „исследовательской единицей“?»

«Вам это очень важно знать?»

«Возможно, и нет».

Ниджэн сразу же сменил тему разговора:

«Какую роль вы играете по отношению к людям?»

«Мы выполняем функции полиции».

«О! Это интересно».

«Видите ли, — заметил Семп, — волей случая и по независящим от нас причинам мы в настоящее время оказались космическими соседями. В нашей системе насчитывается тысяча восемьсот возможных к заселению и заселенных планет. Сколько обитаемых миров у вас?»

«Мне трудно ответить на этот вопрос. Дело в том, что мы не мыслим в категориях системы наших планет. Понимаю, что вам трудно это представить, но, чтобы выразиться понятнее, могу сказать, что мы как бы имеем одну планету — ту, на которой мы проживаем».

«А больше, как я понимаю, вам и не нужно?»

«Нет, в том смысле, как это подразумеваете вы.

Все это концептуально достаточно ново для вас. Но должен сказать, что наши предложения носят исключительно мирный характер».

Семп этому не поверил. Хотя по земным меркам подобное g`bkemhe могло оказаться и правдой. Ведь в настоящее время на Земле живут мирно, бок о бок, потомки народов, когда-то смертельно враждовавших друг с другом. Но вся изюминка была в том, что ниджэны не были потомками тех, кто во время оно имел таких врагов. Они, как рассказывал Глис, были существами бессмертными, и, значит, это те же самые ниджэны, которые в далеком прошлом стремились полностью извести силки.

Именно тогда Глис, чтобы спасти силки от полного уничтожения, а заодно и использовать их в качестве своих рабов, предложил им жить в симбиозе. Тогдашние силки пошли на это. Но теперь положение коренным образом изменилось: Глис потерпел поражение и преобразовался, а силки оказались вновь предоставленными самим себе.

Эта мысль вызывала тревогу у Семпа, но он, не колеблясь, продолжил диалог:

«Я не могу поверить тому, что вы утверждаете. Вспомните, когда вы недавно здесь появились, причем, возможно, с уже принятым решением

не пускать в ход силу, а лишь разобраться в обстановке, тем не менее попытались напасть на меня».

«Ну, знаете, это был всего лишь защитный рефлекс. Что-то неожиданно обрушилось на меня. Теперь-то я понимаю, что это был всего-навсего необычный вариант гравитационного воздействия. Поэтому я среагировал двояко: немедленно контратаковал и тут же исчез. Но как только я сообразил, в чем дело, то сразу же явился обратно. И вот я снова здесь. Так что давайте лучше продолжим наш разговор».

Объяснение было хорошее. Но внутренне Семп продолжал не верить словам своего визави. У него было тревожное предчувствие, что этим разговором ниджэн стремился выиграть время и что поэтому опасность для него увеличивалась с каждой минутой.

Семп стал быстро размышлять: «Зачем ему понадобилось выигрывать время?» Ответ был очевиден: чтобы разобраться в устройстве корабля, понять его структуру и определить, насколько мощным оружием он оснащен.

«Если то, что вы говорите, соответствует действительности, — возразил Семп, — тогда вы должны раскрыть мне свой метод нападения.

Каким образом вашему коллеге удалось лишить жизни силки?»

«Было бы нелепо раскрывать свои возможности, — парировал ниджэн, — ничего не зная о ВАШИХ планах».

В принципе чужак, конечно, был прав. Но имелось ещё несколько моментов, которые Семп хотел бы для себя уяснить.

В тот же миг он послал импульс излучения на всех тех волнах, которые, по имеющимся у силки понятиям, должны были вызвать какой— то отклик в теле противника.

В полученной ответной информации не было ни единого элемента, который можно было бы использовать для анализа. Это была полнейшая неудача, и Семп еле сдержался, чтобы как-то не проявить свою досаду. Он резко бросил ниджэну:

«Тогда уходите прочь! Я не намерен вести с вами переговоры до тех пор, пока вы не раскроете, каким образом было совершено это преступление. И хочу вас заверить, что впредь, до прояснения этого вопроса, не стоит надеяться на их возобновление».

«Разумеется, без соответствующего разрешения никаких сведений на этот счет я раскрыть не могу, — спокойно отозвался ниджэн. — Поэтому

почему бы вам не отправиться со мной вместе и не вступить в контакт с...» — и он сформировал мыслеобраз, означавший нечто вроде правительства, но одновременно что-то совсем иное, пока неясное Семпу.

«Но тем самым я полностью отдаюсь на вашу милость?»

«Кто-то же должен вести переговоры. Почему бы именно вам не выступить в этой роли?»

«Каким же образом я смог бы сопровождать вас?» — уступчивым тоном поинтересовался Семп.

«Очень просто: встаньте передо мной в границах моей проекции и настройтесь на...» — И ниджэн указал на длину соответствующей волны.

И снова Семп не мог не почувствовать невольного восхищения хитроумной тактикой этого создания.

«Насколько я понимаю, стоит мне поддаться его уговорам, и он тут же воспользуется этим, чтобы покончить со мной», — подумал он.

Но Семп не собирался так просто сдавать партию. А для начала он послал команду, чтобы разблокировать механизм ловушки, которой являлась молекула планетарной гравитации. Тем

самым он освободил ниджэна от её воздействия.

Расчет был следующим: до сего момента пришелец был вынужден как-то балансировать чудовищное гравитационное притяжение молекулы и соответственно расходовать на это громадное количество энергии. Внезапное его купирование вынудит его спешно перестраивать свою защиту с учетом неизбежного при этом инерционного момента, равного центростремительной силе целой планеты.

Одновременно Семп предпринял и второй шаг, гораздо более тонкий. Он попытался применить логику уровней к одной подмеченной в поведении этого существа характеристике: у того четко просматривалась тенденция к предательству.

С точки зрения логики уровней, это был не очень значительный шаг с его стороны. Поскольку она принципиально соотносилась с сутью жизненного цикла, а он в отношении ниджэнов был ему пока совершенно неясен, на большее идти сейчас было невозможно. В то же время эта мера могла побудить противника раскрыться более основательно и привести к неожиданным последствиям. Тем более что ничего другого не оставалось.

Итак, Семп ввел в бой сразу три фактора: от-

ключил молекулу, запустил логику уровней в цикл Предательства и… вошел в то силовое поле, которое поддерживалось в большой пирамиде.

Силки охватила гамма ощущений, которых он никогда до этого в жизни не испытывал. К тому же как под ним, так и вокруг него исчезло все, что составляло корабль-западню…

Он осознал, что находится в… Но что это было?.. Место? Тогда совершенно необычное, поскольку тут вообще ничего не было. Но… тогда вставал резонный вопрос, а что же было это ничто?

Глава двадцать шестая

В жестко связанной группе предателем может стать только её руководитель. Все остальные обязаны подстраиваться, соблюдать установленные правила. Преступна сама мысль о возможности оппозиции.

Шефу необходимо клясться в верности. Надо всемерно поддерживать заданную линию поведения. Идеал — доносить полиции главаря о любых отклонениях от неё как со стороны других, так и если это касается тебя самого.

В любой момент ради благополучия группы — но только по решению лидера — можно предать (или пожертвовать) любым членом этой группы, не утруждая себя объяснениями.

Более того, время от времени того или иного конформиста следует обязательно предать, даже если он и не уклонялся от предписанных установок.

Факт потери к нему доверия вожака самодостаточен, чтобы признать такого человека виновным. И все остальные члены группы nag`m{отречься от него без каких бы то ни было колебаний.

Тот постулат, что предать может только шеф, применим к любой группе, включая и те, что состоят из выборных членов, если они его непосредственные сподвижники.

При разрастании группы главарь делегирует свои права на предательство в различной степени достойным этого лицам, действующим от его имени. Если этот процесс затягивается или чрезмерно расширяется, то в некогда жесткой группе появляется разболтанность, поскольку подначальники уже не столь чувствительны к неконформизму, как их лидер.

Но если верховный обладает способностью читать мысли и беспощадными методами использовать в свою пользу цикл предательства, он сможет продержаться в своем качестве… вечно.

И если предательство применять постоянно, то оно побеждает на всех уровнях. А самый из них высокий — это…

@ABOVEBLANK = Существо, мысли которого воспринимал Семп, отринуло концепцию бескрайности. Наоборот, ему удобнее было чувствовать себя… малостью.

Но вдруг при всем удовлетворении своим бытием в виде простой точки оно подумало О ТОМ, чем могло бы стать при желании. Семп явственно

уловил мысль: «Н'Ята была бы довольна, если бы в этот момент я объял почти всю реальность». Логика уровней начала действовать.

Повинуясь этому неожиданному порыву, существо принялось стремительно рассеивать себя в окружающий мрак. Как тяжко было дробить столь крохотное на ещё более мелкое, как отчаянно сопротивлялись отторжению частицы его самого, откликаясь на зов кровного родства. Чудовищно трудно было преодолеть первые метры, мучительно — первые километры, легче — когда пошли световые годы, и уж совсем просто — при межгалактических расстояниях. А дальше и вообще усилий почти не требовалось.

Внезапно его внимание привлекла одна из корпускул золотистого цвета, и он подумал: «Нет, нет, так нельзя!» Но тут же вспомнил, что сам пошел на то, чтобы добиться разбегания этих частиц, включая и эту, руководствуясь определенным интересом. Но вдруг в нем стало крепнуть убеждение, что эта частица интересна сама по себе, что в ней есть что-то привлекательное, независимое от его мнения.

Семп чутко уловил, что сразу же по возникновении этой мысли чистая энергия ниджэна стала убывать. Появилась эмоциональная неустой-

чивость: он переходил от взрывов радости к… раздражению, затем к всплеску негодования, вылившемуся в самообольщение: «А может быть, я Бог или, по меньшей мере, полубог. И значит, все ДОЛЖНО мне повиноваться!»

И снова возобладал цикл предательства, запущенный логикой уровней.

«Но мне ведь было хорошо, когда это случилось!»

Все это время Семп, пристально наблюдая за развитием событий, вел смертельный для него бой, только смысл его от него ускользал. В сущности, никто в обычном смысле этого слова с ним не боролся. Он барахтался в тенетах какой-то природной силы, которая выходила за рамки имевшегося у него до сего времени опыта. Это что-то было фундаментальным свойством пространства, о котором ни люди, ни силки пока даже не подозревали.

Воспользовавшись ослаблением внешнего воздействия, Семп воздвиг собственные барьеры, подтянул ресурсы корабля-ловушки и компенсировал свои энергопотери. Золотистая точка сразу же исчезла.

Семп снова очутился в громадном зале. Несколько человек, сидевших за пультом огромного

комплекса приборов, удивленно sqr`bhkhq| на него.

Семп узнал в них высший персонал Властей силки. Посредник Бэкстер в один прыжок преодолел разделявшее их расстояние. Между тем Семп испытывал особую, дотоле ему неизвестную, нестабильность в теле. Это не было неприятным ощущением, нет. Просто какая-то его часть как бы осознавала себя связанной с неким далеким миром. Он встревоженно подумал: «Видно, я все ещё частично связан с тем местом, где только что находился. Так что в любую минуту меня могут вытянуть отсюда обратно».

Самым неприятным моментом было понимание собственной незащищенности. Из всех возможных вариантов обеспечения безопасности в голову приходил только один — поскорее трансформироваться в человека.

Нельзя сказать, что это было тщательно взвешенное решение. Подумалось, что изменение структуры может оборвать эту ниточку… связи с дальними рубежами. Вот и все. И все же он тут же провел перевоплощение и в этой спешке даже чуть не свалился на пол.

Как он в то же мгновение убедился, этот его шаг, кажется, дал положительные результаты.

Угнетавшее его чувство спеленутости чем— то далеким отступило. Совсем оно не исчезло, но притаилось тихой тенью, стало еле различимым шепотом, хотя до этого заявляло о себе громким повелительным окриком.

Семп, не давая опомниться Бэкстеру, потребовал:

— Чарли, нужна немедленная консультация с компьютером. Я не имею ни малейшего представления о том, что происходило со мной!

Кто-то услужливо подсунул Семпу плащ, в который он машинально закутал свой обнаженный торс. Бэкстер не удержался:

— Но что все-таки случилось?

— Пока я выиграл некоторое время, — нетерпеливо откликнулся Семп.

На самом деле все было, несомненно, сложнее. Противник не смог уничтожить его мгновенно. Семпу удалось сманеврировать и запутать своего врага. В столкновении с высшим для него существом он сумел проявить свою ловкость и умело использовать способности силки. Но теперь он остро нуждался в помощи.

Взвинченный Бэкстер бросил:

— Сколько у нас времени?

— Думаю, надо действовать максимально быст-

ро. Самое большее… час.

В этой ситуации даже умопомрачительная скорость работы компьютера показалась Семпу черепашьей, и он сидел как на иголках, пока из чрева электронной машины не поступили четыре оценки происшедших событий.

Первая из двух отобранных, под номером «три», представлялась совершенно необычной:

«Впечатление: случившееся с вами тесно связано с каким-то разумом. Но есть в этом что-то предельное, чего нельзя переступать, нечто сущностное для всех вещей в мире».

Принять эту гипотезу было трудно. Что такое «предельное», «сущностное для всего»?

«Мне нечего больше добавить, — продолжал компьютер. — Свободное оперирование пространством, что, судя по всему, доступно ниджэнам, для нас — дело абсолютно темное. Представляется: базовые элементы их систем настолько полно адаптируются к любым условиям, что всегда имеют преимущество перед всеми другими формами жизни. Получается, что они в чем-то господствуют над самой сутью вещей».

Признание компьютера в собственном бессилии прозвучало для Семпа в крайне неприятный для него момент. Он вдруг почувствовал, что сила,

так властно удерживавшая его прежде, когда он выступал в форме силки, теперь настраивалась на его человеческий облик. Bngmhjkn ощущение, что его вот-вот изымут из этого мира. Он поспешно проинформировал об этом Бэкстера.

— Наверное, лучше вернуться в состояние силки, — закончил он.

Ответ Бэкстера показал, что тот прекрасно понял, какая опасность нависла над Семпом — возможность оказаться в космосе в обличье человека. И все же он тревожно поинтересовался:

— А разве вы не спешили избавиться от формы силки потому, что чувствовали себя тогда более уязвимым для того, кто так упорно не желает выпустить вас из-под своего влияния?

Все верно. Но где альтернатива? В виде силки он по крайней мере хоть какое-то время будет чувствовать себя уверенно в опасной внешней среде.

Бэкстер настаивал:

— Нэт, почему бы вам не принять какое-нибудь иное состояние?

Семп удивленно воззрился на него:

— Чарли, последствия того, что вы предлагаете, непредсказуемы!

Бэкстер с жаром продолжал развивать свою

мысль:

— Нэт, если в данном случае мы будем ещё колебаться и в отношении доверия к самим себе, тогда проблема воистину неразрешима.

Ощущение неизбежности насильного внешнего преобразования становилось все острее. Но и то, что предлагал Бэкстер, отпугивало своей неизвестностью не меньше, чем угроза со стороны ниджэна.

Речь шла о том, чтобы принять какую-то новую форму, отличную от тех трех, что были его естественным состоянием. Но какую? Все дополнительно ему известные принадлежали чужакам: кибмадину, тому созданию, в которое тот превращался, и… ниджэну!

— Для перевоплощения в кого-то мне надо иметь его мысленный образ, — объяснил он Бэкстеру. — А я «видел» всего несколько других существ.

— Трансформируйтесь в ниджэна! — буквально выкрикнул Бэкстер.

Семп, полный недоумения, переспросил:

— Вы говорите это серьезно?

В этот момент он почувствовал, что какая-то его часть начинает отдаляться от него. Больше ждать было нельзя, и Семп молниеносно передал

в свою систему преобразования образ ниджэна.

Каждая клеточка его тела получила одновременный и одинаковый заряд энергии, послуживший детонатором.

Процесс прошел быстро, потому что высвободившаяся таким образом химическая энергия нуждалась в последующих скоростных реакциях. Теоретически все должно было произойти менее чем за секунду. Практически, из-за скорости притирания друг к другу клеток, понадобилось ровно пять с половиной секунд.

И Семп оказался в странном для себя месте.

Глава двадцать седьмая

Первое ощущение Семпа — он снова читает мысли ниджэна. А тот в этот момент сосредоточился на чем-то, появившемся слева от него. «Присмотревшись», ниджэн обнаружил, что к нему из своего далека пожаловала сама Н'Ята.

Само по себе подобное посещение было ему приятно и доставляло массу удовольствия, потому что она была по крайней мере на полфазы выше его по развитию. В обычных условиях он высоко оценил бы этот жест как льстящий его самолюбию и даже в известной степени полезный для него. Он не преминул бы использовать эту идеальную возможность для того, чтобы понаблюдать за ней и перенять кое-что из её совершенств.

Но нынешнее положение ниджэна не было ни нормальным, ни na{demm{l. Она примчалась в ответ на его зов о помощи, учитывая вызывавшую беспокойство неспособность коллеги справиться с Семпом.

Охватившая в этой связи Н'Яту тревога проявилась в её движении. Он воспринимал её как простую золотистую точку величиной с атом. То

обстоятельство, что она была такой невообразимо малой величины и расположилась слева от него, позволило ему скрестить свои силовые линии.

Семп все это автоматически фиксировал, но вдруг поразился: «А как получается, что я за всем этим наблюдаю?» Он задействовал свои энергополя (ниджэн это с горечью заметил) и понял, что опять стоит перед необходимостью использовать цикл предательства.

В который уже раз логика уровней с органически присущим ей пониманием природы эмоций оказалась для Семпа единственно возможным методом организации эффективной обороны. Конечно, в своем цикле предательства логика уровней выступала только как тактическое средство, не обеспечивавшее полной победы. Да и претило ему применять крайние его степени к Н'Яте, ниджэну на порядок выше его первого знакомца.

Посему Семп припас для неё эмоциональный вариант. Он тонко подвел её к более игривой концепции предательства, внушив маневр соблазнения. Обосновал это приоритетом удовольствия над негативными моральными аспектами.

Результаты не замедлили проявиться: золо-

тистая точка переместилась с левого фланга в центр, прямо напротив него.

Семп даже не мог помыслить, сколько Н'Яте при этом пришлось преодолеть световых лет — настолько далеко она находилась от этого участка космоса. Такие немыслимые расстояния не поддавались подсчету мерками даже того только на полфазы менее развитого, чем она, ниджэна-двойника, под личиной которого он сейчас выступал.

«Ну что же, продолжайте свою тактику предательства!» — вдруг послала ему мысленный сигнал золотистая точка. И начала исчезать. В тот же миг резко упал энергетический потенциал Семпа, которого теперь не только не хватало на обеспечение развертывания цикла предательства, но даже для поддержания его собственного эмоционального равновесия. Семп почувствовал, как на него навалились тоска и апатия, появились первые симптомы тяги к самоуничтожению…

Силки понял, что его план в отношении Н'Яты сорвался, что она сама перешла в контрнаступление, но сделала это в достаточно мягкой форме. Видимо, она быстро разобралась, что перед ней не настоящий Г'Тоно — так звали его противника, — пришла в некоторое смятение, но так

и не решилась уничтожить другого, пусть даже лже— ниджэна… Ее поспешное бегство было продиктовано стремлением получше разобраться в возникшей проблеме. Но главное сейчас для Семпа состояло в том, что она оставила ему свободу действий…

Он поспешил вернуться в компьютерный зал. Увидел Бэкстера и телепатически спросил его:

«Что происходило?»

Одновременно про себя силки отметил три обстоятельства. Первое представляло относительный интерес: на все время противостояния с Н'Ятой он Бэкстера не воспринимал.

Поэтому он повторил свой вопрос:

«Чарли! Что происходило, пока меня не было?»

Посредник на сей раз обеспокоенно посмотрел на него. Затем преувеличенно громко заявил:

— Нэт, я не улавливаю ваших мыслей. Ваше тело ниджэна излучает энергию выше порога моего восприятия. Вы находитесь в каком-то ином состоянии.

Семп вспомнил, что когда он впервые повстречался с ниджэном и попытался наладить с ним канал общения, то натолкнулся на точно r`js~ же проблему. Поэтому он подстроился под уровень восприятия Бэкстера. Тотчас же на худом лице

последнего появилось выражение облегчения.

— Ну наконец-то! Что стряслось?

Семп быстро ввел его в курс дела закончил свое изложение словами:

— Нет сомнения в том, что применение логики уровней при встрече с первым ниджэном Г'Тоно замутило его разум. Мне удалось одержать верх в том смысле, что у него ничего не вышло из задуманного. Во второй раз, став двойником Г'Тоно, я сумел на какое-то время ввести в заблуждение Н'Яту. Но она быстро сориентировалась и скрылась. Вывод: сейчас фактор времени приобрел для нас решающее значение.

— Вы думаете, что…

— Подождите!

Внезапно в памяти всплыло второе из подмеченных им по возвращении обстоятельств: находясь в обличье ниджэна, он отчетливо слышал звуки. Так, голос Бэкстера доходил до него, как и положено тому быть в земной атмосфере на уровне моря.

Исходя из этой посылки, он тут же проверил весь спектр обычных человеческих восприятий. Семп обнаружил, что может передвигаться. Его довольно необычные отростки внизу тела-пирамиды поддерживали его и с успехом выполняли

функцию равновесия… Были у него и своеобразные руки — гибкие и извилистые.

Он ничуть не удивился, что процесс осознания действительности протекает у него, как у человека. Ведь он был силки родом с Земли, хотя и в виде ниджэна. Его клетки, родившиеся на этой планете, должны были отличаться от тех, что имелись у подлинного ниджэна.

Было очевидным, что ниджэны обладают той же, что и силки, способностью обитать в космическом пространстве. Причем для этого им в отличие от силки не требовалось менять свою форму. Так, значит, у них другая молекулярная структура.

Времени на выяснение этого не было! Семп восстановил и третье подмеченное им обстоятельство: в туловище ниджэна помимо таких же, как и у силки, центров, управляющих остальным функционированием организма в условиях открытого космоса, в самой плотной части пирамиды имелись какие-то другие органы чувств, назначение которых оставалось неясным. Это были ничем себя не проявлявшие нейронные зоны без признаков насыщения их энергией и не отвечавшие ни на одну из посылавшихся им команд. Какого-то автоматического, независимого

от его воли режима деятельности этих участков Семп не фиксировал.

— Подождите… — снова повторил он Бэкстеру.

Семп направил телепатический посыл в штаб-квартиру космических силки, размещенных на Земле. Запрос носил открытый характер, так что не было ничего удивительного в том, что на него сразу же откликнулись трое, в том числе силки женского рода. Все ответы были одинаковыми:

«Мы, космические силки, договорились не обсуждать касающихся нас вопросов в индивидуальном порядке».

«Но у меня исключительно срочное сообщение. Есть ли среди вас лицо, уполномоченное вести переговоры от имени всех?»

«Да, Ай-Юн. Но для ведения беседы вы должны явиться сюда. Он имеет право обсуждать вопросы только под нашим общим контролем».

Итак, они мыслили всем коллективом и так же действовали. У Семпа внезапно сработала интуиция. Повернувшись к Бэкстеру, он поинтересовался:

— Сколько понадобится времени, чтобы доставить меня в штаб— квартиру космических силки?

— Пятнадцать-двадцать минут, — побледнел

тот.

«Я буду у вас через двадцать минут, — вновь послал он телепатический сигнал космическим силки. — Но прошу к моему приходу собрать всю вашу группу!»

Семп, не теряя ни минуты, помчался к лифту и поднялся на крышу, где его уже поджидал скоростной вертолет. Тот взмыл, направляясь к трехэтажному зданию, где временно размещался управленческий центр космических силки.

Во время полета Семп продолжал переговариваться с ними, объяснив, с какого рода противником ему пришлось столкнуться. При этом он добавил:

«На личном опыте я убедился, что против ниджэнов не срабатывает ни одна из моих оборонительных систем. Следовательно, у земной разновидности силки нет защитного рефлекса на эту космическую угрозу. Но у космических силки, как мне представляется, могла сохраниться древняя оборонительная реакция на их извечного врага».

Последовала продолжительная пауза, после которой в разговор вмешался новый партнер:

«Говорит Ай-Юн. Мы согласны. Временно сняты все запреты и дана установка на полностью

раскрепощенное поведение».

Вклинилась силки-женщина:

«Но ведь сменилось столько поколений… Неужели вы думаете, что до сих пор у нас в генах может сохраниться память предков?»

«Могу только сказать, что надеюсь на это…» — буркнул в ответ Семп.

Он заколебался. Но в его голове промелькнуло ещё более фантастическое предположение. Из разговоров с Глисом он вынес впечатление, что до сих пор жив кое-кто из самых первых силки. Об этом он и сообщил своим сородичам.

«Вы хотите сказать… что им сейчас сто тысяч лет?» — поразился один из тех, кто участвовал в обмене мнениями.

«Может быть, и не так много, — ответил Семп. — По правде говоря, я лично не считаю, что Глис сделал свое предложение силки жить с ними в симбиозе сто тысяч лет тому назад. На мой взгляд, с тех пор прошло где-то пять — десять тысяч лет».

Снова последовала пауза. Затем другой космический силки скептически заметил:

«Но что в состоянии сделать этот древний силки, если он, конечно, сохранился? Расправиться с ниджэном? Но, насколько мы знаем, в свое вре-

мя происходило как раз обратное: уничтожали именно силки, и они потерпели полное поражение. К тому же как мы их обнаружим, этих уцелевших реликтов? Ведь Глис стер из нашей памяти все, что относится к истории силки. Да и есть ли у вас какой-нибудь способ стимулировать этот предполагаемый старый защитный рефлекс?»

Да, у Семпа было припасено на этот счет одно превосходное и очень практичное средство. Но он пока не стал его раскрывать, а ограничился тем, что полюбопытствовал, сколько космических силки находятся к этому моменту в зале.

«Около сотни», — ответил Ай-Юн.

Семп попросил уточнить, все ли они собраны в одном месте.

«Нет, но если понадобится, это не проблема».

«Так сделайте это, и немедленно! Клянусь вам, что нельзя терять ни мгновения!»

Наконец вертолет прибыл на место. Бегом, все время бегом, Семп устремился с крыши здания в лифт, а выскочив на нужном этаже, с ходу рванулся к большой зеленого цвета двери.

Именно в этот момент Ай-Юн вдруг засомневался:

«Семп, мы сотрудничали с вами больше, чем

с кем-либо ещё на Земле. Но сейчас хотелось бы предварительно выяснить…»

Не обращая на него никакого внимания, Семп вихрем ворвался в актовый зал.

Он успел лишь заметить, что неотступно следовавший за ним до этого Бэкстер повернул назад под прикрытие силового поля, выставленного на всякий случай против строптивых космических силки. Посредник просто хотел взглянуть на место, где будет проходить встреча Семпа. К тому же он собирался непосредственно следить за её ходом через оставленный Семпом открытым телепатический канал. Бэкстер полагал, что, в случае возникновения непредвиденной ситуации, его опыт может пригодиться. Во всяком случае, он надеялся на это…

Глава двадцать восьмая

Ниджэн, в облике которого сейчас пребывал Семп, обладал круговым зрением. Поэтому Семп тут же отметил четырех силки, которые «висели» под крышей по обе стороны от двери. «Охранники?» — подумал он. Скорее всего, да.

В общем-то это была нормальная страховочная мера. Но Семп молниеносно насторожил ту систему в своем организме, которая в случае возникновения опасности сама выставит защитный экран.

Нельзя было сказать, что собравшаяся в зале достаточно большая группа космических силки представляла очень уж эстетически приятное для глаз зрелище, поскольку они не столь совершенно владели искусством перевоплощения в облик людей. Но в любом случае вид у них был неоспоримо человеческий.

Они разом взглянули на стремительно влетевшего в зал Семпа — и в то же мгновение послышался треск раздираемых тканей. Большинство присутствовавших в зале тут же автоматически приняли вид силки, естественно, даже не подумав о своих земных одеждах. Лишь с дюжину

лиц, в основном женского пола, застыли с раскрытыми от испуга ртами.

Трое, однако, рефлекторно преобразовались в форму ниджэнов и тут же бросились врассыпную.

Семп напряженно выжидал, хотя и не представлял себе, что произойдет дальше. Собственно, ради этого он сюда и явился. Итак, их оказалось трое. Почти невероятно! Трое из ста космических силки при виде неожиданно появившегося ниджэна слепо повиновались дремучему, заложенному в них инстинкту. Неужели лучшее средство борьбы с ниджэнами состояло в том, чтобы… принять их облик?

Это казалось слишком элементарным. Бэкстер, видимо, уловил настроение Семпа, так как направил ему посыл:

«Нэт, ты думаешь, что в прошлом силки погибали один за другим от внезапно выныривавших неизвестно откуда ниджэнов потому, что не успевали достаточно быстро перевоплощаться в них?»

Похоже, что именно так все когда-то и происходило. Ведь для силки самым уязвимым для их жизни моментом был процесс превращения в иную форму. Но простая констатация этого факта

мало что давала. Оставался открытым главный вопрос: что могли — и могли ли? — предпринять против ниджэнов преобразовавшиеся в них силки?

Он надеялся, что из тьмы веков, из полузабытья, искусственно созданного Глисом для того, чтобы обеспечивать свое господство с помощью примененной им нехитрой комбинации, выплывет сам по себе и нужный ответ. Ведь он сознательно рисковал жизнью, окажись у его далеких родственников эффективное средство борьбы с ниджэнами… Секунды уходили, но ничего не происходило… Ничего.

Чувствуя нараставшую растерянность Сэмпа, Бэкстер попытался ему помочь:

«Нэт, спросите у них, не возникало ли у них в период перевоплощения в ниджэнов каких-либо ассоциаций, осознания какой— rn цели, ради которой эта трансформация обязательно должна была пройти успешно?»

Семп задал этот вопрос всем трем силки. Один из них, подумав, ответил:

«Иными словами, вы хотели бы знать, что я чувствовал буквально по секундам? Так вот, все проходило с вполне нормальной по времени задержкой. Процесс трансформации длился, как

я полагаю, семь секунд. Пока я ждал его завершения и сразу после, я чувствовал внутреннее побуждение бежать, причем все равно куда… Но едва сделав несколько шагов, я остановился, поскольку мне вдруг стало совершенно ясно, что вы — не настоящий ниджэн».

«А у вас не возникало при этом потребности прибегнуть к средствам энергетической защиты или нападения?»

«Нет. Ничего, кроме этого рефлекторного стремления к превращению в ниджэна и могучего позыва немедленно отсюда бежать».

Из двух других силки лишь один добавил кое-что новое:

«У меня возникло стойкое предчувствие, что один из нас обречен. Я затравленно спрашивал себя, кто им будет на этот раз?»

«А не виделось ли вам в этот момент, КАКИМ ОБРАЗОМ кто-то из вас будет убит? — не сдавался Семп. — Не мелькнуло ли у вас воспоминание о тех методах, к которым прибегает ниджэн, чтобы вот так, внезапно и без каких-либо предварительных признаков, возникать среди вас неизвестно откуда?»

«Ничего!» — единодушно ответили все трое.

«Нэт, не лучше ли вернуться к компьютеру?»

— предложил Бэкстер.

Семп согласился. По ходу Бэкстер принял одно важное решение. Он послал мысленный сигнал всеобщей тревоги «всем силки и Посредникам», то есть более чем шести тысячам лиц… При этом он оповестил всех о той опасности, которую представляли собой ниджэны, и о единственном пока найденном силки средстве противостоять им — немедленно преобразоваться в своих врагов и бежать сломя голову! После этого он предоставил возможность Семпу передать всем силки образ ниджэна.

Спустя некоторое время они уже работали с компьютером. После их беседы он выдал следующее резюме:

«Ваши свежие данные не наводят меня на какие-либо дополнительные соображения относительно характера тех методов, которыми пользуются ниджэны для покорения пространства. Тем не менее стало ясно, каким образом был постепенно и почти полностью уничтожен древний народ силки. Речь идет о сознательном и последовательном истреблении их поодиночке».

Компьютер также посчитал важным сообщение Семпа о том, что даже Н'Ята, которая по уровню развития стояла на полфазы выше пер-

вого ниджэна, не предприняла сколько-нибудь серьезной попытки уничтожить Семпа, когда он оказался в облике её сородича.

Семпа начинало охватывать отчаяние. Было очевидно, что при контактах с ниджэнами его спасли лишь использование гравитационного поля молекулы Глиса и более чем скромное применение логики уровней в её цикле предательства. Он все время возвращался к предыдущему заключению компьютера, ломая голову над тем, о КАКОЙ характеристике пространства ни люди, ни силки до сих пор даже не задумывались?..

О той, при которой происходит переход от «ничего» ко «всему» и от «всего» к «ничему», от которой смертельно, хотя и не намного, ужалось тело Лэна Джедда. Он ещё раз обратился с этим вопросом к компьютеру.

«Пространство, — ответил тот, — рассматривается как упорядоченная и нейтральная протяженность, в которой Материя и Энергия могут взаимодействовать согласно большому, но конечному whqks правил… Расстояния в Пространстве настолько велики, что у Жизни была возможность спокойно развиться в бесчисленных и определявшихся случаем формах на громадном, но конечном числе планет при возникновении

— как полагают, опять же случайно, — благоприятных соответствующих условий».

Казалось, что все в этом определении отражено правильно. Тем не менее если это так, то как ухитряются ниджэны мгновенно преодолевать, как он сам в этом убедился, невообразимые расстояния? Значит, что-то в этой концепции было не так и требовалось внести в неё коррективы. Во всяком случае, так ему казалось.

Совсем упав духом, Семп все же предпринял ещё одну попытку и вновь запросил машину:

— Но нам, видимо, не стоит забывать о том, что, рассуждая о Пространстве, мы имеем дело с сегодняшней, продвинувшейся в своем развитии Вселенной. Нельзя ли предположить, что в начале своего существования Пространство было — как бы это сказать поточнее? — менее нейтральным, что ли… Другими словами, каким было бы неупорядоченное Пространство?

«Мы можем это узнать, если и в данном случае применим логику уровней», — ответил компьютер.

— Что? — изумился Бэкстер. — Но как можно это сделать?

«Подумайте сами, — продолжала машина. — Приказ о задействовании подчиненных им зон

пространства должен поступать из какого-то центра сознания ниджэна. Наша проблема состоит в том, что мы не знаем, что за приказ поступает в таком случае. Но нет никакого сомнения в том, что существует какая-то разновидность мысли, которая его стимулирует. А после подобной стимуляции приказа следует базовое ответное действие. Само собой разумеется, что для того, чтобы привести весь этот цикл в действие, кому-то придется спровоцировать внушительное столкновение с ниджэнами».

Семп сразу же подхватил эту мысль:

— Значит ли это, что в этом случае мы можем вызвать потрясения намного более грандиозные и фундаментальные, чем те, что произошли при противостоянии с Глисом?

«Несомненно».

— Но… что может оказаться ещё более масштабным, чем то, что произошло с Глисом, когда сравнительно маленький материальный объект превратился в самое большее из солнц в известной нам части Вселенной?

«Это-то и надлежит выяснить, и мне представляется, что именно вы решите эту задачу».

Семп, который до сих пор не думал в таком ключе, тут же преобразовался в силки. Он надеялся,

что в этом состоянии он надежнее уловит воздействие, которое, возможно, пытаются оказать на него издалека ниджэны.

Но никаких признаков подобных попыток он не уловил. Он не чувствовал, как это было совсем недавно, какой-либо привязки к дальнему участку космического пространства. Он не ощущал никакого дискомфорта ни на одном из своих глубинных уровней. Все его телесное существо находилось в гармонии с окружающей средой. Он проинформировал об этом Бэкстера, а затем вернулся в форму человека, приняв тем не менее все возможные в данном случае меры предосторожности. И в этом виде он по-прежнему не ощущал ничего необычного.

Некоторое время спустя компьютер высказал то, что было уже и так очевидно:

«Ниджэны не хотят подвергать себя риску. Они никогда не идут на это, имея дело с силки. Возникла альтернатива: либо вы сами бросите им вызов и пойдете навстречу опасности… либо они, nam`psfhb, что силки все ещё существуют, начнут уничтожать их одного за другим».

Краешком глаза Семп ухватил странное выражение на лице Бэкстера. Тот как бы ушел в себя, казался чем-то загипнотизированным.

— В чем дело? — воскликнул, ухватив его за руку Семп. — Такое впечатление, что в этот момент вы во что-то вслушиваетесь. Что это за распоряжение?

Бэкстер, вяло попытавшись высвободиться из железной хватки силки, прошептал:

— Поступило абсолютно абсурдное послание. Ничего не понимаю…

Глава двадцать девятая

Мягко и музыкально тренькнул входной звонок. Джоанн оторвалась от своих будничных дел на кухне и подумала: «Ну вот и настал момент откровения. Конец беспамятству». И она спокойно направилась к двери. Но вдруг остановилась как вкопанная, испытав такой шок, которого она не знала никогда в жизни. Джоанн вдруг осознала одновременно две вещи.

Первое: «Беспамятство!.. Откровение!.. Что за чушь!.. С какой стати такое взбрело на ум?»

Второе: она совершенно не улавливала мыслей того, кто только что позвонил.

Джоанн бросило в дрожь. Методом прямой телепатии она читала мысли других намного лучше, чем муж. Но сейчас тот, кто стоял под дверью, не воспринимался ею вовсе. Он даже звуков не издавал. Выскользнув в коридор, Джоанн прошла в комнату и вооружилась. Конечно, это была слабенькая защита против, как она полагала, вторично заявившейся к ней силки-женщины. Впрочем, то, о чем думала та в первый раз, легко ею угадывалось.

Все равно, решила она, оружие будет большим

подспорьем, если посетителем окажется человек, тем более что и открывать она совсем не собиралась. Джоанн включила внутреннюю телекамеру и… никого не увидела.

Ее пронзила новая мысль: «Звонок нажат издалека, с расстояния во многие световые годы, для того чтобы оповестить тебя о неминуемом прибытии гонца. Поступай, следуя велению долга. Дело в том, что теперь будет запущен обратный ход мучительного, проходившего в лабораторных условиях, процесса превращения ниджэнов в людей… К сожалению, выяснилось, что ниджэны оказались не в состоянии естественным путем принимать форму человека. Пришлось прибегать к столь сложному способу трансформации для того, чтобы, обретя человеческое обличье, ты смогла выйти замуж за земного силки. Это было необходимо для того, чтобы ты разобралась в интересах нас, ниджэнов, в сути этих силки. Теперь же, когда выявлены также и остатки космических силки, можно принимать окончательное решение о том, что делать с этим опаснейшим видом жизни во Вселенной. От твоих поступков, как и от действий всех остальных Посредников, зависит их судьба».

Джоанн нахмурилась, но никак не отреагиро-

вала на это послание. Что за глупости!

Но чужая мысль продолжала настойчиво стучать в мозгу:

«Ты, разумеется, воспринимаешь это обращение настороженно или с иронией, но получишь доказательства в самое ближайшее время. А сейчас можешь задавать любые вопросы, какие только заблагорассудится».

Джоанн уже дала внутреннюю оценку этим «откровениям»: это — ловушка с целью выявить её местонахождение в случае ответа.

В сущности, даже если бы все сказанное и было правдой, для me8 это не имело большого значения. Джоанн была ПОЛНОСТЬЮ привязана к Земле. Ей подумалось: «Скорее всего, это начало финальной схватки между силки и ниджэнами. А этот конкретный эпизод — не более чем плод бредовых идей ниджэнов».

Она боялась другого — того, что это или аналогичное ему послание получат все четыре тысячи семьсот Посредников. И среди них найдется кто-то, кто клюнет на эту приманку и ответит. Вот это, считала она, было бы катастрофой, потому что все лица, входившие в гильдию Посредников, знали ВСЕ, что относилось к силки.

И как раз в этот момент две женщины и один

мужчина из числа Посредников ответили в оскорбленном тоне на эту провокационную вылазку.

«Но почему тогда многие Посредники умерли в течение последних двухсот лет?» — спросил один.

«Другими словами, этот факт говорит о том, что мы не можем быть ниджэнами, которые бессмертны», — сделал вывод второй.

«Если то, что вы заявляете, соответствует действительности, значит, силки и ниджэны могут мирно сосуществовать», — добавил третий.

«На этот раз спятившие убийцы зашли дальше, чем им следовало бы», — не вытерпев, пренебрежительно пробормотал дополнительно вмешавшийся четвертый Посредник.

«Не знаю, чего они добиваются этой ложью, но лично я в неё не верю», — подхватил ещё и пятый телепат.

Этого было достаточно. Как было выяснено позднее, туда, откуда последовали эти ответы — домой, прямо на улицу и в прочие места, — моментально явились ниджэны и изъяли всех пятерых.

В момент похищения только одна из женщин сумела испустить отчаянный мысленный вопль.

Остальные четверо молча приняли свою участь.

Между тем события в последнее время со стороны ниджэнов развивались весьма стремительно.

Вскоре после того, как космический силки Оу-Дэн покинул Семпа, оставшегося на корабле возле погибшего Лэна Джедда, он внезапно заметил какое-то едва уловимое движение сбоку от себя. Это было его последние впечатление в этой жизни.

В тот же миг он почувствовал сильнейшее давление изнутри, которому противопоставить что-либо из своего защитного арсенала был не в силах. Его застигли безоружным и врасплох, что в принципе должно было привести его к смерти. Но Г'Тоно, дважды перед этим потерпевший поражение от Нэта Семпа, стремился на сей раз заполучить не труп, а пленника. Поэтому Оу-Дэна в бесчувственном состоянии тут же доставили на планету ниджэна.

Проведенное затем тщательное обследование всех внутренних органов космического силки вызвало разочарование у многочисленных ниджэнов, специально прибывших туда ради этой цели из весьма отдаленных областей. В памяти Оу-Дэна не обнаружили ничего, что хоть как-то объясняло бы феномен успешного противостояния Семпа грозному Г'Тоно.

Однако датчики ниджэнов вскоре показали им, что между космическими и земными силки имелось громадное различие.

Следовательно, Семп был из числа неизвестной им земной вариации силки. Ниджэны пришли к правильному заключению о том, что космические силки не заслуживают внимания как объект изучения, поскольку они даже не пытались перенять у своих земных сородичей что-либо из их специальных знаний.

Изучая Оу-Дэна, ниджэны на какое-то время задержались с расшифровкой одного отчетливо исходившего от него импульса. Оу-Дэн настолько презирал отношения, существовавшие между силки и weknbeweqrbnl, что это породило у него своеобразный эмоциональный барьер. Поэтому ниджэны на определенный, но оказавшийся решающим период времени не смогли разобраться в сути Посредников как особой категории людей.

Именно за этот какой-то час задержки Бэкстер успел проинформировать Посредников о всех полученных на ниджэнов сведениях. Тогда же состоялась встреча Семпа и Бэкстера с космическими силки и их беседа с компьютером. Одним словом, к тому моменту, когда ниджэны пленили пятерых Посредников, Земля уже была готова к

любым неожиданностям.

Ниджэны успешно извлекли все нужные им сведения из этих пятерых Посредников, и все, что касалось логики уровней, было без промедления распространено среди множества миллионов миров, где властвовали ниджэны.

Глава тридцатая

На планете, где обитал Г'Тоно, имелась высокая гора, возвышавшаяся на многие сотни метров. На её вершине красовался его замок. В тронном зале нервно суетилась осьминожная публика, частично в рамках заведенного там порядка, частично из-за пяти плененных людей и одного космического силки Оу-Дэна.

Пятерка Посредников все ещё надеялась, что их пощадят. Оу— Дэн, в результате проведенных на нем исследований, получил существенные внутренние травмы и лежал в бессознательном состоянии, покинутый всеми, кроме нескольких стражников.

По другую сторону зала метрах в ста прямо напротив людей сверкал внушительный трон. На нем восседал сам хозяин замка — Г'Тоно, фигура в своем естественном виде ещё более впечатляющая, чем все окружавшие его предметы.

Около дюжины осьминожек замерли на мраморном полу перед своим тираном. Для них это была исключительного значения привилегия, и каждые полчаса они с неохотой уступали свое место другой жаждущей этого блага группе.

Г'Тоно не обращал внимания на рабов. Его всецело занимал мысленный разговор с Н'Ята, проходивший на расстоянии в две тысячи четыреста световых лет. Темой оживленного обмена мнениями была судьба пленников.

Г'Тоно полагал, что ни Посредники, ни Оу-Дэн им больше не нужны и согласно принципу предательства их следует умертвить. Н'Ята возражала, что не стоит принимать окончательного решения до того, пока не будет полностью решена проблема земных силки. А это возможно лишь при безусловном и полном уничтожении всех силки вообще.

Она поправила Г'Тона в том, что принцип предательства применяется только к системам, основанным на полном и безраздельном господстве. А о таковом по отношению к людям не могло быть и речи и не будет до тех пор, пока кто-то из ниджэнов не завладеет Землей.

Г'Тоно обуяло чувство активного мужского начала по отношению к Н'Яте. Повинуясь этому импульсу, он твердо заявил, что она, несомненно, демонстрирует очаровательную женскую слабость, но выказывает явно ненужную осторожность в то время, как проблема человечества и силки в сущности уже решена. По его мнению,

узнав о концепции логики уровней, ниджэны навсегда избавились от опасности со стороны своих давних врагов.

— Создается впечатление, что вы допускаете возможность совершения нами какой-нибудь ошибки! — возмущенно закончил он.

— Посмотрим, — сухо отозвалась Н'Ята.

Г'Тоно гневно возразил, что способ мышления ниджэнов уже d`bmn и на практике доказал свою эффективность. А раз сам их образ мышления был полностью отработан, то не было необходимости дожидаться результатов применения какой-то одной его логической части.

В подкрепление своих рассуждений он изложил причины, по которым, на его взгляд, силки в практическом плане можно было уже рассматривать как поверженных врагов. Он считал, что впредь все свои нападения ниджэнам следует проводить таким образом, чтобы ни у одного из атакуемых ими силки не появилось бы тех возможностей, которыми так успешно воспользовался в схватке с ним Семп. Кроме того, большинство ниджэнов после того, как техника логики уровней стала их достоянием, к счастью, отказалось от настоящей борьбы.

— Несмотря на наше вполне объяснимое в дан-

ном случае раздражение, — пояснил он, — то, что они сделали — точнее будет сказать, отказались сделать, — в сущности, пошло нам на пользу. — Он прервался, чтобы спросить: — Кстати, сколько ниджэнов твердо стоят на наших позициях?

— Почти со всеми вы виделись, — ответила Н'Ята. — Всего их насчитывается около сотни.

Тот факт, что их оказалось так мало, вынудил Г'Тоно чуть запнуться в своих разглагольствованиях. Но он вспомнил, что в реальной жизни два ниджэна редко совпадали в мнениях о чем бы то ни было. Всех их переполняла непомерная гордыня. Каждый был властителем целой планеты и рассматривался как король или королева. Порой какая-нибудь государыня позволяла себе снизойти до разговора с каким-нибудь царьком, как это делала, например, сейчас Н'Ята. Случалось, что и владыка милостиво выслушивал мнение августейшей персоны. Г'Тоно в этой связи с неудовольствием подумал, что вся сотня ниджэнов, откликнувшихся на призыв Н'Яты, состояла из особ мужского пола.

Но, по глубокому убеждению Г'Тоно, все это и предопределяло неуничтожимость ниджэнов. Они были так рассеяны по всей Вселенной, так слабо контактировали друг с другом, что и милли-

она лет не хватило бы на то, чтобы истребить их всех. Да и вообще, сыщется ли кто-то, в принципе способный поражать их насмерть? До сих пор таких существ просто-напросто не существовало.

— Ну уж а теперь, когда мы ознакомились с единственным по— настоящему опасным для нас оружием — логикой уровней, которой владеют силки, наши позиции стали абсолютно неуязвимыми, — настойчиво убеждал он собеседницу.

Н'Ята ответила, что все ещё продолжает изучать логику уровней и что она обеспокоена не ошибками, которые ниджэны могут сделать в будущем, а тем, сможет ли она вместе с Г'Тоно исправить те из них, которые уже были допущены в прошлом.

Г'Тоно был уязвлен.

— По-настоящему опасной могла бы стать только одна ошибка: если бы я создал для этого Семпа возможность вынудить вас или меня перенести его сюда с помощью нашего механизма господства над пространством. — И он добавил пренебрежительно: — Хотя в этом случае мне первому довелось бы столкнуться с последствиями, я все же не уверен, что он вообще отважится на противостояние со мной! Что может он мне сделать, когда я более могуществен, чем любой

силки?

И он уверенно подвел итог их дискуссии:

— Таким образом, единственно через кого он может сейчас дотянуться до нас, так это через пленников. Посему считаю, что их немедленное уничтожение — необходимая мера предосторожности, а может быть, и более того. И не пытайтесь мне в этом помешать!

Он не стал дожидаться ответа Н'Яты, а послал мощный лучевой разряд в направлении двух женщин, трех мужчин и беззащитного Оу— D}m`. Все шестеро растаяли прямо на глазах.

После этого Г'Тоно вернулся к прерванной беседе. Он продолжал развивать полюбившуюся ему тему о благоприятных для ниджэнов моментах в нынешнем положении.

— В конце концов силки, не имея власти над пространством, обречены на прозябание в окрестностях Земли и могут передвигаться в Космосе самыми примитивными способами с ограниченной скоростью. Допускаю, что где-то через три недели по земному исчислению к моей планете причалит их звездный корабль и что я, если меня пригласят, смогу на какое-то время посетить их. Откровенно говоря, что могут они со мной сделать? Что они вообще могут заметить? Ведь

ниджэн обладает способностью появляться и исчезать в ничтожнейшую долю секунды…

Внезапно он, явно ошеломленный, смолк.

Н'Ята телепатически поинтересовалась:

«Что случилось?»

«Я…» — порывался выдавить из себя Г'Тоно.

Но на большее его не хватило. Неожиданное головокружение переросло во всепожирающее смятение разума. Он с грохотом свалился с трона на мраморный пол, покатился по нему и наконец в безжизненной позе замер.

Глава тридцать первая

Ниджэны солгали. Это обстоятельство привлекло самое пристальное внимание Семпа.

Спешно проведенная проверка тысяч документов показала, что Посредники ни при каких обстоятельствах не могли быть преобразованными ниджэнами.

Не верилось, что противник мог подставить кого-то из своих под контратаку такого уровня. Но факты были на-лицо: они допустили этот роковой промах.

Семп доложил свои соображения Чарли Бэкстеру. Тот согласился с ним:

— Вы правы, Нэт. Ложь — это полный крах для того, кто к ней прибегнул в мире, в котором существа наделены подвластными им потоками энергии, как это характерно для силки. Порождая Ложь, создают ситуацию дихотомии($F(%-2)Дихотомия — деление объема понятия на два соподчиненных (производных) класса по формуле исключенного третьего («А» или «не-А»).(%0)) при двух исключающих друг друга началах. Поэтому когда в чей-то разум внедрена дихотомия, то создается такое смятение, которое рассудок не

выдерживает. В схватке с ниджэнами возникла слишком притягательная возможность, чтобы оставить её без внимания.

Излагая созревший у него в этой связи план Бэкстеру, Семп заметил:

— Придется послать меня туда на звездолете. Иначе мне не добраться.

— Не кажется ли вам, что метод, который вы собираетесь применить против этого ниджэна, может заставить его вернуться? — засомневался Бэкстер.

— Нет. Но бдительность ослаблять не следует. Меня же наверняка захватят.

— Но у вас уйдет целых три недели на то, чтобы добраться до него на корабле, — упорствовал Посредник.

— В конечном счете неизвестно, — не сдавался Семп, — получится ли у меня что-нибудь или нет. Я пока просто надеюсь добраться до автора этой лжи. Но само по себе это ещё не решает проблемы. Надо подготовиться также и к тому, чтобы сурово наказать и того, кто ему помогает. Если удастся развязать нужную реакцию, rn она пойдет как цепная и закончится раньше, чем кто-либо сообразит, в чем тут дело.

— Но теперь им известно, что такое логика

уровней, — поспешил выдвинуть новый аргумент Бэкстер. — Они смогут пустить её в ход против вас, как это вы делаете против них. Об этом вы подумали?

Учитывая, что никакой защиты от логики уровней не было, Семп не стал затруднять себя размышлениями на эту тему. Просто не стоило заниматься этим… Он преобразовался в ниджэна и сделал мысленный посыл в адрес Бэкстера.

«Очень прошу вспомнить о том мгновении, когда вам пришло послание насчет того, что Посредники якобы на самом деле являются ниджэнами».

Таким опытным в своем деле мастерам, как Семп и Бэкстер, понадобилось не более минуты, чтобы определить конфигурацию поступившей тогда волны и разобраться в тонкостях наложения, сделанного ниджэном на телепатическую волну Посредников. Теперь они в свою очередь умело препарировали этот уже готовый канал связи. Они наложили на несущую, модулированную самими ниджэнами, двести семьдесят восемь дихотомий, известных человечеству как наиболее сложные и запутанные со времен появления языка.

«Правильно — неправильно… плохо — хоро-

шо… справедливо — несправедливо…» Если все это безумие живой мозг получит для размышления впервые и разом за несколько секунд, он просто не выдержит и впадет в полное замешательство.

В ключевых местах этой цепочки дихотомии Семп расположил гипнотические приказы, призванные воздействовать на рассудок ниджэна в момент его смятения в двух направлениях. Первое: обеспечить Семпу возможность пользоваться его способностью мгновенного перемещения в пространстве. Второе: настроиться на глубокое восприятие в своем мозгу базисной логики уровней силки.

В соответствии с этими тут же отправленными Г'Тоно гипнотическими приказами Семп моментально оказался на границе приатмосферного слоя планеты ниджэна. Спускаясь свободно на её поверхность, Семп увидел громадный город, расположенный на берегу вольно раскинувшегося океана.

Он выбрал для посадки пустынный океанский пляж. Грохот накатывавшихся валов и стойкий запах воды на какое-то время словно околодовали его. Стряхнув очарование, Семп направился к городу. В пригороде он смело вошел в одно из

причудливых зданий. Внутри находились три существа, сильно смахивавших на осьминогов. Он отчетливо различал их, но сами эти создания воспринимали его как одного из своих сородичей, поскольку Семп соответствующим образом задействовал их галлюцинаторные механизмы. Силки внимательно вчитался в мысли трех осьминожек, затем направился в ближайшую улочку, залез на крышу дома и принялся наблюдать за жителями планеты, проходившими внизу.

Лишь убедившись, что они не представляли для него никакой опасности и, более того, вообще были неспособны отстоять себя, Семп приступил к реализации второй фазы своего плана.

Спустя несколько минут он вступил в контакт с рядом основных членов правительства, заставив их под гипнозом увидеть себя в виде человека, и в упор мысленно задал каждому вопрос:

«Где находится то, что вы можете предать?»

Создания отшатнулись от него, поскольку не поняли значения его вопроса. Они единодушно утверждали, что на планете нет никого, кто был бы способен изменить.

Ответ в известной мере позабавил Семпа. Он означал, что, как он и подозревал, в этом мире существовал только один цикл предательства. И

предателем был шеф — ниджэн.

Он мысленно послал им ещё один вопрос:

«Всегда ли планета называлась Ниджа?»

Им было известно и другое её название. Когда-то, много тысяч лет назад, ещё до установления единого языка, её величали «Тела», что означало «Приют отважных». Слово «ниджа» переводилось иначе: «Убежище непорочных».

Было очевидно, что для настоящих ниджэнов название имело другой смысл.

«Все ясно», — суммировал Семп.

Ему и на самом деле было понятно все. Поэтому он задал последний вопрос:

«Где я могу встретить того, кто требует абсолютной чистоты и непорочности?»

«О! Его можно видеть только с разрешения полиции!».

«А разве могло быть иначе?» — с иронией подумал Семп.

В любом случае заданное время кончалось и приближался момент, когда Г'Тоно должен был пробудиться от своего мысленного ступора. В связи с этим Семп на телепатической волне Посредников выстрелил посыл:

«Говорит силки, который встречался с вами после того, как был убит его товарищ. Кстати, я

по-прежнему уверен, что это преступление совершено вами. Насколько я понимаю, эта планета наглядно иллюстрирует высказанный вами тогда тезис о том, что ниджэны не имеют родины в общепринятом смысле этого слова. ВСЕ планеты, занятые ниджэнами, составляют вашу систему, не так ли?»

Вместе с этим посланием он направил в мозг Г'Тоно приказ о начале развертывания в нем цикла логики уровней. После чего снова обратился к фокусной точке, отстоящей от его месторасположения примерно на пятьсот километров.

«Лучше переговорить со мной сейчас, чем тогда, когда будет слишком поздно».

Спустя несколько мгновений Семп почувствовал нечто необычное в своей системе трансформации.

«Н'Ята!» — догадался он и тут же вспомнил об опасениях Бэкстера, что ниджэны могут напасть на него самого. Это и происходило в данный момент. Интересно, что на агрессию отреагировал только механизм перевоплощения. Думая обо всем этом, Семп внутренне смирился с возможностью личного провала. Он ведь с самого начала допускал, что может потерпеть поражение.

Ему стало жаль Джоанн. Ей придется научиться

жить без него. А то, что теперь случится с ниджэнами… Семп содрогнулся при воспоминании о судьбе Глиса. Он снова повторил про себя поразивший его сакраментальный вопрос: «Что может быть более грандиозным, чем то, что испытал тогда Глис?»

Но это были лишь мимолетные мысли, поскольку ему сразу же стало не до них. Все внимание целиком сосредоточилось на том, что начало разворачиваться в эти мгновения.

Глава тридцать вторая

Все это началось с бешеного мелькания в чудовищном калейдоскопе образов тел и — если верхнюю часть пирамиды позволительно так назвать — лиц ниджэнов. Некоторые из этих существ слали отчаянные мысленные сигналы.

Сам Семп, казалось, парил во вневременном вакууме, поскольку каждый пучок мыслей ниджэнов доходил до него отдельно и очень отчетливо.

«Кто это сделал?

«Что происходит?»

«Почему бы сначала его не прикончить, а затем решать нашу проблему?»

«Все произошло из-за нашей неосведомленности о том, что для нападения использована часть мозга ниджэнов. К тому же у нас нет доказательств, что мы в состоянии расправиться с ним. У этого силки логика уровней, видимо, является феноменом, связанным со Временем. А у нас, как это очевидно, — с Пространством».

Вся система ниджэнов начала беспорядочно корчиться в немыслимом количестве вариантов реакции на случившееся. Она в этот момент

напоминала муравейник, по которому кто-то крепко наподдал. Все ниджэны особенно боялись одного: два тела не могут занимать одно и то же Пространство, а два пространства не могут совмещаться в одним теле, а опасность подобного развития событий, на их взгляд, реально существовала. Это заинтересовало и поразило Семпа.

Откуда-то до него домчалась мысль: «Пространственно-временной континуум, хотя и является самодостаточным механизмом исключительной, но конечной сложности, нуждается в том, чтобы ниджэны выжили. Потому что если какой-нибудь из ниджэнов сверхвозбудится, то пространство может на это отреагировать очень резко».

Ясно, значит, именно поэтому погиб Лэн Джедд: один из ниджэнов сознательно сверхстимулировал себя и в очень малом, но точно рассчитанном пространстве, занимаемом телом Лэна, вызвал возмущение.

Итак, воздействуя на пространство, можно было нанести ущерб ниджэну. Сверхраздражая кого-нибудь из ниджэнов, можно было ожидать какого-то ответного фундаментального всплеска со стороны пространства или его подстройки к этим действиям.

«Что они хотят этим сказать? — недоумевал

ошеломленный Семп. — Что вообще значат эти мысли?»

Вероятно, речь шла об отношениях симбиоза между Вселенной и ниджэнами. Если один из членов этого сообщества становился нестабильным, то выходил из равновесия и другой. А в этот момент ниджэны как раз и входили в состояние неустойчивости.

Когда это наконец дошло до сознания Семпа, то со стороны всех ниджэнов, втянутых в развернувшийся катаклизм, последовала вспышка подтверждения правильности его догадки и жуткой тревоги. Именно тогда-то Н'Ята телепатически обратилась к силки:

«Выслушайте меня на нидже! Мы втянуты цепной реакцией от одного к другому в процесс уничтожения. Можно ли что-либо предпринять ради нашего спасения, например заключить какое-нибудь соглашение?

В нас, — продолжала в полном отчаянии Н'Ята, — не погасло осознание связи Жизни со всеми атомами Вселенной. В те давние дни начала всего сущего мы автоматически выработали метод сохранения этой связи в безопасном для нас виде. Другие формы Жизни ослабили или оторвались от прямого контакта с Пространством

и его содержанием. Мы, ниджэны, можем быть уничтожены, если будем вынуждены войти в состояние упорядочения в необходимом для Жизни хаосе. Сейчас это и происходит».

То, что ментально услышал Семп, показалось ему самым невероятным бредом, когда-либо слышанным в жизни.

«Вы шайка лгунов! — гневно воскликнул он мысленно. — И доказательством тому служит тот факт, что Г'Тоно удалось вывести из строя, насытив его мозг избытком противоположных понятий. А уж если говорить начистоту, — продолжал он, — то я не могу верить ни единому из ваших обещаний».

Чувствовалось, что Н'Ята была предельно напряжена.

«Удивительно, — откликнулась она, — что именно тот вид, которого мы больше всего опасались, — силки, сумел столь успешно дать нам генеральное сражение. Из-за безудержной спеси бесчисленных ниджэнов мы оказались крайне уязвимыми. Каждый mhdf}m, когда вступает в контакт с нами, немедленно заряжается этой логикой уровней, а у нас нет никакой возможности предупредить его вовремя не делать этого».

Семп считал исключенной возможность со-

трудничества между силки и ниджэнами. Даже ценой судьбы Вселенной. Слишком безжалостно ниджэны уничтожали силки. Да и в любом случае он был уже бессилен что-либо предпринять. Начавшую развертываться логику уровней остановить невозможно. Ее цикл непременно завершится в них и в нем, причем по тому руслу, которого требовала сама ЛОГИКА.

Его размышления внезапно были прерваны двумя событиями, произошедшими почти одновременно.

Первое: эмоцией отчаяния и тоски всплеснулся мозг Н'Яты.

«Началось», — вырвалось у нее.

«Что началось?» — всполошился разум Семпа.

Но если с её стороны и последовал какой-то ответ, то получить его Семп уже не успел. Потому что в тот же миг в нем возникло странное и в высшей степени острое ощущение.

Это и было вторым изменением в ситуации. Он вдруг оказался на Земле вместе с Джоанн. Они только что поженились, а за окном веселилось родное Солнце.

Затем все внезапно покрылось пеленой.

«Это произошло, видимо, ещё раньше, — сообразил он. — За сто лет до моего рождения. Во

мне происходят преобразования, связанные со Временем», — подумал Семп. Логика уровней настигла его, унося в обратном направлении по стреле Времени.

Ночь. Черное небо. С неба бесшумно спускается силки… Семп понял, что это был первый силки, попавший на Землю. Тот самый, в отношении которого потом сочинят небылицу, что он был создан в лаборатории.

Эту сцену тут же сменил вид города силки в недрах планетоида Глиса. Далее последовала картинка открытого Космоса. Вдали сияло бело-голубое светило. Вокруг него во мраке — другие силки. У всех радостный и счастливый вид.

У Семпа создалось впечатление, что теперь он наблюдал жизнь силки в очень давние времена, за двадцать-тридцать тысяч земных лет тому назад, ещё до контакта с ниджэнами.

Новая, ещё более примитивная панорама. С тех пор прошли миллионы лет. Нечто — несомненно, это был он, но такой на себя непохожий: меньше размерами, глупее, ближе к животному состоянию, — вцепилось в некрупную космическую глыбу. Вокруг полная темень.

Еще один кадр. Миллиарды лет в прошлом. Никакого мрака, наоборот — яркий свет. Где это?

Определить было невозможно. Внутри солнца? Вполне вероятно.

Невыносимо пекло. И вдруг — титанический выброс материи выкинул его в далекую черноту.

Еще один скачок во времени. Теперь Семп чувствовал что-то связанное с Г'Тоно и другими ниджэнами, нечто такое, что он, за отсутствием лучшего определения, расценил как ментальный контакт.

По этой тончайшей связующей ниточке между разумами он мог наблюдать за крахом ниджэнов с безопасного для себя расстояния.

И оказался единственным живым существом, свидетелем распада Вселенной, где Галактика, в которую входит Земля, была всего лишь ничтожнейшей космической пылинкой.

Глава тридцать третья

Начало очень походило на то, что случилось с Г'Тоно, когда Семп столкнулся с ним во второй раз и запустил в нем победный для него цикл предательства.

Очень скоро наступил момент, когда все взаимосвязанные тела mhdf}mnb достигли разделительной черты между Сверхмалым и Сверхбольшим. Но на этот раз жертвы не имели выбора. Речь не шла о победе. Это был цикл логики уровней в её максимальном выражении, действующей на бесчисленное множество индивидуумов и через них, причем каждый имел потенциал, необходимый для максимальной фазы.

Это был конец для миллионов ниджэнов. В какой-то момент каждый из них был самостоятельной единицей, живым существом, со своей массой и местоположением. Но уже в следующее мгновение тот мозговой центр ниджэнов, который обладал способностью мгновенно перемещать их в пространстве, попытался это сделать одновременно во все пространства сразу. И в этот миг все ниджэны распались на составлявшие

их атомы.

Став просто материальными объектами, они рассеялись — один атом сюда, другой — туда, квадриллионы — в третье положение…

В то самое время, когда все ниджэны стали равновеликими Вселенной, та инверсировалась в свою очередь по отношению к ним, перейдя в естественное для себя состояние идеального упорядочения, изначально присущего точке величиной с одиночный атом.

Это не было феноменом сжатия. Просто мгновенный переход противоположностей друг в друга.

Семп со своей стороны вдруг почувствовал, что его разум, наоборот, начал стремительно рассеиваться по аналогии с тем, как это происходило с ниджэнами, обреченными достичь размеров Вселенной. Столь сугубо ментальным образом он вышел за рамки и Пространства и Времени и, чудовищным усилием преодолев подступавшее безумие, огляделся. В глубоком мраке что-то виднелось… Но он отвлекся и тут же забыл о точке, которая когда-то была Вселенной.

Точка исчезла. Вселенная схлопнулась.

Все это Семп отметил только малой долей своего сознания, поскольку его основная часть

целиком сосредоточилась на другом.

Он увидел «ДРЕВО»!

Семп находился где-то далеко-далеко от него, но это великолепное, похожее на игрушку, золоченое «ДРЕВО» различал превосходно.

Но затем он отвлекся и от него.

Ему снова вспомнилось, что Вселенная исчезла. Семп подумал: «А как давно это произошло? Тысяча, миллион, миллиарды лет назад? Или в никакое время? Может быть, когда-нибудь в будущем я смогу установить это?»

Семп все ещё продолжал размышлять, когда внезапно появилось ощущение нестабильности. «Сейчас состоится инверсия», — пришло ему на ум.

Первым признаком того, что он потерял устойчивость, было исчезновение великолепного «ДРЕВА». Он понял, что в его распоряжении всего несколько мгновений, чтобы встретиться с нужной ему Вселенной. Но как это сделать?

Оказалось, что такой проблемы по существу и не было. Полномасштабный смысл логики уровней опирался на постулат о том, что все формы Жизни в любом своем предшествующем корне знают первопричину всего сущего и самим характером своей структуры уравновешиваются

против всех негативных воздействий.

И всегда самое мелкое насекомое, растение, скала или песчинка взаимодействуют между собой. В этом всеобщем процессе участвуют и атомы в центрах далеких звезд.

Проблема не в том, существует ли подобное взаимодействие в принципе, а в том, не следует ли его уменьшить, чтобы объект начал функционировать. Обычно подобное ослабление происходит неосознанно. Поэтому чувствительность ко многим объектам в этой Вселенной в нормальном состоянии сведена к нулю. Представлялось, wrn только ниджэны через все фазы своей эволюции пронесли на клеточном уровне метод осознания всеобщей связи и покорили тем самым пространство.

Когда Семп вспомнил об этой Вселенной, моментально началось его с ней взаимодействие, при котором он наделял её всеми известными ему сущностными свойствами. И тогда вдруг вновь появилась золотистая блестящая точка.

В силу происходящего с ней взаимодействия Семп чувствовал, что эта Вселенная начинает сейчас формироваться изнутри в соответствии с его универсальной памятью о том, чем она была прежде. В этой ситуации Семпу пришла в голову

замечательная мысль: «Пока она не сформируется точно такой же, как раньше, почему бы её не усовершенствовать?»

Думать о деталях времени уже не было. Осталось довольствоваться импровизацией по ходу и отдельными яркими озарениями. Вопрос стоял ребром: сейчас или никогда. При этом навсегда.

Ниджэны?

В определенной степени он понимал их стремление обезопасить себя и свой пространственно-временной континуум, истребляя тех, кто был способен бросить вызов их гегемонии. Следовательно, они не были настолько уж виноваты, как он считал прежде. Но, с другой стороны, новая Вселенная не нуждалась в такой форме жизни, которая могла бы её уничтожить.

И Семп решил вычеркнуть из памяти сам факт их существования, чтобы они не попали в новый мир.

А что делать с человечеством, Посредниками, космическими силки?

Решение созрело мгновенно… В его Вселенной ВСЕ будут земными силки, наделенными способностями принимать любые формы и безграничным желанием осуществлять благотворные функции полиции во всех областях космоса.

И все они овладеют методом ниджэнов господствовать над пространством, но их способность к взаимодействию будет сведена к возможности молниеносного перемещения. Кроме того, никто из силки не будет подвластен логике уровней, а все последствия развернувшегося в нем цикла будут обращены вспять. В конечном счете и чтобы не было на этот счет сомнений, все силки обретут бессмертие, решил он.

Нельзя допускать в образующуюся Вселенную кибмадинов. К столь извращенным существам Семп не чувствовал никакого снисхождения.

И уж конечно, Земля вернется к своему родному Солнцу.

Правильно ли он поступил? Никто и ничего не мог ему посоветовать. Он едва успел подумать об этом. Искать варианты и размышлять у него уже не было времени.

Внезапно бесподобное совершенство единственного лучика во мраке… утратилось и он начал разгораться. Охряного цвета точка подошла к моменту инверсии.

Для Семпа это означало возвращение к Сверхмалому. Какая-то чудовищная сила неодолимо скрутила его, сжала, навалилась…

Когда у Семпа восстановилось нормальное

восприятие мира, то первое, что он увидел, — это усеянное звездами небо, раскинувшееся во все стороны вокруг него.

Он понял, что завис где-то в космосе в облике ниджэна. Он знал также, что для этой сверхчувствительной натуры ориентация в пространстве была инстинктивной. Итак, он внутри континуума и где— то здесь была Земля. Семп сманеврировал пространством по методу ниджэнов и вступил во взаимодействие с тем далеким, на расстоянии многих световых лет, участком, бытие которого он так отчетливо ощущал. Он провел инверсию только в малом масштабе. Обратился в rnwjs, затем вернулся в прежнее состояние, опять в точку… во что— то… в ничто… в нечто…

И вот восемьдесят тысяч световых лет позади.

Как и прежде, он находился в помещении Властей силки и говорил Бэкстеру:

— Знаете что, пожалуй, не стоит посылать за звездолетом. Он мне не нужен.

Посредник смотрел на него блестевшими от волнения глазами.

— Нэт! — с облегчением выдохнул он. — Вам удалось добиться своего. Вы победили!

Семп помедлил с ответом. Его мозг терзала одна неотступная мысль: мог ли он участвовать

в создании второй модели континуума, если в тот момент, когда Вселенная схлопнулась и возродилась, сам он пережил трансформацию во времени?

А МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО БЫЛА ТА ЖЕ САМАЯ ВСЕЛЕННАЯ?

Он понял, что так никогда и не получит ответа на свой вопрос.

А потом… не было ли все это фантазией, необузданной игрой отражавшего его желания разума все то время, пока он находился в бессознательном состоянии? Не было ли это самым причудливым сном, когда-либо привидившимся землянину?

Справа от него находилось громадное окно, выходившее на террасу, с которой могли взлетать силки. Семп направился туда.

Стояла ночь. В мутном небе проплывала старушка Луна. Небосвод был усеян столь знакомыми ему созвездиями.

Семп встрепенулся, осознав, что его победа была полной и окончательной.

— Пойду повидаюсь с Джоанн, — устало бросил он Чарли Бэкстеру, неотступно следовавшему за ним.

Взлетая в эти милые ему земные просторы, он

подумал: «Милая женушка, как много мне надо тебе рассказать».